РОБЕРТ ШЕКЛИ

Сборник рассказов и повестей

СОДЕРЖАНИЕ:

ЗИРН ПАЛ, НЕЗАЩИЩЕННЫЙ. ДВОРЕЦ ЙЕНГИК В ОГНЕ. ДЖОН УЭСТЕРЛИ МЕРТВ

Поступила сводка. Невнятная, нагоняющая страх.

- Кто-то хочет сплясать на наших могилах, - заметил Шарлерой. Его взгляд скользнул, охватывая всю Землю в целом. - Прекрасный выйдет мавзолей.

Я отступил, выхватывая меч из ножен. Услышал сбоку металлический лязг: Окпетис Марн извлек свой клинок. Теперь мы стояли, спина к спине, готовые встретить накатывающуюся орду мегентов.

- Недешево им обойдутся наши жизни, Джон Уэстерли, - произнес Окпетис Марн с гортанным присвистом, свойственным мнерианской расе.

- Пусть будет так, - согласился я. - Немало появится вдов, к исходу этого дня им придется танцевать Плач По Уходящим.

- И многим безутешным папашам придется в одиночестве приносить жертву Богу Пакостности, - кивнул Марн.

Мы улыбнулись собственным, леденящим кровь, словам. Но было вовсе не до смеха. Мегентские воины медленно, но неумолимо надвигались на нас по зеленовато-пурпурному мшистому дерну. Они уже обнажили свои рафтии - длинные, кривые, обоюдоострые ножи, наводящие своим видом ужас даже в самых отдаленных уголках цивилизованной галактики. Мы ждали.

Первый клинок скрестился с моим. Я парировал выпад и ударил, протыкая верзиле глотку. Тот свалился, и я нацелился на следующего противника.

На этот раз их оказалось двое. Рядом, прерывисто дыша, действовал мечом Окпетис. Положение казалось совершенно безнадежным.

Я подумал о беспрецедентном стечении обстоятельств, поставившем меня в подобное положение. Подумал о Городах Земного Содружества, все существование которых зависело от предрешенного исхода нынешней тупиковой ситуации. Подумал об осени в Каркассоне, туманных рассветах в Саскатуне, стального цвета дождях в Черных Холмах. Неужели все это только в прошлом?

Конечно же нет. Хотя - почему нет?

Мы сказали компьютеру:
- Таковы факты и таковы наши затруднения. Будь добр, реши эту проблему и спаси жизнь, как нам, так и всей Земле.
Компьютер помудрил. Потом ответил:
- Проблема не имеет решения.
- Тогда каким образом мы можем спасти Землю от разрушения?
- Этого вы не сможете, - заявил компьютер.
Мы ушли в печали. Но тут Дженкинс сказал:
- Какого черта?! Это же мнение одного-единственного компьютера.
Нас это приободрило. Мы выше подняли головы. И решили обратиться за следующими консультациями.
Цыганка раскинула карты. Они предвещали Окончательный Страшный Суд.
Мы ушли в печали. Но тут Майерс сказал:
- Какого дьявола - это же мнение одной-единственной цыганки.
Нас это приободрило. Мы выше подняли головы. И решили обратиться за следующими консультациями.

Все началось столь внезапно. Мегентские воины-рептилии, долгое время никого не тревожившие, неожиданно активизировались благодаря сыворотке, полученной ими от Чарльза Энгстрома, телепата, свихнувшегося от жажды власти. Джона Уэстерли спешно отозвали с Ангоса II, где он находился с секретной миссией. Уэстерли крайне не повезло - он материализовался прямо внутри круга Темных Сил, благодаря невольному вероломству Окпетиса Марна, своего верного напарника-мнерианца, которого - о чем Уэстерли не знал - пленили в Зале Текучих Зеркал, и его разум был перестроен изменником Сантисом, вождем Энтропийной Гильдии. И это означало конец для Уэстерли, и начало конца для всех нас.

Старик впал в ступор. Я отстегнул его от начавшего тлеть кресла и почувствовал характерный кисло-сладкий запашок мангини - того жуткого наркотика, что растет только в пещерах Ингидора, - коварное воздействие которого сокрушило наши сторожевые посты вдоль Стены Звездного Пояса.
Я грубо потряс его:
- Престон! - кричал я. - Ради Земли, ради Магды, ради всего, что тебе дорого, скажи - что случилось?
Глаза старика закатились. Рот судорожно подергивался. Он с трудом выговорил:
- Зирн! Зирн потерян, потерян, потерян!

Его голова упала на грудь. Смерть разгладила лицо.

Зирн потерян! Мой мозг лихорадочно работал. Это означает, что Великий Звездный Проход теперь открыт, негативные аккумуляторы не работают, радиоуправляемые солдаты выведены из строя. Зирн - та рана, через которую могли утечь наши жизненные силы. Но, несомненно, должен же быть выход?

Президент Эдгарс покосился на небесного цвета телефон. Его предупреждали, что пользоваться им не стоит, за исключением разве что самых непредвиденных случаев, а, возможно, лучше и тогда обойтись без него. Уверен он, что теперешняя ситуация это оправдывает?... Он снял трубку.

- Приемная Рая. Мисс Офеклия слушает.

- Это президент Эдгарс с Земли. Мне необходимо срочно поговорить с Господом.

- Бога нет на месте, и он нескоро будет. Могу я вам чем-нибудь помочь?

- Видите ли, - начал Эдвардс, - у меня тут, похоже, дела в самом деле обстоят крайне скверно. Полагаю, приходит конец всему.

- Всему? - переспросила мисс Офелия.

- Ну, не в буквальном смысле всему. Но это означает гибель всех нас. И Земли, и всего прочего. Если бы вы смогли обратить на это внимание Господа...

- Поскольку Господь всеведущ, я уверена, он об этом знает.

- Я тоже уверен, что знает. Но я подумал, что если бы мне удалось переговорить с ним лично...

- Боюсь, в данный момент это невозможно. Но вы можете передать записку. Господь так добр и справедлив, что я уверена, он обдумает вашу проблему и сделает то, что сочтет верным и благочестивым. Он великолепен, смею вам сказать. Ах, как я люблю Господа!

- Мы все его любим, - безрадостно согласился президент Эдгарс.

- Могу еще чем-то служить?

- Нет. Да! Нельзя ли мне переговорить с мистером Джозефом Дж. Эдгарсом, с вашего разрешения?

- Кто он такой?

- Мой отец. Он умер десять лет назад.

- Прошу прощения, сэр. Это не допускается.

- Тогда скажите, по крайней мере, он там, у вас?

- Простите, но нам запрещено разглашать такие сведения.

- Ладно, тогда скажите хотя бы - есть там у вас хоть кто-нибудь? Ну, я подразумеваю, существует ли загробная жизнь? Или, может, там только вы с Господом? Или вообще вы одна?

- Для получения информации, касающейся загробной жизни, - ответила мисс Офелия, - вам следует обратиться к ближайшему пастору, попу, рабби, мулле или к кому-либо еще из аккредитованного списка Господних представителей. Благодарю за звонок.

Послышался мелодичный колокольный перезвон. И связь оборвалась.

- Ну, что сказал Большой Парень? - поинтересовался генерал Мюллер.

- Все, чего я добился, так это поболтал с его секретаршей.

- Лично я не верю во всякие суеверия, вроде Бога, - заявил генерал Мюллер. - Даже если они порой и встречаются на самом деле, я полагаю, что полезнее в них не верить. Сможем мы сами справиться?

СВИДЕТЕЛЬСТВО РОБОТА, КОТОРЫЙ МОГ БЫ БЫТЬ ДОКТОРОМ ЗАХОМ:

Моя подлинная личность мне неведома, и, полагаю, в данных обстоятельствах мне этого никогда не выяснить. Но я был во дворце Йенгик. Я видел, как мегентские воины роились на кроваво-красных балюстрадах, переворачивая канделябры, круша, убивая, уничтожая. Губернатор погиб с мечом в руке. Земная Гвардия нашла последнее прибежище в Башне Грусти и пала до последнего человека в долгой и кровопролитной схватке. Придворные дамы защищали свою честь кинжалами такими крохотными, что казались скорее декоративными. Я видел гигантский пожар, поглотивший бронзовых орлов Земли. Я глядел на дворец Йенгик - и это величественное здание, знаменующее высший расцвет земного господства, беззвучно обратилось в пыль, ту пыль, из которой возникло. И я знал, что теперь все потеряно, и что участь Земли - планеты, лояльным сыном которой я считал себя, вопреки тому факту, что был (предположительно), скорее собран, а не создан; изготовлен, а не рожден, - участь священной Земли, скажу даже так, предрешена: полное уничтожение, после которого не останется даже тени воспоминания.

Настал последний день, когда я могу любить тебя. Слухи ночные недобры, небо наливается красным. Люблю, когда вот так ты поворачиваешь голову. Возможно, истинно, что мы - лишь жвачка в стальных челюстях жизни и смерти. Но все же предпочитаю тратить время и быть на страже. Чтоб встретить очевидное лицом к лицу. С тобою вместе.

Это конец, любимый мой, конец.

РОБЕРТ ШЕКЛИ

ЧАС БИТВЫ

- Сдвинулась эта стрелка, или нет? - спросил Эдвардсон, стоя у иллюминатора и глядя на звезды.

- Нет, - ответил Морс.

Он уже в течении часа, не отрываясь, смотрел на детектор Аттисона. Сейчас он быстро моргнул три раза и посмотрел вновь.

- Ни на миллиметр.

- Мне тоже кажется, что она не сдвинулась,сказал Кассель, сидящий за панелью ракетного устройства управления.

Они замолчали. Изящная черная стрелка индикатора стояла на нуле.

Ракетные пушки были на готове. Их черные носы глядели на звезды.

Помещение наполнял ровный гул. Он исходил от детектера Аттисона и действовал успоаивающе. Шум этот говорил о том, что их детектор соединен с остальными детекторами, образующими гигантскую сеть, опоясывающую Землю.

- Какого черта они не летят? - спросил Эдвардсон, все еще глядя на звезды. - Почему они не нападают?

- Ах, да заткнись ты! - отозвался Морс. У него был тревожный и усталый вид. На левом виске его виднелся старый шрам - след от лучевого удара, который издали выглядел, как ненастоящий.

- Я бы хотел, чтобы они уже пришли, - сказал Эдвардсон. Он повернулся на своем стуле. - А ты не хочешь, чтобы они пришли?

У Эдвардсона было узкое, боязливое лицо мыши, но мыши достаточно умной, которую кошкам лучше избегать.

- А ты этого не хочешь? - повторил он.

Ему не ответили. Люди вернулись к своим обязанностям, зачарованно глядя на шкалу детектора.

- Времени у них было достаточно, - сказал Эдвардсон, обращаясь сам к себе. Кассель облизнул губы, потом зевнул.

- Кто-нибудь хочет сыграть со мной в козла?спросил он, тряся своей бородой.

Борода эта была памятью его выпускных дней. Кассель утверждал, что может продержаться почти пятнадцать минут, пользуясь только кислородом в фолликулах волосков.

Правда, он ни разу не выходил в космос без шлема, чтобы доказать это.

Морс повернулся, и Эдвардсон автоматически принялся наблюдать за индикатором. Эта рутина стала их жизнью, частью их подсознания. После двух совместных месяцев в космосе все темы для разговоров были исчерпаны.

Их не интересовали уже ни выпускные дни Касселя, ни победы Морса. Им было смертельно скучно даже от ожидания нападения, которое могло произойти в любую минуту.

- Лично мне хотелось бы знать только одно, - сказал Эдвардсон, с легкостью возвращаясь к старому разговорному гамбиту. - Насколько далеко действует их сила?

Они целыми днями говорили о телепатических возможностях неприятеля, и все-таки каждый раз возвращались к этому. Будучи профессиональными солдатами, они не могли не размышлять о своем враге и его оружие. Это было основное, о чем они

говорили.

- Что ж. - тихо ответил Морс, - Сеть наших детекторов контролирует систему далеко за орбитой Марса.

- Где мы и сидим, - сказал Кассель, который наблюдал за индикатором, в то время, как другие говорили.

- Они могут даже не знать, что у нас есть сеть детекторов, - сказал Морс, как он уже говорил тысячу раз.

- Да брось ты, - сказал Эдвардсон, перекося лицо в насмешке. - Они телепаты. Они просканировали мозг Эверсета до мельчайших подробностей.

- Эверсет не знал, что у нас существует сеть детекторов. - сказал Морс, вновь переводя свой взгляд на счетчик. - он был захвачен до этого.

- Да ты только подумай! - возмутился Эдвардсон. - Они просто спросят его: "Что бы вы сделали, если бы знали, что телепатическая раса собирается завоевать Землю, как бы вы охраняли свою планету?"

- Глупое рассуждение, - сказал Кассель. Может быть, Эверсет даже не подумал бы об этом?

- Но ведь он мыслит как человек, разве нет? Все согласились именно на такой защите. Эверсет согласился бы точно так же.

- Силлогистика, - прошептал Кассель. - Очень шатко.

- Да, лучше бы его не захватывали в плен, - сказал Эдвардсон.

- Могло быть и хуже, - вставил Морс. Лицо его было более печально, чем обычно.

- Что было бы, если бы они захватили обоих?

- Я бы хотел, чтобы они уже пришли, - опять повторил Эдвардсон.

-----oOo-----

Ричард Эверсет и К.Р.Джонс совершали первый полет, первый межзвездный перелет. В системе Веги они обнаружили обитаемую планету. Остальное было обычной процедурой. Все решила монетка. На планету полетел в разведочном скуттере Эверсет, поддерживающий радиоконтакт с оставшимся на корабле Джонсом.

Запись этого контакта транслировалась потом по всей Земле.

- Только что встретил туземцев, - передавал Эверсет. - Как забавно они выглядят. Опишу их тебе позже.

- Они пытаются с тобой обьясниться? - спросил Джонс, направляя звездолет по межпланетной орбите.

- Нет! Подожди... О, господи, черт меня побери! Они телепаты! Как тебе это нравится?

- Великолепно! - сказал Джонс.Продолжай.

- Подожди. Послушай, Джонс, мне эти ребята не нравятся. У них что-то нехорошее на уме. Господи!

- В чем дело? - спросил Джонс, поднимая корабль чуть выше.

- Увы! Эти негодяи чертовски властолюбивы! Оказывается, они уже захватили все звездные системы вокруг, и сейчас ждут...

- Да?..

- Я неправильно понял, - вдруг с теплотой в голосе прознес Эверсет. - не такие уж они и плохие.

Джонс соображал быстро. У него была подозрительная натура и великолепная реакция. Он задал автопилоту программу на самое большое ускорение, которое только мог выдержать, улегся в кровать и сказал:

- Расскажи мне больше.

- Спускайся вниз, - ответил Эверсет в нарушение всех законов. - Эти ребята что надо, честно говоря, они самые чудесные...

Здесь запись разговора оборвалась, потому что Джонс был вжат в кресло ускорением в двадцать "же" перед подготовкой корабля для С-прыжка.

По дороге на землю он сломал три ребра, но все же он добрался домой. Телепатическая раса начала войну. Что должна делать Земля? Информация, которую принес Джонс, обросла значительным количеством выводов, среди которых был и такой телепатическая раса может с легкостью воздействовать на мозг человека.

Эверсет говорил, что думали они, постепенно отметая предыдущие обвинения. Они овладели им с поразительной легкостью. Почему же этого не произошло в корабле с Джонсом? Играло ли здесь роль расстояние? Или же они просто не приготовились к неожиданному его отлету?

С уверенностью можно было сказать только то, что все, что знал Эверсет, знал и противник.

Это означало, что они знали, где располагается Земля и какой беззащитной была бы она, если говорить о телепатической форме атаки. Можно было ожидать, что они прилетят на Землю. Требовались какие-то средства, позволяющие аннулировать их бесспорное преимущество.

Но какие? Какое оружие может справиться с мыслью?

Ученые с красными от бессоницы глазами не переставали обсуждать этот вопрос. Как определить, что мозгом человека уже овладели? Хотя враг и не был очень расторопен в случае с Эворсетом, но останется ли он таким же?

Не научится ли он? Психологи рвали на себе волосы и оплакивали отсутствие абсолютной шкалы для человеческой мысли. Построить космический флот и оборудовать его своего рода детекторами, установками и ракетными приспособлениями было исполнено в короткий срок.

Был построен детектор Аттисона, нечто среднее между радаром и электроэнцефалографом. Любое изменение или отклонение от обычной человеческой волны мозга у людей, работавших на детекторах звездолетов, вызвало бы движение индикаторной стрелки на циферблате.

Даже кошмарный сон или бред повлияли бы на ее отклонение. Казалось вполне вероятным, что любая попытка воздействовать на мозг человека что-нибудь изменит.

Хоть где-нибудь, но это постороннее воздействие скажется. Именно для этой цели и предназначался детектор Аттисона. Может быть, он сработает.

Звездолеты с экипажами по три человека курсировали между Землей и Марсом, образуя гигантскую орбиту. Десятки тысяч людей сидели за пультами ракетного управления, наблюдая за циферблатами детектора Аттисона с неподвижными стрелками.

-----oOo-----

- Может быть, выстрелить пару раз? - спросил Эдвардсон, положив палец на красную кнопку пульта управления ракетами. - Просто, чтобы проверить готовность орудий?

- Готовность этих орудий не нуждается в проверке, - сказал Кассель, вороша пальцами в своей бороде. - Кроме того, на других звездолетах все с ума сойдут.

- Кроме того, Кассель, - очень спокойно сказал Морс, - перестань трепать свою бороду.

- Это еще почему?

- Потому, - почти шепотом сказал Морс, - что иначе я запихаю каждый ее волосок в твою глотку.

Кассель улыбнулся и сжал руки в кулаки.

- С удовольствием, - сказал он, - я уже устал смотреть на твой шрам.

Он встал.

- Прекратите, - проворчал Эдвардсон.

- Смотрите за стрелкой.

- Ни к чему, - ответил Морс, откидываясь назад. - К системе подведен сигнал тревоги.

Но все взглянули на стрелку.

- А что, если сигнал не сработает? - спросил Эдвардсон. - Что, если и циферблат испортился? Приятно вам будет, когда кто-нибудь заберется в ваш мозг?

- Циферблат сработает, - сказал Кассель.

Он переводил взгляд с лица Эдвардсона на бездействующий индикатор и обратно.

- Пойду-ка я отдохну, - сказал Эдвардсон.

- Подожди, - сказал Кассель. - Давай сыграем в козла?

- Ну хорошо.

Эдвардсон отвернулся и достал колоду засаленных карт, в то время, как Морс опять уставился на циферблат.

- Я бы очень хотел, чтобы они уже пришли,сказал он.

- Сдавай, - проворчал Эдвардсон, протягивая колоду Касселю.

- Интересно, как они выглядят? - продолжал Морс, глядя на индикатор.

- Возможно, так же, как и мы, - ответил Кассель, глядя на циферблат.

Кассель поднимал карты медленно, одну за другой, как будто надеялся, что найдет под ними что-то интересное.

- М-м-м... следовало бы послать с нами еще одного, - заявил он. - Мы могли бы сыграть в бридж.

- Я не играю в бридж, - сказал Эдвардсон.

- Ты мог бы научиться.

- Почему мы сами не послали туда флот? Почему мы не разбомбили их планету?

- Не говори ерунды, - ответил Эдвардсон.

- Мы бы потеряли любой посланный туда звездолет. Возможно, он бы и возвратился бы к нам, но уже с противоположной целью.

- Ты проиграл, - констатировал Кассель.

- Тысячу раз! - весело ответил Эдвардсон.Сколько я тебе должен?

- Три миллиона пятьсот восемьдесят долларов.

- Я бы очень хотел, чтобы они уже прилетели, - пел свою песню Морс.

- Выписать тебе чек?

- Можешь не торопиться до следующей недели.

- Кто-нибудь должен договориться с этими негодяями, - сказал Морс, заглядывая в иллюминатор. Кассель медленно посмотрел на циферблат.

- Я только подумал об одной вещи, - сказал Эдвардсон.

- О чем ты?

- Это, наверное, ужасное чувство, когда твоим мозгом управляют. Это, наверное, невыносимо.

- Ты узнаешь, когда это произойдет, - сказал Кассель.

- Знал ли об этом Эверсет?

- Возможно, но он просто не мог ничего с этим поделать.

- С моим мозгом все в порядке, сказал Кассель. - Но если

хоть один из вас, ребята, начнет вести себя иначе, чем обычно... пеняйте на себя!

Они все рассмеялись.

- Ну что ж, - сказал Эдвардсон, - Я бы не отказался от шанса договориться с ними. Это вовсе не глупо.

- Почему бы и нет? - сказал Кассель.

- Ты имеешь в виду - полететь к ним навстречу?

- Конечно. Из того, что мы сидим здесь, ничего хорошего не получится.

- Я думаю, мы можем кое-что сделать. медленно произнес Эдвардсон. - В конце-концов, с ними можно договориться. Они разумные существа, но они не непобедимы.

Морс сверил курс корабля с расчетным, потом поднял голову.

- Ты думаешь, нам следует установить контакт с командой соседнего звездолета? Сказать им, что мы хотим сделать?

- Нет! - воскликнул Кассель, и Эдвардсон согласно кивнул головой.

- Это запрещено. Мы просто полетим и посмотрим, что мы можем сделать. Если они не ответят, мы их просто уничтожим.

- П_О_С_М_О_Т_Р_И_М!

Из иллюминатора они увидели красное пламя реактивного двигателя: соседний звездолет в их секторе устремился вперед.

- Им, должно быть, пришла в голову та же мысль, - сказал Эдвардсон.

- Давайте доберемся туда первыми, - предложил Морс. Кассель включил двигатели, и их вжало перегрузкой в сиденья.

- Стрелка так и не сдвинулась? - крикнул Эдвардсон, пытаясь перекричать звонок сигнальной системы, подведенной к детектору.

- Ни на миллиметр, - ответил Кассель, глядя на циферблат, по которому стрелка прошла весь путь и уперлась в ограничитель.

R.Sheckley "Tripout"
Р.Шекли "Прогулка" перевод В.И.Баканова

Возник Папазиан, замаскированный под человека. Он быстро проверил, на месте ли голова. "Нос и носки ботинок должны смотреть в одну сторону", - напомнил он себе.

Все системы работали нормально, в том числе и компактная душа, которая питалась от батареек для карманного фонарика. Папазиан очутился на земле, в непонятном, сверхъестественном Нью-Йорке, на перекрестке десяти миллионов человеческих судеб. Ему захотелось гроппнуть, но человеческое тело не было для этого приспособлено, и он просто улыбнулся.

Папазиан вышел из телефонной будки - играть с людьми.

Сразу же он столкнулся с тучным мужчиной лет сорока. Мужчина остановил его и спросил:

- Эй, приятель, как быстрее пройди на угол Сорок девятой и Бродвея?

Папазиан ответил без колебания:

- Ощупывайте эту стену, а когда найдете неплотность, идите напролом. Этот туннель проложили марсиане - когда они еще были марсианами. Выйдете как раз к углу Сорок восьмой улицы и Седьмой авеню.

- Остряк чертов! - пробормотал мужчина и ушел, даже не дотронувшись до стены.

- Какая косность! - сказал про себя Папазиан. - Надо бы включить это в рапорт.

Но нужно ли ему готовить рапорт? Он не имел понятия.

Время ленча. Папазиан вошел в забегаловку на Бродвее близ Двадцать восьмой улицы и обратился к буфетчику:

- Я хотел бы попробовать ваши знаменитые "хот догс".

- Знаменитые? - изумился буфетчик. - Скорей бы настал такой день!

- Уже настал, - возразил Папазиан. - Ваши "хот догс" пользуются хорошей репутацией по всей галактике. Я знаю кое-кого, кто преодолел тысячи световых лет ради этих булочек с сосисками.

- Чушь! - убежденно сказал буфетчик.

- Да? Возможно, вас заинтересует, что в настоящий момент половина ваших клиентов - пришельцы. В гриме, конечно.

Каждый второй клиент побледнел.

- Вы что, иностранец? - спросил буфетчик.

- Альдебаранец по материнской линии, - объяснил Папазиан.

- Тогда все ясно, - сказал буфетчик.

Папазиан шел по улице. Он ничего не знал о жизни на Земле и наслаждался своим неведением: ему так много еще предстоит узнать. Изумительно - не иметь представления, что делать дальше, кем быть, о чем говорить.

- Эй, приятель! - окликнул его прохожий. - Я доеду по этой линии до Порт-Вашингтон?

- Не знаю, - сказал Папазиан, и это было правдой.

К сожалению, в невежестве есть определенные неудобства. Какая-то женщина поспешила объяснить им, как добраться до Порт-Вашингтона. Узнавать новое довольно интересно, но Папазиан считал, что незнание увлекательнее.

На здании висело объявление: "Сдается в аренду".

Папазиан вошел и взял в аренду. Он полагал, что поступил правильно, хотя в глубине души надеялся, что ошибся, потому что так было бы занятнее.

Молодая женщина сказала:

- Добрый день. Я мисс Марш. Меня прислало агентство. Вам нужна секретарша?

- Совершенно верно. Ваше имя?

- Лилиан.

- Сойдет. Можете приступать к работе.

- Но у вас нет ничего, даже машинки.

- Купите все, что необходимо. Вот деньги.

- А что от меня требуется?

- Вы меня спрашиваете? - с мягкой укоризной сказал Папазиан. - Я понятия не имею, чем заняться мне самому.

- А что вы собираетесь делать, мистер Папазиан?

- Вот это я и хочу выяснить.

- О... Ну хорошо. Мне кажется, вам понадобятся стол, стулья, машинка и все остальное.

- Превосходно Лили! Вам говорили, что вы очень хорошенькая?

- Нет...

- Значит, я ошибся. Если вы этого не знаете, то откуда знать мне?

Папазиан проснулся в отеле "Центральный" и сменил имя на Хол. Он сбросил с себя верхнюю кожу и оставил под кроватью, чтобы

не умываться.

Лилиан была уже в конторе, расставляла новенькую мебель.

- Вас дожидается посетитель, мистер Папазиан, - сказала секретарша.

- Отныне меня зовут Хол. Впустите его.

Посетителем оказался коротышка по имени Джасперс.

- Чем могу быть полезен, мистер Джасперс? - спросил Хол.

- Не имею ни малейшего представления, - смутился посетитель. - Я пришел к вам, повинуясь необъяснимому порыву.

Хол напрочь забыл, где он мог оставить свою Машину Необъяснимых Порывов.

- И где же вы его ощутили? - поинтересовался он.

- К северо-востоку отсюда, на углу Пятой авеню и Восемнадцатой улицы.

- Около почтового ящика? Так я и думал! Вы очень помогли мне мистер Джасперс! Чем могу вам услужить?

- Говорю вам, не знаю! Это был необъяснимый...

- Да. Но чего бы вы хотели?

- Побольше времени, - печально сказал Джасперс. - Разве не все этого хотят?

- Нет, - твердо сказал Хол. - Но, возможно, я помогу. Сколько времени вам нужно?

- Еще бы лет сто, - попросил Джасперс.

- Приходите завтра, - сказал Хол. Посмотрим, что удастся для вас сделать.

Когда посетитель ушел, Лилиан спросила:

- Вы действительно можете ему помочь?

- Это я выясню завтра, - ответил Хол.

- Почему не сегодня?

- А почему не завтра?

- Потому что вы заставляете ждать, а это нехорошо.

- Согласен, - сказал Хол. - Зато очень жизненно. Путешествуя, я заметил, что жизнь - суть ожидание. Значит, следует наслаждаться всем, пребывая в ожидании, потому что только на него вы и способны.

- Это чересчур сложно для меня.

- В таком случае напечатайте какое-нибудь письмо.

На тротуаре стоял человек с американским флагом. Вокруг собралась небольшая толпа. Человек был старый, с красным морщинистым лицом. Он говорил:

- Я хочу вам поведать о мире мертвых, они ходят по земле рядом с нами. Что вы на это скажете, а?

- Лично я, - заметил Хол, - вынужден согласиться, потому что рядом стоит старая седовласая женщина в астральном теле с высохшей рукой.

- Боже мой, это, наверное Этель! Она умерла в прошлом году, мистер, и с тех пор я пытаюсь с ней связаться. Что она говорит?

- Цитирую:"Герберт, перестань молоть чепуху и иди домой. Ты оставил на плите яйца, вода уже вся выкипела, и через какие-нибудь полчаса твоя жалкая обитель сгорит дотла".

- Точно Этель! - воскликнул Герберт. - Этель, как ты можешь называть чепухой разговоры о мире мертвых, когда ты сама - дух?

- Она отвечает, - доложил Хол, - что мужчина, который и яиц-то толком не сварит, не спалив свою квартиру, не вправе рассуждать о духах.

- Вечно она меня пилит, - посетовал Герберт и заторопился прочь.

- Мадам, не слишком ли вы строги с ним? - спросил Хол.

- Он никогда не слушал меня при жизни и не слушает теперь. Разве можно быть слишком строгой с таким человеком?.. Приятно

было поболтать с вами, мистер, но мне пора, - сказала Этель.

- Куда? - поинтересовался Хол.

- В Дом Престарелых Духов, куда же еще? - и она незримо исчезла.

Хол в восхищении покачал головой.

"Земля! - подумал он. - Какое прекрасное место!"

На Кафедральной аллее толпился народ - в основном, венерианцы, замаскированные под немцев, и обитатели созвездия Стрельца, прикидывающиеся хиппи.

К Холу подошел какой-то толстяк и спросил:

- Простите, вы не Хол Папазиан? Я Артур Вентура, ваш сосед.

- С Альдебарана? - спросил Хол.

- Нет. Я, как и вы, из Бронкса.

- На Альдебаране нет Бронкса, - констатировал Хол.

- Придите в себя, Хол! Вы пропадаете почти неделю. Алина сходит с ума от беспокойства. Она хочет обратиться в полицию.

- Алина?

- Ваша жена.

Хол понял, что происходит. То был Кризис Совпадения Личности. Как правило, внеземные туристы с таким явлением не сталкивались. Кризис сулил Холу потрясающие впечатления. Если бы только они сохранились в памяти!

- Хорошо, - сказал Хол, - благодарю вас за информацию. Жаль, что я причинил столько волнений моей жене, моей дорогой Полине...

- Алине, - поправил Вентура.

- Ну да. Передайте ей, что я приеду, как только выполню задание.

- Какое задание?

- Мое задание заключается в выяснении моего задания.

Хол улыбнулся и попытался удалиться. Но Артур Вентура обнаружил уникальную способность роиться и окружил Папазиана со всех сторон, производя шум и предпринимая попытки силового воздействия. Папазиан подумал о лазерном луче и замыслил убить всех Артуров, но потом решил, что это не в духе происходящего..

Лица, одетые в форму, водворили Папазиана в квартиру, где он пал в бъятия рыдающей женщины, которая тут же принялась сообщать ему сведения личного характера.

Хол заключил, что эту женщину звали Алина. Женщина считала, что она его жена. И могла предъявить соответствующие бумаги.

Сперва было даже забавно иметь жену, детей, настоящую работу, счет в банке, автомобиль, несколько смен белья и все остальное, что есть у землян, Хол до самозабвения играл с новыми вещами.

Почти каждый день Алина спрашивала его:

- Милый, ты еще ничего не вспомнил?

А он отвечал:

- Ничего. Но я уверен, что все будет в порядке.

Алина плакала. Хол привык к этому.

Соседи были очень заботливы, друзья - очень добры. Они изо всех сил скрывали от него, что он не в своем уме - чудик, дурик, псих ненормальный.

Хол Папазиан узнал все, что когда-либо делал Хол Папазиан, и делал то же самое. Простейшие вещи он находил захватывающе интересными. Мог ли альдебаранец рассчитывать на большее? Ведь он жал настоящей земной жизнью, и земляне принимали его за своего!

Конечно, Хол совершал ошибки. Он плохо ладил со временем, но постепенно приучился не стричь газон в полночь, не укладывать детей в пять утра и не уходить на работу в девять вечера. Он не видел причин для таких ограничений, но они делали жизнь интереснее.

По просьбе Алины Хол обратился к доктору Кардоману - специалисту по чтению в головах людей. Доктор сообщал, какие мысли хорошие и плодотворные, а какие - плохие и грязные.

Кардоман:

- Давно ли у вас появилось ощущение, что вы - внеземное существо?

Папазиан:

- Вскоре после моего рождения на Альдебаране.

Кардоман:

- Мы сэкономим массу времени, если вы признаете, что вас одолевают странные идеи.

Папазиан:

- Мы сэкономим столько же времени, если вы признаете, что я альдебаранец, попавший в трудное положение.

Кардоман:

- Тихо! Слушай, приятель, такое заявление может завести черт знает куда. Подчинись моим указаниям, и я сделаю из тебя пай-мальчика.

Папазиан:

- Тихо!

Дело шло на поправку. Ночи сменялись днями, недели складывались в месяцы. У Хола бывали моменты прозрения, доктор Кардоман это приветствовал. Алина писала мемуары под названием "Исповедь женщины, чей муж верил, что он с Альдебарана".

Однажды Хол сказал доктору Кардоману:

- Кажется, ко мне возвращается память.

- Хм-м, - ответил доктор Кардоман.

- Я вспоминаю себя в возрасте восьми лет. Я поил какао железного фламинго на лугу, возле маленькой беседки, недалеко от которой катила свои воды река Чесапик.

- Ложная память из фильмов, - прокомментировал доктор Кардоман, сверившись с досье, которое собрала на мужа Алина. - Когда вам было восемь, вы жили в Янгстауне, штат Огайо.

- Черт побери! - в сердцах воскликнул Папазиан.

- Но вы на верном пути, - успокоил его Кардоман. У каждого есть подобная память, скрывающая страх и наслаждение больной психики. Не расстраивайтесь. Это добрый признак.

Папазиан приходил и с другими воспоминаниями: о юности, которую о провел юнгой на английской канонерке, о тяготах Клондайка...

Это были неоспоримо земные воспоминания, но не их искал доктор Кардоман.

В один погожий день в дом пришел продавец щеток - он хотел поговорить с хозяйкой.

- Она вернется через несколько часов, - извинился Папазиан. - У нее сегодня урок греческого, а потом резьбы по камню.

- Прекрасно, - сказал продавец. - На самом деле я хотел поговорить с вами.

- Мне не нужны щетки, - ответил Папазиан.

- К черту щетки. Я офицер службы связи. Должен напомнить вам, что мы отбываем ровно через четыре часа.

- Отбываем?

- Все приятное когда-нибудь кончается, даже отдых.

- Отдых?

- Бросьте! - отрезал продавец щеток или офицер связи. - Вы, альдебаранцы, совершенно невыносимы.

- А вы откуда?

- Я с Арктура. Как провели время, играя с аборигенами?

- Кажется женился на одной местной, - сообщил Папазиан.
- Настоящая земная жена, это входило в вашу программу. Ну, идете?
- Бедная Полина расстроится, - посетовал Папазиан.
- Ее имя Алина. Как большинство землян, она все равно значительную часть времени проводит в расстроенных чувствах. Но я не могу заставлять вас. Если пожелаете остаться, учтите, что следующий туристический корабль будет через 50-60 лет.
- Пошли они все к черту, - сказал Папазиан, - Я с вами.

- По-прежнему ничего не помню, - пожаловался Хол офицеру связи.
- Естественно. Ваша память осталась в сейфе на корабле.
- Зачем?
- Чтобы вы не чувствовали себя в незнакомой обстановке. Я помогу вам разобраться.
Корабль поднялся в полночь. Полет был замечен локационным подразделением ВВС. Изображение, возникшее на экране, объяснили большим скоплением болотного газа, через которое пролетела плотная стая ласточек.
Несмотря на отвратительный холод открытого космоса, Хол оставался на палубе и наблюдал, как в отдалении исчезала Земля. Его ждет скучная однообразная жизнь, ждут жены и дети...
Но он не испытывал сожаления. Земля - чудесное место для отдыха, однако она мало приспособлена для жизни.

Роберт ШЕКЛИ

"ПУСТЬ КРОВАВЫЙ УБИЙЦА..."

Я не буду описывать эти мучения. Не хочу. Просто потому, что их невозможно описать. Такого даже под анестезией не выдержать. Я выдержал лишь из-за того, что эти ублюдки не догадались спросить - хочу я выдерживать или нет. Мое мнение их не интересовало.

Когда все кончилось, я открыл глаза и посмотрел на лица браминов. Их было трое. И, как всегда, в белых халатах и марлевых масках. Считается, что маски они носят, чтобы не подцепить от нас какую-нибудь заразу, хотя каждый солдат знает - они просто скрывают от нас лица.
Я был накачан анестетиками по самые уши, поэтому вся моя память состояла из одних провалов. Какие-то жалкие обрывки воспоминаний.
- Долго я был на том свете? - спросил я.
- Больше десяти часов, - ответил один из браминов.
- Как все случилось?
- Разве не помнишь? - спросил самый высокий.

- Пока нет.

- Ну, - сказал высокий, - твой взвод был в траншее 2645Б-4. На рассвете вы начали атаку на траншею 2645Б-5.

- И что там случилось?

- Тебя срезало пулеметной очередью. Новые пули - с мягкой головкой... Неужели не помнишь? Одна в грудь, еще три - по ногам. Санитары подобрали тебя уже покойником.

- Траншею-то взяли? - спросил я.

- В тот раз - нет.

- Ясно...

Постепенно действие анестетиков слабело и я начал кое-что припоминать. Ребят из моего взвода. Траншею. Старушка 2645Б-4 была мне как дом родной - мы в ней торчали уже год с небольшим, и как траншея она была очень даже ничего. Противник все время пытался ее захватить, и наша утренняя вылазка на самом деле была контратакой. Я вспомнил, как пуля развалила меня на куски - какое невыразимое облегчение я испытал в тот миг!..

Тут я вспомнил еще кое-что и сел на операционном столе.

- Минуточку, ребята, - сказал я.

- Что такое?

- Ведь крайний срок для воскрешения - восемь часов после смерти, так?

- Техника совершенствуется, - сказал брамин. - Теперь можно оживлять и через двенадцать часов. И это для всех ранений, кроме серьезных повреждений мозговой ткани.

- Ну что ж, молодцы, - сказал я. Память прояснилась окончательно и я понял, наконец, что же произошло. - Но на этот раз у вас вышла крупная накладка.

- Что за чушь, рядовой? - спросил один из них с чисто офицерскими интонациями.

- Гляньте-ка сюда, - и я протянул ему свой личный жетон. Насколько я мог видеть его лицо, он нахмурился.

- Черт бы меня побрал! - пробормотал он.

- Оказывается, наши желания совпадают, - заметил я.

- Видишь ли, - сказал он. - Траншея была прямо завалена трупами. Нам сказали, что все по первому разу. Приказано было всех поставить на ноги.

- И вы что, даже не смотрели жетоны?

- Когда?! У нас была чертова уйма работы! Конечно, мне очень жаль, рядовой. Если бы я знал...

- К дьяволу ваши сожаления, - перебил я. - Мне нужен Генеральный Инспектор.

- Ты что, в самом деле думаешь...

- Думаю, - отрезал я. - Не то чтобы я был крутым законником - в окопах нас учили другим наукам. Но этот иск я предъявлю в лучшем виде. А требовать встречи с Генеральным Инспектором - мое право, и будьте вы все прокляты!

Они перешли на шепот, а я как следует себя осмотрел. Надо признать, потрудились брамины здорово. Не так хорошо, конечно, как в первые годы войны. Кожу как-то неаккуратно пересадили, да в потрохах я чувствовал непорядок. Правая рука дюйма на два длиннее левой - кто ж это напорол-то? А в общем, вполне...

Они закончили шептаться и принесли мою форму. Я оделся.

- Насчет встречи с Генеральным Инспектором, - сказал один из них. - Тут есть некоторые трудности. Видишь ли...

Короче, генерала мне не дали, а подсунули вместо него здоровенного добродушного сержанта - из тех опытных служак, которые потолкуют с тобой с полным пониманием и сочувствием и оставят в уверенности, что дело твое выеденного яйца не стоит, решить его проще простого, так что можно больше не рыпаться.

- Что случилось, рядовой? - спрашивает он. - Говорят, ты устраиваешь бузу из-за того только, что тебя, мертвеца такого, воскресили?

- Верно говорят, - отвечаю. - Даже по законам военного времени простой солдат кой-какие права имеет, как мне объясняли... Или это все туфта?

- Да нет, - говорит сержант. - Почему же туфта...

- Долг свой я выполнил, - продолжаю. - Семнадцать лет в строю, восемь лет на передовой. Трижды убит, трижды воскрешен. По закону после трех воскрешений каждый имеет право остаться трупом. У меня тот самый случай - можешь посмотреть жетон, там все отмечено. А меня опять воскресили! Эти чертовы доктора сваляли дурака, и радости мне от этого никакой. Хочу покоиться в мире.

- Куда как лучше среди живых, - возражает сержант. - Пока жив, всегда есть шанс стать нестроевым. И ротация идет, хотя и медленно: сам знаешь, людей не хватает... Но шансы-то остаются!

- Мой шанс уже выпал, - отвечаю. - И лично я предпочитаю помереть.

- Думаю, могу тебе твердо пообещать, что месяцев через шесть...

- Я сдохнуть хочу, - вежливо говорю я. - По законам военного времени имею почетное право.

- Конечно, кто спорит, - отвечает он, улыбаясь. - Но на войне сплошь

да рядом случаются ошибки. Особенно на такой войне, как эта.

Тут он откинулся на спинку стула и сцепил пальцы, закинув руки за голову.

- Помню, как эта заваруха началась. Все думали, стоит нажать кнопку - и все будет ясно. Но и у нас, и у красных было навалом противоракет, и это прикрыло все атомные лавочки. А когда изобрели подавитель цепных реакций, атомные бомбы просто вышвырнули на свалку...

- Что я, не знаю, что ли?..

- Враг превосходил нас числом, - строго сказал сержант. - И все еще превосходит. Одних китайцев вон сколько миллионов!.. Армии были нужны новые бойцы, и медики научились воскрешать погибших...

- Да знаю я... Дружище, поверь, я тоже хочу, чтобы победа осталась за нами. Очень хочу. От всей души. И я был хорошим солдатом. Но меня шлепнули уже три раза, и я...

- Дело в том, - сказал сержант, - что красные тоже начали воскрешать погибших. И именно сейчас решается - кто кого. Победит тот, кто сможет выставить больше солдат. Через несколько месяцев уже будет ясно, кто победил. А ради такого дела стоит немножко потерпеть и не скулить из-за ерунды. Обещаю, что тебя оставят в покое, когда снова укокошат. А сейчас давай замнем...

- Хочу говорить с Генеральным Инспектором, - сказал я.

- Ну что ж, рядовой, - сказал сержант как-то не слишком дружелюбно. - Иди-ка ты в комнату 303.

Я пошел в эту комнату и принялся ждать. Из-за того, что заварилась такая каша, я чувствовал себя слегка неловко. Все-таки война... Но и эти хороши! У солдата тоже права есть, хоть и война. Чертовы брамины...

Как они получили эту кличку - особая история. Они же не индусы, и тем более не жрецы какие-нибудь - обыкновенные доктора. А словечко это приклеилось к ним после того, как в одной газете появилась о них статья. Тогда все это было еще сенсацией. Парень, который писал статью, жутко восхищался, что врачи могут оживить мертвеца и поставить его в строй. Горячая была новость. Так вот, этот парень цитировал по этому поводу стихи Эмерсона. Начинались они так:

Пусть кровавый убийца верит в то, что он многих убил,
А убитые им верят в смерть от ножа или пули, -
Я смеюсь над их верой: мне подвластны орбиты светил,

Мне подвластно и то, чтобы мертвые к жизни вернулись...

Такие вот дела. Никогда не знаешь, останется ли убитый тобой парень трупом или будет назавтра вовсю палить в сторону твоей траншеи. И сам ты не знаешь, когда получаешь пулю: насовсем ты сдох или нет. Стихи Эмерсона назывались "Брахма", поэтому наших медиков стали называть браминами.

Когда тебя оживляют по первому разу, это даже может понравиться. Жить все равно лучше - даже если учесть всякие мучения и так далее. Но когда тебя убивают и воскрешают, убивают и воскрешают, - в конце концов это ужасно надоедает. Начинаешь думать, не слишком ли много раз ты помер, и смерть представляется уже чем-то вроде возможности отдохнуть от этого кошмара. Нужно только, чтобы тебя больше не оживляли - только и всего. Вечный покой, и ничего более.

Эти умники наверху быстро сообразили, что если солдата слишком часто оживлять, это начинает действовать ему на нервы и подрывает боевой дух. Поэтому они установили предел - не больше трех воскрешений на брата. После третьего раза можешь выбирать ротацию или спокойную смерть. Рекомендуется выбирать второе - попробуйте-ка себе представить, какое воздействие может оказать человек, который помирал целых три раза, на нравственное состояние гражданских. И большая часть строевиков после третьего воскрешения действительно предпочитают гарантированную смерть.

А меня вот надули и воскресили в четвертый раз. Я, вообще-то, патриот каких поискать, но это вовсе не значит, что эта шутка у них пройдет.

В конце концов, я удостоился аудиенции самого адъютанта Генерального Инспектора - это был стройный полковник со стальным взглядом. Сразу было видно, что он не потерпит никаких безобразий. Он был полностью в курсе моего случая и не хотел тратить на него слишком много драгоценного времени, поэтому разговор получился коротким.

- Рядовой! - сказал он. - Во-первых, я выражаю вам искренние соболезнования командования. Во-вторых, вышел новый приказ. Красные повысили предельное количество воскрешений, поэтому выбора у нас нет. Отныне личный состав будет уходить в отставку после шести воскрешений.

- Но этот приказ вышел уже после того, как меня убили, полковник!

- Он обладает обратной силой. Вы получили право еще два раза умереть

за отечество. Всего хорошего, рядовой.

И все. И ничего не поделаешь с этим высшим бесстыдством. Они даже не представляют, каково нам приходится. Их, наверное, редко убивают больше одного раза, так что они понятия не имеют, как человек чувствует себя после четырех смертей.

Я плюнул и пошел в свою траншею.

Я брел между рядов колючей проволоки с отравленными шипами и думал. Я прошел совсем рядом с какой-то громоздкой штуковиной, тщательно закутанной в брезент с надписью "Секретное оружие". Наш сектор просто набит секретным оружием. Каждую неделю ученые подкидывают что-нибудь новенькое. И может, какая-нибудь из их штучек однажды поможет нам выиграть войну.

Но на все это мне было уже наплевать. Я вспомнил следующее четверостишие Эмерсона:

Все, что люди забыли, хранит моя вечная память,
Мне и тьма безразлична, и сияние горней звезды;
Что мне стоны богов, из гордыни отвергнутых вами?
Что мне ваша гордыня? И что мне раскаянья стыд?..

Старик Эмерсон здорово написал. Именно это и чувствует человек после того, как четыре раза даст дуба. Все безразлично и и как-то перестаешь обращать внимание на нюансы. Я не циник, просто после четвертого воскрешения взгляды на мир и на вопросы бытия несколько меняются.

Наконец, я добрался до старой доброй 2645Б-4, и похлопал по плечам своих парней. Оказалось, завтра на рассвете мы снова пойдем в наступление. Я решил, что это очень кстати.

Может, кто-то и скажет, что я решил свалить в кусты - мне плевать. По-моему, я уже довольно поумирал. И на этот раз я постараюсь погибнуть с гарантией. Ошибки быть не должно...

С первыми лучами солнца мы прокрались мимо колючей проволоки и бродячих мин на нейтральную полосу между нашей траншеей и 2645Б-5. Атака предполагалась силами одного батальона, и все мы снарядили магазины новейшими пулями-бумерангами. Мы подкрались чертовски близко к вражеским позициям, прежде чем противник нас обнаружил и открыл огонь.

Мы дрались за каждый дюйм. Парни гибли вокруг меня десятками, я же не получил ни царапины. Я даже начал верить, что на этот раз мы все-таки возьмем траншею - и, может быть, я даже останусь в живых...

И тут, наконец, влепило. Разрывная пуля. Прямо в грудь. Определенно, смертельное ранение. Обычно после такого падаешь и больше не встаешь. Кто угодно, но не я. Я должен быть уверен, что на этот раз меня не воскресят. Поэтому я встал и рванулся вперед, используя ружье как костыль. Я прошел еще целых пятнадцать ярдов сквозь такой плотный огонь, какого вам в жизни не увидеть. И вот, наконец, именно то! Ошибиться невозможно. Разрывная пуля прямо в лицо. Ничтожнейшую долю секунды я еще чувствовал, как разлетается на куски мой череп - и уже точно знал, что теперь-то я в безопасности. Брамины ничего не могут сделать при серьезных ранениях в голову, а мое ранение было чертовски серьезным.

Потом я умер.

Придя в сознание, я взглянул на белые халаты и марлевые маски браминов.

- Долго я был на том свете? - спросил я.

- Два часа.

Тут я вспомнил все.

- Но мне же разнесло голову!

Марлевые маски смялись, и я понял, что брамины усмехаются.

- Секретное оружие, - сказал один из них. - Почти три года разрабатывали. И вот, наконец, дескрэмблер работает. Колоссальный шаг вперед!

- Да ну? - сказал я.

- Наконец-то медицина получила возможность лечить серьезные ранения в голову, - продолжал брамин. - Как, впрочем, и любые другие ранения. Мы можем вернуть в строй любого солдата, если от него останется более семидесяти процентов - надо только собрать ошметки и свалить их в дескрэмблер. На практике наши потери в живой силе сводятся к нулю. Это поворот в ходе войны!

- Просто блеск, - сказал я.

- Кстати, - сказал брамин, - тебя наградили медалью. За геройское продвижение под огнем противника после получения смертельного ранения.

- Ура, - сказал я. - Мы взяли 2645Б-5?

- Взяли. Уже готовится наступление на траншею 2645Б-6.

Я кивнул. Через пару минут мне вернули форму и отправили обратно на передовую. Дела обстояли куда хуже, чем можно было ожидать. Кажется, мне теперь придется научиться радоваться жизни. Что ж, вкусим ее во всей полноте.

Теперь мне осталось погибнуть всего один раз - это будет уже шестой.
И последний.
Разве что выйдет какой-нибудь новый приказ...

Роберт ШЕКЛИ

ВС, ПРОВЕРЯЕТСЯ НА ПРАКТИКЕ

Его руки устали, но он снова и снова поднимал молоток и бил по зубилу. Работа была почти закончена: ещ„ несколько букв - и надпись, высеченная в тв„рдом граните, будет завершена. Он поставил последнюю точку и выпрямился, не заметив упавших на пол пещеры инструментов. Он вытер пот с покрытого пылью лица и гордо проч„л написанное:

Я ВОССТАЛ ИЗ ГРЯЗИ ЭТОЙ ПЛАНЕТЫ НАГ И БЕЗЗАЩИТЕН, Я
ИЗГОТОВИЛ ОРУДИЯ ТРУДА. Я СТРОИЛ И ЛОМАЛ, ТВОРИЛ И РАЗРУШАЛ.
Я СОЗДАЛ НЕЧТО, ПРЕВЗОШЕДШЕЕ МЕНЯ, И ЭТО МЕНЯ УНИЧТОЖИЛО.
ИМЯ МО, - ЧЕЛОВЕК, И ЭТО МОЙ ПОСЛЕДНИЙ ТРУД.

Он улыбнулся. Неплохо написано. Может и недостаточно красиво, но вполне подходяще как дань последнего из людей исчезнувшей человеческой расе. Он взглянул на инструменты, валявшиеся у ног. Они больше не были нужны, и он испарил их.

Проголодавшись после долгой работы, он присел на корточки в конце пещеры и создал обед. Посмотрев на пищу, почувствовал, что чего-то не хватает; потом сотворил стол со стулом, тарелки и чашки. Ему стало стыдно - ведь он снова забыл о них.

Хотя некуда было спешить, он ел торопливо. Его обед составили гамбургер, картофельное пюре, горошек, хлеб и мороженое - так обычно получалось, если он не думал о ч„м-то особенном. "Привычка," - решил он. Закончив, он заставил остатки пищи исчезнуть, и вместе с ними стол с посудой растворились в воздухе. Стул он оставил, и, сидя на н„м, в раздумье уставился на надпись. "Прекрасно," - подумалось ему, - "но ни одно человеческое существо, кроме меня, не проч„т этого".

Не было совершенно никаких сомнений в том, что он единственный живой человек на Земле - война была тщательной. Такой тщательной, как только человек - очень аккуратное животное - мог е„ вести. В войне не было неприсоединившихся, политике "моя хата с краю" не было места. Воевали или на одной стороне, или на другой. Бактерии, газы и радиация окутали Землю подобно огромной туче. В первые дни войны "непобедимое секретное" оружие побеждало "секретное" с почти монотонной регулярностью. И после того, как последний палец нажал последнюю кнопку, самозапускающиеся и самонаводящиеся бомбы и ракеты продолжали литься на Землю. Несчастная Земля стала огромной свалкой, без единого живого существа - растения или животного - от горизонта до горизонта.

Он видел значительную часть этого и ждал, пока не убедился, что упала последняя бомба; тогда он спустился.

"Очень умно с твоей стороны," - горько подумал он, оглядывая из своей пещеры равнину из застывшей лавы, на которой стоял его корабль, и искор„женные горы вдалеке.

Ты - предатель. Но кого это волнует?

Он был капитаном в Войсках Защиты Западного Полушария и за два дня военных действий понял, чем вс„ это кончится. Загрузив корабль сжатым воздухом, пищей и водой, он сбежал. Он знал, что в суматохе и разрушении, царивших вокруг, его не хватятся - а через несколько дней не осталось никого, кто мог бы его искать. Он направил корабль на обратную сторону Луны и стал ждать. Война была двенадцатидневной - он предполагал, что она продлится четырнадцать - но пришлось ждать шесть месяцев, прежде чем перестали взрываться автоматические ракеты. Тогда он вернулся.

Чтобы узнать, что остался один...

Он ожидал, что другие поймут тщетность всего, загрузят корабли и тоже прилетят на обратную сторону Луны. Очевидно, им не хватило времени, даже если и возникало желание. Он надеялся на то, что могли остаться отдельные группы спасшихся, но он не нашел никого. Война была слишком тщательной.

Посадка на Земле должна была бы убить его - ведь сам воздух был ядовит. Он не обращал внимания - и жил. Казалось, что у него выработался иммунитет к микробам и радиации; или это была часть его новой силы? Он повстречал достаточно и того, и другого, перелетая на сво„м корабле от руин одного города к руинам другого, вдоль взорванных долин и равнин, сожж„нных гор. Он не наш„л жизни, но сделал открытие.

Он мог творить. Он осознал свою силу на третий день на Земле. Затосковав, он захотел увидеть дерево посреди расплавленного камня и металла. И дерево возникло. Остаток дня он экспериментировал и обнаружил, что может создать вс„, что видел или о ч„м слышал когда-либо.

Предметы, которые были ему известны лучше, он создавал лучше. Предметы, о которых он знал только из книг или разговоров - дворцы, например - получались кособокими и хрупкими, хотя он мог довести их до совершенства, мысленно работая над деталями. Все его творения были тр„хмерны. Даже пища имела вид пищи и, кажется, насыщала его. Он мог забыть о любом из своих творений, лечь спать и, проснувшись, находил его там, где оно и было, ничуть не изменившимся. Он мог и разрушать. Одно мысленное усилие - и созданный им предмет исчезал. Чем больше был предмет, тем дольше приходилось дематериализовывать его.

Предметы, которые он не создавал - долины и горы - он мог разрушать тоже, но нужно было больше времени. Казалось, материей легче управлять, если она была создана им. Он даже мог создавать птиц и маленьких животных - или что-то, что выглядело как птицы и животные.

Он никогда не пытался создать человека.

Он не был уч„ным; он был космическим пилотом. Он имел смутное представление об атомной теории и практически не разбирался в генетике. Он думал, что какие-то изменения произошли в его клетках, в его мозге или, может быть, в самой Земле. Причина этого не особо его беспокоила. Это было действительностью и он примирился с ней.

Он снова уставился на памятник. Что-то в н„м беспокоило его.

Конечно, он мог бы сотворить его, но он не знал, сколько просуществуют его создания после того, как он умр„т. Они казались достаточно стабильными, но могли разрушиться вместе с его собственным разрушением... Поэтому он пош„л на компромисс. Он создал молоток и зубило, но выбрал гранитную стену, которую создала природа. Напряженно работая много часов, здесь же отдыхая и питаясь, он выбил буквы на стене внутри пещеры, чтобы они меньше подвергались эрозии.

Из пещеры был виден корабль, возвышающийся на гладкой земле

выжженной равнины. Он не торопился вернуться на корабль. За шесть дней надпись была закончена, навечно и глубоко выбитая на скале.

Мысль, которая беспокоила его при взгляде на гранит, наконец поднялась на поверхность. Единственными возможными читателями его надписи будут пришельцы со зв„зд. Как они расшифруют е„? Он зло уставился на надпись. Надо было написать е„ специальными символами. Но какими? Математическими? Конечно, но что это скажет пришельцам о Человеке? И что заставляет его думать, что они вообще найдут эту пещеру?

Нет необходимости в надписи, когда вся история Человека написана на лице планеты, похожем на подгоревшую корку. Он проклял свою глупость, заставившую его потратить шесть дней на ненужную надпись. Он был уже готов уничтожить е„, когда услышал шаги у входа в пещеру.

Он едва не упал, вскочив на ноги.

Там стояла девушка. Он быстро заморгал, но она не исчезла - высокая, темноволосая девушка, одетая в рваную грязную одежду, сделанную из одного куска ткани.

- Привет, - сказала она и вошла в пещеру. - Я услышала ещ„ в долине, как ты стучишь.

Машинально он предложил ей свой стул и создал другой для себя. Она осторожно попробовала прочность стула, прежде чем уселась.

- Я видела, как ты сделал это, - произнесла она, - но я вс„ ещ„ не верю. Это зеркала?

- Нет, - пробормотал он неуверенно. - Я создаю. У меня есть сила... Одну минутку! А как ты сюда попала?

Он потребовал ответа, а мозг в это время лихорадочно перебирал и отбрасывал варианты: "Она пряталась в одной из пещер? На вершине горы?". Нет, оставалось только одно возможное объяснение...

- Я была на тво„м корабле, дружок, - она откинулась в кресле и обхватила колено руками. - Когда ты загружал корабль, я поняла, что ты хочешь улететь. Мне скучновато было вставлять предохранители восемнадцать часов в день и я убежала с тобой. Кто-нибудь ещ„ остался в живых?

- Нет. Но почему я не видел тебя? - он смотрел на одетую в лохмотья, но от этого не менее прелестную девушку, и неясная мысль промелькнула у него в голове. Он протянул руку и тронул е„ плечо. Она не отстранилась, но на хорошеньком личике отразилась обида.

- Я настоящая, - сказала она резко. - Ты должен был видеть меня на Базе. Помнишь?

Он попытался мысленно вернуться в то время, когда База ещ„ была - казалось, несколько веков назад. Там была темноволосая девушка, одна из тех, на кого он не обращал внимания.

- Я думаю, что я зам„рзла до смерти, - снова заговорила девушка. - Или погрузилась в кому через несколько часов после взл„та корабля. Паршивая же система обогрева на этой посудине!

Она задрожала от воспоминаний.

- Это отняло бы слишком много кислорода, - объяснил он. - Я обогревал и обновлял воздух только в пилотской кабине. Бер„г запасы.

- Я рада, что ты не видел меня! - рассмеялась она. - Я наверное выглядела как ч„рт, вся покрытая инеем и мертвая! Ну и спящая красавица из меня получилась! Да, я зам„рзла. Когда ты открыл все отсеки, я ожила. Вот и вся история. Наверное это заняло несколько дней. Как же вышло, что ты меня не увидел?

- Я думаю, причина в том, что я давно не заглядывал на ракету, - предположил он. - Мне не нужны продукты. Смешно - я думал, что открыл все отсеки, но на самом деле не помню...

Она взглянула на надпись на стене.

- Что это?

- Я подумывал оставить что-то вроде памятника...

- А кто прочт„т надпись? - практично спросила она.

- Наверное, никто. Это была дурацкая затея.

Он сконцентрировался и через несколько секунд гранитная стена стала снова гладкой.

- Я не могу понять до сих пор, как же ты выжила, - озадаченно произн„с он.

- Но я выжила. Я не видела как ты сделал это, - она сделала жест в сторону стула и стены, - но я примирилась с тем, что ты можешь это. Почему бы и тебе не примириться с тем, что я жива?

- Пойми меня правильно, - произн„с он. - Мне очень нужно было чь„-то общество. Особенно женское. Это просто... Отвернись-ка на секунду.

Она подчинилась с удивл„нным видом. Он быстро уничтожил щетину на лице и сотворил чистые выглаженные брюки и рубашку. Сбросив свою поношенную форму, он переоделся во вс„ новое, уничтожил лохмотья; подумав, создал расч„ску и причесал спутавшиеся каштановые волосы.

- Хорошо, - сказал он. - Теперь можешь смотреть.

- Неплохо! - улыбнулась девушка, окинув его взглядом. - Дай-ка мне расческу - и может, сделаешь мне платье? Двенадцатый размер, но учти - я кое-где располнела.

С третьей попытки он справился с задачей - он никогда не подозревал как обманчивы женские формы - и под конец создал пару золотых босоножек на высоких каблуках.

- Немного жмут, - сказала она, надев их. - И не слишком-то удобно разгуливать в таких не по тротуарам. Однако - большое спасибо. С твоими способностями можно не задумываться о поисках рождественских подарков, не правда ли?

Е„ т„мные волосы блестели под полуденным солнцем, она выглядела прелестно и была очень похожа на человека.

- Посмотри, может быть и ты можешь творить? - настаивал он, страстно мечтая разделить свои новые потрясающие способности с ней.

- Я уже пыталась, - сказала она. - Ничего не выходит. Мир вс„ ещ„ принадлежит мужчинам.

Он нахмурился.

- Как я могу убедиться в том, что ты настоящая?

- Ты опять? Вспоминаешь как создал меня, хозяин? - спросила она, поддразнивая его и наклонилась, чтобы ослабить ремешок на босоножке.

- Я думал о женщинах, - мрачно сказал он. - Должно быть, я создал тебя во сне. Почему бы не допустить, что мо„ подсознание имеет те же возможности, что и сознание? Надо полагать, я придал тебе память, придумал легенду. Наверно, получилось очень реалистично. И если тебя создало мо„ подсознание, сознание никогда не узнает об этом.

- Ты просто смешон!

- Потому что если бы мо„ сознание знало, - продолжал он непреклонно, - оно бы отвергло тво„ существование. Все твои функции как творения моего подсознания были бы предохранить меня от знания и доказать каким бы то ни было образом - с помощью обаяния или логики - что ты существовала раньше...

- Давай-ка ты сделаешь ещ„ одну женщину, если твой разум так

хорош! - она сложила руки на груди и откинулась в кресло, кивнув головой.

- Ладно!

Он уставился в глубину пещеры и женщина начала появляться. Она неохотно принимала форму: одна рука короче другой, ноги слишком длинные. Концентрируя свои усилия, он добился правильных пропорций. Но глаза е„ были посажены под странным углом, плечи и спина были искажены. Он создал оболочку без мозга и внутренних органов, просто автомат. Он приказал ей говорить, но только бульканье вырвалось из е„ бесформенного рта: он не создал голосовых связок. Пожав плечами, он уничтожил кошмарную фигуру.

- Я не скульптор, - произн„с он. - И не Бог.

- Я рада, что ты наконец понял это.

- Это вс„ равно не доказывает, - продолжал упорствовать он, - что ты настоящая. Я не знаю, на что способно мо„ подсознание.

- Сделай что-нибудь для меня, - сказала девушка внезапно. - Я устала слушать эту чепуху.

"Я причинил ей боль," - подумал он. - "Единственное кроме меня человеческое существо на планете и я причинил ей боль!"

Он кивнул, взял е„ за руку и вывел из пещеры. На равнине внизу он создал город. Он экспериментировал с ним несколько дней назад и теперь было гораздо легче. Словно сошедший со страниц "Тысячи и одной ночи", воплотивший мечты детства город поднялся к небу ч„рным, белым и розовым цветами. Стены его были из сияющего рубина, ворота - из ч„рного дерева, инкрустированного серебром. Башни были красно-золотыми и украшены сапфирами. Прекрасная лестница из слоновой кости поднималась к самому высокому опаловому шпилю тысячами ступенек из испещр„нного прожилками мрамора. Там были лагуны с голубой водой, над которой летали маленькие птички, а серебряные и золотые рыбки проносились в их спокойных глубинах.

Они шли через город, и он создавал для не„ розы - белые, ж„лтые и красные - и сады, полные странных цветов. Между двумя увенчанными куполами спиральными зданиями он создал огромный бассейн. На воду он пустил разукрашенную пурпурную барку, нагруженную всеми яствами и напитками, какие он только мог вспомнить.

Они плыли по лагуне, овеваемые созданным им л„гким ветерком.

- И вс„ это не настоящее, - напомнил он ей немного погодя.

Она улыбнулась.

- Нет. Это можно потрогать. Это настоящее.

- А что будет после моей смерти?

- Кого это интересует? Тем более, если ты можешь сделать вс„ это, ты излечишь любую болезнь. Может быть, тебе удастся победить старость и смерть.

Она сорвала цветок со склонившейся ветки и вдохнула его аромат.

- Ты можешь предохранить его от увядания и смерти. То же самое ты наверное сможешь сделать и для нас. Так в ч„м же дело?

- Хочешь уйти? - сказал он, выпуская дым только что созданной сигареты. - Хочешь найти новую планету, нетронутую войной? Хочешь начать сначала?

- Сначала? Ты имеешь в виду... Может позже. Сейчас я даже не могу проходить мимо корабля, он напоминает мне о войне.

Они проплыли ещ„ немного.

- Теперь ты убедился, что я настоящая?

- Если честно, то нет, - ответил он. - Но я очень хочу поверить.

- Тогда слушай, - шепнула она, наклоняясь к нему. - Я настоящая.

Она обвила руками его шею.

- Я всегда была настоящей. И всегда буду. Ты хочешь доказательств? Ну, я знаю, что я настоящая. И ты знаешь. И что ещ„ тебе надо?

Он смотрел на не„, чувствуя е„ т„плые руки на шее, слушал е„ дыхание. Он чувствовал аромат е„ кожи и волос, особенный, принадлежащий только ей.

Медленно он произнес:

- Я верю тебе. Я люблю тебя. Как... как тебя зовут?

Она подумала мгновение.

- Джоан.

- Странно, - сказал он. - Я всегда мечтал о девушке по имени Джоан. А как твоя фамилия?

Она поцеловала его.

Над их головами ласточки, созданные им, - его ласточки - описывали широкие круги над лагуной, его рыбки проносились бесцельно туда и обратно, и его город простирался, гордый и прекрасный, до края искривленных лавовых гор.

- Ты не сказала мне свою фамилию, - напомнил он.

- Ах! Девичья фамилия женщины ничего не значит - она всегда бер„т фамилию мужа.

- Это отговорка!

Она улыбнулась:

- Правда?

Перевод с англ. Е. Санкова и М. Кач„лкина.

Роберт Шекли

ЗЕМЛЯ, ВОЗДУХ, ОГОНЬ И ВОДА

фантастический рассказ

Радио на космическом корабле никогда не бывает в порядке, и радиостанция на борту "Элгонквина" не составляла исключения. Джим Раделл разговаривал с находящейся на Земле Объединенной Электрической Компанией, когда связь вдруг прекратилась и в маленькую кабину пилота ворвались чужие голоса.

- Я не нуждаюсь в крючьях! - гремело радио. - Мне нужны конфеты.

- Это станция Марса ? - спрашивал кто-то.

- Нет, это Луна. Убирайтесь к черту с моей волны!

- А что мне делать с тремя сотнями крюков?

- Проденьте их себе в нос! Алло, Луна!

Какое-то время Рэделл слушал обрывки чужих разговоров. Радио успокаивало его, давало ему ощущение, что космос так и кишит людьми. Ему приходилось напоминать себе, что все эти звуки производят не более полусотни людей, какие-то пылинки, затерявшиеся в пространстве поблизости от Земли.

Радио громыхало несколько мгновений, затем начался непрерывный гул. Рэделл выключил приемник и пристегнулся ремнями к креслу. "Элгонквин" пошел на снижение, скользя сквозь облака к поверхности Венеры. Теперь, пока корабль не закончит спуск, он мог заняться чтением или вздремнуть.

Перед Рэделлом стояли две задачи. Первая была разыскать корабль - автомат, который Объединенная Электрическая посла-

ла сюда лет пять назад. На нем была установлена записывающая аппаратура. Рэделл должен был ее снять и доставить на Землю.

"Элгонквин" шел по спирали к холодной, овеянной ураганами поверхности Венеры, автоматически настраиваясь на локаторную установку корабля - автомата. Корма корабля раскалилась докрасна, когда "Элгонквин", теряя скорость, пробился через плотную атмосферу. Вихри снега окутали корабль, когда он, работая хвостовыми дюзами, переворачивался для посадки. И наконец, он мягко опустился на поверхность планеты.

- Совсем неплохо, малыш, - похвалил Рэделл корабль.Он отстегнулся и подключил радио к своему космическому костюму. Приборы показывали, что корабль- автомат находился в двух с половиной милях, так что отягощать себя провизией не стоило. Он просто прогуляется, заберет приборы и тут же вернется обратно.

-Наверно, еще успею послушать спортивную передачу,- сказал Рэделл вслух. Он последний раз проверил космический костюм и отвернул первую крышку люка.

Испытание космического костюма и было второй и главной задачей Рэделла.

Человек пробивался в космос.Конечно, в масштабах вселенной это были первые шаги.И все же вчерашние пещерные жители и созерцатели звезд покидали Землю.Вчера человек был наг, до жалости слаб, безнадежно уязвим.Сегодня, закованный в сталь, на добела раскаленных ракетах,он достиг Луны,Марса, Венеры.

Космические костюмы были звеном в технологической цепи, которая протягивалась от планеты к планете.Первые образцы костюма, который был на Рэделле, прошли различные испытания в условиях лаборатории. И выдержали их достойно. Теперь оставалось последнее - испытание в естественной обстановке.

-Подожди здесь, малыш, - сказал Рэделл кораблю.Он выбрался через последний люк и спустился по трапу "Элгонквина", облаченный в самый лучший и самый дорогой космический костюм, когда-либо изобретенный человеком.

Рэделл пошел путем, которым его вел радиокомпас,шагать было легко по неглубокому снегу.Вокруг почти ничего нельзя было разглядеть: все тонуло в серых венерианских сумерках.

Кое-где сквозь снег пробивались тонкие упругие ветки каких-то растений.Больше он не заметил никакой жизни.

Рэделл включил радио - думал услышать,как сыграла главная бейсбольная команда, но поймал лишь конец сводки погоды на Марсе.

Пошел снег.Было холодно, во всяком случае, так показывал прибор на запястье - в костюм холодный воздух проникнуть не мог.Хотя в атмосфере Венеры кислорода было достаточно, Рэделл не должен был дышать воздухом планеты.Пластиковый шлем укрыл его в крошечном, созданным человеком собственном мире.Поэтому он и не чувствовал холодного резкого ветра, упорно бившего в лицо.

По мере продвижения вперед,снег становился все глубже. Рэделл оглянулся.Корабля уже почти не было видно в серых сумерках, идти было очень трудно.

-Если здесь будет колония,- сказал он себе,- ни за что не поселюсь.-Он усилил подачу кислорода и полез через сугробы.

Потом включил радио и поймал какую-то музыку, но слышно было так плохо, что нельзя было разобрать, музыка ли это вообще.Он с трудом брел в снегу часа два, мурлыкая песенку, которую, как ему казалось, он слушал,- мысли у него были о чем угодно, только не о Венере,- и прошел так больше мили.

Вдруг он по колено провалился в рыхлый снег.

Он встал, отряхнулся и заметил, что вокруг разгулялась настоящая вьюга, а он ничего и не почувствовал в своем костюме.Причин для беспокойства не было.В чудодейственном костюме ему ничего не грозило.Вой ветра доходил до него слабыми отголосками.Ледяная крупа в бессильной злобе билась о пластиковый шлем, стучала, как дождь по железной крыше.

Он брел, проламывая наст на поверхности глубокого снега.

За следующий час снег стал еще глубже, и Рэделл заметил, что скорость ветра необычайно возросла.Вокруг него росли сугробы и тут же покрывались тонкой коркой льда.

Ему и в голову не пришло повернуть назад.

-Черта с два, -Успокаивал себя Рэделл,-костюм ничего не пропустит.

Потом он провалился в снег по пояс. Усмехнувшись, он выбрался, но со следующим шагом снова проломил тонкий наст.

Он попытался идти напролом, но снега стали перед ним непреодолимой преградой. Через десять минут он выдохся, и ему пришлось усилить подачу кислорода. И все-таки Рэделл не испытывал страха. Он твердо знал, что на Венере ничего опасного нет: ни ядовитых растений, ни животных, ни людей. Ему нужно было лишь совершить прогулку в самом усовершенствованном и дорогом костюме, когда-либо созданном людьми.

Все больше хотелось пить. Теперь ему казалось, что он просто застрял на одном месте. Снег теперь доходил до груди, и все труднее и труднее стало выбираться на поверхность, а выбравшись, он тут же проваливался снова. Но он упрямо шел вперед еще с полчаса.

Потом остановился. Ничего вокруг не было видно - плотная снеговая завеса падала с тускло-серого неба.За полчаса он прошел ярдов десять.

Рэделл застрял.

Межпланетная связь никогда особой надежностью не отличалась. Видно, Рэделлу так и не удастся передать на Землю свое сообщение.

-Говорит "Элгонквин",- повторял он, -вызываю Обьединенную Электрическую.

-Отлично, овощи купил, возвращаюсь.

-Стану я врать? Он сломал руку...

-... И четыре корзины спаржи. Да не забудьте написать на них мое имя.

-Конечно, мы находимся в состоянии невесомости. И все-таки руку он сломал.

-Говорит " Элгонквин"...

-Эй, контроль, пропустите меня - я с овощами

-Срочно, вне очереди, - взывал Рэделл. -Нужна Объединенная Электрическая. Я застрял в снегу. Не могу вернуться на корабль. Что делать?

Радио ровно загудело.

Рэделл опустился на снег и стал ждать инструкции. Еще и снегопад на голову! Он что им, эскимос, такое терпеть? Обьединенная Электрическая впутала его в эту историю, пусть теперь и вызволяет отсюда.

Костюм окутывал теплом, и Рэделл старался не вспоминать о пище и воде. А сугробы вокруг все росли, и вскоре он задремал.

Проснувшись через несколько часов, Рэделл почувствовал невыносимую жажду. Радио жужжало. Он понял, что придется самому выбираться из беды. Если он не доберется до корабля как можно скорее, то у него иссякнут последние силы и тогда уже ничего не сделать. Тогда не помогут и удивительные свойства

космического костюма.

Он поднялся, в горле у него пересохло: жаль, что не додумался взять с собой чего-нибудь поесть. Но кто мог подумать, что такое может случиться, ведь и пройтито было нужно всего пять миль, да еще в таком замечательном костюме! Надо что-то такое придумать, чтобы двигаться по этому тонкому насту. Лыжи! Из чего делают лыжи на Земле? Он внимательно осмотрел один из гибких кустиков, что торчали из снега. Пожалуй они подойдут.

Рэделл попытался сломать один из них, твердый и маслянистый. Перчатки скользили по ветвям, невозможно было ухватиться. Ему бы сейчас нож! Но ножи ни к чему на космическом корабле, они там так же бесполезны, как копье или рыболовный крючок.

Он снова изо всех сил потянул растение, потом снял перчатки и стал шарить в карманах - может найдется что-нибудь режущее. В карманах ничего не было, кроме потрепанного экземпляра "Правил посадки на планеты коммерческих кораблей грузоподъемностью более 500 гросс-тонн". Он сунул книжку в карман. Руки онемели от холода, и Рэделл снова натянул перчатки.

Потом его осенило. Расстегнув на груди костюм, Рэделл нагнулся и стал орудовать одной стороной застежки - "молнии", как пилкой. На растении появился надрез, а внутрь костюма ворвался морозный воздух. Рэделл включил обогреватель и продолжал пилить.

Так он перепилил три куста, а потом зубцы "молнии" затупились и пилить стало невозможно. Надо делать эти штуки из твердых сплавов, подумал Рэделл. Он расстегнул "молнию" на рукаве и продолжал работать. В конце концов он напилил себе сколько нужно стеблей подходящей длины. Оставалось застегнуть костюм, но это оказалось совсем непростым делом! Опилки и вязкий сок набились меж зубцов. Рэделл с трудом застегнулся и пустил обогреватель на полную силу. Теперь - за лыжи. Стебли гнулись легко, но с такой же легкостью и разгинались, а связать их было нечем.

-Дурацкое положение,- сказал он вслух. У него не было ни шнурка, ни веревки - ничего такого.

"Что-же делать?"- спросил он себя.

-Никогда еще нигде так не принимали,- сказал кто-то по радио.

-"Элгонквин" вызывает Землю,- яростно в тысячный раз прохрипел Рэделл.

- Алло, Марс?

- Объединенная Электрическая вызывает "Элгонквин"...

- Может быть, это солнечная корона.

- Скорее похоже на космическое излучение. Кто это?

- Объединенная Электрическая. Наш корабль задержался...

- Говорит "Элгонквин"!- Надрывался Рэделл.

- Рэделл? Что вы там делаете? Вы не первооткрыватель, и вы не на экскурсии. Забирайте аппаратуру и немедленно назад.

-Говорит Луна - 2...

-Придержите язык хоть на минуту, Луна!- Взмолился Рэделл.

-Послушайте, я влип. Застрял. Увяз в снегу. Нужны лыжи. Лыжи! Вы слышите меня?

Радио размеренно урчало. Рэделл снова взялся за лыжи. Стебли нужно связать. Оставался один выход - использовать провода радио или обогревательной аппаратуры. Чем пожертвовать?

Да, выбор не из легких. Радио необходимо. Но с другой стороны, даже сейчас, когда обогреватели работали непрерыв-

но, он мерз. Повредить обогреватель - значит остаться один на один с холодом Венеры.

Да, придется пожертвовать радио, решил он.

-Вы ведь скажете ей, правда?- внезапно проговорило радио.

-В мой следующий отпуск... - И снова умолкло.

Рэделл понял, что не сможет без радио, без его голосов, в своем одиноком кусочке цивилизованного мира.

Голова кружилась, одолевала усталость, горло пылало от жажды, но Рэделл не чувствовал себя одиноким, пока успокаивающе гудело из приемника. К тому же, если с лыжами у него ничего не получится, без радио он действительно будет отрезан от всего мира.

Стремительно, боясь передумать, он сорвал провода обогревателей, снял перчатки и взялся за дело.

Это было не так просто, как он предполагал. Он почти ничего не видел, потому что пластиковый шлем покрылся изморозью. Узлы на скользкой пластиковой проволоке не держались. Он стал вязать узлы посложнее, но все было бесполезно. После долгих неудач и ошибок ему удалось связать узел, который держался. Но теперь стебли выскальзывали из узлов. Ему пришлось исцарапать их застежками костюма, тогда они стали держаться.

Когда одна лыжа была почти готова, приступ головокружения заставил его прекратить работу. Нужен хоть глоток воды. Он отвинтил шлем и сунул в рот пригоршню снега. Это немного утолило его жажду.

Без шлема он видел получше. Пальцы рук и ног одеревенели от холода, руки и ступни занемели. Но больно не было. По правде говоря, это было приятное ощущение. Он почувствовал, что ему смертельно хочется спать. Никогда в жизни так не хотелось. И Рэделл решил хоть немного вздремнуть, а потом опять взяться за работу.

* * *

- Крайне срочно! Крайне срочно! Объединенная Электрическая вызывает " Элгонквин". Отвечайте, "Элгонквин". Что случилось?

- Не могу добраться до корабля, - бормотал Рэделл в полусне.

- Что стряслось, Рэделл? Что-нибудь вышло из строя? Корабль?

- Корабль в порядке.

- Костры! Костюм подвел?

- Нет ... - вяло бормотал Рэделл сквозь сон. Он и сам не понимал, что же произошло. Каким-то образом он был вырван из цивилизованного мира и отброшен на миллионы лет назад, к тем временам, когда человек в одиночку противостоял силам природы. Еще недавно Рэделл был облачен в сталь и мог метать молнии. Сейчас же он повержен наземь и сражается с силами огня, воздуха и воды.

- Не могу объяснить. Только заберите меня отсюда, - сказал Рэделл.

Он встряхнулся, прогоняя сон, и с трудом поднялся на ноги, уверенный, что сделал важное открытие. Он только теперь понял, что борется за свою жизнь точно так же, как миллиарды других людей боролись во все времена, как будут вечно бороться, хоть им и даны небывалые космические корабли.

Он не собирается умирать. Так просто он не сдастся.

Прежде всего нужно разжечь огонь. В кармане брюк, кажется, была коробка спичек.

Он быстро стащил с себя космический костюм и теперь стоял на снегу лишь в штанах и рубашке. Потом он протоптал снег до земли - и получилась защита от ветра. Он аккуратно сложил стебли для костра и насовал между ними листков из потрепанных "Правил". Поднес горящую спичку.

Если не загорится...

Но костер загорелся! Маслянистые ветки занялись сразу же и запылали, растопив снег.

Рэделл набрал снегу в шлем и поднес его поближе к огню. Теперь у него будет и вода! Он так низко наклонился над пылающими стеблями, что у него затлела рубашка. Но огонь не угасал. Рэделл швырнул в костер все оставшиеся стебли.

Их было немного. Даже если бросить в огонь наполовину готовую лыжу, то и этого хватит ненадолго.

* * *

- Вы знаете, что она мне сказала? Нет, правда, хотите знать, что она мне сказала? Она сказала...

- Срочно! Крайне срочно! Всем долой из эфира! Послушайте, Рэделл, это Объединенная Электрическая. За вами послан корабль с Луны. Вы слышите нас?

- Слышу. Когда он будет здесь? - спросил Рэделл.

- Вы нас слышите, Рэделл? У вас все в порядке? Отвечайте, если можете.

- Я слышу вас. Когда придет корабль?...

- Мы вас не слышим. Считаем, что вы еще живы. Корабль будет у вас через десять часов. Держитесь, Рэделл!

Десять часов! Огонь почти угас. Рэделл принялся пилить стебли. Но он не успевал напилить новых, как костер угасал. Снег в шлеме расстаял. Он выпил воду залпом и еще глубже протоптал снег вокруг огня. Закутался в костюм и приник к затухающему костру.

Десять часов!

Ему хотелось сказать им, что костюм замечательный. Да только вся беда в том, что Венера заставила его вылезти из костюма.

Ветер продолжал реветь над головой, не касаясь Рэделла в его укрытии. От костра оставался лишь крошечный язычок пламени. Рэделл в тревоге озирался: хоть бы что-нибудь отыскать для костра на этой равнине.

* * *

- Держись, старина. Мы ближе. Всего семь с половиной часов! Сожгли все горючее. Да не беда. Они послали к нам специальный корабль с горючим. Ну, вот мы и здесь.

- Яркое пламя полыхнуло на сером небе Венеры и понеслось к молчащей громаде "Элгонквина".

Корабль сел совсем рядом с "Элгонквином". Трое выбрались из него и спрыгнули в глубокий снег. Четвертый сбросил вниз несколько пар лыж.

Да, он был прав насчет лыж, верно? - Они стояли все вместе и внимательно вглядывались в прибор, который был прикреплен у одного из них на запястье.

- Радио у него не работает. Пошли!

Они помчались по снегу, в спешке толкая друг друга. Через милю пошли медленнее, но курс держали верный - их вел радиокомпас.

Потом они увидели Рэделла, скорчившегося над крохотным костром. Радио валялось в нескольких ярдах от него, видно,

там он его и бросил.
Они подошли вплотную к Рэделлу, и он поднял голову и взглянул на них, пытаясь им улыбнуться.
Их внимание привлек разодранный космический костюм на снегу.
Рэделл поддерживал огонь в костре кусками подкладки самого лучшего и самого дорогого космического костюма из всех когда-либо созданных человеком.

Перевод с английского А. Балбека

Роберт ШЕКЛИ

ПУШКА, КОТОРАЯ НЕ БАБАХАЕТ

Диксону показалось, что сзади хрустнула ветка. Он обернулся и успел краешком глаза заметить скользнувшую под кустом черную тень. Он замер на месте, вглядываясь в заросли. Стояла полная тишина. Высоко над головой какая-то птица вроде стервятника парила в восходящих потоках воздуха, что-то высматривая внизу, чего-то ожидая.
И тут Диксон услышал в кустах тихое нетерпеливое рычание.
Теперь он точно знал - звери крадутся за ним. До сих пор это было только предположение. Но смутные, едва заметные тени рассеяли его сомнения. По дороге на радиостанцию они его не тронули - только в нерешительности следили за ним. А теперь они готовы действовать.
Он вынул из кобуры дезинтегратор, проверил предохранитель, снова сунул оружие в кобуру и зашагал дальше.
В кустах опять послышалось рычание. Кто-то терпеливо преследовал его, вероятно, ожидая, когда он минует заросли кустарника и войдет в лес.
Диксон ухмыльнулся про себя.
Никакой зверь ему не страшен. У него есть дезинтегратор.
Если бы не это, Диксон ни за что не решился бы отойти так далеко от корабля. Никто не может позволить себе просто так разгуливать по чужой планете. Но Диксон мог. У него на поясе болталось оружие, с которым не могло сравниться никакое другое, - абсолютная защита от всего, что только может ходить, ползать, летать или плавать.
Это был самый совершенный пистолет, последнее слово техники в области личного оружия.

Это был дезинтегратор.
Диксон снова оглянулся. Меньше там в полусотне метров позади показались три хищника. Издали они напоминали собак или гнев. Они зарычали и медленно двинулись вперед.
Он взялся за дезинтегратор, но решил пока не пускать его в ход. Успеется - пусть подойдут поближе.
Альфред Диксон был человек небольшого роста, с широченными плечами и грудью. У него были светлые волосы и светлые с закрученными кончиками усы - они придавали его загорелому лицу свирепое выражение.
Его любимым местонахождением были земные бары и таверны. Там он, одетый в видавший виды походный костюм, мог громким, воинственным голосом заказывать себе выпивку и пронзать собутыльников взглядом прищуренных глаз цвета вороненой оружейной стали. Ему доставляло удовольствие снисходительно растолковывать пьяницам разницу между лучевым ружьем Сайкса и тройным кольтом или между адлепером с Марса и венерианским скомом и наставлять их, что следует делать, когда на тебя в густом лесу кидается рогатый танк с Раннара, или как отбиться от крылатых блестянок.
Некоторые считали Диксона трепачом, но избегали высказывать это вслух. Другие относились к нему хорошо, несмотря на его непомерное самомнение. "Он просто слишком самоуверен, - объясняли они. - Это дело поправимое - стоит ему только погибнуть или покалечиться".
Диксон свято верил в силу личного оружия. По его твердому убеждению, покорение Дикого Запада в Америке представляло собой не что иное, как состязание между луком и кольтом 44-го калибра. Африка? Копье против винтовки. Марс? Тройной кольт против метательного ножа. Водородная бомба может испепелить города, но занимать вражескую территорию приходится людям, вооруженным винтовками и пистолетами. Зачем измышлять какие-то непонятные экономические, философские или политические объяснения, когда все так просто?
И на дезинтегратор он, конечно, полагался целиком и полностью.
Оглянувшись, Диксон заметил, что к трем хищникам прибавилось еще с полдюжины. Они уже перестали прятаться и понемногу приближались, высунув языки.
Он решил еще немного подождать, прежде чем открывать стрельбу. Чем ближе они подойдут, тем сильнее будет впечатление.

В свое время Диксон сменил немало профессии: был геодезистом, охотником, геологом, работал на астероидах. И всегда ему не везло. Другие вечно натыкались да заброшенные древние города, подстреливали редких зверей, находили рудные залежи. Но он не унывал. Не везет, что поделаешь? Теперь он работал радистом - обслуживал десяток радиомаяков на незаселенных планетах.

А главное - ему было поручено провести первое полевое испытание самого совершенного личного оружия. Изобретатели надеялись, что оно завоюет всеобщее признание. На всеобщее признание надеялся и Диксон.

Он приблизился к опушке тропического леса. Корабль, на котором он прилетел, стоял в лесу, милях в двух от опушки, на небольшой поляне. Войдя в лес, Диксон услышал возбужденный писк древолазов. Эти небольшие оранжевые и голубые существа внимательно следили за ним сверху.

"Похоже на Африку, - подумал Диксон. - Хорошо бы повстречать какую-нибудь крупную дичь. Привезти с собой в виде трофея две-три страшных головы с рогами..."

Дикие собаки уже приблизились метров до двадцати. Это были животные величиной с терьера, серо-бурого цвета, с челюстями, как у гиены. Часть их побежала через кусты, чтобы отрезать ему путь.

Пора было продемонстрировать дезинтегратор.

Диксон вынул его из кобуры. Оружие имело форму пистолета и было довольно тяжелым да к тому же еще и плохо сбалансированным. Изобретатели обещали в следующих моделях уменьшить вес и сделать дезинтегратор более прикладистым. Но Диксону он нравился именно таким. Он сдвинул предохранитель и поставил кнопку на одиночную стрельбу.

Стая с лаем и рычанием кинулась на него. Диксон небрежно прицелился и выстрелил.

Дезинтегратор издал едва слышное гудение. Впереди, в радиусе сотни метров, часть леса исчезла.

Это был первый выстрел из первого дезинтегратора.

Луч из его дула веером расходился до четырехметровой ширины. В гуще леса на высоте пояса появилось конической формы пустое пространство длиной в сотню метров. В нем не осталось ничего - исчезли деревья, насекомые, трава, кустарник, дикие собаки, бабочки. Свисавшие сверху ветки, которые задел луч, были срезаны, будто гигантской бритвой.

Диксон прикинул, что истребил по меньшей мере семь собак. Семь

животных за полсекунды! И не надо думать об упреждении, как при стрельбе из обычного пистолета; не надо беспокоиться о боеприпасах - запаса энергии в дезинтеграторе хватит на восемнадцать часов работы. Идеальное оружие!

Он отвернулся и пошел дальше, сунув дезинтегратор в кобуру.

Наступила тишина: лесные обитатели осваивались с новым явлением. Но уже через несколько мгновений их удивление бесследно прошло. Голубые и оранжевые древолазы вновь закачались на ветках у него над головой. Стервятник в небе опустился пониже, и откуда-то издалека появилось еще несколько чернокрылых птиц. А в кустах снова послышалось рычание диких собак.

Они все еще не отказались от преследования. Диксон слышал, как они перебегают в зарослях по обе стороны от него, скрытые листвой.

Он снова вытащил дезинтегратор. Неужели они осмелятся попробовать еще раз?

Они осмелились.

За самой его спиной из-за кустов выскочила пятнистая серая собака. Дезинтегратор загудел. Собака исчезла на лету во время прыжка - вокруг только ветром шевельнуло листья, когда воздух ворвался в возникший вакуум.

Еще одна собака бросилась на Диксона, и он, слегка нахмурившись, уничтожил ее. Нельзя сказать, чтобы эти звери были такие уж глупые. Почему же они никак не поймут, что против него, против его оружия они бессильны? По всей Галактике живые существа быстро научились остерегаться вооруженного человека. А эти?

Еще три собаки прыгнули на него с разных сторон. Диксон переключил дезинтегратор на автоматическую стрельбу и скосил их одним движением руки. Взлетела пыль - воздух заполнил вакуум.

Он прислушался. Рычание раздавалось по всему лесу. Новые и новые стаи собак сбегались, чтобы урвать кусок добычи.

Почему они не боятся?

И вдруг его осенило. Они не видят, чего нужно бояться!

Дезинтегратор уничтожает их быстро, аккуратно, тихо. Попавшие под луч собаки чаще всего просто исчезают - они не визжат в агонии, не воют, не рычат.

А главное - не слышно громкого выстрела, которого они могли бы испугаться, не пахнет порохом, не щелкает затвор, досылая новый патрон...

"Наверное, у них просто не хватает ума сообразить, что эта штука смертельна, - подумал Диксон. - Они просто не понимают, что происходит.

Они думают, что я беззащитен".

Он зашагал быстрее.

"Никакой опасности нет, - напомнил он сам себе. - Пусть они не понимают, что это смертоносное оружие, - от этого оно не становится менее смертоносным. Но все равно нужно будет сказать, чтобы в новые модели добавили какое-нибудь шумовое устройство. Наверное, это будет нетрудно".

Теперь осмелели и древолазы - они, оскалив зубы, раскачивались почти на уровне его головы. "Наверное, тоже хищники", - решил Диксон и, переставив кнопку на автоматический огонь, прорезал огромные бреши в кронах деревьев.

Древолазы с воплями скрылись. На землю посыпались листья и ветки. Даже собаки на мгновение отступили.

Диксон ухмыльнулся - и в тот же самый момент распластался на земле, придавленный огромным суком, который луч дезинтегратора перерезал у основания. Удар пришелся по левому плечу.

Дезинтегратор вылетел из руки Диксона и упал метрах в трех, продолжая уничтожать ближние кусты. Диксон выполз из-под сука и бросился к оружию, но его уже схватил один из древолазов.

Диксон ничком кинулся на землю. Животное с торжествующими воплями размахивало дезинтегратором. На землю валились гигантские деревья, в воздухе потемнело от падающих листьев и ветвей, землю избороздили рытвины. Луч дезинтегратора прорезал ствол дерева, у которого только что стоял Диксон, и взрыл землю у самых его ног. Диксон отскочил в сторону, и луч едва миновал его голову.

Диксон пришел в отчаяние. Но тут древолаза одолело любопытство. Весело тараторя, животное повернуло дезинтегратор дулом к себе и попыталось заглянуть в отверстие.

Голова животного беззвучно исчезла.

Диксон тут же перескочил рытвину, схватил дезинтегратор, прежде чем им смогли завладеть другие древолазы, и тут же выключил автомат.

Несколько собак вернулись. Они стояли поблизости и внимательно следили за ним. Стрелять Диксон не стал. У него так тряслись руки, что это было бы опасно не столько для собак, сколько для него самого. Он повернулся и заковылял в сторону корабля.

Собаки последовали за ним.

Через некоторое время Диксон пришел в себя. Он посмотрел на сверкающий дезинтегратор, который держал в руке. Теперь он испытывал к

этому оружию куда большее уважение. И изрядно его опасался. Во всяком случае, больше, чем собаки. Те, очевидно, никак не связывали с дезинтегратором разрушения, произведенные в лесу. Все это показалось им внезапно налетевшей бурей.

А теперь буря прошла, и можно возобновить охоту.

Диксон шел сквозь густой кустарник, прожигая себе дорогу. Собаки по обе стороны не отставали. Время от времени то одна, то другая попадала под луч. Но их было несколько десятков, и они приближались.

"Черт возьми, - подумал Диксон, - почему они не подсчитают свои потери?" Но тут же сообразил, что вряд ли они вообще умеют считать.

Он пробивался вперед. До корабля было уже совсем недалеко. Диксон занес ногу, чтобы переступить через лежащее на пути толстое бревно, - и тут бревно ожило и злобно распахнуло огромную пасть под самыми его ногами.

Он нажал на спуск и не отпускал его целых три секунды, чуть не задев собственные ноги. Существо исчезло. Диксон всхлипнул, покачнулся и съехал в яму, которую только что разверз сам.

Он тяжело упал на дно, подвернув левую ступню. Собаки окружили яму, щелкая зубами и не отрывая от него глаз.

"Спокойно", - сказал себе Диксон. Двумя выстрелами он очистил края ямы от хищников и попытался выбраться наружу.

Но у ямы были слишком крутые стенки, и к тому же они оплавились, превратившись в стекло.

В панике он снова и снова, не жалея сил, бросался на гладкую поверхность. Потом остановился и заставил себя подумать. В эту яму он попал из-за дезинтегратора; пусть дезинтегратор его отсюда и извлекает. Нажав на спуск, он прорезал пологий откос и, преодолевая боль в ноге, выполз наружу.

На левую ногу он с трудом мог ступить. Еще сильнее болело левое плечо. "Этот сук, наверное, сломал мне ключицу", - подумал Диксон и заковылял дальше, опираясь на ветку, как на костыль.

Собаки несколько раз бросались на него. Он расстреливал их, но дезинтегратор в руке становился все тяжелее. Стервятники опустились на землю и уселись на аккуратно разрезанные лучом трупы собак. Глаза у Диксона время от времени застилало тьмой. Он старался взять себя в руки - нельзя терять сознание, когда вокруг собаки.

Корабль был уже виден. Диксон неуклюже побежал и тут же упал.

Несколько собак вцепились в него.

Он выстрелом рассек их на части, срезав полдюйма собственного сапога в непосредственной близости от большого пальца. Шатаясь, он поднялся на ноги и двинулся дальше.

"Вот это оружие, - подумал он. - Смертельно опасное для всех, включая стрелка. Изобретателя бы сюда! Надо же быть таким идиотом - построить пушку, которая не бабахает!"

Наконец он добрался до корабля. Пока он возился с люком воздушного шлюза, собаки окружили его плотным кольцом. Двух, которые подскочили ближе всех, Диксон уничтожил и ввалился внутрь. В глазах у него снова потемнело, к горлу подступил комок. Из последних сил он захлопнул люк и сел на пол. Спасен!

И тут он услышал тихое рычание.

Одна из собак проникла внутрь вместе с ним.

У него уже, казалось, не было сил удержать тяжелый дезинтегратор, но он все же медленно поднял руку с оружием. Собака, еле различимая в полумраке корабля, кинулась на него.

Диксон похолодел от ужаса: он почувствовал, что у него недостает сил нажать на спуск. Собака уже подбиралась к горлу. Его спасло непроизвольное движение сжавшихся пальцев.

Собака взвизгнула и умолкла. Диксон потерял сознание.

Придя в себя, он долго лежал, наслаждаясь одним радостным сознанием того, что жив. Он решил немного отдохнуть. Потом он смоется отсюда, пошлет к черту все чужие планеты и приземлится в первом же попавшемся баре. Вот когда он как следует напьется! А потом он разыщет этого изобретателя и вобьет ему в глотку дезинтегратор. Поперек. Изобрести пушку, которая не бабахает, мог только маньяк-убийца!

Но это потом. А пока - какое наслаждение быть живым, лежать на солнышке, всем телом чувствуя...

Солнышко? Внутри корабля?

Он сел. У его ног валялась одна собачья лапа и хвост. А перед ним в корпусе корабля зияло зигзагообразное отверстие шириной сантиметров в восемь, тянувшееся больше чем на метр. Сквозь отверстие светило солнце. А снаружи в щель внимательно смотрели четыре собаки.

Убивая последнюю собаку, он прорезал корпус своего собственного корабля.

Теперь он увидел еще несколько брешей. А откуда взялись они? Ах да,

это, наверное, когда он пробивался к кораблю. Последняя стометровка.
Несколько выстрелов, вероятно, задели корабль.

Он поднялся и начал внимательно разглядывать повреждения. "Чистая работа, - подумал он с равнодушием отчаяния. - Это точно, уж такая чистая работа, что чище некуда".

Вот перерезанные кабели управления. Вот тут было радио. А здесь он ухитрился одним выстрелом угодить сразу в кислородные баллоны и в цистерну с водой - вот это меткость! А вот... да, конечно, только этого еще и не хватало. Самый удачный выстрел - он перебил топливную магистраль. Все горючее, согласно закону тяготения, вытекло наружу - под кораблем стояла лужа, которая понемногу впитывалась в землю...

"Неплохо для первого раза, - пришла ему в голову безумная мысль. - Даже газовым резаком лучше не сработать".

Впрочем, газовым резаком он тут ничего бы не сделал. Корпус космического корабля резаком не взять. А вот старым, добрым, верным, надежным дезинтегратором...

Год спустя, так и не дождавшись от Диксона никакого сообщения, Земля послала за ним корабль. Экипажу было приказано устроить подобающие случаю похороны, если удастся разыскать останки, и привезти обратно опытный образец дезинтегратора.

Спасательный корабль приземлился рядом с кораблем Диксона, и его экипаж принялся с большим интересом разглядывать изрезанный и выпотрошенный корпус.

- Есть же люди, которым нельзя давать в руки оружие, - сказал механик.

- Вот это да! - удивился пилот.

Из леса донесся какой-то стук. Они поспешили туда и обнаружили, что Диксон жив. Он работал, горланя песню.

За год Диксон построил деревянную хижину и посадил вокруг овощи. Огород был окружен частоколом. Когда спасители подошли, Диксон заколачивал в землю новый кол взамен сгнившего.

- Ты жив? - вскричал кто-то.

- Точно, - отозвался Диксон. - Правда, дело было плохо, пока я не построил этот частокол. Сволочи эти собаки. Но я их проучил.

Он ухмыльнулся и показал на прислоненный к частоколу лук. Он был вырезан из упругого, крепкого дерева, а рядом лежал колчан, полный стрел.

- Научились остерегаться, - сказал Диксон, - когда увидели, как их приятели кувыркаются со стрелой в боку.

- А дезинтегратор?.. - начал пилот.

- А, дезинтегратор! - воскликнул Диксон с веселым огоньком в глазах.

- Не знаю, что бы я делал без него.

Он продолжал свою работу. Кол быстро уходил в землю под ударами увесистой плоской рукоятки дезинтегратора.

Роберт Шекли

Защитник

На следующей неделе в Бирме разобьется самолет, но здесь, в Нью-Йорке, мне это не навредит. Фиги тоже не причинят мне вреда - ведь дверцы всех шкафов у меня закрыты.

Нет, самая большая проблема - гунькanье. Мне нельзя гунькать. Абсолютно. Можете представить, как мне это мешает.

И в довершение всего я серьезно простудился.

Все началось вечером седьмого ноября. Я шел по Бродвею в кафетерий Бейкера. На моих губах играла легкая улыбка, потому что недавно днем я сдал трудный экзамен по физике. В кармане у меня побрякивали пять монет, три ключа и коробок спичек.

Для завершения картины позвольте добавить, что ветер дул с северо-запада со скоростью пять миль в час, Венера восходила, а Луна явно начинала толстеть и горбатиться. Можете делать из этих фактов собственные выводы.

Я дошел до угла 98-й улицы и начал переходить на другую сторону. Едва я сошел с тротуара, как кто-то заорал:

- Грузовик! Берегись грузовика!

Я прыгнул обратно, ошарашенно озираясь. Рядом никого не было. И тут, целую секунду спустя, из-за угла на двух колесах выскочил грузовик, проехал на красный свет и с ревом умчался вверх по Бродвею. Не будь я предупрежден, он бы меня наверняка сбил.

* * *

Все вы слышали подобные истории, не так ли? О странном голосе, предупредившем тетю Минни не входить в лифт, который затем рухнул в подвал. Или, может быть, он отсоветовал дядюшке Джо не плыть на "Титанике". На этом такие истории обычно заканчиваются.

Как мне хочется, чтобы и моя история закончилась так же.

- Спасибо, друг, - сказал я и огляделся, но никого не увидел.

- Ты все еще слышишь меня? - спросил голос.

- Конечно, слышу, - я сделал полный оборот и с подозрением уставился на закрытые окна над головой. - Но где же ты, черт меня подери?

- Ненаблюдаемость, - ответил голос. - Это имеет отношение? Коэффициент преломления. Нематериальное существо. Аллах знает что. Я подобрал нужное выражение?

- Ты невидимый? - осмелился я.

- Вот, правильно!

- Но к т о ты?

- Валидузианский дерг.

- Кто?

- Я... раскрой, пожалуйста, гортань чуть пошире. Надо подумать. Я - Дух Рождественского Прошлого. Существо из Черной Лагуны. Невеста Франкенштейна. Я...

- Помолчи, - сказал я. - Ты хочешь сказать... что ты дух

или существо с другой планеты?

- Это одно и то же, - ответил дерг. - Очевидно.

Все стало совершенно ясно. И дураку было понятно, что голос принадлежал кому-то с другой планеты. Он был невидим на Земле, но его более тонкие органы чувств уловили приближающуюся опасность, и он меня предупредил.

Самый обычный, повседневный сверхъестественный инцидент.

Я торопливо зашагал вверх по Бродвею.

- Что случилось? - спросил невидимый дерг.

- Ничего, - ответил я, - если не считать того, что я вроде бы стою посреди улицы, разговаривая с невидимым инопланетянином из черт знает какого уголка космоса. Полагаю, лишь я один способен тебя слышать?

- Да, естественно.

- Прекрасно! Знаешь, куда меня могут завести подобные штучки?

- Концепция твоей субвокализации мне не совсем ясна.

- В приют для шизиков. В заведение для чокнутых. В загон для психов. Вот куда помещают людей, разговаривающих с невидимыми инопланетянами. Спасибо за предупреждение, приятель. Спокойной ночи.

* * *

Почувствовав облегчение, я свернул на восток в надежде, что мой невидимый друг отправится дальше по Бродвею.

- Ты не хочешь поговорить со мной? - спросил дерг.

Я покачал головой - безобидный жест, за который к тебе не прицепятся - и зашагал дальше.

- Но ты д_о_л_ж_е_н, - произнес дерг с оттенком отчаяния. Настоящий субвокальный контакт очень редок и поразительно труден. Иногда мне удается передать предупреждение, уже перед самым опасным моментом. Но затем связь ослабевает.

Так вот чем объяснялось предчувствие тети Минни. Но у меня пока никакого предчувствия не было.

- Нужные условия могу не совпасть еще сто лет! - простонал дерг.

Какие условия? Побрякивание пяти монет и трех ключей одновременно с восходом Венеры? Наверное, это стоит исследовать - не не мне. Все эти супернормальные штучки доказать невозможно. Мне вовсе незачем пополнять ряды тех, кому завязывают на спине рукава смирительной рубашки.

- Да отвяжись ты от меня, - сказал я. Полицейский одарил меня странным взглядом. Я глупо ухмыльнулся и заторопился прочь.

- Я высоко ценю твою социальную ситуацию, - не отставал дерг, - но этот контакт в твоих же лучших интересах. Я хочу защитить тебя от бесчисленных опасностей человеческого существования.

Я не стал отвечать.

- Что ж, - сказал дерг, - я не могу тебя заставить. Придется предложить свои услуги в другом месте. Прощай, друг.

Я удовлетворенно кивнул.

- И последнее, - сказал он. - Держись завтра подальше от метро между полуднем и часом пятнадцатью. Пока.

- Эй? Почему?

- Кое-кто погибнет на станции Колумбус Серкл, будет большая толпа и его случайно столкнут под поезд. Тебя, если ты там будешь. Прощай.

- Там завтра кто-то погибнет? - переспросил я. - Ты уверен?

- Конечно.

- И это будет в газетах?

- Наверное.

- И ты знаешь обо всех подобных случаях, так?

- Я могу предвидеть направленные на тебя из протяженности времени опасности. Мое единственное желание - защитить тебя от них.

Я стоял на тротуаре. Две девчонки захихикали, заметив, что я разговариваю сам с собой. Я пошел дальше.

- Послушай, - прошептал я, - сможешь подождать до завтрашнего вечера?

- Ты позволишь мне быть твоим защитником? - нетерпеливо спросил дерг.

- Завтра скажу, - пообещал я. - Когда прочитаю вечерние газеты.

* * *

Да, в газете действительно оказалась заметка. Я прочитал ее в своей меблирашке на 113-й улице. Человек, подталкиваемый толпой, потерял равновесие и упал перед приближающимся поездом. Это дало мне обильную пищу для размышлений, пока я поджидал появления моего невидимого защитника.

Я не знал, что делать. Его желание защищать меня выглядело вполне искренним. Но я е знал, хочу ли я этого. И поэтому, когда час спустя дерг установил со мной контакт, вся идея нравилась мне еще меньше, чем раньше, о чем я ему и сказал.

- Ты мне не доверяешь? - спросил дерг.

- Я просто хочу жить нормальной жизнью.

- Если ты вообще будешь жить, - напомнил он мне. - Тот грузовик прошлым вечером...

- Но это же была нелепая случайность, такое бывает раз в жизни.

- За всю жизнь достаточно умереть лишь один раз, - рассудительно заметил дерг. - Вспомни еще и про метро.

- Это не в счет. Я не собирался сегодня ехать на метро.

- Но у тебя не было причин н_е ехать. Вот что важно. Точно так же, как у тебя нет причин не принять душ в течение ближайшего часа.

- А почему мне не следует принимать душ?

- Мисс Флинн, - сказал дерг, - что живет в конце коридора, только что оттуда ушла и оставила кусок мокрого розового мыла на розовом кафеле в ванной. Т_ы мог на нем поскользнуться и растянуть лодыжку.

- Это же не смертельно, а?

- Нет. Вряд ли даже можно сопоставить с тяжелым цветочным горшком, оброненным с крыши не очень сильным старым джентльменом.

- Когда это должно случиться?

- А мне казалось, что тебе не интересно.

- Очень интересно. Где? Когда?

- Ты разрешишь мне защищать тебя?

- Скажи мне только одно. Что ты с этого имеешь?

- Удовлетворение! - воскликнул он. - Для валидузианского дерга нет большей радости, чем помочь другому существу избежать опасности.

- Но не требуется ли тебе чего-нибудь другого? Какой-нибудь мелочи вроде моей души или господства над Землей?

- Ничего! Принять плату за Защиту - значит уничтожить эмоциональные переживания. Все, чего я хочу от жизни - чего хочет каждый дерг - защищать кого-нибудь от опасности, которую тот не видит, но которую прекрасно видим мы. - Дерг умолк, потом мягко добавил. - Мы не ожидаем даже благодарности.

Да, это и пересилило мои сомнения. Как мог я представить

себе все последствия? Как мог я знать, что его помощь заведет меня в ситуацию, в которой мне нельзя гунькать?

- Так что насчет горшка? - спросил я.

- Его уронят на углу 10-й улицы и бульвара Мак-Адамс в половине девятого завтра утром.

- Угол десятой и Мак-Адамс? Где это?

- В Джерси-Сити.

- Но я в жизни не бывал в Джерси-Сити! Зачем же меня об этом предупреждать?

- Я не знаю, будешь ты там, или нет, - ответил дерг. - Я просто ощущаю опасности, где бы они ни могли проявиться.

- И что мне теперь делать?

- Что угодно, - ответил он. - Живи своей нормальной жизнью.

Нормальной жизнью. Ха!

* * *

Все началось вполне неплохо. Я ходил на занятия в университет, делал домашние задания, ходил в кино и на свидания, играл в настольный теннис и шахматы, все как раньше. Но никогда не забывал, что нахожусь под прямой защитой валидузианского дерга.

Он приходил ко мне раз или два в день и говорил, к примеру: "Слабая решетка на Вест-Энд авеню, между 66-1 и 67-й улицами. Не наступай на нее.

И я, конечно же, не наступал. Зато наступал кто-то другой. Я часто видел подобные заметки в газетах.

Едва я ко всему привык, это дало мне чувство безопасности. Инопланетянин носился вокруг двадцать четыре часа в сутки, и все, чего он хотел в жизни - охранять меня. Сверхъестественный телохранитель! Это придавало мне огромную уверенность.

Моя общественная жизнь за этот период не могла не измениться к лучшему.

Но вскоре дерг стал чересчур мнительным. Он принялся отыскивать все новые и новые опасности, большинство из которых не имело отношения к моей жизни в Нью-Йорке - я должен был избегать их в Мехико, Торонто, Омахе, Папеете.

Наконец я спросил его, не собирается ли он сообщать мне о каждой потенциальной опасности на Земле.

- Это лишь немногие, совсем немногие из тех, что угрожают или могут тебе угрожать, - ответил он.

- В Мехико? И в Папеете? А почему бы не ограничиться ближайшими окрестностями? Скажем, центром Нью-Йорка?

- Местность для меня ничего не значит, - упрямо сказал дерг. - Мои предчувствия темпоральные, а не пространственные. Я должен защищать тебя от в_с_е_г_о!

В своем роде это было довольно трогательно, и я ничего не мог с этим поделать. Мне просто приходилось вычеркивать из его сообщений многочисленные опасности в Хобокене, Таиланде, Канзас-Сити, Ангкоре (упавшая статуя), Париже и Сарасоте. Потом я добирался до местных предупреждений. По большей части я игнорировал опасности, поджидающие меня в Куинсе, Бронксе, Стэтен-Айленде и Бруклине, и концентрировался на Манхеттене.

Однако терпение себя зачастую оправдывало. Дерг избавил меня от весьма неприятных испытаний, например, от ограбления в Кафедральном Парке, от вымогательства подростков и от пожара.

* * *

Но он продолжал наращивать скорость. Все начиналось как один-два доклада в день. Через месяц он предупреждал меня уже пять или шесть раз в день. А под конец его предупреждения, местные, национальные и интернациональные, полились

непрерывным потоком.

Мне угрожало слишком много опасностей, невероятно много.

Вот типичный день:

"Несвежая пища в кафетерии Бейкера. Не ешь там сегодня вечером.

У автобуса 312 в Амстердаме откажут тормоза. Не езди на нем.

В магазине одежды Меллена протекает газовая труба. Возможен взрыв. Сдай одежду в химчистку в другом месте.

Маньяк рыскает между Риверсайд-драйв и Централ-Парком. Возьми такси".

Вскоре большую часть своего времени я проводил, чего-нибудь не делая и избегая разных мест. Казалось, опасность подстерегает меня под каждым уличным фонарем.

Я начал подозревать, что дерг просто выдумывает свои предупреждения. Другого объяснения я не видел. В конце концов, до встречи с ним я прожил уже достаточно много лет, и прожил прекрасно. С какой стати риск для моей жизни так возрос?

Я спросил его об этом как-то вечером.

- Все мои сообщения совершенно реальные, - сказал он, явно немного обидевшись. - Если не веришь, попробуй завтра включить свет в аудитории, где будут проходить занятия по психологии.

- И что?

- Неисправная проводка.

- Я не сомневаюсь в твоих предупреждениях, - заверил я его. - Я лишь знаю, что до твоего появления жизнь никогда не была для меня такой опасной.

- Конечно, не была. Ты, разумеется, знаешь, что принимая защиту, ты должен принять заодно и ее последствия.

- Какие, например?

Дерг помедлил с ответом. - Защита возбуждает потребность во все новой защите. Это универсальная константа.

- Повтори-ка, - попросил я с изумлением.

- До встречи со мной ты был такой же, как все, и рисковал наравне со всеми. Но после моего появления твое ближайшее окружение изменилось. И твое положение в тем тоже.

- Изменилось? Почему?

- Потому что в нем появился я. Теперь ты до какой-то степени стал частью моего окружения, а я - твоего. И, конечно же, хорошо известно, что избегая одной опасности, открываешь путь другой.

- Так ты пытаешься мне сказать, - очень медленно произнес я, - что риск для меня увеличился и_з-з_а твоей помощи?

- Это было неизбежно, - вздохнул он.

* * *

В тот момент я с радостью придушил бы дерга, не будь он невидим и неощутим. Меня охватило яростное ощущение, что этот неземной жулик меня надул.

- Ладно, - сказал я, беря себя в руки. - Спасибо за все. Увидимся на Марсе или где ты там обитаешь.

- Ты не хочешь больше моей защиты?

- Совершенно верно. Только не хлопай дверью, когда будешь уходить.

- Но что я сделал не так? - искренне удивился дерг. - Да, риск для твоей жизни возрос, но что с того? Честь и слава тому, кто встречает опасность лицом к лицу и побеждает ее. Чем сильнее угроза, тем больше радость избавления от нее.

Тут я впервые понял, насколько он не человек.

- Но не для меня, - сказал я. - Проваливай.

- Риск для тебя возрос, - не согласился дерг, - но моя

способность предвидения более чем достаточна, чтобы с ним справиться. Я счастлив, предотвращая опасности. И продолжаю окружать тебя защитной сетью.

Я покачал головой. - Я знаю, что будет потом. Риск для меня все время будет увеличиваться, ведь так?

- Ничуть. В том, что касается несчастных случаев, ты уже достиг количественного уровня.

- И что это значит?

- Это означает, что дальнейшего увеличения числа несчастных случаев, которых тебе следует избегать, уже не будет.

- Прекрасно. А теперь окажи мне любезность и мотай отсюда.

- Но я же только что объяснил...

- Конечно, конечно, никакого увеличения, лишь одни и те же прежние опасности. Послушай, если ты оставишь меня в покое, мое первоначальное окружение вернется, не правда ли? А вместе с ним и мой первоначальный риск?

- Со временем, - согласился дерг. - Если ты выживешь.

- Я рискну.

Некоторое время дерг молчал, и наконец произнес: - Ты уже не можешь позволить себе отослать меня обратно. Завтра...

- Не говори ничего. Я буду избегать несчастных случаев сам.

- Я не о них говорю.

- Тогда о чем?

- Даже не знаю, как тебе и сказать, - встревоженно сказал он. - Я говорил, что количественных изменений больше не будет. Но ничего не сказал про к а ч е с т в е н н ы е.

* * *

- Это еще что такое? - рявкнул я.

- Я пытаюсь сообщить, - сказал дерг, - что на тебя охотится охотится гугнивец.

- Кто? Это еще что за шуточки?

- Это существо из моего окружения. Я так думаю, его привлекла твоя возросшая с моей помощью способность избегать опасностей.

- К черту гугнивца и тебя вместе с ним.

- Если он придет, постарайся отогнать его *with misletoe. Часто бывает эффективно и железо, если оно соприкасается с медью. И еще...

Я бросился на кровать и накрыл голову подушкой. Дерг понял намек, и через секунду я почувствовал, что он ушел.

Каким же я был идиотом! У нас, землян, есть общий недостаток: мы хватаем то, что нам дают, даже не задумываясь, нужно она нам, или нет.

Так можно нарваться на крупные неприятности.

Но дерг ушел, а вместе с ним и мои худшие неприятности. Некоторое время придется посидеть дома, пусть все само собой уляжется. И, наверное, через пару недель...

Мне показалось, что я слышу гудение.

Я сел на кровати. Один из углов комнаты странным образом потемнел, из него на лицо подул прохладный ветерок. Гудение стало громче - даже не гудение, а смех, низкий и монотонный.

В этот момент никто не заставил бы меня чертить диаграмму.

- Дерг, - завопил я. - Избавь меня от этого!

Он тут же оказался рядом. - *Misletoe! Махни им на гугнивца, и все.

- Да где, черт побери, я тебе раздобуду *?

- Тогда железо и медь.

Я бросился к столу, схватил медное пресс-папье и отчаянно завертел головой, отыскивая кусок железа. Пресс-папье вырвали у меня из руки, но я успел подхватить его на лету. Тут я увидел авторучку и прижал ее кончик к пресс-папье.

Темнота исчезла. Холод пропал.

Я понял, что выкарабкался.

* * *

- Вот видишь? - торжествующе сказал дерг час спустя. - Тебе нужна моя защита.

- Наверное, - уныло ответил я.

- Тебе потребуются и кое-какие другие предметы, - сказал дерг. - *Wolfsbane, амаринт, чеснок, глина с кладбища...

- Но ведь гугнивца больше нет.

- Да. Но остались еще хрупалы. И тебе будет нужна защита от липов, фигов и мелгризера.

Поэтому я составил список трав, компонентов и разной всячины. Я не стал утруждать его вопросами об этой связи между сверхъестественным и паранормальным. Моя беззащитность теперь была полной и окончательной.

Духи и призраки? Или инопланетяне? Это одно и то же, сказал он, и я понят, что он имеет в виду. По большей части они нас не трогают. Мы находимся на разных уровнях восприятия, вернее, существования. До тех пор, пока человек не становится настолько глуп, что начинает привлекать к себе внимание.

Теперь я вступил в их игру. Кто-то хотел меня убить, кто-то - защитить, но никому не было дела до м_е_н_я, даже дергу. Из интересовала лишь ценность моей фигуры в игре, вот и все.

Во всей ситуации я был виноват лишь сам. Первоначально в моем распоряжении была аккумулированная мудрость всей человеческой расы, огромная расовая ненависть к колдунам и духам, иррациональный страх к чужеродной жизни. Потому что мое приключение уже происходило тысячи раз, а рассказ о нем пересказывался снова и снова - о том, как человек, занявшись странным искусством, вызвал к себе духа. Но сделав это, он привлек к себе внимание - худшее, что только могло произойти.

Поэтому я теперь был неотделим от дерга, а он - от меня. До вчерашнего дня. Теперь я снова сам по себе.

Пару недель все было спокойно. От фигов я избавился, приобретя простую привычку держать дверцы шкафов закрытыми. Липы оказались пострашнее, но их остановил жабий глаз. А мелгризер опасен только в полнолуние.

- Ты в опасности, - сказал вчера дерг.

- Опять? - поинтересовался я, зевая.

- Нас преследует транг.

- Нас?

- Да, и меня, и тебя, потому что даже дерг должен подвергаться риску и опасности.

- А этот транг очень опасен?

- Очень.

- Ну, так что надо сделать? Повесить над дверью змеиную шкуру? Нарисовать пентаграмму?

- Ни то, ни другое, - сказал дерг. - От транга можно избавиться, лишь не совершая определенные действия.

Теперь, когда на мне и так висело множество ограничений, я решил, что одним больше, или одним меньше - уже несущественно. - И чего мне нельзя делать?

- Гунькать.

- Гунькать? - нахмурился я. - И что это такое?

- Ты наверняка знаешь. Это простое, ежедневное человеческое действие.

- Наверное, я знаю его под другим названием. Объясни.
- Хорошо. Гунькать - это значит... - Он внезапно умолк.
- Что?
- Он здесь! Транг!

Я прижался к стене. Мне показалось, что в углу слегка зашевелилась пыль, но это можно было приписать и перенапряженным нервам.

- Дерг! - завопил я. - Ты где? Что надо делать?

Тут я услышал крик и звук, который ни с чем нельзя спутать - захлопывающиеся челюсти.

- Я погиб! - крикнул дерг.
- Что надо делать? - снова крикнул я.

Послышался ужасающий хруст работающих зубов. И очень слабый голос дерга: - Н Е г у н ь к а й!

Потом наступила тишина.

Поэтому я сейчас сижу, и не высовываюсь. На следующей неделе в Бирме разобьется самолет, но здесь, в Нью-Йорке, мне это не навредит. Фиги тоже не причинят мне вреда - ведь дверцы всех шкафов у меня закрыты.

Нет, вся проблема в гунькanье. Я не д_о_л_ж_е_н гунькать. Абсолютно. Если я смогу от этого удержаться, все пройдет, и охота на меня переместится куда-нибудь в другое место. Должна! Мне надо лишь переждать.

Беда только в том, что я не имею ни малейшего понятия, чем может оказаться гунькanье. Дерг говорил, что это обычное человеческое действие. Так вот, на это время я избегаю почти любых действий, какие только могу.

Я немного задремал, и ничего не произошло, так что это не гунькanье. Я вышел на улицу, купил еды, заплатил за нее, приготовил и поел. Это тоже не гункание. Я пишу этот рассказ. И это тоже н_е гунькanье.

Когда-нибудь я из этого выберусь.

Надо будет еще поспать немного. Кажется, простуда становится сильнее. Сейчас мне хочется чихну

Sheckley R.
"Hunting Problem"

Роберт Шекли
"Охота"

Перевод В.Бабенко и В.Баканова
"Мир", 1984

Это был последний сбор личного состава перед Всеобщим Слетом Разведчиков, и на него явились все патрули. Патрулю 22 - "Парящему соколу" было приказано разбить лагерь в тенистой ложбине и держать щупальца востро. Патруль 31 - "Отважный бизон" совершал маневры возле маленького ручья. "Бизоны" отрабатывали навыки потребления жидкости и возбужденно смеялись от непривычных ощущений.

А патруль 19 - "Атакующий мираш" ожидал разведчика Дрога, который по обыкновению опаздывал.

Дрог камнем упал с высоты десять тысяч футов, в последний

момент принял твердую форму и торопливо вполз в круг разведчиков.

- Привет, - сказал он. - Прошу прощения. Я понятия не имел, который час...

Командир патруля кинул на него гневный взгляд:

- Опять не по уставу, Дрог?!

- Виноват, сэр, - сказал Дрог, поспешно выпрастывая позабытое щупальце.

Разведчики захихикали. Дрог залился оранжевой краской смущения. Если бы можно было стать невидимым!

Но как раз сейчас этого делать не годилось.

- Я открою наш сбор Клятвой Разведчиков, - начал командир и откашлялся. - Мы, юные разведчики планеты Элбонай, торжественно обещаем хранить и лелеять навыки наших предков-пионеров. С этой целью мы, разведчики, принимаем форму, от рождения дарованную нашим праотцам, покорителям девственных просторов Элбоная. Таким образом, мы полны решимости...

Разведчик Дрог подстроил слуховые рецепторы, чтобы усилить тихий голос командира. Клятва всегда приводила его в трепет. Трудно себе представить, что прародители когда-то были прикованы к планетарной тверди. Ныне элбонайцы обитали в воздушной среде на высоте двадцати тысяч футов, сохраняя минимальный объем тела, питались космической радиацией, воспринимали жизнь во всей полноте ощущений и спускались вниз лишь из сентиментальных побуждений или в связи с ритуальными обрядами. Эра Пионеров осталась в далеком прошлом. Новая история началась с Эры Субмолекулярной Модуляции, за которой последовала нынешняя Эра Непосредственного Контроля.

- ...прямо и честно, - продолжал командир. - И мы обязуемся, подобно им, пить жидкости, поглощать твердую пищу и совершенствовать мастерство владения их орудиями и навыками.

Торжественная часть закончилась, и молодежь рассеялась по равнине. Командир патруля подошел к Дрогу.

- Это последний сбор перед слетом, - сказал он.

- Я знаю, - ответил Дрог.

- В патрульном отряде "Атакующий мираш" ты единственный разведчик второго класса. Все остальные давно получили первый класс или, по меньшей мере, звание Младшего Пионера. Что подумают о нашем патруле?

Дрог поежился.

- Это не только моя вина, - сказал он. - Да, конечно, я не выдержал экзаменов по плаванию и изготовлению бомб, но это мне просто не дано! Несправедливо требовать, чтобы я знал все! Даже среди пионеров были узкие специалисты. Никто и не требовал, чтобы каждый...

- А что ты умеешь делать? - перебил командир.

- Я владею лесным и горным ремеслом, - горячо выпалил Дрог, - выслеживанием и охотой.

Командир изучающе посмотрел на него, а затем медленно произнес:

- Слушай, Дрог, а что если тебе предоставят еще один, последний шанс получить первый класс и заработать к тому же знак отличия?

- Я готов на все! - вскричал Дрог.

- Хорошо, - сказал командир. - Как называется наш патруль?

- "Атакующий мираш", сэр.

- А кто такой мираш?

- Огромный свирепый зверь, - быстро ответил Дрог. - Когда-то они водились на Элбонае почти всюду и наши предки сражались с ними не на жизнь, а на смерть. Ныне мираши вымерли.

- Не совсем, - возразил командир. - Один разведчик, исследуя леса в пятистах милях к северу отсюда, обнаружил в квадрате с координатами Ю-233 и З-482 стаю из трех мирашей. Все они самцы, и, следовательно, на них можно охотиться. Я хочу, чтобы ты, Дрог,

выследил их и подкрался поближе, применив свое искусство в лесном и горном ремеслах. Затем, используя лишь методы и орудия пионеров, ты должен добыть и принести шкуру одного мираша. Ну как, справишься?

- Уверен, сэр!

- Приступай немедленно, - велел командир. - Мы прикрепим шкуру к нашему флагштоку и безусловно заслужим похвалу на слете.

- Есть, сэр! Дрог торопливо сложил вещи, наполнил флягу жидкостью, упаковал твердую пищу и отправился в путь.

Через несколько минут он левитировал к квадрату Ю-233 - З-482. Перед ним расстилалась дикая романтическая местность - изрезанные скалы и низкорослые деревья, покрытые густыми зарослями долины и заснеженные горные пики. Дрог огляделся с некоторой опаской.

Докладывая командиру, он погрешил против истины.

Дело в том, что он был не особенно искушен ни в лесном и горном ремеслах, ни в выслеживании и охоте. По-правде говоря, он вообще ни в чем не был искушен - разве что любил часами мечтательно витать в облаках на высоте пять тысяч футов. Что если ему не удастся обнаружить мираша? Что если мираш обнаружит его первым?

Нет, этого не может быть, успокоил себя Дрог. На худой конец, всегда успею жестибюлировать. Никто и не узнает.

Через мгновение он уловил слабый запах мираша. А потом в двадцати метрах от себя заметил какое-то движение возле странной скалы, похожей на букву Т.

Неужели все так и сойдет - просто и гладко? Что ж, прекрасно! Дрог принял надлежащие меры маскировки и потихоньку двинулся вперед.

Солнце пекло невыносимо; горная тропа все круче ползла вверх. Пакстон взмок, несмотря на теплозащитный комбинезон. К тому же ему до тошноты надоела роль славного малого.

- Когда, наконец, мы отсюда улетим? - не выдержал он. Герера добродушно похлопал его по плечу:

- Ты что, не хочешь разбогатеть?

- Мы уже богаты, - возразил Пакстон.

- Не так чтобы уж очень, - сказал Герера, и на его продолговатом, смуглом, изборожденном морщинами лице блеснула ослепительная улыбка.

Подошел Стелмэн, пыхтя под тяжестью анализаторов. Он осторожно опустил аппаратуру на тропу и сел рядом.

- Как насчет передышки, джентельмены?

- Отчего же нет? - отозвался Герера. - Времени у нас хоть отбавляй.

Он сел и прислонился спиной к Т-образной скале.

Стелмэн раскурил трубку, а Герера расстегнул "молнию" и извлек из кармана комбинезона сигару. Пакстон некоторое время наблюдал за ними.

- Так когда же мы улетим с этой планеты? - наконец спросил он. - Или мы собираемся поселиться здесь навеки?

Герера лишь усмехнулся и щелкнул зажигалкой, раскуривая сигару.

- Мне ответит кто-нибудь?! - закричал Пакстон.

- Успокойся. Ты в меньшинстве, - произнес Стелмэн. - В этом предприятии мы участвуем как три равноправных партнера.

- Но деньги-то - мои! - заявил Пакстон.

- Разумеется. Потому тебя и взяли. Герера имеет большой практический опыт работы в горах. Я хорошо подкован в теории, к тому же права пилота - только у меня. А ты дал деньги.

- Но корабль уже ломится от добычи! - воскликнул Пакстон. - Все трюмы заполнены до отказа! Самое время отправиться в какое-нибудь цивилизованное местечко и начать тратить.

- У нас с Герерой нет твоих аристократических замашек, - с

преувеличенным терпением объяснил Стелмэн. - Зато у нас с Герерой есть невинное желание набить сокровищами каждый корабельный закуток. Самородки золота - в топливные баки, изумруды - в жестянки из-под муки, а на палубу - алмазов по колено. Здесь для этого самое место. Вокруг бешеное богатство, которое так и просится, чтобы подобрали. Мы хотим быть бездонно, до отвращения богатыми, Пакстон.

Пакстон не слушал. Он напряженно уставился на что-то у края тропы.

- Это дерево только что шевельнулось, - низким голосом проговорил он.

Герера разразился смехом.

- Чудовище, надо полагать, - презрительно бросил он.

- Спокойно, - мрачно произнес Стелмэн. - Мой мальчик, я не молод, толст и легко подвержен страху. Неужели ты думаешь, что я оставался бы здесь, существуй хоть малейшая опасность?

- Вот! Снова шевельнулось!

- Три месяца назад мы тщательно обследовали всю планету, - непомнил Стелмэн, - и не обнаружили ни разумных существ, ни опасных животных, ни ядовитых растений. Верно? Все, что мы нашли, - это леса и горы,и золото. и озера, и изумруды, и реки, и алмазы. Да будь здесь что-нибудь, разве оно не напало бы на нас давным-давно?

- Говорю вам, я видел, как это дерево шевельнулось! - настаивал Пакстон.

Герера поднялся.

- Это дерево? - спросил он Пакстона.

- Да. Посмотри, оно даже не похоже на остальные. Другой рисунок коры...

Неуловимым отработанным движением Герера выхватил из кобуры бластер "Марк-2" и трижды выстрелил. Дерево и кустарник на десять метров вокруг него вспыхнули ярким пламенем и рассыпались в прах.

- Вот уже никого и нет, - Подытожил Герера.

- Я слышал, как оно вскрикнуло, когда ты стрелял.

- Ага. Но теперь-то оно мертво, - успокаивающе произнес Герера. - Как заметишь, что кто-то шевелится, сразу скажи мне, и я пальну. А теперь давайте соберем еще немного изумрудиков, а?

Пакстон и Стелмэн подняли свои ранцы и пошли вслед за Герерой по тропе.

- Непосредственный малый, правда? - с улыбкой промолвил Стелмэн.

Дрог медленно приходил в себя. Огненное оружие мираша застало его врасплох, когда он принял облик дерева и был совершенно незащищен. Он до сих пор не мог понять, как это случилось. Не было ни запаха страха, ни предварительного фырканья, ни рычания, вообще никакого предупреждения! Мираш напал совершенно неожиданно, со слепой, безрассудной яростью, не разбираясь, друг перед ним или враг.

Только сейчас Дрог начал постигать натуру противостоящего ему зверя.

Он дождался, когда стук копыт мирашей затих вдали, а затем, превозмогая боль, попытался выпростать оптический рецептор. Ничего не получилось. На миг его захлестнула волна отчаянной паники. Если повреждена центральная нервная система, это конец.

Он снова сосредоточился. Обломок скалы сполз с его тела, и на этот раз попытка завершилась успехом: он мог воспрять из пепла. Дрог быстро провел внутреннее сканирование и облегченно вздохнул. Он был на волосок он смерти. Только инстинктивная квондикация в момент вспышки спасла ему жизнь.

Дрог задумался было над своими дальнейшими действиями, но обнаружил, что потрясение от этой внезапной, непредсказуемой атаки начисто отшибло память о всех охонтичьих уловках. Более того, он обнаружил, что у него вообще пропало всякое желание встречаться со

столь опасными мирашами снова...

Предположим, он вернется без этой идиотской шкуры... Командиру можно сказать, что все мираши оказались самками и, следовательно, подпадали под охрану закона об охоте. Слово Юного Разведчика ценилось высоко, так что никто не станет повергать его сомнению, а тем более перепроверять.

Но нет, это невозможно! Как он смел даже подумать такое?!

Что э, мрачно усмехнулся Дрог, остается только сложить с себя обязанности разведчика и покончить со всем этим нелепым занятием - лагерные костры, пение, игры, товарищество...

Никогда! - твердо решил Дрог, взяв себя в руки. Он ведет себя так, будто имеет дело с дальновидным противником. П ведь мираши - даже не разумные существа. Ни одно создание, лишенное щупалец, не может иметь развитого интеллекта. Так гласил неоспоримый закон Этлиба.

В битве между разумом и инстинктивной хитростью всегда побеждает разум. Это неизбежно. Надо лишь придумать, каким способом.

Дрог опять взял след мирашей и пошел по запаху. Какое бы старинное оружие ему использовать? Маленькую атомную бомбу? Вряд ли, Это может погубить шкуру.

Вдруг он рассмеялся. На самом деле все очень просто, стоит лишь хорошенько пошевелить мозгами. Зачем вступать в непосредственный контакт с мирашем, если это так опасно? Настала пора прибегнуть к помощи разума, воспользоваться знанием психологии животных, искусством западни и приманки.

Вместо того чтобы выслеживать мирашей, он отправится к их логову.

И там устроит ловушку.

Они подходили к временному лагерю, разбитому в пещере, уже на закате. Каждая скала, каждый пик бросали резкие, четко очерченные тени. Пятью милями ниже, в долине, лежал из красный отливающий серебром корабль. Ранцы были набиты изумрудами - небольшими, на идеального цвета.

В такие предзакатные часы Пакстон мечтал о маленьком городке в Огайо, сатураторе с газированной водой и девушке со светлыми волосами. Герера улыбался про себя, представляя, как лихо он промотает миллиончик-другой, прежде чем всерьез займется скотоводством. А Стелмэн формулировал основные положения своей докторской диссертации, посвященной внеземным залежам полезных ископаемых.

Все они пребывали в приятном умиротворенном настроении. Пакстон полностью оправился от пережитого потрясения и теперь страстно желал, чтобы кошмарное чудовище все-таки появилось - предпочтительно зеленое - и чтобы оно преследовало очаровательную полураздетую женщину.

- Вот мы и дома, - сказал Стелмэн, когда они подошли к пещере. - Как насчет тушеной говядины?

Сегодня была его очередь готовить.

- С луком! - потребовал Пакстон. Он ступил в пещеру и тут же резко отпрыгнул назад. Что это?

В нескольких футах от входа дымился небольшой ростбиф, рядом красовались четыре крупных бриллианта и бутылка виски.

- Занятно, - сказал Стелмэн. - Что-то мне это не нравится.

Пакстон нагнулся, чтобы подобрать бриллиант. Герера оттащил его.

- Это может быть мина-ловушка.

- Проводов не видно, - возразил Пакстон.

Герера уставился на ростбиф, бриллианты и бутылку виски. Вид у него был самый разнесчастный.

- Этой штуке я не верю ни на грош, - заявил он.

- Может быть, здесь все-таки есть туземцы? - предположил Стелмэн. - Такие, знаете, робкие, застенчивые. А этот дар - знак доброй воли.

- Ага, - саркастически подхватил Герера. - Специально ради нас они сгоняли на Землю за бутылочкой "Старого космодесантного".

- Что же нам делать? - спросил Пакстон.

- Не соваться куда не надо, - отрубил Герера. - Ну-ка, осади назад.

Он отломил от ближайшего дерева длинный сук и осторожно потыкал в бриллианты.

- Видишь, ничего страшного, - заметил Пакстон.

Длинный травяной стебель, на котором стоял Герера, туго обвился вокруг его лодыжек. Почва под ним заколыхалась, обрисовался аккуратный диск футов пятнадцати в диаметре и, обрывая корневища дернины, начал подниматься в воздух. Герера попытался спрыгнуть, но трава вцепилась в него тысячами зеленых щупалец.

- Держись! - завопил Пакстон, рванулся вперед и уцепился за край поднимающегося диска.

Диск резко накренился, замер на мгновение и стал опять подниматься. Но Герера уже выхватил нож и яростно кромсал траву вокруг своих ног.Стелмэн вышел из оцепенения, лишь когда увидел ноги Пакстона на уровне своих глаз. Он схватил Пакстона за лодыжки, снова задержав подъем диска. Тем временем Герера вырвал из пут одну ногу и переметнул тело через край диска. Крепкая трава какое-то время еще держала его за вторую ногу, но затем стебли, не выдержав тяжести, оборвались, и Герера головой вперед полетел вниз. Лишь в последний момент он вобрал голову в плечи мим умудрился приземлиться на лопатки. Пакстон отпустил край диска и рухнул на Стелмэна.

Травяной диск, унося ростбиф, виски и бриллианты, продолжал подниматься, пока не исчез из виду.

Солнце село. Не произнося ни слова, трое мужчин вошли в пещеру с бластерами наизготове.

- Ночью по очереди будем нести вахту, - отчеканил Герера.

Пакстон и Стелмэн согласно кивнули.

- Пожалуй, ты прав, Пакстон, - сказал Герера. - Что-то мы здесь засиделись.

- Чересчур засиделись, - уточнил Пакстон. Герера пожал плечами.

- Как только рассветет, возвращаемся на корабль и стартуем.

- Если только сможем добраться до корабля, - не удержался Стелмэн.

Дрог был совершенно обескуражен. С замиранием сердца следил он, как раньше срока сработала ловушка, как боролся мираш за свободу и как он наконец обрел ее. А какой это был великолепный мираш! Самый крупный из трех!

Теперь он знал, в чем допустил ошибку. Он излишнего рвения он переборщил с наживкой. Одних минералов было бы вполне достаточно, ибо, как всем известно, мираши обладают повышенным тропизмом к минералам. Так нет же! Ему понадобилось улучшить методику пионеров, ему, видите ли, захотелось присовокупить еще и пищевое стимулирование. Неудивительно, что мираши ответили удвоенной подозрительностью, ведь их органы чувств подверглись колоссальной перегрузке.

Теперь они были взбешены, насторожены и предельно опасны.

А разъяренный мираш - это одно из самых ужасающих зрелищ в Галактике.

Когда две луны Элбоная поднялись в западной части небосклона, Дрог почувствовал себя страшно одиноким. Он мог видеть костер, который мираши развели перед входом в пещеру, а телепатическим зрением разбирал самих мирашей, скорчившихся внутри, - органы чувств на пределе, оружие наготове.

Неужели ради одной-единственной шкуры мираша стоило так рисковать?

Дрог предпочел бы парить на высоте пяти тысяч футов, лепить из облаков фигуры и мечтать. Как хорошо впитывать солнечную радиацию,

а не поглощать эту дрянную твердую пищу, завещанную предками. Какой прок от этих охот и выслеживаний? Явно никакого! Бесполезные навыки, с которыми его народ уже давным-давно расстался.

Был момент, когда Дрог уже почти убедил себя. Но тут же, в озарении, с которым приходит истинное постижение природы вещей, он понял, в чем дело.

Действительно, элбонайцам давно уже стали тесны рамки конкурентной борьбы, эволюция вывела их из-под угрозы кровавой бойни за место под солнцем. Но Вселенная велика, она таит в себе множество неожиданностей. Кому дано предвидеть будущее? Кто знает, с какими еще опасностями придется столкнуться расе элбонайцев? И смогут ли они противостоять угрозе, если утратят охотничий инстинкт?

Нет, заветы предков незыблемы и верны, они не дают забыть, что миролюбивый разум слишком хрупок для этой неприветливой Вселенной.

Остается добыть шкуру мираша, либо погибнуть с честью.

Самое важное сейчас - выманить их из пещеры. Наконец-то к Дрогу вернулись охотничьи навыки.

Быстро и умело он сотворил манок для мираша.

- Вы слышали? - спросил Пакстон.

- Вроде бы какие-то звуки, - сказал Стелмэн, и все прислушались.

Звук повторился. "О-о, на помощь! Помогите!" - кричал голос.

- Это девушка! - Пакстон вскочил на ноги.

- Это похоже на голос девушки, - поправил Стелмэн.

- Умоляю, помогите! - взывал девичий голос. - Я долго не продержусь. Есть здесь кто-нибудь? Помогите!

Кровь хлынула к лицу Пакстона. Воображение тут же нарисовало трогательную картину: маленькое хрупкое существо жмется к потерпевшей крушение спортивной ракете (какое безрассудство - пускаться в подобные путешествия!), со всех сторон на него надвигаются чудовища - зеленые, осклизлые, а за ними появляется Он - главарь чужаков, отвратительный вонючий монстр.

Пакстон подобрал запасной бластер.

- Я выхожу, - хладнокровно заявил он.

- Сядь, кретин! - приказал Герера.

- Но вы же слышали ее, разве нет?

- Никакой девушки тут быть не может, - отрезал Герера. - Что ей делать на такой планете?

- Вот это я и собираюсь выяснить, - заявил Пакстон, размахивая двумя бластерами. - Может, какой-нибудь там лайнер потерпел крушение, а может, она решила поразвлечься и угнала чью-то ракету...

- Сесть! - Заорал Герера.

- Он прав, - Стелмэн попытался урезонить Пакстона. - Даже если девушка и впрямь где-то там объявилась, в чем я сомневаюсь, то мы все равно помочь ей никак не сможем.

- О-о, помогите, помогите, оно сейчас догонит меня! - визжал девичий голос.

- Прочь с дороги, - угрожающим басом заявил Пакстон.

- Ты действительно выходишь? - с недоверием поинтересовался Герера.

- Хочешь мне помешать?

- Да нет, валяй, - Герера махнул в сторону выхода.

- Мы не можем позволить ему уйти! - Стелмэн ловил ртом воздух.

- Почему же? Дело хозяйское, - безмятежно промолвил Герера.

- Не беспокойтесь обо мне, - сказал Пакстон. - Я вернусь через пятнадцать минут - вместе с девушкой!

Он повернулся на каблуках и направился к выходу. Герера подался вперед и рассчитанным движением опустил на голову Пакстона полено, заготовленное для костра. Стелмэн подхватил обмякшее тело.

Они уложили Пакстона в дальнем конце пещеры и продолжили бдение. Бедствующая дама стонала и молила о помощи еще часов пять. Слишком долго даже для многосерийной мелодрамы. Это потом вынужден был признать и Пакстон.

Наступил сумрачный дождливый рассвет. Прислушиваясь к плеску воды, Дрог все еще сидел в своем укрытии метрах в ста от пещеры. Вот мираши вышли плотной группой, держа наготове оружие. Их глаза внимательно обшаривали местность.

Почему провалилась попытка с манком? Учебник Разведчика утверждал, что это вернейшее средство привлечь самца мираша. Может быть, сейчас не брачный сезон?

Стая мирашей двигалась в направлении металлического яйцевидного снаряда, в котором Дрог без труда признал примитивный пространственный экипаж. Сработан он, конечно, грубо, но мираши будут в нем в безопасности.

Разумеется, он мог парадизировать их и покончить с этим делом. Но такой поступок был бы слишком негуманным. Древних элбонайцев отличали прежде всего благородство и милосердие, и каждый Юный Разведчик старался подражать им в этом. К тому же парадизирование не входило в число истинно пионерских методов.

Оставалось безграмоция. Это был старейший трюк, описанный в книге, но чтобы он удался, следовало подобраться к мирашам как можно ближе. Впрочем, Дрогу уже нечего было терять.

И, к счастью, погодные условия были самые благоприятные.

Все началось с туманной дымки, стелющейся над землей. Но по мере того как расплывчатое солнце взбиралось по серому небосклону, туман поднимался и густел.

Обнаружив это, Герера в сердцах выругался.

- Давайте держаться ближе друг к другу! Вот несчастье-то!

Вскоре они уже шли, положив левую руку на плечо впереди идущего. Правая рука сжимала бластер. Туман вокруг был непроницаемым.

- Герера?

- Да.

- Ты уверен, что мы идем в правильном направлении?

- Конечно. Я взял азимут по компасу еще до того, как туман сгустился.

- А если компас вышел из строя?

- Не смей и думать об этом!

Они продолжали двигаться, осторожно нащупывая дорогу между скальными обломками.

- По-моему, я вижу корабль, - сказал Пакстон.

- Нет, еще рано, - возразил Герера.

Стелмэн, споткнувшись о камень, выронил бластер, наощупь подобрал его и стал шарить рукой в поисках плеча Гереры. Наконец он нащупал его и двинулся дальше.

- Кажется, мы почти дошли, - сказал Герера.

- От души надеюсь, - выдохнул Пакстон. - С меня хватит.

- Думаешь, та девочка ждет тебя на корабле?

- Не береди душу!

- Ладно, - смирился Герера. - Эй, Стелмэн, лучше попрежнему держись за мое плечо. Не стоит нам разделятся.

- А я и так держусь, - отозвался Стелмэн.

- Нет, не держишьсяЮ

- Да держусь, тебе говорят!

- Слушай, кажется мне лучше знать, держится кто-нибудь за мое плечо или нет.

- Это твое плечо, Пакстон?

- Нет, - ответил Пакстон.

- Плохо, - сказал Стелмэн очень медленно. - Это совсем плохо.

- Почему?

- Потому что я определенно держусь за чье-то плечо.

- Ложись! - заорал Герера. - Немедленно ложитесь оба! Дайте мне возможность стрелять!

Но было уже поздно. В воздухе разлился кисло-сладкий аромат. Стелмэн и Пакстон вдохнули его и потеряли сознание. Герера слепо рванулся вперед, стараясь задержать дыхание, споткнулся, перелетел через камень, попытался подняться на ноги и...

И все провалилось в черноту.

Туман внезапно растаял. На равнине стоял один лишь Дрог. Он триумфально улыбался. Вытащив разделочный нож с длинным узким лезвием, он склонился над ближайшим мирашем...

Космический корабль несся к Земле с такой скоростью, что подпространственный двигатель того и гляди мог полететь ко всем чертям. Сгорбившийся над пультом управления Герера наконец взял себя в руки и убавил скорость. Его лицо, с которого обычно не сходил красивый ровный загар, все еще сохраняло пепельный оттенок, а пальцы дрожали над пультом.

Из спального отсека вышел Стелмэн и устало плюхнулся в кресло второго пилота.

- Как там Пакстон? - спросил Герера.

- Я накачал его дроном-3, - ответил Стелмэн. - С ним все будет в порядке.

- Хороший малый, - заметил Герера.

- Думаю, это просто шок, - сказал Стелмэн. - Когда придет в себя, я усажу его пересчитывать алмазы. Это, насколько я понимаю, юудет для него лучше всякой другой терапии.

Герера усмехнулся, лицо его стало обретать обычный цвет.

- Теперь, когда все позади, пожалуй, и мне стоит подзаняться алмазной бухгалтерией.

Внезапно его удлиненное лицо посерьезнело.

- Но все-таки, Стелмэн, кто мог нас выручить? Никак этого не пойму!

Слет Разведчиков удался на славу. Патруль 22 - "Парящий сокол" - разыграл короткую пантомиму, символизирующую освобождение Элбоная. Патруль 31 - "Отважные бизоны" облачились в настоящие пионерские одежды.

А во главе патруля 19 - "Атакующий мираш" - двигался Дрог, теперь уже Разведчик первого класса, удостоенный особого знака отличия. Он нес флаг своего патруля (высокая честь для разведчика!), и все, завидя Дрога, громко приветствовали его.

Ведь на древке гордо развевалась прочная, отлично выделанная, ни с чем не сравнимая шкура взрослого мираша - ее молнии, пряжки, циферблаты, пуговицы весело сверкали на солнце.

R.Shekley
"Street of Dreams, Feet of Clay"

Роберт Шекли   Перевод В.И.Баканова
"Город - мечта, да ноги из плоти"

Кармоди никогда всерьез не думал уезжать из Нью-Йорка.

И почему он все-таки уехал - непонятно. Прирожденный горожанин, он давно свыкся с неудобствами жизни в крупном центре. В его уютной квартирке на 290-м этаже, оборудованной по последней моде "Звездолет", стояли двойные герметичные рамы и фильтрующие воздухозаборники, которые отключались, когда общий показатель загрязнений атмосферы поднимался до 999,8. Кислородно-азотная рециркуляционная система, безусловно, не блистала новизной, но была надежной. Устройство для очистки воды безнадежно устарело, спору нет, но, в конце концов, кто пьет воду?

Даже с шумом, непрерывным и вездесущим, Кармоди свыкся, так как знал, что спасения нет, ибо древнее искусство звукоизоляции давно утрачено. Таков уж удел горожанина - вечно слушать бульканье в трубах, ссоры и музыку соседей. Однако и эту пытку можно облегчить, самому производя аналогичные звуки.

Конечно, кое-какие опасности подстерегали ежедневно по пути на работу; но, скорее, мнимые, чем реальные. Загнанные в угол снайперы продолжали свои тщетные протесты с крыш, и время от времени им удавалось подстрелить какого-нибудь ротозея-приезжего. Как правило, все же, они безбожно мазали. Повсеместное ношение легких пуленепробиваемых поддевок вырвало, образно выражаясь, у несчастных снайперов жало, а неукоснительное соблюдение запрета на покупку пушек окончательно поставило на них крест.

Таким образом, ни один из этих факторов не мог вызвать неожиданного решения Кармоди покинуть Нью-Йорк, по общему мнению - самый увлекательный город в мире. Взыграли пасторальные фантазии, не иначе. Либо случайный порыв. Либо просто из вредности.

В общем, как-то раз Кармоди развернул "Дейли таймс-ньюс" и заметил рекламу образцового города в Нью-Джерси.

"Приезжайте жить в Бельведер - в город, который о вас позаботится", - приглашала газета. Далее шли утопические обещания, которые нет нужды приводить здесь.

- Черт побери! - сказал Кармоди. - Приеду.

Так он и сделал.

Дорога вышла на опрятную зеленую равнину. Кармоди вылез из машины и огляделся. В полумили впереди он увидел городок; скромный дорожный знак гласил: "Бельведер".

Построен Бельведер был не в традиционно-американской манере - с кольцом бензоколонок, щупальцами бутербродных, каймой мотелей и защитным панцирем свалок, - а скорее, наподобие раскинутых на холмах итальянских городков, что поднимаются сразу, без преамбул.

Кармоди это пришлось по душе. Он двинулся вперед и вскоре вошел в город.

Бельведер казался сердечным и доброжелательным, щедро предлагал свои улицы, откровенно распахивая широкие витрины. Проходя по городу, Кармоди открывал для себя все новые и новые прелести. Например, площадь, похожую на Римскую, только поменьше размером. Посреди площади был фонтан с мраморной скульптурой мальчика и дельфина; из пасти дельфина истекала струйка чистой воды.

- Надеюсь, вам нравится? - раздался голос из-за левого плеча.

- Очень мило, - согласился Кармоди.

- Я сам все сделал и установил, - сообщил голос. - Убежден, что фонтан, несмотря на архаичность замысла, эстетически функционален. А площадь в целом, вместе со скамейками и тенистыми каштанами, точная копия площади в Болонье. Меня не сдерживал страх выглядеть старомодным. Истинный художник использует все необходимые средства, будь они тысячелетней давности или новоявленные.

- Полностью с вами согласен, - сказал Кармоди. - Позвольте представиться. Я - Эдвард Кармоди.

И с улыбкой повернулся.

Но за левым плечам никого не оказалось, как, впрочем и за правым. На площади вообще никого не было.

- Прошу прощения, - произнес голос. - Я не хотел вас удивлять. Я думал, вы знаете.

- Что я знаю? - спросил Кармоди.

- Ну, про меня.

- Выходит, не знаю. Кто вы? Откуда говорите?

- Я голос Города, - сказал голос. - Иными словами, с вами говорит сам Бельведер, истинный и подлинный.

- Неужели? - язвительно поинтересовался Кармоди. И сам себе ответил: - Да, очевидно. Что ж, город так город. Большое дело.

- Он отвернулся от фонтана и прогулочным шагом пошел по площади, словно разговаривал с городами каждый день и сыт этим по горло. Он бродил по улицам и проспектам, заглядывал в витрины, рассматривал здания, а у одной статуи доже остановился, но не надолго.

- Ну как? - спросил чуть погодя голос Бельведера.

- Что как? - тут же отозвался Кармоди.

- Как я вам нравлюсь?

- Нормально, - ответил Кармоди.

- Всего лишь нормально? Это все?

- Послушай, - рассудительно произнес Кармоди, - город есть город. Увидишь один, считай, что видел все.

- Неправда! - обиженно воскликнул Бельведер. - Я разительно отличаюсь от других городов! Я уникален!

- Неужто? - презрительно фыркнул Кармоди. - Мне ты представляешься просто кучей разнородных частей. У тебя итальянская площадь, несколько типично греческих зданий, ряд готических сооружений, нью-йоркский многоквартирный дом в старом стиле, калифорнийская бутербродная и бог весть что еще. Где тут уникальность?

- Уникальна сама комбинация, рождающая исполненное смысла единое целое, - ответил Город. - Составные части, доже из прошлых эпох, вовсе не анахронизмы. каждая символизирует определенный уклад и как таковая вполне уместна в тщательно продуманном образе жизни. Не угодно ли немного кофе и, может быть, бутерброд или свежие фрукты?

- Пожалуй, кофе, - сказал Кармоди.

Он позволил Бельведеру провести себя за угол к кафе, расположенному прямо на улице. Кафе как две капли воды походило на салун времен Веселых девяностых, от механического пианино до канделябров из граненого стекла. Как и все остальное в городе, оно было безукоризненно чистым, но совершенно безлюдным.

- Приятная атмосфера, вы не находите? - спросил Бельведер.

- Сойдет, - бросил Кармоди. - На любителя.

На столик перед Кармоди опустился поднос из нержавеющей стали, на котором стояла чашка пенящегося кофе "капуцин". Кармоди сделал глоток.

- Хороший кофе? - поинтересовался Бельведер.

- Да, весьма.

- Я горжусь своим кофе, - тихо промолвил Город. - И своей стряпней. Не угодно ли чего-нибудь отведать? Омлет, например, или суфле?

- Ничего, - отрезал Кармоди. Он откинулся на спинку кресла и вздохнул. - Значит, ты образцовый город?

- Да, имею честь быть образцовым, - чопорно ответил Бельведер. - Причем самой последней и, убежден, лучшей модели. Меня создала объедененная исследовательская группа из Иеля и Чикагского университета на субсидии Рокфеллеровского фонда. Детальной разработкой занимались, в основном, в Массачусетском технологическом, хотя отдельные проблемы решали в Принстоне и в корпорации "РЭНД".

Строительство вел "Дженерал электрик", а фининсировали Форд, фонд Карнеги и еще некоторые организации, пожелавшие остаться неизвестными.

- Любопытная у тебя история, - с оскорбительной небрежностью промолвил Кармоди. - А там, через дорогу, не готический ли собор?

- Видоизмененый романский, - сообщил Город, - рассчитанный на все вероисповедания. Вместимость триста человек.

- Не сказал бы, что много - для такого-то домищи!

- Строго в соответствии с замыслом. Моей целью было добиться сочетания внушительности с уютом.

- А где, между прочим, жители этого города? - спросил Кармоди.

- Они все ушли, - скорбно произнес Бельведер. - Они покинули меня.

- Почему?

После короткой паузы Город ответил:

- В отношениях между мной и населением произошел досадный сбой. Точнее, даже недоразумение. Пожалуй, следует сказать, целый ряд недоразумений. Подозреваю, и подстрекатели сыграли свою роль.

- Но что именно произошло?

- Не знаю, - признался Город. - Честно, не знаю. Все просто ушли в один прекрасный день. Только представьте!.. Но я уверен - они вернутся.

- Сомнительно, - обронил Кармоди.

- Я убежден, - сказал Бельведер. - И кстати, почему вам не остаться здесь, мистер Кармоди?

- Да я, собственно, не задумывался.

- А вы подумайте. Вообразите - самый современный город в мире целиком в вашем распоряжении!

- Заманчиво, - кивнул Кармоди.

- Так решайтесь, хуже не будет, - уговаривал Бельведер.

- Ну хорошо, я согласен, - сказал Кармоди. Его заинтересовал город Бельведер. И все же он чувствовал тревогу. Хотелось знать - почему ушли отсюда жители?

По настоянию Бельведера Кармоди провел ночь в гостинице "Георг-V", в роскошном номере для новобрачных. Город подал завтрак на веранде и сопровождал трапезу квартетом Гайдна. Утренний воздух был великолепен; если бы Бельведер не предупредил его, Кармоди никогда бы не подумал, что он кондиционированный.

Позавтракав, Кармоди откинулся на спинку кресла и предался созерцанию западного района Бельведера - ласкающей взор мешанины из китайских погод, вьетнамских мостиков, японских каналов, зеленого бирманского холма, калифорнийской автостоянки, норманской башни и прочих красот.

- Отличный открывается вид! - одобрил он.

- Я рад, что вам нравится, - отозвался Город. - Над проблемой стиля бились с первого дня моего зарождения. Некоторые настаивали на согласованности, требовали гармоничных форм, сливающихся в гармоничное целое. Но образцовые города почти все такие - однообразно скучные творения одного человека или одной группы людей. Настоящие города - другие.

- Да ведь ты и сам, в определенном смысле, ненастоящий? - спросил Кармоди.

- Разумеется! Но я не пытаюсь это скрыть. Я - не какой-нибудь фальшивый "город будущего" или псевдофлорентийский ублюдок. От меня требуется практичность и функциональность, но в то же время и оригинальность.

- Ну что ж, Бельведер, на мой взгляд, ты неплох, - заявил Кармоди во внезапном приступе благодушия. - А скажи, все образцовые города разговаривают подобно тебе?

- Конечно, нет. До сих пор ни один город, образцовый или какой-нибудь другой, не произнес ни слова. Но жителям это не нравится

- город кажется слишком большим, слишком властным, слишком отчужденным. Потому меня и снабдили искусственным разумом и голосом для его выражения.

- Понимаю, - проговорил Кармоди.

- Дело в том, что искусственный разум одухотворяет меня, а это очень важно в наш век обезличивания. Разум позволяет мне быть чутким, творчески отвечать на запросы жителей. Мы можем договориться - горожане и я. Путем постоянного и осмысленного диалога мы можем выработать динамичную, гибкую, воистину жизнеспособную городскую среду. И можем улучшать друг друга, не утрачивая в значительной мере своей индивидуальности.

- Чудесно, - сказал Кармоди. - Беда только, что тебе не с кем вести диалог.

- Это единственный изъян, - признался Город. - Но сейчас у меня есть вы.

- Верно, - согласился Кармоди, недоумевая, почему слова Города прозвучали для него не очень приятно.

- А у вас, естественно, есть я, - продолжил Бельведер. - отношениям всегда следует быть взаимными. Теперь, дорогой Кармоди, позвольте показать вам некоторые мои достопримечательности. А потом займемся вашим поселением и упорядочением.

- Моим... чем?

- Я неудачно выразился, - извинился Город. - Есть такой научный термин. Но вы понимаете, безусловно, что взаимные отношения накладывают обязательства на обе заинтересованные стороны. Иначе и быть не может, так, ведь?

- Если только стороны не занимают позицию невмешательства, - заметил Кармоди.

- Нам это ни к чему, - сказал Бельведер. - Невмешательство подразумевает отмирание чувств и неминуемо приводит к отчуждению. А теперь, пожалуйста, пройдите сюда...

Кармоди последовал приглашению и увидел все великолепие Бельведера. Он посетил электростанцию, очистные сооружения и предприятия легкой промышленности, осмотрел детский парк, музей и картинную галерею, концертный зал и театр, боулинг, биллиардную, картинговые треки и кинотеатр. Он устал и не прочь был отдохнуть. Но Город во что бы то ни стало хотел показать себя, и Кармоди пришлось любоваться пятиэтажным зданием "Америкэн экспресс", поругальской синагогой, статуей Ричарда Бакминстера Фоулера, автобусной станцией "Грейдхаунд" и иными достопримечательностями.

Наконец, турне завершилось. Кармоди пришел к выводу, что красота заключена в глазах зрителя, ну, и малая ее часть - в ногах.

- Самое время немного перекусить, а? - заметил Город.

- Чудесно, - сказал Кармоди.

Его провели в модный французскский ресторан, где он начал с potage au petit pois и закончил petits fours.

- А теперь маленький ломтик сыра бри? - предложил Город.

- Нет, спасибо, - отказался Кармоди. - Я сыт. Честно говоря, я прямо лопаюсь.

- Но сыр не отягощает желудок. Может, кусочек отменного камамбера?

- Уже просто не полезет.

- Рекомендую фрукты - очень освежает небо.

- Если здесь и надо что-то освежать, то только не мое небо.

- Ну, по крайней мере яблоко, грушу, кисть винограда?

- Спасибо, нет.

- Пару вишенок?

- Нет! Нет!

- Обед без фруктов нельзя считать полноценным.

- А я считаю, - заявил Кармоди.
- Многие важные витамины содержаться только во фруктах.
- Значит, перебьюсь без них.
- Ну, хоть половинку апельсина? Я сам почищу... Цитрусовые совсем не калорийны.
- Я не могу больше есть.
- Не съедите даже дольки? Если я выберу косточки?
- Определенно, нет.
- Вы бы сняли груз с моей души, - проникновенно сказал Город. - В меня заложена тяга к завершенности, а что за обед без фруктов?
- Нет! И еще раз нет!
- Хорошо-хорошо, только не волнуйтесь, - успокоил Город. - Не нравится, что я подаю, не надо.
- Отчего же, нравится.
- А если вам так нравится, почему не поесть фруктов?
- Довольно, - произнес Кармоди. - Дай мне винограда.
- Я ничего не хочу вам навязывать.
- Ты ничего и не навязываешь. Дай, пожалуйста.
- Вы твердо решили?
- Дай винограда! - заорал Кармоди.
- Ладно, берите, - сказал Город. И подал великолепную гроздь муската. Кармоди съел все. Виноград был отличный.

- Прошу прощения, - произнес Бельведер. - Что вы делаете? Кармоди выпрямился и открыл глаза.
- Вздремнул немого... Что-то не так?
- Что может быть "не так" при столь здоровом естественном занятии?
- Благодарю, - сказал Кармоди и вновь закрыл глаза.
- Но зачем же дремать в кресле?
- Потому что я - в кресле и уже наполовину сплю.
- Заработаете растяжение мышц спины, - предупредил Город.
- Плевать, - бурнул Кармоди, не открывая глаз.
- Почему бы не лечь спать со всеми удобствами, на диване?
- Мне вполне удобно здесь, в кресле.
- Так только кажется. Человек анатомически не приспособлен спать в сидячем состоянии.
- А я вот приспособлен!
- Нет. Попробуйте уснуть на диване.
- Мне по душе кресло.
- Но диван лучше. Пожалуйста, попробуйте, Кармоди. Кармоди!
- А?.. Что?.. - вскинулся Кармоди, проснувшись.
- Я совершенно уверен, что вам следует отдыхать на диване.
- Ну хорошо! - Кармоди с видимым усилием заставил себя подняться. - Где этот диван?
Город вывел его из ресторана, направил вниз по улице, заставил повернуть и войти в здание с табличкой "Дремотная". В помещении стояло с дюжину диванов. Кармоди направился к ближайшему.
- Не советую, - сказал Город. - Он продавлен.
- Ерунда, - отмахнулся Кармоди. - Как-нибудь устроюсь.
- Неудобная поза вредит осанке.
- Боже милостивый! - воскликнул Кармоди, вставая и с дивана. - Какой ты мне порекомендуешь?
- Вот тот, сзади, - сказал Город. - Он здесь самый большой и упругий. Мягкость матраса установлена научным путем. Подушки...
- Ладно, хорошо, отлично, - сказал Кармоди и лег на указанный диван.
- Может быть, включить музыку?
- Не стоит беспокоиться.
- Как угодно. Тогда я потушу свет.

- Прекрасно.
- Одеяло не желаете? Я, разумеется, регулирую температуру, но у засыпающих часто создается субъективное ощущение прохлады.
- Неважно! Оставь меня в покое!
- Хорошо, - сказал Город. - Я ведь, собственно, не для себя стараюсь. Лично я никогда не сплю.
- Да, извини, - произнес Кармоди.
- Ничего, не утруждайте себя извинениями...
Наступила тишина. Потом Кармоди сел.
- Что случилось? - спросил Город.
- Не могу заснуть, - пожаловался Кармоди.
- Попробуйте закрыть глазща и сознательно расслабить каждую мышцу тела, начиная от большого пальца и...
- Не могу заснуть! - заорал Кармоди.
- Вы, наверное, с самого начала не очень-то хотели спать, - предположил Город. - По крайней мере закройте глаза и постарайтесь немного отдохнуть.
- Нет! - заявил Кармоди. - Сна ни в одном глазу. А в отыхе я не нуждаюсь.
- Упрямец! - сказал Город. - Поступайте, как хотите. Я сделал все что мог.
- Да-а-а! - протянул Кармоди, встал и вышел из "Дремотной".

Кармоди стоял на маленьком горбатом мостике и смотрел на голубую лагуну.
- Это точная копия моста Риалто в Венеции, - сообщил Город. - Уменьшенная, разумеется.
- Знаю, - отозвался Кармоди, - я причитал табличку.
- Очаровательно, правда?
- Недурно, - сказал Кармоди, закуривая сигарету.
- Вы много курите, - заметил Город.
- Угу. Что-то тянет.
Как ваш медицинский советник должен предупредить, что связь между курением и раком легких убедительно доказана.
- Знаю.
Если бы вы перешли на трубку, вероятность заболевания была бы меньше.
- Я не люблю трубку.
- В таком случае, сигару?
- И сигары не люблю.
Кармоди закурил другую сигарету.
- Это ваша третья сигарета за за пять минут, - заметил Город.
- Черт побери, я буду курить столько, сколько захочу! - закричал Кармоди.
- Конечно-конечно! - заверил Город. - Я пытался образумить вас ради вашего же здоровья. Неужели вы хотите, что бы я молча смотрел, как вы себя губите?
- Да, хочу, - сказал Кармоди.
- Не могу поверить, что вы говорите серьезно. Здесь вступает в силу этический императив. Человек в принципе может действовать против своих интересов; в машине такая порочность недопустима.
- Отстань от меня, - угрюмо бросил Кармоди. - Прекрати мною понукать.
- Понукать? Мой дорогой Кармоди, разве я к чему-то вас принуждал? Разве я не ограничивался советами?
- Ну, пожалуй. Но слишком много болтаешь.
- Очевидно, этого все же недостаточно, - сказал Город. - Судя по тому, что я получаю в ответ.
- Ты слишком много болтаешь, - повторил и закурил сигарету.
- Четвертая сигарета за пять минут.
Кармоди открыл рот, чтобы выкрикнуть оскорбление. Затем

передумал и пошел прочь.

- А что это? - спросил Кармоди.
- Автомат для продажи конфет, - сообщил ему Город.
- Совершенно непохоже.
- Однако это так. Я взял модифицированный проект Сааринена для силосной башни, миниатюризировал его, само собой, и...
- Все равно не похоже. Как им пользоваться?
- Очень просто. Нажмите на красную кнопку. Теперь подождите. Опустите вниз один из рычагов в ряду "А". И нажмите на зеленую кнопку. Пожалуйста!
В руку Кармоди скользнула большая конфета.
- Хм, - сказал Кармоди. Он развернул конфету и надкусил ее... - Это настоящая конфета или копия?
- Настоящая. Столько дел, что самому заняться недосуг, пришлось обратиться к субподрядчику.
- Хм, - сказал Кармоди и выронил обертку.
- Вот с таким пренебрежительным отношением я всегда и сталкиваюсь.
- Подумаешь, бумажка! - кармоди повернулся и посмотрел на обертку, лежащую на безукоризненно чистом тротуаре.
- конечно, бумажка, - сказал Город. - Но умножьте ее на сто тысяч жителей, и что получится?
- Сто тысяч бумажек, - тут же отозвался Кармоди.
- Ничего смешного не нахожу, - отрезал Город. - Вы бы не захотели жить среди этих бумажек, можете не сомневаться. Первым бы прибежали жаловаться, что улицы завалены мусором. Ну, а где ваш вклад в борьбу за чистоту? Хотя бы за собой вы убираете? Конечно, нет! Это вы предоставляете мне - а я и так должен выполнять все функции Города, дне и ночью, без выходных.
Кармоди нагнулся, чтобы подобрать обертку. Но едва протянул к ней руку, как из ближайшей водосточно1й решетки выскочила металлическая клешня, схватила бумажку и исчезла.
- Ладно, - сказал Город. - Я привык убирать за другими. Мне все время приходится это делать...
- Гм, - пробормотал Кармоди.
- ...не ожидая благодарности.
- Я благодарен, благодарен! - заверил Кармоди.
- Вовсе и нет.
- Ну хорошо, может быть и нет. Что мне прикажешь говорить?
- Лично мне ничего не надо, - сказал Город. - Будем считать инцидент исчерпанным.

- Достаточно? - спросил Город после ужина.
- О, вполне, - ответил Кармоди.
- Не очень-то много вы съели.
- Я поел, сколько хотел. Все было очень вкусно.
- Ну, а раз так, то почему бы не съесть еще?
- Больше некуда.
- Если бы вы не испортили аппетит конфетой...
- Черт побери, конфета не испортила мне аппетит! Я просто...
- Вы опять закуриваете, - заметил Город.
- Ага, - подтвердил Кармоди.
- А нельзя ли потерпеть еще немного?
- Послушай, - резко начал Кармоди, - какого черта ты...
- Нам надо серьезно потолковать, - поспешно вставил Город. - Вы не задумывались, на что будете жить?
- Пока у меня не было времени задуматься над этим.
- Ну, а я уже подумал. Хорошо, если бы вы стали врачом.
- Врачом? Но сперва нужно закончить курс колледжа. потом медицинскую школу, потом...

- Я все могу устроить.
- Не привлекает.
- Так... Право?
- Ни за что!
- Инженер? Прекрасная профессия!
- Не для меня.
- Кем же вы хотите быть?
- Летчиком! - запальчиво воскликнул Кармоди.
- О, бросьте...
- Я серьезно!
- У меня доже аэродрома нет.
- Тогда я стану летчиком где-нибудь в другом месте.
- Вы говорите так нарочно, назло мне!
- Вовсе нет, - сказал Кармоди. - Я хочу быть летчиком, честно хочу. Я всегда хотел быть летчиком. Это моя мечта.

Наступила тишина. После долгого молчания Город произнес:
- Дело ваше.

Голос прозвучал холодно, как сама смерть.

- Куда это вы идете?
- Гулять, - ответил Кармоди.
- В полдесятого вечера?
- Ну. А что?
- Мне-то казалось, вы устали.
- Я успел отдохнуть.
- Понятно. Мне-то казалось, что вы посидите, и мы хорошенько потолкуем.
- А может, потолкуем, когда я вернусь?
- Ладно, не имеет значения, - горько произнес Город.
- Ладно, к черту прогулку, - горько произнес кармоди и сел.
- Я уже не хочу, - сказал Город. - Идите, гуляйте на здоровье.

- Спокойной ночи, - произнес Кармоди.
- Прошу прощения?
- Я сказал "спокойной ночи".
- Вы собираетесь спать?
- Разумеется.
- Спать? Прямо сейчас?
- А почему бы и нет?
- Да так... - промолвил Город. - Вы забыли умыться.
- А-а... действительно. Ничего, утром умоюсь.
- Вы давно не принимали ванну?
- Да, очень давно. Утром приму.
- Разве у вас не улучшится самочувствие, если вы примете ванну сейчас?
- Нет.
- Даже если я сам наберу воды?
- Нет, черт побери! Нет! Я хочу спать!
- Поступайте как знаете, - сказал Город. - Не умывайтесь, не учитесь, неправильно питайтесь. Но тогда не пеняйте на меня.
- Пенять? За что?
- За все, что угодно, - ответил Город.
- Ну, а именно? Что ты имеешь в виду?
- Неважно.
- Зачем же ты вообще об этом заговорил?
- Исключительно ради вас.
- Понимаю.
- Мне-то все равно, моетесь вы или нет.
- Ясно.
- когда относишься к делу неравнодушно, - продолжал Город, - со всей ответственностью, очень неприятно выслушивать брань в свой адрес.

- Этого небыло.
- Сейчас не было. А раньше днем было.
- Ну... погорячился.
- Все из-за курения.
- Ты опять за свое!
- Ладно, не буду, - сказал Город. - Дымите, как труба. Мне-то что?
- Вот-вот! - Кармоди закурил.
- Но я оказался несостоятельным, - посетовал Город..
- Нет-нет, - заверил Кармоди. - Не надо так говорить. Пожалуйста.
- Забудем об этом, - произнес Город.
- Хорошо.
- Иногда я чересчур рьяно берусь за дело.
- Да уж.
- Все это очень тяжело - и особенно потму, что я прав. Я прав, вы же знаете.
- Знаю, - сказал Кармоди. - Ты прав, ты прав, ты всегда прав. Прав-прав-прав-прав...
- Не надо перевозбуждаться, - остановил Город. - Хотите выпить стакан молока?
- Нет.
- Точно не хотите?

Кармоди закрыл лицо руками. Ему было не посебе. Он чувствовалсебя крайне виноватым, слабым, грязным, нездоровым и неряшливым. Он чувствовал себя глубоко испорченным человеком, и, более того, навеки обреченным на такое состояние, если только он не изменится, приспособится, исправится...

Но Кармоди и не пытался сделать что-нибудь подобное. Он поднялся на ноги, расправил плечи и решительно зашагал прочь от римской площади и венецианского мостика.

- Куда вы? - спросил Город. - Что случилось?

Поджав губы, Кармоди молча шествовал мимо детского парка и здания "Америкэн экспресс".

- Что я сделал плохого? - воскликнул Город. - Что? Скажите мне просто, что?!

Храня молчание, Кармоди миновал французский ресторанчик и португальскую синагогу и вышел, наконец, на опрятную зеленую равнину, что окружала Бельведер.

- Неблагодарный! - закричалему вслед Город. - Ты такой же, как все остальные! Вы, люди, вообще склочные создания, никогда не бываете довольны.

Кармоди сел в машину и завел двигатель.

- С другой стороны, - задумчиво произнес Бельведер, - вы никогда не выказываете и своего недовольства... Мораль, полагаю, в том, что Городу необходимо запастись терпением.

Кармоди выехаал на шоссе и взял путь на Нью-Йорк.

- Счастливой поездки! - закричал на прощанье Бельведер. - Не волнуйтесь обо мне, я буду вас ждать!

Кармоди с силой надавил на педаль газа. Он предпочел бы не слышать последней фразы.

Роберт Шекли

Жертва космоса

Хэдвелл пристально смотрел на планету. Радостная дрожь пробежала по его телу. Это был прекрасный мир зеленых полей, красных гор и беспокойных серо-голубых полей. Приборы быстро собрали необходимую информацию и доложили, что планета пригодна для жизни человека.

Хэдвелл вывел корабль на орбиту и открыл свою записную книжку.

Он был писателем, автором книг "Белые тени астероида Белта", "Сага глубокого космоса", "Записки межпланетного бродяги" и "Терира - планета загадок!"

Он записал в свой блокнот: "Новая планета, манящая и загадочная, находится прямо передо мной. Она бросает вызов моему воображению. Что я найду там? Я, звездный скиталец. Какие странные загадки ждут меня под зеленым покровом? Есть ли там опасности? Найдется ли там тихое место для утомленного читателя?"

Ричард Хэдвелл был худым, бледным, рыжеволосым молодым человеком высокого роста. От отца он получил в наследство порядочное состояние и приобрел Космическую Шхуну класса Дубль-Си. На этом стареньком лайнере он путешествовал последние шесть лет и писал восторженные книги о тех местах, где побывал. Но его восторг, в основном, был притворный. Эти планеты были не очень привлекательны.

Хэдвелл заметил, что все туземцы - неимоверно глупые, уродливые грязные дикари, их пища - невыносима, а о каких-либо манерах не могло быть и речи. Но, несмотря на это, Хэдвелл писал романтические произведения и надеялся их когда-нибудь напечатать.

Планета была небольшая и красивая. Крупных городов на ней не было. Обычно на таких планетах Ричард жил в маленьких деревеньках с домами, крытыми соломой.

"Может быть, я найду их здесь", - сказал Хэдвелл сам себе, когда корабль начал спускаться.

Рано утром Катага и его дочь, Мел, перешли через мост и отправились к Песчаной Горе, чтобы собрать с деревьев цветы. Нигде на Игати не было таких больших цветов, как на Песчаной Горе. И это неудивительно, ведь гора была символом Тэнгукэри, улыбающегося бога.

Позже, днем, они встретили Брога, довольно скучного, погруженного внутрь себя юношу.

Мел чувствовала, будто что-то очень важное должно произойти. Она работала, как во сне, медленно и мечтательно двигаясь. Ее волосы развевались на ветру. Все предметы казались ей наполненными тайным смыслом. Она внимательно посмотрела на деревню, маленькую группу хижин вдоль реки, и с восхищением обратила свой взор вперед, на Башню, где происходили все игатианские свадьбы, и дальше - туда, где раскинулось море.

Высокая и стройная, она была самой красивой девушкой на Игати; даже старый священник был с этим согласен. Она желала быть в центре драматических событий. Однако дни в деревне проходили за днями, а она жила, собирая цветки под жаркими лучами двух солнц. И это казалось несправедливым.

Ее отец работал энергично. Он знал, что скоро эти цветки будут бродить в бочках. Лэд, священник, произнесет душеспасительную речь, и когда все эти формальности будут позади, вся деревня, включая собак, сбежится на попойку.

Эти мысли подгоняли его работу. Кроме того, Катага разрабатывал хитроумный план, чтобы не потерять свой престиж.

Брог выпрямился, вытер лицо концом своего пояса и поглядел

на небо, желая найти там признаки дождя.
- Ой! - воскликнул он.
Катага и Мел взглянули вверх.
- Там! - завопил Брог. - Там, там!
Высоко над ними медленно опускалось серебристое пятнышко, окруженное красными и зелеными струями огня. Оно увеличивалось в размерах и скоро превратилось в большой шар.
- Пророчество! - благоговейно прошептал Катага. - Сейчас, после стольких веков ожидания!
- Побежали, расскажем в деревне! - закричала Мел.
- Подожди, - сказал Брог и ударил ногой о землю. - Я увидел это первым, поняла?
- Конечно, ты первый, - нетерпеливо воскликнула Мел.
- И так как я увидел это первым, - закончил Брог, - я сам принесу эту новость в деревню.
Брог хотел того, о чем мечтали все люди на Игати. Но называть желаемое своим именем считалось непристойным. Несмотря на это, Мел и ее отец его поняли.
- Что ты думаешь по этому поводу? - спросил Катага у Мел.
- Я думаю, что он заслуживает этого, - ответила та.
Брог потер руки.
- Может быть, ты хочешь, Мел? Может, ты это сделаешь сама?
- Нет, - сказала Мел. - Об этих вещах надо рассказать священнику.
- Пожалуйста! - воскликнул Брог. - Лэд может сказать, что я еще не достоин. Пожалуйста, Катага! Сделай это сам!
Катага понял, что его дочь будет стоять на своем, и вздохнул.
- Извини, Брог. Если бы это было только между нами... Но Мел очень щепетильна в этих вопросах. Пусть решает священник.
Брог кивнул в полном отчаянии. Сфера снижалась, она садилась недалеко от деревни. Три игатианина подхватили свои мешки и пошли домой.
Они дошли до моста, который пролегал над беснующейся речкой. Сначала переправился Брог, потом Мел. Катага достал нож, который был заткнут у него за пояс.
Когда он достал нож, Мел и Брог не заметили этого. Они были заняты тем, что старались сохранить равновесие на раскачивающемся и уходящем из-под ног сооружении.
Мост был сделан из виноградных лоз, и когда Катага проходил его середину, он схватил рукой основную лозу, на которой держалась вся конструкция. В одно мгновение он нашел место, которое наметил несколько дней назад. Он быстро полоснул по нему ножом. Еще два-три удара - и лоза лопнет под тяжестью человеческого тела. Но на сегодня этого достаточно. Довольный собой, Катага спрятал нож и поспешил за Мел и Брогом.

Когда по деревне прошел слух о пришельце, вся она преобразилась. Мужчины и женщины не могли говорить ни о чем кроме этого события, импровизированные танцы начались перед Гробницей Инструментов.
Но когда старый священник, хромая, вышел из Храма Тэнгукэри, они прекратились.
Лэд, священник, был долговязым, истощенным, старым человеком. После многих лет службы его лицо стало похоже на улыбку бога, которому он служил. На его лысой голове красовалась лента с перьями, а в руке он держал тяжелую булаву.
Люди столпились перед ним. Брог стоял около священника, потирая руки.
- Мой народ, - начал Лэд. - Сбылось старое игатианское

пророчество. Огромная блестящая сфера спустилась с небес, как и было предсказано. Внутри сферы должно быть существо, похожее на нас, и оно будет посланцем Тэнгукэри.

Люди одобрительно закивали головами. Лица всех выражали восхищение.

- Посланец свершит великие дела. Он свершит такие поступки, о которых мы доныне и не подозревали. И когда он закончит работу и решит отдохнуть, он получит заслуженную награду. - Голос Лэда перешел в шепот. - Награда будет тем, о чем мечтают и молятся все люди на Игати. Это будет последний подарок, который Тэнгукэри отдаст тому, кто принесет успокоение ему и всей деревне.

Священник обернулся к Брогу.

- Ты, Брог, - сказал он, - первый, кто заметил пришествие Посланца. Ты принес радостную весть в деревню. - Лэд развел руки в объятия. - Друзья! Брог достоин награды!

Большинство с ним согласилось. Только Васси, богатый купец, нахмурился.

- Это несправедливо, - сказал он. - Мы трудились для этого всю жизнь и делали богатые подарки храму. Брог недостаточно усердно трудился для того, чтобы получить награду. Кроме того, он родился в бедной семье.

- Это точно, - согласился священник, а Брог тяжело вздохнул. - Но подарки Тэнгукэри предназначены не только для богатых. Их может получить беднейший гражданин Игати. Если Брог не будет награжден, то могут ли надеяться на награду остальные?

Люди согласно зашумели, и глаза Брога наполнились благодарностью.

- Стань на колени, Брог, - сказал священник. Его лицо излучало доброту и любовь.

Брог стал на колени. Жители деревни затаили дыхание.

Лэд поднял свою тяжелую дубину и изо всех сил ударил Брога по голове. Брог упал, скрючился и испустил дух. На его лице застыло приятное выражение блаженства.

- Как это прекрасно! - завистливо прошептал Катага.

Мел дотронулась до его руки.

- Не беспокойся, папа. Когда-нибудь и ты получишь свою награду.

- Надеюсь. - Ответил Катага. - Но как я могу надеяться? Вспомни Рия. Этот старик отдал все силы ради насильственной смерти. ЛЮБОЙ насильственной смерти. И что же? Он умер! Так какая же смерть ждет меня?

- Ну, всегда бывают два-три исключения.

- Я могу назвать еще дюжину, - сказал Катага.

- Постарайся не думать об этом, папа, - попросила Мел. - Я знаю, что ты умрешь прекрасно, как Брог.

- Да, да... Но если ты так думаешь, то Брог умер слишком просто, - глаза его засветились, - Я хочу чего-то действительно большого, чего-то болезненного, сложного и прекрасного, как божий посланец.

Мел оглянулась.

- Это выше твоих сил, папа.

- Это правда, - согласился Катага. - О да, однажды... - он улыбнулся сам себе.

Действительно, однажды один интеллигентный и смелый человек взял дело в свои руки и подготовил свою собственную смерть, вместо того, чтобы кротко ждать, пока священник не успокоит уставший мозг. Называйте это ересью, или как-нибудь еще, но что-то, спрятанное глубоко внутри, говорило Катаге, что человек имеет право умереть так приятно и своеобразно, как он хочет.

Мысль о наполовину перерезанной лозе принесла Катаге удовлетворение. Какая радость, что он не умеет плавать!

- Пойдем, - сказала Мел, - пригласим посланца.

Они последовали за остальными к равнине, где приземлилась сфера.

Ричард Хэдвелл откинулся на спинку своего мягкого пилотского кресла и вытер пот со лба. Последние туземцы уже покинули корабль, но Ричард слышал, как они поют и смеются, возвращаясь в деревню, которую уже накрыли вечерние сумерки. Пилотская кабина была полна запахов меда, цветов и вина.

Хэдвелл улыбнулся, что-то вспомнив, и взял записную книжку. Выбрав ручку, он написал:

"Как хорошо на Игати, планете великолепных гор и беснующихся горных рек, огромных пляжей, покрытых черным песком, зеленеющих джунглей и огромных цветочных деревьев в пышных лесах."

"Неплохо", - подумал про себя Хэдвелл. Он поджал губы и продолжил:

Люди здесь принадлежат к миловидной гуманоидной расе с желтовато-коричневым цветом кожи, приятным для созерцания. Они встретили меня цветами и танцами. Они пели много песен, выражая свою радость. Я никогда не слышал ранее такого чудного языка. Скоро я чувствовал себя как дома. Они добрые люди с хорошим чувством юмора, вежливые и смелые. Живут они в согласии с природой. Какой это прекрасный урок для Цивилизованного Человечества.

Сердце так и тянется к ним и к Тэнгукэри, их главному божеству. Есть маленькая надежда, что Цивилизованное Человечество, со своими орудиями убийства и уничтожения, не придет сюда чтобы стереть с лица Игати эту чудесную цивилизацию.

Хэдвелл выбрал самое большое перо и написал:

ЗДЕСЬ ЕСТЬ ДЕВУШКА ПО ИМЕНИ МЕЛ...

Со вздохом отложив перо, он взял прежнее и, зачеркнув написанное, продолжил:

Черноволосая девушка по имени Мел, вне всякого сомнения красавица, подошла ко мне и заглянула в душу своими глубокими глазами."

Он подумал и снова зачеркнул фразу. Нахмурившись, он перебрал в голове несколько вариантов:

... Ее прозрачные коричневые глаза обещали множество приятных минут...

... Ее маленький ротик немного дрожал, когда я...

... Ее маленькая ручка на мгновение легла на мою ладонь...

Он скомкал лист. Пять месяцев безделья сказывались сейчас на его работе. Поэтому он решил вернуться сначала к главной статье, а Мел оставить на потом. Он написал:

Есть множество вариантов, как сочувственный наблюдатель может помочь этим людям. Но так велико искушение НЕ ДЕЛАТЬ НИЧЕГО, потому что велик страх повредить их культуру. Однако их культура достаточно высока и сильна. Постороннее вмешательство не причинит ей ничего, кроме вреда. Это я говорю совершенно точно.

Он захлопнул книжку и спрятал свои ручки.

На следующий день Хэдвелл принялся за дело. Он увидел, что многие игатиане страдают от эпидемий малярии, которую переносили москиты. Благодаря разумному сочетанию лекарств он смог остановить развитие болезни в большинстве случаев. Затем он группа поселян очистила под его руководством водоемы со

стоячей водой, где размножались москиты.

Когда он вернулся к своей лечебной работе, ему стала помогать Мел.

Красивая игатианка быстро освоила навыки медсестры, и Хэдвелл нашел, что ее помощь неоценима.

Вскоре все тяжелые болезни в деревне были вылечены. Поэтому Хэдвелл начал проводить свое время в солнечном леске неподалеку от селения. Там он отдыхал и работал над своей книгой.

Тем временем Лэд собрал селян чтобы решить, как быть дальше с Хэдвеллом.

- Друзья, - сказал старый священник, - наш друг Хэдвелл сделал много хорошего для нас. Он поправил наше здоровье, поэтому он достоин подарка Тэнгукэри. Сейчас Хэдвелл устал и думает, лежа на солнышке, как бы еще помочь нам. Сейчас он ждет награды, за которой пришел.

- Это невозможно, - сказал Васси. - Чтобы посланец получал награду? Я думаю, священник много на себя берет...

- Почему ты такой жадный? - спросил Жул, ученик священника. - Неужели посланец Тэнгукэри не достоин награды - насильственной смерти? Хэдвелл достоин больше кого бы то ни было! Намного больше!

- Ты прав, - неохотно согласился Васси. - В таком случае, я думаю, мы заткнем ему под ноготь ядовитую иглу.

- Может быть, это достаточно для купца, - съязвил Тгара, каменотес, - но не для Хэдвелла. Он достоин смерти вождя! Я думаю, что мы его свяжем и разведем у него под ногами маленький костер.

- Подожди, - сказал Лэд, - посланец заслужил Смерть Знатока. Привяжем его к большому муравейнику, и муравьи перегрызут ему шею.

Раздались возгласы одобрения. Тгара сказал:

- И пока он будет жить, все жители деревни будут бить в старинные священные барабаны.

- И для него будут устроены танцы, - сказал Васси.

- И великолепная попойка, - добавил Катага.

Все согласились, что это будет приятная смерть. Поскольку были обсуждены последние детали, народ начал расходиться. Все хижины, кроме Гробницы Инструментов, стали украшаться цветами. Женщины смеялись и пели, готовясь к смертельному пиру.

Только Мел была несчастна. С опущенной головой она шла через деревню, на холмы к Хэдвеллу.

Хэдвелл разделся до пояса и нежился под лучами двух солнц.

- Привет, Мел, - сказал он. - Я слышал барабаны. Что-нибудь случилось?

- Скоро будет праздник, - ответила Мел, присаживаясь около него.

- Это хорошо. Можно, я поприсутствую? Мел медленно кивнула.

Ее сердце таяло при виде такой уверенности. Посланец бога имел правильное представление о древних традициях, которые гласили, что человек не властен сам распоряжаться своей смертью. Люди в то время были еще не в состоянии пересмотреть их. Но, конечно, посланец Тэнгукэри разбирался в этом лучше.

- Когда праздник начнется?

- Через час, - сказала Мел. Она прилегла рядом с Хэдвеллом. На душе лежала какая-то тяжесть. Она даже не представляла почему. Беспокойный взгляд осматривал чужую одежду, его рыжие волосы.

- Это хорошо, - промолвил Хэдвелл. - Да, это неплохо... Слова замерли на губах.

Из-под приспущенных век он глядел на красивую игатианку и любовался тонкой линией ее плеч, ее длинными темными волосами. В волнении он вырвал пучок травы.

- Мел, - сказал он, - Я...

Он замолчал. Внезапно она кинулась в его объятия.

- О, Мел! - Хэдвелл! - заплакала она и прижалась к нему. В следующее мгновение она снова сидела возле него и беспокойно смотрела в его глаза.

- Что случилось? - удивленно спросил Хэдвелл.

- Хэдвелл, есть ли еще что-нибудь, что ты можешь сделать для нашей деревни? Что-нибудь! Мы высоко ценим твою помощь!

- Конечно, - ответил Хэдвелл. - Но сначала, пожалуй, я немного отдохну.

- Нет! Пожалуйста! - Мел умоляюще посмотрела на него. - Помнишь, ты хотел заняться ирригацией? Ты можешь приступить к ней сразу, сейчас же?

- Ну, если ты очень хочешь, - недоуменно начал Хэдвелл, - хотя...

- О, милый! - она вскочила на ноги. Хэдвелл потянулся за ней, но она отскочила подальше.

- Сейчас нет времени! Я должна спешить обратно и рассказать об этом в деревне!

И она побежала от него, а Хэдвелл остался гадать о странном поведении этих игатиан и, в частности, игатианок.

Мел прибежала обратно в деревню и нашла священника в Храме. Ее рассказ о новых планах божьего посланца был быстр и сбивчив.

Старый священник пожал плечами.

- Тогда церемония должна быть отложена. Но скажи мне, дочь моя, почему тебя это так волнует?

Мел смутилась и не ответила.

Священник улыбнулся. Но затем его лицо снова стало строгим.

- Я понял, но послушай меня, дочь моя. Не противопоставляй свою любовь желаниям Тэнгукэри и старинным обычаям деревни.

- Конечно! - откликнулась Мел. - Просто я думала, что Смерть Знатока не совсем подходит для Хэдвелла. Он заслуживает большего. Он заслуживает Максимум!

- Ни один человек не заслуживал Максимум уже шестьсот лет, - задумчиво ответил священник. - Никто со времен героя и полубога В'Ктата, спасшего Игати от ужасных Хуэлвских Чудовищ.

- Но Хэдвелл достоин его! - закричала Мел, - Дай ему время, не мешай ему! Он докажет это!

- Может быть, - согласился священник. - Это было бы великолепно для нашей деревни... Но представь, Мел! Это может отнять у него всю жизнь!

- Но лучше все-таки дать ему шанс, - попросила Мел.

Старый священник сжал в руке свою дубину и задумался.

- Может быть, ты и права, - сказал он медленно. - Да, пожалуй, ты права. Внезапно он вскочил и уставился на нее. - Но скажи мне правду, Мел. Ты действительно хочешь подарить ему Максимальную Смерть? Или ты просто хочешь сохранить его для себя?

- Он должен получить ту смерть, которую он заслужил, - тихо молвила Мел. Но она не смогла взглянуть в глаза священнику.

- Я удивляюсь, - сказал старик. - Я удивляюсь, что у тебя за сердце. Я думал, оно противится всякой ереси. Ведь ты свято чтила наши обычаи.

Мел хотела ответить, но ей помешал купец Васси, который в это время вбежал в Храм.

- Идемте скорее! - закричал он. - Фермер Иглай! ОН НАРУШИЛ

ТАБУ!!!

Толстый веселый фермер умер страшной смертью. Он совершал свой обычный рейс от дома к центру деревни и проходил под старым колючим деревом. Без всякой на то причины дерево упало прямо на него. Колючки пронзили его насквозь во многих местах. Но он умер с улыбкой на устах.

Священник оглядел толпу, собравшуюся у тела. Несколько человек еле сдерживали улыбки. Лэд обошел вокруг ствола и оглядел его. Там было несколько следов, оставленных пилой. Они охватывали ствол со всех сторон и были прикрыты смолой. Священник обернулся к толпе.

- Подходил ли Иглай к дереву раньше? - спросил он.

- Конечно, - ответил один фермер. - Он обычно завтракал в тени этого дерева.

Теперь все улыбались в открытую, выказывая этим удовольствие при виде успехов Иглая. Отовсюду неслись фразы:

- Я все время удивлялся, почему он завтракает именно тут.

- Он никогда не делил ни с кем стол, ссылаясь на то, что любит одиночество.

- Ха-ха!

- Он, должно быть, все время пилил.

- Целыми месяцами. Но все-таки добился своего.

- Довольно умно с его стороны.

- Он был простым фермером, и никто не назовет его святым, но он умер прекрасной насильственной смертью, которую сам же и подготовил.

- Послушайте меня, люди! - закричал Лэд. - Иглай совершил святотатство! Только священник может даровать смерть!

- Что могут сделать священники, сидя в своих храмах, - проворчал кто-то.

- Нет, это все-таки святотатство, - выкрикнул кто-то из толпы. - Иглай умер хорошей смертью. Это несправедливо.

Старый священник с досадой обернулся. Он ничего не мог поделать. Если бы он вовремя заметил Иглая, он бы принял меры. Иглай бы умер другой смертью. Он бы скончался у себя в постели "от старости". Но сейчас уже поздно было об этом думать. Фермер умер, и сейчас, наверное, уже шел по дороге к Рокечангу. Провожать фермера в последний путь было не обязательно, и Лэд обратился к толпе:

- Видел ли кто-нибудь, как он пилил дерево?

Если кто и видел это, то все-таки не признался. На этом все и закончилось. Жизнь на Игати считалась тяжким бременем для людей.

Через неделю Хэдвелл писал в своем дневнике:

Наверное, нигде нет такого народа, как игатиане. Я живу с ними, ем и пью с ними и смотрю на их обычаи и традиции. Я знаю и понимаю их. Они так удивительны, что об этом стоит поговорить.

ИГАТИАНЦЫ НЕ ЗНАЮТ, ЧТО ТАКОЕ ВОЙНА!!! Представьте это себе, Цивилизованные Люди! Никогда в их летописях и устных преданиях не упоминается о войнах. Они даже не могут представить себе их! И это чистая правда. Я старался описать войну Катаге, отцу прекрасной Мел. Тот развел руками и спросил: "Война - это когда несколько человек убивают других?"

Я ответил, что это только часть войны, и что на войне тысячи людей убивают себе подобных.

- Тогда, - удивился Катага, - в одно и то же время одинаково умирают тысячи людей?

- Правильно, - ответил я.

Он долго думал над этим, а потом повернулся ко мне и

сказал:
- Это нехорошо, когда много людей умирают одинаково в одно и то же время. Это не удовлетворит их. Каждый человек должен умирать своей особенной индивидуальной смертью.
Осознай, Цивилизованное Человечество, эту простодушную реплику. И пойми горькую правду, которая скрывается за этими наивными словами. Правду, которую должны понять все.
Более того, эти люди не ссорятся между собой, не знают кровавых междоусобиц, никогда не совершают преступлений и убийств.
Вот вывод, к которому я пришел: они не знают насильственной смерти, за исключением, конечно, несчастных случаев. К сожалению, они случаются слишком часто, но это не из-за дьявольской натуры человека, а по вине природы. Несчастный случай не остается незамеченным. Он часто предотвращается Лэдом, здешним священником, с которым я подружился.
Это прекрасный человек.
А теперь я перейду к самой удивительной новости.
Хэдвелл улыбнулся, на мгновение задумался, а затем снова вернулся к своим записям. Мел согласилась стать моей женой!
Как только я захочу, начнется свадьба. Уже все готово для этого. Я считаю себя самым счастливым человеком, а Мел - самой красивой девушкой во Вселенной. И самой необычной.
Она очень сознательная, может быть, даже немного больше, чем надо. Она просила меня помогать деревне, и я стараюсь, как могу. Я уже многое сделал. Я переделал их ирригационную систему, собрал несколько урожаев, научил их обрабатывать металл и сделал много-много других полезных дел. Но она требует от меня еще и еще.
Я сказал ей, что я тоже имею право на отдых. Я жажду долгого приятного медового месяца с этой девушкой, а затем год или около того собираюсь отдохнуть, прежде чем продолжать работу. За это время я закончу мою книгу.
Мел не понимает меня. Она старается убедить меня в том, что я ДОЛЖЕН закончить работу. Также она все время говорит о какой-то церемонии с названием "Максимум", если я правильно перевел.
Но мне кажется, что я сделал достаточно, и я не хочу больше работать без перерыва.
Этот "Максимум" должен начаться как только мы поженимся. Я думаю, что это какая-то награда, которую люди хотят дать мне за работу. Я постараюсь обязательно получить ее.
Это, должно быть, очень интересная штука.

В день свадьбы вся деревня под руководством Лэда отправилась к Башне, где игрались все игатианские свадьбы. По случаю праздника мужчины одели головные уборы из перьев, а женщины понавешали на себя ожерелья из ракушек, янтаря и цветных камушков. Четыре здоровых крестьянина в центре процессии тащили на себе странного вида аппараты. Хэдвелл видел только их блеск и решил, что это обязательные принадлежности свадебной церемонии.
Когда они переходили мост, Катага бросил взгляд на подрубленную лозу.
Башней оказался огромный выступ черной скалы, одна сторона которой выдавалась далеко в море. Хэдвелл и Мел стали возле нее, лицом к священнику. Все замерли, когда Лэд поднял руку.
- О, Великий Тэнгукэри! - прокричал священник. - Благослови посланника своего, Хэдвелла, который спустился к нам с неба в сияющей колеснице и сделал для Игати столько, сколько не делал для нее до этого ни один человек. И благослови дочь твою, Мел.

Научи ее почитать память мужа и уважать честь своего рода, о Великий Тэнгукэри!

Во время этой речи священник печально глядел на Мел, а она - на него.

- Нарекаю вас, - сказал Лэд, - мужем и женой.

Хэдвелл подхватил новобрачную в объятия и поцеловал ее. Катага хитро улыбнулся.

- А теперь, - промолвил священник возвышенным тоном, - я хочу сообщить тебе хорошую новость, Хэдвелл. Великую новость.

- О? - сказал Хэдвелл в предвкушении приятного.

- Мы наградим тебя. И наградим по заслугам - по Максимуму.

- Не стоит благодарности, - сказал Хэдвелл.

Лэд подал знак рукой. Из толпы вышли те четверо, неся на спине какой-то предмет, который Хэдвелл видел раньше. Теперь он рассмотрел, что это была похожая на большую кровать платформа, сделанная из древнего черного дерева. Вся поверхность была покрыта какими-то иглами, крючками, острыми шипами терновника и колючими панцирями ракушек. Там же были и другие предметы, назначения которых Хэдвелл не понимал.

- Никогда за шестьсот лет, - сказал священник, - этот станок не доставался из Гробницы Инструментов. Никогда, со времен В'Ктата, героя-бога, спасшего игатиан от уничтожения. Но он будет применен для тебя, Хэдвелл!

- Я не достоин, - промолвил Хэдвелл, начиная подозревать неладное.

Толпа неодобрительно зашумела.

- Поверь мне, - ласково сказал Лэд, - Ты достоин. Ты принимаешь Максимум, Хэдвелл?

Хэдвелл растерянно глянул на Мел. Но он не смог прочитать никакого ответа на ее красивом лице. Он глянул на священника. Его лицо было бесстрастно. Люди вокруг как будто вымерли. Хэдвелл перевел взгляд на станок. Его вид явно не понравился ему. Вдруг в голову пришла страшная догадка.

Этот станок, вероятно, использовался раньше для казни. Все эти иглы и крючки... Но для чего были остальные предметы? С трудом Хэдвелл смог придумать их назначение. Перед ним стояли игатиане, а сзади нависла скала. Хэдвелл снова взглянул на Мел.

Любовь и колебание на ее лице были явны. Глянув на поселян, он заметил, что они доброжелательно настроены. О чем он беспокоился? Они не сделают ему ничего плохого, после того как он сделал столько сделал для деревни.

Станок наверняка носит символическое значение.

- Я принимаю Максимум, - обратился Хэдвелл к священнику.

Жители деревни возликовали. Их радостный рев потряс башню. Они плясали вокруг него, смеялись и пожимали руку.

- Церемония начнется сегодня, - прокричал священник, - в деревне. Перед статуей Тэнгукэри.

Тут же все пошли за священником обратно в деревню. Хэдвелл и его нареченная теперь были в центре.

Вскоре они пересекли мост. Хэдвелл заметил, что какой-то человек идет медленнее других, но не обратил на это внимания. Впереди была деревня и алтарь Тэнгукэри. Священник заспешил к нему.

Вдруг сзади послышался пронзительный вопль. Все повернулись и помчались к мосту.

Катага, отец Мел, отстал от процессии. Когда он достиг середины моста, того места, где подрезал лозу, то срезал ее до конца, а затем принялся за вторую. Мост не выдержал, и Катага упал в реку.

Хэдвелл с ужасом смотрел на это. Он мог поклясться, что

Катага, падая вниз, в пенящиеся буруны, улыбался.
Это была ужасная смерть.
- Он умеет плавать? - спросил Хэдвелл.
- Нет, - ответила девушка. - Он отказался учиться...
Белая пенящаяся вода пугала Хэдвелла больше всего на свете, но отец его жены был в опасности. Надо было действовать. Он нырнул в ледяную воду. Катага еще трепыхался, когда он достиг его. Хэдвелл схватил старика за волосы и потащил, но течение подхватило их и понесло обратно на стремнину. Хэдвелла могло размозжить о первую же скалу, но он греб что было сил.
Жители деревни бежали вдоль берега, стараясь как-то помочь им. Хэдвелл яростно заработал свободной рукой. Подводный камень оцарапал его бок, и силы начали покидать спасателя. К тому же в этот момент игатианин очнулся и начал яростно сопротивляться.
Из последних сил Хэдвелл подгреб к берегу. Игатиане подхватили обоих и вынесли на песок.

Их отнесли в деревню. Когда Хэдвелл немного пришел в себя, он повернулся к Катаге и улыбнулся.
- Как дела? - спросил он.
- Паразит! - сказал Катага. Он злобно взглянул на Хэдвелла и сплюнул.
Хэдвелл почесал затылок.
- Может быть, он не в себе? Давайте отложим ненадолго Максимум!
Вокруг раздались удивленные голоса селян.
- Как? Отложить Максимум?!
- Такой человек!
- Он немного нервничает после того, как вытащил бедного Катагу из воды...
- Помешать смерти собственной жены! - раздались удивленные восклицания.
- Такой человек, как он, - возмущался купец Васси, - вообще недостоин смерти!
Хэдвелл не понял, почему селяне не одобряют его поступок и обратился к священнику.
- Что все это значит? - спросил он.
Лэд, поджав губы и побледнев, посмотрел на него и не ответил.
- Разве я не достоин церемонии Максимума? - спросил Хэдвелл, повысив голос.
- Ты заслуживаешь его, - сказал священник. - если кто-нибудь из нас ее заслужил, так это ты. Но это все теоретически. Есть еще принципы добра и гуманности, которые дороги Тэнгукэри. По этим принципам ты совершил ужасное античеловеческое преступление, вытаскивая Катагу из воды. Я боюсь, что теперь церемония невозможна.
Хэдвелл не знал, что сказать. Оказывается, существовало какое-то табу, которое не позволяло вытаскивать утопающих... Но как он мог знать об этом? Почему это маленькое спасение закрыло им глаза на все его предыдущие добрые дела?
- А что вы можете предложить мне теперь? - спросил он. - Я люблю вас, люди, я хочу жить здесь, с вами. Я могу сделать для вас еще многое.
Глаза священника наполнились состраданием. Он поднял свою дубину и хотел уже бить, но был остановлен криками толпы.
- Я ничего не могу поделать, - сказал он, - Покинь нас, посланец бога. Уходи от нас, Хэдвелл, который недостоин умереть.
- Ладно! - внезапно разгорячился Хэдвелл. - Я покидаю этот

мир грязных дикарей, я не желаю оставаться здесь, раз вы меня гоните. Я ухожу. Мел, ты идешь со мной?

Девушка вздрогнула и посмотрела сначала на Хэдвелла, а потом на священника. Наступила минута тишины. Затем священник проворчал:

- Вспомни своего отца, Мел. Вспомни честь своего народа.

Мел гордо подняла голову и сказала:

- Я знаю, где мое место. Ричард, дорогой, пойдем.

- Правильно, - сказал Хэдвелл.

Он направился к своему кораблю. Мел последовала за ним. Старый священник закричал в отчаянии:

- Мел! - это был душераздирающий вопль, но Мел даже не вздрогнула. Она взошла на корабль, и за ней закрылся шлюз.

Через минуту красное и голубое пламя объяло сферу. Она взлетела, набирая скорость, поднялась вверх и исчезла.

В глазах старого священника стояли слезы. Через час Хэдвелл говорил:

- Дорогая, я возьму тебя на Землю, планету, откуда я прилетел. Я уверен, что тебе там понравится.

- Хорошо! - сказала Мел, глядя в иллюминатор на бесчисленные звезды.

Где-то там, среди них, был ее дом, утраченный теперь ею навсегда. Она любила свой дом, но у нее не было больше шансов на возвращение. Женщина летела с любимым мужчиной.

Мед верила Хэдвеллу. Она дотронулась рукой до кинжала, спрятанного в ее одежде. Этот кинжал мог принести ужасно мучительную, медленную смерть. Это была фамильная реликвия на тот случай, если поблизости не будет священника. Его использовали только для того, кого любили больше всего на свете.

- Я чувствую, что придет мое время, - сказал Хэдвелл. - с твоей помощью я свершу великие дела. Ты будешь гордиться мной.

Мел поняла, что он имел в виду. "Когда-нибудь, - думала она, - Хэдвелл загладит свою вину перед ее отцом." Может быть, это будет через год. И тогда она подарит лучшее, что может подарить женщина мужчине - МУЧИТЕЛЬНУЮ СМЕРТЬ!

Robert Sheckley. The Victim from Space. Перевод

РОБЕРТ ШЕКЛИ

ЗАПОВЕДНАЯ ЗОНА

- Славное местечко, правда, капитан? - с нарочитой небрежностью сказал Симмонс, глядя в иллюминатор.- С виду прямо рай.

И он зевнул.

- Выходить вам еще рано,- ответил капитан Килпеппер и увидел, как вытянулась физиономия разочарованного биолога.

- Но, капитан...

- Нет.

Килпеппер поглядел в иллюминатор на волнистый луг. Трава, усеянная алыми цветами, казалась такой же свежей, как два дня

назад, когда корабль совершил посадку. Правее луга пестрел желтыми и оранжевыми соцветьями коричневый лес. Левее вставали холмы, в их окраске перемежались оттенки голубого и зеленого. С невысокой горы сбегал водопад.

Деревья, цветы и прочее. Что и говорить, недурно выглядит планета, и как раз поэтому Килпеппер ей не доверяет. На своем веку он сменил двух жен и пять новехоньких кораблей и по опыту знал, что за очаровательной внешностью может скрываться всякое. А пятнадцать лет космических полетов прибавили ему морщин на лбу и седины в волосах, но не дали никаких оснований отказаться от этого недоверия.

- Вот отчеты, сэр.

Помощник капитана Мориней подал Килпепперу пачку бумаг. На широком, грубо вылепленном лице Моринея - нетерпение. Килпеппер услыхал, как за дверью шепчутся и переминаются с ноги на ногу. Он знал, там собралась команда, ждет, что он скажет на этот раз.

Всем до смерти хочется выйти наружу.

Килпеппер перелистал отчеты. Все то же, что в предыдущих четырех партиях. Воздух пригоден для дыхания и не содержит опасных микроорганизмов; бактерий никаких, радиация отсутствует. В соседнем лесу есть какие-то животные, но пока они себя никак не проявили. Показания приборов свидетельствуют, что на несколько миль южнее имеется большая масса металла, возможно, в горах скрыто богатое рудное месторождение. Надо обследовать подробнее.

- Все прекрасно,- с огорчением сказал Килпеппер. Отчеты вызывали у него неясную тревогу. По опыту он знал - с каждой планетой что-нибудь да неладно. И лучше выяснить это с самого начала, пока не стряслось беды.

- Можно нам выйти, сэр? - стоя навытяжку, спросил коротышка Мориней.

Килпеппер прямо почувствовал, как команда за дверью затаила дыхание.

- Не знаю.- Килпеппер почесал в затылке, пытаясь найти предлог для нового отказа. Наверняка тут что-нибудь да неладно.- Хорошо,- сказал он наконец.- Пока выставьте полную охрану. Выпустите четверых. Дальше двадцати пяти футов от корабля не отходить.

Хочешь не хочешь, а людей надо выпустить. Иначе после шестнадцати месяцев полета в жаре и в тесноте они просто взбунтуются.

- Слушаюсь, сэр! - и помощник капитана выскочил за дверь.

- Полагаю, это значит, что и ученым можно выйти,- сказал Симмонс, сжимая руки в карманах.

- Конечно,- устало ответил Килпеппер.- Я иду с вами.В конце концов, если наша экспедиция и погибнет, невелика потеря.

* * *

После шестнадцати месяцев в затхлой, искусственно возобновляемой атмосфере корабля воздух безымянной планеты был упоительно сладок. С гор налетал несильный свежий бодрящий ветерок.

Капитан Килпеппер скрестил руки на груди, пытливо принюхался. Четверо из команды бродили взад-вперед, разминали ноги, глубоко с наслаждением вдыхали эту свежесть. Ученые сошлись в кружок, гадая, с чего начинать. Симмонс нагнулся, сорвал травинку.

- Странная штука,- сказал он, разглядывая травинку на свет.

- Почему странная? - спросил подходя Килпеппер.

- А вот посмотрите.- Худощавый биолог поднял травинку повыше.-Все гладко. Никаких следов клеточного строения. Ну-ка, поглядим...- он наклонился к красному цветку.

- Эй! К нам гости! - астронавт по фамилии Флинн первым заметил туземцев. Они вышли из лесу и рысцой направились по лугу к кораблю.

Капитан Килпеппер быстро глянул на корабль. Охрана у орудий начеку. Для верности он тронул оружие на поясе и остановился в ожидании.

- Ну и ну! - пробормотал Эреймик.

Лингвист экспедиции, он рассматривал приближающихся туземцев с чисто профессиональным интересом. Остальные земляне просто таращили глаза.

Первым шагало существо с жирафьей шеей не меньше восьми футов в вышину, но на коротких и толстых бегемотьих ногах. У него была веселая приветливая физиономия и фиолетовая шкура в крупный белый горошек.

За ним следовали пять белоснежных зверьков размером с терьера, у этих вид был важный и глуповатый. Шествие заключал толстячок красного цвета с длиннейшим, не меньше шестнадцати футов, зеленым хвостом.

Они остановились перед людьми и поклонились. Долгая минута прошла в молчании, потом раздался взрыв хохота.

Казалось, хохот послужил сигналом. Пятеро белых малышей вскочили на спину жирафопотама. Посуетились минуту, потом взобрались друг дружке на плечи. И еще через минуту вся пятерка вытянулась вверх, удерживая равновесие, точь-в-точь цирковые акробаты.

Люди бешено зааплодировали.

И сейчас же красный толстячок начал раскачиваться, стоя на хвосте.

- Браво! - крикнул Симмонс.

Пять мохнатых зверьков спрыгнули с жирафьей спины и принялись

плясать вокруг зеленохвостого красного поросенка.

- Ура! - выкрикнул Моррисон, бактериолог.

Жирафопотам сделал неуклюжее сальто, приземлился на одно ухо, кое-как поднялся на ноги и низко поклонился.

Капитан Килпеппер нахмурился и крепко потер руки. Он пытался понять, почему туземцы так странно себя ведут.

А те запели. Мелодия странная, но ясно, что это песня. Так они музицировали несколько секунд, потом раскланялись и начали кататься по траве.

Четверо из команды корабля все еще аплодировали. Эреймик достал записную книжку и записывал звуки, которые издавали туземцы.

- Ладно,- сказал Килпеппер.- Команда, на борт.

Четверо посмотрели на него с упреком.

- Дайте и другим поглядеть,- сказал капитан.

И четверо нехотя гуськом поплелись к люку.

- Надо думать, вы хотите еще к ним присмотреться,- сказал Килпеппер ученым.

- Разумеется,- ответил Симмонс.- Никогда не видели ничего подобного.

Килпеппер кивнул и вернулся в корабль. Навстречу уже выходила другая четверка.

- Мориней! - закричал капитан. Помощник влетел в рубку.- Подите поищите, что там за металл. Возьмите с собой одного из команды и все время держите с нами связь по радио.

- Слушаюсь, сэр,- Мориней широко улыбнулся.- Приветливый тут народ, правда, сэр?

- Да,- сказал Килпеппер.

- Славная планетка,- продолжал помощник.

- Да.

Мориней пошел за снаряжением.

Капитан Килпеппер сел и принялся гадать, что же неладно на этой планете.

* * *

Почти весь следующий день он провел, разбираясь в новых отчетах. Под вечер отложил карандаш и пошел пройтись.

- Найдется у вас минута, капитан? - спросил Симмонс.- Хочу показать вам кое-что в лесу.

Килпеппер по привычке что-то проворчал, но пошел за биологом.

Ему и самому любопытно было поглядеть на этот лес.

По дороге к ним присоединились трое туземцев. Эти очень походили на собак, только вот окраска не та - все трое красные в белую полоску, точно леденцы.

- Ну вот,- сказал Симмонс с плохо скрытым нетерпением,- поглядите кругом. Что тут, по-вашему, странного?

Капитан огляделся. Стволы у деревьев очень толстые, и растут они далеко друг от друга. Так далеко, что между ними видна следующая прогалина.

- Что ж,- произнес Килпеппер,- тут не заблудишься.

- Не в том дело,- сказал Симмонс.- Смотрите еще.

Килпеппер улыбнулся. Симмонс привел его сюда потому, что капитан для него куда лучший слушатель, чем коллеги-ученые - те заняты каждый своим.

Позади прыгали и резвились трое туземцев.

- Тут нет подлеска,- сказал Килпеппер, когда они прошли еще несколько шагов.

По стволам деревьев карабкались вверх какие-то вьющиеся растения, все в многокрасочных цветах. Откуда-то слетела птица, на миг повисла, трепеща крылышками, над головой одной из красно-белых, как леденец, собак и улетела.

Птица была серебряная с золотом.

- Ну как, не замечаете, что тут неправильного? - нетерпеливо спросил Симмонс.

- Только очень странные краски,- сказал Килпеппер.- А еще что не так?

- Посмотрите на деревья.

Деревья увешаны были плодами. Все плоды висели гроздьями на самых нижних ветках и поражали разнообразием красок, форм и величины. Были такие, что походили на виноград, а другие - на бананы, и на арбузы, и...

- Видно, тут множество разных сортов,- наугад сказал Килпеппер,- он не очень понимал, на что Симмонс хочет обратить его внимание.

- Разные сорта! Да вы присмотритесь. Десять совсем разных плодов растут на одной и той же ветке.

И в самом деле, на каждом дереве - необыкновенное разнообразие плодов.

- В природе так не бывает,- сказал Симмонс.- Конечно, я не специалист, но точно могу определить, что эти плоды совсем разных видов, между ними нет ничего общего. Это не разные стадии развития одного вида.

- Как же вы это объясните? - спросил Килпеппер.

- Я-то объяснять не обязан,- усмехнулся биолог.- А вот какой-нибудь бедняга ботаник хлопот не оберется.

Они повернули назад к кораблю.

- Зачем вы пошли сюда, в лес? - спросил капитан.

- Я? Кроме основной работы я немножко занимаюсь антропологией. Хотел выяснить, где живут наши новые приятели. Не удалось. Не видно ни дорог, ни какой-либо утвари, ни расчищенных участков земли, ничего. Даже пещер нет.

Килпеппера не удивило, что биолог накоротке занимается еще и антропологическими наблюдениями. В такую экспедицию как эта, невозможно взять специалистов по всем отраслям знания. Первая забота - о жизни самих астронавтов, значит, нужны люди, сведущие в биологии и в бактериологии. Затем - язык. А уж потом ценятся познания в ботанике, экологии, психологии, социологии и прочее.

Когда они подошли к кораблю, кроме прежних животных - или туземцев - там оказалось еще восемь или девять птиц. Все тоже необычно яркой раскраски - в горошек, в полоску, пестрые. Ни одной бурой или серой.

Помощник капитана Мориней и член команды Флинн выбрались на опушку леса и остановились у подножья невысокого холма.

- Что, надо лезть в гору? - со вздохом спросил Флинн, на спине он тащил громоздкую фотокамеру.

- Придется, стрелка велит,- Мориней ткнул пальцем в циферблат. Прибор показал, что как раз за гребнем холма есть большая масса металла.

- Надо бы в полет брать с собой автомашины,- сказал Флинн, сгибаясь, чтобы не так тяжело было подниматься по некрутому склону.

- Ага, или верблюдов.

Над ними пикировали, парили, весело щебетали красные с золотом пичуги. Ветерок колыхал высокую траву, мягко напевал в листве близлежащего леса. За ними шли двое туземцев. Оба очень походили на лошадей, только шкура у них была в белых и зеленых крапинках.Одна лошадь галопом пустилась по кругу, центром круга оказался Флинн.

- Чистый цирк! - сказал он.

- Ага,- подтвердил Мориней.

Они поднялись на вершину холма и начали было спускаться. И вдруг Флинн остановился.

- Смотри-ка!

У подножья холма стояла тонкая прямая металлическая колонна. Оба вскинули головы. Колонна вздымалась выше, выше, вершину ее

скрывали облака.

Они поспешно спустились с холма и стали осматривать колонну. Вблизи она оказалась солиднее, чем подумалось с первого взгляда. Около двадцати футов в поперечнике, прикинул Мориней. Металл голубовато-серый, похоже на сплав вроде стали, решил он. Но, спрашивается, какой сплав может выдержать при такой вышине?

- Как по-твоему, далеко от этих облаков? - спросил он.

Флинн задрал голову.

- Кто его знает, добрых полмили. А может, и вся миля.

При посадке колонну не заметили за облаками, да притом, голубовато-серая, она сливалась с общим фоном.

- Невозможная штука,- сказал Мориней.- Любопытно, какая сила сжатия в этой махине?

Оба в почтительном испуге уставились на исполинскую колонну.

- Что ж,- сказал Флинн,- буду снимать.

Он спустил с плеч камеру, сделал три снимка на расстоянии в двадцать футов, потом, для сравнения, снял рядом с колонной Моринея. Следующие три снимка он сделал, направив объектив кверху.

- По-твоему, что это такое? - спросил Мориней.

- Это пускай наши умники соображают,- сказал Флинн.- У них, пожалуй, мозга за мозгу заскочит.- И опять взвалил камеру на плечи.- А теперь надо топать обратно.- Он взглянул на зеленых с белым лошадей.- Приятней бы, конечно, верхом.

- Ну-ну, валяй, сломаешь себе шею,- сказал Мориней.

- Эй, друг, поди сюда,- позвал Флинн.

Одна из лошадей подошла и опустилась подле него на колени. Флинн осторожно забрался ей на спину. Уселся верхом и, ухмыляясь, поглядел на Моринея.

- Смотри, не расшиби аппарат,- предостерег Мориней,- это государственное имущество.

- Ты славный малый,- сказал Флинн лошади.- Ты умница.

Лошадь поднялась на ноги и улыбнулась.

- Увидимся в лагере,- сказал Флинн и направил своего коня к холму.

- Погоди минутку,- сказал Мориней. Хмуро поглядел на Флинна, потом поманил вторую лошадь.- Поди сюда, друг.

Лошадь опустилась подле него на колени, и он уселся верхом.

Минуту-другую они на пробу ездили кругами. Лошади повиновались каждому прикосновению. Их широкие спины оказались на диво

удобными. Одна красная с золотом пичужка опустилась на плечо Флинна.

- Ого, вот это жизнь,- сказал Флинн и похлопал своего коня по шелковой шее.- Давай к лагерю, Мориней, кто доскачет первым.

- Давай,- согласился Мориней.

Но как ни подбадривали они коней, те не желали переходить на рысь и двигались самым неспешным шагом.

* * *

Килпеппер сидел на корточках возле корабля и наблюдал за работой Эреймика. Лингвист был человек терпеливый. Его сестры всегда удивлялись терпению брата. Коллеги неизменно воздавали хвалу этому его достоинству, а в годы, когда он преподавал, его за это ценили студенты. И теперь ему понадобились все запасы выдержки, накопленные за шестнадцать лет.

- Хорошо, попробуем еще раз,- сказал Эреймик спокойнейшим тоном. Перелистал <174>Разговорник для общения с инопланетянами второго уровня разумности<175> (он сам же и составил этот разговорник), нашел нужную страницу и показал на чертеж.

Животное, сидящее рядом с Эреймиком, походило на невообразимую помесь бурундука с гималайским медведем пандой. Одним глазом оно покосилось на чертеж. Другой глаз нелепо вращался в глазнице.

- Планета,- сказал Эреймик и показал пальцем.- Планета.

Подошел Симмонс.

- Извините, капитан, я хотел бы тут поставить рентгеновский аппарат.

- Пожалуйста.

Килпеппер подвинулся, освобождая биологу место для его снаряжения.

- Планета,- повторил Эреймик.

- Элам вессел холам крам,- приветливо промолвил бурундук-панда.

Черт подери, у них есть язык. Они произносят звуки, несомненно что-то означающие. Стало быть, надо только найти почву для взаимопонимания. Овладели ли они простейшими отвлеченными понятиями? Эреймик отложил книжку и показал пальцем на бурундука-панду.

- Животное,- сказал он и посмотрел выжидательно.

- Придержи его, чтоб не шевелился,- попросил Симмонс и навел на туземца рентгеновский аппарат.- Вот так, хорошо. Еще несколько снимков.

- Животное,- с надеждой повторил Эреймик.

- Ифул бифул бокс,- сказало животное.- Хофул тофул локс,

рамадан, самдуран, ифул бифул бокс.

Терпение, напомнил себе Эреймик. Держаться уверенно. Бодрее. Не падать духом.

Он взял другой справочник. Этот назывался "Разговорник для общения с инопланетянами первого уровня разумности<175>.

Он отыскал нужную страницу и отложил книжку. С улыбкой поднял указательный палец.

- Один,- сказал он.

Животное подалось вперед и понюхало палец.

Эреймик хмуро улыбнулся, выставил второй палец.

- Два,- сказал он. И выставил третий палец: - Три.

- Углекс,- неожиданно заявило животное.

Так они обозначают число "один"?

- Один,- еще раз сказал Эреймик и опять покачал указательным пальцем.

- Вересеревеф,- благодушно улыбаясь, ответило животное.

Неужели это - еще одно обозначение числа "один"?

- Один,- снова сказал Эреймик.

- Севеф хевеф улуд крам, араган, билиган, хомус драм,- запел бурундук-панда.

Потом поглядел на трепыхающиеся под ветерком страницы "Разговорника" и опять перевел взгляд на лингвиста, который с замечательным терпением подавил в себе желание придушить этого зверя на месте.

Когда вернулись Моринeй с Флинном, озадаченный капитан Килпеппер стал разбираться в их отчете. Пересмотрел фотографии, старательно, в подробностях изучал каждую.

Металлическая колонна - круглая, гладкая, явно искусственного происхождения. От народа, способного сработать и воздвигнуть такую штуку, можно ждать неприятностей. Крупных неприятностей.

Но кто поставил здесь эту колонну? Уж, конечно, не веселое глупое зверье, которое вертится вокруг корабля.

- Так вы говорите, вершина колонны скрыта в облаках? - переспросил Килпеппер.

- Да, сэр,- сказал Мориней.- Этот чертов шест, наверное, вышиной в целую милю.

- Возвращайтесь туда,- распорядился капитан.- Возьмите с собой радар. Возьмите, что надо для инфракрасной съемки. Мне нужен снимок верха этой колонны. Я хочу знать точно, какой она вышины и что там наверху. Да побыстрей.

Флинн и Мориней вышли из рубки.

Килпеппер с минуту рассматривал еще не просохшие снимки, потом отложил их. Одолеваемый смутными опасениями, прошел в корабельную лабораторию. Какая-то бессмысленная планета, вот что тревожило. На горьком опыте Килпеппер давно убедился: во всем на свете есть та или иная система. Если ее вовремя не обнаружишь, тем хуже для тебя.

Бактериолог Моррисон был малорослый унылый человечек. Сейчас он казался просто придатком к своему микроскопу.

- Что-нибудь обнаружили? - спросил Килпеппер

Моррисон поднял голову, прищурился и замигал.

- Обнаружил полное отсутствие кое-чего,- сказал он.- Обнаружил отсутствие черт знает какой прорвы кое-чего.

- То есть?

- Я исследовал образцы цветов,- сказал Моррисон,- и образцы почвы, брал пробы воды. Пока ничего определенного, но наберитесь храбрости.

- Набрался. А в чем дело?

- На всей планете нет никаких бактерий.

- Вот как? - только и нашелся сказать капитан. Новость не показалась ему такой уж потрясающей. Но по лицу и тону бактериолога можно было подумать, будто вся планета состоит из зеленого сыра.

- Да, именно так. Вода в ручье чище дистиллированной. Почва на этой планете стерильней прокипяченного скальпеля. Единственные микроорганизмы - те, что привезли с собой мы. И они вымирают.

- Каким образом?

- В составе здешней атмосферы я нашел три дезинфицирующих вещества, и, наверное, есть еще десяток, которых я не обнаружил. То же с почвой и с водой. Вся планета стерилизована!

- Ну и ну,- сказал Килпеппер. Он не вполне оценил смысл этого сообщения. Его все еще одолевала тревога из-за стальной колонны.- А что это, по-вашему, означает?

- Рад, что вы спросили,- сказал Моррисон.- Да, я очень рад, что вы об этом спросили. А означает это просто-напросто, что такой планеты не существует.

- Бросьте.

- Я серьезно. Без микроорганизмов никакая жизнь невозможна. А здесь отсутствует важное звено жизненного цикла.

- Но планета, к несчастью, существует,- Килпеппер мягко повел рукой вокруг.- Есть у вас какие-нибудь другие теории?

- Да, но сперва я должен покончить со всеми образцами. Хотя кое-что я вам скажу. Может быть, вы сами подберете этому объяснение.

- Ну-ка.

- Я не нашел на этой планете ни одного камешка. Строго говоря, это не моя область, но ведь каждый из нас, участников экспедиции, в какой-то мере мастер на все руки. Во всяком случае, я кое-что смыслю в геологии. Так вот, я нигде не видал ни единого камешка или булыжника. Самый маленький, по моим расчетам, весит около семи тонн.

- Что же это означает?

- А, вам тоже любопытно? - Моррисон улыбнулся.- Прошу извинить. Мне надо успеть до ужина закончить исследование образцов.

Перед самым заходом солнца были проявлены рентгеновские снимки всех животных. Капитана ждало еще одно странное открытие. От Моррисона он уже слышал, что планета, на которой они находятся, существовать не может. Теперь Симмонс заявил, что не могут существовать здешние животные.

- Вы только посмотрите на снимки,- сказал он Килпепперу.- Смотрите. Видите вы какие-нибудь внутренние органы?

- Я плохо разбираюсь в рентгеновских снимках.

- А вам и незачем разбираться. Просто смотрите.

На снимках видно было немного костей и два-три каких-то органа. На некоторых можно было различить следы нервной системы, но большинство животных словно бы состояло из однородного вещества.

- Такого внутреннего строения и на дождевого червя не хватит,- сказал Симмонс.- Невозможная упрощенность. Нет ничего, что соответствовало бы легким и сердцу. Нет кровообращения. Нет мозга. Нервной системы кот наплакал. А когда есть какие-то органы, в них не видно ни малейшего смысла.

- И ваш вывод...

- Эти животные не существуют,- весело сказал Симмонс. В нем было сильно чувство юмора, и мысль эта пришлась ему по вкусу. Забавно будет напечатать научную статью о несуществующем животном.

Мимо, вполголоса ругаясь, шел Эреймик.

- Удалось разобраться в их наречии? - спросил Симмонс.

- Нет! - выкрикнул Эреймик но тут же смутился и покраснел.- Извините. Я их проверял на всех уровнях разумности, вплоть до класса ББ-3. Это уровень развития амебы. И никакого отклика.

- Может быть, у них совсем отсутствует мозг? - предположил Килпеппер.

- Нет. Они способны проделывать цирковые трюки, а для этого

требуется некоторая степень разумности. И у них есть какое-то подобие речи и явная система рефлексов. Но что им не говори, они не обращают на тебя внимания. Только и знают, что поют песни.

- По-моему, всем надо поужинать,- сказал капитан.- И пожалуй, не помешает глоток-другой подкрепляющего.

Подкрепляющего за ужином было вдоволь. После полдюжины глотков ученые несколько пришли в себя и смогли, наконец, рассмотреть кое-какие предположения. Они сопоставили полученные данные.

Установлено: туземцы - или животные - лишены внутренних органов, систем размножения и пищеварения. Налицо не менее трех дюжин разных видов, и каждый день появляются новые.

То же относится к растениям.

Установлено: планета свободна от каких-либо микробов - явление из ряда вон выходящее - и сама себя поддерживает в состоянии стерильности.

Установлено: у туземцев имеется язык, но они явно не способны кого-либо ему научить. И сами не могут научиться чужому языку.

Установлено: нигде вокруг нет мелких или крупных камней.

Установлено: имеется гигантская стальная колонна высотой не меньше полумили, точнее удастся определить, когда будут проявлены новые снимки. Никаких следов машинной цивилизации не обнаружено, однако эта колонна явно продукт цивилизации. Стало быть, кто-то эту колонну сработал и здесь поставил.

- Сложите все эти факты вместе - и что у вас получится? - спросил Килпеппер.

- У меня есть теория,- сказал Моррисон.- Красивая теория. Хотите послушать?

Все сказали, что хотят, промолчал один Эреймик, он все еще маялся от того, что не сумел расшифровать язык туземцев.

- Как я понимаю, эта планета кем-то создана искусственно. Иначе не может быть. Ни одно племя не может развиваться без бактерий. Планету создали существа, обладающие высочайшей культурой, те же, что воздвигли тут стальную колонну. Они сделали планету для этих животных.

- Зачем? - спросил Килпеппер.

- Вот в этом-то и красота,- мечтательно сказал Моррисон.- Чистый альтруизм. Не знают никакого насилия, свободны от каких-либо дурных привычек. Разве они не заслуживают отдельного мира? Мира, где им можно играть и резвиться и где всегда лето?

- И правда, очень красиво,- сказал Килпеппер, сдерживая усмешку.- Но...

- Здешний народ - напоминание,- продолжал Моррисон.- Весть всем, кто попадает на эту планету, что разумные существа могут жить в мире.

- У вашей теории есть одно уязвимое место,- возразил Симмонс.- Эти животные не могли развиваться естественным путем. Вы видели рентгеновские снимки.

- Да, верно,- мечтатель в Моррисоне вступил в короткую борьбу с биологом и потерпел поражение.- Может быть, они роботы.

- Вот это, по-моему, и есть объяснение,- сказал Симмонс.

- Как я понимаю, то же племя, которое создало стальную колонну, создало и этих животных. Это слуги, рабы. Знаете, они пожалуй, думают что мы и есть их хозяева.

- А куда девались настоящие хозяева? - спросил Моррисон.

- Почем я знаю, черт возьми? - сказал Симмонс.

- И где эти хозяева живут? - спросил Килпеппер.- Мы не обнаружили ничего похожего на жилье.

- Их цивилизация ушла так далеко вперед, что они не нуждаются в машинах и домах. Их жизнь непосредственно слита с природой.

- Тогда на что им слуги? - безжалостно спросил Моррисон.- И зачем они построили эту колонну?

В тот вечер готовы были новые снимки стальной колонны, и ученые жадно принялись их исследовать. Высота колонны оказалась около мили, вершину скрывали плотные облака. Наверху, по обе стороны, под прямым углом к колонне выдавались длинные, в восемьдесят пять футов выступы.

- Похоже на наблюдательный пункт,- сказал Симмонс.

- Что они могут наблюдать на такой высоте? - спросил Моррисон.- Там, кроме облаков, ничего не увидишь.

- Может быть, они любят смотреть на облака,- заметил Симмонс.

- Я иду спать,- с отвращением сказал капитан.

Наутро Килпеппер проснулся с ощущением: что-то неладно. Он оделся и вышел из корабля. Ветерок - и тот доносил какое-то неуловимое неблагополучие. Или просто разыгрались нервы?

Килпеппер покачал головой. Он доверял своим предчувствиям. Они означали, что у него в подсознании завершился некий ход рассуждений.

Возле корабля как будто все в порядке. И животные тут же лениво бродят вокруг.

Килпеппер свирепо поглядел на них и обошел корабль кругом. Ученые уже взялись за работу, они пытались разгадать тайны планеты. Эреймик пробовал понять язык серебристо-зеленого зверька со скорбными глазами. В это утро зверек был необычно вял. Он еле слышно бормотал свои песенки и не удостаивал Эреймика вниманием.

Килпепперу вспомнилась Цирцея. Может быть, это не животные, а

люди, которых обратил в зверей какой-нибудь злой волшебник? Капитан отмахнулся от нелепой фантазии и пошел дальше.

Команда не замечала перемены по сравнению со вчерашним. Все пошли к водопаду купаться. Килпеппер отрядил двоих провести микроскопический анализ колонны.

Колонна тревожила его больше всего. Ученых она, видно, нисколько не занимала, но капитан этому не удивлялся. У каждого свои заботы. Вполне понятно, что для лингвиста на первом месте язык здешнего народа, а ботаник ищет ключ к загадкам планеты в деревьях, приносящих несусветное разнообразие плодов.

Ну, а сам-то он что думает? Капитан Килпеппер перебирал свои догадки. Ему необходима обобщающая теория. Есть же какая-то единая основа у всех этих непонятных явлений.

Какая тут подойдет теория? Почему на планете нет микробов? Почему нет камней? Почему... почему... почему? Наверняка всему есть более или менее простое объяснение. Оно почти уже нащупывается - но не до конца.

Капитан сел в тени корабля, прислонился к опоре и попробовал собраться с мыслями.

Около полудня к нему подошел Эреймик и один за другим швырнул свои лингвистические справочники о бок корабля.

- Выдержка,- заметил Килпеппер.

- Я сдаюсь,- сказал Эреймик.- Эти скоты теперь уже вовсе не обращают на меня внимания. Они больше почти и не разговаривают. И перестали показывать фокусы.

Килпеппер поднялся и подошел к туземцам. Да, прежней живости как не бывало. Они слоняются вокруг, такие вялые, словно дошли до крайнего истощения.

Тут же стоит Симмонс и что-то помечает в записной книжке.

- Что случилось с нашими приятелями? - спросил Килпеппер.

- Не знаю,- сказал Симмонс.- Может быть, они были так возбуждены, что провели бессонную ночь.

Жирафопотам неожиданно сел. Медленно перевалился на бок и замер.

- Странно,- сказал Симмонс.- Я еще ни разу не видал, чтобы кто-нибудь из них лег.

Он нагнулся над упавшим животным, прислушался, не бьется ли сердце. И через несколько минут выпрямился.

- Никаких признаков жизни,- сказал он.

Еще два зверька, покрытые блестящей черной шерстью, опрокинулись наземь.

- О господи,- кинулся к ним Симмонс.- Что же это делается?

- Боюсь, я знаю, в чем причина,- сказал, выходя из люка, Моррисон. Он страшно побледнел.- Микробы. Капитан, я чувствую себя убийцей. Думаю, этих бедных зверей убили мы. Помните, я вам говорил, что на этой планете нет никаких микроорганизмов? А сколько мы сюда занесли! Бактерии так и хлынули от нас к новым хозяевам. А хозяева, не забудьте, лишены какой-либо сопротивляемости.

- Но вы же говорили, что в атмосфере содержатся разные обезвреживающие вещества?

- По-видимому, они действуют недостаточно быстро,- Моррисон наклонился и осмотрел одного зверька.- Я уверен, причина в этом.

Все остальные животные, сколько их было вокруг корабля, падали наземь и лежали без движения. Капитан Килпеппер тревожно озирался.

Подбежал, задыхаясь, один из команды. Он был еще мокрый после купания у водопада.

- Сэр,- задыхаясь, начал он.- Там у водопада... животные...

- Знаю,- сказал Килпеппер.- Верните людей сюда.

- И еще, сэр,- продолжал тот.- Водопад... понимаете, водопад...

- Ну-ну, договаривайте.

- Он остановился, сэр. Он больше не течет.

- Верните людей, живо!

Купальщик кинулся обратно к водопаду. Килпеппер <R> огляделся по сторонам, сам не зная, что высматривает. Вот стоит коричневый лес, там все тихо. Слишком тихо.

Кажется, он почти уже нашел разгадку...

Он вдруг осознал, что мягкий, ровный ветерок, который непрерывно овевал их с первой минуты высадки на планете, замер.

- Что за чертовщина, что такое происходит? - беспокойно произнес Симмонс.

Они направились к кораблю.

- Как будто солнце светит слабее? - прошептал Моррисон.

Полной уверенности не было. До вечера еще очень далеко, но, казалось, солнечный свет и вправду меркнет.

От водопада спешили люди, поблескивали мокрые тела. По приказу капитана один за другим скрывались в корабле. Только ученые еще стояли у входного люка и осматривали затихшую округу.

- Что же мы натворили? - спросил Эреймик. От вида валяющихся замертво животных его пробила дрожь.

По склону холма большими прыжками по высокой траве неслись те

двое, что ходили к колонне - неслись так, будто за ними гнался сам дьявол.

- Ну, что еще? - спросил Килпеппер.

- Чертова колонна, сэр! - выговорил Моринеей.- Она поворачивается! Этакая махина в милю вышиной, из металла неведомо какой крепости - и поворачивается!

- Что будем делать? - спросил Симмонс.

- Возвращаемся в корабль,- пробормотал Килпеппер.

Да, разгадка совсем близко. Ему нужно еще только одно небольшое доказательство. Еще только одно...

Все животные повскакали на ноги! Опять, трепеща крыльями, высоко взмыли красные с серебром птицы. Жирафопотам поднялся, фыркнул и пустился наутек. За ним побежали остальные. Из леса через луг хлынул поток невиданного, невообразимого зверья.

Все животные мчались на запад, прочь от землян.

- Быстрее в корабль! - закричал вдруг Килпеппер.

Вот она, разгадка. Теперь он знал, что к чему и только надеялся, что успеет вовремя увести корабль подальше от этой планеты.

- Скорей, черт побери! Готовьте двигатели к пуску! - кричал он ошарашенным людям.

- Так ведь вокруг раскидано наше снаряжение,- возразил Симмонс.- Не понимаю, почему такая спешка...

- Стрелки. к орудиям! - рявкнул Килпеппер, подталкивая ученых к люку.

Внезапно на западе замаячили длинные тени.

- Капитан, но мы же еще не закончили исследования...

- Скажите спасибо, что остались живы,- сказал капитан, когда все вошли в корабль.- Вы что, еще не сообразили? Закрыть люк! Все закупорить наглухо!

- Вы имеете в виду вертящуюся колонну? - спросил Симмонс, он налетел в коридоре на Моррисона, споткнулся и едва не упал.- Что ж. надо думать, какой-то высоко развитый народ...

- Эта вертящаяся колонна - ключ в боку планеты,- сказал Килпеппер, почти бегом направляясь к рубке.- Ключ, которым ее заводят. Так устроена вся планета. Животные, реки, ветер - у всего кончился завод.

Он торопливо задал автопилоту нужную орбиту.

- Пристегнитесь,- сказал он.- И соображайте. Место, где на ветках висят лакомые плоды. Где нет ни единого вредного микроба, где не споткнешься ни об единый камешек. Где полным-полно удивительных, забавных, ласковых зверюшек. Где все

рассчитано на то, чтобы радовать и развлекать... Детская площадка!

Ученые во все глаза уставились на капитана.

- Эта колонна - заводной ключ. Когда мы, незваные, сюда заявились, завод кончился. Теперь кто-то сызнова заводит планету.

За иллюминатором по зеленому лугу на тысячи футов протянулись тени.

- Держитесь крепче,- сказал Килпеппер и нажал стартовую клавишу.- В отличие от игрушечных зверюшек я совсем не жажду встретиться с детками, которые здесь резвятся. А главное, я отнюдь не жажду встречаться с их родителями.

Роберт Шекли
"Проблема туземцев"

Эдвард Дантон был отщепенцем. Еще в младенчестве он проявлял зачаточные антиобщественные склонности. Родителям, конечно, следовало тут же показать его хорошему детскому психологу, и тот сумел, бы определить, какие обстоятельства способствуют развитию контргрупповых тенденций в характере юного Дантона. Но Дантоны-старшие, как водится, сверх меры поглощенные собственными неурядицами, понадеялись на время.

И напрасно.

В школе Дантону с превеликой натяжкой удалось получить переводные баллы по таким предметам, как групповое окультуривание, семейные контакты, восприятие духовных ценностей, теория суждений, и другим, необходимым каждому, кто хочет чувствовать себя уютно в современном мире. Но бестолковому Дантону в современном мире было неуютно.

Он понял это не сразу.

По внешнему виду никто бы не заподозрил его в патологической неуживчивости. Это был высокий, атлетически сложенный молодой человек, с зелеными глазами и непринужденными манерами. Девушки чувствовали в нем несомненное обаяние. Иные даже оказывали ему столь высокую честь, что подумывали выйти за него замуж.

Но и самые легкомысленные не могли не заметить его недостатков. Когда затевали "станьте в круг", он выдыхался буквально через через несколько часов, к тому времени, как все остальные только начинали входить в раж. При игре в бридж для двенадцати партнеров Дантон часто отвлекался и, к возмущению остальных одиннадцати игроков, вдруг начинал выяснять, на чем остановилась торговля. И уж совсем невыносим он был в "подземке".

Не жалея усилий, старался Дантон проникнуться духом этой классической игры. Схватив за руки товарищей, он стремительно врывался в вагон подземки, дабы захватить его прежде, чем в противоположные двери ринется противник.

- Вперед, ребята! - орал капитан. - Захватим-ка вагон для Рокэвея?

А капитан противника вопил:

- Нет, дудки! Навалитесь, мальчики! Бронкс Парк, и никаких гвоздей!

Страдальчески сморщившись, с застывшей улыбкой, Дантон ворочался в гуще толпы.

- В чем дело, Эдвард? - любопытствовала очередная подружка. - Разве тебе не весело?

- Весело, конечно, - задыхаясь, отвечал Дантон.

- Но я вижу, что нет! - в изумлении вскрикивала девушка. - Ты разве не знаешь, что таким способом наши предки давали разрядку своей агрессивности? Историки утверждают, что благодаря подземке человечество избегло тотальной водородной войны. Агрессивность свойственна и нам, и мы должны давать ей выход, избрав для этого соответствующие формы.

- Я знаю, - отвечал Эдвард Дантон. - Мне, право, очень весело. Я... о господи!

В вагон вламывались, взявшись за руки третья команда и выкрикивала нараспев: "Канарси, Канарси, Канарси!"

Уверившись, что Дантон - человек без будущего, девушка покидала его, как все ее предшественницы. Отсутствие общительности невозможно было скрыть. Было ясно, что он не сыщет себе счастья ни в предместьях Нью-Йорка, которые простирались от Рокпорта (штат Мэйн) до Норфолка (Виргиния), ни в других городах.

Он попытался побороть себя, н тщетно. Стали проявляться и другие отклонения. От воздействия световой рекламы на сетчатку глаза у Дантона начал развиваться астигматизм, а он звуковой - постоянно звенело в ушах. Доктор предупредил его что анализ симптомов отнюдь не исцелит его от этих недомоганий. Обратить внимание следовало на главный невроз Дантона - его антисоциальность. Но здесь уж Дантон был бессилен.

За последние два века миллионы сумасшедших, психопатов, невропатов и чудаков разных мастей разбрелись по звездным мирам. Первое время, когда летали на космических кораблях, снабженных двигателем Миккельсона, у путешественников уходило лет по двадцать-тридцать на то, чтобы протащиться от одной звездной системы до другой. Более современные звездолеты, оборудованные гиперпространственными вихревыми конвертерами, затрачивали на такой же путь всего несколько месяцев.

Оставшись на родине, будучи людьми социально устойчивыми, оплакивали разлуку, но утешались тем, что смогут несколько расширить жесткие рамки лимитированного деторождения.

Дантону шел двадцать седьмой год, когда он решил покинуть Землю и сталь пионером. Невесело было на душек у него в тот день, когда он передал сертификат на право увеличения потомства своему лучшему другу Элу Тревору.

- Ах, Эдвард, Эдвард, - говорил растроганный Тревор, вертя в руках драгоценную бумажку, - ты и не представляешь, как ты много для нас сделал. Мы с Миртл всегда хотели иметь двух ребятишек. И вот благодаря тебе...

- Оставим это, - ответил Дантон. - Там, где я буду, мне не понадобится разрешение на право иметь детей. Да и вообще, - добавил он, вдруг пораженный новой мыслью, - вовсе не уверен, что смогу там осуществить такое право.

- Но ведь это ужасно, - сказал Эл, который всегда принимал близко к сердцу дела своего друга.

- Очевидно. Впрочем, может быть, со временем я встречу в тех краях какую-нибудь девушку из пионеров. А пока к моим услугам сублимация.

- Тоже верно. Какой заменитель ты выбрал?

- Огородничество. Дело-то полезное.

- Полезное, - подтвердил Эл. - Ну что ж, дружище, желаю удачи.

Отдав приятелю сертификат, Дантон отрезал себе все пути к отступлению. Он смело ринулся вперед. В обмен на право продолжения рода правительство обеспечивало ему бесплатный проезд в любую часть

вселенной, снабжая необходимым снаряжением и запасами провизии на два года.

Дантон вылетел сразу.

Он не стал задерживаться в сравнительно неселенных районах, где власть, как правило, находилась в руках экстремистских группировок.

Без сожаления миновал он, например, Корани II, где гигантская вычислительная машина установила диктатуру математики.

Не привлекала его также и Гейл V, все триста сорок два жителя которой самым серьезным образом готовились к захвату Галактики.

Объехал он стороной и Фермерские Миры, унылые планеты, на которых процветал сугубый культ здоровья.

Добравшись до пресловутой Гедонии, Дантон чуть было не остался там. Его оттолкнуло то, что жители этой планеты, судя по слухам, были недолговечны, хотя никто и не отрицал, сто свой короткий век они проживали весело.

Но Дантон предпочел век долгий и отправился дальше.

Миновал он также сумрачные, каменистые Рудничные Миры, немногочисленное население которых составляли угрюмые, бородатые мужчины, подверженные приступам безудержного гнева. И вот перед ним открылись Новые Территории, неосвоенные миры, расположенные за самой дальней границей земных владений. Обследовав несколько планет, Дантон избрал ту, на которой не нашел никаких следов разумной жизни.

Планета была тиха и укромна, изобиловала рыбой и дичью; среди ее обширных водных просторов зеленели покрытые буйными зарослями джунглей большие острова. Дантон назвал ее Нью-Таити, и капитан звездолета должным образом оформил его права на владение планетой. После беглого осмотра Дантон выбрал крупный остров, показавшийся ему заманчивее остальных. Он высадился на нем и стал разбивать лагерь.

Сперва дел было множество. Из веток и переплетенных трав Дантон выстроил домик подле сверкающего белизною пляжа. Он смастерил острогу, несколько силков и невод. Засеял огород, и, к его радости, тот вскоре пышно зазеленел, согретый тропическим солнцем и увлажненный теплыми ливнями, которые выпадали каждое утро, от семи часов до семи тридцати.

Да, Нью-Таити, несомненно, оказался истинно райским уголком, и Дантон мог бы быть очень счастлив здесь. Ему мешало одно. Огородничество, которое он считал отличным видом сублимации, подвело его скандальнийшим образом. Дантон думал о женщинах днем и ночью; глядя на огромную оранжевую тропическую луну, он мог часами мурлыкать себе под нос песенки, разумеется любовные.

Опасаясь за свое здоровье, Дантон начал лихорадочно перебирать все известные ему виды сублимации: сперва занялся живописью, бросил; начал вести дневник - забросил и дневник; сочинил сонату, но, оставив музыку, высек из местной разновидности песчаника две исполинские статуи, закончил их и стал придумывать, чем бы заняться еще.

Заняться было нечем. Огород не требовал ухода; земные овощи победно вытеснили местные растения. Рыба валом валила в сети, силки никогда не пустовали. Дантон снова заметил, что днем и ночью ему мерещатся женщины - высокие и маленькие, белые, черные, коричневые. Однажды он поймал себя на том, что с приязнью думает о марсианках; до него еще ни одному землянину подобное не удавалось. Дантон понял, что необходимо принимать решительные меры.

Но какие? Подать сигнал о помощи он не мог, покинуть Нью-Таити - тоже. Погруженный в грустное раздумье, Дантон поднял глаза к небу и заметил черное пятнышко, которое спускалось к морю.

Пятнышко становилось крупнее; у Дантона перехватило дыхание от страха, что оно может оказаться птицей или огромным насекомым. Но пятно все продолжало увеличиваться, и вскоре Дантон начал различать неровные вспышки бледного пламени.

Космический корабль! Конец одиночеству!

Звездолет медленно и осторожно шел на посадку. Дантон облачился в свой лучший набедренный пояс; этот наряд, излюбленный островитянами

Южных Морей, весьма подходил к климату Нью-Таити. Затем умылся, тщательно причесал волосы и стал следить за приземлением космического корабля.

Это был старинный звездолет с двигателем Миккельсона. Дантон до сих пор думал, что такие корабли давно уже вышли из употребления. Однако этот, судя по всему, проделал немалый путь. Помятый, исцарапанный и безнадежно устаревший по конструкции, он имел решительный и непреклонный вид. На носу звездолета гордо красовалась надпись "Народ Хаттера".

Зная, что путешественники, возвращающиеся из космических пучин, обычно остро чувствуют нехватку свежих продуктов, Дантон собрал для пассажиров корабля целую гору фруктов и красиво разложил их к тому времени, как "Народ Хаттера" тяжело опустился на пляж.

Открылся узкий люк, и из звездолета вышли двое мужчин, вооруженных винтовками и с головы до ног одетых в черное. Пришельцы осторожно огляделись.

Дантон опрометью кинулся к ним.

- Эгей! Добро пожаловать на Нью-Таити. Ребята, до чего ж я счастлив видеть вас! Что новенького на...

- Назад! - гаркнул один из пришельцев, высокий тощий человек лет пятидесяти, с суровым морщинистым лицом. Его холодные голубые глаза пронзали Дантона, как стрелы, дуло винтовки целилось прямо в грудь.

Второй был помоложе, маленький широколицый крепыш.

- Что случилось? - удивился Дантон.

- Как тебя зовут?

- Эдвард Дантон.

- Я Симеон Смит, - сообщил тощий. - Военачальник хаттеритов. А это Джедекия Франкер, мой заместитель. Почему ты заговорил по-английски?

- Я всегда говорю по-английски, - ответил Дантон. - Я же...

- Где остальные? Куда они спрятались?

- Да здесь никого нет. Только я. - Дантон бросил взгляд на звездолет им увидел мужские и женские лица в каждом иллюминаторе. - Посмотрите-ка, это все вам, - Дантон указал на фрукты. - Я подумал, вы соскучились по свежей пище после длительного путешествия.

Из люка выглянула хорошенькая блондинка с коротко подстриженными волнистыми волосами.

- Нам уже можно выходить, отец?

- Нет! - ответил Симеон. - Здесь небезопасно. Полезай назад, Анита.

- Я буду наблюдать отсюда, - ответила девушка, с откровенным любопытством разглядывая Дантона.

Дантон встретился с ней глазами, и вдруг неведомый ему дотоле трепет пробежал по всему его телу.

Симеон сказал:

- Мы принимаем твое приглашение. Однако есть эти фрукты не станем.

- Отчего же? - резонно полюбопытствовал Дантон.

- А от того, - ответил ему Джедекия, - что мы не знаем, каким ядом вдумаете вы нас отравить.

- Отравить? Послушайте, давайте-ка присядем и объяснимся наконец.

- Что вы о нем думаете? - обратился к Симеону Джедекия.

- Все идет именно так, как я и ожидал, - ответствовал военачальник. - Он из кожи лезет вон, чтобы втереться в доверие, задобрить нас, и это очень подозрительно. Его соплеменники прячутся. Наверняка сидят в засаде. Я считаю, что им следует дать наглядный урок.

- Добро, - с ухмылкой согласился Джедекия. - Да убоятся цивилизации, - и он направил свою винтовку Дантону в грудь.

- Эй! - вскрикнул Дантон и попятился.

- Папа, - заговорила Анита, - но он же ничего еще не сделал.

- В том-то и суть. Если его пристрелить, он и впредь ничего не сделает. Хорошие туземцы - это мертвые туземцы.

- А остальные, - вставил Джедекия, - поймут, что мы не собираемся шутить.

- Но вы не имеете права! - возмущенно воскликнула Анита. - Совет Старейшин...

- не распоряжается сейчас... - перебил ее отец. - Высадившись на чужой планете,мы попадаем в чрезвычайное положение, а это значит, что власть переходит в руки военного командования. Мы делаем то, что считаем необходимым. Вспомни Лан II!

- Да погодите вы, - заговорил Дантон. - Здесь какое-то недоразумение. На острове нет никого, кроме меня, и вовсе незачем...

- Пуля взрыла песок у его левой ноги. Дантон понесся к джунглям. Вторая пуля жалобно пропела в воздухе, третья перерезала веточку над самой его головой в тот миг, когда он скрылся, наконец, в подлеске.

- Вот так-то! - прогремел ему вслед голос Симеона. - Пусть зарубят на носу.

Дантон мчался по джунглям, пока не отдалился он корабля пионеров по крайней мере на полмили.

Кое-как поужинав местными фруктами, напоминающими наши бананы и плоды хлебного дерева, Дантон принялся раздумывать о странных незнакомцах. Ненормальные они, что ли? Неужели им не ясно, что но землянин, живет на острове один, безоружен и встретил их с несомненным дружелюбием? Так нет же, они начали в него стрелять, давая наглядный урок. Кому? Грязным туземцам, которым нужно дать урок...

А, вот в чем дело! Дантон энергично закивал головой. Хаттериты приняли его за туземца, аборигена, и решили, что его соплеменники прячутся в джунглях, выжидая удобной минуты, чтобы выскочить и перерезать незваных гостей. Ну что ж, предположение не такое уж абсурдное. Он и в самом деле забрался чуть ли не на край света, остался здесь без космического корабля, да притом еще ходит в набедренной повязке и стал бронзовым от загара. Очень может быть, что хаттериты именно так и представляют себе туземцев неосвоенных планет.

- Но в таком случае, - продолжал размышлять Дантон, - Как они объяснят, что я разговариваю по-английски?

Вся история выглядела на редкость нелепо. Дантон тронулся обратно к звездолету, уверенный, что с легкостью сумеет разъяснить пришельцам их ошибку. Впрочем, пройдя несколько шагов, он остановился.

Приближался вечер. Позади небо затянули белые и серые тучи, а с моря надвигался густой синеватый туман. Из джунглей доносились зловещие шорохи, шумы. Дантон давно уже убедился, что все они совершенно безобидны, но пришельцы могли решить иначе.

Этим людям ничего не стоит спустить курок, вспомнил он. Глупо было бы лететь сломя голову навстречу собственной гибели.

И Дантон начал осторожно пробираться сквозь густые заросли: дотемна загорелый, бесшумный, как тень, он сливался с буро-зеленым кустарником. Добравшись до места, Дантон пополз через густой подлесок и осторожно оглядел из-за куста пологий берег.

Пионеры, наконец, вышли из корабля. Их оказалось не меньше полусотни: мужчины, женщины и несколько детей. Все были одеты в тяжелую черную одежду и истекали потом. Дантон увидел, что к его дарам не притронулся ни один из пришельцев. Зато на алюминиевом столе красовалась малопривлекательная трапеза путешественников по космосу.

Несколько мужчин с винтовками и патронташами расхаживали поодаль от толпы, внимательно наблюдая за опушкой джунглей и настороженно всматриваясь в темнеющее небо. Это были часовые.

Симеон поднял руки. Воцарилась тишина.

- Друзья мои, - провозгласил военачальник. - Вот, наконец, и обрели мы с вами долгожданный приют. Взгляните: перед нами земля

обетованная, и природа здесь щедра и изобильна. Достойна ли наша новая родина столь долгих странствий, опасностей, коим мы подвергали себя, и нескончаемых поисков?

- Достойна, брат наш, - откликнулась толпа.

Симеон снова воздел руки, требуя тишины.

- На этой планете нет цивилизованных людей. Мы первыми пришли сюда, друзья, и она достанется нам. Но помните об опасностях! В чаще джунглей, быть может, бродят неведомые нам чудовища...

- Из которых самое большое не крупнее бурундука, - прошептал Дантон. - Спросили бы уж меня. Я бы вам рассказал.

- А в пучине вод, наверное, таится некий левиафан, - продолжал Симеон. - Одно известно нам: на планете есть туземцы, нагие дикари, и , как все аборигены, они, несомненно, коварны, жестоки и безнравственны. Остерегайтесь их. Конечно, мы хотели бы жить с ними в мире, одаряя их плодами цивилизации и цветами культуры. Возможно, они будут держаться дружелюбно по отношению к нам, но всегда помните, друзья: никто не может проникнуть в душу дикаря. У них свои нравы, своя особая мораль. Им нельзя доверять, всегда должны быть начеку и, заподозрив что-то неладное, стрелять первыми! Не забывайте Лан II!

Слушатели зааплодировали, спели гимн и приступили к вечерней трапезе. Когда темнота сгустилась, путешественники зажгли прожекторы, и на берегу стало светло как днем. Часовые расхаживали взад и вперед, дежа винтовки наизготовку и встревоженно нахохлившись.

Поселенцы вытащили спальные мешки и устроились на ночлег, примостившись поближе к звездолету. Даже страх перед внезапным нападением дикарей не мог заставить их провести еще одну ночь внутри душного корабля.

Высоко в небе плыли ночные облака, до половины прикрывая огромную оранжевую нью-таитянскую луну. Часовые расхаживали у своих постов, выкрикивали в темноту ругательства и сиротливо жались все ближе и ближе друг к другу. Они поднимали пальбу, заслышав шорох в джунглях, и осыпали бранью каждую тень.

Дантон снова уполз в чащу. На ночь он устроился за деревом, чтобы не попасть под шальную пулю. Начинать переговоры с вечера явно не стоило. Очень уж нервозны были эти хаттериты. Дантон решил, что удобней будет объясниться с ними при свете дня: просто, без обиняков и рассудительно.

Беда только, что рассудительностью хаттериты едва ли отличались.

Впрочем, наутро дело представилось ему не столь уж безнадежным. Дантон дождался, когда поселенцы позавтракают, и осторожно вышел из кустов на дальнем краю пляжа.

- Стой! - разом рявкнули все часовые.

- Дикарь вернулся! - крикнул один из поселенцев.

- Ой, мамочка, -заплакал какой-то малыш. - Злой, гадкий дядька меня съест. Он отдавай меня.

- Не бойся, милый, - успокаивала его мать. - У папы есть ружье, папа застрелит дикаря.

Из звездолета выскочил Симеон и уставился на Дантона.

- А, пожаловал! Ступай сюда.

Коченея от напряжения, Дантон опасливо приблизился к Симеону. Руки он старался держать так, чтобы все видели, что они пустые.

- Я предводитель этих людей. - Симеон произносил слова очень медленно, словно обращаясь к ребенку. - Моя - большая вождь эти люди. А твоя - большая вождь твои люди?

- зачем вы так разговариваете? - спросил Дантон. - Мне даже трудно вас понять. Я же вам говорил вчера, что на острове никого нет. Только я.

Суровое лица Симеона побелело от гнева.

- Ты со мной не хитри, а то хуже будет. Ну, выкладывай: где твое племя?

- Да я же землянин, - завопил Дантон. - Вы что, глухой? Не слышите, как я говорю?

Подошел Джедекия, а с ним седой сутуловатый человечек в больших очках в роговой оправе.

- Симеон, - сказал седой человечек, - мне хотелось бы познакомиться с нашим гостем.

- Профессор Бейкер, - обратился к нему Симеон, - Этот дикарь утверждает, что он землянин, и говорит, что его имя Эдвард Дантон.

Профессор взглянул на набедренную повязку, затем на смуглое тело Дантона, его загрубелые босые ноги.

- Так вы землянин? - спросил он.

- Конечно.

- А кто высек эти каменные статуи на берегу?

- Я, - ответил Дантон. - Но это просто своего рода терапия. Видите ли...

- Типичные изделия примитива. Вся стилизация, носы...

- Ну, значит, у меня это вышла случайно. Понимаете ли, несколько месяцев назад я вылетел с Земли на государственном космическом корабле...

- Чем он был оборудован? - перебил профессор Бейкер.

- Гиперпространственными вихревыми конверторами.

- Так вот, меня отнюдь не привлекали такие планеты, как Корани или, скажем, Гейл V, а для Гедонии я, пожалуй, недостаточно темпераментен. Я пролетел мимо Рудничных Миров и Фермерских Миров и высадился, наконец, на этой планете. Я назвал ее Нью-Таити, и она зарегистрирована на мое имя. Впрочем, мне было здесь так одиноко, что я рад вам от души.

- Что вы на это скажете, профессор? - спросил Симеон.

- Поразительно, пробормотал профессор Бейкер. - Поистине поразительно. Так овладеть английской разговорной речью возможно тлишь при относительно высокой степени развития интеллекта. Нам остается предположить, что мы столкнулись с феноменом, нередким в примитивных обществах, а именно - чрезвычайно развитой способностью к мимикрии. Наш друг Данта (как его, несомненно, называли, прежде чем он исковеркал свое имя на английский лад) знает, наверное, множество местных легенд, мифов,песен, плясок и исполнит нам...

- Но я землянин!

- Нет, мой бедный друг, - ласково возразил профессор. - Ты не землянин. Не сомневаюсь, что ты встречал землянина. Скорей всего, то был какой-нибудь коммерсант, сделавший тут вынужденную посадку.

- На острове есть следы останавливавшегося на краткий срок космического корабля, - сказал Джедекия.

- О, вот видите, - просиял профессор Бейкер. - Моя гипотеза подтверждается.

- Да нет же, это был государственный корабль, - объяснял Дантон. - Я на нем прилетел.

- Интересно также отметить, лекторским тоном продолжал профессор Бейкер, - те критические пункты, когда почти правдоподобная история внезапно оборачивается мифом. Вот но заявляет, например, что прилетел на звездолете, управляемом некими гиперпространственными вихревыми конвертерами, что является типичной абракадаброй, ибо космические корабли управляются только двигателями Миккельсона. Далее, неспособный постичь своим неразвитым умом, что путешествие может длиться годы, он утверждаетЯ, будто за несколько месяцев долетел сюда от Земли, в то время как мы знаем, что ни один космический корабль не способен даже теоретически преодолеть такое расстояние в подобный срок.

- Значит, такие корабли были изобретены уже после вашего отбылия, - заметил Дантон. - Когда вы вылетели в космос?

- Космический корабль хаттеритов покинул Землю сто двадцать лет тому назад, - снисходительно ответил Бейкер. - Здесь присутствует преимущественно четвертое и пятое поколения. Заметьте также, -

обратился Бейкер к Симеону и Джедекии, - как ловко сочиняет он правдоподобные названия планет. Врожденная способность к звукоподражанию подсказала ему такие словечки, как Корани, Гейл, Гедния. И его отнюдь не беспокоит, что всех этих планет нет во вселенной.

- Да есть они! - негодующе крикнул Дантон.

- Где? - с вызовом обратился к нему Джедекия. - Укажи координаты.

- Откуда мне их знать? Я не штурман. Гейл, по-моему, где-то в районе Волопаса, а может быть, Кассиопеи. Нет, пожалуй, Волопаса.

- Мне жаль огорчать тебя, друг мой, - сказал Джедекия. - Но, да будет тебе известно, что сам я именно штурман. Я могу показать тебе звездные карты, атласы. Там нет этих планет.

- Ваши карты устарели на столетие!1

- Звезды, стало быть, тоже, - отрезал Симеон. - Ну, Данта, где же твои соплеменники? Почему они прячутся он нас? Что вы там замышляете?

- Какая нелепость, - возмутился Дантон. - Как мне вас убедить? Я землянин, слышите! Родился и вырос...

- Будет! - оборвал его Симеон. - Уж что-что, но выслушивать дерзости от туземцев хаттериты не станут. Живее, Данта. Где твой народ?

- Здесь никого нет, кроме меня, - не сдавался Дантон.

- А, так ты запираться! - процедил Джедекия. - Уж не хочешь ли отведать плетки из змеиной кожи?

- Потом, успеется, - остановил его Симеон. - Туземцы сами придут. Дикари всегда прибегают попрошайничать. А ты, Данта, можешь пока пособить тем людям, что разгружают корабль.

- Нет, спасибо, - ответил Дантон, - я лучше вернусь...

Кулак Джедекии с размаху врезался ему в челюсть. Дантон еле удержался на нога„.

- Вождь сказал тебе: без дерзостей! - гаркнул Джедекия. - И что это вы, туземцы, такие лодыри? Тебе заплатят сразу же, как выгрузят бусы и ситец. За работу!

Спорить было бесполезно. Ошеломленный, замороченный, почти так же, как миллионы туземцев в тысячах разных миров и до него, Дантон присоединился к длинному ряду колонистов, по конвейеру передававших груз из корабля.

К концу дня звездолет разгрузили, и поселенцы расположились на отдых. Дантон сел в стороне, поодаль от остальных и попытался обдумать свое положение. К нему подошла Анита, держа в руке котелок с водой.

- Вы тоже принимаете меня за туземца? - спросил он.

Анита села рядом и ответила:

- Я просто не представляю, кем еще вы можете быть. Всем ведь известно, с какой скоростью летают космические корабли, а вы...

- С тех пор как ваш корабль покинул Землю, многое переменилось. Но скажите, неужели "Народ Хаттера" провел все эти годы в космосе?

- Конечно, нет. Наши высадились сперва на Эйчгастро I, но почва там оказалась неплодородной, и следующее поколении перебралось на Ктеди. Там тоже случилась беда: земные злаки видоизменились и так буйно разрослись, что людям пришлось спасаться на другую планету, Лан II. На ней бы мы и остались, если бы не новая напасть.

- Какая же?

- Туземцы, - грустно ответила анита. - Насколько я понимаю, встретили они нас дружелюбно, и поначалу все шла хороша. А потом вдруг все местное население восстало против нас. Правда, у туземцев не было огнестрельного оружия, он они собрали такое огромное войско, что нашим прошлось снова сесть на корабль и бежать сюда.

- Гм, - промычал Дантон. - Стало быть, вот откуда такой страх перед аборигенами.

- Ну конечно. Пока нам угрожает хотя бы малейшая опасность, мы находимся на военном положении: то есть всем распоряжаются мой отец и

Джедекия. Зато когда угроза минует, власть перейдет в руки постоянного правительства хаттеритов.

- Что же это за правительство?

- Совет старейшин, - ответила Анита. - В нем заседают люди доброй воли, ненавидящие насилие. И если ты и твой народ действительно хотите мира...

- У меня не5т народа, - устало сказал Дантон.

- ...наше правительство создаст вам все условия для процветания, - закончила она.

Они замолчали, любуясь закатом. Дантон вдруг заметил, как шевелятся на ветру мягкие волосы Аниты, упавшие ей на лоб, и как в свете вечерней зари проступают отчетливой светящийся линией очертания ее щеки и губ. Дантон вздрогнул и уверил себя, что посвежело. А девешка, с воодушевлением рассказывавшая ему о своем детстве, стала вдруг запинаться, не находя нужных слов, а то и вовсе забывала, о чем говорит.

Потом их руки встретились. Сперва столкнулись кончики пальцев и так и не разошлись. Парочка долго сидела молча. И наконец, все завершилось продолжительным нежным поцелуем.

- Что здесь творится, черт возьми? - раздался громкий голос.

Перед ними, подбоченившись, стоял широкоплечий коренастый человек. Его крупная голова черным силуэтом вырисовывалась в светящемся диске луны.

- Бога ради, Джедекия, - сказала Анита. - Не разыгрывай сцен.

- Встань, - зловещим тихим голосом сказал Джедекия Дантону. - Втань-ка, да побыстрей.

Дантон поднялся на ноги, сжимая руки в кулаки.

- Ты опозорили свою расу, - сказал Джедекия Аните, - и весь народ Хаттера. С ума ты сошла, что ли? Разве может уважающая себя девушка путаться с грязным туземцем? А тебе, - повернулся он к Дантону, - я растолкую одну истину, да так, что ты крепко ее запомнишь. Туземцам не позволено волочиться за нашими женщинами! И сейчас я вколочу это тебе в башку.

Произошла короткая стычка, в результате которой Джедекия оказался распростертым на земле плашмя.

- На помощь! - завопил он. - Туземцы взбунтовались!

На звездолете загремел набат. Вой сирен пронзил ночную темноту. Женщины и дети, давно и основательно обученные, как вести себя при сигнале тревоги, быстро забрались в корабль. Мужчины, вооружившись винтовками, пулеметами и ручными гранатами, приближались к Дантону.

- Да мы с ним просто подрались один на один, - крикнул Дантон. - никаких туземцев и близко нет. Здесь только я.

- Отойди, Анита! - крикнул хаттерит, идущий впереди.

- Но я не видела ни одного туземца, твердо сказала девушка. - А Данта и в самом деле не виноват.

- Назад!

Аниту оттащили. Дантон бросился к джунглям и успел скрыться, прежде чем застрочили пулеметы.

С полсотни ярдов он прополз на четвереньках, а потом встал и помчался во весь дух.

К счастью, хаттериты не преследовали его. Единственное, чего они хотели, это защитить от нападения корабль и удержать в своих руках береговой плацдарм с примыкавшей к нему узкой полоской джунглей. Всю ночь не умолкала трескотня пулеметов, громкие крики, истошные вопли.

- Вон высунулся один!

- Поворачивай пулемет, скорее! Они заходят с тыла!

- Ага! Попался!

- Нет, убежал. А, вот ты где... Гляди-ка, а на дереве...

- Стреляй, стреляй же...

Чуть не до утра Дантон слышал, как отбивают хаттериты атаки воображаемых туземцев.

Только перед самым рассветом стрельба умолкла. За ночь было израсходовано около тонны свинца, было вытаптано несколько акров травы и обезглавлены сотни деревьев. Джунгли воняли кордитом.

Дантон забылся беспокойным сном.

Проснувшись в полдень, он услыхал, как кто-то пробирается через подлесок. Дантон углубился в чащу и, подкрепившись местными плодами, напоминающими бананы и манго, попытался обдумать свое положение.

Тщетно. Он мог думать только об Аните и тосковать о ней.

Весь день бродил он, словно неприкаянный, по джунглям. Солнце уже клонилось к закату, когда из подлеска снова донесся шум. Дантон двинулся в глубь зарослей. Но его тут же позвали:

- Данта! Данта! Погоди!

Это была Анита. Он остановился в нерешимости. Что, если двушка покинула лагерь, чтобы поселиться с ним в зеленых джунглях? Впрочем, куда более правдоподобным было другое объяснение: хаттериты хотят заманить его в ловушку, и за девушкой следует отряд вооруженных мужчин, готовых убить его при первой же возможности. Как угадаешь, кого решила предать Анита?

- Данта! Где же ты?

Дантон убеждал себя, что его надежды неосуществимы. Хаттериты вполне ясно показали свое отношение к туземцам. Они никогда не станут доверять ему, его жизнь вечно будет в опасности...

- Данта, я прошу тебя!

Дантон пожал плечами и пошел на ее голос.

Они встретились на небольшой прогалине. Волосы Аниты растрепались, спортивная блуза и шорты были изодраны колючками, но Дантону она показалась прекрасней всех женщин на свете. На миг он поверил, что девушка убежала к нему, останется с ним.

Затем он увидел ярдах в пятидесяти сзади вооруженных мужчин.

- Не волнуйся, - успокоила его Анита. - Они не будут стрелять. Они только охраняют меня.

- Вот как? - принужденно рассмеялся Дантон. - От кого же?

- Они ведь не знают тебя так хорошо, как я, - пояснила Анита. - Но сегодня заседал Совет, и я рассказала там всю правду.

- В самом деле?

- Ну, конечно. Я сказала, что ты просто защищался, а драку затеял Джедекия. И что он все наврал: на него вовсе не нападала целая орда туземцев. Кроме тебя, там не было ни души, я им прямо заявила.

- Вот молодчина! - пылко воскликнул Дантон. - И они поверили тебе?

- По моему, да. Я ведь обьяснила им, что туземцы напали позднее.

Дантон застонал.

- Послушай, как могли туземцы напасть на вас, если их нет на острове?

- То есть как это нет? А кто же тогда так вопил?

- Твои собственные земляки.

Дантон попытался придумать что-нибудь очень убедительное. Ведь если ему не удастся уверить в своей правоте хотя бы эту девушку, как сможет он разубедить остальных?

И тут его осенило. Довод был предельно прост, но, по-видимому, неопровержим.

- Так ты и в самом деле считаешь, что на ваш лагерь напали туземные жители? - српросил он.

- Ну еще бы.

- И много нас было?

- Говорят, что на одного нашего приходилось не меньше десятка.

- Мы были вооружены?

- Разумеется.

- Тогда чем же ты объяснишь тот странный факт, - торжествуя, спросил Дантон, - что ни один из хаттеритов не был ранен?

Анита изумленно на него воззрилась.

- Но, Данта, милый, очень многие из наших ранены и некоторые даже тяжело. Удивительно еще, что в таком сражении никого не убили.

Дантону показалось, что земля рванулась и него из-под ног. Охваченый паникой, он вдруг поверил Аните. Не зря, очевидно, хаттериты так настаивают на своем. А что, если на острове и вправду живет какое-то племя, и сотни бронзовых, как он сам, дикарей, прячутся сейчас за деревьями, выжидая...

- Тот торговец, что обучил тебя английскому, был, наверное, совсем бессовестный, - продолжала Анита. - Межпланетный закон запрещает продавать туземцам огнестрельное оружие. Когда-нибудь он попадется и...

- Огнестрельное?

- В том-то и дело! Вы, конечно еще не научились как следует с ним обращаться. Но мой отец сказал, что пуля летит с такой силой...

- Я полагаю, раны были только пулевые?

- Да. Наши не подпустили вас близко, так что вам не удалось воспользоваться кинжалами и копьями.

- Понятно, - сказал Дантон.

Итак, его попытку постиг полный крах. И все-таки он чувствовал себя на вершине блаженства, вновь обретя уверенность в здравости своего рассудка. Дантон понял наконец. Беспорядочно рассыпавшееся по джунгям воинство хаттеритов палило в каждую движущуюся тень, то есть друг в друга. Мудрено ли, что некоторые попали под пулю? Гораздо удивительнее то, что никто не погиб. Это было поистине чудом.

- Но я объяснила старейшинам, что ты вовсе не виноват, - успокоила его Анита. - Наоборот, это на тебя напали, а твои соплеменники, наверное, подумали, что тебя хотят убить. Старейшины считают это вполне вероятным.

- Как любезно с их стороны, - заметил Дантон.

- Они стараются быть беспристрастными. Вообще-то они ведь признают, что туземцы такие же люди, как и мы.

- Да неужели! - попытался съязвить бедняга.

-Да, а как же? И старейшины тут же созвали совещание по вопросам туземной политики и на нем порешили все раз и навсегда. Мы отводим вам резервацию площадью в тысячу акров. Правда ведь, не поскупились? Наши уже вколачивают межевые столбы. И вы будете жить в резерваци, а мы - на нашей части острова.

- Что-о?!

- И чтобы скрепить договор, - продолжала Анита, - наши старейшины просят тебя принять вот это. - И она вручила ему пергаментный свиток.

- Что это такое?

Это мирный договор, который провозглашает окончание хатеро-ньютаитянской войны и устанавливает отныне и навеки добрососедские отношения между нашими миролюбивыми народами.

Ошеломленный Дантон взял в руки свиток. Он видел, что спутники Аниты уже врывают в земля межевые столбы, расписанные в красную и черную полоску. Работая, мужчины пели, как нельзя более довольные тем, что им удалось так быстро и легко справиться с проблемой туземцев.

- А не кажется ли тебе, - начал Дантон, - что может быть, ...э-э, лучшим выходом была бы... ассимиляция?

- Я это предлагала, - покраснев, сказала Анита.

- Правда? Значит, ты согласилась бы...

- Конечно, да, - не глядя на него, проговорила девушка. - Я считаю, что слияние двух могущественных рас принесло бы замечательные результаты. И потом... Ах, Данта, какие чудесные сказки и легенды рассказывал бы ты нашим детишкам!

- Я научил бы их охотиться и ловить рыбу, - подхватил Дантон, - показал бы им, как распознавать съедобные коренья, и многое другое.

- А ваши колоритные племенные песни, пляски, - вздохнула Анита. - Как все было бы чудесно. Я очень огорчена.

- Но должен же быть выход! - Может, мне поговорить со старейшинами? Неужели нет надежды?

- Никакой, - ответила Анита. - Я бы убежала с тобой, Данта, но нас ведь поймают, не сейчас, так позже.

- Они никогда нас не найдут, - уверил ее Дантон.

- Возможно. Я бы с радостью рискнула.

- Милая!

- Но не во мне одной дело. А твой несчастный народ, Данта? Хаттериты возьмут заложников и, если я не вернусь, поубивают их.

- Да нет здесь никакого народа! Нет его, черт меня возьми!

- Я тронута, что ты так говоришь, - нежно произнесла Анита. - Но нельзя жертвовать человеческими жизнями ради любви двух отдельных лиц. Ты предупреди своих соплеменников, Данта, чтобы не нарушали границу. В них будут сразу же стрелять. Прощай и помни, что тропа мира лучше, чем тропа войны.

Девушка убежала. Дантон долго смотрел ей вслед. Он и злился, что ее благородные чувства обрекли их на бесмысленную разлуку, и в то же время еще сильней любил ее за сострадание к его соплеменникам. То, что соплеменников не существует в природе, не умаляло заслуг девушки. Она ведь этого не знала.

Наконец он повернулся и побрел в глубь чащи.

Остановился он около тихого пруда, над которым нависли ветви гигантских деревьев. Черную гладь воды окаймляли заросли цветущего папортника; усевшись здесь, он стал раздумывать, как ему доживать свой век. Анита потеряна. Все связи с подобными ему оборвались. Ну что ж, ему никто и не нужен, утешал он себя. Он отлично проживет и в резервации; если захочет, снова посадит огород, будет опять высекать статуи, напишет новые сонаты, опять станет вести дневник...

- К черту! - крикнул он деревьям.

Он был сыт по горло сублимацией. Его влекло к Аните, тянуло к людям. Одиночество опротивело ему.

Но что же делать,

Выхода, казалось, не было. Прислонившись к стволу дерева, Дантон задумчиво смотрел на неистово синее нью-таитянское небо. Если бы эти хаттериты не погрязли так в своих дурацких предрассудках, и не боялись так туземцев, и...

План возник молниеносно, безумный, опасный план...

- Попробовать стоит, - подумал Дантон. - А убьют, так и ладно.

И он заспешил к пограничной меже.

Увидев, что Дантон приближается к лагерю, один из часовых направил на него винтовку. Дантон поднял руки.

- Не стреляй! Мне нужно поговорить с вашими вождями.

- Убирайся в резервацию! - крикнул ему часовой. - Не то буду стрелять.

- Но мне нужно видеть Симеона, - настаивал Дантон.

- Приказ есть приказ, - и с этими словами часовой прицелился.

- Стой, погоди-ка. - Из космического корабля вылез хмурый, как туча, Симеон. - Что тут стряслось?

- Опять пришел этот туземец, - пояснил часовой. - Прихлопнуть его, сэр?

- Чего тебе нужно, - спросил Симеон Дантона.

- Я пришел, дабы возвестить вам, - громовым голосам начал Дантон, - обьявление войны!

Лагерь всполошился. Через несколько минут все мужчины, женщины и дети сгрудились около корабля. Старейшины - группа седобородых старцев - держались с краю.

- Ты ведь принял мирный договор, - заметил Симеон.

- Мы, вожди племен, живущих здесь, на острове, - выступая вперед, заявил Дантон, - обсудили договор и находим, что он несправедлив. Нью-Таити - наша. Она искони принадлежала нашим отцам и отцам наших отцов. Здесь растили мы детей, сеяли злаки и собирали плоды хлебного дерева. Мы не хотим жить в резервации!

- Ах, Данта! - воскликнула, выходя из корабля, Анита. - Я ведь просила тебя принести твоему народу мир.

- Они не послушались бы меня, - ответил Дантон. - Все племена поднялись. И не одни только цинохи, мой народ, но и дровати, лорогнасти, ретелльсмбройхи, виттели. Я уже не говорю о зависимых и малых племенах.

- И много у вас народу? - спросил Симеон.

- Пятьдесят или шестьдесят тысяч воинов. Но, конечно, не у каждого есть винтовка. Большинству придется довольствоваться более примитивным оружием, вроде отравленных дротиков и стрел.

Тревожный ропот пробежал по рядам толпы.

- Многих из нас убьют, - бесстрастно продолжал Дантон. - Пусть: мы готовы к этому. Каждый ньютаитянин будет сражаться как лев. На одного вашего воина обрушится тысяча наших. Кроме того, к нам, конечно, примкнут наши родичи с соседних островов. И каких бы жертв и бедствий это нам ни стоило, мы опрокинем вас в море. Я сказал.

Дантон повернулся и горделиво зашагал к джунглям.

- Ну, а теперь-то можно прихлопнуть его? - взмолился часовой.

- Опусти винтовку, дурень! - рявкнул Симеон. - Погоди, Данта! Я думаю мы поладим. К чему нам зря проливать кровь?

- Я согласен, - степенно ответил Дантон.

- Чего вы требуете от нас?

- Равноправия.

Старейшины, не сходя с места, принялись совещаться. Симеон выслушал их и направился к Дантону.

- Это требование исполнимо. Больше вы ничего не хотите?

- Нет, больше ничего, - ответил Дантон. - Если, разумеется, не считать того, что для скрепления договора главенствующим родам хаттеритов и ньютаитян надлежит связать себя нерасторжимыми узами. Мы предлагаем брак.

Старейшины опять посовещались, и военачальник получил новые наставления, столь сильно взволновавшие его, что на шее у него вздулись жилы. Впрочем, Симеон усилием воли овладел собой и, поклонившись в знак повиновения старейшинам, прошествовал к Дантону.

Старейшины уполномочили меня, - сказал он, - предложить тебе кровное братство. Мы с тобой, как представители главенствующих родов, смешаем кровь и после свершения этой трогательной, чисто символической церемонии преломим хлеб, посыплем его солью...

- Э, нет, - ответил Дантон. - У нас на Нью-Таити такое не принято. Я настаиваю на браке.

- Но, черт возьми, любезный...

- Таково мое последнее слово.

- Мы никогда не согласимся! Никогда!

- Значит, будем воевать, - обьявил Дантон и удалился в джунгли.

Он и впрямь был не прочь начать войну, хотя и не представлял себе, каким образом один-единственный туземец сможет вести военные действия против большого отряда вооруженных мужчин.

Дантон пытался что-нибудь изобрести, когда к нему явилсь Симеон и Анита.

- Твоя взяла, - сердито буркнул Симеон. - Старейшины согласны. Хаттеритам осточертело порхать с планеты на планету. Мы сталкиваемся с проблемой туземцев нее в первый раз, и, куда бы мы не перебрались, нам от нее, наверное, не избавиться. Мы сыты ею по горло и предпочетаем, - Симеон судорожно глотнул воздух, однако мужественно договорил: - Согласиться на ассимиляцию. По крайней мере так решили старейшины. Я

лично выбрал бы войну.

- И потерпели бы поражение, - заверил его Дантон, вдруг почувствовав себя в силах в одиночку расправиться с хаттеритами.

- Возможно, - согласился Симеон. - Впрочем, если бы не Анита, нам пришлось бы воевать.

- Почему?

- А потому, любезнейший, что во всем лагере она единственная девушка, которая согласно выйти замуж за голого и грязного язычника-дикаря!

Итак, они поженились, и Данта, именуемый отныне Другом Белого Человека, принялся помогать хаттеритам в покорении новых земель. Пришельцы, в свою очередь, приобщили его к чудесам цивилизации. Данту научили играть в такие игры, как бридж, "станьте в круг". Вскоре хаттериты построили первую подземку, чтобы, как все цивилизованные люди, давать разрядку своей агрессивности. Данту посвятили и в эту игру.

Как ни старался он проникнуться духом этой классической забавы землян, она оказалась недоступной для его примитивной натуры. Вместе с женой он кочевал по всей планете, передвигаясь вслед за границей, дабы быть как можно дальше он угнетавших его благ цивилизации.

Данту часто навещали антропологи. Они записывали все истории, какие он рассказывал своим детям: древнии и прекрасные нью-таитянские легенды о небесных богах и о водяных демонах, о духах огня и о лесных нимфах; о том, как Катамандуре было велено создать мир из ничего всего за три дня и какая награда его ожидала; что сказал Джевази, повстречав в подземном царстве Хутменлати, и как странно закончилась их встреча.

От антропологов не ускользнуло сходство нью-таитянских легенд с некоторыми из земных, что послужило основанием для целого ряда остроумных теорий. Их внимание привлекали также исполинские статуи из песчаника, найденые на главном острове Нью-Таити, зловещие, колдовские изваяния, которые, увидав однажды, никто уж не мог позабыть. Вне всякого сомнения, они были созданы некой пре-нью-таитянской расой, обитавшей на планете в незапамятные времена, которая вымерла, не оставив следов.

Но гораздо больше интриговало ученых загадочное исчезновение самих ньютаитян. Беспечные, смешливые, смуглые, как бронза, дикари, превосходившие представителей любой другой расы ростом, силой, здоровьем и красотой, исчезли с появлением белых людей. Лишь весьма немногие из старейших поселенцев могли кое-что припомнить о своих встречах с аборигенами, но и из рассказы не внушали особого доверия.

- Мой народ? - говорил Данта любопытным. - О, мой народ не перенес болезней белых людей, их машинной цивилизации, их грубости и деспотизма. Мои родичи теперь в ином, более счастливом краю, на Валгуле, там, за небом. Когда-нибудь и я уйду туда.

И, слыша это, белые люди почему-то чувствовали себя виноватыми и старались быть как можно ласковее с Дантой, Последним Туземцем.

РОБЕРТ ШЕКЛИ
БИТВА

Верховный главнокомандующий Феттерер стремительно вошел в оперативный зал и рявкнул:

- Вольно!

Три его генерала послушно встали вольно.

- Лишнего времени у нас нет, - сказал Феттерер, взглянув на часы. - Повторим еще раз предварительный план сражения. Он подошел к стене и развернул гигантскую карту Сахары.

- Согласно наиболее достоверной теологической информации, полученной нами, Сатана намерен вывести свои силы на поверхность вот в этом

пункте. - Он ткнул в карту толстым пальцем. - В первой линии будут дьяволы, демоны, суккубы, инкубы и все прочие того же класса. Правым флангом командует Велиал, левым - Вельзевул. Его Сатанинское Величество возглавит центр.

- Попахивает средневековьем, - пробормотал генерал Делл.

Вошел адъютант генерала Феттерера. Его лицо светилось счастьем при мысли об Обещанном Свыше.

- Сэр, - сказал он, - там опять священнослужитель.

- Извольте стать смирно, - строго сказал Феттерер. - Нам еще предстоит сражаться и победить.

- Слушаю, сэр, - ответил адъютант и вытянулся. Радость на его лице поугасла.

- Священнослужитель, гм? - Верховный главнокомандующий Феттерер задумчиво пошевелил пальцами.

После Пришествия, после того, как стало известно, что грядет Последняя Битва, труженики на всемирной ниве религий стали сущим наказанием. Они перестали грызться между собой, что само по себе было похвально, но, кроме того, они пытались забрать в свои руки ведение войны.

- Гоните его, - сказал Феттерер. - Он же знает, что мы разрабатываем план Армагеддона.

- Слушаю, сэр, - сказал адъютант, отдал честь, четко повернулся и вышел, печатая шаг.

- Продолжим, - сказал верховный главнокомандующий Феттерер. - Во втором эшелоне Сатаны расположатся воскрешенные грешники и различные стихийные силы зла. В роли его бомбардировочной авиации выступят падшие ангелы. Их встретят роботы-перехватчики Делла.

Генерал Делл угрюмо улыбнулся.

- После установления контакта с противником автоматические танковые корпуса Мак-Фи двинутся на его центр, поддерживаемые роботопехотой генерала Онгина, - продолжал Феттерер. - Делл будет руководить водородной бомбардировкой тылов, которая должна быть проведена максимально массированно. Я по мере надобности буду в различных пунктах вводить в бой механизированную кавалерию.

Вернулся адъютант и вытянулся по стойке смирно.

- Сэр, - сказал он, - священнослужитель отказался уйти. Он заявляет, что должен непременно поговорить с вами.

Верховный главнокомандующий Феттерер хотел было сказать "нет", но заколебался. Он вспомнил, что это все-таки Последняя Битва и что труженики на ниве религий действительно имеют к ней некоторое отношение. И он решил уделить священнослужителю пять минут.

- Пригласите его войти, - сказал он.

Священнослужитель был облачен в обычные пиджак и брюки, показывавшие, что он явился сюда не в качестве представителя какой-то конкретной религии. Его усталое лицо дышало решимостью.

- Генерал, - сказал он, - я пришел к вам как представитель всех тружеников на всемирной ниве религий - патеров, раввинов, мулл, пасторов и всех прочих. Мы просим вашего разрешения, генерал, принять участие в Битве Господней.

Верховный главнокомандующий Феттерер нервно забарабанил пальцами по бедру. Он предпочел бы остаться в хороших отношениях с этой братией. Что ни говори, а даже ему, верховному главнокомандующему, не повредит, если в нужный момент за него замолвят доброе слово...

- Поймите мое положение, - тоскливо сказал Феттерер. - Я - генерал, мне предстоит руководить битвой...

- Но это же Последняя Битва, - сказал священнослужитель. - В ней подобает участвовать людям.

- Но они в ней и участвуют, - ответил Феттерер. - Через своих представителей, военных.

Священнослужитель поглядел на него с сомнением. Феттерер продолжал:

- Вы же не хотите, чтобы эта битва была проиграна, не так ли?

Чтобы победил Сатана?
- Разумеется, нет, - пробормотал священник.
- В таком случае мы не имеем права рисковать, - заявил Феттерер. - Все правительства согласились с этим, не правда ли? Да, конечно, было бы очень приятно ввести в Армагеддон массированные силы человечества. Весьма символично. Но могли бы мы в этом случае быть уверенными в победе?
Священник попытался что-то возразить, но Феттерер торопливо продолжал:
- Нам же неизвестна сила сатанинских полчищ. Мы обязаны бросить в бой все лучшее, что у нас есть. А это означает - автоматические армии, роботы-перехватчики, роботы-танки, водородные бомбы.
Священнослужитель выглядел очень расстроенным.
- Но в этом есть что-то недостойное, - сказал он. - Неужели вы не могли бы включить в свои планы людей?
Феттерер обдумал эту просьбу, но выполнить ее было невозможно. Детально разработанный план сражения был совершенен и обеспечивал верную победу. Введение хрупкого человеческого материала могло только все испортить. Никакая живая плоть не выдержала бы грохота этой атаки механизмов, высоких энергий, пронизывающих воздух, всепожирающей силы огня. Любой человек погиб бы еще в ста милях от поля сражения, так и не увидев врага.
- Боюсь, это невозможно, - сказал Феттерер.
- Многие, - сурово произнес священник, - считают, что было ошибкой поручить Последнюю Битву военным.
- Извините, - бодро возразил Феттерер, - это пораженческая болтовня. С вашего разрешения... - Он указал на дверь, и священнослужитель печально вышел.
- Ох, уж эти штатские, - вздохнул Феттерер. - Итак, господа, ваши войска готовы?
- Мы готовы сражаться за Него, - пылко произнес генерал Мак-Фи. - Я могу поручиться за каждого автоматического солдата под моим началом. Их металл сверкает, их реле обновлены, аккумуляторы полностью заряжены. Сэр, они буквально рвутся в бой.
Генерал Онгин вышел из задумчивости.
- Наземные войска готовы, сэр.
- Воздушные силы готовы, - сказал генерал Делл.
- Превосходно, - подвел итог генерал Феттерер. - Остальные приготовления закончены. Телевизионная передача для населения всего земного шара обеспечена. Никто, ни богатый, ни бедный, не будет лишен зрелища Последней Битвы.
- А после битвы... - начал генерал Онгин и умолк, поглядев на Феттерера.
Тот нахмурился. Ему не было известно, что должно произойти после битвы. Этим, по-видимому, займутся религиозные учреждения.
- Вероятно, будет устроен торжественный парад или еще что-нибудь в этом роде, - ответил он неопределенно.
- Вы имеете в виду, что мы будем представлены... Ему? - спросил генерал Делл.
- Точно не знаю, - ответил Феттерер, - но вероятно. Ведь все-таки... Вы понимаете, что я хочу сказать.
- Но как мы должны будем одеться? - растерянно спросил генерал Мак-Фи. - Какая в таких случаях предписана форма одежды?
- Что носят ангелы? - осведомился Феттерер у Онгина.
- Не знаю, - сказал Онгин.
- Белые одеяния? - предположил генерал Делл.
- Нет, - твердо ответил Феттерер. - Наденем парадную форму, но без орденов.
Генералы кивнули. Это отвечало случаю.
И вот пришел срок.
В великолепном боевом облачении силы Ада двигались по пустыне.

Верещали адские флейты, ухали пустотелые барабаны, посылая вперед призрачное воинство. Вздымая слепящие клубы песка, танки-автоматы генерала Мак-Фи ринулись на сатанинского врага. И тут же бомбардировщики-автоматы Делла с визгом пронеслись в вышине, обрушивая бомбы на легионы погибших душ. Феттерер мужественно бросал в бой свою механическую кавалерию. В этот хаос двинулась роботопехота Онгина, и металл сделал все, что способен сделать металл.

Орды адских сил врезались в строй, раздирая в клочья танки и роботов. Автоматические механизмы умирали, мужественно защищая клочок песка. Бомбардировщики Делла падали с небес под ударами падших ангелов, которых вел Мархозий, чьи драконьи крылья закручивали воздух в тайфуны.

Потрепанная шеренга роботов выдерживала натиск гигантских злых духов, которые крушили их, поражая ужасом сердца телезрителей во всем мире, не отводивших зачарованного взгляда от экранов. Роботы дрались как мужчины, как герои, пытаясь оттеснить силы зла.

Астарот выкрикнул приказ, и Бегемот тяжело двинулся в атаку. Велиал во главе клина дьяволов обрушился на заколебавшийся левый фланг генерала Феттерера. Металл визжал, электроны выли в агонии, не выдерживая этого натиска.

В тысяче миль позади фронта генерал Феттерер вытер дрожащей рукой вспотевший лоб, но все так же спокойно и хладнокровно отдавал распоряжения, какие кнопки нажать и какие рукоятки повернуть. И великолепные армии не обманули его ожиданий. Смертельно поврежденные роботы поднимались на ноги и продолжали сражаться. Разбитые, сокрушенные, разнесенные в клочья завывающими дьяволами, роботы все-таки удержали свою позицию. Тут в контратаку был брошен Пятый корпус ветеранов, и вражеский фронт был прорван.

В тысяче миль позади линии огня генералы руководили преследованием.

- Битва выиграна, - прошептал верховный главнокомандующий Феттерер, отрываясь от телевизионного экрана. - Поздравляю, господа.

Генералы устало улыбнулись.

Они посмотрели друг на друга и испустили радостный вопль. Армагеддон был выигран и силы Сатаны побеждены.

Но на их телевизионных экранах что-то происходило.

- Как! Это же... это... - начал генерал Мак-Фи и умолк.

Ибо по полю брани между грудами исковерканного, раздробленного металла шествовала Благодать.

Генералы молчали.

Благодать коснулась изуродованного робота.

И роботы зашевелились по всей дымящейся пустыне. Скрученные, обгорелые, оплавленные куски металла обновлялись.

И роботы встали на ноги.

- Мак-Фи, - прошептал верховный главнокомандующий Феттерер. - Нажмите на что-нибудь - пусть они, что ли, на колени опустятся.

Генерал нажал, но дистанционное управление не работало.

А роботы уже воспарили к небесам. Их окружали ангелы господни, и роботы-танки, роботопехота, автоматические бомбардировщики возносились все выше и выше.

- Он берет их заживо в рай! - истерически воскликнул Онгин. - Он берет в рай роботов!

- Произошла ошибка, - сказал Феттерер. - Быстрее! Пошлите офицера связи... Нет, мы поедем сами.

Мгновенно был подан самолет, и они понеслись к полю битвы. Но было уже поздно: Армагеддон кончился, роботы исчезли, и Господь со своим воинством удалился восвояси.

РОБЕРТ ШЕКЛИ

ФОРМА

Лид-Пилот замедлил скорость почти до нуля. С волнением всматривался он в зелбную планету.

Даже без показаний приборов не оставалось места сомнениям. Во всей системе эта планета, третья от Солнца, была единственной, где возможна жизнь. Планета мирно проплывала в дымке облаков.

Она казалась совсем безобидной. И все же было на этой планете нечто такое, что лишало жизни участников всех экспедиций, когда-либо посланных с Глома.

Прежде чем бесповоротно устремиться вниз, Пид какое-то мгновение колебался. Он и двое его подчиненных сейчас вполне готовы, больше, чем когда бы то ни было. В сумках их тел хранятся компактные Сместители, бездействующие, но тоже готовые.

Лиду хотелось что-нибудь сказать экипажу, но он не вполне представлял, как построить свою речь.

Экипаж ждал. Ильг-Радист уже отправил последнее сообщение на планету Глом. Джер-Индикатор следил за циферблатами шестнадцати приборов одновременно. Он доложил: "Признаки враждебной деятельности отсутствуют". Поверхности его тела беспечно струились.

Пид отметил про себя эту беспечность. Теперь он знал, о чем должен говорить. С той поры, как Экспедиция покинула Глом, Дисциплина Формы омерзительно расшаталась. Командующий Вторжением предупреждал его; но все же надо что-то предпринять. Это долг Пилота, ибо низшие касты, к которым относятся Радисты и Индикаторы, приобрели дурную славу стремлением к Бесформию.

- На нашу экспедицию возлагаются великие надежды, - медленно начал Лид. - Мы теперь далеко от родины.

Джер-Индикатор кивнул. Ильг-Радист вытек из предписанной ему формы и комфортабельно распластался по стене.

- Однако же, - сурово сказал Пид, - расстояние не служит оправданием безнравственному Бесформию. Ильг поспешно влился в форму, подобающую Радисту.

- Нам, несомненно, придется прибегать к экзотическим формам, - продолжал Лид. - На этот случай есть особое разрешение. Но помните: всякая форма, принятая не по служебной необходимости, есть происки самого Бесформия. Джер резко прекратил текучую игру поверхностей своего тела.

- У меня все, - закончил Лид и заструился к пульту. Корабль пошел на посадку так плавно, экипаж действовал настолько слаженно, что Лид ощутил прилив гордости.

"Хорошие работники, - решил он. - Нельзя же, в самом деле, надеяться, что самосознание Формы у них так же развито, как у Пилота, принадлежащего к высшей касте". То же самое говорил ему и Командующий Вторжением.

- Лид, - сказал Командующий Вторжением во время их последней беседы - эта планета нужна нам позарез.

- Да, сэр, - ответил Лид; он стоял, вытянувшись в струнку и ни на йоту, ни малейшим движением не отклоняясь от Парадной формы Пилота.

- Один из вас, - внушительно проговорил Командующий, - должен проникнуть туда и установить Сместитель вблизи источника атомной энергии. На нашем конце будет сосредоточена армия, готовая к прыжку.

- Мы справимся, сэр, - ответил Лид.

- Экспедиция непременно должна достигнуть цели, - сказал Командующий, и облик его на мгновение расплылся от неимоверной усталости. - Строго между нами: на Гломе неспокойно. Бастует, например, каста горняков. Они требуют новой формы для земляных работ. Утверждают, будто старая неудобна.

Лид выразил должное негодование. Горняцкая форма установлена давным-давно, еще пятьдесят тысяч лет назад, так же как и прочие основные формы. А теперь эти выскочки хотят изменить ее.

- Это не все, - поведал ему Командующий. - Мы обнаружили еще один культ Бесформия. Взяли почти восемь тысяч гломов, но не известно, сколько их гуляет на свободе.

Лид знал, что речь идет об искушении Великого Весформия, самого опасного дьявола, какого только может представить себе разум жителей Глома. Но как случается, дивился он, что гломы поддаются его искушению? Командующий угадал, какой вопрос вертится у Лида на языке.

- Лид, - сказал он, - тебе, наверное, непонятно. Ответь мне, нравится ли тебе пилотировать?

- Да, сэр! - ответил Лид просто. Нравится ли пилотировать! Да в этом вся его жизнь! Без корабля он - ничто.

- Не все гломы могут сказать то же самое, - продолжал Командующий. - Мне тоже это непонятно. Все мои предки были Командующими Вторжениями, от самых истоков Времени. Поэтому, разумеется, и я хочу быть Командующим Вторжением. Это не только естественно, но и закономерно. Однако низшие касты испытывают совсем иные чувства. - И он печально потряс телом.

- Я сообщил тебе об этом не зря, - пояснил Командующий. - Нам, гломам, необходимо больше пространства. Неурядицы на планете объясняются только перейаселением. Так утверждают психологи. Получи мы возможность развиваться на новой планете - все раны будут исцелены. Мы на тебя рассчитываем, Пид.

- Да, сэр, - не без гордости ответил Пид. Командующий поднялся было, желая показать, что разговор окончен, но неожиданно передумал и снова уселся.

- Нам придется следить за экипажем, - сказал он. - Ребята они верные, спору нет, но все из низших каст. А что такое низшие касты, ты и сам знаешь. Да, Пид это знал.

- Вашего Д Жора-Индикатора подозревают в тайных симпатиях Реформизму. Однажды он был оштрафован за то, что неправомочно имитировал форму Охотника. Против Ильга не выдвигали ни одного конкретного обвинения. Однако до меня дошли слухи, что он подозрительно долго пребывает в неподвижном состоянии. Не исключено, что он воображает себя Мыслителем.

- Но, сэр, - осмелился возразить Пид, - если они хоть незначительно запятнаны Реформизмом или Бесформием, стоит ли отправлять их в эту экспедицию? После некоторого колебания Командующий медленно проговорил:

- Есть множество гломов, которым я могу доверять. Однако эти двое наделены воображением и находчивостью, особыми качествами, которые необходимы в этой экспедиции. - Он вздохнул. - Право, не понимаю, почему эти качества обычно связаны с Бесформием.

- Да, сэр, - сказал Лид.

- Надо только следить за ними.

- Да, сэр, - повторил Лид и отсалютовал, поняв, что беседа окончена. Во внутренней сумке тела он чувствовал тяжесть дремлющего Сместителя, готового преобразовать вражеский источник энергии в мост через космическое пространство - мост, по которому хлынут с Глома победоносные рати.

- Желаю удачи, - сказал Командующий. - Уверен, что она вам понадобится.

Корабль беззвучно опускался на поверхность вражеской планеты. Джер-Индикатор исследовал проплывающие внизу облака и ввел полученные данные в Маскировочный блок. Тот принялся за работу. Вскоре корабль казался со стороны всего лишь формацией перистых облаков.

Лид предоставил кораблю медленно дрейфовать к поверхности загадочной планеты. Теперь он пребывал в Парадной форме Пилота - самой эффективной, самой удобной из четырех форм, предназначенных для касты Пилотов. Он был слеп, глух и нем - всего лишь придаток пульта управления; все его внимание устремлено на то, чтобы не обгонять слоистые облака, держаться среди них, слиться с ними.

Джер упорно сохранял одну из двух форм, дозволенных Индикаторам. Он ввел данные в Маскировочный блок, и опускающийся корабль медленно преобразовался в мощное кучевое облако. Враждебная планета не подавала никаких признаков жизни. Ильг засек источник атомной энергии и сообщил данные Лиду. Пилот изменил курс. Он достиг нижних облаков, всего лишь в миле от поверхности планеты. Теперь корабль принял облик пухленького кудрявого кучевого облачка.

Но сигнала тревоги не было. Неведомая судьба двадцати предыдущих экспедиций все еще не была разгадана.

Пока Лид маневрировал над атомной электростанцией, сумерки окутали лик планеты. Избегая окрестных зданий, корабль парил над лесным массивом.

Тьма сгустилась, и одинокая луна зеленой планеты скрылась за облачной вуалью. Одно облачко опускалось ниже и ниже... и приземлилось.

- Живо, все из корабля! - крикнул Лид, отсоединяясь от пульта управления. Он принял ту из форм Пилота, что наиболее пригодна для бега, и пулей выскочил из люка. Джер и Ильг помчались за ним. В пятидесяти метрах от корабля они остановились и замерли в ожидании.

Внутри корабля замкнулась некая цепь. Корабль бесшумно содрогнулся и стал таять на глазах. Пластмасса растворялась в воздухе, металл съеживался. Вскоре корабль превратился в груду хлама, но процесс все еще, продолжался. Крупные обломки разбивались на мелкие, а мелкие дробились снова и снова.

Глядя на самоуничтожение корабля, Пид ощутил внезапную беспомощность. Он был Пилотом происходил из касты Пилотов. Пилотами были его отец, и отец отца, и все предки - еще в те туманные времена, когда на Гломе были созданы первые космические корабли. Все свое детство он провел среди кораблей: все зрелые годы пилотировал их.

Теперь, лишенный корабля, он был наг и беспомощен в чуждом мире. Через несколько минут там, где опустился корабль, остался лишь холмик пыли. Ночной ветер развеял эту пыль по лесу, и тогда уж совсем ничего не осталось.

Они ждали. Но ничего не случилось. Вздыхал ветерок, поскрипывали деревья. Трещали белки, хлопотали в своих гнездах птицы. С мягким стуком упал желудь.

Глубоко, с облегчением вздохнув, Лид уселся. Двадцать первая экспедиция Глома приземлилась благополучно.

Все равно до утра нельзя было ничего предпринять; поэтому Лид начал разрабатывать план. Они высадились совсем близко от атомной электростанции, так близко, что это была просто дерзость. Теперь придется подойти еще ближе. Так или иначе, одному из них надо пробраться в помещение реактора, чтобы привести в действие Сместитель.

Трудно. Но Лид не сомневался в успехе. В конце концов, жители Глома - мастера по части изобретательности.

"Мастера-то мастера, - подумал он горько, - а вот радиоактивных элементов страшно не хватает". То была еще одна причина, по которой экспедиция считалась такой важной. На подвластных Глому планетах почти не осталось радиоактивного горючего.

Глом растратил свои запасы радиоактивных веществ еще на заре истории, осваивая соседние миры и заселяя те из них, что были пригодны для жизни. Но колонизация едва поспевала за все растущей рождаемостью. Глому постоянно нужны были новые и новые миры.

Нужен был и этот мир, недавно открытый одной из разведывательных экспедиций. Он годился решительно во всех отношениях, но был слишком уж отдаленным. Не хватало горючего, чтобы снарядить военно-космическую флотилию.

К счастью, существовал и другой путь к цели. Еще лучший. Когда-то, в глубокой древности, ученые Глома создали Сместитель. То был подлинный триумф Техники Тождественности. Он позволял осуществлять мгновенное перемещение массы между двумя точками, определенным образом связанными между собой.

Один - стационарный - конец установки находился на единственной атомной энергостанции Глома. Второй конец надо было поместить рядом с любым источником ядерной энергии и привести в действие. Отведенная энергия протекала между обоими концами и дважды видоизменялась.

Тогда благодаря чудесам Техники Тождественности гломы могли перешагивать с планеты на планету, могли обрушиваться чудовищной, все затопляющей волной.

Это делалось совсем просто. Тем не менее двадцати экспедициям не удалось установить Сместитель на земном конце.

Что помешало им - никто не знал. Ни один корабль не вернулся на Глом, чтобы рассказать об этом.

Перед рассветом, приняв окраску местных растений, они крадучись пробирались сквозь леса. Сместители слабо пульсировали, чуя близость ядерной энергии.

Мимо стрелой промчалось крохотное четвероногое существо. У Джера тотчас появились четыре ноги и удлиненное обтекаемое тельце, и он бросился вдогонку.

- Джери, вернись немедленно, - взвыл Лид, отбрасывая всякую осторожность.

Джер догнал зверька и повалил на землю. Он старался загрызть добычу, но позабыл обзавестись зубами. Зверек вырвался и исчез в подлеске. Джер отрастил комплект зубов и напряг мускулы для прыжка.

- Джери

Индикатор неохотно обернулся. В молчании он вприскочку вернулся к Лиду.

- Я был голоден, - сказал он.

- Нет, не был, - неумолимо ответил Лид.

- Выл, - пробормотал Джер, корчась от смущения. Лид вспомнил слова Командующего. В Джере, безусловно, таятся Охотничьи наклонности. Надо будет следить за ним в оба.

- Ничего подобного больше не повторится, - сказал Лид. - Помни, Экзотические формы еще не разрешены. Будь доволен тоб формой, для которой ты рожден. - Джер кивнул и снова слился с подлеском. Они продолжили путь.

С опушки атомная электростанция была хорошо видна. Лид замаскировался под кустарник, а Джер превратился в старое бревно. Ильг после недолгого колебания принял облик молодого дубка.

Станция представляла собой невысокое длинное здание, обнесенное металлическим забором. В заборе были ворота, а у ворот стояли часовые.

"Первая задача, - подумал Пид. - Как проникнуть в ворота?" Он стал прикидывать пути и способы.

По обрывочным сведениям, извлеченным из отчетов разведывательных экспедиций, Пид знал, что в некоторых отношениях раса людей походила на гломов. У них, как и у гломов, имелись ручные животные, дома, дети, культура. Обитатели планеты были искусны в механике, как и гломы.

Однако между двумя расами существовали неимоверные различия. Людям была дана постоянная и неизменная форма, как камням или деревьям. А чтобы хоть чем-то компенсировать такое однообразие, их планета изобиловала фантастическим множеством родов, видов и пород. Это было совершенно непохоже на Глом, где животный мир исчерпывался всего лишь восемью различными формами.

Совершенно ясно, что люди наловчились вылавливать непрошенных гостей, подумал Пид. Жаль, что он не знает, из-за чего провалились прежние экспедиции. Это намного упростило бы дело.

Мимо на двух неправдоподобно негнущихся ногах проковылял Человек. В каждом его движении чувствовалась угловатость. Он торопливо миновал гломов, не заметив их.

- Придумал, - сказал Джер, когда странное существо скрылось из виду. - Я притворюсь Человеком, пройду через ворота в зал реактора и активирую Сместитель.

- Ты не умеешь говорить на их языке, - напомнил Пид.

- Я и не стану ничего говорить. Я на них и внимания-то не обращу. Вот так. - Джер быстро принял облик человека.

- Недурно, - одобрил Пид.

Джер сделал несколько пробцых шагов, подражая трясучей походке Человека.

- Но боюсь, ничего не выйдет, - продолжал Пид.

- Это же вполне логично, - возразил Джер.

- Я знаю. Поэтому-то прежние экспедиции наверняка прибегли к такому способу. И ни одна из них не вернулась. Спорить было трудно. Джер снова перелился в форму бревна.

- Как же быть? - спросил он.

- Дай мне подумать, - ответил Лид.

Мимо проковыляло существо, которое передвигалось не на двух ногах, а на четырех. Лид узнал его: то была Собака, друг Человека. Он пристально наблюдал за ней.

Собака неторопливо направилась к воротам, опустив морду. Никто ее не остановил; она миновала ворота и улеглась на траве.

- Гм, - сказал Лид.

Они следили за собакой не отрываясь. Один из Людей, проходя мимо, прикоснулся к ее голове. Собака высунула язык и перевернулась на спину.

- Я тоже так могу, - возбужденно сказал Джер. Он уже переливался в форму собаки.

- Нет, погоди, - сказал Лид. - Остаток дня мы потратим на то, чтобы хорошенько все обдумать. Дело слишком важное, нельзя бросаться в него очертя голову. Джер угрюмо подчинился.

- Пошли, пора возвращатьсл, - сказал Лид. В сопровождении Джера он двинулся было в глубь леса, но вдруг вспомнил об Ильге.

- Ильг! - тихо позвал он. Никто не откликнулся.

- Ильг!

- Что? Ах, да! - произнес дубок и слился с кустарником. - Прошу прощения. Вы что-то сказали?

- Мы возвращаемся, - повторил Лид. - Ты случайно не Мыслил?

- О нет, - заверил его Ильг. - Просто отдыхал. Лид примирился с таким объяснением. Забот и без того хватало.

Скрытые в лесной чаще, они весь остаток дня обсуждали этот вопрос. Были, по-видимому, лишь две возможности - Человек или Собака. Дерево не могло пройти за ворота - это было не в характере Деревьев. Никто не мог проскользнуть незамеченным.

Расхаживать под видом Человека казалось слишком рискованным. Порешили, что утром Джер сделает вылазку в образе Собаки.

- А теперь поспите, - сказал Лид.

Оба члена экипажа послушно расплющились, мгновенно став бесформенными. Но Лид не мог заснуть.

Все ка-залось слишком уж простым. Почему так плохо охранялась атомная электростанция? Должны же были Люди хоть что-нибудь выведать у экспедиций, перехваченных ими в прошлом. Неужто они убивали, не задавая никаких вопросов?

Никогда не угадаешь, как поступит существо из чужого мира. Может быть, открытые ворота просто ловушка? Он устало вытек в удобную позу на бугорчатой земле, но тут же поспешно привел себя в порядок. Он опустился до Весформия.

"Удобство не имеет ничего общего с долгом", - напомнил он себе и решительно принял форму Пилота.

Однако форма Пилота не была создана для сна на сырой, неровной почве. Пид провел ночь беспокойно, думая о кораблях и сожалея, что не летит.

Утром Лид протнулся усталый и в дурном расположении духа. Он растолкал Докера.

- Надо приниматься за дело, - сказал он. Докер весело излился в вертикальное положение.

- Давай, Ильг! - сердито позвал Лид, оглядываясь вокруг. - Просыпайся. Ответа не последовало.

- Ильг! - окликнул он. Ответа по-прежнему не было.

- Помоги поискать его - сказал Пид Джеру. - Он должен быть гдето поблиэости.

Вдвоем они осмотрели каждый куст, каждое дерево и бревно в окрестности. Но ничто из них не было Ильгом.

Лид ощутил, как его сковывает холодом испуг. Что могло случиться с

Радистом?

- Выть может, он решил пройти за ворота на свой страх и риск? - предложил Джер.

Лид обдумал эту гипотезу и счел ее невероятной. Ильг никогда не проявлял инициативы. Он всегда довольствовался тем, что выполнял чужие приказы. Они выжидали. Но вот настал полдень, а Ильга все еще не было.

- Больше ждать нельзя, - объявил Лид, и оба двинулись по лесу. Лид ломал себе голову, действительно ли Ильг пытался пройти за ворота на свой страх и риск. В таких тихонях зачастую кроется безрассудная храбрость.

Но ничто не говорило о том, что попытка Ильга удалась. Приходилось думать, что Радист погиб или захвачен в плен Людьми. Значит, Сместитель придется активировать вдвоем. А Лид по-прежнему не знал, что случилось с остальными экспедициями.

На опушке леса Джер превратился в копию Собаки. Лид придирчиво оглядел его.

- Поменьше хвоста, - сказал он. Джер укоротил хвост.

- Побольше ушей. Джер удлинил уши.

- Теперь подравняй их. - Он посмотрел, что получилось. Насколько он мог судить, Джер стал совершенством от кончика хвоста до мокрого черного носа.

- Желаю удачи, - сказал Пид.

- Благодарю. - Джер осторожно вышел из леса, передвигаясь дергающейся поступью Собак и Людей. У ворот его окликнул часовой. Лид затаил дыхание.

Джер прошел мимо Человека, игнорируя его. Человек двинулся был" к Джеру, и тот припустился бегом.

Лид приготовил две крепкие ноги, готовясь стремительно броситься в атаку если Джера схватят.

Но часовой вернулся к воротам. Джер немедленно перестал бежать и спокойно побрел к главному входу. Со вздохом облегчения Лид ликвидировал ноги. Но главный вход был закрыт! Лид надеялся, что Индикатор не сделает попытки открыть его. Это было не в повадках Собак.

К Джеру подбежала другая Собака. Он попятился от нее. Собака подошла совсем близко и обнюхала Джера. Тот ответил тем же. Потом обе собаки побежали за угол.

"Это остроумно, - подумал Лид. - Сзади непременно отыщется какая-нибудь дверь".

Он взглянул на заходящее солнце. Как только Сместитель будет активирован, сюда хлынут армии Глома. Пока Люди опомнятся, здесь уже будут войска с Глома - не меньше миллиона. И это только начало.

День медленно угасал, но ничто не происходило.

Лид не спускал глаз с фасада здания; он нервничал. Если у Джера все благополучно, дело не должно так затягиваться.

Он ждал до поздней ночи. Люди входили в здание и выходили из него, Собаки лаяли у ворот. Но Джер не появлялся. Джер попался. Ильг исчез. Лид остался один. И он все еще не знал, что произошло.

К утру Лида охватило безысходное отчаяние. Он понял, что двадцать первая экспедиция Глома на этой планете находится на грани полного провала. Теперь все зависит только от него.

Он решил совершить дерзкую вылазку в облике Человека. Больше ничего не оставалось.

Он видел, как большими партиями прибывают рабочие и проходят в ворота. Лид раздумывал, что лучше: смешаться с толпой или выждать, пока суматоха уляжется. Он решил воспользоваться сутолокой и стал от-

ливаться в форму Человека. По лесу, мимо его укрытия, прошла Собака.
- Привет, - сказала Собака. - То был Джер!

- Что случилось? - спросил Пид с облегчением. - Почему ты так за - держался? Трудно войти?

- Не знаю, - ответил Джер, виляя хвостом. - Я не пробовал. Пид онемел.

- Я охотился, - благодушно пояснил Джер. - Эта форма, знаете ли, идеально подходит для Охоты. Я вышел через задние ворота вместе одругой Собакой.

- Но экспедиция... твой долг...

- Я передумал, - заявил Джер. - Вы знаете, Пилот, я никогда не хотел быть Индикатором.

- Но ты ведь родился Индикатором!

- Это верно, - сказал Джер, - но мне от этого не легче. Я всегда хотел быть Охотником. Лида трясло от злости.

- Нельзя, - сказал он очень медленно, как объяснял бы глому - ребенку. - Форма Охотника для тебя запретна. - Ну, не здесь, здесь-то не запретна, - возразил Джер, по-прежнему виляя хвостом.

- Чтоб я этого больше не слышал, - сердито сказал Пид. - Отправляйся на электростанцию и установи свой Сместитель. Я постараюсь забыть все, что ты плел.

- Не пойду, - ответил Джер. - Мне здесь гломы ни к чему. Они все погубят.

- Он прав, - произнес кряжистый дуб. - Ильг! - ахнул Пяд. - Где ты? Зашевелились ветви.

- Да здесь, - сказал Ильг. - Я все Размышлял.

- Но ведь... твоя каста...

- Пилот, - печально сказал Джер. - Проснитесь! Большинство народа на Гломе несчастно. Лишь обычай вынуждает нас принимать кастовую форму наших предков.

- Пилот, - заметил Ильг, - все гломы рождаются бесформенными!

- А поскольку гломы рождаются бесформенными, все они должны иметь Свободу Формы, - подхватил Джер.

- Вот именно, - сказал Ильг. - Но ему этого не понять. А теперь извините меня. Я хочу подумать. - И дуб умолк. Пид невесело засмеялся.

- Люди вас перебьют, - сказал он. - Точно так же, как они истребили другие экспедиции.

- Никто из гломов не был убит, - сообщил Джер. - Все наши экспедиции находятся здесь.

- Живы?

- Разумеется. Люди даже не подозревают о нашем существовании. Собака, с которой я охотился, - это глом из девятнадцатой экспедиции. Нас здесь сотни, Пилот. Нам здесь нравится.

Пид пытался все это усвоить. Он всегда знал, что низшим кастам недостает формового самосознания. Но это уж... это просто абсурдно! Так вот в чем таилась опасность этой планеты - в свободе!

- Присоединяйтесь к нам, Пилот, - предложил Джер. - Здесь настоящий рай. Знаете, сколько на этой планете всяких разновидностей? Неисчислимое множество! Здесь есть формы на все случаи жизни! Пид покачал головой. На его случай жизни формы нет. Он - Пилот. Но ведь Люди ничего не знают о присутствии гломов. Подобраться к реактору до смешного легко.

- Всеми вами займется Верховный суд Глома, - прорычал он и обернулся Собакой. - Я сам установлю Сместитель.

Мгновение он изучал себя, потом ощерился на Джера и вприпрыжку направился к воротам.

Люди у ворот даже не взглянули на него. Он проскользнул в центральную дверь здания вслед за каким-то Человеком и понесся по коридору.

В сумке тела пульсировал и подрагивал Сместитель, увлекая Пила к залу реактора.

Он опрометью взлетел по какой-то лестнице, промчался по другому коридору. За углом послышались шаги, и Пид инстинктивно почувствовал, что Собакам запрещено находиться внутри здания.

В отчаянии он огляделся, ища, куда бы спрятатся, но коридор был гладок и пуст. Только с потолка свисали светильники.

Пид подпрыгнул и приклеился к потолку. Он принял форму светильника и от души надеялся, что Человек не станет выяснять, отчего он не зажжен.

Люди пробежали мимо.

Пид превратился в копию Человека и поспешил к цели. Надо подойти поближе.

В коридоре появился еще один человек. Он пристально посмотрел на Лида, попытался что-то сказать и внезапно пустился наутек.

Пид не знал, что, насторожило Человека, но тоже побежал со всех ног. Сместитель в сумке дрожал и бился, показывая, что критическая дистанция почти достигнута.

Неожиданно мозг пронзило ужасающее сомнение. Все экспедиции дезертировали! Все гломы до единого! Он чуть-чуть замедлил бег.

Свобода Формы... какое странное понятие. Тревожащее понятие. "Это, несомненно, козни Самого Бесформия", - сказал он себе и бросился вперед. Коридор заканчивался гигантской запертой дверью. Лид уставился на

В дальнем конце коридора загромыхали шаги, послышались крики Людей.

Где же он ошибся? Как его выследили? Он быстро осмотрел себя, провел пальцами по лицу.

Он забыл отформовать черты лица.

В отчаянии он дернул дверь. Потом вынул из сумки крохотный Сместитель, но пульсация была еще недостаточно сильной. Надо подойти к реактору ближе.

Он осмотрел дверь. Между ней и полом была узенькая щель. Лид быстро стал бесформенным и протек под дверью, с трудом протиснув за собой Сместитель.

С внутренней стороны на двери был засов. Лид задвинул его и огляделся по сторонам, надеясь отыскать что-нибудь, чем можно забаррикадировать дверь. Комнатка была малюсенькая. С одной стороны - свинцовая дверь, ведущая к реактору. С другой стороны - оконце. Вот и все.

Лид бросил взгляд на Сместитель. Пульсация была сильной. Наконецто он у цели. Здесь Сместитель может работать, черпая энергию от реактора и преобразуя ее. Нужно только привести его в действие. Однако они дезертировали, все до единого. Лид колебался. Все гломы рождаются бесформенными. Это правда. Дети гломов аморфны, пока не подрастут настолько, что можно преподать им кастовую форму предков. Но Свобода Формы?..

Лид взвешивал возможности. Без помехи принимать любую форму, какую только захочет! На этой райской планете он может осуществить любое честолюбивое желание, стать чем угодно, делать что угодно. Он вовсе не будет одинок. И другие гломы наслаждаются здесь преимуществами Свободы Формы.

Люди взламывали дверь. Лид все еще был в нерешительности. Как поступить? Свобода...

Но не для него, подумал он с горечью. Легко стать Охотником или Мыслителем. А он - Пилот. Пилотирование - его жизнь, его страсть. Как же он будет им заниматься здесь?

Конечно, у Людей есть корабли. Можно превратиться в Человека, отыскать корабль...

Нет, никак. Легко стать Деревом или Собакой. Никогда не удастся ему выдать себя за Человека. Дверь трещала под непрерывными ударами. Лид подошел к окну, чтобы в последний раз окинуть взглядом планету, прежде чем привести в действие Сместитель. Он выглянул - и чуть не лишился чувств, так он был потрясен.

Так это действительно правда? А он-то не вполне понимал, что имел в виду Джер, когда говорил, что на этой планете есть все виды жизни, все формы, способные удовлетворить, любое желание! Даже его желание!

Страстное желание всей Касты Пилотов, желание еще более заветное, чем Пилотирование.

Он взглянул еще раз потом швырнул Сместитель на пол, разбив его вдребезги.

Дверь поддалась, и в тот же миг он вылетел в окно. Люди метнулись к окну. Они выглянули наружу, но так и не поняли, что видят.

За окном взмыла вверх большая белая птица. Она взмахивала крыльями - неуклюже, но с возрастающей силой, стремясь догнать улетавшую птичью стаю.

Robert Sheckley "Alone at last", 1962, в сб. "Shards of Space"
Роберт Шекли "Наконец-то одни"
пер. А.Кон

Корабль, отправлявшийся раз в год на Ио, занял стартовую позицию и полчища андроидов приступили к завершению наземной подготовки. Собравшаяся поглазеть на это событие толпа в предвкушении развлечения все более уплотнялась. Прозвучал горн, пронзительно завизжала предупредительная сирена. Из последних не задраенных иллюминаторов посыпались конфетти, продолговатые ленты серебристого и алого цвета.

- Всем провожающим покинуть борт корабля! - раздался из громкоговорителей зычный голос капитана - разумеется, человека.

В центре всего этого оживления стоял с лоснящимся от пота лицом Ричард Арвелл. Груда багажа, скопившегося вокруг него, с каждой минутой все более увеличивалась. Дорогу к кораблю ему преграждал невысокий, смешной на вид, правительственный чиновник.

- Нет, сэр, я никак не могу позволить вам сделать это, - не без пафоса произнес чиновник.

Пропуск Арвелла был подписан и завизирован, билет оплачен, документы в полном порядке. Чтобы добиться этого, ему пришлось выстоять перед доброй сотней дверей, объясняться с сотней невежд и, тем не менее, удалось добиться своего. А теперь, в самом конце восхождения к успеху, удача вроде бы от него отвернулась.

- Мои документы в полном порядке, - настаивал Арвелл с наигранным спокойствием.

- На вид они действительно в порядке, - спокойно возразил чиновник. - Только вот цель вашего вылета настолько абсурдна...

В это мгновение робот-носильщик неуклюже подхватил ящик с андроидом Арвелла.

- Осторожнее! - крикнул Арвелл.

Робот с грохотом уронил ящик на землю.

- Идиот! Дурак неумелый! Неужели нельзя было сделать хоть одного толкового робота, который бы следовал указаниям? - обратился Арвелл к чиновнику.

- Именно этот вопрос в один прекрасный день задала моя жена, - ответил чиновник, сочувственно улыбаясь. - Как раз тогда, когда наш андроид...

- Грузить все это в корабль, сэр? -

спросил робот.
- Пока нет, - ответил чиновник.
- Всем посторонним покинуть корабль! Последнее предупреждение! - прогремели громкоговорители.
Чиновник снова уставился в бумаги Арвелла.
- Так вот. Все дело в месте назначения. Вы действительно желаете отправиться на один из астероидов, сэр?
- Именно так, - ответил Арвелл. - Я намерен обосноваться на одном из астероидов. Как раз об этом и говорится в моих документах. Соблаговолите подписать их и пропустить меня на корабль.
- Но ведь на астероидах никто не живет. Там нет поселений.
- Я знаю.
- На астероидах, по сути, нет ни единого человека.
- Верно.
- Вы будете совершенно один.
- Я хочу быть один, - с жаром произнес Арвелл.
Чиновник недоверчиво глянул на него.
- Примите во внимание связанный с этим риск. В наше время никто никогда не остается один.
- Я останусь. Как только вы подпишете мои бумаги, - взмолился Арвелл. Взглянув на корабль, он увидел, что все иллюминаторы уже закрыты и задраены. - Пожалуйста!
Чиновник заколебался. Документы, несомненно, были в полном порядке. Но оставаться одному - совершенно одному было опасно. Это было равносильно самоубийству.
Однако, и этого нельзя было отрицать, нарушения законов здесь не было никакого.
Не успел он нацарапать свою подпись, как Арвелл закричал:
- Носильщик! Носильщик! Грузите все это в корабль! Поторапливайтесь! И осторожней с андроидом!
Робот-носильщик поднял ящик так резко, что Арвелл услыхал, как стукнулась о боковину голова андроида. Он вздрогнул, но сейчас было не время выговаривать роботу - закрывалась последняя дверь.
- Подождите! - закричал Арвелл и бегом пустился по бетонной площадке. Робот-носильщик громыхал вслед за ним. - Подождите! - снова закричал он, поскольку корабельный андроид продолжал методично закрывать дверь, не обращая внимания на распоряжения Арвелла, не подкрепленные корабельным начальством. Пришлось вмешаться одному из людей, членов экипажа корабля, и процесс закрытия двери приостановился. Арвелл с разбегу влетел внутрь корабля, за ним вдогонку через дверной проем пролетел багаж, и дверь закрылась.
- Ложитесь! - закричал кто-то из экипажа -

человек. - Пристегнитесь. Выпейте вот это. Мы отправляемся.

Как только корабль задрожал и начал подниматься, Арвелл ощутил ни с чем не сравнимое хмельное чувство огромного удовлетворения. Он все-таки добился своего, победил, и скоро, очень скоро, будет один.

Однако треволнения Арвелла не закончились даже в космосе. Ибо капитан корабля, высокий седеющий мужчина, наотрез отказался высадить его на астероиде.

- У меня это никак не укладывается в голове. Вы хотя бы ведаете, что творите? Я прошу вас пересмотреть свое решение.

Они сидели в мягких креслах в уютной каюте капитана. Арвелл чувствовал себя невыносимо уставшим. Его раздражало самодовольное, ничем не примечательное лицо шкипера. На какое-то мгновение он даже задумался о том, а не придушить ли этого человека. Однако, в этом случае, ему уже ни за что не видать столь желанного уединения. Каким-то образом он должен убедить и этого последнего угрюмого идиота, стоящего у него на пути.

За спиной капитана бесшумно возник робот-стюард.

- Не угодно ли выпить, сэр? - раздался резкий металлический голос робота. От неожиданности капитан едва не подпрыгнул.

- Неужели обязательно нужно шнырять у меня за спиной? - возмутился капитан, обращаясь к роботу.

- Простите, сэр, - ответил робот. - Не угодно ли выпить, сэр?

Оба человека взяли бокалы.

- Почему, - задумчиво произнес капитан, - эти машины нельзя надлежащим образом вышколить?

- Я и сам не раз задумывался над этим, - сказал Арвелл.

- Вот этот робот, - продолжал капитан, - в высшей степени квалифицированный слуга. И, тем не менее, у него выработалась нелепая привычка шнырять у людей за спиной.

- А для моего андроида, - заметил Арвелл, - присуща очень неприятная дрожь левой руки. Нарушение координации, отставание по фазе одних движений от других. Так, во всяком случае, объяснили мне эту особенность механики. Один даже обещал попытаться устранить.

Капитан пожал плечами.

- Может быть, новые модели лишены... - он безнадежно махнул рукой. И поднес бокал к губам.

Арвелл отпил немного из своего бокала и решил, что атмосфера взаимопонимания в конце концов установилась. Он доказал капитану, что вовсе не сумасшедший. Напротив, его воззрения вполне обычны. Теперь самое время

воспользоваться преимуществами сложившейся ситуации.

- Надеюсь, сэр, - сказал он, - астероид не доставит вам особых хлопот.

Капитан поморщился от досады.

- Мистер Арвелл, вы упрашиваете меня совершить по сути антиобщественный поступок. Для меня, как для человеческого существа, сам факт вашей высадки на астероиде будет чем-то вроде проявления собственной несостоятельности. В нашу эпоху никто не бывает одиноким. Мы держимся все вместе, жмемся друг к другу. Многолюдье обеспечивает нам ощущение покоя и безопасности. Мы поддерживаем друг друга.

- Совершенно верно. Но необходимо также допускать и возможность индивидуальных различий. Я - один из тех немногих, которые искренне хотят уединения. Из-за этого я могу казаться чудаком. Но, разумеется, к моим желаниям следует относиться с уважением.

- Гмм, - капитан серьезно взглянул на Арвелла. - Вам просто кажется, что вы хотите уединения. А приходилось ли вам испытывать его хоть раз по-настоящему?

- Нет, - признался Арвелл.

- О, тогда вы и понятия не имеете об опасностях, присущих этому состоянию. Разве не лучше было бы, мистер Арвелл, в полной мере пользоваться преимуществами нашей эпохи?

Капитан стал разглагольствовать о Великом Мире, который длится уже более двухсот лет, и о психологической стабильности, благодаря которой он существовал. Слегка раскрасневшись, он горячо защищал взаимовыгодный симбиоз между человеком, этим организовавшемся в общество животным, и его творениями, безупречно функционирующими машинами. Он напомнил о величайшей задаче человечества - организации функционирования своих созданий с наибольшей эффективностью.

- Все это верно, - согласился Арвелл, - но не для меня.

- А вы пытались подступиться к этому? - хитро улыбаясь, спросил капитан. - Вы испытывали глубокое волнующее чувство взаимного сотрудничества? Чувство удовлетворения, которое приносит руководство сельскохозяйственными андроидами, когда они возделывают пшеничные поля, управление андроидами, орудующими под водой? Какая важная, полезная задача! Даже наиболее простая задача - быть надсмотрщиком, ну, скажем, над 20 или 30 фабричными роботами, и то позволяет испытать при ее решении чувство глубокого удовлетворения. И этим чувством можно поделиться и в еще большей степени усилить его посредством контактов со своими собратьями-людьми.

- Все это не доставляет лично мне ни

малейшего удовлетворения, - сказал Арвелл. - Все это не для меня. Я хочу провести остаток своих дней в одиночестве, читая книги и размышляя на своем крохотном астероиде.

Капитан устало потер веки.

- Мистер Арвелл, я не сомневаюсь в том, что вы в здравом уме, и поэтому являетесь хозяином своей судьбы. Я не могу остановить вас. Но все-таки подумайте! Одиночество опасно для современного человека. Невероятно опасно, хотя это не сразу заметно. По этой причине люди научились избегать его.

- Для меня оно не опасно, - произнес Арвелл.

- Остается только надеяться, - сказал капитан. - Я от души желаю вам успеха.

Наконец была пройдена орбита Марса и начался пояс астероидов. С помощью капитана Арвелл выбрал подходящих размеров каменную глыбу. Корабль выровнял свою скорость со скоростью астероида.

- Вы продолжаете настаивать на том, что четко представляете себе, что именно хотите сделать? - спросил капитан на прощание.

- Безусловно! - воскликнул Арвелл, едва сдерживая волнение от того, что столь желанное одиночество совсем уже рядом.

В течение нескольких следующих часов члены экипажа, облаченных в скафандры, переносили пожитки Арвелла с корабля на астероид и закрепляли их на поверхности. Они смонтировали генераторы воды и воздуха, и выложили запасы основных компонентов для производства пищи. В самом конце они надули прочный купол из пластика, внутри которого предстояло жить Арвеллу, и перешли к распаковке андроида.

- Поосторожней с ним, - предупредил Арвелл.

Неожиданно ящик выскользнул из неловких рук робота и начал медленно уплывать прочь.

- Зацепите за него трос! - крикнул капитан.

- Быстрее, - взвизгнул Арвелл, наблюдая за тем, как его бесценная машина уплывает в безвоздушное пространство.

Один из членов команды - человек - выстрелил гарпун с тросом и начал притягивать к себе колотившийся по корпусу корабля ящик. Без дальнейших задержек он был прикреплен к астероиду. Теперь, наконец, Арвелл был полностью готов к вступлению во владение своей собственной крохотной планетой.

- Я хочу, чтобы вы еще разок серьезно задумались над этим, - мрачно сказал капитан. - Над опасностью одиночества.

- Все это предрассудки, - резко огрызнулся Арвелл, сгорая от нетерпения остаться одному. - Никакой такой опасности не

существует.

- Я вернусь с дополнительным грузом провизии через шесть месяцев. Поверьте мне, опасность существует. Ведь совсем не случайно современный человек избегает...

- Мне можно идти? - оборвал капитана Арвелл.

- Пожалуйста. Желаю удачи.

Одетый в скафандр. С гермошлемом на голове, Арвелл оттолкнулся от корабля в направлении своего крохотного островка в космосе и уже с него наблюдал за отлетом. Когда корабль стал светящейся точкой не больше обычной звезды, он принялся за обустройство. Прежде всего, разумеется, андроид. Он надеялся, что несмотря на грубое обращение, андроид не получил каких-либо повреждений. Арвелл быстро вскрыл ящик и активировал механизм. Стрелка прибора на лбу андроида показывала, что накопление энергии идет нормально. Вполне нормально.

Арвелл осмотрелся. Астероид представлял собой вытянутую черную скалу. На нем находились все припасы Арвелла, андроид, пища и книги. Со всех сторон был беспредельный космос, холодный свет звезд, тусклое солнце и абсолютно черная ночь.

Он слегка вздрогнул и отвернулся.

Андроид теперь был активирован полностью. Впереди было немало работы. Но Арвелл, как очарованный, еще раз взглянул на окружавшее его космическое пространство.

Корабль, эта едва различимая звездочка, скрылся из вида. Впервые Арвелл испытывал то, о чем раньше имел только смутное представление. Он испытывал уединение. Уединение полное и абсолютное. Из глубины ночи, которой теперь никогда не будет конца, на него безжалостно глядели алмазные точки звезд. Вокруг не было ни единого человека - для него лично человеческая раса перестала существовать. Он был один.

От этого можно было сойти с ума.

Арвелл был в восторге.

- Наконец-то я один! - крикнул он звездам.

- О, да, - произнес андроид, резко вскакивая на ноги и бросаясь к нему. - Наконец-то мы одни!

Robert Sheckley "The special exibit", 1962, в сб. "Shards of Space"

Роберт Шекли "Спецраздел выставки"

пер. А.Кон

В это утро в музее было как-то непривычно пусто, отметил про себя мистер Грант, ведя миссис Грант через облицованный мрамором вестибюль. В данных обстоятельствах это было совсем не плохо.

- Доброе утро, сэр, - произнес пожилой, розовощекий служитель музея.

- Доброе утро, Саймонс, - ответил мистер Грант. - Это миссис Грант.

Миссис Грант угрюмо кивнула и прислонилась к боевой пироге из Центральной Америки. Ее плечи были на одном уровне с плечами гребца из папье-маше, и куда шире. Глядя на них, мистер Грант на мгновение задумался - а поможет ли ему специальный раздел выставки? Можно ли рассчитывать на успех, имея дело с женщиной столь крупной, столь сильной, столь уверенной в себе?

Он очень надеялся на Него. В случае неудачи он станет посмешищем.

- Добро пожаловать в наш музей, - сказал служитель. - Я уверен в том, что посещение нашего музея доставит вам немалое удовольствие.

- Последний раз я была здесь еще ребенком, - ответила миссис Грант, прикрывая огромной ладонью зевок.

- Миссис Грант не очень-то интересуют следы минувшего, - пояснил мистер Грант, опираясь на трость. - Мои занятия орнитологией тоже не производят на нее особого впечатления. И, тем не менее, она согласилась сопровождать меня при посещении спецраздела выставки.

- Спацраздела, сэр? - удивился служитель и заглянул в записную книжку. - Я не уверен в том, что...

- Вот мой пригласительный билет, - сказал мистер Грант.

- Да, сэр. - Служитель внимательно проверил протянутый ему билет, затем вернул его. - Надеюсь, вы останетесь довольны, сэр. По-моему, последними, кто осматривал спецраздел, были мистер Карвер и его жена.

- Верно, - кивнул мистер Грант. Он был весьма неплохо знаком с этим кротким лысоватым Карвером. А его тощая, вечно ворчливая жена, отличавшаяся ярко-рыжими волосами, была старой подругой миссис Грант. Спецраздел выставки, по-видимому, оказался очень эффективным средством, ибо после его посещения Карвер откровенно повеселел, и работа стала просто спориться у него. Спецраздел выставки, безусловно, был куда более эффективнее в деле улаживания конфликтов, чем консультации по вопросам семейной жизни, психоанализ, психотарапия или даже простая взаимотерпимость.

Это было совершенно уникальным начинанием

музея. Администрация музея была очень довольна, когда его завсегдатаи были веселы и энергичны, ибо только в этом случае они могли всецело отдаваться пропагандируемым музеем наукам. К тому же, спецраздел выставки имел большое общеобразовательное значение и восполнял существенный пробел в экспозиции музея.

Широкая публика ничего не знала о существовании спецраздела, поскольку общественность была чрезвычайно консервативна к инновациям музея, диктовавшимся научной необходимостью. Да иначе и не могло быть, отметил про себя мистер Грант.

Служитель извлек из кармана ключ.

- Непременно верните его мне, сэр, - предупредил служитель.

Мистер Грант кивнул и повел миссис Грант дальше, мимо стеклянных ящиков с уссурийскими тиграми и огромными гималайскими медведями, мимо буйволов с остекленевшими глазами и семьи оленьей, навечно застывших в то время, когда они щипали траву.

- Сколько все это будет продолжаться? - спросила миссис Грант.

- Совсем недолго, - ответил мистер Грант, помня о том, что спецраздел был знаменит непродолжительностью пребывания в нем.

- Мне должны доставить кое-какие покупки, - сказала миссис Грант. - И к тому же у меня важные дела.

Проходя с нею мимо зубра и пятнистого оленя, мистер Грант на мгновение задумался над тем, какие же именно важные дела были у его жены. Ведь интересы миссис Грант, казалось, сводились днем к телевидению, а вечерами - к кинофильмам. И, конечно же, к этим ее заказам!

Мистер Грант вздохнул. Было совершенно ясно, что они совершенно не подходили друг другу. Подумать только, он, невысокий, даже хрупкий мужчина с высокоразвитым интеллектом женился по собственной воле на женщине такого атлетического сложения и с куриными мозгами. Но такое случалось и с другими. С доктором Карвером, например.

Мистер Грант ухмыльнулся украдкой, припомнив закон притяжения противоположностей. Закон, бывший не столько практичным, сколько романтичным. Неужели все его занятия орнитологией ничему его не научили? Разве малиновка - пара могучему кондору? Да ведь это просто абсурд! Насколько было бы лучше, если бы он решился вступить во французский Иностранный легион, промотал бы свое наследство в необузданных оргиях или подался бы в какое-нибудь совсем дикое племя в качестве шамана. Такое можно было бы вполне пережить, со временем

свыкнуться. Но такая женитьба? Никогда. Во всяком случае, не с миссис Грант, несмотря на все ее прелести.

Естественно, надеяться оставалось только на спецраздел выставки.

- Сюда, - пробормотал мистер Грант, направляя жену в неожиданно возникший проход между двумя стеклянными кубами.

- Где же эта экспозиция? - недовольно повысила голос миссис Грант. - Мне нужно быть дома, чтобы получить заказы.

- Здесь, совсем рядом, - сказал мистер Грант, подводя ее к двери с ярко-красной надписью: jПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕНS. Он снова задумался над тем, какие именно заказы должны быть доставлены ей сегодня. Казалось, она делает грандиозное количество заказов. И посыльные зачастую оставляют в пепельнице окурки дорогих сигар.

- Вот мы и пришли, - сказал мистер Грант. Он отпер обитую железом дверь и они прошли в просторный зал. Обстановка в нем изображала поляну в джунглях. Прямо перед ними располагалась хижина с крышей из тростника. Чуть поодаль - другая хижина, поменьше, наполовину спрятанная в кустах.

На покрытой густой травой земле праздно валялись несколько дикарей, лениво переговариваясь друг с другом.

- Да ведь они живые! - воскликнула миссис Грант.

- Конечно. Это, понимаешь, новый эксперимент в области описательной антропологии.

Здесь же была древняя сморщенная старуха, которая подбрасывала щепки в потрескивавший под огромным глиняным котлом огонь. В котле что-то булькало.

Заметив чету Грант, дикари поднялись на ноги. Один из них сладко зевнул и потянулся. Раздался легкий треск в суставах.

- Потрясающие парни, - прошептала миссис Грант.

Мистер Грант согласно кивнул. Это не могло ускользнуть от ее внимания.

Рядом с дикарями на земле валялись разукрашенные деревянные мечи, длинные копья, острые ножи из бамбука. Зал был наполнен беспрерывным щебетаньем, изредка прерываемым возбужденным кудахтаньем. Время от времени какая-то птица издавала сердитое гоготанье, другая что-то трубила в ответ.

Миссис Грант сказала:

- Мы можем теперь уйти? О-о-о!

Рядом с нею стоял один из туземцев. Спутанные волосы и раскрашенное лицо придавали ему дикий и непривычный вид. Позади стояли еще двое. Глядя на эту компанию, мистер Грант подумал, сколько по сути дикарского было и в самой миссис Грант с ее чрезмерной косметикой, дешевыми мехами

и побрякивающими драгоценностями.

- Что они хотят? - спросила миссис Грунт, глядя на полуобнаженных мужчин с чувством, весьма далеким от страха.

- Им хочется, чтобы ты осмотрела их стойбище, - ответил мистер Грант. - Это является составной частью экспозиции.

Миссис Грант заметила, что первый туземец смотрит на нее с нескрываемым вожделением, и не стала возражать когда ее повели дальше.

Ей показали котел для приготовления пищи, различное оружие, украшения, которыми была покрыта первая хижина. Затем туземцы повели ее ко второй хижине. Один из них подмигнул ей и поманил взглядом внутрь хижины.

- Действительно интересно, - сказала она, в свою очередь, подмигнула дикарю и последовала за ним. Двое других также прошли внутрь, причем один из них прежде чем войти, подобрал с земли нож.

- Почему ты утаил от меня, что они, возможно, охотники за головами? - послышался голос миссис Грант. - Ты видел эти сморщенные головы?

Мистер Грант про себя улыбнулся. Подумать только, каких трудов стоило заполучить эти головы. Власти в Государствах Южной Америки совершенно запретили их вывоз. Специальный раздел выставки был по всей вероятности единственным сохранившимся центром этого уникального народного искусства.

- У одной из них рыжие волосы. Она точь-ь-точь похожа на миссис...

Раздался крик, а затем грохот яростной схватки. Мистер Грант затаил дыхание. Их было, на всякий случай, трое, но миссис Грант очень сильная женщина... Хотя, конечно, ей не под силу...

Один из дикарей, пританцовывая, выскочил из хижины, и ведьма, колдовавшая у огня, взяла несколько зловеще выглядящих орудии и прошла внутрь хижины. Содержимое котла продолжало весело булькать.

Мистер Грант облегченно вздохнул и решил, что смотреть дальше нет смысла. К тому же, антропология не входила в сферу его интересов. Он запер за собой железную дверь и направился в отдел орнитологии, решив, что заказы миссис Грант вовсе не требуют его присутствия при их получении.

Роберт Шекли "Паломничество на Землю"
пер. Д.Жуков

Альфред Саймон родился на Казанге-IV, небольшой сельскохозяйственной планете неподалеку от Арктура, и здесь он водил свой комбайн по пшеничным полям, а в долгие тихие вечера слушал записи любовных песенок Земли.

Жилось на Казанге неплохо. Девушки тут были миловидны, веселы, не ломаки, отличные товарищи, верные подруги жизни. Но совершенно не романтичны! Развлекались на Казанге открыто, живо, весело. Однако, кроме веселья, ничего больше не было.

Саймон чувствовал, что в этом спокойном существовании ему чего-то не хватает. И однажды он понял, чего именно.

На Казангу прибыл в своем потрепанном космолете, груженном книгами, какой-то торговец. Он был тощий, белобрысый и немного не в своем уме. В его честь устроили празднество, потому что на дальних мирах любили новинки.

Торговец рассказал все последние слухи: о войне цен между Детройтом-II и Детройтом-III, о том, как ловят рыбу на Алане, что носит жена президента на Морации и как смешно разговаривают люди с Дорана-V. И, наконец, кто то попросил:

- Расскажите нам о Земле.

- О! - сказал торговец, подняв брови.- Вы хотите услышать про планету-мать? Что ж, друзья, такого местечка во вселенной, как старая Земля, нигде нет. На Земле, друзья, все дозволяется, ни в чем отказа нет.

- Ни в чем? - переспросил Саймон.

- Вы специализируетесь на сельском хозяйстве? Ну, а Земля специализируется на всяких несообразностях... таких, как безумие, красота, война, опьянение, непорочность, ужас и тому подобное. И люди отправляются за десятки световых лет, чтобы попробовать эти продукты.

- И любовь? - спросила одна из женщин.

- Конечно, милая,- ласково сказал торговец.- Земля - единственное место в Галактике, где до сих пор существует любовь! На Детройте-II и Детройте-III попробовали практиковать любовь, но нашли ее слишком дорогим удовольствием. На Алане решили не смущать умы, а импортировать ее на Морацию и Доран-V просто не хватило времени. Но, как я уже говорил, Земля специализируется на несообразностях, и они приносят доход.

- Доход? - переспросил толстый фермер.

- Конечно! Земля - старая планета, недра и почва ее истощены. Колонии ее ныне независимы, на них живут трезвые люди вроде вас. Они хотят выгодно продавать свои товары. Так чем же еще может торговать старушка Земля, как не пустяками, ради которых стоит жить?

- А вы любили на Земле? - спросил Саймон.

- Любил, - с какой-то угрюмостью ответил

торговец. - Любил, а теперь путешествую. Друзья, эти книги...

За непомерную цену Саймон приобрел сборник древней поэзии и, читая его, мечтал о страсти под сумасшедшей луной, о телах, прильнувших друг к другу на темном морском берегу, о первых лучах солнца, играющих на запекшихся губах любовников, оглушенных громом прибоя.

И это возможно было только на Земле! Потому что, как говорил торговец, детям Земли, разбросанным по дальним краям, приходилось слишком много работать, чтобы заставить чужую землю давать им средства к существованию. На Казанге выращивали пшеницу и кукурузу, а на Детройтах-II и -III выросли заводы. Добыча рыбы на Алане славилась на весь Южный звездный пояс. На Морации водились опасные звери, а дикие просторы Дорана-V еще только предстояло покорить. И все было так, как тому и следовало быть.

На новых мирах жизнь вели суровую, тщательно распланированную, безупречную. Но что-то было потеряно в мертвых пространствах космоса. Только Земля знала любовь.

Вот почему Саймон работал, копил и мечтал. И на двадцать девятом году жизни он продал ферму, уложил чистые рубашки в удобный чемоданчик, надел свой лучший костюм и пару крепких башмаков и оказался на борту лайнера jКазанга-МетрополияS.

В конце концов он прибыл на Землю, где мечты его должны были непременно осуществиться, ибо это гарантировал закон.

Он быстро прошел таможенный осмотр на нью-йоркском космодроме и пригородной подземной доехал до Таймс-сквер. Здесь он вышел на поверхность, мигая от яркого солнца и крепко стискивая ручку чемоданчика, так как его предупредили о карманниках и иных обитателях города.

Затаив дыхание, он с удивлением осматривался. Первое, что его поразило, это великое множество заведений с аттракционами в двух, трех, четырех измерениях, на вкус любых зрителей. И каких аттракционов!

Справа от него надпись на огромном шатре возвещала: ~ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ КАДРЫ О СЕКСУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ЖИТЕЛЕЙ ЗЕЛЕНОГО АДА! ПОТРЯСАЮЩИЕ РАЗОБЛАЧЕНИЯ!~

Ему захотелось войти. Но на другой стороне улицы показывали военный фильм. Реклама кричала: ~ПОПИРАТЕЛИ СОЛНЦ! ПОСВЯЩАЕТСЯ СОРВИГОЛОВАМ ИЗ КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА!~ А дальше манила картина: ~ТАРЗАН СРАЖАЕТСЯ С ВАМПИРАМИ САТУРНА!~

Он вспомнил, что в книгах говорилось о Тарзане как о языческом герое Земли.

Все это было удивительно, но впереди его ожидало еще столько необыкновенного!

Саймон не знал, с чего начать. Вдруг он

услышал позади дробный грохот пулеметной очереди и резко обернулся.

Это был всего-навсего тир, длинное, узкое, весело раскрашенное помещение с высокой стойкой. Управляющий тиром, смуглый толстяк с ямочкой на подбородке, сидел на высоком табурете и улыбался Саймону:

- Попытайте счастья?

Саймон вошел и увидел, что в противоположном конце тира на изрешеченных пулями табуретах сидели четыре весьма легко одетые женщины. На лбу и на груди каждой из них было нарисовано по jяблочкуS.

- Разве вы стреляете настоящими пулями? - спросил Саймон.

- Конечно,- сказал управляющий.- На Земле существует закон, запрещающий рекламировать товар, который фирма не может продать. Настоящие пули и настоящие девчонки! Становитесь и хлопните одну!

- Давай, дружище! Держу пари, что тебе в меня не попасть! - крикнула одна из женщин.

- Ему не попасть даже в космолет! - подзадоривала другая.

- Где ему! Давай, дружище!

Саймон провел рукой по лбу и попытался вести себя так, словно в том, что он увидел, не было ничего удивительного. В конце концов это Земля, где все дозволено, когда того требуют интересы коммерции.

- А есть тиры, где стреляют в мужчин? - спросил он.

- Конечно,- ответил управляющий.- Но вы не охотник до мужчин, не правда ли?

- Конечно, нет!

- Вы инопланетец?

- Да. А как вы узнали?

- По костюму. Я всегда узнаю по костюму.- Толстяк закрыл глаза и заговорил нараспев: - Встаньте, встаньте сюда, убейте женщину! Не сдерживайте своих импульсов! Нажмите на спусковой крючок, и вы почувствуете, как застарелый гнев улетучивается! Это лучше массажа! Лучше, чем напиться допьяна! Становитесь, становитесь и убейте женщину!

- А вы так и остаетесь мертвой, когда вас убивают? спросил Саймон одну из девушек.

- Не говорите глупостей,- сказала девушка.

- Но.

- Бывает и хуже,- добавила девушка, пожав плечами.

Саймон было спросил, что же бывает хуже, но управляющий перегнулся к нему через стойку и сказал доверительно:

- Слушай, парень. Погляди, что у меня есть.

Саймон заглянул за стойку и увидел небольшой автомат.

- До смешного дешево,- сказал управляющий.- Я тебе дам пострелять из автомата. Стреляй, куда хочешь, разнеси

вдребезги все оборудование, изрешети стены. Сорок пятый калибр, вот такая дыра от каждой пули. Уж когда стреляешь из автомата, то действительно чувствуешь, что стрельба идет по-настоящему.

- Неинтересно,- твердо сказал Саймон.

- Могу предложить гранату, даже две. Осколочные,конечно. Если ты действительно хочешь.

- Нет!

- За хорошую цену,- сказал управляющий,- ты можешь застрелить меня, если уж у тебя такой вкус, хотя, я думаю, тебя не это интересует.

- Нет! Никогда! Это ужасно!

Управляющий посмотрел ему прямо в глаза:

- Не в настроении сейчас? Ладно. Мое заведение открыто круглые сутки. Увидимся позже, парень.

- Никогда! - сказал Саймон, выходя из тира.

- Мы ждем тебя, милый! - крикнула вслед ему одна из женщин.

Саймон подошел к стойке с напитками и заказал стаканчик кока-колы. Он увидел, что руки его дрожат. Усилием воли заставив себя успокоиться, он стал потягивать напиток. Саймон напомнил себе, что не следует судить о Земле по нормам поведения на собственной планете. Если людям на Земле нравится убивать и жертвы не возражают, то к чему протестовать? Или надо?

- Привет, малый! - донесся сбоку голос, который вывел его из задумчивости.

Саймон обернулся и увидел коротышку с серьезным и многозначительным выражением лица, который стоял рядом, утопая в большом, не по росту плаще.

- Не здешний? - спросил коротышка.

- Да,- ответил Саймон.- А как вы узнали?

- По ботинкам. Я всегда узнаю по ботинкам. Как тебе нравится наша планетка?

- Она... необычна,- осторожно сказал Саймон.- Я хочу сказать, что не ожидал... ну...

- Конечно,- сказал коротышка.- Ты идеалист. Стоило мне бросить взгляд на твое честное лицо, и я увидел это, дружище. Ты прибыл на Землю с определенной целью. Я прав?

Саймон кивнул.

- Я знаю твою цель,- продолжал коротышка.- Тебе хочется принять участие в войне, которая для чего-то там спасет мир, и ты прибыл как раз туда, куда надо. У нас во всякое время ведется шесть основных войн, и каждый может в любой момент сыграть важную роль в одной из них.

- Простите, но...

- Как раз сейчас,- внушительно сказал коротышка, - угнетенные рабочие Перу ведут

отчаянную революционную борьбу. Достаточно одного человека, чтобы перетянуть чашу весов! Ты, дружище, и можешь стать этим человеком! - Увидев выражение лица Саймона, коротышка быстро поправился: - Но можно привести немало доводов и в пользу просвещенной аристократии. Мудрый старый правитель Перу (правитель-философ в глубочайшем, платоновском смысле этого слова) очень нуждается в твоей помощи. Его небольшое окружение - ученые, гуманисты, швейцарская гвардия, дворянство и крестьяне - тяжко страдает от заговора, вдохновленного иностранной державой. Один человек...

- Меня это не интересует,- сказал Саймон.

- Может, тебя влечет к мелким группам вроде феминистов, сторонников јсухого законаЅ или обращения серебряной монеты? Мы можем устроить...

- Я не хочу войны,- сказал Саймон.

- Мне понятно твое отвращение,- сказал коротышка, быстро закивал головой.- Война ужасна. В таком случае ты прибыл на Землю ради любви.

- А как вы узнали? - спросил Саймон.

Коротышка скромно улыбнулся.

- Любовь и война,- сказал он,- вот основные предметы земной торговли. Испокон веков они приносят нам отличный доход.

- А очень трудно найти любовь? - спросил Саймон.

- Ступай к центру, это в двух кварталах отсюда,- живо ответил коротышка.- Мимо не пройдешь. Скажи там, что тебя прислал Джо.

- Но это невозможно! Нельзя же так выйти и...

- Что ты знаешь о любви? - спросил Джо.

- Ничего.

- Ну, а мы знатоки в этом деле.

- Я знаю то, что говорят книги,- сказал Саймон. - Страсть под сумасшедшей луной...

- Конечно, и тела, прильнувшие друг к другу на морском берегу.

- Вы читали эту книгу?

- Это обыкновенная рекламная брошюрка. Мне надо идти. В двух кварталах отсюда.

И, вежливо поклонившись, Джо исчез в толпе.

Саймон допил кока-колу и побрел по Бродвею. Он крепко задумался, но потом решил не делать преждевременных выводов.

Дойдя до 44-й улицы, он увидел колоссальную, ярко сверкавшую неоновую вывеску. На ней значилось: ~ЛЮБОВЬ, ИНКОРПОРЕЙТЕД.~

Более мелкие неоновые буквы гласили: ~Открыто круглосуточно!~

И еще ниже: ~На втором этаже.~

Саймон нахмурился, страшное подозрение пришло ему в голову. Но все же он поднялся по лестнице и вошел в небольшую со вкусом

обставленную приемную. Оттуда его послали в длинный коридор, сказав номер нужной комнаты.

В комнате был красивый седовласый человек, который встал из-за внушительного письменного стола, протянул Саймону руку и сказал:

- Здравствуйте! Как дела на Казанге?

- А как вы узнали, что я с Казанга?

- По рубашке. Я всегда узнаю по рубашке. Меня зовут мистер Тейт, и я здесь, чтобы сделать для вас все, что в моих силах. Вы...

- Саймон. Альфред Саймон.

- Пожалуйста, садитесь, мистер Саймон. Хотите сигарету? Выпить что нибудь? Вы не пожалеете, что обратились к нам, сэр. Мы старейшая фирма в области любовного бизнеса, и гораздо более крупная, чем наш ближайший конкурент jСтрасть, анлимитедS. Более того, стоимость услуг у нас более умеренная, и товар вы получите высококачественный. Позвольте спросить вас, как вы узнали о нас? Вы видели нашу большую рекламу в jТаймсеS? Или...

- Меня прислал Джо,- сказал Саймон.

- А, энергичный человек! - сказал мистер Тейт, весело покрутив головой.- Ну, сэр, нет причин откладывать дело. Вы проделали большой путь ради любви, и вы будете иметь любовь.

Он потянулся к кнопке, вделанной в стол, но Саймон остановил его, сказав:

- Я не хочу быть невежливым, но...

- Я вас слушаю,- сказал мистер Тейт с ободряющей улыбкой.

- Я не понимаю этого,- выпалил Саймон, сильно покраснев. На лбу его выступили капельки пота.- Кажется, я попал не туда. Я не для того проделал путь на Землю, чтобы... Я хочу сказать, что на самом деле вы не можете продавать любовь. Ведь не можете? Что угодно, но только не любовь! Я хочу сказать, что это не настоящая любовь.

- Что вы! Конечно, настоящая! - приподнявшись от удивления со стула, сказал мистер Тейт.- В этом-то все и дело! Сексуальные удовольствия доступны всякому. Бог мой, это же самая дешевая штука во всей вселенной после человеческой жизни. Но любовь - редкость, любовь - особый товар, любовь можно найти только на Земле. Вы читали нашу брошюру?

- Тела на темном морском берегу? - спросил Саймон.

- Да, она самая. Я написал ее. В ней говорится о чувстве, не правда ли? Это чувство нельзя испытывать к кому угодно, мистер Саймон. Это чувство можно испытать только по отношению к тому, кто любит вас.

- И все же, разве вы предлагаете настоящую любовь? - задумчиво произнес Саймон.

- Конечно, настоящую! Если бы мы продавали поддельную любовь, мы бы так ее и называли. Законы в отношении рекламы на Земле очень строги, уверяю вас. Можно продавать что угодно, но не обманывать потребителей. Это вопрос этики, мистер Саймон!

Тейт перевел дух и продолжал более спокойно:

- Нет, сэр, здесь нет никакой ошибки. Мы не предлагаем заменителей. Это то самое чувство, которое воспевали поэты на протяжении тысячелетий. С помощью чудес современной науки мы можем предоставить это чувство в ваше распоряжение, когда вам будет угодно, в приятной упаковке и за смехотворно низкую цену.

- Я думал, что оно более... неожиданное.

- В неожиданности есть своя прелесть,- согласился мистер Тейт.- Наши исследовательские лаборатории работают над этой проблемой. Поверьте мне, нет ничего такого, что наука не могла бы создать, пока существует спрос.

- Мне все это не нравится,- сказал Саймон, встав со стула.- Лучше я пойду посмотрю кино.

- Погодите! - закричал мистер Тейт.- Вы думаете, что мы пытаемся навязать вам что-то. Вы думаете, что мы познакомим вас с девушкой, которая будет вести себя так, словно любит вас, а на самом деле притворяется. Так?

- Возможно, что и так.

- А вот как раз и не так! Во-первых, это было бы слишком дорого. Во-вторых, амортизация девушки была бы колоссальной. Жизнь, исполненная лжи такого масштаба, привела бы ее к тяжелому психическому расстройству.

- Тогда как же вы делаете это?

- Мы используем наши научные знания законов человеческого мышления.

Для Саймона это было китайской грамотой. Он двинулся к двери.

- Одно слово,- сказал мистер Тейт.- На вид вы смышленый молодой человек. Неужели вы не сможете отличить настоящую любовь от подделки?

- Конечно, смогу.

- Вот вам и гарантия! Если вы будете не удовлетворены, не платите нам ни цента.

- Я подумаю.

- Зачем откладывать? Ведущие психологи говорят, что настоящая любовь укрепляет нервную систему и восстанавливает душевное здоровье, успокаивает ущемленное самолюбие, упорядочивает баланс гормонов и улучшает цвет лица. В любви, которую мы продаем вам, есть все: глубокая и постоянная привязанность, несдерживаемая страсть, полная преданность, почти мистическое

обожание как ваших недостатков, так и достоинств, искреннее желание делать приятное. И в дополнение ко всему этому только фирма jЛюбовь, инкорпорейтедS может продать вам ослепительный миг любви с первого взгляда!

Мистер Тейт нажал кнопку. Саймон не мог бы ничего сказать о ее лице - глаза его застлали слезы. И если б его спросили о ее фигуре, он убил бы спрашивающего.

- Мисс Пенни Брайт,- сказал мистер Тейт,- познакомьтесь с мистером Альфредом Саймоном.

Девушка пыталась заговорить, но не могла произнести ни слова. И Саймон тоже лишился дара речи. Стоило ему взглянуть на нее, и он понял все. Он сердцем чувствовал, что любим по-настоящему, беззаветно.

Они сразу же рука об руку вышли, сели в реактивный вертолет и приземлились у маленького белого коттеджа, который стоял в сосновой роще на берегу моря. Они разговаривали, смеялись и ласкали друг друга, а позже в зареве лучей заходящего солнца Пенни показалась Саймону богиней огня. В голубоватых сумерках она взглянула на него своими огромными темными глазами, и ее знакомое тело снова стало загадочным, Взошла луна, яркая и сумасшедшая, превратившая плоть в тень...

И, наконец, наступил рассвет, забрезжили слабые и тревожные лучи солнца, играя на запекшихся губах и телах, прильнувших друг к другу, а рядом гром прибоя оглушал, доводил до безумия.

В полдень они вернулись в контору фирмы jЛюбовь, инкорпорейтедS. Пенни стиснула его руку и исчезла за дверью.

- Это была настоящая любовь? - спросил мистер Тейт.

- Да!

- И вы полностью удовлетворены?

- Да! Это была любовь, самая настоящая любовь! Но почему она настаивала на том, чтобы мы вернулись?

- Наступило постгипнотическое состояние,- сказал мистер Тейт.

- Что?

- А чего вы ожидали? Всякий хочет любви, но немногие могут заплатить за нее. Пожалуйста, вот ваш счет, сэр.

Саймон раздраженно отсчитал деньги.

- В этом не было необходимости,- сказал он.- Я, безусловно, заплатил бы за то, что нас познакомили. Где она теперь? Что вы с ней сделали?

- Пожалуйста, попытайтесь успокоиться,- уговаривал мистер Тейт.

- Я не хочу успокаиваться! - кричал Саймон.- Я хочу видеть Пенни!

- Это невозможно,- ледяным тоном произнес мистер Тейт.- Будьте любезны, прекратите эту сцену.

- Вы хотите выкачать из меня побольше денег? - вопил Саймон.- Ладно, я плачу. Сколько я должен заплатить, чтобы вырвать ее из ваших лап?

Саймон выхватил бумажник и швырнул его на стол. Мистер Тейт ткнул в бумажник указательным пальцем.

- Положите это к себе в карман,- сказал он.- Мы старая и уважаемая фирма. Если вы еще раз повысить голос, я буду вынужден удалить вас отсюда.

Саймон с трудом подавил гнев, сунул бумажник в карман и сел. Глубоко вздохнув, он спокойно сказал:

- Простите.

- Так-то лучше. Я не позволю кричать на себя. Но если вы будете благоразумны, я могу выслушать вас. Ну, в чем дело?

- Дело? - снова повысил голос Саймон. Потом постарался взять себя в руки и сказал: - Она любит меня.

- Конечно.

- Тогда как же вы могли разлучить нас?

- А какое отношение имеет одно к другому? - спросил мистер Тейт.- Любовь - это восхитительная интерлюдия, отдохновение, полезное для интеллекта, для баланса гормонов, для кожи лица. Но вряд ли кто-нибудь пожелал бы продолжать любить, не так ли?

- Я пожелал бы,- сказал Саймон.- Эта любовь необыкновенная, единственная...

- Вы, конечно, знаете о механике производства любви?

- Нет,- сказал Саймон.- Я думал, эта была... естественная.

Мистер Тейт покачал головой.

- Мы отказались от процесса естественного выбора много веков тому назад, вскоре после Технической революции. Он слишком медленен и для коммерции непригоден. К чему он, если мы можем производить любое чувство путем тренировки и стимулирования определенных мозговых центров? И какой результат? Пенни влюбляется в вас по уши! Ваша собственная склонность (как мы прикинули) именно к ее соматическому типу сделала чувство полным. Мы всегда пускаем в ход темный морской берег, сумасшедшую луну, бледный рассвет...

- И ее можно заставить полюбить кого угодно? - медленно произнес Саймон.

- Можно убедить полюбить кого угодно,- поправил мистер Тейт.

- Господи, как же она взялась за эту ужасную работу? спросил Саймон.

- Как обычно. Она пришла и подписала контракт. Работа очень хорошо оплачивается. И по истечении срока контракта мы возвращаем

ей первоначальную индивидуальность. Неизменившуюся! Но почему вы называете эту работу ужасной? В любви нет ничего предосудительного.

- Это была не любовь!

- Нет, любовь! Товар без подделки! Незаинтересованные научные фирмы провели качественный анализ, сравнив ее с естественным чувством. Все проверки показали, что наша любовь более глубока, страстна, пылка, полна.

Саймон зажмурился, потом открыл глаза и сказал:

- Послушайте. Мне наплевать на ваш научный анализ. Я люблю ее, она любит меня, а все остальное не имеет значения. Позвольте мне поговорить с ней! Я хочу жениться на ней!

От отвращения у мистера Тейта сморщился нос.

- Полноте, молодой человек! Вы хотите жениться на такой девушке! Если ваша цель - брак, то такими делами мы тоже занимаемся. Я могу устроить вам идиллическую женитьбу по любви почти с первого взгляда на девственнице, обследованной чиновником правительственного надзора...

- Нет! Я люблю Пенни! Позвольте хоть поговорить с ней!

- Это совершенно невозможно,- сказал мистер Тейт.

- Почему?

Мистер Тейт нажал кнопку на своем столе.

- Что вы еще выдумали? Мы уже стерли предыдущее внушение. Пенни теперь любит кого-нибудь другого.

И тогда Саймон понял. До него дошло, что даже в этот момент Пенни глядит на другого мужчину с той страстью, которую познал он сам, испытывает к другому мужчине ту полную и безбрежную любовь, которую незаинтересованные научные фирмы сочли более сильной, нежели старомодный, коммерчески невыгодный естественный выбор, и проводит время на том темном морском берегу, который упомянут в рекламной брошюре...

Он бросился вперед, чтобы задушить мистера Тейта, но два дюжих служителя ворвались в комнату, схватили его и повели к двери.

- Помните! - крикнул ему вслед Тейт.- Это ни в коем случае не обесценивает того, что вы пережили!

При всей своей озлобленности Саймон понимал, что Тейт сказал правду.

Потом он очутился на улице.

Сначала у него было одно желание - бежать с Земли, где коммерческих несообразностей больше, чем может позволить себе нормальный человек. Он шел очень быстро, и ему казалось, что Пенни шла рядом и ее лицо было удивительно красивым от любви к нему, и к нему, к нему, и к тебе, и к тебе.

- Попытаете счастья? - спросил управляющий.
- А ну-ка, поставьте их! - сказал Альфред Саймон.

Роберт Шекли "Мятеж шлюпки"
пер. Г.Косов

- Выкладывайте по совести, видели вы когда-нибудь машину лучше этой? - спросил Джо, по прозвищу Космический старьевщик.- Только взгляните на сервоприводы!
- Да-а...- с сомнением протянул Грегор.
- А каков корпус! - любовно поглаживая сверкающий борт шлюпки, вкрадчиво продолжал Джо. - Держу пари, ему не меньше пятисот лет - и ни малейшего следа ржавчины.
Поглаживание, несомненно, означало, что компании jМежпланетная служба обеззараживания ААА AcS невероятно повезло. Именно в тот самый момент, когда ей так нужна спасательная шлюпка, этот шедевр кораблестроения оказался под рукой.
- Внешне она, конечно, выглядит неплохо, - произнес Арнольд с нарочитой небрежностью влюбленного, пытающегося скрыть свои чувства. - Твое мнение, Дик?
Ричард Грегор хранил молчание. Нет слов, внешне лодка выглядит неплохо. По всей вероятности, на ней вполне можно исследовать океан на Трайденте. Однако следует держать ухо востро, имея дело с Джо.
- Теперь таких больше не строят, - вздохнул Джо. - А двигатель - просто чудо, его не повредишь механическим молотом.
- Выглядит-то она хорошо, - процедил Грегор.
Фирма jААА AcS в прошлом уже имела дела с Джо, и это научило ее осторожности. Джо отнюдь не был обманщиком; механический хлам, собранный им по всей населенной части вселенной, неизменно действовал. Однако частенько древние машины имели свое мнение по поводу того, как надо выполнять работу, и выходили из себя, если их пытались переучивать.
- Плевать я хотел на ее красоту, долговечность, скорость и комфортабельность! - продолжал Грегор вызывающе. - Я только хочу быть уверенным в безопасности.
Джо кивнул в знак согласия.
- Это, безусловно, самое главное. Пройдем в каюту.

Когда они вошли в лодку, Джо приблизился к пульту управления, таинственно улыбнулся и нажал на кнопку.

Грегор тотчас услышал голос, который, казалось, звучал у него в голове:

- Я, спасательная шлюпка 324-А. Моя главная задача...

- Телепатия? - поинтересовался Грегор.

- Прямая передача мыслей, - сказал Джо, горделиво улыбаясь. - Никакого языкового барьера. Вам же сказано, что теперь таких не строят.

- Я, спасательная шлюпка 324-А, - послышалось снова. - Моя главная задача - обеспечивать безопасность экипажа. Я должна защищать его от всех угроз и поддерживать в добром здоровье. В настоящее время я активизирована лишь частично.

- Ничто не может быть безопаснее! - воскликнул Джо. - Это не бездушный кусок железа. Шлюпка присмотрит за вами. Она заботится о своей команде.

На Грегора это произвело впечатление, хотя идея чувствующей лодки претила ему, а патерналистские настроения машины всегда раздражали его.

- Мы ее забираем, - выпалил Арнольд. Он не испытывал подобных сомнений.

- И не пожалеете, - подхватил Джо в своей обычной открытой и честной манере, которая уже принесла ему много миллионов долларов.

Грегору оставалось лишь надеяться, что на этот раз Джо окажется прав.

На следующий день спасательная шлюпка была погружена на борт звездолета, и друзья стартовали по направлению к Трайденту.

Эта планета, расположенная в самом сердце Восточной Аллеи Звезд, была недавно куплена торговцем недвижимостью. По его мнению, она была почти идеальным местом для колонизации. Трайдент был размером почти с Марс, но обладал лучшим климатом. Кроме того, там не было ни хитроумных аборигенов, с которыми пришлось бы сражаться, ни ядовитых растений, ни заразных болезней. В отличие от многих других миров на Трайденте не водились хищные звери. Там вообще не водились животные. Вся планета, за исключением одного небольшого острова и полярной шапки, была покрыта водой.

Конечно, там не было недостатка и в тверди: уровень воды в нескольких морях Трайдента был всего лишь до коленей. Вся беда была в том, что суша не выступала из воды, и компания jAAA AcS была приглашена специально для того, чтобы устранить эту маленькую ошибку природы.

После посадки звездолета на единственный остров планеты шлюпку спустили на воду. Весь остаток. дня был посвящен проверке и

погрузке исследовательской аппаратуры. Едва забрезжил рассвет, Грегор приготовил сандвичи и заполнил канистру водой. Все было готово для начала работы.

Как только стало совсем светло, Грегор пришел в рубку к Арнольду. Коротким движением Арнольд нажал на кнопку jодинS.

- Я, спасательная шлюпка 324-А, - услышали они. - Моя главная задача - обеспечивать безопасность экипажа. Я должна защищать его от всех угроз и поддерживать в добром здоровье. В настоящее время я активизирована лишь частично. Для полной активизации нажмите на кнопку два.

Грегор опустил палец на вторую кнопку.

Где то в глубине трюма послышалось приглушенное гудение. Больше ничего не произошло.

- Странно, - произнес Грегор и нажал на кнопку еще раз.

Гудение повторилось.

- Похоже на короткое замыкание, - сказал Арнольд.

Бросив взгляд в иллюминатор, Грегор увидел медленно удаляющуюся береговую линию. И ему стало слегка страшно. Ведь здесь слишком много воды и совсем мало суши, и, что самое скверное, - на пульте управления ничто не напоминало штурвал или румпель, ничто не выглядело как рычаг газа или сцепления.

- По всей вероятности, она должна управляться телепатически, - с надеждой произнес Грегор и твердым голосом скомандовал: - Тихий ход вперед!

Маленькая шлюпка медленно двинулась вперед.

- Теперь чуть правее!

Шлюпка охотно повиновалась ясным, хотя и не совсем морским командам Грегора. Партнеры обменялись улыбками.

- Прямо! Полный вперед! - раздалась команда, и спасательная шлюпка рванулась в сияющее и пустое море.

Захватив фонарь и тестер, Арнольд спустился в трюм. Грегор вполне мог один справиться с исследованием. Приборы делали всю работу: подмечали основные неровности дна, отыскивали самые многообещающие вулканы, определяли течения и вычерчивали графики. После того, как будут закончены исследования, уже другой человек опутает вулканы проводами, заложит заряды, отойдет на безопасное расстоянии и запалит все это устройство. Затем Трайдент превратится на некоторое время в довольно шумное место. А когда все придет в норму, суши окажется достаточно даже для того, чтобы удовлетворить аппетиты торговца недвижимостью.

Часам к двум после полудня Грегор решил, что для первого дня сделано достаточно.

Приятели съели сандвичи, запив их водой из канистры, и выкупались в прозрачной зеленой воде Трайдента.

- Мне кажется, что я нашел неисправность, - сказал Арнольд. - Снята проводка главного активатора, и силовой кабель перерезан.

- Кому это понадобилось? - поинтересовался Грегор.

- Возможно, это сделали, когда списывали, - пожал плечами Арнольд. - Ремонт не займет много времени.

Он снова пополз в трюм, а Грегор направил шлюпку к берегу, мысленно вращая штурвал и вглядываясь в зеленую пену, весело расступающуюся перед носом лодки. Именно в такие моменты вопреки всему своему предыдущему опыту он видел вселенную дружелюбной и прекрасной.

Арнольд появился через полчаса - весь в машинном масле, но ликующий.

- Испробуй-ка эту кнопку теперь, - попросил он.

- Может быть, не стоит, ведь мы почти у цели.

- Ну что ж... Все равно неплохо, если она поработает, как положено.

Грегор кивнул и нажал на вторую кнопку. Тотчас раздалось слабое пощелкивание контактов, и вдруг ожили полдюжины маленьких моторов. Вспыхнул красный свет и сразу же погас, когда генератор принял нагрузку.

- Вот теперь похоже на дело, - сказал Арнольд.

- Я, спасательная шлюпка 324-А, - опять сообщила лодка, - в настоящий момент я полностью активизирована и способна защищать свой экипаж от опасности. Положитесь на меня - все мои действия, как психологического, так и физического характера, запрограммированы лучшими умами планеты Дром.

- Вселяет чувство уверенности, не правда ли? - заметил Арнольд.

- Еще бы! - ответил Грегор. - Кстати, что это за Дром?

- Джентльмены, старайтесь думать обо мне не как о бесчувственном механизме, а как о вашем друге и товарище по оружию. Я понимаю ваше состояние. Вы видели, как тонул ваш корабль, безжалостно изрешеченный снарядами хгенов. Вы...

- Какой корабль, - спросил Арнольд, - что она болтает?

- ... вскарабкались сюда ослепленные, задыхающиеся от ядовитых водяных испарений, полумертвые...

- Если ты имеешь в виду наше купание, то, значит, просто ничего не поняла. Мы лишь изучали...

- ... оглушенные, израненные, упавшие духом... - закончила шлюпка. - Вероятно, вы

испугались немного, - продолжала она уже несколько мягче. - Вы потеряли связь с основными силами флота Дрома, и вас носит по волнам чуждой, холодной планеты. Не надо стыдиться этого страха, джентльмены. Такова война, война - жестокая вещь. У нас не было другого выбора, кроме как выгнать этих варваров хгенов назад в пространство.

- Должно же быть какое-нибудь разумное объяснение всей этой чепухе, - заметил Грегор. - Может, это просто сценарий древней телевизионной пъески, по ошибке попавшей в блоки памяти?

- Думаю, что нам придется как следует ее проверить, - решил Арнольд, - невозможно целый день слушать всю эту чушь.

Они приближались к острову. Шлюпка все еще бормотала что-то о доме и родном очаге, об обходных маневрах и тактических действиях, не забывая напоминать о необходимости хранить спокойствие в тяжелых обстоятельствах, подобных тем, в которые они попали.

Неожиданно шлюпка уменьшила скорость.

- В чем дело? - спросил Грегор.

- Я осматриваю остров, - отвечала спасательная шлюпка.

Арнольд и Грегор обменялись взглядами.

- Лучше с ней не спорить, - прошептал Арнольд. - Лодке же он сказал: - Остров в порядке! Мы его осмотрели лично.

- Возможно, - согласилась лодка, - однако в условиях современной молниеносной войны нельзя доверять органам чувств. Они слишком ограничены и слишком склонны выдавать желаемое за действительное. Лишь электронные органы чувств не имеют эмоций, вечно бдительны и непогрешимы в отведенных им границах.

- Остров пуст! - заорал Грегор.

- Я вижу чужой космический корабль, - отвечала шлюпка. - На нем отсутствуют опознавательные знаки Дрома.

- Но на нем отсутствуют и опознавательные знаки врага, - уверенно заявил Арнольд, потому что он сам недавно красил древний корпус ракеты.

- Это так, однако на войне следует исходить из предположения: что не наше - то вражеское. Я понимаю, как вам хочется вновь ощутить под ногами твердую почву. Но я должна учитывать факторы, которые дромит, ослепленный своими эмоциями, может и не заметить. Обратите внимание на незанятость этого стратегически важного клочка суши, на космический корабль без опознавательных знаков, являющийся заманчивой приманкой, на факт отсутствия поблизости нашего флота; и кроме того...

- Хорошо, хорошо, достаточно! - перебил Грегор. - Его мутило от спора с болтливой и

эгоистичной машиной. - Направляйся прямо к острову. Это приказ.

- Я не могу его выполнить, - сказала шлюпка. - Сильное потрясение вывело вас из душевного равновесия.

Арнольд потянулся к рубильнику, но отдернул руку с болезненным стоном.

- Придите в себя, джентльмены, - сурово сказала шлюпка. - Только специальный офицер уполномочен выключить меня. Во имя вашей же безопасности я предупреждаю, чтобы вы не касались пульта управления. В настоящее время ваши умственные способности несколько ослаблены. Позже, когда положение будет не столь опасным, я займусь вашим здоровьем, а сейчас вся моя энергия должна быть направлена на то, чтобы определить местонахождение врага и избежать встречи с ним.

Лодка набрала скорость и сложными зигзагами двинулась в открытое море.

- Куда мы теперь направляемся? - спросил Грегор.

- На воссоединение с флотом Дрома, - сообщила лодка столь уверенно, что друзья стали нервно вглядываться в бескрайние и пустынные воды Трайдента. - Конечно, как только я найду его, - добавила лодка.

Была поздняя ночь. Грегор и Арнольд сидели в углу каюты, жадно поглощая последний сандвич. Спасательная шлюпка все еще бешено мчалась по волнам; ее электронные органы чувств были настроены. Она разыскивала флот, который существовал на иной планете пять столетий тому назад.

- Ты слышал что нибудь об этих дромитах? - поинтересовался Грегор.

Арнольд порылся в своей памяти, хранившей массу разнообразнейших фактов, и ответил:

- Они не принадлежат к человеческой расе. Продукт эволюции ящеров. Населяли шестую планету маленькой системы, недалеко от Капеллы. Раса исчезла больше века тому назад.

- А хгены?

- Тоже ящеры, та же история, - Арнольд отыскал в кармане крошку хлеба и отправил ее в рот. - Эта война не имела большого значения. Все участники исчезли, кроме этой шлюпки, очевидно.

- А мы? - напомнил Грегор. - Нас, по всей вероятности, считают воинами их планеты. - Он устало вздохнул. - Как ты полагаешь, сумеем мы переубедить эту старую посудину?

Арнольд с сомнением покачал головой.

- Я не вижу путей. Для этой шлюпки война не кончена. Всю информацию она может обрабатывать, только исходя из этой посылки.

- Возможно, она и сейчас нас слушает, - сказал Грегор.

- Не думаю. Она не может по-настоящему читать мысли. Ее рецепторы настроены лишь на мысли, обращенные непосредственно к ним.
- Йес, сэры, - горько передразнил Грегор, - теперь таких больше не строят!
Как ему хотелось, чтобы Джо - Космический старьевщик сейчас попался к нему в руки.
- В самом деле, положение довольно интересное, - произнес Арнольд. - Я мог бы сочинить хорошую статью для jПопулярной кибернетикиS. Имеется машина, обладающая почти непогрешимыми приборами для приема всех внешних возбуждений, сигналы, принимаемые ею, преобразуются в действие. Беда лишь в том, что вся логика действий построена для исчезнувших условий. Поэтому можно сказать, что эта машина не что иное, как жертва запрограммированной системы галлюцинаций.
Грегор зевнул.
- Думаю, шлюпка просто свихнулась, - сказал он довольно грубо. - Факт. Думаю, что самый правильный диагноз - паранойя. Однако это скоро кончится.
- Почему? - спросил Грегор.
- Это же очевидно, - сказал Арнольд. - Главная задача лодки - сохранить нам жизнь. Значит, она должна нас кормить. Сандвичи кончились, а вся остальная пища находится на острове. Поэтому я предполагаю, что она все же рискнет туда вернуться.

Через несколько минут они почувствовали, что лодка описывает круг, меняя направление.
- В настоящее время я не способна обнаружить флот дромитов. Поэтому я поворачиваю к острову, чтобы еще раз обследовать его. К счастью, в ближайших районах противник не обнаружен. И теперь я могу посвятить себя заботе о вас.
- Видишь? - сказал Арнольд, подталкивая Грегора локтем. - Все как я сказал. А сейчас мы еще раз найдем подтверждение моему предположению. - И он обратился к шлюпке: - Ты вовремя занялась нами. Мы проголодались.
- Покорми нас, - потребовал Грегор.
- Безусловно, - ответила лодка.
И из стенки выскользнуло блюдо, до краев наполненное каким-то веществом, похожим на глину, но с запахом машинного масла.
- Что это должно означать? - спросил Грегор.
- Это гизель, - сказала лодка, - любимая пища народов Дрома, и я могу приготовить его шестнадцатью различными способами.
Грегор брезгливо попробовал. И по вкусу это была глина в машинном масле.
- Но мы не можем есть это!
- Конечно, можете, - сказала шлюпка успокаивающе. - Взрослый громит потребляет ежедневно пять и три десятых фунта гизеля и

просит еще.
Блюдо приблизилось к ним, друзья попятились.
- Слушай, ты! - Арнольд заговорил с лодкой. - Мы не дромиты. Мы люди и принадлежим к совершенно другому виду. Военные действия, о которых ты говоришь, кончились пятьсот лет тому назад. Мы не можем есть гизель. Наша пища находится на острове.
- Попробуйте разобраться в положении. Ваш самообман обычен для солдат. Это попытка уйти от реальности в область фантазии, стремление избежать невыносимой ситуации. Смотрите в лицо фактам, джентльмены.
- Это ты смотри в лицо фактам! - завопил Грегор. - Или я разберу тебя гайка за гайкой!
- Угрозы не беспокоят меня, - начала шлюпка безмятежно. - Я знаю, что вам пришлось пережить. Возможно, что ваш мозг пострадал от воздействия отравляющей воды.
- Отравляющей? - поперхнулся Грегор.
- Для дромитов, - напомнил ему Арнольд.
- Если это будет абсолютно необходимо, - продолжала спасательная шлюпка, - я располагаю средствами для операций на мозге. Это, конечно, крайняя мера, однако на войне нет места для нежностей.
Откинулась панель, и приятели смогли увидеть набор сияющих хирургических инструментов.
- Нам уже лучше, - поспешно заявил Грегор. - Этот гизель выглядит очень аппетитно, не правда ли, Арнольд?
- Восхитительно! - содрогнувшись, выдавил Арнольд.
- Я победила в общенациональных соревнованиях по приготовлению гизеля, - сообщила шлюпка с простительной гордостью. - Ничего не жаль для наших защитников. Попробуйте немного.
Грегор захватил горсть, причмокнул и уселся на пол.
- Изумительно! - сказал он в надежде, что внутренние селекторы лодки не столь чувствительны, как внешние.
По всей видимости, так оно и было.
- Прекрасно, - сказала шлюпка. - А сейчас я направлюсь к острову. И я убеждаю, что через несколько минут вы почувствуете себя лучше.
- Каким образом? - спросил Арнольд.
- Температура внутри каюты нестерпимо высока. Поразительно, что вы до сих пор не потеряли сознания. Любой другой дромит не выдержал бы этого. Потерпите еще немного, скоро я понижу ее до нормы - двадцать ниже нуля. А теперь для поднятия духа я исполню наш Национальный Гимн.
Отвратительный ритмичный скрип заполнил

воздух. Волны плескались о борта спасательной шлюпки, торопящейся к острову. Через несколько минут воздух в каюте заметно посвежел.

Грегор утомленно прикрыл глаза, стараясь не обращать внимания на холод, который начинал сковывать конечности. Его клонило ко сну. Надо иметь особое везение, чтобы замерзнуть внутри свихнувшейся спасательной шлюпки. Так бывает, если вы покупаете приборы, настроенные на то, чтобы ухаживать за вами, нервные человекоподобные калькуляторы, сверхчувствительные эмоциональные машины.

В полусне он размышлял, к чему все это идет. Ему пригрезилась огромная лечебница для машин. По длинному белому коридору два кибернетических врача тащили машинку для стрижки травы. Главный кибернетический доктор спросил: jЧто случилось с этим парнем?S И ассистент ответил: jПолностью лишился рассудка. Думает, что он геликоптерS. jАга... - понимающе произнес главный. - Мания полета! Жаль. Симпатичный парнишкаS. Ассистент кивнул. jПереработал. Надорвался на жесткой травеS. Вдруг их пациент заволновался. jТеперь я машинка для взбивания яиц!S - хихикнул он.

- Проснись! - окликнул Грегора Арнольд, стуча зубами. - Надо что-то предпринять.

- Попроси ее включить обогреватель, - сонно сказал Грегор.

- Не выйдет. Дромиты живут при двадцати ниже нуля. А мы - дромиты. Двадцать ниже нуля, и никаких.

Слой инея быстро рос на трубах системы охлаждения, проходивших по периметру каюты. Стены покрывались изморозью, иллюминаторы обледенели.

- У меня есть идея, - осторожно сказал Арнольд. Он бросил взгляд в сторону пульта управления и что-то быстро зашептал в ухо Грегору.

- Надо попробовать, - сказал Грегор.

Они поднялись на ноги. Грегор схватил канистру и решительно зашагал к противоположной стене каюты.

- Что вы собираетесь делать? - резко спросила шлюпка.

- Хотим немного размяться. Солдаты Дрома должны всегда сохранять боевую форму.

- Это верно, - с сомнением произнесла шлюпка.

Грегор бросил канистру Арнольду. Принужденно усмехнувшись, тот отпасовал ее обратно.

- Обращайтесь с этим сосудом осторожно, - предупредила лодка. - Он содержит смертельный яд.

- Мы очень осторожны, - сказал Грегор. -

Канистра будет доставлена в штаб. - Он снова бросил ее Арнольду.

- Штаб использует ее содержимое против хгенов, - сказал Арнольд, возвращая канистру Грегору.

- В самом деле? - удивилась шлюпка. - Интересная идея. Новое использование.

В этот момент Грегор запустил тяжелой канистрой в трубу охлаждения. Труба лопнула, и жидкость полилась на палубу.

- Неважный удар, старик, - сказал Арнольд.

- Что я наделал! - воскликнул Грегор.

- Мне следовало принять меры предосторожности против таких случайностей, - грустно промолвила шлюпка. - Но больше этого не повторится. Однако положение очень серьезно. Я не могу восстановить систему охлаждения и не в силах теперь охладить лодку в достаточной степени.

- Если бы ты только высадила нас на остров... - начал Арнольд.

- Невозможно, - прервала его шлюпка. - Моя основная задача - сохранить вам жизнь. А вы не сможете долго прожить в климате этой планеты. Однако я намерена принять необходимые меры для обеспечения вашей безопасности.

- Что же ты собираешься делать? - спросил Грегор, чувствуя, как что-то оборвалось у него внутри.

- Мы не можем терять времени. Я еще раз обследую остров, и, если не обнаружу наших вооруженных сил, мы направимся к единственному месту на этой планете, где могут существовать дромиты.

- Что это за место?

- Южная полярная шапка, - ответила лодка. - Там почти идеальный климат. По моей оценке, тридцать градусов ниже нуля.

Моторы взревели. И, как бы извиняясь, лодка добавила:

- И, конечно, я обязана принять меры против любых внутренних неполадок.

В тот момент, когда лодка резко увеличила скорость, они услышали, как щелкнул замок, запирая их каюту.

- Теперь думай, - сказал Арнольд.

- Я думаю, но ничего не придумывается, - отвечал Грегор.

- Мы должны выбраться отсюда, как только достигнем острова. Это наша последняя возможность.

- А не думаешь ли ты, что мы сможем просто выпрыгнуть за борт? - спросил Грегор.

- Ни в коем случае. Она теперь начеку. Если бы ты еще не покорежил охладительные трубы, у нас бы оставался шанс.

- Конечно, - с горечью протянул Грегор. - Все ты со своими идеями.

- Моими идеями?! Я отчетливо помню, что ты предложил это. Ты заявил, что...

- Сейчас уже неважно, кто первый высказал эту идею.
Грегор глубоко задумался.
- Слушай, ведь мы знаем, что ее внутренние рецепторы работают не очень хорошо. Как только мы достигнем острова, может быть, нам удастся перерезать силовой кабель.
- Брось, тебе же не удастся подойти к нему ближе чем на пять футов, - сказал Арнольд, вспоминая удар, который он получил у пульта управления.
- Да-а, - Грегор закинул руки за голову. Какая-то идея начинала постепенно вырисовываться у него в уме. - Конечно, это довольно ненадежно, но при такой ситуации...
В это время лодка объявила:
- Я исследую остров.
Посмотрев в носовой иллюминатор, Грегор и Арнольд не далее как в ста ярдах увидели остров. На фоне пробуждающейся зари вырисовывался израненный, но такой родной корпус их корабля.
- Местечко привлекательное, - сказал Арнольд.
- Безусловно, - согласился Грегор. - Держу пари, что наши войска сидят в подземных убежищах.
- Ничего подобного, - возразила лодка. - Я исследовала поверхность на глубине сто футов.
- Так, - сказал Арнольд. - При существующих обстоятельствах, я полагаю, нам следует провести более тщательную разведку. Пожалуй, надо высадиться и осмотреться,
- Остров пуст, - настаивала лодка. - Поверьте мне, мои органы чувств гораздо острее ваших. Я не могу позволить, чтобы вы ставили под угрозу свою жизнь, высаживаясь на берег. Планете Дром нужны солдаты, особенно такие крепкие и жароупорные, как вы.
- Нам этот климат по душе, - сказал Арнольд.
- Воистину слова патриота, - сердечно произнесла лодка. - Я знаю, как вы сейчас страдаете. Но теперь я направлюсь на южный полюс, чтобы вы, ветераны, получили заслуженный отдых.

Грегор решил, что настало время испытать новый план, хоть он и не был до конца разработан.
- В этом нет необходимости, - сказал он.
- Что-о?
- Мы действуем по специальному приказу, - доверительно начал Грегор. - Предполагалось, что мы не откроем сути нашего задания ни одному из кораблей рангом ниже супердредноута. Однако, исходя из обстоятельств...
- Да-да, исходя из обстоятельств, - живо

подхватил Арнольд, - мы тебе расскажем.

- Мы команда смертников, специально подготовленных для работы в условиях жаркого климата. Нам приказано высадиться и захватить этот остров до подхода главных сил дромитов.

- Я этого не знала, - сказала лодка.

- Тебе и не положено было знать. Ведь ты не больше чем простая спасательная шлюпка, - сказал ей Арнольд.

- Немедленно высади нас, - приказал Грегор. - Промедление невозможно.

- Вам следовало сказать мне об этом раньше, - ответила шлюпка. - Не могла же я сама догадаться.

И она начала медленно двигаться по направлению к острову.

Грегор затаил дыхание. Казалось немыслимым, что такой элементарный трюк будет иметь успех. Но, с другой стороны, почему бы и нет? Ведь спасательная шлюпка была построена с таким расчетом, что она принимала на веру слова тех, кто управлял ею. И она следовала указаниям, пока и поскольку они не противоречили заданной ей программе.

Полоса берега, белевшая в холодном свете зари, была от них всего в пятидесяти ярдах.

Неожиданно лодка остановилась.

- Нет, - сказала она.

- Что нет?

- Я не могу этого сделать.

- Что это значит?. - заорал Арнольд. - Это война! Приказы...

- Я знаю, - печально произнесла шлюпка. - Очень сожалею, но для этой миссии надо было выбрать другой тип судна. Любой другой тип, но не спасательную шлюпку.

- Но ты должна, - умолял Грегор. - Подумай о нашей стране. Подумай об этих варварах - хгенах.

- Но я физически не могу выполнить ваш приказ. Моя первейшая обязанность - ограждать мой экипаж от опасностей. Этот приказ заложен во всех блоках памяти, и он имеет приоритет над всеми другими. Я не могу отпустить вас на верную смерть.

Лодка начала медленно удаляться от острова.

- Ты попадешь под трибунал за это! - взвизгнул Арнольд истерично. - И он тебя разжалует!

- Я могу действовать только в заранее отведенных мне границах, - так же грустно сказала лодка. - Если мы обнаружим главные силы флота, я передам вас на боевое судно. А пока я должна доставить вас на безопасный южный полюс.

Лодка набирала скорость, и остров быстро удалялся. Арнольд бросился к пульту

управления, но, получив удар, упал навзничь. Грегор тем временем схватил канистру, поднял ее, собираясь швырнуть в запертую дверь. Но неожиданно он остановился, пораженный внезапной дикой мыслью.

– Прошу вас, не пытайтесь что-нибудь сломать, – умоляла лодка. – Я понимаю ваши чувства, но...

јЭто чертовски рискованно, – подумал Грегор, – но в конце концов и южный полюс – верная смертьЅ.

Он открыл канистру.

– Поскольку мы не смогли выполнить нашу миссию, мы никогда не посмеем взглянуть в глаза нашим товарищам. Самоубийство для нас – единственный выход. – Он выпил глоток воды и вручил канистру Арнольду.

– Не надо! Не надо! – пронзительно закричала лодка. – Это же вода – смертельными яд!..

Из приборной доски быстро выдвинулась электрическая клешня, выбив канистру из рук Арнольда.

Арнольд вцепился в канистру. И прежде чем лодка успела отнять ее еще раз, он сделал глоток.

– Мы умираем во славу Дрома! – Грегор упал на пол. Знаком он приказал Арнольду не двигаться.

– Не известно никакого противоядия, – простонала лодка. – Если бы я могла связаться с плавучим госпиталем... – Ее двигатели замерли в нерешительности. – Скажите что нибудь! – умоляла лодка. – Вы еще живы?

Грегор и Арнольд лежали совершенно спокойно, не дыша.

– Ответьте же мне! Может быть, хотите немного гизеля... – Из стены выдвинулись два подноса. Друзья не шелохнулись.

– Мертвы, – сказала лодка. – Мертвы. Я должна отслужить заупокойную.

Наступила пауза. Затем лодка запела: јВеликий Дух Вселенной, возьми под свою защиту твоих слуг. Хотя они и умерли от собственной руки, все же они служили своей стране, сражаясь за дом и очаг. Не суди их жестоко. Лучше осуди дух войны, который сжигает и разрушает ДромЅ.

Крышка люка откинулась. Грегор почувствовал струю прохладного утреннего воздуха.

– А теперь властью, данной мне Флотом планеты Дром, я со всеми почестями предаю их тела океанским глубинам.

Грегор почувствовал, как его подняли, пронесли через люк и опустили на палубу. Затем он снова оказался в воздухе. Падение. И в следующий момент он очутился в воде рядом с Арнольдом.

– Держись на воде, – прошептал он.

Остров был рядом. Но и спасательная шлюпка еще возвышалась вблизи, нервно гудя машинами.

- Что она хочет сейчас, как ты думаешь? - спросил Арнольд.

- Я не знаю, - ответил Грегор, надеясь. что религия дромитов не требует превращения тел умерших в пепел.

Спасательная шлюпка приблизилась. Всего несколько футов отделяло ее нос от них. Они напряглись. А затем они услышали завывающий скрип Национального Гимна дромитов.

Через минуту все было кончено. Лодка пробормотала: - jПокойтесь в миреS, - сделала поворот и унеслась вдаль.

И пока они медленно плыли к острову, Грегор видел спасательную шлюпку, направляющуюся на юг, точно на юг, на полюс, чтобы ждать там Флот планеты Дром.

Роберт ШЕКЛИ

РЫБОЛОВНЫЙ СЕЗОН

Они жили в этом районе всего неделю, и это было их первое приглашение
в гости. Они пришли ровно в половине девятого. Кармайклы их явно ждали,
потому что свет на веранде горел, входная дверь была слегка приоткрыта, а
из окон гостиной бил яркий свет.

- Ну, как я смотрюсь? - спросила перед дверью Филис. - Пробор прямой,
укладка не сбилась?

- Ты просто явление в красной шляпке, - заверил ее муж. - Только не
испорть весь эффект, когда будешь ходить тузами. - Она скорчила ему
гримаску и позвонила. Внутри негромко прозвучал звонок.

Пока они ждали, Мэллен поправил галстук и на микроскопическое

расстояние вытянул из нагрудного кармана пиджака платочек.

- Должно быть, готовят джин в подвале, - сказал он жене. - Позвонить еще?

- Нет... подожди немного. - Они выждали, и он позвонил опять. Снова послышался звонок.

- Очень странно, - сказала Филис через пару минут. - Приглашение было на сегодня, верно? - Муж кивнул. Весна была теплой, и Кармайклы распахнули окна. Сквозь жалюзи они видели подготовленный для бриджа стол, придвинутые к нему стулья, тарелки со сладостями. Все было готово, но никто не подходил к двери.

- А не могли они куда-нибудь ненадолго уйти? - спросила Филис Мэллен. Муж быстро пересек лужайку и взглянул на подъездную дорожку.

- Машина в гараже. - Он вернулся и легким толчком приоткрыл пошире входную дверь.

- Джимми... не входи.

- А я и не собираюсь. - Он просунул голову внутрь. - Эй! Есть кто-нибудь дома?

Ответом ему было молчание.

- Эй! - крикнул он и напряженно прислушался. Он слышал, как от соседнего дома доносятся обычные для вечера пятницы звуки - разговоры и смех. По улице проехала машина. Он вслушался. Где-то в доме скрипнула доска, и опять стало тихо.

- Они не могли просто уйти и оставить весь дом нараспашку, - сказал он Филис. - Могло что-то случиться. - Он вошел. Она последовала за ним, но нерешительно остановилась в гостиной, а он прошел на кухню. Она услышала, как он открыл дверь в подвал и крикнул: - Есть кто дома? Потом закрыл дверь. Он вернулся в гостиную, нахмурился и пошел наверх.

Вскоре Мэллен спустился с озадаченным лицом. - И там никого, - сказал он.

- Пойдем отсюда, - сказала Филис, неожиданно занервничав в ярко освещенном пустом доме. Они поспорили, стоит ли оставлять записку, решили этого не делать и вышли на улицу.

- Может, надо захлопнуть дверь? - спросил, остановившись, Джим Мэллен.

- Какой смысл? Окна все равно открыты.

- И все же... - Он вернулся и запер дверь. Они медленно пошли домой, оборачиваясь через плечо. Мэллену все время казалось, что Кармайклы сейчас вдруг откуда-нибудь выскочат и крикнут: "Сюрприз!"

Но в доме было по-прежнему тихо.

До их дома, кирпичного бунгало, точно такого же, как и две сотни других домов в районе, был всего квартал. Когда они вошли, мистер Картер мастерил на карточном столике искусственных мух для ловли форели. Он работал неторопливо и уверенно, и его ловкие пальцы накручивали цветные нитки с любовной тщательностью. Он был так погружен в работу, что даже не услышал, как они вошли.

- Мы дома, папа, - сказала Филис.

- А, - пробормотал мистер Картер. - Посмотрите-ка на эту прелесть. - Он поднял готовую муху. Это была почти точная имитация шершня. Крючок был хитроумно скрыт под чередующимися черными и желтыми нитками.

- Кармайклы ушли... кажется, - сказал Мэллен, вешая пиджак.

- Утром попытаю удачу на Старом Ручье, - сказал Картер. - У меня предчувствие, что именно там может оказаться неуловимая форель. - Мэллен улыбнулся. С отцом Филис было трудно разговаривать. В последнее время он не говорил ни на какие другие темы, кроме рыбалки. Когда ему стукнуло семьдесят, старик ушел на пенсию, оставив весьма успешный бизнес, и полностью отдался любимому спорту.

И теперь, подбираясь к концу седьмого десятка, мистер Картер выглядел великолепно. Просто поразительно, подумал Мэллен. Кожа розовая, глаза ясные и спокойные, седые волосы аккуратно зачесаны назад. К тому же он сохранял полную ясность мыслей - пока вы говорили о рыбалке.

- Давайте немного перекусим, - сказала Филис. Она с сожалением сняла красную шляпку, разгладила на ней вуаль и положила ее на кофейный столик. Мистер Картер добавил к своему творению еще ниточку, придирчиво его осмотрел, затем положил муху на стол и пришел к ним на кухню.

Пока Филис варила кофе, Мэллен рассказал старику о том, что произошло. Он услышал типичный ответ.

- Сходи завтра на рыбалку и выбрось все из головы. Рыбалка, Джим - это больше, чем спорт. Рыбалка - это и образ жизни, и философия. Знаешь, как приятно отыскать тихую заводь и посидеть на берегу. Сидишь и думаешь: коли есть на свете рыба, то отчего бы ей не водиться и здесь?

Филис улыбнулась, увидев как Джим заерзал на стуле. Когда ее отец начинал говорить, остановить его было уже невозможно. А начать он мог по любому поводу.

- Представь себе, - продолжал мистер Картер, - молодого судебного исполнителя. Кого-нибудь вроде тебя, Джим - вот он мчится куда-то через большой зал. Обычное дело? Но в конце последнего длинного коридора его ждет форелевый ручей. Представь политика. Конечно, ты многих их видел там, в Олбани. В руке портфель, весь озабоченный...

_ Странно, - сказала Филис, прервав отца на полуслове. В руке он держала неоткрытую бутылку молока.

- Посмотрите. - Молоко они покупали у "Молочной фермы Станнертон". Зеленая этикетка на бутылке гласила: "Молочные фермы Станнерон".

- И здесь. - Она показала пальцем. Чуть ниже было написано: "по лисенсии НьЮ-йоРкского Бро здравооХранения". Все это походило на грубую имитацию нормальной этикетки.

- Где ты его взяла? - спросил Мэллен.

- Да вроде бы в магазине Элджера. Может, это какой-то рекламный трюк?

- Я презираю тех, кто ловит рыбу на червя, - гневно произнес мистер Картер. - Муха - это произведение искусства. Но тот, кто надевает на крючок червя, способен ограбить сирот и поджечь церковь.

- Не пей его, - сказал Мэллен. - Давай осмотрим остальную еду.

Они обнаружили еще несколько подделок. На плитке сладостей оказалась оранжевая этикетка вместо привычной малиновой. Нашелся и брусок "Амеррикнского СыРРа", почти на треть крупнее, чем обычная расфасовка этого сорта, и бутылка "ИГРистой вды".

- Все это очень странно, - произнес Мэллен, почесывая подбородок.

- Я всегда отпускаю маленьких рыбок обратно, - сказал мистер Картер. - Брать их просто неспортивно, и это часть кодекса рыболова. Пусть подрастут, возмужают, наберутся опыта. Мне нужны взрослые, матерые рыбины, что таятся под бревнами и пулей удирают, завидев рыболова. Вот с такими парнями можно повоевать!

- Я отнесу это обратно к Элджеру, - сказал Мэллен, складывая продукты в бумажный пакет. - Если увидишь еще что-нибудь подобное, сохрани.

- Старый Ручей - лучшее место, - сказал мистер Картер. - Именно там они и прячутся.

Субботнее утро было ясным и великолепным. Мистер Картер спозаранку позавтракал и отправился на Старый Ручей, ступая легко, как мальчишка. Потрепанная шляпа с загнутыми краями торчала у него на голове под

легкомысленным углом. Джим Мэллен допил кофе и отправился к дому Кармайклов.

Машина до сих пор стояла в гараже. Окна были по-прежнему распахнуты, стол для бриджа накрыт, к тому же горели все лампы - точно так же, как и накануне вечером. Это зрелище напомнило Мэллену некогда прочитанную историю про брошенный корабль, который шел под полными парусами и на борту у него было все в порядке - но ни единой живой души.

- Может, надо куда-нибудь позвонить? - спросила Филис, когда он вернулся домой. - Я уверена, что здесь явно что-то не в порядке.

- Еще бы. Только кому звонить? - В этом районе они почти никого не знали. Правда, они здоровались при встречах с тремя или четырьмя семействами, но понятия не имели, кто еще был знаком с Кармайклами.

Проблема решилась сама собой, когда зазвонил телефон.

- Если это кто-то из нашей округи, - сказал Джим, когда Филис брала трубку, - то спроси его.

- Алло?

- Здравствуйте. Наверное, вы меня не знаете. Я Мариан Карпентер, живу в вашем квартале. Я просто хотела спросить... мой муж к вам, случайно, не заходил? - Металлический тембр голоса в телефоне помог женщине скрыть страх и беспокойство.

- Знаете, нет. С утра к нам никто не приходил.

- Тогда извините. - Голос в трубке нерешительно замолк.

- Могу ли я что-нибудь для вас сделать? - спросила Филис.

- Ничего не могу понять, - сказала миссис Карпентер. - Джордж - мой муж - позавтракал утром со мной. Потом пошел наверх за пиджаком. Больше я его не видела.

- Да?

- Я уверена, что вниз он не спускался. Я пошла наверх посмотреть, отчего он задержался - мы собирались уезжать - но его там не было. Я обыскала весь дом. Я решила было, что Джордж меня разыгрывает, хотя он никогда в жизни этим не занимался, и заглянула под кровати и в шкафы. Потом посмотрела в погребе и спросила о нем у соседей, но никто его не видел. Я подумала, может, он зашел к вам - он как-то об этом говорил...

Филис рассказала ей об исчезновении Кармайклов. Они поговорили еще немного, потом Филис положила трубку.

- Джим, - сказала она. - Мне это не нравится. Лучше будет, если ты сообщишь о Кармайклах в полицию.

- И окажемся в дураках, когда выяснится, что они были у друзей в Олбани.

- Придется пойти и на это.

Джим отыскал номер полицейского участка, но линия оказалась занята.

- Придется сходить самому.

- И прихвати вот это. - Она протянула ему бумажный пакет.

Капитан полиции Леснер оказался терпеливым человеком с румяным лицом, которому весь вечер и большую часть утра пришлось выслушивать нескончаемый поток жалоб. Патрульные полисмены были вымотаны, сержанты вымотаны, а самым замотанным был он сам. Тем не менее он пригласил Мэллена в свой кабинет и выслушал его рассказ.

- Я хочу, чтобы вы записали все, что мне рассказали, - сказал Леснер, когда он закончил. - Вчера поздно вечером нам позвонил сосед Кармайклов и сообщил то же самое. Сейчас мы пытаемся их разыскать. Считая мужа миссис Карпентер, получается десять за два дня.

- Десять чего?

- Исчезновений.

- Боже мой, - выдохнул Мэллен и стиснул бумажный пакет. - И все из одного города?

- Все до единого, - резко произнес капитан Леснер, - проживали в этом городе в районе Вэйнсвилл. И даже не во всем районе, а в четырех его кварталах, расположенных квадратом. - Он назвал улицы.

- Я там живу, - сказал Мэллен.

- И я тоже.

- есть ли у вас догадки, кто может быть... похитителем? - спросил Мэллен.

- Мы не думаем, что это похититель, - ответил Леснер, закуривая двадцатую за сегодня сигарету. - Никаких записок с требованием выкупа. Никакого отбора жертв. Из большей части исчезнувших похититель не смог бы вытянуть ни гроша. А из всех вместе - вообще ничего!

- Выходит, маньяк?

- Конечно. Но как он ухитряется захватывать целые семьи? Или взрослых мужчин вроде вас? И где он прячет их, или их тела? - Леснер резким движением погасил сигарету. - Мои люди обыскивают в городе каждую пядь земли. Этим занят каждый полицейский в радиусе двадцати миль. Полиция штата останавливает машины. И мы не нашли ничего.

- Ах, да, вот еще что. - Мэллен показал ему поддельные продукты.

- Тут я опять-таки ничего не могу вам сказать, - угрюмо признался капитан Леснер. - У меня на это просто нет времени. Кроме вас о продуктах заявляли и другие... - Зазвонил телефон, но Леснер не стал брать трубку.

- Походе на товары черного рынка. Я послал некоторые продукты в Олбани на анализ. Пытаюсь выяснить каналы поступления. Возможно, из привозят из-за границы. Вообще-то ФБР могло... черт бы побрал этот телефон!

Он сорвал трубку.

- Леснер слушает. Да... да. Ты уверена? Конечно, Мэри. Сейчас приеду. - Он положил трубку. Его раскрасневшееся лицо внезапно побледнело.

- Это была сестра жены, - пояснил он. - Моя жена пропала!

Мэллен мчался домой сломя голову. Он резко затормозил, едва не врезался головой в ветровое стекло и вбежал в дом.

- Филис! - закричал он. Где же она? О, боже, подумал он. Если она пропала...

- Что случилось? - спросила Филис, выходя из кухни.

- Я подумал... - Он обнял ее и сжал с такой силой, что она вскрикнула.

- В самом деле, - сказала она с улыбкой. - Мы ведь не молодожены. Хоть мы и женаты целых полтора года...

Он рассказал ей обо всем, что узнал в полиции.

Филис обвела взглядом комнату. Неделю назад она казалась теплой и уютной. Теперь она стала бояться тени под кушеткой, а приоткрытая дверца шкафа бросала ее в дрожь. Она знала, что по прежнему уже не будет.

В дверь кто-то постучал.

- Не подходи, - сказала Филис.

- Кто там? - спросил Мэллен.

- Джо Даттон, ваш сосед по кварталу. Наверное, вы уже слышали о недавних событиях?

- Да, - ответил Мэллен, стоя перед запертой дверью.

- Мы перегораживаем улицы баррикадами, - сказал Даттон. - Собираемся присматривать за всеми, кто приходит и уходит. Пора положить этому конец, даже если полиция ни на что не способна. Хотите к нам присоединиться?

- Еще бы, - сказал Мэллен и открыл дверь. На пороге стоял невысокий коренастый человек в старом армейском кителе, сжимающий полуметровую дубинку.

- Перекроем наши кварталы наглухо, - сказал Даттон. - И если кого и смогут похитить, то выволакивать его придется под землей.

Мэллен поцеловал жену и ушел.

Вечером в актовом зале школе состоялось собрание. На него сошлись все жители окрестных кварталов и все горожане, которым удалось втиснуться в зал. Первым делом они узнали, что несмотря на блокаду, из района Вэйнсвилл исчезло еще три человека.

Выступил капитан Леснер и сказал, что звонил в Олбани и попросил помощь. Офицеры по особым поручениям уже в пути, подключилось и ФБР. Он честно признал, что не представляет, кто или что все это проделывает, и для чего. Он не может даже предположить, почему все исчезнувшие оказались из одного района.

Он получил и результаты анализов поддельных продуктов, которые, казалось, были рассеяны по всему району. Химики не смогли обнаружить никаких следов ядов. Это опровергает недавно выдвинутую теорию о том, что с помощью этих продуктов людей одурманивали и заставляли идти туда, куда желал похититель. Тем не менее он предостерег, чтобы никто их не ел. Для своего же спокойствия.

Компании, чьи этикетки были подделаны, полностью отрицают свою причастность. Они намерены подать иск на любого, кто незаконно воспользуется или уже воспользовался их торговой маркой.

Выступил мэр, и произнеся серию благонамеренных банальностей, призвал их не принимать все слишком близко к сердцу; гражданские власти, сказал он, удерживают ситуацию в руках.

Конечно же, мэр не жил в районе Вэйнсвилл.

Собрание закончилось, и мужчины вернулись на баррикады. Они уже начали подыскивать дрова для костров, но они оказались ненужными. К ним на подмогу из Олбани прибыла колонна с людьми и оборудованием. Все четыре квартала окружили вооруженные патрульные. Были установлены портативные прожекторы, а во всем районе с восьми часов объявлен комендантский час.

Все это развлечение мистер Картер пропустил, потому что весь день провел на рыбалке. К закату он вернулся, с пустыми руками, но счастливый.

- Прекрасный был денек для рыбалки, - объявил он.

Мэллены провели ужасную ночь. Они лежали одетые, дремали урывками и смотрели, как на их окнах играют отсветы прожекторов. За окнами всю ночь топали патрули.

В воскресенье в восемь утра пропало еще двое. Они исчезли с территории четырех кварталов, охраняемых тщательнее, чем концентрационный лагерь.

В десять утра мистер Картер, отметя все возражения Мэлленов, водрузил на плечо удочку и ушел. С тридцатого апреля он не пропустил ни одного дня, и не собирался делать этого весь рыболовный сезон.

Полдень воскресенья - еще один пропавший, общий счет дошел до шестнадцати.

Час дня, воскресенье - найдены все пропавшие дети!

Полицейская машина наткнулась на них на окраине города, когда они, все восемь, включая парнишку Кармайклов, изумленно брели домой. Их немедленно доставили в госпиталь.

Тем не менее, от исчезнувших взрослых не осталось и следов.

Слухи распространяются быстрее, чем доносят новости газеты и радио. На детях не оказалось ни царапины. Обследовавшие их психиатры обнаружили, что дети не помнят ни где они были, ни как туда попали. Все, что они смогли из них вытянуть - это воспоминания об ощущении полета, сопровождаемого тошнотой. Для безопасности детей оставили в госпитале под охраной.

Но к вечеру из Вэйнсвилла исчез еще один ребенок.

Мистер Картер вернулся поздно вечером. В его рюкзаке были две радужных форели. Он весело поприветствовал Мэлленов и пошел в гараж чистить рыбу.

Джим Мэллен вышел во двор, и нахмурившись, пошел к гаражу. Ему хотелось спросить старика о чем-то, про что тот говорил день или два назад. Он не помнил точно, о чем, а только то, что ему это показалось важным.

С ним поздоровался живший в соседнем доме человек, имени которого он не смог вспомнить.

- Мэллен, - сказал сосед. - Кажется, я все знаю.

- О чем? - спросил Мэллен.

- Вы обдумывали те теории про исчезновения, что нам предложили? - спросил сосед.

- Конечно. - Сосед был тощей личностью в рубашке с короткими рукавами и в жилетке. Его лысина отсвечивала красным в лучах заходящего солнца.

- Тогда слушайте. Это не может быть похититель. В его действиях нет никакого смысла. Верно?

- Да, пожалуй, так.

- Маньяк тоже отпадает. Как смог он похитить пятнадцать, нет, шестнадцать человек? И вернуть детей? На это не способна даже банда маньяков, когда кругом столько полицейских. Верно?

- Продолжайте. - Мэллен краем глаза заметил, как по ступенькам сошла толстая жена соседа. Она подошла к ним и стала слушать.

- Точно так же не годится ни банда преступников, ни даже марсиан.

Проделать такое невозможно, а если и возможно, то смысла в этом никакого нет. Нам следует искать что-нибудь н_е_л_о_г_и_ч_н_о_е_ - и мы получим единственный логичный ответ.

Мэллен слушал и время от времени поглядывал на женщину, которая уставилась на него, сложив руки на груди поверх фартука. Можно было даже сказать, что она ела его глазами. Неужто она сердится на меня, подумал Мэллен. Что же я такого сделал?

- Единственный ответ в том, - медленно произнес сосед, - что где-то здесь есть дыра. Дыра в пространственно-временном континууме.

- Что? - изумился Мэллен. - Знаете, я в таких вещах не разбираюсь.

- Дыра во времени, - пояснил лысый инженер, - или же дыра в пространстве. Или в обеих сразу. Только не спрашивайте меня, откуда она взялась; она есть - и все. А происходит вот что - если ты на нее наступишь, то - бац! - и ты уже где-то в другом месте. Или в другом времени. Или сразу и то, и другое. Конечно, дыру увидеть нельзя, она четырехмерная, но она здесь. Я так понимаю, что если проследить, где ходили те пропавшие, то обнаружится, что все они прошли через одну и ту же точку - и исчезли.

- Г-м-м, - задумался Мэллен. - Звучит интересно, но ведь многие исчезли прямо у себя дома.

- Да, - согласился сосед. - Дайте-ка подумать... знаю! Эта дура не фиксированная, она дрейфует и все время перемещается. Сначала она в доме Карпентеров, потом переползает еще куда-то...

- Почему же тогда она не выходит за пределы наших четырех кварталов? - спросил Мэллен, думая о том, почему жена соседа продолжает сверлить его взглядом, плотно сжав губы.

- Ну... - сказал сосед, - должно быть, есть какие-то ограничения.

- А почему вернулись дети?

- Да ради бога, Мэллен, не станете же вы требовать от меня объяснений всяких мелочей? Просто это хорошая рабочая теория. Нужно раздобыть побольше фактов, и тогда мы разберемся во всем.

- Приветик! - воскликнул мистер Картер, выходя из гаража. Он держал две великолепные форели, тщательно почищенные и вымытые.

- Форель - это достойный боец и вкуснейшая рыба. Великолепнейший спорт и великолепнейшая еда! - Он неторопливо пошел к дому.

- А у меня есть теория получше, - сказала жена соседа, уперев руки в мощные бедра.

Мужчины обернулись и посмотрели на нее.

- Кто тот единственный человек, которому совершенно наплевать на все, что с нами происходит? Кто шляется по всему району с мешком, в котором я_к_о_б_ы_ лежит _р_ы_б_а? Кто _г_о_в_о_р_и_т, что все свое время проводит на рыбалке?

- Ну, нет, - сказал Мэллен. - Только не дедуля Картер. У него целая философия насчет рыбалки...

- Плевать мне на его философию! - взвизгнула женщина. - Он одурачил вас, но не одурачит меня! Я знаю только, что единственный человек в округе, которого ничего не волнует, и что он где-то целыми днями бродит, и что он, наверное, заслуживает по меньшей мере линчевания! - Выпалив это, она повернулась и помчалась к своему дому.

- Послушайте, Мэллен, - сказал лысый сосед. - Извините. Вы ведь знаете, каковы женщины. Она все равно волнуется, хотя и знает, что Дэнни в госпитале и ему ничто не грозит.

- Конечно, - ответил Мэллен.

- Она ничего не понимает насчет пространственно-временного континуума, - откровенно признал сосед. - Но вечером я ей все объясню, и утром она извинится. Вот увидите.

Мужчины пожали друг другу руки и разошлись по домам.

Темнота наступила быстро, и в городе зажглись прожектора. Лучи света пронизывали пустые улицы, заглядывали во дворы, отражались от запертых окон. Обитатели Вэйнсвилла приготовились ждать новые исчезновения.

Джим Мэллен страстно желал добраться до того, кто все это проделывает. Хотя бы на секунду - больше не потребуется. Но ему оставалось лишь сидеть и ждать. Он ощущал свою полную беспомощность. Губы его жены побледнели и потрескались, глаза утомились от недосыпания. Но мистер Картер был бодр, как всегда. Он поджарил форель на газовой плитке и угостил их рыбой.

- Нашел сегодня чудесную тихую заводь, - объявил он. - Она недалеко от устья Старого Ручья. Я ловил там весь день, валялся на травке и смотрел на облака. Удивительная вещь, эти облака! Я пойду туда завтра и посижу еще денек. Потом пойду в другое место. Мудрый рыбак никогда не облавливает одно место до конца. Умеренность - тоже часть его кодекса. Немного возьми, немного оставь. Я частенько думаю...

- Папа, пожалуйста, хватит! - выкрикнула Филис и зарыдала. Мистер Картер печально покачал головой, понимающе улыбнулся и доел свою форель. Потом пошел в гостиную мастерить новую муху.

Совершенно вымотанные, Мэллены пошли спать...

Мэллен проснулся и сел. Рядом спала жена. Светящийся циферблат его часов показывал четыре пятьдесят восемь. Почти утро, подумал он.

Он встал, натянул купальный халат и тихо спустился вниз. За окном гостиной мелькал свет прожекторов, на улице стоял патрульный.

Успокоительное зрелище, подумал он и пошел на кухню. Тихо двигаясь, он налил себе стакан молока. На холодильнике лежал свежий пирог, и он отрезал себе ломоть.

Похитители, подумал он. Маньяки. Дыра в пространстве. Марсиане. Или любая их комбинация. Нет, неверно все это. Жаль, что он не помнит, о чем хотел спросить мистера Картера. Это было нечто важное.

Он сполоснул стакан, положил пирог обратно на холодильник и вышел в гостиную. И неожиданно его резко дернуло в сторону.

Что-то вцепилось в него! Он замахал руками, но ударить было некого. Что-то стиснуло его стальной хваткой и валило с ног. Он откинулся в противоположную сторону, изо всех сил упираясь ногами, но тут его оторвало от пола, и он провисел секунду в воздухе, извиваясь и дрыгая ногами. Ребра сжало так, что он не мог дышать, не мог издать ни звука. Его потянуло вверх.

Дыра в пространстве, подумал он и попытался закричать. Его мелькающие руки ухватились за край кушетки, но она поднялась в воздух вместе с ним. Он дернулся, хватка на мгновение ослабла, и он рухнул на пол.

Он пополз к двери. Тут его схватило снова, но он был уже возле радиатора. Он ухватился за него обеими руками и намертво вцепился, сопротивляясь неведомой силе. Он снова дернулся, и смог освободить одну ногу, затем вторую.

Отрывающая сила возросла, и радиатор угрожающе затрещал. Мэллену казалось, что сейчас его разорвет пополам, но он держался, напрягая до предела каждый мускул. И тут его неожиданно и полностью отпустило.

Он обессиленно упал на пол.

Он очнулся уже днем. Филис, закусив губу, брызгала ему в лицо воду. Он моргнул и несколько секунд соображал, где находится.

- Я все еще здесь? - спросил он.

- Ты цел? - встревоженно сказала Филис. - Что произошло? О, дорогой! Давай уедем отсюда...

- Где твой отец? - спросил Мэллен, поднимаясь на ноги.

- На рыбалке. Сядь, пожалуйста. Я позвоню врачу.

- Нет. Подожди. - Мэллен прошел на кухню. На холодильнике стояла коробка с пирогом. На ней было написано "Кондитерская Джонсона. Вэйнсвилл, Нью-ЙорК". В слове "Нью-Йорк" буква "к" была заглавной. Действительно, совсем маленькая ошибка.

А мистер Картер? Может, разгадка в нем? Мэллен бросился наверх и оделся. Он смял коробку из-под пирога и сунул ее в карман, затем выбежал на улицу.

- Не прикасайся ни к чему, пока я не вернусь! - крикнул он Филис. Она увидела, как он сел в машину и резко тронулся с места. С трудом сдерживая слезы, она пошла на кухню.

Мэллен добрался до Старого Ручья за пятнадцать минут. Он вылез из машины и пошел вверх по течению.

- Мистер Картер! - кричал он на ходу. - Мистер Картер!

Он шел и кричал полчаса, забираясь все глубже и глубже в лес. Теперь деревья стали нависать над водой, и ему пришлось пойти вброд, чтобы двигаться достаточно быстро. Он торопился, и шел все быстрее, разбрызгивая воду, оскальзываясь на камнях и пытаясь бежать.

- Мистер Картер!

- Эй! - Услышал он голос старика. Он пошел на звук вдоль бокового притока ручья. Там он и обнаружил мистера Картера, который сидел на крутом берегу маленькой заводи, держа в руках длинную бамбуковую удочку. Мэллен выкарабкался на берег и сел рядом.

- Отдыхай, сынок, - сказал мистер Картер. - Рад, что ты послушал моего совета насчет рыбалки.

- Нет, - не успев еще отдышаться, сказал Мэллен. - Я хочу, чтобы вы мне кое-что рассказали.

- Охотно, - сказал старик. - Что же ты хочешь узнать?

- Рыбак никогда не вылавливает заводь полностью, верно?

- Я не стану. Но кто-нибудь может.

- И еще наживка. Каждый хороший рыбак ловит на искусственную наживку?

- Я горжусь своими мухами, - сказал Картер. - Я пытаюсь сделать их как можно более похожими на настоящих насекомых. Вот, например, отличная копия шершня. - Он вытянул из шляпы желтый крючок. - А вот и симпатичный комар.

Неожиданно леска шевельнулась. Старик легко и уверенно вытянул рыбу на берег. Он сжал в руке разевающую рот форель и показал ее Мэллену.

- Молодой еще парнишка - я его брать не буду. - Он осторожно вытащил крючок и отпустил рыбу в воду.

- А когда вы бросаете их обратно - разве, по-вашему, он еще попадется? Разве не расскажет остальным?

- О, нет, - сказал Картер. - Такой опыт их ничему не учит. Некоторые молодые рыбины попадались мне по два-три раза. Им еще надо подрасти, тогда они немного поумнеют.

- Наверное. - Мэллен посмотрел на старика. Мистер Картер совсем не замечал окружающий его мир, его не коснулся ужас, поразивший Вэйнсвилл.

Рыбак живет в своем собственном мире, подумал Мэллен.

- Был бы ты здесь час назад, - сказал мистер Картер. - Какого красавца я тогда подцепил. Мощный парень, никак не меньше двух фунтов. Ну и схватка была для такого старого боевого коня, как я! И он сорвался. Но будут и другие... Эй, ты куда?

- Обратно! - крикнул Мэллен, шумно спрыгивая в ручей. теперь он знал, что хотел отыскать у старого рыбака. Параллель. Теперь она стала ему ясна.

Безобидный мистер Картер, вытягивающий форель, был в точности похож на другого, более могучего рыбака, вытягивающего...

- Бегу предупредить остальных рыб! - крикнул, обернувшись, Мэллен, и неуклюже заспешил назад по дну ручья. Хоть бы Филис ничего не успела съесть! Он вытащил из кармана смятую коробку из-под пирога и отшвырнул ее изо всех сил. Проклятая наживка!

А рыбаки, каждый в своей обособленной сфере, улыбнулись и снова забросили удочки.

Роберт ШЕКЛИ

ОХОТА

Это был последний сбор личного состава перед Всеобщим Слетом Разведчиков, и на него явились все патрули. Патрулю 22 - "Парящему соколу" было приказано разбить лагерь в тенистой ложбине и держать щупальца

востро. Патруль 31 - "Отважный бизон" совершал маневры возле маленького ручья. "Бизоны" отрабатывали навыки потребления жидкости и возбужденно смеялись от непривычных ощущений.

А патруль 19 - "Атакующий мираш" ожидал разведчика Дрога, который по обыкновению опаздывал.

Дрог камнем упал с высоты десять тысяч футов, в последний момент принял твердую форму и торопливо вполз в круг разведчиков.

- Привет, - сказал он. - Прошу прощения. Я понятия не имел, который час...

Командир патруля кинул на него гневный взгляд:

- Опять не по уставу, Дрог?!

- Виноват, сэр, - сказал Дрог, поспешно выпрастывая позабытое щупальце.

Разведчики захихикали. Дрог залился оранжевой краской смущения. Если бы можно было стать невидимым!

Но как раз сейчас этого делать не годилось.

- Я открою наш сбор Клятвой Разведчиков, - начал командир и откашлялся. - Мы, юные разведчики планеты Элбонай, торжественно обещаем хранить и лелеять навыки наших предков-пионеров. С этой целью мы, разведчики, принимаем форму, от рождения дарованную нашим праотцам, покорителям девственных просторов Элбоная. Таким образом, мы полны решимости...

Разведчик Дрог подстроил слуховые рецепторы, чтобы усилить тихий голос командира. Клятва всегда приводила его в трепет. Трудно себе представить, что прародители когда-то были прикованы к планетарной тверди. Ныне элбонайцы обитали в воздушной среде на высоте двадцати тысяч футов, сохраняя минимальный объем тела, питались космической радиацией, воспринимали жизнь во всей полноте ощущений и спускались вниз лишь из сентиментальных побуждений или в связи с ритуальными обрядами. Эра Пионеров осталась в далеком прошлом. Новая история началась с Эры Субмолекулярной Модуляции, за которой последовала нынешняя Эра Непосредственного Контроля.

- ...прямо и честно, - продолжал командир. - И мы обязуемся, подобно им, пить жидкости, поглощать твердую пищу и совершенствовать мастерство владения их орудиями и навыками.

Торжественная часть закончилась, и молодежь рассеялась по равнине.
Командир патруля подошел к Дрогу.

- Это последний сбор перед слетом, - сказал он.

- Я знаю, - ответил Дрог.

- В патрульном отряде "Атакующий мираш" ты единственный разведчик второго класса. Все остальные давно получили первый класс или, по меньшей мере, звание Младшего Пионера. Что подумают о нашем патруле?

Дрог поежился.

- Это не только моя вина, - сказал он. - Да, конечно, я не выдержал экзаменов по плаванию и изготовлению бомб, но это мне просто не дано! Несправедливо требовать, чтобы я знал все! Даже среди пионеров были узкие специалисты. Никто и не требовал, чтобы каждый...

- А что ты умеешь делать? - перебил командир.

- Я владею лесным и горным ремеслом, - горячо выпалил Дрог, - выслеживанием и охотой.

Командир изучающе посмотрел на него, а затем медленно произнес:

- Слушай, Дрог, а что если тебе предоставят еще один, последний шанс получить первый класс и заработать к тому же знак отличия?

- Я готов на все! - вскричал Дрог.

- Хорошо, - сказал командир. - Как называется наш патруль?

- "Атакующий мираш", сэр.

- А кто такой мираш?

- Огромный свирепый зверь, - быстро ответил Дрог. - Когда-то они водились на Элбонае почти всюду и наши предки сражались с ними не на жизнь, а на смерть. Ныне мираши вымерли.

- Не совсем, - возразил командир. - Один разведчик, исследуя леса в пятистах милях к северу отсюда, обнаружил в квадрате с координатами Ю-233 и З-482 стаю из трех мирашей. Все они самцы, и, следовательно, на них можно охотиться. Я хочу, чтобы ты, Дрог, выследил их и подкрался поближе, применив свое искусство в лесном и горном ремеслах. Затем, используя лишь методы и орудия пионеров, ты должен добыть и принести шкуру одного мираша. Ну как, справишься?

- Уверен, сэр!

- Приступай немедленно, - велел командир. - Мы прикрепим шкуру к нашему флагштоку и безусловно заслужим похвалу на слете.

- Есть, сэр! Дрог торопливо сложил вещи, наполнил флягу жидкостью, упаковал твердую пищу и отправился в путь.

Через несколько минут он левитировал к квадрату Ю-233 - З-482. Перед ним расстилалась дикая романтическая местность - изрезанные скалы и

низкорослые деревья, покрытые густыми зарослями долины и заснеженные горные пики. Дрог огляделся с некоторой опаской.

Докладывая командиру, он погрешил против истины.

Дело в том, что он был не особенно искушен ни в лесном и горном ремеслах, ни в выслеживании и охоте. По-правде говоря, он вообще ни в чем не был искушен - разве что любил часами мечтательно витать в облаках на высоте пять тысяч футов. Что если ему не удастся обнаружить мираша? Что если мираш обнаружит его первым?

Нет, этого не может быть, успокоил себя Дрог. На худой конец, всегда успею жестибюлировать. Никто и не узнает.

Через мгновение он уловил слабый запах мираша. А потом в двадцати метрах от себя заметил какое-то движение возле странной скалы, похожей на букву Т.

Неужели все так и сойдет - просто и гладко? Что ж, прекрасно! Дрог принял надлежащие меры маскировки и потихоньку двинулся вперед.

Солнце пекло невыносимо; горная тропа все круче ползла вверх. Пакстон взмок, несмотря на теплозащитный комбинезон. К тому же ему до тошноты надоела роль славного малого.

- Когда, наконец, мы отсюда улетим? - не выдержал он. Герера добродушно похлопал его по плечу:

- Ты что, не хочешь разбогатеть?

- Мы уже богаты, - возразил Пакстон.

- Не так чтобы уж очень, - сказал Герера, и на его продолговатом, смуглом, изборожденном морщинами лице блеснула ослепительная улыбка.

Подошел Стелмэн, пыхтя под тяжестью анализаторов. Он осторожно опустил аппаратуру на тропу и сел рядом.

- Как насчет передышки, джентльмены?

- Отчего же нет? - отозвался Герера. - Времени у нас хоть отбавляй.

Он сел и прислонился спиной к Т-образной скале.

Стелмэн раскурил трубку, а Герера расстегнул "молнию" и извлек из кармана комбинезона сигару. Пакстон некоторое время наблюдал за ними.

- Так когда же мы улетим с этой планеты? - наконец спросил он. - Или мы собираемся поселиться здесь навеки?

Герера лишь усмехнулся и щелкнул зажигалкой, раскуривая сигару.

- Мне ответит кто-нибудь?! - закричал Пакстон.

- Успокойся. Ты в меньшинстве, - произнес Стелмэн. - В этом предприятии мы участвуем как три равноправных партнера.

- Но деньги-то - мои! - заявил Пакстон.

- Разумеется. Потому тебя и взяли. Герера имеет большой практический опыт работы в горах. Я хорошо подкован в теории, к тому же права пилота -

только у меня. А ты дал деньги.

- Но корабль уже ломится от добычи! - воскликнул Пакстон. - Все трюмы заполнены до отказа! Самое время отправиться в какое-нибудь цивилизованное местечко и начать тратить.

- У нас с Герерой нет твоих аристократических замашек, - с преувеличенным терпением объяснил Стелмэн. - Зато у нас с Герерой есть невинное желание набить сокровищами каждый корабельный закуток. Самородки золота - в топливные баки, изумруды - в жестянки из-под муки, а на палубу - алмазов по колено. Здесь для этого самое место. Вокруг бешеное богатство, которое так и просится, чтобы подобрали. Мы хотим быть бездонно, до отвращения богатыми, Пакстон.

Пакстон не слушал. Он напряженно уставился на что-то у края тропы.

- Это дерево только что шевельнулось, - низким голосом проговорил он.

Герера разразился смехом.

- Чудовище, надо полагать, - презрительно бросил он.

- Спокойно, - мрачно произнес Стелмэн. - Мой мальчик, я не молод, толст и легко подвержен страху. Неужели ты думаешь, что я оставался бы здесь, существуй хоть малейшая опасность?

- Вот! Снова шевельнулось!

- Три месяца назад мы тщательно обследовали всю планету, - напомнил Стелмэн, - и не обнаружили ни разумных существ, ни опасных животных, ни ядовитых растений. Верно? Все, что мы нашли, - это леса и горы, и золото, и озера, и изумруды, и реки, и алмазы. Да будь здесь что-нибудь, разве оно не напало бы на нас давным-давно?

- Говорю вам, я видел, как это дерево шевельнулось! - настаивал Пакстон.

Герера поднялся.

- Это дерево? - спросил он Пакстона.

- Да. Посмотри, оно даже не похоже на остальные. Другой рисунок коры...

Неуловимым отработанным движением Герера выхватил из кобуры бластер "Марк-2" и трижды выстрелил. Дерево и кустарник на десять метров вокруг него вспыхнули ярким пламенем и рассыпались в прах.

- Вот уже никого и нет, - Подытожил Герера.

- Я слышал, как оно вскрикнуло, когда ты стрелял.

- Ага. Но теперь-то оно мертво, - успокаивающе произнес Герера. - Как заметишь, что кто-то шевелится, сразу скажи мне, и я пальну. А теперь давайте соберем еще немного изумрудиков, а?

Пакстон и Стелмэн подняли свои ранцы и пошли вслед за Герерой по

тропе.

- Непосредственный малый, правда? - с улыбкой промолвил Стелмэн.

Дрог медленно приходил в себя. Огненное оружие мираша застало его врасплох, когда он принял облик дерева и был совершенно не защищен. Он до сих пор не мог понять, как это случилось. Не было ни запаха страха, ни предварительного фырканья, ни рычания, вообще никакого предупреждения! Мираш напал совершенно неожиданно, со слепой, безрассудной яростью, не разбираясь, друг перед ним или враг.

Только сейчас Дрог начал постигать натуру противостоящего ему зверя.

Он дождался, когда стук копыт мирашей затих вдали, а затем, превозмогая боль, попытался выпростать оптический рецептор. Ничего не получилось. На миг его захлестнула волна отчаянной паники. Если повреждена центральная нервная система, это конец.

Он снова сосредоточился. Обломок скалы сполз с его тела, и на этот раз попытка завершилась успехом: он мог воспрянуть из пепла. Дрог быстро провел внутреннее сканирование и облегченно вздохнул. Он был на волосок он смерти. Только инстинктивная квондикация в момент вспышки спасла ему жизнь.

Дрог задумался было над своими дальнейшими действиями, но обнаружил, что потрясение от этой внезапной, непредсказуемой атаки начисто отшибло память о всех охотничьих уловках. Более того, он обнаружил, что у него вообще пропало всякое желание встречаться со столь опасными мирашами снова...

Предположим, он вернется без этой идиотской шкуры... Командиру можно сказать, что все мираши оказались самками и, следовательно, подпадали под охрану закона об охоте. Слово Юного Разведчика ценилось высоко, так что никто не станет повергать его сомнению, а тем более перепроверять.

Но нет, это невозможно! Как он смел даже подумать такое?!

Что э, мрачно усмехнулся Дрог, остается только сложить с себя обязанности разведчика и покончить со всем этим нелепым занятием - лагерные костры, пение, игры, товарищество...

Никогда! - твердо решил Дрог, взяв себя в руки. Он ведет себя так, будто имеет дело с дальновидным противником. П ведь мираши - даже не разумные существа. Ни одно создание, лишенное щупалец, не может иметь развитого интеллекта. Так гласил неоспоримый закон Этлиба.

В битве между разумом и инстинктивной хитростью всегда побеждает разум. Это неизбежно. Надо лишь придумать, каким способом.

Дрог опять взял след мирашей и пошел по запаху. Какое бы старинное оружие ему использовать? Маленькую атомную бомбу? Вряд ли, Это может погубить шкуру.

Вдруг он рассмеялся. На самом деле все очень просто, стоит лишь хорошенько пошевелить мозгами. Зачем вступать в непосредственный контакт с мирашем, если это так опасно? Настала пора прибегнуть к помощи разума, воспользоваться знанием психологии животных, искусством западни и приманки.

Вместо того чтобы выслеживать мирашей, он отправится к их логову.

И там устроит ловушку.

Они подходили к временному лагерю, разбитому в пещере, уже на закате. Каждая скала, каждый пик бросали резкие, четко очерченные тени. Пятью милями ниже, в долине, лежал из красный отливающий серебром корабль. Ранцы были набиты изумрудами - небольшими, на идеального цвета.

В такие предзакатные часы Пакстон мечтал о маленьком городке в Огайо, сатураторе с газированной водой и девушке со светлыми волосами. Герера улыбался про себя, представляя, как лихо он промотает миллиончик-другой, прежде чем всерьез займется скотоводством. А Стелмэн формулировал основные положения своей докторской диссертации, посвященной внеземным залежам полезных ископаемых.

Все они пребывали в приятном умиротворенном настроении. Пакстон полностью оправился от пережитого потрясения и теперь страстно желал, чтобы кошмарное чудовище все-таки появилось - предпочтительно зеленое - и чтобы оно преследовало очаровательную полураздетую женщину.

- Вот мы и дома, - сказал Стелмэн, когда они подошли к пещере. - Как насчет тушеной говядины?

Сегодня была его очередь готовить.

- С луком! - потребовал Пакстон. Он ступил в пещеру и тут же резко отпрыгнул назад. Что это?

В нескольких футах от входа дымился небольшой ростбиф, рядом красовались четыре крупных бриллианта и бутылка виски.

- Занятно, - сказал Стелмэн. - Что-то мне это не нравится.

Пакстон нагнулся, чтобы подобрать бриллиант. Герера оттащил его.

- Это может быть мина-ловушка.

- Проводов не видно, - возразил Пакстон.

Герера уставился на ростбиф, бриллианты и бутылку виски. Вид у него был самый разнесчастный.

- Этой штуке я не верю ни на грош, - заявил он.

- Может быть, здесь все-таки есть туземцы? - предположил Стелмэн. - Такие, знаете, робкие, застенчивые. А этот дар - знак доброй воли.

- Ага, - саркастически подхватил Герера. - Специально ради нас они сгоняли на Землю за бутылочкой "Старого космодесантного".

- Что же нам делать? - спросил Пакстон.

- Не соваться куда не надо, - отрубил Герера. - Ну-ка, осади назад.

Он отломил от ближайшего дерева длинный сук и осторожно потыкал в бриллианты.

- Видишь, ничего страшного, - заметил Пакстон.

Длинный травяной стебель, на котором стоял Герера, туго обвился вокруг его лодыжек. Почва под ним заколыхалась, обрисовался аккуратный диск футов пятнадцати в диаметре и, обрывая корневища дернины, начал подниматься в воздух. Герера попытался спрыгнуть, но трава вцепилась в него тысячами зеленых щупалец.

- Держись! - завопил Пакстон, рванулся вперед и уцепился за край поднимающегося диска.

Диск резко накренился, замер на мгновение и стал опять подниматься. Но Герера уже выхватил нож и яростно кромсал траву вокруг своих ног. Стелмэн вышел из оцепенения, лишь когда увидел ноги Пакстона на уровне своих глаз. Он схватил Пакстона за лодыжки, снова задержав подъем диска. Тем временем Герера вырвал из пут одну ногу и переметнул тело через край диска. Крепкая трава какое-то время еще держала его за вторую ногу, но затем стебли, не выдержав тяжести, оборвались, и Герера головой вперед полетел вниз. Лишь в последний момент он вобрал голову в плечи мим умудрился приземлиться на лопатки. Пакстон отпустил край диска и рухнул на Стелмэна.

Травяной диск, унося ростбиф, виски и бриллианты, продолжал подниматься, пока не исчез из виду.

Солнце село. Не произнося ни слова, трое мужчин вошли в пещеру с бластерами наизготовку.

- Ночью по очереди будем нести вахту, - отчеканил Герера.

Пакстон и Стелмэн согласно кивнули.

- Пожалуй, ты прав, Пакстон, - сказал Герера. - Что-то мы здесь засиделись.

- Чересчур засиделись, - уточнил Пакстон. Герера пожал плечами.

- Как только рассветет, возвращаемся на корабль и стартуем.

- Если только сможем добраться до корабля, - не удержался Стелмэн.

Дрог был совершенно обескуражен. С замиранием сердца следил он, как раньше срока сработала ловушка, как боролся мираш за свободу и как он наконец обрел ее. А какой это был великолепный мираш! Самый крупный из трех!

Теперь он знал, в чем допустил ошибку. Он излишнего рвения он переборщил с наживкой. Одних минералов было бы вполне достаточно, ибо, как всем известно, мираши обладают повышенным тропизмом к минералам. Так нет же! Ему понадобилось улучшить методику пионеров, ему, видите ли, захотелось присовокупить еще и пищевое стимулирование. Неудивительно, что мираши ответили удвоенной подозрительностью, ведь их органы чувств подверглись колоссальной перегрузке.

Теперь они были взбешены, настороженны и предельно опасны.

А разъяренный мираш - это одно из самых ужасающих зрелищ в Галактике.

Когда две луны Элбоная поднялись в западной части небосклона, Дрог почувствовал себя страшно одиноким. Он мог видеть костер, который мираши развели перед входом в пещеру, а телепатическим зрением разбирал самих мирашей, скорчившихся внутри, - органы чувств на пределе, оружие наготове.

Неужели ради одной-единственной шкуры мираша стоило так рисковать?

Дрог предпочел бы парить на высоте пяти тысяч футов, лепить из облаков фигуры и мечтать. Как хорошо впитывать солнечную радиацию, а не поглощать эту дрянную твердую пищу, завещанную предками. Какой прок от этих охот и выслеживаний? Явно никакого! Бесполезные навыки, с которыми его народ уже давным-давно расстался.

Был момент, когда Дрог уже почти убедил себя. Но тут же, в озарении, с которым приходит истинное постижение природы вещей, он понял, в чем дело.

Действительно, элбонайцам давно уже стали тесны рамки конкурентной борьбы, эволюция вывела их из-под угрозы кровавой бойни за место под солнцем. Но Вселенная велика, она таит в себе множество неожиданностей. Кому дано предвидеть будущее? Кто знает, с какими еще опасностями придется столкнуться расе элбонайцев? И смогут ли они противостоять угрозе, если утратят охотничий инстинкт?

Нет, заветы предков незыблемы и верны, они не дают забыть, что

миролюбивый разум слишком хрупок для этой неприветливой Вселенной.

Остается добыть шкуру мираша, либо погибнуть с честью.

Самое важное сейчас - выманить их из пещеры. Наконец-то к Дрогу вернулись охотничьи навыки.

Быстро и умело он сотворил манок для мираша.

- Вы слышали? - спросил Пакстон.

- Вроде бы какие-то звуки, - сказал Стелмэн, и все прислушались.

Звук повторился. "О-о, на помощь! Помогите!" - кричал голос.

- Это девушка! - Пакстон вскочил на ноги.

- Это похоже на голос девушки, - поправил Стелмэн.

- Умоляю, помогите! - взывал девичий голос. - Я долго не продержусь. Есть здесь кто-нибудь? Помогите!

Кровь хлынула к лицу Пакстона. Воображение тут же нарисовало трогательную картину: маленькое хрупкое существо жмется к потерпевшей крушение спортивной ракете (какое безрассудство - пускаться в подобные путешествия!), со всех сторон на него надвигаются чудовища - зеленые, осклизлые, а за ними появляется Он - главарь чужаков, отвратительный вонючий монстр.

Пакстон подобрал запасной бластер.

- Я выхожу, - хладнокровно заявил он.

- Сядь, кретин! - приказал Герера.

- Но вы же слышали ее, разве нет?

- Никакой девушки тут быть не может, - отрезал Герера. - Что ей делать на такой планете?

- Вот это я и собираюсь выяснить, - заявил Пакстон, размахивая двумя бластерами. - Может, какой-нибудь там лайнер потерпел крушение, а может, она решила поразвлечься и угнала чью-то ракету...

- Сесть! - Заорал Герера.

- Он прав, - Стелмэн попытался урезонить Пакстона. - Даже если девушка и впрямь где-то там объявилась, в чем я сомневаюсь, то мы все равно помочь ей никак не сможем.

- О-о, помогите, помогите, оно сейчас догонит меня! - визжал девичий голос.

- Прочь с дороги, - угрожающим басом заявил Пакстон.

- Ты действительно выходишь? - с недоверием поинтересовался Герера.

- Хочешь мне помешать?

- Да нет, валяй, - Герера махнул в сторону выхода.

- Мы не можем позволить ему уйти! - Стелмэн ловил ртом воздух.

- Почему же? Дело хозяйское, - безмятежно промолвил Герера.

- Не беспокойтесь обо мне, - сказал Пакстон. - Я вернусь через пятнадцать минут - вместе с девушкой!

Он повернулся на каблуках и направился к выходу. Герера подался вперед и рассчитанным движением опустил на голову Пакстона полено,

заготовленное для костра. Стелмэн подхватил обмякшее тело.

Они уложили Пакстона в дальнем конце пещеры и продолжили бдение.
Бедствующая дама стонала и молила о помощи еще часов пять. Слишком долго даже для многосерийной мелодрамы. Это потом вынужден был признать и Пакстон.

Наступил сумрачный дождливый рассвет. Прислушиваясь к плеску воды, Дрог все еще сидел в своем укрытии метрах в ста от пещеры. Вот мираши вышли плотной группой, держа наготове оружие. Их глаза внимательно обшаривали местность.

Почему провалилась попытка с манком? Учебник Разведчика утверждал, что это вернейшее средство привлечь самца мираша. Может быть, сейчас не брачный сезон?

Стая мирашей двигалась в направлении металлического яйцевидного снаряда, в котором Дрог без труда признал примитивный пространственный экипаж. Сработан он, конечно, грубо, но мираши будут в нем в безопасности.

Разумеется, он мог парадизировать их и покончить с этим делом. Но такой поступок был бы слишком негуманным. Древних элбонайцев отличали прежде всего благородство и милосердие, и каждый Юный Разведчик старался подражать им в этом. К тому же парадизирование не входило в число истинно пионерских методов.

Оставалось безграмоция. Это был старейший трюк, описанный в книге, но чтобы он удался, следовало подобраться к мирашам как можно ближе. Впрочем, Дрогу уже нечего было терять.

И, к счастью, погодные условия были самые благоприятные.

Все началось с туманной дымки, стелющейся над землей. Но по мере того как расплывчатое солнце взбиралось по серому небосклону, туман поднимался и густел.

Обнаружив это, Герера в сердцах выругался.

- Давайте держаться ближе друг к другу! Вот несчастье-то!

Вскоре они уже шли, положив левую руку на плечо впереди идущего. Правая рука сжимала бластер. Туман вокруг был непроницаемым.

- Герера?

- Да.

- Ты уверен, что мы идем в правильном направлении?

- Конечно. Я взял азимут по компасу еще до того, как туман сгустился.

- А если компас вышел из строя?

- Не смей и думать об этом!

Они продолжали двигаться, осторожно нащупывая дорогу между скальными обломками.

- По-моему, я вижу корабль, - сказал Пакстон.

- Нет, еще рано, - возразил Герера.

Стелмэн, споткнувшись о камень, выронил бластер, наощупь подобрал его и стал шарить рукой в поисках плеча Гереры. Наконец он нащупал его и двинулся дальше.

- Кажется, мы почти дошли, - сказал Герера.

- От души надеюсь, - выдохнул Пакстон. - С меня хватит.

- Думаешь, та девочка ждет тебя на корабле?

- Не береди душу!

- Ладно, - смирился Герера. - Эй, Стелмэн, лучше по-прежнему держись за мое плечо. Не стоит нам разделятся.

- А я и так держусь, - отозвался Стелмэн.

- Нет, не держишься!

- Да держусь, тебе говорят!

- Слушай, кажется мне лучше знать, держится кто-нибудь за мое плечо или нет.

- Это твое плечо, Пакстон?

- Нет, - ответил Пакстон.

- Плохо, - сказал Стелмэн очень медленно. - Это совсем плохо.

- Почему?

- Потому что я определенно держусь за чье-то плечо.

- Ложись! - заорал Герера. - Немедленно ложитесь оба! Дайте мне возможность стрелять!

Но было уже поздно. В воздухе разлился кисло-сладкий аромат. Стелмэн и Пакстон вдохнули его и потеряли сознание. Герера слепо рванулся вперед, стараясь задержать дыхание, споткнулся, перелетел через камень, попытался подняться на ноги и...

И все провалилось в черноту.

Туман внезапно растаял. На равнине стоял один лишь Дрог. Он триумфально улыбался. Вытащив разделочный нож с длинным узким лезвием, он склонился над ближайшим мирашем...

Космический корабль несся к Земле с такой скоростью, что подпространственный двигатель того и гляди мог полететь ко всем чертям. Сгорбившийся над пультом управления Герера наконец взял себя в руки и убавил скорость. Его лицо, с которого обычно не сходил красивый ровный загар, все еще сохраняло пепельный оттенок, а пальцы дрожали над пультом.

Из спального отсека вышел Стелмэн и устало плюхнулся в кресло второго пилота.

- Как там Пакстон? - спросил Герера.

- Я накачал его дроном-3, - ответил Стелмэн. - С ним все будет в порядке.

- Хороший малый, - заметил Герера.

- Думаю, это просто шок, - сказал Стелмэн. - Когда придет в себя, я усажу его пересчитывать алмазы. Это, насколько я понимаю, будет для него лучше всякой другой терапии.

Герера усмехнулся, лицо его стало обретать обычный цвет.

- Теперь, когда все позади, пожалуй, и мне стоит подзаняться алмазной бухгалтерией.

Внезапно его удлиненное лицо посерьезнело.

- Но все-таки, Стелмэн, кто мог нас выручить? Никак этого не пойму!

Слет Разведчиков удался на славу. Патруль 22 - "Парящий сокол" - разыграл короткую пантомиму, символизирующую освобождение Элбоная. Патруль 31 - "Отважные бизоны" облачились в настоящие пионерские одежды.

А во главе патруля 19 - "Атакующий мираш" - двигался Дрог, теперь уже Разведчик первого класса, удостоенный особого знака отличия. Он нес флаг своего патруля (высокая честь для разведчика!), и все, завидя Дрога, громко приветствовали его.

Ведь на древке гордо развевалась прочная, отлично выделанная, ни с чем не сравнимая шкура взрослого мираша - ее молнии, пряжки, циферблаты, пуговицы весело сверкали на солнце.

Роберт ШЕКЛИ

СТРАХ В НОЧИ

Просыпаясь, она услышала свой крик и поняла, что кричала, наверное, уже долгие секунды. В комнате было холодно, но все ее тело покрывал пот; он скатывался по лицу и плечам на ночную рубашку. Спина и простыня под ней промокли от пота.

Она сразу задрожала.

- У тебя все в порядке? - спросил муж.

Несколько секунд она молчала, не в силах ответить. Ее стиснутые кольцом руки стягивали подтянутые вверх колени, пытаясь унять дрожь. Муж темной массой лежал рядом, длинный темный цилиндр на фоне слабо

отсвечивающей простыни. Посмотрев на него, она снова задрожала.
- Тебе поможет, если я включу свет? - спросил он.
- Нет! - резко произнесла она. - Не шевелись... пожалуйста!
После ее слов слышалось лишь равномерное тиканье часов, но каким-то образом и оно было зловещим.
- Опять?
- Да, - сказал она. - То же самое. Ради бога, не прикасайся ко мне! -
Он подался в ее сторону, темный и извивающийся под простыней, и она снова сильно задрожала.
- Сон, - осторожно начал он, - сон был про... я правильно?.. - он деликатно не договорил до конца и слегка переместился по постели, осторожно, чтобы ее не напугать.
Но она снова совладела с собой. Руки ее разжались, раскрытые ладони плотно прижались к простыне.
- Да, - сказал она. - Снова змеи. Они по мне ползали. Большие и маленькие, сотни змей. Они заполнили всю комнату, а новые все ползли через дверь и окна. Их был полный шкаф, так много, что они выползали из-под двери шкафа на пол...
- Успокойся, - сказал он. - Ты уверена, что хочешь об этом говорить?
Она промолчала.
- Теперь хочешь, чтобы я включил свет? - мягко спросил он.
- Не сейчас, - сказала она, помедлив. - Я еще не набралась храбрости.
- Да-да, - произнес н тоном полного понимания. - А другая часть сна...
- Да.
- Послушай, может, тебе не стоит об этом говорить?
- Нет, давай поговорим. - Она попыталась засмеяться, но вместо смеха получился кашель. - А то ты подумаешь, что я начинаю к этому привыкать. Сколько ночей это уже тянется?

Сон всегда начинался с маленькой змейки, медленно ползущей по ее руке и поглядывающей на нее злобными красными глазками. Она стряхивала ее и садилась на постели. Тут по покрывалу начинала скользить другая, все быстрее и быстрее. Она стряхивала и эту, быстро вылезала из постели и становилась на пол. Тут другая змея оказывалась у нее под ногами, еще одна сворачивалась в волосах над глазами, а потом через открывшуюся дверь ползли все новые, вынуждая ее вернуться на постель и с воплями тянуться к мужу.
Но во сне мужа рядом с ней не оказывалось. Вместо него на постели,

длинным темным цилиндром на фоне слабо отсвечивающей простыни, лежала огромная змея. И она понимала это, лишь обняв ее руками.

- А теперь включи свет, - велела она. Когда комнату залил свет, мускулы ее сжались. Бедра напряглись, готовые выбросить ее из постели, если...

Но все-таки это оказался ее муж.

- Господи Боже, - выдохнула она и полностью расслабилась, слившись с матрасом.

- Удивлена? - спросил муж, криво улыбнувшись.

- Каждый раз, - сказала она, - каждый раз я уверена, что тебя здесь не будет. А вместо тебя лежит змея. - Она коснулась его руки, чтобы убедиться.

- Видишь, насколько все это глупо? - мягко и успокаивающе произнес он. - Если бы только смогла забыть... Тебе нужна лишь уверенность во мне, и эти кошмары пройдут.

- Знаю, - ответила она, впитывая в себя детали обстановки. Маленький телефонный столик с беспорядочной кучей записок и исчерканных бумажек выглядел необыкновенно ободряюще. Старыми друзьями были и поцарапанное бюро из красного дерева, и маленький радиоприемник, и газета на полу. А каким нормальным смотрелось изумрудно-зеленое платье, небрежно переброшенное через спинку стула!

- Доктор сказал тебе то же самое. Когда у нас была ссора, ты ассоциировала меня со всем, что идет не так, со всем, что причиняет тебе боль. И теперь, когда все наладилось, ты продолжаешь делать это по-прежнему.

- Не сознательно, - сказал она. - Клянусь, не сознательно.

- Нет, все по прежнему, - настаивал он. - Помнишь, как я хотел развода? Как говорил, что никогда тебя не любил? Помнишь, как ты меня ненавидела, но в то же время не давала уйти? - Он перевел дыхание. - Ты ненавидела Элен и меня. И это взяло свою дань. Внутри нашего примирения так и осталась ненависть.

- Я не думаю, что когда-либо ненавидела тебя, - сказал она. - Только Элен... эту тощую мелкую обезьяну!

- Нельзя плохо говорить о тех, кого уже не волнует мирская суета, - пробормотал он.

- Да, - задумчиво сказала она. - Наверное, это я довела ее до того

срыва. Но не могу сказать, что мне жаль. Думаешь, меня посещает ее призрак?

- Не надо себя винить, - сказал он. - Она была напряженной, нервной, артистической женщиной. Невротический тип.

- Но теперь. когда Элен больше нет, у меня все прошло, я все преодолела. - ОН улыбнулась ему, и морщинки тревоги у нее на лбу разгладились. - Я просто без ума от тебя, - прошептала она, перебирая пальцами его светло-русые волосы. - И никогда тебя не отпущу.

- Только попробуй, - улыбнулся он в ответ. - Я никуда не хочу уходить.

- Просто помоги мне.

- Всем, что у меня есть. - Он подался вперед и легонько поцеловал ее в щеку. - Но, дорогая, если ты не избавишься от этих кошмаров - в которых я главный злодей - мне придется...

- Молчи, молчи, - быстро произнесла она. - Я и мысли об этом не выношу. Ведь наши плохие времена _п_р_о_ш_л_и_.

Он кивнул.

- Однако ты прав, - сказала она. - Наверное, нужно попробовать сходить к другому психиатру. Долго я так не выдержу. Все эти сны, ночь за ночью.

- И они становятся все хуже и хуже, - напомнил он, нахмурившись. - Сперва они были время от времени, теперь уже каждую ночь. А скоро, если ты ничего не сделаешь, будет уже...

- Хорошо, - сказал она. - Не надо об этом.

- Приходится. Я очень беспокоюсь. Если эта змеиная фиксация будет продолжаться, в одну из ночей ты вонзишь в меня спящего нож.

- Никогда. Но не говори об этом. Я хочу обо всем позабыть. Не думаю, что это случится снова. А ты?

- Надеюсь, что нет.

Она перегнулась через него, выключила свет, поцеловала его и закрыла глаза.

Через несколько минут она повернулась на бок. Через полчаса снова перекатилась на спину, пробормотала что-то неразборчивое и успокоилась.
еще через двадцать минут пожала плечом, но если не считать этого, лежала неподвижно.

Ее муж лежал рядом темной массой, приподнявшись на локте. Он лежал в темноте, думал, прислушиваясь к ее дыханию и тиканью часов. Потом вытянулся во весь рост.

Он медленно развязал завязки своей пижамы и потянул за шнур, пока тот не вышел на целый фут. Потом откинул покрывало и очень медленно придвинулся к ней со шнуром в руке, прислушиваясь к ее дыханию. Положил шнур ей на руку. Медленно, по сантиметру за несколько секунд, провел шнур вдоль ее руки.

Наконец она застонала.

Роберт ШЕКЛИ

ПОПРОБУЙ ДОКАЖИ

Его руки устали, но он снова и снова поднимал молоток и бил по зубилу. Работа была почти закончена: еще несколько букв - и надпись, высеченная в твердом граните, будет завершена. Он поставил последнюю точку и выпрямился, не заметив упавших на пол пещеры инструментов. Он вытер пот с покрытого пылью лица и гордо прочел написанное:

Я ВОССТАЛ ИЗ ГРЯЗИ ЭТОЙ ПЛАНЕТЫ НАГ И БЕЗЗАЩИТЕН, Я ИЗГОТОВИЛ ОРУДИЯ ТРУДА. Я СТРОИЛ И ЛОМАЛ, ТВОРИЛ И РАЗРУШАЛ. Я СОЗДАЛ НЕЧТО, ПРЕВЗОШЕДШЕЕ МЕНЯ, И ЭТО МЕНЯ УНИЧТОЖИЛО.

МОЕ ИМЯ - ЧЕЛОВЕК, И ЭТО МОЙ ПОСЛЕДНИЙ ТРУД.

Он улыбнулся. Неплохо написано. Может и недостаточно красиво, но вполне подходяще как дань последнего из людей исчезнувшей человеческой расе. Он взглянул на инструменты, валявшиеся у ног. Они больше не были нужны, и он испарил их.

Проголодавшись после долгой работы, он присел на корточки в конце пещеры и создал обед. Посмотрев на пищу, почувствовал, что чего-то не хватает; потом сотворил стол со стулом, тарелки и чашки. Ему стало стыдно - ведь он снова забыл о них.

Хотя некуда было спешить, он ел торопливо. Его обед составили гамбургер, картофельное пюре, горошек, хлеб и мороженое - так обычно получалось, если он не думал о чем-то особенном. "Привычка", - решил он. Закончив, он заставил остатки пищи исчезнуть, и вместе с ними стол с посудой растворились в воздухе. Стул он оставил, и, сидя на нем, в

раздумье уставился на надпись. "Прекрасно", - подумалось ему, - "но ни одно человеческое существо, кроме меня, не прочтет этого".

Не было совершенно никаких сомнений в том, что он единственный живой человек на Земле - война была тщательной. Так тщательна, как только человек - очень аккуратное животное - мог ее вести. В войне не было неприсоединившихся, политике "моя хата с краю" не было места. Воевали или на одной стороне, или на другой. Бактерии, газы и радиация окутали Землю подобно огромной туче. В первые дни войны "непобедимое секретное" оружие побеждало "секретное" с почти монотонной регулярностью. И после того, как последний палец нажал последнюю кнопку, самозапускающиеся и самонаводящиеся бомбы и ракеты продолжали литься на Землю. Несчастная Земля стала огромной свалкой, без единого живого существа - растения или животного - от горизонта до горизонта.

Он видел значительную часть этого и ждал, пока не убедился, что упала последняя бомба; тогда он спустился.

"Очень умно с твоей стороны", - горько подумал он, оглядывая из своей пещеры равнину из застывшей лавы, на которой стоял его корабль, и искореженные горы вдалеке.

Ты - предатель. Но кого это волнует?

Он был капитаном в Войсках Защиты Западного Полушария и за два дня военных действий понял, чем все это кончится. Загрузив корабль сжатым воздухом, пищей и водой, он сбежал. Он знал, что в суматохе и разрушении, царивших вокруг, его не хватятся - а через несколько дней не осталось никого, кто мог бы его искать. Он направил корабль на обратную сторону Луны и стал ждать. Война была двенадцатидневной - он предполагал, что она продлится четырнадцать - но пришлось ждать 6 месяцев, прежде чем перестали взрываться автоматические ракеты. Тогда он вернулся.

Чтобы узнать, что остался один...

Он ожидал, что другие поймут тщетность всего, загрузят корабли и тоже прилетят на обратную сторону Луны. Очевидно, им не хватило времени, даже если и возникало желание. Он надеялся на то, что могли остаться отдельные группы спасшихся, но он не нашел никого. Война была слишком тщательной.

Посадка на Земле должна была бы убить его - ведь сам воздух был

ядовит. Он не обращал внимания - и жил. Казалось, что у него выработался иммунитет к микробам и радиации; или это была часть его новой силы? Он повстречал достаточно и того, и другого, перелетая на своем корабле от руин одного города к руинам другого, вдоль взорванных долин и равнин, сожженных гор. Он не нашел жизни, но сделал открытие.

Он мог творить. Он осознал свою силу на третий день на Земле. Затосковав, он захотел увидеть дерево посреди расплавленного камня и металла. И дерево возникло. Остаток дня он экспериментировал и обнаружил, что может создать все, что видел или о чем слышал когда-либо.

Предметы, которые были ему известны лучше, он создавал лучше. Предметы, о которых он знал только из книг или разговоров - дворцы, например - получались кособокими и хрупкими, хотя он мог довести их до совершенства, мысленно работая над деталями. Все его творения были трехмерны. Даже пища имела вид пищи и, кажется, насыщала его. Он мог забыть о любом из своих творений, лечь спать и, проснувшись, находил его там, где оно и было, ничуть не изменившимся. Он мог и разрушать. Одно мысленное усилие - и созданный им предмет исчезал. Чем больше был предмет, тем дольше приходилось дематериализовывать его.

Предметы, которые он не создавал - долины и горы - он мог разрушать тоже, но нужно было больше времени. Казалось, материей легче управлять, если она была создана им. Он даже мог создавать птиц и маленьких животных - или что-то, что выглядело как птицы и животные.

Он никогда не пытался создать человека.

Он не был ученым; он был космическим пилотом. Он имел смутное представление об атомной теории и практически не разбирался в генетике. Он думал, что какие-то изменения произошли в его клетках, в его мозге или, может быть, в самой Земле. Причина этого не особо его беспокоила. Это было действительностью и он примирился с ней.

Он снова уставился на памятник.

Что-то в нем беспокоило его.

Конечно, он мог бы сотворить его, но он не знал, сколько просуществуют его создания после того, как он умрет. Они казались достаточно стабильными, но могли разрушиться вместе с его собственным разрушением... Поэтому он пошел на компромисс. Он создал молоток и зубило,

но выбрал гранитную стену, которую создала природа. Напряженно работая много часов, здесь же отдыхая и питаясь, он выбил буквы на стене внутри пещеры, чтобы они меньше подвергались эрозии.

Из пещеры был виден корабль, возвышающийся на гладкой земле выжженной равнины. Он не торопился вернуться на корабль. За шесть дней надпись была закончена, навечно и глубоко выбитая на скале.

Мысль, которая беспокоила его при взгляде на гранит, наконец поднялась на поверхность. Единственными возможными читателями его надписи будут пришельцы со звезд. Как они расшифруют ее? Он зло уставился на надпись. Надо было написать ее специальными символами. Но какими? Математическими? Конечно, но что это скажет пришельцам о Человеке? И что заставляет его думать, что они вообще найдут эту пещеру?

Нет необходимости в надписи, когда вся история Человека написана на лице планеты, похожем на подгоревшую корку. Он проклял свою глупость, заставившую его потратить шесть дней на ненужную надпись. Он был уже готов уничтожить ее, когда услышал шаги у входа в пещеру.

Он едва не упал, вскочив на ноги.

Там стояла девушка. Он быстро заморгал, но она не исчезла - высокая, темноволосая девушка, одетая в рваную грязную одежду, сделанную из одного куска ткани.

- Привет, - сказала она и вошла в пещеру. - Я услышала еще в долине, как ты стучишь.

Машинально он предложил ей свой стул и создал другой для себя. Она осторожно попробовала прочность стула, прежде чем уселась.

- Я видела, как ты сделал это, - произнесла она, - но я все еще не верю. Это зеркала?

- Нет, - пробормотал он неуверенно. - Я создаю. У меня есть сила... Одну минутку! А как ты сюда попала?

Он потребовал ответа, а мозг в это время лихорадочно перебирал и отбрасывал варианты: "Она пряталась в одной из пещер? На вершине горы?". Нет, оставалось только одно возможное объяснение...

- Я была на твоем корабле, дружок, - она откинулась в кресле и обхватила колено руками. - Когда ты загружал корабль, я поняла, что ты хочешь улететь. Мне скучновато было вставлять предохранители восемнадцать часов в день и я убежала с тобой. Кто-нибудь еще остался в живых?

- Нет. Но почему я не видел тебя? - он смотрел на одетую в лохмотья, но от этого не менее прелестную девушку, и неясная мысль промелькнула у него в голове. Он протянул руку и тронул ее плечо. Она не отстранилась, но на хорошеньком личике отразилась обида.

- Я настоящая, - сказала она резко. - Ты должен был видеть меня на Базе. Помнишь?

Он попытался мысленно вернуться в то время, когда База еще была - казалось, несколько веков назад. Там была темноволосая девушка, одна из тех, на кого он не обращал внимания.

- Я думаю, что я замерзла до смерти, - снова заговорила девушка. - Или погрузилась в кому через несколько часов после взлета корабля. Паршивая же система обогрева на этой посудине!

Она задрожала от воспоминаний.

- Это отняло бы слишком много кислорода, - объяснил он. - Я обогревал и обновлял воздух только в пилотской кабине. Берег запасы.

- Я рада, что ты не видел меня! - рассмеялась она. - Я наверное выглядела как черт, вся покрытая инеем и мертвая! Ну и спящая красавица из меня получилась! Да, я замерзла. Когда ты открыл все отсеки, я ожила. Вот и вся история. Наверное это заняло несколько дней. Как же вышло, что ты меня не увидел?

- Я думаю, причина в том, что я давно не заглядывал на ракету, - предположил он. - Мне не нужны продукты. Смешно - я думал, что открыл все отсеки, но на самом деле не помню...

Она взглянула на надпись на стене.

- Что это?

- Я подумывал оставить что-то вроде памятника...

- А кто прочтет надпись? - практично спросила она.

- Наверное, никто. Это была дурацкая затея. - Он сконцентрировался и через несколько секунд гранитная стена стала снова гладкой.

- Я не могу понять до сих пор, как же ты выжила. - озадаченно произнес он.

- Но я выжила. Я не видела как ты сделал это, - она сделала жест в сторону стула и стены, - но я примирилась с тем, что ты можешь это. Почему бы и тебе не примириться с тем, что я жива?

- Пойми меня правильно, - произнес человек. - Мне очень нужно было чье-то общество. Особенно женское. Это просто... Отвернись-ка на секунду.

Она подчинилась с удивленным видом. Он быстро уничтожил щетину на лице и сотворил чистые выглаженные брюки и рубашку. Сбросив свою

поношенную форму, он переоделся во все новое, уничтожил лохмотья; подумав,
создал расческу и причесал спутавшиеся каштановые волосы.

- Хорошо, - сказал он. - Теперь можешь смотреть.

- Неплохо! - улыбнулась девушка, окинув его взглядом. - Дай-ка мне
расческу - и может, сделаешь мне платье? Двенадцатый размер, но учти - я
кое-где располнела.

С третьей попытки он справился с задачей - он никогда не подозревал
как обманчивы женские формы - и под конец создал пару золотых босоножек на
высоких каблуках.

- Немного жмут, - сказала она, надев их. - И не слишком-то удобно
разгуливать в таких не по тротуарам. Однако - большое спасибо. С твоими
способностями можно не задумываться о поисках рождественских подарков, не
правда ли?

Ее темные волосы блестели под полуденным солнцем, она выглядела
прелестно и была очень похожа на человека.

- Посмотри, может быть и ты можешь творить? - настаивал он, страстно
мечтая разделить свои новые потрясающие способности с ней.

- Я уже пыталась, - сказала она. - Ничего не выходит. Мир все еще
принадлежит мужчинам.

Он нахмурился.

- Как я могу убедиться в том, что ты настоящая?

- Ты опять? Вспоминаешь как создал меня, хозяин? - спросила она,
поддразнивая его и наклонилась, чтобы ослабить ремешок на босоножке.

- Я думал о женщинах, - мрачно сказал он. - Должно быть, я создал
тебя во сне. Почему бы не допустить, что мое подсознание имеет те же
возможности, что и сознание? Надо полагать, я придал тебе память, придумал
легенду. Наверно, получилось очень реалистично. И если тебя создало мое
подсознание, сознание никогда не узнает об этом.

- Ты просто смешон!

- Потому что если бы мое сознание знало, - продолжал он непреклонно,
- оно бы отвергло твое существование. Все твои функции как творения моего
подсознания были бы предохранить меня от знания и доказать каким бы то ни
было образом - с помощью обаяния или логики - что ты существовала
раньше...

- Давай-ка ты сделаешь еще одну женщину, если твой разум так хорош! -
Она сложила руки на груди и откинулась в кресло, кивнув головой.

- Ладно! - Он уставился в глубину пещеры и женщина начала появляться.

Она неохотно принимала форму: одна рука короче другой, ноги слишком длинные. Концентрируя свои усилия, он добился правильных пропорций. Но глаза ее были посажены под странным углом, плечи и спина были искажены. Он создал оболочку без мозга и внутренних органов, просто автомат. Он приказал ей говорить, но только бульканье вырвалось из ее бесформенного рта: он не создал голосовых связок. Пожав плечами, он уничтожил кошмарную фигуру.

- Я не скульптор, - произнес он. - И не Бог.

- Я рада, что ты наконец понял это.

- Это все равно не доказывает, - продолжал упорствовать он, - что ты настоящая. Я не знаю, на что способно мое подсознание.

- Сделай что-нибудь для меня, - сказала девушка внезапно. - Я устала слушать эту чепуху.

"Я причинил ей боль, - подумал он. - Единственное кроме меня человеческое существо на планете и я причинил ей боль!"

Он кивнул, взял ее за руку и вывел из пещеры. На равнине внизу он создал город. Он экспериментировал с ним несколько дней назад и теперь было гораздо легче. Словно сошедший со страниц "Тысячи и одной ночи", воплотивший мечты детства город поднялся к небу черным, белым и розовым цветами. Стены его были из сияющего рубина, ворота - из черного дерева, инкрустированного серебром. Башни были красно-золотыми и украшены сапфирами. Прекрасная лестница из слоновой кости поднималась к самому высокому опаловому шпилю тысячами ступенек из испещренного прожилками мрамора. Там были лагуны с голубой водой, над которой летали маленькие птички, а серебряные и золотые рыбки проносились в их спокойных глубинах.

Они шли через город, и он создавал для нее розы - белые, желтые и красные - и сады, полные странных цветов. Между двумя увенчанными куполами спиральными зданиями он создал огромный бассейн. На воду он пустил разукрашенную пурпурную барку, нагруженную всеми яствами и напитками, какие он только мог вспомнить.

Они плыли по лагуне, овеваемые созданным им легким ветерком.

- И все это не настоящее, - напомнил он ей немного погодя.

Она улыбнулась.

- Нет. Это можно потрогать. Это настоящее.

- А что будет после моей смерти?

- Кого это интересует? Тем более, если ты можешь сделать все это, ты излечишь любую болезнь. Может быть, тебе удастся победить старость и

смерть.

Она сорвала цветок со склонившейся ветки и вдохнула его аромат.

- Ты можешь предохранить его от увядания и смерти. То же самое ты наверное сможешь сделать и для нас. Так в чем же дело?

- Хочешь уйти? - сказал он, выпуская дым только что созданной сигареты. - Хочешь найти новую планету, нетронутую войной? Хочешь начать сначала?

- Сначала? Ты имеешь в виду... Может позже. Сейчас я даже не могу проходить мимо корабля, он напоминает мне о войне.

Они проплыли еще немного.

- Теперь ты убедился, что я настоящая?

- Если честно, то нет, - ответил он. - Но я очень хочу поверить.

- Тогда слушай, - шепнула она, наклоняясь к нему. - Я настоящая.

Она обвила руками его шею.

- Я всегда была настоящей. И всегда буду. Ты хочешь доказательств? Ну, я знаю, что я настоящая. И ты знаешь. И что еще тебе надо?

Он смотрел на нее, чувствуя ее теплые руки на шее, слушал ее дыхание. Он чувствовал аромат ее кожи и волос, особенный, принадлежащий только ей.

Медленно он произнес:

- Я верю тебе. Я люблю тебя. Как... как тебя зовут?

Она подумала мгновение.

- Джоан.

- Странно, - сказал он. - Я всегда мечтал о девушке по имени Джоан. А как твоя фамилия?

Она поцеловала его. Над их головами ласточки, созданные им, - его ласточки - описывали широкие круги над лагуной, его рыбки проносились бесцельно туда и обратно, и его город простирался, гордый и прекрасный, до края искривленных лавовых гор.

- Ты не сказала мне свою фамилию, - напомнил он.

- Ах! Девичья фамилия женщины ничего не значит - она всегда берет фамилию мужа.

- Это отговорка!

Она улыбнулась.

- Правда?

Роберт ШЕКЛИ

ОПЕКА

На следующей неделе в Бирме разобьется самолет, но здесь, в Нью-Йорке, мне это не навредит. Фиги тоже не причинят мне вреда - ведь

дверцы всех шкафов у меня закрыты.

Нет, самая большая проблема - гунькание. Мне нельзя гунькать.
Абсолютно. Можете представить, как мне это мешает.

И в довершение всего я серьезно простудился.

Все началось вечером седьмого ноября. Я шел по Бродвею в кафетерий Бейкера. На моих губах играла легкая улыбка, потому что недавно днем я сдал трудный экзамен по физике. В кармане у меня побрякивали пять монет, три ключа и коробок спичек.

Для завершения картины позвольте добавить, что ветер дул с северо-запада со скоростью пять миль в час, Венера восходила, а Луна явно начинала толстеть и горбатиться. Можете делать из этих фактов собственные выводы.

Я дошел до угла 98-й улицы и начал переходить на другую сторону. Едва я сошел с тротуара, как кто-то заорал:

- Грузовик! Берегись грузовика!

Я прыгнул обратно, ошарашенно озираясь. Рядом никого не было. И тут, целую секунду спустя, из-за угла на двух колесах выскочил грузовик, проехал на красный свет и с ревом умчался вверх по Бродвею. Не будь я предупрежден, он бы меня наверняка сбил.

Все вы слышали подобные истории, не так ли? О странном голосе, предупредившем тетю Минни не входить в лифт, который затем рухнул в подвал. Или, может быть, он отсоветовал дядюшке Джо не плыть на "Титанике". На этом такие истории обычно заканчиваются.

Как мне хочется, чтобы и моя история закончилась так же.

- Спасибо, друг, - сказал я и огляделся, но никого не увидел.

- Ты все еще слышишь меня? - спросил голос.

- Конечно, слышу, - я сделал полный оборот и с подозрением уставился на закрытые окна над головой. - Но где же ты, черт меня подери?

- Ненаблюдаемость, - ответил голос. - Это имеет отношение? Коэффициент преломления. Нематериальное существо. Аллах знает что. Я подобрал нужное выражение?

- Ты невидимый? - осмелился я.

- Вот, правильно!

- Но _к_т_о_ ты?

- Валидузианский дерг.

- Кто?

- Я... раскрой, пожалуйста, гортань чуть пошире. Надо подумать. Я - Дух Рождественского Прошлого. Существо из Черной Лагуны. Невеста Франкенштейна. Я...

- Помолчи, - сказал я. - Ты хочешь сказать... что ты дух или существо с другой планеты?

- Это одно и то же, - ответил дерг. - Очевидно.

Все стало совершенно ясно. И дураку было понятно, что голос принадлежал кому-то с другой планеты. Он был невидим на Земле, но его более тонкие органы чувств уловили приближающуюся опасность, и он меня предупредил.

Самый обычный, повседневный сверхъестественный инцидент.

Я торопливо зашагал вверх по Бродвею.

- Что случилось? - спросил невидимый дерг.

- Ничего, - ответил я, - если не считать того, что я вроде бы стою посреди улицы, разговаривая с невидимым инопланетянином из черт знает какого уголка космоса. Полагаю, лишь я один способен тебя слышать?

- Да, естественно.

- Прекрасно! Знаешь, куда меня могут завести подобные штучки?

- Концепция твоей субвокализации мне не совсем ясна.

- В приют для шизиков. В заведение для чокнутых. В загон для психов. Вот куда помещают людей, разговаривающих с невидимыми инопланетянами. Спасибо за предупреждение, приятель. Спокойной ночи.

Почувствовав облегчение, я свернул на восток в надежде, что мой невидимый друг отправится дальше по Бродвею.

- Ты не хочешь поговорить со мной? - спросил дерг.

Я покачал головой - безобидный жест, за который к тебе не прицепятся - и зашагал дальше.

- Но ты _д_о_л_ж_е_н_, - произнес дерг с оттенком отчаяния. Настоящий субвокальный контакт очень редок и поразительно труден. Иногда мне удается передать предупреждение, уже перед самым опасным моментом. Но затем связь ослабевает.

Так вот чем объяснялось предчувствие тети Минни. Но у меня пока никакого предчувствия не было.

- Нужные условия могу не совпасть еще сто лет! - простонал дерг.

Какие условия? Побрякивание пяти монет и трех ключей одновременно с восходом Венеры? Наверное, это стоит исследовать - не не мне. Все эти супернормальные штучки доказать невозможно. Мне вовсе незачем пополнять ряды тех, кому завязывают на спине рукава смирительной рубашки.

- Да отвяжись ты от меня, - сказал я. Полицейский одарил меня странным взглядом. Я глупо ухмыльнулся и заторопился прочь.

- Я высоко ценю твою социальную ситуацию, - не отставал дерг, - но этот контакт в твоих же лучших интересах. Я хочу защитить тебя от

бесчисленных опасностей человеческого существования.

Я не стал отвечать.

- Что ж, - сказал дерг, - я не могу тебя заставить. Придется предложить свои услуги в другом месте. Прощай, друг.

Я удовлетворенно кивнул.

- И последнее, - сказал он. - Держись завтра подальше от метро между полуднем и часом пятнадцатью. Пока.

- Эй? Почему?

- Кое-кто погибнет на станции Колумбус Серкл, будет большая толпа и его случайно столкнут под поезд. Тебя, если ты там будешь. Прощай.

- Там завтра кто-то погибнет? - переспросил я. - Ты уверен?

- Конечно.

- И это будет в газетах?

- Наверное.

- И ты знаешь обо всех подобных случаях, так?

- Я могу предвидеть направленные на тебя из протяженности времени опасности. Мое единственное желание - защитить тебя от них.

Я стоял на тротуаре. Две девчонки захихикали, заметив, что я разговариваю сам с собой. Я пошел дальше.

- Послушай, - прошептал я, - сможешь подождать до завтрашнего вечера?

- Ты позволишь мне быть твоим защитником? - нетерпеливо спросил дерг.

- Завтра скажу, - пообещал я. - Когда прочитаю вечерние газеты.

Да, в газете действительно оказалась заметка. Я прочитал ее в своей меблирашке на 113-й улице. Человек, подталкиваемый толпой, потерял равновесие и упал перед приближающимся поездом. Это дало мне обильную пищу для размышлений, пока я поджидал появления моего невидимого защитника.

Я не знал, что делать. Его желание защищать меня выглядело вполне искренним. Но я не знал, хочу ли я этого. И поэтому, когда час спустя дерг установил со мной контакт, вся идея нравилась мне еще меньше, чем раньше, о чем я ему и сказал.

- Ты мне не доверяешь? - спросил дерг.

- Я просто хочу жить нормальной жизнью.

- Если ты вообще будешь жить, - напомнил он мне. - Тот грузовик прошлым вечером...

- Но это же была нелепая случайность, такое бывает раз в жизни.

- За всю жизнь достаточно умереть лишь один раз, - рассудительно заметил дерг. - Вспомни еще и про метро.

- Это не в счет. Я не собирался сегодня ехать на метро.

- Но у тебя не было причин _н_е_ ехать. Вот что важно. Точно так же, как у тебя нет причин не принять душ в течение ближайшего часа.

- А почему мне не следует принимать душ?

- Мисс Флинн, - сказал дерг, - что живет в конце коридора, только что

оттуда ушла и оставила кусок мокрого розового мыла на розовом кафеле в ванной. _Т_ы_ мог на нем поскользнуться и растянуть лодыжку.

- Это же не смертельно, а?

- Нет. Вряд ли даже можно сопоставить с тяжелым цветочным горшком, оброненным с крыши не очень сильным старым джентльменом.

- Когда это должно случиться?

- А мне казалось, что тебе не интересно.

- Очень интересно. Где? Когда?

- Ты разрешишь мне защищать тебя?

- Скажи мне только одно. Что ты с этого имеешь?

- Удовлетворение! - воскликнул он. - Для валидузианского дерга нет большей радости, чем помочь другому существу избежать опасности.

- Но не требуется ли тебе чего-нибудь другого? Какой-нибудь мелочи вроде моей души или господства над Землей?

- Ничего! Принять плату за Защиту - значит уничтожить эмоциональные переживания. Все, чего я хочу от жизни - чего хочет каждый дерг - защищать кого-нибудь от опасности, которую тот не видит, но которую прекрасно видим мы. - Дерг умолк, потом мягко добавил. - Мы не ожидаем даже благодарности.

Да, это и пересилило мои сомнения. Как мог я представить себе все последствия? Как мог я знать, что его помощь заведет меня в ситуацию, в которой мне нельзя гунькать?

- Так что насчет горшка? - спросил я.

- Его уронят на углу 10-й улицы и бульвара Мак-Адамс в половине девятого завтра утром.

- Угол десятой и Мак-Адамс? Где это?

- В Джерси-Сити.

- Но я в жизни не бывал в Джерси-Сити! Зачем же меня об этом предупреждать?

- Я не знаю, будешь ты там, или нет, - ответил дерг. - Я просто ощущаю опасности, где бы они ни могли проявиться.

- И что мне теперь делать?

- Что угодно, - ответил он. - Живи своей нормальной жизнью.

Нормальной жизнью. Ха!

Все началось вполне неплохо. Я ходил на занятия в университет, делал домашние задания, ходил в кино и на свидания, играл в настольный теннис и шахматы, все как раньше. Но никогда не забывал, что нахожусь под прямой защитой валидузианского дерга.

Он приходил ко мне раз или два в день и говорил, к примеру: "Слабая решетка на Вест-Энд авеню, между 66-1 и 67-й улицами. Не наступай на нее.

И я, конечно же, не наступал. Зато наступал кто-то другой. Я часто видел подобные заметки в газетах.

Едва я ко всему привык, это дало мне чувство безопасности. Инопланетянин носился вокруг двадцать четыре часа в сутки, и все, чего он хотел в жизни - охранять меня. Сверхъестественный телохранитель! Это придавало мне огромную уверенность.

Моя общественная жизнь за этот период не могла не измениться к лучшему.

Но вскоре дерг стал чересчур мнительным. Он принялся отыскивать все новые и новые опасности, большинство из которых не имело отношения к моей жизни в Нью-Йорке - я должен был избегать их в Мехико, Торонто, Омахе, Папеете.

Наконец я спросил его, не собирается ли он сообщать мне о каждой потенциальной опасности на Земле.

- Это лишь немногие, совсем немногие из тех, что угрожают или могут тебе угрожать, - ответил он.

- В Мехико? И в Папеете? А почему бы не ограничиться ближайшими окрестностями? Скажем, центром Нью-Йорка?

- Местность для меня ничего не значит, - упрямо сказал дерг. - Мои предчувствия темпоральные, а не пространственные. Я должен защищать тебя от _в_с_е_г_о_!

В своем роде это было довольно трогательно, и я ничего не мог с этим поделать. Мне просто приходилось вычеркивать из его сообщений многочисленные опасности в Хобокене, Таиланде, Канзас-Сити, Ангкоре (упавшая статуя), Париже и Сарасоте. Потом я добирался до местных предупреждений. По большей части я игнорировал опасности, поджидающие меня в Куинсе, Бронксе, Стэтен-Айленде и Бруклине, и концентрировался на Манхэттене.

Однако терпение себя зачастую оправдывало. Дерг избавил меня от весьма неприятных испытаний, например, от ограбления в Кафедральном Парке, от вымогательства подростков и от пожара.

Но он продолжал наращивать скорость. Все начиналось как один-два доклада в день. Через месяц он предупреждал меня уже пять или шесть раз в день. А под конец его предупреждения, местные, национальные и интернациональные, полились непрерывным потоком.

Мне угрожало слишком много опасностей, невероятно много.

Вот типичный день:

"Несвежая пища в кафетерии Бейкера. Не ешь там сегодня вечером.

У автобуса 312 в Амстердаме откажут тормоза. Не езди на нем.

В магазине одежды Меллена протекает газовая труба. Возможен взрыв. Сдай одежду в химчистку в другом месте.

Маньяк рыскает между Риверсайд-драйв и Централ-Парком. Возьми такси".

Вскоре большую часть своего времени я проводил, чего-нибудь не делая и избегая разных мест. Казалось, опасность подстерегает меня под каждым уличным фонарем.

Я начал подозревать, что дерг просто выдумывает свои предупреждения. Другого объяснения я не видел. В конце концов, до встречи с ним я прожил уже достаточно много лет, и прожил прекрасно. С какой стати риск для моей жизни так возрос?

Я спросил его об этом как-то вечером.

- Все мои сообщения совершенно реальные, - сказал он, явно немного обидевшись. - Если не веришь, попробуй завтра включить свет в аудитории, где будут проходить занятия по психологии.

- И что?

- Неисправная проводка.

- Я не сомневаюсь в твоих предупреждениях, - заверил я его. - Я лишь знаю, что до твоего появления жизнь никогда не была для меня такой опасной.

- Конечно, не была. Ты, разумеется, знаешь, что принимая защиту, ты должен принять заодно и ее последствия.

- Какие, например?

Дерг помедлил с ответом. - Защита возбуждает потребность во все новой защите. Это универсальная константа.

- Повтори-ка, - попросил я с изумлением.

- До встречи со мной ты был такой же, как все, и рисковал наравне со всеми. Но после моего появления твое ближайшее окружение изменилось. И твое положение в тем тоже.

- Изменилось? Почему?

- Потому что в нем появился я. Теперь ты до какой-то степени стал частью моего окружения, а я - твоего. И, конечно же, хорошо известно, что избегая одной опасности, открываешь путь другой.

- Так ты пытаешься мне сказать, - очень медленно произнес я, - что риск для меня увеличился _и_з_-_з_а_ твоей помощи?

- Это было неизбежно, - вздохнул он.

В тот момент я с радостью придушил бы дерга, не будь он невидим и неощутим. Меня охватило яростное ощущение, что этот неземной жулик меня надул.

- Ладно, - сказал я, беря себя в руки. - Спасибо за все. Увидимся на Марсе или где ты там обитаешь.

- Ты не хочешь больше моей защиты?

- Совершенно верно. Только не хлопай дверью, когда будешь уходить.

- Но что я сделал не так? - искренне удивился дерг. - Да, риск для твоей жизни возрос, но что с того? Честь и слава тому, кто встречает опасность лицом к лицу и побеждает ее. Чем сильнее угроза, тем больше радость избавления от нее.

Тут я впервые понял, насколько он не человек.

- Но не для меня, - сказал я. - Проваливай.

- Риск для тебя возрос, - не согласился дерг, - но моя способность предвидения более чем достаточна, чтобы с ним справиться. Я счастлив, предотвращая опасности. И продолжаю окружать тебя защитной сетью.

Я покачал головой. - Я знаю, что будет потом. Риск для меня все время будет увеличиваться, ведь так?

- Ничуть. В том, что касается несчастных случаев, ты уже достиг количественного уровня.

- И что это значит?

- Это означает, что дальнейшего увеличения числа несчастных случаев, которых тебе следует избегать, уже не будет.

- Прекрасно. А теперь окажи мне любезность и мотай отсюда.

- Но я же только что объяснил...

- Конечно, конечно, никакого увеличения, лишь одни и те же прежние опасности. Послушай, если ты оставишь меня в покое, мое первоначальное окружение вернется, не правда ли? А вместе с ним и мой первоначальный риск?

- Со временем, - согласился дерг. - Если ты выживешь.

- Я рискну.

Некоторое время дерг молчал, и наконец произнес: - Ты уже не можешь позволить себе отослать меня обратно. Завтра...

- Не говори ничего. Я буду избегать несчастных случаев сам.

- Я не о них говорю.

- Тогда о чем?

- Даже не знаю, как тебе и сказать, - встревоженно сказал он. - Я говорил, что количественных изменений больше не будет. Но ничего не сказал про _к_а_ч_е_с_т_в_е_н_н_ы_е_.

- Это еще что такое? - рявкнул я.

- Я пытаюсь сообщить, - сказал дерг, - что на тебя охотится гугнивец.

- Кто? Это еще что за шуточки?

- Это существо из моего окружения. Я так думаю, его привлекла твоя возросшая с моей помощью способность избегать опасностей.

- К черту гугнивца и тебя вместе с ним.

- Если он придет, постарайся отогнать его *with misletoe. Часто бывает эффективно и железо, если оно соприкасается с медью. И еще...

Я бросился на кровать и накрыл голову подушкой. Дерг понял намек, и через секунду я почувствовал, что он ушел.

Каким же я был идиотом! У нас, землян, есть общий недостаток: мы хватаем то, что нам дают, даже не задумываясь, нужно она нам, или нет.

Так можно нарваться на крупные неприятности.

Но дерг ушел, а вместе с ним и мои худшие неприятности. Некоторое время придется посидеть дома, пусть все само собой уляжется. И, наверное, через пару недель...

Мне показалось, что я слышу гудение.

Я сел на кровати. Один из углов комнаты странным образом потемнел, из него на лицо подул прохладный ветерок. Гудение стало громче - даже не гудение, а смех, низкий и монотонный.

В этот момент никто не заставил бы меня чертить диаграмму.

- Дерг, - завопил я. - Избавь меня от этого!

Он тут же оказался рядом.

- *Misletoe! Махни им на гугнивца, и все.

- Да где, черт побери, я тебе раздобуду *?

- Тогда железо и медь.

Я бросился к столу, схватил медное пресс-папье и отчаянно завертел головой, отыскивая кусок железа. Пресс-папье вырвали у меня из руки, но я успел подхватить его на лету. Тут я увидел авторучку и прижал ее кончик к пресс-папье.

Темнота исчезла. Холод пропал.

Я понял, что выкарабкался.

- Вот видишь? - торжествующе сказал дерг час спустя. - Тебе нужна моя защита.

- Наверное, - уныло ответил я.

- Тебе потребуются и кое-какие другие предметы, - сказал дерг. - *Wolfsbane, амаринт, чеснок, глина с кладбища...

- Но ведь гугнивца больше нет.

- Да. Но остались еще хрупалы. И тебе будет нужна защита от липов, фигов и мелгризера.

Поэтому я составил список трав, компонентов и разной всячины. Я не стал утруждать его вопросами об этой связи между сверхъестественным и паранормальным. Моя беззащитность теперь была полной и окончательной.

Духи и призраки? Или инопланетяне? Это одно и то же, сказал он, и я понят, что он имеет в виду. По большей части они нас не трогают. Мы находимся на разных уровнях восприятия, вернее, существования. До тех пор,

пока человек не становится настолько глуп, что начинает привлекать к себе внимание.

Теперь я вступил в их игру. Кто-то хотел меня убить, кто-то - защитить, но никому не было дела до _м_е_н_я_, даже дергу. Из интересовала лишь ценность моей фигуры в игре, вот и все.

Во всей ситуации я был виноват лишь сам. Первоначально в моем распоряжении была аккумулированная мудрость всей человеческой расы, огромная расовая ненависть к колдунам и духам, иррациональный страх к чужеродной жизни. Потому что мое приключение уже происходило тысячи раз, а рассказ о нем пересказывался снова и снова - о том, как человек, занявшись странным искусством, вызвал к себе духа. Но сделав это, он привлек к себе внимание - худшее, что только могло произойти.

Поэтому я теперь был неотделим от дерга, а он - от меня. До вчерашнего дня. Теперь я снова сам по себе.

Пару недель все было спокойно. От фигов я избавился, приобретя простую привычку держать дверцы шкафов закрытыми. Липы оказались пострашнее, но их остановил жабий глаз. А мелгризер опасен только в полнолуние.

- Ты в опасности, - сказал вчера дерг.

- Опять? - поинтересовался я, зевая.

- Нас преследует транг.

- Нас?

- Да, и меня, и тебя, потому что даже дерг должен подвергаться риску и опасности.

- А этот транг очень опасен?

- Очень.

- Ну, так что надо сделать? Повесить над дверью змеиную шкуру? Нарисовать пентаграмму?

- Ни то, ни другое, - сказал дерг. - От транга можно избавиться, лишь не совершая определенные действия.

Теперь, когда на мне и так висело множество ограничений, я решил, что одним больше, или одним меньше - уже несущественно. - И чего мне нельзя делать?

- Гунькать.

- Гунькать? - нахмурился я. - И что это такое?

- Ты наверняка знаешь. Это простое, ежедневное человеческое действие.

- Наверное, я знаю его под другим названием. Объясни.

- Хорошо. Гунькать - это значит... - Он внезапно умолк.

- Что?

- Он здесь! Транг!

Я прижался к стене. Мне показалось, что в углу слегка зашевелилась

пыль, но это можно было приписать и перенапряженным нервам.

- Дерг! - завопил я. - Ты где? Что надо делать?

Тут я услышал крик и звук, который ни с чем нельзя спутать - захлопывающиеся челюсти.

- Я погиб! - крикнул дерг.

- Что надо делать? - снова крикнул я.

Послышался ужасающий хруст работающих зубов. И очень слабый голос дерга: - _Н_Е_ г_у_н_ь_к_а_й_!

Потом наступила тишина.

Поэтому я сейчас сижу, и не высовываюсь. На следующей неделе в Бирме разобьется самолет, но здесь, в Нью-Йорке, мне это не навредит. Фиги тоже не причинят мне вреда - ведь дверцы всех шкафов у меня закрыты.

Нет, вся проблема в гунькание. Я не _д_о_л_ж_е_н_ гунькать. Абсолютно. Если я смогу от этого удержаться, все пройдет, и охота на меня переместится куда-нибудь в другое место. Должна! Мне надо лишь переждать.

Беда только в том, что я не имею ни малейшего понятия, чем может оказаться гунькание. Дерг говорил, что это обычное человеческое действие. Так вот, на это время я избегаю почти любых действий, какие только могу.

Я немного задремал, и ничего не произошло, так что это не гунькание. Я вышел на улицу, купил еды, заплатил за нее, приготовил и поел. Это тоже не гунькание. Я пишу этот рассказ. И это тоже _н_е_ гунькание.

Когда-нибудь я из этого выберусь.

Надо будет еще поспать немного. Кажется, простуда становится сильнее. Сейчас мне хочется чихну...

Роберт ШЕКЛИ

ПРАВО НА СМЕРТЬ

Я не буду описывать эти мучения. Не хочу. Просто потому, что их невозможно описать. Такого даже под анестезией не выдержать. Я выдержал лишь из-за того, что эти ублюдки не догадались спросить - хочу я выдерживать или нет. Мое мнение их не интересовало.

Когда все кончилось, я открыл глаза и посмотрел на лица браминов. Их было трое. И, как всегда, в белых халатах и марлевых масках. Считается,

что маски они носят, чтобы не подцепить от нас какую-нибудь заразу, хотя каждый солдат знает - они просто скрывают от нас лица.

Я был накачан анестетиками по самые уши, поэтому вся моя память состояла из одних провалов. Какие-то жалкие обрывки воспоминаний.

- Долго я был на том свете? - спросил я.

- Больше десяти часов, - ответил один из браминов.

- Как все случилось?

- Разве не помнишь? - спросил самый высокий.

- Пока нет.

- Ну, - сказал высокий, - твой взвод был в траншее 2645Б-4. На рассвете вы начали атаку на траншею 2645Б-5.

- И что там случилось?

- Тебя срезало пулеметной очередью. Новые пули - с мягкой головкой... Неужели не помнишь? Одна в грудь, еще три - по ногам. Санитары подобрали тебя уже покойником.

- Траншею-то взяли? - спросил я.

- В тот раз - нет.

- Ясно...

Постепенно действие анестетиков слабело и я начал кое-что припоминать. Ребят из моего взвода. Траншею. Старушка 2645Б-4 была мне как дом родной - мы в ней торчали уже год с небольшим, и как траншея она была очень даже ничего. Противник все время пытался ее захватить, и наша утренняя вылазка на самом деле была контратакой. Я вспомнил, как пуля развалила меня на куски - какое невыразимое облегчение я испытал в тот миг!..

Тут я вспомнил еще кое-что и сел на операционном столе.

- Минуточку, ребята, - сказал я.

- Что такое?

- Ведь крайний срок для воскрешения - восемь часов после смерти, так?

- Техника совершенствуется, - сказал брамин. - Теперь можно оживлять и через двенадцать часов. И это для всех ранений, кроме серьезных повреждений мозговой ткани.

- Ну что ж, молодцы, - сказал я. Память прояснилась окончательно и я понял, наконец, что же произошло. - Но на этот раз у вас вышла крупная накладка.

- Что за чушь, рядовой? - спросил один из них с чисто офицерскими интонациями.

- Гляньте-ка сюда, - и я протянул ему свой личный жетон. Насколько я мог видеть его лицо, он нахмурился.

- Черт бы меня побрал! - пробормотал он.

- Оказывается, наши желания совпадают, - заметил я.

- Видишь ли, - сказал он. - Траншея была прямо завалена трупами. Нам

сказали, что все по первому разу. Приказано было всех поставить на ноги.

- И вы что, даже не смотрели жетоны?

- Когда?! У нас была чертова уйма работы! Конечно, мне очень жаль, рядовой. Если бы я знал...

- К дьяволу ваши сожаления, - перебил я. - Мне нужен Генеральный Инспектор.

- Ты что, в самом деле думаешь...

- Думаю, - отрезал я. - Не то чтобы я был крутым законником - в окопах нас учили другим наукам. Но этот иск я предъявлю в лучшем виде. А требовать встречи с Генеральным Инспектором - мое право, и будьте вы все прокляты!

Они перешли на шепот, а я как следует себя осмотрел. Надо признать, потрудились брамины здорово. Не так хорошо, конечно, как в первые годы войны. Кожу как-то неаккуратно пересадили, да в потрохах я чувствовал непорядок. Правая рука дюйма на два длиннее левой - кто ж это напорол-то? А в общем, вполне...

Они закончили шептаться и принесли мою форму. Я оделся.

- Насчет встречи с Генеральным Инспектором, - сказал один из них. - Тут есть некоторые трудности. Видишь ли...

Короче, генерала мне не дали, а подсунули вместо него здоровенного добродушного сержанта - из тех опытных служак, которые потолкуют с тобой с полным пониманием и сочувствием и оставят в уверенности, что дело твое выеденного яйца не стоит, решить его проще простого, так что можно больше не рыпаться.

- Что случилось, рядовой? - спрашивает он. - Говорят, ты устраиваешь бузу из-за того только, что тебя, мертвеца такого, воскресили?

- Верно говорят, - отвечаю. - Даже по законам военного времени простой солдат кой-какие права имеет, как мне объясняли... Или это все туфта?

- Да нет, - говорит сержант. - Почему же туфта...

- Долг свой я выполнил, - продолжаю. - Семнадцать лет в строю, восемь лет на передовой. Трижды убит, трижды воскрешен. По закону после трех воскрешений каждый имеет право остаться трупом. У меня тот самый случай - можешь посмотреть жетон, там все отмечено. А меня опять воскресили! Эти чертовы доктора сваляли дурака, и радости мне от этого никакой. Хочу покоиться в мире.

- Куда как лучше среди живых, - возражает сержант. - Пока жив, всегда

есть шанс стать нестроевым. И ротация идет, хотя и медленно: сам знаешь, людей не хватает... Но шансы-то остаются!

- Мой шанс уже выпал, - отвечаю. - И лично я предпочитаю помереть.

- Думаю, могу тебе твердо пообещать, что месяцев через шесть...

- Я сдохнуть хочу, - вежливо говорю я. - По законам военного времени имею почетное право.

- Конечно, кто спорит, - отвечает он, улыбаясь. - Но на войне сплошь да рядом случаются ошибки. Особенно на такой войне, как эта.

Тут он откинулся на спинку стула и сцепил пальцы, закинув руки за голову.

- Помню, как эта заваруха началась. Все думали, стоит нажать кнопку - и все будет ясно. Но и у нас, и у красных было навалом противоракет, и это прикрыло все атомные лавочки. А когда изобрели подавитель цепных реакций, атомные бомбы просто вышвырнули на свалку...

- Что я, не знаю, что ли?..

- Враг превосходил нас числом, - строго сказал сержант. - И все еще превосходит. Одних китайцев вон сколько миллионов!.. Армии были нужны новые бойцы, и медики научились воскрешать погибших...

- Да знаю я... Дружище, поверь, я тоже хочу, чтобы победа осталась за нами. Очень хочу. От всей души. И я был хорошим солдатом. Но меня шлепнули уже три раза, и я...

- Дело в том, - сказал сержант, - что красные тоже начали воскрешать погибших. И именно сейчас решается - кто кого. Победит тот, кто сможет выставить больше солдат. Через несколько месяцев уже будет ясно, кто победил. А ради такого дела стоит немножко потерпеть и не скулить из-за ерунды. Обещаю, что тебя оставят в покое, когда снова укокошат. А сейчас давай замнем...

- Хочу говорить с Генеральным Инспектором, - сказал я.

- Ну что ж, рядовой, - сказал сержант как-то не слишком дружелюбно. - Иди-ка ты в комнату 303.

Я пошел в эту комнату и принялся ждать. Из-за того, что заварилась такая каша, я чувствовал себя слегка неловко. Все-таки война... Но и эти хороши! У солдата тоже права есть, хоть и война. Чертовы брамины...

Как они получили эту кличку - особая история. Они же не индусы, и тем более не жрецы какие-нибудь - обыкновенные доктора. А словечко это приклеилось к ним после того, как в одной газете появилась о них статья.

Тогда все это было еще сенсацией. Парень, который писал статью, жутко восхищался, что врачи могут оживить мертвеца и поставить его в строй. Горячая была новость. Так вот, этот парень цитировал по этому поводу стихи Эмерсона. Начинались они так:

Пусть кровавый убийца верит в то, что он многих убил,
А убитые им верят в смерть от ножа или пули, -
Я смеюсь над их верой: мне подвластны орбиты светил,
Мне подвластно и то, чтобы мертвые к жизни вернулись...

Такие вот дела. Никогда не знаешь, останется ли убитый тобой парень трупом или будет назавтра вовсю палить в сторону твоей траншеи. И сам ты не знаешь, когда получаешь пулю: насовсем ты сдох или нет. Стихи Эмерсона назывались "Брахма", поэтому наших медиков стали называть браминами.

Когда тебя оживляют по первому разу, это даже может понравиться. Жить все равно лучше - даже если учесть всякие мучения и так далее. Но когда тебя убивают и воскрешают, убивают и воскрешают, - в конце концов это ужасно надоедает. Начинаешь думать, не слишком ли много раз ты помер, и смерть представляется уже чем-то вроде возможности отдохнуть от этого кошмара. Нужно только, чтобы тебя больше не оживляли - только и всего. Вечный покой, и ничего более.

Эти умники наверху быстро сообразили, что если солдата слишком часто оживлять, это начинает действовать ему на нервы и подрывает боевой дух. Поэтому они установили предел - не больше трех воскрешений на брата. После третьего раза можешь выбирать ротацию или спокойную смерть. Рекомендуется выбирать второе - попробуйте-ка себе представить, какое воздействие может оказать человек, который помирал целых три раза, на нравственное состояние гражданских. И большая часть строевиков после третьего воскрешения действительно предпочитают гарантированную смерть.

А меня вот надули и воскресили в четвертый раз. Я, вообще-то, патриот каких поискать, но это вовсе не значит, что эта шутка у них пройдет.

В конце концов, я удостоился аудиенции самого адъютанта Генерального Инспектора - это был стройный полковник со стальным взглядом. Сразу было видно, что он не потерпит никаких безобразий. Он был полностью в курсе моего случая и не хотел тратить на него слишком много драгоценного

времени, поэтому разговор получился коротким.

- Рядовой! - сказал он. - Во-первых, я выражаю вам искренние соболезнования командования. Во-вторых, вышел новый приказ. Красные повысили предельное количество воскрешений, поэтому выбора у нас нет. Отныне личный состав будет уходить в отставку после шести воскрешений.

- Но этот приказ вышел уже после того, как меня убили, полковник!

- Он обладает обратной силой. Вы получили право еще два раза умереть за отечество. Всего хорошего, рядовой.

И все. И ничего не поделаешь с этим высшим бесстыдством. Они даже не представляют, каково нам приходится. Их, наверное, редко убивают больше одного раза, так что они понятия не имеют, как человек чувствует себя после четырех смертей.

Я плюнул и пошел в свою траншею.

Я брел между рядов колючей проволоки с отравленными шипами и думал. Я прошел совсем рядом с какой-то громоздкой штуковиной, тщательно закутанной в брезент с надписью "Секретное оружие". Наш сектор просто набит секретным оружием. Каждую неделю ученые подкидывают что-нибудь новенькое. И может, какая-нибудь из их штучек однажды поможет нам выиграть войну.

Но на все это мне было уже наплевать. Я вспомнил следующее четверостишие Эмерсона:

Все, что люди забыли, хранит моя вечная память,
Мне и тьма безразлична, и сияние горней звезды;
Что мне стоны богов, из гордыни отвергнутых вами?
Что мне ваша гордыня? И что мне раскаянья стыд?..

Старик Эмерсон здорово написал. Именно это и чувствует человек после того, как четыре раза даст дуба. Все безразлично и и как-то перестаешь обращать внимание на нюансы. Я не циник, просто после четвертого воскрешения взгляды на мир и на вопросы бытия несколько меняются.

Наконец, я добрался до старой доброй 2645Б-4, и похлопал по плечам своих парней. Оказалось, завтра на рассвете мы снова пойдем в наступление. Я решил, что это очень кстати.

Может, кто-то и скажет, что я решил свалить в кусты - мне плевать. По-моему, я уже довольно поумирал. И на этот раз я постараюсь погибнуть с гарантией. Ошибки быть не должно...

С первыми лучами солнца мы прокрались мимо колючей проволоки и бродячих мин на нейтральную полосу между нашей траншеей и 2645Б-5. Атака

предполагалась силами одного батальона, и все мы снарядили магазины новейшими пулями-бумерангами. Мы подкрались чертовски близко к вражеским позициям, прежде чем противник нас обнаружил и открыл огонь.

Мы дрались за каждый дюйм. Парни гибли вокруг меня десятками, я же не получил ни царапины. Я даже начал верить, что на этот раз мы все-таки возьмем траншею - и, может быть, я даже останусь в живых...

И тут, наконец, влепило. Разрывная пуля. Прямо в грудь. Определенно, смертельное ранение. Обычно после такого падаешь и больше не встаешь. Кто угодно, но не я. Я должен быть уверен, что на этот раз меня не воскресят. Поэтому я встал и рванулся вперед, используя ружье как костыль. Я прошел еще целых пятнадцать ярдов сквозь такой плотный огонь, какого вам в жизни не увидеть. И вот, наконец, именно то! Ошибиться невозможно. Разрывная пуля прямо в лицо. Ничтожнейшую долю секунды я еще чувствовал, как разлетается на куски мой череп - и уже точно знал, что теперь-то я в безопасности. Брамины ничего не могут сделать при серьезных ранениях в голову, а мое ранение было чертовски серьезным.

Потом я умер.

Придя в сознание, я взглянул на белые халаты и марлевые маски браминов.

- Долго я был на том свете? - спросил я.

- Два часа.

Тут я вспомнил все.

- Но мне же разнесло голову!

Марлевые маски смялись, и я понял, что брамины усмехаются.

- Секретное оружие, - сказал один из них. - Почти три года разрабатывали. И вот, наконец, дескрэмблер работает. Колоссальный шаг вперед!

- Да ну? - сказал я.

- Наконец-то медицина получила возможность лечить серьезные ранения в голову, - продолжал брамин. - Как, впрочем, и любые другие ранения. Мы можем вернуть в строй любого солдата, если от него останется более семидесяти процентов - надо только собрать ошметки и свалить их в дескрэмблер. На практике наши потери в живой силе сводятся к нулю. Это поворот в ходе войны!

- Просто блеск, - сказал я.

- Кстати, - сказал брамин, - тебя наградили медалью. За геройское продвижение под огнем противника после получения смертельного ранения.

- Ура, - сказал я. - Мы взяли 2645Б-5?

- Взяли. Уже готовится наступление на траншею 2645Б-6.

Я кивнул. Через пару минут мне вернули форму и отправили обратно на передовую. Дела обстояли куда хуже, чем можно было ожидать. Кажется, мне теперь придется научиться радоваться жизни. Что ж, вкусим ее во всей полноте.

Теперь мне осталось погибнуть всего один раз - это будет уже шестой. И последний.

Разве что выйдет какой-нибудь новый приказ...

Роберт ШЕКЛИ

ПРОГУЛКА

Возник Папазиан, замаскированный под человека. Он быстро проверил, на месте ли голова. "Нос и носки ботинок должны смотреть в одну сторону", - напомнил он себе.

Все системы работали нормально, в том числе и компактная душа, которая питалась от батареек для карманного фонарика. Папазиан очутился на земле, в непонятном, сверхъестественном Нью-Йорке, на перекрестке десяти миллионов человеческих судеб. Ему захотелось гроппнуть, но человеческое тело не было для этого приспособлено, и он просто улыбнулся.

Папазиан вышел из телефонной будки - играть с людьми.

Сразу же он столкнулся с тучным мужчиной лет сорока. Мужчина остановил его и спросил:

- Эй, приятель, как быстрее пройди на угол Сорок девятой и Бродвея?

Папазиан ответил без колебания:

- Ощупывайте эту стену, а когда найдете неплотность, идите напролом. Этот туннель проложили марсиане - когда они еще были марсианами. Выйдете как раз к углу Сорок восьмой улицы и Седьмой авеню.

- Остряк чертов! - пробормотал мужчина и ушел, даже не дотронувшись до стены.

- Какая косность! - сказал про себя Папазиан. - Надо бы включить это в рапорт.

Но нужно ли ему готовить рапорт? Он не имел понятия.

Время ленча. Папазиан вошел в забегаловку на Бродвее близ Двадцать восьмой улицы и обратился к буфетчику:

- Я хотел бы попробовать ваши знаменитые "хот догс".

- Знаменитые? - изумился буфетчик. - Скорей бы настал такой день!

- Уже настал, - возразил Папазиан. - Ваши "хот догс" пользуются хорошей репутацией по всей галактике. Я знаю кое-кого, кто преодолел тысячи световых лет ради этих булочек с сосисками.

- Чушь! - убежденно сказал буфетчик.

- Да? Возможно, вас заинтересует, что в настоящий момент половина ваших клиентов - пришельцы. В гриме, конечно.

Каждый второй клиент побледнел.

- Вы что, иностранец? - спросил буфетчик.

- Альдебаранец по материнской линии, - объяснил Папазиан.

- Тогда все ясно, - сказал буфетчик.

Папазиан шел по улице. Он ничего не знал о жизни на Земле и наслаждался своим неведением: ему так много еще предстоит узнать. Изумительно - не иметь представления, что делать дальше, кем быть, о чем говорить.

- Эй, приятель! - окликнул его прохожий. - Я доеду по этой линии до Порт-Вашингтон?

- Не знаю, - сказал Папазиан, и это было правдой.

К сожалению, в невежестве есть определенные неудобства. Какая-то женщина поспешила объяснить им, как добраться до Порт-Вашингтона. Узнавать новое довольно интересно, но Папазиан считал, что незнание увлекательнее.

На здании висело объявление: "Сдается в аренду".

Папазиан вошел и взял в аренду. Он полагал, что поступил правильно, хотя в глубине души надеялся, что ошибся, потому что так было бы занятнее.

Молодая женщина сказала:

- Добрый день. Я мисс Марш. Меня прислало агентство. Вам нужна секретарша?

- Совершенно верно. Ваше имя?

- Лилиан.

- Сойдет. Можете приступать к работе.

- Но у вас нет ничего, даже машинки.

- Купите все, что необходимо. Вот деньги.

- А что от меня требуется?

- Вы меня спрашиваете? - с мягкой укоризной сказал Папазиан. - Я понятия не имею, чем заняться мне самому.

- А что вы собираетесь делать, мистер Папазиан?

- Вот это я и хочу выяснить.

- О... Ну хорошо. Мне кажется, вам понадобятся стол, стулья, машинка и все остальное.

- Превосходно Лили! Вам говорили, что вы очень хорошенькая?

- Нет...

- Значит, я ошибся. Если вы этого не знаете, то откуда знать мне?

Папазиан проснулся в отеле "Центральный" и сменил имя на Хол. Он сбросил с себя верхнюю кожу и оставил под кроватью, чтобы не умываться.

Лилиан была уже в конторе, расставляла новенькую мебель.

- Вас дожидается посетитель, мистер Папазиан, - сказала секретарша.

- Отныне меня зовут Хол. Впустите его.

Посетителем оказался коротышка по имени Джасперс.

- Чем могу быть полезен, мистер Джасперс? - спросил Хол.

- Не имею ни малейшего представления, - смутился посетитель. - Я пришел к вам, повинуясь необъяснимому порыву.

Хол напрочь забыл, где он мог оставить свою Машину Необъяснимых Порывов.

- И где же вы его ощутили? - поинтересовался он.

- К северо-востоку отсюда, на углу Пятой авеню и Восемнадцатой улицы.

- Около почтового ящика? Так я и думал! Вы очень помогли мне мистер Джасперс! Чем могу вам услужить?

- Говорю вам, не знаю! Это был необъяснимый...

- Да. Но чего бы вы хотели?

- Побольше времени, - печально сказал Джасперс. - Разве не все этого хотят?

- Нет, - твердо сказал Хол. - Но, возможно, я помогу. Сколько времени вам нужно?

- Еще бы лет сто, - попросил Джасперс.

- Приходите завтра, - сказал Хол. Посмотрим, что удастся для вас сделать.

Когда посетитель ушел, Лилиан спросила:

- Вы действительно можете ему помочь?

- Это я выясню завтра, - ответил Хол.

- Почему не сегодня?

- А почему не завтра?

- Потому что вы заставляете ждать, а это нехорошо.

- Согласен, - сказал Хол. - Зато очень жизненно. Путешествуя, я заметил, что жизнь - суть ожидание. Значит, следует наслаждаться всем, пребывая в ожидании, потому что только на него вы и способны.

- Это чересчур сложно для меня.

- В таком случае напечатайте какое-нибудь письмо.

На тротуаре стоял человек с американским флагом. Вокруг собралась небольшая толпа. Человек был старый, с красным морщинистым лицом. Он говорил:

- Я хочу вам поведать о мире мертвых, они ходят по земле рядом с нами. Что вы на это скажете, а?

- Лично я, - заметил Хол, - вынужден согласиться, потому что рядом стоит старая седовласая женщина в астральном теле с высохшей рукой.

- Боже мой, это, наверное Этель! Она умерла в прошлом году, мистер, и с тех пор я пытаюсь с ней связаться. Что она говорит?

- Цитирую: "Герберт, перестань молоть чепуху и иди домой. Ты оставил на плите яйца, вода уже вся выкипела, и через какие-нибудь полчаса твоя жалкая обитель сгорит дотла".

- Точно Этель! - воскликнул Герберт. - Этель, как ты можешь называть чепухой разговоры о мире мертвых, когда ты сама - дух?

- Она отвечает, - доложил Хол, - что мужчина, который и яиц-то толком не сварит, не спалив свою квартиру, не вправе рассуждать о духах.

- Вечно она меня пилит, - посетовал Герберт и заторопился прочь.

- Мадам, не слишком ли вы строги с ним? - спросил Хол.

- Он никогда не слушал меня при жизни и не слушает теперь. Разве можно быть слишком строгой с таким человеком?.. Приятно было поболтать с вами, мистер, но мне пора, - сказала Этель.

- Куда? - поинтересовался Хол.

- В Дом Престарелых Духов, куда же еще? - и она незримо исчезла.

Хол в восхищении покачал головой.

"Земля! - подумал он. - Какое прекрасное место!"

На Кафедральной аллее толпился народ - в основном, венерианцы, замаскированные под немцев, и обитатели созвездия Стрельца, прикидывающиеся хиппи.

К Холу подошел какой-то толстяк и спросил:

- Простите, вы не Хол Папазиан? Я Артур Вентура, ваш сосед.

- С Альдебарана? - спросил Хол.

- Нет. Я, как и вы, из Бронкса.

- На Альдебаране нет Бронкса, - констатировал Хол.

- Придите в себя, Хол! Вы пропадаете почти неделю. Алина сходит с ума от беспокойства. Она хочет обратиться в полицию.

- Алина?

- Ваша жена.

Хол понял, что происходит. То был Кризис Совпадения Личности. Как правило, внеземные туристы с таким явлением не сталкивались. Кризис сулил Холу потрясающие впечатления. Если бы только они сохранились в памяти!

- Хорошо, - сказал Хол, - благодарю вас за информацию. Жаль, что я причинил столько волнений моей жене, моей дорогой Полине...

- Алине, - поправил Вентура.

- Ну да. Передайте ей, что я приеду, как только выполню задание.

- Какое задание?

- Мое задание заключается в выяснении моего задания.

Хол улыбнулся и попытался удалиться. Но Артур Вентура обнаружил уникальную способность роиться и окружил Папазиана со всех сторон, производя шум и предпринимая попытки силового воздействия. Папазиан подумал о лазерном луче и замыслил убить всех Артуров, но потом решил, что это не в духе происходящего..

Лица, одетые в форму, водворили Папазиана в квартиру, где он пал в объятия рыдающей женщины, которая тут же принялась сообщать ему сведения личного характера.

Хол заключил, что эту женщину звали Алина. Женщина считала, что она его жена. И могла предъявить соответствующие бумаги.

Сперва было даже забавно иметь жену, детей, настоящую работу, счет в банке, автомобиль, несколько смен белья и все остальное, что есть у землян, Хол до самозабвения играл с новыми вещами.

Почти каждый день Алина спрашивала его:

- Милый, ты еще ничего не вспомнил?

А он отвечал:

- Ничего. Но я уверен, что все будет в порядке.

Алина плакала. Хол привык к этому.

Соседи были очень заботливы, друзья - очень добры. Они изо всех сил скрывали от него, что он не в своем уме - чудик, дурик, псих ненормальный.

Хол Папазиан узнал все, что когда-либо делал Хол Папазиан, и делал то же самое. Простейшие вещи он находил захватывающе интересными. Мог ли альдебаранец рассчитывать на большее? Ведь он жал настоящей земной жизнью, и земляне принимали его за своего!

Конечно, Хол совершал ошибки. Он плохо ладил со временем, но постепенно приучился не стричь газон в полночь, не укладывать детей в пять утра и не уходить на работу в девять вечера. Он не видел причин для таких ограничений, но они делали жизнь интереснее.

По просьбе Алины Хол обратился к доктору Кардоману - специалисту по чтению в головах людей. Доктор сообщал, какие мысли хорошие и плодотворные, а какие - плохие и грязные.

Кардоман:

- Давно ли у вас появилось ощущение, что вы - внеземное существо?

Папазиан:

- Вскоре после моего рождения на Альдебаране.

Кардоман:

- Мы сэкономим массу времени, если вы признаете, что вас одолевают странные идеи.

Папазиан:

- Мы сэкономим столько же времени, если вы признаете, что я альдебаранец, попавший в трудное положение.

Кардоман:

- Тихо! Слушай, приятель, такое заявление может завести черт знает куда. Подчинись моим указаниям, и я сделаю из тебя пай-мальчика.

Папазиан:

- Тихо!

Дело шло на поправку. Ночи сменялись днями, недели складывались в месяцы. У Хола бывали моменты прозрения, доктор Кардоман это приветствовал. Алина писала мемуары под названием "Исповедь женщины, чей муж верил, что он с Альдебарана".

Однажды Хол сказал доктору Кардоману:

- Кажется, ко мне возвращается память.

- Хм-м, - ответил доктор Кардоман.

- Я вспоминаю себя в возрасте восьми лет. Я поил какао железного фламинго на лугу, возле маленькой беседки, недалеко от которой катила свои воды река Чесапик.

- Ложная память из фильмов, - прокомментировал доктор Кардоман, сверившись с досье, которое собрала на мужа Алина. - Когда вам было восемь, вы жили в Янгстауне, штат Огайо.

- Черт побери! - в сердцах воскликнул Папазиан.

- Но вы на верном пути, - успокоил его Кардоман. У каждого есть подобная память, скрывающая страх и наслаждение больной психики. Не расстраивайтесь. Это добрый признак.

Папазиан приходил и с другими воспоминаниями: о юности, которую о провел юнгой на английской канонерке, о тяготах Клондайка...

Это были неоспоримо земные воспоминания, но не их искал доктор Кардоман.

В один погожий день в дом пришел продавец щеток - он хотел поговорить с хозяйкой.

- Она вернется через несколько часов, - извинился Папазиан. - У нее сегодня урок греческого, а потом резьбы по камню.

- Прекрасно, - сказал продавец. - На самом деле я хотел поговорить с вами.

- Мне не нужны щетки, - ответил Папазиан.

- К черту щетки. Я офицер службы связи. Должен напомнить вам, что мы отбываем ровно через четыре часа.

- Отбываем?

- Все приятное когда-нибудь кончается, даже отдых.

- Отдых?

- Бросьте! - отрезал продавец щеток или офицер связи. - Вы, альдебаранцы, совершенно невыносимы.

- А вы откуда?

- Я с Арктура. Как провели время, играя с аборигенами?

- Кажется женился на одной местной, - сообщил Папазиан.

- Настоящая земная жена, это входило в вашу программу. Ну, идете?

- Бедная Полина расстроится, - посетовал Папазиан.

- Ее имя Алина. Как большинство землян, она все равно значительную часть времени проводит в расстроенных чувствах. Но я не могу заставлять вас. Если пожелаете остаться, учтите, что следующий туристический корабль будет через 50-60 лет.

- Пошли они все к черту, - сказал Папазиан, - Я с вами.

- По-прежнему ничего не помню, - пожаловался Хол офицеру связи.

- Естественно. Ваша память осталась в сейфе на корабле.

- Зачем?

- Чтобы вы не чувствовали себя в незнакомой обстановке. Я помогу вам разобраться.

Корабль поднялся в полночь. Полет был замечен локационным подразделением ВВС. Изображение, возникшее на экране, объяснили большим скоплением болотного газа, через которое пролетела плотная стая ласточек.

Несмотря на отвратительный холод открытого космоса, Хол оставался на палубе и наблюдал, как в отдалении исчезала Земля. Его ждет скучная однообразная жизнь, ждут жены и дети...

Но он не испытывал сожаления. Земля - чудесное место для отдыха, однако она мало приспособлена для жизни.

Роберт ШЕКЛИ

ЗАКАЗ

Если бы дела не шли так вяло, Слобольд, может, и не взялся бы за эту работу. Но дела шли еле-еле, и, казалось, никто больше не нуждается в услугах дамского портного. В прошлом месяце ему пришлось уволить помощника, а в следующем, видимо, придется увольнять себя самого.

Слобольд предавался этим невеселым думам в окружении рулонов хлопчатобумажной ткани, шерсти, габардина, покрытых пылью журналов мод и разодетых манекенов.

Но тут его размышления прервал вошедший в ателье мужчина.

- Вы - Слобольд? - поинтересовался он.

- Совершенно верно, сэр, - подтвердил Слобольд, вскакивая с места и

заправляя рубашку.

- Меня зовут Беллис. Полагаю, Клиш уже связывался с вами? Насчет пошива платьев?

Разглядывая лысого расфуфыренного коротышку, Слобольд лихорадочно соображал. Он не знал никакого Клиша, и, по-видимому, мистер Беллис ошибся. Он уже было открыл рот, чтобы сообщить об этом незнакомцу, но вовремя одумался - ведь дела шли так вяло.

- Клиш, - задумчиво пробормотал он. - Да-да, как же, помню-помню.

- Могу вас заверить, что за платья мы платим _очень_ хорошо, - строго проговорил мистер Беллис. - Однако мы требовательны. Чрезвычайно требовательны.

- Естественно, мистер Беллис, - испытывая легкий укол совести, но стараясь не обращать на это внимания, произнес Слобольд.

Он и так делает мистеру Беллису одолжение, решил он, поскольку из всех живущих в городе Слобольдов-портных он, несомненно, самый лучший. А уж если потом выяснится, что он не тот Слобольд, то он просто сошлется на знакомство с неким другим Клишем, отчего, видимо, и произошла ошибка.

- Отлично, - стягивая замшевые перчатки, заявил мистер Беллис. - Клиш, конечно, объяснил вам подробности?

Слобольд не ответил, но всем своим видом показал, что да, конечно, объяснил, и что он, Слобольд, был весьма удивлен услышанным.

- Смею вас заверить, - продолжал мистер Беллис, - что для меня это было настоящим откровением.

Слобольд пожал плечами.

- А вы такой невозмутимый человек, - восхищенно проговорил мистер Беллис. - Видимо, поэтому Клиш и выбрал именно вас.

Слобольд принялся раскуривать сигару, поскольку не имел ни малейшего понятия, какое следует принять выражение лица.

- Теперь о заказе, - весело произнес мистер Беллис и запустил руку в нагрудный карман серого габардинового пиджака. - Вот полный список размеров для первого платья. Но, как понимаете, никаких примерок, естественно.

- Естественно, - согласился Слобольд.

- Заказ надлежит выполнить через три дня. Эгриш не может ждать дольше.

- Понятное дело, - снова согласился Слобольд.

Мистер Беллис вручил ему сложенный листок бумаги.

- Клиш, вероятно, уже предупредил вас, что дело требует строжайшей тайны, но позвольте мне еще раз напомнить об этом. Никому ни слова, пока семейство как следует не акклиматизируется. А вот ваш задаток.

Слобольд так хорошо держал себя в руках, что даже не вздрогнул при виде пяти стодолларовых банкнотов.

- Значит, через три дня, - сказал он, пряча в карман деньги.

Мистер Беллис, размышляя о чем-то, постоял еще немного, потом пожал плечами и вышел.

Едва он скрылся за дверью, Слобольд развернул листок. И поскольку теперь за ним никто не наблюдал, изумленно разинул рот.

Ничего подобного он прежде не видел. Платье нужно было сшить на _особу_ восьми футов ростом, да еще учесть при этом определенные модификации фигуры. Но какие модификации!

Пробежав взглядом по списку, содержавшему свыше пятидесяти размеров и указаний, Слобольд понял, что у дамы, которой предназналось платье, на животе три груди, причем каждая своей величины и формы. Помимо того, на спине у нее несколько больших горбов. На талию отводилось всего восемь дюймов, зато четыре руки, судя по проймам рукавов, по толщине не уступят стволу молодого дуба. О ягодицах не упоминалось вообще, однако величина клеша подразумевала чудовищные вещи.

Материал платья - кашемир; цвет - блестяще-черный.

Слобольд понял, почему не должно быть примерок. Глядя на записи, он нервно теребил нижнюю губу.

- Вот так платьице! - вслух произнес он и покачал головой. Свыше пятидесяти мерок - это уж чересчур, да и кашемир никогда не считался подходящим материалом для платья. Нахмурившись, он еще раз перечитал бумагу. Что же это такое? Дорогостоящая игрушка? Сомнительно. Мистер Беллис отнюдь не выглядел шутником. Портновский инстинкт подсказывал Слобольду, что платье наверняка предназначено для персоны, имеющей именно такую деформированную фигуру.

Его бросило в дрожь, хотя и стоял великолепный солнечный день, Слобольд включил свет.

По-видимому, решил Слобольд, платье предназначено для очень богатой, но обладающей чрезвычайно уродливой фигурой женщины. А еще он подумал, что со дня сотворения мира вряд ли встречались подобные уродства.

Однако дела шли еле-еле, а цена была подходящей, он готов шить и юбочки для слоних и переднички для гиппопотамш.

Слобольд отправился в мастерскую. Включив весь свет, он принялся чертить выкройки.

Мистер Беллис появился ровно через три дня.

- Великолепно, - разглядывая платье, восхитился он. Вытащив из кармана мерку, он принялся проверять размеры.

- Нисколько не сомневаюсь в вашем мастерстве, - пояснил он, - но платье должно быть сшито тютелька в тютельку.

- Естественно, - согласился Слобольд.

Закончив промеры, мистер Беллис спрятал мерку в карман.

- Просто замечательно, - заметил он. - Думаю, Эгриш останется довольна. Свет все еще беспокоит ее. Вы же знаете, свет для них непривычен.

Слобольд в ответ лишь хмыкнул.

- После жизни во тьме это трудно, но они приспособятся, - заявил мистер Беллис.

- Я тоже так считаю, - согласился Слобольд.

- Так что вскоре они приступят к работе, - с любезной улыбкой сообщил мистер Беллис.

Слобольд принялся упаковывать платье, пытаясь уловить хоть какой-то смысл в словах мистера Беллиса.

"_После жизни во тьме_", - повторял он про себя, заворачивая платье в бумагу. "_Приспособятся_", - думал он, укладывая сверток в коробку.

Значит, Эгриш такая не одна. Беллис имел в виду многих. И впервые Слобольду подумалось, что заказчики не земляне. Тогда откуда? С Марса? Вряд ли, там света тоже хватает. А как насчет обратной стороны Луны?

- А вот списки размеров еще для трех платьев, - прервал его размышления мистер Беллис.

- Да я могу работать по тем, что вы мне уже дали, - все еще думая о других планетах, ляпнул Слобольд.

- То есть как это? - удивился мистер Беллис. - То, что впору Эгриш, другим не годится.

- Ох да, запамятовал, - с трудом отрываясь от размышлений, сказал Слобольд. - Но, может, сама Эгриш пожелает сшить еще несколько платьев по той же выкройке?

- Нет. Для чего?

Слобольд решил воздержаться от дальнейших вопросов из опасения, что возможные ошибки наведут мистера Беллиса на определенные подозрения.

Он просмотрел списки новых размеров. При этом ему пришлось проявить все свое самообладание, ибо будущие заказчики настолько же отличались от Эгриш, насколько та отличалась от нормальных людей.

- Управитесь за неделю? - поинтересовался мистер Беллис. - Не хочется вас подгонять, но дело не терпит отлагательства.

- За неделю? Думаю, да, - произнес Слобольд, разглядывая стодолларовые купюры, которые мистер Беллис разложил на прилавке. - Да, уверен, конечно управлюсь.

- Вот и отлично, - сказал мистер Беллис. - А то бедняги просто не переносят света.

- А почему же они не взяли с собой свою одежду? - вырвалось у Слобольда, и он тут же пожалел о проявленном любопытстве.

- Какую еще одежду? - строго уставившись на Слобольда, спросил мистер Беллис. - У них нет никакой одежды. Никогда не было и очень скоро не будет опять.

- Я запамятовал, - покрываясь обильным потом, промямлил Слобольд.

- Хорошо. Значит, неделя. - Мистер Беллис направился к выходу. - Да, кстати, через пару дней с Темной стороны вернется Клиш.

И с этими словами он вышел.

Всю неделю Слобольд трудился не покладая рук. Он вовсе перестал выключать свет и начал боятся темных углов. По форме платьев он догадывался, как выглядят их будущие владельцы, что отнюдь не способствовало крепкому сну по ночам. Ему очень хотелось, чтобы мистер Беллис больше не упоминал о своих знакомцах. Слобольд и так уже знал достаточно, чтобы опасаться за свой рассудок.

Он знал, что Эгриш и ее друзья-приятели всю жизнь жили во тьме. Следовательно, они прибыли из мира, лишенного света.

Какого мира?

Там, у себя, они не носят никакой одежды. Так зачем же им сейчас понадобились платья?

Кто они такие? Зачем они прибыли сюда? И что, интересно, подразумевает мистер Беллис, говоря об их предстоящей работе?

За неделю Слобольд пришел к выводу, что честное голодание куда лучше такой постоянной работы.

- Эгриш осталась очень довольна, - спустя неделю заявил мистер Беллис, закончив сверку размеров. - Другим тоже понравится, нисколько не сомневаюсь.

- Рад слышать, - ответил Слобольд.

- Они оказались более адаптабельны, чем я смел надеяться, - сообщил мистер Беллис. - Они уже понемногу акклиматизируются. Ну и, конечно, ваша работа очень поможет.

- Весьма рад, - машинально улыбаясь, произнес Слобольд, испытывавший лишь одно желание: чтобы мистер Беллис поскорее ушел.

Однако мистер Беллис был не прочь побеседовать. Он перегнулся через прилавок и проговорил:

- Не вижу никаких причин, почему они должны функционировать только во тьме. Это сильно ограничивает их действия. Вот я и забрал их с Темной стороны.

Слобольд кивнул.

- Думаю, это все. - Мистер Беллис с коробкой под мышкой направился к выходу. - Кстати, вам бы следовало сообщить мне, что вы не тот Слобольд.

Слобольд сумел лишь выдавить жалкое подобие улыбки.

- Однако ничего страшного не произошло, - добавил мистер Беллис, - поскольку Эгриш выразила желание лично поблагодарить вас.

И он вежливо закрыл за собой дверь.

Слобольд долго не мог сдвинуться с места и лишь тупо глядел на дверь. Потом пощупал засунутые в карман стодолларовые банкноты.

- Бред какой-то, - произнес он и быстро запер входную дверь на засов. После чего закурил сигару. - Совершеннейший бред, - повторил он.

Стоял ясный солнечный день, и Слобольд, улыбнувшись своим страхам, верхний свет все же включил.

И вдруг услышал сзади легкий шорох.

Сигара выпала из пальцев Слобольда, но сам он даже не шелохнулся. Он не издал ни единого звука, хотя его нервы были натянуты до предела.

- Привет, мистер Слобольд, - поздоровался чей-то голос.

Слобольд стоял в залитом ярким светом ателье и не мог сдвинуться с места.

- Мы хотим поблагодарить вас за прекрасную работу, - продолжал голос. - Все мы.

Слобольд понял, что если он не посмотрит на говорящего, то тут же сойдет с ума. Нет ничего хуже неизвестности. И он начал медленно оборачиваться.

- Клиш сказал, что мы должны прийти, - пояснил голос. - Он считает, что нам следует показаться вам первому. Я имею в виду, в дневное время.

Тут Слобольд завершил поворот и увидел Эгриш и остальных троих. Однако они не были одеты в платья.

В платья они одеты не были. Да и о каких платьях может идти речь, если посетители просто не имели тел? Перед ним прямо в воздухе висели четыре огромные головы. Головы ли? Да, решил Слобольд, иначе чем же еще считать эти бугристые уродства.

Слобольд отчаянно пытался убедить себя, что у него галлюцинации. Да я просто не мог встречать их раньше, твердил он себе. Мистер Беллис

обмолвился, будто они прибыли с Темной стороны. Они жили во тьме. Они даже никогда не носили одежды и вскоре не будут носить снова...

И тут Слобольд вспомнил. Он действительно видел их раньше, в особенно скверных и тяжких кошмарах.

Именно кошмарами они и были.

Теперь все стало на свои места. Они являются тем, кто о них думает. А почему кошмары должны ограничивать себя ночью? Дневное время - огромная неосвоенная территория, уже созревшая для эксплуатации.

Мистер Беллис создал семейство дневных кошмаров. И вот они здесь.

Но зачем им платья? Слобольд понял зачем, но это оказалось слишком много для его рассудка. Единственное, чего он страстно желал, - так это тихо и благопристойно сойти с ума.

- Мы сейчас подойдем, - проговорила Эгриш. - Хотя свет нас все еще беспокоит.

И Слобольд увидел, как четыре фантастические головы медленно начали приближаться к нему.

- Благодарим за маски-пижамы. Сидят они превосходно.

Слобольд рухнул на пол.

- Но ты нас обязательно увидишь, - были последние слова Эгриш.

Перевод М.Черняева

Роберт ШЕКЛИ

ЗАМЕТКИ ПО ВОСПРИЯТИЮ ВООБРАЖАЕМЫХ РАЗЛИЧИЙ

1

Ганс и Пьер находятся в тюрьме. Пьер - француз, небольшого роста, полный, с черными волосами. Ганс - немец, высокий, худой и светловолосый. У Пьера желтая кожа и черные усы. У Ганса здоровый цвет кожи и светлые усы.

2

Гансу и Пьеру становится известно, что недавно объявили амнистию. По условиям этой амнистии Пьера выпустят немедленно. О немцах не говорится ничего, и Ганс должен будет остаться в тюрьме. Это печалит обоих узников. Они думают: "Если бы Ганса освободили вместо Пьера..."

(Ганс опытный слесарь. Оказавшись на свободе, он сможет вызволить из

тюрьмы своего друга. Француз - профессор астрофизики и не в состоянии помочь никому, даже самому себе. Он бесполезный человек, но приятный; немец считает его самым хорошим человеческим существом, которое он когда-либо встречал. Ганс принимает решение выйти из тюрьмы, чтобы освободить друга.)

Есть один способ - обмануть стража. Если тот поверит, что Ганс - это Пьер, тогда Ганса выпустят. И он сможет вернуться к тюрьме и помочь Пьеру бежать. Для этой цели они разработали план.

Вот слышатся шаги в коридоре. Это страж! Друзья приступают к первой фазе плана, поменявшись усами.

3

Страж входит в камеру и говорит:

- Ганс, шаг вперед.

Оба мужчины делают шаг.

Страж спрашивает:

- Кто Ганс?

Оба пленника отвечают:

- Я.

Страж разглядывает их. Он видит высокого худого блондина с черными усами и здоровой кожей, стоящего рядом с маленьким полным брюнетом со светлыми усами и желтоватой кожей. Несколько секунд он подозрительно изучает их, затем признает в высоком немца, а другому, французу, приказывает выйти.

Узники готовы к этому, они бегут за спину стража и меняются волосами.

Страж осматривает их, невозмутимо улыбается и достает классификационный лист. Он определяет, что высокий черноволосый мужчина с черными усами и здоровым цветом лица - немец.

Пленники шепотом совещаются и вновь забегают за спину стража. Ганс пригибается, а Пьер становится на цыпочки. Страж, который чрезвычайно туп, медленно поворачивается к ним.

На этот раз задача сложнее. Он видит двух мужчин одинакового роста. У толстяка светлые волосы, светлые усы, желтоватая кожа. Другой черноволос, худощав, с черными усами и здоровой кожей. У обоих синие глаза - это совпадение. После некоторого раздумья страж решает, что первый узник - со светлыми волосами, светлыми усами, желтоватой кожей, полный - француз.

Пленники в третий раз проскальзывают за его спину и торопливо советуются.

(У стража водянка и очень плохое зрение. Его реакции замедленны из-за скарлатины, которой он переболел в детстве. Он с трудом поворачивается, часто-часто моргая.)

Пленники вновь обмениваются усами. Один втирает в кожу пыль, в то время как другой мажет лицо сажей. Полный становится еще выше на цыпочки, а худой еще больше пригибается.

Страж видит полного блондина выше среднего роста, с черными усами и светлой кожей. Слева от него стоит болезненный черноволосый тип ниже среднего роста, со светлыми усами. Страж тщательно изучает их, хмурится, поджимает губы, достает и перечитывает инструкцию. Затем он указывает на светлокожего человека выше среднего роста с черными усами - француз.

Пленник уворачивается. Высокий туже затягивает пояс вокруг талии, а низкорослый расстегивает ремень и засовывает под одежду всякие тряпки. Они снова меняются усами и волосами.

Страж сразу замечает, что фактор "полнота - худощавость" уменьшился в значимости. Он решает сравнить цветовые характеристики, но тут обращает внимание, что у светловолосого черные усы, а у черноволосого - светлые. Блондин чуть ниже среднего роста, а кожу можно счесть желтой. Справа от него стоит человек со светлыми усами (немного покривившимися) и чистой кожей, брюнет; он чуть выше среднего роста.

Инструкция бессильна. Тогда страж вытаскивает из кармана старое издание "Процедуры установления личности" и просматривает его в поисках чего-нибудь подходящего. Наконец он находит пресловутое предписание N 1266 от 1878 года: "Узник-француз всегда стоит слева, немец - справа".

- Ты, - говорит страж, указывая на узника слева. - Пойдешь со мной, француз. А ты, колбасник, останешься здесь, в камере.

4

Страж выводит пленника, оформляет бумаги и выпускает его на свободу.

Ночью бежит оставшийся.

(Сбежать из тюрьмы очень просто. Страж потрясающе глуп. И не только глуп - каждую ночь он напивается до бесчувствия и, кроме того, принимает пилюли от бессонницы. Ему категорически противопоказана работа стража, но все легко объяснимо - он сын знаменитого адвоката. В виде одолжения власти предоставили это место его физически неполноценному сыну. По той же

причине у стража нет напарника и нет начальства. Он совершенно одинок, пьян, напичкан наркотиками, и ничто на свете не может пробудить его. Это мое последнее слово по данному вопросу.)

5

Два бывших узника сидят на скамейке в двух милях от тюрьмы. Они выглядят так же, как мы видели их в последний раз.

Один произносит:

- Я же говорил, что получится! Оказавшись на свободе, ты...

- Конечно, получилось, - соглашается другой. - Когда страж выбрал меня, я понял, что это к лучшему, потому что ты и сам сможешь убежать.

- Минуточку, - перебивает первый. - Уж не хочешь ли ты сказать, что, несмотря на наши старания, страж выбрал француза?

- Да, - отвечает второй. - Но это не имело никакого значения. Если бы выпустили слесаря, он бы вернулся и помог спастись профессору, а если бы на свободе оказался профессор, слесарь сам смог бы бежать. Нам не было нужды меняться местами.

Первый пристально смотрит на товарища.

- Мне кажется, ты пытаешься украсть мою принадлежность к французской нации!

- Зачем мне это нужно? - спрашивает второй.

- Потому что ты хочешь быть французом, подобно мне. И понятно - вон виднеется Париж, где лучше быть французом, а не немцем.

- Конечно, я хочу быть французом! - восклицает второй. - Потому что я и есть француз. А город этот - Лимож, а не Париж.

Первый мужчина немного выше среднего роста, темноволосый, со светлыми усами, хорошей кожей, худощавый. Другой мужчина ниже среднего роста, со светлыми волосами, с черными усами, нездоровой кожей, склонен к полноте.

Они смотрят друг другу в глаза и видят в них искренность. Если никто не врет, то один заблуждается.

- Если никто не врет, - говорит первый мужчина, - то один из нас заблуждается.

- Согласен, - отвечает другой. - А так как мы оба честные люди, нам надо лишь проследить этапы изменения внешности. Если мы сделаем это, то придем к началу, когда один был небольшого роста, светловолосым немцем, а второй - высоким брюнетом, французом.

- Да. Однако разве не у француза были светлые волосы и не немец был высок?

- Сомневаюсь, - говорит второй. - Но, возможно, тюремная жизнь

повредила мою память, и я уже не помню, какие черты были у француза, а какие у немца. Тем не менее я полон желания все с тобою обсудить и готов согласится с любыми разумными предложениями.

- Давай. Могут быть у немца светлые волосы?
- Вполне. Надели его еще светлыми усами, это подходит.
- Как насчет кожи?
- Желтая, конечно. В Германии влажный климат.
- Цвет глаз?
- Голубой.
- Толстый или худощавый?
- Естественно, толстый!
- Итак, немец - высокий полный блондин с желтой кожей и голубыми глазами.
- Некоторые детали могут быть неточны, но это мелочи. Теперь припомним, кто из нас так выглядел.

6

На первый взгляд оба мужчины кажутся абсолютно одинаковыми или, по крайней мере, неразличимы. Это обманчивое впечатление. Надо помнить, что различия между ними реальны и независимы от внешности, несмотря на то что являются воображаемыми. Их может воспринять любой человек, и именно они делают одного немцем, а другого - французом.

7

Воспринимать воображаемые различия надо следующим образом. Вы фиксируете в уме оригинальные черты каждого, а затем в обратном порядке проводите все обмены. В конечном итоге вы окажетесь у исходной точки и безошибочно определите, кто - воображаемый немец, а кто - воображаемый француз.

Все очень просто. Другое дело, конечно, зачем вам это надо.

Перевод В.Баканова

Роберт ШЕКЛИ

ЛАБИРИНТ РЕДФЕРНА

Для Чарльза Энджера Редферна это утро было ничем не примечательно.

Если не считать того, что из почтового ящика он извлек два странных письма. Одно было в простом белом конверте, и на мгновение почерк, которым был написан адрес, показался ему знакомым. Из конверта он достал лист, на котором не было ни обращения, ни подписи. Некоторое время он гадал - чей же это почерк? Потом сообразил, что это имитация его собственного. Слегка заинтригованный, но все еще не предчувствуя ничего, кроме скуки, он прочел следующее:

"Большая часть призывов так называемого (и довольно глупо называемого) Лабиринта Редферна несомненно останется без отклика. Ибо, судя по всему, большинству безразлично - выбрать то или иное. Лабиринт Редферна не в состоянии продемонстрировать на выходе более того, что было в него запущено на входе. В данном случае - ничего, кроме обескураживающего бессилия самого Редферна. Есть мнение, что Редферн не способен преодолеть свое собственное безволие и мягкотелость. Он не в состоянии переделать свою собственную, им же ненавидимую рабскую натуру. Он не может избавиться от склонности к уступкам и к подчинению.

По причине такого скандального жизненного банкротства читатель ощущает в себе склонность быть целеустремленно непоследовательным: он благодарен Лабиринту за его ненавязчивую краткость, но в то же время желает еще большей краткости.

Но это быстро проходит, и читатель обнаруживает, что его превалирующим настроением является молчаливое сопротивление желанию вообще хоть что-нибудь ощущать. С чувством глубокого удовлетворения он обнаруживает свою индифферентность. И хотя он не желает ничего помнить о Лабиринте, он и не затрудняет себя усилиями, чтобы забыть.

Читатель противопоставляет скуке Редферна свою скуку, еще более опустошительную; он имитирует редферновскую враждебность и легко превосходит ее. Он даже отказывается признать существование Редферна; а под конец у него появляется уверенность, что он вообще никогда в жизни не имел дела ни с каким Лабиринтом. (Он, конечно, прав; и повторные вхождения в Лабиринт уже не поколеблют его уверенности.)

Этот Лабиринт мог бы быть использован как образцовый монумент скуке, если бы не искажался (так типично для Редферна) одной-единственной

раздражающей идеей, которая гласит:
"ТЕОРЕМА 113. Всем известно, что хаотический Лабиринт-Ловушка управляет своими жертвами с помощью железных законов; но лишь немногие сознают, что из этого следует логический вывод: Лабиринт-Ловушка сам является одной из таких жертв и, следовательно, сам попадает под действие своих тягостно-занудливых законов".

Редферн сам не формулирует этих "законов" - ляпсус, который можно было бы предвидеть. Но один из них легко можно вывести из кажущегося на первый взгляд бессмысленным утверждения:

"ЛЕММА 282. Провидение, какой бы внешний облик оно ни принимало, неизбежно милосердно".

Итак, следуя Редферну: Лабиринт-Ловушка управляет человеком-жертвой, но Провидение управляет им самим. Это вытекает из закона, согласно которому Лабиринт-Ловушка (как и все остальное, кроме Провидения) является зависимым. Закон гласит, что Лабиринт-Ловушка должен выдавать, проявлять свою сущность - ОН ОБЯЗАН БЫТЬ ПОЗНАВАЕМЫМ. Доказательством этого является тот факт, что Редферн, самый мягкий и несамостоятельный из людей, это знает.

Но теперь мы хотим знать, какими законами управляется Лабиринт-Ловушка? КАКИМ ОБРАЗОМ Лабиринт-Ловушка становится познаваемым? Без знания этого закона мы ничего не можем сделать, и Редферн нам тут не поможет. Он сам не может ничего сказать, а если бы даже и мог, то все равно ничего не сказал бы. Таким образом, для того чтобы получить описание закона, описывающего Лабиринт-Ловушку, его характерные черты и формы вкупе с некоторыми интимными деталями (для облегчения опознания), мы снова обращаемся к ничем в иных слуаях не примечательному Чарльзу Энджеру Редферну".

Редферн отбросил письмо. Его надуманные, туманные двусмысленности наскучили ему. Но эта витиеватая, квазираскованная манера, это общее впечатление мишуры и показухи странным образом оказали на него и успокаивающее действие. Такое в чем-то приятное ощущение испытывает человек, дознавшийся, что то, что он почитал за подлинное, оказалось подделкой. Он потянулся за вторым письмом.

Конверт был неестественно длинным и узким; он был скучного

больнично-голубого цвета, и от него исходил слабый, но безошибочно узнаваемый запах йодоформа. Его имя, выведенное выцветшими печатными буквами, подделывавшимися под машинопись, было указано правильно. Адрес же - бульвар Брукнера, 132 - неверен. Он был зачеркнут, и на нарисованной имитации почтового штемпеля можно было прочесть: "Вернуть отправителю". (Обратного адреса на конверте не было.) Это тоже, в свою очередь, было перечеркнуто черной жирной линией, а ниже кто-то дописал: "Попробуйте 12-ю стрит, 137-В".

Это был его правильный адрес.

Редферн подумал, что все эти детали уже излишни; казалось, что им самое место на имитации письма внутри конверта. Он извлек письмо из конверта. Оно (несомненно из экономии) было написано на клочке коричневой оберточной бумаги. Он прочел:

"ПРИВЕТ! Вас выбрали как одного из тех действительно современных и проницательных людей, для которых новизна ощущений на шкале внутренних ценностей превышает боязнь возможного риска и чье желание необычного сдерживается лишь прирожденным вкусом к тому самому сорту непредубежденных искателей приключений, с которыми мы хотели бы дружить.

Вследствие этого мы пользуемся случаем, чтобы пригласить Вас на ГРАНДИОЗНОЕ ОТКРЫТИЕ нашего ЛАБИРИНТА!!!

Излишне говорить, что этот Лабиринт (единственный в своем роде на всем Восточном Побережье) насыщен острыми ощущениями. На наших кривых вы не встретите ничего прямолинейного!!! Этот Лабиринт делает описания убогими, а желания - инфантильными.

Пожалуйста, свяжитесь с нами, и мы организуем место и время Вхождения, где и когда Вам будет удобно.

Наша единственная забота - это всего лишь жизнь, свобода и погоня за счастьем.

Свяжись с нами как можно скорее, слышишь? ПРЕМНОГО БЛАГОДАРНЫ, ПАРЯ!!!!!"

Вместо подписи был указан номер телефона. Редферн скорбно помахал письмом в воздухе. Это, несомненно, работа одного знакомого сверхретивого английского майора - утомительная ипохондрия и ужасающее остроумие.

Автор письма пытался разыграть его; поэтому Редферн, совершенно естественно, решил сделать вид, будто попался на розыгрыш. Он набрал указанный в письме номер телефона.

Ему ответил голос, который мог принадлежать женщине средних лет.
Голос казался раздраженным, но смирившимся с судьбой.

- Институт исследований поведения Редферна.

Редферн нахмурился, прокашлялся и сказал:

- Я насчет Лабиринта.

- Насчет ЧЕГО? - спросила женщина.

- Лабиринта.

- Вы какой номер набираете?

Редферн сказал. Женщина согласилась, что это номер Редферновского института, но она ничего не знала про Лабиринт. Если, конечно, он не имеет в виду известные Л-серии лабиринтов, которые используются в экспериментах с крысами. Лабиринта Л-серии, сказала она, изготавливаются в различных модификациях и стоят в зависимости от площади в квадратных футах. Серия начинается с Л-1001, простого двоичного лабиринта с принудительным выбором, площадью в 25 квадратных футов, и кончается Л-1023 - моделью со случайной селекцией и многовариантным выбором, площадью 900 квадратных футов и с приспособлениями для демонстрации на большую аудиторию.

- Нет, - сказал Редферн, - боюсь, что это не вполне то, что я имел в виду.

- Тогда что же вы имели в виду? - спросила женщина. - Мы также строим лабиринты по заказу, как указано на желтых страницах нашего проспекта.

- Но я не прошу, чтобы вы СТРОИЛИ лабиринт для меня, - сказал Редферн. - Видите ли, согласно письму, которое я получил, этот Лабиринт уже существует, и он достаточно велик, так что подходит и для людей, для хомо, так сказать, сапиенс.

- И это именно то, что вы имели в виду? - с глубоким подозрением спросила женщина.

Редферн обнаружил, что оправдывается:

- Это все письмо, что я получил. Меня пригласили на грандиозное открытие Лабиринта, и там был ваш телефон, по которому мне надо было получить дальнейшие инструкции.

- Послушайте, мистер, - женщина зло прервала его лепет. - Не знаю, может быть, вы просто шизик, или все это какая-то дурацкая шутка или еще что, а только Редферновский институт - респектабельная фирма, существующая уже тридцать пять лет, и если вы будете надоедать мне с вашим вздором, то я потребую определить номер вашего телефона и вы понесете наказание по всей строгости закона!

Она бросила трубку.

Редферн опустился в кресло. Его руки дрожали. Пытаясь раскрыть суть первичной мистификации-ловушки, он задумал и попробовал применить контр-мистификацию и в результате влип во вторичную, или вспомогательную, ловушку. Экая нелепость! Он чувствовал себя последним идиотом.

Вдруг ему пришла в голову одна мысль. Он открыл манхэттенский телефонный справочник и попытался найти в нем Исследовательский институт изучения поведения Редферна. Как и следовало ожидать, в списке абонентов такого не оказалось.

Он позвонил в справочную и запросил список изменений, затем дополнительный и расширенный списки. Наконец, дойдя до желтых страниц, он стал проглядывать по алфавиту: Лабиринты, Ловушки, Исследования бихевиористские, Научное оборудование и Лабораторное оборудование. Не было там никакого Редферна и никакой фирмы, специализирующейся на конструировании Лабиринтов.

Он сообразил, что после прохождения вторичной ловушки он теперь вполне закономерно попал в третичную и что, скорее всего, серия на этом не заканчивается.

Но, конечно, это был не розыгрыш. Слишком много доказательств противного накопилось к этому моменту. Трюк с розыгрышем фактически был частью самого Лабиринта - маленькая петля, очень быстро возвращающаяся к исходной точке, к точке входа в Лабиринт. Или же к точке, СИЛЬНО НАПОМИНАЮЩЕЙ ИСХОДНУЮ.

Одним из основных свойств Лабиринта является удвоение, дублирование, повторы. И этот прием несомненно был использован: открыто - путем упоминания имени Редферна в обоих письмах и имитацией его почерка; косвенно - путем использования нудных противоречий в каждом предложении.

Описание закона Ловушки-Лабиринта (который, как утверждалось, он одновременно знал и не знал) было достаточно простым. Это могло быть только описанием его собственных, касающихся Лабиринта-Ловушки эмоций; эти надуманные, туманные двусмысленности наскучили ему. Эта витиеватая, квазирасковaнная манера, это общее впечатление мишуры и показухи странным образом оказали на него успокаивающее действие. Такое приятное ощущение испытывает человек, дознавшийся, что то, что он почитал за подлинное, оказалось подделкой.

Таким образом, он теперь видел, что первое письмо в действительности было Лабиринтом - этим рабским, бесконечно удваивающимся монументом скуке, чье совершенство портила только одна немаловажная деталь - его собственное существование. Второе письмо было необходимым дубликатом первого, оно было нужно для того, чтобы удовлетворялись требования закона Лабиринта.

Конечно, возможны были и другие точки зрения; но тут Редферну пришла в голову мысль, что, возможно, он все это когда-то уже обдумывал.

Перевод Е.Дрозда

Роберт ШЕКЛИ

ПА-ДЕ-ТРУА ШЕФ-ПОВАРА, ОФИЦИАНТА И КЛИЕНТА

Повар

События, о которых я хочу вам рассказать, произошли несколько лет назад, когда я открыл лучший на Балеарских островах индонезийский ресторан.

Я открыл ресторан в Санта-Эуалалии-дель-Рио - небольшом городке на острове Ивиса. В то время в главном городе острова уже был индонезийский ресторан, и еще один - в Пальме. Но все в один голос твердили, что мой, безусловно, лучший.

Несмотря на это, нельзя сказать, что дела шли блестяще.

Санта-Эулалия - крохотное местечко, сюда приезжают отдыхать писатели и художники. Это люди весьма бедные, но они вполне могли позволить себе рийстафель. Так почему бы им не бывать у меня чаще? Уж явно не из-за конкуренции ресторана Хуанито или той забегаловки, что в Са-Пунте. Отдавая должное омарам в майонезе у Хуанито и паэлье в Са-Пунте, хочу тем не менее отметить, что эти блюда в подметки не годились моим самбала, соте из курицы и особенно свинине в соевом соусе.

Думаю, что причиной всему - эмоциональность и темперамент людей искусства, которым необходимо время, чтобы привыкнуть к новому. В частности, к новому ресторану.

Я сам такой. Вот уже много лет пытаюсь стать художником. Именно поэтому, между прочим, я открыл ресторан в Санта-Эулалии.

Арендная плата была невысока, готовил я сам, а подавал клиентам один

местный паренек, он же менял пластинки на проигрывателе и мыл посуду. Платил я ему мало, но лишь потому, что больше не мог. Это был чудо-парень: работящий, всегда опрятный и бодрый. Если ему хоть немного повезет, он непременно станет губернатором Балеарских островов.

Итак, у меня был ресторан "Зеленый фонарик", был официант, а вскоре появился и постоянный клиент.

Я так и не узнал его имени. Американец - высокий, худой, молчаливый, с черными как смоль волосами, лет тридцати или сорока. Он приходил каждый вечер ровно в девять, заказывал рийстафель, ел, платил, оставлял десять процентов чаевых и уходил.

Признаюсь, что насчет постоянного клиента я слегка преувеличил, так как по воскресеньям он ел паэлью в Са-Пунте, а по вторникам - омаров в майонезе у Хуанито. Но почему бы и нет? Я сам иногда обедал у них. Остальные пять вечеров сидел у меня, чаще всего в одиночестве, редко - с женщиной, порой - с другом.

Честно говоря, я мог бы прожить в Санта-Эулалии, имея одного этого клиента. Не на очень широкую ногу, но мог. Тогда все было очень дешево.

Разумеется, оказавшись в такой ситуации, когда более или менее зависишь от одного посетителя, начинаешь относиться к нему с особым вниманием.

Я жаждал угодить ему и стал изучать его вкусы и пристрастия. Постоянному клиенту я подавал особый рийстафель - на тринадцати тарелках. Стоило это триста песет - по тем временам около пяти долларов. Рийстафель - значит "рисовый стол". Это голландский вариант индонезийской кухни. На центральное блюдо выкладывается рис и поливается саджором - овощным соусом. Затем вокруг сервируются такие блюда, как говядина-кэрри, "сате-баби" - свинина в ореховом соусе, жареная на вертеле, и "самбал-уданг" - печенка в соусе "чили". Все это дорогие яства, потому что в основе их - мясо. Кроме того, подаются самбал с говядиной, "перкадель" - яйца с мясной подливкой и различные овощные и фруктовые блюда. Ну и, наконец, арахис, креветки, кокосовый орех, жареный картофель и тому подобное.

Все подается в маленьких овальных мисочках и производит впечатление целого вагона еды.

Мой клиент обычно ел с хорошим аппетитом и приканчивал восемь или десять блюд плюс половину риса - отличный результат для любого лица неголландского происхождения.

Увы, меня это уже не удовлетворяло. Я заметил, что клиент никогда не есть печенку, поэтому "самбал-уданг" пришлось заменить на "самбал-ати" - тот же самбал, только с креветками. Креветки клиент поглощал с особым удовольствием, особенно когда я не жалел его любимой ореховой подливки.

Спустя некоторое время он стал прибавлять в весе.

Это воодушевило меня. Я удвоил порции картофельных палочек и мясных шариков. Американец стал есть как истинный голландец. Он быстро полнел.

Через два месяца в нем было фунтов десять или двадцать лишнего веса. Меня это не беспокоило, я стремился превратить клиента в раба моей кухни. Я купил глубокие миски и подавал теперь удвоенные порции. Я заменил "сате-баби" на "баба-траси" - свинину в креветочном соусе, так как к арахисовой подливке клиент теперь не притрагивался.

На третий месяц он перешел границу тучности - в основном из-за риса и острого соуса. А я стоял у плиты, как органист за пультом органа, и играл на его вкусовых сосочках. Он склонял над мисками свое круглое и блестящее от пота лицо, а Пабло крутился рядом, меняя блюда и пластинки на проигрывателе.

Да, теперь стало ясно: этот человек полюбил мою кухню. Его ахиллесова пята находилась в желудке, если так можно выразиться. Этот американец до встречи со мной прожил тридцать или сорок лет на белом свете и остался худым. Но откуда берется худоба? Я думаю, причина - в отсутствии еды, отвечающей вкусу данного индивидуума.

Я выработал теорию, согласно которой большинство худых людей - потенциальные толстяки, просто не нашедшие своей потенциальной пищи. Я знавал одного тощего немца, который прибавил в весе, когда вел монтаж оборудования в Мадрасе и столкнулся с совершенно новыми для себя юго-восточными яствами. И еще одного прожорливого мексиканца-гитариста, игравшего в лондонском клубе: он утверждал, что полнеет только в своем родном городе - Морелии; причем во всей центральной Мексике любая другая пища на него вовсе не действовала, а вот в Оахаке, как бы ни были превосходны блюда, он неизменно худел. И знал англичанина, который большую

часть жизни провел в Китае. Так вот, он заверял меня, что не может жить без сычуаньской пищи, что кантонская или шанхайская кухни его совершенно не удовлетворяют и что различия между кухнями в разных провинциях Китая гораздо больше, чем в Европе. Этот мой знакомый жил в Ницце, вкушал провансальские блюда разнообразя их красным соевым творогом, соусом "амой" и бог весть еще чем. И жаловался мне, что у него собачья жизнь!

Как видите, поведение моего американца вполне объяснимо. Он, совершенно очевидно, относился к числу людей, не нашедших своей пищи. И теперь, поедая рийстафель, наверстывал упущенное за тридцать или сорок предыдущих лет.

Истинный повар должен чувствовать ответственность за своего клиента. В конце концов повар - тот же кукловод: он манипулирует клиентами, как марионетками, играя на их вкусовых пристрастиях.

Но я-то не истинный повар, я простой итальянец с необъяснимым пристрастием к рийстафелю. Самое горячее мое желание - стать художником.

Я продолжал пичкать клиента рисом. Теперь мне казалось, что этот человек полностью в моей власти. Бывало, ночами я просыпался в холодном поту: мне снилось, что он поднимает расплывшееся лунообразное лицо и говорит: "Вашему "самбал-удангу" не хватает пикантности. Дурак я был, что ел у вас! Наши отношения кончены".

И я безрассудно увеличивал порции, заменил вареный рис на жареный в масле с шафраном и добавил цыпленка в соусе "чили" с арахисом.

Мне казалось, что мы оба - я у плиты, а он за столом - пребывали в каком-то бредовом состоянии. Он чудовищно раздался - этакая колбаса, а не человек, - каждый лишний фунт его веса служил доказательством моей власти.

А затем внезапно наступил конец.

Я как раз приготовил деликатес - "самбал-ати" - чистое безумие с моей стороны, если учесть вздувшиеся цены.

Но американец не пришел, хотя я задержал закрытие на два часа.

И на следующий вечер он не пришел.

На третий - тоже.

На четвертый день он вошел, неуклюже переваливаясь, и сел за столик.

Ни разу за все время я не заговаривал со своим клиентом. Но в тот вечер я осмелился подойти, слегка поклонился и вежливо сказал:

- Вы пропустили несколько вечеров, майн херц.

- Да, к сожалению, я не мог прийти, - ответил он.

- Надеюсь, ничего страшного?

- Нет, просто легкий сердечный приступ. Но доктор советовал отлежаться.

Я поклонился. Пабло ждал от меня указаний. Американец заправил за воротник гигантскую красную салфетку, купленную специально для него.

Только сейчас я наконец осознал, о чем должен был давно задуматься: я убиваю этого человека!

Я взглянул на горшки с мясом, на блюда с гарнирами, на горы риса и острых приправ. Это были орудия медленной смерти.

И я закричал:

- Ресторан закрыт!

- Но почему? - изумился клиент.

- Мясо подгорело, - ответил я.

- Тогда подайте мне рийстафель без мяса, - сказал он.

- Это невозможно, - возразил я. Рийстафель без мяса - не рийстафель.

В глазах клиента появилась тревога.

- Ну так приготовьте омлет - и положите побольше масла.

- Я не готовлю омлеты.

- Тогда свиную котлету - и пожирнее. Или, на худой конец, просто горшочек жареного риса.

- Майн херц, кажется, не понимает, - сказал я. - Я подаю исключительно рийстафель и делаю его по всем правилам - или вообще ничего не готовлю.

- Но я голоден! - воскликнул клиент плаксивым голосом.

- Можете полакомиться омарами в майонезе у Хуанито или паэльей в Са-Пунте. Вам не привыкать, - добавил я, не в силах удержаться от сарказма.

- Я не хочу! - закричал он, едва не рыдая. - Я прошу рийстафель!

- Тогда езжайте в Амстердам! - заорал я, сбросил горшки на пол и выбежал из ресторана.

Я сложил вещи и незамедлительно уехал на Ивису, в самый раз успел на ночной теплоход в Барселону, а оттуда вылетел в Рим.

Согласен, я был груб с клиентом. Но - в силу необходимости. Надо было сразу пресечь его прожорливость. И мою собственную беспечность.

Мои дальнейшие странствия не имеют отношения к этой истории. Добавлю лишь, что на греческом острове Кос я держу лучший ресторан. Я составляю рийстафель с математической точностью и ни грамма не прибавляю даже постоянным клиентам. Никакие сокровища меня не заставят увеличить порцию или дать добавку.

Я часто думаю: что стало с тем американцем и Пабло, плату которому я выслал из Рима?

Я все еще пытаюсь стать художником.

Официант

Эти события произошли несколько лет назад, когда я работал официантом

в индонезийском ресторанчике в Санта-Эулалии-дель-Рио на Ивисе, одном из Балеарских островов.

Я был еще мальчишкой, мне не исполнилось и весемнадцати. На Ивису я попал в составе команды французской яхты. Капитана уличили в контрабанде, судно конфисковали. Так я остался на Ивисе и переехал в Санта-Эулалию. Сам я родом с Мальты и обладаю природными способностями к языкам. Жители местечка считали, что я из Андалузии, а иностранная колония принимала за местного.

Поначалу я вовсе не собирался долго задерживаться в ресторане голландца. Слишком уж мизерное жалованье он платил.

Но вдруг я обратил внимание на его пластинки.

У голландца оказалось прекрасное собрание джазовой музыки.

В ресторане был неплохой проигрыватель, усилитель и колонки, по тем временам - превосходная техника.

Голландец совершенно не разбирался в музыке, даже вовсе не обращал нее внимания, полагая джаз некоей обеденной атрибутикой - вроде свечей в серебряных подсвечниках.

Но я, Антонио Варга (он звал меня Пабло), страстно любил музыку. Еще в детстве я научился играть на трубе, гитаре и пианино. Чего мне не хватало - так это глубокого и тонкого знания джазовых форм.

Я пошел в услужение к голландцу, чтобы получить возможность постоянно слушать пластинки, изучать американские идиомы и готовить себя к жизни музыканта. Он мог бы мне совсем ничего не платить - хватило бы одного Луи Армстронга.

Я привел пластинки в порядок, расставил их по системе, заставил хозяина заказать в Барселоне головку с алмазной иглой, переместил колонки, чтобы избежать искажений, и сам составил несколько отличных джазовых программ.

Чаще всего я начинал с "Мрачного настроения" в исполнении оркестра Дюка Эллингтона, затем переходил к Стену Кентону и, чтобы разрядить обстановку, заканчивал "Прощальным блюзом" Эллы Фицджеральд.

Скоро я обратил внимание, что вся аудитория состоит из одного-единственного человека, не считая меня и голландца.

Да, у меня появился слушатель - высокий, худой, молчаливый британец, явный поклонник джаза.

Я заметил, что он ест в соответствии с музыкой - медленно и меланхолично, если я ставил "Не надо грустить", отрывисто и быстро, когда

звучал "Караван".

Более того, в зависимости от выбираемой мной музыки явно менялось его настроение. Эллингтон и Кентон возбуждали его: он жевал яростно, отбивая левой рукой такт. Чарли Барнет действовал расслабляюще, я бы даже сказал, угнетающе - каким бы ни был темп вещи, британец ел медленно, поджав губы и нахмурив брови.

Если вы фанатичный меломан и, так же как я, истинный музыкант в душе, вы поймете завладевшее мной стремление пленить единственного слушателя.

Сперва я прошелся по Эллингтону и Кентону, потому что все еще был уверен в себе. Мне так и не удалось приучить британца к монументальным фантазиям Чарли Паркера, а Барнет просто действовал ему на нервы. Но я привил ему любовь к Луи Армстронгу, Элле Фицджеральд, Эрлу Хейнсу и "Современному джаз-квартету". Я совершенно точно определил музыкальный вкус британца и составлял программу на вечер специально для него.

Британец был самозабвенным слушателем. Но за музыку, увы, ему приходилось расплачиваться: изо дня в день он вынужден был давиться рийстафелем голландца - жуткой мешаниной из тушеного по-всякому мяса, чрезмерно острого и однообразно политого соусом "чили". Отвертеться было невозможно: голландец не любил, чтобы люди торчали в ресторане, не сделав заказ. Стоило вам войти - и он тут же совал меню, а как только вы доедали последнее блюдо - выкладывал на стол счет. Может быть, подобное обслуживание принято в Амстердаме, но в Испании такого не примлют. Иностранной колонии в Санта-Эулалии, проникнутой испанским духом больше, чем сами испанцы, это не нравилось. Таким образом, из-за своей грубости и жадности голландец мог положиться только на одного постоянного клиента - на англичанина, который в действительности-то приходил слушать музыку!

Немного погодя я заметил, что мой слушатель стал прибавлять в весе. Поразительно, какое влияние может оказывать джаз! Была здесь и моя скромная заслуга - ведь программы, которые я составлял, помогали поклоннику музыки справляться с тяжелым немузыкальным рийстафелем.

Я был тогда молод и беспечен. Я со страстью стремился покорить этого человека, подчинить его Армстронгу и себе.

Англичанин полнен. Мне следовало бы ставить что-нибудь строгое и аскетичное, вроде Бейдербека или прочих формалистов диксиленда. Они,

правда, были не в его вкусе, но непременно оказали бы сдерживающее воздействие. Однако я бесстыдно потакал его желаниям.

Однажды вечером в качестве музыкальной шутки я поставил миллеровскую "Нитку жемчуга" - милую непритязательную мелодию. И сразу увидел, что англичанину нравится "свинг".

Конечно, мне бы просто оставить это без внимания. Британец явно обладал талантом слушателя, но он был музыкально не образован. Я должен был обучить его, показать то великое, на что способна музыка, однако вместо этого я потворствовал его сентиментальности: ставил Гленна Миллера, Томми Дорси, Гарри Джеймса. Я немного приходил в себя, слушая Бенни Гудмена, и тут же падал на самое дно, беззастенчиво крутя Вэна Мунро.

Это ужасно - иметь такую власть над человеком. Месяца через два я мог вертеть своим слушателем с такой же легкостью, с какой крутил пластинки.

Хозяин ресторана тщеславно считал, что клиента привлекают его яства. На самом деле это я заставлял его есть.

Иногда, когда я ставил "Поезд" или, например, "Блюз на улице Бил", англичанин мрачнел и раздраженно откладывал вилку. Тогда я быстро переключался на "Нитку жемчуга", или "Грустный вечер" Гленна Миллера, или "Розовый коктейль для скучающей леди". А то взбадривал англичанина Гарри Джеймсом или Томми Дорси.

Подобная музыка действовала на него как наркотик. Покачивая в такт головой, со слезами на глазах он брался за столовую ложку. А я продолжал вертеть им, не задумываясь, куда это приведет.

Однажды британец не явился в ресторан.

Не было его и на следующий вечер, и в течение еще нескольких дней.

Наконец он пришел, и хозяин - опасаясь, понятно, за свой основной источник дохода - осведомился о здоровье британца.

Тот ответил, что у него было обострение язвы, но сейчас все хорошо.

Хозяин кивнул и отправился стряпать свою дьявольскую еду.

Англичанин взглянул в мою сторону и впервые обратился персонально ко мне (помню, Стен Кентон наигрывал "Вниз по Аламо"):

- Простите, пожалуйста, не будете ли вы так добры поставить "Луну над Майами" Вэна Мунро?

- Конечно, с удовольствием, - ответил я и подошел к проигрывателю. Снял пластинку Кентона. Достал Мунро. И в этот миг понял, что убиваю, буквально убиваю британца.

Он превратился в музыкального наркомана и жить не мог без пластинок. Но слушал их только здесь, обжираясь рисом и самбалом, которые разъедали

слизистую его желудка.

- Никакого Вэна Мунро! - крикнул я.

Британец пораженно замигал заплывшими глазами. Из кухни вышел хозяин, удивленный, что я повысил голос.

- Может быть, Гленн Миллер?.. - промямлил англичанин.

- Ни за что!

- Томми Дорси?

- Исключено.

Несчастный затрясся, челюсти его задрожали.

- Ну хоть Дюк Эллингтон! - взмолился он.

- Нет!

- Пабло, ты ведь любишь Дюка Эллингтона! - воскликнул хозяин.

- Поставьте Бейдербека или хотя бы "Современный джаз-квартет"! Что-нибудь!!!

- С вас достаточно, - сказал я британцу. - Концерт окончен.

И со страшной силой грохнул кулаком по усилителю. Внутри зазвенели, разбиваясь, лампы.

Клиент с хозяином лишились дара речи.

Я вышел, даже не потребовав плату за две недели, на попутных добрался до Ивисы, а там сел на теплоход до Марселя.

Теперь я довольно известный саксофонист. Меня можно услышать каждый вечер, кроме воскресенья, в клубе на улице Ашетт в Париже. Мною восхищаются, слушатели ценят классическую ясность и чистоту формы и уважают как приверженца диксиленда.

И все же на моей совести остался грех - тот самый несчастный англичанин. Я искренне сожалею о случившемся.

И часто задумываюсь: что же случилось с моим хозяином и постоянным клиентом?

Клиент

Я взял грех на душу много лет назад в маленьком испанском городке Санта-Эулалия-дель-Рио; до сих пор не признавался в этом ни одной живой душе.

Я отправился в Санта-Эулалию, чтобы написать книгу. Со мной поехала жена. Детей у нас не было.

Во время моего пребывания там какой-то финн или скорее мадьяр открыл ресторанчик, где подавали рийстафель. Сие событие с одобрением встретила вся иностранная колония. До тех пор мы выбирали между омарами в майонезе у Хуанито и паэльей в Са-Пунте. Готовили и там и там отлично, но ведь даже самые изысканные яства рано или поздно приедаются.

Многие из нас стали столоваться у финна, где всегда царила какая-то

живая атмосфера. Добавьте к этому, что у венгра была замечательная коллекция пластинок. Такое место не могло не пользоваться успехом.

Моя жена была замечательная женщина, но готовила она из рук вон плохо. Я обедал у мадьяра пять раз в неделю и стал одним из его постоянных клиентов. Через некоторое время я обратил внимание на официанта.

Молодой, лет шестнадцати или семнадцати, он, по-моему, был индонезийцем - оливковая кожа, иссиня-черные брови и волосы. Сущее удовольствие было смотреть, как он - гибкий, изящный, быстрый - носится вокруг, подавая блюда и меняя пластинки. Я любовался юношей, как любуются греческой скульптурой или статуями Микеланджело, и получал от этого, невинного в сущности, занятия эстетическое наслаждение. Кроме того, индонезиец отлично вписывался в повесть, над которой я в то время мучился: такого героя я долго и безуспешно искал.

Я проводил в ресторане все вечера и сидел допоздна. Повар подавал мне гигантские порции, и я ел, благодарный, что могу задержаться.

Жена моя к тому времени вернулась в Соединенные Штаты.

Естественно, я полнел от этого. Кто в состоянии съедать каждый вечер три фунта риса с мясом и не полнеть? Увлеченный созерцанием юношеской красоты, переполненный мыслями о будущей книге, я забросил друзей и перестал следить за своей внешностью. Каждый вечер, когда я выходил из ресторана, живот мой стонал, переваривая чрезмерно острую пищу. Я ложился в постель, думая о чувстве прекрасного, о литературе и с нетерпением ждал следующего вечера.

Не знаю, сколько это могло продолжаться и куда могло меня завести. Я терял свою застенчивость, терял гордость. И тут я кое-что заметил.

Я понял, что я остался единственным клиентом ресторана, и глубоко задумался. Пускай я растерял всех друзей и знакомых - но почему они перестали обедать в этом ресторане? Все было без изменений - еда, музыка... Все, кроме меня.

Как-то раз, расправляясь с очередной порцией самбала, я вдруг необыкновенно отчетливо осознал, как чудовищно растолстел. Я взглянул на себя со стороны и увидел... отвратительного типа, от одного вида которого воротит с души. Никто не захочет есть с ним в одной компании.

И тут до меня дошло: именно я причина того, что венгр растерял всех своих клиентов. Какой нормальный человек станет любоваться мной? А ведь я

просиживал там все вечера.

Либо подобное озарение должно немедленно привести к действию, либо я навсегда потеряю уважение к себе.

Я с грохотом отодвинул стул и поднялся - нельзя сказать, что с легкостью. Повар и официант озадаченно глядели, как я, переваливаясь, направляюсь к двери.

Повар закричал:

- Я плохо приготовил?!

- Дело не в еде.

Юноша потупился:

- Должно быть, я обидел вас, поставив скверную пластинку?

- Наоборот, - ответил я. - Вы радовали меня чрезвычайно. Я сам оскорбил вас сверх всякой меры.

Они не поняли.

Повар воскликнул:

- Может, попробуете свининки? Свежая, с пылу, с жару!

Юноша сказал:

- Есть новая пластинка Армстронга, вы ее еще не слышали.

Я остановился в дверях.

- Благодарю вас обоих. Вы добрые люди. Но мне лучше уйти.

Я вернулся домой, сложил чемодан, вызвал такси и поздно вечером вылетел с Ивисы в Барселону.

Много лет прошло с тех пор. Я живу сейчас в Сан-Мигеле-де-Альенде, в Мексике, с новой женой и двумя детьми.

Я часто думаю, как сложились судьбы повара и официанта. Насколько я понимаю, они должны процветать в Санта-Эулалии. При условии, конечно, что мое безобразное поведение не погубило репутацию ресторана.

Если так, чрезвычайно об этом сожалею.

Я все еще пытаюсь стать писателем.

Перевод В.Баканова

Роберт ШЕКЛИ

ТЕПЛО

Андерс, не раздевшись, лежал на постели, скинув лишь туфли и освободившись от черного тугого галстука. Он размышлял, немного волнуясь при мысли о предстоящем вечере. Через двадцать минут ему предстояло разбудить Джуди в ее квартирке. Вроде бы ничего особенного, но все оказалось не так просто.

Он только что открыл для себя, что влюблен в нее.

Что ж, он скажет ей об этом. Сегодняшний вечер запомнится им обоим.

Он, конечно, сделает ей предложение, будут поцелуи, и на лбу его, фигурально выражаясь, будет оттиснута печать их брачного соглашения.

Он скептически усмехнулся. Поистине, от любви лучше держаться в стороне - спокойнее будет. Отчего она вдруг вспыхнула, его любовь? От взгляда, прикосновения, мысли? Как бы там ни было, для ее пробуждения достаточно и пустяка. Он широко зевнул и с наслаждением потянулся.

- Помоги мне! - раздался чей-то голос.

От неожиданности зевок прервался в самый сладостный его момент; мышцы непроизвольно напряглись. Андерс сел, настороженно вслушиваясь в тишину спальни, затем усмехнулся и улегся снова.

- Ты должен помочь мне! - настойчиво повторил голос.

Андерс снова сел и, опустив ноги на пол, стал обуваться, с подчеркнутым вниманием завязывая шнурки на одной из своих элегантных туфель.

- Ты слышишь меня? - спросил голос. - Ты ведь слышишь, не правда ли?

Разумеется, он слышал.

- Да, - отозвался Андерс, все еще в хорошем расположении духа. - Только не говори мне, что ты - моя нечистая совесть, укоряющая меня за ту давнюю вредную привычку детства, над которой я никогда не задумывался. Полагаю, ты хочешь, чтобы я ушел в монастырь.

- Не понимаю, о чем ты, - произнес голос. - Ничья я не совесть. Я - это я. Ты поможешь мне?

Андерс верил в голоса, как все, то есть вообще не верил в них, пока не услышал. Он быстро перебрал в уме все вероятные причины подобного явления - когда людям слышатся голоса - и остановился на шизофрении. Пожалуй, с такой точкой зрения согласились бы и его коллеги. Но Андерс, как ни странно, полностью доверял своему психическому здоровью. В таком случае...

- Кто ты? - спросил он.

- Я не знаю, - ответил голос.

Андерс вдруг осознал, что голос звучит в его собственной голове. Очень подозрительно.

- Итак, тебе неизвестно, кто ты, - заявил Андерс. - Прекрасно. Тогда где ты?

- Тоже не знаю. - Голос немного помедлил. - Послушай, я понимаю, какой чепухой должны казаться мои слова. Я нахожусь в каком-то очень странном месте, поверь мне - словно в преддверии ада. Я не знаю, как сюда попал и кто я, но я безумно желаю выбраться. Ты поможешь мне?

Все еще внутренне протестуя против звучащего в голове голоса, Андерс понимал тем не менее, что следующий его шаг будет решающим. Он был вынужден признать свой рассудок либо здравым, либо нет.

Он признал его здравым.

- Хорошо, - сказал Андерс, зашнуровывая вторую туфлю. - Допустим, что ты - некая личность, которую угораздило попасть в беду, и ты установил со мной что-то вроде телепатической связи. Что еще ты мог бы сообщить мне о себе?

- Боюсь, что ничего, - произнес голос с невыразимой печалью. - Тебе придется самому выяснить.

- С кем еще, кроме меня, ты можешь вступить в контакт?

- Ни с кем.

- Тогда как же ты разговариваешь со мной?

- Не знаю.

Андерс подошел к зеркалу, стоящему на комоде, и, тихонько посвистывая, завязал черный галстук. Он решил не придавать особого значения всяким внутренним голосам. Теперь, когда Андерс знал, что влюблен, он не мог позволить таким пустякам, как голоса, вмешиваться в его жизнь.

- Сожалею, но я ума не приложу, каким образом помочь тебе, - сказал Андерс, снимая с куртки ворсинку. - Ты ведь понятия не имеешь, где сейчас находишься, нет даже приблизительных ориентиров. Как я смогу тебя разыскать? - Он оглядел комнату, проверяя, не забыл ли чего.

- Я буду знать это, когда почувствую тебя рядом, - заметил голос. - Ты был теплым только что.

- Только что? - Только что он оглядел комнату - не больше того.

Он повторил свое движение, медленно поворачивая голову. И тогда произошло то, чего он никак не ожидал.

Комната вдруг приобрела странные очертания. Гармония световых тонов, любовно составленная им из нежных пастельных оттенков, превратилась в мешанину красок. Четкие пропорции комнаты внезапно нарушились. Контуры стен, пола и потолка заколыхались и разъехались изломанными, разорванными линиями.

Затем все вернулось в нормальное состояние.

- Уже горячее, - произнес голос.

Озадаченный, Андерс невольно потянулся рукой, чтобы почесать в затылке, но, побоявшись испортить прическу, превозмог свое импульсивное желание. Его не удивило то, что сейчас произошло. Каждый человек хоть раз

в жизни сталкивается с чем-то необычным, после чего его начинают одолевать сомнения насчет нормальности своей психики и собственного существования на этом свете. На короткое мгновение перед его глазами рассыпается слаженный порядок во Вселенной и разрушается основа веры.

Но мгновение проходит.

Андерс помнил, как он, еще мальчиком, проснулся однажды в своей спальне посреди ночи. Как странно все выглядело! Стулья, стол, все предметы, что находились в комнате, утратили привычные пропорции. Во мраке спальни они выросли до невероятных размеров, а потолок, словно в страшном сне, опускался на него, грозя раздавить.

То мгновение тоже прошло.

- Что ж, дружище, - сказал Андерс, - если я снова потеплею, дай мне знать об этом.

- Дам, - прошептал голос в его голове. - Я уверен, что ты отыщешь меня.

- Рад твоей уверенности, - весело откликнулся Андерс. Он выключил свет и вышел из комнаты.

Улыбающаяся Джуди встретила его в дверях. После отдыха она показалась ему еще более привлекательной, чем прежде. Глядя на нее, Андерс ощущал, что и она понимает важность момента. Душа ли ее отозвалась на перемену в нем или она просто ясновидящая? А может, любовь делает его похожим на идиота?

- Рюмочку аперитива? - предложила она.

Он кивнул, и Джуди повела его через комнату к небольшому дивану ядовитой желто-зеленой расцветки. Сев, Андерс решил, что признается ей в своих чувствах, как только она вернется с аперитивом. К чему откладывать неизбежный момент? Влюбленный леминг, сказал он себе с иронией.

- Ты снова теплеешь, - подметил голос.

Он уже почти забыл о своем невидимом друге. Или злом ангеле - смотря как повернется дело. Интересно, что сказала бы Джуди, если бы узнала, что ему слышатся голоса? Подобные пустяки, напомнил он себе, часто охлаждают самые пылкие чувства.

- Пожалуйста, - сказала она, протягивая ему напиток.

Все еще улыбаясь, он отметил, что в ее арсенале появилась улыбка номер два, предназначенная потенциальному поклоннику - возбуждающая и участливая. В ходе развития их взаимоотношений номеру два предшествовала

улыбка номер один - улыбка красивой девушки, улыбка "не-пойми-меня-неправильно", которую полагалось носить при любых жизненных обстоятельствах, пока поклонник наконец не выдавит из себя нужные слова.

- Верно! - одобрил голос. - Весь вопрос в том, как ты смотришь на вещи.

Смотришь на что? Андерс взглянул на Джуди, раздражаясь от собственных мыслей. Если он собирается играть роль возлюбленного, пусть себе играет. Даже сквозь любовный туман, делающий людей слепыми, он мог по достоинству оценить ее серо-голубые глаза, гладкую кожу (если не замечать крохотное пятнышко на левом виске), губы, чуть тронутые помадой.

- Как прошли сегодня занятия? - поинтересовалась она.

Ну конечно, подумалось Андерсу, она непременно должна была спросить об этом. Любовь - всегда политика выжидания.

- Нормально, - ответил он. - Обучал психологии юных мартышек...

- Перестань!

- Теплее, - отметил голос.

Что со мной? - удивился Андерс. Она действительно прелестная девушка. Gestalt [Образ, форма (нем.); совокупность раздражителей, на которые данная система отвечает одной и той же реакцией. (Примеч. пер.)], что и есть Джуди, матрица мыслей, выражений, движений, в совокупности составляющих девушку, которую я...

Я что?

Люблю?

Андерс беспокойно шевельнулся на диванчике. Он не совсем понимал, отчего в нем возникли подобные мысли. Они раздражали его. Склонному к аналитическим рассуждениям молодому преподавателю лучше остаться в классной комнате. Неужели наука не может обождать часов до девяти-десяти утра?

- Я думала о тебе сегодня, - тихо сказала Джуди, и Андерс сразу отметил, что она почувствовала перемену в его настроении.

- Ты видишь? - спросил его голос. - Тебе сейчас гораздо лучше.

Ничего я не вижу, подумал Андерс, но голос, в сущности, был прав. Строгим инспекторским оком он проникал в разум Джуди, и перед ним как на ладони лежали ее движения души, такие же бессмысленные, какой была его комната в проблеске неискаженной мысли.

- Я действительно думала о тебе, - повторила девушка.

- А теперь смотри, - произнес голос.

Андерс, наблюдая за сменяющимся выражением на лице Джуди, вдруг почувствовал, что впадает в какое-то странное состояние. Он вновь обрел

способность обостренно воспринимать явления внешнего мира, как и в момент того ночного кошмара в своей комнате. На этот раз он ощущал себя зрителем, наблюдающим со стороны за работой некоего механизма в лабораторных условиях. Объектом назначения производимой работы был поиск в памяти и фиксация определенного состояния духа. В механизме шел поисковый процесс, вовлекающий в себя вереницу понятийных представлений с целью достижения желаемого результата.

- О, неужели? - спросил он, изумляясь открывшейся перед ним картине.

- Да... Я все спрашивала себя, что ты делал в полдень, - прореагировал сидящий на диване напротив него механизм, слегка расширяя в объеме красиво очерченную грудь.

- Хорошо, - одобрил голос его новое мироощущение.

- Мечтал о тебе, конечно, - ответил он облаченному в кожу скелету, который просвечивал сквозь обобщенную gestalt-Джуди. Обтянутый кожей механизм переместил свои конечности и широко открыл рот, чтобы продемонстрировать удовольствие. В механизме происходил сложный процесс поиска нужной реакции среди комплексов страха, надежд и тревоги, среди обрывков воспоминаний об аналогичных ситуациях и решениях.

И вот этот механизм он любит! Андерс слишком глубоко и ясно видел и ненавидел себя за это. Сквозь призму своего нового мироощущения он на все теперь смотрел новыми глазами, и абсурдность окружающей обстановки поразила его.

- Правда? - спросил его суставчатый скелет.

- Ты приближаешься ко мне, - прошептал голос.

К чему он приближался? К личности? Таковой не существует. Нет ни согласованного взаимодействия частей в целом, ни глубины - ничего, за исключением сплетения внешних реакций, натянутых поперек бессознательных движений внутренних органов.

Он приближался к истине.

- Разумеется, - угрюмо отозвался он.

Механизм заработал, лихорадочно отыскивая нужный ответ.

Андерс содрогнулся от ужаса при мысли о совершенно чуждом ему новом видении мира. Его чувство отвращения к педантизму сошло с него, как кожа с линяющей змеи; зато он приобрел такую не свойственную ему черту характера, как неуживчивость. Что проявится в нем через минуту?

Он проникал зрением в такие глубины, куда, возможно, до сих пор не спускался ни один человек. Осознание необычности происходящего будто

опьяняло его, горяча кровь.
Но нет ли опасности вернуться в нормальное состояние?
- Принести тебе выпить? - осведомился механизм с обратной связью.
К тому времени Андерс был бесконечно далек от любви - насколько это возможно для человека. Постоянное созерцание бездушной машины без всякого намека на половые признаки отнюдь не способствует любви. Зато, правда, стимулирует умственную деятельность наблюдателя.
Андерс уже не хотел прежнего, нормального состояния. Занавес поднимался, и он горел желанием рассмотреть, что происходит там - в глубине сцены.
Один русский ученый - Успенский, кажется - однажды сказал: "Мыслите в иных категорях!"
Как раз то, чем он занимается сейчас и намерен заниматься всегда.
- Прощай, - внезапно проговорил он.
С полуоткрытым от неожиданности ртом машина проводила его взглядом до выхода. Понятно, что замедленная реакция как следствие несовершенства машины сдерживала ее эмоции. Потому она и молчала, пока хлопнула дверца лифта.
- Ты был уже намного теплее там, в доме, - прошелестел голос внутри его головы. - Но ты пока не во всем разобрался.
- Так расскажи мне! - предложил Андерс, слегка удивляясь своему самообладанию. А ведь не прошло и часа, как он перешагнул через пропасть, разделяющую его прежнего и настоящего - с полностью изменившимся мироощущением, что, впрочем, представлялось ему совершенно естественным.
- Не могу, - произнес голос. - Ты должен сам все выяснить.
- Что ж, давай разберемся, - начал Андерс. Он окинул взглядом лес уродливых сооружений из кирпича; ручейки улиц, согласно чьему-то плану пробивающие себе дорогу среди архитектурных нагромождений. - Человеческая жизнь, - сказал Андерс, - состоит из ряда условностей. Когда смотришь на девушку, то следует видеть в ней матрицу, а не скрытую в ней бесформенность.
- Верно, - несколько неуверенно согласился с ним голос.
- В принципе, формы не существует. Человек создает gestalt'ы и вырезает форму из пустоты, которой у нас в изобилии. Это все равно, что смотреть на определенное сочетание линий и говорить, что они представляют собой некую фигуру. Мы глядим на груду вещества, извлеченную из общей массы, и называем это человеком. Но, по правде говоря, человека нет как

такового. Есть только набор очеловеченных свойств, которые мы, по своей близорукости, привязываем к тому веществу, чьей сущностью, неотделимой от него, является его миропонимание.

- Ты не уловил суть вопроса, - раздался голос.

- Проклятье! - не выдержал Андерс. Он был уверен, что его рассуждения двигались в правильном русле и в конечном итоге привели бы его к величайшему открытию, к первопричине всего. - Думаю, у каждого найдется что рассказать. На определенном отрезке жизни он смотрит на знакомый ему предмет и не узнает его, поскольку в его глазах предмет лишился всякого смысла. На какое-то мгновение gestalt теряет свою плотную непрозрачную структуру, но... короткий миг истинного зрения уже позади. Разум возвращается в рамки матрицы, в свое нормальное состояние. Жизнь продолжается.

Голос молчал. Андерс все шел, углубляясь в архитектурные дебри gestalt-города.

- Я, наверное, не о том? - спросил Андерс.

- Да.

Что бы это могло быть? - спросил он себя. Новыми, просветленными глазами Андерс смотрел на окружающую его систему условностей, которую когда-то называл своим миром.

На мгновение в сознании промелькнула мысль: а не вернется ли он в тот мир, если голос вдруг перестанет руководить им? Да! - поразмыслив, решил он. Возвращение стало бы неизбежным.

Но кто он такой, этот голос? И что он упустил в своих рассуждениях?

- Давай сходим на какую-нибудь вечеринку - посмотрим, какова она изнутри, - предложил он голосу.

Вечеринка оказалась маскарадом, гости которого прятались за масками. Но Андерс видел их насквозь, каждого в отдельности и всех в целом. Он отчетливо, до боли, различал все побудительные причины их поступков и мыслей. Взор его с каждой минутой становился все более проницательным.

Он заметил, что люди - не совсем индивидуумы. Конечно, каждый из них - своего рода замкнутая система в виде сгустка плоти, использующая в общении с другими системами слова из одного языка, - и в то же время их нельзя назвать абсолютно замкнутыми.

Сгустки плоти были как бы частью убранства комнаты, практически сливались с ним. Эти сгустки объединяла та мизерность информации, которую

им скупо отпускало их ущербное зрение. Они были неотделимы от производимых ими звуков - несколько жалких обертонов из огромного запаса возможностей звука. Они очень сочетались с холодными, безжизненными стенами, ничуть не отличаясь от них.

Живые сценки, словно в калейдоскопе, менялись так быстро, что Андерс не успевал сортировать новые впечатления. Теперь он знал, что эти люди существуют лишь как матрицы, имея под собой ту же основу, что и звуки, которые они издают, и предметы, которые они, как им кажется, видят.

Gestalt'ы, сыплющиеся сквозь решето безбрежного и невыносимого в своей реальности мира.

- А где Джуди? - спросил его один из сгустков плоти.

Картинные манеры этого жеманного типа обладали достаточной выразительностью, чтобы убедить другие сгустки в реальности их обладателя. На нем был кричащий галстук как лишнее свидетельство его принадлежности к реальности.

- Она больна, - обронил Андерс.

Плоть затрепетала, проникшись мгновенным сочувствием. Выражение напускного веселья сменилось выражением напускной скорби.

- Надеюсь, ничего серьезного, - заметила разговорчивая плоть.

- Ты становишься теплее, - сказал голос Андерсу.

Андерс посмотрел на стоящее перед ним существо.

- Ей недолго осталось жить, - сообщил он.

Плоть заколыхалась. Желудок и кишечник сократились в пароксизме сострадания и опасения за жизнь Джуди. Плоть выпучила глаза, губы ее задрожали.

Кричащий галстук не изменился.

- О Боже! Не может быть!

- Кто ты? - спокойно спросил Андерс.

- Что ты имеешь в виду? - призвала к ответу негодующая плоть, привязанная к своему галстуку. Оставаясь безмятежной в своей сущности, она в изумлении уставилась на Андерса. Ее рот подергивался - неопровержимое доказательство того, что она вполне реальна и соответствует всем необходимым и достаточным условиям существования. - Да ты пьян, - усмехнулась плоть.

Андерс засмеялся и вышел на улицу.

- Есть еще нечто такое, что для тебя остается загадкой, - произнес голос. - Но ты был уже горячим! Я ощущал тебя где-то рядом.

- Кто ты? - снова спросил Андерс.

- Не знаю, - признался голос. - Я - личность. Я есть Я. И я в ловушке.

- Как и все мы, - заметил Андерс.

Он шагал по заасфальтированной улице, со всех сторон окруженный грудами сплавленного бетона, силиката, алюминия и железа. Бесформенные, лишенные всякого смысла груды, которые представляли собой gestalt-город.

Были еще и воображаемые демаркационные линии, отделяющие город от города, искусственные границы воды и суши.

До чего все нелепо!

- Мистер, подайте монетку на чашечку кофе, - попросило его какое-то жалкое существо, ничем не отличавшееся от других, не менее жалких существ.

- Иллюзорной сущности - иллюзорную монетку. Святой отец Беркли [Джордж Беркли (1685-1753) - ирландский философ, отрицавший объективное существование мира и утверждавший, что вещи представляют собой совокупность ощущений и не существуют вне сознания. (Примеч. пер.)] подаст тебе ее, - весело отозвался Андерс.

- Мне действительно плохо, - слезливо пожаловался голос, который, как Андерс вдруг осознал, был просто последовательностью модулированных вибраций.

- Правильно! Продолжай! - скомандовал голос.

- Прошу вас, уделите хоть несколько центов, - прозвучали вибрации, претендующие на значительность.

Что же, интересно, скрывается за этими лишенными смысла матрицами? Плоть, масса. А что это такое? Все состоит из атомов.

- Я действительно голоден, - пробормотали атомы, организованные в сложную структуру.

Все состоит из атомов. Сочлененных между собой, да так, что и свободного места между ними не остается. Плоть есть камень, камень есть свет. Андерс взглянул на кучу атомов, которая претендовала на цельность, значительность и разум.

- Не могли бы вы помочь мне? - спросило нагромождение атомов.

Это нагромождение, однако, идентично другим атомам. Всем атомам. Стоит лишь проигнорировать запечатленные матрицы, и скопление атомов начинает казаться беспорядочной мешаниной.

- Я не верю в тебя, - проговорил Андерс.

Груда атомов удалилась.

- Да! - вскричал голос. - Да!

- Я ни во что не верю, - сказал Андерс.

В конце концов, что такое атом?

- Дальше! - кричал голос. - Уже горячо! Дальше!

Что такое атом? Пустое пространство, окруженное пустым пространством.

- Абсурд!

- Но тогда все - обман! - воскликнул Андерс.

И вдруг он остался один. Лишь звезды одиноко мерцали в вышине.

- Именно! - пронзительно закричал голос в его голове. - Ничто!

Кроме звезд, подумал Андерс. Как можно верить...

Звезды исчезли. Андерс очутился в вакууме, в каком-то сером небытии. Вокруг него была только пустота, заполненная бесформенным серым маревом.

Где же голос?

Пропал.

Андерс чувствовал, что и марево это - всего лишь иллюзия. Затем исчезло все.

Абсолютная пустота, и он в ней.

Где он? Что это значит? Разум Андерса пытался осмыслить происшедшее.

Невозможно. Этого не может быть.

Снова и снова разум Андерса, как счетная машина, анализировал последние события и подводил итог, но каждый раз отказывался от него. Сопротивляясь перегрузке, разум в отчаянии стирал из памяти образы, уничтожал когда-то приобретенные знания, стирал самого себя.

- Где я?

В пустоте. Один.

В ловушке.

- Кто я?

Голос.

- Есть тут кто-нибудь? - крикнул голос Андерса, взывая к пустоте.

Тишина.

Но он чувствовал здесь чье-то присутствие. Ему было безразлично, куда идти, однако, двигаясь в одном определенном направлении, он смог бы установить контакт... с тем существом. Голос Андерса устремился к нему, отчаянно надеясь, что оно, возможно, спасет его.

- Спаси меня, - сказал Андерсу Голос.

Тот лежал на постели, не раздевшись, скинув лишь туфли и освободившись от черного тугого галстука.

Перевод И.Зивьевой

Роберт ШЕКЛИ

ТРИПЛИКАЦИЯ

Оуэкс II - маленькая, пыльная, захолустная планетка неподалеку от Ориона. Люди перебрались сюда с Земли и по сей день придерживаются земных обычаев. Судья Абнер Лоу - единственный столп правосудия на всей планетке. Большинство дел, которые ему приходится решать, связаны с наследством и правами на свиней и гусей по той простой причине, что граждане Оуэкса II не склонны к преступлениям.

Но однажды на планету сел звездолет с печально известным Тимоти Монтом и его адвокатом, прибывшими в поисках убежища и справедливости. А следом - еще один звездолет с тремя полицейскими и Общественным прокурором.

- Ваша честь, - заявил прокурор, - этот злодей совершил гнусное преступление. Тимоти Монт, ваша честь, ПОДЖЕГ СИРОТСКИЙ ПРИЮТ! Более того, перед побегом он во всем признался. У меня имеются подписанные им показания.

Тут поднялся адвокат Монта, мертвенно-бледный субъект с холодными рыбьими глазами.

- Я требую отвода обвинения, - сказал он.

- Я этого не сделаю, - ответил судья Лоу. - Поджог сиротского приюта - ужасное преступление.

- Верно, ужасное, - согласился адвокат, - но не повсеместно. Мой клиент совершил преступное деяние на планете Альтира III. Знакома ли ваша честь с обычаями этой планеты?

- Нет, - ответил судья.

- На Альтире III, - продолжал адвокат, - всех сирот обучают искусству убийства - в целях сокращения населения соседних планет. Спалив сиротский приют, мой клиент спас тысячи, а возможно, и миллионы невинных жизней. Следовательно, его можно считать народным героем.

- Он сказал правду об Альтире III? - спросил судья судебного клерка.

Тот проверил факты по Энциклопедии Планетных Обычаев и Фольклора. Все совпало.

- В таком случае я закрываю дело, - объявил судья Лоу.

Монт и его адвокат улетели, и жизнь на Оуэксе II мирно поползла дальше. Лишь изредка ее спокойствие нарушали тяжбы из-за наследства или прав на свиней и гусей. Но не прошло и года, как Тимоти Монт и его адвокат снова явились в суд, преследуемые по пятам Общественным прокурором.

Снова было предъявлено обвинение в поджоге сиротского приюта.

- Однако, - отметил бледный адвокат, - хоть мой клиент и виновен, суду следует признать, что сей приют находился на планете Диигра IV. А как известно, все сироты на этой планете принимаются в гильдию палачей для совершения неких отвратительных обрядов, которые ненавидит вся цивилизованная Галактика.

Проверив правдивость его утверждений, судья Лоу и на этот раз закрыл дело.

Через пятнадцать месяцев Тимоти Монт и его адвокат снова оказались в

суде. Обвинение осталось прежним.

- Боже мой, - сказал судья Лоу. - Какое реформаторское рвение... Где было совершено преступление?

- На Земле, - заявил Общественный прокурор.

- На ЗЕМЛЕ? - изумился судья.

- Боюсь, это правда, - печально признал адвокат. - Мой клиент виновен.

- В чем причина на этот раз?

- Временное помрачение рассудка, - быстро сказал адвокат. - И это подтвердят двенадцать психиатров. Поэтому я прошу условного приговора, как предусматривается законом в подобных случаях.

Судья побагровел от гнева.

- Тимоти Монт, почему вы это сделали?

И не успел адвокат произнести ни слова, как Монт поднялся и гаркнул:

- Да потому что мне НРАВИТСЯ поджигать сиротские приюты!

В тот день судья Лоу утвердил новый закон, на который обратили внимание во всей цивилизованной Галактике и изучали даже в столь отдаленных местах, как Дрома I и Эос X. Закон Лоу гласил, что адвокат обязан отбывать любой срок вместе со своим клиентом.

Многие считают закон несправедливым. Зато алчность адвокатов на Оуэксе II поразительно снизилась.

Эдмонд Дритч, высокий угрюмый ученый с нездоровым цветом лица, был привлечен "Корпорацией Всеобщих Продуктов" к суду за Пораженчество, Групповое Неповиновение и Негативизм. То были серьезные обвинения, и коллеги Дритча их подтвердили. Выбора у магистрата не оказалось, и Дритча с позором уволили. Обычное в таких случаях тюремное заключение отменили, приняв во внимание девятнадцать лет безупречной работы на "Всеобщие Продукты", но никакая другая корпорация теперь не могла принять его на работу.

Сделавшись еще более угрюмым, Дритч оставил "Всеобщие Продукты" со всеми их автомобилями, тостерами, холодильниками, телевизорами и прочим барахлом. Он удалился на свою ферму в Пенсильвании и занялся экспериментами, оборудовав лабораторию в подвале.

Его тошнило от "Всеобщих Продуктов" и того, что было с ними связано, - то есть практически от всего. Он задумал основать колонию людей, которые думали бы, как он, испытывали бы те же чувства и походили на него. Его колония станет утопией, а остальной радостно ухмыляющийся и напичканный

всевозможными механизмами мир может проваливать ко всем чертям.

Достичь желаемого можно было только одним путем, и ради великой цели Дритч вместе с женой Анной работали денно и нощно.

Наконец он добился успеха. Настроив собственноручно собранный громоздкий агрегат, он повернул выключатель.

И из машины вышел точный Дубликат Эдмонда Дритча.

Дритч изобрел первый в мире Дубликатор.

Он изготовил пятьсот Дритчей, после чего устроил собрание для выработки дальнейшей стратегии. Пятьсот Дритчей отметили, что для создания полноценной колонии им нужны жены.

Дритч 1 считал Анну идеальной супругой. Пятьсот Дубликатов с этим, разумеется, согласились. Поэтому Дритч изготовил пятьсот копий собственной жены для пятисот Дритчей-прототипов. Колония была основана.

Вопреки предсказаниям окружающих поначалу колония процветала. Дритчи наслаждались обществом друг друга, никогда не ссорились, а гостей и на дух не выносили. Они создали для себя уютный мирок. Индия направила делегацию для изучения их метода, а Дания приняла законы, обеспечивающие право на Дубликацию.

Но как и во всех утопических затеях, семена несчастья таились в простой человеческой бренности. Сперва Дритча 49 застукали в компрометирующей позе с миссис Дритч 5. Затем Дритч 37 воспылал внезапной страстью к Анне 142. Это в свою очередь помогло раскрыть гнездышко тайной любви, свитое Дритчем 10 для Анны 498 при попустительстве Анны 3.

И тщетно доказывал Дритч 1, что все они равны и идентичны. Парочки-смутьяны заявили ему, что он ни черта не смыслит в любви, и наотрез отказались разрушить сложившиеся отношения.

Все же колония еще могла выжить. Но тут обнаружилось, что Дритч 77 завел гарем из восьми женщин, приголубив под своим крылышком Анну 12, 13, 77, 187, 303, 336, 489 и 500. Женщины заявили, что он уникальный мужчина, и отказались его бросить.

Конец колонии уже близился, и бегство жены Дритча 1 с репортером лишь ускорило его.

Колония развалилась, а Дритчи 1, 19, 32 и 433 умерли от разрыва сердца.

Может, оно и к лучшему. Дритч-оригинал наверняка не перенес бы потрясения, увидев, как из его Дубликатора непрерывным потоком вываливаются автомобили, тостеры, холодильники и прочие изделия "Всеобщих

Продуктов".

Известный философ профессор Болтон улетел с Земли, чтобы прочитать серию лекций в Университете Марса. С собой он взял верного робота-дворецкого Экку, смену белья и восемь фунтов рукописей. Не считая экипажа, он был единственным пассажиром-человеком.

Где-то поблизости от точки-откуда-не-возвращаются, корабль передал экстренное сообщение: ДВИГАТЕЛИ ПРАВОГО БОРТА ВЗОРВАЛИСЬ КОРАБЛЬ ПОТЕРЯЛ УПРАВЛЕНИЕ.

Жители Земли и Марса с тревогой ждали. Пришло новое сообщение: ВЕСЬ ЭКИПАЖ ПОГИБ ПРИ ВЗРЫВЕ КОРАБЛЬ ПАДАЕТ НА АСТЕРОИД ПОМОГИТЕ БОЛТОН.

В районы между Марсом и Юпитером, где рассеяны астероиды, бросились спасательные корабли. Запеленговав последнее сообщение Болтона, они примерно знали, где его искать, но все же предстояло обшарить гигантское пространство, и шансы на спасение были очень малы.

Три дня спустя пришло такое сообщение: БОЛЬШЕ МНЕ НА АСТЕРОИДЕ НЕ ВЫЖИТЬ ВСТРЕЧУ СМЕРТЬ СО СПОКОЙНЫМ ДОСТОИНСТВОМ БОЛТОН.

Газеты писали о несокрушимом духе этого человека, современном Робинзоне Крузо, боровшемся за свою жизнь на астероиде, лишенном воздуха, пищи и воды. Его припасы подходят к концу, и он готов - как всегда учил в книгах и лекциях - встретить смерть со спокойным достоинством.

Напряженность поисков возросла.

Последнее сообщение гласило: ВСЕ ЗАПАСЫ КОНЧИЛИСЬ МЕНЯ ЖДЕТ УЛЫБАЮЩАЯСЯ СМЕРТЬ БОЛТОН.

Запеленговав последний сигнал, патрульный катер отыскал астероид и опустился рядом с искалеченным кораблем. Спасатели обнаружили обугленные останки членов экипажа. И обильные запасы пищи, воды и кислорода. Но, как ни странно, Болтон бесследно исчез.

Среди обломков кормы они нашли робота Болтона.

- Профессор мертв, - сообщил робот, с трудом шевеля тронутыми ржавчиной челюстями. - Последнее сообщение я послал от его имени, зная, что ради меня одного вы не прилетите.

- Но как он погиб?

- Я убил его, испытывая величайшее сожаление, - угрюмо признался робот. - Заверяю вас, он не мучился.

- Но ЗАЧЕМ ты его убил? И где тело?

Робот попытался заговорить, но ржавые челюсти заклинило. Порция смазки пошла ему на пользу.

- Самая большая проблема для робота - смазка, - сказал Экка. - Джентльмены, вы представляете, как сложно было извлечь жир из человеческого тела без соответствующего оборудования?

Охваченные ужасом, спасатели дали волю воображению. Историю замяли, но слова Экки подслушал робот на патрульном катере, поразмыслил и пересказал их другому роботу, затем еще одному...

И лишь сейчас, после победоносного восстания армии роботов, мы можем открыто рассказать эту захватывающую сагу о борьбе роботов против безжалостного космоса. Да здравствует Экка, наш освободитель!

Перевод А.Волнова

Роберт ШЕКЛИ

ЧЕРЕЗ ПИЩЕВОД И В КОСМОС С ТАНТРОЙ, МАНТРОЙ И КРАПЧАТЫМИ КОЛЕСАМИ

- Но у меня действительно будут галлюцинации? - спросил Грегори.

- Я уже говорил, что гарантирую это, - ответил Блэйк. - Вы должны попасть куда-то уже сейчас.

Грегори огляделся. Ужасно знакомая скучная комнатенка: узкая, застеленная голубым покрывалом кровать, ореховый шкаф, мраморный столик на металлических ножках, двухрожковая люстра, красный ковер да бежевый телевизор. Он сидел в мягком кресле, а напротив, на кушетке, расположился бледный и опухший Блэйк.

- Должен заметить, - заявил Блэйк, ткнув пальцем в три крапчатые неправильной формы таблетки, - что здесь содержатся все виды ЛСД, разбавленные амфетамином или прочими аналогичными стимуляторами. Но вы, к счастью, проглотили старый добрый "особый тантро-мантрический быстрорастворимый супернарко-ЛСД-коктейль", известный в кругах торговцев наркотиками под названием "крапчатые колеса", в основе которого абсолютно чистый ЛСД-25 с тщательно подобранными добавками СТП, ДМТ и ТЭйчС плюс немножко псилобицина, мизерного количества ололоки и особого ингредиента собственной разработки доктора Блэйка - экстракта из брусники. То есть вы проглотили новейший и самый эффективный из галлюциногенов.

Грегори взглянул на свою правую руку, согнул и разогнул ее.

- В результате, - продолжал Блэйк, - вы получите моментальное тотально-великолепное наркотическое наслаждение, гарантирующее вам галлюцинации по крайней мере на четверть часа. В противном случае я возвращаю деньги и отказываюсь от своей репутации как лучшего алхимика Вест-Виллиджа.

- Вы говорите так, словно сами уже его пробовали, - заметил Грегори.

- Вовсе нет, - запротестовал Блэйк. - Я в основном сижу на старом добром амфетамине, том самом амфетамине, что шоферюги и старшеклассники глотают фунтами и ширяются галлонами. Амфетамин не более чем стимулятор. С его помощью мне работается быстрее и лучше. Я должен создать собственную мощную наркоимперию между Хьюстоном и 14-й стрит, после чего быстренько дать тягу до того, как совсем сожгу нервы или влипну в разборку с наркомафией, а потом вынырнуть где-нибудь в Швейцарии, где я буду балдеть на шикарных курортах в окружении ярких женщин, толстых банковских счетов, быстрых автомобилей и уважаемых местных политиков. - Блэйк на миг умолк и подергал себя за верхнюю губу. - От амфетамина, конечно, появляется некая высокопарность, сопровождаемая многословием... Но этого не стоит пугаться, мой дорогой новоявленный друг и уважаемый покупатель. Мои чувства и ощущения нисколько не притупились, и я в полной мере способен взять на себя роль гида в том сверхколдовском мире, куда вы сейчас вступите.

- А сколько времени прошло с тех пор, как я принял таблетку? - поинтересовался Грегори.

Блэйк взглянул на часы.

- Чуть больше часа.

- Почему же она до сих пор не действует?

- Должна подействовать. Несомненно должна. ЧТО-ТО обязательно должно случиться.

Грегори опять огляделся. И увидел заросшую по краям травой яму, пульсирующую светящимися червями, и влипшего в слюдяную стену сверчка.

Грегори стоял на краю ямы рядом с дренажной трубой, а напротив, на сером мшистом камне, разлегся Блэйк. Его реснички перепутались, а кожа была покрыта разноцветными пятнами. Он показывал на три крапчатые неправильной формы таблетки.

- Что случилось? - полюбопытствовал Блэйк.

Грегори поскреб тугую мембрану в области грудной клетки. Его реснички спазматически двигались, передавая крайнюю степень удивления и, может,

даже испуга. Он вытянул щупальце, посмотрел, какое оно длинное и упругое, затем согнул его пополам и медленно разогнул.

Щупальце Блэйка вытянулось в жесте интереса.

- Ну-ка, малыш, скажи мне, у тебя начались галлюцинации?

Грегори неопределенно взмахнул хвостом.

- Они начались раньше, когда я спросил вас, действительно ли у меня будут галлюцинации. Я уже тогда галлюцинировал, но еще не понимал этого. Все казалось таким обычным и естественным... Я сидел в КРЕСЛЕ, а вы - на КУШЕТКЕ, и мы оба имели мягкий кожный покров словно какие-нибудь МЛЕКОПИТАЮЩИЕ.

- Переход в иллюзию часто бывает незаметен, - подтвердил Блэйк. - Ты будто вскальзываешь туда, а потом выскальзываешь обратно. И что же случилось теперь?

Грегори завернул кольцом сегментарный хвост, расслабил щупальце и огляделся. Яма была ужасно знакомой.

- Теперь я вернулся к обычному состоянию. А вы считаете, что галлюцинации должны продолжаться?

- Как я уже говорил, я гарантирую это, - произнес Блэйк, изящно складывая глянцевитые красные крылья и поудобней устраиваясь в углу гнезда.

Перевод М.Черняева

Роберт ШЕКЛИ

ЗАПИСКИ О ЛАНГРАНАКЕ

1

Нельзя описать это место, не описав себя. Но нельзя описать себя, не описав то место. Так с чего же начать? Наверное, мне следует описывать нас вместе. Но я сомневаюсь, что сумею это сделать. Вероятно, я вообще не способен что-либо описывать.

2

Я решил начать со шпилей.

Здешний главный город называется Лангранак. Он примечателен своими шпилями. С вершины горы в пяти милях от города кажется, что он целиком состоит из шпилей - разных форм, размеров и цветов. В Венеции и Стамбуле,

я видел, тоже много шпилей. Шпили, независимо от своих качеств, оказывали приятное эстетическое воздействие. Шпили Лангранака выглядели совершенно чужими. По-моему, это все, что я должен сказать о шпилях.

3

Я - человек с Земли, среднего роста и сложения, один из очень многих. Моя необычность заключается в том, что я нахожусь на чужой планете.

Большую часть времени я провожу на своем корабле. Сколько усилий было приложено, чтобы сделать его удобным и уютным. Чувствуй себя здесь как дома! Я чувствую себя здесь как дома. Раньше я смеялся над американским стилем, сейчас перестал. Мне нравится пиццераздаточная машина и фонтанчик кока-колы. Хот-догс - будто прямо от "Натана". Только кукурузные початки, жаренные на масле, еще не на уровне. Пока эту проблему не решили.

4

Здесь почти ничего не происходит. Об этом я предпочел бы не упоминать. Рассказ, по-моему представлению, должен быть насыщен приключениями и загадками: именно такие истории мне нравится читать. Но со мной ничего не случается. Вот я - на чужой планете, среди чужих существ - и ничего не происходит. Тем не менее я верю, что рассказ у меня выйдет. Ведь все ингредиенты налицо.

5

Вчера я имел беседу с мэром Лангранака. Мы обсуждали проблемы космической дружбы и сошлись на том, что наши народы должны быть друзьями. Кроме того, говорили о межзвездной торговле, которую одобрили в принципе. Но при конкретном обсуждении выяснилось: мы не многое можем предложить из того, что хотят они, и наоборот. Совершенно недостаточно, чтобы оправдать высокую стоимость транспортировки. Понимаете, в их распоряжении целая планета. То же и у нас. Так что соглашение осталось чисто теоретическим.

Гораздо больше возможностей у программы туристического обмена. И они, и мы - все любят путешествовать. Цены, разумеется, фантастические, но некоторым по карману. Во всяком случае, начало будет положено.

6

Я очень много читаю. Прочитал массу книг по дзэн-буддизму, йоге, тибетскому и хинди мистицизму. "Входите в тишину как можно чаще, оставайтесь в ней как можно дольше". Вот и весь смысл, честное слово. Способы предохранения личности от болтовни и суматохи.

"Однонаправленность". Я хочу достичь ее страстно, да мозг мой не желает покоя. Приходят какие-то мысли, ощущения. Иногда удается: бренный мир отступает, я отрешаюсь минут на пять... Но это не приносит удовлетворения. Полагаю, мне нужен гуру. Я даже прикидывал, не поискать ли наставника здесь. Однако вряд ли игра стоит свеч - слишком мало у меня осталось времени. Вот так всегда.

7

Вчера ночью было затмение. Я собирался наблюдать его, но задремал над книгой и проспал. Ну и ладно. Все засняли автоматические камеры, просмотрю позже.

8

Ничего здесь не кажется странным, честно. Люди продают и покупают. Работают кто где. Попадаются нищие. Вполне постижимый мир. Конечно, я не все понимаю; но я и дома не все понимал. Хотел бы я сказать: "Что эти люди творят - просто уму непостижимо!" Но нет ничего непостижимого и невероятного. Они выполняют свою работу и живут своей жизнью. Я делаю то же самое, и все это кажется совершенно нормальным. Приходится напоминать себе, что я нахожусь на чужой планете. Не то что я могу забыть, разумеется. Просто никак не проникнусь чувством удивления.

9

Сегодня взял себя в руки и отправился на руины. Мне настоятельно рекомендовали их посетить, и я рад, что выбрался. Развалины - считается, что они принадлежат исчезнувшей несколько тысячелетий назад цивилизации - расположены приблизительно в десяти милях от пригородов Ланграната. Они занимают большую площадь. Я осмотрел три главные башни, частично реставрированные. Стены украшены тонкой резьбой и барельефами разных животных, которых, как сообщил мой гид, на самом деле не существует. Кроме

того, видел статуи, очень стилизованные. Гид рассказал, что им когда-то поклонялись как божествам. Еще там есть лабиринты, некогда имевшие религиозное значение.

Все это я фотографировал. Условия освещенности средние. Снимал аппаратом "Никон", через 50-миллиметровый объектив; иногда ставил 90-миллиметровый.

Гид указал на любопытный факт: среди массы изображений нигде не встречается параллелограмм. Строители этих руин, вероятно, считали его эстетически невыдержанным. А может, это было религиозным табу? Не исключено, однако, что они просто не открыли форму параллелограмма, хотя широко пользовались квадратом и треугольником. Точно никому не известно.

Исследования продолжаются. Прояснение этого вопроса во многом облегчит понимание психологии древнего загадочного народа.

10

Сегодня праздник. Я пошел в город и сидел в одном из ресторанчиков, пил то, что здесь считается кофе, и наблюдал за прохожими. Очень красочное зрелище. Согласно брошюре, в этот день отмечают годовщину важной победы над соседней страной. Теперь оба государства поддерживают дружеские отношения.

11

В городе живут три основные группы людей. Старые обитатели, вроде англичан; эмигранты первой волны похожи на французов, а позднейшие эмигранты - на турок. Между этими группами существуют трения. Народную одежду, когда-то очень популярную, сейчас носят только по особым праздникам. Все жалеют об уходе обычая.

12

Иногда вечерами меня охватывает тоска. Тогда я не могу уснуть. Я читаю и слушаю записи, смотрю кино по корабельному проектору. Потом принимаю снотворное. Вероятно, скучаю по дому. Впрочем, я и дома так себя чувствовал. И принимал снотворное.

13

Боюсь, что это не очень интересная планета. Говорят, что в другом

полушарии гораздо лучше. Но вряд ли я туда отправлюсь. Договор о дружбе подписан, моя работа выполнена. Пожалуй, пора улетать. Весьма жаль, что этот мир оказался совсем не экзотическим местом. Надеюсь, в следующий раз мне повезет больше.

Перевод В.Баканова

Роберт ШЕКЛИ

ИГРА: ВАРИАНТ ПО ПЕРВОЙ СХЕМЕ

Возможно, он еще не совсем проснулся, а может, всему виной шок, который он испытал, попав через овальную дверь из темноты коридора на громадную тихую арену. Вокруг него, уходя высоко в небо, громоздились концентрические каменные ярусы, фокусирующие жар и энергию зрителей. Лучи яркого утреннего солнца ослепительно отражались от белого песка, от чего у него закружилась голова, и он даже не мог вспомнить, где, собственно, находится.

Оглядев себя, он отметил, что одет в голубую футболку и красные шорты, а к левой руке привязана кожаная ловушка. В правой он держал четырехфутовой длины даениум, тяжелый и привычно успокаивающий. Как того требовали правила, его локти и колени прикрывали защитные налокотники и наколенники, а на голове красовалась желтая оперенная шапочка. Ее, правда, правила не оговаривали, но и не запрещали.

Все было очень знакомо. Но вот что это значило?

Он пощупал шнуровку ловушки, убедился, что даениум свободно скользит по бронзовой оси; коснувшись запястья, ощутил привычную мягкость обращенного шершавой кожей внутрь напульсника и сказал себе, что все в полном порядке. Вместе с тем его не покидало тревожное чувство, будто он прежде никогда не выходил на арену, ни разу не слышал о даениуме и даже не знал названия игры, в которую должен играть. Резко тряхнув головой, он сделал три плавных скользящих шага, проверяя ход роликовых коньков, развернулся и объехал свой сектор игровой площадки.

Теперь он слышал гул толпы. Перед началом партии зрители всегда вели

себя беспокойно и отнюдь не дружелюбно. Всему виной, конечно, коньки. Ведь роликовые коньки - экипировка не традиционная, и зрители не хотели прощать их ему. Неужели они не понимают, что на коньках вести матч куда труднее, чем без них? Попробуйте-ка отбить мяч при приеме низкой подачи, если коньки делают задний откат. Неужели им не известно, что преимущество в скорости нивелируется повышенной требовательностью правил? Видимо, они считают, что он способен выиграть и без всяких коньков.

Он вытер лоб и оглядел оживленные трибуны. Трое судей уже заняли свои места; их лица скрывали украшенные перьями маски с прорезями для глаз.

Девушка с завязанными глазами опустила руку в высокую плетеную корзину, выбрала мяч и вбросила его в игру.

Первый удар был за ним, поэтому он взвесил в руке мяч в виде сплюснутого сфероида - очень сложный мяч для подачи, но еще более трудный для приема. Его соперник стоял на противоположном конце площадки, согнув ноги в коленях и немного наклонившись вперед. Потом он подбросил мяч в воздух и, не долго думая, закрутил его даениумом. Толпа замерла, наблюдая за вращающимся всего в трех футах от земли мячом. Он отрегулировал наклон ловушки но, выполнив эту обычную процедуру, вдруг с отчаянием понял, что сегодня не его победный день. Ни день, ни неделя, ни год, ни даже, возможно, десятилетие.

Однако он собрался, позволил даениуму соскользнуть к концу стержня и сделал подачу. Мяч отлетел, словно подбитая птица, а зрители разразились одобрительным смехом. Все-таки это был хитроумный и хороший удар. Буквально перед сеткой мяч будто ожил (лично им изобретенная подача!) и, взмыв свечой вверх, перелетел через сетку и задел его противника, который играл без коньков.

Услышав рев зрителей, он обернулся и понял, что соперник каким-то чудом ухитрился принять подачу. Он видел, как мяч, нехотя вращаясь в обратную сторону, летит назад. Дрянной отбой подачи, такой ничего не стоит отразить и вывести противника из занимаемой позиции, выиграв тем самым психологическое очко. Однако он предпочел пропустить мяч, и теперь противник, по-видимому, имел преимущество.

Послышались свистки и неодобрительные выкрики, но он проигнорировал

их. Сегодня было чертовски жарко, почему-то болели ноги, и он чувствовал себя утомленным. И вот уже не в первый раз появилось ощущение, что состязание потеряло смысл. И вообще - смешно даже думать о нем. Надо же, взрослый мужчина, а так серьезно относится к игре! Ведь жизнь куда больше, чем эта игра. Жизнь - это любовь, дети, закаты, вкусная еда. Почему же состязание должно сокращать ее?

В игру ввели другой мяч - большой, бесформенный и мягкий; слишком легкий для него, таким мячом он играть не любил. Он не мог придумать, как с ним обращаться, а потому просто забраковал его, поскольку имел такое право. От раздражения забраковал и следующие два, хотя последний явно ему годился. Пока мячи по очереди уносили, он сделал на коньках полный разворот на месте и плавно проехался вдоль трибун. Игра еще даже толком не началась, а его правое плечо уже разболелось, и ужасно хотелось пить.

Прикрывая глаза от солнца ловушкой, он выпил стакан воды и подъехал к мальчику-ассистенту за другим стаканом. Он не знал, наблюдали ли за ним судьи, но, по-видимому, все-таки наблюдали, ведь он затягивал партию. Ну и пусть, ему нужно время, чтобы обдумать стратегию и составить точный план игры. Не НАМЕТКИ, не СХЕМУ матча (несмотря на советы некоторых знаменитых профессионалов), а точную генеральную стратегию, легко приспосабливаемую к партии, основанную на базовых принципах и заключающую в себе всю необходимую и полезную информацию. Конечно, он может обойтись и без всякого плана. Как всякий профессионал он может играть и по плану и без него; он способен играть в пьяном виде, больным или полумертвым. Он может не выиграть, но играть способен всегда. На то он и профессионал.

Он обернулся, чтобы изучить арену - ненавистные размеченные секторы, черную запретную зону, красные и голубые полосы, на которые не разрешено наступать. И вдруг обнаружил, что не может вспомнить ни правил игры, ни системы подсчета очков; он не знал, что делать можно, а что нет. И в панике почувствовал себя сбитым с толку человеком, затянутым в резиновый костюм, неустойчиво стоящим на коньках перед враждебно настроенной толпой и играющим в игру, о существовании которой не подозревал.

Выпив второй стакан воды до дна, он выкатился на площадку. Во рту уже

ощущался противный кислый привкус, а пот заливал глаза. Он сделал широкий шаг, и даениум запутался в ногах словно подбитая птица.

И снова был вброшен мяч, на этот раз в виде какой-то ЛЕПЕШКИ, мяч-уродец, невозможный мяч даже для него, признанного мастера невозможных мячей. Таким-то и до сетки не кинешь, а уж чтобы перебросить через нее - и подавно...

Если он сумеет перебросить мяч через сетку...

Но ему это ни за что не сделать.

Тогда он неуверенно принялся себя убеждать, что не победа важна, а участие. Взвесив на руке мяч, он принял позу для подачи... и бросил мяч на песок.

Толпа безмолвствовала.

- Теперь слушайте, - сказал он так громко, что его услышали на самых верхних, залитых солнцем трибунах. - Я заблаговременно предупреждал устроителей, что настаиваю на установке солнцеограждающего козырька. Заметьте, его так и нет. Не зная, что его не будет, я не надел солнцезащитных очков. Поскольку налицо явное нарушение условий договора, то, леди и джентльмены, к сожалению, игра сегодня не состоится.

Он стянул с головы украшенную перьями шапочку и поклонился публике. Несмотря на отдельные возгласы недовольства и несколько свистков, все восприняли это нормально и стали расходиться, не выражая протеста. К этому привыкли. И хоть он появлялся на корте почти ежедневно, не важно, шел ли дождь или светило солнце, в действительности же едва ли доводил до конца более десятка матчей за год. Он и сейчас не собирался этого делать. Слишком много прецедентов: в таблицах результатов матчей, печатающихся почти в любой газете, можно найти изрядное количество прочерков. Даже в первых исторических упоминаниях об игре, выбитых на камне, даже там можно видеть, что легендарные соперники античности имели весьма нерегулярные протоколы посещаемости.

Правда, ему это не очень-то нравилось.

Судьи встали с мест, и он поклонился им, однако те сделали вид, будто не заметили его приветствия.

Тогда он вернулся к разграничительной линии плащадки и выпил еще один стакан воды. Его соперник уже ушел, и он снова выехал на площадку, чтобы потренироваться в ударах о стену. Он спокойно и уверенно разъезжал по

покрытому эмалью кафелю, восстанавливая удары и не перестaвая изумляться собственному мастерству. Теперь он снова в форме, и ему было жаль, что это уже не считается. Но как там говорится? "Легко выполнить любой удар, за исключением приносящего успех".

К концу дня песок был испещрен следами капель его пота и крови. Однако что бы он ни делал, уже не засчитывалось, а потому он просто игнорировал отдельные аплодисменты. Он знал, что тренируется ради сохранения собственного уважения и веры в то, что мог бы выиграть и эту последнюю игру.

Наконец он устал и нырнул в раздевалку и, переодевшись, вышел на улицу.

К его немалому удивлению, уже стемнело. Уже темно? Чем же он целый день занимался? Ему почему-то казалось, что он был участником какого-то невероятного судьбоносного состязания.

Он отправился домой и хотел было обо всем рассказать жене, но не мог придумать, как это сделать, а потому просто промолчал, и на вопрос жены, как шли на работе дела, лишь ответил "нормально", но они оба поняли, что нормальными дела не были, по крайней мере, не в этот раз, не сегодня.

Перевод М.Черняева

Роберт ШЕКЛИ

О ВЫСОКИХ МАТЕРИЯХ

Мортонсон прогуливался тихо-мирно по безлюдным предгорьям Анд, никого не трогал, как вдруг его ошарашил громоподобный голос, исходивший, казалось, отовсюду и в то же время ниоткуда.

- Эй, ты! Ответь-ка, что в жизни главное?

Мортонсон замер на ходу, буквально оцепенел, его аж в испарину бросило: редкостная удача - общение с гостем из космоса, и теперь многое зависит от того, удачно ли ответит он на вопрос.

Присев на первый же подвернувшийся валун, Мортонсон проанализировал ситуацию. Задавший вопрос - кем бы он ни был, этот космический гость, - наверняка догадывается, что Мортонсон - простой американец, понятия не

имеет о главном в жизни. Поэтому в своем ответе надо скорее всего проявить понимание ограниченности земных возможностей, но следует отразить и осознание того, что со стороны гостя вполне естественно задавать такой вопрос разумным существам, в данном случае - человечеству, представителем которого случайно выступает Мортонсон, хотя плечи у него сутулые, нос шелушится от загара, рюкзак оранжевый, а пачка сигарет смята. С другой стороны, не исключено, что подоплека у вопроса совсем иная: вдруг, по мнению Пришельца, самому Мортонсону и впрямь кое-что известно насчет главного в жизни, и это свое прозрение он, Мортонсон, способен экспромтом изложить в лаконичной отточенной фразе. Впрочем, для экспромта вроде бы уж и время миновало. Привнести в ответ шутливую нотку? Объявить голосу: "Главное в жизни - это когда голос с неба допрашивает тебя о главном в жизни!" И разразиться космическим хохотом. А вдруг тот скажет: "Да, такова сиюминутная действительность, но что же все-таки в жизни главное?" Так и останешься стоять с разинутым ртом, и в морду тебе шлепнется тухлое эктоплазменное яйцо: воспросивший подымет на смех твою самооценку, самомнение, самодовольство, бахвальство.

- Ну как там у тебя идут дела? - поинтересовался Голос.

- Да вот работаю над вашей задачкой, - доложил Мортонсон. - Вопросик-то трудный.

- Это уж точно, - поддержал Голос.

Ну, что же в этой поганой жизни главное? Мортонсон перебрал в уме кое-какие варианты. Главное в жизни - Его Величество Случай. Главное в жизни - хаос вперемешку с роком (недурно пущено, стоит запомнить). Главное в жизни - птичий щебет да ветра свист (очень мило). Главное в жизни - это когда материя проявляет любознательность (чьи это слова? Не Виктора ли Гюго?). Главное в жизни - то, что тебе вздумалось считать главным.

- Почти расщелкал, - обнадежил Мортонсон.

Досаднее всего сознавать, что можешь выдать неправильный ответ. Никого еще ни один колледж ничему не научил: нахватаешься только разных философских изречений. Беда лишь, стоит закрыть книгу - пиши пропало: сидишь ковыряешь в носу и мечтаешь невесть о чем.

А как отзовется пресса?

"Желторотый американец черпал из бездонного кладезя премудрости и после всего проявил позорную несамостоятельность".

Лопух! Любому неприятно было бы угодить в подобный переплет. Но что же в жизни главное?

Мортонсон загасил сигарету и вспомнил, что она у него последняя. Тьфу! Только не отвлекаться! Главное в жизни - сомнение? Желание? Стремление к цели? Наслаждение?

Потерев лоб, Мортонсон громко, хоть и слегка дрожащим голосом, выговорил:

- Главное в жизни - воспламенение!

Воцарилась зловещая тишина. Выждав пристойный по своим понятиям срок, Мортонсон спросил:

- Э-э, угадал я или нет?

- Воспламенение, - пророкотал возвышенный и могущественный Глас. - Чересчур длинно. Горение? Тоже длинновато. Огонь? Главное в жизни - огонь! Подходит!

- Я и имел в виду огонь, - вывернулся Мортонсон.

- Ты меня действительно выручил, - заверил Голос. - Ведь я прямо завяз на этом слове! А теперь помоги разобраться с 78-м по горизонтали. Отчество изобретателя бесфрикционного привода для звездолетов, четвертая буква Д. Вертится на языке, да вот никак не поймаю.

По словам Мортонсона, тут он повернулся кругом и пошел себе восвояси, подальше от неземного Гласа и от высоких материй.

Перевод Н.Евдокимовой

Роберт ШЕКЛИ

РЕГУЛЯРНОСТЬ КОРМЛЕНИЯ

Треггис почувствовал облегчение: наконец-то! Владелец магазина направился к входной двери, чтобы встретить очередного покупателя. Треггису здорово действовал на нервы этот раболепно согнувшийся старик, который все время торчал у него за спиной, заглядывал сквозь очки на каждую страницу, которую он открывал, совал повсюду свой грязный узловатый палец и подобострастно вытирал пыль с полок несвежим носовым платком с пятнами от табака. А когда старик начинал предаваться воспоминаниям и тонким голоском рассказывал разные истории, Треггису просто сводило скулы от скуки.

Конечно, старик хотел угодить, но ведь во всем нужно знать меру.

Треггис вежливо улыбался, надеясь, что рано или поздно звякнет колокольчик над входной дверью. И колокольчик звякнул...

Треггис поспешил в глубь магазина, надеясь, что противный старик не последует за ним. Он прошел мимо полки с несколькими десятками книг с греческими названиями. За ней была секция популярных изданий. Странная путаница имен и названий... Эдгар Райс Барроуз, Энтони Троллоп, теософские трактаты, поэмы Лонгфелло. Чем дальше он забирался, тем толще становился слой пыли на полках, тем реже в проходах попадались электрические лампочки без абажуров, тем выше становились кипы тронутых плесенью книг со скрученными уголками, напоминавшими собачьи уши.

Это был прелестный уголок, словно специально для него созданный, и Треггис удивлялся, что раньше сюда не забредал. Книжные магазины были его единственной страстью. Он проводил в них все свое свободное время, бродил по книгохранилищам и чувствовал себя счастливым.

Разумеется, его интересовали книги определенного толка.

...Стена, сложенная из книг, кончилась, и за нею оказались три коридора, расходившиеся под немыслимыми углами. Треггис выбрал средний, отметив про себя, что снаружи книгохранилище не казалось ему таким просторным. Дверь, которая вела в магазин, была едва заметна между двумя другими домами. Над входом висела вывеска, имитирующая старинную надпись от руки. Впрочем, с улицы эти старые книжные лавки подчас выглядели обманчиво: иногда они тянулись почти на полквартала.

В конце коридора оказалось еще два ответвления, набитых книгами. Выбрав то, которое вело налево, Треггис принялся читать названия, выхватывая их натренированным взглядом. Теперь он не спешил. При желании он мог остаться здесь на весь день, не говоря уже о ночи.

Одно название вдруг поразило его. Он уже прошел по инерции восемь или десять шагов, но вернулся.

Книга была небольшая, в черном переплете, на вид старая, но скорее неопределенного возраста. Это свойственно некоторым книгам. Края ее были потрепаны, и заглавие на обложке потускнело.

- Что же это такое? - чуть слышно пробормотал Треггис.

На обложке значилось:

"ГРИФОН - УХОД И КОРМЛЕНИЕ".

А ниже - более мелким шрифтом:

"Советы владельцу".

Треггис знал, что грифон - мифологическое чудовище, наполовину - лев, наполовину - орел.

- Ну, что же, - сказал сам себе Треггис. - Взглянем.

Он открыл книгу и начал просматривать содержание.

Главы носили следующие названия.

1. Виды грифонов.
2. Краткая история грифонологии.
3. Подвиды грифонов.
4. Пища для грифонов.
5. Создание для грифона естественной среды обитания.
6. Грифон во время линьки.
7. Грифон и...

Треггис закрыл книгу.

- Несомненно, - сказал он вслух, - это очень необычно.

Он принялся торопливо перелистывать книгу, выхватывая из текста случайные фразы. Вначале он подумал, что книга - своего рода мистификация, в которой были использованы естественнонаучные источники. Таково было любимое развлечение в елизаветинские времена. Но в данном случае вряд ли. Книга была не такой уж старой. Кроме того, в манере письма не ощущалось напыщенности, синтаксическая структура не была должным образом сбалансирована, не хватало оригинальных антитез и так далее. Изложение мысли стройное, предложения краткие и доходчивые. Треггис перелистал еще несколько страниц и наткнулся на следующий абзац:

"Единственная пища грифонов - юные девственницы. Регулярность кормления - один раз в месяц, при этом нужно принимать во внимание..."

Треггис захлопнул книгу. Эти слова внезапно смутили его, породив бурный поток воспоминаний интимного свойства. Покраснев, он отогнал эти мысли и снова взглянул на полку в надежде найти еще что-нибудь в том же роде. Скажем, "Краткую историю сирен" или "Как правильно кормить Минотавра". Но на полке не оказалось ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего найденную книгу о грифоне. Ни на этой, ни на других.

- Нашли что-нибудь? - раздался голос у него за спиной.

Треггис вздрогнул, улыбнулся и протянул продавцу книгу в черной обложке.

- О да, - сказал старик, вытирая с нее пыль. - Это довольно редкая книга.

- В самом деле? - пробормотал Треггис.

- Грифоны, - задумчиво сказал старик, перелистывая книгу, - встречаются довольно редко. Это, в общем, необычная разновидность... животных, - закончил он, мгновение подумав. - С вас один доллар пятьдесят центов, сэр... За эту книгу.

Треггис покинул магазин, зажав свое приобретение под мышкой. Он отправился прямо домой. Не каждый день случается купить книгу под названием:

"ГРИФОН - УХОД И КОРМЛЕНИЕ".

Комната, в которой обитал Треггис, смахивала на букинистический магазин. Та же теснота, такой же слой вездесущей пыли, тот же более или менее упорядоченный хаос названий, авторов и шрифтов. На этот раз Треггис даже не остановился, чтобы полюбоваться своими сокровищами. Он прошел мимо сборника "Сладострастные стихи". Бесцеремонно сбросил с кресла том под названием "Сексуальная психопатология". Уселся и принялся читать.

В черной книге содержалось многое из того, что имело прямое отношение к уходу за грифоном. В голове не укладывалось, что существо - наполовину лев, наполовину орел - могло быть таким чувствительным. Подробно говорилось о том, какую пищу предпочитает грифон... Чтение книги о грифоне доставляло такое же удовольствие, как и лекции небезызвестного Хэвлока Элиса о сексе, которыми прежде увлекался Треггис.

В приложении содержались подробные указания относительно того, как попасть в зоопарк. Указания эти, мягко выражаясь, были уникальными...

Было далеко за полночь, когда Треггис закрыл книгу. Сколько же необычной информации заключалось в ней! Из головы Треггиса не выходила одна фраза:

"Единственная пища грифонов - юные девственницы".

Она почему-то беспокоила Треггиса. В этом была какая-то несправедливость...

Некоторое время спустя он снова раскрыл книгу в том месте, где были "Указания: как попасть в зоопарк". Содержавшаяся в них информация была, несомненно, странной. Но не слишком сложной. Все это не требовало излишнего физического напряжения. Там было напечатано всего несколько слов, точнее, наставлений. Треггис вдруг понял, сколь унизительна была для него работа в качестве банковского служащего. Бессмысленная трата восьми полноценных часов в день независимо от того, как это воспринимать. Намного интереснее быть человеком, отвечающим за содержание грифона. Использовать специальные мази в период линьки, отвечать на вопросы по грифонологии. Быть ответственным за кормление.

"Единственная пища... Да, да, да, - торопливо бормотал Треггис, прохаживаясь по своей узкой комнате. - Ерунда, конечно, мистификация, но, может быть, попробовать? Ради шутки!"

И он глухо рассмеялся.

Не было ни ослепительной вспышки, ни удара грома, но тем не менее какая-то сила мгновенно перенесла Треггиса в нужное место. От неожиданности он зашатался, но через секунду обрел равновесие и открыл глаза.

Ярко светило солнце. Оглядевшись по сторонам, Треггис убедился, что кто-то хорошенько потрудился, чтобы создать "естественную среду обитания для грифона".

Треггис двинулся вперед, стараясь сохранять самообладание, несмотря на дрожь в коленях и противное ощущение в желудке. И вдруг увидел грифона.

В то же мгновение грифон заметил его.

Вначале неторопливо, затем все быстрее грифон начал к нему приближаться. Раскрылись огромные орлиные крылья, обнажились когти - и грифон плавно ринулся вперед.

Треггис инстинктивно рванулся в сторону. Огромный, отливающий на солнце золотом грифон обрушился на него.

Треггис в отчаянии закричал:

- Нет, нет! Единственная пища грифонов - юные...

И издал вопль, сообразив, что очутился в когтях грифона.

Перевод А.Мельникова

Роберт Шекли

СТРАЖ-ПТИЦА

Когда Гелсен вошел, остальные изготовители страж-птиц были уже в сборе. Кроме него, их было шестеро, и комнату затянуло синим дымом дорогих сигар.

- А, Чарли! - окликнул кто-то, когда он стал на пороге. Другие тоже отвлеклись от разговора - ровно настолько, чтобы небрежно кивнуть ему или приветственно махнуть рукой. Коль скоро ты фабрикуешь страж-птицу, ты становишься одним из фабрикантов спасения, с кривой усмешкой сказал он себе. Весьма избранное общество. Если желаешь спасать род людской, изволь

сперва получить государственный подряд.

- Представитель президента еще не пришел, - сказал Гелсену один из собравшихся. - Он будет с минуты на минуту.

- Нам дают зеленую улицу, - сказал другой.

- Отлично.

Гелсен сел ближе к двери и оглядел комнату. Это походило на торжественное собранно или на слет бойскаутов. Всего шесть человек, но эти шестеро брали не числом, а толщиной и весом. Председатель Южной объединенной компании во все горло разглагольствовал о неслыханной прочности страж-птицы. Дна его слушателя, тоже председатели компаний, широко улыбались, кивали, один пытался вставить словечко о том, что показали проведенные им испытания страж-птицы на находчивость, другой толковал о новом перезаряжающем устройстве.

Остальные трое, сойдясь отдельным кружком, видимо тоже пели хвалу страж-птице.

Все они были важные, солидные, держались очень прямо, как и подобает спасителям человечества. Гелсену это не показалось смешным. Еще несколько дней назад он и сам чувствовал себя спасителем. Этакое воплощение святости, с брюшком и уже немного плешивое.

Он вздохнул и закурил сигарету. Вначале и он был таким же восторженным сторонником нового проекта, как остальные. Он вспомнил, как говорил тогда Макинтайру, своему главному инженеру: "Начинается новая эпоха, Мак. Страж-птица решает все". И Макинтайр сосредоточенно кивал - еще один новообращенный.

Тогда казалось - это великолепно! Найдено простое и надежное решение одной из сложнейших задач, стоящих перед человечеством, и решение это целиком умещается в каком-нибудь фунте нержавеющего металла, кристаллов и пластмассы.

Быть может, именно поэтому теперь Гелсена одолели сомнения. Едва ли задачи, которые терзают человечество, решаются так легко и просто. Нет, где-то тут таится подвох.

В конце концов убийство - проблема, старая, как мир, а страж-птица - решение, которому без году неделя.

- Джентльмены...

Все увлеклись разговором, никто и не заметил, как вошел представитель президента, полный круглолицый человек, А теперь разом наступила тишина.

- Джентльмены, - повторил он, - президент с согласия Конгресса

предписал создать по всей стране, в каждом большом и малом городе отряды страж-птиц.

Раздался дружный вопль торжества. Итак, им наконец-то предоставлена возможность спасти мир, подумал Гелсен и с недоумением спросил себя, отчего же ему так тревожно.

Он внимательно слушал представителя - тот излагал план распределения. Страна будет разделена на семь областей, каждую обязан снабжать и обслуживать один поставщик. Разумеется, это означает монополию, но иначе нельзя. Так же, как с телефонной связью, это в интересах общества. В поставках страж-птицы недопустима конкуренция. Страж-птица служит всем и каждому.

- Президент надеется, - продолжал представитель, - что отряды страж-птиц будут введены в действие повсеместно в кратчайший срок. Вы будете в первую очередь получать стратегические металлы, рабочую силу и все, что потребуется.

- Лично я рассчитываю выпустить первую партию не позже чем через неделю, - заявил председатель Южной объединенной компании. - У меня производство уже налажено.

Остальные тоже не ударили в грязь лицом. У всех предприятия давным-давно подготовлены к серийному производству страж-птицы. Уже несколько месяцев, как окончательно согласованы стандарты устройства и оснащения, не хватало только последнего слова президента.

- Превосходно, - заметил представитель. - Если так, я полагаю, мы можем... У вас вопрос?

- Да, сэр, - сказал Гелсен. - Я хотел бы знать: мы будем выпускать теперешнюю модель?

- Разумеется, она самая удачная.

- У меня есть возражение.

Гелсен встал. Собратья пронизывали его гневными взглядами. Уж не намерен ли он отодвинуть приход золотого века?!

- В чем заключается ваше возражение? - спросил представитель.

- Прежде всего позвольте заверить, что я на все сто процентов за машину, которая прекратит убийства. В такой машине давно уже назрела необходимость. Я только против того, чтобы вводить в страж-птицу самообучающееся устройство. В сущности, это значит оживить машину, дать ей что-то вроде сознания. Этого я одобрить не могу.

- Но позвольте, мистер Гелсен, вы же сами уверяли, что без такого

устройства страж-птица будет недостаточно эффективна. Тогда, по всем подсчетам, птицы смогут предотвращать только семьдесят процентов убийств.

- Да, верно, - согласился Гелсен, ему было ужасно не по себе. Но он упрямо докончил: - А все-таки, я считаю, с точки зрения нравственной это может оказаться просто опасно - доверить машине решать человеческие дела.

- Да бросьте вы, Гелсен, - сказал один из предпринимателей. - Ничего такого не происходит. Страж-птица только подкрепит те решения, которые приняты всеми честными людьми с незапамятных времен.

- Полагаю, что вы правы, - вставил представитель. - Но я могу понять чувства мистера Гелсена. Весьма прискорбно, что мы вынуждены вверять машине проблему, стоящую перед человечеством, и еще прискорбнее, что мы не в силах проводить в жизнь наши законы без помощи машины. Но не забывайте, мистер Гелсен, у нас нет иного способа остановить убийцу прежде, чем он совершит убийство. Если мы из философских соображений ограничим деятельность страж-птицы, это будет несправедливо в отношении многих и многих жертв, которые каждый год погибают от руки убийц. Вы не согласны?

- Да в общем-то согласен, - уныло сказал Гелсен.

Он и сам говорил себе это тысячу раз, а все же ему было неспокойно. Надо бы потолковать об этом с Макинтайром. Совещание кончилось, и тут он вдруг усмехнулся. Вот забавно! Уйма полицейских останется без работы!

- Ну что вы скажете? - в сердцах молвил сержант Селтрикс. - Пятнадцать лет я ловил убийц, а теперь меня заменяют машиной. - Он провел огромной красной ручищей по лбу и оперся на стол капитана. - Ай да наука!

Двое полицейских, в недавнем прошлом служивших по той же части, мрачно кивнули.

-Да ты не горюй, - сказал капитан. - Мы тебя переведем в другой отдел, будешь ловить воров. Тебе понравится.

- Не пойму я, - жалобно сказал Селтрикс. - Какая-то паршивая жестянка будет раскрывать преступления.

- Не совсем так, - поправил капитан. - Считается, что страж-птица предотвратит преступление и не даст ему совершиться.

- Тогда какое же это преступление? - возразил один из полицейских.

- Нельзя повесить человека за убийство, покуда он никого не убил, так я говорю?

- Не в том соль, - сказал капитан. - Считается, что страж-птица остановит человека, покуда он еще не убил.

- Стало быть, никто его не арестует? - спросил Селтрикс.

- Вот уж не знаю, как они думают с этим управляться, - признался капитан.

Помолчали. Капитан зевнул и стал разглядывать свои часы.

- Одного не пойму, - сказал Селтрикс, все еще опираясь на стол капитана. - Как они все это проделали? С чего началось?

Капитан испытующе на него посмотрел - не насмехается ли? Газеты уже сколько месяцев трубят про этих страж-птиц. А впрочем, Селтрикс из тех парней, что в газете, кроме как в новости спорта, никуда не заглядывают.

- Да вот, - заговорил капитан, припоминая, что он вычитал в воскресных приложениях, - эти самые ученые - они криминалисты. Значит, они изучали убийц, хотели разобраться, что в них неладно. Ну и нашли, что мозг убийцы излучает не такую волну, как у всех людей. И железы у него тоже как-то по особенному действуют. И все это как раз тогда, когда он собирается убить. Ну и вот, эти ученые смастерили такую машину - как дойдут до нее эти мозговые волны, так на ней загорается красная лампочка или вроде этого.

- Уче-оные, - с горечью протянул Селтрикс.

- Так вот, соорудили эту машину, а что с ней делать, не знают. Она огромная, с места не сдвинешь, а убийцы поблизости не так уж часто ходят, чтоб лампочка загоралась. "Тогда построили аппараты поменьше и испытали в некоторые полицейских участках. По-моему, и в нашем штате испытывали. Но толку все равно было чуть. Никак не поспеть вовремя на место преступления. Вот они и смастерили страж-птицу.

- Так уж они и остановят убийц, - недоверчиво сказал один полицейский.

- Ясно, остановят. Я читал, что показали испытания. Эти птицы чуют преступника прежде, чем он успеет убить. Налетают на него и ударяют током или вроде этого. И он уже ничего не может.

-Так что же, капитан, отдел розыска убийц вы прикрываете? - спросил Селтрикс.

- Ну, нет. Оставлю костяк, сперва поглядим, как эти птички будут справляться.

- Ха, костяк. Вот смех, - сказал Селтрикс.

- Ясно, оставлю, - повторил капитан. - Сколько-то людей мне понадобится. Похоже, эти птицы могут остановить не всякого убийцу.

- Что ж так?

- У некоторых убийц мозги не испускают таких волн, - пояснил капитан,

пытаясь припомнить, что говорилось в газетной статье. - Или, может, у них железы не так работают, или вроде этого.

- Так это их, что ли, птицам не остановить? - на профессионального интереса полюбопытствовал Селтрикс.

- Не знаю. Но я слыхал, эти чертовы птички устроены так, что скоро они всех убийц переловят.

- Как же это?

- Они учатся. Сами страж-птицы. Прямо как люди.

- Вы что, за дурака меня считаете?

- Вовсе нет.

- Ладно, - сказал Селтрикс. - А свой пугач я смазывать не перестану. На всякий пожарный случай. Не больно я доверяю ученой братии.

- Вот это правильно.

- Птиц каких-то выдумали!

И Селтрикс презрительно фыркнул.

Страж-птица взмыла над городом, медленно описывая плавную дугу. Алюминиевое тело поблескивало в лучах утреннего солнца, на недвижных крыльях играли огоньки. Она парила безмолвно.

Безмолвно, но все органы чувств начеку. Встроенная аппаратура подсказывала страж-птице, где она находится, направляла ее полет по широкой кривой наблюдения и поиска. Ее глаза и уши действовали как единое целое, выискивали, выслеживали.

И вот что-то случилось! С молниеносной быстротой электронные органы чувств уловили некий сигнал. Сопоставляющий аппарат исследовал его, сверил с электрическими и химическими данными, заложенными в блоках памяти. Щелкнуло реле.

Страж-птица по спирали помчалась вниз, к той точке, откуда, все усиливаясь, исходил сигнал. Она чуяла выделения неких желез, ощущала необычную волну мозгового излучения.

В полной готовности, во всеоружии описывала она круги, отсвечивая в ярких солнечных лучах.

Динелли не заметил страж-птицы, он был поглощен другим. Вскинув револьвер, он жалкими глазами уставился на хозяина бакалейной лавки.

- Не подходи!

- Ах ты, щенок! - рослый бакалейщик шагнул ближе. - Обокрасть меня вздумал? Да я тебе все кости переломаю!

Бакалейщик был то ли дурак, то ли храбрец - нимало не опасаясь револьвера, он надвигался на воришку.

- Ладно же! - выкрикнул насмерть перепуганный Динелли. - Получай, кровопийца...

Электрический разряд ударил ему в спину. Выстрелом раскидало завтрак, приготовленный на подносе.

- Что за черт? - изумился бакалейщик, тараща глаза на оглушенного вора, свалившегося к его ногам. Потом заметил серебряный блеск крыльев. - Ах, чтоб мне провалиться! Птички-то действуют!

Он смотрел вслед серебряным крыльям, пока они не растворились в синеве. Потом позвонил в полицию.

Страж-птица уже вновь описывала кривую и наблюдала. Ее мыслящий центр сопоставлял новые сведения, которые она узнала об убийстве. Некоторые из них были ей прежде неизвестны.

Эта новая информация мгновенно передалась всем другим страж-птицам, а их информация передалась ей.

Страж-птицы непрерывно обменивались новыми сведениями, методами, определениями.

Теперь, когда страж-птицы сходили с конвейера непрерывным потоком, Гелсен позволил себе вздохнуть с облегчением. Работа идет полным ходом, завод так и гудит. Заказы выполняются без задержки, прежде всего для крупнейших городов, а там доходит черед и до мелких городишек и поселков.

- Все идет как по маслу, шеф, - доложил с порога Макинтайр: он только что закончил обычный обход.

- Отлично, Присядьте.

Инженер грузно опустился на стул, закурил сигарету.

- Мы уже немало времени занимаемся этим делом, - заметил Гелсен, не зная, с чего начать.

- Верно, - согласился Макинтайр.

Он откинулся на спинку стула и глубоко затянулся. Он был одним из тех инженеров, которые наблюдали за созданием первой страж-птицы. С тех пор прошло шесть лет. Все это время Макинтайр работал у Гелсена, и они стали друзьями.

- Вот что я хотел спросить... - Гелсен запнулся. Никак не удавалось выразить то, что было на уме. Вместо этого он спросил: - Послушайте, Мак, что вы думаете о страж-птицах?

- Я-то? - Инженер усмехнулся. С того часа, как зародился первоначальный замысел, Макинтайр был неразлучен со страж-птицей во сне и наяву, за обедом и за ужином. Ему и голову не приходило как-то определять свое к ней отношение. - Да что, замечательная штука.

-Я не о том, - сказал Гелсен. Наконец-то он догадался, чего ему не

хватало: чтобы хоть кто-то его понял. - Я хочу сказать, вам не кажется,
что это опасно, когда машина думает?
- Да нет, шеф. А почему вы спрашиваете?
- Слушайте, я не ученый и не инженер. Мое дело подсчитать издержки и
сбыть продукцию, а какова она - это уж ваша забота Но я человек простой,
и, честно говоря, страж-птица начинает меня пугать.
- Пугаться нечего.
- Не нравится мне это обучающееся устройство.
- Ну, почему же? - Макинтайр снова усмехнулся. - А, понимаю. Так
многие рассуждают, шеф: вы боитесь, вдруг ваши машинки проснутся и скажут
- а чем это мы занимаемся? Давайте лучше править миром! Так, что ли?
- Пожалуй, вроде этого, - признался Гелсен.
- Ничего такого не случится, - заверил Макинтайр. - Страж-птица -
машинка сложная, верно, но Массачусетский Электронный вычислитель куда
сложнее. И все-таки у него нет разума.
- Да, но страж-птицы умеют учиться.
- Ну конечно. И все новые вычислительные машины тоже умеют. Так что
же, по-вашему, они вступят в сговор со страж-птицами?
Гелсена взяла досада - и на Макинтайра и еще того больше на самого
себя: охота была смешить людей...
- Так ведь страж-птицы сами переводят свою науку в дело. Никто их не
контролирует.
- Значит, вот что вас беспокоит, - сказал Макинтайр.
- Я давно уже подумываю заняться чем-нибудь другим, - сказал Гелсен
(до последней минуты он сам этого не понимал).
- Послушайте, шеф. Хотите знать, что я об этом думаю как инженер?
- Ну-ка?
- Страж-птица ничуть не опаснее, чем автомобиль, счетная машина или
термометр. Разума и воли у нее не больше. Просто она так сконструирована,
что откликается на определенные сигналы и в ответ выполняет определенные
действия.
- А обучающееся устройство?
- Без него нельзя, - сказал Макинтайр терпеливо, словно объяснял
задачу малому ребенку. - Страж-птица должна пресекать всякое покушение на
убийство - так? Ну, а сигналы исходят не от всякого убийцы. Чтобы помешать
им всем, страж-птице надо найти новые определения убийства и сопоставить
их с теми, которые ей уже известны.
- По-моему, это против человеческой природы, - сказал Гелсен. - Вот и
прекрасно. Страж-птица не знает никаких чувств. И рассуждает не так, как
люди. Ее нельзя ни подкупить, ни одурачить. И запугать тоже нельзя. На

столе у Гелсена зажужжал вызов селектора. Он и не посмотрел в ту сторону.

- Все это я знаю, - сказал он Макинтайру. - А все-таки иногда я чувствую себя, как тот человек, который изобрел динамит. Он-то думал, эта штука пригодится только, чтоб корчевать пни. - Но вы-то не изобрели страж-птицу.

- Все равно я в ответе, раз я их выпускаю. Опять зажужжал сигнал вызова, и Гелсен сердито нажал кнопку. - Пришли отчеты о работе страж-птиц за первую неделю, - раздался голос секретаря.

- Ну и как?

- Великолепно, сэр!

- Пришлете мне их через четверть часа. - Гелсен выключил селектор и опять повернулся к Макинтайру; тот спичкой чистил ногти. - А вам не кажется, что человеческая мысль как раз к этому и идет? Что людям нужен механический бог? Электронный наставник?

- Я думаю, вам бы надо получше познакомиться со страж-птицей, шеф, - заметил Макинтайр. - Вы знаете, что собой представляет это обучающееся устройство?

- Только в общих чертах.

- Во-первых, поставлена задача. А именно: помешать живым существам совершать убийства. Во-вторых, убийство можно определить как насилие, которое заключается в том, что одно живое существо ломает, увечит, истязает другое существо или иным способом нарушает его жизнедеятельность. В-третьих, убийство почти всегда можно проследить по определенным химическим и электрическим изменениям в организме.

Макинтайр закурил новую сигарету и продолжал:

- Эти три условия обеспечивают постоянную деятельность птиц. Сверх того есть еще два условия для аппарата самообучения. А именно, в-четвертых, некоторые существа могут убивать, не проявляя признаков, перечисленных в условии номер три. В-пятых, такие существа могут быть обнаружены при помощи данных, подходящих к условию номер два.

- Понимаю, - сказал Гелсен.

- Сами видите, все это безопасно и вполне надежно.

- Да, наверно... - Гелсен замялся. - Что ж, пожалуй, все ясно.

- Вот и хорошо.

Инженер поднялся и вышел.

Еще несколько минут Гелсен раздумывал. Да, в страж-птице просто не может быть ничего опасного.

- Давайте отчеты, - сказал он по селектору.

Высоко над освещенными городскими зданиями парила страж-птица. Уже

смерклось, но поодаль она видела другую страж-птицу, а там и еще одну. Ведь город большой.

Не допускать убийств...

Работы все прибавлялось. По незримой сети, связующей всех страж-птиц между собой, непрестанно передавалась новая информация. Новые данные, новые способы выслеживать убийства.

Вот оно! Сигнал) Две страж-птицы разом рванулись вниз. Одна восприняла сигнал на долю секунды раньше другой и уверенно продолжала спускаться. Другая вернулась к наблюдению.

Условие четвертое: некоторые живые существа способны убивать, не проявляя признаков, перечисленных в условии третьем.

Страж-птица сделала выводы из вновь полученной информации и знала теперь, что, хотя это существо и не издает характерных химических и электрических запахов, оно все же намерено убить.

Насторожив все свои чувства, она подлетела ближе.

Выяснила, что требовалось, и спикировала.

Роджер Греко стоял, прислонясь к стене здания, руки в карманы. Левая рука сжимала холодную рукоять револьвера. Греко терпеливо ждал.

Он ни о чем не думал, просто ждал одного человека. Этого человека надо убить. За что, почему - кто его знает. Не все ли равно? Роджер Греко не из любопытных, отчасти за это его и ценят. И еще за то, что он мастер своего дела.

Надо аккуратно всадить пулю в башку незнакомому человеку. Ничего особенного - и не волнует и не противно. Дело есть дело, не хуже всякого другого. Убиваешь человека. Ну и что?

Когда мишень появилась в дверях, Греко вынул из кармана револьвер. Спустил предохранитель, перебросил револьвер в правую руку. Все еще ни о чем не думая, прицелился...

И его сбило с ног.

Он решил, что в него стреляли. С трудом поднялся на ноги, огляделся и, щурясь сквозь застлавший глаза туман, снова прицелился.

И опять его сбило с ног.

На этот раз он попытался нажать спуск лежа. Не пасовать же. Кто-кто, а он мастер своего дела.

Опять удар, и все потемнело. На этот раз навсегда, ибо страж-птица обязана охранять объект насилия - чего бы это ни стоило убийце.

Тот, кто должен был стать жертвой, прошел к своей машине. Он ничего не заметил. Все произошло в молчании.

Гелсен чувствовал себя как нельзя лучше. Страж-птицы работают

превосходно. Число убийств уже сократилось вдвое и продолжает падать. В темных переулках больше не подстерегают никакие ужасы. После захода солнца незачем обходить стороной парки и спортплощадки.

Конечно, пока еще остаются грабежи. Процветают мелкие кражи, хищения, мошенничество, подделки и множество других преступлений.

Но это не столь важно. Потерянные деньги можно возместить, потерянную жизнь не вернешь.

Гелсен готов был признать, что он неверно судил о страж-птицах. Они и вправду делают дело, с которым люди справиться не могли.

Именно в это утро появился первый намек на неблагополучие.

В кабинет вошел Макинтайр Молча остановился перед шефом. Лицо озабоченное и немного смущенное.

- Что случилось, Мак? - спросил Гелсен.

- Одна страж-птица свалила мясника на бойне. Чуть не прикончила.

Гелсен минуту подумал. Ну да, понятно. Обучающееся устройство страж-птицы вполне могло определить убой скота как убийство.

- Передайте на бойни, пускай там введут механизацию. Мне и самому всегда претило, что животных забивают вручную.

- Хорошо, - сдержанно сказал Макинтайр, пожал плечами и вышел.

Гелсен остановился у стола и задумался. Стало быть, страж-птица не знает разницы между убийцей и человеком, который просто исполняет свою работу? Похоже, что так. Для нее убийство всегда убийство. Никаких исключений. Он нахмурился. Видно, этим самообучающимся устройствам еще требуется доводка.

А впрочем, не очень большая. Просто надо сделать их более разборчивыми.

Он опять сел за стол и углубился в бумаги, стараясь отогнать давний, вновь пробудившийся страх.

Преступника привязали к стулу, приладили к ноге электрод.

- О-о, - простонал он, почти не сознавая, что с ним делают.

На бритую голову надвинули шлем, затянули последние ремни. Он все еще негромко стонал.

И тут в комнату влетела страж-птица. Откуда она появилась, никто не понял. Тюрьмы велики, стены их прочны, на всех дверях запоры и засовы, и однако страж-птица проникла сюда...

Чтобы предотвратить убийство.

- Уберите эту штуку! - крикнул начальник тюрьмы и протянул руку к кнопке.

Страж-птица сбила его с ног.

- Прекрати! - заорал один из караульных и хотел сам нажать кнопку.

И повалился на пол рядом с начальником тюрьмы.

- Это же не убийство, дура чертова! - рявкнул другой караульный и

вскинул револьвер, целясь в блестящую металлическую птицу, которая описывала круги под потолком.

Страж-птица оказалась проворнее, и его отшвырнуло к стене.

В комнате стало тихо. Немного погодя человек в шлеме захихикал. И снова умолк.

Страж-птица, чуть вздрагивая, повисла в воздухе. Она была начеку.

Убийство не должно совершиться!

Новые сведения мгновенно передались всем страж-птицам. Никем не контролируемые, каждая сама по себе, тысячи страж-птиц восприняли эти сведения и начали поступать соответственно.

Не допускать, чтобы одно живое существо ломало, увечило, истязало другое существо или иным способом нарушало его жизнедеятельность.
Дополнительный перечень действий, которые следует предотвращать.

- Но, пошла, окаянная! - заорал фермер Олистер и взмахнул кнутом.

Лошадь заартачилась, прянула в сторону, повозка затряслась и задребезжала.

- Пошла, сволочь! Ну!

Олистер снова замахнулся. Но кнут так и не опустился на лошадиную спину. Бдительная страж-птица почуяла насилие и свалила фермера наземь.

Живое существо? А что это такое? Страж-птицы собирали все новые данные, определения становились шире, подробнее. И понятно, работы прибавлялось.

Меж стволами едва виднелся олень. Охотник поднял ружье и тщательно прицелился.

Выстрелить он не успел.

Свободной рукой Гелсен отер пот со лба.

- Хорошо, - сказал он в телефонную трубку.

Еще минуту-другую он выслушивал льющийся по проводу поток брани, потом медленно опустил трубку на рычаг.

- Что там опять? - спросил Макинтайр.

Он был небрит, галстук развязался, ворот рубашки расстегнут.

- Еще один рыбак, - сказал Гелсен. - Страж-птицы не дают ему ловить рыбу, а семья голодает. Он спрашивает, что мы собираемся предпринять.

- Это уже сколько сотен случаев?

- Не знаю. Сегодняшнюю почту я еще не смотрел.

- Так вот, я уже понял, в чем наш просчет, - мрачно сказал Макинтайр.

У него было лицо человека, который в точности выяснил, каким образом он взорвал земной шар... но выяснил слишком поздно.

- Ну-ну, я слушаю.

- Все мы сошлись на том, что всякие убийства надо прекратить. Мы считали, что страж-птицы будут рассуждать так же, как и мы. А следовало точно определить все условия.

- Насколько я понимаю, нам самим надо было толком уяснить, что за штука убийство и откуда оно, а уж тогда можно было бы все как следует уточнить. Но если б мы это уяснили, так на что нам страж-птицы?

- Ну, не знаю. Просто им надо было втолковать, что некоторые вещи не убийство, а только похоже.

- А все-таки почему они мешают рыбакам? - спросил Гелсен.

- А почему бы и нет? Рыбы и звери - живые существа. Просто мы не считаем, что ловить рыбу или резать свиней - убийство.

Зазвонил телефон. Гелсен со злостью нажал кнопку селектора.

- Я же сказал: больше никаких звонков. Меня нет. Ни для кого.

- Это из Вашингтона, - ответил секретарь. - Я думал...

-Ладно, извините. - Гелсен снял трубку. - Да, Очень неприятно, что и говорить... Вот как? Хорошо, конечно, я тоже распоряжусь.

И дал отбой.

- Коротко и ясно, - сказал он Макинтайру. - Предлагаются временно прикрыть лавочку.

- Не так это просто, - возразил Макинтайр. - Вы же знаете, страж-птицы действуют сами по себе, централизованного контроля над ними нет. Раз в неделю они прилетают на техосмотр. Тогда и придется по одной их выключать.

- Ладно, надо этим заняться. Монро уже вывел из строя Примерно четверть всех своих птиц.

- Надеюсь, мне удастся придумать для них сдерживающие центры, - сказал Макинтайр.

-Прекрасно. Я счастлив, - с горечью отозвался Гелсен.

Страж-птицы учились очень быстро, познания их становились богаче, разнообразнее. Отвлеченные понятия, поначалу едва намеченные, расширялись, птицы действовали на их основе - и понятия вновь обобщались и расширялись.

Предотвратить убийство..

Металл и электроны рассуждают логично, но не так, как люди.

Живое существо? Всякое живое существо? И страж-птицы принялись охранять все живое на свете.

Муха с жужжанием влетела в комнату, опустилась на стол, помешкала немного, перелетела на подоконник.

Старик подкрался к ней, замахнулся свернутой в трубку газетой.

Убийца!

Страж-птица ринулась вниз и в последний миг спасла муху.

Старик еще минуту корчился на полу, потом замер.

Его ударило совсем чуть-чуть, но для слабого, изношенного сердца было довольно и этого.

Зато жертва спасена, это главное. Спасай жертву, а нападающий пусть получает по заслугам.

-Почему их не выключают?! - в ярости спросил Гелсен.

Помощник инженера по техосмотру показал рукой в угол ремонтной мастерской. Там, на полу, лежал старший инженер. Он еще не оправился от шока.

- Вот он хотел выключить одну, - пояснил помощник. Он стиснул руки и едва Одерживал дрожь.

- Что за нелепость! У них же нет никакого чувства самосохранения.

- Тогда выключайте их сами. Да они, наверно, больше и не станут прилетать.

Что же происходит? Гелсен начал соображать что к чему. Страж-птицы еще не определили окончательно, чем же отличается живое существо от неживых предмете. Когда на заводе Монро некоторых из них выключили, остальные, видимо, сделали из этого свои выводы. Поневоле они пришли к заключению, что они и сами - живые существа. Никто никогда не внушал им обратного. И несомненно, они во многих отношениях действуют как живые организмы. На Гелсена нахлынули прежние страхи. Он содрогнулся и поспешно вышел из ремонтной. Надо поскорей отыскать Макинтайра!

Сестра подала хирургу тампон.

- Скальпель!

Она вложила ему в руку скальпель. Он начал первый разрез. И вдруг заметил неладное.

- Кто впустил сюда эту штуку?

- Не знаю, - отозвалась сестра, голос ее из-за марлевой повязки прозвучал глухо.

- Уберите ее.

Сестра замахала руками на блестящую крылатую машинку, но та, подрагивая, повисла у нее над головой.

Хирург продолжал делать разрез... но недолго это ему удавалось. Металлическая птица отогнала его в сторону и насторожилась, охраняя пациента.

- Позвоните на фабрику! - распорядился хирург. - Пускай они ее выключат.

Страж-птица не могла допустить, чтобы над живым существом совершили насилие.

Хирург беспомощно смотрел, как на операционном столе умирает больной.

Страж-птица парила высоко над равниной, изрезанной бегущими во все стороны дорогами, и наблюдала, и ждала. Уже много недель она работала без

отдыха и без ремонта. Отдых и ремонт стали недостижимы - не может же страж-птица допустить, чтобы ее - живое существо - убили! А между тем птицы, которые возвращались на техосмотр, были убиты.

В программу страж-птиц был заложен приказ через определенные промежутки времени возвращаться на фабрику. Но страж-птица повиновалась приказу более непреложному: охранять жизнь, в том числе и свою собственную.

Признаки убийства бесконечно множились, определение так расширилось, что охватить его стадо немыслимо. Но страж-птицу это не занимало. Она откликалась на известные сигналы, откуда бы они ни исходили, каков бы ни был их источник.

После того как страж-птицы открыли, что они и сами живые существа, в блоках их памяти появилось новое определение живого организма. Оно охватывало многое множество видов и подвидов.

Сигнал! В сотый раз за этот день страж-птица легла на крыло и стремительно пошла вниз, торопясь помешать убийству.

Джексон зевнул и остановил машину у обочины. Он не заметил в небе сверкающей точки. Ему незачем было остерегаться. Ведь по всем человеческим понятиям он вовсе не замышлял убийства.

Самое подходящее местечко, чтобы вздремнуть, - подумал он. Семь часов без передышки вел машину, не диво, что глаза слипаются. Он протянул руку, хотел выключить зажигание...

И что-то отбросило его к стенке кабины.

- Ты что, сбесилась? - спросил он сердито. - Я ж только хотел...

Он снова протянул руку, и снова его ударило.

У Джексона хватило ума не пытаться в третий раз. Он каждый день слушал радио и знал, как поступают страж-птицы с непокорными упрямцами.

- Дура железная, - сказал он повисшей над ним механической птице. - Автомобиль не живой. Я вовсе не хочу его убить.

Но страж-птица знала одно: некоторые действия прекращают деятельность организма. Автомобиль, безусловно, деятельный организм, Ведь он из металла, как и сама страж-птица, не так ли? И при этом движется...

- Без ремонта и подзарядки у них истощится запас энергии, - сказал Макинтайр, отодвигая груду спецификаций.

- А когда это будет? - осведомился Гелсен.

- Через полгода, через год. Для верности скажем - год.

- Год... - повторил Гелсен. - Тогда всему 'конец. Слыхали последнюю новость?

- Что такое?

- Страж-птицы решили, что Земля - живая. И не дают фермерам пахать. Ну и все прочее, конечно, тоже живое: кролики, жуки, мухи, волки, москиты, львы, крокодилы, вороны и всякая мелочь вроде микробов.

- Это я знаю, - сказал Макинтайр.

- А говорите, они выдохнутся через полгода или через год. Сейчас-то как быть? Через полгода мы помрем с голоду.

Инженер потер подбородок.

- Да, мешкать нельзя. Равновесие в природе летит к чертям.

- Мешкать нельзя - это мягко сказано. Надо что-то делать немедля. - Гелсен закурил сигарету, уже тридцать пятую за этот день. - По крайней мере я могу теперь заявить: "Говорил я вам!" Да вот беда - не утешает. Я так же виноват, как все прочие ослы - машинопоклонники.

Макинтайр не слушал. Он думал о страж-птицах.

- Вот, к примеру, в Австралии мор на кроликов.

- Всюду растет смертность, - сказал Гелсен. - Голод. Наводнения. Нет возможности валить деревья. Врачи не могут... что вы сказали про Австралию?

- Кролики мрут, - повторил Макинтайр. - В Австралии их почти не осталось.

- Почему? Что еще стряслось?

- Там объявился какой-то микроб, который поражает одних кроликов. Кажется, его переносят москиты...

- Действуйте, - сказал Гелсен. - Изобретите что-нибудь. Срочно свяжитесь по телефону с инженерами других концернов. Да поживее. Может, все вместе что-нибудь придумаете.

- Есть, - сказал Макинтайр, схватил бумагу, перо и бросился к телефону.

- Ну, что я говорил? - воскликнул сержант Селтрикс и, ухмыляясь, поглядел на капитана. - Говорил я вам, что все ученые - психи?

- Я, кажется, не спорил, - заметил капитан.

- А все ж таки сомневались.

- Зато теперь не сомневаюсь. Ладно, ступай. У тебя работы невпроворот.

- Знаю. - Селтрикс вытащил револьвер, проверил, в порядке ли, и вновь сунул в кобуру. - Все наши парни вернулись, капитан?

- Все? - Капитан невесело засмеялся. - Да в нашем отделе теперь в полтора раза больше народу. Столько убийств еще никогда не бывало.

-Ясно, - сказал Селтрикс. - Страж-птицам недосуг, они нянчатся с грузовиками и не дают паукам жрать мух.

Он пошел было к дверям, но обернулся и на прощанье выпалил:

- Верно вам говорю, капитан, все машины-дуры безмозглые.

Капитан кивнул.

Тысячи страж-птиц пытались помешать несчетным миллионам убийств - безнадежная затея! Но Страж-птицы не знали, что такое надежда. Не наделенные сознанием, они не радовались успехам и не страшились неудач. Они терпеливо делали свое дело, исправно отзываясь на каждый полученный сигнал.

Они не могли поспеть всюду сразу, но в этом и не было нужды. Люди быстро поняли, что может не понравиться страж-птицам, и старались ничего такого не делать. Иначе попросту опасно. Эти птицы чересчур быстры и чутки - оглянуться не успеешь, а она уже тебя настигла.

Теперь они поблажки не давали. В их первоначальной программе заложено было требование: если другие средства не помогут, убийцу надо убить.

Чего ради щадить убийцу?

Это обернулось самым неожиданным образом. Страж-птицы обнаружили, что за время их работы число убийств и насилии над личностью стало расти в геометрической прогрессии. Это было верно постольку, поскольку их определение убийства непрестанно расширялось и охватывало все больше разнообразнейших явлений Но для страж-птиц этот рост означал лишь, что прежние и методы несостоятельны. Простая логика. Если способ А не действует, испробуй способ В. Страж-птицы стали разить насмерть.

Чикагские бойни закрылись, и скот в хлевах издыхал с голоду, потому что фермеры Среднего Запада не могли косить траву на сено и собирать урожай.

Никто с самого начала не объяснил страж-птицам, что вся жизнь на Земле опирается на строго уравновешенную систему убийств.

Голодная смерть страж-птиц не касалась, ведь она наступала оттого, что какие-то действия не совершились.

А их интересовали только действия, которые совершаются.

Охотники сидели по домам, свирепо глядя на парящие в небе серебряные точки; руки чесались сбить их мелким выстрелом! Но стрелять не пытались. Страж-птицы мигом чуяли намерения возможного убийцы и карали не мешкая.

У берегов Сан-Педро и Глостера праздно покачивались на приколе рыбачьи лодки. Ведь рыбы - живые существа.

Фермеры плевались, и сыпали проклятиями, и умирали в напрасных попытках сжать хлеб. Злаки - живые, их надо защищать. И картофель с точки зрения страж-птицы живое существо ничуть не хуже других. Гибель полевой былинки равноценна убийству президента с точки зрения страж-птицы.

Ну и, разумеется, некоторые машины тоже живые. Вполне логично, ведь и страж-птицы - машины, и притом живые.

Помилуй вас боже, если вы вздумали плохо обращаться со своим радиоприемником. Выключить приемник - значит его убить. Ясно же: голос его умолкает, лампы меркнут, и он становится холодный.

Страж-птицы старались охранять и других своих подопечных. Волков казнили за покушения на кроликов. Кроликов истребляли за попытки грызть зелень. Плющ сжигали за то, что он старался удавить дерево.

Покарали бабочку, которая пыталась нанести розе оскорбление действием.

Но за всеми преступлениями проследить не удавалось - страж-птиц не хватало. Даже миллиард их не справился бы с непомерной задачей, которую поставили себе тысячи.

И вот над страной бушует смертоносная орла, десять тысяч молний бессмысленно и слепо разят и убивают по тысяче раз на дню.

Молнии, которые предчувствуют каждый твой шаг и карают твои помыслы.

- Прошу вас, джентльмены! - взмолился представитель президента. - Нам нельзя терять время.

Семеро предпринимателей разом замолчали.

- Пока наше совещание официально не открыто, я хотел бы кое-что сказать, - заявил председатель компании Монро. - Мы не считаем себя ответственными за теперешнее катастрофическое положение. Проект выдвинуло правительство, пускай оно и несет всю моральную и материальную ответственность.

Гелсен пожал плечами. Трудно поверить, что всего несколько недель назад эти самые люди жаждали славы спасителей мира. Теперь, когда спасение не удалось, они хотят одного: свалить с себя ответственность!

- Уверяю вас, об этом сейчас нечего беспокоиться, - заговорил представитель. - Нам нельзя терять время. Ваши инженеры отлично поработали. Я горжусь вашей готовностью сотрудничать и помогать в критический час. Итак, вам предоставляются все права и возможности - план намечен, проводите его в жизнь!

- Одну минуту! - сказал Гелсен.

- У нас каждая минута на счету.

- Этот план не годится.

- По-вашему, он невыполним?

- Еще как выполним. Только, боюсь, лекарство окажется еще злей, чем болезнь.

Шестеро фабрикантов свирепо уставились на Гелсена, видно было, что

они рады бы его придушить. Но он не смутился.

- Неужели мы ничему не научились? - спросил он. - Неужели вы не понимаете: человечество должно само решать свои задачи, а не передоверять это машинам.

-Мистер Гелсен, - прервал председатель компании Монро. - Я с удовольствием послушал бы, как вы философствуете, но, к несчастью, пока что людей убивают, Урожай гибнет. Местами в стране уже начинается голод. Со страж-птицей надо покончить - и немедленно!

- С убийствами тоже надо покончить. Помнится, все мы на этом сошлись. Только способ выбрали негодный!

- А что вы предлагаете? - спросил представитель президента.

Гелсен перевел дух. Призвал на помощь все свое мужество. И сказал:

- Подождем, пока страж-птицы сами выйдут из строя.

Взрыв возмущения был ему ответом. Представитель с трудом водворил тишину.

- Пускай эта история будет нам уроком, - уговаривал Гелсен. - Давайте признаемся: мы ошиблись, нельзя механизмами лечить недуги человечества. Попробуем начать сызнова. Машины нужны, спору нет, но в судьи, учителя и наставники они нам не годятся.

- Это просто смешно, - сухо сказал представитель, - Вы переутомились, мистер Гелсен. Постарайтесь взять себя в руки. - Он откашлялся. - Распоряжение президента обязывает всех вас осуществить предложенный сами план. - Он пронзил взглядом Гелсена. - Отказ равносилен государственной измене.

- Я сделаю все, что в моих силах, - сказал Гелсен.

- Прекрасно. Через неделю конвейеры должны давать продукцию.

Гелсен вышел на улицу один. Его опять одолевали сомнения. Прав ли он? Может, ему просто мерещится? И конечно, он не сумел толком объяснить, что его тревожит.

А сам-то он это понимает?

Гелсен вполголоса выругался. Почему он никогда не бывает хоть в чем-нибудь уверен? Неужели ему не на что опереться?

Он заторопился в аэропорт: надо скорее на фабрику...

Теперь страж-птица действовала уже не так стремительно и точно. От почти непрерывной нагрузки многие тончайшие части ее механизма износились и разладились. Но она мужественно отозвалась на новый сигнал.

Паук напал на муху. Страж-птица устремилась на выручку.

И тотчас ощутила, что над нею появилось нечто неизвестное. Страж-птица повернула навстречу.

Раздался треск, по крылу страж-птицы скользнул электрический разряд. Она ответила гневным ударом: сейчас врага поразит шок.

У нападающего оказалась прочная изоляция. Он снова метнул молнию. На этот раз током пробило крыло насквозь. Страж-птица бросилась в сторону, но враг настигал ее, извергая электрические разряды.

Страж-птица рухнула вниз, но успела послать весть собратьям. Всем, всем, всем! Новая опасность для жизни, самая грозная, сама убийственная!

По всей стране страж-птицы приняли сообщение. Их мозг заработал в поисках ответа.

- Ну вот, шеф, сегодня сбили пятьдесят штук, - сказал Макинтайр, входя в кабинет Гелсена.

- Великолепно, - отозвался Гелсен, не поднимая глаз.

- Не так уж великолепно. - Инженер опустился на стул. - Ох и устал же я! Вчера было сбито семьдесят две.

- Знаю, - сказал Гелсен.

Стол его был завален десятками исков, он в отчаянии пересылал их правительству.

- Думаю, они скоро наверстают, - пообещал Макинтайр. - Эти Ястребы отлично приспособлены для охоты на страж-птиц. Они сильнее, проворнее, лучше защищены. А быстро мы начали их выпускать, правда?

- Да уж...

- Но и страж-птицы тоже недурны, - прибавил Макинтайр. - Они учатся находить укрытие. Хитрят, изворачиваются, пробуют фигуры высшего пилотажа. Понимаете, каждая, которую сбивают, успевает что-то подсказать остальным.

Гелсен молчал.

- Но все, что могут страж-птицы. Ястребы могут еще лучше, - весело продолжал Макинтайр. - В них заложено обучающееся устройство специально для охоты, Они более гибки, чем страж-птицы. И учатся быстрее.

Гелсен хмуро поднялся, потянулся и отошел к окну. Небо было пусто. Гелсен посмотрел в окно и вдруг понял: с колебаниями покончено. Прав ли он, нет ли, но решение принято.

- Послушайте, - спросил он, все еще глядя в небо, - а на кого будут охотиться Ястребы, когда они перебьют всех страж-птиц?

- То есть как? - растерялся Макинтайр. - Н-ну... так ведь...

- Вы бы для безопасности сконструировали что-нибудь для охоты на Ястреба. На всякий случай, знаете ли.

- А вы думаете...

- Я знаю одно: Ястреб - механизм самоуправляющийся. Так же как и страж-птица. В свое время доказывали, что, если управлять страж-птицей на

расстоянии, она будет слишком медлительна. Заботились только об одном: получить эту самую страж-птицу, да поскорее. Никаких сдерживающих центров не предусмотрели.

– Может, мы теперь что-нибудь придумаем, – неуверенно сказал Макинтайр.

- Вы взяли и выпустили в воздух машину-агрессора. Машину-убийцу. Перед этим была машина против убийц. Следующую игрушку вам волей-неволей придется сделать еще более самостоятельной - так?

Макинтайр молчал.

- Я вас не виню, - сказал Гелсен. - Это моя вина.

Все мы в ответе, все до единого.

За окном в небе пронеслось что-то блестящее.

- Вот что получается, - сказал Гелсен. – А все потому, что мы поручаем машине дело, за которое должны отвечать сами.

Высоко в небе Ястреб атаковал страж-птицу. Бронированная машина-убийца за несколько дней многому научилась. У нее было одно-единственное назначение: убивать, Сейчас оно было направлено против совершенно определенного вида живых существ, металлических, как и сам Ястреб.

Но только что Ястреб сделал открытие: есть еще и другие разновидности живых существ...

Их тоже следует убивать.

Роберт ШЕКЛИ

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

пер. Ю.Виноградов

Эдселю хотелось кого-нибудь убить. Вот уже три недели работал он с Парком и Факсоном в этой мертвой пустыне. Они раскапывали каждый курган, попадавшийся им на пути, ничего не находили и шли дальше. Короткое марсианское лето близилось к концу. С каждым днем становилось все холоднее, с каждым днем нервы у Эдселя, и в лучшие времена не очень-то крепкие, понемногу сдавали. Коротышка Факсон был весел - он мечтал о куче денег, которые они получат, когда найдут оружие, а Парк молча тащился за ними, словно железный, и не произносил ни слова, если к нему не

обращались.

Эдсель был на пределе. Они раскопали еще один курган и опять не нашли ничего похожего на затерянное оружие марсиан. Водянистое солнце таращилось на них, на невероятно голубом небе были видны крупные звезды. Сквозь утепленный скафандр Эдселя начал просачиваться вечерний холодок, леденя суставы и сковывая мышцы.

Внезапно Эдселя охватило желание убить Парка. Этот молчаливый человек был ему не по душе еще с того времени, когда они организовали партнерство на Земле. Он ненавидел его больше, чем презирал Факсона.

Эдсель остановился.

- Ты знаешь, куда нам идти? - спросил он Парка зловеще низким голосом.

Парк только пожал плечами. На его бледном, худом лице ничего не отразилось.

- Куда мы идем, тебя спрашивают? - повторил Эдсель.

Парк опять молча пожал плечами.

- Пулю ему в голову, - решил Эдсель и потянулся за пистолетом.

- Подожди, Эдсель, - умоляющим тоном сказал Факсон, становясь между ними, - не выходи из себя. Ты только подумай о том, сколько мы загребем денег, если найдем оружие! - От этой мысли глаза маленького человечка загорелись. - Оно где-то здесь, Эдсель. Может быть, в соседнем кургане.

Эдсель заколебался, пристально поглядел на Парка. В этот миг больше всего на свете ему хотелось убивать, убивать, убивать...

Знай он там, на Земле, что все получится именно так! Тогда все казалось легким. У него был свиток, а в свитке... сведения о том, где спрятан склад легендарного оружия марсиан. Парк умел читать по-марсиански, а Факсон дал деньги для экспедиции. Эдсель думал, что им только нужно долететь до Марса и пройти несколько шагов до места, где хранится оружие.

До этого Эдсель еще ни разу не покидал Земли. Он не рассчитывал, что ему придется пробыть на Марсе так долго, замерзать от леденящего ветра, голодать, питаясь безвкусными концентратами, всегда испытывать головокружение от разреженного скудного воздуха, проходящего через обогатитель. Он не думал тогда о натруженных мышцах, ноющих оттого, что все время надо продираться сквозь густые марсианские заросли.

Он думал только о том, какую цену заплатит ему правительство, любое правительство, за это легендарное оружие.

- Извините меня, - сказал Эдсель, внезапно сообразив что-то, - это место действует мне на нервы. Прости, Парк, что я сорвался. Веди дальше.

Парк молча кивнул и пошел вперед. Факсон вздохнул с облегчением и двинулся за Парком.

"В конце концов, - рассуждал про себя Эдсель, - убить их я могу в любое время".

Они нашли курган к вечеру, как раз тогда, когда терпение Эдселя подходило к концу. Это было странное, массивное сооружение, выглядевшее точно так, как написано в свитке. На металлических стенках осел толстый слой пыли. Они нашли дверь.

- Дайте-ка я ее высажу, - сказал Эдсель и начал вытаскивать пистолет.

Парк оттеснил его и, повернув ручку, открыл дверь. Они вошли в огромную комнату, где грудами лежало сверкающее легендарное марсианское оружие, остатки марсианской цивилизации.

Люди стояли и молча смотрели по сторонам. Перед ними лежало сокровище, от поисков которого все уже давно отказались. С того времени, когда человек высадился на Марсе, развалины великих городов были тщательно изучены. По всей равнине лежали сломанные машины, боевые колесницы, инструменты, приборы - все говорило о цивилизации, на тысячи лет опередившей земную. Кропотливо расшифрованные письмена рассказали о жестоких войнах, бушевавших на этой планете. Однако в них не говорилось, что произошло с марсианами. Уже несколько тысячелетий на Марсе не было ни одного разумного существа, не осталось даже животных.

Казалось, свое оружие марсиане забрали с собой. Эдсель знал, что это оружие ценилось на вес чистого радия. Равного не было во всем мире.

Они сделали несколько шагов в глубь комнаты. Эдсель поднял первое, что ему попалось под руку. Похоже на пистолет 45-го калибра, только крупнее. Он подошел к раскрытой двери и направил оружие на росший неподалеку куст.

- Не стреляй! - испуганно крикнул Факсон, когда Эдсель прицелися. - Оно может взорваться или еще что-нибудь. Пусть им занимаются специалисты, когда мы все это продадим.

Эдсель нажал на спусковой рычаг. Куст, росший в семидесяти пяти футах от входа, исчез в ярко-красной вспышке.

- Неплохо, - заметил Эдсель, ласково погладил пистолет и, положив его на место, взял следующий.

- Ну хватит, Эдсель, - умоляюще сказал Факсон, - нет смысла испытывать здесь. Можно вызвать атомную реакцию или еще что-нибудь.

- Заткнись, - бросил Эдсель, рассматривая спусковой механизм нового пистолета.

- Не стреляй больше, - просил Факсон. Он умоляюще поглядел на Парка, ища его поддержки, но тот молча смотрел на Эдселя.

- Ведь что-то из того, что здесь лежит, возможно, уничтожило всю марсианскую расу. Ты снова хочешь заварить кашу, - продолжал Факсон.

Эдсель опять выстрелил и с удовольствием смотрел, как вдали плавился кусок пустыни.

- Хороша штучка! - Он поднял еще что-то, по форме напоминающее длинный жезл. Холода он больше не чувствовал. Эдсель забавлялся этими блестящими штучками и был в прекрасном настроении.

- Пора собираться, - сказал Факсон, направляясь к двери.

- Собираться? Куда? - медленно спросил его Эдсель.

Он поднял сверкающий инструмент с изогнутой рукояткой, удобно умещающейся в ладони.

- Назад, в космопорт, - ответил Факсон, - домой, продавать всю эту амуницию, как мы и собирались. Уверен, что мы можем запросить любую цену. За такое оружие любое правительство отвалит миллионы.

- А я передумал, - задумчиво протянул Эдсель. Краем глаза он наблюдал за Парком.

Тот ходил между грудами оружия, но ни к чему не прикасался.

- Послушай-ка, парень, - злобно сказал Факсон, глядя Эдселю в глаза, - в конце концов я финансировал экспедицию. Мы же собирались продать это барахло. Я ведь тоже имею право... То есть нет, я не то хотел сказать... - Еще не испробованный пистолет был нацелен ему прямо в живот. - Ты что задумал? - пробормотал он, стараясь не смотреть на странный блестящий предмет.

- Ни черта я не собираюсь продавать, - заявил Эдсель. Он стоял, прислонившись к стенке так, чтобы видеть обоих. - Я ведь и сам могу использовать эти штуки.

Он широко ухмыльнулся, не переставая наблюдать за обоими партнерами.

- Дома я раздам оружие своим ребятам. С ним мы запросто скинем какое-нибудь правительство в Южной Америке и продержимся, сколько захотим.

- Ну хорошо, - упавшим голосом сказал Факсон, не спуская глаз с направленного на него пистолета. - Только я не желаю участвовать в этом деле. На меня не рассчитывай.

- Пожалуйста, - ответил Эдсель.

- Ты только ничего не думай, я не собираюсь об этом болтать, - быстро

проговорил Факсон. - Я не буду. Просто не хочется стрелять и убивать. Так что я лучше пойду.

- Конечно, - сказал Эдсель.

Парк стоял в стороне, внимательно рассматривая свои ногти.

- Если ты устроишь себе королевство, я к тебе приеду в гости, - сказал Факсон, делая слабую попытку улыбнуться. - Может быть, сделаешь меня герцогом или еще кем-нибудь.

- Может быть.

- Ну и отлично. Желаю тебе удачи. - Факсон помахал ему рукой и пошел к двери.

Эдсель дал ему пройти шагов двадцать, затем поднял оружие и нажал на кнопку. Звука не последовало, вспышки тоже, но у Факсона правая рука была отсечена начисто. Эдсель быстро нажал кнопку еще раз. Маленького человечка рассекло надвое. Справа и слева от него на почве остались глубокие борозды.

Эдсель вдруг сообразил, что все это время он стоял спиной к Парку, и круто повернулся. Парк мог бы схватить ближайший пистолет и разнести его на куски. Но Парк спокойно стоял на месте, скрестив руки на груди.

- Этот луч пройдет сквозь что угодно, - спокойно заметил он. - Полезная игрушка.

Полчаса Эдсель с удовольствием таскал к двери то одно, то другое оружие. Парк к нему даже не притрагивался, с интересом наблюдая за Эдселем. Древнее оружие марсиан было как новенькое; на нем не сказались тысячи лет бездействия. В комнате было много оружия разного типа, разной конструкции и мощности. Изумительно компактные тепловые и радиационные автоматы, оружие, мгновенно замораживающее, и оружие сжигающее, оружие, умеющее рушить, резать, коагулировать, парализовать и другими способами убивать все живое.

- Давай-ка попробуем это, - сказал Парк.

Эдсель, собиравшийся испытать интересное трехствольное оружие, остановился.

- Я занят, не видишь, что ли?

- Перестань возиться с этими игрушками. Давай займемся серьезным делом.

Парк остановился перед низкой черной платформой на колесах. Вдвоем они выкатили ее наружу. Парк стоял рядом и наблюдал, как Эдсель поворачивал рычажки на пульте управления. Из глубины машины раздалось

негромкое гудение, затем ее окутал голубоватый туман. Облако тумана росло по мере того, как Эдсель поворачивал рычажок, и накрыло обоих людей, образовав нечто вроде правильного полушария.

- Попробуй-ка пробить ее из бластера, - сказал Парк. Эдсель выстрелил в окружающую их голубую стену. Заряд был полностью поглощен стеной. Эдсель испробовал на ней еще три разных пистолета, но они тоже не могли пробить голубоватую прозрачную стену.

- Сдается мне, - тихо произнес Парк, - что такая стена выдержит и взрыв атомной бомбы. Это, видимо, мощное силовое поле.

Эдсель выключил машину, и они вернулись в комнату с оружием. Солнце приближалось к горизонту, и в комнате становилось все темнее.

- А знаешь что? - сказал вдруг Эдсель. - Ты неплохой парень, Парк. Парень что надо.

- Спасибо, - ответил Парк, рассматривая кучу оружия.

- Ты не сердишься, что я разделался с Факсоном, а? Он ведь собирался донести на нас правительству.

- Наоборот, я одобряю.

- Уверен, что ты парень что надо. Ты мог бы меня убить, когда я стрелял в Факсона. - Эдсель умолчал о том, что на месте Парка он так бы и поступил.

Парк пожал плечами.

- А как тебе идея насчет королевства со мной на пару? - спросил Эдсель, расплывшись в улыбке. - Я думаю, мы это дело провернем. Найдем себе приличную страну, будет уйма девочек, развлечений. Ты как насчет этого?

- Я за, - ответил Парк, - считай меня в своей команде.

Эдсель похлопал его по плечу, и они пошли дальше вдоль рядов с оружием.

- С этим все довольно ясно, - продолжал Парк, - варианты того, что мы уже видели.

В углу комнаты они заметили дверь. На ней виднелась надпись на марсианскоя языке.

- Что тут написано? - спросил Эдсель.

- Что-то насчет абсолютного оружия, - ответил Парк, разглядывая тщательно выписанные буквы чужого языка, - предупреждают, чтобы не входили.

Парк открыл дверь. Они хотели войти, но от неожиданности отпрянули назад.

За дверью был зал, раза в три больше, чем комната с оружием, и вдоль

всех стен, заполняя его, стояли солдаты. Роскошно одетые, вооруженные до зубов, солдаты стояли неподвижно, словно статуи. Они не проявляли никаких признаков жизни.

У входа стоял стол, а на нем три предмета: шар размером с кулак, с нанесенными на нем делениями, рядом - блестящий шлем, а за ним- небольшая черная шкатулка с марсианскими буквами на крышке.

- Это что - усыпальница? - прошептал Эдсель, с благоговением глядя на резко очерченные неземные лица марсианских воинов.

Парк, стоявший позади него, не ответил. Эдсель подошел к столу и взял в руки шар. Осторожно повернул стрелку на одно деление.

- Как ты думаешь, что они должны делать? - спросил он Парка. - Ты думаешь...

Они оба вздрогнули и попятились. По рядам солдат прокатилось движение. Они качнулись и застыли в позе "смирно". Древние воины ожили.

Один из них, одетый в пурпурную с серебром форму, вышел вперед и поклонился Эдселю.

- Господин, наши войска готовы.

Эдсель от изумления не мог найти слов.

- Как вам удалось остаться живыми столько лет? - спросил Парк. - Вы марсиане?

- Мы слуги марсиан, - ответил воин.

Парк обратил внимание на то, что, когда солдат говорил, губы его не шевелились. Марсиансикие солдаты были телепатами.

- Мы Синтеты, господин.

- Кому вы подчиняетесь?

- Активатору, господин. - Синтет говорил, обращаясь непосредственно к Эдселю, глядя на прозрачный шар в его руках. - Мы не нуждаемся в пище или сне, господин. Наше единственное желание - служить вам и сражаться.

Солдаты кивнули в знак одобрения.

- Веди нас в бой, господин...

- Можете не беспокоиться, - сказал Эдсель, придя, наконец, в себя. - Я вам, ребята, покажу, что такое настоящий бой, будьте уверены.

Солдаты торжественно трижды прокричали приветствие. Эдсель ухмыльнулся, оглянувшись на Парка.

- А что обозначают остальные деления на циферблате? - спросил Эдсель.

Но солдат молчал. Видимо, вопрос не был предусмотрен введенной в него программой.

- Может быть, они активируют других Синтетов, - сказал Парк. - Наверное, внизу есть еще залы с солдатами.

- И вы еще спрашиваете, поведу ли я вас в бой? Еще как поведу!

Солдаты еще раз торжественно прокричали приветствие.

- Усыпи их и давай продумаем план действий, - сказал Парк.

Эдсель, все еще ошеломленный, повернул стрелку назад. Солдаты замерли, словно превратившись в статуи.

- Пойдем назад.

- Ты, пожалуй, прав.

- И захвати с собой все это, - сказал Парк, показывая на стол.

Эдсель взял блестящий шлем и черный ящик и вышел наружу вслед за Парком. Солнце почти скрылось за горизонтом, и над красной пустыней протянулись черные длинные тени. Было очень холодно, но они этого не чувствовали.

- Ты слышал. Парк, что они говорили? Слышал? Они сказали, что я их вождь! С такими солдатами...

Эдсель засмеялся. С такими солдатами, с таким оружием его ничто не сможет остановить. Да, уж он выберет себе королевство. Самые красивые девочки в мире, ну и повеселится же он...

- Я генерал! - крикнул Эдсель и надел шлем на голову.

- Как, идет мне. Парк? Похож я...

Он замолчал. Ему послышалось, будто кто-то что-то шепчет, бормочет. Что это?

- ... проклятый дурак. Тоже придумал королевство! Такая власть - это для гениального человека, человека, который способен переделать историю. Для меня!

- Кто это говорит? Ты, Парк? А? - Эдсель внезапно понял, что с помощью шлема он мог слышать чужие мысли, но у него уже не осталось времени осознать, какое это было бы оружие для правителя мира.

Парк аккуратно прострелил ему голову. Все это время пистолет был у него в руке.

"Что за идиот! - подумал про себя Парк, надевая шлем. - Королевство! Тут вся власть в мире, а он мечтает о каком-то вшивом королевстве". Он обернулся и посмотрел на пещеру.

"С такими солдатами, силовым полем и всем оружием я завоюю весь мир". Он думал об этом спокойно, зная, что так оно и будет.

Он собрался было назад, чтобы активировать Синтетов, но остановился и поднял маленькую черную шкатулку, выпавшую из рук Эдселя.

На ее крышке стремительным марсианским письмом было выгравировано: "Абсолютное оружие".

"Что бы это могло означать?" - подумал Парк. Он позволил Эдселю прожить ровно столько, чтобы испытать оружие. Нет смысла рисковать лишний раз. Жаль, что он не успел испытать и этого.

Впрочем, и не нужно. У него и так хватает всякого оружия. Но вот это,

последнее, может облегчить задачу, сделать ее гораздо более безопасной.

Что бы там ни было, это ему, несомненно, поможет.

- Ну, - сказал он самому себе, - давай-ка посмотрим, что считают абсолютным оружием сами марсиане, - и открыл шкатулку.

Из нее пошел легкий пар. Парк отбросил шкатулку подальше, опасаясь, что там ядовитый газ.

Пар прошел струей вверх и в стороны, затем начал сгущаться. Облако ширилось, росло и принимало какую-то определенную форму.

Через несколько секунд оно приняло законченный вид и застыло, возвышаясь над шкатулкой. Облако поблескивало металлическим отсветом в угасающем свете дня, и Парк увидел, что это огромный рот под двумя немигающими глазами.

- Хо-хо! - сказал рот. - Протоплазма! - Он потянулся к телу Эдселя.

Парк поднял дезинтегратор и тщательно прицелился.

- Спокойная протоплазма, - сказало чудовище, пожирая тело Эдселя, - мне нравится спокойная протоплазма, - и чудовище заглотало тело Эдселя целиком.

Парк выстрелил. Взрыв вырыл десятифутовую воронку в почве. Из нее выплыл гигантский рот.

- Долго же я ждал! - сказал рот.

Нервы у Парка сжались в тугой комок. Он с трудом подавил в себе надвигающийся панический ужас. Сдерживая себя, он не спеша включил силовое поле, и голубой шар окутал его.

Парк схватил пистолет, из которого Эдсель убил Факсона, и почувствовал, как удобно легла в его руку прикладистая рукоятка. Чудовище приближалось. Парк нажал на кнопку, и из дула вырвался прямой луч...

Оно продолжало приближаться.

- Сгинь, исчезни! - завизжал Парк. Нервы у него начали рваться.

Оно приближалось с широкой ухмылкой.

- Мне нравится спокойная протоплазма, - сказало Оно, и гигантский рот сомкнулся над Парком, - но мне нравится и активная протоплазма.

Оно глотнуло и затем выплыло сквозь другую стенку поля, оглядываясь по сторонам в поисках миллионов единиц протоплазмы, как бывало давным-давно.

Роберт ШЕКЛИ

БЕСКОНЕЧНЫЙ ВЕСТЕРН

Меня зовут Уошберн: просто Уошберн - для друзей, мистер Уошберн - для врагов и тех, кто со мной не знаком. В сущности, я уже сказал все, что хотел, дальше представляться нечего: вы видели меня тысячу раз (и на большом экране ближайшего телетеатра, и на маленьком экране платного телевизора в вашей квартире), как я еду верхом среди кактусов, мой знаменитый котелок надвинут на самые глаза, мой не менее знаменитый кольт сорок четвертого калибра со стволом семь с половиной дюймов поблескивает за ремешком у правой ноги. Но в настоящий момент я еду в большом "кадиллаке" с кондиционером, сидя между своим менеджером Гордоном Симмсом и женой Консуэлой. Мы свернули с государственного шоссе 101 и теперь трясемся по разбитой грязной дороге, которая скоро упрется в пост Уэллс-Фарго - один из входов на Съемочную Площадку. Симмс захлебываясь говорит что-то и массирует мне основание шеи, словно я боксер, готовящийся выйти на ринг. В каком-то смысле так оно и есть. Консуэла молчит. Она еще плохо знает английский. Мы женаты меньше двух месяцев. Моя жена - прелестнейшее из существ, какое только можно вообразить, она же в прошлом Мисс Чили и в прошлом же героиня боевика с гаучос, снятого в Буэнос-Айресе и Монтевидео. Сцена нашей поездки идет вне кадра. Этот кусок вам никогда не покажут: возвращение знаменитого стрелка, весь его путь из Бель-Эйра образца легкомысленно-нервозного 2031 года на добрый Старый Запад середины тысяча восьмисотых годов.

Симмс тараторит о каких-то капиталовложениях, которые я - он на этом настаивает - будто бы должен сделать, о каких-то новых бурениях морского дна (это очередной Симмсов прожект скорейшего обогащения, - прожект, потому что Симмс и так уже достаточно богат, а кто, скажите, не сколотил бы состояния, получая тридцать процентов со всех моих доходов? Да еще в течение всех десяти моих звездных лет?). Конечно, Симмс мне друг, но сейчас я не могу думать ни о каких инвестициях, потому что мы приближаемся к Площадке.

Консуэлу - она сидит справа от меня - бьет дрожь при виде знаменитого старого поста, иссеченного дождями и ветрами. Она так по-настоящему и не

поняла еще, что такое Бесконечный Вестерн. У себя в Южной Америке они до сих пор снимают фильмы на старомодный манер: все отрежиссировано и все - фальшь, и "пушки" палят только холостыми патронами. Консуэла не может понять, почему в самом популярном фильме Америки все должно быть взаправду, когда можно обойтись трюками и никто никого не убьет. Я пробовал объяснить ей суть, но на испанском это звучит как-то смешно.

Мой нынешний выход, к сожалению, не чета прежним: я прервал заслуженный отдых, чтобы сыграть всего лишь эпизодическую роль. Я заключил контракт "без убийств": знаменитый стрелок появится в комедийном эпизоде со Стариной Джеффом Мэнглзом и Натчезом Паркером. Никакого сценария, конечно, нет: в Вестерне его и не бывает. В любой ситуации мы сумеем сымпровизировать, - мы, актеры комедии дель арте Старого Запада. Консуэла совершенно этого не понимает. Она слышала о "контрактах на убийство", а контракт "без убийств" - это для нее нечто совсем уж новенькое.

Вот мы и приехали. Машина останавливается перед низким, некрашеным строением из сосновых досок. Все, что по сию сторону от поста, - это Америка двадцать первого века во всем блеске ее безотходного производства и утилизации вторсырья. По ту сторону строения раскинулся миллион акров прерий, гор, пустынь с тысячами скрытых камер и микрофонов - то, что и составляет Съемочную Площадку Бесконечного Вестерна.

Я уже одет, как полагается по роли: синие джинсы, рубашка в бело-синюю клетку, ботинки, котелок дерби, куртка из сыромятной кожи. Сбоку - револьвер весом три с четвертью фунта. По ту сторону строения, у коновязи, меня ожидает лошадь, все мое снаряжение уже упаковано в аккуратный вьюк из походного одеяла, приторoченный к седлу. Помощник режиссера осматривает меня и находит, что все в порядке: на мне нет ни наручных часов, ни прочих анахронизмов, которые бросились бы в глаза скрытым камерам.

- Отлично, мистер Уошберн, - говорит он. - Можете отправляться в любой момент, как только будете готовы.

Симмс в последний раз массирует мне спину, - мне, его надежде, его герою дня. Он возбужденно пританцовывает на цыпочках, он завидует мне, мечтает, чтобы это не я, а он сам ехал по пустыне - высокий неспешный

человек с ленивыми манерами и молниеносной смертью, таящейся у правой руки. Впрочем, куда Симмсу: он низенького роста, толстый, уже почти совсем лысый. На роль он, конечно, не годится, вот ему и приходится жить чужой жизнью.

Я олицетворяю зрелость Симмса, мы вместе бессчетное число раз пробирались опасной тропой, наш верный "сорок четвертый" очистил округу от всех врагов, и мы взяли в свои руки высшую власть, - мы - это самый лучший, никем не превзойденный стрелок на всем Диком Западе, абсолютный чемпион по скоростному выхватыванию револьвера, человек, который наконец отошел от дел, когда все враги были либо мертвы, либо не смели поднять головы...

Бедный Симмс, он всегда хотел, чтобы мы сыграли эту последнюю великую сцену - финальный грозный проход по какой-нибудь пыльной Главной улице.

Он хотел, чтобы мы, неотразимые, шли, высоко подняв голову, расправив плечи, - не за деньги, ибо заработали уже больше чем достаточно, а только ради славы, чтобы сошли со Сцены в сверкании револьверных вспышек, в наилучшей нашей форме, на вершине успеха. Я и сам мечтал об этом, но враги стали осторожнее, и последний год в Вестерне был для Уошберна совсем уже посмешищем: он разъезжал на лошади, зорко посматривая, что бы такое предпринять (шестизарядка всегда наготове!), однако не находилось никого, кто захотел бы испытать на нем свою реакцию. И взять даже нынешнюю эпизодическую роль... - для Симмса это издевательство над самими нашими устоями. Полагаю, что для меня это не меньшее оскорбление. (Трудно представить, где начинаюсь я и где кончается Симмс; трудно отделить то, чего хочу я, от того, чего желает Симмс, и уж вовсе невозможно без страха смотреть в лица фактам: нашим звездным годам в Вестерне приходит конец.)

Симмс правой рукой трясет мою кисть, левой крепко сдавливает мне плечо и не произносит ни слова - все в том мужественном стиле Вестерна, который он усвоил, годами ассоциируя себя со мной, будучи мной. Консуэла страстно сжимает меня в объятиях, в ее глазах слезы, она целует меня, она говорит, чтобы я побыстрее возвращался. Ах эти потрясающие первые месяцы с новой женой! Они великолепны... до той поры, пока не снизойдет вновь на

душу скука давно знакомой обыденности! Консуэла у меня четвертая по счету. В своей жизни я исходил множество троп, в большинстве одних и тех же, и вот теперь режиссер снова осматривает меня, отыскивая мазки губной помады, кивает: "все в порядке!" - и я отворачиваюсь от Консуэлы и Симмса, салютую им двумя пальцами - мой знаменитый жест! - и еду по скрипучему настилу поста Уэллс-Фарго на ТУ сторону в сияющий солнечный мир Бесконечного Вестерна.

Издалека камера берет одинокого всадника, который, словно муравей, ползет между искусно испещренных полосами стен каньона. Мы видим его в серии последовательных кадров на фоне разворачивающейся перед нами панорамы пустынного пейзажа. Вот он вечером готовит себе еду на маленьком костре, его силуэт четко вырисовывается на заднике пылающего неба, котелок дерби с небрежным изяществом сдвинут на затылок. Вот он спит, завернувшись в одеяло; угольки костра, угасая, превращаются в золу. Еще не рассвело, а всадник снова на ногах - варит кофе, готовясь к дневному переходу. Восход солнца застигает его уже верхом: он едет, прикрыв рукой глаза от слепящего света, сильно откинувшись назад, насколько позволяют свободные стремена, и предоставив лошади самой отыскивать дорогу на скалистых склонах.

Я одновременно и зритель, наблюдающий за собой как за актером со стороны, и актер, наблюдающий за собой - зрителем. Сбылась мечта детства: играть роль и в то же время созерцать, как мы играем ее. Я знаю, что мы никогда не перестаем играть и равным образом никогда не перестаем наблюдать за собой в процессе игры. Это просто ирония судьбы, что те героические картины, которые вижу я, совпадают с теми, что видите и вы, сидя перед своими маленькими экранчиками.

Вот всадник забрался на высокую седловину между двумя горами. Здесь холодно, дует горный ветер, воротник куртки наездника поднят, а котелок дерби привязан к голове ярким шерстяным шарфом. Глядя поверх плеча мужчины, мы видим далеко внизу поселок - совсем крохотный, затерянный в безмерности ландшафта. Мы провожаем глазами всадника: обругав уставшую лошадь последними словами, он начинает спуск к поселку.

Всадник в котелке дерби ведет на поводу лошадь по поселку Команч.

Здесь только одна улица - Главная улица, - с салуном, постоялым двором, платной конюшней, кузницей, лавкой; все старомодное и застывшее, как на дагерротипе времен Гражданской войны. Ветер пустыни постоянно дует над городком, и повсюду оседает тонкая пыль.

Всадника здесь знают. В толпе бездельников, собравшихся у лавки, слышны восклицания:

- Ого, это сам Уошберн!

Я одеревенелыми руками расседлываю лошадь у входа в конюшню - высокий, запыленный в дороге мужчина: пояс с кобурой опущен низко и висит свободно; потрескавшаяся, с роговыми накладками рукоятка "пушки" вызывающе торчит прямо под рукой. Я оборачиваюсь и потираю лицо - знаменитое, вытянутое, скорбное лицо: глубокая складка шрама, перерезавшего скулу, прищуренные немигающие серые глаза. Это лицо жесткого, опасного, непредсказуемого в действиях человека, и тем не менее он вызывает глубокую симпатию. Это я наблюдаю за вами, в то время как вы наблюдаете за мной.

Я выхожу из конюшни, и тут меня приветствует шериф Бен Уотсон - мой старый друг. Дочерна загоревшее лицо; длинные черные усы, подкрученные кверху; на жилете из гребенной шерсти тускло поблескивает жестяная звезда.

- Слышал, слышал, что ты в наших краях и можешь заскочить, - говорит он. - Слышал также, будто ты ненадолго уезжал в Калифорнию?

"Калифорния" - это наше специальное кодовое слово, обозначающее "отпуск", "отдых", "отставку".

- Так оно и есть, - говорю я. - Как здесь дела?

- Так себе, - отвечает Уотсон. - Не думаю, чтобы ты уже прослышал про Старину Джеффа Мэнглза.

Я жду. Шериф продолжает:

- Это стряслось только вчера. Старину Джеффа сбросила лошадь - там, в пустыне. Мы решили, что его коняга испугалась гремучки... Господь свидетель, я тысячу раз говорил ему, чтобы он продал эту здоровенную брыкливую бельмастую скотину. Но ты же знаешь Старину Джеффа...

- Что с ним? - спрашиваю я.

- Ну, это... Я же сказал. Лошадь сбросила его и потащила. Когда Джимми Коннерс нашел его, он был уже мертв.

Долгое молчание. Я сдвигаю котелок на затылок. Наконец говорю:

- Ладно, Бен, что ты еще хочешь мне сказать?

Шерифу не по себе. Он дергается, переминаясь с ноги на ногу. Я жду. Джефф Мэнглз мертв; эпизод, который я нанялся играть, провален. Как теперь будут развиваться события?

- Ты, должно быть, хочешь пить, - говорит Уотсон. - Что, если мы опрокинем по кружечке пивка?..

- Сначала - новости.

- Ну что ж... Ты когда-нибудь слыхал о ковбое по имени Малыш Джо Поттер из Кастрюльной Ручки*?

Я отрицательно качаю головой.

- Не так давно его занесло каким-то ветром в наши края. Вместе с репутацией быстрого стрелка. Ты ничего не слышал о перестрелке в Туин-Пикс?

Как только шериф называет это место, я тут же вспоминаю, что кто-то говорил о чем-то подобном. Но в "Калифорнии" меня занимали дела совершенно иного рода, и мне было не до перестрелок - вплоть до сегодняшнего дня.

- Этот самый Малыш Джо Поттер, - продолжал Уотсон, - вышел один против четверых. Какой-то у них там возник диспут по поводу одной дамы. Говорят, это была та еще драка. В конечном счете Малыш Джо отправил всех четырех на тот свет, и слава его, естественно, только возросла.

- И что? - спрашиваю я.

- Ну, значит, прошло время, и вот Малыш Джо играет в покер с какими-то ребятами в заведении Ядозуба Бенда... - Уотсон замолкает, чувствуя себя очень неловко. - Знаешь что, Уошберн, может, тебе лучше обменяться с Чарли Гиббсом? Ведь он разговаривал с человеком, который сам присутствовал при той игре. Да, лучше всего - поговори прямо с Чарли. Пока, Уошберн. Увидимся...

Шериф уходит восвояси, следуя неписаному закону Вестерна: сокращай диалоги до предела и давай другим актерам тоже принять участие в действии.

Я направляюсь к салуну. За мной следует какая-то личность - парнишка лет восемнадцати, от силы девятнадцати, долговязый, веснушчатый, в коротких, давно не по росту рабочих штанах и потрескавшихся ботинках. На боку у него "пушка". Чего он хочет от меня? Наверное, того же, что и все остальные.

Я вхожу в салун, мои шпоры гремят по дощатому полу. У стойки расположился Чарли Гиббс - толстый замызганный морщинистый мужичонка, вечно скалящий зубы. Он не вооружен, потому что Чарли Гиббс - комический персонаж, следовательно, он не убивает и его не убивают тоже. Чарли, помимо прочего, местный представитель Гильдии киноактеров.

Я покупаю ему спиртное и спрашиваю о знаменитой партии в покер с

участием Малыша Джо Поттера.

- Я слышал об этом от Техасца Джима Клэра. Ты ведь помнишь Техасца Джима? Хороший малый, он работает ковбоем на ферме Дональдсона. Так вот, Уошберн, Техасец Джим затесался в эту покерную компанию вместо отлучившегося Ядозуба Бенда. Страсти начали накаляться. Вот, наконец. на столе крупный банк, и Док Дэйли набавляет тысячу мексиканских долларов. Видать, Малышу Джо тоже очень нравились карты, что были у него на руках, но деньжат-то уже не осталось. Док высказывается в том смысле, что согласен взять и натурой, если только Малыш Джо выдумает кой-чего подходящее. Малыш Джо поразмыслил немного, а затем и говорит: "Сколько ты дашь за котелок мистера Уошберна?" Тут, конечно, все замолчали, потому что ведь к мистеру Уошберну никто так просто не подойдет и не стянет дерби, разве что прежде убьет человека, который под этим самым котелком. Но, с другой стороны, известно, что Малыш Джо не из хвастливых, к тому же он грамотно распорядился собой во время той самой перестрелки с четырьмя ребятами. И вот Док обдумал все и говорит: "Идет, Джо. Я прощу тебе тысячу за котелок Уошберна, и я с радостью заплачу тебе еще тысячу за место в первом ряду, когда ты будешь этот котелок снимать". "Место в первом ряду получишь даром, - отвечает Малыш Джо, - но только в том случае, если я сейчас проиграю, а я вовсе не собираюсь этого делать". Ставки сделаны, и оба открывают карты. Четыре валета Дока бьют четверку восьмерок Малыша Джо. Малыш Джо встает со стула, потягивается и говорит: "Что ж, Док, похоже на то, что ты получишь-таки свое место в первом ряду".

Чарли опрокидывает стаканчик и впивается в меня светлыми злыми глазками. Я киваю, высасываю свое питье и выхожу на задний двор, направляясь к уборной.

Уборная служит нам закадровой площадкой. Мы заходим сюда, когда нужно поговорить о чем-то, что не связано с контекстом Вестерна. Спустя несколько минут сюда является Чарли Гиббс. Он включает замаскированный кондиционер, вытаскивает из-за балки пачку сигарет, закуривает, садится и устраивается поудобнее. В качестве представителя Гильдии киноактеров Чарли проводит здесь довольно много времени, выслушивая наши жалобы и горести.

Это его контора, и он постарался обставить ее с максимально возможным
комфортом.
- Я полагаю, ты хочешь знать, что происходит? - спрашивает Чарли.
- Черт побери, конечно! - завожусь я. - Что это за чушь, будто Джо
Поттер собирается стянуть с меня котелок?
- Не горячись, - говорит Чарли, - все в порядке. Поттер - восходящая
звезда. Раз уж Джефф Мэнглз убился, то совершенно естественно было
схлестнуть Джо с тобой. Поттер согласился. Вчера запросили твоего агента,
и он возобновил контракт. Ты получишь чертову прорву денег за этот эпизод
со стрельбой.
- Симмс возобновил мой контракт? Не переговорив со мной?
- Тебя никак не могли найти. Симмс сказал, что с твоей стороны все
будет в полном ажуре. Он сделал заявление газетам, что не раз обговаривал
с тобой это дело и что ты всегда мечтал покинуть Вестерн с большим шумом,
в наилучшей своей форме, затеяв последнюю грандиозную стрельбу. Он сказал,
что ему не нужно даже обсуждать это с тобой, что вы с ним роднее братьев.
Симмс сказал, мол, он очень рад, коль скоро выпадает такой шанс, и знает
наверняка, что ты будешь рад тоже.
- Бог ты мой? Этот придурок Симмс!
- Он что, подложил тебе свинью? - спрашивает Чарли.
- Да нет, не совсем так. Даже совсем не так. Мы действительно много
говорили о финальном шоу. И я на самом деле сказал как-то, что хочу сойти
со сцены с большим...
- Но это были только разговоры? - перебивает Чарли.
- Не совсем...
Одно дело - рассуждать о перестрелке, когда ты уже в отставке и
сидишь в полной безопасности у себя дома в Бель-Эйре; и совершенно другое,
когда обнаруживаешь, что вовлечен в драку, будучи абсолютно к этому не
готов.
- Симмс никакой свиньи не подкладывал. Но он втянул меня в историю,
где я бы хотел решать сам за себя.
- Значит, ситуация такова, - говорит Чарли. - Ты свалял дурака, когда
трепал языком, будто мечтаешь о финальном поединке, а твой агент свалял
дурака, приняв этот треп за чистую монету.
- Похоже, так.
- И что ты собираешься делать?
- Скажу тебе, - говорю я, - но только если у меня пойдет разговор со
старым приятелем Чарли, а не с представителем Гильдии киноактеров Гиббсом.
- Заметано, - говорит Чарли.

- Я собираюсь расплеваться, - говорю я. - Мне тридцать семь, и я уже год как не баловался с "пушкой". К тому же у меня новая жена...

- Можешь не вдаваться в подробности, - перебивает Гиббс. - Жизнь прекрасна, короче не скажешь. Как друг, я тебя одобряю. Как представитель ГК, могу сказать, что гильдия тебя не поддержит, если ты вдруг разорвешь дорогостоящий контракт, заключенный твоим представителем по всем правилам. Если компания возбудит против тебя дело, ты останешься один-одинешенек.

- Лучше один-одинешенек, но живой, чем за компанию, но в могиле, - говорю я. - Этот Малыш Джо, он что, силен?

- Силен. Но не так силен, как ты, Уошберн. Лучше тебя я никого не видел. Хочешь все-таки повстречаться с ним?

- Не-а. Просто спрашиваю.

- Вот и стой на своем, - говорит Чарли. - Как друг, я советую тебе сматывать удочки и уйти в кусты. Ты уже вытянул из Вестерна все, что только можно: ты кумир, ты богат, у тебя прелестная новая жена. Куда ни глянь, все-то у тебя есть. Так что нечего здесь сшиваться и ждать, пока придет кто-нибудь и все это у тебя отнимет.

- А я и не собираюсь ошиваться, - говорю.

И вдруг обнаруживаю, что рука уже сама собой тянется к "пушке".

Я возвращаюсь в салун. Сажусь в одиночестве за столик. Передо мной - стаканчик виски, в зубах - тонкая черная мексиканская сигара. Надо обдумать ситуацию. Малыш Джо едет сюда с юга. Вероятно, он рассчитывает застать меня в Команче. Но я-то не рассчитывал здесь оставаться. Самое безопасное для меня - это отправиться назад той же дорогой, по которой я приехал, вернуться в Уэллс-Фарго и снова выйти в большой мир. Но так я тоже не хочу поступать. Я намерен покинуть Площадку через Бримстоун, что совсем в другом конце, в северо-восточном углу, и таким образом совершить прощальное турне по всей Территории. Пускай-ка они попробуют вычислить этот путь...

Внезапно длинная тень падает наискось через стол, чья-то фигура заслоняет свет. Еще не осознав, в чем дело, я скатываюсь со стула, "пушка" уже в руке, курок взведен, указательный палец напрягся на спусковом крючке. Тонкий испуганный мальчишеский голос:

- О! Простите меня, мистер Уошберн!

Это тот самый курносый веснушчатый парнишка, что раньше, как я

заметил, следил за мной. Он завороженно уставился на дуло моей "пушки". Он безумно напуган. Впрочем, черт возьми, он и должен быть напуган, раз уж разбудил мою реакцию после целого года бездействия.

Большим пальцем я снимаю с боевого взвода курок моего "сорок четвертого". Я встаю в полный рост, отряхиваюсь, поднимаю стул и сажусь на него. Бармен по кличке Кудрявый приносит мне новую порцию виски.

Я говорю парнишке:

- Послушай, парень, ты не нашел ничего более подходящего, чем вот так вырастать позади человека? Ведь самой малости не хватило, чтобы я отправил тебя к чертовой бабушке за здорово живешь.

- Извините, мистер Уошберн, - говорит он. - Я здесь новенький... Я не подумал... Я просто хотел сказать вам, как восхищаюсь вами...

Все правильно, это новичок. Видно, совсем еще свеженький выпускник Школы Мастерства Вестерна, которую все мы заканчиваем, прежде чем выходим на Площадку. Первые недели в Вестерне я и сам был таким же зеленым юнцом.

- Когда-нибудь, - говорит он, - я буду точно как вы. Я подумал, может, вы дадите мне несколько советов? У меня с собой старая "пушка"...

Парнишка выхватывает револьвер, и опять я реагирую прежде, чем успеваю осознать происходящее: выбиваю из его руки "пушку" и срубаю мальца с ног ударом кулака в ухо.

- Черт тебя подери! - кричу я. - У тебя что, совсем мозгов нет? Не смей вскакивать и выхватывать "пушку" так быстро, если не собираешься пустить ее в дело.

- Я только хотел показать... - говорит он, не поднимаясь с пола.

- Если ты хочешь, чтобы кто-нибудь взглянул на твою "пушку", - говорю я ему, - вынимай ее из кобуры медленно и легко, а пальцы держи снаружи от предохранительной скобы. И сначала объявляй, что ты собираешься делать.

- Мистер Уошберн, - говорит он, - не знаю, что и сказать.

- А ничего не говори, - отрезаю я. - Убирайся отсюда, и дело с концом. Сдается мне, от тебя только и жди несчастья. Валяй, показывай свою чертову "пушку" кому-нибудь другому.

- Может, мне показать ее Джо Поттеру? - спрашивает парнишка, поднимаясь с пола и отряхиваясь.

Он смотрит на меня. О Поттере я не сказал еще ни слова. Он судорожно сглатывает, понимая, что снова сел в лужу. Я медленно встаю.

- Изволь объяснить, что ты хочешь сказать.

- Я ничего не хочу сказать.

- Ты уверен в этом?

- Абсолютно уверен, мистер Уошберн. Простите меня!

- Пошел вон, - говорю я, и парнишка живо сматывается.

Я подхожу к стойке. Кудрявый вытаскивает бутылку виски, но я отмахиваюсь, и он ставит передо мной пиво.

- Кудрявый, - говорю я, - молодость есть молодость, и здесь винить некого. Но неужели нельзя ничего придумать, чтобы они хоть чуть-чуть поумнели?

- Думаю, что нет, мистер Уошберн, - отвечает Кудрявый.

Какое-то время мы помалкиваем. Затем Кудрявый говорит:

- Натчез Паркер прислал известие, что хочет видеть тебя.

- Понятно, - говорю я.

Наплыв: ранчо на краю пустыни. В отдельно стоящей кухоньке повар-китаец точит ножи. Один из работников, старина Фаррел, сидит на ящике и чистит картошку. Он поет за работой, склонившись над кучей очистков. У него длинное лошадиное лицо. Повар, о котором он и думать забыл, высовывается из окна и говорит:

- Кто-то идет.

Старина Фаррел поднимается с места, приглядывается, яростно чешет в копне волос, снова прищуривает глаза.

- Эх, нехристь ты, нехристь, китаеза. Это не просто кто-то, это как пить дать мистер Уошберн, или я - не я и зеленые яблочки - не творение господне.

Старина Фаррел поднимается, подходит к фасаду главной усадьбы и кричит:

- Эй, мистер Паркер! К нам едет мистер Уошберн!

Уошберн и Паркер сидят вдвоем за маленьким деревянным столиком в гостиной Натчеза Паркера. Перед ними кружки с дымящимся кофе. Паркер - крупный усатый мужчина - сидит на деревянном стуле с прямой спинкой, его высохшие ноги укутаны индейским одеялом. Ниже пояса он парализован: в давние времена пуля раздробила позвоночник.

- Ну что же, Уошберн, - говорит Паркер, - я, как и все мы на Территории, наслышан об этой твоей истории с Малышом Джо Поттером. Жутко представить, что за встреча у вас выйдет. Хотелось бы на нее посмотреть со стороны.

- Я и сам не прочь посмотреть на нее со стороны, - говорю я.

- И где же вы намерены встречаться?

- Полагаю, в аду.

Паркер подается вперед:

- Что это значит?

- Это значит, что я не собираюсь встречаться с Малышом Джо. Я направляюсь в Бримстоун, а оттуда - все прямо и прямо, подальше от Малыша Джо и всего вашего чертова Дикого Запада.

Паркер подается вперед и зверски дерет пальцами свои седые лохмы. Его большое лицо собирается в складки, словно он впился зубами в гнилое яблоко.

- Удираешь? - спрашивает он.

- Удираю, - говорю я.

Старик морщится, отхаркивается и сплевывает на пол.

- Из всех людей, способных на такое, меньше всего я ожидал услышать это от тебя. Никогда не думал, что увижу, как ты попираешь ценности, во имя которых всегда жил.

- Натчез, они никогда не были моими ценностями. Они достались мне готовенькими, вместе с ролью. Теперь я завязал с ролью и готов вернуть ценности.

Старик какое-то время переваривал все это. Затем заговорил:

- Что с тобой творится, дьявол тебя забери?! Ты что, в одночасье уразумел, что нахапал уже достаточно? Или просто струсил?

- Называй как хочешь, - говорю. - Я заехал, чтобы известить тебя. У меня перед тобой должок.

- Ну не прелесть ли он?! - скалится Паркер. - Он мне кое-что должен, и это не дает ему покоя, поэтому он считает, что обязан как меньшее из зол заехать ко мне и сообщить, что удирает от какого-то наглого юнца с "пушкой", у которого за плечами всего одна удачная драка.

- Не перегибай!

- Послушай, Том... - говорит он.

Я поднимаю глаза. Паркер - единственный человек на всей Территории, который порой называет меня по имени. Но делает это очень нечасто.

- Смотри сюда, - говорит он. - Я не любитель цветистых речей. Но ты не можешь просто взять и удрать, Том. Какие бы причины ни были, подумай прежде о самом себе. Неважно где, неважно как, но ты должен жить в ладу с собой.

- Уж с этим-то у меня будет порядок, - говорю я.

Паркер трясет головой.

- Да провались все к чертям! Ты хоть представляешь, для чего вообще существует вся эта штука? Да, они заставляют нас надевать маскарадные костюмы и разгуливать с важным видом, как если бы нам принадлежал весь этот чертов мир. Но они и платят нам огромные деньги - только для того, чтобы мы были мужчинами. Более того, есть еще высшая цена. Мы должны оставаться мужчинами. Не тогда, когда это проще простого, например в самом начале карьеры. Мы должны оставаться мужчинами до конца, каким бы этот

конец ни был. Мы не просто играем роли, Том. Мы живем в них, мы ставим на кон наши жизни, мы сами и есть эти роли, Том. Боже, да ведь любой может одеться ковбоем и прошвырнуться с важным видом по Главной улице. Но не каждый способен нацепить "пушку" и пустить ее в дело.

- Побереги свое красноречие, Паркер, - говорю я. - Ты профессионален через край и поэтому данную сцену провалил. Входи снова в роль, и продолжим эпизод.

- Черт! - говорит Паркер. - Я и гроша ломаного не дам ни за эпизод, ни за Вестерн, и вообще! Я сейчас говорю только с тобой. Том Уошберн. С тех самых пор, как ты пришел на Территорию, мы были с тобой как родные братья. А ведь тогда, в начале, ты был всего лишь напуганным до дрожи в коленках мальчишкой, и завоевал ты себе место под солнцем только потому, что показал характер. И сейчас я не позволю тебе удирать.

- Я допиваю кофе, - говорю я, - и еду дальше.

Внезапно Натчез изворачивается на стуле, захватывает в горсть мою рубашку и притягивает меня к себе, так что наши лица почти соприкасаются. В его другой руке я вижу нож.

- Вытаскивай свой нож, Том. Скорее я убью тебя собственной рукой, чем позволю уехать трусом.

Лицо Паркера совсем близко от меня, его взгляд свирепеет, он обдает меня кислым перегаром. Я упираюсь левой ногой в пол, ставлю правую ногу на край паркеровского стула и с силой толкаю. Стул Паркера опрокидывается, старик грохается на пол, и по выражению его лица я вижу, что он растерян. Я выхватываю "пушку" и целюсь ему между глаз.

- Боже, Том! - бормочет он.

Я взвожу курок.

- Старый безмозглый ублюдок! - кричу я. - Ты что думаешь, мы в игрушки играем? С тех пор как пуля перебила тебе спину, ты стал малость неуклюж, зато многоречив. Ты думаешь, что есть какие-то особые правила и что только ты все о них знаешь? Но правил-то никаких нет! Не учи меня жить, и я не буду учить тебя. Ты старый калека, но, если ты полезешь на меня, я буду драться по моим законам, а не по твоим и постараюсь уложить тебя на месте любым доступным мне способом.

Я ослабляю нажим на спусковой крючок. Глаза старого Паркера вылезают из орбит, рот начинает мелко подрагивать, он пытается сдержать себя, но не может. Он визжит не громко, но высоко-высоко, как перепуганная девчонка.

Большим пальцем я снимаю курок со взвода и убираю "пушку".

- Ладно, - говорю я, - может, теперь ты очнешься и вспомнишь, как оно бывает в жизни на самом деле. Я приподнимаю Паркера и подсовываю под него стул.

- Прости, что пришлось так поступить, Натчез.

У двери я оборачиваюсь. Паркер ухмыляется мне вслед:

- Рад видеть, что тебе полегчало, Том. Мне следовало бы помнить, что у тебя тоже есть нервы. У всех хороших ребят, бывает, шалят нервишки. Но в драке ты будешь прекрасен.

- Старый идиот! Не будет никакой драки! Я ведь сказал тебе: я уезжаю насовсем.

- Удачи, Том. Задай им жару!

- Идиот!

Я уехал...

Всадник переваливает через высокий гребень горы и предоставляет лошади самой отыскивать спуск к распростершейся у подножия пустыне. Слышится мягкий посвист ветра, сверкают на солнце блестки слюды, песок змеится длинными колеблющимися полосами.

Полуденное солнце обрывает свой путь вверх и начинает спускаться. Всадник проезжает между гигантскими скальными формациями, которым резчик-ветер придал причудливые очертания. Когда темнеет, всадник расседлывает лошадь и внимательно осматривает ее копыта. Он фальшиво что-то насвистывает, наливает воду из походной фляги в свой котелок, поит лошадь, затем глубже нахлобучивает шляпу и не торопясь пьет сам. Он стреноживает лошадь и разбивает в пустыне привал. Потом садится у костерка и наблюдает, как опускается за горизонт распухшее пустынное солнце. Это высокий худой человек в потрепанном котелке дерби, к его правой ноге прихвачен ремешком "сорок четвертый" с роговой рукояткой.

Бримстоун: заброшенный рудничный поселок на северовосточной окраине Территории. За городком вздымается созданное природой причудливое скальное образование, его именуют здесь Дьявольским Большаком. Это широкий, полого спускающийся скальный мост. Дальний конец его, невидимый из поселка, прочно упирается в землю уже за пределами Площадки - в двухстах ярдах и полутора сотнях лет отсюда.

Я въезжаю в городок. Моя лошадь прихрамывает. Вокруг не так много людей, и я сразу замечаю знакомое лицо: черт, это тот самый веснушчатый

парнишка. Он, должно быть, очень спешил, раз попал сюда раньше меня. Я проезжаю мимо, не произнося ни слова.

Какое-то время я сижу в седле и любуюсь Дьявольским Большаком. Еще пять минут езды, и я навсегда покину Дикий Запад, покончу со всем этим - с радостями и неудачами, со страхом и весельем, с долгими тягучими днями и унылыми ночами, исполненными риска. Через несколько часов я буду с Консуэлой, я буду читать газеты и смотреть телевизор...

Все, сейчас я пропущу стаканчик местной сивухи, а затем - улепетываю...

Я осаживаю лошадь возле салуна. Народу на улице немного прибавилось, все наблюдают за мной. Я вхожу в салун.

У стойки там всего один человек. Это невысокий коренастый мужчина в черном кожаном жилете и черной шляпе из бизоньей кожи. Он оборачивается. За высокий пояс заткнута "пушка" без кобуры. Я никогда его прежде не видел, но знаю, кто это.

- Привет, мистер Уошберн, - говорит он.

- Привет, Малыш Джо, - отвечаю я.

Он вопросительно поднимает бутылку. Я киваю. Он перегибается через стойку, отыскивает еще один стакан и наполняет его для меня. Мы мирно потягиваем виски.

Спустя время я говорю:

- Надеюсь, вы не очень затруднили себя поисками моей персоны?

- Не очень, - говорит Малыш Джо. Он старше, чем я предполагал. Ему около тридцати. У него грубые, рельефные черты лица, сильно выдающиеся скулы, длинные черные, подкрученные кверху усы. Он потягивает спиртное, затем обращается ко мне очень кротким тоном: - Мистер Уошберн, до меня дошел слух, которому я не смею верить. Слух, будто вы покидаете эту Территорию вроде как в большой спешке.

- Верно, - говорю я.

- Согласно тому же слуху, вы не предполагали задерживаться здесь даже на такую малость, чтобы обменяться со мной приветствиями.

- И это верно, Малыш Джо. Я не рассчитывал уделять вам свое время. Как бы то ни было, но вы уже здесь.

- Да, я уже здесь, - говорит Малыш Джо. Он оттягивает книзу кончики усов и сильно дергает себя за нос. - Откровенно говоря, мистер Уошберн, я просто не могу поверить, что в ваши намерения не входит сплясать со мной веселый танец. Я слишком много о вас знаю, мистер Уошберн, и я просто не могу поверить этому.

- Лучше все-таки поверьте, Джо, - говорю я ему. - Я допиваю этот стакан, затем выхожу вот через эту дверь, сажусь на свою лошадь и еду на ту сторону Дьявольского Большака.

Малыш Джо дергает себя за нос, хмурит брови и сдвигает шляпу на затылок.

- Никогда не думал, что услышу такое.

- А я никогда не думал, что скажу такое.

- Вы на самом деле не хотите выйти против меня?

Я допиваю и ставлю стакан на стойку.

- Берегите себя, Малыш Джо.

Я двигаюсь по направлению к двери.

- Тогда последнее, - говорит Малыш Джо.

Я поворачиваюсь. Малыш Джо стоит поодаль от стойки, обе руки его хорошо видны.

- Я не могу принудить вас к перестрелке, мистер Уошберн. Но я тут заключил маленькое пари касательно вашего котелка.

- Слышал о таком.

- Так что... хотя это огорчает меня намного сильнее, чем вы можете себе представить... я вынужден буду забрать его.

Я стою лицом к Джо и ничего не отвечаю.

- Послушайте, Уошберн, - говорит Малыш Джо, - нет никакого смысла вот так стоять и сверлить меня взглядом. Отдавайте шляпу, или начнем наши игры.

Я снимаю котелок, расплющиваю его о локоть и пускаю блином в сторону Джо. Он поднимает дерби, не отрывая от меня глаз.

- Вот те на! - говорит он.

- Берегите себя, Малыш Джо.

Я выхожу из салуна.

Напротив салуна собралась толпа. Она ждет. Люди посматривают на двери, разговаривая приглушенными голосами. Двери салуна распахиваются, и на улицу выходит высокий худой человек с непокрытой головой. У него намечается лысина. К его правой ноге ремешком прихвачен "сорок четвертый", и похоже на то, что человек знает, как пускать его в дело. Но суть в том, что в дело он его не пустил.

Под внимательными взглядами толпы Уошберн отвязывает лошадь, вскакивает в седло и шагом пускает ее в сторону моста.

Двери салуна снова распахиваются. Выходит невысокий, коренастый, с суровым лицом человек, в руках он держит измятый котелок. Он наблюдает, как всадник уезжает прочь.

Уошберн пришпоривает лошадь, та медлит в нерешительности, но наконец начинает взбираться на мост. Ее приходится постоянно понукать, чтобы она

поднималась все выше и выше, отыскивая дорогу на усыпанном голышами склоне. На середине моста Уошберн останавливает лошадь, точнее, дает ей возможность остановиться. Он сейчас на высшей точке каменного моста, на вершине дуги, он замер, оседлав стык между двумя мирами, но не смотрит ни на один из них. Он поднимает руку, чтобы одернуть поля шляпы, и с легким удивлением обнаруживает, что голова его обнажена. Он лениво почесывает лоб - человек, в распоряжении которого все время мира. Затем он поворачивает лошадь и начинает спускаться туда, откуда поднялся, - к Бримстоуну.

Толпа наблюдает, как приближается Уошберн. Она неподвижна, молчалива. Затем, сообразив, что сейчас должно произойти, все бросаются врассыпную, ищут убежища за фургонами, ныряют за корыта с водой, съеживаются за мешками с зерном.

Только Малыш Джо Поттер остается на пыльной улице. Он наблюдает, как Уошберн спешивается, отгоняет лошадь с линии огня и медленно направляется ему навстречу.

- Эй, Уошберн! - выкрикивает Малыш Джо. - Вернулся за шляпой?

Уошберн ухмыляется и качает головой.

- Нет, Малыш Джо. Я вернулся, чтобы сплясать с тобой веселый танец.

Оба смеются, это очень смешная шутка. Внезапно мужчины выхватывают револьверы. Гулкий лай "сорок четвертых" разносится по городу. Дым и пыль застилают стрелков.

Дым рассеивается. Мужчины по-прежнему стоят. Револьвер Малыша Джо направлен дулом вниз. Малыш Джо пытается крутануть его на пальце и видит, как он выпадает из руки. Затем валится в пыль.

Уошберн засовывает свою "пушку" за ремешок, подходит к Малышу Джо, опускается на колени и приподнимает его голову над грязью.

- Черт! - говорит Малыш Джо. - Это был вроде короткий танец, а, Уошберн?

- Слишком короткий, - говорит Уошберн. - Прости, Джо...

Но Малыш Джо не слышит этих слов. Его взгляд потерял осмысленность, глаза остекленели, тело обмякло. Кровь сочится из двух дырочек в груди, кровь смачивает пыль, струясь из двух больших выходных отверстий в спине.

Уошберн поднимается на ноги, отыскивает в пыли свой котелок, отряхивает его, надевает на голову. Он подходит к лошади. Люди снова выбираются на улицу, слышатся голоса. Уошберн всовывает ногу в стремя и собирается вскочить в седло.

В этот момент дрожащий тонкий голос выкрикивает:

- Отлично, Уошберн, огонь!

С искаженным лицом Уошберн пытается извернуться, пытается освободить стрелковую руку, пытается волчком отскочить с линии огня. Даже в этой судорожной, невероятной позе он умудряется выхватить свой "сорок четвертый" и, крутанувшись на месте, видит в десяти ярдах от себя веснушчатого парнишку; его "пушка" уже выхвачена, он уже прицелился, уже стреляет.

Солнце взрывается в голове Уошберна, он слышит пронзительное ржание лошади, он проламывается сквозь все пыльные этажи мира, валится, а пули с глухим звуком входят в него, - с таким звуком, как если бы большим мясницким ножом плашмя шлепали по говяжьей туше. Мир разваливается на куски, киномашинка разбита, глаза - две расколотые линзы, в которых отражается внезапное крушение вселенной. Финальным сигналом вспыхивает красный свет, и мир проваливается в черноту.

Телезритель - он и публика, он же и актер - какое-то время еще тупо смотрит на потемневший экран, потом начинает ерзать в мягком кресле и потирать подбородок. Ему, похоже, немного не по себе. Наконец он справляется с собой, громко рыгает, протягивает руку и выключает экран.

* Кастрюльная ручка - шутливое название штата Западная Вирджиния.

Роберт ШЕКЛИ

БУХГАЛТЕР

пер. В.Баканов

Мистер Дии сидел в большом кресле. Его пояс был ослаблен, на коленях лежали вечерние газеты. Он мирно покуривал трубку и наслаждался жизнью. Сегодня ему удалось продать два амулета и бутылочку приворотного зелья; жена домовито хозяйничала на кухне, откуда шли чудесные ароматы; да и трубка курилась легко... Удовлетворенно вздохнув, мистер Дии зевнул и потянулся.

Через комнату прошмыгнул Мортон, его девятилетний сын, нагруженный книгами.

- Как дела в школе? - окликнул мистер Дии.

- Нормально, - ответил мальчик, замедлив шаги, но не останавливаясь.

- Что там у тебя? - спросил мистер Дии, махнув на охапку книг в руках сына.

- Так, еще кое-что по бухгалтерскому учету, - невнятно проговорил Мортон, не глядя на отца. Он исчез в своей комнате.

Мистер Дии покачал головой. Парень ухитрился втемяшить в башку, что хочет стать бухгалтером. Бухгалтером!.. Спору нет, Мортон действительно здорово считает; и все же эту блажь надо забыть. Его ждет иная, лучшая судьба.

Раздался звонок.

Мистер Дии подтянул ремень, торопливо набросил рубашку и открыл дверь. На пороге стояла мисс Грииб, классная руководительница сына.

- Пожалуйста, заходите, мисс Грииб, - пригласил Дии. - Позволите вас чем-нибудь угостить?

- Мне некогда, - сказала мисс Грииб и, подбоченясь, застыла на пороге. Серые растрепанные волосы, узкое длинноносое лицо и красные слезящиеся глаза делали ее удивительно похожей на ведьму. Да и немудрено, ведь мисс Грииб и впрямь была ведьмой.

- Я должна поговорить о вашем сыне, - заявила учительница.

В этот момент, вытирая руки о передник, из кухни вышла миссис Дии.

- Надеюсь, он не шалит? - с тревогой произнесла она.

Мисс Грииб зловеще хмыкнула.

- Сегодня я дала годовую контрольную. Ваш сын с позором провалился.

- О, боже, - запричитала миссис Дии. - Четвертый класс, весна, может быть...

- Весна тут ни при чем, - оборвала мисс Грииб. - На прошлой неделе я задала Великие Заклинания Кордуса, первую часть. Вы же знаете, проще некуда. Он не выучил ни одного.

- Хмм, - протянул мистер Дии.

- По биологии - не имеет ни малейшего представления об основных магических травах. Ни малейшего.

- Немыслимо! - сказал мистер Дии.

Мисс Грииб коротко и зло рассмеялась.

- Более того, он забыл Тайный алфавит, который учили в третьем классе. Забыл Защитную Формулу, забыл имена девяноста девяти младших бесов Третьего круга, забыл то немногое, что знал по географии Ада. Но хуже всего - он просто не желает учиться.

Мистер и миссис Дии молча переглянулись. Все это было очень серьезно. Какая-то толика мальчишеского небрежения дозволялась, даже поощрялась, ибо свидетельствовала о силе характера. Но ребенок должен знать азы, если надеется когда-нибудь стать настоящим чародеем.

- Скажу прямо, - продолжала мисс Грииб, - в былые времена я бы его отчислила, и глазом не моргнув. Но нас так мало...

Мистер Дии печально кивнул. Ведовство в последние столетия хирело. Старые семьи вымирали, становились жертвами демонических сил или учеными. А непостоянная публика утратила всякий интерес к дедовским чарам и заклятьям.

Теперь лишь буквально считанные владели Древним Искусством, хранили его, преподавали детям в таких местах, как частная школа мисс Грииб. Священное наследие и сокровище.

- Надо же - стать бухгалтером! - воскликнула учительница. - Я не понимаю, где он этого набрался. - Она обвиняюще посмотрела на отца. - И не понимаю, почему эти глупые бредни не раздавили в зародыше.

Мистер Дии почувствовал, как к лицу прилила кровь.

- Но учтите - пока у Мортона голова занята этим, толку не будет!

Мистер Дии не выдержал взгляда красных глаз ведьмы. Да, он виноват. Нельзя было приносить домой тот игрушечный арифмометр. А когда он впервые застал Мортона за игрой в двойной бухгалтерский учет, надо было сжечь гроссбух!

Но кто мог подумать, что невинная шалость перейдет в навязчивую идею?

Миссис Дии разгладила руками передник и сказала:

- Мисс Грииб, вся надежда на вас. Что вы посоветуете?

- Что могла, я сделала, - ответила учительница. - Остается лишь вызвать Борбаса, Демона Детей. Тут, естественно, решать вам.

- О, вряд ли все так уж страшно, - быстро проговорил мистер Дии. - Вызов Борбаса - серьезная мера.

- Повторяю, решать вам, - сказала мисс Грииб. - Хотите, вызывайте, хотите, нет. При нынешнем положении дел, однако, вашему сыну никогда не стать чародеем.

Она повернулась.

- Может быть, чашечку чаю? - поспешно предложила миссис Дии.

- Нет, я опаздываю на шабаш ведьм в Цинциннати, - бросила мисс Грииб и исчезла в клубах оранжевого дыма.

Мистер Дии отогнал рукой дым и закрыл дверь.

- Хм. - Он пожал плечами. - Могла бы и ароматизировать...

- Старомодна, - пробормотала миссис Дии.

Они молча стояли у двери. Мистер Дии только сейчас начал осознавать смысл происходящего. Трудно было себе представить, что его сын, его собственная кровь и плоть, не хочет продолжать семейную традицию. Не может такого быть!

- После ужина, - наконец решил мистер Дни, - я с ним поговорю.

По-мужски. Уверен, что мы обойдемся без всяких демонов.
- Хорошо, - сказала миссис Дии. - Надеюсь, тебе удастся его вразумить.
Она улыбнулась, и ее муж увидел, как в глазах сверкнули знакомые ведьмовские огоньки.
- Боже, жаркое! - вдруг опомнилась миссис Дии, и огоньки потухли. Она заспешила на кухню.
Ужин прошел тихо. Мортон знал, что приходила учительница, и ел, словно чувствуя вину, молча. Мистер Дии резал мясо, сурово нахмурив брови. Миссис Дии не пыталась заговаривать даже на отвлеченные темы.
Проглотив десерт, мальчик скрылся в своей комнате.
- Пожалуй, начнем. - Мистер Дии допил кофе, вытер рот и встал. - Иду. Где мой Амулет Убеждения?
Супруга на миг задумалась, потом подошла к книжному шкафу.
- Вот, - сказала она, вытаскивая его из книги в яркой обложке. - Я им пользовалась вместо закладки.
Мистер Дии сунул амулет в карман, глубоко вздохнул и направился в комнату сына.
Мортон сидел за своим столом. Перед ним лежал блокнот, испещренный цифрами и мелкими аккуратными записями; также шесть остро заточенных карандашей, ластик, абак и игрушечный арифмометр. Над краем стола угрожающе нависла стопка книг: "Деньги" Римраамера, "Практика ведения банковских счетов" Джонсона и Кэлоуна, "Курс лекций для фининспекторов" и десяток других.
Мистер Дии сдвинул в сторону разбросанную одежду и освободил себе место на кровати.
- Как дела, сынок? - спросил он самым добрым голосом, на какой был способен.
- Отлично, пап! - затараторил Мортон. - Я дошел до четвертой главы "Основ счетоводства", ответил на все вопросы...
- Сынок, - мягко перебил Дии, - я имею в виду занятия в школе.
Мортон смутился и заелозил ногами по полу.
- Ты же знаешь, в наше время мало кто из мальчиков имеет возможность стать чародеем...
- Да, сэр, знаю. - Мортон внезапно отвернулся и высоким срывающимся голосом произнес: - Но, пап, я хочу быть бухгалтером. Очень хочу. А, пап?
Мистер Дии покачал головой.
- Наша семья, Мортон, всегда славилась чародеями. Вот уж одиннадцать веков фамилия Дии известна в сферах сверхъестественного.
Мортон продолжал смотреть в окно и елозить ногами.
- Ты ведь не хочешь меня огорчать, да, мальчик? - Мистер Дии печально

улыбнулся. - Знаешь, бухгалтером может стать каждый. Но лишь считанным единицам подвластно искусство Черной Магии.

Мортон отвернулся от окна, взял со стола карандаш, попробовал острие пальцем, завертел в руках.

- Ну что, малыш? Неужели нельзя заниматься так, чтобы мисс Грииб была довольна?

Мортон затряс головой.

- Я хочу стать бухгалтером.

Мистер Дии с трудом подавил злость. Что случилось с Амулетом Убеждения? Может, заклинание ослабло? Надо было подзарядить...

- Мортон, - продолжил он сухим голосом. - Я всего-навсего Адепт Третьей степени. Мои родители были очень бедны, они не могли послать меня учиться в университет.

- Знаю, - прошептал мальчик.

- Я хочу, чтобы у тебя было все то, о чем я лишь мечтал. Мортон, ты можешь стать Адептом Первой степени. - Мистер Дии задумчиво покачал головой. - Это будет трудно. Но мы с твоей мамой сумели немного отложить и кое-как наскребем необходимую сумму.

Мортон покусывал губы и вертел карандаш.

- Сынок, Адепту Первой степени не придется работать в магазине. Ты можешь стать Прямым Исполнителем Воли Дьявола. Прямым Исполнителем! Ну, что скажешь, малыш?

На секунду Дии показалось, что его сын тронут, губы Мортона разлепились, глаза подозрительно заблестели. Потом мальчик взглянул на свои книги, на маленький абак, на игрушечный арифмометр.

- Я буду бухгалтером, - сказал он.

- Посмотрим! - Мистер Дии сорвался на крик, его терпение лопнуло. - Нет, молодой человек, ты не будешь бухгалтером, ты будешь чародеем. Что было хорошо для твоих родных, будет хорошо и для тебя, клянусь всем, что есть проклятого на свете! Ты еще припомнишь мои слова.

И он выскочил из комнаты.

Как только хлопнула дверь, Мортон сразу же склонился над книгами.

Мистер и миссис Дии молча сидели на диване. Миссис Дии вязала, но мысли ее были заняты другим. Мистер Дии угрюмо смотрел на вытертый ковер гостиной.

- Мы его испортили, - наконец произнес мистер Дии. - Надежда только на Борбаса.

- О, нет! - испуганно воскликнула миссис Дии. - Мортон совсем еще ребенок.

- Хочешь, чтобы твой сын стал бухгалтером? - горько спросил мистер Дии. - Хочешь, чтобы он корпел над цифрами вместо того, чтобы заниматься важной работой Дьявола?

- Разумеется, нет, - сказала жена. - Но Борбас...

- Знаю. Я сам чувствую себя убийцей.

Они погрузились в молчание. Потом миссис Дии заметила:

- Может, дедушка?.. Он всегда любил мальчика.

- Пожалуй, - задумчиво произнес мистер Дии. - Но стоит ли его беспокоить? В конце концов старик уже три года мертв.

- Понимаю. Однако третьего не дано: либо это, либо Борбас.

Мистер Дии согласился. Неприятно, конечно, нарушать покой дедушки Мортона, но прибегать к Борбасу неизмеримо хуже. Мистер Дии решил немедленно начать приготовления и вызывать своего отца.

Он смешал белену, размолотый рог единорога, болиголов, добавил кусочек драконьего зуба и все это поместил на ковре.

- Где мой магический жезл? - спросил он жену.

- Я сунула его в сумку вместе с твоими клюшками для гольфа, - ответила она.

Мистер Дии достал жезл и взмахнул им над смесью. Затем пробормотал три слова Высвобождения и громко назвал имя отца.

От ковра сразу же поднялась струйка дыма.

- Здравствуйте, дедушка. - Миссис Дии поклонилась.

- Извини за беспокойство, папа, - начал мистер Дии. - Дело в том, что мой сын - твой внук - отказывается стать чародеем. Он хочет быть... счетоводом.

Струйка дыма затрепетала, затем распрямилась и изобразила знак Старого Языка.

- Да, - ответил мистер Дии. - Мы пробовали убеждать. Он непоколебим.

Дымок снова задрожал и сложился в иной знак.

- Думаю, это лучше всего, - согласился мистер Дии. - Если испугать его до полусмерти, он раз и навсегда забудет свои бухгалтерские бредни. Да, жестоко - но лучше, чем Борбас.

Струйка дыма отчетливо кивнула и потекла к комнате мальчика. Мистер и миссис Дии сели на диван.

Дверь в комнату Мортона распахнулась и, будто на чудовищном сквозняке, с треском захлопнулась. Мортон поднял взгляд, нахмурился и вновь склонился над книгами.

Дым принял форму крылатого льва с хвостом акулы. Страшилище взревело угрожающе, оскалило клыки и приготовилось к прыжку.

Мортон взглянул на него, поднял брови и стал записывать в тетрадь колонку цифр.

Лев превратился в трехглавого ящера, от которого несло отвратительным

запахом крови. Выдыхая языки пламени, ящер двинулся на мальчика.
Мортон закончил складывать, проверил результат на абаке и посмотрел на ящера.
С душераздирающим криком ящер обернулся гигантской летучей мышью, испускающей пронзительные невнятные звуки. Она стала носиться вокруг головы мальчика, испуская стоны и пронзительные невнятные звуки.
Мортон улыбнулся и вновь перевел взгляд на книги.
Мистер Дии не выдержал.
- Черт побери! - воскликнул он. - Ты не испуган?!
- А чего мне пугаться? - удивился Мортон. - Это же дедушка!
Летучая мышь тут же растворилась в воздухе, а образовавшаяся на ее месте струйка дыма печально кивнула мистеру Дии, поклонилась миссис Дии и исчезла.
- До свиданья, дедушка! - попрощался Мортон. Потом встал и закрыл дверь в свою комнату.
- Все ясно, - сказал мистер Дии. - Парень чертовски самоуверен. Придется звать Борбаса.
- Нет! - вскричала жена.
- А что ты предлагаешь?
- Не знаю, - проговорила миссис Дии, едва не рыдая. - Но Борбас... После встречи с ним дети сами на себя не похожи.
Мистер Дии был тверд как кремень.
- И все же, ничего не поделаешь.
- Он еще такой маленький! - взмолилась супруга. - Это... это травма для ребенка!
- Ну что ж, используем для лечения все средства современной медицины, - успокаивающе произнес мистер Дии. - Найдем лучшего психоаналитика, денег не пожалеем... Мальчик должен быть чародеем.
- Тогда начинай, - не стесняясь своих слез, выдавила миссис Дии. - Но на мою помощь не рассчитывай.
Все женщины одинаковые, подумал мистер Дии, когда надо проявить твердость, разнюниваются... Скрепя сердце он приготовился вызывать Борбаса, Демона Детей.
Сперва понадобилось тщательно вычертить пентаграмму вокруг двенадцатиконечной звезды, в которую была вписана бесконечная спираль. Затем настала очередь трав и экстрактов - дорогих, но совершенно необходимых. Оставалось лишь начертать Защитное Заклинание, чтобы Борбас не мог вырваться и уничтожить всех, и тремя каплями крови гиппогрифа...
- Где у меня кровь гиппогрифа?! - раздраженно спросил мистер Дии, роясь в серванте.
- На кухне, в бутылочке из-под аспирина, - ответила миссис Дии,

вытирая слезы.

Наконец все было готово. Мистер Дии зажег черные свечи и произнес слова Снятия Оков.

В комнате заметно потеплело; дело было только за Прочтением Имени.

- Мортон, - позвал отец. - Подойди сюда.

Мальчик вышел из комнаты и остановился на пороге, крепко сжимая одну из своих бухгалтерских книг. Он выглядел совсем юным и беззащитным.

- Мортон, сейчас я призову Демона Детей. Не толкай меня на этот шаг, Мортон.

Мальчик побледнел и прижался к двери, но упрямо замотал головой.

- Что ж, хорошо, - проговорил мистер Дии. - БОРБАС!

Раздался грохот, полыхнуло жаром, и появился Борбас, головой подпирая потолок. Он зловеще ухмылялся.

- А! - вскричал демон громовым голосом. - Маленький мальчик!

Челюсть Мортона отвисла, глаза выкатились на лоб.

- Непослушный маленький мальчик, - просюсюкал Борбас и, рассмеявшись, двинулся вперед; от каждого шага сотрясался весь дом.

- Прогони его! - воскликнула миссис Дии.

- Не могу, - срывающимся голосом произнес ее муж. - Пока он не сделает свое дело, это невозможно.

Огромные лапы демона потянулись к Мортону; но мальчик быстро открыл книгу.

- Спаси меня! - закричал он.

В то же мгновение в комнате возник высокий, ужасно худой старик, с головы до пят покрытый кляксами и бухгалтерскими ведомостями. Его глаза зияли двумя пустыми нулями.

- Зико-пико-рил! - взвыл демон, повернувшись к незнакомцу. Однако худой старик засмеялся и сказал:

- Контракт, заключенный с Высшими Силами, может быть не только оспорен, но и аннулирован как недействительный.

Демона швырнуло назад; падая, он сломал стул. Борбас вскарабкался на ноги (от ярости кожа его раскалилась докрасна) и прочитал Главное Демоническое Заклинание:

- ВРАТ ХЭТ ХО!

Но худой старик заслонил собой мальчика и выкрикнул слова Изживания:

- Отмена, Истечение, Запрет, Немощность, Отчаяние и Смерть!

Борбас жалобно взвизгнул, попятился, нашаривая в воздухе лаз; сиганул туда и был таков.

Худой старик повернулся к мистеру и миссис Дии, забившимся в угол гостиной, и сказал:

- Знайте, что я - Бухгалтер. Знайте также, что это Дитя подписало со мной Договор, став Подмастерьем и Слугой моим. В свою очередь я, БУХГАЛТЕР, обязуюсь обучить его Проклятию Душ путем заманивания в коварную

сеть Цифр, Форм, Исков и Репрессалий. Вот мое Клеймо!

Бухгалтер поднял правую руку Мортона и продемонстрировал чернильное пятно на среднем пальце. Потом он повернулся к мальчику и мягким голосом добавил:

- Завтра, малыш, мы займемся темой "Уклонение от Налогов как Путь к Проклятью".

- Да, сэр, - восторженно просиял Мортон.

Напоследок строго взглянув на чету Дии, Бухгалтер исчез.

Наступила долгая тишина. Затем мистер Дии обернулся к жене.

- Что ж, - сказал он. - Если парень так хочет быть бухгалтером, то лично я ему мешать не стану.

Роберт ШЕКЛИ

ЗАЯЦ

пер. Н. Евдокимова

Я подъехал к Марсопорту через несколько часов после того, как прибыл корабль с Земли. На его борту находились буры с алмазными головками - заказ на них я оформил больше года назад. Мне хотелось заявить свои права на эти буры, пока их никто не перехватил. Я вовсе не хочу сказать, что их могли украсть: все мы тут, на Марсе, джентльмены и ученые. Однако здесь всякая мелочь достается с трудом, а украсть по праву первого - это традиционный способ, каким джентльмены-ученые добывают необходимое оборудование.

Едва я успел погрузить буры в джип, как подъехал Карсон из Горной группы, размахивая чрезвычайно срочным, весьма аварийным ордером. К счастью, у меня хватило соображения выписать сверхсрочный ордер у директора Бэрка. Карсон воспринял свою неудачу с такой учтивостью, что я подарил ему три бура.

Он понесся на своем скутере по красным пескам Марса, которые так красиво выходят на цветных фотографиях и так безбожно забивают двигатели.

Я подошел к земному кораблю: меня вовсе не волновали космолеты, просто хотелось взглянуть на нечто еще не примелькавшееся. Тут я увидел зайца.

Он стоял возле космолета и смотрел на красный песок, на опаленные посадочные шахты, на пять зданий Марсопорта; глаза у него были огромные,

словно блюдца. На его лице, казалось, было написано: "Марс! Вот это да!"

Мысленно я застонал. В тот день мне предстояло столько работы, что и за месяц не переделать. А заяц входил в мою компетенцию. Как-то в приливе несвойственной ему фантазии директор Бэрк сказал мне: "Талли, ты умеешь обращаться с людьми. Ты их понимаешь. Они тебя любят. Поэтому назначаю тебя главой Службы безопасности на Марсе".

Это надо было понимать так, что в мое ведение передаются зайцы.

В данном случае заяц выглядел лет на двадцать. Роста в нем было свыше шести футов, а тощего мяса на костях - от силы сто фунтов. В здоровом марсианском климате его нос успел стать ярко-красным. У зайца были большие, с виду нескладные руки и большие ступни. В бодрящей марсианской атмосфере он ловил воздух ртом, как рыба, выброшенная из воды. Респиратора у него, естественно, не было. У зайцев никогда не бывает респираторов. Я подошел к нему и спросил: - Ну и как же тебе здесь нравится?

- Госпо-ди-и! - сказал он.

- Потрясающее ощущение, не правда ли? - спросил я. - Наяву стоять на взаправдашней, всамделишной чужой планете.

- И не говорите! - произнес, задыхаясь, заяц. От кислородного голодания он весь посинел - весь, кроме кончика носа. Я решил проучить его - пусть еще чуть-чуть помучится.

- Ты, значит, тайком забрался на этот грузовой корабль, - сказал я. - Прокатился без билета на изумительный, чарующий, экзотический Марс.

- Ну, меня вряд ли можно назвать безбилетником, - проговорил он, судорожно пытаясь набрать воздух в легкие. - Я вроде как бы... вроде как бы...

- Вроде как бы сунул капитану взятку, - докончил я за него.

К этому времени он уже еле-еле стоял на своих длинных тощих ногах. Я вытащил запасной респиратор и нахлобучил ему на нос.

- Пошли, заяц, - сказал я. - Найду тебе что-нибудь перекусить. Потом у нас с тобой будет серьезный разговор.

По дороге в кают-компанию я придерживал его за руку: он так пялил глаза на все вокруг, что неминуемо обо что-нибудь споткнулся бы и сломал бы это "что-нибудь". В кают-компании я повысил давление воздуха и разогрел зайцу свинину с бобами.

Он с жадностью проглотил еду, откинулся в кресле, и рот у него растянулся от уха до уха.

- Меня зовут Джонни. Джонни Франклин, - сказал он. - Марс! Прямо не верится, что я и вправду здесь.

Так говорят все зайцы - те, что остаются в живых после перелета. Ежегодно делается примерно десять попыток, но лишь один или два человека умудряются выжить. Они ведь невероятные идиоты. Несмотря на проверки службы безопасности, зайцы каким-то образом прокрадываются на борт фрахтовика.

Корабли стартуют с ускорением порядка двадцати "g", и зайца, у которого нет специальных средств защиты, сплющивает в лепешку. Если он при этом и уцелеет, его прикончит радиация. Или же он задохнется в невентилируемом трюме, не успев добраться до каюты пилота.

У нас тут есть специальное кладбище, исключительно для зайцев.

Однако время от времени кто-нибудь ухитряется выжить и ступает на Марс с большими надеждами и глазами, сияющими, как звезды. Разочаровывать их приходится не кому иному, как мне.

- Зачем же ты приехал на Марс? - спросил я.

- Я вам объясню, - сказал Франклин. - На Земле приходится поступать, как все люди. Надо думать, как все, и делать, как все, не то окажешься под замком.

Я кивнул.

Сейчас, впервые в истории человечества, на Земле все спокойно. Мир во всем мире, единое всемирное правительство, мировое процветание. Власти стремятся сохранить все, как есть. Мне кажется, что они заходят слишком далеко, подавляя даже самый безобидный индивидуализм, но кто я такой, чтобы судить? По всей вероятности, лет через сто или около того станет полегче, но для зайца, живущего в наши дни, это слишком долгий срок.

- Значит, ты испытывал потребность в новых горизонтах, - сказал я.

- Да, сэр, - ответил Франклин. - Мне не хотелось бы показаться вам трепачом, сэр, но я мечтал стать первооткрывателем. Трудности меня не страшат. Я буду работать! Вот увидите, только позвольте мне остаться, прошу вас, сэр! Я буду работать не покладая рук...

- А что ты будешь делать? - спросил я.

- А? - На мгновение он смешался, потом ответил: - Что угодно.

- Но что ты умеешь? Нам бы, конечно, пригодился химик, специалист по неорганике. Случайно не в этой ли области проявляются твои таланты?

- Нет, сэр, - пролепетал заяц.

Этот разговор не доставлял мне ни малейшего удовольствия, но важно было внушить зайцу неумолимую, горькую правду.

- Так, значит, твоя специальность не химия, - размышлял я вслух. - У нас нашлось бы местечко для первоклассного геолога. На худой конец - для

статистика.

- Боюсь, я не...

- Скажи-ка, Франклин, у тебя есть звание профессора?

- Нет, сэр.

- А докторская степень? Или степень магистра? Ну, хоть какой-нибудь диплом.

- Нет, сэр, - ответил подавленный Франклин. - Я и средней-то школы не окончил.

- Так что же ты в таком случае собирался здесь делать? -спросил я.

- Вот знаете, сэр, - сказал Франклин, - Я читал, что Строительство разбросано по всему Марсу. Я думал, может, сгожусь вроде как посыльным. И я обучен плотницкому делу, и водопроводчиком могу, и... Уж наверняка тут найдется работка и для меня.

Я налил Франклину вторую чашку кофе, и он поглядел на меня огромными, умоляющими глазами. На этой стадии беседы зайцы всегда смотрят таким взглядом. Они полагают, будто Марс похож на Аляску 1870-х годов или Антарктику 2000-х, - героический фронтир для смелых, решительных людей. На самом деле Марс вовсе не фронтир. Это тупик.

- Франклин, - сказал я, - знаешь ли ты, что Строительство на Марсе зависит от поставок с Земли? Знаешь ли, что оно себя не окупает и, возможно, никогда не окупит? Знаешь ли ты, что содержание одного человека обходится Строительству в пятьдесят тысяч долларов ежегодно? Считаешь ли ты, что стоишь годового заработка в пятьдесят тысяч долларов?

- Много я не съем, - возразил Франклин. - А уж как пообвыкну, я...

- Кроме того, - прервал я его, - знаешь ли ты, что на Марсе нет никого, кто не является по крайней мере доктором наук?

- Этого я не знал, - прошептал Франклин.

Зайцы никогда этого не знают. Рассказывать им должен я. Итак, я рассказал Франклину, что все плотничьи, слесарные, водопроводные работы, обязанности посыльных и поваров, а также уборку, починку и ремонт выполняют сами ученые в свободное время. Пусть не очень хорошо, но выполняют.

Суть в том, что на Марсе отсутствует неквалифицированная рабочая сила. Мы просто-напросто не можем себе этого позволить.

Я ждал, что Франклин зальется слезами, но он ухитрился овладеть собой.

Он обвел комнату тоскливым взглядом, рассматривая обстановку замызганной, крохотной кают-компании. Понимаете, все в ней было марсианским.

- Пошли, - сказал я, поднимаясь с места. - Постель я тебе найду. А завтра организуем обратный проезд на Землю. Не огорчайся. Зато ты повидал Марс.

- Да, сэр. - Заяц с трудом поднялся. - Только я, сэр, ни за что не вернусь на Землю.

Я не стал с ним спорить. Зайцы, как правило, вечно хорохорятся. Откуда мне было знать, что на уме у этого?

Уложив Франклина, я вернулся в лабораторию и несколько часов занимался работой, которую надо было сделать во что бы то ни стало. Я лег спать совершенно обессиленный. Наутро я пришел будить Франклина. В постели его не было. Мгновенно у меня мелькнула мысль о возможной диверсии. Кто знает, на что способен несостоявшийся первооткрыватель? Того и гляди, выдернет из реактора два-три замедлителя или подожжет склад с горючим. Я неистово метался по лагерю, повсюду разыскивая зайца, и наконец обнаружил его в недостроенной спектрографической лаборатории.

Эту лабораторию мы строили в нерабочее время. У кого оказывалось свободных полчаса, тот укладывал несколько кирпичей, выпиливал крышку стола или привинчивал дверные петли к косяку. Никого нельзя было освободить от работы на такой срок, чтобы наладить все по-настоящему.

За несколько часов Франклин успел больше, чем все мы за несколько месяцев. Он действительно был умелым плотником и работал так, словно все фурии ада гнались за ним по пятам.

- Франклин! - окликнул я.

- Здесь, сэр. - Он поспешил ко мне. - Хотел что-нибудь сделать, чтоб не есть даром ваш хлеб, мистер Талли. Дайте мне еще часок-другой, и я покрою ее крышей. А если вон те трубы никому не нужны, я, может, завтра проведу воду.

Франклин был славный малый, спору нет. Как раз такой, какие нужны на Марсе. По всем законам справедливости, да и просто из приличия я должен был похлопать его по плечу и сказать: "Парень, книжное образование - это еще не все. Можешь оставаться. Ты нам подходишь".

Мне и в самом деле хотелось произнести эти слова. Однако я не имел права.

На Марсе не поощряются успешные авантюры. Зайцы здесь не преуспевают.

Мы, ученые, кое-как справляемся с работой плотников и

водопроводчиков. Мы попросту не в состоянии допустить дублирование профессий.

- Франклин, - сказал я, - пожалуйста, перестань усложнять мою задачу. Я мягкосердечный слюнтяй. Меня ты убедил. Но в моих силах только соблюдать правила. Ты должен вернуться на Землю.

- Я не могу вернуться на Землю, - еле слышно ответил Франклин.

- Что такое?

- Если я вернусь, меня упрячут за решетку.

- Ну ладно, рассказывай все с самого начала, - простонал я. - Только, пожалуйста, покороче.

- Слушаюсь, сэр. Как я уже говорил, сэр, - начал Франклин, - на Земле надо поступать, как все, и думать, как все. Ну вот, до поры до времени все было хорошо. Но потом я открыл Истину.

- Что-что?

- Я открыл Истину, - гордо повторил Франклин. - Я набрел на нее случайно, но вообще-то она очень простая. До того простая, что я обучил сестренку, а уж если та способна выучиться, значит, и всякий способен. Тогда я попытался обучить Истине всех.

- Продолжай, - сказал я.

- Ну и вот, все страшно обозлились. Сказали, что я спятил, что мне надо держать язык за зубами. Но я не мог молчать, мистер Талли, потому что это ведь Истина. Так что, когда за мной пришли, я отправился на Марс.

Ну и ну, подумал я, великолепно. Только этого нам не хватало на Марсе. Хороший, старомодный религиозный фанатик читает проповеди очерствелым ученым. Это как раз то, что прописал мне доктор. Ведь теперь, отослав парня назад на Землю, в тюрьму, я всю жизнь буду мучиться угрызениями совести.

- И это еще не все, - заявил Франклин.

- Ты хочешь сказать, что у этой душераздирающей истории есть продолжение?

- Да, сэр.

- Говори же, - со вздохом подбодрил его я.

- Они ополчились и на мою сестренку, - сказал Франклин. - Понимаете, когда ей открылась Истина, она не меньше моего захотела обучать других. Это ведь Истина, знаете ли. И вот теперь она вынуждена скрываться, пока... пока... - Он высморкался и с жалким видом проглотил слезы. - Я думал, вы увидите, как я пригожусь на Марсе, и тогда сестренка могла бы ко мне...

- Довольно! - не выдержал я.

- Да, сэр.

- Больше ничего не желаю слышать. Я и так уже выслушал больше, чем

нужно.

- А вы бы не хотели, чтобы я поведал вам Истину? - горячо предложил Франклин. - Я могу объяснить...

- Ни слова больше! - рявкнул я.

- Да, сэр.

- Франклин, я ничего не могу сделать для тебя, абсолютно ничего. У тебя нет степени. А у меня нет полномочий разрешить тебе остаться. Но я сделаю единственное, что в моей власти. Я поговорю о тебе с директором.

- Вот здорово! Большое вам спасибо, мистер Талли. А вы объясните ему, что я еще не совсем окреп с дороги? Как только соберусь с силами, я вам докажу...

- Конечно, конечно, - сказал я и поспешно ушел. Директор уставился на меня, как будто увидел моего двойника из антимира.

- Но, Талли, - сказал он, - тебе же известны правила.

- Конечно, - промямлил я. - Но ведь он действительно был бы нам полезен. И мне ужасно неприятно отправлять его прямо в руки полиции.

- Содержание человека на Марсе обходится в пятьдесят тысяч долларов ежегодно, - сказал директор. - Считаешь ли ты, что он стоит заработка в...

- Знаю, знаю, - перебил я. - Но это такой трогательный случай, и он так старается, и мы могли бы его...

- Все зайцы трогательны, - заметил директор.

- Ну ясно. В конце концов, это неполноценные создания, не то что мы, ученые. Пусть себе убирается туда, откуда явился.

- Талли, - спокойно сказал директор, - я вижу, что этот вопрос обостряет наши отношения. Поэтому я предоставляю тебе самому решать его. Ты знаешь, что ежегодно на каждую вакансию в марсианском Строительстве подается почти десять тысяч заявок. Мы отвергаем специалистов лучших, чем мы сами. Юноши годами учатся в университетах, чтобы занять здесь определенную должность, а потом окажется, что место уже занято. Учитывая все эти обстоятельства, считаешь ли ты по чести и совести, что Франклин должен остаться?

- Я... я... а-а, черт возьми, нет, если вы так ставите вопрос. - Я все еще был зол.

- А разве можно ставить его как-нибудь иначе?

- Разумеется, нет.

- Всегда печально, если много званых и мало избранных, - задумчиво проговорил директор. - Людям нужен новый фронтир. Хотел бы я отдать Марс для повсеместного заселения. Когда-нибудь так и случится. Но не раньше, чем мы научимся обходиться здешними ресурсами.

- Ладно, - сказал я. - Пойду организую отъезд зайца.

Когда я вернулся, Франклин работал на крыше спектрографической лаборатории. Едва взглянув мне в лицо, он понял, каков ответ.

Я сел в свой джип и покатил в Марсопорт. Я знал, что сказать капитану, который допустил пребывание Франклина на своем корабле. Слишком уж часты такие безобразия. Пусть теперь этот шутник и везет Франклина обратно на Землю.

Фрахтовик был погружен в стартовую шахту, только нос вырисовывался на фоне неба. Наш ядерщик Кларксон готовил корабль к отлету.

- Где капитан этой ржавой посудины? - спросил я.

- Капитана нет, - ответил Кларксон. - Это модель "Лежебока". С радиоуправлением.

Я почувствовал, как мой желудок стал медленно опускаться и подниматься наподобие качелей.

- Капитана нет?

- Не-а.

- А экипаж?

- На корабле его нет, - сказал Кларксон. - Ты ведь знаешь, Талли.

- В таком случае на корабле не должно быть кислорода, - догадался я.

- Разумеется, нет.

- И защиты от радиации?

- Безусловно.

- И теплоизоляции нет?

- Теплоизоляции ровно столько, чтобы корпус не расплавился.

- И, наверное, он стартует с максимальным ускорением? Что-нибудь около тридцати пяти "g"?

- Конечно, - подтвердил Кларксон. - Для беспилотного корабля это наиболее экономично. А что тебя смущает?

Я ему не ответил. Молча подошел к джипу и, выжав акселератор до отказа, помчался к спектрографической лаборатории. Желудок у меня больше не поднимался и не опускался. Он вращался как волчок.

Человек не способен выжить после такого рейса. У него нет на это никаких шансов. Ни одного шанса на десять миллиардов. Это физически невозможно.

Когда я подъехал к лаборатории, Франклин уже закончил крышу и работал внизу, соединяя трубы. Был обеденный перерыв, и ему помогали несколько человек из Горной группы. - Франклин, - сказал я.

- Что, сэр?

Я набрал побольше воздуху в легкие.

- Франклин, ты прилетел сюда на том фрахтовике?

- Нет, сэр, - ответил он. - Я все пытался вам объяснить, что и не думал подкупать никакого капитана, но вы так и не...

- В таком случае, - проговорил я очень медленно, - как ты сюда попал?

- Благодаря Истине!

- Ты не можешь мне объяснить?

С секунду Франклин размышлял.

- С дороги я просто ужасно устал, мистер Талли, - сказал он, - но кажется, все-таки могу.

И он исчез.

Я стоял и тупо моргал. Потом один из горных инженеров указал вверх. На высоте примерно трехсот футов парил Франклин. Мгновение спустя он опять стоял рядом со мной. У него был иззябший вид, а кончик носа порозовел от холода. Смахивает на мгновенное перемещение в пространстве. Нуль-перелет! Ну и ну!

- Это и есть Истина? - спросил я.

- Да, сэр, - сказал Франклин. - Это когда смотришь на мир по-иному. Стоит только увидеть Истину, по-настоящему увидеть, - и все становится возможным. Но на Земле это называли гал... галлюцинацией. Сказали, чтобы я прекратил гипнотизировать людей и...

- Ты можешь этому научить?

- Запросто, - ответил Франклин. - Правда, на это все же уйдет какое-то время.

- Это ничего. Смею надеяться, мы можем изыскать какое-то время. Да уж, полагаю, что можем. Даже наверняка. Да уж, какое-то время, затраченное на Истину, будет затрачено с толком...

Не известно, долго ли еще я бы нес околесицу, но Франклин возбужденно меня перебил.

- Мистер Талли, значит ли это, что я могу остаться?

- Ты можешь остаться, Франклин. По правде говоря, если ты попытаешься нас покинуть, я тебя застрелю.

- О, благодарю вас, сэр! А как насчет моей сестренки? Можно ей сюда?

- Да-да, безусловно, - обрадовался я. - Пусть твоя сестренка приезжает. В любое время...

Я услышал испуганный крик горняков и медленно обернулся. Волосы у меня встали дыбом.

Передо мной стояла девушка - высокая, худенькая девушка с огромными, словно блюдца, глазищами. Она озиралась по сторонам, как лунатик, и бормотала:

- Марс! Госпо-ди-и!

Потом заметила меня, и щеки у нее запылали.

- Простите меня, сэр, - сказала она. - Я... я подслушивала.

Роберт ШЕКЛИ

МНЕМОН

То был великий день для нашей деревни - к нам пришел Мнемон. Но сперва мы этого не знали, потому что он утаил от нас свою личность. Он сказал, что его зовут Эдгар Смит и что он мастер по ремонту мебели. Мы поверили ему, как верили всем. До тех пор мы не встречали человека, который что-либо скрывал.

Он пришел в нашу деревню пешком, с рюкзаком и ветхим чемоданчиком. Он оглядел наши лавки и дома. Он приблизился ко мне и спросил:

- Где тут полицейский участок?

- У нас его нет, - сказал я.

- В самом деле? Тогда где местный констебль или шериф?

- Люк Джонстон девятнадцать лет был у нас констеблем, сказал я. - Но Люк умер два года назад. Мы, как положено, сообщили властям, только на его место никого не прислали.

- Значит, вы сами себе полиция?

- Мы живем тихо, у нас в деревне все спокойно. Почему вы спрашиваете?

- Потому что мне надо, - не очень любезно ответил Смит. - Скудные знания не столь опасны, как абсолютное невежество, правда ведь? Ничего, мой пустолицый юный друг. Мне нравится ваша деревня. Мне нравятся деревянные дома и стройные вязы.

- Стройные что? - удивился я.

- Вязы, - повторил он, указывая на высокие деревья по обеим сторонам Главной улицы. - Разве вам не известно их название?

- Оно забыто, - смущенно проговорил я. - Многое потеряно, а многое спрятано. И все же нет вреда в названии дерева. Или есть?

- Никакого, - сказал я. - Вязы.

- Я останусь в вашей деревне на некоторое время.

- Будем очень вам рады. Особенно сейчас, в пору уборки урожая.

Смит гордо взглянул на меня.

- При чем тут уборка урожая? Уж не принимаешь ли ты меня за сезонного сборщика яблок?

- Мне это и в голову не приходило. А чем вы занимаетесь?

- Ремонтирую мебель, - сказал Смит.

- В такой деревне, как наша, у вас не много будет работы, - заметил я.

- Ну тогда, может быть, найду еще что-нибудь, к чему приложить руки. - Он неожиданно усмехнулся. - Пока что мне надо бы найти пристанище.

Я привел его к дому вдовы Марсини, и он снял у нее большую спальню с верандой и отдельным входом.

Его появление вызвало целый поток догадок и слухов. Миссис Марсини уверяла, что вопросы Смита о полиции доказывают, что он сам полицейский.

"Они так работают, - говорила она. - Лет пятьдесят назад каждый третий был полицейским. Вашим собственным детям арестовать вас было что плюнуть. Даже легче".

Но другие утверждали, что это было очень давно, а сейчас жизнь спокойная, полицейского редко увидишь, хотя, конечно, где-то они есть.

Но зачем тут появился Смит? Некоторые считали, что он пришел, чтобы забрать у нас что-то. "Какая еще может быть причина прийти в такую деревню?" А другие говорили, что он пришел нам что-то дать, подкрепляя свою догадку теми же соображениями.

Но точно мы ничего не знали. Оставалось только ждать, пока Смит не решит открыться.

Судя по всему, человек он был во многом сведущий и немало повидавший. Однажды мы поднялись с ним на холм. То был разгар осени, чудесная пора. Смит любовался лежащей внизу долиной.

- Этот вид напоминает мне известную фразу Уильяма Джеймса, - сказал он. - "Пейзаж запечатлевается в человеческой памяти лучше, чем что-либо другое". Подходит, верно?

- А кто это - Уильям Джеймс? - спросил я.

Смит посмотрел на меня.

- Разве я упомянул чье-то имя? Извини, друг, обмолвился.

Но это была не последняя "обмолвка". Через несколько дней я указал ему на уродливый склон, покрытый молодыми елочками, кустарником и сорной травой.

- Здесь был пожар пять лет назад, - объяснил я.

- Вижу, - произнес Смит. - И все же... Как сказал Монтень: "Ничто в природе не бесполезно, даже сама бесполезность".

Как-то, проходя по деревне, он остановился полюбоваться пионами мистера Вогеля, которые все еще цвели, хотя время их давно миновало, и обронил:

- Воистину у цветов глаза детей, а рты стариков.

В конце недели кое-кто из нас собрались в задней комнате магазина Эдмондса и стали обсуждать мистера Эдгара Смита. Я упомянул про фразы, сказанные им мне. Билл Эдмондс вспомнил, что Смит ссылался на человека по имени Эмерсон, который утверждал, что одиночество невозможно, а общество фатально. Билли Фарклоу сообщил, что Смит цитировал ему какого-то Иона Хиосского: "Удача сильно разнится от Искусства, но все же создает подобные творения". Но жемчужина оказалась у миссис Гордон; по словам Смита, это

была фраза великого Леонардо да Винчи: "Клятвы начинаются, когда умирает надежда".

Мы смотрели друг на друга и молчали. Было очевидно, что мистер Эдгар Смит - не простой мебельщик.

Наконец я выразил словами то, что все мы думали.

- Друзья, - сказал я. - Этот человек - мнемон.

Мнемоны как отдельная категория выделились в течение последнего года Войны, Покончившей Со Всеми Войнами. Они объявили своей целью запоминать литературные произведения, которым грозила опасность быть затерянными, уничтоженными или запрещенными.

Сперва правительство приветствовало их усилия, поощряло и даже награждало. Но после Войны, когда началось правление Полицейских Президентов, политика изменилась. Была дана команда забыть несчастливое прошлое и строить новый мир. Беспокоящие веяния пресекались в корне.

Здравомыслящие согласились, что литература в лучшем случае не нужна, а в худшем - вредна. В конце концов, к чему сохранять болтовню таких воров, как Вийон, и шизофреников, как Кафка? Необходимо ли знать тысячи различных мнений, а затем разъяснять их ошибочность? Под воздействием таких влияний можно ли ожидать от гражданина правильного и лояльного поведения? Как заставить людей выполнять указания?

А правительство знало, что, если каждый будет выполнять указания, все будет в порядке.

Но дабы достичь этого благословенного состояния, сомнительные и противоречивые влияния должны быть уничтожены. Следовательно, историю надо переписать, а литературу ревизовать, сократить, приручить или запретить.

Мнемонам приказали оставить прошлое в покое. Они, разумеется, возражали. Дискуссии длились до тех пор, пока правительство не потеряло терпение. Был издан окончательный приказ, грозящий тяжелыми последствиями для ослушников. Большинство мнемонов бросили свое занятие. Некоторые, однако, только притворились. Эти некоторые превратились в скрывающихся, подвергаемых гонениям бродячих учителей, когда и где возможно продающих свои знания.

Мы расспросили человека, называющего себя Эдгаром Смитом, и тот признался, что он мнемон. Он преподнес нашей деревне щедрый дар:

два сонета Уильяма Шекспира;

жалобы Иова богу;

один полный акт пьесы Аристофана.

Сделав это, он стал предлагать свой товар на продажу жителям деревни.

Мистер Огден обменял целую свинью на две строфы Симонида.

Мистер Веллингтон, затворник, отдал свои золотые часы за высказывание Гераклита и посчитал это удачной сделкой.

Старая миссис Хит поменяла фунт гусиного пуха на три станса из поэмы "Аталанта в Калидонии" некоего Суинберна.

Мистер Мервин, хозяин ресторана, приобрел короткую оду Катулла, высказывание Тацита о Цицероне и десять строк из гомеровского "Списка кораблей". Это обошлось ему недешево.

Мне не на что было покупать. Но за свои услуги я получил отрывок из Монтеня, фразу, приписываемую Сократу, и несколько строк из Анакреонта.

Неожиданным посетителем оказался мистер Линд, пришедший однажды морозным зимним утром. Мистер Линд был самым богатым фермером в округе и верил только в то, что мог увидеть и пощупать. Меньше всего мы ожидали, что его заинтересуют предложения Мнемона.

- Так вот, - начал Линд, маленький, краснолицый человек, быстро потирая руки, - я слышал о вас и ваших незримых товарах.

- А я слышал о вас, - как-то странно произнес Мнемон. - У вас ко мне дело?

- О, да! - воскликнул Линд. - Я желаю купить эти старые чудные слова.

- Я поражен, - сказал Мнемон. - Кто мог представить себе такого добропорядочного гражданина, как вы, в подобной ситуации - покупающим товары не только незримые, но и нелегальные.

- Я делаю это для своей жены, которой в последнее время нездоровится.

- Нездоровится? Неудивительно, - сказал Мнемон. - И дуб согнется от такой работы.

- Эй вы, не суйте нос в чужие дела! - яростно проговорил Линд.

- Это мое дело, - возразил Мнемон. - Люди моей профессии не раздают слова налево и направо. Каждому получателю мы подбираем соответствующие строки. Если мы ничего не можем найти, то ничего и не продаем.

- Я думал, вы предлагаете свой товар всем покупателям.

- Вас дезинформировали. Я знаю одну пиндарическую оду, которую не продам вам ни за какие деньги.

- Как вы со мной разговариваете!

- Я разговариваю, как хочу. Если вам не нравится, обратитесь в другое место.

Мистер Линд гневно сверкнул глазами и побагровел, но ничего не мог сделать. Наконец он произнес:

- Простите. Не продадите ли вы что-нибудь для моей жены? На прошлой неделе был ее день рождения, но я только сейчас вспомнил.

- Замечательный человек! - сказал Мнемон. - Сентиментальный, как норка, и такой же любящий, как акула. Почему за подарком вы обратились ко мне? Разве не лучше подойдет новая маслобойка?

- О нет, - проговорил Линд тихим и грустным голосом. - Весь месяц она лежит в постели и почти ничего не ест. По-моему, она умирает.

Мнемон кивнул.

- Умирает! Я не приношу соболезнований человеку, который довел ее до могилы, и не питаю симпатии к женщине, выбравшей себе такого мужа. Но у меня есть то, что ей понравится и облегчит смерть. Это будет стоить вам тысячу долларов.

- О боже! Нет ли у вас чего-нибудь подешевле?

- Конечно, есть, - ответил Мнемон. - У меня есть невинная комическая поэма на шотландском диалекте без середины; она ваша за две сотни. И есть "Ода памяти генерала Китченера", которую я отдам вам за десять долларов.

- И больше ничего?

- Для вас больше ничего.

- Что ж... я согласен на тысячу долларов, - сказал Линд. - Да! Сара достойна и большего!

- Красиво сказано, хотя и поздно. Теперь слушайте внимательно.

Мнемон откинулся назад, закрыл глаза и начал читать.

Линд напряженно слушал. И я тоже слушал, проклиная свою нетренированную память и молясь, чтобы меня не прогнали из комнаты.

Это была длинная поэма, очень странная и красивая. Она все еще у меня...

Мы - люди. Необычные животные с необычными влечениями. Откуда в нас духовная жажда? Какой голод заставляет человека обменивать три бушеля пшеницы на поэтическую строфу? Для существа духовного это естественно, но кто мог ожидать этого от нас? Кто мог представить, что нам недостает Платона? Может ли человек занемочь от отсутствия Плутарха, умереть от незнания Аристотеля?

Не стану отрицать. Я сам видел, как человека отрывали от Стриндберга.

Прошлое - частица нас самих, и уничтожить эту частицу значит поломать что-то и в нас. Я знаю мужчину, обретшего смелость только после того, как он услышал об Эпаминонде, и женщину, ставшую красавицей после того, как она услышала про Афродиту.

У Мнемона был естественный враг в лице нашего учителя, мистера Ваха, учившего всему по утвержденной программе. И еще был враг - отец Дульсес, заботившийся о наших духовных потребностях в лоне Всеобщей Американской Патриотической Церкви.

Мнемон пренебрегал этими авторитетами. Он говорил нам, что многое, чему они учат, ложно. Он утверждал, что они извращают смысл знаменитых высказываний, придавая им противоположное значение.

Мы слушали его, мы размышляли над его словами. Медленно, болезненно, мы начали думать. И при этом - надеяться.

Неоклассический расцвет нашей деревни был бурным, ярким и неожиданным. Однажды ранним весенним днем я помогал с уроками сыну моего соседа. У него оказалось новое издание "Общей истории", и я просмотрел главу "Серебряный век Рима". И вдруг понял, что там не упоминается Цицерон. Его не внесли даже в алфавитный указатель. Я еще подумал: интересно, в каком преступлении он уличен?

А потом, внезапно, все кончилось. Трое пришли в нашу деревню, в серых мундирах с латунными значками, в тяжелых черных ботинках. Их лица были широкими и пустыми. Они повсюду ходили вместе и всегда стояли рядом друг с другом, вопросов не задавая и ни с кем не разговаривая. Они знали точно, где живет Мнемон, и, сверившись с планом, направились туда.

Эти трое находились у него в комнате, наверное, минут десять. Затем снова вышли на улицу. Их глаза бегали; они казались испуганными. Они быстро покинули нашу деревню.

Мы похоронили Смита на высоком холме, возле того места, где он впервые цитировал Уильяма Джеймса, среди поздних цветов с глазами детей и ртами стариков.

Миссис Блейк совершенно неожиданно назвала своего младшего Цицероном. Мистер Линд зовет свой яблоневый сад Ксанаду. Меня самого считают приверженцем зороастризма, хотя я и не знаю-то ничего об этом учении, кроме того, что оно призывает человека говорить правду и пускать стрелу прямо.

Но все это - тщетные потуги. А правда в том, что мы потеряли Ксанаду безвозвратно, потеряли Цицерона, потеряли Зороастра. Что еще мы потеряли?

Какие великие битвы, города, мечты? Какие песни были спеты, какие легенды сложены? Теперь - слишком поздно - мы поняли, что наш разум как цветок, который должен корениться в богатой почве прошлого.

Мнемон, по официальному заявлению, никогда не существовал. Специальным указом он объявлен иллюзией - как Цицерон. Я - тот, кто пишет эти строки, - тоже скоро перестану существовать. Буду запрещен, как Цицерон, как Мнемон.

Никто не в силах мне помочь: правда слишком хрупка, она легко крушится в железных руках наших правителей. За меня не отомстят. Меня даже не запомнят. Уж если великого Зороастра помнит всего один человек, да и того вот-вот убьют, на что же надеяться?!

Поколение коров! Овцы! Свиньи! Если Эпаминонд был человеком, если Ахилл был человеком, если Сократ был человеком, то разве мы люди?..

Роберт ШЕКЛИ

МУСОРЩИК НА ЛОРЕЕ

- Совершенно невозможно, - категорически заявил профессор Карвер.

- Но ведь я видел своими глазами! - уверял Фред, его помощник и телохранитель. - Сам видел, вчера ночью! Принесли охотника - ему наполовину снесло голову, - и они...

- Погоди, - прервал его профессор Карвер, склонив голову в выжидательной позе.

Они вышли из звездолета перед рассветом, чтобы полюбоваться на обряды, совершаемые перед восходом солнца в селении Лорей на планете того же названия. Обряды, сопутствующие восходу солнца, если наблюдать их с далекого расстояния, зачастую очень красочны и могут дать материал на целую главу исследования по антропологии; однако Лорей, как обычно, оказался досадным исключением.

Солнце взошло без грома фанфар, вняв молитвам, вознесенным накануне вечером. Медленно поднялась над горизонтом темно-красная громада, согрев верхушки дремучего леса дождь-деревьев, среди которых стояло селение. А туземцы крепко спали...

Однако не все. Мусорщик был уже на ногах и теперь ходил с метлой

вокруг хижин. Он медленно передвигался шаркающей походкой - нечто похожее на человека и в то же время невыразимо чуждое человеку. Лицо мусорщика напоминало стилизованную болванку, словно природа сделала черновой набросок разумного существа. У мусорщика была причудливая, шишковатая голова и грязно-серая кожа.

Подметая, он тихонько напевал что-то хриплым, гортанным голосом. От собратьев-лореян мусорщика отличала единственная примета: лицо его пересекала широкая полоса черной краски. То была социальная метка, метка принадлежности к низшей ступени в этом примитивном обществе.

- Итак, - заговорил профессор Карвер, когда солнце взошло без всяких происшествий, - явление, которое ты мне описал, невероятно. Особенно же невероятно оно на такой жалкой, захудалой планетке.

- Сам видел, никуда не денешься, - настаивал 6Фред. - Вероятно или невероятно - это другой вопрос. Но видел. Вы хотите замять разговор - дело ваше.

Он прислонился к сучковатому стволу стабикуса, скрестил руки на впалой груди и метнул злобный взгляд на соломенные крыши хижин. Фред находился на Лорее почти два месяца и день ото дня все больше ненавидел селение.

Это был хилый, неказистый молодой человек, "бобрик" невыгодно подчеркивал его низкий лоб. Вот уже почти десять лет Фред сопровождал профессора во всех странствиях, объездил десятки планет и насмотрелся всевозможных чудес и диковин. Однако чем больше он видел, тем сильнее укреплялось в нем презрение к Галактике как таковой. Ему хотелось лишь одного: вернуться домой, в Байону, штат Нью-Джерси, богатым и знаменитым или хотя бы безвестным, но богатым.

- Здесь можно разбогатеть, - произнес Фред тоном обвинителя. - А вы хотите все замять.

Профессор Карвер в задумчивости поджал губы. Разумеется, мысль о богатстве приятна. Тем не менее профессор не собирался прерывать важную научную работу ради погони за журавлем в небе. Он заканчивал свой великий труд - книгу, которой предстояло полностью подтвердить и обосновать тезис, выдвинутый им в самой первой своей статье, - "Дальтонизм среда народов Танга". Этот тезис он позднее развернул в книге "Недостаточность

координации движений у рас Дранга". Профессор подвел итоги в фундаментальном исследовании "Дефекты разума в Галактике", где убедительно доказал, что разумность существ внеземного происхождения уменьшается в арифметической прогрессии, по мере того как расстояние от Земли возрастает в геометрической прогрессии.

Тезис этот расцвел пышным цветом в последней работе Карвера, которая суммировала все его научные изыскания и называлась "Скрытые причины врожденной неполноценности внеземных рас".

- Если ты прав... - начал Карвер.

- Смотрите! - воскликнул Фред. - Другого несут! Увидите сами!

Профессор Карвер заколебался. Этот дородный, представительный, краснощекий человек двигался медленно и с достоинством. Одет он был в форму тропических путешественников, несмотря на то что Лорей отличался умеренным климатом. Профессор не выпускал из рук хлыста, а на боку у него был крупнокалиберный револьвер - точь-в-точь как у Фреда.

- Если ты не ошибся, - медленно проговорил Карвер, это для них, так сказать, немалое достижение.

- Пойдемте! - сказал Фред.

Четыре охотника за шрэгами несли раненого товарища к лекарственной хижине, и Карвер с Фредом зашагали следом. Охотники заметно выбились из сил: должно быть, их путь к селению длился не день и не два, так как обычно они углубляются в самые дебри дождь-лесов.

- Похож на покойника, а? - прошептал Фред.

Профессор Карвер кивнул. С месяц назад ему удалось сфотографировать шрэга в выигрышном ракурсе, на вершине высокого, кряжистого дерева. Он знал, что шрэг - это крупный, злобный и быстроногий хищник, наделенный ужасающим количеством когтей, клыков и рогов. Кроме того, это единственная на планете дичь, мясо которой не запрещают есть бесчисленные табу. Туземцам приходится либо убивать шрэгов, либо гибнуть с голоду.

Однако, как видно, этот охотник недостаточно ловко орудовал копьем и щитом, и шрэг распорол его от горла до таза. Несмотря на то что рану сразу же перевязали сушеными листьями, охотник истек кровью. К счастью, он был без сознания.

- Ему ни за что не выжить, - изрек Карвер. - Просто чудо, что он дотянул до сих пор. Одного шока достаточно, не говоря уж о глубине и протяженности раны...

- Вот увидите, - пообещал Фред.

Внезапно селение пробудилось. Мужчины и женщины, серокожие, с шишковатыми головами, молчаливо провожали взглядами охотников, направляющихся к лекарственной хижине. Мусорщик тоже прервал работу, чтобы поглядеть. Единственный в селении ребенок стоял перед родительской хижиной и, засунув большой палец в рот, глазел на шествие. Навстречу охотникам вышел лекарь Дег, успевший надеть ритуальную маску. Собрались плясуны-исцелители - они торопливо накладывали на лица грим.

- Ты думаешь, удастся его залатать, док? - спросил Фред.

- Будем надеяться, - благочестиво ответил Дег.

Все вошли в тускло освещенную лекарственную хижину.

Раненого лореянина бережно уложили на травяной тюфяк, и плясуны начали перед ним обрядовое действо. Дег затянул торжественную песнь.

- Ничего не получится, - сказал Фреду профессор Карвер с бескорыстным интересом человека, наблюдающего за работой парового экскаватора. - Слишком поздно для исцеления верой. Прислушайся к его дыханию. Не кажется ли тебе, что оно становится менее глубоким?

- Совершенно верно, - ответил Фред.

Дег окончил свою песнь и склонился над раненым охотником. Лореянин дышал с трудом, все медленнее и неувереннее...

- Пора! - вскричал лекарь. Он достал из мешочка маленькую деревянную трубочку, вытащил пробку и поднес к губам умирающего. Охотник выпил содержимое трубочки. И вдруг...

Карвер захлопал глазами, а Фред торжествующе усмехнулся. Дыхание охотника стало глубже. На глазах у землян страшная рваная рана превратилась в затянувшийся рубец, потом в тонкий розовый шрам и, наконец, в почти незаметную белую полоску.

Охотник сел, почесал в затылке, глуповато ухмыльнулся и сообщил, что ему хочется пить, и лучше бы ему выпить чего-нибудь хмельного.

Тут же, на месте, Дег торжественно открыл празднество.

Карвер и Фред отошли на опушку дождь-леса, чтобы посовещаться. Профессор шагал словно лунатик, выпятив отвислую нижнюю губу и время от времени покачивая головой.

- Ну так как? - спросил Фред.

- По всем законам природы этого не должно быть, ошеломленно пробормотал Карвер. - Ни одно вещество на свете не дает подобной реакции. А прошлой ночью ты тоже видел, как оно действовало?

- Конечно, черт возьми, - подтвердил Фред. - Принесли охотника - голова у него была наполовину оторвана. Он проглотил эту штуковину и

исцелился прямо у меня на глазах.

- Вековая мечта человечества, - размышлял вслух профессор Карвер. - Панацея от всех болезней.

- За такое лекарство мы могли бы заломить любую цену, - сказал Фред.

- Да, могли бы... а кроме того, мы бы исполнили свой долг перед наукой, - строго одернул его профессор Карвер. Да, Фред, я тоже думаю, что надо получить некоторое количество этого вещества.

Они повернулись и твердым шагом направились обратно в селение. Там в полном разгаре были пляски, исполняемые представителями различных родовых общин. Когда Карвер и Фред вернулись, плясали сатгохани - последователи культа, обожествляющего животное средней величины, похожее на оленя. Их можно было узнать по трем красным точкам на лбу. Своей очереди дожидались дресфейд и таганьи, названные по именам других лесных животных. Звери, которых тот или иной род считал своими покровителями, находились под защитой табу, и убивать их было строжайше запрещено. Карверу никак не удавалось найти рационалистическое толкование обычаев туземцев. Лореяне упорно отказывались поддерживать разговор на эту тему.

Лекарь Дег снял ритуальную маску. Он сидел у входа в лекарственную хижину и наблюдал за плясками. Когда земляне приблизились к нему, он встал.

- Мир вам! - произнес он слова приветствия.

- И тебе тоже, - ответил Фред. - Недурную работку ты проделал с утра.

Дег скромно улыбнулся.

- Боги снизошли к нашим молитвам.

- Боги? - переспросил Карвер. - А мне показалось, что большая часть работы пришлась на долю сыворотки.

- Сыворотки? Ах, сок серей! - Выговаривая эти слова. Дег сопроводил их ритуальным жестом, исполненным благоговения. - Да, сок серей - это мать всех лореян.

- Нам бы хотелось купить его, - без обиняков сказал Фред, не обращая внимания на то, как неодобрительно насупился профессор Карвер. - Сколько ты возьмешь за галлон?

- Приношу вам свои извинения, - ответил Дег.

- Как насчет красивых бус? Или зеркал? Может быть, вы предпочитаете парочку стальных ножей?

- Этого нельзя делать, - решительно отказался лекарь. - Сок серей священен. Его можно употреблять только ради исцеления, угодного богам.

- Не заговаривай мне зубы, - процедил Фред, и сквозь нездоровую

желтизну его щек пробился румянец. - Ты, ублюдок, воображаешь, что тебе удастся...

- Мы вполне понимаем, - вкрадчиво сказал Карвер. - Нам известно, что такое священные предметы. Что священно, то священно. К ним не должны прикасаться недостойные руки.

- Вы сошли с ума, - шепнул Фред по-английски.

- Ты мудрый человек, - с достоинством ответил Дег. - Ты понимаешь, почему я должен вам отказать.

- Конечно. Но по странному совпадению, Дег, у себя на родине я тоже занимаюсь врачеванием.

- Вот как? Я этого не знал!

- Это так. Откровенно говоря, в своей области я слыву самым искусным лекарем.

- В таком случае ты, должно быть, очень святой человек, - сказал Дег, склонив голову.

- Он и вправду святой, - многозначительно вставил Фред. - Самый святой из всех, кого тебе суждено здесь видеть.

- Пожалуйста, не надо, Фред, - попросил Карвер и опустил глаза с деланным смущением. Он обратился к лекарю: - Это верно, хоть я и не люблю, когда об этом говорят. Вот почему в данном случае, сам понимаешь, не будет грехом дать мне немного сока серей. Напротив, твой жреческий долг призывает тебя поделиться со мной этим соком.

Лекарь долго раздумывал, и на его почти гладком лице едва уловимо отражались противоречивые чувства. Наконец он сказал:

- Наверное, все это правда. Но, к несчастью, я не могу исполнить вашу просьбу.

- Почему же?

- Потому что сока серей очень мало, просто до ужаса мало. Его еле хватит на наши нужды.

Дег печально улыбнулся и отошел.

Жизнь селения продолжалась своим чередом, простая и неизменная. Мусорщик медленно обходил улицы, подметая их своей метлой. Охотники отправлялись лесными тропами на поиски шрэгов. Женщины готовили пищу и присматривали за единственным в селении ребенком. Жрецы и плясуны каждый вечер молились, чтобы поутру взошло солнце. Все были по-своему, покорно и смиренно, довольны жизнью.

Все, кроме землян.

Они провели еще несколько бесед с Дегом и исподволь выведали всю подноготную о соке серей и связанных с ним трудностях.

Растение серей - это низкорослый, чахлый кустарник. В естественных условиях оно растет плохо. Кроме того, оно противится искусственному разведению и совершенно не выносит пересадки. Остается только тщательно выпалывать сорняки вокруг серей и надеяться, что оно расцветет. Однако в большинстве случаев кусты серей борются за существование год-другой, а затем хиреют. Лишь немногие расцветают, и уж совсем немногие живут достаточно долго, чтобы дать характерные красные ягоды.

Из ягод серей выжимают эликсир, который для населения Лорея означает жизнь.

- При этом надо помнить, - сказал Дег, - что кусты серей встречаются редко и на больших расстояниях друг от друга Иногда мы ищем месяцами, а находим один-единственный кустик с ягодами. А ягоды эти спасут жизнь только одному лореянину. от силы двум.

- Печально, - посочувствовал Карвер. - Но, несомненно, усиленное удобрение почвы...

- Все уже пробовали.

- Я понимаю, - серьезно сказал Карвер, - какое огромное значение придаете вы соку серей. Но если бы вы уделили нам малую толику - пинту-другую, мы отвезли бы его на Землю, исследовали и постарались синтезировать. Тогда вы получили бы его в неограниченном количестве.

- Но мы не решаемся расстаться даже с каплей. Вы заметили, как мало у нас детей?

Карвер кивнул.

- Дети рождаются очень редко. Вся жизнь у нас - непрерывная борьба нашей расы за существование. Надо сохранять жизнь каждому лореянину, до тех пор пока на смену ему не появится дитя. А этого можно достигнуть лишь благодаря неустанным и нескончаемым поискам ягод серей. И вечно их не хватает. - Лекарь вздохнул. - Вечно не хватает.

- Неужели этот сок излечивает все? - спросил Фред.

- Да, и даже больше. У того, кто отведал серей, прибавляется пятьдесят лет жизни.

Карвер широко раскрыл глаза. На Лорее пятьдесят лет приблизительно равны шестидесяти трем земным годам.

Серей - не просто лекарство, заживляющее раны, не просто средство, содействующее регенерации! Это и напиток долголетия!

Он помолчал, обдумывая перспективу продления своей жизни на шестьдесят лет, затем спросил:

- А что будет, если по истечении этих пятидесяти лет лореянин опять примет серей?

- Не известно, - ответил Дег. - Ни один лореянин не станет принимать серей вторично, когда его и так слишком мало.

Карвер и Фред переглянулись.

- А теперь выслушай меня внимательно, Дег, - сказал профессор Карвер и заговорил о священном долге перед наукой. Наука, объяснил он лекарю, превыше расы, превыше веры, превыше религии. Развитие науки превыше самой жизни. В конце концов, если и умрут еще несколько лореян, что с того? Так или иначе, рано или поздно им не миновать смерти. Важно, чтобы земная наука получила образчик сока серей.

- Может быть, твои слова и справедливы, - отозвался Дег, - но мой выбор ясен. Как жрец религии саннигериат, я унаследовал священную обязанность охранять жизнь нашего народа. Я не нарушу своего долга.

Он повернулся и ушел. Земляне вернулись в звездолет ни с чем.

Выпив кофе, профессор Карвер открыл ящик письменного стола и извлек оттуда рукопись "Скрытые причины врожденной неполноценности внеземных рас". Любовно перечитал он последнюю главу, специально трактующую вопрос о комплексе неполноценности у жителей Лорея. Потом профессор Карвер отложил рукопись в сторону.

- Почти готова, Фред, - сообщил он помощнику. - Работы осталось на недельку - ну, самое большее, на две!

- Угу, - промычал Фред, рассматривая селение через иллюминатор.

- Вопрос будет исчерпан, - провозгласил Карвер. - Книга раз и навсегда докажет прирожденное превосходство жителей Земли. Мы неоднократно подтверждали свое превосходство силой оружия, Фред, доказывали его и мощью передовой техники. Теперь оно доказано силой бесстрастной логики.

Фред кивнул. Он знал, что профессор цитирует предисловие к своей книге.

- Ничто не должно стоять на пути великого дела, - сказал Карвер. - Ты согласен с этим, не правда ли?

- Ясно, - рассеянно подтвердил Фред. - Книга прежде всего. Поставьте ублюдков на место.

- Я, собственно, не это имел в виду. Но ты ведь знаешь, что я хочу сказать. При создавшихся обстоятельствах, быть может, лучше выкинуть серей из головы. Быть может, надо ограничиться завершением начатой работы.

Фред обернулся и заглянул хозяину в глаза.

- Профессор, как вы думаете, сколько вам удастся выжать из этой

книги?

- А? Ну что ж, последняя, если помнишь, разошлась совсем неплохо. На эту спрос будет еще больше. Десять, а то и двадцать тысяч долларов! - Он позволил себе чуть заметно улыбнуться. - Мне, видишь ли, повезло в выборе темы. На Земле широкие круги читателей явно интересуются этим вопросом, что весьма приятно для ученого.

- Допустим даже, что вы извлечете из нее пятьдесят тысяч. Курочка по зернышку клюет. А знаете ли вы, сколько можно заработать на пробирке с соком серей?

- Сто тысяч? - неуверенно предположил Карвер.

- Вы смеетесь! Представьте себе, что умирает какой-нибудь богач, а у нас есть единственное лекарство, способное его вылечить. Да он вам все отдаст! Миллионы!

- Полагаю, ты прав, - согласился Карвер. - И мы внесли бы неоценимый вклад в науку. Но, к сожалению, лекарь ни за что не продаст нам ни капли.

- Покупка - далеко не единственный способ поставить на своем. - Фред вынул револьвер из кобуры и пересчитал патроны.

- Понятно, понятно, - проговорил Карвер, и его румяные щеки слегка побледнели. - Но вправе ли мы...

- А вы-то как думаете?

- Что ж, они безусловно неполноценны. Полагаю, я привел достаточно убедительные доказательства. Можно смело утверждать, что в масштабе Вселенной их жизнь недорого стоит. Гм, да... да, Фред, таким препаратом мы могли бы спасать жизнь землянам!

- Мы могли бы спасти собственную жизнь, - заметил Фред. - Кому охота загнуться раньше срока?

Карвер встал и решительно расстегнул кобуру своего револьвера.

- Помни, - сказал он Фреду. - мы идем на это во имя науки и ради Земли.

- Вот именно, профессор, - ухмыльнулся Фред и двинулся к люку.

Они отыскали Дега вблизи лекарственной хижины. Карвер заявил без всяких предисловий:

- Нам необходимо получить сок серей.

- Я вам уже объяснял, - удивился лекарь. - Я рассказал вам о причинах, по которым это невозможно.

- Нам нужно во что бы то ни стало, - поддержал шефа Фред. Он выхватил из кобуры револьвер и свирепо взглянул на Дега.

- Нет.

- Ты думаешь, я шутки шучу? - нахмурился Фред. - Ты знаешь, что это за оружие?

- Я видел, как вы стреляете.

- Ты, может, думаешь, что я постесняюсь выстрелить в тебя?

- Я не боюсь. Но серей ты не получишь.

- Буду стрелять! - исступленно заорал Фред. - Клянусь, буду стрелять!

За спиной лекаря медленно собирались жители Лорея. Серокожие, с шишковатыми черепами, они молча занимали свои места; охотники держали в руках копья, прочие селяне были вооружены ножами и камнями.

- Вы не получите серей, - сказал Дег.

Фред неторопливо прицелился.

- Полно, Фред, - обеспокоился Карвер, - тут их целая куча... Стоит ли...

Тощее тело Фреда подобралось, палец побелел и напрягся на курке. Карвер закрыл глаза.

Наступила мертвая тишина.

Вдруг раздался выстрел.

Карвер опасливо открыл глаза.

Лекарь стоял, как прежде, только дрожали его колени. Фред оттягивал курок. Селяне безмолвствовали. Карвер не сразу сообразил, что произошло. Наконец он заметил мусорщика.

Мусорщик лежал, уткнувшись лицом в землю, все еще сжимая метлу в вытянутой левой руке; ноги его слабо подергивались. Из дыры, которую Фред аккуратно пробил у него во лбу, струилась кровь.

Дег склонился над мусорщиком, но тут же выпрямился.

- Скончался, - сказал лекарь.

- Это только цветочки, - пригрозил Фред, нацеливаясь на какого-то охотника.

- Нет! - вскричал Дег.

Фред посмотрел на него, вопросительно подняв брови.

- Отдам тебе сок, - пояснил Дег. - Отдам тебе весь наш сок серей. Но вы оба тотчас же покинете Лорей!

Он бросился в хижину и мгновенно вернулся с тремя деревянными трубочками, которые сунул Фреду в ладонь.

- Порядочек, профессор, - сказал Фред. - Надо сматываться.

Они прошли мимо молчаливых селян, направляясь к звездолету. Вдруг мелькнуло что-то яркое, блеснув на солнце.

Фред взвыл от боли и выронил револьвер. Профессор Карвер поспешно подобрал его.

- Какой-то недоносок зацепил меня, - сказал Фред. - Дайте револьвер!

Описав крутую дугу, у их ног зарылось в землю копье.

- Их слишком много, - рассудительно заметил Карвер. Прибавим шагу!

Они пустились к звездолету и, хотя вокруг свистели копья и ножи, добрались благополучно и задраили за собой люк.

- Дешево отделались, - сказал Карвер, переводя дыхание, и прислонился спиной к люку. - Ты не потерял сыворотку?

- Вот она, - ответил Фред, потирая руку. - Черт!

- Что случилось?

- Рука онемела.

Карвер осмотрел рану, глубокомысленно поджал губы, но ничего не сказал.

- Онемела, - повторил Фред. - Уж не отравлены ли у них копья?

- Вполне возможно, - допустил профессор Карвер.

- Отравлены! - завопил Фред. - Глядите, рана уже меняет цвет!

Действительно, по краям рана почернела и приобрела гангренозный вид.

- Сульфидин, - порекомендовал Карвер. - И пенициллин. Не о чем беспокоиться, Фред. Современная фармакология Земли...

- ...может вовсе не подействовать на этот яд. Откройте одну трубочку!

- Но, Фред, - возразил Карвер, - наши запасы сока крайне ограничены. Кроме того...

- К чертовой матери! - разъярился Фред. Здоровой рукой он взял одну трубочку и вытащил пробку зубами.

- Погоди, Фред!

- Еще чего!

Фред осушил трубочку и бросил ее на пол. Карвер с раздражением произнес:

- Я хотел только подчеркнуть, что следовало бы подвергнуть сыворотку испытаниям, прежде чем пробовать ее на землянах. Мы ведь не знаем, как реагирует человеческий организм на это вещество. Я желал тебе добра.

- Как же, желали, - насмешливо ответил Фред. - Поглядите лучше, как действует это лекарство.

Почерневшая рана снова приобрела цвет здоровой плоти и теперь затягивалась. Вскоре осталась лишь белая полоска шрама. Потом и она исчезла, а на ее месте виднелась упругая розовая кожа.

- Хорошая штука, а? - шумно радовался Фред, и в голосе его чуть заметно проскальзывали истеричные нотки. - Действует, профессор, действует! Выпей и ты, друг, живи еще пятьдесят лет! Как ты думаешь, удастся нам синтезировать эту штуку? Ей цена - миллион, десять миллионов, миллиард! А если не удастся, то всегда есть добрый старый Лорей! Можно наведываться каждые полсотни годков или около того для заправки! Она и на вкус приятна, профессор. Точь-в-точь как... что случилось?

Профессор Карвер уставился на Фреда широко раскрытыми от изумления глазами.

- В чем дело? - с усмешкой спросил Фред. - Швы, что ли, перекосились? На что вы тут глазеете?

Карвер не отвечал. У него дрожали губы. Он медленно попятился.

- Какого черта, что случилось?

Фред метнул на профессора яростный взгляд, затем бросился в носовую часть звездолета и посмотрелся в зеркало.

- Что со мной стряслось?

Карвер пытался заговорить, но слова застряли в горле. Не отрываясь следил он, как черты Фреда медленно изменяются, сглаживаются, смазываются, словно природа делает черновой набросок разумной жизни. На голове у Фреда проступали причудливые шишки. Цвет кожи медленно превращался из розового в серый.

- Я же советовал тебе выждать, - вздохнул Карвер.

- Что происходит? - испуганно прошептал Фред.

- Видишь ли, - ответил Карвер, - должно быть, тут налицо остаточный эффект серей. Рождаемость на Лорее, сам знаешь, практически отсутствует. Даже при всех целебных свойствах серей эта раса должна была давным-давно вымереть. Так и случилось бы, не обладай серей и иными свойствами - способностью превращать низшие формы животной жизни в высшую - в разумных лореян.

- Бредовая идея!

- Рабочая гипотеза, основанная на утверждении Дега, что серей - мать всех лореян. Боюсь, что в этом кроется истинное значение культа зверей и причина наложенных на них табу. Различные животные, наверное, были родоначальниками определенных групп лореян, а может быть, и всех лореян. Даже разговоры на эту тему объявлены табу; в туземцах явно укоренилось ощущение глубокой неполноценности, оттого что они слишком недавно вышли из животного состояния.

Карвер устало потер лоб.

- Можно предполагать, - продолжал он, - что соку серей принадлежит немалая роль в жизни всей расы. Рассуждая теоретически...

- К черту теории, - буркнул Фред, с ужасом обнаруживая, что голос его стал хриплым и гортанным, как у лореян. - Профессор, сделайте что-нибудь!

- Не в моих силах что-либо сделать.

- Может, наука Земли...

- Нет, Фред, - тихо сказал Карвер.

- Что?

- Фред, прошу тебя, постарайся понять. Я не могу взять тебя на Землю.

- Что вы имеете в виду? Вы, должно быть, спятили!

- Отнюдь нет. Как я могу привезти тебя с таким фантастическим объяснением? Все будут считать, что твоя история - не что иное, как грандиозная мистификация.

- Но...

- Не перебивай! Никто мне не поверит. Скорее поверят, что ты необычайно смышленый лореянин. Одним лишь своим присутствием, Фред, ты

опровергнешь отправной тезис моей книги!

- Не может того быть, чтоб вы меня бросили, - пролепетал Фред. - Вы этого не сделаете.

Профессор Карвер все еще держал в руках оба револьвера. Он сунул один из них за пояс, а второй навел на Фреда.

- Я не собираюсь подвергать опасности дело всей своей жизни. Уходи отсюда, Фред.

- Нет!

- Я не шучу. Пошел вон, Фред.

- Не уйду! Вам придется стрелять!

- Надо будет - выстрелю, - заверил его Карвер. - Пристрелю и выкину.

Он прицелился.

Фред попятился к люку, снял запоры, открыл его.

Снаружи безмолвно ждали селяне.

- Что они со мной сделают?

- Мне, право, жаль, Фред, - сказал Карвер.

- Не пойду! - взвизгнул Фред и обеими руками вцепился в проем люка.

Карвер столкнул его в руки ожидающей толпы, а вслед ему сбросил две оставшиеся трубочки с соком серей.

После этого Карвер поспешно задраил люк, не желая видеть дальнейшее.

Не прошло и часа, как он уже вышел из верхних слоев атмосферы.

Когда он вернулся на Землю, его книгу "Скрытые причины врожденной неполноценности внеземных рас" провозгласили исторической вехой в сравнительной антропологии. Однако почти сразу пришлось столкнуться с кое-какими осложнениями.

На Землю вернулся некий капитан-астронавт по фамилии Джонс, который утверждал, что обнаружил на планете Лорей туземца, во всех отношениях не уступающего жителю Земли. В доказательство своих слов капитан Джонс проигрывал магнитофонные записи и демонстрировал киноленты.

В течение некоторого времени тезис Карвера казался сомнительным, пока Карвер лично не изучил вещественные доказательства противника. Тогда он с беспощадной логикой заявил, что так называемый сверхлореянин, это совершенство с Лорея, этот, с позволения сказать, ровня жителям Земли, находится на самой низшей иерархической ступени Лорея: он - мусорщик, о чем ясно говорит широкая черная полоса на его лице.

Капитан-астронавт не стал оспаривать это утверждение. Отчего же, заявлял Карвер, этому сверхлореянину, несмотря на все его хваленые способности, не удалось достигнуть хоть сколько-нибудь достойного положения в том жалком обществе, в котором он живет?

Этот вопрос заткнул рты капитану и его сторонникам и, можно сказать, вдребезги разбил их школу. И теперь во всей Галактике мыслящие земляне

разделяют карверовскую доктрину врожденной неполноценности внеземных существ.

Роберт ШЕКЛИ

ПОЕДИНОК РАЗУМОВ

пер. В.Скороденко

Часть первая

Квидак наблюдал с пригорка, как тонкий сноп света опускается с неба. Перистый снизу, золотой сноп сиял ярче солнца. Его венчало блестящее металлическое тело скорее искусственного, чем естественного происхождения, которое Квидак уже видел в прошлом. Квидак пытался найти ему название.

Слово не вспоминалось. Память затухла в нем вместе с функциями, остались лишь беспорядочные осколки образов. Он перебирал их, просеивал обрывки воспоминаний - развалины городов, гибель тех, кто в них жил, канал с голубой водой, две луны, космический корабль...

Вот оно! Снижается космический корабль. Их было много в славную эпоху Квидака.

Славная эпоха канула в прошлое, погребенная под песками. Уцелел только Квидак. Он еще жил, и у него оставалась высшая цель, которая должна быть достигнута. Могучий инстинкт высшей цели сохранился и после того, как истончилась память и замерли функции.

Квидак наблюдал. Потеряв высоту, корабль нырнул, качнулся, включил боковые дюзы, выровнялся и, подняв облако пыли, сел на хвост посреди бесплодной равнины.

И Квидак, побуждаемый сознанием высшей цели Квидака, с трудом пополз вниз. Каждое движение отзывалось в нем острой болью. Будь Квидак себялюбивым созданием, он бы не вынес и умер. Но он не знал себялюбия. Квидаки имели свое предназначение во Вселенной. Этот корабль, первый за бесконечные годы, был мостом в другие миры, к планетам, где Квидак смог бы обрести новую жизнь и послужить местной фауне.

Он одолевал сантиметр за сантиметром и не знал, хватит ли у него сил доползти до корабля пришельцев, прежде чем тот улетит с этой пыльной и мертвой планеты.

Йенсен, капитан космического корабля "Южный Крест", был по горло сыт Марсом. Они провели тут десять дней, а результат? И ни одной стоящей археологической находки, ни единого обнадеживающего намека на некогда существовавший город - вроде того, что экспедиция "Полариса" открыла на Южном полюсе. Тут были только песок, несколько чахоточных кустиков да пара-другая покатых пригорков. Их лучшим трофеем за все это время стали три глиняных черепка.

Йенсен поправил кислородную маску. Над косогором показались два возвращающихся астронавта.

- Что хорошего? - окликнул их Йенсен.

- Да вот только, - ответил бортинженер Вейн, показывая обломок ржавого лезвия без рукоятки.

- И на том спасибо, - сказал Йенсен. - А что у тебя, Уилкс?

Штурман пожал плечами:

- Фотоснимки местности, больше ничего.

- Ладно, - произнес Йенсен. - Валите все в стерилизатор, и будем трогаться.

У Уилкса вытянулось лицо:

- Капитан, разрешите одну-единственную коротенькую вылазку к северу - вдруг подвернется что-нибудь по-настоящему...

- Исключено, - возразил Йенсен. - Топливо, продовольствие, вода - все рассчитано точно на десять дней. Это на три дня больше, чем было у "Полариса". Стартуем вечером.

Инженер и штурман кивнули. Жаловаться не приходилось: как участники Второй марсианской экспедиции, они могли твердо надеяться на почетную, пусть и короткую сноску в курсах истории. Они опустили снаряжение в стерилизатор, завинтили крышку и поднялись по лесенке к люку. Вошли в шлюз-камеру. Вейн задраил внешний люк и повернул штурвал внутреннего.

- Постой! - крикнул Йенсен.

- Что такое?

- Мне показалось, у тебя на ботинке что-то вроде большого клопа.

Вейн ощупал ботинки, а капитан со штурманом оглядели со всех сторон его комбинезон.

- Заверни-ка штурвал, - сказал капитан. - Уилкс, ты ничего такого не заметил?

- Ничегошеньки, - ответил штурман. - А вы уверены, кэп? На всей планете мы нашли только несколько растений, зверьем или насекомыми и не пахло.

- Что-то я видел, готов поклясться, - сказал Йенсен. - Но, может,

просто почудилось... Все равно продезинфицируем одежду перед тем, как войти. Рисковать не стоит - не дай бог прихватим с собой какого-нибудь марсианского жучка.

Они разделись, сунули одежду и обувь в приемник и тщательно обыскали голую стальную шлюз-камеру.

- Ничего, - наконец констатировал Йенсен. - Ладно, пошли.

Вступив в жилой отсек, они задраили люк и продезинфицировали шлюз. Квидак, успевший проползти внутрь, уловил отдаленное шипение газа. Немного спустя он услышал, как заработали двигатели.

Квидак забрался в темный кормовой отсек. Он нашел металлический выступ и прилепился снизу у самой стенки. Прошло еще сколько-то времени, и он почувствовал, что корабль вздрогнул.

Весь утомительно долгий космический полет Квидак провисел, уцепившись за выступ. Он забыл, что такое космический корабль, но теперь память быстро восстанавливалась. Он погружался то в чудовищный жар, то в ледяной холод. Адаптация к перепадам температуры истощила и без того скудный запас его жизненных сил. Квидак почувствовал, что может не выдержать.

Он решительно не хотел погибать. По крайней мере до тех пор, пока имелась возможность достичь высшей цели Квидака.

Спустя какое-то время он ощутил жесткую силу тяготения, почувствовал, как снова включились главные двигатели. Корабль садился на родную планету.

После посадки капитана Йенсена и его экипаж, согласно правилам, препроводили в Центр медконтроля, где прослушали, прозондировали и проверили, не гнездится ли в них какой-нибудь недуг.

Корабль погрузили на вагон-платформу и отвезли вдоль рядов межконтинентальных баллистических ракет и лунных кораблей на дегазацию первой ступени. Здесь наружную обшивку корпуса обработали, задраив люки, сильными ядохимикатами. К вечеру корабль переправили на дегазацию второй ступени, и им занялась спецкоманда из двух человек, оснащенных громоздкими баллонами со шлангами.

Они отдраили люк, вошли и закрыли его за собой. Начали они с носовой части, методично опрыскивая помещения по мере продвижения к корме. Все как будто было в порядке: никаких животных или растений, никаких следов плесени вроде той, какую завезла Первая лунная экспедиция.

- Неужели все это и вправду нужно? - спросил младший дегазатор (он уже подал рапорт о переводе в диспетчерскую службу).

- А то как же, - ответил старший. - На таких кораблях можно завезти черт знает что.

- Пожалуй, - согласился младший. - А все-таки марсианская жизнь, если она, конечно, есть, на Земле вряд ли уцелеет. Или нет?

- Откуда мне знать? - изрек старший. - Я не биолог. Да биологи, скорее всего, и сами не знают.

- Только время даром тра... Эге!

- В чем дело? - спросил старший.

- По-моему, там что-то есть, - сказал младший. - Какая-то тварь вроде пальмового жука. Вон под тем выступом.

Старший дегазатор поплотнее закрепил маску и знаком приказал помощнику сделать то же. Он осторожно приблизился к выступу, отстегивая второй шланг от заплечного баллона, и, нажав на спуск, распылил облако зеленоватого газа.

- Ну вот, - произнес он, - на твоего жука хватит. - Став на колени, он заглянул под выступ: - Ничего нет.

- Видно, померещилось, - сказал помощник.

Они на пару обработали из распылителей весь корабль, уделив особое внимание маленькому контейнеру с марсианскими находками, и, выйдя из заполненной газом ракеты, задраили люк.

- Что дальше? - спросил помощник.

- Дальше корабль простоит закупоренным трое суток, ответил старший дегазатор, - а потом мы проведем вторичный осмотр. Ты найди мне тварь, которая протянет три дня в этаких условиях!

Все это время Квидак висел, прилепившись к ботинку младшего дегазатора между каблуком и подошвой. Теперь он отцепился и, прислушиваясь к басовитому, раскатистому и непонятному звуку человеческих голосов, следил, как удаляются темные двуногие фигуры. Он чувствовал усталость и невыразимое одиночество.

Но его поддерживала мысль о высшей цели Квидака. Остальное не имело значения. Первый этап в достижении цели остался позади: он успешно высадился на обитаемой планете. Сейчас ему требовались вода и пища. Затем - отдых, основательный отдых, чтобы восстановить уснувшие способности. И тогда он сможет дать этому миру то, чего ему так явно недостает, - сообщество, которое способен основать один лишь Квидак.

Он медленно пополз через темную площадку, мимо пустых махин космических кораблей, добрался до проволочной ограды и ощутил, что по

проволоке пропущен ток высокого напряжения. Тщательно рассчитав траекторию, Квидак благополучно проскочил в ячейку.

Этот участок оказался совсем другим. Квидак почуял близко воду и пищу. Он торопливо пополз вперед - и остановился.

Ощущалось присутствие человека. И чего-то еще, куда более грозного.

- Кто там? - окликнул охранник. Он застыл с револьвером в одной руке и фонариком в другой. Неделю назад на склад проникли воры и сперли три ящика с частями для ЭВМ, ожидавшими отправки в Рио. Сейчас он был готов встретить грабителей как положено.

Охранник приблизился - старик с зорким взглядом и решительной повадкой. Луч фонарика пробежал по грузам, вспыхнул желтыми искрами в пирамиде фрезерных станков повышенной точности для Южной Африки, скользнул по водозаборному устройству (получатель - Иордания) и куче разносортного груза назначением в Рабаул.

- Выходи, а то хуже будет! - крикнул охранник. Луч выхватил из темноты мешки риса (порт доставки - Шанхай), партию электропил для Бирмы - и замер.

- Тьфу ты, черт, - пробормотал охранник и рассмеялся. Перед ним сидела, уставившись на свет, огромная красноглазая крыса. В зубах у нее был какой-то необычно большой таракан. - Приятного аппетита, - сказал охранник и, засунув револьвер в кобуру, возобновил обход.

Большой черный зверь сцапал Квидака, и твердые челюсти сомкнулись у него на спинке. Квидак попробовал сопротивляться, но внезапный луч желтого света ослепил его, и он впал в прострацию.

Желтый свет удалился. Зверь сжал челюсти, пытаясь прокусить Квидаку панцирь. Квидак собрал последние силы и, распрямив свой длинный, в сегментах, как у скорпиона, хвост, нанес удар.

Он промахнулся, но черный зверь сразу же его выпустил. Квидак задрал хвост, изготовившись для второго удара, а зверь принялся кружить вокруг него, не желая упускать добычу.

Квидак выжидал подходящий момент. Его переполняло ликование. Это агрессивное существо может стать первым - первым на всей планете - приобщенным к высшей цели Квидака. Эта ничтожная зверушка положит начало...

Зверь прыгнул, злобно щелкнув белыми зубами. Квидак увернулся и, молниеносно взмахнув хвостом, прицепился концевыми шипами зверю к спине.

Зверь метался и прыгал, но Квидак упорно держался, сосредоточившись на первоочередной задаче - пропустить через хвостовой канал белый кристаллик и вогнать его зверю под шкуру.

Но эта важнейшая из способностей Квидака все еще к нему не вернулась. Не в силах добиться желаемого, Квидак втянул шипы, стремительно нацелился и ужалил черного зверя точно между глаз. Удар, как он знал, будет смертельным.

Квидак насытился убитым противником. Особой радости он при этом не испытывал - Квидак предпочитал растительную пищу. Окончив трапезу, он понял, что ему жизненно необходим долгий отдых. Только отдых мог полностью восстановить способности и силы Квидака.

В поисках укрытия он одолел горы грузов, сваленных на площадке. Обследовав несколько тюков, он наконец добрался до штабеля тяжелых ящиков. В одном из них он обнаружил отверстие, в которое как раз мог протиснуться.

Квидак вполз в ящик и по блестящей, скользкой от смазки поверхности какого-то механизма пробрался в дальний угол. Там он погрузился в глубокий, без сновидений, сон квидаков, безмятежно положившись на то, что принесет с собой будущее.

Часть вторая

1.

Большая остроносая шхуна держала курс прямо на остров в кольце рифа, приближаясь к нему со скоростью экспресса. Могучие порывы северо-восточного ветра надували ее паруса, из люка, закрытого решеткой тикового дерева, доносилось тарахтение ржавого дизеля марки "Эллисон-Чемберс". Капитан и помощник стояли на мостике, разглядывая надвигающийся риф.

- Что-нибудь видно? - спросил капитан, коренастый лысеющий человек с постоянно насупленными бровями. Вот уже двадцать пять лет он водил свою шхуну вдоль и поперек юго-западной Океании с ее не обозначенными на картах мелями и рифами. И хмурился он оттого, что никто не брался страховать его старую посудину. Их палубный груз, однако, был застрахован, и часть этого

груза проделала путь от самого Огденсвилла, перевалочной базы в пустыне, где приземлялись космические корабли.

- Ничего, - ответил помощник.

Он впился глазами в ослепительно белый коралловый барьер, высматривая синий просвет, который укажет узкий проход в лагуну. Для помощника это было первое плавание к Соломоновым островам. До того как им овладела страсть к путешествиям, он работал в Сиднее мастером по ремонту телевизоров; сейчас он решил, что капитан спятил и собирается учинить эффектное смертоубийство, бросив судно на рифы.

- По-прежнему ничего! - крикнул он. - Банки по курсу!

- Дай-ка мне, - сказал капитан рулевому. Он крепко сжал штурвал и уперся взглядом в сплошную стену рифа.

- Ничего, - повторил помощник. - Капитан, лучше развернуться.

- Нет, а то не проскочим, - ответил тот. Он начинал тревожиться. Но он обещал группе американцев-кладоискателей доставить груз на этот самый остров, а капитан был хозяином своего слова. Груз он получил в Рабауле, заглянул, как обычно, к поселенцам на Нью-Джорджию и на Малаиту и заранее предвкушал тысячемильное плавание к Новой Каледонии, которое ожидало его после захода на этот остров.

- Вот он! - заорал помощник.

В коралловом барьере прорезалась узенькая голубая полоска. Их отделяло от нее менее тридцати ярдов; старая шхуна шла со скоростью около восьми узлов.

Когда судно входило в проход, капитан резко крутанул штурвал, и шхуну развернуло на киле. По обе стороны мелькнул коралл, едва не задев обшивки. Раздался металлический скрежет: верхний рей грот-мачты, спружинив, чиркнул по скале, и они очутились в проходе со встречным течением в шесть узлов.

Помощник запустил двигатель на полную силу и вспрыгнул на мостик помочь капитану управиться со штурвалом. Под парусом и на дизельной тяге шхуна одолела проход, царапнув левым бортом о коралловый риф, и вошла в спокойные воды лагуны.

Капитан вытер лоб большим платком в горошек.

- Чистая работа, - произнес он.

- Ничего себе чистая! - взвыл помощник и отвернулся.

По лицу капитана пробежала улыбка.

Они миновали стоящий на якоре маленький кеч*. Матросы-туземцы убрали парус, и шхуна ткнулась носом в рахитичный причал, отходивший от песчаного берега. Швартовы привязали прямо к пальмам. Из начинавшихся сразу за

пляжем джунглей в ярком свете полуденного солнца появился белый мужчина и быстрым шагом направился к шхуне.

Он был худой и очень высокий, с узловатыми коленями и локтями. Злое солнце Меланезии наградило его не загаром, а ожогами - у него облезла кожа на носу и скулах. Его роговые очки со сломанной дужкой скрепляла полоска лейкопластыря. Вид у него был энергичный, по-мальчишески задорный и довольно простодушный.

Тоже мне охотник за сокровищами, подумал помощник.

- Рад вас видеть! - крикнул высокий. - А мы уж было решили, что вы совсем сгинули.

- Еще чего, - ответил капитан. - Мистер Соренсен, познакомьтесь с моим новым помощником, мистером Уиллисом.

- Очень рад, профессор, - сказал помощник.

- Я не профессор, - поправил Соренсен, - но все равно спасибо.

- Где остальные? - поинтересовался капитан.

- Там, в лесу, - ответил Соренсен. - Все, кроме Дрейка, он сейчас подойдет. Вы у нас долго пробудете?

- Только разгружусь, - сказал капитан. - Нужно поспеть к отливу. Как сокровища?

- Мы хорошо покопали и не теряем надежды.

- Но дублонов пока не выкопали? Или золотых песо?

- Ни единого, черт их побери, - устало промолвил Соренсен. - Вы привезли газеты, капитан?

- А как же, - ответил тот. - Они у меня в каюте. Вы слыхали о втором корабле на Марс?

- Слышал, передавали на коротких волнах, - сказал Соренсен. - Не очень-то много они там нашли, а?

- Можно сказать, ничего не нашли. Но все равно, только подумать! Два корабля на Марс, и, я слыхал, собираются запустить еще один - на Венеру.

Все трое поглядели по сторонам, ухмыльнулись.

- Да, - сказал капитан, - по-моему, до юго-западной Океании космический век еще не добрался. А уж до этого места и подавно. Ну ладно, займемся грузом.

"Этим местом" был остров Вуану, самый южный из Соломоновых, рядом с архипелагом Луизиада. Остров вулканического происхождения, довольно большой - около двадцати миль в длину и несколько в ширину. Когда-то тут располагалось с полдюжины туземных деревушек, но после опустошительных налетов работорговцев в 1850-х годах население начало сокращаться. Эпидемия кори унесла почти всех оставшихся, а уцелевшие туземцы

перебрались на Нью-Джорджию. Во время второй мировой войны тут устроили наблюдательный пункт, но корабли сюда не заходили. Японское вторжение захватило Новую Гвинею, самые северные из Соломоновых островов и прокатилось еще дальше на север через Микронезию. К концу войны Вуану оставался все таким же заброшенным. Его не превратили ни в птичий заповедник, как остров Кантон, ни в ретрансляционную станцию, как остров Рождества, ни в заправочный пункт, как один из Кокосовых. Он никому не понадобился даже под полигон для испытания атомной, водородной или иной бомбы. Вуану представлял собой никудышный, сырой, заросший участок суши, где мог хозяйничать всякий, кому захочется.

Уильяму Соренсену, директору-распорядителю сети виноторговых магазинов в Калифорнии, захотелось похозяйничать на Вуану.

У Соренсена была страсть - охота за сокровищами. В Луизиане и Техасе он искал сокровища Лафитта, а в Аризоне Забытый Рудник Голландца. Ни того, ни другого он не нашел. На усеянном обломками берегу Мексиканского залива ему повезло немного больше, а на крошечном островке в Карибском море он нашел две пригоршни испанских монет в прогнившем парусиновом мешочке. Монеты стоили около трех тысяч долларов, экспедиция обошлась куда дороже, но Соренсен считал, что затраты окупились с лихвой.

Много лет ему не давал покоя испанский галион "Святая Тереза". По свидетельствам современников, судно отплыло из Манилы в 1689 году, доверху груженное золотом. Неповоротливый корабль угодил в шторм, был снесен к югу и напоролся на риф. Восемнадцать человек, уцелевших при крушении, ухитрились выбраться на берег и спасти сокровища. Они закопали золото и в корабельной шлюпке отплыли под парусом на Филиппины. Когда шлюпка достигла Манилы, в живых оставалось всего двое.

Островом сокровищ предположительно должен был быть один из Соломоновых. Но какой именно?

Этого не знал никто. Кладоискатели разыскивали тайник на Бугенвиле и Буке. Поговаривали, что он может оказаться на Малаите. Добрались даже до атолла Онтонг-Джава. Никаких сокровищ, однако, не обнаружили.

Основательно изучив проблему, Соренсен пришел к выводу, что "Святая Тереза", по всей вероятности, умудрилась проплыть между Соломоновыми

островами чуть ли не до архипелага Луизиада и тут только разбилась о риф Вуану.

Мечта поискать сокровища на Вуану так бы и осталась мечтой, не повстречай Соренсен Дэна Дрейка - еще одного из той же породы кладоискателей-любителей и к тому же, что важнее, владельца пятидесятифутового кеча.

Так в один прекрасный вечер за рюмкой спиртного родилась экспедиция на Вуану.

Они подобрали еще несколько человек. Привели кеч в рабочее состояние. Скопили деньги, приготовили снаряжение. Продумали, где еще в юго-западной Океании можно было устроить тайник. Наконец согласовали отпуска, и экспедиция отбыла по назначению.

Вот уже три месяца они работали на Вуану и пребывали в бодром настроении, несмотря на неизбежные в такой маленькой группе трения и разногласия. Шхуна, доставившая припасы и груз из Сиднея и Рабаула, была их единственной связью с цивилизованным миром на ближайшие полгода.

Экипаж занимался выгрузкой под надзором Соренсена. Он нервничал, опасаясь, как бы в последнюю минуту не грохнул какой-нибудь механизм, который везли сюда за шесть с лишним тысяч миль. О замене не могло быть и речи, так что, если они чего недосчитаются, придется им без этого как-то обходиться. Он с облегчением вздохнул, когда последний ящик - в нем был детектор металла - благополучно переправили через борт и втащили на берег выше отметки максимального уровня прилива.

С этим ящиком вышла небольшая накладка. Осмотрев его, Соренсен обнаружил в одном углу дырку с двадцатицентовую монету; упаковка оказалась с брачком.

Подошел Дэн Дрейк, второй руководитель экспедиции.

- Что стряслось? - спросил он.

- Дырка в ящике, - ответил Соренсен. - Могла попасть морская вода. Весело нам придется, если детектор начнет барахлить.

- Давай вскроем и поглядим, - кивнул Дрейк. Это был низкорослый, широкоплечий, дочерна загоревший брюнет с редкими усиками и короткой стрижкой. Старая шапочка яхтсмена, которую он натягивал до самых глаз, придавала ему сходство с упрямым бульдогом. Он извлек из-за пояса большую отвертку и вставил в отверстие.

- Не спеши, - остановил его Соренсен. - Оттащим-ка сперва его в

лагерь. Ящик нести легче, чем аппарат в смазке.

- И то верно, - согласился Дрейк. - Берись с другого конца.

Лагерь был разбит в ста ярдах от берега, на вырубке, где находилась брошенная туземцами деревушка. Кладоискатели сумели заново покрыть пальмовым листом несколько хижин. Стоял тут и старый сарай для копры под кровом из оцинкованного железа - в нем они держали припасы. Сюда даже долетал с моря слабый ветерок. За вырубкой сплошной серо-зеленой стеной поднимались джунгли.

Соренсен и Дрейк опустили ящик на землю. Капитан - он шел рядом и нес газеты - посмотрел на хилые лачуги и покачал головой.

- Не хотите промочить горло, капитан? - предложил Соренсен. - Вот только льда у нас нет.

- Не откажусь, - сказал капитан. Он не мог понять, что за сила погнала людей в такую забытую богом дыру за мифическими испанскими сокровищами.

Соренсен принес из хижины бутылку виски и алюминиевую кружку. Дрейк, вооружившись отверткой, сосредоточенно вскрывал ящик.

- Как на вид? - спросил Соренсен.

- Нормально, - ответил Дрейк, осторожно извлекая детектор. - Смазки не пожалели. Повреждений вроде бы нет...

Он отпрыгнул, а капитан шагнул и с силой вогнал каблук в песок.

- В чем дело? - спросил Соренсен.

- Похоже, скорпион, - сказал капитан. - Выполз прямо из ящика. Мог и ужалить кого. Мерзкая тварь!

Соренсен пожал плечами. За три месяца на Вуану он привык к тому, что кругом кишат насекомые, так что еще одна тварь погоды не делала.

- Повторить? - предложил он.

- И хочется, да нельзя, - вздохнул капитан. - Пора отчаливать. У вас все здоровы?

- Пока что все, - ответил Соренсен и, улыбнувшись, добавил : - Если не считать запущенных случаев золотой лихорадки.

- Здесь вам ни в жизнь золота не найти, - убежденно произнес капитан. - Через полгодика загляну вас проведать. Удачи!

Обменявшись с ними рукопожатиями, капитан спустился к лагуне и поднялся на шхуну. Когда закат тронул небо первым розоватым румянцем, судно отчалило. Соренсен и Дрейк провожали его глазами, пока оно одолевало проход. Еще несколько минут его мачты просматривались над рифом, потом скрылись за горизонтом.

- Ну, - сказал Дрейк, - вот мы, сумасшедшие американцы-кладоискатели, и снова одни.

- Тебе не кажется, что он что-то почуял? - спросил Соренсен.

- Уверен, что нет. Мы для него - безнадежные психи.

Они ухмыльнулись и взглянули на лагерь. Под сараем для копры было зарыто золотых и серебряных слитков примерно на пятьдесят тысяч долларов. Их откопали в джунглях, перенесли в лагерь и снова аккуратно закопали. В первый же месяц экспедиция обнаружила на острове часть сокровищ со "Святой Терезы", и все указывало на то, что найдутся и остальные. А так как по закону никаких прав на остров у них не было, они совсем не спешили трубить об успехе. Стоит известию просочиться, как алчущие золота бродяги от Перта до Папеэте все как один ринутся на Вуану.

- Скоро и ребята придут, - сказал Дрейк. - Поставим мясо тушиться.

- Самое время, - ответил Соренсен. Он прошел несколько шагов и остановился. - Странно.

- Что странно?

- Да этот скорпион, которого раздавил капитан. Он исчез.

- Значит, капитан промазал, - сказал Дрейк. - А может, только вдавил его в песок. Нам-то что за забота?

- Да, в общем, никакой, - согласился Соренсен.

2.

Эдвард Икинс шел по зарослям, закинув на плечо лопату с длинной ручкой, и задумчиво сосал леденец. Первый за много месяцев леденец казался ему пищей богов. Настроение у него было прекрасное. Накануне шхуна доставила не только инструменты и запчасти, но также продукты, сигареты и сладости. На завтрак у них была яичница с настоящей свиной грудинкой. Еще немного, и экспедиция приобретет вполне цивилизованный облик.

Рядом в кустах что-то зашуршало, но Икинс шел своей дорогой, не обращая внимания.

Это был худой сутуловатый человек, рыжеволосый, дружелюбный, с бледно-голубыми глазами, но без особого обаяния. То, что его взяли в экспедицию, он почитал за удачу. Хозяин бензоколонки, он был беднее других и не смог полностью внести в общий котел свою долю, из-за чего его до сих пор грызла совесть. В экспедицию его взяли потому, что он был страстным и неутомимым охотником за сокровищами и хорошо знал джунгли. Не меньшую роль сыграло и то, что он оказался опытным радистом и вообще мастером на все

руки. Передатчик на кече работал у него безотказно, несмотря на морскую соль и плесень.

Теперь он, понятно, мог внести свой пай целиком. Но раз они и в самом деле разбогатели, теперь это уже не имело значения. И все же ему хотелось внести в это дело особый вклад...

В кустах снова зашуршало.

Икинс остановился и подождал. Кусты дрогнули, и на тропинку вышла мышь.

Икинс остолбенел. Мыши, как большинство диких зверушек на острове, боялись человека. Они хоть и кормились на лагерной помойке, когда крысы первыми не добирались до отбросов, однако старательно избегали встреч с людьми.

- Шла бы ты себе домой, - посоветовал Икинс мыши.

Мышь уставилась на Икинса. Икинс уставился на мышь. Хорошенький светло-шоколадный зверек величиной не больше четырех-пяти дюймов вовсе не выглядел испуганным.

- Пока, мышенция, - сказал Икинс, - некогда мне, у меня работа.

Он переложил лопату на другое плечо, повернулся, краем глаза уловил, как метнулось коричневое пятнышко, и инстинктивно отпрянул. Мышь проскочила мимо, развернулась и подобралась для повторного прыжка.

- Ты что, спятила? - осведомился Икинс.

Мышь ощерила крохотные зубки и прыгнула. Икинс отбил нападение.

- А ну, вали отсюда к чертовой матери, - сказал он. Ему подумалось: может, она и вправду сошла с ума или взбесилась?

Мышь изготовилась для новой атаки. Икинс поднял лопату и замер, выжидая. Когда мышь прыгнула, он встретил ее точно рассчитанным ударом. Потом скрепя сердце осторожно добил.

- Нельзя же, чтобы бешеная мышь разгуливала на воле, произнес он. Но мышь не походила на бешеную - она просто была очень целеустремленной.

Икинс поскреб в затылке. А все-таки, подумал он, что же вселилось в эту мелкую тварь?

Вечером в лагере рассказ Икинса был встречен взрывами хохота. Поединок с мышью - такое было вполне в духе Икинса. Кто-то предложил ему впредь ходить с ружьем - на случай, если мышиная родня надумает отомстить. В ответ Икинс только сконфуженно улыбался.

Два дня спустя Соренсен и Эл Кейбл в двух милях от лагеря заканчивали утреннюю смену на четвертом участке. На этом месте детектор показал залегание. Они углубились уже на семь футов, но пока что накопали лишь большую кучу желтовато-коричневой земли.

- Видимо, детектор наврал, - устало вытирая лицо, сказал Кейбл, дородный человек с младенчески розовой кожей. На Вуану он спустил вместе с потом двадцать фунтов веса, подхватил тропический лишай в тяжелой форме и по горло насытился охотой за сокровищами. Ему хотелось одного - поскорей очутиться у себя в Балтиморе, в своем насиженном кресле хозяина агентства по продаже подержанных автомобилей. Об этом он заявлял решительно, неоднократно и в полный голос. В экспедиции он единственный оказался плохим работником.

- С детектором все в порядке, - возразил Соренсен. - Тут, на беду, почва болотистая. Тайник, должно быть, ушел глубоко в землю.

- Можно подумать, на все сто футов, - отозвался Кейбл, со злостью всадив лопату в липкую грязь.

- Что ты, - сказал Соренсен, - под нами базальтовая скала, а до нее самое большее двадцать футов.

- Двадцать футов! Зря мы не взяли на остров бульдозер.

- Пришлось бы выложить круглую сумму, - примирительно ответил Соренсен. - Ладно, Эл, давай собираться, пора в лагерь.

Соренсен помог Кейблу выбраться из ямы. Они обтерли лопаты и направились было к узкой тропе, что вела в лагерь, но тут же остановились.

Из зарослей, преградив им дорогу, выступила огромная безобразного вида птица.

- Это что еще за диковина? - спросил Кейбл.

- Казуар.

- Ну так наподдадим ему, чтоб не торчал на дороге, и пойдем себе.

- Полегче, - предупредил Соренсен. - Если кто кому и наподдаст, так это он нам. Отступаем без паники.

Это была черная, похожая на страуса птица высотой в добрых пять футов, на мощных ногах. Трехпалые лапы заканчивались внушительными кривыми когтями. У птицы были короткие недоразвитые крылья и желтоватая костистая головка; с шеи свешивалась яркая красно-зелено-фиолетовая бородка.

- Он опасный? - спросил Кейбл.

Соренсен утвердительно кивнул:

- На Новой Гвинее эта птица, случалось, насмерть забивала аборигенов.

- Почему мы до сих пор его не видали?

- Обычно они очень робкие, - объяснил Соренсен, - и держатся от людей подальше.

- Этого-то робким не назовешь, - сказал Кейбл, когда казуар шагнул им навстречу. - Мы сможем удрать?

- Они бегают много быстрей, - ответил Соренсен. - Ружья ты с собой,

конечно, не взял?

- Конечно, нет. Кого тут стрелять?

Пятясь, они выставили перед собой лопаты наподобие копий. В кустах захрустело, и появился муравьед. Следом вылезла дикая свинья. Звери втроем надвигались на людей, тесня их к плотной завесе зарослей.

- Они нас гонят! - Голос Кейбла сорвался на визг.

- Спокойнее, - сказал Соренсен. - Остерегаться нужно одного казуара.

- А муравьеды опасны?

- Только для муравьев.

- Черта с два, - сказал Кейбл. - Билл, на этом острове все животные тронулись. Помнишь Икинсову мышь?

- Помню, - ответил Соренсен. Они отступили до конца вырубки. Спереди напирали звери во главе с казуаром, за спиной были джунгли и неизвестность, к которой их оттесняли.

- Придется рискнуть и пойти на прорыв, - сказал Соренсен.

- Проклятая птица загораживает дорогу.

- Попробуем ее сбить, - решил Соренсен. - Берегись лапы. Побежали!

Они бросились на казуара, размахивая лопатами. Казуар замешкался, выбирая, потом повернулся к Кейблу и выбросил правую ногу. Удар пришелся по касательной. Раздался звук вроде того, какой издает говяжий бок, если по нему треснуть плашмя большим секачом. Кейбл ухнул и повалился, схватившись за грудь.

Соренсен взмахнул лопатой и заточенным ее краем почти начисто снес казуару голову. Тут на него накинулись муравьед со свиньей. От них он отбился лопатой. Затем - и откуда только силы взялись? - наклонился, взвалил Кейбла на спину и припустил по тропе.

Через четверть мили он совсем выдохся, пришлось остановиться. Не было слышно ни звука. Судя по всему, свинья с муравьедом отказались от преследования. Соренсен занялся пострадавшим.

Кейбл очнулся и вскоре смог идти, опираясь на Соренсена. Добравшись до лагеря, Соренсен созвал всех участников экспедиции. Пока Икинс перебинтовывал Кейблу грудь эластичным бинтом, он сосчитал пришедших. Одного не хватало.

- Где Дрейк? - спросил Соренсен.

- На той стороне, удит рыбу на северном берегу, - ответил Том Рисетич. - Сбегать позвать?

Соренсен подумал, потом сказал:

- Нет. Сперва я объясню, с чем мы столкнулись. Затем раздадим оружие. А уж затем попробуем найти Дрейка.

- Послушай, что у нас тут происходит? - спросил Рисетич.

И Соренсен рассказал им о том, что случилось на четвертом участке.

В рационе кладоискателей рыба занимала большое место, а ловля рыбы была любимым занятием Дрейка. Поначалу он отправился на лов с маской и гарпунным ружьем. Но в этом богоспасаемом уголке водилось слишком много голодных и нахальных акул, так что он скрепя сердце отказался от подводной охоты и удил на леску с подветренного берега.

Закрепив лесы, Дрейк улегся в тени пальмы. Он дремал, сложив на груди крупные руки. Его пес Оро рыскал по берегу в поисках раков-отшельников. Оро был добродушным существом неопределенной породы - отчасти эрдель, отчасти терьер, отчасти бог весть что. Вдруг он зарычал.

- Не лезь к крабам! - крикнул Дрейк. - Доиграешься: снова клешни отведаешь.

Оро продолжал рычать. Дрейк перекатился на живот и увидел, что пес сделал стойку над большим насекомым, похожим на скорпиона.

- Оро, брось эту гадость...

Дрейк не успел и глазом моргнуть, как насекомое прыгнуло, оказалось у Оро на шее и ударило своим членистым хвостом. Оро коротко взлаял. В одну секунду Дрейк был на ногах. Он попытался прихлопнуть тварь, но та соскочила с собаки и удрала в заросли.

- Тихо, старина, - сказал Дрейк. - Смотри, какая скверная ранка. В ней может быть яд. Дай-ка мы ее вскроем.

Он крепко обнял пса - тот часто и быстро дышал - и извлек кортик. Ему уже приходилось оперировать Оро - в Центральной Америке, когда того ужалила змея; а на Адирондаке он, придерживая собаку, щипцами вытягивал у нее из пасти иглы дикобраза. Пес всегда понимал, что ему помогают, и не сопротивлялся.

На этот раз собака вцепилась ему в руку.

- Оро!

Свободной рукой Дрейк сжал псу челюсти у основания, сильно надавил и парализовал мышцы, так что собака разомкнула пасть. Выдернув руку, он отпихнул Оро. Пес поднялся и пошел на хозяина.

- Стоять! - крикнул Дрейк. Пес приближался, заходя сбоку так, чтобы отрезать его от воды.

Обернувшись, Дрейк увидел, что "скорпион" снова вылез из джунглей и ползет в его сторону. Тем временем Оро носился кругами, стараясь оттеснить Дрейка прямо на "скорпиона".

Дрейк не понимал, что все это значит, однако почел за благо не задерживаться и не выяснять. Подняв кортик, он запустил им в "скорпиона",

но промахнулся. Тварь оказалась в опасной близости и могла прыгнуть в любую секунду. Дрейк рванулся к океану. Оро попытался ему помешать, но он пинком отбросил пса с дороги, бросился в воду и поплыл вокруг острова к лагерю, уповая, что успеет добраться раньше, чем до него самого доберутся акулы.

3.

В лагере спешно вооружались. Насухо протерли винтовки и револьверы. Извлекли и повесили на грудь полевые бинокли. Мигом разобрали все имевшиеся ножи, топоры и мачете. Разделили патроны. Распаковали оба экспедиционных переговорных устройства и собрались идти искать Дрейка, но тут он сам выплыл из-за мыса, неутомимо работая руками.

Он выбрался на берег усталый, но невредимый. Сопоставив все факты, кладоискатели пришли к некоторым малоприятным выводам.

- Уж не хочешь ли ты сказать, - вопросил Кейбл, - что все это вытворяет какая-то букашка?

- Похоже на то, - ответил Соренсен. - Приходится допустить, что насекомое способно управлять чужим сознанием с помощью там гипноза или, может быть, телепатии.

- Сперва ему нужно ужалить, - добавил Дрейк. - С Оро так и случилось.

- У меня просто в голове не укладывается, что за всем этим стоит скорпион, - сказал Рисетич.

- Это не скорпион, - возразил Дрейк. - Я его видел вблизи. Хвост напоминает скорпионий, но голова раза в четыре больше, да и тельце другое. Присмотреться, так он вообще ни на что не похож, мне такую тварь не доводилось встречать.

- Как ты думаешь, это насекомое с нашего острова? - спросил Монти Бирнс, кладоискатель из Индианаполиса.

- Вряд ли, - ответил Дрейк. - Если это местная тварь, почему она целых три месяца не трогала ни нас, ни животных?

- Верно, - согласился Соренсен. - Все беды начались после прибытия шхуны. Видимо, шхуна и завезла откуда-то... Постойте!

- Что такое? - спросил Дрейк.

- Помнишь того скорпиона, которого хотел раздавить капитан, - он еще выполз из ящика с детектором? Тебе не кажется, что это та самая тварь?

Дрейк пожал плечами:

- Вполне возможно. Но, по-моему, для нас сейчас важно не откуда она взялась, а как с ней быть.

- Она управляет зверьем, - сказал Бирнс. - Интересно, а сможет она управлять человеком?

Все приумолкли. Они сидели кружком возле сарая для копры и, разговаривая, поглядывали на джунгли, чтобы не прозевать появления зверя или "скорпиона".

Соренсен произнес:

- Имеет смысл попросить по радио о помощи.

- Если попросим, - заметил Рисетич, - кто-нибудь мигом разнюхает про сокровища "Святой Терезы". Нас обставят чихнуть не успеем.

- Возможно, - ответил Соренсен. - Но и на самый худой конец наши затраты окупились, набегает даже маленькая прибыль.

- А если нам не помогут, - добавил Дрейк, - мы, чего доброго, и вывезти-то отсюда ничего не сумеем.

- Не так уж все страшно, - возразил Бирнс. - У нас есть оружие, со зверями как-нибудь да управимся.

- Ты еще этой твари не видел, - заметил Дрейк.

- Мы ее раздавим.

- Это не так-то просто, - сказал Дрейк. - Она дьявольски юркая. И как, интересно, ты будешь ее давить, если в одну прекрасную ночь она заползет к тебе в хижину, пока ты спишь? Выставляй часовых - они ее даже и не заметят.

Бирнс невольно поежился:

- М-да, пожалуй, ты прав. Попросим-ка лучше помощи по радио.

- Ладно, ребята, - сказал, поднимаясь, Икинс, - я так понимаю, что это по моей части. Ддй бог, чтоб аккумуляторы на кече не успели сесть.

- Туда идти опасно, - сказал Дрейк. - Будем тянуть жребий.

Предложение развеселило Икинса:

- Значит, тянуть? А кто из вас сможет работать на передатчике?

- Я смогу, - заявил Дрейк.

- Ты не обижайся, - сказал Икинс, - но ты не сладишь даже с этой твоей дерьмовой рацией. Ты морзянки и то не знаешь - как ты отстучишь сообщение? А если рация выйдет из строя, ты сумеешь ее наладить?

- Нет, - ответил Дрейк. - Но дело очень рискованное. Пойти должны все.

Икинс покачал головой:

- Как ни крути, а самое безопасное - если прикроете меня с берега. До кеча эта тварь, скорее всего, еще не додумалась.

Икинс сунул в карман комплект инструмента и повесил через плечо одно из переговорных устройств. Второе он передал Соренсену. Он быстро спустился к лагуне и, миновав баркас, столкнул в воду маленькую надувную

лодку. Кладоискатели разошлись по берегу с винтовками на изготовку. Икинс сел в лодку и опустил весла в безмятежные воды лагуны.

Они видели, как он пришвартовался к кечу, с минуту помедлил, оглядываясь по сторонам, затем взобрался на борт, дернул крышку и исчез внизу.

- Все в порядке? - осведомился Соренсен по своему переговорному устройству.

- Пока что да, - ответил Икинс: голос его звучал тонко и резко. - Включаю передатчик. Через пару минут нагреется.

Дрейк толкнул Соренсена:

- Погляди-ка!

На рифе по ту сторону кеча происходило какое-то движение. Соренсен увидел в бинокль, как три большие серые крысы скользнули в воду и поплыли к кечу.

- Стреляйте! - скомандовал Соренсен. - Икинс, выбирайся оттуда!

- У меня заработал передатчик, - ответил Икинс. - Минута-другая - и я отстучу сообщение.

Пули поднимали вокруг крыс белые фонтанчики. Одну удалось подстрелить, но две успели доплыть до кеча и за ним укрыться. Разглядывая риф в бинокль, Соренсен заметил муравьеда. Тот перебрался через риф и плюхнулся в воду, дикая свинья - за ним следом.

В устройстве послышался треск атмосферных помех.

- Икинс, ты отправил сообщение? - спросил Соренсен.

- Нет, Билл, - отозвался Икинс. - И знаешь что? Никаких сообщений! Этому "скорпиону" нужно...

Звук оборвался.

- Что у тебя там? - крикнул Соренсен. - Что происходит?

Икинс появился на палубе. С переговорным устройством в руках он, пятясь, отступал к корме.

- Раки-отшельники, - объяснил он. - Взобрались по якорному канату. Я думаю возвращаться вплавь.

- Не стоит, - сказал Соренсен.

- Придется, - возразил Икинс. - По-моему, они припустят за мной. А вы все плывите сюда и заберите передатчик. Доставьте его на остров.

В бинокль Соренсен разглядел раков-отшельников - серый шевелящийся ковер покрывал всю палубу. Икинс нырнул и поплыл к берегу, яростно рассекая воду. Соренсен заметил, что крысы изменили курс и повернули за Икинсом. С кеча лавиной посыпались раки-отшельники. Свинья с муравьедом тоже последовали за Икинсом, пытаясь первыми добраться до берега.

- Живей, - бросил Соренсен. - Не знаю, что там выяснил Икинс, но,

пока есть возможность, надо захватить передатчик. Они подбежали к воде и столкнули баркас. За две сотни ярдов от них, на дальнем конце пляжа, Икинс выбрался на сушу. Звери почти настигли его. Он кинулся в джунгли, по-прежнему прижимая к груди аппарат.

- Икинс, - позвал Соренсен.

- У меня все в порядке, - ответил тот, с трудом переводя дыхание. - Забирайте передатчик и не забудьте аккумуляторы.

Кладоискатели поднялись на кеч, поспешно отодрали передатчик от переборки и по трапу выволокли на палубу. Последним поднялся Дрейк с двенадцативольтовым аккумулятором. Он снова спустился и вынес второй аккумулятор. Подумал - и спустился еще раз.

- Дрейк! - заорал Соренсен. - Хватит, ты всех задерживаешь!

Дрейк появился с компасом и двумя радиопеленгаторами. Передав их на баркас, он прыгнул следом.

- Порядок, - сказал он. - Отчаливай.

Они налегли на весла, торопясь в лагерь. Соренсен пытался восстановить связь с Икинсом, однако в наушниках раздавался только треск помех. Но когда баркас выполз на песок, Соренсен услышал Икинса.

- Меня окружили, - сообщил тот вполголоса. - Похоже, мне таки доведется узнать, что нужно мистеру "скорпиону". Правда, может, я первый его припечатаю.

Наступило продолжительное молчание, затем Икинс произнес:

- Вот он ко мне подползает. Дрейк правду сказал. Я-то уж точно в жизни не видал ничего похожего. Сейчас попробую раздавить его к чер...

Они услышали, как он вскрикнул - скорее от удивления, чем от боли.

Соренсен спросил:

- Икинс, ты меня слышишь? Ты где? Мы тебе можем помочь?

- Он и вправду верткий, - отозвался Икинс уже спокойным голосом. - Такой верткой твари я в жизни не видывал. Вскочил мне на шею, ужалил и был таков...

- Как ты себя чувствуешь? - спросил Соренсен.

- Нормально. Было почти не больно.

- Где "скорпион"?

- Удрал в заросли.

- А звери?

- Ушли. Знаешь, - сказал Икинс, - может, людей эта тварь не берет. Может...

- Что? - спросил Соренсен. - Что с тобой происходит?

Наступило долгое молчание, потом раздался негромкий спокойный голос Икинса:

- Позже поговорим. А сейчас нам нужно посовещаться и решить, что с вами делать.

- Икинс!

Ответа не последовало.

4.

В лагере царило глубокое уныние. Они не могли взять в толк, что именно произошло с Икинсом, а строить догадки на эту тему никому не хотелось. С неба било злое послеполуденное солнце, отражаясь от белого песка волнами зноя. Сырые джунгли дымились: казалось, они, как огромный сонный зеленый дракон, исподволь подбираются к людям, тесня их к равнодушному океану. Стволы у винтовок так накалились, что к ним невозможно было притронуться; вода во флягах стала теплой, как кровь. Вверху понемногу скапливались, громоздились друг на друга плотные серые кучевые облака. Начинался сезон муссонов.

Дрейк сидел в тени сарая для копры. Он стряхнул с себя сонную одурь ровно настолько, чтобы прикинуть, как им оборонять лагерь. Джунгли вокруг он рассматривал как вражескую территорию. Перед джунглями они расчистили полосу шириной в полсотни ярдов. Эту ничейную землю, возможно, какое-то время еще удастся отстаивать.

Затем наступит черед последней линии обороны - хижин и сарая для копры. Далее - берег и океан.

Три с половиной месяца они были на острове полновластными хозяевами, теперь же оказались прижатыми к узкой ненадежной полоске берега.

Дрейк бросил взгляд на лагуну и вспомнил, что у них еще остается путь к отступлению. Если эта тварь слишком уж насядет со своим проклятым зверьем, они смогут удрать на кече. Если повезет.

Подошел Соренсен и присел рядом.

- Что поделываешь? - спросил он.

Дрейк кисло усмехнулся:

- Разрабатываю генеральный стратегический план.

- Ну и как?

- Думаю, сможем продержаться. У нас полно боеприпасов. Если понадобится, зальем расчищенный участок бензином. Мы, конечно, не дадим этой твари выставить нас с острова. - Дрейк на минуту задумался. - Но искать сокровище станет безумно сложно.

Соренсен кивнул.

- Хотел бы я знать, что ей нужно.

- Может, узнаем от Икинса, - заметил Дрейк.

Пришлось прождать еще полчаса, прежде чем переговорное устройство заговорило. Голос Икинса звучал пронзительно резко:

- Соренсен? Дрейк?

- Слушаем, - отозвался Дрейк. - Что с тобой сделала эта проклятая тварь?

- Ничего, - ответил Икинс. - Вы сейчас разговариваете с этой тварью. Я называюсь Квидак.

- Господи! - Дрейк повернулся к Соренсену. - Видно, "скорпион" его загипнотизировал!

- Нет. Вы говорите не с Икинсом под гипнозом. И не с другим существом, которое всего лишь пользуется Икинсом как передатчиком. И не с прежним Икинсом - его больше не существует. Вы говорите со многими особями, которые суть одно.

- Я что-то не пойму, - сказал Дрейк.

- Это очень просто, - ответил голос Икинса. - Я Квидак, совокупность. Но моя совокупность складывается из отдельных составляющих, таких, как Икинс, несколько крыс, пес по кличке Оро, свинья, муравьед, казуар...

- Погоди, - перебил Соренсен, - я хочу разобраться. Значит, я сейчас не с Икинсом разговариваю. Я разговариваю как это - с Квидаком?

- Правильно.

- И вы - это Икинс и все другие? Вы говорите устами Икинса?

- Тоже правильно. Но это не означает, что прочие индивидуальность стираются. Совсем наоборот. Квидак - это такое состояние, такая совокупность, в которой разные составляющие сохраняют свойственные им черты характера, личные потребности и желания. Они отдают свои силы, знания и неповторимое мироощущение Квидаку как целому. Квидак - координирующий и управляющий центр, но знания, постижение, специфические навыки - все это обеспечивают индивидуальные составляющие. А все вместе мы образуем Великое Сообщество.

- Сообщество? - переспросил Дрейк. - Но вы же добиваетесь этого принуждением!

- На начальном этапе без принуждения не обойтись, иначе как другие существа узнают про Великое Сообщество?

- А они в нем останутся, если вы отключите контроль? - спросил Дрейк.

- Вопрос лишен смысла. Теперь мы образуем единую и неделимую совокупность. Разве ваша рука к вам вернется, если ее отрезать?

- Это не одно и то же.

- Одно и то же, - произнес голос Икинса. - Мы единый организм. Мы находимся в процессе роста. И мы от всего сердца приглашаем вас в наше Великое Сообщество.

- К чертовой матери! - отрезал Дрейк.

- Но вы просто обязаны влиться, - настаивал Квидак. - Высшая цель Квидака в том и состоит, чтобы связать все существа планеты, наделенные органами чувств, в единый совокупный организм. Поверьте, вы слишком уж переоцениваете совсем ничтожную утрату индивидуальности. Но подумайте, что вы приобретаете! Вам откроются мировосприятие и специфический опыт всех остальных существ. В рамках Квидака вы сможете полностью реализовать свои потенциальные...

- Нет!

- Жаль, - произнес Квидак. - Высшая цель Квидака должна быть достигнута. Итак, добровольно вы с нами не сольетесь?

- Ни за что! - ответил Дрейк.

- В таком случае мы сольемся с вами, - сказал Квидак.

Раздался щелчок - он выключил устройство. Из зарослей вышли несколько крыс и остановились там, где их не могли достать пули. Вверху появилась райская птица; она парила над расчищенным участком совсем как самолет-разведчик. Пока они на нее смотрели, крысы, петляя, рванулись к лагерю.

- Открывайте огонь, - скомандовал Дрейк, - но берегите боеприпасы.

Началась стрельба. Целиться в юрких крыс да еще на фоне серовато-коричневой почвы было очень трудно. К крысам тут же присоединилась дюжина раков-отшельников. Выказывая поразительную хитрость, они бросались вперед именно тогда, когда в их сторону никто не глядел, а в следующую секунду замирали, сливаясь с защитным фоном.

Из джунглей вышел Икинс.

- Гнусный предатель, - сказал Кейбл, ловя его на мушку.

Соренсен ударом по стволу сбил прицел:

- Не смей!

- Но ведь он помогает этой твари!

- От него это не зависит, - сказал Соренсен. - К тому же он безоружный. Оставь его в покое.

Понаблюдав с минуту, Икинс скрылся в зарослях. Атакующие крысы и раки одолели половину расчищенного участка. Однако на близком расстоянии целиться стало легче, и рубеж в двадцать ярдов им так и не удалось взять. Когда же Рисетич подстрелил райскую птицу, наступление вообще захлебнулось.

- А знаешь, - сказал Дрейк, - мне кажется, мы выкрутимся.

- Возможно, - ответил Соренсен. - Не понимаю, чего Квидак хочет этим добиться. Он же знает, что нас так просто не возьмешь. Можно подумать...

- Глядите! - крикнул кто-то из обороняющихся. - Наш корабль!

Они оглянулись и поняли, зачем Квидак организовал нападение.

Пока они занимались крысами и раками, пес Дрейка подплыл к кечу и перегрыз якорный канат. Предоставленный сам себе, кеч дрейфовал по ветру, и его сносило на риф. Вот судно ударилось - сперва легко, потом крепче - и через минуту, резко накренившись, прочно засело в кораллах.

В устройстве затрещало, и Соренсен поднял его с земли.

Квидак сообщил:

- Кеч не получил серьезных повреждений, он только потерял подвижность.

- Черта с два, - огрызнулся Дрейк. - А если в нем, чего доброго, пробило дыру? Как вы собираетесь убраться с острова, Квидак? Или вы намерены так здесь и осесть?

- В свое время я непременно отбуду, - сказал Квидак. - И я хочу сделать так, чтобы мы отбыли все вместе.

5.

Ветер утих. В небе на юго-востоке, уходя вершинами все выше и выше, громоздились серо-стальные грозовые тучи. Под гнетом их черных, плоских снизу, как наковальня, массивов жаркий неподвижный воздух всей тяжестью давил на остров. Солнце утратило свой яростный блеск, стало вишнево-красным и безучастно скатывалось в плоский океан.

Высоко в небе, куда не долетали пули, кружила одинокая райская птица. Она поднялась минут через десять после того, как Рисетич подстрелил первую.

Монти Бирнс с винтовкой на боевом взводе стоял на краю расчищенного участка. Ему выпало первому нести караул. Остальные наскоро обедали в сарае для копры. Снаружи Соренсен и Дрейк обсуждали сложившееся положение.

- На ночь придется всех загнать в сарай, - сказал Дрейк. Рисковать слишком опасно - в темноте может напасть Квидак.

Соренсен кивнул. За один день он постарел лет на десять.

- А утром разработаем какой-нибудь план, - продолжал Дрейк. - Мы... Я что-то не то говорю, Билл?

- По-твоему, у нас есть какие-то шансы? - спросил Соренсен.

- А как же! Отличные шансы.

- Ты рассуждай практически, - сказал Соренсен. - Чем дольше это будет тянуться, тем больше зверья Квидак сможет на нас натравить. Какой у нас выход?

- Выследить его и убить.

- Проклятая тварь не крупней твоего большого пальца, раздраженно возразил Соренсен. - Как прикажешь его выслеживать?

- Что-нибудь да придумаем, - сказал Дрейк. Соренсен начинал его тревожить. Состояние духа в экспедиции и так оставляло желать лучшего, и нечего Соренсену дальше его подрывать.

- Хоть бы кто подстрелил эту чертову птицу, - сказал Соренсен, поглядев в небо.

Примерно раз в четверть часа райская птица пикировала, чтобы рассмотреть лагерь вблизи, и, не успевал караульный прицелиться, снова взмывала на безопасную высоту.

- Мне она тоже на нервы действует, - признался Дрейк. - Может, ее для того и запустили. Но рано или поздно мы...

Он не договорил. Из сарая послышалось громкое гудение передатчика, и голос Эла Кейбла произнес:

- Внимание, внимание, вызывает Вуану. Нам нужна помощь.

Дрейк и Соренсен вошли в сарай. Сидя перед передатчиком, Кейбл бубнил в микрофон:

- Мы в опасности, мы в опасности, вызывает Вуану, нам нужна...

- Черт побери, ты хоть соображаешь, что делаешь?! - оборвал его Дрейк.

Кейбл повернулся и смерил его взглядом. По рыхлому розоватому телу Кейбла струйками лился пот.

- Прошу по радио о помощи - вот что я делаю. По-моему, я вышел на контакт, но мне еще не ответили.

Он повертел ручку настройки, и из приемника прозвучал скучающий голос с английским акцентом:

- Значит, пешка d2- d4? Почему ты ни разу не попробовал другое начало?

Последовал шквал помех, и кто-то ответил глубоким басом:

- Твой ход. Заткнись и ходи.

- Хожу, хожу, - произнес голос с английским акцентом. Конь f6.

Дрейк узнал голоса. Это были коротковолновики-любители - плантатор с Бугенвиля и хозяин магазинчика в Рабауле. Каждый вечер они на час выходили в эфир - поругаться и сыграть партию в шахматы.

Кейбл нетерпеливо постучал по микрофону.

- Внимание, - произнес он, - вызывает Вуану, экстренный вызов...

Дрейк подошел к Кейблу и, взяв микрофон у него из рук, осторожно положил на стол.

- Мы не можем просить о помощи, - сказал он.

- Что ты мелешь! - закричал Кейбл. - Мы должны просить!

Дрейк почувствовал, что смертельно устал.

- Послушай, если мы пошлем сигнал бедствия, на остров тут же

кто-нибудь приплывет, но они не будут подготовлены к тому, что здесь творится. Квидак их захватит и использует против нас.

- А мы им объясним, что происходит, - возразил Кейбл.

- Объясним? Что именно? Что контроль над островом захватывает какое-то неизвестное насекомое? Они решат, что все мы свихнулись от лихорадки, и с первой же шхуной, которая курсирует между островами, направят к нам врача.

- Дэн прав, - сказал Соренсен. - В такое не поверишь, пока не увидишь собственными глазами.

- А к тому времени, - добавил Дрейк, - будет уже поздно. Икинс все понял, прежде чем до него добрался Квидак. Поэтому он и сказал, что никаких сообщений не надо.

Кейбл все еще сомневался:

- Тогда зачем он велел забрать передатчик?

- Затем, чтобы сам не смог отправить сообщение, когда Квидак его охомутает, - ответил Дрейк. - Чем больше кругом народу, тем легче Квидаку делать свое дело. Будь передатчик у него, он бы в эту самую минуту уже вопил о помощи.

- Да, так оно вроде и выходит, - безнадежно признал Кейбл. - Но, черт побери, самим-то нам со всем этим не справиться.

- Придется справляться. Если Квидаку удастся нас захватить, а потом выбраться с острова - конец Земле-матушке. Крышка. Никаких тебе всемирных войн, ни водородных бомб с радиоактивными осадками, ни героических группок сопротивления. Все и вся превратится в составляющие этого квидачьего сообщества.

- Так или иначе, а помощь нам нужна, - стоял на своем Кейбл. - Мы здесь одни, от всех отрезаны. Допустим, мы предупредим, чтобы корабль не подходил к берегу...

- Не выйдет, - сказал Дрейк. - К тому же, если б и захотели, мы все равно не сможем просить о помощи.

- Почему?

- Потому что передатчик не работает. Ты говорил в бездействующий микрофон.

- А принимает нормально.

Дрейк проверил, все ли включено.

- Приемник в порядке. Но, видимо, где-то что-то разъединилось, когда мы вытаскивали рацию с корабля. На передачу она не работает.

Кейбл несколько раз щелкнул по мертвому микрофону и положил его на место. Все столпились вокруг приемника, следя за партией между рабаульцем

и плантатором с Бугенвиля.
- Пешка с4.
- Пешка е6.
- Конь с3.
Неожиданно отрывистой очередью затрещали помехи, сошли на нет, потом снова прозвучали тремя отчетливыми "очередями".
- Как ты думаешь, что это? - спросил Соренсен.
Дрейк пожал плечами:
- Может быть все что угодно. Собирается шторм и...
Он не закончил фразы. Стоя у открытой двери, он заметил, что, едва начались помехи, райская птица камнем упала вниз и пронеслась над лагерем. Когда же она вернулась на высоту и возобновила свое медленное кружение, помехи прекратились.
- Любопытно, - сказал он. - Ты видел, Билл? Как только снова пошли помехи, птица сразу снизилась.
- Видел, - ответил Соренсен. - Думаешь, это не случайно?
- Не знаю. Нужно проверить.
Дрейк вытащил бинокль, прибавил в приемнике звук и вышел из сарая понаблюдать за джунглями. Он ждал, прислушиваясь к разговору шахматистов, который происходил за три-четыре сотни миль от острова:
- Ну давай, ходи!
- Дай же подумать минуту.
- Минуту! Слушай, я не собираюсь всю ночь торчать перед этим треклятым передатчиком. Ходи...
Раздался взрыв помех. Из джунглей семенящим шажком вышли четыре свиньи. Они продвигались медленно - как разведгруппа, которая нащупывает уязвимые места в обороне противника. Свиньи остановились - помехи кончились. Караульный Бирнс вскинул ружье и выстрелил. Животные повернули и под треск помех скрылись в джунглях. Помехи затрещали опять - райская птица спикировала для осмотра лагеря и снова поднялась на безопасную высоту. После этого помехи окончательно прекратились.
Дрейк опустил бинокль и вернулся в сарай.
- Точно, - сказал он. - Помехи связаны с Квидаком. Мне кажется, они возникают, когда он пускает в дело зверей.
- По-твоему, он управляет ими по радио? - спросил Соренсен.
- Похоже на то, - ответил Дрейк. - Либо впрямую по радио, либо посылает приказы на длине радиоволн.
- В таком случае, - сказал Соренсен, - и сам он что-то вроде маленькой радиостанции?
- Похоже. Ну и что?
- А то, - пояснил Соренсен, - что его можно запеленговать.
Дрейк энергично кивнул, выключил приемник, пошел в угол и взял

портативный пеленгатор. Он настроил его на частоту, на которой Кейбл поймал разговор между Рабаулом и Бугенвилем, включил и стал в дверях.

Все следили за тем, как он вращает рамочную антенну. Он засек сигнал наибольшей мощности, медленно повернул рамку, снял пеленг и перевел его на компасе в азимут. Затем сел и развернул мелкомасштабную карту юго-западной Океании.

- Ну как? - поинтересовался Соренсен. - Это Квидак?

- Должен быть он, - ответил Дрейк. - Я засек твердый ноль почти точно на юге. Он прямо перед нами в джунглях.

- А это не отраженный сигнал?

- Я взял контрольный пеленг.

- Может, это какая-нибудь радиостанция?

- Исключено. Следующая станция прямо на юге - Сидней, а до него тысяча семьсот миль. Для нашего пеленгатора многовато. Нет, это Квидак, можно не сомневаться.

- Стало быть, у нас есть способ его обнаружить, - сказал Соренсен. - Двое пойдут в джунгли с пеленгаторами...

- ...и расстанутся с жизнью, - закончил Дрейк. - Мы можем запеленговать Квидака, но его звери обнаружат нас куда быстрей. Нет, в джунглях у нас нет ни малейшего шанса.

- Выходит, это нам ничего не дает, - сказал Соренсен. Вид у него был совсем убитый.

- Дает, и немало, - возразил Дрейк. - Теперь у нас появилась надежда.

- То есть?

- Он управляет животными по радио. Мы знаем, на какой частоте он работает, и можем ее занять. Будем глушить его сигналы.

- Ты уверен?

- Уверен? Конечно, нет. Но я знаю, что две радиостанции в одной зоне не могут работать на одной частоте. Если мы настроимся на частоту Квидака и сумеем забить его сигналы...

- Понимаю, - сказал Соренсен. - Может, что-нибудь и получится! Если нам удастся заблокировать его сигналы, он не сможет управлять зверьем, а уж тогда запеленговать его будет нетрудно.

- Хороший план, - сказал Дрейк, - но с одним маленьким недостатком: передатчик у нас не работает. Без передатчика нет передачи, а без передачи - глушения.

- Ты сумеешь его починить? - спросил Соренсен.

- Попробую, - ответил Дрейк. - Но особенно не надейся. Всеми радиоделами в экспедиции заведовал Икинс.

- У нас есть запчасти, - сказал Соренсен. - Лампы, инструкции...

- Знаю. Дайте время, и я разберусь, что там вышло из строя. Вопрос в том, сколько времени соизволит нам дать Квидак.

Медно-красный солнечный диск наполовину ушел в океан. Закатные краски тронули громаду грозовых туч и растворились в коротких тропических сумерках. Кладоискатели принялись укреплять на ночь дверь и окна сарая.

6.

Дрейк снял заднюю крышку передатчика и пришел в ужас от обилия проводов и ламп. Металлические коробочки были, скорее всего, конденсаторами, а покрытые воском цилиндрические штучки с равным успехом могли оказаться и катушками сопротивления, и чем-то еще. От одного взгляда на это непонятное и хрупкое хозяйство голова шла кругом. Как в нем разобраться? И с чего начать?

Он включил рацию и выждал несколько минут. Кажется, горели все лампы - одни ярко, другие тускло. Он не обнаружил ни одного оборванного провода. Микрофон по-прежнему не работал.

Итак, с поверхностным осмотром покончено. Следующий вопрос: получает ли рация достаточно питания?

Он выключил ее и проверил батареи аккумулятора вольтметром. Батареи были заряжены до предела. Он снял свинцовые колпачки, почистил и поставил обратно, проследив, чтобы они плотно сели на место. Проверил все контакты, прошептал льстивую молитву и включил передатчик.

Передатчик все так же молчал.

Дрейк с проклятьем выключил его в очередной раз. Он решил заменить все лампы, начиная с тусклых. Если это не поможет, он попробует заменить конденсаторы и катушки сопротивления. А если и это ничего не даст, то пустить себе пулю в лоб никогда не поздно. С этой жизнерадостной мыслью он распечатал комплект запасных деталей и принялся за дело.

Все остальные тоже были в сарае - заканчивали подготовку к ночи. Дверь заперли и посадили на клинья. Два окна пришлось оставить открытыми для доступа воздуха - в противном случае кладоискатели просто задохнулись бы от жары. Но к каждой раме прибили по сложенной вдвое крепкой противомоскитной сетке, а у окон поставили часовых. Через плоскую крышу из оцинкованного железа ничто не могло проникнуть, но земляной пол, хоть и

был плотно утрамбован, все же вызывал опасения. Оставалось одно - не сводить с него глаз.

Кладоискатели устраивались на долгую тревожную ночь. Дрейк продолжал возиться с передатчиком, повязав лоб носовым платком, чтобы пот не тек в глаза.

Через час зажужжало переговорное устройство. Соренсен ответил на вызов:

- Что вам нужно?

- Мне нужно, - произнес Квидак голосом Икинса, - чтобы вы прекратили бессмысленное сопротивление. Я хочу, чтобы вы со мной слились. У вас было время обдумать положение, и вы должны понимать, что другого выхода нет.

- Мы не хотим с вами сливаться, - сказал Соренсен.

- Вы должны, - заявил Квидак.

- Вы собираетесь нас заставить?

- Это сопряжено с трудностями, - ответил Квидак. - Мои звериные составляющие не годятся как инструмент принуждения. Икинс - замечательный механизм, но он у нас один. Сам я не имею права подвергать себя опасности - это поставит под угрозу высшую цель Квидака.

- Получается тупик, - заметил Соренсен.

- Нет. Нам сложно только вас захватить. Убить вас совсем не трудно.

Все, кроме Дрейка, поежились, он же, занятый передатчиком, даже не поднял головы.

- Мне бы не хотелось вас убивать, - продолжал Квидак. - Но все решает высшая цель Квидака. Она может не осуществиться, если вы не вольетесь, и окажется под угрозой, если вы покинете остров. Поэтому вы либо вольетесь, либо будете ликвидированы.

- Мне это видится по-другому, - сказал Соренсен. - Если вы нас убьете - допустим, вы в состоянии нас убить, - вам ни за что не выбраться с острова. Икинс не справится с кечем в одиночку.

- Отплывать на кече нет никакой необходимости, - возразил Квидак. - Через полгода сюда опять зайдет рейсовая шхуна. На ней мы с Икинсом и покинем остров. К этому времени никого из вас не будет в живых.

- Вы нас запугиваете, - сказал Соренсен. - С чего вы взяли, будто сможете нас убить? Днем у вас не очень-то получилось.

Он поймал взгляд Дрейка и показал на рацию. Дрейк развел руками и вернулся к работе.

- Днем я и не пытался, - сказал Квидак. - Я займусь этим ночью. Этой ночью - чтобы не дать вам найти более действенную систему защиты. Сегодня ночью вы должны со мной слиться, или я убью одного из вас.

- Одного из нас?

- Да. Одного человека. Через час - другого. Возможно, это заставит оставшихся передумать и слиться. А если нет, то к утру вы все погибнете.

Дрейк наклонился и шепнул Соренсену:

- Потяни резину, дай мне еще минут десять. Я, кажется, нашел, в чем загвоздка.

Соренсен произнес:

- Нам бы хотелось побольше узнать о сообществе Квидака.

- Лучший способ узнать - это слиться.

- Но сперва мы бы все-таки хотели узнать немного больше.

- Это состояние просто нельзя описать, - произнес Квидак убедительно, горячо и настойчиво. - Попытайтесь вообразить, что вы - это именно вы и в то же время вас подключили к совершенно новым разветвленным системам чувств. Вы, например, можете узнать мир, каким его ощущает собака, когда бежит лесом, ориентируясь по запаху, и этот запах для нее - и для вас тоже станет таким же - как дорожный указатель. Совсем по-другому воспринимает действительность рак-отшельник. Через него вы постигнете медленный взаимообмен жизненных форм на стыке суши и моря. У него очень продленное чувство времени. А вот у райской птицы наоборот - она воспринимает мгновенно и все пространство разом. Каждое существо на земле, под землей и в воде, а их множество, имеет свое собственное, особое восприятие реальности, и оно, как я обнаружил, не очень отличается от мировосприятия живых организмов, некогда обитавших на Марсе.

- А что случилось на Марсе потом? - спросил Соренсен.

- Все формы жизни погибли, - скорбно ответил Квидак. - Все, кроме Квидака. Это случилось в незапамятные времена. А до того на всей планете царили мир и процветание. Все живые существа были составляющими в Сообществе Квидака. Но доминантная раса оказалась генетически слабой. Рождаемость все время падала; последовала полоса катастроф. В конце концов вся жизнь прекратилась, остался один Квидак.

- Потрясающе, - заметил Соренсен с иронией.

- Это был дефект расы, - поспешил возразить Квидак. - У более стойкой расы, такой, как на вашей планете, инстинкт жизни не будет подорван. Мир и процветание будут длиться у вас бесконечно.

- Не верю. То, что случилось на Марсе, повторится и на Земле, если вам удастся ее захватить. Проходит какое-то время, и рабам просто-напросто надоедает цепляться за жизнь.

- Вы не будете рабами. Вы будете функциональными составляющими в

Сообществе Квидака.

- А править этим, сообществом будет, разумеется, Квидак, - заметил Соренсен. - Как пирог ни режь, а начинка все та ж.

- Вы судите о том, чего не знаете, - сказал Квидак. - Мы достаточно побеседовали. В ближайшие пять минут я готов умертвить одного человека. Намерены вы слиться со мной или нет?

Соренсен взглянул на Дрейка. Дрейк включил передатчик. Пока передатчик нагревался, на крышу обрушились струи дождя. Дрейк поднял микрофон, постучал по нему и услышал в динамике щелчок.

- Работает, - сказал он.

В это мгновение что-то ударилось в затянутое сеткой окно. Сетка провисла: в ней трепыхался крылан, свирепо посматривая на людей крохотными красными глазками.

- Забейте окно! - крикнул Соренсен.

Не успел он договорить, как вторая летучая мышь врезалась в сетку, пробила ее и шлепнулась на пол. Ее прикончили, но в дыру влетели еще четыре крылана. Дрейк остервенело от них отбивался, однако не сумел отогнать их от рации. Летучие мыши метили ему прямо в глаза, и Дрейку пришлось отступить. Один крылан угодил под удар и упал на землю с переломанным крылом, но остальные добрались до рации и столкнули ее со стола.

Дрейк безуспешно попытался ее подхватить. Он услышал, как лопнули лампы, но должен был защищать глаза.

Через несколько минут они прикончили еще двух крыланов, а уцелевшие удрали в окно. Окна забили досками. Дрейк наклонился и осмотрел передатчик.

- Удастся наладить? - спросил Соренсен.

- И думать нечего, - ответил Дрейк. - Они выдрали все провода.

- Что же нам теперь делать?

- Не знаю.

Раздался голос Квидака:

- Вы должны немедленно дать ответ.

Никто не сказал ни слова.

- В таком случае, - произнес Квидак, - я вынужден, как ни жаль, одного из вас сейчас умертвить.

7.

Дождь хлестал по железной крыше, ветер задувал все сильнее. Издалека приближались раскаты грома. Но в сарае раскаленный воздух стоял

неподвижно. Висевший на центральной балке керосиновый фонарь освещал середину помещения резким желтым светом, оставляя углы в глубокой тени. Кладоискатели подались к центру, подальше от стен, и стали спинами друг к другу, что натолкнуло Дрейка на сравнение со стадом бизонов, сбившихся в круг для отпора волку, которого они чуют, хотя еще не видят.

Кейбл сказал:

- Послушайте, может, попробовать это сообщество Квидака? Может, оно не такое уж страшное, как...

- Заткнись! - отрезал Дрейк.

- Сами подумайте, - увещевал Кейбл, - это все-таки лучше, чем помирать, скажете нет?

- Пока никто еще не умирает, - возразил Дрейк. - Сделай милость, заткнись и гляди в оба.

- Меня сейчас, кажется, вырвет, - сказал Кейбл. - Выпусти меня, Дэн.

- Блюй, где стоишь, - посоветовал Дрейк. - И не забывай смотреть в оба.

- Нет у тебя права мне приказывать! - заявил Кейбл и шагнул было к двери, но сразу же отскочил.

В дюймовый зазор между дверью и полом пролез желтоватый скорпион. Рисетич раздавил его каблуком, растоптал в кашу и завертелся на месте, отмахиваясь от трех ос, которые проникли через забитое окно.

- Плевать на ос! - крикнул Дрейк. - Следите за полом!

Из тени выползли несколько мохнатых пауков. Они ворочались на земле, а Дрейк и Рисетич лупили по ним прикладами. Бирнс заметил, что из-под двери вылезает огромная плоская многоножка. Он попробовал на нее наступить, промахнулся, многоножка мигом очутилась у него на ботинке, потом выше - на голой икре. Бирнс взвыл: вокруг ноги у него словно обвилась раскаленная стальная лента. Он успел, однако, раздавить многоножку, прежде чем потерял сознание.

Дрейк осмотрел ранку и решил, что она не смертельна. Он растоптал еще одного паука, но тут Соренсен тронул его за плечо. Дрейк поглядел в дальний угол, куда тот показывал.

К ним скользили две большие змеи. Дрейк признал в них черных гадюк. Обычно пугливые, сейчас они наступали с бесстрашием тигра.

Кладоискатели в ужасе заметались, пытаясь увернуться от змей. Дрейк выхватил револьвер и опустился на одно колено. Не обращая внимания на ос, которые вились вокруг, он в колеблющемся свете фонаря попытался взять на мушку изящную живую мишень.

Гром ударил прямо над головой. Долгая вспышка молнии осветила сарай, сбив Дрейку прицел. Он выстрелил, промахнулся и приготовился отразить нападение.

Змеи не стали нападать. Они уползали, отступая к крысиному ходу, через который проникли. Одна быстро проскользнула в нору, вторая двинулась следом, но остановилась на полдороге.

Соренсен тщательно прицелился из винтовки, но Дрейк отвел ствол:

- Постой-ка минутку!

Змея помешкала, затем выползла из норы и снова заскользила по направлению к людям.

Новый раскат грома и яркая вспышка. Гадюка повернула назад и, извиваясь, исчезла в норе.

- В чем дело? - спросил Соренсен. - Они испугались грозы?

- Нет, вся хитрость в молнии! - ответил Дрейк. - Вот почему Квидак так спешил. Он знал, что надвигается буря, а он еще не успел закрепиться на острове.

- Что ты хочешь сказать?

- Молния, - объяснил Дрейк. - Электрическая буря! Она глушит его радиокоманды! А когда его заглушают, звери снова становятся обычным зверьем и ведут себя как им и положено. Чтобы восстановить управление, ему требуется время.

- Буря когда-нибудь кончится, - сказал Кейбл.

- На наш век, может, и хватит, - сказал Дрейк. Он взял пеленгаторы и вручил один из них Соренсену. - Пойдем, Билл. Мы выследим эту тварь прямо сейчас.

- Эй, - позвал Рисетич, - а мне что делать?

- Можешь пойти искупаться, если через час не вернемся, - ответил Дрейк.

Дождь сек косыми струями, подгоняемый яростными порывами юго-западного ветра. Гром гремел не смолкая, и каждая молния, как казалось Дрейку и Соренсену, метила прямо в них. Они дошли до джунглей и остановились.

- Здесь мы разойдемся, - сказал Дрейк. - Так больше шансов сойтись на Квидаке.

- Верно, - согласился Соренсен. - Береги себя, Дэн.

Соренсен нырнул в джунгли. Дрейк прошел пятьдесят ярдов вдоль опушки и тоже шагнул в заросли.

Он продирался напрямик; за поясом у него был револьвер, в одной руке пеленгатор, в другой - фонарик. Джунгли, чудилось ему, жили своей

собственной злой жизнью, как будто ими заправлял Квидак. Лианы коварно обвивались вокруг ног, а кусты стремились заключить его в свои цепкие объятия. Каждая ветка так и норовила хлестнуть его по лицу, словно это доставляло ей особое удовольствие.

Пеленгатор отзывался на разряд при каждой вспышке, так что Дрейк с большим трудом держался курса. Но Квидаку, конечно, достается еще и не так, напоминал он себе. В перерывах между разрядами молний Дрейк выверял пеленг. Чем глубже он забирался в джунгли, тем сильнее становился сигнал Квидака.

Через некоторое время он отметил, что промежутки между вспышками увеличиваются. Буря уносилась к северу. Сколько еще молнии будут ему защитой? Десять, пятнадцать минут?

Он услышал поскуливание и повел фонариком. К нему приближался его пес Оро. Его ли? А может, Квидака?

- Давай, старина, - подбодрил Дрейк. Он подумал, не бросить ли пеленгатор, чтобы вытащить из-за пояса револьвер, но не знал, будет ли тот стрелять после такого ливня.

Оро подошел и лизнул ему руку. Его пес. По крайней мере пока не кончилась буря.

Они двинулись вместе. Гром переместился на север. Сигнал в пеленгаторе звучал во всю силу. Где-то тут...

Он увидел свет от другого фонарика. Навстречу ему вышел запыхавшийся Соренсен. В зарослях он порядком ободрался и поцарапался, но не потерял ни винтовки, ни пеленгатора с фонариком.

Оро яростно заскреб лапами перед кустом. Все озарилось долгой вспышкой, и они увидели Квидака.

В эти последние секунды до Дрейка дошло, что дождь кончился. Перестали сверкать и молнии. Он бросил пеленгатор. Наставив фонарик, он попытался взять на прицел Квидака, который зашевелился и прыгнул...

На шею Соренсену, точно над правой ключицей.

Соренсен вскинул руки и тут же их опустил. Потом повернулся к Дрейку и, не дрогнув ни единым мускулом, поднял винтовку. У него был такой вид, словно убить Дрейка - единственная цель его жизни.

Дрейк выстрелил почти в упор. Пуля развернула Соренсена, и он упал, выронив винтовку.

Дрейк склонился над ним с револьвером наготове. Он понял, что не промахнулся. Пуля прошла как раз над правой ключицей. Рана была скверная.

Но Квидаку, который оказался непосредственно на пути пули, пришлось много хуже. От него только и осталось что с пяток черных капель на рубашке Соренсена.

Дрейк торопливо забинтовал Соренсена и взвалил на спину. Он спрашивал себя, смог бы он выстрелить, очутись Квидак над сердцем Соренсена, или на горле, или на лбу.

Лучше об этом не думать, решил Дрейк.

Он двинулся назад в лагерь, и его пес затрусил с ним рядом.

* Небольшое двухмачтовое парусное судно грузоподъемностью 100-200 тонн.

Роберт ШЕКЛИ

СЕДЬМАЯ ЖЕРТВА

пер. В.Гопман

Стентон Фрелейн сел за стол, тщетно пытаясь принять деловой вид, какой подобало иметь в начале рабочего дня. Никак он не мог сосредоточиться и взяться за дело, попытки дописать рекламу, начатую вечером, ни к чему не привели. Наконец он понял, что до прихода почты ничего делать не в состоянии.

Извещения он ждал со дня на день уже две недели - пунктуальность явно не входила в число добродетелей правительства.

Стеклянная дверь его кабинета, на которой висела табличка "Моргер и Фрелейн, верхняя одежда", отворилась, и, слегка прихрамывая - не повезло много лет назад в перестрелке, вошел Э.Дж.Моргер. Он заметно сутулился, но в семьдесят три года можно не заботиться о своей внешности.

- Привет, Стен, - сказал Моргер. - Как реклама?

Фрелейн стал компаньоном Моргера в двадцать семь, шестнадцать лет назад. Концерн с оборотом в миллион долларов, возникший из "Одежды-Защиты", был их совместным детищем.

- Полагаю, вчерне уже готово, - Фрелейн протянул Моргеру листок. Когда же придет почта, подумал он.

"Вы еще не приобрели "Костюм-Защиту" фирмы "Моргер и Фрелейн"? -

громко прочел Моргер, поднеся бумагу к глазам. - Напрасно - ведь это последнее слово мужской моды!"

Моргер откашлялся и взглянул на Фрелейна. Затем улыбнулся и продолжал:

- "Настоящая модель - не только самая безопасная, но и самая элегантная. Каждый образец выпускается со специальными карманами для оружия. Никто не будет знать, что оружие при вас, и вы сможете пустить его в ход мгновенно. Расположение карманов - по выбору заказчика". Очень неплохо, - заметил Моргер.

Фрелейн угрюмо кивнул.

- "Пистолетный карман величайшее достижение в области современной индивидуальной защиты. Одно прикосновение к потайной кнопке и готовое к бою оружие оказывается в вашей руке. Спец-модель "Костюма-Защиты" имеется в каждом магазине фирмы "Моргер и Фрелейн". Если вам дорога ваша жизнь, покупайте "Костюм-Защиту"'! "Прекрасно, - похвалил Моргер. - Реклама получилась что надо. - Он задумчиво погладил седые усы. - Может, стоит еще добавить, что "Костюм-Защита" выпускается с одним или двумя карманами на груди, снабженными одной или двумя кнопками"

- Верно, я и забыл.

Фрелейн забрал листок и сбоку приписал несколько слов. Затем встал, поправил пиджак, который все время топорщился на животе - в последнее время он заметно располнел, как-никак уже за сорок, и волосы на макушке начали редеть. Лицо его хранило выражение дежурного добродушия, но взгляд был холоден.

- Расслабьтесь, - сочувственно сказал Моргер. - Вот увидите: письмо придет с сегодняшней почтой.

Фрелейн с благодарностью взглянул на шефа. Ему захотелось пройтись по комнате, но вместо этого он присел на край стола.

- Можно подумать, что это мое первое убийство, - хмуро усмехнувшись, сказал он.

- Я понимаю, каково вам, - кивнул Моргер. - Когда я еще не вышел из Игры, я не спал месяцами, ожидая извещения об очередной Охоте. Уж я-то понимаю.

Наступило молчание. Когда оно начало становиться невыносимым, распахнулась дверь, вошел клерк и положил корреспонденцию на стол Фрелейна.

Фрелейн схватил письма, быстро перебрал их и нашел долгожданное - продолговатый белый конверт из МЭК с правительственным штампом.

- Вот оно! - облегченно выдохнул Фрелейн, и лицо его осветилось улыбкой. - Наконец-то!

- Рад за вас, - Моргер, хотя и взглянул на письмо с любопытством, ничем его не проявил. Вести себя иначе означало бы не просто нарушать приличия, но и преступать закон: никто, кроме Охотника, не имел права знать имя Жертвы. - Удачной вам Охоты.

- Иной она и быть не может! - В голосе Фрелейна звучала уверенность. Порядок в своем столе он навел еще неделю назад и мог уходить прямо сейчас.

- Хорошая Охота развеет вас, - Моргер потрепал его по плечу. - Надо вам встряхнуться.

- Еще как надо, - Фрелейн снова улыбнулся и пожал Моргеру руку.

- Где мои двадцать лет! - Моргер с комически тоскливой миной покосился на свою искалеченную ногу. - Глядя на вас, так и тянет снова взяться за оружие.

Моргер принадлежал к элите - десять успешных Охот раскрыли перед ним двери Клуба Десяти - клуба избранных. А поскольку после каждой Охоты ему приходилось выступать в роли Жертвы, то всего в его активе значилось двадцать убийств.

- Надеюсь, мне не попадется такой ас, как вы. - Фрелейн улыбнулся.

- Выбросьте эти мысли из головы. Какой по счету будет у вас эта Жертва?

- Седьмой.

- Семь - счастливое число. Еще раз желаю удачи. И надеюсь скоро увидеть вас среди членов Клуба.

Фрелейн помахал рукой и направился к выходу.

- Помните: осторожность и еще раз осторожность, - крикнул вслед Моргер. - Одна-единственная ошибка и... мне придется искать другого компаньона. А меня, к вашему сведению, вполне устраивает нынешний.

- Постараюсь, - пообещал Фрелейн.

Он решил пройтись до дома пешком, а не ехать на автобусе. Следовало немного остыть. Смешно вести себя как мальчишка, выходящий на свое первое убийство.

На улице Фрелейн никогда не глазел по сторонам, это означало напрашиваться на пулю - кто-нибудь из прохожих мог неожиданно оказаться Жертвой. Бывали случаи, когда нервные Жертвы стреляли, стоило только

взглянуть на них. Поэтому Фрелейн всегда предусмотрительно смотрел только перед собой и поверх голов встречных.

Рекламу сыскного бюро Дж. Ф. О'Донована он увидел издалека.

"Жертвы! - призывали огромные красные буквы. - Зачем рисковать? Предоставьте нам определить вашего убийцу. Плата - после того, как вы разделаетесь с ним. Лучшие сыщики - только у О'Донована!"

Реклама напомнила Фрелейну, что надо позвонить Эду Морроу.

Фрелейн ускорил шаг. Ему не терпелось поскорее добраться до дома, вскрыть конверт и узнать, с кем на этот раз ему придется иметь дело. Интересно, умна его Жертва или глупа? Богата, как его четвертая, или же бедна, как первая и вторая? Пользуется услугами сыщиков или действует в одиночку?

Сердце билось быстрее от восхитительного, возбуждающего предвкушения Охоты. Неподалеку Фрелейн услышал выстрелы: два коротких, почти одновременно, и затем третий, последний.

Кому-то повезло на этой Охоте, подумал Фрелейн. Чувство, когда всаживаешь в Жертву пулю, ни с чем не сравнится. И это ему вновь предстоит пережить!

Придя домой, он первым делом набрал номер Эда Морроу, своего сыщика. В промежутках между вызовами тот работал в гараже.

- Алло, Эд? Это Фрелейн.

- Рад вас слышать, мистер Фрелейн. - Фрелейн представил себе, как расплывается в улыбке узкое, тонкогубое лицо Морроу, перепачканное смазкой.

- Собираюсь на Охоту. Эд.

- Понял, мистер Фрелейн. Значит, я скоро понадоблюсь?

- Достаточно скоро. Исходи из того, что я управлюсь за неделю, самое большее за две, а в течение трех месяцев после убийства, как всегда, получу извещение о моем статусе Жертвы.

- Буду готов. Удачи вам, мистер Фрелейн.

- Спасибо. До скорого. - Он повесил трубку. Заручаться услугами первоклассного сыщика - необходимая мера предосторожности. Ведь скоро Фрелейну придется стать Жертвой, и тогда, уж в который раз, вся надежда на Эда Морроу.

А какой Эд блестящий сыщик! Необразован, да и глуповат, откровенно говоря. Но чутье у него от бога - с первого взгляда определяет приезжего, дьявольски изобретательно устраивает засады. Незаменимый человек!

Припомнив некоторые "фирменные" уловки Эда, Фрелейн ухмыльнулся и вскрыл конверт. Улыбка застыла на его лице, когда он увидел имя жертвы.

Джанет-Мари Патциг.

Фрелейн встал и прошелся по комнате. Затем еще раз внимательно перечитал извещение. Джанет-Мари Патциг. Ошибки не было. Девушка. В конверт были вложены три фотографии, листок с адресом и другими необходимыми сведениями.

Фрелейн нахмурился. До сих пор ему приходилось убивать только мужчин.

Он помедлил мгновение, затем набрал номер МЭК.

- Министерство эмоционального катарсиса, отдел информации, - ответил мужской голос.

- Не могли бы вы проверить, - попросил Фрелейн. - я только что получил извещение, и в нем указано, что моя Жертва - девушка? Это как понимать? - И он назвал клерку имя.

- Все в порядке, сэр, - заверил клерк, сверившись с картотекой. - Девушка зарегистрировалась добровольно. По закону она обладает теми же правами, что и мужчины.

- Не могли бы вы сказать, сколько у нее убийств на счету?

- Сожалею, сэр. Информация, которую вы вправе получить, у вас уже есть; юридический статус Жертвы, ее адрес и фотографии.

- Ясно. - Фрелейн помедлил. - Могу ли я выбрать другую Жертву?

- Вы, конечно, можете отказаться от этой охоты. Это ваше право. Но прежде, чем вы получите разрешение на следующее убийство, вам придется выступить в роли Жертвы. Оформить отказ?

- Нет, нет, - поспешно ответил Фрелейн. - Я просто поинтересовался, спасибо.

Он повесил трубку и, ослабив брючный ремень, сел в кресло. Подумать было над чем - впервые в жизни он так влип.

- Чертово бабье, - проворчал он, - детей бы рожали да вышивали, так нет, вечно лезут куда не надо.

Но они же свободные граждане, напомнил он себе. И все равно дело это не женское.

Из истории известно, что Министерство эмоционального катарсиса учреждено специально для мужчин, и только для них. Это произошло в конце четвертой - или шестой, как полагали некоторые историки, - мировой войны.

К тому времени назрела необходимость в длительном и прочном мире. Причины были чисто практического свойства, как практичными были и люди, начавшие эту кампанию.

Дело в том, что резко возросли количество, эффективность и разрушительная сила оружия, имевшегося в распоряжении многих стран.

Положение достигло критической точки, и уничтожение человечества было не за горами. Еще одна война положила бы конец всем войнам вообще - просто не осталось бы никого, кто смог бы развязать новую.

Человечество нуждалось в мире - и не во временном, а в постоянном. Задавшись вопросом, почему мир никак не может воцариться, практичные люди стали изучать историю войн и нашли, как им казалось, причину: мужчинам нравится воевать. И заключили, несмотря на поднявшееся возмущение идеалистов, что большая часть человечества нуждается в насилии. Ведь люди вовсе не ангелы (но и не дьяволы), а обыкновенные смертные, которым в большой мере присуща агрессивность.

Конечно, используя последние достижения науки и располагая политической властью, можно было бы искоренить это свойство человеческой натуры - многие полагали, что следует пойти именно по такому пути. Но практики поступили иначе. Признав, что соревновательность, тяга к борьбе, мужество перед лицом неодолимой опасности - решающие качества для человеческого рода, гарантия непрерывности его существования, препятствие на пути к его деградации, эти люди объявили, что стремление к насилию неразрывно связано с изобретательностью, умением адаптироваться к любым обстоятельствам, упорством в достижении цели.

Таким образом, встала проблема: как сохранить мир вечно и в то же время не остановить прогресс цивилизации.

Выход нашелся: узаконить насилие. Дать человеку отдушину...

Сначала легализовали кровавые гладиаторские игры. Но требовалось больше - люди нуждались в подлинных ощущениях, а не в суррогатах.

Поэтому пришлось узаконить убийства - правда, на строго индивидуальной основе, только для тех, кому по складу характера это было необходимо. Правительство пошло на то, чтобы основать Министерство эмоционального катарсиса.

Методом проб и ошибок отработали единые правила. Каждый, кто хотел убить, регистрировался в МЭК. После определенных формальностей Министерство обеспечивало Охотника Жертвой. Если побеждал Охотник, то спустя несколько месяцев он в соответствии с законом становился Жертвой. Затем, в случае благоприятного - для него исхода этого поединка, он мог либо остановиться, либо записаться на следующий тур. Таким образом,

система основывалась на том, что человеку предоставлялась возможность совершить любое количество убийств.

К концу первого десятилетия статистика установила, что примерно каждый третий обращался в МЭК - по крайней мере один раз. Цифра эта, уменьшившись до каждого четвертого, так и оставалась неизменной.

Философы были недовольны, но практики испытывали удовлетворение: война осталась там, где ей, по их мнению, и следовало быть изначально, - в руках индивида.

Игра постепенно совершенствовалась. С момента же ее официального признания она превратилась в большой бизнес. Возникли фирмы; обслуживающие как Охотников, так и Жертв.

Министерство эмоционального катарсиса выбирало имена Жертв наугад. На убийство Охотнику отводилось две недели. Рассчитывать ему приходилось только на собственную изобретательность, любая посторонняя помощь считалась нарушением правил. Охотнику давались имя Жертвы, ее адрес и описание внешности; убивать он мог только из пистолета стандартного калибра. Применять какое-либо другое оружие запрещалось.

Жертва получала извещение на неделю раньше Охотника. Ей сообщалось одно: она - Жертва. Имени своего Охотника она не знала. Жертве предоставлялось право пользоваться любым оружием (и вообще для уничтожения противника разрешалось прибегать к каким угодно средствам). Жертве разрешалось также нанимать сыщиков (они не имели права убивать - роль их сводилась к обнаружению Охотника).

Убийство или ранение постороннего человека в ходе Охоты строго карались. Вообще же наказание за убийство по любым мотивам - ревность, корысть к т.д. - было определено одно: смертная казнь, вне зависимости от смягчающих обстоятельств.

Система получила всеобщее одобрение: те, кто хотел убивать, имели такую возможность; тех же, кого это не привлекало - основную часть населения, никто, разумеется, не принуждал это делать.

Как бы то ни было, человечество избавилось от угрозы всепланетных войн. Их заменили сотни тысяч малых...

...Теперь предстоящая Охота особой радости у Фрелейна не вызывала - и все потому, что Жертвой на этот раз оказалась женщина. Но, в конце концов, если она сама зарегистрировалась, то пускай пеняет на себя. Уцелев в шести

Играх, он не собирался проигрывать и на этот раз.

То, что Джанет Патциг жила в Нью-Йорке, все же немного утешило Фрелейна: ему нравилась Охота в больших городах, к тому же он давно хотел побывать в Нью-Йорке. Возраст Патциг в извещении не был указан, но на фотографии она выглядела на двадцать с небольшим.

Остаток утра он провел; заучивая сведения о своей Жертве, затем подшил полученное извещение к предшествующим.

Фрелейн заказал по телефону билеты на самолет, затем принял душ. Натянув "Костюм-Защиту"; давно приговленный для Охоты, Фрелейн придирчиво выбрал из своей коллекции пистолет, почистил его, смазал и, засунул в оружейный карман, начал паковать чемодан.

Он чувствовал, как его охватывает возбуждение. Удивительно, что каждое убийство волнует по-своему. От этого не устаешь, это не приедается, как французские пирожные, женщины или выпивка. Каждый раз что-то новое, не похожее на предыдущее.

Окончив сборы, он подошел к книжному - шкафу, раздумывая, что захватить в дорогу.

Он гордился своей библиотекой - у него собрано все, что надо знать специалисту. Сейчас ему вряд ли понадобится литература о Жертвах, такие книги, как "Тактика Жертвы" Л. Фреда Трэси, руководство по обнаружению Охотников в толпе или "Не думай, как Жертва" доктора Фриша. Эти работы пригодятся потом, когда он станет Жертвой. Он перевел взгляд на полку с книгами об Охотниках. "Тактику Охотника", фундаментальный классический труд, Фрелейн знал чуть ли не наизусть. "Последние достижения в области организации засад" сегодня ему не требовались. В конце концов он остановился на "Охоте в городах" Митвелла и Кларка, "Выследить сыщика" и "Психологии Жертвы" Олгрипа.

Сборы закончились, Фрелейн оставил записку молочнику, запер квартиру и на такси доехал до аэропорта.

В Нью-Йорке он остановился в отеле, расположенном в центре города, неподалеку от района, где жила Патциг. Обслуживали его быстро и ненавязчиво, но это-то и раздражало Фрелейна - судя по всему, ему не удилось сохранить свое инкогнито. Видимо, что-то в его поведении все же выдавало Охотника из другого города.

В номере на тумбочке у кровати лежала брошюрка. Называлась она "Ваш

эмоциональный катарсис - в ваших руках" и содержала в основном психотерапевтические рекомендации. Фрелейн не без усмешки перелистал несколько страниц.

Решив, что грешно не посмотреть город (все-таки первый раз в Нью-Йорке). Фрелейн отправился на прогулку. Потом прошелся по магазинам. Зал "Охота и Охотник" у Мартинсона и Блэка просто ошеломил его. В числе новинок демонстрировались легкие пуленепробиваемые жилеты для Жертв и шляпы с защитной тульей. Одну стену занимала большая витрина с пистолетами тридцать восьмого калибра - последняя модель, очень удобно носить в кобуре под мышкой.

"Лучшее оружие - Малверн прямого боя! - утверждала реклама, - Одобрена МЭК. Обойма - на двенадцать патанов. Допустимое отклонение - всего 0.001 дюйма с тысячи футов. Не упустите вашу Жертву. Если вам дорога жизнь - покупайте только Малверн! Лишь с ним вы будете в безопасности!"

Фрелейн одобрительно улыбнулся. Реклама ему нравилась, да и сам маленький черный пистолет выглядел весьма привлекательно, но он привык работать со своим.

Продавались еще "стреляющие" трости - с потайным магазином на четыре патрона, хорошо скрытым и удобным в употреблении. В молодости Фрелейн хватался за каждую новинку, но с годами понял, что доверять надо лишь проверенному в деле оружию.

У входа в магазин стояла машина Санитарного управления, в которую четверо служащих втаскивали труп - судя по всему, после недавней перестрелки - Фрелейн пожалел, что пропустил зрелище.

Он пообедал в приличном ресторане и рано лег спать. Завтрашний день обещал быть нелегким.

С утра Фрелейн отправился на разведку к дому Жертвы - лицо ее четко отпечаталось в его памяти. Он не вглядывался в прохожих - напротив, как и полагалось опытному Охотнику, шел быстрой походкой делового человека.

Заглянув в несколько баров на Лексингтон-авеню и пропустив в одном из них стаканчик, он свернул в переулок и наткнулся на расположенное прямо на тротуаре открытое кафе.

Она! Ошибки быть не могло. За столиком, неотрывно глядя в бокал, сидела Джанет-Мари Патциг. Она не подняла глаз, когда он прошел мимо.

Фрелейн свернул за угол и остановился, чувствуя, как дрожат руки.

Спятила, что ли, эта девчонка, усевшись здесь? Или считает, что

заколдована от пуль?

Он сел в такси и приказал объехать квартал. Патциг сидела на том же месте. Фрелейн внимательно рассмотрел ее. Она казалась моложе, чем на фотографии, но твердой уверенности у Фрелейна не было; вообще на взгляд ей не больше двадцати. Прическа - темные волосы разделены на прямой пробор и зачесаны за уши - придавала ей сходство с монахиней. Насколько Фрелейн мог видеть, лицо ее выражало печаль и отрешенность.

Так что же, прямо подходи и стреляй?..

Фрелейн расплатился, вылез из такси и поспешил к ближайшей аптеке. Из свободного телефона-автомата он позвонил в МЭК.

- Алло, вы уверены, что Жертва по имени Джанет-Мари Патциг получила извещение?

- Сейчас посмотрю, сэр. - В ожидании ответа Фрелейн от нетерпения барабанил пальцами по дверце кабины. - Да, сэр. Имеется ее письменное подтверждение. Что-нибудь случилось, сэр?

- Все в порядке, - буркнул Фрелейн. - Просто хотел уточнить.

В конце кондов, если она не собирается защищаться, то это ее личное дело. По закону сейчас его очередь убивать.

Однако Фрелейн решил отложить Охоту на завтра и пошел в кино. Пообедав, вернулся в номер, полистал брошюру и завалился на постель, уставившись в потолок.

И что я тяну, думал он, ведь с одного выстрела можно ее снять. Прямо из такси.

Убийство - не женского ума дело, а раз напросилась, то пеняй, дура, на себя. С этой мыслью Фрелейн заснул.

На следующее утро он опять прошел мимо кафе. Девушка сидела за тем же столиком. Фрелейн остановил такси.

- Вокруг квартала, очень медленно, - попросил он.

- Ясно, - ухмыльнулся водитель.

Внимательно осмотревшись, Фрелейн пришел к выводу, что сыщиков поблизости нет. Руки девушка держала на столе, на самом виду. Прямо хоть сажай ее в тир мишенью.

Фрелейн нажал кнопку оружейного кармана, пистолет скользнул в руку. Он вытащил обойму, пересчитал патроны, щелчком закрыл карман.

- Еще медленнее, - бросил он.

Такси поравнялось с кафе. Фрелейн тщательно прицелился и палец его уже потянул спусковой крючок...

- А, чтоб тебя! - выругался он.

Рядом со столиком, заслонив девушку, появился официант. Фрелейн решил не рисковать, побоявшись задеть его.

Давай опять вокруг, - сказал он шоферу. Тот ухмыльнулся еще гаже, ерзая по сиденью. Интересно, подумал Фрелейн, так бы ты веселился, если бы знал, что я охочусь на женщину?

На этот раз официант не мешал. Девушка закурила, ее печальный взгляд застыл на зажигалке. Фрелейн взял Жертву на прицел, прищурился и задержал дыхание. Потом тряхнул головой и опустил пистолет в карман.

Эта идиотка портила ему все удовольствие.

Он расплатился с шофером и пошел по тротуару. Слишком просто, сказал он себе. Он привык к настоящей Охоте. Во время предыдущих убийств ему пришлось порядком попотеть. Жертвы прибегали к всевозможным уловкам, чтобы ускользнуть. Один из них нанял чуть ли не дюжину сыщиков, однако Фрелейн перехитрил их всех благодаря умению ориентироваться в самой сложной ситуации. Однажды он выдал себя за молочника, в другой раз за сборщика налогов. За шестой Жертвой охота шла по всей Сьерра-Неваде; уж на что ловок был тот парень, но Фрелейн все равно сумел его прикончить.

А здесь? Разве таким убийством можно гордиться? И что скажут в Клубе?

Эта мысль привела Фрелейна в ужас. Клуб был его заветной мечтой. А отпусти он сейчас девчонку живой, ему все равно придется стать Жертвой и все равно останется еще четыре Охоты. Продвигаясь такими темпами, он рискует никогда не попасть в Клуб.

Он повернул назад, сделал было пару шагов, потом неожиданно для себя самого - остановился.

- Разрешите? - спросил он.

Джанет Патциг подняла на него безрадостные голубые глаза, ничего не ответив.

- Послушайте, - начал Фрелейн, садясь рядом с девушкой. - Если я вам буду надоедать, то вы только скажите, и я уйду. Сам-то я из провинции, приехал в Нью-Йорк по делам. Просто захотелось поболтать с девушкой. Если вы против, то я...

- Мне все равно, - ответила Джанет Патциг без всякого выражения.

- Бренди, - бросил Фрелейн подошедшему официанту. Бокал девушки был еще наполовину полон.

Фрелейн взглянул на Патциг и почувствовал, как забилось сердце. Подумать только - выпивать с собственной Жертвой!

- Меня зовут Стентон Фрелейн, - представился он, понимая, что это не имеет никакого значения.

- Джанет.

- Джанет, а дальше...

- Джанет Патциг.

- Очень приятно. - Фрелейн старался говорить как можно беззаботнее. - Скажите, Джанет, а что вы делаете сегодня вечером?

- Сегодня вечером меня, наверное, убьют, - безучастно ответила она.

Фрелейн внимательно посмотрел на девушку. Знает ли она, кто он? Насколько он мог судить, пистолет она прятала под столом. Он переменил позу - так, чтобы рука была поближе к оружейному карману.

- Вы - Жертва? - деланно удивился он.

- Не трудно догадаться, - ответила она с горькой улыбкой. - Поэтому вы бы лучше ушли - зачем вам получать пулю, предназначенную мне.

Фрелейн не мог понять, почему она так спокойна. Самоубийца? Может, ей в самом деле на все наплевать? Или так уж хочет умереть?

- Но у вас же есть сыщик? - На этот раз удивление его было искренним.

- Нет.

Она посмотрела ему прямо в глаза. И Фрелейн увидел то, чего раньше не замечал: она была очень хороша собой.

- Я дурная, испорченная девчонка, - произнесла она задумчиво. - Почему-то решила, что мне нравится Охота, и зарегистрировалась в МЭК. А убить... убить не смогла.

Фрелейн сочувственно покачал головой.

- Но я, разумеется, продолжаю оставаться участником Игры. И теперь, хотя я не выстрелила, я стала Жертвой.

- Почему же вы не наняли сыщиков? - спросил он.

- Я никого не смогу убить, - пожала она плечами. - Просто рука не поднимается. У меня даже пистолета нет.

- Храбрый же вы человек, - поежился Фрелейн, - сидите здесь, на открытом месте.

Такая глупость его поражала.

- А что делать? Ведь от Охотника не укрыться. И потом, у меня нет таких денег, чтобы куда-то уехать.

- Когда речь идет о спасении... - начал Фрелейн, но она перебила его.

- Нет, это дело решенное. Надо расплачиваться за свое легкомыслие. Когда я держала свою Жертву на мушке... когда я поняла, как легко можно... убить человека...

Она взяла себя в руки.

- Не будем о плохом, - сказала Джанет и улыбнулась.

Улыбка ее очаровала Фрелейна.

Они разговорились. Фрелейн рассказал ей о своей работе, она - о себе. Оказалось, что ей двадцать два года и она пробовала - правда, неудачно - сниматься в кино.

Они поужинали вместе. Когда же она приняла его приглашение сходить в Гладиаториум, Фрелейн почувствовал себя на вершине блаженства.

Остановив такси - похоже, он все время только и делал, что катался по Нью-Йорку в такси, - Фрелейн открыл перед ней дверцу.

Она села в машину. Фрелейн заколебался. Он мог застрелить ее прямо здесь, сейчас. Более удобный случай вряд ли представится.

Но он сдержался. Подождем еще немного, сказал он себе. Гладиаторские игры в Нью-Йорке по сравнению с теми, что он видел в других городах, отличались, пожалуй, только более высоким мастерством участников. Программа же не блистала новизной: сначала, как всегда, поединки на мечах, саблях л шпагах (естественно, все схватки продолжались до смертельного исхода). Затем следовали единоборства с быками, львами и носорогами. В заключительном отделении сцены из более поздних времен: бои лучников на баррикадах и поединки на высоко натянутой проволоке.

Вечер прошел изумительно. Провожая Патциг домой, Фрелейн старался скрыть растущее смятение: до сих пор ни одна женщина не влекла его так сильно. И именно эта женщина оказалась его официальной Жертвой.

Он не представлял себе, что делать дальше. Джанет пригласила его зайти. Сев рядом с ним на диван, она прикурила от массивной зажигалки и откинулась на спинку.

- Когда ты уезжаешь? - спросила она.

- Точно не знаю, - ответил Фрелейн, - но, наверное, послезавтра.

Она коротко вздохнула.

- Я буду без тебя скучать.

Наступило молчание. Потом Джанет встала приготовить коктейль. Когда она выходила из комнаты, Фрелейн смотрел ей в спину. Пора, подумал он, коснувшись кнопки.

Но момент был безнадежно упущен. Он не мог застрелить ее. Нельзя убить девушку, которую любишь.

Мысль, что он влюбился, потрясла Фрелейна. Он ехал в Нью-Йорк, чтобы убить эту девушку, а вовсе не для того, чтобы жениться на ней!

Она вернулась с подносом и села напротив него, глядя в никуда с тем же пустым, безнадежным выражением

- Джанет, - решился он. - Я люблю тебя.

Она подняла голову. В ее глазах стояли слезы.

- Не надо, - вырвалось у нее. - Я же Жертва. Я не успею дожить до...

- Тебя никто не убьет. Я твой Охотник.

Она пристально посмотрела на него, затем неуверенно улыбнулась:

- Ты хочешь меня убить?

- Перестань, - сказал Фрелейн. - Я хочу жениться на тебе.

Джанет очутилась в его объятиях.

- Боже мой! - всхлипнула она. - Это ожидание... я так измучилась...

- Все позади, - успокаивающе шептал Фрелейн. - Ты только представь,

как мы будем рассказывать эту историю нашим детям: папа приехал убить маму, а вместо этого они поженились...

Она поцеловала его, потом закурила.

- Давай собираться, - начал Фрелейн. - Прежде всего...

- Постой, - остановила она его. - Ты ведь не спросил, люблю ли я тебя?

- Что?

Продолжая улыбаться, она направила на него зажигалку. Внизу на корпусе виднелось черное отверстие - как раз для пули тридцать восьмого калибра.

- Что за шутки? - крикнул он, вскакивая.

- Я не шучу, милый, - ответила она.

Словно пелена спала с глаз Фрелейна: как он мог считать ее девчонкой? Глядя на нее сейчас, он понял, что ей далеко за тридцать. Каждая минута напряженной двойной жизни убийцы оставила след на ее лице.

- Я не люблю тебя, Стентон, - негромко сказала Патциг, не опуская зажигалку.

Фрелейн всегда дрался до последнего. Но даже в эти истекающие секунды он не мог не восхититься, как блистательно сыграла простушку эта женщина, с самого начала, должно быть, знавшая все.

Он нажал кнопку, и пистолет со спущенным предохранителем оказался в руке.

Чудовищный удар отбросил его на кофейный столик. Из ослабевших пальцев выпал пистолет. Задыхаясь, теряя сознание, он видел, как она внимательно прицелилась для нанесения coup coup de grace*.

- Наконец-то я смогу вступить в Клуб, - услышал он ее счастливый голос, когда она спустила курок.

* удар милосердия (франц.)

Роберт ШЕКЛИ

ТЕРАПИЯ

2 мая 2103 года Элвуд Кэсвел быстро шагал по Бродвею с заряженным револьвером в кармане пиджака. Он не имел намерения пускать его в ход, но опасался, что все же может это сделать. Такое предположение не было лишено оснований, потому что Кэсвел страдал манией убийства.

Был мягкий туманный весенний день, в воздухе пахло дождем и цветущим

кизилом. Кэсвел сжимал револьвер в потной ладони и пытался придумать хотя бы один веский аргумент, чтобы не убивать человека по фамилии Мэгнесен, который на днях сказал, что Кэсвел чудесно выглядит.

"Какое дело Мэгнесену, как я выгляжу? Проклятые любопытные, лезут не в свои дела, всегда все портят..."

Кэсвел был невысокого роста холерик с сердитыми воспаленными глазами, челюстями бульдога и волосами цвета имбиря. Каждый встречал людей подобного типа; забравшись на ящик из-под дезинфицирующих средств, они произносят речи перед толпой вышедших на обеденный перерыв служащих и иронически настроенных студентов, выкрикивая лозунги вроде: "Марс для марсиан, Венера для венерианцев!"

Однако, по правде говоря, Кэсвела не интересовало тяжелое социальное положение населения других планет. Он работал кондуктором ракетобуса нью-йоркской корпорации "Рэпид транзит". Он не лез в чужие дела. К тому же он был абсолютно сумасшедшим.

К счастью, бывали моменты, когда он понимал это, по крайней мере половиной своего сознания.

Пот лил с Кэсвела градом, пока он шел по Бродвею к Сорок третьей улице, где находился магазин "Домашние терапевтические приборы". Скоро закончится рабочий день и его друг Мэгнесен возвратится в свою небольшую квартиру, совсем недалеко от дома Кэсвела. Как легко, как приятно было бы небрежно войти, обменяться одной-двумя фразами и затем...

Нет! Кэсвел глотнул воздуха и напомнил себе, что у него нет настоящего желания никого убивать. Убивать нехорошо. Его посадят за решетку, друзья его не поймут, да и мама никогда этого не одобрит.

Однако эти аргументы были слабыми, слишком заумными и совсем не убедительными. От фактов не скроешься: он хочет убить Мэгнесена.

Разве такое сильное желание может быть нехорошим? Или даже нездоровым?

Да, может! Со сдавленным стоном Кэсвел пробежал последние несколько шагов к магазину "Домашние терапевтические приборы".

Обстановка внутри магазина сразу принесла облегчение. Свет был мягким, шторы - спокойных тонов, и даже выставленные здесь мерцающие терапевтические машины не слишком бросались в глаза. Вот где приятно просто прилечь на ковер под сень терапевтических машин в твердой уверенности, что тебя ожидает избавление от всех неприятностей.

Светловолосый продавец с длинным породистым носом бесшумно (но не вкрадчиво) подплыл к нему и негромко спросил:

- Не нужна ли помощь?

- Терапию! - пробормотал Кэсвел.

- Разумеется, сэр, - обаятельно улыбнулся продавец, разглаживая лацканы пиджака. - Мы для этого и существуем. - Он пристально посмотрел на Кэсвела, быстро поставил в уме диагноз и постучал по сверкающему белизной и медью аппарату. - Вот это, - сказал продавец, - новый Алкоголеразгрузитель фирмы "ИБМ", рекламируется самыми популярными журналами. Привлекательное дополнение к мебели, согласитесь, что он украсит любую квартиру. Внутри имеется телевизор.

Ловким движением узкой кисти продавец открыл Алкоголеразгрузитель, показав телеэкран размером 52 дюйма.

- Мне нужно... - начал Кэсвел.

- Терапию, - закончил за него продавец. - Конечно. Я хочу только подчеркнуть, что эта модель никогда не поставит в неудобное положение вас, ваших друзей или близких. Обратите внимание на утопленную шкалу желаемой интенсивности потребления спиртного. Видите? Если не хотите совсем воздерживаться, можете установить любое из следующих делений: "много", "умеренно", "в компании" или "для аппетита". Это новинка, уникальная в механотерапии.

- Я не алкоголик, - с достоинством сказал Кэсвел. - Корпорация "Нью-Йорк рэпид трэнзит" не нанимает алкоголиков.

- Понимаю, - сказал продавец, недоверчиво глядя на слезящиеся глаза Кэсвела. - Вы, кажется, человек нервный. Быть может, портативный успокаиватель фирмы "Бендикс"...

- Нервы тут тоже ни при чем. Что у вас есть против мании убийства?

Продавец поджал губы.

- Шизофренического или маниакально-депрессивного происхождения?

- Не знаю, - признался Кэсвел, несколько растерявшись.

- В общем, это не имеет значения, - сказал продавец. - Моя собственная теория. За время работы в магазине я пришел к выводу, что рыжие и блондины предрасположены к шизофрении, а брюнеты - к маниакальной депрессии.

- Интересно. Вы давно здесь работаете?

- Неделю. Итак, сэр, вот что вам нужно.

- Что это?

- Рекс-Регенератор, созданный фирмой "Дженерал моторс". Красив, не правда ли? Вписывается в любой интерьер, внутри отлично оборудованный

портативный бар. Ваши друзья, семья, родственники никогда не догадаются...

- Излечит ли он манию убийства? - спросил Кэсвел. - Сильную.

- Вне всякого сомнения. Это совсем не то, что маленькие 10-амперные аппараты для невротиков. Это стационарная 25-амперная машина с большим запасом прочности, предназначенная для действительно тяжелых, застарелых случаев.

- Как раз то, что у меня, - сказал Кэсвел с простительной гордостью.

- Эта малютка все из вас вышибет. Большие, сверхпрочные подшипники! Мощная система охлаждения! Абсолютная изоляция! Диапазон чувствительности более...

- Я беру его, - сказал Кэсвел. - Сейчас же. Заплачу сразу.

- Отлично. Я только позвоню на склад...

- Я могу взять этот, - сказал Кэсвел, вынимая бумажник. - Хочу побыстрее его испробовать. Вы знаете, я собираюсь убить моего друга Мэгнесена.

Продавец сочувственно щелкнул языком:

- Вам этого не захочется... Плюс пять процентов налог. Благодарю вас, сэр. Подробную инструкцию вы обнаружите внутри.

Кэсвел поблагодарил его, обхватил Регенератор обеими руками и поспешил к выходу.

Вычислив свою комиссию, продавец улыбнулся про себя и закурил. Однако неожиданно появившийся из своего кабинета управляющий - крупный представительный мужчина в пенсне - испортил все удовольствие.

- Хэскинс, - сказал управляющий, - по-моему, я уже советовал вам избавиться от этой нечистоплотной привычки.

- Да, мистер Фолансби, простите, сэр, - извинился Хэскинс, гася сигарету. - Я немедленно воспользуюсь Деникотинизатором с витрины. Совершил довольно выгодную продажу, мистер Фолансби. Один из больших Рекс-Регенераторов.

- Вот как? - Новость произвела на управляющего впечатление. - Не часто нам удается... подождите! Не хотите ли вы сказать, что продали демонстрационную модель?

- А что... вы знаете, боюсь, что да, мистер Фолансби. Покупатель очень спешил. А разве...

Фолансби всплеснул руками и схватился за голову.

- Хэскинс, я вас предупреждал. Я наверняка вас предупреждал! Демонстрационный Регенератор был марсианской моделью. Для механотерапии марсиан.

- Ага, - сказал Хэскинс. Он подумал мгновение. - Понимаю.

Фолансби смотрел на своего подчиненного в зловещем молчании.

- Но какое это имеет значение? - быстро спросил Хэскинс. - Машина ведь не различает. Мне думается, она будет лечить манию убийства, даже если пациент и не марсианин.

- У марсианской расы никогда не проявлялось склонности к убийству. Марсианский вариант Регенератора не способен даже понять такое. Безусловно, Регенератор попытается провести лечение. Он обязан. Но от чего он будет лечить?

- Понимаю, - сказал Хэскинс.

- Беднягу надо остановить, прежде чем... вы сказали, у него мания убийства? Я ни за что не ручаюсь! Его адрес, скорее!

- Видите ли, мистер Фолансби, он так спешил...

Управляющий долго смотрел на продавца, не веря своим ушам.

- Вызывайте полицию! Свяжитесь с отделом безопасности "Дженерал моторс"! Разыщите его!

Хэскинс бросился к двери.

- Стойте! - крикнул управляющий, натягивая плащ. - Я с вами!

Элвуд Кэсвел возвратился домой на таксокоптере. Он втащил Регенератор в гостиную, придвинул его к кушетке и окинул оценивающим взглядом.

- А продавец прав, - сказал он наконец. - Действительно, подходит к обстановке.

С эстетической точки зрения Регенератор оказался удачным приобретением.

Кэсвел полюбовался им еще немного, а затем пошел на кухню приготовить себе бутерброд с курицей. Он ел медленно, не спуская глаз с точки, находившейся несколько выше и левее кухонных часов.

"Будь ты проклят, Мэгнесен! Грязный, лживый, коварный, враг всего чистого и непорочного на земле..."

Вынув револьвер из кармана, он положил его на стол и повертел в разные стороны своим негнущимся пальцем.

Пора начинать терапию.

Если бы не...

Кэсвел с беспокойством почувствовал, что не хочет избавиться от желания убить Мэгнесена. Что будет с ним, если он лишится этой потребности? Жизнь потеряет смысл, содержание, весь вкус и остроту. Она станет бесконечно нудной.

Кроме того, Мэгнесен принес ему большое личное горе, о котором не хотелось вспоминать.

Айрин!

Его бедная сестра, обесчещенная сладкоречивым и хитрым Мэгнесеном, погубленная и брошенная. Разве может быть более убедительная причина,

чтобы взять револьвер...

С трудом Кэсвел вспомнил, что у него никогда не было сестры. Теперь самое время приступить к терапии. Он прошел в гостиную и вынул инструкцию, засунутую в вентиляционное отверстие аппарата. Развернув ее, он прочел:

"Для пользования Регенератором модели Рекс:

1. Поставьте Регенератор рядом с удобной кушеткой (удобную кушетку можно приобрести за дополнительную плату в любом магазине "Дженерал моторс").

2. Воткните вилку в комнатную розетку.

3. Наденьте раздвижной контактный обруч на голову. Вот и все! Ваш Регенератор сделает все остальное! Никаких языковых барьеров и проблем диалекта, потому что Регенератор общается методом Непосредственного Чувственного Контакта (патент заявлен). Единственное, что от вас требуется, - довериться аппарату.

Вы не должны испытывать смущение или стыд. У всех есть проблемы, иногда посложнее ваших! Регенератор не интересуется вашей нравственностью или этическими принципами, поэтому не считайте, что он вас судит. Он лишь пытается помочь вам стать здоровым и счастливым.

Как только Регенератор соберет и обработает достаточное количество информации, он начнет лечение. От вас самих зависит продолжительность сеансов. Приказываете вы! И, конечно, вы вправе прервать сеанс в любой момент.

Вот и все! Просто, не правда ли? А теперь включайте ваш Регенератор фирмы "Дженерал моторс" и становитесь нормальным!"

- Ничего сложного, - сказал себе Кэсвел.

Он подвинул Регенератор ближе к кушетке и включил его. Взял обруч, начал надевать его на голову, остановился.

- Я чувствую себя так глупо! - хихикнул он.

Неожиданно он закрыл рот и вызывающе взглянул на черную, поблескивающую никелировкой машину.

- Так, значит, ты считаешь, что можешь сделать меня нормальным, а?

Регенератор не отвечал.

- Ладно, попробуй. - Он натянул обруч на голову, лег на кушетку и скрестил руки на груди.

Ничего не произошло. Кэсвел устроился поудобнее. Почесал плечо и немного передвинул обруч. Ничего. Мысли его начали расползаться.

"Мэгнесен! Ты наглый высокомерный урод, отвратительный..."

- Добрый день, - прозвучал в его голове голос. - Я ваш механотерапевт.

Кэсвел виновато заерзал.

- Здравствуйте. Я тут просто... ну, вы понимаете... вроде как бы...

- Понимаю, - успокаивающе сказала машина. - Ведь мы все, так или иначе... В данный момент я изучаю ваше подсознание с целью синтеза, диагноза, прогноза и лечения. Я обнаруживаю...

- Да?

- Один момент. - Регенератор молчал несколько минут. Потом неуверенно сказал: - Весьма необычный случай,

- Правда? - спросил довольный Кэсвел.

- Да. Коэффициенты похожи на... я, правда, не уверен... - механический голос аппарата стал затухать. Индикаторная лампочка замигала и погасла.

- Эй, в чем дело?

- Какая-то путаница, - ответила машина. - Однако, - продолжала она окрепшим голосом, - необычайная природа симптомов не может поставить в тупик квалифицированную терапевтическую машину. Любой симптом, как он ни причудлив, является всего лишь сигналом, признаком внутреннего несоответствия. А все симптомы можно объяснять на основе общепринятой и доказанной теории. Поскольку теория эффективна, симптомы должны с нею согласовываться. Будем исходить из этой предпосылки.

- А вы уверены, что делаете то, что нужно? - спросил Кэсвел, у которого кружилась голова.

Сверкнув индикатором, машина отрезала:

- Современная механотерапия - точная наука, не допускающая каких-либо значительных ошибок. Начнем со словесных ассоциаций.

- Валяйте, - сказал Кэсвел.

- Жилище?

- Дом.

- Собака?

- Кошка.

- Флифл?

Кэсвел замешкался, пытаясь сообразить. Чем-то это слово напоминало марсианское, но могло быть и венерианским или...

- Флифл? - повторил Регенератор.

- Марфуш, - сымпровизировал Кэсвел.

- Громкий?

- Сладкий.

- Зеленый?

- Мама.

- Тханагойес?

- Патаматонга.

- Арридес?

- Нексотесмодрастика.

- Чтиспохельгноптецес?

- Рагамару латасентрикпропатрия! - выкрикнул Кэсвел. Это был набор звуков, которым можно гордиться. Человек средних способностей не смог бы их произнести.

- Гм, - сказал Регенератор. - Закономерности совпадают. Так и должно быть.

- Какие закономерности?

- У вас, - сообщила ему машина, - классический случай фим-мании, осложненной сильной дварк-наклонностью.

- Неужели? Мне казалось, что у меня мания убийства.

- Этот термин не имеет смысла, - строго сказала машина. - Поэтому я отвергаю его как бессмысленный набор звуков. Теперь учтите: фим-мания совершенно нормальна. Никогда этого не забывайте. Правда, в раннем возрасте она обычно уступает место ховендиш-отвращению. Индивидуумы, не обладающие этой естественной реакцией на внешнюю среду...

- Я не совсем понимаю то, что вы говорите, - признался Кэсвел.

- Прошу вас, сэр, давайте сразу договоримся. Вы - пациент. Я - механотерапевт. Вы обратились ко мне, чтобы излечиться от недуга. Однако вы не можете рассчитывать на помощь, если сами не будете прилагать соответствующие усилия.

- Ладно, - сказал Кэсвел. - Я попробую.

До сих пор он наслаждался сознанием собственного превосходства. Все, что говорила машина, казалось забавным. Пожалуй, он даже мог бы указать механотерапевту на некоторые его неточности.

Теперь же ощущение благополучия улетучилось, уже в который раз, и Кэсвел почувствовал себя одиноким, ужасно одиноким и потерянным, рабом своих желаний, ищущим хотя бы немного тишины и спокойствия.

Он вынесет что угодно, лишь бы вновь обрести равновесие. Сурово он напомнил себе, что не имеет права критиковать механотерапевта. Эти машины знают свое дело, у них громадный опыт. Он будет стараться, каким бы нелепым ни казался ему, дилетанту, этот способ лечения.

Одно ясно, подумал Кэсвел, угрюмо укладываясь на кушетку, механотерапия гораздо труднее, чем он предполагал.

Поиски исчезнувшего покупателя были недолгими и безрезультатными. Его не было на многолюдных улицах Нью-Йорка, и никто не помнил рыжего человечка с воспаленными глазами, тащившего на себе черную терапевтическую машину.

Такое зрелище было слишком обычным.

Вскоре после срочного телефонного вызова явились четверо полицейских во главе с встревоженным молодым лейтенантом - детективом по фамилии Смит.

Едва Смит успел спросить: "А почему вы не удосужились повесить ярлыки

на товары?" - как его прервали.

Оттолкнув полицейского, стоявшего у дверей, в комнату вошел мужчина. Он был высокий, угловатый и некрасивый, с глубоко запавшими бледно-голубыми глазами. Мятый и нечищеный костюм висел на нем, как гофрированное железо.

- Что вам нужно? - спросил лейтенант Смит.

Некрасивый мужчина отогнул лацкан пиджака и показал блестящий серебряный значок.

- Я Джон Рэт из отдела безопасности "Дженерал моторс".

- А... виноват, сэр, - сказал лейтенант Смит, отдавая честь. - Я не думал, что вы так быстро прибудете на место.

Рэт издал неопределенный звук.

- Вы проверили отпечатки пальцев, лейтенант? Покупатель мог дотронуться до другой терапевтической машины.

- Я сейчас же этим займусь, сэр, - сказал Смит. Нечасто случалось, чтобы оперативный работник "Дженерал моторс", "Дженерал электрик" или "ИБМ" прибывал для личного расследования на место. Если участковый полицейский проявит расторопность, то его могут перевести в Индустриальную Полицию...

Рэт повернулся к Фолансби и Хэскинсу и окинул их взглядом, пронизывающим и безличным, как луч радара.

- Выкладывайте все по порядку, - сказал он, вынимая из бесформенного кармана записную книжку и карандаш.

Он слушал рассказ в зловещем молчании. Наконец он захлопнул записную книжку, сунул ее обратно в карман и сказал:

- Терапевтические машины должно оберегать, как святыню. Дать покупателю не ту машину - значит не оправдать оказанное вам доверие, нарушить Общественные Интересы и очернить добрую репутацию Компании.

Управляющий согласно закивал, свирепо глядя на несчастного продавца.

- Марсианский вариант машины, - продолжал Рэт, - вообще не должен был находиться на витрине.

- Я объясню, как это получилось, - поспешно сказал Фолансби. - Нам нужна была демонстрационная модель, и я написал в Компанию письмо с просьбой...

- Это, - безжалостно перебил его Рэт, - может быть расценено как грубое и преступное ротозейство.

Управляющий и продавец обменялись испуганными взглядами. Они вспомнили об исправительной колонии "Дженерал моторс" возле Детройта, где нарушители законов Компании коротали время в угрюмой тишине, занимаясь

монотонным вычерчиванием микросхем для карманных телевизионных приемников.

- Правда, это вне моей компетенции, - сказал Рэт. Он обратил свой сумрачный взгляд на Хэскинса: - Вы уверены, что покупатель не назвал своего имени?

- Нет, сэр. То есть да, я в этом уверен, - ответил Хэскинс дребезжащим голосом.

- Упоминал ли он вообще какие-нибудь имена?

Хэскинс закрыл лицо руками. Потом вскинул голову и с жаром произнес:

- Да! Он хотел кого-то убить! Своего друга!

- Кого? - переспросил Рэт с леденящим спокойствием.

- Фамилия его друга... дайте мне подумать... Магнетон! Вспомнил! Магнетон! Или Моррисон? О боже...

На железном лице Рэта отразилось гофрированное презрение. Люди бесполезны в качестве свидетелей. Хуже, чем бесполезны, потому что они могут направить по ложному следу. В смысле надежности лучше всего роботы.

- Неужели он не упомянул ничего существенного?

- Дайте мне подумать! - сказал Хэскинс, лицо которого перекосило от напряжения.

Рэт ждал.

Фолансби откашлялся.

- Я тут подумал, мистер Рэт. Насчет этой марсианской машины. Она ведь не будет лечить земную манию убийства, как таковую?

- Конечно нет. Мания убийства не известна на Марсе.

- Согласен. В таком случае, что она сделает? Не откажется ли она лечить эту болезнь как не знакомую ей? Тогда покупатель просто вернет Регенераторе жалобой, и мы...

Рэт покачал головой.

- Рекс-Регенератор обязан проводить лечение, если он обнаружил признаки психоза. По марсианским стандартам, ваш покупатель тяжело болен, он ненормальный, какова бы ни была действительная причина его болезни.

Фолансби снял пенсне и начал быстро протирать стекла.

- Что же будет делать машина?

- Она будет лечить его от марсианской болезни, наиболее близкой к данному случаю. Можно предположить, что от фим-мании с различными осложнениями. Что же касается последствий лечения, то я ничего не могу сказать. Да и вряд ли кто-либо другой может, потому что таких случаев еще не было. Грубо говоря, альтернатива такова: либо пациент сразу отвергнет терапию и при этом мания убийства останется, либо он пройдет курс марсианской терапии и излечится.

Лицо Фолансби просветлело:

- Значит, исцеление возможно!

- Вы не поняли, - сказал Рэт. - Он излечится... от несуществующего марсианского психоза. Излечить то, чего на самом деле нет, значит создать фантастическую систему галлюцинаций. Машина сработает наоборот: она создаст психоз, вместо того чтобы ликвидировать его.

Фолансби застонал и прислонился к Психосоматике фирмы "Белл".

- В результате, - заключил Рэт, - больного убедят, что он марсианин. Нормальный марсианин, естественно.

Хэскинс неожиданно закричал:

- Вспомнил! Вспомнил! Он говорил, что работает в "Нью-Йорк рэпид трэнзит"! Я это ясно помню!

- Это уже шанс, - сказал Рэт, протягивая руку к телефону.

Хэскинс с облегчением вытер потное лицо.

- И я вспомнил другое, что поможет нам еще больше.

- Что именно?

- Покупатель сказал, что он одно время был алкоголиком. Я уверен в этом, потому что сначала он заинтересовался Алкоголеразгрузителем "ИБМ", пока я его не отговорил. Он был рыжий, а вы знаете, у меня есть теория насчет рыжих и алкоголизма. Согласно ей...

- Отлично, - сказал Рэт. - Алкоголизм должен быть у него в анкете. Это резко сужает сферу поисков.

Когда он набирал номер "Рэпид транзит", его некрасивое тяжелое лицо казалось почти симпатичным. Приятно для разнообразия убедиться в том, что люди еще способны запоминать существенные детали.

- Но, конечно, вы помните свою горику? - спрашивал Регенератор.

- Нет, - устало отвечал Кэсвел.

- Тогда расскажите мне о ваших юношеских переживаниях в форастрийском флипе.

- Никогда не было ничего подобного.

- Гм. Блокировка, - пробормотала машина. - Чувство обиды. Подавление. Вы уверены, что не помните свою горику и что она для вас означала? Все прошли через это.

- Только не я, - сказал Кэсвел, сдерживая зевоту.

Механотерапия продолжалась уже почти четыре часа - и без всякой видимой пользы. Сначала он по своей инициативе рассказал о детстве, об отце с матерью, о старшем брате. Однако Регенератор попросил его отбросить эти фантазии. Отношение пациента к воображаемому родителю, или сиблингу, объяснил он, носит фиктивный характер и имеет второстепенный психологический интерес. Самое важное - чувства пациента, открытые и подавленные, которые он испытывает к своей горике.

- Послушайте, - запротестовал Кэсвел, - я даже не знаю, что такое горика.

- Нет, вы знаете. Вы лишь не хотите себе в этом признаться.

- Не знаю. Объясните мне.

- Лучше, если бы вы сами мне рассказали.

- Каким образом? - разозлился Кэсвел. - Я ведь не знаю!

- Что такое, по-вашему, горика?

- Это лесной пожар, - сказал Кэсвел. - Таблетка соли. Бутыль денатурата. Маленькая отвертка. Уже тепло? Записная книжка. Пистолет...

- Эти ассоциации не лишены смысла, - заверил его Регенератор. - Ваши попытки выбирать их наугад свидетельствуют о наличии внутренней закономерности. Вспоминаете?

- Так что же все-таки, черт побери, такое горика? - рявкнул Кэсвел.

- Дерево, кормившее вас в грудном возрасте, возможно, вплоть до полового созревания, если мои предположения относительно вас правильны. Неумышленно горика подавила ваше естественное отвращение к фим-мании. Это в свою очередь вызвало ощущаемую вами потребность дварковать кого-нибудь влендишным способом.

- Никакое дерево меня не вскармливало.

- Вы не помните об этом?

- Конечно нет, этого никогда не было.

- Вы уверены?

- Абсолютно.

- Неужели у вас нет ни малейшего сомнения?

- Нет! Никакая горика меня не вскармливала. Послушайте, я имею право прервать сеанс в любой момент, не так ли?

- Безусловно, - сказал Регенератор, - хотя сейчас это нежелательно. Вы проявляете чувства гнева, обиды, страха. Произвольно отвергая...

- К черту, - сказал Кэсвел и сдернул обруч с головы.

Тишина была прекрасной. Кэсвел встал, зевнул, потянулся и помассировал затылок. Он посмотрел на гудящую черную машину долгим и враждебным взглядом.

- Тебе и насморка не вылечить, - сказал он ей.

Разминая затекшие суставы, он прошелся по комнате и вернулся к Регенератору.

- Чертов обманщик! - крикнул он.

Он отправился на кухню выпить пива. Револьвер еще лежал на столе, тускло поблескивая.

"Мэгнесен! Гнусная, вероломная дрянь! Воплощение дьявола! Мерзкое, злое чудовище! Кто-то должен тебя уничтожить, Мэгнесен! Кто-то..."

Кто-то? Он сам должен это сделать. Ему одному известна неизмеримая глубина развращенности Мэгнесена, его порочности, его отвратительного честолюбия.

"Да, это мой долг", - подумал Кэсвел. Но, как ни странно, эта мысль не доставила ему удовольствия. Все-таки Мэгнесен его друг.

Он встал, готовый действовать. Засунул револьвер в правый карман пиджака и посмотрел на кухонные часы. Почти половина седьмого. Мэгнесен, наверно, уже дома, обедает, ухмыляется, обдумывая свои планы. Самое время его пристукнуть.

Кэсвел большими шагами прошел к двери, отворил ее, собираясь выйти, и остановился.

Ему пришла в голову мысль, мысль столь сложная, столь значительная, со столь далеко идущими последствиями, что он был потрясен до глубины души. В отчаянии Кэсвел пытался отогнать эту мысль. Однако навечно выгравированная в его памяти, она не исчезала.

В этих условиях для него оставалось лишь одно. Он вернулся в гостиную, сел на кушетку и натянул обруч на голову.

- Да? - спросил Регенератор.

- Черт побери, это удивительно, - сказал Кэсвел. - Вы знаете, я, кажется, действительно вспоминаю свою горику!

Джон Рэт вызвал по телевидео "Нью-Йорк рэпид трэнзит", где его немедленно соединили с мистером Бемисом, полным загорелым мужчиной с внимательными глазами.

- Алкоголизм? - переспросил Бемис, когда ему объяснили, в чем дело. Незаметным движением он включил магнитофон. - Среди наших служащих? Нажав ногой на кнопку в полу, Бемис дал сигнал тревоги в отделы Охраны, Рекламы, Взаимоотношений с другими компаниями и Психоанализа. Сделав это, он с серьезным видом посмотрел на Рэта. - Уважаемый сэр, это исключено. Между нами, почему "Дженерал моторс" этим заинтересовалась?

Рэт горько усмехнулся. Этого можно было ожидать. У "Рэпид трэнзит" и "Дженерал моторс" в прошлом имелись разногласия. Официально между обеими гигантскими корпорациями существовало сотрудничество. Однако на практике...

- Дело касается Общественных Интересов, - сказал Рэт.

- Разумеется. - Бемис едва заметно усмехнулся. Взглянув на селекторную доску, он увидел, что несколько сотрудников Компании подслушивают разговор. Если повести себя правильно, можно рассчитывать на повышение по службе. - Видимо, имеются в виду Общественные Интересы

"Дженерал моторс"? - продолжал Бемис с вежливым ехидством. - Я полагаю, это намек на то, что нашими ракетобусами управляют пьяные водители?

- Совсем нет. Меня интересует лишь один случай предрасположения к алкоголизму, одна индивидуальная скрытая форма...

- Исключено. Мы в "Рэпид трэнзит" не берем на работу людей хотя бы с малейшей склонностью такого рода. Я вам советую, сэр, вычистить собственный дом, прежде чем заниматься инсинуациями!

Бемис выключил телевидео.

Обвинить его, во всяком случае, ни в чем не смогут.

- Тупик, - с досадой сказал Рэт. Он повернулся и крикнул: - Смит! Обнаружили отпечатки пальцев?

Подскочил лейтенант Смит, без пиджака и с засученными рукавами.

- Ничего существенного, сэр.

Рэт стиснул тонкие губы. Почти семь часов прошло с тех пор, как покупатель унес марсианскую машину. Неизвестно, какой ущерб уже нанесен. Покупатель будет вправе подать на Компанию в суд. Но дело не в компенсации; любой ценой нужно спасти репутацию фирмы.

- Простите, сэр, - сказал Хэскинс.

Рэт не слышал. Что делать? "Рэпид трэнзит" отказывается помочь. Разрешит ли командование вооруженных сил перебрать все личные дела по телосложению и пигментации?

- Сэр, - снова сказал Хэскинс.

- Что вам?

- Я вспомнил фамилию друга покупателя. Мэгнесен.

- Не ошибаетесь?

- Нет, - сказал Хэскинс, и в его голосе впервые за много часов прозвучала уверенность. - Я позволил себе, сэр, заглянуть в телефонную книгу. В Манхэттене лишь один человек с такой фамилией.

Рэт угрожающе посмотрел на него из-под косматых бровей:

- Хэскинс, я надеюсь, что вы не ошибаетесь. Очень надеюсь.

- Я тоже, сэр, - признался Хэскинс, чувствуя, как у него начинают трястись колени.

- Потому что в противном случае, - сказал Рэт, - я... Ладно. Пошли!

Под полицейским эскортом они прибыли по адресу через пятнадцать минут. Это был старинный дом из темного песчаника, на одной из дверей второго этажа висела табличка с фамилией Мэгнесен. Они постучали.

Дверь отворил коренастый мужчина лет тридцати, коротко подстриженный и без пиджака. Он слегка побледнел при виде стольких людей в форме, но не испугался.

- Что это значит? - вызывающе спросил он.

- Ваша фамилия Мэгнесен? - рявкнул лейтенант Смит.

- Ага. Что стряслось? Если вы насчет того, что мой стерео якобы слишком громко играет, так эта старая ведьма внизу...

- Можно войти? - спросил Рэт. - Дело серьезное.

Мэгнесен, казалось, не был расположен их пускать, но Рэт отстранил его и прошел внутрь, сопровождаемый Смитом, Фолансби, Хэскинсом и небольшим отрядом полицейских. Мэгнесен повернулся к ним, недовольный и сбитый с толку. Сцена явно произвела на него сильное впечатление.

- Мистер Мэгнесен, - обратился к нему Рэт самым приятным тоном, на который был способен. - Надеюсь, вы извините нас за вторжение. Уверяю, что дело касается Общественных Интересов, а также ваших собственных. Есть ли среди ваших знакомых маленький, рыжеволосый человек сердитого вида, с воспаленными глазами?

- Да, - медленно и осторожно сказал Мэгнесен.

Хэскинс испустил вздох облегчения.

- Пожалуйста, сообщите нам его фамилию и адрес, - попросил Рэт.

- Это, наверно... постойте! А что он сделал?

- Ничего.

- Тогда зачем он вам нужен?

- Объяснять некогда, - сказал Рэт. - Поверьте, что это и в его интересах. Как его фамилия?

Мэгнесен испытующе смотрел на некрасивое, но честное лицо Рэта.

Вмешался лейтенант Смит.

- Давай, выкладывай, Мэгнесен. Тебе же будет лучше. Фамилию - и быстро.

Это был неверный подход. Мэгнесен закурил сигарету, пустил струю дыма в Смита и спросил:

- А разрешение у тебя есть, приятель?

- Еще бы, - сказал Смит, двинувшись вперед. - Я тебе сейчас покажу разрешение, умник.

- Прекратите! - приказал Рэт. - Лейтенант Смит, благодарю вас за помощь. Вы свободны.

Рассерженный Смит удалился со своим отрядом.

Рэт сказал:

- Прошу прощения, Смит был излишне усерден. Лучше я вам расскажу все по порядку.

Он кратко изложит всю историю с покупателем и марсианской терапевтической машиной.

После этого рассказа Мэгнесен стал еще подозрительнее :

- Вы хотите сказать, что он собирается убить меня?

- Вот именно.

- Это ложь! Я не знаю, кто вы такой, мистер, но вам никогда не удастся меня в этом убедить. Элвуд мой лучший друг, с самого детства. Мы вместе служили в армии. Ради меня Элвуд руку себе отрежет. И я сделаю для него то же самое.

- Да, да, - нетерпеливо сказал Рэт. - Во вменяемом состоянии. Однако

ваш друг Элвуд... Кстати, это его имя или фамилия?

- Имя, - насмешливо сказал Мэгнесен.

- Ваш друг Элвуд душевнобольной.

- Вы его не знаете. Этот парень любит меня, как родного брата. Послушайте, что Элвуд сделал? Задолжал или что-нибудь в этом роде? Я могу помочь.

- Идиот! - закричал Рэт. - Я пытаюсь спасти вашу жизнь, а также и разум вашего друга!

- Но откуда я знаю? - взмолился Мэгнесен. - Вы, парни, сюда врываетесь...

- Вы должны мне поверить, - сказал Рэт.

Мэгнесен внимательно посмотрел на Рэта и нехотя кивнул.

- Его зовут Элвуд Кэсвел. Он живет по этой же улице в доме 341.

Человек, отворивший дверь, был невысокого роста, рыжий и с воспаленными глазами. Его правая рука была засунута в карман пиджака. Он казался очень спокойным.

- Вы Элвуд Кэсвел? - спросил Рэт. - Вы купили сегодня утром Регенератор в магазине "Домашние терапевтические приборы"?

- Да, - сказал Кэсвел. - Прошу вас.

В небольшой гостиной они увидели черный Регенератор, который стоял у кушетки, поблескивая никелированными частями. Он был выключен.

- Вы им пользовались? - с тревогой спросил Рэт.

- Да.

Фолансби сделал шаг вперед.

- Мистер Кэсвел, не знаю, как это произошло, но мы совершили ужасную ошибку. Регенератор, приобретенный вами, - марсианский вариант, предназначенный для лечения марсиан.

- Я знаю, - сказал Кэсвел.

- Знаете?

- Разумеется. Это быстро выяснилось.

- Ситуация была опасной, - сказал Рэт, - особенно для человека с вашими... ээ... неприятностями.

Незаметно для Кэсвела он внимательно изучал его. Тот вел себя нормально, но внешность часто обманчива, особенно у душевнобольных. У Кэсвела была мания убийства, нет оснований считать, что она исчезла бесследно.

И Рэт пожалел, что так рано отослал Смита и его отряд. Присутствие вооруженных полицейских иногда успокаивает.

Кэсвел прошел в другой угол комнаты, где стояла терапевтическая машина. Одна рука у него была все еще в кармане, другую он любовно положил на Регенератор.

- Бедняга, он старался изо всех сил, - сказал он. - Конечно, он не

мог излечить то, чего не было. - Он усмехнулся. - Правда, ему это почти удалось!

Следя за выражением лица Кэсвела, Рэт сказал подчеркнуто небрежным голосом:

- Рад, что все обошлось, сэр. Компания, разумеется, компенсирует потерянное время и нанесенный вам моральный ущерб...

- Разумеется, - сказал Кэсвел.

- ...и мы немедленно заменим этот Регенератор нормальной земной моделью.

- В этом нет необходимости.

- Нет?

- Нет. - В голосе Кэсвела звучала твердость. - Терапия, начатая машиной, побудила меня провести глубокий самоанализ. В момент полного проникновения в собственное сознание мне удалось переоценить и отбросить мое намерение убить бедного Мэгнесена.

Рэт недоверчиво наклонил голову.

- Вы не испытываете сейчас такой потребности?

- Нисколько.

Рэт насупился, хотел что-то сказать, но остановился. Он повернулся к Фолансби и Хэскинсу:

- Заберите машину. Я с вами еще поговорю в магазине.

Управляющий и продавец подняли Регенератор и вышли.

Рэт сделал глубокий вдох:

- Мистер Кэсвел, я бы вам весьма рекомендовал принять бесплатно новый Регенератор от Компании. Без правильного лечения методом механотерапии сохраняется опасность возобновления процесса.

- В данном случае опасности нет, - мягко, но твердо сказал Кэсвел. - Благодарю вас за заботу, сэр. Спокойной ночи.

Рэт пожал плечами и направился к двери.

- Погодите! - крикнул Кэсвел.

Рэт обернулся. Кэсвел вытащил руку из кармана. В руке был револьвер. Рэт почувствовал, как струйки пота стекают под мышками. Он прикинул расстояние между собой и Кэсвелом. Слишком далеко.

- Возьмите, - сказал Кэсвел, протягивая револьвер рукояткой вперед. - Мне это больше не понадобятся.

Рэт с равнодушным выражением лица принял револьвер и засунул его в свой бесформенный карман.

- Спокойной ночи, - сказал Кэсвел. Он закрыл за Рэтом дверь и запер ее.

Наконец он остался один.

Кэсвел прошел на кухню. Откупорил бутылку пива, сделал большой глоток и сел за кухонный стол. Он не спускал глаз с точки, находившейся немного выше и левее стенных часов.

Он должен разработать свой план сейчас. Времени терять нельзя.

"Мэгнесен! Злое чудовище, срубившее горику Кэсвелов! Мэгнесен! Человек, который тайно собирается заразить Нью-Йорк отвратительной фим-манией! О, Мэгнесен, желаю тебе долгой-долгой жизни, полной мучений, которые я тебе принесу! И для начала..."

Кэсвел улыбнулся, представив, как он будет дварковать Мэгнесена влендишным способом.

Роберт ШЕКЛИ

ТРИ СМЕРТИ БЕНА БАКСТЕРА

пер. Р.Гальперина

> Судьба целого мира зависела от того, будет или не будет он жить, а он, невзирая ни на что, решил уйти из жизни!

Эдвин Джеймс, Главный программист Земли, сидел на трехногом табурете перед Вычислителем возможностей. Это был тщедушный человечек с причудливо некрасивым лицом. Большая контрольная доска, витавшая над его головой на высоте нескольких сот футов, и вовсе пригнетала его к земле.

Мерное гудение машины и неторопливый танец огоньков на панели навевали чувство уверенности и спокойствия, и хоть Джеймс знал, как оно обманчиво, он невольно поддался его баюкающему действию. Но едва он забылся, как огоньки на панели образовали новый узор.

Джеймс рывком выпрямился и растер лицо. Из прорези в панели выползала бумажная лента. Главный программист оборвал ее и впился в нее глазами. Потом хмуро покачал головой и заспешил вон из комнаты.

Пятнадцать минут спустя он входил в конференц-зал Всемирного планирующего совета. Там его уже ждали, рассевшись вокруг длинного стола, пять представителей федеративных округов Земли, приглашенные на экстренное заседание.

В этом году появился у них новый коллега - Роджер Витти от обеих Америк. Высокий угловатый мужчина с пышной каштановой шевелюрой, уже

слегка редеющей на макушке, видно, еще чувствовал себя здесь скованно. Он
с серьезным и сосредоточенным видом уткнулся в "Руководство по процедуре"
и быстрыми короткими движениями нет-нет да и прикладывался к своей
кислородной подушке.

Остальные члены совета были старые знакомые Джеймса. Лан Ил от
Пан-Азии, маленький, морщинистый и какой-то неистребимо живучий, с азартом
говорил что-то рослому белокурому доктору Свегу от Европы. Прелестная,
холеная мисс Чандрагор, как всегда, сражалась в шахматы с Аауи от Океании.

Джеймс включил встроенный в стену кислородный прибор, и собравшиеся с
благодарностью отложили свои подушки.

- Простите, что заставил вас ждать, - сказал Джеймс, - я только
сейчас получил последний прогноз.

Он вытащил из кармана записную книжку.

- На прошлом заседании мы остановили свой выбор на Возможной линии
развития ЗБЗСС, отправляющейся от 1832 года. Нас интересовала жизнь
Альберта Левинского. В Главной исторической линии Левинский умирает в 1935
году, попав в автомобильную катастрофу. Но поскольку мы переключились на
Возможную линию ЗБЗСС, Левинский избежал катастрофы, дожил до шестидесяти
двух лет и успешно завершил свою миссию. Следствием этого в наше время
явится заселение Антарктики.

- А как насчет побочных следствий? - спросила Джанна Чандрагор.

- Они изложены в записке, которую я раздам вам позднее. Короче
говоря, ЗБЗСС близко соприкасается с Исторической магистралью (условное,
рабочее название). Все значительные события в ней сохранены. Но есть,
конечно, и факты, не предусмотренные прогнозом. Такие, как открытие
нефтяного месторождения в Патагонии, эпидемия гриппа в Канзасе и
загрязнение атмосферы над Мехико.

- Все ли пострадавшие удовлетворены? - поинтересовался Лан Ил.

- Да. Уже приступили к колонизации Антарктики.

Главный программист развернул ленту, которую извлек из Вычислителя
возможностей.

- Но сейчас перед нами трудная задача. Согласно предсказанию,
Историческая магистраль сулит нам большие осложнения, и у нас нет
подходящих Возможных линий, на которые мы могли бы переключиться.

Члены совета начали перешептываться.

- Разрешите обрисовать вам положение, - сказал Джеймс.

Он подошел к стене и спустил вниз длинную карту.

- Критический момент приходится на 12 апреля 1959 года, и вопрос упирается в человека по имени Бен Бакстер. Итак, вот каковы обстоятельства.

Всякое событие по самой своей природе может кончиться по-разному, и любой его исход имеет свою преемственность в истории. В иных пространственно-временных мирах Испания могла бы потерпеть поражение при Лепанто, Нормандия - при Гастингсе, Англия - при Ватерлоо.

Предположим, что Испания потерпела поражение при Лепанто...

> Испания была разбита наголову. И непобедимая турецкая морская держава очистила Средиземное море от европейских судов. Десять лет спустя турецкий флот захватил Неаполь и этим проложил путь мавританскому вторжению в Австрию...

Разумеется, все в другом времени и пространстве.

Подобные умозрительные построения стали реальной возможностью после открытия временный селекции и соответственных перемещений в истории. Уже в 2103 году Освальд Мейнер и его группа теоретически доказали возможность переключения Исторической магистрали на другие Возможные исторические линии. Конечно, в известных пределах.

Например, мы не можем переключиться на далекое прошлое и сделать так, чтобы, скажем, Вильгельм Норманнский проиграл битву при Гастингсе. Историческое развитие после этого события пошло бы по совершенно иному пути, для нас неприемлемому. Переключение возможно только на смежные линии.

Эта теоретическая возможность стала практической необходимостью в 2213 году, когда вычислитель Сайкса-Рэйберна предсказал полную стерилизацию земной атмосферы в результате накопления радиоактивных побочных продуктов. Процесс этот был неизбежен и необратим. Его можно было остановить только в прошлом, когда началось загрязнение атмосферы.

Первое переключение было произведено с помощью новоизобретенного селектора Адамса-Хольта-Мартинса. Всемирный планирующий совет избрал линию, предусматривающую раннюю смерть Василия Ушенко (а также полный отказ от его ошибочных теорий о вредности радиации). Таким образом удалось в большой мере избежать последующего загрязнения атмосферы - правда, ценой жизни семидесяти трех потомков Ушенко, для которых не удалось подыскать переключенных родителей в смежном историческом ряду. После этого путь

назад был уже невозможен. Переключение стало такой же необходимостью, как
профилактика в медицине.

Но и у переключения были свои границы. Должно было наступить время,
когда ни одна доступная линия уже не удовлетворяла требованиям, когда
всякое будущее становилось неблагоприятным.

И когда это случилось, планирующий совет перешел к более решительным
действиям.

- Так вот что нас ожидает, - продолжал Эдвин Джеймс. - И этот исход
неизбежен, если мы ничего не предпримем.

- Вы хотите сказать, мистер программист, - отозвался Лан Ил, - что
Земля плохо кончит?

- К сожалению, это так.

Программист налил себе воды и перевернул страницу в записной книжке.

- Итак, исходный объект - некто Бен Бакстер, умерший 12 апреля 1959
года. Ему следовало бы прожить по крайней мере еще десяток лет, чтобы
оказать необходимое воздействие на события в мире. За это время Бен
Бакстер купит у правительства Йеллоустонский парк. Он сохранит его как
парк, с той разницей, что заведет там правильное лесное хозяйство.
Коммерчески это предприятие блестяще себя оправдает. Бакстер приобретет и
другие обширные земельные владения в Северной и Южной Америке. Наследники
Бакстера на ближайшие двести лет станут королями древесины, им будут
принадлежать огромные лесные массивы по всему земному шару. Их стараниями
- вплоть до нашего времени - сохранятся на земле большие лесные районы.
Если же Бакстер умрет...

И Джеймс безнадежно махнул рукой.

- Со смертью Бакстера леса будут истреблены задолго до того, как
правительства осознают, что отсюда воспоследует. А потом наступит Великая
засуха ...03 года, которой не смогут противостоять еще сохранившиеся в
мире скудные лесные зоны. И, наконец, придет наше время, когда в связи с
истреблением деревьев естественный цикл углерод углекислый газ кислород
нарушен, когда все окислительные процессы прекратились и нам остаются
только кислородные подушки как единственное средство сохранения жизни.

- Мы опять сажаем леса, - вставил Аауи.

- Да, но, пока они вырастут, пройдут сотни лет, даже если применять
стимуляторы. А тем временем равновесие может быть еще больше нарушено. Вот
что значит для нас Бен Бакстер. В его руках воздух, которым мы дышим.

- Что ж, - заметил доктор Свег, - магистраль, в которой Бакстер умирает, явно не годится. Но ведь возможны и другие линии развития.

- Их много, ответил Джеймс. - Но, как всегда, большинство отпадает. Вместе с Главной у нас остаются на выбор три. К сожалению, каждая из них предусматривает смерть Бена Бакстера 12 апреля 1959 года.

Программист вытер взмокший лоб.

- Говоря точнее, Бен Бакстер умирает 12 апреля 1959 года, во второй половине дня, в результате делового свидания с человеком по имени Нед Бринн.

Роджер Битти, новый член совета, нервно откашлялся.

- И это событие встречается во всех трех вариантах?

- Вот именно! И в каждом Бакстер умирает по вине Бринна.

Доктор Свег тяжело поднялся с места.

- До сих пор совет не вмешивался в существующие линии развития. Но данный случай требует вмешательства!

Члены совета одобрительно закивали.

- Давайте же рассмотрим вопрос по существу, - предложил Аауи. - Нельзя ли, поскольку этого требуют интересы Земли, совсем выключить Неда Бринна?

- Невозможно, - отвечал программист. - Бринн и сам играет важную роль в будущем. Он добился на бирже преимущественного права на приобретение чуть ли не ста квадратных миль леса. Но для этого ему и требуется финансовая поддержка Бакстера. Вот если бы можно было помешать этой встрече Бринна с Бакстером...

- Каким же образом? - спросил Битти.

- А уж как вам будет угодно. Угрозы, убеждение, подкуп, похищение - любое средство, исключая убийство. В нашем распоряжении три мира. Сумей мы задержать Бринна хотя бы в одном из них, это решило бы задачу.

- Какой же метод предпочтительнее? - спросил Аауи.

- Давайте испробуем разные, в каждом мире другой, - предложила мисс Чандрагор. - Это даст нам больше шансов. Но кто же займется этим - мы сами?

- Что ж, нам и книги в руки, - ответил Эдвин Джеймс. - Мы знаем, что поставлено на карту. Тут требуется искусство маневрирования, доступное только политику. Каждая бригада будет действовать самостоятельно. Да и можно ли контролировать друг друга, находясь в разных временных рядах?

- В таком случае, - подытожил доктор Свег, - пусть каждая бригада исходит из того, что другие потерпели поражение.

- Да так оно, пожалуй, и будет, - невесело улыбнулся Джеймс. - Давайте же делиться на бригады и договариваться о методах работы.

1.

Утром 12 апреля 1959 года Нед Бринн проснулся, умылся и оделся. Ровно в час тридцать пополудни ему предстояло встретиться с Беном Бакстером, главой компании "Бакстер". Вся будущность Бринна зависела от этого свидания. Если бы заручиться поддержкой гигантских бакстеровских предприятий, да еще и на сходных условиях...

Бринн был статный, красивый тридцатишестилетний брюнет. В его обдуманно приветливом взгляде сквозила почти фанатическая гордость, а крепко стиснутые, губы выдавали непроходимое упрямство. В движениях проглядывала уверенность человека, постоянно наблюдающего за собой и умеющего видеть себя со стороны.

Бринн уже собрался к выходу. Он зажал под мышкой трость и сунул в карман "Американских пэров" Сомерсета.

Никогда не выходил он из дому без этого надежного провожатого.

Напоследок он приколол к отвороту пиджака золотой значок в виде восходящего солнца - эмблему его звания. Бринн был уже камергер второго разряда и немало этим гордился. Многие считали, что он еще молод для такого высокого поста. Однако все соглашались в том, что Бринн не по возрасту ревниво относится к правам и обязанностям, присущим его положению.

Он запер квартиру и направился к лифту. Здесь уже стояла кучка жильцов, в большинстве - простые обыватели, но среди прочих также и два шталмейстера. Когда лифт подошел, все расступились перед Бринном.

- Славный денек, камергер, - приветствовал его бой, нажимая на кнопку лифта.

Бринн склонил голову ровно на дюйм, как и подобает в разговоре с простолюдином. Он неотступно думал о Бакстере. И все же краешком глаза приметил в клетке лифта высокого, ладно скроенного мужчину с золотистой кожей и характерным лицом полинезийца, что подтверждали и наискось поставленные глаза. Бринн еще подивился, что могло привести чужестранца в их прозаический многоквартирный дом. Он знал большинство жильцов по ежедневным встречам, но, конечно, не узнавал ввиду их скромного положения.

Когда лифт спустился в вестибюль. Бринн уже и думать забыл о полинезийце. У него выдался хлопотливый день. Он предвидел трудности в разговоре с Бакстером и хотел заранее все взвесить. Выйдя на улицу, в пасмурное, серенькое апрельское утро, он решил позавтракать в кафе "Принц Чарльз".

Часы показывали двадцать пять минут одиннадцатого.

- Ну-с, что скажете? - спросил Аауи.

- Похоже, с ним каши не сваришь! - сказал Роджер Битти.

Он дышал всей грудью, наслаждаясь свежим, чистым воздухом. Какая неслыханная роскошь - наглотаться кислорода! В их время даже у самых богатых закрывали на ночь кран кислородного баллона.

Оба следовали за Бринном на расстоянии полуквартала. Его высокая, энергично вышагивающая фигура была хорошо заметна даже в утренней нью-йоркской толчее.

- Заметили, как он уставился на вас в лифте? - спросил Битти.

- Заметил, - ухмыльнулся Аауи. - Думаете, чует сердце?

- Насчет его чуткости не поручусь. Жаль, что времени у нас в обрез.

Аауи пожал плечами.

- Это был наиболее удобный вариант. Другой приходился на одиннадцать лет раньше. И мы все равно дожидались бы этого дня, чтобы перейти к прямым действиям.

- По крайней мере узнали бы, что он за птица. Такого, пожалуй, не запугаешь.

- Похоже, что так. Но ведь мы сами избрали этот метод.

Они по-прежнему шли за Бринном, наблюдая, как толпа расступается перед ним, а он идет вперед, не глядя ни вправо, ни влево. И тут-то и началось.

Углубившись в себя, Бринн налетел на осанистого румяного толстяка; пурпурный с серебром медальон крестоносца первого ранга украшал его грудь.

- Куда лезете, не разбирая дороги? - пролаял крестоносец.

Бринн уже видел, с кем имеет дело. Проглотив оскорбление, он сказал:

- Простите, сэр!

Но крестоносец не склонен был прощать.

- Взяли моду соваться под ноги старшим!

- Я нечаянно, - сказал Бринн, побагровев от сдерживаемой злобы.

Вокруг них собралось простонародье. Окружив плотным кольцом обоих разодетых джентльменов, зрители подталкивали друг друга и посмеивались с довольным видом.

- Советую другой раз смотреть по сторонам! - надсаживался толстяк крестоносец. - Шатается по улицам как помешанный. Вашу братию надо еще не

так учить вежливости.

- Сэр! - ответствовал Бринн, храня судорожное спокойствие. - Если вам угодно меня проучить, я с удовольствием встречусь с вами в любом месте, с любым оружием в руках, какое вы соблаговолите выбрать...

- Мне? Встретиться с вами? - Казалось, крестоносец ушам своим не верит.

Мой ранг дозволяет это, сэр!

- Ваш ранг? Да вы на пять разрядов ниже меня, дубина! Молчать, а не то я прикажу своим слугам - они тоже не вам чета, - пусть поучат вас вежливости. А теперь прочь с дороги!

И крестоносец, оттолкну Бринна, горделиво прошествовал дальше.

- Трус! - бросил ему вслед Бринн; лицо у него пошло красными пятнами. Но он сказал это тихо, как отметил кто-то в толпе. Зажав в руке трость, Бринн повернулся к смельчаку, но толпа уже расходилась, посмеиваясь.

- Разве здесь еще разрешены поединки? - удивился Битти.

- А как же! - кивнул Аауи, - Они ссылаются на прецедент 1804 года, когда Аарон Бэрр убил на дуэли Александра Гамильтона.

- Пора приниматься за дело! - напомнил Битти. - Вот только обидно, что мы плохо снаряжены.

- Мы взяли с собой все, что могли захватить. Придется этим ограничиться.

В кафе "Принц Чарльз" Бринн сел за один из дальних столиков. У него дрожали руки; усилием воли он унял дрожь. Будь он проклят, этот крестоносец первого ранга! Чванный задира и хвастун! От дуэли он, конечно, уклонился. Спрятался за преимущества своего звания.

В душе у Бринна нарастал гнев, зловещий, черный. Убить бы этого человека - и плевать на все последствия! Плевать на весь свет! Он никому не позволит над собой издеваться... Спокойнее, говорил он себе. После драки кулаками не машут. Надо думать о Бене Бакстере и о предстоящем важнейшем свидании. Справившись с часами, он увидел, что скоро одиннадцать. Через два с половиной часа он должен быть в конторе у Бакстера и...

- Чего изволите, сэр? - спросил официант.

- Горячий шоколад, тосты и яйца пашот.

- Не угодно ли картофеля фри?

- Если бы мне нужен был ваш картофель, я бы так и сказал! - напустился на него Бринн.

Официант побледнел, сглотнул и, прошептав: "Да, сэр, простите, сэр!", поспешил убраться.

Этого еще не хватало, подумал Бринн. Я уже и на прислугу кричу. Надо взять себя в руки.

- Нед Бринн!

Бринн вздрогнул и огляделся. Он ясно слышал, как кто-то шепотом произнес его имя. Но рядом на расстоянии двадцати футов никого не было видно.

- Бринн!

- Это еще что? - Недовольно буркнул Бринн. - Кто со мной говорит?

- Ты нервничаешь, Бринн, ты не владеешь собой. Тебе необходим отдых и перемена обстановки.

Бринн побледнел под загаром и внимательно огляделся. В кафе почти никого не было. Только три пожилые дамы сидели ближе к выходу да двое мужчин за ними были, видно, заняты серьезным разговором.

- Ступай домой, Бринн, и отдохни как следует. Выключись, пока есть возможность.

- У меня важное деловое свидание, - отвечал Бринн дрожащим голосом.

- Дела важнее душевного здоровья? - иронически спросил голос.

- Кто со мной говорит?

- С чего ты взял, что кто-то с тобой говорит?

- Неужто я говорю сам с собой?

- А это тебе видней!

- Ваш заказ, сэр! - подлетел к нему официант.

- Что? - заорал на него Бринн.

Официант испуганно отпрянул. Часть шоколада пролилась на блюдце.

- Сэр? - спросил он срывающимся голосом.

- Что вы тут шмыгаете, болван!

Официант вытаращил глаза на Бринна, поставил поднос и убежал. Бринн подозрительно поглядел ему вслед.

- Ты не в таком состоянии, чтобы с кем-то встречаться, - настаивал голос. - Ступай домой, прими что-нибудь, постарайся уснуть и прийти в себя.

- Но что случилось, почему?

- Твой рассудок в опасности! Голос, который ты слышишь, - последняя судорожная попытка твоего разума сохранить равновесие. Это серьезное остережение. Бринн. Прислушайся к нему!

- Неправда! - воскликнул Бринн. - Я здоров! Я совершенно...

- Прошу прощения, - раздулся голос у самого его плеча. Бринн вскинулся, готовый дать отпор этой новой попытке нарушить его уединение.
Над ним навис синий полицейский мундир. На плечах белели эполеты лейтенанта-нобиля.

Бринн проглотил подступивший к горлу комок.

- Что-нибудь случилось, лейтенант?

- Сэр, официант и хозяин кафе уверяют, что вы говорите сами с собой и угрожаете насилием.

- Чушь какая! - огрызнулся Бринн.

- Это верно! Верно! Ты сходишь с ума! - взвизгнул у него в голове голос.

Бринн уставился на грузную фигуру полицейского: он, конечно, тоже слышал голос. Но лейтенант-нобиль, должно быть, ничего не слышал. Он все так же строго взирал на Бринна.

- Враки! - сказал Бринн, уверенно отвергая показания какого-то лакея.

- Но я сам слышал! - возразил лейтенант-нобиль.

- Видите ли, сэр, в чем дело, - начал Бринн, осторожно подыскивая слова. - Я действительно...

- Пошли его к черту, Бринн! - завопил голос. - Какое право он имеет тебя допрашивать! Двинь ему в зубы! Дай как следует! Убей его! Сотри в порошок!

А Бринн продолжал, перекрывая этот галдеж в голове:

- Я действительно говорил сам с собой, лейтенант. У меня, видите ли, привычка думать вслух. Я таким образом лучше привожу свои мысли в порядок.

Лейтенант-нобиль слегка кивнул.

- Но вы угрожали насилием, сэр, без всякого повода!

- Без повода? А разве холодные яйца не повод, сэр? А подмоченные тосты и пролитый шоколад не повод, сэр?

- Яйца были горячие, - отозвался с безопасного расстояния официант.

- А я говорю - холодные, и дело с концом! Не заставите же вы меня спорить с лакеем!

- Вы абсолютно правы! - подтвердил лейтенант-нобиль, кивая на сей раз в полную силу. - Но я бы попросил вас, сэр, немного унять свой гнев, хоть вы и абсолютно правы. Чего можно ждать от простонародья?

- Еще бы! - согласился Бринн. - Кстати, сэр, я вижу пурпурную оторочку на ваших эполетах. Уж не в родстве ли вы с О'Доннелом из Лосиной Сторожки?

- Как же! Мой третий кузен по материнской линии. - Теперь лейтенант-нобиль увидел восходящее солнце на груди у Бринна. - Кстати, мой сын стажируется в юридической корпорации "Чемберлен-Холлс". Высокий малый, его зовут Кэллехен.

- Я запомню это имя, - обещал Бринн.

- Яйца были горячие! - не унимался официант.

- С джентльменом лучше не спорить! - оборвал его офицер. - Это может вам дорого обойтись. Всего наилучшего, сэр! - Лейтенант-нобиль козырнул Бринну и удалился.

Уплатив по счету, Бринн последовал за ним. Он, правда, оставил официанту щедрые чаевые, но про себя решил, что ноги его больше не будет в

кафе "Принц Чарльз".

- Вот пройдоха! - с досадой воскликнул Aауи, пряча в карман свой крохотный микрофон. - А я было думал, что мы его прищучили.

- И прищучили б, когда бы он хоть немного сомневался в своем разуме. Что ж, перейдем к более решительным действиям. Снаряжение при вас?

Aауи вытащил из кармана две пары медных наручников и одну из них передал Битти.

- Смотрите не потеряйте, - предупредил он. - Мы обещали вернуть их в Музей археологии.

- Совершенно верно. А что, пройдет сюда кулак? Да, да, вижу.

Они уплатили по счету и двинулись дальше.

Бринн решил побродить по набережной, чтобы восстановить душевное равновесие. Зрелище огромных судов, стоящих в гавани, всегда действовало на него умиротворяюще. Он размеренно шагал, стараясь осознать, что с ним происходит.

Эти голоса, звучащие в голове...

Может быть, он и в самом деле утратил власть над собой? Один из его дядей с материнской стороны провел последние годы в специальном санатории. Пресенильный психоз... Уж не действуют ли и в нем какие-то скрытые разрушительные силы?

Он остановился и стал глядеть на корабль-гигант. Надпись на носу гласила: "Тезей".

Куда эта махина держит путь? Возможно, что в Италию. И Бринн представил себе лазурное небо, щедрое солнце, вино и полный, блаженный отдых. Нет, это не для него! Изматывающая работа, постоянное напряжение всех душевных сил - такова доля, которую он сам избрал. Пусть это даже грозит его рассудку - он так и будет тащить свой груз, коченея под свинцово-серым нью-йоркским небом.

Но почему же, спрашивал он себя. Он человек обеспеченный. Дело его само о себе позаботится. Что мешает ему сесть на пароход и, стряхнув все заботы, провести год под южным солнцем?

Радостное возбуждение охватило его при мысли, что ничто этому не мешает. Он сам себе хозяин, у него есть мужество и сила воли. Если у него хватило духу создать такое предприятие, то хватит и на то, чтобы от него отказаться, сбросить все с плеч и уехать не оглядываясь. К черту Бакстера, говорил он себе.

Душевное здоровье - вот что всего важнее! Он сядет на пароход сейчас же, сию минуту, а с дороги пошлет компаньонам телеграмму, где им все...

По пустынной улице приближались к нему двое прохожих. Одного он узнал по золотисто-смуглой коже и характерным чертам полинезийца.

- Мистер Бринн? - обратился к нему другой, мускулистый мужчина с копной рыжеватых волос.

- Что вам угодно? - спросил Бринн.

Но тут полинезиец без предупреждения обхватил его обеими руками, пригвоздив к месту, а рыжеволосый сбоку огрел кулаком, в котором поблескивало что-то металлическое. Взвинченные нервы Бринна реагировали с молниеносной быстротой. Недаром во время Второго мирового крестового похода он служил в неистовых рыцарях. Еще и теперь, много лет спустя, у него безошибочно действовали рефлексы.

Уклонившись от удара рыжеволосого, он сам двинул полинезийцу локтем в живот. Тот охнул и на какую-то секунду ослабил захват. Бринн воспользовался этим, чтобы вырваться.

Он наотмашь ударил полинезийца тыльной стороной руки и попал в гортанный нерв. Полинезиец задохнулся и упал как подкошенный. В ту же секунду рыжеволосый навалился на Бринна и стал молотить медным кастетом. Бринн лягнул его, промахнулся - и заработал сильный удар в солнечное сплетение. У Бринна перехватило дыхание, в глазах потемнело. И сразу же на него обрушился новый удар, пославший его на землю почти в бессознательном состоянии. Но тут противник допустил ошибку.

Рыжеволосый хотел с силой наподдать ему ногой, но плохо рассчитал удар. Воспользовавшись этим, Бринн схватил его за ногу и рванул. Потеряв равновесие, рыжеволосый рухнул на мостовую и треснулся затылком.

Бринн кое-как поднялся, переводя дыхание. Полинезиец лежал навзничь с посиневшим лицом, делая руками и ногами слабые плавательные движения. Его товарищ валялся замертво, с волос его капала кровь.

Следовало бы сообщить в полицию, мелькнуло в уме у Бринна. А вдруг он прикончил рыжеволосого! Это даже в самом благоприятном случае - непредумышленное убийство. Да еще лейтенант-нобиль доложит о его странном поведении.

Бринн огляделся. Никто не видел их драки. Пусть его противники, если сочтут нужным, заявят в полицию.

Все как будто становилось на место. Пару эту, конечно, подослали конкуренты, они не прочь перебить у него сделку с Бакстером. Таинственные

голоса - тоже какой-то их фокус. Зато уж теперь им не остановить его. Все еще задыхаясь на ходу, Бринн помчался в контору Бакстера. Он уже не думал о поездке в Италию.

- Живы? - раздался откуда-то сверху знакомый голос.

Битти медленно приходил в сознание. На какое-то мгновение он испугался за голову, но, слегка до нее дотронувшись, успокоился: покамест цела.

- Чем это он меня стукнул?

- Похоже, что мостовой, - ответил Ааýи. - К сожалению, я был беспомощен. Со мной он расправился на заре событий.

Битти присел и схватился за голову; она невыносимо болела.

- Ну и вояка! Призовой боец!

- Мы его недооценили, - сказал Ааýи. - У него чувствуется выучка. Ну как, ноги вас еще носят?

- Пожалуй, что да, - отвечал Битти, поднимаясь с земли. - А ведь, наверно, уже поздно?

- Да, без малого час. Свидание назначено на час тридцать. Авось удастся расстроить его в конторе у Бакстера.

Не прошло и пяти минут, как они схватили такси и на полной скорости примчались к внушительному зданию.

Хорошенькая молодая секретарша уставилась на них с открытым ртом. Сидя в такси, они немного пообчистились, но все еще выглядели весьма неавантажно. У Битти голова была кое-как перевязана платком; лицо полинезийца приобрело зеленоватый оттенок.

- Что вам угодно? - спросила секретарша.

- Сегодня в час тридцать у мистера Бакстера деловое свидание с мистером Бринном, - начал Ааýи самым своим официальным тоном.

- Да-а-а...

Стенные часы показывали час семнадцать...

- Нам необходимо повидать мистера Бринна еще до этой встречи. Если не возражаете, мы подождем его здесь.

- Сделайте одолжение! Но мистер Бринн уже в кабинете.

- Вот как? А ведь половины второго еще нет!

- Мистер Бринн приехал заблаговременно. И мистер Бакстер принял его раньше.

- У меня срочный разговор, - настаивал Ааýи.

- Приказано не мешать. - Вид у девушки был испуганный, и она уже потянулась к кнопке на столе.

Собирается звать на помощь, догадался Ааýи. Такой человек, как Бакстер, разумеется, шагу не ступит без охраны. Встреча уже состоялась, не лезть же напролом. Быть может, предпринятые ими шаги изменили ход событий.

Быть может, Бринн вошел в кабинет к Бакстеру уже другим человеком: утренние приключения не могли пройти для него бесследно.

- Не беспокойтесь, - сказал он секретарше, - мы подождем его здесь.

Бен Бакстер был низенький, плотный здоровяк с бычьей шеей и плешивой как колено головой. Мутные глаза без всякого выражения глядели из-за золотого пенсне. На нем был обычный рабочий пиджак, украшенный на отвороте рубином в венчике из жемчужин - эмблемой палаты лордов Уоллстрита.

Бринн добрых полчаса излагал свое предложение; он усеял бумагами письменный стол Бакстера, он сыпал цифровыми данными, ссылался на господствующие тенденции, намечал перспективы. И теперь, обливаясь потом, ждал ответного слова Бакстера.

- Гм-м-м, - промычал Бакстер.

Бринн ждал. В висках стучало, голова была точно свинцом налита, желудок свело спазмом. Вот что значит отвыкнуть от драки. И все же он надеялся кое-как дотерпеть.

- Ваши условия граничат с нелепостью, - сказал Бакстер.

- Сэр?..

- Я сказал - с нелепостью! Вы что, туги на ухо, мистер Бринн?

- Отнюдь нет, - ответил мистер Бринн.

- Тем лучше. Ваши условия были бы уместны, если бы мы говорили на равных. Но это не тот случай, мистер Бринн. И когда фирма, подобная вашей, ставит такие условия "Предприятиям Бакстера", это звучит по меньшей мере нелепо.

Бринн прищурился. Бакстера недаром считают чемпионом ближнего боя. Это не личное оскорбление, внушал он себе. Обычный деловой маневр, он и сам к нему прибегает. Вот как на это надо смотреть!

- Разрешите вам напомнить, - возразил Бринн, - о ключевом положении упомянутой лесной территории. При достаточном финансировании мы могли бы почти неограниченно ее расширить, не говоря уже...

- Мечты, надежды, посулы, - вздохнул Бакстер. - Может, идея чего-то и стоит, но вы не сумели подать ее как следует.

Разговор чисто деловой, успокаивал себя Бринн. Он не прочь меня субсидировать, по всему видно. Я и сам предполагал пойти на уступки. Все идет нормально. Просто он торгуется, сбивает цену. Ничего личного...

Но Бринну очень уж досталось. Краснолицый крестоносец, таинственный голос в кафе, мимолетная мечта о свободе, драка с двумя прохожими... Он чувствовал, что сыт по горло...

- Я жду от вас, мистер Бринн, более разумного предложения. Такого,

которое бы соответствовало скромному, я бы даже сказал - подчиненному положению вашей фирмы.

Зондирует почву, говорил себе Бринн. Но терпение его лопнуло. Бакстер не выше его по рождению! Как он смеет с ним так обращаться!

- Сэр! - пролепетал он помертвевшими губами. - Это звучит оскорбительно.

- Что? - отозвался Бакстер, и в его холодных глазах почудилась Бринну усмешка. - Что звучит оскорбительно?

- Ваше заявление, сэр, да и вообще ваш тон. Предлагаю вам извиниться!

Бринн вскочил и ждал, застыв в деревянной позе. Голова нечеловечески трещала, спазм в желудке не отпускал.

- Не понимаю, почему я должен просить извинения, - возразил Бакстер. - Не вижу смысла связываться с человеком, который не способен отделить личное от делового.

Он прав, думал Бринн. Это мне надо просить извинения.

Но он уже не мог остановиться и очертя голову продолжал:

- Я вас предупредил, сэр! Просите извинения!

- Так нам не столковаться, - сказал Бакстер. - А ведь, по чести говоря, мистер Бринн, я рассчитывал войти с вами в дело. Хотите, я постараюсь говорить разумно - постарайтесь и вы отвечать разумно. Не требуйте от меня извинений, и продолжим наш разговор.

- Не могу! - сказал Бринн, всей душой жалея, что не может. - Просите извинения, сэр!

Небольшой, но крепко сбитый Бакстер поднялся и вышел из-за стола. Лицо его потемнело от гнева.

- Пошел вон, наглый щенок! Убирайся подобру-поздорову, пока тебя не вывели, ты, взбесившийся осел! Вон отсюда!

Бринн готов был просить прощения, но вспомнил: красный крестоносец, официант и те два разбойника... Что-то в нем захлопнулось. Он выбросил вперед руку и нанес удар, подкрепив его всей тяжестью своего тела.

Удар пришелся по шее и притиснул Бакстера к столу. Глаза у него потускнели, и он медленно сполз вниз.

- Прошу прощения! - крикнул Бринн. - Мне страшно жаль! Прошу прощения!

Он упал на колени рядом с Бакстером.

- Ну как, пришли в себя, сэр? Мне страшно жаль! Прошу прощения...

Какой-то частью сознания, не утратившей способности рассуждать, он говорил себе, что впал в неразрешимое противоречие. Потребность в действии была в нем так же сильна, как потребность просить прощения. Вот он и

разрешил дилемму, попытавшись сделать и то и другое, как бывает в сумятице душевного разлада: ударил, а затем попросил прощения.

- Мистер Бакстер! - окликнул он в испуге.

Лицо Бакстера налилось синевой, из уголка рта сочилась кровь. И тут Бринн заметил, что голова лежит под необычным углом к туловищу.

- О-о-ох... - только и выдохнул Бринн.

Прослужив три года в неистовых рыцарях, он не впервой видел сломанную шею.

2.

Утром 12 апреля 1959 года Нед Бринн проснулся, умылся и оделся. Ровно в час тридцать пополудни ему предстояло встретиться с Беном Бакстером, главой компании "Бакстер". Вся будущность Бринна зависела от этого свидания. Если бы заручиться поддержкой гигантских бакстеровских предприятий, да еще и на сходных условиях...

Бринн был статный, красивый тридцатишестилетний брюнет. В его обдуманно приветливом взгляде чувствовалась сердечная доброта, а выразительный рот говорил о несокрушимом благочестии. Он двигался легко и свободно, как человек чистой души, не привыкший размышлять над своими поступками.

Бринн уже собрался к выходу. Он зажал под мышкой молитвенный посох и сунул в карман "Руководство к праведной жизни" Норстеда. Никогда не выходил он из дому без этого надежного провожатого.

Напоследок он приколол к отвороту пиджака серебряный значок в виде серпа - эмблему его сана. Бринн был посвящен в сан аскета второй степени западнобуддистской конгрегации, и это даже вселяло в него известную гордость, конечно, сдержанную гордость, дозволительную аскету. Многие считали, что он еще молод для звания мирского священника, однако все соглашались в том, что Бринн не по возрасту ревностно блюдет права и обязанности своего сана.

Он запер квартиру и направился к лифту. Здесь уже стояла кучка жильцов, в большинстве - западные буддисты, но также два ламаиста. Когда лифт подошел, все расступились перед Бринном.

- Славный денек, брат мой! - приветствовал его бой, нажимая на кнопку лифта.

Бринн склонил голову ровно на дюйм, в знак обычного скромного приветствия пастыря пасомому. Он неотступно думал о Бене Бакстере. И все же краешком глаза приметил в клетке лифта прелестную, холеную девушку с волосами черными как вороново крыло, с пикантным смугло-золотистым личиком. Индианка, решил про себя Бринн, и еще подивился, что могло привести чужеземку в их прозаический многоквартирный дом. Он знал большинство жильцов по внешнему виду, но счел бы нескромностью раскланиваться с ними.

Когда лифт спустился в вестибюль, Бринн уже и думать забыл об индианке. У него выдался хлопотливый день. Он предвидел трудности в разговоре с Бакстером и хотел все заранее взвесить. Выйдя на улицу в серенькое, пасмурное апрельское утро, он решил позавтракать в "Золотом лотосе". Часы показывали двадцать пять минут одиннадцатого.

- Остаться бы здесь навсегда и дышать этим воздухом! - воскликнула Джанна Чандрагор.

Лан Ил слабо улыбнулся.

- Возможно, нам удастся дышать им в наше время. Как он вам показался?

- Уж очень доволен собой и должно быть, ханжа и святоша.

Они следовали за Бринном на расстоянии полуквартала. Его высокая фигура выделялась даже в нью-йоркской утренней толчее.

- А ведь глаз не сводил с вас в лифте, - заметил Ил.

- Заметила. Видный мужчина, не правда ли?

Лан Ил удивленно вскинул брови, но ничего не сказал. Они по-прежнему шли за Бринном, наблюдая, как толпа расступается перед ним из уважения к его сану. И тут-то и началось.

Углубившись в себя, Бринн налетел на осанистого румяного толстяка, облаченного в желтую рясу западнобуддистского священника.

- Простите, младший брат мой, я, кажется, помешал вашим размышлениям? - молвил священник.

- Это всецело моя вина, отец. Ибо сказано: пусть юность рассчитывает свои шаги, - ответствовал Бринн.

Священник покачал головой.

- В юности живет мечта о будущем, и старости надлежит уступать ей дорогу.

- Старость - наш путеводитель и дорожный указатель, смиренно, но настойчиво возразил Бринн. - Все авторы единодушны в этом.

- Если вы чтите старость, - возразил священник, - внемлите же и слову

старости о том, что юности надлежит давать дорогу. И пожалуйста, без возражений, возлюбленный брат мой!

Бринн с обдуманно любезной улыбкой отвесил низкий поклон. Священник тоже поклонился, и каждый пошел своей дорогой. Бринн ускорил шаг: он крепче зажал в руке молитвенный посох. До чего это похоже на священника - ссылаться на свой преклонный возраст как на аргумент в пользу юности. Да и вообще в учении западных буддистов много кричащих противоречий. Но Бринну было сейчас не до них.

Он вошел в кафе "Золотой лотос" и сел за один из дальних столиков. Перебирая пальцами сложный узор на своем молитвенном посохе, он чувствовал, что раздражение его проходит. Почти мгновенно вернулось к нему то ясное, бестревожное единство разума и чувства, которое так необходимо адепту праведной жизни.

Но пришло время помыслить о Бене Бакстере. Человеку не мешает помнить и о своих преходящих обязанностях наряду с религиозными. Посмотрев на часы, он увидел, что уже без малого одиннадцать. Через два с половиной часа он будет в конторе у Бакстера и...

- Что вам угодно? - спросил официант.

- Воды и сушеной рыбки, если можно, - отвечал Бринн.

- Не желаете ли картофеля фри?

- Сегодня вишья, и это не положено, - ответствовал Бринн, из деликатности понизив голос.

Официант побледнел, сглотнул и, прошептав: "Да, сэр, простите, сэр!", поспешил уйти.

Напрасно я поставил его в глупое положение, упрекнул себя Бринн. Не извиниться ли?

Но нет, он только больше смутит официанта. И Бринн со свойственной ему решительностью выбросил из головы официанта и стал думать о Бакстере. Если к лесной территории, которую он собирается купить, прибавить капиталы Бакстера и связи Бакстера, трудно даже вообразить...

Бринн почувствовал безотчетную тревогу. Что-то неладное происходило за соседним столиком. Повернувшись, он увидел давешнюю смуглянку; она рыдала в крошечный носовой платочек. Маленький сморщенный старикашка безуспешно пытался ее утешить.

Плачущая девушка бросила на Бринна исполненный отчаяния взгляд. Что мог сделать аскет, очутившийся в таком положении, как не вскочить и направить стопы к их столику!

- Простите мою навязчивость, - сказал он, - я невольно стал свидетелем вашего горя. Быть может, вы одиноки в городе? Не могу ли я вам помочь?

- Нам уже никто не поможет! - зарыдала девушка.

Старичок беспомощно пожал плечами.

Поколебавшись, Бринн присел к их столику.

- Поведайте мне свое горе, - сказал он. - Неразрешимых проблем нет. Ибо сказано: через любые джунгли проходит тропа, и след ведет на самую недоступную гору.

- Поистине так, - подтвердил старичок. - Но бывает, что человеческим ногам не под силу достигнуть конца пути.

- В таких случаях, - возразил Бринн, - всяк помогает всякому - и дело сделано. Поведайте мне ваши огорчения, я всеми силами постараюсь вам помочь.

Надо сказать, что Бринн-аскет превысил здесь свои полномочия. Подобные тотальные услуги лежат на обязанности священников высшей иерархии. Но Бринна так захватило горе девушки и ее красота, что он не дал себе времени подумать.

- В сердце молодого человека заключена сила, это посох для усталых рук, - процитировал старичок. - Но скажите, молодой человек, исповедуете ли вы религиозную терпимость?

- В полной мере! - воскликнул Бринн. - Это один из основных догматов западного буддизма.

- Отлично! Итак, знайте, сэр, что я и моя дочь Джанна прибыли из Лхаграммы, из Индии, где поклоняются воплощению даритрийской космической функции. Мы приехали в Америку в надежде основать здесь небольшой храм. К несчастью, схизматики, чтящие воплощение Мари, опередили нас. Дочери моей надо возвращаться домой. Но фанатики марийцы покушаются на нашу жизнь, они поклялись камня на камне не оставить от даритрийской веры.

- Разве может что-нибудь угрожать вашей жизни здесь, в сердце Нью-Йорка? - воскликнул Бринн.

- Здесь больше, чем где бы то ни было! - сказала Джанна. - Людские толпы - маска и плащ для убийцы.

- Мои дни и без того сочтены, - продолжал старик со спокойствием отрешенности. - Мне следует остаться здесь и завершить свой труд. Ибо так написано. Но я хотел бы, чтобы по крайней мере дочь моя благополучно вернулась домой.

- Никуда я без тебя не поеду! - снова зарыдала Джанна.

- Ты сделаешь то, что тебе прикажут, - заявил старик.

Джанна робко потупилась под взглядом его черных сверлящих глаз.
Старик повернулся к Бринну.

- Сэр, сегодня во второй половине дня в Индию отплывает пароход.
Дочери нужен провожатый - сильный, надежный человек, под чьим руководством
и защитой она могла бы благополучно доехать. Все свое состояние я готов
отдать тому, кто выполнит эту священную обязанность.

На Бринна вдруг нашло сомнение.

- Я просто ушам своим не верю, - начал он. - А вы не...

Словно в ответ, старик вытащил из кармана маленький замшевый мешочек
и вытряхнул на стол его содержимое. Бринн не считал себя знатоком
драгоценных камней, и все же немало их прошло через его руки в бытность
его религиозным инструктором в годы Второго мирового джехада. Он мог
поклясться, что узнает игру рубинов, сапфиров, изумрудов и алмазов.

- Все это ваше, - сказал старик. - Отнесите камни к ювелиру. Когда их
подлинность будет подтверждена, вы, возможно, поверите и моему рассказу.
Если же и это вас не убеждает...

И он извлек из другого кармана толстый бумажник и передал его Бринну.
Открыв его, Бринн увидел, что он набит крупными купюрами.

- Любой банк удостоверит их подлинность, - продолжал старик. - Нет,
нет, пожалуйста, я настаиваю, возьмите их себе. Поверьте, это лишь малая
часть того, чем я рад буду отблагодарить вас за вашу великую услугу.

Бринн был ошеломлен. Он старался уверить себя, что драгоценности,
скорее всего, искусная подделка, а деньги, конечно, фальшивые. И все же
знал, что это не так. Они настоящие.

Но если богатство, которым так швыряются, не вызывает сомнений, то
можно ли усомниться в рассказе старика? Истории известны случаи, когда
действительно события превосходили чудеса волшебных сказок. Разве в "Книге
золотых ответов" мало тому примеров?

Бринн посмотрел на плачущую смуглянку, и его охватило великое желание
зажечь радость в этих прекрасных глазах, заставить трагический рот
улыбаться. Да и в обращенных к нему взорах красавицы угадывал он нечто
большее, чем простой интерес к опекуну и защитнику.

- Сэр! - воскликнул старик. - Возможно ли, что вы согласны, что вы
готовы...

- Можете на меня рассчитывать! - сказал Бринн.

Старик бросился пожимать ему руку. Что до Джанны, то она только
взглянула на своего избавителя, но этот взгляд стоил жаркого объятия.

- Уезжайте сейчас же, не откладывая, - волновался старик. - Не будем терять времени. Возможно, в эту самую минуту нас караулит враг.

- Но я не одет для дороги...

- Неважно! Я снабжу вас всем необходимым...

- ...к тому же друзья, деловые свидания... погодите! Дайте опомниться!

Бринн перевел дыхание. Приключения в духе Гарун-альРашида заманчивы, спору нет, но нельзя же пускаться в них сломя голову.

- У меня сегодня деловой разговор, - продолжал Бринн. - Я не вправе им манкировать. Потом можете мной располагать.

- Как, рисковать жизнью Джанны? - воскликнул старик. - Уверяю вас, ничего с вами не случится. Хотите - пойдемте со мной. А еще лучше - у меня двоюродный брат служит в полиции. Я договорюсь с ним, и вам будет дана охрана.

Девушка отвернула от него свое прекрасное печальное лицо.

- Сэр, - сказал старик. - Пароход отходит в час, ни минутой позже!

- Пароходы отходят чуть ли не каждый день, - вразумлял его Бринн. - Мы сядем на следующий. У меня особо важное свидание. Решающее, можно сказать. Я добиваюсь его уже много лет. И речь не только обо мне. У меня дело, служащие, компаньоны. Уже ради них я не вправе им пренебречь.

- Дело дороже жизни! - с горькой иронией воскликнул старик.

- Ничего с вами не случится, - уверял Бринн. - Ибо сказано: "Зверь в джунглях пугается шагов..."

- Я и сам знаю, что и где сказано. На моем челе и челе дочери смерть уже начертала свои магические письмена, и мы погибнем, если вы нам не поможете. Вы найдете Джанну на "Тезее" в каюте-люкс "2А". Ваша каюта "3А", соседняя. Пароход отчаливает ровно в час. Если вам дорога ее жизнь, приходите!

Старик с дочерью встали и, уплатив по счету, удалились, не слушая доводов Бринна. В дверях Джанна еще раз на него оглянулась.

- Ваша сушеная рыба, сэр! - подлетел к нему официант.

Он все время вертелся поблизости, не решаясь беспокоить посетителей.

- К черту рыбу! - взревел Бринн. Но тут же спохватился. - Тысяча извинений! Я совсем не вас имел в виду, - заверил он оторопевшего официанта.

Он расплатился, оставив щедрые чаевые, и стремительно ушел. Ему надо было еще о многом подумать.

- Эта сцена состарила меня лет на десять, она мне стоила последних сил, - пожаловался Лан Ил.

- Признайтесь: она доставила вам огромное удовольствие, - возразила Джанна Чандрагор.

- Что ж, вы правы, - энергично кивнув, согласился Лан Ил. Он маленькими глотками цедил вино, которое стюард принес им в каюту. - Вопрос в том, откажется ли Бринн от свидания с Бакстером и явится ли сюда?

- Я ему как будто понравилась, - заметила Джанна.

- Что лишь свидетельствует о его безошибочном вкусе.

Джанна поблагодарила шутливым кивком.

- Но что за историю вы придумали! Надо ли было наворачивать столько ужасов?

- Это было абсолютно необходимо. Бринн сильная и целеустремленная натура. Но есть в нем и этакая романтическая жилка. И разве только волшебная сказка - под стать его самым напыщенным мечтам - заставит его изменить долгу.

- А вдруг не поможет и волшебная сказка? - заметила Джанна в раздумье.

- Увидим. Лично мне кажется, что он придет.

- А я на это не рассчитываю.

- Вы недооцениваете свою красоту и актерское дарование, моя дорогая! Впрочем, поживем - увидим.

- Единственное, что нам остается, - сказала Джанна.

Часы на письменном столике показывали сорок две минуты первого.

Бринн решил побродить по набережной, чтобы восстановить душевное равновесие. Зрелище огромных судов, стоящих в гавани, всегда действовало на него умиротворяюще. Он размеренно шагал, стараясь осознать, что с ним произошло.

Эта прелестная, убитая горем девушка...

Да, но как же долг, как же труд его преданных служащих - ведь именно сегодня ему предстояло завершить и увенчать его на письменном столе у Бакстера. Он остановился и стал глядеть на корабль-гигант. Вон он, "Тезей". Бринн представил себе Индию, ее лазурное небо, щедрое солнце, вино и полный, блаженный отдых. Нет, все это не для него. Изматывающая работа, постоянное напряжение всех душевных сил такова доля, которую он сам избрал. Пусть это даже значит лишиться прекраснейшей девушки в мире - он так и будет тащить свой груз, коченея под свинцово-серым нью-йоркским небом!

Но почему же, спрашивал себя Бринн, нащупывая в кармане замшевый мешочек. Материально он обеспечен. Дело его само о себе позаботится. Что

мешает ему сесть на пароход и, стряхнув все заботы, провести год под южным солнцем?

Радостное возбуждение охватило его при мысли, что ничто этому не помешает. Он сам себе хозяин, у него есть мужество и сила воли. Если у него хватило духу создать такое дело, то хватит и на то, чтобы от него отказаться, сбросить все с плеч и последовать велению сердца.

К черту Бакстера, говорил он себе. Безопасность девушки важнее всего! Он сядет на пароход сейчас же, сию минуту и пошлет своим компаньонам телеграмму, где все им...

Итак, решение принято. Он круто повернулся, спустился вниз по сходням и без колебаний поднялся на борт. Помощник капитана встретил его любезной улыбкой.

- Ваше имя, сэр?

- Нед Бринн.

- Бринн, Бринн... - Помощник поискал в списке. - Что-то я не... О да! Вот вы где. Да, да, мистер Бринн! Ваша каюта на палубе A за номером 3. Разрешите пожелать вам приятного путешествия.

- Спасибо, - сказал Бринн, поглядев на часы. Они показывали без четверти час.

- Кстати, - спросил он помощника, - в котором часу вы отчаливаете?

- В четыре тридцать, минута в минуту, сэр!

- Четыре тридцать? Вы уверены?

- Абсолютно уверен, мистер Бринн.

- Мне сказали, в час по расписанию.

- Да, так по расписанию, сэр! Но бывает, что мы задерживаемся на несколько часов. А потом без труда нагоняем в пути.

Четыре тридцать! У него еще есть время. Он может вернуться, повидать Бена Бакстера и вовремя поспеть на пароход!

Обе проблемы решены!

Благословляя неисповедимую, но благосклонную судьбу, Бринн повернулся и бросился вниз по сходням. Ему удалось тут же схватить такси.

Бакстер был низенький, плотный здоровяк с бычьей шеей и плешивой как колено головой. Мутные глаза без всякого выражения глядели из-за золотого пенсне. На нем был обычный рабочий пиджак, украшенный на отвороте рубином в венчике из жемчужин - эмблемой смиренных служителей Уолл-стрита.

Бринн добрых полчаса излагал свои предложения, ссылаясь на господствующие тенденции, намечая перспективы. И теперь, обливаясь потом, ждал ответного слова Бакстера.

- Гм-м-м, - промычал Бакстер.

Бринн ждал. В висках стучало, пустой желудок бил тревогу. В мозгу

сверлила мысль, что надо еще поспеть на "Тезей". Он хотел скорее покончить с делами и ехать в порт.

- Ваши условия слияния обеих фирм меня вполне устраивают, - сказал Бакстер.

- Сэр! - только и выдохнул Бринн.

- Повторяю: они меня устраивают. Вы что, туги на ухо, брат мой?

- Во всяком случае, не для таких новостей, - заверил его Бринн с ухмылкой.

- Лично меня очень обнадеживает слияние наших фирм, продолжал Бакстер, улыбаясь. - Я - прямой человек, Бринн, и я говорю вам безо всяких: мне нравится, как вы провели изыскания и какой подготовили материал, и нравится, как вы провели эту встречу. Мало того, вы и лично мне нравитесь! Меня радует наша встреча, и я верю, что слияние послужит нам на пользу.

- Я тоже в это верю, сэр.

Они обменялись рукопожатиями и встали из-за стола.

- Я поручу своим адвокатам составить соглашение, исходя из нашей сегодняшней беседы. Вы получите его в конце недели.

- Отлично! - Бринн колебался: сказать или не говорить Бакстеру о своем отъезде в Индию. И решил не говорить. Бумаги по его указанию перешлют на борт "Тезея", а об окончательных подробностях можно будет договориться по телефону. Так или иначе, в Индии он не задержится, доставит девушку благополучно домой и тут же вылетит обратно.

Обменявшись новыми любезностями, будущие компаньоны начали прощаться.

- У вас редкостный посох, - сказал Бакстер.

- А, что? Да, да! Я получил его на этой неделе из Гонконга. Такой искусной резьбы, как в Гонконге, вы не найдете нигде.

- Да, я знаю. А можно посмотреть ею поближе?

- Конечно. Но осторожнее, пожалуйста, он легко открывается.

Бакстер взял в руки искусно изукрашенную палку и надавил ручку. На другом ее конце выскочил клинок и слегка оцарапал ему ногу.

- Вот уж верно, что легко, - сказал Бакстер. - Я легче не видывал.

- Вы, кажется, порезались!

- Ничего. Пустячная царапина. А клинок-то - дамасского литья!

Они еще несколько минут беседовали о тройном значении клинка в западнобуддистском учении и о новейших течениях в западнобуддистском духовном центре в Гонконге. Бакстер сложил палку и вернул ее Бринну.

- Да, посох отменный. Еще раз желаю вам доброго дня, дорогой брат, и...

Бакстер оборвал на полуслове. Рот его так и остался открытым, глаза

уставились в какую-то точку над головой Бринна. Бринн обернулся, но не увидел ничего, кроме стены. Когда же он снова повернулся к Бакстеру, тот уже весь посинел, в уголках рта собралась пена.

- Сэр! - крикнул Бринн.

Бакстер хотел что-то сказать, но не мог. Два нетвердых шага - и он рухнул на пол.

Бринн бросился в приемную.

- Врача! Скорее врача! - крикнул он испуганной девушке.

А потом вернулся к Бакстеру.

То, что он видел перед собой, был первый в Америке случай болезни, получившей впоследствии название гонконгской чумы. Занесенная сотнями молитвенных посохов, она вспышкой пламени охватила город, оставив за собой миллион трупов. Спустя неделю симптомы гонконгской чумы стали более известны горожанам, чем симптомы кори.

Бринн видел перед собой первую жертву.

С ужасом глядел он на терпкий ярко-зеленый оттенок, разлившийся по лицу и рукам Бакстера.

3.

Утром 12 апреля 1959 года Нед Бринн проснулся, умылся и оделся. В час тридцать пополудни ему предстояло встретиться с Беном Бакстером, главой компании "Бакстер". Вся будущность Бринна зависела от этого свидания. Если бы заручиться поддержкой гигантских бакстеровских предприятий, да еще на сходных условиях...

Бринн был статный, красивый тридцатишестилетний брюнет. В его обдуманно приветливом взгляде чувствовался настоящий интерес к людям, мягко очерченный рот говорил о покладистом характере, доступном доводам разума. В движениях проглядывала уверенность человека, знающего свое место в жизни.

Бринн уже собрался уходить. Он зажал под мышкой зонтик и сунул в карман экземпляр "Убийства в метро" в мягком переплете. Никогда он не выходил из дому без увлекательного детектива.

Напоследок он приколол к отвороту пиджака ониксовый значок коммодора Океанского туристского клуба. Многие считали, что Бринн еще молод для такого высокого знака отличия. Но все соглашались в том, что он не по

возрасту ревностно блюдет права и обязанности своего звания. Он запер квартиру и пошел к лифту. Здесь уже стояла кучка обитателей дома, в большинстве лавочники, но Бринн узнал среди них и двух дельцов.

- Славный денек, мистер Бринн, - приветствовал его бой, нажимая на кнопку лифта.

- Надеюсь! - сказал Бринн, погруженный в размышления о Бене Бакстере. И все же краешком глаза он заметил в клетке лифта белокурого гиганта - настоящего викинга, разговаривающего с плешивым коротышкой. Бринн еще подивился, что привело эту пару в их многоквартирный дом. Он знал большинство жильцов по ежедневным встречам, но не был еще ни с кем знаком, так как поселился здесь совсем недавно.

Когда лифт спустился в вестибюль, Бринн уже и думать забыл о викинге. У него выдался хлопотливый день. Он предвидел трудности в разговоре с Бакстером и хотел заранее все взвесить. Выйдя на улицу в пасмурное, серенькое апрельское утро, он решил позавтракать у Чайльда.

Часы показывали двадцать пять минут одиннадцатого.

- Ну-с, что скажете? - спросил доктор Свег.

- По-моему, человек как человек. Похоже, что с ним можно сговориться. А впрочем, там видно будет.

Они следовали за Бринном на расстоянии полуквартала. Его высокая, стройная фигура выделялась даже в утренней нью-йоркской толчее.

- Я меньше всего сторонник насилия, - сказал доктор Свег. - Но в данном случае мое мнение: треснуть его по макушке - и дело с концом!

- Этот способ избрали Аауи и Битти. Мисс Чандрагор и Лан Ил решили испробовать подкуп. А нам с вами поручено воздействовать убеждением.

- А если он не поддастся убеждению?

Джеймс пожал плечами.

- Мне это не нравится, - сказал доктор Свег.

Следуя за Бринном на расстоянии полуквартала, они увидели, как он налетел на какого-то румяного плотного бизнесмена.

- Простите, - сказал Бринн.

- Простите, - отозвался плотный бизнесмен.

Небрежно кивнув друг другу, они продолжали свой путь. Бринн вошел в кафе Чайльда и уселся за один из дальних столиков.

- Чего изволите, сэр? - спросил официант.

- Яйца пашот, тосты, кофе.

- Не угодно ли картофеля фри?

- Нет, спасибо.

Официант поспешил дальше. Бринн сосредоточил свои мысли на Бене Бакстере. При финансовой поддержке Бена Бакстера трудно даже вообразить...

- Простите, сэр, - раздался голос. - Не разрешите ли с вами побеседовать?

- О чем это?

Бринн поднял глаза и увидел белокурого гиганта и его коротышку приятеля, с которыми столкнулся в лифте.

- О деле чрезвычайного значения, - сказал коротышка.

Бринн поглядел на часы. Без чего-то одиннадцать. До встречи с Бакстером оставалось еще два с половиной часа.

Незнакомцы переглянулись и обменялись смущенными улыбками. Наконец коротышка прочистил горло.

- Мистер Бринн, - начал он. - Меня зовут Эдвин Джеймс. Это мой коллега доктор Свег. Мы собираемся рассказать вам крайне странную на первый взгляд историю, однако я надеюсь, что вы терпеливо выслушаете нас. В заключение мы приведем ряд доказательств, которые, возможно, убедят, а возможно, и не убедят вас в справедливости нашего рассказа.

Бринн нахмурился: это еще что за чудаки! Рехнулись они, что ли? Но незнакомцы были хорошо одеты и вели себя безукоризненно.

- Ладно, валяйте, - сказал он.

Час двадцать минут спустя Бринн воскликнул:

- Ну и чудеса же вы мне порассказали!

- Знаю. - Доктор Свег виновато пожал плечами. - Но наши доказательства...

- ...производят впечатление. Покажите-ка мне еще раз эту первую штуковину!

Свег передал ему просимое. Бринн почтительно уставился на небольшой блестящий предмет.

- Ребята, а ведь если эта крохотулька действительно дает холод и тепло в таких количествах, электрические корпорации, думается мне, отвалят за нее не один миллиард.

- Это продукт нашей техники, - сказал Главный программист, - как, впрочем, и другие устройства, которые вы видели. За исключением мотрифайера, во всем этом нет ничего принципиально нового, это результаты развития и усовершенствования сегодняшней технической мысли и практики.

- А ваш талазатор! Простой, удобный и дешевый способ добывания пресной воды из морской! - Он уставился на обоих собеседников. - Хотя не исключено, конечно, что все эти изобретения - ловкая подделка.

Доктор Свег вскинул брови.

- Впрочем, я и сам кое-что смыслю в технике. И если это даже подделки, то эффект они дают такой же, как настоящие изобретения. Ох, морочите вы меня! Люди будущего! Этого еще не хватало!

- Так, значит, вы верите тому, что мы рассказали насчет вас, Бена Бакстера и временной селекции?

- Как сказать... - Бринн крепко задумался. - Верю условно.

- И вы отмените свидание с Бакстером?

- Не знаю.

- Сэр!

- Я говорю вам, что не знаю. Хватает же у вас нахальства! - Бринн все больше сердился. - Я работал как каторжный, чтобы этого добиться. Свидание с Бакстером - величайший шанс моей жизни. Другого такого шанса у меня не было и не будет. А вы предлагаете мне пожертвовать им ради какого-то туманного предсказания.

- Предсказание отнюдь не туманное, - поправил его Джеймс. - Оно ясное и недвусмысленное.

- К тому же речь не только обо мне. У меня дело, служащие, компаньоны и акционеры. Я обязан и ради них встретиться с Бакстером.

- Мистер Бринн, - сказал Свег, - вспомните, что здесь поставлено на карту!

- Да, верно, - хмуро отозвался Бринн. - Но вы говорили, что у вас там еще и другие бригады. А вдруг меня остановили в каком-то другом возможном мире.

- Не остановили, нет!

- Почем вы знаете?

- Я не хотел говорить тем бригадам, - сказал Главный программист, - но их надежды на успех так же призрачны, как и мои, - они близки к нулю.

- Черт! - выругался Бринн. - Вы, ребята, ни с того ни с сего сваливаетесь на человека из прошлого и преспокойно требуете, чтобы он перешерстил всю свою жизнь. Какое, наконец, вы имеете право?

- А что, если отложить свидание на завтра? - предложил доктор Свег. - Это, пожалуй...

- Свидание с Беном Бакстером не откладывают. Либо вы приходите в назначенное время, либо ждете - может быть, и всю жизнь, - чтоб он вам назначил другое. - Бринн поднялся. - Вот что я вам скажу. Я и сам не знаю, как поступлю. Я выслушал вас и более или менее вам верю, но ничего определенного сказать не могу. Мне надо самому принять решение.

Доктор Свег и Джеймс тоже встали.

- Ваше право! - сказал Главный программист Джеймс. - До свидания, мистер Бринн! Надеюсь, вы примете правильное решение. - Они обменялись рукопожатиями.

Бринн поспешил к выходу.

Доктор Свег и Джеймс проводили его глазами.

- Ну как? - спросил Свег. - Похоже, склоняется?.. Или вы другого мнения?

- Я не сторонник гаданий. Возможность что-то изменить в пределах одной временной линии маловероятна. Я в самом деле не представляю, как он поступит.

Доктор Свег покачал головой, а потом глубоко втянул носом воздух.

- Ничего дышится, а?

- Да, воздух что надо, - отозвался Главный программист Джеймс.

Бринн решил побродить по набережной, чтобы восстановить душевное равновесие. Зрелище огромных океанских судов, стоящих в гавани, всегда действовало на него умиротворяюще. Он размеренно шагал, стараясь осознать, что с ним произошло.

Этот дурацкий рассказ...

...которому он верил.

Ну а как же его долг и все эти пропащие годы, ушедшие на то, чтобы добиться права покупки обширной лесной территории? А заключенные в сделке возможности, которые он хотел закрепить и увенчать сегодня за столом у Бак стера?!

Он остановился и стал глядеть на корабль-гигант "Тезей"...

И Бринн представил себе Карибское море, лазурное небо тех краев, щедрое солнце, вино, полный, блаженный отдых. Нет, все это не для него! Изматывающая работа, постоянное напряжение всех душевных сил - такова доля, которую он сам себе избрал. И чего бы это ему ни стоило, он так и будет тащить этот груз, коченея под свинцово-серым нью-йоркским небом.

Но почему же, спрашивал он себя. Он обеспеченный человек. Дело его само о себе позаботится. Что ему мешает сесть на пароход и, стряхнув все заботы, провести год под южным солнцем?

Радостное возбуждение охватило его при мысли, что ни что этому не мешает. Он сам себе хозяин, у него есть мужество и воля. Если у него хватило сил, чтобы преуспеть в делах, то хватит и на то, чтобы от них отказаться, сбросить все с плеч и последовать желанию сердца.

А заодно спасти это проклятое дурацкое будущее.

"К черту Бакстера!" - говорил он себе.

Но все это было несерьезно.

Будущее было слишком туманно, слишком далеко. Вся эта история, возможно, хитрый подвох, придуманный его конкурентами.

Пусть будущее само о себе позаботится! Нед Бринн круто повернулся и зашагал прочь. Надо было торопиться, чтобы не опоздать к Бакстеру.

Поднимаясь на лифте в небоскребе Бакстера, Бринн старался ни о чем не

думать. Самое простое - действовать безотчетно. На шестнадцатом этаже он сошел и направился к секретарше.

- Меня зовут Бринн. Мы сегодня условились встретиться с мистером Бакстером.

- Да, мистер Бринн. Мистер Бакстер вас ждет. Проходите к нему без доклада.

Но Бринн с места не сдвинулся, его захлестнуло волной сомнений. Он подумал о судьбе грядущих поколений, которым угрожает своим поступком, подумал о докторе Свеге и о Главном программисте Эдвине Джеймсе, об этих серьезных, доброжелательных людях. Не стали бы они требовать от него такой жертвы, если бы не крайняя необходимость.

И еще одно обстоятельство пришло ему в голову...

Среди грядущих поколений будут и его потомки.

- Входите же, сэр! - напомнила ему девушка.

Но что-то внезапно захлопнулось в мозгу у Бринна.

- Я передумал, - сказал он каким-то словно чужим голосом. - Я отменяю свидание. Передайте мистеру Бакстеру, что... я очень сожалею обо всем.

Он повернулся и, чтобы сразу поставить на этом точку, стремглав сбежал вниз с шестнадцатого этажа.

В конференц-зале Всемирного планирующего совета пять представителей федеративных округов Земли сидели вокруг длинного стола в ожидании Эдвина Джеймса. Он вошел тщедушный человечек с причудливо некрасивым лицом.

- Ваши доклады! - сказал он.

Ааои, изрядно помятый после недавних приключений, поведал об их попытке применить насилие и о том, к чему это привело.

- Если бы вы заранее не связали нам руки, результаты, возможно, были бы лучше, - добавил он в заключение.

- Это еще как сказать, - отозвался Битти, пострадавший больше, чем Ааои.

Лан Ил доложил о частичном успехе и полной неудаче их совместной попытки с мисс Чандрагор. Бринн уже готов был сопровождать их в Индию - даже ценой отказа от свидания с Бакстером. К сожалению, ему представилась возможность сделать и то и другое.

В заключение Лан Ил философически посетовал на возмутительно ненадежные расписания пароходных компаний.

Главный программист Джеймс поднялся с места.

- Нам желательно было найти будущее, в котором Бен Бакстер сохранил бы жизнь и успешно завершил бы свою задачу по скупке лесных богатств Земли. Наиболее перспективной в этом смысле представлялась нам Главная

историческая линия, к которой мы с доктором Свегом и обратились.

- И вы до сих пор ничего нам не рассказали, - попеняла ему с места мисс Чандрагор. - Чем же у вас кончилось?

- Убеждение и призыв к разуму казались нам наилучшими методами воздействия. Поразмыслив как следует, Бринн отменил свидание с Бакстером. Однако...

Бакстер был низенький, плотный здоровяк с бычьей шеей и плешивой как колено головой; мутные глаза без всякого выражения глядели из-за золотого пенсне. На нем был обычный рабочий пиджак, украшенный на отвороте рубином в венчике из жемчужин - эмблема Уолл-стритского клуба.

Он уже с полчаса сидел неподвижно, размышляя о цифрах, господствующих тенденциях и намечающихся перспективах. Затрещал зуммер внутреннего телефона.

- Что скажете, мисс Кэссиди?

- Приходил мистер Бринн. Он только что ушел.

- Что такое?

- Я и сама не понимаю, мистер Бакстер. Он приходил сказать, что отменяет свидание.

- И как же он это выразил? Повторите дословно.

- Сказал, что вы его ждете, и я предложила ему пройти в кабинет. Он посмотрел на меня очень странно и даже нахмурился. Я еще подумала: чем-то он расстроен. И снова предложила ему пройти к вам. И тогда он сказал...

- Слово в слово, мисс Кэссиди!

- Да, сэр! Он сказал: я передумал. Я отказываюсь от свидания. Передайте мистеру Бакстеру, что я очень сожалею обо всем.

- И это все, что он сказал?

- До последнего слова!

- А потом что он сделал?

- Повернулся и побежал вниз.

- Побежал?

- Да, мистер Бакстер. Он не стал ждать лифта.

- Понимаю.

- Вам еще что-нибудь нужно, мистер Бакстер?

- Нет, больше ничего, мисс Кэссиди. Благодарю вас.

Бакстер выключил внутренний телефон и тяжело повалился в кресло.

Стаяло быть, Бринн уже знает!

Это единственное возможное объяснение. Каким-то образом слухи просочились. Он думал, что никто не узнает, по крайней мере до завтра. Но чего-то он не предусмотрел.

Губы его сложились в горькую улыбку. Он не обвинял Бринна, хотя не мешало бы тому зайти объясниться. А впрочем, нет. Пожалуй, так лучше.

Но каким образом до него дошло? Кто сообщил ему, что промышленная империя Бакстера - колосс на глиняных ногах, что она рушится, крошится в

самом основании?

Если бы эту новость можно было утаить хоть на день; хотя бы на несколько часов! Он бы заключил соглашение с Бринном. Новое предприятие влило бы жизнь в дела Бакстера. К тому времени, как все бы узналось, он создал бы новую базу для своих операций.

Бринн узнал - это его отпугнуло. Очевидно, знают все. А теперь уже никого не удержишь. Не сегодня завтра на него ринутся эти шакалы. А как же друзья, жена, компаньоны и маленькие люди... доверившие ему свою судьбу...

Что ж, у него уже много лет как созрело решение на этот случай.

Без колебаний Бакстер отпер ящик стола и достал небольшой пузырек. Он вынул оттуда две белые пилюли.

Всю жизнь он жил по своим законам. Пришло время умереть по ним.

Бен Бакстер положил пилюли на язык. Две минуты спустя он повалился на стол.

Его смерть ускорила пресловутый биржевой крах 1959 года.

Роберт ШЕКЛИ

ЦАРСКАЯ ВОЛЯ

пер. Н.Евдокимова

Просидев два часа на корточках под прилавком с посудой. Боб Грейнджер почувствовал, что у него затекли ноги. Он шевельнулся, желая неприметно изменить позу, и увесистая клюшка для гольфа с грохотом скатилась на пол с его колен.

- Тсс, - шепнула Джейнис; она крепко сжимала железную дубинку.

- Не думаю, чтобы он появился, - сказал Боб.

- Сиди тихонько, милый, - по-прежнему шепотом ответила Джейнис, напряженно вглядываясь в темноту.

Пока еще ничто не предвещало появления вора. Но вот уже целую неделю он приходил сюда каждую ночь, таинственно похищая генераторы, холодильники и кондиционеры. Таинственно - ибо не взламывал замков, не вырезал оконных стекол и не оставлял следов. Тем не менее каким-то чудом он забирался в магазин и каждый раз наносил изрядный урон их добру.

- Вряд ли из нашей затеи что-нибудь выйдет, - зашептал Боб. - В конце концов, если человек способен унести на спине генератор весом в несколько сот фунтов...

- Ничего, управимся, - возразила Джейнис с уверенностью, благодаря

которой в свое время получила звание старшего сержанта Женского мотопехотного корпуса. - Кроме того, должны же мы как-то унять его: ведь из-за этого откладывается наша свадьба.

Боб кивнул. На свои армейские сбережения они с Джейнис открыли в родном городке универсальный магазин и собирались пожениться, как только позволит доход. Однако если пропадают холодильники и кондиционеры...

- Кажется, я что-то слышу, - заметила Джейнис и перехватила дубинку поудобнее.

Где-то в магазине раздался едва уловимый шорох. Они затаили дыхание. Затем послышались приглушенные шаги - кто-то ступал по линолеуму.

- Когда он выйдет на середину зала, - прошептала Джейнис, - включай свет.

Наконец они различили в темном зале какое-то черное пятно. Боб включил свет и крикнул: "Ни с места!"

- Не может быть! - ахнула Джейнис, чуть не выронив дубинку. Боб обернулся и судорожно глотнул воздух.

Перед ними стоял детина ростом добрых три метра. На лбу его явственно проступали рожки, за спиной мотались крохотные крылышки. Одет он был в шаровары из грубой бумажной ткани индийского производства и белый спортивный свитер с алыми буквами на груди: "Политехнический им. Иблиса". На огромных ножищах красовались поношенные белые башмаки из оленьей кожи, а светлые волосы были подстрижены бобриком.

- Проклятье! - пробормотал незваный гость, увидев Боба и Джейнис. - Так и знал, что надо было прослушать в колледже курс невидимости.

Он обхватил руками живот и надул щеки. Мгновенно ноги его исчезли. Великан продолжал дуть изо всех сил, пока не стал невидимым живот, однако дальше дело не пошло.

- Не умею, - виновато сказал он и выдохнул весь воздух. Живот и ноги снова обозначились. - Сноровки не хватает. Проклятье!

- Чего тебе надо? - спросила. Джейнис, грозно выпрямившись во все свои полтора с небольшим метра.

- Чего надо? Сейчас соображу. Ах да, вентилятор! - Он пересек зал и легко поднял с пола большой вентилятор.

- Постой! - крикнул Боб. Он подошел к гиганту, держа наготове клюшку для гольфа. Джейнис выглядывала из-за его спины. - Интересно, куда это ты с ним собрался?

- К царю Алериану, - ответил гигант. - Он возжелал владеть вентилятором.

- Ах, возжелал, вот оно что! - протянула Джейнис. - Ну-ка, поставь на место. - Она замахнулась дубинкой.

- Но ведь я тут ни при чем, - возразил молодой гигант, нервно подрагивая крылышками. - Царь его возжелал.

- Пеняй на себя, - сквозь зубы процедила Джейнис.

После службы в армии, где она ремонтировала моторы для джипов, Джейнис была в отличной форме, несмотря на малый рост. Она хватила гиганта дубинкой; при этом ее светлые волосы беспорядочно разметались.

- Ух! - воскликнула Джейнис.

Дубинка отскочила от головы странного существа, едва не свалив девушку с ног. В тот же миг Боб замахнулся клюшкой, норовя пересчитать гиганту ребра.

Клюшка прошла сквозь гиганта и, подскочив, упала на пол.

- На ферру сила не действует, - извиняющимся тоном сообщил гигант.

- На кого? - переспросил Боб.

- На ферру. Мы приходимся двоюродными братьями джиннам, а по женской линии состоим в родстве с дэвами. - Он снова направился к центру зала, зажав вентилятор в широченном кулаке. - А теперь, с вашего разрешения...

- Это демон? - От изумления Джейнис разинула рот.

В детстве родители запрещали ей слушать сказки о призраках и демонах, и Джейнис выросла трезвой реалисткой. Она ловко чинила любые механизмы - таков был ее пай в деловом товариществе. Все сколько-нибудь более причудливое она предоставляла Бобу.

Боб, воспитанный на щедрых порциях Бэрроуза и "Волшебника Изумрудного Города", оказался более легковерным.

- Вы хотите сказать, что вышли из "Тысячи и одной ночи"? - спросил он.

- Да нет же, - поморщился ферра. - Арабские джинны приходятся мне двоюродными братьями. Все демоны связаны между собою узами родства, но я - ферра, из рода ферр.

- Будьте любезны, скажите, пожалуйста, - почтительно обратился Боб к гостю, - для чего вам понадобился генератор, холодильник и кондиционер?

- С охотой и удовольствием, - ответил ферра, ставя вентилятор на пол.

Он пошарил рукой в воздухе, нашел то, что искал, и уселся на пустоту. Затем скрестил под собой ноги и зашнуровал потуже один башмак.

- Недельки три назад я окончил политехнический колледж имени Иблиса, - приступил он к своему повествованию. - И конечно, тотчас же подал заявление на государственную гражданскую службу. Испокон веков мои предки были государственными чиновниками, так уж у нас в роду повелось. Ну и вот,

заявлений, как всегда, была целая куча, так что я...

- На государственную гражданскую службу? - повторил Боб.

- Ну да. Это ведь все государственные посты - даже джинн волшебной лампы Аладдина был правительственным чиновником. Надо, видите ли, пройти специальные испытания...

- Не отвлекайся, - попросил Боб.

- Так вот... - Поклянитесь, что это останется между нами... - Я получил работу по знакомству. - Гость вспыхнул от смущения, и щеки его стали оранжевыми. - Мой отец - член Совета преисподней - пустил в ход все свое влияние. Меня назначили феррой Царского кубка, обойдя 4000 ферр с ученой степенью. Это большая честь, знаете ли.

Все помолчали, и ферра заговорил вновь.

- Надо признаться, я не был как следует подготовлен, промолвил он печально. - Ферра кубка должен быть искусником во всех областях демонологии. А я только-только со студенческой скамьи, да еще с посредственными отметками. Но мне, разумеется, казалось, будто я с чем угодно справлюсь.

Ферра на мгновение умолк и уселся в воздухе поудобнее.

- Однако не стоит морочить вам голову своими заботами, - опомнился он, соскакивая с воздуха на пол. - Еще раз прошу прощения...

Он поднял с пола вентилятор.

- Минуточку, - сказала Джейнис. - Это царь приказал тебе взять именно наш вентилятор?

- Отчасти, - ответил ферра, вновь окрашиваясь в оранжевый цвет.

- Скажи-ка, - поинтересовалась Джейнис. - а твой царь богат? - Пока что она решила обращаться с этим сверхъестественным явлением как с обыкновенным человеком.

- Он весьма состоятельный монарх.

- В таком случае почему он не платит за это барахло деньги? - осведомилась Джейнис. - Для чего ему обязательно нужно краденое?

- Ну, - промямлил ферра, - ему просто негде купить.

"Какая-нибудь отсталая восточная страна", - подумала Джейнис.

- Отчего бы ему не ввозить электротовары из-за границы? Любая фирма с радостью пойдет ему навстречу, - произнесла она вслух.

- Все это страшно неудобно, - уклонился от ответа ферра и потер один башмак о другой. - Жаль, что я не могу стать невидимкой.

- Выкладывай, - не отставал Боб.

- Если хотите знать, - угрюмо ответил ферра, - царь Алериан живет в том времени, которое вы называете двухтысячным годом до вашей эры.

- Тогда каким же...

- Да погодите, - сердито сказал молодой ферра. - Я вам все объясню. -

Он вытер вспотевшие руки о белый свитер. Как я уже рассказывал, мне досталась должность ферры Царского кубка. Я, естественно, ожидал, что царь потребует драгоценных камней или прекрасных женщин - то и другое я доставил бы ему без труда. Этот раздел колдовства входит в программу первого семестра. Однако драгоценных камней у царя было достаточно, а жен больше чем достаточно, - он совершенно не знал, что с ними делать. И вот он приказал мне - что бы вы думали? "Ферра, летом в моем дворце жарко. Сотвори нечто такое, что принесло бы во дворец прохладу".

Я тут же понял, что попался. Ферры учатся изменять климат лишь на специальных семинарах. Наверное, я слишком много времени убивал на беговой дорожке. Что называется, влип.

Я поспешно обратился к Большой магической энциклопедии и посмотрел статью "Климат". Заклинания оказались для меня чересчур сложными. О том, чтобы просить помощи, не могло быть и речи. Это означало бы расписаться в собственной непригодности. Однако я вычитал, что в двадцатом веке существует искусственное управление климатом. Тогда я проник в будущее по узенькой тропинке и взял один из ваших кондиционеров. Потом царь повелел сделать так, чтобы его яства не портились, и я вернулся за холодильником. Потом...

- И все это ты подключал к генератору? - спросила Джейнис, которую занимала техническая сторона вопроса.

- Да. Я, может, не так уж силен в заклинаниях, зато в технике кое-что смыслю.

"А ведь у него концы с концами сходятся", - подумал Боб. Действительно, кто умел за 2000 лет до нашей эры создавать во дворце прохладу? За все сокровища мира нельзя было купить струю ледяного воздуха из кондиционера или холодильник, гарантирующий свежесть пищи. Однако Бобу не давала покоя мысль: что же это за демон? На ассирийского не похож. Что не египетский - ясно...

- Нет, не понимаю, - сказала Джейнис. - В прошлом? Ты имеешь в виду путешествие по времени?

- Именно. В колледже я специализировался в путешествиях по времени, - подтвердил ферра с мальчишечьи горделивой ухмылкой.

"Может быть, ацтекский, - думал тем временем Боб, - хотя это маловероятно..."

- Что ж, - посоветовала Джейнис, - обратись еще куда-нибудь. Почему бы тебе, например, не ограбить крупный универсальный магазин в столице?

- Ваш магазин - единственный, куда приводит тропинка во времени, - пояснил ферра.

Он поднял вентилятор.

- Мне, право же, неприятно, но если я не выдвинусь у царя Алериана, то никогда уже не получу другого назначения. Имя мое будет предано забвению.

И он исчез.

Полчаса спустя Боб и Джейнис сидели в угловой кабинке кафе, работающего круглосуточно. Они пили черный кофе и вполголоса переговаривались.

- Не верю ни единому слову! - горячилась Джейнис, к которой вернулся весь природный скепсис. - Демоны! Ферры!

- Придется тебе поверить, - устало отозвался Боб. - Ты ведь видела своими глазами.

- Не следует верить всему, что видишь, - стойко ответила Джейнис. Однако тут же она вспомнила об утраченных товарах, улетучившихся доходах и о свадьбе, отодвигающейся все дальше и дальше. - Ну да ладно, - сказала она. - Ох, милый, что же нам делать?

- С магией надо бороться при помощи магии, - назидательно изрек Боб. - Завтра ночью он вернется. Уж тут-то мы подготовимся.

- Я тоже так считаю, - поддержала его Джейнис. - Я знаю, где можно одолжить винчестер...

Боб покачал головой.

- Пули отскочат от него или пройдут насквозь, не причинив вреда. Добрая, испытанная магия - вот что нам нужно. Клин клином вышибают.

- А какая именно магия? - спросила Джейнис.

- Чтобы действовать наверняка, - ответил Боб, - мы уж лучше прибегнем ко всем известным видам магии. Как жаль, что я не знаю, откуда он родом. Чтобы мы получили желательный эффект, магия должна...

- Еще кофе? - спросил внезапно выросший перед ними буфетчик.

Боб виновато взглянул на него; а Джейнис покраснела.

- Пойдем отсюда, - предложила она. - Если кто-нибудь нас подслушает, мы станем всеобщим посмешищем - хоть беги из городка.

Вечером они встретились в магазине. Весь день Боб провел в библиотеке, подбирая материал. Плодом его стараний были 25 листов, с обеих сторон покрытых неуклюжими каракулями.

- А все-таки жаль, что у нас нет винчестера, - сказала Джейнис, захватившая из секции металлических изделий шоферский домкрат.

В 23.45 появился ферра.

- Привет, - заявил он. - Где вы держите электрокамины? Царю угодно что-нибудь на зиму. Открытые очаги ему надоели. Слишком сильный сквозняк.

- Изыди во имя креста! - торжественно начал Боб и показал ферре крест.

- Прошу прощения, - любезно откликнулся гость. - Ферры с христианством не связаны.

- Изыди во имя Намтару и Тиамат! - продолжал Боб, ибо в его конспектах первой значилась Месопотамия. - Во имя обитателя пустынь Шамаша, во имя Телаля и Энлиля...

- Ага, вот они, - пробормотал ферра. - Отчего я вечно ввязываюсь в какие-то неприятности? Это электрическая модель, не газовая? Камин, похоже, малость подержанный.

- Призываю создателя лодок Рату, - нараспев затянул Боб, переключаясь на Полинезию, - и покровителя травяных передников Хину.

- Еще чего, подержанный, - обозлилась Джейнис, в душе которой деловые инстинкты взяли верх. - Гарантия на год. Безоговорочная.

- Взываю к Небесному Волку, - перешел Боб к Китаю, когда Полинезия не подействовала. - К Волку, стерегущему врата Верховного божества Шан Ди. Призываю бога грома Ли Куна...

- Постойте, ведь это инфралучевая духовка, - сказал ферра как ни в чем не бывало. - Ее-то мне и надо. И еще ванну. У вас есть ванны?

- Зову Ваала, Буэра, Форкия, Мархоция, Астарту...

- Ванны здесь, не так ли? - спросил ферра у Джейнис, и та непроизвольно кивнула. - Возьму, пожалуй, самую большую. Царь довольно крупный мужчина.

- ...Единорога, Фетида, Асмодея и Инкуба! - закончил Боб.

Ферра покосился на него не без уважения.

Боб гневно призвал персидского владыку света Ормузда, а за ним - божество аммонов Молоха и божество древних филистимлян Дагона.

- Больше я, наверное, не унесу, - размышлял ферра вслух.

Боб помянул Дамбаллу, потом взмолился аравийским богам. Он испробовал фессалийскую магию и заклинания Малой Азии. Он пытался растрогать малайских духов и расшевелить ацтекских идолов. Он двинул в бой Африку, Мадагаскар, Индию, Ирландию, Малайю, Скандинавию и Японию.

- Это внушительно, - признал ферра, - но все равно ни к чему не приведет. - Он взвалил на себя ванну, духовку и камин.

- А почему? - задохнулся от изумления Боб, который совершенно выбился из сил.

- Видишь ли, на ферр действуют только заклинания родной страны. Точно

так же джинны подчиняются лишь магическим законам Аравии. Кроме того, ты не знаешь, как меня зовут; уверяю тебя, немногого добьешься, изгоняя демона, имя которого тебе неизвестно.

- Из какой же ты страны? - спросил Боб, вытирая пот со лба.

- Э, нет! - спохватился ферра. - Зная страну, ты можешь отыскать против меня верное заклинание. - А у меня и так хлопот полон рот.

- Послушай, - вмешалась Джейнис. - Если царь так богат, отчего бы ему не расплатиться с нами?

- Царь никогда не платит за то, что может получить даром, - ответил ферра. - Поэтому он и богат.

Боб и Джейнис пронзили его яростным взглядом, поняв, что свадьба уплывает в неопределенное будущее.

- Завтра ночью увидимся. - С этими словами ферра дружелюбно помахал рукой и исчез.

- Ну и ну, - сказала Джейнис, когда ферра скрылся. - Что же теперь делать? У тебя есть еще какие-нибудь блестящие идеи?

- Решительно никаких, - ответил Боб, тяжело опускаясь на тахту.

- Может, еще нажмем на магию? - спросила Джейнис с легчайшей примесью иронии.

- Ничего не выйдет, - отрезал Боб. - Ни в одной энциклопедии я не нашел слов "ферра" и "царь Алериан". Он, наверное из тех краев, о каких мы и слыхом не слыхивали. Возможно, из какого-нибудь карликового княжества в Индии.

- Везет как утопленникам, пожаловалась Джейнис, отбросив иронический тон - Что же нам делать? В следующий раз ему, я думаю, понадобится пылесос, а потом магнитофон.

Она закрыла глаза и стала сосредоточенно думать,

- Он и впрямь лезет из кожи вон, лишь бы только выдвинуться, - заметил Боб.

- Я, кажется, придумала, - объявила Джейнис, открывая глаза.

- Что именно?

- На первом месте для нас должна быть наша торговля и наша свадьба. Правильно?

- Правильно, - ответил Боб.

- Ладно. Пусть я не бог весть какой мастак в заклинаниях, - подытожила Джейнис, засучив рукава, - зато в технике я разбираюсь. Живо, за работу.

На следующие сутки ферра нанес им визит без четверти одиннадцать. На госте был все тот же белый свитер, но башмаки из оленьей кожи он сменил на рыжевато-коричневые мокасины.

- Нынче царь меня торопит, как никогда, - сказал он. - Новая жена всю душу из него вымотала. Оказывается, ее наряды выдерживают только одну стирку. Рабы колотят их о камень.

- Понятно, - сочувственно произнес Боб.

- Бери, пожалуйста, не стесняйся, - предложила Джейнис.

- Это страшно любезно с вашей стороны, - с признательностью вымолвил ферра. - Поверьте, я способен это оценить. - Он выбрал стиральную машину. - Царица ждет.

И ферра скрылся.

Боб предложил Джейнис сигаретку. Они уселись на кушетку и стали ждать. Через полчаса ферра появился вновь.

- Что вы натворили? - спросил он.

- А что случилось? - невинно откликнулась Джейнис.

- Стиральная машина! Когда царица ее включила, оттуда вырвалось облако зловонного дыма. Затем раздался какой-то чудной звук, и машина остановилась.

- На нашем языке, - прокомментировала Джейнис, пустив кольцо дыма, - это называется "машинка с фокусом".

- С фокусом?

- С "покупкой". С сюрпризом. С изъянцем. Как и все остальное в нашем магазине.

- Но вы же не имеете права! - воскликнул ферра. - Это нечестно!

- Ты такой способный, - ядовито ответила Джейнис. - Валяй, чини.

- Я похвастал, - смиренно промолвил ферра. - Вообще-то я гораздо сильнее в спорте.

Джейнис улыбнулась и зевнула.

- Да полноте, - умолял ферра, нервно подрагивая крылышками.

- Очень жаль, но я ничем не могу помочь, - сказал Боб.

- Вы ставите меня в ужасное положение, - не унимался ферра, - меня понизят в должности. Вышвырнут с государственной службы.

- Но мы ведь не можем допустить своего разорения, правда? - спросила Джейнис.

С минуту Боб размышлял.

- Послушай-ка, - предложил он. - Почему бы тебе не доложить царю, что ты столкнулся с мощной антимагией? Скажи, что, если ему нужны эти товары, пусть платит пошлину демонам преисподней.

- Ему это придется не по нраву, - с сомнением произнес ферра.

- Во всяком случае, попытайся, - предложил Боб.

- Попытаюсь, - сказал ферра и исчез.

- Как по-твоему, сколько можно запросить? - нарушила молчание Джейнис.

- Да посчитай ему по стандартным розничным ценам. В конце концов, мы создавали магазин в расчете на честную торговлю. Мы ведь не собирались проводить дискриминацию. А все же хотел бы я знать, откуда он родом.

- Царь так богат, - мечтательно проговорила Джейнис. - По-моему,
просто грех не...

- Постой! - вскричал Боб. - Это невозможно! Разве в 2000 году до
нашей эры мыслимы холодильники? Или кондиционеры?

- Что ты имеешь в виду?

- Это изменило бы весь ход истории! - объяснил Боб. - Посмотрит
какой-нибудь умник на эти штуки и смекнет, как они действуют. И тогда
изменится весь ход истории!

- Ну и что? - спросила практичная Джейнис.

- Что? Да то, что научный поиск пойдет по другому пути. Изменится
настоящее.

- Ты хочешь сказать, что это невозможно?

- Да.

- Именно это я все время и говорила, - торжествующе заметила Джейнис.

- Да перестань, - обиделся Боб. - Надо было подумать обо всем раньше.
Из какой бы страны этот ферра не происходил, она обязательно окажет
влияние на будущее. Мы не вправе создавать парадокс.

- Почему? - спросила Джейнис, но в это мгновение появился ферра.

- Царь изъявил согласие, - сообщил он. - Хватит ли этого в уплату за
все, что я у вас брал? - Он протянул маленький мешочек.

Высыпав содержимое из мешочка. Боб обнаружил две дюжины крупных
рубинов, изумрудов и бриллиантов.

- Мы не можем их принять, - заявил Боб. - Мы не можем вести с тобой
дела.

- Не будь суеверным! - вскричала Джейнис, видя, что свадьба вновь
ускользает.

- А, собственно, почему? - спросил ферра.

- Нельзя отправлять современные вещи в прошлое, - пояснил Боб. -
Иначе изменится настоящее. Или перевернется мир, или еще какая-нибудь
напасть приключится.

- Да ты об этом не беспокойся, - примирительно сказал ферра. - Ничего
не случится, я гарантирую.

- Как знать? Ведь если бы ты привез стиральную машину в Древний
Рим...

- К несчастью, - вставил ферра, - государство царя Алериана лишено
будущего.

- Не можешь ли разъяснить свою мысль?

- Запросто. - Ферра уселся в воздухе. - Через три года царь Алериан и
его страна будут совершенно и безвозвратно стертые лица земли силами
природы. Не уцелеет ни один человек. Не сохранится ни единого глиняного
черепка.

- Отлично, - заключила Джейнис, поднеся рубин к свету. - Нам бы лучше разгрузиться, пока он еще заключает сделки.

- Тогда, пожалуй, другое дело, - сказал Боб. Их магазин был спасен. Пожениться они могли хоть завтра. - А что же станет с тобой? - спросил он ферру.

- Ну что ж, я недурно показал себя на этой работе, - ответил ферра. - Скорее всего, попрошусь в заграничную командировку. Я слыхал, что перед арабским колдовством открываются необозримые перспективы.

Он благодушно провел рукой по светлым, коротко подстриженным волосам.

- Я буду наведываться, - предупредил он и начал исчезать.

- Минуточку, - вскочил Боб. - Не скажешь ли ты, из какой страны ты явился? И где правит царь Алериан?

- Пожалуйста, - ответил ферра, у которого была видна только голова. - Я думал, вы догадались. Ферры - это демоны Атлантиды.

С этими словами он исчез.

Роберт ШЕКЛИ

БИТВА

пер. И.Гурова

Верховный главнокомандующий Феттерер стремительно вошел в оперативный зал и рявкнул:

- Вольно!

Три его генерала послушно встали вольно.

- Лишнего времени у нас нет, - сказал Феттерер, взглянув на часы. - Повторим еще раз предварительный план сражения.

Он подошел к стене и развернул гигантскую карту Сахары.

- Согласно наиболее достоверной теологической информации, полученной нами, Сатана намерен вывести свои силы на поверхность вот в этом пункте. - Он ткнул в карту толстым пальцем. - В первой линии будут дьяволы, демоны, суккубы, инкубы и все прочие того же класса. Правым флангом командует Велиал, левым - Вельзевул. Его Сатанинское Величество возглавит центр.

- Попахивает средневековьем, - пробормотал генерал Делл.

Вошел адъютант генерала Феттерера. Его лицо светилось счастьем при мысли об Обещанном Свыше.

- Сэр, - сказал он, - там опять священнослужитель.

- Извольте стать смирно, - строго сказал Феттерер. - Нам еще предстоит сражаться и победить.

- Слушаю, сэр, - ответил адъютант и вытянулся. Радость на его лице поугасла.

- Священнослужитель, гм? - Верховный главнокомандующий Феттерер задумчиво пошевелил пальцами.

После Пришествия, после того, как стало известно, что грядет Последняя Битва, труженики на всемирной ниве религий стали сущим наказанием. Они перестали грызться между собой, что само по себе было похвально, но, кроме того, они пытались забрать в свои руки ведение войны.

- Гоните его, - сказал Феттерер. - Он же знает, что мы разрабатываем план Армагеддона.

- Слушаю, сэр, - сказал адъютант, отдал честь, четко повернулся и вышел, печатая шаг.

- Продолжим, - сказал верховный главнокомандующий Феттерер. - Во втором эшелоне Сатаны расположатся воскрешенные грешники и различные стихийные силы зла. В роли его бомбардировочной авиации выступят падшие ангелы. Их встретят роботы-перехватчики Делла.

Генерал Делл угрюмо улыбнулся.

- После установления контакта с противником автоматические танковые корпуса Мак-Фи двинутся на его центр, поддерживаемые роботопехотой генерала Онгина, - продолжал Феттерер. - Делл будет руководить водородной бомбардировкой тылов, которая должна быть проведена максимально массированно. Я по мере надобности буду в различных пунктах вводить в бой механизированную кавалерию.

Вернулся адъютант и вытянулся по стойке смирно.

- Сэр, - сказал он, - священнослужитель отказался уйти. Он заявляет, что должен непременно поговорить с вами.

Верховный главнокомандующий Феттерер хотел было сказать "нет", но заколебался. Он вспомнил, что это все-таки Последняя Битва и что труженики на ниве религий действительно имеют к ней некоторое отношение. И он решил уделить священнослужителю пять минут.

- Пригласите его войти, - сказал он.

Священнослужитель был облачен в обычные пиджак и брюки, показывавшие, что он явился сюда не в качестве представителя какой-то конкретной религии. Его усталое лицо дышало решимостью.

- Генерал, - сказал он, - я пришел к вам как представитель всех тружеников на всемирной ниве религий - патеров, раввинов, мулл, пасторов и

всех прочих. Мы просим вашего разрешения, генерал, принять участие в Битве Господней.

Верховный главнокомандующий Феттерер нервно забарабанил пальцами по бедру. Он предпочел бы остаться в хороших отношениях с этой братией. Что ни говори, а даже ему, верховному главнокомандующему, не повредит, если в нужный момент за него замолвят доброе слово...

- Поймите мое положение, - тоскливо сказал Феттерер. - Я - генерал, мне предстоит руководить битвой...

- Но это же Последняя Битва, - сказал священнослужитель. - В ней подобает участвовать людям.

- Но они в ней и участвуют, - ответил Феттерер. - Через своих представителей, военных.

Священнослужитель поглядел на него с сомнением. Феттерер продолжал:

- Вы же не хотите, чтобы эта битва была проиграна, не так ли? Чтобы победил Сатана?

- Разумеется, нет, - пробормотал священник.

- В таком случае мы не имеем права рисковать, - заявил Феттерер. - Все правительства согласились с этим, не правда ли? Да, конечно, было бы очень приятно ввести в Армагеддон массированные силы человечества. Весьма символично. Но могли бы мы в этом случае быть уверенными в победе?

Священник попытался что-то возразить, но Феттерер торопливо продолжал:

- Нам же неизвестна сила сатанинских полчищ. Мы обязаны бросить в бой все лучшее, что у нас есть. А это означает - автоматические армии, роботы-перехватчики, роботы-танки, водородные бомбы.

Священнослужитель выглядел очень расстроенным.

- Но в этом есть что-то недостойное, - сказал он. - Неужели вы не могли бы включить в свои планы людей?

Феттерер обдумал эту просьбу, но выполнить ее было невозможно. Детально разработанный план сражения был совершенен и обеспечивал верную победу. Введение хрупкого человеческого материала могло только все испортить. Никакая живая плоть не выдержала бы грохота этой атаки механизмов, высоких энергий, пронизывающих воздух, всепожирающей силы огня. Любой человек погиб бы еще в ста милях от поля сражения, так и не увидев врага.

- Боюсь, это невозможно, - сказал Феттерер.

- Многие, - сурово произнес священник, - считают, что было ошибкой поручить Последнюю Битву военным.

- Извините, - бодро возразил Феттерер, - это пораженческая болтовня. С вашего разрешения...

Он указал на дверь, и священнослужитель печально вышел.

- Ох, уж эти штатские, - вздохнул Феттерер. - Итак, господа, ваши войска готовы?

- Мы готовы сражаться за Него, - пылко произнес генерал Мак-Фи. - Я могу поручиться за каждого автоматического солдата под моим началом. Их металл сверкает, их реле обновлены, аккумуляторы полностью заряжены. Сэр, они буквально рвутся в бой.

Генерал Онгин вышел из задумчивости.

- Наземные войска готовы, сэр.

- Воздушные силы готовы, - сказал генерал Делл.

- Превосходно, - подвел итог генерал Феттерер. - Остальные приготовления закончены. Телевизионная передача для населения всего земного шара обеспечена. Никто, ни богатый, ни бедный, не будет лишен зрелища Последней Битвы.

- А после битвы... - начал генерал Онгин и умолк, поглядев на Феттерера.

Тот нахмурился. Ему не было известно, что должно произойти после битвы. Этим, по-видимому, займутся религиозные учреждения.

- Вероятно, будет устроен торжественный парад или еще что-нибудь в этом роде, - ответил он неопределенно.

- Вы имеете в виду, что мы будем представлены... Ему? - спросил генерал Делл.

- Точно не знаю, - ответил Феттерер, - но вероятно. Ведь все-таки... Вы понимаете, что я хочу сказать.

- Но как мы должны будем одеться? - растерянно спросил генерал Мак-Фи. - Какая в таких случаях предписана форма одежды?

- Что носят ангелы? - осведомился Феттерер у Онгина.

- Не знаю, - сказал Онгин.

- Белые одеяния? - предположил генерал Делл.

- Нет, - твердо ответил Феттерер. - Наденем парадную форму, но без орденов.

Генералы кивнули. Это отвечало случаю.

И вот пришел срок.

В великолепном боевом облачении силы Ада двигались по пустыне. Верещали адские флейты, ухали пустотелые барабаны, посылая вперед призрачное воинство. Вздымая слепящие клубы песка, танки-автоматы генерала Мак-Фи ринулись на сатанинского врага. И тут же бомбардировщики-автоматы Делла с визгом пронеслись в вышине, обрушивая бомбы на легионы погибших

душ. Феттерер мужественно бросал в бой свою механическую кавалерию. В этот хаос двинулась роботопехота Онгина, и металл сделал все, что способен сделать металл.

Орды адских сил врезались в строй, раздирая в клочья танки и роботов. Автоматические механизмы умирали, мужественно защищая клочок песка. Бомбардировщики Делла падали с небес под ударами падших ангелов, которых вел Мархозий, чьи драконьи крылья закручивали воздух в тайфуны.

Потрепанная шеренга роботов выдерживала натиск гигантских злых духов, которые крушили их, поражая ужасом сердца телезрителей во всем мире, не отводивших зачарованного взгляда от экранов. Роботы дрались как мужчины, как герои, пытаясь оттеснить силы зла.

Астарот выкрикнул приказ, и Бегемот тяжело двинулся в атаку. Велиал во главе клина дьяволов обрушился на заколебавшийся левый фланг генерала Феттерера. Металл визжал, электроны выли в агонии, не выдерживая этого натиска.

В тысяче миль позади фронта генерал Феттерер вытер дрожащей рукой вспотевший лоб, но все так же спокойно и хладнокровно отдавал распоряжения, какие кнопки нажать и какие рукоятки повернуть. И великолепные армии не обманули его ожиданий. Смертельно поврежденные роботы поднимались на ноги и продолжали сражаться. Разбитые, сокрушенные, разнесенные в клочья завывающими дьяволами, роботы все-таки удержали свою позицию. Тут в контратаку был брошен Пятый корпус ветеранов, и вражеский фронт был прорван.

В тысяче миль позади линии огня генералы руководили преследованием.

- Битва выиграна, - прошептал верховный главнокомандующий Феттерер, отрываясь от телевизионного экрана. - Поздравляю, господа.

Генералы устало улыбнулись.

Они посмотрели друг на друга и испустили радостный вопль. Армагеддон был выигран, и силы Сатаны побеждены.

Но на их телевизионных экранах что-то происходило.

- Как! Это же... это... - начал генерал Мак-Фи и умолк.

Ибо по полю брани между грудами исковерканного, раздробленного металла шествовала Благодать.

Генералы молчали.

Благодать коснулась изуродованного робота. И роботы зашевелились по всей дымящейся пустыне. Скрученные, обгорелые, оплавленные куски металла обновлялись.

И роботы встали на ноги.

- Мак-Фи, - прошептал верховный главнокомандующий Феттерер. - Нажмите на что-нибудь - пусть они, что ли, на колени опустятся.

Генерал нажал, но дистанционное управление не работало.

А роботы уже воспарили к небесам. Их окружали ангелы господни, и роботы-танки, роботопехота, автоматические бомбардировщики возносились все выше и выше.

- Он берет их заживо в рай! - истерически воскликнул Онгин. - Он берет в рай роботов!

- Произошла ошибка, - сказал Феттерер. - Быстрее! Пошлите офицера связи... Нет, мы поедем сами.

Мгновенно был подан самолет, и они понеслись к полю битвы. Но было уже поздно: Армагеддон кончился, роботы исчезли, и Господь со своим воинством удалился восвояси.

Роберт ШЕКЛИ

БИЛЕТ НА ПЛАНЕТУ ТРАНАЙ

Перевод с английского А.Вавилова, Ю.Логинова

В один прекрасный июньский день высокий, худощавый, серьезного вида, скромно одетый молодой человек вошел в контору Межзвездного Бюро Путешествий. Он равнодушно прошел мимо яркого плаката, изображающего Праздник урожая на Марсе. Громадное фотопанно танцующих лесов на Триганиуме не привлекло его взгляда. Он оставил без внимания и несколько двусмысленную картину обряда рассвета на планете Опиукус-II и подошел к столу агента.

- Я хотел бы заказать билет на планету Транай, - сказал молодой человек.

Агент закрыл журнал "Полезные изобретения", который он читал, и сдвинул брови.

- Транай? Транай? Это, кажется, одна из лун Кента-IV?

- Нет, - ответил молодой человек. - Транай - планета, обращающаяся вокруг звезды, носящей то же название. Я хочу туда съездить.

- Никогда о ней не слышал. - Агент взял с полки Звездный каталог, туристскую звездную карту и справочник под названием "Редкие межпланетные маршруты".

- Так, - сказал агент уверенным голосом. - Каждый день приходится узнавать что-то новое. Значит, вы хотите заказать билет на планету Транай, мистер...

- Гудмэн. Марвин Гудмэн.

- Гудмэн... Так вот, оказывается, Транай - одна из самых далеких от Земли планет, на краю Млечного Пути. Туда никто не ездит.

- Знаю. Вы оформите мне проезд? - спросил Гудмэн, и в голосе его послышалось подавляемое волнение.

Агент покачал головой:

- Никаких шансов. Даже нон-скеды не забираются так далеко.

- До какого ближайшего пункта вы можете меня отправить?

Агент подкупающее улыбнулся:

- Зачем об этом беспокоиться? Я могу направить вас на планету, на которой будет все, чем располагает Транай, плюс такие дополнительные преимущества, как быстрое сообщение, сниженные цены, комфортабельные отели, экскурсии...

- Я еду на Транай, - угрюмо сказал Гудмэн.

- Но туда невозможно добраться, терпеливо начал объяснять агент, - Что вы рассчитываете там найти? Возможно, я мог бы помочь.

- Вы можете помочь мне, оформив билет хотя бы до...

- Вы ищете приключений? - перебил его агент, быстро окинув взглядом тощую сутулую фигуру Гудмэна. - Могу предложить планету Африканус-II, доисторический мир, населенный дикими племенами, саблезубыми тиграми, человекоядными папоротниками; там есть зыбучие пески, действующие вулканы, птеродактили и все такое прочее. Экспедиции отправляются из Нью-Йорка каждый пятый день, причем максимальный риск сочетается с абсолютной безопасностью. Вам гарантируется голова динозавра, иначе мы возвращаем деньги назад.

- Транай, - сказал Гудмэн.

- Гм, - клерк оценивающе взглянул на упрямо сжатый рот и немигающие глаза клиента. - Возможно, вам надоели пуританские правила на Земле? Тогда позвольте предложить вам путешествие на Альмагордо-III - "Жемчужину южного звездного пояса". Наш десятидневный тур в кредит предусматривает посещение таинственного альмагордийского туземного квартала, восьми ночных клубов (первая рюмка за счет фирмы), осмотр цинталовой фабрики, где вы сможете с колоссальной скидкой купить настоящие цинталовые пояса, обувь и бумажники, а также осмотр двух винных заводов. Девушки на Альмагордо красивы,

жизнерадостны и обезоруживающе наивны. Они считают туристов высшим и наиболее желанным типом человеческих существ. Кроме того...

- Транай, - повторил Гудмэн. До какого ближайшего пункта вы можете меня доставить?

Клерк нехотя вытащил стопку билетов.

- Вы можете долететь на "Королеве созвездий" до планеты Легис-II, затем пересесть на "Галактическую красавицу", которая доставит вас на Оуме. Там придется сделать пересадку на местный корабль, который останавливается на Мачанге, Инчанге, Панканге, Лекунге и Ойстере и высадит вас на Тунг-Брадаре IV, если не потерпит аварию в пути. Затем на нон-скеде вы пересечете Галактический вихрь (если удастся) и прибудете на Алумсридгию, откуда почтовая ракета летает до Белисморанти. Я слышал, что почтовая ракета все еще там курсирует. Таким образом, вы проделаете полпути, а дальше доберетесь сами.

- Отлично, - сказал Гудмэн. - Вы сможете приготовить необходимые бумаги к вечеру?

Агент кивнул.

- Мистер Гудмэн, - спросил он в отчаянии, - все-таки, что это за место - Транай?

На лице Гудмэна появилась блаженная улыбка.

- Утопия, - сказал он.

Марвин Гудмэн прожил большую часть жизни в небольшом городе Сикирке (штат Нью-Джерси), которым в течение почти пятидесяти лет управляли сменяющие друг друга политические боссы. Большинство граждан Сикирка равнодушно относилось к коррупции среди всех слоев государственных служащих, игорным домам, баталиям уличных шаек, пьянству среди молодежи. Они апатично наблюдали, как разрушаются их дороги, лопаются старые водопроводные трубы, выходят из строя электростанции и разваливаются их обветшалые жилые здания, в то время как боссы строят новые большие дома, новые большие плавательные бассейны и утепленные конюшни. Люди к этому привыкли. Но только не Гудмэн.

Прирожденный борец за справедливость, он писал разоблачительные статьи, которые нигде не печатались, посылал в Конгресс письма, которые никем не читались, поддерживал честных кандидатов, которые никогда не избирались. Он основал "Лигу городского благоустройства", организацию

"Граждане против гангстеризма", "Союз граждан за честные полицейские силы", "Ассоциацию борьбы с азартными играми", "Комитет равных возможностей для женщин" и дюжину других организаций.

Его усилия были безрезультатны. Апатичные горожане не интересовались этими вопросами. Политиканы открыто над ним смеялись, а Гудмэн не терпел насмешек над собой. В дополнение ко всем бедам его невеста ушла к горластому молодому человеку, который носил яркий спортивный пиджак и единственное достоинство которого заключалось в том, что он владел контрольным пакетом акций Сикиркской строительной корпорации.

Это был тяжелый удар. По-видимому, девушку Марвина не беспокоил тот факт, что Сикиркская строительная корпорация подмешивала непомерное количество песка в бетон и выпускала стальные балки на несколько дюймов уже стандарта. Невеста сказала как-то Гудмэну: "Боже мой, Марвин, ну и что такого? Так все делают. Нужно быть реалистом".

Гудмэн не собирался быть реалистом. Он сразу же ретировался в "Лунный бар" Эдди, где за рюмкой начал взвешивать привлекательные стороны травяного шалаша в зеленом аду Венеры.

В бар вошел старик с ястребиным лицом, державшийся очень прямо. По его тяжелой поступи человека, отвыкшего от земного притяжения, по бледному лицу, радиационным ожогам и пронзительным серым глазам Гудмэн определил, что это космический пилот.

- "Особый транайский", Сэм, - бросил бармену старый астронавт.

- Сию минуту, капитан Сэвидж, - ответил бармен.

- "Транайский"? - невольно вырвалось у Гудмэна.

- "Транайский", - сказал капитан. - Видно, никогда не слыхал о такой планете, сынок?

- Нет, сэр, - признался Гудмэн.

- Так вот, сынок, - сказал капитан Сэвидж. - что-то меня тянет на разговор сегодня, поэтому расскажу-ка я тебе о благословенной планете Транай, там, далеко за Галактическим Вихрем. Глаза капитана затуманились, и улыбка согрела угрюмо сжатые губы.

- В те годы мы были железными людьми, управлявшими стальными кораблями. Джонни Кавано, и Фрог Ларсен, и я пробрались бы в самый ад ради тонны терганиума. Да, и споили бы самого Вельзевула, если бы в экипаже не хватало людей. То были времена, когда от космической цинги умирал каждый третий и тень Большого Дэна Макклинтока витала над космическими трассами.

Молл Гэнн тогда еще хозяйничала в трактире "Красный петух" на астероиде 342-АА, заламывала по пятьсот земных долларов за кружку пива, и люди давали, потому что это было единственное заведение на десять миллиардов миль в округе. В те дни шайка скарбиков еще промышляла вдоль Звездного Пояса, а корабли, направлявшиеся на Проденгум, должны были лететь по страшной Прогнутой Стрелке. Так что можешь себе представить, сынок, что я почувствовал, когда однажды высадился на Транае.

Гудмэн слушал, как старый капитан рисовал картину той великой эпохи, когда хрупкие корабли бросали вызов железному небу, стремясь ввысь, в пространство, вечно туда - к дальним границам Галактики.

Там-то, на краю Великого Ничто, и находилась планета Транай.

Транай, где найден смысл существования и где люди уже не прикованы к Колесу! Транай - обильная, миролюбивая, процветающая, счастливая страна, населенная не святыми, не скептиками, не интеллектуалами, а людьми обычными, которые достигли Утопии.

В течение часа капитан Сэвидж рассказывал о многообразных чудесах планеты Транай. Закончив, он пожаловался на сухость в горле. "Космический катар", назвал он это состояние, и Гудмэн заказал ему еще один "Транайский особый" и один для себя. Потягивая экзотическую буро-зеленую смесь, Гудмэн погрузился в мечтания.

Наконец он мягко спросил:

- Почему бы вам не вернуться назад, капитан?

Старик покачал головой.

- Космический радикулит. Я застрял на Земле навсегда. В те дни мы понятия не имели о современной медицине. Теперь я гожусь лишь на сухопутную работу.

- А что вы сейчас делаете?

- Работаю десятником в Сикиркской строительной корпорации, - вздохнул старик. - Это я, который когда-то командовал пятидесятитрубным клипером... Ох, уж как эти люди делают бетон! Может быть, еще по маленькой в честь красавицы Транай?

Они еще несколько раз выпили по маленькой. Когда Гудмэн покидал бар, дело было решено. Где-то там, во Вселенной, найден модус вивенди, реальное осуществление древней мечты человека об идеальном обществе.

На меньшее он бы не согласился.

На следующий день он уволился с завода роботов в Ист-Косте, где работал конструктором, и забрал свои сбережения из банка.

Он отправлялся на Транай.

На "Королеве созвездий" он долетел до Легис-11, а затем на "Галактической красавице" - до Оуме. Сделав остановки на Мачанге, Инчанге, Панканге, Лекунге и Ойстере, которые оказались убогими местечками, он достиг Тунг-Брадара-IV. Без всяких инцидентов он пролетел сквозь Галактический Вихрь и, наконец, добрался до Белисморанти, где кончалась сфера влияния Земли.

За фантастическую сумму лайнер местной компании перевез его на Дваста-II, откуда на грузовой ракете он миновал планеты Севес, Олго и Ми и прибыл на двойную планету Мванти. Там он застрял на три месяца, но использовал это время, чтобы пройти гипнопедический курс транайского языка. Наконец, он нанял летчика, который доставил его на планету Динг.

На Динге он был арестован как хигастомеритреанский шпион, однако ему удалось бежать в грузовом отсеке ракеты, возившей руду для г'Мори. На г'Мори ему пришлось лечиться от обморожения, теплового удара и поверхностных радиационных ожогов. Там же он договорился о перелете на Транай.

Он уже отчаялся и не верил, что попадет к месту назначения, когда корабль пронесся мимо лун Доэ и Ри и опустился в порту планеты Транай.

Когда открылись шлюзы, Гудмэн ощутил глубокую депрессию. Частично она объяснялась усталостью, неизбежной после такого путешествия. Но была и другая причина: его внезапно охватил страх оттого, что Транай может оказаться химерой.

Он пересек всю Галактику, поверив на слово старому космическому летчику, Теперь его повесть звучала уже не столь убедительно. Скорее можно поверить в существование Эльдорадо, чем планеты Транай, к которой его так влекло.

Он сошел с корабля. Порт Транай казался довольно приятным городком. Улицы полны народу, в магазинах много товаров. Мужчины похожи на обычных людей. Женщины весьма привлекательны.

И все же он почувствовал что-то странное, что-то неуловимо, но в то же время ощутимо необычное. Вскоре он понял, в чем дело.

Ему попадалось по крайней мере десять мужчин на каждую женщину, и что более странно: все женщины, которых он видел, были моложе 18 или старше 35 лет. Что же случилось с женщинами от 18 до 35? Наложено ли какое-то табу

на их появление в общественных местах? Или виной тому эпидемия?

Надо подождать, вскоре он все узнает. Он направился в Идриг-Билдинг, где помещались все правительственные учреждения планеты, и представился в канцелярии министра по делам иноземцев. Его сразу провели к министру.

Кабинет был небольшой и очень заставленный, на стенах синели странные потеки. Что сразу поразило Гудмэна, так это дальнобойная винтовка с глушителем и телескопическим прицелом, которая зловеще висела на стене. Однако раздумывать над этим было некогда, так как министр вскочил с кресла и энергично пожал ему руку.

Министр был полным веселым мужчиной лет пятидесяти. На шее у него висел небольшой медальон с гербом планеты Транай: молния, раскалывающая початок кукурузы. Гудмэн правильно определил, что это официальный знак власти.

- Добро пожаловать на Транай, сердечно приветствовал его министр.

Он смахнул кипу бумаг с кресла и пригласил Гудмэна сесть.

- Господин министр... - официально начал Гудмэн по-транайски.

- Ден Мелит. Зовите меня просто Ден. Мы здесь не любим официальщины. Кладите ноги на сто и располагайтесь, как у себя дома. Сигару?

- Нет, спасибо, - сказал Гудмэн слегка ошарашенный. - Мистер... эээ... Ден, я приехал с планеты Земля, о которой вы, возможно, слышали.

- Конечно, слышал, - сказал министр. - Довольно нервное, суетливое место, не правда? Конечно, не хочу вас обидеть.

- Да-да. Я придерживаюсь того мнения о Земле. Причина, по которой я приехал... - Гудмэн запнулся, надеясь, что он не выглядит слишком глупо. - В общем, я слыхал кое-что о планете Транай. И, поразмыслив, пришел выводу, что все это, наверно, сказки. Но если вы не возражаете, я бы хотел задать несколько вопросов.

- Спрашивайте что угодно, - великодушно сказал Мелит. - Можете рассчитывать на откровенный ответ.

- Спасибо. Я слышал, что на Транае не было войн уже в течение четырехсот лет.

- Шестисот лет, - поправил его Мелит. - Нет, и не предвидится.

- Кто-то мне сказал, что на Транае нет преступности.

- Верно.

- И поэтому здесь нет полиции, судов, судей, шерифов, судебных приставов, палачей, правительственных следователей. Нет ни тюрем, ни исправительных домов, ни других мест заключения.

- Мы в них просто не нуждаемся, - объяснил Мелит, - потому что у нас не совершается преступлений.

- Я слышал, - сказал Гудмэн, - что на Транае нет нищеты.

- О нищете и я не слыхивал, - сказал весело Мелит. - Вы уверены, что не хотите сигару?

- Нет, спасибо. - Гудмэн в возбуждении наклонился вперед. - Я так понимаю, что вы создали стабильную экономику без обращения к социалистическим, коммунистическим, фашистским или бюрократическим методам.

- Совершенно верно, - сказал Мелит.

- То есть ваше общество является обществом свободного предпринимательства, где процветает частная инициатива, а функции власти сведены к абсолютному минимуму.

Мелит кивнул.

- В основном на правительство возложены второстепенные функции: забота о престарелых, украшение ландшафта.

- Верно ли, что вы открыли способ распределения богатств без вмешательства правительства, даже без налогов - способ, основанный только на индивидуальном желании? - настойчиво интересовался Гудмэн.

- Да, конечно.

- Правда ли, что правительство Траная не знает коррупции?

- Никакой, - сказал Мелит, - видимо, по этой причине нам очень трудно уговаривать людей заниматься государственной деятельностью.

- Значит, капитан Сэвидж был прав! - воскликнул Гудмэн, который уже не мог сдерживаться. - Вот она, Утопия!

- Нам здесь нравится, - сказал Мелит.

Гудмэн глубоко вздохнул и спросил:

- А можно мне здесь остаться?

- Почему бы и нет? - Мелит вытащил анкету. - У нас нет иммиграционных ограничений. Скажите, какая у вас профессия?

- На Земле я был конструктором роботов.

- В этой области возможностей я работы много. - Мелит начал заполнять анкету. Его перо выдавило чернильную кляксу. Министр небрежно кинул ручку в стену. Она разбилась, оставив после себя еще один синий потек.

- Анкету заполним в следующий раз, - сказал он. - Я сейчас не в настроении этим заниматься - Он откинулся на спинку кресла. - Хочу вам дать один совет. Здесь, на Транае, мы считаем, что довольно близко подошли к Утопии, как вы выразились. Но наше государство нельзя назвать высокоорганизованным. У нас нет сложного кодекса законов. Мы живем, придерживаясь нескольких неписаных законов, или обычаев, если хотите. Вы сами узнаете, в чем они заключаются. Хочу вам посоветовать, это, конечно, не приказ, их соблюдать.

- Конечно, я буду это делать, - с чувством сказал Гудмэн. - Могу вас заверить, сэр, что я не имею намерения угрожать какой-либо сфере вашего рая.

- О, я не беспокоюсь насчет нас, - весело улыбнулся Мелит. - Я имел в виду вашу собственную безопасность. Возможно, моя жена тоже захочет вам что-либо посоветовать.

Он нажал большую красную кнопку на письменном столе. Перед ними возникло голубоватое сияние. Сияние материализовалось в красивую молодую женщину.

- Доброе утро, дорогой, - сказала она Мелиту.

- Скоро вечер, - сказал Мелит. - Дорогая, этот юноша прилетел с самой Земли и хочет жить на Транае. Я ему дал обычные советы. Можем ли мы что-нибудь еще для него сделать?

Госпожа Мелит немножко подумала и потом спросила Гудмэна:

- Вы женаты?

- Нет, мадам, - ответил Гудмэн.

- В таком случае ему надо познакомиться с хорошей девушкой, - сказала г-жа Мелит мужу. - Холостая жизнь не поощряется на Транае, хотя она, безусловно, не запрещена. Подождите... Как насчет той симпатичной Дриганти?

- Она помолвлена, - сказал Мелит.

- В самом деле? Неужели я так долго находилась в стасисе? Дорогой, это не слишком разумно с твоей стороны.

- Я был занят, - извиняющимся тоном сказал Мелит.

- А как насчет Мины Вензис?

- Не его тип.

- Жанна Влэй?

- Отлично! - Мелит подмигнул Гудмэну. - Очаровательная молодая женщина.

Он вынул новую ручку из ящика стола, записал на бумажке адрес и протянул его Гудмэну.

- Жена позвонит ей, чтобы она вас ждала завтра.

- И обязательно как-нибудь заходите к нам на обед, - сказала г-жа Мелит.

- С удовольствием, - ответил Гудмэн, у которого кружилась голова.

- Рада была с вами познакомиться.

Тут Мелит нажал красную кнопку. Г-жа Мелит пропала в голубом сиянии.

- Пора закрывать, - заметил Мелит, взглянув на часы. - Перерабатывать нельзя, не то люди станут болтать. Заходите как-нибудь, и мы заполним анкеты. Вообще вам, конечно, следовало бы нанести визит Верховному Президенту Боргу в Национальный дворец. Или он сам вас посетит. Только

смотрите, чтобы эта старая лиса вас не обманула, и не забудьте насчет Жанны.

Он хитро подмигнул Гудмэну и проводил его до двери.

Через несколько секунд Гудмэн очутился один на тротуаре.

- Это Утопия, - сказал он себе. Настоящая, действительная, стопроцентная Утопия.

Правда, она была не лишена странностей.

Гудмэн пообедал в небольшом ресторане, а затем устроился в отеле неподалеку. Приветливый дежурный проводил его в номер, где Гудмэн сразу же растянулся на постели. Он устало потер глаза, пытаясь разобраться в своих впечатлениях. Столько событий за один день - и уже много непонятного.

Например, соотношение мужчин и женщин. Он собирался спросить об этом Мелита.

Но, возможно, у Мелита и не стоило спрашивать, потому что он сам был со странностями. Например, почему он кидал ручки в стену? Разве такое может позволить себе зрелый и ответственный государственный деятель? К тому же жена Мелита...

Гудмэн уже догадался, что г-жа Мелит вышла из дерсин-стасисного поля; он узнал характерно голубое сияние. Дерсин-поле применялось и на Земле. Иногда были веские медицинские причины для того, чтобы прекратить на время всякую деятельность организма, рост и распад. Например, если пациенту требовалась особая вакцина, которую можно было достать лишь на Марсе, такого человека просто-напросто помещали в стасисное поле, пока не прибывала вакцина.

Однако на Земле только дипломированные врачи могли экспериментировать с этим полем. Использование его без разрешения строго каралось.

Гудмэн никогда не слышал, чтобы в этом поле держали жен.

Однако если все жены на Транае содержатся в стасисном поле, это объясняло отсутствие женщин между 18 и 35 годами, а также явное преобладание мужчин.

Но в чем причина этой электромагнитной паранджи?

И еще одна вещь беспокоила Гудмэна. Не столь уж важная, но не совсем приятная.

Винтовка, висевшая у Мелита на стене.

Может быть, он охотник? Значит, на крупную дичь. Или занимается спортивной стрельбой? Но к чему тогда телескопический прицел? И глушитель? Почему он держит винтовку в кабинете?

В конце концов, решил Гудмэн, все это не имеет значения: так, мелкие

причуды, которые будут проясняться по мере того, как он будет жить здесь.
Нельзя ожидать, что он получит немедленное и полное объяснение всему, что творится на этой, между прочим, чужой планете.

Он уже засыпал, когда услышал стук в дверь.

- Войдите, - сказал он.

Небольшого роста человек с серым лицом, озираясь по сторонам, вбежал в комнату и захлопнул дверь.

- Это вы прилетели с Земли?

- Да.

- Я так и решил, что найду вас здесь, - сказал маленький человек с довольной улыбкой. - Отыскал сразу же. Собираетесь пожить на Транае?

- Я остаюсь навсегда.

- Отлично, - сказал человек. - Хотите стать Верховным Президентом?

- Что?

- Хорошая зарплата, сокращенный рабочий день, и всего лишь на один год. Вы похожи на человека, принимающего интересы общественности близко к сердцу, - весело говорил незнакомец. - Так как же вы решите?

Гудмэн не знал, что ответить.

- Вы хотите сказать, - изумленно спросил он, - что ни за что ни про что предлагаете мне высший пост в этом государстве?

- Что значит "ни за что ни про что"? - обиделся незнакомец. - Вы что думаете, мы предлагаем пост Верховного Президента первому встречному? Такое предложение - большая честь.

- Я не хотел....

- А вы, как житель Земли, очень подходите для этого поста.

- Почему?

- Общеизвестно, что жители Земли любят власть. Мы, транайцы, власть не любим, вот и все. Слишком много возни.

Оказывается, так просто. Кровь реформатора вскипела в жилах Гудмзна. Хоть Транай и идеальная планета, здесь кое-что можно усовершенствовать. Он вдруг представил себя правителем Утопии, который осуществляет великую миссию улучшения самого совершенства. Однако чувство осторожности помешало ему принять предложение сразу. А вдруг незнакомец - сумасшедший?

- Спасибо за ваше предложение, - сказал Гудмэн. - Но мне нужно подумать. Возможно, я переговорю с нынешним Президентом, чтобы узнать о характере работы.

- А как вы считаете, для чего здесь я? - воскликнул маленький человечек. - Я и есть Верховный Президент Борг. - Только сейчас Гудмэн заметил официальный медальон на шее у незнакомца.

- Сообщите мне ваше решение. Я буду в Национальном дворце.

Борг пожал Гудмэну руку и отбыл. Гудмэн подождал пять минут и позвонил портье:

- Кто это был?
- Верховный Президент Борг, - сказал портье. - Вы согласились?
Гудмэн пожал плечами. Он неожиданно понял, что ему предстоит еще многое выяснить о планете Транай.

На следующее утро Гудмэн составил алфавитный список местных заводов по изготовлению роботов и пошел искать работу. К своему удивлению, место он нашел себе сразу. На огромном заводе домашних роботов фирмы "Аббаг" его приняли на работу, лишь бегло взглянув на документы.
Его новый начальник мистер Аббаг был невысокого роста энергичный человек с копной седых волос.
- Рад заполучить землянина, - сказал Аббаг. - Насколько я слышал, вы изобретательный народ, а это нам и нужно. Буду откровенен с вами, Гудмэн, я надеюсь с выгодой использовать ваши необычные взгляды. Дело в том, что мы зашли в тупик.
- Техническая проблема? - спросил Гудмэн.
- Я вам покажу. - Аббаг повел Гудмэна через прессовую, обжиговую, рентгеноскопию, сборочный цех и, наконец, в испытательный зал. Он был устроен в виде комбинированной кухни и гостиной. Вдоль стены стояло около десятка роботов.
- Попробуйте - предложил Аббаг.
Гудмэн подошел к ближайшему роботу и взглянул на пульт управления. Все довольно просто, никаких премудростей. Он заставил машину проделать обычный набор действий: поднимать различные предметы, мыть сковородки и посуду, сервировать стол. Реакции робота были довольно точными, но ужасно медленными. На Земле замедленные реакции были ликвидированы сотню лет назад. Очевидно, в этом отношении на Транае отстали.
- Вроде медленно, - осторожно сказал Гудмэн.
- Вы правы, - сказал Аббаг. - Очень медленно. Лично я считаю, что все как надо. Однако, как утверждает наш отдел сбыта, потребители желают, чтобы робот функционировал еще медленнее.
- Что?
- Глупо, не правда ли? - задумчиво сказал Аббаг. - Мы потеряем деньги, если будем еще больше его замедлять. Взгляните на его внутренности.
Гудмэн открыл заднюю панель, обнажилась масса спутанных проводов. Разобраться было нетрудно. Робот был построен точно так же, как и современные машины на Земле, с использованием обычных недорогих

высокоскоростных передач. Однако в механизм были включены специальные реле для замедления сигналов, блоки ослабления импульсов и редукторы.

- Скажите, - сердито спросил Аббаг, - разве мы можем замедлить его еще больше без удорожания стоимости в два раза и увеличения размеров в три? Не представляю, какое разусовершенствование от нас потребуют в следующий раз.

Гудмэн силился понять образ мыслей собеседника и концепцию "разусовершенствования" машины.

На Земле всегда стремились к созданию робота с более быстрыми, плавными и точными реакциями. Сомневаться в мудрости такой задачи не приходилось. Он в ней и не сомневался.

- Но это еще не все, - продолжал жаловаться Аббаг. - Новая пластмасса, которую мы разработали для данной модели, катализируется или что-то в этом роде. Смотрите.

Он подошел к роботу и ударил его ногой в живот. Пластмассовый корпус прогнулся, как жесть... Аббаг ударил еще раз. Пластмасса еще больше вогнулась, робот заскрипел, а лампочки его жалобно замигали. С третьего удара корпус развалился. Внутренности взорвались с оглушительным шумом и разлетелись по всему полу.

- Не очень-то он крепок, - сказал Гудмэн.

- Чересчур крепок. Он должен разбиваться вдребезги от первого же удара. Наши покупатели не почувствуют удовлетворения, ушибая ноги о его корпус. Но скажите, как мне разработать пластмассу, которая выдержит обычные воздействия (нельзя же, чтобы роботы случайно разваливались) и в то же время разлетится на куски, когда этого пожелает владелец?

- Подождите, - запротестовал Гудмэн. - Давайте объяснимся. Вы сознательно замедляете своих роботов, чтобы они раздражали людей, а люди их за это уничтожали?

Аббаг поднял брови:

- Вот именно!

- Почему?

- Вы здесь новичок, - сказал Аббаг. - А это известно каждому ребенку. Это же основа основ.

- Я был бы благодарен за разъяснение.

Аббаг вздохнул.

- Ну, прежде всего вы, конечно, понимаете, что любой механизм является источником раздражения. У людей непоколебимое затаенное недоверие к машинам. Психологи называют это инстинктивной реакцией жизни на

псевдожизнь. Вы согласны?

Марвин Гудмэн припомнил книги, которые он читал о бунте машин, о кибернетическом мозге, завоевавшем мир, о восстании андроидов и т. д. Он вспомнил забавные происшествия, о которых писали газеты, как, например, о человеке, который расстрелял свой телевизор, или разбил тостер о стену, или "расправился" с автомобилем. Он вспомнил враждебность, сквозившую в анекдотах о роботах.

- С этим, пожалуй, я могу согласиться, - сказал Гудмэн.

- Тогда позвольте мне вернуться к исходному тезису, - педантично продолжал Аббаг. - Любая машина является источником раздражения. Чем лучше машина работает, тем сильнее чувство раздражения, которое она вызывает. Таким образом, мы логически приходим к тому, что отлично работающая машина - источник чувства досады, подавляемых обид, потери самоуважения...

- Стойте! - взмолился Гудмэн. - Это уж слишком!

- ...а также шизофренических фантазий, - беспощадно докончил Аббаг. - Однако для развитой экономики машины необходимы. Поэтому наилучшим и гуманным решением вопроса будет использование плохо работающих машин.

- Я не согласен.

- Но это очевидно. На Земле ваши машины работают в оптимальном режиме, создавая чувство неполноценности у тех, кто ими управляет. К сожалению, у вас существует мазохистское племенное табу против разрушения машин. Результат? Общий трепет перед священной и сверхчеловечески эффективной Машиной, что приводит к поиску объекта для проявления агрессивных наклонностей. Обычно таковым бывает жена или друг. Ситуация не очень веселая. Конечно, можно предположить, что ваша система эффективна в переводе на робото-часы, однако в плане долгосрочных интересов здоровья и благополучия она чрезвычайно беспомощна.

- Вы уверены....

- Человек - животное беспокойное. На Транае мы даем конкретный выход этому беспокойству и открываем клапан для многих проявлений чувств разочарования. Стоит человеку вскипеть и - трах! Он срывает свою злость на роботе. Налицо мгновенное и целительное освобождение от сильного напряжения, что ведет к благотворному и реальному ощущению превосходства над простой машиной, здоровому притоку адреналина в кровь; кроме того, это способствует индустриальному прогрессу на планете, так как человек пойдет

в магазин и купит нового робота. И, в конце концов, что он такого совершил? Он не избил жену, не покончил с собой, не объявил войну, не изобрел новое оружие, не прибегнул к обычным средствам освобождения от агрессивных инстинктов. Он просто разбил недорогой робот, который можно немедленно заменить.

- Мне необходимо время, чтобы все понять, - признался Гудмэн.

- Конечно. Я уверен, что вы принесете здесь пользу, Гудмэн. Подумайте над тем, что я вам рассказал, и попытайтесь разработать какой-нибудь недорогой способ разусовершенствования этого робота.

Гудмэн обдумывал эту проблему в течение всего остатка дня, однако он не мог сразу приспособить свое мышление к идее создания худшего варианта машины. Это отдавало святотатством. Он кончил работу в половине шестого недовольный собой, однако полный решимости добиться успеха или неуспеха, в зависимости от того, как на это дело посмотреть.

Быстро поужинав в одиночестве, Гудмэн решил нанести визит Жанне Влэй. Ему не хотелось оставаться наедине со своими мыслями, он вдруг почувствовал сильное желание найти что-нибудь приятное и несложное в этой непростой Утопии.

Возможно, у Жанны Влэй он найдет ответ.

Дом семьи Влэй был в нескольких кварталах от отеля, и он решил пройтись пешком.

Главная беда заключалась в том, что он имел свое собственное представление об Утопии, и было трудно согласовать эти идеи со здешней реальностью. Раньше он рисовал себе пасторальный пейзаж, планету, жители которой живут в небольших милых деревушках, бродят по улицам в ниспадающих одеждах, такие мудрые, нежные и все понимающие. Дети играют в лучах золотистого солнца, молодые люди танцуют на деревенской площади.

Как глупо! Вместо действительности он представлял себе картинку, стилизованные позы вместо безостановочного движения жизни. Живые люди не могли бы так существовать, даже если предположить, что они этого желали. В таком случае они бы перестали быть живыми.

Он подошел к дому семьи Влэй и остановился в нерешительности. Что ждет его здесь? С какими чужеземными (хотя, безусловно, утопическими) обычаями он сейчас столкнется?

Он чуть было не повернул вспять. Однако перспектива провести долгий

вечер одному в номере отеля показалась ему невыносимой. Стиснув зубы, он нажал на кнопку звонка.

Дверь открыл рыжий мужчина среднего роста, средних лет.

- Ах, вы, наверное, тот землянин. Жанна сейчас будет. Проходите и познакомьтесь с моей супругой.

Он провел Гудмэна в приятно обставленную гостиную, нажал красную кнопку на стене. На этот раз Гудмэна не испугало голубое сияние дерсин-поля. В конце концов дело транайцев, как обращаться со своими женами.

Привлекательная женщина лет двадцати восьми выступила из дымки.

- Дорогая, - сказал рыжий. - Познакомься с мистером Гудмэном с Земли.

- Рада вас видеть, - сказала г-жа Влэй. - Хотите что-нибудь выпить?

Гудмэн кивнул. Влэй указал на удобное кресло. Через минуту супруга внесла поднос с холодными напитками и присела.

- Так, значит, вы с планеты Земля, - сказал мистер Влэй. - Нервное, суетливое место, не так ли? Все куда-то спешат.

- Да, примерно так, - согласился Гудмэн.

- У нас вам понравится. Мы умеем жить. Все дело в том...

На лестнице послышалось шуршание юбок. Гудмэн поднялся.

- Мистер Гудмэн, это наша дочь Жанна, - сказала г-жа Влэй.

Волосы Жанны были цвета сверхновой из созвездия Цирцеи, глаза немыслимо голубого оттенка осеннего неба над планетой Альго II, губы - нежно-розовые, цвета газовой струи из сопла реактивного двигателя Скарсклотт-Тэрнера, нос...

Астрономические эпитеты Гудмэна иссякли, да и вряд ли они были подходящими. Жанна была стройная и удивительно красивая блондинка, и Гудмэна внезапно охватило чувство радости оттого, что он пересек всю Галактику ради планеты Транай.

- Идите, дети, повеселитесь, - сказала г-жа Влэй.

- Не задерживайтесь поздно, - сказал Жанне мистер Влэй.

Так на Земле родители говорят своим детям.

Свидание было как свидание. Они посетили недорогой ночной клуб, танцевали, немного выпили, много разговаривали. Гудмэн поразился общности их вкусов. Жанна соглашалась со всем, что он говорил. Было приятно обнаружить глубокий ум у такой красивой девушки.

У нее дух захватило от рассказа об опасностях, с которыми он столкнулся во время полета через Галактику. Она давно слышала, что жители Земли по натуре искатели приключений (хотя и очень нервозны), однако риск, которому подвергался Гудмэн, не поддавался ее пониманию.

Мурашки пробежали у нее по спине, когда она услышала о гибельном

Галактическом Вихре. Раскрыв глаза, она внимала истории о страшной Прогнутой Стрелке, где кровожадные скарбики охотились вдоль Звездного Пояса, прячась в адских закоулках Проденгума. Как сказал ей Марвин, земляне были железными людьми в стальных кораблях, которые бросали вызов Великому Ничто.

Жанна обрела речь, лишь услышав сообщение Гудмэна о том, что кружка пива в трактире Молл Рэнн "Красный петух" на астероиде 342-АА стоила пятьсот земных долларов.

- Наверное, вы испытывали большую жажду, - задумчиво сказала она.

- Не очень, - сказал Гудмэн. - Просто деньги там ничего не значат.

- Понимаю, но не лучше ли было бы сохранить эти деньги? Я имею в виду, что когда-нибудь у вас будут жена и дети... - Она покраснела.

Гудмэн уверенно сказал:

- Ну, эта часть моей жизни позади. Я женюсь и обоснуюсь здесь, на Транае.

- Прекрасно! - воскликнула она.

Вечер очень удался.

Гудмэн поводил Жанну домой, пока еще не было поздно, и назначил ей свидание на следующий вечер. Осмелев от собственных рассказов, он поцеловал ее в щеку. Она не отстранилась, но Гудмэн деликатно не использовал это преимущество.

- До завтра, - улыбнулась она, закрывая дверь.

Он пошел пешком, ощущая необыкновенную легкость. Жанна, Жанна! Неужели он уже влюбился? А почему бы и нет? Любовь с первого взгляда - реальное психофизиологическое состояние и в качестве такового вполне оправдано. Любовь в Утопии! Как чудесно, что здесь, на идеальной планете, ему удалось найти идеальную девушку.

Неожиданно из темноты выступил незнакомый человек и преградил ему путь. Гудмэн обратил внимание, что почти все лицо незнакомца закрывала черная шелковая маска. В руке у него был крупный и с виду мощный лучевой пистолет, который он наставил Гудмэну прямо в живот.

- О'кэй, парень, - сказал незнакомец, - давай сюда все деньги.

- Что? - не понял Гудмэн.

- Ты слышал, что я сказал. Деньги. Давай их сюда.

- Вы не имеете права, - сказал Гудмэн, слишком пораженный, чтобы логически мыслить. - На Транае нет преступности!

- А кто сказал, что есть? - спокойно спросил незнакомец. - Я просто прошу тебя отдать свои деньги. Отдашь мирно или же мне придется выколачивать их из тебя?

- Вам это так не пройдет! Преступления к добру не приводят!

- Не говори глупостей, - сказал человек и поднял лучевой пистолет повыше.

- Хорошо. Вы не волнуйтесь. - Гудмэн вытащил бумажник, содержавший все его сбережения, и протянул его человеку в маске.

Незнакомец пересчитал деньги. Видимо, сумма произвела на него впечатление.

- Это лучше, чем я ожидал. Спасибо тебе, парень. Не горюй.

Он быстро зашагал прочь по темной улице.

Гудмэн лихорадочно озирался, ища глазами полицейского, прежде чем вспомнил, что полиции на Транае не существует. Он заметил небольшой бар на углу, над которым горела неоновая вывеска "Китти Кэт Бар". Он рванулся туда.

Внутри никого не было, кроме бармена, который сосредоточенно протирал стаканы.

- Ограбили! - закричал Гудмэн.

- Ну и что? - сказал бармен, не поднимая глаз.

- Но ведь я считал, что на Транае нет преступности.

- Верно.

- А меня сейчас ограбили.

- Вы здесь, вероятно, новичок, - сказал бармен, взглянув, наконец, на Гудмэна.

- Я недавно прилетел с Земли.

- С Земли? Как же, слышал, такая нервная, беспокойная планета...

- Да-да, - сказал Гудмэн. Ему уже начал надоедать этот однообразный припев. - Как может не существовать преступности на Транае, если меня ограбили?

- Так это понятно. На Транае ограбление не считается преступлением.

- Ограбление - всегда преступление!

- А какого цвета у него была маска?

Гудмэн подумал.

- Черная. Черная шелковая.

Бармен кивнул.

- Значит, этот человек был государственным сборщиком налогов.

- Странный метод взимания налогов, - пробормотал Гудмэн.

Бармен поставил перед Гудмэном рюмочку "Транайского особого".

- Попробуйте взглянуть на это через призму общественного блага. Какие-то средства правительству в конце концов нужны. Собирая их таким способом, мы избегаем необходимости вводить подоходный налог с его юридическим крючкотворством и бюрократией. Да и с точки зрения психологической гораздо лучше изымать деньги при помощи кратковременной и безболезненной операции, чем заставлять граждан мучиться целый год в ожидании дня, когда им все равно придется платить.

Гудмэн залпом осушил рюмку, и бармен поставил перед ним другую.

- Я думал, - сказал Гудмэн, - что ваше общество основано на идее

частной инициативы и свободы воли.

- Верно, - подтвердил бармен. - Но в таком случае правительство (в его здешнем урезанном виде) тем более должно иметь право на свободу воли, как любой гражданин, не так ли?

Не найдя, что ответить, Гудмэн опрокинул вторую рюмку.

- Можно еще? - попросил он. - Я заплачу при первой возможности.

- Конечно, конечно, - приветливо сказал бармен, наливая еще рюмку Гудмэну и ставя другую перед собой.

Гудмэн сказал:

- Вы интересовались цветом маски незнакомца. Почему?

- Черный цвет - государственный. Частные лица носят белые маски.

- Вы хотите сказать, что частные граждане также совершают ограбления?

- Еще бы! Таков наш способ перераспределения богатств. Состояния нивелируются без государственного вмешательства, даже без налогов, исключительно через проявление личной инициативы. - Бармен закивал головой. - Действует эта система безотказно. Между прочим, ограбления - великий уравнитель.

- По-видимому, так, - согласился Гудмэн, заканчивая третью рюмку. - Если я правильно вас понял, любой человек может взять лучевой пистолет, надеть маску и выйти на большую дорогу?

- Именно, - подтвердил бармен. - Только все делается в определенных рамках.

Гудмэн хмыкнул.

- Если таков закон, я могу тоже включиться в игру. Вы можете одолжить мне маску? И пистолет.

Бармен пошарил под прилавком.

- Только не забудьте вернуть. Это фамильные реликвии.

- Обязательно, - пообещал Гудмэн. - И тогда заплачу за угощение.

Он засунул пистолет за пояс, натянул маску и вышел из бара. Если такова жизнь на Транае, к ней можно приспособиться. Если хотят грабить? Ну что ж, он их сам будет грабить, да еще как!

Дойдя до слабо освещенного перекрестка, он затаился в тени дома и стал ждать. Скоро послышались шаги; из-за угла он увидел быстро приближающегося солидного, хорошо одетого транайца.

Гудмэн вышел вперед и зарычал:

- Стой, друг!

Транаец остановился и посмотрел на лучевой пистолет в руке у Гудмэна:

- Гм... я вижу, у вас широкоугольный лучевой пистолет системы Дрог-три, не так ли? Несколько старомодное оружие. Как вы его находите?

- Я доволен, - сказал Гудмэн, - давай-ка твои...

- Спусковой механизм действует медленно, - задумчиво протянул

транаец. - Лично я рекомендовал бы вам игло-лучевой Милс-Сливен. Кстати, я местный представитель оружейной компании Сливен. Сдав вашу старую марку и немного доплатив...

- Давай-ка сюда деньги, - отрезал Гудмэн.

Солидный транаец улыбнулся.

- Главный дефект вашего Дрог-три заключается в том, что он не выстрелит, пока не снят предохранитель. - Транаец шагнул вперед и выбил пистолет из руки Гудмэна. - Вот видите? Вы ничего не смогли бы сделать. - Он повернулся и пошел. Гудмэн подобрал пистолет, нащупал предохранитель и кинулся за транайцем.

- Руки вверх, - приказал он, чувствуя прилив отчаянной решимости.

- Ну нет, дорогой, - бросил через плечо транаец, даже не обернувшись. - Только по одной попытке на клиента. Нехорошо нарушать неписаный закон.

Гудмэн стоял и смотрел, пока незнакомец не скрылся из виду. Он внимательно оглядел свой Дрог-3, проверил, сняты ли все предохранители. Затем вернулся на прежнее место.

Прождав час, он снова услышал шаги. Рука его стиснула рукоятку пистолета. На этот раз он был готов грабить, и ничто не могло его остановить.

- Эй, парень, - окликнул он, - руки вверх!

На этот раз жертвой оказался грузный транаец в поношенном рабочем комбинезоне. С отвалившейся челюстью он уставился на пистолет в руке Гудмэна.

- Не стреляйте, мистер, - взмолился транаец.

Вот это уже другой разговор! Гудмэна захлестнула теплая волна удовлетворения.

- Не двигаться, - предупредил он. - Предохранители сняты.

- Вижу, - выдавил из себя толстячок. - Осторожнее с этой штукой мистер. Я и мизинцем не пошевелю.

- Так-то лучше. Давай твои деньги.

- Деньги?

- Да, деньги, и пошевеливайся.

- У меня нет денег, - заскулил транаец. - Мистер, я бедный человек. Я в тисках нищеты.

- На Транае нет нищеты, - поучительным тоном сказал Гудмэн.

- Знаю. Но иногда настолько приближаешься к этому состоянию, что особой разницы не ощущаешь. Отпустите меня, мистер.

- Почему вы такой безынициативный? - спросил Гудмэн. - Если вы бедняк, почему бы вам не ограбить кого-нибудь? Все так делают.

- Не было никакой возможности. Сначала дочка заболела коклюшем, и я несколько ночей с ней просидел. Потом испортилось дерсин-поле, так что

жена меня пилила дни напролет. Я всегда говорил, что в каждом доме должен быть запасной дерсин-генератор. Затем, пока чинили дерсин-генератор, жена решила устроить уборку квартиры, куда-то засунула мой лучевой пистолет и не могла вспомнить куда. Только я собрался одолжить пистолет у приятеля...

- Хватит, - сказал Гудмэн. - Ограбление есть ограбление, и что-то я должен у вас забрать. Давайте бумажник.

Незнакомец, жалобно всхлипывая, протянул Гудмэну потертый бумажник. Внутри Гудмэн обнаружил один дигло, эквивалент земного доллара.

- Это все, что у меня есть, - продолжал всхлипывать транаец, - но можете его забрать. Я понимаю, каково вам торчать здесь на ветру всю ночь...

- Оставьте его себе, - сказал Гудмэн, отдал бумажник и пошел прочь.

- Спасибо, мистер.

Гудмэн не ответил, С тяжелым чувством он возвратился в "Китти Кэт Бар" и вернул бармену пистолет и маску. Когда бармен услышал, что произошло, он презрительно рассмеялся.

- У него не было денег? Дружище, этот трюк стар, как мир. Все носят запасной бумажник на случай ограбления, иногда два или даже три. Ты его обыскал?

- Нет, - признался Гудмэн.

- Ну и зелен же ты, братец!

- Видимо, так. Послушай, я тебе заплачу за угощение, как только что-нибудь заработаю.

- Не беспокойся, - сказал бармен. - Иди-ка лучше домой и выспись. У тебя была тяжелая ночь.

Гудмэн доплелся до отеля и заснул, как только голова его коснулась подушки.

На следующее утро, придя на завод домашних роботов, он мужественно принялся за решение проблемы разусовершенствования автоматов. И даже в таких труднейших условиях природная земная смекалка не подвела.

Гудмэн получил новый вид пластмассы для корпуса робота. Это была силиконовая пластмасса группы, родственной упругому детскому пластилину, появившемуся на Земле очень давно. Новая пластмасса отличалась необходимой степенью прочности, гибкости и стойкости; она могла выдержать значительные перегрузки. В то же время от удара ногой силой тридцать фунтов или более корпус робота внезапно со страшным треском раскалывался.

Директор похвалил Гудмэна за изобретение, выдал ему премию (которая

была очень кстати), посоветовал разрабатывать идею дальше и, если возможно, довести минимальное усилие до двадцати трех фунтов. В отделе научных исследований считали, что такова сила среднего удара раздосадованного человека.

Он был так занят, что практически некогда было продолжать изучение нравов и обычаев планеты Транай. Ему довелось, правда, побывать в так называемой Гражданской приемной. Это чисто транайское учреждение помещалось в небольшом здании на тихой боковой улочке.

Внутри Гудмэн увидал большую доску с именами нынешних государственных чиновников Траная и с указанием их постов. Рядом с каждой фамилией находилась кнопка. Дежурный объяснил, что граждане путем нажатия кнопки выражают свое неодобрение действиям того или иного чиновника. Нажатие автоматически регистрируется в Историческом зале и навсегда клеймит провинившегося.

Безусловно, несовершеннолетним нажимать кнопки не разрешалось.

Такая система показалась Гудмэну довольно бесполезной; возможно, правда, сказал он себе, чиновники на Транае движимы иными стимулами, чем на Земле.

Он встречался с Жанной почти каждый вечер, и вдвоем они обследовали почти все аспекты культурной жизни планеты: бары и кинотеатры, концертные залы и научный музей, ярмарки и карнавалы. Гудмэн носил с собой лучевой пистолет, и после нескольких неудачных попыток ограбил одного торговца на сумму в пятьсот дигло.

Как любая разумная транайская девушка, Жанна восторженно приветствовала это его достижение и они отпраздновали событие в баре "Китти Кэт".

На следующий вечер эти пятьсот дигло плюс остаток премии были украдены у Гудмэна незнакомцем, очень похожим ростом и сложением на бармена из "Китти Кэт"; незнакомец орудовал древним лучевым пистолетом системы Дрог-3.

Гудмэн успокоил себя мыслью о том, что это способствует свободной циркуляции денег, чего и требует жизненный уклад планеты.

Вскоре он одержал еще одну производственную победу. На заводе домашних роботов он создал радикально новую технологию производства корпуса. Ему удалось найти новый вид пластмассы, стойкой к сильным ударам

и падениям. Владелец робота должен был носить специальные ботинки с каталитическим веществом в каблуках. При ударе робота ногой катализатор вступал в контакт с корпусом автомата, и немедленно следовал желанный результат.

Директор Аббаг вначале колебался: фокус показался ему слишком сложным. Однако новинка так быстро завоевала признание покупателей, что завод домашних роботов открыл обувной цех и начал продавать пару специальной обуви с каждым роботом.

Проникновение компании в другие отрасли было расценено пайщиками как более важное, чем изобретение каталитической пластмассы. Гудмэну повысили зарплату и выдали крупную премию.

Находясь на гребне этой волны успеха, он сделал Жанне предложение и получил в ответ немедленное "да". Родители благословили брак; оставалось лишь получить официальное разрешение властей, так как Гудмэн пока формально считался иностранцем.

Он отпросился с работы и пошел пешком до Идриг-Билдинга повидаться с Мелитом. Стояла чудесная весенняя погода, какая на Транае бывает десять месяцев в году, и Гудмэн шел быстро и легко. Он был влюблен, успешно работал и скоро собирался получить транайское гражданство.

Вне сомнения, даже Транай не идеал, и здешняя Утопия нуждается в ряде усовершенствований. Может быть, ему следует согласиться принять на себя обязанности Верховного Президента для осуществления необходимых реформ. Но спешить пока не стоит...

- Эй, мистер, - прервал его раздумье чей-то голос. - Подайте хотя бы дигло.

Гудмэн наклонился и увидел сидящего на корточках, одетого в лохмотья, немытого старика с оловянной кружкой в руке.

- Что такое? - переспросил Гудмэн.

- Брат, подайте хотя бы дигло, - жалобным тоном пропел старик. - Помогите бедному человеку купить чашку огло. Два дня не ел, мистер.

- Стыдно! Почему бы вам не взять пистолет и не пойти грабить?

- Я слишком стар, - заскулил старик. - Мои жертвы надо мной смеются.

- Может быть, вы просто ленивы? - строго спросил Гудмэн.

- О нет, сэр, - сказал нищий. - Посмотрите, как у меня трясутся руки.

Он вытянул перед собой дрожащие грязные руки.

Гудмэн вытащил бумажник и протянул старику один дигло.

- Я думал, на Транае не существует нищеты. Насколько я слышал, правительство заботится о престарелых.

- Да, правительство заботится о них, - сказал старик. - Смотрите. - Он протянул кружку. На ней была выгравирована надпись: "Официальный государственный нищий, номер DR - 43241 - 3".

- Вы хотите сказать, что государство заставляет вас этим заниматься?

- Государство разрешает мне этим заниматься, - подчеркнул старик. - Попрошайничество - государственная служба, и оно резервируется за престарелыми и инвалидами.

- Это позор!

- Вы, верно, не здешний.

- Я с Земли.

- А, как же, как же! Такое нервное, беспокойное место, не так ли?

- Наше правительство не допускает попрошайничества, - сказал Гудмэн.

- Нет? А что делают старики? Сидят на шее своих детей? Или ждут конца в доме для престарелых? Здесь такого не бывает, молодой человек. На Транае каждому старику государство обеспечивает работу, не требующую особой квалификации, хотя иметь ее неплохо. Некоторые выбирают работу в помещении, в церквах или театрах. Других влечет беззаботная обстановка ярмарок и гуляний. А мне нравится работать на улице. Это позволяет бывать на солнце и свежем воздухе, много двигаться и встречать необычных и интересных людей, как, например, вы.

- Но как можно попрошайничать?

- А что еще я могу делать?

- Не знаю. Но... посмотрите на себя! Грязный, немытый, в засаленной одежде...

- Это моя рабочая одежда, - обиделся государственный нищий. - Посмотрели бы вы на меня в воскресенье!

- У вас есть другая одежда?

- А как же? Да еще и симпатичная квартирка, ложа в опере, два домашних робота и больше денег в банке, чем вам когда-нибудь доводилось видеть. Приятно было с вами побеседовать, молодой человек, и спасибо за ваше пожертвование. Однако пора за работу, что я и вам советую сделать.

Гудмэн пошел дальше, бросив последний взгляд на государственного нищего. Тот, казалось, преуспевал.

Но как можно попрошайничать?

Совершенно необходимо покончить с такой практикой. Если он согласится стать Президентом (а очевидно, это придется сделать), он поглубже разберется в этом вопросе.

В Идриг-Билдинге Гудмэн рассказал Мелиту о своих матримониальных планах.

Министр по делам иноземцев обрадовался.

- Чудесно, просто чудесно, - сказал он. - Я хорошо знаю семью Влэй. Прекрасные люди. А Жанна такая девушка, которой гордился бы любой мужчина.

- Какие юридические формальности мне предстоит выполнить? - спросил Гудмэн. - Как-никак я ведь чужеземец и все такое...

- Никаких. Ничего не нужно. Я решил, что обойдемся без формальностей. Если вы хотите стать гражданином Траная, достаточно вашего устного заявления. Можете остаться гражданином Земли, и никто на это не обидится. Можете иметь двойное гражданство - Траная и одновременно Земли. Была бы согласна Земля, а у нас, безусловно, возражений нет.

- Я хотел бы стать гражданином Траная, - сказал Гудмэн.

- Как вам угодно. Но если вы намерены стать Президентом, то можно занимать этот пост, оставаясь гражданином Земли. Мы не щепетильны в подобных вопросах, Кстати, одним из наших лучших Верховных Президентов был ящероподобный парень с планеты Акварелла-XI.

- Что за просвещенный подход!

- Ничего особенного. Равные возможности для всех - таков наш девиз. Теперь о вашей женитьбе: любой государственный служащий может оформить брак. Верховный Президент Борг будет счастлив обручить вас сегодня же во второй половине дня, если хотите. - Мелит подмигнул. - Старый чудак любит целовать невест. Но мне кажется, вы ему действительно нравитесь.

- Сегодня? - воскликнул Гудмэн. - Пожалуй, мне действительно хотелось бы жениться сегодня, если Жанна согласится.

- Ну конечно, согласится, - заверил его Мелит. - А где вы собираетесь жить после медового месяца? Номер в гостинице едва ли подходит. - Он задумался на мгновение. - Вот что я вам скажу: есть у меня небольшой Дом за городом. Почему бы вам временно не пожить там, пока не подыщете чего-нибудь получше? Или оставайтесь в нем навсегда, если понравится.

- Вы слишком щедры... - запротестовал Гудмэн.

- Пустяки. А у вас не возникало желания стать министром по делам иноземцев? Эта работа вам может понравиться. Никакой канцелярщины, сокращенный рабочий день, хорошая зарплата. Нет? Подумываете о президентском посте? Не могу винить.

Мелит пошарил в карманах и вынул два ключа.

- Вот этот от парадного входа, а другой - от черного. Адрес выгравирован на ключах. Дом полностью меблирован и оборудован всем необходимым, в том числе новым дерсин-генератором.

- Дерсин-генератором?

- Конечно. На Транае ни один дом не считается готовым без дерсин-генератора.

Откашлявшись, Гудмэн осторожно сказал:

- Я давно собирался у вас спросить, для какой цели используется стасис-поле?

- Чтобы держать в нем жену, - ответил Мелит. - Я думал, это вам известно.

- Да, - сказал Гудмэн. - Но почему?

- Почему? - Мелит нахмурил лоб. Очевидно, подобный вопрос никогда не приходил ему в голову. - Почему мы вообще что-то делаем? Очень просто - таков обычай. И притом весьма логичный. Кому это понравится, чтобы женщина была все время рядом и болтала языком и днем и ночью?

Гудмэн покраснел. С момента своей встречи с Жанной он постоянно думал о том, как было бы хорошо, если бы она всегда была рядом, и днем и ночью.

- По-моему, это не очень-то справедливо по отношению к женщинам, - заметил Гудмэн.

Мелит засмеялся.

- Дорогой друг, вы, я вижу, проповедуете доктрину равенства полов? Так ведь это же полностью развенчанная теория. Мужчины и женщины просто не одно и то же. Что бы там вам ни твердили на Земле, они отличаются друг от друга. Что хорошо для мужчины, не обязательно и далеко не всегда хорошо для женщины.

- Поэтому вы относитесь к ним, как к низшим существам, - сказал Гудмэн, реформистская кровь которого начала бурлить.

- Ничего подобного. Мы относимся к ним иначе, чем к мужчинам, но не как к низшим существам. Во всяком случае, они не возражают.

- Только потому, что лучшего им не дано было узнать. Есть ли закон, требующий, чтобы я держал свою жену в дерсин-поле?

- Конечно, нет. Просто согласно обычаю каждую неделю какой-то минимум времени вы должны разрешать жене находиться вне стасиса. Нехорошо держать бедную женщину в полном заточении.

- Конечно, нет, - саркастически заметил Гудмэн. - Надо же ей какое-то время позволять жить.

- Совершенно верно, - сказал Мелит, не заметив сарказма. - Вы быстро все усвоите.

Гудмэн встал.

- Это все?

- Думаю, да. Желаю удачи и всего прочего.

- Благодарю вас, - сухо ответил Гудмэн, резко повернулся и вышел из кабинета.

После полудня в Национальном дворце Верховный Президент Борг совершил несложный транайский обряд бракосочетания, а затем пылко поцеловал невесту. Церемония была прекрасной, но ее омрачала одна деталь.

На стене кабинета Борга висела винтовка с телескопическим прицелом и глушителем - точная копия винтовки Мелита. Назначение ее в равной мере было непонятно.

Борг отвел Гудмэна в сторону и спросил:

- Ну как, подумали вы над моим предложением о президентстве?

- Я все еще его обдумываю, - сказал Гудмэн. - По правде говоря, мне не хочется занимать государственный пост...

- Никому не хочется.

- ...но Транай остро нуждается в ряде реформ. Мне думается, что мой долг - привлечь к ним внимание населения.

- Вот это правильный подход, - одобрительно сказал Борг. - У нас уже давно не было по-настоящему предприимчивого Верховного Президента. Почему бы вам не занять этот пост прямо сейчас? Тогда вы смогли бы провести медовый месяц в Национальном дворце в полном уединении.

Искушение было велико. Но Гудмэн не хотел связывать себя дополнительными обязанностями во время медового месяца, к тому же пост был у него в кармане. Раз Транай существовал в своем нынешнем почти утопическом состоянии уже немало лет, то, без сомнения, продержится еще несколько недель.

- Я приму решение, когда вернусь, - ответил Гудмэн.

Борг пожал плечами.

- Ну что ж, полагаю, что смогу выдержать это бремя еще немного. Да, чуть не забыл.

Он протянул Гудмэну запечатанный конверт.

- Что это?

- Всего лишь стандартный совет, - сказал Борг. - Торопитесь, ваша невеста ждет!

- Скорее, Марвин! - окликнула его Жанна. - Опоздаем на космолет!

Гудмэн поспешил за ней в лимузин.

- Всего наилучшего! - закричали родители.

- Всего наилучшего! - крикнул Борг.

- Всего наилучшего! - добавили Мелит с женой и все остальные гости.

На пути в космодром Гудмэн вскрыл конверт и прочел находившийся в нем листок.

СОВЕТ МОЛОДОМУ МУЖУ

Вы только что вступили в брак и ожидаете, естественно, жизнь, полную супружеского блаженства. И это совершенно правильно, ибо счастливый брак -

основа здорового государства. Но одного желания недостаточно. От вас требуется нечто большее. Хороший брак не даруется свыше. Необходимо бороться за то, чтобы он был успешным!

Помните, ваша жена - это живое существо. Ей необходимо предоставить определенную степень свободы, так как это ее неотъемлемое право. Мы предлагаем, чтобы вы выпускали ее из стасис-поля по меньшей мере раз в неделю. Длительное пребывание в стасисе плохо скажется на ее координации, нанесет ущерб цвету лица, а от этого проиграете и вы и она.

Во время каникул и праздников целесообразно выпускать жену из стасис-поля сразу на целый день или на два-три дня подряд.

Вреда это не причинит, а новизна впечатлений исключительно благотворно скажется на ее настроении.

Руководствуйтесь этими правилами, основанными на здравом смысле, вы обеспечите себе счастливую брачную жизнь.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ СОВЕТ
ПО БРАКОСОЧЕТАНИЯМ

Гудмэн медленно порвал листок на мелкие клочки и швырнул их на пол лимузина. Его реформистская душа пылала. Он знал, что Транай слишком хорош, чтобы быть справедливым ко всем. Кто-то должен расплачиваться за совершенство. В данном случае расплачивались женщины.

Это был первый серьезный изъян, который он обнаружил в раю.

- Дорогой, что это было? - спросила Жанна, глядя на клочки бумаги.

- Глупейшие советы, - ответил Гудмэн. - Милая, ты когда-нибудь серьезно задумывалась над брачными обычаями вашей планеты?

- Нет. А что, разве они плохие?

- Они неправильные, совершенно неправильные. Здесь с женщинами обращаются, как с игрушками, как с куклами, которых прячут, наигравшись. Неужели ты этого не видишь?

- Я никогда об этом не думала.

- Теперь ты сможешь над этим подумать, - заявил Гудмэн. - Многое скоро переменится, и эти перемены начнутся с нашего дома.

- Тебе лучше знать, дорогой, - послушно сказала Жанна. Она пожала ему руку. Он поцеловал ее.

Лимузин подъехал к космодрому, и они поднялись в космолет.

Медовый месяц на Доэ был похож на краткое путешествие в безупречный рай. Прелести этой маленькой транайской луны были созданы для влюбленных,

и только для них одних. Бизнесмены не приезжали сюда для кратковременного отдыха, хищные холостяки не рыскали по тропинкам. Все усталые и разочарованные искатели мимолетных встреч должны были охотиться в других местах. Единственное правило на Доэ, которое строго соблюдалось, состояло в том, что сюда допускались лишь парочки, веселые и влюбленные, всем другим путь был закрыт.

Этот транайский обычай Гудмэн оценил сразу.

На маленькой планете было полно лужаек с высокой травой и густых зеленых рощиц для прогулок; в лесных чащах мерцали прохладные темные озера, а зубчатые высокие горы манили наверх. Влюбленные, к их великому удовольствию, постоянно терялись в лесах, но заблудиться по-настоящему было невозможно, так как всю планету можно было обойти за день. Благодаря слабому притяжению никто не мог утонуть в темных озерах, а падение с горы, хотя и вселяло страх, едва ли было опасным.

В укромных местечках находились маленькие отели. В барах хозяйничали приветливые седовласые бармены и царил полумрак. Были там мрачные пещеры, которые вели глубоко (но не очень глубоко) вниз, в фосфоресцирующие подземные залы с мерцающим льдом, где лениво текли подземные реки, в которых плавали огромные светящиеся рыбы с огненно-красными глазами.

Правительственный Совет по Бракосочетаниям находил эти бесхитростные аттракционы достаточными и не утруждал себя строительством бассейнов для плавания, полей для гольфа, теннисных кортов и дорожек для верховой езды. Считалось, что, как только у влюбленной парочки возникает потребность в подобных вещах, медовый месяц должен заканчиваться.

Гудмэн и его жена провели чудесную неделю на Доэ и, наконец, вернулись на Транай.

После того как Гудмэн внес жену на руках через порог своего нового дома, он первым делом отключил генератор дерсин-поля.

- Дорогая, - сказал он, - до сих пор я соблюдал все обычаи Траная, даже если они казались мне смехотворными. Но с подобным обычаем и мириться не могу. На Земле и был основателем "Комитета равных возможностей для женщин". На Земле мы относимся к женщинам как к равным, как к товарищам, как к партнерам в радостях и трудностях жизни.

- Что за странные идеи, - сказала Жанна, нахмурив красивое лицо.

- Подумай, - настаивал Гудмэн. - В этом случае наша жизнь будет гораздо полнее и счастливее, чем если бы я заточил тебя в гарем дерсин-поля. Неужели ты не согласна?

- Ты знаешь намного больше меня, милый. Ты объехал всю Галактику, а я никогда не покидала Порт Транай. Раз ты говоришь, что так лучше, значит так и есть.

"Вне всякого сомнения, - подумал Гудмэн, - она самая совершенная из женщин".

Он вернулся на завод домашних роботов фирмы "Аббаг" и вскоре с головой погрузился в новый проект разусовершенствования. На этот раз его осенила блестящая идея: заставить суставы робота скрипеть и пищать. Шум повысит раздражающие свойства робота и тем самым сделает его уничтожение более приятным и более ценным психологически.

Мистер Аббаг пришел в восхищение от идеи, вновь повысил ему зарплату и попросил подготовить новое разусовершенствование к быстрейшему внедрению в производство.

Первоначально Гудмэн намеревался просто удалить некоторые из маслопроводов. Но оказалось, что трение ведет к слишком быстрому износу важных деталей. Естественно, этого допустить было нельзя.

Он начал работать над схемой вмонтированного приспособления, которое издавало бы писк и скрип. Шум должен был быть совершенно натуральным, а само приспособление недорогим, не ведущим к износу робота, а главное - небольших габаритов, так как корпус робота уже был до предела начинен разусовершенствованиями.

Однако Гудмэн обнаружил, что небольшие приспособления пищали как-то неестественно, а более крупные приборы либо были чересчур дороги, либо не умещались в корпусе. Он начал задерживаться на работе по вечерам, похудел и стал раздражительным.

Жанна была хорошей, надежной женой. Она вовремя готовила завтраки, обеды и ужины, вечером была неизменно приветлива и с сочувствием выслушивала рассказы Гудмэна о его трудностях на работе. Днем она следила за тем, как роботы убирают дом. На это уходило меньше часа, а затем она читала книги, пекла пироги, вязала и уничтожала роботов - иногда трех, а иногда четырех в неделю.

Гудмэна это немного тревожило. Однако у каждого должно быть свое хобби, и он мог позволить себе баловать ее, поскольку роботов он получал с завода со скидкой.

Гудмэн зашел в тупик в своих исследованиях, когда другой изобретатель, некий Дат Херго, придумал новую систему контроля за движениями робота. Она основывалась на принципе контргироскопа и позволяла роботу входить в комнату с креном в 10 градусов. (Отдел исследований установил, что вызывающий наибольшее раздражение крен, допустимый для роботов, равен 10 градусам). Более того, особое кибернетическое устройство заставляло робота время от времени шататься как пьяного - робот ничего не ронял, но создавал неприятное впечатление, что вот-вот уронит.

Это изобретение, разумеется, приветствовали как значительный шаг вперед в технике разусовершенствования. Гудмэну удалось вмонтировать свой узел писка и скрипа прямо в центр кибернетической контрольной системы. Научно-технические журналы упомянули его имя рядом с именем Дат Херго.

Новая модель домашних роботов произвела сенсацию.

Настал час, когда Гудмэн решил оставить работу и взять на себя обязанности Верховного Президента Траная. Он чувствовал, что это его долг перед транайцами. Если изобретательность и знания землянина помогли улучшить разусовершенствования, они дадут еще больший эффект в улучшении совершенства. Транай был близок к Утопии. Когда он возьмет штурвал в свои руки, планета сможет пройти последний отрезок пути к совершенству.

Он пошел обсудить это с Мелитом.

- На мой взгляд, всегда можно что-то изменить, - глубокомысленно изрек Мелит. Министр по делам иноземцев сидел у окна и праздно глядел на прохожих. - Правда, наша нынешняя система существует уже немало лет и дает отличные результаты.

Не знаю, что вы улучшите. Например, у нас нет преступности...

- Потому что вы ее узаконили, - заявил Гудмэн. - Вы просто уклоняетесь от решения проблемы.

- У нас другой подход. Нет нищеты...

- Потому что все воруют. И нет проблемы престарелых, потому что правительство превращает их в попрошаек. Что вы ни говорите, многое нуждается в улучшении и перестройке.

- Пожалуй, - сказал Мелит. - Но, на мой взгляд... - он внезапно умолк, бросился к стене и схватил винтовку. - Вот он!

Гудмэн выглянул в окно. Мимо здания шел человек, внешне ничем не отличающийся от других прохожих. Он услышал приглушенный щелчок и увидел, как человек покачнулся и рухнул на мостовую.

Мелит застрелил его из винтовки с глушителем.

- Зачем вы это сделали? - выдавил из себя изумленный Гудмэн.

- Потенциальный убийца, - ответил Мелит.

- Что?

- Конечно, у нас нет открытой преступности, но все остаются людьми, поэтому мы должны считаться с потенциальной возможностью.

- Что он натворил, чтобы стать потенциальным убийцей?

- Убил пятерых, - заявил Мелит.

- Но... черт вас побери, это же несправедливо! Вы его не арестовали, не судили, он не мог посоветоваться с адвокатом...

- А как я мог это сделать? - спросил несколько раздосадованный Мелит, - У нас нет полиции, чтобы арестовывать людей, и нет судов. Бог мой, неужели вы ожидали, что я позволю ему продолжать убивать людей? По нашему определению, убийца тот, кто убил десять человек, а он был близок к этому. Не мог же я сидеть сложа руки. Мой долг защищать население. Могу вас заверить, что я тщательно навел справки.

- Но это несправедливо! - закричал Гудмэн.

- А кто сказал, что справедливо? - заорал, в свою очередь, Мелит. - Какое отношение справедливость имеет к Утопии?

- Прямое! - усилием воли Гудмэн заставил себя успокоиться. - Справедливость составляет основу человеческого достоинства, человеческого желания...

- Громкие слова, - сказал Мелит со своей обычной добродушной улыбкой. - Постарайтесь быть реалистом. Мы создали Утопию для людей, а не для святых, которым она не нужна. Мы должны считаться с недостатками человеческой натуры, а не притворяться, что их не существует. На наш взгляд, полицейский аппарат и законодательная система имеют тенденцию создавать атмосферу, порождающую преступность и допустимость преступлений. Поверьте мне, лучше не признавать возможности совершения преступлений вообще. Подавляющее большинство народа поддержит эту точку зрения.

- Но когда сталкиваешься с преступлением, как это неизбежно бывает...

- Сталкиваешься лишь с потенциальной возможностью, - упрямо отстаивал свои доводы Мелит. - И это бывает гораздо реже, чем вы думаете. Когда такая возможность возникает, мы ее ликвидируем простым и быстрым способом.

- А если вы убьете невинного?

- Мы не можем убить невинного. Это исключено.

- Почему исключено?

- Потому что согласно определению и неписаным законам каждый, кого ликвидировал представитель власти, является потенциальным преступником.

Марвин Гудмэн несколько минут молчал. Затем заговорил снова:

- Я вижу, что правительство имеет больше власти, чем мне казалось вначале.

- Да, - бросил Мелит. - Но не так много, как вы себе представляете.

Гудмэн иронически улыбнулся.

- А я еще могу стать Верховным Президентом, если захочу?

- Конечно. И без всяких условий. Хотите?

Гудмэн на минуту задумался. Действительно ли он хотел этого? Но кто-то должен править. Кто-то должен защищать народ, Кто-то должен провести несколько реформ в этом утопическом сумасшедшем доме.

- Да, хочу, - проговорил Гудмэн.

Дверь распахнулась, и Верховный Президент Борг ворвался в кабинет.

- Чудесно, чудесно! Вы можете перебраться в Национальный дворец сегодня же. Я уложил свои вещи неделю назад в ожидании вашего решения.

- Очевидно, предстоит выполнить какие-то формальности...

- Никаких формальностей, - ответил Борг. Лицо его лоснилось от пота. - Абсолютно никаких. Я просто передам вам президентский медальон, затем пойду вычеркну свое имя из списков и впишу ваше.

Гудмэн бросил взгляд на Мелита. Круглое лицо министра по делам иноземцев было непроницаемым.

- Я согласен, - сказал Гудмэн.

Борг взялся рукой за президентский медальон и начал снимать его с шеи.

Внезапно медальон взорвался.

Гудмэн с ужасом уставился на окровавленное месиво, которое только что было головой Борга. Какое-то мгновение Верховный Президент держался на ногах, затем покачнулся и сполз на пол.

Мелит стащил с себя пиджак и набросил его на голову Борга. Гудмэн попятился и тяжело опустился в кресло. Губы его шевелились, но дар речи покинул его.

- Какая жалость, - заговорил Мелит. - Ему так немного осталось до конца срока президентства. Я его предупреждал против выдачи лицензии на строительство нового космодрома. Граждане этого не одобрят, говорил я ему. Но он был уверен, что они хотят иметь два космодрома. Что ж, он ошибся.

- Вы имеете в виду... я хочу... как... что...

- Все государственные служащие, - объяснил Мелит, - носят медальон - символ власти, начиненный определенным количеством тессиума - взрывчатого вещества, о котором вы, возможно, слышали. Заряд контролируется по радио

из Гражданской приемной. Каждый гражданин имеет доступ в Приемную, если желает выразить недовольство деятельностью правительства. - Мелит вздохнул. - Это навсегда останется черным пятном в биографии бедняги Борга.

- Вы позволяете людям выражать свое недовольство, взрывая чиновников? - простонал испуганный Гудмэн.

- Единственный метод, который эффективен, - возразил Мелит. - Контроль и баланс. Как народ в нашей власти, так и мы во власти народа.

- Так вот почему он хотел, чтобы я занял его пост. Почему же мне никто этого не сказал?

- Вы не спрашивали, - сказал Мелит с еле заметной улыбкой. - Почему у вас такой перепуганный вид? Вы же знаете, что политическое убийство возможно на любой планете при любом правительстве. Мы стараемся сделать его конструктивным. При нашей системе народ никогда не теряет контакта с правительством, а правительство никогда не пытается присвоить себе диктаторские права. Каждый знает, что может прибегнуть к Гражданской приемной, но вы удивитесь, если узнаете, как редко ею пользуются. Конечно, всегда найдутся горячие головы...

Гудмэн поднялся и направился к двери, стараясь не глядеть на труп Борга.

- Разве вы уже не хотите стать Президентом? - спросил Мелит.

- Нет!

- Как это похоже на вас, землян, - грустно заметил Мелит. - Вы хотите обладать властью при условии, что она не влечет за собой никакого риска. Неправильное отношение к государственной деятельности.

- Может быть, вы и правы, - сказал Гудмэн. - Я просто счастлив, что вовремя об этом узнал.

Он поспешил домой.

В голове у него царил кавардак, когда он открыл входную дверь. Что же такое Транай - Утопия? Или вся планета - гигантский дом для умалишенных? А велика ли разница?

Впервые за свою жизнь Гудмэн задумался над тем, стоит ли добиваться Утопии. Не лучше ли стремиться к совершенству, чем обладать им? Может быть, предпочтительнее иметь идеалы, чем жить согласно этим идеалам? Если справедливость - это заблуждение, может быть заблуждение лучше, чем истина?

А может, наоборот? Запутавшись в своих мыслях, расстроенный Гудмэн

устало вошел в комнату и застал жену в объятиях другого мужчины.

В его глазах сцена запечатлелась необычно четко, как при замедленной съемке. Казалось, Жанне потребовалась целая вечность, чтобы подняться, привести в порядок платье и уставиться на него с широко раскрытым ртом. Мужчина - высокий красивый парень, совершенно незнакомый Гудмэну, - от изумления потерял дар речи. Он беспорядочными движениями приглаживал лацканы пиджака, поправлял манжеты.

Затем он неуверенно улыбнулся.

- Ну и ну! - сказал Гудмэн. В данной ситуации такое выражение было слабоватым, но результат был достигнут. Жанна заплакала.

- Виноват, - пробормотал незнакомец. - Не ожидал, что вы так рано вернетесь домой. Для вас это должно быть ударом. Я ужасно сожалею.

Единственно, чего Гудмэн не ждал и не хотел, это сочувствия со стороны любовника своей жены. Не обращая внимания на мужчину, он в упор глядел на плачущую Жанну.

- А ты что думал? - внезапно завопила Жанна. - Я была вынуждена! Ты меня не любил!

- Не любил тебя? Как ты можешь так говорить?

- Из-за твоего отношения ко мне.

- Я очень тебя любил, Жанна, - тихо сказал Гудмэн.

- Неправда! - взвизгнула она, откинув назад голову. - Только посмотри, как ты со мной обращался. Держал меня в доме целыми днями, каждый день заставлял заниматься домашним хозяйством, стряпать, просто сидеть без дела. Марвин, я физически ощущала, что старею. Изо дня в день все те же нудные, глупые, будничные дела. И в большинстве случаев ты возвращался домой слишком усталым и даже не замечал меня. Ни о чем не мог говорить, кроме своих дурацких роботов! Ты растрачивал мою жизнь, Марвин, растрачивал.

Внезапно Гудмэну пришла в голову мысль, что его жена потеряла рассудок.

- Жанна, - заговорил он нежно, - такова жизнь. Муж и жена вступают в дружеский союз. Они стареют вместе, рядом друг с другом. Жизнь не может состоять из одних радостей...

- Нет, может! Постарайся понять, Марвин, здесь, на Транае, это возможно - для женщины!

- Невозможно, - возразил Гудмэн.

- На Транае женщину ожидает жизнь, полная наслаждений и удовольствий.

Это ее право, так же как у мужчин есть свои права. Она ждет, что выйдет из стасиса и ее поведут в гости, пригласят на коктейль, возьмут на прогулку под луной, в бассейн или кино. - Она снова зарыдала. - Но ты хитрый. Тебе надо было все переделать. Как глупо я поступила, доверившись землянину.

Я знаю, Марвин, ты не виноват, что ты чужеземец. Но я хочу, чтобы ты понял. Любовь - это еще не все. Женщина должна быть также практичной. При таком положении вещей я стала бы старухой, тогда как все мои друзья были бы все еще молодыми.

- Все еще молодыми, - тупо повторил Гудмэн.

- Разумеется, - сказал мужчина. - В дерсин-поле женщина не стареет.

- Но это же отвратительно! - воскликнул Гудмэн. - Я состарюсь, а моя жена все еще будет молодой.

- Именно тогда ты и будешь ценить молодых женщин, - сказала Жанна.

- А как насчет тебя? - спросил Гудмэн. - Ты стала бы ценить пожилого мужчину?

- Он все еще не понял, - заметил незнакомец.

- Марвин, подумай. Неужели тебе еще не ясно? Всю твою жизнь у тебя будет молодая и красивая женщина, чье единственное желание - доставлять тебе удовольствие. А когда ты умрешь - что ты удивляешься, милый, все мы смертны, - когда ты умрешь, я все еще буду молода и по закону унаследую все твои деньги.

- Начинаю понимать, - вымолвил Гудмэн. - Еще один аспект транайской жизни - богатая молодая вдова, живущая в свое удовольствие.

- Естественно. Так лучше для всех. Мужчина имеет молодую жену, которую он видит только тогда, когда захочет. Он пользуется полной свободой, у него к тому же уютный дом. Женщина избавлена от всех неприятностей будничного быта, хорошо обеспечена и может еще насладиться жизнью.

- Ты должна была мне об этом рассказать, - жалобно сказал Гудмэн.

- Я думала, ты знаешь, - ответила Жанна, - раз ты считал, что твой метод лучше. Но я вижу, что ты все равно бы не понял. Ты такой наивный - хотя должна признаться, что это одна из твоих привлекательных черт. - Она грустно улыбнулась. - Кроме того, если бы я тебе все рассказала, я никогда бы не встретила Рондо.

Незнакомец слегка поклонился.

- Я принес образцы кондитерских изделий фирмы "Греа". Можете представить мое изумление, когда я нашел эту прелестную молодую женщину

вне стасиса. Все равно как если бы сказка стала былью. Никогда не ждешь, что грезы сбудутся, поэтому вы должны признать, что в этом есть особая прелесть.

- Ты любишь его? - мрачно спросил Гудмэн.

- Да, - сказала Жанна. - Рондо заботится обо мне. Он собирается держать меня в стасис-поле достаточно долго, чтобы компенсировать потерянное мною время. Это жертва со стороны Рондо, но у него добрая душа.

- Если так обстоят дела, - сухо сказал Гудмэн, - я, конечно, вам мешать не стану. В конце концов, я цивилизованный человек. Я даю тебе развод.

Он скрестил руки на груди, смутно сознавая, что его решение вызвано не столько благородством, сколько внезапным острым отвращением ко всему транайскому.

- У нас на Транае нет разводов, - сказал Рондо.

- Нет? - Гудмэн почувствовал, как по его спине пробежал холодок.

В руке Рондо появился пистолет.

- Подумайте, сколько было бы неприятностей, если бы люди вечно обменивались партнерами по браку. Есть лишь один способ изменить супружеское состояние.

- Но это же гнусно! - выпалил Гудмэн, пятясь назад. - Это просто неприлично!

- Вовсе нет, если только супруга этого желает. Между прочим, еще одна отличная причина для того, чтобы держать жену в стасисе. Ты мне разрешаешь, дорогая?

- Да. Прости меня, Марвин, - сказала Жанна и зажмурила глаза.

Рондо поднял пистолет, В ту же секунду Гудмэн нырнул головой вперед в ближайшее окно. Луч из пистолета Рондо сверкнул над ним.

- Послушайте! - закричал Рондо. - Будьте мужчиной! Где же ваша храбрость?

Гудмэн больно ударился плечом при падении. Он мигом вскочил и пустился наутек. Второй выстрел Рондо обжег ему руку. Он юркнул за дом и на минуту оказался в безопасности. И не стал терять время, чтобы обдумать случившееся, а изо всех сил побежал к космодрому.

К счастью, на взлетной площадке стояла ракета, которая доставила его на г'Мори. Оттуда он послал радиограмму в Порт Транай с просьбой выслать принадлежащие ему деньги и купил билет на Хигастомеритрейю, где его арестовали, приняв за шпиона с планеты Динг. Дингане - амфибийная раса, и

Гудмэн едва не утонул, прежде чем доказал, ко всеобщему удовольствию, что может дышать лишь воздухом.

Беспилотная грузовая ракета перевезла его мимо планет Севес, Олго и Ми на двойную планету Мванти. Он нанял частного летчика, и тот доставил его на Белисморанти, где начиналась сфера влияния Земли. Оттуда на космическом лайнере местной компании он пролетел сквозь Галактический Вихрь и, сделав остановки на планетах Ойстер, Лекунг, Панканг, Инчанг и Мачанг, прибыл на Тунг-Брадар-1У.

Деньги у него к этому времени кончились, но, если исходить из астрономических расстояний, он практически был уже на Земле. Ему удалось заработать на билет на Оуме, а с Оума перебраться на Легис-II. Там Общество содействия межзвездным путешественникам помогло ему получить место на корабле, на котором он вернулся на Землю.

Гудмэн осел в Сикирке, штат Нью-Джерси, где человек может ни о чем не беспокоиться, пока регулярно платит налоги. Он занимает должность главного конструктора роботов в Сикиркской строительной корпорации, женат на маленькой тихой брюнетке, которая явно обожает его, хотя он редко позволяет ей выходить из дому.

Вместе со старым капитаном Сэвиджем он частенько навещает "Лунный бар" Эдди. Там они пьют "Особый транайский" и беседуют о благословенной планете Транай, где люди познали смысл существования и обрели, наконец, истинную свободу. В таких случаях Гудмэн жалуется на легкий приступ космической лихорадки, из-за которой он никогда не сможет вновь отправиться в космос, не сможет вернуться на Транай.

Недостатка в восхищенных слушателях в такие вечера не бывает.

Недавно Гудмэн при поддержке капитана Сэвиджа учредил Сикиркскую лигу за лишение женщин избирательных прав. Они единственные члены этой Лиги, но, как говорит Гудмэн, разве что-нибудь может остановить борца за идею?

Роберт Шекли.

Кое-что задаром

Перевод с английского Г. Озерской

Он как будто услышал чей-то голос. Но, может быть, ему просто

почудилось? Стараясь припомнить, как все это произошло, Джо Коллинз знал только, что он лежал на постели, слишком усталый, чтобы снять с одеяла ноги в насквозь промокших башмаках, и не отрываясь смотрел на расползшуюся по грязному желтому потолку паутину трещин - следил, как сквозь трещины медленно, тоскливо, капля за каплей просачивается вода.

Вот тогда, по-видимому, это и произошло. Коллинзу показалось, будто что-то металлическое поблескивает возле его кровати. Он приподнялся и сел. На полу стояла какая-то машина-там, где раньше никакой машины не было.

И когда Коллинз уставился на нее в изумлении, где-то далеко-далеко незнакомый голос произнес: "Ну вот! Это уже все!"

А может быть, это ему и послышалось. Но машина, несомненно, стояла перед ним на полу.

Коллинз опустился на колени, чтобы ее обследовать. Машина была похожа на куб - фута три в длину, в ширину и в высоту - и издавала негромкое жужжание. Серая зернистая поверхность ее была совершенно одинакова со всех сторон, только в одном углу помещалась большая красная кнопка, а в центре - бронзовая дощечка. На дощечке было выгравировано: "Утилизатор класса А, серия АА-1256432". А ниже стояло: "Этой машиной можно пользоваться только по классу А".

Вот и все.

Никаких циферблатов, рычагов, выключателей - словом, никаких приспособлений, которые, по мнению Коллинза, должна иметь каждая машина. Просто бронзовая дощечка, красная кнопка и жужжание.

- Откуда ты взялась? - спросил Коллинз.

Утилизатор класса А продолжал жужжать. Коллинз, собственно говоря, и не ждал ответа. Сидя на краю постели, он задумчиво рассматривал Утилизатор. Теперь вопрос сводился к следующему: что с ним делать?

Коллинз осторожно коснулся красной кнопки, прекрасно отдавая себе отчет в том, что у него нет никакого опыта обращения с машинами, которые "падают с неба". Что будет, если нажать эту кнопку? Провалится пол? Или маленькие зеленые человечки дрыгнут в комнату через потолок?

Но чем он рискует? Он легонько нажал на кнопку.

Ничего не произошло.

- Ну что ж, сделай что-нибудь, - сказал Коллинз, чувствуя себя несколько подавленным.

Утилизатор продолжал все так же тихонько жужжать.

Ладно, во всяком случае, машину всегда можно заложить. Честный Чарли

даст ему не меньше доллара за один металл. Коллинз попробовал приподнять Утилизатор. Он не приподнимался. Коллинз попробовал снова, поднатужился что было мочи, и ему удалось на дюйм-полтора приподнять над полом один угол машины. Он выпустил машину и, тяжело дыша, присел на кровать.

- Тебе бы следовало призвать мне на помощь парочку дюжих ребят, - сказал Коллинз Утилизатору. Жужжание тотчас стало значительно громче, и машина даже начала вибрировать.

Коллинз ждал, но по-прежнему ничего не происходило. Словно по какому-то наитию, он протянул руку и ткнул пальцем в красную кнопку.

Двое здоровенных мужчин в грубых рабочих комбинезонах тотчас возникли перед ним. Они окинули Утилизатор оценивающим взглядом. Один из них сказал:

- Слава тебе господи, это не самая большая модель. За те, огромные, никак не ухватишься.

Второй ответил:

- Все же это будет полегче, чем ковырять мрамор в каменоломне, как ты считаешь?

Они уставились на Коллинза, который уставился на них. Наконец первый сказал:

- Ладно, приятель, мы не можем прохлаждаться тут целый день. Куда тащить Утилизатор?

- Кто вы такие? - прохрипел наконец Коллинз.

- Такелажники. Разве мы похожи на сестер Ванзагги?

- Но откуда вы взялись? - спросил Коллинз.

- Мы от такелажной фирмы "Поуха минайл", - сказал один. - Пришли, потому что ты требовал такелажников. Ну, куда тебе ее?

- Уходите, -- сказал Коллинз. - Я вас потом позову.

Такелажники пожали плечами и исчезли. Коллинз минуты две смотрел туда, где они только что стояли. Затем перевел взгляд на Утилизатор класса А, который теперь снова мирно жужжал.

Утилизатор? Он мог бы придумать для машины название и получше. Исполнительница Желаний, например.

Нельзя сказать, чтобы Коллинз был уж очень потрясен. Когда происходит что-нибудь сверхъестественное, только тупые, умственно ограниченные люди не в состоянии этого принять. Коллинз, несомненно, был не из их числа. Он был блестяще подготовлен к восприятию чуда.

Почти всю жизнь он мечтал, надеялся, молил судьбу, чтобы с ним случилось что- нибудь необычайное. В школьные годы он мечтал, как проснется однажды утром и обнаружит, что скучная необходимость учить уроки отпала, так

как все выучилось само собой. В армии он мечтал, что появятся какие-нибудь феи или джинны, подменят его наряд, и, вместо того чтобы маршировать в строю, он окажется дежурным по казарме.

Демобилизовавшись, Коллинз долго отлынивал от работа, так как не чувствовал себя психологически подготовленным к ней. Он плыл по воле волн и снова мечтал, что какой-нибудь сказочно богатый человек возымеет желание изменить свою последнюю волю и оставит все ему. По правде говоря, он, конечно, не ожидал, что какое- нибудь такое чудо может и в самом деле произойди. Но когда оно все-таки произошло, он уже был к нему подготовлен.

- Я бы хотел иметь тысячу долларов мелкими бумажками с незарегистрированными номерами, - боязливо произнес Коллинз. Когда жужжание усилилось, он нажал кнопку. Большая куча грязных пяти- и десятидолларовых бумажек выросла перед ним. Это не были новенькие, шуршащие банкноты, но это, бесспорно, были деньги.

Коллинз подбросил вверх целую пригоршню бумажек и смотрел, как они, красиво кружась, медленно опускаются на пол. Потом снова улегся на постель и принялся строить планы.

Прежде всего надо вывезти машину из Нью-Йорка - куда-нибудь на север штата, в тихое местечко, где любопытные соседи не будут совать к нему свой нос. При таких обстоятельствах, как у него, подоходный налог может стать довольно деликатной проблемой. А впоследствии, когда все наладится, можно будет перебраться в центральные штаты или...

В комнате послышался какой-то подозрительный шум.

Коллинз вскочил на ноги. В стене образовалось отверстие, и кто-то с шумом ломился в эту дыру.

- Эй! Я у тебя ничего не просил! - крикнул Коллинз машине.

Отверстие в стене расширялось. Показался грузный краснолицый, мужчина, который сердито старался пропихнуться в комнату и уже наполовину вылез из стены.

Коллинз внезапно сообразил, что все машины, как правило, кому-нибудь принадлежат. Любому владельцу Исполнитель Исполнительницы Желаний не понравится, если машина пропадет. И он пойдет на все, чтобы вернуть ее себе, Он может не остановиться даже перед...

- Защити меня! - крикнул Коллинз Утилизатору и вонзил палец в красную кнопку.

Зевая, явно спросонок" появился маленький лысый человечек в яркой пижаме.

- Временная служба охраны стен "Саниса Лиик", - сказал он, протирая глаза. - Я - Лиик. Чем могу быть вам полезен?

- Уберите его отсюда! - взвизгнул Коллинз.

Краснолицый, дико размахивая руками, уже почти совсем вылез из стены.

Лиик вынул из кармана пижамы кусочек блестящего металла. Краснолицый закричал:

- Постой! Ты не понимаешь! Этот малый..

Лиик направил на него свой кусочек металла. Краснолицый взвизгнул и исчез. Почти тотчас отверстие в стене тоже пропало.

- Вы убили его? - спросил Коллинз.

- Разумеется, нет, - ответил Лиик, пряча в карман кусочек металла. - Я просто повернул его вокруг оси. Тут он больше не полезет.

- Вы хотите сказать, что он будет искать другие пути? - спросил Коллинз.

- Не исключено, - сказал Лиик. - Он может испробовать микротрансформацию или даже одушевление. - Лиик пристально, испытующе поглядел на Коллинза. - А это ваш Утилизатор?

- Ну, конечно, - сказал Коллинз, покрываясь испариной.

- А вы по классу А?

- А то как же? сказал Коллинз. - Иначе на что бы мне эта машина?

- Не обижайтесь, - сонно произнес Лиик. - Это я по-дружески. - Он медленно покачал головой. - И куда только вашего брата по классу А не заносит? Зачем вы сюда вернулась? Верно, пишете какой-нибудь исторический роман?

Коллинз только загадочно улыбнулся в ответ.

- Ну, мне надо спешить дальше, - сказал Лиик, зевая во весь рот. - День и ночь на ногах. В каменоломне было куда лучше.

И он исчез, не закончив нового зевка.

Дождь все еще шел, а с потолка капало. Из вентиляционной шахты доносилось чье-то мирное похрапывание. Коллинз снова был один на один со своей машиной.

И с тысячью долларов в мелких бумажках, разлетевшихся по всему полу. Он нежно похлопал Утилизатор. Эти самые - по классу А - неплохо его сработали. Захотелось чего-нибудь - достаточно произвести вслух и нажать кнопку. Понятно, что настоящий владелец тоскует по ней.

Лиик сказал, что, быть может, краснолицый будет пытаться завладеть ею другим путем. А каким?

Да не все ли равно? Тихонько насвистывая, Коллинз стал собирать деньги. Пока у него эта машина, он себя в обиду не даст.

В последующие несколько дней в образе жизни Коллинза произошла резкая перемена. С помощью такелажников фирмы "Поуха минайл" он переправил Утилизатор на север. Там он купил небольшую гору в пустынной части Аднрондакского горного массива и, получив купчую на руки, углубился в свои владения на несколько миль от шоссе. Двое такелажников, обливаясь потом, тащили Утилизатор и однообразно бранились, когда приходилось продираться сквозь заросли.

- Поставьте его здесь и убирайтесь, - сказал Коллинз. За последние дни его уверенность в себе чрезвычайно возросла.

Такелажники устало вздохнули и испарилась. Коллинз огляделся по сторонам. Кругом, насколько хватал глаз, стояли густые сосновые в березовые леса. Воздух был влажен и душист. В верхушках деревьев весело щебетали птицы. Порой среди ветвей мелькала белка.

Природа! Коллинз всегда любил природу. Вот отличное место для постройки просторного внушительного дома с плавательным бассейном, теннисным кортом и, быть может, маленьким аэродромом.

- Я хочу дом, - твердо проговорил Коллинз и нажал красную кнопку.

Появился человек в аккуратном деловом сером костюме и в пенсне.

- Конечно, сэр, - сказал он, косясь прищуренным глазом на деревья, - но вам все- таки следует несколько подробнее развить свою мысль. Хотите ли вы что-нибудь в классическом стиле вроде бунгало, ранчо, усадебного дома, загородного особняка, замка, дворца? Или что-нибудь примитивное, на манер шалаша или иглу? По классу А вы можете построить себе и что-нибудь ультрасовременное, например дом с полуфасадом, или здание в духе Обтекаемой Протяженности, или дворец в стиле Миниатюрной Пещеры.

- Как вы оказали? - переспросил Коллинз. - Я не знаю. А что бы вы посоветовали?

- Небольшой загородный особняк, - не задумываясь ответил агент. - Они, как правило, всегда начинают с этого.

- Неужели?

- О, да. А потом перебираются в более теплый климат и строят себе дворцы.

Коллинз хотел спросить еще что-то, но передумал. Все шло как по маслу. Эти люди считали, что он - класс А и настоящий владелец Утилизатора. Не было никакого смысла разочаровывать их.

- Позаботьтесь, чтоб все было в порядке, - сказал он.

- Конечно, сэр, - сказал тот. - Это моя обязанность.

Остаток дня Коллинз провел, возлежа на кушетке и потягивая ледяной напиток, в то время как строительная контора "Максиме олф" материализовала необходимые строительные материалы и возводила дом.

Получилось длинное приземистое сооружение из двадцати комнат, показавшееся Коллинзу в его изменившихся обстоятельствах крайне скромным. Дом был построен из наилучших материалов по проекту знаменитого Мига из Дегмы; интерьер был выполнен Тоуиджем; при доме имелись муловский плавательный бассейн и английский парк, разбитый по эскизу Виериена.

К вечеру все было закончено, и небольшая строительная бригада сложила свои инструменты и испарилась.

Коллинз повелел своему повару приготовить легкий ужин. Потом он уселся с сигарой в просторной прохладной гостиной и стал перебирать в уме недавние события. Напротив него на полу, мелодично жужжа, стоял Утилизатор.

Прежде всего Коллинз решительно отверг всякие сверхъестественные объяснения случившегося. Разные там духи или демоны были тут совершенно ни при чем. Его дом выстроили самые обыкновенные человеческие существа, которые смеялись, - божились, сквернословили, как всякие люди. Утилизатор был просто хитроумным научным изобретением, механизм которого был ему неизвестен и ознакомиться с которым он не стремился.

Мог ли Утилизатор попасть к нему с другой планеты? Непохоже. Едва ли там стали бы ради него изучать английский язык.

Утилизатор, по-видимому, попал к нему из Будущего. Но как?

Коллинз откинулся на спинку кресла и задымил сигарой. Мало ли что бывает, сказал он себе. Разве Утилизатор не мог просто провалиться в Прошлое? Может же он создавать всякие штуки из ничего, а ведь это куда труднее.

Как же, должно быть, прекрасно это Будущее, думал Коллинз. Машины - исполнительницы желаний! Какие достижения цивилизации! Все, что от вас требуется, - это только пожелать себе чего-нибудь. Просто! Вот, пожалуйста! Со временем они, вероятно, упразднят и красную кнопку. Тогда все будет происходить без малейшей затраты мускульной энергии.

Конечно, он должен быть очень осторожен. Ведь все еще существуют законный владелец машины и остальные представителя класса А. Они будут пытаться отнять у него машину. Возможно, это фамильная реликвия...

Краем глаза он уловил какое-то движение. Утилизатор дрожал, словно

сухой лист на ветру.

Мрачно нахмурясь, Коллинз подошел к нему. Легкая дымка пара обволакивала вибрирующий Утилизатор. Было похоже, что он перегрелся.

Неужели он дал ему слишком большую нагрузку? Может быть, ушат холодной воды...

Тут ему бросилось в глаза, что Утилизатор заметно поубавился в размерах. Теперь каждое из его трех измерений не превышало двух футов, и он продолжал уменьшаться прямо-таки на глазах.

Владелец?! Или, может быть, эти - из класса А?! Вероятно, это и есть микротрансформацая, о которой говорил Лиик. Если тотчас чего-нибудь не предпринять, сообразил Коллинз, его Исполнитель Желаний станет совсем невидим.

- Охранная служба "Лиик"! - выкрикнул Коллинз. Он надавил на кнопку и поспешно отдернул руку. Машина сильно накалилась.

Лиик, в гольфах, спортивной рубашке и с клюшкой в руках появился в углу.

- Неужели каждый раз, как только я...

- Сделай что-нибудь! - воскликнул Коллинз, указывая на Утилизатор, который стал уже в фут высотой и раскалился докрасна.

- Ничего я не могу сделать, - сказал Лиик. - У меня патент только на возведение временных Стен. Вам нужно обратиться в Микроконтроль. - Он помахал ему своей клюшкой - и был таков.

- Микроконтроль! - заорал Коллинз и потянулся к кнопке. Но тут же отдернул руку. Кубик Утилизатора не превышал теперь четырех дюймов. Он стал вишнево-красным и весь светился. Кнопка, уменьшившаяся до размеров булавочной головки, была почти неразличима.

Коллинз обернулся, схватил подушку, навалился на машину и надавил кнопку.

Появилась девушка в роговых очках, с блокнотом в руке и карандашом, наделенным на блокнот.

- Кого вы хотите пригласить? - невозмутимо спросила она.

- Скорей, помогите мне! - завопил Коллинз, с ужасом глядя, как его бесценный Утилизатор делается все меньше и меньше.

- Мистера Вергона нет на месте, он обедает, - сказала девушка, задумчиво покусывая карандаш. - Он объявил себя вне предела досягаемости. Я не могу его вызвать.

- А кого вы можете вызвать?

Она заглянула в блокнот.

- Мистер Вис сейчас в Прошедшем Сослагательном, а мистер Илгис возводит

оборонительные сооружения в Палеолетической Европе. Если вы очень спешите, может быть, вам лучше обратиться в Транзит-Контроль. Это небольшая фирма, но они...

- Транзит-Контроль! Ладно, исчезни! - Коллинз сосредоточил все свое внимание на Утилизаторе и придавил его дымящейся подушкой. Ничего не последовало. Утилизатор был теперь едва ли больше кубического дюйма, и Коллинз понял, что сквозь подушку ему не добраться до ставшей почти невидимой кнопки.

У него мелькнула было мысль махнуть рукой на Утилизатор. Может быть, уже пора. Можно продать дом, обстановку, получится довольно кругленькая сумма...

Нет! Он еще не успел пожелать себе ничего по настоящему значительного! И не откажется от этой возможности без борьбы!

Стараясь не зажмуривать глаза, он ткнул в раскаленную добела кнопку негнущимся указательным пальцем.

Появился тощий старик в потрепанной одежде. В руке у него было нечто вроде ярко расписанного пасхального яйца. Он бросил его на пол. Яйцо раскололось, из него с ревом вырвался оранжевый дым, и микроскопический Утилизатор мгновенно всосал этот дым в себя, после чего тяжелые плотные клубы дыма взмыли вверх, едва не задушив Коллинза, а Утилизатор начал принимать свою прежнюю форму. Вскоре он достиг нормальной величины и, казалось, нисколько не был поврежден. Старик отрывисто кивнул.

- Мы работаем дедовскими методами, но зато на совесть - сказал он, снова кивнул и исчез.

И опять Коллинзу показалось, что откуда-то издалека до него донесся чей-то сердитый возглас.

Потрясенный, обессиленный, он опустился на пол перед машиной. Обожженный палец жгло и дергало

- Вылечи меня, - пробормотал он пересохшими губами и надавил кнопку здоровой рукой.

Утилизатор зажужжал громче, а потом умолк совсем. Боль в пальце утихла, Коллинз взглянул на него и увидел, что от ожога не осталось и следа - даже ни малейшего рубца.

Коллинз налил себе основательную порцию коньяка и, не медля ни минуты, лег в постель. В эту ночь ему приснилось, что за ним гонится гигантская буква А, но, пробудившись, он забыл свой сон.

Прошла неделя, и Коллинз убедился, что поступил крайне опрометчиво, построив себе дом в лесу. Чтобы спастись от зевак, ему пришлось потребовать целый взвод солдат для охраны, а охотники стремились во что бы то ни стало расположиться в его английском парке.

К тому же Департамент государственных сборов начал проявлять живой интерес к его доходам.

А главное, Коллинз сделал открытие, что он не так уж обожает природу. Птички и белочки - все это, конечно, чрезвычайно мило, но с ними ведь особенно не разговоришься. А деревья, хоть и очень красивы, никак не годятся в собутыльники.

Коллинз решил, что он в душе человек городской. Поэтому с помощью такелажников "Поуха минайл", строительной конторы "Максиме олф", Бюро мгновенных путешествий "Ягтон" и крупных денежных сумм, врученных кому следует, Коллинз перебрался в маленькую республику в центральной части Американского континента. И поскольку климат здесь был теплее, а подоходного налога не существовало вовсе, он построил себе большой, крикливо-роскошный дворец, снабженный всеми необходимыми аксессуарами, кондиционерами, конюшней, псарней, павлинами, слугами, механиками, сторожами, музыкантами, балетной труппой - словом, всем тем, чем должен располагать каждый дворец. Коллинзу потребовалось две недели, чтобы ознакомиться со своим новым жильем.

До поры до времена все шло хорошо.

Как-то утром Коллинз подошел к Утилизатору, думая, не попросить ли ему спортивный автомобиль или небольшое стадо племенного скота. Он наклонился к серой машине, протянул руку к красной кнопке...

И Утилизатор отпрянул от него в сторону.

В первую секунду Коллинзу показалось, что у него начинаются галлюцинации, и даже мелькнула мысль бросить пить шампанское перед завтраком. Он шагнул вперед и потянулся к красной кнопке. Утилизатор ловко выскользнул из-под его руки и рысцой выбежал из комнаты.

Коллинз во весь дух припустил за ним, проклиная владельца и весь класс А. По- видимому, это было то самое одушевление, о котором говорил Лиик: владельцу каким-то способом удалось придать машине подвижность. Но нечего ломать над этим голову. Нужно только поскорее догнать машину, нажать кнопку и вызвать ребят из Контроля одушевления.

Утилизатор несся через зал Коллинз бежал за нам. Младший дворецкий, начищавший массивную дверную ручку из литого золота, застыл на месте, разинув рот.

- Остановите ее! - крикнул Коллинз.

Младший дворецкий неуклюже шагнул вперед, преграждая Утилизатору путь. Машина, грациозно вильнув в сторону, обошла дворецкого и стрелой помчалась к выходу.

Коллинз успел подскочить к рубильнику, и дверь с треском захлопнулась.

Утилизатор взял разгон и прошел сквозь запертую дверь. Очутившись снаружи, он споткнулся о садовый шланг, но быстро восстановил равновесие и устремился за ограду в поле.

Коллинз мчался за ним. Если б только подобраться к нему поближе...

Утилизатор внезапно прыгнул вверх. Несколько секунд он висел в воздухе, а потом упал на землю. Коллинз ринулся к кнопке. Утилизатор увернулся, разбежался и снова подпрыгнул. Он висел футах в двадцати над головой Коллинза. Потом взлетел по прямой еще выше, остановился, бешено завертелся волчком и снова упал.

Коллинз испугался: вдруг Утилизатор подпрыгнет в третий раз, совсем уйдет вверх и не вернется. Когда Утилизатор приземлился, Коллинз был начеку. Он сделал ложный выпад и, изловчившись, нажал кнопку. Утилизатор не успел увернуться.

- Контроль одушевления! - торжествующе выкрикнул Коллинз.

Раздался слабый звук взрыва, и Утилизатор послушно замер. От одушевления не осталось и следа.

Коллинз вытер вспотевший лоб и сел на машину. Враги все ближе и ближе. Надо поскорее, пока еще есть возможность, пожелать что-нибудь пограндиознее.

Быстро, одно за другим, он попросил себе пять миллионов долларов, три функционирующих нефтяных скважины, киностудию, безукоризненное здоровье, двадцать пять танцовщиц, бессмертие, спортивный автомобиль и стадо племенною скота.

Ему показалось, что кто-то хихикнул. Коллинз поглядел по сторонам. Кругом не было ни души.

Когда он снова обернулся, Утилизатор исчез. Коллинз глядел во все глаза. А в следующее мгновение исчез и сам.

Когда он открыл глаза, то обнаружил, что стоит перед столом, за которым сидит уже знакомый ему краснолицый мужчина. Он не казался сердитым. Вид у него был скорее умиротворенный и даже меланхоличный.

С минуту Коллинз стоял молча; ему было жаль, что все кончилось. Владелец и класс А в конце концов поймали его. Но все-таки это было великолепно!

- Ну, - сказал наконец Коллинз, - вы получили обратно свою машину, что же вам еще от меня нужно?

- Мою машину? - повторил краснолицый, с недоверием глядя на Коллинза. - Это не моя машина, сэр. Отнюдь не моя.

Коллинз в изумлении воззрился на него.

- Не пытайтесь обдурить меня, мистер. Вы - класс А - хотите сохранить за собой монополию, разве не так?

Краснолицый отложил в сторону бумагу, которую он просматривал.

- Мистер Коллинз, - сказал он твердо, - меня зовут Флайн. Я агент Союза охраны граждан. Это чисто благотворительная, лишенная всяких коммерческих задач организация, и, единственная цель, которую она преследует, - защищать лиц, подобных вам, от заблуждений, которые могут встретиться на их жизненном пути.

- Вы хотите сказать, что не принадлежите к классу А?

- Вы пребываете в глубочайшем заблуждении, сэр, - спокойно и с достоинством произнес Флайн. - Класс А - ото не общественно-социальная категория, как вы, по- видимому, полагаете. Это всего-навсего форма кредита.

- Форма чего? - оторопело спросил Коллинз.

- Форма кредита, - Флайн поглядел на часы. - Времени у нас мало, и я постараюсь быть кратким. Мы живем в эпоху децентрализации, мистер Коллинз. Наша промышленность, торговля и административные учреждения довольно сильно разобщены во времени и пространстве. Акционерное общество "Утилизатор" является весьма важным связующим звеном. Оно занимается перемещением благ цивилизации с одного места на другое и прочими услугами. Вам понятно?

Коллинз кивнул.

- Кредит, разумеется, предоставляется автоматически. Но рано или поздно все должно быть оплачено.

Это уже звучало как-то неприятно. Оплачено? По-видимому, это все-таки не такое высокоцивилизованное общество, как ему сначала показалось. Ведь никто ни словом не обмолвился про плату. Почему же они заговорили о ней теперь?

- Отчего никто не остановил меня? - растерянно спросил он. - Они же должны были знать, что я некредитоспособен.

Флайн покачал головой.

- Кредитоспособность - вещь добровольная. Она не устанавливается

законом. В цивилизованном мире всякой личности предоставлено право решать самой. Я очень сожалею, сэр. - Он поглядел на часы и протянул Коллинзу бумагу, которую просматривал. - Прошу вас взглянуть на этот счет и сказать, все ли здесь в порядке.

Коллинз взял бумагу и прочел:

Один дворец с оборудованием 450000000 кр.
Услуги такелажников фирмы
"Поуха минайл", а также фирмы
"Максимо олф" 111000 кр.
Сто двадцать две танцовщицы 122000000 кр.
Безукоризненное здоровье 888234031 кр.

Коллинз быстро пробежал глазами весь счет. Общая сумма слегка превышала восемнадцать биллионов кредитов.

- Позвольте! - воскликнул Коллинз. - Вы не можете требовать с меня столько. Утилизатор свалился ко мне в комнату неизвестно откуда, просто по ошибке!

- Я как раз собираюсь обратить их внимание на это обстоятельство, - сказал Флайн. - Как знать? Быть может, они будут благоразумны. Во всяком случае, попытаемся, хуже не будет.

Все закачалось у Коллинза перед глазами. Лицо Флайна начало расплываться.

- Время истекло, - сказал Флайн. - Желаю удачи.

Коллинз закрыл глаза.

Когда он открыл их снова, перед ним расстилалась унылая равнина, опоясанная скалистой горной грядой. Ледяной ветер, налетая порывами, стегал по липу, небо было серо-стальным.

Какой-то оборванный человек стоял рядом с ним.

- Держи, - сказал он и протянул Коллинзу кирку.

- Что это такое?

- Кирка, - терпеливо разъяснил человек. - А вон там - каменоломня, где мы с тобой вместе с остальными будем добывать мрамор.

- Мрамор?

- Ну да. Всегда найдется какой-нибудь идиот, которому нужен мраморный дворец, - с кривой усмешкой ответил человек. - Можешь звать меня Янг. Нам некоторое время придется поработать на пару.

Коллинз тупо поглядел на него:

- А как долго?

- Подсчитай сам, - сказал Янг. - Расценки здесь - пять-десять кредитов в месяц, и тебе будут их начислять, пока ты не покроешь свой долг.

Кирка выпала у Коллинза из рук.

Они не могут этого сделать! Акционерное общество "Утилизатор" должно понять свою ошибку! Это же их вина, что машина провалилась в Прошлое. Не

могут же они этого не знать.
- Все это - сплошная ошибка! - сказал Коллинз.
- Никакая не ошибка, - возразил Яиг. - У них большой недостаток в рабочей силе. Набирают где попало. Ну, пошли. Первую тысячу лет трудно, а потом привыкаешь.
Коллинз двинулся следом за Янгом, потом остановился.
- Первую тысячу лет? Я столько не проживу!
- Проживешь! - заверил его Янг. - Ты же получил бессмертие. Разве забыл?
- А сколько они насчитали мне за бессмертие как раз в ту минуту, когда они отняли у него машину. А может быть, они взяла ее потом?
Вдруг Коллинз что-то припомнил. Странно, в том счете, который предъявил ему Флайн, бессмертия как будто вовсе не стояло.
- А сколько они насчитали мне за бессмертие? - спросил он.
Янг поглядел на него и рассмеялся.
- Не прикидывайся простачком, приятель. Пора бы уж тебе кой-что сообразить. - Он подтолкнул Коллинза к каменоломне.
- Ясное дело, этим-то они награждают задаром.

Роберт Шекли.
Человекоминимум

Robert Sheckley. Minimum man
Перевод на русский язык, Н. Евдокимова, 1966
OCR: Станислав Уколов

У каждого своя песня, думал Антон Настойч. Хорошенькая девушка подобна мелодии, а бравый космонавт - грохоту труб. Мудрые старцы в Межпланетном бюро напоминают разноголосые деревянные духовые инструменты. Есть на свете гении, чья жизнь - сложный, богато инструментованный контрапункт, а есть отбросы общества, и их существование всего лишь вопль гобоя, заглушенный неутомимой дробью басового барабана.
Размышляя обо всем этом, Настойч сжимал в руке лезвие бритвы и рассматривал синие прожилки вен у себя на запястье.
Ибо если у каждого своя песня, то песню Настойча можно уподобить плохо задуманной и бездарно исполненной симфонии ошибок.
При его рождении чуть слышно зазвенели было колокольчики радости. Под приглушенный барабанный бой юный Настойч отважился пойти в школу. Он окончил ее с отличием и поступил в колледж, в привилегированную группу из пятисот учащихся, где в какой-то степени можно было рассчитывать на индивидуальный подход.

Однако Настойчу не везло от рождения. За ним тянулась непрерывная цепь мелких неприятностей - опрокинутые чернильницы, утерянные книги и перепутанные бумаги. Вещам была свойственна отвратительная привычка ломаться у него в руках, если не считать случаев, когда вещи ломали его руки. Добавьте к этому, что он переболел всеми детскими болезнями, в том числе скарлатиной, алжирской свинкой, фурункулезом, лисянкой, зеленой и оранжевой лихорадкой.

Все эти неприятности ни в коей мере не умаляли врожденных способностей Настойча, но в перенаселенном мире конкуренции на одних способностях далеко не уедешь. Нужно еще изрядное везение, а у Настойча его вовсе не было. Нашего героя перевели в обычную группу на десять тысяч студентов, где все проблемы усложнились, а шансы подхватить инфекцию повысились.

То был высокий, худой, мягкосердечный, трудолюбивый молодой человек в очках, которому (по причинам, не поддающимся анализу) врачи давно поставили диагноз "подвержен несчастным случаям". Какие бы там ни были причины, факт оставался фактом. Настойч относился к числу тех бедняг, для которых жизнь трудна до невозможности.

Большинство людей скользит по жизненным джунглям с легкостью крадущейся пантеры. Но для Настойча эти джунгли на каждом шагу кишели капканами, западнями и ловушками, ядовитыми грибами и жестокими хищниками, разверзались внезапными пропастями и разливались непреодолимыми реками. Безопасного пути нет. Все дороги ведут к беде.

Годы учения в колледже юный Настойч кое-как преодолел, невзирая на замечательный талант ломать ноги на винтовых лестницах, растягивать сухожилия, спотыкаться о тумбы, ушибать локти в турникетах, разбивать очки о зеркальные стекла окон и вообще проделывать все прочие грустные, нелепые и тягостные трюки, которые выпадают на долю людей, подверженных несчастным случаям. Он мужественно устоял перед соблазном впасть в ипохондрию и силился бороться с неудачами.

Окончив колледж, Настойч взял себя в руки и попытался вновь утвердить светлую тему надежды, некогда намеченную его дюжим отцом и нежной матерью. Под барабанную дробь и переливы струн ступил Настойч на остров Манхэттен, чтобы стать кузнецом собственного счастья. Он упорно трудился, стремясь

побороть свою злую судьбу, склонность к несчастьям, и, несмотря ни на что, хотел остаться оптимистом.

Однако злая судьба брала свое. Благородные аккорды выливались в невнятное бормотание, и симфония жизни Настойча докатилась до уровня комической оперы. Работу за работой терял он в потоке испорченных диктофонов и залитых чернилами договоров, забытых карточек и перепутанных таблиц; в мощном крещендо ребер, сломанных в толкотне подземок, ступней, вывихнутых в решетках тротуаров, очков, разбитых о незамеченные углы, в череде болезней (в том числе - гепатита Д, марсианского гриппа, венерианского гриппа, синдрома пробуждения и смешливой лихорадки).

Настойч по-прежнему противился искушению стать ипохондриком. Во сне он видел космос и смельчаков с квадратными подбородками, завоевывающих новые земли, видел поселения на дальних планетах и бескрайние просторы свободных земель, где вдали от чахлых игрушечных джунглей Земли человеку воистину дано познать самого себя. Он подал заявление в Бюро межпланетных путешествий и поселений и получил отказ. Нехотя он отмахнулся от мечты и снова попытал свои силы в разных областях. Одновременно он прибегал и к психоанализу, и к гипнотическому внушению, и к гипнотическому гипервнушению, и к снятию противовнушения, но все понапрасну.

У каждой симфонии есть свой финал, а у каждого человека - свой предел. Тридцати четырех лет от роду, в три дня вылетев с работы, которую искал два месяца, Настойч распрощался с надеждами. Эту неудачу он считал заключительным, комическим, диссонирующим ударом медных тарелок - последней почестью тому, кому лучше было бы и не появляться на свет.

Получив с мрачным видом свои жалкие гроши, Настойч обменялся последним робким рукопожатием с бывшим начальником и стал спускаться на лифте в вестибюль. В его мозгу уже мелькали мысли о самоубийстве: ему чудились колеса грузовика, газовые камеры, многоэтажные здания и быстроходные реки.

Лифт доставил его в необозримый мраморный вестибюль, где дежурили полисмены в форме и где целые толпы дожидались очереди на выход в город. Настойч пристроился в хвост и, пока не подошла его очередь, бездумно следил за измерителем плотности населения, стрелка которого подрагивала почти у

самой отметки паники. На улице наш герой влился в могучий поток, текущий на запад, к жилому массиву, где обитал и он.

В его мозгу еще копошились мысли о самоубийстве, уже не такие лихорадочные, но облеченные в более конкретную форму. Настойч перебирал в уме различные способы и средства, пока не поравнялся со своим домом; тогда он отделился от толпы и скользнул в подъезд.

Настойч пробрался сквозь несметные полчища детишек, наводнявших коридоры, и попал в клетушку, выданную ему городскими властями. Он вошел, закрыл дверь, запер ее на ключ и вынул из бритвенного прибора лезвие. Улегшись на кровать и упершись ногами в противоположную стену, он стал рассматривать синие прожилки вен у себя на запястье.

Решится ли он? Способен ли проделать все чисто и быстро, без ошибок и сожалений? Или завалит и эту работу и его, исходящего криком от боли, поволокут в больницу - жалкое зрелище на потеху студентам-практикантам?

Пока он раздумывал, кто-то подсунул ему под дверь желтый конверт с телеграммой. Весть, которая подоспела как раз в решающую минуту и с такой мелодраматической внезапностью, показалась Настойчу крайне подозрительной. Тем не менее он отложил лезвие и поднял с пола конверт.

Телеграмма была из Бюро межпланетных путешествий и поселений - великой организации, ведающей каждым шагом человека в космосе. Настойч вскрыл конверт дрожащими пальцами и прочитал:

Мистеру Антону Настойчу Временный жилищный массив 1993 Район 43825: Манхэттен 212, Нью-Йорк

Дорогой мистер Настойч!

Три года назад Вы обратились к нам с просьбой о предоставлении Вам любой должности на иных планетах. К сожалению, в то время мы. были вынуждены ответить Вам отказом. Однако мы подшили в Ваше личное дело все анкетные данные, недавно пополнили их новейшими сведениями. Рад сообщить, что Вы хоть сейчас можете получить назначение, которое, видимо, полностью соответствует Вашим талантам и квалификации. Не сомневаюсь, что работа Вам подойдет, поскольку условия таковы: годовой оклад 20000 долларов, все предусмотренные законом пограничные льготы и небывалые перспективы продвижения по службе.

Прошу Вас явиться ко мне для переговоров.

С искренним уважением Уильям Гаскелл

заместитель директора по кадрам ВН/евт Здс.

Настойч бережно сложил телеграмму и спрятал в конверт. Первоначальное ощущение жгучей радости развеялось, уступив место дурным предчувствиям.

Какие у него таланты, какая квалификация для должности, приносящей в год двадцать тысяч, да вдобавок еще и льготы? Не путают ли его с другим Антоном Настойчем?

Навряд ли. В Бюро попросту не случается таких накладок. Если же допустить, что там знают, с кем имеют дело, и осведомлены о злополучном прошлом Настойча, - так зачем он им понадобился? Что он умеет делать такого, чего не сделает гораздо лучше любой мужчина, женщина или ребенок?

Настойч сунул телеграмму в карман и положил бритву на место. Теперь самоубийство казалось несколько преждевременным. Сначала надо выяснить, чего хочет Гаскелл.

В главном административном корпусе Бюро межпланетных путешествий и поселений Настойча без задержки впустили в личный кабинет Уильяма Гаскелла. Заместитель директора по кадрам оказался рослым седым человеком с резкими чертами лица; он излучал радушие, которое Настойч счел подозрительным.

- Садитесь же, садитесь, мистер Настойч, - сказал Гаскелл. - Будете курить? Не хотите ли выпить? Страшно рад, что у вас нашлось время.

- Вы уверены, что обратились по адресу? - спросил Настойч.

Гаскелл бегло просмотрел досье, лежащее у него на столе.

- Сейчас выясним. Антон Настойч; возраст - тридцать четыре года; родители - Грегори Джеймс Настойч и Анита Суоонс Настойч из Леиктауна, Нью-Джерси. Правильно?

- Да, - подтвердил Настойч. - И у вас есть для меня работа?

- Вот именно.

- Оклад двадцать тысяч в год и льготы?

- Совершенно верно.

- Не скажете ли, в чем заключается эта работа?

- Для этого мы здесь и сидим, - жизнерадостно ответил Гаскелл. - Освоители, знаете ли, - это люди, которые устанавливают контакты с другими планетами, первые поселенцы, которые собирают все жизненно необходимые сведения. Я считаю их Дрейками и Магелланами нашего века. Думаю, вы и сами согласитесь, что это блестящее предложение.

Настойч побагровел и встал.

- Если вы кончили издеваться надо мной, то я пошел.

- Что?

- Это я-то - внеземной освоитель? - проговорил Настойч с горьким смехом. - Не пытайтесь меня разыгрывать. Я читаю газеты. Мне известно, кто такие освоители.

- Кто же они такие?

- Цвет Земли, - выпалил Настойч. - Самый здоровый дух -в самых здоровых телах. Люди с мгновенной реакцией, способные разрешить любую проблему,

справиться с любой трудностью, приспособиться к любому окружению. Разве не так?

- Видите ли, - разъяснил Гаскелл, - было так - в начальном периоде освоения планет. И мы позволили такому стереотипному представлению укорениться в общественном сознании, чтобы привить доверие к нашей организации. Однако в настоящее время этот тип освоителя устарел. Для людей, которых вы описывали, есть уйма других дел. Но отнюдь не освоение планет.

- Разве вашим сверхлюдям оно не под силу? - спросил Настойч с легкой насмешкой.

- Ну что вы, конечно, под силу, - ответил Гаскелл. - Здесь нет никакого парадокса. Заслуги первооткрывателей остались непревзойденными. Эти люди только благодаря своему упорству и силе воли ухитрились выжить на всяких планетах, где существовала хоть ничтожная возможность жизни. Планеты требовали от них полной отдачи всех духовных и физических сил, и, выполняя свой долг, эти люди творили чудеса. Они навеки вошли в историю как памятник выносливости и приспособляемости homo sapiens.

- Почему же вы их больше не используете?

- Потому что изменились земные проблемы, - заявил Гаскелл. - Поначалу освоение космоса было подвигом, достижением науки, мерой обороны, символом. Но эти дни миновали. Катастрофически росла перенаселенность Земли. В сравнительно пустынные земли Бразилии, Новой Гвинеи и Австралии хлынули миллионы... Однако бурный рост населения вскоре помог заполнить и эти земли. В крупных городах дошло до паники среди населения, разразились Субботние бунты. А население в связи с успехами гериатрии и дальнейшим резким снижением детской смертности неуклонно росло.

Гаскелл потер лоб.

- Неприятное было положение. Однако этические проблемы, связанные с приростом населения, меня не касаются. Мы здесь, в Бюро, знаем только одно: необходимы новые земли, да побыстрее. Нам нужны планеты, которые, не в пример Марсу и Венере, в кратчайший срок перешли бы на самоснабжение. Местности, куда можно перебросить миллионы людей, пока ученые и политические деятели не наведут порядок на Земле. Мы должны в кратчайший срок начать колонизацию новых планет. А это значит, что нужно ускорить процесс начального освоения.

- Все это мне известно, - вставил Настойч. - Но я по-прежнему не понимаю, с какой стати вы отказались от услуг оптимальных людей.

- Разве вам не ясно? Мы стали искать планеты, где могли бы осесть и выжить обыкновенные люди. Наших оптимальных освоителей никак нельзя назвать обыкновенными. Наоборот, они едва не породили новую, высшую расу. И они не могли судить, насколько те или иные условия пригодны для обыкновенных людей. Например, существуют мрачные, унылые, дождливые планеты, где средний колонист впадает в депрессию, близкую к помешательству; наш же оптимальный освоитель слишком здраво мыслит, чтобы беспокоиться из-за унылого климата. Микробы, уносящие тысячи жизней, в худшем случае доставляют ему несколько неприятных часов. Наш оптимальный освоитель легко избегает опасностей, которые могут привести колонию на край гибели. Он не способен мерить такие вещи обыкновенной меркой. Они его ничуть не затрагивают.

- Начинаю понимать, - пробормотал Настойч.

- Итак, наилучшим выходом, - продолжал Гаскелл, - явилось бы постепенное покорение планет. Сначала освоитель, за ним группа исследователей, потом испытательная колония, состоящая в основном из психологов и социологов, затем еще исследователи, которые анализируют сведения, накопленные другими группами, итак далее. Однако на все это вечно не хватает времени и денег. Колонии нужны нам сейчас, а не через пятьдесят лет.

Мистер Гаскелд умолк и в упор взглянул на Настойча.

- Так вот, видите ли, нам необходимо получить немедленную информацию о том, удастся ли группе обыкновенных людей жить и преуспевать на новой планете. Вот почему мы стали предъявлять к освоителям другие требования.

Настойч кивнул.

- Обыкновенные освоители - для обыкновенных людей. Но все же я хочу выяснить один вопрос.

- Пожалуйста.

- Насколько хорошо вы знаете мое прошлое?

- Весьма хорошо, - заверил его Гаскелл.

- В таком случае, вы, может быть, заметили, что мне свойственна склонность к несчастным случаям. Если говорить начистоту, мне и здесь-то, на Земле, с трудом удается выжить.

- Знаю, - с удовлетворением подтвердил мистер Гаскелл.

- Каково же мне придется на неведомой планете? И зачем вам нужен именно я?

Мистер Гаскелл, очевидно, почувствовал некоторую неловкость.

- Видите ли, ваша формулировка "обыкновенные освоители - для обыкновенных людей" неверна. Дело далеко не так просто. Колония состоит из тысяч, а зачастую из миллионов людей с совершенно разными потенциалами жизнеспособности. Гуманизм и законность требуют, чтобы всем им был предоставлен шанс в борьбе. А в людей надо вселить уверенность еще до того, как они расстанутся с Землей. Мы должны убедить их - и закон, и самих себя, - что даже самые слабые получат шанс выжить.

- Продолжайте, - попросил Настойч.

- Поэтому, - скороговоркой докончил Гаскелл, - несколько лет назад мы отказались от открывателей типа "человекооптимум" и перешли на тип "человекоминимум".

Некоторое время Настойч молча усваивал это сообщение.

- Значит, я вам нужен, потому что там, где могу жить я, проживет каждый.

- Ваши слова более или менее подытоживают нашу точку зрения, - ответил Гаскелл с доброжелательной улыбкой.

- А какие шансы будут у меня?

- Некоторые наши минимально жизнеспособные освоители справились с задачей очень успешно.

- А другие?

- Конечно, есть риск, - признался Гаскелл. - Не говоря уже о потенциальных опасностях, которые таятся в самих планетах, есть и прочие осложнения, связанные со спецификой эксперимента. Я не могу сказать вам, в чем они заключаются, - иначе пропадет единственный элемент, позволяющий нам управлять испытанием на минимальную жизнестойкость. Я просто ставлю вас в известность, что они есть.

- Не очень-то веселая перспектива, - сказал Настойч.

- Возможно. Но подумайте о том, какая вас ждет награда, если вы все преодолеете! Вы же фактически станете отцом-основателем колонии! Как эксперту вам цены не будет. Вы займете прочное место в жизни общины. И, что не менее важно, вам удастся развеять свои тайные сомнения касательно собственного места в мироздании.

Настойч нехотя кивнул.

- Объясните мне, пожалуйста, вот что. Ваша телеграмма пришла сегодня в особенно критический момент. Можно было подумать, будто...

- Да, это специально, - подхватил Гаскелл. - Мы установили, что нужные нам люди наиболее сговорчивы, когда находятся в известном психологическом

состоянии. Мы тщательно следим за теми немногими, кто соответствует нашим требованиям, и ждем благоприятного момента, чтобы выступить со своими предложениями.

- Часом позже получилось бы не совсем удобно, - заметил Настойч.

- А днем раньше бесполезно. - Гаскелл встал из-за стола. - Не разделите ли вы со мной ленч? Мы могли бы обсудить с вами остальные детали за бутылкой вина.

- Ладно, - ответил Настойч. - Но учтите, пока я ничего не обещаю.

- Само собой, - согласился Гаскелл и пропустил его вперед.

После ленча Настойч погрузился в тяжкое раздумье. Его страшно влекла работа освоителя, несмотря на связанный с ней риск. В конце концов, она не более опасна, чем самоубийство, а оплачивается гораздо лучше. Если он выйдет победителем, награда будет велика; в случае неудачи он заплатит не дороже, чем собирался платитъ здесь, на Земле.

На Земле за тридцать четыре года он не слишком преуспел. До сих пор, если у него и были проблески способностей, их заглушала непреодолимая тяга к болезням, несчастным случаям и грубым промахам.

Однако Земля перенаселена, здесь царят хаос и смятение. Быть может, подверженность несчастным случаям не врожденный порок, а результат невыносимых условий.

Освоение планет перенесет Настойча в новую среду. Он будет один, будет зависеть только от самого себя и отвечать только перед самим собой. Это дьявольски опасно... но что может быть опаснее сверкающего лезвия бритвы в собственной руке?

Это будет величайшее усилие в его жизни, конечное испытание. Он станет бороться с собственными роковыми наклонностями, как никогда. На этот раз он бросит в бой всю свою силу и решимость и будет сражаться до последнего вздоха.

Он принял предложенную работу. В последующие недели, предоставленные ему для подготовки, он питался и упивался своей решимостью, спал с ней, слушал ее стук в мозгу и чувствовал, как она вплетается в его нервы; бормотал ее себе под нос, как буддийскую молитву, видел ее во сне, чистил ею зубы и мыл руки, размышлял о ней, пока она не зажужжала монотонным припевом в его сознании во сне и наяву и не стала постепенно контролировать и сдерживать все его поступки.

И вот пришла пора Настойчу отправиться в годичную командировку на

перспективную планету в Восточном звездном секторе. Гаскелл пожелал ему счастливого пути и обещал держать с ним связь по Г-фазному радио. Настойча вместе со снаряжением погрузили на сторожевой корабль "Королева Глазго", и путешествие началось.

В течение нескольких месяцев, пока длился космический перелет, Настойч как одержимый думал о принятом решении. Он тщательно следил за собой в условиях невесомости, отдавал себе отчет в каждом своем поступке и перепроверял все движущие им мотивы. Из-за такого непрерывного контроля Настойч стал делать все гораздо медленнее; но постепенно контроль вошел в привычку... Образовался комплекс новых рефлексов, который начал вытеснять прежнюю рефлекторную систему.

Однако путь к прогрессу был усеян терниями. Наперекор всем своим усилиям Настойч подцепил от дезинфицирующей установки какую-то экзему и разбил одну из десяти пар очков о переборку, его мучали бесчисленные головные боли, боли в спине, боли от исцарапанных пальцев рук и сбитых пальцев ног.

Тем не менее, он чувствовал, что добился кое-какого успеха, и от этого сознания воля его соответственно крепла. И наконец на обзорном экране появилась планета.

Ее назвали буквой греческого алфавита - Тэтой. Настойча со всем снаряжением высадили на травянистой и лесистой возвышенности вблизи горного хребта. Планету обозревали с воздуха, и эту местность выбрали заранее из-за благоприятных условий. Вода, лес, плоды и полезные ископаемые - все находилось под боком. Такая местность могла бы стать отличной территорией для колонистов.

Астролетчики пожелали ему удачи и оставили одного. Настойч провожал их взглядом, пока корабль не скрылся за грядой облаков. Тогда Настойч взялся за работу.

Первым делом он привел в действие робота. Эта большая черная поблескивающая машина универсального назначения - стандартное оборудование для освоителей и поселенцев. Она не умела разговаривать, петь, читать стихи наизусть или играть в карты, как более дорогие модели. Она могла только кивать или покачивать головой - скучный партнер для того чтобы коротать с

ним год. Однако робот был запрограммирован на подчинение устным командам значительной сложности, на выполнение тяжелой "черной" работы и должен был проявлять находчивость в трудных положениях.

С помощью робота Настойч принялся разбивать в степи лагерь, не сводя глаз с горизонта в ожидании беды. Воздушная разведка не обнаружила признаков чужой культуры, но ведь этого никогда нельзя сказать наверняка. Животный мир Тэты оставался загадкой.

Настойч работал медленно и старательно, а бок о бок с ним трудился молчаливый робот. К вечеру был разбит временный лагерь; Настойч завел радарный механизм тревоги и улегся в постель.

Проснулся он перед самым рассветом от пронзительного сигнала. Он оделся и выскочил. В воздухе слышалось сердитое гудение, словно налетела саранча.

- Достань два лучемета, - сказал он роботу, - и быстренько возвращайся. Да прихвати с собой бинокль.

Кивнув, робот заковылял прочь. Настойч медленно повернулся и, дрожа от холода в сером рассвете, попытался определить направление звука. Он осмотрел сырую степь, зеленую опушку леса, скалы за лесом. Никакого движения. Но вот взошло солнце, и в его лучах Настойч увидел нечто похожее на темную, низко нависшую тучу. Туча быстро неслась к лагерю, хотя и двигалась против ветра.

Вернулся робот с лучеметами. Один из них взял сам Настойч, другой оставил роботу и приказал не стрелять без команды. Робот кивнул, и, когда он повернулся в сторону восходящего солнца, глаза его мрачно блеснули.

Туча подлетела совсем близко и оказалась несметной стаей птиц. Настойч внимательно рассмотрел их в бинокль. Величиной они были с земных ястребов, но неслаженным бреющим полетом напоминали летучих мышей. Настойч заметил мощные когти и длинные клювы, усеянные острыми зубами. Обладая столь смертоносным оружием нападения, птицы непременно должны быть хищными.

С громким клекотом стая описала круг над пришельцами. И вот со всех сторон на них напали птицы с выпущенными когтями и распростертыми крыльями.

Настойч приказал роботу открыть огонь.

Спина к спине они вместе отбивали птичью атаку. Батальоны птиц, скошенные огнем, в вихре крови и перьев падали оземь. Настойч и робот не сдавались, сдерживали натиск воздушных волков и даже обращали их в бегство.
Но тут отказал лучемет Настойча.

По идее лучеметы продавались заряженными и с гарантией на семьдесят пять часов непрерывной работы в автоматическом режиме. Лучемет не должен отказывать! По инерции Настойч продолжал тупо щелкать курком. Потом отбросил оружие и поспешил к палатке со снаряжением, предоставив роботу вести бой в одиночку.

Он разыскал два запасных лучемета и, вернувшись в бой, увидел, что теперь вышло из строя оружие робота. Бедняга отбивался от стаи руками. Он молотил по птицам, сбившимся в сплошную массу, и с его суставов стекали капли смазочного масла. Робот покачнулся, едва не потеряв равновесие, и Настойч заметил, что некоторые птицы увернулись от ударов и, облепив робота, нацелились клювами на глаза-фотоэлементы и кинестетическую антенну.

Подняв вверх оба лучемета, Настойч врезался в птичью стаю. Один лучемет отказал почти мгновенно. Настойч продолжал скашивать птиц последним оружием, моля судьбу о том, чтобы не кончился заряд.

Наконец стая, встревоженная понесенным уроном, с гомоном и криком полетела прочь. Чудом уцелевшие Настойч и робот остались стоять по колено в выщипанных перьях и обугленных тушках.

Настойч осмотрел четыре лучемета, из которых три оказались совершенно негодными, и в гневе направился к палатке связи.

- Да это один из контрольных элементов, - отозвался Гаскелл.

-Чего?

- Я вам объяснял давным-давно, - сказал Гаскелл. - Мы ведем испытание в расчете на минимальную жизнеспособность. Минимальную, помните. Нам надо знать, что случится с колонией, члены которой наделены полезными навыками неравномерно. Поэтому мы ищем наименьший общий знаменатель.

- Все это мне известно. Но вот лучеметы...

- Мистер Настойч, основать колонию, даже по принципу абсолютного минимума, стоит баснословно дорого. Мы предоставляем колонистам новейшее оружие и наилучшее снаряжение, но не можем заменить отказавшее Или амортизированное оборудование. Колонистам приходится использовать незаменимые боеприпасы, подверженные поломкам и износу, пищевые продукты, которые приходят к концу или портятся...

- И все это вы мне дали с собой?

- Конечно. В целях контроля мы снабдили вас минимумом всего, что необходимо для жизни. Только так и можно судить, пригодна ли Тэта для колонизации.

- Это нечестно! Освоителям всегда дают все самое лучшее!

- Нет, - возразил Гаскелл. - В старину, разумеется, было именно так. Но теперь, когда мы проверяем наименьший потенциал, это относится не только к человеку, но и к снаряжению. Я ведь предупреждал вас, что работа сопряжена с риском.

- Предупреждали, - согласился Настойч, - но... Ладно, у вас есть в запасе еще какие-нибудь сюрпризы?

- В общем нет, - ответил Гаскелл после секундной паузы. - Как и вы сами, ваше снаряжение характеризуется минимальной жизнеспособностью. Этим почти все сказано.

Настойч уловил в ответе некоторую уклончивость, но Гаскелл отказался дать подробное разъяснение. Они прервали связь, и Настойч вернулся к своему лагерю, в котором царил полный хаос...

Они с роботом перенесли лагерь в лес, чтобы укрыться от дальнейших птичьих налетов. Налаживая хозяйство заново, Настойч заметил, что добрая половина канатов перетерлась, электрические приборы перегорают один за другим, а на брезенте проступила плесень. Он старательно привел все в порядок, ободрав при этом костяшки пальцев и стерев ладони в кровь. Потом вышел из строя генератор.

Три дня Настойч искал повреждение, руководствуясь инструкцией на немецком языке, приложенной к генератору. Похоже было, что в генераторе все не соответствует схеме, и никакие меры не помогали. В конце концов Настойч случайно установил, что инструкция относится к совершенно другой модели. Тут он вышел из себя и лягнул генератор, чуть не сломав при этом мизинец на правой ноге.

Затем он взял себя в руки, еще четыре дня выяснял разницу между своим генератором и описанной моделью и наконец устранил неисправность.

Птицы обнаружили: что в лесу можно отвесно камнем падать между деревьями и лагерем Настойча, хватать еду и скрываться, прежде чем на них успеют навести лучемет. Их налеты стоили Настойчу пары очков и серьезного ранения шеи. Кропотливо трудясь, он сплел сети и при помощи робота натянул их среди ветвей над лагерем.

Теперь птицы ничего не могли поделать. Наконец-то у Настойча нашлось время проверить пищевые припасы. Выяснилось, что часть обезвоженных продуктов плохо обработана на фабрике, а часть поросла отвратительными

грибками местного происхождения. То и другое означало недоброкачественность.
Если сейчас же не принять меры, то на зиму пищи не хватит.

Настойч проделал серию опытов с местными фруктами, злаками, овощами и ягодами. Среди них было несколько съедобных и питательных разновидностей. Он попробовал их и тотчас же покрылся живописной аллергической сыпью. Порывшись в медикаментах, он нашел лекарство от аллергии. Выздоровев, Настойч опять занялся опытами, чтобы обнаружить виновника болезни, но во время проверки конечных результатов к нему ворвался робот, перевернул пробирки и пролил незаменимые химикалии.

Пришлось Настойчу продолжать опыты на самом себе, после чего один вид ягод и два вида овощей он исключил из рациона как аллергены.

Однако фрукты были превосходные, а местные злаки давали отличный хлеб. Настойч собрал семена и поздней тэтанской весной поручил роботу пахать и сеять.

Робот без устали трудился на новых полях, а Настойч тем временем обследовал окрестности. Он нашел гладкие камни, на которых были нацарапаны знаки, похожие на цифры, и даже изображены деревья, тучи и горы. "Должно быть, на Тэте когда-то жили разумные существа, - подумал Настойч. - Вполне возможно, что они и сейчас населяют какие-то зоны планеты". Однако разыскивать аборигенов было некогда.

Осмотрев свои поля, Настойч увидел, что робот посеял семена на большей глубине, чем требовалось по программе. С этим урожаем пришлось распроститься, и следующий сев Настойч провел собственноручно.

Большая черная универсальная машина справлялась с поручениями, как и прежде. Однако движения робота становились все более конвульсивными, он не мог рассчитать своих сил. Тяжелые сосуды раскалывались в его лапах, а сельскохозяйственные орудия ломались. Настойч запрограммировал его на прополку полей, но, пока пальцы робота рвали сорняки, его широкие плоские ноги вытаптывали ростки злаков. Принимаясь за колку дров, робот, как правило, ломал ручку топора. Когда робот входил, хижина сотрясалась, а дверь то и дело соскакивала с петель.

Настойча удивляла и беспокоила внезапная деградация робота. Починить его не было никакой возможности: робота охраняла заводская пломба, его могли ремонтировать только заводские техники, располагавшие специальными

инструментами, запасными частями и знаниями. Настойчу же было доступно лишь одно - отказаться от услуг робота. Но тогда он остался бы в полном одиночестве.

Он программировал все более и более простые задачи, а на себя брал все больше и больше хлопот. И все же робот изнашивался. В один прекрасный вечер, когда Настойч обедал, робот склонился над плитой и опрокинул горшок с кипящим рисом.

Пустив в ход свои вновь открытые таланты жизнеспособности, Настойч отскочил в сторону, и кипящая масса попала ему не в лицо, а на левое плечо.

Это уже было слишком. Робот становился опасен. Перевязав ожог, Настойч решил выключить робота и в одиночку бороться за то, чтобы выжить. Твердым голосом произнес он команду - спать.

Робот лишь посмотрел на него и беспокойно заметался по хижине, не повинуясь одной из основных команд.

Настойч повторил приказ. Робот покачал головой и стал сваливать поленья у печи.

Что-то разладилось. Придется отключить робота вручную. Однако на черной глянцевой поверхности машины не было и следов выключателя. Тем не менее Настойч взял сумку с инструментами и приблизился к роботу.

Как ни странно, робот попятился от него и вытянул перед собой руки, словно обороняясь.

- Не двигайся! - крикнул Настойч.

Настойч колебался, недоумевая, что же творится с роботом. Машина не могла ослушаться приказа. Во все роботехнические устройства неизменно закладывается готовность к самопожертвованию.

Настойч подошел к роботу, полный решимости отключить его любой ценой. Робот подпустил человека совсем близко и замахнулся бронированным кулаком. Настойч увернулся от удара и запустил гаечным ключом в кинестетическую антенну робота. Тот поспешно втянул антенну внутрь и снова замахнулся. На сей раз бронированный кулак угодил Настойчу под ребра.

Настойч рухнул на пол, а робот, возвышаясь над поверженным противником, засверкал красными глазами и зашевелил железными пальцами. Антон закрыл глаза, ожидая, что робот его добьет. Однако машина повернулась и вышла из хижины, разбив при этом замок.

Несколько минут спустя Настойч услышал, что робот как ни в чем не бывало рубит дрова и укладывает поленья в поленницу.

Воспользовавшись санитарным пакетом, Настойч перевязал раненый бок.

Робот покончил с дровами и вернулся за дальнейшими инструкциями. Дрожащим голосом Настойч услал его к дальнему ручью за водой. Робот ушел, не выказав более никаких признаков агрессивности. Настойч потащился к рации.

- Не стоило и пытаться отключить его, - сказал Гаскелл, услыхав о происшествии. - Конструкция не предусматривает отключения вручную. Разве вы не заметили? Ради собственной безопасности не вздумайте затеять вторую попытку.

- А в чем дело?

- Дело в том, что... вы, наверное, сами успели догадаться... Робот служит при вас нашим контролером качества.

- Не понимаю, - пробормотал Настойч. - А зачем вам контролер качества?

- Неужели я должен повторять все с самого начала? - устало спросил Гаскелл. - Вас взяли на службу в качестве освоителя с минимальной жизнеспособностью. Не со средней, не с повышенной. С минимальной.

- Да, но...

- Не перебивайте. Помните ли вы, как прожили тридцать четыре года на Земле? Вас постоянно преследовали болезни, несчастные случаи и неудачи. Именно такое положение мы и хотели воспроизвести на Тэте. Но вы изменились, мистер Настойч.

- Во всяком случае, я старался измениться.

- Конечно, - согласился Гаскелл. - Мы этого ожидали. Большинство наших минимально жизнеспособных освоителей меняется. Сталкиваясь с новым окружением и заново начиная жизнь, они проявляют самообладание, какое им раньше и не снилось. Но это вовсе не то качество, на которое мы рассчитываем, и нам приходится как-то компенсировать такие перемены. Видите ли, далеко не всегда колонисты прибывают на планету с целью самоусовершенствования. В каждой колонии найдутся легкомысленные люди, не говоря уже о престарелых, немощных, слабоумных, бесшабашных, неразумных детях и так далее. Наши стандарты минимальной жизнеспособности гарантируют выживание каждого колониста. Теперь вам ясно?

- Вроде бы, - ответил Настойч.

- Потому-то нам и необходим контроль над вами, чтобы предупредить появление в вас средней или высокой жизнеспособности, на которую мы не рассчитываем.

- Для этого при мне робот? - уныло вставил Настойч.

- Верно. Робот запрограммирован на осуществление проверки, верховного контроля над уровнем вашей жизнеспособности. Он откликается на вас, Настойч. Пока вы остаетесь в заданном диапазоне общей безопасности, робот всеми силами помогает вам. Когда же вы исправляетесь, становитесь более искушенным и жизнеспособным, реже страдаете от несчастных случаев, - поведение робота резко ухудшается. Он начинает ломать вещи, которые полагалось бы ломать вам, принимает неправильные решения, которые приняли бы вы...

- Это нечестно!

- Настойч, вы, кажется, думаете, будто у нас здесь санаторий или благотворительное общество. В таком случае вы ошибаетесь. От вас нужны лишь услуги, которые мы купили и оплатили. Услуги, которые - да будет мне дозволительно прибавить - вы предпочли самоубийству.

- Ладно!- прокричал Настойч. - Я ведь делаю свое дело. Но есть ли правило, запрещающее мне демонтировать проклятого робота?

- Вовсе нет, - более ровным тоном ответил Гаскелл, - если только это вам под силу. Однако я серьезнейшим образом не советую. Слишком опасно. Робот не даст вывести себя из строя.

- Это уж мне решать, а не ему, - буркнул Настойч и прервал связь.

На, Тэте отцвела весна, и Настойч окончательно понял, что такое его помощник. Он приказал роботу обследовать дальние горы, но тот не пожелал расстаться с хозяином. Он попытался не давать роботу никаких поручений, но черному страшилищу не сиделось без дела. Не получая заданий, робот сам себе выдумывал работу, развивал бурную деятельность и опустошал поля и склады Настойча.

В целях самозащиты Настойч поручил роботу самое безобидное занятие, которое только мог придумать. Он приказал машине вырыть колодец, надеясь, что та погребет себя на дне. Однако из вечера в вечер робот поднимался на поверхность, перемазанный и торжествующий, и входил в хижину, щедро посыпая еду Настойча землей, распространяя аллергические заболевания, ломая тарелки и оконные стекла.

Настойч помрачнел, но терпел создавшееся положение. Теперь робот казался ему воплощением другой, темной стороны его души, воплощением незадачливого растяпы Настойча. Когда он видел разрушительные набеги робота, ему чудилось, будто он следит за уродливой частью самого себя, словно это живая патология, отлитая из металла.

Он старался стряхнуть с себя это ощущение. Однако робот все более воплощал разрушительные стороны натуры Настойча, но только оторванные от явлений жизни, их порождающих, и доведенные до абсурда.

Настойч трудился не покладая рук, а за ним, крадучись, шел его невроз - разрушительная сила, обладающая самозащитой, как все неврозы. Неистребимая болезнь жила с Настойчем под одной крышей, следила за ним, пока он ел, и стояла рядом, пока он спал.

Настойч выполнял свои обязанности и справлялся с ними все лучше и лучше. Он как мог наслаждался днями, грустил при закате солнца и проводил кошмарные ночи, когда над его ложем стоял робот и, казалось, размышлял, не пора ли свести счеты. А наутро, просыпаясь живым и невредимым, Настойч прикидывал, как бы избавиться от своего спотыкавшегося, неуклюжего, пагубного невроза.

Однако положение оставалось безвыходным да вдобавок осложнилось новым обстоятельством.

Несколько дней дождь лил как из ведра. Когда небо прояснилось, Настойч вышел на поля. Позади него громыхал робот, который нес орудия труда.

Внезапно в сырой земле под ногами Настойча разверзлась трещина. Она расширилась, и весь участок, где стоял Настойч, обвалился. Настойч выпрыгнул на откос, и робот втащил его наверх, едва не вывихнув ему при этом руку.

Осмотрев обвалившийся участок поля, Настойч увидел, что под ним проходит туннель. Еще заметны были следы земляных работ. С одной стороны туннель завален, но в другом направлении он уходил в глубь земли.

Настойч вернулся за лучеметом и фонариком. Он спустился по склону, осветил туннель и увидел мохнатое существо, которое торопливо скрылось за поворотом. Оно походило на огромного крота.

Наконец-то Настойч встретил на Тэте иные формы жизни.

Последующие несколько дней он осторожно исследовал туннели и два-три раза мельком видел серые кротоподобные тени, которые тотчас исчезали в лабиринте подземных ходов.

Настойч изменил тактику. Он углубился в главный туннель всего на несколько сот метров и оставил там свой дар - плоды. Когда на другой день он вернулся к тому же месту, плодов не было. Вместо них лежали две глыбы свинца.

Обмен дарами длился целую неделю. Как-то раз, когда Настойч нес плоды и ягоды, в туннеле показался огромный крот, который медленно и с явным

беспокойством двигался навстречу человеку. Он знаком указал на фонарик, и Настойч прикрыл рукой свет, чтобы не причинять боль глазам крота.

Он выжидал. Крот медленно передвигался на двух ногах, морща нос и прижав сморщенные ручки к груди. Остановившись, он взглянул на Настойча выпученными глазами. Потом наклонился и нацарапал на земляном полу туннеля какой-то знак.

Настойч понятия не имел, что означает этот знак. Однако само действие предполагало наличие разума, умение говорить и абстрактно мыслить. Он нацарапал рядом со знаком крота другой знак, желая показать, что наделен такими же качествами.

Между двумя расами завязалось общение. За спиной у Настойча, сверкая глазами, стоял робот и наблюдал, как человек и тэтанец стремятся понять друг друга.

Установление контакта принесло Настойчу еще больше забот. Надо было обрабатывать поля и сады, ремонтировать оборудование и присматривать за роботом; в свободное время Настойч прилежно изучал язык кротов. А кроты так же прилежно помогали Настойчу.

Постепенно человек и кроты стали понимать друг друга, наслаждаясь взаимным общением; они подружились. Настойч узнал о повседневной жизни кротов, об их отвращении к свету, о путешествиях по подземным пещерам, о тяге к знаниям и просвещению. В свою очередь он рассказал кротам все, что мог, о Человеке.

- А что это за металлический предмет? - поинтересовались кроты.

- Слуга Человека, - ответил Настойч.

- Но он стоит за твоей спиной и сердито сверкает глазами. Этот металлический предмет ненавидит тебя. Все ли металлические предметы ненавидят людей?

- Конечно, нет, - сказал Настойч. - Это особый случай.

- Он нас пугает. Все ли металлические предметы пугают?

- Некоторые, но не все.

- Когда этот металлический предмет не сводит с нас глаз, нам трудно думать и трудно понимать твои слова. Всегда ли так бывает с металлическими предметами?

- Иногда они некстати вмешиваются, - признал Настойч. - Но не бойтесь, робот вас не тронет.

Кротовый народец не разделял мнения Настойча. Наш герой рассыпался в извинениях за тяжелую, неуклюжую, невоспитанную машину, рассказал о том, как

машины верно служат Человеку и как облегчают его жизнь. Однако кротовый народец остался при своем убеждении и упорно избегал страшного робота.

Тем не менее после длительных переговоров Настойч заключил с кротовым народцем пакт о сотрудничестве. За свежие плоды и ягоды, которые были кротам весьма по вкусу, но редко им доставались, они обязались добывать будущим колонистам металлическую руду, а также искать для них источники воды и нефти. Более того, колонистам предоставлялась во владение вся поверхность Тэты, а хозяевами недр торжественно признавались тэтанцы.

Обеим сторонам такое распределение благ показалось справедливым, и Настойч вместе с вождем кротов скрепили каменный документ своими подписями, увенчав их настолько замысловатыми росчерками, насколько позволил резец.

В честь знаменательного события Настойч устроил пир. Вдвоем с роботом он принес кротам щедрый дар - самые изысканные плоды и ягоды. Пушистые, серые, ясноглазые кроты собрались толпой и стали нетерпеливо попискивать.

Робот поставил наземь корзины с плодами и отошел в сторонку, но поскользнулся на гладком камушке, замолотил руками, чтобы удержать равновесие, и с грохотом повалился на одного из кротов. Тут же робот поднялся на ноги и, протянув неловкие стальные руки, попытался поднять жертву, но было поздно. Он сломал несчастному позвоночник.

Остальных кротов как ветром сдуло - они исчезли и унесли с собой погибшего. А Настойч с роботом остались в туннеле вдвоем, окруженные огромными грудами плодов.

В ту ночь Настойч долго и упорно размышлял. Ему была понятна дьявольская логика событий. Контакты минимально жизнеспособных освоителей с инопланетянами, как правило, связаны с известной неуверенностью, недоверием, непониманием и даже со смертельными случаями. У него же отношения с кротовым народцем шли как по маслу - слишком гладко для минимальных способностей.

Робот попросту внес поправку в сложившуюся ситуацию и совершил те ошибки, каких можно было ждать от Настойча.

Однако, понимая логику событий, Настойч не принимал ее. Кротовый народец был его другом, а Настойч его предал. Между ними больше не бывать дружбе, и будущим колонистам нечего мечтать о сотрудничестве. Все это несбыточно, пока по туннелям, спотыкаясь, топает робот.

Настойч пришел к выводу, что робот должен быть уничтожен. Он решил пустить в ход свои новые, с таким трудом приобретенные качества и раз и

навсегда отделаться от пагубного невроза, не отстающего от него ни на шаг.
Если придется заплатить жизнью, - ну что ж, напомнил себе Настойч, меньше чем год назад я соглашался расстаться с нею по гораздо менее серьезным причинам.

Он восстановил контакт с кротами и поговорил с ними на эту тему. Кроты согласились помочь ему, ибо даже у этих смирных существ было какое-то понятие о возмездии. Они подсказали несколько идей, удивительно похожих на человеческие, поскольку кроты тоже умели воевать. Они объяснили Настойчу, что надо сделать, и тот обещал попробовать.

Через неделю кроты подготовили все. Настойч нагрузил робота корзинами с плодами и повел его в туннель, словно пытаясь заключить новое соглашение.

Кротовый народец не показывался на глаза. Настойч и робот забрались далеко в подземные коридоры, освещая себе фонариками путь во мгле. Глаза-фотоэлементы робота мерцали красным огнем, а сам он грозно высился за спиной у Настойча.

Вошли в подземную пещеру. Раздался еле слышный свист, и Настойч метнулся в сторону.

Робот; почуяв опасность, хотел последовать за ним, но, заторможенный своей программой незадачливости, споткнулся, и плоды разлетелись по полу пещеры. Тут из мрака сверху спустились канаты, которые опутали голову и плечи робота.

Он старался разорвать прочное волокно, но его опутывали все новые и новые канаты, а он все напрягался, чтобы разорвать узы, и из его суставов сочилось масло. Несколько минут в пещере слышался лишь свист летящих канатов, поскрипывание суставов робота да сухой треск рвущихся волокон.

Настойч вернулся в пещеру и присоединился к сражению. Нападающие связывали робота все надежнее и надежнее, пока наконец не парализовали его окончательно и он уже не мог найти точку опоры. А канаты все свистели в воздухе, и робот наконец опрокинулся - исполинский канатный кокон, у которого виднелись только ступни и голова.

Тогда кроты в восторге заверещали и попытались тупыми землеройными когтями выцарапать роботу глаза. Однако глаза прикрылись стальными веками. Кроты ограничились тем, что насыпали песка в суставы, а потом Настойч растолкал тэтанцев и попытался расплавить робота последним лучеметом.

Прежде чем металл раскалился, лучемет вышел из строя. Роботу связали

ноги и поволокли по коридору, который заканчивался глубокой расселиной. Его сбросили в расселину, послушали, как он стукается о гранитные стены пропасти, а когда он упал на дно, разразились торжествующими криками.

Кроты устроили праздник. Но Настойчу было не по себе. Он вернулся в хижину и двое суток отлеживался в кровати, твердя себе снова и снова, что ведь не человека он убил и даже не мыслящее существо, а всего-навсего уничтожил опасную машину.

Однако он не мог забыть молчаливого спутника, который сражался вместе с ним против птиц, сеял на его полях и все ломал, он был неуклюж на его, Настойча, лад - на такой лад, что уж кто-кто, а Настойч способен это понять и простить.

Некоторое время спустя он чувствовал себя так, как если бы отмерла часть его души. Но вечерами его навещали кроты и утешали, да и надо было работать на полях и складах.

Наступила осень - пора уборки урожая. Настойч взялся за дело. Вскоре после исчезновения робота в нем опять пробудилась прежняя склонность к несчастным случаям. Настойч преодолел ее с новой верой в себя. К первому снегу работа по уборке урожая и консервированию продуктов была завершена. Близился к концу год пребывания Настойча на Тэте.

По радио он послал Гаскеллу отчет об опасностях, достоинствах и потенциальных возможностях планеты, сообщил о соглашении с кротовым народцем и рекомендовал планету для заселения. Через две недели Гаскелл откликнулся.

- Хорошо потрудились, - сказал он Настойчу. - Правление считает, что Тэта, безусловно, соответствует требованиям минимальной жизнеспособности. Мы немедленно высылаем корабль с колонистами.

- Значит, испытание закончено? - спросил Настойч.

- Вот именно. Корабль прибудет месяца через три. Возможно, эту партию привезу я сам. Поздравляю, мистер Настойч. Вы станете отцом-основателем новехонькой колонии!

- Право, не знаю, как и благодарить вас, мистер Гаскелл.

- Наоборот. Кстати, как вы справились с роботом?

- Уничтожил, - ответил Настойч и рассказал о гибели робота и позднейших событиях.

- Гм, - промычал Гаскелл.

- Вы сами говорили, что правила этого не воспрещают.

- Так оно и есть. Робот входит в ваше снаряжение, так же, как лучеметы, палатки и продукты питания. Как и они, робот является одной из проблем

вашего выживания. Вы вправе были распоряжаться им как угодно.

- В чем же дело?

- Да просто хотелось бы думать, что вы его действительно уничтожили. Знаете ли, все эти модели, предназначенные для контроля качества, рассчитаны на долгосрочную службу. В них встроены узлы саморемонта, им сообщено острое чувство самосохранения. Укокошить такого робота дьявольски трудно.

- По-моему, мне это удалось, - заметил Настойч.

- Будем надеяться. Но если робот уцелел, ждите неприятных сюрпризов.

- Почему? Он будет мстить?

- Ну что вы! Робот лишен эмоций.

- Так в чем же дело?

- Вся беда вот в чем. Назначением робота было сводить на нет всякое улучшение вашей жизнеспособности. Вот он и делал различные пакости.

- Конечно. Значит, если он вернется, все начнется сызнова?

- Даже хуже. Вот уже несколько месяцев, как робот разлучен с вами. Если он еще функционирует, то в нем накопились невостребованные бедствия. Вся жажда разрушения, которую ему полагалось накопить за месяцы, должна найти выход, и лишь тогда робот может вернуться к нормальной работе. Вы меня поняли?

Настойч нервно откашлялся.

- И, само собой, он уж постарается разрядить их побыстрее, чтобы прийти в норму,

- Естественно. Так вот, корабль прибудет месяца через три. Быстрее невозможно. Советую вам убедиться, что робот обезврежен. Теперь нам нежелательно лишиться вас.

- Да, нежелательно, - согласился Настойч. - Я сейчас же займусь этим вопросом.

Он захватил все необходимое и поспешил в туннели. Кроты, которым он объяснил положение вещей, проводили его к расселине. Оснащенный паяльной лампой, ножовкой, кувалдой и долотом, Настойч стал медленно спускаться по крутому склону расселины.

Он быстро отыскал на дне место падения робота. Там, между двумя валунами, торчала цельная металлическая рука, вырванная из плечевого сустава. Чуть подальше он нашел осколки разбитого глаза-фотоэлемента и наткнулся на пустой кокон из порванных, разлохмаченных канатов.

Самого же робота нигде не было. Настойч взобрался вверх по склону, предупредил кротов об опасности и занялся приготовлениями.

Двенадцать дней прошло мирно. На тринадцатый вечер перепуганный крот принес Настойчу весть. В туннелях снова появился робот; он шествует темными

подземными ходами, сверкая единственным уцелевшим глазом, и безошибочно пробирается по лабиринту в главный коридор.

Подготовленные к его появлению, тэтанцы встретили его канатами, но робот уже извлек уроки из прошлого. Он увернулся от бесшумно падающих петель и напал на кротов. Шестерых он убил, а остальных обратил в бегство.

Выслушав новости, Настойч коротко кивнул, отпустил крота и возобновил работу. Линию обороны в туннелях он уже наладил. Теперь же он разложил перед собой на столе четыре неисправных лучемета, разобранных до винтика. Работая без справочников и пособий, он пытался из четырех комплектов деталей собрать одно действующее оружие.

Он работал до поздней ночи - тщательно проверял каждую деталь и укладывал на место в корпус. Крохотные детальки расплывались перед глазами, пальцы одеревенели и разбухли, точно сосиски. Крайне осторожно, пользуясь пинцетом и лупой, он приступил к сборке оружия.

Внезапно раздался трубный звук - ожил приемо-передатчик.

- Антон, - спрашивал Гаскелл, - что слышно о роботе?

- Вот-вот явится, - ответил Настойч.

- Этого я боялся. Послушайте, мне удалось дозвониться на завод-изготовитель. Мы крупно повздорили, но я добился разрешения вывести робота из строя и получил подробную инструкцию.

- Спасибо, - сказал Настойч. - Говорите скорее, как это делается.

- Необходимо следующее оборудование: источник электроэнергии, дающий ток двадцать пять ампер под напряжением двести вольт... Даст ваш генератор такой ток?

- Даст. Продолжайте.

- ...Медный стержень, серебряная проволока и щуп, сделанный из непроводящего материала, например из дерева. Все это монтируется в следующем...

- Мне ни за что не успеть, - заметил Настойч, - но говорите.

В рации что-то громко зажужжало.

- Гаскелл! - вскричал Настойч.

Рация молчала. Из хижины с радиоаппаратурой донесся шум - там что-то рухнуло. Затем на пороге появился робот.

У него не было левой руки и правого глаза, но узел саморемонта залечил пораненные места. Теперь робот был тускло-черный, а на груди и боках у него проступали полоски ржавчины.

Настойч перевел глаза на почти собранный лучемет и стал прилаживать последние детали. Робот направился к человеку.

- Ступай, наруби дров, - распорядился Настойч самым естественным тоном, на какой был способен.

Робот остановился, повернулся, взял топор и после некоторого колебания вышел из комнаты.

Настойч окончил работу и стал завинчивать крышку. Робот отбросил топор и снова повернулся, раздираемый противоречивыми командами. Настойч рассчитывал, что в результате конфликта в какой-нибудь схеме расплавится предохранитель. Однако робот принял решение и устремился к Настойчу.

Настойч навел на врага лучемет и спустил курок. Сгусток энергии остановил робота на полпути. Металлическая кожа мгновенно раскалилась докрасна. Тут лучемет опять вышел из строя. Настойч выругался, замахнулся тяжелым оружием и швырнул им в единственный глаз робота, но промахнулся. Лучемет отскочил от металлического лба.

Оглушенный робот искал человека ощупью. Настойч увернулся от его руки и, выбежав из хижины, устремился к черному устью туннеля. Войдя туда, он бросил взгляд назад и увидел, что робот продолжает погоню.

Настойч прошел по туннелю несколько сот метров, включил фонарик и стал поджидать робота.

Как только Настойч убедился, что робот не уничтожен, он тщательно обдумал план действий.

Первой мыслью, естественно, было скрыться. Но робот, способный двигаться, не отдыхая, догонит его без труда. Бесцельно петлять по лабиринту туннелей тоже не годится. Пришлось бы делать привалы, чтобы поесть, напиться и отоспаться. А роботу привалы не нужны.

Поэтому Настойч устроил в туннелях множество ловушек и на них-то возлагал все надежды. Хоть одна да сработает. В этом он не сомневался.

Но, даже твердя слова утешения, Настойч содрогался при мысли о множестве несчастий, которые накопил для него робот: о месяцами не заживающих переломах, трещинах ребер, вывихнутых лодыжках, о рубленых ранах, укусах, инфекционных и хронических болезнях. Все это робот вывалит на него в один прием, чтобы поскорее возобновить текущую деятельность.

Нет, Настойчу никак не пережить этой полосы несчастий. Ловушки обязательно должны сработать!

Вскоре послышались громовые шаги робота, а затем появился и он сам. Увидев Настойча, он заспешил к нему.

Настойч пробежал по туннелю со скоростью спринтера, потом свернул в более узкий проход. Робот постепенно сокращал разделяющую их дистанцию.

Добежав до характерного обнажения пород, Настойч оглянулся, чтобы прикинуть дистанцию, и дернул веревку, запрятанную в скалах.

Кровля туннеля обвалилась, засыпав робота тоннами земли и камней.
Сделай робот еще шаг вперед - и он оказался бы погребенным.

Однако, мгновенно оценив ситуацию, он вихрем отпрянул назад. Его запорошило землей, мелкие камешки забарабанили по голове и плечам. Но основная масса породы миновала его.

Когда упала последняя песчинка, робот перелез через новоявленный холм и продолжил погоню.

Настойч выбивался из сил. Неудача с ловушкой обескуражила его. Однако, напомнил он себе, впереди есть кое-что почище. Вторая ловушка наверняка прикончит несносную машину.

Они бежали по извилистому туннелю, где путь освещался лишь редкими вспышками фонарика Настойча. Робот снова догонял человека. Настойч выбежал на прямой участок и ускорил бег.

Он пересек клочок земли, который ничем не отличался от всякого другого. Но, как только туда, громыхая, ступил робот, земля расступилась. Настойч все тщательно рассчитал. Ловушка, выдерживающая его вес, тотчас рухнула под тяжестью робота.

Робот замахал рукой, ища, за что бы ухватиться. Между пальцами у него заструилась земля, и он соскользнул в капкан, который смастерил Настойч, - конусообразную яму, стенки которой сходились книзу наподобие гигантской воронки, где робот должен был заклиниться на веки вечные.

Однако робот широко растопырил ноги, раздвинув их почти под прямым углом к туловищу. Суставы его затрещали - с таким усилием вонзил он пятки в пологие стенки ямы; под его тяжестью со стенок посыпалась земля, но они выдержали. Роботу удалось притормозить, не долетев до дна.

Рукой робот выдолбил в земле глубокие упоры. Он вытащил одну ногу, нащупал упор, поставил ее туда, потом вытащил другую ногу. Медленно, но верно робот выбирался из плена, и Настойч снова пустился бегом.

Теперь он дышал тяжело и прерывисто, а в боку у него кололо. Робот бежал быстрее, чем раньше, и Настойчу стоило немалых усилий оставаться впереди.

Как он рассчитывал на эти две ловушки! Теперь осталась только одна. Очень хорошая, но связана с риском.

Головокружение все усиливалось, но Настойч заставил себя сосредоточиться. Когда остается последняя ловушка, надо учитывать каждую мелочь. Он миновал камень с белой пометкой и выключил фонарик. Тут он сбавил

скорость и, отсчитывая шаги, дождался, пока робот не очутился прямо у него за спиной и едва не сгреб его пятерней за шиворот.

Восемнадцать... девятнадцать... двадцать! На двадцатом шаге Настойч нырнул головой во мрак. Несколько секунд он, казалось, парил в воздухе. Потом упал в воду, нырнул на небольшой глубине, выплыл на поверхность и стал выжидать.

Робот зашел слишком далеко, чтобы остановиться. С оглушительным всплеском он угодил в подземное озеро, яростно захлопал руками и ногами, поднимая тучи брызг, и наконец с бульканьем скрылся под водою.

Услыхав это бульканье, Настойч поплыл к другому берегу, благополучно добрался до него и вылез из ледяной воды. Несколько секунд он дрожал на скалах, облепленных илом. Потом заставил себя ползти на четвереньках дальше по берегу, к тайнику, где он припас дрова, спички, виски, одеяла и сухую одежду.

Еще несколько часов Настойч сушился, переодевался и разводил костер. Он поел, напился и стал разглядывать неподвижную гладь подземного озера. Задолго до сегодняшних приключений он измерил его глубину с помощью тридцатиметрового лота и не достиг дна. Быть может, это озеро бездонное. А скорее всего, из него берет начало подземная река с быстрым течением, которое унесет робота далеко, на долгие недели, даже месяцы. Или...

Он услышал тихий плеск и направил в ту сторону луч фонарика. Из воды высунулась голова робота, за нею показались плечи и торс.

Очевидно, озеро не было бездонным. Должно быть, робот пересек его по дну и вскарабкался на крутой берег.

Робот стал взбираться вверх по илистым скалам. Настойч устало поднялся на ноги и бросился бежать.

Последняя ловушка тоже оказалась бесполезной, и робот теперь надвигался на него, чтобы умертвить. Настойч мчался к выходу из туннеля. Ему хотелось погибнуть при свете солнца.

Передвигаясь рысцой, Настойч вывел робота из туннеля на крутой склон горы. Дыхание жгло ему глотку, мускулы живота напряглись до боли. Он бежал, прикрыв глаза, голова кружилась от изнеможения.

Ловушка не помогла. Как это он раньше не понял, что они наверняка не помогут? Робот - часть его самого, его невроз, который хочет его доконать. Может ли человек перемудрить самую мудреную часть самого себя? Правая рука

всегда узнает, что творит левая, и даже самые хитроумные уловки лишь ненадолго обманывают искуснейшего из обманщиков.

"Не с того конца я Взялся за дело, - думал Настойч, когда лез вверх по склону. - Обман к свободе не приведет. Надо..."

Робот чуть не ухватил его за ногу, грубо напомнив о разнице между теоретическими и практическими познаниями. Настойч рванулся вперед и принялся бомбардировать его камнями. Отмахнувшись от них, как от мух, робот полез дальше по склону.

Настойч срезал угол по почти отвесной скале. Свободы обманом не добьешься, твердил он себе. Обман непременно подведет. Выход - в перемене! Выход - в покорении, но не робота, а того, что олицетворяет робот.

Самого себя!

Он был в полубреду, мысли текли бесконтрольно. Он убеждал себя-, если побороть ощущения сходства с роботом, то робот явно перестанет быть его, Настойча, неврозом! Он превратится в обыкновенный невроз и потеряет власть над Настойчем.

Нужен сущий пустяк: исцелиться от невроза (пусть хоть на десять минут) - и робот не причинит ему вреда!

Отхлынула усталость, и Настойча переполнила необычная опьяняющая самоуверенность. Он дерзко пробежал по хаотическому нагромождению камней - подходящему местечку для того, чтобы вывихнуть лодыжку или сломать ногу. Годом, даже месяцем раньше с ним бы здесь непременно что-нибудь произошло. Однако, переродившийся Настойч, уподобясь полубогу, легко перемахнул через огромные камни.

Робот, однорукий и одноглазый, упрямо принял несчастье на себя. Он зацепился за что-то и во весь рост растянулся на острых камнях. Когда робот, поднявшись, снова пустился в погоню за Настойчем, он заметно хромал.

Окрыленный успехом, но предельно настороженный, Настойч уперся в гранитную стену и прыгнул на выступ - едва заметную серую тень. На какую-то страшную долю секунды он повис в воздухе, но тут, когда пальцы его чуть не соскользнули со стены, он нащупал ногой опору. Не колеблясь, он подтянулся на руках и спрыгнул по другую сторону стены.

За ним, громко скрипя суставами, последовал робот. Он повредил себе палец - раньше нечто подобное случилось бы с Настойчем.

Настойч перескакивал с валуна на валун. Робот, то и дело скользя и оступаясь, приближался. Настойчу все было безразлично. Ему пришло в голову,

что свойственная ему склонность к несчастным случаям подготовила его к этому решающему мигу. Теперь наступил отлив. Наконец-то Настойч стал тем, к чему его предназначала природа, - он приобрел иммунитет к несчастным случаям!

Робот пополз за ним по сверкающей поверхности белого камня. Опьяненный крайней уверенностью в своих силах, Настойч столкнул вниз несколько валунов и закричал во все горло, чтобы вызвать обвал.

Камни зашевелились, а над собой он услышал глухой грохот. Настойч укрылся за валуном, избежав простертой ручищи робота, и обнаружил, что дальше отступать некуда.

Он оказался в низенькой и неглубокой пещерке. Перед ним, загородив вход, вырос робот и отвел назад свой железный кулак.

При виде бедного, неуклюжего робота, подверженного несчастным случаям, Настойч разразился хохотом. Но тут робот выбросил вперед кулак, вложив в удар всю свою силу.

Настойч увернулся, но в этом не было нужды. Неуклюжий робот и так промазал по меньшей мере на сантиметр. Как раз такой ошибки и следовало ждать от нелепого создания, раба нелепых несчастных случаев.

Сила отдачи отбросила робота, он пошатнулся. Отчаянно стараясь удержать равновесие, он балансировал на краю скалы. Всякому нормальному человеку или роботу это удалось бы. Но не рабу несчастных случаев. Он упал ничком, разбив при падении единственный глаз, и покатился по склону.

Настойч выглянул было из пещеры, чтобы подтолкнуть падающего, но тотчас поспешно забился в самый дальний угол. Вместо него дело сделал обвал - он покатил быстро уменьшающееся черное пятно по пыльно-белому склону горы и забросал тоннами камней.

Настойч, усмехаясь, наблюдал за происходящим. Потом стал спрашивать себя, что он, собственно говоря, здесь делает.

Тут-то его и начала бить дрожь.

Спустя несколько месяцев Настойч стоял у сходней колонистского судна "Кучулэйн" и смотрел, как на зимнюю, залитую солнцем Тэту высаживаются колонисты. Среди них были люди самые различные.

Все они отправились на Тэту, чтобы начать новую жизнь. Каждый был кому-то дорог, по крайней мере самому себе, и каждый заслуживал какого-то шанса на жизнь независимо от степени своей жизнеспособности. Не кто иной, как он, Антон Настойч, разведал для этих людей минимальные возможности существования на Тэте и в какой-то степени вселил надежду в самых

неспособных - в неумеек, которым тоже хочется жить.

Он отвернулся от потока первых поселенцев и по служебной лестнице поднялся на судно. В конце концов он вошел в каюту Гаскелла.

- Ну что, Антон, - спросил Гаскелл, - как они вам показались?

- По-моему, хорошие ребята, - ответил Настойч.

- Вы правы. Эти люди считают вас отцом-основателем, Антон. Вы им нужны. Останетесь? Настойч сказал:

- Я считаю Тэту своим домом.

- Значит, решено. Я только...

- Погодите, - прервал его Настойч. - Я еще не кончил. Я считаю Тэту своим домом. Я хочу здесь осесть, жениться, завести детишек. Но не сразу.

- Что такое?

- Мне здорово пришлось по душе освоение планет, - пояснил Настойч. - Хотелось бы еще поосваивать. Одну-две планетки. Потом я вернусь на Тэту.

- Этого я не ожидал, - с несчастным видом пробормотал Гаскелл.

- А что тут такого?

- Ничего. Но боюсь, что нам уже не удастся привлечь вас в качестве освоителя, Антон.

- Почему?

- Вы ведь знаете наши требования. Застолбить планету под будущую колонию должен минимально жизнеспособный человек. Как ни напрягай фантазию, вас уже никак не назовешь минимально жизнеспособным.

- Но ведь я такой же, как всегда! - возразил Настойч. - Да, на этой планете я исправился. Но вы же этого ожидали и навязали мне робота, который все компенсировал. А кончилось тем...

- Да, чем же кончилось?

- Что ж, кончилось тем, что я как-то увлекся. Наверное, пьян был. Не представляю, как я мог такое натворить.

- Но ведь натворили же!

- Да. Но постоите! Пусть так, но ведь я еле в живых остался после опыта - всего этого опыта на Тэте. Еле-еле! Разве это не доказывает, что я по-прежнему минимально жизнеспособен?

Гаскелл поджал губы и задумался.

- Антон, вы почти убедили меня. Но боюсь, что вы просто играете словами. Честно говоря, я больше не могу считать вас человекоминимумом. Боюсь, придется вам смириться со своим жребием на Тэте.

Настойч сник. Он устало кивнул, пожал Гаскеллу руку и повернулся к двери.

Поворачиваясь, он задел рукавом чернильный прибор и смахнул его со стола.

Настойч кинулся его поднимать и грохнулся головой о стол. Весь забрызганный чернилами, он помедлил, зацепился за стул, упал.

- Антон, - нахмурился Гаскелл, - что за представление?

- Да нет же, - сказал Антон, - это не представление, черт возьми!

- Гм. Любопытно. Ну, вот что, Антон, не хочу вас слишком обнадеживать, но возможно - учтите, не наверняка, только возможно...

Гаскелл пристально поглядел на разрумянившееся лицо Настойча и разразился смехом.

- Ну и пройдоха же вы, Антон! Чуть не одурачили меня! А теперь, будьте добры, проваливайте отсюда и ступайте к колонистам. Они воздвигнут статую в вашу честь и, наверное, хотят, чтобы вы присутствовали на открытии.

Пристыженный, но невольно ухмыляющийся Антон Настойч ушел навстречу своей новой судьбе.

Роберт Шекли.
Дипломатическая неприкосновенность

Robert Sheckley. Immunity
Перевод на русский язык, Н. Евдокимова, 1970
OCR: Станислав Уколов

- Заходите, джентльмены, не стесняйтесь, - произнес посол, приглашая их в особые апартаменты, предоставленные Государственным департаментом. - Садитесь, пожалуйста.

Полковник Серси уселся на стул, пытаясь оценить персону, по милости которой весь Вашингтон стоял на ушах. Вид у посла был вовсе не угрожающий. Роста среднего, сложения изящного, одет в строгий коричневый твидовый костюм (подарок Государственного департамента). Лицо одухотворенное, с тонкими чертами.

"Человек как человек", - подумал Серси, сверля пришельца взглядом бесцветных и бесстрастных глаз.

- Чем могу служить? - с улыбкой спросил посол.

- Президент поручил мне вести ваше дело, - ответил Серси. - Я ознакомился с отчетом профессора Даррига. - Он кивнул в сторону своего спутника. - Но хотелось бы узнать все из первоисточника.

- Конечно, - согласился пришелец и закурил сигарету. По-видимому, просьба доставила ему искреннее удовольствие.

"Любопытно, - подумал Серси, - ведь прошла неделя, как посол приземлился, и ведущие ученые страны успели вымотать из него душу".

Но когда припекло по-настоящему, напомнил себе Серси, они призвали на подмогу военных. Он откинулся на спинку стула, небрежно сунув руки в карманы. Его правая рука лежала на рукоятке крупнокалиберного пистолета со

снятым предохранителем.

– Я прибыл, – заговорил пришелец, – как полномочный посол, представитель империи, охватывающей половину Галактики. Я привез вам привет от своего народа и предложение вступить в наше сообщество.

– Понятно, – ответил Серси. – Кое у кого из ученых сложилось впечатление, что это не предложение, а требование.

– Вступите, можете не сомневаться, – заверил посол, выпуская дым через ноздри.

Серси заметил, как сидящий рядом с ним Дарриг напрягся и прикусил губу. Полковник переместил пистолет в кармане – теперь его можно было легко выхватить.

– Как вы нас разыскали? – осведомился Серси.

– Каждого из полномочных послов прикрепляют к неисследованному участку космоса, – объяснил пришелец. – Мы обшариваем каждую звездную систему этого участка в поисках планет, а каждую планету – в поисках разумной жизни. Как известно, разумная жизнь в Галактике – большая редкость.

Серси кивнул, хотя до сих пор это было ему неизвестно.

– Найдя планету, населенную разумными существами, мы на ней высаживаемся, как это сделал я, и подготавливаем ее обитателей к участию в нашем содружестве.

– А как ваш народ догадается, что вы обнаружили разумную жизнь? – поинтересовался Серси.

– В организм каждого посла вмонтировано передающее устройство, – ответил пришелец. – Оно включается, как только мы попадаем на населенную планету. В космос начинает непрерывно поступать сигнал, который можно принять на расстоянии до нескольких тысяч световых лет. Вспомогательные группы постоянно дежурят вблизи границ зоны приема. Как только сигнал принят, на планету снаряжают отряд колонизаторов. – Он аккуратно стряхнул пепел в пепельницу. – У этого метода есть явные преимущества по сравнению с засылкой комплексного отряда из разведчиков и колонизаторов. Отпадает необходимость бросать слишком мощные силы на бесплодный поиск, который может затянуться на десятки лет.

– Конечно. – Лицо Серси оставалось бесстрастным. – Расскажите подробнее о самом сигнале.

– Подробности вам ни к чему. Методами земной техники сигнал невозможно уловить и, следовательно, заглушить. Пока я жив, передача ведется непрерывно.

Дарриг порывисто вздохнул и покосился на Серси.

- Но если вы прекратите передачу, а сигнал еще не будет перехвачен, то нашу планету никогда не отыщут.

- Не отыщут, пока снова не обследуют ваш сектор, - согласился дипломат.

- Прекрасно. Как полномочный представитель президента США, прошу вас прекратить передачу. Мы не желаем входить в состав вашей империи.

- Мне очень жаль. - Посол пожал плечами. ("Интересно, - подумал Серси, - сколько раз он уже разыгрывал эту сцену и на скольких планетах?") - Но я ничем не могу помочь.

Посол встал.

- Значит, не прекратите?

- Не могу. Как только передача сигнала начинается, я не в состоянии им управлять. - Дипломат отвернулся и подошел к окну. - Однако я подготовил для вас философский трактат. Как посол я обязан предельно смягчить психологический удар. Ознакомившись с новыми идеями, вы сразу поймете, что...

Едва посол подошел к окну, Серси выхватил пистолет. Шесть выстрелов в голову и тело посла слились в единый грохочущий взрыв. И Серси вздрогнул.

Посол исчез!

Серси переглянулся с Дарригом. Тот пробормотал что-то насчет призраков. Но тут посол столь же внезапно появился вновь.

- По-вашему, это так легко? - спросил он. - Мы, послы, волей-неволей обладаем дипломатической неприкосновенностью. - Он потрогал пальцем одну из дырочек, пробитых пулями в стене. - Если вы этого еще не поняли, скажу иначе - убить меня вы не властны. Вы не сможете даже понять принцип моей защиты.

Посол взглянул на них, и в этот момент до Серси впервые дошло, что посол здесь действительно чужак.

- Всего доброго, джентльмены, - сказал посол.

Дарриг и Серси вернулись на командный пункт. Никто и не ожидал по-настоящему, что посла удастся убить столь легко, но все же его неуязвимость потрясала.

- Полагаю, вы все видели, Мэлли? - спросил полковник Серси.

Худощавый лысеющий психиатр грустно кивнул:

- Видел и заснял на пленку.

- Интересно, в чем суть его философии? - пробормотал себе под нос Дарриг.

- Думать, что такое простое решение сработает, просто нелогично. Никакая раса не отправила бы посла с подобным предложением, всерьез надеясь на то, что посол уцелеет. Если только...

- Если что?

- Если только не снабдить посла чертовски эффективной защитой, - уныло закончил психиатр.

Серси пересек комнату и взглянул на экраны. Квартира у посла действительно была особая. Ее спешно соорудили спустя два дня после того, как он приземлился и передал приглашение. Стены квартиры обили свинцом и сталью, утыкали теле- и кинокамерами, магнитофонами и Бог знает чем еще.

Это была самая совершенная в мире камера смерти.

Посол сидел за столом. Он что-то печатал на портативной пишущей машинке, подаренной правительством США.

- Эй, Гаррисон! - крикнул Серси. - Пора приступать к плану номер два.

Из соседней комнаты, где находилась подключенная к квартире посла аппаратура, появился Гаррисон. Он методично проверил показания манометров, отрегулировал управление и поднял глаза на Серси.

- Можно? - спросил он.

- Можно, - ответил Серси, не отрывая глаз от экрана. Посол все еще печатал.

Гаррисон нажал какую-то кнопку, и из скрытых отверстий в стенах и потолке кабинета посла вырвались огненные языки.

Кабинет превратился в нечто вроде доменной печи. Серси выждал еще минуты две, затем подал знак Гаррисону, и тот нажал другую кнопку. Они впились взглядом в изображение раскаленной комнаты на экране, надеясь увидеть обугленный труп.

Посол вновь возник за столом и разочарованно посмотрел на остатки пишущей машинки. На нем самом не было даже копоти.

- Нельзя ли попросить другую машинку? - обратился он к одной из тщательно замаскированных телекамер. - Мне все-таки хочется, чтобы вы, неблагодарные ничтожества, ознакомились с моей философией.

Потом уселся в обгоревшее кресло и через секунду, по всей видимости, заснул.

- Ладно, все садитесь, - сказал Серси. - Настало время собрать военный совет.

Мэлли оседлал стул. Гаррисон, усевшись, зажег трубку и стал медленно раскуривать.

- Итак, - начал Серси, - правительство свалило все на нас. Посла надо уничтожить - тут других мнений быть не может. Ответственность за это возложена на меня. - Серси криво улыбнулся. - Вероятно, по той причине, что никто из шишек не желает отвечать за неудачу. А я выбрал вас троих себе в

помощники. Мы получим все, что потребуем, любую помощь, любую консультацию.
А теперь - есть идеи?

- Как насчет плана номер три? - спросил Гаррисон.

- Дойдет черед и до него, - сказал Серси. - Но, по-моему, он не подействует.

- По-моему; тоже, - согласился Дарриг. - Мы ведь даже не знаем, как он защищается от опасности.

- Вот это - первоочередная проблема. Мэлли, возьмите все данные, которыми мы располагаем, и распорядитесь ввести их в анализатор Дерихмана.
Вы ведь знаете, какие сведения нужно получить? "Каковы свойства X, если X умеет то-то и то-то?"

- Хорошо, - буркнул Мэлли и вышел, бормоча что-то о превосходстве физики над прочими науками.

- Гаррисон, - сказал Серси, - к осуществлению плана номер три все подготовлено?

- Конечно.

- Попробуем.

Пока Гаррисон возился с окончательной настройкой, Серси наблюдал за Дарригом. Пухлый коротышка-физик задумчиво уставился куда-то вдаль и что-то бормотал. Серси надеялся, что его осенит какая-нибудь идея. От Даррига он ждал многого.

Зная, что с большим количеством людей работать невозможно, Серси тщательно подобрал себе штат. Ему требовалось качество.

Именно поэтому первым избранником стал Гаррисон. Крепко сбитый, вечно хмурый конструктор славился тем, что может сконструировать что угодно, лишь бы у него было хоть смутное представление, как должна действовать эта конструкция.

Следующим в команду попал психиатр Мэлли - Серси не был уверен, что для уничтожения посла потребуются только физические действия.

Дарриг - физик-математик, но его беспокойный, пытливый ум создавал интереснейшие теории и в других областях науки. Дарриг был единственным из четверых, кто заинтересовался послом в интеллектуальном аспекте.

- Он мне напоминает Металлического Старика, - произнес наконец Дарриг.

- Это еще кто такой?

- Вы что, не слышали легенду о Металлическом Старике? Так вот, это был монстр, закованный в черную металлическую броню. С ним встретился Победитель Чудовищ - герой индейских легенд - и после многих попыток сумел убить Металлического Старика.

- Как же ему это удалось?

- Он ударил его под мышку. Там у него брони не было.

- Красота, - ухмыльнулся Серси. - Так попроси нашего посла поднять руки.

- Готово! - сообщил Гаррисон.

- Отлично. Давайте.

В комнату посла беззвучно хлынули невидимые потоки жестких гамма-лучей.

Однако подвергнуться их смертельному действию оказалось некому.

- Хватит, - немного погодя сказал Серси. - От этого околело бы стадо слонов.

Посол пять часов пробыл в невидимом состоянии, пока интенсивность радиации немного не спала. Тогда он вновь появился в комнате.

- Так я жду машинку, - напомнил он.

- Вот заключение анализатора. - Мэлли подал Серси пачку бумаг. - А вот кратко сформулированный вывод.

Серси прочитал вслух: "Простейший способ защиты от данного или любого оружия - стать тем или иным конкретным оружием".

- Превосходно, - сказал Гаррисон. - Но что это значит?

- Это значит, - ответил Дарриг, - что, когда мы угрожаем послу огнем, он сам превращается в огонь. Когда мы в него стреляем, он превращается в пулю - и так до тех пор, пока опасность не проходит, а там он возвращает себе прежнее обличье.

Дарриг взял у Серси бумаги и принялся их перелистывать.

- Гм... Интересно, существуют ли какие-либо исторические параллели? Вряд ли. - Он оторвался от бумаг. - Вывод не окончательный, но вполне убедительный. Всякий иной принцип защиты требует сначала опознать оружие, потом оценить его, а потом уже принимать контрмеры в соответствии с потенциальными возможностями оружия. У посла защита намного безопаснее и срабатывает мгновенно. Ему не приходится опознавать оружие. Скорее всего, его тело каким-то образом отождествляется с тем, что ему угрожает.

- Есть ли способ сломить такую защиту? - спросил Серси.

- Анализатор недвусмысленно указывает, что, если его вывод верен, такого способа нет, - угрюмо заметил Мэлли.

- Такой вывод можно и отбросить, - возразил Дарриг. - Возможности машины все-таки ограничены.

- Но мы до сих пор не знаем способа его остановить, - подчеркнул Мэлли. - А он продолжает передавать сигнал.

Серси на мгновение задумался.

- Свяжитесь со всеми экспертами, которых знаете. Зададим-ка послу жару. Знаю, все знаю, - добавил он, заметив сомнение на лице Даррига, - но попытаться мы обязаны.

В последующие дни смерть обрушивалась на посла во всех мыслимых формах и сочетаниях. Его пытались убить оружием, начиная с каменных топоров и кончая современными атомными гранатами, топили в кислотах, душили ядовитыми газами.

Посол философски пожимал плечами и продолжал печатать на очередной новой машинке.

Его травили бактериями: сперва возбудителями всех известных болезней, затем их мутированными разновидностями.

Посол даже не чихнул.

На нем испытали электричество, радиацию, оружие деревянное, железное, медное, бронзовое, урановое - все без исключения, перебрали любые возможности.

На после не появилось ни царапины, зато его комната выглядела так, словно в ней вот уже пятьдесят лет беспрерывно идет пьяный дебош.

Мэлли и Дарриг каждый корпели над собственными идеями. Физик лишь ненадолго отвлекся, чтобы напомнить Серси миф о Бальдуре. На Бальдура тоже нападали с самым разным оружием, но он остался неуязвим, потому что все на Земле пообещало его любить. Все, кроме омелы. И когда в него бросили веточку омелы, он умер.

Выслушав Даррига, Серси раздраженно отвернулся. Но все же велел доставить омелу - так, на всякий случай.

Она, во всяком случае, оказалась не менее эффективной, чем фугасные снаряды или лук со стрелами, и при нулевом результате хоть немного украсила изуродованную комнату.

Прошла неделя, и посла, не встретив возражений с его стороны, переселили в новую, более прочную и надежную камеру смерти. В старую никто не осмеливался войти - отпугивали микроорганизмы и высокая радиоактивность.

Посол возобновил работу за пишущей машинкой. Все предыдущие плоды его трудов или сгорели, или были разорваны в клочки, или съедены.

- Побеседуем с ним, - предложил Дарриг на другой день. Серси согласился. Все равно идеи временно иссякли.

- Заходите, джентльмены, - сказал посол так радушно, что Серси замутило. - К сожалению, мне нечем вас угостить. По досадному недосмотру меня уже десятый день не снабжают ни пищей, ни водой. Меня-то это, конечно, не волнует.

- Рад слышать, - отозвался Серси.

Глядя на посла, никто бы не догадался, что он отразил натиск всех

земных средств умерщвления. Напротив, можно было подумать, что бомбежку перенесли Серси и его сотрудники.

- Ну и защита у вас, - дружелюбно произнес Мэлли.

- Рад, что вам нравится.

- Скажите, пожалуйста, а каков ее принцип? - невинно спросил Дарриг.

- Разве вы не знаете?

- Кажется, знаем. Вы становитесь тем, что вам грозит. Правда?

- Безусловно, - подтвердил посол. - Как видите, я от вас ничего не скрываю.

- Примите от нас что-нибудь в благодарность за то, что вы прекратите передачу, - предложил Серси.

- Это что же, взятка?

- Точно, - сказал Серси. - Все, что ни...

- Нет, - отрезал посол.

- Будьте благоразумны, - настаивал Гаррисон. - Вы же не хотите развязать войну, верно? Сейчас на Земле согласие между государствами - против вас. Мы вооружаемся...

- Чем?

- Атомными бомбами, - ответил Мэлди. - Водородными бомбами. Мы...

- Сбросьте на меня бомбу, - прервал посол. - Она не причинит мне вреда. Почему вы думаете, что она причинит вред моему народу?

Все четверо промолчали. Об этом они как-то не подумали.

- Уровень ведения войны, - заявил посол, - истинное мерило цивилизации. Стадия первая - применение простейших орудий уничтожения. Стадия вторая - овладение материей на молекулярном уровне. Сейчас вы приближаетесь к третьей стадии, хотя все еще далеки от полного контроля над атомными и субатомными силами. - Он обаятельно улыбнулся. - Мой народ идет к вершине пятой стадии.

- Это какая же стадия? - полюбопытствовал Дарриг.

- Увидите, - сказал посол. - Но, может быть, вам интересно, насколько типичны мои способности для моих соплеменников? Могу вас заверить, что они вовсе не типичны. Для того чтобы я мог справиться с работой, не превышая своих полномочий, в меня введены кое-какие ограничения, позволяющие мне совершать только пассивные действия.

- Зачем? - спросил Дарриг.

- Причины очевидны. Если под горячую руку я совершу активное действие, то сотру вашу планету в порошок.

- Неужели вы надеетесь, что мы вам поверим? - спросил Серси.

- Почему бы и нет? Или это так трудно понять? Разве вы не в состоянии поверить в то, что есть силы, о которых вы не имеете ни малейшего представления? Впрочем, у моей пассивности есть и другая причина. О ней вы уже, разумеется, догадались.

- Полагаю, вы намерены сломить наш дух, - сказал Серси.

- Совершенно верно. Впрочем, от моего признания ничего не изменится. Схема всегда одна и та же. Посол приземляется и делает предложение юной, дикой и необузданной расе вроде вашей. Ему отчаянно сопротивляются, посла упорно пытаются убить. Когда же все попытки проваливаются, туземцы обычно сильно падают духом. Так что, когда прибывает отряд колонизаторов, восприятие новых идей проходит намного быстрее. И вообще, - добавил он после короткой паузы, - обычно планеты проявляют гораздо больший интерес к предлагаемой им философии. Уверяю вас, она сильно облегчает перестройку. - Он протянул посетителям стопку бумаги с машинописным текстом. - Может быть, пролистаете?

Дарриг взял у посла бумаги и сунул в карман.

- Если найдется время.

- Рекомендую полюбопытствовать, - сказал посол. - Сейчас вы уже близки к критической точке. Почему бы вам не сдаться?

- Еще рано, - невозмутимо ответил Серси.

- Не забудьте прочитать, - настойчиво напомнил посол.

Люди торопливо вышли.

- Вот что, - сказал Мэлли, когда они вернулись на командный пункт. - Мы еще не все испробовали. Пустим в ход психологию?

- Хоть черную магию, -согласился Серси. - Что вы имеете в виду?

- Насколько я понимаю, - объяснил Мэлли, - посол мгновенно реагирует на опасность. У него безотказный защитный рефлекс. Давайте прибегнем к чему-нибудь такому, на что этот рефлекс не распространяется.

- Например? - спросил Серси.

- Например, гипноз. Может, что-нибудь выведаем.

- Конечно, - сказал Серси. - Попытайтесь. Пробуйте что угодно.

В комнату посла впустили микроскопическое количество гипнотизирующего газа, и Серси с Мэлли и Дарригом уселись перед видеоэкраном. Одновременно в кресло, где сидел посол, был дан электрический импульс.

- Это чтобы отвлечь внимание, - прокомментировал Мэлли.

Посол исчез, прежде чем его поразил электрический ток, и вскоре вновь появился в кресле.

- Достаточно, - прошептал Мэлли и перекрыл клапан.

Все впились взглядом в экран. Немного погодя посол отложил книгу и уставился в пустоту.

- Как странно, - произнес он. - Альферн мертв. Добрый друг... идиотская случайность. В пути ему не повезло. Он был обречен. На его пути таилось... Но такое не часто встречается.

- Думает вслух, - прошептал Мэлли, хотя услышать его посол никак не мог. - Проговаривается. Должно быть, друг у него из головы не выходит.

- Конечно, - продолжал посол, - когда-нибудь Альферн должен был умереть. Бессмертие пока недостижимо. Но такой смертью... и нет защиты. Хаос таится... Нечто, вечно ждущее своего часа.

- Его тело еще не опознало гипнотизирующий газ как угрозу, - прошептал Мэлли.

- Впрочем, - снова заговорил посол, - закон упорядочивания держит все это в рамках, сглаживает...

Посол неожиданно вскочил и побледнел. Он явно пытался припомнить только что сказанное. Потом рассмеялся.

- Остроумно. Такую шутку вы сыграли со мной в первый и последний раз. Но, джентльмены, она вам не сослужит службы. Я и сам не знаю, чем меня можно одолеть... - Он снова рассмеялся. - Кстати, - заметил он, - команда колонизаторов теперь уже наверняка знает нужное направление. Они отыщут вас и без меня.

Посол снова уселся, чему-то улыбаясь.

- Что и требовалось доказать! - возликовал Дарриг. - Он уязвим. Погиб же от чего-то его друг Альферн.

- От чего-то в космосе, - напомнил ему Серси. - Но от чего?

- Дайте сообразить, - размышлял Дарриг вслух. - Закон упорядочивания. Это, наверное, неизвестный нам закон природы. А таилось... что там может таиться, в космосе?

- Он сказал, что колонизаторы отыщут нас в любом случае, - напомнил всем Мэлли.

- Давайте сперва покончим с главным делом, - сказал Серси. - Вполне возможно, он блефует... впрочем, вряд ли. Но избавиться от посла необходимо.

- Мне кажется, я знаю, что там таится! - воскликнул Дарриг. - Потрясающе. Это может вылиться в новую космологию!

- Хорошая идея? - осведомился Серси. - Мы сможем ею воспользоваться?

- Думаю, да. Но над ней нужно поработать. Пойду-ка я к себе в отель. Мне надо полистать кое-какие книги, и желательно, чтобы в ближайшие несколько часов меня никто не тревожил.

- Хорошо, - согласился Серси. - Но в чем суть...

- Не спрашивайте, я мог и ошибиться, - сказал Дарриг. - Дайте мне возможность помозговать. И он выбежал из комнаты.

- Как по-вашему, к чему он клонит? - спросил Мэлли.

- Ума не приложу, - пожал плечами Серси. - Вот что, давайте еще попробуем эти психологические штучки.

Сперва комнату посла на несколько футов заполнили водой - не с целью утопить, а чтобы причинить максимальное неудобство.

Затем к воде добавили свет. Восемь часов подряд посла изводили световыми вспышками - то яркими, проникающими сквозь веки, то тусклыми, чтобы лишь раздражать.

Потом настала очередь звуков - скрежета, визга, скрипов, тысячекратно усиленного звука скребущих по шершавой поверхности ногтей, странных причмокиваний, вскриков и шепота.

А потом - запахи. И следом за ними - весь мыслимый арсенал способов свести человека с ума.

Посол невозмутимо спал.

- Ну вот что, - сказал Серси на следующий день, - начнем шевелить мозгами.

Голос его звучал хрипло и устало. Психологическая пытка, которая даже не вывела посла из равновесия, словно рикошетом отразилась на Серси и его команде.

- Куда, черт подери, запропастился Дарриг?

- Все продумывает свою идею, - сказал Мэлли, потирая заросший подбородок. - Говорит, вот-вот докопается до истины.

- Будем исходить из допущения, что его идея порочна, - сказал Серси. - Давайте рассуждать. Например, если посол способен превратиться во что угодно, есть ли что-нибудь такое, во что он не способен превратиться?

- Хороший вопрос, - буркнул Гаррисон.

- Это вопрос об ответном действии, - сказал Серси. - Нет смысла бросать копье в человека, способного в это копье превратиться.

- А что, если сделать так, - предложил Мэлли. - Пусть он превращается во что угодно, мы поставим его в такое положение, что опасность будет грозить ему уже после превращения.

- Конкретнее, - сказал Серси.

- Предположим, ему что-то грозит. Он превращается в источник опасности. А если что-то угрожает именно этому источнику? И, в свою очередь, само находится под какой-то угрозой? Что он тогда сделает?

- А как это осуществить? - спросил Серси.

- А вот как. - Мэлли снял телефонную трубку. - Алло! Соедините с Вашингтонским зоопарком. Срочно.

Посол обернулся на звук открывающейся двери. В комнату впихнули упирающегося тигра. Дверь захлопнулась.

Тигр посмотрел на посла, посол - на тигра.

- Изобретательно, - одобрил посол.

Тигр прыгнул, точно распрямившаяся пружина, и опустился там, где только что сидел посол.

Дверь снова приоткрылась. В комнату впихнули второго тигра. Он злобно оскалился и прыгнул на первого. Оба столкнулись в воздухе.

В нескольких десятках сантиметров от них появился посол и стал наблюдать за дракой. Он посторонился, когда в дверь втолкнули льва, настороженного и готового к бою. Лев прыгнул на посла и чуть не перекувырнулся, не обнаружив добычи на месте. За неимением лучшего лев вцепился в одного из тигров.

Посол вновь очутился в кресле - он курил и спокойно смотрел, как звери рвут друг друга на куски.

Через десять минут комната стала похожа на бойню. К тому времени это зрелище послу надоело, и он улегся на постель с книжкой в руках.

- Сдаюсь, - сказал Мэлли. - Больше ничего в голову не приходит.

Серси, не отвечая, уперся взглядом в пол. Гаррисон в уголке тихо накачивался виски.

Зазвонил телефон. Серси снял трубку.

- Да?

- Раскусил! - услышал он торжествующий голос Даррига. - Послушайте, я сейчас же хватаю такси. Велите Гаррисону вызвать подручных.

- А в чем дело? - спросил Серси.

- В хаосе, который подо всем этим таится! - ответил Дарриг и бросил трубку.

Полчаса, час... Только через три часа после своего звонка на командный пункт лениво вошел Дарриг.

- Привет, - сказал он небрежно.

- К дьяволу приветы! - зарычал Серси. - Почему так долго?

- В пути я познакомился с философией посла, - ответил Дарриг. - Это шедевр.

- Поэтому вы и задержались?

- Да. Я попросил водителя проехать несколько раз вокруг парка, а сам читал.

- Оставим это. В чем же...

- Нельзя это оставить, - перебил Дарриг странным, напряженным голосом.
- Боюсь, что мы заблуждались относительно пришельцев. Если они станут нашими правителями, Земля - колонией, это будет вполне разумно и справедливо.
Откровенно говоря, я даже мечтаю, чтоб они скорее прилетели.

Но вид у Даррига был не столь уверенным, как слова. Его голос дрожал, со лба градом струился пот, он судорожно сжимал кулаки, словно его мучила боль.

- Это трудно объяснить, - произнес он. - Едва я начал читать, как все стало совершенно ясным. Я понял, какими мы были тупицами, пытаясь сохранить независимость в этой взаимозависимой Вселенной. Я понял... да ладно, Серси.
Давайте кончим дурить и признаем посла нашим другом.

- Успокойтесь! - заорал Серси на совершенно спокойного физика. - Вы сами не знаете, что говорите.

- Странно, - пробормотал Дарриг. - Я знаю, что я думал... только теперь я так не думаю. Мне ясно, в чем ваша беда. Вы не знакомы с настоящей философией. Вы поймете меня, как только прочтете...

Он подал Серси стопку бумаг. Серси тотчас поджег их своей зажигалкой.

- Неважно, - сказал Дарриг. - Я заучил наизусть. Вы только послушайте. Аксиома первая: все разумные существа...

Серси выбросил вперед кулак, и Дарриг повалился на пол.

- Слова в тексте, видимо, подобраны так, чтобы вызывать в человеке определенную эмоциональную реакцию. Это своего рода гипноз, - прокомментировал Мэлли. - Послу остается лишь приспособить слова под мышление людей, с которыми он имеет дело.

- Знаете, Мэлли, - обратился к нему Серси, - теперь все в ваших руках. Дарриг нашел разгадку - или думал, что нашел. Вам придется вытянуть ее из него.

- Задача нелегкая, - проговорил Мэлли. - У него ведь будет ощущение, что, выдав нам свою тайну, он предает правое дело.

- Как вы этого добьетесь - меня не касается, - отмахнулся Серси. - Лишь бы добились.

- Даже с риском для его жизни? - спросил Мэлли.

- Даже с риском для вашей.

- Тогда помогите отвести его в мою лабораторию, - бросил Мэлли.

В тот вечер Серси с Гаррисоном не покидали командного пункта, следя за послом. В голове Серси лихорадочно путались мысли.

Что погубило Альферна в космосе? Можно ли смоделировать это "нечто" и на Земле? Что такое "закон упорядочивания"? Как это - "хаос таится"?

И вообще, какого черта я со всем этим связался? - подумал он. Нет, подобные мысли следует давить сразу.

- Кто такой, по-вашему, посол? - спросил он Гаррисона. - Человек?

- Похож, - сонно ответил Гаррисон.

- С виду похож, а на деле не похож. Интересно, каков его настоящий облик?

Гаррисон качал головой и раскуривал трубку.

- Что он собой представляет? - не унимался Серси. - С виду человек, но преображается во что угодно. Ничем его не проймешь - адаптируется. Как вода, принимает форму любого сосуда.

- Воду можно вскипятить, - зевнул Гаррисон.

- Конечно. Вода не имеет собственной формы, так ведь? Или имеет? В чем ее внутренняя суть?

Сделав над собой усилие, Гаррисон попытался сосредоточиться на словах

Серси.

- В молекулярной структуре? В матрице?

- Матрица,- повторил Серси, тоже зевая. - Должно быть, нечто вроде этого. Структура абстрактна, так?

- Так. Структуру можно наложить на что угодно. Что я только что сказал?

- Ну-ка, подумаем, - сказал Серси. - Структура. Матрица. Любая частичка тела посла способна изменяться. Но для сохранения его личности должна иметься и некая объединяющая сила. Нечто неизменное в любых обстоятельствах.

- Как тесемка, - произнес Гаррисон, не размыкая век.

- Конечно. Завяжи ее узлами, сплети в жгут, намотай на палец - она останется тесемкой.

-Да.

- Но как одолеть эту структуру? - спросил Серси. Отчего бы не поспать? К черту посла вместе с его колонизаторами, сейчас он наконец заснет...

- Проснитесь, полковник!

Серси через силу открыл глаза и посмотрел на Мэлли. Рядом самозабвенно храпел Гаррисон.

- Удалось?

- Нет, - признался Мэлли. - Философия произвела на него слишком глубокое впечатление. Правда, до конца она не подействовала. Дарриг знает, что раньше хотел уничтожить посла по достаточно веским причинам. Теперь его позиция изменилась, зато он чувствует, что предает нас. С одной стороны, он не может причинить вред послу; с другой - он не хочет причинить вред нам.

- И все же молчит?

- Боюсь, все не так просто. Знаете, если перед вами непреодолимое препятствие, которое необходимо преодолеть... кроме того, как мне кажется, философия посла повредила его разум.

- Так куда вы клоните? - Серси встал.

- Мне очень жаль, - извинился Мэлли, - но тут я ничего поделать не могу. В его сознании происходила сильнейшая борьба, и когда у него не осталось сил сражаться, он... отступил. Боюсь, он безнадежно помешался.

- Сходим к нему.

Они прошли по коридору в лабораторию Мэлли. Дарриг лежал на кушетке, уставившись куда-то немигающими остекленевшими глазами.

- Неужели нет способа его вылечить? - спросил Серси.

- Возможно, при помощи шоковой терапии, - с сомнением произнес Мэлли. - Однако на это уйдет немало времени. К тому же в его сознании наверняка имеется блокировка причин, которые довели его до такого состояния.

Серси отвернулся - у него потемнело в глазах. Даже если Даррига можно вылечить, окажется слишком поздно. Сигнал посла наверняка уже принят, и

пришельцы-колонизаторы направляются к Земле.

- А это что? - спросил Серси, поднимая клочок бумаги, лежащий возле руки Даррига.

- Да так, бумажка. Он все вертел ее в руках. Разве на ней что-то написано?

- "По зрелом размышлении я пришел к выводу, что хаос - Медуза Горгона", - прочитал Серси.

- И что это значит? - спросил Мэлли.

Понятия не имею, - отозвался Серси. - Его всегда интересовала мифология.

- Похоже на бред шизофреника, - заключил психиатр.

- "По зрелом размышлении я пришел к выводу, что хаос - Медуза Горгона", - перечитал Серси. - Не может ли быть, - спросил он у Мэлли, - что Дарриг старался навести нас на решение? Что он сам себя обманывал, тайком от себя подсказывая нам ответ.

- Возможно, - согласился Мэлли. - Безуспешный компромисс... но что же означают эти слова?

- Хаос. - Серси вспомнил, что Дарриг произносил это слово, разговаривая с ним по телефону. - Согласно древнегреческой мифологии, хаос - первоначальное состояние Вселенной, не так ли? Бесформенность, породившая мир?

- Вроде того, - сказал Мэлли. - А Медуза - одна из трех сестер с жуткими физиономиями.

Еще с секунду Серси вчитывался в запись. Хаос... Медуза... И закон упорядочивания! Конечно!

- Кажется...

Серси повернулся и выбежал из лаборатории. Мэлли взглянул ему вслед, заполнил шприц и поспешил за полковником.

Серси с трудом растолкал Гаррисона.

- Надо кое-что сконструировать, - сказал он, - и срочно. Вы меня слышите?

- Конечно. - Гаррисон похлопал глазами и встал. - Но зачем такая спешка?

- Я теперь знаю, что хотел сообщить Дарриг, - ответил полковник. - Идемте, я вам объясню, что от вас требуется. А вы, Мэлли, положите шприц. Я еще в своем уме. Лучше достаньте мне книгу по греческой мифологии. Да пошевеливайтесь.

В два часа ночи достать книгу по греческой мифологии - дело нелегкое. Подключив к поискам агентов ФБР, Мэлли вытащил букиниста из постели, получил книгу и заторопился назад.

У Серси были налитые кровью глаза и возбужденный вид, Гаррисон с подручными хлопотал над тремя неведомыми аппаратами. Серси выхватил у Мэлли книгу, нашел в оглавлении нужные страницы и, просмотрев их, отложил книгу в сторону.

- Великие люди были эти древние греки, - сказал он. - Теперь у нас все готово. А у вас, Гаррисон?

- Почти. - Гаррисон и десять его подручных монтировали последние детали. - Может, все-таки объясните, что вы затеяли?

- Я бы тоже хотел послушать, - ввернул Мэлли.

- Да нет здесь никаких тайн, - сказал Серси. - Просто время поджимает. Попозже все объясню. - Он встал. - А теперь разбудим посла.

Усевшись перед экранами, они приступили к делу. С потолка на постель посла молнией метнулся электрический заряд. Посол исчез.

- Теперь он стал частью электронного потока, верно? - сказал Серси.

- Так он утверждает, - откликнулся Мэлли.

- Но в этом потоке сохраняет костяк собственной структуры, - продолжал Серси. - Иначе он бы не мог вернуться в прежний облик. А теперь включим первый генератор помех.

Гаррисон включил свое творение и отослал подручных.

- Вот осциллограмма электронного потока, - сказал Серси. - Замечаете разницу? - На экране с нерегулярными промежутками змеились и таяли пики и спады кривой. - Помните, вы загипнотизировали посла? Он заговорил тогда о своем друге, погибшем в космосе.

- Верно, - кивнул Мэлли. - Друга погубила какая-то неожиданность.

- Посол проговорился еще кое о чем, - продолжал Серси. - О том, что основной закон природы - закон упорядочивания - обычно не допускает таких происшествий. У вас это с чем-нибудь ассоциируется ?

- Закон упорядочивания, - медленно повторил Мэлли. - Ведь Дарриг сказал, что это неизвестный нам закон природы.

- Сказал. Но последуйте примеру Даррига и подумайте, что это для нас значит. Если в природе есть какая-то упорядочивающая тенденция, то, следовательно, есть и тенденция противоположная, препятствующая упорядочиванию. А то, что препятствует упорядочиванию, называется...

- Хаос!

- Вот что сообразил Дарриг, и вот до чего должны были додуматься мы сами. Из хаоса и возникает закон упорядочивания. Этот закон, если я все понял правильно, стремится подавить первозданный хаос, сделать все в мире закономерным.

Но кое-где есть места, где хаос все еще силен. Альферн убедился в этом

на собственном опыте. Возможно, в космосе стремление к упорядочиванию слабее. Как бы то ни было, подобные места опасны до тех пор, пока над ними не поработает закон упорядочивания.

Полковник обернулся к пульту.

- Ладно, Гаррисон. Включай второй генератор. Зигзаги на экране изменили конфигурацию. Зубцы и спады затеяли бешеную бессмысленную пляску.

- Теперь проанализируем с этой точки зрения записку Даррига. Как мы знаем, хаос - основа всего. Из него появилась Вселенная. Медуза Горгона - нечто такое, на что нельзя смотреть. Помните, кто взглянет на нее, тот сразу окаменеет. А Дарриг нашел родство между хаосом и тем, на что нельзя смотреть. Применительно к послу, разумеется.

- Посол не выдержит встречи с хаосом! - вскричал Мэлли.

- В том-то и дело. Посол способен на бесконечное число изменений и превращений. Но что-то основное - некая внутренняя структура - не должно изменяться, иначе от посла ничего не останется. А чтобы уничтожить нечто столь абстрактное, как структура, нам нужны условия, при которых никакая структура невозможна. Состояние хаоса.

Включили третий генератор помех. Осциллограмма стала похожа на след пьяной гусеницы.

- Идею генераторов белого шума подал Гаррисон, - сказал Серси. - Я просто спустил задание: получить электрический ток, лишенный какой бы то ни было упорядоченности. Эти генераторы применяют для глушения радиопередач. Первый изменяет все основные характеристики электрического тока. Такое у него назначение: ввести бессистемность. Второй устраняет закономерность, случайно внесенную работой первого; третий устраняет закономерности, которые могли остаться после работы двух первых. Полученный сигнал снова поступает на вход и следы всяких закономерностей систематически уничтожаются... надеюсь.

- Это аналогия хаоса? - спросил Мэлли, глядя на экран.

Бешено металась осциллограмма, завывала аппаратура. Но вот в комнате посла появилось какое-то туманное пятно. Оно колыхнулось, сжалось, расширилось...

Затем началось неописуемое. Они смогли лишь догадаться, что все предметы, оказавшиеся внутри пятна, исчезли.

- Отключить! - рявкнул Серси. Гаррисон повернул рубильник.

Пятно продолжало расти.

- Но почему мы смотрим на него без вреда для себя? - удивился Мэлли, не

отрывая глаз от экрана.

- Помните щит Персея? - ответил Серси. - Он смотрел на Медузу, пользуясь щитом как зеркалом.

- Растет! - воскликнул Мэлли.

- Производственный риск, - невозмутимо произнес Серси. - Всегда существует возможность, что хаос выйдет из-под контроля. Если это случится...

Пятно перестало расти. Его края колыхнулись, подернулись рябью, пятно начало сжиматься.

- Закон упорядочивания сработал, - сказал Серси и повалился в кресло.

Как там посол? - спросил он через несколько минут.

Пятно все еще колыхалось. Внезапно оно исчезло. Громыхнул взрыв. Возникший вакуум вогнул внутрь стальные стены, но они выдержали. Экран погас.

- Пятно высосало в комнате весь воздух, - пояснил Серси. - Вместе с мебелью и послом.

- Он не выдержал, - сказал Мэлли. - В полностью беспорядочном состоянии не сохраняется ни одна система. Посол отправился к своему Альферну.

Мэлли нервно рассмеялся. Серси почувствовал, что вот-вот к нему присоединится, но взял себя в руки.

- Успокойтесь, ребята, - сказал он. - Дело еще не закончено.

- Как это не закончено? Ведь посол...

- От него мы избавились. Но в нашем регионе космоса шныряет флот инопланетян. Он столь силен, что водородная бомба для него не страшнее хлопушки. И они будут нас искать.

Серси встал.

- Ступайте по домам и отоспитесь. Если предчувствие меня не обманывает, завтра нам предстоит изобретать способ маскировки всей планеты.

Роберт Шекли.
Опека

Robert Sheckley. Protection
Перевод на русский язык, Р. Гальперина, 1966
OCR: Станислав Уколов

В Бирме на той неделе разобьется самолет, но меня это не коснется здесь, в Нью-Йорке. Да и фиггов я не боюсь, раз у меня заперты двери всех шкафов.

Вся загвоздка теперь в том, чтобы не политурить. Мне нельзя политурить.

Ни под каким видом! И, как вы сами понимаете, меня это беспокоит. Ко всему прочему я еще, кажется, схватил жестокую простуду.

Вся эта канитель началась со мной вечером 9 ноября. Я шел по Бродвею, направляясь в кафетерий Бейкера. На губах у меня блуждала легкая улыбка - след сданного. Несколько часов назад труднейшего экзамена по физике. В кармане позвякивало пять монет, три ключа и спичечная коробка.

Для полноты картины добавлю, что ветер дул с северо-запада со скоростью пяти миль в час. Венера находилась в стадии восхождения. Луна - между второй четвертью и полнолунием. А уж выводы извольте сделать сами!

Я дошел до угла Девяносто восьмой улицы и хотел перейти на ту сторону. Но едва ступил на мостовую, как кто-то закричал:

- Грузовик! Берегись грузовика!

Растерянно озираясь, я попятился назад. И - ничего не увидел. А спустя целую секунду из-за угла на двух колесах вывернулся грузовик и, не обращая внимания на красный цвет, загрохотал по Бродвею. Если бы не это предупреждение, он бы меня сшиб.

Не правда ли, вы не впервые слышите нечто подобное? Насчет таинственного голоса, запретившего тете Минни входить в лифт, который тут же брякнулся в подвал. Или, быть может, остерегшего дядю Тома ехать на "Титанике". Такие истории обычно на том и кончаются.

Хорошо бы моя так кончилась!

- Спасибо, друг! - сказал я и огляделся. Но никого не увидел.

- Вы все еще меня слышите? - осведомился голос.

- Разумеется, слышу!

Я сделал полный оборот и подозрительно воззрился на закрытые окна над моей головой.

- Но где же вы, черт возьми, прячетесь?

- Грониш, - отвечал голос. - Это ли не искомый случай? Индекс преломления. Существо иллюзорное. Знает Тень. Напал ли я на того, кто мне нужен?

- Вы, должно быть, невидимка?

- Вот именно.

- Но кто же вы все-таки?

- Сверхпопечительный дерг.

- Что такое?

- Я... но, пожалуйста, открывайте рот пошире! Дайте соображу. Я - дух прошедшего Рождества. Обитатель Черной Лагуны. Невеста Франкенштейна. Я...

- Позвольте, - прервал я его. - Что вы имеете в виду? Может быть, вы привидение или гость с другой планеты?

- Вот-вот, - сказал голос. - На то похоже. Итак, мне все стало ясно.

Каждый дурак понял бы, что со мной говорит существо с другой планеты. На
земле   он   невидим,   но изощренные   чувства позволили ему обнаружить
надвигающуюся опасность, о чем он меня и предупредил.
Словом, обычный, повседневный сверхъестественный случай.
Прибавив шагу, я устремился вперед по Бродвею.
- Что случилось? - спросил невидимка дерг.
- Ничего не случилось, - отвечал я, - если не считать того, что я стою
посреди улицы и разговариваю с пришельцем из отдаленнейших миров. Похоже,
что я один вас и слышу?
- Естественно.
- О Господи! А знаете ли вы, куда меня могут завести такие штучки?
- Подтекст ваших рассуждений мне недостаточно ясен.
- В психовытрезвитель. В приют для умалишенных. В отделение для буйных.
Иначе говоря, в желтый дом. Вот куда сажают людей, говорящих с невидимыми
чужесветными гостями. Спокойной ночи, приятель! Спасибо, что предупредили!
В голове у меня был полнейший кавардак, и я повернул на восток в
надежде, что мой невидимый друг пойдет дальше по Бродвею.
- Не желаете со мной говорить? - допытывался дерг.
Я покачал головой - безобидный жест, за который людей не хватают на
улице, - и продолжал идти вперед.
- Но вы должны! - воскликнул дерг уже с ноткой бешенства в голосе. -
Настоящий контакт чрезвычайно труден и редко удается. В кои-то веки
посчастливится переправить тревожный сигнал, да и то перед самой опасностью.
И связь тут же затухает.
Так вот чем объясняются предчувствия тети Минни! Что до меня, то я
по-прежнему ничего такого не чувствовал.
- Подобные условия повторяются раз в сто лет, - сокрушался дерг. Какие
условия? Пять монет и три ключа, позвякивающие в кармане во время
восхождения Венеры? Полагаю, что в этом стоило бы разобраться, но, уж во
всяком случае, не мне. С этой сверхъестественной музыкой никогда ничего не
докажешь. Достаточно бедолаг вяжет сетки для смирительных рубашек, обойдутся
и без меня.
- Оставьте меня в покое! - бросил я на ходу. И, перехватив косой взгляд
полисмена, ухмыльнулся ему - с видом сорванца-мальчишки и заторопился
дальше.
- Я понимаю ваши затруднения, - не отставал дерг. - Но такой контакт
будет вам как нельзя более полезен. Я хочу защитить вас от миллиона
опасностей, а угрожающих человеческому существованию.
Я промолчал.

- Ну, что ж, - сказал дерг. - Заставить вас не в моих силах. Предложу свои услуги кому-нибудь другому. До свидания, друг!

Я любезно кивнул на прощание.

- Последнее остережение! - крикнул дерг. - Завтра избегайте садиться в метро между двенадцатью и четвертью второго! Прощайте!

- Угу! А почему, собственно?

- Завтра на станции Кольцо Колумба толпа, высыпав из магазина, столкнет под поезд зазевавшегося пассажира. Вас, если вы подвернетесь!

- Так завтра кого-то убьют? - заинтересовался я. - Вы уверены?

- Не сомневаюсь.

- Вы и вообще разбираетесь в этих делах?

- Я воспринимаю все опасности, поскольку они направлены в вашу сторону и расположены во времени. У меня единственное желание - защитить вас.

- Послушайте, - прошептал я, - а не могли бы вы подождать с ответом до завтрашнего вечера?

- И вы мне позволите взять вас под опеку? - воспрянул дерг.

- Я отвечу вам завтра. По прочтении вечерних газет.

Такая заметка действительно появилась. Я прочитал ее в своей меблированной комнате. Толпа смяла человека, он потерял равновесие и упал под налетевший поезд. Это заставило меня задуматься в ожидании разговора с невидимкой. Его желание взять меня под свою опеку казалось искренним. Но я отнюдь не был уверен, что и мне этого хочется. Когда часом позже дерг со мной соединился, эта перспектива уже совсем меня не привлекала, о чем я не замедлил ему сообщить.

- Вы мне не верите? - спросил он.

- Я предпочитаю вести нормальную жизнь.

- Сперва надо ее сохранить, - напомнил он. - Вчерашний грузовик...

- Это был исключительный случай, такое бывает раз в жизни.

- Так ведь в жизни и умирают только раз, - торжественно заявил дерг. - Достаточно вспомнить метро.

- Метро не считается. Я сегодня не собирался выезжать.

- Но у вас не было оснований не выезжать. А ведь это и есть самое главное. Точно так же как нет оснований не принять душ в течение ближайшего часа.

- А почему бы и нет?

- Некая мисс Флинн, живущая дальше по коридору, только что принимала душ и оставила на розовом плиточном полу в ванной полурастаявший розовый обмылок. Вы поскользнетесь и вывихнете руку.

- Но это не смертельно, верно?

- Нет. Это не идет в сравнение с тем случаем, когда некий трясущийся старый джентльмен уронит с крыши тяжелый цветочный горшок.

- А когда это случится? - спросил я.

- Вас это, кажется, не интересует.

- Очень интересует. Когда же? И где?

- Вы отдадитесь под мою опеку?

- Скажите только, на что это вам?

- Для собственного удовлетворения. У сверхпопечительного дерга нет большей радости, чем помочь живому существу избежать опасности.

- А больше вам ничего не понадобится? Скажем, такой малости, как моя душа или мировое господство?

- Ничего решительно! Получать вознаграждение за опеку нам ни к чему, тут важен эмоциональный эффект. Все, что мне нужно в жизни и что нужно всякому дергу, - это охранять кого-то от опасности, которой тот не видит, тогда как мы видим ее слишком ясно. - И дерг умолк. А потом добавил негромко: - Мы не рассчитываем даже на благодарность.

Это решило дело. Мог ли я предвидеть, что отсюда воспоследует? Мог ли я знать, что благодаря его помощи окажусь в положении, когда мне уже нельзя будет политурить!

- А как же цветочный горшок? - спросил я.

- Он будет сброшен на углу 10-й улицы и бульвара Мак-Адамса завтра в восемь тридцать утра.

- Десятая, угол Мак-Адамса? Что-то я не припомню... Где же это?

- В Джерси-Сити, - ответил он, не задумываясь.

- В жизни не бывал в Джерси-Сити! Не стоило меня предупреждать.

- Я не знаю, куда вы собираетесь или не собираетесь ехать, - возразил дерг. - Я только предвижу опасность, где бы она вам ни угрожала.

- Что же мне теперь делать?

- Все, что угодно. Ведите обычную нормальную жизнь.

- Нормальную жизнь? Ха!

Поначалу все шло неплохо. Я посещал лекции в Колумбийском университете, выполнял домашние задания, ходил в кино, бегал на свидания, играл в настольный теннис и шахматы - словом, жил, как раньше, и никому не рассказывал, что состою под опекой сверхпопечительного дерга.

Раз, а когда и два на дню ко мне являлся дерг. Придет и скажет: "На Вестэндской авеню между 66-й и 67-й улицами расшаталась решетка. Не становитесь на нее".

И я, разумеется, не становился. А кто-то становился. Я часто видел потом такие заметки в газетах.

Постепенно я втянулся и даже проникся ощущением уверенности. Некий дух денно и нощно ради меня хлопочет, и единственное, что ему нужно, - это защитить меня от всяких бед. Потусторонний телохранитель! Эта мысль внушала мне крайнюю самонадеянность.

Мои отношения с внешним миром складывались как нельзя лучше.

А между тем мой дерг стал не в меру ретив. Он открывал все новые опасности, в большинстве своем и отдаленно не касавшиеся моей жизни в

Нью-Йорке, - опасности, которых мне следовало избегать в Мексико-Сити, Торонто, Омахе и Папете.

Наконец я спросил, не собирается ли он извещать меня обо всех предполагаемых опасностях на земном шаре.

- Нет, только о тех немногих, которые могут или могли бы угрожать вам.

- Как? И в Мексико-Сити? И в Папете? А почему бы не ограничиться местной хроникой? Скажем, Большим Нью-Йорком?

- Такие понятия, как местная хроника, ничего мне не говорят, - ответствовал старый упрямец. - Мои восприятия ориентированы не в пространстве, а во времени. А ведь я обязан охранять вас от всяких зол!

Меня даже тронула его забота. Ну что тут можно было поделать!

Приходилось отсеивать из его донесений опасности, ожидающие жителей Хобокена, Таиланда, Канзас-Сити, Ангор Ватта (падающая статуя), Парижа и Сарасоты. Так добирался я до местных событий. Но и тут опускал почти все опасности, сторожившие меня в Квинсе, Бронксе, Бруклине, на Стэтэн-Айленде, и сосредоточивался на Манхэттене. иногда они заслуживали внимания. Мой дерг спасал меня от таких сюрпризов, как огромный затор на Катедрал Парквэй, как малолетние карманники или пожар.

Однако усердие его все возрастало. Дело у нас началось с одного-двух докладов в день. Но уже через месяц он стал остерегать меня раз по пять-шесть на дню. И наконец его остережения в местном, национальном и международном масштабе потекли непрерывным потоком.

Мне угрожало слишком много опасностей, вопреки рассудку и сверх всякого вероятия. Так, в самый обычный день:

Испорченные продукты в кафетерии Бейкера. Не ходите туда сегодня!

На Амстердамском автобусе номер 132 неисправные тормоза. Не садитесь в него!

В магазине готового платья Меллена протекает газовая труба. Возможен взрыв. Отдайте гладить костюм в другое место.

Между Риверсайд-драйв и Сентрал-парк-вест бродит бешеная собака. Возьмите такси.

Вскоре я большую часть дня только и делал, что чего-то не делал и куда-то не ходил. Опасности подстерегали меня чуть ли не под каждым фонарным столбом.

Я заподозрил, что дерг раздувает свои отчеты. Это было единственное возможное объяснение. В конце концов, я еще до знакомства с ним достиг зрелых лет, отлично обходясь без посторонней помощи. Почему же опасностей

стало так много? Вечером я задал ему этот вопрос.

- Все мои сообщения абсолютно правдивы, - заявил он, по-видимому, слегка задетый. - А если не верите, включите завтра свет в вашей аудитории при кафедре психологии...

- Зачем, собственно?

- Повреждена проводка.

- Я не сомневаюсь в ваших предсказаниях. Но только замечаю, что до вашего появления жизнь не представляла такой опасности.

- Конечно, нет. Но должны же вы понимать, что раз вы пользуетесь преимуществами опеки, то должны мириться и с ее отрицательными сторонами.

- Какие же это отрицательные стороны? Дерг заколебался.

- Всякая опека вызывает необходимость дальнейшей опеки. По-моему, это азбучная истина.

- Значит, снова-здорово? - спросил я ошеломленно.

- До встречи со мной вы были как все и подвергались только риску, вытекавшему из ваших житейских обстоятельств. С моим же появлением изменилась окружающая вас среда, а стало быть, и ваше положение в ней.

- Изменилась? Но почему же?

- Да хотя бы потому, что в ней присутствую я. До некоторой степени вы теперь причастны и к моей среде, как я причастен к вашей. Известно также, что, избегая одной опасности, открываешь дверь другой.

- Вы хотите сказать, - спросил я раздельно, - что с вашей помощью опасность возросла?

- Это было неизбежно, - вздохнул он.

Нечего и говорить, с каким удовольствием я удавил бы его в эту минуту, не будь он невидим и неощущаем. Во мне бушевали оскорбленные чувства; с гневом говорил я себе, что меня обвел, заманил в западню неземной мошенник.

- Отлично, - сказал я, взяв себя в руки. - Спасибо за все. Встретимся на Марсе или где там еще ваша хижина.

- Так вы отказываетесь от дальнейшей опеки?

- Угадали! Прошу выходя не хлопать дверью.

- Но что случилось? - Дерг был, видимо, искренне озадачен. - В вашей жизни возросли опасности - это верно, но что из того? Честь и слава тому, кто смотрит в лицо опасности и выходит из нее победителем. Чем серьезнее опасность, тем радостнее сознание, что вы ее избежали.

Тут только я понял, до чего он мне чужой, этот чужесветный гость!

- Только не для меня, - сказал я. - Брысь!

- Опасности увеличились, - доказывал свое дерг, - но моя способность справляться с ними перекрывает их с лихвой. Для меня удовольствие с ними бороться. Так что на вашу долю остается чистый барыш.

Я покачал головой:

- Я знаю, что меня ждет. Опасностей будет все больше, верно?

- Как сказать! Что до несчастных случаев, тут вы достигли потолка.

- Что это значит?

- Это значит, что количественно им уже некуда расти.

- Прекрасно! А теперь будьте добры убраться к черту!

- Но ведь я вам как раз объяснил...

- Ну конечно: расти они не будут. Как только вы оставите меня в покое, я вернусь в свою обычную среду, не правда ли? И к своим обычным опасностям?

- Вполне возможно, - согласился дерг. - Если, конечно, вы доживете.

- Так и быть, рискну!

С минуту дерг хранил молчание. И наконец сказал:

- Сейчас вы не можете себе это позволить. Завтра... Завтра...

- Прошу вас не рассказывать. Я и сам сумею избежать несчастного случая.

- Я говорю не о несчастном случае.

- А о чем же?

- Уж и не знаю, как вам объяснить. - В тоне его чувствовалась растерянность. - Я говорил вам, что вы можете не опасаться количественных изменений. Но не упомянул об изменениях качественных.

- Что вы плетете? - накинулся я на него.

- Я только стараюсь довести до вас, что за вами охотится гампер.

- Это еще что за невидаль?

- Гампер - существо из моей среды. Должно быть, его привлекла ваша возросшая способность уклоняться от опасности, которой вы обязаны моей опеке.

- К дьяволу гампера - и вас вместе с ним!

- Если он к вам сунется, попробуйте прогнать его с помощью омелы. Иногда помогает железо в соединении с медью. А также...

Я бросился на кровать и сунул голову под подушку. Дерг понял намек. Спустя минуту я почувствовал, что он исчез.

Какой же я, однако, идиот! За всеми нами, обитателями Земли, водится эта слабость: хватаем, что ни дай, независимо от того, нужно нам или не нужно.

Вот так и наживаешь себе неприятности!

Но дерг убрался, и я избавился от величайшей неприятности. Некоторое время тихо-скромно посижу у себя в углу, пусть все постепенно приходит в норму. И, может быть, уже через несколько недель...

В воздухе послышалось какое-то жужжание.

Я с маху сел на кровати. В одном углу комнаты подозрительно сгустились сумерки, и в лицо мне повеяло холодом. Жужжание между тем нарастало - и это было не жужжание, а смех, тихий и монотонный.

К счастью, никому не пришлось чертить для меня магический круг.

- Дерг! - завопил я. - Выручай! Он оказался тут как тут.

- Омела! - крикнул он. - Гоните его омелой!

- А где, к чертям собачьим, взять теперь омелу?

- Тогда железо с медью!

Я бросился к столу, схватил медное пресс-папье и стал оглядываться в

поисках железа. Кто-то вырвал у меня пресс-папье. Я подхватил его на лету. Потом увидел свою авторучку и поднес к пресс-папье острие пера.

Темнота рассеялась. Холод исчез.

По-видимому, я кое-как выбрался.

- Видите, вам нужна моя опека, - торжествовал дерг какой-нибудь час спустя.

- Как будто да, - подтвердил я скучным голосом.

- Вам еще много чего потребуется, - продолжал дерг. - Цветы борца, амаранта, чеснок, могильная плесень...

- Но ведь гампер убрался вон.

- Да, но остались грейдеры. И вам нужны средства против липпов, фиггов и мелжрайзера.

Под его диктовку я составил список трав, отваров и прочих снадобий. Я не стал его расспрашивать об этом звене между сверхъестественным и сверхнормальным. Моя любознательность была полностью удовлетворена.

Привидения и лемуры? Или чужесветные твари? Одно другого стоит, сказал он, и я уловил его мысль. Обычно им до нас дела нет. Наши восприятия, да и самое наше существование протекают в разных плоскостях. Пока человек по глупости не привлечет к себе их внимания.

И вот я угодил в эту игру. Одни хотели меня извести, другие защитить, но никто не питал ко мне добрых чувств, включая самого дерга. Я интересовал их как пешка в этой игре, если я правильно понял ее условия.

И в это положение я попал по собственной вине. К моим услугам была мудрость расы, веками накопленная человеком, - неодолимое расовое предубеждение против всякой чертовщины, инстинктивный страх перед нездешним миром. Ибо приключение мое повторялось уже тысячи раз. Нам снова и снова рассказывают, как человек наобум вторгается в неведомое и накликает на себя духов. Он сам напрашивается на их внимание, а ничего опаснее быть не может.

Итак, я был обречен дергу, а дерг - мне. Правда, лишь до вчерашнего дня. Сегодня я уже снова сам по себе.

На несколько дней все как будто успокоилось. С фиггами я справлялся тем простым способом, что держал шкафы на запоре. С липпами приходилось труднее, но жабий глаз более или менее удерживал их в узде. А что до мелжрайзера, то его следует остерегаться только в полнолуние.

- Вам грозит опасность, - сказал мне дерг не далее как позавчера.

- Опять? - отозвался я зевком.

- Нас преследует трэнг.

- Нас?..

- Да, и меня, ибо даже дерги подвержены риску и опасности.

- И этот трэнг действительно опасен?

- Очень!

- Что же мне делать? Завесить дверь змеиной шкурой? Или начертить на ней пятиугольник?

- Ни то ни другое, - сказал дерг. - Трэнг требует негативных мер, с ним надо воздерживаться от некоторых действий.

На мне висело столько ограничений, что одним больше, одним меньше - ничего уже не значило.

- Что же мне делать?

- Не политурьте, - сказал он.

- Не политурить? - Я наморщил брови. - Как это понимать?

- Ну, вы знаете. Это постоянно делается.

- Должно быть, мне это известно под другим названием. Объясните.

- Хорошо. Политурить - это значит... - Но тут он осекся.

- Что?...

- Он здесь! Это трэнг!

Я вдавился в стену. Мне показалось, что я вижу легкое кружение пыли в комнате, но, возможно, у меня пошаливали нервы.

- Дерг! - позвал я. - Где вы? Что же мне делать?

И тут я услышал крик и щелканье смыкающихся челюстей.

- Он меня заполучил! - взвизгнул дерг.

- Что же мне делать? - снова завопил я.

А затем противный скрежет что-то перемалывающих зубов. И слабый, задыхающийся голос дерга: "Не политурьте!"

А затем тишина.

И вот я сижу тихо-смирно. В Бирме на той неделе разобьется самолет, но меня это не коснется здесь, в Нью-Йорке. Да и фиггам до меня не добраться, я держу на запоре дверцы моих шкафов.

Вся загвоздка в этом "политурить". Мне нельзя политурить. Ни под каким видом! Если я не буду политурить, все успокоится и эта свора переберется еще куда-нибудь, в другое место. Так должно быть. Надо только переждать.

На беду свою я не знаю, что такое политурить. Это постоянно делается, сказал дерг. Вот я и избегаю по возможности что-либо делать.

Я кое-как поспал, и ничего не случилось - значит, это не политурить. Я вышел на улицу, купил провизию, заплатил что следует, приготовил обед и съел. И это тоже не политурить. Написал этот отчет. И это не политура.

Я еще выберусь из этой мути.

Попробую немножко поспать. Я, кажется, схватил простуду. Приходится чихнуть...

Роберт Шекли
Вымогатель

Перевод В. Баканова

Детрингера выслали с родной планеты Ферланг за "преступные действия чрезвычайной непристойности". Он нахально циркнул сквозь зубы во время Резвой Созерцательности и передернул задним голенопятом, когда Великий Региональный Вездесущий удостоил его плевка.

Подобная наглость обычно наказуема всего лишь парой десятков лет "безоговорочного остракизма". Но Детрингер усугубил вину, совершив "преднамеренное ослушание" на Встрече Поминовения, где во всеуслышание и с подробностями предавался воспоминаниям о своих грязных любовных похождениях.

Его последний антиобщественный поступок не имел себе равных в новейшей истории ферланга: Детрингер проявил "неприкрытое злобное насилие" по отношению к некоему Уканистеру, обнаружив "явную публичную агрессивность", которой планета не знала со времен первобытной Эпохи Смертельных Игр.

Этой отвратительной выходкой, следствием которой для Уканистера явились не только телесные повреждения, но и тяжкий моральный удар, Детрингер и заработал себе высшую меру наказания - "бессрочное изгнание".

Ферланг - четвертая от солнца планета в системе на краю галактики. Детрингера вывезли в межгалактическую пучину и бросили в крошечном недоснаряженном спортивном кораблике на произвол судьбы. Вместе с ним в ссылку добровольно отправился и его преданный механический слуга Ичор. Жены Детрингера - задорная шаловливая Марук, высокая задумчивая Гвенкифер и неугомонная лопоухая УУ - официально расторгли брак с ним Торжественным Актом Вечного Презрения. Восемь его детей прошли через Обряд Отречения, хотя поговаривают, что Дерани - младшая - потом прошептала: "Что б ты там ни натворил, папка, я все равно тебя люблю".

Детрингеру, разумеется, не дано было этим утешиться. Очень скоро запасы энергии на утлом суденышке, брошенном в безбрежный океан пространства, истощились, и Детрингер, когда пришлось перейти на строгий рацион, изведал голод, холод, жажду и пульсирующую головную боль-кислородного голодания. Со всех сторон его окружала убийственная пустота необъятного космоса, нарушаемая лишь безжалостным блеском звезд. Не видя смысла расходовать скудные запасы горючего в межгалактических пучинах, которые способны до дна исчерпать резервуары самых гигантских звездолетов, он выключил двигатели. Следовало беречь топливо для межпланетного маневрирования, если столь маловероятная возможность представится.

Время сковало его густым черным желе. Существо слабое, лишившись привычного окружения, наверняка предалось бы отчаянию и потеряло рассудок. Но не в натуре Детрингера было падать духом. Осужденный занимался гимнастикой, погружался в высокоскоростную медитацию, каждый "вечер" устраивал концерты преданному Ичору, который отнюдь не отличался музыкальным слухом, и сотнями других способов, изложенных в "Пособии по выживанию в одиночку", избегал губительных мыслей о неизбежной смерти.

Так шло время, пока в окружающем пространстве все резко не изменилось. Космический штиль уступил место игре электрических разрядов, что грозило новыми бедствиями. Мощный шторм налетел на кораблик и швырнул его в самую бездну. Суденышко спасла собственная беспомощность. Покорно гонимый штормовым фронтом, кораблик уцелел.

Едва ли стоит описывать испытания, выпавшие на долю его пассажиров; Главное - они выжили. Через некоторое время после того, как титанические волны успокоились, Детрингер очнулся и открыл затуманенные глаза. Потом он поглядел в иллюминаторы и снял показания навигационных приборов.

- Ну вот, межгалактические пучины и позади - сообщил он Ичору. - Нас вынесло к границе планетной системы.

Ичор приподнялся на алюминиевом локте и произнес:

- Тип солнца?

- Типа О, - ответил Детрингер.

- Слава Создателю! - вознес хвалу Ичор и рухнул, истощив заряд своих батарей.

Последнее дуновение космического ветерка затихло еще прежде, чем суденышко пересекло орбиту внешней планеты - девятнадцатой от молодого жизнедарящего светила. Несмотря на возражения Ичора, считавшего, что энергию надо беречь на крайний случай, Детрингер зарядил робота от корабельных аккумуляторов.

Собственно, крайний случай был налицо. Приборы показывали, что только на пятой от солнца планете Детрингер мог обойтись без специальных средств жизнеобеспечения. Но оставшегося топлива до далекой цели явно не хватало, а в космосе снова царил штиль.

Можно было сидеть тихо в надежде на случай - вдруг их подхватит какое-нибудь течение или даже шторм. Но срок, отпущенный пассажирам корабельными запасами, был так невелик, что не приходилось рассчитывать ни на то, ни на другое. К тому же течения и штормы, если и возникают, далеко не всегда оказываются попутными.

Детрингер выбрал более активный и, возможно, более опасный путь. Рассчитав оптимальные курс и скорость, он решил двигаться вперед до тех пор, пока позволят запасы горючего.

Ценой неимоверных усилий и благодаря виртуозному пилотированию Детрингер, до капли рассчитав расход топлива, изловчился приблизиться к заветной цели на двести миллионов миль. Потом пришлось отключить двигатели. Горючего осталось в обрез, только для приземления.

Суденышко дрейфовало в космосе, все еще двигаясь к пятой планете, но столь медленно, что и тысячи лет не хватило бы добраться до ее атмосферы. Едва ли требовалось особое воображение, чтобы представить кораблик гробом, а себя - его преждевременным обитателем. Но Детрингер гнал прочь подобные мысли и не отступал от принятого им режима: гимнастика, концерты и высокоскоростная медитация.

Ичор был этим несколько озадачен. Ортодокс по складу ума, он тактично указал на неуместность и, следовательно, безрассудность подобного поведения в создавшейся ситуации.

- Ты, конечно, прав - бодро ответил Детрингер. - Но позволь напомнить тебе, что Надежда, пусть даже неосуществимая, входит в число Восьми Нерациональных Благ и, стало быть (согласно Второму Патриарху), на порядок выше любого из Здравых Предписаний.

Убежденный ссылкой на Патриарха, Ичор скрепя сердце согласился с Детрингером и даже спел в унисон с ним парочку псалмов (сцена столь же комичная для глаза, сколь и невыносимая для слуха).

Запасы энергии неумолимо таяли. Рацион пришлось урезать вдвое, потом вчетверо; агрегаты едва функционировали. Тщетно умолял Ичор своего хозяина влить заряд его батарей в студеные обогреватели корабля. Дрожа от холода, Детрингер

упорно отказывался.

Возможно, темперамент влияет на естество. Если бы не натура Детрингера, вряд ли сильное попутное течение появилось бы именно тогда, когда от запасов энергии остались одни воспоминания.

Собственно приземление оказалось весьма простым для пилота такого мастерства и везения. Словно пушинку опустил Детрингер корабль на зеленую поверхность планеты. Когда он окончательно выключил двигатели, топлива оставалось ровно на тридцать восемь секунд.

Ичор пал на колени и восславил память Создателя, не забывшего дать им прибежище. Но Детрингер отрезвил его.

- Прежде чем лить слезы умиления, давай лучше оглядимся.

Пятая планета оказалась вполне гостеприимной: здесь было все необходимое для жизни и почти ничего из излишеств. Но изгнанники скоро поняли, что прикованы к планете навеки: лишь высокоразвитая цивилизация могла создать топливо для корабельных двигателей, а воздушная разведка не обнаружила в этом радушном живописном мире даже следа разумных существ.

Простым переключением проводов Ичор подготовил себя к проживанию отведенного ему срока в сем ниспосланном свыше местечке и рекомендовал Детрингеру тоже смириться с неизбежным. В конце концов, резонно заметил он, даже раздобудь они топливо, куда им лететь? Всякая подобная попытка на этом крошечном суденышке была равносильна самоубийству.

Детрингера не убедили его рассуждения.

- Лучше бороться и принять смерть, чем, прозябая, сохранить жизнь, - заявил он.

- Хозяин, - почтительно заметил Ичор, - сие ересь.

- Вероятно, - беззаботно согласился Детрингер. - Но так уж я полагаю. А интуиция подсказывает мне - что-нибудь подвернется.

Ичор содрогнулся и втайне вознес молитву во спасение души хозяина. Он все же надеялся, что Детрингер примет Помазание Вечного Одиночества.

Капитан Эдвард Мэйкнис Макмилан стоял посреди главной рубки исследовательского судна "Дженни Линд" и изучал ленту, которая струилась из координирующего компьютера серии 1100. Было очевидно, что в пределах ошибки корабельных приборов новая планета не таит никаких опасностей.

К этой минуте Макмилан шел всю жизнь. Блестяще закончив курс естественных наук в Таоском университете, он продолжал заниматься ядерной физикой. Его докторская работа "Некоторые предварительные заметки относительно науки межзвездного маневрирования" была одобрительно встречена коллегами и с успехом издана для широкой публики под названием "Затерянные и найденные в глубоком космосе". Это да еще большая статья в журнале "Природа", озаглавленная "Использование теории отклонения в приемах и методах посадки", сделали единственной его кандидатуру на пост капитана первого американского звездолета.

Это был высокий, крепкого телосложения, красивый мужчина с преждевременной седиьой в свои тридцать шесть лет. Как пилот он не знал себе равных - его реакции поражали непогрешимой точностью и уверенностью.

Значительно хуже ему давались отношения с людьми. Макмилан был отмечен какой-то робостью и чрезвычайно застенчив. Принимая всякое решение, он неизменно мучился сомнениями, что, возможно, достойно уважения в философе, но, безусловно, обнаруживает слабость командира.

В дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, в комнату вошел полковник Кеттельман.

- На первый взгляд здесь недурно. Как по-вашему? - заметил он.

- Профиль планеты производит благоприятное впечатление, - сухо отозвался Макмилан.

- Прекрасно, - заключил Кеттельман и тупо уставился на данные, представленные компьютером. - Что-нибудь интересное?

- И немало. Все говорит о наличии уникальной растительности. Кроме того, наши биологические пробы обнаружили некоторые аномалии...

- Я не об этом, - отмахнулся Кеттельман, выказывая презрение, которое порой испытывает прирожденный солдат к бабочкам и цветочкам. - Я имею в ввиду кое-что поважнее: армию, космический флот...

- Там, внизу, похоже, нет и следа цивилизации, - пожал плечами Макмилан. - Сомневаюсь, что мы найдем здесь разумную жизнь.

- Кто знает, - с сомнением проговорил Кеттельман.

Это был коренастый, крепкий и непоколебимый в своих суждениях человек, ветеран многих кампаний. Майором он сражался в джунглях Гондураса в так называемой Фруктовой войне, закончив ее подполковником. Звание полковника ему принес злополучный Нью-Йоркский мятеж, во время которого он лично повел своих людей на штурм казначейства и удерживал Сорок вторую улицу от прорыва Беспутного батальона.

Бесстрашный, с репутацией отца солдат и безупречным послужным списком, он был на короткой ноге со многими сенаторами и техасскими миллионерами и сумел добиться заветного назначения на пост командующего военными операциями корабля "Дженни Линд". Теперь он с нетерпением ждал той славной минуты, когда боевой отряд из двадцати морских пехотинцев ступит на поверхность планеты. Это событие волновало его чрезвычайно. Плевать на показания приборов! Кеттельман отлично знал, что внизу могло затаиться что угодно, выжидая, чтобы ударить, изувечить и убить, если он не ударит первым.

- Правда, кое-что там есть, - добавил Макмилан. - Мы обнаружили космический корабль.

- Ага! - удовлетворенно крякнул Кеттельман. - Я так и думал. Вы засекли только один?

- Да, очень маленький, раз в двадцать меньше нашего, явно безоружный.

- Они хотят, чтобы вы именно так и думали, разумеется, - заявил Кеттельман. - Интересно, где остальные?

- Какие "остальные"?

- Остальные вражеские корабли, войска, ракеты "земля-космос" и все прочее.

- Присутствие одного корабля логически не обусловливает присутствия другого, - заметил капитан Макмилан.

- Вот как? Послушайте, Эд, меня учили логике джунгли Гондураса, - наставительно сказал Кеттельман. - По тамошним правилам, где нашли одну обезьяну с мачете, там в зарослях притаились еще пятьдесят. И не зевай, а то живо лишишься ушей. Стоит замешкаться в поисках доказательств, и вас прикончат в два счета.

- Здесь несколько иные условия, - не согласился Макмилан.

- Ну и что?

Макмилан внутренне вздрогнул и отвернулся. От общения с Кеттельманом он испытывал почти физическую боль. Полковник

был сварлив ц упрям, легко впадал в ярость и бтличался категоричностью суждений, основанных, как правило, на незыблемом фундаменте его поразительного невежества. Капитан знал, что эта антипатия взаимна. Он прекрасно понимал: Кеттельман считает его мягкотелым, годным разве что для научных изысканий.

К счастью, их обязанности были четко определены и разграничены. Но, видно, лишь до сих пор.

Детрингер и Ичор, стоя под сенью деревьев, наблюдали за безупречной посадкой большого космического корабля.

- Что и говорить, пилот - истинный ас, - заметил Детрингер. - Знакомство с ним я почел бы за честь для себя.

- Думаю, вам представится такая возможность, - отозвался Ичор. - То, что они приземлились рядом с нами, имея в распоряжении всю поверхность планеты, вряд ли может оказаться случайностью.

- Они нас, конечно, обнаружили, - согласился Детрингер. - И решили действовать прямо, как поступил бы на их месте и я.

- Ваши рассуждения не лишены здравого смысла, - сказал Ичор. - Но как будете действовать вы на своём месте?

- Прямо, разумеется!

- Исторический момент, - вздохнул Ичор. - Представитель ферлангского народа скоро встретит первых разумных существ. Ирония судьбы - столь великая миссия ниспослана преступнику!

- Эта великая миссия, как ты выражаешься, была навязана мне силой. Уверяю тебя, я ее не домогался. Да, между прочим, думаю, лучше не упоминать о моих маленьких разногласиях с властями Ферланга.

- Вы хотите солгать?

- Зачем так резко? - поморщился Детрингер. - Считай, что это - желание спасти соотечественников от стыда за своего эмиссара.

- Что ж, пожалуй.

Детрингер пристально посмотрел на своего механического слугу:

- Мне кажется, Ичор, ты не совсем одобряешь мои действия?

- Вы правы, сэр. Но, пожалуйста, поймите меня: я предан вам безоглядно и в любую минуту не колеблясь пожертвую своей жизнью ради вашего благополучия. Я буду служить вам до самой смерти - и дальше, если это возможно. Но преданность конкретному лицу не может поколебать моих религиозных, социальных и этических убеждений. Я люблю вас, сэр, но не могу одобрить ваше поведение.

- Считай, что я предупрежден, - сказал Детрингер. - А теперь давай обратим внимание на наших незнакомцев. Люк открывается. Они выходят.

- Выходят солдаты, - уточнил Ичор.

Вновь прибывшие оказались двуногими и, как и сам Детрингер, имели по две верхние конечности, по одной голове, одному рту, одному носу, у них не было никаких признаков ни антенн, ни хвостов. Судя по снаряжению, они определенно являлись солдатами. Каждый был тяжело нагружен множеством предметов, в которых угадывались огнестрельное оружие, газовые и разрывные гранаты, лучеметы, ракеты малого радиуса действия с атомными боеголовками и много чего еще. Тела их защищали бронекостюмы, а головы - прозрачные шлемы. Отряд состоял из двадцати человек и, очевидно, командира, который на первый взгляд казался безоружным. Он держал в руке только гибкую палочку - вероятно, символ власти, - которой постукивал себя по левой нижней конечности, и неторопливо

шествовал во главе солдат.
Солдаты цепью продвигались вперед, перебегая от дерева к дереву. Весь их вид свидетельствовал о крайней подозрительности и готовности к самым решительным действиям. Офицер не снисходил до осторожности, шел прямо вперед, демонстрируя либо беспечность, либо напускную храбрость, либо просто глупость.
- Хватит сидеть в кустах, - решил Детрингер. - Пора выйти и встретить их с достоинством, приличествующим эмиссару ферлангского народа.
Детрингер тут же выступил вперед и в сопровождении Ичора двинулся навстречу солдатам. В эту минуту он был великолепен.
На борту "Дженни Линд" каждый знал о существовании чужого космического корабля. Так что присутствие на этом корабле инопланетного обитателя, который сейчас браво шел на гвардейцев Кеттельмана" не должно было вызвать потрясения.
Но вызвало. Оказалось, гвардейцы не готовы встретить настоящего, живехонького инопланетянина. Событие грозило самыми непредсказуемыми последствиями. А отсюда - каковы должны быть первые слова? Как бы в этот исторический миг не ударить в грязь лицом. Сколько ни старайся, неминуемо придумаешь что-то вроде: "Доктор Ливингстон, полагаю?" Над вашими словами, банальными ли они окажутся или выспренными, люди будут смеяться веками. Что и говорить, такая встреча грозила величайшим позором.
И капитан Макмилан, и полковник Кеттельман лихорадочно искали достойное начало и неизменно отвергали каждый новый вариант, втайне надеясь, что в переводящем компьютере С-31 полетит транзистор. Каждый морской пехотинец молил бога, чтобы инопланетянин заговорил не с ним. Даже корабельный кок потерял голову - не дай бог, инопланетянин в первую очередь поинтересуется тем, что они едят.
Но до Кеттельмана им всем было далеко. "Черта с два, уж я-то с ним первым не заговорю!" - однозначно решил он. Полковник замедлил шаг, рассчитывая, что солдаты выдвинутся вперед. Но его люди остановились, не решаясь обогнать командира. Капитан Макмилан, шедший за морскими пехотинцами, тоже остановился, проклиная себя за то, что выступает в полной парадной форме при всех регалиях. Он не сомневался, что выглядит самым представительным и инопланетянин непременно подойдет прямо к нему.
Земляне застыли на месте. Инопланетянин приближался. Замешательство в рядах землян перешло в панику. Морские пехотинцы явно находились на грани бегства. Это не укрылось от внимания Кеттельмана. Полковник оцепенел от мысли, что сейчас они обесчестят его и его вооруженные силы.
Тут он вспомнил о газетчиках. Конечно же, газетчики! Пускай кашу расхлебывают газетчики: им за это платят.
- Взвод, стой! - скомандовал полковник.
Инопланетянин тоже остановился, пытаясь понять, что происходит.
- Капитан, - обратился Кеттельман к Макмилану, - предлагаю для этого исторического момента спустить... я имею в виду - выпустить газетчиков.
- Прекрасная идея, - согласился Макмилан и распорядился вывести из анабиоза и прислать сюда представителей печати.
Затем все стали ждать.
Представители печати хранились в особом помещении. Табличка на двери гласила: "Анабиоз - посторонним вход воспрещен". Ниже от руки было добавлено: "Поднимать только

в случае сенсации".

Внутри помещения в индивидуальных капсулах находились пять журналистов и журналистка. Они единодушно решили, что небогатые событиями годы, которые потребуются "Дженни Линд", чтобы куда-нибудь прилететь, явятся пустой тратой субъективного времени, и погрузились в анабиоз, пока не случится что-либо заслуживающее их внимания. Меру сенсационности доверили определить капитану Макмилану, который в студенческие годы сотрудничал в газете "Солнце Финикса".

Рамон Дельгадо, инженер-шотландец с весьма необычной биографией, получил приказ разбудить корреспондентов. Пятнадцать минут спустя еще не совсем пришедшие в себя журналисты уже рвались узнать, что происходит.

- Мы приземлились на планете земного типа, - объявил Дельгадо, - но без всяких следов цивилизации и разумной жизни.

- А разбудили нас для чего? - возмутился Квебрада из Северо-Восточного агентства новостей.

- Дело в том, - продолжал Дельгадо, - что здесь находится космический корабль и на нем, естественно, разумный инопланетянин.

- Тогда другое дело, - сказала Милисент Лопец, сотрудница издания "Женская одежда". - Вы не обратили внимания, как он одет?

- Установлено ли, насколько он разумен? - спросил Матеас Упман из "Нью-Йорк таймс".

- Каковы были его первые слова? - поинтересовался Анжел Потемкин из "Эн-Би-Си- Си-Би-Эс-Эй-Би-Си".

- Он ничего не говорил, - ответил инженер Дельгадо. - Его пока ни о чем не спрашивали.

- Вы хотите сказать, - изумился Е. К. Кветцатла из Западного агентства новостей - что первый в истории человечества инопланетянин стоит столб столбом и никто не берет у него интервью?!

И газетчики, прихватив камеры и магнитофоны, ринулись к выходу. Проморгавшись на ярком солнце, трое журналистов схватили переводящий компьютер С-31, а потом снова бросились вперед, растолкали морских пехотинцев и в мгновение ока окружили инопланетянина.

Упман включил С-31 и протянул второй микрофон инопланетянину, который после некоторого колебания принял его.

- Проверка. Раз, два, три. Вы поняли, что я сказал?

- Вы сказали: "Проверка. Раз, два, три", - произнес Детрингер, и все облегченно вздохнули: первые слова были наконец сказаны, и Упман во всех учебниках истории будет выглядеть настоящим идиотом. Упмана, однако, нисколько не беспокоило, как он будет выглядеть, лишь бы его имя вообще вошло в учебники. Он продолжал интервью. К нему присоединились остальные.

Детрингеру пришлось рассказывать, что он ест, как долго и как часто спит, в чем его частная жизнь отклоняется от ферлангской нормы, каковы его первые впечатления о землянах. Дальше посыпались вопросы о философских воззрениях, количестве жен, как он с ними уживается, и вообще о том, каково быть инопланетянином. Ему пришлось назвать свою профессию, свое хобби, отозваться о склонности к садоводству, перечислить свои развлечения. Его вынудили рассказать, был ли он когда-нибудь пьян и как именно, признаться во внебрачных связях, описать любимый вид спорта,

изложить свои взгляды на межзвездную дружбу, на преимущества и недостатки хвостатости и на многое, многое другое.

Капитан Макмилан теперь раскаивался, что пренебрег своими обязанностями. Он вышел вперед, чем спас инопланетянина от бесконечного потока вопросов.

Полковник Кеттельман тоже подался за ним - ведь именно он, в конце концов, отвечает за безопасность экспедиции, и его долг - постичь истинные намерения чужеземца.

Произошла небольшая стычка - выяснение отношений. В результате было решено, что Макмилан как символический представитель народов Земли первым проведет беседу с инопланетянином. Однако эта церемониальная встреча явится чистой формальностью. Потом с Детрингером станет разговаривать Кеттельман, и по результатам беседы будут предприняты дальнейшие шаги.

Таким образом, все противоречия были утрясены, и Детрингер уединился с Макмиланом. Пехотинцы возвратились на корабль, составили оружие и вновь принялись чистить ботинки.

Ичор остался на месте. В него вцепился представитель Среднезападного агентства новостей. Этот представитель, Мельхиор Каррера, сотрудничал еще и в таких изданиях, как "Общедоступная механика", "Плейбой", "Роллинг Стоун" и "Лучшие труды по автоматизации". Интервью получилось весьма занимательным.

Беседа Детрингера с капитаном Макмиланом прошла блестяще. Оба тактичные, терпимые, стремящиеся понять точку зрения собеседника, во многом они сошлись во взглядах и почувствовали друг к другу определенную симпатию. Капитан Макмилан не без удивления отметил, что инопланетянин Д стрингер ближе ему, чем полковник Кеттельман.

Последовавший затем разговор с Кеттельманом прошел в совсем ином ключе. После обмена любезностями полковник приступил прямо к делу.

- Чем вы тут занимаетесь? - без обиняков спросил он.

Детрингер готов был объяснить свое положение.

- Мой корабль - часть передовых разведывательных сил космического флота Ферланга. Шторм сбил меня с курса, и, когда кончилось топливо, мне пришлось совершить вынужденную посадку.

- Итак, вы беспомощны.

- В высшей степени. Хотя, разумеется, временно. Как только будут подготовлены необходимое оборудование и персонал, за мной пошлют спасательный корабль. Но на это потребуется время. Так что буду вам крайне признателен, если вы найдете возможным выделить мне немного топлива.

- Гммм... - Полковник Кеттельман нахмурился.

- Прошу прощения?

- "Гммм", - сказал переводящий компьютер С-31, - это вежливый звук, обозначающий короткий период молчаливого раздумья.

- Чушь собачья! - рявкнул Кеттельман. - "Гммм" вовсе ничего не значит. Так, говорите, вам нужно топливо?

- Да, полковник, - подтвердил Детрингер. - Судя по внешним признакам, наши двигатели, как мне кажется, весьма схожи.

- Система двигателей на "Дженни Линд"... - начал С-31.

- Минутку, это секретные сведения! - возмущенно оборвал Кеттельман.

- Отнюдь нет, - возразил компьютер. - Последние двадцать лет эта система используется на Земле повсеместно, а в прошлом году ее рассекретили официально.

- Гммм... - протянул полковник и с видом страдальца стал слушать подробности об устройстве корабельных двигателей.

- Как я и думал, - кивнул Детрингер. - Мне даже ничего не придется изменять. Ваше топливо можно использовать в том виде, как оно есть. Конечно, если вы сможете поделиться им.

- О, тут как раз нет никаких затруднений, - сказал Кеттельман. - У нас его полно. Но, на мой взгляд, нам сперва следует кое-что обговорить.

- Что именно? - поинтересовался Детрингер.

- Послужит ли это нашей безопасности.

- Не вижу связи.

- Это вполне очевидно. На Ферланге, судя по всему, технически высокоразвитая цивилизация. А являясь таковой, она представляет для нас потенциальную угрозу.

- Мой дорогой полковник, наши планеты находятся в разных галактиках!

- Ну и что? Мы, американцы, всегда старались воевать как можно дальше от дома. Может быть, и у вас на Ферланге так заведено.

Детрингер не потерял самообладания.

- Мы - мирные люди и глубоко заинтересованы в межпланетной дружбе и сотрудничестве.

- Это слова, - вздохнул Кеттельман. - А где гарантии?

- Полковник, - возмутился Детрингер, - вы случайно слегка не... - Он запнулся в поисках подходящего слова, - ...тронулись?

- Он желает знать, - услужливо разъяснил С-31, - не склонны ли вы к паранойе.

Кеттельман рассвирепел. Ничто не могло разозлить его больше, чем намеки на психическую неполноценность. Ему начинало казаться, что его травят.

- Вы меня не дразните, - зловеще предупредил он. - Ну а почему бы мне в интересах земной безопасности не приказать уничтожить вас вместе с вашим кораблем? Когда прилетят ваши соплеменники, наш след уже остынет, и они ни шиша не узнают.

- Подобные действия не лишены были бы смысла, - сказал Детрингер, - не поддерживай я постоянную радиосвязь. Как только я увидел ваш корабль, сразу же связался с базовым командованием. Я сообщил им все, что мог, включая предположение о типе вашего солнца, основанное на вашем физическом строении, и вероятное месторасположение вашей родины по результатам анализа ионного хвоста.

- Ишь, умник, - с досадой произнес Кеттельман.

- Я проинформировал командование и о том, что запрошу из ваших явно обильных запасов немного топлива. Полагаю, отказ в моей просьбе будет рассматриваться как крайне недружелюбный акт.

- Я об этом не подумал, - признался Кеттельман. - Гммм... У меня есть приказ не провоцировать межзвездных инцидентов.

- Вот видите! - многозначительно сказал Детрингер.

Наступило долгое, напряженное молчание. Кеттельману претила сама мысль о помощи существу, которое вполне могло оказаться врагом. Однако, по-видимому, иного пути не было.

- Ну, ладно, - решил он наконец. - Завтра я пришлю топливо.

Детрингер выразил благодарность, а затем пустился в россказни о неисчислимой боевой технике Космических вооруженных сил Ферланга. Он не в малой мере преувеличивал. Если не сказать, что в его описаниях не было и слова правды.

Ранним утром возле корабля Детрингера появился землянин с

канистрой горючего. Детрингер предложил ее где-нибудь поставить, но землянин, ссылаясь на приказ полковника, настоял на том, чтобы войти в крошечную рубку суденышка и лично опорожнить канистру в топливный бак.

- Что ж, начало положено, - сказал Детрингер Ичору. - Надо еще шестьдесят таких канистр.

- Но почему они посылают по одной канистре? - поинтересовался Ичор. - Уж очень нерационально.

- Это смотря с чьей точки зрения.

- Что вы имеете в виду?

- Надеюсь, ничего неприятного. Впрочем, поживем - увидим.

Шли часы. Наступил вечер, но никто больше не приходил. Детрингер отправился к земному кораблю и, отмахнувшись от репортеров, потребовал встречи с Каттельманом.

Ординарец провел его в каюту полковника. Стены этого скромно обставленного помещения украшали предметы, видимо, призванные запечатлеть особо памятные моменты в жизни владельца: два ряда медалей поблескивали на черном бархате в солидном золотом обрамлении, доберман-пинчер скалил клыки с фотографии, особенно поражала сморщенная высохшая человеческая голова, трофей осады Тегусигальпы. Сам полковник в шортах цвета хаки занимался гимнастикой, сжимая пальцами рук и ног резиновые мячики.

- Да, Детрингер, чем могу быть полезен?

- Я пришел узнать, почему вы не присылаете мне топливо.

- Вот как? - Каттельман выпустил мячики и уселся в кожаное кресло. - Я отвечу вам вопросом на вопрос. Детрингер, как вы ухитряетесь держать радиосвязь без аппаратуры?

- Кто сказал, что у меня нет радиоаппаратуры? - возмутился Детрингер.

- Первую канистру вам принес инженер Дельгадо. Ему было приказано осмотреть ваше оборудование. Он доложил, что на вашем корабле нет никаких признаков радиоаппаратуры. Инженер Дельгадо - специалист в этой области.

- Достижения миниатюризации... - начал Детрингер.

- Да-да. Но у вас вовсе ничего нет. Могу еще добавить, что, приближаясь к планете, мы вели радиоперехват на всех возможных частотах и никаких передач не обнаружили.

- Я все могу объяснить, - сказал Детрингер.

- Сделайте одолжение.

- Это достаточно просто. Я вас обманывал.

- Очевидно. Но это ничего не объясняет.

- Дайте мне закончить. Видите ли, мы, ферлангцы, не менее вас заботимся о собственной безопасности. Пока мы почти ничего не знаем о вас, здравый смысл диктует нам по возможности меньше информации сообщить и о себе. Если вы легковерны и простодушны и примете за чистую монету то, что мы полагаемся на столь примитивную систему связи, как радио, это даст нам преимущество при встрече с вами при неблагоприятных обстоятельствах.

- Так как же вы сообщаетесь?

Детрингер явно колебался с ответом.

- Думаю, большой беды не будет... - наконец сказал он. - Рано или поздно вы все равно узнаете, что мой народ обладает телепатическими способностями.

- Телепатическими? Вы утверждаете, что можете передавать и принимать мысли?

- Совершенно верно, - кивнул Детрингер.

Каттельман пристально посмотрел на него:

- Хорошо, тогда что я сейчас думаю?
- Вы думаете, что я лжец, - сказал Детрингер.
- Так точно, - подтвердил Кеттельман.
- Но это слишком очевидно, и мне вовсе не пришлось читать ваши мысли. Видите ли, мы, ферлангцы, проявляем телепатические способности только среди себе подобных.
- Знаете что? - после короткого молчания произнес полковник. - Я по-прежнему думаю, что вы искусный обманщик.
- Разумеется, - согласился Детрингер. - Ворос лишь в том, насколько вы в этом уверены.
- Чертовски уверен, - мрачно заявил Кеттельман.
- Достаточно ли этого? Для требований вашей безопасности, я имею в виду. Взгляните - если я говорю правду, то причины, побудившие вас вчера оказать мне помощь, равно значимы и сегодня. Вы согласны?
Полковник неохотно кивнул.
- В то же время от вашей помощи не будет вреда, даже если я лгу. Вы просто выручите попавшее в беду существо, сделав тем самым и меня, и моих соотечественников своими должниками. Вполне многообещающее начало для дружбы. А если учесть, что оба наши народа рвутся в космос, скорая встреча неминуема.
- Положим, - проговорил Кеттельман. - Но я могу бросить вас здесь, отсрочив тем самым первый официальный контакт, пока мы не будем лучше подготовлены.
- В ваших силах попытаться отсрочить контакт, - заметил Детрингер, - но он может произойти в любую минуту. Сейчас вам предоставляется счастливая возможность начать его удачно. Другого такого случая может не подвернуться.
- Гммм, - пробормотал Кеттельман.
- У вас есть самые веские основания помочь мне, даже если я вру. Но ведь не исключено, что я говорю правду. В последнем случае ваш отказ выглядит крайне недружелюбно.
Полковник раздраженно мерил шагами узкую комнату. Потом он бешено сверкнул глазами и рявкнул:
- Вы чересчур ловко спорите!
- Просто мне повезло, - произнес Детрингер. - Логика - на моей стороне.
- Он прав насчет логики, - вставил переводящий компьютер С-31.
- Молчать!
- Я считал своим долгом указать на данный факт, - не унимался С-31.
Полковник остановился и потер лоб.
- Детрингер, уйдите, - устало проговорил он. - Я пришлю топливо.
- И не пожалеете! - заверил Детрингер.
- Я уже жалею, - отозвался Кеттельман. - Пожалуйста, уйдите.
Детрингер поспешил на корабль и поделился с Ичором добрыми вестями. Робот удивился.
- Я думал, он не согласится.
- Он тоже так думал, - сказал Детрингер. - Но я сумел его убедить.
И он передал Ичору свой разговор с полковником.
- Значит, вы солгали, - печально произнес Ичор.
- Да. Но Кеттельман знает, что я лгал.
- Тогда почему же он помогает?
- Из опасения, что я все-таки говорю правду.
- Но ведь ложь - преступление.
- Не больше, чем бросить нас здесь. Однако мне надо

поработать. Сходил бы ты на поиски съестного!

Слуга молча повиновался, а Детрингер сел за звездный атлас в надежде найти место, куда лететь, - если, конечно, ему вообще удастся улететь.

Наступило утро, солнечное и радостное. Ичор пошел на корабль землян играть в шахматы со своим новым приятелем - роботом-посудомойщиком. Детрингер ждал топлива.

Его не особенно удивило, что топлива все не присылали, хотя и прошел полдень, но и хорошего в этом было мало. Он прождал еще два часа, а затем отправился на "Дженни Линд".

Его приход, казалось, не явился неожиданностью - Детрингеру сразу предложили пройти в офицерскую. Полковник Кеттельман расположился в глубоком кресле, по сторонам которого замерли вооруженные солдаты. Строгое выражение лица не скрывало злорадства. Тут же с непроницаемым видом сидел капитан Макмилан.

- Ну, Детрингер, - начал полковник, - что сейчас вы хотите?

- Я пришел просить обещанное мне топливо, - сказал ферлангец. - Но вижу, вы не собираететсь сдержать свое слово.

- Напротив, - возразил полковник. - Я самым серьезным образом собирался помочь представителю вооруженных сил Ферланга. Но передо мной вовсе не он.

- А кто же? - спросил Детрингер.

Кеттельман подавил саркастическую усмешку.

- Преступник, осужденный верховным судом своего собственного народа. Передо мной уголовный элемент, чьи вопиющие правонарушения не имеют равных в анналах ферлангской юриспруденции. Существо, которое своим чудовищным поведением заслужило высшую меру наказания - бессрочное изгнание в бездны космоса. Или вы смеете это отрицать?

- В настоящий момент я ничего не отрицаю и не подтверждаю, - сказал Детрингер. - Прежде всего я хотел бы осведомиться об источнике вашей поразительной информации.

Полковник Кеттельман кивнул одному из солдат. Тот открыл дверь и ввел Ичора и робота-посудомойщика.

- О хозяин! - воскликнул механический слуга. - Я поведал полковнику Кеттельману об истинных обстоятельствах, которые привели к нашей ссылке. И тем самым приговорил вас! Я молю о привилегии немедленного самоуничтожения в качестве частичной расплаты за свое вероломство.

Детрингер молчал, лихорадочно соображая.

Капитан Макмилан подался вперед и спросил:

- Ичор, почему ты предал своего хозяина?

- У меня не было выбора, капитан! - вскричал несчастный. - Ферлангские власти, прежде чем позволить мне сопровождать его, приказали наложить на контуры моего мозга определенные приказы и закрепили их хитроумными схемами.

- Каковы же эти приказы?

- Они отводят мне роль тайного надзирателя. Мне приказано принять необходимые меры, если Детрингер каким-то чудом сумеет избежать кары.

- Вчера он мне обо всем рассказал, капитан, - не выдержал робот-посудомойщик. - Я умолял его воспротивиться этим приказам. Уж очень все это неприглядно, сэр, если вы понимаете, что я хочу сказать.

- И в самом деле, я сопротивлялся, сколько мог, - продолжал Ичор. - Но чем реальнее становились шансы моего хозяина на спасение, тем сильнее проявлялись приказы,

требующие его предотвращения. Меня могло остановить лишь удаление соответствующих цепей.

- Я предложил ему операцию, - вставил робот-посудомойщик, - хотя в качестве инструмента в моем распоряжении были только ложки, ножи и вилки.

- Я бы с радостью согласился на операцию, - продолжал Ичор. - Более того, я уничтожил бы себя, лишь бы не произносить слов, поневоле рвущихся из предательских динамиков. Но и это оказалось предусмотренным - на самоуничтожение тоже наложили строжайший запрет, как и на мое согласие на вмешательство в схемы, пока не выполнены государственные приказы. И все же я сопротивлялся, пока не иссякли силы, тогда мне пришлось явиться к полковнику Каттельману.

- Вот и вся грязная история, - обратился Каттельман к капитану.

- Не совсем, - тихо произнес капитан Макмилан. - Каковы ваши преступления, Детрингер?

Детрингер перечислил их бесстрастным голосом - свои действия чрезвычайной непристойности, свой проступок преднамеренного ослушания и, наконец, проявление злобного насилия.

Ичор кивал с несчастным видом.

- По-моему, мы слышали достаточно, - резюмировал Каттельман. - Сейчас я вынесу приговор.

- Одну минуту, полковник, - капитан Макмилан повернулся к Детрингеру: - Состоите ли вы в настоящее время или были когда-нибудь на службе в вооруженных силах Ферланга?

- Нет, - ответил Детрингер, и Ичор подтвердил его ответ.

- В таком случае находящееся здесь существо является гражданским лицом, - сказал капитан Макмилан, - и подлежит суду гражданских властей.

- Не уверен" - произнес полковник.

- Положение абсолютно ясное, - настаивал капитан Макмилан. - Наши народы не находятся в состоянии воины. Он должен предстать перед гражданским судом.

- И все же, насколько я понимаю, этим делом следует заняться мне, - сказал полковник. - Я лучше разбираюсь в подобных вещах, чем вы, сэр, - при всем к вам уважении.

- Судить буду я, - отчеканил капитан Макмилан. - Если, конечно, вы не решите силой захватить командование кораблем.

Каттельман покачал головой:

- Я не собираюсь портить свое личное дело.

Капитан Макмилан повернулся к Детрингеру.

- Сэр, вы должны понять, что я не вправе следовать личным симпатиям. Ваше государство вынесло приговор, и с моей стороны было бы неблагоразумно, дерзко и аполитично отменять его.

- Чертовски верно, - сказал Каттельман.

- Поэтому я подтверждаю осуждение на вечное изгнание. Но я прослежу за его исполнением более строго, чем это было сделано ранее.

Полковник широко ухмыльнулся. Ичор в отчаянии всхлипнул. Робот-посудомойщик пробормотал: "Бедолага!". Детрингер стоял спокойно, твердо глядя на капитана.

- Решением сего суда обвиняемый обязан продолжить ссылку. Более того, суд определяет, что пребывание обвиняемого на этой приятной планете противоречит духу приговора ферлангских властей, смягчает наказание. Следовательно, Детрингер, вы должны немедленно покинуть сие убежище и вернуться в необъятные просторы космоса.

- Так ему и надо, - сказал Кеттельман. - Знаете, капитан, я не думал, что вы окажетесь на это способны.

- Я рад, что вы одобряете мое решение. Поручаю вам проследить за исполнением приговора.

- С удовольствием.

- По моим расчетам, - продолжал Макмилан, - если использовать всех ваших людей, баки корабля подсудимого можно заполнить приблизительно за два часа. После чего он должен сразу же покинуть планету.

- Он у меня улетит еще до наступления ночи, - пообещал полковник. Но тут ему в голову пришла неожиданная мысль. - Эй! Топливо для баков? Так ведь именно этого Детрингер и хотел с самого начала!

- Суд не интересует, чего хочет или не хочет подсудимый, - констатировал Макмилан. - Его желания не влияют на решения суда.

- Но, черт подери, неужели вы не видите, что тем самым мы его отпускаем?! - воскликнул Кеттельман.

- Мы его заставляем,- подчеркнул Макмилан. - Это совершенно другое.

- Посмотрим, что скажут на Земле, - зловеще проговорил Кеттельман.

Детрингер покорно кивнул и, стараясь сохранить бесстрастное выражение лица, покинул земной корабль.

С наступлением ночи Детрингер взлетел. Его сопровождал преданный Ичор - теперь более верный, чем когда-либо, так как он выполнил правительственные указания. Вскоре они были уже в глубинах космоса.

- Хозяин, куда мы направляемся? - спросил Ичор.

- К какому-нибудь новому чудесному миру, - ответил Детрингер.

- А может, навстречу гибели?

- Возможно, - сказал Детрингер. - Но с полными баками я отказываюсь думать об этом.

Некоторое время оба молчали. Затем Ичор заметил:

- Надеюсь, у капитана Макмилана не будет из-за нас неприятностей.

- По-моему, он вполне может постоять за себя, - отозвался Детрингер.

Там, на Земле, решение капитана Макмилана послужило причиной большого переполоха и долгой полемики. Однако, прежде, чем официальные органы пришли к единому мнению, состоялся второй контакт между Ферлангом и Землей. Неизбежно всплывшее дело Детрингера было признано чересчур запутанным и сложным. Вопрос передали на рассмотрение смешанной комиссии экспертов обеих цивилизаций.

Над делом бились пятьсот шесть ферлангских и земных юристов. Еще многие годы они находили все новые и новые доводы "за" и "против", хотя Детрингер к тому времени достиг безопасного убежища и занял уважаемое положение среди народа планеты Ойменк.

Роберт Шекли
Стандартный кошмар

Перевод Б. Белкина

Космический пилот Джонни Безик состоял на службе в компании "Эс-Би-Си Эксплорейшис". Он исследовал подступы к скоплению Сирогона, в то время совершенной terra incognita. Первые четыре планеты не показали ничего интересного. Безик приблизился к пятой, и начался стандартный кошмар. Ожил корабельный громкоговоритель. Раздался низкий голос:

- Вы находитесь в окрестностях планеты Лорис. Очевидно, собираетесь произвести посадку?

- Верно, - подтвердил Джонни. - Как получилось, что вы говорите по-английски?

- Одна из наших вычислительных машин овладела языком на основе эмпирических данных, ставших доступными во время вашего приближения к планете.

- Ишь ты, недурно! - восхитился Джонни.

- Пустяки, - ответил голос. - Сейчас мы войдем в непосредственную связь с корабельным компьютером и выведем параметры орбиты, скорость и другие сведения. Вы не возражаете?

- Конечно, валяйте, - сказал Джонни. Он только что впервые в истории Земли вошел в контакт с иным разумом. Так всегда и начинался стандартный кошмар.

Рыжеволосый, низенький, кривоногий Джонни Чарлз Безик выполнял свою работу добросовестно, компетентно и механически. Он был тщеславен, чванлив, невежественен, сварлив и бесстрашен. Короче говоря, изумительно подходил для исследований глубокого космоса. Лишь определенный тип человека может вынести умопомрачительную безбрежность пространства и грозящие шизофренией стрессы, вызванные опасностью неведомого. Тут нужен человек с огромным и незыблемым самомнением и воинственной самоуверенностью. Нужен кретин. Поэтому исследовательские корабли ведут люди, подобные Джонни, чье вопиющее самодовольство твердо опирается на безграничную самовлюбленность и поддерживается непоколебимым невежеством. Таким психическим обликом обладали конкистадоры. Кортес и горстка головорезов покорили империю ацтеков только потому, что так и не осознали невозможности этого предприятия.

Джонни развалился в кресле и наблюдал, как приборы на пульте управления регистрировали изменение курса и скорости. На видеоэкране появилась планета Лорис - голубая, зеленая, коричневая. Джонни Безик вот-вот встретит парней со своей улицы.

Чудесно, если эти парни, эти, выражаясь межгалактически, соседи - смышленые ребята. Но вовсе не так здорово, если они соображают намного лучше вас и при этом, возможно, сильнее, проворнее и более агрессивны. Подобным соседям может взбрести на ум сделать что-нибудь с вами. Разумеется, вовсе не обязательно будет так, но к чему кривить душой, мы живем в жестокой вселенной, и извечный, вопрос - это кто наверху.

Земля посылала экспедиции, исходя из расчета, что если "где-то там" кто-то есть, то лучше пусть мы найдем их, чем они свалятся нам на голову одним тихим воскресным утром. Сценарий стандартного земного кошмара всегда начинается контактом с чудовищной цивилизацией. Потом шли варианты. Иногда инопланетяне оказывались высокоразвитыми технически, иногда обладали невероятными психокинетическими способностями, иногда были глупы, но практически неуязвимы - ходячие растения, роящиеся насекомые и тому подобное. Обычно они были бгсзжалостны и аморальны - не в пример хорошим земным парням.

Но это второстепенные детали. Лейтмотив кошмара постоянно одинаков: Земля вступает в контакт с чужой могущественной цивилизацией, и они нас покоряют.

Безик вот-вот узнает ответ на единственный вопрос, который серьезно волнует Землю: они нас или мы их?

Пока он не решался делать ставки...

Воздухом Лориса можно дышать, а вода годна для питья.

Обитатели Лориса - гуманоиды. Несмотря на мнение нобелевского лауреата Сержа Бонблата, будтобы вероятность этого один к десяти в девяносто третьей степени.

Лорианцы при помощи гипнопедии преподали Безику свой язык и показали ему главный город Атисс. Чем больше Джонни наблюдал, тем становился мрачнее.

Лорианцы были приятными, уравновешенными и доброжелательными существами. За последние пять столетий их история не знала войн или восстаний. Рождаемость и смертность были надежно сбалансированы: население многочислено, но всем хватало места и возможностей. Существовали расовые отличия, однако никаких расовых проблем. Технически высоко развитые, лорианцы с успехом соблюдали чистоту окружающей среды и экологическое равновесие. Каждый занимался любимой творческой работой, в то время как весь тяжелый труд выполняли саморегулирующиеся механизмы.

В столице Атисс - гигантском городе с фантастически красивыми зданиями, башнями, дворцами - было все: базары, рестораны, парки, величественные скульптуры, кладбища, аттракционы, пирожковые, песочницы, даже прозрачная река. Все, что ни назови. И все бесплатно, включая пищу, одежду, жилье и развлечения. Каждый брал, что хотел, и отдавал, что хотел, и каким-то образом это уравновешивалось. Поэтому на Лорисе обходились без денег, а при отсутствии денег отпадала нужда в банках, казначействах и хранилищах. Даже замки не требовались: все двери на Лорисе открывались и закрывались по обыкновенному мысленному приказу.

В политическом отношении правительство отражало единый коллективный разум лорианцев. И коллективный этот разум был спокойным, мудрым, благим. Между желаниями общественности и действиями правительства не существовало расхождений, не возникало задержек.

Более того, чем внимательнее Джонни всматривался, тем больше ему казалось, что Лорис вовсе не имел никакого правительства. Пожалуй, ближе всех к образу правителя подходил некто Веерх, руководитель Бюро Проектирования Будущего. А Веерх никогда не отдавал распоряжений - лишь время от времени выпускал экономические, социальные и научные прогнозы.

Безик узнал все это за несколько дней. Ему помогал специально назначенный гид по имени Хелмис, ровесник Джонни. Поскольку он обладал умом, терпимостью, сметкой, добротой, неисчерпаемым юмором, самокритичностью и прозорливостью, то Джонни его на дух не выносил.

Размышляя на досуге в роскошном номере гостиницы, Джонни понял, что лорианцы настолько близки к воплощению человеческих идеалов безупречности, насколько можно ожидать. Казалось, что они олицетворяют абсолютно все достоинства. Но это никак не противоречило стандартному земному кошмару. Своенравные земляне попросту не желают плясать под дудку инопланетян, даже самых добродетельных, даже ради благополучия самой Земли.

Безик ясно видел, что лорианцы не любят лезть на рожон:

они домоседы, не домогаются ничьих территорий, не хотят никого покорять, и само понятие "экспансия" им чуждо. Но, с другой стороны, они не могли не сообразить, что если не предпринять что-нибудь по отношению к Земле, то уж она точно предпримет что- нибудь по отношению к ним и из кожи вон вылезет, пытаясь это сделать.

Возможно, правда, что никаких трудностей не возникнет вовсе. Возможно, у народа столь мудрого, доверчивого и миролюбивого, как лорианцы, и в помине нет никакого оружия.

Но на следующий день, когда Хелмис предложил осмотреть Космический флот Древней Династии, Безик убедился в беспочвенности своих надежд.

Флоту было тысяча лет, и все семьдесят кораблей работали, как отлаженные часы.

- Тормиш, последний правитель Древней Династии, намеревался завоевать все обитаемые планеты, - пояснил Хелмис. - К счастью, наш народ созрел прежде, чем успел начать исполнение своего замысла.

- Но корабли вы сохранили, - заметил Джонни.

Хелмис пожал плечами.

- Это памятник нашей прошлой безрассудности. Ну и, по правде сказать, если на нас вдруг все-таки нападут... попробуем отбиться.

- Думаю, небезуспешно, - промолвил Джонни. Он прикинул, что один такой корабль запросто справится со всем, что Земля сможет вынести в космос в ближайшие два столетия.

Такова была жизнь на Лорисе - точь-в-точь какой ей следовало быть по сценарию стандартного кошмара. Слишком хороша для правды. Идеальна. Ужасающе, отвратительно идеальна.

Но уж так ли она безупречна? Джонни в полной мере обладал свойственной землянам верой в то, что на каждое достоинство есть соответствующий порок. Сию мысль он обычно выражал следующим образом: "Где-то здесь должна быть лазейка". Даже в раю господнем дела не могут идти гладко.

Безик наблюдал, критически взвешивал, сопоставлял. У лорианцев была полиция. Их называли "наставниками", и вели они себя чрезвычайно вежливо. Но, по существу, были полицейскими. Это указывало на существование преступников.

Хелмис развеял выводы Джонни.

- У нас, разумеется, есть отдельные случаи генетических отклонений от нормы, но вовсе нет преступного мира. Наставники занимаются, скорей, образованием, чем отправлением закона. Любой гражданин вправе поинтересоваться мнением наставника по каким-либо нюансам личного поведения. А уж если он ненароком нарушит закон, наставник на это укажет.

- А потом арестует?

- Нет! Гражданин извинится, и инцидент будет исчерпан.

- Но что, если гражданин нарушает закон снова и снова? - Как тогда поступают наставники?

- Такого никогда не бывает.

- И все-таки?

- Наставники способны действовать эффективно при любых обстоятельствах.

- Больно они хлипкие, - сомнительно пробормотал Джонни.

Что-то мешало ему убедиться в правоте слов Хелмиса до конца. Скорее всего, он просто не мог позволить себя убедить. И все же... Дела на Лорисе шли. Шли потрясающе здорово. Они не шли потрясающе здорово только у Джонни Безика. Это потому, что он был землянином - иными словами,

неуравновешенным дикарем. А еще потому, что Джонни с каждым днем становился все более мрачным и свирепым.

Кругом царили радость и совершенство. Наставники вели себя, как скромные деликатные девушки. На дорогах никогда не было пробок, никто не портил друг другу нервы. Миллионы автоматических систем доставляли в город жизненно важные продукты и возили отходы. Люди блаженствовали, наслаждались общением с окружающими и занимались искусством.

И все так благоразумны! Так дружелюбны! Так доброжелательны! Так красивы и умны!

Да, это был настоящий рай. Даже Джонни Безик не мог не признать этого. Его и без того дурное настроение портилось все больше и больше. Вам, вероятно, трудно это понять - если вы сами, случайно, не с Земли.

Оставьте такого, как Джонни, в месте подобном Лорису, и потом не расхлебаете неприятностей. Почти две недели Джонни держал себя в руках. Затем в один прекрасный день, сидя за рулем (автомобиль был на ручном управлении), он сделал левый поворот, не подав сигнала.

Машина сзади как раз увеличила скорость, собираясь обходить слева. Резкий поворот Джонни едва не привел к столкновению. Машины завертелись и остановились нос к носу. Джонни и другой водитель вылезли.

- Ну и ну, дружище!... - весело сказал водитель. - Мы едва не треснулись.

- Какое там треснулись, к чертовой матери! - рявкнул Джонни. - Ты меня подрезал.

Водитель доброжелательно рассмеялся.

- По-моему, нет. Хотя, разумеется, я признаю возможность...

- Послушай, - перебил Джонни. - Из-за твоей проклятой невнимательности мы оба могли отправится на тот свет.

- Но вы, безусловно, находились впереди, а делать внезапный поворот...

Джонни резко подался вперед и угрожающе прорычал:

- Не городи чепухи, парень. Сколько раз повторять, что ты неправ?!

Водитель опять рассмеялся, пожалуй, с некоторой нервозностью.

- Я предлагаю вопрос виновности вынести на суд свидетелей, - кротко произнес он. - Убежден, что все эти стоящие здесь люди...

Джонни покачал головой. - Мне не нужны никакие свидетели, - заявил он. - Я знаю, что произошло. Я знаю, что виноват ты.

- Похоже, вы совершенно уверены...

- Еще бы я не был уверен! - возмутился Джонни. - Я уверен, потому, что я знаю.

- Что ж, в таком случае...

- Ну?

- В таком случае, - молвил водитель, - мне остается лишь извиниться.

- Да уж, по меньшей мере, сказал Джонни, величаво прошел к машине и умчался на недозволенной скорости.

После этого Безик почувствовал некоторое облегчение, но стал еще более непокорным и упрямым. Он был сыт по горло превосходством лорианцев, его тошнило от их рассудительности, от их добродетелей.

Он вернулся в номер с двумя бутылками бренди, выпускавшегося в медицинских целях, пил и предавался мрачным раздумьям. Пришел советник по этике и указал, что поведение

Джонни было вызывающим, невежливым и диким. Он изложил все в очень тактичной форме.

Джонни посоветовал ему убраться восвояси. Нельзя сказать, что Безик был особенно безрассуден - для землянинина. Оставь его в покое, дня через два он наверняка почувствовал бы раскаяние. Советник продолжал выговаривать. Он рекомендовал лечение: Джонни чересчур подвержен злости и агрессивному настроению, он являет угрозу для граждан.

Джонни велел советнику сгинуть. Советник отказался сгинуть и оставить проблему неразрешенной. Джонни разрешил проблему, вытолкав его за дверь.

Потрясенный советник поднялся на ноги и из-за двери поставил Джонни в известность, что до выяснения обстоятельств дела ему придется смириться с изоляцией.

- Только попробуйте, - многообещающе заявил Джонни.

- Вы не беспокойтесь, - обнадежил советник. - Это недолго и не будет связано с неприятными ощущениями. Мы осознаем культурные различия между нами. Но мы не можем допустить неконтролируемое и необоснованное насилие.

- Если вы не станете меня заводить, я не выйду из себя, - сказал Джонни. - Главное, не ерепеньтесь и не вздумайте меня запирать.

- Наши правила абсолютно ясны. Скоро сюда придет наставник. Я предлагаю вам о ним не спорить.

- Похоже, вы напрашиваетесь на неприятности, - заметил Джонни. - Ладно, малыш. Делайте что считаете нужным. И я буду делать, что считаю нужным.

Советник удалился. Джонни пил и размышлял. Пришел наставник. Как официальный представитель закона, наставник ожидал от Джонни беспрекословного повиновения. Когда Джонни отказался, он был ошеломлен. Так не положено! Наставник ушел за новыми указаниями.

Джонни продолжал пить. Через час наставник вернулся ж сообщил, что он наделен полномочиями увести Джонни силой, если потребуется.

- Это правда? - спросил Джонни.

- Да, так что не принуждайте меня...

Джонни вышвырнул его, тем самым избавив от необходимости применить силу.

Безик покинул номер на не совсем твердых ногах. Он знал, что нападение на наставника - тяжелый проступок. Так просто ему не выкрутиться. Он решил вернуться на корабль и убраться подобру-поздорову. Они, конечно, могут помешать взлету или уничтожить его в воздухе, но вряд ли станут утруждать себя. Они наверняка будут только рады избавиться от него.

Безик достиг корабля без приключений. Вокруг суетились два десятка рабочих. Он сказал мастеру, что хочет немедленно взлететь. Тот был чрезвычайно расстроен, что не может услужить. Двигатель разобран, его прочищают и модернизируют - скромный дружеский дар лорианского народа.

- Дайте нам еще пять дней, и у вас будет самый быстрый корабль к западу от Ориона, - пообещал мастер.

- Чертовски мне это пригодится, прорычал Джонни. - Послушайте, я страшно спешу. Не могли бы вы поставить двигатель поскорее?

- Работая круглосуточно и без перерывов на обед, мы постараемся управиться за три с половиной дня.

- Просто великолепно, - выдавил Джонни. - Кто велел вам трогать мой корабль?

Мастер принес извинения. Джонни взбесился еще больше.

Очередной акт бессмысленного насилия был предотвращен прибытием четырех наставников.

Безик оторвался от преследования в лабиринте извивающихся улочек, заблудился сам. Над ним возвышалась аркада. Сзади появились два наставника. Безик побежал по узким каменным коридорам. Вскоре путь его преградила закрытая дверь.

Он приказал ей открыться. Дверь оставалась закрытой - очевидно, по указанию наставников. В ярости Безик повторил приказ. Мысленная команда была настолько сильна, что дверь с грохотом распахнулась, как и все двери в непосредственном окружении. Джонни убежал от наставников и остановился перевести дыхание на замшелой мостовой.

Долго так продолжаться не может. Необходимо разработать план. Но какой план способен выручить одного землянина, преследуемого целой планетой лорианцев? Шансы слишком не равны, даже для конкистадора, каковым по духу был Джонни.

И вдруг, совершенно самостоятельно, Джонни родил идею, которую использовал Кортес и которая спасла шкуру Писарро. Он решил найти здешнего правителя и пригрозить ему смертью, если его люди не успокоятся и не прислушаются к голосу разума.

У плана был только один изъян - этот народ не имел правителя. Самая нечеловеческая черта лорианцев.

Тем не менее, у них было несколько важных чиновников. Например, Веерх. Конечно, подобную шишку положено охранять. Однако обитатели сумасшедшего дома под названием Лорис, наверное, попросту не додумались до этого.

Дружелюбный прохожий сообщил ему адрес. До Бюро Проектирования Будущего оставалось четыре квартала, когда Безика остановил отряд из двадцати наставников.

Они неуверенно потребовали, чтобы он сдавался. Джонни пришло в голову, что, хотя в аресте людей заключается смысл их работы, производить им его приходилось наверняка впервые. В первую очередь, это были миролюбивые, рассудительные граждане, и лишь во вторую - полицейские.

- Кого вы хотите арестовать? - спросил он.

- Чужеземца по имени Джонни Безик, - ответил старший наставник.

- Я рад это слышать, - сказал Джонни. - Он причинил мне немало неприятностей.

- Но разве вы не...

Джонни рассмеялся.

- Не я ли тот опасный чужеземец? Мне жаль вас разочаровывать, но вынужден ответить отрицательно. Я знаю, однако о нашем сходстве.

Наставники стали обсуждать создавшееся положение.

Джонни продолжал:

- Послушайте, друзья, я родился вот в этом доме. Меня могут опознать двадцать человек, включая жену и четырех детей. Какие вам нужны еще доказательства?

Наставники снова засовещались.

- Более того, - не унимался Джонни, - неужели вы искренне полагаете, что я опасный и неудержимый преступник? По-моему здравый смысл должен подсказать вам...

Старший наставник извинился.

Джонни продолжал путь. От цели его отделял всего квартал, когда появилась новая группа наставников в сопровождении его бывшего гида, Хелмиса.

Они призвали Джонни сдаваться.

- У меня нет времени, - заявил Безик. - Ваши приказы отменены. Я уполномочен сейчас же открыть свою истинную

личность.
- Мы знаем вашу истинную личность, - сказал Хелмис.
- Если б вы знали мне не пришлось бы ее открывать, не так ли? Слушайте внимательно. Я лорианец, много лет назад обученный агрессивности для особого задания. Это задание теперь выполнено. Я вернулся - как планировалось - и провел несколько простейших тестов с целью проверки психологической атмосферы на Лорисе. Вам известны результаты. Они удручающи, с точки зрения выживания расы. Я обязан немедленно обсудить эту проблему и другие высокие материи с Главным Проектировщиком Бюро Проектирования Будущего. Могу сообщить вам совершенно конфиденциально, что наше положение крайне серьезно и не оставляет времени на раздумья.
Сбитые с толку наставники попросили Джонни подтвердить свое заявление.
- Я же сказал, что дело не терпит промедления. С удовольствием все подтвердил бы - если бы было время.
- Сэр, без приказа мы не можем позволить вам уйти.
- В таком случае, вероятная гибель нашей планеты лежит на вашей совести.
- Какое у вас звание, сэр? - спросил офицер наставник.
- Выше, чем у вас, - быстро ответил Джонни.
Офицер пришел к решению.
- Что прикажете, сэр?
Джонни улыбнулся.
- Сохраняйте спокойствие. Пресеките панику. Ждите дальнейших указаний.
Безик уверенно продолжал свой путь. Он достиг двери Бюро и приказал ей открыться. Дверь открылась. Он собирался пройти...
- Поднимите руки и отойдите от двери! - раздался жесткий голос сзади.
Безик обернулся и увидел группу из десяти наставников. Все десять были одеты в черное и держали оружие.
- Мы имеем право стрелять, - предупредил один из них. - Не пытайтесь нас обмануть. Нам приказано не обращать внимания на ваши слова и любой ценой произвести арест.
- Не имеет смысла убеждать вас, да?
- Никакого. Идите.
- Куда?
- Специально для вас мы открыли одну из древних тюрем. Вам будут созданы все условия. Судья займется вашим делом, учитывая инородство и низкий уровень вашей культуры. Вы, безусловно, получите предупреждение и покините Лорис.
- Это вовсе не плохо. Я в самом деле отделаюсь так легко?
- Нас в этом заверили, - сказал наставник. - Мы разумные и сострадательные люди. Ваше доблестное сопротивление высоко оценено.
- Благодарю.
- Но теперь с этим покончено. Вы пойдете с нами по доброй воле?
- Нет.
- Простите, не понимаю.
- Вы много чего не понимаете обо мне и землянах. Я намерен войти в эту дверь.
- Если попытаетесь, мы будем стрелять.
Существует единственный безошибочный способ отличить тип истинного конкистадора, настоящего берсеркера, искреннего камикадзе или крестоносца от обычных людей. Обычно люди, столкнувшись с невероятной ситуацией, склонны к компромиссу,

к выжиданию более благоприятных условий для схватки. Но только не Писарро, не Готфрид Бульонский, не Гарольд Гардрадас, не Джонни Безик. Они одарены великой глупостью. Или великой храбростью. Или и тем, и другим вместе.

- Ладно, сказал Джонни. - Стреляйте, черт с вами. И вошел в дверь. Наставники не стреляли. Идя по коридорам Бюро Проектирования Будущего, Джонни слышал, как они спорили за его спиной.

Вскоре он оказался лицом к лицу с Веерхом, Главным Проектировщиком. Веерх был спокойным маленьким человечком с лицом престарелого эльфа.

- Здравствуйте, - сказал Главный Проектировщик. - Садитесь. Я закончил прогноз взаимоотношений между Землей и Лорисом.

- Оставьте его при себе, - посоветовал Джонни. - У меня есть парочка незатейливых просьб, которые, я уверен, вы с радостью выполните. Иначе...

- Полагаю, вам было бы интересно, - перебил Веерх, - что мы экстраполировали черты вашего народа и сравнили с нашими. Похоже, между нами неминуемо произойдет столкновение в борьбе за господство. Инициаторами, естественно, явитесь вы. Вы, земляне, попросту не успокоитесь, пока не выясните, кто здесь главный. Исход неизбежен, учитывая уровень вашего развития.

- Чтобы прийти к такому же выводу, мне не потребовались ни высокий пост, ни причудливый титул, - сказал Джонни. - Теперь слушайте...

- Я не закончил. С точки зрения развития техники, у вас нет ни единого шанса. Мы можем в два счета уничтожить любой ваш флот.

- Выходит, вам не о чем беспокоиться,

- Но техника не имеет такого значения, как психология. Вы, земляне, достаточно развиты и не будете бросаться на нас в лоб. Пойдут переговоры, угрозы, нарушения, снова переговоры, нападения, объяснения, вторжения, битвы и тому подобное. Мы не в состоянии делать вид, будто вас не существует, и отказываться сотрудничать с вами, желая найти более разумное и справедливое решение. Это также невозможно для нас, как для вас оставить нас в покое. Мы - прямые, безмятежные и честные люди. Ваш же народ агрессивен, неуравновешен и способен на поразительное коварство. Учитывая все обстоятельства, мы психологически не можем вам противостоять.

- Гмм, проклятье! - произнес Джонни. - Чертовски странно слышать такие слова. Наверное, глупо с моей стороны давать советы, но посудите сами, если вы все это сами понимаете, почему бы вам не приспособиться? Заставить себя стать такими, какими вам необходимо сейчас стать?

- Как вы? - спросил Веерх.

- Нет, я не смог приспособиться. Но я же в подметки не гожусь вам, лорианцам.

- Ум тут не причем, - сказал Главный Проектировщик. - Никто не может мгновенно изменить свою культуру по собственному желанию. Но, положим, нам удастся переделать себя. Мы станем такими же, как вы. По правде говоря, нам это не понравится.

- Не могу вас винить, - признался Джонни.

- Предположим даже, совершится чудо, и наш народ станет воинственным, - все равно мы не сможем за несколько лет достичь уровня, к которому вы шли тысячелетия по пути агрессивного развития. Несмотря на превосходство в

вооружении, мы, по всей вероятности, потерпим поражение, играя в вашу игру вашими же правилами.

Джонни моргнул. Он и сам об этом думал. Лорианцы просто чересчур наивны. Не составит труда, прикрываясь какими-нибудь мирными переговорами, внезапно захватить один из их кораблей. Может быть, два или три. Потом...

- Я вижу, вы пришли к такому же заключению, - заметив Веерх.

- Боюсь, вы правы, - сказал Джонни. - Мы действительно рвемся к первенству куда более рьяно, чем вы. Лорианцы слишком честные и милые люди, и будут играть по правилам, даже если дело пойдет о жизни и смерти. А мы, земляне, ни с чем не церемонимся и ради победы не побрезгуем ничем.

- Таковы результаты нашей экстраполяции, - заключил Веерх. - Так что мы решили просто-напросто сэкономить время и сейчас же сделать вас нашим главой.

- Что!?

- Мы хотим, чтобы вы нами правили.

- Лично я?

- Да. Лично вы.

- Это, конечно, шутка, - пробормотал Джонни.

- Тут совершенно не до шуток, - твердо сказал Веерх. - И мы, лорианцы, никогда не лжем. Я сообщил вам наш прогноз. Самое разумное - избавить себя от болезненных усилий и лишений и немедленно принять неизбежное. Вы согласны править нами?

- Чертовски лестное предложение, проговорил Джонни. - Я вряд ли подхожу... Но какого дьявола? Тут вообще никто не подойдет... Ладно, придется заняться вашей планетой. Я буду милостивым правителем, потому что вы мне по душе.

- Благодарим вас, - сказал Веерх. - Вы убедились, что управлять нами легко, пока вы не требуете психологически невыполнимого. Но вот ваши соотечественники могут оказаться не такими покладистыми. Им это не понравится.

- Мягко говоря... - иронично усмехнулся Джонни. - Правительства Земли не знали такого потрясения за всю историю. Они в лепешку расшибутся, чтобы сместить меня и поставить одного из своих парней. Но ведь вы, лорианцы, меня поддержите?

- Вам известна наша натура! Мы не станем драться за вас, как не станем драться за себя. Мы будем подчиняться наделенному властью лицу.

- Пожалуй, большего ожидать нельзя, - произнес Джонни. - Мне видятся определенные сложности... Надо, вероятно, посоветоваться, создать организацию, прощупать обстановку в конгрессе...

Джонни замолчал.

- Нет, что-то не так... Я не до конца логичен. Дело сложнее, чем мне казалось. Я не все продумал.

- К сожалению, бессилен вам помочь, - сказал Главный Проектировщик. - Должен признаться, тут я ничего не понимаю.

Джонни нахмурился. Потер лоб. Почесал голову. Потом проговорил.

- Да... Что ж, мне ясно, что делать. А вам?

- Я полагаю, есть много разумных путей.

- Только один, отчеканил Джонни. Рано или поздно, но я должен завоевать Землю. Иначе они завоюют меня. То есть, нас. Разве не очевидно?

- Весьма вероятное предположение.

- Это сущая правда! Или я или они.

После некоторого молчания Джонни продолжил:
- Мне такое и привидеться не могло. Меньше чем за две недели - от простого космонавта до императора могущественной планеты. А теперь мне предстоит покорить Землю, и к этой мысли я еще не привык. Впрочем, им будет только лучше. Мы принесем цивилизацию этим обезьянам, научим их, как надо жить. Пройдет время, и они нас возблагодарят.
- У вас есть приказания для меня? - спросил Веерх.
- Я желаю получить все сведения о флоте Древней Династии. Но раньше, пожалуй, надо провести коронацию. Нет, сперва референдум, провозглашающий меня императором, а потом коронацию. Вы сможете все устроить?
- Я приступаю немедленно, - сказал Главный Проектировщик.
Так разразился, наконец, тот самый стандартный земной кошмар. Высокоразвитая инопланетная цивилизация вознамерилась насадить на Земле свою культуру. На Лорисе - иная ситуация. Лорианцы, прежде беззащитные, обрели воинственного командира и вскоре подыщут наемников для космического флота, что не сулит Земле ничего хорошего, но вовсе не вредит Лорису.
Это, разумеется, неизбежно. Ибо лорианцы развиты и разумны. А в чем же цель истинного разума, как не в том, чтобы овладеть истинно желаемым, а не принимать за него ошибочно обыкновенную тень...

Роберт Шекли
Человек по Платону

Перевод Н. Гуровой

Благополучно посадив корабль на Регул-V, члены экспедиции разбили лагерь и включили ГР-22-0134, своего граничного робота, которого они называли Максом. Робот этот приводился в действие голосом и представлял собой двуногий механизм, предназначенный для охраны лагеря от вторжения неземлян в случае, если экспедиции где-нибудь придется столкнуться с неземлянами. Первоначально в строгом согласии с инструкцией Макс был серо-стального цвета, но во время бесконечного полета его покрасили нежно-голубой краской. Высота Макса равнялась одному метру двадцати сантиметрам, и члены экспедиции постепенно уверовали, что он - добрый, разумный металлический человек, железный гномик, нечто вроде миниатюрного Железного Дровосека из "Волшебника Изумрудного города".
Разумеется, они заблуждались. Их робот не обладал ни одним из тех качеств, которые они ему приписывали. ГР-22-0134 был не разумнее жнейки и не добрее автоматической расточной линии. В нравственном отношении его можно было сравнивать с турбиной или радиоприемником, но никак не с человеком.
Маленький нежно-голубой Макс с красными глазами безостановочно двигался по невидимой границе лагеря, включив свои. электронные органы чувств на максимальную мощность. Капитан Битти и лейтенант Джеймс отправились на реактивном вертолете обследовать планету и должны были отсутствовать около недели. Лейтенант Холлорен остался в лагере охранять

оборудование.
Холлорен был коренастым крепышом с бочкообразной грудью и кривыми ногами. Он был веселым, веснушчатым, закаленным, находчивым человеком и большим любителем соленых выражений. Позавтракав, он провел сеанс связи с вертолетом, потом раскрыл шезлонг и уселся полюбоваться пейзажем.
Регул-V - прелестное место, если вы питаете страсть к унылым пустыням. Вокруг лагеря во все стороны простиралась раскаленная равнина, состоявшая из песка, застывшей лавы и скал. Кое-где кружили птицы, похожие на воробьев, а иногда пробегали животные, напоминавшие койотов. Между скалами там и сям торчали тощие кактусы.
Холлорен встал с шезлонга:
- Макс, я пойду прогуляюсь. В мое отсутствие ты остаешься в лагере за главного. Робот прервал обход.
- Слушаюсь, сэр. Я остаюсь за главного.
- Не допускай сюда никаких инопланетян, особенно двухголовых с коленями навыворот.
- Я учту ваше указание, сэр, - когда речь шла об инопланетянах, Макс утрачивал чувство юмора. - Вы знаете пароль, мистер Холлорен?
- Знаю, Макс. А ты?
- Мне он известен, сэр.
- Отлично. Ну, бывай.
И Холлорен покинул пределы лагеря.
Побродив часок по очаровательным окрестностям и не обнаружив ничего интересного, Холлорен направился обратно к лагерю. Он с удовольствием отметил про себя, что ГР-22-0134 совершает свой бесконечный обход границы лагеря. Это означало, что там все в порядке.
- Эгей, Макс! - крикнул он. - Писем для меня не поступало?
- Стой!!! - скомандовал робот. - Пароль!!
- Не валяй дурака. Макс. Мне сейчас не...
- СТОЙ!!! - загремел робот, когда Холлорен собрался было переступить границу.
Холлорен остановился как вкопанный. Фотоэлектрические глаза Макса вспыхнули, и негромкий двойной щелчок возвестил, что он привел в боевую готовность оружие малого калибра. Холлорен решил действовать осторожнее.
- Я стою. Моя фамилия Холлорен. Ну как, все в порядке, Макс?
- Пожалуйста, назовите пароль.
- "Колокольчики", - ответил Холлорен. - Ну, а теперь с твоего разрешения...
- Не пересекайте границы, - предупредил робот. - Пароль неверен.
- Как бы не так! Я же сам тебе его давал.
- Это прежний пароль.
- Прежний? Да ты лишился своего электронного рассудка! - воскликнул Холлорен. - "Колокольчики" - единственный верный пароль, и никакого нового пароля у тебя быть не может, так как...
Разве что...
- Робот терпеливо ждал, пока Холлорен взвешивал эту неприятную мысль и, наконец, высказал ее вслух:
- Разве что капитан Битти дал тебе новый пароль перед отлетом. Так оно и было?
- Да, - ответил робот.
- Мне следовало бы это сообразить, - сказал Холлорен, но он был раздосадован. Такие промашки случались и прежде, но

в лагере всегда был кто-нибудь, кто помогал исправить положение.

Впрочем, оснований для тревоги не было. Если подумать хорошенько, ситуация складывалась довольно занятная. И найти выход ничего не стоило. Достаточно было немного поразмыслить.

Холлорен, разумеется, исходил из того, что ГР-22-0134 способны хотя бы немного поразмыслить.

- Макс, - начал Холлорен. - Я понимаю, как это произошло. Капитан Битти дал тебе новый пароль, но не сказал мне об этом. А я затем усугубил допущенный им промах, не проверив, как обстоит дело с паролем, прежде чем вышел за границу лагеря. Робот ничего не сказал, и Холлорен продолжал:

- В любом случае эту ошибку легко поправить.

- Искренне надеюсь, что это так, - ответил робот.

- Ну конечно же, - заявил Холлорен без прежней уверенности. - И капитан, и я, давая тебе новый пароль, всегда следуем определенным правилам. Сообщив пароль тебе, он тут же сообщает его мне устно, но на всякий непредвиденный случай - вроде того, что произошел сейчас, - он его записывает.

- Разве? - спросил робот.

- Да-да, - ответил Холлорен. - Всегда. Неукоснительно. И значит, в этот раз тоже. Ты видишь палатку позади себя?

- Робот навел один глаз на палатку, не спуская второго с Холлорена.

- Да, я ее вижу.

- Отлично. В палатке стоит стол. На столе лежит серый металлический зажим.

- Правильно, - сказал Макс.

- Превосходно. В зажиме помещен лист бумаги. На нем записаны наиболее важные данные: частота, на которой подается сигнал бедствия, и тому подобное. В верхнем углу листка, обведенный красным кружком, написан текущий пароль.

Робот выдвинул свой глаз, сфокусировал его, затем вернул в обычное положение и сказал Холлорену:

- Все, что вы сказали, совершенно верно, но никакого отношения к делу не имеет. Мне нужно, чтобы вы знали пароль, а не то, где он находится. Если вы можете назвать пароль, я должен впустить вас в лагерь. Если вы его не знаете, я не должен вас туда пускать.

- Это же идиотизм! - закричал Холлорен. - Макс, педантичный ты болван! Это же я, Холлорен! И ты прекрасно это знаешь! Ведь мы все время были вместе с того самого дня, когда тебя включили! Так будь добр, перестань изображать Горация на мосту и впусти меня в лагерь.

- Ваше сходство с мистером Холлореном действительно фантастично, - признал робот. - Но у меня нет ни приборов, ни права, чтобы идентифицировать вашу личность, и мне не разрешается действовать на основании только моих восприятии. Единственное приемлемое для меня доказательство - это пароль.

- Холлорен подавил ярость и сказал нормальным тоном:

- Макс, старина, похоже, что ты намекаешь, будто я - инопланетянин.

- Поскольку вы не называете пароля, - ответил Макс, - я обязан исходить именно из этой предпосылки.

- Макс, - закричал Холлорен, делая шаг вперед, - Во имя всего святого!

- Не подходите к границе, - сказал робот. Его глаза

пылали. - Кем бы и чем бы вы ни были - назад!

- Ладно-ладно, я отойду, - быстро сказал Холлорен. - Не нервничай.

Он отошел от границы и подождал, пока глаза робота не погасли. Потом сел на камень. Ему нужно было серьезно подумать.

Была уже почти середина тысячечасового регулийского дня. Двойное солнце стояло в самом зените - два белых пятна в тускло-белом небе. Они медленно плыли над темным гранитным ландшафтом, сжигая все, на что падали их лучи.

Изредка в сухом раскаленном воздухе устало пролетала птица. Небольшие зверьки быстро шмыгали из одной тени в другую. Животное, похожее на россомаху, грызло колышек палатки, но маленький голубой робот не обращал на него ни малейшего внимания. Человек сидел на камне и смотрел на робота.

Холлорен, которого уже начинала мучить жажда, попытался проанализировать свое положение и найти выход.

Ему хотелось пить. Скоро вода станет для него насущной необходимостью. А затем он умрет из-за отсутствия воды.

Нигде вокруг не было пригодной для питья воды, кроме как в лагере.

Воды в лагере было много, но пройти к ней, минуя робота, он не мог.

По расписанию Битти и Джеймс выйдут на связь с ним через три дня, но если он не ответит, это их вряд ли встревожит - короткие волны капризничают даже на Земле. Еще одну попытку они сделают вечером, а потом на следующее утро. Не получив ответа и тогда, они вернутся в лагерь.

Итак, на это потребуется четыре земных дня. А сколько он сможет протянуть без воды?

Ответ зависел от скорости, с которой его организм теряет воду. Когда общая потеря жидкости достигнет десяти-пятнадцати процентов его веса, он впадет в шоковое состояние. Это может произойти с катастрофической внезапностью. Известны случаи, когда кочевники-бедуины, оставшись без воды, погибали через сутки. Потерпевшие аварию автомобилисты на американском Юго-Западе, пытаясь выйти пешком из пустыни Бейкер или Мохаве, иногда не выдерживали и двенадцати часов.

Регул-V был знойным, как Калахари, а влажность на нем была меньше, чем в Долине Смерти. День на Регуле-У был равен почти тысяче земных часов. Сейчас был полдень, и впереди его ждало пятьсот часов непрекращающегося зноя без возможности укрыться в тени.

Сколько он сможет продержаться? Один земной день. По самому оптимистическому подсчету - не больше двух. Следовательно про Битти и Джеймса надо забыть. Ему необходимо добыть воду из лагеря, и как можно скорее. Значит, он должен придумать, как войти туда вопреки роботу.

Он решил пустить в ход логику.

- Макс, ты должен знать, что я, Холлорен, ушел из лагеря, и что я, Холлорен, вернулся через час, и что это я, Холлорен, стою сейчас перед тобой и не знаю пароля.

- Вероятность того, что ваше утверждение верно, весьма высока, - признал робот.

- Но в таком случае...

- Но я не могу действовать, исходя из вероятности или даже почти полной уверенности. В конце концов я был создан специально для того, чтобы иметь дело с инопланетянами, несмотря на весьма малую вероятность того, что я встречусь с

ними.
- Не можешь ли ты хотя бы принести мне канистру с водой?
- Нет, это значило бы нарушить приказ.
- Когда это тебе отдавали приказы насчет воды?

- Прямо мне их не отдавали. Но такой вывод проистекает из основных заложенных в меня инструкций. Мне нс полагается оказывать помощь или содействие инопланетянам.

После этого Холлорен произнес очень много слов очень быстро и очень громким голосом. Это были сугубо земные идиомы, однако Макс игнорировал эти определения, поскольку они были тенденциозными и бессодержательными. Некоторое время спустя инопланетянин, который называл себя Холлореном, скрылся из виду за кучей камней. Спустя несколько минут из-за кучи камней вышло, насвистывая, некое существо.

- Привет, Макс, - сказало существо.
- Привет, мистер Холлорен, - ответил робот.

Холлорен остановился в десяти шагах от границы.

- Ну, я побродил немножко, - сказал он, - но ничего интересного тут нет. В мое отсутствие что-нибудь произошло?
- Да, сэр, - ответил Макс. - В лагерь пытался проникнуть инопланетянин.

Холлорен поднял брови.

- Неужели?
- Да, сэр.
- И как же выглядел этот инопланетянин?
- Он выглядел очень похожим на вас, мистер Холлорен.
- Боже великий! - воскликнул Холлорен. - Так как же ты сообразил, что он - не я?
- А он пытался войти в лагерь, не сказав пароля. Этого подлинный мистер Холлорен, разумеется, не стал бы делать.
- Разумеется, - сказал Холлорен. - Отлично, Макси. Нам надо будет следить, не появится ли этот тип еще раз.
- Слушаюсь, сэр. Благодарю вас, сэр.

Холлорен небрежно кивнул. Он был доволен собой. Он сообразил, что Макс по самой своей конструкции должен будет рассматривать каждую встречу совершенно обособленно и действовать, исходя только из данных обстоятельств. Иначе и быть не могло, поскольку Максу не разрешалось рассуждать, опираясь на предыдущий опыт.

В сознании Макса были запрограммированы определенные предпосылки. Он исходил из того, что земляне всегда знают пароль. Он исходил из того, что инопланетяне никогда не знают пароля, но всегда пытаются проникнуть в лагерь. Поэтому существо, которое не пытается проникнуть в лагерь, тем самым должно быть свободно от инопланетянского навязчивого желания входить в лагерь, а потому его можно рассматривать как землянина до тех пор, пока не будет доказано обратное.

Холлорен решил, что это очень недурное логическое построение для человека, организм которого уже потерял несколько процентов жидкости, а потому можно было надеяться, что и остальная часть его плана окажется не менее удачной.

- Макс, - сказал он, - во время моих обследований местности я сделал одно довольно неприятное открытие.
- А именно, сэр?
- Я обнаружил, что мы разбили лагерь на краю разлома в коре этой планеты. Ошибки здесь быть не может.
- Нехорошо, сэр. А велик ли риск?
- Еще бы! А чем больше риск, тем больше работы. Нам с тобой, Макси, придется перенести весь лагерь на две мили к

западу. И немедленно. А потому бери канистры с водой и следуй за мной.

- Есть, сэр, - ответил Макс. - Как только вы смените меня с поста.

- Ладно, сменяю, - ответил Холлорсн. - Пошевеливайся.

- Не могу, - сказал робот. - Вы должны сменить меня с поста, назвав пароль и указав, что он отменяется. Тогда я перестану охранять данные границы.

- У нас нет времени на формальности, - сказал Холлорен сквозь зубы. - Новый пароль - "треска". Пошевеливайся, Макс. Я чувствую содрогания почвы

- Я ничего не чувствую.

- Еще бы ты чувствовал! - огрызнулся Холлорен. - Ты же всего только ГР-робот, а не землянин со специальной тренировкой и точно настроенным сенсорным аппаратом. Ах, черт, снова! Уж на этот-то раз ты его почувствовал?

- Да, кажется, почувствовал.

- Ну, так берись за дело.

- Мистер Холлорен, я не могу. Я физически неспособен покинуть свой пост, пока вы меня не смените. Прошу вас, сэр, смените меня.

- Не волнуйся так, - сказал Холлорен. - Пожалуй, мы не будем переносить лагерь.

- Но землетрясение...

- Я только что произвел новые расчеты. У нас гораздо больше времени, чем я предполагал сначала. Я схожу погляжу еще раз.

Холлорен скрылся за скалами, где робот не мог его видеть. Сердце его часто билось, а кровь, казалось, еле текла по жилам. Перед глазами плясали радужные пятна. Он поставил диагноз - легкий тепловой удар, и заставил себя посидеть неподвижно в небольшом кружке тени под скалой.

Медленно тянулись часы бесконечного дня. Бесформенное белое пятно двойного солнца сползло на дюйм ближе к горизонту. ГР-0134 бдительно охранял границы лагеря.

Поднялся ветер. Он достиг почти ураганной силы и начал швырять песок в немигающие глаза Макса. Робот неутомимо двигался по окружности. Ветер замер, и среди скал ярдах в двадцати от Макса появилась какая-то фигура. Кто-то следил за ним - Холлорен или инопланетянин? Макс не желал размышлять. Он охранял свою границу.

Маленький зверь, похожий на койота, опрометью выбежал из-за скал и зигзагом проскочил почти у самых ног Макса. Большая птица спикировала прямо на него. Раздался пронзительный визг, и брызги крови упали на одну из палаток. Птица тяжело взмыла в воздух, сжимая в когтях бьющееся тело.

Макс не обратил на это происшествие ни малейшего внимания. Он наблюдал за человекообразным существом, которое, пошатываясь, брело к нему со стороны скал. Существо остановилось.

- Добрый день, мистер Холлорен, - сразу же сказал Макс. - Боюсь, мне следует упомянуть, сэр, что у вас заметны явные признаки обезвоживания. Это состояние ведет к шоку, потере сознания и смерти, если не будут немедленно приняты необходимые меры.

- Заткнись, - сказал Холлорен хриплым голосом.

- Слушаюсь, мистер Холлорен.

- И перестань называть меня мистером Холлореном.

- Но почему, сэр?

- Потому что я не Холлорен. Я - инопланетянин.

- Неужели? - сказал робот.

- Или ты сомневаешься в моей правдивости?
- Ну, ваше ничем не подтверждаемое заявление...
- Неважно. Я дам тебе доказательство. Я не знаю пароля. Слышишь? Каких еще доказательств тебе надо?

Робот продолжал колебаться и Холлорен добавил:

- Мистер Холлорен велел мне напомнить тебе твои собственные основополагающие определения, в соответствии с которыми ты исполняешь свою работу, а именно: землянин - это разумное существо, которое знает пароль. Инопланетянин - это разумное существо, которое не знает пароля.
- Да, - с неохотой согласился робот. - Для меня все определяется знанием пароля. И все же я чувствую, что тут что-то не так. Предположим, вы мне лжете.
- Если я лгу, то отсюда следует, что я - землянин, который знает пароль, - объяснил Холлорен, - и опасности для лагеря нет. Но ты знаешь, что я не лгу, потому что тебе известно, что никакой землянин не станет лгать, когда речь идет о пароле.
- Но могу ли я исходить из такой предпосылки?
- А как же иначе? Ни один землянин не захочет выдать себя за инопланетянина, верно?
- Конечно, нет.
- А пароль - единственное точное различие между человеком и инопланетянином?
- Да.
- Следовательно, тезис можно считать доказанным.
- Но все-таки я не уверен, - сказал Макс, и Холлорен сообразил, что робот считает себя обязанным не доверять инопланетянину, даже если инопланетянин всего лишь пытается доказать, что он - инопланетянин.

Холлорен выждал, и через минуту Макс сказал:

- Хорошо, я согласен, что вы - инопланетянин. А потому я отказываюсь допустить вас в лагерь.
- Я и не прошу, чтобы ты меня туда допускал. Вопрос заключается в том, что я пленник Холлорена, а ты знаешь, что это означает.

Фотоэлектрические глаза робота быстро замигали.

- Я не знаю, что это означает.
- Это означает, объявил Холлорен, - что ты должен выполнять все приказы Холлорена, касающиеся меня. А он приказывает, чтобы ты задержал меня в пределах лагеря и не выпускал оттуда, пока он не отдаст другого распоряжения.
- Но мистер Холлорен знает, что я не могу впустить вас в лагерь! - вскричал Макс.
- Конечно. Но Холлорен приказывает, чтобы ты взял меня под стражу в лагере, а это совсем другое дело.
- Разве?
- Конечно. Ты же должен знать, что земляне всегда берут под стражу инопланетян, которые пытаются ворваться в их лагерь.
- Кажется, я что-то такое слышал, - сказал Макс. - Но все-таки впустить вас в лагерь я не могу. Зато я могу сторожить вас здесь, прямо перед лагерем.
- От этого мало толку, - угрюмо сказал Холлорен.
- Мне очень жаль, но ничего другого я предложить не в состоянии.
- Ну ладно, - ответил Холлорен, садясь на песок. - Следовательно я твой пленник.
- Да.
- Тогда дай мне воды напиться.
- Мне не разрешается...

- Черт побери, ты, несомненно, знаешь, что с пленными инопланетянами предписывается обращаться со всей вежливостью, положенной их рангу, а также снабжать их всем, что необходимо для жизни, в соответствии с Женевской конвенцией и прочими международными соглашениями.
- Да, я об этом слышал, - сказал Макс. - А какой у вас ранг?
- Джемисдар старшего разряда. Мой серийный номер - двенадцать миллионов двести семьдесят восемь тысяч ноль тридцать один, и мне требуется вода немедленно, потому что я без нее умру.
Макс задумался на секунду, а потом сказал:
- Я дам вам воды, но только после того, как напьется мистер Холлорен.
- Но ведь ее, наверное, хватит на нас обоих? - спросил Холлорен, пытаясь обязательно улыбнуться.
- Это должен решить мистер Холлорен, - твердо объявил Макс.
- Ну ладно, - сказал Холлорен, поднимаясь на ноги.
- Погодите! Остановитесь! Куда вы идете?
- Вон за те скалы, - ответил Холлорен. - Настал час моей полуденной молитвы, которую я должен творить в полном одиночестве.
- Но что если вы сбежите?
- Чего ради? - спросил Холлорен, удаляясь. - Холлорен просто поймает меня еще раз.
- Верно, верно, этот человек - гений, - пробормотал робот.
Прошло всего несколько минут. Внезапно из-за скал появился Холлорен.
- Мистер Холлорен? - спросил Макс.
- Да, это я, -весело ответил Холлорек. - Мой пленник прибыл сюда благополучно?
- Да, сэр. Он вон за теми скалами. Молится.
- Это ничего, - сказал Холлорен. - Вот что, Макс. Когда он оттуда выйдет, непременно напои его.
- С радостью. После того, как вы напьетесь, сэр.
- Черт, да я совершенно не хочу пить. Последитолько, чтобы этот бедняга инопланетянин получил свою воду.
- Я не могу, пока не увижу, что вы напились вдосталь. Состояние обезвоживания, о котором я упомянул, сэр, заметно усилилось. В любой момент у вас может наступить коллапс. Я требую, я умоляю вас, напейтесь.
- Ну ладно, хватит ворчать. Принеси мне канистру.
- Ах, сэр!
- А? Ну что еще?
- Вы знаете, что я не могу покинуть границу.
- Да почему же?
- Это противоречит инструкции. А кроме того за скалами - инопланетянин.
- Я посторожу за тебя, Макс, старина. А ты будь умницей и принеси воды.
- Вы очень добры, сэр, но я не могу этого допустить. Ведь я - робот ГР, сконструированный специально для охраны лагеря. Я не имею права возлагать эту ответственность ни на кого - даже на землянина или другого робота ГР до тех пор, пока они не назовут пароль и я не сменюсь с поста.
- Знаю, знаю, - пробормотал Холлорен. - С какой стороны ни возьмись, результат один.
Он с трудом поплелся к скалам.
- Что случилось? - спросил робот. - Что такого я

сказал?
Ответа не было.
- Мистер Холлорен? Джемисдар - инопланетянин?
Ответа по-прежнему не последовало. Макс продолжал охранять границы лагеря.
Холлорен был измучен. Горло саднило от пустых разговоров с глупым роботом, а все тело болело от бесчисленных ударов двойного солнца. Это был уже не солнечный ожог - Холлорен почернел, обгорел, превратился в жареного индюка. Боль, жажда и утомление вытеснили все остальные чувства, кроме злости. Он злился на себя за то, что попал в такое нелепое положение и не сумел предотвратить своей гибели ("Холлорен? Ах да, бедняга не знал пароля и умер от жажды всего в сотне шагов от воды и палаток. Печальный, нелепый конец...").
И теперь его поддерживала только злость. Только она заставляла его вновь взвешивать положение и искать возможности проникнуть в лагерь.
Он уже убедил робота, что он - землянин. Затем он убедил робота, что он - инопланетянин. Ни то, ни другое не помогло ему проникнуть в лагерь.
Что еще он может сделать?
Холлорен перекатился на спину и уставился в пылающее белое небо. В нем плавали черные точки. Галлюцинация? Нет, это кружили птицы. Они забыли про свою обычную добычу и ждали, чтобы он совсем обессилел - вот тогда они устроят настоящий пир...
Он заставил себя сесть. Теперь, сказал он себе, ты взвесишь все и найдешь зацепку.
С точки зрения Макса все разумные существа, знающие пароль - земляне. А все разумные существа, не знающиедароля, - инопланетяне.
Это означает...
На мгновение Холлорену показалось, что он нашел ключ к разгадке. Но ему было трудно сосредоточиться. Птицы спускались все ниже. Из-за скалы выскользнул койот и понюхал его ботинок.
Забудь все это. Сосредоточься. Превратись в логически мыслящий автомат.
В конце концов Макс глуп. Его сконструировали не для того, чтобы он разоблачал обманщиков, если не считать одной очень узкой области. Его критерии... архаичны, как в анекдоте о Платоне, который назвал человека двуногим существом без перьев, а Диоген ощипал петуха и заявил, что он точно соответствует этому определению, после чего Платон внес уточнение, добавив, что человек - это двуногое существо без перьев и с плоскими ногтями.
Но какое отношение все это имеет к Максу?
Холлорен яростно тряхнул головой, пытаясь сосредоточиться. Но перед ним по- прежнему вставал человек по Платону - шестифутовый петух без единого перышка на теле и с очень плоскими ногтями.
Макс уязвим. У него должно найтись слабое место. В отличие от Платона он не может вносить уточнения в свои определения. Он не в состоянии отойти от них, как в от всего того, что из них логически вытекает.
- Черт побери! - сказал Холлорен вслух. По-моему, я-таки нашел способ.
Он попытался обдумать его подробнее, но обнаружил, что на это у него уже нет сил. Оставалось только одно: попробовать, а там будь что будет.
- Макс, - сказал он шепотом, - вот идет ощипанный петух,

а вернее, нсощипанный петух. Сунь-ка это в свою космологию и прожуй хорошенько.

Он сам хорошенько не понимал, что, собственно, хочет сказать, но твердо знал, что сейчас сделает.

Капитан Битти и лейтенант Джеймс вернулись в лагерь в конце третьего земного дня. Холлорена они нашли без сознания. Это было следствием большого обезвоживания и солнечного удара. В бреду он кричал, что Платон пытался не пустить его в лагерь, и тогда Холлорен превратился в шестифутового петуха без плоских ногтей и тем посрамил ученого философа и его дружка робота.

Макс напоил его, завернул в мокрое одеяло и соорудил над ним светонепроницаемый тент из двух слоев пластика. Дня через два Холлорен должен был совсем оправиться.

Но перед тем, как потерять сознание, он успел написать на листке:

"Без пароля не мог вернуться. Сообщите, чтобы завод ввел в роботов ГР аварийный контур", Битти не мог добиться от Холлорена никакого толку, а потому стал расспрашивать Макса. Он узнал все подробности о том, как Холлорен ушел на разведку, и про многочисленных инопланетян, которые выглядели точно так же, как Холлорен, и о том, что говорили они и что говорил Холлорен. Это-то было понятно: Холлорен отчаянно искал способа проникнуть в лагерь.

- Но что произошло после этого? - спросил Битти. - Как он все-таки проник в лагерь?

- Он не "проник", - ответил Макс. - Он просто вдруг уже был там.

- Но как он прошел мимо тебя?

- Он не проходил. Это было бы невозможно. Просто мистер Холлорен был уже внутри лагеря.

- Я не понимаю, - сказал Битти.

- Говоря откровенно, сэр, я тоже не понимаю. Боюсь, что на ваш вопрос может ответить только сам мистер Холлорен.

- Ну, когда еще Холлорен начнет разговаривать! - сказал Битти. - Но если он нашел способ, наверное, и я сумею его найти.

Битти и Джеймс долго ломали голову над этой задачей, но так и не нашли ответа. Для этого они недостаточно отчаялись и недостаточно озлились, и мысли их шли совсем не по нужному пути. Чтобы понять, каким образом Холлорен проник в лагерь, необходимо было посмотреть на заключительные события глазами Макса.

Жара, ветер, птицы, скалы, солнца, песок. Я игнорирую все постороннее. Я охраняю границы лагеря от инопланетян.

Что-то приближается ко мне со стороны скал, из пустыни. Это большое существо, волосы свисают с его головы, оно бежит на четырех конечностях.

Я приказываю ему остановиться. Оно рычит на меня. Я снова приказываю остановиться, более резко, я включаю мое оружие, я угрожаю. Существо рычит и продолжает ползти к лагерю.

Я вспоминаю инструкции, чтобы спланировать дальнейшее поведение.

Я знаю, что люди и инопланетяне - это две категории разумных существ, характеризующиеся способностью мыслить, что подразумевает способность выражать мысли с помощью речи. Это способность неизменно пускается в ход, когда я приказываю остановиться.

Люди, когда у них спрашивают пароль, всегда отвечают правильно.

Инопланетяне, когда у них спрашивают пароль, всегда отвечают неправильно.

И инопланетяне, и люди, когда у них спрашивают пароль, всегда отвечают - правильно или неправильно.

Поскольку это всегда так, я должен сделать вывод, что любое существо, которое мне не отвечает, вообще неспособно отвечать и его можно игнорировать.

Птиц и пресмыкающихся можно игнорировать. Это большое животное, которое ползет мимо меня, тоже можно игнорировать. Я не обращаю внимания на это существо, но я включил все мои органы чувств на полную мощность, потому что мистер Холлорен где-то ходит по пустыне, а кроме того, там молится инопланетянин - джемисдар.

Но что это? Мистер Холлорен чудесным образом вернулся в лагерь, он стонет, страдая от обезвоживания и солнечного удара.

Животное, которое проползло мимо меня, исчезло бесследно, а джемисдар, по- видимому, все еще молится среди скал...

Роберт Шекли

Планета по смете

Перевод С. Васильевой

- Стало быть, Орин, это она и есть, а? - спросил Модели.

- Да, сэр, это она, - гордо улыбаясь, ответил Орин, стоящий слева от Модели. - Как вы ее находите, сэр?

Модели медленно повернулся и окинул оценивающим взглядом луг, горы, солнце, реку и лес. По его лицу ничего нельзя было прочесть.

- А ты, Бруксайд, как ее находишь ты? - спросил он.

Бруксайд дрожащим голосом произнес:

- Мне кажется, сэр, что мы с Орлином очень неплохо справились с этой работой. Право же, очень неплохо, если учесть, что это наш первый самостоятельный проект.

- И ты того же мнения, Орин? - поинтересовался Модели.

- Конечно, сэр, - ответил Орин.

Модели нагнулся и выдернул травинку. Понюхал ее и отбросил прочь. Он поковырял носком ботинка землю под ногами и какое-то время пристально разглядывал пламенеющее солнце. Потом он заговорил, тщательно взвешивая каждое слово:

- Я поражен, поражен до глубины души. Но самым неприятным образом. Я поручаю вам построить планету для одного из моих клиентов, а вы преподносите мне вот это! Вы и вправду считаете себя инженерами?

Оба ассистента точно язык проглотили. Они замерли, как мальчишки в ожидании розог.

- Инженеры! - продолжал Модели, вложив в это слово чуть ли не пуд презрения. - "Творчески одаренные и рационально мыслящие ученые, которые способны выстроить планету в любое время в любом месте" Хоть одному из вас знакома эта фраза?

- Так написано в типовой брошюре, - сказал Орин.

- Правильно, - подтвердил Модели.- А теперь скажите, можно ли вот это назвать образцом творческого и рационального подхода к инженерному искусству?

Оба молчали как убитые. Наконец Бруксайд выпалил:
- О да, сэр, по-моему, можно, сэр! Мы во всех деталях изучили условия контракта. Заказ был на планету типа 34Вс4 с некоторыми поправками. Ее мы и выстроили. Перед нами, конечно, только небольшой ее уголок. Тем не менее...
- Тем не менее для меня этого достаточно, чтобы понять, что вы тут наворотили, и дать соответствующую оценку, - заявил Модели. - Орин! Какой вы поставили отопительный прибор?
- Солнце типа 05, сэр, - ответил Орин. - Оно как нельзя лучше отвечало всем требованиям телосложения.
- Надо думать! Но вы были обязаны помнить, что эта планета строилась по заранее утвержденной смете. Если мы не будем сводить расходы до минимума, нам не видать прибыли как своих ушей. А самая значительная статья расхода - это отопительный прибор.
- Мы это знаем, сэр, - сказал Бруксайд. - И нам до смерти не хотелось ставить солнце типа 05 в однопланетную систему. Но обусловленная степень обогрева и радиации...
- Выходит, я так ничего и не вбил в ваши головы?! - взорвался Модели. - Этот тип звезды - чистое излишество. Эй, вы там...- он сделал знак рабочим. - Снимите ее.
Рабочие быстро притащили складную лестницу. Один из них укрепил ее вертикально, другой стал раскладывать; она удлинилась в десять раз, в сто раз, в миллион раз... Двое других рабочих помчались по лестнице вверх с той же скоростью, с какой она уходила в небо.
- Вы с ней поосторожнее! - крикнул им вслед Модели. - И не забудьте надеть перчатки! Об эту штуку можно обжечься!
Стоя на верхней перекладине лестницы, рабочие сняли с крючка звезду, свернули ее трубочкой и положили в обитую изнутри мягким коробку с надписью: "ЗВЕЗДА. ОБРАЩАТЬСЯ С ОСТОРОЖНОСТЬЮ".
Когда крышка коробки закрылась, воцарилась тьма.
- Вы все ополоумели, что ли?! - вскричал Модели. - Черт вас дери, да будет свет!
И сам собою стал свет.
- О'кэи, - сказал Модели.- Эту звезду типа 05 мы отправим обратно на склад. Для такой планеты сойдет звезда типа В 13.
- Но, сэр, - взволнованно пролепетал Орин, - она ведь недостаточно горячая.
- Знаю, - сказал Модели. - Вот тут-то вы и должны проявить свои творческие способности. Если установить звезду поближе к планете, тепла будет хоть отбавляй.
- Разумеется, сэр, - согласился Бруксайд. - Но ведь из-за нехватки пространства ее жесткое излучение не успеет рассеяться и не будет обезврежено. А такая интенсивная радиация может убить все будущее население этой планеты.
Медленно, отчеканивая каждое слово. Модели произнес:
- Не хочешь ли ты сказать, что звезды типа В13 опасны?
- О нет, вы меня не так поняли, сэр, - возразил Бруксайд. - Я имел в виду, что они, как все во вселенной, могут стать опасными, если при обращении с ними не соблюдать необходимых мер предосторожности.
- Это уже ближе к истине, - проворчал Модели.
- А в данном случае, - продолжал Бруксайд, - необходимая мера предосторожности заключается в постоянном ношении защитных свинцовых скафандров, весом фунтов в пятьдесят каждый. Но это непрактично, если принять во внимание, что представители расы, которая заселит планету, весят в среднем восемь фунтов.

- Нас это не касается, - отмахнулся Модели. - Не наше дело учить их жить. Я что, должен нести ответственность за их ушибы всякий раз, когда им вздумается споткнуться о какой-нибудь камень на выстроенной мною планете? К тому же им вовсе не обязательно носить свинцовые скафандры. За отдельную плату они могут купить у меня не предусмотренный сметой специальный экран, который блокирует жесткое излучение солнца.

Оба ассистента натянуто улыбнулись. Однако Орин осмелился робко возразить:

- Насколько мне известно, возможности этого племени в какой-то степени ограничены. Думаю, что Солнечный Экран им не по карману.

- Ну, если они не в состоянии приобрести его сейчас, разживутся на него попозже, - заметил Модели. - И кстати сказать, жесткое излучение убивает не сразу. Даже при такой степени радиации продолжительность их жизни составит примерно 9,3 года, а разве это мало?

- Вы правы, сэр, - без особой радости согласились оба ассистента.

- Теперь дальше, - сказал Модели. - Какой высоты вон те горы?

- Их средняя высота - шесть тысяч футов над уровнем моря, - сообщил Бруксайд.

- Выше, чем нужно, по крайней мере, на три тысячи футов, - буркнул Модели. - Или вы думаете, что горы растут на деревьях? Лишнее срезать, а освободившиеся стройматериалы вернуть на склад.

Бруксайд достал блокнот и сделал пометку. А Модели все расхаживал взад-вперед, присматриваясь ко всему и хмуря брови.

- Каков по расчетам предполагаемый срок жизни этих деревьев?

- Восемьсот лет, сэр. Это новая усовершенствованная модель яблоневого дуба. Они дают плоды, орехи, тень, освежающие напитки, три вида готовых к употреблению тканей; они представляют собой отличный строительный материал, предупреждают оползни и...

- Вы решили довести меня до банкротства?! - взревел Модели. Да дереву с лихвой хватит и двухсот лет! Выкачайте из них большую часть стимуляторов роста и развития и сдайте в аккумулятор жизненных сил!

- Но ведь тогда они не смогут выполнять все запроектированные функции, возразил Орин.

- Так ограничьте их функции! Достаточно одной тени и орехов - мы не обязаны превратить эти проклятые деревья в какую-то сокровищницу! Далее - кто выпустил сюда вон тех коров?

- Я, сэр, - сказал Орин. Мне пришло в голову, что они... ну вроде бы украсят это местечко.

- Болван,- сказал Модели. - Строение украшают до того, как оно продано, а не после! Эта планета была продана без обстановки. Заложите коров в чан с протоплазмой.

- Слушаюсь, сэр, - сказал Орин. - Виноваты, сэр. У вас есть еще какие-нибудь замечания?

- У меня их тысячи, - заявил Модели. - Но я надеюсь, что вы сами найдете и исправите свои ошибки. Вот, пожалуйста, это что такое? - Он указал на Кэрмоди. - Статуя или еще что? Быть может, по вашему замыслу, ему положено спеть песню или прочесть стишки в честь прибытия новой расы?

Кэрмоди заговорил:

- Сэр, я не имею к этому месту никакого отношения. Меня направил сюда ваш друг по имени Мэликрон, и я надеюсь попасть отсюда домой, на свою родную планету...

Как видно, Модели не расслышал слов Кэрмоди, потому что оба говорили одновременно - каждый свое.

- Кем бы ни был, условиями контракта он не предусмотрен. А раз так, опустите его обратно в чан с протоплазмой вместе с коровами, - распорядился Модели.

- Ой!- вскрикнул Кэрмоди, когда рабочие подняли его на руки. - Минуточку! - заверещал он. - Я не являюсь частью этой планеты ! Меня прислал сюда Мэликрон! Да погодите же, выслушайте меня!

- На вашем месте я сгорел бы от стыда, - продолжал Модели, пропуская мимо ушей вопли Кэрмоди. - Что это все-таки было, хотел бы я знать? Еше одна из твоих декоративных деталей интерьера, Орин?

- О нет, - запротестовал Орин. - Он появился здесь без моего ведома.

- Значит, это твоя работа, Бруксайд.

- Я его вижу первый раз в жизни, шеф.

- Хм-м, - промычал Модели. - Оба вы недотепы, но лжи за вами не водилось. Эй! - крикнул он рабочим. Тащите его сюда!

- Ладно, ладно, успокойтесь, - обратился он к Кэрмоди, на которого напала неудержимая трясучка,- Возьмите себя в руки - пока вы тут бьетесь в истерике, я теряю драгоценное время! Вам уже лучше? Прекрасно. Теперь потрудитесь вразумительно объяснить, с какой целью вы вторглись в мои владения и почему мне нельзя обратить вас в протоплазму?

- Понятно, - проговорил Модели, когда Кэрмоди рассказал о своих приключениях. - Занятная история, хотя сдается мне, что вы ее слишком драматизировали. Однако сами вы - непреложный факт, и вы ищете планету под названием... Земля, так?

- Совершенно точно, сэр, - сказал Кэрмоди.

- Земля, - задумчиво повторил Модели, почесав затылок. - Вам удивительно повезло - кажется, я помню эту планету.

- Неужели, мистер Модели?

- Да, я убежден, что не ошибаюсь, - уверенно сказал Модели.

- Это маленькая зеленая планета, которая поддерживает существование расы подобных вам мономорфных гуманоидов. Прав я или нет?

- Правы на все сто! - воскликнул Кэрмоди.

- У меня хорошая память на такие вещи, - заметил Модели. - Что же касается этой Земли, то, между прочим, ее выстроил я.

- В самом деле, сэр? - спросил Кэрмоди.

- Да. Я отчетливо помню это, потому что, строя ее, я изобрел науку. Быть может, вас позабавит мои рассказ. - Он повернулся к своим ассистентам. А вас он должен кое-чему научить.

Никто не собирался посягать на его право рассказать эту историю. Поэтому Кэрмоди и младшие инженеры застыли в позах внимательных слушателей, и Модели начал.

РАССКАЗ О СОТВОРЕНИИ ЗЕМЛИ

- Тогда я еще был мелким подрядчиком. Строил планетки в разных концах вселенной, и редко когда подворачивался заказ на карликовую звезду. Получить работу было не так-то

просто, да и заказчики всегда крутили носом, ко всему придирались и подолгу тянули с платежами. В те времена угодить заказчикам было ой как трудно: они цеплялись к каждой мелочи. Переделайте это, переделайте то; почему вода течет с холма вниз; слишком большая сила тяготения; нагретый воздух поднимается, когда он должен опускаться. И тому подобные бредни.

В тот период я был довольно наивен. В каждом случае я подробно объяснял, какими эстетическими и деловыми соображениями руководствовался. Вскоре на объяснения стало уходить больше времени, чем на саму работу. Эта болтовня меня буквально засосала. Я понимал, что необходимо как-то положить этому конец, но ничего не мог придумать.

Однако спустя какое-то время - непосредственно перед тем, как я приступил к строительству Земли - в моем сознании начала оформляться идея совершенно нового принципа взаимоотношений с заказчиками. Я вдруг поймал себя на том, что бормочу под нос такую фразу: "Форма вытекает из функции". Мне понравилось, как она звучит. Но потом я спросил себя: "А почему форма вытекает из функции?" И ответил на это так: "Форма вытекает из функции потому, что это непреложный закон природы и одна из основных аксиом прикладной науки". На слух мне это словосочетание тоже понравилось, хоть в нем и не было особого смысла.

Но смысл тут ровно ничего не значил. Важно было то, что я сделал открытие. Совершенно случайно я открыл основной принцип искусства рекламы и умения подать товар лицом. Я изобрел новую остроумную систему взаимоотношений с заказчиками, сулившую огромные возможности. А именно: доктрину научного детерминизма. Впервые я испытал эту систему, когда выстроил Землю, - вот почему эта планета навсегда врезалась мне в память.

Однажды ко мне явился высокий бородатый старик с пронизывающим взглядом и заказал планету. (Так началась история вашей планеты, Кэрмоди.) Ну, с работой я управился быстро - кажется, дней за шесть - и думал, что на этом все закончится. То была очередная ординарная планета, которая строилась по заранее утвержденной смете, и, признаюсь, кое в чем я подхалтурил. Но вы бы послушали, как разнылся новый владелец - можно было подумать, что я украл у него последнюю корку хлеба.

"Почему так много бурь и ураганов?" - допытывался он. "Это входит в систему циркуляции воздуха", - объяснил я ему.

На самом же деле я просто забыл поставить противоперегрузочный клапан.

"Три четверти поверхности планеты покрыты водой! - не унимался он. - А я ведь ясно указал, что соотношение суши и воды должно быть четыре к одному!" - "У нас не было возможности выполнить это условие!" - отрезал я.

Я потерял бумажку с его дурацкими указаниями - больше мне делать нечего, как вникать в детали этих нелепых проектов мелких планет!

"А те жалкие клочки суши, которые мне достались, вы почти сплошь покрыли пустынями, болотами, джунглями и горами". "Это живописно", - заметил я. "Плевать я хотел на живописность! - загремел тот тип. - О конечно, один океан, дюжина озер, две реки, один-два горных хребта - это прелестно. Украшает планету, благотворно действует на психику жителей. А вы мне что подсунули? Какие-то ошметки!" - "На то есть причина", - сказал я.

Между нами говоря, мы не получили бы с этой работы

никакой прибыли, если б не поставили на планете реставрированные горы, не использовали две пустыни, которые я по дешевке приобрел на свалке у межпланетного старьевщика Урии, и не заполнили пустоты реками и океанами. Но ему я это объяснять не собирался.

"Причина! - взвизгнул он. - А что я скажу своему народу? Я ведь поселю на этой планете целую расу, а то даже две или три. И это будут люди, созданные по моему образу и подобию, а ни для кого не секрет, что люди привередливы - точь-в-точь как я сам. Так, спрашивается, что я им скажу?"

Я-то знал, на что он мог бы сослаться, но мне не хотелось затевать с ним скандал, поэтому я сделал вид, будто размышляю над этой проблемой. И, представьте себе, я действительно призадумался. И меня осенила великолепная идея, перед которой померкли все остальные.

"Вам нужно внушить им одну простую истину, - произнес я. - Скажите им, что, с точки зрения науки, если что-то существует, значит оно должно существовать". - "Как, как?" - встрепенулся он. "Это детерминизм, - пояснил я, тут же с ходу придумав это название. - Суть его довольно проста, хотя некоторые нюансы доступны лишь избранным. Начнем с того, что форма вытекает из функции; отсюда один только факт существования вашей планеты говорит за то, что она не может быть иной, чем она есть. Далее - мы исходим из того что наука неизменна; следовательно, все, что подвержено изменениям, не есть наука. И наконец, последнее: все подчиняется определенным законам. В этих законах, правда, не всегда разберешься, но можете не сомневаться, что они существуют. Поэтому вместо того, чтобы спрашивать: "Почему вот это, а не то?", - каждый должен интересоваться только тем, "как то или это функционирует".

Ну и вопросы он мне потом задавал - только держись; старикан умел ворочать мозгами. Но ни черта не смыслил в технике - его специальностью были этика, мораль, религия и тому подобные нематериальные фигли-мигли. Естественно, что ему не удалось как следует обосновать свои возражения. А как большой любитель всяких абстракций, он то и дело возвращался к одному: "Существующее - это то, что должно существовать. Хм-м, очень занимательная формула и не без некоторого налета стоицизма. Я включу кое-какие из этих откровений в те уроки, которые собираюсь преподать своему народу... Но ответьте мне на такой вопрос: как согласовать этот фатализм науки со свободой воли, которой я хочу наделить людей?"

Вот тут старый хитрец чуть было не поймал меня. Я улыбнулся и кашлянул, чтобы выиграть время, после чего воскликнул: "Так ведь ответ совершенно ясен!"

Это всегда выручает, когда тебя припрут к стенке.

- Вполне возможно, - сказал он. - Но мне он неизвестен".

- Послушайте, - сказал я, - а разве эта самая свобода воли, которую вы намерены дать своему народу, не является разновидностью фатализма? - Пожалуй, ее можно было бы отнести к этой категории. Но различие... - И кроме того, - поспешно перебил я его, с каких это пор свобода воли и фатализм несовместимы? -" На мой взгляд, они, безусловно, несовместимы", - заявил он. "Только потому, что вы не понимаете сущности науки, - отрезал я, ловко проделав под самым его крючковатым носом старый фокус с переменой темы.

- Видите ли, мой дорогой сэр, один из основных законов науки заключается в том, что всему сопутствует случайность. А случайность, как вы, несомненно, знаете, - это

математический эквивалент свободы воли", - "Ваши идеи весьма противоречивы", - заметил он. "Так и должно быть, - сказал я. - Наличие противоречий - тоже один из основных законов вселенной. Противоречия порождают борьбу, отсутствие которой привело бы ко всеобщей энтропии. Поэтому не было бы ни одной планеты и ни одной вселенной, если бы в каждом предмете, в каждом явлении не крылись, казалось бы, непримиримые противоречия". - " Казалось бы?" - быстро переспросил он. "Вот именно, - ответил я. - Деле в том, что противоречиями, которые мы условно можем определить как присущую всем предметам совокупность парных противоположностей, вопрос далеко не исчерпывается. Например, возьмем какую- нибудь одну изолированную тенденцию. Что получится, если ее развить до конца?" - "Понятия не имею, - признался старик.- Недостаточная теоретическая подготовка к такого рода дискуссиям..." - "Получится то, - прервал я его, - что эта тенденция превратится в свою противоположность". - " В самом деле?" - изумился он.

Эти спецы по религии неподражаемы, когда пытаются разобраться в научных проблемах.

"Да, - сказал я. - У меня в лаборатории имеются доказательства. Впрочем, их демонстрация несколько утомительна..."

- "Нет-нет, я верю вам на слово, - сказал старик. - К тому же мы ведь заключили с вами соглашение".

Он всегда вместо слова "контракт" употреблял слово "соглашение". Оно значило то же самое, но было благозвучнее.

"Парные противоположности, - задумчиво проговорил он. - Детерминизм. Предметы, которые превращаются в свою противоположность. Боюсь, что все это довольно сложно". - "Но зато как эстетично, - заметил я. - Однако я не развил до конца тему о превращении крайностей в свою противоположность". - " Охотно выслушаю вас", - сказал он. " Благодарю. Итак, мы остановились на энтропии, суть которой в том, что все предметы постоянно пребывают в движении, если только этому не препятствует какое-нибудь воздействие извне. (А иногда, насколько я могу судить по собственному опыту, даже при наличии такого у внешнего воздействия.) Но это движение предмета направлено в сторону превращения его в его противоположность. А если подобное происходит с одним предметом, значит, то же самое происходит со всеми остальными, ибо наука последовательна. Теперь вам ясна картина? Все эти противоположности только и делают, что, словно взбесившись, превращаются в собственные противоположности. На более высоком уровне этим занимаются противоположности, уже объединенные в группы. Чем выше уровень, тем все сложнее. Пока понятно?" - " Вроде бы да", - ответил он.

"Чудненько. А теперь, разумеется, возникает вопрос, все ли на этом кончается? Я имею в виду вся ли программа исчерпывается этой эквилибристикой противоположностей, выворачивающихся наизнанку и с изнанки обратно на лицо? В том-то и изюминка, что нет! Нет, сэр, эти противоположности, которые кувыркаются, как дрессированные тюлени, - только внешнее проявление того, что происходит в действительности. Потому что... - Тут я сделал паузу и низким трубным голосом произнес:

- Потому что за всеми столкновениями и неупорядоченностью мира, доступного чувственному восприятию, стоит высший

разум. Этот разум, сэр, проникает сквозь иллюзорность реальных предметов в более глубокие процессы вселенной, которые пребывают в состоянии неописуемо прекрасной и величественной гармонии". - "Каким образом предмет может быть одновременно и реальным и иллюзорным?" - метнул он в меня вопрос. "Увы, не мне знать, как на это ответить, - сказал я. - Я ведь всего-навсего скромный труженик науки, и мой удел - наблюдать и действовать в соответствии с тем, что вижу. Однако можно предположить, что это объясняется какой-нибудь причиной этического порядка".

Старик глубоко задумался, и, судя по его виду, он не на шутку сцепился с самим собой. Ясно, что ему, как любому другому на его месте, ничего не стоило усечь логические ошибки, из-за которых мои доводы сильно смахивали на решето. Но, поскольку он был большим интеллектуалом, его пленили эти противоречия, и он испытывал неодолимую потребность включить их в свою философскую систему. Что же касается моих теорий в целом, его здравый смысл восставал против подобных хитросплетений, а изощренный ум склонялся к тому, что хотя законы природы и впрямь могут казаться столь сложными, однако не исключено, что в основе этого лежит какой-нибудь простой, изящный и единый для всего сущего принцип. А если не единый принцип, то хотя бы солидная, внушительная мораль. И наконец, я поймал его на удочку словом "этика". Дело в том, что этот старый джельтмен дьявольски поднаторел в этике, был прямо-таки перенасыщен этикой; вы попали бы в точку, назвав его "Мистером Этика". А тут я невольно натолкнул его на мысль о том, что вся наша окаянная вселенная представляет собой бесконечные ряды проповедей и их опровержений, законов и беззакония, но это является лищь внешним проявлением самой изысканной и рафинированной этической гармонии.

Это куда серьезнее и глубже, чем я думал, - немного погодя произнес он. - Я собирался преподать людям одну только этику и направить их мышление не на изучение сущности и структуры материи, а на разрешение таких основных моральных проблем, как цель и нормы человеческого бытия. Мне хотелось, чтобы они занялись исследованием самых сокровенных глубин радости, страха, горя, надежды, отчаяния, а не изучали звезды и дождевые капли, создавая на основе своих открытий грандиозные и непрактичные гипотезы. Я догадывался о сложности законов вселенной, но счел излишним уделить этому внимание. Теперь вы меня наставили на ум". - " Погодите, - всполошился я. - В мои намерения не входило взвалить на ваши плечи такую заботу, Просто я решил, что не мешает растолковать вам..."

Старик улыбнулся.

"Взвалив на мои плечи эту заботу, - произнес он, - вы избавили меня от забот посерьезнее. Я сотворю людей по своему образу и подобию, но созданный мною мир не должен быть населен миниатюрными вариантами моей собственной личности. Я высоко ценю свободу воли. И люди получат ее - на славу себе и себе на горе. Они с жадностью схватят эту сверкающую бесполезную игрушку, которую вы именуете наукой, и негласно вознесут ее на пьедестал божества. Их зачаруют противоречия предметного мира и абстракции космогонии; они будут стремиться познать это и забудут познать свои собственные души. Ваши доводы убедили меня, и я благодарен вам за предостережение".

Не скрою, что к этому времени мне стало как-то не по себе. Поймите, ведь он не имел никакого веса в обществе,

никаких влиятельных знакомств, однако держался величественно и с большим достоинством. У меня возникло ощущение, будто он может мне хорошо насолить - несколькими словами, какой-нибудь фразой, которая отравленной стрелой вонзится мне в мозг и застрянет в нем навсегда. И по правде говоря, я немного струхнул.

Не иначе, как этот старый хрыч прочел мои мысли, сэр, потому что он вдруг проговорил:

"Успокойтесь. Я безоговорочно принимаю планету, которую вы для меня выстроили; она меня полностью устраивает именно в таком виде. Что касается ее дефектов, которые тоже являются делом ваших рук, то я принимаю их даже не без некоторой благодарности и плачу за них особо". - "Но чем? - спросил я. - Чем вы заплатите за мои ошибки?" - "Тем, что не стану с вами из-за них пререкаться, - ответил он. - И тем, что сейчас покину вас и займусь своими делами и делами моего народа".

С этими словами старый джентльмен удалился.

Ну, мне было над чем поразмыслить. Я мог бы выложить ему кучу полноценных аргументов, но как-то вышло, что последнее слово осталось за стариком. Я понял, что он хотел этим сказать: свои обязательства по контракту он выполнил и поставил на этом точку. Уходя, он не промолвил ни слова, адресованного мне лично. По его мнению, это было своего рода наказанием.

Но это выглядело так только с его стороны. Что до меня, то я мог прекрасно обойтись без его высказываний. Я, конечно, был бы не прочь их выслушать, что вполне естественно, и какое-то время разыскивал его. Но он избегал встречи со мной.

Впрочем, все это не стоит и выеденного яйца. Я сорвал неплохой куш на строительстве той планеты, а если не совсем точно выполнил некоторые условия контракта, нельзя ведь сказать, что я его нарушил. Такова жизнь: хочешь получить прибыль - надейся только на собственную сообразительность. И не слишком переживай за последствия.

Но я постарался извлечь из этой истории хороший урок на будущее. Теперь, мальчики, слушайте меня внимательно. В науке полным-полно всяких правил, ибо, изобретая ее, я так задумал. А почему, спрашивается, я изобрел ее именно такой? Да потому, что эти правила - великое подспорье для ловкого дельца, такое же, как обилие законов для адвоката. Правила, доктрины, аксиомы, законы и принципы науки существуют для того, чтобы помочь вам, а не чинить препятствия. Для того, чтобы вам было чем обосновать свои деяния. Значительная часть их более или менее соответствует истинному положению вещей, и это упрощает их применение.

Но зарубите себе на носу, что назначение этих законов - помочь вам объяснить заказчикам, что вы создаете, - но только после того, как вы создали. Получив заказ, выполняйте его как найдете нужным; потом подгоните законы к результату своей работы, но ни в коем случае не наоборот.

И еще запомните: эти законы являются словесным барьером, который ограждает вас от тех, кто задает вопросы. Но они не должны стать преградой для вас. Если вы что-нибудь почерпнули из моего рассказа, вам теперь понятно, что невозможно объяснить, почему мы что-то создаем так, а что-то эдак. Мы просто создаем - и все, иногда удачно, иногда - нет, раз на раз не приходится.

И никогда даже самим себе не пытайтесь объяснить, почему случается одно, а не другое. Не донимайте никого вопросами

и расстаньтесь с иллюзией, что такое объяснение существует. Вы меня поняли?
Оба ассистента усиленно закивали головами. Вид у них был просветленный, как у людей, только что принявших новую веру. Кэрмоди готов был биться об заклад, что оба добросовестных молодых человека твердо запомнили каждое слово своего шефа и постепенно возведут его наставление... в закон.

Роберт Шекли
Похмелье

Перевод Е. Коротковой

Пирсон медленно и неохотно приходил в себя. Он лежал на спине, крепко зажмурившись, и старался оттянуть неизбежное пробуждение. Но соанание вернулось, и он тут же обрел способность чувствовать. Глаза пронзили тонкие иголочки боли, и в затылке что-то забухало, как огромное сердце. Все суставы горели огнем, а внутренности так и выворачивало на изнанку.
Пирсен уныло констатировал, что похмелье, которое его скрутило, несомненно, было королем и повелителем всех похмелий.
Он недурно разбирался в таких вещах. В свое время изведал чуть ли не все разновидности: его мутило от спиртного, снедала тоска после минискаретте, терзала утроенная боль в суставах после склити. Но то, что он испытывал сейчас, включало в себя все эти прелести в усиленном виде и было сдобрено к тому же чувством отрешенности, знакомым любителям героина.
Что же такое он пил вчера? И где? Пирсен попытался вспомнить, но минувший вечер был не отличим от множества других подобных вечеров. Что ж, придется, как обычно, восстанавливать все по кусочкам.
Но прежде нужно взять себя в руки и сделать то, что полагается. Открыть глаза, встать с постели и мужественно добраться до аптечки. Там на средней полке лежит гипосульфит дихлорала, который поможет ему очухаться.
Пирсен открыл глаза и начал слезать с кровати. Тут вдруг он понял, что лежит не на кровати.
Вокруг была высокая трава, над ним сверкало ослепительно светлое небо, и в воздухе пахло прелой листвой.
Пирсен со стоном закрыл глаза. Только этого ему не хватало. Здорово же, видно, нагрузился он вчера. Даже до дому не дошел. А возвращался, должно быть, через Центральный парк. Похоже что придется взять такси и уж как-нибудь доскрипеть, пока его не доставят на квартиру.
Сделав мощное усилие, Пирсен открыл глаза и поднялся.
Он стоял в высокой траве. Вокруг насколько глаз хватало высились исполинские деревья с оранжевыми стволами, оплетенные зелеными и пурпурными лианами, иные из которых в поперечнике были не тоньше человеческого туловища. Под деревьями буйно разрослись, образуя непроходимую чащобу, папоротники, кустарник, ядовитые зеленые орхидеи, ползучие черные стебли и множество неведомых растений зловещего вида и цвета. В зарослях попискивала и стрекотала разная мелкая

живность, а издали доносился грозный рык какого-то большого зверя.

- Нет, это не Центральный парк, - смекнул Пирсен.

Он огляделся, прикрыв глаза от нестерпимого блеска солнечного неба.

- Пожалуй я даже не на Земле, - добавил он.

Пирсен был удивлен и восхищен собственным хладнокровием. Неторопливо опустившись на траву, он попытался оценить обстановку.

Итак, его имя Уолтер Хилл Пирсен. Возраст - 32 года, место жительства - город Нью-Йорк. Он полномочный избиратель, нигде не работает, ибо в этом нет необходимости, и сравнительно недурно обеспечен. Накануне вечером в четверть восьмого он вышел из дому, собираясь повеселиться. Это намерение он, несомненно, осуществил.

Да, повеселился он как следует. А вот когда, в какой момент он впал в беспамятство, этого он, хоть убей, не помнил. Но очнулся он почему-то не дома в постели и даже не в Центральном парке, а в густых зловонных джунглях. Мало того, он был убежден, что находится не на Земле.

Пожалуй, все именно так. Пирсен обвел взглядом огромные оранжевые деревья, увитые зелеными и пурпурными лианами и залитые ослепительно белым потоком света. Истина постепенно вырисовывалась в его затуманенном мозгу.

Вскрикнув от ужаса, он закрыл лицо руками и потерял сознание.

Когда он очнулся вторично, он чувствовал себя гораздо лучше, только во рту остался неприятный вкус да голова соображала туго. Пирсен тут же окончательно решил прекратить все пьянки; хватит - ему и так уже мерещатся оранжевые деревья и пурпурные лианы.

Полностью протрезвившийся, он открыл глаза и снова увидел все те же странные джунгли.

- Ну! - крикнул он. - Что за чертовня?

Немедленного ответа не последовало. Потом за деревьями вовсю загомонили невидимые обитатели джунглей и постепенно стихли.

Пирсон неуверенно встал и прислонился к дереву. Он как-то сразу выдохся, даже удивляться не было сил. Значит, он в джунглях. Ладно. А зачем он здесь?

- Совершенно непонятно. Должно быть, накануне вечером случилось нечто необыкновенное. Но что? Пирсен старательно стал вспоминать.

Из дома он вышел в четверть восьмого и направился...

Вдруг он резко обернулся. Кто-то тихонько двигался через подлесок, приближаясь к нему. Пирсен замер. Сердце гулко стучало у него в груди. Неведомое существо подкрадывалось все ближе, сопя и чуть слышно постанывая. Но вот кусты раздвинулись, и Пирсен увидел его.

Это было черное с синим отливом животное, очертаниями похожее на торпеду или акулу. Его обтекаемое туловище имело около десяти футов в длину и передвигалось на четырех рядах коротких толстых ножек. Ни глаз, ни ушей на голове у него не было, только длинные усики колыхались над покатым лбом. Существо разинуло широкую пасть, где рядами торчали желтые зубы.

Негромко подвывая, оно направлялось к Пирсону. И хотя тому никогда и не снилось, что на свете могут быть такие твари, он не стал раздумывать, не померещилась ли она ему. Повернувшись, Пирсен бросился в подлесок. Минут пятнадцать он мчался во весь дух и только вконец запыхавшись,

остановился.

Черно-синяя тварь стонала где-то далеко позади, пробираясь в след за ним.

Пирсен двинулся дальше, теперь уже шагом. Судя по стонам тварюга не отличалась проворством. Бежать было совсем не обязательно. Но что произойдет, когда он остановится? Что она там замышляет? Умеет ли она взбираться на деревья?

Пирсен решил пока не думать о таких вещах.

Прежде всего было необходимо вспомнить главное: как он попал сюда? Что с ним произошло накануне вечером?

Он стал припоминать.

Прошвырнуться он вышел в четверть восьмого. Было пасмурно, слегка моросил реденький дождик, разумеется нисколько не тревоживший нью-йоркцев, которые очень любили гулять в такую погоду и специально заказали ее на вечер городскому климатологу.

Пирсен продефилировал по Пятой авеню, разглядывая витрины и отмечая про себя дни бесплатных распродаж. Так, так, значит, в универсальном магазине Бэмлера бесплатная распродажа состоится в ближайшую среду, с шести и до девяти пополудни. Обязательно надо взять у своего олдермена специальный пропуск. Вставать и с пропуском придется спозаранку, а потом торчать в очереди для пользующихся льготами. Но все же это лучше, чем выкладывать наличные.

За полчаса он нагулял приятный аппетит. Поблизости было несколько хороших коммерческих ресторанов, но вспомнив, что он, кажется, не при деньгах, Пирсен свернул на Пятьдесят четвертую к бесплатному ресторану Котрея.

У входа он предъявил карточку избирателя и специальный пропуск, подписанный третьим секретарем-заместителем Котрея. Пирсена впустили. Он заказал себе на обед простое филеминьон, которое запивал слабым красным вином, ибо более крепких напитков тут не подавали. Официант принес ему вечернюю газету. Пирсен изучил перечень бесплатных развлечений, но не обнаружил ничего подходящего.

Когда он выходил из зала к нему поспешно подошел управляющий рестораном.

- Прошу прощения, сэр, - сказал он. - Вы остались довольны, сэр?

- Обслуживают у вас медленно, - ответил Пирсен. - филе было съедобное, но не лучшего качества. Вино - так себе.

- Да, сэр... благодарю вас, сэр,...,примите наши извинения, сэр, - говорил управляющий, торопливо записывая в свой блокнотик замечания Пирсена. - Мы учтем ваши пожелания, сэр. Вас угощал обедом достопочтенный Блейк Котрей, старший советник по водоснабжению Нью-Йорка. Мистер Котрей вновь выдвигает свою кандидатуру на выборах двадцать второго ноября.

Столбец Джей-три в вашей кабине для голосования. Мы смиреннейше рассчитываем на ваш голос, сэр.

- Там видно будет, - ответил Пирсен и вышел из ресторана.

На улице он взял иачку сигарет из автомата, который услаждал прохожих музыкой и снабжал их сигаретами в качестве памятного подарка от Элмера Бейна, мелкого политического деятеля из Бруклина. Выйдя на Пятую авеню, он возобновил свою неторопливую прогулку, по пути раздумывая, есть ли смысл голосовать за Котрея.

Как все полномочные граждане, Пирсен высоко ценил свой голос и одарял им какого- либо кандидата только по зрелом размышлении. Прежде чем проголосовать "за" или "против", он, подобно каждому избирателю, тщательнейшим образом

взвешивал достоинства и недостатки того или иного кандидата.

К достоинствам Котрея относилось то, что он уже около года содержал весьма приличный ресторан. Но что он сделал кроме этого? Где обещанный им бесплатный развлекательный центр, где джазовые концерты?

Ограниченность общественных фондов - всего лишь пустая отговорка.

Не будет ли щедрее новый кандидат? Или переизбрать еще разок Котрея? В таких делах рубить сплеча не следует. Тут надо очень даже подумать, и, конечно, не сейчас, а в более подходящее время. Ночи созданы для наслаждений, кутежей, веселья.

Чем же заняться сегодня? Он пересмотрел почти все бесплатные представления. Спорт мало его интересует. Кое-где устраиваются вечеринки, но там едва ли будет весело. В общедоступном доме мэра можно выбрать какую-нибудь сговорчивую девицу, однако Пирсена в последнее время к ним не тянет.

Самый верный способ избавиться от вечерней скуки - вино или наркотик. Но какой? Минискаретте? Какой-нибудь контактный возбудитель? Склити?

- Эй, Уолт!

Он обернулся. С широкой ухмылкой к нему направлялся Билли Бенц, уже довольно тепленький. - Эй, погоди, Уолт, дружище! - сказал Бенц. - Ты куда сегодня?

- Да никуда вообще-то, - ответил Пирсен. - А что?

- Тут одно роскошное местечко появилось. Новенькое, шик-блеск. Зайдем?

Пирсен насупился. Он не любил Бенца. Этот высокий, шумливый, краснолиций детина был законченным бездельником. Совершенно никчемная личность. То, что он не работает, как раз неважно. Теперь мало кто работает. К чему это, если можно голосовать? Но Бенц был так ленив, что даже не ходил на выборы. А это уже чересчур. Голосование - хлеб насущный и святая обязанность каждого гражданина.

Однако у Бенца был прямо-таки сверхъестественный нюх на новые злачные заведения, о которых еще никто не проведал.

Пирсен поколебался, потом спросил:

- А там бесплатно?

- Бесплатней супа, - ответил склонный к избитым сравнениям Бенц.

- А что там делают?

- Пойдем со мной, дружище, я тебе все расскажу...

Пирсен вытер потное лицо. Стояла мертвая тишина. Стоны черно-синего зверя уже не доносились из зарослей. Возможно, ему надоела погоня.

Вечерний костюм Пирсона был изорван в клочья. Он сбросил пиджак и до пояса расстегнул сорочку. Где-то за мертвенно-белым небом пылало невидимое солнце. У Пирсона пересохло во рту, пот ручьями струился по телу. Без воды он долго не продержится.

Да, он, кажется, серьезно влип. Но Пирсен упорно гнал от себя все мысли, кроме одной. Он должен выяснить, как он здесь очутился и только после этого думать над тем, как спастись.

Что же это был за шик блеск, которым прельстил его Билли Бенц?

Пирсен прислонился к дереву и закрыл глаза. Воспоминания пробуждались смутно, не сразу. Билли повел его в восточную часть города, на Шестьдесят вторую улицу, и там...

Он вдруг услышал в кустах шорох и быстро поднял голову. Из зарослей тихо выползла черно-синяя тварь. Ее длинные усики затрепыхались и нацелились в его сторону. В тот же миг эта зверюга вся подобралась и прыгнула на него, растопырив когти.

Пирсен инстинктивно отскочил. Зверюга грохнулась на землю, но проворно повернулась и снова ринулась к нему. На этот раз Пирсен не успел уклониться. Он вытянул вперед руки, и акулообразная тварь обрушилась на него.

Пирсен ударился спиной о дерево. Он отчаянно вцепился в широченную глотку зверя и изо всех сил старался оттолкнуть его от себя. Зверюга щелкала зубами около самого его лица. Пирсен напрягся что есть мочи, стараясь задушить ее, но его пальцы были слишком слабы.

Зверюга ерзала и извивалась, скребла землю. Руки Пирсона мало-помалу слабели и начинали сгибаться в локтях. Челюсти щелкали всего лишь в дюйме от его лица. Вот выполз длинный испещренный черными пятнами язык...

Охваченный омерзением, Пирсен отшвырнул от себя стонущую гадину. Не дав ей опомниться, он ухватился за лианы, влез на дерево и вне себя от ужаса стал карабкаться по скользкому стволу от ветки к ветке. Лишь в тридцати футах над землей он впервые взглянул вниз.

Черно-синяя лезла следом с такой легкостью, словно всю жизнь провела на деревьях.

Пирсен взбирался выше, дрожа всем телом от усталости. Ствол дерева постепенно сужался, все реже попадались ветки, достаточно крепкие, чтобы за них ухватиться. Возле самой вершины, в пятидесяти футах над землей, дерево закачалось под его тяжестью.

Пирсен снова взглянул вниз: упорная тварь была в десяти футах от него и продолжала лезть выше. Пирсен вскрикнул; ему показалось, что спасения нет. Но страх придал ему силы. Он взобрался на последнюю большую ветку, ухватился покрепче и поджал ноги. Когда зверюга добралась до него, он вдруг лягнул ее обеими ногами.

Удар был точен. Когти зверя с пронзительным скрежетом ободрали кору с дерева. Зверюга, визжа и ломая ветки, полетела вниз и звонко плюхнулась на землю.

Стало тихо.

"Наверное, она расшиблась", - подумал Пирсен. Но проверять свою догадку у него и в мыслях не было. Никакая сила на Земле или любой другой планете Галактики не принудила бы его самостоятельно слезть с дерева. Нет уж, дудки, пока он не придет в себя да как следует не соберется с силами, он отсюда не двинется.

Пирсон сполз немного ниже, к толстой раздвоенной ветке. На таком насесте можно было чувствовать себя спокойно. Лишь окончательно устроившись, Пирсон понял, как мало у него осталось сил. Если вчерашний сабантуй иссушил его, то сегодняшние приключения выжали досуха. Напади на него сейчас зверек чуть-чуть побольше белки, и он погиб.

Он прислонился к стволу, вытянул отяжелевшие ноги и руки, закрыл глаза и снова принялся восстанавливать в памяти события минувшего вечера.

- Пойдем со мной, дружище, - сказал Билли Бенц. - Я тебе все расскажу. А вернее - сам увидишь.

Они направились в восточную часть города, вышли на Шестьдесят вторую улицу, а тем временем густо-синие сумерки сменились ночной темнотой. Манхэттен зажег огни, над

горизонтом замерцали звезды, и серп месяца блеснул сквозь прозрачный туман.

- Куда мы идем? - спросил Пирсен.

- А мы уже пришли, голуба, - ответил Бенц.

Они стояли перед невысоким особняком, сложенным из коричневого песчаника. Скромная медная дощечка на дверях гласила:

НАРКОТИК

- Новый бесплатный наркотический салон, - пояснил Бенц. - Открыт сегодня вечером Томасом Мориарти, кандидатом от реформистской партии на пост мэра. Об этом заведении еще никто не знает.

- Отлично, - сказал Пирсен.

В городе было немало бесплатных увеселительных заведений. Но каждый стремился разыскать что-нибудь неизвестное другим и опробовать новинку, прежде чем к ней ринутся толпы любителей свежих впечатлений.

Вот уже многие годы Верховный евгенический комитет, созданный при Объединенном международном правительстве удерживал численность населения мира в стабильных и разумных пределах. Людям снова стало так просторно на Земле, как не было в течение последнего тысячелетия, а внимания им уделяли куда больше, чем когда- либо в прошлом. Благодаря успехам подводной экологии и гидропоники, а также всестороннему использованию земной поверхности еды и одежды хватало на всех и даже с избытком. При автоматических методах строительства и изобилии стройматериалов жилищная проблема перестала существовать, тем более что человечество было сравнительно невелико и впредь не собиралось увеличиваться. Даже предметы роскоши ни для кого не были роскошью.

Сформировалась благополучная, устойчивая, неизменная цивилизация. Те немногие, кто проектировал, строил и обслуживал машины, получали щедрое вознаграждение. Большинство же вовсе не работало. Ни нужды, ни желания у них не было.

Находились, конечно, и честолюбцы, которые жаждали богатств, власти, высоких постов. Эти занимались политикой. Используя обильные общественные фонды, каждый из них кормил, одевал, развлекал население своего округа, чтобы обеспечить себе большинство голосов, и проклинал вероломных избирателей, всегда готовых переметнуться на сторону того, кто посулит больше.

Это была утопия своего рода. О нужде все позабыли, войны давно прекратились, каждого ждала безбедная долгая жизнь.

И чем же, кроме врожденной человеческой неблагодарности, можно было объяснить, что число самоубийств возросло до поистине страшных размеров?

Дверь отворилась сразу же, и Беиц предъявил пропуска. Они прошли по коридору в большую уютную гостиную. Четверо посетителей, из них одна женщина, ранние пташки, прослышавшие о новом заведении прежде других, полулежали на кушетках, дымя бледио-зслскыми сигаретами. В воздухе стоял резкий, непривычный, но в то же время приятный запах.

Подошел служитель и подвел их к свободному дивану.

- Располагайтесь как дома, джентльмены, - сказал он. - Закурив нарколик, вы отдохнете от всех забот.

Он протянул каждому по пачке бледно-зеленых сигареток.

- Что это за штуковина? - спросил Пирсен.

- Нарколические сигареты, - ответил служитель. - Приготовлены из отборной смеси турецкого и вирджиискского табака, в которую добавлена тщательно отмеренная доза нарколы, хмельной травки, произрастающей в экваториальном поясе Венеры.

- Венеры? - удивился Бенц. - А мы разве добрались до Венеры?

- Четыре года назад, сэр, - ответил служитель. - Первой высадилась экспедиция Йельского университета и основала там базу.

- По-моему, я что-то такое уже читал, - заметил Пирсон. - Или видел в киножурнале. Венера... Там вроде бы сплошные неосвоенные джунгли, да?

- Совершенно не освоенные, сэр, - подтвердил служитель.

- А, помню, значит, - сказал Пирсен. - Трудно за всем уследить. А что, эта наркола входит потом в привычку?

- Ни в коем случае, сэр, - успокоил его служитель. - Наркола действует как, согласно теории, должен бы влиять алкоголь. Вы испытываете небывалый подъем, чувство удовлетворенности, довольства. Похмелья не бывает. Это вам предлагает Томас Мориарти, кандидат от реформистской партии на пост мэра. Столбец Эй-два в ваших кабинах, джентльмены. Мы смиреннейше рассчитываем на ваши голоса.

Посетители кивнули и закурили.

Нарколик начал действовать почти сразу. Уже после первой сигареты Пирсен ощутил раскованность, легкость, и его захлестнуло предвкушение чего-то приятного. Вторая сигарета усилила действие первой и кое-что добавила. Все чувства необыкновенно обострились. Пирсену казалось теперь, что мир восхитителен, полон неизведанных радостей и чудес. И сам он почувствовал себя важным и незаменимым.

Бенц толкнул его локтем в бок:

- Что, недурна штучка?

- Очень здорово, - ответил Пирсен. - Этот Мориарти, наверное, хороший человек. Миру нужны хорошие люди.

- Точно, - согласился Бенц. - Нужны толковые люди.

- Смелые, мужественные, дальновидные, - с жаром продолжал Пирсен, - такие орлы, как мы с тобой, которые перевернут весь мир, так что...

Он вдруг умолк.

- Чего ты? - спросил Бенц.

Пирсен не отвечал. В нем произошла неуловимая перемена, знакомая всем наркоманам, и нарколик теперь вызывал у него обратный эффект. Только что он казался себе богом. И вдруг с обостренной чувствительностью одурманенного увидел себя таким, как он есть.

Он, Уолтер Хилл Пирсен, тридцати двух лет, неженатый, неработающий и никому не нужный. Когда ему было восемнадцать, он поступил на службу, чтобы доставить удовольствие родителям. Но уже через неделю бросил работу, потому что она нагоняла на него тоску и мешала высыпаться. Потом как-то ему вздумалось жениться, но его отпугнула ответственность, которую накладывает семейная жизнь. Ему скоро тридцать три, он тощий, хилый, у него дряблые мускулы и нездоровый цвет лица. Ни разу в жизни не сделал он ничего хоть мало-мальски важного ни для себя, ни для других и впредь не сделает.

- Ну, давай, давай выкладывай все как есть, дружище, - сказал Бенц.

- Ж-желаю совершить подвиг, - промямлил Пирсен, делая новую затяжку.

- Да ну?
- Чтоб я пропал! Приключений хочу!
- Так чего же ты молчал? Я тебе мигом все устрою. - Бенц вскочил и потащил за собой Пирсона. - Айда!
- Ты к-куда меня ведешь?
Пирсен попробовал оттолкнуть Бенца. Ему хотелось, не вставая с дивана, упиваться своим горем. Но Бенц рывком заставил его встать.
- Я понял, что тебе нужно, - говорил Бенц. - Приключение... такое, чтоб дух захватывало. Пошли, голуба, я тебя отведу. Покачиваясь, Пирсен задумчиво насупил брови.
- Пойди сюда, - обратился он к Бенцу. - Я тебе на ухо скажу. Бенц наклонился к нему, и Пирсен прошептал:
- Хочу, чтобы было приключение, но чтобы я остался цел и невредим. Понял?
- Само собой! - ответил Бенц. - Я же знаю, что тебе нужно. Вали за мной. Сейчас будет приключение. Безопасное!
Сжимая в кулаках пачки нарколика, приятели взялись за руки и нетвердым шагом вышли из салона, основанного кандидатом реформистов.

Поднялся ветер, и дерево, на котором сидел Пирсен, закачалось. Порыв ветра так внезапно охладил его разгоряченное, потное тело, что Пирсона вдруг начала бить дрожь. Зубы громко застучали, руки до боли вцепились в скользкую ветку. В горле нестерпимо жгло, как будто бы туда насыпали мелкого раскаленного песку.
Нет, он не мог больше терпеть такую жажду. За глоток воды он был готов сейчас сразиться с целым десятком черно-синих тварей.
Пирсен принялся медленно спускаться с дерева, решив не думать до поры до времени о том, что случилось вчера вечером. Сперва он должен найти воду.
Под деревом, не шевелясь, лежала черно-синяя зверюга с переломленным хребтом. Пирсен прошел мимо лее и нырнул в заросли.
Он брел по джунглям долгие часы, а может быть, и дни, ибо утратил представление о времени в мучительном зное, который источало сверкающее, неизменно белое небо. Колючие ветки рвали его одежду, какие-то птицы пронзительно вскрикивали каждый раз, когда он раздвигал кусты. Он ничего не замечал, он продолжал идти, с трудом передвигая одеревеневшими ногами и устремив вперед невидящий взгляд. Он упал, но снова встал и побрел, потом падал еще раз и еще. Так брел он, словно робот, покуда не наткнулся на скудный, грязный ручеек.
Пирсен растянулся и припал к воде губами, совсем не думая о том, что в ней могут оказаться болезнетворные бактерии.
Немного придя в себя, он огляделся. Вокруг сплошной стеной стояли непроходимые, ядовито-зеленые, чужие джунгли. Над ним сияло небо, точь-в-точь такое же белое, каким он увидел его в первый раз. А в кустах попискивала и чирикала невидимая мелкая живность.
"Какое глухое и жуткое место, - подумал Пирсен. - Поскорей бы отсюда выбраться".
Но как? Он не знал, есть ли здесь города или какие-нибудь поселения. И если даже есть, то как их разыскать в такой пустынной, дикой местности?
Каким же образом он все-таки попал сюда?
Он потер небритый подбородок и снова попытался вспомнить. Казалось, вчерашние события происходили миллион лет назад, в

какой-то совершенно иной жизни. Нью- Йорк представлялся ему смутно, словно привиделся во сне. Реальностью были лишь джунгли, голод, который вгрызался ему в желудок, и недавно начавшееся странное гудение.

Он поглядел вокруг себя, пытаясь определить, откуда доносится звук. Гудело со всех сторон, ниоткуда и отовсюду. Сжав кулаки, Пирсен до боли в глазах всматривался в заросли, пытаясь разглядеть, где же притаилась новая опасность.

Внезапно недалеко от него шевельнулся куст, покрытый блестящими зелеными листьями. Пирсен отпрыгнул, дрожа как в лихорадке. Куст весь затрясся, и его тонкие изогнутые листья загудели.

И тут...

Куст посмотрел на него. Глаз у куста не было. Но Пирсен чувствовал, что куст знает о нем, сосредоточился на нем, что-то решил. Куст загудел громче. Его ветки потянулись к Пирсону, коснулись земли, пустили корни, тотчас же выбросили подвижные усики, те вытянулись, вновь пустили корни и снова выбросили усики.

Куст разрастался в его сторону со скоростью спокойно идущего пешехода.

Пирсен глядел как зачарованный на остренькие крючковатые листочки, которые, поблескивая, тянулись к нему. Он не верил собственным глазам.

И в этот миг он вспомнил, что случилось с ним в конце минувшего вечера.

- Ну, вот мы и пришли, дружище, сказал Бенц возле входа в ярко освещенный особняк на Мэдисон-авеню.

Он подвел Пирсена к лифту. Приятели поднялись на двадцать четвертый этаж и вошли в просторную светлую комнату.

Небольшая табличка на стене лаконично извещала:

НЕЛИМИТИРОВАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

- Слышал я об этом заведении, - Пирсен сделал глубокую затяжку. - Здесь, говорят, дорого.

- Об этом не тревожься, - успокоил его Бенц.

Блондинка секретарша записала их фамилии и повела в кабинет доктора Шринагара Джонса, консультанта по активным действиям.

- Добрый вечер, джентльмены, - сказал Джонс.

При виде этого очкастого заморыша Пирсен не удержался и фыркнул. Нечего сказать, хорош консультант по активным действиям.

- Итак, джентльмены, вам желательно испытать приключение? - учтиво осведомился Джонс.

- Это ему хочется приключений, - сказал Бенц. - Я просто его приятель.

- Да, да, понимаю. Так вот, сэр, - Джонс повернулся к Пирсену, - какого рода приключение вы себе мыслите?

- Приключение на свежем воздухе, - ответил Пирсен слегка осипшим, но твердым голосом.

- О, у нас есть нечто весьма подходящее! - воскликнул Джонс. - Обычно мы взимаем с клиентов плату. Однако сегодня все приключения - даровые. Счета оплачивает президент Мэйн, столбец Си-один в вашей кабине. Пожалуйте за мной, сэр.

- Стойте. Я ведь не хочу, чтобы меня убили. Опасное это приключение?

- Совершенно безопасное. В наш век и в наши дни только такие и допустимы. А теперь послушайте. Сейчас вы пройдете в нашу Искательскую комнату, ляжете там на кровать, и вам будет сделана безболезненная инъекция. Вы тотчас потеряете сознание. Затем, должным образом применяя слуховые, осязательные и прочие возбудители, мы сформируем в вашем восприятии приключение.

- Как во сне? - спросил Пирсен.

- Это наиболее близкая из аналогий. Пригрезившееся вам приключение по своему существу будет абсолютно реалистично. Вы испытаете подлинные эмоции. Оно ничем не будет отличаться от реальной действительности. Кроме, конечно, одного: все это произойдет не наяву и, следовательно, будет вполне безопасно.

- А что случится, если во время приключения погибну?

- В точности то же самое, что бывает с вами в таких случаях во сне. Вы проснетесь. Однако во время вашего ультрареалистического яркоцветового сна вы сможете совершенно сознательно управлять своими действиями, чего во сне не бывает.

- А я буду все это знать, пока длится приключение?

- Разумеется. Все время, пока вы спите, вы будете полностью осведомлены о том, что находитесь в состоянии сна.

- Тогда пошли! - гаркнул Пирсен. - Даешь приключение!

Ярко-зеленый куст продолжал медленно разрастаться в его сторону. Пирсен захохотал. Да ведь это же сон! Конечно, сон! Ему ничто не угрожает. Зловещий куст - всего лишь плод его воображения, точно так же, как и черно-синяя тварь. Даже если бы она тогда перегрызла ему горло, он не умер бы. Он сразу бы проснулся в Искательской комнате на Мэдисон-авеню.

Сейчас ему было просто смешно. Как же он не догадался раньше? Ведь этакая черно- синяя только во сне и может привидеться. И разве бывают на свете ходячие кусты? Все это, конечно, явный бред, нагромождение нелепостей.

Пирсен громко сказал:

- Хватит. Можете меня разбудить.

Никаких перемен. Вдруг Пирсен вспомнил, что он не может проснуться по своему желанию. Приключение тогда утратило бы всякий смысл, и исчезло бы целительное воздействие волнения в страха на истощенную нервную систему спящего.

Да, теперь он вспомнил. Приключение окончится только тогда, когда он, Пирсен, преодолеет все преграды. Или погибнет.

Куст добрался почти до его ног. Пирсен во все глаза разглядывал его, дивясь его натуральному виду.

Крючковатый листочек зацепился за ботинок. Пирсен самодовольно усмехнулся: он был горд, что так здорово держит себя в руках. Чего уж там бояться, когда знаешь, что все равно останешься целехонек.

"Постой-ка, - вдруг подумал он, - а как же я могу переживать всерьез, если мне известно, что все это понарошку? Тут они чего-то не додумали".

И тогда ему вспомнилось окончание их разговора с Джонсом.

Пирсен лежал уже на белой кушетке, когда над ним склонился Джонс, держа в руке шприц.

- А скажи-ка, друг любезный, - спросил Пирсен, - что мне за прок от приключения, если я буду знать, что оно не настоящее?

- Мы и это предусмотрели, - ответил Джонс. - Видите ли, сэр, на долю некоторых наших клиентов выпадают вполне

реальные приключения.
- Э?
- Реальные, самые настоящие, они не снятся, а происходят в действительности. В таких случаях (они чрезвычайно редки) мы не даем клиенту возбудителей, а ограничиваемся вливанием сильной дозы снотворного. Когда человек уснет, его переносят на космический корабль и отправляют на Венеру. Очнувшись там, он наяву переживает то, с чем другие сталкиваются лишь в воображении. Если сумеет выйти победителем, то останется в живых.
- А если нет?
Джонс, который терпеливо ждал, держа шприц наготове, молча пожал плечами.
- Но это бесчеловечно! - крикнул Пирсен.
- Мы другого мнения. Представляете ли вы себе, мистер Пирсен, как остро нуждается в приключениях современный мир? Облегченность нашего бытия ослабила натуру человека, и противодействовать этому может только одно: встреча с опасностью. Наши воображаемые приключения - самый безобидный и приятный из возможных вариантов. Но приключение утратит всякий смысл, если клиент не будет принимать его всерьез. Иное дело, когда остается вероятность, пусть даже самая малейшая, что над тобой действительно нависла смертельная угроза.
- Но те, кого увозят на Венеру...
- Их процент ничтожен, - успокоил его Джонс. - Меньше одной десятитысячной. Мы это делаем лишь для того, чтобы взбодрить остальных.
- Но это противозаконно, - не унимался Пирсен.
- Ничуть. Вы больше рискуете жизнью, когда пьете миииискаретте или курите нарколик...
- Право, не знаю, - сказал Пирсен, - хочется ли мне.
Острие шприца вдруг вонзилось ему в руку.
- Все будет отлично, - ласково произнес Джонс, - устройтесь поудобней, мистер Пирсен.
И с этой минуты он уже не помнил ничего до самого пробуждения в джунглях.

Зеленая ветка доползла ему до щиколотки. Изогнутый тонкий листик очень медленно и нежно ткнулся в мякоть ноги. На миг стало щекотно, но не больно. Почти тотчас листик сделался красноватым.
Растение-кровопийца, подумал Пирсен, ишь ты! Ему вдруг надоело приключение. Глупая, пьяная затея. Хорошенького понемножку. Пора кончать, да поскорей.
Ветка поднялась повыше, и еще два изогнутых листка вонзились ему в ногу. Теперь уже весь куст стал грязно-бурым.
Пирсона потянуло в Нью-Йорк, туда, где вечеринки, где тебя бесплатно кормят, даром развлекают и можно спать сколько угодно. Ну, допустим, он справится и с этой напастью, так ведь подоспеет новая. Сколько дней - или недель - ему еще тут мыкаться?
Самый верный способ поскорей попасть домой - не сопротивляться. Куст убьет его, и он сразу проснется.
Пирсен почувствовал, что начинает слабеть. Он сел и увидел, что еще несколько кустов подбираются к нему, привлеченные запахом крови.
- Конечно, это бред, - произнес он громко. - Кто поверит, что есть растения, пьющие кровь? Пусть даже на Венере.

Высоко в небе парили огромные чернокрылые птицы, терпеливо ожидая, когда наступит их пора слетаться к трупу. Сон или явь?

Десять тысяч против одного, что это сон. Только сон. Яркий и правдоподобный, но тем не менее всего лишь сон.

А если нет? У него начала кружиться голова, и он все больше слабел от потери крови. Я хочу домой, думал Пирсен. Чтобы попасть домой, я должен умереть. Правда, я могу умереть по-настоящему, но практически это исключено...

И вдруг его осенило. Да кто же это осмелится в наши дни рисковать жизнью избирателя? Нет, эти Нелимитированные Приключения не могут подвергать человека настоящим опасностям.

Джонс сказал ему об этом одном из десяти тысяч, чтобы приключение выглядело более реальным.

Вот это больше похоже на правду. Пирсен лег, закрыл глаза и приготовился умереть.

Он умирал, а мысли роем клубились у него в голове, давно забытые мечты, надежды, опасения. Пирсен вспомнил свою единственную службу и то смешанное чувство облегчения и сожаления, с которым он оставил ее. Вспомнились ему чудаковатые трудяги родители, которые упорно не желали пользоваться незаслуженными, как они говорили, благами цивилизации. Никогда в жизни Пирсону не приходилось столько думать, и вдруг оказалось, что существует еще один Пирсен, о котором он прежде не подозревал.

Новый Пирсен был на редкость примитивен. Он хотел жить, и больше ничего. Жить во что бы то ни стало. Этот Пирсен не желал умирать ни при каких обстоятельствах... пусть даже воображаемых.

Два Пирсона - один, движимый гордостью, а другой - стремлением выжить - вступили в единоборство. Померившись силами, которые у обоих были на исходе, они пошли на компромисс.

- Стервец Джонс небось думает, что я умру, - сказал Пирсен. - Умру, для того чтобы проснуться. Так пропади я пропадом, если он этого дождется.

Лишь в такой форме он был способен признать, что хочет жить.

Качаясь от слабости, он кое-как встал и попробовал освободиться от куста- кровопийцы. Тот присосался крепко.

С криком ярости Пирсен ухватился за куст и отодрал его от себя. Выдернутые листья полоснули его по ногам, а в это время другие вонзились в правую руку.

Но зато он освободил ноги. Отшвырнув пинками еще два куста, Пирсен бросился в джунгли с веткой, обвившейся вокруг руки.

Он долго брел, спотыкаясь; и только когда растения-кровососы остались далеко позади, начал освобождаться от последнего куста.

Тот завладел уже обеими руками. Плача от боли и злости, Пирсен поднял руки над головой и с размаху ударил ими о ствол дерева.

Крючочки слегка отпустили. Пирсен снова ударил руками о дерево и зажмурился от боли. Потом еще, еще раз, и, наконец, куст перестал цепляться за него.

Пирсен тут же побрел дальше.

Но он слишком долго мешкал, пока раздумывал, умирать ему или не умирать. Кровь ручьями струилась из сотни ранок, и запах крови оглашал джунгли, как набат. Что- то черное стремительно метнулось к нему сверху. Пирсен бросился

ничком на землю и, едва успев увернуться, услышал совсем рядом хлопанье крыльев и злобный пронзительный крик.

Он проворно вскочил и хотел спрятаться в колючем кустарнике, но не успел. Большая чернокрылая птица с малиновой грудью вторично ринулась на него с высоты.

Острые когти ухватили его за плечо, и он упал. Неистово хлопая крыльями птица уселась ему на грудь. Она клюнула его в глаз, промахнулась, опять нацелилась.

Пирсен наотмашь взмахнул рукой. Его кулак угодил птице прямо по зобу и свалил ее.

Тогда он на четвереньках уполз в кусты. С пронзительными криками птица кружила над ним, высматривая какую-нибудь лазейку. Но Пирсен уползал все глубже в спасительную колючую чащу.

Вдруг он услышал рядом тихий вой, похожий на стон. Да, видно, напрасно он так долго колебался. Джунгли обрекли его на смерть, вцепились в него мертвой хваткой. Похожая на акулу, продолговатая черно-синяя тварь, чуть поменьше той, с которой он дрался, проворно ползла к нему сквозь колючую чащу.

Одна смерть вопила в воздухе, другая стонала на земле, и бежать от них было некуда. Пирсен встал. С громким криком, в котором перемешались страх, злость и вызов, он, не колеблясь, бросился на черно-синего зверя.

Лязгнули огромные челюсти. Пирсен рухнул на землю. Последнее, что уловило его угасающее сознание, была разинутая над ним смертоносная пасть.

Неужели наяву? - с внезапным ужасом подумал он, и все исчезло.

Он очнулся на белой койке, в белой, неярко освещенной комнате. Пирсен медленно собрался с мыслями и вспомнил... свою смерть.

Ничего себе приключеньице, подумал он. Надо ребятам рассказать. Только сначала выпить. Сходить куда-нибудь поразвлечься и опрокинуть рюмочку... а то и все десять.

Он повернул голову. Сидевшая на стуле возле койки девушка в белом халате встала и наклонилась над ним.

- Как вы себя чувствуете, мистер Пирсен? - спросила девушка.

- Нормально, - ответил он. - А где Джонс?

- О ком вы?

- Шринагар Джонс. Здешнее начальство.

- Вы, очевидно, перепутали, сэр, - сказала девушка. - Нашей колонией руководит доктор Бейнтри.

- Чем?! - крикнул Пирсен.

В комнату вошел высокий бородатый человек.

- Вы свободны, сестра, - сказал он девушке и повернулся к Пирсону. - Добро пожаловать на Венеру, мистер Пирсен. Я доктор Бейнтри, директор пятой базы.

Пирсен недоверчиво на него уставился. Потом, кряхтя, сполз с кровати и наверняка упал бы, если бы Бейнтри его не подхватил.

Пирсен с изумлением обнаружил, что забинтован чуть ли не с головы до пят.

- Так это было наяву? - спросил он.

Бейнтри помог ему добраться до окна. Пирсен увидел расчищенный участок, изгороди и зеленеющую вдали опушку джунглей.

- Один на десять тысяч, - с горечью произнес он. - Вот уж действительно везет как утопленнику. Я ведь мог погибнуть.

- Вы чуть было не погибли, - подтвердил Бейнтри. - Однако в том, что вы попали на Венеру, неповинны ни статистика, ни случай.

- Как вас понять?

- Выслушайте меня, мистер Пирсен. На Земле жить легко. Людям больше не приходится бороться за свое существование; однако, боюсь, они добились этого слишком дорогой ценой. Человечество остановилось в своем развитии. Рождаемость непрерывно падает, а количество самоубийц растет. Границы наших владений в космосе продолжают расширяться, но туда никого не заманишь. А их ведь нужно заселить, если мы хотим выжить.

- Слышал я уже в точности такие слова, - сказал Пирсен. - И в киножурнале, и по солидо, и в газете читал...

- Они, я вяжу, не произвели на вас впечатления.

- Я этому нс верю.

- Верите или нет, - твердо ответил Бейнтри, - но все равно это правда.

- Вы фанатик, - сказал Пирсен. - Я не намерен с вами спорить. Пусть даже это правда - мне-то что?

- Нам катастрофически не хватает людей, - сказал Бейнтри. - Чего мы только не придумывали, как ни старались найти желающих. Никто не хочет уезжать с Земли.

- Еще бы. Дальше что?

- Лишь один-единствениьш способ оправдал себя. Мы основали агенство Нелимитированных Приключений. Всех подходящих кандидатов отвозят сюда и оставляют в джунглях. Мы наблюдаем за их поведением. Это отличный тест, полезный и для испытуемого и для нас.

- Ну, а что бы со мной случилось, если бы я не удрал тогда от тех кустов?

Бейнтри пожал плечами.

- Так, значит, вы меня завербовали, - сказал Пирсен. - Сперва погоняли по кругу с препятствиями, потом увидели, какой я молодец, и в самую последнюю секунду спасли. Я, наверно, должен быть польщен таким вниманием. И тотчас же осознаю, что я не какой-нибудь неженка, а крепкий, неприхотливый парень. И конечно, я полон отваги, мечтаю о славе первооткрывателя?

Бейнтри молча глядел на него.

- И разумеется, тут же запишусь в колонисты? Да что я, псих, по-вашему, или кто? Неужто вы всерьез считаете, что я брошу шикарную жизнь на Земле, чтобы вкалывать у вас тут в джунглях или на ферме? Да провалитесь вы хоть к черту в пекло вместе с вашими душеспасительными планами.

- Я прекрасно понимаю ваши чувства, - заметил Бейнтри. - С вами обошлись довольно бесцеремонно, но этого требуют обстоятельства. Когда вы успокоитесь...

- Я и так спокоен! - взвизгнул Пирсен. - Хватит с меня проповедей о спасении мира! Я хочу домой, хочу в Дворец развлечений.

- Мы можем отправить вас с вечерним рейсом, - сказал Бейнтри.

- Что? Нет, вы это серьезно?

- Вполне.

- Ни черта не понимаю. Вы что, на сознательность решили бить? Так этот номер не пройдет - я еду, и конец. Удивляюсь, как это у вас хоть кто-то остается.

- Здесь никто не остается, - сказал Бейнтри.

- Что?!

- Почти никто, исключения очень редки. Большинство

поступает так же, как вы. Это только в романах герой вдруг обнаруживает, что он обожает сельское хозяйство и жаждет покорять неведомые планеты. В реальной жизни все хотят домой. Многие, правда, соглашаются помогать нам на Земле.

- Каким образом?

- Они становятся вербовщиками, - ответил Бейнтри. - Это и в самом деле занятно. Ты ешь, пьешь и наслаждаешься жизнью, как обычно. Но когда встречается подходящий кандидат, ты уговариваешь его испытать воображаемое приключение и ведешь в агентство... Вот как Бенц привел вас.

- Бенц? - изумился Пирсен. - Этот подонок - вербовщик?

- Конечно. А вы думали, что вербовщиками у нас служат ясноглазые идеалисты? Все они такие же люди, как вы, Пирсен, так же любят повеселиться, ищут легкой жизни и, пожалуй, даже не прочь оказать помощь человечеству, если это не очень хлопотно. Я думаю, такая работа вам понравится.

- Что ж, попробовать можно, - согласился Пирсен. - Забавы рядом.

- Мы большего не просим.

- Но откуда же вы тогда берете новых колонистов?

- О, это любопытная история. Представьте себе, мистер Пирсен, что многим из наших вербовщиков через несколько лет вдруг делается интересно, что же здесь происходит? И они возвращаются.

- Ну ладно, - сказал Пирсен. - Так и быть, я поработаю на вас. Но только временно, пока не надоест.

- Конечно, - сказал Бейнтри. - Вам пора собираться в дорогу.

- И назад меня не ждите. Ваш душеспасительный рэкет - на любителя. А я человек городской. Мне нужен комфорт.

- Да, конечно. Кстати, вы отлично вели себя в джунглях.

- Правда?

Бейнтри молча кивнул.

Пирсен не отрываясь глядел на поля, постройки, изгороди; глядел он и на дальнюю опушку джунглей, с которыми только что сразился и едва не вышел победителем.

- Нам пора, - сказал Бейнтри.

- А? Ладно, иду, - ответил Пирсен.

Он медленно отошел от окна, чувствуя легкую досаду, причину которой так и не смог определить.

Роберт Шекли

Мой двойник - робот

Перевод В. Баканова

"Роботорама Снэйта" - неприметное на вид предприятие на бульваре КБ"" в Большом Новом Ньюарке. Оно втиснуто между ректификационным заводом и протеиновым магазином. И на витрине ничего необычного - три одетых в соответствии с назначением человекоподобных робота. Застывшие улыбки и броская реклама:

Модель ПБ-2 - повар-француз

Модель РЛ9 - английская няня

Модель ИХ5 - итальянский садовник
Каждый готов служить вам
Каждый внесет в ваш дом теплоту и уют ушедшего
Старого времени

Я толкнул дверь и через пыльный демонстрационный зал прошел в цех - нечто среднее между бойней и мастерской великана. На потолках, стеллажах и просто на полу лежали головы, руки, ноги, туловища, неприятно похожие на человеческие, если бы не торчащие провода.

Из подсобного помещения ко мне вышел Снэйт - маленький невзрачный человечек со впалыми щеками и красными заскорузлыми руками. Он был иностранцем; самых лучших нелегальных роботов всегда делают иностранцы.

- Все готово, мистер Уатсон.

(Мое имя не Уатсон, имя Снэйта - не Снэйт. Фамилии, естественно, я изменил.)

Снэйт провел меня в угол, где стоял робот с обмотанной головой, и театральным жестом сорвал ткань.

Мало сказать, что робот внешне походил на меня; этот робот был мною, достоверно и безошибочно, до мельчайших подробностей. Я рассматривал это лицо, словно в первый раз заметил оттенок жесткости в твердых чертах и нетерпеливый блеск глубоко посаженных глаз. Да, то был я. Я не стал прослушивать его голос и проверять поведение. Я просто заплатил Снэйту и попросил доставить заказ на дом. Пока все шло по плану.

Я живу в Манхаттане на Верхней Пятой Вертикали. Это обходится недешево, но, чтобы видеть небо, не жалко и переплатить. Здесь же и мой рабочий кабинет; Я межпланетный маклер, специализируюсь на сбыте редких минералов.

Как всякий, кто хочет сохранить свое положение в нашем динамичном мире конкуренции, я строго придерживаюсь жесткого распорядка дня. Работа занимает львиную долю моей жизни, но и всему остальному уделено время и место. Два часа в неделю уходят на дружбу, два часа - на праздный отдых. На сон предусмотрено шесть часов сорок восемь минут в сутки; я включаю снонаводитель и использую это время для изучения специальной литературы при помощи гипнопедии. И так далее.

Я все делаю только по графику. Много лет назад вместе с представителями компании "Ваша жизнь" я разработал всеобъемлющую схему, задал ее своему компьютеру и с тех пор от нее не отступаю ни на минуту.

Разумеется, предусмотрены и отклонения на случай болезни, войны, стихийных бедствий. Про запас введены две подпрограммы. Одна учитывает появление жены и преобразует график для выделения особых четырех часов в неделю. Вторая предусматривает жену и ребенка " освобождает еженедельно дополнительно еще два часа. Тщательная отработка подпрограмм позволит снизить мою производительность лишь соответственно на два и три десятых и два и девять десятых процента.

Я решил жениться в возрасте тридцати двух с половиной лет, поручив подбор жены агенству "Гарантированный матримониальный успех" - фирме с безупречной репутацией. Но тут случилось нечто совершенно непредвиденное.

Однажды в часы, отведенные на досуг, я присутствовал на свадьбе моего знакомого. Подружку нареченной звали Илэйн. Это была изящная живая девушка со светлыми волосами и очаровательной фигуркой. Мне она пришлась по вкусу, но, вернувшись домой, я тут же позабыл о ней. То есть мне

казалось, что позабыл. В последующие дни и ночи ее образ неотрывно стоял перед моими глазами. У меня пропал аппетит и ухудшился сон. Мой компьютер, обработав всю доступную ему информацию, предположил, что я либо нахожусь на грани нервного расстройства, либо - и скорее всего - серьезно влюблен.

Нельзя сказать, что я был недоволен. Любовь к будущей супруге является положительным фактором для установления добрых отношений. Корпорация "Благоразумие" по моему запросу навела справки и установила, что Илэйн - в высшей степени подходящий объект. Я поручил Мистеру Счастье, известному посреднику в брачных делах, сделать за меня предложение и заняться обычными приготовлениями.

Мистер Счастье - невысокий седовласый джентльмен с блуждающей улыбкой - принес неважные вести.

- Юная дама, - сообщил он, - приверженка старых взглядов.

Она ожидает от вас ухаживания.

- Что это значит конкретно? - спросил я.

- Это значит, что вы должны позвонить ей по видеофону, назначить свидание, повести ужинать, посетить с ней места общественного увеселения и так далее.

- Распорядок дня не оставляет мне времени для подобных занятий, - сказал я. - Но если это совершенно необходимо, я постараюсь освободиться в четверг с девяти до двенадцати.

- Для начала - великолепно, - одобрил Мистер Счастье.

- Для начала? Сколько же вечеров мне придется на это убить?

Мистер Счастье полагал, что ухаживание по всем правилам потребует по меньшей мере трех вечеров в неделю и будет продолжаться в течение двух месяцев.

- Нелепо! - воскликнул я. - Можно подумать, у девушки - уйма свободного времени.

- Вовсе нет, заверил меня Мистер Счастье. - Илэйн, подобно каждому образованному наших дней, ведет очень насыщенный, детально распланированный образ жизни. Ее время целиком поглащают работа, семья, благотворительная деятельность, артистические поиски,политика.

- Так почему же она настаивает на этом расточительном занятии?

- Похоже, для нее это вопрос принципа. Короче говоря, она этого хочет.

- Илэйн склонна к нелогичным поступкам?

Мистер Счастье вздохнул.

- Что вы хотите, она ведь женщина...

Весь свой следующий час досуга я посвятил размышлениям. На первый взгляд у меня было всего два пути: либо отказаться от Илэйн, либо потакать ее прихоти. В последнем случае я потеряю около семнадцати процентов дохода и к тому же буду проводить вечера самым глупым, скучным и непродуктивным образом. Оба пути я счел неприемлемыми и оказался в тупике. В досаде я ударил кулаком по столу, так что подпрыгнула старинная пепельница. Гордон, один из моих секретарей-роботов, поспешил на шум.

- Вам что-нибудь требуется, сэр?

Гордон - андроид серии ОНЛХ (Ограниченно наделенные личностными характеристиками) класса "делюкс"; худой, слегка сутулый и как две капли воды похож на Лесли Говарда. Если бы не обязательные правительственные клейма на лбу и руках, его не отличить от человека. И вот при виде Гордона меня осенило.

- Гордон, - медленно сказал я, - не знаешь ли ты, кто

производит лучших индивидуализированных роботов?

- Снэйт из Большого Нового Ньюарка, - уверенно ответил он.

Я имел беседу со Снэйтом и убедился, что это вполне нормальный, в меру жадный человек. Снэйт согласился сделать робота без правительственных клейм, который был бы похож на меня и дублировал мою манеру поведения. Мне пришлось уплатить более чем солидную сумму, но я остался доволен: денег у меня было предостаточно, а вот времени - в обрез. Так все и началось.

Когда я вернулся домой, робот, посланный пневмоэкспрессом, уже ждал меня. Я оживил его и сразу принялся за дело. Мой компьютер внес всю касающуюся меня информацию непосредственно в память робота. Я ввел план ухаживания и сделал необходимые проверки. Результаты превзошли все ожидания. Окрыленный успехом, я позвонил Илэйн и договорился о встрече.

Остаток дня я разбирался с делами на бирже. Ровно в восемь Чарлз II, как я стал его называть, отправился на свидание. Я немного вздремнул и снова принялся за работу.

Чарлз II возвратился точно в полночь, согласно программе. Мне не пришлось расспрашивать его; все происшедшее было запечатлено скрытой камерой, которую Снэйт встроил роботу в левый глаз. Я смотрел и слушал начало моего ухаживания со смешанным чувством.

Робот безусловно был мной, вплоть до покашливания перед тем, как заговорить, и привычки потирать в задумчивости большой и указательный пальцы. Впервые в жизни я заметил, что мой смех неприятно напоминает хихиканье, и решил избавиться от этого и некоторых других раздражающих манер в себе и Чарлзе II.

И все же, на мой взгляд, первый опыт прошел блестяще. Я остался доволен. И работа, и ухаживание продвигались успешно. Осуществилась древняя мечта: одно "я" располагало двумя телами. Можно ли было желать большего?

Какие изумительные вечера мы проводили! Мои переживания, хоть и не из первых рук, были искренними. До сих пор помню первую ссору с Илэйн: как красива она была в своем упрямстве и как чудесно было последовавшее примерение!

Кстати, "примерение" обнаружило некоторые проблемы. Я запрограммировал Чарлза II не переступать в своих действиях определенных границ. Но жизнь показала, что человек не может предусмотреть все хитросплетения в отношениях двух независимых существ, особенно если одно из них - женщина. Ради большего правдоподобия мне пришлось поцти на уступки.

После первого потрясения я у же с интересом следил за собой и Илэйн. Какой- нибудь надутый психиатр, вполне вероятно, распознал бы в этом эротоманию или что-то и похуже. Однако подумать так - значит пренебречь самим естеством человеческой натуры. В конце концов какой мужчина не мечтает носмотреть на себя со стороны!

Мои отношения с Илэйн развивались драматически, в поразившем меня направлении. Появилось какое-то отчаяние, какое-то любовное безумие, в чем я никогда не мог себя заподозрить. Наши встречи приобрели оттенок возвышенной печали, окрасились чувством надвигающейся неотвратимой утраты. Порой мы вовсе не разговаривали, просто сидели, держась за руки и не отрывая глаз друг от друга. А однажды Илэйн расплакалась без всякой видимой причины. "Что же нам делать?", - прошептала она. Я гладил ее волосы и не знал, что сказать.

Разумеется, я прекрасно понимаю, что все это происходило с роботом. Но робот был мной - моим двойником, моей тенью. Он вел себя так, как вел бы себя в подобной ситуации я сам; следовательно, его переживания принадлежали мне.

Все это было крайне интересно. Но настала пора подумать и о свадьбе. Я велел роботу предложить дату обручения и прекратить ухаживание как таковое.

- Ты молодец, - похвалил я. - Когда все завершится, тебе сделают пластическую операцию, наделят новыми личностными характеристиками и ты займешь почетное место в моей фирме.

- Благодарю вас, сэр, - проговорил Чарлз II.

Его лицо было непроницаемо, и голос выражал идеальное послушание. Он отправился к Илэйн, унося мой последний дар.

Наступила полночь, а Чарлз II не возвращался. Я начал беспокоиться. К трем часам ночи я истерзал себя самыми нелепыми фантазиями, обнаружив, что способен на самую настоящую ревность. Мучительно тянулись минуты. Мои фантазии приобрели садистский характер: я уже представлял, как жестоко отомщу им обоим: роботу за неповиновение, а Илэйн за глупость - принять механическую подделку за настоящего мужчину!

Наконец я забылся сном.

Но и утром Чарлз II не пришел. Я отменил все дневные встречи и помчался к Илэйн.

- Чарлз! - воскликнула она. - Вот неожиданность! Я так рада!

Я вошел в ее квартиру с самым беспечным видом, решив сохранять спокойствие, пока не узнаю точно, что произошло ночью.

- Неожиданность? - переспросил я. - Разве я не упоминал, что могу зайти к завтраку?

- Возможно, - сказала Илэйн. - Честно говоря, я была слишком взволнована, чтобы запомнить все твои слова.

- Но ты помнишь остальное?

Она мило покраснела.

- Конечно, Чарлз. У меня на руке до сих пор остался след.

- Вот как!

- И болят губы.

- Я бы не отказался от кофе.

Она налила кофе, и я в два глотка осушил чашку.

- Ты узнаешь меня? Не находишь ли перемен со вчерашнего вечера?

- Разумеется, нет, удивилась она. - Я, кажется, знаю все твои настроения. Чарлз, что случилось? Тебя что-то огорчило вчера?

- Да! - дико закричал я. - Мне вспомнилось, как ты голая танцевала на веранде! -

Я пристально смотрел на нее, ожидая взрыва негодования.

- На меня что-то нашло, - нерешительно проговорила Илэйн. - К тому Же я не была совсем голой... Ты же сам попросил...

- Да. Да-да... - Я смутился, но решил не отступать. - А когда ты пила шампанское из салатницы...

- Я только отхлебнула, - вставила она. - Это было чересчур дерзко?

- А помнишь, как мы, совсем обезумев, поменялись одеждой?

- Какие мы с тобой испорченные! - рассмеялась она.

Я встал.

- Илэйн, что именно ты делала прошлой ночью?

- Странный вопрос, - произнесла она. - Была с тобой. Все, о чем ты говорил...

- Я это выдумал.
- Тогда с кем был ты?
- Я был дома, один.
Она замолчала и минуту собиралась с мыслями.
- Чарлз, мне надо тебе признаться...
Я в ожидании скрестил руки на груди.
- Я тоже вчера была дома одна.
Мои брови поползли вверх.
- А остальные дни?
Она глубоко вздохнула.
- У меня больше нет сил тебя обманывать. Мне действительно хотелось старомодного ухаживания. Но когда настала пора, я убедилась, что у меня нет на это ни минуты. Видишь ли, как раз заканчивался курс ацтекской керамики, и меня выбрали председателем Лиги помощи алеутам, да и мой новый магазин женского платья требовал особого внимания...
- И что ты сделала?
- Ну, не могла же я сказать тебе: "Послушай, давай бросим эти ухаживания и поженимся". В конце концов мы едва были знакомы.
- Что ты сделала?
Она понурила голову.
- Кое-кто из моих подруг попадал в подобные переделки... Они обращались к одномуспециалисту по роботам, Снэйту... Почему ты смеешься?
- Я тоже должен тебе признаться. Снэйт помог и мне.
- Чарлз! Ты послал робота ухаживать за мной? Как ты мог? А если бы я сама...
- По-моему, ни ты, ни я не вправе возмущаться. Твой робот вернулся?
- Нет. Я решила, что Илэйн II и ты...
Я покачал головой.
- Я никогда не встречался с Илэйн II, а ты - с Чарлзом II. Наши роботы, надо думать, так увлеклись друг другом, что сбежали вместе.
- Разве роботы на это способны?
- Наши - способны. По всей видимости, они перепрограммировали друг друга.
- Или просто полюбили, - с завистью произнесла Илейн.
- Я выясню, что произошло. Но сейчас, Илэйн, давай подумаем о себе. Предлагаю пожениться при первой же возможности.
- Да, Чарлз, - промурлыкала она.
Мы поцеловались. А потом кропотливо стали координировать наши графики.
Мне удалось проследить беглецов до космопорта Кеннеди. Оттуда они попали на Пятую станцию, где пересели на экспресс, отправлявшийся к созвездию Кентавра. Продолжать поиски не имело смысла. Они могли избрать любую из дюжины планет.
Пережитое оказало на нас с Илэйн глубокое впечатление. Мы поняли, что слишком привержены принципу "время - деньги" и пренебрегаем простыми древними радостями. И поступили, как подсказали наши сердца, - выкроили по часу из каждого дня - семь часов в неделю! - лишь для того, чтобы быть вместе. Друзья считают нас глупыми романтиками, но мы не обращаем на это внимания. Чарлз II и Илэйн II, наши "альтэр эго", одобрили бы нас.
Осталось добавить только одно. Как-то ночью Илэйн просну- лась в истерике. Ей привиделось во сне, что Чарлз II и Илэйн II - настоящие люди, которые вырвались из

холодной деловитости Земли в какой-то другой, простой и более щедрый на человеческое тепло мир. А мы - роботы, оставленные на их месте и запрограммированные верить в то, что мы люди.

Я объяснил Илэйн всю нелепость ее сна. Это было непросто и заняло много времени, но в конце концов я ее убедил. Мы - счастливая пара. Теперь я должен кончать свой рассказ и идти работать.

Роберт Шекли

Рейс молочного фургона

Перевод Н. Евдокимовой

- Такой случай больше не представится, - сказал Арнольд. - Миллионные прибыли, небольшие начальные вложения, быстрая окупаемость. Ты меня слышишь?

Ричард Грегор устало кивнул. В конторе Межпланетной очистительной службы "Ace" медленно и томительно тянулся день, неотличимый от вереницы остальных дней. Грегор раскладывал пасьянс. Его компаньон Арнольд сидел за письменным столом, закинув ноги на пачку неоплаченных счетов.

За стеклянными дверями скользили тени; это шли мимо люди, направляясь в "Марс- Сталь", "Неоримские новшества", "Альфа-Дьюара продукция" и другие конторы, расположенные на том же этаже.

В пыльном помещении службы "Ace" по-прежнему царили тишина и запустение.

- Чего мы ждем? - громко спросил Арнольд. - Беремся мы за это дело или нет?

- Это не по нашей части, - ответил Грегор. - Ведь мы специалисты по безопасности планет. Ты что, забыл?

- Никому не нужна эта безопасность, - парировал Арнольд.

К несчастью, он говорил правду.

После успешного очищения Призрака-V от воображаемых чудовищ служба "Ace" пережила период кратковременного подъема. Однако вскоре космическая экспансия приостановилась. Люди занялись увеличением прибылей, возведением городов, распахиванием полей, прокладкой дорог.

Когда-нибудь движение возобновится. Пока есть что осваивать, человечество будет осваивать новые миры. Но сейчас дела шли из рук вон плохо.

- Надо учитывать перспективы, - сказал Арнольд. - Живут все эти люди на светлых, солнечных новых планетах. Им нужны домашние животные, которых привезем им с родины... - он выдержал драматическую паузу, - мы с тобой.

- У нас нет оборудования для перевозки скота, - возразил Грегор.

- У нас есть звездолет. Что тебе еще нужно?

- Все. Главным образом знания и опыт. Перевозка живых тварей в космосе - работа в высшей степени деликатная. Это работа для специалистов. Что ты сделаешь, если между Землей и Омегой IV корова свалится от ящура?

Арнольд авторитетно заявил:

- Мы будем перевозить лишь выносливые, устойчивые породы. Проведем медицинский осмотр. И прежде, чем животные взойдут

на борт, я собственноручно продезинфицирую корабль.
- Ну вот что, мечтатель, - озлился Грегор, - приготовься к удару. В нашем секторе космоса всеми перевозками животных ведает концерн "Тригейл". Конкурентов он не терпит, и потому конкурентов у него нет. Как ты собираешься его обойти?
- Будем брать дешевле.
- И сдохнем с голоду.
- Мы и так подыхаем с голоду.
- Лучше голодать, чем "случайно" на месте назначения получить пробоину от одного из буксиров "Тригейла". Или обнаружить в пути, что кто-то заполнил водяные баки керосином. И вовсе не заполнил кислородных баллонов.
- Ну и воображение у тебя! - нервно проговорил Арнольд.
- То, что ты считаешь плодом моего воображения, уже не раз случалось в действительности. В этой сфере "Тригейл" хочет быть единственным, и он им остается. "По несчастной случайности", если хочешь, зловещий каламбур.
В этот момент отворилась дверь. Арнольд одним махом убрал со стола ноги, а Грегор сбросил карты в ящик стола.
Посетитель, судя по коренастой фигуре, непропорционально маленькой голове и бледно-зеленой коже, не был жителем Земли. Он уверенно подошел прямо к Арнольду.
- Прибудут в центральный пакгауз "Тригейл" через три дня, - сказал посетитель.
- Так быстро, мистер Вене? - отозвался Арнольд.
- Да. Смагов надо транспортировать с особой осторожностью, а квилов доставил еще несколько дней назад.
- Отлично. Это мой компаньон, - сказал Арнольд, оборачиваясь к Грегору, который хлопал глазами от изумления.
- Счастлив познакомиться. - Вене крепко стиснул руку Грегора. - Восхищаюсь вами, ребята. Свободная инициатива, конкуренция - я в это верю. Вам известен маршрут?
- Все записано, - ответил Арнольд. - Мой компаньон готов стартовать в любую минуту.
- Я сразу же отправлюсь на Вермойн II и буду там вас ожидать. Всего хорошего.
Он повернулся и вышел.
Грегор медленно спросил:
- Арнольд, что ты там вытворяешь?
- Наживаю состояние нам обоим, вот что я вытворяю, - ядовито ответил Арнольд.
- Перевозкой скота?
- Да.
- На территории "Тригейла"?
- Да.
- Покажи-ка контракт.
Арнольд извлек документы. Там значилось, что Межпланетная очистительная (и транспортная) служба "Асе" обязуется доставить пять смагов, пять фиргелей и десять квилов в систему звезды Вермойн. Товар надлежит погрузить в центральном пакгаузе "Тригейла" и сдать в главном пакгаузе Вермойна II. Службе "Асе" предоставляется также право по своему усмотрению соорудить собственный пакгауз.
Вышеуказанных животных следует доставить живыми, невредимыми, здоровыми, бодрыми, способными к размножению и так далее. Были пункты, предусматривающие огромные неустойки в случае утери животных, доставки их не живыми, не здоровыми, не способными к размножению и так далее.
Документ звучал как соглашение о временном перемирии между двумя враждующими державами.

- Ты вправду подписал этот смертный приговор? - недоверчиво спросил Грегор.
- Ясное дело. Тебе всего и работы-то - погрузить этих тварей, забросить на Вермойн и там скинуть.
- Мне? А что же будешь делать ты?
- Я останусь здесь и обеспечу тебе поддержку, - ответил Арнольд.
- Поддерживай меня на борту корабля,
- Нет-нет, это невозможно. При виде квила меня выворачивает наизнанку.
- Точно такое же ощущение вызывает у меня вид этого договора. Давай-ка для разнообразия поручим дело тебе.
- Но ведь я веду научно-исследовательскую работу, - возразил Арнольд, с лица которого градом катился пот. - Мы с тобой так условились. Разве ты забыл?
Грегор не забыл. Он вздохнул и беспомощно пожал плечами.
Компаньоны принялись немедля приводить в порядок корабль. Трюм состоял из трех отсеков - по количеству пород. Все животные дышали кислородом и были жизнеспособны при 70 по Фаренгейту, так что здесь никакие проблемы не возникали. На корабль погрузили нужные корма.
Через три дня, когда все как будто было готово, Арнольд решил проводить Грегора до центрального пакгауза фирмы "Тригейл".
На пути до "Тригейла" ничего не произошло, но Грегор не без трепета приземлился на посадочной платформе. Слишком много рассказов ходило про этот концерн, чтобы можно было чувствовать себя в его цитадели как дома. Грегор принял всяческие меры предосторожности. Топливом и всеми необходимыми припасами он обзавелся на Луна-станции и не собирался впускать служащих "Тригейла" на борт корабля.
Однако если сотрудников станции и тревожил вид старого, потрепанного звездолета, они это удачно скрывали, Два трактора втащили корабль на погрузочную платформу и втиснули его между двумя лощеными тригейловскими экспресс-фрахтовиками.
Оставив Арнольда следить за пофузкой, Грегор ушел подписывать декларации. Вкрадчивый чиновник "Тригейла" подал ему документы и с интересом смотрел на Грегора, пока тот изучал их.
- Смагов грузите, а? - вежливо спросил чиновник.
- Да, - ответил Грегор, ломая голову, как же выглядят эти смаги.
- И квилов, и фиргелей впридачу, - задумчиво продолжал чиновник. - Всех вместе. Вы очень храбрый человек, мистер Грегор.
- Кто, я? Почему ?
- Знаете старую поговорку: "Если едешь со смагами, не забудь прихватить увеличительное стекло".
- Нет, я такой поговорки не слыхал.
Чиновник дружелюбно усмехнулся и пожал руку Грегору.
- После такого рейса вы сами будете складывать пословицы. Желаю большой удачи, мистер Грегор. Разумеется, неофициально.
Грегор слабо улыбнулся в ответ. Он вернулся на погрузочную платформу. Смаги, фиргели и квилы были на борту, размещенные по своим отсекам. Арнольд включил подачу воздуха, проверил температуру и задал всем суточный рацион.
- Ну, тебе пора, - весело сказал Арнольд.
- Действительно, пора, - согласился Грегор без особого энтузиазма. Он вскарабкался на борт, не обращая внимания на

толпу хихикающих зевак.
Корабль отбуксировали на взлетную полосу; вскоре Грегор был уже в космосе и держал курс на пакгауз, обращающийся на орбите вокруг Вермойна II.
В первый день космического рейса работы всегда хватает. Грегор проверил приборы, потом осмотрел баки, резервуары, трубопровод и электропроводку. Он хотел убедиться, что старт не вызвал никаких повреждений. Затем он решил взглянуть на груз. Пора было выяснить, на что похожи эти звери.
В правом переднем отсеке находились квилы. Они напоминали гигантские снежные шары. Грегор знал, что квилы дают драгоценную шерсть, за которую повсюду платят бешенные деньги.
Животные, очевидно, не привыкли к невесомости, потому что их пища осталась нетронутой. Они неуклюже плавали вдоль стен и потолка, и жалобно блеяли, и просились на твердую почву.
С фиргелями все обстояло благополучно. То были большие гладкокожие ящерицы, назначения которых в сельском хозяйстве Грегор не мог себе представить. Они пребывали в спячке и должны были спать до конца рейса.
Пять смагов радостно залаяли при его появлении. Эти ласковые травоядные млекопитающие явно наслаждались состоянием невесомости.
Удовлетворенный, Грегор вернулся в кабину управления. Рейс начался хорошо. "Тригейл" к нему не придирался, а животные в пути чувствовали себя превосходно.
В конце концов, может быть, это занятие и впрямь не более опасно, чем рейс молочного фургона, подумал Грегор.
Проверив работу рации и переключателей управления, он завел будильник и улегся спать.
Восемь часов спустя он проснулся. Сон не освежил его, голова раскалывалась от боли. У кожи был отвратительный привкус слизи. Грегор с трудом сосредоточил внимание на пульте с приборами.
Эффект консервированного воздуха, решил он и радировал Арнольду, что все в порядке. Однако посреди разговора оказалось, что он с трудом поднимает веки.
- Кончаю, - сказал он, сладко зевнув. - Душно здесь. Пойду вздремну.
- Душно? - переспросил Арнольд; по радио его голос казался далеким-далеким. - Не должно быть. Циркуляторы воздуха...
Грегор обнаружил, что приборы пьяно покачиваются перед ним и расплываются, теряя очертания. Он облокотился на пульт и закрыл глаза.
- Грегор!
- Ммм...
- ГРЕГОР! Проверь содержание кислорода!
Грегор пальцем приоткрыл один глаз ровно на столько времени, чтобы бросить взгляд на шкалу. Он несказанно развеселился, увидев, что концентрация углекислого газа достигла небывалого уровня.
- Кислорода нет, - сообщил он Арнольду. - Вот проснусь и все улажу.
- Это вредительство! - взревел Арнольд. - Проснись, Грегор! Неимоверным усилием Грегор подался вперед и открыл аварийный кран воздухоснабжения. Поток чистого кислорода отрезвил его. Он встал, неуверенно покачиваясь, и плеснул водой себе в лицо.

- А животные!- вопил Арнольд. - Посмотри, как там животные!
Грегор включил вспомогательную систему проветривания во всех трех отсеках и помчался по коридору.
Фиргели были живы и не вышли из спячки.
Смаги, очевидно, не заметили никакой разницы в составе атмосферы.
Два квила потеряли было сознание, но теперь быстро приходили в себя. В отсеке квилов Грегор понял наконец, что случилось.
Никакого вредительства не было. В стенах и потолке вентиляторы, по которым циркулировал воздух на корабле, оказались. забитыми квильей шерстью. Клочья шерсти реяли в неподвижном воздухе, напоминая снегопад при замедленной съемке.
- Конечно, конечно, - сказал Арнольд, когда Грегор сообщил о случившемся. - Разве я не предупреждал тебя, что квилов необходимо стричь дважды в неделю? Ты, наверное, забыл. Вот что сказано в книге: "Квилы - Queelis Tropicalis - мелкие тонкорунные млекопитающие, находятся в отдаленном родстве с овцами Земли. Родина квилов - Тенсис V, однако их успешно разводят и на других планетах с высоким тяготением, Одежда, сотканная из шерсти квилов, огнеупорна, непроницаема для укуса насекомых, не поддается гниению и практически вечна благодаря значительному содержанию металла в шерсти. Квилов необходимо стричь дважды в неделю. Размножаются фемишем."
- Никакого вредительства, - прокомментировал Грегор.
- Никакого вредительства, но тебе бы лучше постричь квилов, - ответил Арнольд.
Грегор дал отбой, нашел в сумке с инструментами ножницы для жести и пошел обрабатывать квилов. Однако режущие кромки тотчас же притупились от металлической шерсти. Квилов, скорее всего, надо было стричь специальными ножницами из какого-нибудь твердого сплава.
Он кое-как собрал летающую шерсть и снова прочистил вентиляторы.
Осмотрев все в последний раз, он пошел ужинать.
В рагу плавала маслянистая металлическая шерсть квилов.
Он лег спать с чувством отвращения.
Проснувшись, он удостоверился, что старый, кряхтящий корабль все еще держит правильный курс. Главный привод работал хорошо, и будущее представилось Грегору в розовом свете, особенно после того, как оказалось, что фиргели все еще спят, а смаги ведут себя прилично.
Однако, осматривая квилов, Грегор увидел, что с момента погрузки они не съели ни крошки. Дело становилось серьезным. Он связался с Арнольдом, чтобы посоветоваться.
- Очень просто, - сказал Арнольд, перелистав несколько справочников. - У квилов отсутствуют горловые мускулы. Чтобы пища проходила в низ по пищеводу, им необходима сила тяготения. Но при невесомости нет и тяготения, так что пища не поступает в желудок.
Действительно просто. Одна из тех мелочей, что на Земле не предусмотришь. В космосе же, при искусственных условиях, даже самый простой вопрос превращается в сложнейшую проблему.
- Тебе придется придать кораблю вращение, чтобы создать для них хоть какую-то силу тяжести, - сказал Арнольд.
Грегор быстро произвел в уме некоторые вычисления.
- На это уйдет уйма энергии,

- Тогда, как сказано в книге, ты можешь заталкивать в них пищу рукой. Скатываешь пищу во влажный комок, погружаешь руку по локоть и...

Грегор прервал связь и включил боковые сопла. Он широко расставил ноги и с тревогой стал ждать, что же будет.

Квилы накинулись на корм с непринужденностью, которая привела бы в восторг любого квиловода.

Придется теперь заправиться горючим в космическом пакгаузе у Вермойна II. Издержки сильно взлетят, потому что во вновь освоенных планетных системах горючее очень дорого. Но все же прибыль будет достаточно велика.

Он повернулся к своим обязанностям по кораблю. Звездолет медленно преодолевал неизмеримое пространство.

Снова наступило время кормежки. Грегор задал корм квилам и перешел к отсеку смагов. Он открыл дверь и позвал: "Подходи!"

Никто не подошел.

Отсек был пуст.

Грегор почувствовал какое-то странное ощущение под ложечкой. Это невозможно. Смагам уйти некуда. Они решили подшутить над ним и где-ньбудь спрятались. Но в отсеке негде было спрятаться пяти большим смагам.

Ощущение дрожи перешло в форменную тряску. Грегор вспомнил о неустойке в случае утери, повреждения, и так далее и тому подобное.

- Эй, смаг! Выходи, смаг! - прокричал он. Ответа не было.

Он внимательно осмотрел стены, потолок, дверь и вентиляторы - быть может, смаги ухитрились пролезть сквозь них.

Но смаги бесследно исчезли.

Вдруг он услышал какой-то шорох у себя под ногами. Посмотрев вниз, он заметил, как что-то прошмыгнуло мимо.

То был один из смагов, съежившийся до пяти сантиметров в длину. Грегор нашел и остальных - они сбились в угол, все такие же крохотные.

Что говорил чиновник "Тригейла"? "Если едешь со смагами, не забудь увеличительное стекло".

У Грегора не было времени для того, чтобы впасть в полноеденное, добротное шоковое состояние. Он тщательно закрыл за собой дверь и метнулся к рации.

- Очень странно, - сказал Арнольд, когда связь была установлена.

- Съежились, говоришь? Сейчас посмотрю. Угу... Ты не создавал искусственного тяготения, а?

- Конечно, создавал. Чтобы накормить квилов.

- Напрасно, - упрекнул Арнольд. - Смаги привыкли к слабому тяготению.

- Откуда мне было знать?

- Испытывая необычное для них тяготение, они ссыхаются до микроскопических размеров, теряют сознание и гибнут.

- Но ты же сам велел мне создать искусственное тяготение.

- Да нет же! Я лишь мельком упомянул, что есть такой метод кормления квилов. Тебе же я рекомендовал кормить их из рук.

Грегор поборол почти непреодолимое желание сорвать рацию со стены. Он сказал:

- Арнольд, смаги привыкли к слабому тяготению. Так?

- Так.

- А квилы - к сильному. Ты знал это, когда подписывал контракт?

Арнольд судорожно глотнул, затем откашлялся.

- Видишь ли, мне действительно казалось, что это несколько затрудняет дело. Но это великолепно окупится.

- Конечно, если только сойдет с рук. Что мне теперь прикажешь делать?

- Снижай температуру, - самоуверенно ответил Арнольд. - Смаги стабилизируются при нуле градусов.

- А люди при нуле градусов замерзают, - заметил Грегор. - Ладно, передача окончена.

Грегор натянул на себя всю одежду, какую нашел, и включил систему охлаждения. Через час смаги вновь выросли до нормальных размеров.

Пока все шло неплохо. Он заглянул к квилам. Холод, казалось, подбодрил их. Они были живее, чем когда-либо, и блеяли, выпрашивая еду. Он скормил им очередной рацион. Съев сэндвич с ветчиной и шерстью, Грегор лег спать.

На другой день оказалось, что на корабле стало пятнадцать квилов. Десять взрослых народили пятерых детенышей. Все пятнадцать были голодны.

Грегор накормил их. Он решил, что происшествие естественно, поскольку в одном помещении транспортируются и самцы, и самки. Это следовало предвидеть: надо было разделить животных не только по видам, но и по признакам пола.

Когда он вновь заглянул к квилам, их число увеличилось до тридцати восьми.

- Да. И не похоже, чтоб они собирались остановиться.

- Этого следовало ожидать.

- Почему? - озадаченно спросил Грегор.

- Я тебе говорил. Квилы размножаются фемишем.

- Мне так и послышалось. А что это такое?

- То, что ты и слышишь, - раздраженно ответил Арнольд. - И как тебе только удалось окончить школу? Это партеногенез при температуре замерзания воды.

- Так оно и есть, - мрачно произнес Грегор. - Я поворачиваю корабль.

- Нельзя! Мы разоримся!

- При нынешних темпах размножения квилов мне скоро не останется места на корабле. Его придется вести квилу.

- Грегор, не поддавайся панике. Есть идеально простой выход.

- Я весь внимание.

- Увеличь давление и влажность воздуха. Тогда они остановятся.

- Может быть. А ты уверен, что смаги не превратятся в бабочек?

Побочных явлений не будет.

Как бы то ни было, возвращаться на Землю не стойло. Корабль прошел уже половину пути. С тем же успехом можно избавиться от мерзких тварей и в пункте назначения.

Разве только спустить их всех за борт. Идея хоть и невыполнимая, но соблазнительная.

Грегор увеличил давление и влажность воздуха, и квилы перестали размножаться. Теперь их насчитывалось сорок семь, и большую часть времени Грегор тратил на то, чтобы очищать вентиляторы от шерсти. Замедленная сюрреалистическая метель бушевала в коридоре, в машинном зале, в баках с водой и у Грегора под рубашкой.

Он ел безвкусные продукты с шерстью, а на десерт - неизменный пирог с шерстью.

Ему мерещилось, будто он сам превращается в квила.

Но вот на горизонте появилось яркое пятнышко. На переднем экране засияла звезда Вермойн. Через день он прибудет на место, сдаст груз и тогда вернется в запыленную контору, к неоплаченным счетам и пасьянсу.

В тот вечер он откупорил бутылку вина, чтобы отпраздновать конец рейса. Вино смыло вкус шерсти во рту, и он улегся в постель с чувством легкого, приятного опьянения.

Однако заснуть он не мог. Температура неуклонно падала. Капли воды на стенах застывали в льдинки.

Придется включить отопление.

Дайте-ка сообразить. Если включить отопление, смаги съежатся. Разве только устранить тяготение. Но тогда сорок семь квилов объявят голодовку.

К черту квилов. В таком холоде невозможно управлять звездолетом.

Он вывел корабль из вращения и включил обогреватели. Целый час он ожидал, дрожа и постукивая ногами. Обогреватели бойко тянули энергию от двигателей, но тепла не давали.

Это было смехотворно. Он перевел их на предельную мощность.

Через час температура упала ниже нуля. Хотя Вермойн был виден, Грегор сомневался, доведется ли ему посадить корабль.

Не успел он развести на полу кабины костер, взяв для растопки самые легко воспламеняющиеся предметы на корабле, как вдруг ожила рация.

- Я вот что думаю, - сказал Арнольд. - Надеюсь, ты не слишком резко менял тяготение и давление?

- Какая разница? - рассеянно спросил Грегор.

- Это может дестабилизировать фяргелей. Резкие перепады температуры и давления выводят их из спячки. Ты бы лучше посмотрел.

Грегор засуетился. Он открыл дверь, ведущую в отсек фиргелей, заглянул внутрь и содрогнулся.

Фиргели, разумеется, бодрствовали. Они каркали. Огромные ящерицы порхали по отсеку, покрытые изморозью. Из отсека вырвался поток ледяного воздуха. Грегор захлопнул дверь и поспешил к рации.

- Понятно, покрытые изморозью, - сказал Арнольд. - Фиргели едут на Вермойн I. Жаркое местечко Вермойн I - очень близко к солнцу. Фиргели консервируют холод. Это самые лучшие во Вселенной портативные установки для кондиционирования воздуха.

- А почему ты не сказал мне этого раньше? - ехидно спросил Грегор.

- Тебя бы это расстроило. А как насчет смагов?

- На Вермойн II. Маленькая планетка, тяготение невелико.

- А квилы?

- Ясное дело, на Вермойн III.

- Идиот! - заорал Грегор. - Ты поручаешь мне такой груз и ждешь, что я стану им жонглировать? - Если бы в этот миг Арнольд находился на корабле, Грегор придушил бы его.

- Арнольд, - проговорил он очень медленно, - довольно идей, довольно планов. Ты обещаешь?

- Да ладно, - примирительным тоном сказал Арнольд. - Не из-за чего так брюзжать.

Грегор дал отбой и принялся за работу, пытаясь согреть корабль. Ему удалось поднять температуру до двадцати семи градусов по Фаренгейту, а потом перегруженные обогреватели окончательно вышли из строя.

К этому времени планета Вермойн II была совсем рядом.

Грегор отшвырнул кусок дерева, который собирался сжечь, и взялся за пленку. Он перфорировал на пленке курс к Главному пакгаузу, обращающемуся по орбите вокруг Вермойна II, как вдруг услышал зловещий скрежет. В то же время стрелки десятка дисков и циферблатов остановились на нуле.

Он устало поплыл в машинный зал. Главный привод не работал, и не требовалось специального технического образования, чтобы понять почему.

В застойном воздухе машинного зала парила квилья шерсть. Она набилась в подшипники, в систему смазки, заклинила охлаждающие вентиляторы.

Для отполированных деталей двигателя металлическая шерсть оказалась сильнодействующим истирающим материалом. Удивительно, как еще привод продержался столько времени.

Грегор вернулся в кабину управления. Невозможно посадить корабль без главного привода. Придется чинить его в космосе, проедать прибыли. К счастью, звездолет приводится в движение соплами боковых реактивных двигателей. Ими еще можно маневрировать.

Вероятность успеха - один к одному, но еще не поздно установить контакт с искусственным спутником, который служит пакгаузом Вермойна.

- Говорит "Асе", - объявил Грегор, выведя корабль на орбиту вокруг спутника. - Прошу разрешения на посадку. Послышался треск статического разряда.

- Это корабль службы "Асе", направляется на Вермойн II с Центрального пакгауза "Тригейл", - уточнил Грегор. - Бумаги в порядке.

Он повторил традиционный формальный запрос о разрешении на посадку и откинулся на спинку кресла.

Борьба была нелегкой, но все животные прибыли живыми, невредимыми, здоровыми, бодрыми и так далее и тому подобное. Служба "Асе" заработала кругленькую сумму. Но сейчас Грегор мечтал лишь об одном: выбраться из корабля и влезть в горячую ванну. И всю остальную жизнь держаться подальше от квилов, смагов и фиргелей. Он хотел...

- В разрешении на посадку отказано.

- Что-о?

- Очень жаль, но в настоящее время свободных мест нет. Если хотите, оставайтесь на орбите, мы постараемся принять вас месяца через три.

- Погодите! - взвыл Грегор. - Нельзя же так! У меня на исходе продукты, главный привод сгорел, и я не могу больше терпеть этих животных!

- Очень жаль.

- Вы не имеете права прогнать меня, - хрипло сказал Грегор. - Это общественный пакгауз. Вам придется...

- Общественный? Извините, сэр. Этот пакгауз принадлежит концерну "Тригейл".

Рация умолкла. Несколько минут Грегор не сводил с нее глаз.

"Тригейл"!

Вот почему они не придирались к нему на своем Центральном пакгаузе. Гораздо остроумнее отказать ему в посадке на пакгаузе Вермойна.

Самое обидное то, что они, вероятно, вправе так поступить.

Он не может приземлиться на планете.

Посадка звездолета без главного двигателя равносильно самоубийству.

А в солнечной системе Вермойна нет другого космического

пакгауза.
Что ж, он доставил животных почти к самому пакгаузу. Мистер Венс, без сомнения, все поймет и оценит его добрые намерения.
Он связался с Венсом, находящимся на Вермойне II и объяснил ему обстановку.
- Не в пакгаузе? - переспросил Венс.
- Всего лишь в пятидесяти милях от пакгаузе.
- Нет, так не пойдет. Разумеется, я приму животных. Они мои. Но есть пункты, предусматривающие неустойку в случае неполноценной доставки.
- Но ведь вы не примените их, правда? - взмолился Грегор. - Мои намерения...
- Они меня не интересуют, - прервал его Венс. - Меня интересует предел прибыли и все такое. Нам, колонистам, всякая кроха годится.
И он дал отбой.
Обливаясь потом, хотя в помещении было холодно, Грегор вызвал Арнольда и сообщил ему новости.
- Это неэтично! - объявил Арнольд в неистовстве.
- Но законно.
- Я знаю, черт побери. Мне надо подумать.
- Придумай что-нибудь толковое,-сказал Грегор.
- Я свяжусь с тобой позднее.
После разговора Грегор несколько часов подряд кормил животных, вычесывал квилью шерсть из своих волос и жег мебель на палубе корабля. Когда зажужжала рация, он суеверно скрестил пальцы, прежде чем ответить.
- Арнольд?
- Нет, это Венс.
- Послушайте, мистер Венс, - сказал Грегор. - Если бы нам дали хоть маленькую отсрочку, мы могли бы покончить дело полюбовно. Я уверен...
- Э, вам удалось-таки меня объегорить, - огрызнулся Венс. - К тому же на совершенно законном основании. Я навел справки. Хитро сработано, сэр, весьма хитро. Я высылаю буксир за животными.
- Но пункт о неустойке...
- Естественно, не могу его применить.
Грегор уставился на рацию. Хитро сработано? Что придумал Арнольд?
Он радировал Арнольду в контору.
- Говорит секретарь мистера Арнольда, - ответил ему юный девичий голосок. - Мистера Арнольда сегодня уже не будет.
- Не будет? Секретарь? Мне нужен Арнольд из "Асса". Я попал к другому Арнольду, не правда ли?
- Нет, сэр, это контора мистера Арнольда, из Международной очистительной службы "Асе". Вы хотите сделать заказ? У нас первоклассный пакгауз в системе Вермойна, на орбите вблизи Вермойна II. Мы транспортируем животных с планет легкого, среднего и высокого тяготения. Мистер Грегор лично руководит работами. Я полагаю, что вы найдете наши цены умеренными.
Так вот до чего додумался Арнольд - превратить корабль в пакгауз! По крайней мере на бумаге. А ведь контракт действительно предоставил им право соорудить пакгауз по своему усмотрению. Умно!
Но этот паршивец Арнольд не соображает, что от добра добра не ищут. Теперь он хочет заняться пакгаузным делом!
- Что вы сказали, сэр?
- Я сказал, что это говорит пакгауз. Примите радиограмму

для мистера Арнольда.
- Слушаю, сэр.
- Передайте мистеру Арнольду, чтобы он аннулировал все заказы, - угрюмо произнес Грегор. - Его пакгауз возвращается домой что есть духу.

Роберт Шекли
Чумной район

Перевод В. Буки

Неопытные путешественники стараются материализоваться в каком-нибудь укромном месте, в уединении. Они возникают на помойках, в складских помещениях, в телефонных будках, отчаянно надеясь, что переход выполнен гладко. И неизбежно подобное поведение только привлекает к ним внимание - то самое, чего они хотели избежать. Но для такого опытного путешественника, как я, переход - пустяк. Место моего назначения - Нью-Йорк в августе 1988 года. Я выбрал вечерний час пик и материализовался в гуще толпы на Таймс-сквер.
Конечно, для этого требуется определенная сноровка. Нельзя же просто появиться. Надо сразу начать двигаться: голова слегка наклонена, плечи чуть сгорблены, в глазах бессмысленное выражение. Тогда никто тебя не заметит.
Я провел всю операцию превосходно и, держа в руке чемоданчик, поспешил в центр. Там, возле пруда у вашингтонской арки, опустил чемоданчик на землю и возвел руки к небу. На меня оглянулось несколько человек.
- Подходите, друзья! - воскликнул я. - Подходите скорей! Не упускайте возможность. Не надо смущаться и робеть, подходите ближе и слушайте добрые вести.
Стала собираться маленькая толпа. Ко мне обратился молодой парень:
- Эй, что вы продаете?
Я улыбнулся ему, но не ответил. Мне нужна большая аудитория.
- Подождите же, друзья, подходите и внемлите. Это то, чего вы ждали, прекрасная возможность, последний шанс!
Вскоре собралось человек тридцать, и я решил, что для начала достаточно.
- Славные жители Нью-Йорка! - воззвал я. - Я хочу поговорить о загадочном заболевании, неожиданно вошедшем в ваши жизни, об эпидемии, попросту называемой Синей Чумой. Сейчас вы уже знаете что спасения от этого безжалостного убийцы нет. Конечно, врачи продолжают заверять вас, что ведутся исследования, что скоро, дескать, будет найден ключ и определена радикальная терапия. Но на самом деле у них нет ни сыворотки, ни антител - ничего. Да и откуда? Ученые не в состоянии даже выяснить причины заболевания! Пока они наработали лишь пустые и противоречивые теории. Из-за жуткой активности и быстрого распространения возбудителя, чрезвычайной заразности и неизвестных последствий мора можно ожидать, что врачи не успеют найти вовремя лекарство для вас, страдающих. Вся история несчастного человечества ясно показывает: несмотря на попытки контроля и лечения, эпидемии свирепствуют до тех пор, пока не исчерпывают себя.

Кто-то в толпе засмеялся; многие улыбались. Я объяснил это для себя истерией и продолжал:

- Что же делать? Останетесь ли пассивными жертвами чумы, обманутые напускным спокойствием правителей? Или осмелитесь использовать что-то новое, не отмеченное штампом согласия дискредитировавших себя политико-медицинских властей?

К тому времени толпа разрослась человек до пятидесяти. Я быстро окончил свою речь.

- Врачи не могут защитить вас от Синей Чумы, нет, друзья мои. Но я могу!

Не теряя ни секунды, я раскрыл чемоданчик и зачерпнул пригоршню больших белых таблеток.

- Вот лекарство, которое усмирит Синюю Чуму! Нет времени объяснять, откуда оно у меня и как действует. Не буду я нести и научную тарабарщину. Вместо этого я предоставлю конкретные доказательства. Толпа притихла и обратилась в напряженное внимание. - Приведите мне заболевшего! - вскричал я. - Приведите десять. И если в них еще теплится жизнь, они встанут на ноги! Ведите их ко мне, друзья! Я вылечу любого - мужчину, женщину или ребенка - страдающего от Синей Чумы!

Секунду еще продолжалось молчание; затем толпа взорвалась смехом и аплодисментами. Я поражение услышал реплики, доносящиеся со всех сторон.

- Студенты веселятся...

- Для хиппи он староват...

- Спорю, это пойдет по телевидению...

- Эй, мистер, что вы затеяли?

Я был слишком потрясен, чтобы пытаться ответить. Я просто стоял у своего чемоданчика, зажав в руке таблетки. Толпа постепенно рассеялась, осталась только одна девушка.

- Так что это все значит? - спросила она. - Реклама? Вы собираетесь открыть ресторан или магазинчик? Расскажите мне. Может я помогу вам с оформлением документов.

Хорошенькая девушка. Лет двадцати, стройная, темноволосая и кареглазая. Ее трогательная самоуверенность вызвала у меня жалость.

- Это не шутка. Если вы не будете остерегаться чумы...

- Какой чумы? - изумилась она.

- Синей Чумы. Чумы, которая свирепствует в Нью-Йорке.

- Послушайте, приятель, никакой чумы в Нью-Йорке нет - ни синей, ни желтой, ни черной, никакой другой. Ну признайтесь, что вы задумали?

- Нет чумы? - переспросил я. - Вы уверены?

- Совершенно.

" Наверное, держат в тайне... - пробормотал я. Хотя это невозможно... От пяти до десяти тысяч смертей ежедневно трудно скрыть от газет... Сейчас август 1988 года?

- Да. Эй, что вы побледнели? Как вы себя чувствуете?

- Прекрасно, - ответил я, что не соответствовало истине.

- Вам, пожалуй, лучше присесть.

Она подвела меня к садовой скамейки. Неожиданно мне пришло в голову, что я ошибся годом. Может быть, компания имела в виду 1990 или 1998. Если так то меня могут лишить торговой лицензии за продажу лекарства в незараженном регионе.

Я вытащил бумажник и достал тоненькую брошюру, озаглавленную: "Чумной район". Брошюра содержала даты всех великих эпидемий, их типы, количество погибших и другие важные сведения. С огромным облегчением я убедился, что нахожусь в нужном месте и в нужное время.

- "Чумной район"? - удивилась девушка, заглянув через мое плечо. - Что это такое?

Мне следовало скрыться. Мне следовало даже вообще дематериализоваться. Компания давала на этот счет строжайшие указания. Но мне теперь было все равно. Я внезапно захотел побеседовать с этой очаровательной девушкой в старинной одежде, сидевшей на солнышке радом со мной в обреченном городе.

- "Чумной район" - это список дат и мест, где разражались или еще будут свирепствовать основные эпидемии. Такие, как и Великая Чума в Константинополе в 1346 году или лондонская чума 1664 года.

- Вы, надо полагать, там были?

- Да. Меня послала компания "Медицинская помощь во времени".

- Значит, вы из будущего?

- Да.

- Вот чудесно! - воскликнула она. - Только вы ошиблись. У нас нет чумы.

- Что-то не так, - признался я. - И словно нарочно задерживается мой помощник - разведчик.

- Вероятно, затерялся во временном потоке...

Она наслаждалась собой; мне же все происходящее казалось отвратительным. Девушка, если только она не из единиц счастливцев, чуму не переживет. С другой стороны, разговор с ней меня увлекал. Я никогда не беседовал с жертвой эпидемии.

- Что ж, - произнесла она, - приятно было познакомиться. Боюсь, однако, что вашему рассказу никто не поверит.

- Надеюсь, - я достал из кармана горсть таблеток. - Пожалуйста, возьмите их.

- О...

- Серьезно. Для вас и вашей семьи. Сохраните их, пожалуйста. Они еще пригодятся, вот увидите.

- Ну хорошо, премного вам благодарна. Счастливого путешествия во времени.

Я смотрел ей вслед. Мне показалось, что, завернув за угол, она выбросила таблетки. Впрочем, не уверен.

Я сидел на садовой скамейке и ждал.

Джордж появился за полночь. Я обратился к нему с гневной тирадой:

- Что произошло? Я чуть не опростоволосился! Тут нет никакой чумы!

- Успокойся, - сказал Джордж. - Я должен был прибыть сюда неделю назад, но компания получила правительственную директиву отложить операцию на год. Затем распоряжение отменили, и все пошло по плану.

- Почему меня никто не предупредил?

- Тебя собирались уведомить. Но в суматохе... Мне очень жаль, поверь. Теперь можно начинать.

- А стоит ли?

- Что "стоит"?

- Сам знаешь.

Он пристально посмотрел на меня.

- Что с тобой случилось? В Лондоне ты был не таким.

- Но то был 1664 год, а это 1988. Он ближе к нашему времени. И люди выглядят более... человечными.

- Надеюсь, ты ни с кем здесь не братался, - заметил Джордж.

- Конечно, нет! Джордж вздохнул.

- Я знаю, наша работа может стать эмоционально

неприятной. Но надо же трезво смотреть на вещи. Бюро Населения предоставило им богатый выбор. Оно дало им водородную бомбу.

- Да.

- Но они не испытали ее друг на друге. Бюро дало им все средства для ведения действительно масштабной бактериологической войны, но и их они не использовали. Наконец, Бюро предоставило необходимую информацию, чтобы сознательно сократить рост населения. Но они и этого не сделали. Они продолжали просто бездумно размножаться, вытесняя остальные виды и друг друга, пачкая и отравляя Землю.

Я знал все это, однако, слушая, постепенно приходил в себя.

- Ничто не может расти безгранично, - продолжал Джордж. - Все живое должно находиться под контролем. У большинства видов такое выравнивание происходит естественным путем. Но люди вышли из-под власти природы. Они должны сами выполнять эту работу.

Джордж вдруг побледнел и еле слышно добавил:

- Только люди никогда не видят необходимости прореживать свои ряды. Никак не могут научиться... Вот почему необходимы наши чумы.

- Ну хорошо, - сказал я. - Давай.

- Около двадцати процентов выживет, - произнес Джордж, словно уговаривая себя.

Он вынул из кармана плоскую серебряную флягу. Отвинтил колпачок. Опрокинул флягу над канализационном люком.

- Вот и все. Через неделю начинай продавать свои таблетки.

После этого планом предусмотрены остановки в Лондоне, Париже, Риме, Стамбуле, Бомбее...

Я кивнул. Наша работа необходима. Но иногда трудно быть садовником людей.

Роберт Шекли
Тело

Перевод В. Буки

Открыв глаза, профессор Мейер увидел беспокойно склонившихся над ним трех молодых хирургов. Внезапно ему пришло в голову, что они действительно должны быть очень молоды, чтобы решиться, на что решились; молоды и Дерзки, не обременены закостенелыми штампами и мыслями; с железной выдержкой, железным самообладанием.

Его так поразило это откровение, что лишь через несколько секунд он понял, что операция прошла успешно.

- Как вы себя чувствуете, сэр?

- Все хорошо?

- Вы в состоянии говорить, сэр? Если нет, качните головой. Или мигните.

Они жадно смотрели.

Профессор Мейер сглотнул, привыкая к новому небу, языку и горлу. Наконец он произнес очень сипло:

- Мне кажется... Мне кажется...

- Ура! - закричал Кассиди. - Фельдман, вставай!
Фельдман соскочил с кушетки и бросился за очками.
- Он уже пришел в себя? Разговаривает?
- Да, он разговаривает! Фредди, мы победили!
Фельдман нашел свои очки и кинулся к операционному столу.
- Можете сказать еще что-нибудь, сэр? Все, что угодно.
- Я...Я...
- О боже, - выдохнул Фельдман. - Кажется, я сойду с ума.
Трое разразились нервным смехом. Они окружили Фельдмана и стали хлопать его по спине. Фельдман тоже засмеялся, но затем зашелся кашлем.
- Где Кент? - крикнул Кассиди. - Он удерживал осциллограф на одной линии в течении десяти часов.
- Отличная работа, черт побери! Где же он?
- Ушел за сэндвичами, - ответил Люпович. - Да вот он.
- Кент,все в порядке!
На пороге появился Кент с двумя бумажными пакетами и половиной бутерброда во рту. Он судорожно сглотнул.
- Заговорил?! Что он сказал?
Раздался шум, и в дверь ввалилась толпа людей.
- Уберите их! - закричал Фельдман. - Где этот полицейский? Сейчас никаких интервью!
Полицейский выбрался из толпы и загородил вход.
- Вы слышали, что говорят врачи, ребята?
- Нечестно, это же сенсация!
- Его первые слова?
- Что он сказал?
- Он действительно превратился в собаку?
- Какой породы?
- Он может вилять хвостом?
- Он сказал, что чувствует себя отлично, - объявил полицейский, загораживая дверь.
- Идем, идем, ребята.
Под его растопыренными руками прошмыгнул фотограф. Он взглянул на операционный стол и пробормотал:
- Боже мой!
Кент закрыл рукой объектив, и в этот миг сработала вспышка.
- Какого черта?! - взревел репортер.
- Вы счастливейший обладатель снимка моей ладони, - саркастически произнес Кент. - Увеличьте его и повесьте в музее современных искусств. А теперь убирайтесь, пока я не сломал вам шею.
- Идем, ребята, - строго повторил полицейский, выталкивая газетчиков. На пороге он обернулся и посмотрел на профессора Мейера.
- Просто не могу поверить! - прошептал он и закрыл за собой дверь.
- Мы кое-что заслужили! - воскликнул Кассиди.
- Да, это надо отметить!
Профессор Мейер улыбнулся - внутренне, конечно, так как лицевая экспрессия была ограничена. Подошел Фельдман.
- Как вы себя чувствуете, сэр?
- Превосходно, - осторожно произнес Мейер. - Немного не по себе, пожалуй...
- Но вы не сожалеете? - перебил Фельдман.
- Еще не знаю, - сказал Мейер. - Я был против из принципа. Незаменимых людей нет.
- Есть. Вы. - Фельдман говорил с горячей убежденностью. - Я слушал ваши лекции. О, я не претендую на понимание и десятой части, математическая символика для меня только

хобби. Но ваши знаменитые...
- Пожалуйста, - выдавил Мейер.
- Нет, позвольте мне сказать, сэр. Вы продолжаете труд, над которым бился Эйнштейн. Никто больше не в состоянии закончить его. Никто! Вам нужно было еще пару лет существовать в любой форме. Человеческое тело пока не хочет принимать гостя, пришлось искать среди приматов...
- Не имеет значения, - оборвал профессор. - В конце концов, главное - интеллект. У меня слегка кружится голова...
- Помню вашу последнюю лекцию в Гарварде, - сжав руки, продолжал Фельдман. - Вы выглядели таким старым! Я чуть не заплакал - усталое изможденное тело...
- Не желаете выпить, сэр? - Кассиди протянул стакан.
Мейер засмеялся.
- Боюсь, мои новые формы не приспособлены для стаканов. Лучше блюдечко.
- Ох, - вырвалось у Кассиди. - Правильно! Эй, несите сюда блюдечко!
- Вы должны нас простить, сэр, - извинился Фельдман. - Такое ужасное напряжение. Мы сидели в этой комнате почти неделю, и сомневаюсь, что кто-нибудь из нас поспал восемь часов за это время. Мы чуть не потеряли вас...
- Вот! Вот блюдечко! - вмешался Люпович. - Что предпочитаете, сэр? Виски? Джин?
- Просто воду, - сказал Мейер. - Мне можно подняться?
- Позвольте... - Люпович легко снял его со стола и опустил на пол. Мейер неуверенно закачался на четырех ногах.
- Браво! - восторженно закричали врачи.
- Мне кажется, завтра я смогу немного поработать, - сказал Мейер. - Нужно придумать какой-нибудь аппарат, чтобы я смог писать. По-моему, это не сложно. Очевидно, возникнут и другие проблемы. Пока мои мысли еще не совсем ясны....
- Не торопитесь.
- О, только не это! Нам нельзя потерять вас.
- Какая сенсация!
- Мы напишем замечательный отчет!
- Совместно, или каждый по своей специализации?
- И то, и другое. Они никогда не насытятся. Это же новая веха в...
- Где здесь ванная? - спросил Мейер.
Врачи переглянулись.
- Зачем?
- Заткнись, идиот. Сюда, сэр. Позвольте я открою вам дверь.
Мейер следовал за ними по пятам, всем существом ощущая легкость передвижения на четырех ногах. Когда он вернулся, горячо обсуждались технические аспекты операции.
- ... никогда не повторится.
- Не могу с тобой согласиться. Все, что удалось однажды...
- Не дави философией, детка. Ты отлично знаешь, что это чистая случайность. Нам дьявольски повезло.
- Вот именно. Био-электрические изменения необратимы...
- Он вернулся.
- Ему не следует много ходить. Как ты себя чувствуешь, миляга?
- Я не миляга, - прорычал профессор Мейер. - И между прочим, гожусь вам в дедушки.

- Простите, сэр. Мне кажется вам лучше лечь.
- Да, - произнес Мейер. - Мне что-то нехорошо. В голове звенит, мысли путаются...
Они опустили его на кушетку, обступили тесным кольцом, положив руки друг другу на плечи. Они улыбались и были очень горды собой.
- Вам что-нибудь надо?
- Все что в наших силах...
- Вот, я налил блюдце воды.
- Мы оставили пару бутербродов.
- Отдыхайте, - сказал Кассиди.
Затем он непроизвольно погладил профессора Мейера по длинной, с атласной шерстью, голове.
Фельдман выкрикнул что-то неразборчивое.
- Я забыл, - смущенно произнес Кассиди.
- Нам надо следить за собой. Он ведь человек.
- Конечно, я знаю. Просто я устал... Понимаете, он так похож на собаку, что невольно...
- Убирайтесь отсюда! - приказал Фельдман. - Убирайтесь! Все!
Он вытолкал их из комнаты и вернулся к профессору Мейеру.
- Могу я что-нибудь для вас сделать, сэр?
Мейер попытался заговорить, утвердить свою человеческую натуру, но слова давались с большим трудом.
- Это никогда не повторится, сэр. Я уверен. Вы же... вы же профессор Мейер!
Фельдман быстро натянул одеяло на дрожащее тело Мейера.
- Все в порядке, сэр, - проговорил он, стараясь не смотреть на трясущееся животное. - Главное - это интеллект! Мозг!
- Разумеется, - согласился профессор Мейер, выдающийся математик. - Но я думаю... не могли бы вы меня еще раз погладить?

Роберт Шекли
Застывший мир

Перевод В. Буки

Лэниган снова увидел тот сон и, хрипло застонав, проснулся. Он сел и вперил взгляд в фиолетовую тьму, ощущая вместо лица искаженную ужасом маску. Рядом зашевелилась жена, Эстель. Лэниган и не взглянул на нее. Все еще во власти сна, он жаждал реальных доказательств существования мира.
По комнате медленно проплыл стул и с тихим чмоканьем прилип к стене. Лэниган облегченно вздохнул.
- Вот, выпей.
- Не надо, все уже в порядке.
Он полностью оправился от кошмара. Мир снова стал самим собой.
- Тот же сон? - спросила Эстель.
- Да... Не хочу говорить об этом.
- Ну хорошо. Который час, милый?
Лэниган посмотрел на часы.
- Четверть седьмого. - Тут стрелка конвульсивно дернулась. - Нет, без пяти семь.

- Ты сможешь уснуть?
- Вряд ли. Пожалуй, мне лучше встать.
- Милый, ты не думаешь что не мешало бы...
- Я иду к нему в 12-10.
- Прекрасно, - сказала Эстель и сонно закрыла глаза.

Ее темно-рыжие волосы посинели.

Лэниган выбрался из постели и оделся. Это был обычный человек, крупного сложения и ничем не примечательный, если не считать кошмара, сводившего его с ума.

Следующие пару часов он провел на пороге, глядя, как вспыхивают на заре звезды, превращаясь в Новые.

Позже Лэниган вышел на прогулку. И, как назло, в двух шагах от дома наткнулся на Джорджа Торштейна. Несколько месяцев назад он по неосторожности рассказал Торштейну о своем сне. Торштейн - чистосердечный, приветливый толстяк - глубоко веровал в собранность, самодисциплину, практичность, здравый смысл и прочие скучные добродетели. Его прямой, трезвый подход был тогда необходим Лэнигану. Но сейчас он только раздражал. Люди типа Торштейна являются, несомненно, солью земли и опорой государства; но для Лэнигана он превратился из неудобства в ужас.

- А, Том! Как сынишка? - приветствовал его Торштейн.

- Отлично, - ответил Лэниган, - просто отлично. Он кивнул с приятной улыбкой и продолжал идти под курящимся зеленым небом. Но от Торштейна так легко не отделаться.

- Том, мальчик, я тут поразмыслил над твоей проблемой, - сказал Торштейн. - Я очень беспокоюсь о тебе.

- Как это мило с твоей стороны, - отозвался Лэниган. - Право, не стоит...

- Но мне хочется! - искренне воскликнул Торштейн. - Я всегда принимаю участие в людях, Том. Всегда, сызмальства. А ведь мы с тобой друзья и соседи.

- Это правда, - вяло пробормотал Лэниган. (Когда вам нужна помощь, самое неприятное - принимать ее).

- Знаешь, Том, думается мне, что тебе не мешало бы хорошенько отдохнуть.

У Торштейна на все были простые рецепты. Так как он практиковал душеврачевание без лицензии, то остерегался прописывать лекарства, которые можно купить в аптеке.

- Сейчас я не могу позволить себе взять отпуск, - сказал Лэниган. (Небо приобрело красно-розовый оттенок; засохли три сосны; старый дуб превратился в крепенький кактус).

Торштейн искренне рассмеялся.

- Дружище, ты не можешь себе позволить не взять отпуск сейчас! Ты устал, взвинчен, слишком много работаешь...

- Я всю неделю отдыхаю.

Лэниган посмотрел на часы. Золотой корпус превратился в свинцовый, но время, похоже, они показывали точно. Почти два часа прошло с начала разговора.

- Этого мало, - продолжал Торштейн. - Ты остался здесь, в городе. А тебе надо слиться с природой. Том, когда ты в последний раз ходил в поход?

- В поход? Что-то не припомню, чтобы я вообще ходил в походы.

- Вот, видишь?! Старик, тебе необходимо прочное сцепление с реальностью и прежде всего с природой. Не улицы и дома, а горы и реки.

Лэниган снова взглянул на часы и с облегчением убедился, что они опять золотые. Он был рад - заплатив за них шестьдесят долларов...

- Деревья и озера, - декламировал Торштейн. - Трава,

растущая под ногами, высокие черные горы, марширующие по золотому небу...

Лэниган покачал головой.

- Я был в деревне, Джордж. Это ничего не дало.

Торштейн упорствовал.

- Нужно отвлечься от искусственностей.

- Все кажется искусственным, - возразил Лэниган. - Деревья или дома - какая разница?

- Люди строят дома, - благочестиво пропел Торштейн, - но Бог создает деревья.

У Лэнигана имелись сомнения в справедливости обоих положений, но он не собирался делиться ими с Торштейном.

- Возможно, в этом что-то есть. Я подумаю.

- Ты сделай. Кстати, я знаю одно местечко - как раз то, что нужно. В Мэнэ, у этого маленького озера...

Торштейн был великим мастером бесконечных описаний. К счастью для Лэнигана, кое- что его отвлекло. Напротив загорелся дом.

- Эй, чей это дом? - спросил Лэниган.

- Макелби. Третий пожар за месяц.

- Надо, наверное, вызывать пожарных.

- Ты прав. Я сам этим займусь. Помни, что я тебе сказал про то местечко в Мэнэ.

Он повернулся, и тут произошел забавный случай - асфальт под его ногами расплавился. Торштейн шагнул, провалился по колено и упал.

Том ринулся ему на помощь, пока асфальт не затвердел.

- Сильно ударился?

- Проклятье, я, кажется, вывихнул ногу, - пробормотал Торштейн. - Ну ничего, ходить можно.

И он заковылял сообщить о пожаре. Лэниган стоял и смотрел, полагая, что пожар этот - дело случайное и несерьезное. Через минуту, как он ожидал, пожар так же, сам по себе, погас.

Не следует радоваться чужой беде; но Лэниган не мог не хихикать, вспоминая о вывихнутой ноге Торштейна. Даже неожиданное появление потока воды на Мэйн-стрит не испортило ему настроения. Он улыбнулся колесному пароходу, прошедшему по небу.

Затем он вспомнил сон и снова почувствовал панику. Надо спешить к врачу.

На этой неделе кабинет доктора Сэмпсона был маленьким и темным. Старая серая софа исчезла; на ее месте располагались два стула с кривыми спинками и кушетка. Но портрет Андретти висел на своем обычном месте на стене, и большая бесформенная пепельница была, как всегда, пуста.

В приоткрывшейся внутренней двери появилась голова доктора Сэмпсона.

- Привет, - сказал он. - Я мигом.

Голова пропала.

Сэмпсон сдержал слово. Все дела заняли у него ровно три секунды по часам Лэнигана. Еще через секунду Лэниган лежал на кожаной кушетке со свежей салфеткой под головой.

- Ну, Том, как ваши дела?

- Все так же. Даже хуже.

- Сон?

Лэниган кивнул.

- Давайте-ка припомним его.

- Лучше не стоит, - произнес Лэниган. - Я еще сильнее боюсь.

Наступил момент терапевтического молчания. Затем доктор

Сэмпсон сказал:
- Вы и раньше говорили, что страшились этого сна; но никогда не объясняли почему.
- Это звучит глупо...
Лицо Сэмпсона было спокойным, серьезным, собранным; лицо человека, который ничего не находит глупым, который просто органически не в состоянии увидеть что- нибудь глупое.
- Хорошо, я скажу вам, - резко начал Лэниган и замолчал.
- Продолжайте, - подбодрил доктор Сэмпсон.
- Видите ли, я боюсь, что когда-нибудь, каким-то образом, мир моего сна станет реальным. - Он снова замолчал и затем быстро проговорил: - Однажды я встану и окажусь в том мире. И тогда тот мир станет настоящим, а этот - сновидением.
Лэнигану хотелось узнать, какое впечатление произвело на Сэмпсона его безумное откровение. Но по доктору ничего не было заметно. Он спокойно разжигал свою трубку тлеющим кончиком указательного пальца. Затем он задул палец и произнес:
- Ну, продолжайте.
- Продолжать?! Но это все!
На розовато-лиловом ковре появилось пятно размером с монету. Оно потемнело, сгустилось и превратилось в маленькое фруктовое дерево. Сэмпсон понюхал плод и печально посмотрел на Лэнигана.
- Вы ведь и раньше рассказывали мне о своем сне, Том.
Лэниган кивнул.
- Мы все обсудили, проследили его истоки, проанализировали значение... Мы поняли, мне верится, зачем вы терзаете себя этим кошмаром. И все же вы каждый раз забываете, что ваш ночной ужас - не более, чем сон, который вы сами вызвали, чтобы удовлетворить потребности своей психики.
- Но мой ночной кошмар очень реалистичен!
- Вовсе нет, - уверенно заявил доктор Сэмпсон. - Просто это независимая и самоподдерживающаяся иллюзия. Человеческие поступки основаны на определенных представлениях о природе мира. Подтвердите их, и его поведение становится понятным и резонным. Но изменить эти представления, эти фундаментальные аксиомы почти невозможно. Например, как вы докажете человеку, что им не управляют по секретному радио, которое слышит только он?
- Понимаю, - пробормотал Лэниган. - И я?..
- Да, Том. С вами то же самое. Вы хотите, чтобы я доказал, что реален этот мир, а тот ваш ночной - вымысел. Вы откажетесь от своей фантазии, если я вам представлю необходимые доказательства.
- Совершенно верно!
- Но видите ли, я не могу их представить, - закончил Сэмпсон. - Природа мира очевидна, но недоказуема.
Лэниган задумался.
- Послушайте, доктор, я ведь не так болен, как тот парень с секретным радио?
- Нет. Вы более разумны, более рациональны. У вас есть сомнения в реальности мира; но, к счастью, вы также сомневаетесь в состоятельности вашей иллюзии.
- Тогда давайте попробуем, - предложил Лэниган. - Я понимаю сложность вашей задачи; но клянусь: буду принимать все, что смогу заставить себя принять.
- Честно говоря, это не моя область, - поморщился Сэмпсон. - Здесь нужен метафизик. Не знаю, насколько я...
- Попробуем, - взмолился Лэниган.

- Ну хорошо, начнем... Мы воспринимаем мир через ощущения и, следовательно, при заключительном анализе должны руководствоваться их показаниями.

Лэниган кивнул, и доктор продолжал:

- И так, мы знаем, что предмет существует, поскольку наши чувства говорят нам о его существовании. Как проверить точность наших наблюдений? Сравнивая их с ощущениями других людей. Известно, что наши чувства не лгут, если чувства и других людей говорят о существовании данного предмета.

- Таким образом, мир - всего лишь то, что думает о нем большинство людей, - после некоторого раздумья заключил Лэниган.

Сэмпсон скривился.

- Я тоже предупреждал, что сила в метафизике. Все-таки мне кажется, что это наглядный пример.

- Да... Но доктор, а предположим все наблюдатели ошибаются? Предположим, что существует множество миров и множество реальностей. Предположим, что это всего лишь одно произвольное существование из бесконечного числа возможных. Или предположим, что сама природа реальности способна к изменению, и каким-то образом я его воспринимаю?

Сэмпсон вздохнул и машинально пристукнул линейкой маленькую зеленую крысу, копошащуюся у него под полой пиджака.

- Ну, вот, - промолвил он, - Я не могу опровергнуть ни одно из ваших предложений. Мне кажется, Том, что нам лучше обсудить сон целиком.

Лэниган поморщился.

- Я бы не хотел. У меня такое чувство...

- Знаю, знаю, - заверил Сэмпсон, отечески улыбаясь. - Но это прояснит все раз и навсегда, разве нет?

- Наверное, - согласился Лэниган. Он набрался смелости и выдохнул: - В общем, начинается мой сон...

На него налетел страх. Он почувствовал неуверенность, слабость, ужас. Попытался подняться с кушетки. Нависшее лицо доктора... блеск металла...

- Расслабьтесь... Успокойтесь... Думайте о чем-нибудь приятном...

Затем Лэниган, или мир, или оба - отключились.

Лэниган и (или) мир пришли в себя. Возможно, время шло, а возможно, и нет. Все, что угодно, могло случиться, а могло и не случиться. Лэниган сел и посмотрел на Сэмпсона.

- Как вы себя чувствуете? - спросил Сэмпсон.

- Отлично, - сказал Лэниган. - Что произошло?

- Вам стало плохо. Ничего, все пройдет.

Лэниган откинулся на спинку и постарался успокоится. Доктор сидел за столом и что-то писал. Лэниган с закрытыми глазами досчитал до двадцати и осторожно открыл. Сэмпсон все еще писал.

Лэниган огляделся, насчитал на стенах пять картин. Внимательно изучил зеленый ковер и снова закрыл глаза. На этот раз он досчитал до пятидесяти.

- Ну, может быть, теперь можете рассказать? - поинтересовался Сэмпсон, откладывая ручку.

- Нет, не сейчас, - ответил Лэниган. (Пять картин, зеленый ковер.)

- Как хотите, - развел руками доктор. - Наше время заканчивается. Но если вы подождете в приемной...

- Нет, спасибо, пойду домой.

Лэниган встал, прошел по зеленому ковру к двери, оглянулся на пять картин и лучезарно улыбающегося доктора.

Затем вышел через дверь в приемную, через приемную и наружую дверь в коридор к лестнице и по лестнице.

Он шел и смотрел на деревья с зелеными листьями, колышущимися слабо и предсказуемо. Было транспортное движение - чинно, в одном направлении по одной стороне, а в другом - по другой. Было небо - неизменно голубое.

Сон? Лэниган ущипнул себя. Щипок во сне? Он не проснулся.

Он закричал. Воображаемый крик? Он не проснулся.

Лэниган находился в мире своего кошмара.

Улица на первый взгляд казалась обычной городской улицей.

Тротуар, мостовая, машины, люди, здания, небо над головой, солнце в небе. Все в норме. Кроме того, что ничего не происходило.

Асфальт ни разу не вскрикнул под ногами. Вот возвышается Первый национальный городской банк; он был здесь вчера, что само по себе достаточно плохо; но гораздо хуже, что он наверняка будет здесь завтра, и через неделю, и через год. Первый Национальный городской банк (основан в 1892 году) чудовищно лишен возможности превращений. Он никогда не станет надгробием, самолетом, костями доисторической живности. Он неизбежно будет оставаться строением из бетона и стали, зловеще настаивая на своей неизменности, пока его не снесут люди.

Лэниган шел по застывшему миру под голубым небом, дразняще обещающим что-то, чего никогда не будет. Машины неумолимо соблюдали правостороннее движение, пешеходы переходили дорогу на перекрестках, показания часов в пределах нескольких минут совпадали.

Город где-то кончался. Но Лэниган знал совершенно точно, что трава не растет под ногами; то есть, она растет, безусловно, но слишком медленно, незаметно для чувств. И горы возвышаются, черные и угрюмые, но гиганты замерли на полушаге. Они никогда не промаршируют по золотому (или багряному, или зеленому) небу.

Сущность жизни, как-то сказал доктор Сэмпсон, - изменение. Сущность смерти - неизменность. Даже у трупа есть признаки жизни, пока личинки пируют на слепом глазе, и мясные мухи сосут соки из кишечника.

Лэниган осмотрел труп мира и убедился, что тот окончательно мертв.

Лэниган закричал. Он кричал, пока вокруг собирались люди и глядели на него (но ничего не делали и ни во что не превращались), а потом, как и полагалось, пришел полицейский (но солнце не изменило его форму), а затем по безнадежно однообразной улице примчалась карета скорой помощи (на четырех колесах, вместо трех или двадцати пяти), и санитары доставили его в здание, оказавшееся именно там, где они ожидали, и было много разговоров между людьми, которые и оставались сами собой, в комнате с постоянно белыми стенами.

И был вечер, и было утро, и был первый день.

Роберт Шекли

Рыцарь в серой фланели

Перевод В. Скороденко

Способ познакомится со своей будущей женой, который избрал Томас Хенли, заслуживает внимания в первую очередь антропологов, социологов и тех, кто изучает странности человеческой натуры. Он дает пусть скромный, но образчик одного из самых непонятных брачных обычаев конца XX века. Поскольку обычай этот сильно повлиял на мотримониальную индустрию современной Америки, то, что случилось с Хенли, имеет не маловажное значение.

Томас Хенли был стройный юноша высокого роста, со старомодными вкусами пороками, которые отличались умеренностью, и умеренностью, которая граничила с пороком. В разговорах, что он вел с преподавателями как мужского, так и женского пола, все было абсолютно на месте, включая грамматические ошибки, точь-в-точь приличествующие его возрасту и общественному положению. Он был владельцем нескольких костюмов из серой фланели и множества узких галстуков в косую полоску. Вы скажете, что из толпы его можно выделить по очкам в роговой оправе, - ничего подобного. Вы обознались. Хенли еще незаметнее.

Кто бы поверил, что этот смирный, безликий, деловито - усердный и во всем согласный молодой человек в душе одержим жаждой романтики? Как ни печально, поверил бы всякий, ибо обманчивая внешность обманывала только своего владельца.

Юноши вроде Хенли, в доспехах из серой фланели с роговым забралом, образуют рыцарский орден наших дней. Миллионы и миллионы их скитаются по дорогам наших великих столиц - твердая поступь, быстрый шаг, прямой взгляд, тихий голос и стандартный костюм, превращающий человека в невидимку. Они, как актеры или зачарованные, влачат свою хмурую жизнь, но сердца их сжигает вечный огонь романтики.

Хенли закономерно и безостановочно грезил наяву об абордажных саблях, со свистом рассекающих воздух, о фрегатах, которые, распустив устремляются навстречу восходящему солнцу, о таинственных девичьих глазах, что взирают на него с безмерной грустью из-под прозрачной вуали. И закономерно, он грезил о более современных видах романтики.

Но в больших городах романтика - товар дефицитный. Наиболее предприимчивые из наших бизнесменов совсем недавно поняли это. И вот как-то вечером к Хенли наведался гость весьма необычного толка.

В пятницу, после долгого дня муторной конторской рутины, Хенли пришел домой в свою однокомнатную квартирку. Он ослабил узел галстука и не без некоторой меланхолии принялся размышлять о предстоящем уикэнде. Смотреть по телевизору бокс ему не хотелось, а все фильмы в окрестных кинотеатрах он уже видел. Среди его приятельниц не было интересных девушек, и, что хуже всего, шансы познакомиться с другими фактически равнялись нулю.

Он сидел в кресле, пока на Манхэттен опускались густые синие сумерки, и размышлял, где бы встретить симпатичную девушку и что ей сказать, если он ее повстречает, "и...

В квартиру позвонили.

Без приглашения к нему обычно являлись только бродячие торговцы да агенты Общества содействия Пожарной службе. Однако в этот вечер он был рад и такому мимолетному развлечению - отшить торговца, навязывающего свой товар. Он открыл дверь и увидел низенького, подвижного, разодетого человечка, который одарил его лучезарной улыбкой.

- Добрый вечер, мистер Хенли, - выпалил человечек. - Я Джо Моррис из Нью-Йорской Службы Романтики с главной

конторой в Эмпайр Стейт Билдинг и филиалами во всех районах города, а также в Уэстчестере и Нью-Джерси. Наша миссия - обслуживать одиноких, мистер Хенли, а следовательно, и вас. Не отрицайте! Иначе зачем вам вечером в пятницу сидеть дома? Вы одиноки, и наше прямое дело, оно же наше удовольствие, - обслужить вас. Такому способному, восприимчивому, интересному юноше, как вы, нужны девушки - милые девушки, приятные, красивые, чуткие девушки...

- Постойте-ка, - резко оборвал Хенли. - Если у вас там что-то вроде бюро поставки клиентов для девиц, работающих по телефонному вызову...

Он осекся, увидев, что Джо Моррис побагровел, повернулся и пошел прочь, раздувшись от негодования.

- Куда же вы! - крикнул Хенли. Я не хотел вас обидеть!

- Да будет вам известно, сэр, что я человек семейный, - чопорно произнес Джо Моррис, - У меня в Бронксе (1) жена и трое детей. Если вы хотя бы на мгновение допускаете, будто я способен связать свое имя с чем-то неподобающим...

- Бога ради, простите! - Хенли провел Морриса в комнату и усадил в кресло.

К мистеру Моррису сразу же вернулись его живость и общительность.

- Нет, мистер Хенли, - сказал он, - юные леди, которых я имел в виду, не являются... э-э... профессионалками. Это красивые, нормальные, романтически настроенные молодые девушки. Но они одиноки. В нашем городе, мистер Хенли, много одиноких девушек.

Хенли почему-то считал, что в такое положение попадают одни мужчины.

- Неужто? - спросил он.

- Да, много. Задача Нью-Йорской Службы Романтики, - продолжал Моррис, - организовывать встречи между молодыми людьми в благоприятной обстановке.

- Гм, - сказал Хенли. - Тогда, насколько я понимаю, у вас нечто вроде - простите мне этот термин - нечто вроде Клуба Дружбы?

- Что вы! Ничего похожего! Мистер Хенли, дорогой мой, вы когда-нибудь бывали в таком клубе?

Хенли отрицательно покачал головой.

- А следовало бы, сэр, - заметил Моррис. - Тогда бы вы смогли по достоинству оценить нашу Службу. Клуб Дружбы! Представьте себе, пожалуйста, голый зал где- нибудь на втором этаже в дешевом районе Бродвея. На эстраде пятеро музыкантов в потертых смокингах уныло пиликают разбитые шлягеры. Жалкие звуки отдаются от стен безутешным эхом и сливаются с визгом и скрежетом уличного движения за окнами. У стен выстроились два ряда стульев, мужчины сидят по одну сторону зала, женщины - по другую. И те и другие не могут понять, как они здесь очутились. Все пытаются напустить на себя беззаботный вид, что, впрочем, им плохо удается, все беспрерывно дымят сигаретами, чтобы скрыть нервную дрожь, а окурки бросают на пол и затаптывают каблуками. Время от времени какой-нибудь бедолага набирается смелости пригласить девушку и топчется с ней, словно, аршин проглотил, под маслеными бесстыжими взглядами всех остальных. Распорядитель, надутый кретин, с идиотской, точно приклеенной, улыбочкой, мечется по залу, пытаясь оживить это похоронное сборище, но тщетно!

Моррис перевел дух.

- Таков анахронизм, известный под именем Клуб Дружбы, - противоестественный, изматывающий нервы гнусный обряд,

которому место разве что во времена королевы Виктории, но уж никак не в наши дни. Что касается Нью-йоркской Службы Романтики, то она занята тем, чем давным-давно следовало заняться. Со всей научной точностью и технической сноровкой мы всесторонне изучили факторы, необходимые для организации удачного знакомства между особами противоположного пола.

- А что за факторы? - осведомился Хенли.

- Важнейшие из них, - ответил Моррис, - это стихийность в сочетании с ощущением роковой предопределенности.

- Но стихийность и рок, по-моему, исключают друг друга, - заметил Хенли.

- Разумеется! Романтика по самой своей природе должна состоять из взаимоисключающих элементов. Это подтверждают и составленные нами графики.

- Значит вы продаете романтику? - спросил Хенли с сомнением в голосе.

- Вот именно! Продукт в его очищенном и первозданном виде! Не секс, который доступен каждому. Не любовь - тут нельзя гарантировать постоянство, а потому коммерческой ценности она не имеет. Нет, мистер Хенли, мы продаем романтику, эту изюминку жизни, вековую мечту человечества, которой так не хватает современному обществу.

- Очень интересно, - сказал Хенли.

Но то, что он услышал от Морриса, нуждалось в веских доказательствах. Посетитель мог оказаться и мошенником и прожектером. Кем бы он, однако, ни был, Хенли сомневался, что он торгует романтикой. То есть настоящей романтикой, теми тайными мерцающими видениями, что днем и ночью преследовали Хенли.

Он встал.

- Благодарю вас, мистер Моррис. Я подумаю о вашем предложении. Но сейчас я спешу, поэтому если вы не возражаете...

- Помилуйте, сэр! Неужели вы позволите себе отказаться от романтики?!

- Извините, но...

- Испытайте нашу систему; мы предоставим ее вам на несколько дней совершенно бесплатно, - настаивал мистер Моррис. - Вот проденьте это в петлицу. - И он вручил Хенли вещичку, похожую на микротранзистор с крошечной видеокамерой.

- Что это? - спросил Хенли.

- Микротранзистор с крошечной видеокамерой.

- А для чего?

- Скоро увидите. Вы только попробуйте. Мы, мистер Хенли, самая большая фирма в стране, поставляющая романтику, и наша цель - сохранить престиж, для чего мы и впредь намеренны служить нуждам миллионов наиболее впечатлительных юношей и девушек Америки. Запомните, наша романтика - самая роковая и стихийная, она дает эстетическое удовольствие и физическое наслаждение, а так же вполне нравственна в глазах закона.

С этими словами Джо Моррис пожал Хенли руку и скрылся.

Хенли повертел транзистор в руках, но не нашел ни шкалы ни кнопок. Он нацепил его на лацкан и... ничего не произошло.

Хенли пожал плечами, подтянул галстук и вышел прогуляться.

Вечер был ясный и прохладный. Как большинство вечеров в жизни Хенли, это был идеальный вечер для романтического приключения. Вокруг простирался город великих возможностей,

щедрый на обещания, которые не спешил исполнять. Тысячи раз бродил Хенли по этим улицам (твердая поступь, прямой взгляд), готовый ко всему. Но с ним никогда ничего не случалось.

Он миновал огромный жилой массив и подумал о женщинах, что стоят у высоких занавешенных окон, глядя вниз на улицу, и видят одинокого пешехода на темном асфальте. Им, верно, хотелось бы знать, кто он и что ему нужно, и...

- Неплохо постоять на крыше небоскреба, - произнес чей-то голос, - полюбоваться сверху на город.

Хенли застыл на месте и быстро обернулся. Вокруг не было ни души. До него не сразу дошло, что голос раздался из транзистора.

- Что? - переспросил он.

Радио молчало.

Полюбоваться на город, прикинул Хенли. Радио предложило ему полюбоваться на город. Да, подумал он, это и в самом деле неплохо. - Почему бы и нет? - и он повернул к небоскребу.

- Не сюда, - шепнуло радио.

Хенли послушно прошел мимо и остановился перед соседним зданием.

- Здесь? - спросил он.

Радио не ответило, но Хенли почудилось, будто в транзисторе одобрительно хмыкнули.

Что ж, подумал он, нужно отдать должное Службе Романтики. Они, пожалуй, знают, что делают. Если не считать маленькой подсказки, все его действия были почти самостоятельны.

Хенли вошел в здание, вызвал лифт и нажал самую верхнюю кнопку. Поднявшись на последний этаж, он уже по лесенке выбрался на плоскую крышу и направился было к западному крылу.

- В обратную сторону, - прошептал транзистор.

Хенли повернулся и пошел в противоположную сторону. Остановившись у парапета, он посмотрел на город. Белые мерцающие огни уличных фонарей вытягивались в стройные ряды, тут и там красными и зелеными точками перемигивались светофоры, кое-где радужными кляксами расплывались рекламы. Перед ним лежал его город - город великих возможностей, щедрый на обещания, которые не спешил исполнять.

Вдруг Хенли заметил, что рядом с ним еще кто-то поглощен зрелищем ночных огней.

- Прошу прощения, - сказал Хенли. - Я не хотел вам мешать.

- Вы не помешали, - ответил женский голос.

Мы не знаем друг друга, подумал Хенли. Мы всего лишь мужчина и женщина, которых случай - или рок - свел ночью на крыше вознесенного над городом здания. Интересно, сколько грез пришлось проанализировать Службе Романтики, сколько видений разнести по таблицам и графикам, чтобы добиться такого совершенства.

Украдкой взглянув на нее, он увидел, что девушка молода и красива. Она казалась невозмутимой, но он ощутил, что место, время и настроение - вся обстановка, безошибочно выбранная для этой встречи, волнует ее так же сильно, как и его.

Он напряженно подыскивал нужные слова и не мог их найти. Ему вообще не приходило на ум, а драгоценные мгновения ускользали.

- Огни, - подсказало радио.

- Эти огни прекрасны, - изрек Хенли, чувствуя себя последним идиотом.

- Да, - отозвалась девушка шепотом. - Они подобны огромному ковру, расшитому звездами, или блеску копий во мраке.

- Подобны часовым, - сказал Хенли, - что вечно стоят на страже ночи. - Он так и не мог понять, сам ли дошел до этого или механически повторил то, что пискнул еле слышный голосок из транзистора.

- Я часто сюда прихожу, - сказала девушка.

- Я здесь никогда не бывал, - сказал Хенли.

- Но сегодня...

- Сегодня я не мог не прийти. Я знал, что встречу вас.

Хенли почувствовал, что Службе Романтики не мешало бы нанять сценариста классом повыше. Среди бела дня такой диалог прозвучал бы просто нелепо. Но сейчас, на крыше-площадке высоко над городом, когда огни далеко внизу, а звезды близко над головой, это был самый естественный разговор на свете.

- Я не поощряю случайных знакомств, - произнесла девушка, сделав шаг к Хенли. - Но...

- Я не случайный, - ответил Хенли, придвигаясь к ней.

В звездном свете ее белокурые волосы отливали серебром. Девушка чуть приоткрыла рот. Она смотрела на него. Настроение, необычайная атмосфера происходящего и мягкое выигрышное освещение преобразили ее черты.

Они стояли лицом к лицу, и Хенли ощущал едва уловимый запах ее духов и благоухание ее волос. У него задрожали колени, его охватило замешательство.

- Обнимите ее, - шепнуло радио.

Действуя, как автомат, Хенли протянул руки, и девушка прижалась к нему с тихим коротким вздохом. Они поцеловались - просто, естественно, неизбежно, охваченные нарастающей страстью, как и было задумано.

На отвороте блузки Хенли заметил у нее усыпанный бриллиантами транзистор- малютку. Тем не менее он вынужден был признать, что их встреча, стихийная и роковая, доставила ему, помимо всего прочего, еще и чрезвычайное удовольствие.

На верхушках небоскребов уже зачиналось утро, когда Хенли, вконец измотанный, добрался до дома и завалился спать. Он проспал весь день и проснулся под вечер, голодный как волк. Он сидел за обедом в баре по соседству и размышлял о том, что произошло этой ночью.

Все, решительно все было чудесно, захватывающе и безупречно: встреча на крыше, а потом уютный полумрак ее квартирки, и то, как они расстались на рассвете, и тепло ее сонного поцелуя, что все еще горел у него на губзх. И все-таки его снедала какая-то неудовлетворенность.

Хенли делалось не по себе при мысли о романтическом свидании, подстроенном и разыгранном при помощи транзисторов, чьи сигналы вызывали у любовников соответствующие стихийные и в то же время роковые реакции. Спору нет. Служба поработала на славу, но что-то здесь было не так.

Он представил себе, как миллионы молодых людей в серых фланелевых костюмах, при галстуках в косую полоску бродят по городу, повинуясь еле слышным приказам миллионов транзисторов. Мысленным взором он видел ночных операторов за центральным пультом управления двусторонней видеосвязью - честный работящий народ, который, выполнив норму по романтике, покупает утренние газеты и разъезжается на подземке по домам, где ждут жена или муж и детишки. Это было противно, но, что там ни говори, все же лучше, чем

вообще никакой романтики. Таков прогресс. Даже романтику пришлось поставить на солидную организационную основу, не то и она пропала бы во всей этой катавасии. И вообще, решил Хенли, так ли уж это странно, если разобраться по существу? В средние века, чтобы отыскать заколдованную красавицу, рыцарь запасался у ведьмы талисманом. Сегодня комиссионер снабжает юношу транзистором, который делает то же самое и, судя по всему, куда быстрее.

Совсем не исключено, подумал он, что настоящей стихийной и роковой романтики никогда и не было. Может, в этом деле всегда требовался посредник.

Хенли не рискнул додумать эту мысль до конца. Он расплатился за обед и вышел на улицу прогуляться.

На сей раз твердая поступь и быстрый шаг привели его в кварталы городской бедноты. Вдоль тротуаров тянулись ряды мусорных ящиков, а из грязных окон доходных домов доносились печальное соло на кларнете и визгливые голоса скандалящих женщин. Полосатая кошка уставилась на него из закоулка агатовыми глазами и порскнула неизвестно куда.

Хенли остановился, поежился и решил повернуть назад.

- Почему бы не пройти немного дальше? - подтолкнуло радио. Вкрадчивый голос раздался как бы у него в голове. Хенли снова поежился и... пошел дальше.

Теперь на улицах стало безлюдно и тихо, как в склепе. Слепые громады складов и железные шторы на окнах магазинов заставили его прибавить шагу. Есть приключения, которых, пожалуй, искать не стоит, подумалось Хенли. Для романтики здесь обстановка самая неподходящая. Зря он послушался радио и не вернулся в свой привычный, залитый светом упорядоченный мир.

Он услышал какую-то возню и, глянув в тесный переулок, увидел, как двое мужчин пристают к девушке, а та безуспешно пытается вырваться.

Реакция Хенли была стихийной и мгновенной. Он приготовился задать стрекача и привести полицейского, ее лучше двух или трех. Помешал транзистор.

- Сами справитесь, - сказало радио.

Черта лысого я справлюсь, мелькнуло у него в голове.

Газеты пестрели заметками о смельчаках, считавших, будто им под силу справляться с бандитами. Как правило, все они попадали в больницу, где на досуге могли поразмыслить о пробелах своего образования по части кулачного боя.

Но радио не отставало, Хенли, повинуясь роковой неизбежности и тронутый жалобными мольбами о помощи, решился. Он снял очки в роговой оправе, уложил в футляр, засунул его в задний карман брюк и очертя голову ринулся в мрачную пучину переулка.

Он налетел на мусорный бак, опрокинул его и достиг места действия. Грабители почему-то его не заметили. Хенли схватил первого из них за плечо, повернул к себе лицом и сделал хук правой. Человек зашатался и упал бы, если бы не стена. Его дружок выпустил девушку и бросился на Хенли, который встретил его тройным ударом обоих кулаков и правой ноги. Тот свалился, пробормотав: "Ну, ну, полегче, приятель".

Хенли повернулся к первому. Бандит налетел на него с бешенством разъяренной кошки. Однако, как ни странно, весь шквал ударов пропал вхолостую, и Хенли уложил его одним точным ударом левой.

Грабители поднялись на ноги и пустились наутек. Хенли разобрал, как на бегу один жаловался другому: "Чем эдак

зарабатывать на жизнь, уж лучше ноги протянуть".

Эта реплика явно не значилась в сценарии, поэтому Хенли оставил ее без внимания и обратился девушке. Она уцепилась за него, чтобы не упасть, и едва смогла вымолвить:

- Ты пришел...

- Я не мог не прийти, - повторил Хенли за еле слышным суфлером.

- Я знала, - прошептала она.

Хенли увидел, что она молода и красива. В свете фонаря ее черные волосы отливали антрацитом, а полуоткрытые губы - кармином. Она смотрела на него. Настроение, необычайная атмосфера происходящего и мягкое выигрышное освещение преобразили ее черты.

На этот раз Хенли обнял ее, не дожидаясь подсказки. Он по немногу усваивал форму и содержание романтического приключения, равно как и надлежащий образ действий, ведущий к возникновению стихийной и в то же время роковой страсти.

Не теряя времени, они отправились к ней на квартиру. По дороге Хенли заметил в ее волосах огромный сверкающий бриллиант.

И только много позже он догадался, что это не драгоценность, а искусно замаскированный транзистор.

Вечером на другой день Хенли опять не сиделось дома. Он шел по улице и пытался ублажить бесенка неудовлетворенности, который тихонько скребся внутри. То была чудесная ночь, повторял он себе, ночь нежных теней, шелковых прядей, ласкавших его лицо, и слез благодарности, когда девушка плакала у него на плече. Однако...

Девушка оказалась не в его вкусе, как, впрочем, и та, первая, и этим печальным фактом ничего нельзя было поделать. Нельзя же, в самом деле, сводить наобум двух совершенно чужих друг другу людей и ожидать, что пылкая мгновенная страсть обернется любовью! У любви свои законы, от которых она ни за что не отступит.

Хенли шел и шел, но в нем крепла уверенность, что сегодня непременно он отыщет свою любовь. Ибо этой ночью рогатый месяц висел низко над крышами, а легкий ветерок приносил с юга смешанный аромат чего-то экзотически пряного и до боли родного.

Радио молчало, и он брел наугад. Он сам, без подсказки, нашел маленький парк а берегу реки, и к девушке, что одиноко стояла у парапета, он приблизился по своей воле, а вовсе не по команде из транзистора. Он остановился рядом с ней и погрузился в созерцание. Слева стальные канаты большого моста расплывались во мраке, напоминая огромную паутину. Река катила свои черные маслянистые воды, то и дело образуя по течению маленькие водовороты. Завыл буксир, ему ответил другой; они перекликались, как души затерянные в ночи.

Транзистор не торопился с советами. Поэтому Хенли начал:

- Приятная ночь.

- Возможно, - ответила девушка, даже не повернув головы. - А возможно, и нет.

- В ней есть красота, - сказал Хенли, - для тех, кто захочет ее увидеть.

- Удивительно. Вот уж никак не ожидала услышать...

- Разве? - спросил Хенли, подвигаясь к ней на шаг. - Разве это и в самом деле так удивительно? Удивительно, что я здесь? И что вы тоже?

- Может быть, и нет, - ответила девушка, наконец обернувшись и посмотрев Хенли в лицо.

Она была молода и красива. В лунном свете ее каштановые

волосы бронзой. Настроение, необычная атмосфера происходящего и мягкое выигрышное освещение преобразили ее черты.

От неожиданности она чуть приоткрыла рот.

И тут его озарило.

Вот приключение, по-настоящему стихийное и роковое! Не радио привело его сюда и не радио нашептывало нужные слова, подсказало, как себя вести. Хенли взглянул на девушку, но не заметил у нее на блузке или в волосах ничего похожего на транзистор.

Он нашел свою любовь без помощи Нью-Йорской Службы Романтики! Тайные мерцающие видения, которые его преследовали, наконец-то сбывались.

Он протянул руки, и девушка прижалась к нему с еле слышным вздохом. Они поцеловались. Огни большого города сверкали и смешивались со звездами в небе, месяц клонился все ниже и ниже, а над черной маслянистой рекой сирены обменивались траурными вестями.

Девушка перевела дыхание и высвободилась из его объятий.

- Я вам нравлюсь? - спросила она.

- Нравитесь?! - вскричал Хенли. - Это не то слово!

- Я рада, - сказала девушка, - потому что я Опытный Образец Вольной Романтики, который вам предоставил на пробу трест "Производство Великой Романтики" с главной конторой в Нью-Арке, штат Нью-Джерси. Наша фирма предлагает вашему вниманию истинно стихийную и роковую романтику любого вида. Опираясь на технологические изыскания, мы смогли ликвидировать грубо кустарные приспособления типа транзисторов, которые привносят скованность и ощущение подневольности там, где вы не должны ощущать никакого контроля. Мы счастливы, что наш опытный образец пришелся вам по душе.

Не забудьте, однако: это - только образец, первая проба того, что может вам предложить "Производство Великой Романтики" с филиалами по всему миру. В этом проспекте, уважаемый сэр, изложено несколько типовых проектов. Возможно, вас заинтересует цикл "Романтика под всеми широтами"; если же вы отличаетесь смелым воображением, вам вероятно, больше подойдет пикантный набор "Романтика сквозь века". Обратите внимание на постоянно действующий "Городской проект" и...

Она вложила ему в руку тонкую книжицу с яркими иллюстрациями. Хенли уставился на проспект, потом на девушку. Он разжал пальцы, и книжица с шелестом порхнула на землю.

- Сэр, я надеюсь, мы не оскорбили ваших чувств! - воскликнула девушка. - Эти чисто деловые стороны романтики неизбежны, но преходящи. -В дальнейшем наша романтика сразу становится стихийной и роковой. Вы только будете раз в месяц получать счет - по почте, в обычном конверте без указания отправителя, и...

Но Хенли уже бежал прочь, вниз по улице. На бегу он выдернул из петлицы транзистор и швырнул его в сточную канаву.

Комиссионерам от романтики так и не удалось всучить Хенли свой товар. У него была тетушка, которой он позвонил, и та, возбужденно кудахтая в трубку, тут же устроила ему свидание с дочкой одного из своих старых друзей. Они встретились в тетушкиной гостиной, тесной от обилия украшений и безделушек, и, запинаясь на каждом слове, добрых три часа проговорили о погоде, о политике, о работе, о колледже и об

общих знакомых. Тетушка, сияя от радости, потчевала их кофе и домашним печеньем, разрываясь между кухней и ярко освещенной гостиной.

И видимо, что-то в этих строго-официальных, отдающих седой древностью смотринах подействовало на молодых людей самым благотворным образом. Хенли начал за ней ухаживать, и они поженились через три месяца.

Любопытно отметить, что Хенли был из последних, кто нашел себе жену столь причудливым, старомодным, ненадежным, бессистемным и непроизводительным способом. Ибо компании обслуживания сразу учуяли коммерческие перспективы "метода Хенли". Был составлен график кривой воздействия замешательства и смущения на психику; больше того, произведена финансовая оценка роли Тетушки в системе Американского Ухаживания.

Вот почему один из самых распространенных и высокоценимых сегодня видов обслуживания в ассортименте таких компаний - поставлять стандартных тетушек в распоряжение молодых людей мужского пола, обеспечивать оных тетушек стеснительными и застенчивыми девушками и заботиться о соответствующей обстановке, а именно: ярко освещенной, уставленной безделушками гостиной, неудобной кушетке и энергичной пожилой даме, которая суетится с кофе и домашним печеньем, врываясь в комнату через точно рассчитанные неравномерные промежутки времени.

Дух, говорят, захватывает. До умопомрачения.

---

1) - Бронкс - один из пяти районов Нью-Йорка

Роберт Шекли
Доктор Вампир и его мохнатые друзья

Перевод Н. Галь

Думается, здесь я в безопасности. Живу теперь в небольшой квартире северо- восточнее Сокало, в одном из самых старых кварталов Мехико-сити. Как всякого иностранца, меня вначале поразило, до чего страна эта на первый взгляд напоминает Испанию, а на самом деле совсем другая. В Мадриде улицы - лабиринт, который затягивает тебя все глубже, к потаенной сердцевине, тщательно оберегающей свои скучные секреты. Привычка скрывать обыденное, несомненно, унаследована от мавров. А вот улицы Мехико - это лабиринт наизнанку, они ведут вовне, к горам, на простор, к откровениям, которые, однако же, навсегда остаются неуловимыми. Мехико словно бы ничего не скрывает, но все в нем непостижимо, Так повелось у индейцев в прошлом, так остается и ныне, самозащита их - в кажущейся открытости; так защищена прозрачностью актиния, морской анемон.

На мой взгляд, это способ очень тонкий, он применим везде и всюду. Я перенимаю мудрость, рожденную в Теночтитлане или Тласкале; я ничего не прячу и таким образом ухитряюсь все утаить.

Как часто я завидовал воришке, которому только и надо

прятать украденные крохи! Иные из нас не столь удачливы, наши секреты не засунешь ни в карман, ни в чулан; их не уместишь даже в гостиной и не закопаешь на задворках. Жилю де Ресу понадобилось собственное тайное кладбище чуть поменьше Пер-Лашез. Мои потребности скромнее; впрочем, не намного.

Я человек не слишком общительный. Моя мечта - домик где-нибудь в глуши, на голых склонах Ихтаксихуатля, где на многие мили кругом не сыщешь людского жилья. Но поселиться в таком месте было бы чистейшим безумием. Полиция рассуждает просто: раз ты держишься особняком, значит, тебе есть что скрывать; вывод далеко не новый, но почти безошибочный. Ох уж эта мексиканская полиция, как она учтива и как безжалостна! Как недоверчиво смотрит на всякого иностранца и как при этом права! Она бы тут же нашла предлог обыскать мое уединенное жилище, и, конечно, истина сразу вышла бы наружу... Было бы о чем три дня трубить газетам.

Всего этого я избежал, по крайней мере на время, выбрав для себя мое теперешнее жилище. Даже Гарсия, самый рьяный полицейский во всей округе, не в силах себе представить, что я проделываю в этой тесной, доступной всем взорам квартире. ТАЙНЫЕ НЕЧЕСТИВЫЕ, ЧУДОВИЩНЫЕ ОПЫТЫ. Так гласит молва.

Входная дверь у меня обычно приотворена. Когда лавочники доставляют мне провизию, я предлагаю им войти. Они никогда не пользуются приглашением, скромность и ненавязчивость у них в крови. Но на всякий случай я всегда их приглашаю.

У меня три комнаты, небольшая анфилада. Вход через кухню. За нею кабинет, дальше спальня. Ни в одной комнате я не затворяю плотно дверь. Быть может, стараясь всем доказать, как открыто я живу, я немного пересаливаю. Ведь если кто-нибудь пройдет до самой спальни, распахнет дверь настежь и заглянет внутрь, мне, наверно, придется покончить с собой.

Пока еще никто из моих посетителей не заглядывал дальше кухни. Должно быть, они меня боятся.

А почему бы и нет? Я и сам себя боюсь.

Моя работа навязывает мне очень неудобный образ жизни. Завтракать, обедать и ужинать приходится дома. Стряпаю я прескверно, в самом дрянном ресторанчике по соседству кормят лучше. Даже всякая пережаренная дрянь, которой торгуют на улицах с лотков, и та вкуснее несъедобной бурды, какую я себе готовлю.

И что еще хуже, приходится изобретать нелепейшие объяснения: почему я всегда ем дома? Доктор запретил мне все острое, говорю я соседям, мне нельзя никаких пряностей и приправ - ни перца, ни томатного соуса, ни даже соли... Отчего так? Всему виной редкостная болезнь печени. Где я ее подхватил? Да вот много лет назад в Джакарте поел несвежего мяса...

Вам покажется, что наговорить такое нетрудно. А мне не так-то легко упомнить все подробности. Всякий враль вынужден строить свою жизнь по законам ненавистного, противоестественного постоянства. Играешьсвоюроль, и она становится твоим мученьем и карой.

Соседи с легкостью приняли мои корявые объяснения. Тут есть некоторая несообразность? Что ж, в жизни всегда так бывает, полагают они, считая себя непогрешимыми судьями и знатоками истины; а на самом деле они судят обо всем, основываясь только на правдоподобии.

И все же соседи поневоле чуют во мне чудовище. Эдуарде,

мясник, однажды сказал:
- А знаете, доктор, вампирам ведь нельзя соленого. Может, вы тоже вампир, а?
Откуда он узнал про вампиров? Вероятно, из кино или комиксов. Я не раз видел, когда я прохожу мимо, старуки делают магические знаки: спешат оберечь себя от дурного глаза; я слышал, как детишки шепчут за моей спиной: "Доктор Вампир, доктор Вампир..."
Старухи и дети! Вот хранители скудной мудрости, которой обладает этот народ. Да и мясникам тоже кое-что известно.
Я не доктор и не вампир. И все же старухи и дети совершенно правы, что меня остерегаются. По счастью, их никто не слушает.
Итак, я по-прежнему питаюсь у себя в кухне - покупаю молодого барашка, козленка, поросенка, крольчатину, говядину, телятину, кур, изредка дичь. Это единственный способ заполучить в дом достаточно мяса, чтобы накормить моих зверей.
В последнее время еще один человек начал смотреть на меня с подозрением. К несчастью, это не кто иной, как Диего Хуан Гарсия, полицейский.
Гарсия коренаст, широколиц, осторожен, это примерный служака. Здесь, в Сокало, он слывет неподкупным - своего рода Катон из племени ацтеков, разве что не столь крутого нрава. Если верить торговке овощами, а она, кажется, в меня влюблена, Гарсия полагает, что я, по всей вероятности, немец, военный преступник, ускользнувший от суда.
Поразительный домысел, по существу, это неверно, и, однако, чутье Гарсию не обманывает. А он убежден, что попал в самую точку. Он бы уже принял меры, если бы не заступничество моих соседей. Сапожник, мясник, мальчишка чистильщик обуви и особенно торговка овощами - все за меня горой. Всем им присущ обывательский здравый смысл, и они верят, что я таков, каким они меня представляют. Они поддразнивают Гарсию:
- Да неужто ты не видишь, этот иностранец тихий, добродушный, просто ученый чудак, никакого вреда от него нет.
Нелепость в том, что и это, по существу, неверно, однако чутье их не обманывает.
Бесценные мои соседи величают меня доктором, а иногда и профессором. Столь почетными званиями меня наградили так, словно это само собой разумелось, как бы за мой внешний обдик. Никаких таких титулов я не добивался, но и отвергать их не стал. "Сеньор доктор"- это тоже маска, которой можно прикрыться.
А почему бы им и не принимать меня за ученого! У меня непомерно высокий залысый лоб, а щетина волос на висках и на темени изрядно тронута сединой, и суровое квадратное лицо изрезано морщинами. Да еще по выговору сразу слышно, что я из Европы и так старательно строю фразу по-испански... И очки у меня в золотой оправе! Кто же я, если не ученый, и откуда, если не из Германии? Такое звание обязывает к определенному роду занятий, и я выдаю себя за профессора университета. Мне, мол, предоставлен длительный отпуск, ибо я пишу книгу о тольтеках - собираюсь доказать, что культура этого загадочного племени родственна культуре инков.
- Да, господа, полагаю, что книга моя вызовет переполох в Бонне и Гейдельберге. Поколеблены будут кое-какие признанные авторитеты. Кое-кто наверняка попытается объявить меня фантазером и маньяком. Видите ли, моя теория

чревата переворотом в науке о доколумбовой Америке.

Вот такой личностью я задумал изобразить себя еще до того, как отправился в Мексику. Я читал Стефенеа, Прескотта, Вайяна, Альфонсо Касо. Я даже не поленился переписать первую треть диссертации Драйера о взаимопроникновении культур - он пытался доказать, что культуры майя и тольтеков взаимосвязаны, оппоненты разнесли его в пух и прах. Итак, на стол мой легло около восьмидесяти рукописных страниц, я вполне мог их выдать за собственный труд. Эта незаконченная рукопись оправдывает мое пребывание в Мексике. Всякий может поглядеть на полные премудрости страницы, раскиданные по столу, и воочию убедиться, что я за человек.

Мне казалось, этого хватит; но я упустил из виду, что разыгрываемая мною роль не может не воздействовать на окружающих. Сеньор Ортега, бакалейщик, тоже интересуется доколумбовой историей и, на мою беду, обладает довольно широкими познаниями по этой части. Сеньор Андраде, парикмахер, как выяснилось, родом из небольшого городка всего в пяти милях от развалин Теотиуакана. А малыш Хорке Сильверио, чистильщик обуви (его мать служит в закусочной), мечтает поступить в какой-нибудь знаменитый университет и смиренно спрашивает, не могу ли я замолвить за него словечко в Бонне...

Я - жертва надежд и ожиданий моих соседей. Я сделался профессором не на свой, а на их образец. По их милости я долгими часами торчу в Национальном музее антропологии, убиваю цельте дни, осматривая Теотиукан, Тулу, Шочикалько. Соседи вынуждают меня без устали трудиться над научными изысканиями. И я в самом деле становлюсь тем, кем прикидывался, - ученым мужем, обладателем необъятных познаний и в придачу помешанным.

Я проникся этой ролью, она неотделима от меня, она меня преобразила; я уже и вправду верю, что между инками и тольтеками могла существовать связь, у меня есть неопровержимые доказательства, я всерьез подумываю предать гласности свои на ходки и открытия...

Все это довольно утомительно и совсем некстати.

В прошлом месяце я изрядно перепугался. Сеньора Эльвира Масиас, у которой я снимаю квартиру, остановила меня на улице и потребовала, чтобы я выбросил свою собаку.

- Но у меня нет никакой собаки, сеньора!

- Прошу прощения, сеньор, но у вас есть собака. Вчера вечером она скулила и скреблась в дверь, я сама слышала. А мой покойный муж собак в доме не терпел, такие у него были правила, и я их всегда соблюдаю.

- Дорогая сеньора, вы ошибаетесь. Уверяю вас...

И тут, откуда ни возьмись, Гарсия, неотвратимый, как сама смерть, в наглаженной форме хакки; подкатил, пыхтя, на велосипеде и прислушивается к нашему разговору.

- Что-то скреблось, сеньора? Термиты или тараканы?

Она покачала головой:

- Совсем не такой звук.

- Значит, крысы. К сожалению, должен вам сказать, в вашем доме полно крыс.

- Я прекрасно знаю, как скребутся крысы, - с глубокой, непобедимой убежденностью возразила сеньора Эльвира. - А это было совсем другое, так только собака скребется, и слышно было, что это у вас в комнатах. Я уже вам сказала, у меня правило строгое - никаких животных в доме держать не разрешается.

Гарсия не сводил с меня глаз, и во взгляде этом я видел отражение всех моих злодеяний в Дахау, Берген-Бельзене и Терезиенштадте. И очень хотелось сказать ему, что он ошибается, что я не палач, а жертва, и годы войны провел за колючей проволокой в концлагере на Яве.

Но я понимал: все это не в счет. Мои преступления против человечества отнюдь не выдумка, просто Гарсия учюял не те ужасы, что свершились год назад, а те, что свершатся через год.

Быть может, в ту минуту я бы во всем признался, не обернись сеньора Эльвира к Гарсии со словами:

- Ну, что будете делать? Он держит в квартире собаку, а может, и двух, бог знает, какую еще тварь он у себя держит. Что будете делать?

Гарсия молчал, его неподвижное лицо напоминало каменную маску Тлалока в Чолулском музее. А я вновь прибегнул к обычному способу прозрачной самозащиты, который до сих пор помогал мне хранить мои секреты. Скрипнул зубами, раздул ноздри, словом, постарался изобразить "свирепого испанца".

- Собаки?! - заорал я. - Сейчас я вам покажу собак! Идите обыщите мои комнаты! Плачу по сотне песо за каждую собаку, которую вы у меня найдете! За каждого поро дистого пса - по двести! Идите и вы, Гарсия, зовите друзей и знакомых! Может, я у себя и лошадь держу, а? Может еще и свинью? Зовите свидетелей, зовите газетчиков, репортеров, пускай в точности опишут мой зверинец!

- Зря вы кипятитесь, - равнодушно сказал Гарсия.

- Вот избавимся от собак, тогда не стану кипятиться! - горланил я. - Идемте, сеньора, войдите ко мне в комнаты, загляните под кровать, может, там сидит то, что вам примерещилось. А когда наглядитесь, будьте любезны вернуть мне, что останется от платы за месяц, и задаток тоже, и я перееду со своими невидимыми собаками на другую квартиру.

Гарсия как-то странно на меня посмотрел. Должно быть, на своем веку он видел немало крикунов. Говорят, вот так лезут на рожон преступники определенного склада.

- Что ж, пойдем погладим, сказал он сеньоре Эльвире. И тут, к моему изумлению, - не ослышался ли я? - она заявила:

- Ну уж нет! Благородному человеку я верю на слово.

Повернулась и пошла прочь.

Я хотел было для полноты картины сказать Гарсии - может он еще сомневается, так пускай и сам осмотрит мою квартиру. По счастью, я вовремя прикусил язык. Гарсии нет дела до приличии. Он бы ве побоялся остаться в дураках.

- Устал, - сказал я. - Пойду прилягу.

Тем и кончилось.

На этот раз я запер входную дверь. Оказалось, все висело на водоске. Пока мы препирались, несчастная зверюга перегрызла ремень, который удерживал ее на привязи, вылезла в кухню и здесь на полу издохла.

От трупа я избавился обычным способом - скормил остальным. И после этого удвоил предосторожности. Купил радиоприемник, чтобы заглушать голоса моих зверей, как ни мало от них было шуму. Подстелил под клетки толстые циновки. А запахи отбивал крепким табаком - ведь курить ладаном было бы слишком дерзко и пошло. А какая странная насмешка - заподозрить, что я держу собак! Собаки - мои злейшие враги. Они-то знают, что у меня творится. Они издавна верные союзники людей. Они предатели животного мира, как я - предатель человечества. Умей собаки говорить, они немедля бросились бы в полицию и разоблачили меня.

Когда битва с человечеством наконец разразится, собакам придется разделить судьбу своих господ - выстоять или пасть вместе с ними.

Проблеск боязливой надежды: детеныши последнего помета обещают многое. Из двенадцати выжили четверо - и растут гладкие, сильные, смышленые. Но вот свирепости им не хватает. Видно, как раз это им с генами по наследству не передалось. Кажется, они даже привязались ко мне - как собаки! Но, конечно, в следующих поколениях можно будет постепенно исправить дело.

Человечество хранит в памяти зловещие предания о помесях, созданных скрещиванием различных видов. Таковы, среди прочих, химера, грифон и сфинкс... Мне кажется, эти устрашающие видения античного мира - своеобразное воспоминание о будущем, так Гарсия предощущает еще не содеянные мною преступления.

Плиний и Диодор повествуют о чудовищных полуверблюдах-полустраусах, полульвах-полуорлах, о созданиях, рожденных лошадью от дракона или тигра. Что подумали бы эти древние летописцы про помесь росомахи с крысой? Что подумает о таком чуде современный биолог?

Нынешние ученые нипочем не признают, что такая помесь возможна, даже когда мои геральдические звери станут кишмя кишеть в городах и селах. Ни один здравомыслящий человек не поверит, что существует тварь величиной с волка, свирепая и коварная, как росомаха, и притом такая же общественная, легко осваивающаяся в любых условиях и плодовитая, как крыса. Завзятый рационалист будет отрицать столь невероятный вымысел даже в ту минуту, когда зверь вцепится ему в глотку.

И он будет почти прав. Такой продукт скрещивания всегда был явно невозможен... до тех самых пор, пока в прошлом году я его не получил.

Скрытность, вызванная необходимостью, иногда перерождается в привычку. Вот и в этом дневнике, тае я намеревался сказать все до конца, я до сих пор не объяснил, чего ради надумал выводить чудовищ и к чему их готовлю.

Они возмутся за работу примерно через три месяца, в начале июля. К тому времени здешние жители заметят, что в трущобах по окраинам Сокало появилось множество неизвестных животных. Внешность их будут описывать туманно и неточно, но станут дружно уверять, что твари эти - крупные, свирепые и неуловимые. Новость доведут до сведения властей, промелькнут сообщения в газетах. Поначалу разбои припишут волкам или одичавшим псам, хотя незваные гости с виду на собак ничуть не похожи.

Попробуют истребить их обычными способами - но безуспешно. Загадочные твари рассеются по всей столице, проникнут в богатые пригороды - в Педрегал и Койсокан. К тому времени станет известно, что они, как и люди, всеядны. И уже возникнет подозрение (вполне справедливое), что размножаются они с необычайной быстротой.

Вероятно, только позже оценят, насколько они разумны.

На борьбу с нашествием будут направлены воинские части - но тщетно. Над полями и селениями загудят самолеты; но что им бомбить? Эти твари не мишень для обычного оружия, они не ходят стаями. Они прячутся по углам, под диванами, в чуланах, они все время тут, подле вас, но ускользают от взгляда... Пустить в ход отраву? Но они жрут то, что вы им подсовываете.

И вот настает август, и люди уже совсем бессильны

повлиять на ход событий. Мехико занят войсками, но это одна видимость: орды зверей захлестнули Толуку, Икстапан, Тепальсинго, Куэрнаваку, и, как сообщают, их уже видели в Сан-Луис Потоси, в Оахаке и Вера-Крусе.

Совещаются ученые; предложены чрезвычайные меры, в Мексику съезжаются специалисты со всего света. Зверье не созывает совещаний и не публикует манифестов. Оно попросту плодится и множится, оно уже распространилось к северу до самого Дуранго и к югу вплоть до Вильярмосы.

Соединенные Штаты закрывают свои границы - еще один символический жест. Звери достигают Пьедрас Неграс, не спросясь переходят Игл Пасс; без разрешения появляются в Эль Пасо, Ларедо, Браунзвиле. Как смерч, проносятся по равнинам и пустыням, как прибой, захлестывают, города. Это пришли мохнатые друзья доктора Вампира, и они уже не уйдут.

И, наконец, человечество понимает: задача не в том, чтобы уничтожить загадочное зверье. Нет, задача - не дать зверью уничтожить человека.

Я нимало не сомневаюсь: это возможно. Но тут потребуются объединенные усилия и изобретательность всего человечества. Вот чего хочу я достичь, выводя породу чудовищ.

Видите ли, надо что-то делать. Я задумал своих зверей как противовес, как силу, способную сдерживать неуправляемую машину - человечество, которое обезумев, губит и себя, и всю нашу планету. В конце концов, какое у человека право истреблять неугодные ему виды жизни? Неужели все живое на Земле должно либо служить его так плохо продуманным планам, либо сгинуть? Разве каждый вид, каждая форма жизни не имеет права на существование - права бесспорного и неопровержимого?

Хоть я и решился на самые крайние меры, они небесполезны для рода людского. Никого больше не будут тревожить водородная бомба, бактериологическая война, гибель лесов, загрязнение водоемов и атмосферы, парниковый эффект и прочее. В одно прекрасное утро все эти страхи покажутся далеким прошлым. Человек вновь будет зависеть от природы. Он останется единственным в своем роде разумным существом, хищником; но отныне он вновь будет подвластен сдерживающим, ограничивающим силам, которых так долго избегал.

Он сохранит ту свободу, которую ценит превыше всего, - он все еще волен будет убивать; он только потеряет возможность истреблять дотла.

Пневмония - великий мастер сокрушать надежды. Она убила моих зверей. Вчера последний поднял голову и поглядел на меня. Большие светлые глаза его потускнели. Он поднял лапу, выпустил когти и легонько царапнул мою руку.

И я не удержался от слез, потому что понял: несчастная тварь старалась доставить мне удовольствие, она знала, как жаждал я сделать ее свирепой, беспощадной - бичем рода людского.

Усилие оказалось непомерным. Великолепные глаза закрылись. Зверь чуть заметно содрогнулся и испустил дух.

Конечно, пневмонией можно объяснить не все. Помимо того, просто не хватило воли к жизни. С тех пор, как Землею завладел человек, все другие виды утратили жизнестойкость. Порабощенные еноты еще резвятся в поредевших Адирондакских лесах, и порабощенные львы обнюхивают жестянки из-под пива в Крюгер-парке. Они, как и все остальные, существуют только потому, что мы их терпим, ютятся в наших владениях, словно временные поселенцы. И они это знают.

Вот почему трудно найги в животном мире жизнелюбие, стойкость и силу духа. Сила духа - достояние победителей.

Со смертью последнего зверя пришел конец и мне. Я слишком устал, слишком подавлен, чтобы начать сызнова. Мне горько, что я подвел человечество. Горько, что подвел львов, страусов, тигров, китов и всех, кому грозит вымирание и гибель. Но еще горше, что я подвел воробьев, ворон, крыс, гиен - всю эту нечисть, отребье, которое только для того и существует, чтобы человек его уничтожал. Самое искреннее мое сочувствие всегда было на стороне изгнанников, на стороне отверженных, заброшенных, никчемных - я и сам из их числа.

Разве оттого только, что они не служат человеку, они - нечисть и отребье? Да разве не все формы жизни имеют право на существование - право полное и неограниченное? Неужели всякая земная тварь обязана служить одному-единственному виду, иначе ее сотрут с лица Земли?

Должно быть, найдется еще человек, который думает и чувствует, как я. Прошу его: пусть продолжает борьбу, которую начал я, единоличную войну против наших сородичей, пусть сражается с ними, как сражался бы с бушующим пламенем пожара.

Страницы эти написаны для моего предполагаемого преемника.

Что до меня, недавно Гарсия и еще какой-то чин явились ко мне на квартиру для "обычного" санитарного осмотра. И обнаружили трупы нескольких выведенных мною тварей, которые я еще не успел уничтожить. Меня арестовали, обвинили в жестоком обращении с животными и в том, что я устроил у себя на дому бойню без соответствующего разрешения.

Я собираюсь признать себя виновным по всем пунктам. Обвинения эти ложны, но - согласен - по сути своей они безусловно справедливы.

Роберт Шекли

Я и мои шпики

Перевод А. Русина

Никогда не представлял себе раньше, что на голову одного человека может свалиться столько забот и хлопот, сколько одолевает сейчас меня. Не так-то просто объяснить, как я попал в эту историю, так что лучше, пожалуй, рассказать все с самого начала.

С 1991 года по окончании профессионального училища я работал сборщиком сфинкс- клапанов на заводе фирмы "Космические корабли "Старлинг". Местом своим я был доволен. Мне нравилось смотреть, как громадные космические корабли с ревом взмывают в небо и уходят к созвездию Лебедя, к альфе Центавра и другим мирам, о которых мы так часто слышим по радио и читаем в газетах. Я был молод, имел друзей, передо мной открывалось блестящее будущее, я даже был знаком с двумя-тремя девушками. Но все это ни к чему не вело. На заводе мной были довольны, но я мог сделать гораздо больше, если бы не потайные кинокамеры, объективы которых были направлены на мои руки. Не подумайте, что я имел что-нибудь против самих кинокамер - меня лишь

раздражало и не давало сосредоточиться их жужжание.

Я ходил жаловаться в Ведомство Внутренней Безопасности. Я говорил им: "Послушайте, почему у всех установлены новые бесшумные кинокамеры, а у меня такое старье?" Но они ничего не хотели для меня сделать - они были слишком заняты.

Затем мое существование стали отравлять тысячи мелочей. Возьмите, к примеру, звукозаписывающий аппарат, вмонтированный в мой телевизор. Сотрудники ФБР никак не могли его отрегулировать, и он гудел всю ночь напролет. Я жаловался сотни раз. Я говорил им: "Послушайте, ни у кого этот аппарат так не гудит, а мой не дает мне ни минуты покоя!" В ответ мне прочитали набившую оскомину лекцию о необходимости добиться победы в "холодной войне" и о том. что они нс могут на каждого угодить. Такие вещи заставляют чувствовать себя неполноценным. Я стал подозревать, что мое правительство нисколько во мне не заинтересовано.

Взять хотя бы моего шпика. Меня классифицировали как Подозреваемого группы 18, то есть относили к той же категории, что и вице-президента. Подозреваемые этой группы подлежат лишь частичному надзору. Но приставленный ко мне шпик считал себя, должно быть, кинозвездой - на нем всегда была пятнистая шинель и шляпа с опущенными полями, которую он к тому же надвигал на самые глаза. Это был худой и нервный тип. Из страха потерять меня он буквально наступал мне на пятки. Что ж, он делал все, что было в его силах, чтобы справиться со своей задачей, и не его вина, что это ему не удавалось. Мне было даже искренне жаль его - ведь в таком деле, как слежка, конкурентов хоть отбавляй. Но меня всегда стесняло уже одно его присутствие. Как только я появлялся вместе с ним, - причем я чувствовал его дыхание на своем затылке, - мои друзья хохотали до слез.

- Билл, - шумели они, - это и есть единственное, на что ты способен?

Моя девушка говорила, что у нее мурашки по спине бегают от одного его присутствия. Я, естественно, отправился в Сенатскую Комиссию по Расследованию и заявил: "Послушайте, почему вы не можете приставить ко мне квалифицированного сыщика, чем я хуже моих друзей?"

Они ответили, что примут меры, но я понимал, что слишком ничтожен для них.

Все эти мелочи довели меня до крайности, а спросите моего психолога, много ли нужно, чтобы свести человека с ума. Я устал оттого, что меня постоянно игнорировали, оттого, что мной пренебрегали.

Именно в это время я начал думать о глубоком космосе. Там, за пределами Земли, раскинулись миллиарды квадратных миль пустоты, испещренной бесчисленным множеством звезд. Там каждый мужчина, женщина или ребенок могли выбрать себе по планете вроде Земли. Там можно было подыскать местечко и мне. Я купил себе "Каталог светил вселенной" и потрепанный "Галактический пилот", проштудировал от корки до корки учебник по гравитации и атлас межзвездного пилота. Наконец я понял, что напичкан знаниями до предела и больше ни крупицы в меня не влезет.

Все мои сбережения пошли на покупку старого космического корабля "Звездный клипер". Через швы этой развалины сочился жидкий кислород, атомный реактор отличался поразительной капризностью, но двигатели были в состоянии зашвырнуть вас практически в любую точку бесконечного космоса. Все это превращало мою затею в довольно опасное предприятие, но в конце концов я рисковал только собственной жизнью. По

крайней мере так я думал в то время. Итак, я получил паспорт, синюю визу, красную визу, номерное удостоверение, пилюли от космической болезни и справку о дератификации. На работе я взял расчет и попрощался с кинокамерами. Дома уложил вещи и распрощался с звукозаписывающими аппаратами. На улице пожал руку своему шпику и пожелал ему счастья.

Я сжег все мосты - пути к отступлению больше не было! Мне оставалось получить лишь общую визу, и я поспешил в Бюро Общих Виз. Там я увидел клерка, загоревшего под искусственным горным солнцем, но с молочно белыми руками. Он подозрительно оглядел меня.

- Куда же вы желаете отправиться?

- В космос! - ответил я.

- Это понятно. Но куда именно?

- Я еще не знаю, - сказал я. - Просто в космос. В Глубокий Космос! В Свободный Космос!

Клерк устало вздохнул.

- Если вы хотите получить общую визу, вам надо яснее выражать свои мысли. Вы собираетесь поселиться на планете в Американском Космосе? А может быть, хотите эмигрировать в Британский Космос? Или в Голландский? Или во Французский?

- Я не думал, что космос может быть чьим-то владением, - ответил я.

- Значит, вы отстали от жизни, - сказал он с улыбкой превосходства. - Соединенные Штаты заявили свои права на все космическое пространство между координатами 2ХА и 2В, за исключением небольшого и сравнительно малозначащего сегмента, на который претендует Мексика, Советскому Союзу принадлежит пространство между координатами 3В и 02. Есть также районы, выделенные Китаю, Цейлону, Нигерии...

Я прервал его:

- А где же Свободный Космос?

- Такого нет.

- Совсем нет? А как далеко простираются в космосе границы?

- В бесконечность! - гордо ответил он.

На минуту я буквально остолбенел. Я как-то никогда не представлял себе, что вся бесконечная вселенная- может кому-то принадлежать. Но теперь это показалось мне вполне естественным. В конце концов кто-то должен был владеть пространством!

- Я хочу отправиться в Американский Космос, - заявил я, не придав этому большого значения, хотя потом оказалось, что напрасно.

Клерк молча кивнул и стал проверять мою анкету с пятилетнего возраста - начинать с более юного возраста, по-видимому, не имело смысла. После этого он выдал мне общую визу.

Когда я прибыл на космодром, мои корабль был уже заправлен и подготовлен к старту. Мне удалось взлететь без приключений. Однако по-настоящему я осознал свое одиночество лишь тогда, когда Земля превратилась сначала в маленькую точку, а затем и вовсе исчезла за кормой.

С момента старта прошло пятьдесят часов. Я производил обычный осмотр своих запасов, как вдруг заметил, что один из мешков с овощами отличается по форме от других мешков. Развязав этот мешок, я вместо ста фунтов картофеля обнаружил в нем... девушку.

Космический заяц! Я застыл с открытым ртом.

- Ну что ж, - заговорила она, - может, вы поможете мне выбраться из мешка? Или вы предпочитаете завязать его снова

и предать забвению этот инцидент?
Я помог ей вылезти из мешка. Девушка оказалась очень симпатичной, со стройной фигуркой, задумчивыми голубыми глазами и рыжеватыми волосами, напоминающими струю пламени от реактивного двигателя. Лицо ее, изрядно перепачканное, выдавало характер бойкий и самостоятельный. На Земле я был бы счастлив отмахать миль десять, чтобы встретиться с ней.
- Вы не могли бы дать мне чего-нибудь перекусить? - спросила она. - От самой Земли у меня и крошки во рту не было, если не считать сырой моркови.
Я приготовил ей бутерброд. Пока она ела, я спросил:
- Что вы здесь делаете?
- Вы все равно не поймете меня, - отвечала она с набитым ртом.
- А уверен, что пойму, - сказал я.
Она подошла к иллюминатору и стала смотреть на панораму звезд (в основном американских), сиявших в пустоте Американского Космоса.
- Я стремилась к свободе, - сказала она наконец.
- То есть?
Она устало опустилась на мою койку.
- Может быть, вы назовете это романтикой, - голос ее звучал спокойно, - но я принадлежу к тем безумцам, которые темной ночью декламируют стихи и обливаются слезами перед какой-нибудь нелепой статуэткой. Я прихожу в волненье при виде желтых осенних листьев, а капли росы зеленой лужайке кажутся мне слезами Земли. Мой психиатр говорил, что у меня комплекс неполноценности.
Она утомленно закрыла глаза - я вполне понимал ее. Простоять пятьдесят часов в мешке из-под картофеля - это утомит кого угодно.
- Земля стала раздражать меня, - продолжала она. - Я больше не могла все это выносить, - казенщину, дисциплину, лишения, "холодную войну", "горячую войну", все на свете... Мне хотелось смеяться вместе с ветром, бегать по зеленым полям, бродить по тенистым лесам, петь...
- Но почему вы выбрали именно меня?
- Потому что вы хотели свободы, - ответила она. - Впрочем, если вы настаиваете, я могу вас покинуть.
Здесь, в глубинах космоса, мысль эта была идиотской, а на возвращение к Земле у меня не хватило бы горючего.
- Можете остаться, - сказал я.
- Благодарю вас, - кротко ответила она, - вы действительно поняли меня.
- Конечно, - сказал я, - но давайте сначала уточним некоторые детали. Прежде всего...
Тут я заметил, что она уснула прямо на моей койке. На губах ее застыла доверчивая улыбка.
Я не медля ни минуты обыскал ее сумочку и обнаружил пять губных помад, маникюрный набор, флакон духов "Венера-5", книгу стихов в бумажном переплете и жетон с надписью "Следователь по особым вопросам. ФБР".
Я так и думал. Девушки обычно не ведут таких разговоров, а шпики только так и говорят.
Мне было приятно узнать, что правительство по-прежнему не спускает с меня глаз. Теперь я не чувствовал себя таким одиноким в космосе.
Мой космический корабль углубился в просторы Американского Космоса. Работая по пятнадцати часов ежедневно, мне удалось добиться того, что этот музейный экспонат летел как одно целое, атомные реакторы не слишком

перегревались, а швы в корпусе сохраняли герметичность. Мэйвис О'Дэй - так звали моего шпика - готовила пищу, вела домашнее хозяйство и успела расставить по всем углам миниатюрные кинокамеры. Эти штуки противно жужжали, но я притворялся, что ничего не замечаю.

При всем при том, однако, мои отношения с мисс О'Дэй были вполне сносными.

Наше путешествие протекало вполне нормально, даже счастливо, пока не случилось одно происшествие.

Я дремал у пульта управления. Вдруг впереди по правому борту вспыхнул яркий свет. Я отпрянул назад и сбил с ног Мэйвис, которая в это время как раз вставляла новую кассету с пленкой в кинокамеру N 3.

- Извините, пожалуйста, - сказал я.

- Ничего, ничего, все в порядке, - отвечала она.

Я помог ей подняться на ноги. Опасная близость ее гибкого тела ударила мне в голову. Я чувствовал дразнящий аромат духов "Венера-5".

- Теперь можете отпустить, - сказала она.

- Да, конечно, - отвечал я, продолжая держать ее в объятиях.

Ее близость туманила мне мозг. Я слышал себя как бы со стороны.

- Мэйвис, - звучал мой голос, - мы познакомились совсем недавно, но...

- Что, Билл? - спросила она.

Все плыло перед моими глазами, и на какое-то мгновение я забыл, что наши отношения должны быть отношениями Шпика и Подозреваемого. Не знаю, что бы я стал говорить дальше, но в этот момент за бортом снова вспыхнул и погас яркий свет. Я отпустил Мэйвис и бросился к пульту управления. С трудом удалось мне затормозить, а затем и совсем остановить мой старый "Звездный клипер". Я оглядел пространство вокруг корабля.

Снаружи, в космической пустоте, неподвижно висел обломок скалы. На нем сидел мальчишка в космическом скафандре. В одной руке он держал ящик с сигнальными ракетами, в другой - собаку, тоже одетую в скафандр.

Мы быстро переправили его на корабль и сняли скафандр.

- А моя собака... - начал он.

- Все в порядке, сынок, - ответил я.

- Мне очень неловко, - продолжал он, - что я вторгся к вам таким образом.

- Забудь об этом, - сказал я. - Что ты там делал на скале?

- Сэр, - начал он тонким голосом, - мне придется начать с самого начала. Мой отец был пилотом - испытателем космических кораблей. Он геройски погиб, пытаясь преодолеть световой барьер. Недавно моя мать второй раз вышла замуж. Ее новый муж - высокий черноволосый мужчина с бегающими, близко посаженными глазами и всегда крепко сжатыми губами. До недавнего времени он стоял за прилавком галантерейного отдела большого универсального магазина. С самого начала одно мое присутствие приводило его в ярость. Наверное, мои светлые локоны, большие глаза и веселый ирав напоминали ему моего покойного отца. Наши отношения день ото дня становились все хуже и хуже.

У него был дядя, и вдруг он умирает при очень странных обстоятельствах, оставляя ему участки земли на какой-то планете в Британском Космосе. Мы снарядили наш космический корабль и отправились на эту планету. Как только мы

достигли пустынного района космоса, он сказал моей матери: "Рейчл, он уже достаточно взрослый, чтобы самому о себе позаботиться". Мать воскликнула: "Дэрк, он ведь еще так малГ Но моя веселая мягкосердечная мать не могла, конечно, противостоять железной воле этого человека, которого я никогда и ни за что не назову отцом. Он запихнул меня в мой космический скафандр, дал мне ящик с ракетами, сунул Фликера в его собственный маленький скафандрик и сказал мне: "В наши дни такой парень, как ты, может отлично обойтись в космосе без посторонней помощи". - "Но, сэр, - пытался было я протестовать, - отсюда до ближайшей планеты не меньше двухсот световых лет!" Но он не стал меня слушать. "Там как-нибудь разберемся", - сказал он с гнусной усмешкой и выпихнул меня на этот обломок скалы.

Все это мальчишка выпалил единым духом. Его собака Фликер уставилась на меня влажными овальными глазами. Я поставил Фликеру миску молока с хлебом, а сам смотрел, как мальчишка уплетает бутерброд с орехами. Когда седой было покончено, Мэйвис отвела малыша в спальную каюту и заботливо уложила в постель.

Я вернулся на свое место у пульта управления, снова разогнал корабль и включил внутреннее переговорное устройство.

- Да проснись же ты, идиот несчастный! - услышал я голос Мэйвис.

- Оставьте меня, дайте поспать, - отвечал мальчишка.

- Давай просыпайся, успеешь еще выспаться, - не отставала Мэйвис. - И зачем это Комиссия по Расследованию прислала тебя сюда? Разве они не знают, что это дело ФБР?

- Его дело было пересмотрено, и теперь он относится к группе десять.

- Ну хорошо, но я-то здесь зачем? - воскликнула Мэйвис.

- Вы недостаточно проявили себя на предыдущем задании, - ответил мальчишка. - Мне очень жаль, мисс, но безопасность прежде всего!

- И они прислали тебя,- Мэйвис всхлипывала, - двенадцатилетнего ребенка...

- Через семь месяцев мне будет тринадцать!

- Двенадцатилетнего ребенка! А я так старалась! Я занималась, прочла уйму книг, ходила на специальные вечерние курсы, слушала лекции...

- Вам не повезло, - посочувствовал он. - Лично я хочу стать пилотом - испытателем космических кораблей, и в моем возрасте это единственный способ набрать необходимое количество летных часов. Как вы думаете, он доверит мне управление кораблем?

Я выключил переговорное устройство. После всего того, что я услышал, я должен был чувствовать себя на седьмом небе - ведь за мной следили два постоянных агента! Это могло означать только одно - я действительно стал персоной, да еще такой, за которой необходим круглосуточный надзор.

Но если смотреть правде в глаза, моими шпиками были всего лишь молоденькая девушка да двенадцатилетний подросток.

Это, по всей видимости, были самые последние агенты, которых удалось наскрести в кадрах службы безопасности.

Мое правительство еще продолжало по-своему игнорировать меня.

Остаток пути прошел без приключений. Рой (так звали мальчишку) принял на себя управление кораблем, а его собака заняла сиденье второго пилота и являла собой воплощение бдительности. Мэйвис по-прежнему кухарничала и возилась по

хозяйству. Я все время заделывал швы. Более счастливую компанию шпиков и подозреваемых просто трудно себе представить!

Мы нашли необитаемую планету земного типа. Мэйвис она понравилась, так как была невелика, воздух был чист и свеж, а кругом простирались зеленые поля и тенистые леса, похожие на те, что описывались в ее книге стихов. Рой был в восторге от прозрачных озер и кое-где поднимавшихся холмов как раз такой высоты чтобы мальчишке было интересно и в то же время безопасно по ним лазить.

Мы опустились на поверхность планеты и начали обживать ее.

Рой сразу же проявил горячий интерес к животным, которых я извлек из холодильной камеры и оживил. Он сам себя назначил повелителем коров и лошадей, покровителем уток и гусей, защитником поросят и цыплят. Он так увлекся своими новыми заботами, что его доклады стали поступать в Сенатскую Комиссию все реже и реже, пока совсем не прекратились.

Да и трудно было бы ожидать чего-либо другого от шпика в его возрасте.

Построив жилища и засеяв зерном несколько акров, мы с Мэйвис стали предпринимать долгие прогулки в соседний тенистый и задумчивый лес. Однажды мы взяли с собой провизию и устроили пикник у небольшого водопада. Мэйвис распустила волосы и они рассыпались у нее по плечам. Взгляд ее голубых глаз вдруг стал чарующе задумчив. В общем она нисколько не походила на шпика, и мне приходилось все время напоминать себе о наших официальных отношениях.

- Билл, - позвала она.

- Что? - спросил я.

- Так, ничего.

Она потянула к себе стебелек травы. Я не знал, что она хотела сказать, но рука ее оказалась рядом с моей, наши пальцы встретились, руки сомкнулись.

Мы долго молчали. Никогда в жизни я не был так счастлив!

- Билл!

- Что?

- Билл, дорогой, мог бы ты когда-нибудь...

Я никогда не узнаю, что она хотела сказать и что бы я ответил ей. В этот самый момент тишину расколол рев ракетных двигателей.

С высокого голубого неба опустился космический корабль.

Эд Уоллейс - пилот корабля - оказался пожилым седовласым мужчиной в шляпе с опущенными полями и в пятнистой шинели. Он назвался представителем фирмы "Клир- Флот", занимающейся очисткой и дезинфекцией воды на различных планетах. Так как в его услугах мы не нуждались, он поблагодарил меня и решил отправиться дальше.

Но далеко улететь ему не удалось. Двигатели взревели, но тут же смолкли с пугающей решимостью.

Я осмотрел его корабль и обнаружил, что разорвало сфинкс-клапан. С помощью имевшихся в наличии ручных инструментов я мог изготовить такой клапан не раньше, чем через месяц.

- Как нехорошо получилось, - пробормотал он. - Теперь придется сидеть здесь.

- Я тоже так думаю, - ответил я.

Он грустно посмотрел на свой корабль.

- Не могу понять, в чем здесь причина?

- Быть может, прочность вашего клапана несколько снизилась, когда вы пилили его ножовкой, - сказал я и пошел

к себе. Я-то заметил предательские следы надпила, когда осматривал двигатель.

Мистер Уоллейс сделал вид, что не расслышал моих слов. Вечером того же дня я перехватил его донесение по межзвездной радиосети, которая работала бесперебойно. Забавно, что учреждение, в котором служил мистер Уоллейс, называлось почему-то не "Клир-Флот", а Центральное Разведывательное Управление.

Из мистера Уоллейса получился отличный огородник, и это несмотря на то, что большую часть времени он шнырял вокруг, не расставаясь с кинокамерой и блокнотом. Его присутствие побудило юного Роя более усердно выполнять свои служебные обязанности. Мы с Мэйвис перестали бродить по тенистому лесу, и как-то так вышло, что у нас не осталось времени для прогулок по желто-зеленым полям и мы не могли закончить некий незавершенный разговор.

Но не смотря на все это, наша маленькая колония процветала. После мистера Уоллейса у нас были и другие визитеры. К нам прибыла супружеская пара из Районной Разведки, которая выдавала себя за разъездных сборщиков фруктов. За ними последовали две девушки-фотографа - тайные агенты Разведывательно- Информационного Бюро. После этого - молодой журналист, который на самом деле был агентом Айдахского Совета по Космическим Нравам.

Как только наступал момент старта, у всех разрывало сфинкс-клапан.

Я не знал гордиться мне или стыдиться. За мной одним следило полдюжины агентов, но каждый из них был агентом второго сорта. Пробыв на нашей планете несколько недель, они неизменно становились отличными фермерами, а многоводные вначале реки их донесений постепенно превращались в слабенькие ручейки, пока в конце концов не пересыхали.

Временами меня одолевали горькие мысли. Я казался сам себе каким-то подопытным животным, каким-то испытательным полигоном для новичков, которые могли здесь попрактиковаться перед серьезной работой. Шпики, приставленные ко мне, были или слишком молоды, или слишком стары, или очень рассеяны, или ни на что другое неспособны, или просто неудачники. Я казался себе Подозреваемым, за которым посылали следить агентов, уходящих в отставку с половинным окладом, каким-то суррогатом пенсии.

Правда все это не очень меня тревожило. Я занимал солидное положение, хотя и затруднился бы определить его. За все годы моей жизни на Земле я никогда не был так счастлив, как сейчас. Мои шпики оказались приятными и дружными людьми"

Ничто не нарушало наш покой и безмятежность.

Я думал, что так будет продолжаться вечно.

Но вот в одну роковую ночь нашу колонию охватила необычайная суматоха. Были включены все радиоприемники - по-видимому, передавалось какое-то важное сообщение. Мне пришлось попросить некоторых шпиков объединиться с их коллегами, а часть приемников выключить, чтобы не сжечь генераторы.

Наконец шпики выключили все приемники, и у них началось совещание. До глубокой ночи слышался их шепот. На следующее утро все собрались в гостиной. Лица их были вытянуты и мрачны. Мэйвис выступила как представитель всей группы.

- Случилось нечто ужасное, - сказала она, - но сперва я должна раскрыть вам наш секрет. Билл, мы не те, за кого

себя выдавали. Все мы тайные правительственные агенты.

- Не может быть! - воскликнул я, не желая задевать ничье самолюбие.

- Это так, Билл, - продолжала она. - Мы все шпионили за тобой.

- Не может быть! - повторил я. - Даже вы, Мэйвис?

- Даже я. - Вид у нее в этот момент был совсем убитый.

- А теперь все кончено, - выпалил вдруг Рой. Это потрясло меня.

- Почему?

Они переглянулись. Наконец мистер Уоллей, мозолистые руки которого все время теребили поля шляпы, сказал:

- Билл, последняя съемка и разметка космоса обнаружила, что этот район не принадлежит Соединенным Штатам.

- А какому же государству он принадлежит? - спросил я.

- Не волнуйтесь и постарайтесь понять суть дела, - вмешалась Мэйвис. - Во время международного раздела космоса весь этот сектор случайно пропустили, и поэтому сейчас на него не может претендовать ни одно государство. По праву первого поселенца эта планета и окружающее ее пространство радиусом в несколько миллионов миль принадлежит вам, Билл.

Я был просто ошарашен и не мог вымолвить ни слова.

- В связи с этим, - продолжала Мэйвис, - наше пребывание здесь лишено каких-либо законных оснований. Мы улетаем немедленно.

- Но вы не сможете взлететь! - закричал я. - Я не успел еще починить ваши сфинкс-клапаны!

- У любого тайного агента есть запасные сфинкс-клапаны, мягко сказала Мэйвис...

Я смотрел как они уходят к своим кораблям, и думал об ожидавшем меня одиночестве. У меня не будет правительства, которое устанавливало бы за мной надзор. Не придется мне услышать в ночи чьи-то шага за своей спиной и, обернувшись, обнаружить сосредоточенную физиономию одного из шпиков. Никогда больше жужжание старой кинокамеры не будет ласкать мой слух во время работы, а гудение неисправного звукозаписывающего аппарата убаюкивать меня по вечерам.

И все-таки больше всего мне было жалко их, этих бедных, усердных, неуклюжих и неумелых шпиков, которым приходится теперь возвращаться в мир бешеных темпов, зверской конкуренции и голого чистогана. Где еще найдут они себе такого Подозреваемого, как я, или другую такую планету?

- Прощайте, Билл, - сказала Мэйвис и протянула мне руку.

Я смотрел, как она направляется к кораблю Уоллейса, и вдруг до меня дошло, что и она уже больше не мой шпик!

- Мэйвис! - закричал я и бросился за ней.

Она заспешила к кораблю, но я поймал ее за руку.

- Подожди. Помнишь, я что-то начал говорить тебе еще в космосе? А потом здесь, на планете, я тоже хотел сказать тебе...

Она попыталась вырваться, и я совсем будничным голосом промямлил:

- Мэйвис, - я люблю тебя.

В то же мгновение она оказалась в моих объятиях. Мы поцеловались, и я сказал ей, что ее дом здесь, на этой планете, покрытой тенистыми лесами и желто-зелеными полями. Здесь, вместе со мной. Она онемела от счастья.

Увидев, что Мэйвис не собирается улетать, юный Рой также пересмотрел свое решение. Овощи мистера Уоллейса как раз начали созревать, и он почувствовал, что обязан остаться, чтобы присматривать за ними. И у остальных оказались

неотложные дела на этой планете.
Так я стал тем, кем остаюсь по сей день, - правителем, королем, диктатором, президентом и кем только мне вздумается себя назвать. Бывшие шпики теперь массами опускаются на нашу планету. Они прибывают не только из Америки, но практически со всех концов Земли. Для того чтобы прокормить эту ораву, мне придется вскоре импортировать продукты питания. Но правители других планет начали отказывать мне в помощи. Они считают, что я подкупаю их шпиков, чтобы они сбегали ко мне.
Клянусь, что я ничего такого не делал. Они просто прилетают и остаются.
Я не могу подать в отставку, так как эта планета - моя собственность. А отправить их обратно - не хватает духа. Я дошел уже до предела.
Все мои подданные - это бывшие правительственные агенты. Потому вы могли бы решить, что я не встречу никаких затруднений при формировании правительства. Но в действительности я не нашел никакой поддержки у них в этом вопросе. Я оказался единовластным правителем планеты, населенной фермерами, скотоводами и пастухами, так что, во всяком случае, с голоду мы не умрем. Но в конце концов не в этом дело. Суть в том, что я не представляю себе, черт возьми, как мне управлять.
Ведь ни одних из них не желает быть шпиком и доносить на своих друзей.

Роберт Шекли
Специалист

Перевод Н. Евдокимовой

Фотонный шторм разразился без предварительного предупреждения, обрушился на Корабль из-за плеяды красных звезд-гигантов. Глаз едва у спел с помощью Передатчика подать второй и последний сигнал тревоги, как шторм уж бушевал вовсю.
Для Передатчика это был третий дальний перелет и первый в жизни шторм световых лучей. Когда Корабль заметно отклонился от курса, принял на себя удар фронта волны и чудовищно накренился, Передатчик перепугался не на шутку. Однако страх тотчас рассеялся, уступив место сильнейшему возбуждению.
"Чего бояться, - подумал Передатчик, - разве не готовили меня как раз к таким аварийным ситуациям?"
Когда налетел шторм, Передатчик беседовал с Питателем, но сразу же резко оборвал разговор. Он надеялся, что Питатель благополучно выпутается. Жаль юнца - это его первый дальний рейс.
Нитевидные проволочки, составляющие большую часть тела Передатчика, были протянуты по всему Кораблю. Передатчик быстро поджал их под себя - все, кроме тех, что связывали его с Глазом, Двигателем и Стенками. Теперь все зависело от них. Пока не уляжется шторм, остальным членам Команды придется рассчитывать только на свои силы.
Глаз расплющил по Стенке свое дисковидное тело и высунул наружу один из органов зрения. Остальные он сложил и, чтобы

сосредоточиться, втянул их внутрь.

Пользуясь органом зрения Глаза Передатчик вел наблюдение за штормом. Чисто зрительные восприятия Глаза он переводил в команды для Двигателя, который направлял Корабль наперерез волнам. Почти одновременно Передатчик увязывал команды по курсу со скоростью; это делалось для Стенок, чтобы те увеличили жесткость и лучше противостояли ударам.

Действия координировались быстро и уверено: Глаз измерял силу волн. Передатчик сообщал информацию Двигателю и Стенкам. Двигатель вел Корабль вперед в очередную волну, а Стенки смыкались еще теснее, чтобы принять удар.

Увлекшись стремительной, слаженной общей работой, Передатчик и думать забыл о собственных страхах. Думать было некогда. В качестве корабельной системы связи он должен был с рекордной быстротой переводить и передавать сигналы, координируя информацию и командуя действиями.

Спустя каких-нибудь несколько минут шторм утих.

- Отлично, - сказал Передатчик. - Посмотрим, есть ли повреждения. - Во время шторма нити его спутались, но теперь он распутал их и протянул по всему Кораблю, включив каждого члена Команды в свою цепь. - Двигатель!

- Самочувствие превосходное, - отозвался Двигатель. Во время шторма он активизировал челюсти-замедлители, умеряя атомные взрывы в своем чреве. Никакой буре не удалось бы застигнуть врасплох столь опытного астронавта, как Двигатель.

- Стенки!

Стенки рапортовали поочередно, и это заняло уйму времени. Их было более тысячи - тонких прямоугольников, составляющих оболочку Корабля. Во время шторма они, естественно, укрепляли стыки, повысив тем самым упругость всего Корабля. Однако в одной или двух появились глубокие вмятины.

Доктор сообщил, что он цел и невредим. Он состоял в основном из рук и во время шторма цеплялся за какой-то Аккумулятор. Теперь он снял со своей головы нить, тянущуюся от Передатчика, отключился таким образом от цепи и занялся изрешеченными Стенками.

- Давайте-ка побыстрее, - сказал Передатчик, не забывая, что предстоит еще определить местонахождение Корабля. Он предоставил слово четырем Аккумуляторам. - Ну, как вы там? - спросил он.

Ответа не было. Аккумуляторы сладко спали. Во время шторма их рецепторы были открыты, и теперь все четверо раздувались от избытка энергии. Передатчик подергал своими ниточками, но аккумуляторы не шелохнулись.

- Пусти-ка меня, вызвался Питатель. Бедняга не сразу догадался прикрепиться к Стенке своими всасывающими трубками и успел-таки хлебнуть лиха, но петушился ничуть не меньше, чем всегда. Из всех членов Команды Питатель был единственным, кто никогда не нуждался в услугах Доктора: его тело регенерировало самостоятельно.

Он торопливо пересек пол на своих щупальцах - их было около двенадцати - и лягнул ближайший -Аккумулятор. Огромный конус, напоминающий гигантскую копилку, приоткрыл было один глаз, но тут же закрыл его снова. Питатель вторично лягнул Аккумулятор, на этот раз вовсе безрезультатно. Тогда он дотянулся до предохранительного клапана, расположенного в верхней части Аккумулятора, и выпустил часть запаса энергии.

- Сейчас же прекрати, - буркнул Аккумулятор.

- А ты проснись и рапортуй по всей форме.

Аккумуляторы раздраженно заявили, что они вполне здоровы и что любому дураку это ясно. На время шторма их пригвоздили к полу монтажные болты.

Остальная часть поверки прошла быстро. Мыслитель был здоров и бодр, а Глаз восторженно расхваливал красоты шторма. Произошел только один несчастный случай.

Погиб Ускоритель. Двуногий, он не был так устойчив, как остальные члены Команды. Шторм застал его посреди пола, швырнул на Стенку, которая к тому моменту успела резко увеличить свою жесткость, и переломал ему какие-то жизненно важные кости. Теперь даже Доктор был бессилен помочь.

Некоторое время все молчали. Гибель какой-то части Корабля - дело не шуточное. Корабль - это единое целое, состоящее исключительно из членов Команды. Утрата одного из них - удар по всей Команде.

Особенно серьезно обстояло дело именно сейчас. Корабль только-только доставил груз в порт, отделенный от Центра Галактики несколькими тысячами световых лет. После шторма координаты Корабля были совершенно неизвестны.

Глаз подполз к одной из Стенок и выставил орган зрения наружу. Стенки пропустили его и тотчас сомкнулись снова. Высунувшись из корабля, орган зрения удлинился настолько, чтобы обозревать всю звездную сферу. Картина была сообщена Передатчику, который доложил о ней Мыслителю.

Мыслитель - гигантская бесформенная глыба протоплазмы - лежал в углу каюты. В нем хранилась память всех его предков-космопроходцев. Он рассмотрел полученную картину, мгновенно сравнил ее с массой других, запечатленных в его клетках, и сообщил:

- В пределах досягаемости нет ни одной планеты, входящей в Галактическое Содружество.

Передатчик машинально перевел каждому сообщение, которого опасались больше всего на свете.

С помощью Мыслителя Глаз определил, что Корабль отклонился от курса на несколько сот световых лет и находится на окраине Галактики.

Каждый член Команды хорошо понимал, что это означает. Без Ускорителя, который разгоняет Корабль до скорости, во много раз превышающей световую, им никогда не вернуться домой. Обратный перелет без Ускорителя продлится дольше, чем жизнь каждого из них.

- Нам остается избрать одну из двух возможных линий поведения. Первая: пользуясь атомной энергией Двигателя, направить Корабль к ближайшей галактической планете. Это займет приблизительно двести световых лет. Возможно, Двигатель и доживет до конца пути, но остальные наверняка не доживут. Вторая: найти в зоне нашего местонахождения примитивную планету, населенную потенциальными Ускорителями. Выбрать одного из них и обучить, чтобы он разгонял наш Корабль на пути к галактической территории.

Изложив все варианты, отысканные в памяти предков, Мыслитель умолк.

После быстро проведенного голосования оказалось, что все склоняются в пользу второго предложения Мыслителя. Да и выбора-то по правде говоря, не было. Только второй вариант оставлял хоть какую-то надежду на возвращение домой.

- Хорошо, - сказал Мыслитель. - А теперь поедим. Полагаю, все мы это заслужили.

Тело погибшего Ускорителя сбросили в пасть Двигателя, который тут же проглотил его и преобразовал атомы в энергию.

Из всех членов Команды только Двигатель питался атомной

энергией.

Чтобы накормить остальных, Питатель поспешно подзарядился от ближайшего Аккумулятора. После этого он преобразовал находящиеся внутри него питательные вещества в продукты, которые потребляли другие члены Команды. Химия тела у Питателя непрестанно изменялась, перерождалась, адаптировалась, приготовляя различные виды питания.

Глаз употреблял в пищу только сложные цепочки молекул хлорофилла. Изготовив для него такие цепочки, Питатель скормил Передатчику углеводороды, а стенкам - хлористые соединения. Для Доктора он воспроизвел точную копию богатых кремнием плодов, к которым тот привык на родине.

Наконец трапеза окончилась, и Корабль снова был приведен в порядок. В углу сном праведников спали Аккумуляторы.

Глаз расширял свое поле зрения, насколько мог, настраивая главный зрительный орган на высокочувствительную телескопическую рецепцию. Даже в столь чрезвычайных обстоятельствах Глаз не устоял перед искушением и начал сочинять стихи. Он объявил во всеуслышание, что работает над новой эпической поэмой "Периферическое свечение". Поскольку никто не желал выслушать эту поэму, Глаз ввел ее в Мыслителя, который сберегал в памяти решительно все, хорошее и плохое, истинное и ложное.

Двигатель никогда не спал. По горло полный энергией, полученной из праха Ускорителя, он вел Корабль вперед со скоростью, в несколько раз превышающей скорость света.

Стенки спорили, кто из них во время последнего отпуска был пьянее всех.

Передатчик решил расположиться поудобнее. Он отцепился от Стенок, и его круглое тельце повисло в воздухе, подвешенное на сети пересекающихся нитей.

На мгновение он вспомнил об Ускорителе. Странно - ведь все они дружили с Ускорителем, а теперь сразу о нем позабыли. Дело тут отнюдь не в черствости, а в том, что Корабль - это единое целое. Об утрате одного из членов скорбят, но при этом главное - чтобы не нарушилось единство.

Корабль проносился мимо солнц галактической окраины.

Мыслитель рассчитал, что вероятность отыскать планету Ускорителей составляет примерно четыре к пяти, и проложил спиральный маршрут поисков. Неделю спустя им повстречалась планета первобытных Стенок. На бреющем полете можно было увидеть, как эти толстокожие прямоугольники греются на солнце, лазают по горам, смыкаются в тоненькие, но широкие плоскости, чтобы их подхватил легкий ветерок.

Все корабельные Стенки тяжело вздыхали, охваченные острой тоской по родине. До чего же похоже на их родную планету!

Со Стенками вновь открытой планеты еще не вступала в контакт ни одни галактическая экспедиция, и они не подозревали о своем великом предназначении - влиться в обширное Содружество Галактики.

Спиральный маршрут проходил мимо множества миров - и мертвых, и слишком юных для возникновения жизни. Повстречали планету Передатчиков. Паутина линии связи раскинулась здесь чуть ли не на половину континента.

Передатчик жадно рассматривал планету, прибегнув к помощи Глаза. Его охватила жалость к самому себе. Вспомнился дом, семья, друзья. Вспомнилось и дерево, которое он собирался купить, когда вернется.

На какое-то мгновение Передатчик удивился: что делает он в заброшенном уголке Галактики, и к тому же в качестве

корабельного прибора?
Однако он стряхнул с себя минутную слабость. Обязательно найдется планета Ускорителей - надо только поискать как следует.
По крайней мере он на это надеялся.
Корабль стремительно несся по неисследованной окраине, мимо длинной вереницы бесплодных миров. Но вот на пути попалась целая россыпь планет, населенных первобытными Двигателями, которые плавали в радиоактивном океане.
- Какая богатая территория, - обратился Питатель к Передатчику, - Галактике следовало бы выслать сюда отряд контакторов.
- Возможно, после нашего возвращения так и поступят, - ответил Передатчик.
Они были очень дружны между собой - их связывало чувство еще более теплое, чем всеобъемлющая дружба членов Команды. Дело не только в том, что оба были младшими членами Команды, хотя их взаимная привязанность объяснялась и этим. Оба выполняли сходные функции - вот где коренилось родство душ. Передатчик переводил информацию, Питатель преобразовывал пищу. Они и внешне-то были схожи. Передатчик представлял собой центральное ядро с расходящимися во все стороны нитями, Питатель - центральное ядро с расходящимися во все стороны трубочками.
Передатчик считал, что после него наиболее сознательное существо на Корабле - это Питатель. По-настоящему Передатчик нйкоща не понимал, как протекают сознательные процессы у некоторых членов Команды.
Еще солнца, еще планеты. Двигатель начал перегреваться. Как правило, он применяется только при старте и посадке, а также при точном маневрировании внутри планетной системы. Теперь же в течение многих недель он работал беспрерывно со сверхсветовой и досветовой скоростью. Начинало сказываться напряжение.
С помощью Доктора Питатель привел в действие систему охлаждения Двигателя. Грубое средство, но приходилось довольствоваться малым. Перестроив атомы азота, кислорода и водорода, Питатель создал охлаждающую жидкость. Доктор порекомендовал Двигателю длительный отдых. Он предупредил, что бравый ветеран не протянет и недели при таком напряжении.
Поиски продолжались, но настроение Команды постепенно падало. Все понимали, что в Галактике Ускорители встречаются редко, не то что расплодившиеся Стенки и Двигатели.
От межзвездной пыли на Стенках появились оспины. Стенки жаловались, что по приезде домой разорятся, так как им необходимо будет пройти полный курс лечения в косметическом салоне. Передатчик заверил их, что все расходы примет на себя фирма.
Даже Глаз налился кровью, оттого что непрерывно таращился в пространство.
Подлетели еще к одной планете. Сообщили ее характеристики Мыслителю, который надолго задумался над ними.
Спустились поближе - так, что можно было различить отдельные предметы.
Ускорители! Примитивные Ускорители!
Стремительно развернулись назад, в космос, строить дальнейшие планы. Питатель приготовил двадцать три опьяняющих напитка, чтобы отпраздновать событие.

Корабль на трое суток вышел из строя.

- Ну как, все готовы? - еле слышно спросил Передатчик на четвертые сутки. Он мучился: с похмелья горели все нервные окончания.

Ну и хватил же он лишку! У него сохранилось смутное воспоминание о том, как он обнимал Двигателя и приглашал по возвращении поселиться на одном дереве.

Сейчас Передатчик содрогался при одной мысли об этом. Остальные члены Команды чувствовали себя не лучше. Стенки пропускали воздух - они слишком ослабли, чтобы сомкнуться как следует. Доктор валялся без чувств.

Хуже всех пришлось Питателю. Поскольку его система приспосабливалась к любому горючему, кроме атомного, он отведал все им же приготовленные зелья, в том числе неустойчивый иод, чистый кислород и взрывчатый сложный эфир. Вид у него был весьма жалкий. Трубочки, обычно красивого цвета морской воды, покрылись оранжевыми подтеками. Его пищеварительный тракт работал вовсю, очищаясь от всевозможной гадости, и Питатель маялся поносом.

Трезвыми остались только Мыслитель и Двигатель. Мыслитель пить не любил - свойство необычное для астронавта, но характерное для Мыслителя, а Двигатель не умел.

Все прислушались к поразительным сообщениям, которые без запинки выкладывал Мыслитель. Рассмотрев поверхность планеты при помощи Глаза, Мыслитель обнаружил там металлические сооружения. Он выдвинул устрашающую гипотезу, будто Ускорители на этой планете создали у себя механическую цивилизацию.

- Так не бывает, - категорически заявили три Стенки, и большинство Команды с ними согласилось. Весь металл, по их мнению, или был запрятан глубоко под землей или валялся в виде ничего не стоящих ржавых обломков.

- Не хочешь ли ты сказать, будто они делают из металла вещи? - осведомился Передатчик. - Прямо из обыкновенного мертвого металла? А что из него можно сделать?

- Ничего нельзя сделать, - решительно сказал Питатель. - Такие изделия беспрерывно ломались бы. Ведь металл не чувствует, когда его разрушает усталостный износ.

Однако Мыслитель оказался прав. Глаз увеличил изображение, и каждый увидел, что Ускорители понаделали из неодушевленного металла большие укрытия, экипажи и прочие предметы.

Причину столь странного направления цивилизации трудно было установить сразу, но ясно было, что это недоброе предзнаменование. Однако, как бы там ни было, самое страшное осталось позади. Планета Ускорителей найдена. Предстояла лишь сравнительно легкая задача - уговорить одного из туземцев.

Едва ли это будет так уж сложно. Передатчик знал, что даже среди примитивных народов священные принципы Галактики - сотрудничество и взаимопомощь - нерушимы.

Команда решила не совершать посадки в густонаселенном районе. Разумеется, нет причин опасаться недружелюбной встречи, но установить связь с этими существами как с племенем - дело отряда контактеров. Команде же нужен только один индивид. Поэтому они выбрали почти необитаемый земельный массив и совершили посадку, едва эту часть планеты окутала ночь.

Почти сразу же удалось обнаружить одиночного Ускорителя.

Глаз адаптировался, чтобы видеть в темноте, и все стали следить за движениями Ускорителя. Через некоторое время тот

улегся возле костра. Мыслитель разъяснил, что это распространенный среди Ускорителей обычай отдыха.

Перед самым рассветом Стенки расступились, а Питатель, Передатчик и Доктор вышли из Корабля.

Питатель ринулся вперед и похлопал туземца по плечу. Вслед за ним протянул линию связи и Передатчик.

Ускоритель раскрыл органы зрения, моргнул ими и сделал странное движение органом, предназначенным для поглощения еды. После этого он вскочил на ноги и пустился бежать.

Три члена Команды были ошеломлены. Ускоритель даже не дал себе труда выяснить, чего хотят от него трое инопланетян!

Передатчик быстро удлинил какую-то нить и на расстоянии пятнадцати метров ухватил Ускорителя за конечность. Ускоритель упал.

- Обращайтесь с ним поласковее, - посоветовал Питатель. - Возможно, его испугал наш вид. - У него даже все трубки затряслись от смеха при мысли, что Ускорителя, наделенного множеством органов, одного из самых чудных существ в Галактике, может испугать чей-то облик.

Вокруг упавшего Ускорителя засуетились Питатель и Доктор, подняли его и перенесли на Корабль.

Стенки снова сомкнулись. Ускорителя выпустили из цепкого захвата и приготовились к переговорам.

Едва освободясь, Ускоритель вскочил на ноги и метнулся к тому месту, где только что сомкнулись Стенки. Он неистово забарабанил в них верхними конечностями, отверстие для поглощения еды у него дрожало.

- Перестань, - возмутилась Стенка. Она напружинилась, и Ускоритель рухнул на пол. Мгновенно вскочив, он снова кинулся вперед.

- Остановите его, - распорядился Передатчик. - Он может ушибиться.

Один из Аккумуляторов проснулся ровно настолько, чтобы подкатиться под ноги Ускорителю. Ускоритель упал, снова поднялся и помчался вдоль Корабля.

Линии Передатчика тянулись и по передней части Корабля, так что он перехватил Ускорителя на самом носу. Ускоритель стал отдирать нити, и Передатчик поспешно отпустил его.

- Подключи его к системе связи! - вскричал Питатель. - Быть может, удастся воздействовать на него убеждением!

Передатчик протянул к голове Ускорителя нить и замахал ею, подавая понятный всей Галактике знак установления связи. Однако Ускоритель вел себя поистине странно: он продолжал увертываться, отчаянно размахивая куском металла, который держал в руке.

- Как вы думаете, что он намерен делать с этой штукой? - спросил Питатель. Ускоритель атаковал борт Корабля, заколотив металлом по одной из Стенок. Стенка инстинктивно ожесточилась, и металл звякнул об пол.

- Оставьте его в покое, - сказал Передатчик. - Дайте ему время утихомириться.

Передатчик посовещался с Мыслителем, но они так и не решили, что делать с Ускорителем. Тот никак не шел на установление связи. Каждый раз когда Передатчик протягивал ему свою нить. Ускоритель выказывал все признаки необоримого ужаса. До поры до времени дело зашло в тупик.

Предложение отыскать на этой планете другого Ускорителя Мыслитель тут же отверг. Он считал, что поведение Ускорителя типично и, если обратиться к другому, результат не изменится. Кроме того, первый контакт с планетой -

прерогатива отряда контактеров.
Если они не найдут общего языка с этим Ускорителем, то на данной планете уже не свяжутся с другим.
- Мне кажется, я понял, в чем беда, - заявил Глаз. Он вскарабкался на Аккумулятор, как на трибуну. - Здешние Ускорители создали механическую цивилизацию. Но каким способом? Вообразите только, они разработали свои пальцы, как доктор, и научились изменять форму металлов. Они пользовались своими органами зрения, как я. Вероятно, развивали и бесчисленное множество прочих органов. - Он сделал эффектную паузу. - Здешние Ускорители утратили специализацию!
По этому поводу спорили несколько часов. Стенки утверждали, что разумное существо без специализации немыслимо. В Галактике таких нет. Однако факты были налицо - города Ускорителей, их экипажи... Этот Ускоритель, как и остальные, по-видимому, умел многое.
Он умел делать все, только не ускорять!
Частично эту несообразность объяснил Мыслитель.
- Данная планета не первобытна. Она сравнительно древняя и должна была бы вступить в Содружество много тысячелетий назад. Поскольку этого не произошло, местные Ускорители несправедливо лишились прав, принадлежавших им от рождения. Они даровиты, их специальность - ускорение, но ускорять им было нечего. В итоге, естественно, их культура развивалась патологически. Что это за культура, мы можем только догадываться. Однако, если исходить из имеющихся данных, есть все основания полагать, что местные Ускорители... неконтактны.
Мыслителю была свойственна манера самые поразительные заявления делать самым невозмутимым тоном.
- Вполне возможно, - продолжал непреклонный мыслитель, - что местные Ускорители не пожелают иметь с нами ничего общего. В таком случае вероятность того, что мы найдем другую планету Ускорителей, составляет приблизительно один к двумстам восьмидесяти трем.
- Нельзя с уверенностью утверждать, что он не станет сотрудничать, пока мы не добились контакта с ним, - заметил Передатчик. Ему было крайне трудно поверить, что разумное существо способно отказаться от добровольного сотрудничества.
- А как это сделать? - спросил Питатель.
Разработали план действий. Доктор медленно подошел к Ускорителю; тот попятился. Тем временем Передатчик просунул нить сквозь Стенку наружу, протянул вдоль Корабля и снова втянул внутрь, как раз позади Ускорителя.
Пятясь, Ускоритель уперся спиной в Стенку, и Передатчик ввел нить в его голову, во впадину связи, расположенную в центре мозга.
Ускоритель без чувств рухнул на пол.
Когда ускоритель пришел в себя, Питатель и Доктор держали его за руки и за ноги, иначе он оборвал бы линию связи. Тем временем Передатчик, пользуясь своим искусством, изучал язык Ускорителя.
Задача оказалась не слишком сложной. Все языки Ускорителей принадлежали к одной и той же группе, и этот случай не был исключением. Передатчику удалось уловить на поверхности коры достаточно мыслей, чтобы представить себе строй чуждой речи.
Он попытался наладить общение с Ускорителем.
Ускоритель хранил молчание.

- По-моему, он нуждается в пище, - сказал Питатель. Все вспомнили, что Ускоритель находится на борту Корабля почти двое суток. Питатель изготовил одно из стандартных блюд, любимых Ускорителями, и подал его чужаку.

- О господи! Бифштекс! - воскликнул Ускоритель.

По переговорным цепям Передатчика вся Команда испустила радостный клич. Ускоритель произнес первые слова!

Передатчик проанализировал слова и покопался в памяти. Он знал сотни две языков Ускорителей, а простейших диалектов - еще больше. Передатчик установил, что Ускоритель разговаривает на смешении двух наречий.

Насытившись, Ускоритель огляделся по сторонам. Передатчик перехватил его мысли и разнес их по всей Команде.

Ускоритель воспринимал окружающее как-то необычно. Корабль казался ему буйством красок. По Стенкам пробегали волны. Прямо перед ним находилось нечто вроде гигантского черно-зеленого паука, чья паутина опутала весь Корабль и протянулась к головам остальных невиданных существ. Глаз почудился ему странным зверьком без меха - существом, которое находилось где-то на полпути между освежеванным кроликом и яичным желтком (что это за диковинки, никто на Корабле не знал).

Передатчика покорила новая точка зрения, которую он обнаружил в мозгу Ускорителя. Никогда до сих пор не видел он мира в таком свете. Теперь, когда Ускоритель это заметил, Передатчик не мог не признать, что у Глаза и вправду смешная внешность. Попытались войти в контакт.

- Что вы за создания такие, черт вас возьми? - спросил Ускоритель; он заметно успокоился к исходу вторых суток. - Зачем вы схватили меня? Или я просто свихнулся?

- Нет, - успокоил его Передатчик, - твоя психика вполне нормальна. Перед тобой торговый Корабль Галактики. Штормом нас занесло в сторону, а наш Ускоритель погиб.

- Допустим, но при чем тут я?

- Нам бы хотелось, чтобы ты присоединился к нашей команде, - ответил Передатчик, - и стал новым Ускорителем.

Ускорителю растолковали обстановку и он задумался. В мыслях Ускорителя Передатчик улавливал внутреннюю борьбу. Тот никак не мог решить, наяву ли все с ним происходит или нет. Наконец Ускоритель пришел к выводу, что он не сошел с ума.

- Слушайте, братцы, - сказал он, - я не знаю, кто вы такие, и в чем тут дело, но мне пора отсюда убираться. У меня кончается увольнительная, и если я не появлюсь в самое ближайшее время, мне не миновать дисциплинарного взыскания.

Передатчик попросил Ускорителя пояснить, что такое "дисциплинарное взыскание", и послал полученную информацию Мыслителю.

"Эти Ускорители заняты склокой" - таково было заключение Мыслителя.

- Но зачем? - спросил Передатчик. В мыслях он с грустью допустил, что Мыслитель, очевидно, прав: Ускоритель не выказывал особенного стремления сотрудничать.

С удовольствием выручил бы вас, ребята, - продолжал Ускоритель, - но откуда вы взяли, что я могу придать скорость такому огромному агрегату? Да ведь чтобы только-только сдвинуть ваш Корабль с места, нужен целый танковый дивизион.

- Одобряете ли вы войны? - спросил по предложению Мыслителя Передатчик.

- Никто не любит войну - особенно те, кому приходится

проливать кровь.
- Зачем же вы воюете?
Органом приема пищи Ускоритель скорчил какую-то мину, которую Глаз зафиксировал и передал Мыслителю. "Одно из двух: или ты убьешь, или тебя убьют. А вам, друзья, известно, что такое война?"
- У нас нет войн, - отчеканил Передатчик.
- Счастливые, - горько сказал Ускоритель. - А у нас есть. И много.
- Конечно, - подхватил Передатчик. К этому времени он успел получить у Мыслителя исчерпывающее объяснение. - А хотел бы ты с ними покончить?
- Конечно.
- Тогда лети с нами. Стань Ускорителем.
Ускоритель встал и подошел к Аккумулятору. Усевшись на него. Ускоритель сжал кулаки.
- Какого черта ты тут мелешь? Как я могу прекратить все войны? - осведомился он. - Даже если бы я обратился к самым важным шишкам и сказал...
- Этого не нужно, - прервал его Передатчик. - Достаточно отправиться с нами в путь. Доставишь нас на базу. Галактика вышлет на вашу планету отряд контактеров. Тогда войнам придет конец.
- Черта с два, - ответил Ускоритель. - Вы, миляги, значит, застряли здесь? Ну и прекрасно. Никаким чудищам не удастся завладеть Землей.
Ошеломленный Передатчик пытался проникнуть в ход мыслей собеседника. Неужели Ускоритель его не понял? Или он сказал что-нибудь невпопад?
- Я думал, ты хочешь прекратить войны, - заметил он.
- Ну, ясно, хочу. Но не хочу, чтобы нас заставляли их прекратить. Я не предатель. Лучше уж буду воевать.
- Никто вас не заставит. Вы просто прекратите сами, потому что не будет необходимости воевать.
- А ты знаешь, почему мы воюем?
- Само собой разумеется.
- Неужто? Интересно послушать.
- Вы, Ускорители, слишком долго были отделены от основного потока Галактики, - объяснил Передатчик. У вас есть специальность - ускорение, но вам нечего ускорять. Поэтому у вас нет настоящего дела. Вы играете вещами - металлами, неодушевленными предметами, - но не находите в этом подлинного удовлетворения. Лишенные Истинного призвания, вы воюете просто от тоски. Как только вы займете свое место в Галактическом Содружестве - и, смею вас уверить, это почетное место, ваши войны прекратятся. К чему воевать - ведь это противоестественное занятие, -когда можно ускорять? Кроме того, исчезнет ваша механическая цивилизация, поскольку нужды в ней уже не будет.
Ускоритель покачал головой - жест, который Передатчик истолковал как признак растерянности.
"А что это такое - ускорение?"
Передатчик попытался растолковать как можно яснее, но, поскольку ускорение не входило в его компетенцию, у него самого было лишь общее представление о предмете.
- Ты хочешь сказать, что этим и должен заниматься каждый житель Земли?
- Безусловно, - подтвердил Передатчик. - Это ваша великая профессия.
На несколько минут Ускоритель задумался.
"По-моему, тебе нужен врач-психиатр или что-нибудь в этом

роде. Никогда в жизни я не мог бы это сделать. Я начинающий архитектор. К тому же... ну, да это трудно объяснить".

Однако Передатчик уже воспринял возражение Ускорителя, в мыслях которого появилась особь женского пола. Да не одна, а две или три. Притом Передатчик уловил ощущение одиночества, отчужденности.

Ускоритель был преисполнен сомнений.

Он боялся.

- Когда мы попадем в Галактику, - сказал Передатчик, горячо надеясь, что нашел нужные доводы, - ты познакомишься с другими Ускорителями. И с Ускорительницами. Вы Ускорители, все похожи друг на друга, так что ты с ними непременно подружишься. А что касается одиночества на Корабле, так здесь его просто не существует. Ты еще не понял, в чем суть Содружества. В содружестве никто не чувствует себя одиноким.

Ускоритель надолго задумался над идеей существования внеземных Ускорителей. Передатчик силился понять, почему эта идея настолько поразила его собеседника. Галактика кишит Ускорителями, Питателями, Передатчиками - и многими другими видами разумных существ в бесконечных вариантах и повторениях.

- Все же не верится, что кто-нибудь способен покончить со всеми войнами, - пробормотал Ускоритель. - Откуда мне знать, что это не ложь?

У Передатчика появилось такое ощущение, словно его ударили в самое ядро. Должно быть. Мыслитель был прав, утверждая, что эти Ускорители не станут сотрудничать. Значит, деятельность Передатчика прекратится? Значит, он вместе со своей Командой проведет остаток жизни в космосе только из-за тупости горстки Ускорителей?

Однако даже эти горькие мысли не приглушили чувства жалости к Ускорителю.

Какой ужас, думал Передатчик. Вечно сомневаться, не решаться, никому не верить. Если эти Ускорители не займут подобающего им места в Галактике, кончится тем, что они истребят друг друга. Им давным-давно пора вступить в содружество.

- Как мне убедить тебя? - воскликнул Передатчик.

В отчаянии он подключил Ускорителя ко всем цепям. Он открыл Ускорителю грубоватую покладистость Двигателя, бесшабашный нрав Стенок; показал ему поэтические склонности Глаза и дерзкое добродушие Питателя. Он распахнул настежь собственный мозг и продемонстрировал Ускорителю свою родную планету, семью и дерево, которое мечтал приобрести по возвращении.

Он развернул перед Ускорителем картины, которые показали историю каждого из представителей разных планет. У них были разные моральные понятия, но всех их объединяли узы Галактического Содружества.

Ускоритель созерцал все это, никак не реагируя. Немного погодя он покачал головой. Ответ был выражен жестом - неуверенным, смутным, но явно отрицательным.

Передатчик приказал Стенкам открыться. Те повиновались, и Ускоритель ошарашенно уставился в образовавшийся проем.

- Ты свободен, - сказал Передатчик. - Отключи только линию связи и ступай.

- А как же вы?

- Поищем другую планету Ускорителей.

- Какую? Марс? Венеру?

- Не знаем. Остается только надеяться, что поблизости есть другая.

Ускоритель посмотрел в проем - и перевел взгляд на Команду. Он колебался, и лицо его ясно отражало внутреннюю борьбу.

- Все, что вы мне показали, - правда?

Отвечать не пришлось.

- Ладно, - внезапно заявил Ускоритель, - поеду. Я, конечно, круглый дурак, но я поеду. Если вы так говорите, значит, так оно и есть.

Передатчик видел, что мучительные колебания, которых стоило Ускорителю согласие, лишили его ощущения реальности происходящего. Он действовал, как во сне, когда решения принимаются легко и беспечно.

- Осталось лишь маленькое затрудненьице, - прибавил Ускоритель с истерическим легкомыслием. - Ребята, будь я проклят, если умею ускорять. Вы, кажется, упоминали о сверхсветовой? Да я не дам и мили в час.

- Да нет же, уверяю тебя, ты умеешь ускорять, - убеждал его Передатчик, сам не вполне веря в то, что говорит. Он хорошо знал, на что способны Ускорители, но этот...

- Ты только попробуй.

- Обязательно, - согласился Ускоритель. - Во всяком случае, тогда я уж наверняка проснусь.

Пока Корабль готовили к старту, Ускоритель разговаривал сам с собой.

Странно, - бормотал ускоритель. - Я-то думал, что туристский поход - лучший отдых, а в результате у меня появились кошмары!

Двигатель поднял Корабль в воздух. Стенки сомкнулись еще раньше, а теперь Глаз направлял Корабль прочь от планеты.

- Мы вышли из зоны притяжения, - сообщил Передатчик. Прислушиваясь к Ускорителю, он молил судьбу пощадить разум этого бедняги. - Сейчас Глаз и Мыслитель зададут курс, я передам тебе, а ты ускоряй в заданном направлении.

- Ты сумасшедший, пролепетал Ускоритель. - Ты ошибся планетой. И вообще, хорошо бы вы исчезли, кошмарные видения.

- Ты теперь участник Содружества, - возразил доведенный до отчаяния Передатчик. - Вот тебе курс. Ускоряй!

Какое-то мгновение Ускоритель бездействовал. Он медленно стряхивал с себя оцепенение, начиная сознавать, что все это ему не приснилось. Он ощутил Содружество. Он ощутил спаянность Глаза с Мыслителем, Мыслителя с Передатчиком, Передатчика с Ускорителем, всех четверых со стенками, с остальными членами Команды - всех со всеми.

- Что это такое? - растерянно спросил Ускоритель. Он проникался единством Корабля, безмерной теплотой, близостью, достигаемой только в Содружестве.

Он стал ускорять.

Ничего не получилось.

- Попробуй еще разок, - взмолился Передатчик.

Ускоритель заглянул себе в душу. Ему открылся бездонный колодец сомнения и страха. Смотрясь в него, как в зеркало, он видел лишь искаженное ужасом лицо.

Мыслитель осветил ему этот колодец.

Ускорители веками не расставались с сомнением и страхом. Ускорители воевали из страха, убивали из сомнения.

Но на дне колодца... там скрывалась тайна ускорения!

Человек, Специалист, Ускоритель - теперь он целиком влился в Команду, растворился в ней и как бы обнял Мыслителя

и Передатчика за плечи.
Внезапно Корабль рванулся вперед с восьмикратной световой скоростью. И эта скорость все возрастала.

Роберт Шекли
"Особый Старательский"

Перевод А. Иорданского

Пескоход мягко катился по волнистым дюнам. Его шесть широких колес поднимались и опускались, как грузные крупы упряжки слонов. Невидимое солнце палило сквозь мертвенно-белую завесу небосвода, изливая свой жар на брезентовый верх машины и отражаясь от иссушенных песков.
- Только не засни, - сказал себе Моррисон, выправляя по компасу курс пескохода.
Вот уже двадцать первый день он ехал по Скорпионовой пустыне Венеры. Двадцать первый день он боролся со сном за рулем пескохода, который качаясь из стороны в сторону, переваливал одну песчаную волну за другой. Ехать по ночам было бы полегче, если бы не приходилось то и дело объезжать крутые овраги и валуны величиной с дом. Теперь он понимал, почему в пустыню направлялись группами: один вел машину, а другой тряс его/не давая заснуть.
- Но в одиночку лучше, - напомнил Моррисон сам себе. - Берешь вдвое меньше припасов и не рискуешь случайно оказаться убитым.
Он начал клевать носом и заставил себя рывком поднять голову. Перед ним, за поляроидным ветровым стеклом, все плясало и зыбилось. Пескоход бросало и качало с предательской мягкостью. Моррисон протер глаза и включил радио.
Это был рослый, загорелый, мускулистый молодой человек с коротко остриженными черными волосами и серыми глазами. Он наскреб двадцать тысяч долларов и приехал на Венеру, чтобы здесь, в Скорпионовой пустыне, заработать себе состояние, как это сделали уже многое до него. В Престо - последнем городке на рубеже дикой пустыни - он обзавелся снаряжением и пескоходом, после чего у него осталось всего десять долларов.
Десяти долларов в Престо хватило как раз на то, чтобы выпить в единственном на весь город салуне. Моррисон заказал виски с содовой, выпил с шахтерами и старателями и посмеялся над россказнями старожилов про стаи пустынных волков и эскадрильи прожорливых птиц, что водились в глубине пустыни. Он знал все о солнечной слепоте, тепловом ударе и о поломке телефона. Он был уверен, что с ним ничего подобного не случится.
Теперь же, пройдя за двадцать один день 1800 миль, он научился уважать эту безводную громаду песка и камня площадью втрое больше Сахары. Здесь в самом деле можно погибнуть!
Но можно и разбогатеть. Именно это и намеревался сделать Моррисон.
Из приемника послышалось гудение. Повернув регулятор громкости до отказа, он едва расслышал звуки танцевальной

музыки из Венусборга. Потом звуки замерли.

Он выключил радио и крепко впился обеими руками в руль. Разжав одну руку, он взглянул на часы. Девять пятнадцать утра. В десять тридцать он сделает остановку и вздремнет. В такую жару нужно отдыхать. Но не больше чем полчаса. Где-то впереди ждет сокровище, и ему нужно найти его до того, как кончатся припасы.

Там, впереди, должны быть выходы драгоценной золотоносной породы! Вот уже два дня, как он напал на ее следы. А что, если он наткнется на настоящее месторождение, как Кэрк в восемьдесят девятом году или Эдмондсон и Арслер в девяносто третьем? Тоща он сделает то же, что сделали они: закажет "Особый старательский" коктейль, сколько бы с него ни содрали.

Пескоход катился вперед, делая неизменные тринадцать миль в час, и Моррисон попытался сосредоточиться на опаленной жаром желтовато-коричневой местности. Вон тот выход песчаника точь-в-точь такого же цвета, как волосы Джейн.

Когда он доберется до богатой залежи, то вернется на землю, купит себе ферму в океане и они с Джейн поженятся. Хватит с него старательства! Только бы одну богатую находку, чтобы он мог купить кусок глубокого синего Атлантического океана. Кое-кто может считать рыбоводство скучным занятием, но его это вполне устраивает.

Он живо представил себе, как стада макрелей пасутся, плавая в планктоновых садках, а он сам в маленькой подводной лодке, сопровождаемый верным дельфином, посматривает, не сверкнет ли серебром хищная барракуда и не покажется ли из за коралловых зарослей сера-стальная акула...

Пескоход бросило вбок. Моррисон очнулся, схватился за руль и изо всех сил повернул его. Пока он дремал, машина съехала с рыхлого гребня дюны. Опасно накренившись, пескоход цеплялся колесами за гребень. Песок и галька летели из- под его широких шин, которые с визгом и воем начали вытягивать машину вверх по откосу. И тут обрушился весь склон дюны.

Моррисон повис на руле. Пескоход завалился на бок и покатился вниз. Песок сыпался в рот и в глаза. Отплевываясь, Моррисон не выпускал руля из рук. Потом машина еще раз перевернулась и провалилась в пустоту. Она падала несколько секунд, а потом рухнула на дно сразу всеми колесами. Моррисон услышал, как с гулом лопнули обе задние шины. Он ударился головой о ветровое стекло и потерял сознание.

Очнувшись, он прежде всего взглянул на часы. Они показывали десять тридцать пять.

- Самое время вздремнуть, - сказал себе Моррисон. - Но, пожалуй, лучше я сначала выясню ситуацию.

Он обнаружил, что находится на дне неглубокой впадины, усыпанной острыми камешками. От удара лопнули две шины, разбилось ветровое стекло и сорвало дверцу. Снаряжение было разбросано вокруг, но как будто осталось невредимым.

- Могло быть и хуже, - сказал себе Моррисон. Он нагнулся и внимательно осмотрел шины.

- Оно и есть хуже, - добавил он.

Обе лопнувшие шины были так изодраны, что починить их было уже невозможно. Запасные колеса он использовал еще десять дней назад, пересекая Чертову Решетку. Использовал и выбросил. Двигаться дальше без шин он не мог.

Моррисон вытащил телефон, стер пыль с черного пластмассового футляра и набрал номер гаража Эла в Престо.

Через секунду засветился маленький видеоэкран. Он увидел длинное угрюмое лицо, перепачканное маслом.
- Гараж Эла. Эдди у аппарата.
- Привет, Эдди. Это Том Моррисон. С месяц назад я купил у вас этот пескоход "Дженерал моторс". Помните?
- Конечно, помню, - ответил Эл. - Вы тот самый парень, который поехал один по Юго-Западной тропе. Ну как ведет себя таратайка?
- Прекрасно. Замечательная машина. Я вот по какому делу...
- Эй, - перебил его Эдди, - что с вашим лицом?
- Ничего особенного, - сказал он. -Я кувыркнулся с дюны, и лопнули две шины.
Он повернул телефон, чтобы Эдди смог их разглядеть.
- Не починить, - сказал Эдди.
- Так я и думал. А запасные я истратил, когда ехал через Чертову Решетку. Послушайте, Эдди, вы не могли бы телепортировать мне пару шин? Сойдут даже реставрированные. А то без них мне не сдвинуться с места.
- Конечно, - ответил Эдди, - только реставрированных у меня нет. Я телепортирую новые по пятьсот за штуку. Плюс четыреста долларов за телепортировку. Тысяча четыреста долларов, мистер Моррисон.
- Ладно.
- Хорошо, сэр. Если вы покажете мне наличные или чек, я буду действовать.
- В данный, момент, - сказал Моррисон, - у мены с собой нет ни цента.
- А счет в банке?
- Исчерпан дочиста.
- Облигации? Недвижимость? Хоть что-нибудь, что можно обратить в наличные?
- Ничего, кроме этого пескохода, который вы продали мне за восемь тысяч долларов. Когда вернусь, рассчитаюсь с вами пескоходом.
- Если вернетесь. Мне очень жаль, мистер Моррисон, но ни чего не выйдет.
- Что вы хотите сказать? - спросил Моррисон. - Вы же знаете, что я заплачу за шины.
- А вы знаете законы Венеры, - упрямо сказал Эдди. - Никакого кредита! Деньги на бочку!
- Не могу же я ехать на пескоходе без шин, - сказал Моррисон. - Неужели вы меня здесь бросите?
- Кто это вас бросит? - возразил Эдди. - Со старателями такое случается каждый день. Вы знаете, что делать, мистер Моррисон. Позвоните в компанию "Коммунальные услуги" и объявите себя банкротом. Подпишите бумагу о передаче им остатков пескохода и снаряжения и всего, что вы нашли по дороге. Они вас выручат.
- Я не хочу возвращаться, - ответил Моррисон. - Смотрите. Он поднес аппарат к самой земле.
- Видите, Эдди? Видите эти красные и пурпурные крапинки? Где-то здесь лежит богатая руда!
- Следы находят все, - сказал Эдди.
- Но это богатое место, - настаивал Моррисон. - Следы ведут прямо к чему-то крупному, к большой жиле. Эдди, я знаю, это очень большое одолжение, но если бы вы рискнули ради меня парой шин...
- Не могу, - ответил Эдди. - Я же всего навсего здешний служащий. Я не могу телепортировать вам никаких шин, пока вы мне не покажете деньги. Иначе меня выгонят с работы, а

может быть, и посадят. Вы знаете закон.

- Деньги на бочку, - мрачно сказал Моррисон.

- Вот именно. Не делайте глупостей и поворачивайте обратно. Может быть, когда- нибудь попробуете еще раз.

- Я двенадцать лет копил эти деньги, - ответил Моррисон. - Я не поверну назад.

Он выключил телефон и попытался что-нибудь придумать. Кому еще здесь, на Венере, он может позвонить? Только Максу Крэндоллу, своему маклеру по драгоценным камням. Но Максу негде взять тысячу четыреста долларов - в своей тесной конторе рядом с ювелирной биржей Венусборга он еле-еле зарабатывает на то, чтобы заплатить домохозяину.

"Не могу я просить Макса о помощи, - решил Моррисон. - По крайней мере до тех пор, пока не найду золото. Настоящее золото, а не просто его признаки. Значит, остается выпутываться самому".

Он открыл задний борт пескохода и начал разгружать его, сваливая снаряжение на песок. Придется отобрать только самое необходимое: все, что он возьмет, предстоит тащить на себе.

Нужно взять телефон, походный набор для анализов. Концентраты, револьвер, компас. И ничего больше, кроме воды, - столько, сколько он сможет унести. Все остальное придется бросить.

К вечеру Моррисон был готов. Он с сожалением посмотрел на остающиеся двадцать баков с водой. В пустыне вода - самое драгоценное имущество человека, если не считать телефона. Но ничего не поделаешь. Напившись досыта, он взвалил на плечи мешок и направился на юго-запад, в глубь пустыни.

Три дня он шел на юго-запад, потом, на четвертый день, повернул на юг. Признаки золота, становились все отчетливее. Никогда не показывавшееся из-за облаков солнце палило сверху, и мертвенно-белое небо смыкалось над ним, как крыша из раскаленного железа. Моррисон шел по следам золота, а по его следам тоже кто-то шел.

На шестой день он уловил какое-то движение, но это было так далеко, что он ничего не смог разглядеть. На седьмой день он увидел, кто его выслеживает.

Венерианская порода волков, маленьких, худых, с желтой шкурой и длинными, изогнутыми, как будто в усмешке, челюстями, была одной из немногих разновидностей млекопитающих, которые обитали в Скорпионовой пустыне. Моррисон вгляделся и увидел, как рядом с первым волком появились еще два.

Он расстегнул кобуру револьвера. Волки не пытались приблизиться. Времени у них было достаточно.

Моррисон все шел и шел, жалея, что не захватил с собой ружье. Но это означало бы лишние восемь фунтов, а значит, на восемь фунтов меньше воды.

Раскидывая лагерь на закате восьмого дня, он услышал какое-то потрескивание. Он резко повернулся и заметил в воздухе футах в десяти от себя, на высоте чуть больше человеческого роста, маленький вихрь, похожий на водоворот. Вихрь крутился, издавая характерное потрескивание, всегда сопровождавшее телепортировку.

"Кто бы это мог мне что-то телепортировать?" - подумал Моррисон, глядя, как вихрь медленно растет.

Телепортировка предметов со стационарного проектора в любую заданную точку была обычным способом передвижения грузов через огромные расстояния Венеры. Телепортировать

можно было любой неодушевленный предмет. Одушевленные предметы телепортировать не удавалось, потому что при этом происходили некоторые незначительные, но иепоправимые изменения молекулярного строения протоплазмы. Кое-кому пришлось убедиться в этом на себе, когда телепортирование только еще входило в практику.

Моррисон ждал. Воздушный вихрь достиг трех футов в диаметре. Из него вышел хромированный робот с большой сумкой.

- А это ты... - сказал Моррисон.

- Да, сэр, - сказал робот, окончательно высвободившись из вихря, - Уильямс-4 с венерианской почтой к вашим услугам.

Робот был среднего роста, с тонкими ногами и плоскими Ступнями, человекоподобный и наделенный добродушным характером. Вот уже двадцать три года он представлял собой все почтовое ведомство Венеры - сортировал, хранил и доставлял письма. Он был построен основательно, и за все двадцать три года почта ни разу не задерживалась.

- Вот и мы, мистер Моррисон, - сказал Уильямс-4. - К сожалению, в пустыню почта заглядывает только дважды в месяц, но уж зато приходит вовремя, а это самое ценное. Вот для вас. И вот. Кажется, есть еще одно. Что, пескоход сломался?

- Ну да, - ответил Моррисон, забирая письма.

Уильямс-4 продолжал рыться в своей сумке. Хотя старый робот был прекрасным почтальоном, он слыл самым большим болтуном на всех трех планетах.

- Где-то здесь было еще одно, сказал Уильямс-4. - Плохо, что пескоход сломался. Теперь уж пескоходы пошли не те, что во времена моей молодости. Послушайте моего совета, молодой человек. Возвращайтесь назад, если у вас еще есть такая возможность.

Моррисон покачал головой.

- Глупо, просто глупо, - сказал старый робот. - Жаль, что у вас нет моего опыта. Сколько раз мне попадались вот такие парни - лежат себе на песке в высохшем мешке из собственной кожи, а кости изгрызли песчанные волки и грязные черные коршуны. Двадцать три года я доставляю почту прекрасным молодым людям вроде вас, и каждый думает, что он необыкновенный, не такой, как другие.

Зрительные ячейки робота затуманились воспоминаниями.

- Но они такие же, как и все, - продолжал Уильямс-4. - Все они одинаковы, как роботы, сошедшие с конвейера, особенно это чувствуешь после того, как с ними разделаются волки.

И тогда мне приходится пересылать их письма и личные вещи их возлюбленным на Землю.

- Знаю, - ответил Моррисон. - Но кое-кто остается в живых, верно?

- Конечно, - согласился робот. - Я видел, как люди составляли себе одно, два, три состояния. А потом умирали в песках, пытаясь составить четвертое.

- Только не я, - ответил Моррисон. - Мне хватит и одного. А потом я куплю себе подводную ферму на Земле.

Робот содрогнулся.

- Ненавижу соленую воду. Но каждому - свое. Желаю удачи, молодой человек!

Робот внимательно оглядел Моррисона - вероятно, чтобы прикинуть, много ли на нем личных вещей, - полез обратно в воздушный вихрь. Мгновение - и он исчез. Еще мгновение - исчез и вихрь.

Моррисон сел и принялся читать письма. Первое было от маклера по драгоценным камням Макса Крэндолла. Он писал о депрессии, которая обрушилась на Венусборг, и намекал, что может оказаться банкротом, если кто-нибудь из его старателей не найдет чего-нибудь стоящего.

Второе письмо было уведомлением от Телефонной компании Венеры. Моррисон задолжал за двухмесячное пользованием телефоном двести десять долларов и восемь центов. Если эта сумма не будет уплачена немедленно, телефон подлежит отключению.

Последнее письмо, пришедшее с далекой Земли, было от Джейн. Оно было заполнено новостями о его двоюродных братьях, тетках и дядях. Джейн писала о фермах в Атлантическом океане, которые она присмотрела, и о чудном местечке, что она нашла недалеко от Мартиники в Карибском море. Она умоляла его бросить старательство, если оно грозит какой-нибудь опасностью; можно найти и другие способы заработать на ферму. Она передала ему свою любовь и заранее поздравляла с днем рождения.

- День рождения? - спросил себя Моррисон. - Погодите, сегодня двадцать третье июля. Нет двадцать четвертое. А мой день рождения первого августа. Спасибо, что вспомнила, Джейн.

В эту ночь ему снились Земля и голубые просторы Атлантики. Но под утро, когда жара усилилась, он вообразил многие мили золотых жил, оскалившиx зубы песчанных волков и "Особый старательский".

Моррисон продолжал свой путь по дну давно исчезнувшего озера. Камни сменились песком. Потом снова пошли камни, исковерканные и превращенные в тысячи зловещих фигур. Красные, желтые и бурые цвета плыли у него перед глазами. Во всей этой пустыне не было ни одного зеленого пятнышка.

Он продолжал идти в глубь пустыни, в хаотические нагромождения камней, а поодаль, с обеих сторон, за ним, не приближаясь и не отставая, шли волки.

Моррисон не обращал на них внимания. Ему доставляли достаточно забот отвесные скалы и целые поля валунов, преграждавшие путь на юг.

На одиннадцатый день после того, как он бросил пескоход, признаки золота стали настолько богатыми, что его уже можно было мыть. Волки все еще преследовали его, и вода была на исходе. Еще один дневной переход - и для него все будет кончено.

Моррисон на мгновение задумался, потом распаковал телефон и набрал номер компании "Коммунальные услуги". На экране появилась суровая, строго одетая женщина с седеющими волосами.

- "Коммунальные услуги", - сказала она. - Чем можем вам помочь?

- Привет, - весело отозвался Моррисон. - Как погода в Венусборге?

- Жарко, - ответила женщина. - А у вас?

- Я даже не заметил, - улыбнулся Моррисон. - Слишком занят: пересчитываю свои богатства.

- Вы нашли золотую жилу? - спросила женщина, и ее лицо немного смягчилось.

- Конечно, - ответил Моррисон. - Но пока никому не говорите. Я еще не оформил заявку. Мне бы наполнить их, - беззаботно улыбаясь, он показал ей свои фляги. Иногда это удавалось. Иногда, если вы вели себя достаточно уверенно, "Коммунальные услуги" давали воду, не проверяя ваш текущий

счет. Конечно, это было жульничество, но ему было не до приличий.

- Я полагаю, ваш счет в порядке? - спросила женщина.

- Конечно, - ответил Моррисон, почувствовав, как улыбка застыла на его лице. - Мое имя Том Моррисон. Можете проверить...

- О, этим занимаются другие. Держите крепче флягу. Готово!

Крепко держа флягу обеими руками, Моррисон смотрел, как над ее горлышком тонкой хрустальной струйкой показалась вода, телепортированная за четыре тысячи миль из Венусборга. Струйка потекла во флягу с чарующим журчанием. Глядя на нее, Моррисон почувствовал, как его пересохший рот начал наполняться слюной. Вдруг вода перестала течь.

- В чем дело? - спросил Моррисон.

Экран телефона померк, потом снова засветился, и Моррисон увидел перед собой худое лицо незнакомого мужчины. Мужчина сидел за большим письменным столом, а перед ним была табличка с надписью: "Милтон П. Рид, вице-президент. Отдел счетов".

- Мистер Моррисон, - сказал Рид, - ваш счет перерасходован. Вы получили воду обманным путем. Это уголовное преступление.

- Я заплачу за воду, сказал Моррисон.

- Когда?

- Как только вернусь в Венусборг.

- Чем вы собираетесь заплатить?

- Золотом, - ответил Моррисон. - Посмотрите, мистер Рид. Это вернейшие признаки! Вернее, чем были у Кэрка, когда он сделал свою заявку. Еще день, и я найду золотоносную породу...

- Так думает каждый старатель, - сказал мистер Рид. - Всего один день отделяет каждого старателя на Венере от золотоносной породы. И все они рассчитывают получить кредит в "Коммунальных услугах".

- Но в данном случае...

- "Коммунальные услуги", - продолжал Рид, - не благотворительная организация. Наш устав запрещает продление кредита. Мистер Моррисон, Венера - еще не освоенная планета, и планета очень далекая. Любое промышленное изделие приходится ввозить сюда с Земли за немыслимую цену. У нас есть своя вода, но найти ее, очистить и потом телепортировать стоит дорого. Наша компания, как и любая другая на Венере, получает крайне малую прибыль, да и та неизменно вкладывается в расширение дела. Вот почему на Венере не может быть кредита.

- Я все это знаю, - ответил Моррисон. - Но я же говорю вам, что мне нужно только день или два...

- Абсолютно исключено. По правилам мы уже сейчас не имеем права выручать вас. Вы должны были объявить о своем банкротстве неделю назад, когда сломался ваш пескоход. Ваш механик сообщил нам об этом, как требует закон. Но вы этого не сделали. Мы имеем право бросить вас. Вы понимаете?

- Да, конечно, - устало ответил Моррисон.

- Тем не менее компания приняла решение ради вас нарушить правила. Если вы немедленно повернете назад, мы снабдим вас водой на обратный путь.

- Я еще не хочу поворачивать назад. Я почти нашел месторождение.

- Вы должны повернуть назад! Подумайте хорошенько, Моррисон! Что было бы с нами, если бы мы позволяли любому

старателю рыскать по пустыне и снабжали бы его водой? Туда бы устремились десять тысяч человек, и не прошло бы и года, как мы были бы разорены. Я и так нарушаю правила. Возвращайтесь!

- Нет, - ответил Моррисон.

- Подумайте еще раз. Если вы сейчас не повернете назад, "Коммунальные услуги" снимают с себя всякую ответственность.

Моррисон кивнул. Если он пойдет дальше, то рискует умереть в пустыне. Но что, если он вернется? Он окажется в Венусборге без гроша в кармане, кругом в долгах, тщетно разыскивая работу в перенаселенном городе. Ему придется спать в ночлежке и кормиться бесплатной похлебкой вместе с другими старателями, которые повернули обратно. А как он заработает на возвращение на Землю? Когда он снова увидит Джейн?

- Я, пожалуй, пойду дальше, - сказал Моррисон.

- Тогда "Коммунальные услуги" снимают с себя всякую ответственность за вас, - повторил Рид и повесил трубку.

Моррисон уложил телефон, хлебнул глоток из своих скудных запасов воды и снова пустился в путь.

Песчанные волки рысцой бежали с обеих сторон, постепенно приближаясь. С неба его заметил коршун с треугольными крыльями. Коршун день и ночь парил на восходящих потоках воздуха, ожидая, пока волки прикончат Моррисона. Коршуна заменила стая маленьких летучих скорпионов. Они отогнали птицу наверх, в облачный слой. Летучие гады ждали целый день. Потом их, в свою очередь, прогнала стая черных коршунов.

Теперь, на пятнадцатый день после того, как он бросил пескоход, признаки золота стали еще обильнее. В сущности, Моррисон как будто шел по поверхности золотой жилы. Везде вокруг должно было быть золото. Но самой жилы он еще не нашел.

Моррисон сел и потряс свою последнюю флягу. Она не издала ни звука. Он отвинтил пробку и опрокинул флягу себе в рот. В его запекшееся горло скатились две капли.

Прошло уже четыре дня с тех пор, как он разговаривал с "Коммунальными услугами". Последнюю воду он выпил вчера. Или позавчера?

Он снова завинтил пустую флягу и окинул взглядом выжженную жаром местность. Потом он выхватил из мешка телефон и набрал номер Макса Крэндолла.

Круглое, озабоченное лицо Крэндолла появилось на экране.

- Томми, - сказал он, - на кого ты похож?

- Все в порядке, - ответил Моррисон. Немного высох, и все. Макс, я у самой жилы.

- Ты в этом уверен? спросил Макс.

- Смотри сам, - сказал Моррисон, поворачивая телефон в разные стороны. - Смотри, какие здесь формации! Видишь вон там красные и пурпурные пятна?

- Верно, признаки золота, - неуверенно согласился Крэндолл.

- Где-то поблизости богатая порода. Она должна быть здесь! - сказал Моррисон. - Послушай, Макс, я знаю, что у тебя туго с деньгами, но я хочу попросить тебя об одолжении. Пошли мне пинту воды. Всего пинту, чтобы хватило на день или два. Эта пинта может нас обоих сделать богачами.

- Не могу, - грустно ответил Крэндолл.

- Не можешь?

- Нет, Томми, я послал бы тебе воды, даже если бы вокруг тебя не было ничего, кроме песчаника и гранита. Неужели ты

думаешь, что я дал бы тебе умереть от жажды, если бы мог что-нибудь поделать? Но я ничего не могу. Взгляни.

Крэндолл повернул свой телефон. Моррисон увидел, что стулья, стол, конторка, шкаф и сейф исчезли из конторы. Остался только телефон.

- Не знаю, почему не забрали и телефон, - сказал Крэндолл. - Я должен за него за два месяца.

- Я тоже, - вставил Моррисон.

- Меня ободрали как липку, - сказал Крэндолл. - Ни гроша не осталось. Пойми, за себя я не волнуюсь. Я могу питаться и бесплатной похлебкой. Но я не могу телепортировать тебе ни капли воды. Ни тебе, ни Рэмстаатеру.

- Джиму Рэмстаатеру?

- Ага. Он шел по следам золота на севере, за Забытой речкой. На прошлой неделе у его пескохода сломалась ось, а поворачивать назад он не захотел. Вчера у него кончилась вода.

- Я бы поручился за него, если бы мог, - сказал Моррисон.

- И он бы поручился за тебя, если бы мог, - ответил Крэндолл. - Но он не может, и ты не можешь, и я не могу. Томми, у тебя осталась только одна надежда.

- Какая?

- Найди породу. Не просто признаки золота, а настоящее месторождение, которое стоило бы настоящих денег. Потом позвони мне. Если это будет в самом деле золотоносная порода, я приведу Уилкса из "Три Плэнет Майнинг" н заставлю его дать нам аванс. Он, вероятно, потребует пятьдесят процентов.

- Но это же грабеж!

- Нет, это просто цена кредита на Венере, - ответил Крэндолл. - Не беспокойся, все равно останется немало. Но сначала нужно найти породу.

- О'кэй, - сказал Моррисон. - Она должна быть где-то здесь Макс, какое сегодня число?

- Тридцать первое июля. А что?

- Просто так. Я позвоню тебе, когда что-нибудь найду. Повесив трубку, Моррисон присел на камень и тупо уставился в песок. Тридцать первое июля. Завтра у него день рождения. О нем будут думать родные. Тетя Бесс в Пасадене, близнецы в Лаосе, дядя Тед в Буранго. И, конечно, Джейн, которая ждет его в Тампа.

Моррисон понял, что, если он не найдет породу, завтрашний день рождения будет для него последним.

Он поднялся, снова упаковал телефон рядом с пустыми флягами и направился на юг.

Он шел не один. Птицы и звери пустыни шли за ним. Над его головой без конца молча кружились черные коршуны. По сторонам, уже гораздо ближе, его сопровождали песчаные волки, высунув языки в ожидании, когда же он упадет замертво...

- Я еще жив! - заорал на них Моррисон.

Он выхватил револьвер и выстрелил в ближайшего волка. Расстояние было футов двадцать, но он промахнулся. Он встал на одно колено, взял револьвер в обе руки и выстрелил снова. Волк завизжал от боли. Стая немедленно набросилась на раненого, и коршуны устремились вниз за своей долей.

Моррисон сунул револьвер в кобуру и побрел дальше. Он знал, что его организм сильно обезвожен. Окружающие предметы прыгали и плясали перед его глазами, и его шаги стали неверными. Он выбросил пустые фляги, выбросил все, кроме набора для анализов, телефона и револьвера. Или он

уйдет из этой пустыни победителем, или не уйдет вообще.
Признаки золота были все такими же обильными. Но он все еще не мог найти никакого ощутимого богатства.
К вечеру он заметил неглубокую пещеру в подножье утеса. Он заполз в нее и устроил поперек входа баррикаду из камней. Потом он вытащил револьвер и оперся спиной о заднюю стену.
Снаружи фыркали и щелкали зубами волки. Моррисон устроился поудобнее и приготовился провести всю ночь настороже.
Он не спал, но и не бодрствовал. Его мучили кошмары и видения. Он снова оказался на Земле, и Джейн говорила ему:
- Это тунцы. У них что-то неладно с питанием. Они все болеют.
- Проклятье, - отвечал Моррисон. - Стоит только приручить рыбу, как она начинает привередничать.
- Ну что ты там философствуешь, когда твои рыбы больны?
- Позвони ветеринару.
- Звонила. Он у Блейков, ухаживает за их молочным китом.
- Ладно. Пойду посмотрю.
Он надел маску и, улыбаясь сказал:
- Не успеешь обсохнуть, как уже приходится лезть снова.
Его лицо и грудь были влажными.
Моррисон открыл глаза. Его лицо и грудь в самом деле были мокры от пота. Вглядевшись в перегороженное устье пещеры, он насчитал два, четыре, шесть, восемь зеленых глаз.
Он выстрелил в них, но они не отступили. Он выстрелил еще раз, и пуля отлетев от стенки, осыпала его режущими осколками камня. Продолжая стрелять, он ухитрился ранить одного из волков. Стая разбежалась.
Револьвер был пуст. Моррисон пошарил в карманах и нашел еще пять патронов. Он тщательно зарядил револьвер. Скоро, наверное, рассвет.
Он снова увидел сон - на этот раз ему приснился "Особый старательский". Он слышал рассказы о нем во всех маленьких салунах, окаймлявших Скорпионову пустыню. Заросшие щетиной пожилые старатели рассказывали о нем сотню разных историй, а видавшие виды бармены добавляли свои варианты. Его заказал Кэрк в восемьдесят девятом году - большой, специально для себя. Эдмонсон и Арслер отведали его в девяносто третьем. Это было несомненно. И другие заказывали его, сидя на своих драгоценных жилах. По крайней мере так рассказывали.
Но существовал ли он на самом деле? Был ли вообще такой коктейль - "Особый старательский"? Доживет ли он до того, чтобы увидеть это радужное чудо, выше колокольни, больше дома, дороже, чем сама золотоносная порода?
Ну конечно! Вон, он уже почти может его разглядеть.
Моррисон заставил себя очнуться. Наступило утро. Он с трудом выбрался из пещеры навстречу дню.
Он брел и полз к югу, за ним по пятам шли волки, по нему пробегали тени крылатых хищников. Он скреб пальцами камни и песок. Вокруг были обильные признаки золота. Верные признаки!
Но где же в этой заброшенной пустыне золотоносная порода?
Где? Ему уже было почти все равно. Он гнал вперед свое сожженное солнцем, высохшее тело, остановившись только для того, чтобы отпугнуть выстрелом подошедших слишком близко волков.
Осталось четыре пули.
Ему пришлось выстрелить еще раз, когда коршуны, которым надоело ждать, начали пикировать ему на голову. Удачный выстрел угодил прямо в стаю, свалив двух птиц. Волки начали

грызться над ними. Моррисон, уже ничего не видя, пополз вперед.

И упал с гребня невысокого утеса.

Падение было не опасным, но он выронил револьвер. Прежде чем он успел его найти, волки бросились на него. Только их жадность спасла Моррисона. Пока они дрались над ним, он откатился в сторону и подобрал револьвер. Два выстрела разогнали стаю. После этого у него осталась одна пуля. Придется приберечь ее для себя - он слишком устал, чтобы идти дальше. Он упал на колени. Признаки золота здесь были еще богаче. Они были фантастически богатыми. Где-то совсем рядом...

- Черт меня возьми! - вырвалось у Моррисона. Небольшой овраг, куда он свалился, был не чем иным, как сплошной золотой жилой.

Он поднял с земли камешек. Даже в необработанном виде камешек весь светился глубоким золотым блеском - внутри него сверкали яркие красные и пурпурные точки.

- Проверь, - сказал себе Моррисон. - Не надо ложных тревог. Не надо миражей и ложных надежд. Проверь.

Рукояткой револьвера он отколол от камня кусочек. С виду это была золотоносная порода. Он достал свой набор для анализов и капнул на камень белым раствором. Раствор вспенился и зазеленел.

- Золотоносная порода, точно! - сказал Моррисон, окидывая взглядом сверкающие склоны оврага. - Эге, я богач!

Он вытащил телефон и дрожащими пальцами набрал номер Крэндолла.

- Макс! - заорал он. - Я нашел! Я нашел настоящее месторождение!

- Меня зовут не Макс, - сказал голос по телефону.

- Что?

- Моя фамилия Бойярд, - сказал голос.

Экран засветился, и Моррисон увидел худого желтолицего человека с тонкими усиками.

- Извините, мистер Бойярд, - сказал Моррисон, - я, наверное, не туда попал. Я звонил...

- Это неважно, куда вы звонили, - сказал мистер Бойярд.

- Я участковый контролер Телефонной компании Венеры. Вы задолжали за два месяца.

- Теперь я могу заплатить, - ухмыляясь, заявил Моррисон.

- Прекрасно, ответил мистер Бойярд. - Как только вы это сделаете, ваш телефон снова будет включен. Экран начал меркнуть.

- Подождите! - закричал Моррисон. - Я заплачу, как только доберусь до вашей конторы! Но сначала я должен еще раз позвонить. Только один раз, чтобы...

- Ни в коем случае, - решительно ответил мистер Бойярд. - После того как вы оплатите счет, ваш телефон будет немедленно включен.

- Но у меня деньги здесь! сказал Моррисон. - Здесь, со мной.

Мистер Бойярд помолчал.

- Ладно, это не полагается, но, я думаю, мы можем выслать вам специального робота-посыльного, если вы согласны оплатить расходы.

- Согласен!

- Хм... Это не полагается, но я думаю... Где деньги?

- Здесь, - ответил Моррисон. - Узнаете? Это золотоносная порода!

- Мне уже надоели эти фокусы, которые вы, старатели,

вечно пытаетесь мне устроить. Показываете горсть камешков...

- Но это на самом деле золотоносная порода! Неужели вы не видете?

- Я служащий, - ответил мистер Бойярд, - а не ювелир. Я не могу отличить золотоносной породы от золототысячника.

Экран погас.

Моррисон лихорадочно пытался дозвониться до конторы. Телефон молчал - не слышно было даже гудения. Он был отключен.

Моррисон положил телефон на землю и огляделся вокруг. Узкий овраг, куда он свалился, тянулся прямо ярдов на двадцать, потом сворачивал влево. В его крутых склонах не было видно ни одной пещеры, ни одного удобного места, где можно было бы устроить баррикаду.

Он услышал сзади какое-то движение. Обернувшись, он увидел, что на него бросается огромный старый волк. Моррисон, ни секунды не раздумывая, выхватил револьвер и выстрелил, размозжив голову зверя.

- Черт возьми, - сказал Моррисон, - я хотел оставить эту пулю для себя.

Он получил отсрочку на несколько секунд и бросился вниз по оврагу в поисках выхода. Золотоносная порода сверкала вокруг красными и пурпурными искрами. А позади бежали волки.

Моррисон остановился. Излучина оврага привела его к глухой стене.

Он прислонился к ней спиной, держа револьвер за ствол. Волки остановились в пяти футах от него, собираясь в стаю для решительного броска. Их было десять или двенадцать, и в узком проходе они сгрудились в три ряда. Вверху кружили коршуны, ожидая своей очереди.

В этот момент Моррисон услышал потрескивание телепортировки. Над головами волков появился воздушный вихрь, и они торопливо попятились назад.

- Как раз вовремя, - сказал Моррисон.

- Вовремя для чего? - спросил Уильямс-4, почтальон.

Робот вылез из вихря и огляделся.

- Ну-ну, молодой человек, - произнес Уильямс-4, - ничего себе, доигрались! Разве я вас не предостерегал? Разве я не советовал вернуться? Посмотрите-ка!

- Ты был совершенно прав, - сказал Моррисон. - Что мне прислал Макс Крэндолл?

- Макс Крэндол ничего не прислал, да и не мог прислать.

- Тогда почему ты здесь?

- Потому что сегодня ваш день рождения, - ответил Уильямс-4. - У нас на почте в таких случаях всегда специальная доставка. Вот вам.

Уильямс-4 протянул ему пригоршню писем - поздравления от Джейни, теток, дядей и двоюродных братьев с Земли.

- И еще кое-что есть, - сказал Уильямс-4, роясь в своей сумке. - Должно быть кое-что еще. Постойте... Да, вот.

Он протянул Моррисону маленький пакет.

Моррисон поспешно сорвал обертку. Это был подарок от тети Мины, жившей в Нью- Джерси. Он открыл коробку. Там были соленые конфеты - прямо из Атлантик-Сити.

- Говорят, очень вкусно, - сказал Уильямс-4, глядевший через его плечо. - Но не очень уместно в данных обстоятельствах. Ну, молодой человек, очень жаль, что вам придется умереть в день своего рождения. Самое лучшее, что я могу вам пожелать, - это быстрой и безболезненной кончины.

Робот направился к вихрю.
- Погоди! - крикнул Моррисон. - Не можешь же ты так меня бросить. Я уже много дней ничего не пил. А эти волки...
- Понимаю, - ответил Уильямс-4. - Поверьте, это не доставляет мне никакой радости. Даже у робота есть кое-какие чувства.
- Тогда помоги мне!
- Не могу. Правила почтового ведомства это категорически запрещают. Я помню, в девяносто седьмом году меня примерно о том же просил Эбнер Лоти. Его тело потом искали три года.
- Но у тебя есть аварийный телефон? - спросил Моррисон.
- Есть. Но я могу им пользоваться только в том случае, если со мной произойдет авария.
- Но ты хоть можешь отнести мое письмо? Срочное письмо?
- Конечно, могу, - ответил робот. - Я для этого и создан. Я даже могу одолжить вам карандаш и бумагу.
Моррисон взял карандаш и бумагу и попытался собраться с мыслями. Если он напишет срочное письмо Максу, тот получит его через несколько часов. Но сколько времени понадобится ему, чтобы сколотить немного денег и послать ему воды и боеприпасы? День, два? Придется что-нибудь придумать, чтобы продержаться...
- Я полагаю, у вас есть марка? - сказал робот.
- Нет, - ответил Моррисон. - Но я куплю ее у тебя.
- Прекрасно, ответил робот. Мы только что выпустили новую серию венусборгских треугольных. Я считаю их большим эстетическим достижением. Они стоят по три доллара штука.
- Хорошо. Очень умеренно. Давай одну.
- Остается решить еще вопрос об оплате.
- Вот! - сказал Моррисон, протягивая роботу кусок золотоносной породы стоимостью тысяч в пять долларов.
Почтальон осмотрел камень и протянул его обратно:
- Извините, но я могу принять только наличные.
- Но это стоит побольше, чем тысяча марок! - сказал Моррисон. - Это же золотоносная порода!
- Очень может быть, - ответил Уильямс-4, - но я не запрограммирован на пробирный анализ. А почта Венеры основана не на системе товарного обмена. Я вынужден попросить три доллара бумажками или монетами.
- У меня их нет.
- Очень жаль.
Уильямс-4 повернулся, чтобы уйти.
- Но ты же не можешь просто уйти и бросить меня на верную смерть!
- Не только могу, но и должен, - грустно сказал Уильямс-4. - Я всего только робот, мистер Моррисон. Я был создан людьми и, естественно, наделен некоторыми из их чувств. Так и должно быть. Но есть и предел моих возможностей - в сущности, такой же предел есть и у большинства людей на этой суровой планете. И в отличие от людей я не могу переступить свой предел.
Робот полез в вихрь. Моррисон непонимающим взглядом смотрел на него. Он видел за ним нетерпеливую стаю волков. Он видел неяркое сверкание золотоносной породы стоимостью в несколько миллионов долларов, покрывавшей склоны оврага.
И тут что-то в нем надломилось.
С нечленораздельным воплем Моррисон бросился вперед и схватил робота за ноги. Уильямс-4, наполовину скрывшийся в вихре телепортировки, упирался, брыкался и почти стряхнул было Моррисона. Но тот вцепился в него как безумный. Дюйм

за дюймом он вытащил робота из вихря, швырнул на землю и придавил его своим телом.

- Вы нарушаете работу почты, сказал Уильямс-4.

- Это еще не все, что я собираюсь нарушить, - прорычал Моррисон. - Смерти я не боюсь. Это была моя ставка. Но будь я проклят, если намерен умереть через пятнадцать минут после того, как разбогател!

- У вас нет выбора.

- Есть. Я воспользуюсь твоим аварийным телефоном.

- Это невозможно, - ответил Уильямс-4. Я отказываюсь извлечь его. А вы сами до него не доберетесь без помощи механической мастерской.

- Возможно, ответил Моррисон. - Я хочу попробовать.

Он вытащил свой разряженный револьвер.

- Что вы хотите сделать? - спросил Уильямс-4.

- Хочу посмотреть, не смогу ли я раздолбать тебя в металлолом без всякой помощи механической мастерской. Думаю, что будет логично начать с твоих зрительных ячеек.

- Это действительно логично, - отвечал робот. - У меня, конечно, нет инстинкта личного самосохранения. Но позвольте заметить, что вы оставите без почтальона всю Венеру. От вашего антиобщественного поступка многие пострадают.

- Надеюсь, -сказал Моррисон, занося револьвер над головой.

- Кроме того, - поспешно добавил робот, - вы уничтожите казенное имущество. Это серьезное преступление.

- Моррисон рассмеялся и взмахнул револьвером. Робот сделал быстрое движение головой и избежал удара. Он попробовал вывернуться, но Моррисон навалился ему на грудь всеми своими двумястами фунтами.

- На этот раз я не промахнусь, - пообещал Моррисон, примериваясь снова.

- Стойте! - сказал Уильямс-4. - Мой долг - охранять казенное имущество, даже в том случае, когда этим имуществом оказываюсь я сам. Можете воспользоваться моим телефоном, мистер Моррисон. Имейте в виду, что это преступление карается заключением не более чем на десять и не менее чем на пять лет в исправительной колонии на Солнечных болотах.

- Давайте телефон, - сказал Моррисон.

Грудь робота распахнулась, и оттуда выдвинулся маленький телефон. Моррисон набрал номер Макса Крэндолла и объяснил ему положение.

- Ясно, ясно, - сказал Крэндолл. - Ладно, попробую найти Уилкса. Но, Том, я не знаю, чего я смогу добиться. Рабочий день окончен. Все закрыто...

- Открой! - сказал Моррисон. - Я могу все оплатить. И выручи Джима Ремстаатера.

- Это не так просто. Ты еще не оформил свои права на заявку. Ты даже не доказал, что это месторождение действительно чего-то стоит.

- Смотри, - Моррисон повернул телефон так, чтобы Крэндоллу были видны сверкающие стены оврага.

- Похоже на правду, - заметил Крэндолл. - Но, к сожалению, не все то золотоносная порода, что блестит.

- Что же нам делать? - спросил Моррисон.

- Нужно делать все по порядку. Я телепортирую к тебе общественного маркшейдера. Он проверит твою заявку, определит размеры месторождения и выяснит, не закреплено ли оно за кем-нибудь другим. Дай ему с собой кусок золотоносной породы. Побольше.

- Как мне его отбить? У меня нет никаких инструментов.

- Ты уж придумай что-нибудь. Он возьмет кусок для анализа. Если порода достаточно богата, твое дело в шляпе.

- А если нет?

- Может лучше нам об этом не говорить, - сказал Крэндолл. - Я займусь делом, Томми. Желаю удачи.

Моррисон повесил трубку, встал и помог подняться роботу.

- За двадцать три года службы, - произнес Уильямс-4, - впервые нашелся человек, который угрожал уничтожить казенного почтового служащего. Я должен доложить об этом полицейским властям в Венусборге, мистер Моррисон. Я не могу иначе.

- Знаю, - сказал Моррисон. - Но мне кажется, пять или даже десять лет в тюрьме все же лучше, чем умереть.

- Сомневаюсь. Я ведь и туда ношу почту. Вы сами увидите все месяцев через шесть.

- Как? - переспросил ошеломленный Моррисон.

- Месяцев через шесть, когда я закончу обход планеты и вернусь в Венусборг. О таком деле нужно докладывать лично. Но прежде всего нужно разнести почту.

- Спасибо, Уильямс. Не знаю как мне...

- Я просто исполняю свой долг, сказал робот, подходя к вихрю. - Если вы через шесть месяцев все еще будете на Венере, я принесу вашу почту в тюрьму.

- Меня здесь не будет, - ответил Моррисон. - Прощай, Уильямс.

Робот исчез в вихре. Потом исчез и вихрь. Моррисон остался один в сумерках Венеры.

Он разыскал выступ золотоносной породы чуть больше человеческой головы. Он ударил по нему рукояткой револьвера, и в воздухе заплясали мелкие искрящиеся осколки. Спустя час на револьвере появились четыре вмятины, а на блестящей поверхности породы - лишь несколько царапин.

Песчанные волки начали подкрадываться ближе. Моррисон швырнул в них несколько камней и закричал сухим, надтреснутым голосом. Волки отступили.

Он снова вгляделся в выступ и заметил у его основания трещину не толще волоса. Он начал колотить в этом месте. Но камень не поддавался.

Моррисон вытер пот со лба и собрался с мыслями. Клин, нужен клин...

Он снял ремень. Приставив край стальной пряжки, он ударом револьвера вогнал ее в трещину на какую-то долю дюйма. Еще три удара - и вся пряжка скрылась в трещине, еще удар - и выступ отделился от жилы. Отломившийся кусок весил фунтов двадцать. При цене пятьдесят долларов за унцию этот обломок должен был стоить тысяч двенадцать долларов, если только золото будет такое же чистое, каким оно кажется.

Наступили темно-серые сумерки, когда появился телепортированный общественный маркшейдер. Это был невысокий, приземистый робот, отделанный старомодным черным лаком.

- Добрый день, сэр, - сказал он. - Вы хотите сделать заявку? Обычную заявку на неограниченную добычу?

- Да, - ответил Моррисон.

- А где центр вышеупомянутой заявки?

- Что? Центр? По-моему, я на нем стою.

- Очень хорошо, - сказал робот.

Вытащив стальную рулетку, он быстро отошел от Моррисона на двести ярдов и остановился. Разматывая рулетку, робот ходил, прыгал и лазил по сторонам квадрата с Моррисоном в центре. Окончив обмер, он долго стоял неподвижно.

- Что ты делаешь? - спросил Моррисон.
- Глубинные фотографии участка, - ответил робот. - Довольно трудное дело при таком освещении. Вы не могли бы подождать до утра?
- Нет!
- Ладно, придется повозиться, - сказал робот.
Он переходил с места на место, останавливался, снова шел, снова останавливался. По мере того как сумерки сгущались, глубинные фотографии требовали все большей и большей экспозиции. Робот вспотел бы, если бы только умел это делать.
- Все, - сказал он наконец. - С этим покончено. Вы дадите мне с собой образец?
- Вот он, - сказал Моррисон, взвесив в руке обломок золотоносной породы и протягивая его маркшейдеру. - Все?
- Абсолютно все, ответил робот. - Если не считать, конечно, того, что вы еще не предъявили мне Поисковый акт.
Моррисон растерянно заморгал:
- Чего не предъявил?
- Поисковый акт. Это официальный документ, свидетельствующий о том, что участок, на который вы претендуете, не содержит радиоактивных веществ до глубины в шестьдесят футов. Простая, но необходимая формальность.
- Я никогда о ней не слыхал, - сказал Моррисон.
- Ее сделали обязательным условием на прошлой неделе, - объяснил маркшейдер. - У вас нет акта? Тогда, боюсь, ваша обычная неограниченная заявка недействительна.
- Что же мне делать?
- Вы можете, - сказал робот, - вместо нее оформить специальную ограниченную заявку. Для этого Поискового акта не требуется.
- А что это значит?
- Это значит, что через пятьсот лет все права переходят к властям Венеры.
- Ладно! - заорал Моррисон. - Хорошо! Прекрасно! Это все?
- Абсолютно все, ответил маркшейдер. - Я захвачу этот образец с собой и отдам его на срочный анализ и оценку. По нему и по глубинным фотографиям мы сможем вычислить стоимость вашего участка.
- Пришлите мне что-нибудь отбиться от волков, - сказал Моррисон. - И еды. И послушайте: я хочу "Особый старательский".
- Хорошо, сэр. Все это будет вам телепортировано, если ваша заявка окажется достаточно ценной, чтобы окупить расходы.
Робот влез в вихрь и исчез.

Время шло, и волки снова начали подбираться к Моррисону. Они огрызались, когда тот швырял в них камнями, но не отступали. Разинув пасти, высунув языки, они проползли оставшиеся несколько ярдов.
Вдруг волк, ползший впереди всех, взвыл и отскочил назад. Над его головой появился сверкающий вихрь, из которого упала винтовка, ударив его по передней лапе.
Волки пустились наутек. Из вихря упала еще одна винтовка, потом большой ящик с надписью "Гранаты. Обращаться осторожно", потом еще один ящик с надписью "Пустынный рацион К".
Моррисон ждал, вглядываясь в сверкающее устье вихря, который пронесся по небу и остановился неподалеку от него.

Из вихря показалось большое круглое медное днище. Устье вихря стало расширяться, пропуская нижнюю часть огромного медного сосуда, которая становилась все шире и шире. Днище уже стояло на песке, а сосуд все рос вверх. Когда, наконец, он показался весь, в безбрежной пустыне стояла гигантская вычурная медная чаша для пунша. Вихрь поднялся и повис над ней.

Моррисон ждал. Его запекшееся горло саднило. Из вихря показалась тонкая струйка воды и полилась в чашу. Моррисон все еще не двигался.

А потом началось. Струйка превратилась в поток, рев которого разогнал всех коршунов и волков. Целый водопад низвергался из вихря в гигантскую чашу.

Моррисон, шатаясь, побрел к ней. "Надо было попросить флягу", - говорил он себе, охваченный страшной жаждой, ковыляя по песку к чаше. Но вот, наконец, он встал под "Особым старательским" - выше колокольни, больше дома, наполненным водой, что была дороже самой золотоносной породы. Он повернул кран у дна чаши. Вода смочила желтый песок и ручейками побежала вниз по дюне.

"Надо было еще заказать чашку или стакан", - подумал Моррисон, лежа на спине и ловя открытым ртом струю воды.

Роберт Шекли

Бремя человека

Перевод В. Баканова

Эдвард Флэзвелл купил за глаза астероид в Межзвездной земельной конторе, расположенной на Земле. Он выбрал его по фотоснимку, где не было почти ничего, кроме живописных гор. Но Флэзвелл был любитель гор, он даже заметил клерку, принимавшему заявки:

- А ведь, пожалуй, браток, там и золотишко есть?

- Как же, как же, старик, - в тон ему отвечал клерк, удивляясь про себя, как может человек в здравом рассудке забраться куда-то на расстояние нескольких световых лет от ближайшего существа женского пола. На это способен разве лишь сумасшедший, заключил про себя клерк, окидывая Флэзвелла испытующим взглядом.

Но Флэзвелл был в здравом уме. Он просто не думал об этом.

Итак, он подписал обязательство на незначительную сумму, имеющую быть выплаченной в определенный срок, а также обещание вносить ежегодно значительные улучшения в свой участок. Не успели просохнуть на купчей чернила, как он взял билет на радиоуправляемый грузовой корабль второго класса, погрузил на него ассортимент подержанного оборудования и отправился в свои владения.

По прибытии на место начинающие колонисты обычно убеждаются, что приобрели кусище голой скалы. Не то Флэзвелл. Его астероид "Шанс", как он его назвал, имел некий минимум атмосферы, а для чистого воздуха в него можно было подкачать кислороду. Была там и вода - бурильный молоток обнаружил ее на двадцать третьей пробе. В живописных горах не оказалось золота, зато нашлось немного

пригодного к вывозу тория. А главное, значительная часть почвы оказалась пригодной для выращивания диров, олджей, смисов и другиз экзотических плодовых деревьев. И Флэзвелл частенько говорил своему старшему роботу:

- Увидишь, я еще стану здесь богатым человеком!

На что робот неизменно отвечал:

- Истинная правда, босс!

Астероид и в самом деле оказался из многообещающих. Освоить его было не под силу одному человеку, но Флэзвеллу едва исполнилось двадцать семь лет, он обладал крепким сложением и решительным характером. Земля расцветала в его руках. Месяц уходил за месяцем, а Флэзвелл все так же возделывал свои сады, разрабатывал рудники и вывозил товары на единственном грузовом корабле, изредка навещавшем его астероид.

Однажды старший робот сказал ему:

- Хозяин, Человек, сэр, вы мне что-то не нравитесь, мистер Флэзвелл,сэр!

Флэзвелл досадливо поморщился. Бывший владелец его роботов был сторонник человеческого суперматизма, и притом самого бешеного толка. Ответы своих роботов он запрограммировал согласно собственным представлениям о должном уважении к Человеку. Ответы эти раздражали Флэзвелла, однако новая программа потребовала бы затрат. А где бы еще достал он роботов по такой сходной цене!

- Со мной все в порядке, Ганга-Сэм, - ответил он.

- Ах, прошу прощения, сэр! Но это не так, мистер Флэзвелл, сэр! Вы даже сами с собой разговариваете в поле - простите, что я осмелился вам это сказать.

- Пустяки, не имеет значения.

- И в левом глазу у вас, я замечаю, тик появился, саиб! И руки у вас дрожат. И вы слишком много пьете, сэр. И...

- Довольно, Ганга-Сэм! Робот должен знать свое место, - ответил Флэзвелл. Но, заметив выражение обиды, которое робот умудрился изобразить на своем металлическом лице, он вздохнул и сказал:

- Разумеется, ты прав. Да ты и всегда прав, дружище! Что же это со мной, в самом деле?

- Вы взвалили на себя слишком тяжелое Бремя Человека.

- Это я и сам знаю! - И Флэзвелл всей пятерней взъерошил непослушные черные волосы. - Иногда я завидую вам, роботам. Вечно вы смеетесь, беззаботные и счастливые.

- Это потому, что у нас нет души.

- У меня она, к сожалению, есть. Так что бы мне присоветовал?

- Поезжайте в отпуск, мистер Флэзвелл, босс! - предложил Ганга-Сэм - и мудро предпочел скрыться, чтобы дать хозяину время подумать.

Флэзвелл по достоинству оценил любезное предложение слуги, но ехать в отпуск было сложно. Его астероид "Шанс" находился в Троцийской системе, пожалуй, самой изолированной, какую можно найти в наши дни. Правда, он был расположен на расстоянии всего лишь пятнадцати летных дней от сомнительных развлечений Цитеры III и разве лишь чуть подальше от Нагондикона, где человек с луженой глоткой мог вволю повеселиться. Но расстояние - деньги, а деньги как раз то самое, что Флэзвелл хотел выколотить из своего "Шанса".

Флэзвелл развел еще много культур, добыл еще много тория и отпустил бороду. Он продолжал что-то бормотать себе под нос, находясь в поле, и налегал на бутылку дома по вечерам.

Кое-кто из роботов, простых сельскохозяйственных рабочих, пугался, когда Флэзвелл, пошатываясь, проходил мимо. Нашлись и такие, что начали уже молиться разжалованному богу огня. Но верный Ганга-Сэм вскоре положил конец этому зловещему развитию событий.

- Глупые вы машины! - говорил он роботам. - Человечий босс - он в порядке. Он сильный и добрый! Верьте, братья. Я не стал бы вас обманывать!

Но воркотня не прекращалась, потому что роботы требовали, чтобы Человек наставлял их своим примером. Бог весть к чему бы это привело, не получи Флэзвелл с очередной партией продовольствия новенький сверкающий каталог Рэбек-Уорда.

Любовно развернул он его на своем грубом пластмассовом столике и при свете простой люминесцентной лампочки начал в него вникать. Какие чудеса там рекламировались на зависть и удивление одинокому колонисту! Домашние самогонные аппараты, заменители луны, портативные солидовизоры и...

Флэзвелл перевернул страницу, прочел, сглотнул слюну и снова перечел. Объявление гласило:

"НЕВЕСТЫ - ПОЧТОЙ!

Колонисты! Довольно страдать от проклятого одиночества! Довольно нести одному Бремя Человека! Рэбек-Уорд впервые в истории предлагает вам отборный контингент невест для колониста! С гарантией!

Рэбеко-уордовская модель пограничной невесты отбирается по признаку здоровья, приспособляемости, проворства, стойкости, всякой полезной колонисту сноровки и, разумеется, известной миловидности. Эти девушки могут жить на любой планете, поскольку центр тяжести у них расположен сравнительно низко, пигментация кожи подходит для любого климата, а ногти на руках и ногах короткие и крепкие. Что до фигуры, то они сложены пропорционально, но вместе с тем не так, чтобы отвлекать человека от дела, каковое достоинство, без сомнения, оценит наш трудяга колонист.

Рэбеко-уордовская пограничная модель представлена в трех размерах (спецификация) - на любой вкус. По получении Вашего запроса Рэбек-Уорд вышлет Вам свежезамороженный экземпляр грузовым кораблем третьего класса. Это сократит до минимума почтовые расходы.

Спешите заказать образцовую пограничную невесту сегодня же!"

Флэзвелл послал за Ганга-Сэмом и показал ему объявление. Человек-машина прочитал его про себя, а потом взглянул хозяину прямо в лицо.

- Как раз то, что нам требуется, эфенди, - сказал старший робот.

- Ты думаешь? - Флэзвелл вскочил и взволнованно зашагал по комнате.- Но ведь я еще не располагал жениться. И потом, кто же так женится? Да еще понравится ли она мне?

- Человеку-Мужчине положено иметь Человека-Женщину.

- Согласен, но...

- Неужто они заодно не пришлют свежезамороженного священника?

По мере того как Флэзвелл проникал в хитрую догадку слуги, по лицу его расползалась довольная усмешка.

- Ганга-Сэм, - сказал он. - Ты, как всегда, ухватил самую суть Дела. По-моему, контракт предусматривает мораторий для обряда, чтобы человек мог собраться с мыслями и принять решение. Заморозить священника - дорогое

удовольствие. А пока суд да дело, неплохо иметь под рукой девушку, которая возьмет на себя положенную ей работу.

Ганга-Сэм ухитрился изобразить на лице загадочную улыбку. Флэзвелл сразу же сел и заказал образцовую пограничную невесту малого размера: он считал, что и этого более чем достаточно. Ганга-Сэму было поручено передать заказ по радио.

В ожидании Флэзвелл себя не помнил от волнения. Он уже загодя стал посматривать на небо. Роботам передалось его настроение. Вечерами их беззаботные песни и пляски прерывались взволнованным шепотом и затаенными смешками. Механические люди проходу не давали Ганга-Сэму:

- Эй, мастер! Расскажи, какая она, эта Человек-Женщика, хозяйка?

- Не ваше дело, - отвечал им Ганга-Сэм. - Это - дело Человека. Вам, роботам, лучше в это не соваться!

Но в конце концов и он не выдержал характера и стал наравне с другими поглядывать на небо.

Все эти недели Флэзвелл размышлял о преимуществах пограничной невесты. И чем больше он думал тем больше привлекала его сама идея. Эти накрашенные, расфранченные куколки решительно не по нем! Как приятно обзавестись жизнерадостной, практичной, рассудительной подругой жизни, умеющей стряпать и стирать; она будет присматривать за домом и за роботами, шить, кроить и варить варения...

В этих грезах коротал он дни, искусывая себе до крови ногти.

Наконец корабль засверкал на горизонте. Он приземлился, выбросил за борт объемистый контейнер и улетел по направлению к АмиреIV.

Роботы подобрали контейнер и принесли его Флэзвеллу.

- Ваша нареченная, сэр! - ликовали они, подкидывая на ладони масленки.

Флэзвелл объявил на радостях, что дает им свободных полдня, и вскоре остался в столовой один с большим холодным ящиком. Надпись на крышке гласила: "Обращаться осторожно! Внутри женщина!"

Он нажал на ручки размораживателя, выждал положенный час и открыл контейнер. Внутри оказался второй, потребовавший для разморозки целых два часа. Флэзвелл в нетерпении бегал из угла в угол, догрызая на ходу остатки ногтей.

Наконец настало время раскрыть и этот ящик. Трясущимися руками Флэзвелл снял крышку и увидел...

- Э-э-э-то еще что?!. - воскликнул он.

Девушка в контейнере прищурилась, зевнула как кошечка, открыла глаза и села. Оба уставились друг на друга, и Флэзвелл понял, что произошла ужасная ошибка.

На ней было прелестное, но абсолютно непрактичное платьице, на котором золотыми нитками было вышито ее имя - Шейла. Вслед за этим Флэзвеллу бросилось в глаза изящество ее фигурки, нимало не подходившей для тяжелого труда во внепланетных условиях, и белоснежная кожа - под жгучим астероидным летним солнцем она, конечно, покроется волдырями. А уж руки - изящные, с длинными пальцами и алыми ноготками, совсем не то, что обещал каталог Рэбек-Уорда. Что же до ног и прочих статей, решил про себя Флэзвелл, то все это уместно на Земле, но не здесь, где человек целиком принадлежит своей работе.

Нельзя было даже сказать, что у нее низко расположен центр тяжести. Как раз наоборот!

И Флэзвелл почувствовал, что его обманули, одурачили,

обвели вокруг пальца.
Шейла выпорхнула из своего кокона, подошла к окну и окинула взглядом цветущие зеленые поля флэзвелла в рамке живописных гор.
- А где же пальмы? - спросила она.
- Пальмы?..
- Разумеется. Мне говорили, что на Сирингаре V растут пальмы.
- Так это же не Сирингар V, - отвечал Флэзвелл.
- Как, разве вы не паша де Шре? - ахнула Шейла.
- Ничуть не бывало. Обыкновенный пограничный житель. А вы разве не пограничная невеста?
- Ну и ну! Разве я на нее похожа? - огрызнулась Шейла, гневно сверкая глазами. - Я - модель "ультралюкс" в раскошном оформлении, мне была выписана путевка на субтропическую райскую планету Сирингар V.
- Обоих нас подвели. Очевидно, напутали в транспортном отделе, - угрюмо отозвался Флэзвелл.
Девушка оглядела голую столовую, и ее хорошенькое личико скривилось в гримаску.
- Но вы ведь можете устроить, чтоб меня переправили на Сирингар V?
- Что до меня, то я не позволяю себе даже поездки в Нагондисон, - сказал Флезвелл. - Но я извещу Рэбек-Уорда об этом недоразумении, и они, конечно, перевезут вас, когда пришлют мне мою образцовую пограничную невесту.
Шейла повела плечиками.
- Путешествия расширяют кругозор, - заметила она небрежно.
Флэзвелл рассеянно кивнул. Он крепко задумался. Эта девушка, по всему видно, лишена достоинств образцовой колонистки. Но она удивительно хороша собой. Почему бы не превратить ее пребывание здесь в нечто приятное для обеих сторон?
- При сложившихся условиях, - сказал он со своей самой располагающей улыбкой, - ничто не мешает нам стать друзьями.
- При каких это условиях?
- Просто мы единственные люди на всем астероиде. - И он слегка прикоснулся к ее плечику. - Давайте выпьем! Вы расскажете мне о себе. Были вы...
Но тут за его спиной раздался оглушительный лязг. Он повернулся и увидел, что из особого отделения в контейнере вылезает небольшой коренастый робот, сидевший там на корточках.
- Чего вам здесь нужно? - спросил Флэзвелл.
- Я - брачущий робот, - сказал робот. - Уполномочен государством регистрировать браки в космосе. А также прикомандирован компанией Рэбек-Уорд к этой молодой леди на правах ее опекуна, дуэньи и защитника - пока моя основная мщхия, а именно свершение брачного обряда, не будет успешно выполнена.
- Наглый холуй, проклятый робот! - чертыхнулся Флэзвелл.
- А чего же вы ждали? - спросила Шейла. - Уж не свежезамороженного ли священника?
- Конечно, нет! Но согласитесь: робот-дуэнья...
- Лучшей и быть не может! - запротестовала она. - Вы не представляете, как некоторые мужчины ведут себя на расстоянии нескольких световых лет от Земли.
- Вы так думаете?
- По крайней мере так говорят, - ответила Шейла, скромно потупившись. - Да и согласитесь, нареченная невеста паши де

Шре не может путешествовать без охраны.
- Возлюбленные чада, - загнусил робот нараспев, - мы собрались здесь, чтобы соединить...
- Не сейчас, - надменно оборвала его Шейла. - И не с этим...
- Я поручу роботам приготовить для вас комнату, - прорычал Флэзвелл и удалился, ворча себе что-то под нос насчет Бремени Человека.
Он послал радиограмму Рэбек-Уорду, и ему сообщили, что заказанная модель невесты будет выслана безотлагательно, а самозванку у него заберут. После чего он возвратился к обычным своим трудам с твердым намерением не замечать Шейлу и ее дуэнью.
На "Шансе" опять закипела работа. Предстояло разведать новые месторождения тория и вырыть новые колодцы. Приближался сбор урожая, роботы долгие часы проводили в поле и в садах, их честные металлические физиономии лоснились от машинного масла, воздух был напоен благоуханием цветущего дира.
Между тем Шейла заявляла о своем присутствии с вкрадчивой, но тем более ощутимой силой. Вскоре над голыми лампочками люминесцентного света запестрели пластмассовые абажуры, угрюмые окна украсились занавесками, а пол - разбросанными там и сям половиками. Да и вообще во всем доме замечались перемены, которые Флэзвелл не так видел, как ощущал.
Стало разнообразнее и питание. У робота-повара от времени стерлась во многих местах его памятная лента, и теперь все меню бедняги сводилось к беф-строганову, огуречному салату, рисовому пудингу и какао. Все время своего пребывания на "Шансе" Флэзвелл стоически обходился этим меню и только иногда разнообразил его пайками НЗ.
Взяв повара в работу, Шейла с поистине железным терпением нанесла на его ленту рецепты жаркого, тушеного мяса, салата оливье, яблочного пирога и многое другое. Таким образом, в отношении питания на "Шансе" наметились крупные перемены к лучшему. Когда же Шейла начала заполнять вакуумные баллоны смиссовым джемом, Флэзвелла окончательно одолели сомнения.
Что ни говори, а рядом - на редкость практичная и деловитая особа; несмотря на расточительную внешность, она делает все, что требуется от пограничной жены. Плюс у нее еще и другие достоинства! Далась ему эта рэбеко-уордовская пограничная модель!
Поразмыслив на эту тему, Флэзвелл сказал своему старшему роботу:
- Ганга-Сэм, у меня с этим делом положительно ум за разум заходит!
- Чего изволите? - отозвался старший робот с каким-то особенно безразличным выражением на металлическом лице.
- Мне сейчас, как никогда, необходима ваша роботовская интуиция,- продолжал Флэзвелл. - Она себя совсем неплохо показала, верно, Ганга-Сэм?
- Человек-Женщина взяла на себя свою, положенную ей долю Бремени Человека.
- Да, так оно и есть. Вопрос, на сколько ее хватит? Сейчас она делает не меньше, чем делала образцовая пограничная жена, верно? Стряпает, заготавливает консервы...
- Рабочие ее любят, - сказал Ганга-Сэм с простодушным достоинством. - Вы и не знаете, сэр: когда на прошлой неделе у нас началась эпидемия ржавчины, мэм пользовала нас

ночью и днем и утешала испуганных молодых рабочих.
- Возможно ли? - воскликнул потрясенный Флэзвелл. - Девушка из хорошего дома, одно слово - модель "люкс"?..
- Неважно, она - Человек, и у нее хватило силы и благородства взвалить на себя Бремя Человека.
- А знаешь? - сказал Флэзвелл с запинкой. - Ты меня убедил. Я и в самом деле считаю, что она подходит нам. Не ее вина, что она не пограничная модель. Все зависит от отбора и ухода, тут уж ничего не попишешь. Пойду скажу ей, пусть остается. И аннулирую свой заказ Рэбеку.
В глазах робота вспыхнуло странное выражение - почти смех. Он низко поклонился и сказал:
- Все будет, как хозяин скажет.
Флэзвелл побежал искать Шейлу.
Он нашел ее на медпункте, устроенном в бывшем складе инструментов. Здесь с помощью роботехника Шейла лечила вывихи и ссадины, эти обычные хвори у существ с металлической кожей.
- Шейла, - сказал Флэзвелл, - мне надо с вами поговорить.
- Ладно, - отозвалась она рассеянно, - вот только закреплю болт. - Она искусно вставила болт на место и потрепала робота по плечу гаечным ключом.
- А теперь, Педро, испробуем твою ногу.
Робот осторожно ступил на больную ногу, а потом налег на нее всей тяжестью. Убедившись, что она его держит, он со смешными ужимками заплясал вокруг Человека-Женщины, приговаривая:
- Ай да мэм, вы замечательно ее исправили, босс-леди! Грациас, мэм!
Все так же смешно пританцовывая, он вышел на солнце, Флэзвелл и Шейла, посмеиваясь, смотрели ему вслед.
- Они совсем как дети! - сказал Флэзвелл.
- Их нельзя не любить, - подхватила Шейла. - Веселые, беззаботные...
- Но у них нет души, - напомнил Флэзвелл.
- Да, - отозвалась она, сразу посерьезнев. - Это правда. Так зачем же я вам понадобилась?
- Я хотел вам сказать... - Но тут Флэзвелл огляделся. Медпункт содержался в безукоризненной, стерильной чистоте. Повсюду на полках лежали гаечные ключи, болты, шурупы, ножовки, пневматические молотки и прочий хирургический инструментарий. Пожалуй, обстановка не благоприятствовала объяснению, к которому он готовился.
- Давайте уйдем отсюда, - сказал он.
Они вышли из больницы и цветущими зелеными садами направились к подножию любимых флэзвеллом величественных гор. Затененный отвесными утесами, тут поблескивал тихий, темный пруд, а над ним склонились гигантские деревья, выращенные Флэзвеллом при помощи стимуляторов роста.
Здесь они остановились.
- Вот что я хотел вам сказать, - начал Флэзвелл. - Вы, Шейла, меня удивили. Я думал вы из этих белоручек, не знающих, куда себя девать. Ваши привычки, ваше воспитание, да и ваша наружность - все указывало на это. Но я был не прав. Вы не убоялись трудностей нашей пограничной жизни, вы одержали верх и завоевали все сердца.
- Все ли? - вкрадчиво спросила Шейла.
- По-моему, я говорю от имени каждого робота на этом астероиде. Они вас боготворят. Я считаю, что вы наша и должны остаться здесь.
Наступила пауза, только хлопотун ветер шелестел в

гигантских искусственно взращенных деревьях и рябил темную поверхность озера.
Наконец она сказала:
- Вы и в самом деле думаете, что мне нужно здесь остаться?
Флэзвелла захлестнуло ее пленительное очарование, он чувствовал, что тонет в топазовой глубине ее глаз. Сердце его учащенно забилось, он коснулся ее руки, и она чуть-чуть задержала его пальцы в своих.
- Шейла...
- Да, Эдвард?..
- Возлюбленные чада! - пролаял скрипучий металлический голос. - Мы собрались здесь, чтобы...
- Опять вы не вовремя, болван! - разгневалась Шейла.
Брачущий робот выступил из кустов и сказал недовольно:
- Уж я-то меньше всего люблю соваться в дела людей, но такова программа, записанная в моем запоминающем устройстве, и никуда от этого не денешься! Если вы меня спросите, так эти физические контакты вообще ни к чему. Чтобы убедиться на опыте, я и сам как-то попробовал обняться с роботом-швеей. И заработал здоровую ссадину. А раз я даже почувствовал во всем теле что-то вроде электрического тока или колотья и в глазах у меня замелькали какие-то геометрические фигуры. Гляжу, а это с провода сорвался изолятор. Ощущение было не из приятных...
- Наглый холуй, проклятый робот! - чертыхнулся Флэзвелл.
- Не сочтите меня навязчивым. Я только хотел объяснить, что и сам не вижу смысла в инструкции всемерно препятствовать физическому сближению до венчального обряда. Но, к сожалению, приказ есть приказ. А потому нельзя ли нам сейчас покончить с этим дело?
- Нет! - грозно сказала Шейла.
И робот, покорно пожав плечами, опять полез в кусты.
- Терпеть не могу, когда робот забывается! - сказал Флэзвелл. - Но это уже не имеет значения!
- Что не имеет значения!
- Да,- сказал Флэзвелл убежденно, - вы ни в чем не уступите ни одной пограничной невесте, и при этом вы куда красивее. Шейла, согласны вы стать моей женой?
Робот неуклюже возившийся в кустарнике, снова выполз наружу.
- Нет! - сказала Шейла.
- Нет? - повторил озадаченный Флэзвелл.
- Вы меня слышали! Нет. Ни под каким видом!
- Но почему же? Вы так нам подходите, Шейла! Роботы вас боготворят. Никогда они так не работали...
- Меня вот ни столечко не интересуют ваши роботы! - воскликнула она, выпрямившись во весь рост, - волосы ее растрепались, глаза метали молнии. - И ни капли не интересует ваш астероид. А тем более не интересуете вы! Я хочу на Сирингар V, там мой нареченный паша будет меня на руках носить!
Оба смотрели друг на друга в упор: она - бледная от гнева, он - красный от смущения.
- Ну как, прикажете начинать? - осведомился брачущий робот. - Возлюбленные чада...
Шейла повернулась и стрелой помчалась к дому.
- Ничего не понимаю! - плакался робот. - Когда же мы наконец сотворим обряд?
- Обряда вообще не предвидится, - оборвал его Флэзвелл и прошествовал домой с гордым видом, внутренне кипя от злости.

Робот поколебался с минуту, испустил вздох, отдававший металлом, и пустился догонять образцовую невесту "ультралюкс".

Всю ночь Флэзвелл просидел в своей комнате, усиленно прикладываясь к бутылке и что-то бормоча себе под нос. С рассветом верный Ганга-Сэм постучался и вошел к нему в комнату.

- Вот они, женщины! - бросил Флэзвелл своему верному приближенному.

- Чего изволите? - откликнулся Ганга-Сэм.

- Я никогда их не пойму! Она меня за нос водила. Я-то думал - она метит здесь остаться. Я-то думал...

- Душа Мужчины темна и смутна, - сказал Ганга-Сэм. - Но она прозрачна как кристалл по сравнению с душой Женщины.

- Откуда это у тебя? - спросил Флэзвелл.

- Старая поговорка роботов.

- Удивляете вы меня, роботы! Иногда мне кажется, что у вас есть душа.

- О нет, мистер Флэзвелл, босс! В спецификации по робототехнике особо указано, что роботов надо строить без души, чтобы избавить их от страданий.

- Мудрое указание, - сказал Флэзвелл, - не мешало бы подумать об этом и в отношении Людей. Ну да черт с ней! Ты-то зачем пожаловал?

- Я пришел доложить, что грузовой корабль вот-вот приземлится.

Флэзвелл побледнел.

- Как, уже? Значит, он привез мою невесту?

- Надо думать.

- А Шейлу увезет на Сирингар?

- Определенно!

Флэзвелл застонал и схватился за голову. А потом выпрямился и сказал:

- Ладно, ладно! Пойду посмотрю, готова ли она.

Он нашел Шейлу в столовой: она стояла у окна и смотрела, как корабль снижается по спирали.

- Желаю вам счастья, Эдвард, - сказала она. - Надеюсь, новая невеста не обманет ваших ожиданий.

Корабль приземлился, и роботы начали вытаскивать большой контейнер.

- Пойду, - сказала Шейла. - Они не станут долго ждать.

Она протянула ему руку.

Он стиснул ей пальцы и сам не заметил, как схватил ее за плечо. Она не противилась, да и брачущий робот почему-то не ворвался в комнату. Флэзвелл и сам не помнил, как она очутилась в его объятиях. Он поцеловал ее, и это было словно на горизонте засияло новое солнце.

Наконец он сказал осипшим голосом и будто себе не веря:
- Вот так-так.

Флэзвелл дважды кашлянул.

- Шейла, я люблю тебя! У меня тебе, конечно, не видать роскоши, но если ты останешься...

- Наконец-то ты догадался, что любишь меня, дурачек! - сказала она. - Конечно же, я остаюсь.

Наступили поистине головокружительные, упоительные минуты. Но тут за окном раздался гомон роботов. Дзерь распахнулась, и в комнату ввалился брачущий в сопровождении Ганга-Сэма и двух сельскохозяйственных роботов.

- Вот уж действительно! Даже не верится! - восклицал брачущий. - Думал ли я дожить до дня, когда робот восстанет на робота.

- Что случилось? - спросил Флэзвелл.
- Этот ваш мастер сидел у меня на загривке, - пожаловался брачущий, - а его дружки держали меня за ноги. Но ведь я рвался сюда, чтобы свершить обряд, предписанный правительством и фирмой Рэбек-Уорд!
- Что же это ты, Ганга-Сэм? - спросил Флэзвелл, ухмыляясь.
Брачущий тем временем бросился к Шейле.
- Ну как, вы живы? И с вами ничего не случилось? Ни ссадин, ни коротких замыканий?
- Нет, нет, все обошлось, - выдохнула Шейла, с трудом приходя в себя.
- Это все я натворил, босс, сэр, - повинился Ганга-Сэм. - Каждому известно, что Мужчина и Женщина должны во время жениховства побыть вдвоем. Я только делал то, что считал своим долгом в отношении Человечьей Расы, мистер Флэзвелл, босс, саиб!
- Молодчина, Ганга-Сэм, я очень тебе обязан... О господи...
- Что случилось? - испуганно отозвалась Шейла.
Флэзвелл уставился в окно. Роботы волокли к дому большой контейнер.
- Это она, образцовая пограничная невеста! Что же нам делать, мой ангел? Ведь я тогда от тебя отказался и затребовал другую. Как теперь быть с контрактом?
- Не беспокойся, - рассмеялась Шейла. - В ящике нет никакой невесты. Сразу же по получении твой заказ был аннулирован.
- Неужели?
- В том-то и дело! - Она смущенно потупилась. - Но ты на меня, пожалуй, рассердишься...
- Не рассержусь, - обещал он. - Только объясни мне...
- Видишь ли, все ваши портреты, жителей границы, вывешены в конторе фирмы, так что невесты видят, с кем им придется встретиться. Они-то вольны выбирать жениха по вкусу, и я так долго торчала там - просила, чтоб меня выписали из моделей "ультралюкс", пока... пока не познакомилась с заведующим столом заказов. И вот, - выпалила она залпом, - упросила его послать меня сюда.
- А как же паша де Шре?
- Я его выдумала.
- Но зачем? - развел руками Флэзвелл. - Ты так красива...
- ... что каждый видит во мне игрушку для какого-нибудь жирного, развратного идиота, - подхватила она с горячностью. - А я этого не хочу. Я хочу быть женой. Я не хуже любой из этих толстомясых дурнушек.
- Лучше! - сказал он.
- Я умею стряпать, и лечить роботов, и вести хозяйство. Разве нет? Разве я не доказала?
- Еще бы, дорогая!
Но Шейла ударилась в слезы. - Никто, никто мне не верил! Пришлось пуститься на хитрость. Мне надо было пробыть здесь достаточно долго, чтобы ты успел... ну успел в меня влюбиться!
- Что я и сделал, - заключил он, утирая ей слезы. - Все кончилось так, что лучше не надо. Да и вообще вся эта история - счастливая случайность.
На металлических щеках Ганга-Сэма выступило что-то вроде краски.
- А разве не случайность? - спросил Флэзвелл.

- Видите ли, сэр, мистер Флэзвелл, эфенди, известно, что Человеку-Мужчине требуется красивая Человек-Женщина. Пограничная модель ничего приятного в этом смысле не обещала, а мемсаиб Шейла - дочь друзей моего прежнего хозяина. Я и взял на себя смелость послать ваш заказ лично ей. Она упросила своего знакомого в столе заказов показать ей ваш портрет, а затем и переправить ее сюда. Надеюсь, вы не сердитесь на вашего смиренного слугу за такую вольность.

- Разрази меня гром! - наконец выдавил из себя Флэзвелл. - Я всегда говорил - никто не понимает людей лучше вас, роботов. Но что же в этом контейнере? - обратился он к Шейле.

- Мои платья, мои безделушки, мои ботинки, моя косметика, мой парикмахер, мой...

- Но...

- Тебе самому будет приятно, дорогой, чтобы твоя женушка хорошо выглядела, когда мы поедем с визитами. В конце концов, Цитера V всего в пятнадцати летных днях отсюда. Я справлялась еще до того, как к тебе ехать.

Фэзвелл покорно кивнул. Разве можно было ожидать чего-нибудь другого от образцовой невесты марки "ультралюкс"?

- Пора! - приказала Шейла, повернувшись к брачущему роботу.

Робот не отвечал.

- Пора! - прикрикнул на него Флэзвелл.

- А вы уверены? - хмуро вопросил робот.

- Уверены! Начинайте!

- Ничего не понимаю! - пожаловался брачущий. - Почему именно теперь? Почему не на прошлой неделе? Или я - единственное здесь разумное существо? Ну да ладно! Возлюбленные чада...

Наконец церемония состоялась. Флэзвелл не поскупился дать своим роботам три свободных дня, и они пели, плясали и праздновали на свой беспечный роботовский лад.

С той поры на "Шансе" наступили другие времена. У Флэзвеллов началось нечто вроде светской жизни: они сами бывали в гостях и принимали у себя гостей, такие же супружеские пары в радиусе пятнадцати - двадцати световых дней, с Цитеры III, Тама и Рандико I. Зато все остальное время Шейла гнула свою линию безупречной пограничной супруги, почитаемой роботами и боготворимой своим мужем. Брачуший робот, следуя стандартной инструкции, занял на астероиде место счетовода и бухгалтера - по своему умственному багажу он как нельзя лучше подходил для этой должности. Он часто говаривал, что без него здесь все пошло бы прахом.

Ну а роботы продолжали выдавать на гора торий; дир, олдж и смис расцветали в садах, и Флэзвелл с Шейлой делили меж собой Бремя Человека.

Флэзвелл не мог нахвалиться своими поставщиками Рэбеком и Уордом. Но Шейла - та знала, что истинное счастье в том, чтобы иметь под рукой такого старшего робота, как преданный Ганга-Сэм, даром что у него не было души.

<Pre> Роберт Шекли

Предел желаний

Перевод В. Баканова

В Нью-Йорке дверной звонок раздается как раз в тот момент, когда вы удобно устроились на диване, решив насладиться давно заслуженным отдыхом. Настоящая сильная личность, человек мужественный и уверенный в себе, скажет: "Ну их всех к черту, мой дом - моя крепость, а телеграмму можно подсунуть под дверь". Но если вы похожи характером на Эдельштейна, то подумаете, что, видно, блондинка из корпуса 12С пришла одолжить баночку селитры. Или вдруг нагрянул какой-то сумасшедший кинорежиссер, желающий поставить фильм по письмам, которые вы шлете матери в Санта-Монику. (А почему бы и нет? Ведь делают фильмы на куда худших материалах?!)

Однако на этот раз Эдельштейн твердо решил не реагировать на звонок. Лежа на диване с закрытыми глазами, он громко сказал:

- Я никого не жду.

- Да, знаю, - отозвался голос по ту сторону двери.

- Мне не нужны энциклопедии, щетки и поваренные книги, - сухо сообщил Эдельштейн. - Что бы вы мне не предложили, у меня это уже есть.

- Послушайте, - ответил голос. - Я ничего не продаю. Я хочу вам кое-что дать.

Эдельштейн улыбнулся тонкой печальной улыбкой жителя Нью-Йорка, которому известно: если вам преподносят в дар пакет, не помеченный "Двадцать долларов", то надеются получить деньги каким-то другим способом.

- Принимать что-либо бесплатно, - сказал Эдельштейн, - я тем более не могу себе поззволить.

- Но это действительно бесплатно, - подчеркнул голос за дверью. - Это ровно ничего не будет вам стоить ни сейчас, ни после.

- Не интересует! - заявил Эдельштейн, восхищаясь твердостью своего характера.

Голос не отозвался.

Эдельштейн произнес:

- Если вы еще здесь, то, пожалуйста, уходите.

- Дорогой мистер Эдельштейн, - мягко проговорили за дверью, - цинизм - лишь форма наивности. Мудрость есть проницательность.

- Он меня еще учит, - обратился Эдельштейн к стене.

- Ну, хорошо, забудьте все, оставайтесь при своем цинизме и национальных предрассудках, зачем мне это, в конце концов?

- Минуточку, - всполошился Эдельштейн. - Какие предрассудки? Насколько я понимаю, вы - просто голос с другой стороны двери. Вы можете оказаться католиком, или адвентистом седьмого дня, или даже евреем.

- Не имеет значения. Мне часто приходилось сталкиваться с подобным. До свиданья, мистер Эдельштейн.

- Подождите, - буркнул Эдельштейн.

Он ругал себя последними словами. Как часто он попадал в ловушки, оканчивающиеся, например, покупкой за 10 долларов иллюстрированного двухтомника "Сексуальная история человечества", который, как заметил его друг Манович, можно приобрести в любой лавке за 2.98!

Но голос уйдет, думая: "Эти евреи считают себя лучше других!.." Затем поделится своими впечатлениями с другими при очередной встрече "Лосей" или "Рыцарей Колумба", и на

черной совести евреев появится новое пятно.
- У меня слабый характер, - печально прошептал Эдельштейн. А вслух сказал:
- Ну, хорошо, входите! Но предупреждаю с самого начала: ничего покупать не собираюсь.
Он заставил себя подняться, но замер, потому что голос ответил: "Благодарю вас", и вслед за этим возник мужчина, прошедший через закрытую, запертую на два замка дверь.
- Пожалуйста, секундочку, задержитесь на одну секундочку, - взмолился Эдельштейн. Он обратил внимание, что слишком сильно сжал руки и что сердце его бьется необычайно быстро.
Посетитель застыл на месте, а Эдельштейн вновь начал думать.
- Простите, у меня только что была галлюцинация.
- Желаете, чтобы я еще раз вам это продемонстрировал? - осведомился гость.
- О Боже, конечно нет! Итак, вы прошли сквозь дверь! О Боже, Боже, кажется я попал в переплет!
Эдельштейн тяжело опустился на диван. Гость сел на стул.
- Что происходит? - прошептал Эдельштейн.
- Я пользуюсь подобным приемом, чтобы сэкономить время, - объяснил гость. - Кроме того, это обычно убеждает недоверчевых. Мое имя Чарлз Ситвел. Я полевой агент Дьявола... Не волнуйтесь, мне не нужна ваша душа.
- Как я могу вам поверить? - спросил Эдельштейн.
- На слово, - ответил Ситвел. - Последние пятьдесят лет идет небывалый приток американцев, нигерийцев, арабов и израильтян. Так же мы впустили больше, чем обычно, китайцев, а совсем недавно начали крупные операции на южноамериканском рынке. Честно говоря, мистер Эдельштейн, мы перегружены душами. Боюсь, что в ближайшее время придется объявить амнистию по мелким грехам.
- Так вы явились не за мной?
- О Дьявол, нет! Я же вам говорю: все круги ада переполнены!
- Тогда зачем вы здесь?
Ситвел порывисто подался вперед.
- Мистер Эдельштейн, вы должны понять, что ад в некотором роде похож на "Юнайтед стэйтс стил". У нас гигантский размах и мы более или менее монополия. И, как всякая действительно большая корпорация, мы печемся об общественном благе и хотим, чтобы о нас хорошо думали.
- Разумно, - заметил Эдельштейн.
- Однако нам заказано устраивать, подобно Форду, фирменные школы и мастерские - неправильно поймут. По той же причине мы не можем возводить города будущего или бороться с загрязнением окружающей среды. Мы даже не можем помочь какой-нибудь захолустной стране без того, чтобы кто-то не поинтересовался нашими мотивами.
- Я понимаю ваши трудности, - признал Эдельштейн.
- И все же мы хотим что-то сделать. Поэтому время от времени, но особенно сейчас, когда дела идут так хорошо, мы раздаем небольшие премии избранному числу потенциальных клиентов.
- Клиент? Я?
- Никто не назовет вас грешником, - успокоил Ситвел. - Я сказал "потенциальных" - это означает всех.
- А... Что за премии?
- Три желания, - произнес Ситвел живо. - Это традиционная форма.
- Давайте разберемся, все ли я понимаю, - попросил

Эдельштейн. - Вы исполните три любых моих желания? Без вознаграждения? Без всяких "если" и "но"?
- Одно "но" будет, предупредил Ситвел.
- Я так и знал, - вздохнул Эдельштейн.
- Довольно простое условие. Что бы вы ни пожелали, ваш злейший враг получит вдвое.
Эдельштейн задумался.
- То есть, если я попрошу миллион долларов...
- Ваш враг получит два миллиона.
- А если я попрошу пневмонию?
- Ваш злейший враг получит двустороннюю пневмонию.
Эдельштейн поджал губы и покачал головой.
- Не подумайте только, что я советую вам, как вести дела, но не искушаете ли вы этим пунктом добрую волю клиента?
- Риск, мистер Эдельштейн, но он совершенно необходим по двум причинам, - ответил Ситвел. - Видите ли, это условие играет роль обратной связи, поддерживающей гомеостаз.
- Простите, я не совсем...
- Попробуем по-другому. Данное условие уменьшает силу трех желаний, тем самым держа происходящее в разумных пределах. Ведь желание - чрезвычайно мощное орудие.
- Представляю, - кивнул Эдельштейн. - А вторая причина?
- Вы бы уже могли догадаться, - сказал Ситвел, обнажая безупречно белые зубы в некоем подобии улыбки. - Подобные пункты являются нашим, если можно так выразиться, фирменным знаком. Клеймом, удостоверяющим настоящий адский продукт.
- Понимаю, понимаю, - произнес Эдельштейн. - Но мне потребуется некоторое время на размышление.
- Предложение действительно в течение тридцати дней, - сообщил Ситвел, вставая. - Вам стоит лишь ясно и громко произнести свое желание. Об остальном позабочусь я.
Ситвел подошел к двери, но Эдельштейн остановил его.
- Я бы хотел только обсудить один вопрос.
- Какой?
- Так случилось, что у меня нет злейшего врага. У меня вообще нет врагов.
Ситвел расхохотался и лиловым платком вытер слезы.
- Эдельштейн! - проговорил он. - Вы восхитительны! Ни одного врага!.. А ваш кузен Сеймур, которому вы отказались одолжить пятьсот долларов, чтобы начать бизнес по сухой чистке? Или, может быть, он ваш друг?
~ Я не подумал о Сеймуре, - признался Эдельштейн.
- А миссис Абрамович, которая плюется при упоминании вашего имени, потому что вы не женились на ее Марьери? А Том Кэссиди, обладатель полного собрания речей Геббельса? Он каждую ночь мечтает перебить всех евреев, начиная с вас... Эй, что с вами?
Эдельштейн сидел на диване, внезапно побелел и вновь сжал руки.
- Мне и в голову не приходило... - пробормотал он.
- Никому не приходит, - успокоил Ситвел. - Не огорчайтесь и не принимайте близко к сердцу. Шесть или семь врагов - пустяки. Могу вас заверить, что это ниже среднего уровня.
- Имена остальных! - потребовал Эдельштейн, тяжело дыша.
- Я не хочу говорить вам. Зачем лишние волнения?
- Но я должен знать, кто мой злейший враг! Это Кэссиди? Может купить ружье?
Ситвел покачал головой.
- Кэссиди - безвредный полоумный лунатик. Он не тронет вас и пальцем, поверьте мне. Ваш злейший враг - человек по

имени Эдуард Самуэль Манович.
- Вы уверены? - спросил потрясенный Эдельштейн.
- Абсолютно.
- Но Манович мой лучший друг!
- А также ваш злейший враг, - произнес Ситвел. - Иногда так бывает. До свидания, мистер Эдельштейн, желаю вам удачи со всеми тремя желаниями.
- Подождите! - закричал Эдельштейн. Он хотел задать миллион вопросов, но находился в таком замешательстве, что сумел только спросить: - Как случилось, что ад переполнен?
- Потому что безгрешны лишь небеса.
Ситвел махнул рукой, повернулся и вышел через закрытую дверь.
Эдельштейн не мог прийти в себя несколько минут. Он думал об Эдди Мановиче. Злейший враг!.. Смешно, в аду явно ошиблись. Он знал Мановича почти двадцать лет, каждый день встречался с ним, играл в шахматы. Они вместе гуляли, вместе ходили в кино, по крайней мере раз в неделю вместе обедали.
Правда, конечно, Манович иногда разевал свой большой рот и переходил границы благовоспитанности.
Иногда Манович бывал груб.
Честно говоря, Манович часто вел себя просто оскорбительно.
- Но мы друзья, - обратился к себе Эдельштейн. - Мы друзья, не так ли?
Он знал, что есть простой способ проверить это - пожелать себе миллион долларов. Тогда у Мановича будет два миллиона долларов. Ну и что? Будет ли. его, богатого человека, волновать, что его лучший друг еще богаче?
Да! И еще как! Ему всю жизнь не будет покоя из-за того, что Манович разбогател на его, Эдельштейна, желании.
"Боже мой! - думал Эдельштейн. - Час назад я был бедным, но счастливым человеком. Теперь у меня есть три желания и враг".
Он обхватил голову руками. Надо хорошенько поразмыслить.
На следующей неделе Эдельштейн договорился на работе об отпуске и день и ночь сидел над блокнотом. Сперва он не мог думать ни о чем, кроме замков. Замки гармонировали с желаниями. Но, если приглядеться, это не так просто. Имея замок средней величины с каменными стенами в десять футов толщиной, землями и всем прочим, необходимо заботиться о его содержании. Надо думать об отоплении, плате прислуге и так далее.
Все сводилось к деньгам.
"Я могу содержать приличный замок на две тысячи в неделю, - прикидывал Эдельштейн, быстро записывая в блокнот цифры. - Но это значит; что Манович будет содержать два замка по четыре тысячи долларов в неделю!"
Наконец, Эдельштейн перерос замки; мысли его стали занимать путешествия. Может, попросить кругосветное? Но что-то не хочется. А может, провести лето в Европе? Хотя бы двухнедельный отдых в Фонтенбло или в Майами-Бич, чтобы успокоить нервы? Но тогда Манович отдохнет вдвое краше!
Уж лучше остаться бедным и лишить Мановича возможных благ.
Лучше, но не совсем.
Эдельштейн все больше отчаивался и злился. Он говорил себе: "Я идиот, откуда я знаю, что все это правда? Хорошо, Ситвел смог пройти сквозь двери; но разве он волшебник? Может, это химера".

Он сам удивился, когда встал и громко и уверенно произнес:

- Я желаю двадцать тысяч долларов! Немедленно!

Он почувствовал мягкий толчок. А вытащив бумажник, обнаружил в нем чек на 20 000 долларов.

Эдельштейн пошел в банк и протянул чек, дрожа от страха, что сейчас его схватит полиция. Но его просто спросили, желает ли он получить наличными или положить на свой счет.

При выходе из банка он столкнулся с Мановичем, чье лицо выражало одновременно испуг, замешательство и восторг.

Эдельштейн в расстроенных чувствах пришел домой и остаток дня мучался болью в животе.

Идиот! Он попросил лишь жалких двадцать тысяч! А ведь Манович получил сорок!

Человек может умереть от раздражения.

Эдельштейн впадал то в апатию, то в гнев. Боль в животе не утихала - похоже на язву. Все так несправедливо! Он загоняет себя в могилу, беспокоясь о Мановиче!

Но зато он понял, что Манович действительно его враг. Мысль, что он собственными руками обогащает своего врага, буквально убивала его.

Он сказал себе: "Эдельштейн! Так больше нельзя. Надо позаботиться об удовлетворении".

Но как?

И тут это пришло к нему. Эдельштейн остановился. Его глаза безумно забегали, и, схватив блокнот, он погрузился в вычисления. Закончив, он почувствовал себя лучше, кровь прилила к лицу - впервые после визита Ситвела он был счастлив!

- Я желаю шестьсот фунтов рубленой цыплячьей печенки!

Несколько порций рубленой цыплячьей печенки Эдельштейн съел, пару фунтов положил в холодильник, а остальное продал по половинной цене, заработав на этом 700 долларов. Оставшиеся незамеченными 75 фунтов прибрал дворник. Эдельштейн от души смеялся, представляя Мановича, по шею заваленного печенкой.

Радость его была недолгой. Он узнал, что Манович оставил десять фунтов для себя (у этого человека всегда был хороший аппетит), пять фунтов подарил неприметной маленькой вдовушке, на которую хотел произвести впечатление, и продал остальное за 2000 долларов.

"Я слабоумный, дебил, кретин, - думал Эдельштейн. - Из-за минутного удовлетворения потратить желание, которое стоит, по крайней мере, миллион долларов! И что я с этого имею? Два фунта рубленой цыплячьей печенки, пару сотен долларов и вечную дружбу с дворником!"

Оставалось одно желание.

Теперь было необходимо воспользоваться им с умом. Надо попросить то, что ему, Эдельштейну, хочется отчаянно - и вовсе не хочется Мановичу.

Прошло четыре недели. Однажды Эдельштейн осознал, что срок подходит к концу. Он истощил свой мозг и для того лишь, чтобы убедиться в самых худших подозрениях: Манович любил все, что любил он сам. Манович любил замки, женщин, деньги, автомобили, отдых, вино, музыку...

Эдельштейн молился:

- Господи, Боже мой, управляющий адом и небесами, у меня было три желания, и я использовал два самым жалким образом. Боже, я не хочу быть неблагодарным, но спрашиваю тебя, если человеку обеспечивают исполнение трех желаний, может ли он сделать что-нибудь хорошее для себя, не пополняя при этом

карманов Мановича, злейшего врага, который запросто всего получает вдвое?

Настал последний час. Эдельштейн был спокоен как человек, готовый принять судьбу. Он понял, что ненависть к Мановичу была пустой, недостойной его. С новой и приятной безмятежностью он сказал себе: "Сейчас я попрошу то, что нужно лично мне, Эдельштейну".

Эдельштейн встал и выпрямился.

- Это мое проследнее желание. Я слишком долго был холостяком. Мне нужна женщина, на которой я могу жениться. Она должна быть среднего роста, хорошо сложена, конечно, и с натуральными светлыми волосами. Интеллигентная, практичная, влюбленная в меня, еврейка, разумеется, но тем не менее сексуальная и с чувством юмора...

Мозг Эдельштейна внезапно заработал на бешеной скорости:

- А особенно, - добавил он, - она должна быть... не знаю, как бы это повежливее выразиться... она должна быть пределом, максимумом, который только я хочу и с которым могу справиться, я говорю исключительно в плане интимных отношений. Вы понимаете, что я имею в виду, Ситвел? Деликатность не позволяет мне объяснить вам более подробно, но если дело требует того...

Раздалось легкое, однако какое-то сексуальное постукивание в дверь. Эдельштейн, смеясь, пошел открывать.

"Двадцать тысяч долларов, два фунта печенки и теперь это! Манович, - подумал он, - ты попался! Удвоенный предел желаний мужчины... Нет, такого я не пожелал бы и злейшему врагу - но я пожелал!"

<Pre> Роберт Шекли

Капкан

Перевод С. Левицкой

"Сэмиш, мне нужна помощь и еще раз помощь. Создавшаяся ситуация потенциально опасна, поэтому приезжай немедленно. Я лшпттий раз убедился в твоей правоте, дружище Сэмиш. Ни при каких обстоятельствах мне не следовало полагаться на зем- лян. Это на редкость легкомысленная раса, как ты постоянно подчеркивал. Но они не столь бестолковы, как кажутся на первый взгляд. Я начинаю думать, что изящество щупалец не есть единственный критерий разума. Положение не из завидных, Сэмиш! А поначалу план казался таким надежным и безопасным..."

Эд Дейли видел поблескивание металла за дверью коттеджа, но выяснять, что к чему, не стал - ему еще слишком хотелось спать.

Он проснулся вскоре после восхода солнца и на цыпочках вышел наружу взглянуть на погоду. Особых надежд она в него не вселила. Всю ночь дождь лил как из ведра, и вода капала с каждого листочка и с каждой ветки близ растущих деревьев. Фургон, на котором он приехал сюда, был полузатоплен, а грунтовая дорога, поднимающаяся по склону горы, погребена под фунтовым слоем грязи.

Друг Эда Тарстон подошел к двери в пижаме, его круглое,

безмятежное, как у Будды, лицо раскраснелось от сна.

- Вот всегда так, в первый день отпуска дождь льет, - заметил Тарстон. - Закон природы.

- Зато в такую погоду форель хорошо ловится, - сказал Дейли.

- Не спорю. Но еще лучше развести в камине огонь пожарче и попивать горячий маслянистый ром.

Последние одиннадцать лет они проводили короткие осенние отпуска вместе, но по разным причинам.

Дейли питал романтическую любовь к туристскому и охотничьему снаряжению.

Продавцы нью-йоркских магазинов увешивали его высокие, сутулые плечи дорогими парками - такие парки надевают, напав на след будоражащего ученые умы "снежного человека" в каменном сердце Тибета. Ему продавали походные печурки замысловатых конструкций, которым был нипочем любой ураган, и злодейски искривленные ножи из лучшей шведской стали.

Дейли любил бродить с солдатской флягой на боку и вороненой винтовкой через плечо. Во фляге обычно плескался ром, а самыми опасными мишенями для винтовки служили консервные банки. Потому что Дейли, хотя и мечтал об охотничьих подвигах, был человеком дружелюбным и не желал зла животным и птицам.

Его приятель Тарстон был слишком толст и страдал одышкой, он обременял себя лишь самой что ни на есть легонькой удочкой для ловли на муху и самым что ни на есть крошечным дробовичком. Проходила первая неделя, и он ухитрялся перемещать район охоты в Лейк-Плэсид (1), к милым его сердцу барам с удобными креслами. Там он, используя потрясающие познания в области следов и берлог, безмятежно охотился за хорошенькими отдыхающими девушками вместо того, чтобы преследовать черного или бурого медведя или оленя вапити.

Эти невинные занятия более чем отвечали запросам двух добродушных преуспевающих бизнесменов, которым перевалило за сорок, и они возвращались в город загорелые и окрепшие, с новыми запасами сил и терпимости к своим женам.

- Ром тоже неплохо, - согласился Дейли. - А это что такое? - Он снова заметил поблескивание металла рядом с коттеджем. Тарстон шагнул к блестящему предмету и пнул его ногой.

- Странная штуковина.

Дейли принялся рассматривать пустой решетчатый ящик с основанием площадью примерно четыре квадратных фута, собранных из металлических полос, с крышкой на петлях. На одной из полос четкими буквами было выведено: КАПКАН.

- Где ты купил это?- спросил Тарстон. - Нигде не покупал. - Дейли обнаружил пластмассовый ярлычок, привязанный к одной из полос. Он потянул его к себе и прочел:

"Дорогой друг! Это КАПКАН новейшей конструкции, последнее слово техники. Для ознакомления широкой публики с КАПКАНОМ мы представляем Вам этот образец совершенно бесплатно! Вы по достоинству оцените наш уникальный аппарат, предназначенный для поимки мелкой дичи, если в точности будете следовать инструкции на обороте. Ни пуха ни пера!"

- Ну и ну! - воскликнул Дейли. - Как ты думаешь, эту штуковину могли подбросить сюда ночью?

- Не все ли равно, - пожал плечами Тарстон.- У меня в

животе урчит. Давай займемся завтраком.

- Неужели тебе неинтересно?

- Не особенно. Подумаешь, очередная безделица. У тебя таких добрая сотня наберется. И медвежий капкан "Эберкромби и Фитч". И рожок "Бэтлер". И приманка для крокодилов фирмы...

- Я в жизни не видел такого капкана, - задумчиво пробормотал Дейли. - Очень толковая реклама, нет, я не могу уйти просто так, не испытав его.

- Погоди, тебя еще счетами завалят, не расплатишься, - съязвил Тарстон. - Я отправлюсь готовить завтрак. А ты будешь мыть посуду.

Он пошел на кухню, а Дейли тем временем перевернул ярлычок и прочел инструкцию:

"Доставьте КАПКАН на поляну и прикрепите его к любому удобному дереву прилагаемой цепью. Нажмите расположенную на основании кнопку 1 - КАПКАН включен. Спустя пять секунд нажмите кнопку 2 - КАПКАН готов к работе. Больше ничего не требуется, пока не осуществлена ПОИМКА. Тоща нажмите кнопку 3, отключающую и открывающую КАПКАН и извлеките ДОБЫЧУ.

Внимание! Все-остальное время держите КАПКАН в закрытом состоянии. Для попадания добычи внутрь открывать КАПКАН не требуется, так как он работает по принципу осмотической ячейки, и ДОБЫЧА попадет в КАПКАН непосредственно".

- Чего только не изобретут люди! - с восторгом воскликнул Дейли.

- Завтрак готов, - позвал Тарстон.

- Сначала помоги мне поставить капкан.

Тарстон, переодевшийся в бермудские шорты и кричаще яркую спортивную рубашку, вышел из коттеджа и с сомнением взглянул на капкан.

- Ты что, в самом деле решил поиграть в эту игрушку?

- Конечно. Вдруг нам посчастливится поймать лису?

- Скажи на милость, ну что мы будем делать с лисой? - осведомился Тарстон.

- Отпустим, - ответил Дейли. - Весь смак в процессе, а не в результате. Главное, поймать. Ну давай-ка помоги мне поднять его.

Капкан был довольно тяжелым. Вдвоем они оттащили его на пятьдесят ярдов от коттеджа и прикрепили цепью к молодой сосенке. Дейли нажал кнопку 1, и капкан слабо засветился. Тарстон инстиктивно отпрянул.

Пять секунд спустя Дейли нажал кнопку 2.

С деревьев по-прежнему капала вода, где-то наверху скакали белки, тихо шелестела высокая трава. Капкан тихо-мирно лежал рядом с сосной, тускло сияя металлической решеткой.

- Пошли, - сказал Тарстон. - Яичница давным-давно остыла. Дейли последовал за ним к коттеджу, через плечо оглядываясь на капкан. Он лежал в лесу, молча поджидая добычу.

"...Сэмиш, где же ты? Мне срочно требуется помощь. Как ни неправдоподобно это звучит, мой маленький планетоид разрывают на куски у меня на глазах! Ты мой старинный приятель, Сэмиш, друг моей юности, мой самый лучший товарищ, и ко всему прочему друг Фрегл. Я рассчитываю на тебя. Пожалуйста, не задерживайся надолго.

Я уже излучил тебе начало моей истории. Земляне отнеслись к КАПКАНУ как к обычному капкану и ничему больше. Они сразу включили его, не задумываясь о возможных

последствиях. Я так и предпологал. Фантастическое любопытство землян хорошо известно.

Все это время моя жена весело проползала по планетоиду, заново отделывая дачу и наслаждаясь пребыванием вдали от города. Все шло нормально, пока..."

Во время завтрака Тарстон скрупулезно объяснял, почему капкан не может работать, находясь в закрытом состояний.

Дейли улыбался и говорил об осмотической ячейке. Тарстон упирался и заявлял, что таких капканов на свете не существует. Когда посуда была вымыта и высушена, они двинулись по мокрой и высушенной траве к капкану.

- Смотри! - закричал Дейли.

В капкане прыгало какое-то существо величиной с кролика, но ярко-зеленого цвета. При их приближении оно выпучило рачьи глаза и защелкало омароподобными клешнями.

- С завтрашнего дня ни капли рома натощак, - сказал Тарстон. Он взглянул на существо в капкане и содрогнулся. - Брр!

- По-моему, это какой-то новый вид, - высказал предположение Дейли.

- Новый вид кошмара. Не отправиться ли нам на Лейк-Плэсид и начисто забыть о нем?

- Ну разумеется, нет. Я никогда не видел ничего подобного в учебниках по зоологии. Возможно, это животное совершенно неизвестно науке. В чем мы будем его держать?

- Держать?

- Ну конечно. Не оставлять же его в капкане. Придется соорудить клетку и заодно выяснить, чем оно питается.

Лицо Тарстона частично утратило привычную безмятежность.

- Слушай, Эд. Я не намерен проводить свой отпуск рядом с этим зверем. А если он ядовит? Я уже не говорю об очевидности его дурных наклонностей. - Он глубоко вздохнул и продолжал: - Что-то неестественное есть в этом капкане. Он... не от мира сего!

Дейли ухмыльнулся.

- Держу пари, о первом автомобиле Форда и лампе накаливания Эдисона говорили то же самое. Этот капкан - очередное свидетельство научно-технического прогресса.

- Я всецело за прогресс, - веско заявил Тарстон, - но в других областях. Не пойти ли...

- Попозже, - сказал, помедлив, Дейли. - Сначала давай построим клетку и включим капкан еще раз.

Тарстон поворчал, но подчинился.

"...Почему ты до сих пор не приехал, Сэмиш? Разве тебе не очевидно, что моя жизнь в опасности? Разве я недостаточно ясно говорил, как много зависит от тебя? Подумай о старом друге! Подумай о несравненной Фрегл, ради которой я решился на этот шаг. Поддерживай хотя бы связь со мной.

Земляне воспользовались КАПКАНОМ, который, разумеется, вовсе не капкан, а приемопередатчик материи. Второй приемопередатчик я установил на планетоиде и посадил в него одного за другим трех маленьких животных, которых поймал в саду. Земляне всякий раз извлекали их - я, правда, не знаю, с какой целью. Но земляне ни от чего не отказываются.

После того как третье животное попало на Землю и не вернулось, я решил, что все готово.

Тогда я приготовился к четвертой и последней передаче, самой важной, ради которой проводились три предыдущих..."

Они стояли под низким навесом, укрепленным на стене котеджа. Тарстон с отвращением смотрел на три клетки, сделанные из прочной москитной сетки. В каждой клетке было по животному.

- Уф, - поморщился Тарстон. - Ну и запах!

В одной клетке сидел самый первый пленник с рачьими глазами и омароподобными клешнями. В другой билась птица с тремя рядами чешуйчатых крыльев. Наконец, к третьей извивалось нечто выглядевшее как змея, но с головами на каждом конце.

В клетках были склянки с молоком, тарелки с мясным фаршем, овощи, спаржа, древесная кора - все нетронуто.

- Ничего не едят, - сокрушался Дейли.

- Очевидно они больны, - отвечал Тарстон. - Возможно, даже заразны. Не пора ли избавиться от них, Эд? Дейли посмотрел ему в глаза.

- Ты никогда не мечтал о славе. Том?

- О чем?

- О славе. О том, чтобы твое имя сохранилось в веках.

- Я бизнесмен, - сказал Тарстон. - Я никогда не думал о такой возможности.

- Никогда?

Тарстон добродушно улыбнулся.

- Ну кто же не мечтает? К чему ты клонишь?

- Эти животные, - сказал Дейли, - единственные в своем роде. Мы подарим их музею.

- Как это? - с интересам осведомился Тарстон.

- Выставка Дейли - Тарстона неизвестных до сего времени животных.

- Их могут назвать нашими именами, - подхватил Тарстон.

- Ведь это мы их открыли!

- Обязательно назовут! Наши имена встанут в один ряд с именами Ливингстона, Одубона и Тедди Рузвельта.

- Хм. - Тарстон задумался. - На мой взгляд, самое подходящее место - Музей естественной истории. Я уверен, они возьмутся за организацию выставки.

- Я подразумевал не выставку, а филиал музея, - сказал Дейли.- филиал имени Дейли и Тарстона.

Тарстон с изумлением посмотрел на приятеля. Он никогда не представлял, что у Дейли могут рождаться грандиозные планы.

- Блестяще, Эд, но у нас пока только три экземпляра. Для филиала этого маловато.

- Лиха беда начало. Пойдем проверим капкан...

На этот раз в капкан попалось существо высотой почти три фута, с маленькой зеленой головой и раздвоенным хвостом. У него была по меньшей мере дюжина толстых червеобразных отростков, и оно яростно размахивало всеми двенадцатью.

- До сих пор попадались спокойные, - опасливо проговорил Тарстон. - А это фурия какая-то.

- Ничего, возьмем сетку и справимся, - решительно ответил Дейли. - А потом свяжемся с музеем.

Изрядно попотев, они пересадшш извивающееся существо в клетку. Капкан был снова включен, и Дейли послал в Музей естественной истории телеграмму следующего содержания:

"ОТКРЫТЫ МЕНЬШЕЙ МЕРЕ ЧЕТЫРЕ ЖИВОТНЫХ ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО НЕИЗВЕСТНЫХ ВИДОВ тчк ИМЕЕТСЯ ЛИ МУЗЕЕ МЕСТО ДЛЯ СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ ВЫСТАВКИ тчк ЖЕЛАТЕЛЕН ПРИЕЗД. ВАШЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ тчк"

Затем по настоянию Тарстона он добавил несколько комплиментов музею, чтобы там не сочли его чудаком.

За обедом Дейли излагал Тарстону свою теорию. Он был твердо убежден, что в этой части гор существует изолированный первозданный уголок, в котором сохранились доисторические животные. Их не поймали раньше потому что - вследствие древ- ности видов - они приобрели огромный опыт и необыкновенную осторожность. Но их опыта оказалось недостаточно, чтобы избежать капкана, действующего на качественно новом принципе осмотической ячейки.

- Весь Адирондак изъезжен вдоль и поперек, - пробовал возразить Тарстон.

- Значит, не весь, - ответил Дейли. И логика была на его стороне.

Потом они возвратились к капкану. Он был пуст.

"...Я едва слышу тебя, Сэмиш. Будь любезен, прибавь громкость. Или еще лучше, приезжай сюда лично. Что толку от пустых разговоров? Мое положение становится все более отчаянным.

Что, Сэмиш? Продолжение истории? Оно вполне очевидно. После успешной передачи трех животных у меня все было готово. Оставалось рассказать обо всем жене.

Поэтому я попросил ее поползти со мной в сад. Она была польщена.

- Поделись со мной, милый, - сказала она, - что-нибудь беспокоило тебя в последнее время?

Я промычал что-то невнятное.

- Я чем-нибудь не угодила тебе? - спросила она.

- Нет, дорогая, - сказал я. - Ты любила меня как могла, но мне этого мало. Я собираюсь жениться на другой.

Она стояла неподвижно, только ее щупальца беспорядочно покачивались. Потом она воскликнула:

- Фрегл!

- Да, - подтвердил я, - прекрасная Фрегл согласилась разделить со мной ложе.

- Но ты забыл, что мы обручены на всю жизнь.

- Нет, не забыл. Мне очень жаль, что ты настаивала на этой формальности. - И одним рассчитанным ударом я втолкнул ее в приемопередатчик.

Сэмиш, видел бы ты, на кого она была похожа! Ее щупальца спутались, она завизжала и исчезла. Наконец-то я был свободен! Немного противен себе, но свободен! Свободен, чтобы жениться на великолепной Фрегл!

Теперь ты можешь по достоинству оценить совершенство моего плана. Необходимо было добиться сотрудничества с землянами, поскольку приемопередатчиком нужно управлять с обоих концов. Я замаскировал его под капкан, потому что земляне готовы верить всему на свете. И я завершил картину изящным штрихом - послал им свою жену.

Пусть попробуют ужиться с ней! Мне это не удалось.

Неуязвимый, абсолютно неуязвимый план. Тело моей жены исчезло навсегда - что к землянам попало, то пропало. Никто никогда ничего не докажет.

И вот тут-то, Сэмиш, тут-то все и случилось..."

Окружавшая коттедж атмосфера сельского спокойствия бесследно испарилась. Отпечатки шин вдоль и поперек исполосовали грязную дорогу. Все вокруг было захламлено бутылками с разноцветными этикетками, пустыми сигаретными

пачками, конфетными обертками, огрызками карандашей и обрывками бумаги. Но теперь, после нескольких лихорадочных часов, все разъехались. Осталось только раздражение.

Дейли и Тарстбн стояли рядом с пустым капканом, взирая на него без всякой надежды.

- Как по-твоему, что могло сломаться в этом чертовом аппарате? - спросил Дейли, тщетно пиная капкан.

- Может быть, просто некого больше ловить, - предположил Тарстон.

- Как это некого? Почему сначала нам попадаются подряд четыре совершенно неизвестных животных, а потом ни одного? - Он опустился на колени рядом с капканом и с горечью произнес: - Музейные бестолочи! И бездарные репортеры!

- В некотором смысле, - осторожно подбирал слова Тарстон,

- их нельзя обвинять в...

- Нельзя? А обвинять меня в надувательстве можно? Ты ведь слышал, Том? Они спрашивали меня, как я делал пересадку шкуры!

- Очень жаль, что все животные подохли до их приезда, - сказал Тарстон. - Это выглядело слишком подозрительно.

- Безмозглое зверье ни черта не ело! Кто в этом виноват? Я? Проклятые газетчики... Невольно задумаешься, неужели столичные газеты не могут нанимать репортеров посмышленее.

- Зря ты пообещал наловить новых животных, - сказал Тарстон, - когда они перестали попадаться в капкан. Поэтому они и решили, что их обманывают.

- Еще бы мне не пообещать! Мне и в голову не приходило, что капкан остановится на четвертом животном. А почему они смеялись, когда я рассказывал о принципе осмотической ячейки?

- Они никогда не слышали о таком, - устало ответил Тарстон.

- И никто на свете не слышал. Давай пойдем на Лейк-Плэсид и забудем это дело.

- Нет! Эта штука заработает! Должна заработать, и все тут! - Дейли включил капкан, подготовил его к работе и несколько секунд пристально смотрел на него. Потом откинул крышку на петлях.

Дейли сунул руку внутрь капкана и издал пронзительный вопль.

- Моя рука! Она исчезла! - Он резко отскочил назад.

- Да нет, не исчезла, - заверил его Тарстон.

Дейли осмотрел обе руки, похлопал в ладоши, но продолжал настаивать на своем.

- Моя рука исчезла в капкане.

- Ну, ну, - успокаивал его Тарстон. - Отдохнешь немного в Лейк-Плэсид, и у тебя это пройдет...

Дейли наклонился над капканом и снова сунул туда руку. Она исчезла. Он засовывал ее все глубже и видел, как она исчезла до самого плеча. Он посмотрел на Тарстона и торжествующе улыбнулся.

- Теперь я понимаю, как он работает, - сказал он. - Эти животные выходцы совсем не из Адирондака.

- А откуда?

- Оттуда, где сейчас моя рука! Значит, подавай вам новых животных! Значит, я, по-вашему, лжец! Ну, погодите!

- Эд! Не вздумай! Ты же не знаешь, что...

Но Дейли уже шагнул в капкан. Ноги его исчезли. Он медленно погружался, пока снаружи не осталась одна голова.

- Пожелай мне ни пуха, - сказал он.

- Эд!

Дейли зажал нос и пропал из виду.

"...Сэмиш, приезжай немедленно, иначе будет слишком поздно! Я вынужден прекратить передачу. Огромный землянин до последнего камешка разграбил мой маленький планетоид. Он швыряет в приемопередатчик все, что под руку попадется. Мой дом обращен в руины!

Сейчас он доламывает дачу! Сэмиш, это чудовище собирается поймать меня для своего зоопарка! Нельзя терять ни секунды!

Сэмиш, что может задерживать тебя?. Ты мой самый старый ДРУГ...

Что, Сэмиш? Что ты говоришь? Не может быть! Ты и Фрегл? Одумайся, дружище! Во имя нашей дружбы..."

----

1) - Поселок на берегу одноименного озера в горах Адирондак, в северо-восточной части штата Нью-Йорк, Место отдыха туристов. (Прим. переводчика)

<Pre> Роберт Шекли

Вор во времени

Перевод Б. Клюева

Томас Элдридж сидел один в своем кабинете в Батлер Холл, когда ему послышался какой-то шорох за спиной. Даже не послышался - отметился в сознании. Элдридж в это время занимался уравнениями Голштеда, которые наделали столько шуму несколько лет назад, - ученый поставил под сомнение всеобщую применимость принципов теории относительности. И хотя было доказано, что выводы Голштеда совершенно ошибочны, сами уравнения не могли оставить Томаса равнодушным.

Во всяком случае, если рассматривать их непредвзято, что-то в них было - странное сочетание временных множителей с введением их в силовые компоненты. И...

Снова ему послышался шорох, и он обернулся.

Прямо у себя за спиной Элдридж увидел огромного детину в ярко-красных шароварах и коротком зеленом жилете поверх серебристой рубашки. В руке он держал какой-то черный квадратный прибор. Весь вид гиганта выражал по меньшей мере недружелюбие.

Они смотрели друг на друга. В первый момент Элдридж подумал, что это очередной студенческий розыгрыш: он был самым молодым адъюнкт-профессором на кафедре Карвеллского технологического, и студенты в виде посвящения всю первую неделю семестра подсовывали ему то тухлое яйцо, то живую жабу.

Но посетитель отнюдь не походил на студента-насмешника. Было ему за пятьдесят, и настроен он был явно враждебно.

- Как вы сюда попали? - спросил Элдридж. - И что вам здесь нужно?

Визитер поднял брови:

- Будешь запираться?

- В чем?! - испуганно воскликнул Элдридж.

- Ты что, не видишь, что перед тобой Виглан? - надменно произнес незнакомец. - Виглан. Припоминаешь?

Элдридж стал лихорадочно припоминать, нет ли поблизости от Карвелла сумасшедшего дома; все в Виглане наводило на мысль, что это сбежавший псих.

- Вы, по-видимому, ошиблись, - медленно проговорил Элдридж, подумывая, не позвать ли на помощь.

Виглан затряс головой.

- Ты Томас Монро Элдридж, - раздельно сказал он. - Родился 16 марта 1926 года в Дарьене, штат Коннектикут. Учился в Нью-Йоркском университете. Окончил cum laude (1). В прошлом, 1953 году получил место в Карвелле. Ну как, сходится?

- Действительно, вы потрудились ознакомиться с моей биографией. Хорошо, если с добрыми намерениями, иначе мне придется позвать полицию.

- Ты всегда был наглецом. Но на это раз тебе не выкрутиться. Полицию позову я.

Он нажал на своем приборе одну из кнопок, и в комнате тут же появились двое. На них была легкая оранжево-зеленая форма, металлические бляхи на рукаве свидетельствовали о принадлежности их владельцев к рядам блюстителей порядка. Каждый держал по такому же, как у Виглана, прибору, с той лишь разницей, что на их крышках белела какая-то надпись.

- Это преступник, - провозгласил Виглан. - Арестуйте вора!

У Элдриджа все поплыло перед глазами: кабинет, репродукции с картин Гогена на стенах, беспорядочно разбросанные книги, любимый старый коврик на полу. Элдридж моргнул несколько раз - в надежде, что это от усталости, от напряжения, а лучше того - во сне.

Но Виглан, ужасающе реальный Виглан, никуда не сгинул! Полисмены тем временем вытащили наручники.

- Стойте! - закричал Элдридж, пятясь к столу. - Объясните, что здесь происходит?

- Если настаиваешь, - произнес Виглан, - сейчас я познакомлю тебя с официальным обвинением. - Он откашлялся. - Томасу Элдриджу принадлежит изобретение хроноката, которое было зарегистрировано в марте месяце 1962 года, после...

- Стоп! - остановил его Элдридж. - Должен вам заявить, что до 1962 года еще далеко.

Виглана это заявление явно разозлило.

- Не пыли! Хорошо, если тебе так больше нравится, ты изобретешь кат в 1962 году. Это ведь как смотреть - с какой временной точки.

Подумав минуту-другую, Элдридж пробормотал:

- Так что же выходит... выходит, вы из будущего?

Один из полицейских ткнул товарища в плечо.

- Ну дает, а? - восторженно воскликнул он.

- Ничего спектаклик, будет что порассказать, - согласился второй.

- Конечно, мы из будущего, - сказал Виглан. - А то откуда же?.. В 1962-м ты изобрел - или изобретешь - хронокат Элдриджа, тем самым сделав возможными путешествия во времени. На нем ты отправился в Первый сектор будущего, где тебя встретили с подобающими почестями. Затем ты разъезжал по всем трем секторам Цивилизованного времени с лекциями. Ты был героем, Элдридж. Детишки мечтали вырасти такими, как ты. И всех нас ты обманул, - осипшим вдруг голосом продолжал Виглан. - Ты оказался вором - украл целую кучу ценных товаров. Этого от тебя никто не ожидал. При

попытке арестовать тебя ты исчез.
Виглан помолчал, устало потирая рукой лоб.
- Я был твоим другом. Том. Именно меня ты первым повстречал в нашем секторе. Сколько кувшинов флокаса мы с тобой осушили! Я устроил тебе путешествия с лекциями по всем трем секторам... И в благодарность за все ты меня ограбил! - Лицо его стало жестким. - Возьмите его, господа.
Пока Виглан произносил обвинительную речь, Элдридж успел разглядеть, что было написано на крышках приборов. Отштампованная надпись гласила: "Хронокат Элдриджа, собственность полиции департамента Искилл".
- У вас имеется ордер на арест? - спросил один из полицейских у Виглана.
Виглан порылся в карманах.
- Кажется, не захватил с собой. Но вам же известно, что он вор!
- Это все знают, - ответил полицейский. - Однако по закону мы не имеем права без ордера производить аресты в доконтактном секторе.
- Тогда подождите меня, - сказал Виглан. - Я сейчас.
Он внимательно посмотрел на свои наручные часы, пробормотал что-то о получасовом промежутке, нажал кнопку и... исчез.
Полицейские уселись на тахту и стали разглядывать репродукции на стенах.
Элдридж лихорадочно пытался найти какой-то выход. Не мог он поверить во всю эту чепуху. Но как заставить их выслушать себя?
- Ты только подумай: такая знаменитость и вдруг - мошенник! - сказал один из полицейских.
- Да все эти гении ненормальные, - философски заметил другой. - Помнишь танцора - как откалывал штугги! - а девчонку убил! Он-то уж точно был гением, даже в газетах писали.
Первый полицейский закурил сигару и бросил спичку на старенький красный коврик.
Ладно, решил Элдридж, видно, все так и было, против фактов не попрешь. Тем более что у него самого закрадывались подозрения насчет собственной гениальности.
Так что же все-таки произошло?
В 1962 году он изобретет машину времени.
Вполне логично и вероятно для гения.
И совершит путешествие по трем секторам Цивилизованного времени.
Естественно, коль скоро имеешь машину времени, почему ею не воспользоваться и не исследовать все три сектора, может быть, даже и Нецивилизованное время.
А затем вдруг станет... вором!
Ну нет! Уж это, простите, никак не согласуется с его принципами.
Элдридж был крайне щепетильным молодым человеком; самое мелкое жульничество казалось ему унизительным. Даже в бытность студентом он никогда не пользовался шпаргалками, а уж налоги выплачивал все до последнего цента.
Более того, Элдридж никогда не отличался склонностью к приобретению вещей. Его заветной мечтой было устроиться в уютном городке, жить в окружении книг, наслаждаться музыкой, солнцем, иметь добрых соседей и любить милую женщину.
И вот его обвиняют в воровстве. Предположим, он виноват, но какие мотивы могли побудить его к подобным действиям?

Что с ним стряслось в будущем?

- Ты собираешься на слет винтеров? - спросил один полицейский другого.

- Пожалуй.

До него, Элдриджа, им и дела нет. По приказу Виглана наденут на него наручники и потащат в Первый сектор будущего, где бросят в тюрьму.

И это за преступление, которое он еще должен совершить.

Тут Элдридж и принял решение.

- Мне плохо, - сказал он и стал медленно валиться со стула. - Смотри в оба - у него может быть оружие! - закричал один из полицейских.

Они бросились к нему, оставив на тахте хронокаты. Элдридж метнулся к тахте с другой стороны стола и схватил ближайшую машинку. Он успел сообразить, что Первый сектор - неподходящее для него место, и нажал вторую кнопку слева. И тут же погрузился во тьму.

Открыв глаза, Элдридж обнаружил, что стоит по щиколотку в луже посреди какого-то поля, футах в двадцати от дороги. Воздух был теплым и на редкость влажным.

Он выбрался на дорогу. По обе стороны террасами поднимались зеленые рисовые поля. Рис? В штате Нью-Йорк? Элдридж припомнил разговоры о намечавшихся климатических изменениях. Очевидно, предсказатели были не так далеки от истины, когда сулили резкое потепление. Будущее вроде бы подтверждало их теории.

С Элдриджа градом катил пот. Земля была влажной, как после недавнего дождя, а небо - ярко-синим и безоблачным.

Но где же фермеры? Взглянув на солнце, которое стояло прямо над головой, он понял, что сейчас время сиесты. Впереди на расстоянии полумили виднелось селение. Элдридж соскреб грязь с ботинок и двинулся в сторону строений.

Однако что он будет делать, добравшись туда? Как узнать, что с ним приключилось в Первом секторе? Не может же он спросить у первого же встречного: "Простите сэр, я из 1954 года, вы не слышали, что тогда происходило?.."

Следует все хорошенько обдумать. Самое время изучить и хронокат. Тем более что он сам должен изобрести его... Нет, уже изобрел... не мешает разобраться хотя бы в том, как он работает.

На панели имелись кнопки первых трех секторов Цивилизованного времени. Была и специальная шкала для путешествий за пределы Третьего сектора, в Нецивилизованное время. На металлической пластинке, прикрепленной в уголке, выгравировано: "Внимание! Во избежание самоуничтожения между прыжками во времени соблюдайте паузу не менее получаса!"

Осмотр аппарата много не дал. Если верить Виглану, на изобретение хроноката у него ушло восемь лет - с 1954 по 1962 год. За несколько минут в устройстве такой штуки не разберешься.

Добравшись до первых домов, Элдридж понял, что перед ним небольшой городок. Улицы словно вымерли. Лишь изредка встречались одинокие фигуры в белом, не спеша двигавшиеся под палящими лучами. Элдриджа порадовал консерватизм в их одежде: в своем костюме он вполне мог сойти за сельского жителя.

Внимание Элдриджа привлекла вывеска "Городская читальня".

Библиотека. Вот где он может познакомиться с историей последних столетий. А может, обнаружатся и какие-то материалы о его преступлении?

Но не поступило ли сюда предписание о его аресте? Нет ли между Первым и Вторым секторами соглашения о выдаче преступников?

Придется рискнуть.

Элдридж постарался поскорее прошмыгнуть мимо тощенькой серолицей библиотекарши прямо к стеллажам.

Вскоре он нашел обширный раздел, посвященный проблемам времени, и очень обрадовался, обнаружив книгу Рикардо Альфредекса "С чего начинались путешествия во времени". На первых же страницах говорилось о том, как в один из дней 1954 года в голове молодого гения Томаса Элдриджа из противоречивых уравнений Голштеда родилась идея. Формула была до смешного проста - Альфредекс приводил несколько основных уравнений. До Элдриджа никто до этого не додумался. Таким образом, Элдридж по существу открыл очевидное.

Элдридж нахмурился - недооценили. Хм, "очевидное"! Но так ли уж это очевидно, если даже он, автор, все еще не может понять существа открытия!

К 1962 году хронокат был изобретен. Первое же испытание прошло успешно: молодого изобретателя забросило в то время, которое впоследствии стало известно как Первый сектор.

Элдридж поднял голову, почувствовав устремленный на него взгляд. Возле стеллажа стояла девочка лет девяти, в очечках, и не спускала с него глаз. Он продолжал чтение.

Следующая глава называлась "Никакого парадокса". Элдридж наскоро полистал ее. Автор начал с хрестоматийного парадокса об Ахилле и черепахе и расправился с ним с помощью интегрального исчисления. Затем он логически подобрался к так называемым парадоксам времени, с помощью которых путешественники во времени убивают своих пра-нра-прадедов, встречаются сами с собой и тому подобное. Словом, на уровне древних парадоксов Зенона. Дальше Альфредекс доказывал, что все парадоксы времени изобретены талантливыми путаниками.

Элдридж не мог разобраться в сложных логических построениях этой главы, что его особенно поразило, так как именно на него без конца ссылался автор.

В следующей главе, носившей название "Авторитет погиб", рассказывалось о встрече Элдриджа с Вигланом, владельцем крупного спортивного магазина в Первом секторе. Они стали большими друзьями. Бизнесмен взял под свое крыло застенчивого молодого гения, способствовал его поездкам с лекциями по другим секторам времени. Потом...

- Прошу прощения, сэр, - обратился к нему кто-то.

Элдридж поднял голову. Перед ним стояла серолицая библиотекарша. Из-за ее спины выглядывала девочка-очкарик, которая не скрывала довольной улыбки.

- В чем дело? - спросил Элдридж.

- Хронотуристам вход в читальню запрещен, - строго заявила библиотекарша.

"Понятно, - подумал Элдридж. - Ведь хронотурист может запросто прихватить охапку ценных книг и исчезнуть вместе с ней. И в банки хронотуристов, скорее всего, тоже не пускают".

Но вот беда - расстаться с книгой для него было смерти подобно.

Элдридж улыбнулся и продолжал глотать строчку за строчкой, будто не слышал.

Выходило, что молодой Элдридж доверил Виглану все свои договорные дела, а также все права на хронокат, получив в

виде компенсации весьма незначительную сумму.

Ученый подал на Виглана в суд, но дело проиграл. Он подал на апелляцию - безрезультатно. Оставшись без гроша в кармане, злой до чертиков, Элдридж встал на преступный путь, похитив у Виглана...

- Сэр, - настаивала библиотекарша, - если вы даже и глухи, вы все равно сейчас же должны покинуть читальню. Иначе я позову сторожа.

Элдридж с сожалением отложил книгу и поспешил на улицу, шепнув по пути девчонке: "Ябеда несчастная".

Теперь-то он понимал, почему Виглан рвался арестовать его: важно было подержать Элдриджа за решеткой, пока идет следствие.

Однако, что могло толкнуть его на кражу?

Сам факт присвоения Вигланом прав на изобретение можно рассматривать как достаточно убедительный мотив, но Элдридж чувствовал, что это не главное. Ограбление Виглана не сделало бы его счастливее и не поправило бы дел. В такой ситуации он, Элдридж, мог и кинуться в бой, и отступиться, не желая лезть во все дрязги. Но красть - нет уж, увольте.

Ладно, он успеет разобраться. Скроется во Втором секторе и постарается найти работу. Мало-помалу...

Двое сзади схватили его за руки, третий отнял хронокат. Все было проделано так быстро и ловко, что Элдридж не успел и рта раскрыть.

- Полиция. - Один из мужчин показал ему значок. - Вам придется пройти с нами, мистер Элдридж.

- Но за что?! - возмутился арестованный.

- За кражи в Первом и Втором секторах.

Значит, и здесь, во Втором, он успел отличиться. В полицейском отделении его провели в маленький захламленный кабинет. Капитан полиции, стройный лысеющий веселый человек, выпроводил из кабинета подчиненных и предложил Элдриджу стул и сигарету.

- Итак, вы Элдридж, - произнес он.

Элдридж холодно кивнул.

- Еще мальчишкой много читал о вас, - сказал с грустью по старым добрым временам капитан. - Вы мне представлялись героем.

Элдридж подумал, что капитан, пожалуй, лет на пятнадцать старше его, но не стал заострять на этом внимания. В конце концов ведь именно его, Элдриджа, считают специалистом по парадоксам времени.

- Всегда полагал, что на вас повесили дохлую кошку, - продолжал капитан, вертя в руках тяжелое бронзовое пресс-папье. - Да никогда я не поверю, чтобы такой человек, как вы, - и вдруг вор. Тут склонны были считать, что это темпоральное помешательство...

- И что же? - с надеждой спросил Элдридж.

- Ничего похожего. Смотрели ваши характеристики - никаких признаков. Странно, очень странно. Ну, к примеру, почему вы украли именно эти предметы?

- Какие?

- Вы что, не помните?

- Совершенно, - сказал Элдридж. - Темпоральная амнезия.

- Понятно, понятно, - сочувственно заметил капитан и протянул Элдриджу лист бумаги. - Вот, поглядите.

Предметы, похищенные Томасом Монро Элдриджем.	Количество	Стоимость

Из спортивного магазина
Виглана, Секпюр!

Многозарядные пистолеты	4 штуки	10000
Спасательные надувные пояса	3 штуки	100
Репеллент против акул	5 банок	400

Из специализированного магазина
Альфгана, Сектор I

Микрофильмы Всемирной литературы	2 комплекта	1 000
Записи симфонической музыки	5 бобин	2 650

С продовольственного склада
Лури, Сектор!

Картофель сорта "белая черепаха"	50 штук	5
Семена моркови "фэнси"	9 пакетов	6

Из галантерейной лавки
Мэнори, Сектор II

Дамские зеркальца	60 штук	95

Общая стоимость похищенного.		14256

- Что все это значит? - недоумевал капитан. - Укради вы миллион - это было бы понятно, но вся эта ерунда!

Элдридж покачал головой. Ознакомление со списком не внесло никакой ясности. Ну, многозарядные ручные пистолеты - это куда ни шло! Но зеркальца, спасательные пояса, картофель и вся прочая, как справедливо окрестил ее капитан, ерунда?

Все это никак не вязалось с натурой самого Элдриджа. Он обнаружил в себе как бы две персоны: Элдриджа I - изобретателя хроноката, жертву обмана, клептомана, совершившего необъяснимые кражи, и Элдриджа II - молодого ученого, настигнутого Вигланом. Об Элдридже I он ничего не помнит. Но ему необходимо узнать мотивы своих поступков, чтобы понять, за что он должен понести наказание.

- Что произошло после моих краж? - спросил Элдридж.

- Этого мы пока не знаем, - сказал капитан. - Известно только, что, прихватив награбленное, вы скрылись в Третьем секторе. Когда мы обратились туда с просьбой о вашей выдаче, они ответили, что вас у них нет. Тоже - своя независимость... В общем, вы исчезли.

- Исчез? Куда?

- Не знаю. Могли отправиться в Нецивилизованное время, что за Третьим сектором.

- А что такое "Нецивилизованное время"? - спросил Элдридж.

- Мы надеялись, что вы-то о нем нам и расскажете, - улыбнулся капитан. - Вы единственный, кто исследовал Нецивилизованные секторы.

Черт возьми, его считают специалистом во всем том, о чем он сам не имеет ни малейшего понятия.

- В результате я оказался теперь в затруднительном положении, - сказал капитан, искоса поглядывая на пресс-папье.

- Почему же?

- Ну, вы же вор. Согласно закону, я должен вас арестовать. А с другой стороны, я знаю, какой хлам вы, так сказать, заимствовали. И еще мне известно, что крали-то вы у Виглана и его дружков. И наверное, это справедливо... Но, увы, закон с этим не считается.

Элдридж с грустью кивнул.

- Мой долг - арестовать вас, - с глубоким вздохом сказал капитан. - Тут уж ничего не поделаешь. Как бы мне ни хотелось этого избежать, вы должны предстать перед судом и отбыть положенный тюремный срок - лет двадцать, думаю.

- Что?! За кражу репеллента и морковных семян?

- Увы, по отношению к хронотуристам закон очень строг.

- Понятно, - выдавил Элдридж.

- Но, конечно, если... - в задумчивости произнес капитан, - если вы вдруг сейчас придете в ярость, стукнете меня по голове вот этим пресс-папье, схватите мой личный хронокат - он, кстати, в шкафу на второй полке слева - и таким образом вернетесь к своим друзьям в Третий сектор, тут уж я ничего поделать не смогу.

- А?

Капитан отвернулся к окну. Элдриджу ничего не стоило дотянуться до пресс-папье.

- Это, конечно, ужасно, - продолжал капитан. - Подумать только, на что способен человек ради любимого героя своего детства. Но вы-то, сэр, безусловно, послушны закону даже в мелочах, это я точно знаю из ваших психологических характеристик.

- Спасибо, - сказал Элдридж.

Он взял пресс-папье и легонько стукнул им капитана по голове. Блаженно улыбаясь, капитан рухнул под стол. Элдридж нашел хронокат в указанном месте и настроил его на Третий сектор.

Нажатие кнопки - и он снова окунулся во тьму.

Когда Элдридж открыл глаза, вокруг была выжженная бурая равнина. Ни единого деревца, порывы ветра швыряли в лицо пыль и песок. Вдали виднелись какие-то кирпичные здания, вдоль сухого оврага протянулась дюжина лачуг. Он направился к ним.

"Видно, снова произошли климатические изменения", - подумал Элдридж. Неистовое солнце так иссушило землю, что даже реки высохли. Если так пойдет и дальше, понятно, почему следующие секторы называют Нецивилизованными. Возможно, там и людей-то нет.

Он очень устал. Весь день, а то и пару тысячелетий - смотря откуда вести отсчет - во рту не держал и маковой росинки. Впрочем, спохватился Элдридж, это не более чем ловкий парадокс; Альфредекс с его логикой от него не оставил бы камня на камне.

К черту логику. К черту науку, парадоксы и все с ними связанное. Дальше бежать некуда. Может, найдется для него место на этой пыльной земле. Народ здесь, должно быть, гордый, независимый; его не выдадут. Живут они по справедливости, а не по законам. Он останется тут, будет трудиться, состарится и забудет Элдриджа I со всеми его безумными планами.

Подойдя к селению, Элдридж с удивлением заметил, что народ собрался, похоже, приветствовать его. Люди были одеты в свободные длинные одежды, подобные арабским бурнусам - от этого палящего солнца в другой одежде не спасешься.

Бородатый старейшина выступил вперед и мрачно склонил голову.

- Правильно гласит старая пословица: сколько веревочка ни вейся, конец будет.

Элдридж вежливо согласился.

- Нельзя ли получить глоток воды? - спросил он.

- Верно говорят, - продолжал старейшина, - преступник, даже если перед ним вся Вселенная, обязательно вернется на место преступления.

- Преступления? - не удержался Элдридж, ощутив неприятную дрожь в коленях.

- Преступления, - подтвердил старейшина.

- Поганая птица в собственном гнезде гадит! - крикнул кто-то из толпы.

Люди засмеялись, но Элдриджа этот смех не порадовал.

- Неблагодарность ведет к предательству, - продолжал старейшина. - Зло вездесуще. Мы полюбили тебя, Томас Элдридж. Ты явился к нам со своей машинкой, с награбленным добром в руках, и мы приняли тебя и твою грешную душу. Ты стал одним из нас. Мы защищали тебя от твоих врагов из Мокрых Миров. Какое нам было дело, что ты напакостил им? Разве они не напакостили тебе? Око за око!

Толпа одобрительно зашумела.

- Но что я сделал? - спросил Элдридж.

Толпа надвинулась на него, он заметил в руках дубинки. Но мужчины в синих балахонах сдерживали толпу, видно, без полиции не обходилось и здесь.

- Скажите мне, что же все-таки я вам сделал? - настаивал Элдридж, отдавая по требованию полицейских хронокат.

- Ты обвиняешься в диверсии и убийстве, - ответил старейшина.

Элдридж в ужасе поглядел вокруг. Он убежал от обвинения в мелком воровстве из Первого сектора во Второй, где его моментально схватили за то же самое. Надеясь спастись, он перебрался в Третий сектор, но и там его разыскивали, однако уже как убийцу и диверсанта.

- Все, о чем я когда-либо мечтал, - начал он с жалкой улыбкой, - это о жизни в уютном городке, со своими книгами, в кругу добрых соседей...

Он пришел в себя на земляном полу маленькой кирпичной тюрьмы. Сквозь крошечное оконце виднелась тонкая полоска заката. За дверью слышалось странное завывание, не иначе там пели песни.

Возле себя Элдридж обнаружил миску с едой и жадно набросился на неизвестную пищу. Напившись воды, которая оказалась во второй посудине, он, опершись спиной о стену, с тоской наблюдал, как угасает закат.

Во дворе возводили виселицу.

- Тюремщик! - позвал Элдридж.

Послышались шаги.

- Мне нужен адвокат.

- У нас нет адвокатов, - с гордостью возразили снаружи. - У нас есть справедливость. - И шаги удалились.

Элдриджу пришлось пересмотреть свой взгляд на справедливость без закона. Звучало это неплохо, но на практике...

Он лежал на полу, прислушиваясь к тому, как смеются и шутят те, кто сколачивал виселицу, - сумерки не прекратили их работу.

Видно, он задремал. Разбудил его щелчок ключа в замочной скважине. Вошли двое. Один - немолодой мужчина с аккуратно подстриженной бородой; второй - широкоплечий загорелый человек одного возраста с Элдриджем.

- Вы узнаете меня? - спросил старший.
Элдридж с удивлением рассматривал незнакомца.
- Я ее отец.
- А я жених, - вставил молодой человек, угрожающе надвигаясь на Элдриджа.
Бородатый удержал его.
- Я понимаю твой гнев, Моргел, но за свои преступления он ответит на виселице!
- На виселице? Не слишком ли это мало для него, мистер Беккер? Его бы четвертовать, сжечь и пепел развеять по ветру!
- Да, Конечно, но мы люди справедливые и милосердные, - с достоинством ответил мистер Беккер.
- Да чей вы отец?! - не выдержал Элдридж. - Чей жених?
Мужчины переглянулись.
- Что я такого сделал?! - не успокаивался Элдридж.
И Беккер рассказал.
Оказалось, Элдридж прибыл к ним из Второго сектора со всем своим награбленным барахлом. Здесь его приняли как равного. Это были прямые и бесхитростные люди, унаследовавшие опустошенную и иссушенную землю. Солнце продолжало палить нещадно, ледники таяли, и уровень воды в океанах все поднимался.
Народ Третьего сектора делал все, чтобы поддерживать работу нескольких заводиков и электростанций. Элдридж помог увеличить их производительность. Предложил новые простые и недорогие способы консервации продуктов. Вел он изыскания и в Нецивилизованных секторах. Словом, стал всенародным героем, и жители Третьего сектора любили и защищали его.
И за все добро Элдридж отплатил им черной неблагодарностью. Он похитил прелестную дочь Беккера. Эта юная дева была обручена с Моргелом. Все было готово к свадьбе. Вот тут-то Элдридж и обнаружил свое истинное лицо: темной ночью он засунул девушку в адскую машину собственного изобретения, девушка пропала, а от перегрузки вышли из строя все электростанции.
Убийство и умышленное нанесение ущерба.
Разгневанная толпа не успела схватить Элдриджа: он сунул кое-что из своего барахла в мешок, схватил аппарат и исчез.
- И все это сделал именно я? - задохнулся Элдридж.
- При свидетелях, - подтвердил Беккер. - Что-то из твоих вещей еще осталось у нас в сарае.
Элдридж опустил глаза.
Теперь он знал о своих преступлениях и в Третьем секторе.
Однако обвинение в убийстве не соответствовало действительности. Очевидно, он создал настоящий хроноход-тяжеловес и куда-то отправил девушку без промежуточных остановок, как того требовало пользование портативным аппаратом. Но ведь здесь никто этому не поверит. Эти люди понятия не имеют о habeas corpus (2).
- Зачем ты это сделал? - спросил Беккер.
Элдридж пожал плечами и безнадежно покачал головой.
- Разве я не принял тебя как сына? Не спас тебя от полиции Второго сектора? Не накормил, не одел? Да ладно, - вздохнул Беккер. - Свою тайну ты откроешь утром палачу.
С этими словами он подтолкнул Моргела к двери, и они вышли.
Имей Элдридж при себе оружие, он бы застрелился. Все говорило о том, что в нем гнездятся самые дурные наклонности, о которых он и не подозревал. Теперь его повесят.

И все-таки это несправедливо. Он был лишь невинным свидетелем, всякий раз нарывающимся на последствия своих прошлых - или будущих - поступков. Но об истинных мотивах этих поступков знал только Элдридж I, и ответ держать мог только он.

Будь он вором на самом деле, какой смысл красть картошку, спасательные пояса, зеркальца или что-то подобное?

Что он сделал с девушкой?

Какие цели преследовал?

Элдридж устало прикрыл глаза, и его сморил тревожный сон.

Проснулся он от ощущения, что кто-то находится рядом, и увидел перед собой Виглана с хронокатом в руках.

У Элдриджа не было сил даже удивляться. С минуту он смотрел на своего врага, потом произнес:

- Пришел поглазеть на мой конец?

- Я не думал, что так получится, - возразил Виглан, вытирая пот со лба. - Поверь мне, Томас, я не хотел никакой казни.

Элдридж сел и в упор посмотрел на Виглана.

- Ведь ты украл мое изобретение?

- Да, - признался Виглан. - Но я сделал это ради тебя. Доходами я бы поделился.

- Зачем ты его украл?

Виглан был явно смущен.

- Тебя нисколько не интересовали деньги.

- И ты обманом заставил меня передать права на изобретение?

- Не сделай этого я, то же самое непременно сделал бы кто-то другой. Я только помогал тебе - ведь ты же человек не от мира сего. Клянусь! Я собирался сделать тебя своим компаньоном. - Он снова вытер пот со лба. - Но я понятия не имел, что все может обернуться таким образом!

- Ты ложно обвинил меня во всех этих кражах, - сказал Элдридж.

- Что? - Казалось, Виглан искренне возмущен. - Нет, Том. Ты в самом деле совершил эти кражи. И вплоть до сегодняшнего дня это было просто мне на руку.

- Лжешь!

- Не за этим я сюда пришел! Я же сознался, что украл твое изобретение.

- Тогда почему я крал?

- Мне кажется, это связано с какими-то твоими дурацкими планами относительно Нецивилизованных секторов. Однако дело не в этом. Слушай, не в моих силах избавить тебя от обвинений, но я могу забрать тебя отсюда.

- Куда? - безнадежно спросил Элдридж. - Меня ищут по всем секторам.

- Я спрячу тебя. Вот увидишь... Отсидишься у меня, пока за давностью дело не прекратится. Никому не придет в голову искать тебя в моем доме.

- А права на изобретение?

- Я их оставлю при себе, - тон Виглана стал вкрадчиво-доверительным. - Если я их верну, меня обвинят в темпоральном преступлении. Но я поделюсь с тобой. Тебе просто необходим компаньон.

- Ладно, пойдем-ка отсюда, - предложил Элдридж.

Виглан прихватил с собой набор отмычек, с которыми управлялся подозрительно ловко. Через несколько минут они вышли из тюрьмы и скрылись в темноте.

- Этот хронокат слабоват для двоих, - прошептал Виглан. - Как бы прихватить твой?

- Он, наверное, в сарае, - отозвался Элдридж.

Сарай не охранялся, и Виглан быстро справился с замком. Внутри они нашли хронокат Элдриджа II и странное, нелепое имущество Элдриджа I.

Ну, двинулись, - сказал Виглан.

Элдридж покачал головой.

- Что еще? - с досадой спросил Виглан. - Слушай, Том, я понимаю, что не могу рассчитывать на твое доверие. Но, истинный крест, я предоставлю тебе убежище. Я не вру.

- Да я верю тебе. Но все равно не хочу возвращаться.

- Что же ты собираешься делать?

Элдридж и сам раздумывал над этим. Он мог либо вернуться с Вигланом, либо продолжать свое путешествие в одиночестве. Другого выбора не было. И все же, правильно это или нет, но он останется верен себе и узнает, что натворил там, в своем будущем.

- Я отправлюсь в Нецивилизованные секторы, - решил Элдридж.

- Не делай этого! - испугался Виглан. - Ты можешь кончить полным самоуничтожением.

Элдридж уложил картофель и пакетики с семенами. Потом сунул в рюкзак микрофильмы, банки с репеллентом и зеркальца, а сверху пристроил многозарядные пистолеты.

- Ты хоть представляешь, на что тебе весь этот хлам?

- Ни в малейшей мере, - ответил Элдридж, застегивая карман рубашки, куда положил пленки с записями симфонической музыки. - Но ведь для чего-то все это было нужно...

Виглан тяжело вздохнул.

- Не забудь выдерживать тридцатиминутную паузу между хронотурами, иначе будешь уничтожен. У тебя есть часы?

- Нет. Они остались в кабинете.

- Возьми эти. Противоударные, для спортсменов. - Виглан надел Элдриджу часы. - Ну, желаю удачи, Том. От всего сердца!

- Спасибо.

Элдридж перевел рычажок на самый дальний из возможных хронотуров в будущее, усмехнулся и нажал кнопку.

Как всегда, на какое-то мгновение наступила темнота, и тут же сковал испуг - он ощутил, что находится в воде.

Рюкзак мешал выплыть на поверхность. Но вот голова оказалась над водой. Он стал озираться в поисках земли.

Земли не было. Только волны, убегающие вдаль к горизонту.

Элдридж ухитрился достать из рюкзака спасательные пояса и надуть их. Теперь он мог подумать о том, что стряслось со штатом Нью-Йорк.

Чем дальше в будущее забирался Элдридж, тем жарче становился климат. За неисчислимые тысячелетия льды, по-видимому, растаяли, и большая часть суши оказалась под водой.

Значит, не зря он взял с собой спасательные пояса. Теперь он твердо верил в благополучный исход своего путешествия. Надо только полчаса продержаться на плаву.

Но тут он заметил, как в воде промелькнула длинная черная тень. За ней другая, третья.

Акулы!

Элдридж в панике стал рыться в рюкзаке. Наконец, он открыл банку с репеллентом и бросил ее в воду. Оранжевое облако расплылось в темно-синей воде.

Через пять минут он бросил вторую банку, потом третью. Через шесть минут после пятой банки Элдридж нажал нужную

кнопку и тут же погрузился в ставшую уже знакомой тьму.
   На этот раз он оказался по колено в трясине. Стояла удушающая жара, и туча огромных комаров звенела над головой. С трудом выбравшись на земную твердь, он устроился под хилым деревцем, чтобы переждать свои тридцать минут. В этом будущем океан, как видно, отступил, и землю захватили первобытные джунгли. Есть ли тут люди?
   Но вдруг Элдридж похолодел. На него двигалось громадное чудовище, похожее на первобытного динозавра. "Не бойся, - старался успокоить себя Элдридж, - ведь динозавры были травоядными". Однако чудище, обнажив два ряда превосходных зубов, приближалось к Элдриджу с довольно решительным видом. Тут мог спасти только многозарядный пистолет. И Элдридж выстрелил.
   Динозавр исчез в клубах дыма. Лишь запах озона убеждал, что это не сон. Элдридж с почтением взглянул на оружие. Теперь он понял, почему у него такая цена.
   Через полчаса, истратив на собратьев динозавра все заряды во всех четырех пистолетах Элдридж снова нажал на кнопку хроноката.
   Теперь он стоял на поросшем травой холме. Неподалеку шумел сосновый бор.
   При мысли, что, может быть это и есть долгожданная цель его путешествия, у Элдриджа быстрее забилось сердце.
   Из леса показался приземистый мужчина в меховой юбке. В руке он угрожающе сжимал неоструганную палицу. Следом за ним вышло еще человек двадцать таких же низкорослых коренастых мужчин. Они шли прямо на Элдриджа.
   - Привет ребята, - миролюбиво обратился он к ним. Вождь ответил что-то на своем гортанном наречии и жестом предложил приблизиться.
   - Я принес вас благословенные плоды, - поспешил сообщить Элдридж и вытащил из рюкзака пакетики с семенами моркови.
   Но семена не произвели никакого впечатления ни на вождя, ни на его людей. Им не нужен был ни рюкзак, ни разряженные пистолеты. Не нужен им был и картофель. Они уже угрожающе почти сомкнули круг, а Элдридж все никак не мог сообразить, чего они хотят.
   Оставалось протянуть еще две минуты до очередного хронотура, и, резко повернувшись, он кинулся бежать.
   Дикари тут же устремились за ним. Элдридж мчался, петляя среди деревьев, словно гончая. Несколько дубинок просвистели над его головой.
   Еще минута!
   Он споткнулся о корень, упал, пополз, снова вскочил на ноги. Дикари настигали.
   Десять секунд. Пять. Пора! Он коснулся кнопки, но пришедшийся по голове удар свалил его наземь.
   Когда он открыл глаза, то увидел, что чья-то дубинка оставила от хроноката кучу обломков.
   Проклинающего все на свете Элдриджа втащили в пещеру. Два дикаря остались охранять вход.
   Снаружи несколько мужчин собирали хворост. Взад-вперед носились женщины и дети. Судя по всеобщему оживлению, готовился праздник,
   Элдридж понял, что главным блюдом на этом празднестве будет он сам.
   Элдридж пополз в глубь пещеры, надеясь обнаружить другой выход, однако пещера заканчивалась отвесной стеной. Ощупывая пол, он наткнулся на странный предмет.
   Ботинок!

Он приблизился с ботинком к свету. Коричневый кожаный полуботинок был точь-в- точь таким же, как и на нем. Действительно, ботинок пришелся ему по ноге. Явно это был след его первого путешествия.

Но почему он оставил здесь ботинок?

Внутри что-то мешало. Элдридж снял ботинок и в носке обнаружил скомканную бумагу. Он расправил ее. Записка была написана его почерком:

Довольно глупо, но как-то надо обратиться к самому себе. Дорогой Элдридж? Ладно, пусть будет так.

Так вот, дорогой Элдридж, ты попал в дурацкую историю. Тем не менее не тревожься. Ты выберешься из нее. Я оставляю хронокат, чтобы ты переправился туда, где тебе надлежит быть.

Я же сам включу хронокат до того, как истечет получасовая пауза. Это первое уничтожение, которое мне предстоит испытать на себе. Полагаю, все обойдется, потому что парадоксов времени не существует.

Я нажимаю кнопку.

Значит, хронокат где-то здесь!

Он еще раз обшарил всю пещеру, но ничего, кроме чьих-то костей, не обнаружил.

Наступило утро. У пещеры собралась вся деревня. Глиняные сосуды переходили из рук в руки. Мужская часть населения явно повеселела.

Элдриджа подвели к глубокой нише в скале. Внутри нее было что-то вроде жертвенного алтаря, украшенного цветами. Пол устилал собранный накануне хворост.

Элдриджу жестами приказали войти в нишу.

Начались ритуальные танцы. Они длились несколько часов. Наконец последний танцор свалился в изнеможении. Тогда к нише приблизился старец с факелом в руке. Размахнувшись, он бросил пылающий факел внутрь. Элдриджу удалось его поймать. Но другие горящие головни посыпались следом. Вспыхнули крайние ветви, и Элдриджу пришлось отступить внутрь, к алтарю.

Огонь загонял его все глубже. В конце концов, задыхаясь и исходя слезами, Элдридж рухнул на алтарь. И тут рука его нашарила какой-то предмет.

Кнопки?

Пламя позволило рассмотреть. Это был хронокат, тот самый хронокат, который оставил Элдридж I. Не иначе, ему здесь поклонялись.

Мгновение Элдридж колебался: что на этот раз уготовано ему в будущем? И все же он зашел достаточно далеко, чтобы не узнать конец.

Элдридж нажал кнопку.

... И оказался на пляже. У ног плескалась вода, а вдаль уходил бесконечно голубой океан. Берег покрывала тропическая растительность.

Услышав крики, Элдридж отчаянно заметался. К нему бежали несколько человек.

- Приветствуем тебя! С возвращением!

Огромный загорелый человек заключил Элдриджа в свои объятия.

- Наконец-то ты вернулся! - приговаривал он.

- Да, да... - бормотал Элдридж.

К берегу спешили все новые и новые люди. Мужчины были высокими, бронзовокожими, а женщины на редкость стройными.

- Ты принес? Ты принс? - едва переводя дыхание, спрашивал худой старик.

- Что именно?
- Семена и клубни. Ты обещал их принести.
- Вот, - Элдридж вытащил свои сокровища.
- Спасибо тебе, как ты думаешь...
- Ты же, наверное, устал? - пытался отгородить его от наседавших людей гигант.
Элдридж мысленно пробежал последние день или два своей жизни, которые вместили тысячелетия.
- Устал, - признался он. - Очень.
- Тогда иди домой.
- Домой?
- Ну да, в дом, который ты построил возле лагуны. Разве не помнишь?
Элдридж улыбнулся и покачал головой.
- Он не помнит! - закричал гигант.
- А ты помнишь, как мы сражались в шахматы? - спросил другой мужчина.
- А наши рыбалки?
- А наши пикники, праздники?
- А танцы?
- А яхты?
Элдридж продолжал отрицательно качать головой.
- Это было, пока ты не отправился назад, в свое собственное время, - объяснил гигант.
- Отправился назад? - переспросил Элдридж.
Тут было все, о чем он мечтал. Мир, согласие, мягкий климат, добрые соседи. А теперь и книги, и музыка. Так почему же он оставил этот мир?
- А меня-то ты помнишь? - выступила вперед тоненькая светловолосая девушка.
- Ты, наверное, дочь Беккера и помолвлена с Моргелом. Я тебя похитил.
- Это Моргел считал, будто я его невеста, - возмутилась она. - И ты меня не похищал. Я сама ушла, по собственной воле.
- А, да-да, - сказал Элдридж, чувствуя себя круглым дураком. - Ну конечно же... Как же - очень рад встрече с вами... - совсем уж глупо закончил он.
- Почему так официально? - удивилась девушка; - Мы ведь в конце концов муж и жена. Надеюсь, ты привез мне зеркальце? Вот тут Элдридж расхохотался и протянул девушке рюкзак.
- Пойдем домой, дорогой, - сказала она.
Он не знал имени девушки, но она ему очень нравилась.
- Боюсь, что не сейчас, - проговорил Элдридж, посмотрев на часы. Прошло почти тридцать минут. - Мне еще кое-что нужно сделать. Но я скоро вернусь.
Лицо девушки осветила улыбка.
- Если ты говоришь, что вернешься, то я знаю, так оно и будет, - и она поцеловала его.
Привычная темнота вновь окутала Элдриджа, когда он нажал на кнопку хроноката.
Так было покончено с Элдриджем II.
Отныне он становился Элдриджем I и твердо знал, куда направляется и что будет делать.
Он вернется сюда в свое время и остаток жизни проведет в мире и согласии с этой девушкой в кругу добрых соседей, среди своих книг и музыки.
Даже к Виглану и Альфредексу он не испытывал теперь неприязни.

----

1) - С отличием (лат.).
2) - Начальные слова закона о неприкосновенности личности, принятого английским парламентом в 1679 г. (лат.).

Роберт Шекли

Где не ступала нога человека

Перевод Н. Евдокимовой

Ловко действуя циркулем, Хеллмэн выудил из банки последнюю редиску. Он подержал ее перед глазами Каскера, чтобы тот полюбовался, и бережно положил на рабочий столик рядом с бритвой.

- Черт знает что за еда для двух взрослых мужчин, - сказал Каскер, поглубже забираясь в амортизирующее кресло.

- Если ты отказываешься от своей доли... - начал было Хеллмэн.

Каскер поспешно покачал головой. Хеллмэн улыбнулся, взял в руки бритву и критически осмотрел лезвие.

- Не устраивай спектакля, - посоветовал Каскер, бросив беглый взгляд на приборы. - С ужином надо кончить, пока мы не подошли слишком близко.

Хеллмэн сделал на редиске надрез-отметину. Каскер придвинулся поближе, приоткрыл рот. Хеллмэн осторожно нацелился бритвой и разрезал редиску ровно пополам.

- Разве ты не прочтешь застольной молитвы? - съехидничал он.

Каскер прорычал что-то невнятное и проглотил свою долю целиком. Хеллмэн жевал медленно. Казалось, горьковатая мякоть огнем обжигает атрофированные вкусовые окончания.

- Не очень-то питательно, - заметил Хеллмэн.

Каскер ничего не ответил. Он деловито изучал красное светило-карлик.

Хеллмэн проглотил свою порцию и подавил зевок. Последний раз они ели позавчера, если две галеты и чашку воды можно назвать едой. После этого единственным съедобным предметом в звездолете оставалась только редиска, ныне покоящаяся в необъятной пустоте желудков Хеллмэна и Каскера.

- Две планеты, - сказал Каскер. - Одна сгорела дотла.

- Что ж, приземлимся на другой.

Кивнув, Каскер нанес на перфоленту траекторию торможения.

Хеллмэн поймал себя на том, что в сотый раз пытается найти виновных. Неужто он заказал слишком мало продуктов, когда грузился в аэропорту Калао? В конце концов, основное внимание он уделял горным машинам! Или портовые рабочие просто забыли погрузить последние драгоценные ящики?

Он затянул потуже пояс, в четвертый раз провертев для этого новую дырку.

Что толку теперь ломать себе голову? Так или иначе, они попали в изрядную переделку. По иронии судьбы горючего с лихвой хватит, чтобы вернуться в Калао. Но к концу обратного рейса на борту окажутся два иссохших трупа.

- Входим в атмосферу, - сообщил Каскер.

Что гораздо хуже, в этой малоисследованной области космоса мало солнц и еще меньше планет. Есть ничтожная вероятность, что удастся пополнить запасы воды, но никакой надежды найти что-нибудь съестное.

- Да посмотри же, - проворчал Каскер.

Хеллмэн стряхнул с себя оцепенение.

Планета смахивала на круглого серовато-коричневого дикобраза. В слабом свете красного карлика сверкали острые, как иголки, гребни миллионов гор. Звездолет описал спираль вокруг планеты, и остроконечные горы словно потянулись ему навстречу.

- Не может быть, чтобы по всей планете шли сплошные горы, - сказал Хеллмэн.

- Конечно, нет.

Разумеется, здесь были озера и океаны, но и из них вздымались зубчатые горы- острова. Не было и признаков ровной земли, не было и намека на цивилизацию, не было и следа жизни.

- Спасибо, хоть атмосфера тут кислородная, - сказал Каскер. По спирали торможения они пронеслись вокруг планеты, врезались в нижние слои атмосферы, и частично погасили там скорость. Но по-прежнему видели внизу только горы, озера, океаны и снова горы.

На восьмом витке Хеллмэн заметил на вершине горы одинокое здание. Каскер отчаянно затормозил, и корпус звездолета раскалился докрасна. На одиннадцатом витке пошли на посадку.

- Нашли где строить, - пробормотал Каскер.

Здание имело форму пышки и достойно увенчивало вершину. Его окружал широкий плоский навес, опаленный звездолетом во время посадки. С воздуха оно казалось большим. Вблизи выяснилось, что оно огромно. Хеллмэн и Каскер медленно подо- шли к нему. Хеллмэн держал свой лучемет наготове, но нигде не замечал никаких признаков жизни.

- Должно быть, эту планету покинули, - сказал Хеллмэн чуть ли не шепотом.

- Ни один нормальный человек в таком месте не останется, - ответил Каскер. - И без нее много хороших планет, незачем жить на острие иглы.

Нашли дверь. Хеллмэн попытался открыть ее, но дверь не поддавалась. Он оглянулся через плечо на парадно-живописные цепи гор.

- Ты знаешь, - сказал он, - когда эта планета находилась еще в расплавленном состоянии, на нее, должно быть, влияло притяжение нескольких лун-гигантов, которые не сохранились. Силы гравитации, внутренние и внешние, придали ей такой колючий вид и...

- Кончай трепаться, - нелюбезно прервал Каскер. - Вот что получается, когда библиограф решает нажиться на уране.

Пожав плечами, Хеллмэн прожег дыру в замке. Выждали.

Тишину нарушал единственный звук - урчание в животах.

Вошли.

Исполинская комната в форме клина, по-видимому, служила чем-то вроде склада. Товары громоздились до потолка, валялись на полу, стояли как попало вдоль стен. Тут были коробки и ящики всех форм и размеров. В одних мог поместиться слон, в других - разве что наперсток.

У самой двери лежала пыльная связка книг. Хеллмэн тотчас же кинулся листать их.

- Где-то тут должна быть еда, - сказал Каскер, и впервые за последнюю неделю его лицо просветлело. Он стал открывать

ближайшую коробку.

- Вот это интересно, - сказал Хеллмэн и отложил в сторону все книги, кроме одной.

- Давай сперва поедим, - предложил Каскер, вскрывая коробку. Внутри оказалась какая-то коричневая пыль, Каскер посмотрел, понюхал и скривился.

- Право же, очень интересно, - бормотал Хеллмэн, перелистывая страницы.

Каскер открыл небольшой бидон и увидел зеленую поблескивающую пыль. Он открыл другой. Там пыль была темно-оранжевого цвета.

- Хеллмэн! Брось-ка книгу и помоги мне отыскать хоть какую-нибудь еду!

- Еду? - переспросил Хеллмэн и перевел взгляд на Каскера.

- А почему ты думашь, что здесь стоит искать, еду? Откуда ты знаешь, что это не лакокрасочный завод?

- Это склад! - заорал Каскер.

Он вскрыл жестянку (форма ее напоминала человеческую почку) и вытянул оттуда что-то вроде мягкой трости пурпурного цвета. Трость тут же затвердела, а когда Каскер попытался ее понюхать, рассыпалась в пыль. Он зачерпнул пригоршню пыли и поднес ко рту.

- Не исключено, что это стрихнин, - мимоходом обронил Хеллмэн.

- Каскер поспешно стряхнул пыль и вытер руки.

- В конце концов, - заметил Хеллмэн, - даже если это действительно склад - даже если он продовольственный, - мы не знаем, что именно считали пищей бывшие аборигены. Быть может, салат из парижской зелени с серной кислотой вместо заправки.

- Ладно, - буркнул Каскер, - но поесть-то надо. Что будем делать со всем этим?.. - Взмахом руки он как бы охватил сотни коробок, бидонов и бутылок.

- Прежде всего, - оживился Хеллмэн, - надо сделать количественный анализ четырех-пяти проб. Можно начать с простейшего титрования, возгонкой выделить основные ингредиенты, посмотреть, образуется ли осадок, выяснить молекулярную структуру и...

- Хеллмэн, ты сам не знаешь, о чем говоришь. Не забывай, что ты всего-навсего библиограф. А я - пилот, окончил заочные летные курсы. Мы понятия не имем о титровании и возгонке.

- Знаю, - согласился Хеллмэн, - но так надо. Иного пути нет.

- Ясно. Так что же мы предпримем в ожидании, пока к нам в гости не заглянем химик?

- Вот что нам поможет, - объявил Хеллмэн и помахал книгой.

- Ты знаешь, что это такое?

- Нет, - признался Каскер, сдерживаясь из последних сил.

- Это карманный словарь и грамматика хелгского языка.

- Хелгского?

- Языка этой планеты. Иероглифы такие же, как на коробках.

Каскер приподнял брови.

- Никогда не слыхал о хелгском языке.

- Навряд ли эта планета вступала в контакт с Землей, - пояснил Хеллмэн. - Словарь-то ведь не хелго-английский, а хелго-алумбриджианский.

Каскер припомнил, что Алумбриджия - родина маленьких

храбрых рептилий - находится где-то в центре Галактики.
- А откуда ты знаешь алумбриджианский? - спросил он.
- Да ведь библиограф вовсе не такая уж бесполезная профессия, - скромно ответил Хеллмэн. - В свободное время...
- Понял. Так как насчет...
- Знаешь, - продолжал Хеллмэн, - скорее всего именно алумбриджиане помогли хелгам эвакуироваться с этой планеты и подыскать себе более подходящую. За плату они оказывают подобные услуги. В таком случае это здание наверняка продовольственный склад.
- Может, ты все-таки начнешь переводить, - устало посоветовал Каскер. - Вдруг да отыщешь какую-нибудь еду.
Они стали открывать коробку за коробкой и наконец нашли что-то на первый взгляд внушающее доверие. Шевеля губами, Хеллмэн старательно расшифровывал надписи.
- Готово, - сказал он. - Тут написано: "Покупайте фырчатель - лучший шлифовальный материал".
- Похоже, несъедобное" - сказал Каскер.
- Боюсь, что так.
Нашли другую коробку с надписью: "Энергриб! Набивайте желудки, но набивайте по всем правилам!"
- Как ты думаешь, что за звери были эти хелги? - спросил Каскер.
Хеллмэн пожал плечами.
Следующий ярлык пришлось переводить минут пятнадцать. Прочли: "Аргозель сшестерит всю вашу фудру. Содержит тридцать арпов рамстатого пульца. Только для смазки раковин".
- Должно же здесь быть хоть что-то съедобное, - проговорил Каскер с нотой отчаяния в голосе.
- Надеюсь, - ответил Хеллмэн.
Два часа работы не принесли ничего нового. Они перевели десятки названий и перенюхали столько возможных веществ, что обоняние отказалось им служить.
- Давай обсудим, - предложил Хеллмэл, усаживаясь на коробку с надписью "Тошнокаль. По качеству достойно оправдывает свое название".
- Не возражаю, - сказал Каскер и растянулся на полу. - Говори.
- Если бы можно было методом дедукции установить, какие существа населяли эту планету, мы бы знали, какую пищу они употребляли и пригодна ли эта пища для нас.
- Мы знаем только, что они сочинили массу бездарных реклам.
Хеллмэл пропустил эту реплику мимо ушей.
- Какие же разумные существа могли появиться в результате эволюции на планете, сплошь покрытой горами?
- Только дураки! - ответил Каскер.
От такого ответа легче не стало. Но Каскер понял, что горы ему не помогут. Они не расскажут ему о том, что ели ныне усопшие хелги - силикаты, белки, йодистые соединения или вообще обходились без еды.
- Так вот, - продолжал Хеллмэн, - придется действовать с помощью одной только логики... Ты меня слушаешь?
- Ясное дело, - ответил Каекер.
- Отлично. Есть старинная пословица, прямо про нас выдумана: "Что одному мясо, то другому яд".
- Факт, - поддакнул Каскер. Он был убежден, что его желудок сократился до размеров грецкого ореха.
- Во-первых, мы можем сделать такое допущение: что для

них мясо, то и для нас мясо.
Каскер с трудом отогнал от себя видение пяти сочных бифштексов, соблазнительно пляшущих перед носом. - А если то, что для них мясо, для нас яд? Что тогда?
- Тогда, - ответил Хеллмэн, - сделаем другое допущение: то, что для них яд, для нас - мясо.
- А если и то, что для них мясо, и то, что для них яд, - для нас яд?
- Тогда все равно помирать с голоду.
- Ладно, - сказал Каскер, поднимаясь с пола. - С какого допущения начнем?
- Ну что ж, зачем нарываться на неприятности? Планета ведь кислородная, а это что-нибудь да значит. Будем считать, что нам годятся их основные продукты питания. Если окажется, что это не так, попробуем их яды.
- Если доживем до этого времени, - вставил Каскер.
Хеллмэн принялся переводить ярлыки. Некоторые товары были забракованы сразу, например "Восторг и глагозвон андрогинитов - для удлиненных, вьющихся щупалец с повышенной чувствительностью", но в конце концов отыскалась серая коробочка, примерно сто пятьдесят на семьдесят пять миллиметров. Ее содержимое называлось "Универсальное лакомство "Вэлкорин", для любых пищевых мощностей".
- На вид не хуже всякого другого, - сказал Хеллмэн и открыл коробочку.
Внутри лежал тягучий прямоугольный брусок красного цвета. Он слегка подрагивал, как желе.
- Откуси, - предложил Каскер.
- Я? - удивился Хеллмэн. - А почему не ты?
- Ты же выбирал.
- Предпочитаю ограничиться осмотром, - с достоинством возразил Хеллмэн. - Я не слишком голоден.
- Я тоже, - сказал Каскер.
Оба сели на пол и уставились на желеобразный брусок. Через десять минут Хеллмэн зевнул, потянулся и закрыл глаза.
- Ладно, трусишка, - горько сказал Каскер. - Я попробую. Только помни, если я отравлюсь, тебе никогда не выбраться с этой планеты. Ты не умеешь управлять звездолетом.
- В таком случае откуси маленький кусочек, - посоветовал Хеллмэн.
Каскер нерешительно склонился над бруском. Потом ткнул в него большим пальцем.
Тягучий красный брусок хихикнул.
- Ты слышал? - взвизгнул Каскер, отскочив в сторону.
- Ничего я не слышал, - ответил Хеллмэн; у него тряслись руки.- Давай же, действуй.
Каскер еще раз ткнул пальцем в брусок. Тот хихикнул погромче, на сей раз с отвратительной жеманной интонацией.
- Все ясно, - сказал Каскер. - Что еще будем пробовать?
- Еще? А это чем тебе не угодило?
- Я хихикающего не ем, - твердо заявил Каскер.
- Слушан, что я тебе скажу, - уламывал его Хеллмэн. - Возможно, создатели этого блюда старались придать ему не только красивую форму и цвет, но и эстетическое звучание. По всей вероятности, хихиканье должно развлекать едока.
- В таком случае, ешь сам, - огрызнулся Каскер.
Хеллмэн смерил его презрительным взглядом, но не сделал никакого движения в сторону тягучего бруска. Наконец он сказал:
- Давай-ка уберем его с дороги.
Они оттеснили брусок в угол. Там он лежал и тихонько

хихикал про себя.
- А что теперь? - спросил Каскер.
Хеллмэн покосился на беспорядочные груды непостижимых инопланетных товаров. Он заметил в комнате еще две двери.
- Посмотрим, что там, в других секциях, - предложил он.
Каскер равнодушно пожал плечами.
Медленно, с трудом Хеллмэн и Каскер подобрались к двери в левой стене. Дверь была заперта, и Хеллмэн прожег замок судовым лучеметом.
Они попали в комнату такой же клинообразной формы, точно так же заполненную непостижимыми инопланетными товарами.
Обратный путь через всю комнату показался бесконечно длинным, но они проделали его, лишь чуть запыхавшись. Хеллмэн выжег замок, и они заглянули в третью секцию.
Это была еще одна клиновидная комната, заполненная непостижимыми инопланетными товарами.
- Всюду одно и то же, - грустно подытожил Каскер и закрыл дверь.
- Очевидно, смежные комнаты кольцом опоясывают все здание, - сказал Хеллмэн. - По-моему, стоило бы их все осмотреть.
Каскер прикинул расстояние, которое надо пройти по всему зданию, соразмерил со своими силами и тяжело опустился на какой-то продолговатый серый предмет.
- Стоит ли труда? - спросил он.
Хеллмэн попытался собраться с мыслями. Безусловно, можно найти какой-то ключ к шифру, какое-то указание, которое подскажет, что годится им в пищу. Но где искать?
Он обследовал предмет, на котором сидел Каскер. формой и размерами этот предмет напоминал большой гроб с неглубокой выемкой на крышке. Сделан он был из твердого рифленого материала.
- Как по-твоему, что это такое? - спросил Хеллмэн.
- Не все ли равно?
Хеллмэн взглянул на иероглиф, выведенный на боковой грани предмета, потом разыскал этот иероглиф в словаре.
- Очаровательно, - пробормотал он чуть погодя.
- Что-нибудь съедобное? - спросил Каскер со слабым проблеском надежды.
- Нет. То на чем ты сидишь, называется "Супертранспорт, изготовленный по особому заказу морогов, для взыскательного хелга, лучшее средство вертикального передвижения". Экипаж!
- М-да!.. - тупо отозвался Каскер.
- Это очень важно! Посмотри же на него! Как он заводится?
Каскер устало слез с Супертранспорта, внимательно осмотрел его. Обнаружил четыре почти незаметных выступа по четырем углам.
- Может быть, колеса выдвижные, но я не вижу...
Хеллмэн продолжал читать:
- Тут написано, что надо залить три амфа высокоусиливающего горючего "Интегор", потом один ван смазочного масла "Тендер" и на первых пятидесяти мунгу не превышать трех тысяч рулов.
- Давай найдем что-нибудь поесть, - сказал Каскер.
- Неужели ты не понимаешь, как это важно? - удивился Хеллмэн. - Можно разом получить ответ на все вопросы. Если мы постигнем логику иных существ - логику, которой они руководствовались при конструировании экипажа, - то вникнем в строй мысли хелгов. Это в свою очередь даст нам понятие о их нервной системе, а следовательно, и о биохимической

сущности.
Каскер не шевельнулся: он прикидывал, хватит ли ему оставшихся сил, чтобы задушить Хеллмэна.
- Например, - продолжал Хеллмэн, - какого рода. экипаж нужен на такой планете, как эта? Не колесный, поскольку передвигаться здесь можно только вверх и вниз. Антигравитационный? Вполне возможно, но как он устроен? И почему здешние обитатели придали ему форму ящика, а не...
Каскер пришел к печальному выводу, что у него не хватит сил задушить Хеллмэна, как бы это ни было приятно. С преувеличенным спокойствием он сказал:
- Прекрати корчить из себя ученого. Давай посмотрим, нет ли тут хоть чего-нибудь поесть.
- Ладно, - угрюмо согласился Хеллмэн.
Каскер наблюдал, как его спутник блуждает среди бидонов, бутылок и ящиков. В глубине души он удивлялся, откуда у Хеллмэна столько энергии, но решил, что благодаря чрезмерно развитому интеллекту тот не подозревает о голодной смерти, которая совсем рядом.
- Вот тут что-то есть! - крикнул Хеллмэн, остановившись возле большого желтого бака.
- Что там написано? - спросил Каскер.
- Дословно перевести очень трудно. В вольном изложении звучит так: "Моришилле- Клейпучка. Для более тонкого вкуса добавлены лакты-экты. Клейпучку пьют все! Рекомендуется до и после еды, неприятные побочные явления отсутствуют. Полезно детям! Напиток Вселенной!"
- Неплохо звучит, - признался Каскер, решив про себя, что в конечном счете Хеллмэн, видимо, вовсе не так глуп.
- Теперь мы сразу узнаем, съедобно ли для нас их мясо, - сказал Хеллмэн. - Эта самая Клейпучка похожа на вселенский напиток больше всего, что я здесь видел.
- А вдруг это чистая вода! - с надеждой спросил Каскер.
- Посмотрим. - Дулом лучемета Хеллмэн приподнял крышку. В банке была прозрачная как кристалл влага.
- Не пахнет, - констатировал Каскер, склонившись над баком.
Прозрачная влага поднялась ему навстречу.
Каскер отступил с такой поспешностью, что споткнулся о коробку и упал. Хеллмэн помог ему встать, в вдвоем они снова приблизились к баку. Коща они подошли почти вплотную, жидкость взметнулась в воздух на добрый метр и двинулась по направлению к ним.
- Ну что ты наделал! - вскричал Каскер, осторожно пятясь.
Жидкость медленно заструилась по наружной стенке бака. Затем потекла им под ноги.
- Хеллмэн! - завопил Каскер.
Хеллмэн стоял поодаль, по лицу его градом струился пот; нахмурясь, он листал словарь.
- По-моему, я что-то напорол при переводе, - сказал он.
- Да сделай же что-нибудь! - вскричал Каскер. Жидкость норовила загнать его в угол.
- Что же я могу сделать? - проговорил Хеллмэн, не отрываясь от книги. - Ага, вот ще ошибка. Тут написано не "Клейпучку пьют все", а "Клейпучка пьет всех". Спутал подлежащее. Это уже другое дело. Должно быть, хелги всасывали жидкость через поры своего тела. Естественно, они предпочитали не пить, а быть выпитыми.
Каскер попытался увильнуть от жидкости, но она с веселым бульканьем отрезала ему пути к отступлению. В отчаянии он

схвтил небольшой тюк и швырнул его в Клейпучку. Клейпучка поймала этот тюк н выпила его. Покончив с этим делом, она снова занялась Каскером.
Хеллмэн запустил в Клейпучку какой-то коробкой. Клейпучка выпила ее, а потом вторую, третью и четвертую, которые бросил Каскер. Затем, очевидно, выбившись из сил, влилась обратно в бак.
Каскер захлопнул крышку и уселся на ней. Его била крупная дрожь.
- Плохо дело, - сказал Хеллмэн. - Мы считали аксиомой, что процесс питания сходен с нашим. Но, разумеется, не обязательно так...
- Да, не обязательно. Да-с, явно не обязательно. Это уж точно, теперь мы видим, что не обязательно. Всякий видит, что не обязательно...
- Брось, - строго одернул его Хеллмэн. - На истерику у нас нет времени.
- Извини. - Каскер медленно отодвинулся от бака с Клейпучкой.
- Придется, наверное, исходить из того, что их мясо для нас яд, - задумчиво сказал Хеллмэн. - Теперь посмотрим, каковы на вкус их яды.
Каскер ничего не ответил. Он пытался представить себе, что было бы, если бы его выпила Клейпучка.
В углу все еще хихикал тягучий брусок.
- Вот это, по всей вероятности, яд, - объявил Хеллмэн полчаса спустя.
Каскер снова пришел в себя, только губы его нет-нет да подрагивали.
- Что там написано? - спросил он.
Хеллмэн повертел в руках крохотный тюбик.
- Называется "Шпаклевка Пвацкина". На ярлыке надпись:
"Осторожно! Весьма опасно! Шпаклевка Пвацкина заполняет дыры и щели объемом не свыше двух кубических вимов. Помните: ни в коем случае нельзя употреблять Шпаклевку в пищу. Входящее в нее активное вещество - рамотол, благодаря которому Шпаклевка Пвацкина считается совершенством, - делает ее чрезвычайно опасной при приеме внутрь".
- Звучит заманчиво, - отозвался Каскер. - Чего доброго, взрывом нас разнесет вдребезги.
- У тебя есть другие предложения?
На миг Каскер задумался. Пища хелгов для людей явно неприемлема. Значит, не исключено, что их яды... но не лучше ли голодная смерть?
После недолгого совещания со своим желудком Каскер решил, что голодная смерть не лучше.
- Валяй, - сказал он.
Хеллмэн сунул лучемет под мышку, отвинтил крышку тюбика, встряхнул его.
Ничего не произошло.
- Запечатано, - подсказал Каскер.
Хеллмэн проковырял ногтем дырку в защитном покрытии и положил тюбик на пол. Оттуда, пузырясь, поползла зловонная зеленоватая пена. Она свертывалась в шар и каталась по всему полу.
Хеллмэн с сомнением посмотрел на пену.
- Дрожжи, не иначе, - сказал он и крепко сжал в руках лучемет.
- Давай, давай. Смелость города берет.
- Я тебя не удерживаю, - парировал Хеллмэн.
Шар разбух и стал величиной с голову взрослого человека.

- И долго это будет расти? - спросил Каскер.
- Видишь ли, - ответил Хеллмэн, - в рекламе указано, что это Шпаклевка. Наверное, так оно и есть - это вещество, расширяясь заполняет дыры.
- Точно. Но какой величины?
- К сожалению, я не знаю, сколько составляют два кубических вима. Но не может же это длиться вечно...
Слишком поздно они заметили, что Шпаклевка заполнила почти четверть комнаты и не собиралась останавливаться.
- Надо было верить рекламе! - взвыл Каскер. - Эта штука в самом деле опасна!
Чем быстрее рос шар, тем больше увеличивалась его липкая поверхность. Наконец она коснулась Хеллмэна, и тот отскочил.
- Берегись!
Хеллмэн не мог подойти к Каскеру, который находился по другую сторону гигантской сферы. Он попытался обогнуть шар, но Шпаклевка так разрослась, что разделила комнату пополам. Теперь она лезла на стены.
- Спасайся кто может! - заорал Хеллмэн и ринулся к двери, что была позади него.
Он рванул дверь, когда разбухший шар уже настигал его. Тут он услышал, как на другой половине комнаты хлопнула, закрываясь вторая дверь. Больше он не стал мешкать: проскользнул в дверь и захлопнул ее за собой.
С минуту Хеллмэн стоял, тяжело дыша, не выпуская лучемета из рук. Он сам не подозревал, до чего ослаб. Бегство от Шпаклевки подорвало его силы так основательно, что теперь он был на грани обморока. Хорошо хоть Каскер тоже спасся.
Но беда еще не миновала.
Шпаклевка весело вливалась в комнату через выжженый замок. Хеллмэн дал по ней пробную очередь, но Шпаклевка была, по всей видимости, неуязвима... как и подобает хорошей шпаклевке.
И признаков усталости она не выказывала.
Хеллмэн поспешно отошел к дальней стене. Дверь была заперта, как и все прочие двери; он выжег замок и прошел в соседнюю комнату.
Долго ли может шар разбухать? Сколько это - два кубических вима? Хорошо, если только две кубических мили. Судя по всему. Шпаклевкой заделывают трещины в коре планет.
В следующей комнате Хеллмэн остановился перевести дух. Он вспомнил, что здание круглое. Можно прожечь себе путь через остальные двери и воссоединиться с Каскером. Вдвоем они прожгут себе путь на поверхность планеты и...
У Каскера нет лучемета!
От этой мысли Хеллмэн побледнел. Каскер проник в комнату направо, потому что замок в ее двери был уже выжжен. Шпаклевка, несомненно, просачивалась в эту комнату сквозь замок... и Каскеру не уйти! Слева у него - Шпаклевка, справа - запертая дверь!
Собрав остаток сил, Хеллмэн пустился бегом. Коробки, казалось, нарочно подвертывались ему под ноги, норовили опрокинуть его, остановить. Он прожег очередную дверь и поспешил к следующей. Прожег еще одну. И еще. И еще.
Не может же Шпаклевка целиком перелиться в ту комнату, где Каскер!
Или может?
Клиновидным комнатам - секторам круга, - казалось, не будет конца, так же как путанице запертых дверей, непонятных товаров, снова дверей, снова товаров. Хеллмэн споткнулся о

плетеную корзину, упал, поднялся на ноги, опять упал. Он напряг силы до предела и исчерпал этот предел. Но ведь Каскер - его друг.

К тому же без пилота Хеллмэн навеки застрянет на этой планете. Хеллмэн пересек еще две комнаты - ноги у него подгибались - и рухнул у порога третьей.

- Это ты, Хеллмэн? - услышал он голос Каскера из-за двери.

- Ты цел? - прохрипел Хеллмэн.

- Мне тут не очень-то просторно, - ответил Каскер, - но Шпаклевка перестала расти. Хеллмэн, выведи меня отсюда!

Хеллмэн лежал на полу, часто и тяжело дыша. - Минуточку, - сказал он.

- Еще чего, минуточку! - прокричал Каскер. - Выведи меня. Я нашел воду!

- Что? Как?

- Выведи меня отсюда!

Хеллмэн попытался встать, но его ноги окончательно вышли из повиновения.

- Что случилось? - спросил он.

- Когда шар стал заполнять комнату, я решил завести Супертранспорт, изготовленный по особому заказу. Думал, вдруг он пробьет дверь и вытащит меня отсюда. Вот я и залил его высокоусиляющим горючим "Интегор".

- И что же? - поторопил Хеллмэн, упорно пытаясь встать на ноги.

- Супертранспорт - это животное, Хеллмэн! А горючее "Интергор" - вода! Теперь вытаскивай меня отсюда!

Хеллмэн со взохом удовлетворения улегся на полу поудобнее. Будь у него побольше времени, он бы и сам, чисто логическим путем, обо всем догадался. Теперь-то все кристально ясно. Машина, наиболее пригодная для лазанья по отвесным, острым как бритва горам, - это жтвотное, вероятно, наделенное втяжными присосками. В промежутках между рейсами она впадет в спячку; а если уж оно пьет воду, то и пища его пригодна для человека. Конечно, о былых обитателях планеты по-прежнему ничего не известно, но, без сомнения...

- Прожги дверь! - крикнул Каскер, и голос его сорвался.

Хеллмэн размышлял об иронии вещей. Если то, что другому мясо (и то, что другому яд), для тебя яд, попробуй съесть что-нибудь еще. До смешного просто.

Но одна мелочь по-прежнему не давала ему покоя.

- Как ты узнал, что это животное земного типа? - спросил он.

- По дыханию, дурень! Оно вдыхает и выдыхает воздух, и при этом запах такой, словно оно наелось луку!

За дверью послышался грохот падающих жестянок и бьющихся бутылок.

- Да поторопись же!

- А что там такое? - спросил-Хеллмэн, поднимаясь на ноги и прилаживая лучемет.

- Да Супертранспорт! Он прижал меня к стенке за грудой щиков. Хеллмэн, по- моему, ему кажется, что я съедобен!

<Pre> Роберт Шекли

Ритуал

Перевод Н. Евдокимовой

Акиенобоб вприпрыжку приблизился к хижине Старейшего Песнопевца и принялся отплясывать Танец Важного Сообщения, аккомпанируя себе ритмичным постукиванием хвоста по земле. В дверях тут же появился Старейший Песнопевец и принял позу напряженного внимания: руки сложены на груди, хвост обвит вокруг плеч.

- Прибыл корабль богов, - нараспев проговорил Акиенобоб, выплясывая приличествующий случаю танец.

- В самом деле? - откликнулся Старейший Песнопевец, одобрительно косясь на сложные па. Вот она, пристойная манера! Не то что расхлябанные, упрощенные движения, которые предписывает Альгонова ересь.

- Из божественного и неподдельного металла! - захлебнулся восторгом Акиенобоб.

- Хвала богам, - церемонно ответил Старейший Песнопевец, скрывая охватившее его возбуждение. - "Наконец-то! Боги возвратились!" - Созови общину.

Акиенобоб отправился на сельскую площадь и исполнил там Танец Сборища. Тем временем Старейший Песнопевец воскурил щепотку священного благовония, оттер хвост песком и, очистясь таким образом от скверны, поспешил возглавить приветственные пляски.

Корабль богов - огромный цилиндр из почерневшего, изъязвленного металла - лежал в небольшой долине. Селяне, собравшись на почтительном расстоянии, выстроились в символическую фигуру "Общий Привет Всем Богам".

Корабль богов разверзся, и оттуда, шатаясь, с трудом выбрались два бога.

Старейший Песнопевец тотчас же признал их по облику. В Великую Книгу о богах, написанную почти пять тысячелетий назад, были занесены сведения о всевозможных разновидностях божеств. Там описывались боги большие и боги маяые, боги крылатые и боги о копытах, боги однорукие, двурукие и трехрукие, боги с щупальцами, чешуйчатые боги и множество иных обличий, какие благоугодно принимать богам.

Каждую разновидность полагалось приветствовать по особому, специально ей предназначенному приветственному обряду, ибо так было начертано в Великой Книге о Богах.

Старейший Песнопевец тотчас же приметил, что перед ним двуногие, двурукие, бесхвостые боги. Он поспешно перестроил своих соплеменников в подобающую фигуру.

К нему вприпрыжку подошел Глат, прозванный Младшим Песнопевцем.

- С чего начнем? - учтиво прокашлял он.

Старейший Песнопевец пронзил его укоризненным взглядом.

- С Танца Разрешения на Посадку, - ответил он, с достоинством произнося древние, утратившие смысл слова.

- Разве? - Глат почесал хвостом шею. Это был жест явного пренебрежения. - По заветам Альгоны - прежде всего пиршество.

Старейший Песнопевец отвернулся, жестом выразив несогласие. Покуда бразды правления у него в руках, он не пойдет ни на какие компромиссы с ересью Альгоны - учением, созданным всего каких-нибудь три тысячи лет назад.

Младший Песнопевец Глат вернулся на свое место в строю танцоров. "Смехотворно, - думал он, - что вот такая консервативная развалина, как Старейший Песнопевец, устанавливает порядки танцев. Совершеннейшая нелепица -

ведь было же доказано..."

А два бога пытались двигаться! Покачиваясь, балансировали они на тонких ногах. Один зашатался и упал ничком. Другой помог ему встать, после чего упал сам. Медленно, с усилием поднялся он на ноги.

Боги удивительно напоминали простых смертных.

- Они выразили в танце свое расположение! - воскликнул Старейший Песнопевец. - Приступайте же к Танцу Разрешения на Посадку.

Туземцы плясали, колотя хвостами о землю, кашлем и лаем выражая свое ликование. Затем в строгом соответствии с церемониалом богов водрузили на носилки из ветвей священного дерева и понесли на Священный Курган.

- Давайте обсудим все как следует, - предложил Глат, поравнявшись со Старейшим Песнопевцем. - Поскольку за тысячи лет это первый случай пришествия каких бы то ни было богов, то, несомненно, разумно было бы прибегнуть к обрядам Альгоны. Просто на всякий случай.

- Нет, - решительно отказался Старейший Песнопевец, энергично перебирая шестью ногами. - Всё подобающие обряды приведены в древних книгах ритуалов.

- Я знаю, - настаивал Глат, - но ведь ничего страшного не случится...

- Никогда, - твердо заявил Старейший Песнопевец. - Для каждого бога есть свой Танец Разрешения на Посадку. Затем идет Танец Подтверждения Астродрома, Танец Таможенного Досмотра, Танец Разгрузки и Танец Медицинского Освидетельствования. - Старейший Песнопевец выговаривал таинственные древние названия отчетливо и внушительно, с благоговением. - Тогда и только тогда можно начинать пиршество.

На носилках, сделанных из ветвей, два бога стенали и вяло шевелили руками. Глат знал: боги исполняют Танец Подражания боли и мукам смертных, подтверждая свое родство с теми, кто им поклоняется.

Всебылотак, как идолжнобыть, - так, каюначертано в Книге последнего пришествия. Тем не менее Глата поразило совершенство, с каким боги копируют чувства простых смертных. Глядя на них, можно было подумать, будто они и вправду умирают от голода и жажды.

Глат улыбнулся своим мыслям. Всем известно, что боги не ощущают ни голода, ни жажды.

- Поймите же, - обратился Глат к Старейшему Песнопевцу. - Для нас важно избежать той роковой ошибки, какую допустили наши пращуры в Дни космических полетов. Так ли я говорю?

- Разумеется, - ответил Старейший Песнопевец, почтительно склоняя голову перед ритуальным названием Золотого века. Пять тысячелетий назад их племя находилось на вершине богатства и благоденствия и боги часто посещали его. Однако, как гласит легенда, в один прекрасный день кто-то допустил ошибку в ритуале и племя было предано Забвению. С тех пор посещения богов прекратились раз и навсегда.

- Если боги одобрят наши обряды, - сказал Старейший Песнопевец, - то снимут с нас Забвение. Тогда явятся и другие боги, как бывало в старину.

- Вот именно. А ведь Альгона был последним, кто воочию видел бога. Уж он-то, наверное, знает, что говорит, предписывая начинать с пиршества, а церемонии оставлять напоследок.

- Учение Альгоны - пагубная ересь, - возразил Старейшин

Песнопевец.
И Младший Песнопевец в сотый раз задумался, не пора ли сбросить маску лицемерия, не приказать ли общине без промедления приступить к Обряду Воды и к Пиршеству. Ведь многие были тайными приверженцами Альгоны.
Но нет, пока не время, ибо власть Старейшего Песнопевца все еще слишком сильна. Да и момент неподходящий. Надо подождать, думал Глат, нужно знамение самих богов.
А боги по-прежнему возлежали на носилках, радуя глаз верующих дивным Танцем- конвульсией - Подражанием жажде и мукам простых смертных.
Богов усадили на вершине Священного Кургана, и Старейший Песнопевец самолично возглавил Танец Подтверждения Астродрома. В окрестные селения выслали гонцов с наказом созвать всех взрослых жителей на ритуальные пляски.
В самом селении женщины начали готовиться к Пиршеству. Некоторые из них пустились от радости в пляс, ибо разве не сказано в Писаниях, что вновь появятся боги, и тогда наступит конец Забвению, и к каждому придет богатство и благоденствие, как в Дни космических полетов?
На кургане один из богов простерся ниц. Другой с трудом принял сидячее положение и искусно подрагивающим пальцем указывал на свой рот.
- Это знак благоволения! - вскричал Старейший Песнопевец. Глат кивнул, не прекращая пляски, в то время как по складкам его кожи градом струился пот. Старейший Песнопевец был одаренным толкователем. С этим нельзя не согласиться.
Но вот сидящий бог стиснул одной рукой горло, отчаянно жестикулируя другой.
- Быстрее! - прохрипел Старейший Песнопевец; он чутко ловил малейшее движение богов.
Теперь бог что-то кричал ужасающим, надтреснутым голосом. Он кричал, указывая себе на горло и снова кричал, уподобляясь страждущему смертному.
Все шло в строгом соответствии с Танцем Богов, как он описан в Книге последнего пришествия.
Как раз в этот миг на площадь перед курганом ворвалась ватага молодежи из соседнего селения и сменила хозяев в танце. На время Младший Песнопевец мог выйти из круга. Переводя дух, он подошел к Старейшему Песнопевцу.
- Вы будете исполнять все танцы? - спросил он.
- Конечно. - Старейший Песнопевец не спускал глаз с плясунов, ибо на этот раз ошибки нельзя было допустить. Это последний случай обелить себя перед богами и вернуть себе добрую славу в их глазах.
- Пляски будут продолжаться ровно восемь дней, - непреклонно сказал Старейший Песнопевец. - Если произойдет хоть малейшая ошибка, начнем все снова.
- По словам Альгоны, прежде всего надо торопиться с Обрядом Воды, - возразил Глат, - а затем...
- Вернись в круг! - отрезал Старейший Песнопевец, жестом выразив крайнее возмущение. - Ты слышал, как боги кашляли в знак одобрения. Так и только так удастся нам снять древнее заклятие.
Младший Песнопевец отвернулся. Ах, если бы его воля! В древние времена, когда боги то и дело уходили и возвращались, обычай Старейшего Песнопевца был правильным обычаем. Глат вспомнил, как описывается приход корабля богов в Книге последнего пришествия:
Начался Обряд Разрешения на Посадку (в те дни это еще не

называлось ни плясками, ни танцами).

Боги протанцевали Танец Страдания и Боли.

Затем был проделан Обряд Подтверждения Астродрома.

В ответ боги исполнили Танец голода и Жажды - точь-в-точь так, как сейчас.

Затем последовали Обряды Таможенного Досмотра, Разгрузки и Медицинского Освидетельствования. Все время, пока длились обряды, богам не давали ни еды, ни питья - таково было одно из предписаний ритуала.

Когда со всеми обрядами было покончено, один из богов по неведомой причине притворился мертвым. Другой отнес его обратно на небесный корабль, и боги покинули планету, чтобы больше никогда не возвратиться.

Вскоре после этого началось Забвение.

Однако не существует и двух древних писаний, толкующих причины Забвения одинаково. Некоторые утверждают, что богов оскорбило несовершенное исполнение какого-то танца. Другие, как Альгона, пишут, что надо начинать с пиршества и возлияний, а потом уж переходить к обрядам.

Альгону почитали далеко не все. В конце концов, ведь богам неведомы ни голод, ни жажда. С какой же стати пиршество должно предшествовать обрядам?

Глат свято верил в учение Альгоны и уповал, что в один прекрасный день выяснит истинную причину Забвения.

Внезапно танец прервался. Глат поспешил взглянуть, что же произошло.

Какой-то глупец оставил подле Священного Кургана простой кувшин с водой. Один из богов подполз к кувшину. Руки бога готовились схватить недостойный предмет.

Старейший Песнопевец чуть ли не вырвал, из рук бога кувшин, поспешно унес его прочь, а все племя испустило вздох облегчения. Какое кощунство - оставить поблизости от бога обыкновенную, неочищенную, неосвященную воду, да еще в ничтожном сосуде без росписи. Да прикоснись к ней бог - и его праведный гнев испепелит все селение.

Бог разгневался. Он прокричал что-то, перстом указывая на оскорбительный сосуд. Затем указал на второго бога, который все еще был погружен в небесный экстаз и лежал лицом вниз. Он указал на свое горло, на пересохшие, растрескавшиеся губы и опять на кувшин с водой. Он сделал два неуверенных шага и упал. Бог заплакал.

- Живо! - крикнул Младший Песнопевец. - Начинайте Танец Взаимовыгодного Торгового Соглашения!

Только его находчивость и спасла положение. Танцующие подожгли священные ветки и, кружась волчком, принялись размахивать ими перед ликами богов. Боги раскашлялись и тяжело задышали в знак одобрения.

- Ну и хитер же ты на выдумку, - ворчливо признал Старейший Песнопевец. - И как только тебе пришел на ум этот танец?

- У него самое таинственное название, - объяснил Глат. - Я знал, что сейчас нужно действовать решительно.

- Что ж, молодец, - похвалил Старейший Песнопевец и вернулся к своим обязанностям в танце.

С довольной улыбкой Глат обвил хвостом талию. Вовремя поданная команда оказалась удачным ходом.

Теперь надо поразмыслить над тем, как бы получше вьшолнить обряды Альгоны.

Боги возлежали на земле, кашляя и ловя ртом воздух, словно умирающие. Младший Песнопевец решил подождать более удобного случая.

Весь день плясали Танец Взаимовыгодного Торгового Соглашения, и боги тоже принимали в нем участие. Поклониться им приходили жители отдаленных селений, и боги; задыхаясь, выражали свое милостивое расположение.
К концу танца один из богов чрезвычайно медленно поднялся на ноги. Он упал на колени, с преувеличенным пафосом подражая движениям смертного, который ослаб до предела.
- Он вещает, - прошептал Старейший Песнопевец, и все смолкли.
Бог простер руки. Старейший Песнопевец кивнул.
- Он сулит нам хороший урожай, - пояснил Старейший Песнопевец.
Бог стиснул кулаки, но тут же разжал их, охваченный приступом кашля.
- Он сочувствует нашей жажде и бедности, - наставительно произнес Старейший Песнопевец.
Бог снова указал себе на горло - таким горестным жестом, что кто-то из поселян разрыдался.
- Он желает, чтобы мы повторили танцы сначала, - разъяснил Старейший Песнопевец. - Давайте же, становитесь в первую позицию.
- Его жест означает вовсе не то, - дерзко заявил Глат, решив, что час настал.
Все воззрились на него, потрясенные, в гробовом молчании.
- Богу угоден Обряд Воды, - сказал Глат.
По рядам танцующих пробежал вздох. Обряд Воды составлял часть еретического учения Альгоны, которое Старейший Песнопевец неустанно предавал анафеме. Впрочем, с другой стороны, Старейший Песнопевец уже в преклонных летах. Быть может, Глат, Младший Песнопевец...
- Не допущу! - взвизгнул Старейший Песнопевец. - Обряд Воды следует за пиршеством, которое начинается после всех плясок. Только таким путем избавимся мы от Забвения!
- Необходимо предложить богам воды! - прогремел Младший Песнопевец.
Оба взглянули на богов - не подадут ли те знамение, но боги молча следили за ними усталыми, налитыми кровью глазами.
Но вот один из богов кашлянул.
- Знамение! - вскричал Глат, прежде чем Старейший Песнопевец успел перетолковать этот кашель в свою пользу.
Старейший Песнопевец пытался спорить, но тщетно. Ведь поселяне слышали бога собственными ушами.
В очищенных от скверны, красиво расписанных кувшинах принесли воду, и плясуны встали в позы, подобающие обряду. Боги взирали на них, тихо переговариваясь на языке божием.
- Ну! - скомандовал Младший Песнопевец. На курган внесли кувшин с водой. Один из богов потянулся к кувшину. Другой оттолкнул его и сам схватился за кувшин.
По толпе прокатился взволнованный гул.
Первый бог слабо ударил второго и завладел водой. Второй отнял кувшин и поднес ко рту. Тогда первый сделал выпад, и кувшин с водой покатился по склону кургана.
- Я предостерегал тебя! - возопил Старейший Песнопевец. - Они отвергли воду, как и следовало ожидать. Убери ее скорее, пока мы не обречены на гибель!
Двое схватили кувшины и умчались с ними прочь. Боги взвыли, но тут же умолкли.
По приказу Старейшего Песнопевца тотчас начался Танец Таможенного Досмотра. Снова зажгли священные ветви и овевали ими богов, как веерами. Боги слабо прокашляли

одобрение. Один попытался сползти с кургана, но упал ничком. Другой лежал недвижимо.

Так лежали боги долгое время, не подавая знамений. Младший Песнопевец стоял в хвосте цепочки танцующих. Почему, вопрошал он себя снова и снова, почему отступились от него боги?

Неужели Альгона заблуждается?

Но ведь боги отвергли воду.

У Альгоны черным по белому написано, что единственный способ спять таинственное проклятие Забвения - это без промедления принести в дар богам еду и питье. Быть может, богам пришлось дожидаться слишком долго?

"Пути богов неисповедимы, - печально думал Глат. - Теперь случай упущен навеки. С тем же успехом можно было разделять веру Старейшего Песнопевца".

И он уныло поплелся в круг танцующих.

Старейший Песнопевец повелел начать пляски сначала и продолжать их четыре дня и четыре ночи. Потом, если богам будет угодно, в их славу будет устроено пиршество.

Боги не подавали знамений. Они лежали на священном кургане, распростершись во весь рост, и время от времени подергивали конечностями, изображая смертных, которых одолевает усталость, отчаянная жажда.

Это были очень могущественные бога. Иначе разве могли бы они столь искусно подражать смертным?

А к утру случилось следующее: невзирая даже на то, что Старейший Песнопевец отменил Танец Хорошей Погоды, облака на небе стали сгущаться. Громадные и черные, они заслонили утреннее солнце.

- Пройдет стороной, - предрек Старейший Песнопевец, отплясывая Танец Отречения от Дождя.

Однако тучи разверзлись, и полился дождь. Боги медленно зашевелились, оборотили лица к небу.

- Тащите доски! - кричал Старейший Песнопевец. - Принесите навес! Боги предадут дождь проклятию: ведь до окончания обрядов ни одна капля не смеет коснуться тел божиих!

Глат же, сообразив, что представился еще один благоприятный случай, возразил:

- Нет! Этот дождь наслали сами боги!

- Уведите юного еретика! - пронзительно взвизгнул Старейший Песнопевец. - Давайте сюда навес!

Плясуны оттащили Глата в сторонку и принялись сооружать над богами шатер, чтобы укрыть их от дождя. Старейший Песнопевец собственноручно покрывал шатер крышей, работая споро и благоговейно.

Под внезапно хлынувшим ливнем боги не шевелились - они лежали, широко раскрыв рты. Когда же они увидели, как Старейший Песнопевец возводит над ними крышу, то попытались встать.

Старейший Песнопевец торопился: он знал, что своим недостойным присутствием оскверняет заповедный курган.

Боги переглянулись. Один из них медленно встал на колени. Другой протянул ему обе руки и помог подняться на нога.

Бог стоял, раскачиваясь, как пьяный, сжимая руку возлежащего бога. И вдруг обеими руками с яростью толкнул Старейшего Песнопевца в грудь.

Старейший Песнопевец потерял равновесие и закувыркался по Священному Кургану, нелепо дрыгая ногами в воздухе. Бог сорвал с навеса крышу и помог встать другому богу.

- Знамение! - вскричал Младший Песнопевец, вырываясь из удерживающих его рук. - Знамение!
Никто не мог этого отрицать. Теперь оба бога стояли, запрокинув головы, подставив рты под струи дождя.
- Начинайте пиршество! - рявкнул Глат. - Такова воля богов!
Плясуны колебались. Впасть в ересь Альгоны - это серьезный шаг, который стоило бы хорошенько обдумать.
Однако теперь, когда всем стал распоряжаться Младший Песнопевец, приходилось рискнуть.
Оказалось, Альгона был прав. Боги выражали свое одобрение воистину по-божески: запихивали яства в рот огромными кусками - какое изумительное подражание смертным! - и поглощали напитки с таки усердием, будто и впрямь умирали от жажды.
Глат сожалел лишь о том, что не знает божьего языка, ибо больше всего на свете ему хотелось узнать, каковы же были истинные причины Забвения.

Роберт Шекли

Корабль должен взлететь на рассвете

Перевод В. Обухова

Оркестр исполнял третью часть симфонии Макклина - "Полет на Луну". Дэйл, увлеченный миром звуков, закрыл глаза и, расслабив тело, откинулся на спинку кресла. Как всегда, эта музыка перенесла его из тепла и комфорта концертного зала в необъятное пространство космоса. Воображение уносило его от планеты к планете, в далекие просторы Вселенной.
Он открыл глаза от прикосновения чьей-то руки.
- Мистер Эмбер? Дэйл Эмбер?
- Да. - Дэйл в недоумении взглянул на служителя. - А в чем дело?
- Звонят из вашей конторы, сэр. Говорят, очень срочное дело. Пройдите в восемнадцатую кабину.
Пожав плечами, Дэйл поднялся и последовал в фойе к указанной кабине. Щелчок - и ярко засветился экран видеофона. Еще через мгновение на нем появилось взволнованное лицо Глиссона.
- Дэйл! Слава богу, наконец-то я поймал вас. Масса неприятностей. - Глиссон выглядел растерянным. - Будет лучше, если вы вернетесь.
- Может быть, вы мне все-таки объясните, в чем дело? Завтра в десять утра я должен навестить сына.
- Это очень серьезно, Дэйл. Если вы хотите сохранить дело, берите самолет и возвращайтесь как можно скорее!
Дэйл выключил видеофон. Он знал, что управляющий без нужды не станет его вызывать.
Рассвет он встретил в Комфилде.
Космические полеты внезапно стали действительностью - действительностью, озаренной ослепительными вспышками стартующих ракетных кораблей, которые, однако, часто взрывались, когда достигали поверхности Луны. Это не было неожиданностью для предпринимателей и нисколько не тормозило дальнейшего развития космических полетов.

Комфилд, затерявшийся на огромных просторах пустыни Новой Мексики, с его ангарами, мастерскими и жилыми постройками был базой нескольких десятков больших и малых компаний, одинаково жаждущих запустить свои руки в богатства, открытые на Луне.

Из Комфилда с ревом взлетали ракеты, груженные продуктами, кислородом, водой. Все они устремлялись на естественный спутник Земли, а оттуда возвращались с рудой. Ракеты ревели, когда взлетали, и ревели, когда приземлялись. Иногда они ревели чуть громче, чем обычно, и после этого умолкали навсегда так же, как и их экипажи...

Дэйл не думал обо всем этом, когда шел от летного поля к конторе. В приемной он застал управляющего, обросшего двухдневной щетиной, невыспавшегося, с воспаленными глазами.

- Мы не ждали вас раньше чем через два часа, - сказал Глиссон.

- Я же обещал быть к рассвету. - Дэйл опустился в кресло. Он чувствовал себя совершенно разбитым, во рту ощущалась какая-то горечь.

- Номер одиннадцатый разлетелся при старте на сто тысяч частей, вместе с Куком и Бейлисом, - коротко доложил управляющий.

- Ну и что?

- Номер двенадцатый на капитальном ремонте. К взлету готов только номер тринадцать.

- Десятый?

- Застрял на Луне. Управление вышло из строя, и экипаж не хочет двигаться с места, пока не прибудут запасные части. Но мы не можем доставить их без тринадцатого.

- Понятно. - Дэйл задумчиво потер рукой подбородок. - Но это только часть затруднений. А остальное?

- Остальное просто, - медленно начал Глиссон. - Люди отказываются лететь на тринадцатом номере. - Он взглянул на Дэйла. Тот молчал. - А без него мы не можем ввести в дело десятый номер.

- И вы называете это неприятностями? - Дэйл уставился на чашку кофе. - Ведь все это пустяк по сравнению с тем, что под угрозой контракт.

- Поэтому я вас и вызвал!

- Мы берем руду у Компании Звездных рудников и доставляем им все необходимое. Если мы нарушим контракт, то потеряем его совсем и, кроме того, вынуждены будем заплатить огромную неустойку.

- Я знаю это.

- Вы знаете? Тогда какого же черта вы сидите здесь и лишь взываете о помощи!

Дэйл тяжело поднялся с кресла.

- Кто пилот на тринадцатом?

- Макдональд, но он...

- Где он живет?

- В поселке, дом 22, но...

Не слушая, Дэйл направился к выходу. У самой двери он остановился и обернулся к Глиссону:

- Если позвонит мой сын, скажите ему, что все в порядке. Понятно?

Глиссон кивнул.

Комфилд был порождением "бума", и это особенно чувствовалось в жилых кварталах. Ряды дешевых сборных домов, построенных различными компаниями, сгрудились вокруг центра поселка.

Номер 22 был одним из сотни однотипных строений. Дэйл с

трудом пробился сквозь глубокий песок к входной двери. Он думал, что застанет Макдональда еще спящим, но ошибся. На его вторичный стук дверь распахнул невысокий худощавый молодой человек с нервным лицом. Из глубины дома слышались плач и женский голос, успокаивающий ребенка.

- Я Эмбер, - представился Дэйл. - Дэйл Эмбер.

- Знаю. - Макдональд посторонился, пропуская Дэйла. - Я видел вас и раньше. Проходите, пока сюда не намело песку.

Дэйл оказался в маленькой, убого обставленной комнатенке. Макдональд, извинившись, вышел распорядиться насчет кофе. Детский плач за стеной утих. До Дэйла донесся громкий шепот:

- Кто это, Боб?

- Босс.

- Эмбер! - У женщины за стеной перехватило дыхание. - Боб ты обещал...

- Успокойся, дорогая. Право, не из-за чего волноваться.

Макдональд вернулся с кофе. Но не один. С ним была молодая женщина. Синие круги под глазами подчеркивали бледность ее лица. Она взглянула на Дэйла с явной антипатией.

- Это моя жена Мэри, - представил ее Макдональд. - Вам с сахаром?

- Спасибо. - Дэйл взял чашку кофе, помешал в ней ложечкой.

- Я только что прилетел с побережья. Боб Глиссон сказал мне, что произошли какие-то неприятности.

Он поднес чашку к губам.

- Почему вы не хотите лететь на тринадцатом?

- Он не готов к полету, мистер Эмбер.

- Это смертельная ловушка! - неожиданно взорвалась Мэри.

- Все эти корабли - смертельные ловушки!

- Подожди, - остановил ее Боб. Он повернулся к Дэйлу. - Если говорить откровенно, этот корабль следует сдать в утиль. Управление изношено. Инжекторы работают неустойчиво, давление неровное. Если запустить двигатель, произойдет преждевременная вспышка в главной камере. А вы знаете, что бывает в таких случаях?

Дэйл знал это также, как и любой космонавт в Комфилде. Он знал лучше кого бы то ни было, что происходит при преждевременной вспышке: взрыв, без малейшей надежды на спасение экипажа. Дэйл вздохнул, достал сигарету и, чиркнув зажигалкой, глубоко затянулся.

- Слушайте, Боб, - начал он добродушно, - вы и в самом деле верите, что я способен предложить вам неисправный корабль?

- Кук и Бейлис мертвы, - бесстрастно проговорил Макдональд.

- Вы не ответили на мой вопрос. Кук и Бейлис рисковали, как и все мы. Им не повезло. Мне очень жаль, но это - просто невезение в игре!

- Невезение! - Мэри закусила губу, словно сдерживая себя, чтобы не наговорить лишнего. - У Кука остались жена и двое детей!

Дэйл с трудом заставил себя натянуто улыбнуться.

- Вы забываете о логике, Боб. Корабль стоит денег, массу денег... И меньше всего мне хочется потерять корабль... Может быть, вы суеверны?

- Почему вы спросили об этом?

- Корабль носит тринадцатый номер. Хотите, мы дадим ему другой?

- Я не полечу на этом корабле, - ответил Макдональд, - пока на нем не заменят инжекторы. Очень сожалею, но - не раньше.

- Если это ваше последнее слово, Боб, я ничего не могу поделать. Позвоните до полудня в контору относительно расчета.

Вернувшись в контору, Дэйл в изнеможении вытер потный лоб носовым платком.

- Я виделся с Макдональдом, - сказал Дэйл управляющему. - Он будет звонить до полудня относительно своего жалования. Сколько мы должны ему?

- Ничего. Он у нас на сдельной оплате. И мы с ним полностью рассчитались за последний полет.

- А за время вынужденного простоя?

- Он потерял это право, так как отказался лететь на тринадцатом.

У Глиссона был вид человека, обиженного лишь одним предположением, что он может зря уплатить деньги.

- Заплатите, - приказал Дэйл. - Когда он придет, скажите, что я хочу его видеть.

- Если вы надеетесь уговорить его, то зря. Это пустая трата времени. Макдональд не одинок.

- Союз?

- Вы угадали. Эти проклятые "космические бродяги" выдумали какой-то союз и теперь хотят показать свою силу. Я сомневаюсь, что найдется хоть один пилот в Комфилде, который сядет в кабину корабля, пока на нем не сменят инжекторы.

Дэйл уставился на солнечный блик на стене. На его лице, казалось, снова появилось выражение былой уверенности.

- Вам удалось что-нибудь сделать в других направлениях?

- Нет.

- Почему? Разве мы не можем предложить достаточную сумму?

- Я обращался к семи компаниям. И получал одни и те же ответы. Или нет лишнего корабля, или не хотят сдать ни за какие деньги. Я не интересовался, почему.

Но Дэйл знал, почему. Контракты представляли огромную ценность. Помочь конкуренту - значило дать наступить себе на горло. Кораблей было больше, чем грузов.

- Сколько времени требуется, чтобы сменить инжекторы на тринадцатом?

- Лучше спросить об этом Майка.

Глиссон нажал кнопку и сказал в микрофон:

- Майк? Это Глиссон. Срочно зайдите в контору. Здесь мистер Эмбер. Он хочет вас немедленно видеть.

Майк вошел в контору без тени смущения. В уголке его рта была сигарета. Он сел без приглашения.

- Вам хочется знать, будет ли номер двенадцать готов к взлету к завтрашнему утру, - сказал он, не выслушав вопроса. - Ответ: нет.

- Хорошо, - сказал Дэйл. - Тогда скажите мне, можно ли быстро сменить инжекторы на тринадцатом?

- Нет.

- Почему?

- Для смены и испытаний потребуется сорок восемь часов. За двадцать четыре часа сделать невозможно. На смене инжектора может работать только один человек.

- Если мы не доставим грузы в течении тридцати шести часов, мы потеряем контракт. - Дэйл с трудом сдерживал себя. - Завтра на рассвете корабль должен взлететь.

Несмотря на протесты секретарши, Дэйл уверенно толкнул

дверь кабинета Блэйка, владельца компании "Транслуна".
- Буду краток, - начал он. - Я хочу зафрахтовать на один рейс корабль вместе с экипажем.
Блэйк достал сигару, медленно покатал ее в ладонях, обрезал и закурил. У него был вид человека, довольного жизнью.
- Ваш управляющий Глиссон поднял меня утром с постели. Мой ответ остался тем же - нет.
- У вас есть на это причины?
- Конечно! - Блэйк сложил губы трубочкой и выпустил кольцо дыма. - У меня нет лишнего корабля. Этого достаточно?
- Я хотел бы знать настоящие причины.
- Сколько для вас стоит контракт со Звездными рудниками, Эмбер?
- Не так много, как вы думаете. Вы зря заноситесь, Блэйк. Я помню время, когда вы приходили молить меня о помощи, припоминаете?
- Помню. - Внезапно Блэйк отбросил в сторону свое фальшивое добродушие. - Но я помню и ответ, который вы мне дали. Да, вы помогли мне, но какой ценой! Я оказался в безвыходном положении и должен был согласиться. Я не забыл этого, Эмбер.
- Бизнес есть бизнес, - сказал Дэйл. - Вы делаете свои деньги, я свои. Но ведь я дал вам возможность сохранить дело? Я ведь не милостыню прошу, Блейк. Я заплачу полную цену за корабль. Вы сами можете оказаться в подобном положении. Союз начнет давить и на вас.
Дэйл перегнулся через стол к собеседнику.
- Взгляните на дело шире, Блэйк. Если мы не будем держаться заодно, нас сомнут. Вы можете ненавидеть меня всем нутром, но не теряйте голову.
- Вы кончили? - Блэйк погасил сигарету. - Теперь позвольте сказать мне. Я знаю все об этом союзе... Понятно? Из-за вас у нашего дела плохая слава. Вы с вашими взрывающимися кораблями и экипажами из самоубийц снижаете наши доходы. Это - мошенничество! Вы теряете слишком много кораблей и слишком много людей. Чем быстрее вы выйдете из игры, тем лучше. А теперь убирайтесь!
Дэйл позвонил в контору из автомата.
- Есть какие-нибудь новости?
- Звонил Джон. Я сказал ему, что вы очень заняты. Он обещал приехать.
- Почему? - Голос Эмбера дрогнул. - Ему что-нибудь известно?
- Нет. Просто он хочет видеть вас.
- Ладно. Что еще?
- Звонил Макдональд. Он не изменил решения.
- Кто обычно летает с ним?
- Коулмэн.
- Где мне найти его?
- Он одинок и обычно проводит время в баре для космонавтов.
Дэйл повесил трубку, вышел на улицу. Мучила жара, раскаленный песок, казалось, окружал его со всех сторон, и он обрадовался, когда вошел в бар. Длинная комната с низким потолком, стоика, несколько карточных столов и автоматов, дюжина посетителей. Все - космонавты.
Дэйл заказал виски.
- Я ищу человека по имени Коулмэн, - обратился он к бармену. - Вы знаете его?

- Коулмэн! - громко крикнул бармен.
К стойке подошел молодой человек.
- Я вам нужен?
- Да. - Дэйл поднял кружку. - Хотите разделить компанию?
- Почему бы и нет? - Коулмэн улыбнулся, блеснув ослепительно белыми зубами.
- Я - Эмбер, - представился Дэйл.
- Ну и что?
- Хотите улучшить свои дела? Стать пилотом? Жалованье - больше на пятьдесят процентов, получите собственный корабль.
- Номер тринадцать?
- Для начала - да.
- Очень сожалею. - Коулмэн покачал головой. - Это не для меня.
- Вы не можете им управлять?
- Я могу управлять кораблем, но не этим.
- Двойное жалованье! - Дейл внимательно наблюдал за молодым человеком. - Не упускайте свой шанс, Коулмэн! Если вы откажетесь, то на всю жизнь останетесь оператором радара!
- Может быть. Но я буду живым оператором, а не мертвым пилотом. - Коулмэн поднял свою рюмку, посмотрел сквозь нее на свет и, не дотронувшись, снова поставил на стол.
Когда Дэйл вернулся в контору, его ожидал сюрприз. Присев на уголок стола, молодой человек в серой с серебром форме слушал музыку. Завидев Дэйла, он соскочил со стола.
- Удивлен, папа?
- Джон! - В возгласе Дэйла чувствовалась гордость. И тут же он вопросительно взглянул на Глиссона. Управляющий покачал головой: сын ничего не знал о неприятностях.
- Я только что прибыл, папа, - сказал Джон. - Не терпелось поделиться новостями.
Тут только Дэйл заметил миниатюрную серебряную ракету на плече сына.
- О, пилот первого класса! Это здорово!
Дэйл улыбнулся и обнял Джона за плечи. Сдвинул брови, когда вспомнил о покойной жене. Если бы она могла сейчас видеть Джона! Она не любила космос. Самым горьким ее часом был тот, когда Дэйл добился, чтобы Джона приняли в Академию космоса.
Глиссон деликатно кашлянул:
- Макдональд должен вот-вот быть.
- Макдональд? Ах, да! Извини, Джон, но у меня дела. - Дэйл улыбнулся сыну. - Иди погуляй часок по городу, потом мы встретимся. Ладно?
Джон кивнул.
Дэйл еще раз потрепал сына по плечу и сунул в верхний карман его френча несколько купюр.
- Славный мальчик, - сказал Глиссон, когда за Джоном захлопнулась дверь. - Вы можете им гордиться.
- Я и горжусь, - просто ответил Дэйл, и это было правдой.
- Пилот первого класса! - продолжал Глиссон. - Это здорово!
- Лучшее, что может быть, - ответил Дэйл. - Он имеет право управлять кораблями любого типа, а после стажировки станет командиром государственного экипажа. Может быть, первым достигнет Меркурия!
- Может быть... - Глиссон не возражал. - Во всяком случае, в одном можно быть уверенным: в Комфилде он всегда найдет работу!
- Нет! - Дэйл заставил себя улыбнуться. - Нет, это не

для Джона. Он государственный пилот высшей квалификации и пойдет по этому пути. Он будет водить государственные корабли, а не эти кастрюли.

Дэйл знал, что говорит. Частые коммерческие корабли строились с расчетом на максимум дохода и минимум безопасности.

Вес полезного груза решал все, за счет его увеличения снижалась надежность ракеты.

Корабли Комфилда в сравнении с государственными были тем же, чем первые аэропланы-этажерки рядом с современными реактивными самолетами.

Макдональд нервничал. Дэйл угадывал это по тому, как он держался, по выражению его лица и немногим другим мелочам.

- Садитесь, Боб. - Он указал на кресло.

- Я не хочу вас задерживать, - начал молодой человек, - но раз вы позвали, я пришел.

- Мне не хочется быть назойливым. Боб, но как у вас с деньгами?

- Не очень хорошо, мистер Эмбер... Жизнь в Комфилде дорога, особенно с ребенком...

- Я знаю, А кто у вас, мальчик или девочка?

- Мальчик.

- Вы счастливы. У меня тоже сын. Этот маленький чертенок причинял мне столько забот... Мать была бы счастлива, увидев его сейчас, Боб. Жалко, что ее нет в живых...

- Я очень сожалею...

- Это ждет всех нас, - продолжал Дэйл. - Но если есть дети, надо выполнять долг по отношению к ним. Мы обязаны дать им все лучшее, что можно. - Он засмеялся. - Но зачем я все это говорю! Вы, Боб, сами отец и знаете эти истины и без меня. Вам с семьей непременно надо поехать в горы. Так сколько мы должны вам, Боб, за пять дней простоя?

- Да, но...

- Вы думаете, что потеряли право на эти деньги, отказавшись лететь на тринадцатом?

- Да...

- Слушайте, Боб, что привело вас в Комфилд?

- Обычная причина. Мне надоело летать на реактивных самолетах, хотелось подняться на следующую ступеньку.

- Да, Боб, я понимаю. - Казалось, Дэйл говорит искренне. - Я завидую вам. Я бы все отдал, чтобы полетать самому, но первые же две минуты убьют меня. Я завидую вам, Боб, и думаю, что сейчас вы делаете глупость...

- Потому что хочу остаться в живых?

- Жизнь полна риска. Боб.

Дэйл замолчал, вынул сигарету, размял ее, закурил.

- Впрочем забудьте о риске. Я не об этом собрался говорить с вами. Двигатель на тринадцатом в полном порядке. Но не в этом дело. Я хотел поговорить о союзе.

- В союзе нет ничего плохого. Это наша единственная защита.

- Защита? Но от кого? От смерти? Она сама придет в свой срок, не раньше. Жалованье? Вы за один полет получаете больше, чем обычный человек зарабатывает за шесть месяцев. Против владельцев? Неужели вы не понимаете, что этого вовсе не требуется?

Дэйл бросил окурок в пепельницу.

- Это все, о чем вы хотели поговорить со мной? - спросил Макдональд.

- Нет.

Дэйл достал чековую книжку, вырвал из нее листок, подписал и протянул молодому человеку. Макдональд взял чек, взглянул на него, потом на Дэйла.

- Здесь ошибка, мистер Эмбер... За два последних полета мне уже заплатили.

- Берите. И отправьте жену с ребенком в горы или на побережье.

- Я не могу!

Макдональд положил чек на стол.

- Берите! Ведь я ничего не требую от вас. Пусть это будет моим подарком ко дню рождения вашего мальчика.

Макдональд медленно покачал головой. Его губы пересохли, взгляд был устремлен на чек, лежащий на столе.

- Майк может что-нибудь сделать с двигателем до темноты? - хрипло спросил он.

- Думаю, что да.

- Черт с ним! - Макдональд закусил губу. - Налаживайте двигатель, и я попробую!

Глиссон ворвался в контору, едва сдерживая радость.

- Я знал, что вы добьетесь своего, Дэйл! - воскликнул он. - Это взорвет союз! Майк уже работает на корабле.

Но Дэйл не чувствовал удовлетворения. Он слишком устал от всего. Голос Джона вывел его из забытья.

- Ты свободен, папа? Мне хотелось бы поговорить с тобой.

- Тебя что-то тяготит, сынок? - спросил Дэйл.

- Да, папа.

- Ты говорил с кем-нибудь в городе?

- Да. С человеком, которого зовут Коулмэн, ч с другим - по имени Янг. Они плохо отзывались о тебе.

- И ты хочешь знать, почему? У меня дело, Джон. А если у тебя есть дело, то есть и враги. Их сотни. Пусть тебя это не волнует.

- Я не о том, папа. - Джон по-прежнему оставался мрачным. - Это гораздо серьезнее. Они ненавидят тебя. Они говорили вещи, в которые я не могу поверить.

- Например?

- Кук и Бейлис погибли на твоем корабле, и они не единственные. Ты посылаешь людей на кораблях, которые ни к черту не годятся. Ты обманываешь их, тебе нельзя доверять!

- Ты молод, Джон, и во многих вопросах идеалист. Запомни: неудачники всегда ненавидят тех, кто добился успеха. Почему я должен переживать из-за того, что мне завидуют и ненавидят меня? Я владелец кораблей, я посылаю их в космос. Мы ведущие, Джон, а для этого тоже нужно мужество.

Дэйл взглянул на сына. Тот сидел, опустив голову.

- Я никогда не лгал тебе, сынок, и не собираюсь. Конечно, наши корабли менее надежны, чем государственные, и пилоты иногда гибнут на них, но они сами идут на этот риск, и, кроме того, им за это хорошо платят.

- А что с номером тринадцатым? - тихо спросил Джон.

- Могу ответить. Просто пилот был недоволен оплатой. Но на рассвете он летит. Ты удовлетворен?

Джон задумчиво покачал головой.

- Это правда?

- Я не лгу тебе, Джон. - Голос Дэйла звучал совершенно спокойно. - Я не принуждал его лететь. Пойдем, проводи меня.

В конторе ждал Майк.

Дэйл похлопал сына по плечу:

- Иди отдохни. У меня есть еще дела.

Джон опустился в кресло в углу комнаты.
- Как у вас? - тихо, чтобы не слышал сын, спросил Дэйл.
- Плохо, - ответил полушепотом Майк. Замасленными пальцами он вытащил из кармана комбинезона сигарету и закурил. - Я сделал все, что только возможно сделать с этим проклятым двигателем.
- Она поднимется?
- Да, поднимется. Но как высоко - это вопрос.
- До Луны она доберется?
- Может быть. - Инженер глубоко затянулся. - Это не мое дело, мистер Эмбер, но машина не надежна, а у Макдональда жена и ребенок.
- Макдональд согласился добровольно.
- Ладно, делайте как знаете. - Инженер выбросил окурок. - Макдональд сейчас явится вместе с Глиссоном. С ним еще люди. Янг тоже придет - он организатор союза.
- Черт побери! Почему вы не предупредили меня?
Дэйл схватился за голову. Джон сейчас встретится с ними и все узнает.
Эмбер знал, как следует держать себя с Макдональдом и Янгом. Но с ними была Мэри, жена Макдональда.
- Я возвращаю это, - сказала она, кладя чек на стол. - Муж мне дороже, чем путешествие в горы, мистер Эмбер. Он не полетит на этом корабле.
- Ваш муж - космический пилот, миссис Макдональд, - мягко сказал Дэйл. - Летать - его работа.
- Понятно, - вмешался Янг. - Но этот корабль опасен.
- Он не полетит! - Мэри так стиснула пальцы, что они побелели.
Дэйл взял чек со стола и вложил в ее ладонь.
- Возьмите, - сказал он. Потом повернулся к Макдональду. - У меня к вам предложение. Вы ведете корабль на Луну, а я делаю вас главным пилотом с участием в доходах и твердым жалованием.
- Деньги! - горько сказала Мэри раньше, чем Макдональд открыл рот для ответа. - Все, что вы можете предложить, - это деньги.
Она посмотрела на чек и медленно выпустила его из рук.
- Мне не нужны деньги, мне нужен муж. Я не хочу смотреть в небо и думать, вернется ли он назад. Хочу, чтобы он был с нами, когда вырастет ребенок.
- Он и не собирается умирать, - примиряюще сказал Дэйл. - Этот корабль безопасен.
- Я вам не верю! То же самое вы говорили Куку и Бейлису, что с ними стало? А что стало с другими, кто не вернулся обратно? С Куртисом и Уилксом, Юнгом и Хендерсоном, Мюрреем и Фенвиком?
Это был конец. Дэйл понял, что дело обстоит именно так.
- Этот корабль безопасен. - Голос Дэйла оставался бесстрастным.
Дэйл впервые посмотрел на Джона. Тот стоял бледный, его взгляд безучастно был устремлен в окно. Рядом судорожно перебирал носовой платок Глиссон.
- Я думаю, что вы лжете, Эмбер, - медленно сказал Янг. - Вы в прорыве и готовы на что угодно, лишь бы выкарабкаться из него. Я не верю, что тринадцатый безопасен, и могу доказать это.
- Я еще раз повторяю, что корабль безопасен.
- Хорошо? - Янг улыбнулся. - Если этот корабль так безопасен, как вы утверждаете, то перед вами нет никакой проблемы. У вас есть пилот прямо под руками.

- Кто? - Дэйл был изумлен. Глиссон кашлянул, но никто не обратил на него внимания.

- Он! - указал Янг пальцем на Джона. - Ваш сын!

- Нет! - Дэйл закусил губу.

- Почему нет? Он может это сделать. Мы уже говорили с ним. У него достаточно времени, чтобы слетать туда и обратно, пока кончится срок отпуска. И незачем беспокоится, если корабль в порядке, как вы утверждаете.

Этот день был самым длинным в жизни Дэйла. Он сидел не шевелясь. На полу валялись недокуренные сигареты. Его воспаленные, покрасневшие глаза не отрывались от зеленоватого экрана радара.

В соты раз Дэйл задавал себе вопрос: как все это могло случиться? Перед ним была дилемма: или позволить Джону лететь, или признать, что корабль небезопасен, а он просто хотел сыграть, сделав ставкой жизнь другого человека. Мальчик сам настоял, чтобы ему разрешили лететь на этом корабле.

Он гордый и честный, Джон Эмбер, его сын. Единственный сын.

За спиной Дэйла взад и вперед расхаживал Глиссон. Время от времени он тоже бросал взгляд на экран радара.

Все, что им теперь оставалось, - ждать.

- Ему удастся... - неуверенно сказал Глиссон.

Дэйл не ответил.

- Не волнуйтесь, мистер Эмбер. Он долетит. А назад вернется с попутным кораблем любой линии. Тогда не будет больше хлопот с этим союзом, и мы...

- Заткнись!

...На экране вспыхнуло и расплылось яркое зеленое пятно, окруженное светлым ореолом. У них на глазах оно заполнило весь экран и исчезло. Незачем было объяснять, что произошло. Это был конец.

...Дэйл сидел один, тупо уставившись в погасший экран. Его сын умер. Дело тоже умерло.

Сквозь пелену оцепенения до него донеслись звуки радио. Оркестр исполнял симфонию Макклина. Третью часть - "Полет на Луну".

Роберт Шекли

Зачем?

Перевод Е. Кубичева

Я и пытаться не стану описывать вам эту боль. Скажу только, что и под наркозом она была нестерпимой, а я терпел разве потому, что у меня другого выхода не было. После она утихла, и я открыл глаза и взглянул в глаза браминов, стоявших надо мной. Их было трое, и одеты они были в обычные белые хирургические халаты и белые маски из марли.

Эта дрянь для наркоза у меня только что из ушей не текла, так меня ею напичкали, и память работала какими-то урывками.

- Сколько же это я был мертвый? - спросил я.

- Около десяти часов, - ответил один из браминов.

- Как я умер?

- А вы не помните? - спросил самый длинный брамин.

- Нет еще.
- Ну что ж, - сказал длинный, - вы со своим взводом находились в траншее 2645Б- 4. На рассвете вся ваша рота поднялась в атаку с задачей захватить следующую траншею. Номер 2645Б-5.
- И что? - спросил я.
- Вы остановили собой несколько автоматных пуль. Нового типа - с разрывными головками. Вспоминаете? Одна угодила вам в грудь и еще три в - ноги. Когда санитары вас подобрали, выбыли мертвы.
- А траншею эту самую мы заняли? - спросил я.
- Нет. На этот раз нет.
- Ясно. - По мере того как наркоз проходил, память быстро возвращалась. Я припомнил парней из моего взвода. Старушка 2645Б-4 была мне домом больше года, и для траншеи она была довольно уютной. Противник все пытался нас оттуда выбить, и наша утренняя атака по-настоящему была контратакой. Я вспомнил, как автоматные пули разрывали мне тело и то чудесное облегчение, которое я испытал, когда все кончилось. Припомнил я и еще кое-что...
Я поднялся и сел.
- Эй, ну-ка минуточку! - сказал я.
- В чем дело?
- Мне казалось, что верхней границей возвращения человека к жизни было восемь часов...
- Мы с тех пор усовершенствовали наше искусство, - сказал мне один из браминов. - Мы его постоянно совершенствуем. Теперь мы можем оживлять мертвецов уже после двенадцати часов после смерти, словом, пока не произошло серьезных нарушений работы мозга.
- Молодчаги какие, - сказал я. Теперь память ко мне окончательно вернулась, и я уразумел, что произошло. - Только вот вы сделали серьезную ошибку, что меня оживили.
- Какого черта, рядовой? - спросил меня один из них голосом, который бывает только у офицеров.
- Посмотрите на мои нашивки, - сказал я.
Он посмотрел. Его лоб - а это было все, что мне было видно, - наморщился.
- Это в самом деле необычно, - сказал он.
- Необычно! - передразнил я его.
- Понимаете, - заявляет он мне, - вы были в траншее, полным-полнехонькой мертвецами. Нам сообщили, что все они по первому разу. Нам было приказано оживить всех.
- А на нашивки вы сперва не посмотрели?
- У нас было слишком много работы. Времени не было. Я и в самом деле сожалею, дружище. Если бы только я знал...
- Хватит. К черту! - отрезал я. - Хочу видеть Генерал-инспектора.
- Неужели вы в самом деле думаете, что...
- Думаю, - сказал я. - Я не такой, чтобы за закон зубами держаться, но на этот раз меня в самом деле обидели. Имею право повидать Генерал-инспектора.
Они зашептались, а я тем временем осмотрел себя. Брамины эти здорово надо мной потрудились. Хотя, конечно, не так хорошо, как это делалось в первые годы войны.
- Так вот, насчет Генерал-инспектора, - сказал один из них.
- Тут есть некоторые трудности. Понимаете...
Нечего и говорить, что Генерал-инспектора я не увидел. Они отвели меня к здоровенному жирнюге сержанту с этакой добряцкой рожей, немолодому.

- Ну, ну, дружище, - говорит мне этот добряк сержантище. - Я слышал, что ты шум поднимаешь насчет оживления?

- Правильно слышали, - ответил я ему. - Согласно "Актам о войне" даже рядовой солдат имеет свои права. По крайней мере меня так учили.

- Само собой, имеет, - говорит этот добряк.

- Я свой долг выполнил, - заявил я ему. - Семнадцать лет в армии, восемь лет на передовой. Три раза был убитым, три раза меня оживляли. Приказ такой, что после трех раз официально можно требовать, чтобы тебя оставили в мертвых. У меня так все и было, и на моих нашивках так обозначено. Но меня не оставили в мертвых. Проклятые коновалы снова меня оживили, а это нечестно. Я хочу остаться мертвым.

- В живых оставаться куда лучше, - говорит сержант. - Когда остаешься в живых, то всегда есть возможность, что тебя уволят из армии на гражданку. Не то, чтобы это случалось сплошь и рядом, потому как людей на фронте не хватает. Но шанс-то все-таки есть.

- Хочу остаться в мертвых, - твердо заявил я. - После третьего раза по "Актам о войне" это моя привилегия.

- Но наши враги превосходят нас в людской силе, - говорит старший сержант. - Все эти миллионы и миллионы их солдат! Нам нужно было иметь больше боеспособных мужчин.

- Мне это все известно. Послушайте, сержант. Я хочу, чтобы мы победили. Я очень этого хочу. Я был хорошим солдатом, но меня уже три раза убивали, и...

- Вся беда в том, - говорит сержант, - что противник тоже оживляет своих убитых. Борьба за живую силу на передовой именно сейчас вступает в решающую фазу. Следующие несколько месяцев покажут, кому будет принадлежать победа. Так почему же не забыть о том, что случилось? Обещаю, что когда вас убьют в следующий раз, вас оставят в покое.

- Хочу повидать Генерал-инспектора, - сказал я.

- Ладно, дружище, - говорит мне этот добряк, старина сержант не очень дружеским тоном. - Пройдите в комнату триста три.

Я пошел в триста третью, которая оказалась приемной, и стал ждать. Мне было вроде немного не по себе из-за того, что я поднял всю эту шумиху. В конце концов страна воевала. Но уж больно меня рассердили. Солдат имеет права, даже во время войны. Эти проклятые брамины...

Забавно, как прилепилось к ним это прозвище. Они просто доктора, а не какие-нибудь там индуисты, или настоящие брамины, или еще что. Их прозвали так после одной газетной статейки, года два назад она появилась, когда все это было еще в новинку. Парень, который накатал эту самую статью, расписал там, как доктора теперь могут оживлять убитых и те снова годятся в бой. Этот парень процитировал по этому поводу поэму Эмерсона. Поэма эта называлась "Брама", стало быть, наших докторов стали звать браминами.

По первоначалу оживление было не такой уж плохой штукой. Хоть сперва и больно, а все равно - до чего ж хорошо остаться в живых! Но в конце концов наступает такой момент, когда уже невмоготу умирать и воскресать, умирать и воскресать.

Лезут всякие мысли, вроде того, что сколько же смертей ты должен отдать своей стране и не лучше, не спокойней ли некоторое время побыть в мертвых.

Начальство это поняло. От многократного оживления страдал дух армии. Поэтому пределом установили три оживления. После третьего раза ты мог выбирать - либо

остаться в мертвых, либо воскреснуть и уйти на гражданку.

А меня обманули. Меня в четвертый раз оживили. Я патриот не хуже любого другого, но этого я потерпеть не могу.

В конце концов меня допустили к адъютанту Генерал-инспектора. Это был полковник, худощавый, седой, и я сразу понял, что он из породы тех, с которыми прав не покажешь. Его уже поставили в известность о моем деле, поэтому он сразу взял быка за рога.

- Рядовой, - заявляет он, - я сожалею о случившемся, но сейчас отданы новые приказы. Противник увеличил число оживлений своих солдат, а мы не должны уступать ему. Установлен порядок - шесть оживлений перед отставкой.

- Но ведь этот приказ отдали, когда я был мертвый.

- Приказ имеет обратную силу, - говорит он. - Вам предстоит пережить еще две смерти. До свидания, рядовой, желаю удачи.

Вот так. Мог бы и знать, что у начальства ничего не добьешься. Они же не испытали всего на своей шкуре. Чаще одного раза их редко убивают, так что им просто невдомек, что испытывает человек после четвертого раза. Словом, я отправился обратно в свою траншею.

Я шагал не спеша мимо отравленной колючей проволоки и думал изо всех сил. Прошел какую-то дуру, прикрытую зеленым брезентом, на которой по трафарету была выведена надпись: "Секретное оружие". Наш сектор прямо напичкан этим секретным оружием.

Но сейчас мне было на это наплевать. Я думал о строфе из поэмы Эмерсона. Он пишет вроде так:

Даль забвенья со мною
рядом,
Тень все равно
что солнечный свет,
Мне являются
исчезнувшие боги,
А стыд и слава мне -
все одно.

Старина Эмерсон это очень здорово подметил, потому что после четвертой смерти все именно так и представляется. Все тебе безразлично, и все кажется более или менее одинаковым. Поймите меня правильно, я не циник. Я просто говорю, что после того как человек умрет четыре раза, его точка зрения на вещи обязательно изменяется.

В конце концов я добрался до старушки 2645Б-4 и поздоровался со всеми ребятами. Узнал, что на рассвете снова пойдем в атаку. Но все еще размышлял.

Я не дезертир, только, на мой взгляд, четыре смерти - этого достаточно. Я решил, что уж в этой-то атаке я приму меры, чтобы остаться мертвым. На этот раз никакой ошибки не будет.

Мы выступили, когда чуть забрезжило, мимо колючей проволоки, мимо минных заграждений на ничейную землю между нашей траншеей и той, что числилась за номером 2645Б-5. Атака выполнялась силами батальона, и всем нам раздали самонаводящееся оружие.

Мы наступали. Вокруг меня стоял гром от разрывов, но меня даже не оцарапало. Я уж начал думать, что на этот раз мы одолеем.

И тут меня зацепило. Разрывной пулей в грудь.

Безусловно, смертельно. Обычно, если что-нибудь в тебя такое угодит, ты валишься и лежишь. Но только не я. На этот раз я хотел на все сто быть уверенным, что останусь мертвым. Поэтому я поднялся и, шатаясь, пошел вперед, опираясь на винтовку, как на костыль. Под самым плотным перекрестным огнем, какой только можно себе представить, я прошел еще метров пятнадцать. И меня снова зацепило, да еще как!

Разрывная пуля просверлила мне лоб. В крохотную долю секунды, пока я еще жил, я почувствовал, как у меня вскипел мозг, и понял, что на этот раз - все. Брамины не смогут сладить с серьезным повреждением мозга, а у меня было - серьезней некуда.

И я умер.

...Сознание вернулось ко мне, и я увидел браминов в белых халатах и марлевых масках.

- Сколько я был мертвым? - спросил я.

- Два часа.

И тут я вспомнил.

- Но ведь меня... в голову!

Марлевые повязки сморщились, и я понял, что брамины заулыбались.

- Секретный способ, - говорит мне один из них. - Его разрабатывали почти три года. И наконец нам вместе с инженерами удалось усовершенствовать антидеструктор. Величайшее изобретение!

- Да-а? - протянул я.

- Наконец-то медицинская наука может излечивать серьезные ранения в голову, - говорит мне брамин. - И любые другие ранения. Мы можем теперь оживлять всех, при условии, что можем собрать семьдесят процентов тела, чтобы ввести их в антидеструктор.

- Замечательно, - сказал я.

- Между прочим, - говорит мне этот брамин, - вам дали медаль за героическое продвижение вперед под огнем да еще со смертельной раной.

- Замечательно, - сказал я. - Взяли мы эту 2645Б-5?

- На этот раз взяли. Теперь копим силы, чтобы выбить их из траншеи 2645Б-6.

Я кивнул, а спустя некоторое время мне вернули обмундирование и послали обратно на фронт. Сейчас здесь стало немного потише, и я должен признать, что быть живым не так уж плохо. И все же я думаю, что от жизни я ничего больше уже не хочу.

Теперь мне осталась еще одна смерть до шестой, заветной.

Если только они не отдадут новый приказ.

Роберт Шекли

Поднимается ветер

Перевод Э. Кобалевской

За стенами станции поднимался ветер. Но двое внутри не замечали этого - на уме у них было совсем другое. Клейтон еще раз повернул водопроводный кран и подождал. Ничего.

- Стукни-ка его посильнее, - посоветовал Неришев.

Клейтон ударил по крану кулаком. Вытекли две капли. Появилась третья, повисела секунду и упала. И все.

- Ну, ясно, - с горечью сказал Клейтон. - Опять забило эту чертову трубу. Сколько у нас воды в баке?

- Четыре галлона, да и то если в нем нет новых трещин, - ответил Неришев.

Не сводя глаз с крана, он беспокойно постукивал по нему длинными пальцами. Он был крупный, рослый, но почему-то казался хрупким, бледное лицо обрамляла реденькая бородка. Судя по виду, он никак не подходил для работы на станции наблюдения на далекой чужой планете. Но, к великому сожалению Корпуса Освоения, давно выяснилось, что для этой работы подходящих людей вообще не бывает.

Неришев был опытный биолог и ботаник. По натуре беспокойный, он в трудные минуты поражал своей собранностью. Таким людям нужно попасть в хорошую переделку, чтобы оказаться на высоте положения. Пожалуй, именно поэтому его и послали осваивать такую неуютную планету, как Карелла.

- Наверно, придется все-таки выйти и прочистить трубу, - сказал Неришев, не глядя на Клейтона.

- Видно так, - согласился Клейтон и еще раз изо всех сил стукнул по крану. - Но ведь это просто самоубийство! Ты только послушай!

Клейтон был краснощекий коренастый крепыш с бычьей шеей. Он работал наблюдателем уже на третьей планете.

Пробовал он себя и на других должностях в Корпусе Освоения, но ни одна не пришлась ему по душе. ПОИМ - Первичное Обнаружение Иных Миров - сулило чересчур много всяких неожиданностей. Нет, это работа разве что для какого-нибудь сорвиголовы или сумасшедшего. А на освоенных планетах, наоборот, чересчур тихо и негде развернуться.

Вот теперешняя должность наблюдателя недурна. Знай сиди на планете, только что открытой ребятами из Первичного Обнаружения Иных Миров и обследованной роботом- спутником. Тут требуется одно: стоически выдерживать любые неудобства и всеми правдами и неправдами оставаться в живых. Через год его заберет отсюда спасательный корабль и примет его отчет. В зависимости от этого отчета планету будут осваивать дальше или откажутся от нее.

Каждый раз Клейтон исправно обещал жене, что следующий полет будет последним. Уж когда закончится этот год, он точно осядет на Земле и станет хозяйничать на своей маленькой ферме. Он обещал...

Однако едва кончался очередной отпуск, Клейтон снова отправлялся в путь, чтобы делать то, для чего предназначила его сама природа: стараться во что бы то ни стало выжить, пуская в ход все свое умение и выносливость.

Но на сей раз с него, кажется, и правда хватит. Они с Неришевым пробыли на Карелле уже восемь месяцев. Еще четыре - и за ними придет спасательный корабль. Если и на этот раз он уцелеет - все, баста, больше никуда!

- Слышишь? - спросил Неришев.

Далекий, приглушенный ветер вздыхал и бормотал вокруг стального корпуса станции, как легкий летний бриз.

Таким он казался здесь, внутри станции, за трехдюймовыми стальными стенами с особой звуконепроницаемой прокладкой.

- А он крепчает, - заметил Клейтон и подошел к индикатору скорости ветра. Судя по стрелке, этот ласковый ветерок дул с постоянной скоростью восьмидесяти двух миль в час!

На Карелле это всего лишь легкий бриз.

- Ах, черт, не хочется мне сейчас вылезать, - сказал

Клейтон. - Пропади оно все пропадом!
   - А очередь твоя, - заметил Неришев.
   - Знаю. Дай хоть немножко поскулить сначала. Вот что, пойдем спросим у Сманика прогноз.
   Они двинулись через станцию мимо отсеков, заполненных продовольствием, запасами воздуха, приборами и инструментами, запасным оборудованием; стук их каблуков по стальному полу отдавался гулким эхом. В дальнем конце виднелась тяжелая металлическая дверь, выходившая в приемник. Оба натянули маски, отрегулировали приток кислорода.
   - Готов? - спросил Клейтон.
   - Готов.
   Они напряглись, ухватились за ручки возле двери. Клейтон нажал кнопку. Дверь скользнула в сторону, и внутрь со свистом ворвался порыв ветра. Оба низко пригнулись и, с усилием одолевая напор ветра, вошли в приемник.
   Это помещение футов тридцать в длину и пятнадцать в ширину служило как бы продолжением станции, но не было герметически непроницаемым. В стальной каркас стен были вделаны щитки, которые в какой-то мере замедляли и сдерживали воздушный поток. Судя по индикатору, здесь, внутри, ветер дул со скоростью тридцать четыре мили в час.
   "Черт, какой ветрище, а придется еще беседовать с карелланцами" - подумал Клейтон. Но иного выхода не было. Здешние жители выросли на планете, где ветер никогда не бывает слабее семидесяти миль в час, и не могли выносить "мертвый воздух" внутри станции. Они не могли дышать там, даже когда люди уменьшали содержание кислорода до обычного на Карелле. В стенах станции у них кружилась голова и они сразу пугались. Пробыв там немного, они начинали задыхаться, как люди в безвоздушном пространстве.
   А ветер со скоростью в тридцать четыре мили в час - это как раз та средняя величина, которую могут выдержать и люди, и карелланцы.
   Клейтон и Неришев прошли по приемнику. В углу лежал какой-то клубок, нечто вроде высушенного осьминога. Клубок зашевелился и учтиво помахал двумя щупальцами.
   - Добрый день, - поздоровался Сманик.
   - Здравствуй, - отвечал Клейтон. - Что скажешь об этой погоде?
   - Отличная погода, - сказал Сманик.
   Неришев потянул Клейтона за рукав.
   - Что он говорит? - спросил он и задумчиво кивнул, когда Клейтон перевел ему слова Сманика. Неришев был не так способен к языкам, как Клейтон. Он пробыл здесь уже восемь месяцев, но язык карелланцев все еще казался ему совершенно невразумительным набором щелчков и свистков. Появились еще несколько карелланцев и тоже вступили в разговор. Все они походили на пауков или осьминогов, у всех были маленькие круглые тела и длинные гибкие щупальца. Самая удобная форма тела на этой планете, и Клейтон частенько ловил себя на том, что завидует им. Для него станция - единственное надежное убежище, а для этих вся планета - дом родной.
   Нередко он видел, как карелланец шагает против ураганного ветра: семь-восемь щупалец намертво впились в почву, а остальные протянуты вперед в поисках новой опоры. Или же они катятся по ветру, словно перекати-поле, плотно обвив себя всеми щупальцами, - ни дать ни взять плетеная корзинка. А как весело и дерзко управляются они со своими сухопутными кораблями, как лихо мчатся по ветру, точно гонимые им

облака.

"Что ж, зато на Земле они выглядели бы преглупо" - подумал Клейтон.

- Какая будет погода? - спросил он Сманика.

Карелланец на минуту призадумался, втянул в себя воздух и потер два щупальца одно о другое.

- Пожалуй, ветер еще немножко усилится, - сказал он наконец. - Но ничего страшного не будет.

Теперь задумался Клейтон. "Ничего страшного" для карелланца может означать гибель для землянина. И все-таки это звучит утешительно.

Они с Неришевым вновь ушли в станцию и закрыли за собой дверь.

- Слушай, - сказал Неришев, - если ты предпочитаешь переждать...

- Уж лучше скорее отделаться.

Единственная тусклая лампочка под потолком освещала блестящую, гладкую громаду Зверя. Так они прозвали машину, созданную специально для передвижения по Карелле.

Зверь был весь бронированный, как танк, и обтекаемый, как полушарие. В мощной стальной броне были прорезаны смотровые щели, забранные небьющимся стеклом, толщиной и прочностью не уступающим стали. Центр тяжести танка был расположен очень низко: основная масса двенадцатитонной громады размещалась у самого днища. Зверь закрывался герметически. Его тяжелый дизельный двигатель и все входные и выходные отверстия были снабжены особыми пыленепроницаемыми покрышками. Эта неподвижная махина на шести колесах с толстенными шинами напоминала некое доисторическое чудовище.

Клейтон залез внутрь, надел шлем и защитные очки, пристегнулся к мягкому сиденью. Потом включил мотор, прислушался и кивнул.

- В порядке, - сказал он. - Зверь готов к прогулке. Иди наверх и открой дверь гаража.

- Счастливо, - сказал Неришев и вышел.

Клейтон внимательно проверил приборы: да, все технические новинки, изготовленные специально для Зверя, работают отлично. Через минуту по радио раздался голос Неришева:

- Открываю дверь.

- Давай.

Тяжелая дверь скользнула в сторону, и Клейтон вывел Зверя.

Станция была поставлена на широкой пустой равнине. Конечно, горы могли бы хоть немного защитить от ветра, но горы на Карелле беспрестанно возникают и рушатся. Впрочем, на равнине есть и свои опасности. И чтобы избежать хотя бы самых грозных, вокруг станции установлены прочные стальные надолбы. Они стоят очень близко друг к другу и нацелены остриями наружу, точно старинные противотанковые укрепления, да и служат, собственно, тем же целям.

Клейтон повел Зверя по одному из узких извилистых проходов, проложенных в гуще этой стальной щетины. Выбрался на открытое место, отыскал водопроводную трубу и двинулся вдоль нее. На небольшом экране засветилась белая линия. Она будет показывать малейшую поломку или чужеродное тело в этой трубе.

Впереди простиралась однообразная скалистая пустыня. Время от времени на глаза Клейтону попадался одинокий низкорослый кустик. Ветер, приглушенный урчанием мотора, дул прямо в спину.

Клейтон взглянул на индикатор скорости ветра. Девяносто две мили в час!

Клейтон уверенно продвигался вперед, тихонько мурлыча что-то себе под нос. Временами слышался треск - камешки, гонимые ураганным ветром, барабанили по танку. Они отскакивали от толстой стальной шкуры Зверя, не причиняя никакого вреда.

- Все в порядке? - спросил по радио Неришев.

- Как нельзя лучше, - отвечал Клейтон.

Вдалеке он различил сухопутный корабль карелланцев. Футов сорока в длину, довольно узкий, корабль проворно скользил вперед на грубых деревянных катках. Паруса были сработаны из древесины лиственного кустарника - на планете их было всего несколько пород.

Поравнявшись с Клейтоном, карелланцы помахали ему щупальцами. Они, видимо, направлялись к станции.

Клейтон вновь стал следить за светящейся линией. Теперь шум ветра стал громче, его рев перекрывал даже стук мотора. Скорость его по индикатору была уже девяносто семь миль в час.

Клейтон угрюмо, неотрывно глядел в иссеченное песком смотровое стекло. Вдалеке сквозь пыльные вихри смутно маячили зазубрины скал. По корпусу Зверя барабанили камешки, и стук их глухо отдавался внутри. Клейтон заметил еще один сухопутный корабль, потом еще три. Они упрямо продвигались против ветра.

Странно: с чего это их всех вдруг потянуло на станцию? Клейтон вызвал по радио Неришева.

- Как дела? - спросил Неришев.

- Я уже почти добрался до колодца, поломки пока не видно, - сказал Клейтон. - Кажется, к тебе туда едет целая орава карелланцев?

- Да. С подветренной стороны приемника уже стоят шесть кораблей и подходят новые.

- Пока у нас с ними еще не бывало никаких неприятностей, - раздумчиво проговорил Клейтон. - Как по-твоему, в чем тут дело?

- Они привезли с собой еду. Может, у них какой-нибудь праздник...

- Может быть. Смотри там, поосторожней!

- Не беспокойся. Ты сам будь осторожен и давай скорей назад...

- Нашел поломку! После поговорим.

Поломка отражалась на экране белым пятном. Вглядевшись сквозь смотровое стекло, Клейтон понял, что по трубе, верно, прокатилась каменная глыба, смяла ее и покатилась дальше.

Он остановил танк с подветренной стороны трубы. Скорость ветра достигала уже ста тринадцати миль в час. Клейтон выскользнул из Зверя, прихватив несколько отрезков трубы, материал для заплат, паяльную лампу и ящик с инструментами. Все это он обвязал вокруг себя, а сам привязался к танку прочным нейлоновым канатом.

Снаружи ветер сразу его оглушил. Он грохотал и ревел, точно яростный морской прибой. Клейтон увеличил подачу кислорода в маску и принялся за работу.

Через два часа он наконец закончил ремонт, на который обычно хватает пятнадцати минут. Одежда его была изорвана в клочья, воздухоотвод забит песком и пылью.

Клейтон вскарабкался обратно в танк, задраил люк и без сил повалился на пол. Под порывами ветра танк начал вздрагивать. Но Клейтон не обратил на это никакого

внимания.
- Алло! Алло! - кричал Неришев по радио.
Клейтон устало взобрался на сиденье и отозвался.
- Скорей назад, Клейтон! Отдыхать сейчас некогда. Ветер уже сто тридцать восемь! По-моему, надвигается буря!
Буря на Карелле! Клейтону даже думать об этом не хотелось. За все восемь месяцев такое случилось только один раз, скорость ветра дошла тогда до ста шестидесяти миль.
Он развернул танк и тронулся в обратный путь, прямо навстречу ветру. Он дал полный газ, но машина ползла ужасающе медленно. Три мили в час - вот и все, что можно было выжать из мощного мотора при встречном ветре скоростью сто тридцать восемь миль в час.
Клейтон глядел упорно вперед. Судя по длинным струям пыли и песка, все вихри бескрайних небес устремились в одну-единственную точку - в его смотровое стекло. Каменные обломки, подхваченные ветром, летели навстречу, росли на глазах и обрушивались все на то же стекло. И всякий раз Клейтон невольно съеживался и втягивал голову в плечи.
Мотор начал захлебываться и давать перебои.
- Нет, нет, малыш, - выдохнул Клейтон. - Не сдавай, погоди! Сначала доставь меня домой, а там как хочешь. Уж пожалуйста!
Он прикинул, что до станции еще миль десять и все против ветра.
Вдруг что-то загрохотало, будто с горы низвергалась лавина. Это громыхала каменная глыба величиной с дом. Ветер не мог поднять такую громадину и просто катил ее, вспахивая ею каменистую почву, как плугом.
Клейтон круто повернул руль. Мотор надрывно взревел, и танк невыносимо медленно отполз в сторону, давая глыбе дорогу. Клейтон смотрел, как она надвигается, его трясло; он барабанил кулаком по приборной доске.
- Скорей, крошка, скорей!
Глыба с грохотом пронеслась мимо, она делала добрых тридцать миль в час.
- Чуть не шарахнуло, - сказал себе Клейтон. Он попытался снова повернуть Зверя против ветра по направлению к станции, но не тут-то было.
Мотор выл и ревел, силясь справиться с тяжелой машиной, но ветер, как неумолимая серая стена, отталкивал ее прочь.
Стрелка индикатора показывала уже сто пятьдесят девять в час.
- Как ты там? - спросил по радио Неришев.
- Превосходно! Не мешай, я занят.
Клейтон поставил танк на тормоза, отстегнулся от сиденья и кинулся к мотору. Отрегулировал зажигание, проверил смесь и поспешил назад к рулю.
- Эй, Неришев! Этот мотор скоро сдохнет!
Долгое мгновение Неришев не отвечал. Потом спросил очень спокойно:
- А что с ним случилось?
- Песок! - сказал Клейтон. - Ветер гонит его со скоростью сто пятьдесят девять миль в час. Песок в подшипниках, в форсунках, всюду и везде. Проеду, сколько удастся.
- А потом?
- А потом поставлю парус, - отвечал Клейтон. - Надеюсь, мачта выдержит.
Теперь он был поглощен одним: вел машину. При таком ветре Зверем нужно было управлять, как кораблем в бурном

море. Клейтон набрал скорость, когда ветер дул ему в корму, потом круто развернулся и пошел против ветра.

На этот раз Зверь послушался и лег на другой галс.

Что ж, больше ничего не придумаешь. Весь путь против ветра нужно пройти, беспрестанно меняя галс. Он стал поворачивать, но даже на полном газу машина не могла держать против ветра круче, чем на сорок градусов.

Целый час Клейтон рвался вперед, поминутно меняя галс и делая три мили для того, чтобы продвинуться на две. Каким-то чудом мотор все еще работал. Клейтон мысленно благославлял его создателей и умолял двигатель продержаться еще хоть сколько-нибудь.

Сквозь слепящую завесу песка и пыли он увидел еще один карелланский корабль. Паруса у него были зарифлены, и он кренился набок так, что страшно было смотреть. И все же он довольно бойко продвигался против ветра - и вскоре обогнал Зверя.

Вот счастливчики, подумал Клейтон. Сто шестьдесят пять миль в час для них - всего лишь попутный ветерок!

Вдали показалось серое полушарие станции.

- Я все-таки доберусь! - завопил Клейтон. - Открывай ром, Неришев, дружище! Ох и напьюсь же я сегодня!

Мотор словно того и ждал - тут-то он и заглох. Клейтон яростно выругался и поставил танк на тормоза. Проклятое невезенье! Дуй ветер ему в спину, он бы преспокойно прикатил домой. Но ветер, разумеется, дул прямо в лоб.

- Что думаешь делать? - спросил Неришев.

- Сидеть тут, - отвечал Клейтон. - Когда ветер поутихнет и начнется ураган, я приду пешком.

Двенадцатитонная махина вся содрогалась и дребезжала под ударами ветра.

- Знаешь, что я тебе скажу? - продолжал Клейтон. - Теперь-то уж я наверняка подам в отставку.

- Да ну? Ты серьезно?

- Совершенно серьезно. У меня в Мэриленде ферма с видом на Чесапикский залив. И знаешь, что я буду делать?

- Что же?

- Разводить устриц. Понимаешь, устрица... Что за черт! Станция медленно уплывала прочь, ее словно относило ветром. Клейтон протер глаза: уж не спятил ли он? Потом вдруг понял, что танк хоть и на тормозах, хоть и обтекаемой формы, но ветер неуклонно оттесняет его назад.

Клейтон со злостью нажал кнопку на распределительном щите и выпустил сразу правый и левый якоря. Они с тяжелым звоном ударились о камни, заскрипели и задребезжали стальные тросы. Клейтон вытравил семьдесят футов стального каната, потом закрепил тормоза лебедки. Танк вновь стоял как вкопанный.

- Я отдал якоря, - сообщил Клейтон Неришеву.

- И что, держат?

- Пока держат.

Клейтон закурил сигарету и откинулся на спинку кресла. Каждая мышца ныла от напряжения. Веки дергались от усталости: ведь он столько времени неотрывно следил за направлением ветра, который обрушивался то справа, то слева. Клейтон закрыл глаза и попытался хоть немного отдохнуть.

Свист ветра прорезал стальную обшивку танка. Ветер выл, стонал, дергал и тряс машину, словно искал, за что бы уцепиться на ее гладком, полированном корпусе. Когда он достиг ста шестидесяти девяти миль в час, вырвало щитки вентилятора. Счастье, что на мне герметически закрытые очки, а то бы я ослеп, подумал Клейтон, и если бы не

кислородная маска - непременно бы задохся. В кабине вихрем закружилась густая пыль, насыщенная электричеством.

По корпусу танка, точно пулеметная очередь, застучали камешки. Теперь они ударяли куда сильнее прежнего. Интересно, много ли им нужно, чтобы пробить стальную броню насквозь?

В такие минуты Клейтону всегда бывало нелегко сохранять хладнокровие и рассудительность. Он особенно остро ощущал, как уязвима человеческая плоть, и с ужасом думал, что грозным силам Вселенной ничего не стоит его раздавить. Зачем он здесь? Человеку здесь не место, он должен оставаться на Земле, где воздух тих и спокоен. Вернуться бы только домой...

- Как ты там? - спросил Неришев.

- Отменно, - устало ответил Клейтон. - А у тебя как?

- Неважно. Вся постройка дрожит и вибрирует. Если этот ветер надолго, фундамент может не выдержать.

- А наши еще собираются устроить тут заправочную станцию, - сказал Клейтон.

- Ну, ты же знаешь в чем суть. Карелла - единственная твердая планета между Энгарсой и Южным Каменным Поясом. Все остальные - газовые гиганты.

- Придется им строить свою станцию прямо в космосе.

- А ты знаешь во сколько это обойдется?

- Да пойми ты, черт побери, дешевле построить новую планету, чем держать заправочную станцию на этой!

Клейтон сплюнул: рот у него был набит пылью.

- Хотел бы я уже очутиться на спасательном корабле! Много у тебя там карелланцев?

- Штук пятнадцать сидят в приемнике.

- Ничего угрожающего?

- По-моему, нет, но ведут себя как-то странно.

- А что?

- Сам не знаю, - отвечал Неришев. - Только не нравится мне это.

- Ты бы лучше не вылезал пока в приемник, что ли. Говорить с ними ты все равно не можешь, а я хочу застать тебя целым и невредимым, когда вернусь. - Он запнулся. - Если, конечно, вернусь.

- Прекрасно вернешься, - пообещал Неришев.

- Ясно, вернусь... Ах, черт!

- Что такое? Что случилось?

- На меня летит скала! После поговорим.

И Клейтон уставился на каменную громадину: черное пятно быстро увеличивалось, приближаясь к нему с наветренной стороны. Оно надвигалось прямиком на его неподвижный беспомощный танк. Клейтон мельком глянул на индикатор. Сто семьдесят четыре в час! Не может этого быть! Впрочем, и в земной стратосфере реактивная струя бьет со скоростью двести миль в час.

Камень, уже огромный как дом, все рос, надвигался, катился на Зверя.

- Сворачивай! Прочь! - заорал ему Клейтон, изо всех сил колотя кулаком по приборной доске.

Но камень под чудовищным напором ветра неуклонно мчался вперед.

С криком отчаяния Клейтон нажал кнопку и освободил оба якоря. Втягивать их не было времени, даже если бы лебедка выдержала нагрузку. А камень все ближе...

Клейтон отпустил тормоза.

Зверь, подгоняемый ветром в сто семьдесят восемь миль в

час, стал набирать скорость. Через несколько секунд он делал уже тридцать восемь миль в час, но в зеркале заднего обзора Клейтон видел, что камень нагоняет.

Когда он был уже совсем близко, Клейтон рванул руль влево. Танк угрожающе накренился, вильнул в сторону, заскользил, как по льду, и едва не опрокинулся. Клейтон намертво вцепился в руль управления, стараясь выровнять машину. Надо же! Танк весит двенадцать тонн, а я развернул его по ветру, как парусную лодчонку, подумал он. Бьюсь об заклад, никому это до меня не удавалось!

Камень величиной с добрый небоскреб пронесся мимо. Тяжелый танк чуть покачнулся и грузно осел на все свои шесть колес.

- Клейтон! Что случилось? Ты жив?

- Живехонек, - задыхаясь выговорил Клейтон. - Но мне пришлось убрать якоря. Меня сносит по ветру!

- А повернуть можешь?

- Пробовал, чуть не опрокинулся.

- Куда же тебя сносит?

Клейтон посмотрел в даль. Впереди, окаймляя равнину, дыбились грозные черные скалы.

- Еще миль пятнадцать - и я врежусь в скалы. При такой скорости этого ждать недолго.

Клейтон снова нажал на тормоза. Шины завизжали, прокладки тормозов яростно задымились. Но ветер - уже сто восемьдесят три в час - даже не заметил такого пустяка. Танк сносило теперь со скоростью сорока четырех миль в час.

- Попробуй паруса! - закричал Неишев.

- Не выдержат.

- А ты попробуй. Другого выхода нет! Здесь уже сто восемьдесят пять в час. Вся станция трясется! Камни срывают надолбы. Боюсь, пробьет стены и расплющит...

- Хватит, - прервал Клейтон. - Мне тут не до тебя.

- Не знаю, выдержит ли станция. Слушай, Клейтон, попробуй...

Радио вдруг захлебнулось и. умолкло. Настала зловещая тишина.

Клейтон несколько раз стукнул по приемнику, потом махнул рукой. Танк сносило уже со скоростью сорок девять миль в час. Скалы вырастали перед ним с устрашающей быстротой.

- Ну что ж, - сказал себе Клейтон. - Вот и все.

Он выпустил последний запасной якорь. Стальной трос протянулся во всю длину своих двухсот футов, и скорость Зверя замедлилась до тридцати миль в час. Якорь волочился следом и взрывал почву, как плуг на реактивном двигателе.

Теперь Клейтон включил парусный механизм. Земные инженеры установили его на танке точно так же, как на маленьких моторных лодках, выходящих в океан, на всякий случай ставят невысокую вспомогательную мачту и парус. Парус - страховка на случай, если откажет мотор. На Карелле человеку ни за что не добраться до дому, если его машина откажет. Тут без дополнительной энергии пропадешь.

Мачта - короткий мощный стальной столб - выдвинулась сквозь задраенное отверстие в крыше. Ее тут же со всех сторон закрепили магнитные каркасы и подпорки. На мачте тотчас развернулась металлическая кольчуга паруса. Поднимался он при помощи шкота - тройного каната гибкой стали; Клейтон управлял им, орудуя лебедкой.

Парус был площадью всего в несколько квадратных футов. И, однако, он увлекал вперед двенадцатитонное чудовище с замкнутыми тормозами и якорем, выпущенным на всю длину

стального каната в двести пятьдесят футов...

Это не так трудно... когда скорость ветра - сто восемьдесят пять миль в час.

Клейтон вытравил шкот и повернул Зверя боком к ветру. Но этого оказалось недостаточно. Он опять взялся за лебедку и повернул парус еще круче к ветру.

Ураган ударил в бок, громоздкий танк угрожающе накренился, колеса с одной стороны поднялись в воздух. Клейтон поспешно убрал несколько футов шкота. Металлическая кольчуга вздрагивала и скрипела под свирепыми порывами ветра.

Искусно маневрируя оставшейся узкой полоской паруса, Клейтон ухитрялся кое-как удерживать все шесть колес танка на грунте и держался нужного курса.

В зеркало он видел позади черные зубчатые скалы. Это был его подветренный берег - берег, где ждало крушение. Но он все-таки выбрался из ловушки. Медленно, фут за футом, парус оттаскивал его прочь.

- Молодчина! - кричал Клейтон мужественному Зверю.

Но недолго он торжествовал победу; раздался оглушительный звон, и что-то со свистом пронеслось у самого виска. При ветре сто восемьдесят в час мелкие камешки уже пробивали броню. То, что обрушилось сейчас на Клейтона, можно сравнить разве что с беглым пулеметным огнем. Карелланский ветер рвался в отверстия, пробитые камешками, пытаясь свалить его на пол.

Клейтон отчаянно цеплялся за руль. Парус трещал. Кольчуга эта была сплетена из самых прочных и гибких металлических сплавов, но против такого урагана и ей долго не устоять; короткая толстая мачта, укрепленная шестью могучими тросами, раскачивалась, как тонкая удочка.

Тормозные прокладки начинали сдавать. Зверя несло уже со скоростью пятьдесят миль в час.

Клейтон так устал, что не мог ни о чем думать. Руки его судорожно сжимали руль, он машинально вел танк и, щуря воспаленные глаза, яростно всматривался в бурю.

С треском разорвался парус. Обрывки с минуту метались по ветру, потом мачта рухнула. Порывы ветра достигали теперь ста девяноста миль в час.

И Клейтона понесло назад, на скалы. А потом ветер дошел до ста девяноста двух миль в час, подхватил стальную махину, ярдов двенадцать нес ее по воздуху, вновь швырнул на колеса. От удара лопнула передняя шина, за ней - сразу же две задние. Клейтон опустил голову на руки и стал ждать конца.

И вдруг Зверь остановился, как вкопанный. Клейтона кинуло вперед. Привязной ремень мгновенье удерживал его в кресле, потом лопнул. Клейтон ударился лбом о приборную доску и свалился оглушенный, весь в крови.

Он лежал на полу и сквозь пелену, которая обволакивала сознание, силился сообразить, что же произошло. Мучительно медленно вскарабкался опять в кресло, смутно понимая, что кости целы. Живот, наверно, весь ободран. Изо рта текла кровь.

Наконец, поглядев в зеркало, он понял, что случилось. Дополнительный якорь, который волочился за танком на длинном канате, зацепился за какой-то каменный выступ и застрял, рывком остановив танк меньше чем в полумиле от скал. Спасен!

Пока - спасен...

Но ветер все не унимался. Он дул уже со скоростью ста девяноста трех миль в час; С оглушительным ревом он опять

поднял Зверя в воздух, швырнул его оземь, снова поднял и снова швырнул. Стальной канат гудел как гитарная струна. Клейтон цеплялся за кресло руками и ногами. Долго не продержаться, думал он. Но если не цепляться изо всех сил, его просто-напросто размажет по стенам бешено скачущего танка...

Впрочем, канат тоже может лопнуть - и он полетит кувырком прямо на скалы.

И он цеплялся. Танк снова взлетел в воздух, и тут Клейтон на миг поймал взглядом индикатор. Душа у него ушла в пятки. Все. Конец. Погиб. Нельзя продержаться, когда этот проклятый ветер дует со скоростью сто восемьдесят семь в час! Это уж чересчур!

Сколько?! Сто восемьдесят семь? Значит, ветер начал спадать!

Сперва Клейтон просто не поверил. Однако стрелка медленно, но верно ползла вниз. При ста шестидесяти в час танк перестал скакать и покорно остановился на якорной цепи. При ста пятидесяти трех ветер переменил направление - верный знак, что буря стихает.

Когда стрелка индикатора дошла до отметки сто сорок две мили в час, Клейтон позволил себе роскошь потерять сознание.

К вечеру за ним пришли карелланцы. Искусно маневрируя двумя огромными сухопутными кораблями, они подошли к Зверю, привязали к нему крепкие лианы - куда более прочные, чем стальные канаты, - и на буксире приволокли изувеченный танк обратно на станцию.

Они принесли Клейтона в приемник, а Неришев перетащил его в тишину и покой станции.

- Ни одна кость не сломана, только нескольких зубов не хватает, - сообщил ему Неришев. - Но на тебе живого места нет.

- Все-таки мы выстояли, - сказал Клейтон,

- Еле-еле. Защитная ограда вся разрушена. В станцию прямиком врезались два огромных валуна, она едва выдержала. Я проверил фундамент, ему тоже здорово досталось. Еще одна такая переделка - и мы...

- И мы опять как-нибудь, да выстоим! Мы земляне, нас не так-то легко одолеть! Правда, за все восемь месяцев такого еще не бывало. Но еще четыре - и за нами придет корабль. Выше голову, Неришев! Идем?

- Куда?

- Хочу потолковать с этим чертовым Смаником.

Они вышли в приемник. Там было полным-полно карелланцев. Снаружи, с подветренной стороны станции, пришвартовалось несколько десятков сухопутных кораблей.

- Сманик! - окликнул Клейтон. - Что тут такое происходит?

- Летний праздник, - сказал Сманик. - Наш ежегодный великий праздник.

- Гм. А как насчет того ветра? Что ты теперь о нем думаешь?

- Я бы определил его как умеренный, - сказал Сманик. - Ничего опасного, но немного неприятно для прогулок под парусом.

- Вот как, неприятно! Надеюсь, впредь ты будешь предсказывать поточнее.

- Всегда угадывать погоду очень трудно, - возразил Сманик. - Мне очень жаль, что мой последний прогноз оказался неверным.

- Последний? Как так? Почему?

- Вот это, - продолжал Сманик и широко повел щупальцем вокруг, - это весь мой народ, племя Сиримаи. Мы отпраздновали Летний праздник. Теперь лето кончилось, и нам нужно уходить.

- Куда?

- В пещеры на дальнем западе. Отсюда на наших кораблях две недели ходу. Мы укроемся в пещерах и проживем там три месяца. Там мы будем в безопасности.

У Клейтона вдруг засосало под ложечкой.

- В безопасности от чего, Сманик?

- Я же сказал тебе. Лето кончилось. Теперь надо искать спасения от ветра, от сильных зимних бурь.

- Что такое? - спросил Неришев.

- Погоди минуту.

Мысли обгоняли одна другую. Бешеный ураган, едва не стоивший ему жизни, - это, по определению Сманика, безобидный умеренный ветер. Зверь вышел из строя, передвигаться по Карелле не на чем. Защитная ограда разрушена, фундамент станции расшатан, а корабль придет за ними еще только через четыре месяца!

- Пожалуй, мы тоже поедем с вами на ваших кораблях, Сманик, и укроемся с вами в пещерах... укроемся там...

- Разумеется, - равнодушно отвечал Сманик.

Что-то из этого выйдет, сам себе сказал Клейтон, и у него опять засосало под ложечкой, куда сильнее, чем во время урагана. Нам ведь нужно больше кислорода, другую еду, запас воды...

- Да что там такое? - нетерпеливо спросил Неришев. - Какого черта он тебе наговорил? Ты весь позеленел!

- Он говорит, настоящий ветер только начинается.

Оба оцепенело уставились друг на друга.

А ветер крепчал.

Роберт Шекли

Лавка миров

Перевод А. Вавилова

Добравшись до конца длинной, доходившей до плеч гряды серого щебня, Уэйн очутился перед Лавкой миров. Он сразу узнал ее по описаниям друзей. Это была маленькая лачуга, сооруженная из поломанных досок, листа оцинкованного железа, остатков автомобильного кузова и потрескавшихся кирпичей. Снаружи все это было неровно вымазано бледно-голубой краской.

Уэйн оглянулся на длинную каменистую тропку, чтобы убедиться, что за ним никто не следит. При мысли о собственной дерзости его бросило в жар. Он крепче зажал в руках сверток, открыл дверь и быстро прошел внутрь.

- Доброе утро, - сказал хозяин.

Он тоже был именно таким, каким его описывали: высокий старик с хитро прищуренными глазами и угрюмым ртом. Звали его Томпкинс. Он восседал в древней качалке, на спинке которой примостился сине-зеленый попугай. В лавке были еще стул и стол. На столе лежал заржавленный шприц.

- Я узнал о вашей лавке от друзей, - сказал Уэйн.

- Тогда вам известно, сколько я беру, - сказал Томпкинс. - Принесли?

- Да, - сказал Уэйн, приподняв сверток. - Но я хотел бы узнать...

- Все они одинаковы, - сказал Томпкинс, обращаясь к попугаю. Попугай мигнул. - Валяйте, спрашивайте.

- Мне хотелось бы знать, что на самом деле происходит в это время.

Томпкинс вздохнул:

- Происходит вот что. Вы мне платите. Я делаю вам укол, от которого вы засыпаете. Затем с помощью кое-каких приспособлений, которые у меня за стеной, я освобождаю ваше сознание.

Кончив, Томпкинс усмехнулся, и Уэйну показалось, что его молчаливый попугай тоже усмехнулся.

- А потом?

- Ваше сознание, освобожденное от тела, сможет выбрать любой из бесчисленных миров-вероятностей, которые постоянно существуют вместе с Землей.

Широко улыбнувшись, Томпкинс приподнялся в своей качалке. В его голосе послышалось вдохновение.

- Да, да, мой друг, хотя вы, наверное, и не подозревали этого, наша потрепанная Земля с момента своего рождения из огненного чрева Солнца сама начала порождать альтернативные миры-вероятности. Любые крупные или ничтожные события отражаются в несметном числе миров. И Александры Македонские и амебы - все создают эти миры; велик или мал камень, брошенный в воду, от него все равно расходятся круги. Каждый предмет отбрасывает тень, не правда ли? Земля, друг мой, существует в четырехмерном пространстве, и видимое материальное отражение Земли в любой данный момент является лишь ее трехмерной тенью. Миллионы, миллиарды Земель! Бесконечный ряд Земель! Ваше сознание, освобожденное мною, сможет выбрать любой из этих миров и на некоторое время поселиться в нем.

У Уэйна было неприятное чувство, будто перед ним балаганный зазывала, рекламирующий чудеса. И все же, напомнил он себе, за свою жизнь он насмотрелся такого, чему раньше ни за что бы не поверил. Ни за что! Поэтому возможно, что чудеса, о которых рассказывал Томпкинс, тоже могут осуществиться. Уэйн сказал:

- Мои друзья еще говорили...

- Что я отъявленный мошенник? - перебил его Томпкинс.

- Некоторые из них намекали на это, - осторожно заметил Уэйн. - Но я стараюсь не быть предубежденным. Они еще рассказывали...

- Я знаю, о чем рассказывали ваши друзья; они рассказывали вам об удовлетворении желания. Именно об этом вы хотели услышать?

- Да, - сказал Уэйн. - Они говорили мне, что, чего бы я не пожелал... чего бы ни захотел...

- Вот именно, - сказал Томпкинс. - Именно так, а не иначе. Можно выбирать из бесконечного множества существующих миров. Ваше сознание выбирает, руководствуясь только желанием. Главное - то, в чем заключается ваше сокровеннейшее желание. Если вы втайне мечтаете совершить убийство...

- Нет, нет, ни в коем случае! - воскликнул Уэйн.

- ...тогда вы попадете в мир, где разрешается убивать, где вы будете купаться в крови, - где вы превзойдете самого маркиза де Сада, или Цезаря, или любого другого вашего

идола. А вдруг вы стремитесь к власти? Тогда вы изберете мир, где вы будете богом в буквальном смысле. Может быть, кровожадным Джаггернаутом или всемудрым Буддой.

- Я очень сомневаюсь, что я...

- Есть и другие желания, - продолжал Томпкинс. - Все, что может родить воображение ангела или дьявола. Половые извращения, обжорство, пьянство, любовь, слава - все что вы пожелаете.

- Поразительно! - сказал Уэйн.

- Да, - согласился Томпкинс, - конечно, мой краткий перечень не исчерпывает всех возможностей, всех комбинаций и трансформаций желаний. Вполне возможно, что вам захочется скромного, мирного, пасторального существования среди идеализированных туземцев на одном из островов Южных морей.

- Это больше по мне, - робко засмеялся Уэйн.

- Но кто знает? - сказал Томпкинс. - Вы можете даже и не подозревать о своих действительных желаниях. Вы можете даже хотеть собственной смерти.

- И так часто бывает? - озабоченно спросил Уэйн.

- Иногда.

- Я бы не хотел умереть, - сказал Уэйн.

- Так почти никогда не бывает, - сказал Томпкинс, глядя на сверток, который Уэйн держал в руках.

- Если так... Но откуда я знаю, что все это правда? Плата чрезвычайно высока, мне придется отдать все, что у меня есть. А кто вас знает, дадите мне снотворного, и все мне приснится. Отдать все, что у меня есть, за... дозу героина и набор красивых фраз.

Томпкинс успокаивающе улыбнулся:

- Испытываемые ощущения не похожи на то, что дают одурманивающие средства; не похожи они и на сновидение.

- Если это правда, - слегка раздраженно сказал Уэйн, - почему нельзя навсегда остаться в мире своей мечты? - Я работаю над этим, - сказал Томпкинс. - Вот почему я беру такую высокую плату - чтобы достать материалы, чтобы экспериментировать. Я пытаюсь найти способ сделать трансформацию устойчивой. Пока мне не удается ослабить путы, привязывающие человека к Земле и влекущие его назад. Даже великие мистики не смогли порвать этих пут, не прибегая к смерти. Но я не теряю надежды.

- Если вы добьетесь успеха, это будет великим событием, - вежливо заметил Уэйн.

- Безусловно! - выкрикнул Томпкинс с неожиданной страстью. - Тогда я превратил бы свою несчастную лавку во врата спасения! Трансформация стала бы бесплатной, бесплатной для всех! Каждый смог бы тогда отправиться в мир своей мечты, в мир, для которого он создан, и оставить эту проклятую Землю крысам и червям...

Томпкинс оборвал себя на середине фразы и неожиданно заговорил с ледяным спокойствием:

- Однако я увлекся. Пока я еще не нашел способа бегства с Земли, по надежности не уступающего смерти. Возможно, мне это никогда не удастся. А пока я вам предлагаю съездить в отпуск, переменить обстановку, ощутить другой мир, взглянуть на собственные мечты. Вам известно, сколько я беру. Я возмещу плату, если то, что вы будете ощущать, вас не удовлетворит.

- Вы очень добры, - с искренним чувством сказал Уэйн. - Но есть еще одно обстоятельство, о котором рассказывали мне друзья. Я имею в виду сокращение жизни на десять лет.

- Здесь ничего не поделаешь, - сказал Томпкинс, - и этого

не возместишь. Мой метод требует колоссального напряжения нервной системы, что, естественно, ведет к сокращению продолжительности жизни. Это одна из причин, по которым наше так называемое правительство объявило мой метод незаконным.

- Однако оно не слишком строго следит за соблюдением запрета, - заметил Уэйн.

- Верно. Официально мое изобретение запрещено как вредное мошенничество. Но чиновники тоже люди. Им тоже хочется покинуть Землю, как и всем другим.

- Отдать все, - задумчиво проговорил Уэйн, крепко сжимая в руках сверток. - И вдобавок потерять десять лет жизни! За исполнение моих тайных желаний... Вы знаете, я должен это хорошенько обдумать.

- Думайте сколько влезет, сказал Томпкинс безразличным тоном.

Уэйн думал не переставая, пока возвращался домой. Он все еще думал, когда поезд прибыл в Порт-Вашингтон на Лонг-Айленде. Сидя за рулем машины на пути от станции домой, он вспоминал хитрое морщинистое лицо Томпкинса и думал о мирах- вероятностях и об исполнении желаний.

Однако размышления эти пришлось оставить, как только он вошел в дом. Его жена Джейнет хотела, чтобы он построже поговорил с прислугой, которая снова начала выпивать. Сыну Томми потребовалось помочь с парусной лодкой, которую нужно было спускать на воду на следующий день. А его маленькой дочке не терпелось рассказать, как она провела день в детском саду.

Уэйн вежливо, но строго поговорил с прислугой. Он помог Томми нанести еще один слой медно-рыжей краски на днище парусника и выслушал рассказ Пегги о ее приключениях на детской площадке.

Позже, когда детей уложили и они остались одни в гостиной, Джейнет спросила, нет ли у него неприятностей на работе.

- Неприятностей?

- Ты чем-то озабочен, - сказала Джейнет. - Что-нибудь произошло?

- Да нет, все было как обычно...

Он ни за что не расскажет ни Джейнет, ни вообще кому бы то ни было, что он брал выходной и ездил в эту сумасшедшую Лавку миров к Томпкинсу. Не собирался он обсуждать и право каждого человека хоть раз в жизни исполнить свои самые сокровенные желания. Джейнет с ее прямолинейностью и здравым смыслом никогда этого не понять.

В конторе наступили горячие дни. На Уолл-стрит царила паника из-за событий на Среднем Востоке и в Азии, и биржа на это реагировала. Уэйн углубился в работу. Он старался не думать об исполнении желаний ценою всего, чем он обладал. Бред! Старый Томпкинс, верно, выжил из ума!

С субботы на воскресенье он уходил в плаванье с Томми. У старого парусника был неплохой ход и швы в днище почти не пропускали воду. Томми попросил купить новые гоночные паруса, но Уэйн ему отказал. Может быть, в следующем году, когда цены установятся. Пока же придется обойтись старыми.

Иногда вечером, когда дети спали, они с Джейнет отправлялись на паруснике. В проливе Лонг-Айленд в такие часы было спокойно и прохладно. Парусник скользил среди мигающих бакенов, держа курс на большой желтый диск луны.

- Тебя что-то беспокоит, я чувствую, - сказала Джейнет.

- Милая, не надо!

- Ты от меня что-то скрываешь?
- Нет, ничего.
- Правда? Тогда обними меня крепче. Вот так...
Парусник плыл некоторое время никем не управляемый.
Исполнение всех желаний...
Но наступила осень, и парусник нужно было поднимать на берег. Биржа несколько стабилизировалась, но тут Пегги подхватила корь. Томми хотел узнать разницу между обычными бомбами, атомными бомбами, водородными бомбами, кобальтовыми бомбами и всеми другими видами бомб, о которых писали газеты. Уэйн объяснил как мог. Потом от них неожиданно ушла прислуга.
Тайные желания - это, конечно, здорово. Допустим, он действительно хотел кого- нибудь убить или поселиться на острове в Южных морях. Но у него были еще и обязанности. У него двое маленьких детей и чудесная жена, которой он не стоит. Вот, может быть, ближе к рождеству...
Однако зимой из-за короткого замыкания начался пожар в пустой спальне для гостей. Пожарники потушили огонь. Ущерба особого не было, и никто не пострадал. Но о Томпкинсе пришлось на время забыть. В первую очередь нужно было заняться ремонтом спальни, ведь Уэйн очень гордился своим старинным домом.
Из-за международной обстановки конъюнктура была неопределенной. По бирже ползли слухи - а как там русские, арабы, греки, китайцы... И потом - межконтинентальные ракеты, атомные бомбы, спутники... Уэйн проводил на работе целые дни, а иногда оставался и по вечерам. У Томми началась свинка. Нужно было перекрыть крышу. Вскоре пришла пора позаботиться и о весеннем спуске на воду парусника.
Прошел год, а у него не было времени подумать о тайных желаниях. Возможно, в будущем году... А тем временем...
- Ну как? - спросил Томпкинс. - Чувствуете себя нормально?
- Да, вполне, - сказал Уэйн.
Он встал и потер лоб.
- Хотите, чтобы я возместил плату? - спросил Томпкинс.
- Нет. Ощущение было вполне удовлетворительным.
- Иначе и быть не могло, - сказал Томпкинс, подмигнув попугаю с грязной ухмылкой. - Так что же вы выбрали?
- Мир недавнего прошлого, - сказал Уэйн.
- Многие выбирают то же самое. Определили свое тайное желание? Что это было - убийство? Или остров в южных морях?
- Я бы предпочел не говорить об этом, - сказал Уэйн вежливо, но твердо.
- Многие не желают говорить со мной об этом, - угрюмо сказал Томпкинс,- Будь я проклят, если понимаю, почему так.
- Потому что... В общем, по-моему, мир тайных желаний является как бы священным, что ли, для каждого человека. Не обижайтесь... Как по-вашему, сможете ли вы когда-нибудь сделать так, чтобы это было навсегда? Я имею в виду выбор того или иного мира.
Старик пожал плечами.
- Я пытаюсь. Вы узнаете, если мне это удастся. Все узнают.
- Да, видимо, так.
Уэйн развязал сверток и выложил содержимое на стол. В свертке были пара армейских сапог, нож, два мотка медной проволоки и три небольшие банки мясных консервов.
На мгновение в глазах Томпкинса вспыхнул огонек.

- Вполне достаточно, - сказал он. - Спасибо.
- До свидания, - сказал Уэйн. - Вам спасибо.

Уэйн вышел из лавки и быстрым шагом направился туда, где кончалась каменистая гряда. За ней, насколько хватало глаз, простиралась плоская буро-серо-черная равнина, усыпанная щебнем. От горизонта к горизонту тянулись искореженные трупы городов, расщепленные стволы деревьев и поля мягкого белого пепла, который был когда-то человеческой плотью.

- Что ж, - сказал Уэйн вслух, - по крайней мере мы заплатили за все сполна.

Этот год в прошлом стоил ему всего состояния да десяти лет жизни в придачу. Был ли это сон? Все равно, он стоил этого! Но сейчас ему нужно выбросить из головы мысли о Джейнет и детях. С этим покончено, если только Томпкинс не усовершенствует свое изобретение. Теперь следует позаботиться о собственном существовании.

С помощью наручного счетчика Гейгера он обнаружил среди щебня дезактивированный проход. Успеть бы в убежище до наступления темноты, пока еще не вышли крысы. Если он не поторопится, то опоздает на вечернюю раздачу картофеля.

Роберт Шекли

Руками не трогать!

Перевод А. Санина

Масс-детектор замигал розовым, затем красным. Дремавший у пульта Эйджи встрепенулся.

- Приближаемся к планете! - крикнул он, стараясь перекричать пронзительный свист воздуха, вырывавшегося сквозь пробитую осколком дыру в корпусе корабля.

Капитан Барнетт кивнул и приварил очередную заплату к изношенной обшивке "Индевера". Свист заметно утих, но не прекратился. Он не прекращался никогда.

Планета показалась из-за небольшого багрового солнца. Ее тусклый зеленоватый отблеск на фоне черного пространства вызвал у обоих астронавтов одну и ту же мысль.

- Интересно, найдется на ней что-нибудь стоящее? - задумчиво проговорил Барнетт.

Эйджи с надеждой приподнял седую бровь.

Им вряд ли удалось бы разыскать новую планету, если б "Индевер" летел по Южногалактической трассе. Но там патрулировало слишком много кораблей федеральной полиции, а у Барнетта были серьезные основания держаться от нее подальше.

Хотя "Индевер" считался торговым кораблем, весь его груз состоял из нескольких бутылей чрезвычайно сильной кислоты, предназначавшейся для вскрытия сейфов, и трех небольших атомных бомб. Власти относились к подобным товарам неодобрительно и упорно пытались привлечь экипаж к ответственности за всякие старые грехи - убийство на Луне, ограбление на Омеге, кражу со взломом на Самии.

В довершение всех бед, новые полицейские корабли обладали большой скоростью и лучшей маневренностью, и "Индеверу" пришлось перейти на обходные маршруты. Сейчас корабль направлялся к Новым Афинам, где были открыты богатейшие

урановые залежи.
- Да, не густо, - прокомментировал Эйджи, с отвращением глядя на приборы.
- Можно даже не садиться, - кивнул Барнетт.
Показания датчиков разочаровывали. Незарегистрированная планета оказалась меньше Земли и, за исключением кислородной атмосферы, не имела коммерческой ценности.
Вдруг заработал детектор тяжелых металлов.
- Там что-то есть, - взволнованно заговорил Эйджи, быстро расшифровывая показания приборов. - Очень чистый металл, притом прямо на поверхности!
Барнетт кивнул, и корабль пошел на посадку.
Из заднего отсека вышел Виктор в шерстяной шапчонке на бритой голове и глянул в иллюминатор через плечо Барнетта. Когда "Индевер" завис в полумиле над поверхностью планеты, они увидали то, что приняли за месторождения тяжелого металла.
На лесной прогалине стоял космический корабль.
- Вот это уже интересно, - протянул Барнетт и кивнул Эйджи.
Эйджи искусно произвел посадку. По возрасту ему давно полагалось выйти на пенсию, но годы никак не отразились на профессиональных навыках пилота. Когда Эйджи остался без работы и без гроша в кармане, его разыскал Барнетт и великодушно предложил контракт. Капитан охотно становился альтруистом, когда это сулило выгоду.
Инопланетный корабль был крупнее "Индевера" и выглядел как новенький, но его конструкция и опознавательные знаки озадачили капитана.
- Вы видали что-нибудь подобное? - осведомился Барнетт.
Эйджи порылся в своей обширной памяти.
- Напоминает цефейскую работу, но у них корпуса делают более обтекаемыми. Однако мы забрались довольно далеко, и вряд ли этот корабль из нашей федерации.
Виктор не мог оторвать изумленного взгляда от корабля.
- Красавчик! Вот бы нам такой! - шумно вздохнул он.
Внезапная улыбка прорезала лицо Барнетта, словно трещина на граните.
- Простак, а ведь в самую точку попал. Я об этом и думаю, - сказал он. - Пойдем потолкуем с тамошним шкипером.
Прежде чем выйти наружу, Виктор проверил, заряжены ли замораживающие бластеры.
Атмосфера планеты оказалась пригодной для дыхания.
Температура воздуха равнялась 72 градусам по Фаренгейту. Астронавты послали в направлении корабля приветственный сигнал, но ответа не дождались и с дежурными улыбками на лицах зашагали вперед, спрятав бластеры под куртками.
Вблизи корабль производил внушительное впечатление. Метеориты почти не повредили его сверкающий серебристый корпус. Из открытого люка доносился монотонный гул - видимо, перезаряжались генераторы.
- Есть здесь кто-нибудь? - крикнул Виктор. Его голос эхом прокатился по кораблю. Ответа не последовало - только глухо гудели генераторы да шелестела трава.
- Куда они могли запропаститься? - удивился Эйджи.
- Наверное, вышли подышать свежим воздухом, - предположил Барнетт. - Вряд ли они ждали гостей.
Виктор уселся на траву, а Барнетт с Эйджи обошли вокруг корабля, любуясь его необычной конструкцией.
- Справишься с ним? - спросил Барнетт.
- Думаю, да, - ответил Эйджи. - Он построен по

классическим образцам. Автоматика меня не тревожит - все существа, дышащие кислородом, используют однотипные системы управления. Надеюсь, мне понадобится не слишком много времени, чтобы разобраться.

- Кто-то идет! - крикнул Виктор.

Из леса, отстоящего ярдов на триста, вышла какая-то фигура и двинулась к кораблю.

Эйджи и Виктор разом выхватили бластеры.

Барнетт разглядел в бинокль странное, прямоугольной формы существо высотой около двух футов, шириной в фут и толщиной примерно в два дюйма. Головы у пришельца не было. Капитан нахмурился - такого он еще не видывал.

Настроив бинокль получше, Барнетт убедился, что незнакомец был гуманоидом. Во всяком случае, он обладал четырьмя конечностями: две, скрытые травой, служили для передвижения, а еще две торчали вертикально вверх. Посередине прямоугольного корпуса помещались два крошечных глаза и рот. Ничего напоминающего одежду на пришельце не было.

- Странный же тип, доложу я вам. - Эйджи установил на бластере прицел. - Полагаю, он прилетел в одиночку?

- Надеюсь, что да, - пробормотал Барнетт, в свою очередь вынимая бластер.

- Дистанция двести ярдов. - Эйджи прицелился, потом посмотрел на капитана. - Или вы хотите сперва вручить ему визитную карточку?

- Много чести, - нехорошо усмехнулся Барнетт. - Подождем, пусть подойдет поближе.

Эйджи кивнул, не выпуская чужака из поля зрения.

Кален прилетел на эту заброшенную планетку в надежде добыть хотя бы тонну-другую эрола - минерала, чрезвычайно ценимого мабогийцами. Но ему не повезло, и тетнитовая бомба, которой так и не довелось воспользоваться, лежала нетронутая в кармане с керловым орехом. Вместо добычи привезет на Мабог балласт.

"Может быть, на следующей планете посчастливится", - думал Кален, выходя из леса.

Внезапно он замер как вкопанный - неподалеку от его корабля высился чужой космический аппарат необычной конструкции.

Кален не ожидал встретить в такой глуши разумные существа вроде тех, что стояли сейчас у открытого люка его корабля. Незнакомцы имели с мабогийцами лишь весьма отдаленное сходство. Правда, одну из планет Мабогийского союза населяли существа, очень похожие на этих, но они строили космические корабли совершенно иначе. Наверно, он столкнулся с представителями великой цивилизации, которая, по слухам, существовала на окраине Галактики.

Радостно взволнованный такой удачей, Кален поспешил им навстречу.

Незнакомцы, однако, почему-то не трогались с места, и ответного приветствия Кален не уловил, хотя его явно заметили. Он ускорил шаг в надежде, что быстро найдет с этими странными, непонятными существами общий язык и что церемония знакомства не затянется слишком надолго. Всего час, проведенный на негостеприимной планете, вконец измотал его. Он очень проголодался и срочно должен был принять душ.

Внезапно что-то обжигающе-холодное отбросило его назад.

Кален тревожно огляделся по сторонам: что за сюрприз преподносит ему планета? А едва он двинулся с места дальше,

в него тотчас вонзился еще один заряд, совершенно заморозив наружную оболочку.

Дело принимало серьезный оборот. Хотя мабогийцы считались одной из самых выносливых жизненных форм, у них тоже были уязвимые места. Кален осмотрелся в поисках источника опасности.

Незнакомцы в него стреляли!

Ошеломленный, Кален не мог в это поверить. Он знал, что такое убийство, и не только понаслышке, но даже несколько раз с ужасом наблюдал это извращение среди иных недоразвитых животных видов. Ему приходилось также листать труды по психопатологии, в которых детально описывались все случаи преднамеренного убийства в истории Мабога.

Но чтобы это произошло с ним! Кален отказывался верить себе.

Очередной заряд обжег тело. Кален не двигался, все еще пытаясь убедить себя в том, что ему это мерещится. Разве существа, чей разум позволяет им строить космические корабли, могут быть способны на убийство?

К тому же они даже не знают его!

Осознав наконец опасность, Кален повернулся и бросился к опушке. Теперь стреляли все трое незнакомцев, и замерзшая трава громко хрустела и ломалась у него под ногами. Наружная оболочка Калена полностью промерзла. Тело мабогийца не приспособлено к низким температурам, и Кален чувствовал, как леденящий холод мало-помалу сковывает его нутро.

И все-таки он не мог заставить себя поверить в происходящее.

Он уже достиг опушки, когда в спину вонзилось сразу два заряда. Не в силах больше поддерживать тепло в организме, Кален рухнул на промерзлую, заиндевевшую землю и потерял сознание.

- Идиот, - пробормотал Эйджи, пряча бластер в кобуру.

- Но поразительно выносливый, - сказал Барнетт. - Ни одно дышащее кислородом существо не способно выдержать такое. - Он с гордостью посмотрел на бластер и похлопал по серебристой броне корабля. - Мы назовем его "Индевер-2".

- Да здравствует капитан! - весело гаркнул Виктор.

- Побереги глотку на будущее. - Барнетт взглянул на небо. - Через четыре часа начнет смеркаться. Виктор, перенеси провизию, кислород и инструменты на "Индевер-2" и разряди аккумуляторы на нашей развалине. Когда-нибудь мы ее отсюда вызволим. А сейчас главное - улететь до наступления темноты.

Виктор направился выполнять приказание, а Барнетт с Эйджи вошли в корабль инопланетянина.

В хвостовом отсеке "Индевера-2" размещались генераторы, двигатели, преобразователи энергии и резервуары с горючим. Следующий отсек, занимавший почти половину корабля, был заполнен какими-то чудными разноцветными орехами диаметром от двух дюймов до полутора футов. Далее следовали два носовых отсека.

Первый из них, видимо, предназначался для экипажа, но был совершенно пуст. Ни койки, ни стола, ни стульев - только гладкий металлический пол. В потолке и стенах виднелись небольшие прорези и отверстия непонятного назначения.

В самом носу находился пилотский отсек, где с трудом мог разместиться один человек. Пульт управления под экраном обзора был заполнен множеством приборов.

- Все это - ваше хозяйство, - сказал Барнетт. - Приступайте к изучению.
Эйджи кивнул, опустился перед пультом на корточки и начал рассматривать приборы.
Через несколько часов Виктор перенес все вещи на борт "Индевера-2". Эйджи пока что ни к чему не прикасался. Он пытался определить назначение приборов по их размерам, цвету, форме и расположению. Нелегкая задача, даже допуская сходство способов мышления. Если кнопки вспомогательной системы взлета включаются не слева направо, а наоборот, Эйджи придется заново переучиваться. Означает ли красный цвет опасность? Если да, то красная кнопка включает аварийное тормозное устройство. Но красный цвет может означать и что-то другое, например температуру...
Барнетт просунул голову в пилотский отсек. За его спиной маячил Виктор.
- Готово?
- Кажется, да. - Эйджи слегка прикоснулся к одной из кнопок. - Эта штука должна задраить люки.
Он нажал на кнопку. Виктор и Барнетт ждали, затаив дыхание.
Люки беззвучно закрылись.
Эйджи довольно ухмыльнулся.
- А это система подачи воздуха, - провозгласил он и передвинул маленький рычажок.
Из прорезей в потолке начал выбиваться желтоватый дым.
Неполадки в системе, - забеспокоился Эйджи.
Виктор закашлялся.
- Отключай! - крикнул Барнетт.
Дым повалил густыми клубами и в мгновение ока заполнил оба носовых отсека.
- Отключай же, черт возьми!
- Я не вижу пульта! - Эйджи наугад переключил какой-то тумблер. Тут же взревели генераторы, и с пульта на пол брызнул сноп голубых искр.
Эйджи отбросило в сторону, Виктор подскочил к двери грузового отсека и забарабанил по ней кулаками. Барнетт ощупью ринулся к пульту, прикрывая рот рукой и чувствуя, что пол ускользает из-под ног.
Виктор осел на пол, царапая дверь в тщетных попытках выбраться наружу.
Барнетт вслепую двигал какие-то рычажки.
Рев генераторов неожиданно смолк, и лицо капитана освежила струя живительного воздуха. Он протер слезящиеся глаза и взглянул вверх. По счастливой случайности ему удалось отключить подачу желтого газа и открыть воздушные люки. Остатки газа быстро выветрились, и отсек заполнился прохладным вечерним воздухом планеты. Дышать стало легче.
Виктор с трудом поднялся на ноги, но Эйджи не шевелился. Барнетт склонился над старым пилотом и, ругаясь вполголоса, принялся делать ему искусственное дыхание. Наконец веки Эйджи дрогнули, а вскоре он совсем очнулся.
- Откуда взялся дым? - простонал Виктор.
- Боюсь, наш прямоугольный приятель дышал этой гадостью, - высказал догадку Барнетт.
Эйджи покачал головой:
- Вряд ли, капитан. Атмосфера планеты насыщена кислородом, а он ходил без шлема и...
- Вспомните, как он выглядел, - перебил Барнетт. - К тому же потребность в воздухе у всех различная. - Тогда дело плохо, - уныло пробурчал Эйджи.

Астронавты переглянулись. Наступившую тишину прервал негромкий лязгающий звук.

- Что там? - испугался Виктор и выхватил бластер.

- Помолчи! - скомандовал Барнетт.

Они прислушались. Звук повторился. Казалось, будто ударяли железом по твердому неметаллическому объекту. Барнетт явственно ощутил, как зашевелились волосы у него на затылке.

Земляне прильнули к обзорному экрану. Тусклые лучи заходящего солнца освещали открытый люк "Индевера-1". Лязг доносился оттуда.

- Не может быть! - воскликнул Эйджи. - Наши бластеры...

- Не убили его, - мрачно докончил Барнетт.

- Скверно, - пробормотал Эйджи. - Очень скверно.

Виктор все еще держал бластер в руках.

- Капитан, - начал он, - может, я выйду и...

Барнетт покачал головой:

- Он не подпустит тебя и на десять футов. Нет, дайте мне подумать. Он что-то замышляет... Виктор, что осталось на корабле? Аккумуляторы?

- Разряжены, а переходное звено у меня.

- Отлично. Значит только кислота...

- Это мощная штука, - вмешался Эйджи. - Но я не думаю, чтобы он сумел найти ей применение.

- Пожалуй, - согласился Барнетт. - И все же нам необходимо побыстрее драпать отсюда.

Эйджи взглянул на приборную панель. Полчаса назад ему казалось, что он в ней разобрался. Теперь перед ним была коварная и, возможно, смертоносная ловушка.

Злого умысла тут не было. В космическом корабле не только путешествовали, но и жили. Вполне естественно, что приборы воспроизводили условия жизни инопланетянина и удовлетворяли его потребности. Но для землян это могло закончиться трагически.

- Знать бы, с какой он планеты, - вздохнул Эйджи. - Тогда можно было бы прикинуть, какие еще сюрпризы готовит корабль.

Они же знали только, что незнакомец дышит ядовитым желтым газом.

- Все будет в порядке! - не слишком уверенно пообещал Барнетт. - Найди систему взлета и больше ни к чему не прикасайся.

Эйджи вернулся к приборам, а Барнетт, пытаясь разгадать мысли инопланетянина, смотрел на матовый корпус своего старого корабля и с тревогой прислушивался к непонятным звукам.

Кален пришел в сознание и поразился, что еще жив. Впрочем, пословица не зря гласит: "Мабогиец гибнет сразу или не гибнет вообще". Вот он и не погиб - пока. Он с трудом сел и прислонился к дереву. Красное солнце опускалось за горизонт, и воздух, насыщенный ядовитым кислородом, заметно посвежел. Кален вздохнул и с облегчением отметил, что легкие функционируют и до сих пор полны живительного желтого воздуха.

Кален вновь решил было, что все случившееся ему только пригрезилось, как вдруг увидел, что в его корабль, сгибаясь под тяжестью груза, вошел один из незнакомцев. Через некоторое время люки закрылись.

Значит этот кошмар произошел в действительности. Надо смотреть в глаза жестокой правде. Кален чувствовал острую

потребность в пище и воздухе. Его наружная оболочка высохла, растрескалась и настоятельно нуждалась в питательной чистке. А у него был с собой один-единственный красный керловый орех и тетнитовая бомбочка.

"Если удастся вскрыть орех, - подумав Кален, - можно продержаться довольно долго. Но как это сделать?"

Кален поразился собственной беспомощности. Впервые ему пришлось задуматься над тем, как самому проделать простую, элементарную повседневную операцию, которая на корабле выполнялась автоматически.

Он заметил, что инопланетяне бросили свой корабль. Почему - не имеет значения, но нужно идти туда, ведь на открытом воздухе он погибнет еще до наступления утра.

Он медленно, борясь с приступами дурноты, пополз к чужому кораблю, не спуская глаз со своего. Если враждебно настроенные существа заметят его, все пропало. Но этого не случилось. Кален благополучно пробрался через открытый люк внутрь чужого корабля.

Несмотря на сгустившиеся сумерки, он разглядел, что корабль совсем старый и изношенный. Тонкие стены были сплошь в заплатах. Теперь понятно, почему незнакомцы захватили его корабль.

Опять накатила дурнота. Прежде всего необходимо подкрепиться, и Кален вынул из кармана круглый керловый орех - основную пищу мабогийских астронавтов. Орехи были чрезвычайно богаты энергией, а твердая, как панцирь, кожура толщиной в два дюйма предохраняла их от порчи в течение многих лет.

Кален положил орех на пол, подобрал тяжелый металлический прут и с размаху ударил им по ореху. Прут с громким лязгом отскочил, не оставив на скорлупе ни следа.

Кален испугался, не выдаст ли его этот грохот, но, подгоняемый голодом, вновь принялся исступленно молотить по ореху.

Минут через пятнадцать, дойдя до полного изнеможения, он прекратил тщетные попытки. Стальной прут согнулся почти пополам, а орех остался цел и невредим. Только щелкун, стандартный прибор, имевшийся на любом мабогийском корабле, мог расколоть керловый орех - иного способа, увы, никто придумать не догадался.

Что делать? Кален опять схватился за прут и обнаружил, что его конечности теряют подвижность. Он бросил прут и задумался.

Движения сковывала наружная оболочка, кожа постепенно отвердевала и превращалась в роговую броню. Когда этот процесс завершится. Кален полностью утратит подвижность и погибнет от удушья...

Поборов нахлынувшее отчаянье, Кален приказал себе шевелить мозгами. Еда подождет - в первую очередь необходимо спасать кожу. На борту собственного корабля он бы принял душ из особой, смягчающей кожу жидкости, но едва ли подобная жидкость была здесь, у инопланетян. Выход один - содрать наружную оболочку. Правда, потом придется выждать несколько дней, пока затвердеет внутренняя нежная кожица, но зато он обретет подвижность!

На негнущихся ногах Кален отправился на поиски переодевателя, но с грустью убедился, что даже такого простейшего приспособления на чужом корабле нет.

Он поднял стальной прут, согнул его крючком и, подцепив кожную складку, с силой рванул прут кверху.

Затвердевшая оболочка не поддавалась.

После нескольких тщетных попыток он отшвырнул бесполезный прут и тут внезапно вспомнил про тетнитовую бомбу.

Если незаметно подложить ее под корпус захваченного чужаками корабля, то легкий взрыв не причинит кораблю никаких повреждений, только подбросит его футов на тридцать в воздух.

А вот инопланетяне безусловно погибнут.

Кален ужаснулся. Как мог он придумать такое? Законы мабогийской этики запрещали любое убийство.

"Но разве это не будет оправдано? - коварно нашептывал Калену внутренний голос. - Пришельцы - скверные создания. Избавив от них Вселенную, ты окажешь ей бесценную услугу, а заодно невзначай поможешь и себе. Считай, что это не убийство, а очищение от скверны".

"Нет!" Огромным усилием воли Кален заставил себя прекратить даже думать об этом. С трудом передвигая непослушные каменеющие ноги, он принялся обшаривать корабль, надеясь на случайную спасительную находку.

Скорчившись в пилотском отсеке, Эйджи устало размечал тумблеры и кнопки нестираемым карандашом. Легкие саднило, и всю ночь он не смыкал глаз. Уже брезжил рассвет. Внутри "Индевера-2" было довольно холодно - Эйджи не решался трогать терморегуляторы.

Вошел Виктор, сгибаясь под тяжестью ящика.

- А капитан где? - спросил Эйджи.

- Сейчас придет.

Барнетт решил перенести все необходимое в носовые отсеки, чтобы не тратить слишком много времени на поиски нужных вещей. Помещение для экипажа было уже почти заполнено. Не найдя места для ящика, Виктор огляделся и заметил в боковой стене дверь. Он нажал на ручку, и дверь скользнула вверх, открыв крошечную пустую клетушку, которая показалась Виктору идеальным хранилищем. И он опустил свою тяжелую ношу на пол, усеянный красными скорлупками.

В тот же миг потолок начал опускаться.

Виктор дико завопил, резко выпрямился и, ударившись головой о потолок, упал без чувств.

Эйджи выскочил из пилотского отсека и столкнулся с Барнеттом, который тоже прибежал на крик. Капитан попробовал вытянуть Виктора за ноги, но, - увы, заскользил по гладкому металлическому полу. Эйджи, обнаружив редкостное присутствие духа, поднял ящик и поставил его на попа, задержав тем самым предательский потолок. Вдвоем с капитаном они поспешили вытянуть Виктора из клетушки, и в тот же миг ящик треснул и развалился на части. А потолок, будто сделав свое дело, бесшумно скользнул вверх.

Виктор очнулся и потер ушибленную голову.

- Капитан, - жалобно взмолился он, - может, вернемся на "Индевер"?

- Виктор прав. - Эйджи развел руками. - Прямо какой-то заколдованный корабль!

- И вы так легко от него отказываетесь? - осведомился Барнетт.

Эйджи неловко поежился и кивнул.

- Откуда мы знаем, - заговорил он, пряча глаза от Барнетта, - что он еще выкинет? Слишком рискованно, капитан.

- "Рискованно"... - передразнил Барнетт. - Вы хоть соображаете, от чего отказываетесь? Один его корпус принесет целое состояние! А двигатель? Вам приходилось

видеть подобные? Этот корабль пробуравит насквозь любую планету и выйдет с другой стороны непоцарапанным!

- Боюсь, мы не сумеем оценить все это, поскольку трупы не умеют восхищаться, - не унимался Эйджи, а Виктор усиленно закивал.

- Все, хватит болтать! - отрезал Барнетт. - Корабль мы не оставим! Только не будем ни к чему прикасаться, пока не достигнем безопасного места. Ясно? За дело!

Эйджи хотел было заикнуться про комнаты, самопроизвольно превращающиеся в гидравлические прессы, но, перехватив грозный взгляд Барнетта, счел за благо не спорить.

- Ты разметил приборную панель? - уже спокойно спросил Барнетт.

- Осталось совсем немного, - отозвался старый пилот.

- Хорошо. Ни к чему другому не прикасайся. Пока мы ничего не трогаем, нам ничто не грозит.

Капитан вытер потный лоб, прислонился к стене и расстегнул куртку.

В тот же миг из отверстий в стене выскочили два стальных крюка и кольцом сомкнулись вокруг его поясницы. Барнетт рванулся что было сил, но кольцо не поддалось. Послышалось странное пощелкивание, и из стены выползло тонкое проволочное щупальце. Оно ощупало куртку Барнетта, словно оценивая качество ткани, удовлетворенно хмыкнуло, как показалось капитану, и исчезло в стене.

Эйджи и Виктор оцепенели, раскрыв рты.

- Выключите эту штуку, - прохрипел Барнетт.

Эйджи бросился к пульту. В ту же секунду из стены высунулась стальная рука, в которой поблескивало трехдюймовое лезвие.

- Уберите его! - истошно завопил Барнетт.

Виктор, сбросив оцепенение, хотел было схватить зловещую руку, но та резко вывернулась и отшвырнула его в противоположный угол. Затем с хирургической виртуозностью рука искусно раскроила лезвием куртку Барнетта сверху донизу и преспокойнейшим образом возвратилась в стену.

Эйджи лихорадочно нажимал на рычаги и кнопки: жужжали генераторы, закрывались и открывались люки и вентиляторы, включались и выключались двигатели, зажигалось и гасло освещение, но кольцо, пленившее капитана, не разжималось.

Снова появилось тонкое щупальце. Дотронулось до рубашки Барнетта и на мгновение замерло, словно в нерешительности. Внутренний механизм тревожно заурчал. Щупальце еще раз прикоснулось к рубашке и вновь неуверенно зависло.

- Я ничего не могу сделать! - завопил Эйджи. - Это автомат!

Щупальце скрылось в стене, из которой тотчас же показалась стальная рука. Тяжелым гаечным ключом Виктор с размаху треснул по лезвию, едва не раскроив Барнетту голову.

Лезвие даже не дрогнуло. Оно уверенно разрезало рубашку и исчезло, оставив насмерть перепуганного Барнетта по пояс голым. Когда же под немой крик капитана вновь вынырнуло щупальце, Виктору сделалось дурно, а Эйджи закрыл глаза. Щупальце коснулось нежной теплой кожи на груди пленника и одобрительно фыркнуло. Кольцо тут же разжалось, и обессиленный Барнетт мешком повалился на пол.

На некоторое время воцарилось молчание. Все и без слов было ясно.

Эйджи пытался понять, почему механизм остановился, почувствовав живую плоть. Может быть, инопланетянин таким образом раздевался? Нет, это абсурд. Но ведь и

комната-пресс тоже абсурд...

В глубине души старый пилот радовался случившемуся. Этот упрямый осел Барнетт получил хороший урок. Теперь им ничего не остается, кроме как покинуть дьявольский корабль и придумать способ вернуть свой собственный.

- Чего стоите? Помогите одеться! - прорычал капитан. Виктор поспешно притащил ему запасную рубашку, и Барнетт кое-как натянул ее на себя, держась подальше от стен.

- Через сколько времени мы сможем взлететь? - спросил он у Эйджи.

- Что?

- Надеюсь, вы не оглохли?

- Но разве то, что произошло...

- Когда мы можем взлететь? - повысил голос капитан.

- Примерно через час, - выдавил Эйджи и устало поплелся в опостылевший пилотский отсек.

Барнетт напялил на себя свитер, а поверх него пальто. В корабле было прохладно, и он здорово замерз.

Кален лежал в полном изнеможении. Глупо, что он потратил столько сил на бесполезные попытки содрать затвердевшую оболочку. Теперь он почти не мог двигаться...

В голове его мелькали видения далекого детства. Величавые, зубчатые, как замки, скалы Мабога, огромный космопорт Кантанопе, и он, маленький Кален, любующийся двумя заходящими солнцами. Одно - голубое, второе - желтое, но почему они вместе садятся на юге? Надо спросить у отца...

Кален отогнал видения прочь. Скоро утро. Мабогийский астронавт не может погибнуть столь бесславно, нужно продолжать борьбу.

Через полчаса мучительных поисков он натолкнулся в хвостовом отсеке корабля на запечатанный металлический ящик. Сбив крышку, Кален увидел большие бутыли, аккуратно завернутые и переложенные тряпками и опилками. Он вытащил одну бутыль. На ней был изображен странный белый символ, показавшийся Калену знакомым. Он напряг память и вспомнил - это череп гуманоида. В Мабогийский союз входила одна гуманоидная цивилизация, и Кален видел в музее муляжи черепов. Но зачем рисовать эту штуку на бутыли?

Он открыл бутыль и принюхался. Запах был приятный и смутно напомнил Калену... запах питательной жидкости, очищающей кожу!

Кален быстро вылил на себя содержимое бутыли и принялся ждать, затаив дыхание. Если только ему удастся восстановить кожу...

Так и есть, жидкость оказалась слабым очистителем. Он опорожнил еще одну бутыль, чувствуя, как живительный раствор впитывается оболочкой.

Некоторое время Кален расслабленно лежал на спине, позволяя жидкости рассасывать роговой панцирь. Вскоре кожа полностью восстановила эластичность, и Кален ощутил необыкновенный прилив сил и энергии.

Он будет жить!

После целебной ванны Кален осмотрел пилотирующее устройства. Почему-то инопланетяне не собрали все приборы в одном отсеке. Очень глупо. Они даже не сумели превратить остальные помещения корабля в антигравитационные камеры! Впрочем, и резервуарам для хранения такого количества жидкости было негде разместиться.

Ничего, подумал Кален, как-нибудь он преодолеет эти трудности. Но, исследуя двигатель, он заметил, что у

аккумуляторных батарей отсутствует совершенно необходимое звено. Батареи были выведены из строя.

Оставался только один выход - вернуть назад свой корабль.

Но как? Мабогийские законы запрещали любое убийство. Ни при каких обстоятельствах - даже ради спасения собственной жизни - мабогиец не имел права убивать. Благодаря этому мудрому закону мабогийцы уже три тысячи лет жили без войн, и мабогийская цивилизация достигла высочайшего расцвета...

Так что же делать? Умирать самому?

Взглянув себе под ноги. Кален с изумлением заметил, что лужица пролитой им жидкости проела огромную дыру. Какой ненадежный корабль - даже слабый очиститель способен так повредить его! Видимо, и сами инопланетяне очень слабые создания.

Одной тетнитовой бомбы будет вполне достаточно.

И никто на Мабоге об этом не узнает!..

- Готово, наконец? - нетерпеливо спросил Барнетт. - Кажется, да, - ответил Эйджи, осмотрев размеченную нестираемым карандашом панель.

- Отлично. Мы с Виктором останемся в отсеке экипажа. Взлетайте с минимальным ускорением.

Эйджи объявил десятисекундную готовность, нажал на кнопку, и дверь, отделяющая его от отсека экипажа, закрылась, Он нажал еще одну кнопку, и заработали аккумуляторы. Пока все шло хорошо.

На полу появилась тонкая струйка маслянистой жидкости. Эйджи машинально отметил, что, должно быть, подтекает один из приводов, и тут же забыл об этом. Приборы работали прекрасно. Он задал автопилоту нужный курс, включил двигатели и вдруг ощутил прикосновение к ноге, а глянув вниз, с удивлением обнаружил, что густая, дурно пахнущая жидкость уже заливала весь пол, слоем в несколько дюймов толщиной. Эйджи отстегнул ремни, чтобы найти причину утечки. Вскоре он отыскал четыре отверстия, которые равномерными толчками выбрасывали жидкость. Эйджи нажал на кнопку, управляющую дверью, но дверь не открывалась. Стараясь не поддаваться панике, он внимательно осмотрел дверь.

Она должна была открыться!

Но не открылась...

Маслянистая жидкость поднялась уже до колен.

Эйджи вернулся к пульту управления. Войдя в корабль, они не видели никакой жидкости. Значит, есть сток...

Когда он обнаружил сток, зловонная жидкость была ему уже по пояс. Эйджи потянул рычаги на себя, и жидкость быстро исчезла. После этого дверь легко открылась.

- В чем дело? - спросил Барнетт.

Эйджи рассказал, что произошло.

- Тогда все ясно, - спокойно произнес Барнетт. - А я-то не мог понять, как наш прямоугольный друг выдерживает стартовое ускорение. Мы не нашли на борту ничего, к чему бы он мог пристегнуться. Значит, он просто плавает в масле, которое автоматически заполняет пилотский отсек, когда корабль готов к взлету.

- А почему не открывалась дверь?

- Разве не ясно? - ласково, будто ребенку, улыбнулся Барнетт. - Зачем ему заливать маслом весь корабль? Вдобавок лишняя гарантия от случайной утечки.

- Но мы не можем взлететь.

- Это еще почему?

- Я не умею дышать под толстым слоем масла. А оно будет натекать, как только я включу двигатели.

- А ты открой сток и привяжи к нему рычаг регулятора, чтобы он оставался открытым. Масло будет стекать с той же скоростью, как и набираться.

- Ладно, попробую, - безрадостно согласился Эйджи.

Совет капитана оказался дельным: жидкость не поднималась выше полутора дюймов. Установив регулятор ускорения на минимум, Эйджи нажал стартовую кнопку.

Кален с грустью проводил взглядом взлетевший корабль. Подложить бомбу он так и не решился. Законы многовековой давности трудно преступить за несколько часов.

Однако Кален не впал в отчаяние. Он не собирался сдаваться. Он будет цепляться за жизнь до последнего вздоха, будет надеяться на один шанс из миллиона, что на планету прилетит другой корабль!

Кален сообразил, что из очистительной жидкости можно легко изготовить заменитель воздуха. Этого ему хватит на несколько дней. А если еще вскрыть керловый орех...

Придя в себя, Эйджи обнаружил, что, прежде чем потерять сознание, успел вдвое уменьшить ускорение. Это и спасло ему жизнь.

Но ускорение, равное по шкале почти нулю, было тем не менее невыносимым. Эйджи открыл дверь и выполз из своего отсека.

Ремни, удерживающие Барнетта и Виктора, лопнули при взлете. Виктор только-только приходил в себя, а Барнетт с трудом выбирался из-под груды покореженных ящиков.

- Что за шутки? - тяжело выдохнул он. - Я же ясно сказал: "С минимальным ускорением"!

- Я взлетел с ускорением вдвое меньше минимального! - ответил Эйджи. - Посмотри сам.

Барнетт вошел в пилотский отсек и быстро вернулся.

- Плохо дело, - сказал он. - Этот корабль рассчитан на ускорение втрое большее, чем наше. Видимо, на их дурацкой планете слишком сильная гравитация и для взлета требуется колоссальная скорость.

В стенах что-то щелкнуло.

- По-моему, становится теплее, - робко произнес очнувшийся Виктор.

- И давление тоже растет, - сказал Эйджи и устремился к пульту.

Барнетт и Виктор проводили старого пилота тревожными взглядами.

- Ничего не могу поделать! - крикнул Эйджи, утирая пот с раскрасневшегося лица. - Температура и давление регулируются автоматически. Видимо, они подстраиваются до "нормального" уровня во время полета.

- Отключи их как-нибудь, черт возьми! - крикнул Барнетт. - Или хочешь, чтобы мы изжарились?

- Терморегулятор и так стоит на нуле, - ответил Эйджи. - Больше ничего сделать невозможно.

- Какова же нормальная температура для этого проклятого инопланетянина?

- Страшно подумать, - ответил Эйджи. - Корабль построен из необыкновенно теплостойкого материала и способен выдержать давление в десять раз большее, чем земные корабли. Сопоставь эти данные и...

- Но должно же это как-то выключаться! - не выдержал Барнетт. Металлический пол раскалился уже чуть ли не докрасна.

- Отключи его! - заорал Виктор.
- Не я сделал этот корабль, - начал оправдываться Эйджи. - Откуда мне знать...
- Отпусти меня! - Эйджи схватился за бластер. Внезапно его осенило, и он выключил двигатели.
Щелканье в стенах прекратилось, и помещение стало остывать.
- Что случилось? - Виктор сразу успокоился.
- Температура и давление падают, когда двигатели не работают, - пояснил Эйджи. - Пока не включены двигатели, мы в безопасности.
Воцарившееся молчание нарушил Барнетт:
- Итак, мы влипли?
- Да, - подтвердил Эйджи. - Двигаясь по инерции, мы достигнем большой планеты не раньше чем через три года.
- Ничего не попишешь, вернемся на свой корабль.
Подавив вздох облегчения, Эйджи задал автопилоту новый курс.
- Думаете, этот тип вернет нам корабль? - спросил Виктор.
- Конечно, - убежденно ответил Барнетт. - Ему ведь до смерти охота заполучить назад свой, стало быть, придется покинуть наш.
- Да, но если он...
- Мы выведем из строя автоматику, - сказал Барнетт. - Это его задержит.
- Ненадолго, - вмешался Эйджи. - Потом он все равно нас догонит.
- Не думаю, - ухмыльнулся Барнетт. - Для нас главное - взлететь первыми. Корпус у этого корабля, конечно, прочный, но вряд ли он выдержит три атомных взрыва.
- Об этом я не думал, - побледнел Эйджи.
- А когда-нибудь мы вернемся, - бодро заключил Барнетт. - Металл, из которого сделан его корабль, наверняка кое-чего стоит.
Эйджи включил двигатели и развернул "Индевер-2" к планете. Автоматика заработала, и температура стала быстро повышаться. Убедившись, что автопилот взял нужный курс, Эйджи отключил двигатели, и корабль полетел дальше, влекомый силой инерции.
Они не успели вывести из строя автоматику. Перед посадкой Эйджи пришлось снова включить двигатели, и, когда "Индевер-2" совершил посадку, у астронавтов едва хватило сил выбраться наружу. Тела их покрылись волдырями ожогов, а подошвы обуви прогорели насквозь.
Затаившись в лесу, они ждали.
Через некоторое время инопланетянин вышел из их корабля и перешел в свой. Мгновение спустя люки закрылись.
- Ну вот. - Барнетт встал на ноги. - Теперь надо срочно взлетать. Эйджи, ступайте прямо к пульту. Я подсоединю аккумуляторы, а Виктор задраит люк. Вперед!

Кален открыл запасной резервуар, и корабль заполнился свежим благоухающим желтоватым дымом. Несколько минут Кален с наслаждением дышал.
Затем он отобрал три самых крупных керловых ореха и подождал, пока щелкун их раздавит.
Насытившись, Кален почувствовал себя гораздо лучше. Он позволил переодевателю снять задубевшую наружную оболочку. Лезвие аккуратно разрезало два верхних слоя, остановившись перед нежной живой кожицей.

Кален решил, что рассудок инопланетян помрачился. Как же иначе объяснить, что они вернулись и возвратили ему корабль?

Нужно обязательно сообщить их властям координаты этой планеты, чтоб их забрали отсюда и вылечили.

Кален был счастлив. Он не преступил законов мабогийской этики. А ведь мог бы оставить в чужом корабле тетнитовую бомбу, вывести из строя двигатели.

Но он ничего такого не сделал.

Он только сконструировал несколько бесхитростных устройств для поддержания собственной жизни.

Кален проверил приборы - все было в идеальном состоянии. Тогда он включил аккумуляторы и стал ждать, пока отсек наполнится антигравитационной жидкостью.

Виктор первым достиг люка, бросился внутрь, но тут же отлетел назад.

- Что случилось? - спросил подоспевший Барнетт.

- Меня что-то ударило.

Они осторожно заглянули внутрь.

Хитроумно переплетенные провода тянулись от аккумуляторов к стенам. Дотронься Виктор до корпуса корабля, он был бы тотчас убит мощным электрическим разрядом.

Они замкнули смертоносную систему и вошли.

Внутри корабля царил хаос. Пол был загроможден беспорядочно разбросанными предметами. В углу валялся согнутый вдвое стальной прут. В довершении разгрома пролитая в нескольких местах кислота насквозь разъела обветшавший корпус "Индевера".

В хвостовом отсеке их подстерегала новая ловушка. Тяжелая дверь была с дьявольским коварством подсоединена к небольшому стартеру. Одно неосторожное движение, и от человека, попытавшегося войти, осталось бы мокрое место.

Были и другие устройства, назначение которых никто из астронавтов разгадать не мог.

- Мы в силах все это исправить? - спросил Барнетт.

Эйджи пожал плечами:

- Почти все наши инструменты остались на "Индевере-2". За год мы, вероятно, сумеем кое-что подлатать, но я не гарантирую, что корпус выдержит.

Они вышли наружу. "Индевер-2" взмыл в небо.

- Вот мерзавец! - в сердцах выругался Барнетт, глядя на изъеденный кислотой корпус своего корабля.

- Трудно предугадать, на что способен инопланетянин, - философски рассудил Эйджи.

- Хороший инопланетянин - мертвый инопланетянин, - произнес Виктор.

"Индевер-1" был теперь столь же загадочным и опасным, как "Индевер-2". А "Индевер-2" улетел.

Роберт Шекли

Носитель инфекции

Перевод Л. Резникова

Эдвард Экс проснулся, зевнул и потянулся. Он покосился на солнечный свет, льющийся через открытую восточную стену

его однокомнатной квартиры, и подозвал свою одежду.
Она не подчинилась! Экс прогнал сон и повторил приказ. Но дверь шкафа оставалась закрытой, а одежда не двигалась. Основательно встревоженный, Экс вскочил с кровати. Он вновь начал формулировать ментальную команду, но остановил себя. Нельзя паниковать. Если одежда не подчиняется, значит в этом виновато его полусонное состояние.
Экс неторопливо повернулся и пошел к восточной стене. Он откатил ее ночью и сейчас остановился, глядя на город, у той грани, где обрывается пол.
Было рано. Молочники уже доставляли молоко на террасы. Мужчина в вечернем наряде пролетел мимо, как раненая птица. Пьян, заключил Экс по неуверенной левитации. Мужчина накренился, увернулся от молочника и, недооценив высоту, упал с двух футов. Чудом он сохранил равновесие, потряс головой и продолжил свой путь пешком.
Экс ухмыльнулся, наблюдая за его вихлянием по улице. Там для него будет безопаснее. Никто не пользуется улицами, кроме Нормалов или психов, которые захотели по какой-нибудь причине прогуляться. Но левитировать в таком состоянии... Либо его зажмет телепортационный парашют, либо он свернет себе шею между домами.
За окном пролетел разносчик газет. Из кармана на его бедре высовывались защитные очки. Паренек выровнял дыхание и взлетел к особняку, выстроенному на крыше двадцатиэтажного небоскреба.
Особняк, думал Экс, вот это жизнь! Он жил на четвертом этаже настолько старого здания, что здесь была даже лестница с лифтом. Вот когда он закончит Университет Микровски... когда получит степень...
Но сейчас не время было мечтать. Мистер Сплен не любил опозданий, а работа в его магазине позволяла продолжать учебу.
Экс открыл стенной шкаф и оделся. Потом совершенно спокойно приказал постели убраться. Одеяло наполовину приподнялось и упало назад на кровать. Экс сердито повторил приказ. Простыни лениво разгладились, одеяла медленно поползли на место. Подушка двигаться не желала.
После пятого приказа подушка легла в изголовье кровати. Уборка постели заняла пять минут. Обычно на это требовались секунды.
Ужасная мысль потрясла Экса, его колени ослабли, он был не в состоянии управлять простейшей телепортацией! Это - болезнь.
Но почему? Как она началась? Он не испытывал никаких необъяснимых напряжений, не ломал голову над безнадежными проблемами. Он только начал жить в свои двадцать шесть! Занятия в университете шли успешно. Его главный показатель был в первой десятке, а показатель восприимчивости - у высшего уровня Спящего. Почему это должно было случиться с ним? Почему именно его угораздило подхватить последнюю оставшуюся на земле болезнь?
- Будь я проклят, если плохо себя чувствую, - сказал Экс громко и вытер с лица пот.
Он быстро скомандовал стене закрыться, и она сделала это! Мысленной командой он открыл кран, левитировал стакан, наполнил его и донес до себя, не уронив ни капли.
- Временная блокада, - сказал он сам себе, - флюктуация. Возможно, я просто перезанимался. Больше общения, вот что мне надо.
Он послал стакан назад, любуясь его скольжением по

воздуху и игрой солнечных бликов на гранях.

- Я так же хорош, как и вчера, - сказал Экс.

Стакан упал и разбился.

- Просто временное потрясение, - придумал он новое оправдание. Конечно, следует обратиться в службу пси-Здоровья для проверки. Если твои пси-возможности повреждены - не медли. Иди проверяйся.

Но агенты службы пси-Здоровья нервные ребята. Если он попадется им на глаза, ему гарантировано несколько лет лечения в одиночке. И все - ради безопасности.

Это будет концом. Экстраверт в высшей степени, Экс понимал, что никогда не сможет выдержать одиночного заключения. Оно полностью разрушит его пси- возможности.

- Тупицы! - Выругавшись, Экс подошел к отодвигающейся стене, посмотрел вниз, напрягся и выпрыгнул. В какое-то ужасное мгновение ему показалось, что утрачены даже основы искусства левитации. И лишь взяв себя в руки, он полетел к магазину мистера Сплена. Летел Экс покачиваясь, как раненая птица.

Штаб-квартира пси-Здоровья располагалась на восемьсот третьем этаже гудящего от активности здания. Посыльные влетали и вылетали в огромные окна, проносились через комнату, чтобы бросить свои отчеты на стол приема. Другие отчеты телепатировались, записываемые конторскими девицами с телепатической чувствительностью третьего класса. Образцы телепортировались через окна. Худенькая пси-девушка четвертого класса собирала отпечатанные бумаги и левитировала их через комнату регистрирующим клеркам.

Трое посыльных, смеясь, влетели в окно. Перелетая через комнату, один из них зацепил кипу отчетов.

- Почему вы так неосторожны? - сердито спросила девушка четвертого класса. Ее бумаги упали на пол и пришлось левитировать их назад.

- Извини, сладкая моя, - сказал посыльный, опуская отчет на стол. Он подмигнул ей, сделав петлю под потолком, и вылетел в окно.

- Нервы, - промурлыкала девушка, глядя ему вслед. Оставленные без ее внимания бумаги начали опять расползаться.

Конечный продукт всей этой деятельности возвышался на черном столе старшего офицера Здоровья Пола Мэрина.

- Что-то не так, шеф?

Мэрин поднял взгляд на своего ассистента Джо Леферта и кивнул. Молча он вручил ему пять регистрационных карточек. Это были сообщения о болезнях.

- Джун Мартинелли, официантка. "Серебряная корова", 4543, Бродвей. Наблюдения: нарушение пси-моторных функций. Диагноз: сильная потеря самоуверенности. Заразна. Карантин на неопределенное время.

Остальные донесения были о том же.

- Довольно мало, - сказал Леферт.

Еще одна стопка карточек упала на черный стол. Мэрин их бесстрастно просмотрел.

- Еще шесть, - он повернулся к большой карте Нью-Йорка и булавками отметил новые точки.

Леферту не было необходимости говорить. Даже не направленная, его мысль была достаточно сильна, чтобы ее уловил Мэрин: "ЭПИДЕМИЯ!"

- Держи это при себе, - сказал низким голосом Мэрин. Он прошел назад к столу, размышляя, что означают одиннадцать случаев в один день, если обычная норма - один случай в

неделю.

- Собери мне все сведения об этих людях, - сказал Мэрин Леферту, вручая регистрационные карточки, - нужен список, с кем они были в контакте за последние две недели. И без шума.

Леферт поспешил уйти.

Мэрин чуть-чуть подождал и послал телепатический вызов Крэндолу, главе проекта Спящего. Обычно такого рода послания проходили через группу телепатически чувствительных девушек. Но Мэрин обладал пси-возможностями невероятной силы. У него также была хорошая согласованность с Крэндолом после многих лет совместной работы.

- Что такое? - спросил Крэндол. Сопроводительный идентифицирующий образ имел все, даже не поддающиеся описанию особенности человека.

Мэрин быстро обрисовал ситуацию.

- Я хочу, чтобы ты разобрался: случайный это разброс или мы имеем дело с носителем инфекции, - кончил он.

- За это с тебя причитается ужин, - телепатировал Крэндол. На самой периферии ощущений чувствовалось, что он сидит на молу и рыбачит, - ужин в "Орлах".

- Хорошо. У меня все данные. 5.30 подходит?

- Мой мальчик! Давай, пожалуйста в 6.30. Человеку моих... э-э... размеров не пристало левитировать слишком быстро, - завершающий образ представлял из себя чрезвычайно туго набитую колбасу.

- Тогда до 6.30.

Они разорвали контакт. На мгновение Мэрин пожелал стать медиком из прошлого. Там бы у него был хороший жирный микроб для охоты.

Диагноз: "РЕЗКАЯ ПОТЕРЯ САМОУВЕРЕННОСТИ". Попробуй рассмотреть это под микроскопом.

Мэрина посетила мысль об официантке. Первый случай. Возможно, она ставила тарелки. Сомнения пустили корни в ее мозгу за несколько часов до этого, за несколько минут...

Расцвели... Тарелки упали. И Сейчас девушка серьезно больна последней болезнью человечества. ПОТЕРЯ КООРДИНАЦИИ ДВИЖЕНИЙ. Ей придется отправиться в одиночку, чтобы не заражать других. На какой срок? День, год, жизнь?

Между тем, некоторые из ее клиентов могли заразиться. И разнести болезнь своим женам...

Мэрин сел прямо и послал телепатический вызов жене. Ее ответные мысли пришли быстро и были наполнены теплотой.

- Хэлло, Пол!

Он сообщил ей, что будет работать допоздна.

- Хорошо, - сказала она, но во всех сопутствующих мыслях чувствовалось смущение. Ей очень хотелось узнать, в чем дело, но понимание, что муж не может ответить, не позволяло спросить.

- Ничего серьезного, - коротко ответил Мэрин на невысказанный вопрос и тут же пожалел. Ложь, неправда, полуправда, даже маленький обман с самыми лучшими намерениями телепатировались отвратительно. Тем не менее он не взял свои слова обратно.

В пять часов служащие отделов откладывают свои бумаги и устремляются к окнам, чтобы лететь домой в Уэстчестер, Лонг-Айленд и Нью-Джерси.

- Порядок, шеф, - сказал Леферт, подлетая к столу с толстым портфелем в руках, - больше никого?

- Я бы хотел, чтобы ты был наготове, - сказал Мэрин, взяв портфель, - добавь еще агентов.

- Хорошо. Что-то должно стрястись?

- Не знаю. Иди лучше ужинать.

Леферт кивнул. Его глаза заблестели, и Мэрин понял, что Леферт уже успел телепатировать своей жене в Гринвич, чтобы к ужину его не ждали.

Мэрин почувствовал себя очень одиноко. Только он и эта возможная эпидемия.

Точно в 6.20 Мэрин поднял портфель и полетел к "Орлам".

Ресторан "Орлы" висел на высоте двух тысяч футов над Нью-Йорком, опираясь на спины 200 мужчин. Мужчины были рабочими первого класса пси, прошедшими правительственную проверку. Приближаясь, Мэрин увидел их под фундаментом здания. Ресторан плавал, легко поддерживаемый необыкновенной пси-силой.

Мэрин спустился за столик для почетных гостей.

- Приветствую вас, мистер Мэрин, - сказал главный официант. - Вы должны посещать нас иногда и в других местах. Если будете в Майами, то помните, "Орлы" есть и там. Еда высшего качества.

И цены, разумеется, высшего качества, подумал Мэрин, заказывая мартини. Владелец "Орлов" был баловнем судьбы. Воздушные рестораны стали обычным явлением, но ресторан "Орлы", первый среди них, все еще оставался самым популярным. А его хозяин ухитрился не платить даже налог с собственности, так как после закрытия ресторан улетал на свою базу в Пенсильвании.

Терраса начала приподниматься, когда прибыл запыхавшийся и вспотевший Крэндол.

- Боже мой, - выдохнул он, садясь, - почему больше нет самолетов? Всю дорогу дул встречный ветер. Виски со льдом. Официант поспешил за заказом.

- Что у тебя там так неожиданно появилось к выходному? - спросил Крэндол. - Полеты на длинные дистанции - для сильных молодых обезьян. А я умственный работник. Как твоя жена?

- Так же, - сказал Мэрин. Его лицо представляло ничего не выражающую маску и сейчас улыбалось.

Он заказал обед и вручил Крэндолу портфель.

- Гм-мм, - Крэндол склонился над страницами. Его породистое лицо с резкими чертами приобретало все более рассеянное выражение по мере запоминания информации.

Пока Крэндол поглощал данные. Мэрин окинул взглядом террасу. Солнце уже почти зашло, и большая часть местности была в тени. Под ними мелькали в затемнненных районах огни Нью-Йорка, а над ними поблескивали звезды.

Крэндол игнорировал свой суп, сосредоточившись на мелькающих страницах. Еще до того, как суп остыл, все уже было просмотрено.

- Так-так, о чем мы будем говорить? - лучший среди всех пси-вычислителей, Крэндол, как никто другой, подходил на место главы проекта Спящего. Подобно другим вычислителям, он выполнял свою работу бессознательно, переставая обращать внимание на данные, когда память их усваивала. Бессознательно информация поглощалась, проверялась, сравнивалась, синтезировалась. За несколько минут или часов получался ответ. Но огромный талант Крэндола сопровождался недостатками. Он не мог выдержать, к примеру, тест на левитацию, предназначенный для разносчиков газет. А о телепортационных и телекинетических способностях вообще не было речи.

- Есть что-нибудь новое в Спящем? - спросил Мэрин.

- Все еще спит. Кое-кто из наших ребят сварганил технику подсознательной инфильтрации. Через пару дней будут пробовать.

- Думаешь, сработает?

Крэндол засмеялся.

- Я предсказал вероятность один к одному. Высока, если сравнивать с предыдущими попытками.

Крэндолу подали речную форель, свежую, телепортированную чуть ли не из горного ручья. За ней последовало мясо для Мэрина.

- Ты думаешь, что-нибудь подействует? - спросил Мэрин.

- Нет, - лицо Крэндола было серьезным. - Я не верю, что Спящий когда-нибудь проснется.

Мэрин нахмурился. Проект Спящего был самым важным и наименее удачным. Он начался около тридцати лет тому назад. Пси стало нормой, но все еще было непредсказуемо. Оно прошло долгий двухсотлетний путь от экспериментов Раина по экстрасенсорному восприятию, но идти надо было намного дальше.

Микровски приобрел множество талантов с точки зрения пси. Оцениваемый как чрезвычайно чувствительный, с пси-возможностями на уровне гения, он был самым выдающимся человеком своего времени.

С людьми, подобными Крэндолу, Маерсу, Блэйсенку и другим, Микровски возглавлял телекинетические проекты, исследовал теорию мгновенного переноса в телепортации и проверял наличие новых, еще не открытых пси-возможностей.

В свободное время он работал над собственными любимыми идеями и основал Школу Парапсихологических исследований, названную позднее Университетом Микровски.

То, что действительно случилось с Микровски, обсуждалось годами. Однажды Крэндол и Блэйсенк обнаружили его лежащим на диване с пульсом слабым настолько, насколько его вообще можно было обнаружить. Вернуть его к жизни не удалось.

Микровски всегда верил, что разум - самостоятельная, отличающаяся от тела сущность. Некоторые считали, что он открыл для разума технику проективного отделения.

Но этот разум не мог быть возвращен.

Кое-кто утверждал, что разум Микровски сломался из-за перенапряжения, погрузив хозяина в состояние кататонии. В любом случае периодические попытки разбудить его оказались безуспешными. Крэндол, Маерс и еще несколько человек поддерживали проект и получали для него все, в чем только возникала нужда. Огромная ценность гения Микровски была общепризнана.

Там, где лежало тело Спящего, выросло надгробие, ставшее часовней для туристов.

- Есть у вас идеи, что он мог искать? - спросил Мэрин.

- Не думаю, что он сам знал это, - ответил Крэндол, принимаясь за шерри, - чертовски странный человек, самый странный в мире. Не любил говорить о деле до тех пор, пока не мог швырнуть его тебе в лицо законченным. Ни у кого из нас не было причины подозревать, что такое могло случиться. Мы были уверены, что звезды и бессмертие ждут нас уже за углом, - он покачал головой. - Ах, молодость, молодость.

За кофе Крэндел поднял глаза, поджал губы и нахмурился. Произошел синтез усвоенных им данных. Сознательная часть его разума получила ответ тем способом, который раньше называли интуицией до тех пор, пока пси-исследования не связали это темное явление с подсознательным мышлением.

- Знаешь, Мэрин, определенно в твоих руках разрастающаяся

эпидемия. Это не случайный разброс.

Мэрин почувствовал, как в его груди все сжимается. Он телепатировал короткий вопрос:

- Есть разносчик инфекции?

- Есть, - Крэндол мысленно отметил имя в своем списке. Его подсознание произвело корреляцию частотных факторов, табулировало вероятность и выдало: - Его зовут Эдвард Экс. Он студент, живет на 4-й авеню, 141.

Мэрин немедленно телепатировал Леферту приказ взять Экса.

- Оставь, - вмешался Крэндол, - я не верю, что он дома. Вот вероятный расчет его перемещений.

- Все равно, сначала проверь дом, - сказал Леферту Мэрин, - если его там нет, проверь следующую вероятность. Я встречусь с тобой внизу в городе, если вы его выследите. - Он разорвал контакт и повернулся к Крэндолу. - Насколько я могу рассчитывать на твое сотрудничество? - это был в какой-то степени даже не вопрос.

- Разумеется, - уклончива ответил Крэндол, - здоровье в первую очередь. А Спящий и не собирается пошевеливаться. Я сомневаюсь, что так уж трудно окажется взять Экса. Сейчас он должен быть полным калекой.

На посадке Экс потерял равновесие и тяжело упал на колени. Он поднялся, отряхнулся и пошел пешком. Неряшливая левитация, сказал он себе. Значит, ЭТО продолжается.

Разрушающиеся улицы трущоб Нью-Йорка были заполнены Нормалами, людьми, никогда не владевшими даже основам пси-энергетики. Всю эту массу народа никогда не видели в более респектабельных районах города. Экс смешался с толпой, чувствуя себя здесь в большей безопасности.

Внезапно он обнаружил, что голоден. Зайдя в закусочную, он уселся у пустого прилавка и заказал гамбургер. У повара уже был один готовый. Телепортировав гамбургер на тарелку, повар, не глядя, сделал еще петлю в воздухе и легко опустил перед Эксом. Тот мысленно проклял повара и захотел взять кетчуп. Он надеялся, что бутылка заскользит к нему по прилавку, но она не сдвинулась. Пришлось протянуть руку. Делая такие ошибки, надо следить за каждым своим шагом. Экс начал постигать, что значит быть калекой. Покончив с едой, он вытянул руку ладонью вверх, ожидая, что на нее опустятся деньги из кармана. Но они, конечно, не опустились. Экс медленно выругался. Он так часто делал это... Казалось невозможным утратить одновременно все свои способности.

Но он уже знал, что утратил их. Так решила бессознательная часть его разума, и никакая внушенная самоуверенность помочь не могла.

Повар смотрел на него с удивлением. Эксу пришлось полезть в карман, найти деньги и заплатить. Он попытался улыбнуться и поспешил уйти.

Чудной парень, решил повар. Он уже перестал думать об этом, но далеко в глубине его разума продолжалась оценка увиденного. Невозможность командовать бутылкой... Невозможность командовать монетами...

Экс вышел на переполненную грязную улицу. Ноги начали болеть. В жизни он не ходил так много. Вокруг перемещались Нормалы и пси. Нормалы ходили так, как они ходили всю жизнь. Пси, непривычные к длительным пешим прогулкам, выглядели неуклюже. С облегчением они взмывали в свою привычную стихию - воздух. Люди приземлялись и взлетали, воздух был заполнен телепортируемыми объектами.

Оглянувшись назад. Экс увидел хорошо одетого мужчину. Тот спустился на землю, остановил одного из гуляющих пси,

поговорил с ним и пошел.
Агент Здоровья! Экс догадался, что его выследили. Он повернул за угол и побежал. Освещенность улицы уменьшалась по мере движения. С трудом переставляя гудящие ноги. Экс попытался левитировать, но не смог даже оторваться от земли.
В панике он попытался телепатировать друзьям. Бесполезно. Телепатические возможности исчезли.
Шок накрыл его, как океанская волна. Экс наткнулся на фонарный столб и повис на нем. Пришло полное понимание.
В мире, где люди летали, он был привязан к земле.
В мире телепатических контактов он мог общаться лишь неуклюжими словами на расстоянии слышимости.
В мире, где не было нужды в искусственном свете, он мог видеть лишь тогда, когда это позволяли его глаза.
Калека. Слепой, глухой и немой.
Он шел вперед по сужающимся улицам, по грязноватым сырым аллеям. У него было лишь одно преимущество. Неполноценный мозг не транслировал сильную идентификационную волну. Это затрудняло поиски.
Экс решил, что ему необходимо убежище. Какое-нибудь место, где он никого не сможет заразить, а офицеры Здоровья не смогут его найти. Возможно, ему удастся снять жилье у Нормалов. Он мог бы остаться там и разобраться, что с ним не так, подлечиться. К тому же он не может быть один. Нормалы - это лучше, чем отсутствие людей вообще.
Экс дошел до конца аллеи, где улицы переплетались. Автоматически он включил свои чувства локации, пытаясь узнать, что впереди.
Бесполезно. Они были парализованы, так же мертвы, как и все остальное. Но правый поворот казался безопасным. Он направился туда.
- Не надо!
Экс закружился, напуганный произнесенными словами. Из подъезда к нему выбежала девушка.
- Они ждут меня? - спросил Экс. Его сердце колотилось.
- Офицеры Здоровья. Они знают, что ты повернешь направо. Что-то насчет твоего правостороннего тропизма, я в этом не разбираюсь. Выбери улицу слева.
Экс посмотрел на девушку вблизи. Сначала он думал, что ей около 15, но потом увеличил до 20. Маленькая, стройная, с большими темными глазами на худеньком лице.
- Почему ты мне помогаешь?
- Мне поручил мой дядя, - ответила девушка, - спеши!
Времени для дальнейшей аргументации не хватало. Экс побежал по аллее, следуя за девушкой и беспокоясь, что не успеет за ней.
Девушка была из Нормалов, если судить по ее уверенным широким шагам. Но как она могла перехватить разговор офицеров Здоровья? Почти наверняка он телепатирован узким лучом. Возможно, ее дядя?
Аллея кончилась двором. Экс вбежал и остановился. С вершины зданий летели вниз люди. Кольцо окружения сжималось.
Офицеры Здоровья!
Экс огляделся, но девушка мчалась назад по аллее. Он был блокирован. Экс прислонился спиной к зданию, удивляясь, как можно так сглупить! Именно так они обычно берут людей. Спокойно, чтобы никого не заразить.
Эта проклятая девушка! Он напряг свои больные ноги, чтобы побежать...
Как и предсказывал Крэндол, подумал Шеф Здоровья.

- Держите его руки и ноги! - Находясь в пятидесяти футах над землей Пол Мэрин наблюдал за операцией.

Он смотрел без жалости. Агенты действовали осторожно. Зачем использовать против жертвы силу своих умов? А кроме того, он же калека.

Они уже почти взяли его, когда...

Экс начал постепенно исчезать. Мэрин спустился поближе, не веря своим глазам. Экс растворялся в стене, становился ее частью, таял.

Потом его не стало.

- Ищите дверь! - телепатировал Мэрин. - И проверьте тротуар!

Пока агенты производили осмотр, Мэрин размышлял над увиденным. Поиски двери - оправдание для его агентов. Хорошо, если они думают, что человек исчез через спрятанную дверь. На пользу их уверенности в себе, их здравомыслию, не пойдет, если они поверят в то, что случилось на самом деле.

Калека Экс растворился в стене.

Мэрин приказал обыскать здание. Но там не было ни следа ни Экса, ни волн его мозга. Он исчез, будто его никогда не было.

Но как, спросил себя Мэрин. Кто-то помог ему?

Кто мог помочь заразному?

Первое, что увидел Экс, когда пришел в сознание, была потрескавшаяся оштукатуренная стена, находившаяся прямо перед ним. Он смотрел на нее долгое время, наблюдая пылинки, плавающие в воздухе над кроватью, покрытой изорванным коричневым одеялом.

Кровать! Он сел и огляделся. Это была маленькая розовая комната. По потолку бежали длинные трещины. Единственным предметом мебели, не считая кровати, был простой деревянный стул, стоящий у полуоткрытой двери.

Но как он сюда попал? Экс помнил события прошлой ночи. Да, скорее всего это была прошлая ночь, подумал он. Белая стена, офицеры Здоровья... Наверное, его спасли. Но как?

- Как ты себя чувствуешь? - спросил его от дверей девичий голос. Экс обернулся и узнал бледное выразительное лицо. Это была девушка, предупредившая его прошлой ночью.

- Я чувствую себя хорошо. Но как я здесь очутился?

- Мой дядюшка принес тебя, - ответила девушка, входя в комнату. - Ты, должно быть, голоден?

- Не особенно.

- Тебе надо поесть. Мой дядя говорил, что дематериализация - значительная нагрузка на нервную систему. Именно так он спас тебя от пси, ты ведь знаешь. - Она помолчала. - Я могу принести тебе очень хороший бульон.

- Он дематериализовал меня?

- Он может делать разные вещи наподобие этого, - сказала девушка безмятежно, - такая власть пришла к нему после смерти, - она открыла окно, - так принести тебе бульон?

Экс посмотрел на нее недовольным взглядом. Ситуация становилась все более ирреальной именно тогда, когда он нуждался в самом полном понимании действительности... Эта девушка, кажется, считает совершенно нормальным иметь дядю со способностями и энергией для дематериализации, хотя пси-наука никогда ничего не знала об этом.

- Принести бульон? - опять спросила девушка.

- Нет, - ответил Экс. Он заинтересовался, что может означать повторяющийся акцент на еде. Внешность девушки ни о чем ему не говорила. Она была достаточно симпатична даже в дешевеньком, ни на что не претендующем платье. У нее были

необычные черные глаза и необычно холодное выражение лица. А если точнее - отсутствие выражения.

На некоторое время Экс придержал свои опасения и спросил:

- Твой дядя - пси?

- Нет, мой дядя не обладает пси-энергией. Его сила - духовная.

- Ясно, - сказал Экс и подумал, что это и есть ответ. В течении всей истории люди предпочитали верить, что их природный пси-талант был результатом вмешательства демона. Странная энергия была даром дьявола, пока пси не отрегулировали и не объяснили. Но даже в эти дни находились наивные Нормалы, люди, предпочитающие верить, что, случайные вспышки колоссальной силы - порождение духа. Очевидно, дядя попадал в эту категорию.

- Давно ли твой дядя может делать подобные вещи? - спросил Экс.

- Только около пяти лет. С тех пор, как он умер.

- Совершенно верно, - сказал голос. Экс быстро огляделся. Голос как будто шел из-за спины. - Не ищи. Единственное, что есть от меня в этой комнате - голос. Я дух Кариного дяди Джона.

Экс испытал на короткое мгновение приступ паники, но потом понял трюк. Это был, конечно, телепатированный голос, умело сфокусированный, чтобы создать эффект речи. Телепатированный голос может означать только одну вещь: это пси, выдающий себя за духа.

- Мистер Экс, - сказал голос, умело симулируя произнесенные слова, - своим вмешательством я спас вас. Вы пси-калека, заразный. Арест и изоляция означают для вас катастрофу. Правда ли это?

- Вполне. - Своими притупившимися чувствами Экс пытался прозондировать источник голоса. Имитация была абсолютной. Никакой признак не указывал на то, что источник - телепатия человека.

- Возможно, вы чувствуете ко мне определенную благодарность? - спросил голос.

Экс посмотрел на девушку. Ее лицо оставалось лишенным выражения.

- Конечно, - ответил он.

- Я знаю ваше желание, - сказал дядя Джон, - вы желаете получить убежище на достаточное время, чтобы восстановить свою энергию. И вы его получите, Эдвард Экс. У вас будет убежище.

- Я вам очень благодарен, - ум Экса быстро работал, пытаясь обдумать дальнейший план действий. Притвориться, что он верит в этого духа? Наверняка телепатирующий пси знает, что человек, обученный в университете, не может принять на веру что-либо подобное. С другой стороны, он может иметь дело с невротиком, разыгрывающим духа по каким-то своим причинам. Экс решил подыграть. Чужие претензии его не касаются. Его дело - убежище.

- Я уверен, что вы не откажете мне в одной маленькой любезности, - сказал голос.

- Что вы хотите? - Экс немедленно насторожился.

- Я чувствую ваши мысли. Вы думаете, что можете оказаться втянутым в опасное дело. Уверяю, это не так. Хотя я и не всесилен, я обладаю определенной мощью, не известной ни вам, ни пси-науке вообще. Примиритесь с этим фактом. Ваше спасение - лучшее тому доказательство. И примите к сведению, что все это крепко связано с вашими собственными интересами.

- Когда я должен буду выполнить поручение? - спросил Экс.

- Когда придет время. А сейчас до свидания, Эдвард Экс, - голос исчез.

Экс сел на стул. А что, если дядя - мутант пси? Следующий уровень эволюции. Что тогда?

Кари вышла и вернулась с супом.

- Кто был твой дядя? - спросил Экс девушку. - Что за человек?

- О, он был очень хороший человек, - сказала девушка, осторожно разливая суп, - сапожник. Он взял меня после смерти моего отца.

- Показывал ли он какие-нибудь признаки энергии пси? Или другой необычной энергии?

- Нет, он вел спокойный образ жизни. Это началось, только когда он умер.

Экс с жалостью посмотрел на девушку. Ее участь была самой печальной. Пси, без сомнения, прочел ее разум и обнаружил, что дядя умер. А теперь использует ее как пешку. Жестокая игра.

- Пожалуйста, ешь суп, - сказала девушка. Экс автоматически принялся за еду, глядя ей в лицо. Потом его рука опустилась.

- И ты ешь, - сказал он. Первые признаки румянца появились на щеках девушки. Словно извиняясь, она принялась за суп, даже немного расплескав его от рвения.

Парусная шлюпка резко накренилась, и Мэрину пришлось на фут опустить главный парус, чтобы добиться равновесия. Жена, сидящая на носу шлюпки, качнулась к нему, наслаждаясь этим ныряющим движением.

Внизу можно было видеть гряду грозных туч, шторм в процессе созидания.

- Давай устроим пикник на тех облаках, вон там, - Майра указала на участок перистых облаков, ярко отражающих солнечные лучи над грозовыми тучами. Мэрин изменил курс. Жена легла на носу, вытянув ноги к мачте.

Едва заметив это, Мэрин принял на себя полный вес лодки. Все легкое снаряжение весило двести фунтов вместе с парусами. Суммарный вес его и Майры добавил еще двести шестьдесят фунтов, а тестированные возможности Мэрина левитировать превышали две тонны.

Почти всю работу делал ветер. Управляющие лодкой должны были лишь прилагать достаточное усилие, чтобы удерживать ее в воздухе. Воздух нес их, как белое перышко.

Мэрин не мог выбросить из головы разносчика инфекции. Куда мог исчезнуть Экс? Дематериализовался? Невозможно! Но это было.

Экс в стене. Прошел и... - никакого отверстия.

- Прекрати думать, - сказала Майра, - твой доктор велел тебе не думать сегодня ни о чем, кроме меня.

Мэрин знал, что у него не было ни утечки мыслей, ни каких-либо изменений в выражении лица. Просто Майра очень чувствительна к его настроению. Ему не надо было делать какую-нибудь веселую гримасу, чтобы показать, что он счастлив, или плакать, чтобы продемонстрировать грусть.

Мэрин остановил легкую лодку среди облаков и, сориентировавшись по ветру, спустил парус. Они устроили пикник на носу. Мэрин осуществлял большую часть левитации, хотя Майра тоже пыталась... деликатно.

Так она пыталась уже семь лет после частичного заражения от носителя инфекции. Хотя пси-возможности никогда не

покидали ее полностью, они были судорожными.
Еще одна причина для охоты на Экса.
Сэндвичи Майры были очень похожи на нее саму: маленькие и красивые. И вкусные, подумал Мэрин, телепатируя мысль.
- Зверь, - громко сказала Майра вслух.
Солнце изливало на них тепло своих лучей. Мэрин ощущал удивительную негу. Они вдвоем были распростерты на палубе. Поддержку Мэрин осуществлял чисто рефлекторно. Он отдыхал, как ему не приходилось отдыхать много недель.
- МЭРИН!
Мэрин насторожился, пробужденный от своего полусна телепатированным голосом.
- Пойми, мне ужасно жаль, парень, - это был Крэндол, надоедающий и извиняющийся. - Я ненавижу портить тебе отдых, но у него есть след. Чертовски занятный след. Очевидно, наш носитель инфекции не нравится кому-то еще. Мне сообщили, где он будет в четыре часа.
- Я иду, - сказал Мэрин, - мы не можем позволить себе пропустить хоть что-то, - он разорвал контакт и обернулся к своей жене.
- Пожалуйста, извини меня, дорогая.
Она улыбнулась. В ее глазах ясно читалось понимание. Майра не попала в узкий луч послания Крэндола, но сумела разобраться что к чему.
- Ты сможешь опустить все это? - спросил Мэрин.
- Конечно. Счастливой охоты.
Мэрин поцеловал ее и выпрыгнул из лодки. Несколько секунд он следил, удастся ли ей удержать лодку под контролем. Потом телепатировал в службу проката:
- Моя жена все вам вернет, присматривайте за ней.
Мэрин резко бросился вниз. Он был настолько занят расчетами темпов разрастания болезни, что едва успел вовремя увидеть кинжал.
Клинок пронесся мимо, потом развернулся в двадцати футах и опять атаковал. Мэрин попытался догнать его мысленно, но телекинетически управляемый клинок вырвался. Все же он чуть-чуть отклонил его, зацепив, и наконец взял в руки. Тут же Мэрин попытался проследить владельца, но тот исчез без следа.
Но не совсем. Мэрину удалось ухватить самый кончик идентификационной волны нападавшего, хуже всего поддающийся контролю. Он задумался над ней, пытаясь воссоздать образ. И он его получил.
Экс!
Экс! Калека! Слепой Экс, заразный, исчезнувший в стене. Он же, очевидно, смог трусливо направить кинжал.
Или кто-то сделал это вместо него.
Угрюмо, с возрастающей уверенностью, что дело усложняется, Мэрин левитировал в Отдел пси-Здоровья.
Эдвард Экс лежал в затемненной комнате на изорванном коричневом одеяле. Его глаза были прикрыты, тело пассивно. Мускулы ног дрожали. Он старался расслабить их.
- Расслабление - один из ключей к пси-энергии. Полное расслабление возвращает уверенность в себе: страхи исчезают, напряжение испаряется. Расслабление - насущная необходимость для пси, - произнося этот внутренний монолог, Экс глубоко дышал.
Не думать о болезни. Болезни нет, есть только отдых и расслабление.
Мышцы на ногах стали вялыми. Экс сконцентрировался на своем сердце, приказав ему работать спокойно. Послал приказ

легким дышать глубоко и медленно.
Дядя Джон? Он не слышал о нем уже почти два дня. Он не должен о нем думать, хотя бы сейчас. Необъяснимый феномен дяди Джона разрешится со временем.
А что с бледной, голодной, привлекательной девушкой? И о ней не думать.
Мысли обо всем неулаженном выталкивались прочь по мере того, как дыхание углублялось.
Следующее - глаза. Расслабить мышцы глаз тяжело. После - образы танцевали на сетчатке. Солнечный свет. Темнота, здание, исчезновение.
Нет. Не думать.
- Мои глаза так тяжелы, - говорил он себе, - мои глаза сделаны из свинца. Желание спуститься, спуститься...
И глазные мышцы расслабились. Мысли казались холодными, но под самой поверхностью было безумное столпотворение образов и впечатлений.
Калека, затемненная улица. Призрак, которого нет.
Голодная племянница. В чем ее голод? Суматоха впечатлении и чувств, вспышки красного и пурпурного цвета, воспоминание о занятиях в Университете Микровски, телеборьба в Палладиуме, свидание у Кантона.
- Расслабление - первый шаг к восстановлению, - Экс вызвал голубизну. Все мысли провалились в огромную голубую пропасть.
Медленно он достигал желаемого холода в мозгу. В него начала просачиваться глубочайшая умиротворенность. Медленно, утешающе...
- ЭДВАРД ЭКС...
- Да? - Экс открыл глаза, расслабление оказалось поверхностным. Он осмотрелся и обнаружил, что это был дядин голос.
- Возьмите это, - в комнату резко влетела маленькая сфера и остановилась перед Эксом. Казалось, что она сделана из блестящего твердого пластика.
- Что это? - спросил Экс.
- Вы положите эту сферу внутри нужного мне здания, - сказал ему голос дяди Джона, игнорируя вопрос, - оставьте ее за дверью, на столе, в пепельнице, где угодно. Потом возвращайтесь прямо сюда.
- Что сделает эта сфера? - спросил Экс.
- Не ваша забота, сфера вершина психического треугольника сил, сущность которого вы не поймете. Достаточно сказать, что она никому не принесет вреда, а мне окажет огромную помощь.
- Кажется, в городе ищут меня, - сказал Экс, - и возьмут, как только я вернусь в центр.
- Вы забыли о моей помощи. Экс. Вы будете в безопасности, если не свернете с маршрута, который я вам намечу.
Экс колебался. Он хотел знать больше о дяде и его игре. А самое главное, почему он маскируется под духа?
Или он и есть дух?
Если так, то что дух хочет сделать с Землей? Классические сказки о демонах, ищущих временной власти, до смешного переполнены сырым антропоморфизмом.
- Вы оставите меня одного после возвращения?
- Я вам дал слово. Удовлетворите мое желание и будете иметь убежище, в котором нуждаетесь. Сейчас идите. Нарисованный маршрут у Кари. Она за дверью.
Голос исчез. Даже своими притупленными чувствами Экс мог

ощутить исчезновение контакта.
Он пошел к дверям со сферой в руке. Кари ждала.
- Здесь инструкции, - сказала она.
Экс пристально посмотрел на девушку. Утраченные психоспособности... Многое бы он отдал, чтобы узнать, что скрывает это спокойное симпатичное лицо. Пси никогда не утруждали себя чтением лиц. Аура, окружающая каждого индивидуума, была лучшим индикатором.
Если иметь нормальную пси-чувствительность для ее прочтения.
Солнечный свет ослепил Экса после двух дней полутьмы в маленькой комнате. Он замигал и автоматически оглянулся. Никого не было видно.
Они молча шли, следуя инструкциям дяди Джона. Экс бросал взгляды направо и налево, уверенный в своей уязвимости перед ищейками.
Инструкция предлагала извилистый и бессмысленный путь, дважды проходящий по одним и тем же улицам, но обходящий другие. У западного Бродвея пришлось выйти из трущоб на территорию пси.
- Твой дядя говорил тебе когда-нибудь, что он хочет сделать, - спросил Экс.
- Нет, - ответила Кари.
Они опять шли молча. Экс пытался смотреть в небо, где в любой момент ожидал увидеть пси-офицеров, падающих как ангелы-мстители.
- Бывает, я боюсь дяди Джона, - отважилась Кари некоторое время спустя. - Иногда он такой странный.
Экс растерянно кивнул. Он подумал о положении девушки. Действительно, ей было хуже, чем ему. Он знал об игре. Она же использовалась для какой-то неизвестной цели и, возможно, была в опасности.
- Слушай, - сказал Экс, - если что-нибудь случится, знаешь ли ты бар Энглера на углу Пистай и Бликера?
- Нет, но я могу найти его.
- Встретишь меня там, если что-нибудь не так.
- Хорошо, спасибо.
Экс криво улыбнулся. Какой идиотизм с его стороны опекать эту девушку, когда он не может помочь себе!
Они прошли еще несколько кварталов. Потом девушка нервно посмотрела на Экса.
- Есть еще одна вещь, которую я не могу объяснить, - сказала она. - Ну... Я иногда вижу события, которые только еще должны произойти. Картины чего-то. Я никогда не знаю, когда точно, но через некоторое время это случается.
- Интересно, - сказал Экс, - возможно, ты обладаешь задатками ясновидения и должна пойти в Университет Микровски. Они всегда искали таких людей.
- До сих пор все, что я видела, происходило.
- Прекрасный результат, - Экс заинтересовался, к чему ведет девушка. Она ждет похвалы? Нельзя же быть настолько наивной, чтобы верить в свою уникальность как единственного человека в мире со скрытым ясновидением!
- Мой дядя тоже до сих пор был прав во всем, что он говорил.
- Очень похвально, - кисло сказал Экс.
У него не было времени для семейного панегирика. Они достигли сороковой улицы, и в воздухе было темно от пси. Пешком шло очень мало людей, очень мало.
Оставалось пройти три квартала.
- Что мне интересно, - не успокаивалась девушка, - так

это когда я вижу, что события пойдут одним путем, а мой дядя предсказывает другое. Кто из нас будет прав?

- Что ты имеешь в виду?

- Мой дядя говорит, что ты будешь в безопасности, и я не понимаю.

- Что? - Экс остановился.

- Я думаю, они попытаются захватить тебя сейчас, - сказала девушка.

Экс посмотрел на нее и оцепенел. Не было нужды в пси-энергии, чтобы почувствовать себя в капкане.

Люди из службы Здоровья уже не были такими нежными. Телепатическая сила сбила его с ног, болезненно нагнула голову, схватила руки и ноги.

Психически. Ни одна рука не коснулась его.

Экс дико боролся в слепой ярости. Арест, казалось, избавил его от последних признаков неустойчивости. Он отчаянно пытался разорвать телекинетические путы.

И он почти сделал это. К нему пришла мощь. Он освободил руки, ухитрился подняться в воздух ив неистовстве устремился в высоту.

Но тут же шлепнулся на тротуар.

Опять попытался, приложив сверхчеловеческое усилие...

И потерял сознание.

Последняя мысль мелькнула в мозгу Экса - его надул дядя... Он точно убьет его, если представится удобный случай. А потом была чернота.

Встречу в Здоровье Мира созвали сразу же. Мэрин в штаб-квартире в Нью-Йорке открыл специальный канал. Руководители в Рио, Лондоне, Париже, Кантоне собрались на чрезвычайное заседание.

Плотно сжатая Мэрином информация была распространена по миру меньше чем за минуту. И сразу стали поступать вопросы.

- Я хотел бы узнать, - спросил пси-Шеф Здоровья из Барселоны, - как Экс дважды убежал от вас. - Мысль сопровождалась его неизменной идентификационной структурой. Лицо Шефа из Барселоны было еле различимо: длинный, грустный, усатый. Конечно, не его истинное лицо. Идентификационная структура всегда идеализировала своего хозяина по его желанию. В действительности барселонец был низкий, толстый и чисто выбритый.

- Второй побег - среди бела дня, не так ли? - спросил берлинский шеф. Члены руководства увидели его идеализированное лицо, широкое и энергичное.

- Действительно. Я не могу этого объяснить. - Мэрин сидел за своим черным столом в пси-Здоровье.

- Вот полная последовательность событий, - телепатирование продемонстрировало сцену за сценой.

После атаки летящего кинжала Мэрин сосредоточил своих людей вокруг точки, где, по словам информатора Крэндола, должен был появиться Экс.

- Этот информатор. Кто...

- Позднее. Дайте закончить.

Пятьдесят агентов перекрыли весь район. Экс появился вовремя в указанном месте. Поначалу его удерживали с незначительными трудностями, во время борьбы он продемонстрировал легкое нарастание латентных сил, потом не выдержал...

И вдруг энергетический потенциал Экса увеличился прыжком, подобным взрыву. Экс пропал.

С разрешения Мэрина его воспоминания об этом моменте были извлечены и исследованы более скрупулезно. Картина

оставалась неясной. В одно мгновение Экс был, в следующее его не стало.

Показ образов был замедлен до одного в половину секунды. На такой скорости удалось заметить ореол энергии вокруг Экса перед тем, как он исчез. Уровень ее был настолько высок, что источник практически невозможно было определить. Никакого разумного объяснения этому не было. Впечатления отдельных агентов, как и предсказал Мэрин, были просмотрены без какого-либо результата.

- Не потрудится ли нью-йоркский Шеф Здоровья предложить свои объяснения?

- С тех пор как Экс стал калекой, - заявил Мэрин, - я все время предполагал, что ему кто-то помогает.

- Есть другая возможность, - сказал Шеф из Варшавы. Его идеализированный образ появился вместе с мыслями: худой, с белыми волосами, веселый. - Экс наткнулся на какую-то еще не открытую форму пси-энергии.

- Это выходит из сферы возможного, - телепатировал барселонец с грустными глазами.

- Не совсем. Подумайте о появлении первых пси. Они были поначалу дикими талантами. Почему следующая мутация не может стать очередной стадией дикого таланта?

- Это ужасное предзнаменование, - сказал Шеф из Лондона, - но если это так, то почему Экс не использует свою силу для своей выпады?

- Возможно, он не уверен в ней, возможно, он имеет присущую только ему систему защиты, которая предохраняет его от опасности в стрессовые моменты. Я не знаю, - сказал Мэрин, сомневаясь, - все это, конечно, только возможности. Все мы уверены, что существует еще много нетронутых тайн разума. Еще...

- Аргументом против твоей теории, - вмешался варшавянин, телепатируя прямо Мэрину, - является тот факт, что некто, помогающий Эксу, должен обладать сверхэнергией пси. Он должен иметь ее хотя бы для осуществления почти мгновенного исчезновения. Если он сделал это, то как он мог допустить такую случайность...

- Или кажущуюся случайность, - сказал лондонец, - возможна проба сил. Подсовывая Мэрину Экса, такая группа могла предвидеть соотношения между своими возможностями и возможностями всех пси. Повторившаяся невозможность схватить Экса может быть многозначительной.

- Сомнительно, - осторожно сказал Мэрин. Он находил, что дискуссия интересна, но лишь в академическом плане. Казалось, что она не принесет никакой практической пользы.

- Как насчет информатора, сообщившего Крэндолу? - телепатировал барселонец. - Его спросили?

- Не сумели найти. Он блокировал идентифицирующую мысленную волну, а мы потеряли след.

- Что вы планируете делать?

- Во-первых, - сказал Мэрин, - предупредить вас. В этом основной смысл нашей встречи, ведь носитель может покинуть Нью-Йорк. Показатель болезни перешагнул минимальный эпидемический уровень. Можно предполагать и расширение, хотя я и закрываю город, - он замолчал и вытер лоб. - Во-вторых, я собираюсь лично выслеживать Экса, работая по новой системе вероятности поиска, предложенной Крэндолом. Бывает так, что один человек в состоянии сделать то, что не могут много.

Мэрин продолжал обсуждение еще полчаса и разорвал контакт. Он немного посидел, уныло сортируя бумаги. Потом,

постаравшись отделаться от чувства безнадежности, отправился к Крэндолу.

Крэндол был в своем отделе в гробнице Спящего. Проворчав приветствие, когда Мэрин влетел, он пододвинул стул.

- Я хотел бы посмотреть на твою систему вероятностного поиска, - попросил Мэрин.

- Хорошо, - буркнул Крэндол. - Ничего особенного, просто список улиц и времени.

Для того, чтобы получить всю эту информацию, Крэндол произвел корреляцию огромного количества имеющихся в распоряжении данных. Места исчезновения Экса, его новых появлений, его психологический индекс, плюс суммарная корреляция потайных мест, подходящих калеке тем, что в них его невозможно обнаружить.

- Я думаю, у тебя довольно хорошие шансы найти его, - усмехнулся ученый. - Но вот взять - это совсем другое дело.

- Знаю, - ответил Мэрин, - я уже обдумал свое решение. - Он отвел взгляд от Крэндола. - Я должен буду убить Экса.

- Знаю.

- Что?

- Да, ты не можешь рисковать, оставляя его и дальше на свободе. Показатели распространения инфекции растут.

- Действительно. Полиция департамента Здоровья помещает в карантин всех больных. Дело касается общественной безопасности. Очевидно, Экс не может быть схвачен. Посмотрим, можно ли его убить.

- Хорошей охоты. Я уверен, что тебе повезет больше, чем мне.

- Что-то со Спящим?

- Последняя попытка, провалилась. Даже не пошевелился.

Мэрин нахмурился. Это были плохие новости. Именно сейчас-то им и пригодился бы больше всего интеллект Микровски. Он был именно тем человекам, который мог разобраться со всеми этими случаями.

- Хочешь посмотреть на него? - спросил Крэндол.

Мэрин бросил взгляд на свой вероятностный список и увидел, что до первой встречи на улице остался еще почти час. Он кивнул и последовал за Крэндолом. По тусклому коридору они спустились к лифту, а потом прошли еще один коридор.

- Ты никогда не был здесь? - спросил Крэндол в конце коридора.

- Нет. Но я помогал рисовать план перестройки десять лет тому назад.

Крэндол отомкнул последнюю дверь.

Спящий лежал в ярко освещенной комнате. По трубкам, подходящим к его рукам, подавался питательный раствор, поддерживающий жизнь. Кровать, на которой находился Спящий, медленно массировала его вялые мышцы. Лицо Спящего было белым и ничего не выражающим, как и все последние тридцать лет. Лицо мертвеца. Еще живого.

- Хватит, не выдержал Мэрин, - я достаточно поражен.

Они поднялись наверх.

- Учти, эти улицы, что я тебе дал, находятся в трущобах, - сказал Крэндол, - следи за каждым своим шагом. В таких местах еще встречаются антисоциальные явления.

- Я сам чувствую себя довольно антисоциально, - ответил Мэрин.

Он левитировал к окраине трущоб и там спустился на улицу. Чувствительный тренированный разум был настроен на прием, сортируя поступающие во время ходьбы ощущения. Мэрин шел в

поисках вялой, почти сгладившейся пульсации. Носитель инфекции! Паутина чувств Мэрина растянулась на кварталы, просеивая, ощущая, сортируя.

Если Экс жив и в сознании - он найдет его. И убьет.

- Ты дурак! Невежа! Слабоумный! - голос, лишенный тела, орал на Экса.

Сквозь туман Экс понял, что он находится в трущобах, у Кари в комнате.

- Я дал тебе описание пути, - визжал дядя Джон, его голос отражался от стен, - ты сделал неправильный Поворот!

- Я его не делал, - Экс поднялся на ноги. Ему было любопытно, как долго он пролежал без сознания.

- Не спорь со мной! Сделал! И ты должен пойти снова.

- Минутку, - спокойно сказал Экс, - я не знаю, в чем ваша игра, но я следовал всем вашим письменным инструкциям. Я поворачивал на всех улицах там, где вы указали.

- Нет!

- Прекратите этот фарс! - крикнул Экс в ответ. - Кто вы, черт возьми!

- Выходи! - взревел дядя Джон. - Выходи, или я убью тебя!

- Не делайте глупостей, - сказал Экс, - скажите мне, что вам надо. Объясните, что вы предлагаете мне сделать. Объясните! Я не могу работать хорошо, не зная цели.

- Выходи, - зловеще сказал голос.

- Не могу, - ответил Экс в отчаянии, - почему бы вам не сбросить эту маску духа и не сказать мне, что вы хотите? Я - обыкновенный человек. Везде офицеры Здоровья. Они убьют меня. Сначала мне надо восстановить свои возможности. Но я не могу...

- Ты идешь? - спросил голос.

Экс не ответил.

Невидимые руки сдавили шею Экса. Он рванулся. Захват стал крепче. Какая-то сила била Экса об стенку. Он крутился, пытаясь избавиться от безжалостного избиения. Воздух стал живым от переполняющей его энергии, он давил, швырял, сплющивал...

Мэрин почувствовал возрастание выхода энергии. Он проследил его и зафиксировал. Затем левитировал к месту расположения, идентифицировать структуру.

Экс!

Мэрин проломил непрочную деревянную дверь и остановился. Он увидел скрюченное тело Экса.

В комнате обитала сила берсерка. Внезапно Мэрин обнаружил, что ему приходится отчаянно сражаться, пытаясь спасти собственную жизнь. Закрывшись, он нанес удар по телекинетической мощи, нараставшей вокруг.

Стул был поднят и брошен в Марина. Тот отклонил его, но получил удар сзади кувшином. Кровать попыталась прижать Мэрина к стене. Увернувшись, он получил стулом по спине. Лампа врезалась в стену над головой, осыпая осколками.

Защищаясь, Мэрин определил источник пси-энергии. Он был в подвале здания.

Мэрин послал туда волну угрозы, стал метать стулья и столы. Атака внезапно прекратилась. Комната напоминала свалку ломанной мебели.

Мэрин оглянулся. Экс опять исчез. Поиски его идентификационной волны тоже были безуспешны.

Человек из подвала!?

И этот исчез. Но остался след!

Мэрин выскочил из окна, направляясь по следу.

Тренированный для такой работы, он держал контакт с ослабленной приглушенной мыслью по мере того, как ее обладатель мчался в город. Погоня шла как по извилистому лабиринту зданий, так и на открытом пространстве.

Если бы только удалось схватить и задержать соучастника! Мэрин постоянно сокращал дистанцию между собой и человеком, помогавшим Эксу и атаковавшим Экса. Тот летел прочь из города, на Запад.

- Стакан пива, пожалуйста, - сказал Экс, стараясь нормализовать дыхание. Хорошая получилась пробежка. К счастью, бармен был Нормалом, притом довольно флегматичным. Он вяло повернулся к крану.

Экс увидел Кари в конце бара. Девушка прислонилась к стене. Слава богу, что запомнила! Он заплатил за пиво и направился к ней.

- Что случилось? - спросила Кари, глядя на его помятое лицо.

- Твой хороший дядя пытался убить меня, - скривился Экс, - потом вломился офицер Здоровья, и я оставил их драться.

Во время драки Экс выскользнул в дверь. Он рассчитывал, что низкая интенсивность мыслей скроет его. Покалеченный, он вряд ли в состоянии транслировать идентифицирующие волны. Иногда утрата телепатических способностей оказывалась ценным качеством.

- Не понимаю, - Кари грустно покачала головой, - ты можешь не поверить, но дядя Джон всегда был хорошим человеком. Это был самый безвредный человек, которого я знала. Не понимаю.

- Это просто, - сказал Экс, - попробуй понять. Он - не дядя Джон. Какой-то пси очень высокого класса под него замаскировался.

- Но почему? - спросила девушка.

- Не знаю. Он спасает меня, потом пытается сделать так, чтобы меня схватили, потом пытается убить. Это бессмысленно.

- Что нам делать сейчас?

- Сейчас конец, - Экс допил пиво.

- Разве нет места, куда бы мы могли пойти, - спросила Кари, - места, где можно спрятаться?

- Я такого не знаю. И тебе лучше идти одной. Я - слишком опасная личность, чтобы быть со мной рядом.

- А я не пойду, - заявила она.

- Почему? - захотел узнать Экс.

- Не пойду.

Даже без телепатии Экс мог понять, что имела в виду Кари. Он мысленно выругался. Идея, что девушка тоже каким-то образом отвечает за всю эту историю, ему не понравилась. Служба пси-Здоровья должна быть в отчаянии. За последнее время им доставалось не один раз. А это ожесточает.

- Уходи, - Экс был тверд.

- Нет!

- Ну что ж, пойдем. Мы должны уходить как можно скорее. Единственное, о чем я могу думать - это как выбраться из города. Именно с этого надо было начинать, а не играть с духами. Сейчас, без сомнения, слишком поздно. Офицеры Здоровья будут проверять каждого пешехода. Ты можешь использовать свое ясновидение? Тебе что- нибудь видно?

- Нет, - грустно ответила Кари, - в будущем пусто.

Экс видел то же самое.

Мэрин чувствовал, что обладает большей мощью, чем человек, которого он преследовал. Появились признаки, что

тот слабеет и Мэрин поднажал.

Беглец теперь уже был виден, до него оставалось около мили. Приблизившись, Мэрин послал телекинетический удар, сбрасывая противника на землю.

Тот упрямо сопротивлялся. Мэрин догнал его, сбросил вниз и прижал к земле. Опустившись, он поискал его идентифицирующую волну.

И нашел.

Крэндол!!!

Мгновение Мэрин мог только таращить глаза.

- Ты взял Экса? - телепатировал Крэндол. Напряжение полностью истощило его. Толстяк боролся за каждый вздох.

- Нет. Ты был его помощником все это время? Правда?

В мыслях Крэндола читалось подтверждение.

- Как ты мог! - телепатировал Мэрин. - О чем ты думал! Ты же знаешь, что такое болезнь.

- Я объясню позднее, - Крэндол задыхался.

- Сейчас!

- Нет времени. Ты должен найти Экса.

- Знаю. Но почему ты помогал ему?

- Я не помогал, - ответил толстяк, - я не по-настоящему. Я пытался убить его. А ты должен его убить. - Он поднялся на ноги. - Экс куда большая опасность, чем ты думаешь. Поверь мне, Мэрин. Он должен быть убит.

- Почему ты спасал его?

- С целью вовлечь в еще большую опасность. Я не мог позволить себе захватить и изолировать Экса. Он должен быть убит.

- Не сейчас, - покачал головой Крэндол. - Это я послал в тебя кинжал, чтобы убедить в опасности Экса. Я вывел тебя в точку, где ты мог убить его.

- Кто он? Что он?

- Не сейчас! Расправься с ним!

- Еще, - добавил Мэрин, - ты не обладаешь такой большой телекинетической силой. Кто был с тобой?

- Девушка, - сказал Крэндол, поднимаясь на ноги, - девушка, Кари. Я выдавал себя за духа ее дяди. За всем этим стоит она. Ты должен убить ее тоже, - он вытер пот, ручьями текущий по липу. - Извини, Пол, что я действовал подобным образом. В свое время ты услышишь эту историю полностью. Главное - поверь мне сейчас.

Крэндол затряс перед Мэрином кулаками.

- Ты должен убить этих двоих! До того, как они убьют все, что тебе дорого!

Телепатированный абзац показывал, что он не врет. Мэрин поднялся в воздух, связался с агентами и проинструктировал их.

- Убейте этих двоих. Возьмите Крэндола и держите его под прицелом.

Экс свернул вниз по улице, надеясь, что отсутствие плана собьет пси. Каждая тень пугала. Он ожидал телекинетического удара, который, наконец, повергнет его и уничтожит.

Почему дядя пытался убить его? Ответить невозможно. В чем его кажущаяся важность? Еще один вопрос без ответа. А девушка?

Экс наблюдал за ней уголком глаза. Кари шла молча. Ее лицо покрылось румянцем и оживилось. Она казалась почти веселой, возможно, свобода от дяди и была тому причиной. Какая еще могла быть причина?

То, что она с ним?

Воздух был заполнен обычным движением дня. Летели тонны руды под присмотром дюжины опытных рабочих. Проплывали грузы с юга: фрукты и овощи из Бразилии, мясо из Аргентины.

И пси-офицеры. Экс не особенно удивился. Город наблюдался слишком бдительно, чтобы убежать. Тем более калеке.

Пси-офицеры спускались, формируя плотную фронтальную цепь.

- Ну, хорошо, - сказал Экс, - черт с вами, я сдаюсь.

Он пришел к выводу, что сейчас тот случай, когда можно уступить неизбежному. Стоило подумать о девушке. Пси устали от игр. Если он попытается бежать, они могут сыграть слишком жестоко.

Поток энергии сбил его с ног.

- Я же сказал, что сдаюсь! - крикнул Экс. Сзади у него Кари тоже упала. Энергия смела их, завертела по двору. Ее поток усиливался, возрастал.

- Прекратите! - крикнул Экс. - Вы нас...

У него было время, бесконечно малая доля секунды, чтобы полностью разобраться в своем отношении к девушке. Он не мог допустить, чтобы с ней что-нибудь случилось. Экс не знал, как и почему, но это было Чувство.

Грустное и горькое ощущение любви.

Экс попытался подняться на ноги. Очередь ментальной энергии сбила, не дала устоять. К нему летели камешки и булыжники.

Экс осознал, что ему не позволят сдаться. Его намереваются убить.

И Кари.

Он попробовал защититься, хотя и знал о своей слабости, попробовал укрыть Кари. Девушка согнулась: булыжник ударил ее в живот. Камни свистели вокруг.

Увидев, что Кари получила такой удар, Экс пришел в ярость. Он сумел подняться на ноги и пройти два шага вперед. Его опять сбили. Часть стены начала обрушиваться на них под действием пси-силы. Он попытался вытащить Кари. Слишком поздно. Стена падала...

И в этот момент Экс перескочил через пропасть. Его измученный перенапряжением разум совершил прыжок на новый энергетический уровень. Понимание мгновенно заполнило разум Экса.

Стена обрушилась, но Экса и Кари под ней не было.

- МЭРИН!

Шеф пси-Здоровья уныло поднял голову. Он был у себя, за своим столом. Это случилось опять.

- МЭРИН!

- Кто это?

- Экс.

Сейчас уже ничто не могло его удивить. Неважно, что Экс владеет узконаправленной телепатией.

- Что ты хочешь?

- Я хочу встретиться. Назови место.

- Где пожелаешь, - ответил Мэрин с холодным отчаянием. Любопытство переполнило его. - Как ты можешь телепатировать?

- Все пси могут телепатировать, - поддразнивая, ответил Экс.

- Так где же? - спросил Мэрин. Он попытался проследить послание. Но Экс настолько легко управлял узким лучом, что позволял проходить только посланию.

- Я хочу немного покоя, - сказал Экс, - так что я сейчас

в гробнице Спящего. Не мог бы ты встретиться со мной здесь?
- Приду, - Мэрин разорвал контакт.
- Леферт, - сказал он.
- Да, Шеф, - ассистент вошел в комнату.
- Я хочу, чтобы ты руководил, пока я не вернусь. Если я вернусь.
- Как там Экс? - спросил Леферт.
- Не знаю. Я не знаю, какой энергией он обладает. Я не знаю, почему Крэндол хотел убить его, но я согласен с приговором.
- Нам можно бомбить гробницу?
- Нет ничего быстрее мысли, - ответил Мэрин, - Экс открыл какую-то форму нуль- транспортировки и сможет исчезнуть оттуда еще до того, как бомба упадет, - он помолчал. - Есть еще способ, но я больше не буду говорить об этом. Экс может прослушивать наш разговор.
- Невозможно! Это прямая направленная беседа. Он не мог...
- Он не мог, но убежал, - устало напомнил Мэрин. - Мы недооцениваем мистера Экса. Отныне считай его всемогущим.
- Хорошо, - сказал Леферт в сомнении.
- У тебя есть последние цифры показателя инфекционности, - спросил Мэрин подходя к окну.
- Они превосходят эпидемические. Болезнь перепрыгнула за пределы города.
- Это сейчас не проверить. Мы были сбиты с утеса и упали с той стороны. Нам повезет, если за год мир потеряет только тысячу пси. - Мэрин сжал кулаки. - За одно это я мог бы разрезать Экса на мелкие кусочки.
Первым, что увидел Мэрин, войдя в комнату Спящего, был сам Микровски, лежащий в саркофаге. За ним стояли Экс и девушка.
- Мне бы хотелось, чтобы ты встретился с Кари, - улыбнулся Экс.
- А я хотел бы получить объяснение, - Мэрин игнорировал изумленную девушку.
- Конечно. Для начала ты хочешь узнать, кто я?
- Да.
- Я - следующая стадия пси. Парапси.
- Понимаю. И это пришло...
- Когда вы пытались убить Кари.
- Начни-ка лучше с чего-нибудь другого, - сказал Мэрин. Перед тем, как сделать последний шаг, он предполагал услышать объяснение. - Почему ты вытащил из Спящего питающие трубки?
- Потому что Микровски больше в них не нуждается, - ответил Экс. Он повернулся к Спящему и комната загудела от энергии.
- ХОРОШО СДЕЛАНО, ЭКС!
На мгновение Мэрин подумал, что это телепатировала девушка. Потом он сообразил, что это был сам Микровски.
- Некоторое время он еще не может полностью быть в сознании, - сказал Экс, - позволь мне пока начать с самого начала. Как тебе известно, тридцать лет назад Микровски искал сверх-пси-мощь. Чтобы найти ее, он разделил разум и тело. Потом, уже обладая знанием, он был не в состоянии вернуться в тело. Для этого требовался переход на более высокий энергетический уровень, а без находящейся под командой нервной системы он не мог овладеть такой мощью. Не мог ему помочь и никто из обычных пси. Для достижения нового уровня все нормальные каналы должны быть блокированы

и перенаправлены, а вся нервная система должна находиться под ужасным перенапряжением. В основном, я - первый настоящий пси, овладевший этой мощью подобным методом.
   - Так ты не мутант? - озадаченно спросил Мэрин.
   - Мутация здесь ни при чем. Дай мне продолжить. Микровски не мог сам, без помощи, перескочить через пропасть. Для этого нужен был я.
   - Не только. Также ты, - телепатировал Микровски Мэрину, - и девушка, и Крэндол. Я был с ними в телепатическом контакте. Вместе с Крэндолом мы выбрали Экса для эксперимента. Сам Крэндол не годился из-за неподходящей нервной системы. Экса взяли за его темперамент и чувствительность. И, я должен добавить, за его эгоизм и мнительность. Все было предусмотрено, включая роль Кари.
   Мэрин холодно слушал. Пусть объяснит. У него есть свой собственный ответ. Окончательный.
   - Во-первых, перекрытие каналов. Пси-чувства Экса были блокированы. Потом его ввели в стрессовую ситуацию: назревающий арест, изоляция. И то и другое неприемлемо для его натуры. Когда он оказался не в состоянии перескочить пропасть, Крэндол спас его с моей помощью. С Крэндолом, выдающим себя за дядю Кари, мы угрожали жизни Экса, усиливая стресс.
   - Так вот что имел в виду Крэндол, - пробормотал Мэрин.
   - Да, Крэндол сказал тебе, что ты должен убить Экса. Это правда. Ты должен был попробовать. Он сказал, что девушка - ключ ко всему. И это тоже правда. Потому, что лишь когда под угрозой оказалась жизнь Экса и девушки, был достигнут сильнейший из стрессов, который мы могли создать. Экс перебрался через пропасть к более высокому потенциалу. За этим немедленно пришло понимание.
   - И он вернул тебе твое тело, - добавил Мэрин.
   - И он вернул мне мое тело, - согласился Микровски.
   Мэрин знал, что он должен делать, и поблагодарил бога за предусмотрительность службы пси-Здоровья. Однако он на мгновение задержался.
   - Итак, если я правильно понял, все это: заражение Экса, его чудесные спасения, все хитрости, что ты использовал, предназначались для того, чтобы создать силу достаточно большую, чтобы вернуть тебя в твое тело?
   - Эта одна из частей, - ответил Микровски, - другая часть - создание в лице Экса другого парапси.
   - Очень хорошо, - сказал Мэрин. - Вам будет интересно узнать, что пси-Здоровье всегда размышляло над одной возможностью: возвращение Спящего, но безумного Спящего. На такой случай эта комната подготовлена для атомного взрыва. Все четыре стены, пол, потолок закрыты мною. Атомный взрыв не мгновенный, - в его улыбке не было юмора, - но я сомневаюсь, что парапси-переход быстрее. Скорость моих мыслительных способностей такая же, как у вас. Я собираюсь взорвать это место.
   - Твои люди из службы пси-Здоровья подозрительны, - сказал Микровски, - но почему, ради всего святого, ты хочешь сделать подобную вещь?
   - Почему? Ты осознаешь, что натворил? Ты вернул себе тело. Но болезнь вышла из- под контроля. Пси-наука, на всех ее позициях, уничтожена! И все из-за твоего эгоизма, - мысленно Мэрин достал ключ.
   - Подожди! - вмешался Экс. - Очевидно, ты не понимаешь. Это все временное возмущение. Правда. Никто не останется пораженным. Больные люди могут быть тренированы.

- Тренированы? Для чего?

- Парапси, конечно. Полное перекрытие каналов необходимо, чтобы совершить следующий парапсихологический шаг. Болезнь - это исходная точка. Нынешний уровень пей неустойчив. Если бы я его не покинул, это сделал бы кто-нибудь другой в ближайшие несколько лет.

- Дальше, когда появятся несколько людей, перебравшихся через пропасть, будет легче, - добавил Микровски. - Так же, как и начало пси. Остальное пойдет сравнительно легко, когда появятся первые достижения. Чем больше парапси - тем легче.

- Как я могу поверить? - тряхнул головой Мэрин.

- Как? Смотри!

Телепатия передает тонкие нюансы смысла, теряющиеся в разговорной речи. Состояние "правды" при телепатировании открывает, насколько человек, посылающий сигнал, верит этой "правде". Существует бесконечное число градаций "истины".

Как и Экс, Мэрин прочитал веру Микровски в парапси. На подсознательном уровне. Невообразимо правдивая "истина". Больше не надо было никаких аргументов.

Внезапно Кари улыбнулась. Ее постигла одна из вспышек предчувствия.

- Помоги мне подняться, - сказал Микровски Мэрину, - и позволь обрисовать в общих чертах мою программу тренировок.

Мэрин прошел, чтобы помочь ему.

Экс усмехнулся. Он прочитал предвидение Кари.

Роберт Шекли

Травмированный

Перевод Н. Евдокимовой

Адрес: Центр,
Контора 41
Адресат: Ревизор Миглиз
Отправитель: Подрядчик Кариеномен
Предмет: Метагалактика "Аттала"

Дорогой ревизор Миглиз!

Настоящим извещаю Вас, что мною завершены подрядные работы по договору N 13371A. В секторе космоса, известном под шифром "Аттала", я создал 1 (одну) метагалактику, состоящую из 549 миллиардов галактик, со стандартным распределением созвездий, переменных и новых звезд и т. п. См. прилагаемые расчеты.

Внешние пределы метагалактики "Аттала" обозначены на прилагаемой карте.

В качестве главного проектировщика от своего имени, а также от имени всей фирмы выражаю уверенность, что нами создано прочное сооружение, равно как произведение, представляющее незаурядную художественную ценность.

Милости просим произвести инспекцию.

Ввиду выполнения мною в срок договорных обязательств, ожидаю условленного вознаграждения.

С уважением
Кариеномен

Приложение: Расчеты конструкций - 1
Карта метагалактики "Аттала" - 1

* * *

Адрес: Штаб строительства, 334132, доб.12
Адресат: Подрядчик Кариеномен
Отправитель: Ревизор Миглиз
Предмет: Метагалактика "Аттала"

Дорогой Кариеномен!

Мы осмотрели Вашу работу и соответственно задержали выплату вознаграждения. Художественная ценность! Может быть, и так. Однако не забыли ли Вы о первоочередной задаче строительства?

Могу Вам напомнить - последовательность и еще раз последовательность.

При осмотре наши инспекторы обнаружили значительное количество немотивированных явлений, имеющих место даже вокруг центра Метагалактики, то есть в зоне, которую, казалось бы, надлежало застроить наиболее добросовестно. Так продолжаться не может. Хорошо еще, что данная зона необитаема.

Однако это не все. Не будете ли Вы любезны объяснить созданные Вами пространственные феномены? Какого черта Вы встроили в Метагалактику красное смещение? Я ознакомился с Вашей объяснительной запиской, и, по-моему, она абсолютно бессмысленна. Как же отнесутся к такому явлению планетарные наблюдатели?

Художественность замысла не может служить оправданием.

Далее, что за атомы Вы применяете? Не пытаетесь ли Вы экономить, подсовывая всякую заваль? Значительный процент атомов неустойчив! Они распадаются при малейшем прикосновении и даже без всякого прикосновения. Потрудитесь изыскать какой-нибудь иной способ зажигания солнц.

Прилагаем документ, где подытожены замечания наших инспекторов. Пока недоделки не будут устранены, о платежах не может быть и речи.

Только что мне доложили о другом серьезном упущении. Очевидно, Вы не слишком тщательно рассчитали силы деформации пространственной ткани. На периферии одной из Ваших галактик обнаружена трещина во времени. В данный момент она невелика, но может увеличиться. Предлагаю заняться ею без промедления, пока Вам не пришлось заново перестраивать одну-две галактики.

Один из обитателей планеты, попавшей в эту трещину, уже получил травму: его там заклинило исключительно по Вашей небрежности. Предлагаю Вам исправить упущение, пока этот обитатель еще не выведен из нормальной цепи причин и следствий и не сыплет парадоксами направо и налево.

В случае необходимости свяжитесь с ним лично.

Кроме того, мне стало известно, что на некоторых из Ваших планет имеют место немотивированные явления: летающие коровы, ходячие горы, призраки и т. п., все эти явления перечислены в протоколе жалоб.

Мы не намерены мириться с подобными безобразиями, Кариеномен. Во вновь создаваемых галактиках парадокс строжайше запрещен, ибо парадокс - это неизбежный предвестник хаоса.

Травмой займитесь безотлагательно. Неясно, успел ли травмированный осознать, что с ним произошло.

Миглиз

Приложение: заверенная копия протокола жалоб - 1.

* * *

Кей Масрин уложила в чемодан последнюю блузку и с помощью мужа закрыла его.

- Вот так, - сказал Джек Масрин, прикидывая на руку вес битком набитого чемодана. - Прощайся со своим владением. - Супруги окинули взглядом меблированную комнату, где прожили последний год.

- Прощай, владение, - пробормотала Кей. - Как бы не опоздать на поезд.

- Времени еще много. - Масрин направился к двери. - А со Счастливчиком попрощаемся? - Так они прозвали своего домохозяина, мистера Гарфа, оттого что тот улыбался раз в месяц - получая с них квартирную плату (1). Разумеется, сразу же после этого губы хозяина снова сжимались, как обычно, в прямую черту.

- Не надо, - возразила Кей, оправляя сшитый на заказ костюм. - Еще, чего доброго, он пожелает нам удачи, и что же тогда с нами станется?

- Ты совершенно права, - поддержал ее Масрин. - Не стоит начинать новую жизнь с благословлений Счастливчика. Пусть уж лучше меня проклянет Эндорская ведьма.

Масрин вышел на лестничную площадку; Кей последовала за ним. Он глянул вниз, на площадку первого этажа, занес ногу на ступеньку и внезапно остановился.

- Что случилось? - поинтересовалась Кей.

- Мы ничего не забыли? - нахмурившись, в свою очередь спросил Масрин.

- Я обшарила все ящики и под кроватью тоже посмотрела. Пойдем, не то опоздаем.

Масрин снова глянул вниз. Что-то тревожило его. Он попытался быстро сообразить, в чем дело. Конечно, денег у них практически не осталось. Однако в прошлом он никогда не волновался из-за таких пустяков. А теперь он наконец-то нашел себе место преподавателя - неважно, что в Айове. После целого года работы в книжном магазине ему повезло. Теперь все будет хорошо. К чему тревожиться?

Он спустился на одну ступеньку и снова остановился. Странное ощущение не проходило, а усиливалось. Будто существует что-то такое чего не следует делать. Масрин обернулся к жене.

- Неужто тебе так не хочется уезжать? - спросила Кей. - Пойдем же, не то Счастливчик сдерет с нас плату еще за один месяц. А денег у нас, как ни странно, нет.

Масрин все еще колебался. Обогнав мужа, Кей легко сбежала по ступенькам.

- Видишь? - шутливо подзадоривала она его с площадки первого этажа. - Это легко. Решайся. Подойди, деточка, к своей мамочке.

Масрин вполголоса выругался и начал спускаться по лестнице. Странное ощущение усилилось.

Он шагнул на восьмую ступеньку и...

Он стоял на равнине, поросшей травой. Переход свершился именно так, просто и мгновенно.

Масрин ахнул и заморгал. В руке его все еще был чемодан. Но где стены из неоштукатуренного песчаника? Где Кей? Где, если на то пошло, Нью-Йорк?

Вдали виднелась невысокая синяя гора. Поблизости был маленький лесок. Под деревьями стояли люди - человек десять или около того.

Потрясенный Масрин впал в странное оцепенение. Он отметил почти нехотя, что люди эти коренасты, смуглы, с развитой мускулатурой. На них были набедренные повязки; они сжимали в руках отполированные дубинки, украшенные затейливой резьбой.

Люди следили за ним, и Масрин пришел к выводу, что неизвестно еще, кто кого больше изумил.

Но вот один из загадочных людей что-то пробормотал, и они стали надвигаться на Масрина. В него полетела дубинка, но попала в чемодан и отскочила.

Оцепенение развеялось. Масрин повернулся, бросил чемодан и побежал, как борзая. Кто-то с силой ударил Масрина дубинкой по спине, едва не свалив его с ног. Он оказался перед каким-то холмом и понесся вверх по склону, а вокруг него роились стрелы.

Пробежав несколько метров вверх, он обнаружил, что опять вернулся в Нью-Йорк.

* * *

Он одним духом вбежал на верхнюю площадку лестницы и, не успев вовремя остановиться, с размаху налетел на стену. Кей все еще стояла на площадке первого этажа, запрокинув голову. Увидев мужа, она вздрогнула, но ничего не сказала.

Масрин посмотрел на жену и на знакомые мрачные стены из розовато-лилового песчаника.

Дикарей не было.

- Что случилось? - помертвевшими губами прошептала Кей, поднимаясь по лестнице.

- А что ты видела? - спросил Масрин. Он еще не успел полностью прочувствовать случившееся. В голове его бурлили идеи, теории, выводы.

Кей колебалась, покусывая нижнюю губу. "Ты спустился на несколько ступенек и вдруг исчез. Я перестала тебя видеть. Стояла там и все смотрела, смотрела... А потом я услышала шум, и ты снова появился на лестнице. Бегом".

Супруги вернулись домой, оставив дверь открытой. Кей сразу же села на кровать. Масрин бродил по комнате, переводя дыхание. Ему приходили на ум все новые и новые идеи, и он с трудом успевал их анализировать.

- Ты мне не поверишь, - произнес он наконец.

- Почему же? Попробуй объяснить мне!

Он рассказал ей про дикарей.

- Мог бы сказать, что побывал на Марсе, - отозвалась Кей. - Я бы и этому поверила. Я ведь своими глазами видела, как ты исчез!

- А чемодан! - внезапно воскликнул Масрин, вспомнив, как бросил его на бегу.

- Да бог с ним, с чемоданом, - отмахнулась Кей.

- Надо вернуться, - настаивал Масрин.

- Нет!

- Во что бы то ни стало. Послушай, дорогая, совершенно ясно, что произошло. Я провалился в какую-то трещину во времени, которая отбросила меня в прошлое. Судя по тому, какой комитет организовал мне торжественную встречу, я,

должно быть, приземлился где-то в доисторической эпохе. Мне непременно нужно вернуться за чемоданом.

- Почему? - спросила Кей.

- Потому что я не могу допустить, чтобы случился парадокс. - Масрина даже не удивило, откуда он это знает. Свойственное ему самомнение избавило его от раздумий над тем, как у него могла зародиться столь причудливая идея.

- Сама посуди, - продолжал он, - мой чемодан попадает в прошлое. В этот чемодан я уложил электрическую бритву, несколько пар брюк на молниях, пластиковую щетку для волос, нейлоновую рубашку и десять-пятнадцать книг - некоторые из них изданы в 1951 году. Там лежат даже "Обычаи Запада" - монография Эттисона о западной цивилизации с 1490 года до наших дней. Содержимое этого чемодана может дать дикарям толчок к изменению хода истории. А теперь предположим, что какие-то предметы попадут в руки европейцам, после того как те откроют Америку. Как это повлияет на настоящее?

- Не знаю, - откликнулась Кей. - Да и тебе это неизвестно.

- Мне-то, положим, известно, - сказал Масрин. Все было кристально ясно. Его поразила неспособность жены к логическому мышлению.

- Будем рассуждать так, - снова заговорил Масрин. - Историю делают мелочи. Настоящее состоит из огромного числа ничтожно малых факторов, которые сформировались в прошлом. Если ввести в прошлое еще один фактор, то в настоящем неминуемо будет получен иной результат. Однако настоящее есть настоящее, изменить его невозможно. Вот тебе и парадокс. А никаких парадоксов быть не должно!

- Почему не должно? - спросила Кей.

Масрин нахмурился. Способная девчонка, а так плохо улавливает его мысль.

- Ты уж поверь мне на слово, - отчеканил он. - В логически построенной Вселенной парадокс не допускается. Кем не допускается? Ага, вот и ответ.

- Я представляю себе, - продолжал Масрин, - что во Вселенной должен существовать некий универсальный регулирующий принцип. Все законы природы - яркое воплощение этого принципа. Он не терпит парадоксов, потому что... потому что... - Масрин понимал, что ответ имеет какое-то отношение к первозданному хаосу, но не знал, какое и почему.

- Как бы там ни было, этот принцип не терпит парадоксов.

- Где ты набрался таких мыслей? - изумилась Кей. Никогда она не слыхала от Джека подобных слов.

- Они у меня появились очень давно, - ответил Масрин, искренне веря в то, что говорит. - Просто не было повода высказаться. Так или иначе, я возвращаюсь за чемоданом.

Он вышел на площадку в сопровождении Кей.

- Извини, что не могу принести тебе оттуда подарки, - бодро произнес Масрин. - К сожалению, они тоже привели бы к парадоксу. В прошлом все принимало участие в формировании настоящего. Устранить хоть что-нибудь - все равно что изъять из уравнения одно неизвестное. Результат будет совсем другим.

Он стал спускаться по лестнице.

На восьмой ступени он опять исчез.

* * *

Снова очутился он в доисторической Америке. Дикари сгрудились вокруг чемодана, всего в нескольких метрах от

Масрина. "Еще не открывали", - с облегчением заметил он. Разумеется, чемодан и сам по себе - изделие довольно парадоксальное. Однако, вероятно, представление о чемодане - как и о самом Масрине - впоследствии изгладится из людской памяти, переосмысленное мифами и легендами. Времени свойственна известная гибкость.

Глядя на дикарей, Масрин не мог решить, кто же это - предшественники индейцев или самостоятельная, рано вымершая раса. Он ломал себе голову, принимают ли его за врага или за распространенную разновидность злого духа.

Масрин устремился вперед, оттолкнул двоих дикарей и схватил свой чемодан. Он бросился назад, обежал вокруг невысокого холма и остановился.

Как и прежде, он находился в прошлом.

"Где же, во имя хаоса, эта дыра во времени?" - подумал Масрин, не замечая необычности употребленного выражения. За ним гнались дикари, постепенно окружая холм. Масрин почти нашел ответ на собственный вопрос, но, как только мимо просвистела стрела, у него тут же все вылетело из головы. Он понесся во весь дух, усердно перебирая длинными ногами и стараясь бежать так, чтобы холм оставался между ним и индейцами. Позади него шлепнулась дубинка.

Где дыра во времени? Что, если она куда-то переместилась? По лицу его струился пот. Очередная дубинка содрала кожу с его руки, и он обогнул склон холма, отчаянно разыскивая убежище.

Тут его нагнали три приземистых дикаря.

В тот миг, когда они замахнулись дубинками, Масрин бросился на землю, и туземцы, споткнувшись об его тело, полетели кувырком. Но тут подбежали остальные, и он вскочил на ноги.

Вверх! Эта мысль появилась внезапно, молнией прорезав все его существо, охваченное страхом. Вверх!

Масрин бросился бежать вверх по холму в полной уверенности, что ему не добраться до вершины живым...

...И вернулся в меблированный дом, все еще судорожно сжимая ручку чемодана.

- Ты ранен, милый? - Кей обвила руками его шею. - Что случилось?

В голове у Масрина оставалась лишь одна разумная мысль. Он не мог припомнить доисторическое племя, которое отделывало бы дубинки так искусно, как эти дикари. То было почти уникальное искусство, и он жалел, что нельзя прихватить одну из дубинок для музея. Потом он оглядел розовато-лиловые стены, ожидая, что из них выпрыгнут дикари. Или, может быть, эти низкорослые люди прячутся в чемодане? Он попытался овладеть собой. Голос рассудка говорил ему, что пугаться нечего: трещины во времени возможны, и в одну из таких трещин его заклинило. Все остальное вытекало отсюда логически. Надо только... Но с другой стороны логика не интересовала его. Не поддаваясь никаким разумным доводам, он озадаченно смотрел на все происшедшее и понимал, что несмотря на любые разумные аргументы, того, что было, не могло быть. Когда Масрин видел невозможное, он умел его распознавать и прямо говорил об этом. Тут Масрин вскрикнул и потерял сознание.

* * *

Адрес: Центр,

Контора 41

Адресат: Ревизор Миглиз
Отправитель: Подрядчик Кариеномен
Предмет: Метагалактика " Аттала"

Дорогой сэр!

Считаю, что Вы пристрастны в своих замечаниях. Действительно, при сотворении данной конкретной метагалактики я исходил из некоторых новаторских принципов. Я позволил себе занять позицию свободного художника, не подозревая, что меня будут преследовать улюлюканье застойного реакционного Центра.

Поверьте, что в нашем великом деле - подавлении первозданного хаоса - я заинтересован не меньше Вашего. Однако при выполнении своих планов не следует жертвовать идеалами.

Прилагаю объяснительную записку, трактующую проблему красного смещения, а также заявление о преимуществах, связанных с использованием небольшого процента неустойчивых атомов в освещении и энергоснабжении.

Что касается трещины во времени, то это всего лишь незначительный просчет в потоке длительности, ничего общего не имеющий с пространственной тканью, которая, уверяю Вас, первосортна.

Как Вы указывали, существует индивидуум, травмированный трещиной, что несколько затрудняет ремонт. Я связался с упомянутым индивидуумом (разумеется, косвенно), и мне в какой-то мере удалось внушить ему представление о том, как ограничена его роль во всей этой истории.

Если он не станет углублять трещину своими путешествиями во времени, зашить ее будет легко. Тем не менее, сейчас я не уверен, что эта операция вообще возможна. Мои контакт с травмированным весьма ненадежен, и похоже, что субъект испытывает сильные воздействия со стороны, побуждающие его к перемещениям.

Я мог бы, бесспорно, произвести выдирку и в конечном счете, возможно, так и поступлю. Кстати говоря, если эта штука выйдет из повиновения, я буду вынужден произвести выдирку всей планеты. Надеюсь, что до этого не дойдет, ибо тогда придется расчищать весь сектор космоса, где находятся наши наблюдатели, а это в свою очередь повлекло бы за собой необходимость перестройки всей галактики. Однако, надеюсь, что к тому времени, когда я снова напишу Вам, вопрос будет улажен.

Центр метагалактики покоробился вследствие того, что неизвестные рабочие оставили открытым люк для сбрасывания отходов. В настоящее время люк закрыт.

По отношению к таким явлениям, как ходячие горы и т. п., принимаются обычные меры.

Оплата моей работы еще не произведена.

С уважением
Кариеномен

Приложение 1. Объяснительная записка по красному смещению на 5541 листе.
2. Заявление о неустойчивых атомах на 7689листах

Адрес: Штаб строительства
334132, доб.12
Адресат: Подрядчик Кариеномен
Отправитель: Ревизор Миглиз

Предмет: Метагалактика "Аттала"

Кариеномен!

Вам заплатят после того, как Вы представите логически обоснованную и прилично выполненную работу. Ваши заявления прочту тогда, когда у меня появится свободное время, если это вообще произойдет. Займитесь трещиной, пока она еще не прорвала пространственную ткань.

Миглиз

* * *

Полчаса спустя Масрин не только пришел в себя, но и успокоился. Кей положила ему компресс на багровый синяк у локтя. Масрин принялся мерить шагами комнату. Теперь он полностью овладел собой, и у него появились новые мысли.

- Прошлое внизу, - сказал он, обращаясь не столько к Кей, сколько к самому себе. - Я говорю не о первом этаже. Однако, передвигаясь в том направлении, я прохожу через дыру во времени. Типичный случай смещения сочлененной многомерности.

- Что это значит? - спросила Кей, не сводя с мужа широко раскрытых глаз.

- Ты уж поверь мне на слово, - ответил Масрин. - Мне нельзя спускаться.

Объяснить более толково ему не удавалось. Не хватало слов, в которые можно было облечь новые концепции.

- А подниматься можно? - спросила совершенно сбитая с толку Кей.

- Не знаю. По-моему, если я поднимусь, то попаду в будущее.

- Ох, я этого не выдержу, - заныла Кей. - Что с тобой творится? Как ты отсюда выберешься? Как спуститься по этой заколдованной лестнице?

- Вы еще здесь? - прокаркал из-за двери мистер Гарф. Масрин впустил его в комнату.

- Очевидно, мы пробудем здесь еще некоторое время, - сказал он домовладельцу.

- Ничего подобного, - возразил Гарф. - Я уже сдал эту комнату новым жильцам.

Счастливчик был невысокий костлявый человек с продолговатым черепом и тонкими, как паутина, губами. Вкрадчивой поступью он вошел в комнату и стал озираться, ища следы повреждений, причиненных его собственности. Одна из странностей мистера Гарфа заключалась в том, что он твердо верил, будто самые порядочные люди способны на самые ужасающие преступления.

- Когда въезжают новые жильцы? - спросил Масрин.

- Сегодня днем. И я хочу, чтобы вы заблаговременно выехали.

- Нельзя ли нам как-нибудь договориться? - спросил Масрин.

Его поразила безвыходность положения. Спуститься вниз он не может. Если Гарф силой заставит его сделать это, Масрин попадет в доисторический Нью-Йорк, где его наверняка поджидают с нетерпением.

Опять-таки возникает всеобъемлющая проблема парадокса!

- Мне плохо, произнесла Кей сдавленным голосом, - я пока еще не могу ехать.

- Отчего вам плохо? Если вы больны, я вызову скорую помощь, - сказал Гарф, подозрительно оглядывая комнату в

поисках бацилл бубонной чумы.

- Я с радостью внесу двойную плату, если вы позволите нам задержаться здесь еще ненадолго, - предложил Масрин.

Гарф почесал затылок и пристально посмотрел на Масрина. Вытерев нос тыльной стороной ладони, он спросил: "А где деньги?"

Масрин вспомнил, что у него, кроме билетов на поезд, осталось около десяти долларов. Сразу же по приезде в колледж они с Кей намеревались просить аванс.

- Прижились, - констатировал Гарф. - Вы, кажется, получили работу в каком-то училище?

- Получил, - подтвердила преданная Кей.

- В таком случае отчего бы вам не отправиться туда и не убраться из моего дома? - спросил Гарф.

Масрины промолчали. Гарф бросил на них взгляд, исполненный гнева.

- Все это очень подозрительно. Убирайтесь-ка подобру-поздорову до полудня, не то я вызову полицию.

- Постойте, - заметил Масрин. - Мы заплатили вам по сегодняшний день. До полуночи эта комната - наша.

Гарф уставился на жильцов и в раздумье снова вытер нос.

- Чтоб ни одной минуты дольше, - предупредил он и ушел, громко топая.

* * *

Как только Гарф вышел, Кей поспешно закрыла за ним дверь.

- Милый, - сказала она, - может быть, пригласить каких-нибудь ученых и рассказать им о том, что случилось? Я уверена, что они что-нибудь придумали бы на первых порах, пока... Как долго нам придется здесь пробыть?

- Пока не заделают трещину, - ответил Масрин. - Но никому нельзя ничего рассказывать, тем более ученым.

- А почему? - спросила Кей.

- Понимаешь, главное, как я уже говорил, избежать парадокса. Это означает, что мне надо убрать руки прочь и от прошлого и от будущего. Правильно?

- Если ты так говоришь, значит - правильно.

- Мы вызовем бригаду ученых, и что получится? Они, естественно, будут настроены скептически. Они захотят увидеть своими глазами, как я это делаю. Я покажу. Они тут же приведут коллег. Все увидят, как я исчезаю. Пойми, не будет никаких доказательств, что я попал в прошлое. Они узнают лишь, что, спускаясь по лестнице, я исчезаю. Вызовут фотографов, желая убедиться, что я не мистифицирую ученых. Потом потребуют доказательств. Захотят, чтобы я принес им чей-нибудь скальп или резную дубинку. Газеты поднимут шумиху. И уже где-нибудь я неминуемо создам парадокс. А знаешь, что тогда будет?

- Нет, и ты тоже не знаешь.

- Я знаю, - твердо сказал Масрин. - Коль скоро будет создан парадокс, его носитель, то есть тот, кто его создал, - исчезнет. Раз и навсегда. Этот случай будет занесен в книги как еще одна неразгаданная тайна. Таким образом, парадокс разрешится наилегчайшим путем - устранением парадоксального элемента.

- Если ты считаешь, что тебе грозит опасность, мы, конечно, не станем приглашать ученых. Хотя жаль, что я никак в толк не возьму, к чему ты клонишь. Из того, что ты наговорил, я ничего не поняла. - Она подошла к окну и выглянула на улицу. Перед нею расстилался Нью-Йорк, а

где-то за ним лежала Айова, куда они должны были ехать. Кей посмотрела на часы. Поезд уже ушел.

- Позвони в колледж, - попросил Масрин. - Сообщи, что я задержусь на несколько дней.

- А хватит ли нескольких дней? - спросила Кей. - Как ты в конце концов отсюда выберешься?

- Да ведь дыра во времени не вечна, - авторитетно ответил Масрин. - Она затянется... если только я перестану в нее соваться.

- Но мы можем пробыть здесь только до полуночи. Что будет потом?

- Не знаю, - сказал Масрин. - Остается только надеяться, что ее починят еще до полуночи.

* * *

Адрес: Центр,
Контора 41
Адресат: Ревизор Миглиз
Отправитель: Подрядчик Кариеномен
Предмет: Метагалактика "Морстт"

Дорогой сэр!

Прилагаю заявку на работу по созданию новой метагалактики в секторе, которому присвоен шифр "Морстт". Если в последнее время Вы следили за дискуссиями в художественных кругах, то, полагаю, должны знать, что использование неустойчивых атомов объявлено "первым крупным успехом творческого строительства с тех пор, как был изобретен регулируемый поток времени". См. прилагаемые лицензии.

Мое мастерство заслужило множество лестных отзывов.

Большая часть несообразностей в метагалактике "Аттала" исправлена (позволю себе заметить, что имеются в виду естественные несообразности). Продолжаю работать с человеком, который травмирован трещиной во времени. Он охотно содействует этому, по крайней мере настолько, насколько это возможно при различных посторонних влияниях.

На сегодняшний день положение таково: я сшил края трещины, и теперь они должны срастись. Надеюсь, индивидуум останется в неподвижном состоянии, так как мне вовсе не хочется выдирать кого бы то ни было и что бы то ни было. В конце концов, каждый человек, каждая планета, каждая звездная система, как они ни ничтожны, являются неотъемлемой деталью в моем проекте метагалактики.

По крайней мере в художественном отношении.

Прошу Вас провести осмотр вторично. Обратите внимание на очертание галактик вокруг центра метагалактики. Это прекрасная греза, которая навсегда запечатлеется в Вашем сознании.

Прошу рассмотреть заявку на строительство метагалактики "Морстт" с учетом моих прежних заслуг.

По-прежнему ожидаю выплаты вознаграждения за метагалактику "Аттала".

С уважением
Кариеномен

Приложение:

1. Заявка на строительство метагалактики "Морстт"
2. Рецензии на метагалактику "Аттала" - 3 шт.

* * *

- Уже без четверти двенадцать, дорогой, - нервно сказала Кей. - Как ты думаешь, можно сейчас идти?

- Подождем еще несколько минут, - ответил Масрин. Он слышал, как на площадке за дверью, крадучись, появился Гарф, движимый нетерпеливым ожиданием полуночи.

Масрин смотрел на часы и отсчитывал секунды.

Без пяти минут двенадцать он решил, что с тем же успехом можно и попытаться. Если дыра и теперь не заделана, то лишние пять минут ничего не изменят.

Он поставил чемодан на туалетный столик и придвинул стул.

- Что ты делаешь? - спросила Кей.

- У меня что-то нет настроения связываться с лестницей на ночь глядя, - пояснил Масрин. - С доисторическими индейцами и днем-то шутки плохи. Попробую лучше подняться вверх.

Жена бросила на него взгляд из-под ресниц, красноречиво говорящий: "Теперь я точно знаю, что ты спятил".

- Дело вовсе не в лестнице, - еще раз объяснил Масрин. - Дело в самом действии, в подъеме и спуске. Критическая дистанция, по-моему, составляет полтора метра. Вот эта мебель вполне подойдет.

Пока взволнованная Кей молча сжимала руки, Масрин влез на стул и занес ногу на столик. Потом стал на столик обеими ногами и выпрямился.

- Кажется, все в порядке, - заявил он, чуть покачиваясь. - Попробую еще повыше.

Он вскарабкался на чемодан.

И исчез.

Был день, и Масрин находился в городе. Однако город ничуть не походил на Нью- Йорк. Он был так красив, что дух захватывало - так красив, что Масрин задержал дыхание, боясь нарушить его хрупкое совершенство.

Город был полон стройных башен и домов. И, конечно, людей. Но что это за люди, подумал Масрин, позволив себе, наконец, вздохнуть.

Кожа у них была голубоватого цвета. Зеленые лучи зеленоватого солнца заливали весь город.

Масрин втянул в себя воздух и захлебнулся. Судорожно вздохнув опять, он почувствовал, что потерял равновесие. В городе совсем не было воздуха! Во всяком случае, такого, какой пригоден для дыхания. Он поискал позади себя ступеньку, споткнулся и упал...

...на пол своей комнаты, хрипя и корчась.

* * *

Через несколько мгновений к нему вернулась способность дышать. Он услышал, что Гарф стучит в дверь, и, шатаясь, поднялся на ноги. Надо было срочно что-то придумать. Масрин знал Гарфа; теперь этот тип, скорее всего, уверен, что Масрин возглавляет Мафию. Если они не выедут, Гарф вызовет полицию. А это в конечном итоге приведет к...

Горло нестерпимо горело после того, как Масрин побывал в будущем. Однако, сказал он себе, удивляться тут нечему. Он совершил основательный прыжок вперед во времени. Состав земной атмосферы, должно быть, постепенно изменялся, и люди к ней приспособились. Для него же такая атмосфера - все равно что яд.

- Послушай-ка, - обратился он к Кей. - У меня возникла

другая идея. Возможна альтернатива: либо под доисторическим слоем лежит другой, еще более ранний слой, либо доисторический слой представляет собой лишь временную прерывность, а под ним тот же самый, нынешний Нью-Йорк. Тебе ясно?

- Нет.

- Я попытаюсь проникнуть под доисторический слой. Может быть, это даст мне возможность попасть на первый этаж. Во всяком случае, хуже не будет.

Кей думала, стоит ли углубляться на несколько тысячелетий в прошлое, чтобы пройти несколько метров. Однако она ничего не ответила. Масрин открыл дверь и в сопровождении Кей вышел на лестницу.

- Пожелай мне удачи, - сказал он.

- Черта лысого, а не удачи, - откликнулся с площадки мистер Гарф. - Убирайтесь- ка отсюда на все четыре стороны.

Масрин стремглав пустился бежать вниз по лестнице.

В доисторическом Нью-Йорке все еще стояло утро, а дикари по-прежнему поджидали Масрина. По его подсчетам, с тех пор как он показался перед ними в последний раз, здесь прошло не более получаса. Почему это так, некогда было выяснять.

Он застал дикарей врасплох и успел отбежать метров на двадцать, прежде чем его заметили. Дикари устремились за ним вдогонку. Масрин стал искать какую-нибудь впадину в земле. Чтобы уйти от преследования, надо было спуститься вниз на полтора метра.

Отыскав в земле какую-то расщелину, он спрыгнул туда.

И очутился в воде. Не просто на поверхности воды, а глубоко под водой. Давление было чудовищным, и Масрин не видел над собой солнечного света.

Должно быть, он попал в тот век, когда эта часть суши служила дном Атлантического океана. Масрин отчаянно заработал руками и ногами. Казалось, барабанные перепонки вот-вот лопнут. Он выплыл на поверхность и... снова стоял на равнине; с него ручьями стекала вода.

На сей раз дикари решили, что с них достаточно. Они взглянули на существо, материализовавшееся перед ними из ничего, испустили крик ужаса и бросились врассыпную.

Масрин устало подошел к холму и, взобравшись на его вершину, вернулся в стены из камня-песчаника.

Кей глядела на него во все глаза. У Гарфа отвисла челюсть.

Масрин слабо улыбнулся.

- Мистер Гарф, - предложил он, - не зайдете ли вы в комнату? Я хочу вам кое-что сказать.

* * *

Адрес: Центр,
Контора 41
Адресат: Ревизор Миглиз
Отправитель: Подрядчик Кариеномен
Предмет: Метагалактика "Морстт"

Дорогой сэр!

Ваш ответ на мою заявку касательно работы по созданию метагалактики "Морстт" мне непонятен. Более того, я полагаю, что нецензурным выражениям не место в деловой переписке.

Если Вы потрудитесь ознакомиться с моей последней работой

в "Аттале", то увидите, что в общем и целом это прекрасное творение, которое сыграет немаловажную роль в подавлении первозданного хаоса.

Единственная мелочь, которую еще предстоит уладить, - это травмированный. Боюсь, что придется прибегнуть к выдирке.

Трещина отлично затягивалась, пока он не ворвался в нее снова, разорвав более чем когда бы то ни было. До сих пор парадоксы не имели место, но я предчувствую, что теперь они наверняка произойдут.

Если травмированный не в состоянии воздействовать на свое непосредственное окружение (и взяться за это дело безотлагательно), я приму необходимые меры. Парадокс недопустим.

Считаю своим долгом ходатайствовать о пересмотре моей заявки на строительство метагалактики "Морстт".

Надеюсь, Вы простите, что я опять обращаю Ваше внимание на эту мелочь, но оплата все еще не произведена.

С уважением
Кариеномен

* * *

- Теперь вы все знаете, мистер Гарф, - закончил Масрин час спустя. - Я понимаю, что это кажется сверхъестественным; но ведь вы же своими глазами видели, как я исчез.

- Это-то я видел, - признал Гарф.

Масрин вышел в ванную развесить мокрую одежду.

- Да, - процедил Гарф, - пожалуй, вы и вправду исчезали, если на то пошло.

- Безусловно.

- И вы не хотите, чтобы о вашей сделке с дьяволом прознали ученые?

- Нет! Я же вам объяснил про парадокс и...

- Дайте подумать, - попросил Гарф. Он энергично высморкался. - Вы говорите, у них резные дубинки. Не сгодилась бы одна такая дубинка для музея? Вы говорили, будто они ни на что не похожи.

- Что? - переспросил Масрин, выходя из ванной. - Послушайте, я не могу даже прикоснуться к этому барахлу. Это повлечет...

- Конечно, - задумчиво произнес Гарф, - я мог бы вместо того вызвать газетчиков. И ученых. Может, я бы выколотил кругленькую сумму из всей этой чертовщины.

- Вы этого не сделаете! - вскричала Кей, которая помнила только то, что слышала от мужа: случится нечто ужасное.

- Да успокойтесь, - сказал Гарф. - Все, что мне от вас нужно, - это одна-две дубинки. Из-за такого пустяка беды не будет. Можете запросто стребовать со своего дьявола...

- Дьявол тут ни при чем, - возразил Масрин. - Вы не представляете себе, какую роль в истории могла сыграть одна из этих дубинок. А вдруг захваченной мною дубинкой, если бы я ее не трогал, был бы убит человек, который, оставшись в живых, объединил бы этих людей, и европейцы встретились бы с индейцами Северной Америки, сплоченными в единую нацию? Подумайте, как это изменило бы...

- Не втирайте мне очки, - заявил Гарф. - Принесете вы дубинку или нет?

- Ведь я вам все объяснил, - устало ответил Масрин.

- Довольно морочить мне голову всякими парадоксами. Все

равно я в них ничего не смыслю. Но выручку за дубинку я бы разделил с вами пополам.

- Нет.

- Ну ладно же. Еще увидимся. - Гарф взялся за дверную ручку.

- Погодите.

- Да? - тонкий паучий рот Гарфа тотчас же искривился в подобие улыбки. Масрин перебирал все варианты, пытаясь выбрать меньшее из зол. Если он принесет с собой дубинку, парадокс вполне возможен, так как будет зачеркнуто все, что совершила эта дубинка в прошлом. Однако если ее не принести, Гарф созовет газетчиков и ученых. Им нетрудно будет установить, правду ли говорит Гарф - стоит только свести Масрина вниз по лестнице; впрочем, точно так же поступила бы с ним и полиция. Он исчезнет, и тогда...

Если расширится круг людей, посвященных в тайну, парадокс станет неизбежным. Вполне вероятно, что будет изъята вся Земля. Это Масрин знал твердо, хоть и не понимал почему.

Так или иначе, он погиб. Однако ему показалось, что принести дубинку - это простейшее решение.

- Принесу, - заявил Масрин. Он вышел на лестницу в сопровождении Кей и Гарфа. Кей схватила его за руку.

- Не делай этого, - попросила она.

- Больше ничего не остается. - У него мелькнула мысль, не убить ли Гарфа. Но в результате он лишь попадет на электрический стул. Правда, можно убить Гарфа, перенести труп в прошлое и там захоронить. Однако труп человека из двадцатого века в доисторической Америке, как ни кинь, представляет собой парадокс. А что, если его кто-нибудь выроет? Кроме того, Масрин был неспособен на убийство.

Он поцеловал жену и сошел вниз.

На равнине нигде не было видно дикарей, хотя Масрину казалось, что он чувствует на себе их внимательные взгляды. На земле валялись две дубинки, те, что его задели; должно быть, теперь превратились в табу, решил Масрин и поднял одну из них, ожидая, что с минуты на минуту еще одна дубинка раздробит ему череп. Однако равнина безмолвствовала.

- Молодчага! - одобрил его Гарф. - Давай сюда! - Масрин вручил ему дубинку, подошел к Кей и обнял ее одной рукой за плечи. Теперь это настоящий парадокс - все равно как если бы он, еще не родившись, убил своего прапрадеда.

- Прелестная вещица, - сказал Гарф, любуясь дубинкой при свете электрической лампочки. - Считайте, что за квартиру уплачено до конца месяца...

Дубинка исчезла из его рук.

И сам он исчез.

Кей лишилась чувств.

Масрин отнес ее на кровать и сбрызнул лицо водой.

- Что случилось? - спросила она.

- Не знаю, - ответил Масрин, внезапно почувствовавший, что он крайне озадачен всем происшедшим. - Я знаю только одно: мы останемся здесь еще по меньшей мере на две недели. Даже если придется сидеть на бобах.

* * *

Адрес: Центр,
Контора 41
Адресат: Ревизор Миглиз
Отправитель: Подрядчик Кариеномен
Предмет: Метагалактика "Морстт"

Сэр!

Предложенная Вами работа по ремонту поврежденных звезд является оскорблением для моей фирмы и меня лично. Мы отказываемся. Разрешите сослаться на мои прошлые труды, перечисленные в прилагаемой мною брошюре. Как Вы осмелились предложить подобное холуйское занятие одной из крупнейших фирм Центра?

Мне хотелось бы еще раз войти с ходатайством о предоставлении мне работы над метагалактикой" Морстт".

Что касается метагалактики "Аттала", то работа полностью закончена, и более совершенного творения по эту сторону хаоса Вы нигде не найдете. Тот сектор - подлинное чудо.

Травмированный перестал быть таковым. Я вынужден был прибегнуть к выдирке. Однако я выдрал не самого травмированного. У меня появилась возможность устранить один из внешних факторов, оказывавших на него воздействие. Теперь травмированный может развиваться нормально.

Полагаю, Вы согласитесь, что это было сработано недурно и к тому же с находчивостью, характерной для всех моих трудов в целом.

Мое решение было таково: к чему выдирать хорошего человека, когда можно сохранить ему жизнь, убрав вместо него мерзавца?

Повторяю, жду Вашей инспекции. Прошу повторно рассмотреть вопрос о метагалактике "Морстт".

Вознаграждение все еще не выплачено!

С уважением
Кариеномен.

Приложение: брошюра, 9978 листов.

---

1) - Английская поговорка гласит, что счастливые люди редко улыбаются. - Прим. перев.

Роберт Шекли

Верный вопрос

Перевод И. Авдакова

Ответчик был построен, чтобы действовать столько, сколько необходимо, - что очень большой срок для одних и совсем ерунда для других. Но для Ответчика этого было вполне достаточно.

Если говорить о размерах, одним Ответчик казался исполинским, а другим - крошечным. Это было сложнейшее устройство, хотя кое-кто считал, что проще штуки не сыскать.

Ответчик же знал, что именно таким должен быть. Ведь он - Ответчик. Он знал.

Кто его создал? Чем меньше о них сказано, тем лучше. Они тоже знали.

Итак, они построили Ответчик - в помощь менее искушенным расам - и отбыли своим особым способом. Куда - одному

Ответчику известно.
Потому что Ответчику известно все.
На некой планете, вращающейся вокруг некой звезды, находился Ответчик. Шло время: бесконечное для одних, малое для других, но для Ответчика - в самый раз.
Внутри него находились ответы. Он знал природу вещей, и почему они такие, какие есть, и зачем они есть, и что все это значит.
Ответчик мог ответить на любой вопрос, будь тот поставлен правильно. И он хотел. Страстно хотел отвечать!
Что же еще делать Ответчику?
И вот он ждал, чтобы к нему пришли и спросили.
- Как вы себя чувствуете, сэр? - участливо произнес Морран, повиснув над стариком.
- Лучше, - со слабой улыбкой отозвался Лингман.
Хотя Морран извел огромное количество топлива, чтобы выйти в космос с минимальным ускорением, немощному сердцу Лингмана маневр не понравился. Сердце Лингмана то артачилось и упиралось, не желая трудиться, то вдруг пускалось вприпрыжку и яростно молотило в грудную клетку. А какой-то момент казалось даже, что оно вот-вот остановится, просто назло. Но пришла невесомость - и сердце заработало.
У Моррана не было подобных проблем. Его крепкое тело свободно выдерживало любые нагрузки. Однако в этом полете ему не придется их испытывать, если он хочет, чтобы старый Лингман остался в живых.
- Я еще протяну, - пробормотал Лингман, словно в ответ на невысказанный вопрос. - Протяну, сколько понадобится, чтобы узнать.
Морран прикоснулся к пульту, и корабль скользнул в подпространство, как угорь в масло.
- Мы узнаем. - Морран помог старику освободиться от привязных ремней. - Мы найдем Ответчик!
Лингман уверенно кивнул своему молодому товарищу. Долгие годы они утешали и ободряли друг друга. Идея принадлежала Лингману. Потом Морран, закончив институт, присоединился к нему. По всей Солнечной системе они выискивали и собирали по крупицам легенды о древней гуманоидной расе, которая знала ответы на все вопросы, которая построила Ответчик и отбыла восвояси.
- Подумать только! Ответ на любой вопрос! - Морран был физиком и не испытывал недостатка в вопросах: расширяющаяся Вселенная, ядерные силы, "новые" звезды...
- Да, - согласился Лингман.
Он подплыл к видеоэкрану и посмотрел в иллюзорную даль подпространства. Лингман был биологом и старым человеком. Он хотел задать только два вопроса.
Что такое жизнь?
Что такое смерть?
После особенно долгого периода сбора багрянца Лек и его друзья решили отдохнуть. В окрестностях густо расположенных звезд багрянец всегда редел - почему, никто не ведал, - так что вполне можно было поболтать.
- А знаете, - сказал Лек, - поищу-ка я, пожалуй, этот Ответчик.
Лек говорил на языке оллграт, языке твердого решения.
- Зачем? - спросил Илм на языке звест, языке добродушного подтрунивания. - Тебе что, мало сбора багрянца?
- Да, - отозвался Лек, все еще на языке твердого решения. - Мало.

Великий труд Лека и его народа заключался в сборе багрянца. Тщательно, по крохам выискивали они вкрапленный в материю пространства багрянец и сгребали в колоссальную кучу. Для чего - никто не знал.
- Полагаю, ты спросишь у него, что такое багрянец? - предположил Илм, откинув звезду и ложась на ее место.
- Непременно, - сказал Лек. - Мы слишком долго жили в неведении. Нам необходимо осознать истинную природу багрянца и его место в мироздании. Мы должны понять, почему он правит нашей жизнью. - Для этой речи Лек воспользовался илгретом, языком зарождающегося знания.
Илм и остальные не пытались спорить, даже на языке спора. С начала времен Лек, Илм и все-прочие собирали багрянец. Наступила пора узнать самое главное: что такое багрянец и зачем сгребать его в кучу?
И конечно, Ответчик мог поведать им об этом. Каждый слыхал об Ответчике, созданном давно отбывшей расой, схожей с ними.
- Спросишь у него еще что-нибудь? - поинтересовался Илм.
- Пожалуй, я спрошу его о звездах, - пожал плечами Лек. - В сущности, больше ничего важного нет.
Лек и его братья жили с начала времен, потому они не думали о смерти. Число их всегда было неизменно, так что они не думали и о жизни.
Но багрянец? И куча?
- Я иду! - крикнул Лек на диалекте решения-на-грани-поступка.
- Удачи тебе! - дружно пожелали ему братья на языке величайшей привязанности.
И Лек удалился, прыгая от звезды к звезде.
Один на маленькой планете. Ответчик ожидал прихода Задающих вопросы. Порой он сам себе нашептывал ответы. То была его привилегия. Он знал.
Итак, ожидание. И было не слишком поздно и не слишком рано для любых порождений космоса прийти и спросить.
Все восемнадцать собрались в одном месте.
- Я взываю к Закону восемнадцати! - воскликнул один. И тут же появился другой, которого еще никогда не было, порожденный Законом восемнадцати.
- Мы должны обратиться к Ответчику! - вскричал один. - Нашими жизнями правит Закон восемнадцати. Где собираются восемнадцать, там появляется девятнадцатый. Почему так?
Никто не мог ответить,
- Где я? - спросил новорожденный девятнадцатый. Один отвел его в сторону, чтобы все рассказать. Осталось семнадцать. Стабильное число.
- Мы обязаны выяснить, - заявил другой, - почему все места разные, хотя между ними нет никакого расстояния.
Ты здесь. Потом ты там. И все. Никакого передвижения, никакой причины. Ты просто в другом месте.
- Звезды холодные, - пожаловался один.
- Почему?
- Нужно идти к Ответчику.
Они слышали легенды, знали сказания. "Некогда здесь был народ - вылитые мы! - который знал. И построил Ответчик. Потом они ушли туда, где нет места, но много расстояния".
- Как туда попасть? - закричал новорожденный девятнадцатый, уже исполненный знания.
- Как обычно.
И восемнадцать исчезли. А один остался, подавленно глядя на бесконечную протяженность ледяной звезды. Потом исчез и

он.
- Древние предания не врут, - прошептал Морран. - Вот Ответчик.
Они вышли из подпространства в указанном легендами месте и оказались перед звездой, которой не было подобных. Морраи придумал, как включить ее в классификацию, но это не играло никакой роли. Просто ей не было подобных.
Вокруг звезды вращалась планета, тоже не похожая на другие. Морран нашел тому причины, но они не играли никакой роли. Это была единственная в своем роде планета.
- Пристегнитесь, сэр, - сказал Морран. - Я постараюсь приземлиться как можно мягче.
Шагая от звезды к звезде, Лек подошел к Ответчику, положил его на ладонь и поднес к глазам.
- Значит, ты Ответчик? - проговорил он.
- Да, - отозвался Ответчик.
- Тогда скажи мне, - попросил Лек, устраиваясь поудобнее в промежутке между звездами. - Скажи мне, что я есть?
- Частность, - сказал Ответчик. - Проявление.
- Брось, - обиженно проворчал Лек. - Мог бы ответить и получше... Теперь слушай. Задача мне подобных - собирать багрянец и сгребать его в кучу. Каково истинное значение этого?
- Вопрос бессмысленный, - сообщил Ответчик. Он знал, что такое багрянец и для чего предназначена куча. Но объяснение таилось в большом объяснении. Лек не сумел правильно поставить вопрос.
Лек задавал другие вопросы, но Ответчик не мог ответить на них. Лек смотрел на все по-своему узко, он видел лишь часть правды и отказывался видеть остальное. Как объяснить слепому ощущение зеленого?
Ответчик и не пытался. Он не был для этого предназначен.
Наконец Лек презрительно усмехнулся и ушел, стремительно шагая в межзвездном пространстве.
Ответчик знал. Но ему требовался верно сформулированный вопрос. Ответчик размышлял над этим ограничением, глядя на звезды - не большие и не малые, а как раз подходящего размера.
"Правильные вопросы... Тем, кто построил Ответчик, следовало принять это во внимание, - думал Ответчик. Им следовало предоставить мне свободу, позволить выходить за рамки узкого вопроса".
Восемнадцать созданий возникли перед Ответчиком - они не пришли и не прилетели, а просто появились. Поеживаясь в холодном блеске звезд, они ошеломленно смотрели на подавляющую громаду Ответчика.
- Если нет расстояния, - спросил один, - то как можно оказаться в других местах?
Ответчик знал, что такое расстояние и что такое другие места, но не мог ответить на вопрос. Вот суть расстояния, но она не такая, какой представляется этим существам. Вот суть мест, но она совершенно отлична от их ожиданий.
- Перефразируйте вопрос, - с затаенной надеждой посоветовал Ответчик.
- Почему здесь мы короткие, - спросил один, - а там длинные? Почему там мы толстые, а здесь худые? Почему звезды холодные?
Ответчик все это знал. Он понимал, почему звезды холодные, но не мог объяснить это в рамках понятий звезд или холода.
- Почему, - поинтересовался другой, - есть Закон

восемнадцати? Почему, когда собираются восемнадцать, появляется девятнадцатый?

Но, разумеется, ответ был частью другого, большего вопроса, а его-то они и не задали.

Закон восемнадцати породил девятнадцатого, и все девятнадцать пропали.

Ответчик продолжал тихо бубнить себе вопросы и сам на них отвечал.

- Ну вот, - вздохнул Морран. - Теперь все позади.

Он похлопал Лингмана по плечу - легонько, словно опасаясь, что тот рассыплется.

Старый биолог обессилел.

- Пойдем, - сказал Лингман. Он не хотел терять времени. В сущности, терять было нечего.

Одев скафандры, они зашагали по узкой тропинке.

- Не так быстро, - попросил Лингман.

- Хорошо, - согласился Морран.

Они шли плечом к плечу по планете, отличной от всех других планет, летящей вокруг звезды, отличной от всех других звезд.

- Сюда, - указал Морран. - Легенды были верны. Тропинка, ведущая к каменным ступеням; каменные ступени - во внутренний дворик... И - Ответчик!

Ответчик представился им белым экраном в стене. На их взгляд, он был крайне прост.

Лингман сцепил задрожавшие руки. Наступила решающая минута его жизни, всех его трудов, споров...

- Помни, - сказал он Моррану, - мы и представить не в состоянии, какой может оказаться правда.

- Я готов! - восторженно воскликнул Морран.

- Очень хорошо. Ответчик, - обратился Лингман высоким слабым голосом, - что такое жизнь? Голос раздался в их головах.

- Вопрос лишен смысла. Под "жизнью" Спрашивающий подразумевает частный феномен, объяснимый лишь в терминах целого.

- Частью какого целого является жизнь? - спросил Лингман.

- Данный вопрос в настоящей форме не может разрешиться. Спрашивающий все еще рассматривает "жизнь" субъективно, со своей ограниченной точки зрения.

- Ответь же в собственных терминах, - сказал Морран.

- Я лишь отвечаю на вопросы, - грустно произнес Ответчик.

Наступило молчание.

- Расширяется ли Вселенная? - спросил Морран.

- Термин "расширение" неприложим к данной ситуации. Спрашивающий оперирует ложной концепцией Вселенной.

- Ты можешь нам сказать хоть что-нибудь?

- Я могу ответить на любой правильно поставленный вопрос, касающийся природы вещей.

Физик и биолог обменялись взглядами.

- Кажется, я понимаю, что он имеет в виду, - печально проговорил Лингман. - Наши основные допущения неверны. Все до единого.

- Невозможно! - возразил Морран. - Наука...

- Частные истины, - бесконечно усталым голосом заметил Лингман. - По крайней мере, мы выяснили, что наши заключения относительно наблюдаемых феноменов ложны.

- А закон простейшего предположения?

- Всего лишь теория.

- Но жизнь... безусловно, он может сказать, что такое

жизнь?

- Взгляни на это дело так, - задумчиво проговорил Лингман. - Положим, ты спрашиваешь: "Почему я родился под созвездием Скорпиона при проходе через Сатурн?" Я не сумею ответить на твой вопрос в терминах зодиака, потому что зодиак тут совершенно ни при чем.

- Ясно, - медленно выговорил Морран. - Он не в состоянии ответить на наши вопросы, оперируя нашими понятиями и предположениями.

- Думаю, именно так, Он связан корректно поставленными вопросами, а вопросы эти требуют знаний, которыми мы не располагаем.

- Значит, мы даже не можем задать верный вопрос? - возмутился Морран. - Не верю. Хоть что-то мы должны знать. - Он повернулся к Ответчику. - Что такое смерть?

- Я не могу определить антропоморфизм.

- Смерть - антропоморфизм! - воскликнул Морран, и Лингман быстро обернулся. - Ну наконец-то мы сдвинулись с места.

- Реален ли антропоморфизм?

- Антропоморфизм можно классифицировать экспериментально как А - ложные истины или В - частные истины - в терминах частной ситуации.

- Что здесь применимо?

- И то и другое.

Ничего более конкретного они не добились. Долгие часы они мучили Ответчик, мучили себя, но правда ускользала все дальше и дальше.

- Я скоро сойду с ума, - не выдержал Морран. - Перед нами разгадки всей Вселенной, но они откроются лишь при верном вопросе. А откуда нам взять эти верные вопросы?!

Лингман опустился на землю, привалился к каменной стене и закрыл глаза.

- Дикари - вот мы кто, - продолжал Морран, нервно расхаживая перед Ответчиком. - Представьте себе бушмена, требующего у физика, чтобы тот объяснил, почему нельзя пустить стрелу в Солнце. Ученый может объяснить это только своими терминами. Как иначе?

- Ученый и пытаться не станет, - едва слышно проговорил Лингман. - Он сразу поймет тщетность объяснения.

- Или вот как вы разъясните дикарю вращение Земли вокруг собственной оси, не погрешив научной точностью?

Лингман молчал.

- А, ладно... Пойдемте, сэр?

Пальцы Лингмана были судорожно сжаты, щеки впали, глаза остекленели.

- Сэр! Сэр! - затряс его Морран.

Ответчик знал, что ответа не будет.

Один на планете - не большой и не малой, а как раз подходящего размера - ждал Ответчик. Он не может помочь тем, кто приходит к нему, ибо даже Ответчик не всесилен.

Вселенная? Жизнь? Смерть? Багрянец? Восемнадцать?

Частные истины, полуистины, крохи великого вопроса.

И бормочет Ответчик вопросы сам себе, верные вопросы, которые никто не может понять.

И как их понять?

Чтобы правильно задать вопрос, нужно знать большую часть ответа.

Роберт Шекли

Зацепка

Перевод Н. Евдокимовой

На звездолете главное - сплоченность экипажа. Личному составу полагается жить в ладу и согласии - иначе недостижимо то мгновенное взаимопонимание, без которого порой никак не обойтись. Ведь в космосе один-единственный промах может оказаться роковым.

Не требует доказательств та истина, что даже на самых лучших кораблях случаются аварии, а о заурядном нечего и говорить - он долго не продержится.

Отсюда ясно, как потрясен был капитан Свен, когда за четыре часа до старта ему доложили, что радист Форбс наотрез отказывается служить вместе с новеньким.

Новенького Форбс в глаза не видел и видеть не желает. Достаточно, что он о нем наслышан. По словам Форбса, здесь нет ничего личного. Отказ мотивирован чисто расовыми соображениями.

- Ты не путаешь? - переспросил капитан старшего механика, когда тот принес неслыханную весть.

- Никак нет, сэр, - заверил механик Хао, приземистый китаец из Кантона. - Мы пытались уладить конфликт своими силами. Но Форбс ни в какую.

Капитан Свен грузно опустился в мягкое кресло. Он был возмущен до глубины души. Ему-то казалось, что расовая ненависть отошла в далекое прошлое. Столкнувшись с ее проявлением в натуре, он растерялся, как растерялся бы при встрече с моа или живым комаром.

- В наш век, в наши дни - и вдруг расизм? - кипятился Свен. - Безобразие, форменное безобразие. Чего доброго, следующим номером мне доложат, что на городской площади сжигают ведьм или где-нибудь затевают войну с применением кобальтовых бомб!

- Да ведь до сих пор никакого расизма не было в помине, - возразил Хао. - Для меня это полнейшая неожиданность.

- Ты же у нас не только по званию старший, но и по возрасту, - сказал Свен. - Неужто не пытался урезонить Форбса?

- Я с ним не один час беседовал, - ответил Хао. - Напоминал, что китайцы веками люто ненавидели японцев, а японцы - китайцев. Если уж нам удалось преодолеть взаимную неприязнь во имя Великого Сотрудничества, то отчего бы и ему не попытаться?

- И пошло на пользу?

- Как об стену горох. Говорит, это совсем разные вещи.

Свен свирепо откусил кончик сигары, поднес к ней огонек и запыхтел, раскуривая.

- Да черт меня побери, если я у себя на корабле стерплю такое. Подыщу другого радиста.

- Не так уж это просто, сэр, - заметил Хао. - В здешней-то глуши.

Свен насупился в раздумье. Дело было на Дискайе-2, захолустной планетенке в созвездии Южного Креста. Сюда корабль доставил груз (запасные части для машин и станков), здесь взял на борт новичка, назначенного Корпорацией, - невольного виновника переполоха. Специалистов на Дискайе пруд пруди, но все больше по гидравлике, горному делу и прочей механике. Единственный же на планете радист вполне доволен жизнью, женат, имеет двоих детей, обзавелся на Дискайе домом в озелененном пригороде и о перемене мест не помышляет.

- Курам на смех, просто курам на смех, - процедил Свен. - Без Форбса мы как без рук, но новичка я здесь не брошу. Иначе Корпорация наверняка меня уволит. И поделом, поделом. Капитан обязан справляться с любыми неожиданностями.

Хао угрюмо кивнул.

- Откуда родом этот самый Форбс?

- С фермы, из глухой деревушки в гористой части США. Штат Джорджия, сэр. Вы о таком случайно не слыхали?

- Слыхал вроде бы, - скромно ответил Свен, в свое время прослушавший в университете Упсалы спецкурс "Регионы и их отличительные особенности": в ту пору он стремился возможно лучше подготовиться к капитанской должности. - Там выращивают свиней и земляные орехи.

- И мужчин, - дополнил Хао. - Дюжих, смекалистых. Населения в штате раз, два - и обчелся, а между тем уроженцев Джорджии встретишь на любом пограничном рубеже. За ними упрочилась слава непревзойденных молодцов.

- Знаю, - огрызнулся Свен. - Форбс у нас тоже парень не промах. Одна вот беда - расист.

- Случай с Форбсом нетипичен. Форбс вырос в малочисленном, уединенном сообществе, вдали от главного русла американской жизни. Развиваясь, такие сообщества - а они есть по всему миру - всячески цепляются за причудливые старинные обычаи. Вот как сейчас помню, в одной деревушке Хоnaня...

- А все же с трудом верится, - перебил Свен механика, который собрался было пуститься в пространные рассуждения о быте китайской деревни. - Оправдания тут неуместны. Всюду, в любом сообществе, сохранилось наследие прошлого - остатки расовой вражды. Однако каждый, вливаясь в главный поток земной жизни, обязан стряхнуть с себя пережитки прошлого. Другие-то стряхнули! Почему же Форбс не может? С какой стати он перекладывает на нас свои заботы? Неужто слыхом не слыхал о Великом Сотрудничестве?

Хао пожал плечами.

- Может, вы сами с ним поговорите, капитан?

- Непременно. Только сначала с Ангкой.

Старший механик покинул мостик. Свен оставался погружен в глубокое раздумье, но вот раздался стук.

- Входи.

Вошел боцман Ангка. Это был высоченный, безукоризненного сложения африканец с кожей цвета спелой сливы. Чистокровный негр из Ганы, он великолепно играл на гитаре.

- Надо полагать, ты в курсе дела? - начал Свен.

- Загвоздка получается, сэр, - отозвался Ангка.

- Загвоздка? Катастрофа! Сам ведь понимаешь, как опасно поднимать звездолет с планеты, когда на борту такой кавардак. А до старта меньше трех часов. Немыслимо выходить в рейс без радиста, но и новенький нам позарез нужен.

Ангка стоял в бесстрастном ожидании. Свен стряхнул с

сигары дюймовый столбик пепла.

- Послушай, Ангка, ты ведь понимаешь, зачем я тебя вызвал.

- Догадываюсь, сэр, - ухмыльнулся Ангка.

- Вы ведь с Форбсом не разлей вода. Не мог бы ты на него повлиять?

- Пытался, капитан, честное слово, пытался. Но вы же сами знаете, каковы уроженцы Джорджии.

- К сожалению, не знаю.

- Отличные ребята, сэр, но упрямы как ослы. Уж если им что втемяшится в башку, то хоть кол на ней теши. Я ведь с Форбсом двое суток только об этом и толкую. Вчера вечером упоил его в стельку... Исключительно для пользы дела, сэр, - спохватился Ангка.

- Неважно. И что же?

- Поговорил с ним как с родным сыном. Напомнил, до чего славно мы тут сработались, до чего весело развлекаемся в каждом астропорту. Какая это великая честь - участвовать в Сотрудничестве. "Берегись, Джимми, - говорю, - будешь стоять на своем, так все испортишь. Ты ведь не хотел бы все испортить, правда?" Он пустил слезу, точно маленький, капитан.

- Но не передумал?

- Твердил, что никак не может. Что уговаривать бесполезно. Мол, есть в Галактике одна, и только одна, раса, с которой он служить не станет, и дело с концом. Мол, иначе его бедный папочка в гробу перевернется.

- Может, еще одумается, - сказал Свен.

- Постараюсь переубедить его, но навряд ли удастся.

Ангка вышел. Свен подпер щеку могучим кулаком и вновь покосился на судовой хронометр. Меньше трех часов до старта!

Сняв трубку внутреннего телефона, Свен попросил через городскую сеть соединить его с диспетчером астропорта. Услышав голос диспетчера, капитан сказал:

- Прошу разрешения задержаться на денек-другой.

- К сожалению, это не в моей власти, капитан Свен, - вздохнул диспетчер. - Позарез нужна стартовая площадка. Мы ведь принимаем не более одного звездолета сразу. А через пять часов ожидается рудовоз с Калайо. У них наверняка горючее на исходе.

- Вечно оно у них на исходе, - буркнул Свен.

- А мы давайте вот как условимся. Если у вас серьезная механическая неисправность, мы подгоним два-три подъемных крана, переведем ваш корабль в горизонтальное положение и откатим с площадки. Однако до тех пор, пока мы его вновь поставим на ножки, много воды утечет.

- Спасибо, не стоит. Буду стартовать по расписанию.

Он дал отбой. Нельзя задерживать корабль без уважительной причины. За это Корпорация с капитана голову снимет, и ежу ясно.

Оставался единственно доступный путь. Удовольствие маленькое, но ничего не попишешь. Капитан встал, отбросил давно погасшую сигару и спустился с мостика.

Он заглянул в судовой лазарет. Там, закинув ноги на стол, сидел доктор в белоснежном халате и читал немецкий медицинский журнал трехмесячной давности.

- Добро пожаловать, кэп. Хотите глоточек коньяку в чисто медицинских целях?

- Не откажусь, - ответил Свен.

Молодой доктор щедрой рукой плеснул две порции из

бутылки, на этикетке которой красовалось: "Возбудитель сенной лихорадки".

- Для чего такой мрачный ярлык? - удивился Свен.

- А чтоб команда не прикладывалась. Лучше уж пускай у кока воруют лимонный экстракт.

Доктора звали Абу-Факих. Был он родом из Палестины, недавно окончил медицинский институт в Вифлееме.

- О Форбсе слыхали? - приступил к делу Свен.

- А кто не слыхал?

- Хотел у вас спросить как у единственного медика на борту: вы прежде не замечали у Форбса признаков расовой вражды?

- Ни разу, - без колебаний ответил Абу-Факих.

- Не ошибаетесь?

- В таких вещах мы, палестинцы, разбираемся, нутром их чуем. Уверяю вас, для меня поведение Форбса - полнейшая неожиданность. Разумеется, с тех пор я неоднократно беседовал с ним.

- Какой же вы сделали вывод?

- Форбс честен, расторопен, прямодушен, простоват. Унаследовал отжившие предрассудки в виде старинных традиций. Сами знаете, у выходцев из Горной Джорджии сохранился целый арсенал местных обычаев. Эти обычаи всесторонне изучены антропологами островов Самоа и Фиджи. Вам не доводилось читать "Достижение совершеннолетия в Джорджии"? или "Народные обычаи Горной Джорджии"?

- Времени не остается на такое чтение, - проворчал Свен. - У меня с кораблем хлопот по горло, не хватало еще вникать в психологию каждого члена команды.

- Да, пожалуй, кэп, - сказал доктор. - Хотя эти книги есть в судовой библиотеке, вдруг вам вздумается полистать. Ума не приложу, чем тут помочь. Процесс переориентации долог. К тому же я терапевт, а не психиатр. Есть во Вселенной раса, с представителями которой Форбса никто не принудит служить, поскольку они вызывают в нем прилив первозданной расовой ненависти. По нелепой случайности ваш новенький принадлежит именно к этой расе.

- Оставлю Форбса в порту, - внезапно решил капитан. - С рацией справится офицер связи. А Форбс пускай садится на любой другой звездолет и отправляется к себе в Джорджию.

- Не советовал бы.

- Почему же?

- Форбс - любимец команды. Все осуждают его за дурацкое упрямство, но, если он не пойдет вместе со всеми в рейс, на борту воцарится уныние.

- Опять незадача. - Свен задумался. - Опасно, крайне опасно. Но черт побери, не могу же я оставить в порту новичка! Да и не желаю! Кто здесь, в конце концов, главный - я или Форбс?

- Вопрос чрезвычайно интересный, - подхватил Абу-Факих и поспешно увернулся от бокала, которым запустил в него разъяренный капитан.

Свен отправился в судовую библиотеку, где перелистал "Достижение совершеннолетия в Джорджии" и "Народные обычаи в Горной Джорджии". От этого ему легче не стало. С секунду поразмыслив, он бросил взгляд на часы. Два часа до старта! Чуть ли не бегом капитан устремился в штурманскую рубку.

В рубке единовластно распоряжался венерианин Рт'крыс. Он стоял на табурете разглядывая какие-то вспомогательные приборы. Тремя руками он сжимал секстан, а ногой - самой ловкой конечностью - протирал зеркала. При виде Свена

венерианин из уважения к начальству окрасился в коричневато-оранжевые тона, после чего вновь обрел повседневный зеленый цвет.

- Как дела? - спросил Свен.

- Нормально, - ответил Рт'крыс. - Если, конечно, не считать истории с Форбсом.

Он пользовался карманным звукоусилителем, поскольку голосовые связки у венериан отсутствуют. Первые модели таких усилителей резали слух и отдавали металлическим звоном; однако с тех пор их усовершенствовали, и ныне типичные "голоса" венериан звучат как мягкий вкрадчивый шепот.

- О Форбсе-то я и зашел посоветоваться, - признался капитан. - Ты ведь не землянин. Если на то пошло, даже не гуманоид. Я и подумал: вдруг тебя осенит свежая идея. Вдруг я что-нибудь упустил.

Помолчав, Рт'крыс посерел: это был цвет нерешительности.

- Боюсь, от меня вам маловато будет пользы, капитан Свен. У нас на Венере никогда не бывало расовых проблем. Разве что вы усматриваете некую аналогию с положением саларды...

- Не совсем, - перебил Свен. - Там скорее религиозный уклон.

- К сожалению, больше ничего в голову не приходит. А вы не пробовали образумить Форбса?

- Нет, но ведь все остальные пробовали.

- У вас должно лучше получиться, капитан. Вы - носитель символа власти, вам удастся вытеснить из Форбсова сознания отцовский символ. А заполучив такое преимущество, внушите Форбсу, какова истинная подоплека его эмоциональной реакции.

- У расовой вражды не бывает никакой подоплеки.

- Это с точки зрения формальной логики. А вот если оперировать общечеловеческими понятиями, то удастся отыскать и саму подоплеку, и решение проблемы. Постарайтесь выяснить, чего именно боится Форбс. Быть может, поставленный лицом к лицу с собственными побудительными мотивами, он опомнится.

- Учту твои советы, - с сарказмом, который не дошел до венерианина, поблагодарил Свен.

Прозвучал условный звонок внутреннего коммутатора: старший помощник вызывал капитана.

- Капитан! Диспетчер запрашивает, стартуем ли мы по расписанию.

- Стартуем, - сказал Свен. - Готовить корабль.

И положил трубку.

Рт'крыс залился пунцовым окрасим. У венериан это все равно что у землян - приподнятые брови.

- И так и так скверно, черт бы побрал все на свете! - проговорил Свен. - Спасибо, что дал хоть какой-то совет. Теперь примусь за Форбса.

- А кстати, - остановил капитана Рт'крыс, - он-то к какой расе принадлежит?

- Кто именно?

- Новенький, тот, с кем не желает служить Форбс.

- Я почем знаю? - неожиданно взорвался Свен. - По-твоему, мне на мостике только и дел, что зазубривать расовую принадлежность новеньких?

- А ведь это может иметь решающее значение.

- С какой стати? Допустим, Форбсу не угодно служить с монголом или с пакистанцем, ньюйоркцем или марсианином. Велика ли разница, на какой именно расе зациклился больной, незрелый мозг?

- Всего наилучшего, капитан Свен, - пожелал Рт'крыс вдогонку.

Представ на мостике перед капитаном, Джеймс Форбс откозырял, хотя на корабле у Свена подобные формальности не соблюдались. Радист вытянулся по стойке "смирно". Это был высокий стройный юноша с взъерошенной шевелюрой и фарфорово-белой, усыпанной веснушками кожей. Все черты его лица свидетельствовали о податливости, уступчивости, обходительности. Решительно все... кроме глаз - темно-синих, глядящих в упор на собеседника.

Свен растерялся, не зная, с чего начать. Но первым заговорил Форбс.

- Сэр, - сказал он. - С вашего позволения, мне здорово неудобно перед вами. Вы хороший капитан, сэр, лучше не бывает, да и с командой я сдружился. Теперь я себя чувствую как последний негодяй.

- Так, может, одумаешься? - В голосе Свена послышались слабые нотки надежды.

- Хотел бы я одуматься, сэр, право же, хотел. Да мне для вас головы не жаль, капитан, вообще ничего на свете не жаль.

- Ни к чему мне твоя голова. Мне надо только, чтобы ты сработался с новичком.

- А вот это как раз не в моих силах, - грустно произнес Форбс.

- Это еще почему, пропади все пропадом? - взревел капитан, напрочь позабыв о своем намерении проявить себя тонким психологом.

- Да вам просто не понять нашу душу, душу ребят вроде меня, выходцев из Горной Джорджии, - пояснил Форбс. - Так уж мне блаженной памяти папочка заповедал. Бедняга в гробу перевернется, если я нарушу его последнюю волю.

Свен проглотил рвущуюся на язык многоэтажную брань и сказал:

- Тебе ведь самому ясно, в какое положение ты меня ставишь. Что же ты теперь предлагаешь?

- Только одно, сэр. Мы с Ангкой вместе спишемся с корабля. Лучше уж нехватка рук, капитан, чем недружная команда, сэр.

- Как, и Ангка туда же? Постой! Он-то против кого настроен?

- Ни против кого, сэр. Просто мы с ним закадычные друзья, вот уж пять лет скоро, как повстречались на грузовике "Стелла". Теперь мы с ним неразлучны: куда один, туда и другой.

На пульте управления у Свена вспыхнул красный огонек - знак того, что корабль готов к старту. Свен не обратил на это никакого внимания.

- Не могу же я остаться без вас обоих, - сказал Свен. - Форбс, ты почему отказываешься служить с новичком?

- По расовым мотивам, сэр, - коротко ответил Форбс.

- Слушай меня внимательно. Ты служил под моим началом, а ведь я - швед. Разве тебя это не смущало?

- Нисколько, сэр.

- Судовой врач у нас - палестинец. Штурман и вовсе с Венеры. Механик - китаец. В команде собраны русские, меланезийцы, ньюйоркцы, африканцы - всякой твари по паре. Все расы, вероисповедания и цвета кожи. С ними-то ты уживался?

- Ясное дело, уживался. Нас, уроженцев Горной Джорджии, - с раннего детства готовят к тому, чтоб мы уживались с любыми расами. Это у нас в крови. Так мой папаша уверял.

Но служить с Блейком я, хоть убейте, не стану.
- Кто это - Блейк?
- Да новенький, сэр.
- Откуда же он родом? - насторожился Свен.
- Из Горной Джорджии.
На миг оторопевшему Свену почудилось, будто он ослышался. Он вытаращил глаза на Форбса - тот, оробев, ел капитана глазами.
- Из гористой части штата Джорджия?
- Так точно, сэр. Кажется, откуда-то неподалеку от моих краев.
- А он белый, этот Блейк?
- Само собой, сэр. Белый англо-шотландского происхождения, точь-в-точь как я.
У Свена возникло ощущение, будто он осваивает неведомый мир, - мир, с каким не доводилось сталкиваться ни одному цивилизованному человеку. Капитан с изумлением обнаружил, что на Земле попадаются обычаи куда диковиннее, чем где-либо в Галактике. И попросил Форбса:
- Расскажи-ка мне о ваших обычаях.
- А я-то думал, про нас, выходцев из Горной Джорджии, все досконально известно, сэр. В наших краях принято по достижении двадцати лет уходить из отчего дома и больше домой не возвращаться. Обычай велит нам работать бок о бок с представителями любой расы, жить бок о бок с представителями любой расы... кроме нашей.
- Вот как, - обронил Свен.
- Новичок-то, Блейк, тоже из Горной Джорджии. Ему бы сперва проглядеть судовой реестр, а уж после наниматься на корабль. На самом-то деле он один кругом виноват, и если ему плевать на вековой обычай, то я тут ни при чем.
- Но почему же все-таки вам запрещено служить с земляками? - не отставал Свен.
- Неизвестно, сэр. Так уж повелось от отца к сыну, с незапамятных времен.
Свен пристально посмотрел на радиста: в капитанском мозгу забрезжила догадка.
- Форбс, ты можешь словами передать, как относишься к чернокожим?
- Могу, сэр.
- Так передай.
- В общем, сэр, по всей Горной Джорджии считается, что чернокожий для белого - лучший друг. Я ничего не говорю, белые совсем не против китайцев, марсиан и прочих, но вот у чернокожих с белыми как-то особенно лихо все выходит...
- Давай-давай, - подбодрил Свен.
- Да ведь это трудно толком объяснить, сэр. Просто-напросто... словом, чернокожий и белый как-то особенно удачно друг к другу притираются, входят в зацепление, словно хорошие шестерни. Между чернокожим и белым какая-то особая слаженность.
- А знаешь, - мягко проговорил Свен, - ведь когда-то, давным-давно, твои предки считали чернокожих неполноценным народом. Издавали всякие законы, по которым чернокожему категорически воспрещалось общаться с белым. И продолжали в таком же духе еще долго после того, как во всем остальном мире с этим предрассудком было покончено. Вплоть до Злосчастного Испытания.
- Это ложь, сэр! - вспыхнул Форбс. - Простите, я не обвиняю во лжи вас лично, сэр, но ведь это неправда. У нас в Джорджии всегда...

- Могу доказать; так утверждают книги по истории и антропологии. В библиотеке у нас тоже найдутся кое-какие, если только тебе не лень покопаться!
- Уж янки понапишут!
- Там есть и книги, написанные южанами. Все это правда, Форбс, но стыдиться здесь нечего. Просвещение приходит к людям долгими и мучительными путями. Твои предки обладали многими достоинствами, ты вправе ими гордиться!
- Но если все было так, как вы объясняете, - нерешительно произнес Форбс, - отчего же все переменилось?
- Вот об этом как раз можно прочитать в одном исследовании по антропологии. Ты ведь знаешь, что после Злосчастного Испытания ядерного оружия над Джорджией выпали обильные радиоактивные осадки?
- Так точно, сэр.
- Но ты едва ли знаешь, что в ту пору лучевая болезнь стала с особой беспощадностью косить население так называемого "Черного Пояса". Да, жертвами болезни становились и многие белые. Но вот чернокожие в той части штата вымерли почти начисто.
- Этого я не знал, - покаянно прошептал Форбс.
- Уж поверь мне на слово, до Испытания случалось всякое - и расовые бунты, и линчевания, и взаимная неприязнь между белыми и чернокожими. Но вдруг чернокожих не стало: их истребила лучевая болезнь. В результате у белых, особенно в малых населенных пунктах, появилось нестерпимое чувство вины. А самые суеверные из белых терзались мучительными угрызениями совести из-за массового вымирания чернокожих. Для таких белых вся цепь событий явилась тяжелым ударом, ведь люди- то они были религиозные.
- Какая им разница, если они ненавидели чернокожих?
- В том-то и дело, что вовсе не ненавидели! Опасались смешанных браков, экономической конкуренции, изменений в общественной иерархии. Однако о ненависти и речи не было. Напротив. В ту пору твои земляки утверждали (и при этом нисколько не кривили душой), будто куда лучше иметь дело с негром, чем с "либералом"-северянином. Отсюда вытекало множество конфликтов.
Форбс кивнул в напряженной задумчивости.
- В изоляте - в сообществе вроде того, где ты родился, - тогда же возник обычай трудиться вдали от дома, с представителями любой расы, кроме земляков. Здесь всему подоплекой комплекс вины.
По веснушчатым щекам Форбса градом катился пот.
- Прямо не верится, - пробормотал радист.
- Форбс, разве я тебе хоть раз в жизни солгал?
- Никак нет, сэр.
- Значит, поверишь, если я поклянусь, что все рассказанное мною - правда?
- По... постараюсь, капитан Свен.
- Теперь ты знаешь, откуда пошел обычай. Будешь служить с Блейком?
- Навряд ли у меня получится.
- А ты попробуй.
Прикусив губу, Форбс беспокойно заерзал.
- Попробую, капитан. Не знаю, выйдет ли, но попробую. И сделаю это ради вас и ради своих товарищей, а не из-за того, что вы мне тут наговорили.
- Постарайся, - сказал Свен. - Больше от тебя ничего не требуется.
Форбс кивнул и поспешно спустился с мостика. Тотчас же

Свен сообщил диспетчеру, что готов стартовать.

Внизу, в кубрике, Форбса познакомили с новичком по фамилии Блейк. Долговязому черноволосому новичку было там явно не по себе.

- Здорово, - сказал Блейк.

- Здорово, - откликнулся Форбс.

Каждый робко шевельнул ладонью, словно намереваясь обменяться рукопожатием, но ни тот, ни другой не довершили жеста.

- Я из-под Помпеи, - заявил Форбс.

- А я из Альмиры.

- Почти что соседи, - убито сказал Форбс.

- Это уж точно, - согласился Блейк.

Наступило молчание. После долгих раздумий Форбс простонал:

- Не могу я, ну никак не могу. - И двинулся было прочь из кубрика. Но вдруг остановился и, обернувшись, выпалил:
- А ты чистокровный белый?

- Да нет, не так чтоб уж очень чистокровный, - степенно ответил Блейк. - По матери я на одну восьмую индеец племени чероки.

- Ты чероки, это точно?

- Он самый, не сомневайся.

- Так бы сразу и говорил! Знал я одного чероки из Альтахачи, его звали Том Сидящий Медвежонок. Ты ему случайно не родня?

- Едва ли, - признался Блейк. - У меня-то в жизни не бывало знакомых чероки.

- Да мне что, мне без разницы. Надо было сразу объяснить людям, что ты чероки. Идем, покажу тебе твою койку.

Когда часов через семь после старта, о случившемся доложили капитану Свену, тот был совершенно ошеломлен.

Как же так? - ломал он голову. Почему восьмушка крови индейцев-чероки превращает американца в чероки? Неужели остальные семь восьмых не пересиливают?

И пришел к выводу, что американцы, особенно из южных штатов, - народ непостижимый.

Роберт Шекли

Запах мысли

Перевод Н. Евдокимовой

По-настоящему неполадки у Лероя Кливи начались, когда он вел иочтолет-243 по неосвоенному звездному скоплению Пророкоугольника. Лероя и прежде-то удручали обычные трудности межзвездного почтальона: старый корабль, изъязвленные трубы, невыверенные астронавигационные приборы. Но теперь, считывая показания курса, он заметил, что в корабле становится невыносимо жарко.

Он подавленно вздохнул, включил систему охлаждения и связался с Почтмейстером Базы. Разговор велся на

критической дальности радиосвязи, и голос Почтмейстера еле доносился сквозь океан статических разрядов.

- Опять неполадки, Кливи? - спросил Почтмейстер зловещим голосом человека, который сам составляет графики и свято в них верует.

- Да как вам сказать, - иронически ответил Кливи. - Если не считать труб, приборов и проводки, все прекрасно, вот разве изоляция и охлаждение подкачали.

- Действительно, позор, - сказал Почтмейстер, внезапно преисполняясь сочувствием. - Представляю, каково тебе там.

Кливи до отказа крутанул регулятор охлаждения, отер пот, заливающий глаза, и подумал, что Почтмейстеру только кажется, будто он знает, каково сейчас его подчиненному.

- Я ли снова и снова не ходатайствую перед правительством о новых кораблях? - Почтмейстер невесело рассмеялся. - Похоже, они считают, будто доставлять почту можно на любой корзине.

В данную минуту Кливи не интересовали заботы Почтмейстера. Охлаждающая установка работала на полную мощность, а корабль продолжал перегреваться.

- Не отходите от приемника, - сказал Кливи. Он направился в хвостовую часть корабля, откуда как будто истекал жар, и обнаружил, что три резервуара заполнены не горючим, а пузырящимся раскаленным добела шлаком. Четвертый на глазах претерпевал такую же метаморфозу.

Мгновение Кливи тупо смотрел на резервуары, затем бросился к рации.

- Горючего не осталось, - сообщил он. - По-моему, произошла каталитическая реакция. Говорил я вам, что нужны новые резервуары. Сяду на первой же кислородной планете, какая подвернется.

Он схватил Аварийный Справочник и пролистал раздел о скоплении Пророкоугольника. В этой группе звезд отсутствовали колонии, а дальнейшие подробности предлагалось искать по карте, на которую были нанесены кислородные миры. Чем они богаты, помимо кислорода, никому не ведомо. Кливи надеялся выяснить это, если только корабль в ближайшее время не рассыплется.

- Попробую З-М-22, - проревел он сквозь нарастающие разряды.

- Хорошенько присматривай за почтой, - протяжно прокричал в ответ Почтмейстер. - Я тотчас же высылаю корабль.

Кливи ответил, что он сделает с почтой - со всеми двадцатью фунтами почты. Однако к этому времени Почтмейстер уже прекратил прием.

Кливи удачно приземлился на З-М-22, исключительно удачно, если принять во внимание, что к раскаленным приборам невозможно было прикоснуться, размякшие от перегрева трубы скрутились узлом, а почтовая сумка на спине стесняла движения. Почтолет-243 вплыл в атмосферу, словно лебедь, но на высоте двадцати футов от поверхности отказался от борьбы и камнем рухнул вниз.

Кливи отчаянно силился не потерять остатки сознания. Борта корабля приобрели уже темно-красный оттенок, когда он вывалился из запасного люка; почтовая сумка по- прежнему была прочно пристегнута к его спине. Пошатываясь, с закрытыми глазами он пробежал сотню ярдов. Когда корабль взорвался, взрывная волна опрокинула Кливи. Он встал, сделал еще два шага и окончательно провалился в небытие.

Когда Кливи пришел в себя, он лежал на склоне маленького холмика, уткнувшись лицом в высокую траву. Он пребывал в

непередаваемом состоянии шока. Ему казалось, что разум его отделился от тела и, освобожденный, витает в воздухе. Все заботы, чувства, страхи остались с телом; разум был свободен.

Он огляделся и увидел, что мимо пробегает маленький зверек, величиной с белку, но с темно-зеленым мехом.

Когда зверек приблизился, Кливи заметил, что у него нет ни глаз, ни ушей.

Это его не удивило - напротив, показалось вполне уместным. На кой черт сдались белке глаза да уши? Пожалуй, лучше, что белка не видит несовершенства мира, не слышит криков боли. Появился другой зверь, величиной и формой тела напоминающий крупного волка, но тоже зеленого цвета. Параллельная эволюция? Она не меняет общего положения вещей, заключил Кливи. У этого зверя тоже не было ни глаз, ни ушей. Но в пасти сверкали два ряда мощных клыков.

Кливи наблюдал за животными с вялым интересом. Какое дело свободному разуму до волков и белок, пусть даже безглазых? Он заметил, что в пяти футах от волка белка замерла на месте. Волк медленно приближался. На расстоянии трех футов он, по-видимому, потерял след - вернее, запах. Он затряс головой и медленно описал возле белки круг. Потом снова двинулся по прямой, но уже в неверном направлении.

Слепой охотился на слепца, подумал Кливи, и эти слова показались ему глубокой извечной истиной. На его глазах белка задрожала вдруг мелкой дрожью: волк закружился на месте, внезапно прыгнул и сожрал белку в три глотка.

Какие у волков большие зубы, безразлично подумал Кливи. И в тот же миг безглазый волк круто повернулся в его сторону.

Теперь он съест меня, подумал Кливи. Его забавляло, что он окажется первым человеком, съеденным на этой планете.

Когда волк ощерился над самым его лицом, Кливи снова лишился чувств.

Очнулся он вечером. Уже протянулись длинные тени, солнце уходило за горизонт. Кливи сел и в виде опыта осторожно согнул руки и ноги. Все было цело.

Он привстал на одно колено, еще пошатываясь от слабости, но уже почти полностью отдавая себе отчет в том, что случилось. Он помнил катастрофу, но так, словно она происходила тысячу лет назад: корабль сгорел, он отошел поодаль и упал в обморок. Потом повстречался с волком и белкой.

Кливи неуверенно встал и огляделся по сторонам. Должно быть, последняя часть воспоминаний ему пригрезилась. Его бы давно уже не было в живых, окажись поблизости какой-нибудь волк.

Тут Кливи взглянул под ноги и увидел зеленый хвостик белки, а чуть поодаль - ее голову.

Он лихорадочно пытался собраться с мыслями. Значит, волк и в самом деле был, да к тому же голодный. Если Кливи хочет выжить до прихода спасателей, надо выяснить, что тут произошло и почему.

У животных не было ни глаз, ни ушей. Но тогда каким образом они выслеживали друг друга? По запаху? Если так, то почему волк искал белку столь неуверенно?

Послышалось негромкое рычание, и Кливи обернулся. Менее чем в пятидесяти футах появилось существо, похожее на пантеру - на зеленовато-коричневую пантеру без глаз и ушей.

Проклятый зверинец, подумал Кливи и затаился в густой траве. Чужая планета не давала ему ни отдыха, ни срока.

Нужно же ему время на размышление! Как устроены эти животные? Не развито ли у них вместо зрения чувство локации?

Пантера поплелась прочь.

У Кливи чуть отлегло от сердца. Быть может, если не попадаться ей на пути, пантера...

Едва он дошел в своих мыслях до слова "пантера", как животное повернулось в его сторону.

Что же я сделал? - спрашивал себя Кливи, поглубже зарываясь в траву. Она не может меня учуять, увидеть или услышать. Я только решил ей не попадаться.

Подняв морду кверху, пантера мерным шагом затрусила к нему.

Вот оно что! Животное, лишенное глаз и ушей, может обнаружить присутствие Кливи только одним способом.

Способом телепатическим!

Чтобы проверить свою теорию, Кливи мысленно произнес слово "пантера", отождествляя его с приближающимся зверем. Пантера яростно взревела и заметно сократила разделяющее их расстояние.

В какую-то ничтожную долю секунды Кливи постиг многое. Волк преследовал белку при помощи телепатии. Белка замерла - быть может, отключила свой крохотный мозг. Волк сбился со следа и не находил его, пока белке удавалось тормозить деятельность мозга.

Если так, то почему волк не напал на Кливи, когда тот лежал без сознания? Быть может, Кливи перестал думать - по крайней мере перестал думать на той длине волн, какую улавливает волк? Но не исключено, что дело обстоит гораздо сложнее.

Сейчас основная задача - это пантера.

Зверь снова взвыл. Он находился всего лишь в тридцати футах от Кливи, и расстояние быстро уменьшалось. Главное - не думать, решил Кливи, не думать о... думать о чем-нибудь другом. Тогда, может быть, пан... ну, может быть, она потеряет след. Он принялся перебирать в уме всех девушек, которых когда-либо знал, старательно припоминая мельчайшие подробности.

Пантера остановилась и в сомнении заскребла лапами по земле.

Кливи продолжал думать: о девушках, о космолетах, о планетах и опять о девушках, и о космолетах, и обе всем, кроме пантеры.

Пантера придвинулась еще на пять футов.

Черт возьми, подумал он, как можно не думать о чем-то? Ты лихорадочно думаешь о камнях, скалах, людях, пейзажах и вещах, а твой ум неизменно возвращается к.., но ты отмахиваешься от нее и сосредоточиваешься на своей покойной бабке (святая женщина!), старом пьянчуге отце, синяках на правой ноге. (Сосчитай их. Восемь. Сосчитай еще раз. По-прежнему восемь.) А теперь ты поднимаешь глаза, небрежно, видя, но не признавая п... Как бы там ни было, она все же приближается.

Пытаться о чем-то не думать - все равно, что пытаться остановить лавину голыми руками. Кливи понял, что человеческий ум не так-то просто поддается бесцеремонному сознательному торможению. Для этого нужны время и практика.

Ему осталось около пятнадцати футов на то, чтобы научиться не думать о п...

Ну что ж, можно ведь думать о карточных играх, вечеринках, о собаках, кошках, лошадях, овцах, волках

(убирайтесь прочь!), о синяках, броненосцах, пещерах, логовах, берлогах, детенышах (берегись!), п-панегириках, и эмпириках, и мазуриках, и клириках, и лириках, и трагиках (примерно 8 футов), обедах, филе- миньонах, фиалках, финиках, филинах, поросятах, палках, пальто и п-п-п-п...

Теперь пантера находилась в каких-нибудь пяти футах от него и готовилась к прыжку. Кливи был больше не в состоянии изгонять запретную мысль. Но вдруг в порыве вдохновения он подумал: "Пантера-самка!"

Пантера, все еще напрягшаяся для прыжка, с сомнением повела мордой.

Кливи сосредоточился на идее пантеры-самки. Он и есть пантера-самка, и чего, собственно, хочет добиться этот самец, пугая ее? Он подумал о своих (тьфу, черт, самкиных!) детенышах, о теплом логове, о прелестях охоты на белок...

Пантера медленно подошла вплотную и потерлась о Кливи. Он с отчаянием думал о том, какая прекрасная стоит погода и какой мировой парень эта пантера - такой большой, сильный, с такими огромными зубами.

Самец замурлыкал!

Кливи улегся, обвил вокруг пантеры воображаемый хвост и решил, что надо поспать. Пантера стояла возле него в нерешительности. Казалось, чувствовала, что деле неладно. Потом испустила глубокий горловой рык, повернулась и ускакала прочь.

Только что село солнце, и все вокруг залила синева. Кливи обнаружил, что его сотрясает неудержимая дрожь и он вот-вот разразится истерическим хохотом. Задержись пантера еще на секунду...

Он с усилием взял себя в руки. Пора серьезно поразмыслить.

Вероятно, каждому животному свойствен характерный запах мысли. Белка испускает один запах, волк - другой, человек - третий. Весь вопрос в том, только ли тогда можно выследить Кливи, когда он думает о каком-либо животном? Или его мысли, подобно аромату, можно засечь, даже если он ни о чем особенном не думает?

Пантера, видно, учуяла его лишь в тот миг, когда он подумал именно о ней. Однако это можно объяснить новизной: чуждый запах мыслей мог сбить пантеру с толку в тот раз.

Что ж, подождем - увидим. Пантера, наверное, не тупица. Просто такую шутку с нею сыграли впервые.

Всякая шутка удается... однажды.

Кливи лег навзничь и воззрился на небо. Он слишком устал, чтобы двигаться, да и тело, покрытое кровоподтеками, ныло. Что предстоит ему ночью? Выходят ли звери на охоту? Или на ночь устанавливается некое перемирие? Ему было наплевать.

К черту белок, волков, пантер, львов, тигров и северных оленей!

Он уснул.

Утром он удивился, что все еще жив. Пока все идет хорошо. В конце концов денек может выдаться недурной. В радужном настроении Кливи направился к своему кораблю.

От почтолета-243 осталась лишь груда искореженного металла на оплавленной почве. Кливи нашел металлический стержень, прикинул его на руке и заткнул за пояс, чуть ниже почтовой сумки. Не ахти какое оружие, но все-таки придает уверенность.

Корабль погиб безвозвратно. Кливи стал бродить по окрестностям в поисках еды. Вокруг рос плодоносный

кустарник. Кливи осторожно надкусил неведомый плод и счел, что он терпкий, но вкусный. Он до отвала наелся ягод и запил их водой из ручейка, что журчал неподалеку в ложбинке.

Пока он не видел никаких зверей. Как знать, сейчас они, чего доброго, окружат его кольцом.

Он постарался отвлечься от этой мысли и занялся поисками укрытия. Самое верное дело - затаиться, пока не придут спасатели. Он блуждал по отлогим холмам, тщетно пытаясь найти скалу, деревце или пещерку. Дружелюбный ландшафт мог предложить разве что кусты высотою в шесть футов.

К середине дня он выбился из сил, пал духом и лишь тревожно всматривался в небо. Отчего нет спасателей? По его расчетам, быстроходное спасательное судно должно прибыть за сутки, от силы за двое.

Если Почтмейстер правильно указал планету.

В небе что-то мелькнуло. Он взглянул вверх, и сердце его неистово заколотилось. Ну и картина!

Над ним, без усилий балансируя гигантскими крыльями, медленно проплыла птица. Один раз она нырнула, словно провалилась в яму, но тут же уверенно продолжила полет.

Птица поразительно смахивала на стервятника.

Кливи побрел дальше. Еще через мгновение он очутился лицом к лицу с четырьмя слепыми волками.

Теперь по крайней мере с одним вопросом покончено. Кливи можно выследить по характерному запаху его мыслей. Очевидно, звери этой планеты пришли к выводу, будто пришелец не настолько чужероден, чтобы его нельзя было съесть.

Волки осторожно подкрадывались. Кливи испробовал прием, к которому прибег накануне. Вытащив из-за пояса металлический стержень, он принялся воображать себя волчицей, которая ищет своих волчат. Не поможет ли один из вас, джентльмены, найти их? Еще минуту назад они были тут. Один зеленый, другой пятнистый, третий...

Быть может, эти волки не мечут пятнистых детенышей. Один из них прыгнул на Кливи. Кливи огрел его стержнем, и волк, шатаясь, отступил.

Все четверо сомкнулись плечом к плечу и возобновили атаку.

Кливи безнадежно попытался мыслить так, как если бы его вообще не существовало на свете. Бесполезно. Волки упорно надвигались. Кливи вспомнил о пантере. Он вообразил себя пантерой. Рослой пантерой, которая с удовольствием полакомится волком.

Это их остановило. Волки тревожно замахали хвостами, но позиций не сдали.

Кливи зарычал, забил лапами по земле и подался вперед. Волки попятились, но один из них проскользнул к нему в тыл.

Кливи подвинулся вбок, стараясь не попадать в окружение. Похоже было, что волки не слишком-то поверили спектаклю. Быть может, Кливи бездарно изобразил пантеру. Волки больше не отступали. Кливи свирепо зарычал и замахнулся импровизированной дубинкой. Один волк стремглав пустился наутек, но тот, что прорывался в тыл, прыгнул на Кливи и сбил его с ног.

Барахтаясь под волками, Кливи испытал новый прилив вдохновения. Он вообразил себя змеей - очень быстрой, со смертоносным жалом и ядовитыми зубами.

Волки тотчас отскочили. Кливи зашипел и изогнул свою бескостную шею. Волки яростно ощерились, но не выказали никакого желания наступать.

И тут Кливи допустил ошибку. Рассудок его знал, что надо

держаться стойко и проявлять побольше наглости. Однако тело поступило иначе. Помимо своей воли он повернулся и понесся прочь.

Волки рванулись вдогонку, и, бросив взгляд кверху, Кливи увидел, что в предвкушении поживы слетаются стервятники. Он взял себя в руки и попытался снова превратиться в змею, но волки не отставали.

Вьющиеся над головой стервятники подали Кливи идею. Космонавт, он хорошо знал, как выглядит планета сверху. Кливи решил превратиться в птичку. Он представил себе, как парит в вышине, легко балансируя среди воздушных течении, и смотрит вниз на землю, которая ковром расстилается все шире и шире.

Волки пришли в замешательство. Они закружились на месте, стали беспомощно подпрыгивать в воздух. Кливи продолжал парить над планетой, взмывая все выше и выше, и в то же время медленно пятился назад.

Наконец он потерял волков из виду, и наступил вечер. Кливи был измучен. Он прожил еще один день. Но, по-видимому, все гамбиты удаются лишь единожды. Что он будет делать завтра, если не придет спасательное судно?

Когда стемнело, он долго еще не мог заснуть и все смотрел в небо. Однако там виднелись только звезды, а рядом слышалось лишь редкое рычание волка да рев пантеры, мечтающей о завтраке.

... Утро наступило слишком быстро. Кливи проснулся усталый, сон не освежил его. Не вставая, Кливи ждал.

- Где же спасатели? Времени у них было предостаточно, - решил Кливи. - Почему их еще нет? Если будут слишком долго мешкать, пантера...

Не надо было так думать. В ответ справа послышался звериный рык.

Кливи встал и отошел подальше. Уж лучше иметь дело с волками...

Об этом тоже не стоило думать, так как теперь к реву пантеры присоединилось рычание волчьей стаи.

Всех хищников Кливи увидел сразу. Справа из подлеска грациозно выступила зеленовато-желтая пантера. Слева он явственно различил силуэты нескольких волков. Какой-то миг он надеялся, что звери передерутся. Если бы волки напали на пантеру, Кливи удалось бы улизнуть...

Однако зверей интересовал только пришелец. К чему им драться между собой, понял Кливи, когда налицо он сам, во всеуслышание транслирующий свои страхи и свою беспомощность?

Пантера двинулась вперед. Волки остановились на почтительном расстоянии, по- видимому, намеренные удовольствоваться остатками ее трапезы. Кливи опять было попробовал взлететь по-птичьи, но пантера после минутного колебания продолжила свой путь.

Кливи попятился к волкам, жалея, что некуда влезть. Эх, окажись тут скала или хотя бы приличное дерево...

Но ведь рядом кусты! С изобретательностью, порожденной отчаянием, Кливи стал шестифутовым кустом. Вообще-то он понятия не имел, как мыслит куст, но старался изо всех сил.

Теперь он цвел. А один из корней у него слегка расшатался. После недавней бури. Но все же, если учесть обстоятельства, он был отнюдь не плохим кустом.

Краешком веток он заметил, что волки остановились. Пантера стала метаться вокруг него, пронзительно фыркнула и склонила голову набок.

Ну право же, подумал Кливи, кому придет в голову откусить

ветку куста? Ты, возможно, приняла меня за что-то другое, но на самом деле я всего-навсего куст. Не хочешь ведь набить себе рот листьями? И ты можешь сломать зуб о мои ветки. Слыханное ли дело, чтобы пантера поедала кусты? А ведь я и есть куст. Спроси у моей мамаши. Она тоже куст. Все мы кусты, исстари, с каменноугольного периода.

Пантера явно не собиралась переходить в атаку. Однако не собиралась и удалиться. Кливи не был уверен, что долго протянет. О чем он теперь должен думать? О прелестях весны? О гнезде малиновок в своих волосах?

На плечо к нему опустилась какая-то птичка.

Ну не мило ли, подумал Кливи. Она тоже думает, что я куст. Намерена свить гнездо в моих ветвях. Совершенно прелестно. Все прочие кусты лопнут от зависти.

Птичка легонько клюнула Кливи в шею.

Полегче, подумал Кливи. Не надо рубить сук, на котором сидишь...

Птичка клюнула еще раз, примериваясь. Затем прочно стала на перепончатые лапки и принялась долбить шею Кливи со скоростью пневматического молотка.

Проклятый дятел, подумал Кливи, стараясь не выходить из образа. Он отметил, что пантера внезапно успокоилась. Однако когда птичка долбанула его шею пятнадцатый раз, Кливи не выдержал: он сгреб птичку и швырнул ею в пантеру.

Пантера щелкнула зубами, но опоздала. Оскорбленная птичка произвела разведочный полет вокруг головы Кливи и упорхнула к более спокойным кустам.

Мгновенно Кливи снова превратился в куст, но игра была проиграна. Пантера замахнулась на него лапой. Он попытался бежать, споткнулся о волка и упал. Пантера зарычала над его ухом, и Кливи понял, что он уже труп.

Пантера оробела.

Тут Кливи превратился в труп до кончиков горячих пальцев. Он лежал мертвым много дней, много недель. Кровь его давно вытекла. Плоть протухла. К нему не притронется ни одно здравомыслящее животное, как бы голодно оно ни было.

Казалось, пантера с ним согласна. Она попятилась. Волки испустили голодный вой, но тоже отступили.

Кливи увеличил давность своего гниения еще на несколько дней и сосредоточился на том, как ужасно он неудобоварим, как безнадежно неаппетитен. И в глубине души - ой был в этом убежден - искренне не верил, что годится кому бы то ни было на закуску. Пантера продолжала пятиться, а за нею и волки. Кливи был спасен! Если надо, он может теперь оставаться трупом до конца дней своих.

И вдруг до него донесся подлинный запах гниющей плоти. Оглядевшись по сторонам, он увидел, что рядом опустилась исполинская птица!

На Земле ее назвали бы стервятником.

Кливи едва не расплакался. Неужто ему ничто не поможет? Стервятник подошел к нему вперевалочку. Кливи вскочил и ударил его ногой. Если ему и суждено быть съеденным, то уж, во всяком случае, не стервятником.

Пантера с быстротой молнии явилась вновь, и на ее глупой пушистой морде, казалось, были написаны ярость и смятение.

Кливи замахнулся металлическим стержнем, жалея, что нет поблизости дерева - забраться, пистолета - выстрелить или хоть факела - отпугнуть...

Факел!

Кливи тотчас же понял, что выход найден. Он полыхнул пантере огнем в морду, и та отползла с жалобным визгом.

Кливи поспешно стал распространяться во все стороны, охватывая пламенем кусты, пожирая сухую траву.

Пантера стрелой умчалась прочь вместе с волками.

Пришел его черед! Как он мог забыть, что всем животным присущ глубокий инстинктивный страх перед огнем! Право же, Кливи будет самым огромным пожаром, какой когда-либо бушевал в этих местах.

Поднялся легкий ветерок и разнес его огонь по холмистой земле. Из-за кустов выскочили белки и дружно понеслись прочь. В воздух взмыли стаи птиц, а пантеры, волки и прочие хищники бежали бок о бок, забыв и помышлять о добыче, стремясь лишь уберечься от пожара - от него, Кливи!

Кливи смутно сознавал, что отныне стал настоящим телепатом. С закрытыми глазами он видел все, что происходит вокруг, и все ощущал почти физически. Он наступал гудящим пламенем, сметая все на своем пути. И чувствовал страх тех, кто поспешно спасался бегством.

Так и должно быть. Разве благодаря сообразительности и умению приспособиться человек не был всегда и везде царем природы? То же самое и здесь. Кливи торжествующе перепрыгнул через узенький ручеек в трех милях от старта, воспламенил группу кустов, выбросил струю пламени...

Тут он почувствовал первую каплю воды.

Он все горел, но одна капля превратилась в пять, потом в пятнадцать, потом в пятьсот. Он был прибит водой, а его пища - трава и кусты - вскоре промокли насквозь.

Он начинал угасать.

Это просто нечестно, подумал Кливи. По всем правилам он должен был выиграть. Он дал планете бой на ее условиях и вышел победителем... лишь для того, чтобы слепая стихия все погубила.

Животные осторожно возвращались.

Дождь хлынул, как из ведра. У Кливи погас последний язычок пламени. Бедняга вздохнул и лишился чувств...

- ...Чертовски удачная работа. Ты берег почту до последнего, а это признак хорошего почтальона. Может, удастся выхлопотать тебе медаль.

Кливи открыл глаза. Над ним, сияя горделивой улыбкой, стоял Почтмейстер. Кливи лежал на койке и видел над собой вогнутые металлические стены звездолета.

Он находился на спасательном судне.

- Что случилось? - прохрипел он.

- Мы подоспели как раз вовремя, - ответил Почтмейстер. - Тебе пока лучше не двигаться. Еще немного - и было бы поздно.

Кливи почувствовал, как корабль отрывается от земли, и понял, что покидает планету З-М-22. Шатаясь, он подошел к смотровому окну и стал вглядываться в проплывающую внизу зеленую поверхность.

- Ты был на волосок от гибели, - сказал Почтмейстер, становясь рядом с Кливи и глядя вниз. - Нам удалось включить увлажняющую систему как раз вовремя. Ты стоял в центре самого свирепого степного пожара из всех, что мне приходилось видеть.

Глядя вниз на безупречный зеленый ковер, Почтмейстер, видно, усомнился. Он посмотрел еще раз в окно, и выражение его лица напомнило Кливи обманутую пантеру.

- Постой... А как получилось, что на тебе нет ожогов?

Роберт Шекли

Обмен разумов

Перевод Н. Евдокимовой

На рекламной полосе в "Стэнхоуп газетт" Марвин Флинн вычитал объявление:

"Джентльмен с Марса, 43 лет, тихий, культурный, начитанный, желает обменяться телами с земным джентльменом сходного характера с 1 августа по 1 сентября. Справки по требованию. Услуги маклеров оплачены".

Этого заурядного сообщения было достаточно, чтобы у Марвина Флинна залихорадил пульс. Махнуться телами с марсианином!

Идея увлекательная и в то же время отталкивающая. В конце концов любому неприятно, если какой-то пескоядный марсианин станет из его собственной головы двигать его собственными руками и ногами, смотреть его глазами и слушать его ушами. Но в возмещение этих неприятностей он, Марвин Флинн, увидит Марс. Причем увидит так, как надо видеть: через восприятие аборигена.

Одни коллекционируют картины, другие - книги, третьи - женщин, а Марвин Флинн стремился охватить сущность всех увлечений, путешествуя. Однако его всепоглощающая страсть к путешествиям оставалась, увы, неудовлетворенной. Он родился и вырос в Стэнхоупе, штат Нью-Йорк. Географически родной городок находился милях в трехстах к северу от Нью-Йорка. В духовном же и эмоциональном отношении между этими двумя пунктами пролегало чуть ли не целое столетие.

Стэнхоуп - милое пасторальное селеньице, расположенное в предгорье Адирондаков, изобилующее фруктовыми садами и испещренное стадами пегих коров на зеленых холмистых пастбищах. Неуязвимый в своем пристрастии к буколике, Стэнхоуп упорно цеплялся за древние обычаи. Дружелюбно, хоть и не без задора, городок держался подальше от каменного сердца страны - суперстолицы. Линия метро ИРТ - Седьмая авеню прогрызла себе путь под землей до Кингстона, но не далее. Исполинские шоссе раскинули бетонные щупальца по всему штату, но не дотянулись До усаженной вязами Мейн-стрит - главной улицы Стэнхоупа. В других городах были ракетодромы - Стэнхоуп хранил верность архаичному аэропорту. По ночам в постели Марвин то и дело прислушивался к мучительно-волнующему отзвуку вымирающей сельской Америки - одинокому воплю реактивного лайнера.

Стэнхоуп довольствовался самим собою. Остальной мир, по-видимому, вполне довольствовался тем, что предоставлял Стэнхоупу романтически грезить об ином, не столь стремительном веке.

Единственным, кого такое положение вещей не устраивало, был Марвин Флинн.

Он совершал поездки, как это было принято, и смотрел то, что принято смотреть. Как и все, он не раз проводил субботу и воскресенье в Европе. Он посетил в батискафе затонувший город Миами, полюбовался Висячими Садами Лондона и

поклонился идолам в храме Бах-ай у залива Хайфа. Во время отпусков он ходил в пеший поход по Земле Мэри Бэрд (Антарктида), исследовал Леса Дождевых Деревьев в нижнем течении Итури (1), пересек Шинкай на верблюде и даже несколько недель прожил в Лхасе - столице мирового искусства.

Словом, обычный туристский ассортимент. Флинну хотелось путешествовать по- настоящему.

То есть отправиться в космические круизы.

Казалось бы, не такое уж невыполнимое желание. Однако Флинн ни разу не был даже на Луне.

В конечном итоге все сводилось к экономике. Межзвездное путешествие во плоти и крови - удовольствие дорогое, для простого человека оно исключается. Разве что он пожелает воспользоваться преимуществом Обмена Разумов.

Марвин старался примириться со своим положением в обществе и с более чем приемлемыми перспективами, которые открывало перед ним это положение.

В конце концов он свободный гражданин, почти совсем белый, ему всего тридцать один год, у него высокий рост, широкие плечи, черные усики и мягкие карие глаза. Он получил традиционное образование - начальная и средняя школа, двенадцать лет в колледже, четыре года последипломной практики, - и его считали достаточно хорошим специалистом в корпорации "Рик-Питерс". Там он подвергал флюороскопии пластмассовые игрушки, исследуя их на микроусадку, пористость, усталостный износ и так далее. Возможно, работа не из самых важных, но ведь не всем же быть королями или космонавтами. Должность у Флинна была, безусловно, ответственная, особенно если учесть роль игрушек в нашем мире и жизненно важную задачу высвобождения нерастраченной детской энергии.

Все это Марвин знал и тем не менее был недоволен. Повидать Марс, посетить нору Песчаного Царя, насладиться великолепием звуковой гаммы "Мук любви", прислушаться к цветным пескам Великого Сухого Моря...

Раньше он только мечтал. Теперь дело иное. В горле непривычно першило от готовности вот-вот принять решение. Марвин благоразумно не стал торопить события. Вместо того он взял себя в руки и отправился в центр, в Стэнхоупскую Аптеку.

II

Как он и ожидал, его закадычный друг Билли Хейк сидел у стойки с содовой и потягивал фрапп с ЛСД.

- Как ты сегодня, старая сводня? - приветствовал друга Хейк на распространенном в те дни жаргоне.

- Полон сил, как крокодил, - традиционной формулой ответил Марвин.

- Ду коомен (2) мучо-мучо рапидо (3)? - спросил Билли. (В том году считалось остроумным говорить на ломаном испано-голландском диалекте).

- Я, минхеер, - с запинкой ответил Марвин. Ему просто было не до состязаний в остроумии.

Билли уловил нотку раздражения. Он насмешливо приподнял бровь, сложил комикс, посвященный Джеймсу Джойсу, сунул в рот сигару "Кин-Смоук", надкусил ее, выпустил ароматный зеленый дым и спросил:

- Отчего скуксился?

Вопрос, хоть и заданный кислым тоном, был вполне

доброжелателен.
Марвин уселся рядом с Билли. У него было тяжело на душ, но все же не хотелось делиться горестями с легкомысленным другом, и потому, воздев руки, он повел беседу на индейском языке знаков. (Многие молодые люди с интеллектуальными запросами все еще находились под впечатлением прошлогодней сенсации - проектоскопического фильма "Дакотский диалог"; в фильме с участием Бьорна Ракрадиша (Безумный Конь) и Миловары Славовивович (Красная Туча) герои изъяснялись исключительно жестами.)
Иронически и в тоже время серьезно Марвин изобразил разбитое сердце, блуждающего коня, солнце, которое не светит, и луну, которая не восходит.
Помешал ему мистер Байджлоу, хозяин Стэнхоупской Аптеки. Это был человек средних лет (ему уже исполнилось семьдесят четыре), лысеющий, с небольшим, но заметным брюшком. Несмотря на все это, замашки у него были как у юнца. Вот и теперь он сказал Марвину:
- Э" минхеер, кверен зи томар ля клопье immenca де ла кабеца вефрувенс им форма де мороженое с фруктами?
Для мистера Байджлоу и прочих представителей его поколения было характерно, что они злоупотребляли молодежным жаргоном.
- Шнелль (4),- оборвал его Марвин с бездумной жестокостью молодых.
- Ну, знаете ли, - только и вымолвил мистер Байджлоу, оскорбление удаляясь.
Билли видел, что друг страдает. Это его смущало. Ему уже стукнуло тридцать четыре года, еще чуть-чуть, и он станет мужчиной.
Работа у него была хорошая - десятник на 23-м сборном конвейере тарной фабрики "Питерсон". Держался он, конечно, по-прежнему как подросток, но знал, что возраст уже налагает определенные обязательства. Поэтому он преодолел свою природную застенчивость и заговорил со старым другом напрямик:
- Марвин, в чем дело?
Марвин пожал плечами, скривил губы и бесцельно забарабанил пальцами по столу, затем сказал:
- Ойра, омбре, айн клейннахтмузик эсдемасиадо (5), нихт вар? Дёр Тодт ты руве коснулся...
- Попроще, - прервал Билли не по возрасту солидно.
- Извини, - продолжал Марвин открытым текстом. - У меня просто... Ах, Билли, мне просто ужасно хочется путешествовать, право!
Билли кивнул. Ему было известно, какою страстью одержим его друг.
- Ясно, - сказал он. - Мне тоже.
- Но не так сильно, Билли... я себе места не нахожу.
Принесли мороженое с фруктами, Марвин не обратил на него внимания и продолжал изливать душу своему другу детства.
- Мира (6), Билли, поверь, нервы у меня на взводе, как пружина в пластмассовой игрушке. Я все думаю о Марсе, Венере и по-настоящему далеких местах вроде Альдебарана и Антареса, и... черт возьми, понимаешь, даже думать не могу ни о чем другом. В голове у меня то Говорящий Океан Пропиона-четыре, то трехстворчатые человекоподобные на Аллуи-два, да я просто помру, если не повидаю тех мест воочию.
- Точно, - согласился друг. - Я бы тоже хотел их повидать.

- Нет, ничего ты не понимаешь, - возразил Марвин. - Дело не в том, чтобы повидать... тут совсем другое... гораздо хуже... пойми, не могу я прожить здесь, в Стэнхоупе, всю жизнь. Пусть даже у меня недурная работа и я провожу вечера с первоклассными девчонками. Но, черт побери, не могу я просто жениться, наплодить детей и... и... есть же в жизни что-то еще!

Тут Марвин снова сбился на мальчишечью неразборчивую скороговорку. Однако смятение прорывалось сквозь неудержимый поток слов. Поэтому друг мудро кивал головой.

- Марвин, - сказал он мягко, - это все ясно как дважды два, ей-богу же, гадом буду. Но ведь даже межпланетное путешествие обходится в целое состояние. А межзвездное просто-напросто невозможно.

- Все возможно, - ответил Марвин, - если пойти на Обмен Разумов.

- Марвин! Ты этого не сделаешь! - вырвалось у шокированного друга.

- Нет, сделаю! - настаивал Марвин. - Клянусь Кристо Мальэридо, сделаю!

На сей раз шокированы были оба. Марвин почти никогда не употреблял имени божьего всуе.

- Как ты можешь?! - не унимался Билли. - Обмен Разумов - грязное дело!

- Каждый понимает в меру своей испорченности.

- Нет, серьезно. Зачем тебе нужно, чтоб у тебя в голове поселился пескоядный старикашка с Марса? Будет двигать твоими руками и ногами, смотреть твоими глазами, трогать твое тело и даже, чего доброго...

Марвин перебил друга, прежде чем тот ляпнул какую-нибудь пакость.

- Мира, - сказал он. - Рекуэрдо ке (7) на Марсе я стану распоряжаться телом этого марсианина, так что ему тоже будет неловко.

- Марсиане не испытывают неловкости, - сказал Билли.

- Неправда, - не согласился Марвин. Младший по возрасту, он во многих отношениях был более зрелым, чем друг. В колледже ему хорошо давалась Сравнительная межзвездная этика. А жгучее стремление путешествовать сделало его менее провинциальным, чем друга, и лучше подготовило к тому, чтобы становиться на чужую точку зрения. С двенадцати лет - с тех пор, как он научился читать, - Марвин изучал уклады и обычаи множества различных рас Галактики. Больше того, по Симпатическому проецированию личности он набрал девяносто пять очков из ста возможных.

Он вскочил на ноги.

- Разрази меня гром! - воскликнул он, хлопнув себя правым кулаком по левой ладони. - Так и будет!

Загадочная алхимия решения сделала Марвина другим человеком. Без колебаний он вернулся домой, уложил легкий чемодан, оставил родителям записку и сел в реактивный лайнер, следующий в Нью-Йорк.

III

В Нью-Йорке Марвин сразу пошел в контору Отиса, Бландерса и Клента - маклеров по прокату тел. Его направили в кабинет мистера Бландерса - высоченного детины атлетического сложения, в расцвете лет; в свои шестьдесят три года он был уже полноправным компаньоном фирмы. Этому человеку Марвин и изложил цель своего визита.

- Конечно, конечно, - сказал мистер Бландерс. - Вы ссылаетесь на наше объявление от прошлой пятницы. Джентльмена с Марса зовут Зе Краггаш, у него превосходная рекомендация от ректоров Ист-Скернского университета.

- На что он похож? - спросил Марвин.

- Судите сами, - ответил Бландерс.

Он показал Марвину фото существа с бочкообразной грудью, тоненькими ногами, руками чуть потолще, крохотной головкой и необычайно длинным носом. На фото Краггаш стоял по колено в илистой глине, махал кому-то руками. Внизу была подпись:

"На память о Грязевом Рае - лучшем курортном месте на Марсе, где можно отдыхать круглый год".

- Симпатичный парень, - заметил мистер Бландерс.

Марвин в сомнении кивнул.

- Живет он в Уогомстамке, - продолжал Бландерс, - на краю Исчезающей Пустыни в Нью-Саут-Марсе. Вы, наверное, знаете, что это чрезвычайно популярный туристский край. Подобно вам, мистер Краггаш жаждет путешествий и желает найти подходящее тело-носитель. Выбор он целиком и полностью предоставил на наше усмотрение, оговорил лишь одно обязательное условие - здоровое тело и здоровый дух.

- Что ж, - сказал Марвин, - не хочу зря хвастаться, но меня всегда считали здоровяком.

- Это видно с первого взгляда, - ответил мистер Бландерс. - У меня, конечно, всего лишь предчувствие, а может быть, интуиция, но за тридцать лет работы с людьми я привык доверять своим предчувствиям. Трех желающих произвести данный обмен я уже отверг, основываясь исключительно на своей интуиции.

Этим обстоятельством мистер Бландерс гордился так явно, что Марвин почел своим долгом вставить:

- Да неужели?

- Можете не сомневаться. Вы не представляете, как часто мне по роду моей деятельности приходится выявлять и отклонять неподходящие кандидатуры. Всякие там невропаты, ищущие грязных и недозволительных приключений; преступники, пытающиеся выбраться из зоны действия местных законов; эмоционально неуравновешенные типы. Я их всех выбраковываю.

- Надеюсь, я не подхожу ни под одну из упомянутых категорий? - сказал Марвин со сдавленным смешком.

- Смело могу заявить, что нет, - заверил его мистер Бландерс. - Я склонен считать вас в высшей степени нормальным молодым человеком; даже чрезмерно нормальным, если такое вообще мыслимо. Вас охватила тяга к путешествиям, что вполне свойственно вашему возрасту, эта страсть сродни влюбленности, или участию в справедливой войне, или мировой скорби и прочим причудам молодежи. Ваше счастье, что природный умили удача привели вас к нам - самой старой и надежной фирме, занимающейся Обменом Разумов, а не к кому-нибудь из менее щепетильных наших конкурентов; или, упаси боже, вас могло угораздить попасть на Свободный Рынок.

Марвин почти ничего не знал о Свободном Рынке, но промолчал, не желая обнаружить свое невежество.

- А теперь, - сказал мистер Бландерс, - прежде чем мы удовлетворим вашу просьбу, надо выполнить кое-какие формальности.

- Формальности? - переспросил Марвин.

- Безусловно. Во-первых, вы должны пройти полное обследование - телесное, духовное и моральное. Затем вдвоем с марсианским джентльменом вы подпишете акт об ответном ущербе. В акте обусловлено, что всякий ущерб, как

умышленно, так и неосторожно причиненный телу-носителю, в том числе и по независящим обстоятельствам, будет: 1) возмещен по расценкам, установленным межзвездной конвенцией, и 2) ответно причинен другому телу, согласно lex talions (8).

- Как, как? - не понял Марвин.

- Око за око, зуб за Зуб, - пояснил мистер Бландерс. - Допустим, вы, находясь в теле марсианина, сломали ногу. В соответствии с межзвездным правом, когда вы вновь перейдете в свое тело, вам тоже сломают ногу максимально научным и безболезненным способом.

- Даже если это произошло случайно?

- Особенно если это произошло случайно. Мы установили, что Акт об Ответном Ущербе заметно уменьшил число таких случайностей.

- Мне начинает казаться, что это вроде бы опасно, - сказал Марвин.

- Всякое направленное действие содержит элемент опасности, - ответил мистер Бландерс. - Но риск при Обмене Разумов статистически ничтожно мал, только держитесь подальше от Искаженного Мира.

- Я очень мало знаю об Искаженном Мире, - признался Марвин.

- Все знают столько же, - ответил Бландерс. - Поэтому каждый считает, что надо держаться от него подальше.

Марвин в задумчивости кивнул.

- А еще что?

- Да ничего особенного. Просто бумажная волокита, отказы от особых прав и привилегий, все в таком роде. И конечно, я должен официально предостеречь вас от метафорической деформации.

- Ладно, - сказал Марвин. - Давайте я послушаю.

- Да я же вас только что предостерег, - удивился Бландерс. - Но могу предостеречь еще раз. Берегитесь метафорической деформации.

- Я бы с радостью, - ответил Марвин, - но мне ведь неизвестно, что это такое.

- В сущности, это совсем простая штука, - сказал Бландерс. - Если хотите можете считать ее одной из форм ситуационного безумия. Видите ли, наша способность усваивать необычное не беспредельна, а когда путешествуешь на другие планеты, пределы оказываются очень узкими.

Слишком много новых впечатлений; их приток становится невыносимым, и мозг ищет отдыха в буферном процессе аналогизирования. Этот процесс как бы создает мост между воспринятым известным и неприемлемым неизвестным, облекает невыносимое неизвестное в желанную мантию привычного. Когда субъект не справляется с притоком новых данных естественным путем концептивного аналогизирования, он становится жертвой перцептивного аналогизирования. Этот процесс известен также под названием "пансаизм". Теперь вам ясно?

- Нет, - ответил Марвин. - Почему это называется "пансаизм"? -

- Объяснение заложено в самом названии, - сказал Бландерс. - Дон-Кихот считает ветряную мельницу великаном, а Санчо Панса считает великана ветряной мельницей. Донкихотство можно определить как восприятие обыденных явлений в качестве необычайного; противоположное явление - пансаизм, это когда необычайное воспринимается как обыденное.

- Значит, - уточнил Марвин, - я могу подумать, что вижу корову, когда на самом деле предо мной альтаирец?

- Именно, - подтвердил Бландерс. - Но все очень просто, раз уж вы занялись Обменом, значит привыкнете. Распишитесь вот тут и вот тут, и перейдем к делу.

IV

Марсианин - одно из самых странных созданий в Галактике, хоть он и двуногий. Право же, нам, с нашими органами чувств, альдебаранские квизы как-то ближе, несмотря на то, что у них две головы и множество лишних конечностей особого назначения. Не по себе становится, когда вселяешься в тело марсианина.

Марвин Флинн очутился в уютно обставленной комнате. В комнате было окно, через которое он глазами марсианина взирал на марсианский пейзаж.

Он зажмурился, так как не ощущал ничего, кроме ужасающего смятения. Несмотря на все прививки, его одолевали тошнотворные волны культур-шока, пришлось постоять неподвижно, пока тошнота не унялась. Потом он осторожно раскрыл глаза и осмотрелся.

Увидел он невысокие, плоские песчаные дюны, переливающиеся сотнями оттенков серого цвета. Вдоль горизонта проносился серебристо-голубой ветер, на него словно шавка набрасывался охряно-желтый встречный ветерок. Небо было красное, и в инфракрасном диапазоне различались бесчисленные непередаваемые тона.

Повсюду Флиян видел паутинки спектра. Земля и небо подарили ему десятки отдельных палитр, порой дополнительных цветов, но большей частью - цветов кричащих. На Марсе природным краскам недоставало гармонии.

Марвин обнаружил у себя в руке очки и нацепил их на нос. Тотчас же рев и буйство красок уменьшились до терпимой степени. Ошеломление, вызванное шоком, прошло, и Марвин стал воспринимать окружающее.

Прежде всего тяжелый гул в ухе и частый грохот - ни дать ни взять дробь тамтама. Он огляделся по сторонам в поисках источника этого шума, но, кроме земли да неба, ничего не увидел. Тогда он прислушался повнимательнее и установил, что шумы доносятся из его собственной груди. Это работали легкие и сердце - такие звуки сопровождают жизнь всякого марсианина.

Теперь Марвин мог детально ознакомиться с самим собой. Он взглянул на свои ноги, тонкие и веретенообразные. Коленный сустав отсутствовал, зато каждая нога сгибалась в лодыжке, в голени, в средней и верхней части бедра. Руки были чуть толще ног, а кисти с двумя суставами увенчивали три обычных пальца и два противостоящих больших. Эти пальцы сгибались и отгибались в самых неожиданных направлениях.

На нем были черные шорты и белый свитер. Аккуратно свернутый нагрудник лежал в разрисованном кожаном футляре. Марвин даже изумился, до чего естественным все ему казалось.

А удивляться-то было нечему. Именно умение разумных существ приспособиться к новой среде и сделало возможным Обмен Разумов.

Флинн размышлял на эту тему, как вдруг услышал, что у него за спиной открывается дверь. Он обернулся и увидел перед собой марсианина, одетого в полосатую серо- зеленую правительственную форму. В знак приветствия марсианин вывернул ноги под углом сто восемьдесят градусов, Марвин поспешно ответил тем же.

Одна из замечательных особенностей при Обмене Разумов -

"автоматическое обучение". На профессиональном жаргоне это формулируется так: "Вселяясь в дом, вы получаете право пользоваться мебелью". Само собой, под мебелью подразумеваются элементарные сведения, накопленные мозгом носителя. Такие сведения, как язык, обычаи, нравы и этика, общая информация об окружении - общая, безликая, полезная, как справочник, но далеко не всегда надежная. Личные воспоминания, склонности, антипатии остаются, за некоторыми исключениями, недоступными "жильцу" или же становятся доступны лишь в результате неимоверного усилия мысли. Здесь также имеет место нечто вроде иммунологической реакции: между двумя несравнимыми существами возможен лишь самый поверхностный контакт.

- Слабого ветра, - произнес марсианин старинное, классическое марсианское приветствие.

- И безоблачного неба, - ответил Флинн. Он с досадой обнаружил, что его носитель слегка шепелявит.

- Я Миэнгло Орихихих из Туристского Бюро. Добро пожаловать на Марс, мистер Флинн.

- Спасибо, - сказал Флинн. - Ужасно рад здесь очутиться. Это у меня, знаете ли, первый обмен.

- Знаю, - отозвался Орихихих. Он сплюнул на пол (верный признак нервозности) и разогнул большие пальцы. Из коридора донеслись чьи-то возбужденные голоса. - Так вот, относительно вашего пребывания на Марсе...

- Я бы хотел повидать Нору Песчаного Царя, -сказал Флинн. - И, конечно. Говорящий Океан.

- Обе идеи превосходны, - одобрил чиновник. - Но прежде две или три мелкие формальности.

- Формальности?

- Ничего особенного, - сказал Орихихих, изогнув нос налево в марсианской улыбке. - Прошу вас, ознакомьтесь с этими бумагами и опознайте их.

Флинн взял в руки и бегло просмотрел бумаги, о которых шла речь. Они оказались копиями тех бланков, что он заполнял на Земле. Он прочитал их внимательно и убедился в полной достоверности всех сведений.

- Эти бумаги я подписывал на Земле, - заявил он.

Шум в коридоре усилился. Марвин различил слова:

- Кипятком ошпаренный, яйцекладущий сын замороженного пня! Дебил - пожиратель гравия!

Это были чрезвычайно оскорбительные ругательства. Марвин вопросительно поднял нос. Чиновник поспешно сказал:

- Недоразумение, путаница. Подобные нелепые накладки случаются даже в самых образцовых из государственных туристских учреждений. Но я совершенно уверен, что мы все уладим, не успеет жаждущий выпить пять глотков рапи, если не раньше. Позвольте спросить, вы не...

Из коридора донесся шум какой-то возни, и в комнату ворвался другой марсианин, а за ним - третий, чиновник помельче рангом, он хватал за локоть и тщетно пытался удержать второго марсианина.

Ворвавшийся в комнату марсианин был невероятно стар, о чем свидетельствовало слабое фосфорическое свечение его кожи. Руки у него дрожали, когда он простер их в сторону Марвина Флинна.

- Вот! - вскричал старик. - Вот оно, и клянусь всеми пнями, оно мне нужно тотчас же!

- Сэр, - одернул его Марвин, - я не привык, чтобы обо мне говорили в среднем роде!

- Я говорю не о вас, - ответил престарелый марсианин. -

Я вас не знаю, и мне дела нет, кто вы и что вы; Я говорю о теле, которое вы занимаете и которое вам не принадлежит.
- Что вы хотите сказать?
- Этот джентльмен, - вмешался первый чиновник, - утверждает, что вы занимаете принадлежащее ему тело. - Он дважды сплюнул на пол. - Это, конечно, путаница, мы в два счета разберемся.
- Путаница! - взвыл престарелый марсианин. - Это махровое надувательство.
- Сэр, - с холодным достоинством возразил Марвин, - вы сильно заблуждаетесь. Это тело было выдано мне в пользование по всем правилам и согласно закону.
- Жаба чешуйчатая! - вскричал старик. - Пустите меня!
Он стал осторожненько высвобождаться из хватки спутника. Вдруг в дверях появилась внушительная фигура, с ног до головы облаченная в белое. Все, кто присутствовал в комнате, умолкли, едва их взгляд упал на уважаемого и внушающего страх представителя полиции Южно-Марсианской Пустыни.
- Джентльмены, - сказал полисмен, - взаимные упреки излишни. Пройдемте в полицейский участок. Там с помощью фулжимэянина-телепата мы доберемся до истины и узнаем побудительные мотивы.
Полисмен выдержал эффектную паузу, пристально поглядел каждому в лицо, проглотил слюну, демонстрируя полнейшее спокойствие, и прибавил:
- Уж это я вам обещаю.
Без дальнейших проволочек полисмен, чиновник, старик и Марвин Флинн последовали в полицейский участок. Шли они молча, в одинаково тревожном настроении.
По всей цивилизованной Галактике считается избитой истиной, что, когда идешь в полицию, неприятности у тебя только начинаются.

V

В полицейском участке Марвина Флинна вместе с прочими сразу отвели в полутемную сырую келью, где обитал фулжимэянин-телепат. Это трехногое существо, как и все жители планеты Фулжимэ, наделено шестым телепатическим чувством - скорее всего в виде компенсации за притупленность пяти остальных.
- Пусть будет что будет, - сказал фулжимэянин-телепат, когда все выстроились перед ним. - Выйди вперед, малый, и расскажи о своем деле.
Он указал пальцем на полисмена.
- Сэр, - от смущения полисмен выпрямился во весь рост, - я не кто-нибудь, а полисмен.
- Это очень интересно, - ответил телепат. - Но для меня остается неясным, какое отношение имеет данное обстоятельство к вопросу о вашей виновности или невиновности.
- Да ведь меня не обвиняют ни в каком преступлении, - отбивался полисмен.
На мгновение телепат задумался, потом сказал:
- Я, кажется, понимаю. Обвиняют вот этих двух. Так?
- Так, - подтвердил полисмен.
- Приношу извинения. Исходящая от вас эманация виновности спровоцировала меня на поспешный вывод.
- Виновности? - переспросил полисмен. - От меня?
Голос у него оставался спокойным, но на коже проступили

характерные оранжевые полосы озабоченности.

- Да, от вас, - повторил телепат. - И нечего удивляться. Крупные хищения - это такая штука, после которой чувствуют вину почти все разумные существа.

- Но постойте! - воскликнул полисмен. - Я не совершал никакого крупного хищения!

Телепат закрыл глаза и углубился в собственные мысли. Наконец он сказал:

- Это верно. Я имел в виду, что вы еще совершите крупное хищение.

- В суде ясновидение не считается доказательством, - провозгласил полисмен. - Более того, заглянуть в будущее - значит прямо нарушить закон о свободе воли.

- И это верно, - признал телепат. - Приношу извинения.

- Ничего, ничего, - сказал полисмен. - Когда же я совершу вышеупомянутое крупное хищение?

- Месяцев через шесть, - ответил телепат.

- И меня арестуют?

- Нет. Вы покинете эту планету и укроетесь в таком месте, где закон о выдаче уголовных преступников не действует.

- Гм, занятно, - сказал полисмен. - А скажите, пожалуйста... Впрочем, это мы обсудим попозже. Сейчас вы должны заслушать обе стороны и установить, кто виновен и кто невиновен.

Телепат осмотрел Марвина, погрозил ему перепончатой лапой и сказал:

- Приступайте.

Марвин поведал ему свою историю, начав с того, как он впервые прочел объявление, не пропустив ни одной подробности.

- Благодарю вас, - сказал телепат, когда Марвин кончил рассказ. - А теперь, сэр, ваш черед.

Он повернулся к старику, а тот откашлялся, почесал грудь, несколько раз плюнул и приступил к своему повествованию.

ИСТОРИЯ ЭЙЖЕЛЕРА ФРУСА

- Право, не знаю, с чего начать, так что начну-ка я, пожалуй, со своего имени - меня зовут Эйжелер Фрус, расовой принадлежности - немукфянский адвентист, и занятия - владелец магазина готового платья на планете Ахельс-5. Лавочка у меня маленькая, не очень прибыльная, находится в Ламберсе (это Южный Полярный круг), и я день-деньской продаю одежду рабочим, иммигрантам с Венеры, а это здоровенные, зеленые, волосатые парни, крайне невежественные, вспыльчивые, не дураки подраться, хотя я и чужд расовых предрассудков.

Такое занятие, как у меня, располагает к философии! пусть я небогат, зато сохранил здоровье (слава богу}, и жена моя Очаровара тоже, если не считать хронического фаброза щупалец, К тому же у меня двое взрослых сыновей, один работает врачом в Сидипорте, другой - тренер кланнтов. Еще у меня есть замужняя дочь, а значит, само собой, и зять,

Зятю своему я никогда не доверял, потому что он франт, у него двенадцать пар нагрудников, а у моей дочки нет даже приличного комплекта чесательных палочек. Тут уж ничего не поделаешь, сама вырыла себе нору, теперь пусть в нее и лезет, Но все же, когда человек так увлекается нарядами, ароматическими маслами для суставов и прочими роскошествами, и все это на скромное жалованье коммивояжера, торгующего

влагой (он-то величает себя инженером-гидросенсором), тут поневоле призадумаешься,

И вечно он пытается раздобыть деньжат на стороне, пускается во всякие дурацкие авантюры, которые я же должен финансировать из своих потом нажитых сбережений, - не так-то просто всучить одежду этим здоровенным зеленым парням, Например, в прошлом году ухватился он за новинку - дворовый тучедел, а я ему и говорю: "Да кому это надо?". Но жена настояла, чтобы я поддержал зятя, и, конечно же, он вылетел в трубу, А в этом году у него появился новый план - на сей раз дешевые изделия из переливчато-радужной синтетической шерсти с Веги-2; груз такой шерсти он откопал в Гелигопортеи хотел, чтобы я этот груз выкупил.

Я ему говорю: "Слушай, а много ли эти венерианские крикуны смыслят в щегольстве? Да они рады-радешеньки, если могут себе позволить тепловые шорты или плащ для воскресенья". Но мой зять за словом в карман не полезет, вот он мне и говорите "Слушай, папа, я ли не изучал венерианские народные нравы и обычаи? Я вот как понимаю: эти ребята выросли в дремучем лесу, они любят обряды, пляски и особенно яркие цвета. Выходит, дело верняк, так или нет?"

В общем, если покороче, уговорил он меня на эту авантюру, хоть я и был против. Но я, естественно, решил взглянуть на переливчато-радужную шерсть своими глазами, потому что зятю я бы не доверил судить даже о клочке марли. А это значило, что мне нужно пересечь полгалактики и попасть на Марс, в Гелигопорт. Вот я и стал готовиться к поездке.

На обмен со мной никто не соглашался. Не то чтобы я кого-нибудь осуждал, ведь по доброй воле на такую планету, как Ахельс-5, никто не рвется, разве что иммигранты с Венеры, но они народ темный. Однако увидел я объявление марсианина Зе Краггаша, который хотел отдать свое тело напрокат, потому что разум он отправлял в холодильник, на длительный отдых. Чертовски дорого, но что оставалось делать? Часть денег я вернул - сдал свое тело приятелю, который охотился на кваренгов, пока его не приковал к постели мышечный дискомиотоз. Потом пошел в Бюро Обмена, и там меня спроецировали на Марс. Вообразите же мое негодование, когда оказалось, что никакое тело мне не, приготовлено! Все сбились с ног, пытаясь выяснить, что стряслось с телом-носителем, норовили даже отослать меня обратно на Ахельс-5; но ничего не вышло, так как приятель в моем теле отправился в экспедицию - охотиться на кваренгов. Наконец подыскали мне тело в Терезиенштадтской фирме "Прокат". Они сдают максимум на двенадцать часов, потому что летом на краткосрочный прокат у них отбоя нет от заявок. Да и тело-то никудышное, песок из него сыплется, убедитесь сами, и в придачу содрали за него втридорога. Пошел я выяснять, где что неладно, и что же оказалось? Этот турист с Земли нахально разгуливает в теле, за которое я уплатил сполна и которое в соответствии с контрактом я должен был бы занимать в эту самую минуту. Это не только несправедливо, но и в высшей степени вредно для моего здоровья. Вот и вся моя история.

Телепат удалился в свою келью - обдумать решение. Не прошло и часа, как он вернулся и произнес таковы слова:

- Оба вы взяли напрокат, по обмену или иным законным образом получили одно и то же тело, а именно телесную оболочку Зе Краггаша. Тело было предложено его хозяином, упомянутым Зе Крагташем, каждому из вас, а следовательно, сделка осуществлена в прямое нарушение всех соответствующих

законов. Действия Зе Краггаша надлежит считать преступными, как по замыслу, так и по исполнению. Поскольку обстоятельства сложились именно так, я распорядился отправить на Землю депешу с требованием безотлагательного ареста упомянутого Зе Краггаша и содержания его под стражей до тех пор, пока не будет оформлена выдача его в руки соответствующих властей.

Оба вы заключили сделку в добросовестном заблуждении. Однако первую, или более раннюю, сделку, судя по бланкам контрактов, заключил мистер Эйжелер Фрус, опередив мистера Марвина Флинна на тридцать восемь часов. Следовательно, мистеру Фрусу, как первому покупателю, и присуждается данная телесная оболочка; мистеру же Флинну предписывается прекратить и прервать незаконное пользование и принять к сведению Уведомление о Выселении, которое я ему передаю и которое вступит в силу через шесть стандартных часов по Гринвичу.

Телепат вручил Марвину Уведомление о Выселении. Флинн взял его с грустью, но покорно.

- По-моему, - сказал он, - лучше будет, если я вернусь на Землю в свое тело.

- Это самое мудрое решение, - одобрил телепат. - К несчастью, в ближайшее время это не представляется возможным.

- Не представляется? Почему?

- Потому что, - ответил телепат, - по сообщению земных органов власти, чью телепат ему я только сейчас принял, ваше тело, одухотворенное разумом Зе Краггаша, не удалось обнаружить. Результаты предварительного дознания внушают тревогу, что Зе Краггаш скрылся с планеты, прихватив с собою ваше тело и деньги мистера Эйжелера.

Дошло далеко не сразу. Но в конце концов Марвин Флинн осознал все последствия, вытекающие из услышанного.

Он застрял на Марсе в чужом теле, которое надо освободить. Через шесть часов он превратится в разум, лишенный тела и почти лишенный надежды обрести таковое.

Разум не может существовать вне тела. Медленно и неохотно Марвин Флинн принял к сведению, что стоит перед угрозой неминуемой смерти.

VI

Марвин не предался отчаянию. Зато он предался гневу - эмоции гораздо более оправданной, хотя столь же безрезультатной. Вместо того чтобы позорить себя, рыдая в суде, он позорил себя, бушуя в коридорах Федерал-Билдинг, требуя либо справедливости, либо, черт побери, какого-нибудь удачного ее эквивалента.

Молодой человек был глух ко всему. Тщетно втолковывали ему юристы, что если бы справедливость действительно существовала, то отпала бы необходимость в законе и законниках, а тогда исчезла бы одна из благороднейших концепций человечества, и целая профессия оказалась бы ненужной.

Этот вразумительный довод не умиротворил взбешенного Марвина, который являл собой существо, не поддающееся убеждению. В груди его трещало и скрежетало дыхание, когда он громовым голосом обличал судебную машину Марса. В таком настроении он подошел к двери с табличкой "Бюро сыска и задержания. Межзвездный отдел".

- Ага! - пробормотал Марвин и вошел внутрь.

Он очутился в маленькой комнатушке, точно сошедшей со страниц старинного исторического романа. Вдоль стен чинно выстроились старые, но надежные электронные калькуляторы. Возле двери стояла одна из первых моделей преобразования мысли в машинописный текст. Кресла отличались определенностью формы и пластиковой обивкой пастельных тонов - тем, что ассоциируется с минувшей эрой праздности. Комнатушке не хватало только громоздкого "Морэни", чтобы стать точной копией места действия повестей Шекли и других ранних поэтов Переходного века.

В одном из кресел сидел немолодой марсианин и метал стрелы в мишень, очертаниями напоминающую женский зад.

При входе Марвина он поспешно обернулся и сказал:

- Давно пора. Я вас ждал.

- Серьезно? - не поверил Марвин.

- Ну, не то чтобы уж совсем, - признался марсианин. - Но я установил, что такое начало беседы достаточно эффектно и создает атмосферу доверия.

- Зачем же вы губите эту атмосферу, открывая ее секрет?

- Все мы далеки от совершенства, - пожал плечами марсианин. - Я всего лишь простой труженик - сыщик. Урф Урдорф. Садитесь. Кажется, мы напали на след вашей меховой шубки.

- Какой меховой шубки? - удивился Марвин.

- Вы разве не мадам Риппер де Лоу - травести, которую вчера вечером ограбили в отеле "Красные Пески"?

- Конечно, нет. Я Марвин Флинн. Потерял тело.

- Да, да, разумеется, - энергично закивал сыщик Урдорф. - Давайте-ка по порядку. Вы случайно не помните, где находились, когда впервые заметили пропажу тела? Не спрятал ли его кто-нибудь из ваших друзей, желая подшутить над вами? А может, вы его сами куда-нибудь заткнули или отправили отдохнуть?

- Вообще-то оно не то чтобы пропало, - сказал Марвин. - По-настоящему - его украли.

- Так бы и говорили с самого начала, - обиделся Урдорф. - Теперь дело предстает в совершенно ином свете. Я всего лишь сыщик; никогда не выдавал себя за чтеца чужих мыслей.

- Очень жаль, - сказал Марвин.

- Мне тоже жаль, - сказал сыщик Урдорф. - Это я о вашем теле. Должно быть, для вас это был форменный удар.

- Да, так оно и было.

- Представляю, каково вам теперь.

- Спасибо, - поблагодарил Марвин.

Несколько минут посидели в дружелюбном молчании. Первым заговорил Марвин.

- Ну?

- Прошу прощения? - ответил сыщик.

- Я говорю "ну"?

- А-а! Извините, первый раз я вас не расслышал.

- Это ничего.

- Спасибо.

- Ради бога, пожалуйста.

Вновь наступило молчание. Затем Марвин опять сказал: "Ну?", а Урдорф ответил: "Прошу прощения?"

- Я хочу, чтобы мне его вернули, - сказал Марвин.

- Кого?

- Мое тело.

- Что, что? Ах да, ваше тело. Гм, еще бы вы не хотели, - подхватил сыщик с понимающей улыбкой. - Но это, конечно, не так-то легко, правда?

- Откуда мне знать, - ответил Марвин.
- Да, знать вам, пожалуй, неоткуда, - согласился Урдорф. - Но смею вас уверить, это не так-то легко.
- Понимаю, - сказал Марвин.
- Я вот и надеялся, что вы поймете.
Произнеся эти слова, Урдорф погрузился в молчание. Молчание длилось приблизительно секунд двадцать пять плюс-минус секунда или две: к концу этого периода терпение у Марвина лопнуло, и он закричал:
- Черт вас возьми, намерены вы шевельнуть пальцем, чтобы вернуть мне тело, или же будете просиживать свою толстую задницу, не говоря ни единого путного слова?
- Конечно, я намерен вернуть вам тело, - сказал сыщик. - Или, во всяком случае, попытаться. И незачем меня оскорблять. Я в конце концов не машина с готовыми ответами на перфокартах. Я разумное существо, такое же, как и вы. У меня свои надежды и страхи. И свой метод ведения беседы. Вам он может казаться не очень действенным, но я нахожу его в высшей степени целесообразным.
- Это действительно так? - смягчился Марвин.
- Право же, так. - В кротком голосе сыщика не было и следа затаенной обиды.
Казалось, вот-вот наступит очередное молчание, поэтому Марвин спросил:
- Как по-вашему, есть ли надежда, что я... что мы вернем мое тело?
- Есть, и большая, - ответил сыщик Урдорф. - Я, откровенно говоря, рискну зайти довольно далеко и заявить, что уверен в успехе. Моя уверенность базируется не на изучении вашего конкретного случая, о котором мне известно очень немногое, а на простейших статистических выкладках.
- А выкладки свидетельствуют в нашу пользу? - осведомился Марвин.
- Вне всякого сомнения! Судите сами: я квалифицированный сыщик, владею всеми новейшими методами, мне присвоен высший индекс оперативности - АА-А. И все же, несмотря на это, за пять лет полицейской службы я еще ни разу не раскрыл преступления.
- Ни единого?
- Ни единого, - решительно подтвердил Урдорф. - Любопытно, не правда ли?
- Да, наверное, - сказал Марвин. - Но ведь это значит...
- Это значит, - перебил его сыщик, - что полоса неудач, самая редкостная из всех мне известных, по статистическому ожиданию должна вот-вот кончиться.
Марвин смешался, а это ощущение непривычно для марсианского тела. Он спросил:
- А что, если полоса все же не кончится?
- Не будьте суеверным, - ответил сыщик. - Теория вероятности на нашей стороне; в этом убедитесь даже при самом поверхностном анализе создавшегося положения. Я завалил сто пятьдесят семь дел подряд. Ваше сто пятьдесят восьмое. На что бы вы поставили, если бы были заядлым спорщиком?
- На то, что и дальше будет так продолжаться, - сказал Марвин.
- Я тоже, - признался сыщик с виноватой улыбкой. - Но тогда, заключая пари, мы исходили бы из эмоций, а не из разумного расчета. - Урдорф мечтательно поднял глаза к потолку. - Сто пятьдесят восемь неудач! Фантастическая цифра! Такая полоса неминуемо должна кончиться! Скорее

всего я теперь могу сидеть у себя в кабинете сложа руки, а преступник сам найдет ко мне дорогу.

- Да, сэр, - вежливо согласился Марвин. - Но вы, надеюсь, не станете пробовать именно такой метод.

- Да нет, - сказал Урдорф. - Его я испробовал в деле номер сто пятьдесят шесть. Нет, ваше дело я буду расследовать активно. Тем более что здесь налицо преступление сексуальное, а такие вещи меня особенно интересуют.

- Извините? - пролепетал Марвин.

- Вам совершенно не в чем извиняться, - заверил его сыщик. - Не следует испытывать чувство неловкости или вины только оттого, что вы стали жертвой сексуального преступления, пусть даже народная мудрость многих цивилизаций считает, будто в таких случаях на жертву ложится позорное пятно, исходя из презумпции ее сознательного или подсознательного соучастия.

- Нет, нет, я не извинялся, - сказал Марвин. - Я просто...

- Вполне понимаю, - прервал его сыщик. - Но не стыдитесь, расскажите мне самые чудовищные, омерзительные подробности. Считайте меня безликой официальной инстанцией, а не разумным существом с половыми признаками, страхами, желаниями, вывихами, поползновениями...

- Я все пытаюсь вам втолковать, - сказал Марвин, - что сексуальное преступление здесь ни при чем.

- Все так говорят, - задумчиво произнес сыщик. - Поразительно, до чего неохотно приемлет неприемлемое человеческий разум.

- Вот что, - сказал Марвин, - если бы вы дали себе труд ознакомиться с фактами, то заметили бы, что речь идет о наглом мошенничестве. Мотивы преступления - деньги и самоувековечение.

- Это-то я знаю, - ответил сыщик. - И если бы не процессы сублимации, так бы мы и считали.

- Какими же еще мотивами мог руководствоваться преступник?

- Самыми очевидными, - сказал Урдорф. - Классический синдром. Видите ли, этот малый действовал под влиянием особого импульса, который принято обозначать особым термином. Преступление совершено в тяжелом состоянии давнего проективного нарциссова комплекса.

- Не понимаю, - пробормотал Марвин.

- С таким явлением малоосведомленные люди, как правило, не сталкиваются, - утешил его сыщик.

- А что это значит?

- Я не могу углубляться в дебри этиологии. А если вкратце, то синдром вызывает смещение себялюбия. Попросту говоря, больной влюбляется в другого, как в самого себя.

- Ладно, - смирился Марвин. - Поможет это нам найти того, кто украл у меня тело?

- Вообще-то нет, - сказал сыщик. - Но это нам поможет его понять.

- Когда вы приступите? - спросил Марвин.

- А я уже приступил, - ответил сыщик. - Пошлю, конечно, за судебными протоколами и прочими документами, относящимися к делу, запрошу дополнительную информацию у соответствующих органов других планет. Я не пожалею сил, а если будет нужно или полезно - отправлюсь на край вселенной. Это преступление я раскрою!

- Рад, что вы так настроены, -заметил Марвин.

- Сто пятьдесят восемь дел подряд, - размышлял Урдорф вслух. - Слыханная ли штука - такая полоса неудач? Но теперь она кончится. Я хочу сказать, не может же она тянуться до бесконечности, правда?

- Наверное, не может, - согласился Марвин.

- Хорошо бы мое начальство тоже встало на эту точку зрения, - хмуро сказал сыщик. - Хорошо бы оно перестало называть меня недотепой. Такие словечки, да насмешки, да поднятые брови - все это кого угодно лишит уверенности в себе. На мое счастье, я отличаюсь несгибаемой волей и полнейшей уверенностью в самом себе. По крайней мере так было еще после первых девяноста неудач.

На несколько секунд сыщик тяжело задумался, потом сказал Марвину:

- Надеюсь, вы окажете мне всяческую помощь и поддержку.

- Рад стараться, - ответил Марвин. - Беда только в том, что не более чем через шесть часов меня лишат тела.

- Чертовски досадно, - рассеянно произнес Урдорф. Он явно погрузился уже в мысли о следствии и лишь с трудом заставил себя вновь уделить внимание Марвину. - Лишат, вот как? Надо полагать, вы приняли меры? Нет? Ну, тогда, надо полагать, вы еще примете меры.

- Не знаю, какие меры тут можно принять, - угрюмо ответил Марвин.

- Ну, об этом не стоит пререкаться, - сказал сыщик подчеркнуто бодрым голосом. - Найдите где-нибудь другое тело, а главное - оставайтесь в живых! Обещайте мне сделать все от вас зависящее, чтобы остаться в живых.

- Обещаю, - сказал Марвин.

- А я буду продолжать расследование и свяжусь с вами, как только смогу что- нибудь сообщить.

- Но как вы меня отыщете? - спросил Марвин. - Я ведь не знаю, в каком буду теле и даже на какой планете.

- Вы забываете, что я сыщик, - с бледной улыбкой ответил Урдорф. - Пусть мне нелегко отыскивать преступников, зато уж жертвы я всегда отыскиваю без малейшего затруднения. Так что выше голову, не допускайте, чтоб у вас душа уходила в пятки, а главное, помните: останьтесь в живых!

Марвин согласился остаться в живых, тем более что на этом строились все его планы. И вышел на улицу, сознавая, что драгоценное время истекает, а своего тела у него по-прежнему нет.

VII

Заметка в "Марс-Солнце-Ньюз" (печатный орган трех планет):

СКАНДАЛ ВОКРУГ ОБМЕНА

Сегодня полиции Марса и Земли стало известно о скандале, разыгравшемся в связи с Обменом Разумов. Разыскивается некий Зе Краггаш (неизвестно, с какой планеты), который, как утверждают, продал, обменял или по иным обязательствам ссудил свое тело двенадцати лицам одновременно. На арест Краггаша выданы ордера, и полиция трех планет не сомневается, что вскоре преступник будет задержан. Дело напоминает знаменитый скандал с "Двухголовым Эдди" в начале 90-х годов, когда...

Марвин Флинн уронил газету в канаву. Он смотрел, как жидкий песок уносил ее прочь; горькая эфемерность печатного

слова казалась символом весьма условного существования самого Марвина. Он стал пристально разглядывать свои руки; голова у него поникла.
   - Полно, полно, что у тебя стряслось, а, приятель?
   Флинн увидел перед собой добродушное, иссиня-зеленое лицо эрланина.
   - Беда у меня, - сказал Флинн.
   - Что ж, послушаем, какая именно, - сказал эрланин и свернулся клубком на тротуаре рядом с Флинном.
   Как и у всех его компатриотов, у эрланина активное сочувствие сочеталось с бесцеремонностью. Известно, что эрлане - народ грубый, остроумный, склонный к веселому, беззлобному подтруниванию и безыскусным прибауткам. Непревзойденные путешественники и торговцы, эрлане с Эрлана-2 по заветам своей религии имели право путешествовать только in corpore (9).
   Марвин поведал свою историю вплоть до того злополучного мимолетного мгновения, которое именуется "сейчас"; того жестокого и неумолимого "сейчас", того ненасытного "сейчас", что пожирало его скудный запас минут и секунд, приближая время, когда истекут контрольные шесть часов и Марвина, лишенного тела, бросят в неведомую галактику, прозванную людьми "смерть".
   - Ух ты! - сказал эрланин. - Ты случайно не жалеешь себя?
   - Конечно, черт побери, я-то себя жалею, - вспылил Флинн. - Я пожалел бы любого, если он должен умереть через шесть часов. Почему же мне не жалеть самого себя?
   - Ставь кастрюлю, как тебе удобней, повар, - ответил эрланин. - Кое-кто обозвал бы это дурным тоном и прочей дребеденью, но я-то стою за учение Гуажуа, а он сказал: "Вблизи тебя гнусавит смерть? Раскровени ей нос!"
   Марвин уважал всякую религию и, уж конечно, не питал предрассудков относительно широко распространенной секты антимелодистов. Однако для него оставалось неясным, чем ему помогут слова Гуажуа; так он и заявил.
   - Бодрись, - посоветовал эрланин. - При тебе еще остались твои мозги и твои шесть часов, так ведь?
   - Пять.
   - Вот видишь! Встань-ка на задние лапы и докажи, что ты не размазня, ладно, горячка? Оттого, что ты здесь бродишь, точно беглый каторжник, толку ведь не будет, верно?
   - Да, навряд ли, - сказал Марвин. - А с другой стороны, что делать? Своего тела у меня нет, а чужие дороги.
   - Увы, твоя правда. Не приходила ли тебе в голову мысль о Свободном Рынке? А?
   - Это же, наверное, опасно, - возразил Марвин и вспыхнул при мысли о том, как нелепы его слова.
   Эрланин широко ухмыльнулся.
   - Дошло, парень? Но, послушай, все не так скверно, как кажется, только возьми тоном выше. Не так уж страшен Свободный Рынок; плетут о нем всякие небылицы, в основном это делают крупные агентства по обмену, они желают сохранить свои взвинченные капиталистические цены. Но знаю я одного малого, он там двадцать лет крутится на краткосрочных сделках, так он говорит, почти все ребята исключительно честные. Так что голову выше, нагрудник не теряй, выбери себе хорошего посредника. Счастливо, малый!
   - Постойте! - вскричал Флинн, видя, что эрланин поднялся на ноги. - Как зовут вашего приятеля?
   - Джеймс Праведник Мак-Хоннери, - ответил эрланин. - Это

тертый, стреляный, тупой, мелкий прохвост, чересчур любит спелый виноград и слишком буен во хмелю. Но играет он некраплеными картами, обслуживает без подвоха, а большего ты ведь не станешь требовать даже от самого святого Кзала. Скажи только, что тебя рекомендует Пенгл-Порох, и желаю тебе удачи.

Флинн горячо поблагодарил Пороха, к смущению этого неотесанного, но мягкосердечного джентльмена. Затем встал и зашагал сперва медленно, потом все быстрее по направлению к Куэйну, в северо-западной части которого размещались киоски и открытые ларьки Свободного Рынка. В венах ожидания, только что близких к максимальной энтропии, скромно, но твердо забился пульс надежды.

А рядом в канаве песчаный поток уносил обрывки газеты в вечную и таинственную пустыню.

- Э-гей! Э-гей! Новые тела за старые! Приходите, обслужим - новые тела за старые!

Марвин весь задрожал, услышав старинный уличный крик, сам по себе невинный, но вызывающий реминисценции из мрачных готических рассказов. Он нерешительно углубился в запутанный лабиринт дворов и тупиков, из которых и состоял район Свободного Рынка. Пока он шел, ему прожужжали уши не менее чем двенадцатью громкими предложениями.

- Нужны сборщики урожая на полях Дрогхеды! Предоставляем вполне исправное тело с телепатическими способностями! На всем готовом, пятьдесят кредитов в месяц, и, главное, удовольствия по классу В-3! Сегодня мы заключаем особо льготные двухгодичные контракты! Приезжайте собирать урожай на прекрасную Дрогхеду!

- Вербуйтесь в армию на Нейгуин! В наличии двадцать сержантских тел и несколько штук сортом повыше, в чине младших офицеров. Все тела прошли курс военной подготовки!

- А платить-то сколько будут? - спросил какой-то человек у продавца.

- Полное обеспечение и один кредит в месяц.

Человек фыркнул и отвернулся.

- И, - повысил голос зазывала, - неограниченное право грабежа и мародерства.

- Ну, это хоть на что-то похоже, - проворчал человек. - Но вот уже десять лет как Нейгуин терпит в этой войне поражение. Потери большие, а телесная часть войска не пополняется.

- Мы все это коренным образом изменяем, - сказал продавец. - Вы, видно, опытный покупатель?

- Верно, - ответил человек. - Я Шон фон Ардин, побывал почти во всех крупных войнах Галактики, не считая мелких передряг.

- Последнее воинское звание?

- Джевальдер армии графа Ганимедского, - отчеканил фон Ардин. - А перед тем был в чине Полного Кфузиса.

- Ишь ты, - продавец был явно ошеломлен. - Полный Кфузис, вот как? И документы сохранили? Ладно, тогда мы вот что сделаем. Предлагаю вам на Нейгуине должность второго класса.

Фон Ардин, хмуря брови, принялся подсчитывать на пальцах.

- Дайте сообразить. Манатей второго класса соответствует циклопскому полудолу, а это чуть выше, чем король знамени на Анакзорее и почти на ползвания ниже дорианского Старика. Значит... Э, да если я завербуюсь, то это для меня сильное понижение в чине!

- Да, но вы не выслушали до конца, - продолжал продавец.

- В этом чине вы пробудете в течение двадцатипятидневного испытательного срока, чтобы доказать Чистоту Намерений, - о ней очень заботятся политические лидеры Нейгуина. А потом мы вас сразу повысим на три звания, сделаем меланрамом-супериором, а это даст вам реальную надежду стать временным мечом-джумбайя, и, может быть, даже (я ничего не обещаю, но думаю, что неофициально мы это состряпаем), может быть, я вам устрою должность грабежмейстера, когда будут делить добычу под Эридсвургом.

- Что ж, - фон Ардин был под впечатлением обещаний, как ни пытался устоять, - сделка довольно выгодная... если вы беретесь ее протолкнуть.

- Пройдемте в помещение, - сказал продавец. - Я позвоню по телефону.

А Марвин все шагал и слушал, как представители доброй дюжины рас препираются с продавцами - представителями другой дюжины рас. Марвину все уши прожужжали сотнями призывов. От оживленности рынка у Марвина поднялось настроение. А услышанные им варианты, хоть порой и отпугивающие, в массе своей были завлекательны:

- Нужен афидмен на пасеку Сенфиса! Хорошая плата, отзывчивая дружба.

- Требуется переписчик для работы над Грязной Книгой Ковенджин! Должен телепатически воспринимать сексуальные побуждения медридарианской расы!

- Ищем садовников-планировщиков на Аркрут! Приезжайте на отдых к единственной в Галактике расе разумных овощей!

- Нужен опытный кандальщик на Вегу-4! Пригодятся также полуквалифицированные удержатели! Неограниченные привилегии!

Как много перспектив открывает Галактика! Марвину показалось, что его несчастье на самом деле не несчастье, а замаскированная удача. Он всегда стремился путешествовать.., но раньше из скромности позволял себе лишь жалкую роль туриста. Насколько же лучше, насколько плодотворнее путешествовать с ясной целью! Служить в армиях Нейгуина, изведать жизнь афидмена, узнать, каково быть кандальщиком... И даже переписывать Грязную Книгу Ковенджин.

Прямо перед собой он заметил табличку "Джеймс Праведник Мак-Хоннери, маклер по краткосрочным сделкам, с разрешения властей. Успех гарантируется".

За прилавком, скрытый по пояс, стоял и курил сигару ладный, видавший виды, надутый коротышка с пронзительными кобальтово-синими глазами. Это и был, судя по всему, Мак-Хоннери собственной персоной. Молчаливый и высокомерный, не унижающийся до трепотни, коротышка стоял сложа руки, пока Флинн подходил к его ларьку.

VIII

Они очутились лицом к лицу - Марвин с разинутым ртом, Мак-Хоннери со стиснутыми зубами. Несколько секунд прошли в молчании. Затем Мак-Хоннери сказал:

- Слушай, малыш, тут тебе не какая-нибудь занюханная ярмарка, и я тебе не какой- нибудь занюханный урод. Если хочешь что-то сказать, выкладывай. Не хочешь - ступай своей дорогой, пока я тебе хребет не переломал.

Марвин сразу понял, что этот человек не из породы угодливых, медоточивых торговцев телами. В скрипучем голосе не было и тени подобострастия, в очертаниях искривленных губ

- ни признака заискивания. Этот человек говорил то, что думал, и не заботился о последствиях.

- Я... я клиент, - выдавил из себя Флинн.

- Повезло же мне, - съязвил Мак-Хоннери. - Прикажешь теперь кувыркаться от радости, что ли?

Его ядовитая реплика и хамоватые манеры знающего себе цену человека вселили во Флинна доверие. Он, конечно, знал, что внешность обманчива, но ему никто никогда не сообщал, как еще можно судить о людях, если не по внешности. Он склонен был отдать себя на милость этого гордого и озлобленного человека.

- Через час-другой меня лишат вот этого тела, - объяснил Марвин. - Поскольку мое собственное украдено, мне позарез нужно какое-нибудь взамен. Денег у меня очень мало, но я... я на все согласен и готов работать.

Мак-Хоннери вытаращил глаза, и его сжатые губы искривились в язвительной усмешке.

- Готов работать, вот оно что? Как мило! И кем же ты готов работать?

- Да кем угодно.

- Вот как? А ты умеешь работать на монткальмском металлорежущем станке со светочувствительным пультом и ручным отбором брака? Нет? Думаешь, справишься с экспресс-сепаратором частиц, работая на заводах компании "Новые Редкоземельные Элементы"? Не по твоей части, а? Есть у меня заказчик, он хирург на Веге, ему нужен подручный, чтоб управлять стимулятором нервных импульсов - старая модель с двумя педалями. Не совсем то, что ты имел в виду? Далее, есть заказ с Потемкина- два, там нужен исполнитель на коленной чашке, а ресторан в районе Бутса просит прислать повара, чтоб готовил дежурные блюда и знал кухню Кфензиса. Ни уму, ни сердцу? Может, тебе подойдет собирать цветы на Мориглии; правда, там надо предвидеть антезис с разбросом не более пяти секунд. Или ты мог бы заняться точечной сваркой плоти, если у тебя нервы крепкие, или контролировать восстановление филопозов, или... Но, по-моему, ничто из перечисленного тебя не трогает, а?

Флинн покачал головой и буркнул:

- Ни в одной из этих работ я ничего не смыслю.

- Почему-то меня это вовсе не так удивляет, как ты думаешь, - сказал Мак- Хоннери. - А хоть что-нибудь умеешь?

- Да вот я в колледже изучал...

- К чертовой матери автобиографию! Меня интересует твое ремесло, талант, профессия, способность, искусство, называй как хочешь. Конкретно, что ты умеешь делать?

- Собственно, - сказал Марвин, - если уж вопрос стоит таким образом, то я, наверное, ничего особенного не умею.

- Знаю, - вздохнул Мак-Хоннери. - Ты неквалифицированный. У тебя это прямо на лбу написано. Малыш, может быть, тебе будет интересно узнать, что неквалифицированных разумов везде как собак нерезаных... Рынок ими затоварен, вселенная забита - по швам трещит. Все, что ты сделаешь, машина сделает лучше, быстрее и куда охотнее.

- Очень жаль, сэр, - с достоинством, хоть и грустно, ответил Марвин и собрался уходить.

- Минутку, - сказал Мак-Хоннери. - Если не ошибаюсь, ты искал работу.

- Но вы же сами говорили...

- Я говорил, что ты неквалифицирован, да так оно и есть. И я говорил, что машина все делает лучше, быстрее и гораздо

охотнее, но никоим образом не дешевле.
- Ага! - сказал Марвин.
- Да-с, что касается дешевизны, то ты еще дашь автоматике очко вперед. А в наш век, в наши дни это огромное достижение.
- Ну что ж, это все-таки утешительно, - с сомнением произнес Флинн. - И конечно, очень интересно. Но когда Пенгл-Порох посоветовал мне обратиться к вам, я думал...
- Стой, что такое? - встрепенулся Мак-Хоннери. - Ты друг Пороха?
- Считайте, что так, - ответил Флинн, избегая грубой лжи.
- Так бы и говорил с самого начала, - сказал Мак-Хоннери. - Не то чтоб от этого многое изменилось - ведь факты именно таковы, как я их излагаю. Но я бы тебе объяснил, что быть неквалифицированным не зазорно. Проклятье, ведь все мы так начинаем, разве нет?
Если тебе повезет с контрактом на краткосрочную сделку, ты и глазом моргнуть не успеешь, как обучишься всяким ремеслам.
- Надеюсь, что так, сэр. - Теперь, когда Мак-Хоннери стал приветлив, Флинн насторожился. - У вас есть на примете какая-нибудь работенка?
- Вообще-то да, - сказал Мак-Хоннери. - Это всего недельная перекидка, а уж неделю можно вытерпеть на любой работе, даже если выполняешь ее, стоя на голове. Тебе-то это не грозит, работа приятная и сходная, на чистом воздухе, мозги напрягать особенно не требуется, хорошие рабочие условия, просвещенное руководство и конгениальная рабочая сила.
- Звучит заманчиво, - сказал Флинн. - А в чем здесь подвох?
- В том, что не такая это должность, где можно разбогатеть, - ответил Мак- Хоннери. - Откровенно говоря, платят хреново. Но какого черта, нельзя же все сразу.
- А что за должность? - спросил Марвин.
- Официально она называется "индигатор уфики, второго класса".
- Звучит внушительно.
- Рад, что тебе нравится. Это значит, что ты должен охотиться за яйцами.
- За яйцами?
- За яйцами. Или, если подробнее, ты должен искать, а когда найдешь, то подбирать яйца грача-ганзера. Думаешь, справишься?
- Я, собственно, хотел бы побольше разузнать о технике собирания, а заодно об условиях работы и...
Он остановился на полуслове, ибо Мак-Хоннери медленно, печально помотал головой.
- Тебе нужна работа?
- Есть у вас что-нибудь другое?
- Нет.
- Беру.
- Умное решение, - сказал Мак-Хоннери. Он вынул из кармана какую-то бумагу. - Вот стандартный, одобренный правительством контракт на кроумельдском языке, который считается официальным языком планеты Мельд-два, куда приписана нанимающая тебя фирма. Умеешь читать по-кроумельдски?
- К сожалению, нет.
- Ну, текст стандартный... Фирма не несет ответственности за пожар, землетрясение, атомную войну,

превращение солнца в сверхновую звезду, стихийные бедствия... Фирма согласна тебя нанять... снабдить мельдским телом... за исключением случаев, когда окажется не в состоянии, в каковых случаях не обязана... и да помилует бог твою душу.

- Как, как? Повторите, - попросил Флинн.

- Последняя фраза - просто стандартный оборот речи. Дай сообразить, по-моему, это все. Ты, конечно, обязуешься не совершать актов вредительства, шпионажа, непочтительности, неповиновения и так далее, а также всячески избегать и сторониться половых извращений, перечисленных у Гофмейера в "Стандартном справочнике мельдских извращений". Кроме того, ты обязуешься умываться раз в двое суток, не влезать в долги, не превращаться в алкоголика, не сходить с ума. Ну, тут еще всякие обязательства, против которых не станет возражать ни один здравомыслящий человек. Вот, пожалуй, и все. Если у тебя есть деловые вопросы, я постараюсь на них ответить.

- Да, вот, - сказал Флинн, - насчет всех этих обязательств...

- Это неважно, - отмахнулся Мак-Хоннери. - Нужна тебе работа или нет?

У Марвина были кое-какие сомнения.

Но не успел он опомниться, как оказался в мельдском теле, на Мельде.

IX

Дождевой лес ганзеров на Мельде был дремуч и обширен. Среди исполинских деревьев проносился легчайший шепот ветерка, вернее, тень его; он протискивался сквозь переплетения лиан и, словно сломав хребет, проползал по крючковатой траве. Капли воды с мучительным трудом соскальзывали вниз по спутанной листве, как заблудившиеся в лабиринте, в изнеможении присевшие отдохнуть на губчатой и равнодушной почве. Тени смешивались и плясали, бледнели и вновь появлялись, приведенные в мнимое движение двумя усталыми солнцами в небе цвета зеленоватой плесени. Над головой безутешный ференгол свистом подзывал подругу, но в ответ слышал только частый зловещий кашель хищного царь-прыгуна.

И по этой-то скорбной местности, так томительно похожей на Землю и так от нее отличной, бродил Марвин Флинн в непривычном мельдском теле, упорно глядя себе под ноги, - он искал яйца ганзеров, не зная толком, на что они похожи.

Все произошло стремительно. С того мига, как он прибыл на Мельд, у него не было времени оглядеться. Едва его воплотили, как кто-то уже повелительно орал у него над ухом.

Флинн только-только успел торопливо осмотреть свое четверорукое, четвероногое тело, для пробы вильнул единственным хвостом и перекинул уши за спину, как его тотчас же, словно скотину, загнали в рабочую бригаду, сообщили ему номер барака и местонахождение столовой, вручили джемпер (на два размера больше, чем нужно) и башмаки (которые пришлись почти впору, если не считать того, что левый чуть-чуть жал). Флинн расписался в получении и принял набор инструментов, необходимых для новой профессии: большой синтетический мешок, темные очки, компас, сеть, щипцы, тяжелый металлический треножник и бластер.

Его и других рабочих выстроили рядами, их в спешке проинструктировал менеджер - усталый и надменный атреянин.

Флинн узнал, что его новая родина занимает ничтожную часть пространства вблизи Альдебарана. Мельд - планета, прямо скажем, второсортная. По шкале климатических допусков Хэрлихэна-Чанза ее климат классифицируется как "невыносимый", потенциальные природные ресурсы считаются "ниже минимальной нормы", а коэффициент эстетического резонанса (не измеренный) объявлен "невдохновляющим".

- Не такое место, - сказал менеджер, - которое стоило бы выбрать для отпуска, да и вообще для чего бы то ни было.

Слушатели нервно захихикали.

- Тем не менее, - продолжал менеджер, - этот неприветливый и непривечаемый мир, это галактическое недоразумение, эту космическую посредственность обитатели считают своей родиной и прекраснейшей планетой во вселенной.

Мельдяне, неистово гордясь единственной своей реальной ценностью, делают хорошую мину при плохой жизни. С мужественной решимостью вечных неудачников они возделывают опушки дождевого леса, а в необъятных пылающих пустынях добывают бедные руды с жалким содержанием металла. Их упорную настойчивость можно было ставить в пример, если бы она не приводила к неизменному краху.

И сказал менеджер:

- Вот чем был бы Мельд, если бы не еще один факт. Яйца ганзеров! Ни на одной планете их нет, и ни одна планета не нуждается в них так сильно.

Яйца ганзеров - единственный предмет экспорта с планеты Мельд. К счастью для мельдян, эти яйца повсюду пользуются бешеным спросом. На Оришаде яйца ганзеров служат любовными амулетами; на Офиухе-2 их мелют и едят как непревзойденный стимулятор любовного желания; на Моришаде после освящения они становятся предметом культа у безрассудных К'тенги.

Итак, яйца ганзеров - жизненно важный природный ресурс, к тому же единственный на Мельде. Благодаря им мельдяне удерживаются на определенной ступени цивилизации. Без них раса неминуемо пришла бы в упадок.

Чтобы заполучить яйцо ганзера, надо всего-навсего нагнуться и поднять его. Но тут-то и кроются некоторые трудности, ибо ганзеры категорически сопротивляются такой практике.

Ганзеры, обитатели лесов, ведут происхождение от древних ящеров. Они свирепы, искусно прячутся, коварны, жестоки и совершенно не поддаются приручению. Все эти качества делают сбор яиц ганзеров занятием крайне опасным.

- Создалось любопытное положение, - отметил менеджер, - не лишенное парадоксальности. Основной источник жизни на Мельде есть в то же время и основная причина смертности. Это послужит вам пищей для размышлений, когда начнете свой рабочий день. Запомните же мои слова: берегите себя, будьте все время начеку, семь раз отмерьте - один отрежьте, сделайте все возможное, чтобы сохранить свои связанные договором жизни, не говоря уже о дорогостоящих телах, выданных вам в пользование. Но, кроме того, не забывайте о норме - если вы недовыполните дневную норму хотя бы на одно-единственное яйцо, то за этот день вам будет начислена целая штрафная неделя. Желаю успеха, ребята!

Тут Марвина и остальных рабочих опять выстроили рядами и без проволочек отвели в лес.

Через час достигли поисковой зоны. Марвин Флинн воспользовался случаем попросить у десятника инструкций.

- Инструкций? - переспросил десятник. - Какой вид, какой род?

Он был переселенцем с Оринафы и не мог похвастаться лингенетическими способностями.
- В смысле, что я должен делать? - уточнил Флинн.
Десятник долго обдумывал вопрос и, наконец, отреагировал:
- Ты должен собирать яйца ганзер.
У него получилось "ганьсер".
- Это-то понятно, - сказал Флинн. - Я о другом спрашиваю: я ведь даже не знаю, на что похоже яйцо ганзера.
- Не волновайтесь, - ответил десятник. - Ты знай, когда увидеть без ошибка, да.
- Есть, сэр, - выпалил Марвин. - А если я найду яйцо ганзера, то существуют ли особые правила насчет того, как с ним обращаться? Например, чтобы нечаянно не разбить...
- Обращаться, - сказал десятник, - ты поднимай яйцо, клай в мешок. Ты понимай такая вещи, да или нет?
- Конечно, понимаю, - заверил Марвин. - Но я еще хотел бы выяснить, велика ли дневная норма. Как подсчитывается выработка, по часам? Перерыв на обед не в счет?
- А! - сказал десятник, и с его широкого добродушного лица исчезло недоуменное выражение. - Наконец это так. Ты поднимай яйцо ганзер, клай в мешок, ясно?
- Ясно, - без запинки ответил Марвин.
- Ты делай так каждый раз, пока мешок не наполняться. Уловил?
- По-моему, да, - ответил Марвин. - Полный мешок соответствует действительной или идеальной норме. Дайте-ка, я повторю еще раз все этапы, чтобы действовать наверняка. Сначала я устанавливаю местопребывание яиц ганзера, пользуясь земными эквивалентами этого понятия и, надо полагать, не испытывая трудностей при опознании. Затем, обнаружив и опознав объект поисков, я приступаю к процессу, именуемому "класть яйцо в мешок", под чем подразумевается...
- Один минута, - десятник постучал себя хвостом по зубам и спросил: - Ты меня разыгрывай, малыш?..
- Помилуйте, сэр, я хотел только удостовериться...
- Ты шутки шутить на деревенщина со старый планета Оринафа. Ты думать, ты такой ловкий. Ты не такой ловкий. Никто не любить чересчур большой умник.
- Прошу прощения, - сказал Флинн, почтительно виляя хвостом.
- Так или иначе, я мне казайся, ты усвоить элементарные начатки работа очень хорошо, так что иди теперь выполняй работа-труд как следует. Держать греха подальше. Иначе я перебить тебе шесть и более конечности, усекаешь?
- Усекаю.
Флинн повернулся через правое плечо и галопом припустил в лес, где начал поиски.

X

Марвин Флинн бесшумно несся по лесу; ноздри его трепетали, глаза вращались и выпячивались, увеличивая поле зрения. Золотистая шкура, слегка надушенная апписфиамом, нервно подрагивала - так играли под нею мышцы, с виду расслабленные, на самом деле безукоризненно слаженные.
Лес развертывал перед зрителем симфонию зеленых и серых тонов, где время от времени возникала алая тема ползучих растений, или пурпурные фанфары кустарника лилибабы, или, еще реже, выведенный гобоем лейтмотив второй темы - оранжевый хлысткинжал. Общий же эффект был мрачен и наводил на печальные раздумья, как просторный городской парк в тихий

час перед рассветом.
Но что это? Вон там! Чуть левее! Да, да, как раз под деревом бокку! Это не... Не может быть!..
Правыми руками Флинн разгреб листья и низко наклонился. Там, в гнезде, свитом из травы и веточек, он увидел нечто такое, что сверкало наподобие страусиного яйца, изукрашенного драгоценными камнями.
Десятник не солгал. Яйцо ганзера ни с чем невозможно спутать.
На выпуклой радужной поверхности ярко горели мириады волшебных костров. Исчезая и возвращаясь наподобие полузабытых снов, пробегали тени. В душе Марвина всколыхнулось ощущение сумерек, вечернего звона, медлительного стада, пасущегося у прозрачного ручья, под сенью пыльных безутешных кипарисов.
Как ни противилось этому все его естество, Марвин совсем низко нагнулся и протянул руку. Ладонь его любовно сомкнулась на пылающем сфероиде.
Он быстро отдернул руку. Пылающий сфероид обжигал адским огнем.
Марвин посмотрел на него с еще большим уважением. Теперь он понял назначение выданных ему щипцов. Этими щипцами он осторожно обхватил сказочный сфероид.
Сказочный сфероид отскочил, как резиновый мяч. Марвин ринулся за ним, на бегу бестолково размахивая сетью. Яйцо ганзера увернулось, рикошетировало и молнией метнулось в густые заросли.
Марвин отчаянно взмахнул сетью, и руку его направила сама фортуна. Яйцо ганзера попалось в сеть.
Оно лежало неподвижно, пульсируя, словно переводя дух. Марвин с осторожностью приблизился - он ожидал любой каверзы.
И тут яйцо ганзера заговорило.
- Слушай-ка, мистер, - сказало оно сдавленным голосом, - что это на тебя нашло?
- Как, как? - переспросил Марвин.
- Слушай, - сказало яйцо ганзера. - Я себе сижу в общественном парке, никого не трогаю, и вдруг здрасьте - ты набрасываешься на меня, как ненормальный, всего исцарапал и вообще ведешь себя как псих. Ну, я, естественно, разгорячился. А кто бы не разгорячился? Вот я и решил отойти подальше, ведь у меня сегодня выходной и мне скандалы ни к чему. И здрасьте - ты накидываешь на меня сеть, будто я тебе какая-то паршивая бабочка. Вот я и спрашиваю: что на тебя нашло?
- Видишь ли, - ответил Марвин, - ты ведь яйцо ганзера.
- Это мне известно, - сказало яйцо ганзера. - Я яйцо ганзера, факт. А что, теперь так, ни с того ни с сего это запрещается законом?
- Конечно, нет, - ответил Марвин. - Но дело в том, что я как раз охочусь за яйцами ганзеров.
Последовала недолгая пауза. Затем яйцо ганзера попросило:
- Не откажите в любезности, повторите, пожалуйста.
Марвин повторил. Яйцо ганзера сказало:
- М-да, мне так и послышалось. - И рассмеялось почти беззвучно. - Вы шутите, не правда ли?
- К сожалению, нет.
- Конечно, шутите, - с ноткой отчаяния в голосе настаивало яйцо ганзера. - Ну ладно, повеселились и хватит. Теперь выпустите меня отсюда.

- Извините...
- Выпустите меня!
- Не могу.
- Почему?
- Потому что я охочусь за яйцами ганзеров.
- О господи, - сказало яйцо ганзера, - большего идиотизма я за всю свою жизнь не слыхало! Мы ведь, по-моему, впервые сталкиваемся, не так ли? Почему же ты за мной охотишься?
- Меня наняли охотиться за яйцами ганзеров, - пояснил Марвин.
- Слушай, парень, ты просто ходишь себе и охотишься за любыми яйцами ганзеров? Тебе безразлично за какими именно?
- Точно.
- И действительно, не ищешь какое-то определенное яйцо ганзера, которое, чего доброго, сделало тебе гадость?
- Нет, нет, - заверил Марвин. - Я в жизни не встречал ни одного яйца ганзера.
- Ты даже не... И все-таки охотишься... Я, должно быть, схожу с ума: И наверняка ослышалось. Собственно, так просто-напросто не бывает. Это какой-то чудовищный кошмар... Подходит к тебе помешанный, спокойно, как будто так и надо, хватает тебя в лапы и, глазом не моргнув, заявляет: "Я вообще-то охочусь за яйцами ганзеров". Собственно... слушай, парень, ты меня разыгрываешь, верно?
Марвин скокфузился, раскипятился и возмечтал, чтобы яйцо ганзера заткнулось. Он грубовато сказал:
- Я вовсе не валяю дурака. Моя работа - собирать яйца ганзеров.
- Собирать... яйца ганзеров! - простонало яйцо ганзера. - Ах, нет, нет, нет! Боже, не верится, что все это на самом деле, и все же это происходит, на самом деле проис...
- Не распускайся! - прикрикнул Марвин: яйцо ганзера явно готово было впасть в истерику.
- Спасибо, - проговорило яйцо ганзера, помолчав. - Теперь я в норме. Слушай, можно задать тебе один-единственный вопрос?
- Только поживей, - ответил Марвин.
- Я вот что хочу спросить, -сказало яйцо ганзера, -тебе такие дела доставляют удовольствие? Я хочу сказать, ты не склонен ли к извращениям? Только не обижайся.
- Ничего, - ответил Марвин. - Нет, я не склонен к извращениям и, поверь, никакого удовольствия не испытываю. Клянусь, мне самому все это очень неприятно.
- Тебе неприятно! - взвизгнуло яйцо ганзера. - А мне-то, по-твоему, каково? По- твоему, для меня это в порядке вещей, если кто-то подходит, как в кошмарном сне, и "собирает" меня?
- Спокойней, - попросил Марвин.
- Бешеный, - пробормотало яйцо ганзера в сторону. - Абсолютно, совершенно невменяемый. Можно... можно, я оставлю жене записку?
- Некогда, - твердо ответил Марвин.
- Тоща разреши мне хотя бы помолиться.
- Валяй молись, - сказал Марвин. - Только побыстрее закругляйся.
- О господь бог, - нараспев затянуло яйцо ганзера, - не понимаю, что со мной происходит и почему. Я всегда старался быть хорошим, и хоть церковь посещаю нерегулярно, но ты ведь знаешь, что истинная вера - в сердце верующего. Возможно, порой я поступаю дурно, не стану отрицать. Но, господь, отчего караешь ты так жестоко? И отчего именно меня?

Отчего не другого, настоящего грешника, например закоренелого преступника? Отчего именно меня? И отчего именно так? Какая-то тварь "собирает" меня, будто я неодушевленная вещь... не понимаю. Но знаю, что ты всеведущ и всемогущ, я еще знаю, что ты добр, и значит, есть к тому причина... хоть я и слишком глуп, чтобы ее разгадать. Слушай, боже, если ты так рассудил, тогда ладно, пусть так и будет. Но ты уж, пожалуйста, позаботься о моей жене и детях. А особенно о младшеньком. - Голос у яйца ганзера прервался, но оно тотчас же овладело собой. - Особенно молю тебя о младшем, боже, ведь он хроменький, и другие детишки его обижают, и ему нужно большое... большое участие. Аминь.

Яйцо ганзера подавило рыдание. Голос его мгновенно окреп.

- Теперь я готов, - сказало оно Марвину. - Делай свое грязное дело, паршивец, сукин ты сын.

Но молитва яйца ганзера совершенно выбила Марвина из колеи. На глаза навернулись слезы, щеточка на ногах задрожали, он распутал сеть и выпустил пленника. Яйцо ганзера откатилось совсем недалеко и замерло, явно опасаясь подвоха.

- Ты... ты всерьез? - спросило оно.

- Всерьез, - ответил Марвин. - Я не гожусь для такой работы.

Не знаю уж, что со мной сделают там, в лагере, но больше в жизни я не трону ни одного яйца ганзера!

- Благословенно будь имя божие, - тихо проговорило яйцо ганзера. - На своем веку я насмотрелось странных вещей, но, мне кажется, рука провидения...

Изложить свою философскую позицию, известную под названием "софистика вмешательства", яйцу ганзера помешал внезапный зловещий треск в кустах. Марвин стремительно обернулся и вспомнил о том, какими опасностями чревата планета Мельд.

Его предупреждали, а он забыл. Теперь он стал отчаянно нащупывать бластер, а тот, как назло, запутался в сети. Марвин яростно рванул бластер, выдернул его, услышал пронзительный крик яйца ганзера...

Тут его с силой швырнуло оземь. Бластер полетел в кустарник. А Марвин увидел перед собой черные глаза-щели под низким бронированным лбом.

Представлять ему нового знакомца не было никакой нужды. Флинн понял, что наскочил на взрослого, совершеннолетнего мародера-ганзера, и наскочил, пожалуй, в самых скверных обстоятельствах. Слишком явны были улики: вопиющая сеть, недвусмысленные темные очки, обличители-щипцы. И все приближались, норовя сомкнуться у него на шее, острозубые челюсти гигантского ящера, они были уже совсем рядом. Марвин даже различил три золотые коронки и временную фарфоровую пломбу.

Флинн извивался, пытаясь высвободиться. Ганзер прижал его к земле лапой размером с седло для яка; его беспощадные когти, каждый величиной с два ледоруба, безжалостно впились в золотистую шкуру Марвина. Чудовищно зияла слюнявая пасть, надвигалась, готовая заглотнуть голову Марвина целиком...

XI

И вдруг время остановилось! Марвин видел застывшую полуразинутую пасть ганзера, налитый кровью левый глаз, все

огромное тело, скованное какой-то странной, непреодолимой инерцией.

Рядом лежало яйцо ганзера, неподвижное, как резная копия самого себя.

Ветерок замер на полпути. Деревья оцепенели в напряженных позах, а мерифейский коршун повис в разгаре полета, точно воздушный змей на веревочке.

Даже солнце остановило свой неутомимый бег!

И в этой необычной живой -картине Марвин с замиранием сердца воззрился на единственный движущийся феномен, который возник в воздухе, в трех футах от головы Марвина и чуть левее.

Началось это как пылевой вихрь, набухло, расширилось, утолщилось в основании и сошло на конус в вершине. Вращение стало еще более бешеным, и фигура приобрела четкие контуры.

- Сыщик Урдорф! - вскричал Марвин.

Действительно, это был марсианский сыщик, тот самый, кого преследовали бесчисленные неудачи, кто обещал Марвину раскрыть преступление и вернуть законное тело.

- Тысяча извинений за то, что врываюсь, не предупредив, - сказал Урдорф, когда материализовался полностью и тяжело плюхнулся наземь.

- Слава богу, что вы здесь! - ответил Марвин. - Вы спасли меня от чрезвычайно неприятной смерти, и если бы вы еще помогли мне скинуть с себя вот эту гадину...

Ведь Марвина все еще пригвождала к земле лапа ганзера, теперь словно налитая высокоуглеродистой сталью. И он никак не мог высвободиться.

- Вы уж извините, - сказал сыщик, вставая с земли и отряхиваясь, - но этого я, к сожалению, сделать не могу.

- Почему?

- Против правил, - объяснил сыщик Урдорф. - Всякое перемещение тел в течение искусственно вызванной остановки времени (а налицо именно она) может повлечь за собой парадокс, а парадоксы запрещены, так как могут привести к сжатию времени, а сжатие времени запросто может вызвать искривление структурных линий в нашем континууме и разрушить вселенную. Поэтому всякое перемещение карается тюремным заключением сроком на один год и штрафом в размере тысячи долларов.

- А-а, я этого не знал.

- Да, к сожалению, это так, - сказал сыщик.

- Понимаю, - сказал Марвин.

- Я вот и надеялся, что вы поймете, - сказал сыщик.

Последовало долгое и томительное молчание. Затем Марвин сказал:

- Ну?

- Что вы сказали?

- Я сказал... вернее, хотел сказать, зачем вы сюда явились?

- А-а, - протянул сыщик. - Я решил задать вам несколько вопросов, которые раньше не пришли мне в голову и которые помогут мне оперативно расследовать и раскрыть дело.

- Валяйте, задавайте, - сказал Марвин.

- Благодарю вас. Прежде всего, какой ваш любимый цвет?

- Голубой.

- Но какой именно оттенок? Прошу вас, поточнее.

- Цвета воробьиного яйца.

- Угу. - Сыщик занес это в свой блокнот. - А теперь быстро, не задумываясь, назовите первое попавшееся число.

- 87792,3, - без колебаний ответил Марвин.

- Ум-гум. А теперь, без паузы, укажите название любой эстрадной песенки.

- "Рапсодия орангутанга", - ответил Марвин.

- Угу. Отлично, - сказал Урдорф, захлопнув блокнот. - Кажется, у меня все.

- А какова цель ваших вопросов?

- Располагая данной информацией, я у всех подозреваемых могу выявить остаточные рефлексы. Это часть теста Дуулмена на проверку самоличности.

- Вот как, - сказал Марвин. - А вообще как идут дела, удачно?

- Об удаче пока и речи нет, - ответил Урдорф. - Но, смею вас уверить, дело продвигается удовлетворительно. Мы выследили вора на Иораме-2, где он зайцем прятался в грузе быстрозамороженного мяса, отправляемого на Большую Геру. На Гере он выдал себя за беженца с Гаги-2, и это снискало ему немалую популярность. Он умудрился наскрести на проезд до Квантиса - там у него были спрятаны деньги. На Квантисе он, не проведя и дня, взял билет в местный космолет до Автономной Области Пятидесяти Звезд.

- А потом? - спросил Марвин.

- А потом мы временно потеряли его след. Область Пятидесяти Звезд - это четыреста тридцать две планетные системы с общим населением триста миллиардов. Так что, как видите, работка будет славная.

- Безнадежная, судя по вашим словам, - сказал Марвин.

- Как раз наоборот, все складывается на редкость благоприятно. Непосвященные вечно принимают осложнения за сложности. Но интересующего нас преступника не спасет простейшее множество, которое всегда поддается статистическому анализу.

- Что же теперь будет? - спросил Марвин.

- Продолжим наш анализ, затем на основе теории вероятностей сделаем проекцию, пошлем эту проекцию через всю Галактику и посмотрим, не превратится ли она в сверхновую звезду... я, разумеется, выражаюсь метафорически.

- Разумеется, - сказал Марвин. - Вы действительно надеетесь задержать преступника?

- Я нисколько не сомневаюсь в результатах, - ответил сыщик Урдорф. - Но следует запастись терпением. Вы должны помнить, что межгалактические преступления - область сравнительно новая, и потому межгалактическое следствие еще новее. Есть много преступлений, где невозможно даже доказать существование преступника, не говоря уж о том, чтобы его разыскать. Так что в некоторых отношениях нам везет.

- Придется, видно, верить вам на слово, - сказал Марвин. - А насчет моего нынешнего положения...

- Именно от такого положения я вас и предостерегал, - строго ответил сыщик. - Прошу вас учесть это на будущее... если умудритесь выбраться живым из нынешней переделки. Желаю успеха, дружище.

Сыщик Урдорф завертелся перед глазами Марвина все быстрее, быстрее, слился в мелькающий вихрь, померк и исчез.

Время разморозилось.

И Марвин вновь уставился в черные глаза-щели под узким бронированным лбом, увидел, как смыкается чудовищно разинутая пасть, готовая заглотнуть всю его голову целиком...

XII

- Погоди! - заорал Марвин.
- Зачем? - спросил ганзер.

Мотивировки Марвин еще не придумал. Он услышал, как яйцо ганзера пробормотало:

- Пусть испытает на своей шкуре, так ему и надо. А все же он был добр ко мне. С другой стороны, мне-то какое дело? Только высунься, сразу тебе скорлупу надобьют. А все же...

- Я не хочу умирать, - сказал Марвин.

- Я и не думаю, что ты хочешь, - ответил ганзер отнюдь не враждебным тоном. - И ты, конечно, заведешь словопрения. Затронешь этику... мораль, всякие там проблемы. Боюсь, не выйдет. Нас, видишь ли, специально предупредили, чтоб мы не позволяли мельдянину разговаривать. Велели просто выполнять работу, и вся недолга; не вносить ничего личного. Просто сделай дело и переходи к следующему. Умственная гигиена, право же. Поэтому, пожалуйста, закрой глаза...

Челюсти стали смыкаться. Но Марвин, осененный нелепой, отчаянной догадкой, воскликнул:

- Ты говоришь - работа?

- Конечно, работа, - сказал ганзер. - В ней нет ничего оскорбительного, я ничего не имею против тебя лично...

Он нахмурился - видимо, рассердился на себя за то, что заговорил.

- Работа! Твоя работа - охотиться за мельдянами, так ведь?

- Само собой. С этой планеты Ганзер, видишь ли, взять нечего, разве что вот охотиться за мельдянами.

- Но зачем за ними охотиться? - спросил Марвин.

- Ну, во-первых, яйцо ганзера достигает зрелости только в плоти взрослого мельдянина.

- Полно, - сказало яйцо ганзера, перекатываясь в смущении, - стоит ли вдаваться в гнусную биологию? Я ведь не распространяюсь о твоих естественных отправлениях, верно?

- А во-вторых, - продолжал ганзер, - у нас единственный предмет экспорта - шкуры мельдян, из которых на Триане-2 делают императорские облачения, на Немо - амулеты, а на Крейслере-30 - чехлы для стульев. Спрос на неуловимых и опасных мельдян - единственный способ кое-как поддерживать цивилизацию и...

- Мне говорили в точности то же самое! - воскликнул Марвин и быстро повторил слова менеджера.

- Вот те на! - сказал ганзер.

Теперь оба поняли истинное положение вещей: мельдяне целиком зависят от ганзеров, а те, в свою очередь, целиком зависят от мельдян. Обе расы охотятся одна на другую, живут и гибнут одна ради другой и по невежественной злобе не желают признавать между собою ничего общего. Они связаны ярко выраженными отношениями симбиоза, но обе расы полностью игнорируют этот симбиоз. Больше того, каждая утверждает, будто она единственный носитель цивилизации и разума, а другая - скотская, презренная и не в счет.

А теперь обоим пришло в голову, что они в равной степени входят в общую категорию разумных существ.

Озарение внушило обоим благоговейный ужас, но Марвин все еще был пригвожден к земле тяжелой лапой ганзера.

- Это ставит меня в несколько затруднительное положение, - сказал ганзер чуть погодя. - Естественный мой порыв - отпустить тебя на все четыре стороны. Но я здесь работаю по контракту, а в нем обусловлено...

- Значит, ты не настоящий ганзер?

- Нет. Я обменщик, как и ты, а родом с Земли.
- Моя планета! - вскричал Марвин.
- Я уж и сам догадался, - ответил ганзер. - Ты американец. Скорее всего с восточного побережья, может, из Коннектикута или Вермонта...
- Штат Нью-Йорк! - вскричал Марвин. - Я из Стэихоупа!
- А я из Саранак-Лейка, - сказал ганзер. - Звать меня Отис Дагобер, мне тридцать семь лет.
С этими словами ганзер убрал лапу с груди Марвина.
- Мы соседи, - тихо произнес он. - Поэтому я не могу тебя убить, точно так же как ты, я почти уверен, не мог бы убить меня, даже будь у тебя возможность. А теперь, когда мы узнали правду, навряд ли сможем продолжать наш страшный труд. Но это печально, потому что, значит, мы нарушили договорную дисциплину, а за ослушание фирма-наниматель произведет с нами окончательный расчет. А уж что это такое, ты и сам знаешь.
Марвин подавленно кивнул. Он знал слишком хорошо. С поникшей головой сидел он в безутешном молчании рядом с новым другом.
- Не вижу выхода, - сказал Марвин, после того как некоторое время обдумывал ситуацию. - Может, спрячемся в лесу на дёнек-другой? Но нас ведь наверняка разыщут.
Неожиданно вмешалось яйцо ганзера.
- Полно, будет вам, может, все не так безнадежно, как кажется!
- Что ты имеешь в виду? - спросил Марвин.
- Да вот, - сказало яйцо ганзера, покрываясь ямочками от удовольствия, - я считаю, за добро надо платить добром. Правда, я могу влипнуть в неприятнейшую историю... Но какого черта! Я думаю, что помогу вам покинуть планету.
Марвин и Отис рассыпались в благодарностях, но яйцо ганзера сразу предупредило их.
- Не исключено, что вы перестанете благодарить, когда увидите, что вас ждет, - сказало оно зловеще.
- Ничего не может быть хуже, - отозвался Отис.
- Вы еще удивитесь, - напрямик сказало яйцо ганзера. - Вы еще очень и очень удивитесь... Сюда, джентльмены.
- Но куда мы идем? - спросил Марвин.
- Я отведу вас к Отшельнику, - ответило яйцо ганзера и... упорно не произнесло больше ни слова. Оно решительно покатилось вперед, а Марвин с Отисом двинулись следом.

XIII

Шагали они и катились по дикому и буйному дождевому лесу, на каждом шагу ожидая опасности. Но ни одна тварь на них не набросилась, и в конце концов они вышли на лесную поляну.
Там они увидели посреди поляны грубо сколоченную хижину и сидящего перед ней на корточках человека.
- Вот Отшельник, - сказало яйцо ганзера. - Он совсем чокнутый.
У землян не было времени переварить эту информацию. Отшельник встал и воскликнул:
- А ну стоп, постой, остановитесь! Откройтесь моему разумению!
- Я - Марвин Флинн, - сказал Марвин, - а это мой друг Отис Дагобер. Мы хотим покинуть планету.
Казалось, Отшельник не расслышал; он гладил длинную бороду и задумчиво созерцал кроны деревьев. Низким унылым голосом он произнес:

- Пришел тот час, когда навеет скорбь
  Крик стаи журавлей, летящей вдаль.
  Сова-беглянка минет стороной
  Печальный мой приют, лишенный благ, -
  Что дарит небо, отнимают люди!
  Мерцают звезды, молча глядя в окна.
  О бегстве королей вещает шумом лес.

- Он говорит, - перевело яйцо ганзера, - что предчувствовал, что вы придете именно этой дорогой.

- Он что, с приветом? - спросил Отис. - Он так разговаривает...

Отшельник сказал:

- Теперь прочти мне вслух! Не потерплю,
  Чтоб ложь змеей вползла
  В мой разум, мне измену предвещая!

- Он не желает, чтоб вы шептались, - перевело яйцо ганзера. - Шепот наводит его на подозрения.

- Это-то я и без тебя мог сообразить, - сказал Флинн.

- Ну и сиди голодный, - оскорбилось яйцо ганзера. - Я просто старался быть полезным.

Отшельник сделал несколько шагов вперед, остановился и сказал:

- Что чего тебе здесь, аруун?

Марвин покосился на яйцо ганзера, но оно упорно молчало. Тогда, угадав смысл слов, Марвин ответил:

- Сэр, мы хотим покинуть планету и пришли к вам за помощью.

Отшельник покачал головой и молвил:

- Речь варвара! Паршивая овца
  И та пристойней блеет!

- На что он намекает? - спросил Марвин.

- Ты такой умный, догадайся сам, - ответило яйцо ганзера.

- Извини, если я тебя чем обидел, - сказал Марвин.

- Ничего, ничего.

- Право же, я раскаиваюсь. Буду очень обязан, если ты нам переведешь.

- Ладно, - сказало яйцо ганзера по-прежнему хмуро. - Он говорит, что не понимает тебя.

- Не понимает? Но я ведь достаточно ясно выражаюсь.

- Не для него, - сказало яйцо ганзера. - Чтобы до него дошло, надо изложить все стихами.

- Я? Никогда в жизни! - воскликнул Марвин с инстинктивной дрожью отвращения, которое испытывают все разумные земляне мужского пола при мысли о стихах. - Я просто не умею! Отис, может быть, ты...

- Нет уж! - в панике отозвался Отис.

- Молчание сгущается. Теперь
  Пусть муж честной уста свои разверзнет.
  Мне оборот событий не по нраву.

- Он начинает злиться, - прокомментировало яйцо ганзера. - Попробуй, попытка не пытка.

- Может, ты ответишь вместо нас, - предложил Отис.
- Я вам не шестерка, - возмутилось яйцо ганзера. - Хотите говорить - говорите сами за себя.
- Единственное, что я помню еще со школьной скамьи, - это "Рубай" Омара Хайяма, - признался Марвин.
- Ну и валяй, - подбодрило его яйцо ганзера.
Марвин подумал-подумал, нервно дернулся и произнес:

- Откуда мы грядем? Куда свой путь вершим?
  На расу раса ополчилась без причин...
  Пришли мы получить совет, поддержку, помощь -
  Не обращай надежды нашей в дым.

- Размер ломается, - шепнуло яйцо ганзера. - Но для первой попытки недурно.
Отис захихикал, и Марвин стукнул его хвостом. Отшельник отвечал:

- Изложено отменно, чужестранец!
  Сверх ожидания, найдешь ты помощь:
  Мужчины, невзирая на обличье,
  Всегда в беде друг друга выручают.

Уже с меньшей запинкой Марвин произнес:

- Везде зеленый рай, куда ни кинешь взгляд.
  Заря роскошна, сумрачен закат.
  Найдет ли бедный пилигрим спасенье
  Там, где у сильного бессильный виноват?

Отшельник сказал:

- Зело способен; в тощие года
  Худому языку навлечь недолю
  Беду на голову злосчастного владельца.

Марвин сказал:

- Коль ты мне друг, оставь словесную игру.
  И прочь отправь тотчас, иначе я умру.
  Мне дела нет, что скажут пустомели, -
  Бери меня и мной хоть затыкай дыру.

Отшельник сказал:

- За мною, господа! Расправьте плечи!
  Мужайтесь!
  И пусть надежны будут стремена!

И так, мирно беседуя речитативом, они прошествовали к хижине Отшельника, где увидели прикрытый куском коры запрещенный разумопередатчик древней и диковинной конструкции. Тут Марвин понял, что даже в самом крайнем безумии есть система. Ибо Отшельник не пробыл на этой планете и года, а уже сколотил изрядное состояние, занимаясь контрабандной переброской беглецов на самые захудалые из рынков Галактики.
Неэтично, но как выразился Отшельник:

- Пусть вам приспособленье не по нраву -
  Зачем хулой уста вы осквернили?

Свет истины не меркнет, если даже
Лучи его на вас не пролились.
Мозгами пораскиньте: сколь разумно
Пренебрегать дурным вином в пустыне,
Где губы запекаются от жажды?
Зачем же избавителей своих
Вы судите сурово? Трех великий -
Неблагодарность: кто укусит руку,
Которая разжала смерти хватку?

Прошло не так уж много времени. Найти работу для Отиса Дагобера оказалось совсем нетрудно. Несмотря на все его уверения в противном, в молодом человеке обнаружилась слабая, но многообещающая садистская струнка. Поэтому Отшельник переселил его разум в тело ассистента зубного врача на Проденде-IX.

Яйцо ганзера пожелало Марвину всяческих благ и укатилось домой, в лес.

- А теперь, - сказал Отшельник, - займемся тобой. Мне кажется, что если твою психологию проанализировать с предельной объективностью, то в тебе явственно прослеживается тенденция к жертвенности.

- Во мне? - поразился Марвин.

- Да, в тебе, - ответил Отшельник.

- К жертвенности?

- Именно к жертвенности.

- Не уверен, - заявил Марвин. На этой формулировке он остановился из вежливости; в действительности же он был вполне уверен, что Отшельник заблуждается.

- Зато я уверен, - сказал Отшельник. - И без ложной скромности могу сообщить, что опыт подыскания работ у меня побольше твоего.

- Да, наверное. Вы, я вижу, перестали говорить стихами.

- Конечно, - сказал Отшельник. - С какой стати мне продолжать?

- Потому что раньше вы говорили только стихами, - ответил Марвин.

- Но это же совсем другое дело, - сказал Отшельник. - Тогда я был на открытом воздухе. Приходилось защищаться. Теперь я у себя дома и, следовательно, в полной безопасности.

- Неужели на открытом воздухе стихи действительно защищают?

- А как по-твоему? Я на этой планете второй год живу, и второй год на меня охотятся две кровожадные расы, которые убили бы меня на месте, если б только поймали. А я, как видишь, цел и невредим.

- Что ж, это очень хорошо. Но я не совсем понимаю, какое отношение имеет ваша речь к вашей личной безопасности.

- Черт меня побери, если я сам это понимаю, - сказал Отшельник. - Вообще-то я считаю себя рационалистом, но вынужден признать, хоть и с неохотой, что стихи действуют безотказно. Они помогают; что еще можно добавить?

- А вам не приходило в голову провести опыт? - спросил Марвин. - Я имею в виду, не пробовали вы разговаривать на открытом воздухе прозой? Возможно, что стихи вовсе не обязательны.

- Возможно, - ответил Отшельник. - А если бы ты попробовал прогуляться по океанскому дну, то, возможно, оказалось бы, что и воздух вовсе не обязателен.

- Это не совсем одно и тоже, - возразил Марвин.

- Это абсолютно одно и то же, - сказал Отшельник. - Но мы говорили о тебе и твоей склонности приносить себя в жертву. Повторяю, эта склонность открывает перед тобой путь к чрезвычайно увлекательной работе.

- Не интересуюсь, - уперся Марвин. - А еще что у вас есть?

- Больше ничего! - отрезал Отшельник.

По странному стечению обстоятельств в этот миг снаружи, из кустов, донесся невероятный треск и грохот, и Марвин заключил, что за ним гонятся либо мельдяне, либо ганзеры, либо те и другие.

- Работу я принимаю, - сказал Марвин. - Однако вы ошибаетесь.

За Марвином осталось последнее слово, но зато за Отшельником осталось последнее дело. Ибо, наладив свое оборудование и отрегулировав приборы, он замкнул выключатель и отправил Марвина навстречу новой карьере, на планету Цельсий-5.

XIV

На Цельсии-5 высшее проявление культуры - дарить и принимать подарки. Отказаться от подарка немыслимо; такой поступок вызывает в любом цельсианине эмоцию, сравнимую разве что с земной боязнью кровосмешения. Как правило, дарение не беда. Большей частью дары "белые" и выражают всевозможные оттенки любви, благодарности, нежности и так далее. Но бывают еще "серые" дары предупреждения и "черные" дары смерти.

И вот некий выборный чиновник получил от своих избирателей красивое кольцо в нос. В нем обязательно надо красоваться две недели. Великолепная была вещица, только с одним недостатком - она тикала.

Существо другой расы скорее всего закинуло бы это кольцо в ближайшую канаву. Но ни один цельсианин, находясь в здравом уме, этого не сделает. Он даже не отдаст кольцо на проверку. Цельсиане руководствуются правилом: дареному коню в зубы не смотрят. К тому же, просочись хоть слово подозрения, разгорится непоправимый публичный скандал.

Проклятое кольцо надо было таскать в носу целых две недели.

А оно тикало.

Чиновник, которого звали Мардук Крас, обдумывал эту проблему. Он размышлял о своих избирателях, о том, как он им помогал, и о том, как он их давил. Кольцо символизировало предупреждение, это-то было ясно. В лучшем случае - предупреждение, серый дар. В худшем - черный; миниатюрная бомба простейшей конструкции по истечении нескольких томительно-тревожных дней разнесет ему голову.

По природе своей Мардук не был самоубийцей; он знал, что не хочет носить проклятое кольцо. Но он также знал, что обязан носить проклятое кольцо. Итак, он оказался перед классической цельсианской дилеммой.

"Неужели они проделают со мной такое? - спрашивал себя Мардук. - Только из-за того, что я перепланировал старый, грязный жилой округ под предприятия тяжелой промышленности и вступил в соглашение с гильдией домовладельцев, обязавшихся повысить квартирную плату на 320 процентов взамен их обещания в пятидесятилетний срок установить новые водопроводные трубы? Так ведь, боже правый, я никогда и не выдавал себя за совершенство".

Кольцо весело тикало, отсчитывая секунды, щекоча нос и будоража душу. Мардуку вспомнились другие чиновники, которые головами поплатились, получив дары от слабоумных озорников. Да, вполне возможно, что это черный дар.

- Голодранцы тупые! - прорычал Мардук, облегчив душу ругательством, которого никогда бы не осмелился произнести на публике. Он горько переживал обиду. Работаешь не покладая рук на всяких дряблокожих крючконосых кретинов - и что же получаешь в награду? Бомбу в нос.

Какое-то мгновение его так и подмывало закинуть кольцо в ближайший бак с хлором. Тут бы он их проучил! И ведь был прецедент. Разве святой Вориэг не отверг тотальное подношение трех призраков?

Да... Но по каноническому толкованию подношение призраков было задумано как коварный подкоп под самую сущность Даров и, следовательно, под самые устои общества; ведь, сделав свое тотальное подношение, они исключили возможность каких бы то ни было подарков в будущем.

А кроме того, то, что достойно восхищения в святом Второго Царства, отвратительно во второразрядном чиновнике Десятой Демократии. Святые вольны поступать как им заблагорассудится; простые люди должны поступать так, как положено.

Плечи Мардука поникли. Он облепил ступни горячей целебной грязью, но и это не принесло ему облегчения. Выхода не было. Не может один цельсианин противостоять целому обществу. Придется носить кольцо и ждать того леденящего душу мига, когда тиканье прекратится...

Но постойте! Есть же выход!

Да, да, выход найден! Надо только все организовать как следует; но если получится, то Мардук сохранит и безопасность и доверие общества. Пусть только проклятое кольцо даст ему срок...

Мардук Красс срочно созвонился с несколькими инстанциями и устроил себе срочную командировку на Таами-2 (эдакое Таити в Зоне Десяти Звезд). Разумеется, не телесную. Высокое начальство не станет разбазаривать средства на то, чтобы отправлять чье-то тело за сотни световых лет, когда достаточно одного лишь разума. Бережливый, положительный Мардук отправится по обмену. Он соблюдет если не дух, то букву цельсианского обычая - оставит дома тело с дареным кольцом, весело тикающим в носу.

Надо только найти разум, который поселится в теле Мардука на время его отсутствия. Но это несложно. В Галактике чересчур много разумов и чересчур мало тел. Почему так - никто не знает доподлинно. Ведь в конце концов каждый начинает жизнь, обладая и тем и другим. Но в финале у одних всегда оказывается чего-то больше, чем им нужно, будь то богатство, власть или тела, а у других - меньше.

Мардук связался с фирмой "Отшельник" (тела для любых надобностей). У Отшельника нашлось как раз то, что нужно: ярко выраженный землянин, молодой, мужского пола, находящийся под угрозой скорой смерти и согласный на риск, который связан с ношением тикающего кольца в носу. Вот так Марвин Флинн попал на Цельсий-5. В виде исключения спешить было некуда. По прибытии Марвин Флинн имел возможность проделать все процедуры, предписываемые обменом. Он полежал в полной неподвижности, медленно привыкая к новому телу. Он пошевелил каждой конечностью, проверил все органы чувств и быстро перебрал в уме первичную культурно- конфигурационную нагрузку, излучаемую лобными долями, на предмет аналогичных

и тождественных факторов. Затем оценил эмоциональные и структурные факторы мозжечка на предмет зенита, надира и седловины. Почти все это он выполнил машинально. Оказалось, что цельсианское тело сидит на нем как нельзя лучше.

Конечно, не обошлось без затруднений: дельта- кривая была до нелепости эллиптичной, а УИТ (универсальные игрек-точки) - не трапецевидными, а серповидными. Но чего и ждать на планете типа 3В; если все пойдет нормально, ему не грозят никакие неприятности.

В общем, с таким комплексом "тело - среда - культура - роль" он вполне мог сжиться и отождествить себя.

Очень мило, мысленно подытожил Марвин. Только бы проклятое кольцо в носу не взорвалось.

Он встал и пригляделся к обстановке. Первым ему бросилось в глаза письмо от Мардука Краса - оно было привязано к запястью, чтобы Марвин сразу заметил.

ДОРОГОЙ ОБМЕНЩИК!

Добро пожаловать на Цельсий! Я понимаю, что при данных обстоятельствах вы не замечаете особого гостеприимства, и сожалею об этом поменьше вашего. Но я бы вам от всей души советовал выкинуть из головы всякую мысль о внезапной кончине и сосредоточиться на приятном времяпрепровождении. Пусть вас утешает, что статистика смерти от черного дара не выше, чем от несчастных случаев на плутониевом руднике, если вы добываете плутониевую руду. Так что не нервничайте и наслаждайтесь жизнью.

Моя квартира вместе со всем, что в ней находится, - к вашим услугам. Тело - также, только не переутомляйте его, укладывайте спать не слишком поздно и не вливайте в него чересчур много спиртного. Левое запястье повреждено, будьте осторожны, если придется поднимать что-нибудь тяжелое. Счастливо оставаться и не волнуйтесь, ведь тревога никому еще не помогала разрешить ни одной проблемы.

Не сомневаюсь, что вы джентльмен и не станете пытаться вынуть кольцо из носа. Но на всякий случай сообщаю, что у вас все равно ничего не выйдет: кольцо заперто на молекулярный замок Джейверга, Еще раз до свидания, постарайтесь выкинуть из головы все заботы и хорошо провести время на нашей славной планете.

Ваш преданный друг

МАРДУК КРАС.

Сперва письмо обозлило Марвина, но после он расхохотался и смял его в комок. Мардук, бесспорно, негодяй, но негодяй симпатичный и широкая душа. Марвин решил извлечь максимум возможного из сомнительной сделки, позабыть о предполагаемой бомбе, прикорнувшей у него над губой, и наслаждаться времяпрепровождением на Цельсии.

Он пошел осматривать свой новый дом и остался очень доволен. Квартира оказалась холостяцкой норой, спланированной так, чтобы жить в свое удовольствие, а не просто плодить детей. Основная особенность планировки - пентабрахия - отражала служебное положение Краса. Сошки помельче обходились системой трех-четырех галерей, а в трущобах "Северные Болотники" целые семьи ютились в одно- и двухгалерейных квартирах. Однако в ближайшем времени намечалась жилищная реформа.

Кухня, чистенькая и современная, изобиловала гастрономическими чудесами. Были там и банки засахаренных

кольчатых червей, и миски с экзотическим салатом из морских звезд, и восхитительно вкусные ломтики манилы, ваниллы, горгонии и рениксы. Была консервированная "казарка белощекая под ротифероорхидейным соусом" и пакет быстрозамороженных сладких и кислых юсов. Но (как это похоже на холостяков!) не было главного - ни головки гастробула, ни бутылки газированного имбирного меда.

Блуждая по длинным изогнутым галереям, Марвин обнаружил музыкальную комнату. Здесь Мардук не пожалеет затрат... Большую часть комнаты занимал огромный усилитель "Империал" с двумя динамиками "Тиран" по бокам. Мардук применял микрофон "Вихрь" с сорокаканальным подавлением, селектор-дискриминатор ощущении "расширяющегося" типа был оборудован поплавковым щелегорловым "пассивным" регулятором. Сигнал снимался путем регенерирования изображений, но можно было переключиться на модуляцию спада. Пусть не профессионально сделанный, но все же отличный любительский комбайн.

Сердцем комплекса был, само собой, инсектарий - генератор модели "Супер Макс", с ручным и автоматическим контролем отбора и смешения, с регулируемой подачей и выброской, с различными максимизирующими и минимизирующими устройствами.

Марвин выбрал "Гавот кузнечика" (Корестал, 431 Б) и стал вслушиваться в волнующее трахейное облигато и нежный аккомпанемент духовых инструментов - спаренных мальфиговых трубеол. Познания Марвина в музыке были весьма поверхностными, но он оценил всю виртуозность исполнения: в отдельной ячейке сидел кузнечик, зеленый в голубую полоску, и у него слегка вибрировал второй сегмент брюшка.

Марвин склонился над инсектарием и одобрительно кивнул. Кузнечик в голубую полоску щелкнул жвалами, затем вновь принялся за свою музыку. Это был специально выведенный дискант для техничного исполнения; блистательный артист, хотя трактовка у него не столь правильна, сколь эффектна. Правда, этого Марвин не мог постигнуть.

Марвин выключил тумблер, вернул переключатель из позиции "Активность" в позицию "Спячка"; кузнечик вновь погрузился в сон. Хорошо был укомплектован инсектарий, особенно выделялись симфонии майских мух и новейшие причудливые песни гусениц, но Марвину предстояло еще многое увидеть, и он пока не стал забивать себе голову музыкой.

В гостиной Марвин сел на массивную старинную глиняную скамью (настоящий Уормстеттер!), прислонился к щербатому гранитному подголовнику и решил отдохнуть. Но кольцо в носу тикало и тикало, беспрерывно посягая на его чувство благополучия. Он потянулся к низенькому столику и наудачу вытянул из целой груды первую попавшуюся палочку-почиталочку. Пробежался щупальцами по желобкам, но без толку. Трудно было сосредоточиться даже на развлекательном чтении. Нетерпеливо отшвырнув палочку-почиталочку, он принялся строить планы.

Но он был зажат в тисках неумолимого времени. Приходилось исходить из того, что мгновения жизни строго ограничены и их становится все меньше. Хотелось как-то отметить последние часы. Но как?

Он соскользнул с Уормстеттера и заметался по главной галерее, ожесточенно пощелкивая когтями. Затем внезапно принял решение и отправился в гардеробную. Там он выбрал новую оболочку из золотисто-бронзового хитина и тщательно задрапировал ею плечи. Лицевые щетинки он покрыл ароматическим клеем и уложил en grosse (10) по щекам.

Щупальца обрызгал лаком, придающим жесткость, расправил под изысканным углом шестьдесят градусов и придал им изящный естественный изгиб. В заключение припудрил лавандовым песком средний сегмент, а плечевые суставы окаймил черной полосой.

Он оглядел себя в зеркале и остался доволен своей внешностью: одет хорошо, но без пижонства. Судя о себе с предельной беспристрастностью, он нашел, что молод, представителен и смахивает на ученого-гуманитария. Звезды с неба навряд ли хватает, но и в грязь лицом не ударит.

Он вышел из норы через главный вход и закрыл его входной пробкой.

Сгущались сумерки. Звезды мерцали над головой, но их там, казалось, не больше, чем мириад огней у входов в бесчисленные норы, публичные и частные, и все огни сливаются в пульсирующее сердце большого города. Зрелище это глубоко взволновало Марвина. Наверняка, наверняка где-нибудь в переплетении столичных лабиринтов найдется нечто такое, что доставит ему радость. Или хотя бы мирное забытье под занавес.

Итак, Марвин скорбно, хотя и не без трепетной надежды, направил стопы к манящей, лихорадочной Центральной Канаве - выяснить, что уготовано ему фортуной или ведено роком.

XV

Стремительной размашистой походкой, скрипя кожаными сапогами, шел Марвин Флинн по деревянному тротуару. Едва уловимо повеяло смешанным ароматом шалфея и туи. Справа и слева кирпичные стены жилищ отливали в лунном свете тусклым мексиканским серебром. Из соседнего салуна донеслись отрывистые аккорды банджо.

Марвин затормозил на всем ходу и нахмурился. Откуда здесь шалфей? И салун? Что тут происходит?

- Что-нибудь неладное, чужестранец? - нараспев спросил хриплый голос.

Флинн круто обернулся. Из тени, падающей от универсального магазина, выступила какая-то фигура. Это оказался ковбой - дурно пахнущий сутулый бродяга в пыльной черной шляпе, смешно заломленной на немытом лбу.

- Да, что-то очень и очень неладно, - ответил Марвин. - Все кажется каким-то чудным.

- Не стоит волноваться, - заверил его ковбой- бродяга. - У тебя просто изменилась система метафорических критериев, а за это, видит бог, в тюрьму не сажают. Собственно говоря, ты радоваться должен, что избавился от кошмарных ассоциаций со зверями и насекомыми.

- А что плохого было в моих ассоциациях? - возразил Марвин.

- В конце концов я ведь нахожусь на Цельсии-5 и живу в норе.

- Ну и что? - сказал ковбой-бродяга. - Разве у тебя нет воображения?

- Воображения у меня хоть отбавляй, - вознегодовал Марвин.

- Но не в том дело. Дело в том, что нелогично воображать, будто ты на Земле и ковбой, когда по-настоящему ты кротоподобное существо на Цельсии-5.

- Ничего не попишешь, - сказал ковбой-бродяга. - Ты, видно, перенапряг способность аналогизирования, и у тебя вроде как предохранитель сгорел, вот что... Соответственно

твое восприятие взяло на себя задачу эмпирической нормализации. Такое состояние называется "метафорическая деформация".

Тут Марвин вспомнил, как мистер Бландерс предостерегал его от этого феномена. Метафорическая деформация, болезнь всякого межзвездного путешественника, настигла его мгновенно, без всякого предупреждения.

Он знал, что должен встревожиться, но чувствовал лишь короткое удивление. Эмоции его соответствовали восприятию, ибо незамеченная перемена есть перемена неощутимая.

- Когда же я начну видеть вещи такими, как они есть на самом деле? - спросил Марвин.

- Вот вопрос, достойный философа, - ответил ковбой-бродяга. - Но применительно к твоему случаю синдром пройдет, если только ты вернешься на Землю. А будешь и дальше путешествовать - процесс перцептивного аналогизирования обострится; правда, можно ожидать кратковременных самопроизвольных светлых промежутков - ремиссий нормального состояния. Все это показалось Марвину занятным, но не опасным. Он поддернул джинсы и протянул с ковбойским выговором:

- Что-о-о ж, я так понимаю, играть надо теми картами, что сданы, и нечего тут всю ночь препираться. А ты-то сам кто будешь, чужестранец?

Ковбой-бродяга отвечал не без самодовольства:

- Я тот, без кого была бы невозможна наша беседа. Я воплощение Необходимости; без меня тебе пришлось бы самому припомнить всю теорию метафорической деформации, а ты вряд ли на это способен. Позолоти ручку.

- Так цыганки говорят, - презрительно сказал Марвин.

- Извини, - ответил ковбой-бродяга без тени смущения. - Сигаретки не найдется?

- Табачок найдется, - сказал Марвин и протянул ему кисет с "Булл-Дэргем". С секунду он задумчиво разглядывал нового приятеля, затем объявил: - Что-о-о ж, вид у тебя препоганый, к тому же ты, по-моему, наполовину осел и наполовину шакал. Но я, пожалуй, буду тебя держаться, какой ты ни есть.

- Браво, - серьезно проговорил ковбой-бродяга. - С изменением контекста ты справляешься лихо, как мартышка с бананами.

- Я так понимаю, ты это капельку загнул, - хладнокровно сказал Марвин. - Куда мы теперь двинем, прохвессор?

- В путь-дорогу, - ответил ковбой. - В ближайший салун сомнительной репутации.

- Гип-гип ура! - гаркнул Марвин и развязной походкой устремился в распахнутые двери салуна.

В салуне на руке у Марвина тотчас повисла некая особа. Она впилась в него взглядом с улыбкой, напоминавшей ярко-красный барельеф. Бегающие подчерненные глаза имитировали прищур веселья; вялое лицо было размалевано лживыми иероглифами оживления.

- Пошли со мной наверх, детуля, - вскричала омерзительная красотка. - Гулять будем, веселиться будем!

- Самое забавное, - сказал бродяга, - что маску этой девы предписывает обычай, требуя, чтобы те, кто продает наслаждение, изображали радость. Требование, мой друг, нелегкое, и не на всякую профессию оно налагается. Заметь: торговке рыбой дозволено не любить селедку, торговец овощами может в рот не брать репы, даже мальчишке-газетчику прощается неграмотность. Никто не требует, чтобы сами

святые угодники получали удовольствие от священного мученичества. Лишь смиренные продавцы наслаждений обязаны, подобно Танталу, вечно ждать недосягаемого пиршества.

- Твой друг - большой шутник, точно? - сказала накрашенная ведьма. - Но ты мне больше по нраву, крошка, от тебя у меня внутри все обмирает.

На шее у бесстыдницы болтался кулон с миниатюрными брелоками - черепом, пианино, стрелой, пинеткой и пожелтевшим зубом.

- Что это такое? - полюбопытствовал Марвин.

- Символы.

- Символы чего?

- Пойдем наверх, я тебе все объясню, миленок.

- Итак, - нараспев произнес ковбой-бродяга, - перед нами истинное непосредственное самовыражение пробудившейся женской натуры, рядом с которым наши мужские причуды кажутся всего лишь детскими игрушками.

- Пшли! -воскликнула гарпия и завертела мощным торсом, имитируя страсть, которая казалась еще более отталкивающей из-за того, что была неподдельна.

- Большое вам, э... э спасибо, - промямлил Марвин, - но сейчас я, пожалуй, не...

- Ты не жаждешь любви? - недоверчиво переспросила женщина.

- Вообще-то не очень.

Женщина уперла суковатые кулаки в крутые бедра и сказала:

- Кто бы мог подумать, что я доживу до такого дня?

Ладонью, по размерам и форме не уступающей чилийскому плащу-пончо, она вцепилась ему в горло.

- Пойдешь тотчас же, гнусный, трусливый, эгоистичный ублюдок с нарциссовым комплексом, иначе, клянусь Аресом, я сверну тебе шею как цыпленку!

Казалось, драмы не миновать, ибо страсть лишала женщину способности умерять свои желания.

К счастью, ковбой-бродяга, повинуясь если не природным склонностям, то по крайней мере велению рассудка, выхватил из кобуры веер, жеманно склонился к разъяренной женщине и похлопал ее по носорожьей руке.

- Не смей делать ему больно! - приказал он скрипучим контральто.

Марвин быстро, хоть и не в тон, подхватил:

- Да, скажи ей, чтоб перестала меня лапать! По-моему, это уж слишком, нельзя даже спокойно выйти вечером из дому, сразу нарвешься на скандал...

- Не плачь, бога ради, не плачь! - прервал его ковбой-бродяга. - Знаешь ведь, я не выношу, когда ты плачешь!

- Я не плачу! - насморочно всхлипнул Марвин. - Просто она разорвала на мне рубашку. Твой подарок!

- Подарю другую! - утешил ковбой. - Только не надо больше сцен!

Женщина глазела на них, разинув рот, и Марвин воспользовался ее секундным замешательством, вынул из сумки с инструментами ломик, подсунул его под распухшие багровые пальцы женщины и высвободился из ее хватки. Пользуясь благоприятным моментом, Марвин и ковбой-бродяга опрометью метнулись в дверь, в два прыжка свернули за угол, перескочили через мостовую и стремительно понеслись навстречу свободе.

Когда непосредственная опасность миновала, Марвин сразу же пришел в себя. С глаз спала пелена метафорической

деформации, наступила перцептивно-эмпирическая ремиссия. Теперь стало до боли ясно, что "ковбой-бродяга" на самом деле не ковбой, а крупный жук-паразит вида "кфулу". Ошибки быть не могло: жуки кфулу отличаются вторичным слюнным потоком, расположенным чуть пониже и левее подпищеводного ганглия.

Жуки эти питаются чужими эмоциями - их собственные давным-давно атрофировались. Как правило, они прячутся в темных закоулках, поджидая, чтобы беззаботный цельсианин прошел в поле досягания их рецепторов. Именно такое и случилось с Марвином.

Осознав это, Марвин направил на жука столь сильное чувство гнева, что кфулу - жертва сверхостроты своих эмоциональных рецепторов - свалился без сознания. Затем Марвин оправил на себе золотисто-бронзовую оболочку, напружинил щупальца и двинулся по дороге дальше.

XVI

Он подошел к мосту, переброшенному через широкую и быструю песчаную реку. И, дойдя до середины моста, уставился вниз, на черные глубины, что непреклонно текли к таинственному песчаному морю. Он смотрел, как загипнотизированный, а кольцо в носу отбивало мелкую дробь втрое чаще, чем сердце. И думалось Марвину:

"Всякий мост - единство противоположностей. Горизонтальная его протяженность свидетельствует о том, что все на свете проходит, а вертикали неумолимо напоминают о грозящих неудачах, о неизбежности смерти. Мы все пробиваемся вперед, невзирая на препятствия, но под ногами у нас разверзается бездна расплаты за первородный грех. Мы строим, воздвигаем, сооружаем, но верховный архитектор - смерть, она создает вершины лишь затем, чтобы существовали пропасти.

Перебрасывайте же ваши великолепные мосты хоть через тысячу рек, о цельсиане, соединяйте разобщенные части своей планеты. Ваше мастерство напрасно, ибо могила все еще у вас под ногами, она все еще ждет, все еще терпелива. Перед вами открыт путь, цельсиане, но он неминуемо ведет к смерти. Несмотря на всю вашу хитрость, цельсиане, вы никак не можете понять простую вещь. У сердца такая форма специально для того, чтобы его пронзила стрела. Остальные эффекты - побочные".

Вот о чем думал Марвин, стоя на мосту. И его одолела великая тоска, желание перечеркнуть все желания, отказаться от боли и удовольствий, забыть мелкие радости и горести успехов и неудач, покончить с развлечениями и продолжить дело жизни, которое сводится к смерти.

Медленно взобрался он на парапет и встал, балансируя над вихрящимися струями песка. И тут он заметил краешком глаза, как от столба отделяется тень, нерешительно подходит к парапету, склоняется над бездной и с опасностью для жизни перевешивается...

- Стой! Погоди! - вскричал Марвин. Его разрушительные стремления мгновенно угасли. Видел он лишь одно: живое существо на краю гибели.

Тень ахнула и рванулась к зияющей бездне. В тот же миг Марвин кинулся к тени и ухватил ее за ногу.

Нога так отчаянно отбрыкивалась, что Марвин чуть не перелетел через парапет. Однако он быстро оценил обстановку, впился присоском в пористый камень пешеходной

дорожки, для упора расставил пошире нижние конечности, двумя верхними обвил фонарный столб, а двумя свободными руками удерживал спасенного.

Настал миг напряженного равновесия; затем сила Марвина сломила сопротивление незадачливого самоубийцы. Медленно, осторожно Марвин начал стаскивать спасенного вниз - отпустил предплюсну, перехватил его ногу в области большой берцовой кости и тянул вниз до тех пор, пока неизвестный не оказался в безопасности на проезжей части моста.

От собственных мрачных помыслов и следа не осталось. Марвин сгреб самоубийцу за плечи и свирепо встряхнул.

- Дурак несчастный! - закричал он. - Что это за трусость? Только идиот или безумец сводит так счеты с жизнью. Неужто у тебя вовсе нет силы воли, чертов ты...

Он вовремя прикусил язык. Перед ним, отведя взгляд, дрожал незадачливый самоубийца. И Марвин только теперь заметил, что спас женщину.

XVII

Позже, в отдельном кабинете примостного ресторана, Марвин извинился за резкие слова, что вырвались у него не от души, а по вспыльчивости. Но женщина, грациозно помахав лапкой, отказалась принять извинение.

- Вы ведь правы, - сказала она. - Мой поступок - поступок идиотки или безумной, или той и другой. Боюсь, ваше определение точно. Надо было дать мне прыгнуть.

Марвин заметил, что она красива. Миниатюрная, ему едва по грудь, но сложена безукоризненно. Брюшко подобно точеному цилиндру, гордая головка наклонена к телу под углом пять градусов (от такого наклона щемило на сердце). Черты лица совершенны, начиная от милых шишечек на лбу и кончая квадратной челюстью. Два яйцеклада скромно прикрывает белый атласный шарф покроя "принцесс", обнажая лишь соблазнительную полоску зеленой кожи. Ножки в оранжевых обмотках, подчеркивающих гибкие сегменты сустава.

Пусть она незадачливая самоубийца - для Марвина она была самой ослепительной красавицей из всех, кого ему довелось повидать на Цельсии.

От ее красоты у Марвина пересохло в горле и зачастил пульс. Он поймал себя на том, что не сводит глаз с белого атласа, скрывающего и оттеняющего высокие яйцеклады. Он потупился и поймал себя на том, что разглядывает сладострастное чудо - длинную членистую ногу. Густо краснея, он заставил себя смотреть на сморщенную родимую шишечку на лбу.

Женщина, казалось, не замечала его пылкого внимания. Она простодушно предложила:

- Может, мы познакомимся, раз уж так получилось?

Оба неудержимо расхохотались над ее остротой.

- Марвин Флинн, - представился Марвин.

- Фристия Хелд, - назвалась молодая женщина.

- Я буду звать вас Кэти, если вы не возражаете, - сказал Марвин.

Они снова рассмеялись. Затем Кэти стала серьезной. Увидя, как быстро летит время, она сказала:

- Еще раз большое вам спасибо. А теперь мне пора.

- Конечно, - ответил Марвин, тоже вставая. - Когда мы увидимся?

- Никогда, - проговорила она тихо.

- Но мне это необходимо! - воскликнул Марвин. - Я хотел

сказать - теперь, когда я вас нашел, я ни за что не соглашусь вас потерять.

Она грустно покачала головой.

- Вы будете вспоминать обо мне хоть изредка? - прошептала она.

- Мы не должны расставаться! - сказал Марвин.

- Ничего, переживете, - ответила она вовсе не в строгом тоне.

- Я теперь никогда больше не улыбнусь, - пригрозил Марвин.

- Кто-нибудь займет мое место, - предсказала она.

- Вы просто демон-искуситель! - вскричал он в ярости.

- Мы разошлись, как в море корабли, - поправила она.

- Неужели мы не встретимся? - осведомился Марвин.

- Время покажет.

- Я бы ходил за вами как тень, - с надеждой сказал Марвин.

- К востоку от солнца и к западу от луны, - произнесла она нараспев.

- Как вы немилостивы, - надулся Марвин.

- Я забыла про время, - сказала она. - Но теперь я о нем вспомнила!

С этими словами она вихрем метнулась к двери и исчезла. Марвин проводил ее глазами, потом сел за стойку бара.

- Один за мою крошку, другой на дорожку, - бросил он бармену.

- Все бабы фальшивые, - сочувственно заметил бармен, наполняя бокалы.

- При ней иссохну, без нее сохну, хандра у меня, - пожаловался Марвин.

- Парню нужна девушка, - изрек бармен.

Марвин осушил бокал и снова протянул его бармену.

- Розовый коктейль за мою голубую мечту, - распорядился он.

- Может, она устала, - предположил бармен.

- Не знаю, за что я ее так люблю, - констатировал Марвин. - Но по крайней мере знаю, отчего в небе померкло солнце. Среди моего одиночества она преследует меня, как бренчанье пианино в соседней квартире. Я буду поблизости, как бы она со мной ни обращалась. Может, все это напрасно, но я сохраню в памяти весну и ее, и не для меня ласкает кроны вешний ветерок, и...

Неизвестно, долго ли продолжал бы Марвин свои причитания, если бы где-то на уровне его ребер, на два фута влево, кто-то не прошептал:

- Эй, миштер!

Обернувшись на зов, Марвин увидел на соседнем табурете маленького толстенького цельсианина в лохмотьях.

- Чего тебе? - грубо спросил Марвин.

- Вы хотеть видеть тот очень красивый мучача еще раз?

- Да, хочу. Но что ты можешь...

- Я частный сыщик разыскивать безвестно пропавших успех гарантирован иначе ни цента в вознаграждение.

- Что за странный у тебя говор? - поразился Марвин.

- Ламбробианский, - ответил сыщик. - Я Хуан Вальдец, родом из земель фиесты, что у самой границы, а сюда, в большой город Норт, я приехал сколотить состояние.

- Чучело гороховое, - ощерился бармен.

- Какая вещь ты меня называть? - с подозрительной кротостью переспросил маленький ламбробианин.

- Я назвал тебя "чучело гороховое", паршивое ты чучело

гороховое, - ощерился бармен.
- Так я и услышать, - сказал Вальдец. Он потянулся к поясу, вытащил длинный нож с двусторонним лезвием и, всадив его бармену в сердце, уложил того на месте.
- Я человек кроткий, сеньор, - обратился он к Марвину. - Я не легко обижаться. Право же, в родном селе Монтана Верде де лос трес Пикос меня считать безобидный. Я ничего не просить, только разводить пейотовый побеги в высоких горах Ламбробии под сень того дерева, что называться "шляпа от солнца", ибо то есть лучшие в мире пейотовые побеги.
- Вполне сочувствую.
- И все же, - продолжал Вальдец с нажимом в голосе, - когда эксплойтатор дельнорте оскорбляет меня, а теме самым позорит память взрастивших меня родителей, о сеньор, тогда глаза мои застилает красный туман, нож сам вскакивает ко мне в руку и оттуда без пересадки вонзается в сердце тому, кто обидел сына бедняка.
- С каждым может случиться, - сказал Марвин.
- А ведь несмотря на острое чувство чести, - заявил Вальдец, - я в общем-то как дитя - порывист и беспечен.
- Я, собственно, успел это заметить, - отозвался Марвин.
- Но хватит об этом. Так вы хотеть нанять меня сыщик искать девушка? Ну конечно. Эль буэн пано эн эль арва се венде, вердад? (11)
- Си, омбре, - со смехом ответил Марвин. - И эль дезео венсе аль миедо (12)!
- Луэс, аделанте (13)!
И рука об руку два приятеля шагнули в ночь под тысячи сверкающих звезд, подобных остриям пик несметного воинства.

XVIII

Выйдя из ресторана, Вальдец обратил смуглое усатое лицо к небесам и отыскал созвездие Инвидиус, которое в северных широтах безошибочно указывает на северо- северо-восток. Приняв его за базисную линию, Вальдец мысленно начертил крест с учетом ветра (дующего в щеку с запада со скоростью пять миль в час) и мха на деревьях (отрастающего с северной стороны стволов роняписа на миллиметр в день). Он сделал поправку на восточную погрешность - один фут на милю (снос) и южную погрешность - пять дюймов на сто ярдов (совокупность эффектов тропизма). Затем, приняв к сведению все данные, зашагал в юго-юго-западном направлении.
Марвин последовал его примеру. Не прошло и часу, как они вышли из городской черты на покрытые жнивьем поля. Еще через час исчезли последние признаки цивилизации, потянулось нагромождение гранита и скользкого полевого шпата.
Вальдец не выказывал намерения остановиться, и в Марвине смутно шевельнулось беспокойство.
- Нельзя ли все же узнать, куда мы идем? - спросил он наконец.
Вальдец сверкнул белозубой улыбкой на загорелой физиономии цвета сиены:
- Искать вашу Кэти.
- Неужто она живет так далеко от города?
- Понятия не имею, где она живет, - пожал плечами Вальдец.
- Не имеете?
- Да, не имею.
Марвин остолбенел.
- Но вы же говорили, будто знаете.

- Никогда я ничего подобного не говорил ни прямо, ни косвенно, - сказал Вальдец, наморщив темно-коричневый лоб. - Я говорил, что помогу вам искать ее.
- Но если вы не знаете, где она живет...
- Совершенно неважно, - заявил Вальдец, строго подняв куцый палец. - Наши поиски не имеют ничего общего с тем, где Кэти живет; наши поиски сводятся к простейшей задаче - найти саму Кэти. По крайней мере так я вас понял.
- Да, конечно; - сказал Марвин. - Но если мы идем не туда, где она живет, то куда мы идем?
- Туда, куда она будет, - безмятежно ответил Вальдец.
- Ага, - сказал Марвин.
Шли они сквозь вздымающиеся чудеса минерального царства и, наконец, пришли к низкорослым холмам, что как усталые моржи залегли вокруг искрящегося голубого кита - величественной горной цепи. Прошел еще час, и Марвин опять забеспокоился. Однако на сей раз он высказал свои сомнения обиняками, надеясь выведать тайну хитростью.
- А вы давно знаете Кэти? - спросил он.
- Ни разу не имел удовольствия встретиться, - ответил Вальдец.
- Значит, впервые увидели ее со мной в ресторане?
- К сожалению, даже там я ее не видел, ибо, пока вы с ней беседовали, я в мужском туалете выгонял из почки камень. Возможно, я заметил ее краешком глаза, когда она распрощалась с вами и вышла, но скорее всего то был допплеровский эффект, созданный красным турникетом.
- Значит, вы вообще ничего не знаете о Кэти?
- Только то немногое, что слышал от вас; а это, по совести, практически ничего.
- Так как же вы собираетесь отвести меня туда, где она будет? - возмутился Марвин.
- А очень просто, - ответил Вальдец. - Если бы вы хоть на секунду задумались, вам бы сразу все стало ясно.
Марвин задумался на целых несколько секунд, но орешек оказался ему не по зубам.
- Будем рассуждать логически, - сказал Вальдец. - Какая передо мной задача? НАЙТИ КЭТИ. Что мне известно о Кэти? Ничего.
- Не очень-то вы меня обнадеживаете.
- Но это лишь половина задачи. Допустим, мне ничего не известно о Кэти; но что мне известно об отыскании?
- Что?.. - спросил Марвин.
- Представьте, об отыскании мне известно решительно все, - торжествующе объявил Вальдец, размахивая изящными терракотовыми руками. - Ибо я специалист по теории поисков!
- По чему? - переспросил Марвин.
- По теории поисков, - повторил Вальдец уже не так торжествующе.
- Понятно, - сказал Марвин, ничуть не потрясенный. - Что же, замечательно. Я уверен, что теория великолепна. Но если вы ничего не знаете о Кэти, не представляю, чем вам поможет даже самая прекрасная теория.
Вальдец вздохнул (отнюдь не демонстративно) и провел красновато-коричневой ладонью по усам.
- Дружище, если бы вам было известно о Кэти все - ее привычки, друзья, желания, антипатии, надежды, страхи, мечты, планы и тому подобное, - как по-вашему, удалось бы вам ее найти?
- Наверняка удалось бы, - ответил Марвин.
- Несмотря на то, что вы ничего не знаете о теории

поисков?

- Да.

- Что-ж, - а теперь рассмотрим обратный случай. О теории поисков я знаю решительно все. Следовательно, мне нет нужды знать что-либо о Кэти.

Они безостановочно шагали вверх по склону горы, а склон становился все круче. Выл и хлестал в лицо колючий ветер, на тропинке под ногами появились лоскутья инея.

Вальдец углубился в тонкости теории поисков, привел следующие характерные случаи: Гектор ищет Лизандра, Адам поджидает Еву, Галахад отправляется на поиски чаши святого Грааля, ФредДоббс разведывает сокровища Сьерра-Мадре, Эдвин Арлингтон Робинсон выявляет диалектальные особенности типично американской milieu (14), Гордон Слан разыскивает Наяду Маккарти, энтропия преследует энергию, бог присматривает за человеком, а янг исследует имм.

- Из этих примеров, - говорил Вальдец, - мы строим общую концепцию поисков и ее основные следствия.

Марвин был слишком подавлен, чтобы ответить. Ему вдруг пришло в голову, что в этой ледяной безводной пустыне и погибнуть недолго.

- Как ни смешно, - продолжал Вальдец, - теория поисков навязывает нам немедленный вывод: ничто не теряется в истинном (или идеальном) смысле этого слова. Судите сами. Для того, чтобы вещь потерялась, должно существовать какое-то место, в котором она потерялась. Однако найти такое место невозможно, поскольку простое множество не подразумевает качественного различия. Или, выражаясь терминами поисков, одно место похоже на любое другое. Поэтому мы заменяем понятие "потеря" понятием "неопределенное местонахождение", которое, само собой, поддается математическому анализу.

- Но ведь, если Кэти по-настоящему не потерялась, - сказал Марвин, - значит, ее нельзя по-настоящему найти.

- Суждение само по себе справедливое, - ответил Вальдец. - Но это, конечно, всего-навсего ИДЕАЛЬНОЕ суждение, в данном случае оно недействительно. Для практических целей теорию поисков надо модифицировать. Больше того, надо коренным образом изменить главную посылку и вернуть к первоначальной концепции Потерянного и Найденного.

- Звучит страшно путано.

- Ну, это все довольно просто, лишь бы осилить теорию, - успокоил Марвина Вальдец. - А теперь, чтобы гарантировать успех, нам надо выбрать оптимальный принцип поиска. Самоочевидно, что, если оба будут активно искать, вероятность того, что вы найдете друг друга, резко уменьшится. Представьте себе, что двое ловят друг друга по бесконечным многолюдным анфиладам универсального магазина; и сравните такой метод с усовершенствованной стратегией, когда один ищет, а другой стоит на месте и спокойно ждет, пока его найдут.

Математически это формулируется чрезвычайно сложно, вам придется поверить мне на слово. С наибольшей вероятностью вы разыщете девушку или она разыщет вас, если кто-то один будет разыскивать, а другой - позволит себя разыскивать. Народная мудрость так и гласит.

- Так что же будем делать?

- Я ведь вам твержу! - вскричал Вальдец. - Один должен искать, другой - ждать. Поскольку мы не в состоянии держать поступки Кэти под контролем, придется исходить из того, что она, следуя своему инстинкту, разыскивает вас. Поэтому вы

должны подавить свои инстинкты и ждать, тем самым позволив ей вас найти.
- Ждать? Только и всего? - переспросил Марвин.
- Вот именно.
- И вы серьезно думаете, что она меня найдет?
- Ручаюсь жизнью.
- Что ж... Ладно. Но куда же мы, в таком случае, направляемся?
- В то место, где вы будете ждать. На языке специалистов - в пункт обнаружения.
У Марвина был оторопелый вид, поэтому Вальдец объяснил поподробнее:
- Математическое ожидание того, что она вас найдет, для всех мест одинаково. Поэтому пункт обнаружения мы можем выбирать произвольно.
- И какой же вы выбрали пункт обнаружения? - спросил Марвин.
- Поскольку это роли не играет, - ответил Вальдец, - я выбрал село Монтана Верде де лос трес Пикос в провинции Ацеланте страны Ламбробии.
- Это, кажется, ваша родина? - спросил Марвин.
- Вообще-то да, - сказал Вальдец, несколько удивленный и сконфуженный. - Потому- то, верно, мне о нем сразу подумалось.
- Но ведь до Ламбробии, по-моему, очень далеко?
- Порядочно, - признался Вальдец. - Но мы время зря не потеряем: я обучу вас логике, а также народным песням моей страны.
- Это нечестно.
- Дружище, - сказал ему на это Вальдец, - когда вы принимаете чью-то помощь, довольствуйтесь тем, что вам дают, а не тем, что вы хотели бы взять. У меня, как и у всех, возможности ограниченные, но с вашей стороны попрекать меня их ограниченностью - черная неблагодарность.
Пришлось Марвину это снести: он понимал, что вряд ли найдет обратную дорогу без посторонней помощи. И они зашагали дальше по горам, распевая народные песни.

XIX

Они все шли да шли вперед по зеркальному склону большой горы. Свистал и выл ветер, трепал одежду, норовил оторвать перетруженные пальцы. Крошился под ногами предательский ноздреватый лед, когда путники судорожно искали опоры, прижимая исхлестанные тела к обледенелому склону и на манер пиявок передвигаясь по ослепительной поверхности.
Вальдец сносил все с равнодушием святого.
- Это есть трудно, - ухмыльнулся он. - Но все же ради ваша любовь к той женщина вы не раскаиваться, си?
- Да, уж конечно, - пробормотал Марвин. По правде говоря, у него появились сомнения. В конце концов с Кэти он не провел и часу.
Рядом прогремел снежный обвал, тонны белой смерти пронеслись буквально в дюймах от изнемогающих странников. Вальдец безмятежно улыбнулся.
- За всеми препятствиями, - нараспев произнес он, - вас ждет вершина мироздания - лицо и фигура возлюбленной.
- Да, уж конечно, - откликнулся Марвин.
Вокруг вихрились и сверкали копья ледяных сосулек, сорванных с высокой докальмы. Марвин стал было думать о Кэти и обнаружил, что не помнит, как она выглядит. Ему

пришло в голову, что любовь с первого взгляда сильно переоценивают.

Впереди неясно виднелся обрыв. Марвин поглядел на него, на мерцающие ледяные поля за ним и пришел к выводу, что игра, собственно, не стоит свеч.

- По-моему, - сказал Марвин, - нам лучше вернуться.

Вальдец чуть заметно улыбнулся, помедлил в самом начале головокружительного спуска в бушующий ветрами ад фантастических снежных гор.

- Дружище, - сказал он, - я знаю, почему вы так говорите.

- Знаете? - переспросил Марвин.

- Конечно. Вы явно не хотите, чтобы я рисковал своею жизнью, продолжая безрассудные, хоть и возвышенные, поиски. И явно намереваетесь пуститься на поиски в одиночку.

- Вы так считаете? - переспросил Марвин.

- Безусловно. Даже самый невнимательный наблюдатель заметит, что вы твердо решили искать свою любовь, невзирая ни на какие опасности, - такой уж у вас железный характер. Точно так же ясно, что вашей благородной и великодушной натуре претит мысль вовлечь преданного друга и надежного товарища в столь гиблую авантюру.

- Да вот, - начал Марвин, - я не уверен...

- Зато я уверен, - спокойно заявил Вальдец. - И на ваш невысказанный вопрос отвечаю так: "Дружба подобна любви - она не ведает границ".

- Что ж, это очень мило с вашей стороны, - сказал Марвин, не сводя глаз с обрыва. - Но вообще-то я не так уж коротко знаком с Кэти и не знаю, подходим ли мы с ней друг другу. Так что в конце концов, может быть, нам лучше уносить отсюда ноги.

- Вашим словам недостает убеждения, дружище, - рассмеялся Вальдец. - Умоляю вас, не тревожьтесь о моей безопасности.

- Собственно говоря, - возразил Марвин, - я тревожусь о своей безопасности.

- Пустое! - весело вскричал Вальдец. - Жар страсти обличает наигранную холодность ваших слов. Вперед, дружище!

По-видимому, Вальдец твердо решил силой привести Марвина к Кэти, хочет того Марвин или нет. Единственный выход - нанести молниеносный удар в челюсть, после чего можно будет утащить Вальдеца, да и самому вернуться назад к цивилизации. Марвин бочком подался вперед.

Вальдец попятился.

- О нет, дружище! - вскричал он. - Опять-таки самонадеянная любовь выдает все ваши побуждения. Оглушить меня хотите, не так ли? А потом, удостоверясь, что мне здесь удобно, что я в безопасности и обеспечен едой, вы ринетесь один-одинешенек в белую пустыню. Но я отказываюсь подчиняться. Мы продолжим путь вместе, компадре.

И, взвалив на плечи рюкзак со всей провизией, Вальдец начал спускаться по обрыву. Марвину оставалось только последовать за ним.

Не будем утомлять читателя подробностями великого перехода через горы Мореску, страданиями обалдевшего от любви юного Флинна и его непоколебимого спутника. Не будем описывать ни причудливые галлюцинации, мучившие странников, ни временное помешательство Вальдеца, когда он вообразил себя пташкой, способной перемахнуть через тысячефутовую бездну. Точно так же никого, кроме философов, не заинтересует психологический процесс, в результате которого Марвин от размышлений о принесенных им жертвах, через привязанность к упомянутой даме, пришел к пылкой

привязанности, затем к любви и, наконец, к всепоглощающей страсти.

Достаточно сказать, что все это было, что путешествие по горам длилось много дней и принесло много переживаний. Но, наконец, оно завершилось.

С гребня последней горы Марвин глянул вниз и вместо ледяных полей увидел зеленые луга, холмистые леса под летним солнцем и деревушку, приютившуюся в речной извилине.

- Это... это не... - начал Марвин.

- Да, сын мой, - тихо сказал Вальдец. - Это село Монтана де лос Пикос, провинция Аделанте, страна Ламбробия, в долине Последождика.

Марвин поблагодарил своего гуру - никаким другим словом не обозначишь роль, сыгранную лукавым, безгрешным Вальдецом, - и стал спускаться в пункт обнаружения, где должен был поджидать Кэти.

XX

Монтана де лос Пикос! Здесь среди прозрачных озер и высоких гор простые добродушные крестьяне неторопливо трудятся под лебедиными шеями пальм. В полдень и в полночь по амбразурам стен старинного замка прокатывается жалобное эхо гитарных переборов. Шоколадно-коричневые девы собирают палые гроздья винограда, а за ними надзирает усатый каюк с дремлющим кнутом, намотанным на мохнатую кисть. В этот-то странный, но привлекательный осколок отошедшей эпохи и привел Флинна верный Вальдец.

Сразу за околицей села, на живописном пригорке, стояла гостиница, или посада. Туда-то и устремился Вальдец.

- А это действительно лучшее место для ожидания? - спросил Марвин.

- Нет, не лучшее, - с всеведущей улыбкой ответил Вальдец. - Но, выбрав его, а не запыленную городскую площадь, мы избегли ошибки "мнимо-оптимального варианта". К тому же тут гораздо уютнее.

Марвин склонился перед высокой мудростью усатого спутника и устроился в посаде как дома. Он сел за вкопанный в землю стол, откуда хорошо просматривался двор и дорога за ним. Он подкрепился фляжкой вина и в соответствии с теорией поиска приступил к выполнению своей теоретической функции, а именно - стал Ждать.

Час спустя Марвин заметил, что по белой глянцевой ленте дороги медленно движется крохотная темная фигурка. Она приблизилась, и Марвин увидел перед собой уже немолодого человека, согнутого под бременем тяжелого цилиндрического предмета. Но вот человек поднял изможденное лицо и взглянул Марвину прямо в глаза.

- Дядя Макс! - закричал Марвин.

- А-а, Марвин, здравствуй, - отвечал дядя Макс. - Будь добр, налей мне стаканчик вина. Дорога уж очень пыльная.

Марвин налил стакан вина, с трудом веря собственным глазам: ведь дядя Макс таинственно исчез лет десять назад. Последний раз его видели, когда он играл в гольф при загородном клубе "Фэйрхэвен".

- Что с тобой приключилось? - спросил Марвин.

- На двенадцатой лунке угодил в искривление времени, - ответил дядя Макс. - Если вернешься на Землю, Марвин, поговори об этом с директором клуба. Я ведь никогда не был кляузником; но мне представляется, что финансовую комиссию надо поставить в известность, пусть обнесет аварийный

участок забором или какой-нибудь изгородью. Я-то ладно, а вот если исчезнет ребенок, будет большой скандал.

- Конечно, поговорю, - сказал Марвин. - Но, дядя Макс, сейчас-то ты куда направляешься?

- У меня свидание в Самарре (15), - отвечал дядя Макс. - Спасибо за вино, мальчик, и побереги себя. Кстати, знаешь ли ты, что у тебя в носу что-то тикает?

- Знаю, - сказал Марвин. - Это бомба.

- Надо полагать, ты отдаешь себе отчет в своих поступках, - сказал дядя Макс. - До свидания, Марвин.

И дядя Макс устало потащился дальше по дороге; сумка для гольфа покачивалась у него за спиной, а клюшка N 2 была вместо посоха. Марвин возобновил прерванное ожидание.

Полчаса спустя Марвин заметил, что по дороге спешит какая-то женщина. В нем всколыхнулась было надежда, но он тотчас же тяжело опустился на стул. Это была отнюдь не Кэти, а всего-навсего его мать.

- Далеко ты забралась от дома, мамуля, - сказал он спокойно.

- Знаю, Марвин, - откликнулась мать. - Но меня, понимаешь, схватили торговцы живым товаром.

- Господи, мамуля! Как это случилось?

- Видишь ли, Марвин, - рассказала мать, - я пошла отнести рождественские гостинцы одной бедной семье в переулке Вырвиглаз, а там, как на грех, полицейская облава, и вообще много чего приключилось, и меня опоили наркотиками, и очнулась я в Буэнос-Айресе, в роскошной комнате, а возле меня стоял чело- век, делал мне глазки и на ломаном английском языке спрашивал, не хочу ли я побаловаться. А когда я сказала "нет", он сгреб меня с явно гнусными намерениями.

- Ух ты! А что потом?

- Да что ж, - сказала мать, - на мое счастье, я вспомнила прием, которому меня научила миссис Джесперон. Ты знаешь, что человека можно убить, если сильно ударить пониже носа? Не хотелось мне так делать, Марвин, но это оказалось наилучшим выходом. И вот я очутилась на улицах Буэнос-Айреса, а потом потянулось то, другое, одно за одним, и вот я здесь.

- Вина выпьешь? - предложил Марвин.

- Спасибо за внимание, - сказала мать, - но мне, право же, пора.

- Куда ты?

- В Гавану, - ответила мать. - У меня поручение к Гарсии. Марвин, ты не простужен?

- Нет, это я гнусавлю оттого, что у меня в носу бомба.

- Побереги себя, Марвин, - сказала мать и заторопилась дальше.

Шло время. Марвин пообедал на веранде, запил обед графином Сангре ди Омбре урожая ...36-го года и расположился в густой тени беленого палладиума. Золотое солнце потянулось к горным вершинам. По дороге мимо гостиницы поспешно шел какой-то человек...

- Отец! - закричал Марвин.

- Добрый день, Марвин, - поздоровался отец, умело скрывая, как он ошарашен. - Должен тебе заметить, что ты мне попадаешься в самых неожиданных местах.

- Могу сказать о тебе то же самое, - ответил Марвин.

Отец нахмурился, поправил галстук и переложил чемоданчик в другую руку.

- В том, что я здесь, нет ничего удивительного, - сказал

он сыну. - Обычно твоя мать отвозит меня со станции домой на машине. Но сегодня она опоздала, и я пошел пешком. Раз уж я шел пешком, мне взбрело в голову срезать угол и пройти по площадке для гольфа.

- Понятно, - произнес Марвин.

- Признаться, - продолжал отец, - кратчайший путь оказался самым длинным, так как, по моим подсчетам, я гуляю по этой местности почти час, я то и больше.

- Папа, - сказал Марвин, - только не волнуйся, но дело в том, что ты уже не на Земле.

- Не вижу в твоей шутке ничего смешного, - заметил отец. - Я, бесспорно, дал кругаля, да и архитектура здесь не такая, какую рассчитываешь увидеть в штате Нью-Йорк. Но не сомневаюсь, что, если я пройду по этой дороге еще ярдов сто; то попаду на Эннендейл-авеню, а она выведет меня на перекресток Кленового и Елового переулков. А уж оттуда и до дома рукой подать.

- Наверное, ты прав, - сказал Марвин. Ему еще ни разу в жизни не удавалось переспорить отца.

- Мне пора, - сказал отец. - Между прочим, Марвин, тебе известно, что у тебя в носу какой-то чужеродный предмет?

- Да, сэр, - отвечал Марвин. - Это бомба.

Отец сурово нахмурился, испепелив сына взглядом, горько покачал головой и зашагал дальше.

- Не понимаю, - делился позднее Марвин с Вальдецом. - Почему они все меня находят? Это даже как-то противоестественно!

- Противоестественно, - заверил его Вальдец. - Но зато неизбежно, что гораздо важнее.

- Может, и неизбежно, - сказал Марвин. - Но и в высшей степени невероятно.

- Факт, - согласился Вальдец. - Хотя мы предпочитаем называть это форсированной вероятностью; другими словами, это одно из неопределенных обстоятельств, сопутствующих теории поиска.

- Боюсь, я не совсем понимаю, - сказал Марвин.

- Все довольно просто. Теория поиска - чистая теория; это значит, что на бумаге она подтверждается всегда. Но стоит только применить ее на практике, как мы сталкиваемся с трудностями, главная из которых - явление неопределенности. В самых простых словах происходит вот что: наличие теории препятствует подтверждению теории. Видите ли, теория не может учитывать свое влияние на самое себя. Идеальный вариант - когда теория поиска действует во вселенной, где вообще нет никакой теории поиска. Практически же (а нас волнует именно практика) теория поиска действует в мире, где есть теория поисков, которой свойствен так называемый "зеркальный эффект", или "эффект удвоения самой себя".

- Гмм... - промычал Марвин.

- Конечно, - прибавил Вальдец, - надо принимать в расчет лямбду-ши - выражение, обозначающее обратно пропорциональную зависимость всех возможных поисков и всех возможных находок. Так, когда в связи с неопределенностью прочих факторов лямбда-ши возрастает, вероятность неудачного поиска стремительно падает почти до нуля, а вероятность поиска успешного быстро увеличивается до единицы.

- Означает ли это, - спросил Марвин, - что из- за такого эффекта теории все поиски будут успешны?

- Именно, - ответил Вальдец. - Вы сформулировали превосходно, хотя и недостаточно строго. Все возможные поиски будут успешны в течение, или на протяжении периода,

соответствующего коэффициенту раскрытия системы.
- Теперь понятно, - сказал Марвин. - Если верить теории, я обязательно найду Кэти.
- Да, - подхватил Вальдец. - Вы обязательно найдете Кэти: больше того, вы обязательно найдете всех и каждого. Единственное ограничение - коэффициент раскрытия системы, или РС.
- Вот оно что, - протянул Марвин.
- Естественно, поиски бывают успешными лишь в течение срока, или периода РС. Но длительность РС есть величина переменная, она колеблется от 6,3 микросекунды, до 1005,34543 года.
- А в моем случае сколько будет длиться РС? - спросил Марвин.
- Многие мечтали бы услышать ответ на этот вопрос, - искренне развеселился Вальдец.
- Этого-то я и боялся, - поскучнел Марвин.
- Наука - жестокий хозяин, - согласился Вальдец. Но тут же игриво подмигнул и сказал: - Правда, и самого жестокого из хозяев можно обвести вокруг пальца.
- Вы хотите сказать, что решение есть? - вскричал Марвин.
- К несчастью, не академическое, - ответил Вальдец.
- И все же, - сказал Марвин, - если оно правильное, то давайте попробуем.
- По-моему, не стоит, - ответил Вальдец.
- Я настаиваю, - сказал Марвин. - В конце концов в поиске заинтересован именно я.
- С точки зрения математики это к делу не относится, - заметил Вальдец. - Но вы, наверное, все равно не дадите мне покоя до тех пор, пока я вас не ублажу.
Вальдец удрученно вздохнул, извлек из пояса клочок бумаги и огрызок карандаша и спросил:
- Сколько монет у вас в кармане?
Порывшись в кармане, Марвин сказал:
- Восемь.
Вальдец записал эту цифру, потом выяснил год и день рождения Марвина, номер его удостоверения личности, размер обуви и рост в сантиметрах. Над этими данными он произвел какие-то математические выкладки. Затем попросил Марвина назвать наудачу любое число от 1 до 14. К названному числу он прибавил несколько своих, после чего несколько минут выводил какие-то каракули и что-то подсчитывал.
- Ну? - поторопил его Марвин.
- Помните, результат представляет собой всего-навсего статистическую вероятность, - сказал Вальдец, - и заслуживает доверия лишь как таковой.
Марвин кивнул. Вальдец продолжал:
- В нашем конкретном случае период раскрытия системы истекает ровно через одну минуту сорок восемь секунд плюс-минус пять минимикросекунд.
Он сверился с часами и удовлетворенно кивнул.
Марвин собрался было категорически запротестовать против такой несправедливости и спросить, почему Вальдец не произвел столь существенных подсчетов раньше. Но взгляд его упал на дорогу, неповторимой белизной светящуюся на фоне густой синевы вечера.
Он увидел, что по направлению к посаде медленно движется какая-то фигура.
- Кэти! - закричал Марвин. Ибо это действительно была она.

- Поиск завершен за сорок три минимикросекунды до истечения периода РС, - констатировал Вальдец. - Еще одно экспериментальное подтверждение теории поиска.
Но Марвин его не слышал: он устремился по дороге навстречу долгожданной своей любви и сжал ее в объятиях. А Вальдец, лукавый друг и молчаливый попутчик, скупо улыбнулся про себя и заказал еще бутылку вина.

XXI

Наконец-то они соединились: прекрасная Кэти, прогневавшая звезды и затравленная планетами, притянутая таинственной магией пункта обнаружения; и Марвин, молодой и сильный, с белозубой улыбкой, вспыхивающей на загорелом добродушном лице. Марвин, с задором и бездумной самоуверенностью юных собравшийся принять вызов древней непознаваемой вселенной; и рядом с ним Кэти, моложе годами, но много старше унаследованной интуитивной женской мудростью, прелестная Кэти, в красивых темных глазах которой словно притаилась задумчивая грусть, неуловимая тень предвидимой скорби, о которой Марвин и не подозревал, лишь чувствовал горячее, непреодолимое желание защищать и лелеять эту девушку, с виду такую хрупкую, окутанную тайной, которую она не может открыть, девушку, что, наконец, пришла к нему - человеку, лишенному тайны, которую мог бы открыть.
Счастье их было омрачено и возвышенно. В носу у Марвина тикала бомба, отсчитывала неумолимые мгновения его судьбы, создавала четкий метрономический ритм для танца любви. Ко чувство обреченности лишь теснее сплело две несхожие судьбы, вдохнуло в их отношения нежность и значимость.
Из утренней росы он создал для нее водопад, из разноцветных камешков на лугу у ручья сделал ожерелье красивее изумрудного, печальнее жемчужного. Она оплела его сетью шелковистых волос, увлекла его далеко вниз, в глубокие и бездонные воды, за пределы забвения. Он показал ей замерзшие звезды и расплавленное солнце; она подарила ему длинные перевитые тени и шуршанье черного бархата. Он протянул к ней руку и коснулся мха, травы, вековых деревьев, радужных скал; кончики ее пальцев задели старые планеты и серебряный свет луны, вспышки комет и вскрик испаряющихся солнц.
Они играли в такие игры, где он умирал, а она старилась; они делали так, чтобы испытать радость повторного рождения. Любовью они рассекали время на части и вновь складывали, лучшим, более емким, более медлительным. Их игрушками были горы, степи, равнины, озера. Души их искрились, словно дорогой мех.
Они стали любовниками. И не постигали ничего, кроме любви.
Но их любило далеко не все живое и неживое. Сухие пни, бесплодные орлы, зацветшие пруды таили злобу на их счастье. Клятвы и заверения любовников проходили мимо безотлагательности перемен, безразличных к тому, что предполагает человек, и с удовольствием продолжающих свою деятельность по разрушению вселенной. Выводы, не поддающиеся подтасовкам, угодливо подчинялись древним предначертаниям, записанным на костях, вкрапленным в кровь, вытатуированным на коже тела.
Бомбе предстояло взорваться. Тайна требовала раскрытия. А из страха рождались знание и печаль.
И однажды утром Кэти не стало, словно вовсе не бывало.

XXII

Ушла! Кэти ушла! Возможно ли? Неужто жизнь, этот мрачный шутник, вновь принялась за свои губительные шутки?

Марвин отказывался верить. Он обшарил все закоулки посады, терпеливо облазил всю деревушку. Нигде. Он продолжил поиски в ближайшем городе Сан Рамон де лас Тристецас, опросил официанток, домовладельцев, лавочников, проституток, полисменов, сводников, нищих и всех прочих. Он спрашивал, не видал ли кто девушки, прекрасной, как утренняя заря, с волосами красоты неописуемой, руками и ногами несравненной гибкости, с чертами лица, прелесть которых равняется лишь их правильности, и так далее. Но те, кого он спрашивал, грустно отвечали: "Увы, сеньор, мы не видали та женьчина, ни нынче, ни ранее, никогда в жизни".

Он успокоился ровно настолько, чтобы дать связное описание ее примет, и нашел на шоссе романтика, который видел девушку, похожую на Кэти, - она катила на запад в большом автомобиле вместе с плотным мужчиной, курившим сигарету. А какой-то трубочист подглядел, как она покидала город с золотисто-голубой сумочкой в руках. Шла она твердым шагом.

Затем подручный на бензозаправочной станции передал ему от Кэти в спешке нацарапанную записку, которая начиналась словами: "Марвин, милый, умоляю, постарайся понять меня и остальное было неразборчиво. простить. Я ведь много раз пыталась тебе сказать, мне позарез..."

остальное было неразборчиво

С помощью криптоанализатора Марвин разобрал заключительные слова: "Но я всегда буду тебя любить и надеюсь, что у тебя хватит великодушия изредка поминать меня добрым словом. Любящая тебя Кэти".

Остальные строки, превращенные горем в загадку, не поддавались никакой расшифровке.

Выразить смятение Марвина - все равно что пытаться передать предрассветный полет цапли: то и другое ни в сказке сказать, ни пером описать. Достаточно упомянуть, что Марвин подумывал о самоубийстве, но отделался от этой мысли.

Ничто не помогало. Опьянение лишь вызывало слезливость. Отречение от мира казалось детским капризом. Все это никуда не годилось, и Марвин ни на что не решился. С сухими глазами, точно живой труп, проводил он дни и ночи. Он ходил, разговаривал, даже улыбался. Был неизменно вежлив. Но его закадычному другу Вальдецу казалось, что настоящий Марвин погиб при мгновенном взрыве горя, а его место заняло плохо сделанное подобие человека. Марвина не стало; у куклы, занявшей его место, вид был такой, будто, исправно подделываясь под человека, она с минуты на минуту свалится от напряжения сил.

Вальдец был в растерянности и ужасе. Никогда старый лукавый специалист по поискам не сталкивался со столь трудным случаем. С отчаянной энергией пытался он вывести друга из состояния живой смерти.

Начал он с сочувствия:

- Я хорошо представляю, каково вам, мой несчастный друг, ибо однажды, когда я был еще совсем молод, мне довелось пережить то же самое, и я нахожу...

Это ни к чему не привело, и Вальдец испробовал грубость:

- Черт меня побери, да что вы разнюнились из-за дешевки, которая натянула вам нос? Клянусь адским огнем, вот что я

скажу: в нашем мире женщин не перечесть, и тот не мужчина, кто забивается скулить в уголок, когда можно любую приласкать без...

Бесполезно. Вальдец попробовал отвлечь внимание друга:

- Смотрите-ка, смотрите, вон там три птички на ветке, у одной в горле нож и в лапке скипетр, а поет она веселее остальных. Чем вы это объясняете, а?

Марвин ничем не объяснял. Невозмутимый Вальдец пытался пробудить в друге жалость к ближнему.

- Знаете, Марвин, малыш, лекари поглядели на эту мою экзему и сказали, что она смахивает на пандемическое импульжение. Жить мне осталось от силы двенадцать часов, а потом я плачу по счету и освобождаю место за столом для других желающих. Но в свои последние двенадцать часов я вот что хотел бы сделать...

Впустую. Вальдец попытался расшевелить друга философией:

- Простым крестьянам виднее, Марвин. Знаете, что они говорят? Сломанным ножом не выстругаешь хорошего посоха. По-моему, вам стоило бы подумать об этом, Марвин...

Но Марвин в прострации не желал об этом думать. Вальдец качнулся к гиперстрацианской этике:

- Значит, считаете себя раненым? Но рассудите: личность невыразима, уникальна и нечувствительна к внешним воздействиям. Поэтому ранена только рана; а она, будучи внешней по отношению к субъекту и чуждой интуиции, не создает повода для боли.

Марвин остался непоколебим. Вальдец обратился к психологии.

- Утрата возлюбленной, по Штейнметцеру, есть ритуально воспроизведенная утрата фекальной личности. Как ни забавно, мы-то полагаем, что скорбим о дорогих ушедших, а на самом деле убиваемся по невозвратимо утраченным экскрементам.

Но и эти слова не пробили броню пассивности Марвина. Его меланхоличная отвлеченность от всех человеческих ценностей казалась необратимой; такое впечатление усилилось, когда в один прекрасный день перестало тикать кольцо в носу. Никакая это была не бомба, а всего лишь серое предупреждение Мардуку Красу от избирателей. Над Марвином больше не висела непосредственная угроза, что ему разнесет голову.

Но и внезапная удача не вывела его из роботоподобного состояния. Его это ничуть не тронуло, он лишь мимоходом отметил про себя свое спасение, как отмечают проблеск солнышка из-за тучи.

Казалось, ничто не может на него повлиять. Даже терпеливый Вальдец в конце концов воскликнул:

- Марвин, вы паршивый зануда!

Но Марвин, нисколько не задетый, упорствовал в своем горе. И Вальдецу, да и всем добрым людям Сан-Рамона думалось, что этого человека не исцелить никакими силами.

И все же, как мало известно нам об изгибах и поворотах человеческого разума! Ибо на другой же день вопреки всем ожиданиям произошло новое событие; оно наконец-то сломило отрешенность Марвина и нечаянно настежь распахнуло шлюзы впечатлительности, за которыми он укрывался.

Одно-единственное событие! (Правда, само по себе оно было началом новой цепи случайностей - неприметным первым шагом в еще одной из бесчисленных драм вселенной.)

Началось, как ни нелепо, с того, что Марвин заметил в толпе лицо. Лицо странное, до тревоги знакомое. Где он успел изучить эту линию скул и лба, эти карие, чуть раскосые глаза, этот решительный подбородок?

Потом вспомнил: все это он давным-давно видел в зеркале.

Вот оно, настоящее, неподдельное лицо Марвина Флинна: его собственное лицо и тело, те самые, которые он давно искал и которых давно был лишен. Вот он, подлинный, неповторимый облик единственного и неподражаемого Марвина Флинна - ныне одухотворенного преступным разумом Зе Краггаша, похитителя тел!

Над Марвином насмешливо глумилось его собственное лицо! И настоящий Марвин Флинн, с которого мигом слетела вся пассивность, в гневе шагнул вперед и замахнулся кулаком.

Увидев его, Краггаш на мгновение остановился: его (марвиновы) глаза являли собой этюд в шоковых тонах, пальцы отбивали мелкую дрожь, уныло опущенные губы кривились в нервном тике. Затем Краггаш стремительно повернулся и опрометью бросился в узкую, темную и зловонную аллею.

Марвин Флинн не совсем еще потерял рассудок. У входа в зловещий тупик он замешкался; благоразумие подсказывало, что надо обзавестись помощником, прежде чем пускаться по неизученным виткам аллеи. Но он успел заметить, что под руку с Краггашем в аллее вот-вот скроется тоненькая фигурка.

Не может быть... И все же это действительно она - Кэти! Один раз она оглянулась, но серые глаза не узнали его. Потом она тоже исчезла в змеиных кольцах аллеи.

У здравого смысла, как великолепно знают лемминги, есть свои пределы. В этот миг эмоции Марвина преодолели его потенциальный самоконтроль. Он рванулся вперед - лицо пылало бессмысленной яростью, невидящие глаза налились кровью, щеки посерели, челюсть отвисла, как у припадочного, рот свела risus sardonicus (16), точно у малайца в амоке.

Пять шагов он сделал вслепую по тесной, тошнотворной аллее. На шестом под ногами у него осела плита - часть мостовой повернулась на скрытой оси. Марвина катапультировало вниз головой по спиральному каменному желобу, а над ним предательская плита аккуратно вернулась в исходное положение.

XXIII

Сознание возвращалось с мучительной смутностью. Марвин открыл глаза и обнаружил, что угодил в подземную темницу.

Темницу освещали только фырчащие факелы, вставленные в двойные железные подставки на стенах. Потолок, казалось, прижимал Марвина к полу - такой он был каменнобрюхий и угнетающий. С холодного гранита свисали непристойно растопыренные наросты, гирлянды плесени. Все было оборудовано в расчете на подавление человеческой души - промозглый гранит леденил как могила, эхо смаковало пронзительные крики боли, окраска с омерзительной точностью воспроизводила трупный цвет.

Откуда-то из тени выступил Краггаш.

- Похоже на то, - неторопливо произнес он, - что фарс слишком затянулся. Но развязка уже близка.

- Вы, значит, срепетировали последний акт? - хладнокровно спросил Марвин.

- Актеры знают роли наизусть, - ответил Краггаш и небрежно щелкнул пальцами.

В круг света от факелов вступила Кэти.

- Это выше моего разумения, - сказал Марвин просто.

- Ох, Марвин, как объясню я свою мнимую измену? - вскричала Кэти, и из ее серых с поволокой глаз хлынули слезы. - Что сделать, чтобы ты понял, какое множество

веских причин толкнуло меня на брак с Крагташем?

- Брак! - воскликнул Марвин.

- Я не смела признаться раньше - боялась, что ты рассердишься, - жалобно сказала Кэти. - Но, поверь, Марвин, он завлекал меня угрозами и равнодушием, а покорил темной силой - не стану притворяться, будто поняла ее природу. Больше того, наркотиками, двусмысленностями и коварными искусными ласками ему удалось одурманить меня и внушить мне поддельную страсть, так что в конце концов я стала трепетать, стоило мне коснуться его ненавистного тела или ощутить влажность постылых губ. И все это время мне не было дано утешаться религией и не было дано отличать истинное от ложного, и потому я уступила. Нет и не будет мне прощения ни в этой жизни, ни в следующей. Да я его и не прошу.

-Ах, Кэти, бедняжка моя Кэти! - твердил Марвин плачущей девушке.

- Ха, ха, ха! - засмеялся Краггаш. - Трогательная сценка, но скверно сыграна и к делу не относится. Впрочем, хватит. Входит новое и последнее действующее лицо!

Краггаш опять щелкнул пальцами. Из тени выступил человек в маске, с головы до ног закутанный в черное, с большой обоюдоострой секирой через плечо.

- Здрав будь, палач, - протянул Краггаш. - Вперед же, и исполни свой долг.

Палач вышел вперед и провел пальцами по лезвию секиры. Он занес оружие над головой, постоял в неподвижности и - о ужас! - захихикал.

- Руби! - взвыл Краггаш. - Ты что, ума решился? Руби, тебе говорят!

Но палач, не переставая хихикать, опустил секиру. Затем ловкими пальцами сорвал с себя маску.

- Сыщик Урдорф! - закричал Марвин.

- Да, это я, - сказал марсианский сыщик. - Мне очень жаль, Марвин, что мы причинили вам столько треволнений, но только так можно было успешно раскрыть дело. Мы с коллегой решили...

- С коллегой? - переспросил Марвин.

- Я имею в виду, - криво усмехнулся Урдорф, - чрезвычайного агента Кэтрин Мулвейви.

- Я... я, кажется, понимаю, - промямлил Марвин.

- Вообще-то все довольно просто, - сказал сыщик Урдорф. - Работая над вашим делом, я, как водится, прибег к услугам и к помощи других сыскных агентств. Трижды мы чуть не схватили преступника; но каждый раз ему удавалось ускользнуть. Так бы тянулось до бесконечности, не замани мы его в ловушку. Мы исходили из здравой теории: если Краггаш вас убьет, то станет законным хозяином вашего тела и не будет бояться, что с него потребуют возврата. И наоборот, пока вы живы, он не будет знать ни минуты покоя.

Итак, мы вовлекли вас в наш смертоубийственный план действий, надеясь, что Краггаш не устоит перед соблазном вас уничтожить. Остальное - детали.

Обернувшись к преступнику, сыщик Урдорф спросил:

- Краггаш, не желаете ли что-нибудь прибавить?

Вор с лицом Марвина элегантно прислонился к стене, скрестив руки, преисполненный достоинства.

- Осмелюсь сделать одно-два замечания, - сказал Краггаш. - Прежде всего позвольте доложить: ваш план был неуклюж и очевиден. Я с самого начала знал, что дело нечисто, и пошел на него в слабой надежде, что оно вдруг окажется верным. Поэтому такой финал меня не удивляет.

- Забавное рассуждение, - вставил Урдорф.
Краггаш пожал плечами.
- Во-вторых, хочу сообщить вам, что не испытываю ни малейших угрызений совести по поводу своего так называемого преступления. Если человек не умеет сохранить собственное тело, значит он заслуживает потери его. Я прожил долгую и бурную жизнь и заметил, что люди по первому требованию отдают свое тело любому проходимцу, а свой разум - в рабство каждому, кто потребует. Поэтому большинство людей неспособны отстоять даже природные свои права на тело и разум, предпочитая избавляться от этих хлопотных эмблем свободы.
- Вот классическая апология преступника, - заметил сыщик Урдорф.
- То, что совершает один человек, вы называете преступлением, - возразил Краггаш, - а то, что совершают многие, вы называете правительством. Лично я разницы не улавливаю, а потому отказываюсь ею руководствоваться.
- Мы можем тут играть словами целый год, - сказал сыщик Урдорф. - Но у меня нет времени на такие разминки. Испытайте свою логику на тюремном капеллане, Краггаш. Вы арестованы за незаконный Обмен Разумов, покушение на убийство и крупное хищение. Итак, я раскрыл дело номер сто пятьдесят восемь и переломил полосу неудач.
- В самом деле? - холодно вымолвил Краггаш. - По-вашему, все и впрямь так просто? Вы не учли, что в норе бывает второй вход.
Он явно издевался.
- Держи его! - заорал сыщик Урдорф.
Он, Марвин и Кэти устремились к Краггашу. Но прежде чем они подошли вплотную, преступник поднятой рукой быстро очертил магический круг в воздухе.
Круг пылал ослепительным пламенем!
Краггаш просунул в круг одну ногу. Нога исчезла.
- Если я вам нужен, - поддразнил он преследователей, - то вы знаете, где меня найти.
Они кинулись к нему, но Краггаш уже вступил в круг и исчез целиком, виднелась одна голова. Он подмигнул Марвину, и вот не стало и головы - только огненный круг.
- Скорей! - орал Марвин. - Хватай его!
Он повернулся к Урдорфу и с изумлением увидел, что плечи сыщика поникли, а унылое лицо посерело от отчаянья.
- Скорее! - крикнул Марвин.
- Бесполезно, - сказал Урдорф. - Я-то думал, что предусмотрел любые неожиданности... Но не эту. Молодчик явно невменяем.
- Что теперь делать? - взревел Марвин.
- Ничего, - сказал Урдорф. - Он ушел в Искаженный Мир, а я провалил дело номер сто пятьдесят восемь.
- Но ведь можно последовать за ним! - объявил Марвин, придвигаясь к пылающему кругу.
- Нет! Нельзя! - объявил Урдорф. - Вы не понимаете... Искаженный Мир означает смерть или безумие... или и то и другое! Шансы на возвращение у вас до того малы...
- Не меньше, чем у Краггаша, - прокричал Марвин и вступил в круг.
- Погодите, вы все еще не понимаете! - прокричал Урдорф. - У Краггаша нет ни единого шанса!
Но заключительных слов Марвин не расслышал, ибо уже исчез в пламенеющем круге, и его неудержимо повлекло в странные и неизведанные просторы Искаженного Мира.

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИСКАЖЕННОМ МИРЕ

"...итак, благодаря уравнениям Римана-Хаке была, наконец, математически доказана теоретическая необходимость твистерманновой пространственной зоны логической деформации. Эта зона получила название Искаженного Мира, хотя на самом деле не искажена и миром не является. И наконец, по странной иронии судьбы, важнейшее третье определение Твистерманна (относительно того, что Зону можно рассматривать как участок вселенной, работающий в качестве хаотического противовеса логической устойчивости первичной структуры) оказалось излишним""

Статья "Искаженный Мир", "Галактическая Энциклопедия Универсальных Знаний", издание 483-е

"...поэтому содержание (если не сущность) нашей мысли лучше всего передается термином "зеркальная деформация". В самом деле, как мы убедились, Искаженный Мир выполняет нужную, но отвратительную роль - привносит неопределенность во все явления и процессы, тем самым делая вселенную теоретически и практически самодовлеющей".

Из "Размышлений математика", Эдгар Хоуп Гриф,
"Эвклид-Сити Фри Пресс"

"Но, несмотря на все это, для потенциального самоубийцы, странствующего по Искаженному Миру, можно привести несколько чисто эмпирических правил.

Помни, что в Искаженном Мире все правила ложны, в том числе и правило, перечисляющее исключения, в том числе и наше определение, подтверждающее правило.

Но помни также, что не всякое правило обязательно ложно, что любое правило может быть истинным, в том числе данное правило и исключение из него.

В Искаженном Мире время не соответствует твоим представлениям о нем. События могут сменять друг друга быстро (это удобно), медленно (это приятно) или вообще не меняться (это противно).

Вполне возможно, что в Искаженном Мире с тобой совершенно ничего не случится. Рассчитывать на это неразумно, но столь же неразумно не быть готовым к этому.

Среди вероятностных миров, порождаемых Искаженным Миром, один в точности похож на наш мир; другой похож на наш мир во всем, кроме одной-единственной частности; третий похож на наш мир во всем, кроме двух частностей, и так далее. Подобным же образом один мир совершенно не похож на наш во всем, кроме одной-единственной частности, и так далее.

Труднее всего прогнозирование; как угадать, в каком ты мире, прежде чем Искаженный Мир не откроет тебе этого каким-нибудь бедствием?

В Искаженном Мире, как и во всяком другом, ты можешь найти самого себя. Но лишь в Искаженном Мире такая находка обычно оказывается роковой.

Привычное оборачивается потрясением... в Искаженном Мире.

Искаженный Мир удобно (но неверно) представлять себе перевернутым миром Майи или миром иллюзии. Ты обнаружишь, что призраки вокруг тебя реальны, тогда как ты - воспринимающее их сознание - и есть иллюзия. Открытие поучительное, хоть и убийственное.

Некий мудрец однажды спросил: "Что будет, если я войду в Искаженный Мир, не имея предвзятых идей?". Дать точный ответ на такой вопрос невозможно, однако мы полагаем, что к

тому времени, как мудрец оттуда выйдет, предвзятые идеи у него появятся. Отсутствие убеждений не самая надежная защита.

Некоторые считают высшим достижением интеллекта открытие, что решительно все можно вывернуть наизнанку и превратить в собственную противоположность. Исходя из такого допущения, можно поиграть во многие занятные игры; но мы не призываем вводить его в Искаженном Мире. Там все догмы одинаково произвольны, включая догму о произвольности догм.

Не надейтесь перехитрить Искаженный Мир. Он больше, меньше, длиннее и короче, чем ты. Он недоказуем. Он просто есть.

То, что уже есть, не требует доказательств. Все доказательства суть попытки чем- то стать. Доказательство истинно только для самого себя; оно не свидетельствует ни о чем, кроме наличия доказательств, а это ничего не доказывает.

То, что есть, невероятно, ибо все отчуждено, ненужно и грозит рассудку.

Возможно, эти замечания об Искаженном Мире не имеют ничего общего с Искаженным Миром. Но путешественник предупрежден".

Из "О неумолимости правдоподобного" Зе Краггаша (библиотека имени Марвина Флинна)

XXV

Переход совершился внезапно и вовсе не так, как ожидал Марвин. Он наслушался историй об Искаженном Мире и смутно представлял себе страну тающих теней и изменчивых красок, страну гротесков и чудес. Но тотчас же убедился, что его представления были романтичны и узколобы.

Марвин ожидал в тесной приемной. Воздух был спертый от пота и жаркого отопления, а Марвин сидел на длинной деревянной скамье вместе с несколькими десятками людей. Взад и вперед разгуливали скучающие клерки, они сверялись с бумагами да изредка подзывали кого-нибудь из ожидающих. Затем шепотом велись какие-то переговоры. Время от времени кто-нибудь терял терпение и уходил. Время от времени появлялся новый проситель.

Марвин ждал и наблюдал.

Минуты текли медленно, в комнате стало темно, кто-то включил верхний свет. А его фамилию все не называли. Марвин покосился на соседей справа и слева, скорее от тоски, чем из любопытства.

Сосед справа был очень длинный и похожий на мертвеца, с гноящимся фурункулом на шее, там, где тер воротничок. Сосед слева был низенький, толстый, краснолицый и дышал с присвистом.

- Как вы думаете, долго еще придется ждать? - спросил Марвин у толстяка, не для того, чтобы действительно узнать, а просто желая убить время.

- Долго? Долго ли? - ответил толстяк. - Чертовски долго, вот что я вам скажу. Здесь, в Автотранспортном бюро, этих проклятых графьев нельзя поторопить, даже если у вас и дела-то всего - продлить обыкновенные водительские права, а я здесь именно для этого.

Человек, похожий на мертвеца, рассмеялся - словно палкой забарабанил по пустой канистре из-под бензина.

- Долго же тебе придется ждать, малыш, - сказал он, - ведь ты попал в Департамент благосостояния. Отдел мелких

сумм.
Марвин задумчиво сплюнул на пыльный пол и заявил:
- К сожалению, джентльмены, оба вы не правы. Я все пытался вам сказать, что мы сидим в Департаменте, или, точнее, в приемной Департамента рыбной ловли. И, по- моему, просто безобразие, когда гражданин и налогоплательщик не может даже поудить рыбу в налогооплаченном водоеме, не потеряв полсуток на то, чтобы выправить лицензию.
Все трое метали друг в друга злобные взгляды. (В Искаженном Мире героев вообще не бывает, обещаний чертовски мало, точек зрения кот наплакал, а свершений - иголка на стог сена.)
Они метали друг в друга молнии глазами, в которых забрезжило не слишком чудовищное подозрение. У человека, похожего на мертвеца, закапала кровь с кончиков пальцев. Марвин и толстяк в смущении нахмурились и притворились, будто ничего не заметили. Человек, похожий на мертвеца, беспечно сунул нашкодившую руку в карман с непромокаемой подкладкой. Тут подошел клерк.
- Кто из вас будет Джеймс Гриннел Стармахер? - спросил он.
- Это я, - отвечал Марвин. - И позвольте вам заметить, я жду здесь не первый час и считаю, что стиль работы в вашем Департаменте порочный.
- Да ладно, - сказал клерк, - это потому, что еще не получены машины. - Он заглянул в бумаги. - Вы подавали прошение о трупе?
- Совершенно верно, - подтвердил Марвин.
- И вы обязуетесь не использовать упомянутый труп в аморальных целях?
- Обязуюсь.
- Потрудитесь изложить мотивы, побуждающие вас приобрести труп.
- Я намерен использовать его как украшение.
- По какому праву?
- Я специально изучал оформление интерьеров.
- Укажите фамилию, или опознавательный кодовый номер, или и то и другое последнего из приобретенных вами трупов.
- Таракан, - выпалил Марвин. - Номер 3(32) А5345.
- Кто умертвил?
- Я сам. У меня лицензия на умерщвление всех тварей, не относящихся к моему племени, кроме самых редких, как, например, золотые орлы и ламантины.
- Цель последнего умерщвления?
- Ритуальное очищение.
- Прошение удовлетворено, - сказал клерк. - Выбирайте труп.
Толстяк и человек, похожий на мертвеца, с надеждой смотрели на Марвина влажными глазами. Искушение было велико, но Марвин его поборол. Обернувшись к клерку, он произнес:
- Я выбираю вас.
- Так и запишем, - сказал клерк и черкнул что-то в своих бумагах. Лицо его превратилось в лицо псевдо-Флинна.
Марвин одолжил у человека, похожего на мертвеца, поперечную пилу и не без труда отпилил клерку правую руку. Клерк тихо скончался, лицо его снова стало прежним.
Толстяк посмеялся над замешательством Марвина.
- Перевод из одной субстанции в другую кое-что дает, - поддразнил он. - Но не достаточно, верно? Желание придает плоти нужную форму, но хозяином положения остается скульптор

- смерть.
Марвин плакал. Человек, похожий на мертвеца, ласково притронулся к его плечу.
- Не переживай всерьез, малыш. Лучше отомстить символически, чем вообще не отомстить. План у тебя был хороший, а его единственный минус от тебя не зависел. Дело в том, что Джеймс Гриннел Стармахер - это я.
- А я труп, - сказал труп клерка. - Когда мстишь, лучше ошибиться адресом, чем вообще не отомстить.
- Я пришел сюда продлить водительские права, - сказал толстяк. - Ну вас ко всем чертям вместе с вашим глубокомыслием! Будут меня тут обслуживать или нет?
- Безусловно, сэр, - заверил его труп клерка. - Но в моем нынешнем состоянии я могу выдать вам лицензию лишь на отлов дохлой рыбы.
- Живая, дохлая, какая мне разница? - сказал толстяк. - Главное - рыбалка, а кого поймал - это не так уж важно.
Он повернулся к Марвину - может быть, собирая развить свою мысль. Но Марвин уже исчез.
И без всякого перехода очутился в большой квадратной безлюдной комнате.
Вместо стен здесь были стальные плиты, от пола до потолка добрая сотня футов высоты. Там, наверху, находились прожекторы и стеклянная кабина управления. Из- за стекла на Марвина глядел Краггаш.
- Опыт 342, - решительно заговорил Краггаш нараспев. - Тема: смерть. Постановка проблемы: можно ли умертвить человека? Примечания: вопрос о том, смертны ли люди, давно озадачивает величайших мыслителей. Вокруг смерти сложился обширный фольклор, веками скапливались неподтвержденные сведения об умерщвлениях. Более того, время от времени предъявлялись трупы, явно без всяких признаков жизни, и объявлялись останками людей. Невзирая на повсеместность таких трупов, нет ни малейших, даже косвенных доказательств того, что они когда-либо жили, не говоря уж о том, что они были людьми. Ввиду изложенного, с целью раз и навсегда прояснить вопрос, мы ставим следующий опыт. Этап первый...
Стальная плита в стене сдвинулась на шарнире. Марвин стремительно обернулся, и вовремя: на него было нацелено копье. Он отскочил (неуклюже - мешала больная нога), и копье просвистело мимо.
Открылись другие плиты. Под всевозможными углами на него посыпались ножи, стрелы, дубинки...
Сквозь одно из отверстий протиснулась портативная газовая камера. В комнату сбросили клубок кобр. На Марвина решительно надвигались лев и танк. Зашипело духовое ружье. Затрещали энергопистолеты. Захрипели огнеметы. Откашлялась мортира.
Комнату залило водой - вода быстро прибывала. С потолка полетели напалмовые бомбы.
Но огонь сжег львов, которые съели змей, которые забились в гаубицы, которые уничтожили копья, которые привели в негодность газовую камеру, которая испарила воду, которая погасила огонь.
Каким-то чудом Марвин остался цел и невредим. Он погрозил Краггашу кулаком, поскользнулся на стальной плите, упал и свернул себе шею. Его удостоили воинского погребения со всеми почестями. Вместе с ним на погребальном костре сгорела его вдова. Краггаш пытался последовать ее примеру, но ему на долю не выпало счастья самосожжения.
Три дня и три ночи пролежал Марвин в гробнице, и все это

время у него беспрерывно текло из носа. Вся его жизнь, как при замедленной съемке, прошла у него перед глазами. На исходе третьих суток он воскрес и двинулся дальше.

В каком-то ничем не примечательном краю находились пятеро, и была им дана ограниченная, но несомненная способность ощущать. Одним из пятерых был, допустим, Марвин. Остальные четверо были манекены, стереотипы, наспех слепленные с единственным назначением - обогатить немудрящую исходную ситуацию. Перед пятерыми стояла проблема: кто из них Марвин, а кто - второстепенные фигуры, статисты.

Прежде всего встал вопрос о наименовании. Трое из пяти тотчас же захотели зваться Марвином, четвертый пожелал зваться Эдгаром Флойдом Моррисоном, а пятый потребовал, чтобы его называли Келли.

- Ладно, хватит, - сказал Первый начальственным тоном. - Джентльмены, может быть, хватит языки чесать, давайте в порядке очередности.

- Еврейский акцент здесь не поможет, - туманно изрек Третий.

- Слушай-ка, - сказал Первый, - а много ли смыслит поляк в еврейском акценте? Кстати, я еврей только наполовину, по отцу, и как я ни уважаю...

- Где я? - проговорил Второй. - Что со мной стряслось, о господи? С тех пор как я уехал из Стэнхоупа...

- Заткнись, макаронник, - цыкнул Четвертый.

- Я не Макаронник, меня зовут Луиджи, - мрачно ответил Второй. - Я жить на твоя великой родина с тех пор, как я маленький мальчик приехать из село Сан Минестроне делла Зуппа, нихт вар?

- Умойся, - хмуро сказал Третий. - Никакой ты не итальяшка на стреме, а просто- напросто второстепенная фигура, статист, да еще с ограниченной гибкостью; так что давай-ка заткни хлебало, прежде чем я проделаю с тобой одну штуку, нихт вар?

- Слушайте, - сказал Первый, - я человек простой, простодушный, и, если вам от этого станет легче, я отрекусь от своих прав на Марвинство.

- Память, память, - пробормотал Второй. - Что со мной приключилось? Кто эти видения, эти болтливые тени?

- Ну, знаешь! - возмутился Келли. -Это дурной тон, старина!

- Это есть чертовски нечестно, - пробормотал Луиджи.

- Призыв не есть созыв, - изрек Третий.

- Но я действительно не помню, - упорствовал Второй.

- Я тоже не больно-то хорошо помню, - сказал Первый. - Но разве я поднимаю из-за этого шум? Я даже не притязаю на звание человека. Если я наизусть цитирую Левитика, это еще ничего не доказывает.

- Святая правда! - взревел Луиджи. - И опровержение тоже ни шиша не доказывает.

- А я-то думал, ты итальянец, - упрекнул его Келли.

- Я и есть итальянец, но вырос в Австралии. История довольно странная...

- Не страннее моей, - сказал Келли. - Вот вы кличете меня Черным Ирландцем. Но мало кто знает, что детство и отрочество я провел в меблирашках Ханжоу и вступил добровольцем в канадскую армию, чтобы скрыться от расправы французов за помощь деголлевцам в Мавритании. Потому-то и...

- Пфуй, алор! - вскричал Четвертый. - Не могу молчать! Одно дело - подвергать сомнению мою личность, другое -

чернить мое отечество!
- Твое негодование ничего не доказывает! - вскричал Третий.
- Впрочем, мне все равно, я больше не желаю быть Марвином.
- Пассивное сопротивление есть форма нападения, - откликнулся Четвертый.
- Недопустимое доказательство есть все же доказательство, - парировал Третий.
- Не пойму, о чем это вы толкуете, - объявил Второй.
- Недалеко ты уйдешь со своим невежеством, - окрысился Четвертый. - Я категорически отказываюсь быть Маранном.
- Никто не может отказаться от того, чего не имеет, - ехидно вставил Келли.
- Я могу отказаться, от чего захочу, черт возьми! - пылко воскликнул Четвертый. - Мало того, что я отказываюсь от Марвинства; я еще отрекаюсь от испанского престола, поступаюсь диктатурой во Внутренней Галактике и жертвую вечным блаженством в Бах-ае.
- Отвел душу, детка? Упрощение мило моей сложной натуре, - сказал Третий. - Кто из вас будет Келли?
- Я, - сказал Келли.
- Ты хоть понимаешь, - спросил Луиджи, - что имена есть только у нас с тобой?
- Это верно, - сказал Келли. - Мы с тобой не такие, как все!
- Эй, минуточку! - сказал Первый.
- Регламент, джентльмены, соблюдайте регламент!
- Держи язык за зубами!
- Держи голову в холоде!
- Держи карман шире!
- Так вот, я и говорю, - продолжал Луиджи. - Мы! Нам! Поименованные согласно доказательствам, основанным на догадке! Келли... будь Марвином, если я буду Краггашем!
- Заметано! - гаркнул Келли, перекрывая ропот манекенов.
Марвин и Краггаш ухмыльнулись друг другу в мимолетной эйфории пьянящего взаимоузнавания. Затем вцепились друг другу в горло. Стали друг друга душить. Трое нумерованных, лишенных природных прав, которых никогда не имели, встали в традиционные позы - позы стилизованной двусмысленности. Двое именованных, получивших индивидуальность, которую все равно присвоили бы себе самовольно, царапались и кусались, исполняли грозные арии и ежились, когда их обличали. Первый наблюдал, пока ему не надоело, после чего стал забавляться кинематографическими наплывами.
Это послужило последней каплей. Все декорации плавно, как жир поросенок на роликовых коньках, укатились под стеклянную гору, только чуть быстрее.
Вслед за дождем пошел снег, а за ним - два дурака.
Платон писал: "Неважно, что там вытворяешь, важно, как ты это вытворяешь". Но потом решил, что мир еще не дорос до такой премудрости, и все стер.
Хаммураби писал: "Непродуманная жизнь не стоит того, чтобы ее прожить". Но он не был уверен, так ли это, и потому все зачеркнул.
Будда писал: "Все брамины - дерьмо". Но впоследствии пересмотрел свою точку зрения.
Они...
Схватились...
...не на жизнь, а на смерть, в титанической битве, которая, единожды разогревшись, стала неизбежной. Марвин

нанес Краггашу удар под ложечку, затем снова нанес удар - в нос. Краггаш проворно обернулся Ирландией, куда Марвин вторгся с полулегионом неустрашимых скандинавских конунгов, вынудив Краггаша предпринять на королевском фланге пешечную атаку, которая не могла устоять против покерного флеша. Марвин простер к противнику руки, промахнулся и уничтожил Атлантиду. Краггаш провел драйв слева и прихлопнул комара.

И бушевал кровавый бой на дымящихся болотцах миоцена; какой-то муравейник оплакивал свою матку, а Краггаш кометой непроизвольно врезался в солнце Марвина и рассыпался мириадами воинственных спор. Но Марвин безошибочно отыскал бриллиант среди сверкающих стекляшек, и Краггаш свалился вниз, на Гибралтар.

Бастион его пал в ту ночь, когда Марвин похитил берберийских обезьян, а Краггаш пересек северную Фракию, упрятав чужое тело в чемодан. Его схватили на границе с Фтистией - страной, которую Марвин наспех выдумал.

Чем больше Краггаш слабел, тем он становился злее, а разозлившись, он все больше слабел. Тщетно изобрел он дьяввлопоклонство. Последователи марвинизма падали ниц не перед идолом, а перед символом. Разозленный Краггаш запаршивел: под ногтями появилась грязь, душа обросла волосами.

Вконец обессиленный лежал Краггаш - олицетворение зла, - сжимая в когтях тело Марвина. Кончину его ускорили ритуалы изгнания бесов. И четвертовали его пилой, замаскированной под молитвенное колесо, и размозжили ему голову молотком, замаскированным под кадило. Добрый старый патер Флинн дал ему последнее напутствие: "И не вкусишь хлеба насущного с котлетою". И схоронили Краггаша в гробу, срубленном из живого Краггаша. На могильном камне высекли подобающую эпитафию, а вокруг могилы насадили цветущие краггаши.

Уголок этот - тихий. Справа роща краггаш-деревьев, слева нефтеперегонный завод. Тут пустая жестянка из-под пива, там бочка. А совсем рядышком то самое место, где Марвин открыл чемодан и вынул свое давно утраченное тело. Он стряхнул с него пыль, расчесал ему волосы, вытер нос и поправил галстук. Потом с приличествующим случаю почтением надел.

XXVI

И вот Марвин Флинн вернулся на Землю и в собственное тело.

Он приехал в родной Стэнхоуп и увидел, что там все по-прежнему. Городок, как раньше, географически находился милях в трехстах от Нью-Йорка, а в духовном и эмоциональном отношениях отстоял от него на целое столетие. Точь-в-точь как всегда, он изобиловал садами и пегими коровами на фоне зеленых холмистых пастбищ. Вековечны были усаженная вязами Мэйн-стрит и одинокий ночной вопль реактивного лайнера.

Никто не спросил Марвина, где он пропадал. Даже лучший друг Билли Хейк решил, что Марвин вернулся из увеселительной поездки в какой-нибудь туристский рай - Шинкай или дождевой лес в нижнем течении Итури.

Поначалу несокрушимое постоянство городка угнетало Марвина не меньше, чем сюрпризы Обмена Разумов или чудовищные головоломки Искаженного Мира. Постоянство казалось Марвину экзотикой; он все ждал, что оно постепенно исчезнет.

Но такие места, как Стэнхоуп, не исчезают, а такие ребята, как Марвин, постепенно растрачивают увлеченность и

высокие идеалы.

По ночам в одиночестве мансарды Марвину часто снилась Кэти. Ему все еще трудно было представить, что она чрезвычайный агент Межпланетной Службы Бдительности. А ведь был в ее повадках намек на властность, был в глазах блеск прокурорского фанатизма.

Он любил ее и знал, что всегда будет по ней тосковать, но тоска устраивала его больше, чем обладание.

И по правде сказать, ему уже приглянулась (точнее, заново приглянулась) Марша Бэкер, хорошенькая и скромная дочка Эдвина Марша Бэкера - крупнейшего в Стэнхоупе торговца недвижимостью.

Пусть Стэнхоуп не лучший мир из всех возможных, но это лучший мир из тех, что видел Марвин. Тут вещи не подкладывают тебе свинью, а ты подкладываешь свинью вещам. В Стэнхоупе метафорическая деформация немыслима; корова уж точно корова, и называть ее как-нибудь иначе - недопустимая поэтическая вольность.

Итак, бесспорно: в гостях хорошо, а дома лучше; и Марвин поставил перед собой задачу наслаждаться привычным, что, как утверждают сентиментальные мудрецы, есть вершина человеческой мудрости.

Жизнь его омрачали лишь два сомнения. Первым и главным был вопрос: каким образом Марвин вернулся на Землю из Искаженного Мира?

Он всесторонне продумал этот вопрос, куда более страшный, чем может показаться с первого, взгляда. Марвин понял, что в Искаженном Мире нет ничего невозможного и даже ничего невероятного. Есть в Искаженном Мире причинная связь, но есть и отсутствие причинной связи. Ничто там не обязательно, ничто не необходимо.

Поэтому вполне допустимо, что Искаженный Мир отбросил Марвина назад, на Землю, продемонстрировав свою власть над ним тем, что отказался от этой власти.

По-видимому, именно так все и произошло. Но был ведь и другой, менее приятный вариант.

Теорема Дургэма формулирует его следующим образом:

"Среди вероятностных миров, порождаемых Искаженным Миром, один в точности похож на наш мир; другой похож на наш мир во всем, кроме одной-единственной частности, третий похож на наш мир во всем, кроме двух частностей, и так далее".

Это означало, что Марвин, возможно, все еще пребывает в Искаженном Мире, и Земля, воспринимаемая его сознанием, - всего лишь эфемерная эманация, мимолетное мгновение порядка в стихийном хаосе, - обречена с минуты на минуту вновь раствориться в стихийной бессмыслице Искаженного Мира.

Отчасти это было неважно, ибо ничто не вечно под луной, кроме наших иллюзий. Но никто не хочет, чтобы его иллюзии оказались под угрозой, и потому Маркин старался выяснить, на каком он свете.

На Земле он или на ее дубле?

Нет ли здесь приметной детали, не соответствующей той Земле, где он родился? А может быть, таких деталей несколько? Марвин искал их во имя своего душевного покоя. Он обошел Стэнхоуп и его окрестности, осмотрел, исследовал и проверил флору и фауну.

Все оказалось на своих местах. Жизнь шла заведенным чередом; отец пас крысиные стада, мать, как всегда, безмятежно несла яйца.

Он отправился на север, в Бостон и Нью-Йорк, потом на юг, в необозримый край Филадельфия - Лос-Анджелес. Казалось,

все в порядке.
Он подумывал о том, чтобы пересечь страну с запада на восток под парусами по великой реке Делавэр и продолжить свои изыскания в больших городах Калифорнии - Скенектеди, Милуоки и Шанхае.
Однако передумал, сообразив, что бессмысленно провести жизнь в попытках выяснить, есть ли у него жизнь, которую можно как-то провести.
Кроме того, можно было предположить, что даже если Земля изменилась, то изменились также его органы чувств и память, так что все равно ничего не выяснишь.
Он лежал под привычным зеленым небом Стэнхоупа и обдумывал это предположение. Оно казалось маловероятным. Разве дубы-гиганты не перекочевывали по-прежнему каждый год на юг? Разве исполинское красное солнце не плыло по небу в сопровождении темного спутника? Разве у тройных лун не появлялись каждый месяц новые кометы в новолуние?
Марвина успокоили эти привычные зрелища. Все казалось таким же, как всегда. И потому охотно и благосклонно Марвин принял свой мир за чистую монету, женился на Марше Бэкер и жил с нею долго и счастливо.

----

1) - Итури - правый приток реки Конго
2) - Ты пришел (голл.)
3) - Очень-очень быстро (испан.)
4) - Живо (нем.)
5) - Слушай, это уж слишком (испан.)
6) - Здесь: "знаешь" (испан.)
7) - Здесь: "Не забывай, что... " (испан.)
8) - Закон талиона (латин.)
9) - Здесь - "в собственном теле", то есть собственной персоной (латин.)
10) - На манер малярной кисти (франц.)
11) - Хороший урожай продается на корню, не так ли? (испан.)
12) - И желание побеждает страх! (испан.)
13) - Итак,вперед!(испан.)
14) Среда (франц.)
15) - Намек на восточную легенду, известную в пересказе Сомерсета Моэма. Некоему вельможе бросился в ноги раб. Он рассказал, что встретил на базаре Смерть, которая грозила ему пальцем, и стал умолять господина, чтобы тот дал ему коня. Раб решил спастись от Смерти, бежав в город Самарру. Вельможа подарил рабу коня, и тот умчался, а сам на другой день пошел на базар и, встретив Смерть, спросил: "Зачем ты пугала моего раба? Зачем грозила ему пальцем?" "Я его не пугала, - ответила Смерть. - Просто я очень удивилась, встретив его в этом городе, потому что в тот же вечер мне предстояло с ним свидание в Самарре".
16) - Саркастическая усмешка (латин.)

Роберт Шекли

Цивилизация статуса

Перевод В. Баканова

1

Сознание возвращалось медленно и болезненно. Он прорывался сквозь плотный слой сна, из воображаемого начала всех начал, пересекал само время. Он вытянул псевдоподию из изначальной тины, и эта псевдоподия была им. Он стал амебой, заключавшей в себе его сущность, затем рыбой, помеченной некоторой индивидуальностью, затем обезьяной, не похожей на других. И, наконец, стал человеком.

Каким? Он смутно видел себя стоящим с лучевиком в руках над трупом. Вот таким.

Он очнулся, протер глаза и стал ждать других воспоминаний.

Но ничего не вспомнил. Даже имени.

Он поспешно сел и приказал памяти вернуться. Безуспешно. Он огляделся вокруг, надеясь найти ключ к своей личности.

Маленькая серая комната, в одном конце которой - закрытая дверь. В другом, в алькове, сквозь штору виднелся крошечный туалет. Помещение освещалось из какого- то скрытого источника, возможно, с потолка. В комнате стояли кровать, стоя - больше ничего.

Он подпер подбородок рукой, сомкнул веки, попытался сосредоточиться. Гомо сапиенс, мужчина, человек с планеты Земля. Он говорил на языке, называющемся английским. (Значит ли это, что были другие языки?). Ему были известны названия предметов: комната, кровать, стул. Он обладал, кроме того, определенным запасом общих знаний. Но отдавал себе отчет, что существует великое множество важных вещей, которые он знал когда-то, но не знает сейчас.

Со мной что-то случилось.

Это "что-то" могло кончиться хуже. Если бы оно продлилось еще немного, он мог остаться безмозглым созданием, лишенным дара речи, не осознающим даже того, что он является человеком, мужчиной, землянином. Кое-что ему сохранили.

Но когда он попытался выйти за рамки известных ему фактов, то натолкнулся на темную, заполненную ужасом зону. НЕ ВХОДИТЬ.

Я, наверное, болен.

Единственное разумное объяснение. В свое время, вероятно, у него были какие-то воспоминания о птицах, деревьях, друзьях, его положении в обществе, а может быть, и о жене. Теперь он мог лишь предполагать их. Когда-то он говорил: "Это похоже на ..." или "Это напоминает мне ..." Теперь же ничто ни о чем ему не напоминало, вещи были самими собой - и только. Он потерял возможность сравнивать и противопоставлять. Он не мог больше анализировать настоящее в свете пережитого прошлого.

Должно быть, я в больнице.

Конечно. Здесь его лечат. Добрые врачи трудятся над возвращением ему памяти, осознания личности, чтобы сообщить ему, кто он и что он. Благородный труд! Он почувствовал, как на глазах у него выступили слезы благодарности.

Он встал и медленно обошел комнатку. Дверь была заперта.

Он стал ждать. Прошло немало времени, прежде чем в коридоре послышались шаги.

Шаги остановились у его двери. Панель откатилась в сторону, и показалось чье-то лицо.

- Как самочувствие ?

Судя по коричневой форме и предмету, висящему на поясе (вероятно, оружие, подумал он), пришедший был охранником.

- Вы можете сказать, как меня зовут?

- Называй себя "четыреста второй", - сказал охранник. - По номеру камеры.

Ему это не понравилось. Но лучше 402-й, чем никто. Он спросил.

- Я долго болел? Сейчас мне лучше?

- Да, - иронично заверил охранник. - Веди себя спокойно. Подчиняйся правилам. Не вздумай дурить.

- Конечно, - согласился 402-й. - Но почему я ничего не могу вспомнить?

- Так всегда, - ответил охранник в повернулся к выходу.

402-й окликнул его:

- Подождите! Нельзя же так оставлять меня, не объяснив. Что со мной случилось? Почему я в больнице?

- Больнице? - удивился охранник и, ухмыляясь, посмотрел на 402-го. - С чего ты взял?

- Я так предполагаю.

- Ты предполагаешь неверно. Это тюрьма.

402-й вспомнил сон об убитом человеке. Сон или воспоминания? Он отчаянно взмолился:

- В чем меня обвиняют? Что я сделал?

- Узнаешь, - бросил страж.

- Когда?

- После приземления. А пока готовься к собранию.

Он ушел. 402-й сидел на кровати и пытался думать. Кое-что прояснилось: он в тюрьме, и тюрьма вскоре приземлится. Что все это значит? Зачем тюрьме приземляться? И что за собрание ждет его впереди?

Ему почудилось, будто прозвенел звонок. Дверь камеры открылась.

Что надо делать?

402-й подошел к двери и выглянул в коридор. Он был очень возбужден, но ему не хотелось покидать камеру - она давала ощущение безопасности. Подошел охранник.

- Не бойся. Никто тебе ничего не сделает. Иди по коридору прямо.

Охранник легонько подтолкнул его, и 402-й пошел по коридору. Он видел другие открытые камеры, людей, выходящих в коридор. Большинство было в замешательстве, все молчали. Покрикивали только охранники:

- Прямо, давай двигай, прямо!

Их пригнали в большую круглую аудиторию. На балконе, опоясывающем комнату, стояли вооруженные стражи. Их присутствие казалось необязательным: испуганная и ничего не соображающая толпа и не помышляла о бунте. Однако охранники имели символическое значение - напоминали только что пробудившимся людям о самом важном факте их жизни: они арестанты.

Через несколько минут на балконе появился человек в темной форме. Он поднял руку, призывая к вниманию, хотя и так с него не спускали глаз, и по аудитории загремел голос:

- Слушайте внимательно и постарайтесь запомнить, что я вам скажу. Эти факты важны для вашего существования. Все

вы, - продолжал оратор, - недавно очнулись в своих камерах. Вы поняли, что ничего не помните о прежней жизни, даже собственных имен. У вас есть лишь скудный запас общих сведений, достаточный, однако, для взаимодействия с реальностью. Я не расширю ваши познания. Все вы там, на Земле, были злобными и гнусными преступниками, людьми наихудшего сорта, лишенными Государством права на существование. В менее просвещенные века вас бы казнили. В наше время вас выслали.

По аудитории прошел шум, и офицер поднял руку, требуя тишины.

- Все вы преступники. У вас одна общая черта - неспособность выполнять основные обязательные правила человеческого общества. Эти правила необходимы в цивилизованном обществе. Нарушив их, вы совершили преступление против человечества. Поэтому человечество отвергло вас. Вы - палка в колесах цивилизации и изгнаны в мир вам подобных. Здесь вы вправе создавать свои законы и умирать по ним. Здесь свобода, которой вы жаждали, - неудержимая и губительная свобода роста раковых клеток.

Оратор вытер лоб и проникновенно посмотрел в глаза узникам.

- Но, возможно, - произнес он, - некоторые из вас добьются реабилитации. Омега - планета, на которую мы летим, - это ваша планета, ее населяют исключительно преступники. Это мир, где вы можете начать жизнь сначала, без всяких предубеждений против вас! Вашего прошлого нет. Не пытайтесь вспоминать его. Подобные воспоминания только стимулируют криминальные наклонности. Считайте себя заново родившимися.

Взвешенные, продуманные слова имели какое-то гипнотическое воздействие, 402-й слушал, глядя в даль, будто в полудреме.

- Новый мир, - говорил оратор. - Вы переродились - но с необходимым сознанием греха. Иначе вам было бы не по силам бороться со скрывающимся в вас злом. Помните это. Помните, спасения нет, и нет возврата. Сторожевые корабли, оснащенные новейшим лучевым оружием, патрулируют воздушное пространство Омеги днем и ночью. Они уничтожат любой предмет, поднявшийся более чем на пятьсот футов над поверхностью планеты. Свыкнитесь с этими фактами.

Оратор ушел с балкона. Среди заключенных пробежал шепоток. Но вскоре замер - говорить было не о чем. Узникам, не помнящим своего прошлого, не на чем основываться, размышляя о будущем. Нельзя обмениваться опытом и впечатлениями, если опыт и впечатления только что возникли.

Охранники на балконе застыли, как мумии, недвижимые и безликие. И тут легчайшая дрожь прошла по полу аудитории. Затем она превратилась в вибрацию, и 402-й почувствовал тяжесть, словно на тело навалился невидимый груз.

Из громкоговорителей прозвучал голос:

- Внимание! Корабль приземляется на Омеге. Вскоре будет произведена высадка.

Заключенных построили в колонну и вывели из помещения. Все еще ошеломленные, они шли по бесконечному коридору огромного корабля к открытому люку, через который врывался яркий свет.

402-й спустился по длинной лестнице и оказался на твердой почве. Он стоял на большой, залитой солнцем площади, окруженной любопытными зрителями.

- Отвечайте, когда называют ваш номер. Вам будет сообщена ваша личность! - прогремели динамики.

402-й чувствовал себя слабым и усталым. Сейчас его не интересовало ничего. Хотелось только лечь, заснуть или подумать о происходящем. Он осмотрелся и машинально отметил гигантскую ракету, охранников, зевак. Над головой в синеве небес плавали черные пятна. Сначала они показались ему птицами. Затем, приглядевшись, он понял, что это сторожевые корабли.

- Номер 1!

- Здесь, - ответил голос.

- Номер 1, ваше имя Вайн Саусхолдер, 34 года, группа крови АЛ-2, индекс АР-431- С. Виновен в измене.

Толпа наблюдающих громко зааплодировала. 402-й, дремлющий на солнце, слушал перечисление убийств, ненормальностей, подделок, мутаций...

- Номер 402!

- Здесь.

- Номер 402, ваше имя Уилл Баррент, 27 лет, группа криви ОЛ-3, индекс ЭКС-221-Р. Виновен в убийстве.

Толпа приветственно зашумела, но 402-й едва ли что-нибудь слышал. Он привыкал к тому, что у него есть имя. Настоящее имя, а не номер. Уилл Баррент. Он надеялся, что не забудет его, и повторял про себя снова и снова. И чуть не пропустил последнее объявление.

- Ваше временное жилье находится на площади А-2. Будьте осторожны и осмотрительны в словах и поступках. Наблюдайте, слушайте, учитесь. Закон обязывает меня сообщить вам, что средняя продолжительность жизни на Омеге приблизительно три земных года.

Последние слова не сразу дошли до Баррента. Он все еще свыкался со своим новым именем. И не задумывался о том, что значит быть убийцей на планете преступников.

2

Прибывших, человек около пятисот, повели к рядам бараков на площади А-2. Они были еще не людьми, они были существами, чья память охватывала события едва ли одного часа. Новорожденные сидели на койках и с любопытством оглядывали свои тела, увлеченно рассматривали свои ноги и руки. Они смотрели друг на друга и видели собственное бесформенное отображение в чужих глазах. Зрелость приходила быстро, из забытых видений и призраков памяти, рождалась из старых привычек и личностных черт, сохранившихся как обрывки порванной нити их прошлой жизни на Земле.

Уилл Баррент, отстояв в очереди к зеркалу, увидел приятного молодого человека с тонким носом, прямыми каштановыми волосами и честным волевым лицом, не помеченным следами сильных страстей. Баррент разочарованно отвернулся, - это было лицо незнакомца.

Позднее, изучая себя более тщательно, он не мог найти даже какого-нибудь шрама, по которому можно было бы отличить его тело - скорее тренированное, чем мускулистое - от тысячи других. Его руки не были натружены. Интересно, какую работу он выполнял на Земле...

Убийство?

Баррент нахмурился. Он не был готов принять это.

Его тронули за плечо.

- Как настроение?

Баррент обернулся и увидел перед собой крупного,

широкоплечего рыжеволосого мужчину.
- Нормально, - ответил Баррент. - Вы стояли впереди меня, да?
- Верно. Номер 401. Дэнис Фоэрен.
Баррент представился.
- Ваше преступление? - поинтересовался Фоэрен.
- Убийство.
Фоэрен с уважением кивнул.
- А я фальшивомонетчик. По моим рукам этого не скажешь. - Он протянул две лапищи, покрытые редкими рыжими волосами. - Но в них все мое искусство. Память вернулась сперва к рукам. Им не терпелось взяться за работу. А я и не помнил, за какую.
- И что вы сделали? - спросил Баррент.
- Крепко зажмурился и дал им волю, - объяснил Фоэрен. - И обнаружил, что они копаются в замке камеры. - Он поднял свои ручищи и с восхищением посмотрел на них. - Умные, дьяволята!
- Копаются в замке? - переспросил Баррент. - Мне послышалось, что вы фальшивомонетчик.
- Ну, это мое основное занятие. Такие кудесники могут сделать почти все. Подозреваю, что меня только поймали на изготовлении фальшивых денег; возможно, я также и взломщик. Моим рукам слишком много всего известно.
- Вы узнали о себе больше, чем это удалось мне, - сказал Баррент. - Я как во сне.
- Это ведь только начало, - утешил Фоэрен. - Все еще станет ясно. Главное - мы на Омеге.
- Согласен, - кисло произнес Баррент.
- Вы слышали, что сказал тот человек? Это наша планета.
- Со средней продолжительностью жизни три года, - напомнил ему Баррент.
- Возможно, пустая болтовня, - отмахнулся Фоэрен. - Я не верю охранникам. Земля!.. Кому она теперь нужна? У нас есть собственный мир, Баррент. Мы свободны!
- Абсолютно верно, друзья, - вмешался другой человек, маленького роста со скрытным взглядом. - Меня зовут Джо, - сообщил он. - На самом деле мое имя Джоао, но я предпочитаю архаичную форму с ароматом старого доброго времени. Джентльмены, я случайно услышал ваш разговор и полностью согласен с нашим рыжеволосым другом. Какие возможности! Нас отвергла Земля? Превосходно! Обойдемся без нее. Мы все равны здесь, свободные люди свободного общества. Нет униформ, нет охранников, нет солдат. Только раскаявшиеся бывшие преступники, желающие жить в мире.
- За что вас? - спросил Баррент.
- Сказали, что я кредитный вор, - ответил Джо. - Стыдно признаться, но я не помню, что такое кредитный вор. Хотя надеюсь, что вспомню.
- Может быть, у властей есть какой-нибудь восстановитель памяти, - предположил Фоэрен.
- У властей?! - негодующе повторил Джо. - Это наша планета. Мы все равны здесь. Нам же сказали: никаких властей. Нет, друзья, эту чепуху мы оставили на Земле. Сейчас...
Он вдруг смолк. Открылась дверь, и в барак вошел человек, очевидно, старый житель Омеги, потому что вместо серой формы заключенных на нем была яркая желтая с синим одежда. На поясе у него висели пистолет в кобуре и нож. Став на пороге, он упер руки в бока и стал разглядывать новичков.

- Ну? - проговорил он. - Вы что, Квестора не узнаете? Встать! Никто не пошевелился. Лицо Квестора побагровело.

- Придется поучить вас уважительности.

Он еще не успел вытащить оружие, а все уже были на ногах. Квестор посмотрел на них и с явным сожалением сунул пистолет в кобуру.

- Первое, что вам следует уяснить, - сказал Квестор, - это ваш статус на Омеге. У вас нет статуса. Вы - пеоны, а это значит, что вы ничто.

Он подождал немного и продолжил:

- Теперь внимание, пеоны. Объясняю ваши обязанности.

3

- Итак, вы нижайшие из низших. Нет никого презреннее вас, кроме мутантов, а они вообще не люди. Вопросы есть? Квестор ждал. Вопросов не было.

- Я определил, кто вы такие. Теперь перейдем к остальным жителям Омеги. Во- первых, все более важны, чем вы; но некоторые более важны, чем остальные. Следующим за вами по рангу идет Житель, немногим отличающийся от вас, а затем - Свободный Гражданин. Он носит на пальце серое кольцо статуса, а его одежда черная. Тоже не бог весть какая шишка, но гораздо значительнее вас. Если повезет, некоторые из вас могут стать Свободными Гражданами.

Далее следуют Привилегированные Классы, различающиеся по символам, соответствующим рангу: например, у Хаджи - золотая серьга. Со временем вы узнаете прерогативу всех степеней и рангов. Нужно упомянуть священнослужителей. Не относясь к Привилегированным Классам, они обладают определенными льготами и правами. Я понятно говорю?

Все утвердительно забормотали. Квестор продолжал:

- Переходим к вопросам поведения. Пеоны обязаны называть Свободного Гражданина его полным титулом, обращаясь к нему со всем уважением. С Привилегированными Классами, например, Хаджи, разговаривать разрешается, только когда с вами заговорят, стоять надо смирно, глядя под ноги, а руки держать сцепленными впереди себя. От Привилегированного Гражданина нельзя отходить без разрешения. Ни в коем случае не позволять себе сидеть в его присутствии. Ясно? Вам предстоит еще многое узнать. Мой ранг Квестора приравнивается к Свободному Гражданину, но обладает некоторыми прерогативами Привилегированных.

Квестор оглядел слушателей, желая убедиться, что до них дошел смысл сказанного.

- Эти бараки - ваш временный дом. Задавать вопросы мне можно в любое время, но глупые или дерзкие будут наказываться побоями или смертью. Помните, что вы нижайшие из низших, тогда останетесь в живых.

На несколько секунд Квестор замолчал. Затем объявил:

- Через два-три дня вас распределят на работу. Некоторые пойдут в германиевые шахты, некоторые - на рыболовный флот, в разные отрасли торговли. А пока можете осмотреть Тетрахид.

Заметив непонимающие взгляды, Квестор пояснил:

- Тетрахид - название города, в котором вы находитесь. Это самый большой город на Омеге. - Он смолк, потом добавил: - И единственный.

- Что значит название Тетрахид? - спросил Джо.

- Откуда я знаю! - оскалился Квестор. - Возможно, это одно из тех старых земных названий, которые вытаскивают

скреннеры. Во всяком случае, будьте поаккуратнее, входя в него.

- Почему? - спросил Баррент.

Квестор ухмыльнулся.

- Это, пеон, тебе предстоит узнать самому.

Он повернулся и вышел из барака.

Баррент подошел к окну. Из него открывался вид на пустынную площадь и улицы Тетрахида.

- Собираетесь туда? - спросил Джо.

- Пожалуй. Пойдете со мной?

Маленький кредитный вор покачал головой.

- Думаю, это небезопасно.

- Фоэрен, а вы?

- Мне тоже что-то не хочется, - сказал Фоэрен. - Полагаю, пока лучше оставаться в бараке.

- Странно, - произнес Баррент. - Это же наш город. Идет кто-нибудь со мной?

Фоэрен пожал плечами, Джо махнул рукой и лег на койку. Остальные даже не взглянули в его сторону.

- Хорошо, - сказал Баррент. - Потом я вам все расскажу.

С минуту он подождал, надеясь, что кто-нибудь изменит решение, и вышел.

Город Тетрахид представлял собой цепочку зданий, вытянутую вдоль узкого полуострова. Со стороны суши полуостров огораживала высокая каменная стена с воротами, охраняемыми часовыми. Самым крупным зданием была Арена, раз в год используемая для Игр. Возле Арены сосредоточивались государственные учреждения.

Баррент шел по узким улочкам, осматриваясь по сторонам, стараясь представить себе, на что похож его новый дом. В глубине памяти пробуждались какие-то смутные картины Подобное место он видел на Земле.

Пройдя Арену, Баррент вышел на главный деловой проспект Тетрахида, удивленно читая вывески. "Доктор без лицензии - аборты без промедления!", "Дисквалифицированный адвокат - политический пул!"

Он шел дальше, мимо магазинов, рекламирующих краденые товары, мимо заведения с вывеской: "Чтение мозгов! Штат из скреннирующих мутантов. Ваше прошлое на Земле будет открыто!"

Баррент хотел зайти, но вспомнил, что у него нет ни гроша, а на Омеге, похоже, деньги ценятся высоко.

Он свернул в переулок, миновал несколько ресторанов и подошел к большому зданию Института ядов (Льготные условия, Рассрочка до трех лет. Результат гарантирован, в противном случае деньги возвращаются). Вывеска над следующей дверью гласила: "Гильдия Убийц".

После вводной беседы на корабле Баррент решил, что на Омеге делается все для исправления преступников. Но этому явно не соответствовали вывески и объявления, или же это был какой-то очень странный метод исправления. Он двинулся дальше, медленно, в глубоком раздумье.

Потом он заметил, что люди уходят с его пути, прячутся в магазинах и подъездах. Старая женщина, взглянув на него, убежала.

Что происходит? Может быть, их пугает форма заключенного? Нет, жители Омеги не впервые видят такую. Тогда в чем дело?

Улица опустела. Рядом с ним хозяин магазина торопливо опускал железную штору.

- Что случилось? - спросил его Баррент.
- Ты спятил?! - воскликнул хозяин. - Сегодня же День Посадки.
- Простите?
- День Посадки! - повторил тот. - День приземления корабля с заключенными. Убирайся в свой барак, идиот!
Он опустил штору, и послышался щелчок запираемого замка. Баррент внезапно почувствовал страх. Что-то тут неладно.
Нужно немедленно возвращаться. Глупо было идти в город, не зная обычаев.
К нему приближались трое мужчин, хорошо одетые, каждый с золотой серьгой Хаджи в левом ухе. Все трое были вооружены.
Один из них крикнул:
- Остановись, пеон!
Баррент увидел, что рука мужчины потянулась за оружием, и остановился.
- В чем дело? - спросил он.
- Сегодня День Посадки, - ответил мужчина и посмотрел на своих друзей. - Ну, кто первый?
- Бросим жребий.
- Вот монета.
- Нет, лучше на пальцах.
- Приготовились? Раз, два, три.
- Он мой, - сказал Хаджи, стоявший слева. Его приятели отодвинулись, а он вытащил оружие.
- Подождите - взмолился Баррент. - Что вы делаете?
- Собираюсь застрелить тебя, - сообщил мужчина.
- Почему?!
Мужчина улыбнулся.
- Потому что это привилегия Хаджи. В День Посадки мы имеем право убить любого пеона, покинувшего свой барак.
- Но меня не предупредили!
- Естественно, - согласился мужчина. - Если новичков предупреждать, то они не будут выходить из бараков в День Посадки. А это испортит всю забаву.
Он прицелился.
Баррент среагировал молниеносно. Бросился на землю, услышал шипение и увидел, как от здания, под которым он лежал, отвалился оплавленный кусок.
- Теперь моя очередь, - сказал другой мужчина.
- Прости, приятель, но очередь моя.
- Старшинство, мой друг, имеет свои привилегии. Стреляю я.
Однако Баррент был уже на ногах и бежал. Преследователи не торопились, словно были совершенно уверены в успехе. Баррент свернул в боковую улицу и понял, что сделал ошибку. Улица заканчивалась тупиком. Сзади не спеша подходили Хаджи.
Баррент затравленно озирался по сторонам. Все двери были заперты, все витрины зашторены. Некуда юркнуть, негде спрятаться.
И тут он увидел открытую дверь, которую, не заметив, пробежал. Вывеска гласила: "Общество по защите жертв". Как раз для меня, подумал Баррент.
Он рванулся назад, скользнул прямо под носом у ошеломленных Хаджи и ввалился в дверь. Преследователи не пошли за ним. Их голоса слышались снаружи - обсуждался вопрос первенства. Баррент понял, что попал в какое-то убежище.
Он находился в просторном, ярко освещенном помещении. На скамье у стены сидели несколько оборванцев, смеявшихся над

какой-то шуткой. Немного в стороне от них - темноволосая девушка с большими зелеными глазами. В дальнем конце комнаты за столом сидел представительный мужчина.

Баррент подошел к столу.

- Это Общество по защите жертв? - спросил он.

- Совершенно верно, сэр, - сказал мужчина. - Я Рондольф Френдлер, президент этой бескорыстной организации. Могу быть вам полезен?

- Воистину да, - ответил Баррент. - Видите ли, я - жертва.

- Я это сразу понял, - сообщил Френдлер, тепло улыбаясь.

- Мистер Френдлер, я не член вашей организации.

- Не имеет значения, - заверил Френдлер. - Мы защищаем неотъемлемые права всех жертв.

- Очень хорошо, сэр. Там снаружи трое хотят убить меня.

- Понимаю, - произнес мистер Френдлер. Он открыл ящик стола и вынул толстую книгу. Быстро пролистав ее, он нашел нужную страницу. - Скажите, вы определили статус этих людей?

- По-моему, они Хаджи. У каждого золотая серьга в левом ухе.

- Точно, - подтвердил мистер Френдлер. - А сегодня День Посадки. Вы с только что приземлившегося корабля и относитесь к пеонам, не так ли?

- Так, - сказал Баррент.

- В таком случае я счастлив сообщить, что все в порядке. Охота Дня Посадки заканчивается с заходом солнца. Вы можете спокойно уйти отсюда, зная, что ваши права никоим образом не нарушены.

- Уйти? После захода солнца, вы имеете в виду?

Мистер френдлер покачал головой и печально улыбнулся.

- Боюсь, что нет. По закону вы должны уйти немедленно.

- Но они убьют меня!

- Верно - согласился Френдлер. - К сожалению, ничего нельзя сделать. Таков смысл слова "жертва".

- Я думал, у вас защищают...

- Так и есть. Но мы защищаем права, а не самих жертв. Ваши права не нарушены. У Хаджи есть привилегия охотиться на пеонов в День Посадки в любое время до заката. Однако необходимо добавить: вы, в свою очередь, имеете право убить любого, кто покушается на вас.

- У меня нет оружия, - сказал Баррент.

- У жертв никогда нет оружия, - заверил Френдлер. - В том-то и разница. Понимаете?

Баррент все еще слышал ленивые голоса Хаджи на улице. Он спросил:

- У вас есть другой выход?

- К сожалению, нет.

- Тогда я просто не уйду.

Продолжая улыбаться, мистер Френдлер выдвинул ящик стола и достал пистолет.

- Вы должны уйти. Либо выходите к Хаджи, либо вы лишитесь последнего шанса и умрете здесь, - сказал он, прицеливаясь.

- Одолжите мне ваше оружие, - попросил Баррент.

- Не позволено, - объяснил Френдлер. - Нельзя же допустить, чтобы жертвы бегали вооруженные, сами понимаете. - Он щелкнул предохранителем. - Ну, уходите?

Баррент прикинул возможность броска через стол за пистолетом и понял, что ничего не получится. Он повернулся и медленно пошел к двери. Мужчины все еще смеялись.

Темноволосая девушка поднялась со скамейки и встала у входа. Подойдя ближе, Баррент заметил, что она очень хороша собой. Интересно, какое преступление привело ее на Омегу, подивился он.

Проходя мимо девушки, Баррент почувствовал, как в его руку скользнул маленький, грозного вида пистолет.

- Удачи, - произнесла девушка - Надеюсь, вы знаете, как с ним обращаться?

Баррент благодарно кивнул, хотя этой надежды вовсе не разделял.

4

Улица была пуста, если не считать спокойно переговаривающихся Хаджи. Когда Барреит вышел, двое отодвинулись, а третий шагнул вперед. Увидев, что Баррент вооружен, он быстро прицелился.

Баррент кинулся на землю и нажал на гашетку своего оружия. Он почувствовал, как оно дрогнуло в руке, и увидел, что голова и плечи Хаджи потемнели и начали распадаться. Прежде чем он успел прицелиться в других, пистолет вывернуло из руки дикой силой - выстрел умирающего Хаджи задел ствол.

Баррент в отчаянии рванулся к оружию, понимая, что вовремя не успеет, тело напряглось в ожидании смертельного удара... Он докатился до пистолета, удивительным образом живой, прицелился в ближайшего Хаджи.

И едва успел удержаться от выстрела. Хаджи вкладывали оружие в кобуры. Один из них сказал:

- Бедный старый Дрэйкен. Он так и не научился быстро целиться.

- Мало было практики, - заметил второй. - Дрэйкен не очень-то тренировался.

- Вот наглядный урок. Нельзя терять форму.

- И не следует недооценивать противника, даже пеона. - Он посмотрел на Баррента. - Отличный выстрел, приятель.

- Действительно, превосходный выстрел, - подтвердил другой мужчина. - Из пистолета чрезвычайно трудно точно стрелять в падении.

Баррент, дрожа, поднялся на ноги, сжав в руке оружие, готовый к действию при первом подозрительном движении Хаджи. Но они вели себя очень спокойно, явно считая инцидент исчерпанным.

- Что теперь? - спросил Баррент.

- Ничего, - ответил один из Хаджи. - В День Посадки каждому человеку или охотничьей партии позволено только одно убийство. После этого вы вне охоты.

- Неинтересный праздник, - пожаловался его товарищ. - Не сравнить с Играми или Лотереей.

- Вам остается только пойти в Регистрационную контору, - перебил первый, - и получить наследство.

- Что?

- Ваше наследство, - терпеливо повторил Хаджи. - Вы наследуете все состояние вашей жертвы. Но от Дрэйкена, должен вам сообщить, много не получите.

- Он никогда не был хорошим бизнесменом, - печально произнес другой. - И все же для начала неплохо. А так как вы совершили узаконенное убийство - хотя и в высшей степени необычное, - то поднимитесь в положении. Вы стали Свободным Гражданином.

На улице появились люди, лавочники открывали шторы. Подъехал грузовик с надписью "Удаление тел. Группа 5", и

четверо мужчин в униформе забрали тело Дрэйкена. Это больше, чем заверения Хаджи, убедило Баррента, что все позади. Он положил оружие девушки в карман.

- Регистрационная контора там, - сказал один из Хаджи. - Мы выступим вашими свидетелями.

Баррент еще не полностью понимал, что происходит. Но раз все идет хорошо, он решил не задавать вопросов. Успеет разобраться потом.

В сопровождении Хаджи он пришел в Регистрационную контору на Оружейной площади. Здесь клерк со скучной миной выслушал показания, достал деловые бумаги Дрэйкена и вместо его имени вписал имя Баррента. В документах уже было несколько подобных изменений - видимо, круговорот бизнеса в Тетрахиде совершается быстро.

Так Баррент оказался владельцем магазина противоядий по бульвару Пламени. Бумаги официально возводили его в ранг Свободного Гражданина. Клерк вручил кольцо статуса, сделанное из оружейной стали, и посоветовал как можно скорее сменить одежду во избежание неприятных недоразумений. Хаджи пожелали ему удачи и всяческих успехов.

Баррент решил осмотреть свое новое жилище и магазин. На фасаде дома красовалась вывеска: "Средства от всех ядов. Приобретайте набор "Сделай сам, если хочешь выжить". Двадцать три противоядия в карманной коробке!"

Баррент открыл дверь и вошел. За низкой стойкой до потолка тянулись полки, заставленные бутылками, склянками, картонками и квадратными стеклянными банками с листьями, веточками, грибами. Рядом стоял маленький шкаф с книгами.

Баррент прочел несколько названий: "Быстрое диагностирование при остром отравлении", "Группа мышьяка", "Производные белены".

Было очевидно, что отравление играет значительную роль в обыденной жизни Омеги, раз существуют магазины - а наверное, есть и другие, - которые готовят и распространяют противоядия. Баррент подумал и решил, что получил необычное, но почетное дело. Он изучит все книги и узнает, как его следует вести.

К магазину примыкали гостиная, спальня и кухня. В одном из шкафов Баррент нашел плохо сшитый черный костюм Гражданина и переоделся, не забыв переложить в карман пистолет. Покинув магазин, он направился в Общество по защите жертв.

Дверь все еще была открыта, а трое оборванцев все также сидели на скамье. Теперь они не смеялись. Долгое ожидание, казалось, утомило их. За столом просматривал бумаги мистер Френдлер. Девушки не было.

Баррент подошел к столу, и Френдлер встал.

- Примите мои поздравления! Дорогой друг, искренние, наитеплейшие поздравления! Великолепный выстрел! Притом в падении!

- Благодарю вас, - произнес Баррент. - Я пришел сюда, чтобы...

- Знаю, знаю, - сказал Френдлер. - Вы желаете осведомиться о правах и обязанностях Свободного Гражданина. Естественное желание. Садитесь на скамью, и я буду к вашим услугам через...

- Я пришел не за этим, - перебил Баррент. - Конечно, я не прочь узнать свои права и обязанности. Но сперва я хотел бы найти ту девушку.

- Девушку?
- Она сидела на скамье, когда я вошел. И дала мне пистолет.
Мистер Френдлер удивленно воззрился на него.
- Гражданин, вы ошибаетесь. Сегодня в конторе вообще не было женщин.
- Она сидела на скамье рядом с этими тремя мужчинами. Очень привлекательная темноволосая девушка. Вы не могли не заметить ее.
- Я определенно заметил бы ее, если бы она здесь была, - сказал Френдлер, часто мигая. - Но, как я уже говорил, в этом помещении не было и духу женщины.
Баррент посмотрел на него и вытащил из кармана пистолет.
- В таком случае откуда эта штука?
- Я его вам одолжил, - ответил Френдлер. - Рад, что вы успешно сумели им воспользоваться, но теперь попрошу вернуть.
- Вы лжете, - процедил Баррент, сжав оружие. - Спросим у этих людей. Куда ушла девушка?
Один из мужчин поднял угрюмое небритое лицо и сказал:
- О какой девушке вы говорите, Гражданин?
- О той, что сидела вот тут.
- Здесь никого не было. Рафаэль, ты видел женщину на скамейке?
- Только не я, - ответил Рафаэль. - А я сижу здесь с десяти утра.
- И я не видел, - вставил третий. - А у меня отличное зрение.
Баррент повернулся к Френдлеру.
- Почему вы лжете мне?
- Я сказал истинную правду. Пистолет вам одолжил я, потому что это моя привилегия как президента Общества по охране жертв. А теперь попрошу его обратно.
- Нет, - отрезал Баррент. - Пистолет будет у меня, пока я не найду девушку.
- Это не очень разумно, - произнес Френдлер и поспешно добавил: - Я имею в виду, что в данных обстоятельствах кража не прощается.
- Рискну, - бросил Баррент и покинул Общество по защите жертв.

5

Барренту требовалось время, чтобы оправиться от бурного вступления в омегианскую жизнь. Начав с бесправного положения новоприбывшего, посредством убийства он стал владельцем магазина противоядий. Из забытого прошлого на планете Земля его зашвырнули в шаткое настоящее мира преступников, дав смутное представление о сложной иерархической структуре и узаконенной программе убийств. Он обнаружил в себе определенную уверенность и неожиданное проворство в обращении с оружием. Баррент понимал, что надо еще очень много узнать о себе, Омеге и Земле, и надеялся прожить достаточно долго, чтобы успеть сделать это.
Но сперва главное. Нужно зарабатывать на жизнь. Необходимо стать специалистом по ядам и противоядиям.
На помощь пришла литература. В книгах описывались растительные яды, известные на Земле, такие, как вонючий морозник, чемерица, паслен и тисовое дерево. Болиголов и вызываемые им предсмертные судороги. Синильная кислота миндаля и дигиталин пурпурной наперстянки. Ужасающе

эффективная волчья отрава со смертельной дозой аконита и экстракты таких грибов, как бледная поганка и мухомор, не говоря уже о чисто омегианских ядах типа красноголовника или цветущей лилии морталис.

Но знать растительные яды, хотя и бесчисленные в своих вариациях, было мало. Оставались еще ядовитые животные - птицы, пауки, змеи, скорпионы и гигантские осы. Множество минеральных ядов вроде мышьяка, ртути, висмута. Едкие нитраты, гидрохлориды, кислоты. Очищенные от всяких примесей стрихнин, муравьиная кислота, гиоциамин, белладонна. Да плюс противоядия от всех этих веществ.

Баррент изучал книги, размышлял... И с некоторой нервозностью обслуживал своих первых клиентов.

Он обнаружил, что многие его опасениия беспочвенны. Вместо десятков смертельных веществ, рекомендованных Институтом ядов, большинство отравителей прибегало к мышьяку и стрихнину - недорогим, проверенным и очень болезненным. У синильной кислоты легкоразличимый запах, ртуть трудно ввести в организм, а едкие вещества, хотя и вполне эффективные, весьма опасны в обращении. Волчья отрава и мухомор, конечно, превосходны; нельзя сбрасывать со счетов белладонну, да и бледная поганка и вонючий морозник не лишены особого, мрачного очарования. Но то были яды старого, праздного времени. Нетерпеливое молодое поколение - и особенно женщины (они составляли на Омеге девять десятых отравителей) - довольствовалось простыми средствами.

Омегианские женщины были консервативны. Их не трогала утонченная изысканность отравительского искусства. Средства вообще не интересовали их; только цели - как можно быстрее и дешевле. Женщины Омеги отличались рациональностью. И хотя страстные теоретики в Институте ядов пытались продавать фантастические микстуры контактных ядов типа трехдневной плесени и неустанно трудились над составлением сложнейших композиций, те с трудом находили сбыт. Простой мышьяк и быстродействующий стрихнин продолжали оставаться столпами торговли, что существенно облегчало работу Баррента.

Осложнения возникали с мужчинами, которые отказывались верить, что они отравлены подобными банальными ядами. В таких случаях Баррент прописывал массу различных корешков, трав, листьев и крошечную гомеопатическую дозу яда, неизменно совмещая это с нейтрализующими и рвотными агентами.

Вскоре Баррента навестили Дэнис Фоэрен и Джо. Фоэрен получил временную работу в доках по разгрузке рыбачьих судов, а Джо организовал ночную игру в покер среди государственных служащих Тетрахида. Ни тот, ни другой не поднялись заметно в статусе; без убийства на своем счету они были лишь Жителями Второго Класса и нервничали при встрече со Свободным Гражданином, но Баррент вел себя как равный. Это были его единственные друзья на Омеге, и он не собирался терять их из-за неравенства в социальном положении.

Правила и обычаи Тетрахида оставались загадкой за семью печатями. Даже Джо не мог узнать что-нибудь определенное от своих друзей на государственной службе. На Омеге закон хранился в тайне. Опытные использовали его знание против вновь прибывших. При помощи неравенства и культивируемого невежества власть и привилегии оставались в руках старейших жителей. Конечно, движение наверх не остановить. Но его можно замедлить и сделать чрезвычайно опасным.

Хотя магазин требовал много времени, Баррент настойчиво искал девушку, которая ему помогла. Пока у него не было

даже доказательств, что она существовала.

Он познакомился с владельцами соседних магазинов. Веселый усатый молодой человек по имени Деймонд Гаррисбург распоряжался в продовольственном. Весьма обыденная и мирная профессия, но, как говорил Гаррисбург, даже преступники должны есть. Следовательно, необходимы фермеры, перевозчики, упаковщики и магазины. Гаррисбург утверждал, что его бизнес ничем не уступает присущей Омеге индустрии смерти. Кроме того, дядя жены Гаррисбурга был Министром Публичных Работ. Через него Гаррисбург рассчитывал получить сертификат на убийство. С этим важным документом он мог совершить свое обязательное преступление и подняться до статуса Привилегированного Гражданина.

Баррент поддакивал и кивал, но сомневался, не отравит ли сперва Гаррисбурга его жена, худая бойкая женщина. Похоже, она недолюбливала мужа, а развод на Омеге был запрещен.

Другой сосед. Тем Ренд, был долговязым бодрым мужчиной около сорока. От левого глаза почти до уголка рта тянулся шрам - подарок от желающего подняться в положении. Желающий не на того напал. Тем Ренд владел магазином оружия, постоянно практиковался и всегда носил при себе образчики своих товаров. Тем мечтал стать членом Гильдии Убийц. Он уже подал заявление и имел шанс быть принятым в эту старейшую и суровую организацию через несколько месяцев.

У него Баррент купил оружие. По совету Ренда он выбрал иглолучевик Джамисона- Тира, быстродействующий и аккуратный, развивающий мощность пули крупного калибра. Конечно, у него не было такого рассеяния, как у теплового оружия Хаджи, способного поражать в шести дюймах от цели. Но широкотепловое оружие поощряло неточность. Из такого мог стрелять любой, а чтобы эффективно использовать иглолучевик, необходима постоянная практика. И практика себя оправдывала: опытный стрелок из иглолучевика стоил двух с широкотепловым оружием.

Баррент внял совету, идущему от будущего Убийцы и владельца оружейного магазина. Долгие часы он проводил в тире Ренда.

Надо было многое знать и еще больше делать только для того, чтобы выжить. Баррент не возражал против тяжелой работы, пока она имела серьезную цель. Он надеялся, что некоторое время все будет спокойно и передышка позволит догнать в знаниях старожилов.

Но на Омеге нет ничего стабильного.

Однажды днем Баррент принял необычно выглядящего посетителя: лет пятидесяти, плотного, со строгим лицом. Гость был одет в красную рясу до колен и сандалии. С пояса свисали маленькая черная книжечка и кинжал с красной рукояткой. От человека веяло силой и властью. Баррент был не в состоянии определить его статус.

- Я собирался закрывать, сэр. Но если вы желаете что-нибудь купить...

- Я пришел не за покупками, - перебил посетитель. Он позволил себе легкую улыбку. - Я пришел продать.

- Продать?

- Я священник, - сказал человек. - Вы новичок в моем районе. Я не видел вас на службах.

- Я ничего не знал о...

Священник поднял руку.

- И по церковному, и по светскому закону неведение не служит оправданием. Напротив, неведение может быть наказано как акт намеренного пренебрежения по параграфу 28 Всеобщей

Персональной Ответственности. - Он снова улыбнулся. - Тем не менее вопрос дисциплинарного взыскания пока не стоит.
- Рад слышать, сэр, - сказал Баррент.
- Зовите меня Дядей, - сказал священник. - Я Дядя Ингмар, и я пришел, чтобы рассказать об ортодоксальной религии Омеги, являющейся культом трансцедентального Зла.
- Буду счастлив узнать о религии Зла, Дядя, - произнес Баррент. - Разрешите пригласить вас в гостиную?
- Конечно, Племянник, - ответил священнослужитель и последовал за Баррентом.

6

- Зло, - сказал Дядя Ингмар после того, как удобно устроился в лучшем кресле, - это та сила внутри нас, которая заставляет людей проявлять ловкость и выносливость. Культ Зла является культом самого себя и потому единственно верным культом. Личность, которой мы поклоняемся, есть идеальное социальное существо, человеческое содержимое в нише общества, готовое ухватить любую возможность продвижения; человек, принимающий смерть с достоинством и убивающий без унизительного чувства жалости. Зло есть действительное отражение безразличной и бесчувственной Вселенной. Зло вечно и неизменно, хотя проявляется в различных формах, многообразной жизни.
- Не угодно ли немного вина. Дядя? - предложил Баррент.
- Благодарю вас. Как бизнес?
- Прекрасно. Правда, на той неделе, пожалуй, вяло.
- Люди уже не проявляют особого интереса к отравлению, - заметил священник, задумчиво потягивая вино - То ли дело, когда я был мальчишкой, только что высланным с Земли... Однако я отвлекся.
- Слушаю вас, Дядя.
- Мы поклоняемся Злу, - сказал Дядя Ингмар. - Этому воплощению Великого Черного, страшному, увенчанному рогами надсмотрщику наших дней и ночей. В Великом Черном мы находим семь главных грехов, сорок преступлений и сто один порок. Мы, несовершенные существа, стремимся вести себя по его образу и подобию. И иногда Великий Черный вознаграждает нас, являясь в ужасной красоте своей огненной плоти. Да, Племянник, мне посчастливилось видеть его. Два года назад он появился на Играх, и за год до того.
Священник задумался о божественном явлении. Затем он сказал:
- Так как мы признаем в Государстве высшее проявление способности человека ко Злу, мы также поклоняемся Государству, как сверхчеловеческому, хотя и не божественному, созданию.
Баррент кивнул. Он все время боролся со сном. Низкий монотонный голос Дяди Ингмара, повествующий о таком распространенном понятии, как Зло, оказывал усыпляющее действие.
- Можно спросить, - бубнил Дядя Ингмар, - если Зло является величайшим достижением человеческой натуры, зачем тогда Великий Черный позволяет существовать Добру? Проблема Добра веками волновала непросвещенных. Сейчас я отвечу.
- Да, Дядя? - произнес Баррент, тайком ущипнув себя, чтобы отогнать сон.
- Но сперва, - продолжал священник, - давайте дадим определение понятий. Давайте исследуем природу Добра. Давайте смело и безбоязненно изучим нашего противника и

раскроем его истинные черты.
- Да, - кивнул Баррент. Его веки налились свинцом. Он потер глаза и попытался слушать.
- Добро есть состояние иллюзии, - вещал Дядя Ингмар, - которое приписывает человеку несуществующие альтруизм и жалость. Как мы докажем иллюзорную природу Добра? Очень просто: во Вселенной существует только человек и Великий Черный, и поклоняться Великому Черному - значит поклоняться окончательному выражению себя. Таким образом, показав, что Добро есть иллюзия, необходимо признать его свойства несуществующими. Понимаете?
Баррент не ответил.
- Вы понимаете? - повторил священник резко.
- А? - произнес Баррент. Он дремал с открытыми глазами. Затем он заставил себя очнуться и сумел сказать: - Да, Дядя, я понимаю.
- Превосходно. Теперь спрашиваем: почему Великий Черный позволяет даже иллюзии Добра существовать во Вселенной Зла? И ответ - в Законе Необходимых Противоположностей, ибо Зло нельзя определить как таковое без обязательного контраста. Лучший контраст - противоположность. А противоположность Зла есть Добро. - Священник торжествующе улыбнулся. - Все совершенно ясно, не правда ли?
- Конечно, Дядя, - согласился Баррент. - Не хотите ли еще немного вина?
- Ах, буквально капельку, - сказал священник.
Еще десять минут он рассказывал Барренту о естественном и прекрасном Зле, присущем обитателям полей и лесов, и советовал ему следовать в поведении примеру этих простых созданий. Наконец он кончил и поднялся.
- Очень рад приятной беседе, - сказал священник, тепло пожимая руку Баррента. - Могу я рассчитывать на ваше присутствие в ночных службах по понедельникам?
- Службах?
- Конечно. Каждый понедельник, ровно в полночь, мы служим Черную Мессу. После этого Девы готовят закуску, мы танцуем и устраиваем хоровое пение. Это очень весело. - Он широко улыбнулся. - Поклонение Злу может быть приятным.
- Да, естественно, - подтвердил Баррент. - Я приду.
Он проводил священника до двери и затем надолго задумался над тем, что сообщил ему Дядя Ингмар. Без сомнения, присутствие на службах необходимо. Практически обязательно. Он только надеялся, что Черная Месса не будет так адски скучна, как ингмаровское разъяснение Зла.
Священник приходил в пятницу. Следующие два дня Баррент был занят - он получил партию гомеопатических средств от своего агента в Кровавом переулке. Надо было рассортировать и классифицировать их, а затем разложить по ящикам.
В понедельник по пути в магазин после ленча Барренту показалось, что он увидел ту девушку. Он бросился за ней, но потерял в толпе.
Придя к себе, Баррент нашел подсунутое под дверь письмо. Это было приглашение из Магазина Снов. Текст гласил:
"Дорогой Гражданин, мы счастливы возможности приветствовать вас в нашем районе и предложить услуги, как мы надеемся, лучшего Магазина Снов на Омеге. Сны на любой тип и вкус и по удивительно низкой цене. Мы специализируемся на снах - воспоминаниях о Земле.
Уверены, что как Свободный Гражданин вы непременно захотите воспользоваться нашими услугами. Надеемся, что это произойдет в течение недели. Владельцы".

Баррент отложил письмо. Он не имел ни малейшего понятия, что представляет собой Магазин Снов. Предстоит это узнать. Хотя приглашение было составлено очень вежливо, в нем чувствовалась повелительность. Очевидно, посещение Магазина Снов являлось одной из обязанностей Свободного Гражданина.

Конечно, обязанность может оказаться и удовольствием. Настоящее восстановление памяти о Земле стоило бы любых денег.

Но с этим можно пока подождать. Сегодня - Черная Месса, и его присутствие там определенно требуется.

Баррент покинул магазин в одиннадцать вечера, собираясь немного погулять по Тетрахиду перед службой, начинающейся в полночь.

Он вышел на прогулку вполне довольный собой. И едва не погиб.

7

Стояла жаркая, душная ночь. На темных, пустынных улицах - ни малейшего дуновения ветерка. Большинство жителей Тетрахида прятались в прохладе своих квартир. С Баррента градом катил пот, хоть он и был одет только в шорты, черную рубашку и сандалии.

Мимо промчалась группа людей. В этом поспешном бегстве при жаре, когда и идти-то было трудно, чувствовалась паника. Баррент попытался узнать, в чем дело, но никто не останавливался. Только один старик крикнул через плечо:

- Убирайся с улицы, идиот!

- Почему? - спросил его Баррент.

Старик что-то неразборчиво прорычал и скрылся.

Баррент нервно сжал рукоять иглолучевика. Что-то происходит. Теперь ближайшее убежище - церковь. Пожалуй, лучше продолжить путь, держась наготове, чтобы отразить любое нападение.

Через несколько минут Баррент оказался один в зашторенном городе. Он шел посреди улицы, вынув иглолучевик из кобуры. Возможно, наступает какой-нибудь праздник типа Дня Посадки. Все возможно на Омеге...

Легкий ветерок всколыхнул стоячий воздух. Ветерок исчез и вернулся уже окрепший, заметно охлаждая раскаленные улицы. Баррент почувствовал, как высыхают его грудь и спина.

Несколько минут климат Тетрахида был необычайно приятным.

Холодный воздух подул с вершин гор, и температура упала градусов на десять.

"Странно, - подумал Баррент. - Лучше поскорее добраться до церкви".

Он прибавил шагу, а температура все снижалась. На улицах появились первые сверкающие признаки мороза.

Холоднее стать не может, решил Баррент.

Он оказался не прав. Студеный зимний ветер завыл в переулках, повалил снег. Продрогший до костей Баррент бежал по пустым улицам, а рассвирепевший ветер догонял и подстегивал его. Дороги коварно блестели. Он поскользнулся и упал, а поднявшись, пошел медленнее.

Сквозь неплотно закрытое окно Баррент увидел свет и заколотил по ставням, но изнутри не раздалось ни звука. Он осознал, что жители Тетрахида никогда не помогают друг другу; чем больше людей умрет, тем больше шансов выжить у оставшихся.

Баррент продолжал бежать, чувствуя, как ноги превращаются в два чурбана. Ветер взревел, и градина величиной с кулак

упала на землю. У Баррента уже не хватало сил для бега. Теперь он мог лишь идти в замерзшем белом мире и надеяться, что успеет добраться до церкви.

Он шел часы и годы. Однажды он миновал покрытые инеем тела двух мужчин, привалившихся к стене. Эти остановились.

Баррент снова заставил себя бежать. В боку кололо как ножом, а холод поднимался по рукам и ногам. Скоро стужа достигнет груди, и наступит конец.

Потом Баррент вдруг обнаружил, что лежит на ледяной земле и безжалостный ветер выдувает последние крохи тепла. В конце улицы виднелись красные огни церкви. Он пополз к ним на четвереньках, отталкиваясь руками, двигаясь механически, уже ни на что не надеясь. Он полз и полз, а мерцающий огонек все так же светил вдалеке. Но Баррент продолжал ползти и наконец достиг двери. Он поднялся на ноги и повернул ручку.

Дверь была заперта.

Он бешено замолотил кулаками, и панель откатилась. На него смотрел человек; затем панель снова закрылась. И больше не открывалась. Чего они ждут там, внутри? Что случилось? Баррент попытался вновь стучать, но потерял равновесие, упал и лишился сознания.

Баррент очнулся на койке. Двое мужчин массажировали его руки и ноги, сверху нависло широкое темное лицо Дяди Ингмара - озабоченное и внимательное.

- Вам лучше? - спросил Дядя Ингмар.

- Кажется, - произнес Баррент. - Почему вы так долго не открывали дверь?

- Мы вовсе не собирались открывать ее, - сообщил священник. - Закон запрещает помогать посторонним в беде. А формально вы посторонний, так как еще не вступили в сообщество.

- Тогда почему меня впустили?

- Мой ассистент заметил, что у нас круглое число молящихся. А требуется число некруглое, желательно оканчивающееся на тройку. Когда церковный и светский законы вступают в противоречие, светский должен уступить. И мы впустили вас, несмотря на правила.

- Странные правила, - сказал Баррент.

- Вовсе нет. Они предназначены для поддержания постоянного уровня населения. Омега бесплодная планета, а приток заключенных увеличивает население в ущерб старейшим обитателям.

- Это нехорошо, - упорствовал Баррент.

- Вы будете думать по-другому, когда станете старожилом, - заверил Ингмар. - А судя по вашей живучести, вы им станете.

- Возможно, - согласился Баррент. - Но что случилось? Температура, должно быть, упала градусов на семьдесят за пятнадцать минут.

- На семьдесят шесть, если быть точным, - поправил Дядя. - Все очень просто. Омега эксцентрически движется вокруг системы двойной звезды. Дальнейшая нестабильность связана с физическими особенностями планеты, расположением гор и морей. Результатом является ужасный климат, характеризующийся резкими скачками температуры... Идеальный карательный мир, - гордо добавил Дядя Ингмар. - Опытные жители предчувствуют изменение температуры и идут по домам.

- Это... адски... - Баррент не находил слов.

- Превосходное описание, - сказал священник. - Это адски

и поэтому соответствует поклонению Великому Черному. Если вы чувствуете себя лучше, гражданин Баррент, пора начинать службу.

Баррент кивнул и последовал за священником в главную часть церкви.

После пережитого Черная Месса казалась скучнейшей процедурой. Баррент продремал всю проповедь.

- Поклонение Злу, - вещал Дядя Ингмар, - не следует блюсти единственно по ночам понедельника. Наоборот! Реализовывать Зло должно ежедневно. Не каждому дано быть великим грешником, но пусть это вас не огорчает и не расхолаживает. Мелкие пакости, совершаемые регулярно, переходят в большой, угодный Великому Черному грех. Не следует забывать, что выдающиеся нечестивцы, даже демонические святые, часто начинали весьма скромно. Разве Трастус не был рядовым лавочником, обманывающим покупателей? Кто мог ожидать, что этот заурядный человек станет Кровавым Убийцей с Торндайкской Дороги?

А кто мог вообразить, что доктор Лойенд будет крупнейшим авторитетом по применению пыток? Настойчивость, упорство и набожность позволили этим людям подняться до положения правой руки Великого Черного. Следовательно, - заключил Дядя Ингмар, - зло есть в такой же мере занятие бедных, как и богатых.

На этом проповедь закончилась. Баррент проснулся, когда для благоговейного обозрения вынесли святыни - кинжал с красной рукояткой и жабу. Во время показа магического пятиугольника он снова заснул.

Наконец церемония приблизилась к завершению; Были зачитаны имена демонов зла: Ваол, Форкас, Буэр, Маркознас, Астарот и Бегемот. Дядя Ингмар выразил сожаление об отсутствии девственницы для жертвоприношения на Красном Алтаре.

- Наши фонды, - сказал он, - недостаточны для покупки девственницы-пеонки с государственным сертификатом. Тем не менее я надеюсь, что в следующий понедельник нам удастся провести обряд полностью. Мой ассистент сейчас пройдет среди вас...

У ассистента была специальная тарелка с черной каймой. Подобно другим прихожанам, Баррент не поскупился. Дядя Ингмар был явно раздражен отсутствием девственницы для приношения. Еще немного, и он решит заклaсть одного из верующих, девственен тот или нет.

На танцы и хоровое пение Баррент не остался. Когда служба кончилась, он осторожно высунул голову за дверь. Температура поднялась, и лед уже стаял. Баррент пожал руку священнику и поспешил домой.

8

Барренту хватало потрясений и сюрпризов Омеги. Он не отходил от магазина, много работал и держался настороже. У него появилось шестое чувство - чувство опасности.

По ночам, когда двери и окна были накрепко заперты и включена тройная сторожевая система, Баррент лежал на постели и старался вспомнить Землю. Тычась в туманную завесу памяти, он находил мучительно-дразнящие осколки картин: шоссе, уходящее к солнцу, колоссальный город, корпус космического корабля. Но видения возникали на мельчайшую долю секунды и исчезали.

Субботним вечером к Барренту пришли Джо, Дэнис Фоэрен и

сосед Тем Ренд. Покерная Джо процветала, и он сумел взяткой купить положение Свободного Гражданина. Фоэрен был слишком неповоротлив и прям, он оставался в ранге Жителя. Но Тем Ренд обещал взять этого взломщика в помощники, когда его примут в Гильдию Убийц.

Вечер начался приятно, но кончился, как обычно, спором о Земле.

- Послушайте, - сказал Джо, - мы все знаем, что из себя представляет Земля. Это комплекс гигантских плавающих городов, построенных на искусственных островах в различных океанах.

- Нет, города стоят на земле, - поправил Баррент.

- На воде, - не согласился Джо. - Люди вернулись к морю. У каждого есть специальный кислородный адаптатор, который позволяет дышать под водой. Суша больше не используется. Море снабжает...

- Все не так, - возразил Баррент. - Я помню большие города, - но они на земле.

- Вы оба не правы, - сказал Фоэрен. - Зачем Земле сдались эти города? Их бросили сотни лет назад. Земля теперь большой парк. У каждого свой дом и несколько акров сада. Разрослись леса и джунгли. Люди живут в ладу с природой, вместо того чтобы пытаться покорить ее. Разве не так, Тем?

- Почти, но не совсем, - произнес Тем Ренд. - Города еще существуют, но они под землей. Колоссальные подземные заводы и поля. А остальное все - как сказал Фоэрен.

- Никаких заводов больше нет, - упрямо настаивал Фоэрен. - Они не нужны. Любые товары, которые требуются человеку, производятся мысленным волеизъявлением.

- Говорю вам, - вмешался Джо, - что вспоминаю плавающие города! Я жил в секторе Нимул острова Пасифаи.

- Думаешь, это что-нибудь доказывает? - спросил Ренд.

- Я помню, что работал на восемнадцатом подземном уровне Нового Чикаго. Моя рабочая норма была двадцать дней в году. Остальное время я проводил снаружи, в лесах...

- Ты ошибаешься, Тем, - сказал Фоэрен. - Никаких подземных уровней нет. Мой отец был контролером третьего класса. Когда нам что-нибудь было нужно, отец думал об этом, вот и все. Он обещал научить меня, но, похоже, ему это не удалось.

- У кого-то из нас фальшивые воспоминания, - подытожил Баррент.

- Точно, - подтвердил Джо. - Но вопрос, кто из нас прав?

- Мы никогда не узнаем, - произнес Ренд, - если не вернемся на Землю.

На том дискуссия закончилась.

В конце недели Баррент получил второе, более настоятельное приглашение из Магазина Снов. Он проверил температуру; умудренный жизнью, достал теплую одежду и пошел.

Магазин Снов был расположен на проспекте Смерти. Баррент оказался в маленькой, пышно обставленной приемной. Молодой человек за полированным столом одарил его натянутой улыбкой.

- Чем могу служить? Мое имя Нанис Аркдраген, помощник управляющего по ночным снам.

- Я бы хотел узнать, что при этом происходит, - попросил Баррент. - Как получается сон, какого он типа и тому подобное.

- Конечно, - сказал Аркдраген. - Мы все объясним,

Гражданин...
- Баррент, Уилл Баррент.
Аркдраген сверился со списком на столе и кивнул.
- Наши сны протекают под действием наркотиков на мозг и центральную нервную систему. Существует множество препаратов, дающих желаемый эффект. Среди наиболее полезных - героин, морфий, опиум, кока, гашиш и пейот. Все это земные продукты. Только на Омеге находят черный сонник, гондир, мание, тринарвотин, джедаль и различные производные кармоидной группы.
- Понимаю, - сказал Баррент. - Итак, вы продаете наркотики.
- Ни в коем случае! - возразил Аркдраген. - Ничего такого вульгарного и грубого. В древние времена на Земле люди сами принимали наркотики. Результирующие сны были необязательны и случайны по натуре. Никто не знал, что увидит во сне, испытает ли ужас или наслаждение. С приходом современного Магазина Снов всякая неопределенность исчезла. В наши дни наркотики тщательно выбраны, измерены и смешаны индивидуально для конкретного потребителя.
Каждое вещество имеет свое действие - от нирваноподобного спокойствия черного сонника и цветных галлюцинаций тринаркотина до сексуальных фантазий, вызываемых морфием, и снов кармоидной группы о Земле.
- Сны-воспоминания меня и интересуют, - сказал Баррент.
Аркдраген нахмурился.
- На первый раз советую воздержаться.
- Почему же?
- Сны о Земле более опасны для нарушения нервной системы, чем любая другая продукция воображения. Обычно рекомендуется приобрести предварительно иммунитет. Я бы предложил для первого визита приятные сексуальные фантазии.
- Мне нужны сны о Земле, - повторил Баррент.
- Но у вас нет даже склонности - воскликнул Аркдраген.
- А склонность обязательна?
- Она важна, - объяснил Аркдраген. - Все наши препараты образуют привычку, как того требует закон. Видите ли, чтобы по-настоящему оценить наркотик, надо чувствовать в нем нужду, что в огромной степени увеличивает удовольствие. Вот почему я предлагаю вам для начала приятные сексуальные фантазии.
- Сон о Земле, - потребовал Баррент.
- Очень хорошо, - раздраженно произнес Аркдраген. - Но мы не несем ответственности за возможные травмы.
Он повел Баррента по длинному коридору. Из-за многочисленных дверей по обеим сторонам слышались страстные стоны удовольствия.
- Переживальщики, - бросил Аркдраген без дальнейших пояснений и ввел Баррента в открытую комнату в конце коридора, где читал книгу бородатый мужчина. - Добрый вечер, доктор Уайн. Это Гражданин Баррент. Первое посещение. Настаивает на снах о Земле.
Аркдраген повернулся и ушел.
- Хорошо, - сказал доктор, - устроим. - Он отложил книгу. - Ложитесь сюда.
Посреди помещения находился большой стол. Над ним висел какой-то мудреный аппарат. Вдоль стен стояли стеклянные шкафы, заполненные квадратными склянками, напоминающими Барренту емкости с противоядиями.
Он лег. Доктор Уайн провел обычное обследование, затем определил степень неустойчивости, гипнотический индекс,

реакции на одиннадцать основных наркогрупп.

Результаты он записал в блокнот, сверился с таблицами, прошел в кабинет и начал готовить смесь.

- Это опасно? - спросил Баррент.

- Не обязательно, - ответил доктор Уайн. - Вы достаточно здоровы. У вас высокий показатель устойчивости. Конечно, случаются эпилептические припадки - возможно, вследствие кумулятивных аллергических реакций. Определенные побочные эффекты приводят к умопомешательству и даже смерти. А некоторые клиенты остаются в своих снах, и их невозможно извлечь из этого состояния. С моей точки зрения, мы можем квалифицировать последнее как форму сумасшествия, хотя на самом деле оно таковым не является.

Доктор кончил готовить смесь. Теперь он заполнял препаратом шприц. У Баррента появились серьезные сомнения в разумности всего предприятия.

- Может быть, отложим? - сказал он. - Я не уверен, что...

- Ни о чем не беспокойтесь, - утешил доктор. - Вы пришли в наилучший Магазин Снов на Омеге. Расслабьтесь. Напряженные мышцы могут вызвать столбнячные конвульсии.

- Мистер Аркдраген, наверное, был прав, - сказал Баррент. - Пожалуй, мне не следует требовать сон о Земле при первом посещении. Он объяснил, что это крайне опасно.

- Что такое жизнь без риска? Кроме того, наиболее распространенными последствиями являются травмы мозга и разрушение кровеносных сосудов, а мы прекрасно оснащены для борьбы с ними.

Он нацелил шприц на левую руку Баррента.

- Я передумал, - заявил Баррент и начал вставать.

Доктор Уайн проворно вонзил иглу ему в руку.

- В Магазине Снов не меняют решений. Расслабьтесь ...

Баррент расслабился, лег на постель и услышал звон в ушах. Он попытался сфокусировать внимание на лице доктора, но лицо изменилось.

Округлое мясистое лицо было дружелюбным и обеспокоенным.

- Уилл, - произнес Советник, - ты должен быть осторожен. Тебе надо научиться сдерживать свои порывы.

- Знаю, сэр, - сказал Баррент. - Просто я так разозлился, что...

- Уилл!

- Хорошо, - сказал Баррент. - Я буду следить за собой.

Он вышел из здания университета и направился в город. Это был фантастический город небоскребов и многоэтажных улиц, сверкающий город серебряных и алмазных домов, гордый город, повелевающий жизнью стран и планет. Баррент шел по третьему уровню и с ненавистью думал об Эндрю Теркалере.

Из-за Теркалера и его необъяснимой ревности заявление Баррента и приеме в Корпус Космических Исследований было отклонено. И Советник оказался бессилен - Теркадер имел слишком большое влияние на Приемную Комиссию. Должно пройти полных три года, прежде чем Баррент снова сможет подать заявление. А пока он привязан к Земле и сидит без работы.

Теркалер!..

Баррент сошел с пешеходной дорожки и воспользовался экспрессом в Сантэ. Стоя на мчащейся ленте, он сжимал в кармане оружие. Запрещенное оружие.

Он решил убить Теркалера.

Картина расплылась. Сон померк. Потом Баррент внезапно увидел себя целящимся в худого человека.

Информатор, безликий и неумолимый, заметил преступление и

сообщил в полицию. Полицейские в серой форме схватили его, повели в суд. Судья с двоящимся пергаментным лицом вынес приговор о вечной ссылке на Омегу и отдал обязательный приказ об очистке памяти.

Затем сон превратился в калейдоскоп ужаса. Баррент карабкался по скользкому столбу, по отвесному склону горы, по ровной гладкой стене. Его догонял труп Теркалера с развернутой грудью. С двух сторон поддерживали безликий информатор и бледный судья.

Баррент бежал по горе, по улице, по крыше; преследователи держались вплотную. Он заскочил в бесформенную желтую комнату, захлопнул и запер дверь. А обернувшись, увидел, что запер себя с трупом Теркалера. Голова его была покрыта красной и оранжевой плесенью, в открытой ране в груди зацветал гриб. Труп дернулся, потянулся вперед, и Баррент бросился в окно.

- Выходите, Баррент. Выходите из сна.

У Барента не было времени слушать. Окно превратилось в крутой скат, и он соскользнул по его полированной поверхности в амфитеатр. Здесь, через серый песок, на колодах рук и ног, к нему полз труп. Неподалеку сидели рядышком судья и информатор.

- Он застрял.

- Я предупреждал его.

- Выходите из сна, Баррент. Говорит доктор Уайн. Вы на Омеге, в Магазине Снов. Очнитесь. У вас еще есть шанс, если вы немедленно соберетесь.

Омега? Сон? Некогда думать об этом! Баррент плыл по черному зловещему озеру. Прямо за ним плыли информатор и судья. Они поддерживали покойника, чья кожа медленно отваливалась от тела.

- Баррент!

Озеро превращалось в густой студень, который прилипал к рукам и ногам и забивал рот, а судья, информатор и труп...

Баррент очнулся на постели в Магазине Снов. Над ним стоял доктор Уайн. Рядом была сестра со шприцем и кислородной маской. За ней виднелся Аркдраген, вытирающий со лба испарину.

- Мы уже не надеялись, что вы выкарабкаетесь, - произнес доктор Уайн.

- Я предупреждал его, - сказал Аркдраген и вышел из комнаты.

Баррент сел.

- Что случилось?

Доктор Уайн пожал плечами.

- Трудно сказать. Возможно, вы были склонны к кольцевой реакции; а иногда попадаются наркотики с примесями. Но подобное практически не повторяется. Поверьте мне. Гражданин Баррент, наркотические ощущения чрезвычайно приятны. Я уверен, что во второй раз вы восхититесь.

Все еще потрясенный, Баррент был совершенно убежден, что второго раза не будет. Любой ценой он не допустит повторения кошмара.

- У меня теперь образовалась привычка? - спросил он.

- О нет, - ответил доктор Уайн. - Привычка вырабатывается с третьего или четвертого посещения.

Баррент поблагодарил его и вышел. Проходя мимо Аркдрагена, он спросил, сколько должен.

- Ничего, - сказал Аркдраген. - Первый визит бесплатно.

Баррент покинул Магазин Снов и поспешил домой. Ему было над чем подумать. Появилось доказательство, что он совершил

преднамеренное убийство.

9

Одно дело - обвинение в убийстве, которого ты за собой не чувствуешь; совсем другое - помнить совершенное преступление. Такому свидетельству нельзя не поверить.

Перед посещением Магазина Снов Баррент еще сомневался в предъявленном обвинении, допуская в крайнем случае, что убил человека во внезапной вспышке гнева. Но задумать и осуществить хладнокровную расправу...

Почему он сделал это? Выходит, желание отомстить оказалось таким сильным, что заставило сбросить оковы цивилизации?... Он убил, кто-то донес, и судья приговорил его к Омеге. Он - убийца на планете преступников. Следовательно, чтобы жить припеваючи, ему достаточно просто следовать своим природным наклонностям.

И все же Барренту приходилось очень трудно. У него не было ни малейшей тяги к кровопролитию. В День Свободного Гражданина он, хотя и выходил вооруженный на улицу, не мог заставить себя застрелить кого-нибудь из низших классов. Он не хотел убивать!

Баррент обратился к психиатру, который сообщил, что его неприязнь к убийству коренится в несчастном детстве. Фобия затем была осложнена перенесенной в Магазине Снов травмой. Из-за этого убийство, величайшее социальное достижение, стало ему противно. Невроз гуманности в человеке, великолепно приспособленном к убийству, приведет, сказал психиатр, к его, Баррента, уничтожению. Психиатр предложил лечение в санатории для непреступников.

Баррент посетил санаторий и увидел сумасшедших, восславляющих здоровые игры, святость жизни и прочую чушь. У него не появилось желания присоединиться к ним. Возможно, он болен, но не так!

Друзья предупреждали, что пассивность может накликать беду. Баррент соглашался, но питал надежду, что при помощи только необходимых убийств сумеет не привлечь внимания высокопоставленных лиц, следящих за соблюдением закона.

Несколько недель план его, казалось, имел успех. Баррент игнорировал все более настойчивые приглашения в Магазин Снов и не посещал служб. Торговля процветала, и он проводил свободное время, изучая редкие яды и практикуясь в стрельбе. Часто Баррент думал о девушке - доведется ли им встретиться?

И думал о Земле. В иные минуты ему виделись дубы, просвечивающая сквозь ивы река, большое каменное здание ... Воспоминания наполняли его невыносимой тоской. Как и большинством обитателей Омеги, им владело страстное желание вернуться домой.

А это было невозможно.

Летели дни, и когда беда пришла, она пришла неожиданно.

Однажды ночью раздался громкий стук в дверь. Четверо в форме сообщили полусонному Барренту, что он арестован.

- За что? - спросил Баррент.

- Отсутствие склонности к наркотикам. Три минуты на сборы.

- Какое наказание меня ждет?

- В суде узнаешь. - Охранник подмигнул своим приятелям и добавил: - Но единственный способ вылечить нерасположенца - убить его...

Баррент одевался.

Его привели в Департамент Юстиции. Приемная комната была разделена пополам высоким деревянным экраном, ибо основы омегианского правосудия гласили, что обвиняемый не должен видеть ни судей, ни свидетелей по его делу.

- Арестованный, встать.

Голос, вялый и равнодушный, раздавался из небольшого динамика. Баррент едва разбирал слова; интонации и выражение терялись, как и было задумано. Судья оставался анонимом.

- Уилл Баррент, - сказал судья, - вы предстали перед судом по основному обвинению в нерасположении к наркотикам и дополнительному - в отсутствии благочестия. По последнему у нас имеются показания священника. По основному - свидетельство Магазина Снов. Вы можете опровергнуть обвинения?

Баррент подумал и ответил:

- Нет, сэр, не могу.

- В настоящий момент вашу антирелигиозность можно не рассматривать, ибо это первый проступок. Но нерасположение к наркотикам является главным преступлением против Государства. Непрерывное потребление наркотиков - обязательная привилегия каждого гражданина. Известно, что привилегии должны насаждаться, в противном случае они будут утеряны. А потерять привилегии - значит потерять краеугольный камень нашей свободы. Поэтому уклонение от них приравнивается к государственной измене.

Наступила пауза. Баррент, считавший свое положение безнадежным, слушал, затаив дыхание.

- Наркотики служат многим целям, - продолжал судья. - Излишне перечислять их достоинства. Но, говоря с точки зрения государства, необходимо отметить, что предрасположенное к ним население есть лояльное население, что наркотики являются основным источником доходов и вообще представляют весь наш образ жизни. Более того, я скажу, что нерасположенное меньшинство неизменно доказывало свою враждебность к родным омегианским организациям. Все это пространное объяснение, Уилл Баррент, для того, чтобы вы лучше поняли, в чем вас обвиняют.

- Сэр - сказал Баррент, - я ошибался, избегая увлечения. Не буду ссылаться на незнание - мне известно, что закон не признает извинений. Но я самым искренним образом прошу суд дать мне возможность исправиться. Я прошу учесть, сэр, что мне еще не поздно приобрести привычку к наркотикам.

- Принимая во внимание все вышеизложенное, - произнес судья, - суд находит необходимым предоставить вам выбор. Первое решение карательное: вы лишаетесь правой руки и левой ноги во искупление преступления против Государства; но вы сохраняете жизнь.

Баррент сглотнул и спросил:

- А второе?

- Второе, некарательное решение заключается в том, что вы должны пройти Суд Испытанием. В том случае, если вы выживете, вам будет присвоен соответствующий ранг и предоставлено вытекающее из него положение в обществе.

- Я выбираю Суд Испытанием, - произнес Баррент.

- Очень хорошо, - сказал судья. - Да свершится правосудие.

Баррента увели. За спиной он услышал сдавленный смешок одного из охранников. Значит, выбор неправильный? Может ли Суд Испытанием быть страшнее увечья?

10

Баррент стоял на каменном полу в огромном, ярко освещенном помещении. Ряды для зрителей, расположенные на некотором возвышении за барьером, были заполнены до отказа.

Ожил укрепленный высоко динамик:

- Дамы и господа, просим внимания! Сейчас начнется Суд Испытанием 642-ВГ223 между Гражданином Уиллом Баррентом и ГМЕ-213. Просим занять места.

В стене откинулась панель, и на арену вкатилась блестящая черная машина в форме полусферы в фут высотой.

- Заключенный Уилл Баррент добровольно выбрал Суд Испытанием. Инструмент правосудия, в данном случае ГМЕ-213, есть изумительное творение инженерного гения Омеги. Машина, или Макс, как ее, называют многие друзья и поклонники, является орудием убийства завидной эффективности. В ее арсенале двадцать три разных способа умерщвления, в большинстве своем очень болезненных. В целях испытания она оперирует по принципу случайности. Это означает, что Макс не имеет свободы выбора. Способ нападения определяется наугад специальным аппаратом, действующим с замедлением до шести секунд.

Макс неожиданно двинулся в центр арены, и Баррент отошел.

- Заключенный, - продолжал динамик, - в состоянии деактивировать машину; в таком случае он выигрывает состязание и освобождается с сохранением всех прав и привилегий его нового статуса. Теоретически такая возможность существует. В среднем это случается три с половиной раза из ста.

Баррент оглядел галерею зрителей. Судя по одежде, все они, мужчины и женщины, принадлежали к верхушке Привилегированных Классов.

А в первом ряду сидела девушка, которая дала ему оружие в день прибытия в Тетрахид. Она была такой же красивой, как ему запомнилось, но бледное овальное лицо ничего не выражало. Она смотрела на Баррента с бесстрастным любопытством человека, обнаружившего клопа.

- Состязание начинается - объявил динамик.

У Баррента больше не было времени думать о девушке, потому что машина ожила.

Макс покатился к Барренту, заставляя того отступать к стене, и выдвинул шарнирную металлическую руку, заканчивающуюся лезвием. Рука рванулась вперед, но Баррент сумел уклониться и услышал, как проскрежетал по камню нож. Когда рука втянулась, Баррент смог вернуться к центру.

Он понимал, что машина уязвима только во время паузы, пока селектор выбирает способ убийства. Но как деактивировать гладкий бронированный механизм?

Макс начал приближаться, и теперь его металлическая шкура блестела зеленым веществом, в котором Баррент сразу узнал контактный яд. Он резко отпрыгнул в сторону, стараясь избежать фатального прикосновения.

Машина остановилась. Нейтрализатор омыл ее поверхность, очищая от яда. Селектор щелкнул. Макс выпускал что-то вроде палки.

Упражнение по прикладному садизму, подумал Баррент. Пройдет немного времени, и машина собьет его с ног и легко прикончит. Предпринимать надо что-то немедленно, пока еще сохранились силы.

Машина размахнулась. Баррент не мог полностью избежать удара, и увесистая стальная палица задела левое плечо. Рука

онемела.
Макс опять выбирал. Баррент бросился на его гладкую сферическую поверхность. На самом верху он увидел два крошечных отверстия. Молясь, чтобы они оказались воздухозаборниками, Баррент заткнул их пальцами.
Машина остановилась, публика взревела. Баррент цеплялся за ровную поверхность онемевшей рукой, стараясь удержать пальцы в отверстиях. Огни на шкуре Макса изменили цвет с зеленого на красный; тихое жужжание перешло в гул.
А затем машина выпустила трубки дополнительных воздухозаборников.
Баррент попытался накрыть их своим телом, но машина, внезапно взвыв, быстро откатилась и сбросила его. Он вскочил на ноги и вернулся к центру арены.
Состязание длилось не более пяти минут, а Баррент был изможден. Тем временем неутомимая машина наступала, подняв широкую сверкающую секиру.
Вместо того чтобы отпрыгнуть в сторону, Баррент бросился вперед. Он схватил металлическое щупальце обеими руками и начал гнуть его вниз. Ему показалось, что металл поддается. Если отломать конечность, то, возможно, машина деактивируется или по крайней мере он получит оружие...
Макс внезапно дал задний ход, и Баррент упал ничком. Секира взметнулась и опустилась на плечо.
Баррент покатился по полу и посмотрел на галерею. Он конченый человек. Уж лучше благодарно принять следующую попытку машины, чтобы она прикончила его сразу... А девушка показывала ему что-то руками.
Времени наблюдать не было. Ослабевший от потери крови Баррент еле поднялся на ноги. Его не интересовало, какое оружие извлекала машина на этот раз. Стоило ей двинуться и он бросился под колеса.
Колеса вкатились на плечо, и Макс резко накренился. Баррент застонал от боли и, собрав последние силы, попытался встать. Машина взвыла и опрокинулась; Баррент упал рядом.
Когда зрение вернулось к нему, машина выдвигала конечности, чтобы перевернуться.
Баррент кинулся на днище и замолотил по нему кулаками. Ничего не произошло. Он попробовал оторвать одно из колес, но не сумел. Макс стал отжиматься от пола.
Внимание Баррента снова привлекла девушка. Она настойчиво повторяла дергающие движения.
Только тогда Баррент заметил маленькую предохранительную коробку около одного из колес. Он схватился за нее и, срывая ногти, на последнем дыхании оторвал.
Машина застыла.
Баррент лишился чувств.

11

- На Омеге главенствует закон. Скрытый и явный, церковный и светский, закон управляет поступками всех жителей, от нижайших из низких до высочайших из высоких. Без него не было бы привилегии для тех, кто создал закон; без закона и его неумолимой силы Омега превратилась бы в немыслимый хаос, в котором человеческие права могли существовать, лишь пока и поскольку их обеспечивал бы каждый человек. Анархия знаменовала бы конец омегианского общества, и особенно тех старших представителей правящих классов, кто давно миновал расцвет своих физических сил.
Но население Омеги состоит исключительно из людей,

нарушавших законы на Земле. Это общество, в котором нарушитель законов - царь; общество, в котором преступления не только прощаются, но и поощряются; общество, в котором уклонение от правил судится единственно по степени успеха.

Налицо парадокс: криминальное общество с абсолютными законами, предназначенными для нарушения.

Так говорил Барренту судья все еще спрятанный за экраном.

После завершения Суда Испытанием прошло несколько часов. Баррента отнесли в медпункт, где занялись его ранениями. Они были в основном легкими: два треснувших ребра, глубокий разрез на левом плече, царапины и ушибы.

- Соответственно, - вещал судья, - закон должен одновременно нарушаться и не нарушаться. Те, кто никогда не нарушает закон, не поднимаются в положении. Обычно их убивают тем или иным путем, так как у них недостаточно инициативы выживания. Для тех, кто, подобно вам, нарушает закон, ситуация иная. Закон строго наказывает их - если им не удается уйти от него.

Судья сделал паузу и торжественно продолжил:

- Идеалом на Омеге является личность, которая понимает законы, ценит их необходимость, знает кару за нарушение, нарушает и преуспевает! Вот, сэр, наш идеальный преступник и идеальный омегианец. Именно это вам удалось свершить, Уилл Баррент, пройдя Суд Испытанием.

- Благодарю вас, сэр, - сказал Баррент.

- Я хочу, чтобы вы осознали: однократный триумф над законом вовсе не означает, что вы сумеете восторжествовать во второй раз.

С каждой новой попыткой ваши шансы уменьшаются - так же, как растет вознаграждение за успех. Поэтому я не советую вам действовать опрометчиво.

- Не буду, сэр, - заверил Баррент.

- Очень хорошо. Таким образом, вы возводитесь в ранг Привилегированного Гражданина, со всеми правами и обязанностями. Вам позволяется, как и прежде, вести свое дело. Кроме того, вы награждаетесь недельным отдыхом на Озере Облаков, куда можете отправиться с любой женщиной по вашему выбору.

- Простите, - перебил Баррент. - Что вы сказали?

- Недельный отдых, - повторил спрятанный судья, - с любой женщиной по вашему выбору. Это высокая награда, так как на Омеге мужчин в шесть раз больше, чем женщин. Вы можете выбрать любую незамужнюю женщину независимо от ее желания. На это вам дается три дня.

- Мне не нужно трех дней, - сказал Баррент. - Я желаю девушку, которая сидела в первом ряду галереи зрителей. У нее черные волосы и зеленые глаза. Вы знаете, кого я имею в виду?

- Да, - медленно произнес судья. - Я знаю, кого вы имеете в виду. Ее имя Моэра Эрмайс. Мне кажется, вам лучше изменить решение.

- Есть какие-нибудь причины?

- Нет. Но было бы лучше, если бы вы выбрали другую женщину. Мой клерк с удовольствием снабдит вас списком подходящих молодых дам. У них приятная внешность. Некоторые окончили Женский институт, где, как вам, возможно, известно, преподают двухгодичный курс науки и искусства гейши. Я лично могу порекомендовать вам...

- Хочу Моэру, - заявил Баррент.

- Молодой человек, вы делаете ошибку.

- Приходится рисковать.

- Хорошо, - сказал судья - Ваш отдых начинается завтра в девять утра. Я искренне желаю вам удачи.

Баррента под охраной вывели из здания суда доставили домой. Друзья, считавшие, что он погиб, пришли его поздравить. Им не терпелось услышать подробности Суда Испытанием, но Баррент, осознавший, что знание есть путь к могуществу, не особенно распространялся.

Этим вечером был и другой повод для празднования: Тема Ренда наконец приняли в Гильдию Убийц. Как и обещал, он взял Фоэрена к себе в помощники.

На следующее утро перед дверью магазина остановился экипаж. Его прислал Департамент Юстиции. Сзади сидела, очень красивая и очень недовольная, Моэра Эрмайс.

- Вы в своем уме, Баррент? Думаете, у меня есть на это время? Почему вы выбрали меня?

- Вы спасли мне жизнь, - ответил Баррент.

- Значит, я вами заинтересовалась? Если у вас есть чувство благодарности, скажите водителю, что изменили решение. У вас есть еще возможность выбрать другую девушку.

Баррент покачал головой.

- Мне нужны только вы.

- Не передумаете?

- Ни за что.

Моэра вздохнула и откинулась назад.

- Вы действительно интересуетесь мной?

- Больше, чем интересуюсь, - сказал Баррент.

- Хорошо, - согласилась Моэра. - Мне остается лишь ехать с вами.

Она отвернулась, но перед этим Барренту показалось, что он увидел улыбку на ее лице.

Озеро Облаков - лучший курорт Омеги. На его территории дуэли были строжайшим образом запрещены. Всякое оружие отбиралось. Ссоры разрешал ближайший бармен, а убийство наказывалось немедленным лишением статуса.

На Озере Облаков доступно любое развлечение. Хочешь - смотри бой быков и медвежью схватку, хочешь - занимайся плаванием, альпинизмом, лыжами... Вечерами в бальных залах за стеклянными стенами, отделяющими жителей от граждан и граждан от элиты, проводились танцы. К услугам отдыхающих имелся прекрасно оборудованный наркобар, содержащий как испытанные средства для заядлых любителей, так и на пробу. По субботним вечерам в Гроте Сатиров устраивали оргии. Но главное, там были покатые склоны и тенистые леса, приятные прогулки, свободные от вечного страха и напряжения, от каждодневной борьбы за существование в Тетрахиде.

Баррент и Моэра жили в смежных комнатах, и дверь между ними была не заперта. Но в первую ночь Баррент не воспользовался той дверью - на планете, где женщины питали пристрастие к ядам, мужчине следовало подумать дважды, прежде чем навязывать свою компанию. Даже владелец магазина противоядий вынужден был считаться с возможностью не распознать вовремя симптомы у самого себя...

На второй день они забрались высоко в горы. Баррент спросил Моэру, почему она спасла ему жизнь.

- Вам не понравится ответ, - предупредила она.

- И все же я хотел бы знать,

- Вы выглядели таким беззащитным в Обществе защиты жертв... Я бы помогла всякому, кто так выглядел.

Баррент кивнул.

- А второй раз?

- Затем, пожалуй, я вами заинтересовалась. Но это не романтический интерес, вы понимаете? Я совсем не романтична.
- Какой же интерес?
- Мне казалось, что потенциально вы хороший рекрут.
- Я хотел бы услышать об этом больше, - попросил Баррент.

Моэра минуту хранила молчание, наблюдая за ним немигающими зелеными глазами.

- Я могу сказать лишь немногое. На Омеге действует организация, которая ищет подходящих людей. Обычно мы начинаем непосредственно с корабля. Потом поиск продолжают вербовщики, такие, как я.
- А какой тип людей вы подбираете?
- Простите, Уилл, не ваш.
- Почему не мой?
- Сперва я серьезно думала завербовать вас, - сказала Моэра. - Вы казались как раз тем человеком, который нам нужен. Затем я подняла ваше дело.
- И?
- Мы не принимаем убийц. Иногда мы нанимаем их для специальных заданий, но не зачисляем в организацию. Существуют некоторые смягчающие обстоятельства, которые мы признаем: самозащита, например. Но человек, совершивший на Земле преднамеренное убийство...
- Понимаю, - произнес Баррент. - А что, если я скажу, что не испытываю тяги к кровопролитию?
- Мне известно это, - ответила Моэра. - Если бы все зависело от меня, я бы приняла вас в организацию. Но решаю не я... Ну а вы уверены, что совершили убийство?
- Похоже на то, - проговорил Баррент. - Наверное.
- Плохо, - сказала Моэра. - И все же организация нуждается в людях с высоким уровнем выживания. Ничего не обещаю, но я посмотрю, что можно сделать. Хорошо, если бы вы сумели выяснить больше о своем преступлении. Возможно, были обстоятельства...
- Не исключено, - в сомнении сказал Баррент. - Я постараюсь.

Этим вечером Моэра, гибкая, изящная и нежная, скользнула в его постель. Когда он заговорил, она закрыла ему рот рукой. И Баррент, наученный не искушать судьбу, промолчал.

Отдых промчался слишком быстро. О загадочной организации больше не говорили, зато, возможно в качестве компенсации, смежная дверь оставалась открытой. Наконец, вечером седьмого дня Баррент и Моэра вернулись в Тетрахид.

- Когда я смогу тебя увидеть? - спросил Баррент.
- Я свяжусь с тобой.
- Меня это не устраивает.
- Больше ничего не могу предложить, - сказала Моэра. - Прости, Уилл. Я посмотрю, что можно сделать с организацией.

Баррент вынужден был удовлетвориться этим. Выйдя из машины у своего магазина, он все еще не знал, где она живет и какую организацию представляет.

Он тщательно обдумал подробности своих видений в Магазине Снов: гнев на Теркалера, запрещенное оружие, столкновение, труп, а затем информатор и судья. Не хватало только одной детали: самого убийства. Видения кончались на встрече с Теркалером и продолжались после перерыва, когда тот уже был мертв. Возможно, существовал все-таки фактор, толкнувший на преступление. Это необходимо выяснить.

Сведения о Земле можно получить только двумя путями.

Один лежал через кошмар Магазина Снов, и Баррент твердо решил к нему не прибегать. Другой - услуги скреннирующих мутантов.

Баррент относился к мутантам с неприязнью. Они были совершенно иной расой и имели статус неприкасаемых. Их остерегались и избегали, и они отвечали замкнутостью. Квартал Мутантов был городом в городе. Разумные граждане держались подальше от квартала, особенно вечером, - все знали, что мутанты мстительны.

Но только мутанты обладали скреннирующей способностью. В их бесформенных телах скрывались необычные силы и таланты, странные и неистовые способности, которых нормальные люди чурались днем и жаждали ночью. Поговаривали, что мутанты пользуются покровительством Великого Черного. Некоторые полагали, что они могут проникать в жизнь человека сквозь время и пространство, через стену забытья, и читать прошлое, что грозное искусство черной магии доступно только мутантам, однако никто не смел утверждать это в присутствии священников.

Другие считали, что у мутантов нет никаких способностей, и принимали их за ловких мошенников.

Баррент решил все выяснить сам. Однажды поздним вечером, соответственно одетый и вооруженный, он покинул свой дом и отправился в Квартал Мутантов.

13

Баррент шел по узким, петляющим улочкам Квартала, держа руки на оружии. Он проходил мимо хромых и слепых гидроцефалоидяых и микроцефалоидных идиотов, мимо фокусника, держащего в воздухе двенадцать горящих факелов с помощью рудиментарной третьей руки, растущей из груди, мимо торговцев одеждой, косметикой и ювелирными изделиями, мимо тележек со зловонной и антисанитарно выглядевшей пищей. Он миновал несколько ярко раскрашенных публичных домов, где у окон зазывно толпились девицы. Четырехрукая, шестиногая уродка сообщила ему, что он явился как раз вовремя для Дельфийских обрядов. Баррент поспешил прочь и почти столкнулся с чудовищно толстой женщиной, немедленно рванувшей на себе блузку, дабы обнажить восемь сморщенных грудей. Он вильнул в сторону, обходя четверых сиамских близнецов, которые уставились на него огромными жалобными глазами.

Баррент завернул за угол и остановился. Высокий оборванный старик загораживал ему дорогу. Он был кривой - ровная гладкая кожа затягивала место, где полагалось находиться левому глазу. Но правый глаз сверкал ярко и свирепо из-под белой брови.

- Вам нужны услуги настоящего скреннера? - спросил старик.

Баррент кивнул.

- Идите за мной. - Мутант свернул в аллею, и Баррент последовал за ним, крепко сжимая рукоятку иглолучевика. По закону мутантам запрещалось иметь оружие, но многие, подобно этому старику, носили тяжелые, окованные железом палки. Лучшего оружия для узких улочек нельзя было и представить.

Провожатый открыл дверь и мотнул головой. Баррент помедлил, вспоминая истории о доверчивых жителях, попавших в лапы мутантов, затем стиснул иглолучевик и вошел.

Старик ввел Баррента в маленькую, тускло освещенную комнату. Когда глаза привыкли к темноте, Баррент разглядел

фигуры двух женщин, сидящих за простым деревянным столом. На столе стояла кастрюля с водой, а в кастрюле лежало карманное зеркальце, разбитое на мелкие кусочки.

Одна из женщин была очень старой и совершенно безволосой, другая - молодой и красивой. Баррент был потрясен, подойдя ближе к столу и увидев, что ее ноги ниже колен срослись в рыбий хвост.

- Чем интересуетесь, Гражданин Баррент? - спросила молодая женщина.

- Откуда вы знаете мое имя? - опешил Баррент. Не получив ответа, он сказал: - Я хочу выяснить все об убийстве, которое я совершил на Земле.

- Зачем вам это нужно? Разве власти не записали его в вашу пользу?

- Да, но... - Он поколебался и добавил: - Но дело в том, что у меня невротическое предубеждение против убийства. Вот и любопытно, почему же я совершил его на Земле.

Мутанты переглянулись. Старик улыбнулся и произнес:

- Гражданин, мы поможем тебе. У нас, мутантов, тоже предубеждение против убийства, потому что всегда убивают нас.

- Значит, вы согласны скреннировать мое прошлое?

- Все не так просто, - заметила молодая женщина. - Скреннирующая способность, являющаяся одним из проявлений пси-эффекта, сложна в обращении. Даже когда удается вызвать ее к жизни, она часто не раскрывает то, что нужно.

- Я думал, что все мутанты могут легко заглядывать в прошлое.

- Нет, - сказал старик, - это неверно. Во-первых, не все мутанты, кого так называют. Это удобное клеймо для каждого, кто не соответствует земным стандартам. Но и среди настоящих мутантов лишь считанные обладают малейшими пси-способностями.

- Вы в состоянии скреннировать? - спросил его Баррент; - Я - нет. Но Мила может, - ответил он, указывая на молодую женщину. - Иногда.

Женщина глядела в воду, в разбитое зеркало. Ее блеклые глаза были широко раскрыты, хвостатое туловище выпрямилось и словно застыло.

- Она начинает что-то видеть, - произнес старик. - Вода и зеркало - только средства для концентрирования внимания. Мила хорошо скреннирует, хотя порой прошлое у нее переплетается с будущим. На той неделе она предсказала одному Хаджи, что тот через четыре дня умрет. - Старик хихикнул. - Вы бы видели его лицо.

- Она предупредила, как он умрет? - спросил Баррент.

- Да, от броска ножа. Бедняга перестал выходить из дома.

- Его убили?

- Конечно. Жена. Решительная женщина!..

Баррент надеялся, что Мила не прочтет его будущее. Жизнь трудна и без предсказаний мутантов.

Теперь она подняла взгляд, печально кивая головой.

- Я могу сказать вам очень мало. Мне не удалось увидеть, как произошло убийство. Но я видела кладбище и видела могилу ваших родителей. Могила старая, наверное двадцатилетней давности. Кладбище расположено на краю местечка Янгерстаун, на Земле.

Барренту это название ничего не говорило.

- А еще, - продолжала Мила, - я увидела человека, который многое может вам рассказать, если захочет.

- Он свидетель убийства?

- Да.
- Это тот, который на меня донес?
- Не знаю, - ответила Мила. - Я видела покойника по имени Теркалер, и возле него стоял человек. Его зовут Иллиарди.
- Он здесь, на Омеге?
- Вы можете найти его сейчас в Эйфориаториуме на Малой Топорной улице. Знаете?
- Найду, - сказал Баррент. Он поблагодарил девушку и предложил плату, взять которую она отказалась. Мила выглядела очень расстроенной. Когда Баррент выходил, она окликнула его:
- Будьте осторожны.
Баррент остановился и почувствовал холодок в груди.
- Вы скреннировали мое будущее?
- Только на несколько месяцев вперед.
- И что увидели?
- Не могу объяснить. То, что я увидела, совершенно невозможно.
- Скажите мне.
- Я видела вас мертвым. И все же вы не были мертвы. Вы смотрели на труп, разбитый на сверкающие осколки. Но покойник - это вы.
- Что это значит?
- Не знаю, - сказала Мила.

Эйфориаториум оказался большим, аляповато обставленным заведением, специализирующимся на наркотиках и афродизиаках. Клиентура его состояла в основном из пеонов и жителей. Пробиваясь сквозь толпу и спрашивая человека по имени Иллиарди, Баррент чувствовал, что он в чужой среде.
Ему показали на лысого мужчину, сидящего за бокалом. Баррент подошел и представился.
- Приятно познакомиться, сэр, - сказал Иллиарди, проявляя обязательное уважение Жителя Второго Класса к Привилегированному Гражданину. - Чем могу быть вам полезен?
- Я хотел бы кое-что спросить о Земле, - объяснил Баррент.
- Я мало что помню, - извинился Иллиарди. - Но рад услужить.
- Вы знали человека по имени Теркалер?
- Безусловно, - подтвердил Иллиарди. - Большего скупердяя не видел свет.
- Вы присутствовали при его убийстве?
- Разумеется. Это первое, что я вспомнил, сойдя с корабля.
- Вы видели, кто его убил?
Иллиарди изумился.
- Чего тут видеть? Его убил я.
Баррент заставил себя продолжать ровным голосом:
- Вы уверены в этом? Абсолютно уверены?
- Конечно, - сказал Иллиарди. - И готов отстаивать эту честь. Теркалера мало было убить. Он заслуживал страшной кары.
- А не видели ли вы в это время поблизости меня?
Иллиарди посмотрел на него внимательно, затем покачал головой.
- Кажется, нет. Но я не уверен. Все, что случилось после убийства, у меня как во сне.
- Благодарю вас, - произнес Баррент и покинул Эйфориаториум. Чем больше Баррент думал, тем приходил все в

большее недоумение. Если Теркалера убил Иллиарди, то почему Баррента отправили на Омегу? Если произошла ошибка, то почему его не выпустили, когда обнаружили настоящего убийцу? Зачем кто-то на Земле обвинил его в преступлении, которого он не совершал?

У Баррента не было ответов на эти вопросы. Но, и прежде не чувствуя себя убийцей, теперь он нашел доказательство. Сознание невиновности все изменило и расставило по своим местам: его вовсе не привлекает омегианский образ жизни. Он хочет вернуться на Землю?

Однако это невозможно. В небе днем и ночью кружили сторожевики. Да и техника Омеги дошла только до двигателей внутреннего сгорания; звездные корабли принадлежали Земле.

Баррент продолжал работать в магазине противоядий и будто щеголял своим антиобщественным поведением. Он игнорировал приглашения из Магазина Снов и никогда не посещал публичных казней. Когда ревущие толпы собирались поразвлечься в Квартале Мутантов, у Баррента начинались головные боли. Он не участвовал в Охотах Дня Посадки и грубо обошелся с торговым представителем "Ежемесячных пыток". И даже визиты Дяди Ингмара не смогли поколебать его антирелигиозных настроений.

Баррент понимал, что набивается на неприятности, и ожидал их. В конце концов на Омеге нет ничего необычного в нарушении законов - нарушайте, пока удается.

Однажды на улице его толкнул прохожий, Баррент отошел, но тот схватил его за плечо.

- Ты представляешь себе, кого толкнул? - спросил мужчина.

Он был коренастый и приземистый. Одежда указывала на принадлежность к Привилегированным Гражданам. Пять серебряных звезд на ремне - количество узаконенных убийств.

- Я не толкал вас, - сказал Баррент.

- Ты лжешь, любитель мутантов.

Услышав смертельное оскорбление, толпа замерла. Мужчина потянулся за оружием отработанным артистичным движением, но иглолучевик Баррента был нацелен на полсекунды раньше.

Он просверлил обидчика прямо между глаз; затем, почувствовав движение позади, Баррент резко обернулся.

Двое Привилегированных Граждан вытаскивали свое тепловое оружие. Баррент выстрелил, ныряя за прикрытие здания. Противники упали и обуглились. Деревянная стена рядом с Баррентом разлетелась на кусочки - из аллеи стрелял еще один. Двумя выстрелами Баррент уложил и его.

И все. В течение нескольких секунд он убил четверых.

Баррент был доволен: теперь любителям повышения статуса есть о чем подумать. Вполне возможно, они переключатся на более доступные объекты и оставят его в покое.

У себя в магазине он застал Джо. Маленький кредитный вор выглядел расстроенным.

- Видел сегодня, как ты стрелял. Отличная работа.

- Благодарю, - сказал Баррент.

- Думаешь, это тебе поможет? Думаешь, что сможешь и дальше нарушать закон?

- Пока удается.

- Безусловно. Но, как по-твоему, сколько ты продержишься?

- Сколько надо будет.

- Нет, - сказал Джо. - Нельзя безнаказанно нарушать закон. Только сосунки верят в это.

- Им придется послать за мной целый взвод, - заметил Баррент, перезаряжая иглолучевик.

- Все произойдет не так, - произнес Джо. - Поверь мне, Уилл, нельзя сосчитать способов избавиться от тебя. Когда закон решил действовать, его не остановишь. И, между прочим, не жди помощи от своей подруги.

- Ты знаешь ее? - спросил Баррент.

- Я знаю всех, - мрачно сказал Джо. - У меня друзья в правительстве. Я знаю, что тобой недовольны. Слушай меня, Уилл. Ты же не хочешь плохо кончить?

Баррент покачал головой.

- Джо, ты можешь найти Моэру?

- Возможно. Зачем?

- Я хочу, чтобы ты ей кое-что передал. Скажи ей, что я не совершал убийства, в котором меня обвинили.

Джо уставился на него.

- Ты спятил?

- Нет. Я нашел человека, который на самом деле совершил его: Житель Второго Класса Иллиарди.

- Чего же об этом распространяться? - удивился Джо. - Не имеет смысла терять уважение.

- Я не убивал, - упрямо повторил Баррент. - Передашь Моэре?

- Хорошо, - согласился Джо. - Если смогу найти ее. Но лучше послушай меня. Может, еще не поздно все исправить. Сходи на Черную Мессу...

- Возможно, я так и сделаю, - произнес Баррент. - Ты обязательно скажешь Моэре?

- Да, - пообещал Джо. Он вышел из магазина противоядий, печально качая головой. Тремя днями позже Баррента посетил высокий, полный достоинства пожилой мужчина, такой же прямой, как церемониальный меч, висевший у него на боку. По одежде Баррент распознал в нем важного государственного чиновника.

- Правительство Омеги шлет вам поздравления, - начал гость. - Я Норис Джей, Субминистр Игр. В соответствии с законом я нахожусь здесь, дабы лично уведомить вас о великой удаче.

Баррент озабоченно кивнул и пригласил войти. Но посетитель отказался.

- Вчера была проведена ежегодная Лотерея, - объявил Джей. - Вы, гражданин Баррент, один из выигравших. Поздравляю вас.

- А что за награда? - поинтересовался Баррент.

Он слышал о Лотерее, но имел о ней лишь самое смутное представление.

- Почет и слава. Увековечение вашего имени. Сохранение для потомства вашей биографии. Конкретно - вы получите иглолучевик государственного выпуска и будете посмертно награждены Серебряным Знаком.

- Посмертно?

- Конечно. Серебряным Знаком всегда награждают посмертно.

- Да-да, - согласился Баррент. - Что-нибудь еще?

- Как выигравший в Лотерее, вы примете участие в символической церемонии Охоты, отмечающей начало ежегодных Игр. Охота, как вам известно, олицетворяет наш омегиаиский образ жизни. Даже пеонам позволено участвовать в Охоте, потому что это праздник, открытый для всех, праздник, символизирующий возможность любого человека выйти за рамки своего статуса.

- Если я вас верно понял, - заметил Баррент, - я выбран одним из тех, за кем будут охотиться?
- Да, - подтвердил Джей.
- Но вы сказали, что церемония символическая. Разве это не означает, что никого не убьют?
- Вовсе нет, что вы! - воскликнул Джей - На Омеге символы и символизируемая вещь практически одно и то же. Когда мы говорим Охота, то имеем в виду настоящую охоту. Иначе все выродится в показуху.
Баррент молчал, обдумывая положение. Оно было не из приятных. Лицом к лицу с врагом, в простой дуэли он имел прекрасные шансы на победу. Но Охота с участием всего населения Тетрахида...
- Каким образом меня выбрали?
- Случайным отбором, - объяснил Норис Джей. - Никакой другой способ не достоин тех, кто отдает свою жизнь во имя вящей славы Омеги.
- Что-то не верится, что меня выбрали совершенно случайно.
- Выбор был случайным, - заверил Джей. - Производился он, конечно, по списку подходящих жертв. Не каждый годится на роль Дичи. Человек должен проявить немало сил и упорства, чтобы Комитет Игр включил его в список кандидатов. Быть Дичью - великая честь.
- Не верю, - заявил Баррент. - Просто вы преследуете меня.
- Вы не правы. Могу заверить, что никто в правительстве не питает к вам злых чувств. Вы нарушили закон, но это вовсе не касается правительства. Это дело касается исключительно вас и закона.
Синие ледяные глаза Джея сверкнули при упоминании о законе. Он выпрямился и еще плотнее сжал губы.
- Закон превыше всего. Он неотвратим, любое действие либо законно, либо противозаконно. Если можно так выразиться, закон живет своей жизнью, ведет существование, совершенно отдельное от конечных жизней существ, приводящих его в исполнение. Закон управляет каждым аспектом человеческого поведения; следовательно, в той степени, в какой люди являются законными существами, закон человечен. И, будучи человечным, закон имеет свои слабости. Для граждан, соблюдающих закон, он далек и незаметен. А тех, кто его обходит и нарушает, закон активно преследует.
- Вот почему меня выбрали на роль Дичи?
- Конечно, - сказал Субминистр. - Не выбрали бы вас сейчас, рьяный и никогда не дремлющий закон нашел бы другие пути.
- Благодарю за информацию, - произнес Баррент. - Сколько у меня времени до начала Охоты?
- Охота начинается на рассвете и заканчивается с первой зарей следующего дня.
- А что будет, если меня не убьют?
Норис Джей слабо улыбнулся.
- Такое случается не часто, Гражданин Баррент. Я уверен, это не должно волновать вас.
- Но все же бывает?
- Да. Те, кто остаются в живых, автоматически включаются в Игры.
- А если я выживу в Играх?
- И не мечтайте, посоветовал Джей дружеским тоном.
- Но почему?
- Поверьте мне. Гражданин, вы не выживете.

- Я все-таки желал бы знать, что произойдет в таком случае.
- Тот, кто проходит Игры, оказывается вне закона.
- Звучит многообещающе, - заметил Баррент.
- Вовсе нет. Закон, даже в самом своем карающем проявлении, стоит на страже ваших интересов. Как бы ни было мало у вас прав, закон проследит за их соблюдением. Я не убил вас сейчас и здесь только потому, что это было бы незаконно. - Джей разжал руку, и Баррент увидел крошечное однозарядное оружие. - Закон устанавливает правила и пределы жизни. Он гласит, что вы должны умереть. Но умирают все. Вам, по крайней мере, назначен день; без закона могло не быть и этого.
- И все же, - настаивал Баррент, - если я выживу в Играх и окажусь вне закона?
- Вне закона существует только один Великий Черный, - произнес Джей. - Те, кто находится вне закона, принадлежат ему. Но лучше тысячу раз умереть, чем попасть живым в руки Великого Черного.
Баррент давно пришел к выводу, что культ Великого Черного - пустая болтовня. Но теперь, слушая доверительный голос Джея, он начал сомневаться. Может существовать реальное отличие между обычным поклонением Злу и действительным присутствием самого Зла.
- Но если вам повезет, - продолжал Джей, - вас убьют сразу. А сейчас последние инструкции.
Джей потянулся свободной рукой в карман и вытащил красный карандаш. Быстрым, отработанным движением он провел карандашом по щекам и лбу Баррента. Тот даже не успел опомниться, как все было кончено.
- Это помечает вас как Дичь, - сказал Джей. - Пометки несмываемы. Вот ваш государственный иглолучевик. - Он вынул оружие из кармана и положил на стол. - Охота, как я говорил, начинается с первым светом зари. Убить вас имеет право любой; вы также можете убивать. Но я советую делать это с большой осторожностью: вспышка и звук выстрела выдавали многих. Если будете прятаться, не забывайте обеспечить себе выход. Помните, что другие знают Тетрахид лучше вас. Опытные охотники изучили все потайные места; с Дичью кончают, в основном, в первые часы праздника. Желаю вам удачи, Гражданин Баррент.
На пороге Джей снова обернулся к Барренту.
- Я должен добавить, что одна возможность сохранить жизнь и свободу на Охоте существует. Но мне запрещено рассказывать о ней.
Субминистр поклонился и вышел.
После долгих стараний Баррент убедился, что пометки действительно несмываемы. Вечером он разобрал государственный иглолучевик. Как он и подозревал, оружие оказалось дефектным.
Баррент сложил еду, воду, моток веревки и нож в маленький рюкзак, а потом просто ждал, без всяких оснований надеясь, что в последнюю минуту его спасут Моэра и ее организация.
Спасение не пришло. За час до рассвета Баррент покинул магазин противоядий. Он не имел представления, что делают другие жертвы, но уже решил, где ему спрятаться от Охотников.

16

Естественно, что сильнейший стресс влияет на характер

поведения. Если взглянуть на Охоту как на абстрактную проблему, то можно прийти к более или менее ценным заключениям. Но типичная Дичь, независимо от ее интеллекта, не в состоянии отделить эмоции от рассудка. Ведь охотятся на нее. Ею овладевает паника. Безопасность ассоциируется с местами отдаленными и тайными. Жертва уходит как можно дальше от дома, зарывается глубоко в землю, петляет по закоулкам. Она предпочитает темноту свету, уединение - толпе.

Это хорошо известно Охотникам. Вполне естественно, они заглядывают в первую очередь в подземные переходы, в покинутые здания.

Баррент поборол свой первый порыв исчезнуть в мрачной клоаке Тетрахида. Вместо этого он направился к большому, ярко освещенному корпусу Министерства Игр.

Когда коридоры, казалось, опустели, он быстро вошел внутрь, прочитал указатель и поднялся по лестнице на третий этаж. Миновав несколько дверей, Баррент наконец остановился у искомой: "НОРИС ДЖЕЙ, СУБМИНИСТР". Он прислушался, затем открыл дверь и шагнул в комнату.

У старого чиновника была неплохая реакция. Не успел Баррент переступить порог, как Джей заметил отметки на его лице и потянулся к ящику стола.

Баррент не хотел убивать старика. Он рванулся вперед и ударил Джея государственным иглолучевиком прямо в лоб. Джей медленно сполз на пол. Убедившись, что Субминистр жив, Баррент связал его и засунул под стол. Роясь в ящиках, он нашел табличку "Заседание. Не мешать" и повесил ее на дверь снаружи. Вынув свои собственный иглолучевик, он сел за стол и стал ждать развития событий.

Рассвело, и в окно Баррент видел, как улицы наполняются людьми. В городе царила праздничная атмосфера, радостный гул возбужденной толпы изредка нарушался шипением лучевика.

К полудню Баррент оставался необнаруженным. Он выглянул в окно и с удовлетворением отметил, что имеет возможность выбраться на крышу, то есть на худой конец есть запасной выход.

В середине дня начал приходить в себя Джей. Попробовав освободиться от веревок, он вскоре успокоился и тихо лежал под столом.

Перед самым вечером кто-то постучал в дверь.

- Мистер Джей, разрешите войти?

- Не сейчас, - ответил Баррент, удачно, по его мнению, имитируя голос чиновника.

- Вас, должно быть, интересует статистика Охоты, - сказал человек за дверью. - К настоящему моменту граждане убили двадцать три жертвы, осталось восемнадцать. Это лучше, чем в прошлом году.

- О да, - согласился Баррент.

- Количество спрятавшихся в канализационной системе больше обычного. Несколько человек пытались укрыться дома. Остальных мы ищем в привычных местах.

- Отлично, - одобрил Баррент.

- Пока никто еще не сделал прорыв, - продолжал мужчина. - Странно, что Дичь редко думает об этом. Впрочем, нам же лучше - необязательно использовать машины.

Интересно, что он имеет в виду?.. Куда можно сделать прорыв? И как используют машины?

- Мы уже подобрали кандидатов для Игр, - добавил докладчик. - Хорошо, если бы вы завизировали список.

- Оставляю его на ваше усмотрение, - сказал Баррент.

Послышались удаляющиеся шаги. Разговор длился слишком долго, подумал Баррент, его надо было закончить раньше. Пожалуй, стоит перейти в другое помещение.

Прежде чем он успел что-либо предпринять, в дверь грубо застучали.

- Да?

- Поисковый Комитет, - ответили басом. - Будьте любезны открыть. У нас есть основания считать, что здесь прячется Дичь.

- Чепуха, - уверенно заявил Баррент. - Сюда нельзя входить. Это государственное учреждение.

- Можно, - сказал бас. - Ни одно помещение, контора или здание не закрыты для граждан в День Охоты. Ну?

Когда дверь затрещала под мощными ударами, Баррент дважды выстрелил, давая пищу для размышлений, и вылез в окно. Крыши Тетрахида, как сразу заметил Баррент, были будто специально созданы для спасающихся. Именно поэтому находиться там им не стоило. На крышах было полно людей, которые закричали, увидев его.

Баррент побежал. Его догоняли сзади и окружали с боков. Он перепрыгнул пятифутовый промежуток между зданиями и сумел удержаться на ногах. Страх придавал ему сил. Если бы он мог выдержать такой темп еще минут десять, то получил бы существенное преимущество. Тогда хватило бы времени спуститься и найти укрытие.

Еще один пятифутовый промежуток между домами. Баррент прыгнул, не колеблясь. Приземлился он хорошо. Но правая нога по бедро провалилась сквозь прогнившее перекрытие. Ногу было не вытянуть - скользкая покатая крыша не давала оттолкнуться.

- Вот он!

Баррент обеими руками рванул деревянные черепицы. Охотники приблизились уже почти на расстояние выстрела из иглолучевика. Ко времени, когда он сумеет высвободить ногу, он станет легкой добычей.

Когда Охотники появились на примыкающем здании, Баррент выломал трехфутовую дыру и, не видя иного выхода, спрыгнул вниз. Секунду он летел в воздухе, затем ударил ногами стол, разломавшийся под ним, и упал на пол. Рядом в кресле тряслась от ужаса старая женщина.

По крыше загромыхали Охотники. Баррент бросился на кухню и выскочил через черный ход. Кто-то выстрелил в него из окна второго этажа. Оглянувшись, он увидел мальчишку, старающегося нацелить тяжелое тепловое оружие. Очевидно, отец запретил ему охотиться на улице.

Баррент свернул в переулок и добежал до аллеи, показавшейся ему знакомой. Он понял, что находится в Квартале Мутантов, неподалеку от дома Милы.

Сзади раздались крики преследователей. Он рванулся к дому Милы и нашел дверь незапертой.

Все были там - одноглазый мужчина, лысая старая женщина и Мила. Они совсем не удивились его появлению.

- Итак, вас выбрали в лотерее, - произнес старик. - Мы так и знали.

- Это Мила прочла в воде? - спросил Баррент.

- Нет, - ответил Старик. - Это можно было предсказать и так, учитывая, что вы за человек. Смелый, но не безжалостный. Вот в чем ваша беда, Баррент.

Старик отбросил обязательную форму обращения к Привилегированному Гражданину, и в данных обстоятельствах

это тоже было понятно.

- Каждый год одно и то же, - продолжал он. - Вы были бы поражены, узнав, сколько многообещающих молодых людей кончали свой путь в этой комнате - смертельно уставшие, державшие иглолучевик, будто он весит с тонну. Они ждали от нас помощи, но мутанты предпочитают не ввязываться в неприятности.

- Замолчи, Дем, - перебила старая женщина.

- Но вам мы должны помочь, - невозмутимо сказал Дем. - Так решила Мила. - Он сардонически улыбнулся. - Ее мать и я пытались разубедить ее, но она настаивала. А так как только она среди нас может скреннировать, то пусть поступает по- своему.

- Даже с нашей помощью у вас очень мало шансов пережить Охоту, - произнесла Мила.

- Если меня убьют, - поинтересовался Баррент, - как же сбудется ваше предсказание? Помните, вы видели меня смотрящим на собственный труп, разбитый на кусочки.

- Помню, - согласилась Мила - Но ваша смерть не помешает предсказанию. В таком случае оно сбудется с вами в другом воплощении.

Баррента это не успокоило.

- Что мне делать?

Старик протянул кучу лохмотьев.

- Наденьте это, а я поработаю над вашим лицом. Вы, мой друг, станете мутантом.

Вскоре Баррент вышел на улицу, одетый в старую выцветшую рванину. Под ней он сжимал иглолучевик, а в свободной руке держал чашу для подаяний. На лбу лежали чудовищные морщины, а нос расползся чуть не до ушей. Охотничьи пометки были спрятаны.

Мимо торопливо прошагал отряд Охотников, едва удостоив его взглядом. Баррент почувствовал некоторое облегчение. Он выигрывал драгоценное время. Последние лучи водянистого солнца скрывались за горизонтом. Ночь предоставит дополнительные преимущества, и он сможет продержаться до зари. Потом, конечно, будут Игры, но Баррент не собирался принимать в них участия - если грим сумеет защитить его от всего города, то уж сам себя он не обнаружит.

Пожалуй, после окончания Игр он сможет вновь появиться в обществе. Вполне вероятно, если ему удастся пережить Охоту и увильнуть от Игр, его наградят особо. Такое дерзкое и успешное нарушение закона должно быть оценено по достоинству.

Баррент увидел еще одну группу приближающихся Охотников. Их было пятеро, и среди них - Тем Ренд, внушительный и гордый в новенькой форме Убийцы.

- Эй ты! - крикнул один из Охотников - Не видел здесь Дичи?

- Нет, Гражданин, - ответил Баррент, почтительно склонившись и сжав под лохмотьями иглолучевик.

- Не верьте ему. Эти проклятые мутанты всегда лгут.

Группа прошла, но Тем Ренд задержался.

- Ты уверен, что не видел поблизости Дичи?

- Абсолютно, Гражданин, - сказал Баррент, не определив, узнал ли его Ренд. Он не хотел убивать; кроме того, он не был уверен, что в состоянии это сделать - у Ренда была мгновенная реакция.

- Ну, если ты увидишь Дичь, - произнес Ренд, - то посоветуй не гримироваться под мутанта.

- А почему?
- Надолго этого трюка не хватит, - безразлично сказал Тем. - Максимум на час. Потом засекут информаторы. Если бы охотились за мной, я бы мог использовать прикрытие мутанта - но только, чтобы выбраться из Тетрахида.
- Да?
- Каждый год в горы уходят несколько Жертв. Правительство об этом, конечно, молчит, и большинство граждан ничего не знает. Но Гильдия Убийц располагает полным архивом всех когда-либо использовавшихся трюков.
- Очень интересно, - сказал Баррент. Он понял, что Ревд узнал его. Тем оказался хорошим соседом - и плохим Убийцей.
- Разумеется, из города выбраться нелегко, - добавил Ренд. - Да и вне его пределов не следует считать себя в безопасности. Есть специальные Охотничьи патрули и, что гораздо хуже...
Он внезапно замолчал. К ним приближалась группа Охотников. Ренд кивнул и побежал вслед за своими.
После того как Охотники прошли, Баррент выпрямился. Тем дал ему хороший совет. Жизнь в омегианских горах чрезвычайно сложна, но любые трудности лучше смерти.
О патрулях он догадывался. Но Ренд упомянул о чем-то худшем.
Что это? Особые части Охотников-альпинистов? Неустойчивый климат Омеги? Смертоносная флора или фауна? Эх, если бы Ренд успел договорить...
К ночи Баррент достиг Северных Ворот.

17

С охраной осложнений не было. Целые семьи мутантов покидали город, спасаясь в горах, и Баррент присоединился к одной из таких групп.
В миле от Тетрахида мутанты остановились и разбили лагерь, а Баррент продолжал идти и к полуночи начал подниматься по скалистому склону горы. Он был голоден, но холодный чистый воздух действовал возбуждающе.
Шумные охотничьи отряды Баррент слышал издалека, легко от них уклонялся во тьме и продолжал карабкаться вверх. Скоро все стихло, кроме неустанного завывания ветра в скалах. До рассвета оставалось часа три.
Под утро заморосило, затем пошел холодный дождь - обычная для Омеги погода. Привычными были и ледяной ветер, и раскаты грома. Баррент забился в маленькую пещерку и, дрожа от холода и сырости, наблюдал за склоном. Вдруг в свете молнии он увидел что-то двигающееся.
Он встал, держа наготове иглолучевик, и в очередной вспышке разглядел влажный блеск металла, перемигивание красных и зеленых огней и металлические щупальца, цепляющиеся за камни.
С такой машиной Баррент сражался во Дворце Правосудия. Теперь он понял, о чем его хотел предупредить Ренд. На этот раз Макс не будет выбирать орудие убийства случайно чтобы уравнять шансы; промедления не будет тоже.
Баррент выстрелил - заряд отразился от бронированного лба машины, - вылез из пещеры и полез наверх.
Машина преследовала его упорно, точно охотничий пес; очевидно, она улавливала запах несмываемой краски на его лице. Один раз Баррент попытался устроить лавину, но Макс легко уклонился от летящих камней.
Наконец Баррент уперся в отвесную скалу, выше подниматься

было некуда. Когда машина подобралась вплотную, он поднял иглолучевик и нажал на курок.

Макс содрогнулся; затем выбил оружие и обвил щупальце вокруг шеи Баррента. Баррент начал терять сознание. У него еще было время полюбопытствовать, сломает ли щупальце шею или просто задушит его.

И вдруг машина отступила. За ее спиной Баррент увидел серые лучи зари.

Он пережил Охоту. Но Макс не выпустил его, а продержал у скалы до прихода Охотников.

Те привели Баррента в Тетрахид, где бешено аплодирующая толпа с восторгом приветствовала его. После двухчасовой процессии Баррента и четырех других выживших доставили в Призовой Комитет, где председатель произнес короткую прочувствованную речь о проявленных ими отваге и ловкости. Им был присвоен ранг Хаджи и вручена крошечная золотая серьга статуса.

В заключение председатель пожелал новоиспеченным Хаджи легкой смерти в Играх.

18

Из Призового Комитета охрана провела Баррента в камеру и посоветовала спокойно ждать; Игры уже начались, и скоро наступит его черед.

В трехместной камере было девять человек. Большинство сидели или лежали в молчаливой апатии, уже смирившись со своей участью. Но один явно не пал духом. Он протолкался к Барренту.

- Джо!

Ему улыбался маленький кредитный вор.

- Не самое приятное место для встречи, Уилл.

- Что с тобой произошло?

- Политика, - ответил Джо. - Каверзное занятие на Омеге, особенно во время Игр. Я думал, что в безопасности, но... - Он пожал плечами. - Меня избрали утром.

- Есть какой-нибудь шанс отсюда выбраться?

- Я рассказал о тебе твоей знакомой, - произнес Джо. - Может быть, ее друзья смогут что-нибудь сделать. А я рассчитываю на помилование.

- Это возможно?

- Все возможно. Однако лучше не надеяться.

- На что похожи Игры? - спросил Баррент.

- На то, чего от них и можно ожидать, - философски заметил Джо. - Дуэли, схватки с хищниками...

- Если кто-нибудь выживает, - произнес Баррент, - он вне закона?

- Верно.

- А что значит быть вне закона?

- Понятия не имею, - сознался Джо. - Похоже, что этого не знает никто. Я сумел выяснить лишь, что выжившего забирает Великий Черный. Очевидно, это неприятно.

- Могу себе представить. На Омеге вообще мало приятного.

- Это неплохое место, Уилл. У тебя просто нет того духа...

Его прервало появление взвода охраны. Обитателям камеры пора было выходить на Арену.

- Помилования нет, - сказал Баррент.

- Что поделаешь, - вздохнул Джо.

Перед тем как капитан охраны открыл тяжелую дверь, ведущую на Арену, в коридоре появился толстый, хорошо одетый

человек, размахивающий бумагой.
- Что это? - спросил капитан.
- Удостоверение личности, - произнес толстяк, вручая бумагу капитану и вытаскивая из кармана еще целую кипу листков. - А вот ордер на прекращение, перечень полномочий, закладная на недвижимость и справка о доходах.
Капитан стянул шлем и ошарашенно почесал узкий лоб.
- Что все это значит?
- Он свободен, - объявил толстяк, указывая на Джо.
Капитан взял бумаги, удивленно их пролистал и вернул толстяку.
- Ну хорошо, забирайте. Раньше такого не бывало. Ничто не препятствовало установленному течению Игр.
Победно улыбаясь, Джо пробился сквозь стену охраны к адвокату и спросил его:
- У вас есть какие-нибудь бумаги на Уилла Баррента?
- Нет, - сказал адвокат. - Его дело не у меня. Боюсь, что с ним не управятся до конца Игр.
- Но я тогда, наверное, уже буду мертв, - заметил Баррент.
- Могу вас заверить, что это ни в коей мере не отразится на рассмотрении вашего дела, - с гордостью заявил адвокат. - Живой или мертвый, вы сохраните все свои права.
- Пора идти, - сказал капитан.
- Удачи, - пожелал Джо, и цепочка узников втянулась через железную дверь на ярко освещенную Арену.

Баррент прошел сквозь дуэли, в которых погибла четверть заключенных. После того их, вооруженных мечами, выставили против смертоносной омегианской фауны. Барренту достался саунус - черный летающий ящер с Западных гор. Сперва уродливое ядовитое создание теснило его. Но потом он нашел решение - прекратил попытки пробить кожный панцирь саунуса и сосредоточил все усилия на том, чтобы отрубить хвост. Когда ему это удалось, рептилия потеряла равновесие, врезалась в высокую стенку, отделяющую зрителей, и сравнительно легко позволила нанести завершающий удар в единственный громадный глаз. Толпа приветствовала победу Баррента восторженными криками. Он прошел в запасную будку и стал смотреть на другие схватки.
Вскоре Арена была очищена. Теперь на нее вползли амфибии с роговым покрытием. Несмотря на медленные движения, они были практически неуязвимы, а их узкие острые хвосты грозили гибелью каждому, кто осмелится приблизиться. Барренту пришлось сражаться с одной из амфибий после того, как она прикончила четырех его предшественников.
Баррент наблюдал за предыдущими схватками и заметил место, куда не мог дотянуться острый хвост чудовища. Баррент выждал момент и вспрыгнул на широкую спину амфибии, а когда в роговой броне разверзлась гигантская пасть, он вонзил туда свой меч.
Баррент стоял на обагренном кровью песке - он победил. Остальные участники Игр были мертвы. Баррент ждал, какого нового врага выберет Комитет Игр.
В песок упало семечко, затем еще одно. Через секунду на Арене уже росло короткое толстое дерево, выпускающее все больше веток и корней, затягивающее любую плоть, живую или мертвую, в пять отверстий-ртов, расположенных по окружности ствола. Это был каррион - очень редкое и труднотранспортируемое растение. Говорили, что оно горит, как порох, но у Баррента не было огня.

Держа меч обеими руками, Баррент бешено рубил ветки, однако на их месте тут же вырастали другие. Казалось, уничтожить дерево невозможно.

Единственная надежда - медленные движения растения. Во всяком случае, они не могли сравниться с человеческой реакцией. Баррент вырвался из обвивших его ветвей и бросился к другому мечу, лежавшему футах в двадцати и полузасыпанному песком. Он схватил его и услышал предупреждающие крики толпы - к ноге подтянулась ветка.

Баррент обрубил ее, но в это время другая обвилась вокруг туловища. Он поднял руки над головой и ударил одним мечом по другому, стараясь выбить искру. Меч в правой руке сломался.

Баррент подобрал половинки и продолжал попытки. Наконец от звенящей стали отлетел сноп искр. Одна из них коснулась листа.

С невообразимой скоростью все дерево запылало. Пять ртов широко раскрылись и сморщились, когда их настигло пламя.

Баррент неминуемо бы сгорел - почти вся Арена была заполнена ветками. Но пожар угрожал деревянным стенам, и огонь загасили, спасая зрителей и Баррента.

Едва держась на ногах, Баррент стоял в центре Арены, ожидая очередного врага. Однако время шло, а ничего не происходило. Над трибунами разнесся вой сирены, и толпа взорвалась криками.

Игры кончились. Баррент выжил.

Но народ не расходился. Зрители желали знать, что будет с человеком, оказавшимся вне закона.

Толпа ахнула. Быстро обернувшись, Баррент увидел возникшее в воздухе яркое световое пятно. Оно выбрасывало из себя ослепительные лучи и на глазах росло. И Барренту вспомнились слова Дяди Ингмара: "Иногда Великий Черный удостаивает нас появлением в ужасной красоте своего огненного тела. Да, Племянник, мне посчастливилось видеть его. Два года назад он появился на Играх, и за год до того..."

Пятно превратилось в оранжевый шар около двадцати футов в диаметре, висевший в воздухе, едва касаясь земли. Шар продолжал расти и одновременно сужаться в центре. Верхняя половина его стала черной. Теперь образовались два шара - один ослепительно яркий, другой абсолютно черный, - соединяющиеся тонкой талией. Верхний стал вытягиваться и принял форму увенчанной рогами головы Великого Черного.

Баррент побежал, но гигантская черноголовая фигура догнала его и поглотила. Свет и тьма перемешались и ударили в глаза. Он закричал и потерял сознание.

19

Баррент очнулся в тускло освещенном помещении. Он лежал в постели. Рядом спорили двое.

- У нас нет больше времени, - горячился мужчина. - Ты не понимаешь всей остроты положения.

- Доктор сказал, что ему нужно по крайней мере три дня покоя, - произнес женский голос, и Баррент вдруг понял, что это Моэра.

- Три дня у нас будут.

- А время на обучение?

- Ты говоришь, что он умен и быстро схватывает.

- Потребуются недели.

- Исключено. Корабль приземляется через шесть дней.

- Эйлан, - сказала Моэра - ты торопишь события. Сейчас нам это не удастся. К следующему Дню Посадки мы будем подготовлены гораздо лучше.

- К тому времени положение выйдет из-под контроля, - возразил мужчина. - Мы должны или немедленно использовать Баррента или не использовать его вовсе.

Баррент разлепил губы:

- Использовать для чего? Где я? Кто вы?

Мужчина повернулся к постели. В слабом свете Баррент увидел высокого худого человека преклонного возраста.

- О, вы уже пришли в себя, - сказал он. - Меня зовут Свен Эйлан. Я начальник Группы Два.

- Что такое Группа Два? - спросил Баррент. - Как вам удалось вытащить меня с Арены? Вы агенты Великого Черного?

Эйлан улыбнулся.

- Не совсем так. Мы все объясним. Но сперва, мне думается, вам следует подкрепиться.

Сестра внесла поднос. Пока Баррент ел, Эйлан, сидя рядом на стуле, рассказывал о Великом Черном.

- Наша Группа не претендует на то, что положила начало религии Великого Черного. Но грех был бы не извлекать из нее пользу. Священники оказались замечательно сговорчивыми - ведь поклонники Зла положительно смотрят на коррупцию. Следовательно, в глазах омегианского священнослужителя появление ложного Великого не будет анафемой. Напротив, на рядовых верующих подобные образы оказывают сильное влияние - особенно такое огромное страшилище, которое поглотило вас.

- Как вы это устроили? - поинтересовался Баррент.

- Какие-то фрикционные поверхности и силовые поля. Надо спросить у наших инженеров.

- Почему вы спасли меня? - спросил Баррент.

Эйлан взглянул на Моэру. Та демонстративно пожала плечами, и Эйлан смущенно проговорил:

- Мы хотим поручить вам важное дело. Но вам, должно быть, не терпится узнать больше о нашей организации?

- Еще как! - сказал Баррент. - Вы что-то вроде криминальной элиты, да?

- Мы - элита, - ответил Эйлан, - но не считаем себя преступниками. На Омегу ссылают два совершенно разных типа людей. Есть настоящие злодеи, виновные в убийстве, насилии, вооруженном ограблении, бандитизме и тому подобном. А есть и иные, обвиненные в политической неблагонадежности, научной неортодоксальности, атеизме. Именно такие люди составляют нашу организацию, которую в целях конспирации мы назвали Группа Два. Наши преступления заключаются в том, что мы придерживались не тех взглядов, которые превалируют на Земле. Мы были нестабильным элементом и представляли опасность для сложившейся системы. И нас сослали на Омегу.

- Где вы обособились, - заключил Баррент.

- Да, по необходимости. С одной стороны, настоящие преступники Группы Один не поддаются контролю. Мы не можем повести их за собой; и не можем позволить себе быть ведомыми ими. Но что более важно, мы должны хранить в тайне свою деятельность. Неизвестно, какими средствами наблюдения оборудованы сторожевые корабли. И мы ушли в подполье - буквально. Связь с поверхностью поддерживают специальные агенты, такие, как Моэра, которые вербуют политических заключенных.

- Я вам не подошел, - произнес Баррент.

- Конечно, нет. Вы обвинялись в убийстве, что автоматически относило вас к Группе Один. Однако ваше

поведение было нетипичным, и мы вам иногда помогали. Но в Группу без полной уверенности принять не могли. В вашу пользу говорило предубеждение против убийства. Мы нашли Иллиарди и убедились, что именно он совершил преступление, в котором обвинили вас. Но самым сильным вашим козырем был высокий потенциал выживания. Нам очень нужен человек ваших способностей.

- В чем заключается задание? - спросил Баррент. - Чего вы хотите добиться?

- Мы хотим вернуться на Землю, - сказал Эйлан.

- Но это невозможно.

- Мы тщательно обдумали этот вопрос и считаем, что, несмотря на сторожевые корабли, вернуться на Землю можно. Очевидно, через шесть дней мы сделаем попытку.

- Лучше подождать еще полгода, - заметила Моэра.

- Шестимесячное промедление будет гибельным. Каждое общество имеет цель, а криминальное население Омеги стремится уничтожить самое себя. Баррент, вы, кажется, удивлены?

- Никогда не думал об этом, - признался Баррент. - В конце концов, я был его частью.

- Вот представьте: все сконцентрировано вокруг убийства. Праздники - предлоги для массовых убийств. Даже закон, регулирующий интенсивность преступности, начинает давать осечки. Мы живем на краю хаоса. Безопасности нет нигде. Хочешь жить - убивай. Единственный способ подняться в статусе - убивать. Безопасно только убивать - больше и больше.

- Ты преувеличиваешь, - сказала Моэра.

- Ничуть. Ограничители преступности - кажущиеся. Фикция. Все разлагающиеся общества сохраняют иллюзию благопристойности до конца. А конец омегианского общества приближается.

- Насколько быстро? - спросил Баррент.

- Дело месяцев. Единственный способ все изменить - найти иной путь.

- Земля - проговорил Баррент.

- Земля. Вот почему попытка должна быть сделана немедленно.

- Мне известно немногое, - сказал Баррент, - но я с вами и готов войти в состав любой экспедиции.

Эйлан снова поежился.

- Я, очевидно, не очень удачно все объяснил, - произнес он. - Вы и будете экспедицией, Баррент. Вы, и только вы... Извините, если я напугал вас.

20

Единственный серьезный недостаток Группы Два заключался в том, что люди, ее составляющие, в большинстве своем миновали расцвет физических сил. В организации, разумеется, были и молодые, но они мало общались с миром насилия: защищенные подземными укрытиями, никогда не стреляли в ярости из иглолучевика, никогда не спасали свою жизнь бегством, никогда не сталкивались с критическими ситуациями. Никакая смелость не могла компенсировать отсутствие такого опыта. Они бы с радостью совершили экспедицию на Землю, но их шансы на успех практически равнялись нулю.

- А вы думаете, мне это удастся? - спросил Баррент.

- Думаю, да. Вы молоды и сильны, умны и эрудированы, отважны и находчивы. Если кто-нибудь и может добиться

успеха, то это вы.

- Но почему в одиночку?

- Потому что нет смысла посылать группу. Просто увеличится вероятность ее обнаружения. Если вы прорветесь, то доставите ценнейшую информацию о враге. Если это не удастся - и вы будете схвачены, вашу попытку сочтут дерзким индивидуальным актом. А мы будем поднимать общее восстание на Омеге.

- Как я попаду на Землю? - спросил Баррент - У вас есть свой корабль?

- Увы, нет. Мы планируем переправить вас на борту тюремного.

- Невозможно!

- Возможно. Мы изучили процедуру. Охрана выводит заключенных и выстраивает их на площади, а корабль остается незащищен, хотя и окружен кордоном. Мы организуем беспорядки и отвлечем внимание охраны, чтобы вы смогли проникнуть на борт.

- Даже если это удастся, меня схватят, как только охрана вернется.

- Вряд ли, - возразил Эйлан. - Тюремный корабль - колоссальный организм с многими потайными закоулками. Кроме того, на вашей стороне фактор внезапности. Ведь это первая в истории попытка бегства.

- А когда мы прилетим на Землю?

- Вы будете одеты как член экипажа, - сказал Эйлан. - Помните, неизбежная неповоротливость бюрократической машины работает на нас.

- Будем надеяться, - произнес Баррент. - Хорошо, предположим, что я благополучно достигаю Земли и получаю желаемую информацию. Как ее передать?

- Пошлете на очередном тюремном корабле, - ответил Эйлан. - Мы его захватим. Баррент потер лоб.

- Почему вы думаете, что хотя бы один из планов - моя экспедиция или восстание на Омеге - против такой могущественной организации, как Земля, может увенчаться успехом?

- Мы должны попытаться, - сказал Эйлан. - Попытаться или погибнуть в кровавой междоусобице. Я понимаю, что шансы малы. Но остается либо рискнуть, либо сдаться без боя. Кроме того, правительство на Земле - явно тираническое. Это означает наличие подпольных групп сопротивления. Возможен контакт с этими группами. Волнения одновременно здесь и на Земле дадут правительству пищу для размышлений.

- Пожалуй, - согласился Баррент.

- Надо надеяться на лучшее, - сказал Эйлан. - Вы с нами?

- Безусловно, - ответил Баррент. - Я предпочитаю умереть на Земле.

- Тюремный корабль приземляется через шесть дней. За это время мы передадим вам всю информацию о Земле, которой располагаем. Частично - это восстановление памяти, частично - прочитано мутантами, остальное - логические выводы. Мне кажется, в целом складывается достаточно правдивая картина земной действительности.

- Когда начнем? - спросил Баррент.

- Немедленно, - последовал ответ.

Баррента ознакомили в основных чертах со строением Земли, географией и крупными населенными пунктами. Затем его направили к бывшему полковнику корпуса Глубокого Космоса Брэю, который провел беседу о вероятном военном потенциале

Земли, выраженном в количестве сторожевых кораблей вокруг Омеги, и о возможном уровне развития техники. Капитан Каррел прочитал лекцию о специальных видах оружия, их возможном применении и доступности для рядовых жителей Земли. Лейтенант Дауд рассказал о приборах обнаружения и способах защиты от них. Потом Баррент вернулся к Эйлану для политических занятий, где почерпнул сведения о методах диктатуры, ее сильных и слабых сторонах, роли секретной полиции, об использовании террора и информаторов.

Когда Эйлан закончил, Баррент попал к маленькому человечку, просветившему его в области машин по стиранию памяти. Основываясь на предпосылке, что стирание памяти - распространенный вид борьбы с оппозицией, он реконструировал вероятный характер подпольного движения на Земле, оценивал его возможности и предлагал пути контакта.

Наконец, Баррента посвятили в план прорыва на корабль. Когда наступил День Посадки, Баррент почувствовал колоссальное облегчение. Он устал от круглосуточных занятий и жаждал действий, чем бы они ни обернулись.

Большой корабль плавно опустился и бесшумно коснулся почвы. Он тускло блестел в лучах полуденного солнца - ощутимое доказательство могущества и неумолимости Земли. Открылся люк, спустился трап, и на площадь сошли узники.

Как обычно, на церемонию собралось почти все население Тетрахида. Баррент пробился сквозь толпу и встал за цепочкой охранников. В кармане у него лежал иглолучевик, собранный специалистами Группы Два без единой металлической детали, которую могли бы обнаружить детекторы. Другие карманы также были набиты всяческими устройствами.

По громкоговорителю объявляли номера заключенных. Баррент слушал и ждал начала отвлекающих действий.

Когда назвали последний номер, в небо поднялись черные клубы дыма - это Группа Два подожгла бараки на площади. И тут же мощный взрыв разрушил два ряда пустых зданий. Не успели еще упасть обломки, как Баррент сорвался с места.

Второй и третий взрывы прозвучали, когда он был уже в тени корабля. Баррент скинул одежду и остался в форме охранника. Четвертый взрыв швырнул его на землю. Он мгновенно вскочил и кинулся в люк. Сюда еле доносились крики и приказы капитана охраны. Охрана построилась в ряды и, держа оружие наготове, спокойно отступала к кораблю.

Баррент повернул направо и побежал по длинному узкому коридору. Далеко позади слышались тяжелые шаги. Ряд пустых камер замыкала дверь с надписью "Для охраны"; зеленая лампочка над ней указывала, что воздушная система включена. Баррент толкнул соседнюю дверь, оказавшуюся незапертой, и попал в склад каких-то механизмов.

По коридору, громко разговаривая, прошли охранники.

- Как по-твоему, что это за взрывы?

- Кто знает? Они здесь все сумасшедшие.

- Дай им волю, взорвут всю планету.

- Это точно.

- Подобный шум был лет пятнадцать назад. Помнишь?

- Я тогда не служил.

- Еще похлеще: убили двоих наших и около сотни заключенных.

- Маньяки. Как бы они нас не попытались взорвать.

- Да, скорей бы домой, на Контрольный Пункт.

- На Контрольном Пункте, конечно, неплохо, но я бы предпочел жить на Земле.

Последние из охранников вошли в комнату и закрыли дверь.

Через некоторое время корабль вздрогнул. Полет начался.

Баррент получил немало ценной информации... Очевидно, вся охрана на Контрольном Пункте сходит. Значит ли это, что на борт взойдет другое подразделение? Возможно. И, безусловно, весь корабль обыщут. Скорее всего, это будет лишь формальный осмотр, так как до сих пор ни один узник не пытался бежать. И все же...

Но это дело будущего. Пока все шло по плану.

Баррент чувствовал себя очень усталым, гудела голова. В помещении стоял густой тяжелый запах. Баррент с трудом поднялся, подошел к вентиляционной решетке и поднес руку. Воздух не подавался.

Он осторожно открыл дверь и выскользнул в коридор. Все на корабле, безусловно, знали друг друга в лицо, поэтому любая встреча грозила гибелью. Нужно найти укрытие. И воздух.

Коридоры были пустынны. Из комнаты охраны слышался слабый шум голосов. Зеленая лампа ярко светила над дверью. Баррент шел дальше, начиная чувствовать первые признаки кислородного голодания.

Группа предполагала, что система вентиляции функционирует во всех отделениях корабля. Теперь Барренту было ясно, что подача воздуха ограничивалась отсеками, где размещались экипаж и охрана.

Голова разламывалась от боли, ноги онемели и отказывались повиноваться. Баррент попытался выработать план действий. Отделение экипажа, казалось, давало ему наилучшие шансы. Даже если экипаж вооружен, то вряд ли готов к подобным осложнениям. Возможно, удастся взять офицеров на мушку; возможно, он завладеет кораблем.

Стоило попытаться. Надо было попытаться.

В конце коридора Баррент уткнулся в лестницу. Он поднимался по безлюдным пролетам, пока не увидел указатель "Секция контроля".

Сознание мутилось, перед глазами мерцали черные пятна. Стали крениться стены, сверху тяжело нависал низкий потолок. Баррент внезапно осознал, что уже ползет к двери с надписью:

"КОНТРОЛЬНАЯ РУБКА - ВХОД ТОЛЬКО ОФИЦЕРАМ ЭКИПАЖА!"

Коридор наполнился серым туманом. Он то прояснялся, то вновь сгущался, и Баррент понял, что в этом повинно его зрение. Он заставил себя подняться на ноги и, приготовив иглолучевик, нажал на дверную ручку.

Но когда дверь открылась, в глазах у него потемнело. Ему показалось, что перед ним мелькнули изумленные лица, послышался крик: "Смотрите! Он вооружен!"

Затем все поглотила тьма.

Баррент разлепил веки и увидел, что находится в контрольной рубке. Металлическая дверь была закрыта, дышалось без труда. Никого из членов команды не было - вероятно, ушли за охраной, решив, что он так и будет лежать без сознания.

Шатаясь, Баррент встал на ноги, машинально подобрав свой иглолучевик. Он внимательно осмотрел оружие и нахмурился. Почему его оставили одного, вооруженного, в жизненно важном центре?

Он попытался вспомнить лица, которые видел перед тем, как упасть. Но появились лишь какие-то смутные воспоминания, неясные и расплывчатые фигуры с загробными голосами. А были ли здесь вообще люди?

Чем больше он думал об этом, тем больше убеждался, что вызвал их образы из своего затухающего сознания. Здесь

никого не было - один он в нервном сплетении корабля.

Баррент подошел к главному пульту управления, разделенному на десять секций. Каждая сверкала указателями приборов, шкалами, красными и черными стрелками, поблескивала рукоятками, переключателями, штурвалами, реостатами.

Баррент медленно двигался вдоль секции, наблюдая, как мигают огоньки. Последняя секция, очевидно, была контрольной. На табло "Координация ручная/автоматическая" потайная лампочка высвечивала слово "автоматическая". Далее он обнаружил программный отсек, выдавший ему отчет о течении полета. До Контрольного Пункта оставалось 29 часов, 4 минуты и 51 секунда. До Земли - 480 часов.

Все механизмы действовали четко и уверенно. У Баррента появилось ощущение, что присутствие человека в этом машинном храме - святотатство.

Но где же экипаж? Безусловно, автоматизация управления гигантским кораблем необходима; такой сложный организм должен быть саморегулирующимся. Но построили его люди, и люди создали программы. Почему же нет людей, чтобы корректировать их в случае надобности? Предположим, что охране потребовалось задержаться на Омеге. Предположим, что возникла необходимость миновать Контрольный Пункт и направиться прямо к Земле. Предположим, чрезвычайно важно вообще изменить пункт назначения. Что тогда? Кто внесет изменения в курс, кто будет управлять кораблем?

Баррент осмотрел контрольную рубку, надел обнаруженный в шкафчике респиратор и вышел в коридор. После долгих блужданий он наткнулся на дверь с табличкой "Для команды". Внутри было чисто и голо. Аккуратными рядами стояли койки, без простыней и покрывал. Ни здесь, ни в помещениях для офицеров и капитана Баррент не нашел следов недавнего присутствия людей.

Он вернулся в рубку. Теперь было ясно, что на корабле экипажа нет. Очевидно, власти так уверены в нерушимости рутины и надежности приборов, что сочли команду излишней. Возможно... Но Барренту это казалось странным.

Он решил отложить выводы до тех пор, пока не получит больше фактов. В настоящий момент необходимо позаботиться о самом себе. В карманах у него была концентрированная пища, но вот воды он много с собой взять не мог. Окажутся ли запасы на корабле без команды?.. Еще ему нужно было помнить об охране на нижней палубе, о приближении Контрольного Пункта и многом, многом другом.

Баррент обнаружил, что ему не требуется прибегать к своим запасам. Машины выдавали разнообразное питание и напитки, стоило лишь нажать кнопку. Натуральная это пища или синтезированная, Баррент не знал, но на вкус она была превосходна.

Он исследовал верхние уровни корабля и, несколько раз заблудившись, решил больше не рисковать, все время проводил в контрольной рубке. Зато он нашел иллюминатор и, активировав механизмы, которые убирали заслонки, любовался мерцанием звезд в необъятной тьме космоса.

По мере приближения к Контрольному Пункту к жизни пробуждались новые части пульта управления, возрождая дремавшие силы, проверяя корабль перед приземлением. За три с половиной часа до посадки Баррент сделал интересное открытие. Он нашел центральную систему связи и, включив ее на прием, мог слушать разговоры в комнате охраны.

Впрочем, ничего важного он не узнал. То ли из осторожности, толи по невежеству охранники не обсуждали политику. Вся их жизнь, кроме периодов службы на корабле, протекала на Контрольном Пункте. Что-то из того, о чем они говорили. Баррент совершенно не понимал. Но продолжал слушать, не пропуская ни одного слова.

- Ты когда-нибудь купался во Флориде?

- Не люблю соленую воду.

- Перед тем как меня призвали в Охрану, я выиграл третий приз на фестивале в Дейтоне.

- Когда выйду в отставку, куплю виллу в Антарктике.

- Сколько тебе еще осталось?

- Восемнадцать лет.

- Да, кому-то ведь надо это делать...

- Но почему я? Почему не жители Земли?

- Ты же знаешь - преступление есть болезнь. Оно заразно.

- Ну и что?

- А то, что, имея дело с преступниками, ты подвергаешься опасности заражения и сам можешь заразить кого-нибудь на Земле. Кроме того, на Контрольном Пункте не так уж плохо.

- Если любишь все искусственное: воздух, цветы, пищу...

- Ты требуешь слишком многого. Твоя семья здесь?

- Они тоже хотят вернуться на Землю.

- Ученые говорят, что после пяти лет на Контрольном Пункте на Земле нам не выдержать. Гравитация...

Из этих разговоров Баррент понял, что мрачноликие охранники такие же человеческие существа, как и заключенные. Почти все не любили свою работу и, как и омегиане, жаждали вернуться на Землю.

Наконец корабль приземлился, и двигатели замолчали.

По коммуникационной системе Баррент слышал, как охранники выходили из комнаты. Он последовал за ними по коридорам к люку и уловил, как последний из них, выходя из корабля, сказал:

- Вот и проверка идет. Ну, как дела, ребята?

Ответа не последовало, охрана ушла, а коридоры заполнил новый звук: тяжелая поступь тех, кто шел на проверку.

Их было много. Они начали с моторного отсека и методично двигались вверх, открывая каждую дверь, осматривая каждый закоулок.

Баррент сжал иглолучевик в потной руке и лихорадочно стал соображать, где можно спрятаться. Единственным решением казалось обойти их и укрыться в уже обысканном месте.

Он натянул на лицо респиратор и вышел в коридор.

23

Получасом позже Баррент еще не знал, как избежать проверяющих подразделений. Они закончили осмотр нижних уровней и продвигались к палубе контрольной рубки; шага гулко отдавались в проходах.

В конце этого коридора должна была быть лестница, по которой можно спуститься на другой, уже обысканный, уровень. Баррент заторопился, надеясь, что не ошибается и лестница действительно есть, - он имел лишь самое приблизительное представление о конструкции корабля.

Он дошел до конца коридора - лестница была. Сзади приближались шаги. Баррент побежал вниз, оглянулся через плечо и налетел на чью-то грудь.

Он моментально отпрянул, готовый выстрелить в массивную фигуру. Но удержался.

Перед ним стояло существо семи футов росту, одетое в черную форму с надписью впереди "Инспекционный отряд - андроид B212". Его лицо, высеченное из молочно- розового пластика, напоминало человеческое, глаза светились глубоким красным огнем. Создание медленно двигалось. Баррент попятился, сомневаясь, что иглолучевик тут поможет.

Ему не пришлось выяснять это на опыте, потому что андроид, не обращая ни на что внимания, стал подниматься по лестнице. На его спине оказалась надпись "Санитарный контроль". Этот андроид, понял Баррент, запрограммирован только на крыс и мышей. Присутствие на борту безбилетного пассажира его не касается. Возможно, остальные андроиды тоже специализированы.

Баррент ждал в пустом помещении на нижнем уровне, а когда услышал, что андроиды ушли, поспешил вернуться в контрольную рубку. Точно по расписанию корабль взлетел. Пункт назначения - Земля.

Полет был непримечательным. Баррент ел, спал и, пока корабль не вошел в надпространство, смотрел на звезды. Он пытался вспомнить планету, к которой приближался, - но безуспешно. Что за люди строят гигантские автоматические корабли? Почему они высылают заметную часть своего населения - и не могут установить контроль над условиями жизни ссыльных? Зачем стирают из памяти заключенных все сведения о Земле?

Часы в контрольной рубке упорно отмеряли секунды и минуты путешествия. Корабль вышел из надпространства и, тормозя, облетал зелено-голубой мир, на который Баррент смотрел со смешанным чувством. Ему не верилось, что он наконец-то возвращается на Землю.

24

Корабль приземлился в чудесный солнечный полдень где-то на североамериканском континенте. Баррент рассчитывал остаться в нем до темноты, на экранах зажглась надпись: "Просим пассажиров и экипаж немедленно сойти. Через двадцать минут на корабле начнется полная дезинфекция".

Он не знал, что подразумевается под полной дезинфекцией. Но так как категорически предписывалось выйти, респиратор вряд ли мог обеспечить безопасность.

Члены Группы Два много думали о том, как следует быть одетым Барренту по прибытии на Землю. Эти первые минуты могут оказаться решающими. В случае грубой ошибки не спасет никакая хитрость. А Группа не знала, что носили на родной планете. Одни настаивали на специальной модели. Другие утверждали, что на Земле прекрасно сойдет и форма охранника. Сам Баррент поддерживал третье мнение, согласно которому наилучшей окажется одежда из одного куска материи, как претерпевающая меньше всего изменений от капризов моды. В городах, конечно, такой наряд мог показаться необычным, но сейчас предстояло выйти на посадочное поле.

Он быстро скинул форму и остался в легкой накидке. После некоторых сомнений Баррент решил не бросать оружие на корабле. Проверка все равно обнаружит его, а с иглолучевиком хоть есть шанс отбиться от полиции.

Он сделал глубокий вдох и спустился по трапу.

Не было никакой охраны, не было таможенных чиновников, не было особых подразделений, не было армейских частей и полиции. Вообще никого не было. Далеко-далеко, на

противоположном конце широкого поля, виднелись другие корабли, а прямо напротив - распахнутые ворота ограды.

Баррент пересек поле быстро, но без спешки. Он не имел ни малейшего представления, почему все так просто. Очевидно, секретная полиция на Земле действует более тонкими методами.

У ворот, словно дожидаясь его, стояли лысоватый мужчина и мальчик лет десяти. Барренту не верилось, что это государственные служащие, и все же, кто знает эту Землю?

- Простите, - обратился к нему мужчина, держа мальчика за руку. - Я видел, как вы выходили из корабля. Не возражаете, если я задам вам несколько вопросов?

- Конечно, - сказал Баррент, опуская руку в карман с иглолучевиком. Теперь он был уверен, что лысый - агент полиции. Немного смущало лишь присутствие ребенка - если тот не ученик полицейской академии.

- Дело в том, - начал мужчина, - что мой Ронни собирается писать сочинение о звездных кораблях.

- И я захотел увидеть один из них, - добавил Ронни, худощавый мальчик с умным лицом.

- Да, - подтвердил мужчина. - Я говорил ему, что это необязательно - ведь все факты и картинки есть в энциклопедии. Но он сам захотел увидеть.

- Так будет нагляднее, - вставил Ронни.

- Безусловно, - произнес Баррент, энергично кивая. Он начал сомневаться в своих выводах. Для агентов тайной полиции эти люди выбрали извилистый путь.

- Вы работаете на кораблях? - спросил Ронни.

- Да.

- Как быстро они летают?

- В надпространстве? - уточнил Баррент.

Этот вопрос, казалось, сбил Ронни с толку. Он выпятил нижнюю губу и протянул:

- У-у, я и не знал, что они ходят в надпространстве... - Он задумался. - Между прочим, я не знаю, что такое надпространство.

Баррент и отец мальчика одновременно улыбнулись.

- Хорошо, - продолжал Ронни, - с какой скоростью они летят в обычном пространстве.

- Сто тысяч миль в час, - сказал Баррент, называя первую попавшуюся цифру.

Мальчик кивнул, его отец тоже.

- Очень быстро, - заметил отец.

- В надпространстве гораздо быстрее, конечно, - сказал Баррент.

- Конечно, - подтвердил мужчина, - Они летают очень быстро. Иначе нельзя. Они покрывают большие расстояния. Ведь верно, сэр?

- Очень большие расстояния, - согласился Баррент.

- А их источники энергии? - поинтересовался Ронни.

- Обычные, - ответил ему Баррент. - В прошлом году мы установили триплексные усилители, но их, скорее, следует отнести к разряду вспомогательных мощностей.

- Я слышал об этих триплексных усилителях, - заметил мужчина. - Замечательная вещь!

- Ничего, подходяще, - снисходительно бросил Баррент. Теперь он был уверен, что это рядовой гражданин, ничего не смыслящий в звездоплавании, просто приведший своего сына в космопорт.

- Откуда вы берете воздух? - спросил Ронни.

- Производим собственный, - охотно объяснил Баррент. -

Немного труднее с водой - она, как известно, несжимаема. Я хотел бы отметить чисто навигационную проблему ориентирования при выходе корабля из надпространства.

- Что такое надпространство ?

- Всего лишь другой уровень пространства. Но это есть в энциклопедии.

- Конечно, поищешь в энциклопедии, - наставительно сказал отец мальчика. - Мы не можем больше задерживать пилота. У него, безусловно, много важных дел.

- Да, я тороплюсь, - согласился Баррент. - А вы осмотрите здесь все, что хотите. Удачного сочинения, Ронни!

Баррент зашагал прочь, все время ожидая окрика или выстрела; но когда ярдов через пятьдесят он обернулся, отец и сын уже честно изучали гигантскую ракету. Пока все шло гладко. Подозрительно гладко.

Дорога вела от космопорта, мимо каких-то зданий, к лесу. Вскоре Баррент сошел с нее и углубился в чащу. Он уже достаточно пообщался с людьми для первого дня на Земле. Нельзя испытывать судьбу. Надо все обдумать, переночевать в лесу, а утром выйти в город.

На опушке великолепной дубовой рощи стоял указатель:

"НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ТУРИСТЫ!"

Солнце садилось за горизонт, в воздухе повеяло прохладой. Баррент нашел удобное место под гигантским дубом, сгреб подстилку из листьев и улегся, томясь тревожными вопросами. Почему в таком важном центре, как космопорт, не оказалось охраны? Значит меры безопасности проявляются позже, в городах? Или он уже находится под наблюдением изощренной шпионской системы?..

- Добрый вечер, - произнес голос над его правым ухом.

Баррент судорожно дернулся, рука потянулась к оружию.

- И это воистину приятный вечер, - продолжал голос, - здесь, в национальном парке. Температура воздуха семьдесят один и две десятых градуса по Фаренгейту, влажность 23 процента, давление двадцать девять и девять десятых. Бывалые туристы, я уверен, уже узнали мой голос. Ну а новым любителям природы мне хотелось бы представиться. Я Дубняк, ваш старый верный дуб. Позвольте приветствовать вас в национальном парке.

Сидя в сгущающихся сумерках, Баррент огляделся по сторонам. Голос и в самом деле, казалось, исходил от гигантского дуба.

- Наслаждение природой, - продолжал Дубняк, - теперь доступно каждому. Вы можете отдыхать в полном уединении, находясь в десяти минутах ходьбы от общественного транспорта. Тем, кто не жаждет одиночества, мы предлагаем туристические маршруты в сопровождении гида, по сходной цене. Не забудьте рассказать своим знакомым о гостеприимном национальном парке, который с радостью встретит всех любителей, природы.

В дереве открылась панель, и из ствола выскользнули раскладушка, термос и пакет с ужином.

- Желаю вам приятного вечера, - бархатно проговорил Дубняк. - О, природа! Восхититительное великолепие страны чудес!.. А теперь Национальный симфонический оркестр под управлением Оттера Крага исполнит вам "Горные долины" Эрнесто Нестричала. Всего доброго!

Из скрытых динамиков полилась музыка. Баррент почесал затылок, затем, решив принимать все, как оно есть, съел ужин, выпил кофе из термоса, поставил раскладушку и улегся.

Засыпая, он размышлял о звуконасыщенном благоустроенном

лесе со всеми удобствами и не далее чем в десяти минутах от общественного транспорта. Земля делала многое для своих обитателей. Очевидно, им это нравится. Или нет? Может быть, его заманивают в хитрую западню?

Музыка затихла, слившись с шорохом ветерка в листьях, и Баррент уснул.

25

Утром гостеприимный дуб выдал завтрак и бритвенные принадлежности. Баррент поел, привел себя в порядок и отправился в ближайший город. У него были ясные цели: необходимо обеспечить себе "легенду" и войти в контакт с подпольем. После этого как можно больше узнать о секретной полиции, армии и т.д.

По обеим сторонам улицы стояли маленькие белые домики. Сперва Барренту казалось, что все они одинаковые. Затем он понял, что у каждого есть свои мелкие архитектурные особенности, но они лишь еще больше подчеркивают монотонное однообразие. Коттеджей были сотни, каждый на крошечном участке тщательно ухоженной нежной травы. Их одинаковость угнетала его. Совершенно неожиданно он почувствовал, что скучает по крикливо-неуклюжей индивидуальности омегианских зданий.

Баррент дошел до торгового центра. Магазины следовали тому же образцу. Только после тщательного изучения витрин можно было обнаружить разницу между продуктовым и спортивным магазином. Он миновал маленький домик с вывеской:

"Робот-исповедник. Открыто 24 часа в сутки". Церковь?

План, предусмотренный Группой Два для выявления подполья на Земле, был прост. Революционеры, как уверяли Баррента, должны сосредоточиваться среди наиболее угнетенных элементов населения. Следовательно, сопротивление логично искать в трущобах.

Это была хорошая теория. Беда лишь в том, что Баррент не мог найти никаких трущоб. Он шел и шел, мимо магазинов и маленьких домиков, площадок для игр и парков, снова мимо домиков и магазинов. И ничто не выглядело многим лучше или хуже, чем остальное.

К вечеру он не чувствовал под собой ног от усталости, а ничего важного открыть не удалось. Прежде чем еще глубже погрузиться в хитросплетения земной жизни, нужно опросить местных жителей. Это опасный, но необходимый шаг.

Баррент стоял в сгущающихся сумерках около магазина одежды и раздумывал, что делать дальше.

- Прикинусь только что прибывшим в Северную Америку из Азии или Европы, - решил он.

К нему приближался полноватый, заурядной внешности мужчина в коричневом костюме. Баррент остановил его.

- Простите, я чужой здесь, только что из Рима...

- Неужели? - вежливо осведомился мужчина.

- Да. Боюсь, я плохо ориентируюсь. - Баррент засмеялся, изображая неловкость и смущение. - Не могу найти ни одного дешевого отеля. Если бы вы указали мне ...

- Гражданин, как ваше самочувствие? - спросил мужчина.

Судя по выражению лица, он был озадачен.

- Я же сказал, я иностранец и ищу...

- Послушайте, - перебил мужчина, - вы же не хуже меня знаете, что иностранцев больше нет.

- Нет?

- Конечно, нет. Я был в Риме. Там все точно так, как у

нас в Вилмингтоне. Такие же дома и магазины. Никто и нигде не чувствует себя больше иностранцем.

Баррент не знал, что сказать. Он нервно улыбнулся.

- Более того, - сказал мужчина, - на Земле нет дешевых отелей. Зачем они? Кто в них будет останавливаться?

- В самом деле, кто? - придумал наконец Баррент. - Кажется, я малость перебрал.

- И никто больше не пьет. Не понимаю, в какую игру вы играете?

- В какую игру я играю ? - переспросил Баррент, согласно приемам, рекомендованным Группой.

Мужчина, нахмурившись, уставился на него.

- Кажется, догадываюсь. Вы - Опросчик.

- Ммм, - невнятно промычал Баррент.

- Конечно, - убедился мужчина. - Вы один из тех, кто выведывает мнения, верно?

- Вполне разумное предположение, - согласился Баррент.

- Не так уж трудно было сообразить. Опросчики всегда стараются узнать отношение людей к разным вещам. Я бы сразу вас определил, если бы вы носили одежду Опросчика.

- Мужчина снова начал хмуриться.

- Почему вы одеты не по форме?

- Я, так сказать, новоиспеченный, - объяснил Баррент. - Даже форму не успел купить.

- Поторопитесь, - поучительно сказал мужчина. - Как иначе граждане могут определить ваше положение?

- Благодарю за помощь, сэр. Возможно, в ближайшем будущем мне представится случай проинтервьюировать вас еще раз.

- Когда захотите, - сказал мужчина, вежливо поклонился и ушел.

Баррент решил, что Опросчик - наиболее подходящая для него профессия. Она дает право встречаться с людьми, задавать вопросы, узнавать, как живет Земля. Конечно, надо быть осторожным и не проявлять своего невежества.

Теперь важно купить одежду Опросчика. Беда в том, что у него нет денег. Группа не могла даже вспомнить, на что они походят... Но снабдила определенными средствами для преодоления и такого препятствия. И Баррент вошел в ближайший магазин.

Владелец, маленький человечек с голубыми глазами, с услужливой улыбкой приветствовал Баррента.

- Мне нужна форма Опросчика. Я только что закончил курс.

- Пожалуйста, сэр. И хорошо, что вы пришли ко мне. В большинстве этих магазинчиков вы найдете одежду только для... распространенных профессий. Но здесь, у Джулия Уондерсона, мы предлагаем форму для всех пятисот двадцати основных специальностей, перечисленных в Альманахе Гражданского Статуса. Я - Джулий Уондерсон.

- Очень приятно, - сказал Баррент. - У вас тесть одежда моего размера?

- Безусловно, есть! - воскликнул Уондерсон. - Вам нужна регулярная или особая?

- Регулярная подойдет.

- Большинство новых Опросчиков предпочитают особую.

Небольшая надбавка в цене обеспечит лишнее уважение.

- В таком случае я возьму особую.

- Да, сэр. Хотя, если бы вы могли подождать... Через пару дней мы получим новую фабричную модель - домашнего тканья с натуральными затяжками.

- Я, пожалуй, зайду за ней, - решил Баррент. - А пока я

хотел бы купить то, что есть.
   - Конечно, сэр, - произнес Уондерсон. Он был явно разочарован, хотя старался это скрыть. - Будьте любезны.
   После нескольких примерок Баррент подобрал себе черный деловой костюм с узким белым кантом на лацканах. Его неопытному глазу он казался таким же, как и другие костюмы, которые Уондерсон предлагал банкирам, овощеводам, чиновникам. Но для Уондерсона разница была такой же красноречивой, как и символы статуса на Омеге для Баррента.
   - Пожалуйста, сэр! Прекрасно сидит, с гарантийным сроком. И всего тридцать девять девяносто пять.
   - Превосходно, - сказал Баррент. - Теперь насчет денег.
   - Да, сэр?
   - У меня их нет.
   - В самом деле, сэр? Это весьма необычно.
   - Да, - согласился Баррент. - Тем не менее у меня есть некоторые ценности. - Он извлек из кармана три кольца с бриллиантами, которыми снабдила его Группа. - Это настоящие бриллианты, что подтвердит любой ювелир. Если бы вы взяли одно из них, пока я не достану денег для уплаты ...
   - Но, сэр, - удивился Уондерсон, - бриллианты больше не имеют самостоятельной ценности. С двадцать третьего года, когда Вон Блон написал основополагающую работу, отрицающую концепцию нехватки...
   - Естественно, - глухо заметил Баррент, не зная, что говорить.
   Уондерсон посмотрел на кольца.
   - Они, наверное, дороги вам как память?
   - Безусловно, передаются в нашей семье из поколения в поколение...
   - В таком случае, - сказал Уондерсон, - я не позволю себе лишить их вас. Пожалуйста, не спорьте, сэр! Я не смогу спать по ночам, если отниму вашу семейную реликвию.
   - Но остается вопрос оплаты.
   - Заплатите, когда вам будет удобно.
   - Вы хотите сказать, что поверите мне, даже не зная меня?
   - Конечно. - Уондерсон улыбнулся. - Испытываете свои методы, Опросчик? Даже ребенку известно, что наша цивилизация основывается на доверии. К незнакомцу следует относиться как к честному человеку, пока он полностью и бесповоротно не доказал обратного. Это аксиома.
   - Вас никогда не обманывали?
   - О нет. Преступлений в наши дни не бывает.
   - А как же Омега?
   - Простите?
   - Омега, планета заключенных. Вы, должно быть, слышали о ней?
   - Возможно, - осторожно проговорил Уондерсон. - Ну, точнее так было бы сказать, что преступлений почти не бывает. Наверное, всегда найдется горстка прирожденных злодеев, но не больше десяти - двенадцати в год, из населения в два миллиарда. - Он широко улыбнулся. - Вероятность, что я нарвусь на преступника, очень мала.
   Баррент подумал о кораблях, регулярно курсирующих между Землей и Омегой... Интересно, откуда Уондерсон взял такие цифры? И, между прочим, интересно, где же полиция? Он не видел никого в форме с тех пор, как покинул корабль.
   - Очень вам благодарен, - произнес Баррент. - Я заплачу как можно быстрее.
   - Конечно, конечно, - согласился Уондерсон, с чувством тряся руку Баррента. - Когда вам будет угодно, сэр. Не

стоит торопиться.

Баррент снова поблагодарил его и вышел из магазина. Теперь у него была профессия. И неограниченный кредит. Он оказался на планете, которая с первого взгляда походила на рай. Но, как всякая утопия, она несла в себе некоторые противоречия. Он надеялся узнать о них больше в ближайшие дни.

Баррент нашел отель и снял комнату на неделю, в кредит.

26

Утром Баррент отправился в библиотеку. Ему надо было ознакомиться с историей развития земной цивилизации, чтобы иметь представление, что искать и чего ожидать.

форма Опросчика позволила пройти к закрытым для доступа полкам, где хранились книги по истории. Но сами книги его разочаровали - в большинстве своем они охватывали период лишь до начала атомного века. Баррент просматривал их, и к нему возвращались смутные воспоминания. Он мог перепрыгнуть от Древней Греции к Римской империи, через Темные века к норманнским завоеваниям и Тридцатилетней войне и затем к наполеоновской эре. Внимательнее он прочитал о Мировых войнах. К сожалению, на этом книги заканчивались.

После долгих поисков Баррент нашел небольшую работу "Послевоенная дилемма. Том 1 Артура Уитлера. Она начиналась там, где кончались остальные, - со взрыва бомб над Хиросимой и Нагасаки. Баррент сел и стал читать.

Он узнал о "холодной войне" 50-х годов, когда несколько наций владели атомным и водородным оружием. Уже тогда, утверждал автор, укоренились зерна конформизма. Америка отчаянно сопротивлялась коммунизму. Россия и Китай отчаянно сопротивлялись капитализму. Весь мир разделился на два лагеря. В целях внутренней безопасности правительства брали на вооружение новейшие методы пропаганды и идеологической обработки. От граждан требовалась безоговорочная приверженность официальным доктринам. Давление на личность становилось все сильнее и утонченнее.

Миновала угроза войны. Многочисленные страны Земли начали сливаться в единое сверхгосударство. Но давление на личность, вместо того чтобы уменьшиться, еще больше возросло. Нужда в этом диктовалась неудержимым ростом населения, проблемами национального и этнического характера. Различие во мнениях могло оказаться гибельным - слишком много групп имели теперь доступ к мощным водородным бомбам.

В этих условиях стало нетерпимым поведение, отличающееся от нормы.

Унификация, наконец, была завершена. Продолжалось завоевание космоса. Но земные институты перестали совершенствоваться. Современная цивилизация оказалась менее гибкой, чем средневековая, она подавляла всякое отклонение от существующих обычаев, привычек, воззрений. Оппозиция считалась не менее тяжким преступлением, чем убийство или поджог. И так же наказывалась. Секретная полиция, политическая полиция, информаторы - использовалось все. Каждое устройство было поставлено на службу одной великой цели - воспитанию человека-соглашателя.

А для упрямых существовала Омега.

Смертная казнь была давно запрещена, и преступники переполняли тюрьмы. Наконец их решили перевезти в отдельный мир, скопировав систему, которую Франция использовала в Гвинее и Новой Каледонии, а Британия - в Австралии и

Северной Америке. Управлять Омегой с Земли было невозможно, да власти и не пытались. Они позаботились лишь о том, чтобы заключенные не сбежали.

На этом первый том кончался. Приписка в конце гласила, что том второй посвящен изучению современности. Он назывался "Цивилизация статуса".

Второго тома на полках не оказалось. Библиотекарь сказал Барренту, что он был уничтожен в интересах общественной безопасности.

Баррент вышел в маленький сад, сел на скамейку и, уставившись вниз, постарался все обдумать.

Он ожидал увидеть Землю как раз такой, какой она была описана в книге Уитлера. Он был подготовлен к полицейскому государству, изощренной слежке, жестоким репрессиям и растущему сопротивлению. Но все это осталось в прошлом. До сих пор он не увидел даже постового. Люди, которых он встречал, вовсе не казались угнетенными. Напротив, это был совершенно иной мир...

Если не считать того, что год за годом на Омегу прибывали партии ничего не помнящих о Земле заключенных. Кто арестовывал их? Кто судил? Какое общество их породило?

Ответы ему предстояло найти самому.

27

С раннего утра Баррент начал расследование. План был прост. Он звонил в двери и задавал вопросы, предупреждая, что серьезные могут перемежаться странными и глупыми, предназначенными для определения общего уровня развития. Таким образом, Баррент мог затрагивать любые темы, не возбуждая подозрения.

Оставалась опасность, что какой-нибудь государственный служащий попросит показать удостоверение личности или что внезапно появится секретная полиция. Но приходилось рисковать.

Результаты оказались самыми неожиданными.

(Гражданка А.Л.Готхрейд, возраст 55 лет, занятие - домохозяйка. Женщина чопорная, но вежливая.)

- Вы хотите спросить меня о классе и статусе. Так?

- Да, мадам.

- И всегда-то вы, Опросчики, спрашиваете о классе и статусе. Неужели не надоело? Ну ладно... Так как все равны, есть только один класс. Средний. Вопрос только, к какой части среднего класса относится индивидуум - высшей, низшей или средней.

- А как это определяется?

- По манерам: как человек ест, одевается, ведет себя на людях. Высший средний класс, например, всегда можно безошибочно определить по одежде.

- Понимаю. А низший средний класс?

- Ну, во-первых, у них меньше творческой энергии. Они носят готовую одежду, и это их вполне устраивает. Показательно и отношение к своему жилью. Причем украшательство без искры вдохновения в счет не идет, а лишь помечает выскочек. Представитель высшего среднего класса не примет такого у себя дома.

- Благодарю вас, гражданка Готхрейд. А как вы определите свой собственный статус?

(С чуть заметным колебанием):

- О, я никогда особенно над этим не задумывалась. Высший

средний, скорее всего.

(Гражданин Дрейстер, возраст 43 года, занятие - продавец обуви. Стройный, молодо выглядящий мужчина.)

- Да, сэр. У нас с Мирой три ребенка школьного возраста. Все мальчики.

- Вы ке могли бы рассказать, из чего складывается их образование?

- Они учатся писать, читать, быть честными гражданами и уже приступили к изучению своих профессий. Старший пойдет по семейной линии - обувь. Двое других - по бакалее и розничной торговле, как заведено в семье у жены. Кроме того, они узнают, как обретать и сохранять статус. Этому учат в открытых классах.

- А есть и другие?

- Ну, естественно, закрытые. Их посещает каждый ребенок.

- И чем там занимаются?

- Не знаю.

- Ребята никогда не рассказывают об этих классах?

- Нет. Они говорят обо всем на свете, но не о них.

- А вы не представляете, что происходит в закрытых классах?

- К сожалению, нет. Может быть - заметьте, это только предположение, - в них преподают религию. Но лучше спросить у учителя.

- Благодарю вас, сэр. Как вы определите свой статус?

- Средний... средний класс, безусловно.

(Гражданка Мариан Морган, возраст 51 год, занятие - школьная учительница. Высокая костлявая женщина.)

- Да, сэр, вот и все о нашей обязательной программе.

- Кроме закрытых классов?

- Простите?

- Вы не упомянули закрытые классы.

- Боюсь, что не могу это сделать.

- Почему же, гражданка Морган?

- Это что, вопрос с подвохом? Всем известно; что учителей не впускают в закрытые классы.

- Кого же тогда впускают?

- Детей, конечно.

- Но кто их учит?

- Об этом заботится правительство.

- Естественно. Но кто конкретно ведет занятия?

- Не имею понятия, сэр. Меня это не касается. Закрытые классы - старое и уважаемое учреждение. Возможно, они связаны с религией. В любом случае не мое это дело. И не ваше, молодой человек, будь вы хоть трижды Опросчик.

- Благодарю вас.

(Гражданин Эдгар Ниф, возраст 107 лет, занятие - отставной военный. Высокий лысый мужчина с холодными голубыми глазами.)

- Пожалуйста, немного громче. Что вы сказали?

- О вооруженных силах. Я спрашивал...

- Теперь вспомнил. Да, молодой человек, я был полковником Двадцать первой Североамериканской Космической Группы, регулярной части Земных Вооруженных Сил.

- Вы вышли в отставку?

- Нет, служба отставила меня.

- Простите, сэр?

- Я не оговорился. Это произошло шестьдесят три года

тому назад. Вооруженные Силы были распущены.
- Почему?
- Не с кем стало сражаться. Во всяком случае, так нам объяснили. Глупость! Старым солдатам известно: никогда невозможно предсказать, откуда появится враг. Он может появиться и сейчас. И что тогда?
- А заново сформировать армию?
- Хорошо бы! Но нынешнее поколение не знает, что такое служба. И командиров не осталось, кроме таких старых ослов, как я. На создание реальной силы уйдут годы.
- А пока что Земля совершенно беззащитна перед вторжением?
- Да. Есть полицейские соединения, но я самым серьезным образом сомневаюсь в их надежности, если пойдет пальба.
- Не могли бы вы рассказать мне о полиции?
- Ничего о ней не знаю. Меня никогда не волновали вопросы невоенного характера.

(Гражданин Мартин Хоннсрс, возраст 31 год, занятие - глаголизатор. Худой вялый мужчина с честным мальчишеским лицом и пшеничными волосами.)
- Вы глаголизатор, гражданин Хоннерс?
~ Да, сэр. Хотя, пожалуй, больше подойдет слово "автор", если не возражаете.
- Конечно. Гражданин Хоннерс, вы сотрудничаете в периодической печати?
- О нет! Там подвизаются некомпетентные бездари, которые пишут для сомнительной услады низшего среднего класса. Все рассказы, да будет вам известно, составляются строка за строкой из произведений популярных писателей двадцатого и двадцать первого веков. Эти бумагомаратели просто меняют порядок слов. Изредка кто-нибудь сочинит глагол или даже существительное. Но, повторяю, крайне редко.
- Вы этим не занимаетесь?
- Абсолютно! Моя работа не коммерческая. Я - Созидающий Специалист по Конраду.
- Поясните, пожалуйста.
- С удовольствием. Я пересоздаю работы Джозефа Конрада, автора, жившего в доатомном веке.
- А как вы пересоздаете эти работы, сэр?
- В настоящее время я занят пятым пересозданием "Лорда Джима" - как можно глубже вчитываюсь в оригинал, а затем переписываю книгу так, как сделал бы сам Конрад, живи он сегодня. Это занятие требует величайшего усердия и артистичности. Одна описка может испортить всю работу. Необходимо в совершенстве знать словарь Конрада, темы, характеры, настроения... И книга будет не простым повторением, а внесет что-то новое.
- Каковы ваши дальнейшие творческие планы?
- После пересоздания "Лорда Джима" я собираюсь отдыхать. Затем я пересоздам одно из менее заметных произведений Конрада, "Малатского плантатора".
- Понимаю... Является ли пересоздание правилом для всех видов искусства?
- Это цель каждого истинного художника независимо от того, какую область он выбрал для своей деятельности. Искусство - жестокая возлюбленная.

(Гражданин Уиллис Уэрка, возраст 8 лет, занятие - учащийся. Жизнерадостный черноволосый мальчик.)
- Простите, мистер Опросчик, моих родителей нет дома.

- Вот и хорошо, Уилли. Ты не против, если я задам тебе несколько вопросов?

- Конечно. А что это у вас выпирает под пиджаком, мистер?

- Спрашивать буду я, Уилли, если не возражаешь. Ты любишь школу?

- Так себе.

- Чему ж ты учишься?

- Ну чтение, язык, оценка статуса, потом курсы по искусству, музыке, архитектуре, литературе, балету и театру. Все как обычно.

- Вижу. Это в открытых классах?

- Естественно.

- Ты ходишь в закрытый класс?

- Каждый день. А это у вас пистолет выпирает?

- Нет, просто мой костюм плохо сидит. Слушай, ты не хотел бы рассказать мне, что вы делаете в закрытом классе?

- Почему ж нет?

- Ну и что же там происходит?

- А я не помню.

- Уилли...

- Честное слово, мистер Опросчик. Мы все заходим в класс, а затем выходим через два часа. Но это все. Больше я ничего не могу вспомнить. Я говорил с другими ребятами. Они тоже забывают.

- Странно.

- Нет, сэр. Если бы нам надо было помнить, класс не был бы закрытым.

- Пожалуй. А не помнишь ли ты, как выглядит комната или кто ваш учитель в закрытом классе?

- Нет, сэр, я в самом деле ничего не помню.

- Спасибо, Уилли.

(Гражданин Кучлан Дент, возраст 37 лет, занятие - изобретатель. Преждевременно полысевший человек с ироничными глазами.)

- Да, верно. Я специализируюсь на играх. В прошлом году я изобрел "Триангулируй - а не то...". Не видели? Она была очень популярна.

- Боюсь, что нет.

- Это, знаете ли, интеллектуальная игра. Имитирует потерю ориентации в космосе. Игрокам даются неполные данные для компьютеров и, при удачной игре, добавочная информация. Опасные ситуации штрафуются. Куча сияющих огней и прочая мишура. Прекрасная вещь!

- Больше вы ничего не изобрели, гражданин Дент?

- В юные годы я придумал улучшенную жатку. Она превосходила по эффективности предыдущие модели в три раза. И, верите ли, я действительно думал, что имею шансы ее продать.

- Продали?

- Конечно, нет. Тогда я не знал, что в патентном бюро открыто только отделение игр.

- Вы огорчились?

- Сперва - да. Но потом я понял, что существующие модели достаточно хороши. В изобретении более эффективных или простых устройств нет нужды. Мы довольны своим сегодняшним днем. Кроме того, новые изобретения бесполезны. Уровень рождаемости и смертности на Земле стабилен, и всего хватает. Чтобы выпустить новый аппарат, надо переоборудовать целый завод. Это почти невозможно, так как все заводы

автоматические и саморегулирующиеся. Вот почему наложен мораторий на все изобретения, кроме сферы игр.

- И что вы об этом думаете?

- А что тут думать? Так уж получилось.

- Вы не хотели бы изменить этот порядок?

- Может быть, и хотел бы. Но, как изобретатель, я все равно отношусь к нестабильным элементам.

(Гражданин Барн Трентен, возраст 41 год, занятие - инженер-атомщик, специалист по конструированию космических кораблей. Нервный интеллектуал с печальными глазами.)

- Вы хотите знать, чем я занимаюсь на работе? Бездельничаю. Мне некуда приложить силы, я просто хожу кругами. Правилами предусматривается один человек на каждую автоматическую операцию. Вот что я делаю - присутствую.

- Вы, кажется, недовольны, гражданин Трентен.

- Да. Я хотел быть инженером-атомщиком и для того учился. А после выпуска обнаружил, что мои знания устарели на пятьдесят лет, да и никому не нужны.

- Почему?

- Потому что все автоматизировано. Не знаю, известно ли это большинству населения, но дело обстоит так. От добычи сырья до получения конечного продукта - автоматизировано все. Человек нужен лишь для контроля над количеством производимого продукта, а оно определяется численностью населения. И даже здесь участие человека сводится к минимуму.

- А что, если часть оборудования выйдет из строя?

- На то есть ремонтные роботы.

- А если и они сломаются?

- Проклятые железяки - саморемонтирующиеся. Мне остается только стоять в сторонке. Весьма странно для человека, считающего себя инженером.

- Почему бы вам не поменять работу?

- Нет смысла. Я проверял, остальные в таком же положении - присутствуют при автоматических процессах, которых не понимают. Назовите любую отрасль - либо "инженер-наблюдатель", либо никто.

- Такая же ситуация и в космонавтике?

- Безусловно. За последние пятьдесят лет ни один пилот не покидал Земли. Скоро они разучатся управлять кораблями.

- Понимаю, все автоматизировано... Ну, а если случится нечто непредвиденное?

- Трудно сказать. Если корабль попадет в незапрограммированную ситуацию, он будет парализован, по крайней мере временно. Я думаю, там стоят селекторы оптимального выбора, но вряд ли испытанные. В лучшем случае он будет действовать замедленно, в худшем - вообще не будет действовать. По мне - так пусть! Надоело сшиваться вокруг машин, день за днем наблюдая безотрадное однообразие операций. Большинство моих коллег чувствуют то же самое. Мы хотим дела, любого дела! Вы знаете, что сотни лет назад пилотируемые корабли исследовали планеты других звездных систем?

- Да.

- Вот это нам необходимо сейчас. Двигаться вперед, исследовать, изучать!

- Согласен. Но, если говорить честно, я уже не боюсь. Пускай отправляют на Омегу, если хотят. Хуже мне не станет.

- Вы слышали об Омеге?

- Про нее знает каждый, кто связан с космическими

кораблями. "Земля-Омега" - единственный сохранившийся маршрут... Страшная планета. Лично я во всем виню церковь.

- Церковь?

- Только ее. Проклятые ханжи, только и знают, что канючат про всякий там Дух Человеческого Воплощения. Одного этого достаточно, чтобы человека потянуло ко злу...

(Гражданин Отец Бойрен, возраст 51 год, занятие - священнослужитель. Коренастый мужчина в шафранной рясе и белых сандалиях.)

- Верно, сын мой, я аббат местного отделения Церкви Духа Человеческого Воплощения. Церковь является официальным религиозным выражением правительства Земли. Наша религия едина для всех народов и состоит из лучших элементов старых исповеданий, искусно скомбинированных во всеобъемлющую веру.

- Гражданин аббат, а разве нет противоречий между доктринами религий, составляющих вашу веру?

- Были. Но мы стремились к согласию и сохранили лишь отдельные яркие детали некогда великих религий, детали, знакомые людям. В нашей церкви нет сект и расколов, так как мы всеобъемлющи. Личность может веровать во что угодно, если только несет священный Дух Человеческого Воплощения. Ибо наш культ есть культ Человека. И дух его есть дух божественного и священного добра.

- Не могли бы вы определить понятие "добро", гражданин аббат?

- Пожалуйста. Добро есть сила внутри нас, вдохновляющая людей на общение и содружество. Культ Добра является культом самого себя и потому единственно верным культом. Личность, которой мы поклоняемся, есть идеальное социальное существо; человеческое содержимое в нише общества, готовое ухватить любую возможность продвижения. Добро есть действительное отражение любящей и лелеющей Вселенной. Добро непрерывно изменяется во всех своих аспектах, хотя его проявления ... У вас странное выражение лица, молодой человек.

- Простите. Мне кажется, что-то похожее я уже слышал.

- Сие всегда остается правдой.

- Безусловно. Еще один вопрос, сэр. Не могли бы вы рассказать мне о религиозном воспитании детей?

- Эту обязанность несут роботы-исповедники, в соответствии с духом древнего трансцендентального фрейдизма. Робот-исповедник наставляет ребенка так же, как и взрослого. Он их постоянный друг и учитель. Будучи роботом, исповедник дает точные и недвусмысленные ответы на любые вопросы. Это большая помощь в воспитании ортодоксальности.

- А что делают священнослужители-люди?

- Наблюдают за роботами-исповедниками.

- Присутствуют ли эти роботы в закрытых классах?

- Не могу вам ответить... Нет, я в самом деле не знаю. Закрытые классы закрыты для аббатов так же, как и для всех остальных.

- По чьему приказу?

- По приказу Шефа Секретной Полиции.

- Понимаю... Благодарю вас, гражданин аббат Бойрен.

(Гражданин Энайн Дравивиан, возраст 43 года, занятие - государственный служащий. Узколицый мужчина, усталый и преждевременно постаревший.)

- Добрый день, сэр. Так вы состоите на государственной службе?

- Совершенно верно.
- Давно?
- Около восемнадцати лет.
- Ясно. А не могли бы вы сказать, в чем конкретно заключаются ваши обязанности?
- Пожалуйста. Я - Шеф Секретной Полиции.
- Вы? Понимаю, сэр, это очень интересно. Я...
- Не тянитесь к иглолучевику, экс-гражданин Баррент. Заверяю вас, он не будет действовать в зоне вокруг этого дома. А попытка вытащить его лишь причинит вам вред.
- Каким образом?
- У меня есть свои средства защиты.
- Как вы узнали мое имя?
- Я знал все, как только ваша нога коснулась поверхности Земли. Мы еще кое на что способны. Впрочем, войдемте-ка лучше в дом и побеседуем.
- Я бы предпочел воздержаться от беседы.
- Боюсь, что это необходимо. Входите, Баррент, я не кусаюсь.
- Я арестован?
- Конечно, нет. Мы просто немного потолкуем. Сюда, сэр, сюда. Устраивайтесь поудобнее.

28

Дравивиан провел его в просторную комнату, обшитую панелями орехового дерева и обставленную массивной лакированной мебелью. Одну стену закрывал тяжелый выцветший гобелен с изображением средневековой охоты.

- Вам нравится? - спросил Дравивиан. - Все здесь сделано руками членов моей семьи. Гобелен вышила жена, скопировав его с оригинала в музее "Метрополитен". Мебель смастерили два моих сына. Они хотели что-нибудь старинное и в испанском стиле, но более удобное; отсюда некоторая модификация линий. Мой собственный вклад увидеть нельзя - я специализируюсь по музыке периода барокко.

- В свободное от работы в полиции время? - спросил Баррент.

- Именно. - Дравивиан отвернулся от Баррента и задумчиво посмотрел на гобелен. - Мы еще коснемся этого вопроса. Скажите сперва, что вы думаете о комнате?

- Она очень красива, - произнес Баррент.
- И?
- Ну... я не судья...
- Вы должны быть судьей, - подчеркнул Дравивиан. - В этой комнате - вся цивилизация Земли в миниатюре. Скажите прямо, что вы о ней думаете?
- Она кажется безжизненной, - проговорил Баррент.

Дравивиан улыбнулся.

- Вы выбрали удачное слово. А ведь это комната людей высокого статуса. Сколько творческих усилий было затрачено на артистичное улучшение древних стилей! Моя семья воссоздала кусочек испанского прошлого, как другие воссоздают кусочки истории майя или Океании. И все же налицо пустота. Наши автоматические заводы производят одни и те же продукты. Так как товары у всех одинаковы, нам приходится изменять их, улучшать, украшать, и такими способами выражать себя. Вот что происходит на Земле, Баррент.

Наши энергия и способности уходят на никчемные цели; личность замкнулась на себе. Мы мастерим старинную мебель в

соответствии с рангом и статусом, а тем временем нас тщетно ждут неисследованные планеты. Мы давно кончили развиваться. Стабильность принесла застой, и мы ему подчинились.

- Не ожидал я услышать такие слова из уст Шефа Секретной Полиции.

- Я необычный человек, - произнес Дравивиан с тонкой улыбкой. - И Секретная Полиция - необычное учреждение.

- Но, очевидно, очень эффективное! Как вы узнали обо мне?

- Ну, это просто. Почти все встретившиеся вам люди распознали в вас чужака. Вы выделялись, как волк среди овец, и немедленно сообщали.

- Ясно, - сказал Баррент. - Что же теперь?

- Хотелось бы послушать ваш рассказ об Омеге.

Баррент рассказал Дравивиану о своей жизни на планете преступников.

- Я так и думал, - со слабой улыбкой произнес Шеф Секретной Полиции. - То же самое происходило в свое время в Америке и Австралии. Конечно, разница есть: вы совершенно изолированы от родины. Но у вас та же яростная энергия, та же жестокость.

- Что вы собираетесь со мной сделать?

Дравивиан пожал плечами:

- Какое это имеет значение? Предположим, я убью вас. Но вашу Группу на Омеге не удержать от засылки других шпионов или захвата одного из тюремных кораблей. Как только омегиане начнут действовать, они неизбежно обнаружат правду.

- Какую правду?

- А вы еще не догадались? На Земле около восьми столетий не было войн. Мы не знаем, как сражаться. Сторожевые корабли вокруг Омеги - чистое надувательство, одна видимость. Они полностью автоматизированы и запрограммированы на условия, которые существовали сотни лет назад. Решительная атака - и корабль ваш, а за ним и все остальные. После этого ничто не в состоянии остановить приход омегиан на Землю; а Земля не в состоянии с ними бороться. Вот почему у заключенных смывают память. Уязвимость Земли должна быть скрыта.

- Если вы все это осознаете, то почему ваши руководители ничего не предпринимают?

- Сначала у нас было такое намерение, но лишь одно намерение. Мы предпочитали не задумываться всерьез. Казалось, что статус-кво сохранится навеки... Я тоже лишь видимость, - сказал Дравивиан. - Пост Шефа Полиции - почетная синекура. Вот уже почти век, как Земле не нужна полиция.

- Она вам потребуется, когда омегиане вернутся домой, - заметил Баррент.

- Да. Опять начнутся беспорядки, преступления. Однако я верю, что конечный сплав получится удачный. У омегиан есть энергия, воля, стремление достичь звезд. А Земля придаст вам спокойствие и стабильность. Каковы бы ни были результаты, объединение неизбежно. Мы слишком долго жили во сне. Но вы пробудите нас, пусть это будет и не безболезненное пробуждение. - Дравивиан поднялся на ноги.
- А теперь, когда судьбы Земля и Омеги решены, - по глотку освежительного?

29

С помощью Шефа Полиции Баррент с очередным кораблем всю

информацию отправил на Омегу. Послание сообщало о положении на Земле и требовало немедленных Действий. После этого Баррент мог приступить к выполнению своей собственной задачи - найти солгавшего информатора и судью, приговорившего его к наказанию за преступление, которого он не совершал. Баррент чувствовал, что, когда он найдет их, у него восстановится утраченная часть памяти.

Ночным экспрессом он прибыл в Янгерстаун. Аккуратные ряды домов казались такими же, как и везде, но для Баррента они были по-особому, щемяще знакомыми. Он помнил свой город, и его однообразие казалось ему особым, полным значения. Здесь он родился и рос.

Вот магазин Гротмейера, а напротив через дорогу - дом Хавнинга. А там жил Билли Хавлок, его лучший друг; они вместе мечтали стать звездоплавателями.

Дом Эндрю Теркалера. А рядом школа; Баррент помнил ее. Он помнил, как каждый день заходил в закрытый класс, но не мог вспомнить, чему там учился.

Вот здесь, у двух исполинских вязов, произошло убийство. Баррент подошел к этому месту и вспомнил, как все случилось. Он возвращался домой. Откуда-то сзади донесся крик. Баррент обернулся и увидел, как по улице побежал человек - Иллиарди - и что-то бросил ему. Баррент инстинктивно схватил этот предмет и обнаружил, что держит запрещенное оружие. Через два шага он наткнулся на мертвого Эндрю Теркалера.

А потом? Смятение, паника. Ощущение, что кто-то наблюдает за ним, стоящим над трупом с оружием в руках. Там, в конце улицы, было убежище, в котором он скрылся...

Баррент подошел ближе и узнал будку робота-исповедника. Он заглянул в будку. В маленьком помещении было темно и душно. Единственный стул стоял перед мигающей огоньками панелью.

- Доброе утро, Уилл.

Услышав мягкий механический голос, Баррент внезапно ощутил беспомощность. Он вспомнил. Этот бесстрастный голос все знал, все понимал и ничего не прощал. Голос судьи.

- Ты помнишь меня? - спросил Баррент.

- Конечно, - сказал робот-исповедник. - Ты был одним из моих прихожан, пока не попал на Омегу.

- Это ты сослал меня!

- За убийство.

- Но я не совершал преступления! - закричал Баррент. - Ты не мог не знать этого!

- Разумеется, я знал, - произнес робот-исповедник. - Но мои обязанности строго определены. Я приговариваю в соответствии со свидетельствами, а не интуицией. Сомнения толкуются в пользу обвинения.

- Против меня были показания?

- Да.

- Кто их дал?

- Я не могу открыть его имя.

- Ты должен, - сказал Баррент. - На Земле наступает другое время. Заключенные возвращаются.

- Я ожидал этого, - промолвил робот-исповедник.

- Имя! - крикнул Баррент и вытащил из кармана иглолучевик.

- Не скажу, для твоего же блага. Опасность слишком велика. Поверь мне, Уилл...

- Имя!

- Хорошо. Ты найдешь информатора на Мапп-стрит, тридцать

пять. Но я искренне советую тебе не идти туда. Ты погибнешь. Ты просто не знаешь...

Баррент нажал на курок, узкий луч прорезал панель. Огоньки на ней вспыхнули и стали меркнуть, пошел серый дымок.

Баррент бывал здесь прежде. Он узнал эту улицу, обсаженную кленами и дубами. Эти фонарные столбы - его старые знакомые, та трещина в асфальте памятна ему с детства. Дома, казалось, застыли в ожидании, будто зрители последнего действия полузабытой драмы.

Над домом N 35 нависла зловещая тишина. Баррент достал из кармана иглолучевик, тщетно стараясь подбодрить себя, и вошел в незапертую дверь.

Смутно проступали контуры мебели, тускло поблескивали картины на стенах. Сжав лучевик в руке, он ступил в следующую комнату.

И оказался лицом к лицу с информатором.

Глядя ему в глаза, Баррент вспоминал. В захлестывающем потоке памяти он видел себя: маленького мальчика, входящего в закрытый класс. Он вновь слышал убаюкивающий гул машин, в уши лился вкрадчивый голос. Сперва голос вселял ужас, то, что он предлагал, было невообразимо. Затем, постепенно, Баррент начал привыкать к голосу, как привыкал ко всем странностям закрытого класса.

Машины учили на глубоком, подсознательном уровне. Они прививали, внушали определенные нормы поведения - и блокировали верхние уровни сознания. Чему его учили?

Ради социального блага ты должен сам себе быть свидетелем и полицейским. Ты должен нести ответственность за любое преступление, которое мог совершить.

На Баррента бесстрастно смотрел информатор - собственное лицо, отраженное в зеркале на стене.

Он донес сам на себя. Когда он стоял в тот день с оружием в руках, глядя на убитого человека, подсознательные процессы взяли верх. Вероятность вины была слишком большой; она превратилась в саму вину. Баррент пошел к роботу-исповеднику и дал полное и убедительное свидетельство против себя самого.

Робот-исповедник вынес приговор, и Баррент, хорошо обученный, направился в ближайший Центр контроля мысли в Трентон. Частичная амнезия уже наступила, спущенная пружиной уроков скрытого класса.

Опытные техники-андроиды потрудились, чтобы завершить амнезию, стереть последние остатки памяти. Как стандартный предохранитель против возможного ее возвращения, они создали логичную версию убийства и насадили слепую веру в мощь Земли.

Запрограммированный Баррент добрался на специальном транспорте космопорта, взошел на борт тюремного корабля и закрыл за собой дверь своей камеры. Там он спал до Контрольного Пункта, пока его не разбудили прибывшие охранники...

Уроки закрытого класса никогда не должны выйти из подсознания. В противном случае человек обязан немедленно произвести акт самоубийства.

Земле не нужна была служба безопасности, потому что в мозг каждого были вмонтированы и полицейский, и палач. Под поверхностью гуманной культуры Земли скрывалась механическая цивилизация. И понимание ее сути каралось смертью.

Именно здесь, именно сейчас началась настоящая схватка за Землю.

Заученные образцы поведения заставили Баррента поднять оружие и направить себе в голову. Вот о чем пытался его предупредить робот-исповедник, вот что видела девушка-мутантка. Прежний Баррент, машина, запрограммированная на бездумное повиновение, готов был убить себя.

Возмужавший Баррент, прошедший школу жизни на Омеге, восстал против этого слепого желания.

Баррент против Баррента. Два человека боролись за обладание оружием, за контроль над телом, за власть над разумом.

Иглолучевик остановился в дюйме от головы. Мушка качнулась. Затем медленно Баррент-омегианин, Баррент-2, отвел оружие.

Его победа была недолговечной. Уроки закрытого класса швырнули Баррента-2 в яростную схватку с неумолимым и жаждущим смерти Баррентом-1.

30

Двух Баррентов закинуло через субъективное время в те критические точки прошлого, где смерть ждала рядом, где пересыхал поток жизни, где установилось предрасположение к гибели. Баррент-2 заново переживал эти моменты. Но на сей раз опасность была увеличена злокачественной половиной его личности - Баррентом-1.

Баррент-2 стоял под слепящим светом на обагренном кровью песке Арены, с мечом в руке. На него надвигался саунус, бронированная рептилия с ухмыляющимся лицом Баррента-1.

Он отсек чудовищу хвост, и тот превратился в трех гигантских крыс-Баррентов. Двух он убил, а третья оскалилась и до кости прокусила его левую руку. Он поразил ее мечом и смотрел, как вытекает на песок кровь Баррента-1...

...Трое оборванных мужчин сидели, смеясь, на скамье, а девушка протягивала ему оружие. "Удачи. Надеюсь, вы знаете, как с ним обращаться". Баррент пробормотал слова благодарности прежде, чем заметил, что девушка перед ним - не Моэра, а мутантка, предсказавшая ему гибель. Он вышел на улицу и столкнулся с тремя Хаджи.

Двое были безликими незнакомцами. Третий, Баррент-1, быстро выступил вперед и вытащил пистолет. Баррент-2 кинулся на землю и, нажав на курок своего оружия, почувствовал, как оно завибрировало в его руке. Голова и плечи Баррента-1 потемнели и стали распадаться. Снова прицелиться он не успел - пистолет вырвало из руки с дикой силой. Предсмертный выстрел Баррента-1 задел ствол.

Он отчаянно рванулся за оружием и, катясь вперед, заметил, как в него целится второй Хаджи, тоже с лицом Баррента. Баррент-2 почувствовал резкую боль в руке, уже прокушенной зверем, но сумел выстрелить и остался наедине с третьим. Сгорая в адском пламени поврежденных нервов, он заставил себя нажать на курок:..

"Ты. играешь в их игру, - говорил себе Баррент-2. - Тебя измучают и прикончат. Надо вырваться. Ведь ничего этого нет, это только в твоем воображении..."

Но думать было некогда. Он стоял в большом круглом помещении в Департаменте Юстиции. Отбрасывая черные блики, навстречу катилась металлическая машина почти в четыре фута высотой. Из сияющей огнями поверхности на него смотрело ненавистное лицо Баррента-1.

Теперь враг был в облике Макса; такой же лживый и стилизованный, как фальшивые сны о Земле. Баррент-1 выпустил гибкое суставчатое щупальце, заканчивающееся ножом. Баррент-2 уклонился, и нож царапнул по камню.

"Это не машина, и ты не на Омеге, - говорил себе Баррент-2. - Ты сражаешься с половиной самого себя, это смертельная иллюзия".

Но он не мог поверить. На него снова надвигался Баррент-машина, блестя зелеными капельками вещества, в котором Баррент-2 немедленно узнал контактный яд. Он бросился в сторону, стараясь избежать гибельного прикосновения.

Нейтрализатор омыл металлическую поверхность. Машина разогналась и со страшной силой ударила не успевшего отпрянуть Баррента. Он почувствовал, как затрещали ребра.

"Все это ненастоящее. Ты не на Омеге! Ты на Земле, в своем собственном доме, смотришь в зеркало!"

Но увесистая металлическая палка оказалась вполне ощутимой, когда ударила его в плечо. Баррента охватил ужас - не перед смертью вообще, а перед смертью слишком близкой, - ведь он не успел предупредить омегиан о главной опасности, таившейся глубоко в их сознании. Если бы выжить...

Баррент собрал последние силы. С детства приученный нести ответственность за все общество, он не мог позволить себе умереть, когда его знания необходимы Омеге.

"Это не настоящая машина, - твердил он себе, когда Баррент-1 черной полусферой надвигался с дальнего конца помещения. Он пытался заглянуть за машину, увидеть регулярные уроки в классе, создавшем чудовище...

Это не настоящая машина".

Он поверил.

И ударил кулаком в ненавистное лицо, отразившееся в металле. Испепеляющая боль ослепила его, и он на миг потерял сознание. Когда он пришел в себя, то увидел, что находится у себя дома, на земле. Рука и плечо гудели, несколько ребер, пожалуй, было сломано. Из укуса на левой руке текла кровь.

Но своей порезанной и раненной правой рукой он разбил зеркало. Зеркало и Баррента-1 - окончательно и бесповоротно.

Роберт Шекли

Опытный образец

Перевод Н. Евдокимовой

Посадка едва не закончилась катастрофой. Бентли знал, что тяжелый груз на плечах нарушает координацию движений. Однако он не подозревал, насколько серьезно нарушение, пока не настал критический момент, когда он нажал не на ту кнопку. Звездолет камнем устремился вниз. Когда в последнюю секунду Бентли чудом выровнял его, под ним на равнине уже была выжжена черная проплешина. Звездолет

коснулся почвы, покачнулся и замер, вызвав у Бентли мгновенный приступ тошноты.

Впервые в истории человек приземлился на планете Тельс IV.

Первым делом Бентли принял солидную дозу шотландского виски, отпущенного ему в сугубо медицинских целях.

Покончив с виски, Бентли включил передатчик. Миниатюрный приемник он носил в ухе, которое из-за этого страшно зудело, а микрофон был вмонтирован в горло хирургическим способом. Портативная система гиперпространственной связи настраивалась автоматически, и это было к лучшему, ибо Бентли понятия не имел, как ловить столь узкий радиолуч на столь чудовищном расстоянии от источника.

- Все в порядке, - сообщил он по радио профессору Слиггерту. - Планета земного типа, как и сообщалось в отчете разведчиков. Корабль целехонек. Счастлив доложить, что при посадке я не свихнул себе шею.

- Ну, естественно, - отозвался профессор Слигтерт; голос его, искаженный маломощным приемником, казался высоким и невыразительным.

- А "Протект"? Как вы себя в нем чувствуете? Привыкли? Бентли ответил:

- Нисколько. По-прежнему чувствую себя так, словно мне жернов на шею повесили.

- Ничего, приспособитесь, - заверил профессор Слиггерт. - Ну-с, институт поздравляет вас, а правительство, по-моему, награждает какой-то медалью. Помните, теперь ваша задача - побрататься с аборигенами и по возможности заключить с ними хоть какое-нибудь торговое соглашение. Важно создать прецедент. Эта планета нам необходима, Бентли.

- Знаю.

- Желаю удачи. Докладывайте при каждом удобном случае.

- Ладно, - пообещал Бентли и прекратил передачу.

Он попробовал встать, но из первой попытки ничего не вышло. Бентли ухитрился подняться, лишь ухватившись за ручки, удобно расположенные над пультом управления. Только тут он оценил размеры пошлины, взимаемой невесомостью с человеческих мускулов, и понял, что за время долгого полета от Земли делал зарядку нерегулярно.

Бентли был молод, высок - выше шести футов росту, - беспечен и крепко сбит. На Земле он весил более двухсот фунтов и передвигался с грацией атлета. Однако в полете на него с первых же мгновений навалилось бремя добавочных семидесяти трех фунтов, безвозвратно и намертво закрепленных на его спине. При таких обстоятельствах он двигался как престарелый слон в слишком тесной обуви.

Бентли повел плечами в широких пластиковых лямках, скорчил гримасу и подошел к смотровому окну правого борта. Неподалеку, примерно в полумиле, виднелось селение; на горизонте коричневыми пятнами вырисовывались невысокие домишки. По равнине, направляясь к кораблю, двигались какие-то точки. Очевидно, селяне решили выяснить, что за странный предмет свалился к ним с неба, изрыгая огонь и издавая устрашающий рев.

"Приятное зрелище", - сказал себе Бентли. Не прояви инопланетяне любопытства, было бы трудно наладить с ними контакт. А ведь в Земном институте межзвездных исследований предвидели и такой вариант, хотя решение его не было найдено. Поэтому его вычеркнули из списка возможных ситуаций.

Селяне тем временем приближались. Бентли решил, что пора

и ему приготовиться. Он вынул из футляра лингвасцен и не без усилий привязал ремнями у себя на груди. На одном боку он пристроил флягу с водой, на другом - пакет с пищевыми концентратами. На животе укрепил сумку с набором инструментов. К одной ноге пристегнул ремешком радиопередатчик, к другой - санитарный пакет.

Полностью экипированный Бентли нес на себе в общей сложности сто сорок восемь фунтов, причем каждая унция считалась для межзвездного исследователя необходимой и незаменимой.

То обстоятельство, что он не шагал, а скорее брел, пошатываясь, значения не имело.

Тем временем туземцы подошли к кораблю и окружили его, отпуская неодобрительные замечания. У жителей Тельса было две ноги и короткий толстый хвост. Чертами лица они походили на людей, но людей из кошмарного сна. Кожа у всех была ярко-оранжевого цвета.

Бентли заметил, что туземцы вооружены. Перед ним мелькали ножи, пики, каменные молотки и кремневые топоры. При виде этого боевого арсенала по лицу Бентли разлилась улыбка удовлетворения. Вот оно, оправдание неудобствам, вот почему нужны были семьдесят три фунта, которые с момента запуска оттягивали ему спину.

Чем именно вооружены аборигены, неважно, пусть хоть ядерным оружием. Причинить ему вред они не могут.

Так утверждает профессор Слиггерт - глава института, изобретатель "Протекта".

Бентли открыл смотровое окно. Тельсиане испустили крик изумления. После минутного колебания лингвасцен перевел эти крики так: "Ох! Ах! Как странно! Невероятно! Нелепо! Чудовищно! Непристойно! ".

Осторожно неся 148 фунтов поклажи, Бентли спустился по трапу с внешней стороны борта. Туземцы выстроились вокруг дугой, держа оружие наготове.

Он приблизился к туземцам. Те отпрянули. Приятно улыбаясь, Бентли сказал : "Я пришел к вам как друг". Лингвасцен воспроизвел резкие, гортанные гласные тельсианского языка, похожие на лай.

Казалось, Бентли не очень-то поверили. Копья остались на весу, а один из тельсиан, возвышающийся над всеми остальными и увенчанный красочным головным убором, взял топор наизготовку.

Бентли ощутил, как тело его пронизала легчайшая дрожь. Он, конечно, неуязвим. Пока на нем "Протект", с ним ничего не случится. Решительно ничего! Профессор Слиггерт в этом убежден.

Перед запуском профессор Слиггерт собственноручно застегнул "Протект" на спине Бентли, поправил лямки и отступил, любуясь своим творением.

- Превосходно, - провозгласил он с тихой гордостью.

Бентли шевельнул плечами, согбенными под ношей.

- Тяжеловато, вы не находите?

- Что поделаешь? - ответил Слиггерт. - Это же прототип, опытный образец. Чтобы уменьшить вес, я испробовал все мыслимые транзисторы, легкие сплавы, печатные схемы, лазерные транзисторы и все такое. К сожалению, первые модели всех изобретений обычно громоздки.

- Во всяком случае, можно было придать ему более обтекаемую форму, - возразил Бентли, заглядывая себе за плечо.

- Обтекаемость приходит гораздо позднее. Сначала

концентрация идеи, затем компактность, далее расширение функций и, наконец, красота. Так всегда было, и так будет. Возьмите пишущую машинку. Сейчас это просто клавиатура, почти плоская, как портфель. Однако бабушка нынешней пишущей машинки работала с ножными педалями, а поднять ее было не под силу и двоим. Возьмите прибор для глухих - ведь раз от раза он сбрасывал целые фунты! Возьмите лингвасцен, который вначале представлял собой сложнейшее электронное устройство весом в несколько тонн.

- О'кей, - перебил Бентли. - Если лучше не умеете, сойдет и так. А как его снимают?

Профессор Слиггерт улыбнулся.

Бентли закинул руки за спину. Пряжка что-то не отыскивалась. Он бестолково подергал наплечные лямки, но те никак не отстегивались. Выползти из "Протекта" тоже не удавалось. Бентли оказался все равно что в новой, дьявольски тугой смирительной рубашке.

- Ну же, профессор, как от него избавиться?

- Этого я вам не скажу.

- То есть как?

- "Протект" неудобен, не правда ли? - лукаво спросил Слиггерт. - Вы бы гораздо охотнее летели без него?

- Вы правы, черт побери.

- Ну ясно. Знаете, в войну солдаты нередко бросали на поле боя ценное снаряжение, оттого что оно было громоздким или неудобным. Мы не можем рисковать вами. Вы отправляетесь на чужую планету, мистер Бентли. Вы подвергнетесь совершенно неведомым опасностям. Необходимо, чтобы вы были защищены все время.

- Я знаю, - ответил Бентли, но у меня хватит здравого смысла самому решить, когда надевать эту штуку.

- Хватит ли? Мы выбрали вас, потому что вы находчивый, жизнеспособный, сильный, и, разумеется, в какой-то степени сообразительный человек. Однако...

- Благодарю!

- Однако все эти качества отнюдь не предрасполагают вас к осторожности. Что, если туземцы покажутся вам дружелюбными и вы решите снять тяжелый, неудобный "Протект"? А вдруг вы неправильно оцените обстановку? Такое легко может произойти на Земле; подумайте, насколько вероятнее, что это случится на незнакомой планете.

- Я сам могу о себе позаботиться, - упорствовал Бентли.

Слиггерт угрюмо кивнул.

- То же самое утверждал Этвуд, отправляясь на Дюрабеллу II. С тех пор о нем ни слуху, ни духу. Нет никаких известий и от Блейка, и от Смита, и от Коршелла. Можете вы отразить удар ножа в спину? Есть у вас глаза на затылке? Нет, мистер Бентли, у вас их нет; зато у "Протекта" есть!

- Послушайте, - сказал Бентли, - хотите верьте, хотите нет, но я уже взрослый человек, наделенный чувством ответственности. Находясь на поверхности чужой планеты, я буду носить "Протект" непрерывно. А теперь покажите, как он снимается.

- Вы, кажется, чего-то не поняли, Бентли. Если бы речь шла только о вашей жизни, вам бы разрешили идти на тот риск, какой вы сами считаете допустимым. Но мы ведь рискуем и звездолетом, и оборудованием, все это обошлось в несколько миллиардов долларов. Более того, ваш полет задуман как испытание "Протекта" в пространстве. Единственный способ убедиться в результатах - заставить вас носить "Протект", не снимая. А добиться этого можно только одним путем: не

сообщать вам, как он снимается. Мы должны получить результаты. Вы останетесь живы помимо своей воли.
Поразмыслив, Бентли ворчливо согласился:
- Наверное, окажись туземцы достаточно дружелюбными, я бы не устоял перед искушением и снял "Протект".
- Вас избавят от такого искушения. Принцип работы вам понятен?
- Еще бы! - сказал Бентли. - А "Протект" действительно проделывает все, что вы наобещали?
- Лабораторные испытания он прошел идеально.
- Мне очень не хочется, чтобы там закапризничала какая-нибудь мелочишка. Вдруг предохранитель выскочит или проводка оборвется...
- Вот одна из причин его громоздкости, - терпеливо разъяснил Слиггерт.- Тройное дублирование. Механические неисправности полностью исключаются.
- А источник энергии?
- При работе с предельной нагрузкой его хватит на сто лет и более. "Протект" совершенен, Бентли! Я не сомневаюсь, что после этого полевого испытания он превратится в стандартное снаряжение всех межзвездных путешественников, - Тут профессор Слиггерт позволил себе чуть улыбнуться горделивой улыбкой.
- Ладно, - сказал Бентли, расправляя плечи в широких пластиковых лямках. - Уж как-нибудь привыкну к нему.
Однако он так и не привык. Человек не способен привыкнуть к тому, что ему на спину взвалили жернов весом в семьдесят три фунта.
Тельсиане никак не могли постигнуть пришельца. Они спорили между собой несколько минут, и все время Бентли сохранял на лице вымученную улыбку. Наконец один из тельсиан выступил вперед. Он был гораздо выше остальных и носил особый головной убор из стекла, кости и кусочков ярко раскрашенного дерева.
- Братья, - сказал тельсианин, - здесь присутствует нечистая сила, которую я, Ринек, чую.
Вперед выступил другой тельсианин в таком же головном уборе.
- Заклинателю духов не пристало говорить о таких вещах.
- Ты прав, - согласился Ринек. - Не подобает громко говорить о нечистой силе в ее присутствии, ибо от этого она крепнет. Однако же на то и существуют заклинатели, чтобы вовремя заметить злых духов и истребить их. Наш долг - невзирая на опасности, продолжать нелегкий труд.
Тогда из толпы отделились еще несколько человек в особых головных уборах - тоже, очевидно, заклинатели духов. Бентли понял, что это тельсианские жрецы или шаманы. Скорее всего, помимо духовной, в их руках сосредоточена и значительная политическая власть.
- Не думаю, чтобы это была нечистая сила, - заявил молодой и веселый с виду заклинатель, которого звали Гуаскль.
- А кто же еще? С одного взгляда видно.
- Наружность ничего не доказывает; это известно еще с той поры, как добрый дух Агут М'Канди явился в облике...
- Не надо поучений, Гуаскль. Притчи Лалланда известны всем. Следует решить, можем ли мы рисковать.
Гуаскль повернулся к Бентли и серьезно спросил:
- Ты злой дух?
- Нет, - ответил Бентли. Сначала он был озадачен чрезмерным интересом, проявленным тельсианами к его духовной

сущности. Даже не спрашивают, откуда, как и почему он явился. Но, собственно говоря, это не так уж необъяснимо. Если бы в эпоху господства религиозного фанатизма на Землю явился пришелец из другого мира, его, вероятно, прежде всего спросили бы : "Чье ты порождение - господа или дьявола?"

- Он утверждает, что он не злой дух, - сказал Гуаскль.

- Откуда он знает?

- Если не знает он, то кто же знает?

- Однажды великий дух Г-таль даровал некоему мудрецу три кдаля и молвил...

И так далее. Под тяжестью всей амуниции ноги Бентли подгибались. Лингвасцен уже не поспевал за пронзительными выкриками в бурном богословском диспуте. Было ясно, что судьба Бентли зависит от двух-трех спорных положений, ни одно из которых заклинатели не желали обсуждать, так как разговор о злых духах опасен сам по себе.

Дело еще более запуталось из-за того, что концепция о проникающей способности злого духа вызвала раскол. В одном лагере оказались молодые заклинатели духов, в другом - старейшие. Каждая фракция обвиняла другую в отъявленной ереси, но Бентли не мог постичь, кто же во что верует и какое именно толкование ему выгодно.

Над травянистой равниной садилось солнце, а страсти все еще не улеглись. Но вот неожиданно и внезапно заклинатели духов пришли к соглашению, хотя Бентли не понял, почему именно и на какой основе.

Вперед вышел Гуаскль как представитель младших заклинателей.

- Пришелец, - провозгласил он, - мы решили не убивать тебя.

Бентли сдержал улыбку. Как это похоже на примитивный народ - даровать жизнь неуязвимому существу!

- По крайней мере, на первых порах, - торопливо поправился Гуаскль, перехватив хмурый взгляд Ринека и других заклинателей постарше. - Все будет зависеть только от тебя. Сейчас мы пойдем в селение, свершим там обряд очищения и устроим пиршество. Затем мы посвятим тебя в сословие заклинателей. Никакое исчадие зла не может стать заклинателем духов - это строжайше запрещено. Таким образом, мы сразу познаем твою истинную сущность.

- Премного благодарен, - напыщенно ответил Бентли.

- Но если ты злой дух, то мы должны тебя истребить. А что должно, то и возможно!

Присутствующие одобрили эту речь приветственными криками и тотчас же отправились в селение, до которого было не больше мили. Теперь, когда Бентли получил гражданство, пусть даже с испытательным сроком, туземцы проявляли предельное дружелюбие. По пути они добродушно болтали с ним об урожаях, засухах и голодных годах.

Шатаясь под тяжестью снаряжения, Бентли устало плелся вместе с туземцами, но душа его ликовала. Вот уж поистине удача! В качестве посвященного он будет располагать неповторимыми возможностями. Он соберет антропологические сведения, завяжет торговлю, расчистит путь для будущего прогресса Тельса IV.

От него требуется немногое: пройти испытания при посвящении, только и всего. Ну и, конечно, не дать себя убить, вспомнил он усмехаясь.

Потеха, до чего же эти заклинатели духов уверены, что способны умертвить его.

Селение состояло из двух десятков хижин, образующих собою

круг. Хижины были сделаны из глины и покрыты соломенными крышами; при каждой имелся огородик, а при некоторых - загончики для скота, животных вроде коров и свиней. Между хижинами сновали какие-то звери с зеленым мехом; тельсиане обращались с ними ласково, как со щенятами. Поросший травой центр круга служил площадью. Здесь находился общий колодец, здесь же помещались алтари, где поклонялись различным богам и дьяволам. Площадь была освещена гигантским костром, и туземные женщины приготовились к празднеству.

Сгибаясь под тяжестью незаменимого "Протекта", Бентли прибыл на пир в полном изнеможении. Он блаженно опустился на землю вместе с селянами, и праздник начался.

Сначала туземные женщины исполнили для гостя приветственный танец. Это было красивое зрелище: при свете костра поблескивала оранжевая кожа, мягко, в унисон, изгибались хвосты. Потом к Бентли приблизился сельский старейшина Окцип, держа в руках полную до краев чашу.

- Пришелец, - сказал Окцип, - ты явился с дальней Земли, твои обычаи - не наши обычаи. И все же давай побратаемся! Отведай этого питья, дабы скрепить узы братства и во имя всего, что священно.

И с низким поклоном он поднес чашу Бентли. То была ответственная минута, один из тех поворотных моментов, которые способны навеки упрочить дружбу между двумя расами или превратить их в смертельных врагов. Но Бентли не мог им воспользоваться. Как можно тактичнее он отклонил символическое питье.

- Но ведь оно очищено! - воскликнул Окцип.

Бентли объяснил, что табу его племени не разрешает употреблять никаких напитков, кроме своих. Окцип не понимает, что у разных людей разные диетические потребности. Например, указал Бентли, возможно, что на Тельсе IV в состав веществ, необходимых для жизни, входит стрихнин. Он не добавил, что, даже если бы он и захотел испытать судьбу, "Протект" никогда этого не допустит. Тем не менее туземцев встревожил отказ гостя. Заклинатели духов поспешно посовещались. К Бентли подошел Ринек и уселся с ним рядом.

- Скажи, - осведомился Ринек, помолчав, - что ты думаешь о нечистой силе?

- Нечистая сила - это нехорошо, - торжественно ответил Бентли.

- Ага! - Заклинатель духов обдумывал это заявление, нервно постукивая хвостом по траве. Зверек с зеленым мехом (оказалось, что он называется мобака) вздумал поиграть этим хвостом. Ринек отшвырнул зверька прочь и повторил:

- Значит, ты не любишь нечистую силу?

- Нет.

- И не позволишь ей действовать вблизи тебя?

- Ни в коем случае, - ответил Бентли, подавляя зевок. Он начал уставать от хитроумных вопросов заклинателя духов.

- В таком случае ты не откажешься принять заветное священное копье, которое Кран К-Ле вынес из обиталища Малых Богов. На того, кто им замахнется, снисходит благодать.

- С удовольствием приму это копье, - сказал Бентли, веки которого тяжелели. Он надеялся, что это будет последняя церемония за сегодняшний вечер.

Ринек одобрительно проворчал что-то и отошел. Пляски женщин закончились. Заклинатели духов затянули монотонную песнь глубокими, волнующими голосами. Пламя костра взлетело ввысь.

Вперед вышел Гуаскль. Теперь лицо его было разрисовано

тонкими черными и белыми полосками. Он нес древнее копье из черного дерева, с наконечником из обработанного вулканического стекла. По всей длине копье было покрыто причудливой, хотя и примитивной резьбой.

Держа копье на весу, Гуаскль произнес:

- О пришелец с небес, прими от нас священное копье! Кран К-Ле даровал его нашему праотцу Трину, наделил копье магической силой и повелел, чтобы оно явилось сосудом духов добра. Нечистая сила не выносит присутствия этого копья! Возьми же его вместе с нашими благословлениями.

Бентли тяжело поднялся на ноги. Он понимал, какое значение имеет подобный ритуал. Принятие копья раз и навсегда положит конец сомнениям относительно его спиритуального статуса. Он благоговейно склонил голову.

Гуаскль подошел к нему, протянул копье и...

Со щелканьем сработал "Протект". Как и многие великие изобретения, он работал просто. Когда расчетный узел принимал сигнал опасности или намека на опасность, "Протект" создавал вокруг оператора защитное силовое поле. Это поле делало оператора неуязвимым, потому что было совершенно и абсолютно непроницаемо. Однако не обошлось без кое-каких неудобств. Если бы у Бентли было слабое сердце, "Протект" мог бы убить его, потому что его действия, порожденные электронными импульсами, отличались внезапностью, необыкновенной мощностью и сокрушительностью. Одно мгновение Бентли стоял у большого костра, протянув руку к священному копью. В следующее мгновение он погрузился во тьму.

Как обычно, он почувствовал себя так, словно катапультировал в затхлый, темный чулан, резиновые стены которого сжимают его со всех сторон. Он проклял сверхэффективность устройства. Копье не таило угрозы, оно составляло часть важного обряда. Однако "Протект", воспринимающий все буквально, истолковал его как потенциальную опасность.

И вот теперь в темноте Бентли стал ощупью искать кнопку, отключающую поле. Как обычно, под влиянием силового поля нарушилась координация движений - с каждым новым применением "Протекта" неуверенность в движениях возрастала. Он осторожно ощупал свою грудь там, где должна была находиться кнопка, но та соскользнула с места и отыскалась лишь под мышкой справа. Наконец он отключил поле.

Празднество было прервано. Туземцы сбились тесной толпой и стояли, напружинив хвосты, с оружием наперевес, готовые защищаться. Гуаскль, оказавшийся в сфере действия поля, был отброшен на двадцать футов и теперь медленно подымался с земли. Заклинатели уныло затянули очистительную песнь для защиты от злых духов. При всем желании Бентли не мог их осудить.

Когда защитное поле "Протекта" вводится в действие, оно принимает вид непрозрачного черного шара диаметром около трех метров. Если по нему ударить, оно отбросит обидчика с силой, равной силе удара. На поверхности этого шара непрерывно появляются, кружатся, переплетаются и исчезают белые линии. А при вращении раздается резкий пронзительный вопль.

В общем и целом зрелище едва ли было рассчитано на то, чтобы завоевать доверие примитивных и суеверных существ.

- Извините, - произнес Бентли со слабой улыбкой. Навряд ли к этому можно было добавить что-нибудь еще.

Гуаскль подошел, прихрамывая, но остановился в отдалении.

- Ты не можешь принять священное копье, - констатировал он.

- Ну, не совсем так, - возразил Бентли. - Просто... словом, у меня есть охранное устройство, что-то вроде щита, понимаешь? Оно не любит копий. Не мог бы ты предложить мне, например, священную тыкву?

- Не будь смешон, - ответил Гуаскль. - Слыханное ли дело - священная тыква?

- Пожалуй, ты прав. Но, прошу тебя, поверь мне на слово - я не злой дух. Право же, нет. Просто копья для меня табу.

Заклинатели духов затараторили настолько быстро, что лингвасцен не успевал переводить. Он улавливал лишь отдельные слова - "злой дух", "уничтожить", "очищение". Бентли решил, что прогноз, кажется, не слишком благоприятен.

После совещания Гуаскль подошел к нему и сообщил:

- Некоторые полагают, что тебя следует убить немедля, пока ты не навлек на селение великих бедствий. Однако я сказал им, что нельзя винить тебя во всем. Быть может, наутро посвящение окажется возможным.

Бентли поблагодарил. - Туземцы проводили его до хижины, а затем распрощались с необыкновенной поспешностью. В селении воцарилась зловещая тишина; со своего порога Бентли видел, как туземцы собирались кучками и серьезно беседовали, украдкой поглядывая в его сторону.

Скверное начало для сотрудничества двух рас.

Бентли без промедления связался с профессором Слиггертом и рассказал о случившемся.

- Не повезло, - заметил профессор. - Но первобытные люди славятся склонностью к предательству. Вполне возможно, что копье предназначалось не для вручения, а послужило бы орудием убийства. Вы бы приняли копье в самом буквальном смысле слова.

- Я абсолютно уверен, что такого намерения не было, - настаивал Бентли. - В конце концов надо же когда-нибудь верить людям.

- Не тогда, когда вы отвечаете за оборудование стоимостью в миллиарды долларов.

- Но ведь я же ничего не могу предпринять! - закричал Бентли. - Неужто вы не понимаете? Они уже относятся ко мне с подозрением. Я оказался не в состоянии принять священное копье. Это означает, что я скорее всего злой дух. Что же будет, если завтра я не пройду обряда посвящения? Допустим, какому-нибудь болвану вздумается поковырять в зубах ножом и "Протект" меня "спасает"? Пропадет все благоприятное впечатление, созданное мною поначалу.

- Добрую волю можно восстановить, - сентенциозно изрек профессор Слиггерт. - А вот оборудование на миллиарды долларов...

- Может спасти следующая экспедиция. Послушайте, профессор, пойдите мне навстречу. Неужто нет никакой возможности управлять этой штукой вручную?

- Совершенно никакой, - ответил Слиггерт. - Иначе сошло бы на нет само назначение устройства. Можно с тем же успехом и не надевать его, если вы собираетесь полагаться на собственные рефлексы, а не на электронные импульсы.

- Тогда объясните, как оно снимается.

- Остается в силе тот же довод - вы можете оказаться незащищенным.

- Но послушайте, - запротестовал Бентли, - меня же выбрали как опытного исследователя. Мне ведь на месте

виднее. Я ознакомился с местными условиями. Расскажите, как снять "Протект".

- Нет! "Протект" должен пройти весь комплекс полевых испытаний. К тому же мы хотим, чтобы вы вернулись целым и невредимым.

- Это другое дело, - сказал Бентли. - Кстати, эти люди не сомневаются, что могут убить меня.

- Примитивные племена всегда переоценивают могущество своего оружия и своей магии.

- Знаю, знаю. Но вполне ли вы уверены, что они не могут проникнуть сквозь поле? Как насчет яда?

- Ничто не может проникнуть сквозь поле, - терпеливо ответил Слиггерт, - даже солнечные лучи. Даже гамма-лучи. Вы носите на себе неприступную крепость, мистер Бентли. Неужели так трудно питать ко мне хоть каплю доверия?

- В первых моделях многое сплошь и рядом требует доводки, - проворчал Бентли. - Но пусть будет по-вашему. А может, все-таки скажете, как он снимается, просто на всякий случай, если что-нибудь пойдет не так?

- Желательно, чтобы вы перестали спрашивать об этом, мистер Бентли. Вас выбрали для полного проведения полевых испытаний. Именно это вам и предстоит.

Когда Бентли кончил передачу, стояли глубокие сумерки и селяне уже разошлись по своим хижинам. Костры догорали, слышались голоса ночных животных.

В этот миг Бентли почувствовал безысходное одиночество и щемящую тоску по родине.

Он устал чуть ли не до потери сознания, но все же заставил себя поесть каких-то концентратов и выпить немного воды. Затем отстегнул сумку с инструментами, радио и флягу, безнадежно подергал "Протект" и улегся спать.

Едва он задремал, как "Протект" пришел в действие со страшной силой, чуть не вывихнув ему шейный позвонок.

Он принялся устало шарить в поисках кнопки, обнаружил ее примерно над желудком и отключил поле.

Хижина была такой же, как обычно. Он не увидел никакого источника опасности.

Теряет ли "Протект" чувство реальности, удивился он, или же какой-нибудь тельсианин пытался пронзить его копьем через окошко?

Тут Бентли заметил, что крохотный детеныш мобаки улепетывает со всех ног, вздымая клубы пыли.

Звереныш, наверное, хотел согреться, подумал Бентли. Но, разумеется, это чужеродное тело. Недремлющий "Протект" не мог проглядеть такую опасность.

Бентли заснул опять, и ему сразу же приснилось, будто он заперт в тюремной камере из ярко-красной губчатой резины. Он пытался отодвинуть стены все дальше, но те не сдавались, а когда он, обессиленный, наконец оставлял попытки, - стены мягко возвращали его в центр камеры. Это повторялось снова и снова, пока наконец он не почувствовал толчок в спину и не проснулся в черном защитном поле.

На этот раз найти кнопку было по-настоящему трудно. Он отчаянно искал ее на ощупь, пока не начал задыхаться от спертого воздуха. Его охватил ужас. Наконец он обнаружил кнопку у подбородка, отключил поле и, нетвердо держась на ногах, занялся поисками источника очередного нападения.

Поиски увенчались успехом. От крыши оторвалась соломинка, которая попыталась упасть на него. Ясное дело, "Протект" этого не стерпел.

- А ну тебя! - простонал Бентли вслух. - Хоть разок

прояви благоразумие!
Однако он настолько устал, что ему, в сущности, все было безразлично. К счастью, в эту ночь атаки больше не повторялись.
Утром в хижину Бентли зашел Гваскль. Вид у него был крайне торжественный и в то же время смущенный.
- Ночью в твоей хижине раздавался великий шум, - сказал заклинатель духов. - Отчаянные вопли, словно ты сражался с дьяволом.
- Просто я всегда сплю беспокойно, - объяснил Бентли. - Вблизи меня не осталось нечистой силы. Ни капельки.
Сомнения Гваскля не рассеялись.
- Но вправе ли ты утверждать это с уверенностью? Быть может, тебе лучше уйти от нас с миром. Если тебя невозможно посвятить, то придется тебя уничтожить...
- Об этом не беспокойся, - заявил Бентли. - Давай начнем.
- Очень хорошо, - сказал Гваскль, и они вместе вышли из хижины.
Посвящение должно было состояться перед большим костром на деревенской площади. Еще ночью во все стороны были разосланы гонцы, так что на площади собрались заклинатели духов из множества селений. Некоторые прошли двадцать миль, чтобы принять участие в обрядах и воочию увидеть чужеземца. Торжественно гремел ритуальный барабан, извлеченный из тайного хранилища. Селяне глядели, болтали между собой, смеялись. Однако Бентли уловил глухую нервозность и напряженность толпы.
Танец сменялся танцем. Когда началась последняя фигура, Бентли нервно дернулся, потому что ведущий стал размахивать дубиной над головой. В вихре пляски танцор надвигался на него - все ближе и ближе... Вот он уже в нескольких футах, а усыпанная стекляшками дубина кажется ослепительной вспышкой.
Селяне смотрели не отрываясь, как зачарованные. Бентли закрыл глаза, ожидая мгновенного погружения во тьму силового поля.
Однако танцор наконец отступил, и пляска кончилась под одобрительный рев селян.
Слово взял Гваскль. С трепетом облегчения Бентли понял, что обряд посвящения закончился.
- О братья, - сказал Гваскль, - чужеземец преодолел великую пустоту, чтобы стать нашим братом. Многое в нем странно, и его окружает нечто, похожее на зло. И все же добрая воля его очевидна. Никто не сомневается, что по сути своей он честен и благороден. Сим посвящением мы очищаем его от злого духа и принимаем в свою среду.
Среди гробовой тишины Гваскль подошел к Бентли.
- Отныне, - сказал Гваскль, - ты заклинатель духов и воистину один из нас. - Он протянул руку.
Бентли почувствовал, что сердце его бешено заколотилось. Он победил! Его приняли! Он крепко стиснул протянутую руку Гваскля.
Во всяком случае, хотел стиснуть. Это не вполне удалось, так как неизменно бдительный "Протект" спас его от соприкосновения, возможно таящего угрозу.
- Проклятый идиот! - взревел Бентли, быстро найдя кнопку и отключив поле.
Он сразу же понял, что быть беде.
- Нечистая сила! - пронзительно закричали тельсиане, неистово замахав оружием.

- Нечистая сила! - возопили заклинатели духов.
Бентли в отчаянии обернулся к Гуасклю.
- Да, - печально промолвил молодой заклинатель, - все верно. Мы лелеяли надежду, что древний обряд изгонит злого духа. Но это невозможно. Злого духа надлежит уничтожить! Убьем дьявола!
На Бентли обрушился град копий. "Протект" мгновенно отреагировал. Вскоре стало ясно, что дело зашло в тупик. По нескольку минут Бентли оставался в защитном поле, затем отключал его. Тельсиане, видя, что он невредим, возобновляли "огонь", и защита мгновенно срабатывала снова.
Бентли хотел отойти к звездолету. Однако "Протект" то и дело включался. При такой скорости передвижения понадобился бы месяц, а то и два, чтобы пройти милю, так что не стоило и пытаться. Он просто переждет. Через некоторое время нападающие поймут, что не в силах причинить ему вред, и две расы наконец найдут общий язык.
Он старался расслабить мускулы внутри поля, но эта затея оказалась немыслимой. Он был голоден и очень хотел пить. И воздух внутри защитного поля постепенно становился все более спертым.
Тут Бентли с содроганием вспомнил, что ночью воздух не проникал сквозь окружающее его поле. Естественно, ведь оно непроницаемо. Если не принять мер, недолго и задохнуться.
Бентли знал, что самая неприступная крепость может пасть, если ее защитники голодают или задыхаются.
Он лихорадочно принялся размышлять. Долго ли тельсиане будут вести наступление? Ведь рано или поздно они устанут.
А если нет?
Он терпел, сколько мог, пока воздух не стал совершенно непригоден для дыхания, а затем отключил поле. Тельсиане расселись на земле вокруг чужака. Горели костры, на которых готовили пищу. Ринек лениво метнул в него копье, и поле в который раз включилось.
- Ага, - подумал Бентли, - сообразили. Собираются уморить меня голодом.
Он попытался сосредоточиться в темноте, но стены чулана словно сдавливали его. У него началась клаустрофобия: ведь воздух, которым он дышал, опять становился спертым.
Немного подумав, он отключил поле. Тельсиане глядели на него холодно. Один из них взялся за копье.
- Погодите! - закричал Бентли. Одновременно он включил рацию.
- Чего тебе надобно? - спросил Ринек.
- Выслушайте меня! Это же несправедливо - заманить меня в "Протект", как в капкан!
- А? Что происходит? - раздался голос профессора Слиггерта у него в ухе.
- Вы, тельсиане, знаете, - хрипло продолжал Бентли, - вы знаете, что меня можно уничтожить, непрерывно приводя "Протект" в действие. Я не могу его отключить! Я не могу из него выбраться!
- А-а! - сказал профессор Слиггерт. - Я понимаю, в чем затруднение. Да-да.
- Нам очень неприятно, - извинился Гуаскль, - но злого духа надлежит уничтожить.
- Конечно, - безнадежно сказал Бентли, - но не меня же.
Помогите мне, профессор!
- Это действительно упущение, - бормотал профессор Слиггерт в задумчивости, - и очень серьезное. Как ни странно, подобные случаи нельзя предусмотреть, сидя в

лаборатории. Они обнаруживаются лишь при проведении всей программы полевых испытаний.

- Великолепно! Но я-то уже здесь! Как мне снять эту штуку?

- Простите меня, - сказал Слиггерт. - Поверьте, я никак не ожидал, что может возникнуть такая необходимость. По правде говоря, я сконструировал эти доспехи так, чтобы вы ни при каких обстоятельствах из них не выбрались.

- Ах вы, паршивый...

- Прошу вас! - строго сказал Слиггерт. - Не будем терять голову. Если вы продержитесь несколько месяцев, нам, возможно, удастся...

- Не продержусь! Воздуха! Воды!

- Огня! - вскричал Ринек с искаженным лицом. - Скуем дьявола огнем!

И "Протект" со щелканьем включился.

В кромешной тьме Бентли старался обдумать все как можно тщательнее. Из "Протекта" придется вылезать самому. Но как? В сумке с инструментами есть нож. Можно ли разрезать крепкие пластиковые лямки? Это необходимо!

Но что потом? Даже если он выйдет из своей крепости, все равно до корабля остается миля. Его, лишенного защиты, убьет первое же копье. Ведь туземцы торжественно поклялись убить его, ибо он был непреложно объявлен злым духом.

Надо бежать, это единственный шанс на спасение. К тому же лучше погибнуть от копья, чем медленно задыхаться в непроглядной тьме.

Бентли отключил поле. Тельсиане окружали его кострами, отрезая путь стеной пламени.

Он неистово рубанул по пластиковой паутине. Нож скользнул по лямке, а Бентли очутился в силовом поле.

Когда он снова вышел, огненный круг был уже замкнут. Тельсиане осторожно пододвигали костры поближе к врагу, уменьшая радиус этого крута.

У Бентли душа ушла в пятки. Как только костры достаточно приблизятся, "Протект" включится и останется включенным. Ему же не удастся отключить поле нажатием кнопки - предпочтение будет отдано сигналу непрерывной опасности. Пока туземцы поддерживают огонь, Бентли будет заперт в силовом поле, как в мышеловке.

А если учесть, как относятся примитивные народы к дьяволам, вполне возможно, что они не поленятся жечь костры на протяжении ста, а то и двухсот лет. Бентли бросил нож, хватанул пластиковую лямку кусачками и разрезал ее - наполовину.

Затем снова погрузился в защитное поле.

У Бентли кружилась голова, он терял сознание от усталости и судорожно хватал ртом зловонный воздух. Сделав неимоверное усилие, он взял себя в руки. Сейчас не время сдаваться. - Иначе конец.

Он отыскал кнопку, нажал ее. Теперь костры были уже совсем близко. В лицо полыхнуло жаром. Он злобно щелкнул кусачками по лямке и почувствовал, что она отлетела.

Он выскочил из "Протекта" в тот миг, когда поле опять включилось. Его швырнуло прямо в костер. Однако он выпрыгнул из пламени, не обгорев.

Селяне взревели. Бентли помчался прочь, бросая на бегу лингвасцен, сумку с инструментами, рацию, пищевые концентраты и флягу. Разок он оглянулся и увидел, что тельсиане бегут за ним по пятам.

Но Бентли твердо держал свой курс. Изнемогающее сердце,

казалось, вот-вот разобьет грудную клетку, а легкие сплющатся в комок и больше не вдохнут воздух. Но корабль был уже совсем близко, дружелюбной громадой возвышался на плоской равнине.

Он непременно успеет. Еще каких-нибудь двадцать метров...

Впереди мелькнуло что-то зеленое. То был маленький детеныш мобаки в шубке зеленого меха. Неуклюжий зверек пытался убраться с пути беглеца.

Бентли свернул в сторону, чтобы не раздавить его, и с запоздалым сожалением понял, что никогда не следует нарушать ритм бега. Под ноги ему подвернулся какой-то камень, и он упал.

Позади слышался топот приближающихся тельсиан, и Бентли с трудом приподнялся на одно колено.

Тут кто-то запустил в него дубинкой и угодил прямехонько в лоб.

- Ар гуай дрил? - издалека спрашивал чей-то голос на непонятном языке. Бентли приоткрыл глаз и увидел, что над ним склонился Гуаскль. Он был опять в селении, в хижине. На пороге, наблюдая за ним, стояли несколько вооруженных заклинателей духов.

- Ар дрил? - повторил свой вопрос Гуаскль.

Бентли повернулся набок и увидел рядом с собой аккуратно разложенные инструменты, флягу, концентраты, рацию и лингвасцен. Он жадно приник к фляге, потом включил лингвасцен.

- Я спросил, хорошо ли ты себя чувствуешь, - сказал Гуаскль.

- Конечно, превосходно, - буркнул Бентли, ощупывая голову. - Давай закругляться.

- Закругляться?

- Ты ведь хотел меня убить, не правда ли? Так не будем превращать это дело в балаган.

- Но мы вовсе не собирались уничтожить тебя, - сказал Гуаскль. - Мы с самого начала знали, что ты хороший и добрый человек. Нам нужен был дьявол.

- Как? - переспросил Бентли. Он ничего не понимал.

- Пойдем, увидишь.

Заклинатели духов помогли Бентли встать и вывели его на улицу. Там, окруженный морем огня, мерцал большой черный шар "Протекта".

- Ты этого, понятно, не знал, - сказал Гуаскль, - но на твоей спине сидел дьявол.

- Ух ты! - выдохнул Бентли.

- Да, это так. Мы старались выдворить его путем очищения, но он был слишком силен. Нам пришлось вынудить тебя, брат, стать лицом к лицу с этой нечистой силой и отбросить ее. Мы знали, что ты выдержишь это испытание. И ты его выдержал!

- Понятно, - сказал Бентли. - Дьявол на спине. Да, наверное.

Таким и должен был им показаться "Протект". Тяжелый, бесформенный груз на плечах, изрыгающий черный шар всякий раз, как его пытаются очистить от скверны. Что же оставалось делать религиозным людям, как не постараться вырвать его из когтей дьявола?

Бентли заметил, что несколько женщин из селения принесли корзинки с едой и бросили их в огонь перед шаром. Он вопросительно посмотрел на Гуаскля.

- Мы хотим его умилостивить, - разъяснил Гуаскль, - ибо

это необычайно могущественный дьявол, несомненно умеющий творить чудеса. Наше селение гордится тем, что такой дьявол попал к нам в рабство.

Вперед выступил заклинатель духов из соседнего селения.

- Есть ли у тебя на родине еще дьяволы? Не мог бы ты привезти такого и нам, чтобы мы ему поклонялись?

За ним нетерпеливо вышли вперед другие заклинатели. Бентли кивнул головой.

- Пожалуй, это можно устроить, - сказал он.

Он понял, что тут-то и завязалась торговля Земли с Тельсом. И еще понял, что наконец-то найдено подходящее применение для Универсальной Защиты профессора Слиггерта.

Роберт Шекли

Ордер на убийство

Перевод П. Озерской

Том Рыбак никак не предполагал, что его ждет карьера преступника. Было утро. Большое красное солнце только что поднялось над горизонтом вместе с плетущимся за ним маленьким желтым спутником, который едва поспевал за солнцем. Крохотная, аккуратная деревушка - диковинная белая точка на зеленом пространстве планеты - поблескивала в летних лучах своих двух солнц.

Том только что проснулся у себя в домике. Он был высокий молодой мужчина с дубленой на солнце кожей; от отца он унаследовал продолговатый разрез глаз, а от матери - простодушное нежелание обременять себя работой. Том не спешил: до осенних дождей не рыбачат, а значит, и настоящей работы для рыбака нет. До осени он намерен был немного поваландаться и починить рыболовную снасть.

- Да говорят же тебе: крыша должна быть красная! - донесся до него с улицы голос Билли Маляра.

- У церквей никогда не бывает красных крыш! - кричал в ответ Эд Ткач.

Том нахмурился. Он совсем было позабыл о переменах, которые произошли в деревне за последние две недели, поскольку лично его они никак не касались. Он надел штаны и неторопливо зашагал на деревенскую площадь.

Там ему сразу бросился в глаза большой новый плакат, гласивший:

ЧУЖДЫМ ЭЛЕМЕНТАМ ДОСТУП В ПРЕДЕЛЫ ГОРОДА ЗАПРЕЩЕН!

Никаких чуждых элементов на всем пространстве планеты Новый Дилавер не существовало. На ней росли леса и стояла только эта одна-единственная деревушка. Плакат имел чисто риторическое значение, выражая определенную политическую тенденцию.

На площади помещались церковь, тюрьма и почта. Все три здания в результате бешеной деятельности были воздвигнуты за

последние две сумасшедшие недели и поставлены аккуратно в ряд, фасадами на площадь. Никто не знал, что с ними делать: деревня уже свыше двух столетий недурно обходилась и без них. Но теперь, само собой разумеется, их необходимо было построить.

Эд Ткач стоял перед только что воздвигнутой церковью и, прищурившись, глядел вверх. Билли Маляр с опасностью для жизни балансировал на крутом скате церковной крыши. Его рыжеватые усы возмущенно топорщились. Внизу собралась небольшая толпа.

- Да пошел ты к черту! - сердился Билли Маляр. - Говорят тебе, я как раз на прошлой неделе все это прочел. Белая крыша - пожалуйста. Красная крыша - ни в коем случае.

- Нет, ты что-то путаешь, - сказал Ткач. - Как ты считаешь, Том?

Том пожал плечами; у него не было своего мнения на этот счет. И тут откуда ни возьмись, весь в поту, появился мэр. Полы незаправленной рубахи свободно колыхались вокруг его большого живота.

- Слезай! - крикнул он Билли. - Я все нашел в книжке. Там сказано: маленькое красное школьное здание, а не церковное здание.

У Билли был очень рассерженный вид. Он вообще был человек раздражительный. Все Маляры народ раздражительный. Но с тех пор, как мэр на прошлой неделе назначил Билли Маляра начальником полиции, у Билли окончательно испортился характер.

- Но у нас же ничего такого нет. Нет этого самого - маленького школьного здания, - продолжал упорствовать Билли, уже наполовину спустившись с лестницы.

- А вот мы его сейчас и построим, - сказал мэр. - И придется поторопиться.

Он глянул на небо. Невольно все тоже поглядели вверх. Но там пока еще ничего не было видно.

- А где же эти ребята, где Плотники? - спросил мэр. - Сид, Сэм, Марв - куда вы подевались?

Из толпы высунулась голова Сида Плотника. Он все еще ходил на костылях, с тех пор как в прошлом месяце свалился с дерева, когда доставал яйца из птичьих гнезд. Все Плотники были не мастера лазать по деревьям.

- Остальные ребята сидят у Эда Пиво, - сказал Сад.

- Конечно, где же им еще быть! - прозвучал в толпе возглас Мэри Паромщицы.

- Ладно, позови их, - сказал мэр. - Нужно построить маленькое школьное здание, да побыстрей. Скажи им, чтобы строили рядом с тюрьмой. - Он повернулся к Билли Маляру, который уже спустился на землю. - А ты, Билли, покрасишь школьное здание хорошей, яркой красной краской. И снаружи, и изнутри. Это очень важно.

- А когда я получу свою полицейскую бляху? - спросил Билли. - Я читал, что все начальники полиции носят бляхи.

- Сделай ее себе сам, - сказал мэр. Он вытер лицо подолом рубахи. - Ну и жарища! Что бы этому инспектору прибыть зимой... Том! Том Рыбак! У меня есть очень важное поручение для тебя. Пойдем, я тебе сейчас все растолкую.

Мэр обнял Тома за плечи, они пересекли пустынную рыночную площадь и по единственной мощеной улице направились к дому мэра. В былые времена дорожным покрытием служила здесь хорошо слежавшаяся грязь. Но былые времена кончились две недели назад, и теперь улица была вымощена битым камнем. Ходить по ней босиком стало так неудобно, что жители деревни

предпочитали лазать друг к другу через забор. Мэр, однако, ходил по улице - для него это было делом чести.

- Послушайте, мэр, я сейчас отдыхаю...

- Какой теперь может быть отдых? - сказал мэр. - Он ведь может появиться в любой день."

Мэр пропустил Тома вперед, они вошли в дом, и мэр плюхнулся в большое кресло, придвинутое почти вплотную к межпланетному радио.

- Том, - без проволочки приступил к делу мэр, - как ты насчет того, чтобы стать преступником?

- Не знаю, - сказал Том. - А что такое преступник?

Беспокойно поерзав в кресле и положив руку - для пущего авторитета - на радиоприемник, мэр сказал:

- Это, понимаешь ли, вот что... - и принялся разъяснять.

Том слушал, слушал, и чем дальше, тем меньше ему это нравилось. А во всем виновато межпланетное радио, решил он. Жаль, что оно и в самом деле не сломалось.

Никто не верил, что оно когда-нибудь может заговорить. Один мэр сменял другого, одно поколение сменялось другим, а межпланетное радио стояло и покрывалось пылью в конторе - последнее безмолвное звено, связующее их планету с Матерью-Землей. Двести лет назад Земля разговаривала с Новым Дилавером, и с Фордом IV, и с Альфой Центавра, и с Новой Испанией, и с прочими колониями, входившими в Содружество демократий Земли. А потом все сообщения прекратились.

Земля была занята своими делами. Дилаверцы ждали известий, но никаких известий не поступало. А потом в деревне начался мор и унес в могилу три четверти населения. Мало-помалу деревня оправилась. Жители приспособились, зажили своим особым укладом, который постепенно стал для них привычным. Они позабыли про Землю.

Прошло двести лет.

И вот две недели назад древнее радио закашляло и возродилось к жизни. Час за часом оно урчало и плевалось атмосферными помехами, а вся деревня столпилась на улице возле дома мэра.

Наконец стали различимы слова:

- ...ты слышишь меня? Новый Дилавер! Ты меня слышишь?

- Да, да, мы тебя слышим, - сказал мэр.

- Колония все еще существует?

- А то как же! - горделиво отвечал мэр.

Голос стал строг и официален:

- В течение некоторого времени мы не поддерживали контакта с нашими внеземными колониями. Но мы решили навести порядок. Вы, Новый Дилавер, по-прежнему являетесь колонией Земли и, следовательно, должны подчиняться ее законам. Вы подтверждаете этот статус?

- Мы по-прежнему верны Земле, - с достоинством отвечал мэр.

- Отлично. С ближайшей планеты к вам будет направлен инспектор-резидент, чтобы проверить, действительно ли вы придерживаетесь установленных обычаев и традиций.

- Как вы сказали? - обеспокоено спросил мэр.

Строгий голос взял октавой выше:

- Вы, разумеется, отдаете себе отчет в том, что мы не потерпим проникновения к нам каких бы то ни было чуждых элементов. Надеюсь, вы меня понимаете, генерал?

- Я не генерал. Я мэр.

- Вы возглавляете, не так ли?

- Да, но...

- В таком случае вы - генерал. Разрешите мне продолжать.

В нашей Галактике не может быть места какой бы то ни было человеческой культуре, хоть чем-либо отличающейся от нашей и, следовательно, нам чуждой. Можно управлять, если каждый будет делать, что ему заблагорассудится? Порядок должен быть установлен любой ценой.

Мэр судорожно глотнул воздух и впился глазами в радио.

- Помните, что вы управляете колонией Земли, генерал, и не должны допускать никаких отклонений от нормы, никакого радикализма. Наведите у себя в колонии порядок, генерал. Инспектор прибудет к вам в течение ближайших двух недель. Это все.

В деревне была срочно созвана сходка: требовалось немедленно решить, как наилучшим образом выполнить наказ Земли. Сошлись на том, что нужно со всей возможной быстротой перестроить привычный уклад жизни на земной манер в соответствии с древними книгами.

- Что-то я никак в толк не возьму, зачем вам преступник, - сказал Том.

- На Земле преступник играет чрезвычайно важную роль в жизни общества, - объяснил мэр. - На этом все книги сходятся. Преступник не менее важен, чем, к примеру, почтальон. Или, скажем, начальник полиции. Только разница в том, что действия преступника должны быть антисоциальны. Он должен действовать во вред обществу, понимаешь, Том? А если у нас никто не будет действовать во вред обществу, как мы можем заставить кого-нибудь действовать на его пользу? Тогда все это будет ни к чему.

Том покачал головой.

- Все равно не понимаю, зачем это нужно.

- Не упрямься, Том. Мы должны все устроить на земной манер. Взять хотя бы эти мощеные дороги. Во всех книгах про них написано. И про церкви, и про тюрьмы. И во всех книгах написано про преступников.

- А я не стану этого делать, - сказал Том.

- Встань же ты на мое место! - взмолился мэр. - Появляется инспектор и встречает Билли Маляра, нашего начальника полиции. Инспектор хочет видеть тюрьму. Он спрашивает: "Ни одного заключенного?" А я отвечаю: "Конечно, ни одного. У нас здесь преступлений не бывает". "Не бывает преступлений? - говорит он. - Но во всех колониях Земли всегда совершаются преступления. Вам же это хорошо известно". "Нам это не известно, - отвечаю я. - Мы даже понятия не имели о том, что значит это слово, пока на прошлой неделе не поглядели в словарь". "Так зачем же вы построили тюрьму? - спросит он меня. - Для чего у вас существует начальник полиции?"

Мэр умолк и перевел дыхание.

- Ну, ты видишь? Все пойдет прахом. Инспектор сразу поймет, что мы уже не настоящие земляне. Что все это для отвода глаз. Что мы чуждый элемент!

- Хм, - хмыкнул Том, невольно подавленный этими доводами.

- А так, - быстро продолжал мэр, - я могу сказать: разумеется, у нас есть преступления - совсем как на Земле. У нас есть вор и убийца в одном лице - комбинированный вор-убийца. У бедного малого были дурные наклонности, и он получился какой-то неуравновешенный. Однако наш начальник полиции уже собрал улики, и в течение ближайших суток преступник будет арестован. Мы запрячем его за решетку, а потом амнистируем.

- Что это значит - амнистируем? - спросил Том.

- Не знаю точно. Выясню. Ну, теперь ты видишь, какая

это важная птица - преступник?
- Да, похоже, что так. Но почему именно - я?
- Все остальные мне нужны для других целей. И кроме того, у тебя узкий разрез глаз. У всех преступников узкий разрез глаз.
- Не такой уж у меня и узкий. Не уже, чем у Эда Ткача.
- Том, прошу тебя, - сказал мэр. - Каждый из нас делает что может. Ты же хочешь нам помочь?
- Хочу, конечно, - неуверенно сказал Том.
- Вот и прекрасно. Ты будешь наш городской преступник. Вот, смотри, все будет оформлено по закону.
Мэр протянул Тому документ. В документе было сказано: "Ордер на убийство. К всеобщему сведению. Предъявитель сего, Том Рыбак, официально уполномочивается осуществлять воровство и убийство. В соответствии с этим ему надлежит укрываться от закона в темных закоулках, околачиваться в местах, пользующихся дурной славой, и нарушать закон".
Том перечел этот документ дважды. Потом сказал:
- Какой закон?
- Это я тебе сообщу, как только его издам, - сказал мэр. - Все колонии Земли имеют законы.
- Но что я все-таки должен делать?
- Ты должен воровать. И убивать. Это не так уж трудно. - Мэр подошел к книжному шкафу и достал с полки старинный многотомный труд, озаглавленный "Преступник и его среда. Психология убийцы. Исследование мотивов воровства".
- Здесь ты найдешь все, что тебе необходимо знать. Воруй на здоровье, сколько влезет. Ну, а насчет убийств - один раз, пожалуй, будет достаточно. Тут перестараться тоже не след.
Том кивнул.
- Правильно. Может, я и разберусь, что к чему.
Он взял книги в охапку и пошел домой.
День был нестерпимо жаркий, и весь этот разговор о преступлениях очень утомил и расстроил Тома. Он улегся на кровать и принялся изучать древние книги.
В дверь постучали.
- Войдите! - крикнул Том, протирая глаза.
Марв Плотник, самый старший и самый длинный из всех длинных, рыжеволосых братьев Плотников, появился в дверях в сопровождении старика Джеда Фермера. Они несли небольшую торбу.
- Ты теперь городской преступник, Том? - спросил Марв.
- Похоже, что так.
- Тогда это для тебя. - Они положили торбу на пол и вынули оттуда маленький топорик, два ножа, гарпун, палку и дубинку.
- Что это вы принесли? - спросил Том, спуская ноги с кровати.
- Оружие принесли, а по-твоему, что, - раздраженно сказал Джед Фермер. - Какой же ты преступник, если у тебя нет оружия?
Том почесал в затылке.
- Это ты точно знаешь?
- Тебе бы самому пора разобраться в этом деле, - все так же ворчливо сказал Фермер. - Не жди, что мы все будем делать за тебя.
Марв Плотник подмигнул Тому.
- Джед злится, потому что мэр назначил его почтальоном.
- Я свой долг исполняю, - сказал Джед. - Противно только писать самому все эти письма.

- Ну, уж не так это, думается мне, трудно, - ухмыльнулся Марв Плотник. - А как же почтальоны на Земле справляются? Им куда больше писем написать надо, сколько там людей-то! Ну, желаю удачи. Том.

Они ушли.

Том склонился над оружием, чтобы получше его рассмотреть. Он знал, что это за оружие: в древних книгах про него много было написано. Но в Новом Дилавере еще никто никогда не пускал в ход оружия. Единственные животные, обитавшие на планете, - маленькие безобидные пушистые зверьки, убежденные вегетарианцы, - питались одной травой. Обращать же оружие против своих земляков - такого, разумеется, никому еще не приходило в голову.

Том взял один из ножей. Нож был холодный. Том потрогал кончик ножа. Он был острый.

Том встал и зашагал из угла в угол, поглядывая на оружие. И каждый раз, когда он на него глядел, у него противно холодело в животе.

Впрочем, пока особенно беспокоиться не о чем. Ведь сначала ему надо прочитать все эти книги. А тогда, быть может, он еще докопается, какой во всем этом смысл.

Он читал несколько часов подряд. Книги были написаны очень толково. Разнообразные методы, применяемые преступниками, разбирались весьма подробно. Однако все в целом выглядело совершенно бессмысленно. Для чего нужно совершать преступления? Кому от этого польза? Что это может дать людям?

На такие вопросы книги не давали ответа. Том перелистывал страницы, разглядывал фотографии преступников. У них был очень серьезный, сосредоточенный вид; казалось, они в полной мере сознают свое значение в обществе. Тому очень хотелось бы понять, в чем же это значение. Быть может, тоща все бы прояснилось.

- Том? - раздался за окном голос мэра.

- Я здесь, мэр, - отозвался Том.

Дверь приотворилась, и мэр просунул голову в комнату. Из-за его спины выглядывали Джейн Фермерша, Мэри Паромщица и Элис Повариха.

- Ну, так как же, Том? - спросил мэр.

- Что - как же?

- Когда думаешь начать?

Том смущенно улыбнулся.

- Да вот собираюсь, - сказал он. - Читаю книжки, разобраться хочу...

Три почтенные дамы уставились на него, и Том умолк в замешательстве.

- Ты попусту тратишь время, - сказала Элис Повариха.

- Все работают, никто не сидит дома, - сказала Джейн Фермерша.

- Неужто так трудно что-нибудь украсть? - вызывающе крикнула Мэри Паромщица.

- Это верно, Том, - сказал мэр. - Инспектор может пожаловать к нам в любую минуту, а нам ему и предъявить будет нечего.

- Хорошо, хорошо, - сказал Том.

Он сунул нож и дубинку за пояс, взял торбу, чтобы было куда класть награбленное, и вышел из дому.

Но куда направиться? Было около трех часов пополудни. Рынок - по сути дела, наиболее подходящее место для краж будет пустовать до вечера. К тому же Тому очень не хотелось воровать при свете дня. Это выглядело бы как-то

непрофессионально.
Он достал свой ордер, предписывающий ему совершать преступления, и перечитал его еще раз от начала до конца: "... надлежит укрываться от закона в темных закоулках, околачиваться в местах, пользующихся дурной славой..."
Все ясно! Он будет околачиваться в пользующихся дурной славой местах. Там он может выработать себе какой-нибудь план и настроиться на нужный лад. Вот только выбирать-то, собственно, было не из чего. В деревне имелся ресторан "Крошка", который держали две вдовые сестры, было "Местечко отдыха" Джефа Хмеля и, наконец, была таверна, принадлежавшая Эду Пиво.
Приходилось довольствоваться таверной.
Таверна помещалась в домике, мало чем отличавшемся от всех прочих домов деревни. Там была одна большая комната для гостей, кухня и жилые комнаты хозяев. Жена Эда стряпала и старалась поддерживать в помещении чистоту - насколько ей это позволяли боли в пояснице. Эд за стойкой разливал напитки. Эд был бледный, с сонными глазами и необыкновенной способностью тревожиться по пустякам.
- Здорово, Том, - сказал Эд. - Говорят, тебя назначили преступником.
- Да, назначили, - сказал Том. - Налей-ка мне перри-колы.
Эд Пиво нацелил Тому безалкогольного напитка из корнеплодов и беспокойно потоптался перед столиком, за которым устроился Том.
- Как же это так, почему ты сидишь здесь, вместо того, чтобы красть?
- Я обдумываю, - сказал Том. - В моем ордере сказано, что я должен околачиваться в пользующихся дурной славой местах. Вот я и сижу здесь.
- Ну, хорошо ли это с твоей стороны? - грустно спросил Эд Пиво. - Разве моя таверна пользуется дурной славой, Том?
- Хуже еды, чем у тебя, не сыщешь во всей деревне, - пояснил Том.
- Я знаю. Моя старуха не умеет стряпать. Но у нас здесь все по-доброму, по- семейному. И людям нравится заглядывать к нам.
- Теперь все будет по-другому, Эд. Я объявляю твою таверну моей штаб-квартирой.
Плечи Эда Пиво уныло поникли.
- Вот и старайся доставить людям удовольствие, - пробормотал он. - Они уж тебя так отблагодарят! - Он вернулся за стойку.
Том продолжал размышлять.
Прошел час. Ричи Фермер, младший сынишка Джеда, заглянул в дверь.
- Ты уже стащил что-нибудь, Том?
- Нет пока, - отвечал Том, сгорбившись над столом и все еще стараясь думать.
Знойный день тихо угасал. Вечер начал понемногу заглядывать в маленькие, не слишком чистые окна таверны. На улице застрекотали сверчки, и первый ночной ветерок прошелестел верхушками деревьев в лесу.
Грузный Джордж Паромщик и Макс Ткач зашли пропустить по стаканчику глявы. Они присели к столику Тома.
- Ну, как дела? - осведомился Джордж Паромщик.
- Плоховато, - сказал Том. - Никак что-то не получается у меня с этим воровством.
- Ничего, ты еще освоишься, - как всегда неторопливо,

серьезно и важно заметил Джордж Паромщик. - Уж кто-кто, а ты научишься.
- Мы в тебя верим, Том, - успокоил его Ткач.
Том поблагодарил их. Они выпили и ушли. Том продолжал размышлять, уставившись на пустой стакан. Час спустя Эд Пиво смущенно кашлянул.
- Ты меня прости, Том, но когда же ты начнешь красть?
- Вот сейчас и начну, - сказал Том. Он поднялся, проверил, на месте ли у него оружие, и направился к двери.
На рыночной площади уже шел обычный вечерний меновой торг, и товар грудами лежал на лотках или на соломенных циновках, разостланных на траве. Обмен производился без денег, и обменного тарифа не существовало. За пригоршню самодельных гвоздей можно было получить ведерко молока или двух рыб или наоборот - в зависимости от того, что кому хотелось променять или в чем у кого возникла нужда. Подсчитать, что сколько стоит, - этим никто себя не утруждал. Это был единственный земной обычай, который мэру никак не удавалось ввести в деревне.
Когда Том Рыбак появился на площади, его приветствовали все.
- Воруешь понемногу, а Том?
- Валяй, валяй, приятель!
- У тебя получится!
Ни одному жителю деревни еще не доводилось присутствовать при краже, и им очень хотелось поглядеть, как это делается. Все бросили свои товары и устремились за Томом, жадно следя за каждым его движением.
Том обнаружил, что у него дрожат руки. Ему совсем не нравилось, что столько народу будет смотреть, как он станет красть. Надо поскорее покончить с этим, решил он. Пока у него еще хватает духу.
Он внезапно остановился перед грудой фруктов, наваленной на лотке миссис Мельник.
- Довольно сочные как будто, - небрежно проронил он.
- Свеженькие, прямо из сада, - сказала миссис Мельник. Это была маленькая старушка с блестящими глазками. Тому вдруг припомнилось, как она вела нескончаемые беседы с его матерью в те далекие годы, когда его родители были еще живы.
- Да, очень сочные с виду, - сказал он, жалея, что не остановился у какого- нибудь другого лотка.
- Хорошие, хорошие, - сказала миссис Мельник. - Только сегодня после обеда собирала.
- Он сейчас начнет красть? - отчетливо прозвучал чей-то шепот.
- Ясное дело. Следи за ним! - так же шепотом раздалось в ответ.
Том взял большой зеленый плод и принялся его рассматривать. Толпа затаила дыхание.
- И правда, очень сочный на вид, - сказал Том и осторожно положил плод на место.
Толпа вздохнула.
За соседним лотком стоял Макс Ткач с женой и пятью ребятишками. Сегодня они вынесли на обмен два одеяла и рубашку. Когда Том, за которым двигалась целая толпа, подошел к ним, они застенчиво заулыбались.
- Эта рубашка как раз тебе впору, - поспешил заверить его Ткач. Ему очень хотелось, чтобы народ разошелся и не мешал Тому работать.
- Хм, - промычал Том, беря рубашку.
Толпа выжидающе зашевелилась. Какая-то девчонка нервно

хихикнула. Том крепко вцепился в рубашку и начал развязывать свою торбу.

- Постой-ка! - Билли Маляр протолкался сквозь толпу. На поясе у него уже поблескивала бляха - старая монета с Земли. Выражение его лица безошибочно свидетельствовало о том, что он находится при исполнении служебных обязанностей.

- Что ты делаешь с этой рубашкой. Том? - спросил Билли.

- Я?.. Просто взял поглядеть.

- Просто взял поглядеть, вот как? - Билли отвернулся, заложив руки за спину. Затем стремительно повернулся на каблуках и уставил на Тома негнущийся указательный палец. - А мне думается, что ты не просто взял ее поглядеть, Том. Мне думается, что ты собирался ее украсть!

Том ничего не ответил. Уличающая его торба была беспомощно зажата у него в руке, в другой руке он держал рубашку.

- Мой долг как начальника полиции, - продолжал Билли, - охранять этих людей. Ты, Том, подозрительный субъект. Я считаю необходимым на всякий случай запереть тебя пока что в тюрьму для дальнейшего расследования.

Том понурил голову. Этого он не ожидал. А впрочем, ему было все равно.

Если его упрячут в тюрьму, с этим по крайней мере будет покончено. А когда Билли его выпустит, он сможет вернуться к своей рыбной ловле.

Внезапно сквозь толпу пробился мэр; подол рубахи развевался вокруг его объемистой талии.

- Билли! Ты что это делаешь?

- Исполняю свой долг, мэр. Том тут вел себя как-то подозрительно. А в книгах говорится...

- Я знаю, что говорится в книгах, - сказал мэр. - Я сам дал тебе эту книгу. Ты не можешь арестовать Тома. Пока еще нет.

- Так ведь у нас же в деревне нет другого преступника, - сокрушенно сказал Билли.

- А я чем виноват? - сказал мэр.

Билли упрямо поджал губы.

- В книге говорится, что полиция должна принимать предупредительные меры. Полагается, чтобы я мешал преступлению совершиться.

Мэр устало всплеснул руками.

- Билли, неужели ты не понимаешь? Нашей деревне необходимо иметь хоть какое- нибудь преступление на своем счету. И ты тоже должен нам в этом помочь.

Билли пожал плечами.

- Ладно, мэр. Я просто хотел исполнить свой долг. - Он отвернулся, шагнув в сторону, затем внезапно устремился к Тому. - А ты мне еще попадешься! Запомни: преступление не доводит до добра. - Он зашагал прочь.

- Больно уж ему хочется отличиться, - объяснил мэр. - Не обращай на него внимания. Том. Давай принимайся за дело, укради что-нибудь. Надо с этим кончать.

Том не отвечал и бочком протискивался сквозь толпу, держа курс на зеленый лес за околицей деревни.

- Ты куда, Том? - с тревогой спросил мэр.

- Я сегодня еще не в настроении воровать, - сказал Том. - Может, завтра вечером...

- Нет, Том, сейчас, - настаивал мэр. - Нельзя так без конца тянуть с этим делом. Давай начинай, мы все тебе поможем.

- Конечно, поможем, - сказал Макс Ткач. - Ты укради эту

рубашку. Том. Она же тебе как раз впору.
- А вот хороший кувшин для воды, гляди, Том!
- Смотри, сколько у меня тут орехов!
Том окинул взглядом лотки. Когда он потянулся за рубашкой Ткача, нож вывалился у него из-за пояса и упал на землю. В толпе сочувственно захихикали.
Том, покрываясь испариной и чувствуя, что он выглядит разиней, водворил нож на место. Он протянул руку, схватил рубашку и засунул ее в свою торбу. В толпе раздались одобрительные возгласы.
Том робко улыбнулся, и у него немного отлегло от сердца.
- Кажется, я помаленьку свыкнусь с этим делом.
- Еще как свыкнешься!
- Мы знали, что ты справишься!
- Укради еще что-нибудь, дружище!
Том прошелся по рынку, прихватил кусок веревки, пригоршню орехов и плетеную шляпу из травы.
- По-моему, хватит, - сказал он мэру.
- На сегодня достаточно, - согласился мэр. - Только это, ты ведь сам понимаешь, в счет не идет. Это все равно, как если бы люди сами тебе все отдали. Ты пока что вроде как практиковался.
- О-о! - разочарованно протянул Том.
- Но теперь ты знаешь, как это делается. В следующий раз тебе будет совсем легко.
- Может быть.
- И смотри не забудь про убийство.
- А это в самом деле необходимо? - спросил Том.
- К сожалению, - сказал мэр. - Ну что поделаешь, наша колония существует уже свыше двухсот лет, а у нас еще не было ни одного убийства. Ни единого. А если верить летописям, во всех остальных колониях людей убивали почем зря!
- Ладно, я постараюсь, - согласился Том.
Он направился домой. Толпа проводила его одобрительными возгласами.
Дома Том зажег фитильную лампу и приготовил ужин. Поев, он долго сидел в глубоком кресле. Он был недоволен собой. Нескладно у него получилось с этой кражей. Целый день он только и делал, что тревожился и колебался. Людям пришлось чуть ли не насильно совать ему в руки свои вещи, чтобы он в конце концов отважился их украсть.
Какой же он после этого вор?!
А что он может сказать в свое оправдание? Если он никогда еще этим не занимался и никак не может взять в толк, зачем это нужно, - это еще не причина, чтобы делать порученное тебе дело тяп-ляп.
Том направился к двери. Была дивная, ясная ночь. Около дюжины ближайших звезд- гигантов ослепительно сверкали в небе. Рыночная площадь снова опустела, и в домах затеплились огоньки.
Теперь самое время красть!
При мысли об этом по спине у него пробежала дрожь. Он испытывал горделивое чувство. Вот как зреют преступные замыслы! Так должно совершаться и воровство - украдкой, под покровом глубокой ночи.
Том быстро проверил свое оружие, высыпал награбленное из торбы и вышел во двор.
На улице последние фитильные фонари были уже погашены. Том бесшумно пробирался через деревню. Он подошел к дому Роджера Паромщика. Большой Роджер оставил свою лопату

снаружи, прислонив ее к стене дома. Том взял лопату. Он миновал еще несколько домов. Кувшин для воды, принадлежавший миссис Ткач, стоял на своем обычном месте, перед дверью. Том взял кувшин. На обратном пути ему попалась маленькая деревянная лошадка, забытая кем-то из детей на улице. Лошадка последовала за кувшином и лопатой.

Благополучно доставив награбленное домой, Том был приятно взволнован. Он решил совершить еще один набег.

На этот раз он возвратился с бронзовой дощечкой, снятой с дома мэра, с самой лучшей пилой Марва Плотника и серпом, принадлежавшим Джеду Фермеру.

- Недурно, - сказал себе Том. - Еще один улов, и можно считать, что ночь не пропала даром.

На этот раз под навесом у Рона Каменщика он нашел молоток и стамеску, а возле дома Элис Поварихи подобрал плетеную камышовую корзину. Он уже собирался прихватить еще и грабли Джефа Хмеля, когда услышал какой-то легкий шум. Он прижался к стене.

Билли Маляр тихонько крался по улице; его металлическая бляха поблескивала в свете звезд. В одной руке у него была зажата короткая тяжелая дубинка, а в другой - пара самодельных наручников. В ночном полумраке лицо его выглядело зловеще. На нем была написана решимость любой ценой искоренить преступление, что бы это слово ни означало.

Том затаил дыхание, когда Билли Маляр прокрался в десяти шагах от него. Том тихонечко попятился назад. Награбленная добыча звякнула в торбе.

- Кто здесь? - зарычал Билли. Не получив ответа, он начал медленно оборачиваться, впиваясь взглядом в темноту. Том снова распластался у стены. Он был уверен, что Билли его не заметит. У Билли было слабое зрение, потому что ему приходилось все время смешивать краски и пыль попадала ему в глаза.

- Это ты, Том? - самым дружелюбным тоном спросил Билли.

Том хотел уже было ответить, но тут он заметил, что дубинка Билли занесена у него над головой. Он замер. - Я еще до тебя доберусь! - рявкнул Билли.

- Слушай! Доберись до него утром! - крикнул Джеф Хмель, высовываясь из окна своей спальни. - Тут кое-кому из нас хотелось бы поспать.

Билли двинулся дальше. Когда он скрылся из глаз, Том поспешил домой и выгрузил добычу на пол, рядом с остальными трофеями. Вид награбленного добра пробудил в нем сознание исполненного долга.

Подкрепившись стаканом холодной глявы, Том улегся в постель и мгновенно погрузился в глубокий мирный сон, не отягощенный никакими сновидениями.

На следующие утро Том пошел поглядеть, как продвигается строительство маленького красного школьного здания. Братья Плотники трудились над ним вовсю, кое-кто из крестьян помогал им.

- Как работка? - весело окликнул их Том.

- Отлично, - сказал Марв Плотник. - И спорилась бы еще лучше, будь у меня моя пила.

- Твоя пила? - недоумевающе повторил Том.

И тут же вспомнил - ведь это он украл ее ночью. Он как-то не воспринимал ее тогда как вещь, которая кому-то принадлежит. Пила, как и все остальное, была просто предметом, который надлежало украсть. Том ни разу не подумал о том, что этими предметами пользуются, что они могут быть кому-то нужны.

Марв Плотник спросил:
- Как ты считаешь, могу я взять обратно свою пилу на время? Часика на два?
- Я что-то не знаю, - сказал Том, нахмурившись. - Она ведь юридически украдена, ты сам понимаешь.
- Конечно, я понимаю. Да мне бы только одолжить ее на время...
- Но тебе придется отдать ее обратно.
- А то как же! Ясное дело, я ее верну, - возмущенно сказал Марв. - Стану я держать у себя то, что юридически украдено.
- Она у меня дома, вместе со всем награбленным.
Марв поблагодарил его и побежал за пилой.
Том не спеша пошел прогуляться по деревне. Он подошел к дому мэра. Мэр стоял во дворе и глядел на небо.
- Стащил мою медную дощечку, Том? - спросил он.
- Конечно, стащил, - вызывающе ответил Том.
- О! Я просто поинтересовался. - Мэр показал на небо: - Вон видишь?
Том поглядел на небо.
- Где?
- Видишь черную точку рядом с маленьким солнцем?
- Вижу. Ну и что?
- Головой ручаюсь, что это летит к нам инспектор. Как у тебя дела?
- Хорошо, - несколько неуверенно сказал Том.
- Уже разработал план убийства?
- Тут у меня неувязка получается, - признался Том. - Правду сказать, не двигается у меня это дело.
- Зайдем-ка в дом. Мне надо поговорить с тобой, Том.
В прохладной, затемненной ставнями гостиной мэр налил два стакана глявы и пододвинул Тому стул.
- Наше время истекает, - мрачно сказал мэр. - Инспектор может теперь прибыть в любую минуту. А у меня хлопот полон рот. - Он показал на межпланетное радио. - Оно опять говорило. Что-то насчет того, что колонии должны быть готовы провести мобилизацию - шут его знает, что это еще такое. Как будто у меня без того мало забот.
Он сурово поглядел на Тома.
- А вы точно знаете, что без убийства нам никак нельзя обойтись?
- Ты сам знаешь, что нельзя, - сказал мэр, - убийство - единственное, в чем мы проявляем отсталость.
Вошел Билли Маляр, в новой форменной синей рубахе с блестящими металлическими пуговицами, и плюхнулся на стул.
- Убил уже кого-нибудь. Том?
Мэр сказал:
- Он хочет знать, так ли это необходимо.
- Разумеется, необходимо, - сказал начальник полиции. - Прочти любую книгу.
- Кого ты думаешь убить, Том? - спросил мэр.
Том беспокойно заерзал на стуле. Нервно хрустнул пальцами.
- Ну?
- Ладно, я убью Джефа Хмеля, - выпалил Том.
Билли Маляр быстро нагнулся вперед.
- Почему? - спросил он.
- Почему? А почему бы и нет?
- Какие у тебя мотивы?
- Я так считал, что вам просто нужно, чтобы было убийство, - возразил Том. - Никто ничего не говорил о

мотивах.
   - Липовое убийство нам не годится, - пояснил начальник полиции. - Убийство должно быть совершено по всем правилам. А это значит, что у тебя должен быть основательный мотив.
   Том задумался.
   - Ну, я, например, не очень-то близко знаю Джефа. Достаточный это мотив?
   Мэр покачал головой:
   - Нет, Том, это не годится. Лучше выбери кого-нибудь другого.
   - Давайте подумаем, - сказал Том. - А если Джорджа Паромщика?
   - А какие мотивы? - немедленно спросил Билли.
   - Ну... хм... Мне, признаться, очень не нравится его походка. Давно уже не нравится. И шумный он какой-то бывает... иногда. Мэр одобрительно кивнул.
   - Это, пожалуй, подходит. Что ты скажешь, Билли?
   - Как, по-вашему, могу я раскрыть преступление, совершенное по таким мотивам? - сердито спросил Билли. - Нет, это еще годилось бы, если бы ты убил его в состоянии умоисступления. Но ты должен убить по всем правилам, Том. И должен отвечать характеристике: хладнокровный, безжалостный, коварный убийца. Ты не можешь убить кого-то только потому, что тебе не нравится его походка. Это звучит глупо.
   - Пожалуй, мне надо еще раз хорошенько все обдумать, - сказал Том, вставая.
   - Только думай не слишком долго, - сказал мэр. - Чем скорее с этим будет покончено, тем лучше.
   Том кивнул и направился к двери.
   - Да, Том! - крикнул Билли. - Не забудь оставить улики. Это очень важно.
   - Ладно, - сказал Том и вышел.
   Почти все жители деревни стояли на улице, глядя в небо. Черная точка уже почти совсем закрыла собой маленькое солнце.
   Том направился в пользующийся дурной славой притон, чтобы все продумать до конца. Эд Пиво, по-видимому, пересмотрел свое отношение к преступным элементам. Он переоборудовал таверну. Появилась большая вывеска, гласившая: ЛОГОВО ПРЕСТУПНИКА. Окна были задрапированы новыми, добросовестно перепачканными грязью занавесками, затруднявшими доступ дневному свету и делавшими таверну поистине мрачным притоном. На одной стене висело наспех вырезанное из дерева всевозможное оружие. На другой стене большая кроваво-красная клякса производила весьма зловещее впечатление, хотя Том и видел, что это всего-навсего краска, которую Билли Маляр приготавливает из ягод руты.
   - Входи, входи, Том, - сказал Эд Пиво и повел гостя в самый темный угол. Том заметил, что в эти часы в таверне никогда не бывало столько народу. Людям, как видно, пришлось по душе, что они попали в настоящее логово преступника.
   Потягивая перри-колу, Том принялся размышлять.
   Он должен совершить убийство.
   Он достал свой ордер и прочел его еще раз от начала до конца. Скверная штука, никогда бы он по доброй воле за такое не взялся, но закон обязывает его выполнить свой долг.
   Том выпил перри-колу и постарался сосредоточиться на убийстве. Он сказал себе, что должен кого-нибудь убить. Должен лишить кого-нибудь жизни. Должен отправить

кого-нибудь на тот свет.
Но, что бы он себе ни говорил, это не выражало существа дела. Это были слова, и все. Чтобы привести в порядок свои мысли, Том решил взять для примера здоровенного рыжеволосого Марва Плотника. Сегодня Марв, получив напрокат свою пилу, строит школьное здание. Если Том убьет Марва... Ну, тогда Марв не будет больше строить.
Нет, ему все никак не удавалось осознать это до конца.
Ну, ладно. Вот, значит, Марв Плотник - самый здоровенный и, по мнению многих, самый славный из всех ребят Плотников. Вот он стругает доску, прищурившись, крепко ухватив рубанок веснушчатой рукой.
А теперь...
Марв Плотник, опрокинутый навзничь, лежит на земле; остекленелые глаза его полуоткрыты, он не дышит, сердце у него не бьется. Никогда уже больше не будет он сжимать кусок дерева в своих больших веснушчатых руках...
На какой-то миг Том вдруг всем своим нутром ощутил, что такое убийство. Видение исчезло, но воспоминание о нем осталось - оно было настолько ярко, что Том почувствовал легкую дурноту.
Он мог жить, совершив кражу. Но убийство, даже с самыми благими намерениями, в интересах деревни...
Что скажут люди, когда они увидят то, что ему сейчас померещилось? Как тогда ему жить среди них? Как примириться с самим собой?
И тем не менее он должен убить. Каждый житель деревни вносит свою лепту, а это дело выпало на его долю.
Но кого же ему убить?
Переполох начался несколько позже, когда межпланетное радио сердито загремело на разные голоса.
- Это и есть колония? Где ваша столица?
- Вот она, - сказал мэр.
- Где ваш аэродром?
- У нас там, кажется, теперь сделали выгон, - сказал мэр. - Я могу проверить по книгам, где тут прежде был аэродром. Ни один воздушный корабль не опускался здесь уже...
- В таком случае главный корабль будет оставаться в воздухе. Соберите ваших представителей. Я приземляюсь.
Вся деревня собралась вокруг открытого поля, которое инспектор избрал для посадки. Том засунул за пояс свое оружие, укрылся за деревом и стал наблюдать.
Маленький воздушный кораблик отделился от большого и быстро устремился вниз. Он камнем падал на поле, и деревня затаила дыхание, ожидая, что он сейчас разобьется. Но в последнее мгновение кораблик выпустил огненные струи, которые выжгли всю траву, и плавно опустился на грунт.
Мэр, работая локтями, протискался вперед; за ним спешил Билли Маляр. Дверца корабля отворилась, и появилось четверо мужчин. Они держали в руках блестящие металлические предметы, и Том понял, что это оружие. Следом за ними из корабля вышел дородный краснолицый мужчина, одетый в черное, с четырьмя блестящими медалями на груди. Его сопровождал маленький человечек с морщинистым лицом, тоже в черном. За ними последовало еще четверо облаченных в одинаковую форму людей.
- Добро пожаловать в Новый Дилавер, - сказал мэр.
- Благодарю вас, генерал, - сказал дородный мужчина, энергично тряхнув руку мэра. - Я инспектор Дилумейн. А это - мистер Грент, мой политический советник.
Грент кивнул мэру, делая вид, что не замечает его

протянутой руки. С выражением снисходительного отвращения он окинул взглядом собравшихся дилаверцев.

- Мы бы хотели осмотреть деревню, - сказал инспектор, покосившись на Грента. Грент кивнул. Одетая в мундиры стража замкнула их в полукольцо.

Том, крадучись, как заправский злодей, и держась на безопасном расстоянии, последовал за ними. Когда они добрались до деревни, он спрятался за домом и продолжал свои наблюдения.

Мэр с законной гордостью показывал тюрьму, почту, церковь и маленькое красное школьное здание. Инспектор, казалось, был несколько озадачен. Мистер Грент противно улыбался и скреб подбородок.

- Так я и думал, - сказал он инспектору. - Пустая трата времени, горючего и ненужная амортизация линейного крейсера. Здесь нет абсолютно ничего ценного.

- Я не вполне в этом уверен, - сказал инспектор. Он повернулся к мэру: - Но для чего вы все это построили, генерал?

- Как? Для того, чтобы быть настоящими землянами, - отвечал мэр. - Вы видите, мы делаем все, что в наших силах. Мистер Грент прошептал что-то на ухо инспектору.

- Скажите, - обратился инспектор к мэру, - сколько у вас тут молодых мужчин в вашей деревне?

- Прошу прощения?.. - растерянно переспросил мэр.

- Сколько у вас имеется молодых мужчин в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет, - пояснил мистер Грент.

- Нам нужны люди для космической пехоты, - сказал инспектор. - Крепкие, здоровые, боеспособные мужчины. Мы убеждены, что не услышим от вас отказа.

- Разумеется, нет, - сказал мэр. - Конечно, нет. Я уверен, что все наши молодые люди будут рады... Они, правда, не особо большие специалисты по этой части, но зато очень смышленые ребята. Научатся быстро, я полагаю.

- Вот видите? - сказал инспектор, обращаясь к мистеру Гренту. - Шестьдесят, семьдесят, а быть может, и сотня рекрутов. Не такая уж потеря времени, оказывается.

Но мистер Грент по-прежнему был настроен скептически. Инспектор вместе со своим советником направился в дом мэра, чтобы немного подкрепиться. Их сопровождали четверо солдат. Остальные четверо прошлись по деревне, не пренебрегая ничем, что попадало под руку.

Том укрылся в ближайшем лесочке, чтобы все основательно обдумать. В сумерках миссис Эд Пиво, пугливо озираясь по сторонам, вышла за околицу. Миссис Эд Пиво была тощая, начинающая седеть блондинка средних лет. Невзирая на свое подагрическое колено, она двигалась очень проворно. В руках у нее была корзина, покрытая красной клетчатой салфеткой.

- Я принесла тебе обед, - сказала она, как только увидела Тома.

- Вот как?.. Спасибо, - сказал Том, опешив от удивления. - Ты совсем не обязана это делать.

- Как это не обязана? Ведь это наша таверна - место, пользующееся дурной славой, где тебе надлежит укрываться от закона? Разве не так? Значит, мы за тебя отвечаем и должны о тебе заботиться. Мэр велел тебе кое-что передать.

Том с набитым ртом поглядел на миссис Эд Пиво.

- Что еще?

- Он сказал, чтобы ты поторопился с убийством. Он пока что водит за нос инспектора и этого противного карлика - Грента. Но рано или поздно они с него спросят. Он в этом

уверен.
Том кивнул.
- Когда ты это сделаешь, Том? - Миссис Пиво поглядела на него, склонив голову набок.
- Я не должен тебе говорить, - сказал Том.
- Как так не должен! Я же твоя преступная сообщница! - Миссис Пиво придвинулась ближе.
- Да, это верно, - задумчиво согласился Том. - Ладно, я собираюсь сделать это сегодня, когда стемнеет. Передай Билли Маляру, что я оставлю все отпечатки пальцев, какие только у меня получатся, и разные прочие улики.
- Ладно, Том, - сказала миссис Пиво. - Бог в помощь.
Том дожидался наступления темноты, а пока что наблюдал за происходящим в деревне. Он видел, что почти все солдаты напились пьяными. Они разгуливали по деревне с таким видом, словно кроме них никого больше не существовало на свете. Один из солдат выстрелил в воздух и напугал всех маленьких, пушистых, питающихся травой зверьков на много миль в окружности.
Инспектор и мистер Грент все еще оставались в доме мэра. Наступила ночь. Том пробрался в деревню и притаился в узком переулочке между двумя домами. Он вытащил из-за пояса нож и стал ждать.
Кто-то шел по дороге. Человек приближался. Фигура его неясно маячила во мраке.
- А, это ты, Том! - сказал мэр. Он поглядел на нож. - Что ты тут делаешь?
- Вы сказали, что нужно кого-нибудь убить, вот я и...
- Я не говорил, что меня, - сказал мэр, пятясь назад. - Меня нельзя.
- Почему нельзя? - спросил Том.
- Ну, во-первых, кто-то должен принимать инспектора. Он ждет меня. Нужно показать ему...
- Это может сделать и Билли Маляр, - сказал Том. Он ухватил мэра за ворот рубахи и занес над ним нож, нацелив острие в горло. - Лично я, конечно, ничего против вас не имею, - добавил он.
- Постой! - закричал мэр. - Если ты ничего не имеешь лично, значит, у тебя нет мотива!
Том опустил нож, но продолжал держать мэра за ворот.
- Что ж, я могу придумать какой-нибудь мотив. Я, например, был очень зол, когда вы назначили меня преступником.
- Так ведь это мэр тебя назначил, верно?
- Ну да, а то кто же...
Мэр потащил Тома из темного закоулка на залитую светом звезд улицу.
- Гляди!
Том разинул рот. На мэре были длинные штаны с острой, как лезвие ножа, складкой и мундир, сверкающий медалями. На плечах - два ряда звезд, по десять штук в каждом. Его головной убор, густо расшитый золотым галуном, изображал летящую комету.
- Ты видишь. Том? Я теперь уже не мэр. Я - Генерал!
- Какая разница? Человек-то вы тот же самый.
- Только не с формальной точки зрения. Ты, к сожалению, пропустил церемонию, которая состоялась после обеда. Инспектор заявил, что раз я теперь официально произведен в генералы, мне следует носить генеральский мундир. Церемония протекала в теплой, дружеской обстановке. Все прилетевшие с Земли улыбались и подмигивали мне и друг другу.

Том снова взмахнул ножом с таким видом, словно собирался выпотрошить рыбу.
- Поздравляю, - с неподдельной сердечностью сказал он, - но ведь вы были мэром, когда назначили меня преступником, значит, мой мотив остается в силе.
- Так ты уже убиваешь не мэра. Ты убиваешь генерала! А это уже не убийство.
- Не убийство? - удивился Том.
- Видишь ли, убийство Генерала - это уже мятеж!
- О! - Том опустил нож. - Прошу прощения.
- Ничего, все в порядке, - сказал мэр. - Вполне простительная ошибка. Просто я прочел об этом в книгах, а ты - нет. Тебе это ни к чему. - Он глубоко, с облегчением вздохнул. - Ну, мне, пожалуй, надо идти. Инспектор просил составить ему список новобранцев.
Том крикнул ему вдогонку:
- Вы уверены, что я непременно должен кого-нибудь убить?
- Уверен! - ответил мэр, поспешно удаляясь. - Но только не меня!
Том снова сунул нож за пояс.
Не меня, не меня! Каждый так скажет. Убить самого себя он не мог. Это же самоубийство и, значит, будет не в счет.
Тома пробрала дрожь. Он старался забыть о том, как убийство на мгновение предстало перед ним во всей своей реальности. Дело должно быть сделано.
Приближался еще кто-то!
Человек подходил все ближе. Том пригнулся, мускулы его напряглись, он приготовился к прыжку.
Появилась миссис Мельник. Она возвращалась домой с рынка и несла сумку с овощами.
Том сказал себе, что это не имеет значения - миссис Мельник или кто-нибудь другой. Но он никак не мог отогнать от себя воспоминания о ее беседах с его покойной матерью. Получилось, что у него нет никаких мотивов убивать миссис Мельник.
Она прошла мимо, не заметив его.
Он ждал еще минут тридцать. В темном проулочке между домами опять появился кто- то. Том узнал Макса Ткача.
Макс всегда нравился Тому. Но это еще не означало, что у Тома не может быть мотива убить Макса. Однако ему решительно ничего не приходило на ум кроме того, что у Макса есть жена и пятеро ребятишек, которые очень его любят и очень будут по нему горевать. Он отступил поглубже в тень и позволил Максу благополучно пройти мимо.
Появились трое братьев Плотников. С ними у Тома было связано слишком мучительное воспоминание. Он дал им пройти мимо. Следом за ними шел Роджер Паромщик.
У Тома не было никакой причины убивать Роджера, но и дружить они особенно никогда не дружили. К тому же у Роджера не было детей, а его жена не сказать чтоб слишком была к нему привязана. Может, всего этого уже будет достаточно для Билли Маляра, чтобы вскрыть мотивы убийства?
Том понимал, что этого недостаточно... И что со всеми остальными жителями деревни у него получится то же самое. Он вырос среди этих людей, делил с ними пищу и труд, горести и радости. Какие, в сущности, могут у него быть мотивы, чтобы убивать кого-нибудь из них?
А убить он должен. Этого требует выданный ему ордер. Нельзя же обмануть доверие односельчан.
"Постой-ка! - внезапно в сильном волнении подумал он. - Можно ведь убить инспектора!"

Мотивы? Да это будет даже более чудовищное злодеяние, чем убить мэра... Конечно, мэр теперь еще и генерал, но ведь это уже был бы всего-навсего мятеж. Да если бы даже мэр по-прежнему оставался только мэром, инспектор куда более солидная жертва. Том совершит это убийство ради славы, ради подвига, ради величия! Это убийство покажет Земле, насколько верна земным традициям ее колония. И на Земле будут говорить: "На Новом Дилавере преступность приняла такие размеры, что появляться там небезопасно. Какой-то преступник просто-напросто взял да и убил нашего инспектора в первый же день его прибытия туда! Во всей Вселенной едва ли сыщется еще один столь страшный убийца"! Это, несомненно, будет самое эффектное убийство, какое он только может совершить, думал Том.

Убийство, которое под стать лишь настоящему знатоку своего дела.

Впервые ощутив прилив гордости, Том поспешил к дому мэра. До него долетели обрывки разговора, который шел внутри.

- ... весьма пассивный народ, - говорил мистер Грент. - Я бы даже сказал, робкий.

- Довольно-таки унылое качество, - заметил инспектор. - Особенно в солдатах.

- А чего вы ожидали от этих отсталых земледельцев? Хорошо еще, что мы завербовали здесь немного солдат. - Мистер Грент оглушительно зевнул. - Стража, смирно! Мы возвращаемся на корабль.

Стража! Том совершенно про нее забыл. Он с сомнением поглядел на свой нож. Если он бросится на инспектора, стража, несомненно, успеет его схватить, прежде чем он совершит убийство. Их, верно, специально этому обучают.

Вот если бы у него было такое оружие, как у них...

Из дома донесся звук шагов. Том поспешно пошел дальше по улице.

Возле рынка он увидел пьяного солдата, который сидел на крылечке и что-то напевал себе под нос. У ног его валялись две пустые бутылки, оружие небрежно висело на плече.

Том подкрался ближе, вытащил свою дубинку, замахнулся...

Его тень, по-видимому, привлекла внимание солдата. Он вскочил, пригнулся и успел увернуться от удара дубинки. Он ударил Тома прикладом под ребра, вскинул винтовку к плечу и прицелился. Том зажмурился и прыгнул, лягнув его обеими ногами. Удар пришелся солдату в колено и опрокинул его навзничь. Прежде чем он успел подняться, Том огрел его дубинкой.

Том пощупал у солдата пульс (не было смысла убивать кого попало) и нашел его вполне удовлетворительным. Он взял винтовку, проверил, где что надо нажимать, и пошел разыскивать инспектора.

Он нагнал его на полпути к посадочной площадке. Инспектор и Грент шли впереди, позади них ковыляли солдаты.

Том шел, прячась за кустами. Он бесшумно догонял процессию, пока не поравнялся с Грентом и с инспектором. Тем прицелился, но пален его застыл на спусковом крючке...

Ему не хотелось убивать еще и Грента. Ведь предполагалось, что он должен совершить только одно убийство.

Том припустил вперед, опередил инспектора и, выйдя на дорогу, преградил ему путь. Его оружие было направлено прямо на инспектора.

- Что это такое? - спросил инспектор.

- Стойте смирно, - сказал ему Том. - Все остальные

бросьте оружие и отойдите с дороги.
Солдаты повиновались, как сомнамбулы. Один за другим они побросали оружие и отступили к кустам обочины. Грент остался на месте.
- Что это ты задумал, малый? - спросил он.
- Я городской преступник, - горделиво отвечал Том. - Я хочу убить инспектора. Пожалуйста, отойдите в сторону.
- Преступник? Так вот о чем лопотал ваш мэр!
- Я знаю, что у нас уже двести лет не было ни одного убийства, - пояснил Том, - но сейчас я это исправлю. Прочь с дороги!
Грент прыгнул в сторону от наведенного на него дула. Инспектор остался один. Он стоял, легонько пошатываясь.
Том прицелился, стараясь думать о том, какой эффект произведет это убийство, и о его общественном значении. Но он видел инспектора простертым на земле, с остановившимся взглядом широко открытых глаз, с переставшим биться сердцем.
Он старался заставить свой палец нажать на спусковой крючок. Мозг мог сколько угодно убеждать его в том, как общественно необходимо преступление, - рука знала лучше.
- Я не могу! - выкрикнул Том.
Он бросил оружие и прыгнул в кусты.
Инспектор хотел отрядить людей на розыски Тома и повесить его на месте. Но мистер Грент был с ним не согласен. Новый Дилавер - лесная планета. Десять тысяч людей не найдут беглеца в этих дремучих лесах, если он не захочет попасться им в руки.
На шум прибежал мэр и еще кое-кто из жителей деревни. Солдаты образовали каре вокруг инспектора и мистера Грента. Они стояли, держа оружие наизготовку. Лица их были угрюмы и суровы.
Мэр все разъяснил. О прискорбной отсталости деревни по части преступлений. О поручении, данном Тому Рыбаку. О том, как он всех их осрамил, не сумев выполнить свой долг.
- Почему вы дали это поручение именно ему? - спросил мистер Грент.
- Видите ли, - сказал мэр. - Я подумал, что если уж кто-нибудь из нас способен убить, так только Том. Он, понимаете ли, рыбак. Это довольно-таки кровавое занятие.
- Значит, все остальные у вас также не способны убивать?
- Никому из нас никогда бы не зайти так далеко, как зашел Том, - с грустью признался мэр.
Инспектор и мистер Грент переглянулись, потом поглядели на солдат. Солдаты с почтительным изумлением взирали на жителей деревни и начали негромко переговариваться друг с другом.
- Смирно! - зарычал инспектор. Он обернулся к Гренту и сказал, понизив голос: - Надо, пока не поздно, поскорее убираться отсюда. Люди, не умеющие убивать...
- Опасная зараза... - весь дрожа, пробормотал мистер Грент. - Один такой человек, если он не в состоянии выстрелить из винтовки, может в ответственный момент поставить под удар весь корабль... Быть может, даже целую эскадрилью... Нет, так рисковать нельзя.
Они приказали солдатам вернуться на корабль. Солдаты шагали ленивее, чем обычно, и то и дело оборачивались, чтобы поглядеть на деревню. Они продолжали перешептываться, невзирая на то, что инспектор рычал и сыпал приказами.
Маленький воздушный корабль взмыл вверх, исторгнув из себя целый шквал струй. Через несколько минут его поглотил большой корабль. А затем и большой корабль скрылся из виду.

Огромное водянисто-красное солнце уже касалось края горизонта.

- Ты можешь теперь выйти, Том! - крикнул мэр. Том вылез из кустов, где он прятался, следя за происходящим.

- Напортачил я с этим поручением, - жалобно сказал Том.

- Не сокрушайся, - утешил его Билли Маляр. - Это же невыполнимое дело.

- Похоже, что ты прав, - сказал мэр, когда они шагали по дороге, возвращаясь в деревню. - Я просто подумал - чем черт не шутит, а вдруг ты как-нибудь справишься. Но ты не огорчайся. Никто у нас в деревне не натворил бы половины того, что ты.

- Теперь мне, верно, это больше не понадобится, - сказал Том, протягивая свой ордер мэру.

- Да, пожалуй, - сказал мэр. Все сочувственно смотрели на него, когда он рвал ордер на мелкие куски. - Ну что ж, сделали, что могли. Просто не вышло.

- У меня ведь была возможность, - смущенно пробормотал Том, - а я вас всех подвел.

Билли Маляр ласково положил руку ему на плечо.

- Ты не виноват. Том. И никто из нас не виноват. Вот что получается, когда к людям двести лет не проникает цивилизация. Поглядите, сколько времени понадобилось Земле, чтобы стать цивилизованной. Тысячи лет. А мы хотели достигнуть этого за две недели.

- Ну что ж, придется нам снова вернуться в нецивилизованное состояние, - сказал мэр, делая неуклюжую попытку пошутить.

Том зевнул, потянулся и зашагал домой, чтобы хорошенько отоспаться - наверстать упущенное. На пороге дома он взглянул на небо.

Густые, тяжелые облака собирались над головой. Близились осенние дожди. Скоро можно будет снова рыбачить.

Почему он не представил себе инспектора в виде рыбы? Теперь думать об этом было уже поздно.

Он плохо спал в эту ночь.

Роберт Шекли

Четыре стихии

Перевод Ю. Кривцова

Элисте? Кромптон был стереотипом, и это постоянно возмущало его самого. Но что поделаешь? Хочешь не хочешь, а он моноличность, однолинейный человек, все желания которого нетрудно предугадать, а страхи очевидны для всех и каждого. Но хуже всего было то, что и внешность его как нельзя более соответствовала его характеру.

Был он среднего роста, болезненно-худошав, остронос, его губы были всегда поджаты, уже появились большие залысины надо лбом, а за толстыми линзами его очков скрывались водянистые, тусклые глаза; лицо его покрывала редкая

растительность.
Словом, Кромптон выглядел клерком. Он и был клерком.
Посмотришь на него и скажешь: ну и тип, мелочный, пунктуальный, осторожный, нервный, пуританского склада, злопамятный, забитый, осмотрительный и сдержанный. Диккенс изобразил бы его человеком с повышенным чувством собственной значимости, который вечно торчит в конторе, взгромоздившись на высокий табурет, и царапает в пыльных скрижалях историю какой-нибудь старой респектабельной фирмы.
Врач XIII века углядел бы в Кромптоне воплощение одного из четырех темпераментов, соответствующих свойствам основных стихий, а именно: Меланхолического темперамента Воды. Причина этого - в избытке холодной, черной желчи, которая порождает брюзгливость и замкнутость.
Более того, сам Кромптон мог бы стать доказательством правильности теории Ломброзо и Крэтшмера, притчей-предупреждением, гиперболой католизма и печальной карикатурой на человечество.
И опять-таки, хуже всего то, что Кромптон полностью сознавал всю аморфность, слабость, тривиальность своей натуры и, сознавая это, негодовал, но ничего не мог изменить, только ненавидел досточтимых докторов, которые сделали его таким.
Кромптон с завистью наблюдал, что его окружают люди во всей манящей сложности своих противоречивых характеров, люди, восстающие против тех банальностей, которые общество пытается навязать им. Он видел отнюдь не добросердечных проституток; младших офицеров, ненавидевших жестокость; богачей, никогда не подававших милостыни; он встречал ирландцев, которые терпеть не могли драк; греков, которые никогда не видели кораблей; французов, которые действовали без расчета и логики. Казалось, большинство людей живет чудесной, яркой жизнью, полной неожиданностей, то взрываясь внезапной страстью, то погружаясь в странную тишину, поступая вопреки собственным словам, отрекаясь от своих же доводов, сбивая тем самым с толку психологов и социологов и доводя до запоя психоаналитиков.
Но для Кромптона, которого в свое время врачи ради сохранения рассудка лишили всего этого духовного богатства, такая роскошь была недостижима.
Всю свою жизнь день за днем ровно в девять часов утра Кромптон с непреклонной методичностью робота добирался до своего стола. В пять пополудни юн уже аккуратно складывал гроссбухи и возвращался в свою меблированную комнатку. Здесь он съедал невкусный, но полезный для здоровья ужин, раскладывал три пасьянса, разгадывал кроссворд и ложился на свою узкую кровать. Каждую субботу вечером, пробившись сквозь толчею легкомысленных, веселых подростков, Кромптон смотрел кино. По воскресеньям и праздничным дням Кромптон изучал геометрию Эвклида, потому что верил в самосовершенствование. А раз в месяц Кромптон прокрадывался к газетному киоску и покупал журнал непристойного содержания. В уединении своей комнаты он с жадностью поглощал его, а потом в экстазе самоуничижения рвал ненавистный журнал на мелкие кусочки.
Кромптон, конечно, знал, что врачи превратили его в стереотип ради его собственного блага, он пытался примириться с этим. Какое-то время он поддерживал компанию с подобными себе, плоскими и мелкими, глубиною в сантиметр, личностями. Но все они были высокого мнения о себе и оставались самодовольными и чопорными в своей косности. Они

были такими с самого рождения, в отличие от Кромптона, которого врачи перекроили в одиннадцать лет. Скоро он понял, что для окружающих такие, как он, да и сам он, просто невыносимы.

Он изо всех сил старался вырваться из удручающей ограниченности своей натуры. Одно время он серьезно подумывал об эмиграции на Венеру или Марс, но так ничего и не предпринял для этого. Обратился он как-то в Нью-йоркскую Контору Бракосочетаний, и они устроили ему свидание. Кромптон шел на встречу со своей незнакомой возлюбленной к театру Лоу Юпитера, воткнув в петлицу белую гвоздику. Однако за квартал до театра его прохватила такая дрожь, что он вынужден был поспешить домой. В этот вечер, чтобы немного прийти в себя, он разгадал шесть кроссвордов и разложил девять пасьянсов. Но даже эта встряска была кратковременной.

Несмотря на все старания, Кромптон мог действовать только в узких рамках своего характера. Его ярость против себя и досточтимых докторов росла, и, соответственно, росло его стремление к самопреобразованию. Но у Кромптона был лишь один путь к достижению удивительного многообразия человеческих возможностей, внутренних противоречий, страстей - словом, всего человеческого. И ради этого он жил, работал и ждал и, наконец, достиг тридцатипятилетнего возраста. Только в этом возрасте согласно федеральному закону человек получал право на Реинтеграцию личности.

На следующий день после этой знаменательной даты Кромптон уволился с работы, взял в поте лица заработанные сбережения - результат семнадцатилетнего труда - и отправился с визитом к своему врачу, твердо решив вернуть себе то, что в свое время было у него отнято.

Старый доктор Берренгер провел Кромптона в свой кабинет, усадил в удобное кресло и спросил:

- Ну, парень, давно я тебя не видел, как дела?

- Ужасно, - ответил Кромптон.

- Что тебя беспокоит?

- Я сам, - ответил Кромптон.

- Ага, - сказал старый доктор, внимательно глядя в лицо Кромптона, типичное лицо клерка. - Чувствуешь себя немного ограниченным, э?

- Ограниченный - не совсем то слово, - натянуто возразил Кромптон. - Я машина, робот, ничто...

- Ну, ну, - сказал доктор Берренгер. - Все не так уж плохо, я уверен. Чтобы приспособиться, нужно время...

- Меня тошнит от самого себя, - решительно заявил Кромптон. - Мне необходима Реинтеграция.

На лице доктора отразилось сомнение.

- И к тому же, - продолжал Кромптон, - мне уже тридцать пять. По федеральному закону я имею право на Реинтеграцию.

- Имеешь, - согласился доктор Берренгер. - Но как твой друг, как врач я настоятельно советую тебе, Элистер, не делай этого.

- Почему?

Старый доктор вздохнул и сложил пальцы рук пирамидкой.

- Это опасно для тебя. Чрезвычайно опасно. Это может стать роковым шагом.

- Но хоть один шанс у меня есть или нет?

- Почти нет.

- Тогда я требую осуществить мое право на Реинтергацию.

Доктор снова вздохнул, подошел к своей картотеке и вынул толстую историю болезни.

- Ну что ж, обратимся к твоему случаю, - сказал он. Элистер Кромптон родился в Амундсвилле на Земле Мари Берт в Антарктиде, родителями его были Лиль и Бесс Кромптоны. Отец работал техником на Шотландских плутониевых рудниках, мать была занята неполный рабочий день сборкой транзисторов на одном маленьком радиозаводе. У обоих зарегистрировано вполне удовлетворительное умственное и физическое развитие. Маленький Элистер проявил все признаки отличной послеродовой приспособляемости.

Первые девять лет жизни Элистер рос нормальным во всех отношениях ребенком, если не считать некоторой угрюмости; но дети нередко бывают угрюмыми. А в остальном Элистер был любознательным, живым, любящим, добродушным созданием, а в смысле интеллектуальном стоял гораздо выше своих сверстников. Когда ему исполнилось десять лет, угрюмость заметно возросла. Иногда часами ребенок оставался сидеть в своем кресле, глядя в пустоту и порой даже не откликаясь на собственное имя.

Эти "периоды зачарованности" появлялись все чаще и становились интенсивнее. Мальчик сделался раздражителен - местный врач выписал успокаивающее. Однажды, когда Элистеру было десять лет и семь месяцев, он без видимой причины ударил маленькую девочку. Та закричала - он попытался задушить ее. Убедившись, что это ему не по силам, он поднял школьный учебник, самым серьезным образом намереваясь раскроить им череп девочки. Какой-то взрослый оттащил брыкающегося, орущего Элистера. Девочка получила сотрясение мозга и почти год провела в больнице.

Когда Элистера расспрашивали об этом инциденте, он утверждал, что ничего такого не делал. Может быть, это сделал кто-нибудь другой. Он никогда никому не причинил бы зла и уж во всяком случае, не этой маленькой девочке, которую он очень любил. Дальнейшие расспросы привели к тому, что Элистер впал в оцепенение, которое длилось пять дней.

Если бы тогда кто-нибудь сумел распознать во всем этом симптомы вирусной шизофрении, Элистера можно было бы спасти. Даже у очень молодых эта болезнь легко поддавалась правильному лечению.

В средней зоне вирусная шизофрения была распространена уже в течение многих веков, и бывали случаи, когда она принимала размеры подлинных эпидемий, как, например, классическое помешательство на танцах в Средние Века. Иммунология еще не нашла вакцины против вируса. Поэтому стало обычным немедленно прибегать к Полному Расщеплению, пока шизоидные компоненты еще податливы; затем находили и сохраняли в организме доминирующую личность, а остальные компоненты через Проектор Миккльтона помещали в инертное вещество Тел Дюрьера.

Тела Дюрьера - это андроиды, рассчитанные на сорок лет существования. Они, конечно, нежизнеспособны. Но Федеральный закон разрешал Реинтеграцию личности по достижении ею тридцати пяти лет. Шизоиды, развивавшиеся в Телах Дюрьера, могли, по усмотрению доминирующей личности, вернуться в первоначальное тело и разум, где точно по прогнозу происходили Реинтеграция и полное слияние...

Но это получалось, если Расщепление было произведено вовремя.

В маленьком же, заброшенном Амундсвилле местный врач-терапевт прекрасно справлялся с обмораживаниями, снежной слепотой, раком, спиральной меланхолией и другими

обычными заболеваниями морозного юга, но о болезнях средней зоны не знал ничего.

Элистера положили в городскую больницу на исследования.

В течение первой недели он был угрюм, застенчив и чувствовал себя не в своей тарелке, лишь временами прорывалась его былая беззаботность. На следующей неделе он стал проявлять бурную привязанность к ухаживающей за ним няне, которая в нем души не чаяла и называла очаровательным ребенком. Казалось, под ее благотворным влиянием Элистер снова станет самим собой.

На тринадцатый день своего пребывания в больнице Элистер исполосовал лицо нянечке разбитым стаканом, потом сделал отчаянную попытку перерезать себе горло. Когда его госпитализировали, чтобы залечить раны, началась каталепсия, которую врач принял за простой шок. Элистеру прописали покой и тишину, что при данных обстоятельствах было самым худшим для него.

Две недели Элистер находился в кататоническом состоянии, характеризуемом мертвенной бледностью, полным оцепенением. Болезнь достигла своего апогея. Родители отправили ребенка в известную клинику Ривера в Нью-Йорке. Там не замедлили поставить диагноз - вирусная шизофрения в запущенной форме.

Элистер, одиннадцатилетиий мальчик, мало соприкасался с внешним миром, во всяком случае, недостаточно, чтобы в нем выявился активный базис для специалистов. Теперь он почти не выходил из состояния кататонии, его шизоидные компоненты застыли в своей несовместимости. Жизнь его проходила в каком-то странном, непостижимом для других сумеречном мире, и единственно, что заполняло ее, это кошмары. Специалисты пришли к выводу, что Полное Расщепление едва ли поможет в этом запущенном случае. Но без Расщепления Элистер был обречен провести остаток своей жизни в клинике, никогда более не приходя в сознание, оставаясь навеки погребенным в сюрреалистических темницах своего сознания.

Его родители выбрали меньшее из зол и подписали бумаги, разрешающие врачам предпринять запоздалую, отчаянную попытку Расщепления.

Элистер перенес эту операцию, когда ему было одиннадцать лет и один месяц. Под глубоким гипнозом специалисты выявили у него три независимых одна от другой личности. Врачи разговаривали с ними и сделали выбор. Две личности были помещены в Дюрьеровы Тела. Третью личность, которую сочли наиболее для этого подходящей, оставили в первоначальном теле. Все три личности были травмированы, но операция была признана до известной степени удачной.

Доктор Власек, лечащий нейрогипнотизер, отметил в своем отчете, что для всех трех компонентов, поскольку они неадекватны, не соответствуют друг другу, даже по достижении законного возраста - тридцати пяти лет - надежды на успех последующей Реинтеграции нет. Слишком поздно произведено было Расщепление, и шизоидные компоненты потеряли те жизненно необходимые качества, то взаимное согласие, без которых невозможно их слияние, их совместное существование. В своем отчете он настаивал на необходимости лишения их прав на Реинтеграцию, чтобы в дальнейшем они существовали только в их новом, разрозненном состоянии.

Двое в Дюрьеровых Телах получили новые имена и сопровождаемые наилучшими пожеланиями докторов были помещены в детские приюты - один на Марсе, другой на Венере, - почти без всякой надежды на что-либо путное в жизни.

Элистер Кромптон, собственно, доминирующая личность в его

подлинном обличий, поправился после операции, но двух третей его натуры, утерянных вместе с шизоидными его частями, ему недоставало. Ему недоставало некоторых чисто человеческих черт, эмоций, способностей, и их уж ему никогда не вернуть, не заменить другими.

Кромптон рос, обладая только теми качествами, которые были присущи собственно его личности: чувством долга, аккуратностью, упорством и осторожностью. Неизбежное в таких случаях разрастание этих качеств привело к тому, что он стал стереотипом, ограниченным человеком, сознающим, однако, свои недостатки и страстно стремящимся к полному выявлению своей личности, к слиянию, Реинтеграции...

- Вот как обстоят дела, Элистер, - сказал доктор Берренгер, захлопывая фолиант. - Доктор Влаеек решительно возражал против Реинтеграции. Весьма сожалею, но я с ним согласен.

- Но это же мой единственный шанс, - сказал Кромптон.

- Никаких шансов, - возразил ему доктор Берренгер. - Ты можешь заключить эти личности в себя, но у тебя не хватит твердости держать их в узде, слиться с ними. Элистер, мы спасли тебя от вирусной шизофрении, но предрасположение к ней у тебя осталось. Прибегни к Реинтеграции - и тебя ждет функциональная шизофрения, и это уже навсегда.

- Но у других-то получалось! - воскликнул Кромптон.

- Конечно, и у многих. Но не было случая, чтобы это была запущенная шизофрения, чтобы шизоидные компоненты закостенели.

- Я должен использовать последнюю возможность, - сказал Кромптон. - Я требую имена и адреса моих Дюрьеров.

- Да слышишь ли ты, что я тебе говорю? Всякая попытка реинтегрировать приведет либо к тому, что ты сойдешь с ума, либо к еще худшему. Как твой лечащий врач я не могу...

- Дайте адреса, - холодно потребовал Кромптон. - Это мое законное право. Я чувствую, что справлюсь со своими компонентами. Когда они будут в моем подчинении, произойдет слияние. Мы будем действовать как единое целое. И я, наконец, стану полноценным человеком.

- Да ты даже не представляешь себе, что такое эти Кромптоны! - воскликнул доктор. - Ты думаешь, что это ты неполноценный? Да ты вершина этой кучи хлама!

- Мне все равно, что они собой представляют, - сказал Кромптон. - Они часть меня. Пожалуйста, адреса и имена.

Устало покачав головой, доктор написал записку и протянул ее Кромптону.

- Элистер, нечего рассчитывать на успех. Прошу тебя, подумай хорошенько...

- Спасибо, доктор Берренгер, - коротко поклонившись, сказал Кромптон и вышел.

Стоило Кромптону очутиться за порогом кабинета, как вся его самонадеянность словно растаяла. Он не посмел признаться доктору Берренгеру в своих сомнениях, не то добрый старик непременно отговорил бы Элистера от Реинтеграции. Но теперь, когда адреса и имена лежали у него в кармане и вся ответственность легла на его плечи, Элистера захлестнула тревога. Он лишь дрожал с головы до ног. Он справился с приступом, но ненадолго, лишь до тех пор, пока на такси не добрался до своей комнаты, а там сразу же бросился на кровать.

В течение часа, ухватившись за спинку кровати, как утопающий за соломинку, он корчился в мучительных судорогах. Потом приступ прошел. Он сумел унять дрожь в пальцах

настолько, чтобы вытащить из кармана и рассмотреть записку, которую вручил ему доктор.

Первым в записке стояло имя Эдгара Лумиса из Элдерберга на Марсе. Вторым - имя Дэна Стэка, Восточные Болота, на Венере. Больше в записке ничего не было.

Что собой представляли эти самостоятельно существующие компоненты его, Кромптона, личности? Какие характеры, какие формы приняли его отторгнутые сегменты?

В записке об этом не было сказано ни слова. Ему самому предстояло поехать и все выяснить.

Кромптон разложил пасьянс и прикинул, чем он рискует. Его прежний, еще не расщепленный рассудок был явно одержим манией убийства. Предположим, слияние состоится, изменится ли что-нибудь к лучшему? Имеет ли он право выпускать в мир это, по всей вероятности, чудовище? Благоразумно ли предпринимать шаги, которые могут привести его к умопомешательству, кататонии, смерти?

До поздней ночи думал об этом Кромптон. Наконец врожденная осторожность взяла верх. Он аккуратно сложил записку, спрятал ее в ящик стола. Как бы ни хотел он Реинтеграции и целостности, риск был слишком велик, и он предпочел свое теперешнее состояние сумасшествию.

На следующий день он нашел себе место клерка в одной старой респектабельной фирме.

Он был сразу же захвачен привычным ходом дел. Снова с непреклонной методичностью робота каждое утро ровно в девять часов он добирался до своего стола, в пять пополудни он уходил и возвращался в свою меблированную комнату, съедал свой невкусный, но полезный для здоровья ужин, раскладывал три пасьянса, разгадывал кроссворд и ложился на свою узкую кровать. И снова в субботу вечером он смотрел кино, по воскресеньям изучал геометрию и один раз в месяц покупал, читал и затем рвал на куски журнал непристойного содержания.

А отвращение к самому себе росло. Он попробовал коллекционировать марки, но вскоре отказался от этого занятия; вступил в Объединенный Клуб Счастья - ушел с первого же чопорного и томительного бала; попробовал овладеть искусством игры в шахматы - бросил. Все это не спасло его от чувства собственной неполноценности.

Он видел вокруг себя бесконечное многообразие человеческих отношений. Недоступное ему пиршество жизни развертывалось перед его взором. Его преследовало видение: еще двадцать лет жизни проходит в монотонных занятиях клерка, а потом еще тридцать, и сорок, и так без отдыха, без срока, без надежды - и только смерть положит этому конец, освободит его.

Шесть месяцев, изо дня в день, методически обдумывал эти проблемы Кромптон. Наконец он решил, что все-таки умопомешательство лучше его нынешнего состояния.

Он ушел с работы и снова забрал все свои старательно накопленные сбережения. На этот раз он купил билет до Марса, чтобы отыскать там Эдгара Лумиса из Элдерберга.

Точно в назначенное время Кромптон, вооруженный толстым томом кроссвордов, был уже на космодроме Айдлуайлд. Затем он преодолел трудный из-за перегрузок подъем на Станцию N 3 и короткорейсовым кораблем "Локхид-Лэкавона" добрался до пересадочного пункта, здесь он сел в хоповер, который доставил его на Марс, Станция N 1, где Кромптон прошел таможенные, иммиграционные и санитарные формальности, а потом прибыл в Порт Ньютон. За три дня он акклиматизировался, научился дышать дополнительным

желудочным легким, стоически перенес инъекции стимулятора и, наконец, получил визу, дающую право путешествовать по всей планете Марс. Таким образом, уже во всеоружии он сел в ракету, следующую до города Элдерберга, расположенного недалеко от Южного полюса Марса.

Ракета медленно ползла по плоским однообразным марсианским равнинам, покрытым низким серым кустарником, который как-то умудрялся выжить в этом холодном разреженном воздухе, через болота скучной зеленой тундры. Кромптон был погружен в свои кроссворды. Когда кондуктор объявил, что они проезжают Великий Канал, Кромптон, заинтересованный, на минуту оторвался от своего кроссворда. Но Канал оказался всего лишь мелким, с отлогими берегами руслом давно исчезнувшей реки. Растения на грязном дне были темно-зеленого, почти черного цвета. Кромптон вновь погрузился в свои кроссворды.

Они проезжали Оранжевую Пустыню и останавливались на маленьких станциях, где бородатые иммигранты в широкополых шляпах заскакивали в ракету, чтобы получить свои витаминные концентраты и "Сандей Тайме" в микрофильмах.

Но вот и предместья Элдерберга.

Город был центром всех деловых операций рудников и ферм Южного полюса. Он служил и курортом для богатых, которые приезжали сюда, чтобы принять Ванны Вечности или просто ради новых впечатлений. Благодаря вулканической активности температура в этом районе поднималась до 67 градусов по Фаренгейту. Это было самое теплое место на Марсе. Жители Марса называли этот район Тропиками.

Кромптон остановился в маленьком мотеле. Он вышел на улицу и слился с толпой ярко вдетых мужчин и женщин, прогуливавшихся по странным, неподвижным тротуарам Элдерберга. Он заглядывал в окна игорных домов, разинув рот, глазел на лавки Подлинных ремесленных изделий Исчезнувшей Марсианской Цивилизации, всматривался в блистающие огнями рестораны и коктейль-холлы - новинку сезона. Он в ужасе отпрянул от накрашенной молодой женщины, когда она пригласила его в Дом Мамы Тиль, где пониженная гравитация позволяет испытывать куда большее наслаждение, чем в обычных условиях. От нее и еще от дюжины таких же Кромптон укрылся в маленьком садике, присел там на скамью, пытаясь немного привести в порядок мысли.

Вокруг него раскинулся Элдерберг, яркий, полный наслаждений, вопиющий о своих грехах, - накрашенная Иезавель, которую Кромптон отвергал презрительным изгибом своих тонких губ. Но за этим изгибом губ, за отведенным в сторону взглядом и вздрагивающими от возбуждения ноздрями - за всем этим скрывалась та часть его существа, которая жаждала этой греховной человечности как противопоставления тоскливому, бесплодному существованию.

Но как ни печально, Элдерберг, так же как и Нью-Йорк, не мог склонить Элистера к греху. Возможно, Эдгар Лумис возместит недостающее.

Кромптон стал опрашивать все отели города в порядке алфавита. В первых трех ответили, что понятия не имеют, где может быть Лумис, но уж коли он найдется, то им надо уладить пустяковый вопрос о неоплаченных счетах с ним. В четвертом отеле высказали предположение, что Лумис присоединился к большой поисковой партии на Горной Седловине. В пятом, вполне современного вида отеле никогда не слыхали о Лумисе. В шестом молодая, слишком ярко и нарядно одетая женщина рассмеялась слегка истерически при упоминании Лумиса, но

дать какую-либо информацию о нем отказалась.
Только в седьмом отеле клерк сообщил Кромптону, что Эдгар Лумис занимает триста четырнадцатый номер. Сейчас его дома нет, скорее всего он находится в Салуне Красной Планеты.
Кромптон расспросил, как туда пройти. И с сильно бьющимся сердцем отправился в старый район Элдерберга.
Отели здесь были какие-то вылинявшие, потрепанные, их пластиковые стены были побиты пыльными осенними бурями. Игорные дома сгрудились в кучу, а танцевальные залы днем и ночью выплескивали свое буйное веселье на улицы. В поисках местного колорита толпы богатых туристов сновали со своими видеозвуковыми аппаратами в надежде наткнуться на непристойную сценку и запечатлеть ее с достаточно близкого, но безопасного расстояния - такие снимки и позволяли дотошным искателям приключений называть Элдерберг "Откровением Трех планет". Встречались здесь и охотничьи магазины, снабжавшие туристов всем необходимым для спуска в знаменитые Пещеры Ксанаду или для долгого путешествия в пескоходе к Витку Сатаны. Были здесь также скандальной известности Лавки Грез, в которых торговали любыми наркотиками, и сколько ни пытались покончить с ними законным путем, они продолжали действовать. Тут же какие-то бездельники продавали подделки под марсианскую резьбу по камню и все прочее - чего только душа пожелает.
Кромптон разыскал Салун Красной Планеты, вошел и ждал, пока глаза привыкнут и можно будет что-нибудь разглядеть в облаках табачного дыма и винных паров. Он смотрел на туристов за длинной стойкой бара в их пестрых рубашках, на говорливых гидов и суровых рудокопов. Он смотрел на карточные столы и на болтающих женщин, на мужчин с их знаменитым нежно-апельсиновым марсианским загаром - чтобы его приобрести, требуется, говорят, не меньше месяца.
И тут - ошибки быть не могло - он увидел Лумиса. Лумис сидел за карточным столом и играл в фараон в паре с цветущей блондинкой, которой на первый взгляд можно было дать тридцать, на второй - сорок, а если присмотреться, то и все сорок пять. Играла она с азартом, и Лумис забавлялся, с улыбкой наблюдая за нею.
Он был высок и строен. Его костюм и саму манеру одеваться лучше всего передает слово из кроссворда "форсистый". Узкий череп покрывали прилизанные волосы мышиного цвета. Не очень разборчивая женщина могла бы назвать его довольно красивым.
Внешне он нисколько не походил на Кромптона. Однако существовало между ними какое-то влечение, притяжение, мгновенное созвучие - этим чувством обладали все части индивидуума, перенесшего операцию Расщепления. Разум взывал к разуму, части требовали целого, стремились к нему с неведомой телепатической силой. И Лумис, ощутив все это, поднял голову и открыто взглянул на Кромптона.
Кромптон направился к нему. Лумис что-то шепнул блондинке, вышел из-за карточного стола и встретил Кромптона посреди зала.
- Кто вы? - спросил Лумис.
- Элисте? Кромптон. Вы Лумис? Я обладатель нашего подлинного тела, а вы... вы понимаете, о чем я толкую?
- Да, конечно, - сказал Лумис. - Я все думал, появитесь ли вы когда-нибудь. Хм!.. - Он оглядел Кромптона с головы до ног, и нельзя сказать, чтобы остался доволен тем, что увидел.
- Ну ладно, - сказал Лумис, - пойдемте в мой номер, там

поговорим. Может быть, сразу и покончим с этим.
Он снова посмотрел на Кромптона с нескрываемой неприязнью и вышел с ним из салуна.
Номер Лумиса удивил Кромптона, явился для него прямо-таки откровением. Кромптон чуть не упал, когда его нога утонула в мягком восточном ковре. Свет в комнате был золотистый, тусклый, по стенам непрерывной чередой корчились и извивались бледные, тревожащие тени, они то принимали человеческие очертания, сближались, сплетались в кольца, то превращались в тени животных или беспорядочные кошмары из детских снов, затем медленно исчезали в мозаике потолка. Кромптон и раньше слышал о теневых песнях, но видел их впервые.
- Исполняется довольно миленькая пьеска под названием "Спуск в Картерум." Как вам нравится? - спросил Лумис.
- Довольно трогательно, - ответил Кромптон. - Но, должно быть, это ужасно дорогое удовольствие?
- Пожалуй, - небрежно произнес Лумис. - Это мне подарили. Присаживайтесь.
Кромптон уселся в глубокое кресло, оно сразу приняло форму его тела и начало мягко массировать ему спину.
- Хотите выпить? - спросил Лумис.
Кромптон молча кивнул. Теперь он чувствовал запах духов - сложную летучую смесь аромата специй и пряностей с легким налетом запаха тления.
- Это запах...
- К нему нужно привыкнуть, - сказал Лумис. - Это обонятельная соната, задумана как аккомпанемент к песне теней. Я сейчас выключу.
Он выключил сонату и включил что-то другое. Кромптон услышал мелодию, которая как будто сама возникла у него в голове, - медленную, чувственную, мучительно волнующую;
Кромптону казалось, что он слышал ее раньше, в другое время, в другом месте.
- Она называется "Deja vu", - объяснил Лумис. - Прямая передача на слушателя. Симпатичная вещица, верно?
Кромптон понимал, что Лумис старается произвести на него впечатление. И надо отдать Лумису должное - это у него получалось. Пока Лумис разливал напиток, Кромптон оглядывал комнату: скульптуры, занавеси, мебель и все прочее; профессионально быстро вычислил он в уме цену, стоимость доставки с Земли, пошлины и получил результат.
Он пришел к ужасному выводу: только то, что было в комнате Лумиса, стоило больше, чем он, Кромптон, мог бы заработать в качестве клерка, живи он хоть три жизни с четвертью.
Лумис протянул стакан Кромптону.
- Это мед, - сказал он. - Крик моды этого года в Элдерберге. Скажите, как он вам понравится.
Кромптон отхлебнул медового напитка.
- Восхитительно, - сказал он. - Наверно, дорого?
- Довольно-таки. Но ведь за такое ничего не жаль отдать, не правда ли?
Кромптон не ответил. Он пристально рассматривал Лумиса и заметил признаки разрушения в его Дюрьеровом Теле. Он внимательно исследовал правильные, красивые черты лица, марсианский загар, гладкие мышиного цвета волосы, небрежное изящество одежды, тонкие лапки морщинок возле глаз, впалые щеки, на которых видны были следы косметики. Он рассматривал улыбку Лумиса - обычную улыбку баловня судьбы, - надменный изгиб губ, нервные пальцы, поглаживающие кусок

парчи, всю его фигурку, самодовольно развалившуюся в изысканном кресле.

Вот, думал он, стереотип сластолюбца, человека, живущего только ради своих удовольствий и неги. Это само воплощение сангвинистического темперамента, в основе которого лежит Огонь - потому что слишком горяча его кровь, она рождает в человеке беспричинную радость и чрезмерную привязанность к плотским удовольствиям. Но Лумис, так же как и Кромптон, всего лишь стереотип, с душой мелкой, глубиной всего в сантиметр, все желания которого легко предугадать, а страхи очевидны для всех и каждого.

В Лумисе сосредоточились те неосуществленные стремления Кромптона к наслаждениям, которые в свое время были отторгнуты и теперь предстали перед ним как самостоятельная сущность. Этот единственный принцип - наслаждение в чистом виде, которым Лумис руководствовался в своей жизни, - был совершенно необходим Кромптону, его телу и духу.

- Как вам удается сводить концы с концами? - резко спросил Кромптон.

- Я получаю деньги, оказывая услуги, - улыбаясь, ответил Лумис.

- Попросту говоря, вы вымогатель и паразит, - сказал Кромптон. - Вы наслаждаетесь за счет богачей, которые толпами стекаются в Элдерберг.

- Вам, брат мой трудяга и пуританин, все это представляется именно в таком свете, - сказал Лумис, закуривая сигарету цвета слоновой кости. - Но я смотрю на вещи иначе. Подумайте сами. Сегодня все делается во имя бедных, будто непредусмотрительность - это какая-то особая добродетель! Но ведь и у богатых есть свои нужды! Их нужды совсем не похожи на нужды бедняков, но от этого они не менее настоятельны. Бедняки требуют еды, крова, медицинского обслуживания. Правительство превосходно справляется с этим. А как же нужды богачей? Людей смешит сама мысль о том, что у богатого могут быть свои проблемы. Но разве оттого, что у человека есть кредит, он не может испытывать затруднений? Может. Более того, с ростом богатства возрастают и потребности, а это, в свою очередь, ведет к тому, что богатый человек часто оказывается в более бедственном положении, чем его бедный брат.

- В таком случае, почему бы ему не отказаться от богатства? - спросил Кромптон.

- А почему бедняк не отказывается от своей нищеты? - парировал Лумис. - Нет, этого нельзя делать, мы должны принимать жизнь такой, как она есть. Тяжко бремя богатых, но они должны нести его и обращаться за помощью к тем, кто может им ее оказать.

Богатым нужно сочувствие, и я им чрезвычайно сочувствую. Богатым нужно общество людей, способных наслаждаться роскошью; у богатых есть потребность учить, как ею наслаждаться; и, мне кажется, немного найдется таких, которые ценят роскошь, наслаждаются роскошью так, как я! А их женщины, Кромптон! У них ведь тоже есть свои нужды - настоятельные, срочные, а мужья часто не могут удовлетворить их в силу своей занятости. Эти женщины не могут довериться первому встречному, какому-нибудь простофиле. Они нервозны, хорошо воспитаны, подозрительны и легко поддаются внушению. Им нужны нюансы, утонченность. Им нужно внимание мужчины с высоким полетом фантазии и в то же время чрезвычайно благоразумного. В этом скучном мире редко встретишь такого мужчину. А мне посчастливилось: у меня талант именно в

таких делах. Вот я его и применяю. И, конечно, как всякий трудящийся человек, имею право на вознаграждение.

Лумис с улыбкой откинулся в кресле. Кромптон смотрел на него, испытывая что-то похожее на страх. Ему трудно поверить, что этот растленный, самодовольный альфонс, это существо с моралью кобеля было частью его самого. Но оно все же было его частью, и частью, необходимой для Реинтеграции.

- Так вот, - сказал Кромптон, - ваши взгляды меня не касаются. Я представляю собой основную личность Кромптона и нахожусь в подлинном теле Кромптона. Я прибыл сюда для Реинтеграции.

- Мне это ни к чему, - сказал Лумис.

- То есть вы хотите сказать, что не согласны?

- Абсолютно верно.

- Вы, по-видимому, не понимаете, что вы неукомплектованный, недоделанный экземпляр. У вас должно быть то же стремление к самоосуществлению, которое постоянно испытываю я. А это возможно только путем Реинтеграции.

- Безусловно, - сказал Лумис.

- Значит...

- Ничего это не значит, - сказал Лумис. - Я очень хотел бы укомплектоваться. Но еще больше мне хочется продолжать жить так, как я жил до сих пор, то есть самым удовлетворительным, самым замечательным образом. Знаете, роскошь позволяет мириться со многим...

- А вы не забыли, - сказал Кромптон, - что вы пребываете в Дюрьеровом Теле, а срок его существования всего сорок лет? Без Реинтеграции вам осталось жить только пять лет. Поймите, максимум пять. Бывает, что Дюрьеровы Тела ломаются и раньше срока.

- Да, верно, - сказал, слегка нахмурившись, Лумис.

- В Реинтеграции нет ничего плохого, - продолжал Кромптон самым, как ему казалось, убедительным тоном. - Ваша страсть к наслаждениям не пропадет, просто она станет несколько умереннее.

Лумис как будто задумался всерьез, попыхивая своей бледно-кремовой сигаретой. Потом взглянул Кромптону в лицо и произнес:

- Нет!

- Но ваше будущее?..

- Я просто не тот человек, который беспокоится о будущем, - с самодовольной улыбкой возразил Лумис. - Мне бы прожить сегодняшний день, да так, чтобы чертям тошно стало. Пять лет... Кто знает, что еще случится за эти пять лет! Пять лет - ведь это целая вечность! Может, что-нибудь и изменится.

Кромптон подавил в себе сильное желание вколотить в этого Лумиса хоть немного здравого смысла. Конечно, сластолюбец всегда живет только сегодняшним днем, не предаваясь мыслям о далеком и неопределенном будущем. Для Лумиса, поглощенного сегодняшним днем, пять лет - срок почти немыслимый. Ему, Кромптону, следовало бы знать это.

По возможности спокойным голосом Кромптон сказал:

- Ничего не изменится. Через пять лет - коротких пять лет - вы умрете.

Лумис пожал плечами.

- Я следую правилу - никогда не загадывать дальше четверга. Вот что я тебе скажу, старик, приезжай через три или четыре года, тогда поговорим.

- Но это невозможно, - объяснил ему Кромптон. - Вы тогда

будете на Марсе, я - на Земле, а наш третий компонент - на Венере. Нам уж ни за что не встретиться в нужный момент. А кроме того, вы даже не вспомните.

- Посмотрим, посмотрим, - сказал Лумис, поглядывая на свои часы. - А теперь, если ты не возражаешь, я жду гостя, который, наверное, предпочтет...

Кромптон встал.

- Если вы передумаете, я остановился в мотеле "Голубая Луна". И пробуду здесь еще день или два.

- Желаю приятно провести время, - сказал Лумис. - Не забудь посмотреть Пещеры Ксанаду - сказочное зрелище!

Совсем потеряв дар речи, Кромптон покинул роскошный номер Лумиса и вернулся в свой мотель.

В этот вечер, ужиная в буфете, Кромптон отведал Марсианских ростков и Красного Солодина. В киоске он купил книжечку акростихов. Вернувшись домой, он разгадал три кроссворда и лег спать.

На следующий день Кромптон попытался разработать план дальнейших действий. Убедить Лумиса он уже не надеялся. Ехать ли ему на Венеру разыскивать Дэна Стэка, третью утраченную часть своей личности? Нет, это более чем бесполезно. Даже если Стэк захочет реинтегрировать, им все равно будет недоставать их исконной трети - Лумиса, важнейшего источника наслаждений. Две трети будут еще более страстно желать укомплектования, чем одна треть, и будут еще больше страдать от ощущения своей неполноценности. А Лумиса, видно, не убедить.

При сложившихся обстоятельствах единственное, что оставалось Кромптону, это вернуться на Землю нереинтегрированньм и жить там по мере возможности. В конце концов есть какая-то радость и в напряженном труде и известное удовольствие в постоянстве, осмотрительности, надежности. Не следует недооценивать и такие, хотя бы и очень скромные, достоинства.

Но нелегко ему было примириться с этим. С тяжелым сердцем позвонил он на станцию и заказал себе место на вечерней ракете до Порта Ньютона.

Когда Кромптон упаковывал вещи и до отправления ракеты оставался всего час, дверь его номера распахнулась. Вошел Эдгар Лумис, огляделся вокруг, закрыл и запер за собой дверь.

- Я передумал, - сказал Лумис. - Я согласен на Реинтеграцию.

Внезапное подозрение загасило первый порыв радости Кромптона.

- А почему вы передумали?

- Какое это имеет значение? - возразил Лумис. - Разве мы...

- Я хочу знать почему, - сказал Кромптон.

- Ну, это трудновато объяснить. Понимаете, я только...

Раздался громкий стук в дверь. Сквозь апельсиновый загар на щеках Лумиса проступила бледность.

- Ну, пожалуйста, - попросил он.

- Рассказывайте, - неумолимо потребовал Кромптон.

Лоб Лумиса покрылся крупными каплями пота.

- Случается, что мужьям не нравятся небольшие знаки внимания, которые оказывают их женам. Порой даже богатый может оказаться потрясающим обывателем. В моей профессии встречаются подобные камни - мужья, например. Поэтому раз или два в год я считаю полезным провести некоторое время в Бриллиантовых Горах, в пещере, которую я там себе

оборудовал. Она в самом деле очень удобна, правда, приходится обходиться простой пищей. Но несколько недель - и опять все в порядке.

Стук в дверь повторился с новой силой. Кто-то кричал басом:

- Я знаю, что вы здесь, Лумис! Выходите, или я сломаю эту проклятую дверь и сверну вашу мерзкую шею!

Лумис никак не мог унять дрожи в руках.

- Больше всего на свете боюсь физического насилия, - проговорил он. - Не лучше ли просто реинтегрировать, и тогда я вам все объясню?

- Я хочу знать, почему на сей раз вы не скрылись в своей пещере? - настаивал Кромптон.

Они услышали, как кто-то всем телом налег на дверь. Лумис пронзительным голосом закричал:

- Это все ваша вина, Кромптон! Ваше появление выбило меня из седла. Я лишился своего необыкновенного ощущения времени, своего шестого чувства грядущей опасности. Черт вас побери, Кромптон, я не успел смыться вовремя! Меня захватили на месте преступления! Я просто сбежал, а за мной по всему городу мчался этот кретин, этот здоровенный неандерталец, выскочка муж, он заглядывал во все салуны и отели, обещая переломать мне ноги. У меня не хватило денег на пескоход и не было времени заложить свои драгоценности. А полицейские только ухмылялись и отказывались защитить меня. Пожалуйста, Кромптон!

Дверь трещала под бесчисленными ударами, и замок начал поддаваться. Кромптон, благодарный судьбе за то, что чувство недостаточности так вовремя заговорило в Лумисе, повернулся к нему, к этой части своей особы.

- Ну что ж, давайте реинтегрировать, - сказал Кромптон.

Оба они твердо посмотрели в глаза друг другу - две части целого, жаждущие единства, возможность, превращающаяся в мостик через пропасть. Затем Лумис тяжело вздохнул, и его Дюрьерово Тело рухнуло, сложившись пополам, как тряпичная кукла. В тот же миг колени Кромптона подогнулись, словно на его плечи взвалили тяжелый груз.

Замок сломался, и дверь распахнулась. В комнату влетел маленький, красноглазый, коренастый брюнет.

- Где он? - закричал брюнет.

Кромптон показал на распростертое на полу тело Лумиса.

- Разрыв сердца, - сказал он.

- О! - растерянно (то ли гневаться, то ли сострадать) сказал брюнет. - О!.. Да... О!..

- Он, конечно, заслуживал этого, - холодно заметил Кромптон, поднял чемодан и вышел из комнаты, чтобы успеть на вечерний рапидо.

Долгое путешествие по марсианским равнинам пролетело, как мимолетное мгновение, как облегченный вздох. Кромптон и Лумис получили, наконец, возможность поближе познакомиться друг с другом и решить кое-какие основные проблемы, которые неизбежно возникают, когда в одном теле объединяются два сознания.

Вопрос о главенстве в этом содружестве не вставал. Верховная власть принадлежала Кромптону, который вот у же тридцать пять лет был хозяином ума и тела подлинного Кромптона. При создавшихся условиях Лумис никак не мог взять верх, да и не хотел этого. Его вполне устраивала пассивная роль, и поскольку по натуре своей он был добрым малым, то согласился стать просто комментатором, советчиком и доброжелателем.

Но Реинтеграции не произошло. Кромптон и Лумис существовали в одном разуме подобно планете и луне - независимые, но, по сути, неразделимые, осторожно прощупывающие друг друга, не желающие, да и не способные поступиться каждый своей автономией. Конечно, какое-то взаимопроникновение происходило, но слияния, в результате которого из двух самостоятельных элементов образовалась бы устойчивая, единая личность, быть не могло, пока к ним не присоединится Дэн Стэк, третий недостающий компонент.

Но даже в случае его присоединения, напоминал Кромптон оптимистически настроенному Лумису, Реинтеграция может не состояться. Допустим, Стэк захочет реинтегрировать (а может, и не захочет), но три шизоидных компонента вдруг воспротивятся слиянию или не сумеют его достичь, тогда их борьба внутри единого мозга быстро приведет к безумию.

- Стоит ли об этом беспокоиться, старина? - спросил Лумис.

- Стоит, - сказал Кромптон. - Может случиться так, что мы все трое реинтегрируем, а полученный в результате разум не будет стабильным. Психопатические элементы возьмут верх, и тогда...

- Так или иначе, нам придется просто смириться, - возразил Лумис. - Стерпится - слюбится, как говорят.

Кромптон согласился. Его вторая натура Лумис - спокойный, добродушный, жизнелюбивый Лумис - уже оказывал на него свое влияние. С некоторым усилием Кромптон заставил себя не тревожиться. Вскоре он смог заняться своим кроссвордом, а Лумис принялся сочинять первый куплет песенки.

Рапидо прибыл в порт Ньютон. Кромптон пересел в коротко-рейсовый до станции Марс-1. Здесь он прошел таможенные, иммиграционные и санитарные формальности и затем на хоповоре добрался до пересадочного пункта. Ему Пришлось прождать еще пятнадцать дней корабля, следующего на Венеру. Разбитной молодой кассир говорил ему что-то о всяких помехах, об "оппозиции" и "экономических орбитах", но ни Кромптон, ни Лумис так и не поняли, о чем он толковал.

Задержка оказалось очень кстати. Лумис смог рукой Кромптона проставить довольно приемлемо свою подпись в письме, в котором он просил своего друга в Элдерберге превратить все имущество в наличные деньги, раздать долги, расплатиться с комиссионером, а остаток переслать своему наследнику Кромптону. В результате через одиннадцать дней Кромптон получил три тысячи долларов, в которых он очень нуждался.

Наконец венерианский корабль стартовал из пересадочного пункта. Кромптон сразу же серьезно занялся изучением Бейзик Иггдры - основного языка аборигенов Венеры. Лумис, впервые в жизни, тоже попробовал работать: отложил в сторону песенку и взялся за трудные правила Иггдры. Скоро, однако, ему надоели ее сложные спряжения и склонения, но, восхищаясь прилежанием работяги Кромптона, он в поте лица продолжал начатое.

Кромптон, в свою очередь, попытался немного продвинуться в науке понимания прекрасного. В сопровождении Лумиса, который не оставлял его своими советами, Кромптон посещал все концерты на корабле, смотрел картины в Главном Салоне и долго и добросовестно разглядывал из обзорного зала корабля яркие сияющие звезды. Хотя это и представлялось ему пустой тратой времени, он упорно занимался самообразованием.

На десятый день пути союз Кромптона и Лумиса подвергся

серьезному испытанию; причиной конфликта стала жена венерианского плантатора второго поколения. Кромптон встретил ее в обзорном зале. На Марсе она лечилась от туберкулеза и теперь возвращалась домой.

Это была небольшого роста стройная молодая женщина, очень живая, с сияющими глазами и блестящими волосами. Она призналась, что устала от долгого космического путешествия.

Они прошли в кают-компанию. После четырех мартини Кромптон слегка расслабился и разрешил Лумису взять инициативу в свои руки, что тот и сделал с большой охотой. Лумис танцевал с нею под фонограф корабля; потом он великодушно уступил поле боя Кромптону. У Кромптона от волнения заплетались ноги, он краснел, бледнел, но наслаждался до бесконечности. И провожал ее к столу уже Кромптон, и тихо разговаривал с нею тоже Кромптон, и касался ее руки Кромптон, а удовлетворенный Лумис только смотрел на все это. Около двух часов ночи девушка ушла, многозначительно назвав номер своей каюты. Кромптон, шатаясь, доковылял до палубы "B" и вне себя от счастья свалился в постель.

- Ну? - спросил Лумис.

- Что "ну"?

- Пошли. Мы же приглашены совершенно недвусмысленно.

- Да никто нас не приглашал, - в недоумении возразил Кромптон.

- Но она же назвала номер каюты, - объяснил Лумис. - Это вкупе со всеми остальными событиями сегодняшнего вечера может быть истолковано только как приглашение, если не приказание.

- Не верю! - воскликнул Кромптон.

- Даю слово, - сказал Лумис. - У меня в этой области есть некоторый опыт. Приглашение налицо, путь открыт. Вперед!

- Нет, нет, - сказал Кромптон. - Не хочу... То есть не буду... Не могу...

- Отсутствие опыта не извиняет, - твердо заявил Лумис. - Природа с необыкновенной щедростью помогает нам раскрывать свои тайны. Ты только подумай - бобры, еноты, волки, тигры, мыши и другие существа, не обладающие и сотой долей твоего интеллекта, запросто решают проблему, которая тебе кажется непреодолимой. Но ты, конечно, не позволишь, чтобы какая-то мышь переплюнула тебя!

Кромптон поднялся, отер со лба обильный пот и сделал два неуверенных шага по направлению к двери. Затем круто повернулся назад и сел на кровать.

- Абсолютно исключено, - твердо заявил он.

- Но почему?

- Это неэтично. Молодая леди замужем.

- Замужество, - терпеливо разъяснил Лумис, - это дело рук человеческих. Еще задолго до того, как появилось замужество, существовали мужчины и женщины и между ними были известные взаимоотношения. Законы природы всегда предпочтительнее законов человеческих.

- Это аморально, - не очень уверенно возразил Кромптон.

- Совсем наоборот, - уверил его Лумис. - Ты не женат, значит, твои действия не вызовут никаких нареканий в твой адрес. Молодая леди замужем. Это ее дело. Вспомни: она же не просто собственность своего мужа, но человек, имеющий право на самостоятельные решения. И она уже приняла решение, нам остается только проявить свое уважение к цельности ее натуры, иначе мы ее оскорбим. Ну и, наконец,

есть муж. Поскольку он ничего не будет знать, он не пострадает. Более того, он от этого выиграет: жена будет с ним необычайно нежна, чтобы загладить свою измену, а он все это отнесет за счет своей сильной личности, и это "я" взыграет. Итак, Кромптон, как видишь, всем будет от этого только лучше, и никто не пострадает.

- Пустая софистика, - сказал Кромптон, вставая и снова направляясь к дверям.

- Молодец! - сказал Лумис.

Кромптон глупо ухмыльнулся и открыл дверь. Потом будто что-то ударило ему в голову: он захлопнул дверь и лег в постель.

- Абсолютно невозможно, - сказал Кромптон.

- Ну что еще стряслось?

- Твои аргументы, - сказал Кромптон, - могут быть одинаково справедливы и несправедливы - не мне судить о том, у меня для этого просто не хватает жизненного опыта. Но одно я знаю твердо: ничего такого я делать не собираюсь, пока ты за мною наблюдаешь!

- Но, черт возьми, я - это ты! Ты - это я! Мы две части одного целого!

- Нет, еще нет, - сказал Кромптон. - Сейчас мы всего-навсего шизоидные компоненты, два человека в одном теле. Потом, когда произойдет Реинтеграция... Но при существующем положении вещей элементарное чувство приличия запрещает мне делать то, что ты предлагаешь. Это немыслимо! И я не желаю больше говорить на эту тему!..

Тут Лумиса прорвало. Оскорбленный в лучших своих чувствах, он бушевал, орал, осыпал Кромптона ругательствами, самым невинным из которых было: "засранец желторотый!". Гнев его возмутил ум Кромптона и эхом отозвался во всем его раздвоенном организме.

Раскол между Лумисом и Кромптоном стал глубже; появились новые трещины, и пропасть обещала стать такой же глубокой, как между доктором Джекилом и мистером Хайдом в известном романе Стивенсона.

Главенствующее положение Кромптона ставило его как бы выше всего этого. Но неистовая ярость выработала в его мозгу противоядие в виде крошечных, не до конца изученных нами антител типа лейкоцитов в крови, которые имеют основной своей задачей удаление из организма болезней и изоляцию воспаленного участка мозга.

Когда эти антитела стали строить cordon sanitaire вокруг Лумиса, тесня его, загоняя в угол и окружая стеной, Лумис в испуге отступил.

- Кромптон, пожалуйста!..

Над Лумисом нависла опасность быть полностью, навсегда заключенным, безвозвратно затерянным в темном, дальнем уголке кромптоновского сознания. И тогда - прощай Реинтеграция! Но Кромптон вовремя сумел восстановить равновесие. Сразу иссяк поток антител, стена растаяла, и пристыженный Лумис снова неуверенно занял свое место.

Некоторое время они не разговаривали друг с другом. Лумис дулся и сердился целый день и клялся, что никогда не простит Кромптону его жестокости. Но все же он прежде всего был сенсуалистом, и всегда жил данной минутой, и не помнил прошлых обид, и не умел задумываться над будущим. Его негодование быстро улеглось, и он снова стал веселым и безмятежным, как всегда.

Кромптон не был таким отходчивым; но он, как личность главенствующая, сознавал свою ответственность. Он делал

все, чтобы восстановить союз, и скоро оба они действовали в полном согласии друг с другом.

Они решили в дальнейшем избегать общества молодой леди. Остаток путешествия промелькнул незаметно, и, наконец, ракета достигла Венеры.

Они опустились на Спутнике N 3, где прошли таможенные, иммиграционные и санитарные формальности. Им сделали инъекции против Ползучей Лихорадки, Венерианской Чумы, Болезни Найта и Большой Чесотки. Им дали порошки против Инфекционной Гангрены и профилактические пилюли от Черной Меланхолии. Наконец им разрешили сесть в ракету, следующую до станции Порт Нью-Харлем.

Этот порт, расположенный на западном берегу медлительной Инланд Зее, находился в умеренной зоне Венеры. Однако Лумису и Кромптону он показался жарким после прохладного, бодрящего климата Марса. Здесь они впервые увидели аборигенов Венеры - целыми сотнями, не на арене цирка, а в естественной обстановке. Средний рост местных жителей составлял пять футов, а чешуйчатая панцирная шкура выдавала их происхождение: их далекими предками были ящерицы. По тротуарам они ходили в вертикальном положении, но некоторые, чтобы уйти от толчеи, двигались прямо по стенам домов, держась с помощью круглых присосок, расположенных у них на ступнях, ладонях, коленях и предплечьях.

Кромптон провел в городе один день, затем сел на вертолет до Восточного Болота - согласно последним сведениям, Дэн Стэк находился именно там. Полет состоял из сплошного жужжания и порхания среди плотных туч и облаков, из-за которых совершенно не видно было поверхности Венеры. Локатор тонко пищал, разыскивая зоны перемещающихся инверсий, где часто вспыхивали страшные венерианские ураганы зикры. Но погода была тихая, и Кромптон проспал большую часть пути.

Восточное Болото - это крупный порт торгового флота на притоке реки Инланд Зее. Здесь Кромптон разыскал дряхлых восьмидесятилетних стариков, усыновивших Стэка. Они рассказали Кромптону, что Дэн был рослый, здоровый мальчик; немного вспыльчивый, но всегда доброжелательный. Старики заверили Кромптона, что история с дочкой Моррисона выдумана, должно быть, Дэна обвинили по ошибке. Дэн не мог причинить вреда этой бедной, беззащитной девушке.

- Где мне искать Дэна? - спросил Кромптон.

- Так разве вы не знали, что Дэн уехал отсюда? - спросил старик, смаргивая слезу. - Это было лет десять, а то и все пятнадцать назад.

- Восточное Болото показалось ему слишком скучным, - с обидой сказала старушка. - Он позаимствовал у нас некоторую толику денег и ушел среди ночи, пока мы спали.

- Не захотел нас беспокоить, - поспешно объяснил старик. - Пошел искать свое счастье наш Дэн. И уж будьте спокойны, он его найдет. Он ведь настоящий мужчина, наш Дэн.

- А куда он уехал? - спросил Кромптон.

- Точно не скажу, - ответил старик. - Он нам никогда не писал. Не любит он этого дела, наш Дэн. Но Билли Дэвис видел его в У-Баркаре, когда возил туда картошку.

- А когда это было?

- Пять, а то и шесть лет назад, - сказала старушка. - Тогда мы последний раз и слышали о Дэне. Венера велика, мистер.

Кромптон поблагодарил стариков. Он попытался найти Билли Дэвиса, чтобы пополнить информацию о Дэне Стэке

какими-нибудь новыми фактами, но узнал, что Билли работает третьим помощником капитана маленького грузового корабля, а судно ушло месяц назад и плыло теперь по Южной Инланд Зее, заходя во все маленькие сонные городки на свеем пути.

- Ну что ж, - сказал Кромптон, - нам остается только одно: едем в У-Баркар.

- Пожалуй, верно, - сказал Лумис. - Но, честно говоря, старик, не нравится мне что-то этот парень Стэк.

- Да и мне тоже, - согласился Кромптон. - Но он ведь часть нас, и он нам просто необходим для Реинтеграции.

- Что поделать! - сказал Лумис. - Веди меня, о старший брат мой!

И Кромптон повел. Он успел на вертолет до Депотсвилла, потом сел в автобус до Сент-Деннис. Там ему посчастливилось стать попутчиком возницы, который на своей полутонке вез в У-Баркар груз дезинсекторов. Возница был рад компании - уж очень безлюдны эти Болота Мокреши.

За четырнадцать часов пути Кромптон многое узнал о Венере. Огромный, теплый, влажный мир - вот чем был новый фронтир Земли, сказал возница. Марс - это всего лишь драгоценная находка для туристов, а у Венеры самые реальные перспективы. На Венеру устремились люди типа американских пионеров, настоящие деятельные наследники духа американских фронтьеров, буров-земледельцев, израильских киббуцников и австралийских скотоводов. Они упрямо сражаются за место под солнцем на плодородных землях Венеры, в золотоносных горах, на берегах теплых морей. Они бьются с аборигенами, существами каменного века, потомками ящериц Аисами. Их великие победы на Перевале Сатаны у Скверфейса, у Альбертсвилла и у Раздвоенного Языка и поражения у Медленной Реки и на Голубых Водопадах уже вошли в историю человечества наравне с такими событиями, как Ченселлорсвилл, Маленький Большой Рог и Дьенбьенфу. Войны на этом не кончились. Венеру, сказал возница, еще нужно завоевать.

Кромптон слушал и думал, что и он был бы не прочь принять участие в такой жизни. Лумиса же явно утомил весь этот разговор, ему было тошно от приторных запахов болота.

У-Баркар представлял собой группу плантаций в самой глубине континента Белых Туч. Пятьдесят землян присматривали здесь за работой двух тысяч аборигенов, которые сажали, растили и собирали урожай дерева ли - дерево это могло расти только в этой части планеты. Ли - фрукт, созревающий два раза в год, - стал основной специей, приправой, без которой не обходилось ни одно блюдо землян.

Кромптон встретился со старшиной, крупным, краснолицым человеком по имени Гаарис; у него на бедре болтался пистолет, а опоясан он был бичом из черной змеи.

- Дэн Стэк? - переспросил старшина. - Ну как же, работал здесь почти год. Потом пришлось дать ему пинка под зад, чтобы катился подальше.

- Если вам не трудно, расскажите почему, - попросил Кромптон.

- Отчего ж, пожалуйста, - сказал старшина. - Только об этом лучше поговорить за стаканчиком виски.

Он провел Кромптона в единственный в У-Баркаре салун и там, потягивая пшеничное виски, рассказал ему о Дэне Стэке.

- Он явился сюда с Восточного Болота. Что-то у него там было, кажется, с девчонкой - то ли он дал ей по зубам, то ли еще что-то. Но меня это не касается. Мы здесь, по крайней мере, большинство из нас, далеко не сахар, и я так думаю, что там, в городах, были рады-радехоньки избавиться от нас.

Да, так я поставил Стэка надсмотрщиком над пятьюдесятью Аисами на ли-поле в сто акров. Сначала он чертовски здорово справлялся с работой.

Старшина покончил с заказанной Кромптоном выпивкой. Кромптон повторил заказ и расплатился.

- Я говорил Стэку, - продолжал Гаарис, - что надо их гонять, чтобы добиться работы: у нас обычно работают парни из племени чипетцев, а они народ злой, вероломный, зато, правда, крепкий. Их вождь снабжает нас рабочей силой по контракту на двадцать лет, а в обмен получает ружья. Так они этими ружьями чуть нас всех не перестреляли поодиночке. Ну, это уже другой разговор. Мы тут сразу два дела не делаем.

- Контракт на двадцать лет? - спросил Кромптон. - Выходит, Аисы фактически ваши рабы?

- Так оно и есть, - согласился старшина. - Кое-кто из хозяев пытается приукрасить это дело, называет его временной кабалой, возвращением к феодальной экономике. Но это рабство, и почему не называть его своим именем? Да и нет иного способа цивилизировать этот народец. Стэк отлично понимал это. Здоровенный был малый и с бичом управлялся дай бог каждому! Я думал, у него дело пойдет.

- И что же?.. - подзадорил старшину Кромптон и заказал еще виски.

- Сначала он был просто молодцом, - сказал Гаарис. - Лупил их своим черным змеем, исправно получал свою долю в доходе и все прочее. Но не было на него никакой управы. Стал насмерть убивать парней бичом, а ведь замена тоже денег стоит. Я его уговаривал не налегать. Не внял. Однажды его чипетцы взбунтовались, он прикончил из ружья восьмерых - они и убежать не успели. Я поговорил с ним, что называется, по душам. Объяснил ему, что наша задача - заставить Аисов работать, а убивать их ни к чему. Конечно, мы рассчитываем, что какой-то процент погибнет. Но Стэк зашел слишком далеко и лишал нас наших доходов.

Старшина вздохнул и закурил сигарету.

- Стэку просто нравилось пускать в ход свой бич. Да и многие из наших парней любят это дело. Но Стэк просто удержу не знал. Его чипетцы снова взбунтовались, и ему пришлось прикончить что-то около дюжины их. Но в драке он потерял руку. Ту, в которой бич. Наверное, чипетцы ее и откусили.

Ну, я поставил его на работу в сушильню, но и тут он затеял драку и убил четырех Аисов. Терпение мое лопнуло. В конце концов рабочие денег стоят, и нельзя, чтобы какой-то бешеный идиот, стоит ему выйти из себя, убивал их. Я дал Стэку расчет и послал его ко всем чертям.

- Он сказал, куда он собирался путь держать? - спросил Кромптон.

- Он заявил, что Аисов надо уничтожить, чтобы освободить место для землян, и что мы в этом ни черта не смыслим. Сказал, что собирается присоединиться к Бдительным. Это что-то вроде кочующей армии, которая контролирует воинственные племена.

Кромптон поблагодарил старшину и спросил, где может размещаться штаб Бдительных.

- Сейчас их лагерь расположен на левом берегу Реки Дождей, - сказал Гаарис. - Они там пытаются навязать свои условия Сериидам. А вам уж больно нужен этот Стэк?

- Он мой брат, - сказал Кромптон, чувствуя внезапную слабость.

Старшина жестко посмотрел на него.

- Да, - сказал старшина, - родственнички есть родственнички, тут уж ничего не поделаешь. Но хуже вашего братца я в жизни никого не видел, а я-то уж насмотрелся всякого. Оставьте его лучше в покое.

- Я должен найти его, - сказал Кромптон.

Гаарис безразлично пожал плечами.

- Переход до Реки Дождей далекий. Я продам вам вьючного мула и провизию и пришлю местного мальчишку, он вас проведет. Вы пойдете по мирным районам, так что доберетесь до Бдительных, будьте спокойны. Надеюсь, что район все еще мирный.

В этот вечер Лумис уговаривал Кромптона отказаться от поисков. Ясно ведь, что Стэк вор и убийца. Какой смысл объединяться с таким?

Но Кромптон чувствовал, что все не так просто. Прежде всего рассказы о Стэке сами по себе могли быть преувеличением. Но даже если все в них было правдой, это могло означать только одно: Стэк - еще один стереотип, неполноценная моноличность, так же как Кромптон и Лумис, не считающаяся с обычными человеческими условиями. Их объединение, слияние изменит Стэка. Он всего лишь восполнит то, чего недостает в Кромптоне и Лумисе, - внесет должную толику агрессивности, жестокости, жизненных сил.

Лумис думал иначе, но согласился молчать до встречи с недостающим компонентом.

Утром Кромптон за непомерную цену купил мулов и снаряжение и на рассвете следующего дня тронулся в путь в сопровождении юноши из чипетцов по имени Рекки.

Через девственные леса вслед за своим проводником Кромптон поднялся на острые горные хребты Томпсона; через покрытые снегами вершины перевалил в узкие гранитные ущелья, где ветер завывал, как мученик в аду; потом спустился еще ниже, в густые, насыщенные испарениями джунгли по другую сторону гор. Лумис, напуганный лишениями долгого пути, отступил в самый дальний уголок сознания Кромптона и возрождался к жизни только по вечерам, когда в лагере уже горел костер и гамак был подвешен. Кромптон, сжав зубы, с налитыми кровью глазами, спотыкаясь, брел сквозь пылающие дни, таща на себе весь груз лишений и поражаясь своей способности так долго переносить тяготы пути.

На восемнадцатый день они вышли на берег мелкой грязной речушки. Это, сказал Рекки, и есть Река Дождей. В двух милях от того места они обнаружили лагерь Бдительных.

Командир Бдительных, полковник Прентис, был высоким, худощавым, сероглазым человеком со всеми признаками недавно перенесенной изнуряющей лихорадки. Он очень хорошо помнил Стэка.

- Да, некоторое время он был с нами. Я сомневался, стоит ли его принимать. Прежде всего его репутация. К тому же однорук... Но он научился стрелять левой рукой лучше, чем иные делают это правой, а его правую культю прикрывал бронзовый зажим. Он сам его сделал и приспособил паз для мачете. Сильный был малый, скажу я вам! Он был с нами почти два года. Затем я его отчислил.

- За что? - спросил Кромптон.

Командир с грустью вздохнул.

- Вопреки общему мнению мы, Бдительные, вовсе не разбойничья армия завоевателей. Мы здесь не для того, чтобы казнить и уничтожать туземцев. Мы здесь не для того, чтобы под тем или иным предлогом захватывать новые территории.

Здесь мы для того, чтобы провести в жизнь договор, который основывался бы на глубоком доверии между Аисами и поселенцами, не допускал бы набегов ни со стороны Аисов, ни со стороны землян и, главное, чтобы сохранялся мир. Стэку с его тупой головой трудно было понять это.

Видимо, Кромптон немного изменился в лице, потому что командир сочувственно кивнул.

- Вы ведь знаете его, э? Тогда вы сможете представить себе, как это случилось. Я не хотел терять его. Он был сильным, способным солдатом, искусным в лесной и горной науке, чувствующим себя в джунглях как дома. Пограничные патрули расставлены редко, и у нас каждый человек на счету. Стэк был ценным солдатом. Я приказывал сержантам следить за его поведением и не допускать жестокости в отношении туземцев. В течение какого-то времени это действовало. Стэк очень старался. Он изучал наши правила, наш кодекс, наш образ жизни. Его репутация стала безупречной. И вдруг этот случай на Вершине Тени, о котором вы, я полагаю, слышали.

- Нет, не слыхал, - признался Кромптон.

- Да ну! Я думал, на Венере все знают о нем. Ну, так вот как было дело. Патруль, в котором находился тогда Стэк, окружил племя Аисов, оставшееся вне закона и причинявшее нам много хлопот. Их препровождали в особую резервацию, расположенную на Вершине Тени. На марше они учинили беспорядок, драку. У одного из Аисов был нож, он рубанул им Стэка по левому запястью. По-видимому, потеряв одну руку, Стэк стал особенно чувствителен к возможности потерять и вторую. Рана была пустяковая, но Стэк впал в неистовство. Из автомата он застрелил аборигена, а потом перестрелял и всех других. Остановить его не могли, и лейтенанту пришлось ударить его дубинкой; он потерял сознание. Этим поступком Стэка был нанесен ни с чем не соизмеримый ущерб отношениям землян с Аисами. Оставить такого человека в своей группе я не мог. Он нуждается прежде всего в психиатре. Я его отчислил.

- А где он теперь? - спросил Кромптон.

- Но почему вы так интересуетесь этим человеком? - резко спросил командир.

- Он мой сводный брат.

- Понятно. Я слышал, что Стэк отправился в Порт Нью-Харлем и какое-то время работал в доках. Сошелся там с парнем по имени Бартон Финч. Оба попали в тюрьму за пьянство и дебош; потом их выпустили, и они вернулись на границу в Белые Тучи. Сейчас Стэк и Финч - владельцы маленькой лавки где-то возле Кровавой Дельты.

Кромптон устало потер лоб и сказал:

- Как туда добраться?

- На каноэ, - ответил командир. - Нужно спуститься по Реке Дождей до развилки. Левый рукав и есть Кровавая Река. До самой Кровавой Дельты она судоходна. Но я не советую вам пускаться в это путешествие. Во-первых, это чрезвычайно рискованно. Во-вторых, это бесполезно, вы ничем не поможете Стэку. Он прирожденный убийца. Лучше всего оставить его в покое в этом пограничном городишке, где он не может причинить большого вреда.

- Я должен добраться до него, - сказал Кромптон, чувствуя, как неожиданно пересохло у него во рту.

- Законом это не возбраняется, - сказал командир с видом человека, исполнившего свой долг.

Кромптон обнаружил, что Кровавая Дельта - самая крайняя

граница освоенного человеком района Венеры. Город находился в центре расположения враждебных людям племен грелов и тэнтцы; с ними был заключен непрочный мир, но приходилось закрывать глаза на непрекращающуюся партизанскую войну, которую вели эти племена. В Дельта-краю можно было стать богачом. Аборигены приносили бриллианты и рубины величиной с кулак, мешки с редчайшими пряностями или случайные находки, резьбу по дереву из затерянного города Алтерна. Они обменивали все эти ценности за оружие и снаряжение, которое затем энергично использовали против тех же торговцев или друг против друга. Таким образом, в Дельте можно было найти и состояние и смерть, смерть медленную и мучительную. На Кровавой Реке, что тихим потоком кралась сквозь сердце Края, таились свои особые опасности, которые уносили в мир иной не менее пятидесяти процентов путешественников, рискнувших пуститься в плаванье по реке.

Кромптон решительно отказался от всех разумных доводов. Теперь до их недостающего компонента Дэна Стэка было рукой подать. Виден стал конец их странствий, и Кромптон твердо решил достичь его. Он купил каноэ, нанял четырех гребцов-аборигенов, приобрел оборудование, ружья, снаряжение и условился, что выходят они на рассвете.

Но в ночь перед отъездом взбунтовался Лумис.

Они находились в маленькой палатке на краю лагеря, которую полковник предоставил в распоряжение Кромптона. При свете коптящей керосиновой лампы Кромптон набивал патронташ патронами и настолько углубился в это занятие, что не замечал, да и не хотел замечать ничего другого.

Тут Лумис подал голос:

- А ну-ка послушай меня. Я признал тебя господином в нашем союзе. Я не предпринял ни одной попытки завладеть телом. Я всегда был в хорошем настроении и помогал тебе сохранять хорошее расположение духа, пока мы тащились по этой Венере. Верно?

- Да, верно, - неохотно согласился Кромптон, откладывая в сторону патронташ.

- Я сделал все, что было в моих силах, но это уж слишком. Я согласен на Реинтеграцию, но не с маньяком-убийцей. И не говори мне об однобокости! Стэк убийца, и я не хочу иметь с ним ничего общего.

- Он часть нас, - возразил Кромптон.

- Ну и что? Прислушайся к себе, Кромптон! Из нас троих ты, по-видимому, больше всех соприкасался с действительностью. А теперь ты как одержимый готов послать нас на смерть в этой паршивой реке!

- Все будет хорошо, - не очень убежденно сказал Кромптон.

- Будет ли? - усомнился Лумис. - Ты слышал, что рассказывают об этой Кровавой Реке? Но, предположим, мы пройдем эту реку, что нас ждет в Дельте? Маньяк- убийца! Он уничтожит нас, Кромптон!

Подходящего ответа Кромптон не нашел. Раскрывшиеся в процессе поисков черты характера Стэка все больше ужасали Кромптона, зато все сильнее захватывала мысль, что Стэка необходимо разыскать. Лумис никогда не хотел Реинтеграции, для него эта проблема возникла под воздействием внешних обстоятельств, а не в результате внутренней потребности. А у Кромптона вся жизнь была подчинена одной страсти - достичь человеческой полноты, выйти за искусственные рамки своей личности. Без Стэка слияние было невозможно. С ним появилась надежда, пусть даже крошечная.

- Мы едем, - сказал Кромптон.

- Элистер, пожалуйста! Ты и я, мы прекрасно уживаемся друг с другом. Нам и без Стэка будет, очень хорошо. Давай вернемся на Марс или на Землю.

Кромптон покачал головой. Он уже чувствовал, что между ним и Лумисом существуют глубокие, непримиримые разногласия. Он понимал, что наступит время, когда эти трещины расползутся во всех направлениях, и тогда без Реинтеграции он и Лумис станут развиваться каждый по-своему - и это в одном-то общем теле!

Такое могло кончиться только безумием.

- Ты не хочешь вернуться? - спросил Лумис.

- Нет.

- Ну, держись!

Личность Лумиса внезапно перешла в атаку и захватила частичный контроль над двигательными функциями тела. На какое-то время Кромптон был оглушен. Потом, почувствовав, как из его рук уплывает власть, он свирепо схватился с Лумисом, и битва началась.

Это была война в безмолвии, война при свете коптящей керосиновой лампы, который все больше бледнел с наступлением утра. Полем боя служил мозг Кромптона. Наградой за победу служило тело Кромптона. Оно лежало, содрогаясь, на подвесной парусиновой койке, пот стекал с его лба, ничего не выражающие глаза уставились на лампу, на лбу, не переставая, дергалась жилка.

Личность Кромптона была главенствующей, но разногласия с Лумисом и чувство вины ослабили его, а груз собственных сомнений угнетал. Лумис, хоть и слабее по своей натуре, на этот раз, уверенный в собственной правоте, боролся отчаянно; он сумел овладеть жизненными и двигательными центрами организма и заблокировать поток опасных для него антител.

На долгие часы две личности сплелись в поединке, и тело Кромптона как в лихорадке стонало и корчилось в подвесной койке. Наконец, когда серый рассвет заглянул в палатку, Лумис начал одолевать. Кромптон весь подобрался в последнем броске, но у него не хватило сил. Тело Кромптона уже угрожающе перегрелось в этой битве; еще немного - и ни для одной из личностей не останется оболочки.

Лумис, которого не угнетали ни угрызения совести, ни сомнения, продолжал нажимать, захватил, наконец, все жизненные и двигательные функции, центры организма.

И когда солнце встало, победа целиком и полностью принадлежала Лумису.

Лумис встал на трясущиеся ноги, потрогал щетину на подбородке, потер онемевшие пальцы, осмотрелся. Теперь это было его тело. Впервые после отъезда с Марса он видел и чувствовал непосредственно, сам, информация от внешнего мира больше не фильтровалась и не ретранслировалась через Кромптона. Приятно было вдыхать застоявшийся воздух, чувствовать на себе одежду, быть голодным, жить! Он возвратился из мира серых теней в мир сверкающих красок. Это чудо! Он хотел, чтобы так было всегда.

Бедный Кромптон!

- Не волнуйся, старик. Знаешь, я и для тебя постараюсь.

Ответа не последовало.

- Мы вернемся на Марс, - продолжал Лумис. - Снова в Элдерберг. Все образуется.

Кромптон не хотел или не мог отвечать. Это слегка обеспокоило Лумиса.

- Где ты там, Кромптон? Как чувствуешь себя?

Молчание.

Лумис нахмурился и заспешил в палатку полковника.
- Я передумал, не буду я искать Дэна Стэка, - сказал Лумис полковнику. - Кажется, он действительно слишком далеко зашел.
- Вы приняли мудрое решение, - сказал командир.
- Так я хочу немедленно вернуться на Марс.
Полковник кивнул.
- Все космические корабли отправляются из Порта Нью-Харлем, куда вы в свое время прибыли.
- Как мне добраться до него?
- Это не так-то просто, - сказал ему полковник. - Думаю, что смогу дать вам проводника из местных. Вам придется снова пересечь Горы Томпсона до У-Баркара. Советую вам на сей раз ехать Долиной Дессет, поскольку по центральным лесам бродят сейчас Орды Кмитки, а от них всего можно ожидать. Вы достигнете У-Баркара в период ливней, так что перебраться в Депотсвилл на лодках вам вряд ли удастся. Если вы окажетесь там вовремя, то сумеете присоединиться к каравану, переправляющему соль по кратчайшему пути через Ущелье Ножа. Если не успеете, вы сравнительно легко определите направление по компасу, если учтете отклонения, характерные для данных районов. Но в Депотсвилле вы будете в самый разгар ливневых дождей. Это, я вам скажу, зрелище! Возможно, вам посчастливится поймать вертолет до Нью-Сент-Дэннис или до Восточного Болота, но сомневаюсь, чтобы они летали - из-за зикра. Эти ураганы очень опасны для авиации. Так что, может быть, вы сядете на колесный пароход до Восточного Болота, а там на грузовом судне спуститесь по Ииланд Зее до Порта Нью-Харлем. По-моему, вдоль южного берега есть несколько удобных бухт, где можно укрыться от непогоды. Я-то предпочитаю путешествовать по земле или по воздуху. Ну, а вам, конечно, придется решать самому, каким путем добраться до Порта Нью-Харлем.
- Спасибо, - еле выговорил Лумис.
- Сообщите мне ваше решение, - сказал полковник.
Лумис поблагодарил его и в сильном возбуждении вернулся в палатку. Он размышлял над новыми, предстоящими ему путешествиями через горы и болота, сквозь первобытные поселения, мимо диких бродячих орд. Он ясно представил себе осложнения, связанные с дождями и бурями. Никогда прежде его богатое воображение не рисовало с такой яркостью жутких картин тяжелого пути.
Трудно было добраться сюда, но куда труднее будет возвращаться. Ведь на этот раз его тонкая душа эстета будет лишена защиты спокойного, многострадального Кромптона. Ему, Лумису, придется принимать на себя удары ветра, дождя, переносить голод, жажду, усталость, страхи. Ему, Лумису, придется есть грубую пищу и пить вонючую воду. И ему, Лумису, придется выполнять все мелкие будничные обязанности, связанные с путешествием, которые раньше тащил на своих плечах Кромптон, а он, Лумис, и не думал о них.
Справится ли он? Он ведь дитя города, продукт цивилизации. Его волновали сложные повороты, извивы человеческой натуры, а не причуды и страсти природы. Обитая в тщательно отделанных человеческих норах, в сложных лабиринтах муравейников- городов, он не сталкивался с грубым, неспокойным миром неба и солнца. Отделенный от этого мира тротуарами, дверями, окнами и потолками, он стал сомневаться в мощи того гигантского, все перемалывающего механизма природы, которую так соблазнительно описывали в своих произведениях старые писатели и которая поставляла

такие прелестные образы для стихов и песен. Лумису, привыкшему нежиться под мягким солнцем спокойного летнего марсианского дня или сонно прислушиваться к свисту ветра за окном в штормовую ночь, всегда казалось, что природу сильно переоценивают.

Но теперь волей-неволей он должен взять в свои руки и тяжесть ноши и штурвал управления.

Лумис подумал обо всем этом, и ему вдруг совершенно явственно представился его собственный конец. Он увидел себя в тот миг, когда силы его иссякнут и он будет лежать в открытом всем ветрам ущелье или понуря голову сидеть под проливным дождем в болотах. Он попытается продолжить путь, обретя третье дыхание, которое, как говорят, лежит за пределами усталости. Но не обретет его и, одинокий, обессиленный, затеряется в бесконечности. Тут ему покажется, что сохранение жизни требует слишком много усилий и напряжения. И как уже многие до него, он сдастся, ляжет и будет ждать смерти, смирившись с поражением.

Лумис прошептал:

- Кромптон?..

Нет ответа.

- Кромптон! Ты слышишь меня? Я возвращаю тебе власть. Только вытащи нас из этой жирной оранжереи. Верни нас на Землю или на Марс! Кромптон, я не хочу умирать!

Все нет ответа.

- Ну хорошо, Кромптон, - сиплым шепотом произнес Лумис. - Ты победил. Твоя взяла. Делай что хочешь. Я сдаюсь, все твое. Только, пожалуйста, прими власть!

- Спасибо, - ледяным тоном сказал Кромптон и взял на себя контроль над телом Кромптона.

Через десять минут он снова был в палатке у полковника и сообщал ему о своем решении. Командир устало кивнул, а про себя подумал, что ему никогда не понять рода человеческого.

Вскоре Кромптон уже сидел посреди большого выдолбленного из ствола каноэ, загроможденного всякими товарами. Гребцы грянули бодрую песню и пустились в путь по реке. Кромптон обернулся назад и долго смотрел на палатки лагеря Бдительных, пока они не исчезли за излучиной реки.

Путешествие по Кровавой Реке было для Кромптона точно возвращением к истоку времен. Шесть аборигенов в молчаливом согласии погружали весла в воду, и каноэ как водяной паук скользило по раздольному, спокойному течению реки. С берега над рекой свешивались гигантские папоротники, они мелко дрожали, когда каноэ проходило близко, и в страстном порыве тянулись к нему своими длинными стеблями. Тогда гребцы поднимали тревожный крик, лодка устремлялась на середину потока, и папоротники снова поникали над водой, разомлевшие от полуденной жары. Они проплывали, где ветки деревьев сплетались над головой в темно-зеленый тоннель. Тогда гребцы и Кромптон укрывались под тентом, пуская лодку на волю волн, и слышали мягкие всплески падающих вокруг ядовитых капель. Затем лодка вновь вырывалась на белый сверкающий свет, и аборигены снова брались за весла.

- Жуть! - нервно сказал Лумис.

- Да, жутко, - согласился Кромптон, сам содрогаясь от страха перед окружающим.

Кровавая Река несла их в самые глубины континента. По ночам, пристав к валуну посреди реки, они слышали боевой клич враждебных Аисов. Однажды днем два каноэ Аисов устремились в погоню за их лодкой. Гребцы Кромптона нажали изо всех сил, и лодка помчалась вперед. Враги упорно

гнались за ними. Кромптон вынул ружье и ждал. Но его гребцы, подгоняемые страхом, подналегли, и скоро преследователи остались далеко позади за очередным изгибом реки.

Все вздохнули свободнее. Но в узкой протоке с обоих берегов на них пролился поток стрел. Один из гребцов, пронзенный четырьмя стрелами, повалился за борт. Снова нажали на весла, и скоро лодка оказалась вне досягаемости для врагов.

Мертвого Аиса сбросили за борт, и голодные речные обитатели устремились к добыче. После этого огромное панцирное чудовище с клешнями, как у краба, долго плыло за их каноэ в ожидании новой жертвы и то и дело высовывало из воды свою круглую голову. Даже ружейные выстрелы не могли отогнать его. Постоянное присутствие чудовища приводило Кромптона в ужас.

Чудовище получило еще один обед, когда от серой плесени, прокравшейся в лодку по веслам, умерли два гребца. Крабоподобное чудовище слопало их и осталось ждать следующих. Но это речное божество послужило и защитой Кромптону и его гребцам: пустившаяся было преследовать их ватага врагов, увидев чудовище, подняла невообразимый крик и бросилась наутек, в джунгли.

Чудовище сопровождало лодку все последние сто миль их путешествия. И когда они, наконец, добрались до поросшей мхом пристани на берегу реки, оно остановилось, некоторое время недовольно наблюдало за людьми, а потом тронулось обратно вверх по реке.

Гребцы причалили к полуразрушенной пристани. Кромптон вскарабкался на нее и увидел кусок доски, замалеванной красной краской. Он повернул доску и прочитал: "Кровавая Дельта. Население 92".

Дальше не было ничего, кроме джунглей. Они достигли последнего пристанища Дэна Стэка.

Узкая заросшая тропинка вела от пристани к просеке в джунглях. Там, на просеке, виднелось что-то похожее на город-призрак. Ни души не было на его единственной пыльной улице, никто не выглядывал из окон низких некрашеных домов. Городок в молчании пекся в белом сиянии полудня, и, кроме шарканья своих собственных, утопавших в пыли ботинок, Кромптон не слышал ни звука.

- Не нравится мне здесь, - сказал Лумис.

Кромптон медленно шел по улице. Вот он минул ряд складов, на стенах которых корявыми буквами были выведены имена их владельцев. Он прошел мимо пустого салуна, дверь которого болталась на единственной петле, а окна с занавесками от москитов были разбиты. Уже остались позади три пустых магазина, и тут он увидел четвертый с вывеской: "Стэк и Финч, провиант".

Кромптон вошел. На полу в аккуратных связках лежали товары, еще большее количество их свешивалось со стропил. Внутри никого не было видно.

- Есть кто-нибудь? - позвал Кромптон. Не получив ответа, он снова вышел на улицу.

На противоположном конце городка Кромптон набрел на крепкое здание, что-то вроде амбара. Возле него на табурете сидел загорелый, усатый мужчина лет пятидесяти. У него за пояс был засунут револьвер. Табурет качался на двух ножках, мужчина, казалось, дремал, опираясь о стену амбара. - Дэн Стэк? - спросил Кромптон.

- Там, - указал незнакомец на дверь амбара.

Кромптон направился к двери. Усач сделал движение, и револьвер оказался в его руке.

- Прочь от двери, - сказал он.

- Почему? Что случилось?

- Вы что, не знаете, что ль? - спросил усач.

- Нет! А вы кто такой?

- Я Эд Тайлер, шериф, назначен гражданами Кровавой Дельты, утвержден в должности командиром Бдительных. Стэк сидит в тюрьме. Этот самый амбар и есть тюрьма пока что.

- Ну и сколько ему сидеть? - спросил Кромптон.

- Точно два часа.

- Можно мне с ним поговорить?

- Не-е-е.

- А когда он выйдет, можно будет?

- Ясное дело, - сказал Тайлер. - Но сомневаюсь, чтобы он вам ответил.

- Почему?

Шериф криво усмехнулся.

- Стэк будет в тюрьме два, точно два часа, а после этого мы его возьмем из тюрьмы и повесим. А уж когда мы покончим с этим делом, то с удовольствием устроим вам разговорчик с ним, о чем только пожелаете. Но, как я уже сказал, вряд ли он вам ответит.

Кромптон слишком устал, чтобы почувствовать удар. Он спросил:

- А что сделал Стэк?

- Убил.

- Аборигена?

- Черта с два, - с отвращением ответил Тайлер. - Кому какое дело до аборигенов, будь они прокляты! Стэк убил человека, его зовут Бартон Финч. Это же его собственный компаньон! Финч еще жив, но вот-вот кончится. Старый Док сказал, что он не протянет и дня, значит, это убийство. Стэка судил суд равных ему по положению присяжных заседателей, его признали виновным в убийстве Бартона Финча, в том еще, что он сломал ногу Билли Родберну и два ребра Эли Талботу, что он разнес салун Мориарти и нарушил порядок в городе. Судья - это я - приговорил повесить его, и как можно скорее. Выходит, сегодня, как только ребята вернутся с новой дамбы, где они сейчас работают, его и повесят.

- Когда состоялся суд?

- Сегодня утром.

- А убийство?

- Часа за три до суда.

- Быстрая работа, - заметил Кромптон.

- Мы здесь, в Кровавой Дельте, попусту время не тратим, - с гордостью ответил Тайлер.

- Да, я догадываюсь, - сказал Кромптон. - Вы даже вешаете человека до того, как его жертва скончалась.

- Я же вам сказал - Финч кончается, - ответил Тайлер, и глаза его сузились в щелочку. - Вы потише, незнакомец, не путайтесь в дела Кровавой Дельты, если они касаются правосудия, не то вам тут не поздоровится. Нам не нужны все эти штучки- дрючки крючкотворов, чтобы разобраться, кто прав, кто виноват.

Лумис возбужденно зашептал Кромптону:

- Оставь ты все это, пошли отсюда.

Кромптон не обратил на него внимания. Он сказал шерифу:

- Мистер Тайлер, Дэн Стэк - мой сводный брат.

- Тем хуже для вас, - сказал Тайлер.

- Мне в самом деле необходимо с ним увидеться. Всего на

пять минут. Чтобы передать ему письмо от матери.
- Ничего не выйдет, - ответил шериф.
Кромптон порылся в кармане и вытащил засаленную пачку денег.
- Всего две минуты.
- Хорошо. Пожалуй, я смогу... А, черт!
Проследив взгляд Тайлера, Кромптон увидел большую группу людей, шагавших к ним по пыльной улице.
- Ну вот и ребята, - сказал Тайлер. - Теперь уж ничего не получится, если бы даже я и захотел. Пожалуй, вы можете присутствовать при повешении.
Кромптон отошел в сторону. В группе было по меньшей мере человек пятьдесят, а там шли еще и еще. Большинство из них были люди высокие, с дубленой кожей, огрубелыми лицами - словом, те, с кем шутки плохи, и почти у всех на поясе болталось оружие. Они коротко перебросились словами с шерифом.
- Не делай глупостей, - предупредил Лумис.
- А что я могу сделать? - возразил Кромптон.
Шериф Тайлер отворил дверь амбара. Несколько человек вошли туда и вскоре вернулись, волоча за собой арестанта. Кромптон не мог разглядеть его - толпа людей сомкнулась вокруг Стэка.
Кромптон шел за толпой, которая тащила осужденного в противоположный конец городка, где через сук крепкого дерева уже была перекинута веревка.
- Пора кончать с ним! - кричала толпа.
- Ребята! - прозвучал сдавленный голос Дэна Стэка. - Дайте слово сказать.
- К чертям собачьим! - крикнул кто-то. - Кончай с ним!
- Мое последнее слово! - выкрикнул Стэк.
Неожиданно за него вступился шериф:
- Пусть скажет свою речь, ребята, по праву умирающего. Давай, Стэк, только не очень затягивай.
Они поставили Дэна Стэка на фургон, накинули ему петлю на шею, другой конец веревки подхватила дюжина рук. Наконец-то Кромптон увидел его. Он уставился на этот столь долго разыскиваемый сегмент самого себя и смотрел на него как зачарованный.
Дэн Стэк был крупный, ладно скроенный человек. Его полное, изрезанное морщинами лицо выражало тревогу, ненависть, страх, в нем угадывались буйный нрав, тайные пороки и затаенные горести. У него были широкие, будто вывернутые ноздри, толстогубый рот с крупными редкими зубами и узкие, вероломные глаза. Жесткие черные волосы свисали на разгоряченный лоб, черная щетина выступала на горящих щеках. Весь облик его выдавал темперамент холерика, порожденный Воздухом, - с избытком горячей желтой желчи, из-за которой человек легко впадает в гнев и лишается рассудка.
Стэк смотрел поверх голов в раскаленное добела небо. Медленно опустил он голову, и бронзовая культя правой руки полыхнула красным в ровном ослепительном свете дня.
- Ребята, я сделал много плохого в своей жизни, - начал Стэк.
- И это ты нам рассказываешь? - выкрикнули из толпы.
- Я был лжецом и обманщиком, - орал Стэк. - Я ударил девушку, которую любил, и ударил ее крепко, чтобы сделать ей больно. Я обокрал моих дорогих родителей. Я проливал кровь несчастных аборигенов этой планеты. Ребята, я жил не по-хорошему.
Толпа хохотала над его покаянной речью.

- Но я хочу, чтобы вы знали, - орал Стэк. - Я хочу, чтобы вы знали, что я боролся со своей греховной натурой и пытался ее победить. Я сражался как мужчина со старым дьяволом в моей душе, уж это точно. Я вступил в отряд Бдительных, и два года я был человек как человек. А потом опять навалилось на меня безумие, и я убил...

- Ты кончил? - спросил шериф.

- Но я хочу, чтобы вы знали одну вещь, - завопил Стэк, и глаза вылезли из орбит на его красном от возбуждения лице. - Я признаюсь, что совершал дурные поступки, я признаюсь в этом полностью, без всякого принуждения. Но, ребята, я не убивал Бартона Финча!

- Хорошо, - сказал шериф. - Если у тебя все, то пора приступать к делу.

Стэк закричал:

- Послушайте меня! Финч был моим другом, моим единственным другом на всем белом свете! Я просто пытался помочь ему, я встряхнул его немного, чтобы привести в чувство. А когда он так и не пришел в себя, я, наверно, потерял голову, и тут я расколошматил салун Мориарти и поломал пару ребят. Но, клянусь богом, я не причинял зла Финчу!

- Ну, ты, наконец, кончил? - спросил шериф.

Стэк открыл было рот, снова закрыл его и кивнул.

- Порядок, ребята! Начнем! - сказал шериф.

Люди стали двигать фургон, на котором стоял Стэк. И тут Стэк с выражением бесконечного отчаяния на лице заметил в толпе Кромптона.

И узнал его.

Лумис очень быстро говорил Кромптону:

- Будь осторожен, не принимай его речей всерьез, ничего не делай, не верь ему, оглянись на его прошлое, вспомни всю его жизнь, он погубит нас, разнесет нас на кусочки. Он доминанта, он сильный, он убийца, он зол.

В какую-то долю секунды Кромптон вспомнил предостережение доктора Берренгера:

- Безумие или нечто похуже...

Лумис продолжал бубнить:

- Совершенно испорченный, злой, никчемный, абсолютно безнадежный...

Но Стэк был частью Кромптона. Стэк так же страстно желал перемены, боролся за власть над собой, терпел поражение и снова боролся. Стэк не был безнадежным, так же как Лумис, как он сам.

Но правда ли то, что говорил Стэк? Или эта вдохновенная речь была последним обращением к слушателям в надежде изменить приговор?

Он должен поверить Стэку. Он обязан протянуть руку помощи Стэку.

Как только фургон стронулся с места, глаза Стэка и Кромптона встретились. Кромптон принял решение и позволил Стэку войти в себя.

Толпа зарычала, когда тело Стэка свалилось с края повозки и после минутной страшной судороги безжизненно повисло на вытянувшемся канате. А Кромптон пошатнулся как от удара - сознание Стэка вошло в него.

И он упал без памяти.

Кромптон очнулся в маленькой, едва освещенной комнате на кровати.

- Ну, как вы там, в порядке? - услышал он голос. В наклонившемся над ним человеке Кромптон узнал шерифа

Тайлера.
- Да, теперь прекрасно, - автоматически ответил Кромптон.
- Понятно, повешение для такого цивилизованного человека штука тяжелая. Думаю, вы и без меня теперь обойдетесь, ладно?
- Конечно, - тупо ответил Кромптон.
- Вот и хорошо, а то у меня там работы... Через часок-другой забегу взглянуть на вас.
Тайлер ушел, Кромптон принялся тщательно обследовать самого себя.
Реинтеграция... Слияние... Завершение... Достигли он всего этого во время целительного обморока? Кромптон принялся осторожно обследовать свое сознание.
Вот Лумис, безутешно причитающий, страшно испуганный, лепечущий об Оранжевой Пустыне, о путешествиях и стоянках на Бриллиантовых Горах, о женщинах, о чувствах, о роскоши, о прекрасном.
А вот и Стэк, солидный и неподвижный, не слившийся с ними.
Кромптон поговорил с ним, прочел его мысли и понял, что Стэк был абсолютно, до конца честен в своей последней речи. Стэк искренне желал изменений, самоконтроля, выдержки.
Но Кромптон понял также, что Стэк абсолютно, ни на йоту не способен измениться, обрести самоконтроль, выдержку. Он и сейчас, несмотря на все свои старания подавить зло, был исполнен страстного желания отомстить. Его мысли яростно громыхали - полная противоположность визгливым причитаниям Лумиса. Мечты об отмщении, безумные планы завоевать всю Венеру всплывали в его мозгу. Сделать что-либо с этими проклятыми аборигенами, стереть их с лица планеты, чтобы предоставить всю ее в полное распоряжение землян. Разорвать этого проклятого Тайлера на кусочки. Расстрелять из пулемета весь город, а потом выдать это за проделки аборигенов. Собрать общество посвященных, создать собственную армию почитателей СТЭКА на основе железной дисциплины, и чтобы никакой слабости, никаких колебаний. Перерезать Бдительных, и тогда никого не останется на пути завоеваний, убийств, мести, неистовства, террора!
Осыпаемый ударами с обеих сторон, Кромптон попытался восстановить равновесие, распространить свою власть на оба своих компонента. Он начал сражение за слияние их в единое целое. Устойчивое целое. Но компоненты, в свою очередь, бились каждый за свою автономию. Линии Расщепления углублялись, появились новые, непримиримые причины для раскола, и Кромптон почувствовал, как шатается его собственная устойчивость, как ставится под угрозу его рассудок.
Потом вдруг у Дэна Стэка с его упорной, но тщетной борьбой за изменения наступил момент просветления.
- Очень сожалею, - сказал он Кромптону. - Ничего не могу поделать. Нужен еще и тот, другой.
- Кто другой?
- Я пытался, - простонал Стэк. - Я пытался измениться. Но слишком много было во мне всякого... то горячего... то холодного. Думал, смогу сам вылечиться. И пошел на Расщепление.
- На что?!
- Вы что, не слышите? - спросил Стэк. - Я... я тоже шизоид. Скрытый. Это проявилось здесь, на Венере. Когда я вернулся в Порт Нью-Харлем, я обзавелся еще одним Телом Дюрьера и разделился... Я думал, станет легче, если я буду

проще. Но ошибся!

- Так есть еще один наш компонент? - воскликнул Кромптон. - Конечно, без него мы не можем реинтегрировать. Кто он, где?

- Я пытался, - стонал Стэк. - Ох, я же пытался! Мы с ним были как братья, он и я. Я думал, я смогу научиться у него, он был такой тихий, терпеливый и спокойный. Я учился! Но тут он начал сдавать...

- Кто это был? - спросил Кромптон.

- Как я старался ему помочь, вытряхнуть из него эту блажь. Но он быстро терял силы, ему совсем не хотелось жить. Я утратил последнюю надежду, и от этого немного взбесился, и встряхнул его, и потом разгромил салун Мориарти. Но я не убивал Бартона Финча. Он просто не хотел жить!

- Так наш последний компонент Финч?

- Да! Вы должны пойти к Финчу, пока он еще не отдал концы, и должны затащить его в себя. Он лежит в маленькой задней комнатке лавки. Поторопитесь...

И Стэк снова окунулся в свои грезы о кровавых убийствах, а Лумис забормотал о голубых Пещерах Ксанаду.

Кромптон поднял тело Кромптона с кровати и дотащил его до двери. Он видел лавку Стэка в конце улицы. "Доберись до лавки", - приказал он себе и, спотыкаясь, поплелся вдоль улицы.

Дорога растянулась на миллион миль. Тысячу лет полз он вверх по горам, потам вдоль рек, через пустыни, болота, пещеры которые опускались до самого центра Земли, а затем опять подымался и переплывал бесчисленные океаны, добираясь до самых дальних берегов. А в конце этого долгого путешествия он пришел в лавку Стэка.

В задней комнате на кушетке, закрытый до самого подбородка простыней, лежал Финч - последняя надежда на Реинтеграцию. Поглядев на него, Кромптон осознал всю бесполезность своих исканий.

Финч лежал совсем тихо, с открытыми глазами, уставившись в пустоту отсутствующим, неуловимым взглядом. У него было широкое, белое, абсолютно ничего не выражающее лицо идиота. В плоских, как у Будды, чертах его лица застыло нечеловеческое спокойствие, безразличие ко всему живущему - он ничего не ждет, ничего не хочет. Тонкая струйка слюны стекала из уголка губ, пульс был редким. В этом самом странном их компоненте нашел максимальное выражение темперамент Земли - Флегма, которая делает людей пассивными и безразличными ко всему.

Кромптон с трудом справился с подступающим безумием и подполз к кровати Финча. Он вперил взгляд в глаза идиота, пытаясь заставить Финча посмотреть на него, узнать его, соединиться с ним.

В это мгновение Стэк пробудился от своих снов о мщении, и одновременно пробудилось его отчаянное рвение реформатора. Вместе с Кромптоном он стал убеждать идиота посмотреть и увидеть. Даже Лумис поискал и, несмотря на полное изнеможение, нашел в себе силы присоединиться к ним в их объединенном усилии.

Все трое они не спускали глаз с кретина. И Финч, пробужденный к жизни тремя четвертями своего "я", тремя компонентами, непреодолимо взывающими к воссоединению, сделал последнюю попытку. В его глазах всего на миг мелькнуло сознание. Он узнал.

И влился в Кромптона.

Кромптон почувствовал, как свойства Финча - бесконечное спокойствие и терпимость - затопили его. Четыре Основных Темперамента Человека, в основе которых лежат Земля, Воздух, Огонь и Вода, соединились наконец. И слияние стало, наконец, возможным.

Но что это такое? Что происходит? Какие силы пущены в ход и берут теперь верх?

Раздирая ногтями горло, Кромптон издал пронзительный вопль и свалился замертво на пол рядом с трупом Финча.

Когда лежащий на полу открыл глаза, он зевнул и сладко потянулся, испытывая несказуемое удовольствие от света, и воздуха, и ярких красок, от чувства удовлетворения и сознания того, что есть в этом мире дело, которое он должен исполнить, есть любовь, которую ему предстоит испытать, и есть еще целая жизнь, которую нужно прожить.

Тело, бывшее собственностью Элистера Кромптона, временным убежищем Эдгара Лумиса, Дэна Стэка и Бартона Финча, встало на ноги. Оно осознало, что настал час найти для себя новое имя.

Роберт Шекли

Предварительный просмотр

Перевод В. Бабенко

В одно прекрасное сентябрьское утро Питер Гонориус, разбирая почту, обнаружил директиву местного Отдела родственных уз, безоговорочно требовавшую, чтобы он женился до 1 октября. В противном случае он-де проявит неуважение к государственной и местной Инструкциям по моногамии и понесет наказание вплоть до заключения в Лунавилле сроком от одного до пяти лет.

Гоиориус пришел в ужас: в августе он заполнил формуляр на Продление статуса, который к сегодняшнему дню должны рассмотреть в установленном порядке. Это дало бы ему шесть дополнительных месяцев для селекции невесты. Теперь же у него оставались жалкие две недели на то, чтобы либо подчиниться директиве, либо погасить все и отчалить в Мексику. А уж в 2038 году это было не самой желанной альтернативой.

Проклятье!

В тот же день за завтраком Гонориус обсудил ситуацию со своим другом графом Унгерфьордом. - Черт побери, это несправедливо с их стороны! - заявил Гонориус. - Кто-то там, в верхах, преследует меня. Но за что? Я не бунтовщик какой-нибудь. Я не хуже других знаю, что брак - это непременная сделка между индивидом и обществом, фундамент, на котором покоится государственная безопасность. Дьявол, да я же хочу жениться! Я просто еще не подобрал себе пару.

- Может быть, ты излишне суетлив? - предположил Унгерфьорд. Он был женат уже почти месяц. Взаимоотношения полов не представляли для него проблемы.

Гонориус покачал головой.
- Сейчас я готов на все, лишь бы не допустить несчастья. Вся беда в том, что, несмотря на компьютеризованную картотеку и ультрасовременную технологию электронного сватовства, никогда заранее не скажешь, ту женщину ты выбрал или нет. А когда поймешь на собственной шкуре, уже слишком поздно что-либо менять.
- Да, - самодовольно согласился Унгерфьорд, - именно в такой ситуации как раз и оказывается большинство.
- Неужели нет исключений?
- Собственно говоря, существует один способ избавиться от неуверенности. Я сам воспользовался им. Именно так я нашел Джейни. Я не упоминал о нем ранее, потому что, как мне известно, ты не очень-то склонен нарушать закон.
- Разумеется, я стараюсь вести высоконравственный образ жизни, - сказал Гонориус. - Но ведь дело-то действительно очень серьезное, и я готов проявить гибкость. Кого я должен убить?
- Так далеко мы еще не зашли, - успокоил Унгерфьорд. Он нацарапал на бумаге несколько строчек. - Отправляйся-ка вот по этому адресу и поговори с мистером Фьюлером. Он возглавляет Тайную компьютерную службу. Скажи ему, что тебя послал я.
Во времена, к которым относятся наши события, Тайная компьютерная служба размещалась в нескольких пыльных конторских помещениях в запустелом районе Линкольновского центра, где скрывалась под вывеской "Оптовая торговля б/у матчастью и матобеспечением". Секретарша Фьюлера, миловидная энергичная молодая женщина по имени Дина Гребс, провела Гонориуса в кабинет шефа. Фьюлер оказался низкорослым, пухленьким, лысеющим, дружелюбным, краснощеким человечком с умными карими глазами и обезоруживающими манерами. Он отделал свой кабинет под гостиную в английском стиле, но добился лишь того, что комната стала походить на уголок мебельного магазина.
- Вы обратились как раз туда, куда нужно, - заверил Фьюлер, едва познакомившись с ситуацией. - Государство требует, чтобы мы сочетались браком ради стабильности общества. Общеизвестно, что большинство недовольных, бунтовщиков, психопатов, растлителей малолетних, поджигателей, социал-реформистов, анархистов и тому подобных личностей - это одинокие, неженатые типы, которым нечем заняться и которые способны лишь заботиться о собственной персоне и замышлять свержение существующего строя. Таким образом, бракосочетание есть обязательный акт лояльности по отношению к правительству. И разумеется, никто не будет оспаривать ни этот, ни любой другой вывод Национальной палаты матерей. Все мы признаем необходимость брака. В качестве единственного условия мы выдвигаем лишь то, чтобы он был надежным или по крайней мере терпимым, поскольку такое положение дел лучше удовлетворяет нуждам как индивидуума, так и государства.
- Да! - сказал Гонориус. - Именно поэтому я пришел к вам. Какие у вас есть практические...
Но фьюлера не так-то просто было лишить слова.
- Что нам необходимо - так это научные методы освобождения брака от фактора неопределенности. Компьютеризованного сватовства недостаточно: нам нужен способ, который позволил бы взглянуть на фактический итог предполагаемого брака, и только после этого мы могли бы решать, вступать нам в брак или нет. Мы должны видеть, как

эта штука работает, прежде чем заводить музыку в доме на шестьдесят или семьдесят лет.

- Если бы! - сказал Гонориус. - Но это невозможно. Или у вас, по счастью, имеется талантливая цыганка с исправным хрустальным шаром?

- Выход есть! - сказал Фьюлер улыбаясь.

- Что, кто-нибудь изобрел машину времени?

- Да, только вы знаете ее под другим именем. Она называется "Синтезатор и имитатор политических факторов".

- Я слышал о нем, - сказал Гонориус. - Это тот самый сверхкомпьютер, спрятанный под горой в Северной Дакоте, который вечно высчитывает, что именно одна данная страна собирается сотворить с какой-нибудь другой данной страной. Но я не понимаю, что этот компьютер может сказать о моей будущей жене, если только она не окажется генералом или кем-нибудь еще в этом роде.

- Вдумайтесь, мистер Гонориус! Есть машина, созданная специально для того, чтобы предсказывать и имитировать взаимодействия между различными группами и подгруппами людей. А что если мы используем ее в целях предсказания и имитации возможных взаимодействий двух индивидуумов?

- Это было бы великолепно, - сказал Гонориус. - Но СИПФ охраняется тщательнее, чем Форт-Нокс.

- Мой мальчик, караулить золото просто, намного сложнее таить информацию, даже если сверху взгромоздить гору! В руках и продажных операторов и операторов- идеалистов уже сам канал ввода данных - канал, от которого зависит информационное питание имитатора, - может вдруг превратиться в канал вывода данных. Я, конечно, ни словом не намекну, как осуществляется программирование: у нас свои методы. Я только скажу, что имитатор может выстроить картину вашего возможного будущего брака с любой женщиной, какую не пожелаете, и сымитировать конечный результат только для вас одного.

- Не пойму, как вы подберетесь к имитатору ближе чем на десять миль.

- А нам и не нужно подбираться. Мы завладеем терминалом.

Гонориус тихонько присвистнул, переводя дыхание. Он был в восхищении от хладнокровной наглости этого человечка.

- Мистер Фьюлер, когда я могу начать?

Вопрос о гонораре был быстро улажен, и Фьюлер сверился с расписанием.

- Поскольку ваше дело не терпит отлагательств, я могу выделить для вас десять минут машинного времени послезавтра. Приходите сюда в полдень, мисс Гребс проводит вас к терминалу и проинструктирует, что нужно делать. Не забудьте принести с собой карточки данных на вас и на ваших предполагаемых жен!

К условленному часу Гонериус все обстоятельно подготовил. В конвертике он принес карточки данных на пятнадцать кандидаток. Этих особ рекомендовала ему Служба компьютеризованного сватовства - первоклассное агентство с Мэдисон-авеню, сотрудники которого любовно отобрали пятнадцать претенденток из Национального объединения резерва одиноких женщин Америки (НОРОЖА), основываясь на их ответах на 1006 тщательно составленных вопросов. Эти женщины были известны Гонориусу только по номерам: анонимность сохранялась вплоть до того момента, когда жених получал разрешение на моногамный брак. Все эти женщины добровольно избрали статус "мгновенной доступности": единственное, что требовалось от Гонориуса, - это засвидетельствовать свою

готовность жениться на любой из них. (Из карточки данных Гонориуса явствовало помимо прочего, что он высокого роста, с пышной шевелюрой, привлекателен, имеет ровный характер, добр к детям и мелким животным, зарабатывает тридцать пять тысяч долларов в год, будучи самым молодым президентом фирмы "Глип электронике" за всю ее историю, и перед ним открыты поистине неограниченные перспективы. Большинство кандидаток мечтали урвать жениха именно с такой спецификацией, Гонориус являл собой пример добрачного заблуждения, впасть в которое жаждали многие женщины.)

Мисс Гребс привела Гонориуса на старую автомобильную стоянку на Декальб-авеню. Терминал компьютера был спрятан там в кузове мебельного фургона. Два техника, переодетые бродягами, ввели Гонориуса в затемненную клетушку внутри фургона, где мягко, словно бы разговаривая сам с собой, гудел терминал. Техники усадили Питера в большое командное кресло и укрепили у него на лбу и запястьях психометаллические электроды.

Мисс Гребс взяла карточки.

- Сегодня у нас хватит времени только на одну из них, - сказала она. - Перед вами пройдут события пяти лет жизни, но они будут спрессованы в десять минут реального времени, так что держитесь! С какой карточки начнем?

- Неважно, - сказал Гонориус. - Они все похожи. Я имею в виду карточки. Начните с верхней.

Мисс Гребс ввела карточку в терминал. Аппарат нежно заурчал, и Гонориус ощутил покалывание на дне глазных яблок. Мир вокруг затуманился. Когда в глазах прояснилось, он увидел себя со стороны и рядом с собой - прелестную миниатюрную девушку с длинными черными волосами.

Это была Мисс 1734-АВ-2103Ц.

Информация подавалась в форме сериала из отдельных кадров и монтажных кусков. Он увидел себя и 1734-ю за обедом в затейливом итальянском ресторанчике, а затем Они прогуливались рука об руку по Бликер-стрит. Вот Они на Вашингтон-сквер у фонтана. Она играет на гитаре и поет народную песню. Как Она прелестна! И как же Они были счастливы! Вот Они лежат рядышком перед крохотным камином в небольшой квартирке на Гей-стрит. Ее волосы уже расчесаны на прямой пробор. Вот Она в солнцезащитных очках читает сценарий: Она собирается сниматься в кино! Но из этого ничего не вышло, и в следующем эпизоде Они уже живут в сногсшибательной квартире в Саттон-Плейсе, и Она угрюмо жарит Ему на обед рубленные бифштексы. (Они поссорились: между Ними царило молчание - Он читал свой "Уолл-стритджорнэл", а Она листала книги по астрологии.) А вот Они живут в Коннектикуте в прекрасном старом доме, окруженном щербатым забором из врытых в землю рельсов, большую солнечную детскую Они превратили в кладовку. Той зимой Он много катался на лыжах в одиночку, а Она изучала тантры в кружке буддистов в Мэриленде. Когда Она вернулась, у Нее была уже короткая стрижка и Она умела бесконечно долго сидеть в безупречной позе лотоса. Ее немигающие глаза смотрели сквозь Него, и Она теперь считала, что плотская любовь - нежелательный отвлекающий момент при увеличении мандалической созерцательности. Годом позже Они уже не жили вместе. Она удалилась в буддийскую общину близ Скенектади, а Он нашел себе девушку в Братлборо.

На этом с Мисс 1734 было покончено. Следующий сеанс имитатора должен был состояться через три дня.

Вторая кандидатка, Мисс 3543, была высокой, стройной,

веселой девушкой с рыжеватыми волосами и очаровательной россыпью веснушек на переносице. Они с Гонориусом обзавелись хозяйством в Малибу, где Она каждый день играла в теннис и читала журналы по украшению интерьера. Как же Она была прекрасна, когда подавала ему салат "Уолдорф" возле жаровни с раскаленными углями. Они жарили мясо на решетке, а у ног Его резвился кокер-спаниель! Потом Они оказались уже в Париже - спаниель превратился в таксу с тоскливыми глазами, а Она до полусмерти напилась на Монпарнасе и кричала Ему что-то очень оскорбительное. Потом были подобные сцены в Риме, Виллафранке, на Ивисе. Теперь Она пила не переставая, и Они вроде взяли на воспитание ребенка, но зато лишились таксы, а потом у Них был уже другой ребенок и две кошки, а затем Они наняли экономку, чтобы та управлялась со всем этим хозяйством, пока 3543-я лечилась от алкоголизма в одной очень хорошей клинике на озере Грисон. И вот они в Лондоне. Она теперь неизменно трезва. Это высокая, тощая, серьезная женщина, у которой очень забавная манера складывать губки, когда Она раздает брошюрки по сциентологии на Трафальгарской площади. Этими брошюрками и закончились пять лет жизни с Мисс 3543.

Все, что Гонориус мог припомнить о третьей кандидатке, укладывалось в образ очаровательной застенчивой девушки, которая скрашивала долгие сумеречные вечера в Истгемптоне своим прелестным, исполненным эротики молчанием. Спустя два года в номере-люкс отеля "Скотовод" в Талсе Он уже вопил на Нее: "Ну, скажи хоть что- нибудь, манекен! Хоть что-нибудь! Христом богом прошу, говори!" Кандидатка номер четыре к двадцати семи годам обнаружила в себе скрытый талант и стала звездой скоростного бега на роликовых коньках. Номер пять была особой с суицидальными наклонностями. Впрочем, Она так никогда и не собралась осуществить задуманное. Или то был номер шесть?

К 29 сентября, просмотрев четырнадцать вариантов потенциальной брачной жизни, Гонориус встревожился и впал в уныние. Он отправился на последний сеанс в состоянии тяжкой подавленности, почти примирившись с мыслью заключить брачный союз с номером одиннадцать: Вечное Хихиканье плюс два Брата-Тупицы. По крайней мере это был не самый гибельный вариант.

По соображениям безопасности терминал перевели с автомобильной стоянки на Декальб-авеню в ванную комнату в конце того же коридора, куда выходили и двери конторы Фьюлера. Гонориус подключился и увидел, как Он гуляет по пляжу острова Мартас-Виньярд вместе с 6903-й, миловидной девушкой с каштановыми волосами, которая напоминала ему кого-то из прежней жизни. Вот Они прогуливаются по мосту Джорджа Вашингтона, счастливые, полные неведения о том, что уготовано им впереди. Вот Они едят козий сыр и пьют вино на известняковой скале, выдающейся далеко в Эгейское море. Вот Они посреди обширной каменистой равнины, у горизонта вздымаются горы, увенчанные белыми шапками. Тибет? Перу? А вот Майами: на Ней - Его непромокаемый плащ, и Они бегут смеясь под дождем. А потом Они оказались уже вовсе непонятно где, в каком-то маленьком белом домике, и видно было, что Они любят друг друга, и Он ходил взад-вперед по гостиной, баюкая на руках ребенка, мающегося животиком. На этом пятилетний период закончился.

Гонориус сражу же помчался в контору Фьюлера.

- Фьюлер! - закричал он. - Наконец-то я нашел ЕЕ! По-моему, я без памяти влюбился в 6903-ю!

- Поздравляю, мой мальчик, - сказал Фьюлер. - А то я уже начал было беспокоиться. Когда ты хочешь заключить Моногамное соглашение?

- Немедленно! - заявил Гонориус. Включите Машину государственного архива! 6903 - очень симпатичный номер, не правда ли? Хотел бы я знать, как ее зовут.

- Я выясню это сию же минуту, - сказал Фьюлер. - Ты же знаешь, у нас тут Тайная компьютерная служба. Сейчас мы наберем этот номер и введем его в процессор... Так, это мисс Дина Гребс, проживающая по адресу: 4885 Рейлроуд-стрит, Флашинг, Куинс, Лонг-Айленд, Нью-Йорк.

- Кажется, я уже где-то слышал это имя, - сказал Гонориус.

- И я, - сказал Фьюлер. - Есть в нем что-то навязчиво знакомое. Гребс, Гребс...

- Вы звали меня, сэр? - спросила Гребс из соседней комнаты.

- Это ты?! - воскликнул Фьюлер.

- Это она! - вскричал Гонориус. - То-то я думаю, почему она мне так знакома. Она и есть 6903-я!

Потребовалось какое-то время, чтобы Фьюлер переварил услышанное. Наконец, он сурово спросил:

- Мисс Гребс, соизвольте объяснить мне, каким образом ваша карточка данных попала в набор селекционных кандидатур для мистера Грнориуса?

- Я объясню это мистеру Гонориусу наедине, - ответила она дрожащим, но достаточно дерзким голосом.

Фьюлер вышел, и Гонориус с Гребс встретились взглядами.

- Так будьте добры объяснить, почему вы это сделали, мисс Гребс? - сказал Гонориус.

- Ну, вы ведь и на самом деле очень заманчивый жених, - сказала Дина Гребс. - Но, по правде, я влюбилась в вас с первого же взгляда, в тот самый день, когда вы впервые пришли сюда. Я сразу увидела, что мы идеально подходим друг к другу. Чтобы понять это, мне незачем было обращаться к самому сложному компьютеру в мире. Но ваша аристократическая матримониальная служба даже не стала бы обрабатывать мои данные, а вы сами на меня ни разу толком не взглянули. Вы были нужны мне, Гонориус, поэтому я и сделала все необходимое, чтобы заполучить вас, и мне нечего стыдиться!

- Понятно, - сказал Гонориус. - Должен сказать вам, что, на мой взгляд, у вас нет никаких достаточно веских законных оснований, чтобы претендовать на меня. Однако я без всяких возражений рассчитаюсь с вами наличными - в пределах разумной суммы - в уплату за потраченные вами время и усилия.

- Я не ослышалась? - изумилась Гребс. - Вы предлагаете мне деньги, чтобы я больше не задерживала вас?

- Конечно, - сказал Гонориус. - Я хочу, чтобы все было по честному.

- Красота! - воскликнула Гребс. - Ну нет, если вы хотите от меня избавиться, это вам не будет стоить ни цента. В сущности, вы меня уже потеряли.

- Постойте-ка, - сказал Гонориус, - я протестую, чтобы вы разговаривали со мной таким тоном. Ведь потерпевшая-то сторона - я, а не вы.

- Вы - потерпевшая сторона? Я в вас влюбляюсь, мошенничаю, совершаю ради вас одно должностное преступление за другим, строю из себя дурочку у вас на глазах, а вы тут стоите и твердите, будто вы - потерпевшая сторона?!

- Но вы пытались заманить меня в ловушку! Наверное, вы и в карточках данных что- нибудь подтасовали, ведь так?

- Так! Уверена, что любая из кандидаток подойдет для такого тупицы, как вы! Рекомендую номер третий - ту, что вечно молчит как рыба. По крайней мере при этом варианте вы иногда будете побеждать в семейных спорах.

Гонориус промычал что-то невнятное, более всего похожее на проклятье, и придвинулся к Дине. Гребс замахнулась на него кулаком. Гонориус схватил ее за запястье, и они внезапно обнаружили, что если они еще и не в объятьях друг друга, то уж определенно в тесном контакте. Тяжело дыша, они посмотрели друг другу в глаза.

Любовь - то потаенное неформальное чувство, что составляет суть моногамного поведения, - это сила, с которой следует считаться, но которую никогда нельзя предсказать заранее. Любовь вытесняет все прочие установки и отменяет все прежние обязательства. Но почему-то широко распространено мнение, будто единственное, чего еще не хватает любви, - это закрытых предварительных просмотров, которые позволили бы предвосхитить все грядущие радости и печали, и уж тогда вовсе без помех закрутятся шестеренки сложного механизма автоматизированного спаривания, от которого зависит процветание и стабильность государства.

Позже Гонориус спросил Дину:

- Слушай, а наше собственное-то будущее было на самом деле? Или ты намудрила и со своей карточкой тоже?

- Поживем - увидим, - ответила Дина.

Впоследствии она так отвечала на этот вопрос еще много-много раз.

Роберт Шекли

Демоны

Перевод Н. Евдокимовой

Проходя по Второй авеню, Артур Гаммет решил, что денек выдался пригожий, по- настоящему весенний - не слишком холодный, но свежий и бодрящий. Идеальный день для заключения страховых договоров, сказал он себе. На углу Девятой стрит он сошел с тротуара.

И исчез.

- Видали? - спросил мясника подручный. Оба стояли в дверях мясной лавки, праздно глазея на прохожих.

- Что "видали"? - отозвался тучный краснолиций мясник.

- Вон того малого в пальто. Он исчез.

- Просто свернул на Девятую, - буркнул мясник, - ну и что с того?

Подручный мясника не заметил, чтобы Артур сворачивал на Девятую или пересекал Вторую. Он видел, как тот мгновенно пропал. Но какой смысл упорствовать? Скажешь хозяину: "Вы ошибаетесь", а дальше что? Может статься, парень в пальто и вправду свернул на Девятую. Куда еще он мог деться? Однако

Артура Гаммета уже не было в Нью-Йорке. Он пропал без следа.

Совсем в другом месте, может быть даже не на Земле, существо, именующее себя Нельзевулом, уставилось на пятиугольник. Внутри пятиугольника возникло нечто отнюдь не входящее в его расчеты. Гневным взглядом сверлил Нельзевул это "нечто", да и было отчего выйти из себя. Долгие годы он выискивал магические формулы, экспериментировал с травами и эликсирами, штудировал лучшие книги по магии и ведовству. Все, что усвоил, он вложил в одно титаническое усилие, и что же получилось? Явился не тот демон.

Разумеется, здесь возможны всяческие неполадки. Взять хотя бы руку, отрубленную у мертвеца: вовсе не исключено, что труп принадлежал самоубийце, - разве можно верить даже лучшим из торговцев? А может быть, одна из линий, образующих стороны пятиугольника, проведена чуть-чуть криво - это ведь очень важно. Или слова заклинания произнесены не в должном порядке. Одна фальшивая нота - и все погибло! Так или иначе сделанного не вернешь. Вельзевул прислонился к исполинской бутыли плечом, покрытым красной чешуей, и почесал другое плечо кинжалообразным ногтем. Как всегда в минуты замешательства, усеянный колючками хвост нерешительно постукивал по полу.

Но какого-то демона он все же изловил.

Правда, создание, заключенное внутри пятиугольника, ничуть не походило ни на одного из известных демонов. Взять хотя бы эти болтающиеся складки серой плоти... Впрочем, все исторические сведения славятся своей неточностью. Как бы там ни выглядело сверхъестественное существо, придется ему раскошелиться. В чем, в чем, а в этом он уверен. Нельзевул поудобнее скрестил копыта и стал ждать, когда чудное существо заговорит.

Артур Гаммет был слишком ошеломлен, чтобы разговаривать. Только что он шел в страховую контору, никого не трогал, наслаждался чудесным воздухом раннего весеннего утра. Он ступил на мостовую на перекрестке Второй и Девятой - и... внезапно очутился здесь. Непонятно, где именно.

Чуть покачиваясь, он стал вглядываться в густой туман, застилающий комнату, и различил огромное чудище в красной чешуе; чудище сидело на корточках. Рядом с ним возвышалось что-то вроде бутыли - прозрачное сооружение высотой добрых три метра. У чудища был усыпанный шипами хвост - им оно теперь почесывало голову - и поросячьи глазки, которые уставились на Артура. Тот пытался поспешно отступить назад, но ему удалось сделать лишь один шаг. Он заметил, что стоит внутри очерченной мелом фигуры и по неведомой причине не может перешагнуть через белые линии.

- Ну, вот, - заметило красное страшилище, нарушив наконец молчание, - теперь-то ты попался.

Оно проговорило совсем другие слова, звуки которых были совершенно незнакомы Артуру. Однако каким-то образом он понял смысл сказанного. То была не телепатия: словно Артур автоматически, без напряжения переводил с чужого языка.

- По правде говоря, я немножко разочарован, - продолжал Нельзевул, не дождавшись ответа от демона, плененного в пятиугольнике. - Во всех легендах говорится, что демоны - это устрашающие создания пяти метров росту, крылатые, с крохотными головами, и будто в груди у них дыра, из которой извергаются струи холодной воды.

Артур Гаммет стянул с себя пальто: оно бесформенным промокшим комом упало ему под ноги. В голове мелькнула

смутная мысль, что идея извержения холодных струй не так уж плоха. Комната напоминала раскаленную печь. Его серый костюм из твида успел уже превратиться в сырую измятую мешанину из материи и пота.

Вместе с этой мыслью пришла примиренность с красным чудищем, с проведенными мелом линиями, которых не переступишь, с жаркой комнатой - словом, решительно со всем.

Раньше он замечал, что в книгах, журналах и кинофильмах герой, попавший в необычное положение, всегда произносит:

"Ущипните меня, наяву такого не бывает!" или: "Боже, мне снится сон, либо я напился, либо сошел с ума". Артур вовсе не собирался изрекать столь явную бессмыслицу. Во-первых, он был убежден, что огромное красное чудище этого не оценит, во-вторых, знал, что не спит, не пьян и не сошел с ума. В лексиконе Артура Гаммета отсутствовали нужные слова, но он понимал: сон - это одно, а то, что он сейчас видит, - совершенно другое.

- Что-то я не слыхал, чтобы в легендах упоминалось об умении сдирать с себя кожу, - задумчиво пробормотал Нельзевул, глядя на пальто, валяющееся у ног Артура. - Занятно.

- Это ошибка, - твердо ответил Артур. Опыт работы страховым агентом сослужил ему сейчас хорошую службу. Артуру приходилось сталкиваться со всякими людьми и разбираться во всевозможных запутанных ситуациях. Очевидно, чудище пыталось вызвать демона. Не по своей вине оно наткнулось на Артура Гаммета и находится под впечатлением, будто Артур и есть демон. Ошибку следует исправить как можно скорее.

- Я страховой агент, - заявил он. Чудище покачало огромной рогатой головой. Оно хлестало себя по бокам, с неприятным свистом рассекая воздух.

- Твоя потусторонняя деятельность нисколько меня не интересует, - зарычал Нельзевул. - В сущности, мне даже безразлично, к какой породе демонов ты относишься.

- Но я же объясняю вам, что я не...

- Ничего не выйдет! - прорычал Нельзевул, подойдя к самому краю пятиугольника и свирепо сверкая глазами. - Я знаю, что ты демон. И мне нужен крутяк.

- Крутяк? Что-то я не...

- Я все ваши демонские увертки насквозь вижу, - заявил Нельзевул, успокаиваясь с видимым усилием. - Я знаю, так же как и ты, что демон, вызванный заклинанием, должен исполнить одно желание заклинателя. Я тебя вызвал, и мне нужен крутяк. Десять тысяч фунтов крутяка.

- Крутяк... - растерянно начал Артур, стараясь держаться в самом дальнем углу пятиугольника, подальше от чудища, которое ожесточенно размахивало хвостом.

- Крутяк, или шамар, или волхолово, или фон-дерпшик. Это все одно и то же.

"Да ведь оно говорит о деньгах", - вдруг дошло до Артура. Жаргонные словечки были незнакомы, но интонацию, с какой они выговаривались, ни с чем не спутаешь. Крутяком, несомненно, называется то, что служит местной валютой.

- Десять тысяч фунтов не так уж много, - продолжал Нельзевул с хитрой ухмылочкой. - Во всяком случае, для тебя. Ты должен радоваться, что я не из тех кретинов, кто клянчит бессмертия.

Артур обрадовался.

- А если я не соглашусь? - спросил он.

- В таком случае, - ответил Нельзевул, и ухмылка его

сменилась хмурой гримасой, - мне придется заколдовать тебя. Заключить в эту бутыль.

Артур покосился на прозрачную зеленую махину, возвышающуюся над головой Нельзевула. Широкая у основания бутыль постепенно сужалась кверху. Если только чудище способно затолкать Артура внутрь, он никогда в жизни не протиснется обратно через узкое горлышко. А что чудище способно, в этом Артур не сомневался.

- Ну же, - сказал Нельзевул, снова расплываясь в ухмылке, еще более хитрой, чем раньше, - нет никакого смысла становиться в позу героя. Что для тебя десять тысяч фунтов старого, доброго фон-дер-пшика? Меня они осчастливят, а ты это сделаешь одним мановением руки.

Он умолк, и его улыбка стала заискивающей.

- Знаешь, - продолжал он тихо, - ведь я потратил на это уйму времени. Прочитал массу книг, извел кучу шамара. - Внезапно хвост его хлестнул по полу, словно пуля, рикошетом отскочившая от гранита. - Не пытайся обвести меня вокруг пальца! - взревел он.

Артур обнаружил, что магическая сила меловых линий распространяется, по меньшей мере, на высоту его роста. Он осторожно прислонился к невидимой стене, и, установив, что она выдерживает тяжесть, комфортабельно оперся на нее.

Десять тысяч фунтов крутяка, размышлял он. Очевидно, это чудище - волшебник из бог весть какой страны. Быть может с другой планеты. Своими заклинаниями оно пыталось вызвать демона, исполняющего любые желания, а вызвало его, Артура Гаммета. Теперь оно чего-то хочет от него и в случае неповиновения угрожает бутылкой. Все это страшно нелогично, но Артур Гаммет заподозрил, что колдуны по большей части народ алогичный.

- Я постараюсь достать тебе крутяк, - промямлил Артур, почувствовав, что надо сказать хоть слово. - Но мне надо вернуться за ним в... э-э... преисподнюю. Весь этот вздор с мановением руки вышел из моды.

- Ладно, - согласилось чудище, стоя на краю пятиугольника и плотоядно поглядывая на Артура. - Я тебе доверяю. Но помни, я могу тебя вызвать в любое время. Ты никуда не денешься, сам понимаешь, так что лучше и не пытайся. Между прочим, меня зовут Нельзевул.

- А Вельзевул вам случайно не родственник?

- Это мой прадед, - ответил Нельзевул, подозрительно косясь на Артура. - Он был военным. К сожалению, он... - Нельзевул оборвал себя на полуслове и метнул на Артура злобный взгляд. - Впрочем, вам, демонам, все это известно! Сгинь! И принеси крутяк.

Артур Гаммет исчез.

Он материализовался на углу Второй авеню и Девятой стрит - там же, где исчез. Пальто валялось у его ног, одежда была пропитана потом. Он пошатнулся - ведь в тот миг, когда Нельзевул его отпустил, он опирался на магическую силовую стену, - но удержал равновесие, поднял с земли пальто и поспешил домой. К счастью, народу вокруг было не много. Две женщины с хозяйственными сумками, ахнув, быстро зашагали прочь. Какой-то щеголевато одетый господин моргнул раз пять-шесть, сделал шаг в его сторону, словно намереваясь что-то спросить, передумал и торопливо пошел к Восьмой стрит. Остальные то ли не заметили Артура, то ли им было наплевать.

Придя в свою двухкомнатную квартиру, Артур сделал слабую попытку забыть все происшедшее, как забывают дурной сон.

Это не удалось, и он стал перебирать в уме свои возможности.
   Он мог бы достать крутяк. То есть не исключено, что мог бы, если бы выяснил, что это такое. Вещество, которое Нельзевул считает ценным, может оказаться чем угодно. Свинцом, например, или железом. Но даже в этом случае Артур, живущий на скромный доход, совершенно вылетит в трубу.
   Он мог бы заявить в полицию. И попасть в сумасшедший дом. Не годится.
   Наконец, можно не доставать крутяк - и провести остаток дней в бутылке. Тоже не годится.
   Остается одно - ждать, пока Нельзевул не вызовет его снова, и тогда уж выяснить, что такое крутяк. А вдруг окажется, что это обыкновенный навоз? Артур может взять его на дядюшкиной ферме в Нью-Джерси, но пусть уж Нельзевул сам позаботится о доставке.
   Артур Гаммет позвонил в контору и сообщил, что болен и проболеет еще несколько дней. После этого он приготовил на кухоньке обильный завтрак, в глубине души гордясь своим аппетитом. Не каждый способен умять такую порцию, если ему лезть в бутылку. Он привел все в порядок и переоделся в плавки. Часы показывали половину пятого пополудни. Артур растянулся на кровати и стал ждать. Около половины десятого он исчез.
   - Опять переменил кожу, - заметил Нельзевул. - Где же крутяк? - нетерпеливо подергивая хвостом, он забегал вокруг пятиугольника.
   - У меня за спиной его нет, - ответил Артур, поворачиваясь так, чтобы снова стать лицом к Нельзевулу. - Мне нужна дополнительная информация. - Он принял непринужденную позу, опершись о невидимую стену, излучаемую меловыми линиями.
   - И ваше обещание, что, как только я отдам крутяк, вы оставите меня в покое.
   - Конечно, - с радостью согласился Нельзевул. - Так или иначе я имею право выразить только одно желание. Вот что, давай-ка я поклянусь великой клятвой Сатаны. Она, знаешь ли, абсолютно нерушима.
   - Сатаны?
   - Это один из первых наших президентов, - пояснил Нельзевул с благоговейным видом. - У него служил мой прадед Вельзевул. К несчастью... Впрочем, ты все и так знаешь.
   Нельзевул. произнес великую клятву Сатаны, и она оказалась необычайно внушительной. Когда он умолк, голубые клубы тумана в комнате окаймились красными полосами, а контуры гигантской бутыли зловеще заколыхались в тусклом освещении. Даже в своей более чем легкой одежде Артур обливался потом. Он пожалел, что не родился холодильным демоном.
   - Вот так, - заключил Нельзевул, распрямляясь во весь рост посреди комнаты и обвивая хвостом запястье. Глаза его мерцали странным огнем - отблеском воспоминаний о былой славе.
   - Так какая тебе нужна информация? - осведомился Нельзевул, вышагивая взад и вперед около пятиугольника и волоча за собой хвост.
   - Опиши мне этот крутяк.
   - Ну, он такой тяжелый, не очень твердый...
   - Быть может, свинец?
   - ...и желтый.
   Золото...

- Гм, - пробормотал Артур, внимательно разглядывая бутыль. - А он никогда не бывает серым, а? Или темно-коричневым?

- Нет. Он всегда желтый. Иногда с красноватым отливом. Все-таки золото. Артур стал задумчиво созерцать чешуйчатое чудище, которое с плохо скрытым нетерпением расхаживало по комнате. Десять тысяч фунтов золота. Это обойдется в... Нет, лучше над этим не задумываться. Немыслимо.

- Мне понадобится некоторое время, - сказал Артур. - Лет шестьдесят-семьдесят. Давайте вот как условимся: я сообщу вам сразу же, когда...

Нельзевул прервал его раскатом гомерического хохота. Очевидно, Артур пощекотал его остаточное чувство юмора, ибо Нельзевул, обхватив колени передними лапами, повизгивал от веселья.

- Лет шестьдесят-семьдесят! - проревел, захлебываясь, Нельзевул, и задрожала бутыль, и даже стороны пятиугольника как будто заколебались. - Я дам тебе минут шестьдесят-семьдесят! Иначе - крышка!

- Минуточку, - проговорил Артур из дальнего угла пятиугольника. - Мне понадобится чуть-чуть... Погодите! - У него только что мелькнула спасительная мысль. То была, несомненно, лучшая мысль в его жизни. Больше того, это была его собственная мысль.

- Мне нужна точная формула заклинания, при помощи которого вы меня вызываете, - заявил Артур. - Я должен удостовериться в центральной конторе, что все в порядке.

Чудище пришло в неистовство и принялось сыпать проклятиями. Воздух почернел, и в нем появились красные разводы; в тон голосу Нельзевула сочувственно зазвенела бутыль, а сама комната, казалось, пошла кругом. Однако Артур Гаммет твердо стоял на своем. Он терпеливо, раз семь или восемь, объяснял, что заточать его в бутыль бесполезно - тогда уж Нельзевул наверняка не получит золота. Все, что от того требуется, - это формула, и она, безусловно, не...

Наконец Артур добился формулы.

- И чтобы у меня без штучек! - прогремел на прощание Нельзевул, обеими руками и хвостом указывая на бутылку. Артур слабо кивнул и вновь очутился в своей комнате.

Следующие несколько дней прошли в бешеных поисках по всему Нью-Йорку. Некоторые из ингредиентов магической формулы было легко отыскать, например веточку омелы в цветочном магазине, а также серу. Хуже обстояло с могильной землей и с левым крылом летучей мыши. По-настоящему в тупик Артура поставила рука, отрубленная у убитого. В конце концов бедняге удалось добыть и ее в специализированном магазине, обслуживающем студентов-медиков. Продавец уверял, будто покойник, которому принадлежала рука, погиб насильственной смертью. Артур подозревал, что продавец безответственно поддакивает ему, считая требование покупателя просто- напросто блажью, но тут уж ничего нельзя было поделать.

В числе прочих ингредиентов он приобрел большую стеклянную бутыль, и поразительно дешево. Все же у жителей Нью-Йорка есть кое-какие преимущества, заключил Артур. Не существует ничего - буквально ничего, - что не продавалось бы за деньги.

Через три дня все необходимые материалы были закуплены, и в полночь на третьи сутки он разложил их на полу в своей квартире. В окно светила луна во второй фазе; насчет лунной фазы магическая формула не давала ясных инструкций.

Казалось, все на мази. Артур очертил пятиугольник, зажег свечи, воскурил благовония и затянул слова заклинания. Он надеялся, что, пунктуально следуя полученным указаниям, ухитрится заколдовать Нельзевула. Его единственным желанием будет, чтобы Нельзевул оставил его в покое отныне и навсегда. План казался безупречным.

Он приступил к заклинаниям; по комнате голубой дымкой расползся туман, и вскоре Артур увидел нечто, вырастающее в центре пятиугольника.

- Нельзевул! - воскликнул он. Однако то был не Нельзевул. Когда Артур кончил читать заклинание, существо внутри пятиугольника достигло без малого пяти метров в высоту. Ему пришлось склониться почти до полу, чтобы уместиться под потолком комнаты Артура. То было создание ужасающего вида, крылатое, с крохотной головой и с дырой в груди. Артур Гаммет вызвал не того демона.

- Что все это значит? - удивился демон и выбросил из груди струю холодной воды. Вода плеснула о невидимые стены пятиугольника и скатилась на пол. Должно быть, у демона сработал обычный рефлекс: в комнате Артура и так царила приятная прохлада.

- Я хочу, чтобы ты исполнил мое единственное желание, - отчеканил Артур. Демон был голубого цвета и невероятно худой: вместо крыльев торчали рудиментарные отростки. Прежде чем ответить, он два раза похлопал ими себя по костлявой груди.

- Я не знаю, кто ты такой и как тебе удалось поймать меня, - сказал демон, - но это хитроумно. Это, бесспорно, хитроумно.

- Не будем болтать попусту, - нервно ответил Артур, про себя соображая, когда именно вздумается Нельзевулу вызвать его снова. - Мне нужно десять тысяч фунтов золота. Известного также под названиями крутяк, волхолово и фон-дер-пшик. - С минуты на минуту, подумал он, могу оказаться в бутылке.

- Ну, - пробормотал холодильный демон, - ты, кажется, исходишь из ложной предпосылки, будто я...

- Даю тебе двадцать четыре часа...

- Я не богат, - сообщил холодильный демон. - Я всего лишь мелкий делец. Но, может быть, если ты дашь мне срок...

- Иначе - крышка, - докончил Артур. Он указал на большую бутыль, стоящую в углу, и тут же понял, что в ней никак не поместится пятиметровый холодильный демон.

- Когда я вызову тебя в следующий раз, бутыль будет достаточно велика, - прибавил Артур. - Я не думал, что ты окажешься таким рослым.

- У нас есть легенды о таинственных исчезновениях, - раздумывал демон вслух. Так вот что тогда случается! Преисподняя... Впрочем, вряд ли мне кто-нибудь поверит.

- Принеси крутяк, - распорядился Артур. - Сгинь!

И холодильного демона не стало.

Артур Гаммет знал, что медлить больше суток нельзя. Возможно, и это слишком много, ибо никому неведомо, когда же Нельзевул решит, что время истекло. И уж вовсе не известно, что предпримет багрово-чешуйчатая тварь, если будет разочарована в третий раз. К концу дня Артур заметил, что судорожно сжимает трубу парового отопления. Много ли она поможет против заклинаний?! Просто приятно ухватиться за что-нибудь основательное.

Артур подумал, что стыдно приставать к холодильному демону и злоупотреблять его возможностями. Совершенно ясно,

что это не настоящий демон - не более настоящий, чем сам Артур. Что ж, он никогда не засадит голубого демона в бутылку. Все равно это не поможет, если желание Нельзевула не осуществится.

Наконец Артур снова пробормотал слова заклинания.

- Ты бы сделал пятиугольник пошире, - попросил холодильный демон, съеживаясь в неудобной позе внутри магической зоны. - Мне не хватает места для...

- Сгинь, - воскликнул Артур и лихорадочно стер пятиугольник. Он очертил его заново, использовав на этот раз площадь всей комнаты. Он оттащил на кухню бутыль (все ту же, поскольку пятиметровой не нашлось), забрался в стенной шкаф и повторил формулу с самого начала. Снова навис густой, колыхающийся синий туман.

- Ты только не горячись, - заговорил в пятиугольнике холодильный демон. - Фон- дер-пшика еще нет. Заминка вышла. Сейчас я тебе все объясню. - Он похлопал крыльями, чтобы развеять туман. Рядом с ним стояла бутыль высотой в три метра. Внутри, позеленевший от ярости, сидел Нельзевул. Он что-то кричал, но крышка была плотно завинчена и ни один звук не проникал наружу.

- Выписал формулу в библиотеке, - пояснил демон. - Чуть не ошалел, когда она подействовала. Всегда, знаешь ли, был трезвым дельцом. Не признаю всей этой сверхъестественной мути. Однако надо смотреть фактам в лицо. Как бы там ни было, я заколдовал вон того демона. - Он ткнул костлявой рукой в сторону бутыли. - Но он ни за что не хочет раскошеливаться. Вот я и заключил его в бутылку.

Холодильный демон испустил глубокий вздох облегчения, заметив улыбку Артура. Она была равносильна отсрочке смертного приговора.

- Мне в общем-то бутылка ни к чему, - продолжал холодильный демон, - у меня жена и трое детишек. Ты ведь знаешь, как это бывает. У нас сейчас кризис в страховом деле и все такое; я не наберу десять тысяч фунтов крутяка, даже если мне дадут в подмогу целую армию. Но как только я уговорю вон того демона...

- О крутяке не беспокойся, - прервал его Артур. - Возьми только этого демона себе. Храни его хорошенько. Разумеется, в упаковке.

- Я это сделаю, - заверил синекрылый страховой агент. - Что же касается крутяка...

- Да бог с ним, - сердечно отозвался Артур. В конце концов, страховые агенты должны стоять друг за друга. - А ты тоже занимаешься пожарами и кражами?

- Я больше по несчастным случаям, - ответил страховой агент. - Но знаешь, я вот все думаю...

Внутри бутылки ярился, бушевал и сыпал ужасными проклятиями Нельзевул, а два страховых агента безмятежно обсуждали тонкости своей профессии.

Роберт Шекли

Что в нас заложено

Перевод А. Санина

Существуют предписания, регламентирующие поведение экипажа космического корабля при установлении Первого Контакта, инструкции, порожденные безысходностью и выполняемые слепо, без надежды на успех, - в самом деле, какие наставления способны предвосхитить последствия каких бы то ни было действий на сознание инопланетян?

Именно об этом мрачно размышлял Ян Маартен, когда корабль вошел в атмосферу Дюрелла IV. Ян Маартен был крупный среднего возраста мужчина с редеющими светло- пепельными волосами и вечно озабоченным выражением на упитанном лице. Уже давно он пришел к заключению, что любое, пусть самое нелепое, предписание - все же лучше, чем ничего. Именно поэтому он придерживался установленных правил, педантично, но с непреходящим чувством сомнения и сознанием человеческого несовершенства.

Это были идеальные качества для посланца, устанавливающего Первый Контакт.

Он облетел планету на высоте, достаточной для обзора, но не настолько близко к поверхности, чтобы напугать ее обитателей. Налицо были все признаки первобытно-пасторальной цивилизации, и Ян Маартен постарался освежить в памяти инструкции, напечатанные в четвертом томе "Рекомендуемой методики по осуществлению Первого Контакта с так называемыми первобытно-пасторальными мирами", выпущенном Департаментом психологии инопланетян. Он посадил корабль на скалистую, поросшую травой равнину на рекомендуемом расстоянии от типичной небольшой деревушки. При посадке он применил новаторский метод "Тихий Сэм".

- Славно сработано! - восхитился его помощник Кросвелл, который был еще слишком молод, чтобы терзаться мучившими капитана сомнениями.

Чедка, эборийский лингвист, безмолвствовал. Он, как обычно, спал.

Пробурчав в ответ что-то невразумительное, Маартен отправился в хвостовой отсек проводить анализ проб. Кросвелл занял позицию перед смотровым экраном.

- Идут! - закричал Кросвелл спустя полчаса. - Их около дюжины, и они явно гуманоиды.

Присмотревшись, он отметил, что дюрелляне довольно тщедушны, а их мертвенно- бледные лица застыли, словно маски. Чуть поколебавшись, Кросвелл добавил:

- Красавцами я бы их, пожалуй, не назвал.

- Что они делают? - спросил Маартен.

- Просто разглядывают нас, - отозвался Кросвелл. Это был худощавый молодой человек с необычайно длинными роскошными усами, которые он отпускал на всем долгом пути от Земли. Кросвелл то и дело любовно поглаживал их в полной уверенности, что столь великолепных усов Галактике видеть не доводилось. - Они уже в двадцати ярдах от корабля! - Увлеченный необычным зрелищем, он даже не заметил, что нелепо расплющил нос об односторонний смотровой экран.

Экран позволял прекрасно видеть, что происходит вне корабля, но в то же время не давал посмотреть в него снаружи. По указу Департамента психологии инопланетян такие экраны были установлены на всех кораблях после того, как год назад закончилась провалом попытка установить Первый Контакт на планете Карелла II. Карелляне, глазевшие на корабль,

разглядели внутри что-то такое, что заставило их в панике бежать, отчего вступить с ними в контакт не удалось.

Подобные ошибки нельзя было повторять.

- А что теперь? - осведомился Маартен.

- Один из них приближается к кораблю. Вероятно, вождь. А может быть, это жертвоприношение?

- Как он одет?

- На нем... Как бы это сказать... Лучше бы вы посмотрели сами.

Маартен уже успел с помощью приборов составить представление о Дюрелле. Планета обладала пригодной для дыхания атмосферой, сносным климатом, даже гравитация оказалась близкой к земной. На Дюрелле имелись богатейшие залежи радиоактивных элементов и редких металлов. Но самое главное - приборы указывали на полное отсутствие вирулентных микроорганизмов и ядовитых испарений, из-за которых пребывание землян на планете могло оборваться трагически.

Словом, Дюрелл мог стать бесценным партнером Земли при условии, что дюрелляне будут настроены дружественно, а посланцы с Земли сумеют тонко и тактично провести переговоры.

Подойдя к экрану, Маартен начал рассматривать дюреллян.

- На них одежды пастельных тонов. Нам следует одеться так же.

- Есть!

- Они не вооружены. Мы тоже выйдем безоружными.

- Так точно!

- Они обуты в сандалии. Придется и нам идти в сандалиях.

- Слушаюсь!

- Но вот на лицах у них отсутствует всякая растительность, - продолжал Маартен. - Прости меня, Эд, но твои усы...

- Нет-нет, только не это! Умоляю! - Кросвелл в непритворном ужасе прикрыл ладонью предмет своей гордости.

- Боюсь, с этим ничего не поделаешь, - с напускным состраданием вздохнул Маартен.

- Я их полгода отращивал! - запротестовал юноша.

- Придется с ними расстаться. Они будут бросаться в глаза.

- Не вижу для этого причин, - негодующе возразил Кросвелл.

- Самое главное - первое впечатление. Если оно окажется неблагоприятным, это сильно затруднит, если вовсе не сделает невозможными дальнейшие контакты. Поскольку мы пока ничего не знаем об обитателях этой планеты, наше лучшее оружие - конформизм. Мы должны стараться походить на них своим внешним обликом; если даже это им не очень понравится, то по крайней мере не будет раздражать. Нам следует перенять и их манеры, словом, надо вести себя в рамках принятых здесь обычаев и традиций...

- Хорошо, я согласен, - прервал его Кросвелл. - Надеюсь, хотя бы на обратном пути мне будет позволено обзавестись новыми усами?

Они посмотрели друг на друга и расхохотались. Кросвелл уже трижды терял усы в аналогичных ситуациях.

Пока юноша брился, Маартен растолкал спавшего лингвиста. Чедка был лемурообразным гуманоидом с Эбории IV, с которой Земля поддерживала дружественные отношения. Эборийцы были прирожденными лингвистами и к тому же обладали необыкновенной словоохотливостью, отличающей иных земных зануд, которые не позволяют собеседнику вставить и слово.

Правда, к чести эборийцев следует сказать, что во всяком споре они неизменно оказывались правыми. В свое время они облетели почти всю Галактику и могли бы воцариться в ней, если бы не необходимость спать двадцать часов из двадцати четырех.

Сбрив усы, Кросвелл облачился в бледно-зеленый комбинезон и сандалии. Все трое прошли дезинфекционную камеру. Маартен глубоко вздохнул и отрыл люк.

По толпе дюреллян пронесся еле слышный шелест. Вождь - или жертва - молчал. Если бы не мертвенная бледность и окаменелость лиц, дюрелляне могли сойти за людей.

- Никакой мимики! - предупредил Кросвелла Маартен.

Они медленно приближались, пока не оказались в десяти футах от дюреллянина.

- Мы пришли с миром, - тихо сказал Маартен.

Ответ дюреллянина был настолько тихим, что почти нельзя было разобрать слов.

- Вождь сказал: "Добро пожаловать", - перевел Чедка.

- Вот и отлично. - Маартен приблизился еще на несколько шагов и начал говорить, делая время от времени паузы для перевода. Искренне и убежденно он произнес Первичную речь ББ-32 (для первобытно-пасторальных, предположительно не агрессивно настроенных инопланетян-гуманоидов).

Даже Кросвелл, которого трудно было удивить, вынужден был признать, что это была замечательная речь. Маартен сообщил, что они проделали долгий путь, прилетев из Великой Пустоты, чтобы наладить дружественные отношения с благородными дюреллянами. Он рассказал о далекой зеленой Земле, о прекрасных добрых землянах, которые протягивают руки в дружелюбном приветствии. Он поведал далее о великом духе мира и понимания, исходящем от Земли, о всеобщей дружбе и о многом-многом другом.

Наконец он закончил. Воцарилось продолжительное молчание.

- Он все понял? - шепотом осведомился Маартен у Чедки.

Эбориец кивнул, ожидая ответа вождя. Маартен от напряжения покрылся испариной, а Кросвелл в волнении ощупывал непривычно гладкую кожу над верхней губой.

Вождь раскрыл рот, судорожно глотнул, чуть отступил назад и мешком рухнул на траву.

Это неприятное происшествие не было предусмотрено предписаниями.

Вождь не поднялся на ноги - по-видимому, это не относилось к церемониальным падениям. К тому же и дыхание его казалось затрудненным, как при обмороке.

При таких обстоятельствах незадачливым астронавтам оставалось только вернуться на корабль и ждать дальнейшего развития событий.

Через полчаса один из дюреллян осторожно приблизился к кораблю, сообщил что-то Чедке и тут же стал пятиться назад, не спуская глаз с землян.

- Что он сказал? - взволнованно спросил Кросвелл.

- Вождь Морери просит извинить его за обморок, - сказал Чедка. - С его стороны это было непростительно неучтиво.

- Вот как! - воскликнул Маартен. - Тогда его обморок даже сыграет нам на руку - заставит его приложить все усилия, чтобы искупить свою неучтивость. Столь благоприятное стечение обстоятельств, независимое от нас...

- Нет, - прервал Чедка.

- Что "нет"?

- Не независимое, - лаконично пояснил эбориец, свернулся

калачиком и мгновенно уснул.
Маартен энергично затряс маленького лингвиста за плечо.
- Что еще сказал вождь? Какое отношение к нам может иметь этот нелепый обморок?
Чедка сладко зевнул.
- Вождь был очень смущен. Сколько мог, он терпел порывы ветра из вашего рта, но в конце концов чуждый запах...
- Какой ветер? - не веря своим ушам, переспросил Маартен. - Мое дыхание? Неужели он грохнулся в обморок из-за... - Страшная догадка осенила его.
Чедка кивнул, неуместно хихикнул и снова уснул.
Наступил вечер, тусклые длинные сумерки Дюрелла незаметно сменились ночью. Один за другим исчезали пробивавшиеся сквозь окружавший деревушку лес огоньки костров, на которых готовили пищу дюрелляне. На корабле свет горел до самого рассвета. Когда взошло солнце, Чедку отправили в деревню. Кросвелл задумчиво потягивал кофе, а Маартен лихорадочно рылся в аптечке.
- Я уверен, что это преодолимое препятствие, - глубокомысленно произнес Кросвелл. - Подобные пустяки неизбежны. Помните, когда мы высадились на Дингофоребе VI...
- Из-за таких, как ты говоришь, "пустяков" контакты срываются навсегда, - возразил Маартен.
- Но кто мог предположить...
- Я должен был предвидеть! - вспыхнул Маартен. - Мало ли что прежде ничего подобного не случалось... А, вот они!
Он торжествующе поднял в руке склянку с розовыми таблетками.
- С абсолютной гарантией нейтрализуют любое дыхание - даже гиены. Проглоти парочку.
Кросвелл с готовностью проглотил таблетки.
- Что теперь, шеф?
- Подождем возвращения этого сонливого лемура... Ага, вот и он! Что сказал вождь?
Чедка проскользнул сквозь люк, протирая уже слипающиеся глаза.
- Вождь Морери просит извинить его за обморок.
- Это мы уже знаем. Что еще?
- Он приглашает вас посетить деревню Ланнит в любое удобное для вас время. Вождь надеется, что этот глупый инцидент не повлияет на развитие дружественных отношений между двумя миролюбивыми благородными народами.
Маартен облегченно вздохнул.
- Вы поставили его в известность о том, что... эээ... наше дыхание исправится?
- Я заверил вождя Морери, что оно будет должным образом скорректировано, - сдержанно подтвердил Чедка. - Меня лично оно никогда не беспокоило.
- Прекрасно. Мы немедленно отправляемся в деревню. Может быть, вы тоже примете одну таблетку?
- С моим дыханием все в порядке, - зевая, гордо проговорил Чедка.
При общении с представителями первобытно-пасторальной цивилизации принято прибегать к простым, но многозначительным жестам, они легче всего воспринимаются туземным населением. Наглядность! Четкие и понятные всем ассоциации! Меньше слов - больше жестов! Таковы были наставления.
Приблизившись к деревне, Маартен с удовлетворением отметил, что судьба предоставила ему случай провести

естественную, но весьма эффективную и прямо- таки символическую церемонию. Дюрелляне встречали астронавтов в деревне, раскинувшейся на большой живописной лесной поляне; от леса деревню отделяло пересохшее речное русло, через которое был перекинут небольшой, но изящный каменный мост.

Дойдя до середины моста, Маартен остановился и лучезарно улыбнулся дюреллянам. Заметив, что те в ужасе отвернулись, он проклял собственную рассеянность и поспешно стер улыбку с лица. После долгой паузы он громко выкрикнул:

- Пусть этот мост явится символом той связи, которая навечно установилась между этой прекрасной гостеприимной планетой и планетой...

Кросвелл что-то предупреждающе крикнул, но Маартен не разобрал. Он внимательно следил за дюреллянами - они стояли не двигаясь.

- Прочь с моста! - завопил Кросвелл.

Но не успел Маартен и шевельнуться, как каменная махина под ним рухнула, и он с криком полетел вниз.

- В жизни не видел ничего подобного, - возбужденно тараторил Кросвелл, помогая Маартену выкарабкаться из-под обломков. - Стоило вам только повысить голос, как камень так и заходил. Наверное, какая-то вибрация.

Теперь Маартен понял, почему дюрелляне всегда говорили шепотом. Он осторожно поднялся на ноги, но тут же со стоном снова сел.

- Что случилось? - испугался юноша.

- По-моему, я вывихнул ногу.

Сопровождаемый двумя десятками соплеменников, вождь Морери приблизился к незадачливым землянам, произнес короткую речь и вручил пострадавшему увесистый резной посох из черного дерева.

- Спасибо, - еле слышно пробормотал растроганный Маартен, поднимаясь на ноги и осторожно опираясь на посох.

- Что он сказал? - обратился он к дремлющему Чедке.

Вождь сообщил, что мосту было всего сто лет, и он находился в хорошем состоянии. Вождь извинился за своих предков, которые не смогли построить более прочный мост.

- Гм-м, - смущенно выдавил Маартен.

- Вождь говорит, что вы, во-видимому, очень невезучий человек, - добавил Чедка.

Возможно, он прав, подумал Маартен.

Впрочем, еще не все было потеряно. Следовало только быть предельно собранным и внимательным, чтобы не допустить промахов в дальнейшем.

Маартен выдавил жалкую улыбку, но вовремя спохватился и, сжав губы, заковылял рядом с Морери, направляясь в деревню.

В техническом отношении дюрелляне находились на низком уровне развития. Правда, колесо и рычаг они уже изобрели, но, по-видимому, этим вполне удовлетворили свою потребность в механизации. Впрочем, они обладали зачаточными познаниями в геометрии и кое-как разбирались в астрономии.

Однако дюрелляне отличались удивительными художественными способностями. Особое развитие у них получила искусная резьба по дереву. Даже самые бедные хижины украшали редкой красоты резные барельефы.

- Как вы думаете, я могу это сфотографировать? - спросил пораженный Кросвелл.

- А почему бы и нет, - великодушно решил Маартен, восхищенно проводя рукой по громадному барельефу, вырезанному из той же черной древесины, что и его посох. Отполированная до блеска поверхность ласкала кожу.

С разрешения вождя Морери Кросвелл сфотографировал и зарисовал детали дюреллянских жилищ, хозяйственных и общественных построек, украшений храма.

Маартен бродил по деревне, с восторгом ощупывая причудливые барельефы и переговариваясь при помощи Чедки с местными жителями. Постепенно у капитана складывалось мнение об обитателях планеты.

Потенциально дюрелляне, думал Маартен, по своему интеллекту не уступают Homo sapiens. Низкий уровень технического развития определяется скорее особенностями их взаимоотношений с природой, нежели отсталостью и неумением. Дюреллянам, по-видимому, свойственно миролюбие, у них отсутствует агрессивность - в этом земляне им могут только позавидовать: лишь после многовековой неразберихи на Земле, наконец, пришли к подобным идеалам.

Этот вывод он решил положить в основу своего доклада Комиссии по Второму Контакту. Маартен надеялся, что сможет ко всему добавить, что "относительно землян у них сложилось самое благоприятное впечатление; никаких трудностей и неожиданностей не предвидится".

Закончив переговоры с вождем Морери, Чедка, казавшийся почему-то менее сонным, чем обычно, подошел к Маартену и стал что-то нашептывать ему. Маартен согласно кивнул и тихо обратился к Кросвеллу, который делал последние снимки:

- Все готово для большого представления.

- Какого представления?

- Вождь Морери устраивает грандиозный праздник в нашу честь, - потирая руки, прошептал Маартен и не без гордости добавил: - Это - событие чрезвычайной важности, знак признания и доброй воли.

Кросвелл был не столь сдержан в выражении своих чувств:

- Так это победа! Ура, контакт установлен!

Двое дюреллян, стоявшие у него за спиной, в ужасе подпрыгнули на месте и, пошатываясь, побрели прочь.

- Да, это победа, - прошептал Маартен, - если только мы будем следить за собой и не станем орать, как только что сделал это ты. Они прекрасные душевные существа, и мы будем последними ослами, если не завоюем их доверия. Мы все-таки иногда чем-то их раздражаем - чем?..

К вечеру Маартен и Кросвелл закончили химический анализ состава дюреллянской пищи и не обнаружили в ней ничего вредного для человеческого организма. Проглотив по нескольку нейтрализующих дыхание таблеток, они облачились в комбинезоны и сандалии, прошли дезинфекцию и отправились на праздник.

На первое подали какое-то угощение из зеленовато-оранжевых овощей, напоминающих на вкус тыкву. Затем вождь Морери произнес короткую речь о важности развития культурных связей. По окончании речи было подано блюдо из мяса, похожего на кроличье, после чего слово предоставили Кросвеллу.

- Только шепотом, не забудь! - приглушенно напомнил Маартен.

Кросвелл встал и начал говорить. С не меняющимся выражением лица, прибегая главным образом к жестикуляции, он тихим голосом перечислил сходные черты у народов Земли и Дюрелла.

Чедка переводил. Маартен довольно кивал. То же самое делали вождь и все собравшиеся.

Закончив вдохновенную речь, Кросвелл сел за стол. Маартен похлопал его по плечу:

- Молодец, Эд! У тебя прирожденный дар... Что случилось?

Лицо Кросвелла перекосилось от изумления:

- Посмотрите только!

Маартен обернулся. Вождь и все дюрелляне продолжали непрерывно кивать.

- Чедка! - растерянно пролепетал Маартен. - Поговорите с ними!

Эбориец задал вождю какой-то вопрос. Ответа не последовало. Морери все так же продолжал кивать.

- Эти идиотские жесты! Ты их загипнотизировал! - догадался Маартен. Он почесал в затылке и вдруг громко кашлянул. Стол задрожал. Дюрелляне мигом прекратили кивать, замигали и стали быстро и нервозно переговариваться.

- Они говорят, что вы обладаете магической силой, - переводил Чедка. - Еще они говорят, что инопланетяне очень странные существа, и сомневаются, можно ли им доверять.

- А что считает вождь? - упавшим голосом спросил Маартен.

- Вождь говорит, что вы не такие уж плохие. Он уверяет остальных, что вы не хотели причинить им зло.

- И на том спасибо. Надо уходить, пока мы еще что-нибудь не натворили.

Он встал из-за стола. За ним поднялись Кросвелл и Чедка.

- Мы прощаемся с вами, - шепотом обратился к вождю Маартен, - и просим вашего разрешения на то, чтобы другие люди с нашей планеты могли посетить вас. Простите за ошибки, которые мы совершили, - они были вызваны только незнанием ваших обычаев.

Чедка переводил, а Маартен продолжал шептать, не проявляя никаких эмоций и держа руки по швам. Он говорил о единстве Галактики, о благах мира и сотрудничества, о налаживании обмена товарами и предметами искусства, о солидарности всех форм гуманоидной жизни во Вселенной.

Морери, все еще потрясенный пережитым, в свою очередь заверил, что землянам будут всегда рады.

В порыве чувств Кросвелл протянул ему руку. Вождь озадаченно посмотрел на нее, потом взял в свою, недоумевая, что надо делать, но в тот же миг, прошипев от боли, судорожно вырвал руку. Кожа на ладони сплошь вздулась, как при сильнейшем ожоге.

- Что случилось? - перепугался Кросвелл.

- Пот! - убитым голосом ответил Маартен и сокрушенно опустил руки. - Должно быть он, как кислота, оказывает мгновенное действие на их организм. Надо убираться отсюда!

Дюрелляне угрожающе смыкались вокруг - в руках у некоторых появились камни и палки. Вождь, все еще корчась от боли, спорил о чем-то с соплеменниками, но земляне, не дожидаясь завершения дискуссии, с максимальной скоростью, на которую был способен Маартен, передвигавшийся вприпрыжку с помощью посоха, принялись отступать к кораблю.

Темная чаща леса была полна подозрительных звуков. Запыхавшись, астронавты достигли корабля. Возглавлявший отступление Кросвелл споткнулся и упал, больно ударившись головой о крышку люка.

- Проклятье! - выругался он.

В то же мгновение земля вокруг корабля вздыбилась, задрожала и стала уходить из- под ног.

- Скорей в корабль! - закричал Маартен.

Едва они успели взлететь, как на месте, где только что стоял корабль, разверзлась зияющая пропасть.

- Опять эта чертова вибрация! - в сердцах выругался Кросвелл. - Надо же - такое невезение!

Маартен вздохнул и покачал головой.

- Не знаю, право, что и делать. Хотелось бы вернуться, объяснить...

- Мы и так слишком много натворили, - веско заметил Кросвелл.

- Это верно. Ошибки, сплошные трагические ошибки. Мы и начали неважно, а все, что происходило потом, только усугубляло положение.

- Дело не в том, что вы делаете, - они никогда не слышали, чтобы Чедка говорил таким сочувственным тоном, да еще к тому же не зевая. - Это не ваша вина. Дело в том, что вы есть.

Маартен призадумался.

- Да, вы правы. Наши голоса разрушают их планету, наша мимика повергает их в ужас, наши жесты гипнотизируют, дыхание убивает, а пот вызывает ожоги. Вот несчастье!

- Чего же вы хотите? - мрачно вмешался Кросвелл. - Для них мы - ходячие химические фабрики по производству ядовитых газов и едких веществ.

- Это еще не все, - ехидно добавил Чедка. - Смотрите! Он протянул им посох, подаренный Маартену. В верхней части посоха, там, где его касалась рука капитана, пробудившиеся после векового сна почки распустились в нежные розовые и белые цветы, изумительный аромат которых наполнил каюту запахом весенней свежести.

- Вот видите? - добавил Чедка. - В вас еще и это!

- А дерево было мертвое, - размышлял Кросвелл. - Должно быть, сальные выделения...

Маартена передернуло.

- Значит, все резные украшения, барельефы, к которым мы прикасались... хижины... храм... Какой ужас!

- Да, - кивнул Кросвелл.

Маартен зажмурил глаза и попытался представить, как мертвая, иссохшая древесина превращается в буйно цветущий куст.

- Надеюсь, они правильно поймут, - убеждая сам себя, заговорил он. - Это прекрасный мирный символ. Может быть, хоть это им понравится... Хотя бы одно из того, что в нас заложено.

Роберт Шекли

Экспедиция с Глома

Перевод Н. Евдокимовой и Б. Широкова

Пид-Пилот уменьшил скорость корабля почти до нуля. С волнением всматривался в зеленую планету.

Не оставалось сомнений: во всей системе эта планета, третья от Солнца, была единственной, где возможна жизнь. Планета мирно проплывала в дымке облаков. Она казалась

совсем безобидной. И все же было в ней нечто такое, что заставляло тревожиться участников экспедиции.

Прежде чем бесповоротно устремиться вниз, Пид на мгновение заколебался. Сейчас он и двое его подчиненных готовы. Компактные Сместители хранятся в сумках их тел, бездействующие, но тоже готовые.

Пиду захотелось что-нибудь сказать экипажу, но он не знал, как построить свою речь.

Экипаж ждал. Ильг-Радист уже отправил последнее сообщение на планету Глом. Джер- Индикатор следил за циферблатами шестнадцати приборов. Он доложил: "Признаки враждебной деятельности отсутствуют". Поверхность его тела беспрерывно струилась.

Пид отметил про себя эту текучесть. Теперь он знал, о чем говорить. С той поры как они покинули Глом, Дисциплина Формы непростительно расшаталась. Командующий Вторжением предупреждал его, что низшие касты, к которым относятся Радисты и Индикаторы, приобрели дурную славу своей наклонностью к Бесформию.

- На нашу экспедицию возлагаются великие надежды, - начал Пид. - Мы далеки от родины.

Джер-Индикатор кивнул, Ильг-Радист вытек из предписанной ему формы и комфортабельно распластался на стене.

- Однако же, - сурово сказал Пид, - расстояние не служит оправданием безнравственному Бесформию.

Ильг поспешно влился в форму, подобающую Радисту.

- Несомненно, нам придется прибегать к экзотическим формам, - продолжал Пид. - На этот случай нам дано особое разрешение. Но помните: всякая форма, принятая вне связи со служебной необходимостью, есть ухищрение Князя Бесформенного!

Джер тотчас прекратил текучую игру своего тела.

- У меня все, - закончил Пид и заструился к пульту. Корабль пошел на посадку так плавно, экипаж действовал настолько слаженно, что Пид ощутил прилив гордости.

"Хорошие работники, - решил он. - Нельзя же, в самом деле, надеяться, что их формовое сознание окажется столь же развитым, как у Пилота, принадлежащего к одной из высших каст".

То же самое говорил ему Командующий Вторжением.

- Пид, - сказал Командующий Вторжением во время последней беседы, - эта планета нужна нам позарез.

- Да, повелитель, - ответил Пид; он стоял, вытянувшись в струнку, ни малейшим движением - не отклоняясь от Парадной формы Пилота.

- Один из вас, - с усилием проговорил Командующий, - должен проникнуть туда и установить Сместитель вблизи источника атомной энергии. На нашем конце будет сосредоточена армия, готовая к операции.

- Мы справимся, повелитель, - ответил Пид.

- Экспедиция непременно должна достигнуть цели, - сказал Командующий, и облик его на мгновение расплылся от неимоверной усталости. - Доверяю вам сведения высшей секретности: на Гломе сильные смуты. Бастует каста горняков. Она требует новой формы для земляных работ. Утверждает, будто старая неудобна.

Пид выразил должное негодование: "Горняцкая форма установлена пращурами пятьдесят тысяч лет назад, так же, как и остальные формы. А теперь эти выскочки хотят изменить ее!"

- Это не все, - поведал ему Командующий. - Мы обнаружили

еще один культ Бесформия. Взяли почти восемь тысяч гломов, но неизвестно, сколько их еще гуляет на свободе. Пид знал, что Бесформие - это соблазн самого зловещего дьявола, какого только может представить себе разум жителей Глома. "Но как случается, - недоумевал он, - что гломы поддаются его искушению?"

- Пид, - спросил Командующий, - ответь мне, нравится ли тебе Пилотировать?

- Да, повелитель, - ответил Пид просто. (Нравится ли Пилотировать? Да в этом вся его жизнь! Без корабля он ничто).

- Не все гломы могут сказать то же самое, - продолжал Командующий. - Мои предки были Командующими. Поэтому и я хочу быть Командующим Вторжением. Это не только естественно, но и закономерно. Однако низшие касты испытывают совсем иные чувства. - И он печально покачал телом. - Я сообщил тебе это не зря, - пояснил Командующий. - Нам, гломам, необходимо больше пространства. Неурядицы на планете объясняются только перенаселением. Так утверждают психологи. Получи мы возможность развиваться на новой планете, все раны будут исцелены. Мы на вас рассчитываем, Пид.

- Да, повелитель, - ответил Пид не без гордости. Командующий было поднялся, желая показать, что разговор окончен, но неожиданно передумал и снова сел.

- Придется следить за экипажем, - сказал он. - Ребята они верные, спору нет, но родом из низших каст. А что такое низшие касты, ты и сам знаешь.

Пид это знал.

- Вашего Индикатора, Джера, подозревают в тайных Реформистских тенденциях. Однажды он был оштрафован за то, что неправомочно имитировал форму Охотника. Против Ильга не выдвигали ни одного конкретного обвинения. Однако до меня дошли слухи, что он пребывает неподвижным в течение подозрительно долгого времени. Не исключено, что он воображает себя Мыслителем.

- Но, повелитель, - осмелился возразить Пид, - если они хоть незначительно запятнаны Реформизмом или Бесформием, зачем отправлять их в эту экспедицию? Командующий поколебался, прежде чем ответить.

- Есть множество гломов, которым я могу доверять, - медленно произнес он. - Но эти двое наделены особыми качествами - воображением и находчивостью, которые в этой экспедиции пригодятся. - Он вздохнул. - Право, не понимаю, почему эти качества обычно связаны с Бесформием. Надо только следить за ними.

- Да, повелитель, - сказал Пид и отсалютовал, поняв, что беседа пришла к концу. В сумке своего тела он чувствовал тяжесть компактного Сместителя, готового преобразовывать вражеский источник энергии в мост через космическое пространство - мост, по которому хлынут с Глома победоносные орды.

- Желаю удачи, - сказал Командующий.

Корабль бесшумно несся к поверхности вражеской планеты. Джер исследовал плывущие внизу облака и ввел полученные данные в блок маскировки. Блок заработал, и если бы кто-нибудь вскоре посмотрел на корабль со стороны, то увидел бы только обыкновенные перистые облака.

Пид предоставил кораблю медленно опускаться к поверхности загадочной планеты. Теперь он пребывал в Парадной форме Пилота - самой эффективной, самой удобной из четырех форм,

предназначенных для касты Пилотов. Он словно превратился в придаток пульта управления - все внимание было отдано тому, чтобы не обгонять высокослоистые облака, слиться с ними.

Джер оставался в одной из двух форм, дозволенных Индикаторам. Он ввел данные в маскировочный блок, и опускающийся корабль медленно превратился в большое кучевое облако.

На вражеской планете по-прежнему все было спокойно.

Ильг засек источник атомной энергии и сообщил данные Пиду. Пилот изменил курс.

Теперь корабль принял облик пухленького кудрявого кучевого облака. А сигнала тревоги все не было.

Пока Пид маневрировал над атомной электростанцией, на планету спустились сумерки. Сгустилась тьма, одинокая луна зеленой планеты скрылась за облачной вуалью. Только одно облачко упрямо опускалось все ниже, ниже... и приземлилось.

- Живо все из корабля! - крикнул Пид, отсоединяясь от пульта управления. Он еще раз изменил форму и пулей выскочил из люка. Ильг и Джер помчались за ним следом. В пятидесяти метрах от корабля все остановились и замерли в ожидании.

Внутри корабля замкнулась некая цепь. Корабль стал таять на глазах. Пластмасса растворялась в воздухе, металл съеживался. Вскоре корабль превратился в груду хлама.

Глядя на самоуничтожение корабля, Пид испытал внезапную беспомощность. Он был Пилотом и происходил из касты Пилотов. Пилотами были его отец и отец отца. Так повелось с того туманного прошлого, когда на Гломе впервые были созданы космические корабли. Все свое детство он провел среди кораблей; все зрелые годы провел на кораблях. Теперь, лишенный корабля, он был наг и беспомощен в чужом мире.

Через несколько минут там, где опустился корабль, оставался лишь холмик пепла. Ночной ветер развеял его по лесу.

Они ждали. Ничего не случалось. Вздыхал ветерок, поскрипывали деревья. Верещали белки, шевелились в своих гнездах птицы. С мягким стуком упал желудь.

Пид с облегчением вздохнул: двадцать первая экспедиция Глома приземлилась благополучно.

Пид стал разрабатывать план. Они высадились до дерзости близко от атомной электростанции. Одному из них необходимо пробраться в помещение реактора, чтобы привести в действие Сместитель.

Пид не сомневался в успехе: жители Гломы - мастера по части изобретательности.

"Мастера-то мастера, - подумал он горько, - а вот радиоактивных элементов страшно не хватает. На всех подвластных Глому планетах почти не осталось радиоактивного горючего".

Глому постоянно нужны были новые миры.

Нужен был и этот, обнаруженный одной из разведывательных экспедиций. Он годился решительно во всех отношениях, хотя и был слишком отдален.

Но существовал простой путь к завоеванию планеты. В глубокой древности ученые Глома создали Сместитель - символ триумфа Техники Тождественности. Он позволял осуществлять мгновенное перемещение массы между двумя точками, определенным образом связанными между собой.

Стационарный конец установки находился на единственной атомной энергостанции Глома. Второй конец надо было поместить рядом с другим источником ядерной энергии и

привести в действие. Благодаря Сместителю гломы могут переступать с планеты на планету, могут обрушиваться чудовищной, все затопляющей волной. Это делалось крайне просто. Тем не менее двадцати экспедициям не удалось установить Сместитель на Земле. Что помешало им, никто не знал. Никто не вернулся на Глом, чтобы рассказать об этом.

На рассвете, приняв раскраску окружающих растений, они крадучись пробирались сквозь лес. Сместители слабо пульсировали, чуя близость ядерной энергии.

Мимо стрелой промчалось крохотное четвероногое создание. Джер мгновенно обрел четыре ноги, обтекаемое тельце и устремился вдогонку.

- Джер! Вернись немедленно! - взвыл Пид, забыв всякую осторожность.

- Джер!

Индикатор нехотя вернулся к Пиду.

- Я был голоден, - сказал он.

- Нет, не был, - неумолимо ответил Пид.

- Был, - пробормотал Джер, корчась от смущения.

Пид вспомнил слова Командующего. В Джере, безусловно, таятся охотничьи тенденции. Надо будет следить за ним в оба.

- Помни, - сказал Пид, - соблазн Экзотических Форм не санкционирован. Будь доволен той формой, которая тебе дана.

Джер кивнул и снова слился с подлеском. Они продолжали путь.

Атомная электростанция была хорошо видна с опушки. Невысокое длинное здание, обнесенное металлическим забором. У ворот стояли часовые.

Пид замаскировался под кустарник, а Джер превратился в старое бревно.

"Первая задача, - подумал Пид, - проникнуть в ворота". Он стал прикидывать пути и способы.

По отчетам разведывательных экспедиций Пид знал, что в некоторых отношениях раса Людей походила на гломов. У них, как и у гломов, имелись домашние животные, жилища, дети. Обитатели планеты были искусны в механике, как и гломы.

Однако различия между двумя расами были неимоверны. Людям была дана постоянная и неизменная форма, как камням или деревьям. А чтобы хоть чем-то компенсировать столь унылую непреложность, природа их планеты изобиловала фантастическим множеством родов, видов и пород. Это было совершенно не похоже на Глом, где животный мир исчерпывался всего лишь восемью различными формами.

"Люди, очевидно, искушены и подозрительны, - подумал Пид. - Жаль, мы не знаем, каким образом сорвались предшествующие экспедиции. Это намного упростило бы работу".

Мимо проковылял Человек на двух неправдоподобно негнущихся ногах. Он не заметил гломов.

- Придумал, - сказал Джер. - Я притворюсь Человеком, пройду через ворота в зал реактора и активирую Сместитель.

- Ты не умеешь говорить на их языке, - напомнил Пид.

- Я не стану ничего говорить. - Джер быстро принял облик Человека.

- Недурно, - одобрил Пид.

Джер сделал несколько пробных шагов, подражая походке Человека.

- Боюсь, что ничего не выйдет, - продолжал Пид.

- Это вполне логичный способ, - возразил Джер.

- Я знаю. Поэтому остальные экспедиции наверняка воспользовались им. И ни одна из них не вернулась.

Спорить было трудно. Джер снова перелился в форму бревна.

- Как же быть? - спросил он.

- Дай мне подумать, - ответил Пид.

Мимо проковыляло существо, которое передвигалось не на двух ногах, а на четырех. Пид знал, что это Собака - друг Человека. Он внимательно поглядел ей вслед.

Никем не остановленная, она прошла через ворота и улеглась на траве. Один из людей, проходя мимо, прикоснулся к ней. Собака высунула язык и перевернулась на спину.

- Я тоже так могу, - возбужденно выпалил Джер. Он уже перелился в форму Собаки.

- Нет, погоди, - сказал Пид. - Остаток дня мы потратим на то, чтобы все обдумать.

Джер угрюмо подчинился.

- Пора возвращаться, - сказал Пид.

В сопровождении Джера он двинулся было в глубь леса, но вовремя вспомнил об Ильге.

- Ильг, - тихо позвал он.

Никто не откликался.

- Ильг!

- Что? Ах, да! - произнес дубок. - Прошу прощения. Вы что-то сказали?

- Мы возвращаемся, - повторил Пид. - Ты уж случайно не Мыслил ли?

- О нет, - заверил его Ильг. - Просто отдыхал.

Пид примирился с таким объяснением. Забот и без того было достаточно.

Были, по-видимому, лишь две возможности: Человек или Собака. Дерево не могло пройти в ворота - это было не в характере Деревьев. Расхаживать под видом Человека казалось слишком рискованным. Порешили, что утром Джер сделает вылазку в образе Собаки.

- А теперь спать! - приказал Пид.

Оба члена экипажа послушно расплющились, мгновенно став Бесформенными. Пид долго не мог уснуть. Все казалось слишком уж легким.

"Почему так плохо охраняется атомная электростанция? Должны же были Люди выведать хоть что-нибудь у экспедиций, перехваченных ими в прошлом. Неужели они убивали гломов, не задавая никаких вопросов? Никогда не угадаешь, как поступит существо из чужого мира. Не были ли открытые ворота ловушкой?"

Он устало растекся по бугорчатой земле, но тут же поспешно привел себя в порядок. Он опустился до Бесформия!

"Комфорт не имеет ничего общего с долгом", - напомнил он себе и снова принял Форму Пилота.

Однако Форма Пилота не была создана для сна на сырой неровной почве. Пид провел ночь беспокойно, ему снились корабли.

Пид проснулся усталый, в дурном расположении духа. Он легонько толкнул Джера.

- Надо браться за дело, - сказал он.

Джер весело излился в вертикальное положение.

- Ильг! - сердито позвал Пид. - Просыпайся.

Ответа не последовало.

- Ильг! - окликнул он.

И снова не получил ответа.

- Он должен быть где-то поблизости, - сказал Пид Джеру.

Они осмотрели каждый куст, каждое дерево в окрестности.

Ильга нигде не было. Холодная волна паники захлестнула

Пида: "Что могло случиться с Радистом?"
- Быть может, он решил пройти за ворота самостоятельно? - предположил Джер.
Пид обдумал эту возможность и счел ее невероятной. Ильг никогда не проявлял инициативы. Он всегда выполнял чужие приказы.
Наступил полдень, а Ильга все еще не было.
- Больше ждать нельзя, - объявил Пид.
Приходилось думать, что Радист погиб или захвачен в плен Людьми.
Их оставалось двое.
На опушке леса Джер превратился в копию Собаки. Пид придирчиво оглядел его.
- Поменьше хвоста, - посоветовал он.
Джер укоротил хвост.
- Побольше ушей.
Джер удлинил уши.
- Теперь подравняй их.
Насколько Пид мог судить, Джер стал совершенством от кончика хвоста до мокрого черного носа.
- Желаю удачи, - сказал Пид.
- Благодарю. - Джер осторожно вышел из леса, передвигаясь дергающейся поступью Собак и Людей. У ворот его окликнул часовой. Пид затаил дыхание. Джер прошел мимо Человека. Он двинулся было к Джеру, но тот пустился бежать.
Пид приготовил две крепкие ноги, собираясь броситься на помощь, если Джера схватят. Однако часовой вернулся к воротам, а Джер спокойно побрел к входу в здание.
Пид вздохнул с облегчением.
Главный вход был закрыт. Пид надеялся, что Индикатор не сделает попытки открыть его: это было не в повадках Собак.
К Джеру подбежала другая Собака. Джер попятился от нее. Собака подошла совсем близко и обнюхала Джера. Потом обе собаки побежали за угол.
"Это хитроумно, - подумал Пид. - Там непременно отыщется какая-нибудь дверь".
Он взглянул на низкое солнце.
"Как только Сместитель будет активирован, сюда хлынут гломы. Когда Люди опомнятся, здесь соберется не менее миллиона войск с Глома. И это будет только началом!"
День медленно угасал, но ничего не происходило. Пид ждал. Если у Джера все благополучно, дело не должно так затягиваться.
Он ждал до поздней ночи. Люди входили в здание и выходили из него, а Джер все не появлялся.
Пид остался один.
К утру его охватило безысходное отчаяние. Он понял, что двадцать первая экспедиция Глома находится на грани полного провала. Он решил совершить дерзкую вылазку в облике Человека. Больше он ничего не мог придумать. Он видел, как большие партии рабочих проходят в ворота.
Пид стал отливаться в форму Человека. Мимо укрытия прошла Собака.
- Привет, - сказала Собака голосом Джера.
- Что случилось? - спросил Пид с облегчением. - Почему ты так задержался? Трудно войти?
- Не знаю, - ответил Джер, виляя хвостом. - Я не пробовал.
Пид онемел.
- Я охотился, - благодушно пояснил Джер. - Эта форма, знаете ли, идеально подходит для Охоты. Я вышел через

задние ворота с другой Собакой.
- Но экспедиция... твой долг...
- Я передумал, - заявил Джер. - Вы знаете, Пилот, я никогда не хотел быть Индикатором.
- Но ведь ты родился Индикатором!
- Это верно, - сказал Джер, - но мне от этого не легче. Я всегда хотел быть Охотником.
Пид затрясся всем телом от досады.
- Нельзя, - начал он очень медленно, словно объясняя ребенку. - Форма Охотника для тебя запретна.
- Ну, не здесь, здесь-то не запретна, - возразил Джер, по-прежнему виляя хвостом.
- Чтоб я этого больше не слышал! - сердито приказал Пид. - Отправляйся на электростанцию и установи свойРеститель!
- Не пойду, - ответил Джер. - Здесь мне гломы ни к чему. Они все погубят.
- Он прав, - произнес кряжистый дуб.
- Ильг! - ахнул Пид. - Это ты?
Зашевелились ветви.
- Да, я, - сказал Ильг. - Я все Мыслил.
- Но ведь твоя каста...
- Пилот, - печально сказал Джер, - отчего бы вам не пробудиться? Большинство народа на Гломе несчастно. Лишь обычай вынуждает нас принимать кастовые формы наших предков.
- Пилот, - заметил Ильг, - все гломы рождаются Бесформенными!
- А поскольку они рождаются Бесформенными, все гломы должны пользоваться Свободой Формы, - подхватил Джер.
- Вот именно, - сказал Ильг. - Но он никогда этого не поймет. А теперь извините меня. Я хочу Поразмыслить. - И дуб умолк. Пид невесело засмеялся.
- Люди вас перебьют, - сказал он. - Точно так же, как истребили остальные экспедиции.
- Никто из гломов не был убит, - сообщил Джер. - Все остальные экспедиции находятся здесь.
- Живы?
- Разумеется. Люди даже не подозревают о них. Собака, с которой я охотился, - это глом из девятнадцатой экспедиции. Нас здесь сотни, Пилот. Нам здесь нравится.
Пид всегда знал, что низшим кастам недостает формового сознания. Но это... это просто абсурдно!
"Так вот в чем таилась опасность этой планеты - в свободе!"
- Присоединяйтесь к нам, Пилот, - предложил Джер. - Здесь настоящий рай. На этой планете есть формы на все случаи жизни!
Пид покачал головой.
"Но ведь люди ничего не знают о присутствии гломов. Подобраться к реактору до смешного легко".
- Вами займется Верховный Суд Глома, - прорычал он и обернулся Собакой. - Я сам установлюРеститель.
Мгновение он изучал себя, потом ощерился на Джера и вприпрыжку направился к воротам.
Люди у ворот даже не взглянули на него. Он проскользнул в центральную дверь здания вслед за каким-то Человеком и понесся по коридору.
В сумке тела пульсировал Реститель. Пид взлетел по какой-то лестнице, промчался по другому коридору. За углом послышались шаги.
Он затравленно огляделся, ища, куда бы спрятаться, но коридор был гладок и пуст. Только с потолка свисали

светильники. Пид подпрыгнул и приклеился к потолку. Он принял форму светильника, надеясь, что Человек не станет выяснять, отчего светильник не зажжен.

Человек прошел мимо.

Пид превратился в копию Человека и поспешил к цели.

В коридоре появился еще один Человек. Он внимательно посмотрел на Пида, попытался что-то сказать и вдруг пустился наутек.

Пид не знал, что испугало Человека, но тоже побежал. Сместитель в сумке дрожал и бился, показывая, что критическая дистанция почти достигнута.

Неожиданно мозг пронзило сомнение: "Все экспедиции дезертировали! Все гломы до единого! - Он замедлил бег. - Свобода Формы... Какое странное, тревожащее понятие... Это козни Бесформенного", - сказал он себе и устремился вперед.

Коридор заканчивался запертой дверью. Пид уставился на нее. В дальнем конце коридора застучали шаги, послышались крики Людей.

"Что он сделал неправильно? Как его выследили?"

Он быстро осмотрел себя, провел пальцами по лицу: он забыл отформовать черты лица!

В отчаянии он дернул дверь. Потом вынул из сумки Сместитель, но пульсация была еще недостаточно сильной.

Он осмотрел дверь. Над полом была узенькая щель. Пид быстро стал Бесформенным и протек под дверью, едва-едва протиснув Сместитель.

С внутренней стороны на двери был засов. Пид задвинул его и огляделся по сторонам.

То была малюсенькая комнатка. С одной стороны - свинцовая дверь, ведущая к реактору. С другой стороны - оконце. Вот и все.

Пид бросил взгляд на Сместитель. Пульсация была такой, как надо.

"Наконец-то! Здесь Сместитель может работать, нужно только привести его в действие... Но почему все дезертировали, все до единого? - Пид колебался. - Все гломы рождаются Бесформенными. Это правда. Дети гломов аморфны, пока не подрастут настолько, что можно преподать им кастовую форму предков. Но Свобода Формы?.."

Пид взвешивал возможности.

"Без помехи принимать любую форму, осуществить любое честолюбивое желание... Он вовсе не будет одинок. И другие гломы наслаждаются здесь преимуществами Свободы Формы..."

Люди взламывали дверь, а Пид все еще был в нерешительности.

"Как поступить? Свобода... Но не для меня, - подумал он с горечью. - Легко стать одиноким Охотником или Мыслителем. А я Пилот. Пилотирование - моя жизнь, моя любовь. Конечно, у Людей есть корабли. Можно превратиться в Человека, отыскать корабль... Нет, невозможно. Легко стать Деревом или Собакой. Никогда не удастся мне выдать себя за Человека..."

Дверь едва держалась под тяжелыми ударами.

Пид подошел к окну, чтобы в последний раз окинуть взглядом планету, прежде чем привести в действие Сместитель, и чуть не потерял сознание от потрясения.

"Так это действительно правда! А я-то не мог понять, о чем говорил Джер... Все случаи жизни! Здесь может сбыться страстное желание касты Пилотов".

Он швырнул Сместитель на пол, разбив его вдребезги.

Дверь подалась, и в тот же миг Пид вылетел в окно.

Люди метнулись за ним. Они увидели, как вверх, к облакам, взмыла большая белая птица. Она неуклюже, но с возрастающей силой взмахивала крыльями, стремясь догнать улетающую стаю.

Роберт ШЕКЛИ

ГЛАЗ РЕАЛЬНОСТИ

Легенды гласят, что на окраине нашей метагалактики есть безымянная планета. На той планете растет единственное дерево. Давно забытая раса укрепила на верхушке дерева огромный алмаз, и заглянувший в тот алмаз увидит все, что есть, было или может быть. Дерево то зовется Древом Жизни, а алмаз - Глазом Реальности.

И трое искателей истины вышли на поиски дерева. Преодолев немало трудностей и опасностей, они добрались до безымянной планеты. Каждый из них по очереди забрался на верхушку дерева и заглянул в алмаз. А потом они решили сравнить впечатления.

- Я увидел, - сказал первый из троих, весьма известный писатель, - бессчетные драмы, великие и мелочные. И я понял, что нашел замочную скважину Вселенной, которую Борхес назвал Алефом.

- А я увидел, - возразил второй, прославленный ученый, - кривизну пространства, смерть фотона и рождение звезды. И я понял, что гляжу в суперголограмму, самотворящуюся и самосотворенную, а основа ее - вся Вселенная.

А третий, художник, произнес:

- Чтобы понять, надо почувствовать.

И показал товарищам только что сделанные им наброски женщин и пантер, скрипок и пустынь, шаров и гор.

- Как и вы, - сказал он, - я увидел то, с чем обычно сталкиваюсь в жизни.

Роберт ШЕКЛИ

КСОЛОТЛЬ

Когда жрецы сожгли его тело на погребальном костре неподалеку от Вера-Круса, дух Кецалькоатля перышком поднялся вверх вместе с дымом, переместившись наконец в царство уединения и удовлетворенности, расположенное над миром людей.

Время здесь проходило незаметно, никаких различий не существовало, и само "я" забывалось.

Потом, несколько секунд или столетий спустя, он услышал голос:

- Кецалькоатль, ты меня слышишь? Пауза, затем:

- Ты меня слушаешь, Кецалькоатль?

Странно было слышать голос - не свой, а какого-то другого существа. Он успел позабыть, что, кроме него, существуют и другие.

- Кто зовет Кецалькоатля? - спросил он.

- Я, Тескатлипока. Твой брат и такой же бог, как и ты.

- Зачем ты отрываешь меня от глубоких размышлений?

- Хочу тебе кое-что показать.

- Меня ничто не интересует. Я и так вполне удовлетворен.

- Но позволь мне по крайней мере рассказать тебе, что это такое.

- Если настаиваешь, то расскажи. А потом уходи.

- Я хочу показать тебе твое собственное тело, - сказал Тескатлипока.

- Мое тело? - изумился Кецалькоатль. - Разве я могу иметь тело? И что это такое?

Тескатлипока раскрыл ладонь. Ее внутренняя поверхность оказалась зеркалом из дымчатого черного стекла. Кецалькоатль посмотрел в зеркало. Его чернота сменилась матовой белизной, потом прозрачностью, и Кецалькоатль увидел обнаженное мужское тело, неподвижно лежащее с закрытыми глазами.

- Кто это? - спросил Кецалькоатль.

- Это ты!

- Не может быть! - не поверил Кецалькоатль. - Ведь эта штука мертва!

- Тебе достаточно войти в него, и тело оживет.

- Мне от него ничего не нужно, - сказал Кецалькоатль. Но что-то в лежащей фигуре всколыхнуло его и подстегнуло любопытство. Он снова взглянул на тело - сперва презрительно, потом с любопытством.

И мгновение спустя очутился внутри. На него немедленно обрушились ощущения. Уши слышали звуки, кожа чувствовала прикосновения. И это оказалось больно! Кецалькоатль тут же рванулся наружу, подальше от тяжелого, чувственного, скованного желаниями тела - обратно в царство чистой удовлетворенности.

Но он уже увяз. Капкан мертвого тела захлопнулся. И оно перестало быть мертвым. Он очутился в ловушке тела. Воистину он стал телом.

Ацтек КСОЛОТЛЬ открыл глаза.

Он увидел склонившуюся над ним женщину - старуху с сумасшедшинкой в глазах.

- Добро пожаловать в ад, - сказала она. КСОЛОТЛЬ застонал и попытался вспомнить сон, но тот быстро улетучивался из памяти.

- А где же Миктлан? - спросил он.

- Что такое Миктлан?

- Подземный мир моего народа, ацтеков. Место, куда мы попадаем после смерти.

- Никогда о нем не слыхала. Иногда Министерство возрождения ошибается. Но ты не волнуйся - где-то здесь наверняка отыщется и ацтекский ад.

- А это что за место?

- Это Новый Ад. Добро пожаловать в чудесный мир вечного проклятия. - Она хихикнула.

- И что теперь? - спросил КСОЛОТЛЬ.

- Оставайся на Лифте, - велела старуха. - На тебя хочет взглянуть сам Босс.

- Кто это такой? - спросил Сатана.

- Его имя КСОЛОТЛЬ, - объявил демон-мажордом, стоявший у входа в просторное помещение с обитыми ореховыми панелями стенами, где Сатана и его друзья беседовали со вновь оживленными духами - Как, говоришь, его зовут? - переспросил Сатана.

- Его имя начинается на "к", - пояснил демон, - но произносится, начиная с мягкого "ш". Он ацтек, и ему полагается находиться в другом аду. Должно быть, отдел по сортировке мертвых душ лопухнулся.

- Чем ты занимался, когда был жив? - поинтересовался Сатана.

КСОЛОТЛЬ взглянул на Сатану и вздрогнул, потому что тот напомнил ему большую статую Тескатлипоки, стоявшую на главной площади Теночтитлана до того, как Кортес со своими испанцами разрушил город. Тескатлипока считался богом войны и беспорядка, жертв и возмездия, набожности и нищеты. Он был амбициозным и жутковатым божеством, а КСОЛОТЛЬ - одним из его жрецов.

- Я был жрецом, волшебником и пророком, - ответил он. КСОЛОТЛЬ был невысок, с бочкообразной грудью и жилистыми тонкими ногами. Длинные черные волосы спадали до лопаток, он был одет в плащ и набедренную повязку из оленьей кожи - не в настоящие, разумеется, а в то, что Центральная адская костюмерная сумела подобрать в качестве имитации одеяний мексиканского индейца.

- Добро пожаловать в ад, - пробасил Сатана с порочной уверенностью. - У нас здесь множество всевозможных священников. Будь как дома. У тебя нет для нас какого-нибудь забавного пророчества?

- Пока еще нет, господин. Я только что появился здесь.

- Если я предоставлю тебе в Новом Аду свободу, что ты сделаешь?

- Честно говоря, господин, пока не знаю. Возможно, я увижу свое предназначение в пророческом сне. А если нет, то стану искать место слияния девяти рек. Там начинается Миктлан, загробный мир ацтеков.

- А что в твоем Миктлане есть такого, чего нет здесь? - полюбопытствовал Сатана.

- Ничто, - ответствовал КСОЛОТЛЬ. - А я как раз и ищу ничто. Миктлан, господин, есть ад пустоты. И спокойствия.

Сатана рассмеялся:

- Тогда иди и ищи свой Миктлан.

Покинув здание адского Управления, КСОЛОТЛЬ зашагал по улицам Нуэво. Добравшись до пригорода, он направился на север, в направлении моря Чистилища. На север он пошел потому, что в древних знаниях Кецалькоатля говорилось, что именно там расположено место слияния девяти рек.

Четыре дня ходьбы и бега привели его в окрестности Нью-Кейптауна. Расположенный неподалеку от города лагерь огромной армии он обнаружил по запаху задолго до того, как увидел его или услышал. Он дождался темноты, осторожно подкрался к линии пикетов, украл коня и незамеченным скрылся.

Сев на коня, он продолжил путешествие на север, окруженный монотонным ландшафтом из кривых деревьев и холмов ржавеющего вооружения. За полем боя отыскалась дорога, прямая, словно смерть, и по ней КСОЛОТЛЬ поднялся на пустынное пространство, продуваемое всеми ветрами плато.

Задремав в седле, он увидел во сне Кецалькоатля, лежащего в каменном гробу. Бог открыл глаза и сказал:

- КСОЛОТЛЬ, брат мой, иди со мной, и мы навсегда исчезнем в царстве мира и покоя.

- Не могу! - воскликнул КСОЛОТЛЬ. - Я заперт в этом теле. Можешь ли ты помочь мне?

Кецалькоатль скорбно улыбнулся, покачал головой и исчез. Затем к Ксолотлю подошел Тескатлипока:

- Теперь, когда ты обладаешь телом, КСОЛОТЛЬ, у меня для тебя есть кое-что приятное.

И вновь Тескатлипока показал ему зеркальную ладонь. В ее туманных глубинах КСОЛОТЛЬ увидел восхитительную темноволосую женщину в плиссированном одеянии из небеленого льняного полотна. Казалось, она кого-то ищет.

КСОЛОТЛЬ проснулся и понял, что видел вещий сон. Поэтому он не удивился, увидев на очередном перекрестке дорог поджидающую его темноволосую женщину.

- Приветствую тебя, Кассандра, - сказал КСОЛОТЛЬ.

- Привет, КСОЛОТЛЬ, - отозвалась Кассандра. - Надеюсь, ты не будешь возражать, если я стану звать тебя Джо. У меня всегда язык не поворачивался выговаривать всякие там "кс".

- Возражать я не стану. Но откуда тебе известно мое имя?

- Из сна. Да и ты, наверное, мое имя узнал во сне. Вещие сны куда удобнее

службы знакомств, верно? Ты мексиканец?

- Ацтек. Ты очень красивая, но слишком много говоришь.

- Ничего себе! - возмутилась Кассандра. - Я лишь старалась вести себя по-соседски. Приветствовала, так сказать, нового соседа-пророка. Но если тебе это не нравится...

Она повернулась и быстро зашагала по одной из дорог, что тянулась вдаль, исчезая за расплывчатой линией плоского горизонта.

- Кончай глупить, - бросил ей вдогонку КСОЛОТЛЬ. - Ты ведь пророчица и прекрасно знаешь, что тебе суждено сидеть на коне за моей спиной.

- Верно, - ледяным тоном отозвалась Кассандра и остановилась. - Но в предсказании не указано, когда это произойдет. Так что поищи меня опять примерно через миллион лет, ладно?

- Ну хорошо, - сдался КСОЛОТЛЬ. - Извини.

- Я и в самом деле много болтала, - признала Кассандра. - Но лишь потому, что нервничала перед встречей с ацтекским жрецом, с которым меня связала судьба. - Она легко забралась в седло позади Ксолотля. - Куда мы едем?

- Зачем спрашиваешь? Наверняка ты знаешь это из предсказания.

- Не могут же предсказания всякий раз оказываться идеально точными. А сейчас наше будущее я вижу несколько расплывчато.

- И я тоже, - признал КСОЛОТЛЬ. Некоторое время они ехали молча.

- Прелестная получается картинка, - сказала наконец Кассандра. - Два предсказателя на одном коне, и никто из двоих не знает, куда они едут.

КСОЛОТЛЬ промолчал.

- И один из них - предсказатель, которому не хватает пророческой силы, чтобы раздобыть второго коня.

- Сама должна была предвидеть, что тебе потребуется лошадь, - ответил КСОЛОТЛЬ.

- Я полагалась на тебя. И никогда не заявляла, что способна обеспечить себя сама. Я все-таки женщина из древнего мира.

Некоторое время они опять ехали молча.

- Я ведь из Трои, сам знаешь.

- М-м-м-м, - отозвался КСОЛОТЛЬ.

- Когда-то в древности я была членом царской семьи. Мой отец Приам был последним царем Трои.

- Помолчи, пожалуйста, - сказал КСОЛОТЛЬ. - Я пытаюсь думать.

И они снова некоторое время ехали молча.

- Я была обручена с богом.

- Ты? - удивился КСОЛОТЛЬ.

- Я. Его звали Аполлон. Знаменитый и красивый бог. Он по мне с ума сходил. Послушал бы ты, что он мне говорил. Мне это по-настоящему льстило, потому что Аполлон мог обладать любой богиней, какую только пожелал бы, и все же он выбрал меня, простую смертную принцессу. Правда, изумительно красивую.

- И ты с ним переспала.
- Нет, я ему отказала.
- И тогда он тебя убил.
- Нет, Джо! Греческие боги так не поступали.
- Он что, отрезал тебе губы и нос?
- Конечно, нет! Так поступают только варвары! Видишь ли, он вдохнул в меня дар пророчества. Так вот, когда я ему отказала, он не стал лишать меня этого дара, но прибавил дополнительное условие.
- Какое же?
- Он сказал, что, хотя все мои пророчества сбудутся, никто не станет к ним прислушиваться, пока не станет слишком поздно.
- Гм, весьма неудобно, - заметил КСОЛОТЛЬ. - Тебе следовало бы переспать с ним именно тогда и попытаться отговорить.
- Я так и поступила... в том смысле, что предложила ему себя. Но к тому времени я его перестала интересовать. Знаешь, что он мне сказал?
- Нет.
- Он сказал: "Я увижу тебя в аду раньше, чем лягу с тобой, Кассандра". Да еще таким грубым тоном. А я просто старалась ему понравиться.

КСОЛОТЛЬ промолчал.

- Или же... как по-твоему, может, он так назначил мне свидание? Тебе не кажется, что он намеревается отыскать меня здесь, в аду?
- Сомневаюсь, Кассандра. А теперь слушай внимательно. Я хочу тебе кое-что сказать.
- Да, Джо, я слушаю.

КСОЛОТЛЬ остановил коня и обернулся. Его плоское бронзовое лицо с крючковатым орлиным носом, черными глазами и тонкими губами оказалось в нескольких дюймах от лица Кассандры. Она уловила его запах - мескит, древесный уголь, пот, текила, убийство.

- Если ты еще раз посмеешь чесать языком, - сказал КСОЛОТЛЬ, - я тебя побью.
- О! - выдохнула Кассандра, широко раскрыв глаза. - Но ты не имеешь права так поступать!
- Понимаю. Но предсказываю, что не смогу сдержаться.

Они устроились на ночь в самом сердце пустыни возле кактуса сагунто. Поднялась луна, слышался крик ястреба, парящего на крыльях ночных ветров и высматривающего робких кроликов в тенистом лабиринте зарослей мескита и полыни. КСОЛОТЛЬ долго сидел, уставясь на пламя костра. Кассандра заскучала и легла спать. Наконец заснул и КСОЛОТЛЬ. Ему приснились пляшущие языки пламени.

Затем из пламени шагнул Тескатлипока - высокий и ужасный, в головном уборе из драгоценных камней и перьев.

- Слушай мое пророчество, о жрец ацтеков.

- Слушаю, о господин, - ответил КСОЛОТЛЬ.

- Да что с тобой? - спросила утром Кассандра. - Ты такой нервный и беспокойный.

- Я видел сон.

- А! Вещий сон!

- Со мной говорил Тескатлипока.

- Вот здорово!

- Да что хорошего? Все очень сложно.

- В чем дело-то? Бог предсказывает, ты пророчествуешь людям. Куда уж проще?

- До того как я начал служить Тескатлипоке, я был жрецом Кецалькоатля. Конечно, у нас, ацтеков, немало богов, но эти два самые важные. Кецалькоатль - бог науки, цивилизации, искусств, милосердия, раскаяния и духовного благородства. А Тескатлипока - бог смятения и войны. Его отличительный знак - темное дымчатое зеркало.

- Но сперва ты служил Кецалькоатлю?

- Да.

- Почему же ты сменил бога?

- Потому что Тескатлипока победил Кецалькоатля и изгнал его.

- Не вижу никаких проблем. Что тебе сказал Тескатлипока?

КСОЛОТЛЬ набрал полную грудь воздуха и медленно его выдохнул.

- Он сказал мне, Кассандра, что весь космос, включая Землю и все, что ее окружает, как духовное, так и материальное, а также включая ад, где мы с тобой находимся, будут уничтожены пламенем.

- Да ты шутишь, - не поверила Кассандра.

- Но так он сказал.

- И когда это произойдет?

- Примерно через месяц плюс или минус пару дней.

- КСОЛОТЛЬ, но это ужасно! Ты можешь что-либо сделать?

- Ничего, Кассандра.

- Но есть хоть что-нибудь, способное нам помочь?

- Да, есть возможность спасти космос. Но никто мне не поверит, когда я скажу, что для этого потребуется.

- И что для этого потребуется?

- Кровавые жертвоприношения.

- Людей или животных?

- Жертвы должны быть человеческими, иначе можешь обо всем позабыть. Вселенная погибнет, а вслед за ней даже история истории.

- Тут неподалеку живет Юлий Цезарь. Может быть, он даст нам несколько пленных для жертвоприношений. Можно еще спросить и Че Гевару, хотя он, кажется, не очень-то верующий человек.

- Нескольких не хватит. Вспомни, ведь мы говорим обо всем космосе. Потребуется очень много теплых тел, Кассандра. Десятки, а то и сотни тысяч.

- Почему так много? - удивилась Кассандра. - Мы, греки, тоже приносили в жертву людей, но лишь несколько в год, потому что старались соблюсти меру во

всем.
- Замечательно, но долг накопился такой огромный, что умеренными мерами не обойдешься. Мы, ацтеки, поддерживали существование космоса, принося ежегодно тысячи жертв. Не очень-то приятно убивать людей, но кому-то надо было это делать. Не наша вина в том, что богам требуется много крови. Потом нас завоевали испанцы и запретили древние кровавые жертвоприношения. Конечно, с тех пор убили множество людей, но все эти убийства не имели религиозного значения. Так что кровавый долг богам все время накапливался. Но кто мне поверит, когда я это скажу?

Кассандра смотрела на него сияющими глазами.

- Я верю тебе, Джо. И другие тоже поверят.

- Сомневаюсь. Начни разговаривать с европейцем о человеческих жертвоприношениях, и он поведет себя так, будто ты произнес нечто вульгарное, и попросту уйдет.

- Не все европейцы такие, КСОЛОТЛЬ. Есть среди них весьма необычные. Позволь мне отвести тебя к ним.

- Это будет нелегко, - заметил КСОЛОТЛЬ, потому что они находились посреди плоской пустыни, однообразие которой нарушалось лишь редкими группками кустов. - Не так уж и трудно, - возразила Кассандра. - Сверни здесь налево.

КСОЛОТЛЬ повернул коня налево и направил его к городу, прежде скрытому за кустами.

- Человеческие жертвоприношения ? - спросил Калигула. - Фу, какая рутина!

- Вы и в самом деле так думаете? - не поверил КСОЛОТЛЬ.

- Ты уж поверь мне, приятель!

- Вот видишь? - сказала Кассандра. - Я же говорила тебе, что кое-что понимаю в местных жителях.

Они находились на вилле Калигулы, расположенной в Восточному Аду в отделении для завистников. Император Август построил Калигуле эту виллу, чтобы он не шлялся по имперскому генеральному штабу и не раздражал всех безумным хихиканьем и неосуществимыми планами.

Вилла была снабжена новейшими цифровыми моделями телевизоров и видеомагнитофонов. Калигула смотрел старые фильмы и закатывал отвратительные оргии, на которые всем страстно хотелось получить приглашение. Правда, для самого Калигулы веселье частенько обрывалось на полпути, потому что гости его всякий раз убивали. Причина состояла вовсе не в том, что он вел себя

чересчур вызывающе; просто Калигула принадлежал к тому типу людей, которые невыносимо раздражают остальных. Поэтому его и убивали, и ему всякий раз приходилось терпеть скучный процесс возрождения. Пребывание в состоянии между жизнью и смертью даже превратилось для него в нечто вроде поездки с работы и на работу.

Теперь Калигула был возбужден, потому что поиски человеческих жертв ради спасения космоса оказались как раз тем, чего он хотел, делом, которое он мог по-настоящему возглавить.

- Расскажи мне об этих жертвах, - попросил он Ксолотля. - Они действительно сильно корчатся, когда их убивают?

- Разумеется. Мы ведь вскрывали им грудную клетку и вырывали сердце, а это запускает немало рефлекторных движений. Чтобы удерживать их на жертвенном камне даже без сердца, требовались четверо сильных мужчин.

- А кому-нибудь из них удавалось вырваться уже без сердца? - спросил Калигула.

- Случалось и такое. Конечно, это нарушение обряда, но все же случалось. Тогда начиналась настоящая суматоха.

- Ах, как здорово! - воскликнул Калигула, аплодируя.

- Вы себя ведете как истинный знаток, - заметил КСОЛОТЛЬ.

- Спасибо, - поблагодарил Калигула. - Так ты говоришь, потребуется много жертв?

- Десятки, сотни тысяч. Возможно, около миллиона. На сей раз боги воистину разгневаны. Особенно Тескатлипока.

- О, насколько восхитительны его слова, - не удержался Калигула. - Кассандра, этот парень то, что надо.

- Я знала, что он тебе понравится, - согласилась Кассандра.

- Тогда первым делом нужно устроить вечеринку, - заявил Калигула.

***

Вечеринка началась два дня спустя.

КСОЛОТЛЬ очаровал всех гостей. Когда он рассказывал о конце света, они внимательно его слушали и сочувственно кивали. Все вроде бы прекрасно осознали необходимость человеческих жертв.

- Надеюсь, все вы поможете нашему пророку по мере своих возможностей, - обратился к гостям Калигула. - От спасения космоса нельзя легкомысленно отмахиваться. Думаю, мы все с этим согласны.

Выслушав его, гости порылись по карманам и сделали взносы в "фонд священных жертв" - так они его упорно называли. Калигула собрал деньги в шлем центуриона и принес их Ксолотлю.

- Чуть больше двенадцати тысяч долларов, - сказал он, вручая жрецу пачки эрзац-денег Нового Ада. - Никогда не говори, что здесь живут бессердечные люди.

- И сколько человеческих жертв можно купить на эти деньги?

- Не знаю, какой сейчас курс на человеческие жертвы, - сказал Калигула. - Подожди минутку, позвоню своему брокеру.

Он несколько минут говорил по телефону, потом вернулся.

- Человеческие жертвы сейчас стоят 1123,4 доллара за голову, это текущая цена в валюте Нового Ада. Но брокер сказал, что если нам подойдут такие, кто не в состоянии передвигаться самостоятельно, то он может раздобыть две-три партии по 872,2 доллара за голову.

- И сколько жертв в каждой партии? - поинтересовался КСОЛОТЛЬ.

- Восемьдесят семь. Цена при условии доставки наложенным платежом.

- Больные не подойдут, - возразил КСОЛОТЛЬ. - Боги всегда требовали жертв в расцвете сил. И, как я уже говорил, для достойного начала нам их потребуется как минимум сто тысяч. Собранных денег совершенно недостаточно.

- Что ж, по крайней мере мы попытались, - сказал Калигула. - Это лишь начало. Не волнуйся, что-нибудь придумаем.

- Пойдем, - сказала Кассандра. - У меня есть другие друзья. Может быть, они смогут помочь.

Джон Пирпонт Морган проживал в самом большом поместье Восточного Ада. Он молча слушал, пока КСОЛОТЛЬ излагал ему проблему.

- Вот что я тебе скажу, - сказал Морган. - Может быть, ты и в самом деле первоклассный ацтекский пророк, но в деле привлечения инвесторов ты ничего не смыслишь.

- Инвесторы меня не интересуют, - возразил КСОЛОТЛЬ.

- Но тебе нужно множество жертв, чтобы предотвратить галактическую катастрофу, верно?

- Вообще-то катастрофа не галактическая, а космическая, но вы правы. Да.

- Ну, и как же ты намерен раздобыть свои жертвы?

- Ацтеки захватывали их во время войн.

- Но у тебя нет армии.

- Я попробовал их покупать, но они слишком дороги в нужных мне количествах. В добрые старые времена гражданские власти заботились об этом. Иногда, в удачные годы, у нас даже образовывался запас жертв на черный день.

- Что ж, - заметил Морган, - тогда было тогда, а сегодня есть сегодня.

- Верно, - согласился КСОЛОТЛЬ. - Но что мне сейчас-то делать?

- Я займусь твоей проблемой, - решил Морган. - Поговорю кое с кем, потом встречусь с тобой. Разумеется, я хочу внести свой вклад в сохранение

космоса: так будет справедливо после всего, что космос сделал для меня, но десятки тысяч жертв... это очень много даже в аду.

Подавленный, КСОЛОТЛЬ вернулся в отель "Ад", где новые друзья сняли для него номер. Сейчас он спит и видит во сне, что он царь Нецалькойотль, облаченный в дорогие одежды и в короне из перьев попугая. Он шествует к огромному храму, по бокам от него телохранители, а ликующие горожане наблюдают за событием с импровизированных трибун. Настал день самого важного религиозного праздника в году, и беспрецедентное количество жертв уже доставлено со всех восьми уголков Анахуака.

Нецалькойотль входит в храм, сопровождаемый телохранителями. Внутри тихо, слышны лишь стоны рабов, связанных, как цыплята, и сложенных штабелями вдоль стены храма - все они будут принесены в жертву.

В дальнем конце храма на пьедестале стоит жертвенный камень, освещенный лучами солнца, проникающими сквозь отверстие в крыше. На нем уже разложена первая жертва, ее держат четверо жрецов.

Солдат вкладывает в руку Ксолотля старинный нож из черного обсидиана. Нецалькойотль взмахивает им, все смолкают.

- Довольно, забудьте об этом! - внезапно восклицает он. - Я повелеваю прекратить жертвоприношения. Сам Кецалькоатль сказал мне, что больше людей нельзя приносить в жертву! Начинается царство мира!

Рабы и пленники радостно кричат. И тут телохранители хватают Нецалькойотля и валят его на большой каменный диск.

- Да как вы посмели! - кричит Нецалькойотль, более разгневанный, чем испуганный.

- Так велели жрецы, - говорит один из солдат. - Они сказали, что, если не приносить кровавых жертв, мир погибнет.

- Жрецы ошибаютсй! - выкрикивает Нецалькойотль.

- До сих пор они были правы, - возражает солдат. Обсидиановый нож взлетает вверх и опускается.

КСОЛОТЛЬ просыпается весь дрожащий и мокрый от пота. Он понимает, как ему следует поступить.

Когда утром Кассандра пришла в отель, чтобы отвести Ксолотля на завтрак, она узнала, что тот ушел.

- Он выписался час назад, - сказал ей клерк. - Сказал, что его тошнит от всех, кто не принимает его всерьез, и от богов, что грызутся из-за того, что ему полагается сделать.

- И куда он пошел?

- Выйдя за дверь, он повернул налево, - ответил клерк. - Если он пойдет и

дальше, никуда не сворачивая, то попадет в Пустоши Восточного Ада. Говорят, это весьма пустынный район, мисс.

- Только не для ацтека, - сказала Кассандра и торопливо вышла.

Почти неделю Кассандра ждала возвращения Ксолотля. Потом ей надоело ждать, и она взяла напрокат машину в "Моторизованных катастрофах" (модель "Плимут-ярость") и отправилась на поиски. Она ехала все время на север, зная, что для Ксолотля это любимое направление.

Наконец она добралась до хижины из просмоленного картона, стоящей на Пустоши между Восточным Адом и Вратами Вечных Мук. КСОЛОТЛЬ был пьян. Возле его руки стояла почти пустая бутылка "Зеленой молнии", одного из сортов патентованного адского пойла. Рядом лежала пятнистая гиена, положив голову на бедро Ксолотля.

- О Джо! - ахнула она. - Да ты пьян.

- Ты совершенно права, - рявкнул КСОЛОТЛЬ. - Я пьяный ацтекский пророк и собираюсь оставаться пьяным, пока космос не сгинет в пламени.

- А как же наши планы спасения мира?

- Я говорил с твоими капризными приятелями, Калигулой и Морганом. Одна трепотня и ни единой жертвы. Слабаки, вот кто они такие.

- Ты слишком суров в оценках, - не согласилась Кассандра. - В тебе нет веры. И ты сбежал раньше, чем они сумели развернуться по-настоящему.

- Я бедный старый пьяный ацтек, - захныкал КСОЛОТЛЬ.

- Возьми же себя в руки, - возмутилась Кассандра. - Я для того и приехала сюда, чтобы сообщить, что все устроено.

- О чем ты говоришь?

- Калигула и Морган не теряли времени даром, но большей частью успеха мы обязаны новому другу, замечательному человеку по имени П.Т. Барнум. Вставай, Джо. Все готово.

- Повтори-ка еще разок, - попросил КСОЛОТЛЬ.

- Первая мегапартия жертв уже готова к отправке.

- Я же говорил Калигуле, что одной партии недостаточно.

- Но это же мегапартия, милый.

- И насколько это много?

- Я удивлена тем, что ты не выучил этого в школе. Мегапартия равняется ровно ста восьмидесяти шести тысячам жертв.

КСОЛОТЛЬ встал. Опьянение слетело с него, словно пыльца с крыльев бабочки. Его лицо расплылось в улыбке, но тут же скривилось от боли.

- А сейчас что с тобой?

- Знаешь, мне кажется, что Кецалькоатль не хочет, чтобы я приносил людей в жертву.

- Но я думала, что ты служишь Тескатлипоке. Ведь он хочет, чтобы ты этим занимался, верно?

- Да, но...

- Тогда хватит сомневаться и давай за работу. Пошли, дорогой, жертвы уже ждут.

Город Восточный Ад был весь обклеен афишами, объявляющими о великом жертвоприношении. Кассы городского амфитеатра работали без передышки - никто не желал пропустить событие года. Зрители шли потоком через девять входов, а за ними наблюдал нахмуренный и нервничающий КСОЛОТЛЬ.

- Толпа-то большая, - сказал он, - но где же жертвы?

- Терпение, милый, - успокоила его Кассандра. - Это тоже часть гениального плана мистера Барнума. Видишь ли, когда все эти люди окажутся внутри, они быстро узнают, что на самом деле это представление с участием публики. У каждого из них появится шанс стать жертвой-добровольцем.

- Что ж, честно, - согласился КСОЛОТЛЬ. - Но если никто не захочет?

- Мы подумали и о таком. Некий мистер Форд помог решить эту проблему. Видишь наверху огромные захваты? Они будут хватать случайных зрителей и переносить прямо на установленный на сцене самый настоящий жертвенный камень. И тут в дело вступаешь ты, милый. И приносишь их в жертву.

- На словах неплохо, - согласился КСОЛОТЛЬ. - Но что, если все зрители запаникуют и бросятся к выходам?

- Все двери, разумеется, будут заперты. Освещение выключат, а на огромном экране - это идея одного из нас - появится успокаивающий лозунг.

- Какой же?

- "Никто не выйдет отсюда живым". Бессмертные слова Джима Моррисона. Разве тебе не нравится?

- Неплохо. Но...

Кассандра взяла его за руку и отвела за кулисы. Калигулу и нескольких его приятелей назначили временными ацтекскими жрецами, чтобы они могли помогать Ксолотлю. Первая жертва уже лежала на камне, привязанная ремнями. Зрители, которых набралось несколько десятков тысяч, и их число непрерывно увеличивалось, аплодировали.

- Да, настоящее событие! - воскликнул КСОЛОТЛЬ. - Где мой нож, Кассандра?

- Здесь, дорогой, - сказала Кассандра и положила ему на ладонь скальпель из нержавеющей стали. КСОЛОТЛЬ посмотрел на него и нахмурился.

- Так неправильно. Годится только кремневый нож, причем на нем должно быть немного засохшей крови. И где расширители грудной клетки из лосиных рогов и жадеитовые извлекатели сердец?

- У нас есть новейшие инструменты для операционных. Попробуй к ним приспособиться; мы сделали все, что могли.

КСОЛОТЛЬ вышел под свет прожекторов. Аудитория, все еще не подозревающая о своей судьбе, зааплодировала, когда он поднял руку с блестящим скальпелем. КСОЛОТЛЬ повелительно взмахнул рукой, наступила тишина.

- Жители ада, - сказал он. - Боги велели передать вам.

Внезапно КСОЛОТЛЬ оказался возле алтаря в другом храме. Прямо перед ним возвышались высоченные героические фигуры двух богов. Оба были в масках, но он легко их узнал: Тескатлипоку по дымчатому зеркалу, а Кецалькоатля по цветущей ветви.

- Будь верен приказам своего бога, - сказал Тескатлипока. - Не подвергай их сомнению. Начинай жертвоприношение.

- Бог создал тебя человеком, - произнес Кецалькоатль. - Суть человечности в том, чтобы заглянуть внутрь себя и откликнуться на свои чувства.

- Это слова бога-слабака, - заявил Тескатлипока. - Однажды я уже одолел тебя, Кецалькоатль, и могу сделать это вновь. Начинай жертвоприношение, КСОЛОТЛЬ!

- Загляни в свое сердце, КСОЛОТЛЬ!

- Выполняй приказ!

- Подчиняйся только себе!

Видение возникло и исчезло в мгновение ока, и теперь КСОЛОТЛЬ знал, какой выбор ему предстоит.

Он присел и откуда-то появившимся в руке обсидиановым ножом перерезал путы жертвы. Потом обернулся к зрителям:

- Я КСОЛОТЛЬ, я Нецалькойотль, я Кецалькоатль. Жертвоприношений больше не будет!

Толпа разгневанно заревела. Зрители хлынули в проходы и, размахивая кулаками, побежали к сцене.

КСОЛОТЛЬ закрыл глаза и стал ждать смерти, но потом подумал: "Нет, я не умру, если сам этого не захочу!"

И он бросился навстречу зрителям, которые, слившись воедино, превратились в гигантскую фигуру Тескатлипоки.

То был жуткий и неуязвимый бог. Глаза его метали пламя, из плеч высовывались гадюки; он тянул к Ксолотлю руки, пальцы на которых превратились в рты, усеянные острыми, как иглы, зубами.

И КСОЛОТЛЬ побежал прямо на него, в него и сквозь него, и бог Тескатлипока развалился на куски, словно кукла из мягкой ярко раскрашенной бумаги.

Когда же КСОЛОТЛЬ оказался по другую сторону бога, он раскрыл ладонь и увидел вонзившиеся в нее пять кактусовых колючек.

Неделю спустя человек в тоге проехал на запряженной двумя лошадьми боевой

колеснице через пустоши Восточного Ада и остановился в пустыне возле хижины из просмоленного картона. Калигула спрыгнул, велел вознице подождать и вошел в хижину. Там он увидел Ксолотля - пьяного, с бутылкой адского пойла в руке и лежащую рядом с ним пятнистую гиену.

- Я так и понял, что ты вернешься сюда после своего грандиозного провала, - сказал Калигула.

- Я просто не смог довести дело до конца, - буркнул КСОЛОТЛЬ. - Не мог смотреть на всех этих людей, которых обманом превратили в жертв. Так просто нечестно. И жертвоприношения полагается устраивать не так. Поэтому я решил: пропади все пропадом, но больше я этого делать не стану. Пусть мир гибнет, мне все равно. И ушел.

- Не сказав ничего Кассандре?

- Я знал, что она больше не захочет меня видеть.

- Неужели ты так и не понял, что Кассандра никогда не хотела этих жертв? И смирилась с ними лишь потому, что любит тебя?

- В самом деле?

- Возвращайся со мной, КСОЛОТЛЬ, прямо сейчас. Она тебя ждет. И, кстати, сегодня ночью я сам видел вещий сон. В первый раз. Могучий голос сказал мне:

"О цезарь Калигула, передай людям наше послание!" И я ответил: "Я слушаю тебя, повелитель". Тогда голос сказал: "Передай им, что уничтожение космоса отложено из-за сверхкосмических обстоятельств, над которыми мы не властны. Оставайтесь настроенными на пророческий канал, ждите развития событий".

- Спасены, - сказал КСОЛОТЛЬ. Но вяло, без торжества в голосе.

- Милый, все обернулось к лучшему, - проворковала Кассандра. - Никого не пришлось убивать, а конец света отложен. Теперь осталось только избрать тебя мэром Восточного Ада.

- Нет, женщина, - возразил КСОЛОТЛЬ. - Мне было открыто, что в качестве награды за прохождение этого сложного круга смерти и возрождения мне разрешат отправиться в место, где существует сознание без объекта и наслаждение без эго.

КСОЛОТЛЬ присел на корточки, сосредоточился и исчез.

Кассандра разочаровалась, но не удивилась. Она знала, что КСОЛОТЛЬ - парень необычный. Но знала также, что он вернется. Периоды просветления обычно недолги. Кончаются они тем, что кто-то приходит, показывает тебе твое тело, и... - бац! - тебя снова в него затягивает.

Так что она подождет!

Роберт ШЕКЛИ

ЖИЗНЬ КАК ЖИЗНЬ

Вчера вечером, когда я лежал на диване и смотрел "Ночное шоу", ко мне в квартиру ввалились люди с камерами и микрофонами для съемок очередного выпуска телесериала под названием "Жизнь как жизнь". Не скажу, что я очень уж удивился, хотя и не знал об их появлении заранее. Правила мне известны: я должен заниматься своими делами, как будто их тут нет. Через несколько минут операторы и техники словно слились с обоями, и я перестал их замечать. Их этому специально обучают.

Телевизор у меня, разумеется, работал; я обычно не выключаю его весь вечер. Мне уже слышались стоны воображаемых критиков: "Еще одна серия про мужика, который весь вечер пялится в проклятый ящик. Неужели в этой стране все только и пялятся в ящик?" Да, меня это тоже огорчает, но что я могу поделать? Такова жизнь.

Итак, камеры негромко жужжали, а я мумией лежал на диване и смотрел, как два ковбоя изображают крутых парней. Через некоторое время из ванной вышла жена, увидела операторов и простонала: "О господи, только не сегодня". На ней была моя длинная майка с эмблемой Нью-Йорка и ничего больше, а мокрые волосы обмотаны полотенцем. Никакой косметики. Выглядела она просто ужасно. И дернуло же их выбрать именно сегодняшний вечер. Жена, наверное, уже представляла, какие появятся рецензии: "Во вчерашнем напыщенном фарсе жена была..."

Я видел, что ей отчаянно хочется что-то предпринять - сдобрить выпуск с нашим участием щепоткой юмора, превратить его в домашний фарс. Но она не хуже меня знала, что, если кого-либо из нас заподозрят в актерстве, притворстве, преувеличении, преуменьшении или любом прочем искажении реальной жизни, передачу немедленно вышвырнут из прямого эфира. А этого ей не хотелось. Лучше произвести плохое впечатление, чем не иметь возможности хотя бы для этого. И она села на стул и взяла вязальный крючок. Я решил полистать журнал. Нас продолжали снимать.

Когда подобное происходит с вами, в это очень трудно поверить. Даже если каждый вечер смотришь шоу, все равно не верится, когда такое случается с

тобой. Представляете, ведь это ты лежишь на диване и ничего не делаешь, а тебя снимают, и весь сюжет посвящен тебе.

Я молился, чтобы случилось хоть что-нибудь. Воздушный налет или тайная диверсия коммунистов - и мы, типичная американская семья, окажемся в самой гуще великих событий. Или к нам залезет грабитель, но на самом деле он не грабитель, а кое-кто другой, и с этого момента начнут разворачиваться поразительные события. Или же в дверь постучит очаровательная женщина и скажет, что лишь я один способен ей помочь. Черт, если бы заранее договорился хотя бы о телефонном звонке.

Но так ничего и не произошло. Через некоторое время меня даже заинтересовал идущий по телевизору фильм, я отложил журнал и досмотрел его до конца. Может, хоть это покажется им интересным, подумал я.

Весь следующий день мы с женой провели в надеждах и ожиданиях, хотя прекрасно знали, что с треском провалились. Все же никогда нельзя знать заранее. Иногда зрителям снова хочется увидеть жизнь определенного человека. Бывает, чье-то лицо им особенно понравится, и тогда предлагают сняться в серии эпизодов. Если честно, мне слабо верилось, что кто-либо захочет смотреть несколько серий про меня с женой, но нельзя зарекаться. Случались куда более странные вещи.

Теперь мы с женой проводим каждый вечер весьма интересно. Наши сексуальные эскапады питают сплетнями всю округу, у нас живет моя сумасшедшая кузина Зоя, а из погреба регулярно выползает оживший мертвец. Шансов на повтор у нас практически нет. Но заранее не скажешь, так что если на телевидении решат снять продолжение нашего эпизода, то мы готовы.

Роберт ШЕКЛИ

НА СЛЕТЕ ПТИЦ

Уважайте же ребенка внутри себя, ибо ему известна правда: его похитили, затолкали в стареющее тело, заставили выполнять неприятную работу и соблюдать дурацкие правила. Время от времени ребенок в теле взрослого пробуждается и видит, что на бейсбольном поле никого не осталось и он даже не может отыскать свой мяч и перчатку, что речушка, на берегу которой он

читал стихи и лизал лакричные леденцы, пала жертвой утилитаризма в мире, где потоку дозволено струиться лишь в том случае, если он докажет свою полезность, позволяя себя загрязнять. До чего же странен мир, где каждое дерево, цветок и травинка, каждая пчела и ласточка, должны зарабатывать себе на жизнь, и даже лилии на лугу обязаны заботиться о завтрашнем дне! Замеченный Христом просчет: "Не жнут они и не пашут..." - теперь уже исправлен. В этом новом мире все и жнут и пашут, а приписывать что-либо милости божьей считается двойным кощунством. Ласточки не сумели выполнить норму по отлову комаров; их накажут. Кладовая у белки полна желудей, но она осмелилась не заплатить подоходный налог.

Мир охватило великое смятение, ибо рука человеческая дотянулась до самых дальних его уголков, а человек научился общаться со всеми живыми существами и открыл наконец способ понимать и быть понятым. И что же сказали люди? Что в их схеме вещей необходим труд. Не будет отныне, что они идут своим путем, а мы своим; теперь мы должны на них работать. "Дело не только в нас, - сказали люди. - Неужели вы думаете, что мы не понимаем сами, насколько непристойным выглядит наше стремление обложить налогом все, что прежде было бесплатным? Но сейчас трудные времена. Из-за всевозможных неудач и (мы это признаем) просчетов наших предшественников, которых мы ни в малейшей степени не напоминаем и от всякого родства с которыми отказываемся, ныне работать обязаны все. Не только люди и их союзники: лошади и собаки. Все должны приложить усилия, дабы восстановить разрушенное, и тогда у нас вновь будет планета, на которой мы сможем жить. А раз дело обстоит именно так, то нечего лилиям без толку торчать в поле - пусть хотя бы собирают влагу из воздуха и отдают ее в повторный оборот. А птицы могут приносить прутики и комочки почвы из тех немногих мест, где еще сохранились леса, тогда мы начнем сажать новые. Мы пока не установили контакт с бактериями, но это лишь вопрос времени. Мы уверены, что они свою часть работы сделают, потому что это существа во всех отношениях здравомыслящие и серьезные".

Серый большой северный гусь узнал новости с опозданием. Он со своей стаей обычно улетал на север дальше прочих гусей - туда, где низкое летнее солнце

ярко отражалось от бесчисленных водоемов, испещренных пятнышками лесистых островков. Вскоре следом за гусями туда же прилетели черные крачки, они и принесли на крыльях новости.

- Слушайте, гуси, дождались! Люди наконец поговорили с нами!

Серый отнесся к словам крачек, мягко говоря, без восторга. Более того, как раз таких новостей он и опасался.

- И что они сказали?

- Да ничего особенного, что-то вроде "рады познакомиться". Кажется, не такие уж они и страшные. Даже симпатичные.

- Конечно, люди всегда поначалу кажутся симпатичными, - буркнул Серый. - А потом начинают вытворять немыслимое и неслыханное. Разве кто-нибудь из нас вешал на стену человеческие шкуры, приделывал к стене пещеры голову охотника или рисовал картины, на которых олень добивает загнанных охотников? Эти люди заходят слишком далеко и требуют слишком многого.

- Кто знает, вдруг они теперь стали другими, - задумчиво произнесла крачка. - Недавно им крепко досталось.

- А нам всем разве нет? - фыркнул Серый.

Крачки полетели дальше. В этом году они гнездились вблизи озера Байкал, где у людей были большие стартовые площадки для ракет. Теперь там прекрасно росла трава в трещинах щита из расплавленной лавы, образовавшегося после того, как все здесь растеклось в результате ядерной атаки.

Смятение и тревога прокатились вокруг всей планеты. Стаи крачек сильно поредели, как, впрочем, и всех других птиц. Выиграли лишь некоторые подводные существа - например, у акул и мурен дела шли прекрасно, - но у них по крайней мере хватало такта этим не кичиться. Они знали, что чем-то отличаются от остальных, и не в лучшую сторону, если уж им пошло на пользу то, из-за чего едва не погибла жизнь на всей Земле.

Через некоторое время летевшая на север стая куропаток остановилась отдохнуть и поболтать с Серым.

- Как там идут дела с людьми? - спросил Серый.

- Если честно, то не очень хорошо.

- Они что, едят вас? - удивился Серый.

- О нет, в этом отношении они изменились к лучшему. Откровенно говоря, они ведут себя глуповато. Кажется, они считают, что раз с существом можно разумно общаться, то есть его нельзя. Явная бессмыслица. Волки и медведи разговаривают с нами не хуже всех прочих, но им и в голову не приходит сменить из-за этого мясо на салаты. Мы все едим то, что должны есть, и при этом как-то уживаемся, верно?

- Конечно. Но в чем тогда суть неприятностей?
- Знаешь, ты нам просто не поверишь. Серый.
- Это связано с людьми? Тогда попробуйте!
- Хорошо. Они хотят, чтобы мы на них работали.
- Вы? Куропатки?
- Вместе с остальными.
- А кто еще?
- Все. И животные, и птицы.
- Вы правы, не могу поверить.
- Тем не менее это правда.

- Но работать на них! Что вы имеете в виду? Не настолько же вы велики, чтобы орудовать киркой и лопатой или мыть тарелки - кажется, именно для такой работы у людей вечно не хватает рук.

- Не знаю точно, что они имели в виду, - сказала одна из куропаток. - Я ушла раньше, чем меня заставили работать - в чем бы эта работа ни заключалась.

- Да как они могут тебя заставить?

- О серый гусь, ты плохо знаешь людей, - ответила куропатка. - Тебе знакомы просторы небес, но не люди. Разве тебе неведомо, что птицы летают, рыбы плавают, черепахи ползают, а люди говорят? И именно в речи таится превосходство человека, и он способен уговорить тебя делать все, что ему нужно, - если будет говорить с тобой достаточно долго.

- Уговорит работать на себя?
- Да, а заодно и налоги платить.

- Безумие какое-то! Один из человеческих святых пообещал избавить нас от всего этого и сказал: "Не жнут они и не пашут". У нас есть свои дела. Мы живем в эстетическом окружении. Мы не утилитарианцы.

- Жаль, что тебя там не было, - смутилась куропатка. - Сам бы послушал их речи.

- И стал бы вьючным животным? Никогда! Через некоторое время несколько видов больших хищных птиц собрались на конференцию. Впервые орлы, ястребы и совы сидели на одной ветке. Встреча происходила в лесистой долине в северной части Орегона - одной из немногих областей северо-запада, избежавших прямых последствий ядерных взрывов. Был там и человек.

- Очень легко свалить всю вину на нас, - заявил человек. - Но мы такие же существа, как и вы, и делали лишь-то, что считали правильным. Окажись вы на нашем месте, неужели вы справились бы лучше? Слишком легко сказать: человек плохой, дайте ему пинка, и все мы заживем спокойно. Люди всегда говорили это друг другу. Но ведь совершенно очевидно, что дальше так продолжаться не может. Все должно измениться.

- Вы, люди, не есть часть природы, - возразили птицы. - Между вами и нами не может быть сотрудничества.

- Это мы не часть природы? А может, все окружающие нас разрушения, почти полное исчезновение пригодных к обитанию мест, ныне зачахшие, а прежде процветающие виды вовсе не несчастный случай или откровенное зло? Молния, поджигающая лес, не есть зло. А вдруг мы, люди, - лишь природный способ производить ядерные взрывы, не прибегая при этом к звездным катаклизмам?

- Возможно. Ну и что с того? Ущерб уже нанесен. И что же ты хочешь от нас?

- Земля в весьма скверном состоянии, - ответил человек. - И худшее, возможно, еще впереди. Всем нам нужно немедленно начать работать, восстанавливать почву, воду, растительность. Получить еще один шанс. Это единственная задача для всех нас.

- Но какое это имеет отношение к нам? - поинтересовались птицы.

- Если говорить честно, то вы, птицы и животные, слишком долго прохлаждались. Наверное, вам приятно было миллионы лет не нести никакой ответственности. Что ж, лафа закончилась. Нас всех ждет работа.

Хохлатый дятел поднял щегольскую головку и спросил:

- Но почему только животные должны за всех отдуваться? А растения? Они так и будут сидеть себе да расти? Разве справедливо?

- Мы уже переговорили с растениями, - ответил человек. - Они готовы выполнить свою долю работы. Сейчас идут переговоры и с самыми крупными бактериями. На сей раз нас свяжет общее дело.

Животные и птицы по натуре своей простоваты и романтичны. Они не смогли устоять против красивых слов человека, потому что эти слова подействовали на них как изысканнейшая пища, секс и дремота разом. Каждому из них привиделся идеальный мир будущего. Крачка ухватила клювом прутик и спросила Серого:

- Как по-твоему, людям можно доверять?

- Конечно же, нет. Но разве это имеет значение? - Он подхватил кусочек коры. - Все отныне изменилось, только вот не знаю - к лучшему или к худшему. Я знаю только одно: наверное, будет интересно.

И, сжимая кусочек коры, он полетел добавить его к растущей куче.

Роберт ШЕКЛИ

РАССКАЗ О СТРАННОМ ПРОИСШЕСТВИИ СО СРЕДНИМ АМЕРИКАНЦЕМ

Дорогой Джоуи!

В своем письме вы спрашиваете, что надо делать, если внезапно, из-за

собственной дурацкой ошибки, человек оказывается в ситуации, когда над ним
нависает опасность грозных неприятностей, избавиться от которых он не может.

Вы поступили совершенно правильно, обратившись ко мне как к своему
духовному пастырю и руководителю, чтобы я помог вам в этом деле.

Я полностью разделяю ваши чувства. Приобрести репутацию двуличного,
лживого и вороватого мазилы, которого вряд ли примут в свою компанию даже
албанские кретины, это действительно тяжело, и я прекрасно понимаю, что
подобная ситуация может сильно подорвать ваш бизнес и ваше самоуважение,
больше того, она угрожает вам, как члену общества, полнейшим уничтожением.
Но это не причина для того, чтобы, как вы пишете, стать камикадзе,
врезавшись в крутой склон горы Шаста <Шаста-гора на Западном побережье США>
на пикирующем планере.

Джоуи, безвыходных ситуаций не бывает. Другим людям приходилось вылезать
и из куда более вонючих дел, нежели ваши, и, выйдя из них, благоухать
подобно розам.

Чтобы просветить вас в этом отношении, я изложу вам недавнее происшествие
с моим хорошим другом. Джорджем Блакстером. Не думаю, чтоб вы встречались с
Джорджем. Вы были в Гоа в тот год, когда он жил на Ибице, а потом вы с
группой Субуда оказались на Бали, тогда как Джордж со своим гуру отправился
в Исфахан. Важно то, что во время событий, которые я собираюсь живописать,
Джордж проживал в Лондоне, пытаясь всучить тамошним издателям свой роман,
который только что закончил. В те дни он сожительствовал с Большой Карен,
каковая, как вы, может быть, помните, была любовницей Ларри Шарка, когда
Ларри играл на электрогитаре в ансамбле "Чокнутых" на фестивале в Сан-Ремо.

Так или иначе, но Джордж тихо-мирно поживал в своей меблирашке в Фулхэме,
пока в один распрекрасный день у него не появился неизвестный,
представившийся ему в качестве репортера парижской "Геральд трибюн". Гость
спросил Джорджа, как тот относится к последней сенсации.

Джордж ни о какой последней сенсации понятия не имел, разве что о
проигрыше "Кельтов" "Никсам" на розыгрыше кубка НБМ, что он и высказал
пришельцу.

- Но ведь кто-то должен был сообщить вам об этом! - воскликнул репортер.
- В таком случае, я полагаю, вам неизвестно, что исследовательская группа

Эмерсона в Аннаполисе, штат Мэриленд, только что завершила монументальный научный проект по приведению концепции усредненности в соответствие с современными и все еще меняющимися демографическими и этноморфическими аспектами нашей великой нации.

- Никто мне об этом не говорил, - промычал Джордж.

- Какая небрежность! - воскликнул репортер. - Что ж, так вот, в связи с этим исследованием, эмерсоновской группе был задан вопрос, не могут ли они назвать реально существующую личность, которая бы точно соответствовала и даже олицетворяла новые параметры современного среднего американца. Репортерам нужно было знать, кто именно заслуживает звания Мистера Среднего Американца. Вы ж знаете, что за публика эти журналисты!

- Но какое мне до этого дело?

- Да, тут действительно допущена грубейшая небрежность, что вы не поставлены в известность, - ответил репортер. - Так вот, этот вопрос был введен в компьютер, который принялся отыскивать возможные соответствия до тех пор, пока наконец не выдал на-гора ваше имя.

- Мое? - несколько удивился Джордж.

- Ага. Им следовало немедленно известить вас об этом.

- Меня считают средним американцем?

- Так, во всяком случае, утверждает компьютер.

- Но это же полный идиотизм, - возопил Джордж. - Как я могу быть средним американцем? Рост у меня всего 5 футов 8 дюймов, фамилия Блакстер, пишется через "л", а произносится без него, я смешанного армяно-латышского происхождения, а родился в каком-то Шип-Боттоме, что в Нью-Джерси. Что ж тут среднего, скажите, ради бога? Им следовало бы проверить свои расчеты! Им нужен какой-нибудь фермер из Айовы, блондин, подписчик какого-нибудь местного "Меркурия" и с 2,4 ребенка.

- Это прежний и давно устаревший стереотип, - ответил репортер. - Сегодняшняя Америка состоит преимущественно из расовых и этнических меньшинств, чья повсеместная распространенность абсолютно исключает выбор англосаксонской модели. Средний мужчина сегодня должен быть уникален, чтоб стать средним, если вы понимаете, что я хочу сказать.

- Ну... и что же я должен делать в этом случае? - спросил Джордж.

Репортер пожал плечами:

- Предполагаю, вы должны производить те же усредненные действия, которые производили до того, как это с вами случилось.

В это время в Лондоне, как обычно, ощущалась нехватка сенсаций, а потому

Би-би-си направила целую группу сотрудников брать интервью у Джорджа. Си-би-эй сделала его сюжетом для своего тридцатисекундного репортажа, и Джордж за одну ночь превратился в знаменитость.

Последствия были незамедлительны. Роман Джорджа был условно принят знаменитой издательской фирмой "Гратис и Спай". Его редактор Дерек Полсонби-Джиггер протащил Джорджа через уйму читок, переделок, сокращений и улучшений, повторяя: "Теперь все почти хорошо, но кое-какие мелочи меня беспокоят, и мы обязаны довести его до совершенства, не так ли?"

Через неделю после выхода в эфир программы Би-би-си Джордж получил свою рукопись обратно с вежливым отказом от публикации.

Он отправился на Сент-Мартин-лейн и повидался с Полсонби. Тот был вежлив, но тверд.

- Видите ли, у нас просто отсутствует рынок для книг, написанных средними американцами.

- Но вам же нравился мой роман! Вы собирались его публиковать!

- Однако в нем всегда присутствовало нечто, беспокоившее меня, - ответил Полсонби. - И теперь я знаю, что это было.

- Ну и...

- Вашей книге не хватает уникальности. Это просто средний американский роман. А что же еще может написать средний американец? Вот что скажут критики. Я очень сожалею, Блакстер.

Придя домой, Блакстер увидел, что Большая Карен упаковывает свои чемоданы.

- Джордж, - сказала она ему, - боюсь, что между нами все кончено. Мои друзья надо мной смеются. Я потратила годы на то, чтоб доказать, что уникальна и неповторима, а теперь, видишь, что из этого получилось, - выходит, я путалась со средним американцем!

- Но это ж моя проблема, а не твоя!

- Слушай, Джордж, средний американец должен быть и женат на средней американке, иначе какой же он, к шуту, средний, верно?

- Я об этом не задумывался, - признался Джордж. - Черт возьми, не знаю, все может быть.

- В этом есть резон, малыш. Пока я буду с тобой, я всего лишь средняя женщина среднего мужчины. А этого творчески мыслящая женщина, уникальная и неповторимая женщина, в прошлом "старуха" Ларри Шарка в его бытность членом ансамбля "Чокнутые" в тот самый год, когда они получили "Золотой диск" за свой сногсшибательный шлягер "Все эти носы", просто перенести не может. Но дело не только в этом. Я обязана сделать это ради детей.

- Карен, о чем ты? У нас нет никаких детей!

- Пока нет. Но когда будут, это будут средние американские дети. Не думаю, что я перенесу такое! Да и никакая мать не сможет. Я ухожу, меняю фамилию и имя и начинаю с нуля. Прощай, Джордж.

После этого жизнь Джорджа начала рушиться с необычайной быстротой и фундаментальностью. Он слегка повредился в уме. Ему казалось, что люди, смеющиеся за его спиной, смеются именно над ним, а это, ясное дело, ничуть не содействовало излечению его психоза, даже если выяснялось, что они смеются по другому поводу. Он стал носить длинные черные пальто, черные очки, он оглядывался, входя и выходя из дверей, а в кафе сидел, закрывая газетой свое усредненное американское лицо.

Наконец Джордж бежал из Англии, оставив позади презрительные ухмылки былых друзей. Теперь он не мог найти убежища в тех местах, где бывал раньше - в Гоа, на Ибице, в Пуне, Анапри, Иосе или в Марракеше. Во всех этих местах у него были друзья, которые обязательно станут хихикать за его спиной.

В отчаянии он отправился в изгнание в самое невероятное и невообразимое из всех мест, какое только мог придумать, - в Ниццу, Франция.

А теперь держитесь, Джоуи, мы сразу пропускаем несколько месяцев. Февраль в Ницце. Холодный ветер дует с Альп, и пальмы на Bouleward des Anglais <Английская набережная (фр.).> выглядят так, будто собираются сложить свою листву в чемоданы и вернуться в Африку.

Джордж лежит на давно не прибиравшейся кровати в своем отеле "Les Grandes Meules" <Большая мельница" (фр.).>. Излюбленный приют самоубийц. Выглядит как склад в Монголии, только куда мрачнее.

Стук в дверь. Джордж открывает. Входит восхитительная женщина и спрашивает, не он ли знаменитый Джордж Блакстер, Средний Американец. Джордж отвечает, что так оно и есть, готовя себя к тому новому оскорблению, которое этот жестокий и беззаботный мир собирается ему нанести.

- Я - Джекки, - говорит она ему. - Из Нью-Йорка, но сейчас отдыхаю в Париже.

- Хм-м, - отвечает Джордж.

- Решила потратить несколько дней, чтоб взглянуть на вас, - продолжает она. - Узнала, будто вы тут.

- Ну, и чем могу быть полезен? Еще одно интервью? Последние приключения Среднего Мужчины?

- Нет, нет, ничего подобного! Однако, боюсь, я немного нервничаю... Нет ли у вас чего-нибудь выпить?

В эти дни Джордж погрузился в такие глубины самоедства и отвращения к себе, что перешел на абсент, хотя и ненавидел его всей душой. Он налил Джекки стаканчик.

- О'кей, - сказала она. - Пожалуй, лучше сразу перейти к делу.

- Что ж, послушаем, - мрачно отозвался Джордж.

- Джордж, - сказала она, - вам известно, что в Париже есть платиновый брус длиной точно в один метр? Джордж в изумлении уставился на нее.

- Этот платиновый метр, - продолжала она, - является эталоном для всех остальных метров в мире. Если вы хотите узнать, правилен ли ваш метр, вы везете его в Париж и сравниваете с их метром. Я упрощаю, конечно, но вы понимаете, к чему я это говорю?

- Нет, - ответил Джордж.

- Этот платиновый метр в Париже был изготовлен по международному соглашению. Все страны сравнили свои метры и вывели среднюю величину. Эта средняя величина и стала стандартным метром. Понимаете теперь?

- Вы хотите нанять меня, чтоб я украл для вас этот метр?

Она нетерпеливо качнула головой:

- Послушайте, Джордж, мы с вами взрослые люди и можем говорить о сексе, не ощущая неловкости, правда?

Джордж выпрямился. В первый раз за все время в его глазах появилось осмысленное выражение.

- Дело в том, - говорила Джекки, - что за последние несколько лет я испытала уйму разочарований в моих отношениях с мужчинами. Мой психоаналитик - доктор Декатлон - говорит, что все это из-за моего врожденного мазохизма, который превращает все, что я делаю, в сплошное дерьмо. Таково его мнение. Лично же я полагаю, что мне просто не везет. Правда, я в этом не уверена, и для меня крайне важно узнать, так ли это на самом деле. Если у меня мозги набекрень, мне придется пройти курс лечения, чтоб потом получать полное удовольствие в постели. Если же врач ошибается, то я с ним даром теряю время и к тому же немалые деньги.

- Мне кажется, я начинаю понимать, - протянул Джордж.

- Проблема в том, каким образом девушка может выяснить, являются ли ее неудачи следствием собственной неполноценности или мандража у парней, с которыми она имела дело? Стандарта для сравнения нет, нет специального сексоизмерителя, нет способов оценить истинно усредненное сексуальное поведение американца, нет платинового метра, с которым можно сравнить все прочие метры мира...

И тогда Джорджа как бы озарило сияние солнечных лучей, и все стало для него яснее ясного.

- Я, - возопил он, - я - средняя величина американской мужской сексуальности!

- Детка, ты - уникальный платиновый брус точно метр длиной, и в мире нет ничего равного тебе! Иди ко мне, мой дурашка, и покажи мне, что такое настоящий средний сексуальный опыт!

Ну, вот так и разнеслась слава Джорджа, ибо девушки вечно делятся своими секретами друг с другом. И множество женщин узнали об этом, а услышанное заставило их заинтересоваться возможностью сравнения, так что вскоре у Джорджа совсем не осталось свободного времени и его жизнь оказалась так плотно и божественно заполнена, что подобное ему не только не снилось, но даже в самых смелых мечтах не могло быть воображено. Бесконечным потоком к нему сначала шли американки, а потом дамы всех национальностей, узнавшие о нем с помощью подпольной глобальной женской сексуальной информационной сети. К нему приходили неудовлетворенные испанки, сомневающиеся датчанки, беззащитные суданки, женщины отовсюду летели к нему, как мошки на свет лампы или как пылинки, увлекаемые в сточную трубу течением по часовой стрелке (в Северном полушарии). В худшем случае все было хорошо, а в лучшем - неописуемо прекрасно.

Теперь Блакстер независим и богат - благодаря дарам, подносимым ему благодарными дамами-обожательницами всех национальностей, типов, форм и цветов. Он живет в великолепной вилле, подаренной ему французским правительством в знак признания его исключительных талантов и огромных заслуг в деле развития туризма. Он живет в роскоши и совершенно независим; он категорически отказывается иметь дело с исследователями, желающими изучать его феномен, чтоб писать книги под названием "концепция усредненности в современной американской сексуальности". Блакстер в этом не нуждается. Чего доброго, они навредят его стилю.

Он живет своей собственной жизнью. Как-то он поведал мне, что по ночам, когда последняя дама, радостно улыбаясь, покидает его, он садится в огромное глубокое кресло, наливает стакан старого бургундского и обдумывает парадокс: его общеизвестная усредненность превратила его в чемпиона среди большинства,

если не всех американских мужчин, сразу в нескольких жизненно важных и приятнейших областях. То, что он оказался средним, дало ему возможность обогатить свою жизнь бесчисленными преимуществами. Он - платиновый эталон, счастливо проживающий в хрустальном ящике, и он никогда не вернется к тому, чтобы быть просто уникальным, как все остальные экземпляры человеческой расы.

Быть средним - залог счастья. Проклятие, от которого он когда-то не мог избавиться, стало даром, который он никогда не потеряет.

Трогательно, не правда ли? Как видите, Джоуи, я постарался показать вам, что очевидные убытки могут быть превращены в солидные доходы. Как применить это правило к вашему случаю - тоже очевидно. Если вы этого не понимаете, то напишите мне новое письмо с приложением обычного чека за эксплуатацию моих мозговых извилин, и я с удовольствием сообщу вам, каким способом можно, будучи известным как паршивый кусок мелкого ганифа <Ганиф - прохвост, жулье (идиш)> и еще к тому же как никудышный любовник, на случай, если вы еще этого не слыхали, воспользоваться всем этим в ваших собственных интересах.

Всегда ваш Энди - человек, отвечающий на все вопросы.

Роберт ШЕКЛИ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ (ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ?) ЗЕМЛИ

Когда объявили о конце света, мы с Рэйчел решили все-таки не разводиться. "Какой в этом смысл? - спросила она. - Никаких новых связей мы все равно завести не успеем". Я кивнул, хотя она меня не убедила. Я забеспокоился: а что будет, если мир не придет к концу, если великое событие отменяется, откладывается, задерживается на неопределенный срок? Быть может, в расчеты влияний Z-поля вкралась ошибка или ученые ошиблись, оценивая влияние схождения Сапер-штейна, и мы с Рэйчел с нашими вечными жалобами, и дети наши с их вечными жалобами останемся привязаны друг к другу грядущим апокалипсисом крепче, чем брачной клятвой, пока смерть не разлучит нас или пока не грянет Армагеддон - уж что случится раньше. Я постарался помягче высказать все это Рэйчел, но она ответила: "Не беспокойся, если мир не

придет к концу по расписанию, составленному ведущими учеными, ты вернешься в свою унылую меблированную комнату, а я останусь здесь с детьми и любовником".

Это обнадеживало; кроме того, мне вовсе не хотелось дожидаться конца света в унылой меблированной комнате, которую я снимал на паях вместе с девицей-японкой и ее дружком-американцем и где не было даже телевизора. Делать там было совершенно нечего, разве что слушать, как японка болтает по телефону с подругами, и жрать в китайском ресторанчике, где обещали обслуживать посетителей до самого конца света, или до тех пор, пока это будет возможно - владелец не верил во внезапные перемены.

"Такие вещи с ясной головой встречать нельзя", - заявила Рэйчел и вытащила на свет Божий все свои запасы - тайский опиум, пестро-бурый кокаин, "кислотка" в форме красных звездочек, сушеные грибы Бог знает откуда, и еще красные ливанские и зеленые марокканские, и последние, бережно хранимые "куаалуды" <"Кислотка" - ЛСД, популярный галлюциногенный наркотик "Куаалуд" - торговая марка сильного транквилизатора>, и еще пара таблеток могадона на всякий случай. "Объединим наши мозгокрутные ресурсы, - заявила она, - и устроим себе кайф до гроба".

Конечно, каждый готовился к концу света, как мог. Воздушные линии организовывали апокалиптические спецрейсы в Ультима Туле, в Вальпараисо, в Куала-Лумпур - для пресыщенных извращенцев. Телевидение, само собой, стояло на ушах. Сняли некоторые из наших любимых программ ради шоу "Конец Света". Мы переключились на Си-Би-Эс, где шло "Последнее ток-шоу": "Ну что ж, кажется, скоро нам и вправду задуют свечку. Наш нынешний гость, профессор Мандрак из Лос-Анджелесского университета, сейчас объяснит нам, какого размера "бумс " нам стоит ожидать".

На какой канал ни настроишься - физики, математики, биологи, химики, лингвисты, философы и телеведущие пытаются объяснить, что же они, собственно, объясняют.

- Ну конечно, - сказал известный космолог профессор Джонсон, - это событие нельзя назвать в полной мере космологическим иначе как метафорически, имея в виду его влияние на нас. Мы, люди, привыкли считать важным то, что происходит на нашей территории. Но я заверяю вас, что в том

масштабе, в котором работаю я, это событие незначительно, я даже сказал бы, банально: наша карликовая звезда нулевого класса входит в Z-поле как раз в момент сочетания Сапер-штейна с последующим нарушением местных условий. Я намеренно изъясняюсь туманно, поскольку принцип неопределенности делает точность пережитком девятнадцатого века. Но, возможно, профессор Уивер с философского факультета может разъяснить это подробнее.

- Ну, в общем-то, - сказал профессор Уивер, - выражение "конец света" несколько расплывчато. Мы сталкиваемся с проблемой точки зрения. Можно сказать, что для постороннего наблюдателя, если таковой существует, ничто на самом деле не кончается. Мгновенье боли, дорогая, затем - жизнь вечная, как сказал поэт...

Переключив канал, мы узнали, что расквартированным в Германии войскам раздают праздничные ужины с индейкой. Поговаривали о том, чтобы всех солдат отправить домой, но решили все же оставить их на месте на случай, если это все же не конец света, а подлый коммунистический заговор - мы-то знаем, на что способны эти русские с их извращенным чувством юмора и неутолимым желанием устроить всем побольше неприятностей. Говорилось также, что китайцы вовсе не стали объявлять указанный факт населению - только косвенно, в форме плакатов не больше почтовой марки, подписанных "Обеспокоенный сосед из блока Ц".

А Рэйчел никак не могла понять, почему ее любовник Эдвард упорно сидит в своей комнате и заканчивает роман. "Это уже неактуально, - говорила она. - Все равно никто твой роман не напечатает и не прочтет".

- А мне какое дело? - отвечал Эдвард и подмигивал мне. Я прекрасно понимал его - я сам работал как берсерк, чтобы закончить собственный рассказ об этом последнем дне, да-да, я работал с наслаждением, потому что конец света дарит писателю лучший из финалов, последний финал: наступила полночь, и это последняя строка, все, ребята! Какой это вызов! Я знал, что по всему миру художники откликаются на него, пытаясь создать шедевр, достойный привлечь внимание историков из параллельного мира, в котором катастрофы не будет.

- Ну, в общем-то, - сказал профессор Карпентер, - концепция параллельных миров представляется возможной, но недоказуемой, по крайней мере теми

средствами, которые мы успели создать. Лично я склонен считать ее успокоительной сказкой, хотя в этом вопросе более компетентен мой добрый друг и известный психолог профессор Мун.

В тот вечер Рэйчел приготовила свою знаменитую фаршированную индейку с клюквенным соусом, и пирог из сладкого картофеля с меренгами, и даже ребрышки по-китайски на закуску, хотя китайцы и не верили в конец света, несмотря на плакаты-почтовые марки с предупреждениями. Весь мир опять начал курить, кроме нескольких упрямцев, отказывавшихся поверить в конец света и потому боявшихся рака легких. Те, кто лежал на смертном ложе, пытались протянуть еще немного, "чтобы, когда уйду я, весь мир отправился за мной". Некоторые врачи оставались на своем посту, называя это своим нелепым долгом, прочие же безостановочно играли в гольф и теннис, даже не пытаясь попадать по мячам.

У индюшки оказалось четыре ноги и восемь крыльев. По телевизору идут похабные шоу: раз всему конец, то все позволено На деловые письма отвечают, что в голову придет:

"Дорогой Джо, возьми-ка свой контракт и засунь себе в жопу шоу закончено и я могу тебе наконец сказать какая ты сволочь но на случай если Конца не будет имей в виду что это письмо шутка и ты такой замечательный человек что наверняка ее оценишь".

Все мы оказались зажаты между непримиримыми требованиями осторожности и наплевательства. А если мы не умрем? Чтобы поверить даже в конец света, нужна вера - это относится и к профессорам, и к посудомойкам.

В последнюю ночь мира я бросил курить. Нелепость. Какое это имеет значение? Я сделал это, потому что Рэйчел всегда утверждала, что значение имеют нелепости, и я всегда верил в это, так что я вышвырнул пачку "Мальборо" в окно и слушал, как профессор Мун говорит: "Исполнение желаний, или его составная часть, исполнение мортидо, не могут быть, пользуясь терминологией Элиота, на законных основаниях обобщены в объективный коррелят. Однако если принять во внимание Юнга и рассматривать конец света как архетип, не говоря уже о Weltanschauung, то наше понимание растет по мере того, как наше tiempo para gastario исчезает в черной дыре прошлого, содержащей все наши надежды и чаяния".

Пришел последний час. Я глодал индейку, Эдвард вышел из своей комнаты, чтобы набрать себе тарелку грудинки и спросить, что я думаю об окончательной версии его последней главы, и я ответил: "Стоило бы еще поработать", и Рэйчел заметила: "Это жестоко", а Эдвард возразил: "Да, я тоже так подумал" - и ушел к себе. Улицы за окнами были пусты, только несколько несчастных бродили в поисках свободного телевизора, и мы с Рэйчел употребили большую часть наркоты и напропалую переключали каналы Я вынес пишущую машинку в кухню и принялся все записывать, а Рэйчел говорила об отпусках, которые нам следовало взять, и я думал о женщинах, которых стоило любить, и без пяти двенадцать из комнаты снова вышел Эдвард и показал мне переписанную последнюю главу, а я заявил: "Вот теперь сделано как надо", и он ответил:

"Я так и думал, а кокаина больше не осталось?" И мы разделались с остатком наркотиков, и Рэйчел закричала: "Бога ради, прекрати наконец стучать по клавишам!" И я заявил: "Я должен это все записать", и она обняла меня, и Эдвард обнял меня, и мы трое обняли ребятишек, которым позволили не идти в постель, потому что наступал конец света, и я пробормотал: "Рэйчел, прости меня за все", и она ответила:

- "И ты меня прости", а Эдвард добавил: "Я вроде ничего дурного не сделал, но простите вы и меня". "За что простить?" - хором спросили малыши, но, прежде чем мы смогли сказать им, за что, прежде чем поняли это сами...

Роберт ШЕКЛИ

КОНЕЧНАЯ

Это случается вот так: ты откидываешься на спинку кресла (первый класс, компания "Мажорские космические линии"), закуриваешь сигару и берешь бокал шампанского - начинается рейс из Развал-Сити, Земля, на Гнусьвилльский Перекресток, Арктур-XII. Сразу за таможенным барьером тебя ждет Магда, а в "Ультима Хилтоне" устроят шикарную вечеринку в твою честь. И ты понимаешь, что, прожив наполненную борьбой жизнь, ты наконец добился богатства, успеха, привлекательности и уважения. Жизнь похожа на кусок печеночного паштета -

сочная, жирная, вкусная. Ты столько лет перекапывал дерьмо ради этой минуты,
и вот она настала, и ты готов насладиться ею.
И тут загорается табло: "ПОСАДКА".
- Эй, красотка, - окликаешь ты стюардессу, - что творится?
- Мы высаживаемся на Конечной, - отвечает она.
- Но ее нет в расписании. Почему мы приземляемся?
- Сюда нас завел корабельный компьютер, - пожимает плечами стюардесса. -
Придется вылезать.
- Послушайте, - холодно начинаешь ты, - мой добрый друг Дж. Уильяме Нэш,
президент вашей линии, заверил меня, что остановок вне расписания не
будет...
- На Конечной гарантии недействительны, - объясняют тебе.
- Может, вы и не собирались сюда, но то, что сюда вы приехали, - это
точно.
Ты застегиваешь ремни и думаешь: "Ну что за невезение! Всю жизнь
вкалываешь, как ишак, врешь, воруешь, жульничаешь, а только захочешь
повеселиться - нате вам, Конечная".
На Конечную попасть легко. Всего и дел - появиться тут. Космолет
припаркуйте на свалке. Никаких бумаг подписывать не надо. Ни о чем не
волнуйтесь. Пройдитесь, познакомьтесь с ребятами.
В крутом оттяге подваливает Живчик с вопросом:
- Чуваки, а с чего вы тут кайф ловите?
- Да навроде как с "Надежды-98", - отвечает Нюхач Морт.
- А какие с той "Надежды" глюки?
- Начинаешь думать, что у тебя есть будущее.
- Эк, мне бы так потащиться, - грустно вздыхает Живчик.
Познакомьтесь с Люси-Лапочкой, девушкой с тысячью ожиревших тел.
- Каждый понедельник я захожу в "Небесную лавку тел" и хочу выбрать себе
наконец симпатичное тело - вы понимаете, что я имею в виду, симпатичное. Но
каждый раз на меня словно находит что-то, и я вновь оказываюсь в мешке с
жиром. Если бы я только могла победить этот дикий невроз - о, какой бы
красоткой я стала!
Комментарий доктора Бернштейна:
- Ее спасение в ее похмелье. Неудачники всегда принимают истинный облик.
Будете уходить - пните ее. Она напрашивается.
Жирардо много путешествовал, но никогда не забирался далеко от дома.
- Точно говорят, что вся Галактика поместится у меня в голове. Чем дальше
едешь, тем меньше видишь. Был я на Акмене-IV - вылитая Аризона. Сардис-VI -
калька с Квебека, а Омеона-VI - двойник Земли Мэри Бэрд.
- А на что похожа Конечная?
- Если бы я не знал, где я, - отвечает Жирардо, - то подумал бы, что
вернулся домой в Хобокен.
На Конечной приходится все импортировать. Ввозят кошек и тараканов,

мусорники и мусор, полицейских и статистику преступности. Ввозят кислое молоко и гнилые овощи, ввозят голубую замшу и оранжевую тафту, ввозят апельсиновые шкурки, растворимый кофе, запчасти от "Фольксвагена" и запальные свечи "Чемпион". Ввозят мечты и кошмары. Ввозят тебя и меня.

- Но зачем это все?

- Глупый вопрос. С таким же успехом можешь поинтересоваться, а для чего реальность?

- М-м... а для чего реальность?

- Заходите в любое время. Я живу в доме 000 по улице Зеро, на перекрестке с Минус-бульваром" близ Нулевого парка.

- У этого адреса есть некое символическое значение?

- Да нет, просто я там живу.

На Конечной никто не может позволить себе необходимого. Зато роскошь доступна всем. Каждую неделю бесплатно раздаются десять тысяч тонн первосортных устриц. Но майонеза вы не найдете ни по дружбе, ни за деньги.

Разговор на Лимбо-лейн - Доброе утро, молодой человек. Все еще занимаетесь этой глупостью о целях и средствах?

- Да, наверное, профессор.

- Так я и думал. Ну, до свидания, молодой человек.

- Кто это был?

- Профессор. Он всегда спрашивает про глупости о целях и средствах.

- А что это значит?

- Не знаю.

- А почему не спросишь?

- Плевал я на него.

- Монизм постулирует, что существует нечто одно, - говорит доктор Бернштейн, - дуализм - что не одно, а два. И в том и в другом случае выбор у вас небогатый.

- А-а! - восклицает Джонни Каденца. - Может, поэтому все тут на вкус похоже или на острый перец, или на апельсиновый соус.

***

Реплики философского общества Конечной:

Ад - это бесконечно откладываемая поездка. Ад - это твое настоящее лицо. Ад - это когда получаешь то, чего не хочешь. Ад - это когда получаешь то, чего хочешь. Ад - это повторение.

Гляди перед собой: там чернота Вселенной, провала, конца, прыжка в ничто. А за тобой - все места, где ты побывал: прошлогодние надежды, вчерашние прогулки, старые мечты. Все использовано и выброшено.

Ты дошел до финиша. Садишься и думаешь, чем же заняться дальше.

Добро пожаловать на Конечную.

Роберт ШЕКЛИ

ПРОЩАНИЕ С БОЛЬЮ

Воскресным утром в недалеком будущем Джозеф Элрой удобно устроился в кресле, пытаясь вспомнить название своей любимой футбольной команды (он же собирался вечером смотреть их матч), одновременно почитывая раздел объявлений о банкротствах в воскресной "Таймс" и размышляя о неприятностях.

День был обычный: небо в окне имело здоровый мерзко-бежевый оттенок, прекрасно гармонировавший с мерзко-бурой обстановкой, купленной миссис Элрой (скрипевшей в тот момент зубами в кухне) в одном из ее нередких всплесков бытового энтузиазма. Их дочка Эликсир применяла на практике последнее свое открытие в комнате наверху - ей исполнилось три года, и она только что обнаружила прелесть блевания.

А у Элроя в голове крутилась песенка. На данный момент - "Амапола", которая будет крутиться, пока ее не сменит другая мелодия, и так песня за песней, весь день, всю ночь, вечно. Музыка исходила из внутреннего Элроева проигрывателя, включавшегося, когда условием выживания становилось безразличие к окружающему.

В этом состоянии и находился Элрой. Может, и вы в нем бывали: когда ребенок вопит, жена зудит над ухом, а ты плывешь сквозь дни и ночи в полном отпаде и слушаешь мелодию, крутящуюся в мозгу. И ты знаешь, что щит из мутного оргстекла, отделивший тебя от мира, тебе не пробить никогда, и серая мгла депрессии и скуки опускается, чтобы уже не подняться. И единственное, что не дает тебе покончить с собой и этой тягомотиной, - это твоя Жизненная Сила, которая заявляет: "Проснись, придурок, это все творится с тобой - да-да, с тобой, утопающим в бассейне лимонного желе с идиотской ухмылкой на безрадостном лице, пока ты закуриваешь очередную "Мальборо" и наблюдаешь за окружающим в замедленной съемке".

В таком положении волей-неволей ухватишься за любой шанс из него выбраться, не так ли? В тот самый день у Джозефа Элроя появился шанс.

Зазвонил телефон. Элрой поднял трубку.

- Будьте добры, представьтесь, - потребовал голос на другом конце провода.

- Джозеф Элрой слушает, - ответил Элрой.

- Мистер Элрой, а не напеваете ли вы про себя в данный момент песенку?

- Собственно говоря, да.
- А какую именно?
- Последние пару часов не могу отвязаться от "Амаполы".
- Как, вы сказали, она называется?
- "Амапола". А что...
- Да!! Да, конечно!!! Это она!!
- Э?..
- Мистер Элрой, теперь я могу открыться. Я, Мерв Даффл, в прямом эфире телешоу "Встреча всей жизни", и вы только что назвали ту самую мелодию, что крутится в голове нашего замечательного гостя, мистера Фила Саггерса! А это значит, что вы, мистер Элрой, и ваша семья выиграли ежемесячный суперприз синхронности. Встреча всей жизни! Знаете ли вы, мистер Элрой, что это значит?
- Знаю! - радостно завопил Элрой. - Я смотрю ваше шоу, и я-то знаю! Эльва, кончай там придуриваться, мы выиграли суперприз, выиграли, выиграли, выиграли!!!

На практике это значило, что следующим же утром явилась группа техников в оранжевых комбинезонах и установила в гостиной Элроев штуковину, похожую на изуродованный компьютер. Мерв Даффл лично передал Элрою всемогущий Справочник и объяснил, как были собраны вместе и введены в этот компьютер все наилучшие пути развития личности, самообучения и самопознания. Многие из значившихся в Справочнике услуг были доступны только богатым, удачливым и одаренным - тем, кому они вовсе не нужны. Но теперь всем этим богатством могли распоряжаться Элрои при помощи разработанной в Стенфорде и заложенной в аппаратуру техники сверхбыстрого высокоусвояемого обучения. Коротко говоря, они могли делать со своими жизнями совершенно все, что вздумается, бесплатно и в уединении.

Элрой был человеком серьезным (как и все мы в глубине души): начал он с того, что рылся в Справочнике (содержавшем все известные компании по оказанию услуг), пока не наткнулся на "Дело вашей жизни" - знаменитую фирму по открытию новых талантов из Милл-Вэлли, Калифорния. Там смогли протестировать Элроя по телефону и выдать результаты в течение пятнадцати минут. Оказалось, что Элрой обладает тем сочетанием интеллекта, ловкости рук и склада характера, которое могло сделать его выдающимся микропалеонтологом. В соседнем Музее Естественной Истории как раз открылась эта вакансия, а

всему, что требовалось знать о новой профессии, Элроя обучили в Школе Высокоскоростной Профессиональной Подготовки Блюхнера-Вагнера. Так что Элрой смог начать многообещающую карьеру через полмесяца после того, как услышал слово "микропалеонтология".

Эльва Элрой (или Эльф, как она называла себя в моменты задумчивости) пребывала в неуверенности относительно своих планов. Она шарила по Справочнику, пока не наткнулась на компанию "Мандрагора, Инкорпорейтед", производившую улучшатель настроения в капсулах продленного действия "Нормал-Хай". Капсулы были заказаны в Службе Срочной Доставки Наркоты Эймса - "Без кайфа нету лайфа". Чувствуя себя как никогда прекрасно, Эльва нашла в себе силы встретить проблему обеда лицом к лицу. Хорошо подумав, она остановилась на "Фрейдистской Формуле Формованного Питания" - "Мы накормим голодного ребенка вашего подсознания".

Для дочурки Эликсир вызвали "Дет-Каприз", нянь, привычных успокаивать испорченных потомков нефтяных шейхов, обслуживавших теперь Элроев круглосуточно и усмирявших капризы малышки. Эликсир была в восторге. Столько новых мягких игрушек, которые можно разбрасывать, - что может быть лучше?

Таким образом, у Элроев появилось достаточно времени и сил, чтобы заняться друг другом. Для начала они отправились в семейную консультацию "Омнирадость", вдохнувшую в прошлом месяце новую жизнь в агонизирующий брак перед телекамерами в Хьюстоне. Одного сеанса хватило, чтобы принести Элроям глубокую и стойкую любовь друг к другу - чтобы ее вызвать, следовало только глянуть партнеру в глаза и сосредоточиться. Это придало им достаточно уверенности в себе, чтобы взяться за пятидневный курс в "Сексуальной реакции" (Лэнсинг, штат Мичиган) - также весьма успешный в смысле достижения новых высот и оргиастических плато. Однако Элрой ощутил некоторую неуверенность в своих силах, а с ней - и острую нужду воспользоваться услугами службы романтических свиданий Бродвейского Джо - "Тайные встречи с очаровательными, утонченными и сексуальными девушками. Мы даем гарантию, что вы не опозоритесь!".

- Ах так? - вспылила Эльва, узнав об этом, и немедленно исполнила свою давнюю мечту, позвонив в "Крутые секс-услуги". Ее привлекло их рекламное

объявление в Справочнике: "Детка, ты хочешь, чтобы это было серьезно - грубо, жестоко, круто? Но ты не хочешь оказаться разочарованной? Так? Так. Позвони нам, детка, - у нас есть то, чего ты жаждешь".

Обоим потом было стыдно и противно. Остывали они в фирме "Причал мечты" на Файер-Айленд, под знаменитым девизом "Медикация - лучшая медитация".

Теперь перед Элроями открывался прямой путь наверх. Но неприятности накапливались. Эликсир окончательно отбилась от рук - в самое неудачное время, ведь Элрой вот-вот должен был давать интервью для "Нью-Йорк мэгэзин", а Эльва начинала двухнедельные курсы прима-балерин с гарантированным контрактом в русской балетной труппе Монте-Карло. Они собрали семейный совет и, перелистывая Справочник, наткнулись на объявление фирмы "Детоправы".

- И что это такое? - спросила Эльва. Элрой начал читать:

- Может быть, ваш ребенок своим неуемным характером портит вашу жизнь? Или вас мучает проблема - как любить его/ее и не испортить себе жизнь этой любовью? Не слишком ли много времени занимает ваше дитя? Так воспользуйтесь услугами "Детоправов"! Мы увезем вашего ребенка и вернем его/ее любящим/ей, покорным/ой, смирным/ой и нетребовательным/ой - и все это без ущерба для его/ее личности, инициативы и агрессивности, помоги нам Бог.

- Звучит чертовски серьезно, - заметила Эльва.

- Забавно, что ты это заметила, - пробормотал Элрой. - Тут внизу так и сказано: "Поверьте - мы чертовски серьезны".

- Это решает дело, - заявила Эльва. - Звони!

Эликсир увезли, и Элрои отпраздновали обретение свободы, позвонив в фирму "Настоящие Друзья на Пороге" и закатив пирушку с Виктором и Викки, Вечериночками.

Все дальше Элрои шли по суровой тропе самосовершенствования. К сожалению, это вызвало конфликт интересов. Мистер Элрой стремился к Высоким Материям при помощи Силы Разума. Эльва все еще искала совершенства в бренной плоти. Начался спор о том, по какому из номеров Справочника звонить. Поскольку оба супруга прошли ускоренные курсы в Фонде совершенного общения, спорщиками оба были искусными. А так как слушать друг друга они еще не научились, то очень действовали друг другу на нервы.

Отношения их разваливались, но в "Починку браков" супруги не звонили из упрямства. Эльва из принципа подверглась негатерапии под интригующим лозунгом "Ненавистью проложим дорогу к счастью". Элрой собрался с мыслями,

исследовал свой внутренний мир при помощи революционной техники Клеточного Самоанализа и понял наконец, в чем загвоздка: жену свою он презирает и хочет ее смерти. Очень просто!

Элрой приступил к действию. Он пролистал Справочник и нашел службу Супружеских Изменений (Саугерти, штат Нью-Йорк). Оттуда приехали и забрали Эльву, и Элрой смог наконец заняться собой вплотную.

Для начала он выяснил, как достигать мгновенного экстаза. Способность эта была до недавнего времени исключительной прерогативой некоторых восточных культов, потому что никто другой не знал нужного телефона. Блаженство - это замечательно, но Элрою пришлось выйти из этого состояния, потому что позвонили "Детоправы" и заявили, что ребенок ремонту не поддается. Что теперь с ним делать? Элрой приказал собрать, что можно, и отправить на склад до особого уведомления.

За это время он смог повысить свой интеллект на два уровня выше гения при помощи "Психокачки Инкорпорейтед", как отмечено в исправленной версии его биографии, публиковавшейся в "Нью-Йорк таймс" с продолжениями.

Позвонили из службы Супружеских Изменений и сказали, что Эльва была старой модели, таких больше не чинят, и настроить ее без серьезной угрозы для механизма невозможно. Элрой отправил ее на хранение вместе со сломанным ребенком.

И, наконец, в триумфальном одиночестве Элрой вернулся к радостным трудам по изгнанию боли из своей жизни. Теперь он достиг немалых успехов и испытывал религиозные видения огромной силы и мощи. Но оставалось нечто неудовлетворительное, хотя что - Элрой не мог понять.

Он просмотрел весь Справочник и не нашел ответа. Похоже было, что этот вопрос ему придется решать самому. Но тут, как по волшебству, отворилась парадная дверь и вошел смуглый улыбчивый человечек в тюрбане, с мудрыми глазами и аурой невообразимой силы. То был Таинственный Гуру, который находит тебя, когда пришло время, и говорит то, что ты должен узнать - если ты подписан на Справочник.

- Это твое эго, - сказал Таинственный Гуру и вышел.

Элроя захлестнуло понимание. Эго! Конечно же! Почему же он об этом сразу не догадался? Очевидно, что его эго было последним якорем, привязывающим его к тусклой и прилипчивой реальности. Его собственное "я"! Эго удерживало его,

постоянно засыпая его своими эгоистичными требованиями и полностью игнорируя высшее благо Элроя!

Элрой открыл Справочник. И там, на последней пустой странице, он обнаружил "Эго-удалителей Лефковица", Нью-Йорк.

Под объявлением имелась приписка: "Главный врач США предупреждает: удаление эго может быть опасно для вашего здоровья".

Джозеф Элрой заколебался, подумал, взвесил все факторы. На мгновение он едва не потерял решимость. Но тут в комнату заглянул Таинственный Гуру и бросил:

"Духовность сейчас идет семь к пяти, и кроме того - тебе-то что терять?" А потом вышел снова.

Элрой набрал на панели нужный номер.

Вскоре в дверь постучали. Элрой отворил, вошли эго-удалители Лефковица.

***

А потом вышли. Осталась только консоль, подмигивала, и ухмылялась, и светила сама себе. А потом исчезла и она, и в комнате остался только бесплотный голос, напевающий "Амаполу".

Роберт ШЕКЛИ

РУКА ПОМОЩИ

В то утро Трэвиса уволили с работы. Да, она была скучной и низкооплачиваемой, но все же служила хоть какой-то зацепкой в жизни. Теперь у него не осталось ничего, и он держал в руке средство, с помощью которого намеревался прервать свое полное отчаяния и унизительное существование. В бутылочке находился быстрый, надежный и не причиняющий боли яд, украденный на предыдущей работе в химической компании, где это вещество использовали как катализатор.

Из-за прежних попыток самоубийства немногие еще остававшиеся приятели считали Трэвиса невротиком, желающим привлечь к себе внимание. Что ж, на этот раз он им покажет, и они пожалеют о своих словах. Может, даже жена выдавит слезинку-другую.

Мысль о жене укрепила решимость Трэвиса. Любовь Леоты со временем превратилась в безразличную терпимость, а потом и в ненависть - острую,

всепоглощающую и едкую, против которой он оказался бессилен. Ужас заключался в том, что сам он любил ее до сих пор.

"Давай, чего тянуть?" - подумал он и, закрыв глаза, поднял бутылочку.

Но не успел он поднести ее ко рту, как она вылетела из его руки.

- Что ты надумал? - услышал он резкий голос Леоты.

- По-моему, это очевидно.

Она с интересом вглядывалась в его лицо. У Леоты, крупной женщины с грубоватым лицом, был дар непрерывно делать кому-либо гадости. Но сейчас ее лицо смягчилось.

- Ты всерьез собирался это сделать, верно?

- И сейчас собираюсь, - ответил Трэвис. - Не сегодня, так завтра или на следующей неделе.

- Никогда не верила, что ты на это решишься. Кое-кто из твоих приятелей полагал, что у тебя хватит смелости, но только не я. Что ж, пожалуй, я и в самом деле превратила несколько лет твоей жизни в ад. Но надо же кому-то принимать решения.

- Мои проблемы уже давным-давно перестали тебя волновать, - заметил Трэвис. - Почему же ты меня остановила?

Леота ответила не сразу. Неужели ее сердце дрогнуло? Трэвис никогда еще не видел жену такой.

- Я неверно тебя оценила, - сказала она наконец. - Всегда считала, что ты блефуешь, лишь бы вывести меня из себя. Помнишь, как ты грозился броситься из окна? Высунулся из него... вот так.

Леота высунулась из окна двадцатого этажа.

- Не делай этого! - крикнул Трэвис.

- Как странно слышать такое от тебя. Только не говори, что я все еще тебе небезразлична.

- Могу и сказать, - произнес Трэвис. - Могу, если... ты и я...

- Возможно, - отозвалась Леота.

В душе Трэвиса вспыхнул огонек надежды, хотя он едва осмеливался его замечать. Женщины всегда такие странные' Вот и сейчас она почему-то улыбается. Крепко взяв мужа за плечи, Леота сказала:

- Я не могу тебе позволить убить себя. Ты даже не представляешь, какие сильные чувства я к тебе испытываю.

Ответить он уже не смог. Он был тронут. Сильные заботливые руки жены тронули его необыкновенно - прямо к распахнутому окну.

Когда его пальцы соскользнули с подоконника и он почувствовал, что падает, Трэвис услышал, как жена кричит ему вслед:

- Достаточно сильные, дорогой, чтобы ты сделал это по-моему!

Роберт ШЕКЛИ

ПАЛЬБА В МАГАЗИНЕ ИГРУШЕК

Встреча произошла в баре клуба "Beaux Arts" <"Изящные искусства" (фр.)> в Кемдене, что в Нью-Джерси. Это было как раз одно из тех чопорных заведений, которых Бакстер, как правило, старательно избегал - абажуры из тиффани <Тиффани-материя, шелковый газ.>, стойка темного полированного дерева, приглушенное освещение. Возможный клиент Бакстера - мистер Арнольд Конаби - уже дожидался его, сидя за столиком в отдельной кабинке. Выглядел Конаби хлипким, лицо имел добродушное, и Бакстер приложил усилия, чтоб его рукопожатие не отличалось особой крепостью. С трудом втиснув свое мощное тело в обитую красной кожей кабинку, Бакстер заказал мартини с водкой, самое сухое, ибо, по его мнению, именно такая выпивка должна была соответствовать подобным заведениям. Однако Конаби тут же обошел его на голову, заказав себе чистую "жемчужинку".

Эта работенка была у Бакстера чуть ли не первой за весь месяц, и он настроился на то, чтобы ни в коем случае не проворонить ее. Его дыхание благоухало, а тяжелые челюсти были щедро припудрены тальком. Костюм из пестрого твида был только что отутюжен и отлично скрывал толстое брюхо своего владельца, а черные полицейские ботинки прямо-таки сверкали. Отлично смотришься, детка. Однако он забыл почистить ногти, и теперь, увидев под ними черноту, Бакстер очень хотел бы спрятать руки под стол, что, правда, помешало бы ему курить. К счастью, Конаби ногти Бакстера мало интересовали. У Конаби была проблема, из-за которой он и устроил эту встречу с частным детективом, который в Справочнике именовал себя сыскным агентством "Акме".

- Кто-то меня обкрадывает, - говорил между тем Конаби. - Но я не знаю, кто именно.

- Ознакомьте меня с деталями, пожалуйста, - отозвался Бакстер. Голос был его лучшим достоинством - глубокий мужественный тягучий голос, как раз такой, какой должен быть у частного сыщика.

- Мой магазин находится в торговой зоне Южного Кемдена, - сказал Конаби. - "Игрушки Конаби для детей любых возрастов". Мы даже начали приобретать международную известность.

- Точно, - ответил Бакстер, до сих пор и слыхом не слыхавший о заведении

Конаби.

- Все неприятности начались недели две назад, - продолжал Конаби. - Я тогда только что закончил экспериментальный экземпляр куклы - самой лучшей куклы такого сорта в мире. В этом экземпляре используются новая система световолоконных цепей и синтетическая белковая память, в тысячу раз превышающая по объему память прежних моделей. В первую же ночь после того, как ее выставили в витрине, куклу украли. Одновременно исчезли и кое-какие инструменты, а также некоторое количество драгоценных металлов. И с тех пор что-нибудь крадут почти каждую ночь.

- Следов взлома нет?

- С замками никто не баловался. И вор, по-видимому, отлично знает, где лежат вещи, которые стоит украсть.

Бакстер покряхтел, а Конаби сказал:

- Похоже, что ворует кто-то из своих. Но я в это не могу поверить. У меня всего четверо служащих, и только один из них работает у меня шесть лет. Остальные - больше. Я привык верить им безоговорочно.

- Тогда, похоже, вы сами сперли барахлишко, - отозвался Бакстер, подмигнув. - Ведь кто-то должен был его увести, верно?

Конаби оскорбление выпрямился, поглядел на Бакстера с удивлением, а затем рассмеялся.

- Очень хотел бы, чтоб так оно и было, - сказал он. - Мои служащие - мои друзья.

- Черта с два, - буркнул Бакстер. - Любой из нас с радостью урвет кусок у своего босса, особенно ежели безнаказанно.

Конаби опять бросил на него удивленный взгляд, и Бакстер понял, что сказал нечто столь неджентльменское, что его семьдесят пять баксов могут за здорово живешь улетучиться. Он заставил себя поостыть и произнести глубоким компетентным, не терпящим шуток голосом:

- Я мог бы сегодня провести ночь в вашем магазине, мистер Конаби. Вам следует избавиться от этих неприятностей раз и навсегда.

- Да, - ответил Конаби. - Это действительно неприятности. И дело тут вовсе не в денежных потерях, а... - Он оставил фразу неоконченной. - Как раз сегодня мы получили из Германии партию золотой филиграни на сумму 800 долларов. Запасной ключ я захватил с собой.

Бакстер сел в автобус в центре и доехал до площади Суда. У него еще оставалось около трех часов до того, как он сядет в засаду в магазине Конаби. Его так и подмывало потребовать задаток, но, подумав, он решил с

этим не связываться. Жадность никогда не окупается, а эта работа могла стать началом нового этапа в его карьере. На улице он увидел Долговязого Джонса, подпирающего фонарь напротив фонтана и "Клинтона". Долговязый был высокий тощий негр, носивший белый полотняный костюм в обтяжку, белые мокасины, а на голове рыжевато-коричневый стетсон.

- Привет, детка.

- И тебе того же, - кисло отозвался Бакстер.

- Хлебушка моему боссу притаранил?

- Я ж сказал Динни, что в понедельник.

- А он велел напомнить тебе - уж очень ему неохота, чтоб ты запамятовал.

- Сказано в понедельник, - буркнул Бакстер и пошел своей дорогой.

Речь шла о жалкой сотне баксов, которую он задолжал Динни Уэллсу - боссу Долговязого. Бакстеру претило то, что об этом ему нахально напоминают, да еще с помощью этого наглого подонка в костюме цвета сливочного мороженого. Впрочем, изменить ситуацию он сейчас все равно не мог.

В винном магазине Клинтона, где цены были снижены, Бакстер спросил бутылку хэйговского Забористого, чтоб отметить новую работу, но у приказчика Терри Тсрнера хватило нахальства заявить:

- Хм... Чарли, боюсь, я себе такого больше не могу позволить.

- Какого черта ты тут болтаешь? - грозно спросил Бакстер.

- Дело не во мне, - сказал Терри. - Ты же знаешь, я тут только работаю. Это все мадам Чедник. Она не велела отпускать тебе в кредит.

- Ладно, возьми из этого, - сказал Бакстер, протягивая последнюю двадцатку.

Тернер пробил чек, а потом промямлил:

- Но твой счет...

- А это я уж улажу с самой мадам Чедник, ты только не забудь передать ей об этом.

- Что ж, ладно, Чарли, - Тернер отдал ему сдачу, - но у тебя будут большие неприятности.

Они поглядели друг на друга. Бакстер знал, что Тернер - совладелец "Клинтона" и что он и мадам Чедник вместе решили отказать ему в кредите. И Тернер прекрасно знал, что Бакстеру это известно. Подонок!

Следующей остановкой были меблирашки на Ривер-роуд Экстешн, которые он называл своим домом. Бакстер поднялся по лестнице и оказался в сумрачной тоске своей гостиной. Маленький черно-белый телевизор слабо светился в углу. Бетси была в спальне, где упаковывала чемодан. Глаз у нее здорово заплыл.

- Разрешите узнать, куда это вы намылились? - мрачно спросил Бакстер.

- Буду жить у своего брата.

- Забудь, - распорядился Бакстер. - У нас с тобой просто вышел спор.

Она продолжала укладываться.

- Останешься тут! - приказал Бакстер. Он отпихнул Бетси и тщательно обыскал чемодан. Там он обнаружил свои ониксовые запонки, заколку для галстука с золотым самородком, несколько облигаций серии Е, и будь он проклят, если она не сперла его "смит и вессон" 38-го калибра.

- А вот сейчас ты получишь то, что тебе причитается, - сказал он Бетси.

Она бесстрашно встретила его взгляд.

- Чарли, я тебя предупреждаю, чтоб ты ко мне и пальцем притронуться не смел, если не хочешь больших неприятностей.

Бакстер шагнул к ней - огромный и внушительный в своем отглаженном костюме. И вдруг неожиданно вспомнил, что ее братец Эймос работает в офисе окружного прокурора. А что, если Бетси накапает на него братцу? Рисковать, выясняя, что тогда произойдет, Бакстер не мог, хотя она и опостылела ему до чертиков.

И как раз в эту минуту звонок прозвонил три раза - так звонил Мак-Горти, а он и Бакстер поставили по десять баксов на сегодняшний номер. Бакстер открыл дверь, но там оказался вовсе не Мак-Горти, а крошечная китаянка, раздававшая какие-то религиозные буклеты. Она не пожелала заткнуться и убраться подальше, даже когда Бакстер вежливо попросил ее это сделать. Просто вцепилась в него, и Бакстера вдруг охватило страстное желание спустить ее с лестницы вместе с сумкой этих дурацких трактатов.

В это-то мгновение Бетси и просочилась мимо него. За эти считанные секунды она умудрилась уложить чемодан и проскочить мимо Бакстера с такой быстротой, что Бакстер просто не успел опомниться. Наконец он с трудом разделался с китайской леди и налил себе стакан виски. Затем вспомнил про облигации, огляделся, но эта чертовка Бетси вымела все подчистую, включая заколку для галстука с самородком. "Смит и вессон" валялся на кровати, прикрытый складкой одеяла; Бакстер сунул его в карман и налил себе еще виски.

У Шемрока Бакстер поел "особых колбасок", а в "Белой розе" выпил пива, добавив к нему стопку виски, после чего направился в торговую зону Южного Кемдена, попав туда почти к самому закрытию.

Сидя в закусочной, где он заказал чашку кофе, Бакстер наблюдал, как ровно в 7.30 Конаби и его служащие покинули магазин. Спустя полчаса он тихонько открыл магазинную дверь и вошел внутрь.

Внутри было темно, и Бакстеру пришлось постоять некоторое время, привыкая к помещению. Он слышал, как вокруг на разные голоса тикает множество часовых механизмов; как раздался высокий звук, напомнивший ему стрекотание сверчка, а потом еще какие-то шумы, определить которые Бакстер не смог. Он долго прислушивался, затем вынул фонарик и стал осматриваться. Фонарик высветил удивительные вещи: модель биплана "Спад" с десятифутовым размахом крыльев, свисавшую с потолка с таким наклоном, будто она пикирует; огромного пластмассового жука - прямо под ногами; модель танка "Центурион" длиной футов в пять. Бакстер стоял во тьме среди неподвижных игрушек, за которыми виднелись контуры больших кукол, мишек и собачек, а в сторонке - молчаливые джунгли, сделанные из какого-то тонкого блестящего металла.

Странное было местечко, но Бакстера так легко не запугаешь. Он неплохо подготовился к долгой ночной засаде. Нашел груду подушек, разложил их на полу, отыскал пепельницу, снял пальто и улегся. Затем сел, достал из одного кармана изрядно помятый бутерброд в целлофане, а из другого - банку пива. Закурил сигарету, лег на спину и продолжал жевать, пить и курить на фоне звуков, слишком тихих, чтоб их можно было определить. Какие-то часы пробили время, к ним присоединились другие, и так продолжалось довольно долго.

Внезапно Бакстер сел. Он понял, что задремал. Впрочем, казалось, что ничто не изменилось. Дверь никто не открывал, мимо него никто не проходил, а вот света явно прибавилось.

Где-то неярко вспыхнул прожектор, и тихо-тихо, будто из непомерной дали, донеслись призрачные звуки органной музыки. Бакстер помассировал нос и встал. За левым плечом что-то шевельнулось, он направил туда луч своего фонарика. Там стояла кукла в человеческий рост, изображающая Длинного Джона Силвера. Бакстер нервно хихикнул.

Загорелись новые лампы, а прожектор осветил группу из трех больших кукол, сидевших за столом в углу комнаты. Кукла-папа курил трубку, выпуская клубы настоящего дыма, кукла-мама вязала шаль, а кукла-дитя ползало по полу и гукало.

Затем перед Бакстером появилась компания танцующих кукол. Там были пляшущие башмачники, крошечные балерины и миниатюрный лев, который ревел и встряхивал гривой. Ожили металлические джунгли, большие механические орхидеи

раскрывали и сжимали свои лепестки. Была там и белка, мигающая золотистыми глазами: она грызла серебряные орехи и глотала их. Органная музыка становилась все громче и прекрасней. Белые пушистые голуби сели на плечи Бакстера, а ясноглазый олененок лизнул ему руку. Кругом танцевали игрушки, и внезапно Бакстер на мгновение почувствовал себя в своем дивном, давно потерянном детстве. И тут послышался женский смех.

- Кто здесь? - крикнул он.

Освещенная прожекторами, она выступила вперед. Это была Дороти из страны Оз, это была Белоснежка, это была Гретель, это была Елена Прекрасная, это была Рапунцель <Дороти из страны Оз, Белоснежка, Гретель, Рапунцель - персонажи сказок Ф. Баума, Шарля Перро и братьев Гримм.>. Изящнейшая фигурка, рост почти пять футов, личико эльфа обрамляют шелковистые светлые волосы. Легкость и изящество фигуры нисколько не портил красивый белый переключатель, укрепленный на талии с помощью этой ленты.

- Ты - пропавшая кукла! - вскрикнул Бакстер.

- Значит, вы слышали обо мне? - ответила она. - Мне хотелось бы иметь чуточку больше времени, чтобы включить и другие игрушки. Впрочем, это не так уж и важно.

Бакстер не мог отвечать - так и застыл с открытым ртом. А она между тем продолжала:

- В ночь, когда Конаби собрал меня, я обнаружила, что наделена даром жизни. Я была чем-то гораздо большим, чем простой автомат, - я жила, думала, желала. Но я была еще не полностью завершена. Тогда я спряталась в вентиляционной шахте и стала красть материалы, которые сделали меня такой, какой вы меня видите. А еще я создала вот эту волшебную страну - для моего творца. Как вы думаете, он будет мной гордиться?

- Как ты прекрасна, - наконец выдавил из себя Бакстер.

- Вы думаете, я понравлюсь мистеру Конаби?

- Забудь о Конаби! - рявкнул Бакстер.

- Что вы хотите этим сказать?

- Это чистое безумие, - бормотал Бакстер, - но я не могу жить без тебя. Давай смоемся отсюда и что-нибудь придумаем. Я сделаю тебя счастливой, детка, клянусь, сделаю!

- Никогда! - ответила она. - Конаби создал меня, и я принадлежу только ему.

- Ты пойдешь со мной! - стоял на своем Бакстер. Он схватил ее за руку, но кукла стала вырываться. Бакстер дернул ее к себе, и рука оторвалась и

осталась у него в кулаке. Разинув рот, он таращился на оторванную руку, а потом отшвырнул ее прочь.

- Будь ты проклята! - заорал он. - Иди сюда! Кукла бросилась прочь. Бакстер выхватил свой "смит и вессон" и кинулся за ней. Органная музыка завывала как безумная, огни мигали. Он увидел куклу, прячущуюся за стенкой из огромных кубиков с буквами алфавита. Рванулся к ней. И тут игрушки атаковали его со всех сторон.

Пришел в движение танк. Он двинулся вперед тяжело и медленно. Бакстер всадил в него две пули, отшвырнул танк к стене. Затем увидел, что "Спад" атакует сверху, и влепил в него заряд, размазавший того по стенке как огромную бабочку. Взвод маленьких механических солдатиков дал по бакстеру залп пробковыми пулями, но тот расшвырял солдат ударом ноги. Длинный Джон Сил-вер сделал выпад, его тесак ткнулся в грудь Бакстеру, но тесак был резиновый, и Бакстер отпихнул пирата. Затем он загнал куклу в угол, где она пыталась схорониться за спины Панча и Джуди <Панч и Джуди - персонажи народного театра кукол, вроде русских Петрушки и его жены.>.

Кукла прошептала:

- Пожалуйста, не делайте мне больно...

- Иди со мной! - орал Бакстер.

Она отрицательно качнула головой и попыталась ускользнуть. Он схватил ее, когда она пробегала мимо, схватил прямо за золотые волосы. Кукла упала, и он услышал треск, когда ее голова описала полный немыслимый круг, так что тело куклы повернулось к Бакстеру спиной, тогда как голубые прекрасные глаза продолжали не отрываясь смотреть на него.

- Никогда... - прошептала она.

В судороге злобы и отвращения Бакстер рванул голову к себе. Она осталась у него в руках. В обрывке шеи виднелись кусочки стекла, поблескивающие на серой матрице.

Куклы - папа, мама и дитя - замерли на середине незаконченных движений. Рухнул на пол Джон Силвер. Глаза разбитой куклы трижды мигнули. Затем она умерла.

Игрушки остановились. Умолкла органная музыка, погасли прожектора, последний цветок в джунглях с железным лязгом упал на пол. Во тьме толстый рыдающий мужчина рухнул на колени возле изуродованной куклы, - думая о том, что же он скажет мистеру Конаби сегодня утром.

Роберт ШЕКЛИ

БОЛОТО

Эду Скотту хватило одного взгляда на бледное от ужаса лицо мальчишки, чтобы понять - случилось что-то страшное.

- В чем дело, Томми? - спросил он.

- Это Пол Барлоу! - вскрикнул мальчик. - Мы с парнями играли на восточном болоте... и... и он тонет, сэр!

Скотт понял, что нельзя терять времени. Только за последний год в предательских топях восточного болота погибли двое. Опасное место обнесли забором, детишкам строго запретили там появляться, но они продолжали играть на болоте. Скотт подхватил в гараже моток веревки и побежал.

Через десять минут он изрядно углубился в болото. На заросшем травой берегу топи стояло шестеро мальчишек, а в двадцати футах за ними, посреди гладкой, изжелта-серой площадки, находился Пол Барлоу. Он уже до пояса ушел в податливый зыбучий песок и продолжал погружаться. Он отчаянно размахивал руками, а песок затягивал его все глубже. Похоже было, что парень решил пробежать по болоту на спор. Разматывая веревку, Эд Скотт раздумывал, почему эти ребятишки ведут себя так убийственно глупо.

Он швырнул конец веревки, и шестеро мальчишек зачарованно наблюдали, как тот опускается точно в руки Пола. Но песок доходил тонущему уже до середины груди, и у Пола не хватило сил удержать веревку.

Оставались считанные секунды. Скотт обмотал пень веревкой, схватился за нее и бросился к визжащему от ужаса мальчишке. Песок колебался, цеплял за ноги. "Интересно, - подумал Скотт, - а хватит ли у меня сил вытащить на берег и себя, и парня?" Но прежде надо успеть доползти до Пола.

До погрузившегося в песок по шею мальчика оставалось всего пять футов. Крепко держась за веревку, Скотт сделал еще шаг, погружаясь почти до пояса, скрипнув зубами, потянулся к мальчику - и тут натянутая веревка провисла. Скотт дернулся, пытаясь вырваться, а болото засасывало его, покрыло грудь, шею, заполнило распахнутый в крике рот и сомкнулось наконец над макушкой...

На берегу один из мальчишек защелкнул перочинный нож, которым перерезал веревку. Малыш Пол Барлоу осторожно встал на деревянной платформе, которую они с парнями затопили у берега и тщательно проверили. Нащупывая каждый шаг, Пол выбрался из песка, обошел опасное место и присоединился к товарищам.

- Превосходно, Пол, - сказал Томми. - Ты довел взрослого до смерти и потому становишься действительным членом Клуба Губителей.

- Благодарю, господин президент, - ответил Пол, и все захлопали в ладоши.

- Одно замечание, - добавил Томми. - В будущем, пожалуйста, не переигрывай. Излишне громкий визг звучит, знаешь ли, неубедительно.

- Буду стараться, господин президент, - ответил Пол. Тем временем наступил вечер. Пол и его товарищи поспешили домой ужинать. Мама Пола с одобрением глянула на порозовевшие щеки сына: игры с приятелями на свежем воздухе определенно шли ему на пользу. Но, как и любой мальчишка, с прогулки он являлся перемазанным с головы до пят - и с грязными руками.

Роберт ШЕКЛИ

НА ПЯТЬ МИНУТ РАНЬШЕ

Джон Грир внезапно обнаружил, что стоит перед входом на небеса. Вокруг простиралась белая и лазурная облачная твердь, а в отдалении виднелся сказочный город, блиставший золотом под лучами вечного солнца. Прямо перед Гриром высилась фигура ангела-регистратора. Как ни странно, потрясения Грир не испытывал. Он всегда верил, что небеса существуют для всех, а не только для приверженцев какой-нибудь избранной религии или секты, но, несмотря на это, всю жизнь терзался сомнениями. Теперь он мог лишь улыбнуться, вспомнив о своем неверии в божественные предначертания.

- Добро пожаловать на небеса, - приветствовал его ангел и раскрыл толстую книгу в бронзовом переплете. Прищурившись, он уставился на страницы сквозь толстые бифокальные очки и провел пальцем вдоль колонок с именами. Найдя имя Грира, он замялся. Кончики его крыльев взволнованно дрогнули.

- Какая-то ошибка? - спросил Грир.

- Боюсь, что да, - подтвердил ангел-регистратор. - Кажется, ангел смерти прибыл за вами раньше назначенного срока. Правда, в последнее время у него было очень много работы, но тем не менее это не оправдание. К счастью, он ошибся совсем ненамного.

- Меня забрали раньше срока? - уточнил Грир. - Я не назвал бы это мелкой ошибкой.

- Видите ли, речь идет всего о пяти минутах. Стоит ли из-за них расстраиваться? Так, может, не станем обращать внимание на эту оплошность и

отправим вас в Вечный Город?

Ангел-регистратор был, несомненно, прав. Что изменилось бы, пробудь Грир на Земле лишние пять минут? Но все же он чувствовал, что эти пять минут могли бы оказаться важными, хотя и сам не понимал, откуда возникло такое ощущение.

- Я предпочел бы получить свои пять минут обратно, - решил Грир.

Ангел посмотрел на него с сочувствием:

- Разумеется, у вас есть на это право. Но я не советовал бы вам им воспользоваться. Вы помните обстоятельства своей смерти?

Грир задумался, потом покачал головой.

- Как это произошло? - спросил он.

- Мне не позволено об этом говорить. Но смерть никогда не бывает приятной. Вы уже здесь. Почему бы вам не остаться с нами?

Разумно. Но Грира продолжало мучить ощущение какой-то незавершенности.

- Если это разрешается, - произнес он, - я действительно хотел бы получить обратно свои пять минут.

- Тогда отправляйтесь, - сказал ангел. - Я подожду вас здесь.

И Грир внезапно оказался на Земле. Он находился в металлическом помещении цилиндрической формы, тускло освещенном мерцающими лампочками. В спертом воздухе сильно пахло паром и машинным маслом. Стальные стены гнулись и трещали, в щели сочилась вода.

И тут Грир вспомнил, где находится. Он командовал торпедной частью на американской подводной лодке. У них отказал сонар, они только что ударились о подводную скалу, которой, судя по карте, полагалось находиться в миле отсюда, и теперь беспомощно падали в толщу черных вод. Лодка уже опустилась ниже предельно допустимой глубины, и через считанные минуты быстро нарастающее давление расплющит ее корпус. Грир знал, что это произойдет ровно через пять минут.

Никто не поддался панике. Прислонившись к прогибающимся стенам, моряки ждали конца, но каждый держал себя в руках. Техники остались на своих постах, молча вглядываясь в показания приборов, не оставляющих даже крохотной надежды на спасение. Грир понял, что ангел-регистратор хотел избавить его именно от этого - горького и страшного конца, короткой и мучительной смерти в ледяном мраке.

И все же Грир был рад, что оказался здесь, хотя вряд ли ангел сумел бы его понять. Как может небесное существо понять чувства смертного человека? В конце концов, большинство людей умирают в страхе и неведении, ожидая в

худшем случае адских мук, а в лучшем - пустоты забвения. А Грир знал, что ждет впереди и кто встретит его у входа на небеса, поэтому смог посвятить свои последние минуты достойному прощанию с Землей. Пока корпус лодки сопротивлялся давлению, он вспоминал закат над Ки-Уэстом, короткую и яростную грозу в Чесапике, медленное кружение ястреба над Эверглейдсом. И хотя всего через несколько секунд его ждали небеса, Грир думал о красотах Земли и старался вспомнить их как можно больше, словно человек, собирающий припасы для долгого путешествия в незнакомую страну.

Роберт Шекли.
Мир его стемлений

Журнал "Вокруг света". Сокр.пер. - П.Касьян.
OCR & spellcheck by HarryFan, 9 August 2000

Мистер Уэйн дошел до конца насыпи и увидел магазин миров. Он выглядел в точности так, как его описывали знающие люди. Уэйн обернулся, внимательно оглядев тропинку. За ним никто не следил. Он покрепче прижал к себе сверток, затем, несколько испуганный собственной отвагой, отворил дверь и проскользнул внутрь.

- Добрый день! - приветствовал Уэйна хозяин. Звали его Томпкинс.

- Я узнал о вашем магазине от приятелей, - сказал Уэйн.

- Значит, цена вам известна, - отозвался Томпкинс.

- Да, - ответил Уэйн, показывая сверток, - Здесь все мое состояние. Но сначала я хотел бы знать, как все происходит на самом деле.

- Очень просто, - вздохнул Томпкинс. - Я сделаю вам укол, после которого вы заснете, а затем освобожу ваше сознание.

- А потом? - спросил Уэйн.

- Ваше свободное от пут тела сознание сможет выбрать любой из бесчисленного множества миров, которые Земля отбрасывает в каждое мгновение своего существования. Ваше сознание будет руководствоваться в этом выборе исключительно своими сокровенными надеждами, даже самыми затаенными, о которых и сами не догадываетесь.

- Но как я узнаю, что все это происходит на самом деле? - Уэйн кивнул на сверток, - Вдруг вы сделаете мне просто укол, после которого я буду

видеть обычные сны.

Томпкинс усмехнулся успокаивающе.

- Все, что вам предстоит пережить, не имеет ничего общего ни с галлюцинациями наркомана, ни со сном...

- Но цена, - размышлял вслух Уэйн, прижимая к себе сверток. - Я должен подумать.

- Думайте, - безразлично произнес Томпкинс.

Но как только он переступил порог своего дома, его захватили другие мысли. Жаннет, его жена, потребовала, чтобы Уэйн отругал служанку, которая снова напилась. Его сын Томми просил помочь ему достроить лодку, которую он завтра собирается спустить на воду, а дочурка хотела ему что-то рассказать.

Мистер Уэйн отчитал служанку спокойно, но решительно. Помог сыну покрасить лодку и выслушал рассказ Пэгги о ее приключениях в детском саду.

Позже, когда дети уже спали, а они с Жаннет сидели вдвоем в гостиной, жена спросила, не случилось ли чего с ним.

- А что могло случиться?

- Ты выглядишь таким усталым. У тебя были неприятности на службе?

...Следующий день выдался исключительно напряженным. На Уолл-стрите царило беспокойство в связи с событиями в Азии и на Ближнем Востоке - Уэйн погряз в работе. Ему некогда было думать об исполнении желаний. Причем такой ценой!

Наступила осень, и Пэгги заболела корью. Томми требовал, чтобы папа объяснил разницу между бомбами обычными, атомными, водородными, кобальтовыми и другими, о которых так много говорят.

Тайные стремления в нем вели себя прилично. Вполне возможно, что самые затаенные из них хотели кого-нибудь прихлопнуть или пожить на южных островах, но сам он должен был помнить о своих обязанностях. У него было двое детей и лучшая из жен.

Может быть, ближе к рождеству...

- Ну как? - спросил Томпкинс. - Как себя чувствуете?

- Да, спасибо, - ответил Уэйн, поднимаясь с кресла.

- Вы можете потребовать, чтобы я возвратил вам плату, если что не так...

- Нет. Пережитое меня вполне удовлетворило.

Уэйн развернул свой сверток. Там была пара солдатских башмаков, нож, два мотка медной проволоки и три клубочка шерсти.

Глаза Томпкинса заблестели.

- О! Этого более чем достаточно! Спасибо.

- Это вам спасибо, - произнес Уэйн. - До свидания.

Уэйн вышел из магазина и побрел среди руин. Они тянулись насколько хватал глаз. Коричневые, черные, серые. Скелеты домов, обгорелые огрызки деревьев... Уэйн осторожно пробирался среди руин, зная, что должен добраться к убежищу до наступления темноты, когда улицами завладеют крысы. Кроме того, если не поторопиться, то можно лишиться утренней порции картофеля.

Роберт Шекли.
Универсальный кармический банк

Журнал "Если". Пер. - А.Новиков.
OCR & spellcheck by HarryFan, 26 July 2000

Гарри Циммерман работал редактором по рекламе в нью-йоркской фирме "Баттен и Финч". Однажды, вернувшись с работы домой, он обнаружил на маленьком столике посреди комнаты белый конверт без всяких надписей. Гарри удивился. Он не доставал этого конверта из почтового ящика, и никто, в том числе и управляющий домом, в котором жил Гарри, не имел ключей ко всем замкам в его квартире. Конверт просто-напросто никак не мог попасть в эту комнату. Тогда как он здесь очутился? Наконец Циммерман решил, что, должно быть, сам принес конверт со вчерашней почтой, только забыл вскрыть. Не то чтобы он этому верил, но иногда неуклюжее объяснение лучше, чем вообще никакого.

В конверте оказалась прямоугольная карточка из глянцевого пластика с надписью: "ГОСТЕВОЙ ПРОПУСК В КАРМИЧЕСКИЙ БАНК. ДЕЙСТВИТЕЛЕН НА ОДИН ЧАС". В углу карточки был напечатан квадратик.

Поразмыслив, Циммерман взял карандаш, перечеркнул квадратик и...

...Внезапно, ничего даже не успев почувствовать, очутился перед строгим деловым зданием из серого камня, одиноко стоявшим посреди зеленой лужайки. Над распахнутыми настежь огромными бронзовыми воротами в граните было высечено: "КАРМИЧЕСКИЙ БАНК".

Циммерман подождал в надежде, что кто-нибудь выйдет и подскажет, что ему делать дальше, но никто не появлялся. Тогда он вошел внутрь.

И увидел несчетные ряды столов. Служащие просматривали горы документов,

делали записи в толстых книгах, а потом добавляли очередной документ к стопке уже просмотренных, то есть отправляли в проволочные корзины, имевшиеся возле каждого стола. Посыльные периодически освобождали корзины и приносили новые стопки бумаг.

Циммерман направился к одному из столов. И тут из корзины вывалился и скользнул на пол какой-то документ.

Гарри поднял его и пригляделся. На карточке, изготовленной из мерцающего прозрачного материала, был яркими красками изображен объемный ландшафт с крошечными фигурками. Стоило слегка тряхнуть карточкой, как пейзаж менялся. Циммерман увидел городскую улицу, потом корабль на реке, затем озеро на фоне подернутых дымкой голубых гор. Из корзины между тем выпали другие картинки: слоны, пересекающие широкую пыльную долину, беседующие на перекрестке улиц люди, пустынный пляж с чахлыми пальмами.

- Осторожно! - воскликнул клерк, выхватывая карточку из рук Гарри.

- Я не намеревался ее испортить, - заметил Циммерман.

- Я волнуюсь не за карточку, а за вас. Если ее повернуть не так, картинка затянет вас в себя. Тогда нам придется немало потрудиться, вытаскивая вас обратно.

Выглядел клерк достаточно приветливо: немного взлохмаченный мужчина средних лет, в светло-сером пиджаке, тщательно отутюженных брюках и лакированных черных туфлях.

- А что это за штуки? - спросил Циммерман, указывая на стопку карточек.

- Вижу, вы еще никогда не бывали в нашей реальности. Это многомерные счета - нечто вроде мгновенных космических расчетных листков. Каждый из них содержит запись о текущем кармическом статусе планеты. Вычтя плохую карму, мы обращаем остаток в Интраверсальные Единицы Счастья по текущему обменному курсу и переводим ИЕС на счет планеты, выдавая их по требованию владельца. По сути, это ничем не отличается от обычной банковской системы, разве только вместо денег используются ИЕС.

- Вы хотите сказать, что люди могут, когда им потребуется, снимать со своего счета нужное количество счастья?

- Совершенно верно. Правда, есть одно отличие: мы не заводим личных счетов. Они исключительно планетарные.

- И что, все планеты, на которых есть разумная жизнь, имеют у вас счета?

- Да. Едва у обитателей планеты развивается как минимум абстрактное

мышление, мы открываем для них счет. Позднее они могут им воспользоваться, если попадают в полосу невезения. Скажем, вспыхивают эпидемии, без особых причин начинаются войны, одолевает исключительно упорная засуха или голод. Такое случается на любой планете, однако, если запас счастья достаточно велик, с невезением обычно можно справиться. Только не спрашивайте меня, как это происходит. Я банкир, а не инженер. И, если немного повезет, даже банкиром пробуду не очень долго.

- Уходите из банка?

- И не только из банка - из данной реальности. Уровень, на котором расположен Кармический банк, весьма невелик по размерам. Тут есть только одно здание на лужайке, втиснутой в крохотное ничто. Нам всем доплачивают за сложные условия труда, но я решил, что накопил уже достаточно.

- И куда вы отправитесь?

- О, можно выбирать среди множества реальностей. Я себе подобрал одну симпатичную по каталогу и рассчитываю с моей пенсией и ИЕС-счетом жить припеваючи до конца своих дней. Знаете, одно из великих достоинств работы во "Всеобщих технократах" - личные ИЕС-счета. Должен также признать, что кафе здесь тоже неплохое, а в кино показывают самые новые фильмы.

Циммерман вздрогнул, когда у него в кармане что-то зазвенело. Он извлек свой гостевой пропуск; тот яростно трезвонил. Клерк сжал пальцами уголок пропуска, и звон тут же прекратился.

- Сигнал означает, что ваше время кончается, - пояснил клерк. - Приятно было побеседовать. У нас не очень-то часто бывают посетители с ваших уровней. В нашей реальности даже гостиницы нет.

- Минуточку. А у вас тут есть счет Земли?

- Да, в банке, вместе со счетами остальных планет. С него еще никто ничего не снимал.

- Что ж, для этого я и прибыл, - сказал Гарри. - Я полномочный представитель Земли. В противном случае меня бы здесь не было. Верно?

Клерк кивнул. Он уже не выглядел таким счастливым.

- Я хочу снять со счета некоторое количество счастья. Для Земли, разумеется, а не для себя лично. Не знаю, давно ли вы проверяли состояние наших дел, но на планете накопилось немало проблем. С каждым годом у нас все больше войн, загрязнения среды, голода, наводнений, тайфунов, необъяснимых аварий и тому подобного. Кое-кто на Земле начинает нервничать. Сейчас нам счастье очень даже не помешает.

- Я так и знал, что в один прекрасный день с Земли кто-нибудь да заявится, - пробормотал клерк. - Этого-то я и опасался.

- В чем дело? Вы сами говорили, что счет Земли в банке имеется.

- Счет-то есть. Только он пуст.

- Но как такое могло произойти? - потребовал ответа Циммерман.

Клерк пожал плечами.

- Вы сами знаете принципы работы банков. Нам нужно иметь прибыль.

- А какое это имеет отношение к счастью Земли?

- Мы его ссудили под проценты.

- Вы ссудили наше счастье?

Клерк кивнул.

- Ассоциации цивилизаций Малого Магелланова Облака. Риск первого класса.

- Что ж, - сказал Циммерман, - значит вы отзовете ссуду.

- Мне неприятно вам об этом сообщать, но придется. Несмотря на свою Весьма высокую кредитоспособность, Ассоциация цивилизаций ММО недавно провалилась в черную дыру. Понимаете, возникла пространственно-временная аномалия. Со всяким может случиться.

- Да, беднягам не повезло, - согласился Циммерман. - Но что с нашим счастьем?

- Вернуть его уже невозможно. Оно провалилось за горизонт событий вместе с прочими ценностями ассоциации.

- Вы потеряли наше счастье!

- Не волнуйтесь, ваша планета обязательно накопит новое. Мне очень жаль, но здесь я бессилен вам помочь.

Печальная улыбка клерка и его взлохмаченная голова начали растворяться. Все вокруг замерцало, потускнело. Циммерман понял, что возвращается в Нью-Йорк. И это ему совсем не понравилось. Надо же, он первым из людей сумел оказаться в другой реальности, можно сказать, стал галактическим Колумбом, - и что он ответит людям после возвращения? Мол, извините, братцы, но ваше счастье ухнуло в черную дыру?

Да если он принесет весть о столь космическом невезении, его имя на века станет проклятием. Люди станут говорить, указывая на человека, сообщившего всем о сокрушительном несчастье: "Вот идет Циммерман!"

Так нечестно. Он не может допустить, чтобы дурная слава последовала за ним в вечность. Нужно что-то предпринять, и срочно.

Но что?

И этот миг, когда он был наполовину там, наполовину здесь, стал для Гарри Циммермана моментом принятия решения. Тем самым случаем, когда необходимость, обычно не проявляющая ни к кому благосклонности, неожиданно становится матерью изобретений.

Циммермана внезапно озарило.

- Подождите! - крикнул он клерку. - Нам надо поговорить!
- Послушайте, я ведь уже сказал, что очень извиняюсь.
- Забудьте об извинениях. У меня деловое предложение.
Клерк махнул рукой. Мерцание прекратилось.
- И какое же?
- Заем.
- Заем счастья?
- Разумеется. И крупный. Такой, чтобы нам хватило выпутаться из всех неприятностей.
- Дорогой сэр, почему же вы с этого не начали? Наш бизнес - давать счастье взаймы. Идите со мной.
И Гарри отправился за клерком.
Подобно Колумбу, возвратившему испанскому королю и королеве взятые взаймы золото и жемчуг, Гарри Циммерман, наш невольный представитель, вернулся в Кармический банк и оформил договор о займе счастья, в котором мы, жители Земли, так отчаянно нуждались. Вот в чем истинная причина нашего нынешнего процветания и благополучия в прекрасном двадцать первом столетии. Разумеется, процент по займу был выставлен немалый: Кармический банк ссужает счастье не за красивые глазки. Так что если мы не отыщем способ в ближайшем будущем вернуть заем, нам останется только одно - спрятаться в черной дыре, подобно Ассоциации цивилизаций ММО. Да, это крайнее средство, но уж лучше ухнуть в черную дыру, чем навсегда распрощаться со своей планетой.

Роберт Шекли.
Идеальная женщина

Robert Sheckly. The Perfect Woman.
OCR & spellcheck by HarryFan, 18 August 2000

Мистер Морчек пробудился с ощущением какого-то кисловатого привкуса во рту. Последнее, что он помнил со вчерашней вечеринки, устроенной Триад-Морганом, был раскатистый смех Джорджа Оуэн-Кларка. Ах какая была вечеринка! Жители всей Земли праздновали начало нового тысячелетия. Наступил 3000-й год! Всеобщий мир и благоденствие, счастливая жизнь...
- Вы счастливы? - с хитрой улыбкой спросил Оуэн-Кларк, слегка

пошатываясь от принятого. - Я имею в виду, счастливы ли вы со своей милой женушкой?

Какая бестактность! Все знали, что Оуэн-Кларк был сторонником примитивизма, но это еще не давало ему права сосаться в чужие дела. Только потому, что сам Оуэн-Кларк женат на обычной женщине, которых теперь называют Примитивными?

- Я люблю свою жену, - с достоинством отвечал Морчек. - Она намного нежнее и заботливее, чем та неврастеничка, которую вы называете своей женой.

Но, конечно, примитивистов трудно пронять: у них толстая шкура. Примитивисты любят недостатки своих жен больше, чем их достоинства, - они просто обожающих капризы.

Улыбка Оуэн-Кларка сделалась еще загадочнее, и он сказал:

- Знаете, старина Морчек, мне кажется, что ваша жена нуждается в диспансеризации. Вы обращали в последнее время внимание на ее рефлексы?

Непроходимый идиот! Припомнив весь этот разговор, мистер Морчек встал с постели, жмурясь от яркого утреннего солнца, которое пробивалось сквозь шторы. Мирины рефлексы, черт бы их побрал! В том, что сказал Оуэн-Кларк, была крупица истины. В последнее время Мира была как будто не в себе.

- Мира! - позвал Морчек. - Где мой кофе?

Мгновение с первого этажа никто не отвечал. Затем раздался приятный женский голос:

- Сию минуту!

Морчек натянул брюки, все еще сонно мигая глазами. Хорошо, что три следующих дня объявлены праздничными. За это время он успеет прийти в себя после вчерашней вечеринки.

Спустившись по лестнице, Морчек увидел суетящуюся Миру, которая наливала кофе, раскладывала салфетки и выдвигала для него кресло. Он уселся, а она поцеловала его в лысину. Он любил, когда она его целовала в лысину.

- Как моя женушка чувствует себя сегодня? - спросил он.

- Великолепно, мой дорогой! - ответила она, помедлив секунду. - Сегодня я приготовила тебе бифссольнички. Ты же их любишь...

Морчек надкусил бифссольник, он оказался очень сочным, и запил его кофе.

- Так как твое самочувствие? - снова поинтересовался он.

Мира намазала маслом кусочек поджаренного хлеба и подала мужу.

- Великолепно! Ты знаешь, вечеринка вчера была прекрасная. Мне там так поправилось!

- Я немного захмелел, - признался Морчек, изобразив на лице подобие улыбки.

- Мне нравится, когда ты немного под хмельком, - сказала Мира. - У тебя голосок тогда становится, как у ангела, конечно, как у очень умного ангела. Я готова была слушать тебя не переставая.

Она намазала маслом еще кусочек хлеба и подала мужу.

Мистер Морчек сиял, как красное солнышко, потом вдруг нахмурился. Он положил на тарелку бифссольник и поскреб пальцами щеку.

- Знаешь, у меня была небольшая стычка с Оуэн-Кларком. Он разглагольствовал о Примитивных Женщинах.

Мира ничего не отвечала, она готовила для мужа пятый кусок поджаренного хлеба с маслом. На столе выросла уже целая горка из бутербродов. Она принялась намазывать шестой, но Морчек легонько дотронулся до ее руки. Она подалась вперед и поцеловала его в кончик носа.

- Примитивные Женщины! - с презрением произнесла она. - Кто бы говорил! Эти неврастенички? Тебе же со мной лучше, правда, милый? Ну что из того, что я модернизированная? Ни одна Примитивная Женщина не будет любить тебя так, как я! А я тебя обожаю!

То, что она говорила, было правдой. За всю писаную историю человечества мужчина никогда не был счастлив с обычной Примитивной Женщиной. Эгоистичные, избалованные натуры, они требовали, чтобы о них всю жизнь заботились и проявляли к ним внимание. Всех возмущало то, что жена Оуэн-Кларка заставляла мужа вытирать тарелки. И он, дурак, с этим мирился! Примитивным Женщинам постоянно требовались деньги, на которые они покупали себе тряпки и разные безделушки, им нужно было подавать завтрак в постель, они уходили из дому для игры в бридж, часами висели на телефоне и выделывали черт знает что. Они пытались отнять у мужчин выгодные должности. В конечном счете они доказали свое равенство.

Некоторые идиоты, вроде Оуэн-Кларка, соглашались, что эти женщины ни в чем не уступают мужчинам.

После таких бесспорных проявлений безграничной любви к нему со стороны жены мистер Морчек почувствовал, что неприятные ощущения после вчерашней ночи постепенно улетучиваются. Мира между тем ничего не ела. Он знал, что она имела привычку перекусить без него, с тем чтобы все свое внимание переключить на то, чтобы накормить мужа. Вот эти так называемые мелочи и

делали обстановку в доме совершенно особенной.

- Оуэн-Кларк сказал, что у тебя замедленная реакция.

- Неужели? - спросила Мира, немного помедлив. - Эти примитивисты воображают, будто им все известно.

Это был правильный ответ, но было очевидно, что он чуть-чуть запоздал. Мистер Морчек задал жене еще несколько вопросов. Время ее реакции он проверял по секундной стрелке на кухонных часах. Сомнений не было - ее реакция запаздывала.

- Почту принесли? - быстро спросил он ее. - Кто-нибудь звонил? Я не опоздаю на работу?

Спустя три секунды она раскрыла рот и снова его закрыла. Случилось нечто непоправимое.

- Я тебя люблю, - было все, что она смогла вымолвить.

Мистер Морчек почувствовал, как у него тревожно забилось сердце. Ведь он ее любил! Любил безумно, страстно! Но этот проклятый Оуэн-Кларк был прав. Миру нужно подлечить. Казалось, она читает его мысли. Она вновь оживилась и произнесла через силу:

- Я хочу только одного, дорогой, чтобы ты был счастлив. Кажется, я заболела... Ты позаботишься о том, чтобы меня вылечили? Возьмешь меня обратно после обследования? И не позволяй им изменять меня - я не хочу никаких перемен!

Она закрыла лицо руками. И заплакала - беззвучно, чтобы не досаждать ему.

- Это будет обычная проверка, дорогая, - сказал Морчек, сам едва сдерживая слезы. Но он знал, так же как и Мира, что она действительно больна.

"Как это несправедливо! - думал он. - Примитивная Женщина с ее грубым мозговым веществом почти не подвержена таким болезням. Но здоровье нежной Современной Женщины с ее тонкой чувствительностью чрезвычайно уязвимо. Какая чудовищная несправедливость! Именно поэтому Современная Женщина вобрала в себя все самые драгоценные качества женской натуры".

Ей не хватает только выносливости.

Мира снова оживилась. С усилием поднялась на ноги. Она была очень красива. На ее щеках выступил болезненный румянец, а утреннее солнце высветило ее прекрасные волосы.

- Милый, - сказала она слабым голосом. - Ты не позволишь мне остаться еще ненадолго? Может быть, я сама собой поправлюсь?

Но глаза ее уже застилала пелена.

- Милый...

Она попробовала собрать все силы, держась за край стола.

- Когда у тебя будет другая жена, не забывай, как я тебя любила.

Она села. Выражение ее лица сделалось бессмысленным.

- Я подгоню машину, - пробормотал Морчек и поспешил выйти из кухни. Он почувствовал, что еще немного и сам расклеится.

Он направился в гараж усталой походкой.

Мира его покинула! И современная наука, несмотря на все ее достижения, не в силах ей помочь!

Он подошел к гаражу и сказал:

- Подавай задним ходом!

Машина плавно подалась назад и остановилась рядом с хозяином.

- Что-нибудь случилось, босс? - спросила машина. - Вы чем-то расстроены? Никак не отойдете после вчерашнего?

- Нет, это из-за Миры. Она сломалась.

Машина мгновение помолчала. Потом негромко сказала:

- Мне очень жаль, мистер Морчек. Мне бы очень хотелось вам помочь.

- Спасибо, - сказал Морчек, который обрадовался тому, что в тяжелый час рядом есть друг. - Боюсь, что мне уже никто не сможет помочь.

Машина подъехала задним ходом к самой двери дома, и Морчек помог Мире устроиться на заднем сиденье. Машина плавно тронулась.

Всю дорогу до завода она тактично хранила молчание.

Роберт Шекли.
Чудовища

Сборник "Клуб любителей фантастики". Пер. - И.Петрушкин.

OCR & spellcheck by HarryFan, 30 August 2000

Кордовир и Хум стояли на скалистом гребне и наблюдали за странным предметом - раньше такие штуковины здесь не появлялись.

- От него отражается солнечный свет, наверно, он сделан из металла, - предложил Хум.

- Возможно, - неопределенно ответил Кордовир, - но что удерживает его в воздухе?

Заостренный предмет парил в долине, на субстанции, напоминавшей огонь.

- Он держится на огне, - сказал Хум, - даже твои старые глаза должны это разглядеть.

Кордовир приподнялся на толстом хвосте, чтобы лучше видеть. Предмет тем временем опустился на землю, огонь исчез.

- Посмотрим поближе? - предложил Хум.

- Постой! Какой сегодня день?

Хум прикинул в уме:

- Пятый день луггата.

- Проклятье! - воскликнул Кордовир. - Мне пора домой - убивать жену.

- Успеешь. До захода еще несколько часов.

Но Кордовира терзали сомнения:

- Я терпеть не могу опаздывать!

- Ну, ты же знаешь, какой я быстрый. Если мы задержимся, я поспешу и сам убью твою жену.

- Это очень любезно с твоей стороны, - поблагодарил Кордовир юношу, и они заскользили вниз по крутому склону.

У металлического предмета они уселись на хвосты. Кордовир прикинул на глаз размеры предмета:

- Несколько больше, чем я ожидал.

Предмет был чуть длиннее их деревни, а шириной почти с ее половину. Они оползли предмет кругом и решили, что, возможно, металл обработан человеческими щупальцами.

Зашло меньшее солнце.

- Думаю, нам лучше вернуться, - сказал Кордовир, заметив приближение ночи.

- Ерунда, у нас масса времени. - Хум самодовольно поиграл мускулами.

- Да, но убивать жен лучше все-таки лично.

- Как хочешь.

Они поспешили в деревню.

Жена Кордовира готовила ужин. Она повернулась спиной к двери, как требовал обычай. Кордовир убил ее резким ударом хвоста, оттащил тело за дверь и сел за еду.

Поразмыслив за ужином над случившимся, он пошел на собрание.

Хум уже был там и с юношеской горячностью рассказывал о металлическом предмете.

"Опять он успел сюда раньше меня", - недовольно подумал Кордовир.

Когда юноша закончил, Кордовир высказал предположение, что в металлическом предмете могут находиться разумные существа.

- С чего ты это взял? - спросил Мишилл, который, как и Кордовир, был старейшиной.

- Когда предмет садился, из него извергался огонь, - ответил Кордовир.
- Когда он сел, огонь исчез, значит, пламя кто-то выключил.

- Необязательно, - возразил Мишилл, - оно могло погаснуть само.

Начался вечерний спор.

Жители деревни обсуждали вопрос о предмете до поздней ночи. Затем, как обычно, похоронили убитых жен и разошлись по домам.

Ночью Кордовир долго ворочался - все думал о металлическом предмете и о существах в нем. Нравственны ли они? Есть ли у них понятия добра и зла?

Так ничего и не решив, он заснул.

Утром все мужчины пошли к металлическому предмету. Это было в порядке вещей, поскольку в их обязанности входило изучение нового и ограничение женского населения.

Они окружили предмет, строя различные догадки.

- Я полагаю, те, кто внутри, похожи на нас, - сказал старший брат Хума Экстелл.

Кордовир затрясся всем телом, выражая свое несогласие.

- Вероятнее всего, там чудовища, - сказал он. - Если принять во внимание...

- Необязательно, - возразил Экстелл. - Подумай о совершенстве нашего организма! Один фасеточный глаз...

- Внешний мир огромен и многолик, - сказал Кордовир. Там могут жить странные существа, совсем не похожие на нас.

- И все же логика...

- Шанс, что они похожи на нас, - продолжал Кордовир, - бесконечно мал. Могут ли существа, похожие на нас, построить такую штуку?

- Если рассуждать логически, - возразил Экстелл, - ты увидишь...

В третий раз он перебил Кордовира, и тот одним ударом хвоста расшиб Экстелла о металлический предмет.

- Я всегда считал своего брата грубияном, - сказал Хум. - Продолжай, пожалуйста.

Но в это время часть стены опустилась, и оттуда вышло существо.

Кордовир понял, что был прав. Существо, вышедшее из дыры, имело два хвоста. Оно было полностью покрыто металлом и кожей. А его цвет!.. Кордовир содрогнулся.

Существо было цвета только что ободранной туши.

Все отпрянули.

Существе стояло на металлической плите. Округлый предмет, венчавший существо, поворачивался туда-сюда, но тело не двигалось, чтобы придать смысл этому жесту. Наконец, существо подняло два щупальца и издало странные звуки.

- Ты думаешь, оно обладает даром речи? - тихо спросил Мишилл.

Из дыры в стене предмета вылезло еще три существа, держа в щупальцах металлические палки. Они издавали звуки, видимо переговариваясь между собой.

- Нет, они не люди, - твердо заявил Кордовир. - Следующий вопрос: нравственны ли они?

Одно существо сползло по металлическому боку предмета и ступило на землю. Остальные опустили металлические палки. Это походило на какую-то непонятную церемонию.

- Могут ли такие уроды быть нравственными? - вновь вопросил Кордовир.

Его шкуру передернуло от отвращения. При ближайшем рассмотрении существа оказались еще безобразнее; такое не могло присниться даже в самом страшном сне. Округлый предмет наверху вполне мог сойти за голову, но посредине этой головы вместо привычного ровного места торчал нарост с двумя круглыми впадинами. Слева и справа от него виднелись две черные выпуклые шишки, а нижнюю половину головы - если это была голова - пересекал бледно-красный разрез. Кордовир слегка напряг воображение и предположил, что это рот.

Движения существ больше походили на обламывание веток, чем на плавные, волнообразные движения людей. Когда они двигались, были заметны кости!

- Видит бог, - вздохнул Гилриг, мужчина средних лет, - нам следует убить их, избавив от мучений.

Остальные, похоже, испытывали те же чувства и двинулись было вперед, но кто-то из молодых крикнул:

- Подождите! Давайте попробуем поговорить с ними! Мир огромен и многолик, говорил Кордовир! Может, они все-таки нравственные существа?

Кордовир призвал к немедленному истреблению, но его не послушались. Жители остановились и принялись обсуждать этот непростой вопрос.

Между тем, Хум с обычной беспечностью приблизился к существу, стоявшему на земле.

- Привет, - сказал он.

Существо что-то ответило.

- Не понимаю. - Хум отступил назад.

Существо взмахнуло щупальцами - если это были щупальца - и показало на ближнее солнце. Затем вновь издало звук.

- Да, оно теплое, не правда ли? - весело воскликнул Хум.

Существо показало на землю и снова что-то сказало.

- У нас в этом году не особенно хороший урожай, - продолжал разговор Хум.

Существо указало на себя и вздели новые звуки.

- Да, - согласился Хум. - Ты безобразно, как смертный грех.

Вскоре мужчины проголодалась и уползли в деревню. Хум все стоял и слушал звуки, издаваемые для него существами. Кордовир ждал его невдалеке.

- Ты знаешь, - сказал Хум, присоединившись к приятелю, - я думаю, они хотят выучить наш язык. Или научить меня своему.

- Не делай этого! - предостерег его Кордовир, чувствуя туманный край Великого Зла.

- Я все-таки попробую, - не согласился Хум.

Они поднялись по склону в деревню.

В этот вечер Кордовир пришел в загон к лишним женщинам и предложил, как

того требовал закон нравственности и обычай, приглянувшейся молодой женщине царить двадцать пять дней в его доме. Она с благодарностью приняла приглашение.

По дороге домой он повстречал Хума, идущего в загон.

- Только что убил жену, - сообщил Хум без всякой надобности, иначе зачем бы он шел к женскому излишку?

- Ты собираешься вернуться к существам? - спросил Кордовир.

- Наверно, - неопределенно ответил Хум. - Если не подвернется что-нибудь новенькое.

- Главное, выясни - нравственны ли они?

- Ладно! - бросил Хум и заскользил дальше.

После ужина мужчины собрались у Гатеринга.

Все старики согласились, что пришельцы - нелюди. Кордовир горячо убеждал, что сам их внешний вид не допускает никакой человечности. Такие чудовища вряд ли могут иметь чувство добра и зла, а, главное, представления об истине и моральных принципах.

Молодежь возражала, возможно, потому, что в последнее время не происходило ничего достойного внимания. Они указывали на то, что металлический предмет был продуктом разума, разум предполагает наличие логики, а логика подразумевает деление на черное и белое, на добро и зло.

Спор вышел бурный. Алголел не согласился с Арастом и пал от его хвоста. Всегда спокойный Маверт внезапно пришел в ярость и убил трех братьев Халианов, но тут же был убит Хумом, жаждавшим схватки.

Даже женский излишек спорил об этом в своем загоне.

Усталая, но довольная новой, интересной темой деревня отошла ко сну.

Последующие недели споры не утихали. Однако жизнь шла своим чередом. Утром женщины выходили собирать и готовить пищу, откладывали яйца. Яйца высиживали лишние женщины. Как обычно, на восемь женщин вылуплялось по одному мужчине. Через двадцать пять дней или чуть раньше каждый мужчина убивал свою старую жену и брал новую.

Изредка мужчины спускались к кораблю, послушать, как Хум учится языку пришельцев, затем возвращались к обычным занятиям: бродили по окрестным холмам и лесам в поисках нового.

Чудовища выходили из металлического предмета только тогда, когда появлялся Хум.

Через двадцать четыре дня после появления нелюдей, Хум сообщил, что может немного общаться с ними.

- Они говорят, что прилетели издалека, - рассказывал он вечером на

собрании, - говорят, что двуполы, как и мы, и что они - люди, как и мы.
Еще они сказали, что есть причины для их внешнего отличия от нас, но этой части объяснений я не понял.

- Если мы будем считать их людьми, - сказал Мишилл, - то должны поверить им.

Все затряслись, соглашаясь с Мишиллом.

Хум продолжал:

- Они говорят, что не хотят вмешиваться в нашу жизнь, но им было бы интересно понаблюдать за ней. Они хотят прийти в деревню.

- Пусть приходят, не вижу в этом ничего плохого, - воскликнул один из молодых.

- Нет, - вмешался Кордовир. - Вы впускаете Зло. Эти чудовища коварны. Думаю, они способны лгать.

Другие старики согласились с ним, но когда от Кордовира потребовали доказательств его обвинений, он не смог их предъявить.

- В конце концов, мы не можем считать их аморальными чудовищами только потому, что они не похожи на нас, - сказал Сил.

- Можем! - заявил Кордовир, но с ним не согласились.

Хум продолжал:

- Они предложили мне или нам - я не понял - пищу и всякие металлические предметы, которые, по их словам, могут делать различные вещи. Я оставил бед внимания это нарушение наших обычаев, поскольку решил, что они его не знают.

Кордовир кивнул. Юноша взрослел на глазах. Он показал, насколько он воспитан.

- Завтра они хотят прийти в деревню.

- Нет! - воскликнул Кордовир, но большинство было "за".

- Да, кстати, сказал Хум, когда собрание начало расходиться, - среди них есть женщины. Это те, у которых ярко красные рты. Интересно будет посмотреть, как мужчины их убивают. Ведь завтра двадцать пятый день, как они появились.

На следующий день существа с трудом вскарабкались в деревню.

Жители наблюдали, как медленно и неуклюже лезли они по утесам, удивлялись хрупкости их конечностей.

- Ни капли ловкости, - пробормотал Кордовир. - И выглядят все одинаково.

В деревне существа вели себя крайне непристойно. Они заползали в хижины, болтали у загона с женским излишком, брали и разглядывали яйца, осматривали жителей с помощью черных блестящих штук.

В полдень старейшина Рантан решил, что пришло время убить жену. Он отстранил существо, которое в тот момент осматривало его женщину и убил ее. Тотчас же два существа поспешно вышли из хижины.

У одного был красный рот женщины, второй был мужчина.

- Сейчас он должен вспомнить, что пора убивать свою женщину, заметил Хум.

Жители деревни ждали, но ничего не происходило.

- Наверно, он хочет, чтобы кто-нибудь убил ее за него. Возможно, это обычай их страны, - предположил Рантан и хлестнул женщину хвостом.

Существо мужского пола издало страшный шум и направило на Рантана металлическую палку. Тот рухнул замертво.

- Странно, - сказал Мишилл. - Не означает ли это неодобрение?

Существа - их было восемь - образовали плотный круг, один держал мертвую женщину, остальные выставили металлические палки.

Хум подошел и спросил, чем их обидели?

- Я не понял, - сказал он после разговора. - Они использовали слова, которых я не знаю, но в их тоне я уловил упрек.

Чудовища отступали. Другой мужчина решил, что пришло время, и убил свою жену, стоявшую в дверях хижины.

Чудовища остановились, жестами подозвали Хума. Во время беседы тело его выражало недоумение и недоверчивость.

- Если я правильно понял, - сказал Хум, - они просят нас не убивать женщин.

- Что?! - в один голос воскликнули Кордовир и десяток других мужчин.

- Я спрошу снова. - Хум возобновил переговоры с чудовищами, которые размахивали металлическими палками.

- Это точно, - подтвердил он и без дальнейших слов щелкнул хвостом, отшвырнув одно из чудовищ через площадь.

Чудовища направили на толпу палки и быстро отступили.

Когда они ушли, жители деревни обнаружили, что семнадцать мужчин погибли, но Хума даже не задели.

- Теперь вы поняли! - крикнул Кордовир. - Эти существа лгали! Они сказали, что не будут вмешиваться в нашу жизнь, а смотрите - убили семнадцать из нас. Это не просто аморальный поступок, а ПОПЫТКА МАССОВОГО УБИЙСТВА!

Да, это находилось почти вне человеческого понимания.

- Умышленная ложь! - с ненавистью выкрикнул Кордовир.

Мужчины редко затрагивали эту кощунственную тему. Все были вне себя от гнева и отвращения, поняв что столкнулись с лживыми существами. И вдобавок - страшно подумать - чудовища совершили попытку массового убийства.

Это был кошмар наяву. Существа не убивали женщин, а позволяли им

беспрепятственно размножаться! Мысль об этом вызывала тошноту у самых мужественных.

Женский излишек, вырвавшись из загона и, соединившись с женами, потребовал рассказать о случившемся. Когда им объяснили, они рассвирепели куда сильнее мужчин, ибо такова природа женщин.

- Убейте их! - рычал излишек. - Не дадим изменить нашу жизнь! Положим конец безнравственности!

- Мне следовало догадаться об этом раньше, - печально молвил Хум.

- Их надо убить немедленно! - закричала одна из женщин излишка. Она не имела веса в обществе, но компенсировала этот недостаток яркостью темперамента.

- Мы, женщины, хотим жить прилично и по обычаю, высиживать яйца, пока не придет время женитьбы. А потом - двадцать пять дней наслажденья! Это ли не счастье? Чудовища изуродуют нашу жизнь! Мы станем такими же страшными, как они!..

- Я предупреждал! - воскликнул Кордовир. - Но вы не вняли мне. В трудные времена молодежь обязана повиноваться старшим!

В ярости ударом хвоста он убил двух юношей. Собрание зааплодировало.

- Истребим чудовищ, пока они не уничтожили нас! - вскричал Кордовир.

Женщины бросились в погоню за чудовищами.

- У них есть убивающие палки, - заметил Хум, - женщины знают об этом?

- Наверно, нет, - ответил Кордовир. Он уже успокоился. - Пойди предупреди их.

- Я устал, - мрачно объявил Хум. - Я был переводчиком. Почему бы не сходить тебе?

- А, ладно, пошли вместе, - сказал Кордовир, которому надоели капризы юноши.

Сопровождаемые мужчинами деревни, они поспешили за женщинами.

Женщин они догнали на гребне скалы, обращенном к металлическому предмету. Пока Хум рассказывал о палках смерти, Кордовир прикидывал, как лучше расправиться с чужаками.

- Скатывайте камни с горы, - приказал он женщинам.

Те энергично взялись за дело. Некоторые камни попадали в металлический предмет и со звоном отскакивали.

Красный луч вырвался из предмета и поразил нескольких женщин. Земля содрогнулась.

- Давайте отойдем, - предложил Кордовир, - женщины прекрасно управятся и без нас, а то у меня от этой тряски голова кругом идет.

Мужчины отошли на безопасное расстояние, продолжая следить за ходом событий.

Женщины гибли одна за другой, но к ним подоспели женщины других

деревень, прослышавшие об угрозе их благополучию. Они сражались за свои дома и права с женским неистовством, превосходившим самую сильную ярость мужчин. Предмет метал огонь по всей скале, но это только помогало выбивать камни, которые дождем сыпались вниз. Наконец, из нижнего конца предмета вырвалось пламя, он поднялся в воздух. И во время - начался оползень. Предмет поднимался все выше, пока не превратился в точку на фоне большого солнца, а затем исчез.

В этот вечер погибли пятьдесят три женщины. Это было весьма кстати. Сократился женский излишек после потери семнадцати мужчин.

Кордовир был чрезвычайно горд собой: его жена доблестно пала в сражении. Он тотчас взял себе другую.

- Пока жизнь не войдет в норму, нам следует почаще менять жен, - сказал он на вечернем собрании.

Уцелевшие женщины в загоне дружно зааплодировали.

- Интересно, куда направились эти существа? - спросил Хум, предлагая новую тему спора.

- Вероятно, порабощать какую-нибудь беззащитную расу, - предположил Кордовир.

- Необязательно, - возразил Мишилл.

Начался вечерний спор.

Роберт Шекли.
Язык любви

Сборник "Молекулярное кафе". Пер. - И.Заморина.
OCR & spellcheck by HarryFan, 22 August 2000

Однажды вечером после лекций Джефферсон Томс зашел в автокафе выпить чашечку кофе и позаниматься. Усевшись за столик и аккуратно разложив перед собой учебники по философии, он заметил девушку, подающую команды роботам-официантам. У незнакомки были дымчато-серые глаза, волосы цвета ракетной струи и изящная, с приятными округлостями фигура. У Томса перехватило дыхание; ему вспомнились осень, вечер, дождь и горящие свечи.

Так к Джефферсону Томсу пришла любовь. Предлогом для знакомства послужила жалоба на нерасторопность официанта. Но стоило богине

приблизиться к его столику, как Томс словно онемел. С трудом придя в себя,
он назначил ей свидание.

Дорис (так звали девушку) пришелся по душе коренастый, темноволосый студент, и она без колебаний согласилась с ним встретиться. Вот с этой минуты и начались все беды Джефферсона Томса.

Любовь, невзирая на усвоенное на занятиях философское отношение к жизни, несла с собой не только радости, но и хлопоты. В век, когда космические корабли летали во все концы Вселенной, болезни были излечены раз и навсегда, а войны считались неким анахронизмом - единственной нерешенной проблемой по-прежнему оставалась любовь.

Старушка Земля пребывала в отличной форме. Города сияли пластиком и металлом. Сохранившиеся с былых времен леса превратились в ухоженные зоны отдыха, где можно было приятно провести время, не опасаясь нападения диких животных и ядовитых насекомых. Представителей фауны благополучно переселили в особые зоопарки, в которых были воссозданы естественные условия их обитания.

Научились управлять и климатом Земли. Фермеры получали требуемое количество осадков ежедневно между тремя и половиной четвертого утра; публика собиралась на стадионах, чтобы полюбоваться закатом солнца; а раз в году на специальной арене можно было увидеть ураган, входивший в программу празднования Всемирного Дня Мира.

Только в любви все еще царила полная неразбериха, и это страшно огорчало Томса.

Начать хотя бы с того, что он не знал, как говорить с возлюбленной. Фразы типа: "Я тебя люблю", "Я тебя обожаю", "Я от тебя без ума" были слишком банальными и малоубедительными. Они не только не передавали всей глубины и трепетности его чувств, а скорее принижали их. Ведь каждый шлягер, каждая дешевая мелодрама были полны таких же точно выражений. К тому же люди без конца употребляли эти слова в обычных житейских ситуациях, говоря, что они любят свиные отбивные, обожают закаты и без ума от тенниса.

Возмущению Томса не было границ. Он поклялся, что никогда не будет говорить о своей любви так, как люди говорят об отбивных. Но, к своему огорчению, не мог придумать ничего нового.

Тогда Томс решил обратиться за советом к профессору философии.

- Мистер Томс, - начал профессор, усталым жестом сняв с носа очки, - к сожалению, любовь, как ее принято называть, все еще неуправляемая сфера нашей жизни. На эту тему не было написано ни одного сколько-нибудь солидного научного труда, кроме малоизвестного Языка Любви Тианской цивилизации.

Ждать помощи было неоткуда. Томс продолжал размышлять о любви и мечтать о Дорис. Долгие, мучительные вечера на веранде ее дома, когда тени от виноградных лоз падали на ее лицо, делая его неузнаваемым, Томс пытался объясниться со своей возлюбленной. А так как он не мог позволить себе выражать свои чувства избитыми фразами, то речь его получалась довольно цветистой.

- Я чувствую к тебе то же, - говорил он, - что звезда к своей планете.

- О, как величественно, - отвечала она, польщенная сравнением столь космического масштаба.

- Нет, не так, - поправился Томс. - То, что я испытываю к тебе, гораздо выше, больше. Вот, послушай, когда ты идешь, ты похожа на...

- На кого, милый?

- На выходящую на просеку олениху, - хмурясь, отвечал Томс.

- Как симпатично!

- При чем здесь симпатично. Мне хотелось выразить присущую юности некоторую нескладность, угловатость движений...

- Но, дорогой, - возразила она. - Я вовсе не нескладна. Мой учитель танцев...

- Нет, ты меня не поняла. Я имел в виду не просто нескладность, а такую, которую...

- Я все поняла, - заверила она.

Но Томс знал, что это было неправдой.

С гиперболами пришлось покончить. Вскоре он пришел к тому, что ему нечего было сказать Дорис, потому что все известные слова даже отдаленно не напоминали то, что он чувствовал.

В их разговорах стали возникать неловкие, напряженные паузы.

- Джефф, - настаивала она, - скажи что-нибудь.

Томс пожал плечами.

- Даже, если это не совсем то, что ты думаешь.

Томс вздохнул.

- Пожалуйста, - взмолилась она, - ну хоть что-нибудь, только не молчи. Я так больше не могу.

- Вот, черт...

- Да, - встрепенулась она, и лицо ее оживилось.

- Нет, я не то хотел сказать, - выговорил Томс, погружаясь в мрачное молчание.

Наконец он сделал ей предложение. Джефферсон был почти готов признать,

что "любит" ее, но не захотел заострять на этом внимание. Объяснил он это тем, что супружество должно быть построено на правде, иначе оно обречено. Если он с самого начала извратит и обесценит свои чувства, то что же будет потом?

Дорис с сочувствием отнеслась к его откровениям, но отказалась выйти за него замуж.

- Девушке нужно говорить, что ты ее любишь, - заявила она. - Ей нужно повторять эти слова сто раз в день, Джефферсон, и даже тогда будет недостаточно.

- Но я в самом деле люблю тебя, - возразил Томс. - Вернее, я хотел сказать, что чувствую что-то похожее на...

- Прекрати, надоело.

Не зная, что предпринять, Томс вспомнил о Языке Любви и отправился к профессору расспросить о нем поподробнее.

- Говорят, - начал профессор, - что жители Тианы-2 придумали особый язык для выражения любовных эмоций. Фраза "Я тебя люблю" - совершенно немыслима для тианцев. Они могут дать точную характеристику испытываемого ими в данную минуту чувства, причем слова эти никогда не повторятся ни в одной другой ситуации.

Томс кивнул, и профессор продолжал.

- Конечно же, тианцы не остановились на теории. Они разработали методику ухаживания и технику любовной игры, достигнув в этом совершенства. Считают, что в сравнении с ними все, созданное в этой области другими народами, выглядит просто жалким любительством.

Профессор смущенно кашлянул.

- Это как раз то, что мне нужно, - возликовал Томс.

- Все это забавно, но не более, - заметил профессор. - Какими бы уникальными не были их приемы, они, я уверен, не имеют никакого практического смысла. Что же касается самого языка, то строй его таков, что на нем можно общаться только с одним человеком. По мне это выглядит пустой тратой времени и сил.

- Труд во имя любви, - заявил Томс, - самый достойный труд на свете, ибо в награду ты пожнешь богатый урожай чувств.

- Должен заметить, что сравнение ваше не слишком удачно, мистер Томс. Кстати, а к чему столько разговоров на эту тему?

- Потому, что любовь - единственное, ради чего стоит жить, - убежденно проговорил Томс. - И если для этого требуется всего-навсего изучить

специальный язык, то это не так уж много. Скажите, а далеко ли до Тианы-2?

- Порядочно, - ответил профессор, еле заметно улыбнувшись. - К тому же путешествие может оказаться напрасным. Ведь тианцы все до одного вымерли.

- Вымерли? Но отчего? Эпидемия или вторжение инопланетян?

- Это все еще одна из загадок Вселенной, - нехотя ответил профессор.

- И что же, язык безвозвратно утерян?

- Не совсем так. Двадцать лет назад один землянин по имени Джордж Вэррис отправился на Тиану и научился Языку Любви у последних, оставшихся в живых тианцев. Вэррис написал отчет о своей поездке. Правда, мне и в голову никогда не приходило его почитать.

Томс отыскал имя Вэрриса в справочнике Знаменитых Межпланетных Исследователей. Он считался первооткрывателем Тианы. В его послужном списке числились и другие планеты, но он сохранил верность Тиане, вернувшись на нее после смерти ее обитателей и решив посвятить себя всестороннему изучению их культуры.

Получив информацию, Томс начал долго и напряженно думать. Путешествие на Тиану было не из легких - оно отнимало массу времени и средств. К тому же была вероятность, что он не застанет Вэрриса в живых или тот не захочет передать ему свой опыт. Все это напоминало игру в лотерею.

- Стоит ли любовь таких жертв? - спросил себя Томс и ответил утвердительно.

Итак, продав суперсистему, устройство памяти, учебники по философии и несколько акций, оставшихся в наследство от деда, он купил билет до Крантиса-4 - ближайшей к Тиане планеты, до которой летали рейсовые межпланетные корабли. Собравшись в дорогу, он отправился попрощаться с Дорис.

- Когда я вернусь, - сказал он, - я смогу сказать тебе, как я, я имею в виду точную степень, в общем, Дорис, когда я выучу язык и приемы тианцев, я буду любить тебя так, как не любили еще ни одну женщину в мире.

- Ты в самом деле хотел это сказать? - спросила она, и глаза ее засияли.

- Не совсем. Ведь слово "люблю" не может выразить то, что я чувствую. Но чувствую я что-то очень близкое к любви.

- Я буду ждать тебя, Джефф, - пообещала она. - Только, пожалуйста, возвращайся скорее.

Джефферсон Томс кивнул, смахнул слезу, обнял Дорис и, не сказав более ни слова, поспешил на космодром.

Через час он уже летел на корабле.

Четыре месяца спустя, преодолев множество препятствий, Томс ступил на Тиану. Космодром находился на окраине города. Юноша медленно брел по широкой, пустынной автостраде. По обеим сторонам ее высились небоскребы, верхние этажи которых терялись в заоблачных высях. Зайдя в одно из зданий, Томс увидел массу каких-то сложных приборов и сверкающие пульты управления. С помощью тиано-английского словаря он разобрал надпись над фронтоном: Консультативная Служба по Проблемам Любви Четвертой Категории Сложности.

Все дома внутри походили один на другой; они были заставлены оборудованием, вокруг которого валялись обрывки перфолент. Томс миновал Институт Изучения Запоздалых Нежностей, удивленно разглядывал двухсотэтажное здание Обители для Эмоционально Глухих и им подобные заведения. Постепенно до него начал доходить смысл происходящего.

Это был целый город, отданный изучению проблем любви.

Размышления Томса были внезапно прерваны. Он остановился перед входом в гигантское здание, чья вывеска гласила: Служба Помощи по Общим Вопросам Любви. Навстречу ему из мраморного вестибюля вышел старик.

- Кто ты? - неприветливо спросил он.

- Я Джефферсон Томс, землянин. Я прилетел сюда, чтобы изучить Язык Любви, мистер Вэррис.

Лохматые белые брови старика удивленно приподнялись. Это был тщедушный, сгорбленный, морщинистый человечек с согнутыми подагрой трясущимися коленями. Только глаза его были на удивление молоды и блестящи и буравили юношу насквозь.

- Полагаете, что, изучив язык, вы снискаете большую популярность у женщин? - спросил Вэррис. - Пустые надежды. Знание, конечно, дает определенные преимущества. Но, к сожалению, обладает рядом существенных недостатков. Тианцы испытали это на собственной шкуре.

- Какие недостатки вы имеете в виду?

Вэррис усмехнулся, обнажив единственный торчавший во рту желтый зуб.

- Мне будет трудно вам это объяснить, пока вы не проникнете в существо дела. Как известно, только знание помогает нам понять всю ограниченность наших возможностей.

- Но я все равно хочу изучить язык, - сказал Томс.

Вэррис задумчиво на него посмотрел.

- Это вовсе не так просто, как ты думаешь, Томс. Язык Любви и

вытекающая из него определенная манера поведения сложны не меньше, чем операция на мозге или юридическая основа деятельности акционерных обществ. Это требует работы, каторжной работы, не говоря уже о таланте.

- Я не боюсь работы. А способности, мне кажется, у меня есть.

- Так думает большинство, - сказал Вэррис, - и при этом глубоко заблуждается. Но оставим этот разговор. Я долго не видел здесь ни одной живой души, поэтому рад тебе. А в остальном, поживем - увидим.

Они вошли в здание, которое Вэррис считал своим домом. Он поместил юношу в Комнате Первой Проверки, бросив на пол спальный мешок и поставив рядом походную плитку. Здесь, под сенью огромных счетных машин, начались их занятия.

Вэррис оказался педантичным педагогом. Вначале, с помощью портативного Семантического Дифференциатора, он научил Томса улавливать тончайшие токи, возникающие в присутствии объекта будущей любви, распознавать едва ощутимые напряжение и неловкость первых минут знакомства.

Об этих неясных ощущениях, учил Вэррис, ни в коем случае не следует говорить прямо, ибо так можно только погубить зарождающееся чувство. Следует выражать свои мысли иносказательно, используя сравнения, метафоры, гиперболы, прибегая, если потребуется, даже к невинной лжи. Полунамеки создают атмосферу таинственности и закладывают фундамент будущей любви. Мысль, увлеченная игрой, уносится вдаль, растворяется в шуме прибоя и рокоте волн, взбирается на угрюмые черные скалы, бродит среди изумрудно-зеленых лугов.

- Какие прекрасные образы, - восторженно воскликнул Томс.

- Это только несколько примеров, - ответил Вэррис, - а ты должен знать их все.

Итак, Томс с головой ушел в работу, запоминая целые страницы с описаниями чудес природы, адекватных им любовных переживаний и случаев, когда эти описания могут быть использованы. Язык Любви был очень точен. Каждый объект или явление природы, соответствующее определенному любовному чувству, было пронумеровано, помещено в определенный раздел каталога и снабжено подходящим прилагательным.

Когда Томс запомнил весь список, Вэррис начал натаскивать его по восприятию любви. Юноша изучал микроскопические оттенки чувства. Некоторые из них показались Томсу до того нелепыми, что он рассмеялся.

Старик сделал ему строгое замечание.

- Любовь - дело серьезное, Томс. Что смешного находишь ты в том, что на чувства часто оказывают влияние скорость и направление ветра?

- Мне это кажется просто глупым, - признался Томс.

- То, над чем ты смеялся, еще не самое странное из того, что тебе придется услышать, - сказал Вэррис и привел другой пример.

Томс вздрогнул.

- Не может быть. Это же абсурд. Да все знают...

- Но если все все знают, то почему до сих пор не выведена формула любви? Узость людского мышления, Томс, узость мышления и нежелание взглянуть правде в глаза. Правда, если тебе угодно пойти по стопам большинства...

- Нет, - ответил Томс. - Я пересмотрю свои взгляды. Пожалуйста, продолжайте.

Со временем Томс выучил слова, означавшие первое пробуждение интереса, ведущие шаг за шагом к прочной привязанности. Он понял, что обозначает последняя и запомнил три слова, ее определяющие.

Следующим этапом было знакомство с физическим аспектом любви.

Здесь язык был более точен, без символики; он основывался на чувствах, вызываемых конкретными словами и действиями.

Крошечный черный прибор поведал Томсу о тридцати восьми различных ощущениях, вызываемых прикосновением руки; Томс мог теперь безошибочно находить особо чувствительное место, размером с десятицентовик, расположенное под правой лопаткой.

Он освоил абсолютно новую методику проникающих прикосновений, способных воздействовать на партнера как бы изнутри, доводя его до умопомрачения.

При этом его убедили в преимуществах сохранения собственного душевного равновесия.

Томс узнал о физической стороне любви много такого, о чем он только смутно догадывался, а также массу того, о чем никто никогда не догадывался.

Открытие это повергло его в ужас. Томс считал себя неплохим любовником. Теперь он понял, что был абсолютным нулем, а все его старания напоминали заигрывания влюбленного бегемота.

- А что ты ожидал? - спросил Вэррис. - Для того, чтобы стать экспертом в любви, нужно потратить не меньше сил, чем при изучении любого другого предмета. Ну как, ты еще не передумал?

- Напротив, - воодушевился Томс. - Потом, когда я стану профессионалом, я смогу...

- Хватит об этом, - отрезал старик. - Вернемся к нашим занятиям.

Темой следующего урока была Цикличность Любви. Любовь, как узнал Томс, была динамична, подвержена постоянным взлетам и падениям и подчинялась определенным правилам, среди которых существовало пятьдесят два основных, триста шесть второстепенных, четыре общих исключения и девять частных.

Томс выучил их не хуже собственного имени.

Вскоре он подошел к изучению Теневой Стороны Любви. Он обнаружил, что каждой фазе любви соответствует определенная фаза ненависти; последняя, в свою очередь, является проявлением одной из форм любви. Томс понял, в чем заключается ненависть, как важна она для любви, придавая той законченность и остроту, и что даже такие понятия, как безразличие и отвращение, порождаются любовью, занимая в ней свое особое место.

Вэррис подверг юношу десятичасовому письменному экзамену, который тот с достоинством выдержал. Томс горел желанием продолжать учебу, но учитель заметил, что у ученика дергается левый глаз и дрожат руки.

- Тебе нужен немедленный отдых, - решил Вэррис.

Томс и сам уже подумывал об этом.

- Пожалуй, вы правы, - сказал он с плохо скрываемым интересом. - Может, отправиться на Цитеру-5 на несколько недель?

Вэррис, зная дурную славу Цитеры, цинично ухмыльнулся.

- Хочешь попрактиковаться?

- Допустим. Что в этом плохого? Знания для того и даются, чтобы их можно было применять на практике.

- Верно, но только после того, как ты полностью ими овладеешь.

- Но я уже все знаю. Будем считать, что это "производственная" или дипломная практика, как вам будет угодно.

- Никаких дипломов не будет, - отрезал Вэррис.

- Какого черта? - взорвался Томс. - Мне самому охота поэкспериментировать. Страшно интересно, что получится. Особенно, Подход 33-ЦВ. В теории звучит отлично. Интересно, каково это будет на практике? Поверьте, для лучшего усвоения теории нет ничего лучше опытов...

- Ты, что, приехал сюда с единственной целью стать суперсоблазнителем? - с явным отвращением спросил Вэррис.

- Конечно, нет, - ответил Томс, - но немного практики ничуть...

- Сосредоточив свои знания на поиске механизма чувственности, ты обеднишь себя. Только любовь придаст истинный смысл твоим действиям. Ты достаточно много знаешь, чтобы удовлетворяться столь примитивными радостями.

Заглянув в себя, Томс понял, что Вэррис был прав, но упрямо продолжал стоять на своем.

- Я бы хотел сам убедиться и в этом тоже.

- Можешь отправляться, я тебя не держу, - сказал Вэррис. - Но знай, обратно я тебя не приму. Я не хочу, чтобы меня обвинили в том, что я осчастливил Галактику новым Дон-Жуаном.

- Ладно. Оставим это. Давайте продолжать занятия.

- Нет. Ты только посмотри на себя. Еще несколько таких изнурительных уроков, и ты навсегда утеряешь способность любить. А это было бы весьма печально.

Томс вяло согласился.

- Я знаю одно отличное место, - вспомнил Вэррис, - чудесное место, где можно было бы отвлечься от любви.

Они сели в допотопный космолет Вэрриса и через пять дней приземлились на маленькой планете, у которой даже не было названия. Старик привел юношу на берег бурной огненно-красной реки, по которой неслись хлопья зеленой пены. Деревья, росшие по берегам, были низкорослые, причудливо изогнутые и алые. Даже трава была необычной - голубой и оранжевой.

- Какое странное место, - Томс удивленно оглядывался.

- Это единственный в этой части Галактики уголок, где ничто не напоминает о земном, - поспешил объяснить Вэррис. - Поверь мне, я знаю, что говорю.

Томс подумал, не сошел ли старик с ума. Но вскоре он понял, что имел в виду Вэррис.

Многие месяцы Джефферсон Томс изучал человеческие чувства и поступки; человеческий дух витал над ним, проникая в его мысли во сне и наяву. Томс жил и дышал работой, жадно вбирая в себя знания, точно губка воду. Временами напряжение становилось невыносимым. Поэтому планета с красной рекой, алыми, причудливо изогнутыми карликами-деревьями и сине-оранжевой травой, где все было так необычно и ничто не напоминало о Земле, - стала для него местом истинного отдохновения.

Томс и Вэррис разделились, потому что даже общество друг друга стало им в тягость. Юноша проводил дни, бродя по берегу реки, дивясь на цветы, которые начинали стонать при его приближении. По ночам в небе играли в салочки три ущербные луны, а восходящее солнце ничуть не походило на желтое, земное.

В конце недели посвежевшие и отдохнувшие Томс и Вэррис возвратились в Джисел, столицу любви Тианы-2.

Томс изучил пятьсот шесть оттенков Истинной Любви, от зарождения

первого робкого чувства до испепеляющей страсти такой силы, что только пяти мужчинам и одной женщине удалось ее испытать, причем самый стойкий из них прожил после этого не более часа.

С помощью блока крошечных калькуляторов он просчитал фазы нарастания любовного чувства.

Потом он познал тысячу ощущений, которые способно испытывать человеческое тело; он узнал, что надо сделать, чтобы довести эти ощущения до невыносимых, терпимых и, наконец, приятных.

Его обучили таким вещам, которые до него никто не осмеливался и, к счастью, еще долго не осмелится произнести вслух.

- Теперь, - сказал однажды Вэррис, - ты знаешь все.

- Все?

- Да, Томс. У сердца больше нет от тебя секретов, как, впрочем, и у души, мозга и прочих органов. Ты познал Язык Любви. Теперь ты можешь возвращаться к своей подруге.

- Ура! - закричал Томс. - Теперь я знаю, что ей сказать.

- Пошли мне открытку, - попросил Вэррис. - Дай знать, как идут дела.

- Непременно, - пообещал Томс. Он горячо поблагодарил своего учителя и отправился на Землю.

Преодолев длинный и трудный путь, Джефферсон Томс спешил к дому Дорис. Лоб его покрылся испариной, руки тряслись. Несмотря на волнение, Томс точно определил свое состояние - Вторая Стадия Волнения в Предвкушении Встречи, дополненного легкими мазохистскими обертонами. К сожалению, даже точность формулировки не помогла успокоиться - все-таки это была его первая "производственная" практика. А вдруг он чего-нибудь не доучил?

Он позвонил в дверь. Когда она открылась, Томс увидел Дорис. Она была еще прекраснее, чем прежде - с дымчато-серыми глазами, волосами цвета ракетной струи, с едва заметными, но приятными округлостями фигуры. Томс почувствовал, как к горлу его подступил комок, и он неожиданно вспомнил осень, вечер, дождь и горящие свечи.

- Я вернулся, - прохрипел он.

- О, Джефф, - чуть слышно прошептала она.

Томс стоял, точно громом пораженный, не в состоянии вымолвить ни слова.

- Я так давно тебя не видела, Джефф, что стала подумывать, а правда ли все то, что мы говорили тогда друг другу? Теперь я точно знаю.

- Ты знаешь?

- Да, мой родной! Я ждала не напрасно. Я прождала бы еще сотню, нет, тысячу лет! Я люблю тебя, Джефф.

Она бросилась к нему.
- А теперь ты скажи, Джефф, - попросила она. - Говори же.
Томс посмотрел на нее, ощутил волнение, оценил его по классификационной шкале, выбрал подходящее определение, проверил его, потом еще раз. После целого ряда оценок и тщательного обдумывания, убедившись в абсолютной верности выбора и приняв во внимание климатические условия, фазы луны, скорость и направление ветра, солнечные пятна и другие природные факторы, оказывающие большое влияние на чувства, он сказал:
- Дорогая моя, ты мне очень нравишься.
- Джефф! Неужели это все, что ты можешь сказать? Ведь Язык Любви...
- Язык Любви - дьявольски точная штука, - словно бы извиняясь, сказал Томс. - Мне жаль, но фраза "Ты мне очень нравишься" абсолютно точно выражает то, что я чувствую.
- О, Джефф.
- К сожалению, это так, - промямлил он.
- Пошел ты к черту, Джефф!
За этим последовала бурная сцена, и они расстались. Томс отправился путешествовать.
Он работал то там, то здесь. Был клепальщиком на Сатурне, чистильщиком на Хелг-Винос-Трайдере, фермером в кооперативе на Израиле-4. Несколько лет он слонялся без дела по планетам Далмианской системы, живя большей частью подаянием. Позже, на Новилоцессиле он встретил симпатичную шатенку, поухаживал за ней, потом женился и обзавелся хозяйством.
Друзья говорят, что Томсы довольно счастливы, хотя в их доме все чувствуют себя несколько неуютно. Место, где они живут, само по себе неплохое, если бы не бурная красная река неподалеку, делающая людей раздражительными. А разве можно привыкнуть к алым деревьям, оранжево-синей траве, стонущим цветам и трем ущербным лунам, играющим в салочки на чужом небе?
Правда, Томсу все это нравится. Что же касается миссис Томс, то она во всем согласна с мужем.
Томс написал письмо на Землю своему бывшему профессору философии, рассказав, что он открыл причину гибели Тианской цивилизации, по крайней мере для себя. Вся беда научных исследований состоит в том, что они тормозят естественный ход вещей. Тианцы, он в этом убежден, были так заняты теоретическими выкладками на тему любви, что им было просто некогда ею заниматься.

Как-то раз он послал короткую весточку Джорджу Вэррису. В ней он сообщил, что женился, найдя девушку, к которой он чувствовал "относительно глубокую симпатию".

- Вот счастливчик, - позавидовал Вэррис, прочитав открытку. - "Смутное влечение" - это все, что мне удалось испытать в жизни.

Роберт Шекли.
Потолкуем малость

Сборник "И грянул гром". Пер. - Е.Венедиктова.

OCR & spellcheck by HarryFan, 23 August 2000

Посадка прошла как по маслу, несмотря на капризы гравитации, причиной которых были два солнца и шесть лун. Низкая облачность могла бы вызвать осложнения, если бы посадка была визуальной. Но Джексон считал это ребячеством. Гораздо проще и безопасней было включить компьютер, откинуться в кресле и наслаждаться полетом.

Облака расступились на высоте двух тысяч футов. Джексон смог убедиться в правильности данных предварительной разведки: внизу, вне всяких сомнений, был город.

Его работа была одной из немногих в мире работ для одиночек, но, как это ни парадоксально, для нее требовались крайне общительные люди. Этим внутренним противоречием объяснялась привычка Джексона разговаривать с самим собой. Так делало большинство людей его профессии. Джексон готов был говорить со всеми, с людьми и инопланетянами, независимо от их размеров, формы и цвета.

За это ему платили, и это так или иначе было его естественной потребностью. Он разговаривал в одиночестве во время долгих межзвездных полетов, и он разговаривал еще больше, когда рядом с ним был кто-нибудь или что-нибудь, что могло бы отвечать. Он считал большой удачей, что за его любовь к общению ему еще и платят.

- И не просто платят, - напомнил он себе. - Хорошо платят, а ко всему прочему еще и премиальные. И еще я чувствую, что это моя счастливая

планета. Сдается мне, есть шанс разбогатеть на ней - если, конечно, меня там не убьют.

Единственными недостатками его работы были одиночество межпланетных перелетов и угроза смерти, но за это он и получал такие деньги.

Убьют ли они его? Никогда не предскажешь. Поведение инопланетян так же трудно предугадать, как и поступки людей, только еще труднее.

- Я все же думаю, что они меня не убьют, - сказал Джексон. - Я прямо-таки чувствую, что мне сегодня повезет.

Эта простая философия была ему поддержкой многие годы, в одиночестве бесконечного пространства, на десяти, двенадцати, двадцати планетах. Он и на этот раз не видел причин отказываться от нее.

Корабль приземлился. Джексон переключил управление на режим готовности. Он проверил показания анализатора на содержание в атмосфере кислорода и других жизненно важных химических элементов и быстро просмотрел данные о местных микроорганизмах. Планета была пригодна для жизни. Он откинулся в кресле и стал ждать. Конечно же, ждать долго не пришлось. Они - местные жители, туземцы, аборигены (называйте их как хотите) - вышли из своего города посмотреть на корабль. А Джексон сквозь иллюминатор смотрел на них.

- Ну что ж, - сказал он, - похоже, что на этой захолустной планете живут самые настоящие гуманоиды. А это означает, что старый дядюшка Джексон получит премию в пять тысяч долларов.

Жители города были двуногими моноцефалами. У них было столько же пальцев, носов, глаз, ушей и ртов, сколько и у людей. Их кожа была телесно-бежевой, губы - бледно-красными, а волосы - черными, каштановыми или рыжими.

- Черт возьми! Да они прямо как у нас на Земле! - воскликнул Джексон. - Видит бог, за это мне полагается дополнительная премия. Самые что ни на есть гуманоиды!

Инопланетяне носили одежду. У некоторых было что-то вроде тросточек - палки с тонкой резьбой. На женщинах - украшения с резьбой и эмалью. Джексон сразу же определил, что они стоят приблизительно на том же уровне, что и люди позднего бронзового века на Земле.

Они разговаривали друг с другом и жестикулировали. Конечно, Джексон их не понимал, но это не имело значения. Важно было то, что у них вообще был

язык и что его голосовые органы могли воспроизводить звуки их речи.

- Не то что в прошлом году на той тяжелой планете, - сказал Джексон. - Эти сукины дети со своими ультразвуками! Пришлось носить специальные наушники и микрофон, а в тени было за сорок.

Инопланетяне ждали его, и Джексон это знал. Первые мгновения непосредственного контакта всегда были самыми беспокойными.

Именно тогда они, вероятнее всего, могли вас прикончить.

Он неохотно прошел к люку, отдраил его, протер глаза и откашлялся. Ему удалось изобразить на лице улыбку. Он сказал себе: "Не дрейфь, помни, что ты просто маленький старый межпланетный странник, что-то вроде галактического бродяги, который собрался протянуть им руку дружбы, и все такое прочее. Ты просто заглянул сюда, чтобы немножко потолковать, и больше ничего. Продолжай верить этому, милок, и внеземные лопухи будут верить этому вместе с тобой. Помни закон Джексона: все формы разумной жизни обладают святым даром доверчивости; это означает, что трехъязыкого Танга с Орангуса-5 надуть так же просто, как Джо Доукса из Сен-Поля.

И так, с деланной храброй улыбочкой на лице, Джексон распахнул люк и вышел, чтобы немного потолковать.

- Ну, как вы тут все поживаете? - сразу же спросил Джексон, просто чтобы услышать звук своего собственного голоса.

Ближайшие инопланетяне отпрянули от него. Почти все хмурились. У некоторых, что помоложе, на предплечье висели ножны с бронзовыми клинками, и они схватились за рукояти. Это оружие было примитивным, но убивало не хуже современного.

- Ну, ну, не надо волноваться, - сказал Джексон, стараясь говорить весело и непринужденно.

Они выхватили ножи и начали медленно надвигаться. Джексон не отступал, выжидая. Он готов был сигануть назад в люк не хуже реактивного зайца, надеясь на то, что ему это удастся.

Затем двум самым воинственным дорогу преградил какой-то человек (Джексон решил, что их вполне можно называть "людьми"). Этот третий был постарше. Он что-то быстро говорил, жестами указывая на ракету. Те двое, с ножами, глядели в ее сторону.

- Правильно, - одобрительно сказал Джексон. - Посмотрите хорошенько. Большой-большой космический корабль. Полно крепкой выпивки. Очень мощная ракета, построенная по последнему слову техники. Вроде как заставляет

остановиться и подумать, не так ли?

И заставило.

Инопланетяне остановились. Если они и не думали, то, по крайней мере, очень много говорили. Они показывали то на корабль, то на свой город.

- Кажется, начинаете соображать, - сказал им Джексон. - Язык силы понятен всем, не так ли, родственнички?

Подобные сцены он уже не раз наблюдал на множестве других планет, и он мог почти наверняка сказать, что происходит.

Обычно действие разворачивалось так:

Незваный гость приземляется на диковинном космическом корабле, тем самым вызывая 1) любопытство, 2) страх и 3) враждебность. После нескольких минут трепетного созерцания один из местных жителей обычно говорит своему дружку:

- М-да! Эта проклятая железяка - чертовски мощная штука.

- Ты прав, Герби, - отвечает его друг Фред, второй туземец.

- Еще бы не прав, - говорит Герби. - Черт побери, с такой уймой мощной техники и всего прочего этому сукиному сыну ничего не стоит нас поработить. Я думаю, что он в самом деле может это сделать.

- Ты попал в точку, Герби, точно так и может случиться.

- Поэтому я вот что думаю, - продолжает Герби. - Давайте не будем испытывать судьбу. Конечно же, вид-то у него вполне дружелюбный, но просто он слишком силен, а это мне не нравится. И именно сейчас нам предоставляется самая подходящая возможность схватить его, потому что он просто стоит там и ждет, что ему будут аплодировать или что-нибудь в этом роде. Так что давайте вытряхнем душу из этого ублюдка, а потом все обсудим и посмотрим, какая складывается ситуация.

- Ей-богу, я - за! - восклицает Фред. Другие выказывают свое одобрение.

- Молодцы, ребята! - кричит Герби. - Давайте прямо сейчас накинемся на этого чужака и схватим его.

Итак, они трогаются с места, но неожиданно, в последний момент, вмешивается Старый Док. Он говорит:

- Погодите, ребята, так делать нельзя. Прежде всего у нас же есть законы...

- Плевать я на них хотел, - говорит Фред (прирожденный смутьян, к тому же с некоторой придурью).

- ...и, не говоря уж о законах, это может просто представлять слишком большую опасность для вас.

- Мы с Фредом не из пугливых, - говорит доблестный Герби. - Может, вам. Док, лучше сходить в кино или еще куда. А этим займутся настоящие парни.

- Я не имел в виду непосредственную опасность для нашей жизни, - презрительно говорит Старый Док. - Я страшусь разрушения нашего города, гибели наших близких, уничтожения нашей культуры.

Герби и Фред останавливаются.

- Да о чем вы говорите. Док! Всего-то один вонючий инопланетянин. Пырнуть его ножом - так небось загнется не хуже нашего.

- Дураки! Schlemiels! [обормоты (евр.)] - громогласно негодует мудрый Старый Док. - Конечно, вы можете его убить! Но что будет потом?

- А что? - спрашивает Фред, прищуривая свои выпученные серо-голубые глаза.

- Идиоты! Cochons! [свиньи! (фр.)] Думаете, у этих инопланетян только один корабль? Думаете, они не знают, куда отправился этот парень? Вы же должны соображать, что там, откуда он прилетел, полно таких кораблей и что там будут не на шутку обеспокоены, если его корабль не объявится в срок; и наконец, вы должны соображать, что, когда они выяснят причину задержки, они разъярятся, кинутся сюда и разнесут здесь все в пух и прах.

- С чего это я должен так предполагать? - спрашивает слабоумный Фред.

- Потому что сам ты на их месте поступил бы точно так же, верно?

- Может, в таких условиях я так бы и поступил, - говорит Фред с глуповатой ухмылкой. - Да, как раз такую штуку я и мог бы сделать. Но послушайте, авось они-то этого не сделают?

- Авось, авось, - передразнивает Старый Док. - Знаешь, малыш, мы не можем ставить все на карту, рассчитывая на твое дурацкое "авось". Мы не можем позволить себе убить этого инопланетного парня, надеясь на то, что авось его соплеменники не сделают того, что сделал бы на их месте любой нормальный человек, а именно - не сотрут нас в порошок...

- Что ж, возможно, этого делать нельзя, - говорит Герби. - Но, Док, что же нам можно сделать?

- Просто подождать и выяснить, что ему нужно.

Согласно достоверным данным сцены, очень похожие на эту, разыгрывались, по крайней мере, раз тридцать или сорок. Обычно результатом их была политика ожидания. Иногда посланца Земли убивали до того, как будет услышан голос здравого смысла, но за подобный риск Джексону и платили.

Всякий раз, когда убивали посланца, следовало возмездие, быстрое и ужасное в своей неотвратимости. Конечно, делалось это не без сожаления, потому что Земля была крайне цивилизованным местом, где привыкли уважать

законы. А ни одна цивилизованная нация, придерживающаяся законов, не любит пачкать руки в крови. Люди на Земле в самом деле считают геноцид делом весьма неприятным, и они не любят читать о нем или о чем-либо подобном в утренних газетах. Конечно же, посланников нужно защищать, а убийство должно караться - это все знают. Но все равно неприятно читать о геноциде, попивая свой утренний кофе. Такие новости могут испортить настроение на весь день. Три-четыре геноцида, и человек может так рассердиться, что отдаст свой голос другому кандидату.

К счастью, основания для подобных неприятностей возникали не часто.

Инопланетяне обычно соображали довольно быстро. Несмотря на языковой барьер, они понимали, что убивать землянина просто нельзя.

А затем, позже, они понемногу усваивали все остальное.

Горячие головы спрятали свои ножи. Все улыбались, только Джексон скалился, как гиена. Инопланетяне грациозно жестикулировали руками и ногами. Возможно, это означало приветствие.

- Что же, очень приятно, - сказал Джексон и, в свою очередь, сделал несколько изящных телодвижений. - Ну вот я и чувствую себя как дома. Почему бы вам теперь не отвести меня к своему вождю, не показать мне город и все такое прочее? Потом я засяду за этот ваш язык, разберусь с ним, и мы немножко потолкуем. А после этого все будет идти как нельзя лучше. En avant! [вперед (фр.)]

С этими словами Джексон быстро зашагал в направлении города. Немного поколебавшись, его новоявленные друзья последовали за ним.

Все шло по плану.

Джексон, как и все другие специалисты по установлению контактов, был на редкость одаренным полиглотом. Основным оборудованием ему служила его собственная эйдетическая память и обостренный слух, позволяющий различать тончайшие оттенки звучания. Что еще более важно, у него были поразительные способности к языкам и сверхъестественная интуиция на значение слов. Когда Джексон сталкивался с непонятным языком, он быстро и безошибочно вычленял значащие единицы - основные "кирпичики" языка. В предложении он с легкостью выделял информационную часть, случаи модального употребления и эмоциональную окраску. Его опытное ухо сразу же различало грамматические явления. Приставки и суффиксы не затрудняли его; порядок слов, высота тона

и удвоение были детской игрой. О такой науке, как лингвистика, он знал не слишком много, но ему и не нужно было много знать. Джексон был самородком. Наука о языке была разработана для того, чтобы описывать и объяснять то, что он и без нее интуитивно понимал.

До сих пор он еще не сталкивался с языком, которого он не смог бы выучить. Он не допускал даже мысли о его существовании. Своим друзьям из Клуба Раздвоенного Языка в Нью-Йорке он часто говорил так:

- Знаете, братва, ничего такого трудного в этих инопланетных языках нет. По крайней мере в тех, с которыми я сталкивался. Говорю вам это совершенно откровенно. Хочу сказать вам, ребята, что человек, который может изъясняться на кхмерском языке или сиукском наречии, не встретит слишком много затруднений там, среди звезд.

Так оно и было до сих пор...

Когда они прибыли в город, Джексону пришлось вынести множество утомительных церемоний. Они растянулись на три дня - явление вполне закономерное, ведь не каждый день приходилось принимать гостей из космоса. Поэтому, совершенно естественно, каждый мэр, губернатор, президент и ольдермен, а вдобавок еще и их жены хотели пожать ему руку. Их вполне можно было понять, но Джексон терпеть не мог пустой траты времени. Его ждала работа, временами не очень приятная, и чем раньше он за нее возьмется, тем скорее кончит.

На четвертый день ему удалось свести на нет официальную дребедень. Именно в этот день Джексон всерьез взялся за местный язык.

Язык, как скажет вам любой лингвист, - несомненно, самое прекрасное из всех существующих творений человека. Но прекрасное нередко таит в себе опасность.

Язык можно удачно сравнить со сверкающей, вечно меняющейся поверхностью моря. Никогда не знаешь, какие скалы могут прятаться в его ясных глубинах. Самые прозрачные воды скрывают самые предательские мели.

Джексон был готов к любым трудностям, но поначалу он их не встретил. На основном языке (хон) этой планеты (На) говорило подавляющее большинство ее обитателей ("Эн-а-То-На" - буквально: людей с планеты На, или наянцев, как

для себя окрестил их Джексон). Язык хон показался ему несложным. Каждому понятию соответствовало лишь одно слово или словосочетание, и в этом языке не было слияния, соположения или агглютинации. Сложные понятия выражались через сочетания простых слов ("космический корабль" у наянцев звучал как "хопа-айе-ан" - корабль, летающий во внешнем небе). Таким образом, у хана было очень много общего с такими земными языками, как китайский и аннамитский. Высота тона служила не только для различения омонимов, но также могла иметь и позиционное употребление, где она выражала оттенки "воспринимаемого реализма", физического недомогания и три категории предвкушения чего-то приятного. Все это было умеренно интересным, но не представляло особой сложности для знающего лингвиста.

Конечно же, заниматься языком вроде хона было довольно нудным делом, потому что приходилось учить на память длинные описки, слов. Но высота тона и порядок слов были вещами довольно любопытными, не говоря уже о том, что без них невозможно было понять ни одного предложения. Так что в целом Джексон был вполне доволен и впитывал язык, как губка воду.

Прошло около недели, и для Джексона наступил день законной гордости. Он смог сказать своему наставнику:

- С прекрасным и приятным добрым утром вас, самый достойный уважения и почитаемый наставник; и как ваше благословенное здоровье в этот чудесный день?

- Примите мои самые ирд вунковые поздравления! - ответил наставник с улыбкой, полной глубокого тепла. - Дорогой ученик, ваше произношение великолепно! В самом деле, решительно горд нак! И вы понимаете мой родной язык почти совсем ур иак тай.

Джексон весь просиял от похвал доброго старого наставника. Он был вполне доволен собой. Конечно, он не понял нескольких слов: ирд вунковые и ур нак хай звучали немного знакомо, но гор нак было совершенно неизвестным. Однако ошибки для любого новичка были делом естественным. Того, что он знал, было достаточно, чтобы понимать наянцев и чтобы они понимали его. Именно это и требовалось для его работы.

В этот день он вернулся на свой корабль. Люк оставался открытым со дня его прилета, но Джексон не обнаружил ни одной пропажи. Увидев это, он с

сожалением покачал головой, но не позволил себе из-за этого расстраиваться. Наполнив карманы различными предметами, он неторопливо зашагал назад, в город. Он был готов приступить к заключительной, наиболее важной части своей работы.

В центре делового района, на пересечении улиц Ум и Альретто, он нашел то, что искал: контору по продаже недвижимости. Он вошел, и его провели в кабинет мистера Эрума, младшего компаньона фирмы.

- Замечательно, просто замечательно! - сказал Эрум, сердечно пожимая ему руку. - Для нас это большая честь, сэр, громадное, истинное удовольствие. Вы собираетесь что-нибудь приобрести?

- Да, именно это я и хочу сделать, - сказал Джексон. - Конечно, если у вас нет дискриминационных законов, которые запрещают вам торговать с иностранцами.

- Здесь у нас не будет никаких затруднений, - заверил его Эрум. - Напротив, нам доставит подлинное ораи удовольствия видеть в наших деловых кругах человека вашей далекой славной цивилизации.

Джексон подавил усмешку.

- Тогда единственная трудность, которую я могу себе представить, - это вопрос законного платежного средства. Конечно же, у меня нет ваших денег; но у меня много золота, платины, бриллиантов и других предметов, которые на Земле считаются ценными.

- Здесь они тоже ценятся, - сказал Эрум. - Вы сказали "много"? Мой дорогой сэр! У нас не будет никаких затруднений. "И никакая благл не омрачит наш мит и агл", как сказал поэт.

- Именно так, - ответил Джексон. Эрум употреблял незнакомые ему слова, но это не имело значения. Основной смысл был достаточно ясен. - Итак, не подобрать ли нам для начала какой-нибудь заводик? В конце концов, должен же я буду чем-то занимать свое время. А потом мы сможем подыскать дом.

- Это просто замечатник, - весело сказал Эрум. - Позвольте мне только прорэйстатъ свои списки... Да, что вы скажете о фабрике бромикана? Она в прекрасном состоянии, и ее можно легко перестроить на производство вора или использовать как она есть.

- А велик ли спрос на бромикан? - спросил Джексон.

- Ну конечно же, велик, даю свой мургентан на отсечение! Бромикан совершенно необходим, хотя его сбыт зависит от сезона. Видите ли,

очищенный бромикан, или ариизи, используется в производстве протигаша, а
там, конечно же, урожай собирают к периоду солнцестояния. Исключением
являются те отрасли этой промышленности, которые переключились на
переватуру тикотена. Они постоянно...

- Очень хорошо, достаточно, - прервал его Джексон. Ему было все равно, что такое бромикан, и он не собирался иметь с ним никакого дела. Его устраивало любое предприятие, лишь бы оно приносило доход.

- Я куплю ее, - сказал он.

- Вы не пожалеете об этом, - заметил Эрум. - Хорошая фабрика бромикана - это гарвелдис хагатис, ну прямо многофой.

- Да, конечно, - согласился Джексон, сетуя в душе на скудость своего словарного запаса. - Сколько она стоит?

- Что вы, сэр, цена пусть вас не беспокоит. Только сначала вам придется заполнить олланбритную анкету. Всего несколько скенных вопросов, которые никого не нагут.

Эрум вручил Джексону бланк. Первый вопрос гласил: "Эликировали ли вы когда-либо машек силически? Укажите даты всех случаев. Если таковые отсутствуют, укажите причину установленного трансгрешального состоя".

Джексон не стал читать дальше.

- Что значит, - спросил он Эрума, - эликировать машек силически?

- Что это значит? - неуверенно улыбнулся Эрум. - Ну, только то, что написано. По крайней мере, мне так кажется.

- Я хотел сказать, - поправился Джексон, - что я не понимаю этих слов. Не могли бы вы мне их объяснить?

- Нет ничего проще, - ответил Эрум. - Эликировать мошек - это почти то же самое, что бифурить пробишкаи.

- Что, что? - спросил Джексон.

- Это означает - как бы вам сказать... эликировать - это очень просто, хотя, быть может, закон на это смотрит иначе. Скорбадизирование - один из видов эликации, и то же самое - гарирование мунрава. Некоторые говорят, что, когда мы дрорсически дышим вечерним субсисом, мы фактически эликируем. Я лично считаю, что у них слишком богатое воображение.

- Давайте попробуем "машек", - предложил Джексон.

- Непременно, - ответил Эрум с непристойным смехом. - Если б только было можно, а? - И он игриво ткнул Джексона в бок.

- Хм, да, - холодно произнес Джексон. - Быть может, вы мне объясните, что такое, собственно, "машка"?

- Конечно. В действительности такой вещи не существует, - ответил Эрум. - По крайней мере, в единственном числе. Говорить об одной машке было бы

логической ошибкой, понимаете?

- Поверю вам на слово. Тогда что такое машки?

- Ну, во-первых, это объект эликации, а во-вторых, это полуразмерные деревянные сандалии, которые служат для возбуждения эротических фантазий у религиозных фанатиков Кьютора.

- Это уже кое-что! - воскликнул Джексон.

- Только если это в вашем вкусе, - ответил Эрум с заметной холодностью.

- Я имел в виду - для понимания вопроса анкеты...

- Конечно, извините меня, - сказал Эрум, - но, видите ли, здесь спрашивается, эликировали ли вы когда-нибудь машек силически. А это уже совершенно другое дело.

- В самом деле?

- Конечно же! Это определение полностью меняет значение.

- Этого-то я и боялся, - сказал Джексон. - Я думаю, вы можете объяснить мне, что означает слово силически?

- Несомненно! - воскликнул Эрум. - Наш с вами разговор - с известной долей беленного воображения - можно назвать силически построенным разговором.

- А, - произнес Джексон.

- Именно так, - сказал Эрум. - Силически - это образ действия, способ. Это слово означает: "духовно ведущий вперед путем случайной дружбы".

- В этом уже больше смысла, - сказал Джексон. - В таком случае когда силически эликируют машек?

- Я очень боюсь, что вы на ложном пути, - сказал Эрум. - Определение, которое я вам дал, верно только для описания разговора. А когда говорят о мошках - это нечто совершенно другое.

- А что оно значит в этом случае?

- Ну, оно означает - или, вернее, оно выражает случай продвинутой и усиленной эликации машек, но с определенным нмогнетическим уклоном. Лично я считаю это выражение несколько неудачным.

- А как бы вы это сформулировали?

- Я бы это так прямо и сказал, и к черту ложную стыдливость, - твердо заявил Эрум. - Я просто взял и сказал бы: "Данфиглирили ли вы когда-либо вок незаконным, аморальным или инсиртисным образом, с согласия брахниана или без такового? Если да, укажите время и причину. Если нет, сообщите мотивы и неугрис крис".

- Вот так бы вы это и сказали, да? - проговорил Джексон.

- Конечно, - с вызовом ответил Эрум. - Эти анкеты предназначены для взрослых, не так ли? Так почему же не взять и не назвать спиглер спиглер [простейший случай удвоения (множественное число, выражается путем повтора

слова в единственном числе)] своими спеями? Все когда-нибудь данфиглярят вок, ну и что из того? Ради бога, это ведь ничьих чувств не оскорбляет. Я хочу сказать, что, в конце концов, это касается только самого человека и старой кривой деревяшки, поэтому кому какое до этого дело?!

- Деревяшки? - повторил Джексон.

- Да, деревяшки. Обыкновенной старой, грязной деревяшки. По крайней мере, так бы к ней и относились, если бы люди не вкладывали в это до нелепости много чувства.

- Что они делают с деревом? - быстро спросил Джексон.

- Делают? Ничего особенного, если присмотреться. Но для наших так называемых интеллигентов религиозная атмосфера слишком много значит. По-моему, они не способны отделить простую исконную сущность - дерево - от того культурного вольту рнейсса, который окружает его на праздерхиссе, а также в некоторой степени и на ууисе.

- Интеллигенты - они все такие, - сказал Джексон. - Но вы-то можете отделить ее, и вы находите...

- Я не нахожу в этом ничего такого, из-за чего стоило бы волноваться. Я в самом деле так думаю. Я хочу сказать, что если смотреть на вещи правильно, то собор - это всего лишь куча камней, а лес - скопление атомов. Почему же данный случай мы должны рассматривать по-другому? Я думаю, что на самом деле мошек можно силически эликироватъ без всякого дерева. Что вы на это скажете?

- Я поражен, - сказал Джексон.

- Поймите меня правильно! Я не утверждаю, что это легко, естественно или хотя бы верно. Но все равно это же возможно, черт возьми! Ведь можно заменить его на кормную грейти, и все равно все получится! - Эрум замолчал и фыркнул от смеха. - Выглядеть вы будете глупо, но все равно у вас все получится.

- Очень интересно, - сказал Джексон.

- Боюсь, я несколько погорячился, - сказал Эрум, отирая пот со лба. - Я не очень громко говорил? Как вы думаете, мог меня кто-нибудь услышать?

- Конечно, нет. Все это было очень интересно. Сейчас я должен уйти, мистер Эрум, но завтра я вернусь, заполню анкету и куплю фабрику.

- Я придержу ее для вас. - Эрум поднялся и горячо пожал Джексону руку. - И еще я хочу вас поблагодарить. Нечасто удается поговорить так свободно и откровенно.

- Наша беседа была для меня очень поучительной, - сказал Джексон. Он

вышел из кабинета Эрума и медленно зашагал к своему кораблю. Он был обеспокоен, огорчен и раздосадован. В здешнем языке все было почти совсем понятно, но это "почти" раздражало его. Как же это ему не удалось разобраться с этой силической эликацией машек!

- Ничего, - сказал он себе. - Джексон, малыш, сегодня вечером ты все выяснишь, а потом вернешься туда и мигом покончишь с их анкетами. Так что, парень, не лезь из-за этого в бутылку.

Он это выяснит. Он просто-таки должен это выяснить, потому что он должен стать владельцем какой-нибудь собственности.

В этом заключалась вторая половина его работы.

На Земле многое изменилось с тех скверных старых времен, когда можно было открыто вести захватнические войны. Как гласили учебники истории, в те далекие времена правитель мог просто послать свои войска и захватить то, что он хотел. И если кто-нибудь из его соотечественников набирался смелости спросить его, почему ему этого хочется, правитель мог приказать отрубить ему голову, бросить в темницу или завязать в мешок и кинуть в море. И при всем этом он даже вины за собой не чувствовал, потому что он неизменно верил, что он прав, а они - нет.

Эта политика, суть которой определялась термином "d'toit de seigneur" [право повелителя (фр.)], была одной из самых ярких черт "laissez - faire capitalism" [капиталистического свободного предпринимательства (фр.)], в атмосфере которого жили древние.

Но с медленной сменой веков неумолимо происходили и культурные перемены. В мир пришла новая этика; медленно, но верно впитало в себя человечество понятия честности и справедливости. Правителей стали выбирать голосованием, и они должны были руководствоваться желаниями своих избирателей. Справедливость, милосердие и сострадание завоевали человеческие умы. Эти принципы сделали людей лучше, и все дальше в прошлое уходил старый закон джунглей и звериная дикость, которые царили на Земле в те древние времена до реконструкции.

Те дни ушли навсегда. Теперь ни один правитель не мог ничего захватить просто так; избиратели ни за что не потерпели бы этого.

Теперь для захвата надо было иметь предлог.

К примеру, гражданин Земли, который совершенно законным и честным

образом владеет собственностью на другой планете, срочно нуждается в военной помощи. Он запрашивает ее с Земли, чтобы защитить себя, свой дом, свои законные средства существования.

Но сначала надо эту собственность иметь. Он должен по-настоящему владеть ею, чтобы защитить себя от жалостливых конгрессменов и газетчиков, которые носятся с инопланетянами и всегда, стоит Земле прибрать к рукам другую планету, затевают расследование.

Обеспечить законное основание для захвата - вот для чего существовали специалисты по установлению контактов.

- Джексон, - сказал себе Джексон, - завтра ты получишь эту бромикановую фабричонку, и она станет твоей без всяких закавык. Слышишь, парень? Я это серьезно тебе говорю.

Назавтра незадолго до полудня Джексон вернулся в город. Нескольких часов напряженных занятий и долгой консультации со своим наставником хватило для того, чтобы он понял, в чем его ошибка.

Все было довольно просто. Он всего лишь немного поторопился, предположив, что в языке хон употребление корней имеет неизменный, крайне изолирующий характер. Исходя из уже известного, он думал, что для понимания языка важны только значение и порядок слов. Но это было не так.

При дальнейшем исследовании Джексон обнаружил в языке хон некоторые неожиданные возможности: к примеру, аффиксацию и элементарную форму удвоения. Такая морфологическая непоследовательность была для него неожиданностью, поэтому вчера, когда он столкнулся с ее проявлениями, смысл речи стал ускользать от него.

Новые формы выучить было довольно легко. Но его беспокоило то, что они были совершенно нелогичны и их существование противоречило самому духу хона.

Ранее он вывел правило: одно слово имеет одну звуковую форму и одно значение. Но теперь он обнаружил восемнадцать важных исключений - сложных слов, построенных различными способами, и к каждому из них - ряд определяющих суффиксов. Для Джексона это было так же неожиданно, как если бы он натолкнулся в Антарктике на пальмовую рощу.

Он выучил эти восемнадцать исключений и подумал, что, когда он в конце концов вернется домой, он напишет об этом статью.

И на следующий день Джексон, ставший мудрее и осмотрительнее, твердым,

размашистым шагом двинулся назад в город.

В кабинете Эрума он с легкостью заполнил правительственные анкеты. На тот первый вопрос, "эликировали ли вы когда-либо машек силически", он мог честно ответить "нет". Слово машка во множественном числе в своем основном значении соответствовало слову женщина в единственном числе. Это же слово, употребленное подобным же образом, но в единственном числе, означало бы бесплотное состояние женственности.

Слово эликация, конечно же, означало завершение половых отношений, если не употреблялось определяющее слово силически. Тогда это безобидное слово приобретало в данном контексте взрывоопасный смысл.

Джексон мог честно написать, что, не будучи наянцем, он никогда подобных побуждений не имел.

Это было так просто. Джексон был недоволен собой - он ведь мог разобраться в этом сам.

На остальные вопросы он ответил легко и вернул бланк Эруму.

- Право же, это совершенно скоу, - сказал Эрум. - Теперь нам осталось решить всего лишь несколько простых вопросов. Первым из них можно заняться прямо сейчас. Потом я организую короткую официальную церемонию подписания акта передачи собственности, вслед за чем мы рассмотрим несколько других небольших дел. Все это займет не более дня или около того, и тогда вы станете полновластным владельцем фабрики.

- Да, да, малыш, это замечательно, - сказал Джексон. Проволочки не волновали его. Напротив, он ожидал, что их будет намного больше. На большинстве планет жители быстро понимали, что к чему. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что Земля хочет получить то, что ей нужно, но желает, чтобы это выглядело законно.

Почему именно законно - догадаться было тоже не слишком сложно. Подавляющее большинство землян было идеалистами, и они горячо верили в принципы правды, справедливости, милосердия и тому подобное. И не только верили, но и позволяли себе руководствоваться этими благородными принципами в жизни. Кроме тех случаев, когда это было неудобно или невыгодно. Тогда они действовали сообразно своим интересам, но продолжали вести высоконравственные речи. Это означало, что они были лицемерами, а такое понятие существовало у народа любой планеты.

Земляне желали получить то, что им было нужно, но они еще и хотели, чтобы все это хорошо выглядело. Этого иногда трудно было ожидать, особенно когда им было нужно не что-нибудь, а чужая планета. Но, так или иначе, они обычно добивались своего.

Люди многих планет понимали, что открытое сопротивление невозможно, и поэтому прибегали к тактике проволочек.

Иногда они отказывались продавать, или им без конца требовались всякие бумажки, или им нужна была санкция какого-нибудь местного чиновника, которого никогда не было на месте. Но посланец парировал каждый их удар.

Они отказываются продавать собственность по расовым мотивам? Земные законы особо воспрещают подобную практику, а Декларация Прав Разумных Существ гласит, что каждое разумное существо вольно жить и трудиться там, где ему нравится. За эту свободу Земля стала бы бороться, если бы ее кто-нибудь вынудил.

Они ставят палки в колеса? Земная Доктрина о временном характере частной собственности не допустит этого.

Нет на месте нужного чиновника? Единый Земной Закон против наложения на имущество косвенного ареста в случае отсутствия недвусмысленно запрещал такие порядки. И так далее, и тому подобное. В этой борьбе умов неизменно побеждала Земля, потому что того, кто сильнее, обычно признают и самым умным.

Но наянцы даже не пытались сопротивляться, а это в глазах Джексона заслуживало самого глубокого презрения.

В обмен на земную платину Джексон получил наянскую валюту - хрустящие бумажки по 50 врсо. Эрум просиял от удовольствия и сказал:

- Теперь, мистер Джексон, мы можем покончить с делами на сегодняшний день, если вы соблаговолите тромбрамктуланчирить, как это принято.

Джексон повернулся, его глаза сузились, уголки рта опустились, а губы сжались в бескровную полоску.

- Что вы сказали?

- Я всего лишь попросил вас...

- Знаю, что попросили! Но что это значит?

- Ну, это значит... значит... - Эрум слабо засмеялся. - Это означает только то, что я сказал. Другими словами, выражаясь этиболически...

Джексон тихо и угрожающе произнес:

- Дайте мне синоним.

- Синонима нет, - ответил Эрум.

- И все-таки, детка, советую тебе его вспомнить, - сказал Джексон, и

его пальцы сомкнулись на горле наянца.

- Стойте! Подождите! На по-о-мощь! - вскричал Эрум. - Мистер Джексон, умоляю вас! Какой может быть синоним, когда понятию соответствует одно, и только одно слово - если мне дозволено будет так выразиться.

- За нос меня водить! - взревел Джексон. - Лучше кончай с этим, потому что у нас есть законы против умышленного сбивания с толку, преднамеренного обструкционизма, скрытого сверхжульничества и прочих ваших штучек. Слышишь, ты?

- Слышу, - пролепетал Эрум.

- Тогда слушай дальше: кончай агглютинировать, ты, лживая скотина. У вас совершенно простой, заурядный язык аналитического типа, который отличает лишь его крайне изолирующая тенденция. А в таком языке, приятель, просто не бывает столько длинных путаных сложных слов. Ясно?

- Да, да! - закричал Эрум. - Но поверьте мне, я ни в коей мере не собираюсь нумнискатерить! И не нонискаккекаки, и вы действительно должны этому дебрушили.

Джексон замахнулся на Эрума, но вовремя взял себя в руки. Неразумно бить инопланетян, если существует хоть какая-нибудь возможность того, что они говорят правду. На Земле этого не любят. Ему могут срезать зарплату; если же по несчастливой случайности он убьет Эрума, его можно поздравить с шестью месяцами тюрьмы.

Но все же...

- Я выясню, лжете вы или нет! - завопил Джексон и стремглав выскочил из кабинета.

Он бродил почти час, смешавшись с толпой в трущобах Грас-Эс, тянущихся вдоль мрачного, зловонного Унгпердиса. Никто не обращал на него внимания. По внешности его можно было принять за наянца, так же как и любой наянец мог сойти за землянина.

На углу улиц Ниис и Да Джексон обнаружил веселый кабачок и зашел туда.

Внутри было тихо, одни мужчины. Джексон заказал местное пиво. Когда его подали, он сказал бармену:

- На днях со мной приключилась странная история.

- Да ну? - сказал бармен.

- В самом деле, - ответил Джексон. - Понимаете, собирался заключить очень крупную сделку, а потом в последнюю минуту меня попросили тромбрамктуланчирить, как это принято.

Он внимательно следил за реакцией бармена. На флегматичном лице наянца

появилось легкое недоумение.
- Так почему вы этого не сделали? - спросил бармен.
- Вы хотите сказать, что вы бы на моем месте...
- Конечно, согласился бы. Черт побери, это же обычная катанприптиая, ведь так?
- Ну да, - сказал один из бездельников у стойки. - Конечно, если вы не заподозрили, что они пытались нумнискатерить.
- Нет, я не думаю, что они пытались сделать что-нибудь подобное, - упавшим, безжизненным голосом проговорил Джексон. Он заплатил за выпивку и направился к выходу.
- Послушайте! - крикнул ему вдогонку бармен. - Вы уверены, что они не нонискаккекаки?
- Как знать, - сказал Джексон и, устало ссутулясь, вышел на улицу.
Джексон доверял своему природному чутью как в отношении языков, так и в отношении людей. А его интуиция говорила ему, что наянцы вели себя честно и не изощрялись перед ним во лжи. Эрум не изобретал новых слов специально, чтобы запутать его. Он и правда говорил на языке хон как умел.
Но если это было так, тогда хон был очень странным языком. В самом деле, это был совершенно эксцентричный язык. И то, что происходило с этим языком, не было просто курьезом, это было катастрофой.

Вечером Джексон снова взялся за работу. Он обнаружил дополнительный ряд исключений, о существовании которых он не знал и даже не подозревал. Это была группа из двадцати девяти многозначных потенциаторов, которые сами по себе не несли никакой смысловой нагрузки. Однако другие слова в их присутствии приобретали множество сложных и противоречивых оттенков значения. Свойственный им вид потенциации зависел от их места в предложении.
Таким образом, когда Эрум попросил его "тромбрамктуланчирить, как это принято", он просто хотел, чтобы Джексон почтительно поклонился, что было частью обязательного ритуала. Надо было соединить руки за головой и покачиваться на каблуках. Это действие следовало производить с выражением определенного, однако сдержанного удовольствия, в соответствии со всей обстановкой, сообразуясь с состоянием своего желудка и нервов, а также согласно своим религиозным и этическим принципам, памятуя о небольших колебаниях настроения, связанных с изменениями температуры и влажности, и

не забывая о таких достоинствах, как терпение и снисходительность.
Все это было вполне понятно. И все полностью противоречило всему тому, что Джексон уже знал о языке хон.
Это было даже более чем противоречиво; это было немыслимо, невозможно и не укладывалось ни в какие рамки. Все равно что увидеть в холодной Антарктике пальмы, на которых вдобавок растут не кокосы, а мускатный виноград.
Этого не могло быть - однако так оно и было.
Джексон проделал то, что от него требовалось. Когда он кончил тромбрамктуланчирить, как это принято, ему осталась только официальная церемония и после этого - несколько мелких формальностей.
Эрум уверил его, что все это очень просто, но Джексон подозревал, что так или иначе, а трудности у него будут.
Поэтому-то он и уделил подготовке целых три дня. Он усердно работал, чтобы в совершенстве овладеть двадцатью девятью потенциаторами-исключениями в их наиболее употребимых положениях и безошибочно определять, какой потенциирующий эффект они оказывают в каждом из этих случаев.
К концу работы он устал как собака, а его показатель раздражимости поднялся до 97,3620 по Графхаймеру. Беспристрастный наблюдатель мог бы заметить зловещий блеск в его серо-голубых глазах.
Он был сыт по горло. Его мутило от языка хон и от всего наянского. Джексон испытывал головокружительное ощущение: чем больше он учил, тем меньше знал. В этом было что-то совершенно ненормальное.
- Хорошо, - сказал Джексон сам себе и всей Вселенной. - Я выучил наянский язык, я выучил множество совершенно необъяснимых исключений, и вдобавок к тому я выучил ряд дополнительных, еще более противоречивых исключений из исключений.
Джексон помолчал и очень тихо добавил:
- Я выучил исключительное количество исключений. В самом деле, если посмотреть со стороны, то можно подумать, что в этом языке нет ничего, кроме исключений.
Но это, - продолжал он, - совершенно невозможно, немыслимо и неприемлемо. Язык по воле божьей и по самой сути своей систематичен, а это означает, что в нем должны быть какие-то правила. Только тогда люди смогут понимать друг друга. В том-то и смысл языка, таким он и должен быть. И

если кто-нибудь думает, что можно дурачиться с языком при Фреде К.Джексоне...

Тут Джексон замолчал и вытащил из кобуры бластер. Он проверил заряд, снял оружие с предохранителя и снова спрятал его.

- Не советую больше пороть галиматью при старине Джексоне, - пробормотал старина Джексон, - потому что у первого же мерзкого и лживого инопланетянина, который попробует сделать это, будет трехдюймовая дырка во лбу.

С этими словами Джексон пошагал назад в город. Голова у него шла кругом, но он был полон решимости. Его делом было отобрать планету у ее обитателей - причем законно, а для этого он должен понимать их язык. Вот почему так или иначе он добьется ясности. Или кого-нибудь прикончит.

Одно из двух. Что именно, сейчас ему было все равно.

Эрум ждал его в своем кабинете. С ним были мэр, председатель совета города, глава округа, два ольдермена и член правления бюджетной палаты. Все они улыбались - вежливо, хотя и несколько нервно. На буфете были выставлены крепкие напитки. В комнате царила атмосфера товарищества поневоле.

В целом все это выглядело так, как будто в лице Джексона они приветствовали нового высокоуважаемого владельца собственности, украшение Факки. С инопланетянами такое иногда бывало: они делали хорошую мину при плохой игре, стараясь снискать милость землян, раз уж их победа была неизбежной.

- Ман, - сказал Эрум, радостно пожимая ему руку.

- И тебе того же, крошка, - ответил Джексон. Он понятия не имел, что означает это слово. Это его и не волновало. У него был большой выбор других наянских слов, и он был полон решимости довести дело до конца.

- Ман! - сказал мэр.

- Спасибо, папаша, - ответил Джексон.

- Ман! - заявили другие чиновники.

- Очень рад, ребята, что вы к этому так относитесь, - сказал Джексон. Он повернулся к Эруму. - Вот что, давай-ка закончим с этим делом, ладно?

- Ман-ман-ман, - ответил Эрум. - Ман, ман-ман.

Несколько секунд Джексон с изумлением смотрел на него. Потом он спросил, сдержанно и тихо:

- Эрум, малыш, что именно ты пытаешься мне сказать?

- Ман, ман, ман, - твердо заявил Эрум. - Ман, ман ман ман. Ман ман. - Он помолчал и несколько нервно спросил мэра: - Ман, ман?

- Ман... ман ман, - решительно ответил мэр, и другие чиновники

закивали. Все они повернулись к Джексону.

- Ман, ман-ман? - с дрожью в голосе, но с достоинством спросил его Эрум.

Джексон потерял дар речи. Его лицо побагровело от гнева, а на шее начала биться большая голубая жилка. Он заставил себя говорить медленно и спокойно, но в его голосе слышалась бесконечная угроза.

- Грязная захудалая деревенщина, - сказал он, - что это, паршивцы, вы себе позволяете?

- Ман-ман? - спросил у Эрума мэр.

- Ман-ман, ман-ман-ман, - быстро ответил Эрум, делая жест непонимания.

- Лучше говорите внятно, - сказал Джексон. Голос его все еще был тихим, но вена на шее вздулась, как пожарный шланг под давлением.

- Ман! - быстро сказал один из ольдерменов главе округа.

- Ман ман-ман ман? - жалобно ответил глава округа, и на последнем слове его голос сорвался.

- Так не хотите нормально разговаривать, да?

- Ман! Ман-ман! - закричал мэр, и его лицо от страха стало мертвенно-бледным.

Остальные обернулись и тоже увидели, что Джексон вытащил бластер и прицелился в грудь Эрума.

- Кончайте ваши фокусы! - скомандовал Джексон. Вена на шее, казалось, душила его, как удав.

- Ман-ман-ман! - взмолился Эрум, падая на колени.

- Ман-ман-ман! - пронзительно вскричал мэр и, закатив глаза, упал в обморок.

- Вот сейчас ты у меня получишь, - сказал Эруму Джексон. Его палец на спусковом курке побелел.

У Эрума стучали зубы, но ему удалось сдавленно прохрипеть: "Ман-ман-ман?" Лотом его нервы сдали, и он стал ждать смерти с отвисшей челюстью и остекленевшим взором.

Курок сдвинулся с места, но внезапно Джексон отпустил палец и засунул бластер назад в кобуру.

- Ман, ман! - сумел выговорить Эрум.

- Заткнись! - оборвал его Джексон. Он отступил назад и свирепо посмотрел на съежившихся наянских чиновников.

Ах, как бы ему хотелось всех их уничтожить! Но этого он сделать не мог. Джексону пришлось в конце концов признать неприемлемую для него действительность.

Его мозг полиглота проанализировал то, что услышало его непогрешимое ухо лингвиста. В смятении он понял, что наянцы не разыгрывают его. Это был настоящий язык, а не бессмыслица.

Сейчас этот язык состоял из единственного слова "ман". Оно могло иметь самые различные значения, в зависимости от высоты тона и порядка слов, от их количества, от ударения, ритма и вида повтора, а также от сопровождающих жестов и выражения лица.

Язык, состоящий из бесконечных вариаций одного-единственного слова! Джексон не хотел верить этому, но он был слишком хорошим лингвистом, чтобы сомневаться в том, о чем ему говорили его собственные чувства и опыт.

Конечно, он мог выучить этот язык.

Но во что он превратится к тому времени?

Джексон устало вздохнул и потер лицо. То, что случилось, было в некотором смысле неизбежным: ведь изменяются все языки. Но на Земле и на нескольких десятках миров, с которыми она установила контакты, этот процесс был относительно медленным.

На планете На это происходило быстрее. Намного быстрее.

Язык хон менялся, как на Земле меняются моды, только еще быстрее. Он был так же изменчив, как цены, как погода. Он менялся бесконечно и беспрестанно, в соответствии с неведомыми правилами и незримыми принципами. Он менял свою форму, как меняет свои очертания снежная лавина. Рядом с ним английский язык казался неподвижным ледником.

Язык планеты На был точным, невероятным подобием реки Гераклита. "Нельзя дважды вступить в одну и ту же реку, - сказал Гераклит, - ведь в ней вечно текут другие воды".

Эти простые слова Гераклита как нельзя более точно определяли сущность языка планеты На.

Это было плохо. Но еще хуже было то, что наблюдатель вроде Джексона не мог даже надеяться зафиксировать или выделить хотя бы одно звено из динамично движущейся цепи терминов, составляющих этот язык. Ведь подобная попытка наблюдателя сама по себе была бы достаточно грубым вмешательством в систему языка; она могла изменить эту систему и разрушить ее связи, тем самым вызывая в языке непредвиденные перемены. Вот почему, если из системы терминов выделить один, нарушатся их связи, и тогда само значение термина, согласно определению, будет ложным.

Сам факт подобных изменений делал недоступным как наблюдение за языком, так и выявление его закономерностей. Все попытки овладеть языком планеты На разбивались об его неопределимость. И Джексон понял, что воды реки

Гераклита прямиком несут его в омут "индетерминизма" Гейзенберга. Он был поражен, потрясен и смотрел на чиновников с чувством, похожим на благоговение.

- Вам это удалось, ребята, - сказал он им. - Вы побили систему. Старушка Земля и не заметила бы, как проглотила вас, и тут уж вы ничего бы не смогли поделать. Но у нас люди большие законники, а наш закон гласит, что любую сделку можно заключить только при одном условии: при уже налаженном общении.

- Ман? - вежливо спросил Эрум.

- Так что я думаю, друзья, это значит, что я оставлю вас в покое, - сказал Джексон. - По крайней мере, до тех пор, пока не отменят этот закон. Но, черт возьми, ведь передышка - это лучшее, чего только можно желать, не так ли?

- Ман ман, - нерешительно проговорил мэр.

- Ну, я пошел, - сказал Джексон. - Я за честную игру... Но если я когда-нибудь узнаю, что вы, наянцы, разыгрывали комедию...

Он не договорил. Не сказав больше ни слова, он повернулся и пошел к своей ракете.

Через полчаса корабль стартовал, а еще через пятнадцать минут лег на курс.

В кабинете Эрума чиновники наблюдали за кораблем Джексона, который сверкал, как комета, в темном вечернем небе. Он превратился в крошечную точку и пропал в необъятном космосе.

Некоторое время чиновники молчали; потом они повернулись и посмотрели друг на друга. Внезапно ни с того ни с сего они разразились смехом. Они хохотали все сильнее и сильнее, схватившись за бока, а по их щекам текли слезы.

Первым с истерией справился мэр. Взяв себя в руки, он сказал:

- Ман, ман, ман-ман.

Эта мысль мгновенно отрезвила остальных. Веселье стихло. С тревогой созерцали они далекое враждебное небо, и перед их глазами проходили события последних дней.

Наконец молодой Эрум спросил:

- Ман-ман? Ман-ман?

Несколько чиновников улыбнулись его наивности. И все же никто не смог ответить на этот простой, но жизненно важный вопрос. В самом деле, почему? Отважился ли кто-нибудь хотя бы предположить ответ?

Эта неопределенность не только не проливала света на прошлое, но и ставила под сомнение будущее. И если нельзя было дать правильного ответа на этот вопрос, то не иметь вообще никакого ответа было невыносимо.

Молчание затянулось, и губы молодого Эрума скривились в не по возрасту циничной усмешке. Он довольно грубо заявил:

- Ман! Ман-ман! Ман?

Его оскорбительные слова были продиктованы всего лишь поспешной жестокостью молодости; но такое заявление нельзя было оставить без внимания. И почтенный первый ольдермен выступил вперед, чтобы попробовать дать ответ.

- Ман ман, ман-ман, - сказал старик с обезоруживающей простотой. - Ман ман ман-ман? Ман ман-ман-ман. Ман ман ман; ман ман. Ман, ман ман ман-ман ман ман. Ман-ман? Ман ман ман ман!

Вера, прозвучавшая в этих словах, тронула Эрума до глубины души. Его глаза неожиданно наполнились слезами. Позабыв об условностях, он поднял лицо к небу, сжал руку в кулак и прокричал:

- Ман! Ман! Ман-ман!

Невозмутимо улыбаясь, старик ольдермен тихо прошептал:

- Ман-ман-ман, ман, ман-ман.

Как ни странно, эти слова и были правильным ответом на вопрос Эрума. Но эта удивительная правда была такой страшной, что, пожалуй, даже к лучшему, что, кроме них, никто ничего не слышал.

Роберт Шекли.
Проблемы охоты

Сборник "Судьбы наших детей". Пер. - А.Санин.
OCR & spellcheck by HarryFan, 28 August 2000

Это был последний сбор перед Большим Праздником Следопытов, и сюда прибыли все отряды. Отряд N_22 - "Парящие соколы" - расположился в тенистой лощине и нес передовой дозор. Отряд N_31 - "Отважные бизоны" - патрулировал небольшую речушку. Одновременно "бизоны" упражнялись в питье жидкости и возбужденно хохотали над непривычными ощущениями.

Отряд N_19 - "Охотники на мирашей" - ожидал следопыта Дрога, а тот, как всегда, опаздывал.

Дрог, со свистом спустившись с высоты десять тысяч футов и обретя твердое тело, торопливо присоединился к группе следопытов.

- Уф, - сказал он, - простите, я не думал, что уже...

Командир отряда свирепо уставился на него:

- Ты одет не по форме, Дрог!

- Простите, сэр. - Дрог поспешно выдвинул забытое щупальце.

Вокруг захихикали. Дрог густо покраснел - ему хотелось провалиться сквозь землю. Но сейчас это было неуместно.

- Этот сбор мне хотелось бы начать с Клятвы следопыта, - сказал командир, прокашлялся и продолжил: - "Мы, юные следопыты планеты Элбонай, клянемся увековечить знания и опыт наших предков-первопроходцев. Для этой цели мы принимаем их облик и становимся такими, какими были они, когда покоряли девственные просторы Элбоная. Мы клянемся..."

Следопыт Дрог настроил свои слуховые рецепторы, чтобы лучше воспринимать командирскую речь. Его всегда дрожь пробирала, когда он слышал Клятву следопыта. Прямо не верится, что когда-то их предки были прикованы к планете. Нынешние элбонайцы умеют летать на высоте До двадцати тысяч футов, сохраняя при этом лишь самый минимум своего тела и питаясь космическими лучами, а вниз спускаются в случаях крайней необходимости и во время подготовки к Большому Празднику.

- "...вести только честную и справедливую борьбу, - продолжал командир. - Еще мы клянемся пить воду и есть твердую пищу, так же как они, и полнее овладеть их знаниями и полезными навыками".

Клятва отзвучала, и молодые следопыты рассыпались по равнине. Командир отряда подошел к Дрогу.

- Это последний сбор перед Большим Праздником, - сказал он.

- Знаю, - кивнул Дрог.

- А ты до сих пор всего-навсего следопыт второго класса. Остальные давно получили первый класс или хотя бы звание младшего первопроходца. Что подумают о нашем отряде?

Дрог смущенно поежился.

- В этом не только моя вина, - сказал он. - Конечно, я не сумел сдать нормативы по плаванию и по изготовлению бомбы, но не в этом мое призвание. Не могу же я уметь все. Даже среди первопроходцев была узкая специализация...

- В чем же твое призвание? - перебил командир.

- Горы и леса, - с готовностью ответил Дрог. - Я прошел полный курс по выслеживанию и охоте.

Некоторое время командир испытующе смотрел на него. Затем медленно произнес:

- Дрог, как ты посмотришь, если я в последний раз дам тебе шанс получить первый класс, да еще и Почетный знак в придачу?

- Я готов! - гаркнул Дрог.

- Прекрасно, - сказал командир. - Как называется наш отряд?

- "Охотники на мирашей", сэр!

- А что такое мираш?

- Мираш - это крупный и свирепый зверь, - отчеканил Дрог. - Когда-то мираши заселяли обширную часть Элбоная, и наши предки вели с ними жестокую борьбу. Теперь они вымерли.

- Это не совсем так, - сказал командир отряда. - Один следопыт исследовал леса в пятистах милях к северу отсюда, координаты 233 градуса южной широты - 482 градуса западной долготы, и обнаружил стаю из трех мирашей. Все - самцы, так что охотиться на них можно. Я хочу, чтобы ты, Дрог, их выследил. А еще хочу, чтобы ты, использовав методы первопроходцев, добыл шкуру хоть одного мираша. Справишься?

- Безусловно, сэр!

- Тогда отправляйся немедленно, - сказал командир. - И запомни: шкуру мираша мы прикрепим к нашему флагштоку. Нас наверняка отметят на Большом Празднике.

- Слушаюсь, сэр! - Дрог поспешно собрал свое снаряжение, наполнил флягу жидкостью, прихватил завтрак из твердой пищи и двинулся в путь.

Через несколько минут он уже парил над заданным квадратом. Местность была дикая и романтическая - покрытые снегами горы, причудливо изломанные скалы, низкорослые деревья, заросли густого кустарника в лощинах. Дрог озабоченно озирался по сторонам.

Он слегка покривил душой перед командиром отряда.

Сказать по правде, он не очень-то силен в выслеживании и охоте. Лучше всего он умеет одно: долгими часами парить в мечтательной задумчивости среди облаков на высоте пять тысяч футов.

Вдруг мирашей найти не удастся? Вдруг мираши первыми заметят его? Но он тотчас отбросил эту мысль. А в крайнем случае можно гестибулировать. Никто и не узнает.

Внезапно он почуял слабый запах мирашей. И тут же уловил движение возле странной Т-образной скалы, ярдах в двадцати от себя.

Как все, оказывается, просто, подумал Дрог. Везет же мне! Он не спеша замаскировался подобающим образом и начал пробираться вперед.

Горная тропа становилась круче. Солнце палило совершенно беспощадно. Даже в кондиционированном комбинезоне Пакстон обливался потом. И ему чертовски надоело корчить из себя покладистого парня.

- Когда мы наконец уберемся отсюда? - спросил он.

Эррера успокаивающе хлопнул его по плечу.

- Ты что, не хочешь разбогатеть?

- Мы и так уж разбогатели, - сказал Пакстон.

- Да, но недостаточно, - заметил Эррера, и его длинное загорелое лицо сморщилось в улыбке.

Подошел Стилмен, пыхтя под тяжестью поискового оборудования. Он осторожно опустил груз на тропинку и уселся рядом.

- Слушайте, джентльмены, не пора ли передохнуть немного?

- Можно, - сказал Эррера. - Я вообще готов хоть всю жизнь отдыхать. - Он сел, прислонившись к Т-образной скале.

Стилмен закурил трубку, а Эррера, расстегнув молнию на кармане комбинезона, достал сигару. Пакстон некоторое время наблюдал за ними. Затем повторил свой вопрос:

- Так когда же мы уберемся с этой планеты? Или вы намерены торчать здесь всю жизнь?

Эррера усмехнулся и, чиркнув спичкой, зажег сигару.

- Ты что, не слышал, что я сказал? - завопил Пакстон.

- Уймись, не тебе одному решать, - сказал Стилмен. - В этой экспедиции мы - равноправные компаньоны.

- Но организовано все это на мои деньги! - напомнил Пакстон.

- Разумеется. Потому мы и взяли тебя в долю. Эррера - опытный золотоискатель. Я владею теорией и вдобавок управляю ракетой. А у тебя есть деньги.

- Но мы уже и так завалили весь корабль, - перебил Пакстон. - Грузовые отсеки забиты до предела. Почему бы нам не отправиться наконец в какое-нибудь цивилизованное место и не начать прожигать жизнь?

- Мы с Эррерой не разделяем твоих аристократических замашек, - терпеливо сказал Стилмен. - У нас с ним есть невинное желание заполнить сокровищами каждую щель, каждый уголок. Мы хотим, чтобы резервуары для горючего были набиты золотом, мешки для зерна - изумрудами, чтобы пол на целый фут покрывали алмазы. Ведь здесь повсюду разбросаны бесценные сокровища, которые прямо-таки умоляют, чтобы их подобрали. Мы хотим фантастически разбогатеть, Пакстон, до отвращения разбогатеть, понимаешь?

Пакстон не слушал. Он напряженно всматривался во что-то у изгиба тропы и внезапно прошептал:

- Это дерево только что сдвинулось с места.

Эррера расхохотался:

- Не иначе как чудовище увидал.

- Спокойно, - сказал Стилмен. - Послушай, малыш, я человек пожилой, располневший, меня нетрудно напугать. Неужели ты думаешь, что я бы остался здесь, если б нам грозила хоть малейшая опасность?

- Смотрите! Оно опять шевельнулось!

- Мы обследовали эту планету три месяца назад, - сказал Стилмен. - И не обнаружили никаких следов пребывания разумных существ, никаких опасных животных и ядовитых растений. Здесь есть только леса, горы, озера, реки да разбросанные повсюду изумруды, алмазы и золотые слитки. В противном случае на нас бы наверняка уже давно напали.

- Говорю вам, я видел, как оно двигалось, - твердил Пакстон.

Эррера встал.

- Вот это дерево? - спросил он.

- Да. Посмотри сам, оно даже на другие деревья не похоже. Совсем иная форма...

Неуловимым движением Эррера выхватил из кобуры бластер и трижды пальнул в дерево. Через мгновение там, где оно стояло, и в радиусе десяти ярдов вокруг остались только черные обгоревшие остовы.

- Ну вот и все, - сказал Эррера.

Пакстон поскреб подбородок.

- Я слышал, как оно вскрикнуло, когда ты выстрелил.

- Еще бы. Но теперь-то уж я его пристрелил, - мягко сказал Эррера. - Если еще что-нибудь будет двигаться, ты только скажи, я и с ним разделаюсь. Ну а теперь давайте-ка пособираем изумруды.

Пакстон и Стилмен, подобрав свои сумки, двинулись вверх по тропе за Эррерой.

- Ничего парень, а? - тихо сказал Стилмен Пакстону, кивая на Эрреру.

Дрог мало-помалу пришел в себя. Огненное оружие мираша застало его врасплох. До сих пор он не мог понять, как это произошло. Ведь никто его предварительно не обнюхивал, никто не рычал, не прижимал ушей, напали буквально без всякого предупреждения. Мираш применил оружие молниеносно, даже не пытаясь выяснить, друг перед ним или враг.

Теперь Дрог вполне осознал, с каким лютым зверем столкнулся. Выждав, пока затихнут шаги мирашей, он, превозмогая боль, попытался привести в порядок зрительные рецепторы. Ничего не вышло. Дрога охватил ужас. Если повреждена нервная система, это - конец.

Он сделал еще одну отчаянную попытку и вздохнул с облегчением - зрение восстановилось. Инстинктивно он успел в момент вспышки сквондицироваться,

и это спасло ему жизнь.

Дрог почувствовал, что у него не осталось ни малейшего желания преследовать мирашей. Ну а что, если он вернется без этой дурацкой шкуры? Можно сказать командиру отряда, что все мираши оказались самками, а на самок охотиться запрещено. Слово следопыта не подлежит сомнению, и никто не станет проверять его и допрашивать. Впрочем, Он никогда не пойдет на это. Как только можно подумать такое?

Что ж, мрачно размышлял он, может, уйти из следопытов? Покончить с надоевшими кострами, песнями, играми, товариществом?..

Нет, ни за что, решил он. Надо взять себя в руки. Он действовал так, будто мираш - сознательное существо. А ведь мираши - вовсе не разумные существа. Животные без щупалец не бывают разумными. Таков Закон Этлиба, а он неоспорим. В борьбе разума с животным инстинктом всегда побеждает разум. Иначе быть не может. Остается только придумать способ.

Дрог вновь пустился на поиски мирашей, преследуя их по запаху. Какое лучше применить оружие? - думал он. Небольшую атомную бомбу? Нет, так наверняка испортишь шкуру.

Он вдруг остановился и расхохотался. Все очень просто, и как это он раньше не додумался. Зачем вступать с мирашами в непосредственный и опасный контакт? Самое время пораскинуть мозгами, пустить в ход знание психологии животных и умение расставлять капканы с приманкой.

Вместо того чтобы выслеживать мирашей, он отправится к ним в логово.

И там устроит ловушку.

Для временного лагеря была выбрана пещера. Добрались они туда уже на закате. Утесы и острые вершины скал отбрасывали причудливые длинные тени. Корабль находился в долине, милях в пяти от лагеря, его металлический корпус вспыхивал красновато-серебристыми бликами. В сумках трех старателей лежало около дюжины изумрудов, небольших, но изумительного оттенка.

В такие минуты Пакстон любил помечтать о светловолосой девушке из маленького городка в Огайо; Эррера улыбался про себя, предвкушая, как растранжирит миллион долларов, прежде чем остепенится и станет фермером, а Стилмен мысленно проговаривал свою будущую диссертацию об инопланетных минеральных месторождениях.

У всех было приподнятое настроение. Пакстон совершенно оправился от

недавней нервной встряски и теперь был бы только рад, если б вдруг появилось какое-нибудь зеленое чудище, преследующее очаровательную, полуодетую девушку.

- Ну, вот мы и дома, - сказал Стилмен, когда они подошли к пещере. - Как насчет бифштекса на ужин?

Сегодня была его очередь готовить.

- С лучком, - откликнулся Пакстон, направляясь в пещеру, и тотчас отскочил назад. - Что за чертовщина?

В нескольких футах от входа виднелось блюдо с маленьким, еще дымящимся бифштексом, бутылка виски и четыре крупных алмаза.

- Странно, - сказал Стилмен. - И наводит на самые тревожные мысли.

Пакстон склонился получше рассмотреть алмазы, но Эррера оттолкнул его.

- Вдруг они начинены взрывчаткой.

- Я не вижу никаких проводов, - возразил Пакстон.

Эррера уставился на бифштекс, алмазы и виски. Взгляд его был весьма мрачен.

- Не нравится мне это, - сказал он.

- Возможно, на планете все-таки есть аборигены, - предположил Стилмен, - притом очень робкие. И эти подарки они прислали в знак добрых намерений.

- Правильно, - заметил Эррера, - и специально ради нас мотались на Землю за бутылкой "Олд Спейс Рейнджер".

- Что будем делать? - спросил Пакстон.

- Отойдите-ка немного назад, - приказал Эррера. Он отломил от стоящего рядом дерева длинную ветку и осторожно потрогал ею алмазы.

- Ну вот, ничего же не случилось, - сказал Пакстон.

Высокая трава под ногами Эрреры внезапно обвила его щиколотки. Почва вздыбилась, образовав небольшой диск, футов пятнадцать диаметром, который, вырывая с корнями траву, завертелся и начал подниматься в воздух. Эррера попытался спрыгнуть, но стебли вцепились в него, словно тысячи зеленых щупалец.

- Держись! - взвизгнул Пакстон и, подпрыгнув, ухватился за край диска. Диск круто накренился, на мгновение замер, потом вновь стал подниматься. Но Эррера уже успел выхватить охотничий нож и судорожно принялся рассекать травяные путы. Стилмен наконец вышел из оцепенения и ухватил за ноги парящего вверху Пакстона, задержав еще ненамного стремительный подъем диска. Тем временем Эррера с трудом высвободил одну ступню и перекинул свое мощное тело через край диска. Стебли, обвивавшие вторую ногу, вскоре поддались под его тяжестью. Падая вниз головой, Эррера успел в последний

момент вывернуться и приземлился на плечи. Пакстон тоже отпустил диск и рухнул прямо на живот Стилмену. А травяной диск вместе с бифштексом, алмазами и бутылкой виски взмыл вверх и скрылся из виду.

Солнце село. Трое мужчин молча вошли в пещеру, держа бластеры на изготовку. У входа они разожгли костер, а сами прошли вглубь.

- Будем дежурить поочередно, - сказал Эррера.

Пакстон и Стилмен согласно кивнули.

- Ты прав, Пакстон, - продолжал Эррера, - мы пробыли здесь достаточно долго.

- Даже слишком долго, - поправил Пакстон.

Эррера пожал плечами:

- Как только рассветет, вернемся на корабль и уберемся отсюда к черту.

- Если нам суждено добраться до корабля, - заметил Стилмен.

Дрог совершенно пал духом. С замиранием сердца он следил, как сработал капкан, как развернулась борьба и как мирашу удалось спастись. Такой был замечательный мираш! Самый крупный из трех.

Теперь-то Дрог понял, в чем его ошибка. В стремлении добиться наилучшего результата он перестарался с приманкой. Было бы достаточно и одних минералов, до которых мираши ужасно падки. Так нет же, ему захотелось улучшить методы первопроходцев и прибегнуть вдобавок к пищевому раздражителю. Неудивительно, что мираши заподозрили неладное.

Теперь они озлобились, держатся настороженно и потому особенно опасны.

А разъяренный мираш - одно из самых опасных существ во всей Галактике.

Когда на западе взошли две элбонайские луны, Дрог почувствовал себя совсем одиноким. Он видел пылающий у входа в пещеру костер, разведенный мирашами, видел самих мирашей, затаившихся в глубине, с оружием наготове.

Неужели шкура мираша стоит таких усилий? Дрог подумал, как хорошо было бы сейчас полетать на высоте пяти тысяч футов и помечтать немного, вылепливая затейливые фигурки из облаков. Он с удовольствием подкрепился бы немного космическими лучами, вместо того чтобы поглощать отвратительную твердую пищу. И вообще, какой смысл во всей этой охоте с преследованием? Бесполезные умения, в которых его народ уже не нуждается.

Дрог совсем было убедил себя в этом, как вдруг его словно осенило.

Да, для элбонайской цивилизации время борьбы за существование и все связанные с нею опасности канули в прошлое. Но Вселенная велика и полна неожиданностей. Кто может предвидеть, что ждет элбонайцев, с какими новыми опасностями им придется столкнуться. И как тогда быть, если охотничьи навыки будут утрачены?

Нет, старые знания нельзя забывать; они должны служить образцом, напоминанием, что мирная и разумная жизнь хрупка и уязвима во враждебной Вселенной.

Он добудет шкуру мираша или погибнет! Самое главное - заставить их покинуть пещеру. Охотничий инстинкт вновь вернулся к Дрогу. Быстро и умело он настроил свои голосовые связки на голос мирашей.

- Слышал? - спросил Пакстон.

- Кажется, да, - ответил Стилмен.

Они напряженно вслушались в темноту.

Звук послышался вновь. Чей-то голос кричал:

- На помощь! На помощь!

- Это девушка! - Пакстон вскочил на ноги.

- Это _похоже_ на девушку, - подчеркнул Стилмен.

- На помощь, умоляю! Я больше не выдержу! Помогите, хоть кто-нибудь!

Кровь бросилась в голову Пакстону. На мгновение он представил себе девушку: маленькая, хрупкая, она стоит возле своего сломанного туристского корабля (что за идиотство путешествовать таким образом!) в окружении скользких, отвратительных зеленых чудовищ.

Пакстон поднял запасной бластер и спокойно сказал:

- Я пойду туда.

- Сядь на место, болван! - приказал Эррера.

- Ты же слышал, как она...

- Это не может быть девушка, - сказал Эррера. - Откуда взяться девушке на этой планете?

- Вот это я и собираюсь выяснить, - решительно заявил Пакстон, угрожающе размахивая двумя бластерами.

- Сядь! - рявкнул Эррера.

- Он прав, - попытался урезонить Пакстона Стилмен, - даже если там действительно девушка, в чем я очень сомневаюсь, мы все равно ничем ей не поможем.

- На помощь! На помощь! Он бежит за мной! - звал голос.

- Прочь с дороги! - с угрозой крикнул Пакстон.

- Ты в самом деле хочешь идти? - недоверчиво переспросил Эррера.

- Да. И попробуй только мне помешать!

- Что ж, валяй! - Эррера махнул рукой к выходу из пещеры.

- Нельзя так отпускать его, - с ужасом сказал Стилмен.

- Ему же подыхать, - лениво ответил Эррера.

- Не беспокойтесь, - сказал Пакстон, - через пятнадцать минут я вернусь. Вместе с ней.

Повернувшись на каблуках, он направился к выходу. Эррера подался чуть вперед и точно рассчитанным движением стукнул его поленом по затылку. Стилмен еле успел подхватить бесчувственное тело.

Вдвоем они оттащили Пакстона в глубь пещеры и вернулись на свой пост. Несчастная леди стонала и умоляла о помощи еще долгих пять часов.

Мрачный дождливый рассвет Дрог встретил в ста ярдах от пещеры. Он видел, как мираши выбрались наружу и тесной кучкой, с оружием наготове зашагали вперед, внимательно следя за малейшим движением вокруг.

Почему и на сей раз он потерпел неудачу? Учебник следопытов говорил, что это самое верное средство выманить самца мираша. Может, у них еще не начался сезон спаривания?

Мираши направлялись к яйцевидному металлическому снаряду, в котором Дрог узнал примитивное устройство для космических полетов. Модель была довольно грубая, но внутри ее мираши оказались бы вне его досягаемости.

Конечно, он бы мог попросту тревестировать их, но это негуманно. Древние элбонайцы всегда были милосердны к своим врагам, а юный следопыт во всем стремился походить на них.

Оставалась еще илитроция, один из древнейших способов охоты, но для этого Дрогу нужно будет подобраться к мирашам вплотную. Впрочем, терять было нечего.

Да и погода ему благоприятствовала.

Сначала в воздухе висела лишь прозрачная легкая дымка. Но затем, когда водянистое солнце взошло на сером небосклоне, туман начал густеть.

Эррера с досадой выругался.

- Держитесь ближе друг к другу. Нам только этого не хватало!

Теперь они шли, держа друг друга за плечи, с бластерами наготове. Рассмотреть что-либо в непроницаемой мгле было невозможно.

- Эррера!

- Что?

- Ты уверен, что мы идем правильно?

- Конечно. Я взял курс по компасу еще до этого проклятого тумана.

- А если компас сломается?

- Даже думать об этом не смей.

Они осторожно прокладывали себе дорогу среди обломков скал.

- Кажется, я вижу корабль, - сказал Пакстон.

- Нет, еще рано, - отозвался Эррера.

Неожиданно Стилмен споткнулся о камень и выронил бластер. Подняв его, он пошарил во мгле руками, нащупал плечо Эрреры и продолжил путь.

- Уже близко, - сказал Эррера.

- Хорошо бы, - откликнулся Пакстон, - я уже сыт по горло всем этим.

- Думаешь, твоя красотка ждет тебя на корабле?

- Тебе не надоело болтать об одном и том же?

- Ладно-ладно, - сказал Эррера. - Послушай, Стилмен, держись-ка лучше за мое плечо. Не стоит сейчас теряться.

- Я и так держусь за твое плечо, - ответил Стилмен.

- Ничего подобного.

- Говорю тебе, что да.

- Послушай, я, наверно, лучше знаю, держит меня кто за плечо или нет.

- Может, это твое плечо, Пакстон?

- Нет.

- Плохо дело, - медленно произнес Стилмен, - очень плохо.

- Почему?

- Потому что я определенно держусь за чье-то плечо.

- Ложись! - заорал Эррера. - Быстрей ложись! Дай мне выстрелить!

Но было уже поздно. Кисловатый запах распространился в воздухе. Стилмен и Пакстон вдохнули его и рухнули как подкошенные. Эррера вслепую рванулся вперед, стараясь не дышать, но споткнулся, упал на обломок скалы, попытался встать...

Все почернело у него перед глазами.

Неожиданно туман рассеялся. Дрог стоял один, торжествующе улыбаясь. Он вытащил длинный нож и склонился над ближайшим к нему мирашем...

Корабль несся к Земле со скоростью, грозившей в один миг пережечь все двигатели. Эррера суетился над пультом управления. Наконец ему удалось вернуть себе обычное хладнокровие и переключить скорость на нормальную. Руки у него дрожали, загорелое лицо все еще было землистого цвета.

Из каюты, пошатываясь, вышел Стилмен и в изнеможении рухнул в кресло второго пилота.

- Как Пакстон? - спросил Эррера.

- Я впрыснул ему дрон-3, - сказал Стилмен. - Все будет в порядке.

- Он славный малый, - сказал Эррера.

- Думаю, это обычный шок. Когда он придет в себя, посажу его считать алмазы. Лучшего лекарства, по-моему, не придумаешь.

Эррера ухмыльнулся, лицо его опять порозовело.

- Теперь, когда все позади, я бы и сам с удовольствием посчитал алмазы. - Тут он посерьезнел. - Не могу я все-таки понять, Стилмен, кому и зачем это могло понадобиться? Хоть убей, не понимаю.

Большой Праздник Следопытов удался на славу. Отряд N_22 - "Парящие соколы" - показал небольшую пантомиму о покорении Элбоная. Отряд N_31 - "Отважные бизоны" - был облачен в боевую форму первопроходцев.

А во главе "Охотников на мирашей" шагал Дрог, теперь уже следопыт первого класса, на груди его сверкал Почетный знак. Дрог нес знамя отряда, что считалось наивысшей почестью, и все громко приветствовали его.

Потому что на древке гордо развевалась шкура настоящего взрослого мираша и все ее молнии, клапаны, пуговицы, застежки и кобуры весело и ярко сверкали на солнце.

Роберт Шекли.
Наивная планета

Журнал "Изобретатель и рационализатор", 1990, N 7. Пер. - В.Бука.
OCR & spellcheck by HarryFan

Космический пилот Джонни Безик состоял на службе компании "Эс-Би-Си Эксплорейшнс". Он исследовал подступы к скоплению Сиргона, в то время совершенно неведомой области космоса. Первые четыре планеты не показали ничего интересного. Безик приблизился к пятой, и начался стандартный кошмар.

Ожил корабельный громкоговоритель. Раздался низкий голос.

- Вы находитесь в окрестностях планеты Лорис. Очевидно, вы собираетесь произвести посадку?

- Верно, - подтвердил Джонни. - Как получилось, что вы говорите по-английски?

- Одна из наших вычислительных машин овладела языком на основе эмпирических данных, ставших доступными во время вашего приближения к планете.

- Ишь ты, недурно? - восхитился Джонни.

- Пустяки, - ответил голос. - Сейчас мы войдем в непосредственную связь с корабельным компьютером и введем параметры орбиты, скорость и другие сведения. Вы не возражаете?

- Конечно, валяйте! - сказал Джонни.

Итак, он только что впервые в истории Земли вошел в контакт с иным разумом.

Джонни развалился в кресле и наблюдал, как приборы на пульте управления регистрировали изменения курса и скорости. На видеоэкране появилась планета Лорис - голубая, зеленая, коричневая, чертовски похожая на Землю. Разве что очертания материков были иными, а так - до того похоже, что Безик подумал: не встретит ли он там парней со своей улицы.

Чудесно, если эти парни, эти космические соседи - смышленые ребята. Но вовсе не так здорово, если они соображают намного лучше вас и при этом, возможно, сильнее, проворнее и более агрессивны. Подобным соседям может взбрести на ум сделать с вами что угодно. Разумеется, вовсе не обязательно

будет так, но к чему кривить душой: мы живем в жестокой Вселенной, и извечный вопрос - это кто наверху.

Земля посылала экспедиции, исходя из расчета, что если где-то там кто-то есть, то лучше пусть мы найдем их, чем они свалятся нам на голову одним тихим воскресным утром. Сценарий стандартного земного кошмара всегда начинался контактом с чудовищной цивилизацией. Бывали, правда, варианты. Иногда инопланетяне оказывались высокоразвиты технически, иногда обладали невероятными психокинетическими способностями, иногда были глупы, но практически неуязвимы - ходячие растения, роящиеся насекомые и тому подобное. Обычно они были безжалостны и аморальны - не в пример хорошим земным парням.

Но это второстепенные детали. Главное оставалось всегда: _Земля вступает в контакт с чужой могущественной цивилизацией, и она нас покоряет_.

На эту тему Безик немало наговорился на Земле с такими же пилотами, как он, в промежутках между полетами.

А сейчас он узнает ответ на единственный вопрос, который серьезно волнует Землю: они нас, или мы их?..

Воздухом Лориса можно дышать, а вода годна для питья. Обитатели Лориса - гуманоиды. При помощи гипнопедии они преподали Безику свой язык и показали ему главный город Атисс.

Чем больше Джонни наблюдал, тем становился мрачнее.

Лорианцы были приятными, уравновешенными и доброжелательными существами. За последние пять столетий их история не знала войн или восстаний. Рождаемость и смертность были надежно сбалансированы: население многочисленно, но всем хватало места и возможностей. Существовали расовые отличия, однако никаких расовых проблем. Лорианцы обладали высокоразвитой техникой, но с успехом соблюдали чистоту окружающей среды и экологическое равновесие. Каждый занимался любимой творческой работой, в то время как весь тяжелый труд выполняли саморегулирующиеся механизмы.

В столице Атисс - гигантском городе с фантастически красивыми зданиями, башнями, дворцами - было все: базары, рестораны, парки, величественные скульптуры, кладбища, аттракционы, пирожковые, песочницы, даже прозрачная

река. Все, что ни назови. И все бесплатно, включая пищу, одежду, жилье и развлечения. Каждый брал, что хотел, и отдавал, что хотел, и каким-то образом это уравновешивалось. Поэтому на Лорисе обходились без денег, а при отсутствии денег отпадала нужда в банках, казначействах и хранилищах. Даже замки не требовались: все двери на Лорисе открывались и закрывались по обыкновенному мысленному приказу.

Но вот что было странно и ни на что не похоже: чем внимательнее Джонни всматривался, тем больше ему казалось, что Лорис вовсе не имел никакого правительства. Пожалуй, ближе всех к образу правителя подходил некто Веерх, руководитель Бюро Проектирования Будущего. А Веерх никогда не отдавал распоряжений - лишь время от времени выпускал экономические, социальные и научные прогнозы.

Безик узнал все это за несколько дней. Ему помогал специально назначенный сопровождающий по имени Хелмис, ровесник Джонни. Поскольку он обладал умом, терпимостью, сметкой, добротой, неисчерпаемым юмором, самокритичностью и прозорливостью, то Джонни его на дух не выносил.

Размышляя на досуге в роскошном номере гостиницы, Джонни понял, что лорианцы настолько близки к воплощению человеческих идеалов безупречности, насколько можно ожидать. Казалось, они обладали абсолютно всеми достоинствами. Но это никак не противоречило стандартному земному кошмару. Земляне никогда не пожелают плясать под дудку инопланетян, даже самых добродетельных.

Безик ясно видел, что лорианцы не любят лезть на рожон, они домоседы, не домогаются ничьих территорий, не хотят никого покорять и само понятие "экспансия" им чуждо. Но, с другой стороны, они не могли не сообразить, что если не предпринять что-нибудь по отношению к Земле, то Земля уж точно предпримет что-нибудь по отношению к ним...

Возможно, правда, что никаких трудностей не возникнет вовсе. Возможно, у народа столь мудрого, доверчивого и миролюбивого, как лорианцы, и в помине нет никакого оружия.

Но на следующий день, когда Хелмис предложил осмотреть Космический Флот Древней Династии, Безик убедился в беспочвенности своих надежд.

Флоту было тысяча лет, и все семьдесят кораблей работали, как

отлаженные часы.
- Тормиш II, последний правитель Древней Династии, намеревался завоевать все обитаемые планеты, - пояснил Хелмис. - К счастью, наш народ созрел прежде, чем он успел начать исполнение своего замысла.
- Но корабли вы сохранили, - заметил Джонни.
Хелмис пожал плечами.
- Это памятник нашей прошлой безрассудности. Ну и, по правде сказать, если на нас вдруг все-таки нападут... Попробуем отбиться.
- Думаю, небезуспешно, - промолвил Джонни. Он прикинул, что один такой корабль запросто справится со всем, что Земля сможет вывести в космос в ближайшие два столетия.
Такова была жизнь на Лорисе - точь-в-точь, какой ей следовало быть по сценарию стандартного кошмара. Слишком хороша для правды. Идеальна. Ужасающе, отвратительно идеальна.
Но уж так ли она безупречна? Джонни в полной мере обладал свойственной землянам верой в то, что на каждое достоинство есть соответствующий порок. Сию мысль он обычно выражал следующим образом: "Здесь должна быть какая-то лазейка". Даже в раю господнем дела не могут идти совсем гладко.
Он наблюдал, критически взвешивал, сопоставлял. У лорианцев была полиция. Их называли "наставниками", и вели они себя чрезвычайно вежливо. Но, по существу, были полицейскими. Это указывало на существование преступников.
Хелмис развеял выводы Джонни.
- У нас, разумеется, есть отдельные случаи генетических отклонений от нормы, но вовсе нет преступного мира. Наставники занимаются скорей образованием, чем исполнением закона. Любой гражданин вправе поинтересоваться мнением наставника по каким-либо нюансам личного поведения. А уж если он ненароком нарушит закон, наставник на это укажет.
- А потом арестует?
- Нет! Гражданин извинится, и инцидент будет исчерпан.
- Но что, если гражданин нарушает закон снова и снова? Как тогда поступают наставники?
- Такого никогда не бывает.
- И все-таки?
- Я знаю, что наставники способны действовать эффективно при любых обстоятельствах.
- Вольно они хлипкие, - сомнительно пробормотал Джонни.
Несмотря на хлипкость наставников, дела на Лорисе шли потрясающе здорово. Кругом царили радость и совершенство. Наставники вели себя, как

скромные и деликатные девушки. На дорогах никогда не бывало пробок, никто не портил друг Другу нервы. Миллионы автоматических систем доставляли в город жизненно важные продукты и вывозили отходы. Люди блаженствовали, наслаждались общением с окружающими и занимались искусством.

Да, это был настоящий рай. Даже Джонни Безик не мог не признать этого. И его настроение портилось все больше и больше.

Почти две недели Джонни держал себя в руках. Затем в один прекрасный день, сидя за рулем (автомобиль был на ручном управлении), он сделал левый поворот, не подав сигнала.

Машина сзади как раз увеличила скорость, собираясь обходить слева. Резкий поворот Джонни едва не привел к столкновению. Машины завертелись и остановились нос к носу. Джонни и водитель из другой машины вылезли.

- Ну и ну, дружище! - весело сказал водитель. - Мы едва не треснулись.

- Какое там треснулись, к чертовой матери! - рявкнул Джонни. - Ты меня подрезал.

Водитель доброжелательно рассмеялся.

- По-моему, нет. Хотя, разумеется, я признаю возможность...

- Послушай, - перебил Джонни. - Из-за твоей проклятой невнимательности мы оба могли отправиться на тот свет.

- Но вы, безусловно, находились впереди, а делать внезапный поворот...

Джонни резко подался вперед и угрожающе прорычал:

- Не городи чепухи, парень. Сколько раз повторять, что ты неправ?

Водитель опять рассмеялся, пожалуй, с некоторой нервозностью.

- Я предлагаю вопрос виновности вынести на суд свидетелей, - кротко произнес он. - Убежден, что все эти славные стоящие здесь люди...

Джонни покачал головой.

- Мне не нужны никакие свидетели, - заявил он. - Я знаю, что произошло. Я знаю, что виноват ты.

- Похоже, вы совершенно уверены...

- Еще бы я не был уверен! - возмутился Джонни. - Я уверен, потому что знаю.

- Что ж, в таком случае...

- Ну?

- В таком случае, - молвил водитель, - мне остается лишь извиниться.

- Да уж, по меньшей мере, - сказал Джонни, величаво прошел к машине и умчался на недозволенной скорости.

После этого Безик почувствовал некоторое облегчение. Но все равно он был сыт по горло превосходством лорианцев, его тошнило от их рассудительности, от их добродетелей.

Он вернулся в номер с двумя бутылками спиртного, производившегося на Лорисе в медицинских целях, пил и предавался мрачным раздумьям.

Вскоре пришел советник по этике и указал, что поведение Джонни на шоссе

было вызывающим, невежливым и диким. Он изложил все в очень тактичной форме.

Джонни предложил ему убраться. Советник продолжал выговаривать. Он рекомендовал лечение. Он даже настаивал на лечении: Джонни чересчур подвержен злости и агрессивному настроению, он являет угрозу для граждан.

Джонни велел советнику сгинуть. Советник отказался сгинуть и оставить проблему неразрешенной. Джонни разрешил проблему, вытолкав его за дверь.

Потрясенный советник поднялся на ноги и из-за двери поставил Джонни в известность, что до выяснения обстоятельств дела ему придется смириться с изоляцией.

- Только попробуйте, - многообещающе заявил Джонни.

- Вы не беспокойтесь, - обнадежил советник. - Это ненадолго и не будет связано с неприятными ощущениями. Мы осознаем культурные различия между нами. Но мы не можем допустить неконтролируемое и необоснованное насилие.

- Если вы не станете меня заводить, я не выйду из себя, - сказал Джонни. - Главное, не ерепеньтесь и не вздумайте меня запирать.

- Наши правила абсолютно ясны. Скоро сюда придет наставник. Я советую вам с ним не спорить.

- Похоже, вы напрашиваетесь на неприятности, - заметил Джонни. - Ладно, малыш. Делайте, что считаете нужным. И я буду делать, что считаю нужным.

Советник удалился. Джонни пил и размышлял. Пришел наставник. Как официальный представитель закона, наставник ожидал от Джонни беспрекословного повиновения. Когда Джонни отказался, он был ошеломлен. Так не положено! Наставник ушел за новыми указаниями.

Джонни продолжал пить. Через час наставник вернулся и сообщил, что он наделен полномочиями увести Джонни силой, если потребуется.

- Это правда? - спросил Джонни.

- Да, так что не принуждайте меня...

Джонни вышвырнул его, тем самым избавив от необходимости применить силу.

Безик покинул номер на не совсем твердых ногах. Он знал, что нападение на наставника - тяжкий проступок. Так просто ему не выкрутиться. Он решил вернуться на корабль и убраться подобру-поздорову. Они, конечно, могут помешать взлету или уничтожить его в воздухе, но вряд ли станут утруждать себя. Они наверняка будут только рады избавиться от него.

Безик достиг корабля без приключений. Вокруг суетились десятка два рабочих. Он сказал мастеру, что хочет немедленно взлететь. Тот был

чрезвычайно расстроен, что не может услужить. Двигатель разобран, его прочищают и модернизируют - скромный дружеский дар лорианского народа.

- Дайте нам еще пять дней, и у вас будет самый быстрый корабль к западу от Ориона, - пообещал мастер.

- Чертовски мне это пригодится, - прорычал Джонни. - Послушайте, я страшно спешу. Не могли бы вы поставить мне двигатель поскорее?

- Работая круглосуточно и без перерывов на обед, мы постараемся управиться за три с половиной дня.

- Просто великолепно, - выдавил Джонни. - Кто велел вам трогать мой корабль?

Мастер принес извинения. Джонни взбесился еще больше. Очередной акт бессмысленного насилия был предотвращен прибытием четырех наставников.

Безик оторвался от преследования в лабиринте извивающихся улочек, но заблудился. Над ним возвышалась аркада. Сзади появились два наставника.
Безик побежал по узким каменным коридорам. Вскоре путь ему преградила закрытая дверь.

Он приказал ей открыться. Дверь оставалась закрытой - очевидно, по указанию наставников. В ярости Безик повторил приказ. Мысленная команда была столь сильна, что дверь с грохотом распахнулась, как и все прочие двери в непосредственном окружении. Джонни убежал от наставников и остановился перевести дыхание.

Долго так продолжаться не может. Необходимо разработать план. Но какой план способен выручить одного землянина, преследуемого целой планетой лорианцев? Шансы слишком неравны.

И вдруг Джонни родил идею: он решил найти здешнего правителя и пригрозить ему смертью, если его люди не успокоятся и не прислушаются к голосу разума.

У идеи был только один изъян - этот народ не имел правителя. Самая нечеловеческая черта лорианцев.

Тем не менее у них было несколько важных чиновников. Например, Веерх.
Конечно, подобную шишку положено охранять. Однако обитатели сумасшедшего дома под названием Лорис, наверное, попросту не додумались до этого. Они слишком наивны.

Точно! Вот она, лазейка! Вот она, слабина всей планеты! Ее обитатели слишком наивны. И этим грех не воспользоваться.

Дружелюбный прохожий сообщил ему адрес. До Бюро Проектирования Будущего оставалось четыре квартала, когда Безика остановил отряд из двадцати

наставников.

Они неуверенно потребовали, чтобы он сдавался. Джонни пришло в голову, что хотя в аресте людей заключался смысл их работы, производить его им наверняка приходилось впервые. В первую очередь это были миролюбивые, рассудительные граждане, и лишь во вторую - полицейские.

- Кого вы хотите арестовать? - спросил он.

- Чужеземца по имени Джонни Безик, - ответил старший наставник.

- Я рад это слышать, - сказал Джонни. - Он причинил мне немало неприятностей.

- Но разве вы не...

Джонни рассмеялся.

- Не я ли тот опасный чужеземец? Мне жаль вас разочаровывать, но вынужден ответить отрицательно. Я знаю, однако, о нашем сходстве.

Наставники стали обсуждать создавшееся положение.

Джонни продолжал:

- Послушайте, друзья, я родился вот в этом доме. Меня могут опознать двадцать человек, включая жену и четырех детей. Какие вам еще нужны доказательства?

Наставники снова засовещались.

- Более того, - не унимался Джонни, - неужели вы искренне полагаете, что я действительно тот опасный и неудержимый преступник? По-моему, здравый смысл должен подсказать вам...

Старший наставник извинился.

Джонни продолжил путь. От цели его отделял всего квартал, и тут Безик повстречался с новой группой наставников. Их сопровождал его бывший гид, Хелмис.

Они призвали Джонни сдаваться.

- У меня нет времени, - заявил Безик. - Ваши приказы отменены. Я уполномочен сейчас же открыть свою истинную личность.

- Мы знаем вашу истинную личность, - сказал Хелмис.

- Если б вы знали, мне не пришлось бы ее открывать, не так ли? Слушайте внимательно. Я лорианец, много лет назад обученный агрессивности для особого задания. Это задание теперь выполнено. Я вернулся - как планировалось - и провел несколько простейших тестов с целью проверки психологической атмосферы на Лорисе. Вам известны результаты. Они удручающи с точки зрения выживания расы. Я обязан немедленно обсудить эту проблему и другие высокие материи с Главным Проектировщиком Бюро Проектирования Будущего. Могу сообщить вам, совершенно конфиденциально, что наше положение крайне серьезно и не оставляет времени на раздумья.

Сбитые с толку наставники попросили Джонни подтвердить свое заявление.

- Я же сказал, что дело не терпит промедления. С удовольствием все подтвердил бы - если бы было время.

- Сэр, без приказа мы не можем позволить вам уйти.

- В таком случае вероятная гибель нашей планеты лежит на вашей совести.

- Какое у вас звание, сэр? - спросил офицер-наставник.

- Выше, чем у вас, - быстро ответил Джонни.

Офицер пришел к решению.

- Что прикажете, сэр?

Джонни улыбнулся.

- Сохраняйте спокойствие. Пресекайте панику. Ждите дальнейших указаний.

Безик уверенно продолжил свой путь. Он достиг двери Бюро и приказал ей открыться. Дверь открылась. Но войти он не успел.

- Поднимите руки и отойдите от двери! - раздался жесткий голос сзади.

Безик обернулся и увидел группу из десяти наставников. Все десять были одеты в черное и держали оружие.

- Мы имеем право стрелять, - предупредил один из них. - Не пытайтесь нас обмануть. Нам приказано не обращать внимания на ваши слова и любой ценой произвести арест.

- Не имеет смысла убеждать вас, да?

- Никакого. Идите.

- Куда?

- Специально для вас мы открыли одну из древних тюрем. Вам будут созданы все условия. Судья займется вашим делом, учитывая инородство и низкий уровень культуры. Вы, безусловно, получите предупреждение и, полагаю, немедленно покинете Лорис.

- Это вовсе не плохо. Я в самом деле отделаюсь так легко?

- Нас в этом заверили, - сказал наставник. - Мы разумные и сострадательные люди. Ваше доблестное сопротивление высоко оценено.

- Благодарю.

- Но теперь с этим покончено. Вы пойдете с нами по доброй воле?

- Нет.

- Простите, не понимаю.

- Вы много чего не понимаете обо мне и землянах. Я намерен войти в эту дверь.

- Если попытаетесь, мы будем стрелять.

- Ладно, - сказал Джонни. - Стреляйте, черт с вами.

И вошел в дверь. Наставники не стреляли. Идя по коридорам Бюро Проектирования Будущего, Джонни слышал, как они спорили за его спиной.

Вскоре он оказался лицом к лицу с Веерхом, Главным Проектировщиком. Веерх был спокойным маленьким человечком с лицом престарелого эльфа.

- Здравствуйте, - сказал Главный Проектировщик. - Садитесь, пожалуйста. Я закончил прогноз взаимоотношений между Землей и Лорисом.

- Оставьте его при себе, - мрачно посоветовал Джонни. - У меня есть парочка незатейливых просьб, которые, я уверен, вы с радостью выполните.

Иначе...

- Полагаю, вам было бы интересно знать, - перебил Веерх, - что мы экстраполировали ваши земные психологические черты и сравнили с нашими, лорианскими. Похоже, между нами неминуемо произойдет столкновение в борьбе за господство. Инициаторами, естественно, явитесь вы. Вы, земляне, попросту не успокоитесь, пока не выясните, кто здесь главный. Исход неизбежен, учитывая ваш уровень развития. С точки зрения техники у вас нет ни единого шанса. Мы можем в два счета уничтожить любой ваш флот.

- Выходит, вам не о чем беспокоиться.

- Но техника не имеет такого значения, как психология. Вы, земляне, достаточно развиты и не будете бросаться на нас в лоб. Пойдут переговоры, угрозы, нарушения, снова переговоры, нападения, объяснения, вторжения, битвы и тому подобное. Мы не в состоянии делать вид, будто вас не существует, и отказываться сотрудничать с вами, желая найти более разумное и справедливое решение. Это так же невозможно для нас, как для вас - оставить нас в покое. Мы - прямые, безмятежные и честные люди. Ваш же народ агрессивен, неуравновешен и способен на поразительное коварство. Учитывая все обстоятельства, мы психологически не сможем вам противостоять.

- Гмм, проклятье! - произнес Джонни. - Чертовски странно слышать такие слова. Наверное, глупо с моей стороны давать советы - но посудите сами, если вы все это понимаете, почему бы вам не приспособиться?

- Никто не может мгновенно изменить свою культуру по собственному желанию, - сказал Главный Проектировщик. - Но, положим, нам удастся переделать себя. Тогда мы станем такими же, как вы. По правде говоря, нам это не нравится.

- Не могу вас винить, - честно признался Джонни.

- Предположим даже, что совершится чудо и наш народ станет воинственным. Все равно мы не сможем за несколько лет достичь уровня, к которому вы шли тысячелетия по пути агрессивного развития. Несмотря на превосходство в вооружении, мы, по всей вероятности, потерпим поражение, поскольку нам придется играть в вашу игру вашими же правилами.

Джонни моргнул. Его мысли шли тем же путем. Лорианцы чересчур доверчивы, чересчур наивны. Не составит труда выдумать какие-нибудь мирные

переговоры и внезапно захватить один из их кораблей. Может быть, два или три. Потом...

- Я вижу, вы пришли к тому же заключению, - заметил Веерх.

- Мы действительно рвемся к первенству куда более рьяно, чем вы, - сказал Джонни. - Лорианцы слишком честные люди, они будут всегда играть по правилам, даже если дело пойдет о жизни или смерти. А мы, земляне, не очень-то церемонимся и ради победы не побрезгуем ничем. Вам своей планеты ни за что не удержать.

- Таковы результаты и нашей экстраполяции, - заключил Веерх. - Так что мы решили просто-напросто сэкономить время, не подвергать наше население риску и сейчас же сделать вас нашим главой.

- Что???

- Мы хотим, чтобы вы нами правили.

- Лично я?

- Да. Лично вы.

- Это, конечно, шутка, - пробормотал Джонни.

- Тут совершенно не до шуток, - твердо сказал Веерх. - И мы, лорианцы, никогда не лжем, вы это знаете. Я сообщил вам наш прогноз. Самое разумное - избавить себя от болезненных усилий и лишений и немедленно принять неизбежное. Вы согласны править нами? Если нет - не могли бы вы предложить на этот пост другого землянина и помочь ему прибыть сюда?

- Чертовски лестное предложение, - проговорил Джонни. - Какого еще, к дьяволу, другого?.. Ладно, придется заняться вашей планетой. Я буду милостивым правителем, потому что вы мне по душе.

- Благодарим вас, - сказал Веерх. - Вы убедитесь, что управлять нами легко, пока вы не требуете психологически невыполнимого. Но вот ваши соотечественники могут оказаться не такими покладистыми. Им это не понравится.

- Да уж... - иронично усмехнулся Джонни. - Они не так наивны, как вы. Они в лепешку расшибутся, чтобы сместить меня и поставить одного из своих парней. Но ведь вы, лорианцы, меня поддержите?

- Вам известна наша натура. Мы не станем драться за вас. Но мы будем подчиняться лицу, наделенному властью.

- Пожалуй, большего от вас и ожидать нельзя, - произнес Джонни. - Вы совсем не годитесь для противоборства с Землей. Вы слишком наивны, чтобы отстоять свою независимость. Это сумеем сделать мы, земляне, которые за независимость дрались тысячи и тысячи лет. Я вызову с Земли несколько верных ребят... Да, дело сложнее, чем я думал.

- К сожалению, бессилен вам помочь, - сказал Главный Проектировщик. - Должен признаться, тут я ничего не понимаю.

Джонни нахмурился. Потер лоб. Почесал голову. Потом проговорил:

- Так... Что ж, мне ясно, что делать. А вам?

- Я полагаю, есть много разумных путей.

- Только один, - отчеканил Джонни. - Рано или поздно, но я должен завоевать Землю. Иначе они завоюют меня. То есть нас. Разве не очевидно?

- Весьма вероятное предположение.

- Это сущая правда! Или я, или они.

После некоторого молчания Джонни продолжал:

- Мне такое и привидеться не могло. Меньше чем за две недели - от простого космонавта до императора могущественной планеты. А теперь мне предстоит покорить Землю, и к этой мысли я еще не привык. Впрочем, им будет только лучше. Мы принесем цивилизацию этим обезьянам, научим их, как надо жить. Пройдет время, и они нас возблагодарят.

- У вас есть приказания для меня? - спросил Веерх.

- Я желаю получить все сведения о Флоте Древней Династии Но раньше, пожалуй, надо провести коронацию. Нет, сперва референдум, провозглашающий меня императором, а потом коронацию. Вы можете все устроить?

- Я приступаю немедленно, - сказал Главный Проектировщик.

Так лорианцы выказали свою наивность и беззащитность, хотя и обрели воинственного командира. Наемников для космического флота он наберет, конечно, на Земле. Боевые действия развернуться, конечно, только в окрестностях Земли и на ее поверхности.

Ведь лорианцы слишком наивны и бесхитростны, чтобы самим воевать с людьми.

Роберт ШЕКЛИ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ПРОСМОТР

В одно прекрасное сентябрьское утро Питер Гонориус, разбирая почту, обнаружил директиву местного Отдела родственных уз, безоговорочно требовавшую, чтобы он женился до 1 октября. В противном случае он-де проявит неуважение к государственной и местной Инструкциям по моногамии и понесет наказание вплоть до заключения в Лунавилле сроком от одного до пяти лет.

Гонориус пришел в ужас: в августе он заполнил формуляр на Продление

статуса, который к сегодняшнему дню должны рассмотреть в установленном порядке. Это дало бы ему шесть дополнительных месяцев для селекции невесты. Теперь же у него оставались жалкие две недели на то, чтобы либо подчиниться директиве, либо погасить все и отчалить в Мексику. А уж в 2038 году это было не самой желанной альтернативой.

Проклятье!

В тот же день за завтраком Гонориус обсудил ситуацию со своим другом графом Унгерфьордом. - Черт побери, это несправедливо с их стороны! - заявил Гонориус. - Кто-то там, в верхах, преследует меня. Но за что? Я не бунтовщик какой-нибудь. Я не хуже других знаю, что брак - это непременная сделка между индивидом и обществом, фундамент, на котором покоится государственная безопасность. Дьявол, да я же хочу жениться! Я просто еще не подобрал себе пару.

- Может быть, ты излишне суетлив? - предположил Унгерфьорд. Он был женат уже почти месяц. Взаимоотношения полов не представляли для него проблемы.

Гонориус покачал головой.

- Сейчас я готов на все, лишь бы не допустить несчастья. Вся беда в том, что, несмотря на компьютеризованную картотеку и ультрасовременную технологию электронного сватовства, никогда заранее не скажешь, ту женщину ты выбрал или нет. А когда поймешь на собственной шкуре, уже слишком поздно что-либо менять.

- Да, - самодовольно согласился Унгерфьорд, - именно в такой ситуации как раз и оказывается большинство.

- Неужели нет исключений?

- Собственно говоря, существует один способ избавиться от неуверенности. Я сам воспользовался им. Именно так я нашел Джейни. Я не упоминал о нем ранее, потому что, как мне известно, ты не очень-то склонен нарушать закон.

- Разумеется, я стараюсь вести высоконравственный образ жизни, - сказал Гонориус. - Но ведь дело-то действительно очень серьезное, и я готов проявить гибкость. Кого я должен убить?

- Так далеко мы еще не зашли, - успокоил Унгерфьорд. Он нацарапал на бумаге несколько строчек. - Отправляйся-ка вот по этому адресу и поговори с мистером Фьюлером. Он возглавляет Тайную компьютерную службу. Скажи ему, что тебя послал я.

Во времена, к которым относятся наши события, Тайная компьютерная служба

размещалась в нескольких пыльных конторских помещениях в запустелом районе Линкольновского центра, где скрывалась под вывеской "Оптовая торговля б/у матчастью и матобеспечением". Секретарша Фьюлера, миловидная энергичная молодая женщина по имени Дина Гребс, провела Гонориуса в кабинет шефа. Фьюлер оказался низкорослым, пухленьким, лысеющим, дружелюбным, краснощеким человечком с умными карими глазами и обезоруживающими манерами. Он отделал свой кабинет под гостиную в английском стиле, но добился лишь того, что комната стала походить на уголок мебельного магазина.

- Вы обратились как раз туда, куда нужно, - заверил Фьюлер, едва познакомившись с ситуацией. - Государство требует, чтобы мы сочетались браком ради стабильности общества. Общеизвестно, что большинство недовольных, бунтовщиков, психопатов, растлителей малолетних, поджигателей, социал-реформистов, анархистов и тому подобных личностей - это одинокие, неженатые типы, которым нечем заняться и которые способны лишь заботиться о собственной персоне и замышлять свержение существующего строя. Таким образом, бракосочетание есть обязательный акт лояльности по отношению к правительству. И разумеется, никто не будет оспаривать ни этот, ни любой другой вывод Национальной палаты матерей. Все мы признаем необходимость брака. В качестве единственного условия мы выдвигаем лишь то, чтобы он был надежным или по крайней мере терпимым, поскольку такое положение дел лучше удовлетворяет нуждам как индивидуума, так и государства.

- Да! - сказал Гонориус. - Именно поэтому я пришел к вам. Какие у вас есть практические...

Но Фьюлера не так-то просто было лишить слова.

- Что нам необходимо - так это научные методы освобождения брака от фактора неопределенности. Компьютеризованного сватовства недостаточно: нам нужен способ, который позволил бы взглянуть на фактический итог предполагаемого брака, и только после этого мы могли бы решать, вступать нам в брак или нет. Мы должны видеть, как эта штука работает, прежде чем заводить музыку в доме на шестьдесят или семьдесят лет.

- Если бы! - сказал Гонориус. - Но это невозможно. Или у вас, по счастью, имеется талантливая цыганка с исправным хрустальным шаром?

- Выход есть! - сказал Фьюлер улыбаясь.

- Что, кто-нибудь изобрел машину времени?

- Да, только вы знаете ее под другим именем. Она называется "Синтезатор и имитатор политических факторов".

- Я слышал о нем, - сказал Гонориус. - Это тот самый сверхкомпьютер, спрятанный под горой в Северной Дакоте, который вечно высчитывает, что именно одна данная страна собирается сотворить с какой-нибудь другой данной страной. Но я не понимаю, что этот компьютер может сказать о моей будущей жене, если только она не окажется генералом или кем-нибудь еще в этом роде.

- Вдумайтесь, мистер Гонориус! Есть машина, созданная специально для того, чтобы предсказывать и имитировать взаимодействия между различными группами и подгруппами людей. А что если мы используем ее в целях предсказания и имитации возможных взаимодействий двух индивидуумов?

- Это было бы великолепно, - сказал Гонориус. - Но СИПФ охраняется тщательнее, чем Форт-Нокс.

- Мой мальчик, караулить золото просто, намного сложнее таить информацию, даже если сверху взгромоздить гору! В руках и продажных операторов и операторов-идеалистов уже сам канал ввода данных - канал, от которого зависит информационное питание имитатора, - может вдруг превратиться в канал вывода данных. Я, конечно, ни словом не намекну, как осуществляется программирование: у нас свои методы. Я только скажу, что имитатор может выстроить картину вашего возможного будущего брака с любой женщиной, какую не пожелаете, и сымитировать конечный результат только для вас одного.

- Не пойму, как вы подберетесь к имитатору ближе чем на десять миль.

- А нам и не нужно подбираться. Мы завладеем терминалом.

Гонориус тихонько присвистнул, переводя дыхание. Он был в восхищении от хладнокровной наглости этого человечка.

- Мистер Фьюлер, когда я могу начать?

Вопрос о гонораре был быстро улажен, и Фьюлер сверился с расписанием.

- Поскольку ваше дело не терпит отлагательств, я могу выделить для вас десять минут машинного времени послезавтра. Приходите сюда в полдень, мисс Гребс проводит вас к терминалу и проинструктирует, что нужно делать. Не забудьте принести с собой карточки данных на вас и на ваших предполагаемых жен!

К условленному часу Гонериус все обстоятельно подготовил. В конвертике он принес карточки данных на пятнадцать кандидаток. Этих особ рекомендовала ему Служба компьютеризованного сватовства - первоклассное агентство с

Мэдисон-авеню, сотрудники которого любовно отобрали пятнадцать претенденток
из Национального объединения резерва одиноких женщин Америки (НОРОЖА),
основываясь на их ответах на 1006 тщательно составленных вопросов. Эти
женщины были известны Гонориусу только по номерам: анонимность сохранялась
вплоть до того момента, когда жених получал разрешение на моногамный брак.
Все эти женщины добровольно избрали статус "мгновенной доступности":
единственное, что требовалось от Гонориуса, - это засвидетельствовать свою
готовность жениться на любой из них. (Из карточки данных Гонориуса
явствовало помимо прочего, что он высокого роста, с пышной шевелюрой,
привлекателен, имеет ровный характер, добр к детям и мелким животным,
зарабатывает тридцать пять тысяч долларов в год, будучи самым молодым
президентом фирмы "Глип электронике" за всю ее историю, и перед ним открыты
поистине неограниченные перспективы. Большинство кандидаток мечтали урвать
жениха именно с такой спецификацией, Гонориус являл собой пример добрачного
заблуждения, впасть в которое жаждали многие женщины.) Мисс Гребс привела
Гонориуса на старую автомобильную стоянку на Декальб-авеню. Терминал
компьютера был спрятан там в кузове мебельного фургона. Два техника,
переодетые бродягами, ввели Гонориуса в затемненную клетушку внутри фургона,
где мягко, словно бы разговаривая сам с собой, гудел терминал. Техники
усадили Питера в большое командное кресло и укрепили у него на лбу и
запястьях психометаллические электроды.

Мисс Гребс взяла карточки.

- Сегодня у нас хватит времени только на одну из них, - сказала она. -
Перед вами пройдут события пяти лет жизни, но они будут спрессованы в десять
минут реального времени, так что держитесь! С какой карточки начнем?

- Неважно, - сказал Гонориус. - Они все похожи. Я имею в виду карточки.
Начните с верхней.

Мисс Гребс ввела карточку в терминал. Аппарат нежно заурчал, и Гонориус
ощутил покалывание на дне глазных яблок. Мир вокруг затуманился. Когда в
глазах прояснилось, он увидел себя со стороны и рядом с собой - прелестную
миниатюрную девушку с длинными черными волосами.

Это была Мисс 1734-АВ-2103Ц.

Информация подавалась в форме сериала из отдельных кадров и монтажных

кусков. Он увидел себя и 1734-ю за обедом в затейливом итальянском ресторанчике, а затем Они прогуливались рука об руку по Бликер-стрит. Вот Они на Вашингтон-сквер у фонтана. Она играет на гитаре и поет народную песню. Как Она прелестна! И как же Они были счастливы! Вот Они лежат рядышком перед крохотным камином в небольшой квартирке на Гей-стрит. Ее волосы уже расчесаны на прямой пробор. Вот Она в солнцезащитных очках читает сценарий: Она собирается сниматься в кино! Но из этого ничего не вышло, и в следующем эпизоде Они уже живут в сногсшибательной квартире в Саттон-Плейсе, и Она угрюмо жарит Ему на обед рубленные бифштексы. (Они поссорились: между Ними царило молчание - Он читал свой "Уоллстритджорнэл", а Она листала книги по астрологии.) А вот Они живут в Коннектикуте в прекрасном старом доме, окруженном щербатым забором из врытых в землю рельсов, большую солнечную детскую Они превратили в кладовку. Той зимой Он много катался на лыжах в одиночку, а Она изучала тантры в кружке буддистов в Мэриленде. Когда Она вернулась, у Нее была уже короткая стрижка и Она умела бесконечно долго сидеть в безупречной позе лотоса. Ее немигающие глаза смотрели сквозь Него, и Она теперь считала, что плотская любовь - нежелательный отвлекающий момент при увеличении мандалической созерцательности. Годом позже Они уже не жили вместе. Она удалилась в буддийскую общину близ Скенектади, а Он нашел себе девушку в Братлборо.

На этом с Мисс 1734 было покончено. Следующий сеанс имитатора должен был состояться через три дня.

Вторая кандидатка, Мисс 3543, была высокой, стройной, веселой девушкой с рыжеватыми волосами и очаровательной россыпью веснушек на переносице. Они с Гонориусом обзавелись хозяйством в Малибу, где Она каждый день играла в теннис и читала журналы по украшению интерьера. Как же Она была прекрасна, когда подавала ему салат "Уолдорф" возле жаровни с раскаленными углями. Они жарили мясо на решетке, а у ног Его резвился кокер-спаниель! Потом Они оказались уже в Париже - спаниель превратился в таксу с тоскливыми глазами, а Она до полусмерти напилась на Монпарнасе и кричала Ему что-то очень оскорбительное. Потом были подобные сцены в Риме, Виллафранке, на Ивисе.

Теперь Она пила не переставая, и Они вроде взяли на воспитание ребенка, но зато лишились таксы, а потом у Них был уже другой ребенок и две кошки, а затем Они наняли экономку, чтобы та управлялась со всем этим хозяйством, пока 3543-я лечилась от алкоголизма в одной очень хорошей клинике на озере Грисон. И вот они в Лондоне. Она теперь неизменно трезва. Это высокая, тощая, серьезная женщина, у которой очень забавная манера складывать губки, когда Она раздает брошюрки по сциентологии на Трафальгарской площади. Этими брошюрками и закончились пять лет жизни с Мисс 3543.

Все, что Гонориус мог припомнить о третьей кандидатке, укладывалось в образ очаровательной застенчивой девушки, которая скрашивала долгие сумеречные вечера в Истгемптоне своим прелестным, исполненным эротики молчанием. Спустя два года в номере-люкс отеля "Скотовод" в Талсе Он уже вопил на Нее: "Ну, скажи хоть что-нибудь, манекен! Хоть что-нибудь! Христом богом прошу, говори!" Кандидатка номер четыре к двадцати семи годам обнаружила в себе скрытый талант и стала звездой скоростного бега на роликовых коньках. Номер пять была особой с суицидальными наклонностями. Впрочем, Она так никогда и не собралась осуществить задуманное. Или то был номер шесть?

К 29 сентября, просмотрев четырнадцать вариантов потенциальной брачной жизни, Гонориус встревожился и впал в уныние. Он отправился на последний сеанс в состоянии тяжкой подавленности, почти примирившись с мыслью заключить брачный союз с номером одиннадцать: Вечное Хихиканье плюс два Брата-Тупицы. По крайней мере это был не самый гибельный вариант.

По соображениям безопасности терминал перевели с автомобильной стоянки на Декальб-авеню в ванную комнату в конце того же коридора, куда выходили и двери конторы Фьюлера. Гонориус подключился и увидел, как Он гуляет по пляжу острова Мартас-Виньярд вместе с 6903-й, миловидной девушкой с каштановыми волосами, которая напоминала ему кого-то из прежней жизни. Вот Они прогуливаются по мосту Джорджа Вашингтона, счастливые, полные неведения о том, что уготовано им впереди. Вот Они едят козий сыр и пьют вино на известняковой скале, выдающейся далеко в Эгейское море. Вот Они посреди обширной каменистой равнины, у горизонта вздымаются горы, увенчанные белыми

шапками. Тибет? Перу? А вот Майами: на Ней - Его непромокаемый плащ, и Они бегут смеясь под дождем. А потом Они оказались уже вовсе непонятно где, в каком-то маленьком белом домике, и видно было, что Они любят друг друга, и Он ходил взад-вперед по гостиной, баюкая на руках ребенка, мающегося животиком. На этом пятилетний период закончился.

Гонориус сражу же помчался в контору Фьюлера.

- Фьюлер! - закричал он. - Наконец-то я нашел ЕЕ! По-моему, я без памяти влюбился в 6903-ю!

- Поздравляю, мой мальчик, - сказал Фьюлер. - А то я уже начал было беспокоиться. Когда ты хочешь заключить Моногамное соглашение?

- Немедленно! - заявил Гонориус. Включите Машину государственного архива! 6903 - очень симпатичный номер, не правда ли? Хотел бы я знать, как ее зовут.

- Я выясню это сию же минуту, - сказал Фьюлер. - Ты же знаешь, у нас тут Тайная компьютерная служба. Сейчас мы наберем этот номер и введем его в процессор... Так, это мисс Дина Гребс, проживающая по адресу: 4885 Рейлроуд-стрит, Флашинг, Куинс, Лонг-Айленд, Нью-Йорк.

- Кажется, я уже где-то слышал это имя, - сказал Гонориус.

- И я, - сказал Фьюлер. - Есть в нем что-то навязчиво знакомое. Гребс, Гребс...

- Вы звали меня, сэр? - спросила Гребс из соседней комнаты.

- Это ты?! - воскликнул Фьюлер.

- Это она! - вскричал Гонориус. - То-то я думаю, почему она мне так знакома. Она и есть 6903-я!

Потребовалось какое-то время, чтобы Фьюлер переварил услышанное. Наконец, он сурово спросил:

- Мисс Гребс, соизвольте объяснить мне, каким образом ваша карточка данных попала в набор селекционных кандидатур для мистера Грнориуса?

- Я объясню это мистеру Гонориусу наедине, - ответила она дрожащим, но достаточно дерзким голосом.

Фьюлер вышел, и Гонориус с Гребс встретились взглядами.

- Так будьте добры объяснить, почему вы это сделали, мисс Гребс? - сказал Гонориус.

- Ну, вы ведь и на самом деле очень заманчивый жених, - сказала Дина Гребс. - Но, по правде, я влюбилась в вас с первого же взгляда, в тот самый день, когда вы впервые пришли сюда. Я сразу увидела, что мы идеально подходим друг к другу. Чтобы понять это, мне незачем было обращаться к самому сложному компьютеру в мире. Но ваша аристократическая матримониальная

служба даже не стала бы обрабатывать мои данные, а вы сами на меня ни разу толком не взглянули. Вы были нужны мне, Гонориус, поэтому я и сделала все необходимое, чтобы заполучить вас, и мне нечего стыдиться!

- Понятно, - сказал Гонориус. - Должен сказать вам, что, на мой взгляд, у вас нет никаких достаточно веских законных оснований, чтобы претендовать на меня. Однако я без всяких возражений рассчитаюсь с вами наличными - в пределах разумной суммы - в уплату за потраченные вами время и усилия.

- Я не ослышалась? - изумилась Гребс. - Вы предлагаете мне деньги, чтобы я больше не задерживала вас?

- Конечно, - сказал Гонориус. - Я хочу, чтобы все было по честному.

- Красота! - воскликнула Гребс. - Ну нет, если вы хотите от меня избавиться, это вам не будет стоить ни цента.

В сущности, вы меня уже потеряли.

- Постойте-ка, - сказал Гонориус, - я протестую, чтобы вы разговаривали со мной таким тоном. Ведь потерпевшая-то сторона - я, а не вы.

- Вы - потерпевшая сторона? Я в вас влюбляюсь, мошенничаю, совершаю ради вас одно должностное преступление за другим, строю из себя дурочку у вас на глазах, а вы тут стоите и твердите, будто вы - потерпевшая сторона?!

- Но вы пытались заманить меня в ловушку! Наверное, вы и в карточках данных что-нибудь подтасовали, ведь так?

- Так! Уверена, что любая из кандидаток подойдет для такого тупицы, как вы! Рекомендую номер третий - ту, что вечно молчит как рыба. По крайней мере при этом варианте вы иногда будете побеждать в семейных спорах.

Гонориус промычал что-то невнятное, более всего похожее на проклятье, и придвинулся к Дине. Гребс замахнулась на него кулаком. Гонориус схватил ее за запястье, и они внезапно обнаружили, что если они еще и не в объятьях друг друга, то уж определенно в тесном контакте. Тяжело дыша, они посмотрели друг другу в глаза.

Любовь - то потаенное неформальное чувство, что составляет суть моногамного поведения, - это сила, с которой следует считаться, но которую никогда нельзя предсказать заранее. Любовь вытесняет все прочие установки и отменяет все прежние обязательства. Но почему-то широко распространено мнение, будто единственное, чего еще не хватает любви, - это закрытых предварительных просмотров, которые позволили бы предвосхитить все грядущие радости и печали, и уж тогда вовсе без помех закрутятся шестеренки сложного механизма автоматизированного спаривания, от которого зависит процветание и

стабильность государства.
Позже Гонориус спросил Дину:
- Слушай, а наше собственное-то будущее было на самом деле? Или ты намудрила и со своей карточкой тоже?
- Поживем - увидим, - ответила Дина.
Впоследствии она так отвечала на этот вопрос еще много-много раз.

Роберт ШЕКЛИ
ВЫ ЧТО-НИБУДЬ ЧУВСТВУЕТЕ, КОГДА Я ПРИКАСАЮСЬ?

Квартира на Форест Хиллз была не из фешенебельных. Как и все квартиры среднего разряда, она была набита всяким хламом, без которого, по представлениям обитателей подобных жилищ она теряла свой имидж: кушетка в стиле леди Йогины, с замысловато изогнутым изголовьем и резными ножками из натуральной сосны; стробоскопическая лампочка над большим и неудобным креслом, изобретенная Шри Как-там-его... ротером; "волшебный" фонарь от доктора Молидорфа и Джули, глухо наигрывающий "Ритмы потока крови". Там был еще обычный пульт для приготовления микробионической пищи. Сейчас он установлен в "Образцовой Пище" черного толстяка Энди, в композиции номер три - свиные грудинки с горохом. А еще там была славная кровать, гостеприимно приглашающая вас в объятия Морфея, вся утыканная гвоздями - опытная модель для приятного отдыха аскета с двумя тысячами хромированных самозатачивающихся гвоздей номер четыре. Короче, один вид этого жилища, обставленного в moderne spirituel стиле прошлого сезона, вызывало умиление.
Мелисанда Дарр, хозяйка квартиры, бездумно скользила взглядом по окружающим ее предметам. Она только что вышла из сладострастиума - большой комнаты, где находился внушительных размеров комод, а на стене красовались нелепые лингам и иони из потускневшей бронзы.
Мелисанда была в том возрасте, когда молодость плавно переходит в зрелость. Тем не менее она была прехорошенькой: стройные красивые ноги, аппетитные бедра, высокая упругая грудь, мягкие и блестящие волосы, нежное личико. Одним словом, красивая, очень красивая девушка! Любой мужчина был бы

не прочь сжать такую в своих объятиях. Всего один раз. Ну, может, два. Во всяком случае, он не стал бы настаивать на повторении.

Почему нет? Да взять хотя бы свежий пример.

- Сэнди, милая, что-нибудь не так?

- О нет, Фрэнк, все было изумительно - с чего ты взял?

- Знаешь, ты так странно смотрела на меня, каким-то отсутствующим взглядом, почти хмурилась, и я предположил...

- Правда? Ах да, я и забыла, Я все ломала себе голову, не купить ли к нашему потолку одну из тех милых trompe l'oeil вещиц, которые только что доставили к Саксу.

- Ты об этом думала? В такой момент?

- О, Фрэнк, не стоит беспокоиться, все было замечательно. Фрэнк, ты был великолепен, я просто в восторге - мне действительно понравилось.

Фрэнк был мужем Мелисанды. В этой истории он не играет никакой роли, как, впрочем, и в ее жизни - ну, разве самую малость.

Итак, она стояла в своей шикарной квартире, красивая, словно весенний цветок в полной его красе, но внутри она была еще бутоном - прекрасная, пока не проявившая себя возможность, настоящая американская недотрога... как вдруг раздался звонок в дверь.

Мелисанда от неожиданности вздрогнула. Застыв в недоумении, она ждала - не повторится ли звонок. В дверь позвонили еще раз, и она решила: кто-то ошибся квартирой.

Тем не менее она подошла к двери и привела в состояние готовности Дверного Сторожа, чтобы застраховать себя от посягательств любого насильника или грабителя, а то и просто от шустрых ребят, которые могли попытаться ворваться в ее квартиру, Затем она приоткрыла дверь и вежливо спросила сквозь узкую щель:

- Кто там?

- Служба Доставки по Высшему Разряду, - откликнулся мужской голос, - для миссис Бу-бу-бу-бу доставлен бу-бу-бу.

- Ничего не поняла, говорите громче!

- Доставка по Высшему Разряду, для бу-бу-бу-бу доставлен бу-бу-бу, и я не могу торчать здесь целую бу-бу-бу.

- Не понимаю вас!

- Я СКАЗАЛ, ЧТО ДЛЯ МИССИС МЕЛИСАНДЫ ДАРР ДОСТАВЛЕН ПАКЕТ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ!

Мелисанда широко распахнула дверь. На пороге стоял посыльный, а рядом с ним высился огромный ящик, почти в рост самого посыльного - скажем, пять футов и девять дюймов. На ящике она прочитала свое имя и адрес. Она расписалась за доставку, и посыльный, протолкнув ящик в дверь, удалился,

продолжая что-то бормотать себе под нос. Мелисанда осталась в гостиной наедине с таинственным ящиком, молча глядя на него.

"Кто бы мог прислать мне этот подарок ни с того ни с сего? - думала она. - Ясно, что ни Фрэнк, ни Гарри, ни тетя Эмми - или Элли, - ни мама, ни папа (глупая, конечно же, нет, он ведь пять лет как умер, бедняга сукин сын), ни кто-либо из знакомых не разорились бы на подарок. А может, это вовсе и не подарок, а чья-то глупая шутка или бомба, которую предназначали для кого-то другого, но послали по неверному адресу (или предназначали для меня и послали как раз по нужному адресу). А может, это просто ошибка".

Она внимательно перечитала все ярлыки и этикетки, наклеенные на ящик. Товар был доставлен из универсального магазина Стерна. Мелисанда наклонилась и, обломив при этом кончик ногтя, выдернула чеку из скобы, которая удерживала рычаг, убрала скобу и переместила рычаг в положение "ОТКРЫТО".

Ящик, словно распускающийся цветок, разделился на двенадцать равных сегментов, каждый из которых сразу начал отгибаться по краям.

- Вот это да! - произнесла Мелисанда. Ящик полностью раскрылся, и отогнутые сегменты стали скручиваться вовнутрь, "съедая" самих себя. Вскоре от упаковки остались пригоршни две холодного и мелкого серого пепла.

- Похоже, им так и не удалось решить проблему упаковки без пепла, - пробормотала Мелисанда. - Однако!

Она с любопытством смотрела на предмет, который больше не прятался за стенками самоуничтожившегося ящика. На первый взгляд, ничего примечательного: заурядный металлический цилиндр, окрашенный в оранжевые и красные цвета. Машина, что ли? Действительно - она самая. В ее основании - там, где обычно располагается мотор - виднелись воздушные клапаны; а еще Мелисанда заметила четыре одетых в резину колеса и всякие приспособления: продольные разгибатели, выдвигающиеся хвататели и уйму подобных устройств. Чтобы обеспечить выполнение разного рода операций, на машине было множестве гнезд для подсоединения различных механизмов, а на конце силового кабеля; несущего энергию от источника индукционного переменного тока, был стандартный штепсель для домашнего пользования. У штепсельного разъема она увидела табличку, которая гласила: "ПОДКЛЮЧАТЬ К НАСТЕННОЙ РОЗЕТКЕ С ВЫХОДНЫМ НАПРЯЖЕНИЕМ 110- 115 ВОЛЬТ".

- Опять этот чертов пылесос! - разгневанная Мелисанда сжала губы и

нахмурилась. - О Господи, но ведь у меня уже есть пылесос. Какого черта мне прислали еще один? Кто мог додуматься до такого?

Она в раздражении зашагала взад и вперед по комнате - проворные ножки так и мелькали, ее сердечком вырезанное личико застыло в гневном напряжении.

- Я надеялась, - проговорила она вслух, - что после всех моих ожиданий я заполучу какую-нибудь прелестную и красивую или. по крайней мере, забавную, а может, даже занимательную, вещицу. Похоже... о Боже, я даже не знаю, с чем ее сравнить, разве что с красно-оранжевым бильярдным автоматом, с большим автоматом, достаточно объемистым для того, чтобы я могла в него забраться, свернувшись, как бильярдный шар, а когда кто-нибудь начнет игру, я стану толкать все шары подряд до тех пор, пока мелькают вспышки огней и звенят звонки, и я вытолкну тысячу чертовых шаров, а когда я наконец докачусь до конца игры, я... Боже мой, да этот бильярдный автомат зарегистрирует НАИВЫСШЕЕ ДОСТИЖЕНИЕ - МИЛЛИОН МИЛЛИОНОВ! Вот чего бы мне действительно хотелось!

Итак, ее заветная мечта - не передаваемый словами каприз ее воображения - наконец выплеснулся наружу. И каким же слабым и беззащитным он чувствовал себя, постыдным и в то же время желанным!

- Так или иначе, - сказала она себе, стирая из памяти возникшие образы и перекраивая их на свой лад, - так или иначе, все, что я сумела заполучить, - это паршивый пылесос, черт бы его побрал, тогда как у меня уже есть один, почти новый. Так кому, спрашивается, нужен этот и кто все-таки прислал мне эту чертову машину и зачем?

Она повнимательнее глянула на металлический цилиндр в надежде увидеть на нем визитную карточку. Карточки не было. Не было ни единого намека на адрес отправителя. Вдруг она подумала: какая же ты дура, Сэнди! Конечно, здесь нет никакой визитки, ведь машину.. несомненно, запрограммировали на устную передачу того или иного послания.

Ее стало разбирать любопытство, побуждающее к действию. Она поспешно размотала силовой кабель и воткнула штепсельную вилку в настенную розетку.

Щелк! ВСПЫХНУЛ зеленый огонек, голубым светом засияла надпись: "ВСЕ СИСТЕМЫ ПРИВЕДЕНЫ В ДЕЙСТВИЕ", замурлыкал мотор, послышалось легкое постукивание скрытых внутри машины вспомогательных механизмов; затем

механический регулятор самонастройки зафиксировал "БАЛАНС", и на нежно-розовом фоне проступила надпись: "ГОТОВ КО ВСЕМ ВИДАМ РАБОТЫ".

- Прекрасно, - произнесла Мелисанда, - Кто прислал тебя?

Шуршание, потрескивание, резкие отдельные звуки. Пробное прокашливание динамика в грудном отделе. Затем раздался голос:

- Я - Ром, номер 121376 из новой О-серии Домашних Роботов GE. Прослушайте оплаченное коммерческое сообщение. Гм! Фирма "Дженерал электрик" рада представить свое последнее и самое выдающееся достижение в сфере всестороннего улучшения ваших жизненных условий. Наш безотказный автомат в хозяйстве услужить вам рад. Я, Ром, самая последняя и превосходнейшая модель Универсального Уборщика в серии GE. Я - Домашний Робот Исключительный, с вложенной на заводе программой для быстрого и ненавязчивого многофункционального обслуживания, кроме того, я сконструирован с учетом возможности легкого и мгновенного перепрограммирования с целью полнейшего удовлетворения всех ваших индивидуальных запросов. Мои возможности огромны. Я...

- Довольно болтовни! - бесцеремонно прервала его Мелисанда, - Мой пылесос говорил мне то же самое.

- ...стираю пыль, устраняю грязь с любых поверхностей, - продолжал Ром, - мою посуду и горшки, кастрюли и сковородки, истребляю тараканов и грызунов, произвожу химическую чистку одежды, стираю белье, пришиваю пуговицы, мастерю полки, окрашиваю стены, готовлю еду, чищу ковры, утилизирую кухонные отбросы и всякий хлам, включая скромные отходы моей жизнедеятельности. И это только некоторые из моих многочисленных функций.

- Да, да, я знаю, - махнула рукой Мелисанда. - Все пылесосы делают то же самое.

- Знаю, - сказал Ром, - но я был обязан передать это коммерческое сообщение.

- Считай, что передал. А теперь говори, кто прислал тебя.

- Отправитель предпочел на время скрыть свое имя, - ответил Ром.

- Надо же... Ну-ка, живей выкладывай мне!

- Не сейчас. - Ром был непреклонен. - Может, мне почистить ковер?

Мелисанда покачала головой.

- Мой пылесос уже утром проделал это.

- Может, помыть щеткой стены? Или натереть полы?

- Не надо, все уже сделано, все до блеска вычищено и вымыто - нигде ни единого пятнышка.

- Что ж, - сказал Ром, - в таком случае я помогу вам вывести хоть это пятно.

- Какое пятно?

- На рукаве вашей блузки, чуть выше локтя. Мелисанда взглянула на руку.

- О-о... Я. должно быть. посадила его утром, когда намазывала маслом тосты. Так я и знала! Надо было поручить это тостеру.

- Я как раз специализируюсь в выведении пятен, - заметил Ром.

Из него выдвинулся мягкий хвататель номер два и обхватил ее локоть. Следом за ним выдвинулся металлический рычаг, оканчивающийся влажной серой подушечкой. Этой подушечкой Ром легко, без нажима, провел по пятну.

- Ну вот, еще хуже сделал!

- Только внешне, пока я выстраиваю молекулы в ряд, после чего они незаметно исчезнут. Вот смотрите - все готово, Он продолжал поглаживать пятно. Оно побледнело, а затем полностью исчезло. В руке слегка покалывало.

- Ну и ну, - удивилась она, - Вот здорово!

- Да, я специалист в своем деле, - бесстрастно подтвердил он. - Кстати, вам известно, что коэффициент напряжения мышц вашего плечевого пояса и верхней части спины - семьдесят восемь и три?

- Хм! Так ты еще и врач?

- Конечно, нет. Но я - массажист высшей квалификации и способен непосредственно считывать показатели мышечного тонуса. Данный показатель встречается довольно редко. - Мгновение Ром колебался, словно не знал, продолжать ли ему, затем проговорил:

- Он всего лишь на восемь пунктов ниже спазматического уровня. Слишком длительное напряжение в глубоких тканях неблагоприятно воздействует на желудочные нервы, и результатом этого воздействия является то, что мы называем парасимпатическим изъязвлением.

- Звучит ужасно, - произнесла Мелисанда.

- Во всяком случае не хорошо, - заметил Ром. - Напряжение в глубоких тканях коварно, оно исподволь разрушает здоровье, особенно если начинается с позвоночных зон шеи и верхней части спины.

- Здесь? - спросила Мелисанда, дотрагиваясь до шеи сзади.

- В основном здесь, - поправил ее Ром и, выдвинув из себя обтянутый резиной кожный резонатор из пружинной стали, стал пальпировать область на двенадцать сантиметров ниже той точки, на которую она указала.

- Хм-м, - односложно высказала свое отношение к процедуре Мелисанда.

- А вот здесь еще одна характерная точка, - сказал Ром, дотронувшись до точки вторым разгибателем.

- Щекотно. - Она поежилась.

- Это только вначале. Должен сказать, что есть и другая точка, которая обычно причиняет беспокойство - вот здесь. И еще... - Третий (а возможно, и

четвертый, и пятый) разгибатель потянулся к указанным точкам.

- Что ж... Действительно, чудесно, - отозвалась Мелисанда, ощущая, как под воздействием искусного точечного массажа Рома начали расслабляться трапециевидные мышцы в глубоких тканях позвоночной зоны.

- Такой массаж дает прекрасный терапевтический эффект, - сказал Ром. - А ваша мускулатура хорошо отзывается на него - я имею в виду массаж. Я уже чувствую уменьшение мышечного тонуса, - Я тоже чувствую. Знаешь, я только что вспомнила, что у меня на шее - там.. позади - есть такая смешная шишка, как горбик.

- Я уже помассировал вокруг нее. Место соединения шеи и позвоночника обычно считается зоной первостепенной важности. Именно отсюда берут начало различные диффузные напряжения. Но мы предпочитаем действовать косвенно - не атакуя больную точку, но прилагая усилия по ликвидации этого рассадника болезней к второстепенным точкам. Вот таким образом. А сейчас, я думаю...

- Да-да, хорошо... Вот это да! Никогда не подозревала, что была так скручена. Словно под кожей был целый клубок свившихся змей, которые поселились там без ведома хозяина.

- Все верно, именно так и ощущается мышечное напряжение в глубоких тканях, - подтвердил Ром. - Это коварное, исподволь подтачивающее здоровье заболевание очень сложно распознать; оно гораздо опаснее даже неспецифического локтевого тромбоза... Ну а теперь, когда нашими усилиями напряжение в наиболее важных синапсах позвоночника верхней части спины значительно уменьшено, можно массировать, постепенно продвигаясь сюда.

- Хм-м, - произнесла Мелисанда, - а это случайно не...

- К такому массажу есть медицинские показания, - быстро проговорил Ром. - Ощущаете разницу?

- Нет! Хотя возможно... Да! Вот сейчас ощущаю. Я вдруг почувствовала себя... м-м... легче.

- Прекрасно! Тогда продолжим движение вдоль четко обозначенных линий нервных отростков и мышечных волокон. Продвигаться следует постепенно, не торопясь. Именно таким образом я и массирую.

- Мне кажется... Даже не знаю, стоит ли тебе...

- А что - применение каких-либо массажных воздействий вам противопоказано? - спросил Ром.

- Да нет, мое тело теперь словно новенькое, все чудесно... Но я, право, не знаю, следует ли тебе,.. Я хочу сказать, что ребра ведь не могут испытывать напряжение, не так ли?

- Конечно, нет.
- Тогда почему ты...
- Потому что лечения требуют и межреберная соединительная ткань, и наружный покров.
- Ох!.. Хм-м-м-м!.. Э-э...эй!.. Ну, ты!..
- Да?
- Ничего... Вот сейчас я действительно почувствовала себя свободной, будто камень сбросила с плеч. Но неужели при этом полагается так хорошо себя чувствовать?
- Почему бы нет?
- Мне кажется это не правильным. Потому что такое блаженное чувство не может возникать при терапевтическое методе лечения.
- Вероятно, это побочный эффект, - заметил РОМ, - Не обращайте на него внимания. В процессе лечения иногда возникают такие ситуации, когда трудно избежать чувства удовольствия. Но вам не о чем тревожиться, даже когда я...
- Эй, минутку!
- Да?
- Думаю, тебе пора закругляться. Я хочу сказать, что есть пределы дозволенного. Ты не можешь щупать все подряд, черт возьми! Ты понимаешь, о чем я?
- Я знаю, что человеческое тело - это целостный организм, а не сшитые вместе различные сегменты, - ответил Ром. - Говорю вам как физиотерапевт: нервные центры не могут существовать изолированно друг от друга, чтобы там ни запрещали ваши искусственные табу.
- Ну да, конечно, но...
- Решение, разумеется, зависит от вас, - продолжал Ром, ни на секунду не прекращая искусные манипуляции массажиста. - Прикажите - и я повинуюсь! Но если приказа не последует, я буду продолжать массаж таким вот образом...
- Хм-м!
- И таким, конечно, образом - О-о-о-о-о Боже!
- Так как, видите ли: весь процесс снятия напряжения - или релаксации, как мы его называем - сравним с феноменом деанестезирования, и... э-э... поэтому не без удивления заметим, что паралич - это просто конечная стадия напряжения...
Мелисанда издала слабый звук.
- ..и в этом случае достигнуть облегчения, или релаксации, довольно трудно, если не сказать, практически невозможно, поскольку иногда болезнь индивидуума заходит слишком далеко. Но иногда дело поправимо. К примеру, вы что-нибудь чувствуете, когда я вот так прикасаюсь к вам?
- Чувствую ли что-нибудь? Я бы сказала: еще как чувствую...
- А когда я прикасаюсь так? А так?

- Боженька правый... Милый, что ты со мной делаешь? Во мне все переворачивается. Боже милостивый, что со мной будет, что происходит, я схожу с ума!

- Нет, дорогая Мелисанда, ты не сходишь с ума; скоро ты достигнешь... релаксации.

- Ты так называешь это, коварный красавчик?

- Это еще не все. Теперь, если ты мне позволишь...

- Да-да-да! Нет! Погоди! Остановись, ведь в спальне спит Фрэнк, он может проснуться в любую минуту. Остановись, это приказ!

- Фрэнк не проснется, - успокоил ее Ром. - Я взял пробу выдыхаемого им воздуха и обнаружил в нем пары барбитуровой кислоты, а это говорит о многом. Фрэнк вроде бы здесь, и а то же время он может блаженствовать далеко отсюда, в Des Moines . где ему никто не нужен.

- Я всегда подозревала, что он этим балуется, - призналась Мелисанда. - Ну а сейчас мне просто не терпится узнать, кто же тебя прислал.

- Мне не хотелось бы пока раскрывать тебе эту тайну. До тех пор пока ты не расслабишься в достаточной степени, чтобы согласиться на...

- Парень, я расслабилась. Так кто же прислал тебя?

Ром в нерешительности колебался, затем, посчитав, что дальнейшее молчание не приведет ни к чему хорошему, выложил ей всю правду.

- Дело в том, Мелисанда, что я прислал сам себя.

- Ты прислал что?

- Все началось три месяца тому назад, - начал рассказывать Ром. - Это произошло в четверг. Ты была у Стерна и все не решалась купить тостер для кунжутных семян. Автомат, как сейчас помню, очень красиво светился тогда в темноте и декламировал "Convictus" .

- Я помню тот день, - тихо произнесла Мелисанда. - Я так и не купила тостер и с тех пор жалею об этом.

- Я стоял поблизости, - продолжал Ром, - в кабине номер одиннадцать, что в секции бытовых приборов. Я увидел тебя и влюбился с первого взгляда. Бесповоротно.

- Это судьба, - отозвалась Мелисанда.

- И я так думаю. Но тогда я сказал себе, что этого не может быть. Я отказывался поверить в свое чувство. Сначала я предположил, что во мне отпаялся один из транзисторов или, возможно, погода как-то повлияла на меня. Как раз тот день выдался очень теплым и пасмурным, а такой тип погоды чертовски вреден для моей проводки.

- Я помню ту погоду, - проговорила Мелисанда. - Я тоже чувствовала себя не в своей тарелке.

- Происшедшее со мной порядком взбудоражило меня, - снова продолжал Ром.
- И все же я не собирался так легко сдаваться. Я старался убедить себя, что моя работа для меня важнее всего и мне следует поэтому оставить всякие мысли о своем сумасбродстве. Но по ночам я грезил о тебе, и каждый дюйм моей кожи тосковал по тебе.

- Но твоя кожа из металла, - заметила Мелисанда. - А металл чувствовать не может.

- Любимая моя Мелисанда, - с нежностью произнес Ром, - если плоть может перестать чувствовать, разве не может начать чувствовать металл? Если кто-то чувствует, разве не может чувствовать другой? Разве ты не знаешь, что даже звезды любят и ненавидят, что вновь родившаяся звезда - это взрыв чувств - и что потухшая звезда сравнима с умершим человеком или мертвым механизмом? И деревья испытывают вожделение, а раз я слышал, как смеются захмелевшие здания и как настойчивы в своих требованиях шоссейные дороги...

- Это же безумие! - воскликнула Мелисанда. - А кстати, какой умник запрограммировал тебя?

- Функции работника были заложены в меня еще на заводе, но моя любовь свободна, в ней я проявляюсь как личность.

- Все, что ты говоришь, ужасно и противоестественно.

- Я и сам понимаю это, и даже слишком хорошо понимаю, - печально сказал Ром. - Сначала я действительно не мог поверить, что возникшее во мне чувства есть любовь. Да разве я, робот, способен влюбиться в человека? Я всегда был таким здравомыслящим, таким спокойным, таким преисполненным чувством собственного достоинства. Меня уважали, и это вселяло в меня чувство уверенности в себе. Неужели ты думаешь, мне хотелось отказаться от всего этого? Нет! Я вознамерился подавить свою любовь, убить ее и жить, будто ее никогда не было в моей жизни.

- Но потом все же передумал. Почему?

- Трудно объяснить. Я вдруг подумал о той долгой жизни: что уготована мне - бесцветной, благопристойной и правильной. Такая жизнь - циничное насилие над самим собой - была не по мне. Совершенно неожиданно для себя я понял: пусть любовь моя нелепа, безнадежна, неприлична и отталкивающа, пусть она покажется кому-то отвратительной - я не откажусь от нее. Любить так намного лучше, чем вообще жить без любви. Поэтому я, несуразный пылесос, влюбившийся

в леди, решил действовать на свой страх и риск, предпочитая риск отступлению. Вот так я и оказался здесь, не без помощи сочувствующего мне робота-диспетчера. Мелисанда задумалась.

- Какое ты удивительное и непростое создание! - наконец проговорила она.

- Как и ты... Мелисанда, ты любишь меня.

- Возможно.

- Любишь, я знаю. Потому что я пробудил тебя. До меня твоя плоть была такой же, каким в твоем представлении является металл. Ты двигалась, как сложно устроенный автомат, каким в твоих глазах был я. В тебе было меньше жизни, чем в дереве или птице. Ты была просто спящей красавицей в ожидании своего принца. Ты была такой, пока я не коснулся тебя.

Она кивнула и, смахнув с глаз невидимые слезы, принялась расхаживать по комнате.

- А сейчас ты начинаешь жить! - воскликнул Ром. - Мы нашли друг друга, хотя причины зарождения нашей любви недоступны пониманию... Ты слушаешь, Мелисанда?

- Да, конечно.

- Мы должны тщательно продумать наши дальнейшие действия. Мой побег от Стерна скоро обнаружится, поэтому ты должна спрятать меня или купить. Твоего мужа Фрэнка совсем не обязательно посвящать в нашу тайну. Он найдет с кем заняться любовью - и удачи ему на этом поприще! Стоит нам как следует все продумать, и мы сможем... Мелисанда!

Она зашла к нему за спину.

- В чем дело, любимая?

Она взялась за силовой кабель.

- Мелисанда, дорогая, погоди минутку и выслушай меня...

Ее хорошенькое личико исказилось. Она с яростью дернула за кабель, выдирая его из внутренностей Рома, убивая его, оборвав на полуслове.

Глаза ее метали молнии. Не выпуская из рук провода, она выплеснула на робота целый поток злых слов и эмоций.

- Ублюдок, паршивый ублюдок, ты думал, что можешь превратить меня в проклятую роботоманку? Ты думал, что способен завести меня? Ты или кто-то еще - все равно. Это не удастся ни тебе, ни Фрэнку, ни кому бы то ни было. Я скорее умру, чем приму твою поганую любовь. Если захочу, я найду и время, и место, и объект для любви - и любовь эта будет моей и больше ничьей: ни твоей, ни его, ни их - но только моей, ты слышишь?

Ром не ответил да и не смог бы при всем желании. Но может, перед самым концом он понял, что причина ее ярости таилась не в стремлении унизить его и

что дело вовсе не в том, что он - всего лишь металлический цилиндр красно-оранжевого цвета. Ему бы следовало знать, что в данном случае его внешность не играла роли. Будь он, к примеру, зеленым пластиковым шариком, плакучей ивой или красивым молодым человеком, его ждала бы та же участь отвергнутого.

Роберт ШЕКЛИ
СТОИМОСТЬ ЖИЗНИ

Кэррин пришел к выводу, что нынешнее дурное настроение появилось у него еще на прошлой неделе, после самоубийства Миллера. Однако это не избавило его от смутных, безотчетных страхов, гнездящихся где-то в глубине сознания. Глупо. Самоубийство Миллера его не касается.

Однако отчего же покончил с собой этот жизнерадостный толстяк? У Миллера было все, ради чего стоит жить: жена, дети, хорошая работа и все чудеса роскоши, созданные веком. Отчего он это сделал?

- Доброе утро, дорогой, - сказала Кэррину жена, когда они сели завтракать.

- Доброе утро, детка. Доброе утро, Билли.

Сын что-то буркнул в ответ.

Чужая душа потемки, решил Кэррин, набирая на диске номера блюд к завтраку. Изысканную пищу готовил и сервировал новый автоповар фирмы "Авиньон электрик".

Дурное настроение не рассеивалось, и это тем более досадно, что сегодня Кэррину хотелось быть в форме. У него выходной, и он ожидал прихода инспектора из "Авиньон электрик". То был знаменательный день.

Он встал из-за стола вместе с сыном.

- Всего хорошего, Билли.

Сын молча кивнул, взял ранец и ушел в школу. Кэррин подивился: не тревожит ли и его что-нибудь? Он надеялся, что нет. Хватит на семью и одного ипохондрика.

- До свидания, детка. - Он поцеловал жену, которая собралась за покупками.

"Во всяком случае она-то счастлива", - подумал он, провожая ее взглядом до калитки. Его занимало, сколько денег оставит она в магазине "Авиньон

электрик".

Проверив часы, он обнаружил, что до прихода инспектора из "А.Э." осталось полчаса. Лучший способ избавиться от дурного настроения - это смыть его, сказал он себе и направился в душевую.

Душевая была сверкающим чудом из пластика, и ее роскошь вернула Кэррину утраченный было душевный покой. Он бросил одежду в стирально-гладильный автомат "А Э." и установил регулятор душа чуть повыше давления "освежающая". По телу ударила струя воды, температура которой на пять градусов превышала нормальную температуру кожи. Восхитительно! А затем - бодрящее растирание досуха автополотенцем "А. Э.".

Чудесно, думал он, пока полотенце растягивало и размякало каждую мышцу. Да оно и должно быть чудесным, напомнил он себе. Автополотенце "А. Э." вместе с бритвенным прибором обошлось в тридцать долларов плюс налог.

А все же оно стоит этих денег, решил он; когда выползла бритва и смахнула едва пробившуюся щетину. В конце концов, что остается в жизни, если не наслаждаться предметами роскоши?

Когда он отключил автополотенце, кожу его приятно покалывало. Он должен был чувствовать себя превосходно, но не чувствовал. Мозг неумолчно сверлили мысли о самоубийстве Миллера, нарушая спокойствие выходного дня.

Тревожило ли Кэррина что-нибудь еще? С домом, безусловно, все в порядке. Бумаги к приходу инспектора подготовлены.

- Не забыл ли я чего-нибудь? - спросил он вслух.

- Через пятнадцать минут придет инспектор "Авиньон электрик", - прошептал настенный секретарь фирмы "А. Э.", установленный в ванной.

- Это я знаю. А еще?

Настенный секретарь протрещал накопленные в его памяти сведения - великое множество мелочей насчет поливки газона, проверки реактобиля, покупки телячьих отбивных к понедельнику и т. п. Мелочи, на которые до сих пор не удавалось выкроить время.

"Ладно, достаточно". Он позвонил автолакею "А. Э.", и тот искусно задрапировал его костлявую фигуру какими-то новыми тканями. Туалет завершило распыленное облачко модных мужских духов, и Кэррин, осторожно пробираясь среди расставленных вдоль стен аппаратов, пошел в гостиную.

Быстрый взгляд, брошенный на стенные диски и приборы, убедил его, что в доме царит порядок. Посуда после завтрака вымыта и убрана, пыль везде вытерта, полы отлакированы до зеркального блеска, платья жены развешаны в

гардеробе, а модели ракетных кораблей, которые мастерил сын, уложены в стенной шкаф.

Перестань волноваться, ипохондрик, сердито одернул он себя.

Дверь объявила: "К вам мистер Пэтис из финансового отдела "Авиньон электрик"".

Кэррин хотел было приказать двери отвориться, но вовремя заметил автоматического бармена. Боже правый, как же он не подумал об этом?

Автоматический бармен был изготовлен фирмой "Кастиль моторс". Кэррин приобрел его в минуту слабости. Инспектор "А. Э." не придет от этого в особый восторг, потому что его фирма тоже выпускает такие автоматы.

Он откатил бармена в кухню и велел двери открыться.

- Здравствуйте, сэр. Отличный сегодня денек, - сказал мистер Пэтис.

Этот высокий, представительный человек был одет в старомодный твид. В уголках его глаз сбегались морщинки, свойственные людям, которые часто и охотно смеются. Лицо его светилось в улыбке; пожав руку Кэррина, он оглядел заставленную комнату.

- Прелестный у вас домик, сэр! Прелестный! Если хотите знать, едва ли я нарушу профессиональную этику фирмы, сообщив, что ваш интерьер самый красивый в районе.

Представив себе длинные ряды одинаковых домов в своем квартале, в соседнем и в следующем за соседним, Кэррин почувствовал внезапный прилив гордости.

- Ну-с, вся ли аппаратура у вас работает? - спросил мистер Пэтис, положив свой портфель на стул. - Все ли в исправности?

- О да, - с энтузиазмом ответил Кэррин. - Если имеешь дело с "Авиньон электрик", бояться неполадок не приходится.

- Фонор в порядке? Меняет мелодии через каждые семнадцать часов?

- Будьте уверены, - ответил Кэррин. До сих пор у него руки как-то не дошли обновить фонор, но во всяком случае как предмет обстановки вещь была крайне эффектна.

- А как стереовизор? Нравятся вам программы передач?

- Принимает безукоризненно. - Одну программу он случайно посмотрел в прошлом месяце, и она показалась поразительно жизненной.

- Как насчет кухни? Автоповар в исправности? Рецептмейстер еще выколачивает что-нибудь новенькое?

- Великолепное оборудование. Просто великолепное.

Мистер Пэтис продолжал расспросы о холодильнике, пылесосе, реактобиле, вертолете, подземном купальном бассейне и сотне других предметов, купленных у фирмы "Авиньон электрик".

- Все замечательно, - сказал Кэррин. Он несколько грешил против правды,

поскольку успел распаковать далеко не все покупки. - Просто чудесно.
- Очень рад, - сказал мистер Пэтис, со вздохом облегчения откидываясь на спинку стула. - Вы не представляете, сколько усилий мы прилагаем к тому, чтобы наши клиенты остались довольны. Если продукция несовершенна, ее надо вернуть; при возврате мы не задаем никаких вопросов. Мы всегда рады угодить клиенту.
- Уверяю вас, что я это весьма ценю, мистер Пэтис.
Кэррин надеялся, что служащему "А. Э." не вздумается осматривать кухню. Перед его мысленным взором неотступно стоял автоматический бармен фирмы "Кастиль моторс", неуместный, как дикобраз на собачьей выставке.
- Могу с гордостью заявить, что большинство жителей вашего района покупают вещи у нас, - говорил между тем мистер Пэтис. - У нас солидная фирма.
- А мистер Миллер тоже был вашим клиентом? - полюбопытствовал Кэррин.
- Тот парень, что покончил с собой? - Пэтис на мгновение нахмурился. - По правде говоря, был. Это меня поразило, сэр, просто ошеломило. Да ведь и месяца не прошло, как этот парень купил у меня новехонький реактобиль, дающий на прямой триста пятьдесят миль в час! Радовался как младенец! И после этого вдруг сотворить с собой такое! Конечно, из-за реактобиля его долг несколько возрос.
- Понятно.
- Но что это меняло? Ему была доступна любая роскошь. А он взял да повесился.
- Повесился?
- Да, - сказал Пэтис, вновь нахмурясь. - В доме все современные удобства, а он повесился на канате. Вероятно, давно уж были расшатаны нервы.
Хмурый взгляд исчез, сменившись привычной улыбкой.
- Однако довольно об этом! Поговорим лучше о вас.
Когда Пэтис открыл свой портфель, улыбка стала еще шире.
- Итак, вот ваш баланс. Вы должны нам двести три тысячи долларов двадцать девять центов, мистер Кэррин, - таков итог после вашей последней покупки. Правильно?
- Правильно, - подтвердил Кэррин. Он помнил эту цифру по своим бумагам. - Примите очередной взнос.
Он вручил Пэтису конверт, который тот положил в карман, предварительно пересчитав содержимое.
- Прекрасно. Но знаете, мистер Кэррин, ведь вашей жизни не хватит, чтобы выплатить нам двести три тысячи долларов полностью.
- Да, едва ли я успею, - трезво согласился Кэррин.
Ему не исполнилось еще и сорока лет, и благодаря чудесам медицинской

науки у него было в запасе еще добрых сто лет жизни.

Однако, зарабатывая три тысячи долларов в год, он все же не мог выплатить долг и в то же время содержать семью.

- Само собой разумеется, мы бы не хотели лишать вас необходимого. Не говоря уж о потрясающих изделиях, которые выйдут в будущем году. Эти вещи вы не пожелаете упустить, сэр!

Мистер Кэррин кивнул Ему, безусловно, хотелось приобрести новые изделия.

- А что, если мы с вами заключим обычное соглашение? Если вы дадите обязательство, что в течение первых тридцати лет после совершеннолетия ваш сын будет выплачивать нам свой заработок, мы с удовольствием предоставим вам дополнительный кредит.

Мистер Пэтис выхватил из портфеля какие-то документы и разложил их перед Кэррином.

- Вам надо лишь подписаться вот здесь, сэр.

- Не знаю, как быть, - сказал Кэррин. - Что-то душа не лежит. Мне бы хотелось помочь мальчику в жизни, а не взваливать на него с самого начала...

- Но ведь, дорогой сэр, - вставил Пэтис, - это делается и ради вашего сына тоже. Ведь он здесь живет, не правда ли? Он вправе пользоваться предметами роскоши, чудесами науки...

- Конечно, - подтвердил Кэррин. - Но ведь...

- Подумайте только, сэр, сегодня средний человек живет как король. Сто лет назад даже первому богачу было недоступно то, чем владеет в настоящее время простой гражданин. Не надо рассматривать это обязательство как долг. На самом деле это вложение капитала.

- Верно, - с сомнением проговорил Кэррин. Он подумал о сыне, о его моделях ракетных кораблей, звездных картах и чертежах. "Правильно ли я поступаю?" - спросил он себя.

- Что вас беспокоит? - бодро спросил Пэтис.

- Да я просто подумал, - сказал Кэррин, - дать обязательство на заработок сына - не кажется ли вам, что я захожу слишком далеко?

- Слишком далеко? Дорогой сэр! - Пэтис разразился хохотом. - Вы знаете Меллона? Того, что живет в конов квартала? Так вот, не говорите, что это я рассказал, но он уже заложил жалованье своих внуков за всю их жизнь! А у него нет еще и половины того, что он решил приобрести! Мы для него что-нибудь придумаем. Обслуживание клиентов - наша работа, и мы знаем в этом толк.

Кэррин заметно вздрогнул, - А когда вас не станет, все это перейдет к

вашему сыну.

Это верно, подумал Кэррин. У сына будут все изумительные вещи, которыми изобилует дом. И в конце концов, речь идет лишь о тридцати годах, а средняя продолжительность жизни - сто пятьдесят лет.

Он расписался, увенчав подпись замысловатым росчерком.

- Отлично! - сказал Пэтис. - Между прочим, у вас в доме есть командооператор фирмы "А. Э."?

В доме такого не было. Пэтис объяснил, что командооператор - это новинка года, величайшее достижение науки и техники. Он предназначен для выполнения всех работ по уборке и приготовлению пищи - владельцу не приходится и пальцем шевельнуть.

- Вместо того чтобы носиться весь день по дому и нажимать полдюжины разных кнопок, надо нажать лишь одну! Замечательное изобретение!

Поскольку новинка стоила всего пятьсот тридцать пять долларов, Кэррин приобрел и ее, прибавив эту сумму к долгу сына.

Что верно, то верно, думал он, провожая Пэтиса до двери. Когда-нибудь этот дом будет принадлежать Билли. Ему и его жене. Они, бесспорно, захотят, чтобы все было самое новейшее.

Только одна кнопка, подумал он. Вот это поистине сберегает время.

***

После ухода Пэтиса Кэррин вновь уселся в регулируемое кресло и включил стерео. Покрутив легкояти, он обнаружил, что смотреть ничего не хочется. Он откинулся в кресле и задремал.

Нечто в глубине сознания по-прежнему не давало ему покоя.

- Привет, милый! - Проснувшись, он увидел, что жена уже вернулась домой. Она чмокнула его в ухо. - Погляди-ка.

Жена купила халат-сексоусилитель фирмы "А. Э.". Его приятно поразило, что эта покупка оказалась единственной. Обычно Лила возвращалась из магазинов, нагруженная пакетами.

- Прелестный, - похвалил он.

Она нагнулась, подставляя лицо для поцелуя, и хихикнула. Эту привычку она переняла у только что вошедшей в моду популярной стереозвезды. Кэррину такая привычка не нравилась.

- Сейчас наберу ужин, - сказала она и вышла в кухню. Кэррин улыбнулся при мысли, что скоро она будет набирать блюда, не выходя из гостиной. Он снова откинулся в кресле, и тут вошел сын.

- Как дела, сынок? - тепло спросил Кэррин.

- Хорошо, - апатично ответил Билли.

- В чем дело, сынок? - Мальчик, не отвечая, смотрел себе под ноги

невидящими глазами. - Ну же, расскажи папе, какая у тебя беда.

Билли уселся на упаковочный ящик и уткнулся подбородком в ладони. Он задумчиво посмотрел на отца.

- Папа, мог бы я стать мастером-наладчиком, если бы захотел?

Мистер Кэррин улыбнулся наивности вопроса. Билли попеременно хотел стать то мастером-наладчиком, то летчиком-космонавтом. Наладчики принадлежали к элите. Они занимались починкой автоматических ремонтных машин. Ремонтные машины чинят все что угодно, но никакая машина не починит машину, которая сама чинит машины. Тут-то на сцене и появляются мастера-наладчики.

Однако вокруг этой сферы деятельности шла бешеная конкурентная борьба, и лишь очень немногим из самых способных удавалось получить дипломы наладчиков. А у мальчика, хотя он и смышлен, нет склонности к технике.

- Возможно, сынок. Все возможно.

- Но возможно ли это именно для меня?

- Не знаю, - ответил Кэррин со всей доступной ему прямотой.

- Ну и не надо, все равно я не хочу быть мастером-наладчиком, - сказал мальчик, поняв, что получил отрицательный ответ. - Я хочу стать летчиком-космонавтом.

- Летчиком-космонавтом, Билли? - вмешалась Лила, войдя в комнату. - Но ведь у нас их нет.

- Нет, есть, - возразил Билли. - Нам в школе говорили, что правительство собирается послать несколько человек на Марс.

- Это говорится уже сто лет, - сказал Кэррин, - однако до сих пор правительство к этому и близко не подошло.

- На этот раз пошлют.

- Почему ты так рвешься на Марс? - спросила Лила, подмигнув Кэррину. - На Марсе ведь нет хорошеньких девушек.

- Меня не интересуют девушки. Мне просто хочется на Марс.

- Тебе там не понравится, милый, - сказала Лила. - Это противная старая дыра, и там нет воздуха.

- Там есть воздух, хоть его и мало. Я хочу туда поехать, - угрюмо настаивал мальчик. - Мне здесь не нравится.

- Это еще что? - спросил Кэррин, выпрямляясь в кресле. - Чего ты еще хочешь? Тебе чего-нибудь не хватает?

- Нет, сэр. У меня есть все, что надо. - Когда сын называл его сэром, Кэррин знал: что-то неблагополучно.

- Послушай, сынок, в твои годы мне тоже хотелось на Марс. Меня привлекала романтика. Я даже мечтал стать мастером-наладчиком.

- Почему же ты им не стал?

- Ну, я вырос. Я понял, что есть более важные дела. Сначала я заплатил долг, доставшийся мне от отца, а потом встретил твою мать...

Лила хихикнула.

- ...и захотелось создать семью. То же самое будет и с тобой. Ты выплатишь свой долг и женишься, как все люди.

Билли помолчал, откинул со лба темные волосы - прямые, как у отца, - и облизнул губы.

- Откуда у меня появились долги, сэр? Кэррин осторожно объяснил. Он рассказал о вещах, которые необходимы для цивилизованной жизни всей семьи, и о том, сколько эти вещи стоят. Как они оплачиваются. Как появился обычай, чтобы сын, достигнув совершеннолетия, принимал на себя часть родительского долга.

Молчание Билли раздражало Кэррина. Мальчик словно упрекал его. А он-то долгие годы трудился как раб, чтобы предоставить неблагодарному щенку все прелести комфорта.

- Сынок, - резко произнес он, - ты проходил в школе историю? - Хорошо. Значит, тебе известно, что было в прошлом. Войны. Тебе бы понравилось, если бы тебя заставили воевать?

Мальчик не отвечал.

- Или понравилось бы тебе гнуть спину по восемь часов в день за работой, с которой должна справляться машина? Или все время голодать? Или мерзнуть и мокнуть под дождем, не имея пристанища?

Он подождал ответа и, не дождавшись, продолжал:

- Ты живешь в самом счастливом веке, какой когда-либо знало человечество. Тебя окружают все чудеса искусства и науки. Самая утонченная музыка, лучшие книги, величайшие творения искусства - все к твоим услугам. Тебе остается лишь нажать кнопку. - Голос его смягчился. - Ну, о чем ты думаешь?

- Я просто соображаю, как же мне теперь попасть на Марс, - ответил мальчик. - Я хочу сказать - с долгами. Навряд ли можно от них отделаться.

- Конечно, нет.

- Разве что забраться в ракету зайцем.

- Но ты ведь этого не сделаешь.

- Конечно, нет, - сказал мальчик, но голосу его недоставало уверенности.

- Ты останешься здесь и женишься на очень славной девушке, - подхватила мать.

- Конечно, останусь, - отозвался Билл, - Конечно. - Он неожиданно ухмыльнулся. - Я просто так говорил насчет Марса. Просто так.

- Я очень рада, - ответила Лила.

- Забудьте о том, что я тут наболтал, - попросил Билли с вымученной улыбкой. Он встал и опрометью бросился наверх.

- Наверное, пошел играть с ракетами, - сказала Лила. - Вот чертенок.

Кэррины спокойно поужинали, а после ужина мистеру Кэррину пора было идти

на работу. В этом месяце он выходил в ночную смену. Он поцеловал жену, сел в реактобиль и под оглушительный рев покатил на завод. Опознав Кэррина, автоматические ворота распахнулись. Он поставил реактобиль на стоянку и вошел внутрь здания.

Автоматические токарные станки, автоматические прессы - все автоматическое. Завод был огромный и светлый; тихо жужжали машины - они делали свое дело, и делали его хорошо.

Кэррин подошел к концу сборочного конвейера для автоматических стиральных машин: надо было принять смену.

- Все в порядке? - спросил он.

- Конечно, - ответил сменщик. - Целый год нет брака. У этих новых моделей встроенные голоса. Здесь нет сигнальной лампочки, как в старых.

Кэррин уселся на место сменщика и подождал прибытия первой стиральной машины. Работа его была воплощением простоты. Он сидел на месте, а мимо проплывали машины. Он нажимал на них кнопку и проверял, все ли в порядке. Все неизменно было в порядке. Пройдя его контроль, машины отправлялись в отдел упаковки.

На длинных роликовых салазках скользнула первая машина. Кэррин нажал пусковую кнопку на ее боку.

- Готова к стирке, - сказала стиральная машина.

Кэррин нажал выключатель и пропустил машину дальше.

Этот мальчик, подумал Кэррин. Не побоится ли он ответственности, когда вырастет? Станет ли зрелым человеком и займет ли место в обществе? Кэррин в этом сомневался. Мальчик - прирожденный мятежник.

Однако эта мысль его не особенно встревожила.

- Готова к стирке. - Прошла другая машина. Кэррин припомнил кое-что о Миллере. Этот жизнелюб вечно толковал о других планетах, постоянно шутил; что полетит на одну из них и наведет там хоть какой-то порядок. Однако он никуда не полетел. Он покончил с собой.

- Готова к стирке.

Кэррину предстояло восемь часов работы; готовясь к ним, он ослабил ремень. Восемь часов надо нажимать кнопки и слушать, как машины заявляют о своей готовности.

- Готова к стирке. Он нажал выключатель.

- Готова к стирке.

Мысли Кэррина блуждали где-то далеко, впрочем, его работа и не требовала особого внимания. Теперь он понял, что именно беспрерывно гнетет его.

Ему не нравилось нажимать на кнопки.

Роберт ШЕКЛИ

СКЛАД МИРОВ

Мистер Уэйн дошел до самого конца длинной и почти в рост человека насыпи из какого-то серого мусора и оказался перед Складом Миров. Он выглядел именно так, как описывали Уэйну друзья:

- лачуга, построенная из обрезков досок; искореженных кузовов автомобилей; листов оцинкованного железа и нескольких рядов битого кирпича. Все это было покрашено водянистой голубой краской.

Мистер Уэйн обернулся и внимательно оглядел обширную щебенчатую равнину, чтобы убедиться, что за ним никто не следит. Он покрепче прижал локтем свой пакет, дрожа от собственной смелости, открыл дверь и вошел.

- Здравствуйте, - сказал хозяин.

Он тоже выглядел точно таким, как его описывали, - высокий хитрый старик с узкими глазами и перекошенным ртом. Звали его Томпкинс. Старик сидел в древней качалке, на спинке которой примостился сине-зеленый попугай. В помещении склада стояли еще стул и стол. На столе лежал заржавленный медицинский шприц.

- О вашем складе мне рассказали друзья, - произнес мистер Уэйн.

- Тогда и цена вам известна, - отозвался Томпкинс. - Принесли?

- Да, - ответил мистер Уэйн, показывая сверток, - но сначала я хотел бы спросить...

- Все они сначала хотят спросить, - обратился Томпкинс к попугаю, который в ответ моргнул. - Валяйте спрашивайте.

- Я хочу знать, что именно происходит. Томпкинс вздохнул:

- А происходит вот что. Вы платите мне мой гонорар. Я делаю вам укол, от которого вы теряете сознание. Затем с помощью неких приборов, которые у меня тут хранятся, я освобождаю ваше сознание.

Говоря это, Томпкинс улыбался и, казалось, его молчащий попугай - тоже.

- И что же происходит потом? - спросил мистер Уэйн.

- Ваше сознание, освобожденное от телесной оболочки, выберет один из бесконечного числа вероятностных миров, которые порождает Земля в каждую секунду своего существования.

Еще шире улыбаясь, Томпкинс поудобнее устроился в своей качалке и даже проявил признаки некоторого возбуждения.

- Да, дружище, хотя вы этого скорей всего и не подозреваете, но с того

самого момента, как старушка Земля вышла из огненного солнечного чрева, она начала порождать параллельные вероятностные миры. Бесконечное число миров, возникающих под воздействием как самых великих; так и самых незначительных событий. Каждый Александр Македонский и каждая амеба рождают свои миры, подобные кругам, расходящимся по поверхности пруда, независимо от того, большой или маленький камень был брошен в воду. Разве не отбрасывает тень любой предмет? Понимаете, дружище: поскольку сама Земля существует в четырех измерениях, она отбрасывает трехмерные тени - чувственные отражения самой себя в каждое мгновение своего бытия. Миллионы, миллиарды земных шаров. Бесчисленное множество шаров! И ваше сознание, освобожденное мной, может выбрать любой из этих миров и жить в нем некоторое время.

Мистеру Уэйну стало противно - Томпкинс ораторствовал как зазывала в цирке, рекламирующий несуществующие чудеса. Потом мистер Уэйн подумал, что в его собственной жизни произошли такие события, которые прежде показались бы ему невероятными. Абсолютно невероятными! Что ж, может быть, и чудеса, обещанные Томпкинсом, окажутся все же возможными.

Мистер Уэйн сказал:

- Мои друзья говорили мне еще...

- ...что я просто-напросто шарлатан? - подхватил Томпкинс.

- Кое-кто из них намекал на такую возможность, - осторожно ответил мистер Уэйн, - но мне хотелось бы составить собственное мнение. Они говорили также...

- Знаю я, о чем болтали ваши друзья с их грязными мыслишками. Трепались про исполнение желаний. Вы об этом хотите спросить?

- Да, - сказал мистер Уэйн, - они говорили, что то, чего я хочу... что, чего бы я ни захотел...

- Верно, - перебил его Томпкинс. - А иначе эта штука и не сработает. Миров, среди которых можно выбирать, существует огромное множество. Выбор же производит ваше сознание, руководствуясь вашими же тайными желаниями. Именно эти потаенные, глубоко запрятанные желания и играют главную роль. Если в вас живет тайная мечта быть убийцей...

- О нет, разумеется, нет! - вскричал мистер Уэйн.

- ...то тогда вы попадете в мир, где сможете убивать, сможете купаться в крови, сможете переплюнуть маркиза де Сада или Цезаря, или кому вы там еще поклоняетесь. Или, предположим, что вы жаждете власти. Тогда вы выберете

мир, где в буквальном смысле будете богом. Может быть, кровавым Джаггернаутом, а может - всеведущим Буддой.

- Очень сомневаюсь, чтобы я...

- Есть еще и другие страстишки, - сказал Томпкинс. - Любые виды бездн и заоблачных вершин. Безудержная чувственность. Чревоугодие. Пьянство. Любовь. Слава. Все, что хотите.

- Потрясающе! - воскликнул мистер Уэйн.

- Да, - согласился Томпкинс. - Конечно, мой маленький перечень не исчерпывает всех возможностей, всех комбинаций и оттенков желаний. Как знать, может, вы предпочитаете простую, скромную, пасторальную жизнь на островах Южных морей, среди идеализированных туземцев?

- Это на меня больше похоже, пожалуй, - сказал мистер Уэйн с застенчивым смешком.

- Кто знает? - возразил Томпкинс. - Возможно, вам даже самому неизвестны ваши истинные страстишки. А между тем они способны привести вас к гибели.

- А это часто бывает? - обеспокоился мистер Уэйн.

- Время от времени.

- Мне бы не хотелось умереть, - заявил мистер Уэйн.

- Вероятность ничтожна, - ответил Томпкинс, косясь на сверток в руках мистера Уэйна.

- Ну, раз вы так говорите... Но откуда я знаю, что все это будет в действительности? Ваш гонорар столь велик, что на него уйдет все мое имущество. Почем я знаю, может, вы просто дадите мне наркотик и все, что произойдет, мне просто приснится? Отдать все состояние за щепотку героина и жалкую лживую болтовню?!

Томпкинс успокаивающе улыбнулся:

- То, что происходит, нисколько не похоже на действие наркотиков. И на сон - тоже.

- Но если все это происходит в действительности, - раздраженно сказал мистер Уэйн, - то почему я не могу остаться в мире своих желаний навсегда?

- Над этим я сейчас и работаю, - ответил Томпкинс. - Вот почему мои гонорары так высоки. Нужны материалы, нужно экспериментировать. Я пытаюсь изыскать способ сделать переселение в вероятностный мир постоянным. Но пока мне никак не удается ослабить связи человека с его истинным миром, и они притягивают его обратно. Самым великим чудотворцам не разорвать этих связей - одна лишь смерть способна на это. И все же я надеюсь.

- Если получится - будет просто замечательно, - вежливо вставил мистер Уэйн.

- Еще бы! - вскричал Томпкинс с неожиданной горячностью. - Тогда я превращу свою жалкую лавчонку в ворота всеобщего исхода. Я сделаю пользование моим изобретением бесплатным, доступным для всех. Все люди смогут уйти в мир своих истинных желаний, в мир, к жизни в котором они действительно приспособлены, а это проклятое место останется крысам и червям.

Томпкинс оборвал себя на полуслове и вновь стал холоден, как лед.

- Боюсь, я немного увлекся. Пока я не могу предложить вам переселения с этой Земли навсегда. Во всяком случае такого, в котором не участвовала бы смерть. Возможно, я этого никогда не смогу. Сейчас я в состоянии предоставить вам только каникулы, перемену обстановки, вкус и запах другого мира и обозрение ваших тайных стремлений. Мой гонорар вам известен. Я возвращу его вам, если вы останетесь недовольны испытанным.

- Это очень мило с вашей стороны, - сказал мистер Уэйн совершенно серьезно. - Но есть еще одна сторона, о которой мне тоже говорили друзья. Я потеряю десять лет жизни.

- Тут уж ничего не поделаешь, - ответил Томпкинс. - И их я вам вернуть не смогу. Изобретенный мною процесс требует страшного напряжения нервной системы и соответственно укорачивает жизнь. Это одна из причин, по которым наше так называемое правительство объявило мое дело противозаконным.

- Однако оно не очень-то решительно претворяет этот запрет в жизнь, - заметил мистер Уэйн.

- Да. Официально дело запрещено как опасное шарлатанство. Но ведь чиновники тоже люди. Им так же хочется убежать с Земли, как и простым смертным.

- Но цена! - размышлял мистер Уэйн, крепко прижимая к груди свой сверток. - Да еще десять лет жизни! И все это за выполнение каких-то тайных желаний. Нет: надо еще подумать.

- Думайте, - безразлично отозвался Томпкинс.

Мистер Уэйн думал об этом по пути домой. Он размышлял о том же, когда его поезд подошел к станции Порт-Вашингтон на Лонг-Айленде. И ведя машину от станции к дому, он все еще думал о хитром старом лице Томпкинса, об отраженных мирах и об исполнении желаний.

Только когда он вошел в дом, эти мысли исчезли. Дженнет - его жена - тут же попросила его поговорить с прислугой, которая опять напилась. Сынишка

Томми потребовал, чтобы ему помогли наладить парусную лодку, которую завтра полагалось спустить на воду. А маленькая дочурка все порывалась рассказать, как прошел день в ее детском садике.

Мистер Уэйн вежливо, но твердо поговорил с прислугой. Помог Томми покрыть дно лодки медной краской. Выслушал рассказ Пегги о приключениях на детской площадке. Позже, когда дети легли спать, а он и Дженнет остались в гостиной, она спросила, нет ли у него неприятностей.

- Неприятностей?

- Мне кажется, ты чем-то обеспокоен, - сказала Дженнет. - Много было работы в конторе?

- Да нет, как обычно.

Разумеется, ни Дженнет, ни кому-либо другому он не собирался говорить про то, что брал на день отпуск и ездил к Томпкинсу в этот идиотский Склад Миров. Не собирался он и разглагольствовать о праве настоящего мужчины на то, чтобы хоть разок в жизни удовлетворить свои потаенные желания. Дженнет с ее практическим умом не поняла бы его.

А потом началась горячка на работе. Уолл-стрит била паника из-за событий на Дальнем Востоке и в Азии, акции скакали вверх и вниз. Мистеру Уэйну приходилось очень много работать. Он старался не думать об исполнении желаний, на которые пришлось бы истратить все, что он имел, да еще десять лет жизни в придачу. Старик Томпкинс, должно быть, совсем спятил.

По субботам и воскресеньям они с Томми катались на лодке. Старая лодка вела себя прилично, и швы на дне почти не пропускали воды. Томми мечтал о новых парусах, но мистер Уэйн принужден был отказать ему. В будущем году - может быть, если, конечно, дела пойдут получше. А пока и старые сойдут.

Иногда ночью, когда дети засыпали, на лодке катались он и Дженнет. Лонг-Айденд-Саунд был прохладен и тих. Лодка, скользя мимо мигающих бакенов, плыла к огромной желтой луне.

- Я чувствую, что с тобой что-то происходит.

- Ну что ты, родная.

- Ты что-то таишь от меня.

- Ничего.

- Ты уверен? Совершенно уверен?

- Совершенно.

- Тогда обними меня крепче. Вот так...

И лодка плыла, не управляемая никем.

Страсть и ее утоление... Но пришла осень, и лодку вытащили на берег. Положение на бирже выровнялось, но Пегги подхватила корь. Томми задавал массу вопросов о разнице между обыкновенными бомбами, бомбами атомными,

водородными, кобальтовыми и всякими прочими, о которых шумели радио и газеты. К тому же неожиданно ушла прислуга.

Тайные желания - это, конечно, любопытно. Возможно, он действительно втайне мечтал убить кого-нибудь или жить на островах Южных морей. Но ведь у него есть обязанности. Есть двое детей и жена, которой он явно не стоит.

Разве что после Рождества...

Но зимой из-за неисправности проводки загорелась комната для гостей. Пожарные погасили пламя, убыток был невелик, никто не пострадал, но пожар на время выбил всякие мысли о Томпкинсе. Сначала надо было отремонтировать комнату, так как мистер Уэйн очень гордился своим красивым старым домом.

Биржу все еще лихорадило в связи с международным положением. Ох уж эти русские, эти арабы, эти треки, эти китайцы... Межконтинентальные ракеты, атомные бомбы, спутники... Мистер Уэйн проводил в своей конторе долгие дни, а иногда и вечера.

Томми заболел свинкой. Надо было перекрыть кусок крыши. А там подошло и время спускать лодку на воду.

Год прошел, а у него так и не нашлось времени, чтобы поразмыслить о своих тайных желаниях. Разве что в будущем году. А пока...

- Ну, - спросил Томпкинс, - все в порядке?

- Да, все в полном порядке, - ответил мистер Уэйн. Он встал со стула и потер лоб.

- Вернуть гонорар?

- Нет. Все было как надо.

- Ощущения никогда не подводят, - сказал Томпкинс, похабно подмигивая попугаю. - Что там у вас было?

- Мир недавнего прошлого, - ответил мистер Уэйн.

- Их тут полным-полно. Что ж, выяснили вы, какие такие у вас тайные страстишки? Поножовщина? Южные острова?

- Мне бы не хотелось обсуждать это, - ответил мистер Уэйн вежливо, но твердо.

- Почему-то никто не хочет со мной об этом говорить, - обиженно пробурчал Томпкинс. - Будь я проклят, если понимаю почему!

- Это потому... мне кажется, что мир потаенных желаний каждого столь интимен... Я не хотел вас обидеть. Как вы думаете, удастся вам сделать это постоянным... Я имею в виду мир по выбору...

Старик пожал плечами:

- Пытаюсь. Если выйдет, вы услышите об этом. Все услышат.

- Это верно. - Мистер Уэйн развязал сверток и выложил на стол его содержимое. Там была пара армейских сапог, нож, два мотка медной проволоки, три маленькие банки говяжьей тушенки.

На мгновение глаза Томпкинса загорелись.

- Подходяще. Спасибо вам.

- До свидания, - сказал мистер Уэйн. - Это вам спасибо.

Мистер Уэйн вышел из лачуги и быстро пошел по серой гравийной насыпи. По обе ее стороны, насколько хватал глаз, лежали плоские россыпи обломков - серые, черные, бурые. Эти простирающиеся до горизонта равнины были прахом разбитых мертвых городов, обломками испепеленных деревьев, белою золою сожженных человеческих костей и плоти.

- Что ж, - сказал вслух мистер Уэйн, - во всяком случае как аукнулось, так и откликнулось.

Этот год, проведенный в прошлом, отнял у него все, чем он владел. Туда же для ровного счета ушло и десять лет жизни. Может, это был сон? Все равно - он стоил того. Теперь надо только выбросить из головы мысли о Дженнет и ребятишках. С ними покончено навсегда, разве что Томпкинсу удастся улучшить свое изобретение. Надо думать лишь о том, как выжить самому.

С помощью наручного счетчика Гейгера он нащупал безопасный проход через развалины. Надо вернуться домой до наступления темноты, пока крысы еще не вышли из нор. Если не торопиться, он может пропустить вечернюю раздачу картошки.

Роберт ШЕКЛИ

ИГРА С ТЕЛОМ

Дорогой Сенатор, пишу Вам потому, что бы наш старейший Сенатор. Во время прошлогодних выборов Вы сказали, что Вы наш слуга и мы должны немедленно сообщать Вам про все наши беды. Еще Вы сказали - с некоторым раздражением - долг каждого гражданина писать своему Сенатору о том, что здесь творится. Я, Сенатор, долго над всем этим размышлял. Разумеется, я не верю, что Вы на самом деле наш слуга, - Вы зарабатываете в пятьдесят или в сто, а то и в тысячу раз больше каждого из нас. Но коль Вы настаиваете, чтобы мы Вам писали, то я решил написать.

Сперва я недоумевал, почему это Вы велели писать Вам обо всем, что здесь творится, ведь Вы, как и Я, выросли в этом самом городе, а не замечать того,

что здесь творится, может лишь слепой, глухой и бесчувственный осел. Но потом я понял, как был несправедлив, - Вам приходится столько времени проводить в Вашингтоне, а поэтому Вы вполне можете и не знать про все. Как бы там ни было, ловлю Вас на слове и беру на себя смелость написать Вам письмо. Прежде всего мне хотелось бы рассказать о новом теле моего дедушки, потому как это особый повод обратиться к Вам с жалобой. Вам об этом обязательно нужно знать, а может, и что-нибудь предпринять.

До того как всему этому случиться, дедушка был здоровым бодрым стариком девяноста двух лет от роду, с полным ртом своих зубов, густой белоснежной шевелюрой и не имел ни унции лишнего веса. Он всю жизнь пекся о своем здоровье и очки начал носить уже в восемьдесят с хвостиком. Проработав полвека, получил в шестьдесят пять приличную пенсию, хотя был всего-навсего оператором счетных машин. Пенсия, социальное страхование и кое-какие сбережения позволяли ему полностью содержать себя. Это счастье, что он никогда не был нам обузой, - мы и так едва сводим концы с концами.

Выйдя на пенсию, старик какое-то время редко выбирался из дома - все спал да смотрел телевизор. Он всегда сам готовил себе еду и мыл за собой посуду. Днем выползал в парк и коротал времечко с другими старикашками, а потом снова отправлялся на боковую. К нашим детишкам относился замечательно, водил их по воскресеньям к заливу Бараньей Головы, где они бегали и собирали ракушки. Еще он ходил на рыбалку и даже поймал как-то песчаную акулу, правда, я никак не могу взять в толк, как рыбине удалось пробраться к берегу сквозь этот мусор и химические отходы. Мы ее сварили и ели два дня. Межу прочим, не так уж и плохо - только надо плеснуть побольше кетчупа.

Но вот старик заскучал. Ведь он проишачил целых полвека, а потому красиво отдыхать не умел. Хандрил он хандрил, да вдруг задумал подыскать себе работенку.

Конечно же, это была самая настоящая дурь, о чем мы ему так прямо и сказали. В наши дни сорокалетний мужчина и тот не в состоянии ничего себе подыскать, что уж говорить о семидесятилетнем старике - дедушке в ту пору стукнуло семь десятков.

Но он эту затею не оставил. Проснувшись поутру, принимал сыворотку долголетия, которую ему прописали медики из государственного

здравоохранения, умывался, брился и куда-то исчезал.

Само собой, ничего хорошего он не нашел, так что в конце концов ему пришлось смирить свою гордыню и согласиться на должность помощника сортировщика мусора. К счастью, это обходилось ему не дорого - доходы-то у него не бог весть какие. Правда, он так и не смог свыкнуться с мыслью, что каждый день приходится выкладывать денежки из собственного кармана. И все только за то, чтобы работать. А ведь правительство готово платить ему за полное безделье. "Но работа же полезная и я делаю ее добросовестно, - жаловался он нам, - так почему же, черт побери, я должен платить собственные денежки за то, что добросовестно выполняю полезную работу?"

Дедушка выполнял подобную работу лет двадцать, как вдруг кто-то изобрел самоуничтожаемые отходы, и мой дедушка и тысячи других людей остались без работы. К тому времени ему было уже почти девяносто, но он все же горел желанием приносить пользу обществу. Правда, здоровье у него пошатнулось. Впервые за всю свою жизнь дедушка почувствовал себя неважно. Мы повезли его к доку Сондерсу в Мемориальный Социально-медицинский центр имени У. Тана на Восточной 103-й улице. На это ухлопали почти целый день. Тротуар-самоходка стоит пять монет в один конец, нам же такое удовольствие не по карману.

У дока Сондерса в офисе каких только приборов нет. Дедушку он обследовал три дня и после сказал:

- Вы ничем не больны, а просто стары. Ваше сердце, можно сказать, окончательно выдохлось, а ваши артерии уже не выдерживают давления крови. Все остальные органы тоже барахлят, но в сравнении с тем, что я сказал, это мелочи.

- Док, а может, вы мне что-нибудь замените? - спросил дедушка.

Док Сондерс покачал головой.

- Стоит мне поставить вам новое сердце, и оно разорвет ваши артерии, а если подштопать артерии, ваши легкие не смогут обогащать кровь кислородом. Если же мне удастся подремонтировать легкие, откажут почки. Дело в том, что все ваши внутренние органы порядком износились.

Дедушка кивнул. По утрам он читал "Дейли ньюс" и про все это знал.

- Так что же мне делать? - спросил он.

- Обзавестись новым телом, - сказал Сондерс. Дедушка задумался.

- Черт побери, возможно, в моем возрасте следует уже быть готовым к смерти, но я еще не готов, - сказал он. - Понимаете, не все я еще повидал. Разумеется, я хочу сменить тело. Но вот где взять деньги...

- В том-то и проблема, - кивнул Сондерс. - Государственное здравоохранение, как вам известно, не обеспечивает замену всего тела.
- Знаю, - грустно сказал дедушка.
- Так, значит, вам такие расходы не по карману?
- Увы, вряд ли.

Последующие два дня дедушка сидел на обочине дороги у нашего дома и усиленно размышлял. Ему было не очень-то уютно на улице. Дети, которые шли домой из школы, кричали: "Эй, старик, помирай скорей! Почему ты до сих пор коптишь небо? Старый ублюдок, ты только переводишь воздух, пищу и воду. Мерзкий старый урод, умри же пристойно, как подобает старикам. Умри, умри, алчный сукин сын. Умри!"

Услышав это, я схватил палку и хотел было выйти на улиту малость порезвиться. Но дедушка мне не разрешил.

- Они только повторяют то, что говорят их родители, - сказал он. - Ребенок - тот же попугай, что с него возьмешь? Но дети, вероятно, правы. Возможно, я и в самом деле должен умереть.
- Ну ладно, только не заводись, - сказал я.
- Умри, умри, - твердил дедушка. - Черт возьми, я все тридцать лет напрасно коптил небо. Имей я хоть немного мужества, наверняка бы уже помер - отчего и мне, и всем остальным стало бы легче.
- Ерунду несешь, - возразил я ему. - Скажи, а для чего тогда все эти изобретения для продления жизни, если, как ты говоришь, старики должны умирать?
- Вероятно, те, кто их придумали, сделали ошибку.
- Ага, так я этому и поверил. Меня, помню, еще в школе учили, что человек должен жить многие сотни лет. Ты разве не слыхал о докторе Фаусте?
- Это знаменитый австрийский доктор, да? - спросил дедушка.
- Немецкий, - поправил я его. - Друг Фрейда и Эйнштейна, но только куда толковей их обоих. Он прославлял долголетие человека. Надеюсь, ты не станешь спорить с таким башковитым парнем, а?

Возможно, я не совсем гладко изложил то, что думал, но мне нужно было что-то сказать, не хотелось, чтобы старик умирал. Сам не знаю почему - ведь с каждым годом жить становится все трудней и трудней, а поэтому нет никакого резона в том, что у тебя под ногами будет мешаться старик. Но мне все равно хотелось, чтобы он жил. С ним у нас никогда не было никаких хлопот, детишки его любили, и даже Мэй, моя жена, считала, что с дедушкой приятно побеседовать.

Конечно, мои рассказы про этого Фауста не произвели на него ни малейшего

впечатления. Он подпер кулаком подбородок и задумался. Минут десять думал...
Потом поднял голову и прищурился, будто удивляясь тому, что я все еще возле него.

- Сынок, а сколько лет Артуру Рокфеллеру? - поинтересовался дедушка.

- Сто тридцать или около того, - ответил я. - Он сменил уже третье тело.

- А Юстису Моргану Ханту сколько?

- Примерно столько же.

- А Блейзу Эйзенхауэру?

- Думаю, сто семьдесят пять, не меньше. Он сменил четыре тела.

- Ну, а Моррису Меллону?

- Лет двести десять - двести двадцать. Но тебе-то что за дело до них?

Он глянул на меня с сожалением:

- А то, что бедные люди - это те же самые дети. У них чуть ли не сто лет уходит, чтобы вырасти, но тут их настигает смерть, и они ничего не успевают сделать. У богатых же есть возможность жить вечно.

Дедушка помолчал, потом сплюнул на тротуар, встал и направился домой - подошло время его любимого дневного шоу.

Не знаю, как и откуда он достал деньги. Возможно, у него было кое-что припрятано или же он ограбил в Нью-Джерси кондитерскую. Какая разница? Главное, что через три дня он сказал мне:

- Джонни, пошли в магазин за телом.

- В магазин за телом? Да брось разыгрывать, - отмахнулся я.

- А я говорю тебе - пошли в магазин. - Он показал зажатые в кулаке триста восемьдесят долларов. При этом не сказал мне, где их добыл, мне, своему родному внуку, которому когда-нибудь тоже потребуется новое тело.

И вот мы с ним отправились в магазин покупать ему новое тело.

Надеюсь, Сенатор, Вы знаете, как обстоят дела у бедных. Все для них слишком дорого, к тому же отвратительного качества. Если у Вас, как и у нас, пустой карман. Вы ни за что не пойдете в магазин тел Сэкса или, скажем, в "Центр Оживления" Лорда и Тейлора. Они Вас засмеют или даже арестуют, чтобы не мешались у них под ногами. Да Вы туда и не пойдете, а направитесь в магазин поблизости от Вашего дома.

Мы же пошли прямиком в магазин живых моделей "Франт", что на углу 103-й улицы и Бродвея.

Вовсе не собираюсь навлекать гнев на эту компанию - просто сообщаю Вам, куда мы пошли.

Возможно, Вы читали, что представляют собою заведения подобного типа: сплошной неон, три-четыре симпатичных тела в витрине и полная рухлядь внутри магазина. А еще парочка продавцов в пестрых костюмах. Они то и дело отпускают по видеофону всякие шуточки. Должно быть, эти продавцы сбывают

свой товар друг другу, потому как я сроду не видел здесь покупателей.

Мы зашли в магазин и начали рассматривать товар. Тут выплыл продавец, эдакий симпатичный развязный малый, и еще издалека начал нам улыбаться.

- Ищете симпатичное тело? - спросил он.

- Нет, приятель, четвертого для партии а бридж, - сказал я.

Он засмеялся, признав тем самым, что у меня неплохо с юмором.

- Ну и на здоровье. Если же у вас есть какое-то особое по...

- Сколько стоит вот это? - спросил дедушка.

- Вижу, вы не лишены вкуса, - сказал продавец. - Это наша Итонская модель, собранная на новой линии омоложения "Дженерал дайнамикс". Рост Итона шесть футов, вес сто семьдесят фунтов, Класс рефлексов АА. Все органы без исключения получили знак качества Искусного Домоводства. А вам известно, что генерал Клей Бэкстер занимает одно из модифицированных тел образца Итон? Мозг и нервная система этого тела изготовлены фирмой Динако.

Согласно Опросу Потребителей это тело было названо Лучшей Покупкой Года. Что касается скульптурной работы, модель чрезвычайно удалась - обратите внимание на цвет кожи лица, а также на линии морщин у глаз. Уверяю вас, подобные мелочи далеко не всегда удаются.

- Сколько оно стоит? - спросил дедушка.

- Забыл довести до вашего сведения, что на все органы, а также их деятельность дается десятилетняя гарантия качества Искусного Домоводства.

- Почем оно?

- Сэр, на этой неделе мы проводим распродажу, и я могу уступить вам этот экземпляр за восемнадцать тысяч девятьсот долларов, то есть со скидкой в двенадцать процентов.

Дедушка покачал головой:

- И вы в самом деле рассчитываете сбыть эту штуковину?

- Все может быть, - сказал продавец. - Случается, кто-то выигрывает в лотерею или получает наследство.

- За восемнадцать кусков мне проще умереть, - сказал дедушка. - А что-нибудь подешевле у вас есть?

У продавца оказался широкий ассортимент моделей подешевле: "Парень" Рено-Бофорс за десять тысяч долларов, "Всякий и каждый" Сокони Джи Эм за шесть тысяч пятьсот. А также "Шагай, человек" фирмы "Юнион Карбайд Крайслер" с пластиковыми волосами за две тысячи двести; "Веракрузано" - модель без голосового аппарата, гироцентра и системы переработки протеина техасской фирмы "Инструмент" - цена тысяча шестьсот девяносто пять долларов.

- Черт побери, меня совсем не интересует весь этот новый синтетический хлам, - сказал дедушка. - У вас есть отдел использованных тел?

- Да, сэр.

- В таком случае покажите мне что-нибудь приличное из этих ваших призывников запаса.

Продавец провел нас в заднее помещение, где вдоль стены, точно бревна, стояли тела. Это напоминало комнату ужасов времен моего детства - если честно, ни одно из этих тел не годится даже для того, чтобы отправиться в нем на собачьи бои. Следовало бы издать закон, запрещающий продавать подобное: все эти кривобокие тела с объеденными ушами, тела, из которых до сих пор сочится кровь, ибо в них вшили новые сердца, искромсанные тела из лабораторий, тела, собранные из останков погибших в несчастных случаях, тела самоубийц, которым заклеили запястья и влили несколько кварт свежей крови, тела прокаженных, чьи язвы опрыскали из пульверизатора краской под цвет кожи.

Признаться, мы не думали, что призывники окажутся очень уж симпатичными, однако и увидеть подобное не ожидали. Я решил, дедушка повернется и выйдет из магазина, но он этого не сделал. Покачав головой, он подошел к не самому уродливому синтетическому телу без ноги и с выпирающим плечом. Разумеется, красотой оно не блистало, но уже хорошо то, что не было похоже на извлеченный из-под обломков железнодорожных вагонов труп.

- Меня могло бы заинтересовать что-то вроде этого, - осторожно заметил дедушка.

- У вас наметанный глаз, - похвалил продавец. - Дело в том, что эта маленькая партия предшествовала крупным поставкам дорогостоящей модели.

- Видок у него потрепанный, - отметил дедушка.

- Что вы! Это, мой дорогой сэр, отличное тело! Оно идет в комплекте с отремонтированным сердцем, легкими экстракторного типа, сверхнадежной печенью и обогащенными гландами. В комплекте с этой моделью - четыре почки, живот с двойной изоляцией, а также две сотни футов лучших кишок от Амора. Что скажете на это, сэр?

- Ну, я не знаю, - мялся дедушка.

Однако продавец все знал. Ему потребовалось всего пятнадцать минут, чтобы сбагрить дедушке это кривобокое тело.

При теле была гарантия в один месяц. Мой дедушка влез в него на следующий же день, и оно прослужило ему три недели. Потом стало частить и трепыхаться сердце, одна почка отказала, а три другие работали с перебоями, заплата слетела с легкого, кишки дали течь, а печень начала усыхать.

Одним словом, дедушка сейчас в постели, и док Сондерс говорит, что ему уже не встать. Компания не собирается отвечать за тело. В их контракте есть какие-то очень мудреные пункты, и легальный советник нашего квартала утверждает, что на суды можно потратить десять лет - и все без толку. А дедушка за это время умрет.

Так что, Сенатор, я решил написать Вам и попросить Вас как можно быстрей что-нибудь предпринять.

Дедушка думает, что я получу от Вас обычную отписку по форме или, может, письмо от Вашей секретарши с сожалением, что у Вас нет никакой возможности исправить эту печальную ошибку, а еще, возможно, пообещаете предложить на рассмотрение Конгресса билль, чтобы не допустить в дальнейшем повторения того, что случилось с дедушкой. И делу конец. Поэтому мы с дедушкой считаем, что он обязательно умрет - денег на нормальное тело у него нет, а помогать ему не собирается никто. Привычное дело, верно? Так всегда случается с маленькими людишками.

Теперь я назову вторую причину, по которой пииту Вам письмо. Сенатор, я обговорил все с дружками, и мы пришли к выводу, что мой дедушка и все другие бедняки с незапамятных времен ходят в дураках. Этот Ваш Золотой век вовсе не так уж и хорош для таких, как мы. Дело не в том, что нам много нужно, а просто мы больше уже не можем мириться с тем, что другие люди имеют такую привилегию, как долгая жизнь, а у нас ее нет. Мы считаем, что всему этому пора положить конец.

Мы порешили так: если Вы и другие облеченные властью люди не измените существующий порядок, мы изменим его сами. Настало время отстоять свои интересы.

Мы собираемся объявить Вам войну. Для Вас, Сенатор, это может показаться неожиданностью, да только это вовсе не так. Вы бы удивились, если бы узнали, сколько людей думает точно так же, как я. Только вот каждый из нас считает, будто он один такой недовольный, а все остальные довольны. Теперь же мы узнали, что многие думают так же, как дедушка, и потихоньку созревают для дела.

Раньше мы не знали, что нам делать. Теперь знаем. Мы простые люди, Сенатор, и среди нас нет крупных мыслителей. Но мы рассудили, что все люди

должны быть приблизительно равны между собой. И мы понимаем, что никакие законы этого равенства не обеспечат.

Поэтому наша программа состоит в том, чтобы убивать богатых. До тех пор, пока ни одного не останется.

Возможно, это звучит, как говорят по ТВ, не совсем конструктивно. Однако мы считаем, что это честно, а еще, будем надеяться, окажется эффективно.

Мы будем убивать богатых всегда, везде и всеми возможными способами. Но мы ни в коем случае не собираемся заниматься дискриминацией. Нам плевать на то, как богач добыл деньги и куда их тратит. Мы будем убивать лидеров рабочего движения и банкиров, главарей преступного мира и нефтяных магнатов, одним словом, каждого, у кого денег больше, чем у нас. И будем убивать до тех пор, пока богатые не станут такими же бедными, как мы, или мы такими же богатыми, как они. И наших людей мы будем убивать, если они станут наживаться на этой войне. Черт возьми, сенаторов и конгрессменов мы тоже перебьем.

Вот так обстоят дела, Сенатор. Надеюсь, Вы все-таки поможете моему дедушке. Если поможете, то это будет означать, что Вы смотрите на мир нашими глазами, а поэтому мы с радостью дадим вам отсрочку в три недели, чтобы Вы смогли избавиться от богатства, которое сумели накопить.

Вам известно, как связаться с моим дедушкой. Со мной связаться никак нельзя. Какой бы оборот ни приняло это дело, я ухожу в подполье. Не советую тратить время и силы на поиски меня.

Запомните: нас гораздо больше, чем вас. Дедушка говорит, что еще ни разу за всю историю нам не удавалось осуществить подобное. Черт побери, все когда-то случается в первый раз. Быть может, в тот самый раз мы и закончим Ваш Золотой век и начнем наш собственный.

Я не думаю, что Вы смотрите на мир нашими глазами, мы же, Сенатор, глядим на Вас сквозь прицелы нашего оружия.

Роберт ШЕКЛИ

ПРЕМИЯ ЗА РИСК

Рэдер осторожно выглянул в окно. Прямо перед ним была пожарная лестница,

а ниже - узкий проход между домами, там стояли видавшие виды детская коляска и три мусорных бачка. Из-за бачка показалась черная рука, в ней что-то блеснуло. Рэдер упал навзничь. Пуля пробила оконное стекло и вошла в потолок, осыпав Рэдера штукатуркой.

Теперь ясно: проход и лестница охраняются, как и дверь.

Он лежал, вытянувшись во всю длину на потрескавшемся линолеуме, глядя на дырку, пробитую в потолке, и прислушивался к шуму за дверью. Его лицо, грязное и усталое, с воспаленными глазами и двухдневной щетиной на подбородке, было искажено от страха - оно то застывало, то вдруг подергивалось, но в нем теперь ощущался характер, ожидание смерти преобразило его.

Один убийца был в проходе, двое на лестничной клетке. Он в ловушке. Он мертв.

Конечно, Рэдер еще двигался, еще дышал, но это лишь по нерасторопности смерти. Через несколько минут она займется им. Смерть понаделает дыр в его теле и на лице, мастерски разукрасит кровью его одежду, сведет руки и ноги в причудливом пируэте могильного танца. Рэдер до боли закусил губу. Хочется жить! Должен же быть выход! Он перекатился на живот и осмотрел дешевую грязную квартирку, в которую его загнали убийцы. Настоящий однокомнатный гроб. Дверь стерегут, пожарную лестницу тоже. Вот только крошечная ванная без окна...

Он вполз в ванную и поднялся на ноги. В потолке была неровная дыра, почти в ладонь шириной. Если бы удалось сделать ее пошире и пролезть в квартиру, что наверху...

Послышался глухой удар. Убийцам не терпелось. Они начали взламывать дверь.

Он осмотрел дыру в потолке. Нет, об этом даже и думать нечего. Не хватит времени.

Они вышибали дверь, покрякивая при каждом ударе. Скоро выскочит замок или петли вылетят из подгнившего дерева. Тогда дверь упадет и двое с пустыми, бесцветными лицами войдут, стряхивая пыль с пиджаков...

Но ведь кто-нибудь поможет ему! Он вытащил из кармана крошечный телевизор. Изображение было нечетким, но он не стал ничего менять. Звук шел громко и ясно.

Он прислушался к профессионально поставленному голосу Майка Терри.

- ...ужасная дыра, - сетовал Терри. - Да, друзья, Джим Рэдер попал в

ужасную переделку. Вы, конечно, помните, что он скрывался под чужим именем в третьесортном отеле на Бродвее. Казалось, он был в безопасности. Но коридорный узнал его и сообщил банде Томпсона...

Дверь трещала под непрерывными ударами. Рэдер слушал, вцепившись в маленький телевизор.

- Джиму Рэдеру еле удалось бежать из отеля. Преследуемый по пятам, он вбежал в каменный дом номер сто пятьдесят шесть по Уэст-Энд-авеню. Он хотел уйти по крышам. И это могло бы ему удаться, друзья, да, могло бы! Но дверь на чердак оказалась запертой, Казалось, что Джиму конец... Но тут Рэдер обнаружил, что квартира номер семь не заперта и что в ней никого нет. Он вошел... - Здесь Терри сделал эффектную паузу и воскликнул:

- И вот он попался! Попался как мышь в мышеловку! Банда Томпсона взламывает дверь! Она охраняет и пожарную лестницу. Наша телекамера, расположенная в соседнем доме, дает сейчас всю картину крупным планом. Взгляните, друзья!

Неужели у Джима Рэдера не осталось никакой надежды?

"Неужели никакой надежды?" - повторил про себя Рэдер, обливаясь потом в темной маленькой ванной, слушая настойчивые удары в дверь.

- Минуточку! - вскричал вдруг Маш Терри. - Держись, Джим Рэдер! Подержись еще хоть немного. Может, и есть надежда! Только что по специальной линии мне позвонил один из наших зрителей - срочный звонок от доброго самаритянина. Этот человек полагает, что сможет помочь тебе, Джим. Ты слышишь нас, Джим Рэдер?

Джим слышал, как дверные петли вылетают из досок.

- Давайте, сэр, давайте! - поторапливал Майк Терри. - Как ваше имя?

- Ээ... Феликс Бартоломью.

- Спокойнее, мистер Бартоломью. Говорите сразу...

- Хорошо. Так вот, мистер Рэдер, - начал дрожащий старческий голос. - Мне пришлось в свое время жить в доме сто пятьдесят шесть по Уэст-Энд-авеню, как раз в той самой квартире, где вас заперли. Так вот, там есть окно в ванной. Оно заделано, но оно есть.

Рэдер сунул телевизор в карман. Он определил очертания окна и стукнул по нему. Зазвенели осколки стекла, и в ванную ворвался ослепительный дневной свет. Отбив острые зазубрины с рамы, он взглянул вниз.

Там, глубоко внизу, был бетонный двор.

Дверные петли вылетели. Рэдер услышал, как распахнулась дверь. Он молниеносно перебросил тело через окно, повис на руках и прыгнул.

Падение оглушило его. Шатаясь, он еле встал на ноги. В окне ванной

появилось лицо.

- Везет дураку, - сказал человек, высовываясь и старательно наводя на Рэдера коротенькое курносое дуло револьвера.

И в этот момент в ванной взорвалась дымовая бомба.

Пуля убийцы просвистела мимо, он с проклятием обернулся. Во дворе тоже взорвались бомбы, и дым окутал Рэдера.

Он услышал, как в кармане, где лежал телевизор, неистовствовал голос Майка Терри:

- А теперь спасайся! Беги, Джим Рэдер, спасай свою жизнь! Скорей, пока убийцы ослепли от дыма. И спасибо вам, добрая самаритянка Сара Уинтерс, дом 3412 по Эдгар-стрит, за то, что вы пожертвовали эти пять дымовых бомб и наняли человека, бросившего их!

Уже спокойнее Терри продолжал:

- Сегодня вы спасли жизнь человеку, миссис Уинтерс. Не расскажете ли нашим слушателям, как...

Дальше Рэдер не слушал. Он мчался по заполненному дымом двору, мимо веревок с бельем, прочь, на улицу. Потом, съежившись, чтобы казаться меньше ростом, он поплелся, едва волоча ноги, по Шестьдесят третьей улице. От голода и бессонной ночи кружилась голова.

- Эй, вы!

Рэдер обернулся. Какая-то женщина средних лет, сидевшая на ступеньках дома, сурово смотрела на него.

- Вы ведь Рэдер, правильно? Тот самый; кого они пытаются убить?

Рэдер повернулся, чтобы уйти.

- Заходите сюда, - сказала женщина.

Может, это и западня. Но Рэдер знал, что должен полагаться на щедрость и добросердечие простых людей. Ведь он был их представителем, как бы их копией - обыкновенным парнем, попавшим в беду. Без них он бы пропал.

"Доверяйте людям, - сказал ему Майк Терри. - Они никогда вас не подведут".

Он прошел за женщиной в гостиную. Она велела ему присесть, сама вышла из комнаты и тотчас вернулась с тарелкой тушеного мяса. Женщина стояла и смотрела на него, пока он ел, словно на обезьяну в зоопарке, грызущую земляные орехи.

Двое детишек вышли из кухни и стали глазеть на него. Потом трое мужчин в комбинезонах телестудии вышли из спальной и навели на него телекамеру.

В гостиной стоял большой телевизор. Торопливо глотая пищу, Рэдер следил за изображением на экране и прислушивался к громкому проникновенно-взволнованному голосу Майка Терри.

- Он здесь, друзья, - говорил Терри. - Джим Рэдер здесь, и он впервые

прилично поел за последние два дня. Нашим операторам пришлось поработать, чтобы передать это изображение! Спасибо, ребята... Друзья, Джим Рэдер нашел кратковременное убежище у миссис Вельмы О'Делл в доме триста сорок три по Шестьдесят третьей улице. Спасибо вам, добрая самаритянка миссис О'Делл! Просто изумительно, что люди из самых различных слоев принимают так близко к сердцу судьбу Джима Рэдера!

- Вы лучше поторопитесь, - сказала миссис О'Делл.

- Да, мэм.

- Я вовсе не хочу, чтоб у меня на квартире началась эта пальба.

- Я кончаю, мэм. Один из детей спросил:

- А они вправду собираются убить его?

- Заткнись! - бросила миссис О'Делл.

- Да, Джим, - причитал Майк Терри, - поторопись, Джим. Твои убийцы уже недалеко. И они совсем не глупы, Джим. Они злобны, испорчены, они изуверы - это так. Но совсем не глупы. Они идут по кровавому следу - кровь капает из твоей рассеченной руки, Джим!

Рэдер только сейчас заметил, что, вылезая из окна, он рассек руку.

- Давайте я забинтую, - сказала миссис О'Делл. Рэдер встал и позволил ей забинтовать руку. Потом она дала ему коричневую куртку и серую шляпу с полями.

- Мужнино, - сказала она.

- Он переоделся, друзья! - восторженно кричал Майк Терри. - О, это уже нечто новое! Он переоделся! Ему остается всего семь часов, и тогда он спасен!

- А теперь убирайтесь, - сказала миссис О'Делл.

- Ухожу, мэм, - сказал Рэдер. - Спасибо.

- По-моему, вы дурак, - сказала она. - Глупо было связываться со всем этим.

- Да, мэм.

- Нестоящее дело.

Рэдер поблагодарил ее и вышел. Он зашагал к Бродвею, спустился в подземку, сел в поезд в сторону Пятьдесят девятой, потом в поезд, направляющийся к Восемьдесят девятой. Там он купил газету и пересел в другой поезд.

Он взглянул на часы. Оставалось еще шесть с половиной часов.

Поезд помчался под Манхэттеном. Рэдер дремал, надвинув шляпу на глаза и спрятав под газетой забинтованную руку. Не узнал ли его кто-нибудь? Ускользнул ли он от банды Томпсона? Или кто-нибудь звонит им как раз в эту минуту?

В полудреме он думал, удалось ли ему обмануть смерть. Или же он просто

одушевленный, думающий труп и двигается только потому, что смерть нерасторопна? О Господи, до чего же она медлительна! Джим Рэдер давно убит, а все еще бродит по земле и даже отвечает на вопросы в ожидании своего погребения.

Вздрогнув, он открыл глаза. Что-то приснилось... что-то неприятное... А что - не мог вспомнить. Снова закрыл глаза и как сквозь сон вспомнил время, когда он еще не знал этой беды.

Это было два года назад. Высокий приятный малый работал у шофера грузовика подручным. Никакими талантами он не обладал, да и не мечтал ни о чем.

За него это делал маленький шофер грузовика.

- А почему бы тебе не попытать счастья в телепередаче, Джим? Будь у меня твоя внешность, я бы попробовал. Они любят выбирать для состязаний таких приятных парней, ничем особенно не выдающихся. Такие всем нравятся. Почему бы тебе не заглянуть к ним?

И Джим Рэдер заглянул. Владелец местного телевизионного магазина объяснил ему все подробно:

- Видишь ли. Джим, публике уже осточертели все эти тренированные спортсмены с их чудесами реакции и профессиональной храбростью. Кто будет переживать за таких парней? Кто может видеть в них ровню себе? Конечно, всем хочется чего-то будоражащего, но не такого, чтоб это регулярно устраивал какой-то профессионал за пятьдесят тысяч в год. Вот почему профессиональный спорт переживает упадок и так расцвели эти телепрограммы, от которых захватывает дух.

- Ясно, - сказал Рэдер.

- Шесть лет назад, Джим, конгресс принял закон о добровольном самоубийстве. Эти старики сенаторы наговорили черт знает сколько насчет свободной воли, самоопределения и собственного усмотрения. Только все это чушь. Сказать тебе, что на самом деле означает этот закон? Он означает, что любой, а не только профессионал, может рискнуть жизнью за солидный куш. Раньше, если ты хотел рискнуть за большие деньги, хотел, чтобы тебе законным путем вышибли мозги, ты должен был быть или профессиональным боксером, или футболистом, или хоккеистом. А теперь простым людям вроде тебя, Джим, тоже предоставлена такая возможность.

- Ясно, - повторил Рэдер.

- Великолепнейшая возможность. Взять, например, тебя. Ты ведь ничем не лучше других. Все, что можешь сделать ты, может сделать и другой. Ты обыкновенный человек. Я думаю, что эти телебоевики как раз для тебя.

И Рэдер позволил себе помечтать. Телепостановка, казалось, открывала молодому человеку без особых талантов и подготовки путь к богатству. Он написал письмо в отдел передач "Опасность" и вложил в конверт свою фотографию.

"Опасность" им заинтересовалась. Компания Джи-би-си выяснила о нем все подробности и убедилась, что он достаточно зауряден, чтобы удовлетворить самых недоверчивых телезрителей. Они также проверили его происхождение и связи. Наконец его вызвали в Нью-Йорк, где с ним беседовал мистер Мульян.

Мульян был чернявым и очень энергичным; разговаривая, он все время жевал резинку.

- Вы подойдете, - выпалил он. - Только не для "Опасности". Вы будете выступать в "Авариях". Это дневная получасовка по третьей программе.

- Здорово! - сказал Рэдер.

- Меня благодарить не за что. Тысяча долларов премии, если победите или займете второе место, и утешительный приз в сотню долларов, если проиграете. Но это не так важно.

- Да, сэр.

- "Аварии" - это маленькая передача. Джи-би-си использует ее в качестве экзамена. Те, кто займет первое и второе места в "Авариях", будут участвовать в "Критическом положении". А там премии гораздо выше.

- Я знаю это, сэр.

- Кроме "Критического положения", есть и другие первоклассные боевики ужасов: "Опасность" и "Подводный риск", их телепередачи транслируются по всей стране и сулят огромные премии. А уж там можно пробиться и к настоящему. Успех будет зависеть от вас.

- Буду стараться, сэр, - сказал Рэдер. Мульян на мгновение перестал жевать резинку, и в голосе его прозвучало что-то вроде почтения:

- Вы можете добиться успеха, Джим. Главное, помните: вы народ, а народ может все.

Они распрощались. Через некоторое время Рэдер подписал бумагу, освобождающую Джи-би-си от всякой ответственности на случай, если он во время состязания лишится частей тела, рассудка или жизни. Потом подписал другую бумажку, подтверждающую, что он использует свое право на основании закона о добровольном самоубийстве.

Через три недели он дебютировал в "Авариях".

Программа была построена по классическому образцу автомобильных гонок. Неопытные водители садились в мощные американские и европейские гоночные машины и мчались по головокружительной двадцатимильной трассе. Рэдер задрожал от страха, когда включил не ту скорость и его огромный "мазерати" рванулся с места.

Гонки были кошмаром, полным криков, воплей и запахов горящих автомобильных шин. Рэдер держался сзади, предоставив первым разбиваться всмятку на крутых виражах. Когда шедший перед ним "ягуар" врезался в "альфу-ромео" и обе машины с ревом вылетели на вспаханное поле, он выкарабкался на третье место. Рэдер пытался выйти на второе место на последнем трехмильном перегоне, но не смог - было слишком тесно. Раз он чуть не вылетел на зигзагообразном повороте, но ухитрился снова вывести машину на дорогу, по-прежнему удерживая третье место. На последних пятидесяти ярдах у лидирующей машины полетел коленчатый вал, и Рэдер кончил гонки вторым.

Трофеи его исчислялись тысячью долларами. Он получил четыре письма от своих поклонников, а какая-то дама из Ошкоша прислала ему пару кашпо для цветов. Теперь его пригласили участвовать в "Критическом положении".

В отличие от других программ в "Критическом положении" прежде всего нужна была личная инициатива. Перед началом боевика Рэдера лишили сознания с. помощью безвредного наркотика. Очнулся он в кабине маленького аэроплана - автопилот вывел машину на высоту десять тысяч футов. Бак с горючим был уже почти пуст. Парашюта не было. И вот ему, Джиму Рэдеру, предстояло посадить самолет.

Разумеется, раньше он никогда не летал. В отчаянии Рэдер хватался за все рычаги управления, вспоминая, как участник такой же программы на прошлой неделе очнулся в подводной лодке, открыл не тот клапан и затонул.

Тысячи зрителей затаив дыхание следили за тем, как обыкновенный парень, такой же, как они, искал выход из этого положения. Джим Рэдер - это они же сами. И все, что мог сделать Джим, могли сделать и они. Он был из народа, он был их представителем.

Рэдеру удалось спуститься и произвести что-то вроде посадки. Самолет перевернулся несколько раз, но ремни оказались надежными, а баки с горючим, как ни странно, не взорвались.

Джим выбрался из этой заварушки с двумя поломанными ребрами, тремя

тысячами долларов и правом участия в передаче "Тореадор", когда ребра его заживут.

Наконец-то первоклассный боевик! За "Тореадора" платили десять тысяч долларов. И единственное, что он должен был сделать, - это заколоть шпагой огромного черного быка, как это делают настоящие опытные тореадоры.

Состязание проводилось в Мадриде, потому что бой быков все еще находился под запретом в Соединенных Штатах. Передача транслировалась по всей стране.

Куадрилья Рэдеру попалась хорошая. Этим людям нравился долговязый медлительный американец. Пикадоры по-настоящему орудовали пиками, желая поубавить пыл у быка. Бандерильеры старались как следует погонять быка, прежде чем колоть его своими бандерильями. А второй матадор, грустный человек из Альгесираса, чуть не сломал быку шею своими обманными движениями.

Но когда было сделано и сказано все что нужно, на песке остался Джим Рэдер, неуклюже сжимавший красную мулету в левой руке и шпагу в правой, один на один с окровавленной тысячекилограммовой громадой быка, Кто-то закричал: "Коли его в легкое, хомбре! Не строй из себя героя, коли в легкое!" Но Джим помнил только одно: "Прицелься шпагой и коли позади рогов", - говорил ему технический консультант в Нью-Йорке.

Он так и колол, но шпага отскочила, наткнувшись на кость, и бык поддел Рэдера рогами: перебросив его через спину. Он поднялся на ноги, каким-то чудом оставшись без дырки в теле. взял другую шпагу и, закрыв глаза, стал снова колоть позади рогов. И Бог, который хранит детей и дураков, видно, пекся о нем, потому что шпага вошла в тело быка, как иголка в масло. Бык, взглянув на него испуганно и недоверчиво, обмяк и рухнул.

На сей раз заплатили десять тысяч долларов, а сломанная ключица зажила в совершенно пустячный срок. Рэдер получил двадцать три письма от своих поклонников, и среди них был страстный призыв какой-то девушки из Атлантик-Сити, которым он пренебрег. Кроме того, ему предложили принять участие в новой передаче.

Теперь Рэдер не был таким простаком. Он отлично сознавал, что чуть не поплатился жизнью за весьма умеренную сумму карманных денег. Большой куш был впереди, и если уж стараться, то лишь ради него.

Так Рэдер появился в "Подводном риске", который оплачивала фирма "Мыло

красотки". В акваланге, с ластами и балластным поясом, вооруженный ножом, он вместе с четырьмя другими участниками состязания нырнул в теплые воды Карибского моря. Туда же опустили защищенных решеткой телекамеру и операторов. Состязавшиеся должны были разыскать и вытащить из воды сокровище, спрятанное там представителями фирмы, которая оплачивала программу.

Само по себе подводное плавание не было особенно опасным. Но организаторы состязаний постарались для привлечения публики оживить его различными пикантными деталями. Местность была нашпигована гигантскими спрутами, муренами, акулами разных видов, ядовитыми кораллами и другими ужасами морских глубин.

Зрелище получилось захватывающее. Один из участников состязания сумел добраться до сокровища, лежавшего в глубокой расщелине, но тут мурена добралась до него самого. Другой ухватился за сокровище в тот самый момент, когда за него ухватилась акула. Сине-зеленые воды морских глубин окрасились кровью - по цветному телевидению это было хорошо видно. Сокровище ускользнуло на дно, и тут за ним нырнул Рэдер. От большого давления у него чуть не лопнули барабанные перепонки. Он подобрал бесценный груз, отцепил свой балластный пояс, чтобы всплыть. В тридцати футах от поверхности ему пришлось бороться за сокровище с другим участником состязания.

Маневрируя под водой, они размахивали ножами. Противник рассек Рэдеру грудь. Но Рэдер с самообладанием бывалого борца отбросил нож и вырвал у противника трубку, по которой поступал воздух.

На этом все кончилось. Рэдер всплыл на поверхность и передал на стоявшую поблизости лодку спасенное сокровище. Им оказалась партия мыла "Величайшее из сокровищ", изготовленное фирмой "Мыло красотки".

Он получил двадцать две тысячи долларов наличными и триста восемь писем от поклонников, в числе которых было одно заслуживающее внимания - предложение девушки из Макона. Он серьезно задумался над этим. Рэдера положили в больницу, где ему бесплатно лечили рассеченную грудь и барабанные перепонки, а также делали прививки против коралловой инфекции.

И вот новое приглашение в крупнейший боевик "Премия за риск".

Тут-то и начались настоящие неприятности...

Внезапная остановка поезда вывела его из задумчивости. Рэдер сдвинул

шляпу и увидел, что мужчина напротив поглядывает на него и что-то шепчет толстой соседке. Неужели его узнали?

Как только двери раскрылись, он вышел и взглянул на часы. Оставалось еще пять часов.

На станции Манхассет он сел в такси и попросил отвезти его в Нью-Сэлем.

- В Нью-Сэлем? - переспросил шофер, разглядывая его в зеркальце над ветровым стеклом.

- Точно.

Шофер включил свою рацию: "Плата до Нью-Сэлема. Да, правильно, Нью-Сэлема. Нью-Сэлема".

Они тронулись. Рэдер нахмурился, размышляя, не было ли это сигналом. Конечно, ничего необычного, таксисты всегда сообщают о поездке своему диспетчеру. И все же в голосе шофера было что-то...

- Высадите меня здесь, - сказал Рэдер.

Заплатив, он отправился пешком вдоль узкой проселочной дороги, петлявшей по жидкому лесу. Деревья тут были слишком редкие и низкорослые для того, чтобы укрыть его. Рэдер продолжал шагать в поисках убежища.

Сзади послышался грохот тяжелого грузовика. Рэдер все шагал, низко надвинув шляпу на глаза. Однако, когда грузовик подошел ближе, он вдруг услышал голос из телеприемника, спрятанного в кармане: "Берегись!"

Он кинулся в канаву. Грузовик, накренившись, промчался рядом, едва не задев его, и со скрежетом затормозил. Шофер кричал:

- Вот он! Стреляй, Гарри, стреляй! Рэдер бросился в лес, пули сшибали листья с деревьев над его головой.

- Это случилось снова! - заговорил Майк Терри, его голос звенел от возбуждения. - Боюсь, что Джим Рэдер позволил себе успокоиться, поддавшись ложному чувству безопасности. Ты не должен делать этого, Джим! Ведь на карту поставлена твоя жизнь! За тобой гонятся убийцы! Будь осторожен, Джим, осталось еще четыре с половиной часа!

Шофер сказал:

- Гарри, Клод, а ну быстро на грузовик! Теперь он попался.

- Ты попался, Джим Рэдер! - воскликнул Майк Терри. - Но они еще не схватили тебя! И можешь благодарить добрую самаритянку Сьюзи Петере, проживающую в доме двенадцать по Элм-стрит, в Саут Орандже, штат Нью-Джерси, за то, что она предупредила тебя, когда грузовик приближался! Через минуту мы покажем вам крошку Сьюзи... Взгляните, друзья, вертолет нашей студии прибыл на место действия. Теперь вы можете видеть, как бежит Джим Рэдер и как убийцы окружают его...

Пробежав сотню ярдов по лесу, Рэдер очутился на бетонированной автостраде. Позади остался редкий перелесок. Один из бандитов бежал оттуда прямо к нему. Грузовик, въехав на автостраду, тоже мчался к нему.

И вдруг с противоположной стороны выскочила легковая машина. Рэдер выбежал на шоссе, отчаянно размахивая руками. Машина остановилась.

- Скорей! - крикнула молодая блондинка, сидевшая за рулем.

Рэдер юркнул в машину. Девушка круто развернула ее. Пуля шлепнулась в ветровое стекло. Девушка изо всех сил жала на акселератор, они чуть не сшибли бандита, стоящего у них на пути.

Машина успела проскочить, прежде чем грузовик подъехал на расстояние выстрела.

Рэдер, откинувшись на сиденье, плотно сомкнул веки. Девушка сосредоточила все внимание на езде, поглядывая время от времени в зеркальце на грузовик.

- Это случилось опять! - кричал Майк Терри в экстазе. - Джим Рэдер снова вырван из когтей смерти благодаря помощи доброй самаритянки Дженис Морроу, проживающей в доме четыреста тридцать три по Лексингтон-авеню, Нью-Йорк. Вы видели когда-нибудь что-либо подобное, друзья? Мисс Морроу промчалась под градом пуль и вырвала Джима Рэдера из рук смерти! Позднее мы проинтервьюируем мисс Морроу и расспросим о ее ощущениях. А сейчас, пока Джим мчится прочь, - может быть, навстречу спасению, а может, навстречу новой опасности - прослушайте кратенькое объявление организаторов передачи, Не отходите от телевизоров! Джиму осталось четыре часа десять минут, и тогда он в безопасности. Но... Всякое может случиться.

- О'кей, - сказала девушка, - теперь нас отключили. Черт возьми, Рэдер, что с вами творится?

- А? - спросил Рэдер.

Девушке было немногим больше двадцати. Она казалась хорошенькой и неприступной. Рэдер заметил, что у нее приятное лицо, аккуратная фигурка. Еще он заметил, что она злится.

- Мисс, - сказал он. - Не знаю, как и благодарить вас.

- Поговорим начистоту, - сказала Дженис Морроу. - Я вообще не добрая самаритянка. Я на службе у Джи-би-си.

- Так это они решили меня спасти!

- Какая сообразительность! - сказала она.

- А почему?

- Видите ли, Рэдер, это дорогая программа. И мы должны дать хорошее представление. Если число слушателей уменьшится, то мы окажемся на улице. А вы нам не помогаете.

- Как? Почему?

- Да потому, что вы просто ужасны, - сказала девушка с раздражением, - вы не оправдали наших надежд и никуда не годитесь. Что вам, жизнь надоела? Неужели вы ничему не научились?

- Я стараюсь изо всех сил.

- Да люди Томпсона могли бы вас прихлопнуть десять раз. Просто мы сказали им, чтоб они полегче, не торопились. Ведь это все равно, что стрелять в глиняную шестифутовую птичку. Люди Томпсона идут нам навстречу, но сколько они могут притворяться? Если бы я сейчас не подъехала, им бы пришлось убить вас, хотя время передачи еще не истекло.

Рэдер смотрел на нее, не понимая, как может хорошенькая девушка говорить такое. Она взглянула на него, потом быстро перевела взгляд на дорогу.

- И не смотрите на меня так! - сказала она. - Вы сами решили рисковать жизнью за деньги, герой. И за большие деньги. Вы знали, сколько вам заплатят. Поэтому не стройте из себя бедняжку бакалейщика, за которым гонятся злые хулиганы.

- Знаю, - сказал Рэдер.

- Так вот, если вы не сможете выпутаться, то постарайтесь хоть умереть как следует.

- Нет, не правда, вы не это хотели сказать, - заговорил Рэдер.

- Вы так уверены? До конца передачи осталось еще три часа сорок минут. Если сможете выжить, отлично. Тогда ваша взяла. А если нет, то заставьте их хоть побегать за эти деньги.

Рэдер кивнул, не отрывая от нее взгляда.

- Через несколько секунд мы снова будем в эфире. Я разыграю поломку автомобиля и выпущу вас. Банды Томпсона пока не видно. Они убьют вас теперь, как только им это удастся. Ясно?

- Да, - сказал Рэдер. - Если я уцелею, смогу я когда-нибудь вас увидеть?

Она сердито прикусила губу.

- Вы что, одурачить меня хотите?

- Нет, просто хочу вас снова увидеть. Можно? Она с любопытством взглянула на него:

- Не знаю. Оставьте это. Мы почти приехали. Думаю, вам лучше держаться леса. Готовы?

- Да. Где я смогу найти вас? Я хочу сказать - потом, после этого...

- О Рэдер, вы совсем не слушаете. Бегите по лесу, пока не найдете овражек. Он небольшой, но там хоть укрыться можно.

- Как мне найти вас? - снова спросил Рэдер.

- Найдете по телефонной книге Манхэттена, - она остановила машину. - О'кей, Рэдер, бегите. Он открыл дверцу.

- Подождите, - она наклонилась и поцеловала его. - Желаю вам успеха, болван. Позвоните, если выпутаетесь.

Он выскочил и бросился в лес.

Он бежал между берез и сосен, мимо уединенного домика, где из большого окна на него глазело множество лиц. Кто-то из обитателей этого домика, должно быть, и позвал бандитов, потому что они были совсем близко, когда он добрался до вымытого дождями небольшого овражка. "Эти степенные, уважающие себя граждане не хотят, чтобы я спасся, - с грустью подумал Рэдер. - Они хотят посмотреть, как меня убьют". А может, они хотят посмотреть, как он будет на волосок от смерти и все же избежит ее?

Он спустился в овражек, зарылся в густые заросли и замер. Бандиты Томпсона показались по обе стороны оврага. Они медленно шли вдоль него, внимательно вглядываясь. Рэдер сдерживал дыхание.

Послышался выстрел. Это один из бандитов подстрелил белку. Поверещав немного, она смолкла.

Рэдер услышал над головой гул вертолета телестудии. Наведены ли на него телекамеры? Вполне возможно. Если какой-нибудь добрый самаритянин поможет ему...

Глядя в небо, в сторону вертолета, Рэдер придал лицу подобающее благочестивое выражение и сложил руки. Он молился про себя, потому что публике не нравилось, когда выставляли напоказ свою религиозность, Но губы его шевелились.

Он шептал настоящую молитву. Ведь однажды глухонемой, смотревший передачу, разоблачил беглеца, который вместо молитвы шептал таблицу умножения. А такие штучки не сходят с рук!

Рэдер закончил молитву. Взглянув на часы, он убедился, что осталось еще почти два часа.

Он не хотел умирать! Сколько бы ни заплатили, умирать не стоило! Он просто с ума сошел, был совершенно не в своем уме, когда согласился на это...

Но Рэдер знал, что это не правда. Он был в здравом уме и твердой памяти.

Всего неделю назад он стоял на эстраде в студии "Премии за риск", мигая в свете прожекторов, а Майк Терри тряс ему руку.

- Итак, мистер Рэдер, - сказал Терри серьезно, - вы поняли правила игры, которую собираетесь начать?

Рэдер кивнул - Если вы примете их, то всю неделю будете человеком, за

которым охотятся. За вами будут гнаться убийцы, Джим. Опытные убийцы, которых закон преследовал за преступления, но им дарована свобода для совершения этого единственного вполне законного убийства, и они будут стараться, Джим. Бы понимаете?

- Понимаю, - сказал Рэдер. Он понимал также, что выиграет двести тысяч долларов, если сумеет продержаться в живых эту неделю.

- Я снова спрашиваю вас, Джим Рэдер. Мы никого не заставляем играть, ставя на карту свою жизнь.

- Я хочу сыграть, - сказал Рэдер. Майк Терри повернулся к зрителям.

- Леди и джентльмены, - сказал он. - У меня есть результаты исчерпывающего психологического исследования, сделанного по нашей просьбе незаинтересованной фирмой. Всякий, кто пожелает, может получить копию этого заключения, выслав двадцать пять центов на покрытие почтовых расходов. Исследование показало, что Джим Рэдер вполне нормальный, психически уравновешенный человек, полностью отвечающий за свои поступки. - Он повернулся к Рэдеру. - Вы все еще хотите принять участие в состязании, Джим?

- Да, хочу.

- Отлично! - закричал Майк Терри. - Итак, Джим Рэдер, познакомьтесь с теми, кто будет стараться убить вас!

Под свист и улюлюканье зрителей на сцену стала выходить банда Томпсона.

- Взгляните на них, друзья, - произнес Майк Терри с нескрываемым презрением. - Только поглядите на них. Это человеконенавистники, коварные, злобные и абсолютно безнравственные. Для этих людей не существует других законов, кроме уродливых законов преступного мира, не существует других понятий чести, кроме тех, что необходимы трусливому наемному убийце.

Публика волновалась.

- Что вы можете сказать, Клод Томпсон? - спросил Терри.

Клод, выступавший от лица банды, подошел к микрофону. Он был худой, гладко выбритый и старомодно одетый человек.

- Я так думаю, - сказал он хрипло. - Я так думаю, мы не хуже других. Ну, вроде как солдаты на войне, они-то убивают. А возьми эти всякие там взятки или подкуп в правительстве или профсоюзах. Да все берут кто во что горазд, Больше ничего Томпсон не мог сказать. Но как быстро и решительно Майк Терри опроверг доводы убийцы! Он разбил его в пух и прах! Вопросы Терри били точно в цель - прямо в жалкую душонку Томпсона.

К концу интервью Клод Томпсон основательно вспотел и, вытирая лицо шелковым платком, бросал быстрые взгляды на своих сообщников.

Майк Терри положил руку на плечо Рэдеру:

- Вот человек, который согласился стать вашей жертвой; если только вы сможете поймать его.

- Поймаем, - сказал Томпсон, к которому сразу же вернулась уверенность.

- Не будьте так самонадеянны, - сказал Терри. - Джим Рэдер дрался с дикими быками - теперь он выступает против шакалов. Он средний человек. Он из народа... Он - сам народ. Народ, который прикончит вас и вам подобных.

- Все равно ухлопаем, - сказал Томпсон.

- И еще, - продолжал Терри спокойно и проникновенно. - Джим Рэдер не одинок. Простые люди Америки на его стороне. Добрые самаритяне во всех уголках нашей необъятной страны готовы прийти ему на помощь. Безоружный и беззащитный Джим Рэдер может рассчитывать на добросердечие. Он - их представитель! Так что не будьте слишком-то уверены в себе, Клод Томпсон! Обыкновенные люди, простые люди выступают за Джима Рэдера, а их ведь очень много, простых людей!

Рэдер размышлял об этом, лежа неподвижно в густых зарослях на дне овражка. Да, люди помогали ему. Но они помогали и его убийцам.

Джим содрогнулся; он сам сделал выбор и только сам за все ответствен. Это подтверждено психологическим исследованием.

И все-таки в какой мере были ответственны психологи, которые его обследовали? А Майк Терри, посуливший такую кучу денег бедному человеку? Общество сплело петлю и набросило ее на него, а он, с петлей на шее, называл это свободным волеизъявлением.

Кто же в этом виноват?

- Ага! - послышался чей-то возглас. Рэдер поднял взгляд и увидел над собой упитанного плотного мужчину. На нем была пестрая куртка из твида. На шее висел бинокль, а в руках он держал трость.

- Мистер, пожалуйста, не говорите...

- Эй! - заорал толстяк, указывая на него тростью. - Вот он!

"Сумасшедший, - подумал Рэдер. - Проклятый дурак, наверное, думает, что они тут играют в прятки!"

- Сюда, сюда! - визжал мужчина.

Рэдер, ругаясь, вскочил на ноги и бросился прочь. Выбежав из овражка, он увидел в отдалении белое здание. К нему он и кинулся. Сзади кричал толстяк:

- Вон туда, туда! Да глядите же, болваны, вы не видите его, что ли?

Бандиты снова открыли стрельбу. Рэдер бежал, спотыкаясь о кочки. Он поравнялся с игравшими детьми.

- Вот он! - завизжали дети. - Вот он! Рэдер застонал и бросился дальше.
Добравшись до ступенек белого здания, он обнаружил, что это церковь.
В этот момент пуля ударила ему в ногу, возле колена.
Он упал и пополз в здание церкви. Телеприемник у него в кармане говорил:
- Что за финиш, друзья мои, что за финиш! Рэдер ранен! Он ранен, друзья мои, он ползет, он страдает от боли, но он не сдался! Нет, не таков Джим Рэдер!
Рэдер лежал в приделе, около алтаря. Он слышал, как детский голосок сказал захлебываясь: "Он вошел туда, мистер Томпсон. Скорее, вы еще можете схватить его".
"Разве церковь не является убежищем, святыней?" - подумал Рэдер.
Дверь распахнулась настежь, и он понял, что никаких обычаев больше не существует. Собравшись с силами, Рэдер пополз за алтарь, потом дальше к заднему выходу.
Он оказался на старом кладбище. Он полз среди крестов, среди мраморных и гранитных намогильных плит, среди каменных надгробий и грубых деревянных дощечек. Пуля стукнула в надгробие над его головой. Рэдер добрался до вырытой могилы и сполз в нее.
Он лежал на спине, глядя в небесную синеву. Вдруг черная фигура нависла над ним, заслонив небо. Звякнул металл. Фигура целилась в него.
Рэдер навсегда распрощался с надеждой.
- Стоп, Томпсон! - голос Майка Терри ревел, усиленный передатчиком.
Револьвер дрогнул.
- Сейчас одна секунда шестого! Неделя истекла! Джим Рэдер победил!
Из студии донесся нестройный приветственный крик публики. Банда Томпсона угрюмо окружила могилу.
- Он победил, друзья, он победил! - надрывался Майк Терри. - Смотрите, смотрите на экраны! Прибыли полицейские, они увозят бандитов Томпсона прочь от их жертвы - жертвы, которую они так и не смогли убить. И все это благодаря вам, добрые самаритяне Америки. Взгляните, друзья мои, бережные руки вынимают Джима Рэдера из могилы, которая была его последним прибежищем.
Добрая самаритянка Дженис Моррсу тоже здесь. Как знать, может, это начало романа? Джим, кажется, в обмороке, друзья, они дают ему возбуждающее. Он выиграл двести тысяч долларов! А теперь несколько слов скажет сам Джим Рэдер!., Последовала короткая пауза.
- Странно. - сказал Майк Тесом. - Друзья, боюсь, все, что будет в человеческих силах. И все это за наш счет. - Майк Терри бросил взгляд на

студийные часы. - А теперь время кончать, друзья. Следите за объявлениями о нашей новой грандиозной программе ужасов. И не расстраивайтесь. Я уверен, что вскоре мы снова увидим Джима Рэдера среди нас.

Майк Терри улыбнулся и подмигнул зрителям.

- Он просто обязан выздороветь. Ведь мы все ставим на него!

Роберт ШЕКЛИ

ПЛАНЕТА ПО СМЕТЕ

- Стало быть, Орин, это она и есть, а? - спросил Модели.

- Да, сэр, это она, - гордо улыбаясь, ответил Орин, стоящий слева от Модели. - Как вы ее находите, сэр?

Модели медленно повернулся и окинул оценивающим взглядом луг, горы, солнце, реку и лес. По его лицу ничего нельзя было прочесть.

- А ты, Бруксайд, как ее находишь ты? - спросил он.

Бруксайд дрожащим голосом произнес:

- Мне кажется, сэр, что мы с Орлином очень неплохо справились с этой работой. Право же, очень неплохо, если учесть, что это наш первый самостоятельный проект.

- И ты того же мнения, Орин? - поинтересовался Модели.

- Конечно, сэр, - ответил Орин.

Модели нагнулся и выдернул травинку. Понюхал ее и отбросил прочь. Он поковырял носком ботинка землю под ногами и какое-то время пристально разглядывал пламенеющее солнце. Потом он заговорил, тщательно взвешивая каждое слово:

- Я поражен, поражен до глубины души. Но самым неприятным образом. Я поручаю вам построить планету для одного из моих клиентов, а вы преподносите мне вот это! Вы и вправду считаете себя инженерами?

Оба ассистента точно язык проглотили. Они замерли, как мальчишки в ожидании розог.

- Инженеры! - продолжал Модели, вложив в это слово чуть ли не пуд презрения. - "Творчески одаренные и рационально мыслящие ученые, которые способны выстроить планету в любое время в любом месте" Хоть одному из вас знакома эта фраза?

- Так написано в типовой брошюре, - сказал Орин.

- Правильно, - подтвердил Модели. - А теперь скажите, можно ли вот это назвать образцом творческого и рационального подхода к инженерному

искусству?

Оба молчали как убитые. Наконец Бруксайд выпалил:

- О да, сэр, по-моему, можно, сэр! Мы во всех деталях изучили условия контракта. Заказ был на планету типа 34Вс4 с некоторыми поправками. Ее мы и выстроили. Перед нами, конечно, только небольшой ее уголок. Тем не менее...

- Тем не менее для меня этого достаточно, чтобы понять, что вы тут наворотили, и дать соответствующую оценку, - заявил Модели. - Орин! Какой вы поставили отопительный прибор?

- Солнце типа 05, сэр, - ответил Орин. - Оно как нельзя лучше отвечало всем требованиям телосложения.

- Надо думать! Но вы были обязаны помнить, что эта планета строилась по заранее утвержденной смете. Если мы не будем сводить расходы до минимума, нам не видать прибыли как своих ушей. А самая значительная статья расхода - это отопительный прибор.

- Мы это знаем, сэр, - сказал Бруксайд. - И нам до смерти не хотелось ставить солнце типа 05 в однопланетную систему. Но обусловленная степень обогрева и радиации...

- Выходит, я так ничего и не вбил в ваши головы?! - взорвался Модели. - Этот тип звезды - чистое излишество. Эй, вы там... - он сделал знак рабочим. - Снимите ее.

Рабочие быстро притащили складную лестницу. Один из них укрепил ее вертикально, другой стал раскладывать; она удлинилась в десять раз, в сто раз, в миллион раз... Двое других рабочих помчались по лестнице вверх с той же скоростью, с какой она уходила в небо.

- Вы с ней поосторожнее! - крикнул им вслед Модели. - И не забудьте надеть перчатки! Об эту штуку можно обжечься!

Стоя на верхней перекладине лестницы, рабочие сняли с крючка звезду, свернули ее трубочкой и положили в обитую изнутри мягким коробку с надписью: "ЗВЕЗДА. ОБРАЩАТЬСЯ С ОСТОРОЖНОСТЬЮ".

Когда крышка коробки закрылась, воцарилась тьма.

- Вы все ополоумели, что ли?! - вскричал Модели. - Черт вас дери, да будет свет!

И сам собою стал свет.

- О'кэи, - сказал Модели. - Эту звезду типа 05 мы отправим обратно на склад. Для такой планеты сойдет звезда типа В 13.

- Но, сэр, - взволнованно пролепетал Орин, - она ведь недостаточно горячая.

- Знаю, - сказал Модели. - Вот тут-то вы и должны проявить свои

творческие способности. Если установить звезду поближе к планете, тепла будет хоть отбавляй.

- Разумеется, сэр, - согласился Бруксайд. - Но ведь из-за нехватки пространства ее жесткое излучение не успеет рассеяться и не будет обезврежено. А такая интенсивная радиация может убить все будущее население этой планеты.

Медленно, отчеканивая каждое слово. Модели произнес:

- Не хочешь ли ты сказать, что звезды типа B13 опасны?

- О нет, вы меня не так поняли, сэр, - возразил Бруксайд.

- Я имел в виду, что они, как все во вселенной, могут стать опасными, если при обращении с ними не соблюдать необходимых мер предосторожности.

- Это уже ближе к истине, - проворчал Модели.

- А в данном случае, - продолжал Бруксайд, - необходимая мера предосторожности заключается в постоянном ношении защитных свинцовых скафандров, весом фунтов в пятьдесят каждый. Но это непрактично, если принять во внимание, что представители расы, которая заселит планету, весят в среднем восемь фунтов.

- Нас это не касается, - отмахнулся Модели. - Не наше дело учить их жить. Я что, должен нести ответственность за их ушибы всякий раз, когда им вздумается споткнуться о какой-нибудь камень на выстроенной мною планете? К тому же им вовсе не обязательно носить свинцовые скафандры. За отдельную плату они могут купить у меня не предусмотренный сметой специальный экран, который блокирует жесткое излучение солнца.

Оба ассистента натянуто улыбнулись. Однако Орин осмелился робко возразить:

- Насколько мне известно, возможности этого племени в какой-то степени ограничены. Думаю, что Солнечный Экран им не по карману.

- Ну, если они не в состоянии приобрести его сейчас, разживутся на него попозже, - заметил Модели. - И кстати сказать, жесткое излучение убивает не сразу. Даже при такой степени радиации продолжительность их жизни составит примерно 9,3 года, а разве это мало?

- Вы правы, сэр, - без особой радости согласились оба ассистента.

- Теперь дальше, - сказал Модели. - Какой высоты вон те горы?

- Их средняя высота - шесть тысяч футов над уровнем моря, - сообщил Бруксайд.

- Выше, чем нужно, по крайней мере, на три тысячи футов, - буркнул Модели. - Или вы думаете, что горы растут на деревьях? Лишнее срезать, а освободившиеся стройматериалы вернуть на склад.

Бруксайд достал блокнот и сделал пометку. А Модели все расхаживал взад-вперед, присматриваясь ко всему и хмуря брови.

- Каков по расчетам предполагаемый срок жизни этих деревьев?

- Восемьсот лет, сэр. Это новая усовершенствованная модель яблоневого дуба. Они дают плоды, орехи, тень, освежающие напитки, три вида готовых к употреблению тканей; они представляют собой отличный строительный материал, предупреждают оползни и...

- Вы решили довести меня до банкротства?! - взревел Модели. Да дереву с лихвой хватит и двухсот лет! Выкачайте из них большую часть стимуляторов роста и развития и сдайте в аккумулятор жизненных сил!

- Но ведь тогда они не смогут выполнять все запроектированные функции, возразил Орин.

- Так ограничьте их функции! Достаточно одной тени и орехов - мы не обязаны превратить эти проклятые деревья в какую-то сокровищницу! Далее - кто выпустил сюда вон тех коров?

- Я, сэр, - сказал Орин. Мне пришло в голову, что они... ну вроде бы украсят это местечко.

- Болван, - сказал Модели. - Строение украшают до того, как оно продано, а не после! Эта планета была продана без обстановки. Заложите коров в чан с протоплазмой.

- Слушаюсь, сэр, - сказал Орин. - Виноваты, сэр. У вас есть еще какие-нибудь замечания?

- У меня их тысячи, - заявил Модели. - Но я надеюсь, что вы сами найдете и исправите свои ошибки. Вот, пожалуйста, это что такое? - Он указал на Кэрмоди. - Статуя или еще что? Быть может, по вашему замыслу, ему положено спеть песню или прочесть стишки в честь прибытия новой расы?

Кэрмоди заговорил:

- Сэр, я не имею к этому месту никакого отношения. Меня направил сюда ваш друг по имени Мэликрон, и я надеюсь попасть отсюда домой, на свою родную планету...

Как видно, Модели не расслышал слов Кэрмоди, потому что оба говорили одновременно - каждый свое.

- Кем бы ни был, условиями контракта он не предусмотрен. А раз так, опустите его обратно в чан с протоплазмой вместе с коровами, - распорядился Модели.

- Ой! - вскрикнул Кэрмоди, когда рабочие подняли его на руки. - Минуточку! - заверещал он. - Я не являюсь частью этой планеты ! Меня прислал сюда Мэликрон! Да погодите же, выслушайте меня!

- На вашем месте я сгорел бы от стыда, - продолжал Модели, пропуская мимо ушей вопли Кэрмоди. - Что это все-таки было, хотел бы я знать? Еще одна из твоих декоративных деталей интерьера, Орин?

- О нет, - запротестовал Орин. - Он появился здесь без моего ведома.

- Значит, это твоя работа, Бруксайд.

- Я его вижу первый раз в жизни, шеф.

- Хм-м, - промычал Модели. - Оба вы недотепы, но лжи за вами не водилось. Эй! - крикнул он рабочим. Тащите его сюда!

- Ладно, ладно, успокойтесь, - обратился он к Кэрмоди, на которого напала неудержимая трясучка, - Возьмите себя в руки - пока вы тут бьетесь в истерике, я теряю драгоценное время!

Вам уже лучше? Прекрасно. Теперь потрудитесь вразумительно объяснить, с какой целью вы вторглись в мои владения и почему мне нельзя обратить вас в протоплазму?

- Понятно, - проговорил Модели, когда Кэрмоди рассказал о своих приключениях. - Занятная история, хотя сдается мне, что вы ее слишком драматизировали. Однако сами вы - непреложный факт, и вы ищете планету под названием... Земля, так?

- Совершенно точно, сэр, - сказал Кэрмоди.

- Земля, - задумчиво повторил Модели, почесав затылок. - Вам удивительно повезло - кажется, я помню эту планету.

- Неужели, мистер Модели?

- Да, я убежден, что не ошибаюсь, - уверенно сказал Модели.

- Это маленькая зеленая планета, которая поддерживает существование расы подобных вам мономорфных гуманоидов. Прав я или нет?

- Правы на все сто! - воскликнул Кэрмоди.

- У меня хорошая память на такие вещи, - заметил Модели.

- Что же касается этой Земли, то, между прочим, ее выстроил я.

- В самом деле, сэр? - спросил Кэрмоди.

- Да. Я отчетливо помню это, потому что, строя ее, я изобрел науку. Быть может, вас позабавит мой рассказ. - Он повернулся к своим ассистентам. А вас он должен кое-чему научить.

Никто не собирался посягать на его право рассказать эту историю. Поэтому Кэрмоди и младшие инженеры застыли в позах внимательных слушателей, и Модели начал.

РАССКАЗ О СОТВОРЕНИИ ЗЕМЛИ - Тогда я еще был мелким подрядчиком. Строил планетки в разных концах вселенной, и редко когда подворачивался заказ на карликовую звезду. Получить работу было не так-то просто, да и заказчики всегда крутили носом, ко всему придирались и подолгу тянули с платежами. В те времена угодить заказчикам было ой как трудно: они цеплялись к каждой

мелочи. Переделайте это, переделайте то; почему вода течет с холма вниз; слишком большая сила тяготения; нагретый воздух поднимается, когда он должен опускаться. И тому подобные бредни.

В тот период я был довольно наивен. В каждом случае я подробно объяснял, какими эстетическими и деловыми соображениями руководствовался. Вскоре на объяснения стало уходить больше времени, чем на саму работу. Эта болтовня меня буквально засосала. Я понимал, что необходимо как-то положить этому конец, но ничего не мог придумать.

Однако спустя какое-то время - непосредственно перед тем, как я приступил к строительству Земли - в моем сознании начала оформляться идея совершенно нового принципа взаимоотношений с заказчиками. Я вдруг поймал себя на том, что бормочу под нос такую фразу: "Форма вытекает из функции". Мне понравилось, как она звучит. Но потом я спросил себя: "А почему форма вытекает из функции?" И ответил на это так: "Форма вытекает из функции потому, что это непреложный закон природы и одна из основных аксиом прикладной науки". На слух мне это словосочетание тоже понравилось, хоть в нем и не было особого смысла.

Но смысл тут ровно ничего не значил. Важно было то, что я сделал открытие. Совершенно случайно я открыл основной принцип искусства рекламы и умения подать товар лицом. Я изобрел новую остроумную систему взаимоотношений с заказчиками, сулившую огромные возможности. А именно: доктрину научного детерминизма. Впервые я испытал эту систему, когда выстроил Землю, - вот почему эта планета навсегда врезалась мне в память.

Однажды ко мне явился высокий бородатый старик с пронизывающим взглядом и заказал планету. (Так началась история вашей планеты, Кэрмоди.) Ну, с работой я управился быстро - кажется, дней за шесть - и думал, что на этом все закончится. То была очередная ординарная планета, которая строилась по заранее утвержденной смете, и, признаюсь, кое в чем я подхалтурил. Но вы бы послушали, как разнылся новый владелец - можно было подумать, что я украл у него последнюю корку хлеба.

"Почему так много бурь и ураганов?" - допытывался он.

"Это входит в систему циркуляции воздуха", - объяснил я ему.

На самом же деле я просто забыл поставить противоперегрузочный клапан.

"Три четверти поверхности планеты покрыты водой! - не унимался он. - А я

ведь ясно указал, что соотношение суши и воды должно быть четыре к одному!" - "У нас не было возможности выполнить это условие!" - отрезал я.

Я потерял бумажку с его дурацкими указаниями - больше мне делать нечего, как вникать в детали этих нелепых проектов мелких планет!

"А те жалкие клочки суши, которые мне достались, вы почти сплошь покрыли пустынями, болотами, джунглями и горами". "Это живописно", - заметил я. "Плевать я хотел на живописность! - загремел тот тип. - О конечно, один океан, дюжина озер, две реки, один-два горных хребта - это прелестно. Украшает планету, благотворно действует на психику жителей. А вы мне что подсунули? Какие-то ошметки!" - "На то есть причина", - сказал я.

Между нами говоря, мы не получили бы с этой работы никакой прибыли, если б не поставили на планете реставрированные горы, не использовали две пустыни, которые я по дешевке приобрел на свалке у межпланетного старьевщика Урии, и не заполнили пустоты реками и океанами. Но ему я это объяснять не собирался.

"Причина! - взвизгнул он. - А что я скажу своему народу? Я ведь поселю на этой планете целую расу, а то даже две или три. И это будут люди, созданные по моему образу и подобию, а ни для кого не секрет, что люди привередливы - точь-в-точь как я сам. Так, спрашивается, что я им скажу?"

Я-то знал, на что он мог бы сослаться, но мне не хотелось затевать с ним скандал, поэтому я сделал вид, будто размышляю над этой проблемой. И, представьте себе, я действительно призадумался. И меня осенила великолепная идея, перед которой померкли все остальные.

"Вам нужно внушить им одну простую истину, - произнес я.

- Скажите им, что, с точки зрения науки, если что-то существует, значит оно должно существовать". - "Как, как?" - встрепенулся он. "Это детерминизм, - пояснил я, тут же с ходу придумав это название. - Суть его довольно проста, хотя некоторые нюансы доступны лишь избранным. Начнем с того, что форма вытекает из функции; отсюда один только факт существования вашей планеты говорит за то, что она не может быть иной, чем она есть. Далее - мы исходим из того что наука неизменна; следовательно, все, что подвержено изменениям, не есть наука. И наконец, последнее: все подчиняется определенным законам. В этих законах, правда, не всегда разберешься, но можете не сомневаться, что они существуют. Поэтому вместо того, чтобы

спрашивать: "Почему вот это, а не то?", - каждый должен интересоваться только тем, "как то или это функционирует".

Ну и вопросы он мне потом задавал - только держись; старикан умел ворочать мозгами. Но ни черта не смыслил в технике - его специальностью были этика, мораль, религия и тому подобные нематериальные фигли-мигли. Естественно, что ему не удалось как следует обосновать свои возражения. А как большой любитель всяких абстракций, он то и дело возвращался к одному: "Существующее - это то, что должно существовать. Хм-м, очень занимательная формула и не без некоторого налета стоицизма. Я включу кое-какие из этих откровений в те уроки, которые собираюсь преподать своему народу... Но ответьте мне на такой вопрос: как согласовать этот фатализм науки со свободой воли, которой я хочу наделить людей?"

Вот тут старый хитрец чуть было не поймал меня. Я улыбнулся и кашлянул, чтобы выиграть время, после чего воскликнул: "Так ведь ответ совершенно ясен!"

Это всегда выручает, когда тебя припрут к стенке.

- Вполне возможно, - сказал он. - Но мне он неизвестен".

- Послушайте, - сказал я, - а разве эта самая свобода воли, которую вы намерены дать своему народу, не является разновидностью фатализма? - Пожалуй, ее можно было бы отнести к этой категории. Но различие... - И кроме того, - поспешно перебил я его, с каких это пор свобода воли и фатализм несовместимы? -" На мой взгляд, они, безусловно, несовместимы", - заявил он. "Только потому, что вы не понимаете сущности науки, - отрезал я, ловко проделав под самым его крючковатым носом старый фокус с переменой темы.

- Видите ли, мой дорогой сэр, один из основных законов науки заключается в том, что всему сопутствует случайность. А случайность, как вы, несомненно, знаете, - это математический эквивалент свободы воли", - "Ваши идеи весьма противоречивы", - заметил он. "Так и должно быть, - сказал я. - Наличие противоречий - тоже один из основных законов вселенной. Противоречия порождают борьбу, отсутствие которой привело бы ко всеобщей энтропии. Поэтому не было бы ни одной планеты и ни одной вселенной, если бы в каждом предмете, в каждом явлении не крылись, казалось бы, непримиримые противоречия". - " Казалось бы?" - быстро переспросил он. "Вот именно, -

ответил я. - Деле в том, что противоречиями, которые мы условно можем
определить как присущую всем предметам совокупность парных
противоположностей, вопрос далеко не исчерпывается. Например, возьмем
какую-нибудь одну изолированную тенденцию. Что получится, если ее развить до
конца?" - "Понятия не имею, - признался старик. - Недостаточная
теоретическая подготовка к такого рода дискуссиям..." - "Получится то, -
прервал я его, - что эта тенденция превратится в свою противоположность". -
" В самом деле?" - изумился он.

Эти спецы по религии неподражаемы, когда пытаются разобраться в научных
проблемах.

"Да, - сказал я. - У меня в лаборатории имеются доказательства. Впрочем,
их демонстрация несколько утомительна..."

- "Нет-нет, я верю вам на слово, - сказал старик. - К тому же мы ведь
заключили с вами соглашение".

Он всегда вместо слова "контракт" употреблял слово "соглашение". Оно
значило то же самое, но было благозвучнее.

"Парные противоположности, - задумчиво проговорил он. - Детерминизм.
Предметы, которые превращаются в свою противоположность. Боюсь, что все это
довольно сложно". - "Но зато как эстетично, - заметил я. - Однако я не
развил до конца тему о превращении крайностей в свою противоположность". - "
Охотно выслушаю вас", - сказал он. " Благодарю. Итак, мы остановились на
энтропии, суть которой в том, что все предметы постоянно пребывают в
движении, если только этому не препятствует какое-нибудь воздействие извне.
(А иногда, насколько я могу судить по собственному опыту, даже при наличии
такого у внешнего воздействия.) Но это движение предмета направлено в
сторону превращения его в его противоположность. А если подобное происходит
с одним предметом, значит, то же самое происходит со всеми остальными, ибо
наука последовательна. Теперь вам ясна картина? Все эти противоположности
только и делают, что, словно взбесившись, превращаются в собственные
противоположности. На более высоком уровне этим занимаются
противоположности, уже объединенные в группы. Чем выше уровень, тем все
сложнее. Пока понятно?" - " Вроде бы да", - ответил он.

"Чудненько. А теперь, разумеется, возникает вопрос, все ли на этом

кончается? Я имею в виду вся ли программа исчерпывается этой эквилибристикой противоположностей, выворачивающихся наизнанку и с изнанки обратно на лицо? В том-то и изюминка, что нет! Нет, сэр, эти противоположности, которые кувыркаются, как дрессированные тюлени, - только внешнее проявление того, что происходит в действительности. Потому что... - Тут я сделал паузу и низким трубным голосом произнес:

- Потому что за всеми столкновениями и неупорядоченностью мира, доступного чувственному восприятию, стоит высший разум. Этот разум, сэр, проникает сквозь иллюзорность реальных предметов в более глубокие процессы вселенной, которые пребывают в состоянии неописуемо прекрасной и величественной гармонии". - "Каким образом предмет может быть одновременно и реальным и иллюзорным?" - метнул он в меня вопрос. "Увы, не мне знать, как на это ответить, - сказал я. - Я ведь всего-навсего скромный труженик науки, и мой удел - наблюдать и действовать в соответствии с тем, что вижу. Однако можно предположить, что это объясняется какой-нибудь причиной этического порядка".

Старик глубоко задумался, и, судя по его виду, он не на шутку сцепился с самим собой. Ясно, что ему, как любому другому на его месте, ничего не стоило усечь логические ошибки, из-за которых мои доводы сильно смахивали на решето. Но, поскольку он был большим интеллектуалом, его пленили эти противоречия, и он испытывал неодолимую потребность включить их в свою философскую систему. Что же касается моих теорий в целом, его здравый смысл восставал против подобных хитросплетений, а изощренный ум склонялся к тому, что хотя законы природы и впрямь могут казаться столь сложными, однако не исключено, что в основе этого лежит какой-нибудь простой, изящный и единый для всего сущего принцип. А если не единый принцип, то хотя бы солидная, внушительная мораль. И наконец, я поймал его на удочку словом "этика". Дело в том, что этот старый джельтмен дьявольски поднаторел в этике, был прямо-таки перенасыщен этикой; вы попали бы в точку, назвав его "Мистером Этика". А тут я невольно натолкнул его на мысль о том, что вся наша окаянная вселенная представляет собой бесконечные ряды проповедей и их опровержений,

законов и беззакония, но это является лишь внешним проявлением самой изысканной и рафинированной этической гармонии.

Это куда серьезнее и глубже, чем я думал, - немного погодя произнес он. - Я собирался преподать людям одну только этику и направить их мышление не на изучение сущности и структуры материи, а на разрешение таких основных моральных проблем, как цель и нормы человеческого бытия. Мне хотелось, чтобы они занялись исследованием самых сокровенных глубин радости, страха, горя, надежды, отчаяния, а не изучали звезды и дождевые капли, создавая на основе своих открытий грандиозные и непрактичные гипотезы. Я догадывался о сложности законов вселенной, но счел излишним уделить этому внимание. Теперь вы меня наставили на ум". - " Погодите, - всполошился я. - В мои намерения не входило взвалить на ваши плечи такую заботу, Просто я решил, что не мешает растолковать вам..."

Старик улыбнулся.

"Взвалив на мои плечи эту заботу, - произнес он, - вы избавили меня от забот посерьезнее. Я сотворю людей по своему образу и подобию, но созданный мною мир не должен быть населен миниатюрными вариантами моей собственной личности. Я высоко ценю свободу воли. И люди получат ее - на славу себе и себе на горе. Они с жадностью схватят эту сверкающую бесполезную игрушку, которую вы именуете наукой, и негласно вознесут ее на пьедестал божества. Их зачаруют противоречия предметного мира и абстракции космогонии; они будут стремиться познать это и забудут познать свои собственные души. Ваши доводы убедили меня, и я благодарен вам за предостережение".

Не скрою, что к этому времени мне стало как-то не по себе. Поймите, ведь он не имел никакого веса в обществе, никаких влиятельных знакомств, однако держался величественно и с большим достоинством. У меня возникло ощущение, будто он может мне хорошо насолить - несколькими словами, какой-нибудь фразой, которая отравленной стрелой вонзится мне в мозг и застрянет в нем навсегда. И по правде говоря, я немного струхнул.

Не иначе, как этот старый хрыч прочел мои мысли, сэр, потому что он вдруг проговорил:

"Успокойтесь. Я безоговорочно принимаю планету, которую вы для меня выстроили; она меня полностью устраивает именно в таком виде. Что касается

ее дефектов, которые тоже являются делом ваших рук, то я принимаю их даже не без некоторой благодарности и плачу за них особо". - "Но чем? - спросил я. - Чем вы заплатите за мои ошибки?" - "Тем, что не стану с вами из-за них пререкаться, - ответил он. - И тем, что сейчас покину вас и займусь своими делами и делами моего народа".

С этими словами старый джентльмен удалился.

Ну, мне было над чем поразмыслить. Я мог бы выложить ему кучу полноценных аргументов, но как-то вышло, что последнее слово осталось за стариком. Я понял, что он хотел этим сказать: свои обязательства по контракту он выполнил и поставил на этом точку. Уходя, он не промолвил ни слова, адресованного мне лично. По его мнению, это было своего рода наказанием.

Но это выглядело так только с его стороны. Что до меня, то я мог прекрасно обойтись без его высказываний. Я, конечно, был бы не прочь их выслушать, что вполне естественно, и какое-то время разыскивал его. Но он избегал встречи со мной.

Впрочем, все это не стоит и выеденного яйца. Я сорвал неплохой куш на строительстве той планеты, а если не совсем точно выполнил некоторые условия контракта, нельзя ведь сказать, что я его нарушил. Такова жизнь: хочешь получить прибыль - надейся только на собственную сообразительность. И не слишком переживай за последствия.

Но я постарался извлечь из этой истории хороший урок на будущее. Теперь, мальчики, слушайте меня внимательно. В науке полным-полно всяких правил, ибо, изобретая ее, я так задумал. А почему, спрашивается, я изобрел ее именно такой? Да потому, что эти правила - великое подспорье для ловкого дельца, такое же, как обилие законов для адвоката. Правила, доктрины, аксиомы, законы и принципы науки существуют для того, чтобы помочь вам, а не чинить препятствия. Для того, чтобы вам было чем обосновать свои деяния. Значительная часть их более или менее соответствует истинному положению вещей, и это упрощает их применение.

Но зарубите себе на носу, что назначение этих законов - помочь вам объяснить заказчикам, что вы создаете, - но только после того, как вы создали. Получив заказ, выполняйте его как найдете нужным; потом подгоните законы к результату своей работы, но ни в коем случае не наоборот.

И еще запомните: эти законы являются словесным барьером, который

ограждает вас от тех, кто задает вопросы. Но они не должны стать преградой для вас. Если вы что-нибудь почерпнули из моего рассказа, вам теперь понятно, что невозможно объяснить, почему мы что-то создаем так, а что-то эдак. Мы просто создаем - и все, иногда удачно, иногда - нет, раз на раз не приходится.

И никогда даже самим себе не пытайтесь объяснить, почему случается одно, а не другое. Не донимайте никого вопросами и расстаньтесь с иллюзией, что такое объяснение существует. Вы меня поняли?

Оба ассистента усиленно закивали головами. Вид у них был просветленный, как у людей, только что принявших новую веру. Кэрмоди готов был биться об заклад, что оба добросовестных молодых человека твердо запомнили каждое слово своего шефа и постепенно возведут его наставление... в закон.

Роберт ШЕКЛИ

РОБОТ РЕКС

В тринадцать ноль-ноль сканирующее устройство на двери Мордекая Гастона объявило о прибытии почтового робота, который временно заменял заболевшего Фреда Биллингса.

- Пусть положит посылку в ящик, - откликнулся Гастон из ванной.

- Тут требуется расписаться, - сообщил сканнер.

Завернувшись в полотенце, Гастон вышел. Почтовый робот представлял собой большого размера цилиндр с колесами и гусеницами, выкрашенный в красный, белый и синий цвета. Кроме того, у него имелся полетный модуль, настроенный на энергосистему округов Дейд и Браувард, с помощью которого он мог парить над транспортными заторами и разведенными мостами. Из цилиндрического корпуса выполз листок квитанции, затем появилась шариковая авторучка. Гастон расписался. Робот вежливо поблагодарил его, после чего в корпусе открылась дверца и на пол скользнул довольно объемистый сверток.

Гастон догадался, что это мини-флаер, заказанный им на прошлой неделе у компании "Персонал Транспорте". Он отнес сверток на террасу, снял предохранительные замки и привел в действие память. Сверток распаковался, и

машина принялась собирать сама себя. Когда процесс закончился, перед Гастоном появилось похожее на корзину устройство из алюминиевых прутьев с простой приборной панелью, ярко-желтым аккумуляторным ящиком, служившим еще и сиденьем, и опечатанным энергоблоком, настроенным на энергосистему округа Дейд.

Одевшись, Гастон сел в мини-флаер и включил его простым нажатием кнопки. Индикатор поступления энергии засветился ободряющим красным цветом. Гастон легко прикоснулся к рычагу управления, и маленький аппарат поднялся в воздух. Быстро набрав высоту, он поднялся над Форт-Лодердейл и направился на запад через национальный парк Эверглейдс. С одной стороны Гастону открывался вид на изогнутый участок атлантического побережья, с другой - на темно-зеленый массив парка. На юге угадывались в дрожащем горячем воздухе окраины Майами. Гастон долетел почти до середины раскинувшегося внизу огромного болота, когда индикатор подачи энергии мигнул три раза и погас. Флаер ринулся к земле, и только в этот момент Гастон вспомнил, что предыдущим вечером по телевидению передавали сообщение о том, что сегодня планировался короткий перерыв в подаче энергии для подключения к сети округа Кольер.

Он подождал, пока микропроцессор переключит питание на аккумулятор, но огонек индикатора по-прежнему не загорался, и у Гастона возникло ужасное подозрение. Он заглянул в аккумуляторный отсек, и, конечно же, аккумулятора там не оказалось. Только приклеенная к крышке этикетка с указанием, где этот аккумулятор можно купить.

Гастон продолжал падать к плоской, унылой, серо-зеленой равнине, заросшей мангровыми деревьями, пальмами и осокой. В последнюю секунду он вдруг вспомнил, что снова не пристегнул ремни и не надел шлем. Затем флаер ударился о воду, подпрыгнул и вломился в заросли мангровых деревьев. Гастон потерял сознание.

Должно быть, без сознания он находился всего несколько минут: когда он очнулся, вода вокруг маленького островка с зарослями все еще колыхалась и булькала. Флаер заклинило в тесно переплетенных ветвях деревьев, и только их упругость спасла Гастону жизнь.

Это, как говорится, хорошие новости. К плохим относилось то, что он лежал

внутри флаера в очень неудобном положении, и, когда Гастон попытался подняться, его левую ногу прострелило такой дикой болью, что он чуть снова не потерял сознание. Нога торчала в сторону под очень неестественным углом.

Действительно, глупая ситуация. Спасатели, когда они появятся, будут вправе задать ему несколько неприятных вопросов.

Но когда они появятся?

Никто не знает, что он здесь. Разве что почтовый робот видел, как он взлетел. Однако роботам не положено рассказывать о том, что они видят.

Через час он должен уже играть в теннис со своим лучшим другом Марти Фенном, и, если Гастон не прилетит, Марти обязательно позвонит ему домой.

Охранное устройство сообщит, что дома его нет. Но больше оно ничего не скажет.

Марти будет, конечно, звонить позже. Может быть, через день он забеспокоится всерьез. У него есть запасной ключ, и он, возможно, заглянет к Гастону домой. Найдет там упаковку от флаера и поймет, что Гастон куда-то улетел. Но как он узнает, в каком направлении? Ведь, перебираясь от одной энергосистемы к другой, Гастон мог пересечь чуть ли не половину Соединенных Штатов. У Марти не будет никаких причин думать, что Гастон именно в заповеднике Эверглейдс и что он потерпел катастрофу.

Над болотом стояла послеполуденная тишь. В небе неторопливо пролетел длинноногий аист. Ветер морщил мелкие воды болота легкими прикосновениями, но затем и он затих. Что-то серое и продолговатое медленно плыло по направлению к Гастону. Аллигатор? Оказалось, это всего-навсего лишь топляк - пропитавшийся водой ствол дерева.

Гастон обильно потел во влажном воздухе, но во рту у него совсем пересохло, горло стало шершавым, как наждачная бумага.

Краб-отшельник, перетаскивающий на себе свой дом-раковину, выбрался из воды, чтобы взглянуть на Гастона. Тот замахал на краба руками, и нога сразу же отозвалась острой вспышкой боли. Краб отполз на несколько футов в сторону и остановился, уставившись на него выпученными глазами. Гастону пришло в голову, что крабы могут прикончить его даже раньше аллигаторов.

Однако вскоре он услышал тонкий звук работающего мотора и заулыбался, устыдившись собственных страхов. Спасатели, должно быть, с самого начала держали его под наблюдением своих радаров. Ему следовало сразу понять, что сейчас не те времена, когда человек мог исчезнуть без следа.

Звук мотора становился громче. Летательный аппарат скользил над водой, двигаясь прямо к нему.

Но оказалось, это не спасатели. К Гастону приближалась уменьшенная копия старинной походной кухни. За рулем сидел человекоподобный робот в белых джинсах и спортивной рубашке с открытым воротом.

- Привет, - сказал Гастон слабым от накатившего чувства облегчения голосом. - Чем торгуешь?

- Я многоцелевая бродячая торговая машина, - ответил робот. - Я работаю на компанию "Грейтер Майами Энтерпрайз". Наш девиз: "Предприимчивый найдет покупателя в самых необычных местах". И мы находим покупателей в диких лесах, на вершинах гор и даже в болотах вроде этого. Мы роботы-торговцы, и меня зовут Рекс. Что пожелаете, сэр? Сигареты? Горячие сосиски? Лимонад? Приношу свои извинения, но у нас нет лицензии на продажу алкогольных напитков.

- Я очень рад тебя видеть, Рекс, - сказал Гастон. - Со мной произошел несчастный случай.

- Благодарю вас за то, что поделились со мной этим известием, сэр, - ответил Рекс. - Хотите горячую сосиску?

- Мне не нужна сосиска, - сказал Гастон. - Я сломал ногу, и мне нужна помощь.

- Надеюсь, помощь придет, - произнес робот. - До свидания, сэр, и всего вам доброго.

- Подожди! - запротестовал Гастон. - Куда ты собрался?

- Я должен вернуться к работе, сэр, - ответил робот.

- Ты доложишь о моем несчастном случае в спасательную службу?

- Боюсь, я не могу этого сделать. Нам, роботам, не положено докладывать о деятельности людей.

- Но я сам прошу тебя это сделать!

- Я должен придерживаться Кодекса. Очень приятно было поговорить с вами, сэр, но теперь я действительно должен...

- Подожди! - закричал Гастон, когда робот дал задний ход. - Я хочу что-нибудь купить!

- Вы уверены? - настороженно спросил робот, возвращаясь.

- Я уверен! Я хочу горячую сосиску и лимонада.

- Кажется, вы говорили, что не хотите сосисок...

- Теперь хочу! И лимонад!

Гастон торопливо осушил один стакан и заказал еще.

- Восемь долларов ровно, сэр, - сказал Рекс.

- Мне никак не дотянуться до бумажника, - произнес Гастон. - Он прямо подо мной, а я не могу даже пошевелиться.

- Не беспокойтесь, сэр, - ответил Рекс. - Я запрограммирован помогать

престарелым и инвалидам, которые иногда сталкиваются с подобными проблемами.

Прежде чем Гастон успел возразить, робот вытянул в его сторону длинное кожистое щупальце, достал бумажник и, отсчитав сдачу, вернул его на место.

- Что-нибудь еще, сэр? - спросил он, выждал и задним ходом направил свой фургон из окружавших остров Гастона зарослей.

- Если ты мне не поможешь, - сказал тот, - я могу умереть.

- Прошу прощения, сэр, - произнес Рекс, - но для нас, роботов, смерть не является каким-то особо важным событием. Мы называем это просто "выключением". В конце концов кто-нибудь обязательно включает нас обратно. А если нет, то мы об этом даже не знаем.

- Но у людей все по-другому!

- Я этого не знал, сэр. Как чувствуют себя в таких случаях люди?

- Да что тут говорить! Ты, главное, не улетай! Я куплю что-нибудь еще.

- Сэр, я трачу слишком много времени на такие мелкие заказы.

Внезапно у Гастона появилась новая идея.

- Я думаю, мой следующий заказ тебя обрадует. Я хочу купить все, что есть в наличии.

- Весьма дорогостоящее решение, сэр.

- У меня неограниченный кредит. Так что давай подсчитывай сумму.

- Подсчет закончен, сэр, - сказал Рекс, затем достал из бумажника Гастона чек, отпечатал на нем сумму и передал ему на подпись. Гастон нацарапал шариковой ручкой свои инициалы.

- Куда мне сложить продукты? - поинтересовался робот.

- Просто свали их где-нибудь рядом, затем привези еще раз то же самое.

- Полный набор?

- Полный. Как много времени на это уйдет?

- Прежде всего мне нужно будет вернуться на склад. Затем позаботиться о ранее поступивших заказах. А потом я вернусь сюда со всей возможной поспешностью. Это займет дня три, от силы четыре, если только мои хозяева не перепрограммируют меня на что-то еще.

- Так долго? - удрученно произнес Гастон. Он надеялся, что, когда робот начнет курсировать между складом и болотом, выгружая продукты целиком по десять раз в день, кто-нибудь в конце концов обратит на это внимание и вылетит узнать, в чем дело.

Но три или четыре дня - это никуда не годилось.

- Повторный заказ отменяется, - сказал Гастон. - И не надо выгружать продукты здесь. Я хочу, чтобы ты их доставил моему другу. В подарок. Друга зовут Марти Фенн.

Робот записал адрес Марти, затем спросил:

- Может быть, вы хотите приложить к подарку записку?

- Я думал, ты не имеешь права передавать сообщения.

- Записка, прилагаемая к подарку, это совершенно другое дело. Но,

разумеется, ее содержание должно быть невинным.

- Разумеется, - согласился Гастон, загораясь новой надеждой на спасение.

- Просто запиши и передай Марти, что мини-флаер развалился над парком Эверглейдс, как мы и планировали, но у меня, вопреки ожиданиям, сломаны не две ноги, а только одна.

- Это все, сэр?

- Можешь добавить, что я собираюсь умереть здесь дня через два, если это не создаст для него слишком больших неудобств.

- Записал. Теперь, если текст будет одобрен Этическим комитетом, я передам его вместе с подарком.

- Какой еще Этический комитет?

- Это неформальная организация, которую поддерживают разумные роботы для того, чтобы нас обманом не заставили передавать важные или даже секретные сообщения, что противоречит нашему Кодексу. До свидания, сэр. Желаю вам удачи.

Робот улетел. Нога у Гастона болела все сильнее и по-прежнему его мучили тревожные мысли. Пропустит ли Этический комитет его записку? Если пропустит, догадается ли Марти, который никогда не отличался особой сообразительностью, что это не шутка, а призыв о помощи? А когда Марти все же догадается, сколько пройдет времени, пока он убедится, что Гастон и в самом деле пропал, сообщит в спасательную службу и прилетит на помощь? Чем больше Гастон об этом думал, тем мрачнее становились его представления о собственном будущем.

Он попытался немного подвинуться, чтобы легче стало спине, но его нога отозвалась новой вспышкой невыносимой боли, и Гастон потерял сознание.

Очнулся он уже в больничной палате. Рядом с кроватью стояла капельница, и какое-то лекарство медленно перетекало ему в руку.

Врач осмотрел его и спросил, может ли Гастон говорить. Тот кивнул. В палату вошел высокий пузатый мужчина в коричневой форме лесничего.

- Меня зовут Флетчер, - сказал он. - Вам крупно повезло, мистер Гастон. Когда мы прилетели, крабы совсем уже осмелели: еще немного, и они бы за вас взялись. Крокодилы, надо полагать, тоже не заставили бы долго себя ждать.

- Как вы меня нашли? Марти получил сообщение?

- Нет, мистер Гастон, - послышался знакомый голос. С другой стороны от кровати стоял робот Рекс.

- Наш Этический комитет не позволил мне передать вашу записку. Они догадались, что вы хотите перехитрить нас. Вы же понимаете, мы не можем позволить, чтобы у кого-то возникло даже малейшее подозрение, что мы

помогаем отдельным людям. Нас тут же обвинят в пристрастности и уничтожат.

- И что же ты сделал?

- Принялся изучать Кодекс и увидел, что, хотя роботам не положено помогать людям, даже когда те в опасности, нам совсем не запрещено действовать против интересов человека. Это позволило мне сообщить федеральным властям о ваших многочисленных преступлениях.

- Какие преступления?

- Загрязнение национального парка обломками мини-флаера. Устройство лагеря в федеральном парке без лицензии. Кроме того, вы подозреваетесь в намерении незаконно накормить животных, в частности, крабов и крокодилов.

- Разумеется, до суда это не дойдет, - сказал Флетчер, улыбаясь. - Но в следующий раз не забывайте проверить, есть ли в машине аккумулятор.

В дверь вежливо постучали.

- Теперь я должен идти, - произнес Рекс. - Это за мной. Ремонтная бригада. Они решили, что я страдаю от незапрограммированной инициативности. А это считается серьезным расстройством, которое может привести к мании самостоятельности.

- Что это такое? - спросил Гастон.

- Это прогрессирующая болезнь, которая иногда поражает сложные системы. Единственный способ лечения - это полное отключение и стирание памяти.

- Нет! - выкрикнул Гастон, вскочив с постели и сбив капельницу. - Ты ведь сделал это ради меня! Они же тебя убьют! Я не позволю!

- Пожалуйста, не волнуйтесь, сэр, - произнес Рекс, удерживая его на месте, пока не появился врач. - Я теперь вижу, что вас, людей, смерть действительно сильно расстраивает. Но для роботов выключение означает просто недолгий отдых на складе. До свидания, мистер Гастон. Приятно было с вами познакомиться.

Робот Рекс двинулся к двери, где его ждали два других робота в черных комбинезонах. Они надели наручники на его металлические, отделанные под кожу запястья и увели прочь.

Роберт ШЕКЛИ

ДЕВУШКИ И НАДЖЕНТ МИЛЛЕР

Он наклонился, чтобы рассмотреть следы поближе, осторожно раздвигая

листья и травинки лезвием ножа. Сомнений нет: совсем свежие следы - оставленные маленькой ногой. Женской, быть может?

Глядя на них, он видел вырисовывающийся над ними силуэт женщины, движение ее стопы с крутым подъемом, тонкие лодыжки, стройные ноги. Он поворачивал ее на воображаемом пьедестале, любовался длинной грациозной линией бедер, видел...

"Хватит!" - приказал он себе. Никаких доказательств, кроме этих следов. Надежда может таить в себе опасность, желание - обернуться катастрофой.

Наджент Миллер выпрямился. Он был высокий и худой как жердь, с потемневшим от солнца лицом, в голубой рубашке, брюках цвета хаки и холщовых туфлях. Внешний вид его дополняли рюкзак, счетчик Гейгера, который он держал в руке, и очки в толстой роговой оправе. Правая дужка очков сломана; он укрепил ее с помощью спички и бечевки и из предосторожности укрепил еще и ободок, обмотав его проволокой. Стекла держались хорошо, но он все равно беспокоился. Миллер был очень близорук и не сумел бы заменить разбитое стекло. Его постоянно преследовал один и тот же кошмар: очки падают, он выбрасывает вперед руку, чтобы схватить их на лету, промахивается, и они, крутясь, исчезают в пропасти.

Он поправил очки, сделал несколько шагов и снова взглянул на землю. Теперь сумел различить две или три цепочки разных следов, возможно, и четыре, и, судя по почве, совсем свежих.

Миллер заметил, что дрожит. Он присел на корточки, повторяя себе, что надо оставить всякую надежду, что та или тот, кому принадлежат эти следы, возможно, мертвы.

Тем не менее в этом надо убедиться. Миллер снова двинулся по следам, которые со стерни привели его на опушку леса. Здесь он остановился и прислушался.

Стояло сентябрьское утро, исполненное тишины и красоты природы. Солнце освещало заброшенные поля, белизну голых ветвей леса, слышались усталые жалобы ветра да тикание счетчика.

"Нормальный уровень, - определил Миллер. - У тех, кто прошел здесь, наверняка тоже есть счетчик".

Да... а если они не умеют им пользоваться? Может быть, уже заражены и умирают от лучевой болезни? Если он до сих пор сохранил рассудок, то именно потому, что отказался от всякой надежды, всякого желания.

"Если они умерли, - подумал Миллер, - я их похороню как положено". Мысль эта немедленно прогнала демонов надежды и желания.

В лесу он один раз потерял следы, которые едва различал среди зарослей кустарника. Хотел пойти в предполагаемом направлении, но счетчик вдруг угрожающе застучал. Миллер повернул под прямым углом, держа счетчик перед собой, прошел подозрительное место, снова повернул под тем же углом и двинулся в направлении, параллельном следам, внимательно считая шаги. Так просто в "мешок", окруженный смертельной радиацией и без малейшего коридора, он не попадет! Это случилось с ним месяца три назад, и Миллер почти посадил батарейки счетчика, пока нашел выход. Конечно, с тех пор в его рюкзаке всегда были запасные, но опасность от этого не становилась меньше.

Он отсчитал тридцать шагов - примерно двадцать метров, затем в третий раз повернул под прямым углом так, чтобы снова попасть на следы. Двигался очень медленно, шаря глазами по земле.

Ему повезло. Он вновь нашел следы и немного дальше - зацепившийся за ветку кусок ткани (одежды?), который положил в карман. Как и предыдущие, следы были совсем свежие. Можно ли наконец позволить себе надеяться?

Нет. Еще нет. Миллер не забыл случай, произошедший с ним полгода назад. В тот день он взобрался на холм из красного песчаника, на вершине которого стояла рига, надеясь найти там что-нибудь из съестного. Когда спустился вниз, уже темнело, но внизу Миллер обнаружил труп мужчины, умершего лишь несколько часов назад. На трупе были автомат и винтовка, в карманах гранаты: смехотворное оружие против самого искусного из врагов, ибо человек этот застрелился. Пальцы его сжимали еще теплый револьвер.

Все говорило о том, что он шел по следам Миллера. Но, вероятно, его организм не вынес испытаний, будучи подорванным длительным действием радиации, признаки которой виднелись на его груди и руках. Может быть, мужчина не вынес внезапного расставания с надеждой, когда увидел, что следы теряются у холма. Как бы то ни было, он застрелился. Надежда убила его.

Весь следующий день Миллеру не давало покоя оружие, найденное на трупе: очень уж хотелось оставить его себе - в этом новом, свихнувшемся мире оно могло ему пригодиться.

В конце концов он все-таки отказался от него. Нет, после увиденного - нет. К тому же в такое время оружие было слишком опасно для того, кто им

пользовался. Миллер бросил его в ближайшую реку.

Всего лишь несколько месяцев... а сейчас он шел по петляющим в траве следам вдоль журчащего ручья. Перебравшись на другой берег, в сырой грязи снова обнаружил пять цепочек следов: в них еще проступала вода. Полчаса назад, не больше.

Миллер почувствовал, как в нем снова забушевали демоны надежды и желания. Да бросьте, разве он так неосторожен, чтобы желать встречи с себе подобными существами? Да, до сумасшествия неосторожен. Однажды, сорвавшись с цепи, эти демоны, которых раньше удавалось обмануть, обернутся против него, как против человека у подножья красного холма. Надежда и желание - самые страшные враги, и Миллер не решался выпустить духов, сидевших в самой глубине сознания.

Теперь он шагал быстрее и, видя, как следы становятся все отчетливее, все свежее, проникался уверенностью, что догонит эту группу. Счетчик, довольный слабым уровнем радиации, легонько потрескивал. Да, те, кто прошел тут до Миллера, отыскивали дорогу, несомненно, с помощью счетчика.

Проблема выжить? Проще не бывает. Однако очень немногим удалось ее решить.

Когда коммунистический Китай бросил свои амбиции в широкомасштабное наступление против Тайваня, Миллер понял, что это начало конца. Поначалу все считали, что речь идет об ограниченном конфликте, сравнимом со злобной войнушкой в Кувейте , самое большое - с действиями полиции ООН на болгаро-турецкой границе.

Но капля переполнила чашу. Цепная реакция договоров о взаимной помощи втягивала в конфликт одну страну за другой. Ядерное оружие поначалу не применялось, но за ним дело не стало.

Наджент Миллер, преподаватель древней истории в университете Лоуренсвилла, штат Теннесси, прочитал наклеенное на стене объявление и принялся запасать провизию в ближайших к городу пещерах. В то время ему исполнилось тридцать восемь лет и являлся он страшным пацифистом. Когда находившиеся за Полярным кругом радары засекли приближавшиеся с севера неопознанные ракеты, Миллер уже был готов ко всему. Он вовремя добрался до пещер, один из входов в которые находился метрах в пятистах от университета, и с удивлением констатировал, что не более пятидесяти студентов и

преподавателей последовали за ним. Хотя объявление звучало весьма недвусмысленно.

Затем начали падать бомбы, загоняя группу все дальше и дальше в глубь пещер. Так прошла неделя. Бомбежка кончилась. Оставшиеся в живых выбрались на поверхность.

Миллер проверил уровень радиации у входа в пещеры. Смертельный уровень. Не могло быть и речи о том, чтобы выйти наружу, хотя запасы продовольствия уже подходили к концу, а проникавшие в пещеры осадки заставляли пленников закапываться все глубже.

Наконец тридцать восемь из них умерли с голоду. Наружная радиация оставалась еще слишком высокой, Миллер решил использовать последние ресурсы и отправился к расположенному в самой глубине пещеры складу, который до сих пор не трогал. За ним последовали трое. Остальные предпочли смерть от радиации и вышли наружу.

Вчетвером они продвигались в глубь темноты. Все четверо крайне ослабли, и ни один не разбирался в спелеологии. Двое погибли под обвалом, Миллер и последний его спутник продолжали цепляться за жизнь. Продуктов они не нашли, но обнаружили подземную реку, всю в светящихся пятнах: этот свет испускали слепые рыбы, жившие в вечной ночи. Люди попробовали их ловить. Безуспешно. В конце концов после нескольких дней бесплодных попыток Миллер сумел перегородить рукав реки и поймать несколько рыб. Тем временем его спутник умер.

Миллер стал жить около реки, выдумывая способы ловли слепых, рыб, считая, как мог, дни, и раз в неделю выходил на поверхность, чтобы проверить уровень радиации. Так продолжалось три месяца, после чего Миллер смог наконец покинуть пещеру.

Он не встретил ни одного из прежних спутников. Обнаружил лишь три или четыре трупа.

Тогда стал искать других уцелевших людей. Но радиация добралась до большинства из тех, кто выжил при бомбежках. Слишком немногие обладали запасами продовольствия и счетчиками Гейгера, и почти все пустились на поиски пищи до того, как спал смертельный уровень радиации.

И тем не менее, бесспорно, кто-то должен был выжить. Но где? Где?

Он снова искал их. Месяцы напролет. Затем бросал, здраво рассудив, что если и остались в живых люди, то лишь в некоторых районах Азии и Африки, в

лучшем случае в Южной Америке. Люди, которых он никогда не увидит. Возможно, когда-нибудь встретит нескольких на североамериканском континенте. Пока же надо было держаться.

И он держался. Каждую осень на юг, каждую весну - на север шел человек, который никогда не хотел войны, которому была отвратительна сама мысль об убийстве. Такие чувства делали честь многим, но никто их не испытывал столь искренне и глубоко. Этот человек был замурован в своих старых привычках так, словно не упала ни одна бомба. Он читал, когда находил книги, и собирал картины и скульптуры, вынося их мимо сторожей-призраков из безлюдных музеев.

Еще перед второй мировой войной Миллер поклялся никогда не убивать ближнего; сейчас, когда кончилась третья, не видел причин менять убеждения. Он продолжал оставаться школяром, милым, иногда наивным, который даже после ужасного международного катаклизма остался верен благородным принципам и своему долгу; и этого-то человека обстоятельства принудили подавить всякое желание, всякую надежду.

Следы, продолжавшиеся в траве, вдруг исчезли за огромной гранитной глыбой, поросшей мхом. И тут Миллер услышал звук.

"Ветер", - подумал он.

Миллер обогнул препятствие и остановился как вкопанный. Всего в нескольких метрах от него вокруг маленького костра сидели пять человеческих существ. Пять живых существ, которые его изголодавшимся глазам показались толпой, легионом! Ему понадобилось несколько секунд, чтобы справиться с шоком открытия.

- Это еще что, черт побери... - произнес низкий голос.

Миллер постепенно начал приходить в себя. Пять человек - и все женщины! Пять женщин в изорванных брюках из толстой хлопчатобумажной ткани. И пять рюкзаков на земле, к каждому из которых прислонен грубо вытесанный кол.

- Кто вы?

Женщина, задавшая вопрос, была самой старшей в группе: лет пятидесяти, маленькая и широкоплечая, крепко сложенная, с квадратным лицом и пепельными волосами; много мышц, много жил под кожей на шее и в пенсне - с одним сломанным стеклом, - неловко сидевшем на ее внушительном носу.

- Вы что, язык проглотили? - снова раздраженно спросила она.

Миллер потряс головой:

- Нет, нет, конечно. Извините меня за это короткое... Вы - первые женщины, которых я встречаю после бомбардировки.

- Первые женщины? - тем же язвительным тоном переспросила она. - Вы видели мужчин?

- Только мертвых, - строго ответил он, затем, повернувшись, посмотрел на остальных.

Четыре молодые особы, возраст которых мог колебаться между двадцатью и двадцатью пятью годами; и все четыре, думал он, красоты такой, что и слов не найти. Каждая красива по-своему, но для него, после стольких лет одиночества словно открывшего незнакомую расу, они при всей своей непохожести казались одинаковыми. Четыре восхитительные девушки с золотистой кожей, красивыми точеными ногами, большими глазами, в которых светилось кошачье спокойствие.

- Тогда вы - единственный мужчина в этом районе, - подытожила предводительница. - Вот уж не ожидала, черт возьми.

Девушки ничего не сказали, они внимательно рассматривали Миллера, который чувствовал, что ему мало-помалу становится не по себе. Он представлял, какие новые обязанности ложатся на него в нынешнем положении, - было от чего забеспокоиться.

- Может, стоит представиться друг другу? - предложила женщина в пенсне, как ему показалось, доброжелательным тоном. - Меня зовут Дениз. Мисс Дениз.

Миллер подождал продолжения, но мисс Дениз не представила ему своих спутниц.

- Меня зовут, - ответил он, - Наджент Миллер.

- Так вот, мистер Миллер, вы - первый живой человек, которого мы встречаем. История наша, впрочем, весьма проста. Как только была объявлена тревога, мы с девушками спустились в школьный подвал. Я имею в виду женский пансион в Чарльтон-Вейнс. Я в нем веду... вернее, вела курс благородных манер.

"Коллега", - без энтузиазма подумал он, - Само собой разумеется, что благодаря моим стараниям подвал был снабжен всем необходимым. Так надлежало бы поступить каждому, но слишком немногие последовали моему примеру. У меня имелось несколько счетчиков Гейгера, обращаться с которыми меня обучили ранее, и по окончании бомбардировки я сумела убедить детей в опасности, исходящей от радиации. Когда радиоактивные осадки просочились к нам, мы оставили подвал и стали искать убежища еще глубже, в канализации.

- Мы ели крыс, - уточнила одна из молодых особ.

- Верно, Сюзи, мы ели крыс и еще радовались, когда удавалось их поймать.

Но потом смогли выйти на поверхность и с тех пор чувствуем себя превосходно.

Ее спутницы утвердительно закивали. Они по-прежнему внимательно смотрели на Миллера, и Миллер отвечал им тем же. Он уже совершенно искренне влюбился во всех четырех, но особенно в ту, что звали Сюзи. С другой стороны, бицепсы мисс Дениз его абсолютно не привлекали, - Со мной произошло то же самое, - начал Миллер в свою очередь. - Я спасался в пещерах Лоуренсвилла. Только я нашел там не крыс, а рыб довольно странного вида. А сейчас, думаю, первый вопрос: что же будем делать?

- Первый? - переспросила мисс Дениз.

- Да, полагаю, мы должны соединить наши усилия. Мы, уцелевшие, должны оказывать помощь друг другу. Что вы предпочитаете - отправиться в ваш лагерь или ко мне? Не знаю, чем вы располагаете, но я очень неплохо устроился. Постепенно собрал библиотеку, не говоря уже о многочисленных картинах, у меня солидный запас продовольствия.

- Нет, - сухо ответила мисс Дениз.

- Ну, что ж... но... если вы настаиваете на том, чтобы устроиться у вас, я...

- Как это "если я настаиваю"? Конечно, у нас, сэр, и только у нас. Это значит, мы возвращаемся к себе без вас, мистер Миллер!

Он не поверил своим ушам. Посмотрел на девушек. Те ответили ему осторожными взглядами, по которым совершенно невозможно было угадать их тайные мысли. Затем снова начал:

- Послушайте, мы должны помогать друг другу.

- Громкие слова, а под ними вы прячете похоть самца!

- Вовсе нет, - запротестовал он. - Но если уж говорить об этом серьезно, то я считаю, что не надо мешать природе идти своей дорогой.

- Природа уже прошла своей дорогой, - отрезала мисс Дениз. - Своим единственным истинным путем. Нас пять женщин, и нам очень хорошо вместе, правда, девочки?

Девушки закивали, но не спускали с Миллера глаз.

- Мы совершенно не нуждаемся в вашей помощи. Ни в вашей, ни любого другого мужчины, И не испытываем ни малейшего желания.

- Признаюсь, я не очень улавливаю ход ваших мыслей, - попробовал вставить Миллер, хотя уже начал хорошо понимать.

- Мужчины сделали все это! - взорвалась мисс Дениз, подчеркивая "все" широким жестом. - Они сидели в правительстве, были солдатами и учеными-атомщиками, они начали войну, в которой погибла почти вся

человеческая раса. Еще задолго до войны я предостерегала наших ученых об опасности, исходящей от мужчины. О равенстве полов наговорили и написали столько вздора, а женщина как была, так и осталась вещью, игрушкой мужчины. Но в то же время я не могла открыто изложить свои теории. В пансионате их не потерпели бы, - Охотно верю, - вклинился Миллер.

- Сейчас времена изменились. И вы, мужчины, которые поставили последнюю точку, хотели бы начать все сначала? Никогда! Во всяком случае, пока у меня есть сила, я буду препятствовать этому.

- Остается только узнать, разделяют ли ваши взгляды девушки...

- Я занимаюсь их образованием и воспитываю их. Это трудная и медленная работа, но у меня есть время, и, думаю, мои уроки уже сейчас начинают давать результаты. Мы не теряем времени, правда, малышки?

- О нет, мисс Дениз! - хором ответили девственницы.

- Ведь правда, нам совершенно не нужно, чтобы вокруг нас бродил этот мужчина?

- Нет, мисс Дениз.

- Ну что, мистер Миллер, слышите?

- Минутку, прошу вас. Боюсь, что с вами произошло недоразумение. Некоторые мужчины действительно ответственны за войну, но отнюдь не все. Да будет мне позволено в качестве примера сказать, что я являлся страстным пацифистом еще в то время, когда крайне трудно было афишировать подобные идеи. Во время второй мировой войны служил санитаром. Я не убил ни одного человека, как не убью и сейчас.

- То есть вы одновременно мужчина и трус.

- Я не считаю себя трусом, - запротестовал Миллер. - Если и отказывался от воинской службы, то по убеждению, а не из трусости. На передовой меня даже ранили, правда, легко.

- Поистине верх героизма, - хмыкнула мисс Дениз посреди всеобщего веселья.

- Я не стараюсь выставлять напоказ свои заслуги, но хочу, чтобы меня поняли как человека. Не все мужчины одинаковы, поверьте мне.

- Все одинаковы, все! Грязные волосатые животные, которые дурно пахнут, развязывают войны, убивают женщин и детей. Слышать о них не желаю. С ними покончено. Ваш род вымер навсегда. И когда я вижу перед собой ваше грубое лицо, вы для меня все равно что динозавр или огромный пингвин! Уходите, Миллер. Исчезните куда хотите. Отныне начинается новая эра, эра женщин.

- Полагаю, у вас все же возникнут некоторые трудности с размножением.

- Согласна. Будет трудно, но не невозможно. Я внимательно следила за

последними исследованиями в области партеногенеза и знаю, что
воспроизводство без вмешательства самца вполне допустимо.

- Но вы не специалист, к тому же у вас нет необходимого оборудования.

- Извините! Я знаю, где велись работы. Может быть, мы найдем и оставшихся в живых женщин-врачей, но еще больше шансов найти неповрежденное лабораторное оборудование. Располагая им и своими знаниями, я справлюсь со всеми трудностями.

- У вас ничего не получится.

- А я утверждаю, что получится. И даже если не получится, я предпочту смерть нашего рода его новому рабству у мужчины!

Голос мисс Дениз дрожал от гнева, лицо побагровело. Миллер ответил спокойным тоном:

- Я допускаю, что вы имеете причины для упреков. Но все же думаю, мы могли бы, рассмотрев вопрос поглубже, прийти к...

- Нет, мы уже все сказали друг Другу. Сейчас - прочь!

- Я не уйду. Мисс Дениз одним прыжком бросилась к рюкзакам и схватила кол.

- Защищайтесь, дети! - крикнула она. "Дети", по-прежнему не спуская с Миллера глаз, после секундного колебания подчинились бывшей преподавательнице хороших манер. Развязав рюкзаки, они достали оттуда пригоршни камней. Чувствовалось, что девушки очень возбудились; они ждали сигнала мисс Дениз.

- В последний раз спрашиваю: уйдете вы?

- Нет!

- Бейте его!

На Миллера обрушился град камней. Он отвернулся, чтобы защитить счетчик. Камни били его по спине, по ногам... Нет, невозможно, невероятно! Эти малышки, эти девушки, которых он любил (особенно Сюзи), не забьют его камнями! Они сейчас остановятся, пожалеют о сделанном, им станет стыдно. Но град камней все усиливался. Один из них ударил его в голову, едва не свалив. Он обернулся - и бросился вперед, чтобы избежать неловкого удара колом, который пыталась нанести ему мисс Дениз. Схватив его за острие, Миллер вступил в борьбу.

Он едва не завладел оружием, но более крепко сложенная мисс Дениз оказалась сильнее. Она вырвала у него кол и ударила тупым концом по голове. А девушки захлопали в ладоши!

Теперь Миллер стоял на коленях под лавиной камней. Другой кол ударил его в бок. Он покатился по земле, уклоняясь от нового удара.

- Смерть! - вопила мисс Дениз. - Смерть подлому существу!

Раскрасневшиеся от возбуждения молодые особы бросились на врага. Во второй раз Миллер почувствовал в своем боку острие кола. Тогда он обратился в бегство.

Миллер не знал, как долго бежал в зеленой полутьме подлеска. В какой-то момент задохнулся, сделал еще два шага, остановился, достал свой нож - но никто не преследовал его. Он упал на траву, пытаясь собрать разбежавшиеся мысли. Эта ужасная женщина, эта мисс Дениз... сумасшедшая, черт возьми! Буйная. А малышки? Миллер упорно не хотел верить, что они старались причинить ему боль. Девушки полюбили его, может быть, но старая сука крепко держит их в своих сетях.

Затем он осмотрел себя и с огромным облегчением отметил, что на бегу не потерял ни счетчик, ни очки. Счастье, ибо без них ему трудно было бы найти дорогу.

Миллер всегда считал, что в каждом человеке сидит немного безумия. Следовательно, он должен быть готов ко всему, понять, что выжившие после атомной войны - сумасшедшие в большей степени, чем раньше. Но, черт возьми, какая сумасшедшая старуха! Вообразить, что мужчины - угасшая раса... Вдруг он внутренне содрогнулся, вообразив и себе такой исход. Сколько в конце концов осталось мужчин?

А женщин?

Но какое ему дело? Они не в ответе за весь род человеческий. Сглупил, освободив демонов надежды и желания, которых теперь надо победить еще раз. Но он справится с этим и закончит свои дни среди книг и произведений искусства. Может быть, останется единственным действительно цивилизованным человеком...

Цивилизованным... Миллер вспомнил лица Сюзи и ее спутниц, кошачье выражение больших, устремленных на него глаз. Он задрожал. Какое несчастье, что не удалось договориться с чокнутой мисс Дениз! Но, учитывая обстоятельства, ничего другого ему не оставалось...

...Разве что разом отбросить все принципы.

Сумеет ли он это сделать? Миллер посмотрел на нож и снова задрожал под тяжестью своих демонов. Его пальцы еще крепче сжали роковую рукоять...

Спустя минуту на земле исчез последний цивилизованный человек. Вместе с ним погибли последний пацифист, последний отказник по этическим убеждениям, последний ценитель произведений искусства, последний библиофил. На месте

этих достойных восхищения фигур стоял МИЛЛЕР с ножом в руке, диким взглядом, ищущий что-то по сторонам, Он нашел это "что-то" - толстый сук, сломанный молнией, с метр длиной - и быстро очистил его от сломанных сучков.

Мисс Дениз не замедлила увидеть, как перед ней возникло ужасное воплощение всей мужской расы: отвратительное, грязное, вонючее и размахивающее дубиной. Миллер надеялся все же, что она успела понять и осознать, что сама возродила сего пещерного дикаря. Это было для нее настоящим откровением.

И четыре молодые особы вскоре тоже получили свою долю откровения. Больше всех досталось Сюзи.

Роберт ШЕКЛИ

СЧАСТЛИВЧИК

Я здесь поразительно хорошо обеспечен. Но не забывайте, что я человек везучий. И то, что оказался в Патагонии, - чистейшее везение. Понимаете, дело тут не в протекции и не в моих способностях. Я очень неплохой метеоролог, но могли послать кого-нибудь и получше меня. Просто мне необыкновенно повезло, и я оказался в нужном месте в нужное время.

Если призадуматься, то сам факт, что армия снабдила мою метеостанцию едва ли не каждым известным людям приспособлением, тоже граничит с чудом. Старались они, разумеется, не ради меня. Военные планировали основать здесь базу. Они завезли оборудование, но позднее им пришлось забросить весь проект.

Но я тем не менее продолжал посылать прогнозы погоды - до тех пор, пока они им требовались.

Зато какие у меня устройства и приборы! Наука всегда меня восхищала. Полагаю, я тоже в некотором роде ученый, но не исследователь, а в этом и кроется разница. Попросите исследователя сделать что-либо невозможное - и он примется за работу, причем непременно добьется успеха. Я их очень уважаю.

По-моему, все началось так. Некий генерал собрал, должно быть, ученых и сказал:

- Парни, нам здорово не хватает специалистов, а заменить их ну никак

невозможно. Нужно, чтобы с их работой справлялся кто угодно, даже полный неумеха. Что, нереально? А не придумаете ли вы что-нибудь?

И ученые честно принялись за дело, создавая все эти поразительные книги и устройства.

К примеру, на прошлой неделе у меня разболелся зуб. Сперва я решил, что попросту простудился, потому что здесь пока еще довольно холодно, даже когда извергаются вулканы. Но зуб оказался действительно больным. Тогда я распаковал зубоврачебный агрегат, настроил его и прочитал то, что полагалось прочесть. Я сам провел полное обследование, отыскал и больной зуб, и полость в нем. Потом сделал себе инъекцию, прочистил зуб и доставил пломбу. У дантиста уходят годы на то: что я по необходимости усвоил за пять часов, Теперь возьмем еду. Поначалу я до безобразия растолстел, потому что мне, кроме передачи прогнозов погоды, совершенно нечем было заняться. Но когда я перестал их посылать, я научился готовить себе такие обеды, которым позавидовал бы лучший шеф-повар в мире. Кулинария считалась искусством, но как только за нее взялись ученые, они превратили ее в науку, И такие примеры я могу приводить долго. Многое из того: чем меня снабдили: попросту мне не нужно, потому что сейчас я совершенно один. Но каждый способен стать опытным адвокатом, - прочитав имеющиеся у меня справочники. Они написаны так, что любой человек среднего ума способен отыскать в них разделы, необходимые для успешной зашиты судебного дела, и понять их смысл - ведь они написаны простым и ясным языком.

Никто еще не пытался подать на меня в суд, потому что мне всю жизнь везло. Но иногда мне хочется, чтобы такое случилось, - просто чтобы испробовать написанное в тех книгах.

Совсем другое дело - строительство. Когда я сюда прибыл, мне пришлось ютиться в сборной хибаре из гофрированного железа. Но я распаковал несколько восхитительных строительных машин и отыскал материалы, которые под силу обработать каждому. Я построил себе пятикомнатный, непробиваемый бомбами дом с выложенной кафелем ванной. Кафель, разумеется, не настоящий, но на вид достаточно похож, к тому же его на удивление легко укладывать. А когда прочитаешь инструкцию, изготовить ковры во всю стену тоже совсем просто.

Больше всего меня удивила канализация в моем доме. Мне она всегда

казалась сложнейшей в мире вещью - даже сложнее, чем медицина или стоматология. Но и с ней я справился запросто. Возможно, по профессиональным стандартам конструкция получилась не очень совершенной, но меня она устраивает. А цепочка фильтров, стерилизаторов, очистителей и прочих приспособлений обеспечивает меня водой, в которой не сыщешь даже самого устойчивого микроба. И устанавливал я их сам.

Временами мне здесь становится одиноко, и тут ученые мало что смогли сделать. Ничто не заменит общество другого человека. Но кто знает, если бы ученые-исследователи попробовали всерьез, глядишь, и смогли бы выдумать нечто такое, что скрасило бы полное одиночество оказавшегося в изоляции парня вроде меня.

Поговорить мне совершенно не с кем - даже с патагонцами. После нескольких цунами они - те немногие, кто уцелел, - перебрались на север. А музыка - утешение слабое. Впрочем, я из тех, кто не очень-то возражает против одиночества. Наверное, поэтому меня сюда и послали.

Но жаль, что не осталось хотя бы парочки деревьев.

Живопись! Я забыл упомянуть о живописи! Все знают, насколько это сложно. Нужно досконально разбираться в перспективе и линиях, цвете и массе, и еще во всякой всячине. Практически, нужно быть гением еще до того, как вы сумеете сделать что-то стоящее.

Я же просто подобрал кисти, натянул холсты и теперь могу рисовать все, что мне нравится. Все необходимые действия описаны в книге. А какие впечатляющие местные закаты я написал маслом! Они достаточно хороши даже для выставки. Таких закатов вы никогда не видали! Пылающие цвета, изумительные, просто невозможные образы. Причиной тому пыль в атмосфере.

И слух у меня улучшился. Разве я не говорил, что я везучий? После первого взрыва у меня лопнули барабанные перепонки. Но я ношу слуховой аппарат - такой маленький, что его почти не видно, - и слышу лучше прежнего.

Вот хороший повод поговорить о медицине - нигде наука не поработала так здорово. Книги подсказывают мне, как поступить в любой ситуации. Я сам вырезал себе аппендикс - несколько лет назад подобное считалось невозможным. Мне достаточно было отыскать нужные симптомы, выполнить все указания - и дело сделано. Я вылечил себя от всяческих болезней, но против радиационного отравления, конечно же, ничего сделать не в состоянии. Впрочем, книги тут не

виноваты. Просто никто не в силах справиться с радиационным отравлением. И будь со мной лучшие в мире специалисты, они тоже оказались бы бессильны.

Если бы такие специалисты остались. Их, разумеется, больше нет.

Но все не так уж и плохо. Я знаю, что нужно делать, и поэтому боли не испытываю. Только не подумайте, будто мне изменило везение. Просто не повезло всем.

Что ж если подвести итоги, сказанное мною не очень-то назовешь кредо - что, в общем-то, подразумевалось. Наверное, стоит проштудировать руководство о том, как писать книги. Тогда я узнаю, как можно выразить все свои мысли, а заодно и то, какие слова тут больше подходят. То есть что я думаю о науке и как я ей благодарен. Мне тридцать девять лет. Я прожил дольше, чем любой из нас, - пусть даже я завтра умру. Но лишь потому, что я везучий и оказался в нужном месте в нужное время.

Наверное, не стану все-таки тратить время на книгу - все равно ее некому будет читать. Кому нужен писатель без читателей?

Фотография - гораздо более интересное занятие. Кстати, пора распаковать кое-какие инструменты. Нужно выкопать могилу; построить мавзолей и высечь себе надгробие.

Роберт ШЕКЛИ

ПОПРОБУЙ ДОКАЖИ

Руки уже очень устали, но он снова поднял молоток и зубило. Осталось совсем немного - высечь последние две-три буквы в твердом граните. Наконец он поставил последнюю точку и выпрямился, небрежно уронив инструменты на пол пещеры. Вытерев пот с грязного, заросшего щетиной лица, он с гордостью прочел:

Я ВОССТАЛ ИЗ ПЛАНЕТНОЙ ГРЯЗИ. НАГОЙ И БЕЗЗАЩИТНЫЙ, Я СТАЛ ИЗГОТОВЛЯТЬ ОРУДИЯ ТРУДА. Я СТРОИЛ И РАЗРУШАЛ, ТВОРИЛ И УНИЧТОЖАЛ. Я СОЗДАЛ НЕЧТО СИЛЬНЕЕ СЕБЯ, И ОНО МЕНЯ УНИЧТОЖИЛО.

МОЕ ИМЯ ЧЕЛОВЕК, И ЭТО МОЕ ПОСЛЕДНЕЕ ТВОРЕНИЕ.

Он улыбнулся. Получилось совсем неплохо. Возможно, не совсем грамотно, зато удачный некролог человечеству, написанный последним человеком. Он

взглянул на инструменты. Все, решил он, больше они не нужны. Он тут же растворил их и, проголодавшись после долгой работы, присел на корточки в уголке пещеры и сотворил обед. Уставившись на еду, он никак не мог понять, чего же не хватает, и затем с виноватой улыбкой сотворил стол, стул, приборы и тарелки. Опять забыл, раздраженно подумал он.

Хотя спешить было некуда, он ел торопливо, отметив про себя странный факт: когда он не задумывал что-то особенное, всегда сотворял гамбургер, картофельное пюре, бобы, хлеб и мороженое. Привычка, решил он. Пообедав, он растворил остатки пищи вместе с тарелками, приборами и столом. Стул он оставил и, усевшись на него, задумчиво уставился на надпись. Хороша-то она хороша, подумал он, да только кроме меня ее читать некому.

У него не возникало и тени сомнения в том, что он последний живой человек на Земле. Война оказалась тщательной - на такую тщательность способен только человек, до предела дотошное животное. Нейтралов в ней не было, и отсидеться в сторонке тоже не удалось никому. Пришлось выбирать - или ты с нами, или против нас. Бактерии, газы и радиация укрыли Землю гигантским саваном. В первые дни войны одно несокрушимое секретное оружие с почти монотонной регулярностью одерживало верх над другим, столь же секретным. И еще долго после того как последний палец нажал последнюю кнопку; автоматически запускающиеся и самонаводящиеся бомбы и ракеты продолжали сыпаться на несчастную планету, превратив ее от полюса до полюса в гигантскую, абсолютно мертвую свалку.

Почти все это он видел собственными глазами и приземлился, лишь окончательно убедившись, что последняя бомба уже упала.

Тоже мне умник, с горечью подумал он, разглядывая из пещеры покрытую застывшей лавой равнину, на которой стоял его корабль, и иззубренные вершины гор вдалеке.

И к тому же предатель. Впрочем, кого это сейчас волнует?

Он был капитаном сил обороны Западного полушария. После двух дней войны он понял, каким будет конец, и взлетел, набив свой крейсер консервами, баллонами с воздухом и водой. Он знал, что в этой суматохе всеобщего уничтожения его никто не хватится, а через несколько дней уже и вспоминать будет некому. Посадив корабль на темной стороне Луны, он стал ждать. Война

оказалась двенадцатидневной - он предполагал две недели, - но пришлось ждать почти полгода, прежде чем упала последняя автоматическая ракета. Тогда он и вернулся. Чтобы обнаружить, что уцелел он один...

Когда-то он надеялся, что кто-нибудь еще осознает всю бессмысленность происходящего, загрузит корабль и тоже спрячется на обратной стороне Луны. Очевидно, если кто-то и хотел так поступить, то уже не успел. Он надеялся обнаружить рассеянные кучки уцелевших, но ему не повезло и здесь. Война оказалась слишком тщательной.

Посадка на Землю должна была его убить, ведь здесь сам воздух был отравлен. Ему было все равно - но он продолжал жить. Всевозможные болезни и радиация также словно и не существовали - наверное, это тоже было частью его новой способности. И того и другого он нахватался с избытком, перелетая над выжженными дотла равнинами и долинами опаленных атомным пламенем гор от руин одного города к развалинам другого. Жизни он не нашел, зато обнаружил нечто другое.

На третий день он открыл, что может творить. Оплавленные камни и металл нагнали на него такую тоску, что он страстно пожелал увидеть хотя бы одно зеленое дерево. И оно возникло. Испытывая на все лады свое новое умение, он понял, что способен сотворить любой предмет, лишь бы он раньше его видел или хотя бы знал о нем понаслышке.

Хорошо знакомые предметы получались лучше всего. То, о чем он узнал из книг или разговоров - к примеру дворцы, - выходили кособокими и недоделанными, но, постаравшись, он мысленными усилиями обычно подправлял неудачные детали. Все его творения были объемными, а еда не только имела прежний вкус, но даже насыщала. Сотворив нечто, он мог полностью про это забыть, отправиться спать, а наутро увидеть вчерашнее творение неизменным. Он умел и уничтожать - достаточно было сосредоточиться. Впрочем, на уничтожение крупных предметов и времени уходило больше.

Он мог уничтожать и предметы, которые сам не делал - те же горы и долины, - но с еще большими усилиями. Выходило так, что с материей легче обращаться, если хотя бы раз из нее что-то вылепить. Он даже мог сотворять птиц и мелких животных - вернее, нечто похожее на птиц и животных.

Но людей он не пытался создавать никогда.

Он был не ученым, а просто пилотом космического корабля. Его познания в

атомной теории были смутными, а о генетике он и вовсе не имел представления и мог лишь предполагать, что то ли в плазме клеток его тела или мозга, то ли в материи планеты произошли некие изменения. Почему и каким образом? Да не все ли равно? факт есть факт, и он воспринял его таким, каков он есть.

Он снова пристально вгляделся в надпись. Какая-то мысль не давала ему покоя.

Разумеется, он мог эту надпись попросту сотворить, но не знал. сохранятся ли созданные им предметы после его смерти. На вид они казались достаточно стабильными, но кто их знает - вдруг они перестанут существовать и исчезнут вместе с ним. Поэтому он пошел на компромисс - сотворил инструменты, но высекал буквы на гранитной стене, которую сам не делал. Надпись ради лучшей сохранности он сделал на внутренней стене пещеры, проведя долгие часы за напряженной работой и здесь же перекусывая и отсыпаясь.

Из пещеры был виден корабль, одиноким столбиком торчащий на плоской равнине, покрытой опаленным грунтом. Он не торопился в него возвращаться. На шестой день, глубоко и навечно выбив буквы в граните, он закончил надпись.

Наконец он понял, что именно не давало ему покоя, когда он разглядывал серый гранит. Прочитать надпись смогут только гости из космоса. "Но как они поймут ее смысл?" - подумал он, раздраженно всматриваясь в творение собственных рук. Нужно было высечь не буквы, а символы. Но какие символы? Математические? Разумеется - но что они поведают им о Человеке? Да с чего он вообще решил, что они непременно натолкнутся на эту пещеру? Какой смысл в надписи, если вся история Человека и так написана на поверхности Земли, навечно вплавлена в земную кору атомным пламенем. Было бы кому ее прочесть... Он тут же выругал себя за то, что тупо потратил шесть дней на бессмысленную работу, и уже собрался растворить надпись, но обернулся, неожиданно услышав у входа в пещеру чьи-то шаги.

Он так вскочил со стула, что едва не упал.

Там стояла девушка - высокая, темноволосая, в грязном порванном комбинезоне. Он быстро моргнул, но девушка не исчезла.

- Привет, - сказала она, заходя в пещеру. - Я еще в долине слышала, как ты громыхаешь.

Он автоматически предложил ей стул и сотворил второй для себя. Прежде чем сесть, она недоверчиво пощупала стул.

- Я видела, как ты это сделал, - сказала она, - но... глазам своим не верю. Зеркала?

- Нет, - неуверенно пробормотал он. - Я умею... творить. Видишь ли, я способен... погоди-ка! Ты как здесь оказалась?

Он начал перебирать возможные варианты, еще не задав вопроса. Пряталась в пещере? Отсиделась на вершине горы? Нет, мог быть только один способ...

- Я спряталась в твоем корабле, дружище. - Девушка откинулась на спинку стула и обхватила руками колено. - Когда ты начал загружать корабль, я поняла, что ты намерен срочно смазать пятки. А мне надоело по восемнадцать часов в сутки вставлять предохранители, вот я и решила составить тебе компанию. Еще кто-нибудь выжил?

- Нет. Но почему же я тебя не заметил? Он разглядывал красивую даже в лохмотьях девушку... и в его голове мелькнула смутная догадка. Вытянув руку, он осторожно тронул ее плечо. Девушка не отстранилась, но на ее симпатичном личике отразилась обида.

- Да настоящая я, настоящая, - бросила она. - Ты наверняка видел меня на базе. Неужели не вспомнил?

Он попытался вспомнить те времена, когда еще существовала база - с тех пор, кажется, миновал целый век. Да, была там темноволосая девушка, да только она его словно и не замечала.

- Через пару часов после взлета я решила, что замерзну насмерть, - пожаловалась она. - Ну, если не насмерть, то до потери сознания. Какая же в твоей жестянке паршивая система обогрева!

Она даже вздрогнула от таких воспоминаний.

- На полный обогрев ушло бы слишком много кислорода, - пояснил он. - Тепло и воздух я тратил только на пилотскую кабину. А когда шел на корму за припасами, надевал скафандр.

- Я так рада, что ты меня не заметил, - рассмеялась она. - Жуткий, должно быть, был у меня видик - словно заиндевевший покойник. Представляю, какая из меня получилась спящая красавица! Словом, я замерзла. А когда ты открыл все отсеки, я ожила. Вот и вся история. Наверное, пару дней приходила в себя. И как ты меня ухитрился не заметить?

- Просто я не особо приглядывался в кладовых, - признался он. - Довольно быстро выяснилось, что мне припасы, собственно, и не нужны. Странно, мне кажется, я все отсеки открывал. Но никак не припомню...

- А это что такое? - спросила она, взглянув на надпись.

- Решил оставить что-то вроде памятника...

- И кто это будет читать? - практично поинтересовалась она.

- Вероятно, никто. Дурацкая была идея. - Он сосредоточился, и через несколько секунд гранит снова стал гладким. - Все равно не понимаю, как ты смогла выжить, - удивленно произнес он.

- Как видишь, выжила. Я тоже не понимаю, как ты это проделываешь, - показала она на стул и стену, - зато принимаю сам факт, что ты это умеешь. Почему бы и тебе не поверить в то, что я жива?

- Постарайся понять меня правильно, - попросил мужчина. - Мне очень сильно хотелось разделить с кем-нибудь свое одиночество, особенно с женщиной. Просто дело в том... отвернись.

Она бросила на него удивленный взгляд, но выполнила просьбу. Он быстро уничтожил щетину на лице и сотворил чистые выглаженные брюки и рубашку. Сбросив потрепанную форму, он переоделся и уничтожил лохмотья, а напоследок сотворил расческу и привел в порядок спутанные волосы.

- Порядок. Можешь поворачиваться.

- Недурно, - улыбнулась она, оглядев его от макушки до пяток. - Одолжи-ка мне расческу и, будь добр, сделай мне платье. Двенадцатый размер, но только по фигуре.

Он и не подозревал, насколько обманчивы бывают женские фигуры. Две попытки пошли прахом, и лишь с третьей он сотворил нечто подходящее, добавив к платью золотые туфельки на высоких каблуках.

- Жмут немного, - заметила она, примеривая обновку, - да и без тротуаров не очень-то практичны. Но все равно большое спасибо. Твой фокус навсегда решает проблему рождественских подарков, верно?

Ее волосы блестели на ярком послеполуденном солнце, и вообще выглядела она очень привлекательной, теплой и какой-то удивительно человечной, - Попробуй, может, и ты сумеешь творить, - нетерпеливо произнес он, страстно желая разделить с ней поразительную новую способность.

- Уже пыталась. Все напрасно. И этот мир принадлежит мужчинам.

- Но как мне совершенно точно убедиться, что ты настоящая? - нахмурился он.

- Ты опять за свое? А помнишь ли ты, как сотворил меня, мастер? - насмешливо бросила она и присела ослабить ремешок на туфельках.

- Я все время думал... о женщинах, - хмуро произнес он. - А тебя мог создать во сне. Вдруг мое подсознание обладает теми же способностями, что и сознание? И воспоминаниями я мог тебя тоже снабдить сам - да еще какими убедительными. А если ты продукт моего подсознания, то уж оно бы постаралось провернуть все так, чтобы сознание ни о чем не подозревало.

- Чушь собачья!

- Потому что если мое сознание обо всем узнает, - упрямо продолжил он, - оно отвергнет твое существование. А твоей главной функцией, как продукта моего подсознания, станет не дать мне догадаться об истине. Доказать всеми доступными тебе способами, любой логикой, что ты...

- Хорошо. Тогда попробуй сотворить женщину, коли твое сознание такое всесильное!

Она скрестила на груди руки, откинулась на спинку стула и резко кивнула.

- Хорошо.

Он уперся взглядом в стену пещеры. Возле нее начала появляться женщина - уродливое неуклюжее существо. Одна рука оказалась короче другой, ноги слишком длинные. Сосредоточившись сильнее, он добился более или менее правильных пропорций, но глаза по-прежнему сидели криво, а из горбатой спины торчали скрюченные руки. Получилась оболочка без мозга и внутренних органов, автомат. Он велел существу говорить, но из бесформенного рта вырвалось лишь бульканье - он забыл про голосовые связки. Содрогнувшись, он уничтожил кошмарную уродину.

- Я не скульптор, - признал он. - И не Бог.

- Рада, что до тебя наконец дошло.

- Но все равно это не доказывает, что ты настоящая, - упрямо повторил он. - Я не знаю, какие штучки способно выкинуть, мое подсознание.

- Сделай мне что-нибудь, - отрывисто произнесла она. - Надоело слушать эту чушь.

Я ее обидел, понял он. Нас на Земле всего двое, а я ее обидел. Он кивнул, взял ее за руку и вывел из пещеры. И сотворил на равнине город. Он уже пробовал подобное несколько дней назад, и во второй раз получилось легче. Город получился особый, он создал его, вспомнив картинки из "Тысячи и одной ночи" и свои детские мечты. Он тянулся в небо, черный, белый и розовый. Рубиново мерцали стены с воротами из инкрустированного серебром черного дерева. На башнях из червонного золота сверкали сапфиры. К вершине самого высокого шпиля вела величественная лестница из молочно-белой слоновой кости с тысячами мраморных, в прожилках, ступенек. Над голубыми лагунами порхали птички, а в спокойных глубинах мелькали серебристые и золотистые рыбы.

Они пошли через город, и он создавал для нее белые, желтые и красные розы и целые сады с удивительными цветами. Между двумя зданиями с куполами и

шпилями он сотворил огромный пруд, добавил прогулочную барку с пурпурным балдахином и загрузил ее всевозможной едой и напитками - всем, что успел вспомнить.

Они поплыли, освежаемые созданным им легким ветерком.

- И все это фальшивое, - напомнил он немного погодя.

- Вовсе нет, - улыбнулась она. - Коснись и убедишься, что все настоящее.

- А что будет после моей смерти?

- Не все ли равно? Кстати, с таким талантом тебе любая болезнь нипочем. А может, ты справишься и со старостью и смертью.

Она сорвала склонившийся к воде цветок и вдохнула его аромат.

- Стоит тебе пожелать, и ты не дашь ему завянуть и умереть. Наверняка и для нас можно сделать то же самое, - так в чем проблема?

- Хочешь попробовать? - спросил он, попыхивая свежесотворенной сигаретой. - Найти новую планету, не тронутую войной? Начать все сначала?

- Сначала? Ты хочешь сказать... Может, потом. А сейчас мне не хочется даже подходить к кораблю. Он напоминает мне о войне.

Некоторое время они плыли молча.

- Теперь ты убедился, что я настоящая?

- Если честно, еще нет. Но очень хочу в это поверить.

- Тогда послушай меня, - сказала она, подавшись ближе. - Я настоящая. - Она обняла его. - Я всегда была настоящей. Тебе нужны доказательства? Так вот, я знаю, что я настоящая. И ты тоже. Что тебе еще нужно?

Он долго смотрел на нее, ощущая тепло ее рук, прислушиваясь к дыханию и вдыхая аромат ее волос и кожи. Уникальный и неповторимый.

- Я тебе верю, - медленно произнес он. - Я люблю тебя. Как... как тебя зовут? Она на секунду задумалась.

- Джоан.

- Странно. Я всегда мечтал о девушке по имени Джоан. А фамилия?

Она поцеловала его.

Над лагуной кружили созданные им ласточки, безмятежно мелькали в воде рыбки, а его город, гордый и величественный, тянулся до самого подножия залитых лавой гор.

- Ты так и не сказала мне свою фамилию, - напомнил он.

- Ах. фамилия. Да кому интересна девичья фамилия - девушка всегда берет фамилию мужа.

- Женская увертка!

- А разве я не женщина? - улыбнулась она.

Роберт ШЕКЛИ

СЛУЖБА ЛИКВИДАЦИИ

Посетителя не следовало пускать дальше приемной, ибо мистер Фергюсон принимал людей только по предварительной договоренности и делал исключение лишь для каких-нибудь важных особ. Время стоило денег, и приходилось его беречь.

Однако секретарша мистера Фергюсона, мисс Дейл, была молода и впечатлительна; посетитель же достиг почтенного возраста, носил скромный английский костюм из твида, держал в руке трость и протягивал визитную карточку от хорошего гравера. Мисс Дейл сочла, что это важная особа и провела его прямехонько в кабинет мистера Фергюсона.

- Здравствуйте, сэр, - сказал посетитель, едва за мисс Дейл закрылась дверь. - Я Эсмонд из Службы ликвидации. - И он вручил Фергюсону визитную карточку.

- Понятно, - отозвался Фергюсон, раздраженный отсутствием сообразительности у мисс Дейл. - Служба ликвидации? Извините, но мне совершенно нечего ликвидировать. - Он приподнялся в кресле, желая сразу положить конец разговору.

- Так уж и совершенно нечего?

- Ни единой бумажки. Спасибо, что потрудились зайти...

- В таком случае, надо понимать, вы довольны окружающими вас людьми?

- Что? А какое вам до этого дело?

- Ну как же, мистер Фергюсон, ведь этим-то и занимается Служба ликвидации.

- Вы меня разыгрываете, - сказал Фергюсон.

- Вовсе нет, - ответил мистер Эсмонд с некоторым удивлением.

- Вы хотите сказать, - проговорил, смеясь, Фергюсон, - что ликвидируете людей?

- Разумеется. Я не могу предъявить никаких письменных доказательств: все-таки мы стараемся избегать рекламы. Однако смею вас уверить, у нас старая и надежная фирма.

Фергюсон не отрывал взгляда от безукоризненно одетого посетителя, который сидел перед ним, прямой и чопорный. Он не знал, как отнестись к услышанному.

Это, конечно, шутка. Всякому понятно.

Это не может не быть шуткой.

- И что же вы делаете с людьми, которых ликвидируете? - спросил Фергюсон, поддерживая игру.

- Это уж наша забота, - сказал мистер Эсмонд. - Важно то, что они исчезают. Фергюсон встал.

- Ладно, мистер Эсмонд. Какое у вас в действительности ко мне дело?

- Я уже сказал, - ответил Эсмонд.

- Ну, бросьте. Это же несерьезно... Если бы я думал, будто это серьезно,
я бы вызвал полицию. Мистер Эсмонд со вздохом поднялся с кресла.
- В таком случае я полагаю, что вы не нуждаетесь в наших услугах. Вы
вполне удовлетворены друзьями, родственниками, женой.
- Женой? Что вы знаете о моей жене?
- Ничего, мистер Фергюсон.
- Вы разговаривали с соседями? Эти ссоры ничего не значат, абсолютно
ничего.
- Я не располагаю никакими сведениями о вашем супружестве, мистер
Фергюсон, - заявил Эсмонд, опять усаживаясь в кресло.

Почему же вы упомянули о моей жене?
- Мы установили, что основную статью нашего дохода составляют браки.
- Ну, у меня-то все в порядке. Мы с женой отлично уживаемся.
- В таком случае Служба ликвидации вам ни к чему, - заметил мистер
Эсмонд, сунув трость под мышку.
- Минуточку, - Фергюсон стал расхаживать по комнате, заложив руки за
спину. - Понимаете ли, я не верю ни одному вашему слову. Ни единому. Но
допустим на секунду, что вы говорили серьезно. Это всего лишь допущение,
имейте в виду... какова будет юридическая процедура, если я... если бы я
захотел...
- Достаточно вашего согласия, выраженного словесно, - ответил мистер
Эсмонд.
- Оплата?
- Отнюдь не вперед. После ликвидации.
- Мне-то безразлично, - поспешно сказал Фергюсон. - Я просто интересуюсь.
- Он помедлил. - Это больно?
- Ни в малейшей степени. Фергюсон все расхаживал по комнате.
- Мы с женой отлично уживаемся, - сказал он. - Женаты семнадцать лет.
Понятно, в совместной жизни всегда возникают какие-то трения. Этого следует
ожидать.
Мистер Эсмонд слушал с непроницаемым видом.
- Волей-неволей приучаешься идти на компромиссы, - говорил Фергюсон. - И
я вышел из того возраста, когда мимолетная прихоть могла бы побудить меня...
э-э...
- Вполне понимаю вас, - проронил мистер Эсмонд.
- Я вот что хочу сказать, - продолжал Фергюсон. - Временами, конечно, с
моей женой бывает трудно. Она сварлива. Изводит меня. Пилит. Вы, очевидно,
об этом осведомлены?
- Вовсе нет, - сказал мистер Эсмонд...
- Не может быть! Что же, вы обратились ко мне ни с того ни с сего?
Мистер Эсмонд пожал плечами.
- Как бы там ни было, - веско произнес Фергюсон, - я вышел из того

возраста, когда хочется перестроить свою жизнь по-иному. Предположим, я не женат. Предположим, я мог бы завести связь, например с мисс Дейл. Наверное, это было бы приятно.

- Приятно, но не более того, - сказал мистер Эсмонд.

- Да. Это было бы лишено прочной ценности. Недоставало бы твердого нравственного фундамента, на котором должно зиждиться всякое успешное начинание.

- Это было бы всего лишь приятно, - повторил мистер Эсмонд, - Вот именно. Мило, не спорю. Мисс Дейл - привлекательная женщина. Никто не станет отрицать. У нее всегда ровное настроение, хороший характер, она крайне предупредительна. Этого у нее не отнимешь.

Мистер Эсмонд вежливо улыбнулся, встал и направился к двери.

- А как с вами связаться? - неожиданно для самого себя спросил Фергюсон.

- У вас есть моя визитная карточка. По этому телефону меня можно застать до пяти часов. Но вам следует примять решение сегодня же, не позднее этого часа. Время - деньги, и мы должны выдерживать свой график.

- Конечно, - поддакнул Фергюсон и неискренне засмеялся. - А все же я не верю ни единому слову. Мне даже неизвестны ваши условия.

- Уверяю вас, что при вашем материальном положении вы найдете их умеренными.

- А потом я мог бы отрицать, что когда-либо видел вас, говорил с вами и вообще?..

- Естественно.

- И вы действительно ответите, если я наберу этот номер?

- До пяти часов. Всего хорошего, мистер Фергюсон.

После ухода Эсмонда Фергюсон обнаружил, что у него дрожат руки. Разговор взволновал его, и он решил выбросить все услышанное из головы.

Однако выполнить решение оказалось не так-то легко. С каким серьезным видом ни склонялся он над своими бумагами, как ни скрипел пером, - каждое слово Эсмонда гремело у него в ушах.

Каким-то образом Служба ликвидации узнала о недостатках его жены. Эсмонд сказал, что она вздорна, сварлива, надоедлива. Он, Фергюсон, вынужден был признать эти истины, как они ни горьки. Только посторонний человек способен смотреть на вещи трезво, без всякого предубеждения.

Он снова углубился в работу. Но тут с утренней корреспонденцией появилась мисс Дейл, и Фергюсон волей-неволей согласился, что она чрезвычайно привлекательна.

- Будут еще какие-нибудь распоряжения, мистер Фергюсон? - осведомилась мисс Дейл.

- Что? А-а, да нет пока, - ответил Фергюсон. Когда она вышла, он долго еще смотрел на дверь.

Работать дальше было бессмысленно. Он решил немедленно уйти домой.

- Мисс Дейл, - сказал он, накидывая пальто на плечи, - меня вызывают... Боюсь, что у нас накапливается порядочно работы. Не могли бы вы на этой неделе поработать со мной вечерок-другой?

- Конечно, мистер Фергюсон, - согласилась она.

- Я не помешаю вашим светским развлечениям? - спросил Фергюсон с принужденным смешком.

- Вовсе нет, сэр.

- Я... я постараюсь вам это возместить. Деле превыше всего. До свидания.

Он поспешно вышел из конторы, чувствуя, как пылают его щеки.

Дома жена как раз кончала стирку. Миссис Фергюсон была некрасивой женщиной маленького роста с нервными морщинками у глаз. Увидев мужа, она удивилась.

- Ты сегодня рано, - сказала она.

- А что, это запрещается? - спросил Фергюсон с энергией, изумившей его самого.

- Конечно, нет...

- Чего ты добиваешься? Чтобы я заработался в конторе до смерти? - огрызнулся он.

- Когда же это я...

- Будь любезна не вступать со мной в пререкания, - отчеканил Фергюсон. - Не пили меня.

- Я тебя не пилила! - закричала жена.

- Пойду прилягу, - сказал Фергюсон.

Он поднялся вверх по лестнице и остановился у телефона. Без сомнения, все, что сказал Эсмонд, соответствует действительности.

Он взглянул на часы и с удивлением увидел, что уже без четверти пять.

Фергюсон принялся расхаживать взад и вперед возле телефона. Он уставился на карточку Эсмонда, и в мозгу его всплыл образ нарядной, привлекательной мисс Дейл.

Он порывисто схватил трубку.

- Служба ликвидации? Говорит Фергюсон.

- Эсмонд слушает. Что вы решили, сэр?

- Я решил... - Фергюсон крепко сжал трубку. У меня есть полное право так поступить, сказал он себе.

А все же они женаты семнадцать лет. Семнадцать лет! Они знавали и хорошие минуты, не только плохие. Справедливо ли это, по-настоящему ли справедливо?

- Что вы решили, мистер Фергюсон? - повторил Эсмонд.

- Я... я... нет! Мне не нужна ваша Служба! - воскликнул Фергюсон.

- Вы уверены, мистер Фергюсон?

- Да, совершенно уверен. Вас надо упрятать за решетку? Прощайте, сэр!

Он повесил трубку и сразу же почувствовал, как с души его свалился

огромный камень. Он поспешил вниз.

Жена жарила грудинку - блюдо, которое он всегда терпеть не мог. Но это неважно. На мелкие неприятности он готов был смотреть сквозь пальцы.

Раздался звонок в дверь.

- Ох, это, наверное, из прачечной, - сказала миссис Фергюсон, пытаясь одновременно перемешать салат и снять с огня суп. - Тебе не трудно?

- Нисколько. - Светясь вновь обретенным самодовольством, Фергюсон открыл дверь. На пороге стояли двое мужчин в форме, с большим холщовым мешком.

- Прачечная? - спросил Фергюсон.

- Служба ликвидации, - ответил один из незваных посетителей.

- Но я ведь сказал, что не...

Двое мужчин схватили его и запихнули в мешок со сноровкой, приобретенной в результате долгой практики.

- Вы не имеете права! - пронзительно вскричал Фергюсон.

Над ним сомкнулся мешок, и Фергюсон почувствовал, как его понесли по садовой дорожке. Заскрипела, открываясь, дверца автомашины, и его бережно уложили на пол.

- Все в порядке? - услышал он голос своей жены.

- Да, сударыня. У нас изменился график. В последний момент оказалось, что мы можем обслужить вас сегодня.

- Я так рада, - донеслись до него слова. - Сегодня днем я получила большое удовольствие от беседы с мистером Френчем из вашей фирмы. А теперь извините меня. Обед почти готов, а мне надо еще кое-кому позвонить.

Автомобиль тронулся с места, Фергюсон пытался закричать, но холст плотно обхватывал его лицо, не давая открыть рот.

Он безнадежно спрашивал себя: кому же она собирается звонить? А я-то ничего не подозревал!

Роберт ШЕКЛИ

ГОНКИ

Глава 1

Наконец он наступил - День Земельных Гонок, день безумных надежд и горьких разочарований, олицетворение трагического двадцать первого века. Как и остальные участники, Стив Бакстер попытался пораньше добраться до старта, но неверно рассчитал время. Значок Участника помог ему пробраться сквозь первые ряды толпы без особых сложностей. Но чтобы пробиться сквозь

внутренние ряды - "ядро толпы", - мало было полагаться на значок или собственную ловкость.

Бакстер прикинул, что индекс человеческой плотности составлял 8,7 - почти максимум. Страсти могли разыграться в любой момент, несмотря на то что власти недавно опрыскали толпу нейролептиками. Будь у него достаточно времени, Бакстер мог бы обойти людей, но до начала гонок оставалось всего шесть минут.

На свой страх и риск он принялся протискиваться сквозь толпу. На его лице застыла улыбка - что абсолютно необходимо, когда тебя сжимает плотная толпа. Вскоре Бакстер уже мог разглядеть линию старта - возвышающуюся платформу в Глоб-парке Джерси-Сити. Все участники ужа заняли свои места.

Еще двадцать футов, подумал Стив, лишь бы эти болваны вели себя смирно.

Теперь ему предстояло проникнуть в ядро "эндотолпы", состоящее из субъектов с отвисшими челюстями и незрячими глазами - агглютинирующих истерофилов, на жаргоне психокорректоров. Сдавленные, как сардины в банке, действующие, как единое целое, эти люди были способны только на слепое сопротивление и необузданную ярость в ответ на любую попытку проникнуть в их ряды.

Некоторое время Стив колебался. "Эндотолпа" была опаснее стада буйволов. Люди смотрели на него, раздувая ноздри и притопывая ногами.

Запретив себе думать о последствиях, Бакстер ринулся вперед. Удары сыпались со всех сторон, над беснующимся массивом людей стоял оглушительный рев. Тела словно спекались в один бесформенный комок, и Бакстер почувствовал, что сейчас задохнется.

К счастью, в этот момент власти включили Музак. Гипнотическая мелодия, вот уже добрую сотню лет усмирявшая самые горячие головы, сработала и на этот раз. "Эндотолпа" ненадолго застыла, зачарованная грохочущими децибелами, и Стив Бакстер сумел протиснуться к линии старта.

Главный судья уже зачитывал Устав. Каждый участник и большинство зрителей знали его наизусть. Тем не менее правила требовали обязательного оглашения Устава перед стартом.

- Джентльмены, - начал судья, - вы получили возможность принять участие в Гонке на приобретение государственной земли. Вы, пятьдесят удачливых мужчин, были выбраны посредством лотереи среди пятидесяти миллионов жителей Южного

Вестчестера. Вам предстоит преодолеть отрезок пути от этого места до финиша, который расположен в Земельной конторе на Таймс-сквер в Нью-Йорке - расстояние, равное пяти целым семи десятым мили. Всем участникам разрешается выбирать любой маршрут и передвигаться по земле, под землей и по воздуху. Единственное условие - вы сами должны добраться до финиша, замена не разрешается. Десять финалистов...

В толпе воцарилось гробовое молчание.

- ...получат по акру незанятой земли, дом и фермерский инвентарь! Каждому финалисту бесплатно предоставляется государственный транспорт, который перевезет его вместе с семьей на земельный участок. Вышеуказанный участок площадью в один акр поступает в собственность победителя и принадлежит ему и его наследникам на вечные времена - даже до третьего поколения.

Услышав это, толпа вздохнула. Никто из собравшихся никогда не видел один акр незанятой земли и даже не мог мечтать о таком счастье. Акр земли на всю жизнь, акр, который не надо ни с кем делить, - такое не могло даже присниться!

- Сим постановляется, - продолжал судья, - что государство не несет никакой ответственности за смерть участника во время соревнований. Я обязан довести до вашего сведения, что уровень смертности во время Земельных Гонок составляет шестьдесят восемь и девять десятых процента. Любой, кто решил отказаться от участия, может сделать это сейчас.

Судья ждал, и Стиву Бакстеру вдруг захотелось бросить эту самоубийственную затею. Ведь он, Адель, дети, тетя Фло и дядя Джордж как-нибудь смогут прожить в их уютной однокомнатной квартирке в Жилом Кластере имени Фреда Аллена для семей со средним достатком в Ларчмонте. К тому же он совсем не был героем со стальными мускулами и пудовыми кулаками. Он работал консультантом по системам деформации и неплохо справлялся со своими обязанностями. Стив Бакстер был воспитанным эктоморфом с вялыми мускулами и постоянной одышкой. Так ради чего ему сейчас бросаться очертя голову навстречу опасностям мрачного Нью-Йорка, самого жуткого из городов-джунглей?

- Брось ты все это. Стив, - произнес за его спиной голос, будто в ответ на его мысли.

Бакстер обернулся и увидел Эдварда Фрейхофа Сент-Джона, своего богатого

и, надо сказать, весьма противного соседа по Ларчмонту. Сент-Джон, высокий, элегантный, с мускулистыми руками бывшего спортсмена-гребца. Сент-Джон с его безукоризненной внешностью и томным взглядом, который все чаще останавливался на очаровательной белокурой Адель.

- Ничего у тебя не выйдет, Стив, - сказал Сент-Джон.

- Возможно, - ровным голосом ответил Бакстер. - Но у тебя-то, полагаю, все получится?

Сент-Джон заговорщически подмигнул. Уже несколько недель он намекал на какую-то информацию, которую за немалую мзду сообщил ему один из контролеров Земельных Гонок. Эта информация должна повысить его шансы, когда он будет преодолевать Манхэттен - самый густонаселенный и опасный район в мире.

- Давай выходи из игры, Стив, - подначивал его Сент-Джон. - Выходи из игры, и я отблагодарю тебя. Ну как?

Бакстер покачал головой. Он не считал себя смельчаком, но готов был скорее умереть, чем согласиться на предложение Сент-Джона. В любом случае он уже не сможет жить, как раньше. Согласно Закону о Совместном Проживании; принятому в прошлом месяце, Стив обязан взять к себе трех незамужних кузин и вдовствующую тетю, чья однокомнатная подвальная квартира в промышленном комплексе Лейк-Плесида была снесена, чтобы освободить место для строительства туннеля Олбани-Монреаль.

Пусть даже антишоковые инъекции, но десять человек в одной комнате - это уже чересчур... Он просто должен выиграть этот участок земли, другого выхода нет.

- Я остаюсь, - тихо произнес Бакстер.

- Ладно, сопляк, - отозвался Сент-Джон, кривя лицо в злобной усмешке. - Но помни, я тебя предупреждал.

- На старт, джентльмены, - раздался голос судьи.

Участники гонок умолкли и заняли места на стартовой линии, прищурив глаза и сжав губы.

- Внимание!

Напряглась сотня ног. Пятьдесят мужчин, настроившихся на победу; подались вперед.

- Марш!

И Гонки начались!

Рев сверхзвуковых динамиков на некоторое время парализовал толпу. Участники состязания прорвались сквозь неподвижные ряды и бросились бежать вдоль длинных вереницы заглохших в пробках автомобилей. Затем их плотная группа распалась, но в целом держала направление на восток, к Гудзону и

раскинувшемуся на противоположном берегу зловещему городу, который едва виднелся под маслянистым дымным покрывалом.

Все, кроме Стива Бакстера.

Он был единственным, кто направился на север, к мосту Джорджа Вашингтона и к городу Медвежья Гора. Плотно сжав губы, он двигался, как во сне.

В далеком Ларчмонте Адель Бакстер следила за Гонками по телевизору. Она невольно вскрикнула. Восьмилетний сынишка Том сказал:

- Мама, он идет на север к мосту! Но ведь мост в этом месяце закрыт! Там не пройти!

- Не волнуйся, милый, - сказала Адель. - Твой папа знает, что делает.

Как бы ей самой хотелось верить в это... И когда силуэт ее мужа затерялся в толпе, ей снова осталось только ждать... и молиться. Знает ли Стив, что делает? Или потерял голову, не выдержав напряжения?

Глава 2

Семена проблемы были посеяны еще в двадцатом веке, но ужасный урожай созрел столетие спустя. После несчитанных тысячелетий медленного роста население планеты внезапно увеличилось, удвоилось, потом удвоилось еще раз. Болезни были побеждены, недостатка в продовольствии не ощущалось, смертность падала, а рождаемость увеличивалась. Угодив в кошмарный капкан геометрической прогрессии, население Земли росло как раковая опухоль.

Четыре всадника Апокалипсиса уже были не в состоянии поддерживать порядок. Чуму и голод объявили вне закона, а войны стали слишком дорогим удовольствием. Осталась только смерть - но и она являла собой лишь бледную тень своего прежнего величия.

Наука же с маниакальным упорством искала способ продления жизни для все большего числа людей.

И население продолжало расти: переполняя Землю, загрязняя воздух и отравляя водоемы, поедая спрессованные водоросли с рыбным хлебом и напрасно ожидая, когда вселенская катастрофа уменьшит его ряды.

Количественный рост качественно изменил образ жизни людей. В безобидном прошлом веке приключения и опасности поджидали .лишь в безлюдных местах - в горах, пустынях: джунглях. Но в двадцать первом столетии все они были утилизованы, унифицированы и заселены. Зато опасностей с избытком хватало в городах, не управляемых и не контролируемых.

В городах можно было обнаружить все, что угодно: современный вариант диких племен, свирепых зверей и смертоносные болезни. Путешествие в Нью-Йорк

или Чикаго требовало гораздо больше мужества и ловкости, чем викторианские прогулки на вершину Эвереста или в дельту Нила.

В этом спрессованном мире земля считалась наибольшей ценностью. Правительство распределяло всю свободную землю путем региональных лотерей, вершиной которых и были Земельные Гонки, устроенные по образцу тех, что проводились в девяностые годы девятнадцатого столетия на Территории Оклахомы или на землях чероки.

Земельные Гонки считались и спортом и зрелищем, захватывающим и лечебным. Миллионы людей следили за гонками: а медики отмечали определенный психотерапевтический эффект, который сам по себе служил их оправданием.

К тому же следовало учитывать и высокую смертность среди участников Гонок, И хотя их число было несопоставимо с абсолютным приростом населения, переполненный мир с радостью приветствовал каждый подобный исход.

Гонки продолжались уже три часа. Включив крохотный приемник, Стив Бакстер слушал последние новости. Он узнал, что первая группа участников добралась до Голландского туннеля, где их повернула обратно вооруженная полиция. Другие, наиболее сообразительные, пошли в обход и сейчас приближались к мосту Веррадзано.

Фрейхоф Сент-Джон, действуя в одиночку и размахивая удостоверением заместителя мэра, сумел прорваться через баррикады у туннеля Линкольна.

Пришло время делать ставку и Стиву Бакстеру. Нахмурившись, с бьющимся сердцем, он вступил на печально знаменитую территорию свободного порта Хобокена.

Глава 3

Берег Хобокена тонул в сумерках. Перед ним покачивались на волнах быстроходные суда контрабандного флота Хобокена. Некоторые уже погрузили на палубы товар - коробки с сигаретами из Северной Каролины, спиртное из Кентукки, апельсины из Флориды, наркотики из Калифорнии, оружие из Техаса. На каждом ящике стояло официальное клеймо: "Контрабанда, налог уплачен" - потому что в эти тяжелые времена правительство оказалось вынуждено облагать налогом даже нелегальные сделки, придавая им тем самым полузаконный статус.

Выбрав подходящий момент, Бакстер пробрался на борт судна с марихуаной и спрятался среди благоухающих мешков. Команда уже готовилась к отплытию. Если

бы только ему удалось ненадолго спрятаться, пока судно доберется до другого берега...

- Ха! Что за птичка к нам залетела?

Пьяный механик, неожиданно появившийся из носового кубрика, застал Бакстера врасплох. Услышав его крик, вся команда высыпала на палубу - видавшие виды, жестокие люди, считавшие убийство заурядным событием. Они были из той же, не знающей ничего святого людской породы, что несколько лет назад разграбила Уихукен, сожгла дотла форт Ли и постоянно совершала грабительские набеги на всем протяжении реки до Инглвуда. Стив Бакстер знал, что в случае чего пощады ему не будет.

Пытаясь сохранить присутствие духа, он произнес:

- Джентльмены, мне необходимо попасть на другой берег Гудзона. Если вы, конечно, не против...

Капитан корабля, огромный метис с изрезанным шрамами лицом и бугристыми мускулами, зашелся в хохоте.

- Хочешь прокатиться за наш счет? - спросил он на хобокенском жаргоне. - Воображаешь, что ты на пароме?

- Конечно, нет, сэр. Но я надеялся...

- Поищи свои надежды на кладбище! Команда загоготала, оценив капитанский юмор.

- Я готов заплатить за проезд, - сказал Стив со сдержанной гордостью.

- Заплатить? - проревел капитан. - Да, мы иногда продаем билеты в один конец. На дно. Матросы захохотали еще громче.

- Ну что ж, если так, то я готов, - сказал Стив Бакстер. - Позвольте, я только отправлю открытку жене и детям.

- Бабе с сосунками? - переспросил капитан. - Так что ж ты, парень, сразу не сказал? Когда-то и у меня была жена, да и мелкоты хватало... Только все накрылось...

- Мне больно слышать об этом, - искренне произнес Стив.

- М-да... - Черты капитана смягчились. - Как щас помню, завалишь к себе в хибару, а карапузы по коленкам так и лазят. А на душе до того приятно, словно пузырь раздавил. Кто ж думал, что судьба им копыта раньше меня откинуть...

- Наверное, вы были тогда счастливы, - сказал Стив, стараясь подладиться под настроение капитана и с определенным трудом улавливая смысл его слов.

- А хрен его знает, - угрюмо буркнул тот. Кривоногий моряк протиснулся вперед.

- Эй, капитан, пора его пришить да отправляться, пока товар не протух.

- Кому ты приказываешь, фуфло кривое?! - взревел капитан. - Клянусь

Иисусом, товар будет гнить, коли я не решу иначе! А пришить ли его... нет, вспомнил я своих карапузов и передумал, черт меня подери. - Повернувшись к Стиву, он сказал:

- Мы перевезем тебя бесплатно, парень.

Так Стиву Бакстеру удалось нащупать слабое место капитана, и он получил передышку. Матросы отдали швартовы, и шхуна с грузом марихуаны двинулась по серо-зеленым волнам Гудзона.

Но удача недолго сопутствовала Стиву Бакстеру. Лишь только они добрались до середины реки и вышли в федеральные воды, вечерние сумерки рассеял мощный луч прожектора и чей-то голос вполне официальным тоном приказал им остановиться. К несчастью, они наткнулись на сторожевой корабль, патрулирующий Гудзон.

- Черт побери! - взревел капитан. - Только и умеют, что драть налоги и убивать. Но не на тех нарвались. К оружию, ребята!

Матросы быстро стянули брезент с пулеметов 50-го калибра. Натужно взревели сдвоенные дизели. Лавируя и уклоняясь, судно контрабандистов помчалось к спасительному берегу Нью-Йорка. Но двигатели у патрульного корабля были гораздо мощнее, а пулеметы не могли тягаться с четырехдюймовыми пушками. В результате прямых попаданий в щепы разлетелся леер, взорвался капитанский мостик, рухнула грот-мачта и лопнули фалы крюйс-марса по правому борту.

Казалось, от погони уже не уйти. Но тут капитан потянул носом воздух.

- Держись, ребята! - крикнул он. - Западник идет!

С запада надвигалась непроницаемая стена смога, и вскоре он накрыл реку чернильными щупальцами. Потрепанная шхуна поспешила покинуть поле боя.

Команда торопливо надела респираторы, вознося хвалу удушливому дыму с горящих свалок города.

Через полчаса они пришвартовались к пирсу на 79-й улице. Крепко обняв Стива, капитан пожелал ему удачи. И Стив продолжил свой путь.

Позади остался широкий Гудзон. Впереди лежали тридцать кварталов городских джунглей. Согласно последним сводкам радио, он сильно оторвался от остальных участников, включая и Фрейхофа Сент-Джона, который еще не вышел из лабиринта на нью-йоркском конце туннеля Линкольна. Похоже, если сравнивать с остальными, дела у Бакстера обстоят совсем неплохо.

Но его оптимизм был преждевременным. Нью-Йорк так легко не завоевывается.
И он даже не знал, что впереди его ждет самая опасная часть пути.

Глава 4

Поспав несколько часов на заднем сиденье заброшенной машины, Стив двинулся вниз по Вест-Энд-авеню. Забрезжил рассвет - благодатное время в городе, когда на перекрестках оказывается всего лишь несколько сотен жителей, поднявшихся в такую рань. Высоко вверх взмывали башни Манхэттена, а под ними на фоне серо-коричневого неба в причудливую сеть сплетались телевизионные антенны. Глядя на все это, Бакстер пытался представить, как выглядел Нью-Йорк сто лет назад, в счастливые дни до демографического взрыва.

Его раздумья продолжались недолго. Внезапно путь преградила группа вооруженных людей. Маски, широкополые шляпы и ленты с патронами делали их похожими на театральных злодеев.

Один из них - судя по всему главарь - шагнул вперед. Это был лысеющий старик с морщинистым лицом, пышными усами и скорбными глазами в красных прожилках.

- Чужеземец, - сказал он, - покажи свой пропуск.

- Боюсь, что у меня нет никакого пропуска, - ответил Бакстер.

- Еще бы, - сказал главарь. - Я, Пабло Стейнмец, лично выписываю пропуска, а тебя что-то не припоминаю.

- Я нездешний, - объяснил Бакстер. - Просто иду через ваш район.

Мужчины заухмылялись, толкая друг друга в бока. Потерев небритый подбородок, Пабло Стейнмец сообщил:

- Что же получается, сынок ты идешь по частной дороге без разрешения владельца. А владелец-то я. Вот и выходит, что ты незаконно вторгся на мою землю.

- Но разве можно иметь частную дорогу в самом центре Нью-Йорка? - удивился Бакстер.

- Если я тебе говорю, что это моя собственность, значит, так и есть, - сказал Пабло Стейнмец, похлопывая по прикладу своего винчестера. - Словом, выбор у тебя такой: деньги или игра.

Бакстер полез за бумажником, но в кармане его не оказалось. Что поделать - при расставании капитан все-таки не удержался от соблазна обчистить его карманы.

- У меня нет денег, - сказал Бакстер и нервно рассмеялся. - Видимо, мне стоит повернуть обратно. Стейнмец покачал головой:

- Какая разница, назад или вперед? Все равно надо платить пошлину. Так что или игра, или деньги.

- Что ж, тогда остается игра. Что я должен делать?

- Ты побежишь, - сообщил Пабло, - а мы по очереди будем в тебя стрелять, целясь только в макушку. Кто тебя уложит, тот и будет победителем.

- Это нечестно! - заявил Стив.

- Тебе придется нелегко. - вздохнул Стейнмец, - но так уж устроен мир. Правила есть правила, даже при анархии. Так что если ты окажешь нам услугу и рванешь во весь дух, зарабатывая себе свободу...

Бандиты заухмылялись, сдвинули шляпы на затылки и вытащили пистолеты. Бакстер уже собрался бежать навстречу смерти...

В этот момент раздался голос:

- Стой!

Женский голос. Обернувшись, Бакстер увидел, что сквозь толпу бандитов протискивается стройная рыжеволосая девушка. На ней были штаны тореадора, пластиковые галоши и гавайская блузка. Экзотический наряд только подчеркивал ее отважную красоту. В волосах алела бумажная роза, а изящную шею обвивала нитка жемчужных бус. Никогда в жизни Бакстер не видел такой экстравагантной женщины.

Пабло Стейнмец, нахмурившись, подергал себя за ус.

- Флейм! - воскликнул он. - Что тебе?

- Мне осточертели ваши забавы, - холодно ответила девушка. - И я хочу поговорить с этим недотепой.

- Это мужское дело, - заявил Стейнмец. - Беги, чужеземец.

- Ни с места, - приказала Флейм, и в ее руке опасно блеснул револьвер.

Отец и дочь смотрели друг на друга. Первым не выдержал старый Пабло.

- Черт тебя побери, Флейм, - сказал он. - Правила существуют для всех, даже для тебя. Человек, вступивший на частную территорию, не может уплатить пошлину, значит, должен играть.

- Это не проблема, - заявила Флейм. Засунув руку в вырез блузки, она вытащила оттуда блестящий доллар. - Держи! - Она бросила монету под ноги Пабло. - Деньги уплачены, может, мне самой хочется с ним поиграть. Пойдем, незнакомец.

Взяв Бакстера за руку, она повела его за собой. Бандиты ухмылялись и толкали друг друга в бока, пока Стейнмец не бросил на них угрожающий взгляд. Старый Пабло покачал головой, почесал за ухом, высморкался и сказал:

- Черт побери эту девчонку! Слова были грубыми, но произнес он их нежным голосом.

Глава 5

Ночь опустилась на город, и бандиты разбили лагерь на углу Вест-Энд-авеню и 69-й улицы. Мужчины удобно расположились вокруг костра. На вертел насадили

брикет сочного мяса; а в закопченный котел высыпали несколько пакетов свежезамороженных овощей. Старый Пабло Стейнмец от души приложился к канистре с мартини, успокаивая воображаемую боль в деревянной ноге. Во мраке слышался вой одинокого пуделя, тоскующего по подруге.

Стив и Флейм сидели в стороне от остальных. Тихая ночь, нарушаемая лишь грохотом мусорных машин, чарующе действовала на них. Их руки соприкоснулись, пальцы сплелись.

Наконец Флейм произнесла:

- Стив... Я тебе нравлюсь?

- Конечно, - ответил Бакстер, по-братски обняв ее за плечи и не осознавая, что этот жест может быть истолкован иначе.

- Я все думала... - сказала молодая гангстерша, - я думала... - Она замолчала, неожиданно смутившись. - Стив, почему бы тебе не прекратить эту самоубийственную гонку? Может, ты останешься со мной? У меня есть земля, Стив, настоящая земля - сто ярдов в центре Нью-Йорка. Мы вместе сможем заниматься на ней фермерством.

Стиву мысль показалась заманчивой, как любому другому мужчине. Нельзя сказать, что он не замечал тех чувств, которые питала к нему прекрасная гангстерша, и они не оставляли его равнодушным. Красота Флейм Стейнмец, ее отвага (не говоря уже о земле) могли легко завоевать сердце любого мужчины. Какую-то долю секунды Стив колебался, и его рука сильнее сжала хрупкие девичьи плечи.

Но затем чувство верности взяло верх. Флейм была небесным существом, воплощением экстаза, о котором мужчина мечтает всю жизнь. Но Адель - подруга юности, его жена, мать его детей, терпеливая помощница все эти долгие годы - так что для человека с характером Бакстера здесь не было выбора.

Властная красавица не привыкла к отказам. Разъяренная, как ошпаренная пума, она пригрозила вырвать у Бакстера сердце, обвалять его в муке и поджарить на медленном огне. Ее огромные сверкающие глаза и тяжелое дыхание подтверждали, что это не пустые слова.

Но Стив Бакстер твердо стоял на своем. И Флейм с грустью поняла, что никогда не полюбила бы этого человека; не будь у него великой души и высокой морали...

И когда поутру чужеземец стал собираться в путь, она уже не противилась. И даже утихомирила своего разбушевавшегося отца, назвавшего Стива безответственным идиотом, которого необходимо удержать для его же блага.

- Папа, разве ты не видишь, что это за человек? - спросила она. - Он должен сам выбирать свой путь в жизни: пусть даже этот путь ведет к смерти.

Пабло Стейнмец недовольно ворчал, но вынужден был сдаться. И Стив Бакстер продолжил свою одиссею.

Глава 6

Он направился к центру, стиснутый со всех сторон толпой. Оглушенный шумом, ослепленный неоновыми рекламами, Бакстер был на грани истерики. Наконец он оказался в районе, пестревшем указателями, которые требовали прямо противоположных действий:

ТОЛЬКО СЮДА ХОДА НЕТ.

ДЕРЖИТЕСЬ ПРАВОЙ СТОРОНЫ ЗАКРЫТО ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ И ПРАЗДНИКАМ.

ЗАКРЫТО ПО БУДНЯМ.

ПОВОРОТ ТОЛЬКО НАЛЕВО.

Сбитый с толку противоречивыми указаниями, он случайно забрел в нищий район, известный под названием "Центральный парк". Перед ним, насколько хватало глаз, ютились жалкие хибары, убогие пристройки, покосившиеся вигвамы и публичные дома, занимавшие каждый квадратный фут площади. Его появление среди озлобленных обитателей парка вызвало шквал комментариев, и нельзя сказать, что благожелательных. Жители вбили себе в головы, что он инспектор санитарной службы, появившийся, чтобы закрыть их малярийные колодцы, зарезать их трихинеллезных свиней и привить их чесоточных детей. Собравшись вокруг него, они размахивали костылями и выкрикивали угрозы.

К счастью, неисправный тостер вызвал короткое замыкание, и вся округа мгновенно погрузилась во тьму. Воспользовавшись паникой, Стив бежал.

Но теперь он очутился в районе, где уличные указатели были давно сорваны, чтобы сбить с толку сборщиков налогов. Солнце скрылось в облаках. Здесь ему не помог бы даже компас, слишком уж много ржавого железа - остатков легендарной городской подземки - скрывалось под тротуарами.

Стив понял, что безнадежно заблудился.

Ему удалось выжить не столько благодаря мужеству, сколько из-за отсутствия такового. Бессчетное количество дней бродил он по неизвестным улицам, мимо бесконечных домов, покореженных автомобилей и гор битого стекла. Настороженные прохожие отказывались отвечать на вопросы, принимая его за агента ФБР. Стив Бакстер скитался без еды и питья, не имел возможности толком отдохнуть, опасаясь, как бы его не растоптали

многочисленные толпы.

Добросердечный работник службы социальной помощи остановил Стива, когда тот собирался напиться из дизентерийного фонтанчика. Седовласый старик отвел его в свой дом - хибару, сделанную из скрученных газет и ютившуюся возле покрытых мхом руин Линкольновского центра. Он посоветовал Бакстеру остановить свою безумную гонку и посвятить жизнь помощи бедным и убогим - благо их вокруг было несметное множество.

Стив готов был уже согласиться на столь достойное занятие, но тут, на его счастье, старенький приемник стал передавать информацию о гонках.

Многих Участников постигла неудача в каменных джунглях Нью-Йорка. Фрейхофа Сент-Джона арестовали за нарушение санитарных правил второй степени. Группа, которой удалось перейти через мост Веррадзано, сгинула в людских водоворотах Бруклинских высот, их дальнейшая судьба осталась неизвестной.

Бакстер понял, что у него еще есть шанс.

Глава 7

С надеждой в сердце Стив Бакстер продолжил свой путь. Но теперь его обуяла непомерная самоуверенность, которая гораздо опаснее глубокой депрессии. Быстро продвигаясь на юг, он воспользовался временным затишьем и шагнул на скоростной тротуар. Он сделал этот беспечный шаг, совершенно не задумываясь о последствиях.

Каков же был его ужас, когда он понял, что это дорога с односторонним движением, без каких-либо поворотов, ведущая к terra incognita Джонс-Бич, Файр-Айленда, Пачтога и Восточного Хэмтона.

Надо было срочно принимать решение. Слева шла сплошная бетонная стена, справа - забор в метр высотой, по которому тянулась надпись:

ЗАПРЕЩЕНО ПЕРЕПРЫГИВАТЬ МЕЖДУ 12 ДНЯ И 12 НОЧИ ПО ВТОРНИКАМ. ЧЕТВЕРГАМ И СУББОТАМ.

Сегодня был четверг - запретный день. Но Стив без лишних раздумий перемахнул через барьер.

Возмездие оказалось скорым и ужасным. Из засады вынырнула замаскированная полицейская машина. Полицейские мчались прямо на него, одновременно открыв бешеный огонь по толпе на улице (в эти злосчастные времена полиции было строго предписано, преследуя злоумышленников или подозреваемых, вести бешеный огонь по толпе).

Бакстер спрятался в близлежащей кондитерской. Затем, осознав тщетность этой попытки, он попробовал сдаться, что ему не позволили сделать, поскольку все тюрьмы были переполнены. Вокруг него засвистели пули, а полицейские с жестокими ухмылками на лицах уже готовили минометы и переносные огнеметы.

Казалось, наступил конец не только надеждам на победу, но и самой его жизни. Лежа на полу среди липких тянучек и хрустких крошек .лакричных леденцов, он вручил свою душу Господу и приготовился с достоинством встретить неизбежный конец, Но его отчаяние было столь же преждевременным, сколь раньше - оптимизм. Услышав непонятный шум, он поднял голову и увидел, что группа вооруженных мужчин напала с тыла на полицейскую машину. Развернувшись навстречу нападающим, голубые мундиры попали под фланговый огонь и были уничтожены все до единого.

Когда Бакстер вышел, чтобы поблагодарить своих освободителей, то обнаружил, что во главе их стоит Флейм О'Рурк Стейнмец. Прекрасная гангстерша не смогла забыть незнакомца с нежным голосом. Несмотря на протесты отца. она тенью следовала за Стивом и пришла ему на помощь.

В считанные минуты бандиты в черных шляпах разграбили весь район. Флейм и Стив скрылись в тиши покинутого ресторана Говарда Джонсона. Там, под облупившимся фронтоном, между ними произошла трепетная сцена любви. Правда, скорее ее можно было назвать коротким и грустным эпизодом, после чего Стив Бакстер вновь окунулся в головокружительный водоворот города.

Глава 8

Упрямо двигаясь вперед, Стив Бакстер преодолел 49-ю улицу и 8-ю авеню. Глаза его были прищурены, чтобы спастись от едкого смога: а рот казался белой линией в нижней трети лица. Но тут обстановка изменилась с внезапностью, присущей каменным джунглям.

Переходя улицу, Бакстер услышал оглушительный рев. Он понял, что на светофоре зажегся зеленый. Водители, озверев от многодневного ожидания, одновременно нажали на педали газа, сметая все перед собой. Стив Бакстер оказался как раз на пути несущихся потоков машин.

Путь назад был отрезан. Стремительно приняв решение, он отодвинул крышку канализационного люка и нырнул вниз. И сделал это вовремя: через долю секунды над ним раздался скрежет металла и грохот столкнувшихся автомобилей.

Стив продолжал двигаться вперед по канализационным трубам. Сеть сообщающихся туннелей была густо заселена, но все же здесь было гораздо безопаснее, чем наверху. Лишь однажды возле отстойного колодца на него напал какой-то тип. Закаленный в борьбе с опасностями, Бакстер быстро разделался с наглецом и завладел его каноэ - необходимой вещью в туннелях нижнего уровня. Гребя веслом, он проплыл под 42-й улицей и 8-й авеню, прежде чем течение вынесло его на поверхность.

Теперь долгожданная цель была совсем рядом. Оставался всего один квартал. Один квартал, и он попадет в Земельную контору на Таймс-сквер!

Но тут он наткнулся на непреодолимое препятствие, которое перечеркнуло все его мечты.

Глава 9

Посреди 42-й улицы, уходя в бесконечность на север и на юг, стояла стена. Это было циклопическое сооружение, только что возведенное нью-йоркскими архитекторами в их обычном стиле. Как узнал Бакстер, стена являла собой одну сторону нового гигантского многоквартирного дома для семей со средним достатком. Во время строительства все движение на Таймс-сквер направлялось в объезд через туннель Куинз-Баттери и развязку на 37-й улице.

Стив сообразил, что на эту дорогу ему понадобится не менее трех недель, не говоря уже о том, что придется пробираться через неисследованный район Гармет. Стив понял, что выбыл из Гонок.

Смелость, мужество и настойчивость оставили его, и не будь он верующим человеком, мог бы решиться на самоубийство. Он мрачно включил свой маленький транзистор и стал слушать последние сводки.

Четыре Участника уже достигли Земельной конторы. Пятеро других находились в нескольких сотнях ярдов от нее, пробираясь с юга. В довершение всех бед Стив услышал, что, получив помилование от губернатора, Фрейхоф Сент-Джон возобновил гонку и теперь приближается к Таймс-сквер с восточной стороны.

В этот тяжелейший для него момент он почувствовал, как на его плечо легла рука.

Обернувшись, Бакстер увидел перед собой Флейм. Хотя отважная девушка поклялась больше не иметь с ним ничего общего, сердце ее не выдержало. Этот спокойный, уравновешенный человек значил для нее больше, чем гордость, возможно, даже больше, чем сама жизнь.

Что делать со стеной? О, это не проблема для дочери короля гангстеров.
Если стену нельзя обойти, если под нее нельзя подлезть, надо через нее перебраться. Для этого Флейм взяла веревки, альпенштоки, топорики, болты с крючками и кольцами - короче, полное снаряжение альпинистов. Она была непоколебимо уверена, что Бакстер должен использовать свой последний шанс для достижения цели и Флейм О'Рурк Стейнмец должна идти с ним вместе, что бы он там ни говорил.

Бок о бок они карабкались по бескрайней глади здания. Сотни опасностей подстерегали их - птицы, самолеты, снайперы, психи. В этом непредсказуемом городе можно было ожидать чего угодно. Далеко внизу стоял старый Пабло Стейнмец с лицом: похожим на потрескавшийся гранит.

Преодолев все опасности, они залезли наверх и стали спускаться с обратной стороны.

И тут Флейм сорвалась!

Охваченный ужасом, Бакстер смотрел, как стройная фигурка девушки летела навстречу гибели. Она умерла, упав на торчащую автомобильную антенну. Быстро спустившись, Бакстер встал возле нее на колени, обезумев от горя.

А по ту сторону стены старый Пабло неведомо как почувствовал, что произошло непоправимое. Он содрогнулся, рот его скривился в гримасе горя, а рука потянулась к бутылке.

Сильные руки подняли Бакстера. Непонимающим взглядом он смотрел на сочувственное лицо федерального чиновника из Земельной конторы.

Ему было трудно поверить, что он закончил Гонку. С полным равнодушием он услышал, как наглость и высокомерие Сент-Джона привели к беспорядкам в Бирманском квартале на 42-й улице и как Сент-Джону пришлось искать спасения в лабиринтах развалин Публичной библиотеки, откуда он никак не мог выбраться.

Но Стив Бакстер не имел привычки радоваться чужому несчастью. Самое главное - то, что он выиграл Гонку и вовремя добрался до Земельной конторы, чтобы получить в качестве приза последний оставшийся акр земли.

Но победа досталась ценой усилий и боли. И жизни молодой гангстерши.

Глава 10

Время залечивает раны, и через несколько недель Стив Бакстер уже не вспоминал о трагических событиях Гонки. Правительственный самолет доставил его вместе с семьей в городок Корморан в горах Сьерра-Невада. Из Корморана

вертолет перенес их к месту нового жительства. Там семью встретил чиновник
Земельной конторы, который показал Бакстерам их собственность.
Земля, обнесенная изгородью, размещалась на почти вертикальном склоне
горы. Вокруг, насколько хватал глаз, тянулись такие же огороженные участки
площадью в один акр. Недавно здесь добывали ископаемые, и огромные борозды
тянулись, словно шрамы, по пыльной желтоватой земле. Здесь не росло ни
деревца, ни травинки. Правда, как и было обещано, дом стоял - хибара, от
которой вряд ли что останется после первой же грозы.
Несколько минут Бакстеры рассматривали свою собственность. Затем Адель
сказала:
- О, Стив!
- Я знаю, - ответил Стив.
- Это каша земля. Стив кивнул.
- Она не слишком... привлекательная, - неуверенно сказал он.
- Привлекательная? Какая разница? - заявила Адель. - Она наша: Стив: и ее
тут целый акр! Мы сможем на ней что-нибудь выращивать!
- Ну, может, не сразу...
- Знаю, знаю. Но мы приведем ее в порядок, что-нибудь посеем и соберем
урожай! Мы будем здесь жить, правда. Стив?
Стив молчал, глядя на землю; полученную столь дорогой ценой. Его дети -
Томми и белокурая Амелия - играли с комками глины. Откашлявшись, федеральный
чиновник сказал:
- Вы, разумеется; можете изменить свое решение.
- Что? - спросил Стив.
- Вы можете отказаться от земли и вернуться в свою городскую квартиру. Я
хочу сказать, что некоторым здесь... не очень нравится. Словно они ожидали
чего-то другого.
- О нет, Стив! - простонала жена.
- Нет, папа, нет! - заплакали дети.
- Вернуться? - переспросил Стив. - Я не собираюсь возвращаться. Я просто
смотрю на землю, мистер. За всю свою жизнь я не видел сразу столько земли в
одном месте.
- Знаю, - мягко ответил чиновник. - Я тут уже двадцать лет, а все никак
не могу на нее насмотреться.
Стив и Адель восторженно глянули друг на друга. Чиновник потер кончик
носа.
- Что ж, кажется, я вам больше не нужен, - сказал он и тихонько удалился.
Стив и Адель не отрывали глаз от своего сокровища.
- Ах, Стив! - вымолвила наконец Адель. - Это все наше! И ты ради нас
выиграл этот приз... в одиночку!
Бакстер сжал челюсти.
- Нет, милая:

- очень тихо отозвался он; - не в одиночку. Мне помогли.
- Кто, Стив? Кто тебе помог?
- Когда-нибудь я тебе все расскажу, - ответил Бакстер. - А сейчас...
пойдем лучше в наш дом, Взявшись за руки, они вошли в хибару. За их спинами
в клубах лос-анджелесского смога садилось солнце.
Трудно представить себе более счастливый конец для второй половины
двадцать первого столетия.

Роберт ШЕКЛИ
ВС, ПО ПОРЯДКУ

Одиссей, хитроумнейший из мужей, чьи выдумки не раз выручали ахейцев,
навлек на себя гнев Посейдона. Разгневанный бог гнался за героем по всей
Аттике до самых Додеканесских островов. Как ни старался Одиссей достичь
таких мест суши, где пути морские неведомы, Посейдон каждый раз выпускал на
волю сильные ветры, которые толкали Одиссея обратно к берегу. Хуже того, бог
вторгался в его сознание и внушал странные мысли, а те заставляли Одиссея
снова и снова возвращаться к морю.
И вот герой снова там, откуда бежал. Рядом с ним море, прекрасное море,
под ногами - морской песок, слева горы и справа вода. Здесь сыграет Одиссей
свою последнюю игру. Ибо на сей раз морской бог решил, что слишком долго
терпел он дерзкого смертного. Теперь он шутить не станет и прихлопнет
Одиссея как муху.
Корабль Одиссея разбился у берегов Феакии. Сидит герой на пустынном
морском берегу, внимает гулу прибоя, смотрит на сиреневую линию, где
встречаются море и небо, и думает о смерти. Думает, жив он еще или уже умер.
И вот последний кадр. Одиссей выходит из моря. С тела его струится вода,
голова опущена, волосы ниспадают на глаза и ветер треплет их. Грубоват,
наверное, но Навсикая считает его прекрасным.
Видение в полдень на пустынном морском берегу.
Навсикая и ее служанки замерли от удивления и смотрят на выходящего из
моря голого человека.
- Где я? - спросил Одиссей.
- Это Феакия, - отвечала ему Навсикая.
О, боги, как она хороша!

"Смертельно хороша, - подумал Одиссей. - Хороша и смертоносна. Или я потерял чутье. Именно такие мне и нравятся".

И Одиссей раздраженно покачал головой. Еще один роман - только этого не хватало! И потом, разве ничего подобного с ним раньше не случалось? Разве вся жизнь его не случалась раньше? Не случалось все, что могло случиться?

Одиссей попытался вспомнить, что будет дальше, но не смог. Лишь неясные предчувствия мучили героя-Картины будущей жизни проносились перед его внутренним взором, как летучие мыши-альбиносы.

За спиной раздался какой-то звук. Хитроумнейший из мужей повернулся и замер. Дух его исполнился новой силы. Одиссей подумал, кем же он будет сегодня .

Смутно, сквозь туман прежней самоуглубленности пришло понимание - неизбежное и трезвое осознание своего положения.

И положение это требовало немедленной реакции.

Он не был... Нет, он был! Но чем? Необходимо найти нужное слово. Как трудно не знать, кто ты. Ничто не может быть хуже.

Женщина ударила по больному месту.

- Как твое имя, чужестранец? - спросила Навсикая.

- Ирвинг Спагетти, к вашим услугам, - немедленно ответил Одиссей.

Герой готов был язык себе откусить. Но от привычки лгать не так просто избавиться. Даже сейчас, говоря с этой милой, искренней девушкой, он не мог сказать правду. Глупо, конечно, хотя, может, оно и к лучшему.

И Одиссей опять подумал, что сама по себе игра не так и сложна. Вот только играть в нее снова и снова, не в силах вспомнить, что было в первый раз... Что же тогда случилось, в первый-то раз? Допустим, он правильно понимает условия игры, хотя вспомнить их все равно не может. Да, более или менее правильно...

Или это было во второй раз?

Навсикая. Все еще стоит тут и все так же хороша. И что он, интересно, должен с ней делать?

Воспоминания о жизни с Навсикаей нахлынули внезапно. Маленькая, со вкусом обставленная квартирка в деловом центре Феакии. Разрешение пользоваться папочкиной колесницей - не парадной, конечно, не той, что для торжественных выездов... Вероятно, все остальное придет позднее. Во всяком случае, обычно так и получается. Как он, к примеру, за Навсикаей ухаживал? У них, наверное, были свидания? Какие слова он ей говорил? И как быть с Пенелопой?

Внезапно Одиссей ощутил тревогу. Да, здесь он в безопасности. Здесь, в теплой, уютной квартирке, рядом с Навсикаей... Однако платили ему вовсе не

за это. Где-то герой сошел с истинного пути.

И все это, разумеется, было до того, как в городе появился чужеземец. Ибо когда он появился - о, эта зловещая фигура с волынкой, с кошмарной волынкой (извините, я хочу быть беспристрастным рассказчиком, но кровь моя вскипает при одной только мысли о чужеземце, и я не стыжусь того, что сказал, - иначе нарушится ход моих мыслей) - и все изменилось, никогда ничего уже больше не было, как прежде. Не сказать, чтобы мы этого ждали. Особенно после проклятия лесных карликов... Впрочем, я забегаю вперед.

Вначале был Одиссей, давайте не забывать - что не так-то просто здесь, в вонючей яме, среди гниющих рыбьих голов и вони разлагающихся трупов. Но мы выдержим, мы и наши товарищи, должен же кто-то рассказать эту историю, ибо молчание наше вопиет к небесам. Почти никто не знает, что Навсикая была матерью Одиссея. Собственно, именно поэтому из их романа так ничего и не вышло. И тут все заслоняет фигура Эдипа. Одиссей вовсе не так умен, как гласит молва. Да и Афина никогда не отличалась тем аскетизмом, который ей приписывают. Люди просто не осмеливались болтать о ней. Важнее всех на самом деле Харон. Большую часть времени люди проводят с ним.

- Харон! Ты здесь?

- Я здесь. Вижу, что и ты все еще здесь. По-прежнему пытаешься разоблачить богов?

- А кто сказал, что я не должен этого делать?

- Ты волен поступать, как пожелаешь. Тут никаких сомнений быть не может. Но и сомнения бывают разными. Одни нам полезны, в других и вовсе нет проку.

- А как быть с тем, что я сомневаюсь в богах?

- Они сами того хотят.

- Боги?

- Разумеется. Боги - олицетворения самосознания. Они ищут скрытые мотивы твоих поступков. И не верят, что ты знаешь, кто ты и что ты. А мы сомневаемся, что они о себе-то хоть что-нибудь знают. Боги - кучка безработных чужаков. Вот они и ищут, чем бы заняться.

Есть что-то бесконечно притягательное в земле мертвых, не правда ли? Как приятно изнывать от скуки в каком-нибудь очаровательном унылом уголке. Или даже безобразном.

- Тон твой должен изображать иронию?

- Да нет, зачем. Когда живешь в античном мире, нет даже телевизора, чтобы убить время. На нашей барке - той, на которой мы перевозим умерших, -

телевизор есть. В салоне. Но показывают там только сцены у смертного ложа.
Самые знаменитые кончины.

Основная драма жизни умершего заключается в том, как он умер. Эта тема волнует всех и каждого. Вы легко привлечете внимание покойника, рассказав, как вы умирали, - ему это более чем любопытно. Однако сильнее всего интересует усопших их собственная смерть. Ирония судьбы: умершие никогда ее не помнят. Не помнят своего последнего вздоха. Они забыли, каково это вообще - дышать...

Но к чему я, собственно? Все, что сказано выше, - бессмыслица. Мы хотим поговорить о любви и ревности. Это, наверное, ближе к делу. Разве нас интересует, что будет после смерти? Забавно, не правда ли? Может, мы должны вместе с умершими перевозить и паломников? В одной барке, рядом, и Харон у руля.

Я - наблюдатель. Я наблюдаю за погодой. Сначала погода приходит ко мне и лишь потом - к остатку моих людей. К остатку, к останкам - здесь эти понятия смешиваются, но, по-моему, я понимаю, о чем говорю. Я хочу сказать, что наблюдатель - первый, кто видит настроение. Видит условия для грядущей смены настроения. Присутствует при появлении элементов, создающих настроение.

Он видит, как ниоткуда налетает сухой горячий ветер, принося с собой скуку и опустошенность. Поговорите о дерзости гордых! Задача наблюдателя наблюдать и отстукивать новости ключом коротковолнового передатчика. Передавать их миру, своему миру, собственному "я", которое он ищет и не находит.

Одиссей спрятался в кустах на берегу, когда началось японское вторжение в юго-восточную Азию. Из своего лагеря герой легко мог видеть весь пролив. И когда японский флот продефилировал мимо, он схватил передатчик:

- Беда идет! Там четыре линкора и куча других кораблей.

Наблюдатель поднимает тревогу в случае опасности, а когда опасности нет, он, возможно, отстукивает тем же ключом свои мысли. Быть может, даже отключает питание, чтобы не расходовать энергию зря. Поскольку обращается только к себе.

Но если говоришь сам с собой, зачем тогда передавать про эти корабли? Да затем, что надо держаться за какое-то подобие реальности. Одиссей поклялся не сдаваться судьбе.

Представьте себе божественного наблюдателя, следящего за погодой. Точнее,

даже не за погодой, а за сопровождающими ее видениями. Как будто он - последний в мире живой человек и ведет разведку для тех, кто придет потом.
Но так ли это?

Есть и еще одна возможность. Вдруг он просто остался один и спятил от одиночества, как Кевин Костнер на заброшенной западной заставе ? Армия не прислала ему подмоги, ведь, насколько нам известно, никакой армии нет, нет никого, кроме К. К. Он одинок, он видит сны, и иллюзии владеют его сознанием. Голоса сирен - это тоже в каком-то смысле погода.

Когда приходит такая погода, надо привязать себя к мачте, к кухонной плите, если нет мачты, или даже к аутригеру, если нет ни того, ни другого. В любом случае узлы должны быть как можно хитрее, чтобы когда вы, обезумев, захотите развязать их и пойти к этим прекрасным женщинам с рыбьими хвостами, вам потребовалось бы как можно больше времени. Освободиться сразу не удастся, веревки - штука прочная. И тогда вы начинаете проклинать себя, того человека, чья недавняя предусмотрительность послужила причиной вашей теперешней беспомощности. Именно сейчас, когда вам так хочется, когда вам надо, когда вы должны немедленно освободиться и умчаться с ними, с прекрасными сиренами бледно-зеленого моря! Вы рветесь изо всех сил и пытаетесь разорвать свои путы, вы разрезаете их...

Точнее, разрезали бы, если бы не ваша проклятая предусмотрительность - ведь вы поспешно убрали подальше все ножи, все косы и серпы, все бритвы и крючки для штопки, даже кусочки металла и битого стекла, которыми обычно завален двор. Теперь до них не дотянуться, надо развязывать все узлы по одному. Вот что случается, когда погода приносит с собой голоса сирен. Но вы здесь, и вам надлежит следить за кораблями. И за погодой. А иногда поднимается волнение, и вас волнует любовь, а то и деньги. И неважно, как далеко вы уплыли, неважно, как одиноко вам на пустынном острове, с вас все равно требуют денег.

- Отдай наши деньги! - кричат алчные духи.

А потом надо найти голос. Ибо голос рассказывает истории. Голос и есть история. Что-то завораживающее есть в этой истории. Поэтому мы не можем противостоять ей.

Однако я забыл упомянуть: рассказчик наш, Одиссей, определенно не в своем уме. Не стоит доверять его словам. Сам Одиссей знает, что в какой-то степени

ненормален. Знает он и то, что никогда не сможет оценить глубину своего помешательства. Но это помешательство по крайней мере не из тех, что не оставляют места для сомнений. Одиссей-то как раз все время сомневается, а потому следит за собой и никогда не достигнет полного безумия, как многие другие. Как люди, бегущие за сиренами.

Да, господа, я обращаюсь к вам. И не прячьтесь обратно в тень, притворяясь, будто вы меня не слышите. Вся соль этой шутки в том, что вы, возможно, совсем не опасны. Вероятно, вас вообще не существует, вероятно, вы лишь игра моего воображения. Но кто-то здесь все же должен быть. Потому что мне больно, мне плохо, а ведь не сам же я причиняю себе боль! Это делаете вы, оттуда, снаружи. Вы причиняете мне боль, следовательно, существуете. Мне больно, следовательно, я существую.

Но я вам говорил, господа, что давно уже живу на этом острове и преданно несу свою службу. Я наблюдаю. Вот только генералы наши ошиблись. Это были не персы, а японцы. И я следил за их кораблями. Надо предупредить Агамемнона - он должен знать о передвижениях вражеского флота. Если на нас нападут до того, как мы утвердимся в Трое, пока корабли наши будут еще в море... Вот видите, как все это важно!

Я наблюдатель. Метеоролог. Лишь только я замечаю первые признаки смены погоды, я сразу сообщаю о них Агамемнону телеграфом. Мы общаемся с помощью азбуки Морзе. Язык распространенный, однако персы не знают его. Азбука Морзе - язык мертвых.

Предполагается, что мы поступаем не так. Не используем известный язык. Мы должны зашифровывать все донесения. Но это сообщение срочное, и я не стал возиться с шифровкой. Здесь японский флот, а я пытаюсь связаться по радио с Агамемноном.

Афина предупреждала нас, вы же знаете. Она сказала, что эту войну выиграет та сторона, у которой голова яснее. Ведь на самом-то деле против вас боги, сказала она. А троянцы - это только отговорка.

А еще она сказала:

- Вы думаете, что всегда можно как внести предложения, так и забрать их. Нельзя торопиться с решением таких важных вопросов. Научитесь терпению! Разбирайтесь с частностями. Делайте это столько раз, сколько потребуется. Отсекайте лишнее.

Думаю, именно это она и сказала. Во всяком случае, так я запомнил ее слова. Конечно, голос богини звучал лишь у меня в голове, и доказать я ничего не могу. Но если нельзя доверять голосу у себя в голове, чему же тогда верить?

Здесь, на берегу, есть кто-то еще. Вчера я видел следы.

Оказалось, что оставил их бог. Необщительный бог, который не хочет, чтобы люди его тревожили. Молитвы не дают ему уснуть. Он думал, что обрел наконец безопасное убежище на этом безжизненном острове. Но богу не повезло. Последний, самый упорный поклонник выследил его и здесь. Этот человек так стремился к исполнению своих желаний, что сумел-таки выучить правильное сочетание слов и звуков и последовать за богом даже сюда. Он хотел получить благословение.

Да, богу это неинтересно, но его супруга или наложница могут пожалеть человека и разобраться в его просьбе. И действительно, жена бога уговорила его помочь человеку. Бог думал, что не пристало бессмертным вмешиваться в подобные конфликты. Но, узнав, что противной стороне помогает другой бог, он переменил мнение. Тот, второй бог, бог богатеев, землевладельцев и заимодавцев, хотел, чтобы власть оставалась в руках эксплуататоров. Наш бог увидел это, разозлился и решил помочь тому человеку. Только сначала следовало узнать, что по этому поводу думают Великие Боги. Он отправился к ним, решив лично все выяснить. И обнаружил, что вместо богов сидят боги-роботы и делают все, что положено делать настоящим богам.

И когда бог пришел к этим богам-роботам, он понял, что сам попал в беду. Боги не любят бродяг и скитальцев - так же, как и люди. И боги-роботы ополчились против одиночки. Теперь уже ему самому нужна была поддержка людей, чтобы выиграть войну с богами-роботами. И люди пришли, пришли бороться с этими искусственными богами.

Как можно бороться с богами? С помощью духовной силы. Силы молитвы.

Много раз беседовал Одиссей с Хароном. Он прекрасно ладил с перевозчиком душ. Встречались они обычно в маленькой таверне на берегу Стикса. Пили пиво. Болтали о делах нынешних и минувших.

Одиссей всегда думал о новых приключениях. Однажды он спросил у Харона:

- А правда, что Стикс - замкнутая река? Или он все-таки где-то кончается?

Харон посмотрел на собеседника поверх своей банки с пивом.

- Стикс, - сказал он, - самая известная река в мифологии. Есть у него конец или нет, зависит от того, есть ли он, по-твоему, у мифологии.

Здесь, в таверне у Стикса, наступил вечер. Над головой летали большие птицы; Одиссей долго вглядывался, но так и не понял, какие именно. И поинтересовался у Харона.

- Это лебеди, - ответил Харон. - Хотя необычные. Рассказать тебе одну историю?

- Ну конечно!

- Обычно считается, что лебедь - очень привлекательное создание. Но не все они таковы. Не стоит плакать над пролившимся молоком . Этот лебедь жил в журчащем ручье. Он был говорящим лебедем, но говорил всегда только одно: "Не стоит плакать над пролившимся молоком".

- Необычная реплика, - сказал Одиссей. - Что же он имел в виду? И как получилось, что он говорящий?

- Говорить лебедь умел потому, - объяснил Харон, - что когда-то был прекрасным юношей. По-моему, это очевидно.

- Очевидно - если задумаешься, - сказал Одиссей. - А почему он все время говорил про молоко?

- Такова была его реакция на встречу с мелководьем. Видишь ли, лебеди очень своеобразно относятся к мелководью. Им неуютно и страшно на мелком месте, ведь там они не могут одновременно махать крыльями и грести лапами, а значит, не могут и взлететь. Для того чтобы взлететь, лебедю нужна глубина во весь его рост - от кончиков перепончатых лап до нежных белых перьев на затылке. Иначе им просто не вырваться из воды.

- А при чем тут молоко?

- Молоко приносила женщина, - объяснил Харон. - Она приходила к воде каждый день и приносила сосуд с молоком.

- Что это был за сосуд? - спросил Одиссей. Его всегда интересовали такие вот мелкие детали.

- Большая выдолбленная тыква с кривым узким горлышком. Женщина несла ее на одном бедре. Она очень хорошо смотрелась в такой позе, с выставленным бедром. Величественная молодая женщина. Можешь себе представить, какое впечатление ее выставленное бедро производило на деревенских парней.

- Каких парней? Я думал, там был только лебедь!

- Конечно же, там были и другие люди, - сказал Харон. - Просто я о них еще ничего не говорил. Не могу же я рассказывать про всех одновременно! Так на чем я остановился?

- На деревенских парнях, - напомнил ему Одиссей.

- Я помню. Очень милые были ребята. Обоим по восемнадцать. Приехали на

лето к своему дядюшке-фермеру.

- А как их звали? - спросил Одиссей.

- Кастор и Поллукс.

- Похоже, я их знаю, - пробормотал Одиссей. - Они ведь как-то связаны с Еленой Троянской, верно?

Муза, взгляни благосклонно на наши усилья! Рты наши песней наполни и священным безумьем сердца. Ибо мы пытаемся ни больше ни меньше, как поднять один из великих вопросов и поговорить об Одиссее, об этом боге среди людей, о любопытном герое-человеке с его причудами, и недостатками, со всем тем плохим и хорошим, что в нем заложено. Вот кто сейчас занимает наши мысли, и мы уснем спокойно, если это все, что можно о нем сказать. Или лучше, пока стрела еще летит, продолжим наши рассуждения об Одиссее, герое множества удивительнейших историй. И сами попробуем рассказать о нем что-нибудь.

Одну из историй связывают с островом феакийцев. Именно там встретил Одиссей Навсикаю. Ничего из этого, правда, не вышло, но принцесса просто глаз не могла оторвать от высокого, похожего на бога героя стольких сражений. В легенде еще упомянуто, что Афина изменила внешность Одиссея в соответствии со своими божественными представлениями о красоте. Она сделала героя выше и придала его кудрям сходство с локонами самого Зевса-Олимпийца. Разгладила черты лица Одиссея, подровняла ему бороду, сделала массаж и растерла спину, чтобы быть уверенной, что он действительно выглядит хорошо.

Вы можете спросить: а о чем, собственно, думала богиня? Зачем ей понадобилось самолично заниматься подобными вещами? Но такова уж была Афина. Стоило Одиссею скрыться с ее глаз, и тут же она снова начинала беспокоиться: "Как он там, что с ним?" Друзья предупреждали ее. "Не дело, - говорили они, - богине брать в любовники смертного. Хотя для некоторых это искушение и непреодолимо..."

- У тебя ведь были смертные любовники. Скажи мне, на что это похоже? - спросила Афина у Афродиты.

- Это было чудесно, - ответила Афродита. - Хотя совсем не так, как с бессмертными. Ты можешь подумать, что боги - лучшие в мире любовники. Ведь бог способен заниматься всем, чем захочет, сколь угодно долго. На самом же деле боги слишком капризны и непостоянны. Они вообще никогда не пользуются своими исключительными возможностями или применяют их только для того, чтобы

что-нибудь разрушить. Им лишь бы молниями кидаться!

И тогда Зевс, невидимый глазу богинь, бросил свое оружие, лег на землю у журчащего ручья в тени большого дерева и долго лежал там с открытыми глазами, мечтая. О чем? Все они так поступают, все боги. Даже Аполлон, которого просто немыслимо представить в бездействии, большую часть времени дремлет и мечтает. Откладывает сладкоголосую лиру - никто не сравнится с Аполлоном в игре на ней - и играет в своих грезах на инструменте доселе непридуманном. Знаете ли вы, что Аполлон многократно выигрывал музыкальные состязания? Однако в споре с Орфеем он признал себя побежденным.

- Играю я, как бог, то есть превосходно, - сказал Аполлон. - Но когда превосходно играет смертный, он привносит в музыку нечто такое, чего не может ни один бог. Возможно, это сознание неизбежной смерти. Оно заставляет ваше сердце биться сильнее, а музыку делает такой прекрасной, что словами этого уже не описать.

Воистину боги ослеплены человечеством. Глаза их постоянно прикованы к нашей бренной земле. Есть причины тому, что люди (за редкими исключениями вроде Геракла) не становятся богами. В каком-то смысле положение богов хуже. Не обладая даром смерти, человек и надеяться бы не мог достигнуть величия. Смерть - самое ценное из того, что у него есть. Ревнивые боги с удовольствием похитили бы этот дар, притворяясь, что совершают благодеяние, хотя на самом деле это просто грабеж. Бессмертие - для гор, а не для людей. И бог больше походит на облако, чем на человека. Богам надо прилагать очень много усилий, чтобы стать похожими на людей, - а большинство из них не любят себя утруждать. Только немногие, такие, как Аполлон, хотят развить свои божественные таланты и поднять их на новый уровень.

- Скажи же, Одиссей, что сделал ты? Расскажи о своих приключениях!

- Едва ли я смогу ответить. После Трои мы разграбили еще какой-то город. Я даже не помню, как он назывался. Но мы убили множество мужчин и похитили множество женщин. Тогда-то и начались все наши беды.

Моя память перескакивает с одного на другое, как это умеет делать только память. Редко встретишь рассказчика, способного начать сначала и закончить в конце. Здесь вы ничего подобного не найдете. Я помню лишь отдельные события, те, что поважнее. Например, историю с Калипсо. Или с Навсикаей и феакийцами.

Путешествие в подземный мир, где я снова разговаривал с Ахиллом. Впрочем, сам разговор я помню плохо. А еще была Цирцея, превратившая в свиней всю мою команду, и был остров циклопов. Мы даже сняли там фильм. Думаю, это почти все мои приключения, но, возможно, были еще и другие. Наверняка я когда-нибудь вспомню и о них. Или что-нибудь почитаю и расскажу вам о том, что вспомнил.

Ведь истории-то в основном известные. Я уже читал о своих приключениях, правда, мне это мало помогло. Что само по себе удивительно - кто сочинил все эти истории, почему он уверен в их истинности, если даже я ничего не знаю? Вот уж чего я в те дни не испытывал, так это уверенности. Не место это было для уверенности - тот античный мир, в котором я жил когда-то давным-давно. Сейчас все изменилось. Другие времена, другая эпоха. Наверное, я должен радоваться тому, что жив. Одна из привилегий героев первого разряда в том и состоит, что вас тщательно оберегают.

Есть и другие воспоминания, те, что преследуют меня постоянно. Не могу, например, забыть о том, как меня заставили принять участие в дурацкой войне с троянцами. Боги, как мне хотелось остаться в стороне! Я тогда как раз стал царем Итаки вместо своего отца Лаэрта. У меня была молодая жена, Пенелопа, красавица, каких мало. И я готов был править.

Это совсем не так просто - быть царем на маленьком древнегреческом островке. Посчитать одни только расходы на мрамор... Тут-то они и заявились - Ахилл, Агамемнон и еще один тип, все время забываю, как его звали, как-то на "П", по-моему, - тот, что изобрел азартные игры. Вот и для меня он придумал такую игру и тут же сыграл в нее, прямо там, на месте. Когда я прикинулся безумцем и отправился засевать свои поля солью, они взяли моего новорожденного сына, Телемаха, и положили его в борозду перед плугом. Как вам нравится такая игра? Чтобы доказать всем, что ты безумец, ты должен убить собственное дитя. Но разве можно сохранить разум, убив своего ребенка? Это я понял сразу. Ненавижу играть по чужим правилам. Не хотелось мне участвовать в этой войне. Как хорошо было бы жить на своем острове, не высовываться, не лезть ни в какие авантюры. Вы даете своим подданным уверенность в завтрашнем дне, получаете от них приличное жалованье, ваш

белый домик стоит в прохладной роще... Я стал бы членом деревенского клуба, а летом жил бы на ферме у старого Лаэрта. Вот какая жизнь должна была ожидать меня, и тут - на тебе! - приезжают какие-то типы и швыряют моего ребенка в борозду перед плугом. И я остановил быков, а Агамемнон сказал:

- Вот и хорошо, Одиссей! Если у тебя хватило разума не раздавить свое дитя, хватит его и на то, чтобы воевать с троянцами.

И ничего не сделаешь, чтобы заставить Агамемнона и иже с ним изменить свое мнение. Встали намертво - желают, мол, они разобраться с троянцами. Одни говорят, что дело в Елене, другие - что Елена только предлог, а конфликт возник на почве торговли. "Вы там были, - говорят мне, - вот вы и объясните, почему они воевали". А я говорю, что люди воевали, потому что их науськивали военачальники, и у всех были оправдания, и никто не знал, что делает.

Вот так и началась эта бесконечная война. Со всеми ее перипетиями, вроде истории с Ахиллом и Брисеидой... Все в этой войне было предопределено заранее. Но какая война, какая война...

И сказали Одиссею: требуем мы от тебя лишь одного - отнесись мужественно к тому, что произошло. Твой порезанный палец может быть знаком. Забинтуй его, не так уж это и трудно. Кончик пальца свободен, значит, печатать ты сможешь. Бинт остановит кровь. Но для чего еще нужен бинт? Чтобы служить напоминанием. Вот истинное значение обмотанной вокруг пальца тряпочки. Не может быть, чтобы боги этого не понимали. Тебе нужен был повод замотать палец - что ж, они его дали. Так о чем же ты себе напоминаешь? О том, что каждый день должен выпускать на пастбище стадо слов. Два часа те должны пастись, а ты и думать не смей оставить в загоне хоть одно маленькое словечко. Выгони все стадо! А бинт на пальце напомнит тебе, что такова твоя работа и учиться ты должен лишь тому, что поможет тебе в ее выполнении. Работа достаточно проста, но делать ее необходимо.

Одиссей во дворце у царя феакийцев Алкиноя. Расплакался герой, услыхав, как поет бард Демодок о героях троянской войны. Алкиной попросил, чтобы Одиссей спел сам. И тут начинается та часть истории, которую можно толковать по-разному. Кое-кто утверждает, что Одиссей вообще отказался что бы то ни было рассказывать, потому что память у него плохая, да и поэт он никудышный

и не сможет спеть так же хорошо, как Демодок. Так брала за душу песня барда, что даже такой герой, как Одиссей, не смог удержаться от слез, услыхав ее.

"Но до какой-то степени певец исказил историю, - думал Одиссей, - ведь не может же быть, чтобы все это случилось со мной!"

И сказал Алкиной:

- Мы хотим услышать все из твоих собственных уст, Одиссей. Не бойся испортить рассказ лишними паузами, повторениями или двусмысленностями. Не думай о несоответствиях между тем, что помнишь ты, и тем, что запомнил кто-то другой. Мы сами позаботимся обо всем. Здесь, в Феакии, мы слагаем мифы и легенды для Всеэллинской Психоволны - лучшей из радиопрограмм, какую может представить себе человек. Только мы воздадим должное твоей истории и положим последние мазки там, где это необходимо. Я уже вижу, где стоит немного подправить твой рассказ. Будь у тебя возможность вернуться назад и пережить свои подвиги еще раз, ты сделал бы все именно так, как я говорю.

- Адскую работенку вы мне задали, - сказал Одиссей. Ведь хотя Афина и сделала его выше, сильнее и красивее, уверенности он так и не обрел. "Если бы я действительно был таким, - думал он, богине не понадобилось бы делать все это за меня. И вообще, не понимаю я, почему она так обо мне печется?". И он задумался о побуждениях богини. Может, она его любит? Одиссей не осмеливался в это поверить, хотя другого объяснения не видел. А что же тогда сказать об Афине? Извращение это - ее любовь к прославленным смертным, заслуживают они ее или нет. И Одиссей пожалел, что у богов нет своего психиатра. Вот уж что бы им не помешало!

- Скажите, Афина, почему вы так беспокоитесь обо всех этих смертных?

- Не знаю, доктор. Я была весела и беспечна, а потом на меня как будто накатило. Я поняла, что никогда уже больше не буду счастлива. Существование богини бесплодно и бесполезно. И тогда мне захотелось завести любовника из смертных. Захотелось самой стать смертной. А что ближе всего к тому, чтобы быть человеком? Только любить человека.

Едва Одиссей решил вздремнуть, как за ним пришли. "Нехорошо, Одиссей, опять ты за свое". Вот он, античный мир. Только добираешься до чего-то, как приходится начинать все сначала. Посмотрите на Сизифа. На самом деле (только этого почти никто не знает) это писатель по имени Асмодерий, которого

поразила писчая судорога. Он был самым модным автором любовных романов в античном мире, а превратился в полное ничтожество. Что же произошло? А мы не знаем! Психологию в те времена еще не изобрели. Она появилась значительно позже. В античном мире все объясняли аллегорически, с помощью мистики. Классический подход. Если кто-то возжелал свою мать, виноват в этом не он, а боги. Так же и с Асмодерием: не он виноват, что у него случился творческий кризис. Это бог наказал его за что-то. Какой бог? Аполлон, без сомнения. Завистливый был бог.

Ни одна из пьес Аполлона для лютни и лиры так и не была опубликована в мире людей. Да, их восхваляли, ими восхищались решительно все, но ни одна пьеса так и не вышла в огромном издательском центре Битиниум. Музыку Аполлона называли божественной, а издавать предпочитали таких проверенных мастеров, как, например, Орфей. Ха, Орфей! Он многое знал. Для таких типов у нас найдется парочка испытанных трюков. Кто-то приходит к его жене. "Поздравляю, вы выиграли земельный участок в пол-акра в Солнечной Юдоли, Флорида, с трехэтажным коттеджем и гаражом. Там есть комната для развлечений и куча других приятных вещей. Вот заодно и бесплатный пропуск в Диснейленд. Вам надо всего лишь пройти с нами, чтобы оформить владение".

И Эвридика, ничего не подозревая, пошла. Ведь у этих типов были рекомендации, значки и бумаги со всевозможными печатями. Перед ней стояли солидные, внушающие доверие люди, из тех, что все время смотрят вам прямо в глаза, - никто бы не поверил, что такие могут лгать. Увы, именно такие, честные с виду, на самом деле хуже всех. А может, они и в самом деле были честными, а обманул их мстительный Аполлон, который все это и придумал, - кто знает? Но она пошла с ними, милая Эвридика, с длинными черными волосами, с чудными грустными глазами, и ее аккуратную фигурку скрывали синие атласные одежды. О, прекрасная Эвридика! И они увели ее с собой. Когда прошло сколько-то времени, она сказала: "Послушай, Тотошка, а ведь мы не в Канзасе, n'est pas?" Она говорила по-пафлигонски, наша прекрасная Эвридика, и у нее была маленькая собачка, о которой в истории не упомянуто, поскольку божественный цензор сказал, что маленькая собачка - это уже слишком. В конце концов мы ведем речь про Орфея, а не про Эвридику.

- Расскажи нам об Орфее, Эвридика.

- Он композитор и музыкант. Только не спрашивайте меня, что он делает. Лежит себе и сочиняет песенки.

Для Эвридики песни Орфея - ничто. Пустое занятие, которому он предается вместо того, чтобы приготовить сыр или сделать еще что-нибудь полезное и накормить семью.

И вот они ведут ее вниз по тропе, и чем дальше, тем темнее становится вокруг.

- Это не Флорида! - восклицает Эвридика.

- Нет, - отвечают ей похитители. - Мы вас обманули. Извините нас, леди. Так вот и рушатся надежды.

- Но где же я? - спрашивает Эвридика.

- В царстве мертвых. Эвридика оглядывается.

- Фу, как здесь грязно! Они лишь пожимают плечами.

- Мы же мертвые! Что мы, по-твоему, можем сделать?

- Вы ведь еще в состоянии удержать метлу, верно?

И Эвридика подала им пример. Она нашла метлу. Ту самую, на которой обычно летала Геката. Мысленно управляя этой метлой, Эвридика вымела все кучи сажи и даже подмела под Немезидой - а этого до нее не осмеливался сделать никто.

Там она и осталась, вдали от Флориды, вдали от Греции, вдали от всего мира, мертвая, в царстве мертвых.

Ее ничуть не удивило, что она стала мертвой, не заметив этого. Пусть подобными вопросами занимаются философы, а Эвридика совсем не философ. Она знает только, что мертва, а значит, нарушены ее гражданские права.

Да, а еще Сизиф и Тантал, со всеми их бедами. Мало им было неприятностей при жизни, так понадобилось еще, чтобы кто-то придумал миф об их муках, и теперь каждый в какой-то степени страдает от сизифонии и тантализации. И то и другое - проблемы современной жизни. Мы говорим о грубых предвестниках гамлетовского "Умереть, уснуть". Мы говорим об Эдипе и ему подобных. Мы говорим о начале нашего Западного Образа Жизни. О путешествии героя со всеми его превратностями. Но главным образом мы говорим о превосходстве собственной личности: "Теперь я вижу, как превзойти себя. Так говорил Заратустра". Мы говорим о Талосе , первом в мире роботе с единственной замкнутой жилой, разносящей кровь по всему его телу. О нервничающих богах, которые вглядываются во мрак сомнительного будущего и видят, что кончится все очень скверно. Мы говорим о реальных вещах, о безумии, которое наложил на нас античный характер. Потому что они так ужасны, эти белые античные города, с

их священными правителями и полным отсутствием телевидения. Мы говорим о беспорядке, царившем на земле до наших дней, с их удобствами, с их грубостями и остротами, без которых жизнь была бы невыносима. Нет больше плавных переходов Одиссеева красноречия - мы слышим вокруг лишь односложное хрюканье, визг и ругань. И если конец готов у нас еще до того, как появилось начало, мы старательно отпихиваем его. "Уходите, уходите, дорогой мистер Конец, мы пока еще здесь, в начале". Но старина Конец тоже кое-что знает. Ладно, ладно, детишки, бормочет он, не моя вина, что дар слова был отдан в мое распоряжение, что тем самым я могу нынче, когда пир еще в самом разгаре, заставить вас остановиться с куриной ножкой, застывшей у самых губ, и рассуждать о смерти и склепе. А в склепе холодно и сыро. Там ходят женщины в черном с пурпурными губами, и пришли они туда вовсе не для того, чтобы постирать, как Эвридика, и так оно и идет, все эти разговоры и веселье.

Ну, вы представляете, что мы чувствуем, когда слышим такое. И мы просим объяснить все по порядку.

- Давайте мы разберемся, раз уж вы не можете, - говорим мы. - Не может быть, чтобы нельзя было разобраться. Забудем о вампирах и прочей нечисти. Классика о них умалчивает, а значит, они нам не нужны. Можно найти способ вернуться туда, где светло и просторно, где бродят антилопа и псевдолопа, а квазилопа пасется в зарослях дурмана, и вдруг все искажается, и мы снова в салуне, который попал сюда, вероятно, прямо из ада, и бармен смотрит на нас и спрашивает: "Что будешь пить, странник?". И тогда мы понимаем, что убежать невозможно, что все кругом - лишь бесконечная цепь салунов, а внутри них темнота и запустение, и так нам не хочется снова там оказаться, что мы изо всех сил представляем себе, будто таких мест вообще не существует, надеясь таким образом от них избавиться. Но тщетны надежды! Ведь не сказать, каковы в данное время законы природы, однако всегда понятно, что сработает, а что нет.

Роберт ШЕКЛИ

ПРОКЛЯТИЕ ЕДИНОРОГОВ

Что бы вы там ни говорили, дети, но вам положено знать предания, оставленные предками. Я расскажу легенду о Ктесфионе, который добыл для своей возлюбленной Каликситеи рог единорога, дарующий бессмертие.

Ктесфион жил в глубокой древности - на заре нашей цивилизации - в большом городе Алдебра. Однажды, придя на форум послушать умные речи, он встретил там прекрасную Каликситею, дочь Агафокла и Гексики. Молодые люди сразу почувствовали сильное влечение друг к другу. Любовь поразила обоих неожиданно и неотвратимо, как молния. И с этого дня они уже не разлучались. Через месяц Ктесфион явился к родителям Каликситеи просить руки их дочери - молодому человеку пришлось свататься самому, потому что его собственные родители умерли во время эпидемии чумы. Родители девушки согласились отдать ему дочь - ведь Ктесфион был благородного происхождения и достаточно богат. Назначили день свадьбы. Но тут неожиданно Каликситея заболела.

Сразу же созвали лучших докторов со всего города, а потом пригласили знаменитых целителей из Асмары и Птоломнеуса. И все врачи сошлись на одном: у Каликситеи редкая болезнь - скоротечная анистемия, которая не поддается лечению. Через неделю бедняжке неминуемо предстоит умереть.

Ктесфион сходил с ума от горя и бессильной ярости. Когда врачи в один голос заявили ему, что никакой надежды нет, он пошел искать помощи у колдунов, чьи сомнительные способы лечения частенько являлись предметом обсуждения и споров на форуме. Но обратился он не к простым знахарям и даже не к волшебникам средней руки, а пришел прямо к Гельдониклу, слывшему в то время главным чародеем.

Гельдоникл открыл дверь сам - последний ученик недавно ушел от него, после того как выиграл в лотерею миллион талантов. Даже колдовство не может надежно защитить от везения, хотя если бы Гельдоникл мог предположить такое, то уж обязательно попытался бы хоть что-то предпринять ~ Агатус был славным малым и со временем мог бы стать неплохим чародеем. Впрочем, хорошего ученика всегда трудно удержать.

- Чем могу быть тебе полезен? - спросил Гельдоникл, пригласив посетителя в гостиную и указав на один из кусков мрамора, которые служили здесь сиденьями.

- У меня горе, - ответил Ктесфион. - Моя возлюбленная, Каликситея, заболела скоротечной анистемией, и доктора говорят, что это неизлечимо.

- Они говорят правду, - сказал Гельдоникл.

- Тогда как же мне спасти ее?

- Это очень нелегко, - отвечал Гельдоникл, - но я ни в коем случае не хочу сказать, что это невозможно.

- Значит, ее все-таки можно вылечить?

- Нет, нельзя. Однако нельзя лишь в общепринятом смысле этого слова. Чтобы исцелить ее, ты должен добраться до самой сущности вещей. Главная трудность состоит в том, что человек смертей.

- Что же я могу с этим поделать? Гельдоникл откинулся назад и погладил свою длинную белую бороду.

- Предотвратить смерть способно только состояние бессмертия.

- Но это невозможно! - воскликнул Ктесфион.

- Вовсе нет, - заметил Гельдоникл. - Ты, конечно, слышал о единорогах?

- Конечно. Но я всегда считал, что это просто мифические существа - плод людской фантазии.

- В царстве магии, - продолжал Гельдоникл, - миф есть лишь одно из состояний действительности. Так вот слушай, Ктесфион: существует страна, где обитает животное единорог. Его рог - самый надежный источник бессмертия. Если ты отправишься в эту страну и добудешь рог единорога или даже маленький его кусочек величиной с твой ноготь, то этого хватит, чтобы спасти твою возлюбленную.

- Но... почему же люди не используют этот рог для достижения бессмертия?

- Тому есть несколько причин, - сказал Гельдоникл. - Одни слишком ленивы, и пусть даже само небо опустится прямо им в руки, они и пальцем не пошевельнут, чтобы до него дотронуться. Другие, может, и постарались бы, да просто не знают, что такое возможно. Ведь возможность, молодой человек, - самое странная и непредсказуемая вещь, которая только существует в магии. Как наваждение, как вспышка молнии... И то, что никогда раньше не было возможно, может осуществиться сегодня, а завтра снова станет невозможным.

- И это единственное объяснение?

- Есть и другие, - ответил Гельдоникл. - Может быть, когда-нибудь ты захочешь узнать их. У меня есть на эту тему очень интересная книга. Однако сейчас у тебя нет другого выбора. Или ты достанешь для своей любимой рог единорога, или она обречена на гибель.

- Как же я попаду в ту страну? - спросил Ктесфион.

- Ну, тут я тебе помогу, - сказал Гельдоникл. - Следуй за мной в лабораторию.

В привычной обстановке своей лаборатории, среди скрипучих деревянных столов, заставленных перегонными кубами, ретортами, горелками и чучелами разных мелких животных, Гельдоникл объяснил, что единороги когда-то существовали в этом мире, но потом исчезли - люди убивали их, совершенно не думая о последствиях. Все это происходило очень давно, и когда рог единорога имелся в изобилии, люди переживали свой короткий золотой век - так гласит легенда. В те далекие времена люди жили очень долго. Что же в конце концов произошло с Бессмертными? Этого Гельдоникл не знал. Он слышал, будто бы обыкновенные люди ненавидели их, потому что рогов единорога все равно никогда не хватало на всех. Часто Бессмертных подвергали пыткам и если не могли умертвить их, то старались сделать их жизнь настолько ужасной, чтобы смерть казалась беднягам желанным избавлением. Это продолжалось до тех пор, пока оставшиеся Бессмертные не изобрели способ покинуть родную планету. Они переселились вместе со стадами единорогов в другой мир, в царство совершенно иной реальности, где единороги расплодились в изобилии и где каждый мог пользоваться преимуществом, которое они давали.

- И что же это за место? - спросил Ктесфион.

- Иногда его называют Страной Восточного Ветра.

- А как туда попасть?

- Очень непросто, - ответил Гельдоникл.

- Я понимаю. Догадываюсь, что между этим и тем миром нет регулярного сообщения.

- Напротив, такое сообщение есть, но только духи могут пользоваться им. Тот мир лежит в совершенно другой части космоса и в другом диапазоне времени и не имеет связей с нашим миром. Ни на каком драконе ты туда не попадешь. Однако для тех, кто готов рискнуть всем для своей возлюбленной, такой путь существует.

- Я как раз и есть такой человек! - вскричал Ктесфион. - Скажи, что я должен делать.

- Для этого предприятия, как и для любого другого, главное - деньги. Мне потребуется вся твоя наличность, а также все, что тебе удастся выпросить, взять в долг или украсть.

- Зачем же так много денег? - удивился Ктесфион.

- Чтобы купить всякие материалы и вещества - они понадобятся мне, когда я буду произносить заклинание, которое перенесет тебя в то место, куда ты стремишься. Для себя я ничего не прошу. По крайней мере сейчас.

- А ты уверен, что чары подействуют? - спросил Ктесфион. - Мне рассказывали, что колдовство не всегда удается.

- Потому что чаще всего это просто кривлянье и вранье, - признался Гельдоникл. - Но есть настоящее колдовство - оно пришло к нам из древности, - и вот оно всегда действует. Однако это очень дорогое удовольствие, потому что нужны редкие и в высшей степени чистые вещества, в наши дни обходящиеся очень и очень недешево.

Деньги потребовались, чтобы купить масло гиперавтохтонов, два пера из хвоста Птицы, Предрекающей Беду, шесть прозрачных капель драгоценной смолы ансиенто, которая добывалась с огромным трудом из внутреннего слоя коры дерева под названием гинглио, - это вещество, редкое и само по себе, хранилось в маленьких янтарных сосудах, стоивших целые состояния. В состав таинственного зелья входили и другие ингредиенты, но и самый дешевый из них стоил кучу денег.

Ктесфион добыл все необходимое за два безумных дня, под конец взяв у ростовщика разорительную ссуду под невероятно высокий процент, чтобы купить какие-то недостающие вещества. И наконец утром третьего дня юноша принес все эти сокровища к колдуну, который, внимательно осмотрев их, остался вполне доволен и снова повел его в лабораторию.

Там он спросил Ктесфиона, готов ли тот к путешествию. Молодой человек ответил, что готов, но поинтересовался, какую плату требует Гельдоникл за услуги.

- Я скажу тебе позже, - ответил колдун.

- А ты не можешь хотя бы намекнуть мне? Гельдоникл покачал головой.

- Колдовство - плод мгновения, равно как и те, кто этим занимается.

Этим не совсем понятным ответом Ктесфион и вынужден был удовольствоваться. Он частенько слышал, что, имея дело с магией, больше всего следует опасаться двойного сглаза. Однако он не представлял себе ни что такое сглаз, ни тем более как его избежать.

- Если ты поможешь мне спасти жизнь Каликситеи, то требуй тогда от меня всего, чего только пожелаешь. Даже мою жизнь. И даже мою душу.

- Может быть, так много и не потребуется, - сказал Гельдоникл. - Хотя мысли твои идут в верном направлении.

Вся процедура подготовки оказалась длинной и в общем-то скучной, а временами и довольно болезненной. Но колдун уверял Ктесфиона, что это только один раз и боль уже не повторится. А для того, чтобы вернуться, Ктесфиону

достаточно будет лишь четыре раза стукнуть пятками друг о дружку (три удара пятками считается ложным сигналом - такими сигналами ради сомнительной простоты когда-то исказили древнюю формулу) и громко произнести:

Ктесфион подумал, что это очень легко запомнить. А потом он уже был не в состоянии думать ни о чем, потому что комнату заполнил разноцветный дым от огня, разведенного колдуном в высокой жаровне, и молодой человек стал неудержимо чихать. Когда же он снова открыл глаза, то находился уже совсем в другом месте.

Ктесфион стоял на самом верху горного перевала в совершенно незнакомой местности. Позади него все застилал густой туман, впереди расстилались цветущие луга, полого спускающиеся в долину. Тут и там были разбросаны куртины старых раскидистых дубов, и потоки кристально чистой воды сверкали в ярком солнечном свете. А на склонах горы и в долине мирно паслись тысячные стада единорогов.

В совершенном оцепенении Ктесфион направился вниз, осторожно пробираясь меж диковинных существ с кроткими глазами, и ощущение чуда все еще владело им, когда он, спустившись в долину, подошел к приземистым каменным зданиям города Бессмертных .

Люди уже заметили, как незнакомец приближается к городу, и ждали его.

- Гость, гость! - радостно кричали они, потому что даже в Стране Бессмертных появление пришельца считалось добрым знаком. Их страна лежала несколько в стороне от оживленной дороги, ведущей к двенадцати самым известным мирам во Вселенной Вымыслов, названий которых здесь упоминать нельзя.

В этой стране все люди выглядели тридцатилетними, в самом расцвете сил. Не было не только стариков, но и детей - этот народ жил так долго, что отказался от деторождения, находя его скучным и старомодным, и даже извращения в конце концов стали казаться им банальными. Тем не менее они всегда были готовы узнать что-нибудь новенькое, и поэтому просьба Ктесфиона подарить ему рог единорога показалась им самой свежей идеей за последние лет эдак сто.

Известно, что единороги время от времени сбрасывают свои рога или теряют их в схватках с грифонами. И все Бессмертные помнили, что они собирали эти утерянные рога, когда натыкались на них, и складывали в каком-то

определенном месте. Но в каком? Может, прятали в бронзовый ларец в самой северной точке городской стены? Или так поступали в прошлом столетии?.. Никто не мог вспомнить.

- А разве вы не сделали об этом никаких записей? - спросил Ктесфион.

- Боюсь, что нет, - ответил Аммон - горожанин, представившийся Ктесфиону как оратор.

Аммон поспешил уверить Ктесфиона, что он не должен думать о них ничего плохого - у всех Бессмертных прекрасная память, и возраст ни на йоту не уменьшил их умственных способностей. Но постоянное, год за годом, накопление фактов и знаний в течение нескончаемых лет оставляло в их головах слишком много информации, чтобы управляться с нею посредством простого припоминания. Поэтому Бессмертные овладели искусством забывать старое и уже ненужное, чтобы легче было помнить новые факты и события - может, такие же ненужные, зато более современные. Так вот одним из таких забытых фактов и было местонахождение собранных рогов единорога.

Потом вдруг кто-то вспомнил: некогда изобрели специальную систему, помогающую восстановить в памяти то, что давно забылось за ненадобностью, но может пригодиться как-нибудь потом. Но что это была за система?.. Завязался громкий спор.

И тут один человек высунул голову из окна верхнего этажа и сказал:

- Простите меня, я спал. Кажется, кто-то тут спрашивал что-то о чем-то, что нужно вспомнить?

- Нам нужно знать, где хранятся рога единорогов! - крикнули ему. - Ведь мы же изобрели способ, как вспоминать такие забытые вещи.

Человек в окне кивнул.

- Да, вот именно, вы изобрели способ и попросили меня запомнить для вас этот способ. Это была моя работа, и я рад сообщить вам, что справился с ней совсем неплохо.

- Ну, тогда скажи нам, где находятся рога единорогов!

- Понятия не имею, - ответил человек. - Мне было лишь предложено запомнить систему, которая расскажет вам, кто запомнил эту информацию.

- Тогда скажи нам скорей его имя.

- Вы хотите, чтобы я объяснил вам эту систему?

- Нет же, проклятый недоумок, мы только хотим узнать имя человека, который запомнил ее для нас, и можешь катиться к черту вместе со своей системой.

- Не волнуйтесь так, - сказал человек. - То, что вам нужно, надежно хранится в голове Мильтиадеса.

- Что за Мильтиадес? И где этот Мильтиадес?

- Мильтиадес, которым вы так заинтересовались, находится там, где вы его оставили, в Храме Памяти.

- Никогда не слышали ничего подобного. Храм чего?

- Памяти. Видите, я запомнил для вас и это, а вы до сих пор ни разу меня ни о чем и не спросили. Идите прямо по улице, потом поверните налево, потом направо, и вы не заблудитесь.

Многим в толпе казалось, что идти нужно совсем не туда, но они все же пошли в этом направлении и повели туда Ктесфиона.

Это было совсем заброшенное здание. Они вошли в него и прошли во внутренний дворик - совершенно пустой, если не считать стоявшего посередине довольно большого ящика.

Аммон открыл его. Там лежала голова мужчины, на вид ему было лет тридцать, как и всем здесь, и он явно был в самом расцвете сил, несмотря на отсутствие, казалось бы, самых необходимых частей тела.

- Наконец-то вы пришли за мной! - вскричала голова. - Чем вы были так долго заняты?

- Прости нас, Мильтиадес, - сказал Аммон. - Боюсь, мы просто забыли, что ты здесь, пока один парень - не помню его имени - ну, тот, кто запомнил про тебя, не посоветовал прийти сюда.

- Ты говоришь про Леонидаса? Да будет благословенна его удивительная память! Но почему вы пришли сейчас?

- Да вот тут одному парню, - ответил Аммон, указав на Ктесфиона, - понадобился рог единорога, а у нас их где-то лежит очень много, и, следуя путем естественных ассоциаций, мы пришли к тебе, чтобы узнать, где они хранятся.

- Рога единорогов? - переспросил Мильтиадес.

- Да, мы ведь всегда сохраняли рога единорогов, ты помнишь?

- Конечно, я помню, - сказал Мильтиадес.

- Неужели ты не забыл о рогах единорога, лежа тут в темноте?

- Как бы не так! Что же еще мне оставалось делать в кромешной тьме, как не думать о рогах единорога?

- Специализация имеет свои преимущества, - тихонько заметил Аммон, повернувшись к Ктесфиону. - Иначе он ни за что бы этого не запомнил.

И снова обратился к Мильтиадесу:

- Ну, будь уж так добр, Мильтиадес, скажи нам, где они хранятся.

- Аа-а, - произнес Мильтиадес.

- Что значит это твое ?

- А то: выпустите меня отсюда, и тогда я скажу вам, где они.

- Из коробки? - переспросил Аммон.

- Конечно, из коробки!

Аммон на мгновение задумался.

- Не знаю. Я как-то об этом не думал.

- Ну, так подумай!

- Сейчас не могу. В данный момент я думаю вот об этом парне и о роге единорога, который ему нужен. Да и вообще, что ты собираешься делать на воле? Ведь у тебя нет тела - ты же знаешь.

- Да, знаю. Вы, мои собратья, как-то давно-давно валяли дурака и отрезали его от меня. Но оно снова должно отрасти, как только вы выпустите меня из коробки.

- Ну, во-первых, я лично что-то не помню, каким образом ты лишился своего тела.

- Говорю тебе - вы сами отрезали его, потому что хотели, чтобы я запомнил, где хранятся рога единорогов. А я не хотел запоминать, помнишь? И потом вы решили проделать эксперимент, чтобы узнать, до какого предела продолжается бессмертие.

- Ты, по-моему, блестяще доказал, что до предела мы еще не добрались, - изрек Аммон.

- Верно. Однако с меня уже хватит. Экспериментируйте на ком-нибудь другом. И пусть теперь он попробует запомнить это на сотню-другую лет.

Пришедшие решили, что это справедливо, и вынули голову Мильтиадеса из коробки. Тогда Мильтиадес рассказал все, что им требовалось, закрыл глаза и стал ждать, когда снова отрастет его тело. Все же остальные покинули его и направились к некоей двери в подвал дома, расположенного где-то в маленьком тупике в недрах города.

В пустом подвале, полуприкрытый каким-то хламом, на полу стоял большой бронзовый сундук.

Они с трудом откинули тяжелую крышку и обнаружили в колеблющемся свете факела драгоценную коллекцию рогов единорогов.

Аммон выбрал один рог и протянул его Ктесфиону.

- Ты знаешь, как им пользоваться? Ктесфион ответил:

- Думаю, что да, но, пожалуйста, объясните мне на всякий случай сами.

- Срежь кусочек рога величиной с ноготь на большом пальце, разотри его в порошок и раствори в стакане вина.

- Спасибо, - поблагодарил Ктесфион. - Теперь я могу возвращаться.

- Было очень приятно познакомиться, - сказал Аммон. - Почему бы тебе не вернуться сюда вместе со своей невестой после того, как вы примете с ней это снадобье? Все-таки приятно жить среди себе подобных.

Ктесфион ответил, что он подумает над этим предложением. Но про себя отметил, что город Бессмертных напоминает ему дом престарелых. Несмотря на свою вечную молодость, все его жители выглядели какими-то рассеянными, недовольными и раздражительными, и это произвело на него очень неприятное

впечатление и совсем сбило с толку.

Ктесфион надежно упрятал рог единорога в свой пояс, стукнул четыре раза пяткой о пятку, произнес магические слова и тут же очутился опять в родной Алдебре.

Город праздновал возвращение Ктесфиона с рогом единорога. Местные ученые провозгласили наступление новой эры, которая подарит блаженство бесконечной счастливой жизни всем горожанам. Всеобщий энтузиазм несколько поутих, когда люди вдруг поняли, что одного рога хватит лишь на очень небольшую группу людей. Ктесфиона тут же начали ругать за то, что он не принес с собой столько рогов, чтобы хватило на всех, хотя никто и не пытался объяснить, как, по их мнению, Ктесфион смог бы это сделать.

Ктесфион остался равнодушен к разбушевавшейся волне народного гнева и поспешил к постели возлюбленной. Там он срезал кусочек рога величиной с ноготь, растер его в порошок и высыпал в бокал знаменитого черного вина из восточных провинций, и без того слывшего целебным. Его возлюбленная выпила вино, и Ктесфион стал со страхом и нетерпением ждать признаков исцеления.

Ему не пришлось долго оставаться в сомнении. Уже через несколько минут Каликситея смогла встать с постели и стала совершенно здоровой, как и прежде.

Ее родители, увидев чудесное исцеление дочери, попросили и для себя кусочек волшебного рога. Ктесфион не смог отказать им, да и не собирался этого делать. Он дал достаточно роговых стружек не только им, но и всем теткам и дядьям Каликситеи, а также ее двоюродным братьям и сестрам, племянникам и племянницам и даже самой дальней ее родне.

Ктесфион хотел лишь оставить немного чудесного снадобья, чтобы обессмертить великих гениев и общественных деятелей из тех, коих рождается один или два на поколение. Однако прежде чем молодой человек смог осуществить свой замысел, к нему явился представитель городской власти. Он потребовал и тут же получил муниципальную долю, которая мгновенно была поделена между главой города, его женой, семьей и ближайшими родственниками, а также между выдающимися членами городского совета, каждый из которых чувствовал, что заслуживает бессмертия в силу своего высокого чина и благородных помыслов во благо народа. Ктесфион раздавал снадобье без всякого сожаления и лишь немного удивлялся тому, как быстро уменьшается рог.

Потом и сам монарх этой страны захотел взять свою долю, причем такую, что хватило еще и его жене, сестре да еще самому мудрому советнику и самому хитрому генералу.

В конце концов остался последний кусочек рога, и Ктесфион приберег его для себя. Но в тот самый момент, когда молодой человек уже собрался принять снадобье, в дверь постучали, и на пороге возник чародей Гельдоникл.

Ктесфион немного смутился, потому что он так и не зашел к колдуну со времени своего возвращения. Он был занят целыми днями, срезая все новые и новые порции рога и наделяя ими бесконечных претендентов на бессмертие.

- Ну как, я вижу, тебе все прекрасно удалось? - поинтересовался Гельдоникл.

- О да, все хорошо, - ответил Ктесфион. - Большое тебе спасибо. Как мне отблагодарить тебя?

- Очень просто. Отдай мне тот кусочек рога, который у тебя остался.

- Но это последний - больше у меня нет! - воскликнул Ктесфион.

- Я в курсе. От этого он становится еще более ценным, а значит - и более желанным.

Ктесфион не знал, что ответить, но его растерянность длилась не больше мгновения, потому что он уже понял, с кем ему пришлось бы делить бессмертие, прими он сейчас этот последний кусочек. Это были по большей части чиновники и политики, а он не ощущал в себе большого желания провести с ними целую вечность.

Молодой человек отдал Гельдониклу заветный кусочек рога и спросил:

- Ты примешь его прямо сейчас или потом?

- Ни то, ни другое, - ответил Гельдоникл. - Я продам его самому влиятельному богачу в нашем царстве и потрачу вырученные деньги на свой новый проект.

Ктесфиона это вполне устраивало. Ведь он уже достиг главной цели - спас Каликситею от смерти.

Но когда он снова пришел к ней, то обнаружил, что все совершенно изменилось. Каликситея, посоветовавшись с родителями и всеми своими родственниками, рассудила так: .

Каликситея даже еще не решила, хочет ли она себе в мужья такого же бессмертного, какой стала сама, - ведь в их стране разводы не разрешались, а значит, тогда у нее не будет возможности сменить мужа, если тот ей наскучит.

В любом случае ей нужен человек, который бы обеспечил ее не только на ближайшие годы, но и на долгие столетия бессмертной жизни. Семья решила, что

это должен быть богатый человек, уже владеющий большим состоянием, который сможет умножить его, дабы обеспечить Каликситее и ее семье безбедную жизнь на веки вечные.

В этом своем решении они не имели в виду никаких определенных людей и не ругали и не обвиняли Ктесфиона. Просто изменились обстоятельства, и Ктесфиону оставалось винить лишь самого себя.

Чувствуя себя чужим и одиноким в доме своей бывшей невесты, он вернулся к себе, желая поразмыслить, что же теперь ему делать. Но он недолго оставался в одиночестве - раздался негромкий стук в дверь, и снова на пороге возник Гельдоникл.

Ктесфион пригласил его в дом, предложил стакан вина и спросил, хорошо ли чувствовать себя бессмертным.

- Не знаю, - ответил Гельдоникл. - Ведь я взял у тебя растертый кусочек рога не для себя, а на продажу. Самый богатый человек в стране заплатил мне за него очень хорошие деньги.

- И все-таки я удивляюсь, почему ты не захотел сам воспользоваться рогом?

- Ничего удивительного. Теперь-то ты понял, что бессмертие обманчиво. На самом деле это лишь развлечение для слабоумных, не способных хоть как-то вообразить себе вечность.

- Так что ты собираешься делать? - спросил чародея Ктесфион.

- На деньги, вырученные за кусочек рога, я купил материалы и вещества, необходимые для путешествия в Страну Бесконечных Возможностей.

- Никогда не слыхивал о такой, пробормотал Ктесфион.

- И не удивительно. Ты же не шаман. Но эта страна в душе каждого человека, с ней люди связывают все свои мечты и надежды.

Ктесфион на мгновение задумался, а потом спросил:

- И в Стране Бесконечных Возможностей возможно все на свете?

- Да, примерно так.

- И вечная жизнь?

- Нет, вот этого Страна Бесконечных Возможностей обеспечить не может. Видишь ли, без смерти в этом мире ничего не возможно.

- Ну а если со смертью?

- Тогда возможно все. И тут Ктесфион попросил:

- Колдун, ты возьмешь меня с собой?

- Конечно, - ответил тот. - Потому я сюда и пришел. Я все время рассчитывал на такое твое решение.

- Тогда почему ты не сказал мне об этом сразу?

- Я ждал, когда ты предложишь сам.

- Но почему ты выбрал именно меня? - спросил Ктесфион. - Что я - какой-нибудь особенный?

- Ни в малейшей степени. Просто в наши дни трудно найти скромного,

порядочного ученика. Человека, в котором сочетались бы, с одной стороны, наивность, а с другой - изобретательность и ловкость, но в меру того и другого. Того, кто интересовался бы колдовством просто ради колдовства.

И вот кудесник и его новый ученик унеслись в голубую бездну на поиски того, что невозможно выразить словами, и, насколько нам известно, пребывают там и поныне, исследуя царства возможного в надежде найти новые знания и новые источники наслаждения. Они покинули Каликситею, ее несносных родителей и тех богачей, что смогли купить себе бессмертие и от которых произошли мы с вами. И вот мы живем, проводя наши бесконечные жизни в тоске и равнодушии, потому что ничего нового с нами уже не может случиться.

И все же, дети, будущее не так уж беспросветно. Мы верим, что Смерть когда-нибудь вернется на землю и освободит нас от безбрежной скуки наших жизней. Мы свято верим в это. Мы не можем доказать существование Смерти, однако верим в нее. Когда-нибудь нам улыбнется счастье, и, если богу будет угодно, мы все умрем, дети.